КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LII.

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1896

СОДЕРЖАНІЕ.

Объявленіе о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей „Кіевской Старины".

Ввиду отсутствія у насъ систематически разработаннаго курса исторіи Южной Руси, который удовлетворялъ-бы потребностямъ и интересамъ науки и жизни, редакція журнала „Кіевской Старины" рѣшаетъ объявить конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго **курса Исторіи Малороссіи,** объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Программа предполагаемаго курса будетъ напечатана въ слѣдующемъ номерѣ.

По истеченіи двухлѣтняго срока, за лучшее изъ представленныхъ и одобренныхъ сочиненій на указанную тему редакція журнала выдастъ **въ видѣ преміи одну тысячу рублей сер.**, съ тѣмъ, что право на первое изданіе будетъ принадлежать ей и что это первое изданіе будетъ разослано подписчикамъ журнала, какъ безплатное приложеніе.

Дозволено цензурою Кіевъ 2 января 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго-берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя.

Преосвященный Иннокентій, знаменитый іерархъ русской церкви, ознакомился съ Крымомъ еще въ бытность ректоромъ кіевской духовной академіи, посѣтивъ эту прекрасную окраину русской имперіи осенью 1835 года для поправленія своего здоровья, ослабленнаго учеными трудами, и даже восходилъ на Чатырдагъ вмѣстѣ съ б. ректоромъ кіевскаго университета М. А. Максимовичемъ. Въ восторгѣ отъ величія природы, открывшагося съ высоты этой горы, онъ невольно воскликнулъ: Боже, какъ чудны дѣла твои! Вступивъ потомъ въ 1848 г. въ управленіе соединенными тогда херсонскою и таврическою епархіями, преосвященный Иннокентій почти ежегодно посѣщалъ Крымъ, путешествуя по горамъ и верхомъ, и проявлялъ особенную ревность о возстановленіи древнихъ христіанскихъ святынь, разрушенныхъ въ теченіе 6-ти вѣковаго здѣсь владычества мусульманъ, которыя до него оставались въ совершенномъ забвеніи по присоединеніи Крыма къ Россіи въ 1787 году. Съ тою же цѣлію поднятія здѣсь православія, этотъ высокопросвѣщенный Архипастырь старался возвысить мѣстное духовенство назначеніемъ въ среду его воспитанниковъ духовныхъ академій на священническія мѣста въ Симферополѣ, Севастополѣ и Ялтѣ, разсчитывая имѣть въ нихъ полезныхъ сотрудниковъ для приведенія въ исполненіе своихъ предположеній относительно поднятія христіанскаго знамени въ этой омусуль-

манившейся странѣ. Ближайшими органами своими въ этомъ дѣлѣ онъ избралъ б. настоятеля церкви при нашемъ русскомъ посольствѣ въ Аѳинахъ, архимандрита Поликарпа [1]), впослѣдствіи епископа орловскаго, назначивъ его настоятелемъ Бакчисарайскаго скита, и автора помѣщаемыхъ здѣсь писемъ, магистра кіев. дух. академіи, бывшаго преподавателемъ одесской д. семинаріи и священникомъ каѳедральнаго собора, назначивъ его настоятелемъ Севастопольской Петропавловской церкви и благочиннымъ церквей южнаго берега Крыма. При непосредственномъ участіи этихъ лицъ и было положено преосвященнымъ Иннокентіемъ, еще до войны 1853—1856 года, начало возстановленію древнихъ иноческихъ обителей въ Бакчисарайскомъ ущеліи горъ, въ Инкерманѣ, Херсонесѣ и на Чатырдагѣ учрежденіемъ здѣсь, на первый разъ, киновій и скитовъ. Заручившись обѣщаніемъ содѣйствія со стороны жителей Симферополя, Севастополя, Алушты и другихъ, а также сочувствіемъ главноначальствовавшаго на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, князя М. С. Воронцова, преосвященный Иннокентій уже думалъ создать въ Крыму Русскій Аѳонъ; но возникшая въ это время война съ соединенными силами Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи пріостановила широкіе планы этого мудраго Архипастыря. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій онъ является вдохновителемъ мужества въ сердца русской арміи, благословляя христолюбивое воинство и ободряя его на борьбу съ защитниками мусульманства [2]). А будучи столь горячимъ патріотомъ, естественно, и вдали отъ

---

[1]) Изъ воспитанниковъ 2-го курса кіевск. дух. академіи; съ 1853 по 1858 г. былъ викарнымъ епископомъ въ Одессѣ, а съ 1858 по 1861 г. епископомъ епархіальнымъ въ г. Орлѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г.

[2]) Еще при закладкѣ въ Севастополѣ храма во имя Св. Владиміра, 15 іюля 1854 г., въ виду первыхъ появившихся наканунѣ судовъ англо-французскаго флота, преосвященный Иннокентій въ прекрасной рѣчи своей говорилъ: Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсониса таврическаго. Что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто." Узнавъ потомъ въ Симферополѣ о послѣдовавшей 4—5 сентября высадкѣ непріятельскаго флота, преосвященный Иннокентій поспѣшилъ къ Бакчисараю, чтобы молитвою своею и словомъ своимъ ободрить наше воинство, унывшее духомъ послѣ неудачнаго сраженія на Алмѣ, но князь Меньшиковъ, отступившій

Севастополя онъ желалъ имѣть вѣрныя, хотя частныя, свѣдѣнія о ходѣ Севастопольской осады и успѣхахъ нашего оружія, сообщеніе же ему такихъ свѣдѣній возложилъ на того же протоіерея, который былъ доселѣ усерднымъ исполнителемъ его распоряженій относительно благоустройства церквей Крыма, а теперь оставался въ Севастополѣ единственнымъ представителемъ епархіальнаго управленія и духовникомъ Кресто-Воздвиженской Общины сестеръ милосердія, учрежденной въ то время Ея Императ.-Высочествомъ, вел. княгинею Еленой Павловной на собственный счетъ. Послѣдствіемъ этого порученія и были помѣщаемыя здѣсь письма, которыя покойнымъ редакторомъ и основателемъ „Кіевской Старины" Ѳ. Г. Лебединцевымъ списаны съ подлинниковъ, хранящихся нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, вмѣстѣ съ прочими бумагами преосвященнаго Иннокентія, пріобрѣтенными отъ С.-Петерб. книгопродавца М. О. Вольфа, а Вольфомъ отъ г. Палаузова, которому достались онѣ отъ наслѣдниковъ преосвященнаго послѣ его смерти, послѣдовавшей въ Одессѣ въ 1857 году.

Письмамъ изъ времени Севастопольской осады предпосылаемъ 5 писемъ того же о. протоіерея къ преосвященному Иннокентію, касающихся возстановленія древнихъ Крымскихъ святынь.

Петропавловская церковь, которой настоятелемъ состоялъ авторъ писемъ, находится въ центрѣ города, надъ южной бухтой, на возвышенности, съ которой видна вся главная часть города до графской пристани и открывается видъ на рейдъ и Малаховъ курганъ, а также на сѣверную сторону Севастополя съ Константинопольскою батареей и Братскою могилою.

При ней онъ и оставался, все время осады, какъ офицеръ на своей баттареѣ, не смотря на постоянную и ежедневную опасность отъ пролетавшихъ бомбъ и ракетъ, молясь въ ней о побѣдѣ на супостаты, доколѣ бомбы въ августѣ 1855 г. не

тогда отъ Севастополя, отклонилъ это посѣщеніе Архипастыря, который, возвратясь въ Симферополь, сказалъ въ общее назиданіе слово о дѣвахъ, проспавшихъ прибытіе жениха.

разрушили кровлю и своды храма, а также бывшій при немъ церковный домъ. Тогда только прекратилось богослуженіе въ этомъ храмѣ.

Н. Л.

Письмо 1-е.

1853 г.

Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшій Архипастырь и отецъ!

Для удобнѣйшаго и безошибочнаго плана на часовню надъ колодцемъ въ Инкерманѣ, смиреннѣйше прошу, снабдите насъ подробнѣйшимъ, вашимъ наказомъ: какой она должна быть вмѣстительности, предполагается ли въ ней быть и престолу, въ какомъ стилѣ и примѣрно на какую сумму?

Сосѣдъ-трактирщикъ, находя и свою пользу въ томъ, взялся расчистить и исправить Инкерманскій ключъ. Шагахъ въ 20-ти выше колодца оказался прекрасно выштукатуренный бассейнъ, полный воды, которая изъ него уже течетъ въ колодецъ, что подъ деревомъ. Я полагалъ бы быть часовнѣ надъ тѣмъ бассейномъ, а колодецъ останется для общаго употребленія. Не ходить же всякому съ ведромъ въ часовню.

О военныхъ церквахъ, о которыхъ, какъ благоволили вы дать знать мнѣ, идетъ не малое у васъ разсужденіе [1]), мнѣніе мое таково: во всемъ, кромѣ письменной отчетности по военному вѣдомству, необходимо подчинить ихъ надзору епархіальнаго начальства, которое бы могло наблюдать за военными священниками во всемъ и вездѣ; во всякомъ городѣ, гдѣ ихъ довольно, долженъ бы быть отъ епархіальнаго начальства инспекторъ надъ ними подобно тому, какъ въ военномъ вѣдомствѣ комменданту подчиненъ всякій военный человѣкъ во время даже временнаго пребыванія его въ томъ городѣ. Можетъ быть,

---

[1]) Разсужденіе это было по поводу доходившихъ до преосвященнаго Иннокентія слуховъ о неблаговидномъ поведеніи нѣкоторыхъ священниковъ военнаго вѣдомства, не состоявшихъ тогда подъ надзоромъ мѣстнаго епарх. начальства.

я сказалъ много: но такъ думаю, зная военныхъ священниковъ по опыту. Простите, милостивый архипастырь, мнѣ, если разсуждаю нездраво.

26 января 1853 г.

Письмо 2-е.

По благословенію Вашему церкви Инкерманская и Херсонская 24 и 28 февр. освящены о. архим. Поликарпомъ [1]), о чемъ, равно и о цѣнности церквей, онъ доноситъ вашему высокопреосвященству подробными рапортами.—И долгомъ считаю, по вашему порученію, теперь отвѣчать о Красильниковыхъ [2]) ибо недавно получилъ я отвѣтъ ихъ изъ Одессы. Они согласны оправить и другую церковь въ Инкерманѣ. А доселѣ ихъ издержки по Инкерману были не менѣе 2900 р. сер. Подробнаго счету изъ Одессы не могли они прислать. Къ Пасхѣ будутъ сами въ Севастополь, а объ исправленіи церкви уже сдѣлано распоряженіе. Кромѣ того, и о. Василію [3]) они содѣйствовали не мало. Званіе попечителей принимаютъ съ удовольствіемъ, и, судя по ихъ благонамѣренности и степенности, лучшихъ попечителей въ подобномъ дѣлѣ въ нашемъ Крыму и не найдется. Потому весьма стоитъ поблагодарить ихъ за труды по Инкерману, сколько за труды, столько и въ примѣръ другимъ, которые такъ неохотно вызываются на св. дѣло. Старшій Красильниковъ—1-й гильдіи купецъ и потомственный гражданинъ; потому 2000-е пожертвованіе въ мнѣніи св. Синода, можетъ быть, будетъ не важно. А меньшій братъ Алексѣй Максимовичъ—2-й гильдіи новороссійскій купецъ; потому ему награда св. Синода, напр. золотая медаль, была бы достойнѣе и лестнѣе. А братья эти единодушны такъ, что оба будутъ считать себя награжденными.

---

[1]) Архимандритъ *Поликарпъ* (Радкевичъ), настоятель возстановленной Бахчисарайской обители.

[2]) Купцы Красильниковы имѣли прекрасный домъ въ Севастополѣ, здѣсь они и жили до крымской войны, производя большія торговыя операціи.

[3]) Основатель 1-го скита въ Херсонесѣ до войны.

Письменное согласіе на званіе попечителей я испрошу у нихъ по прибытіи ихъ изъ Одессы: теперь не прислали; можетъ быть, затруднились намъ написать; да и не были они оба въ Одессѣ, одинъ былъ въ Николаевѣ.

Планъ на часовню Инкерманскую надѣюсь выслать съ слѣдующей почтой.

2-е марта 1853 г.

Письмо 3-е.

...Не узнаетъ ли N чего отъ тамошнихъ грековъ. Что онъ сообщитъ, не умедлю передать въ комитетъ и довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства. Въ архивахъ греческихъ такихъ церквей ничего нѣтъ, даже въ Балаклавѣ. Въ адмиралтейскомъ соборѣ тоже нѣтъ.

Вчера г. Аркасъ [1]) объявилъ, что въ Херсонесѣ открыты слѣды новой церкви, которой длина $13^1/_2$ саженей, а ширина $6^1/_2$ саж. Лейтенантъ Шемякинъ, нашедши нѣсколько кусочковъ мозаики, началъ рыть и нашелъ часть стѣны хорошей работы, мраморъ, остовы костей въ порядкѣ, какъ лежали умершіе. Обо всемъ этомъ съ прошедшей почтой Аркасъ подробно написалъ Г. Мурзакевичу [2]), который, вѣроятно, сообщитъ вашему высокопреосвященству. А что узнаю самъ, буду писать.

Архивъ свой послалъ съ іеродіакономъ Іереміею. Ваше высокопреосвященство требовали отъ меня репорта, чтобъ вытребовать архивъ. Репортъ я подалъ, и не получая требованія, не посылалъ.

Градской глава севастопольскій, купецъ Красильниковъ, который, надѣюсь, пособитъ въ возобновленіи церкви Инкерманской, доселѣ не возвратился изъ Николаева, а теперь въ Одессѣ. Потому объ Инкерманѣ я не имѣю чего объявить больше того, что писалъ.

---

[1]) Генералъ-маіоръ морской службы Захарій Аркасъ, составившій „Исторію Ираклійскаго полуострова, съ картами и планами, помѣщенную въ Запискахъ Одес. общества исторіи и древностей. Т. II и вышедшей отдѣльно въ 1879 г.

[2]) Мурзакевичъ—предсѣдатель одесскаго общества исторіи и древностей бывшій профессоръ Одес. Ришельевскаго лицея.

Преосвященный митрополитъ Агаѳангелъ здоровъ по старческому; бываетъ иногда въ церкви, собирается въ Іерусалимъ. Рѣдко можно воспользоваться минутой, чтобы не застать у него аудитора Попова, который, говорятъ, своимъ письмоводствомъ разстраиваетъ и владыку и братію монастырскую. Но владыка совершенно ему преданъ [1]).

О ризницѣ писалъ я о. Поликарпу. Если пришлютъ, то съ отходящимъ пароходомъ она будетъ отправлена.

3 марта 1853 г.

Письмо 4-е.

Смиреннѣйше представляю при семъ планъ часовни надъ колодцемъ въ Инкерманѣ. Мы старались, чтобы часовня была хороша и недорога. Найдете ли оную приличною мѣсту? Изъ всѣхъ изданныхъ чертежей для часовень и небольшихъ церквей этотъ показался намъ приличнѣйшимъ. Это—выборъ нашъ общій—Аркаса, Рулева и мой. Рулевъ примѣрно полагаетъ эту часовню въ 1000 руб. сер. Но какъ камень подъ рукой, то его изъ каменоломней нѣсколькихъ хозяевъ, по частямъ, можно собрать и даромъ. Известь также подъ рукой, и такимъ же образомъ можетъ быть пріобрѣтена. Вода и на дворѣ, и въ рѣчкѣ. Развѣ только пріобрѣсти для этой работы осла съ телѣжкой. Чтобы разъ два привезти песку изъ Бельбека, не откажутъ въ казенномъ ботѣ. Потребуются только деньги на мастеровыхъ, на лѣсъ и на нѣкоторый заборъ изъ лавокъ, наприм.—гвоздей и проч. Потому легко можетъ обойтись Инкерманская часовня въ 500 руб., или даже въ 300 руб. сер. Долгомъ счелъ прописать всѣ сіи подробности Вашему Высокопреосвященству, можетъ быть, необходимыя для соображенія.

Въ новоосвященныхъ церквахъ херсонесской и инкерманской не безъ богомольцевъ всегда, а въ воскресные дни бываетъ ихъ

[1]) Рѣчь идетъ о греческомъ митрополитѣ Агаѳангелѣ, пріютившемся въ Россіи послѣ греческаго возстанія и оставшемся настоятелемъ Балаклавскаго монастыря, но проживавшемъ больше въ Севастополѣ.

и довольно, особенно въ Херсонесѣ. Радуется о. Василій [1]), не скорбитъ и о. Арсеній инкерманскій, болѣе расположенный къ уединенію и безмолвію.

Все у насъ благополучно. Въ семъ годѣ зимы у насъ не было вовсе, снѣгу и не видѣли. Деревья начали развиваться въ генварѣ, и теперь настоящая весна. Къ тому жъ частые дожди. Но флотъ нашъ, уже вооружившійся, кажется, чувствуетъ какую-то особую зиму. Корниловъ на пароходѣ; „Бессарабія" возвратилась изъ Константинополя и, простоявъ, по спускѣ карантиннаго флага, на рейдѣ не болѣе 5 часовъ, вчера ушла въ Константинополь къ князю Меньшикову.

Преосвящ. митрополитъ [2]) здравствуетъ. Первую недѣлю поста пробылъ въ монастырѣ.

17-е Марта 1853 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

11. Часовня въ Херсонесѣ уже поставлена на холмѣ, который насыпанъ при расчисткѣ развалинъ храма и находится въ той же оградѣ, которою обнесены остатки храма. Остается выкрасить часовню: крыша будетъ зеленая, а стѣны—бѣлыя. Крестъ на ней поставленъ. Что-то промедлилъ мастеръ съ рамой для образа; она теперь золотится и сдѣлана съ рѣзьбой. Петръ Марковичъ въ своей экономіи нашелъ и стекло, которое стоитъ 10 р. сер. Къ 1-му іюля будетъ все устроено. Домикъ будетъ построенъ развѣ къ 15-му іюля. Карантинный инспекторъ прибавилъ работы на стѣнѣ, которую еще нужно вести на нѣсколько саженей отъ берега и уперетъ къ обрыву такъ, чтобы Киновія не имѣла на своей землѣ пристани. Можно и отъ моря въ стѣнѣ поставить ворота или калитку, но берегъ долженъ быть открытъ для кардона въ случаѣ болѣзни. При часовнѣ пока построенъ домикъ, будетъ ночевать сторожъ. Благословите Ваше Вы—ство 15-го іюля, въ день памяти Св. Владиміра, отслужить тамъ мо-

---

[1]) Прибывшій съ Аѳона іеромонахъ Василій Юдинъ, бывшій офицеръ донскаго войска. При содѣйствіи окрестныхъ жителей онъ устроилъ въ Херсонесѣ небольшой храмъ во имя св. Ольги, въ память умершей своей дочери, и три келіи.

[2]) Агаѳангелъ—80 лѣтній старецъ.

лебенъ [1]). Полагаю, что посѣтителей теперь будетъ тамъ довольно. А Петръ Марковичъ—говоритъ—уже объявилъ о томъ своимъ офицерамъ. Бумага Ваша объ официіальной передачѣ Херсонеса и Инкермана въ епархіальное вѣдомство передана въ Портовую Контору, въ которой предсѣдательствуетъ Петръ Марковичъ. Контора должна отвести требуемую землю и приготовить на то планы. Предписаніе на то князя Меньшикова давно имѣется здѣсь. Въ садикѣ, который находится при Инкерманской скалѣ и будетъ отведенъ для Киновіи, есть домикъ, въ которомъ живетъ теперь семейный матросъ. По отводѣ земли, домикъ будетъ пріютомъ готовымъ для инока, назначеніемъ котораго немножко повремените. Не нужна ли будетъ для киновіи земля на горѣ выше укрѣпленія? И сколько всей потребно? Касательно сего покорнѣйше прошу подробнѣйшаго наставленія, если меня назначите пріемщикомъ [2]). Красильниковъ представитъ Вамъ приготовленные чертежи Инкерманской церкви, какъ она есть, и какъ могутъ быть возстановлены ея остатки. При обозрѣніи сей церкви синодальнымъ архитекторомъ, онъ былъ самъ и объ этомъ съ нимъ разговаривалъ. Если благословите, Красильниковъ въ августѣ приступитъ къ работѣ. Отъ поѣздки въ Одессу задержали его на нѣсколько дней.

28 іюня 1857 года. г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Первую молитву на развалинахъ Херсонеса св. князю Владиміру отслужилъ самъ преосвященный Иннокентій въ 1852 г. среди фундаментовъ церкви, которая, по его предположенію, могла быть мѣстомъ крещенія Св. Владиміра и въ которой оказалась могила покойника, выложённая толстыми плитами сѣраго камня (вѣроятно могила храмоздателя). Послѣ Севастопольской войны и возобновленія киновіи кто то объявилъ эту могилу купѣлію Св. Владиміра, и этому было многіе повѣрили, при отсутствіи всякой вѣроятности, хотя извѣстно изъ лѣтописи, что Св. Владиміръ, уѣзжая изъ Херсонеса, взялъ съ собою въ Кіевъ двѣ мѣдныхъ купѣли, изъ которыхъ одна, вѣроятно, послужила его крещенію.

[2]) Херсонесъ изъ военно-морского вѣдомства принималъ и его стѣны, при пособіи морскихъ чиновъ, оправилъ авторъ сихъ писемъ.

ИЗЪ ЛЬВОВА ВЪ КОЛОМЫЮ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ФР. РѢГОРЯ).

Въ извѣстномъ чешскомъ иллюстрированномъ двухнедѣльникѣ „Svĕtozor“, за 1894 г., отличающемся прекрасными рисунками, находимъ въ путевыхъ запискахъ г. Фр. Рѣгоря довольно любопытныя данныя о Галицкой Руси. Названный авторъ—чехъ, хорошій знающій описываемую имъ страну; онъ душою съ нею сжился, полюбилъ ее и, изучивъ довольно основательно, многократно выступалъ предъ читающимъ міромъ со статьями о современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ излюбленнаго имъ галицкорусскаго народа. Читателямъ „Кіевской Старины“, думаемъ, будетъ любопытно прочесть нѣкоторыя страницы изъ путевыхъ записокъ г. Рѣгоря, тѣмъ болѣе что многое, о чемъ онъ говоритъ, такъ будетъ знакомо имъ, такъ напоминаетъ современность и нашей Южной Руси, до такой степени сходно съ нашей дѣйствительностью, что иногда кажется списаннымъ прямо съ нея... Таково, напримѣръ, все то, что говорится у нашего путешественника о евреяхъ и ихъ ужасающей эксплоатаціи бѣднаго и темнаго сельскаго люда въ Галицкой Руси, и многое изъ того, что касается обычаевъ, повѣрій, одежды, формъ труда, степени достатка этого люда и т. д. Прелестные и характерные рисунки, которыми путешественникъ обильно украсилъ свои статьи, особенно наглядно убѣждаютъ читателя въ вышесказанномъ. Дѣлаемъ извлеченіе, а не полный переводъ

ихъ, собственно, въ интересѣ нашихъ читателей, для которыхъ были бы утомительны мелкія подробности чисто личнаго свойства, а ими преизобильно уснащено изложеніе чешскаго подлинника, и тѣ чисто субъективныя данныя, съ опущеніемъ которыхъ читатели наши, конечно, ничего не потеряютъ. Зато нѣсколько цѣнныхъ страницъ сохранено нами почти въ объемѣ подлинника; таковы, напримѣръ, хотя бы любопытныя и важныя свѣдѣнія, сообщаемыя любознательнымъ путешественникомъ о типахъ сельскаго хозяйства Галиціи и вообще о той степени, на которой находится эта важнѣйшая страсль народнаго труда въ странѣ.

Сначала путешественникъ описываетъ свой путь изъ Львова до Рогатина, куда онъ отправился главнымъ образомъ ради изученія покроевъ мѣстной исконной русской одежды, на сколько она сохранилась доселѣ. Вотъ въ окнахъ желѣзнодорожнаго поѣзда[1]) промелькнули одни за другими знакомыя ему мѣста: Сиховъ, Кротошинъ, Жиравка, Волковская дубина, Давидовъ, Старое село. Давидовскіе пастухи поразили путешественника грубостью своего поведенія и неразвитостью: пробѣгавшій поѣздъ для нихъ все еще несомнѣнно продолжалъ казаться дѣломъ нездѣшней силы; не съ хорошей стороны представляло давидовцевъ и множество тропочекъ, ведущихъ отъ каждой хаты къ корчмѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ къ церкви... Изъ особенностей быта Старосельчанъ путешественникъ отмѣчаетъ ручныя зерновыя мельницы „жорны“, продаваемыя двумя тремя мастерами; эти жорны, бывшія прежде въ большомъ ходу, теперь лишь изрѣдка, въ крайности употребляются хозяйками: работа на нихъ и тяжела, и нечиста, и груба...

---

[1]) Въ поѣздѣ путешественникъ обратилъ вниманіе на четырехъязычныя наставленія и предписанія желѣзнодорожныхъ властей (на нѣмецкомъ яз., польскомъ, румынскомъ и малорусскомъ); но въ другомъ мѣстѣ авторъ зло подсмѣивается надъ польской администраціей русской Галичины, далеко не вездѣ удостоивающей мѣстное русское населеніе русскихъ надписей и предостереженій, а чаще приглашающей его пользоваться нѣмецкими и польскими надписями даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло можетъ дойти даже до опасности для жизни. А между тѣмъ желѣзныя дороги русской Галиціи выстроены вѣдь руками мѣстнаго населенія, которое заслуживало бы лучшаго къ нему отношенія!

За Старымъ Селомъ послѣдовали Хлѣбовица — Бобрка, большое село, считающее до 4000 жителей вмѣстѣ съ чешскими поселенцами, явившимися здѣсь съ 1870 года. Путешественникъ къ слову отмѣчаетъ взаимодѣйствіе малорусскаго и чешскаго населенія, выразившееся между прочимъ въ томъ, что чешки, неожиданно для себя и своихъ присныхъ, вскорѣ усвоили себѣ чоботы и кожухи мѣстнаго населенія, цвѣточки въ волосахъ, въ качествѣ головнаго убора, кислый борщъ и глубокія „стежки" въ садахъ, а ихъ мужья и братья перемѣнили у своихъ лошадей шлеи на хомуты, возлюбили мѣстную горѣлку и стали садить вдоль плетней вербы; русскій „праконсерватизмъ", по выраженію нашего автора, оказалъ при этомъ взаимодѣйствіи полную побѣду надъ чешской неустойчивостью, слѣдуя своему старинному присловью „най буде, якъ бувало".

Въ Ходоровѣ путешественникъ оставилъ желѣзную дорогу и отправился съ „жидовскимъ" возницею въ мѣстечко, чтобы оттуда поѣхать на лошадяхъ въ Рогатинъ. Пользуясь случаемъ, онъ знакомитъ читателя съ той крайне негигіеничной обстановкою, въ которой живутъ въ галицко-русскихъ мѣстечкахъ и селахъ евреи; отвратительныя жилища ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ мѣстечкѣ Выбрановкѣ, поражали своими ужасными задворками желѣзнодорожныхъ путешественниковъ и смутили даже ѣхавшаго вмѣстѣ съ ними еврея. Обрисовываетъ онъ также и столь знакомые жителямъ нашего юго-западнаго края нравы еврейскихъ извозчиковъ, столь удивительные для гражданъ тѣхъ европейскихъ государствъ, которыя волею Божіею освобождены отъ такого чужеяднаго нароста, какимъ представились нашему путешественнику евреи въ Галиціи. Основаніе Ходорова теряется въ мракѣ 15-го столѣтія. Уже Папроцкій упоминаетъ о Димитріи изъ Ходорова (герба Корчакъ), занимавшемъ въ 1436 году должность ловчаго во Львовѣ. Въ 1694 г. родъ Ходоровскихъ вымеръ въ лицѣ послѣдняго изъ нихъ Александра, и въ настоящее время Ходоровъ и его округъ принадлежитъ польскому вельможѣ Ланцкоронскому. Впрочемъ, по замѣчанію автора, помѣщичьи усадьбы теперь во всей Галиціи принадлежитъ въ большинствѣ польской

шляхтѣ, католическимъ монастырямъ и въ очень значительномъ количествѣ также евреямъ; русское помѣщичье дворянство отсутствуетъ, какъ и вообще крупное русское землевладѣніе...

Еврейскія постройки въ Ходоровѣ поразили путешественника необыкновенной безпорядочностью и отсутствіемъ всякаго плана въ своемъ расположеніи, и въ этомъ сказалась одна изъ отличительныхъ чертъ галицкаго еврейства, вездѣ проявляющаго, по выраженію автора, „семитскій архибезпорядокъ"; только происходящіе нерѣдко пожары нѣсколько исправляютъ архитектурную безтолковость еврейской части Ходорова... Для пожаровъ, впрочемъ, не одни гдѣ ни попало тѣснящіеся еврейскіе дома представляютъ богатую жертву: и соломой крытыя мазанки червоноруссовъ ежегодно платятъ имъ обильную дань, заставляющую автора скорбѣть объ отдаленности того времени, когда, наконецъ, и галицкія деревни вступятъ въ „кирпичную эру" и будутъ болѣе безопасны отъ всепожирающаго пламени краснаго пѣтуха.

На окраинѣ Ходорова возница—еврей, онъ же и владѣлецъ подводы, посадилъ вмѣсто себя работника и при этомъ, вопреки условію, наградилъ нашего путешественника неожиданною спутницею въ видѣ хромой еврейки, долженствовавшей ѣхать до самыхъ Княгиничей.

Рогатинъ издали произвелъ на автора самое пріятное впечатлѣніе красивой и веселою толпою небольшихъ домовъ, прильнувшихъ со всѣхъ сторонъ къ высокой башнѣ католической церкви. Чрезъ мостъ надъ р. Гнилой Липою путникъ въѣхалъ въ это мѣстечко, родину извѣстной въ галицкихъ сказаніяхъ Роксоланы, галицкой поповны, увлеченной татарами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ и попавшей въ концѣ концовъ въ гаремъ султана Солимана (16 в.), который, будучи восхищенъ ея красою, возвысилъ ее до званія своей законной жены. Роксолана съумѣла добиться большаго вліянія на дѣла турецкаго двора и нѣкоторое время даже управляла имъ. Она умерла въ 1558 г., оставивши наслѣдникомъ сына своего Селима.

Въ Рогатинѣ нашъ путникъ побывалъ у знакомаго портнаго Нерока, посѣщеніе мастерской котораго и было главной

цѣлію его поѣздки въ это мѣстечко. Съ Нерокомъ онъ познакомился на ярмаркѣ въ Наваріи, куда портной явился съ цѣлымъ возомъ всевозможныхъ модныхъ „опоньчовъ“ (названіе верхней одежды—жупановъ епанчи).

Пріобрѣвъ у Нерока наварійскій „опонь“, путешественникъ заказалъ ему также „сардакъ“ и опонь Хлѣбовицкаго покроя и далъ ему обѣщаніе посѣтить его мастерскую въ Рогатинѣ и тамъ ближе ознакомиться съ пріемами и особенностями простонароднаго портняжества въ Галиціи. Сидя за стаканомъ кофе въ семействѣ портнаго, онъ имѣлъ дѣйствительно прямую возможность близко присмотрѣться ко всему, что дѣлалось въ мастерской, и изучить дѣло настолько, насколько это возможно и необходимо для народоописателя.

Нерокъ шьетъ кафтаны на цѣлый Рогатинскій округъ по вкусу, привычкамъ и потребностямъ Перемышлянъ, Бережанъ, Жидачова, Княгиничей, Стрыя, Калуша и Львова. Покрой ихъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ мало разнствуетъ одинъ отъ другаго: отличія можно наблюдать главнѣйше въ цвѣтѣ сукна, украшеніяхъ около кармановъ и на концахъ рукавовъ, но особенно въ окраскѣ широко отвороченныхъ воротниковъ и въ пришитомъ на спинѣ башлыкѣ (срв. малорусскій *кобенякъ*). Сукно—обыкновенно грубое домашняго издѣлія, разныхъ цвѣтовъ; но для щеголей Нерокъ держитъ и болѣе тонкое темносинее сукно, выписываемое изъ чешской Праги. Галицкая Русь чрезвычайно богата всяческими разновидностями кафтановъ, такъ что любой этнографъ воочію можетъ убѣдиться, до какой степени любопытны различія въ одеждѣ, иногда, впрочемъ, мелкія и замѣтныя лишь опытному глазу, а иной разъ и довольно рѣзкія, но всегда характеризующія чуть ли не каждое галицкорусское село, чуть ли не каждую деревню. По особенностямъ кроя и украшеній убора червоноруссы легко узнаютъ другъ друга, кто изъ какой мѣстности, и эти же особенности иногда служатъ и дѣйствительную службу, напримѣръ, при поимкѣ бѣглыхъ рабочихъ, бѣжавшихъ отъ пана, или же воровъ, конокрадовъ и т. п.

Такъ какъ сукно плохо сохраняется въ музеяхъ по причинѣ моли, то авторъ въ этотъ разъ и не запасся подлинными

часто превосходными образцами галицкихъ кафтановъ, но зато съ помощью Нерока купилъ дешево у евреевъ двѣ тканыхъ сельскихъ шапки и нѣсколько мѣстныхъ дѣтскихъ игрушекъ. Вечеръ онъ провелъ въ семействѣ мѣстнаго русскаго священника, гдѣ сначала бесѣдовалъ съ его женой и нѣсколькими знакомыми, бывшими въ домѣ, а затѣмъ, по властному галицкому обычаю, долженъ былъ засѣсть за зеленый столъ и играть въ карты (преферансъ). По словамъ автора, „галицкое образованное общество немыслимо безъ картъ и шляхтичъ или священникъ, полякъ или русскій, ежели сойдутся по случаю именинъ и даже по болѣе маловажному обстоятельству, немедленно же усаживаются за карты, услаждая игру чаемъ и дымомъ папиросъ—явленіе столь диковинное для западно-европейскаго образованнаго человѣка. Иногда гости привозятъ даже свои карты, на случай недостачи таковыхъ у хозяина, и, чуть съ воза, сейчасъ же садятся за дѣло и играютъ въ карты почти буквально до самаго отъѣзда. Попадья, жена хозяина, прямо заявила нашему путнику, что карты—сущее спасенье въ ихъ жизни, что безъ нихъ она и весь ихъ кругъ просто не знали бы, какъ коротать время. По ея словамъ, общество священниковъ, шляхтичей и т. п. просто не можетъ найти подходящаго предмета для бесѣды. Иногда пытаются поднимать политическіе и общественные вопросы, но бесѣда тянется вяло, ведется неохотно, и лишь изрѣдка поспорятъ, а то и поругаются изъ-за такихъ вопросовъ, какъ: былъ ли Шевченко безбожникъ или ведетъ или не ведетъ въ адъ фонетическое правописаніе, нужно ли считать о. Наумовича измѣнникомъ или нѣтъ, болтливъ или нѣтъ червоноруссъ и т. д. „А чѣмъ поднимать такіе и имъ подобные споры и раздоры, недостойные священниковъ, пусть лучше играютъ въ карты"—заключила свою рѣчь ловкая попадья, любительница карточной игры.

За ужиномъ оказались неизбѣжные въ русской Галичинѣ *пироги* (столь чуждые чешскому желудку, замѣчаетъ авторъ)—кушанье болѣе удобоваримое и вкусное лишь тогда, когда оно приготовлено изъ болѣе нѣжной муки, притомъ „на панской повар-

нѣ". Барыни были всѣ въ національныхъ уборахъ, съ обильными вышивками на сорочкахъ и передникахъ—дѣломъ собственныхъ ихъ рукъ. Вообще авторъ нашелъ, что по части домашнихъ рукодѣлій и разныхъ изящныхъ работъ галицкорусскія женщины куда какъ превосходятъ, наприм., чешскихъ. Были осмотрѣны имъ и обѣ рогатинскія церкви: новая (каменная) и старая (деревянная). Изъ хранящейся на погостѣ ветхой церковной утвари, съ разрѣшенія, настоятеля онъ выбралъ для себя два алтарныхъ подсвѣчника, прекрасный образчикъ рѣзьбы и токарнаго искусства начала настоящаго столѣтія.

Русское радушіе и привѣтливость рогатинцевъ оставили въ нашемъ путникѣ неизгладимое впечатлѣніе, и онъ съ любовію вспоминаетъ о томъ сердечномъ „прощаніи", съ какимъ разставались съ нимъ его мимолетные знакомцы. „Прочитавъ чрезъ годъ во временникѣ „Дѣло", говоритъ онъ, о восьмиконечномъ крестѣ, найденномъ на дворѣ рогатинскаго приходскаго дома въ расколотомъ деревѣ, я опять полетѣлъ въ своихъ мысляхъ къ этому низенькому священническому обиталищу, гдѣ провелъ нѣсколько дорогихъ для меня часовъ".

Отправившись изъ Рогатина въ Коломыю, путникъ не забылъ отмѣтить въ своей памятной книжкѣ того убогаго вида, какой представляла изъ себя большая проѣзжая дорога: ни одного деревца не найдетъ на ней усталый пѣшеходъ, чтобы воспользоваться его тѣнью въ палящій зной, и таковы, по словамъ автора, въ томъ краѣ всѣ „государственныя дороги". Дозрѣвавшее просо, сопровождавшее его по обѣимъ сторонамъ дороги, отличалось одной любопытной особенностью: для защиты его отъ потравы множества мелкихъ птицъ, по всему полю тамъ и сямъ трепались на вѣтрѣ привязанныя къ веревкамъ, протянутымъ между палками, гусиныя перья, и птицы дѣйствительно были на почтительномъ разстояніи отъ этихъ бѣлыхъ страшилищъ. Далѣе путникъ останавливаетъ свое вниманіе на огромномъ лугѣ, протянувшемся влѣво отъ дороги и орошаемомъ водами уже упоминавшейся Гнилой Липы. Этотъ огромный лугъ, очевидно,—господскій, о чемъ можно судить по ог-

ромнымъ стогамъ сѣна, уподобляющимся разбросанной деревнѣ. Вслѣдствіе большихъ требованій на сѣно со стороны военнаго вѣдомства, луговодство оказывается въ Галиціи дѣломъ очень выгоднымъ, и крестьяне очень охотно снимаютъ не только луга на условіяхъ, иногда повидимому, мало даже выгодныхъ, но даже обочины дорогъ; обыкновенно они соглашаются работать на чужомъ лугу за пятую часть первой травы и за третью второй (отавы). Толкуя о сельскомъ хозяйствѣ Галиціи, авторъ сообщаетъ, что въ отношеніи полеводства и вообще сельской культуры Галиція можетъ быть раздѣлена на 16 полосъ. Въ первой полосѣ, по рѣкѣ Сану (Посанье)—хозяйство плодопеременное; преобладаютъ посѣвы пшеницы, за ней ржи, за рожью картофель, затѣмъ ячмень и наконецъ овесъ. Разводятъ немного хмеля и льна. Вторая полоса—это Саноцкое Подолье (долина рѣки Сана) съ семипольнымъ хозяйствомъ, гдѣ пшеницу смѣняютъ всяческія кормовыя травы; сѣютъ и рапсъ. Въ третьей полосѣ—Саноцкомъ и Самборскомъ Прикарпатьи—культура полевая поставлена очень высоко, и употребляются разныя удобренія, начиная навозомъ и оканчивая такими искусственными туками, какъ костяная мука и измельченный гипсъ. Здѣсь въ большомъ ходу разныя земледѣльческія орудія и машины; хозяйство въ большинствѣ случаевъ плодопеременное, шестипольное: смѣняются въ равной мѣрѣ пшеница, рожь, ячмень, овесъ, картофель. Участки земли, неудобоудобряемые туками, засѣваются въ большинствѣ случаевъ овсомъ, затѣмъ 2—3 года служатъ для выпаса скота, послѣ чего засѣваются снова овсомъ. Сѣютъ также немного рапса и хмеля; сѣменной трилистникъ (клеверъ) имѣется въ каждомъ хозяйствѣ. Въ этой мѣстности преобладаютъ, впрочемъ, крупныя хозяйства. Въ четвертой полосѣ—горная часть Саноцкого и Самборскаго края и пригорья Карпатовъ—плодопеременное хозяйство видимъ только на ровныхъ участкахъ, вблизи помѣщичьихъ дворовъ, усадебъ помѣщиковъ; способъ же хозяйничанья въ мѣстностяхъ отдаленныхъ и горныхъ обусловливается составомъ населяющихъ ихъ жителей, а по преимуществу очень мелкихъ землевладѣльцевъ, которые одинъ скатъ горы, напримѣръ, въ этомъ году засѣ-

ваютъ чѣмъ нибудь, а на другомъ пасутъ скотъ, на слѣдующій же годъ поступаютъ наоборотъ. Къ такому веденію хозяйства должны вообще приспособляться и землевладѣльцы покрупнѣе: на поле, удобное для удобренія, пускаются овцы на пашу или же загоняются на немъ въ особые загороженные загоны; удобренный такимъ способомъ участокъ орется подъ жито, а на слѣдующій годъ подъ овесъ, такъ называемый „косачъ", на третій годъ подъ обыкновенный овесъ, а послѣ этого остается подъ паромъ. Такимъ образомъ, овесъ оказывается главнымъ предметомъ добывающей промышленности въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ рожь сѣется только на удобренной почвѣ. Пятая полоса (сѣверъ Галиціи въ окрестностяхъ Белза и Сокола) отличается преобладаніемъ пшеницы и картофеля; сѣютъ также много ржи и ячменя, а также клеверъ на сѣмена. Настойчивый спросъ на рѣпакъ побуждаетъ сѣять и его. Здѣсь очень часто встрѣчается трехпольное хозяйство. Далѣе на востокъ къ границамъ Волыни, въ шестой полосѣ, встрѣчаемъ плодоперемѣнное хозяйство съ семилѣтнимъ или даже десятилѣтнимъ періодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ и столько исключеній, что въ общемъ типъ здѣшняго полеводства можно назвать произвольнымъ. Впрочемъ, вообще можно установить, что, ежели въ большихъ имѣніяхъ въ общемъ господствуетъ плодоперемѣнное хозяйство, то въ мелкихъ хозяйствахъ все еще придерживаются трехпольнаго полеводства, а иногда и прямо таки хищническаго. Въ имѣніяхъ, владѣющихъ винокурнями, преобладаютъ посѣвы пшеницы и картофеля, а затѣмъ уже кормовыхъ травъ, ячменя и ржи. Изъ промышленныхъ растеній отмѣтимъ хмель, обработка котораго облегчается сравнительной легкостью добыванія тычинъ. Седьмую полосу составляютъ песчаныя почвы надъ Бугомъ и Стырью, гдѣ господствуетъ пятисмѣнное полеводство, причемъ охотнѣе всего сѣютъ картофель, жито, гречку, овесъ; въ лѣсныхъ мѣстностяхъ разводятъ и хмель, требующій, какъ извѣстно, множества подпорныхъ шестовъ. Восьмую полосу занимаютъ высокія мѣстности сѣверной части галицкой водной сѣти; наибольшія пространства полей обыкновенно заняты пшеницею и рожью, а затѣмъ уже картофелемъ, гречею,

овсомъ; равномѣрно въ ходу клеверныя и другія травныя сѣмена, также кормовый клеверъ, но злаки, конечно, преобладаютъ. Хмелеводство очень скромно, такъ какъ свѣдѣнія объ уходѣ за хмелемъ мало распространены. Кое гдѣ сѣютъ и ленъ, но неохотно, такъ какъ онъ чрезмѣрно обезсиливаетъ здѣшнія нивы. Девятою полосою можно обозначить низкія нивы и мокрыя мѣстности подъ Чешановымъ и Яворовымъ, гдѣ преимущественно въ ходу трехпольное хозяйство, особенно гдѣ недостаточно луговъ. Наиболѣе здѣсь въ ходу рожь и овесъ, затѣмъ уже картофель, разводимый преимущественно ради винокуренъ, гдѣ же нѣтъ этихъ послѣднихъ, сѣется, вмѣсто него, гречиха. Вслѣдствіе истощенности здѣшнихъ почвъ, сѣменной клеверъ мало распространенъ. Десятую полосу составляютъ тучныя почвы подъ Перемышлемъ, Самборомъ и Львовомъ, гдѣ преобладаютъ восьмилѣтнія смѣны, иногда усиливаемыя помощью навознаго удобренія. Наиболѣе въ ходу пшеница, затѣмъ уже рожь, овесъ, картофель, иногда травы и кормовая рѣпа. Наименѣе встрѣчаемъ хмеля и рѣпака; еще болѣе воздерживаются съ посѣвами льна и промышленныхъ растеній, требующихъ значительнаго перевозочнаго достатка. Совершенно произвольный характеръ встрѣчаемъ въ одиннадцатой полосѣ, обнимающей глинистыя почвы львовскаго, жолковскаго и золочевскаго округовъ; тутъ плодосмѣнное полеводство наблюдается только въ большихъ имѣніяхъ, притомъ давно уже находящихся въ рукахъ одного владѣльца. На болѣе плодородныхъ участкахъ недурно родитъ пшеница, на худшихъ—рожь. На удобренныхъ поляхъ озими смѣняются картофелемъ и ячменемъ, а на истощенныхъ—яровыми: овсомъ и гречкою. Сѣменной трилистникъ, рѣпакъ и хмель здѣсь очень любимы, такъ какъ имѣютъ хорошій сбытъ; затѣмъ ленъ очень мало распространенъ. Двѣнадцатая полоса—побережье Днѣстра—, вслѣдствіе разливовъ этой рѣки, не особенно благопріятствуетъ луговодству и скотоводству. Здѣсь много болотъ. На здѣшнихъ убогихъ нивахъ начаще видишь рожь и овесъ; лишь изрѣдка встрѣчается картофель, еще рѣже такъ называемая пшеничка (кукуруза), разведеніе которой началось лишь недавно. Про-

мышленныя растенія занимаютъ въ здѣшнемъ хозяйствѣ также очень скромное мѣсто. Въ тринадцатой полосѣ, на такъ называемомъ Опольи, т. е. плодородныхъ пространствахъ Бережанскаго и сосѣднихъ округовъ, многочисленныя винокурни дѣлаютъ возможнымъ примѣненіе къ полеводству разумно поставленнаго плодосмѣннаго хозяйства обыкновенно съ семилѣтнимъ періодомъ; впрочемъ, на мелкихъ угодьяхъ наблюдаются и другіе разнообразные способы земледѣльческаго хозяйства. Посѣвы происходятъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: пшеница, картофель, ячмень, рожь, овесъ. Съ каждымъ годомъ увеличиваются посѣвы кормовыхъ травъ, но хмелеводство мало распространено вслѣдствіе отсутствія въ населеніи свѣдѣній объ уходѣ за хмелемъ. Въ четырнадцатой полосѣ — сѣверное и южное Подолiе—преобладаетъ хозяйство трехпольное и четырехпольное. Сѣютъ наиболѣе пшеницу. Имѣнія, владѣющія винокурнями, ввели у себя плодосмѣнное хозяйство въ слѣдующемъ порядкѣ: пшеница, обыкновенно на удобренныхъ навозомъ нивахъ, затѣмъ картофель, потомъ яровые злаки; на четвертый годъ поле остается подъ паромъ, а иногда подъ кормовыми травами. Хозяйства съ семилѣтними и болѣе продолжительными періодами встрѣчаются рѣдко. Евреи ведутъ въ своихъ и чужихъ имѣніяхъ чисто хищническое хозяйство, и преемники получаютъ отъ нихъ эти имѣнія въ самомъ убогомъ видѣ. Сѣменной клеверъ, анисъ и рѣпакъ разводятся въ умѣренныхъ количествахъ. Въ южной части Подоліи разводятъ табакъ, но не особенно охотно; причиною этого явленія служитъ, во первыхъ, недостатокъ въ рабочихъ силахъ, во вторыхъ, низкая оцѣнка, даваемая здѣшнему табаку въ государственныхъ складахъ, вслѣдствіе чего даже при хорошемъ урожаѣ прибыль получается у хозяина небольшая, а при среднемъ урожаѣ табаководство и прямо таки является убыточнымъ; вотъ почему очень многія имѣнія перестали уже разводить табакъ. Въ пятнадцатой полосѣ, на Покутьи, преобладаетъ свободное хозяйство. На болѣе плодородныхъ нивахъ хорошо родятся пшеница и кукуруза, на менѣе плодородныхъ и неудобоудобряемыхъ— рожь и овесъ. Разведеніе клевера заняло почетное мѣсто только

въ послѣдніе годы; ленъ сѣется только на вымерзшихъ озимяхъ; разводятъ въ небольшомъ количествѣ также рапсъ и анисъ. Съ табакомъ здѣсь происходитъ то же, что и на Подольи. Наконецъ, шестнадцатая полоса состоитъ главнѣйше изъ лѣсовъ, обильно растущихъ въ юговосточныхъ Карпатахъ; вотъ почему главное богатство здѣшнихъ имѣній составляетъ лѣсъ, полеводство же ведется преимущественно по трехпольной системѣ. Сѣются овесъ и рожь въ небольшомъ количествѣ, лишь для собственнаго употребленія владѣльцевъ и ихъ служащихъ.

Далѣе путешественникъ обращаетъ вниманіе читателя на то общее впечатлѣніе, какое оставляютъ по себѣ галицкія села описываемой имъ мѣстности. По его словамъ, внѣшность этихъ селъ такова, что можетъ свидѣтельствовать только о крайнемъ убожествѣ жителей. И дѣйствительность не опровергаетъ этого: убожество галицкихъ селянъ нерѣдко поразительно, и крайняя нужда начинаетъ уже изгонять ихъ изъ родныхъ селъ и гнать куда нибудь въ Америку или другіе далекіе края. Иначе и быть не можетъ! Вѣдь у сельскаго населенія русской Галиціи почти совершенно не имѣется лѣсовъ, и въ то время какъ средняя величина любого имѣнія,—а имѣнія эти почти исключительно находятся въ рукахъ польской шляхты или евреевъ—примѣрно тысяча десятинъ, обычное сельское хозяйство галицкаго мужика едва насчитываетъ приблизительно четыре—пять десятинъ. И въ такомъ положеніи находится три четверти населенія Галицкой Руси, страны по преимуществу земледѣльческой. Промышленность и ремесла почти не развиты въ сельскомъ населеніи; только полотно еще тчется кустарнымъ образомъ во многихъ мѣстахъ, а равно изготовляется тамъ же и незатѣйливая сельская одежда; но тамъ, гдѣ уменьшается количество земли въ селахъ, гдѣ населеніе бѣднѣетъ и приходитъ въ упадокъ и должно много времени употреблять на чужую работу, уже обыкновенно не остается времени—да и обстоятельства вовсе не благопріятствуютъ этому—на изготовленіе своей одежды и другіе кустарные промыслы; народный вкусъ и промыселъ, не находя себѣ примѣненія, падаетъ, наконецъ и вовсе изчезаетъ, и въ народѣ получаютъ распространеніе безвкусныя

и плохія дешевыя издѣлія иностранной, заводской и фабричной промышленности.

Нѣсколько устойчивѣе положеніе домашней промышленности у горнаго населенія Галиціи, гдѣ нивъ мало, мало бываетъ и стороннихъ заработковъ; но тамъ опять угнетаютъ населеніе „еврейскія пьявицы“, доводящія многихъ бѣдняковъ чуть не до голодной смерти! Довольно сказать, что безвыходная нужда иногда гонитъ это бѣдное населеніе поголовно нищенствовать...

Далѣе авторъ приводитъ слѣдующій любопытный разсчетъ того количества денегъ, какое приходится въ среднемъ на каждую галицкорусскую сельскую семью, и того приблизительнаго расходованія ихъ, какое имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Сравненіе этого разсчета съ данными, представляемыми нашей русскою дѣйствительностію, могло бы привести ко многимъ поучительнымъ выводамъ.

Все сельское производство Галиціи, (разумѣя все, что снимается съ полей, луговъ и садовъ), представляетъ ежегодную цѣнность въ 350000000 „золотыхъ“, т. е. гульденовъ. Прибавивъ еще 50 милліоновъ, получимъ примѣрный доходъ съ каждой десятины въ 40 „золотыхъ“, каковой доходъ можетъ получаться, впрочемъ, только съ господскихъ земель, а не съ крестьянскихъ... Считая на каждое крестьянское хозяйство около 5 десятинъ, получимъ цѣнность всего сбора съ полей, луговъ и садовъ такого хозяйства почти въ 200 „золотыхъ“. Отбросивъ четвертую часть на поддержку инвентаря, получимъ только 150 золот. на подати общественныя, уѣздныя, школьныя и т. п. выдачи; нужно еще купить соли, керосину, иногда табаку. Допустимъ, что всѣ эти денежные расходы опредѣляются только цифрою 30 золот.; тогда собственно на прожитье средней четырехдушной семьи остается всего 120 золот., изъ коихъ до 90 з. въ годъ нужно отнести собственно на питаніе и лишь 30 з.—на одежду. Не нужно при этомъ забывать, что, вслѣдствіе свободной дѣлимости, какой подвергаются крестьянскія земли въ Галиціи при наслѣдованіяхъ и пр., тамъ теперь почти половина всего сельскаго населенія обладаетъ полевыми участ-

ками гораздо менѣе принятой нами средней величины сельскаго хозяйства (5 десятинъ), хотя зато собственники другой половины обладаютъ нѣсколько большими участками. Эта первая половина сельскихъ обывателей Галиціи не могла бы даже существовать, живя только съ дохода изъ своихъ участковъ т. е. ежели бы не имѣла стороннихъ заработковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и эти заработки, при почти полномъ отсутствіи въ странѣ заводской и фабричной промышленности, являются единственной поддержкой бѣднаго сельскаго люда, доставляя ему 13—40 крейцеровъ (10—30 коп.) ежедневнаго вознагражденія. Для пущей обездоленности бѣднаго галицкаго люда немалую службу служатъ и тѣ роковыя, тѣсно связанныя съ его бытомъ, явленія, имя которымъ—корчмы.

Обыкновенно въ каждой галицкой деревнѣ есть корчма, а въ ней сидитъ еврей, подобно пауку, стерегущій злосчастныхъ селянъ. По свидѣтельству автора, семитская стихія въ Галиціи вообще ужасна: при нищетѣ здѣшнихъ крестьянъ иногда рѣчь можетъ идти о сдираніи съ нихъ не просто сорочки, но прямо таки кожи. Возьмемъ, къ примѣру, слѣдующій случай, разоблаченный судомъ. Нѣкая Сара Дурманова предоставила одному сельскому супружеству съ половины („спôлка") телку, обоюдно оцѣненную въ 3 „золотыхъ". Согласно уговору, еврейка брала за телку, когда она превратилась въ корову, слѣдующую лихву: 1) по *одному* теленку изъ каждой пары телятъ, произведенныхъ этой коровой, 2) корову и телку, происшедшихъ отъ оставшагося у крестьянъ теленка 3) уплатила за другую корову отъ этой телки лишь половину стоимости. По смерти супруговъ Дурманова отъ ихъ сына вынудила опять теленка, происходившаго по прямой линіи отъ первой злосчастной коровы, отданной съ половины. Когда дѣло о такой благочестивой лихвѣ дошло до суда, еврейка прямо указала на договоръ объ отдачѣ коровы „съ половины", въ силу котораго она будто бы получила право на „половину" отъ каждаго нисходящаго теленка до тѣхъ поръ, пока первая корова—родоначальница (т. е. отданная съ половины) стоитъ въ хлѣвѣ; въ случаѣ же продажи этой первой коровы, она, еврейка, должна получить деньгами первоначальную

ея стоимость т. е. 3 золот. и кромѣ того изъ остальныхъ денегъ, вырученныхъ за корову, за вычетомъ трехъ золот., еще „половину", чѣмъ и долженъ былъ закончиться знаменитый договоръ „съ половины". И взглядъ этой еврейки на подобные договоры раздѣляютъ всѣ галицкіе евреи, съ которыми волей-неволей должны соглашаться галицкорусскіе крестьяне, хотя эти послѣдніе и хорошо понимаютъ, что евреи приводятъ ихъ къ обнищанію. Такое то наслѣдство получилъ отъ своихъ дѣдовъ бѣдный червоноруссъ, выразившій свое горе въ цѣломъ рядѣ скорбныхъ пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

Ой на сели не весело: арендарь богатый!
Черезъ тебе, арендарю, хожу не женатый [1]).

Авторъ, по нашему мнѣнію, очень удачно взялъ именно эту пѣсню для освѣщенія своей мысли. Дѣйствительно, подобныя пѣсни являются невольнымъ художественнымъ удовлетвореніемъ бѣдняку, чувствующему себя очень нехорошо въ тискахъ желѣзной дѣйствительности, къ которой приспособиться ему не дала возможности ни мало баловавшая его нянька—исторія, ни злая мачеха—современность!

Селеніе *Насташинъ* любопытно тѣмъ, что представляетъ изъ себя чрезвычайно длинную улицу, вдоль которой вытянулись два ряда крестьянскихъ построекъ; избы расположены лицемъ къ улицѣ, а различныя надворныя постройки и сады ютятся сзади ихъ, ближе къ гумнамъ, исключая нѣсколькихъ случаевъ, когда такія постройки и сады находятся по линіи улицы между избами, разрѣжая ихъ ряды и являясь благопріятнымъ обстоятельствомъ на случай пожара... Есть нѣсколько дворовъ, гдѣ хаты, во избѣжаніе уличной пыли, помѣщены въ глубинѣ ихъ; въ такомъ случаѣ по линіи улицы вытянулись заднія стѣны надворныхъ построекъ. Въ общемъ и здѣсь, какъ повсемѣстно по галицкимъ селамъ, наблюдаешь полную, ничѣмъ не связанную свободу и безпорядочность въ размѣщеніи построекъ, и всякія попытки упорядочить это дѣло создаютъ большія затрудненія...

---

[1]) Въ соотвѣтствующей женской пѣснѣ дѣвушка горюетъ, что по случаю нахожденія въ селѣ разодѣтой „арендарки" тамъ невесело, и она, дѣвушка, черезъ это не можетъ выйти замужъ! Тонъ подобныхъ пѣсенъ скорбенъ до боли.

Происхожденіе современнаго Насташина связываютъ съ именемъ Настасьи, боярской дочери, которую полюбилъ знаменитый на Руси галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, предпочтя ее нелюбимой женѣ своей Ольгѣ, что занесено и въ наши лѣтописи. Отецъ княжеской возлюбленной, бояринъ Чарговъ, злоупотребилъ своимъ положеніемъ въ собственныхъ интересахъ, чѣмъ и возбудилъ противъ себя остальныхъ бояръ, нашедшихъ опору въ ревнивой женѣ князя Ольгѣ. Въ отсутствіе Осмомысла родные Настасьи были злодѣйски умерщвлены, а сама она погибла въ огнѣ [1]). Злосчастная судьба этой женщины является ужаснымъ свидѣтелемъ боярскаго своеволія и гордости въ Галицкой Руси, бывшихъ между прочимъ одною изъ причинъ ея дальнѣйшей политической слабости въ столкновеніяхъ съ татарами, поляками и проч., слабости, приведшей къ полному подчиненію Польшѣ.

Кое-гдѣ вдали, у полевой дороги, виднѣется крестъ, уже заранѣе опредѣляющій ея направленіе; зимою, особенно во время метели, эти „божьи„ вѣхи служатъ иногда немалую службу сбившимся съ дороги путникамъ. Народъ очень любитъ эти придорожные кресты и украшаетъ ихъ вѣнками и зелеными вѣтвями во время полеваго крестнаго хода, совершаемаго для испрошенія Божьяго благословенія на урожай. Вѣнки эти остаются иногда на крестахъ втеченіе цѣлаго года до новаго крестнаго хода, когда дѣвушки замѣняютъ ихъ, упреждая крестный ходъ другими, сплетенными изъ молодыхъ стеблей новаго жита; мѣстами кресты, кромѣ этого, обвиваются еще длинными зелеными цѣпями изъ листьевъ, травы, цвѣтовъ и т. п. [2]).

Бурштынъ своими празднично разряженными евреями напомнилъ автору о субботѣ. Они важно прогуливаются по улицѣ съ „молитвами“ подъ руками и чернобѣлымъ плащемъ сзади; одѣты они въ пышные черные, до пятъ, кафтаны и ватную шапку съ лисьимъ околышемъ. Толпами запруживаютъ они всѣ

---

[1]) Статья г. Рѣгоря о Настасьѣ и ея участи помѣщена въ изданіи „Ruch“ 1888 года.

[2]) У насъ въ Югозападномъ краѣ крестьяне, кромѣ вѣнковъ, навѣшиваютъ иногда на кресты хусточки или платочки, ленты и т. д.

проходы и проѣзды, такъ что свободно пробраться сквозь нихъ могутъ развѣ только военные люди, менѣе другихъ стѣсняющіеся съ евреями.

Для галицкаго городка или мѣстечка суббота является днемъ полнѣйшаго торговаго затишья, служащаго наглядным свидѣтельствомъ того, до какой степени она, эта торговля, находится въ еврейскихъ рукахъ, и какъ христіане зависимы въ этомъ отношеніи отъ евреевъ. Въ противоположность крестьянамъ евреи совсѣмъ не знаютъ обычая здороваться съ встрѣчными вообще и съ проѣзжими въ частности. По этому поводу ходитъ въ Галиціи слѣдующій забавный разсказъ. Ѣхалъ какъ то польскій шляхтичъ изъ Бурштына и встрѣтилъ еврея, отправлявшагося тогда на ярмарку, не поздравствовавшагося съ нимъ и не снявшаго шапки. Бросивъ на еврея грозный взглядъ, онъ крикнулъ: „Ты откуда ,жидъ?"—Изъ Бурштына—былъ отвѣтъ. „А шапка?"—снова крикнулъ строгій панъ.—Ну, шапка?—отвѣтилъ еврей не смигнувъ: шапка тоже изъ Бурштына. Такъ еврей и обогналъ панскую подводу безъ всякаго привѣтствія.—Подъѣзжая къ желѣзнодорожной станціи „Бурштынъ—Демьяновъ", путникъ съ нѣкоторой ѣдкостью осмѣиваетъ способъ ѣзды по Галиціи: слабосиліе тамошнихъ лошадей, крайнюю медленность ѣзды и частыя остановки, то затѣмъ, чтобы поправить что либо въ упряжи, то чтобы улучшить положеніе сѣдока, которому приходится иногда черезчуръ уже погружаться въ яму, образовавшуюся въ его соломенномъ сѣдалищѣ. Указывая на городокъ Большовецъ съ родовымъ замкомъ Кречуновичей, онъ припоминаетъ себѣ невеселую исторію разоренія трехъ чешскихъ семействъ, не выдержавшихъ аренды имѣнія *Раковы*, принадлежащаго этимъ же Кречуновичамъ; это имѣніе въ концѣ концовъ не миновало таки еврейскаго хозяйничанья, хотя покойный его владѣлецъ Корнелій Кречуновичъ жестоко боролся противъ галицкаго еврейства и нерѣдко сильно и убѣдительно говорилъ противъ нихъ въ земскомъ сеймѣ.

Вотъ промелькнули Подшумлянцы, Липицы нижнія, Гарбутовъ, Желиборы. Вотъ и Галичъ надъ Днѣстромъ, колыбель первыхъ князей Галиціи—Ростиславичей и Романовичей. Здѣсь уцѣ-

лѣли развалины крѣпости отъ временъ 17 вѣка, господствовавшей надъ городомъ, но съ старорусскимъ прошлымъ Галича не имѣвшей ничего общаго. Изъ Галича власть князей распространилась на всю Червоную Русь съ городами Перемышлемъ, Звенигородомъ, Теребовлемъ, средоточіями соименныхъ удѣльныхъ княжествъ. Впервые объединилась Галицкая Русь при сынѣ Володаря Ростиславича Владиміркѣ, съ 1141 г. сдѣлавшемъ Галичъ столицею своей земли, расширенной имъ до самыхъ устій Днѣстра и Дуная. Владимірко первый изъ князей ослабилъ значеніе народныхъ вѣчъ и оперся на значеніе усиленнаго имъ боярства. По смерти его знаменитаго сына Ярослава Осмомысла распрями сыновей этого послѣдняго воспользовался волынскій князь Романъ и при помощи поляковъ взялъ Галичъ. Въ это время, какъ извѣстно, значеніе Кіева очень упало и, такъ сказать, раздѣлилось между Владиміромъ Залѣсскимъ—для Сѣверной Руси, и Галичемъ—для Южной. Но сила Галича вскорѣ подорвана была внутренней язвою—боярствомъ, одному изъ представителей котораго удалось даже на нѣкоторое время занять престолъ. Внутреннія распри привлекли къ Галичу вниманіе поляковъ и мадьяръ, которымъ удалось посадить на престолъ малолѣтняго венгерскаго королевича Коломана, вмѣсто котораго управлялъ страною одинъ изъ венгерскихъ вельможъ. Вслѣдствіе просьбы галицкихъ бояръ новгородскій князь Мстиславъ Удалой явился въ Галицію, разбилъ подъ Галичемъ соединенное польско-венгерское войско и въ 1219 г. самъ сдѣлался княземъ Галиціи. При первомъ нашествіи татаръ въ Галичъ явился половецкій ханъ Котянъ, предложившій русскимъ князьямъ соединиться съ половцами и идти на татаръ. Мстиславъ Удалой умеръ въ 1228 году, и престолъ его занялъ венгерскій королевичъ Андрей. Тогда явился сынъ Романа Даніилъ и безъ боя взялъ Галичъ; но жилъ онъ не въ немъ, а въ новооснованномъ имъ на Волыни городѣ Холмѣ [1]); когда же этотъ городъ сго-

[1]) Фр. Рѣгорь пишетъ: Хелмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ: Пржемышль, что очевидно противорѣчитъ народному русскому выговору этихъ названій. Въ отношеніи собственныхъ именъ нашъ авторъ вообще очень непослѣдователенъ и держится то польскихъ, то русскихъ обликовъ.

рѣлъ, столицею Галиціи сдѣлался съ 1258 г. городъ Львовъ. Во время втораго нашествія монголовъ Галичъ былъ взятъ ими въ 1240 г.; скоро послѣ того, именно лѣтъ черезъ 10, послы татарскіе явились къ Даніилу и со словами „отдай Галичъ“ потребовали отъ него формальнаго подчиненія Батыю, къ которому Даніилъ и принужденъ былъ отправиться въ Орду на поклонъ. Въ концѣ концовъ Галиція принуждена была подчиниться польскому королю Казиміру Великому и принадлежала польской коронѣ съ 1340 г. по 1772 г., когда была присоединена къ Австріи. Впрочемъ, свое старое устройство и учрежденія Галиція удерживала до 1432 г. Когда русскій митрополитъ изъ Кіева переселился во Владиміръ Залѣсскій, а затѣмъ въ Москву, въ Галиціи основана была самостоятельная православная метрополія въ 1371 г., но съ 1414 г. въ Галичѣ жили уже только намѣстники кіевскаго митрополита. Епископская каѳедра была учреждена въ Галичѣ еще съ 1152 г. По присоединеніи Галиціи къ польскому королевству начинается въ ней усиленіе католиковъ, которые въ скорости переходятъ въ наступленіе противъ православныхъ, будучи поддержаны въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, учредившимъ уже въ 1377 г. въ Галичѣ католическое архіепископство, причемъ православные митрополиты были изъ него изгнаны. Въ 1539 году была возобновлена въ Галичѣ православная епископія; одинъ изъ ея представителей епископъ Лопатка Осталовскій перебрался въ Львовъ и сталъ именоваться епископомъ львовскимъ и галицкимъ.

Положеніе древняго Галича не совпадало съ настоящимъ: первый стоялъ нѣсколько далѣе, въ междурѣчьи Ломницы и Луквы, на найвысшей точкѣ возвышенности, именуемой теперь *Эзовъ*. При такомъ положеніи Галичъ былъ прекрасно защищенъ самой природою, такъ какъ рѣки Ломница и Днѣстръ прикрывали его съ запада и сѣвера, но были сильны и искусственныя укрѣпленія, помогавшія городу выдерживать продолжительныя осады. Княжій деревянный замокъ стоялъ близъ церкви Св. Спаса; въ соборной церкви Успенія похоронены князья Ярославъ Осмомыслъ и Романъ Мстиславецъ, павшій въ 1205 г. у Завихвоста. Изъ прочихъ древнихъ храмовъ Га-

лича болѣе другихъ извѣстенъ храмъ Св. Михаила, гдѣ князь Даніилъ любилъ молиться предъ походами и сраженіями.

Раскопками стараго Галича занимается извѣстный ученый Исидоръ Шараневичъ, пролившій своими находками много свѣта на древнюю галицко-русскую исторію.

Новый Галичъ занялъ котловину Днѣстра и ничѣмъ особеннымъ теперь не замѣчателенъ, ежели не упоминать о томъ, что въ немъ имѣется значительное число такъ называемыхъ караимовъ.

У *Езуполя* рѣка Быстрица впадаетъ въ Днѣстръ. Между прочимъ ее пересѣкаютъ почти параллельно два желѣзнодорожныхъ моста: одинъ—казенной подкарпатской дороги, другой—львовско-черновецкой, также взятой теперь въ казну. За этими мостами обѣ дороги сходятся на станціи Хриплинѣ, но затѣмъ на слѣдующей уже станціи Станиславовъ снова расходятся. Къ слову сказать, на Хриплинской станціи можно видѣть, насколько болѣе признанія равноправности и уваженія къ русской народности обнаружила казенная желѣзная дорога сравнительно съ частною львовско-черновецкою: зданіе казеннаго вокзала украшено не только польскою надписью, но и русскою, а сосѣднее зданіе вокзала бывшей частной дороги—только польскою!

Езуполь, какъ, впрочемъ, и многіе другіе города и села, попалъ и въ народную поэзію. Въ одной пѣснѣ говорится, что именно въ Езуполѣ сидѣло три козаченьки въ неволѣ:

Одынъ сыдыть за дивочку,
Грае соби въ сопилочку.
Другый сыдыть тай за волы
Тай въ тяженькои неволи.
Третій сыдыть за вдовочку,
Склонывъ на стилъ головочку.

Судьи рѣшили дѣло такъ: сидѣвшій изъ-за воловъ былъ казненъ, другой долженъ былъ уплатить вдовѣ, третій долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ [1]).

[1]) Сходная пѣсня съ украинскою „Ой у поли тай у Баришполи тамъ сыдило три козаченьки у неволи". См. извѣстный сборникъ Лисенка.

Другая подобная пѣсня говоритъ о заключенномъ въ Езуполѣ въ неволю козакѣ, выкупъ котораго можетъ состояться лишь цѣною сорока коровъ съ приплодомъ. Отецъ и мать отказались выкупить его такою цѣною; тогда онъ послалъ письмо къ милой, и она уже согласилась (на выкупъ его?)

На Станиславовской станціи нашъ путешественникъ встрѣтилъ отрядъ гуцульскихъ новобранцевъ. По его словамъ, они испуганно осматривались кругомъ и невѣрнымъ шагомъ шли за начальникомъ; своимъ поведеніемъ они напоминали не орловъ и соколовъ, какими являются они въ своихъ родныхъ горахъ, а скорѣе голубицъ. Нѣтъ ничего и удивительнаго въ этомъ: большинство изъ нихъ впервые въ своей жизни спустились съ родныхъ горъ въ невѣдомыя имъ долины...

Изъ Станиславовскихъ пѣсенъ авторъ припоминаетъ слѣдующія двѣ. Одна начинается такъ:

Ой поихавъ мій мыленькій
Та до Станислава;
Прывезе ми подарунокъ,
Буде его слава.

Въ другой пѣснѣ, повидимому, военной, дѣвушка приглашается въ городъ Станиславовъ послушать военной музыки и вмѣстѣ навѣстить своего милаго:

Коло млына яворына
Яворъ розвывався,
Въ Станислави банда грала,
Любко, выбирайся.

На пастушкахъ въ станиславовскихъ предгорьяхъ авторъ видѣлъ новость въ уборѣ—нѣчто въ родѣ полотнянаго плаща, которымъ онѣ во время дождя прикрываютъ голову въ видѣ двухъ рожковъ и въ то же время закутываютъ въ него и туловище; видомъ своимъ плащъ этотъ напоминаетъ гуцульскую „гуглу". Кромѣ того, авторъ обратилъ вниманіе на безрукавые кафтаны на мужчинахъ, спускающихся съ горъ на желѣзнодорожныя работы въ долины; многіе изъ этихъ мужчинъ, судя по штанамъ изъ краснаго сукна,—гуцулы.

Кукурузныя поля убѣждаютъ путешественника, что онъ находится на такъ называемомъ Покутьи. Иногда среди куку-

рузы виднѣются тыквы, а на межахъ—чтобы и съ нихъ была какая либо выгода—находимъ иногда капусту! Вотъ поѣздъ проѣхалъ вдоль сельскаго кладбища, окруженнаго насыпью и усѣяннаго низенькими деревянными крестами. Какъ жалокъ видъ этихъ крестовъ, изъ коихъ многіе повалились, а другіе находятся въ состояніи, близкомъ къ паденію!

Начиная съ Отыни, наблюдатель замѣчаетъ разницу въ характерѣ сельскаго зодчества: вмѣсто мазанокъ онъ видитъ въ большинствѣ рубленыя избы. Станція Отыни припоминаетъ автору одну изъ народныхъ пьяницкихъ „пѣсенъ, гдѣ встрѣчаются горькія сѣтованія на злую корчму, сгубившую немало народныхъ силъ и богатства. „Сколько труда пропилъ я въ тебѣ, корчма, говоритъ пѣсня: пропивъ овецъ, пропилъ Тысменицу (городокъ близъ Отыни), и есть еще надежда, что пропью и самыя Отыни!“

ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

I.

Приближался къ концу 1734 годъ...

Въ Кіевѣ праздновался второй день Рождества Христова. Въ подольскихъ церквахъ давно отошла литургія, и подоляне, радостно настроенные торжественнымъ богослуженіемъ, уже возвратились изъ храмовъ—кто къ себѣ домой, а кто къ другу съ праздничнымъ привѣтомъ.

Вслѣдствіе-ли сильнаго мороза, стоявшаго въ Кіевѣ въ этотъ день, или по случаю праздника, на улицахъ Подола не замѣтно было обычнаго движенія, и всюду царила почти полная тишина. Только изрѣдка, то тамъ, то сямъ, ее нарушалъ дружный и громкій говоръ на мигъ появлявшихся на улицахъ небольшихъ группъ людей, которые обходили по порядку, одинъ за другимъ, дома подольскихъ обывателей. Какъ только подобная группа входила въ какой-либо домъ, оттуда на улицу неслась легкою гармоническою волною пріятная мелодія церковныхъ рождественскихъ пѣснопѣній: „Рождество твое, Христе Боже нашъ.. „Дѣва днесь“... „Христосъ рождается“... и др. Мелодія вскорѣ замирала, а затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ раздавалась снова и съ большею силою... Группа весело выходила на улицу и отправлялась въ слѣдующій домъ... И здѣсь повторялось то же самое... Предъ инымъ маленькимъ домикомъ отъ группы отдѣлялось нѣсколько человѣкъ и медленно расхаживало по улицѣ, нетерпѣливо поджидая, повидимому, возвращенія зашедшихъ въ этотъ домикъ своихъ спутниковъ...

Кіевляне хорошо знали смыслъ такого явленія. Это—приходскіе священники съ своими причетниками ходили съ крестомъ по домамъ прихожанъ „славить Христа". Съ ними же, группами по нѣскольку человѣкъ, расхаживали и бѣдняки студенты кіевской академіи, которые ютились по приходскимъ школамъ, существовавшимъ тогда почти при всѣхъ церквахъ Подола.

Какими веселыми выглядѣли въ этотъ день студенты, одѣтые въ своеобразные длинные цвѣтные кунтуши! Какой яркій румянецъ игралъ на ихъ лицахъ! Какою радостью искрились ихъ глаза! Какъ чисто и свободно звучали ихъ молодые голоса!.. И еще бы!.. Сколько времени они ожидали этого дня! Сколько разъ въ нерѣдкія голодныя минуты они, быть можетъ, просили Бога, чтобы скорѣе пришелъ этотъ радостный для нихъ денекъ! И вотъ, наконецъ, они дождались его!.. Сегодня они сыты, какъ рѣдко, и увѣрены, что, прославивши Христа съ причтомъ по всему приходу, они освободятся и еще на многіе дни отъ того голода, который часто такъ мучительно изнуряетъ ихъ молодые организмы...

Кіевскіе домохозяева знали бѣдныхъ студентовъ и ихъ горькую нужду, а потому въ нынѣшній день радушно ихъ принимали, хлѣбосольно угощали и еще снабжали, кто чѣмъ могъ: иной бросалъ имъ въ мѣшокъ хлѣбъ, другой—сало, третій сажалъ туда какую-либо живность, а кое-кто награждалъ ихъ и деньгами. Студенты—„крохоборцы" все принимали съ благодарнымъ поклономъ..., и мѣшки ихъ становились все полнѣе и полнѣе, по мѣрѣ бо́льшаго посѣщенія ими домовъ.

Былъ уже третій часъ по полудни... Группа студентовъ изъ 5 человѣкъ—ритора Стефана Бочинскаго, синтаксистовъ Василія Ходуновскаго и Ивана Гіеровскаго, грамматика Алексѣя Шпаковскаго и инфимиста Андрея Обоянскаго, жившихъ въ школѣ при подольской Васильевской церкви, еще въ полдень отправившаяся „подъ протекціею" дьяка этой церкви Ивана Яблонскаго „по обыкновенію" на приходъ „славить Христа", торопилась, повидимому, обходить оставшіеся ей дома, чтобы къ вечернѣ поспѣть въ церковь... Ихъ пылавшія лица говорили, что уже они сегодня „мало подпили"...

Вотъ христославы всею толпою вошли въ домъ зажиточнаго кожемяки Филиппа Шумскаго. Здѣсь—много гостей, большею частью товарищей хозяина по профессіи, и идетъ веселая пирушка...

„Повѣншовавши праздникомъ“ присутствующихъ, Яблонскій и студенты замѣтили между ними весь причтъ Вознесенскаго („подгородца Кудрявца“) прихода: священника о. Симеона, дьяка Стефана Андреева и другихъ причетниковъ. Предполагая, что священникъ Кудрявскій зашелъ сюда, „упрежая“ мѣстнаго приходскаго попа (что въ то время водилось), Яблонскій съ раздраженіемъ закричалъ на него, какъ на врага своей поживы:

„Вонъ, попе, зъ нашей парафіи! Еще нашъ священникъ не ходилъ и мы, а ты поперeжаешь! Вонъ со свинями!“

Гости Шумскаго съ изумленіемъ посматриваютъ другъ на друга, какъ бы спрашивая: что изъ этого выйдетъ?

О. Симеонъ беретъ крестъ и спокойно подноситъ его Яблонскому со словами:

„Дяче! мы здесь по прошенію пришли... Нà тобѣ крестъ! поцѣлуй!“

— „Я свой крестъ маю! не видалъ тебе съ крестомъ!“... грубо отрѣзываетъ ему на это Яблонскій и бросается къ дьяку Стефану, помахивая на него „пястю (кулакомъ)“.

— „Велю вбить тебе, скурвій сыне! для чого ты въ чужій приходъ ходишъ съ крестомъ?“, гремитъ онъ на Стефана.

Студенты, разумѣется, были на сторонѣ своего „протектора“ и, раздѣляя его злобное настроеніе, тоже подскочили къ Стефану.

„Хто ты такій? чи дякъ?“ спрашивалъ у него бывшій „въ блакинтому (голубомъ) кунтушѣ“ риторъ Бочинскій.

— „Нѣтъ, не дякъ!“

— „Може поддячій?“

— „Нѣтъ, не поддячій!“

— „Пономарь?“

— „Нѣтъ!“

— „Хиба нищій?“

— „Нѣтъ!“

— „Хиба химера?"

— „Я собѣ господарь и дякъ архіерейскій!"..

Началась самая крупная брань между христославами...

Видя „завзятость и свирѣпство" обоихъ ссорившихся сторонъ, уже вотъ-вотъ готовыхъ вступить въ драку, хозяинъ обратился къ Яблонскому:

„Пане Иване! неслушность чинишъ!.. Не годится у дому моемъ людей безчестити... Се по моему прошенію попъ пришолъ въ домъ мой... Что кривды тебѣ въ семъ? Не жаловать тебѣ моего капшука!.. Твой доходъ при тобѣ будетъ, а сварки въ дому моемъ не починай, бо у мене есть богато дубины!" И съ этими словами онъ выпроводилъ Яблонскаго и студентовъ въ другую хату, здѣсь „частовалъ" (угостилъ) ихъ и отдалъ „надлежащое" какъ дьяку, такъ и студентамъ „на бурсу".

„Подяковавши" такимъ образомъ, студенты съ Яблонскимъ отправились отъ Филиппа Шумскаго „славить Христа дальше".

Раздраженный Яблонскій по пути все твердилъ: „велю попа Симеона съ хаты выволокти, а Стефана дяка... бити".

„Не уйдутъ оны нашихъ рукъ!" вторили ему на это студенты...

За домомъ Шумскаго слѣдовали „маліе мазки", въ которыхъ всей группѣ было бы „тѣсно ходить", да притомъ тутъ жилъ бѣдный, „убогій людъ", отъ котораго студентамъ „пожитку жаднаго" нельзя было ожидать. („Намъ тамъ ничого не даютъ; дяку у въ найменшой хатцѣ дадутъ, а намъ нѣтъ", разсуждалъ грамматикъ Шпаковскій). Поэтому Бочинскій, Ходуновскій и Обоянскій остались на улицѣ, а Гіеровскій и Шпаковскій съ Яблонскимъ пошли „славить Христа" и по этимъ хаткамъ.

Между тѣмъ купецъ Ѳеодоръ Скрида, бывшій у Шумскаго, пригласилъ его къ себѣ „на учтъ" со всѣми его гостями, въ томъ числѣ и со священникомъ Симеономъ и его причтомъ. Они всею толпою и направились въ домъ Скриды... На дорогѣ встрѣчаютъ студентовъ, отставшихъ отъ Яблонскаго...

Какъ бы обрадовавшись этому, дьякъ Стефанъ сталъ выкрикивать по ихъ адресу разные „прикріе слова", съ угрозою: „постойте, постойте, скурвіи сыны! дамъ я вамъ химеру!"

Студенты „отказывали тіе же саміе слова“, а затѣмъ сжали кулаки и къ нему...

„Вонъ! не чинѣте драки, бо зазвавши парубковъ будемо бить васъ!“ закричалъ на студентовъ Ѳеодоръ Скрида, и одного изъ нихъ—Ходуновскаго „попхнулъ“ отъ Стефана и давай его „тручать кулаками“... А дьякъ Стефанъ „зъ своимъ молодикомъ“ принялся въ это время колотить Обоянскаго... Ходуновскій кое-какъ отдѣлался отъ Скриды и бросился защищать Обоянскаго. Но Стефанъ сразу же отразилъ его, ударивъ ему „въ перси лѣскою штихомъ“... Подбѣжавшій риторъ Бочинскій вырвалъ кое-какъ изъ рукъ Стефана „лѣску“... Но Стефанъ поймалъ его „за чубъ“, а „молодикъ“ Стефана сталъ угощать его „палицею“... Бочинскій былъ дюжій молодецъ, быстро отнялъ у „молодика“ „палицу“ и ею же началъ бить его самого... Тутъ Ѳеодоръ Скрида и Филиппъ Шумскій вдвоемъ вцѣпились ему „въ чубъ“ и „почали кулаками бить“...

Ходуновскій кричалъ-кричалъ: „за что насъ такъ забиваете“, да счелъ лучшимъ убраться по-добру по-здорову...

Обоянскій же, пользуясь общей суматохой, нашелъ гдѣ-то „кій“, подскочилъ къ Стефану и такъ хватилъ его кіемъ по головѣ, что „до костей пробилъ“ ее (какъ выражался производившій по этому дѣлу дознаніе подольскій протопопъ Стефанъ Лубенскій). Дьякъ безъ чувствъ упалъ на землю... Обоянскій подскочилъ къ Ѳеодору Скридѣ и его угостилъ тѣмъ же кіемъ...

Филиппъ Шумскій, видя, что студенты оказываются совершенными побѣдителями, кликнулъ своихъ слугъ: „Паробки! до друччя!“...

Въ этотъ моментъ на улицу вышелъ изъ „малой мазки“ Яблонскій съ двумя сопровождавшими его студентами Шпаковскимъ и Гіеровскимъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, Яблонскій закричалъ студентамъ:

„Бийте добре! бийте до смерты!... Я въ томъ буду отвѣтщикъ!... Я васъ деньгами осыплю!“...

— „Эй, дяка, дяка!“ послышалось на это съ разныхъ сторонъ. Показались слуги Шумскаго „съ полѣнничамъ“—и Яб-

лонскій, Бочинскій и Шпаковскій безъ оглядки пустились убѣгать „на гору"...

Шумскій и Скрида съ толпою вооруженныхъ дубьемъ слугъ кинулись за ними въ погоню. Но видя, что погоня напрасна, Скрида пустилъ въ слѣдъ убѣгавшимъ „фляшею зъ горѣлкой", а Шумскій—„вилами".

Оставшійся на улицѣ синтаксистъ Гіеровскій подошелъ къ лежавшему на землѣ дьяку Стефану и принялся обвязывать ему разбитую голову.

— „Чи и ты студентъ?" набросился на него о. Симеонъ.

И лишь только Гіеровскій робко промолвилъ: „такъ!", о. Симеонъ хватилъ его „по щоцѣ".

— „Сей не виноватъ!" закрычала о. Симеону изъ воротъ своего дома жена Өедора Скриды.

— „Когда не виноватъ ты, заговорилъ нѣсколько успокоенный этими словами о. Симеонъ Гіеровскому, дай кунтушъ на свѣдоцство!"

— „Кунтуша не берѣте, молилъ бѣдный студентъ, мене самого провадте чи до отца префекта, чи до отца профессора!"

— „У насъ голова есть"—прозвучалъ ему на это о. Симеонъ и потащилъ его въ домъ Скриды, долго „ругалъ" здѣсь его и всѣхъ студентовъ и забралъ у него кунтушъ [1]).

До изнеможенія утомленные и сильно разъяренные неудачною погонею, Шумскій и Скрида въ злобномъ молчаніи идутъ домой...

„Панове, будте ласкови... чи не знайшолъ кто рубля?" вдругъ обратился къ нимъ вернувшійся Шпаковскій.

Онъ „втѣкаючи... згубилъ рубля денегъ, которого виходили по людехъ" сегодня всею компаніею христославы, и, опечаленный такою потерею [2]), какъ будто забылъ про злобу тѣхъ, къ кому обращался...

---

[1]) Гіеровскій потомъ жаловался на него за это консисторіи, и дѣло было улажено примиреніемъ.

[2]) Рубль этотъ, къ счастью, былъ найденъ Гіеровскимъ.

Шумскій и Скрида не слушали даже, что онъ говорилъ, а схватили его и „приперши... къ тину (забору), везми били кулаками“, такъ что послѣ онъ „хоровалъ двѣ недѣлѣ“...

Вотъ какъ трагически закончилось мирное само по себѣ хожденіе студентовъ по приходу „зъ славеннымъ“!...

На другой день 27 декабря дьякъ Стефанъ подалъ жалобу кіево-подольскому протопопу на своихъ обидчиковъ. По разборѣ дѣла, дьякъ Яблонскій былъ посаженъ „на цѣпь“... Инфимистъ Андрей Обоянскій, предчувствуя, что и ему предстоитъ наказаніе за пробитіе головы Стефану, бѣжалъ наканунѣ Богоявленія изъ Кіева въ Межигорье. (На дорогѣ его встрѣтилъ кіевскій житель Иванъ Бѣлявскій, а въ Межигорьѣ его видѣлъ Павелъ Евстратьевъ, которымъ онъ самъ разсказывалъ вполнѣ откровенно о причинахъ своего бѣгства изъ Кіева).

Яблонскій, недовольный судомъ протопопа, 7-го февраля 1735 года аппелировалъ митрополиту, прося его поручить разслѣдованіе дѣла префекту академіи, потому что „побой (Стефана) стался зъ напрасного нападенія (его) на студентовъ“. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій, дѣйствительно, передалъ дѣло префекту Іерониму Миткевичу, который (вмѣстѣ съ учителями академіи—синтаксическимъ—іером. Митрофаномъ Довгалевскимъ, грамматическимъ—іером. Сильвестромъ Ляцкоронскимъ и аналогическимъ—іеродіакономъ Веніаминомъ Григоровичемъ) произвелъ обстоятельное дознаніе по нему и представилъ таковое на судъ консисторіи.

21-го апрѣла консисторія, выслушавъ все дѣло, постановила, между прочимъ: дьяка Яблонскаго „вибить барбарами гораздо канатомъ... и къ тому наказанію призвать всѣхъ дячковъ... священниковъ и тѣхъ студентовъ, которіи зъ дякомъ Василіевскымъ при... побои были, дабы протчіи видячи тое, меньшой, до якой принадлежатъ, власти суду не презирали, а вышой утруждатъ напрасно не отважалися“.

Митр. Заборовскій 1-го мая утвердилъ этотъ приговоръ, добавивъ къ нему: „когда явится утекшій студентъ Андрей Обоянскій въ Кіевъ, то и ему учинить такое наказаніе якъ и

дяку Василіевскому за пробытте голови нимъ Андреемъ Обоянскимъ дяку Кудрявскому".

Но возвратился-ли Обоянскій въ академію—не извѣстно.

II.

Теплая весна 1741 года.

Снѣгъ на кіевскихъ горахъ таетъ съ удивительною быстротою и шумными широкими потоками воды катится на низкій Подолъ, превращая его въ болото.

Небольшой низенькій сѣрый деревянный домикъ, по южную сторону великой Братской церкви, кругомъ въ непролазной грязи... Въ этомъ, уже обветшавшемъ, домишкѣ, извѣстномъ у кіевлянъ подъ именемъ *бурсы*, обитаютъ бѣднѣйшіе студенты кіевской академіи. Ихъ тамъ ютится 174 человѣка. Теперь весною жить имъ въ бурсѣ тяжело: тутъ тѣсно, сыро и душно.

Бурсаки въ глубокомъ унынія...

27-го апрѣля къ нимъ, по свой обязанности („для осмотру и всякихъ добронравныхъ увѣщаній"), зашелъ префектъ академіи іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, и они общимъ голосомъ стали ему жаловаться на крайнюю неудовлетворительность своего помѣщенія. Козачинскій самъ хорошо понималъ это и, опасаясь, „дабы въ толикомъ множествѣ людей (какое тогда жило въ бурсѣ) не вкинулась какая хороба, понеже время теплое приходитъ", предложилъ желающимъ бурсакамъ перейти на жительство въ приходскія школы [1]), съ условіемъ, чтобы, живя тамъ, они, мирно и честно въ всемъ поступали".

---

[1]) Въ XVIII в. приходскія школы существовали почти при всѣхъ подольскихъ церквахъ. Настоятели церквей охотно принимали студентовъ на житье въ этихъ школахъ, потому что видѣли въ нихъ людей, нужныхъ какъ для церкви, гдѣ студенты исполняли должности чтецовъ, пѣвцовъ и даже пономарей, такъ и для школы, гдѣ они помогали дьякамъ и поддякамъ въ обученіи мѣщанскихъ дѣтей, особенно въ обученіи латыни („въ заправленіи Альвара", какъ тогда говорили, т. е. въ ознакомленіи съ латинской грамматикой іезуита Эммануила Альвара: Institutiones linguae latinae). Живя въ приходскихъ школахъ (изъ нихъ историческіе акты упоминаютъ Добро-Николаевскую, Покровскую, Борисо-Глѣбскую, Духовскую, Набережно-Никольскую, Ильинскую, Спасскую, Воскресенскую, Рождественскую, Царе-Кон-

Не теряя времени, изъ бурсы начали перебираться одинъ за другимъ бѣдные студенты—кто въ Царе-Константиновскую, кто во Введенскую и другія школы. (Въ ближайшихъ къ академіи школахъ они не нашли себѣ пріюта, потому что тамъ и безъ нихъ было уже „помногу студентовъ")...

О такомъ переселеніи бурсаковъ прослышалъ настоятель Притиско-Никольской церкви священникъ Яковъ Жураковскій и обратился въ бурсу съ приглашеніемъ на жительство въ свою школу троихъ студентовъ піитики да одного фариста („для заправлення по силѣ указовъ сына (своего) въ малолѣтствѣ находящагося латинского языка... такожъ и протчіихъ мѣщанскихъ дѣтей, которихъ будетъ съ тридцать для заправленія жъ латинского язика да ктомужъ и для того, чтобы было въ церквѣ на крилосахъ кому спѣвать").. Въ бурсѣ сейчасъ же нашлись охотники. То были піиты—Андрей Воронѣцкій, Леонтій Юзефовичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ и аналогистъ (или фаристъ) Алексѣй Тулинскій. 6-го мая они, съ благословенія префекта, уже и отправились на новое мѣсто жительства.

Священникъ Жураковскій, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ студентовъ съ распростертыми объятіями и сейчасъ же указалъ имъ для помѣщенія особую „коморку" въ школѣ. Но другой священникъ Притиской церкви о. Романъ Антоновъ, „невѣдомо по какому своему недоброхотству къ академіи", ни подъ какимъ условіемъ не хотѣлъ видѣть студентовъ жильцами своей школы. И лишь студенты (отъ Жураковскаго) явились къ нему за благословеніемъ на это жительство, онъ сразу наотрѣзъ отказалъ имъ въ своемъ разрѣшеніи, опираясь, какъ на „привиллегіи", на грамоту митр. Варлаама Ясинскаго, которая будто бы запрещаетъ студентамъ жить въ Притиской

стантиновскую, Васильевскую, Введенскую и Притиско-Никольскую), студенты, кромѣ крова, имѣли и кое-какія средства къ пропитанію. Мѣщане за ихъ занятія съ дѣтьми давали имъ и хлѣбъ, и дрова, и деньги; священники же отъ себя удѣляли имъ часть своихъ доходовъ... Дьяки, матеріальные интересы которыхъ сильно страдали отъ участія студентовъ въ доходахъ школы, относились къ нимъ почти всегда недружелюбно и нерѣдко подымали противъ нихъ цѣлую войну, вооружая противъ нихъ и прихожанъ, и ктиторовъ, и даже священниковъ. Впрочемъ, бывали и священники, которые почему-то относились иногда къ студентамъ не лучше дьяковъ.

школѣ... Впрочемъ, желая замаскировать свое личное нерасположеніе къ студентамъ, онъ рекомендовалъ имъ обратиться за позволеніемъ жить въ школѣ къ церковнымъ ктиторамъ, такъ какъ и архипастырскій указъ (отъ 13-го іюня 1734 г.) повелѣлъ пресвитерамъ „во всѣхъ къ церквѣ касающихся порядкахъ" имѣть согласіе съ ними—ктиторами.

Студенты недоумѣваютъ, какъ имъ быть...

Журавовскій, не придавая серьезнаго значенія словамъ о. Романа и надѣясь, что дѣло какъ-нибудь уладится, чтобы успокоить студентовъ, самъ повелъ ихъ въ школу, приказалъ дьяку, чтобы онъ съ ними обходился „мирно и честно", и имъ пообѣщалъ со временемъ еще „и болшъ коморокъ опредѣлить" для помѣщенія.

Ободренные такимъ вниманіемъ Журавовскаго, студенты рѣшили поселиться въ школѣ, „вещѣ свои въ (отведенной имъ) коморки поклали, іменно—текъ (кожанныхъ сумокъ) двѣ, една зъ разними паперами, а другая зъ поетикою, експликаціи школи аналогіи, оправленіе въ шкурку папѣры" и пр., замкнули коморку своимъ замкомъ и отправились въ Братскій монастырь на вечерню.

Возвращаются изъ церкви... и что же? Коморка ихъ оказывается запертою еще и другимъ замкомъ.

„Кто заперъ?" спрашиваютъ они дьяка.

„Попъ Романъ", отвѣчаетъ онъ имъ...

Никакъ не ожидавшіе этого, студенты направляются къ своему прокровителю Журавовскому... Но не успѣли они еще подойти къ его дому, какъ уже были остановлены церковными ктиторами—бурмистромъ Ященко и райцею Равичемъ,—стоявшими „на цвинтарѣ" съ о. Романомъ [1]).

„Мосцѣ панове, обратились къ нимъ ктиторы, напрасно насиліемъ хочете въ нашей школѣ жить, для того, что у насъ

---

[1]) Ктиторы были уже настроены о. Романомъ на его ладъ. Они дважды посылали за о. Журавовскимъ, чтобы убѣдить его отказать студентамъ въ пріютѣ въ школѣ, но о. Журавовскій къ нимъ не пошелъ, говоря; „Для того я къ імъ не пойду, что... будетъ между нами ссора о студентахъ"... Кстати, въ это время у него были и гости.

граммата отъ преосвященного Ясинскаго о нежитіи въ школѣ студентамъ імѣется. И уже тому есть и зъ сорокъ годъ, какъ у насъ въ школѣ студенти не живуть и вамъ совѣтуемъ не трудити себе; да и сверхъ же того будемъ и отъ сего преосвященного подтвердителной граммати о нежитіи въ нашей школѣ студентамъ просить".

Послѣ такихъ словъ обиженные студенты не пошли уже и къ Жураковскому, а отправились прямо въ бурсу, простившись съ своимъ желаніемъ жить въ Притиской школѣ...

Ничего не знавшій о разговорѣ студентовъ съ ктиторами, о. Жураковскій, при встрѣчѣ на другой день съ аналогистомъ Тулинскимъ, спросилъ у него, почему онъ съ товарицами не переходитъ жить въ школу. Тулинскій въ отвѣтъ на это передалъ ему вчерашнюю рѣчь ктиторовъ...

Жураковскій, понявъ теперь, что о. Романъ, желая настоять на своемъ, успѣлъ уже склонить на свою сторону ктиторовъ, посовѣтовалъ студентамъ обратиться къ префекту съ жалобою какъ на о. Романа, такъ и на ктиторовъ. (Въ своей бесѣдѣ со студентами о. Жураковскій далъ имъ понять, что запрещеніе жить въ школѣ идетъ не столько отъ ктиторовъ, сколько отъ о. Романа).

Козачинскій, послѣ жалобы ему студентовъ, послалъ къ о. Роману бурсацкаго сеніора выразить ему свое неудовольствіе по поводу случившагося, но о. Романъ уклончиво отвѣтилъ: „Я имъ студентамъ не запрещаю въ школѣ жить, были бы ктиторѣ похотѣли"...

Понимая политику о. Романа, скрывающагося за ктиторовъ, префектъ Козачинскій 13-го мая подалъ на него митр. Рафаилу Заборовскому „покорнѣйшее доношеніе", прося владыку потребовать отъ о. Романа „привилей" (грамоту митр. Ясинскаго), которымъ онъ „отъ давнихъ лѣтъ, да и теперь наипаче... хвастаетъ", и приказать ему съ ктиторами, „дабы какъ въ протчіихъ школахъ на Подолѣ, такъ свободно бы было и въ Притиской Николаевской... студентамъ жить, которые пожелаютъ" [1]). За

[1]) Въ Притиской школѣ свободными были „зимняя одна и лѣтнихъ чтирѣ коморки".

то же, что о. Романъ вмѣсто того, чтобы „ему самому, какъ освященной персонѣ, къ наученію доброхотствовать, и защищать, еще и мирскихъ людей къ недоброхотству подбиваетъ" и „студенскіе вещы заарештовалъ и не видаетъ, но за своимъ замкомъ держитъ, чимъ уронъ имъ во ученіи дѣлаетъ",—Козачинскій просилъ у архипастыря „милостивой резолюціи".

На другой же день о. Романъ, по распоряженію митрополита, былъ допрошенъ обо всемъ и ему было приказано представить грамоту Варлаама Ясинскаго, которою запрещается студентамъ жить въ Притиской школѣ.

Находя болѣе выгоднымъ дѣйствовать именемъ ктиторовъ, о. Романъ 19 мая явился въ митрополичью канцелярію и объяснялъ, что про означенную грамату онъ спрашивалъ у ктиторовъ, на что одинъ изъ нихъ—Михаилъ Ященко далъ такой отвѣтъ. Въ 1699 году патріархъ Адріанъ послѣ доношенія ему войта кіевскаго Димитрія Полоцкаго прислалъ въ кіевскій магистратъ грамоту, которая „въ книги майстратовіе кіевскіе вписана". Въ грамотѣ этой патріархъ, между прочимъ, писалъ, что имъ послана другая грамота митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, которая „по вичетѣ" должна быть отдана митрополитомъ въ магистратъ „для содержанія". Но митрополитъ въ магистратъ ее не отдавалъ, и что было писано въ ней, онъ—ктиторъ точно не знаетъ; но думаетъ, что ею запрещалось студентамъ жить въ Притиской школѣ, такъ какъ митрополитъ, „получивши оную грамоту, заразъ велѣлъ студентовъ изъ школы Притиско-Никольской изослать". Въ той же грамотѣ, которая прислана патріархомъ въ магистратъ „ничего о студентахъ не упомянуто".

26-го мая по указу митрополита были наведены справки въ магистратѣ. Здѣсь была отыскана грамота патр. Адріана 1699 года на имя кіевскаго войта Өеодора Биковича такого содержанія: „Въ чесомъ нашей мѣрности доношеніе ваше въ церковнихъ дѣлахъ бистъ, о томъ наша грамота о Святѣмъ Дусѣ Сину и сослужителю нашея мѣрности къ Преосвященному Варлааму митрополиту Киевскому и Галицкому и малия Россіи извѣстителная послася особно, съ прочетомъ юже списавъ под-

линную отдастъ вамъ въ судейское, гражданское и урадническое ваше соблюденіе". Но митр. Ясинскій, — говорили въ магистратѣ,—ни подлинной, ни копіи грамоты патріарха, адресованной на его имя въ магистратъ, не представилъ. Съ 1699 же года по сіе время, по магистратскимъ „сказкамъ", студенты не живутъ въ Соборно-Успенской и Притиско-Никольской школахъ...

Резолюціи со стороны митрополита почему-то не было...

Разсчитывая, что она будетъ все-таки въ пользу студентовъ, свящ. Жураковскій, переговоривши съ префектомъ академіи Михаиломъ Козачинскимъ, началъ принимать студентовъ на жительство въ Притискую школу. Такъ, въ первыхъ числахъ іюня онъ принялъ сюда инфимиста Михаила Люткевича и въ срединѣ августа ритора Ивана Святковскаго, піиту Өеодора Краснокуцкаго и аналогиста Василія Богдановича.

Самолюбіе о. Романа не могло примириться съ этимъ. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, выжить студентовъ изъ школы... Но дѣйствовать открыто противъ студентовъ онъ самъ удержался, а направилъ противъ нихъ ктиторовъ, дьяка и поддячаго своей церкви. Они-то, при его поддержкѣ и даже, можетъ быть, по его плану, открыли свои нападенія на несчастныхъ студентовъ. (Сначала, впрочемъ, они шли къ цѣли мирнымъ путемъ: неоднократно просили префекта академіи запретить студентамъ жить въ школѣ; но, когда эти просьбы оказались напрасными, они прямо враждебно начали относиться къ студентамъ, стараясь такимъ образомъ довести ихъ до того, чтобы они сами волей-неволей ушли изъ школы)...

Прежде всего дьякъ и поддякъ не стали давать студентамъ ничего изъ того, что отпускалось мѣщанами на школу (дрова, деньги и пр.), а все забирали себѣ, говоря студентамъ: „буди ваша студенская ересь укоренится въ нашей школѣ, то въ тое время вамъ даватиметсся денги и протчое, а нынѣ покамѣсъ мы будемъ въ школѣ житъ, то потолъ (дотолѣ) не будете ничего братъ"... А чтобы сдѣлать еще болѣе непріятною для студентовъ ихъ горемычную жизнь въ школѣ, дьякъ и поддячій частенько въ пьяномъ видѣ и съ пьяною компаніею являлись въ школу, устраивали здѣсь музыку, подымали крики, смѣялись

надъ студентами и безъ всякаго уважительнаго повода бранили ихъ самою отборною („матерно") бранью. Какъ ни досадно все это было для студентовъ, они все таки не оставляли своего крова...

Не достигая такимъ путемъ желанной цѣли, враги студентовъ сообразили, что для того, чтобы выжить ихъ изъ школы, самое лучшее найти законную придирку къ нимъ.

И что же? Дьякъ Коцѣнскій внушилъ школьникамъ-мѣщанскимъ дѣтямъ сказать, что инфимистъ Люткевичъ уворовалъ у поддячаго Василія Люстрицкаго деньги „съ капшукомъ"...

Поднялась буря...

Люстрицкій прибѣжалъ въ школу и набросился на Люткевича съ бранью, какъ на вора. Люткевичъ, не подозрѣвая, откуда на него идетъ такое обвиненіе, жалуется на Люстрицкаго — и кому же? — Коцѣнскому! Коцѣнскій, обрадовавшись случаю, въ свою очередь ругаетъ ни въ чемъ невиннаго Люткевича!.. Къ счастью, на шумъ этой брани подоспѣлъ въ школу риторъ Святковскій... и буря утихла, такъ какъ обнаружилась ложь, вызвавшая всю сцену. Въ чемъ дѣло? обратился онъ къ расходившемуся Коцѣнскому. Коцѣнскій въ отвѣтъ на это велитъ школьнику Григорію разсказать о воровствѣ Люткевичемъ денегъ у поддячаго.

Къ удивленію, школьникъ клянется, что онъ про это ничего не знаетъ!...

„Видишь что неправда твоя! Напрасно тое, что будто Люткевичъ поворовалъ денги, говоришь!"... съ справедливымъ укоромъ сказалъ Святковскій обезоруженному дьяку...

Раздраженный неудачей своей уловки, Коцѣнскій ужъ безъ повода ругалъ студентовъ, выкрикивая: „Вы вѣдаете этое, что я здесь началникъ!"...

— „Есть началникъ и надъ тобою—настоятель Притиско-Никольскій Яковъ Жураковскій!"—спокойно замѣчалъ ему Святковскій.

Въ безсильной злобѣ Коцѣнскій за это началъ подносить ему „дулѣ подъ носъ", приговаривая: „Вы студенты знайте, что вы подъ моею командою состоите!"...

Такимъ образомъ, первая попытка Коцѣнскаго придраться къ студентамъ не удалась... Онъ дѣлаетъ другую. Бывшую въ школѣ жалкую мебель („посудъ“) забираетъ въ свой домъ и въ одинъ вечеръ посылаетъ троихъ школьниковъ ночевать въ школѣ на столахъ, чтобы такимъ образомъ лишить студентовъ послѣдняго ложа. Самъ же, предполагая, что студенты съ дракой станутъ прогонять расположившихся на ночлегъ школьниковъ, засѣлъ въ сосѣдней коморкѣ... Позднимъ вечеромъ въ школу пришелъ Люткевичъ и, видя, что его ложе (столъ!) занято, принимается будить спавшаго хлопца. Хлопецъ подымаетъ страшный крикъ!... Только этого и ожидавшій Коцѣнскій выскакиваетъ изъ своей засады и съ матерною бранью и со сжатыми кулаками бросается на Люткевича... Затѣмъ со школьниками идетъ къ ктитору Булавинцу жаловаться на студентовъ за ихъ разбой. Булавинецъ оставилъ школьниковъ ночевать у себя, а утромъ привелъ ихъ въ школу и началъ дѣлать выговоръ студентамъ: „не добре дѣлаете! Мы знатимемъ какъ зъ вами поступить!“...

Студенты, видя, что ихъ положеніе въ школѣ съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже, 10-го ноября написали префекту академіи Михаилу Козачинскому „доношеніе“, въ которомъ изложили всѣ продѣлки надъ ними со стороны дьяка и поддячаго, поддерживаемыхъ ктиторами и отцемъ Романомъ.

Это любопытное (и, вѣроятно, единственное въ своемъ родѣ) доношеніе студентовъ по пунктамъ разсказываетъ почти все то, о чемъ нами уже пересказано; поэтому, не приводя его въ полномъ видѣ, отмѣтимъ только нѣкоторыя болѣе характерныя мѣста.

„Високопревелебнѣйшому Господину Отцу Михаилу Козачинскому Префекту Академѣи Кіевской

Доношеніе.

Которіи пакости дѣлаются намъ отъ дяка притиского въ школѣ и его подкомандникъ, о томъ слѣдуютъ пункта.

Дякъ Хведоръ многажди музики завѣвши кажетъ играть и хлопцамъ спѣвать, и кричать на поруганіе намъ зачимъ спокою не имѣемъ до науки.

Многокротне заводится съ пяницами, и пяніи съ многими укоризнами и безчестіемъ ругаетъ, руками показуя: онъ-онъ студенти смотрѣте.

Поддячій пришолъ пяній и сталъ сварится, и з сокирою поривался, сказуючи: я вамъ здѣлаю! ви плюшки—не студенти; и многажди пяніи приходятъ оба з дякомъ и ругателними словами укараютъ, крики дѣлаютъ, и протчая неприличная, которихъ встидно сказать.

Въ пятокъ поминалній Димитріевой субботи по панихидѣ отецъ Романъ на своей седмици дѣлилъ булки и ситу дяковѣ и протчіимъ въ церквѣ, тогда и нашъ хлопецъ пришолъ и сталъ таможди (надѣючись что и на студентовъ дастъ, такъ якъ отецъ Іяковъ на своей седмици далъ). Егда же повидѣлъ послѣ всѣхъ нашего хлопца, онъ отецъ Романъ сказалъ: а ти зачимъ? сей же поклонився сказуя по обичаю своему: дайте добродѣю и студентамъ з ласки своей, а онъ отецъ Романъ крикнувъ зъ гнѣвомъ на всю церковъ: нехай трасцѣ зидятъ студенти, на панахидѣ не були, а когда хлопецъ сказалъ: добродѣю не застали не рано війшли зъ школъ, тогда сказалъ на пономара такъ: дай имъ трохи.

О семъ доносимъ 1741 года Ноября 10 дня.

Вашего Високопревелебія всепокорнѣйшіи слуги убогіи студенти.

Іоаннъ Святковскій слигиателъ школи реторики.

Өеодоръ Краснокутскій школи поетики.

Михаилъ Люткевичъ ученикъ школи Інфѣми.

Василій Григориевъ Богдановичъ школи аналогіи".

Между тѣмъ въ этотъ же самый день, 10-го ноября, враги студентовъ нашли и еще поводъ придраться къ нимъ.

Хлопцы, жившіе при школѣ, „мимо... вѣдома студентовъ и, конечно, не безъ вліянія враговъ послѣднихъ, отправившись ночью на добычу („ночной добы пошедши"), утащили у ктитора Игната Цехмистра „хвортку".

Ктиторъ (безъ сомнѣнія, заранѣе хорошо знавшій, куда дѣвалась его „хвортка"), на другой день явился на поиски въ школу и, взявши здѣсь изъ дровъ, на которыя уже была порублена его „хвортка", одну палку, пошелъ съ нею, какъ съ

вещественнымъ доказательствомъ, къ префекту академіи винить студентовъ въ воровствѣ.

Префектъ, зная враждебное настроеніе ктиторовъ противъ студентовъ, не принялъ на вѣру такого тяжелаго обвиненія ими студентовъ, а счелъ необходимымъ обстоятельно разобрать дѣло. Само собою понятно, обнаружилось, что студенты вовсе не причастны воровству, произведенному школьными хлопцами... Казалось, на этомъ бы и дѣлу конецъ! Но нѣтъ! Префектъ приказалъ Святковскому „хлопцамъ за ихъ воровство дать по пятдесятъ плягъ“ въ присутствіи ктитора Игната... Ктиторы, разумѣется, не этого искали, а потому не только не позволили Святковскому наказывать хлопцевъ, но и еще, чтобы снова какъ-нибудь прицѣпиться къ студентамъ, предупредили хлопцевъ о предстоящемъ имъ наказаніи, убѣдивши одного изъ нихъ убѣжать, а другого отречься отъ вины... Съ послѣднимъ Святковскій пошелъ къ префекту для объясненія. Сюда же явился и ктиторъ Булавинецъ, чтобы, какъ говорилъ онъ префекту, взять этого хлопца для слѣдствія надъ нимъ за его воровство въ Губернской канцеляріи. (На самомъ же дѣлѣ ктиторамъ онъ нуженъ былъ, какъ орудіе противъ студентовъ). Префектъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ хлопцца, съ ктиторомъ.

По дорогѣ отъ префектка отпущенный бѣжалъ...

„Мы и давно желали такой причины, за которую могли бъ васъ выгнать изъ школы!“ самодовольно восклицали студентамъ ктиторы, увѣренные, что послѣ такого факта, которымъ можно ясно доказать вредъ житья студентовъ въ школѣ (изъ за нихъ вынуждены бѣжать школьные хлопцы), они наконецъ-то добьются, что Притиская школа перестанетъ быть для нихъ пріютомъ...

Но увы!.. надежда ктиторовъ была слишкомъ преждевременною: въ тотъ же самый день бѣжавшій хлопецъ, по распоряженію Козачинскаго, былъ пойманъ и приведенъ въ школу... Казалось, это обезоружило ктиторовъ въ ихъ планахъ... Нѣтъ!.. Ктиторы еще не остановились.

Они отправили за пойманнымъ сына ктитора Игната и, когда онъ явился (въ домъ Игната), уговорили его, чтобы онъ

„на всѣхъ студентовъ жіючихъ въ школѣ Притиско-Никольской воровство показивалъ". Хлопецъ, дѣйствительно, согласился сказать, что онъ вмѣстѣ съ Люткевичемъ утащилъ рубаху у какого-то человѣка...

Между тѣмъ, узнавши о поимкѣ бѣглеца, Козачинскій послалъ къ свящ. Жураковскому двухъ философовъ изъ бурсы, прося его взять пойманнаго „до резолюціи на свои руки". Жураковскій снарядилъ за нимъ къ Игнату Люткевича и Богдановича.

„Се той, что рубаху зворовалъ!" закричалъ Игнатъ на Люткевича, и лишь только этотъ показался въ его домѣ, онъ схватилъ его и посадилъ у себя дома „подъ карауломъ". Богдановича же вмѣстѣ съ своимъ сыномъ направилъ за Святковскимъ, чтобы спросить у него, „праведно-ль" Люткевичъ требуетъ выдать хлопца.

Явился Святковскій.

Какъ бы предчувствуя что-то недоброе, онъ пришелъ не одинъ, а съ Богдановичемъ и еще со студентомъ Яковомъ Дубовикомъ.

„По чіему вы приказу студента содержите въ себе подъ карауломъ?" началъ онъ.

(У Игната сидѣлъ уже увѣдомленный имъ Булавинецъ—ктиторъ „съ сѣпаками ратушними бывшими зъ обухамы").

— „Вы всѣ воры!" закричали ему ктиторы, а пьяные „сѣпаки... зъ обухамы" уже „стали прискакивать" къ нему.

— „Развѣ ти мене зазвалъ на тое, чтобъ зъ своимъ сыномъ мене убить?" завопилъ перепуганный Святковскій.

„Видячи, что онъ Святковскій не самъ, но зъ двомя студенти пришелъ", Игнатъ удержался отъ драки и лишь съ бранью прогналъ студентовъ изъ дому. („Сѣпаки... піяни зъ обухами выпроводили браня-жъ ихъ на (самую) улицу").

Остался одинъ Люткевичъ „подъ карауломъ". Это была уже жертва для самыхъ безжалостныхъ издѣвательствъ. Сташно и вообразить, сколько мучительныхъ страданій онъ вынесъ здѣсь!.. Ему, напр., „сѣпаки ратушніи" завязали назадъ руки и, забывъ всякое состраданіе, били „колѣнками въ плечи",

сколько имъ хотѣлось! Даже приказаніе райцы Балабухи [1]) „Люткевичу до разсмотренія ничего не чинить" не освободило невинной жертвы отъ звѣрства безжалостныхъ палачей. Оно лишь на малое время, на нѣсколько часовъ остановило ихъ расправу... Пришла ночь и снова настали мученія для Люткевича... „Сѣпаки" связали его и въ такомъ положеніи, съ „нещаднымъ" боемъ таскали по улицамъ... Наконецъ, притащивши въ домъ Булавинца, заперли его „звязаннаго" здѣсь „въ комору"... Только на другой день, когда заблаговѣстили къ утрени, онъ былъ выпущенъ Булавинцемъ на время въ церковь (и то— подъ наблюденіемъ, „дабы куда... незбѣжалъ"), а потомъ, послѣ богослуженія, отправленъ въ „ратушу" [2]).

Послѣ такой варварской продѣлки, какъ бы въ оправданіе себя, враги студентовъ спокойно говорили: „Ми ничего не хочемъ, толко дабы въ нашей школѣ студенти не жили"!.. Такъ говорилъ дьякъ Святковскому, такъ говорили и ктиторы префекту академіи, увѣдомляя его о томъ, что Люткевичъ посаженъ ими въ „ратушу". Очевидно, они (враги) уже готовы были торжествовать достиженіе своей цѣли...

Но горько обиженные студенты не могли простить вопіющей несправедливости: они обратились къ префекту академіи съ жалобою на своихъ гонителей, изложивъ ему всѣ испытанныя отъ нихъ невзгоды.

Префектъ 16-го ноября „занеслъ тяжбу въ магистратъ" на ктиторовъ и подалъ „покорнѣйшое доношеніе" митр. Рафаилу Заборовскому, прося его „учинить рѣшеніе, дабы впредь етакихъ отъ дяки [3]) дерзновеній не происходило".

Дѣло такимъ образомъ приняло серьезный оборотъ.

Началось слѣдствіе. 17-го ноября въ канцеляріи митрополита былъ снятъ допросъ со студентовъ, жившихъ въ При-

---

[1]) Балабуху объ этомъ просилъ Козачинскій чрезъ учителя піитики (Сильвестра Добрина).

[2]) Отсюда онъ немедленно былъ отпущенъ въ академію.

[3]) Къ своему доношенію префектъ присоединилъ и вышеприведенное доношеніе студентовъ.

тиской школѣ, съ дьяка Ѳедора Коцѣнскаго, и поддячаго Василія Люстрицкаго [1]).

Враги студентовъ не дремлютъ... Они спѣшатъ теперь сбить студентовъ съ ихъ послѣднихъ позицій.

Дьякъ 18-го числа разогналъ изъ школы всѣхъ мѣщанскихъ дѣтей подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ здѣсь „за студентами жить не можно", а ктиторы, ухватившись за этотъ предлогъ, какъ за фактъ (требовавшій „горшое гоненіе" на студентовъ со стороны мѣщанъ), „цѣлую почти парохію Притискую двинули къ подпису, и подали отъ себе въ магистратъ кіевскій доношеніе въ той силѣ, даби въ Притиской школѣ студенти не жили". Это они мотивировали такими „резонами": 1) „въ школѣ отдавна студенти не живуть; 2) въ школѣ церковнихъ служителей якото дячковъ, паламаровъ за побоемъ студентовъ удержать немощно; 3) дѣтямъ славенскаго письма за студентами учитись не мощно и 4) внасъ нѣчого не пропадало покамистъ студенти въ школѣ не жили".

Кіевскій войтъ Павелъ Войничъ 20 ноября увѣдомилъ чрезъ магистратскаго инстигатора Григорія Бѣлявскаго префекта академіи о такомъ доношеніи ктиторовъ. Префектъ сейчасъ же на это доношеніе „занеслъ протестъ въ магистратъ" и затѣмъ 23-го ноября отнесся въ духовную консисторію съ пунктуальнымъ опроверженіемъ всѣхъ ктиторскихъ „резоновъ", какъ созданныхъ „по злобѣ и страти зъ завзятости".

Въ Притиской школѣ, писалъ Козачинскій въ консисторію, издавна жили студенты. И самъ о. Романъ всего лѣтъ шесть тому назадъ, „когда ходилъ на реторику", жилъ тамъ. За это на него никто не писалъ доношеній и никто не подымалъ гоненій; и жилъ онъ, пока хотѣлъ.

---

[1]) Дьякъ и поддячій, будучи неосмотрительно щедрыми въ своихъ показаніяхъ на студентовъ, дали противорѣчивые отвѣты.

Къ сожалѣнію изъ этихъ отвѣтовъ видно, что и студенты были не безъ грѣха. Они иногда позволяли себѣ въ школѣ бить мѣщанскихъ дѣтей за то, что послѣдніе во время занятій студентовъ „въ голосъ" читали, а иногда ночью посылать школьныхъ хлопцевъ за водою.

Никакихъ побоевъ и ссоръ студенты въ школѣ не производятъ. Правда, 16 сентября сего 1741 г. съ позволенія и вѣдома свящ. Жураковскаго студенты одному „пяницѣ паламару за досаду свою дали двадесятъ плягъ канчукомъ". Но, когда ктиторы пожаловались мнѣ на это, „я двохъ риторовъ и двохъ инфѣмѣстъ—чтирехъ человѣкъ за едного паламара—велѣлъ нещадно при ихъ самихъ ктиторахъ у двѣ барбары бить". Другихъ подобныхъ случаевъ со стороны студентовъ не было. Между тѣмъ дьякъ „многажды" ругалъ студентовъ, „фѣги" имъ показывалъ, „въ щоку бить поривался", „хлопца своего... принуждалъ даби о воровствѣ лжесвидѣтельствовалъ"; поддячій „зъ сокѣрою до студентовъ кидался и какъ хотѣлъ ругалъ"... и студенты все терпѣливо переносили, зная, что „имъ поблажки нѣтъ"!.. Даже и то пропало, что „вакацѣями" дьякъ поколотилъ студента—„поету", а поддячій—ритора („сына нынѣшняго пана лавника Ядрила"),—и все потому, что „не знать у кого сатисфакцѣи искать": вездѣ „мѣшаются ктиторы, оставляя священниковъ въ пренебреженіи.

Несправедливо и то, что „дѣтямъ славенскаго письма за студентами учитись не мощно" въ школѣ. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ Добро-Никольской, Покровской, Глѣбо-Борисской, Духовской, Набережно-Никольской, Ильинской, Воскресенской, Рождественской, Царе-Константиновской, Васильевской и Введенской школахъ живутъ студенты, и тѣмъ не менѣе въ этихъ же школахъ „славенскаго письма дѣти учатся безпрепятственно". Да и въ Притиской школѣ до сихъ поръ учились дѣти, несмотря на то, что тутъ жили студенты. Вотъ, когда „сталася акцѣя", дѣтей уже въ школѣ не оказалось, потому что дьякъ ихъ „разпустилъ на пеню". Не даромъ же о. Яковъ, не увидѣвши 18-го ноября въ школѣ дѣтей и спросивши у школьнаго „молодика": „для чего не имѣется дѣтей въ школѣ?", самъ отвѣтилъ: „да!.. я вѣдаю, чтобъ то было, что на студентовъ говорить"!

Наконецъ, нѣтъ никакихъ основаній у ктиторовъ и къ обвиненію студентовъ въ воровствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, раньше моего доношенія на ктиторовъ за ихъ расправу съ Люткеви-

чемъ, они не заявляли о своей пропажѣ ни мнѣ, ни магистрату, „да и теперь же именно на студентовъ не показуютъ, но точію подукривательствомъ во обществѣ, что пропало, пишутъ". Очевидно, что такое обвиненіе создано ими съ цѣлью „оправдитися" за свои козни противъ студентовъ. Для этого они „первѣе нѣякимись привилегіями фастали, а теперь не будучи въ состояніи показать ихъ, уже „пенею и привязкою напрасною хотятъ оправдатися"... Напримѣръ, они говорятъ, что студенты уворовали рубашку „у писаря конверсарійскаго" и „фортку" у ктитора... На самомъ же дѣлѣ, это совершили не студенты, а „школяръ". И странно: самъ писарь, выбросившій на дворъ негодную старую рубаху „не инстигуетъ" за пропажу, а ктиторы хлопочутъ!.. „Что (имъ) за дѣло напрасно судъ утруждать и народъ смущать цѣлую парохію?" Обвиняютъ студентовъ еще въ похищеніи у поддячаго „хутра" (тулупа)... Но опять таки безъ улики: въ то вреня, когда случилась указанная пропажа, въ школѣ жилъ лишь одинъ студентъ и какъ разъ съ самимъ поддячимъ безвыходно стоялъ на богослуженіи въ церкви. Мало того, и у студента тогда же, одновременно, утащили кафтанъ изъ школы.

Въ заключеніе Козачинскій просилъ консисторію всему дѣлу „конецъ удѣлать".

25-го ноября консисторія, заслушавъ все дѣло о Притиской школѣ, постановила: іерею Роману Антонову за его согласіе съ ктиторами изгнать студентовъ изъ Притиской школы, за его хвастовство какою-то непоказанною грамотою, за арестъ имъ студенческихъ вещей (съ 6 го по 13-е мая), словомъ „за его нераченіе и недоброхотство къ учащимся"—„быть на цепѣ въ катедральномъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, чрезъ цѣлую седмицу сѣять муку въ пекарнѣ"; дьяку Өедору Коцѣнскому за его ложное показаніе, будто бы его билъ Яковъ Дубовикъ, и за то, что „вакацѣями" онъ самъ побилъ „поэту", и поддячему Василію Люстрицкому за побой ритора Ядрила, и за всѣ совмѣстныя съ дьякомъ дѣйствія противъ студентовъ—„учинить наказаніе плетми на цвентарѣ передъ школою Притискою, дабы таковыхъ предерзостей на учащихся и учителей не происхо-

дило". О возмездіи же ктиторамъ—Игнату Цехмистру и Θеодору Булавинцу за то, что они „напрасно" мучили Люткевича и „студентовъ живущихъ въ школѣ ворами и інними досадними словами безвинно и ненадлежно поносили", было поручено префекту „въ магистратѣ требовать", куда изъ консисторіи была отправлена объ этомъ „промеморія". Наконецъ студентамъ, живущимъ въ Притиской школѣ, было опредѣлено, „жить и впредь въ оной же школѣ безпрепятственно[1]) и честное обходительное имѣтъ зъ дякомъ и прочими школьниками пребываніе, подъ опасеніемъ наказанія; аще же бы въ чемъ студенти виновны явились, сатисфакціи въ академіи кіевской у кого надлежитъ. Оніе жъ въ Притиской школѣ живущіе студенты до церкви въ тіи времена коихъ оны отъ трудовъ школьнихъ волни будутъ и на крилосъ ходили бъ за что зъ собыраемыхъ на школу доходовъ по усмотренію тамошнихъ священниковъ взимали бъ надлежащую часть съ протчіими ради препитанія и спабдѣнія въ нуждныхъ".

Священникъ Романъ Антоновъ отбылъ свое наказаніе, равнымъ образомъ и дьякъ съ поддячимъ были безъ всякого, пощадѣнія и поблажки наказаны плетми предъ Притискою школою, въ присутствіи студентовъ, „опредѣленнихъ отъ превелѣбнѣйшого отца префекта академіи".

Наложилъ-ли магистратъ какое-либо наказаніе ктиторамъ, не знаемъ... Впрочемъ, это не столь интересно, какъ самая исторія гоненія студентовъ, показывающая, какія иногда невзгоды должны были переживать студенты, искавшіе себѣ пріюта въ церковно-приходскихъ школахъ, изъ-за одного каприза нерасположенныхъ къ нимъ лицъ!..

Въ 1750 году академическое начальство, чтобы положить конецъ непригляднымъ столкновеніямъ между студентами, жившими по приходскимъ школамъ, и причтомъ, въ ближайшемъ

[1]) Въ виду того, что въ обрѣтающейся при Академіи бурсѣ за скудость мѣста (тамъ въ ноябрѣ, по докладу Козачинскаго, „близъ 200" человѣкъ было, да „и внов многіи въ академію прибуваютъ".,.) всѣмъ мѣститись невозможно".

вѣдѣніи котораго были эти школы, выдало особую письменную инструкцію [1]), опредѣлявшую права и обязанности студентовъ, ютившихся по школамъ, и ихъ отношенія къ церковному причту.

Но и послѣ инструкціи, надъ положеніемъ студентовъ въ приходскихъ школахъ продолжалъ во всей силѣ царить произволъ священниковъ, дьяковъ, поддячихъ и ктиторовъ церквей, при которыхъ были школы.

Въ 1754 году, напр., студенты были даже изгнаны изъ Васильевской школы *по одному только капризу* священника Васильевской церкви Павла Лобко [2]).

Дѣло было такъ.

1-го іюня о. Павелъ, получивши какой-то указъ, явился съ нимъ въ школу, чтобы здѣсь отдать его „ради перекопіевання" своему дьяку.

Дьяка въ школѣ не оказалось.

„Гдѣ дякъ? Куда пошелъ?" обратился о. Лобко къ занимавшимся въ школѣ студентамъ.

— „Не вѣдаемъ!" отвѣчали они.

О. Павелъ былъ, вѣроятно, не въ духѣ и посыпалъ бранью на студентовъ... Затѣмъ, подалъ синтаксисту Михаилу Стахорскому указъ, приказывая немедленно „перекопіевать" его.

„Я не вѣдаю, якъ его писать", сталъ отговариваться Стахорскій.

Но о. Павелъ, ничего не принимая въ резонъ, ударилъ его „въ щоку"...

Обиженный Стахорскій сейчасъ же бросился съ жалобою къ своему сеніору-философу Стефану Григоровичу, жившему въ другой избѣ той же школы.

О. Павелъ за нимъ... и вытолкнулъ его „въ шію" изъ сеніорской избы, крича: „Якъ ти сукинъ и каналскій синъ, такъ и тотъ, кто тебе заступаетъ, каналія!"...

---

[1]) Инструкц. эту см. Акты Кіево-брат. училищ., монастыря и академіи, собран. В. И. Аскоченскимъ, т. 1-й, № 34.

[2]) Онъ вообще почему-то питалъ сильную непріязнь и къ студентамъ, и къ профессорамъ академіи...

— „Не изволте, мосцѣ отче, хлопцовъ бить и бранить, понеже якъ великихъ школъ ученики, такъ и малихъ, вамъ не подкомандны! А отъ отца префекта мнѣ приказъ: хлопцовъ въ дворъ на ваше партикулярное дѣло, по вашему насилію (развѣ съ прошеніемъ), не давать и не посылать!"... началъ „склонно" (вѣжливо) говорить о. Павлу Григоровичъ.

— „А ти, каналіе, на чіемъ грунтѣ живешь?"... закричалъ ему на это о. Лобко... „Якій мнѣ съ васъ прибитокъ?"... и въ раздраженіи снялъ съ головы шляпу, ударилъ ею трижды „по лицу" Григоровича, наконецъ, совсѣмъ вытолкнулъ его изъ коморки и выбросилъ оттуда вонъ всѣ его вещи, съ бѣшенствомъ говоря:

„Чтобъ ваше имя студенское не слылося здѣсь! Вонъ всѣ съ школы! А якъ не війдешь заразъ, то плетей или кіевъ скушаешь!"...

Нечего дѣлать! Студенты должны были оставить свой кровъ...

О. Павелъ, въ пылу гнѣва, даже „коморки на горѣ, давно еще студенскими трудами и стараніемъ (толко жъ за его отца Лобко позволеніемъ) подѣланнѳіи, вибросивъ студенскіе вещи, поразоралъ и поразрубовалъ, да и комена мурованого трубу разбилъ, и окна въ школѣ оконницами позабивалъ"...

Лишившись, такимъ образомъ, ни за что-ни про что, своего убогаго пристанища, девять бѣдныхъ студентовъ (философы Стефанъ Григоровичъ, и Семеонъ Заставскій, риторъ Игнатъ Товарницкій, піиты Георгій Судаквянскій и Георгій Василькевичъ, синтаксисты Петръ Заставскій и Кассіанъ Ягельскій и инфимисты Кириллъ Орловскій и Тихонъ Свидерскій) обратились 4-го іюня съ письменною жалобою на о. Лобко къ префекту Давиду Нащинскому.

Нащинскій въ тотъ же день адресовался въ консисторію, прося „снять сатисфакцію" съ о. Лобко за изгнаніе студентовъ, при чемъ замѣчалъ, что о. Павелъ „и прежде сего доволно смятенія и утѣсненія бѣднимъ студентамъ здѣлалъ, и впредь дѣлать не перестанетъ, ежели ему то свободно оставится".

Консисторія препроводила 15-го іюня о. Павлу копію студенческой жалобы на него, требуя отъ него оправданія, но онъ

22-го числа на такое требованіе отвѣтилъ: „когда-бы отецъ префектъ на мене подалъ доношеніе, то би я противъ оного отвѣтствовать могль, а противъ доношенія сихъ студентовъ, которыхъ я почти воспиталъ и пелешки ихъ было очищаю, отвѣтствовать не хощу"... Послѣ этого, 6-го іюля, консисторія опредѣлила: „крестовую грамоту отъ Лобка отнять [1]), студентамъ же по прежнему въ Василіевской школѣ жить, и поступать имъ за силу академійской инструкціи, а ему Лобку надъ студентами никакой команди не імѣть; буди же бы оны студенти противъ оной академійской інструкціи въ чемъ поступили, то ему Лобку доносить на нихъ прежде учителю, въ которого вѣдомствѣ кто состояти іметъ, потомъ префекту; а ежели бы онъ Лобко имъ студентамъ впредъ какіе обиди и разоренія началъ приключать, то имъ самимъ студентамъ его Лобка за вѣдомомъ префектовскимъ взявъ подъ караулъ представить того жъ времени въ Духовную Консисторію".

Выслушавъ такое опредѣленіе, о. Павелъ не давалъ благословенія изгнаннымъ имъ студентамъ на новый ихъ „входъ" въ школу, говоря: „пусть студенти, що хотятъ дѣлаютъ: входятъ въ школу жить или не входятъ; не въ моей то волѣ, церковная земля, церковное и строеніе, ктиторы о томъ лучше знаютъ!"

Но студенты, и безъ его благословенія, заняли свой прежній пріютъ, отнятый у нихъ на время просто по капризу о. Павла...

Д. Вишневскій

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Грамота ему была возвращена 16-го ноября, послѣ неоднократныхъ просьбъ объ этомъ предъ митрополитомъ и даже предъ импер. Елизаветой Петровной.

Любопытно, почему Лобко въ своемъ прошеніи митрополиту 3 августа, между прочимъ, писалъ, что „студенти зъ школи вишлы по усиловному и стращательному подъ наказаніемъ повелѣнію префекта академіи кіевскія Давида Нащинскаго, яко онъ префектъ напредъ того имѣя на меня посягательство, то все на меня велѣлъ написать прицепкою единою, а не правилнимъ дѣйствіемъ", отказавшись своевременно дать оправданіе на жалобу студентовъ.

Автобіографія священника Аполлонія Сендульскаго.

Въ октябрьской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1882 г. помѣщенъ составленный г. Ал. Тарнавскимъ некрологъ священника Волынской Епархіи о. *Аполлонія Сендульскаго*, скончавшагося 7 января 1882 г.

„О. Аполлоній Сендульскій,—такъ начинается некрологъ,—былъ въ высшей степени выдающаяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный человѣкъ, образцовый священникъ-пастырь, незаурядный дѣятель-администраторъ и *выдающійся мѣстный ученый-историкъ*.“—Переходя къ характеристикѣ литературныхъ трудовъ о. Аполлонія, посвященныхъ мѣстной исторіи, г. Тарнавскій говоритъ: „Начавъ съ исторіи села *Сивокъ* (острожск. уѣзда)—своего прихода—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“ въ 1868 г., о. Аполлоній перешелъ къ изслѣдованію сосѣднихъ мѣстностей—селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей—и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни.“—Приведши затѣмъ перечень историческихъ статей о. Аполлонія, коихъ оказывается около 40,—г. Тарнавскій говоритъ: „Но литературная дѣятельность о. Аполлонія Сендульскаго не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ велъ „Лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ то: особенныя событія и случаи, наблюденія надъ жизнію крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическія наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ же самимъ „Автобіографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати

статьи: „Мѣстечко Лабунь“ и „Мѣстечко Степань“, и многочисленная библіотека, состоящая преимущественно изъ книгъ историческаго содержанія.“

Вотъ эту-то вышеупомянутую „Автобіографію“ о. Аполлонія Сендульскаго мы и сообщаемъ теперь на страницахъ *Кіевской Старины*. Она, кромѣ характеристики личности самого о. Аполлонія, представляетъ также интересный матеріалъ для исторіи волынской духовной семинаріи, въ которой о. Аполлоній учился въ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. А это—и кстати; ибо волынская д. семинарія собирается справлять въ 1896 г. свой *столѣтній юбилей*...

Въ „Автобіографіи“ мы сдѣлали по мѣстамъ подстрочныя примѣчанія. Покойный о. Аполлоній повидимому самъ собирался ее напечатать, и такъ какъ многія личности, о коихъ онъ упоминаетъ и дѣлаетъ подчасъ рѣзкіе отзывы, были въ то время (въ 1867 г.) еще въ живыхъ, то онъ имена этихъ личностей обозначаетъ только начальными буквами. Тоже самое сдѣлалъ онъ и съ названіями мѣстностей. На сколько позволяли наши свѣдѣнія, мы раскрыли большую часть этихъ именъ.

Подлинная рукопись „автобіографіи“—(*черновая*—съ поправками и помарками) передана намъ сыномъ о. Аполлонія, кандидатомъ кіевской духовной академіи *Клавдіемъ Аполлоновичемъ Сендульскимъ*, который состоитъ теперь священникомъ въ г. Одессѣ при Петропавловской церкви. Приносимъ за это многоуважаемому о. Клавдію искреннюю благодарность.

Левъ Мацѣевичъ.

Автобіографія.

Родина моя село *Садки*, кременецкаго уѣзда. Родился я въ 1830 г. 17 октября отъ родителей священника *Дорофея* и жены его *Анастасіи*; актъ рожденія и крещенія моего записанъ въ метрическихъ книгахъ при Садковской Богословской церкви. Чрезъ полгода послѣ моего рожденія умеръ мой отецъ, и я остался сиротою. Не сознавалъ я тогда бѣдственнаго своего положенія и не замѣчалъ даже, что вокругъ меня дѣлается; я

былъ тогда въ родѣ автомата: кричалъ, смѣялся, плакалъ и больше ничего; но когда я началъ подростать, то замѣтилъ, что внѣшняя обстановка нашей жизни слишкомъ была незавидная; случалось, что семья наша нуждалась въ кускѣ насущнаго хлѣба; мать убивалась, какъ могла, горевала и трудилась, едва ли не болѣе простой поселянки; ни дня, ни ночи не имѣла покоя, всю черную работу сама исправляла и такимъ образомъ кормила всю свою семью, состоявшую, кромѣ самой матери, изъ двухъ дочерей и меня, самаго меньшаго. Я, разумѣется, какъ меньшой („*мизинокъ*"), пользовался особенною любовію у матери; всѣ сласти, все лучшее было моимъ достояніемъ; я росъ, какъ обыкновенно растутъ въ деревнѣ всѣ крестьянскія дѣти; росъ безъ радости, но и безъ горя; въ этомъ безпечномъ и безцвѣтномъ существованіи или, правильнѣе сказать, прозябаніи по цѣлымъ днямъ шалилъ, рѣзвился, игралъ съ мальчиками и въ тоже время ругалъ, бранился и даже колотилъ своихъ товарищей, если который изъ нихъ оказывался въ чемъ-нибудь неисправнымъ, или же въ чемъ-нибудь мнѣ противорѣчилъ. Говорятъ, что въ человѣкѣ съ малыхъ лѣтъ проявляются уже наклонности къ тому призванію, которое ожидаетъ его послѣ, на поприщѣ жизни. Между дѣтскими моими играми уже замѣтно было нѣчто такое, что можетъ оправдывать настоящее мое призваніе. Такъ, я, собирая къ себѣ мальчиковъ, крича во всю глотку, устроялъ погребальную церемонію, а для сего давалъ товарищамъ въ руки предлинныя хворостины въ родѣ хоругвей, а самъ изъ арбуза дѣлалъ кадильню, шелъ предъ ними впереди и пѣлъ, но что пѣлъ, теперь не помню. Такъ текло беззаботно мое дѣтство. Но вотъ показались и тучки на моемъ горизонтѣ. Едва минуло мнѣ пять лѣтъ, уже дали мнѣ въ руки книгу и начали учить. Неохотно сидѣлъ я за книгою,—сильно она мнѣ не нравилась. При томъ я никакъ не могъ понять и усвоить себѣ премудрость азбуки, а букварь вѣдь не коврижка, сразу не раскусишь. Не учился, а мучился я цѣлый годъ, пока узналъ я начертаніе и произношеніе кириллицы; но какъ пришлось до складовъ, то они просто показались мнѣ чѣмъ-то непостижимымъ; еще прошло полгода, пока я затвердилъ ихъ. Наконецъ нужно было и

читать урокъ толково или по верхамъ. Я плакалъ, сердился, проклиная всю книжную премудрость, но нечего было дѣлать. У меня было нѣсколько учителей и все дьячки, которые дѣйствовали по своему; и какъ, разумѣется, это было еще въ первой половинѣ 19-го столѣтія и они, по своимъ понятіямъ, не могли предугадывать уничтоженія и прекращенія бывшей тогда въ ходу системы розогъ,—то, послѣ всѣхъ принятыхъ противъ меня мѣръ, приступили къ розгамъ и стали меня сѣчь. Этотъ крутой поворотъ дѣла сильно подѣйствовалъ на меня, и я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ жестокостей, принялся за книги и въ непродолжительное время прошелъ букварь, часословъ и псалтырь. „Вотъ я уже грамотный, думалъ я, могу читать въ церкви и даже разбирать гражданскую печать; чего же больше нужно для меня, несчастнаго сироты, вѣдь этой премудрости довольно съ меня.“ Такъ думалъ и мой учитель дьячокъ, который уговаривалъ мою мать, чтобы она оставила меня при немъ, для того, чтобы, пріучивъ меня причетническимъ предметамъ, сдѣлать дьячкомъ; но мать на это не согласилась и настояла на томъ, что взяла меня домой. Послѣ того еще около двухъ лѣтъ я таскался по дьяческимъ профессіямъ и наконецъ поступилъ въ З. [1]) приходское училище. Хотя я былъ уже довольно приготовленъ и могъ бы поступить во 2-й классъ, но такъ какъ не было ходатайства за меня, то я принятъ былъ послѣ экзамена въ 1-й классъ. Здѣсь былъ наставникомъ И. В. Кач....ій. Его грубая и упрямая натура не обѣщала мнѣ ничего добраго. Но онъ какъ-то не обратилъ на меня своего вниманія, и цѣлый годъ я не испытывалъ его жестокости, потому-ли, что я занимался по возможности уроками, или что я былъ бѣденъ и не составлялъ для него лакомаго куска. Но какъ онъ обходился съ другими,—страшно вспомнить. Особенно онъ любилъ призывать учениковъ къ себѣ и расправлялся съ ними собственноручно. Но нужно замѣтить, что жестокость соединялась въ немъ съ какою—то неопредѣленною добротою сердца. Онъ билъ плетью, но въ тоже время подпавшихъ его

---

[1]) *Загаецкое. С. Загайцы*—кременецкаго уѣзда, въ 42 в. къ юго-вост. отъ Кременца. Тамъ—мужской заштатный монастырь и при немъ—училище. Монастырь извѣстенъ подъ именемъ *Загаецкаго Іоанна Милостиваго.* Основ. ок. 1636 г.

жестокости поилъ чаемъ, награждалъ разными сластями и даже давалъ деньги. Чрезъ годъ онъ выбылъ, а поступилъ И. М. Мос—ій. Это былъ отчасти добрый человѣкъ, и объясненія его по краткой священной исторіи памятны мнѣ и до сего дня; въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ во 2-й классъ. Тутъ былъ наставникомъ смотритель училища и казначей Загаецкаго монастыря іеромонахъ *Сергій.* Онъ обходился съ учениками, какъ отецъ съ дѣтьми; онъ первый заставлялъ насъ думать и разсуждать, предлагая ученикамъ различные вопросы, сообразные съ ихъ понятіями, объясняя просто, и такимъ образомъ развивалъ наши понятія. Если бы въ теченіе училищной жизни встрѣтилось намъ побольше такихъ наставниковъ, то изъ насъ вышло бы что-нибудь путное; но это былъ первый и послѣдній наставникъ въ этомъ родѣ. Много объясненій его я записывалъ и долго сохранялъ въ памяти. Кромѣ того, онъ имѣлъ обыкновеніе давать лучшимъ ученикамъ книги для чтенія, и я, будучи въ числѣ лучшихъ по успѣхамъ, постоянно бралъ у него книги различнаго содержанія; много въ то время я читалъ, хотя и не понималъ всего; тогда же прочиталъ я всѣ Четьи-Минеи, Прологъ, Патерикъ печерскій и друг. Многое изъ прочитаннаго я усвоилъ, а многое и осталось безъ вниманія. Послѣ двухлѣтняго курса во 2-мъ классѣ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я поступилъ въ Кр. [1]) уѣздное училище, въ концѣ разрядныхъ списковъ. И вотъ я очутился въ уѣздномъ городѣ К. [2]). Тутъ сперва опишу я матеріальную сторону моего быта на новомъ мѣстопребываніи, а потомъ скажу и объ училищной обстановкѣ. Городъ не то, что село. На селѣ во что ни одѣнешься, никто не обратитъ на тебя вниманія, развѣ товарищъ—отцовскій сынъ, баловень счастья, иногда посмѣется, подтрунитъ надъ твоею одеждою и тѣмъ конецъ;—но въ городѣ другое дѣло. Послѣ каникулярнаго времени явился я съ обновой въ г. К.; на мнѣ была неопредѣленнаго фасона одежда изъ пестрядины—простого холста, окрашеннаго олейною краскою.

---

[1]) Кременецкое.

[2]) Кременецъ.

Бурсы при училищѣ тогда не было, а казенокоштные ученики помѣщались въ Базильянскомъ корпусѣ, отстоящемъ отъ училища почти на версту. Въ этой неопредѣленнаго фасона одежѣ я щеголялъ въ классъ чрезъ главную улицу. Евреи часто оточали[1]) меня, ощупывали мою одежду и съ саркастическимъ смѣхомъ или отходили отъ меня, или спрашивали съ злой ироніей: „почéму то сукно". Я, разумѣется отплачивалъ имъ доброю монетою.—На квартирѣ намъ было хорошо; давали кушать порядочно и вдоволь, но нечистота была страшная и невообразимая. Послѣ сентябрьской трети сформировалась уже бурса при училищѣ, и всѣ казенокоштные ученики перешли туда. Тутъ начинается уже крайняя бѣда. Экономомъ былъ смотритель училища, который кормилъ насъ, какъ ему заблагоразсудилось. Правда, ничтожная сумма (16 р.) тогда отпускалась на бурсака, но нужно же было изъ этой крохи хоть что-нибудь удѣлить себѣ, и онъ удѣлялъ, а дабы не отягощать нашихъ маленькихъ желудковъ и тѣмъ не забивать способностей, онъ выдавалъ намъ по толикой малой порціи, что многіе начали хворать и упадать въ силахъ; кромѣ того, каша, или правильнѣе кулишъ, давалась намъ всегда синяя, отчего скоро открылась горячка у бурсаковъ, и многіе поплатились жизнью за эту кащицу. Но никто и не пикнулъ противъ этого! Мы молчали и терпѣли. Такова была и моя бурсацкая жизнь. И я тремя седмицами отдѣлался отъ бѣлой горячки, отъ которой и волоса не осталось на головѣ. Такой кормъ продолжался чрезъ 3-й и 4-й классы уѣздныхъ училищъ. И не смотря на то, что въ желудкѣ, какъ въ пустомъ, постоянно бурчало, въ классѣ находили мы пытку не лучше этой. Наставникомъ латинскаго языка въ 3-мъ классѣ былъ В. С—ій, человѣк крутаго и энергическаго характера; будучи строгъ и взыскателенъ за незнаніе уроковъ, онъ расправлялся съ мальчиками тирански — всегда на скамейкѣ, что тогда мы называли „тянуты на кобылу" какъ обыкновенно здѣсь называютъ эшафотъ. Кромѣ этого безчеловѣчнаго наказанія, или сѣченія розгами на скамейкѣ, всѣ незнающіе уроковъ должны были стоять на колѣняхъ. Бла-

---

[1]) Т. е. окружали.

годаря обстоятельствамъ, я никогда не подвергался эшафоту. Но сердце замирало, когда происходила расправа съ другими. Какъ теперь помню его слова: „а-ты каналья, не хочешь учиться, взять его на скамейку“. Бѣдный грѣшникъ кричалъ, вопилъ, молилъ, но не было ему пощады. Тотчасъ подходили къ нему четыре экзекутора, брали его за голову, руки и ноги и безцеремонно растягивали его на эшафотѣ; между тѣмъ главный экзекуторъ безпощадно стегалъ его. Крикъ этихъ присужденныхъ къ таковому наказанію далеко слышенъ былъ въ городѣ. Тогда, разумѣется, никто изъ насъ, и особенно успѣвавшихъ, не задавался вопросомъ: что заставляло насъ учиться; но теперь можно дать на это положительный отвѣтъ, что мы учились не изъ любви къ наукамъ, не по охотѣ, которую отнялъ у насъ этотъ терроризмъ, а единственно изъ страха, чтобы избѣжать страшныхъ пытокъ. Про себя я долженъ то самое сказать. Хотя я занимался по возможности предметомъ этого наставника, такъ что скоро обратилъ на себя его вниманіе,—однако шелъ въ классъ постоянно съ какимъ-то смущеніемъ и боязнію. Предъ экзаменомъ въ первой трети онъ поставилъ меня въ 1-мъ разрядѣ и въ генварьской трети назначилъ меня *авдиторомъ*, что особенно польстило моему самолюбію. Наставникомъ греческаго языка былъ О. Ол—ій, человѣкъ мягкаго характера и черезчуръ уже добраго сердца; онъ не любилъ розогъ и даже долгое время не заводилъ по своему предмету *нотатокъ* [1]). Нужно замѣтить, что онъ былъ перваго академическаго курса и уволенъ по болѣзни. Тотъ также воспроизвелъ меня въ авдиторы, и моя бурсацкая жизнь съ этой поры значительно улучшилась; имѣя подъ своимъ присмотромъ до 10 учениковъ, и то большею частью своекоштныхъ, я уже не голодалъ. Утромъ приносили мнѣ булки, а послѣ обѣда мясное и даже рыбное. За эти посулы я долженъ былъ волею-неволею кривить душой и незнающихъ уроковъ записывать знающими. Въ сохранившихся у меня до сихъ поръ нотаткахъ постоянно значатся отмѣтки: *scit*, хотя

---

[1]) *Нотатками* назывались листы, въ коихъ *авдиторы* отмѣчали ввѣренныхъ имъ учениковъ *знающими* или *не знающими* урокъ. Л. М.

правду сказать, мои кліенты были чрезвычайно лѣнивый народъ. Если который-нибудь изъ нихъ уже самъ приходилъ ко мнѣ съ видомъ чрезвычайно униженнымъ и покорнымъ и, поклонившись своеобразно, объявлялъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ урока, то и тогда отмѣчалъ его я только *errandum* (sic) [1]), но такихъ отмѣтокъ очень мало, потому что не всякій сознается въ своемъ незнаніи. Въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ въ высшее отдѣленіе уѣздныхъ училищъ. Здѣсь, кромѣ обязанности авдитора, на меня возложена была еще должность старшаго квартиры. Эти двѣ обязанности чрезвычайно трудны къ добросовѣстному ихъ исполненію. Здѣсь по истинѣ нужно быть хитрымъ яко змій и цѣлымъ яко голубь. Ибо если станешь дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ дѣло и требуетъ того справедливость, то наживешь себѣ враговъ сoквартирантовъ, если же на все будешь смотрѣть сквозь пальцы и пропускать разныя продѣлки учениковъ мимо ушей, то попадешь въ немилость начальниковъ. Что тутъ дѣлать? Я держался средины,—не былъ слишкомъ взыскателенъ, но не давалъ никому и поблажки, а посему я былъ на хорошемъ счету у начальства и пользовался любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ. Смотритель училища *П. В—ій* [2]) былъ вмѣстѣ и наставникомъ латинскаго языка. Это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые рѣдко являются и являются какъ бы для того, чтобы дать почувствовать другимъ, что они не напрасно занимаютъ такія мѣста. Грозный, суровый и вспыльчивый, впрочемъ моментально, онъ не любилъ прощать за малѣйшія уклоненія отъ его могучей воли, которая для всѣхъ была закономъ. Его не только боялись ученики, но даже и наставники. Величественная его осанка, грозный видъ и густой басъ въ его разговорной рѣчи заставляли каждаго ученика трепетать, а при гнѣвѣ его и при словѣ: „что-о-о!", каждый какъ бы исчезалъ предъ нимъ, словно былинка предъ ураганомъ. Онъ никогда почти не смѣялся. Помнится, что одинъ только разъ въ теченіе цѣлаго курса засмѣялся въ классѣ, и мы не знали,

---

[1]) Писали обыкновенно *err.* т. е. *erravit*—ошибался. Л. М.

[2]) *Павелъ Максимовичъ Винницкій.*

какой счастливой звѣздѣ приписать это необыкновенное явленіе. Впрочемъ, онъ не былъ жестокъ; правда, бывали минуты, когда онъ безъ милосердія и безъ пощады сѣкъ розгами руками солдатъ-служителей, но это очень рѣдко случалось. Помню, что и я однажды попался было подъ его гнѣвъ за неправильную записку въ нотаткѣ одного ввѣреннаго мнѣ ученика. Ученикъ этотъ былъ достаточнаго отца, но къ несчастью тупъ и лѣнивъ до чрезвычайности. Онъ оставался на повторительномъ курсѣ въ этомъ классѣ. А какъ всегда оказывается уваженіе такимъ ученикамъ, то и я, хотя онъ былъ въ моей нотаткѣ, уважалъ его и не смѣлъ спрашивать его о знаніи уроковъ. Кромѣ того, онъ часто подносилъ мнѣ въ подарокъ то жилетъ, то платочекъ и т. п. Искушеніе было сверхъ силъ моихъ; онъ богатъ, а я бѣденъ, онъ можетъ быть избыточествовалъ, а я нуждался и нуждался въ самомъ необходимомъ. Ибо тогда казеннокоштные ученики, кромѣ стола и квартиры, больше ничѣмъ не пользовались отъ казны, вѣроятно, какъ мнѣ кажется, по милости эконома. И вотъ я не могъ устоять противъ такого искушенія и предлагаемое бралъ. За это онъ даже значился въ моей нотаткѣ: *scit*. Но какъ говорится: не всегда коту масляница, а придетъ для него и постъ,—такъ и для меня. У насъ проходили латинскую фразеологію, которой лекціи были по вторникамъ. Въ одинъ изъ несчастныхъ этихъ дней П. В—ій приходитъ въ классъ и первымъ спрашиваетъ его: „N-то, скажи урокъ". Ёкнуло сердце, но думаю себѣ: „съ начала вѣроятно приготовился, а потому и отвѣтъ будетъ удачнымъ". Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что онъ и читать по латыни не умѣетъ. Ну, попался я въ ловушку, но нечего было дѣлать. На силу какъ то онъ прочиталъ одну фразу, переводъ же былъ хорошъ, но какъ пришло до разбора словъ, онъ рѣшительно не зналъ толку въ немъ. Провозившись съ нимъ болѣе четверти часа, спрашиваетъ: „кто его слушалъ?" Я поднялся съ мѣста. „Какъ онъ записанъ знающимъ? Да онъ ничего не смыслитъ. Ступай къ порогу". Онъ всегда выражался лаконически, говорить много онъ не любилъ. Этотъ лаконизмъ потрясъ все мое существо. Просить у него милости и пощады было бы напрасно.

Я покорился необходимости.—Инспекторомъ и вмѣстѣ наставникомъ греческаго языка былъ М. Л—кій, человѣкъ холерическаго темперамента, высокаго роста и имѣвшій претензіи казаться строгимъ и грознымъ, на самомъ дѣлѣ онъ былъ добрый человѣкъ, не любилъ часто употреблять розогъ и велъ себя, какъ слѣдуетъ наставнику. По выбытіи его въ Епархіальное вѣдомство, на мѣсто его поступилъ къ намъ *І. Кар—ій*; это былъ грозный бичъ, карающій всѣхъ и за все, даже за такія мелочи, на которыя иной бы и не посмотрѣлъ. Приходилъ онъ въ классъ всегда съ какимъ-то азартомъ и непонятнымъ настроеніемъ духа, ясно выражавшимся въ его одутловатомъ и красномъ лицѣ, въ его нервной походкѣ и въ помутившихся глазахъ. Чтобы придраться къ кому нибудь, онъ обыкновенно бросалъ свой взглядъ на учениковъ, какъ котъ, ища добычи, и лишь замѣчалъ кого смѣющимся, тотчасъ подходилъ, гнѣвно спрашивалъ его: „чему смѣешься—ступай подъ розгу", и начиналась экзекуція, строгая, безпримѣрная и безпощадная; по 60 и болѣе розогъ отсчитывалъ онъ ученикамъ ни за что, ни про что. Мы не могли тогда понять его жестокости; но послѣ объяснилось. Онъ любилъ выпить себѣ порядочно и, когда въ пьяномъ видѣ являлся въ классъ, то ему казалось, что съ него всѣ смѣются, а потому онъ особенно не любилъ смѣющихся и производилъ съ ними страшную расправу. Но не смотря на его жестокость, я пользовался у него большою милостью и никогда не подвергался его наказаніямъ.

По окончаніи экзаменовъ въ концѣ курса, я переведенъ былъ въ первомъ разрядѣ въ Семинарію. Такъ прошла моя училищная жизнь. Много въ это время натерпѣлся я голода и холода, много испыталъ непріятностей и отъ наставниковъ, которые обходились тогда съ учениками, какъ съ безсловесными животными, и отъ своихъ сотоварищей, особенно отъ тѣхъ, предъ которыми я былъ не что иное, какъ пигмей предъ великанами; тѣ иногда безцеремонно поступали съ сотоварищами, меньшими по возрасту, драли за волосы и били куда попало кулаками. Кромѣ этихъ голіаѳовъ, случалось еще терпѣть отъ другихъ товарищей, такъ называемыхъ *насмѣшниковъ*, которые своею

изобрѣтательностью, въ прозвищахъ и своими колкостями доводили иногда до слезъ. При семъ нельзя не замѣтить, что въ наше время каждый ученикъ кромѣ собственнаго своего прозванія имѣлъ непремѣнно еще и школьное; и часто вмѣсто собственнаго прозванія окликали учениковъ и школьными, и человѣкъ по неволѣ свыкался съ этими прозвищами, съ каковыми многіе переходять въ Семинарію и даже оканчиваютъ курсъ семинарскаго образованія.

Итакъ, я семинаристъ. Все пройденное было забыто, о будущемъ не думалъ, а настоящее представлялось въ очаровательномъ видѣ. Въ корпусѣ, гдѣ помѣщались казенные воспитанники, было чисто, опрятно, пища давалась гораздо лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ училищѣ. Кромѣ того, здѣсь было свободнѣе и вольнѣе; ботаническій садъ былъ открытъ для учениковъ, куда собирались учиться и гулять. Въ классѣ уже не было того террора, не слышно было криковъ и ругательствъ, а потому появилась у насъ охота къ ученью и какая-то любознательность. Шелъ каждый въ классъ непринужденно, безъ всякаго страха и опасенія, зная, что тутъ нѣтъ болѣе стеганій. По словесности у насъ былъ наставникомъ *Н. А—чъ*[1]) человѣкъ добродушный, характера спокойнаго и хорошо знавшій свой предметъ и умѣвшій передать его другимъ. Его обращеніе съ учениками было очень вѣжливо; онъ говорилъ всегда: вы. Послѣ грубаго и звѣрскаго обращенія училищныхъ наставниковъ съ учениками это было для насъ черезчуръ пріятно и даже льстило нашему семинарскому самолюбію. Послѣ объясненій, дававшихъ понятіе о риторикѣ и занявшихъ времени болѣе двухъ мѣсяцевъ, наконецъ приступили мы къ упражненію въ сочиненіи періодовъ различныхъ формъ и наименованій. Сначала показалось довольно трудно состряпать какой - нибудь періодъ

---

[1]) *Николай Григорьевичъ Александровичъ*, магистръ Московск. Дух. Академіи выпуска 1844 г.—Въ послѣдствіи онъ перешелъ на службу въ вѣдомство Министерства Нар. Пр., былъ учителемъ Нѣжинской гимназіи и, наконецъ, директоромъ 3-й Кіевской гимназіи. Въ настоящее время живетъ въ отставкѣ въ Одессѣ—съ 1882 г.—Мы показывали почтенному Николаю Григорьевичу этотъ отзывъ о немъ его ученика... Лучшей награды не можетъ быть для учителя, какъ подобные, чрезъ много, много лѣтъ, отзывы учениковъ!... Л. М.

уступительный или условный, или сравнительный и пр., но послѣ трудность эта прошла, и человѣкъ, незамѣтно свыкался съ различнаго рода сочиненіями и писалъ отчасти удачно.—Гражданская Исторія сильно мнѣ понравилась и очень заинтересовала. Учебникомъ въ семинаріи былъ тогда еще Шреккъ, но онъ только считался, а на самомъ дѣлѣ мы учили исторію по запискамъ хорошаго изложенія и удовлетворявшую нашей любознательности. Преподавателемъ оной былъ священникъ *I. Кр—скій* [1]) изъ возсоединенныхъ уніатовъ и ходившій даже съ начала въ классъ въ римской сутанкѣ уніатскаго кроя съ бритой бородой и имѣвшій волосы подстриженные въ кружокъ. При первомъ приходѣ его въ классъ, мы, не ожидавшіе подобнаго явленія, подумали, что это ксензъ, и подняли его на смѣхъ; онъ сконфузился и скоро, правда, отростилъ волосы и бороду и одѣлся въ рясу.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1-мъ классѣ Риторики былъ наставникомъ *Ѳ. Ко....кій* [2]); человѣкъ неспокойнаго характера, взыскательный до мелочей и зараженный обскурантизмомъ; онъ вздумалъ завесть въ Риторикѣ нотатки и сдѣлалъ предложеніе въ Семинарское Правленіе, которое и хватилось за эту благую мысль. Цѣлую сентябрьскую треть была возня изъ-за нотатокъ, многіе даже и пострадали, но ученики отстояли свои права, видно понимая лучше прогрессъ, чѣмъ тогдашніе семинарскіе наставники и начальники, которые предположили возвратиться къ временамъ своего воспитанія въ семинаріи. На слѣдующій курсъ, говорятъ, опять была попытка завесть нотатки, но и это не удалось.—Кромѣ этого щекотливаго обстоятельства, все время въ Риторикѣ прошло благополучно, тихо, спокойно; иногда только помощникъ инспектора *И. С....нъ* [3]), личность, не слишкомъ пре-

---

[1]) *Іаковъ Ивановичъ Крашеновскій*, воспитанникъ С.-Петерб. Дух. Академіи вып. 1837 г.

[2]) Ѳедоръ Ермолаевичъ *Козелецкій.*

[3]) *Иванъ Семен. Славинъ*, воспитан. Московск. Д. Академіи—вып. 1844 г., родомъ изъ волынск. г., имѣлъ фамилію *Бубаловичъ* и въ академіи перемѣнилъ ее на *Славинъ*

зентабельная и притомъ несдержаннаго характера, любилъ прикрикнуть и, отворивши классъ до прихода наставника, спрашивать: „цензоръ, кто шумитъ, кто рычитъ?“ и какъ въ Риторикѣ было съ полтораста человѣкъ, то, разумѣется, нельзя было положительно и отвѣчать на заданныя темы—помощника инспектора, который для поддержанія своего авторитета грозилъ цензору и голоднымъ столомъ во время обѣда казеннокоштныхъ учениковъ въ семинаріи, и колѣностояніемъ. Всѣ эти угрозы я испытывалъ самъ на себѣ, такъ какъ я былъ въ Риторикѣ класснымъ цензоромъ или журналистомъ; впрочемъ, эти угрозы никогда не приводились въ исполненіе. По окончаніи курса въ Риторикѣ я въ числѣ первыхъ учениковъ перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи, или, какъ обыкновенно называютъ, въ *Философію*. „Гм—Философія; объ чемъ же,—я думалъ,—будетъ она трактовать? Названіе высокопарное—Философія.... Какой же ея предметъ, какое содержаніе?“ Походивши нѣсколько времени въ классъ, я узналъ изъ объясненій наставника, что будемъ проходить сперва логику, а потомъ психологію и то, разумѣется, въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ эту науку предполагалось пройти въ теченіе одного года, а на другой годъ назначалась патристика. Что же такое есть логика? Логика есть наука, излагающая правила мышленія или лучше и проще сказать—научаетъ мыслить. Значитъ, я подумалъ себѣ, кто не училъ логики, тотъ не умѣетъ мыслить, думать и разсуждать. Какъ же это нашъ простолюдинъ мыслитъ, когда онъ не училъ логики, какъ же мыслитъ большая половина рода человѣческаго, не зная даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ Логика? На эти вопросы я рѣшительно не могъ отвѣчать себѣ. Наставникомъ логики былъ у насъ протоіерей *Д. К.....ій* [1]), человѣкъ, глубоко постигшій правила и законы мышленія. Онъ ихъ зналъ, какъ пять своихъ пальцевъ, но по сокращенному времени не могъ ихъ обстоятельно преподать. Вся его логика состояла почти изъ примѣчаній, которыхъ не обязательно было учить, а только замѣтить, но такъ, чтобы отъ слова до слова вызубрить ихъ. Дальнѣйшія

---

[1]) Даніилъ Григорьевичъ *Клюковскій*.

объясненія этого наставника дѣйствительно показали, что логика учитъ мыслить. Тутъ мы узнали законы мышленія и какъ онѣ называются, категоріи, которыхъ считалось до 10, идеи, силлогизмы, софизмы и пр. и пр. и пр. А объясненія этого наставника сразу показались намъ просто непостижимыми. То и дѣло, что слышалось въ классѣ: субъективный, объективный, идеальный, реальный, сенсибильный, трансиндентальный. Думаю, что за чушь такая; откуда набралось въ русскомъ языкѣ такихъ терминовъ, вѣроятно это китайщина; а нужно замѣтить, что какъ я, такъ и прочіе мои товарищи, не очень сильны были въ латинскомъ языкѣ. По окончаніи курса логики я захотѣлъ себя испытать, на сколько она научила меня мыслить, и оказалось, что она очень незначительное вліяніе имѣла на мою естественную логику, исключая, можетъ быть, того, что я освоился съ нѣкоторыми философскими терминами, дабы при случаѣ щегольнуть ими, хотя и не кстати, предъ личностями, нисколько не почерпнувшими философской мудрости. Психологію я изучалъ съ охотою и прилежаніемъ, такъ какъ она болѣе давала пищи нашей любознательности, чѣмъ сухой и отвлеченный предметъ логики. Прочія науки также были изучаемы мною аккуратно, кромѣ физики, которою въ наше время никто не занимался, а также естественной исторіи, которая стояла всегда у насъ на заднемъ планѣ. Но почему мы не занимались этими двумя науками, положительно нельзя отвѣтить на это. Правда, что записки по естественной исторіи у насъ были очень рѣдки—кажется одинъ только экземпляръ на цѣлый классъ, а переписывать было почти невозможно, такъ какъ у насъ всѣ предметы, кромѣ библейской исторіи были въ запискахъ; не имѣя же записокъ, не было и охоты заниматься естественной исторіей. Весь философскій классъ прошелъ безъ всякихъ приключеній, какъ для меня, такъ и вообще для цѣлаго класса. Ничего необыкновеннаго не случилось. Нужно замѣтить, что тогда всѣ наставники всѣхъ классовъ семинаріи требовали буквальнаго заучиванія лекцій, что чрезвычайно вредно вліяло на нашъ ходъ образованія. Привыкши къ буквѣ, мы придерживались книгъ или записокъ съ математическою точностью и за предѣлы оной не смѣли высту-

пить, зная, что за это будутъ пенять насъ; отъ того наши понятія нисколько не развивались, а разсудокъ былъ въ совершенномъ застоѣ и бездѣйствіи. Мы не учились, а мучились.—Но вотъ я и въ богословскомъ классѣ. Слѣдовало бы еще упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ при переходѣ моемъ изъ философіи въ богословію, но не хочется приподнимать завѣсы былого времени и выставлять личности, въ родѣ *А. П. Д—го*, не въ очень для него свѣтломъ видѣ. Будучи хитрымъ и лукавымъ, онъ былъ придирчивъ до невозможности и мстителенъ; это—искатель приключеній; не проходило дня, чтобы онъ не имѣлъ съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи столкновенія, то и дѣло, что постоянныя расправы, которыя переходили въ дальнѣйшую инстанцію, т. е. повергались на благоусмотрѣніе инспектора семинаріи, а иногда восходили посредствомъ докладныхъ записокъ и въ правленіе семинаріи. Замѣчанія, выговоры, разныхъ родовъ наказанія слѣдовали вслѣдствіе его ябедническихъ представленій. Вообще нужно сказать, что эта личность была довольно мрачная для семинаріи. Онъ оставилъ на долго память о себѣ. Но Богъ съ нимъ. То было время, а нынѣ другое. Правда, пріятно вспоминать о добрыхъ наставникахъ и начальникахъ, они печатлѣются глубоко въ сердцѣ и никогда не изгладятся изъ памяти признательныхъ и благодарныхъ питомцевъ. Но одна мысль о звѣронравномъ и придирчивомъ начальникѣ производитъ непріятное впечатлѣніе въ человѣкѣ и сотрясаетъ весь организмъ, какъ бы отъ электрическаго тока. Богословскій классъ остался надолго памятнымъ для меня по многимъ причинамъ. Но раскрывать оныя считаю лишнимъ и даже безполезнымъ, потому что это не составитъ интереса для читателя; скажу только, что хотя здѣсь человѣкъ почувствовалъ больше вольности и пользовался сводобою неограниченною, но мало пріобрѣлъ пользы для ума. По причинѣ требованія буквальнаго изученія лекцій особенно наставниками по богословскимъ предметамъ, этотъ классъ былъ для насъ чрезвычайно тяжелымъ и очень скучнымъ; кромѣ того, этотъ наставникъ и не умѣлъ даже обстоятельно преподать намъ того, что нужно было. Тогда всѣ пять частей богословіи: догматической, прав-

ственной, гомилетической, пастырской и полемической принадлежали одному наставнику, которымъ былъ въ наше время пропротоіерей *В. Р—въ,* а въ монашествѣ іер. *Е.*[1]); онъ не владѣлъ даромъ слова, объяснялъ лекціи очень вяло и такъ неудовлетворительно, что мы рѣшительно изъ его объясненій не извлекли для себя пользы. Притомъ не умѣлъ распоряжаться и лекціями. Такъ одно догматическое богословіе шло часто чрезъ сентябрьскую и генварьскую трети и то недалѣе какъ до „благодати", а въ майской нужно было окончить, повторить, а также пройти пастырское, гомилетическое и обличительное богословіе, что, разумѣется, очень было обременительно для учениковъ, а особенно когда отвѣчать требовалось буквально отъ слова до слова, почему самъ наставникъ слѣдилъ пальцемъ по книгѣ или запискѣ и въ случаѣ опущенія „и" замѣчалъ; „что ты дѣлаешь опущенія, вѣдь это не твоей головы люди написали это"—и за это ставилъ отмѣтку 2 и даже 3[2]). Жутко было намъ,—но что же дѣлать; нужно было нести это ярмо. Этотъ наставнихъ былъ вмѣстѣ и инспекторомъ семинаріи. Имѣя слабость слушать доносы на учениковъ, онъ часто преслѣдовалъ и невинныхъ. Но правду сказать, онъ хотя былъ строгъ и вспыльчивъ, но существеннаго зла онъ мало сдѣлалъ ученикакъ; онъ не любилъ *трубокуровъ* и даже запискою очень часто представлялъ таковыхъ, когда ему случалось поймать, въ семинарское правленіе. Помнится, что семинарское правленіе однажды докладывало преосвященному, вслѣдствіе представленія инспектора, объ одномъ ученикѣ богословіи, который якобы такъ пристрастился къ трубкѣ, что два и три раза въ день курилъ. Также, нужно замѣтить, что этотъ инспекторъ не подвергалъ жестокимъ наказаніямъ учениковъ и былъ очень справедливъ. Часто возникали у него споры съ ректоромъ семинаріи касательно пищи и одежды казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которыхъ иногда безсовѣстно обижали. Эти споры, хотя, казалось, были тайною для учениковъ,

---

[1]) *Василій Рязановъ,* въ монаш. іеромонахъ *Ефремъ*—впосл. епископъ курскій, и затѣмъ пермскій. Скончал. на покоѣ въ 1893 г.

[2]) Цифры 3 была въ старину наихудшей отмѣткой, а наилучшей была 1.—Л. М.

но она не могла укрыться отъ нихъ, а потому каждый изъ насъ болѣе или менѣе зналъ объ этихъ размолвкахъ между семинарскимъ начальствомъ и въ душѣ радовался тому, ибо зналъ, что отъ этого могутъ произойти для насъ—бурсаковъ улучшенія, какъ по гастрономической части, такъ и по другимъ.—Всѣ предметы въ богословскомъ классѣ изучались мною аккуратно, кромѣ медицины и сельскаго хозяйства. Медицину преподавалъ у насъ докторъ семинарской больницы *О. К—вскій* [1]) полякъ, не умѣвшій даже правильно объясняться по русски: руководствомъ же была книжка, изданная профессоромъ медицины Хотовицкимъ, очень краткая и мало полезная, потому что изъ ней никогда нельзя было научиться леченію даже самыхъ обыкновенныхъ болѣзней. Докторъ К—кій былъ замѣчательная личность, о которой нельзя пройти молчаніемъ. Будучи высокаго роста, немного сгорбленный, онъ имѣлъ какую-то особенную своебразную походку, закидывая ногу за ногу, какъ бы думалъ падать Онъ страдалъ чахоткою, часто кашлялъ и говорилъ какимъ-то плачевнымъ голосомъ. Не говоря объ его объясненіяхъ, которыя не имѣли не только логики, но и грамматики, замѣчу только о томъ, какъ онъ спрашивалъ лекціи учениковъ. Онъ не задавалъ вопроса, а только говорилъ: ну какъ тамъ—„поелику", „не смотря на то", или „хотя", „ибо", т. е. напоминалъ какъ начинается параграфъ; подобные вопросы возбуждали смѣхъ, и мы, пока не свыклись, смѣялись вдоволь. Конечно, нельзя было требовать отъ него того, чего требовалось отъ другихъ наставниковъ. Если же случалось, что онъ замѣчалъ кого-нибудь въ классѣ или смѣющимся, или производящимъ шумъ, и разумѣется неоднократно, то онъ при составленіи списковъ, которые всегда писались ему кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи, велѣлъ всегда ставить его на виду: вотъ здѣсь, т. е. первымъ ученикомъ, говорилъ онъ составителю списковъ, поставь его, чтобы тотчасъ увидѣли его и исключили. Предъ окончаніемъ курса экзаменъ производилъ въ Богословскомъ классѣ Высокопреосвященный

---

[1]) *Осипъ Корженевскій.*

А—ній [1]) архіепископъ волынскій, на которомъ я удостоился отвѣчать два раза изъ догматическаго богословія и церковной археологіи и выпущенъ въ епархіальное вѣдомство съ аттестатомъ 1-го разряда. Съ окончаніемъ курса я очутился вольнымъ, какъ птичка, выпущенная изъ клѣтки послѣ долговременнаго ея заключенія. Все пройденное училищное время мерещилось, какъ во снѣ, и представлялось какъ бы какой мечтой. Такъ въ счастіи скоро забываются перенесенныя человѣкомъ бѣдствія, и только смутное иногда воспоминаніе навѣваетъ тоску. При досугѣ иногда повѣрялъ я свои знанія, но онѣ казались верхушками, сорванными какъ бы мимоходомъ изъ пройденныхъ предметовъ, а главнаго, существеннаго, что заставляли такъ зубрить, чѣмъ набивали нашу память—ничего не осталось, все вылетѣло изъ головы. Нужно было опять приняться за книги. Но тогда было не до книгъ. Нужно было избрать родъ жизни, пріискать себѣ невѣсту и приходъ, и вотъ въ этомъ занятіи прошелъ цѣлый круглый годъ. Наконецъ милостью начальства я получилъ приходъ, а по благословенью Божію нашелъ и невѣсту, съ которою бракосочетался 5-го сентября 1854 года, каковой актъ записанъ при Николаевской церкви въ селѣ Сумовцахъ, острожскаго уѣзда. 29 сентября того же года рукоположенъ во священника Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, бывшимъ архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ, управлявшимъ волынской епархіей, а 17 октября вступилъ въ пастырскую должность приходскаго священника с. С. [2]).

Трудно мнѣ было свыкнуться съ тою мыслью, что я нахожусь уже не на школьной скамейкѣ и не предъ лицемъ взыскательнаго наставника, а состою самъ руководителемъ, наставникомъ и пастыремъ словесной паствы. Нужно было серіозно подумать объ этой высокой и вмѣстѣ важной обязанности и о томъ страшномъ отчетѣ, который потребуется отъ меня за нерадивое и небрежное исполненіе о прохожденіи этой обязан-

---

[1]) *Арсеній*, впослѣдств. митрополитъ кіевскій.

[2]) Села *Сивокъ*, острож. у., гдѣ авторъ и былъ священникомъ до конца жизни.

ности. Паству свою я засталъ въ очень незавидномъ положеніи; нравственно-религіозная жизнь моихъ пасомыхъ представляла довольно мрачную картину. И такъ нужно было освѣтить этотъ мракъ, навѣянный на нихъ вѣковымъ рабствомъ и тлетворнымъ дыханіемъ запада, въ то время, когда сей край совращенъ былъ въ унію, которая продолжалась почти столѣтіе и которая всѣ хорошіе задатки религіозно-нравственные растлила и подавила на долго.

Я, помня слова Апостола: „настой благовременнѣ—безвременнѣ, запрети, обличи, умоли", принялся за дѣло энергически и, призвавъ на помощь всѣ силы ума, воли и сердца, съ Божіимъ благословеніемъ рѣшился объяснить своимъ прихожанамъ все ихъ жалкое положеніе, въ какомъ они находятся касательно главнѣйшихъ и важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей и касательно спасенія своей души, которое они всегда ставили на задній планъ. Такъ какъ почти всѣ не умѣли правильно сотворить на себѣ крестнаго знаменія, а очень многіе чрезвычайно коверкали и уродовали слова общеупотребительныхъ молитвъ, или дѣлали ненужныя и лишнія прибавленія, затемнявшія смыслъ и даже проявлявшія ересь, то я прежде всего и обратилъ на это свое вниманіе. Разумѣется, всѣ эти прибавки и коверканья были плодомъ невѣжества, а не злонамѣренности, но ихъ все таки нужно было уничтожить. Долго я имъ объяснялъ и толковалъ о тѣхъ неправильностяхъ и лишнихъ прибавленіяхъ, которыя оказывались въ ихъ молитвахъ; сперва многіе обижались, когда я замѣчалъ имъ, что они не умѣютъ креститься и молиться, другіе какъ-то недовѣрчиво и съ негодованіемъ встрѣчали мои наставленія, но я не ослабѣвалъ, не падалъ духомъ, а продолжалъ начатое. Правда, горькое и безотрадное положеніе моихъ прихожанъ въ ихъ обыденной жизни во время крѣпостного права было сильнымъ препятствіемъ на пути моей пастырской дѣятельности. Они, указывая на свою злосчастную долю, которая дѣйствительно могла расположить ихъ къ равнодушію, холодности и къ безсознательности къ религіознымъ предметамъ, прямо отговаривались невозможностью и неимѣніемъ времени исполнять въ точности всѣ христіанскія обязанности, и

что среди такихъ невзгодъ жизни они забыли даже и молиться Богу. Я ихъ утѣшалъ надеждою на Бога, что рано или поздно кончится ихъ страдальчество и что ихъ ожидаетъ новое счастье, заря котораго уже занялась, а между тѣмъ настаивалъ, чтобы они безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній принимали мои наставленія и, познавъ свои грубыя ошибки, довѣрялись мнѣ и осуществляли на дѣлѣ то, что я имъ говорилъ и чему училъ. Для успѣшнѣйшаго достиженія своей цѣли я въ 1656 г. завелъ школу для мальчиковъ, куда собравъ молодыхъ парней отъ 18 до 30 л., училъ ихъ грамотѣ и излагалъ имъ важнѣйшія и необходимѣйшія истины нашей христіанской религіи въ дѣлѣ нашего вѣчнаго спасенія. Но вѣковѣчные враги нашего простого народа всегда стараются ставить преграду нашимъ благимъ желаніямъ и намѣреніямъ. Помѣщица села С., узнавъ о моихъ благотворныхъ дѣйствіяхъ для прихожанъ, ужаснулась и велѣла тотчасъ разогнать и мальчиковъ и взрослыхъ парней изъ школы, присовокупивъ, что, если всѣ будутъ грамотны, то некому будетъ пасти у нея свиней. Такъ какъ въ это время вліяніе этого элемента было сильно и могущественно и оно по своему произволу и капризамъ даже ворочало правосл. приходами и перемѣняло священниковъ, лишало ихъ приходовъ по наговорамъ и ябедническимъ доносамъ предъ Епархіальнымъ начальствомъ, то я, избѣгая непріязненныхъ столкновеній, могущихъ воспослѣдовать вслѣдствіе моего сопротивленія, покорился необходимости. Не смотря на то, я много облегчалъ участь моихъ прихожанъ тѣмъ особенно, что я настаивалъ, чтобы въ точности соблюдаемы были инвентарныя правила, чтобы больше положеннаго не гонять на барщину и не требовать отъ нихъ лишнихъ работъ. Этимъ отчасти я заслужилъ у нихъ любовь и довѣріе, и они съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ принимали къ сердцу мои наставленія...

5 декабря 1867 г.

СТРАНСТВУЮЩІЙ АРХІЕРЕЙ (1777—1778 ГГ).

Послѣдніе годы восьмого десятилѣтія XVIII вѣка, были самыми неблагопріятными для православія въ предѣлахъ Подоліи и Брацлавщины. По проискамъ фанатическаго уніатскаго митрополита Леона Шептицкаго, благочестивые священники одинъ за другимъ были изгнаны изъ своихъ приходовъ, а церкви ихъ, не смотря на самое сильное противодѣйствіе прихожанъ, были отняты и переданы уніатскому духовенству. Въ добавокъ къ тому, по настоятельному ходатайству Леона Шептицкаго, Посполитая Рѣчь значительно усилила пограничные кордоны, съ цѣлію прервать сношенія православныхъ украинцевъ съ заграничными переяславскими архіереями, которые, послѣ уничтоженія въ Польшѣ православной іерархіи, управляли православными украинскими монастырями и церквами. Пограничная польская стража по преимуществу стала слѣдить за благочестивыми священниками, которые по религіознымъ нуждамъ своимъ отправлялись къ переяславскому архіерею, и за тѣми изъ украинцевъ, которые въ Переяславѣ намѣрены были принять хиротонію въ санъ священства. Тѣмъ и другимъ, когда они попадались въ руки польскихъ жолнѣровъ, не было никакой пощады,—у нихъ не только отнимали деньги и одежду, но и предавали ихъ самой тяжкой карѣ за переходъ границы. Лишенные возможности сноситься со своимъ законнымъ владыкой, жители Украины, особенно же болѣе отдаленной Подоліи, были вынуждены обращаться съ своими духовными нуждами къ молдавскимъ архіереямъ и отъ нихъ получать себѣ священниковъ. Такимъ положеніемъ

дѣлъ воспользовался нѣкто Евсевій, назвавшій себя митрополитомъ Призремскимъ и самовольно осѣвшійся въ Подоліи на правахъ епархіальнаго архіерея. Попалъ онъ сюда по такому случаю: встрѣтился онъ въ Молдавіи съ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ Задунайскимъ, который тогда командовалъ русскою арміею, находившеюся въ предѣлахъ Турціи, назвалъ себя Призремскимъ митрополитомъ, спасающимъ посредствомъ бѣгства свою жизнь отъ смертной казни, къ которой Оттоманская Порта приговорила его за черногорское возмущеніе, и былъ на нѣкоторое время оставленъ при арміи въ качествѣ проводника, хорошо знакомаго съ придунайскими мѣстностями. Но при арміи Евсевію не захотѣлось оставаться до выхода ея изъ придунайскихъ княжествъ, и онъ, съ разрѣшенія Румянцева, около половины 1777 года отправился въ предѣлы нынѣшней подольской губерніи и до 28 мая 1778 г. проживалъ сперва въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а потомъ въ Немировѣ. Здѣсь онъ, какъ признанный въ архіерейскомъ санѣ русскимъ фельдмаршаломъ, началъ безпрепятственно священнодѣйствовать. Какъ только объ этомъ стало извѣстно на Подоліи и въ Брацлавщинѣ, къ нему стали являться одинъ за другимъ всѣ желавшіе пріобрѣсти священническій санъ, но боявшіеся за пріобрѣтеніемъ его отправляться въ Переяславъ. Евсевій никому не отказывалъ въ священствѣ, конечно, получивши предварительно плату за совершеніе хиротоніи. Появленіе въ Подоліи православнаго архіерея было крайне не по душѣ уніатской іерархіи, ибо оно разстраивало всѣ ея планы относительно полнаго истребленія здѣсь православія; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ смущало и высшую русскую іерархію. Вслѣдствіе секретнаго предписанія Петербургской коллегіи иностранныхъ дѣлъ, основаннаго на ходатайствѣ Святѣйшаго Синода, видимо обезпокоеннаго появленіемъ среди православнаго населенія Подоліи сомнительнаго архіерея, Фельдмаршалъ Румянцовъ отдалъ приказъ генералъ-маіору Ржевскому переселить Евсевія сперва изъ Могилева въ Немировъ, а потомъ изъ Немирова въ Кіевъ. О переселеніи его въ Кіевъ дано было знать кіевскому оберъ-коменданту Елчанинову съ предписаніемъ испросить у кіевскаго мит-

рополита для имѣющаго прибыть греческаго архіерея приличный пріютъ и содержаніе въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

Въ архивѣ кіевской духовной консисторіи между дѣлами 1778 года подъ № 13 на 53 листахъ хранится о митрополитѣ Евсевіи дѣло, такъ озаглавленное: о пріѣздѣ съ заграницы митрополита Призремскаго Евсевія, о временномъ его здѣсь прожитіи и неизвѣстности выѣзда его съ города" [1]). Извлекаю суть изъ этого дѣла.

Кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ 18 мая 1778 года прислалъ кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому слѣдующее письмо:

Его сіятельство высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ и многихъ орденовъ кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ Задунайскій повелѣть мнѣ изволилъ, испросить у Вашего Преосвященства для ожидаемаго сюда вскорѣ, пріѣхавшаго изъ Яссъ архіерея, къ пребыванію до времени здѣсь въ Кіевѣ мѣста и приличнаго содержанія по праву гостепріимства. И какъ о пропускѣ его сюда отъ меня дано уже приказаніе, то онъ безъ сомнѣнія вскорѣ и прибыть имѣетъ; для того, извѣщая о семъ вашему Преосвященству, покорно прошу, вслѣдствіе прописаннаго Его Сіятельства господина Генералъ-Фельдмаршала повелѣнія, назначить ему къ пребыванію мѣсто, и меня о томъ увѣдомить..."

Отвѣчая Елчанинову, Преосвященный Гавріилъ отъ 19 мая того же года такъ писалъ: „по пребыванію вашего превосходительства.... объ отведеніи къ пребыванію до времени здѣсь въ Кіевѣ мѣста и приличномъ содержаніи на правахъ гостепріимства для имѣющаго вскорѣ прибыть сюда изъ Яссъ архіерея исполненіе учинить отъ меня приказано, за отбытіемъ изъ Кіева архимандрита Пустынно-Николаевскаго монастыря, намѣстнику онаго Іеромонаху Варсонофію..."

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія сообщаются въ книгѣ М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ", а также въ сочиненіи протоіерея Андрея Іоаннова—„Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ."

Ожидаемый архіерей прибылъ въ Кіевъ 29 мая, назвалъ себя Евсевіемъ, митрополитомъ Призремскимъ, и былъ помѣщенъ въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, который на свои средства и продовольствовалъ его въ теченіе 436 дней. Такъ какъ Евсевій не представилъ своихъ архіерейскихъ документовъ, то кіевскій митрополитъ, чрезъ три дня послѣ его пріѣзда, поручилъ собрать о немъ свѣдѣнія присутствующему кіевской консисторіи, протоіерею Притиско-Николаевской церкви Іакову Бѣлявскому. Собравши требуемыя своимъ архипастыремъ свѣдѣнія, протоіерей Бѣлявскій представилъ ему 2 іюня слѣдующее доношеніе:

„Выѣхавшій изъ-за границы и, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства, въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ пребывающій преосвященный Евсевій, митрополитъ Призремскій, просилъ меня доложить Вашему Высокопреосвященству въ слѣдующемъ: что онъ рожденъ въ Константинополѣ отъ знатнѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался Еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивеніи Евгеніемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Словенскій, философіи три года, содержа оного въ домѣ своемъ, а три въ его же преосвященнаго вообще съ прочими въ публичномъ преподаваніи грамматики и другихъ наукъ, въ которомъ преподаваніи участвовалъ іеродіаконъ Іаковъ. Когда же оказалась праздная епархія Ипскійская, гдѣ до того испрежде патріархи были, то Константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякого чіего либо прошенія и его преосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговаривали его преосвященнаго склониться волѣ ихъ, чтобъ быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая же онъ, преосвященный, такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только 22 года, а ктому будучи еще и мірскимъ, отказывался тѣми и другими резонами; но какъ все то не подѣйствовало ко избѣжанію того, то просилъ дачи ему на размышленіе нѣсколько времени, что получа и никому не объявивши своего намѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинополя къ патріарху Антіохійскому, коему и донесъ о семъ происшествіи, и что онъ отъѣхалъ безъ объяв-

ленія своего святѣйшему патріарху и освященному собору, въ котораго и пожилъ чрезъ восемь день только, куда нарочно пріѣхавшіе отъ реченнаго святѣйшаго патріарха Константинопольскаго за нимъ преосвященнымъ Евсевіемъ съ многимъ прошеніемъ возвращенія и явки къ Его Святѣйшеству усильно просили; то, по увѣщанію упомянутаго патріарха Антіохійского, съ тѣми нарочными обратно возвратился; за явкою же и преданіемъ себе волѣ оного святѣйшаго патріарха Константинопольского и всего освященнаго собора посвященъ митрополитомъ Призремскимъ. Которая епархія какъ до его преосвященства прибытія имѣла долгу девятьдесять девять тысячъ рублей, то онъ неусыпно старался заплатить оный; для чего больше жилъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, нежели въ оной своей епархіи; напослѣдокъ ѣздилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцевъ принятъ честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ. Собравъ же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ несовсѣмъ, а осталось еще одиннадцать тысячъ: для совершенной же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ паки въ Константинополь и за явкою своею у святѣйшаго патріарха Константинопольскаго извѣстился отъ Его Святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ же тогда въ оной послѣдовало съ турками замѣшательство, то де и полагаютъ вину на его преосвященство, яко бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ де обстоятельствамъ и быть въ Константинополѣ и въ епархіи своей невозможно, и совѣтовалъ Его святѣйшество ему преосвященному куда либо отлучиться до времени для спасенія своей жизни; чего для, получа онъ преосвященный отъ Его святѣйшества грамматы открытыя съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендаціею всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященнаго Евсевія честно и страннолюбно, отъѣхалъ въ городъ Тріестъ, гдѣ и жилъ до 1777 года, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвящен-

ному Гавріилу митрополиту Ясскому тѣ его святѣйшества граммоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принятъ, такъ и священнослуженіе отправлялъ. Когда же, по убіеніи Господаря Гики, прибылъ на его мѣсто другой Господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство, великаго четвертка святой четыредесятницы имѣя священнослуженіе въ церкви святыя Параскевы, говорилъ въ оной поученіе довольное, въ небытности его Господаря въ той церкви, касающееся до дома умершаго Гики. Нѣкоторыхъ же явныхъ враговъ дому оного Гики, желавшихъ тогда отъ его Божественныя тайны получить, не удостоилъ, за что хотя отъ оного Господаря и отъ другихъ тѣхъ не удостоенныхъ и не имѣлъ онъ преосвященный опасности, однакъ во время приближенія турецкаго войска имъ не довѣрился. И для того съ совѣта преосвященнаго Гавріила, митрополита Ясскаго, выѣхалъ изъ Яссъ и жилъ въ Могилевѣ Подольскомъ, кой состоитъ на границѣ турецкой;—оттуда же, по требованію господина генерала Ржевскаго, пріѣхалъ въ Немировъ, въ коихъ мѣстахъ и священнодѣйствовалъ; а оттоль присланъ въ Кіевъ и, по приказанію его высоко-графскаго Сіятельства господина генерала Фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, допрашиванъ уже его превосходительствомъ господиномъ Генералъ Порутчикомъ Кіевскимъ оберъ-комендантомъ и кавалеромъ Яковомъ Васильевичемъ Елчаниновымъ [1]) и ожидаетъ нынѣ резолюціи.—О чемъ Вашему Высокопреосвященству въ покорности моей и представляю.

Кіевскій митрополитъ Гавріилъ, 4 іюня 1778 г. репортуя Святѣйшему Синоду о прибытіи въ Кіевъ греческаго архіерея, заключилъ репортъ свой такъ: „каковъ же онъ (Евсевій) есть, святѣйшій Правительствующій Синодъ усмотритъ изъ приложенной здѣсь копіи доношенія, поданнаго мнѣ отъ присутствующаго въ духовной консисторіи Кіево-Притиско-Никольского прото-

[1]) Какія показанія о себѣ далъ Евсевій Елчининову—не извѣстно, такъ какъ въ кіевскомъ комендантскомъ управленіи не сохранилось дѣло объ этомъ архіереѣ. Не отослано ли оно въ 1779 г. въ тайную канцелярію?

попа Іакова Бѣлявскаго, греческій языкъ довольно свѣдущаго; если же оный преосвященный захочетъ когда имѣть здѣсь священнослуженіе, то о дозволеніи ему онаго Святѣйшаго Синода прошу".

По заслушаніи сего репорта, Святѣйшій Синодъ 27 августа 1778 года прислалъ кіевскому митрополиту такой приказъ: „какъ изъ требованія кіевскаго господина оберъ-коменданта значится, что оному митрополиту въ Кіевѣ пребываніе назначено на время, то потому и о дозволеніи ему священнослуженія представить Святѣйшему Синоду тогда, когда о пребываніи его въ россійской имперіи навсегда опредѣленіе послѣдуетъ; при чемъ въ то время имѣющіяся у того митрополита свидѣтельствующія его архіерейство грамматы прислать въ оригиналѣ къ разсмотрѣнію въ Святѣйшемъ Синодѣ".

Евсевій былъ недоволенъ гостепріимствомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря и о недовольствѣ своемъ сообщилъ оберъ-коменданту Елчанинову. Послѣдній, по поводу сего сообщенія, 24 іюля 1778 года написалъ кіевскому митрополиту слѣдующее письмо: „Для живущаго нынѣ въ Николаевскомъ монастырѣ преосвященнаго, Далмацкаго архіерея Евсевія я, на основаніи повелѣнія его сіятельства... графа Румянцева Задунайскаго, просилъ ваше преосвященство о дачѣ приличнаго содержанія по праву гостепріимства. Но нынѣ, противъ чаянія моего, извѣстился я постороннимъ образомъ и отъ приставленнаго къ нему здѣшняго одного толмача, что дается ему изъ общей трапезы одна брацкая порція безъ малѣйшаго какого либо различія, что не согласно ни его сану, ниже повелѣнію его сіятельства, господина генералъ-фельдмаршала, въ которомъ точно сказано о приличномъ содержаніи: а всему тому, какъ видно, причиною теперешняго въ томъ монастырѣ, въ отсутствіи отца архимандрита, начальника грубость и малое свѣденіе, какъ должно съ иностранными и такого высокаго сана лицами обходиться и содержать, и ктому жъ и въ дачѣ лошадей ему отказано, и онъ, имѣя ко мнѣ нѣкоторую надобность, принужденъ былъ прійти пѣшій. Отличный его санъ, долгъ гостепріимства и наконецъ самое человѣчество обязуетъ меня трудить Ваше преосвященство моею

просьбою, чтобъ изволили, кому слѣдуетъ, приказать найкрѣпчайше дать ему приличное содержаніе, дабы онъ не имѣлъ причины жаловаться, и тѣмъ облегченъ былъ въ нынѣшней своей участи странствованія,—въ чемъ несомнѣнно на милость вашего преосвященства и къ иностраннымъ любовь полагаясь, съ моимъ отличнѣйшимъ почитаніемъ остаться честь имѣю".

Вслѣдствіе сего письма митрополитъ Гавріилъ отдалъ намѣстнику Пустынно-Николаевскаго монастыря строгій приказъ сколько возможно лучше продовольствовать преосвященнаго Евсевія и для поѣздокъ его назначить особый приличный монастырскій экипажъ съ лошадьми и кучеромъ и кромѣ того нанять для него повара и комнатнаго служителя. Послѣ отдачи сего приказа Евсевій уже не жаловался на скудность своего содержанія въ Пустыно-Николаевскомъ монастырѣ, тѣмъ болѣе что это содержаніе было слишкомъ роскошнымъ и изобильнымъ, какъ увидимъ ниже.

8 декабря 1778 года Евсевій заявилъ митрополиту Гавріилу, что онъ съ разрѣшенія оберъ-коменданта Елчанинова намѣренъ, по своей надобности, отправиться въ Нѣжинскій Благовѣщенскій (греческій) монастырь. По поводу сего заявленія изъ канцеляріи кіевскаго митрополита предписано намѣстнику прописаннаго монастыря, чтобы онъ „для имѣющаго прибыть туда митрополита Евсевія приготовилъ приличныя келіи и, по праву гостепріимства, отпускалъ ему приличное продовольствіе, но чтобы нѣжинское духовенство не дѣлало ему архіерейской церемоніальной встрѣчи съ колоколами". Состоялась ли поѣздка Евсевія въ Нѣжинъ— изъ дѣла не видно.

2 августа 1779 года Евсевію, по просьбѣ его, было назначено помѣщеніе въ Екатерининскомъ греческомъ монастырѣ, гдѣ пріютился одновременно прибывшій съ нимъ въ Кіевъ Ѳеофилъ, назвавшійся игуменомъ сербской націи. Но настоятель сего монастыря игуменъ Григорій (грекъ) не пожелалъ пріютить своего единоплеменника и очень неодобрительно отозвался объ немъ въ своемъ прошеніи, 4 числа того же августа поданномъ кіевскому митрополиту. Считаю необходимымъ для дѣла цѣликомъ списать это прошеніе.

„Вашего Высокопреосвященства архипастырское повелѣніе (я) получилъ, чтобъ въ монастырѣ святыя Екатерины покои умершаго архимандрита Іоанна Ястрембскаго очистить для жительства въ оныхъ преосвященному Евсевію, которое повелѣніе я свято и всеусердно желалъ бы исполнить. Но какъ онаго преосвященнаго нравъ и неспокойность всѣмъ извѣстны, оный же монастырь мало почти кого изъ служащихъ людей по убожеству своему имѣетъ, а когда оный преосвященный будетъ жить, то и тѣхъ удержать никакъ возможно, да и я самъ принужденъ буду, оставя монастырь во избѣжаніе неминуемыхъ отъ его слѣдуемыхъ неспокойствъ удалиться; сверхъ же того, яко посреди града сей монастырь состоитъ и всегда люди имѣютъ въ проѣздѣ разнаго званія препочиваніе и раздохъ (отдыхъ), отъ чего и монастырь пропитаніе имѣетъ, чрезъ него жъ архіерея не токмо уже никто не будетъ приставать, но и убѣгать, а тѣмъ и церковь и монастырь нужнаго къ содержанію своему лишатся, да и соблазнъ неминуемо послѣдуетъ; для того вашему высокопреосвященству въ благоусмотрѣніе архипастырское донося, слезно прошу защитить отъ опредѣленія его преосвященства въ сей монастырь и милостиво уволить".

Принимая во вниманіе резоны, указанные въ семъ прошеніи, митрополитъ Гавріилъ назначилъ Евсевію жительство въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ, куда онъ переселился 12 августа. Спустя семь дней послѣ своего переселенія Евсевій и кіевскому митрополиту и кіевскому оберъ-коменданту подалъ новыя доношенія о недовольствѣ своимъ содержаніемъ. Въ доношеніи, поданномъ кіевскому митрополиту, онъ писалъ такъ: „къ пропитанію моему изъ Пустынно-Николаевскаго монастыря доставляется на недѣлю водки пять квартъ, также вышневки по пять квартъ, да на каждый день по 25 копѣекъ денегъ, за которые надобно купить и рыбы, и яицъ, и масла, и перцу, соли, вина, оливы, цыбули, да меду, пива и квасу, а за эти деньги пропитать меня не можно и я претерпѣваю чрезъ то несносную нужду. Кромѣ же того нынѣ имѣется въ Кіевѣ ярмонокъ, въ которомъ необходимо надлежитъ мнѣ покупить къ зимнему времени одѣяніе и обувь, что и малѣйше не имѣю въ себѣ ку-

пить за что. Для того вашего высокопреосвященства покорно прошу, по нынѣшнему моему бѣдному житію, пожаловать и къ пропитанію и снабдѣнію приказать, кому надлежитъ, деньгами, и харчами до послѣдующей обо мнѣ впредъ резолюціи безнужно мене довольствовать не оставить". На доношеніи Евсевія митрополитъ Гавріилъ написалъ такую резолюцію: „1779 г. августа 20 дня. Для показанныхъ здѣсь нуждъ на счетъ Заднѣпрскихъ монастырей выдать изъ имѣющейся въ вѣдомствѣ консисторскомъ суммы нынѣ пятьдесятъ рублей; и на сей текущій мѣсяцъ и впредъ помѣсячно жъ выдавать на всякій день по 25 копѣекъ въ добавокъ даемымъ отъ Кіево-Никольскаго пустыннаго монастыря деньгамъ и прочемъ".

Неоднократныя жалобы Евсевія на недостаточность своего продовольствія и содержанія побудили кіевскаго митрополита 2 августа 1779 года предписать, чрезъ каѳедральнаго писаря іеромонаха Іеронима, Пустынно-Николаевскому монастырю доставить въ кіевскую духовную консисторію „вѣрную и самую обстоятельную вѣдомость: 1, сколько и какихъ именно на преосвященнаго Евсевія издержано питейныхъ, съѣстныхъ и другихъ непокупныхъ припасовъ, на каждый день, или понедѣльно, или помѣсячно и на какую сумму; 2, сколько наличными деньгами и на что давано ему; 3, сколько и на какую сумму издержано дровъ на келію и поварню его и наемъ прислуги собственно для него и 4, на какую примѣрно сумму обошлись монастырю поѣздки преосвященнаго на монастырскихъ лошадяхъ и каляскѣ?" Затребованная вѣдомость при реестрахъ, составленныхъ Пустынно-Николаевскаго монастыря казначеемъ іеромонахомъ Давидомъ, ключникомъ іеромонахомъ Иринеемъ и палатнымъ іеродіакономъ Семеономъ, была представлена въ Консисторію 1 сентября 1779 года. Въ этихъ реестрахъ большею частью помѣсячно прописаны расходы монастырскіе. Но я для краткости списываю изъ нихъ общій итогъ, по каждому предмету отдѣльно. Въ теченіи 436 дней 1) изъ монастырскихъ погребовъ и кладовыхъ выдано преосвященному Евсевію съ 30 мая 1778 года по 31 августа 1779 года водки 48 вѣдеръ, сочку (наливокъ) 35 вѣдеръ и 3 гарнца, меду 27 вѣдеръ и 6 гарнцевъ, пива 2180 квартъ,

яицъ 720, масла 5 пуд. 28 фунтовъ; сыра 4 вѣдра и 3 гарнца; олѣи 80 квартъ; соли 5 пуд. 27 фунтовъ; пшеничной муки 20 четвертей 9 гарнцевъ; свѣчей 720 штукъ; грибовъ 800 штукъ; сала 2 пуд. 7 фунтовъ; крупъ гречаныхъ 15 четвертей 8 гарнцевъ; фасоли 15 гарнцевъ; пшена 15 четвертей 7 гарнцевъ; маку 3 гарнца; муки ржаной 16 четвертей 9 гарнцевъ—всего на сумму 321 рубль 53 копѣйки. 2) Изъ монастырской кассы выдано ему же разновременно 264 рубля на покупку волоскаго вина 22 вѣдеръ, икры, раковъ, баранины, сахара, чаю, маслинъ, оливы, курей 183, утокъ 59, гусей 5. 3) Израсходовано на содержаніе и наемъ особыхъ кучера, повара и лакея 180 рублей; 4) на отопленіе келій и кухни преосвященнаго выдано 40 колодъ на сумму 40 рублей и 5) содержаніе цуга (четверки) лошадей съ упряжью и коляскою обошлось монастырю примѣрно 386 рублей.—А всего тысяча сто девяносто одинъ рубль пятьдесятъ три копѣекъ.

Итоги расходовъ по каждому предмету свѣрялъ кіевскій городскій канцеляристъ Артемій Левитовичъ и призналъ ихъ вполнѣ вѣрными и нисколько не преувеличенными.

10 октября 1779 года кіевскій оберъ-комендантъ писалъ кіевскому митрополиту письмо, что Евсевій желаетъ переселиться изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря въ Кіево-Петропавловскій, „въ которомъ ему удобнѣе будетъ пользоваться у врачей, по приключившейся ему болѣзни". Переселиться ему въ Петропавловскій монастырь не пришлось, такъ какъ игуменскія келіи, предназначавшіяся для него кіевскимъ митрополитомъ, потребовали продолжительной ремонтировки. Нельзя при этомъ не замѣтить, что Евсевію никакой болѣзни не приключилось; онъ желалъ только на короткое время переселиться въ Петропавловскій монастырь, чтобъ находиться вблизи Екатерининскаго монастыря, въ которомъ временно проживалъ другъ и пріятель его нѣкто Ѳеофилъ, называвшійся игуменомъ сербской націи. Подъ надзоромъ сего Ѳеофила въ Екатерининскомъ монастырѣ [1])

[1]) Въ это время при этомъ монастырѣ находился постоялый дворъ, какъ видно изъ прописаннаго нами прошенія игумена сего монастыря.

находился экипажъ Евсевія, и Ѳеофилъ приготовилъ все, что нужно было, къ тайному выѣзду ихъ обоихъ изъ Кіева. Конечно, къ этому времени Евсевій незамѣтно, по частямъ перевезъ къ Ѳеофилу всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи изъ своего довольно скуднаго имущества. Чтобы скрыть отъ братіи Кирилловскаго монастыря свой тайный выѣздъ изъ Кіева, Евсевій счелъ нужнымъ бросить въ монастырѣ слѣдующія свои вещи: пару матрацовъ набитыхъ соломою, пару ветхихъ одѣялъ, одну простыню, пару подушекъ, три войлочка, чернильницу, два гребешка, старый перочинный ножикъ, двѣ пары старыхъ чашекъ, два графинчика, три столовыхъ ножа съ двумя вилками, мѣдный чайникъ, шесть цинковыхъ тарѣлокъ, подсвѣчникъ и двѣ книжки на греческомъ языкѣ: псалтырь и воскресную седмичную службу.

Изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря Евсевій неизвѣстно куда выѣхалъ 14 октября въ восемь часовъ вечера и болѣе не возвращался въ монастырь, о чемъ архимандритъ Кириллъ словесно далъ знать оберъ-коменданту Елчанинову, а митрополиту Гавріилу подалъ два репорта, одинъ 16, а другой 18 октября. Когда тайный выѣздъ Евсенія не подлежалъ уже никакому сомнѣнію, преосвященный Гавріилъ 4 ноября 1779 года отправилъ въ Святѣйшій Синодъ слѣдующій репортъ: „Прошлаго 1778 года іюля отъ 4 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду о прибывшемъ въ Кіевъ преосвященномъ Евсевіи, митрополитѣ Призремскомъ, что ему преосвященному, по требованію господина генералъ-порутчика, кіевскаго оберъ-коменданта Елчанинова, въ сходство даннаго ему отъ его сіятельства графа Петра Александровича Румянцева Задунайскаго повелѣнія, дозволено имѣть до времени пребываніе въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ съ приличнымъ отъ оного монастыря содержаніемъ, представлено отъ меня доношеніемъ, при которомъ Святѣйшему Синоду, къ свѣдѣнію онаго, приложена копія доношенія, поданнаго мнѣ отъ протоіерея Іакова Бѣлявскаго, греческій языкъ довольно знающаго. А сего года августа мѣсяца, по требованію помянутаго оберъ-коменданта и по желанію онаго преосвященнаго, дозволено ему отъ меня жить въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ; октября жъ 12 дня господинъ оберъ-ко-

мендантъ Елчаниновъ на разсмотрѣніе мое письменно сообщилъ, что де оный преосвященный, по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, просилъ о переводѣ єго изъ Кирилловскаго въ Петропавловскій или Греческій монастырь; и потому, какъ греческаго Екатерининскаго монастыря игуменъ еще августа 4 дня сего года поданнымъ мнѣ доношеніемъ просилъ, по прописаннымъ въ ономъ резонамъ, не опредѣлять его преосвященнаго туда на жительство, а какъ въ Петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій къ пребыванію оному преосвященному нѣтъ, для того посланъ къ игумену того жъ Петропавловскаго монастыря указъ, чтобъ онъ приказалъ игуменскія келии очистить и исправить для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А октября 16 дня настоятель Кіево-Кирилловскаго монастыря архимандритъ Кириллъ подалъ мнѣ репортъ, такъ и господину оберъ-коменданту словесно чрезъ нарочнаго, что означенный преосвященный Евсевій 14 того октября по полудни въ осьмомъ часу невѣдомо куда изъ монастыря отлучился было, далъ знать, однако де на другой день отъ господина оберъ-коменданта Ельчанинова ему архимандриту извѣщено, что онъ преосвященный Евсевій въ Кіевѣ уже явился и находился въ печерскомъ форштатѣ; 18 же октября реченный архимандритъ и паки репортовалъ мнѣ, что де служитель онаго преосвященнаго, пришедши съ печерскаго форштата 16 дня въ Кирилловскій монастырь, ожидалъ его тамо, когда же преосвященный тотъ въ монастырь уже не явился, то де на другой день т. е. 17 дня пошелъ онъ служитель обратно туда на форштатъ, гдѣ онъ его и оставилъ, потомъ де уже не засталъ онаго преосвященнаго, и куда оттуда отлучился не извѣстно, такожъ и о экипажѣ его преосвященнаго, въ греческомъ монастырѣ у игумена нѣкоего сербской націи Өеофила оставленномъ, объявилъ, что ни екипажа, ни игумена онаго въ томъ монастырѣ не оказалось, почему де заключаетъ онъ, служитель, что онъ преосвященный Евсевій съ игуменомъ тѣмъ съ Кіева уѣхали. При репортѣ своемъ онъ архимандритъ приложилъ учиненную имъ архимандритомъ опись вещей онаго преосвященнаго въ келіи, въ которой онъ пребывалъ, оставшихся.

О семъ происшествіи того жъ числа отъ меня реченному господину оберъ-коменданту письменно дано знать, но отъ онаго ко мнѣ о поминаемомъ преосвященномъ ничего уже не было представляемо, и гдѣ находится—мнѣ неизвѣстно; о чемъ всемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду благопочтенно репортую".

Этимъ репортомъ заканчивается хранящееся въ архивѣ кіевской консисторіи дѣло о Евсевіи подъ № 13, за 1778 годъ.

Свѣдѣнія о Евсевіи, заключающіяся въ этомъ дѣлѣ, мы имѣемъ возможность пополнить тѣми немногими свѣдѣніями, которыя сообщилъ отъ 30 ноября 1780 года переяславскому епископу Иларіону о. намѣстникъ немировской протопопіи Василій Саржицкій и которыя собралъ М. О. Кояловичъ въ синодальномъ архивѣ и помѣстилъ въ книгѣ—„Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ". С.-Петербургъ 1873 года.

Евсевію было около трицпати лѣтъ, когда онъ тайно бѣжалъ изъ Кіева. Куда именно направилъ онъ путь свой—неизвѣстно; но тогдашняя граница польская была отъ Кіева въ 30 верстахъ, и онъ скоро очутился внѣ предѣловъ Россіи. Въ концѣ зимы 1780 года Евсевій былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ видѣлся съ польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и, послѣ свиданія съ нимъ, лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ г. Могилевъ на р. Днѣстрѣ съ какою-то королевскою грамотою, дозволявшею ему архіерействовать надъ православными въ Подоліи и Брацлавщинѣ. Король могъ дозволить ему это дѣло съ тою цѣлью, чтобы православные подданные Посполитой Рѣчи, находившіеся въ этихъ мѣстахъ, перестали зависѣть отъ переяславскаго епископа Иларіона, русскаго подданнаго. Впрочемъ многокоролевье или безкоролевье въ Польшѣ было уже такъ ощутительно, что грамота королевская оказалась ненадежною, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ симпатіи ихъ. Послѣ усмиренія Коліивщины и Гайдамацкаго бунта въ Чигиринщинѣ, Черкащинѣ, Смѣлянщинѣ и Уманьщинѣ уніаты взяли значительный перевѣсъ на козацкой и польской Украинѣ и всюду слишкомъ гвалтовно преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровитель-

ство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые давали поселянамъ разныя льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія, въ видахъ привлеченія ихъ къ скорѣйшему заселенію пустырей Подоліи и Брацлавщины.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но тѣснимый уніатскимъ оффиціаломъ Любинскимъ, онъ въ октябрѣ переселился въ г. Немировъ, гдѣ было не мало грековъ, сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Здѣсь то Евсевій задумалъ учредить свою Консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ приказъ явиться къ нему и представить обстоятельные репорты объ обидахъ, наносимыхъ православнымъ отъ помѣщиковъ, поссессоровъ и уніатскихъ поповъ. Когда же явились священники, то объявилъ имъ, что „онъ митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣетъ у себя грамоту о бытіи ему тамо и защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“.

Протопопія Немировская состояла изъ семи православныхъ приходовъ. Евсевій объѣзжалъ эти приходы и въ нихъ служилъ съ двумя священниками и своимъ архидіакономъ грекомъ. Кромѣ Немировской протопопіи онъ литургисалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ протопопіи Брацлавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ и, по просьбѣ Немировскихъ греческихъ торговцевъ, дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ собравшимся духовенствомъ, „а, по литургіи Чечелыницкій протопопъ Лука Романовскій говорилъ наизусть проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и прочіе, случившіеся тамо благочестивые священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ.“ Такъ доносилъ о. Василій Саржицкій, намѣстникъ протопопіи Неми-

ровской, Переяславскому епископу Иларіону. Саржицкій имѣлъ приходъ въ с. Войтовцахъ, вблизи Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва ли не послѣднее торжественное служеніе Евсевія. Уніатскій оффиціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и графу Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и святѣйшаго синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ разбирательствѣ жалобы Любинскаго, а жители Немирова внушали Любинскому опасеніе за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покоѣ, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками поѣхалъ въ с. Войтовцы,“ приходъ намѣстника протопопіи Немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ.“ Вѣсть объ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировъ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался Евсевію, а Евсевій, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ,“ велѣлъ ему ѣхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ около десяти немировскихъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями. „Но какъ только въѣхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и его самаго окруживъ зъ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однакъ едва по усильной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ глалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обивателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты вслѣдъ устремились за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ же, смотря на то съ двора

его намѣстника, велѣлъ народу защищаясь бить уніатовъ за глалтовніи нападенія на ихъ православныя церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другаго дня въ Варшаву для внесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его величеству польскому королю жалобы. Такъ доносилъ преосвященному переяславскому Иларіону о. Саржинскій. А въ жалобѣ, занесенной Любинскимъ своему начальству, говорится, что когда онъ для успокоенія мятежнаго противъ уніи настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря (по новому стилю) устремился съ своими новообратившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами, на домъ оффиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе въ Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на оффиціала, на его причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь..." По свидѣтельству Любинскаго, послѣ этого событія, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію и благочестію.

Весьма скоро узналъ о прописанномъ событіи кіевскій кастелянъ, жившій въ Каневѣ, Стемпковскій и приказалъ схватить Евсевія. Но Евсевій, послѣ Войтовецкаго побоища, немедленно выѣхалъ изъ Немирова въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда въ Варшаву, по словамъ Саржицкаго жаловаться на Любинскаго. Изъ Варшавы ему не суждено было возвратиться на Подолію.

Въ Варшавѣ тогда еще не было православнаго храма, и греческіе негоціанты, жившіе въ Варшавѣ, съ своими церковными нуждами обращались то въ г. Калишъ, гдѣ въ 1440 году венгерскими выходцами была устроена домовая православная церковь, то въ Яблоченскій св. Онуфріевскій монастырь, находившійся недалеко отъ Брестъ-Литовска, при сліяніи р. Буга съ р. Наревомъ. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ, можетъ быть, и поддер-

жало бы домогательство Евсевія утвердиться на самовольно устроенной имъ архіерейской каѳедрѣ въ Немировѣ, но встрѣтились довольно вѣскія препятствія, которыхъ не ожидалъ этотъ странствовавшій греческій митрополитъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ, по полученіи выше прописаннаго рапорта отъ Саржицкаго, вошелъ въ святѣйшій синодъ съ жалобою на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла Переяславской епархіи, въ составъ которой тогда входили всѣ православныя церкви на козацкой украинѣ, Подоліи и въ Брацлавщинѣ. Почти вслѣдъ за жалобою преосвященнаго Иларіона и Славенскій и Херсонскій архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки прислалъ въ Святѣйшій Синодъ доношеніе Елисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича, въ которомъ писалось такъ: „слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой называетъ себя роднымъ братомъ волоскаго жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ 1781 года повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольническаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому Королю съ жалобою на духовную уніатскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его пребытія“ (Кояловичъ. Исторія возсоединенія уніатовъ, стр. 178).

Вслѣдствіе переписки Святѣйшаго Синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и домогательство посла имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лице уніатскаго митрополита Іассона Смогоржев-

скаго, Левинскій, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: „относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украины, а это по жалобѣ въ Синодъ Переяславскаго епископа, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами.“ Какъ видно изъ этого письма, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до полученія Святѣйшимъ Синодомъ донесенія отъ архіепископа Славенскаго Ѳеотоки, и значитъ на основаніи только жалобы преосвященнаго Иларіона, Переяславскаго епископа.

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ же Левинскій въ донесеніи митрополиту Смогоржевскому отъ 1 мая того же 1781 года: „о Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его въ Сочавѣ. Что Переяславскій епископъ обжаловалъ его въ Синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ.“ [1]) Очевидно, удаленіе Евсевія крайне радовало уніатскую іерархію, давно точившую на него зубы.

Въ прописанныхъ свѣдѣніяхъ о похожденіяхъ Евсевія въ Кіевѣ и Подольской губерніи заключаются весьма вѣскія данныя, на основаніи которыхъ нельзя не признать его сомнительнымъ архіереемъ. Данныя эти слѣдующія.

1, Евсевій въ своемъ показаніи, представленномъ протоіереемъ Бѣлявскимъ кіевскому митрополиту Гавріилу, не поименовалъ своихъ родителей и не назвалъ той знатнѣйшей и первой въ Константинополѣ фамиліи, къ которой они принадлежали. Слѣдуетъ предполагать, что это онъ дѣлалъ умышленно, съ тою цѣлію, чтобы затруднить справки о немъ, если бы таковыя вздумалъ навести въ Константинополѣ игуменъ кіевскаго греческаго Екатерининскаго монастыря чрезъ своихъ знакомыхъ, жившихъ въ Константинополѣ.

---

[1]) Донесенія Левинскаго Смогоржевскому писаны на польскомъ языкѣ.

2. Въ томъ же показаніи Евсевій сообщилъ, что, когда патріархъ Константинопольскій Самуилъ предложилъ ему каѳедру Призремскаго митрополита, онъ, представляя свой 22-хъ лѣтній возрастъ и другіе разные резоны, отказывался отъ архіерейства. Когда же резоны его не были приняты во вниманіе, онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Антіохію, но вслѣдствіе усиленной просьбы нарочито посланныхъ къ нему отъ патріарха возвратился въ Константинополь и противъ желанія своего принялъ хиртонію архіерейскую. Показаніе это отзывается чистѣйшею комбинаціею, заимствованною изъ біографій тѣхъ греческихъ святителей, которые по смиренію своему и сознанію немощей своихъ дѣйствительно уклонялись отъ епископства. Что же касается 22-хъ лѣтняго возраста, на которомъ Евсевій принялъ архіерейство, то возрастъ этотъ даетъ намъ полное право сомнѣваться въ дѣйствительности совершенія надъ нимъ архіерейской хиротоніи. По каноническимъ правиламъ рукополагаются въ діаконы лица, имѣющія отъ роду 25 лѣтъ, а въ пресвитеры и епископы лица тридцатилѣтняго возраста. А потому патріархъ Константинопольскій, какъ верховный блюститель церковныхъ каноновъ, не имѣлъ права нарушить ихъ ради Евсевія, хотя бы онъ даже очень высоко стоялъ по своей нравственности и тѣмъ познаніямъ, которыя пріобрѣлъ отъ своихъ наставниковъ, іеродіаконовъ Евгенія и Іакова.

3. Врученная Евсевію епархія, по его показанію, имѣла долгу девяносто девять тысячъ рублей. Избраніе и посвященіе его въ санъ митрополита на каѳедру епархіи съ такимъ большимъ долгомъ всякому должно показаться болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. 22-хъ лѣтній архіерей, по малоопытности своей, могъ скорѣе увеличить, чѣмъ уплатить долгъ въ девяносто девять тысячъ. Къ сему нельзя не присовокупить и того, что Евсевій даже въ зрѣломъ возрастѣ, когда ему было около 35 лѣтъ, проживая въ Кіевѣ 436 дней, не отличался бережливостію, а любилъ на чужой счетъ и кругомъ ѣздить, и питаться сытными, обильными яствами, и выпивать значительное количество разнаго рода хмѣльныхъ напитковъ. Когда пришлось намъ перечитывать представленные Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ въ кіев-

скую консисторію реестры расходовъ на Евсевія, мы только удивлялись, какъ одинъ человѣкъ въ теченіе 436 дней могъ выпить 48 ведеръ водки, 35 вѣдеръ и 3 гарнца сочку (наливокъ), 27 вѣдеръ и 6 гарнцевъ меду, 2180 квартъ пива и кромѣ того не малое количество волоскаго вина. Слишкомъ неумѣреннымъ употребленіемъ хмѣльныхъ напитковъ не заглушалъ ли самозванный архіерей свою совѣсть, которая въ немъ просыпалась, когда онъ жилъ среди иноковъ, наблюдавшихъ строгую умѣренность въ пищѣ и питьѣ?

4. Съ страстію къ хмѣльнымъ напиткамъ Евсевій соединялъ очень буйный характеръ и разныя скандальныя похожденія, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ подольской губерніи. Кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря игуменъ Григорій въ прошеніи, поданномъ 4 августа 1779 года Кіевскому митрополиту Гавріилу, такъ писалъ о Евсевіѣ: „Ваше архипастырское повелѣніе помѣстить преосвященнаго Евсевія въ монастырѣ Св. Екатерины я свято и усердно желалъ бы исполнить. Но какъ онаго преосвященнаго нравъ и неспокойство всѣмъ извѣстны... и когда оный преосвященный будетъ жить въ монастырѣ, то въ ономъ ни кого нельзя будетъ удержать, да и я самъ принужденъ буду, оставя монастырь, во избѣжаніе неминуемыхъ отъ него скандаловъ удалиться; сверхъ же того, яко посреди града сей монастырь состоитъ и всегда люди имѣютъ препочиваніе и роздыхъ въ немъ, отъ чего и монастырь пропитаніе имѣетъ, чрезъ негожъ архіерея не токмо уже никто не будетъ приставать, но и убѣгать ради его скандаловъ... да и соблазнъ неминуемо послѣдуетъ... Для того слезно прошу защитить монастырь отъ помѣщенія въ немъ его преосвященства...“ Такъ писалъ игуменъ Григорій въ оффиціальной бумагѣ и писалъ потому, что ему вполнѣ извѣстны были весьма неодобрительныя качества его единоплеменника, титуловавшаго себя митрополитомъ, и можетъ быть уже были получены имъ изъ Константинополя справки, что Евсевій архіерей сомнительный. Нельзя не предполагать, что Евсевію извѣстно было содержаніе прописаннаго прошенія. Почему же онъ не протестовалъ противъ подателя его? Думаемъ, изъ боязни, что игуменъ Григорій разобла-

чить его самозванство. Опасаясь такого разоблаченія, Евсевій счелъ за лучшее въ половинѣ октября 1779 года бѣжать изъ Кіева въ Польшу, гдѣ онъ до 22 мая 1778 г. свободно и литургисалъ, какъ архіерей, и рукополагалъ ставленниковъ.

5. Евсевій прожилъ въ Кіевѣ 436 дней, но здѣсь онъ ни однажды не только самъ не священнодѣйствовалъ, но даже не допускался къ соучастію въ священнослуженіи съ Кіевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Когда Евсевій у Кіевскаго коменданта Елчанинова испросилъ разрѣшеніе съѣздить въ Нѣжинъ для посѣщенія своихъ единоплеменниковъ, проживавшихъ тамъ, то Кіевскій Владыка предписалъ Нѣжинскому намѣстнику не только не допускать его къ священнослуженію, но даже не дѣлать ему церемоніальной архіерейской встрѣчи съ колоколами. Такое предписаніе состоялось не потому ли, что Кіевскій владыка сомнѣвался въ дѣйствительности архіерейства Евсевія? А сомнѣваться онъ имѣлъ основаніе съ одной стороны потому, что Евсевій не такъ себя велъ въ Кіевѣ, какъ подобало архіерею, а съ другой вслѣдствіе непредставленія ему Евсевіемъ своей архіерейской грамоты и тѣхъ открытыхъ патріаршихъ грамотъ, которыми яко бы разрѣшалось ему вездѣ священнослуженіе.

Къ прописанному считаемъ необходимымъ присовокупить и слѣдующія данныя: а) Евсевій странствовалъ по Черногоріи въ концѣ 1774 г. Въ журналѣ „Магазинъ Сербско-Далматинскій“ за 1872 г. напечатана грамота, выданная Евсевіемъ 12 генваря 1775 г. о производствѣ имъ въ санъ протоіерея сербскаго священника Иліи Поповича. Такого производства Черногорскій митрополитъ Савва Петровичъ не призналъ дѣйствительнымъ и предписалъ Иліи Поповичу свою протоіерейскую грамоту выслать ему въ Станевичскій монастырь, такъ какъ „она выдана Евсевіемъ не архіереемъ.“ Значитъ, черногорскій митрополитъ не только сомнѣвался въ архіерействѣ Евсевія, но положительно не признавалъ его архіереемъ. б) Уніатскій митрополитъ Леонъ Шептицкій въ отвѣтѣ своемъ на предъявленный ему въ Варшавѣ 10 декабря 1778 года меморіалъ благочестивыхъ украинскихъ депутатовъ Стоцкаго и Зелѣнкевича, между

прочимъ, писалъ такъ: „нѣкіи благочестивые попы сказуютъ о себѣ, яко бы хиротонисаны волоскими архіереями, но объ нихъ носится достовѣрный слухъ, что они суть мнимые и хиротонія ихъ фальшивая.“ Предполагать слѣдуетъ, что Леонъ Шептицкій подъ волоскими архіереями главнымъ образомъ подразумѣвалъ Евсевія, который до выѣзда своего въ Кіевъ, въ концѣ мая 1776 года, преподавалъ священство въ Немировѣ и Могилевѣ всякому, кто только обращался къ нему за хиротоніею.

Наконецъ самозванство Евсевія въ 1794 году признано было и Св. Синодомъ, предъ возсоединеніемъ украинскихъ уніатовъ съ православною церковью. 30 іюня сего года преосвященный Викторъ Садковскій, выдавая одобренную Св. Синодомъ инструкцію игуменамъ и протоіереямъ, на которыхъ возложенъ былъ трудъ возсоединенія Украинскихъ уніатовъ, въ 10 § ея такъ написалъ: „въ случаѣ недостатка и необходимой надобности въ священникахъ, для снабдѣнія оными новоприсоединенныхъ прихожанъ и церквей, назначать до дальшаго времени и священниковъ, рукоположенныхъ волоскими православными архіереями, кромѣ извѣстнаго сумнительнаго митрополита Евсевія, буде, при разсмотрѣніи о священствѣ ихъ документовъ и другихъ письменныхъ видовъ, въ запрещеніи священнослуженія и подобныхъ тому важныхъ сумнѣніяхъ не окажутся...“

г. Кіевъ. Протоіерей П. Орловскій.

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко [1].

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ѲЕОФАНА ГАВРИЛОВИЧА ЛЕБЕДИНЦЕВА). [2]).

Всякій честный труженикъ, какою бы полезною отраслью дѣятельности ни занимался, пріобрѣтя извѣстность въ раіонѣ своихъ дѣйствій, безспорно заслуживаетъ памяти потомства. Всякое воспоминаніе о немъ всегда своевременно, тѣмъ болѣе, что время уничтожаетъ массу памятниковъ старины, а смерть

---

[1]) Матеріаломъ для настоящей статьи служили 1) разсказы Маріи Васильевны Яхненко, жены Кондрата Михайловича Яхненка, сына ихъ, присяжнаго повѣреннаго Василія Кондратьевича Яхненка, и Василія Ѳедоровича Симиренка; 2) часть замѣтокъ, составленныхъ Алексѣемъ Ивановичемъ Храпалемъ, зятемъ Ѳедора Симиренка и свидѣтелемъ-очевидцемъ первыхъ моментовъ возникновенія широкой торговой дѣятельности фирмы. Замѣтки эти составлены были въ теченіе зимы 1885—1886 годовъ, какъ значится въ нихъ, и въ подлинникѣ хранятся у дочери Храпаля Е. Шпаченко. Самъ А. И. Храпаль умеръ 27 марта 1886 года; 3) разсказы директоровъ - распорядителей Кальникскаго и Собскаго товариществъ о дѣятельности Фридриха Енни, замѣтки о юбилейномъ торжествѣ Кальникскаго товарищества 2 сентября 1883 года, хранящіяся у Викентія Людвиковича Чарновскаго, члена правленія товарищества, и 4) личныя наблюденія.

[2]) Покойный Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, первый редакторъ и основатель журнала „Кіевская Старина", будучи уроженцемъ с. Зеленой Дубровы звенигородскаго уѣзда и живя вблизи Мліева, зналъ Кондрата Михайловича Яхненка и всю ихъ семью и очень интересовался составленіемъ статьи о дѣятельности этой фирмы, а также просилъ Василія Кондратьевича Яхненка дать ему матеріалъ или самому составить такую статью; но составленіе статьи какъ-то откладывалось, Ѳеофанъ Гавриловичъ скоро заболѣлъ, умеръ, и его намѣреніе не осуществилось. Въ память глубокаго уваженія къ Ѳеофану Гавриловичу, какъ своему бывшему наставнику, я исполнилъ его желаніе и потому рѣшился посвятить его памяти эту статью.

очевидцевъ возникновенія извѣстнаго предпріятія и первоначальныхъ толчковъ къ возбужденію дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ, служитъ невознарадимою потерею для возстановленія картинъ прошлаго.

Въ западной Европѣ о всѣхъ выдающихся лицахъ на полѣ государственной, ученой и промышленной дѣятельности написаны цѣлые томы, всѣхъ интересуетъ знаніе тѣхъ причинъ и условій, которыя побудили извѣстное лицо взяться за промышленное и коммерческое дѣло, дать ему правильное направленіе, развить его дѣятельность и поставить на надлежащую высоту. У насъ государственнымъ и ученымъ дѣятелямъ воздаютъ должное, но о коммерческихъ дѣятеляхъ, особенно не изъ родовитыхъ фамилій, жившихъ гдѣ либо вдали отъ центровъ управленія, въ глуши, какъ то скоро забываютъ, и память о нихъ сохраняется долго только въ устахъ жителей той мѣстности, гдѣ они жили, устроили какое либо промышленное дѣло, кормили массу народа. А между тѣмъ любопытно знать, какимъ образомъ коммерческій человѣкъ, обладая незначительнымъ капиталомъ, при счастливо сложившихся обстоятельствахъ, энергической разумной дѣятельности и предпріимчивости, успѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ составить милліоны, оживить свой край, свою страну, дать средства къ жизни мѣстному бѣдному люду, поднять благостояніе своего раіона, устроить фабрики и заводы, открыть склады разныхъ своихъ произведеній въ большихъ городахъ своего отечества. Каждаго интересуетъ знать, сколько благотворительныхъ учрежденій, школъ открылъ такой милліонеръ, сколько кормитъ бѣднаго люда. Прочитавъ біографіи такихъ извѣстныхъ европейскихъ милліонеровъ, какъ Ротшильдъ и др., мы видимъ, что всѣмъ имъ приходилось въ началѣ испытывать много огорченій и рѣзкихъ потрясеній. Многимъ такимъ дѣятелямъ приходилось не разъ мѣнять свои операціи, измѣнять свою дѣятельность, пока не попадали на такое производство, которое въ данное время требовалось жизнію, выдвигало на сцену самыхъ дѣятелей, приносило пользу не только ему, но и мѣстности и государству. Кромѣ имѣнія таланта, въ промышленной дѣятельности важно понять, какой родъ производства въ данной мѣстности

будетъ имѣть сбытъ, какая будущность ожидаетъ извѣстное производство,—въ такихъ случаяхъ важно прозрѣвать, предугадывать будущность извѣстнаго дѣла, его необходимость, понять, что извѣстное дѣло, извѣстный промыселъ дастъ доходъ, важно понимать, какъ привить извѣстную промышленость къ мѣстности, чтобы она давала доходъ владѣльцу и увеличивала благостояніе народа. Часто случаи наталкивали коммерсантовъ на извѣстное выгодное занятіе, производство, и благодаря энергіи и умѣнію вести дѣло, ловкіе производители наживали состояніе.

Въ юго-западномъ краѣ свеклосахарное производство начало возникать въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. Первымъ піонеромъ у насъ былъ на этомъ поприщѣ промышленной дѣятельности помѣщикъ м. Смѣлой, графъ Алексѣй Бобринскій, памятникъ коему красуется въ Кіевѣ по Бульварной улицѣ. Важно, чтобы лица, близко знавшія дѣятельность графа Бобринскаго, какъ великаго благодѣтеля нашего края, составили воспоминанія о неусыпныхъ его трудахъ по введенію и установкѣ у насъ свеклосахарнаго производства. По примѣру графа Бобринскаго стали заниматься свеклосахарною промышленностью помѣщики наши: графы Потоцкій, Шуваловъ, Браницкій, и среди нихъ извѣстенъ былъ въ 1840-хъ годахъ потомственный почетный гражданинъ Кондратъ Михайловичъ Яхненко. Всѣмъ памятна фирма „рафинадный сахаръ братьевъ Яхненко и Симиренко"; въ каждой лавкѣ на видномъ мѣстѣ красовались конусообразныя головы сахара этой извѣстной фирмы, каждый большой городъ Россіи, какъ напр. Москва, Харьковъ, Нижній Новгородъ, Кіевъ, Кременчугъ, Елисаветградъ, Одесса, имѣли у себя громадные склады сахара въ собственныхъ домахъ этой фирмы; дѣятельность ея извѣстна была и заграницей; цвѣла она, какъ рѣдкій цвѣтокъ, питала она тысячи народа; потеря кредита и первый недостатокъ въ деньгахъ при общемъ безденежьи, а затѣмъ смерть главнаго дѣятеля фирмы Кондрата Михайловича Яхненка, и другихъ членовъ фирмы прекратили ея существованіе. Живя съ дѣтства въ раіонѣ дѣятельности этой фирмы, я не могу забыть тѣхъ чувствъ, которыя испытывалъ каждый мой товарищъ дѣтства, посѣтивъ городокъ Яхненка возлѣ села Мліева.

Мнѣ лично во время самаго цвѣта фирмы въ 1850 годахъ не пришлось быть въ томъ городкѣ, но разсказы товарищей живы и теперь въ моей памяти. Помню я, что каждый изъ нихъ, побывавъ въ тѣ годы въ городѣ Кіевѣ, не выносилъ тѣхъ впечатлѣній, какія испытывалъ при въѣздѣ въ тотъ городокъ. Кромѣ величественнаго семи-этажнаго зданія песочнаго и рафинаднаго завода для выдѣлки сахара, на 260 десятинахъ арендной земли у князя Воронцова устроено было до 150 домовъ для служащихъ, каждый съ особою усадьбою, огородомъ и садомъ, и каждый живущій въ такомъ домикѣ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, не зналъ сосѣдей и свободное отъ службы время посвящалъ занятію въ садикѣ, цвѣтникѣ. Каждый рядъ домовъ составлялъ особый кварталикъ подъ названіемъ „Семеновка“, „Платоновка“ и проч. Въ городкѣ были магазины, гдѣ всѣ предметы необходимости и роскоши продавались по цѣнамъ съ первыхъ рукъ въ интересѣ дешевизны и выгоды служащихъ безъ пользы для фирмы, чтобы только служащіе въ заводѣ и живущіе въ городкѣ имѣли всѣ предметы дешевые и свѣжіе. При заводѣ была прекрасная больница, вмѣщавшая въ себѣ болѣе 100 кроватей, школа изъ 6-ти классовъ подъ директорствомъ г. Гелембіовскаго, въ которой преподавателями были такія лица, какъ гг. Патлаевскій, Васильевъ—впослѣдствіи профессора университетовъ; почти всѣ преподаватели были лица съ университетскимъ образованіемъ. Въ городкѣ красовалось громадное зданіе „Главная контора“, въ которой, кромѣ завѣдыванія дѣлами фирмы, за отсутствіемъ въ то время банковъ въ краѣ, принимались деньги въ заемъ на узаконенные проценты и выдавались изъ конторы тратты. Въ городкѣ былъ свой театръ, паровая мельница, машинно-строительный заводъ, на постройку и покупку машинъ коего затрачено было около полумилліона. Въ заводѣ и вездѣ въ городкѣ было газовое освѣщеніе, каковымъ благомъ пользовались въ тѣ годы два или три города въ Россіи. При заводѣ и городкѣ сначала была временная церковь во имя Св. Стефана, а въ 1858 году выстроено было прекрасное зданіе церкви. Вообще городокъ Яхненка на всякаго посѣтителя производилъ сильное впечатлѣніе; даже из-

вѣстный малороссійскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, посѣтивъ Кондрата Михахайловича Яхненка въ его городкѣ и осмотрѣвъ школу, всѣ зданія и заводъ, обнялъ Кондрата Михайловича, разрыдался, какъ ребенокъ и сказалъ: „батьку, батьку Кондрате, що ты тутъ наробывъ"!—и пожелалъ отъ души владѣльцу всякихъ благъ и здоровья [1]). Кромѣ главнаго зданія конторы, въ которой было служащихъ болѣе 40 человѣкъ, при заводахъ, лавкахъ были особыя конторы съ массою служащихъ, не говоря уже о разныхъ прикащикахъ въ магазинахъ, комиссіонерахъ и проч. Не удивительно, что этотъ городокъ приводилъ въ изумленіе дѣтскія натуры, и каждый ученикъ, посѣтивъ этотъ городокъ, не могъ забыть его и старался впечатлѣніями дѣлиться съ товарищами. Для насъ вообще важно то, что этотъ городокъ со всѣми заводами, домами, магазинами, школою и проч. устроенъ былъ братьями Яхненко и Симиренко, не получившими спеціальнаго образованія, а людьми неграмотными или малограмотными, вышедшими изъ простого крестьянскаго сословія и въ полномъ смыслѣ нашими „самородками". Ясно, что вспомнить о такихъ дѣятеляхъ лежитъ на обязанности каждаго, кому дороги интересы родины.

Я не берусь вполнѣ очертить жизнь и дѣятельность фирмы „братьевъ Яхненко и Симиренко" и главнаго представителя ея Кондрата Михайловича Яхненка,—для такой работы нужны усилія многихъ лицъ; я желалъ бы только поставить на очередь вопросъ о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко и по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи, указать, какъ фирма братьевъ Яхненко и Симиренко начала свою дѣятельность, чѣмъ занимались они прежде, при какихъ условіяхъ и средствахъ приступили къ сахарному производству, какъ шли дѣла, какимъ пользовались значеніемъ въ краѣ, что собственно подорвало дѣятельность фирмы и почему необходимость заставила ликвидировать всѣ дѣла и прекратить дѣятельность. Я

---

[1]) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, посѣщая свою родину с. Кириловку звенигородскаго уѣзда, отстоящую въ 15 верстахъ отъ Млѣева, навѣщалъ и Кондрата Михайловича Яхненка. Извѣстно, что на средства Платона Ѳедоровича Симиренка былъ изданъ „Кобзарь" Шевченка въ 1860 году.

надѣюсь, что лица, близкія въ фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко, служившія въ этой фирмѣ, восполнятъ тѣ недостающія свѣдѣнія, которыя не войдутъ въ мои замѣтки, и тѣмъ дадутъ возможность будущему историку нашего сахарнаго производства увидѣть, насколько полезна была дѣятельность фирмы въ юго-западномъ краѣ.

Я сначала вкратцѣ разскажу объ образѣ жизни и занятіяхъ главныхъ дѣятелей фирмы до устройства ими сахарныхъ заводовъ, а затѣмъ коснусь тѣхъ условій, при которыхъ фирма приступила къ производству сахара и устройству машино-строительнаго завода,

Главный представитель фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, Кондратъ Михайловичъ Яхненко, родился въ 1783 году въ м. Смѣлой, а умеръ въ ночь съ 13 на 14 февраля 1868 г.,—слѣдовательно, жилъ около 85 лѣтъ и жилъ съ пользою для себя, людей и государства. Отецъ Кондрата Михайловича былъ крѣпостной крестьянинъ графа Самойлова, но вѣроятно былъ не изъ заурядныхъ крестьянъ, такъ какъ, желая заниматься свободно торговлею и какою либо промышленною дѣятельностью, постарался выкупить изъ крѣпостного состоянія всю свою семью, состоящую изъ трехъ сыновей, Степана, Кондрата и Терентія, и двухъ дочерей, Анастасіи, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Федора Симиренка, и Евдокіи, вышедшей замужъ за священника Ободовскаго, бывшаго послѣ протоіереемъ въ г. Чигиринѣ. До выкупа Михаилъ Яхненко занимался выдѣлкою кожъ и шитьемъ сапогъ; но желая быть свободнымъ и чувствуя себя способнымъ приносить пользу въ болѣе обширной дѣятельности, чѣмъ крѣпостной человѣкъ, израсходовалъ на выкупъ все свое состояніе, даже монисто жены, и остался безъ всякихъ средствъ.

Вообще, какъ ни казалось пріятнымъ выйти изъ крѣпостнаго состоянія, но желавшему этого крѣпостному крастьянину приходилось испытывать массу непредвидѣнныхъ препятствій, какъ со стороны самаго помѣщика, такъ и со стороны процедуры выкупа и полученія надлежащихъ документовъ; вездѣ нужно было платить, что въ старыя времена простому человѣку, хотя и зажиточному, не всегда было подъ силу. Этими причинами

можно объяснить, что отецъ Ѳедора Симиренка, будучи уроженцемъ м. Городища и крѣпостнымъ князя Воронцова, былъ въ состояніи выкупить на волю изъ всей семьи одного только сына Ѳедора, женившагося впослѣдствіи на Анастасіи Яхненковой; этотъ Ѳедоръ Симиренко, переселившись въ Смѣлу, сталъ вмѣстѣ съ братьями Яхненко заниматься арендованіемъ мельницъ-крупчатокъ, и трудъ этотъ былъ раздѣленъ такимъ образомъ: Ѳедоръ Симиренко и Степанъ Яхненко, какъ грамотные люди, занимались веденіемъ счетовъ съ записью прихода и расхода и кассою, а Кондратъ Михайловичъ и Терентій Михайловичъ, какъ неграмотные, занимались скуплею пшеницы, продажею муки и прочими хозяйственными дѣлами, требующими личнаго надзора и наблюденія.

По преданію, сохранившемуся въ семействѣ Яхненковъ, Михайло Яхненко по выкупѣ себя и своей семьи изъ крѣпостного состоянія, не зналъ, что дѣлать, главное—не было денегъ ни копѣйки, т. к. онъ все истратилъ на выкупъ, а потому, не имѣя средствъ, не могъ заниматься никакими коммерческими дѣлами. Но на выручку явился одинъ добрый знакомый коробейникъ, который, состоя въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Яхненка, зная рѣдкую коммерческую его предпріимчивость и тяжелое положеніе, занялъ ему 600 руб. ассигнаціями, и вотъ на эти деньги Михаилъ Яхненко началъ заниматься коммерческими дѣлами и между прочимъ взялъ въ аренду двѣ мельницы крупчатки въ м. Смѣлой у графа Самойлова.

По смерти Михаила Яхненко, жена его сама завѣдывала дѣлами, и вся семья работала совмѣстно. Приказанія матери исполнялись всѣми членами семьи безпрекословно. Вообще въ семьѣ Яхненковъ и Симиренковъ установлено было изстари, что старшій въ родѣ былъ главнымъ распорядителемъ общаго труда и проч. дѣлъ фирмы.

Послѣ смерти матери дѣлами фирмы завѣдывалъ Степанъ Михайловичъ Яхненко, старшій изъ братьевъ.

На первомъ планѣ въ семьѣ, еще и при старикѣ Михаилѣ Яхненко, были поставлены религіозныя требованія, религіозныя обязанности: звонъ колокола заставлялъ всѣхъ бросать ра-

боты и идти въ церковь молиться. Молитвою начинали они работу, молитвою оканчивали. Праздники и воскресные дни проводились въ посѣщеніи храма Божія, чтеніи священныхъ книгъ, посѣщеніи монастырей, помощи бѣднымъ и пожертвованіяхъ на богоугодныя дѣла; работы не было нигдѣ. Это считалось непремѣннымъ долгомъ каждаго члена семьи и служащихъ.

Между членами семьи были отношенія чисто братскія, дружественныя: меньшіе братья старшихъ называли „вы", а старшіе меньшихъ „ты". Такія же отношенія существовали и между сестрами; женщины знали свое женское дѣло, не старались вникать въ дѣла фирмы, какъ-нибудь разстраивать отношенія между мужьями, а, напротивъ, еще связывали ихъ неразрывною нитью, обладали, какъ и мущины, здравымъ природнымъ умомъ, спокойствіемъ отсутствіемъ видовъ на первенство и были образцовыя жены.

На первомъ планѣ между членами семьи была поставлена полная покорность и послушаніе младшихъ старшимъ; при разговорахъ чисто-семейныхъ, домашнихъ, въ своемъ семейномъ кругѣ, Терентій Михайловичъ, обращаясь съ вопросомъ къ брату, Степану Михайловичу, всегда говорилъ: „якъ думаете, Степанъ Михайловичъ?" Степанъ Михайловичъ отвѣчалъ Терентію Михайловичу: „я думаю, щобъ ты поихавъ туды-то", и меньшій братъ безъ всякихъ возраженій исполнялъ волю старшаго.

Такіе выработанные принципы семейнаго круга перенесены были на отношенія къ прикащикамъ и служащимъ, благодаря чему тутъ вырабатывались рѣдкой честности прикащики. По отзыву Василія Θедоровича Симиренка, знавшаго еще въ дѣтствѣ старыхъ прикащиковъ, теперь немыслимо то довѣріе и та честность прикащиковъ, которая существовала въ старину въ домѣ и дѣлахъ фирмы. Въ домѣ фирмы въ извѣстномъ мѣстѣ стоялъ громадный сундукъ; прикащикъ почтенныхъ лѣтъ носилъ ежедневный заработокъ въ сундукъ, высыпалъ рубли, червонцы, не считая бралъ, сколько ему нужно было, заявивъ только, на что нужны деньги; особаго контроля и провѣрки не было, но, если иногда и провѣрялись деньги, то всегда оказывалась исправность, точность и аккуратность.

Прикащики на дѣла фирмы смотрѣли, какъ на свое личное дѣло, всѣ были, какъ свои родные, какъ одна семья. При такихъ отношеніяхъ членовъ семьи другъ въ другу и къ служащимъ и при полной покорности младшихъ старшимъ, дѣла фирмы шли прекрасно.

Помѣщикъ м. Смѣлой графъ Самойловъ, сойдясь на коммерческой почвѣ съ семействомъ Яхненка, очень полюбилъ эту семью, особенно же Кондрата Михайловича, и, не смотря на его простое происхожденіе, цѣнилъ въ немъ умъ, предпріимчивость, приглашалъ его къ себѣ въ домъ на вечера и любилъ съ нимъ проводить время. Обладая прекраснымъ здоровьемъ въ молодые годы, Кондратъ Михайловичъ любилъ потѣшиться и выпить въ компаніи съ добрыми людьми. Графъ Самойловъ, хотя былъ и важный сановникъ, но не брезгалъ дружбою съ честными простыми людьми и, будучи по натурѣ простымъ, добрымъ человѣкомъ, всегда въ свободное время приглашалъ къ себѣ Кондрата Михайловича и проводилъ съ нимъ время по товарищески. Но главное, что сблизило ихъ и вселило между обоими ими сердечныя дружескія отношенія,—это любовь обоихъ къ билліардной игрѣ; оба были замѣчательными игроками на билліардѣ.

Графъ Самойловъ обладалъ рѣдкимъ здоровьемъ и былъ по своему времени силачъ: поднималъ, наприм., билліардъ; схвативши быка за рога, ставилъ его на колѣни, ломалъ подкову. Часто графъ Самойловъ и Кондратъ Мвхайловичъ вступали въ ратоборство, и послѣдній не могъ побороть перваго, хотя въ лѣтахъ ихъ была громадная разница; впослѣдствіи-же, когда графъ постарѣлъ, Кондратъ Михайловичъ боролъ его.

Хотя графъ Самойловъ и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьями Яхненка и Симиренка, но это не давало имъ повода зазнаваться; понимали они вполнѣ свое положеніе, зависимость отъ графа и тотъ долгъ, который обязываетъ ихъ быть особенно почтительными къ графу; знали они, что частью своего благосостоянія обязаны были ему, и потому цѣнили его и почитали. Графъ, замѣтивши въ семьѣ Яхненковъ много прекрасныхъ чертъ и пониманіе дѣла, дѣловитость, расторопность,

давалъ имъ свои порученія, и они аккуратно исполняли ихъ. Вообще въ семьѣ Яхненко и Симиренко была та прекрасная черта, что умѣли они каждому честному человѣку понравиться, располагать къ себѣ.

Симпатично также въ ихъ семьѣ было то что всѣ члены любили трудиться совокупными силами и на общую пользу, не теряли напрасно времени, имѣли охоту браться за всякое честное дѣло, которое могло дать доходъ.

Работая возлѣ мельницъ, каждый изъ братьевъ велъ себя по просту, не важничалъ, бесѣдовалъ со всякимъ встрѣчнымъ, разспрашивалъ о дѣлахъ, вообще имѣлъ нравъ словоохотливаго малоросса, любящаго вести „балачку" какъ говорятъ у насъ. Эту симпатичную черту и отсутствіе заносчивости, самонадѣянности можно и теперь замѣтить въ наслѣдникахъ Яхненко и Симиренко, и по этимъ чертамъ многіе изъ нихъ глубоко уважаются.

Кондрата Михайловича постоянно видѣли расхаживавшимъ безъ шапки по плотинѣ и наблюдающимъ то за правильнымъ содержаніемъ плотины, то за колесами, то ведущимъ какія-нибудь сдѣлки съ торговцами; плотина та и теперь называется „Яхновою". Однажды Кондратъ Михайловичъ, расхаживая по плотинѣ безъ шапки и дѣлая разныя распоряженія, замѣтилъ, что ѣдетъ графъ Самойловъ; Кондратъ Михайловичъ отдалъ ему честь, графъ остановился и сталъ съ нимъ говорить о разныхъ дѣлахъ и между прочимъ предложилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Одессу. Кондратъ Михайловичъ, не стѣсняясь тѣмъ, что былъ безъ шапки сѣлъ въ карету и уѣхалъ съ графомъ въ Одессу, не сказавъ ничего своей семьѣ. Иногда между графомъ и Кондратомъ Михайловичемъ происходили прекурьезныя сцены. Однажды, проводя вмѣстѣ время, графъ Самойловъ и Яхненко пошли въ пари, кто кого въ состояніи перепить; условлено было, что разбудить опьянѣвшаго и заснувшаго—значитъ выиграть пари. Выпили 16 бутылокъ шампанскаго, и графъ Самойловъ сдался, легъ спать. Кондратъ Михайловичъ не заснулъ, но пошелъ домой, а изъ дому опять пришелъ къ графу и сталъ его будить и тягать за ноги. Графъ, не отрезвившійся еще и сонный,

пришелъ въ страшное раздраженіе, хотѣлъ бить Яхненка; Яхненко началъ уходить и, видя, что нельзя уже уйти, т. к. по дорогѣ была рѣка Тясьминь, побѣжалъ въ рѣку по горло; графъ побѣжалъ за нимъ въ воду, но, замѣтивши тяжелое положеніе Кондрата Михайловича и нѣсколько опомнившись, остановился въ рѣчкѣ и сказалъ по-товарищески: „возвратись, голубчикъ, Кондратъ Михайловичъ, назадъ, а то утонешь; драться не будемъ". Послѣ смерти графа Самойлова м. Смѣлая перешла къ его родственникамъ графамъ Бобринскимъ. Семья Яхненко и Симиренко съ графами Бобринскими была въ такихъ же пріятельскихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, успѣла понравиться графу Алексѣю Бобринскому, и онъ явно высказывалъ имъ свою благосклонность, производилъ у нихъ закупки нужныхъ ему предметовъ и, какъ самъ дѣловой человѣкъ, искренно любилъ семью Яхненко и Симиренко.

Пріятельскія отношенія помѣщиковъ м. Смѣлой къ дому Яхненковъ, а главное—энергическая дѣятельность всѣхъ членовъ дома и фирмы имѣли послѣдствіемъ то, что ежегодно расширялась торговля крупчатою мукою и увеличивалось благосостояніе ихъ дома. Благодаря честному отношенію къ дѣлу, опытности, дѣловитости, братья Яхненко и Симиренко въ 1820-хъ годахъ успѣли составить капиталъ въ тысячъ 6—7 руб. ассигнаціями и по тогдашнему времени считались не только зажиточными людьми, но и капиталистами. Главное, что возвышало ихъ благосостояніе—это кредитъ, а затѣмъ и личный трудъ каждаго члена семьи. Ѣздили они на ярмарки, въ г. Ромны и др. города, что сближало ихъ съ торговымъ людомъ, богатымъ купечествомъ и давало имъ практическое развитіе, опытность и дѣловую снаровку.

Имѣя капиталъ, при развивавшейся торговой дѣятельности, братья Яхненко и Симиренко стали уже дѣлать значительныя пожертвованія и оказывать помощь бѣднымъ. Въ памятный голодный 1830 г. торговый этотъ домъ сталъ заниматься дѣлами благотворительности и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кормилъ около 10,000 бѣдныхъ крестьянъ; всѣ неимущіе и голодающіе

изъ разныхъ мѣстъ приходили на Яхнову плотину, и имъ выдавалась изъ мельницъ даромъ мука для пропитанія.

Кромѣ занятія мельницами, домъ Яхненко и Симиренко продолжалъ заниматься давнимъ своимъ промысломъ „кожевенною промышленностью", торговалъ на мѣстныхъ ярмаркахъ тулупами кожевеннымъ товаромъ, не лѣнились ѣздить на извѣстную въ то время Роменскую ярмарку, привозили оттуда разныя издѣлія и торговали ими довольно выгодно. Занимались еще скуплей скота и цѣлые гурты гоняли въ большіе города, Варшаву, Одессу. Дѣла по торговлѣ на столько стали расширяться и торговля стала пріобрѣтать такое значеніе, что одинъ изъ братьевъ дома Яхненко, Степанъ Михайловичъ, сталъ жить въ г. Одессѣ и заниматься наблюденіемъ за продажею муки, скота и проч.

Сообразно развитію торговыхъ оборотовъ, сталъ распространяться далеко слухъ о предпріимчивости и дѣловитости братьевъ Яхненко и Симиренко. Слава о нихъ какъ капиталистахъ и честныхъ людяхъ, начала распространяться уже далеко и за предѣлы кіевской губерніи. Нѣкто Михаилъ Петровичъ Лашинъ изъ г. Ельца, спеціалистъ по устройству мельницъ крупчатокъ и по производству елецкой высокаго достоинства крупчатой муки, узнавъ, что въ м. Смѣлой имѣются прекрасныя мельницы и завѣдуютъ ими капиталисты братья Яхненко и Симиренко, явился къ нимъ изъ г. Ельца, предложилъ взять въ аренду мельницы въ уманскомъ уѣздѣ, объяснивъ, что онъ капитала не имѣетъ, а между тѣмъ съ пользою можетъ служить при мельницѣ и знаетъ способы въ выборѣ лучшей пшеницы и выработкѣ прекраснаго качества муки. Братья Яхненко и Симиренко согласились войти въ сдѣлку съ Лашинымъ; договоръ между компаніонами состоялся на такихъ условіяхъ: капиталъ и кредитъ братьевъ Яхненко и Симиренко, знаніе и трудъ Лашина, барыши пополамъ. Въ виду такого договора, мельница въ г. Умани взята была на десять лѣтъ за весьма дешевую цѣну. Михаилъ Петровичъ Лашинъ дѣйствительно оказался знатокомъ дѣла, сталъ вырабатывать прекрасную муку, поставилъ дѣло правильно, по-коммерчески, т. е. постепенно развивалась дѣятельность по мельницѣ и по сбыту муки. Благо-

даря широкому кредиту, которымъ братья Яхненко и Симиренко пользовались у мѣстныхъ помѣщиковъ, и трудности сбыта пшеницы заграницу, по отсутстію надежныхъ путей сообщенія, братья Яхненко и Симиренко въ осеннее время закупали запасы пшеницы для операціи на весь годъ, а по мѣрѣ переработки пшеницы въ муку, немедленно ее сбывали заграницу и у себя. Единственнымъ конкурентомъ по сбыту пшеницы на мельницахъ братьевъ Яхненко и Симиренко была елецкая мука, но она не могла конкурировать, такъ какъ привозъ елецкой муки въ мѣста сбыта муки изъ мельницъ уманскихъ и смѣлянскихъ оплачивался очень дорого, а по доброкачественности различія между ними не было. Для продажи муки въ разныхъ городахъ открыты были склады, и въ г. Одессѣ сталъ уже заниматься продажею муки Терентій Яхненко, въ г. Николаевѣ занимался продажею и сбытомъ муки зять Степана Яхненка—Шевченко, въ Севастополѣ завѣдывалъ этимъ надежный прикащикъ.

Операціи по продажѣ муки шли весьма успѣшно, барыши получались необыкновенно блестящіе. Особенно успѣху этого дѣла способствовала неодинаковая цѣна на пшеницу и постоянныя почти перемѣны въ цѣнѣ. Нерѣдко случалось, что четверть пшеницы въ уманскомъ и смежныхъ уѣздахъ покупалась осенью по 10 руб. ассигнаціями и дешевле, а весною въ г. Одессѣ, вслѣдствіе усиленнаго требованія изъ заграницы, продавалась по 30 и 35 р. а иногда цѣна доходила до 40 руб. ассигнаціями. Естественно, что при такихъ барышахъ благосостояніе братьевъ Яхненко и Симиренко съ одной стороны и Лашина съ другой, росло, какъ на дрожжахъ, компаніоны обладали уже не единицами тысячъ, а сотнями въ наличномъ капиталѣ, при чемъ и кредитъ былъ самый широкій и развивался сообразно увеличенію капитала. По истеченіи десятилѣтняго аренднаго содержанія уманскихъ мельницъ, братья Яхненко и Симиренко раздѣлились со своимъ компаніономъ Лашинымъ по пятисотъ тысячъ рублей ассигнаціями чистаго дохода—суммою по тогдашнему времени громадной. Раздѣлясь деньгами, разошлись компаніоны дружелюбно, какъ и сходились, и разошлись единственно потому, что могли уже каждый самостоятельно вести какую либо свою из-

любленную коммерцію. Лашинъ продолжалъ арендовать уманскія мельницы; а затѣмъ переселился въ Одессу и занимался хлѣбною торговлею. Въ началѣ 1880 годовъ въ г. Одессѣ въ мѣстной газетѣ было сообщеніе, что скончался столѣтній старикъ, одесскій гражданинъ и милліонеръ Михаилъ Петровичъ Лашинъ.

П. Клебановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову).

Лубенщиною мы называемъ здѣсь все Посулье, начиная отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ и оканчивая м. Константиновомъ, за которымъ Сула входитъ уже въ предѣлы Слободской Украины. Сюда же мы причисляемъ и берега притоковъ Сулы, имѣющихся у послѣдней только справа—Оржицы, Слѣпорода, Удая (до Пирятина), Лохвицы и Ромна. Все это Посулье, составившее во время гетманщины Лубенскій полкъ, въ первой половинѣ XVI в. представляло собою почти совершенную пустыню. Такъ мы видимъ, что при дѣлежѣ между братьями Богданомъ и Григоріемъ Глинскими, въ к. XV в., „Глинска, Бѣльска, Ворскла и иныхъ сѣверныхъ вотчинъ,“ Богдану Глинскому досталась „Сѣверъ-Сульская (вотчина) и рѣка Сула съ верху до устья [1].“ Такое общее указаніе всего Посулья говоритъ, что если тутъ и были поселенія, то настолько незначительныя, что ихъ названіями еще нельзя было опредѣлять. Доставшееся Богдану Глинскому Посулье продолжало оставаться пустыннымъ, такъ какъ ни самъ Богданъ Глинскій, ни сынъ его, повидимому, ничѣмъ своего хозяйничанія въ Посульи не обнаружили. Остается Посулье и въ нач. второй полов. XVI в. пустыней, на ко-

[1]) Дворцов. Разряды II, 900. О князьяхъ Глинскихъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія находятся у Бонецкаго, Poczet Rodów, 63—67, откуда видно, что Григорій въ к. XV в. (1496—1501) былъ намѣстникомъ Овруцкимъ, а Богданъ тогда же (1495)—намѣстникомъ Путивльскимъ.

торой жители г. Канева промышляютъ добычей звѣря, рыбы и меду. Право каневскихъ жителей на пользованіе въ Посульи промыслами было настолько давнее, что находитъ поддержку даже у короля. Уже въ семидесятыхъ годахъ XVI в. короли польскіе писали (въ 1571—1578 г.) къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому, чтобы онъ „оберегалъ и боронилъ“ Посулье и Попселье, такъ какъ это все пространство земель составляетъ „уходы“ и „угодья“ каневскихъ мѣщанъ: „чтобы рубежи каневскіе, которые есть по самой Путивль, Михаилъ Вишневецкій оберегалъ и боронилъ и мѣщанамъ каневскимъ въ земляхъ, въ водахъ и угодяхъ ихъ, по самой Путивль, перешкоды поносить не отъ кого не допущалъ“ [1]). Но такое неопредѣленное право каневскихъ мѣщанъ на Посулье долго продолжаться не могло, такъ какъ королевскія распоряженія были неопредѣленны, а Посульскіе промыслы были выгодны. Выгода ихъ и привлекла къ к. XVI в. вниманіе нѣкоего Байбузы, повидимому, претендовавшаго на наслѣдство Глинскихъ, по свойству съ ними [2]). О немъ писалъ въ 1578 г. Степанъ Баторій, къ тому же Вишневецкому, „чтобы мѣщанъ каневскихъ отъ Байбузы, который въ земли ихъ каневскія и *въ рѣку Сулу* и Удай вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ“ [3]). Но это королевское распоряженіе скоро затѣмъ было и отмѣнено, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же король утвердилъ Посулье за тѣмъ же Байбузою. Но Байбуза—или мало дорожилъ королевскимъ пожалованіемъ или встрѣтилъ здѣсь соперника въ старшемъ сынѣ Михаила Вишневецкаго, Александрѣ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ уступаетъ Посулье Александру Вишневецкому, сѣвшему въ это время на старествѣ Каневско-Черкасскомъ. Въ 1590 г. Варшавскій сеймъ утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ право на *пустынное* Посулье (na pustynią rzeki Sule,

---

[1]) Дворцов. Разряды, II, 102.

[2]) Сестра кн. Юрія Глинскаго Аграфена была замужемъ за какимъ то Байбузою, а дочь отъ этого брака была замужемъ за Михайломъ Грибуновымъ. Дворц. Разр., II, 900.

[3]) Тамъ же, стр. 903.

za Czerkassy łeżacey, z iey przyłegłosciami), которое было „дано королемъ Степаномъ Михайлу Грибуновичу Байбузѣ, а послѣднимъ переуступлено Александру Вишневецкому, старостѣ черкасскому" [1]). На этомъ же сеймѣ, при утвержденіи части Кіевскаго Поросья за „тремя особами," послѣднимъ была отдана и частица Посулья, а именно: Горошинъ и Слѣпородъ [2]). Имена этихъ „трехъ особъ" въ постановленіи сейма не названы, но ниже мы увидимъ, что въ числѣ ихъ былъ извѣстный Станиславъ Жолкѣвскій, воевавшій противъ Наливайка. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ концѣ XVI в. Посульская *пустыня* утверждена была за Александромъ Вишневецкимъ, причемъ незначительный участокъ ея былъ выдѣленъ и отданъ другимъ.

Получивъ Посулье въ видѣ *пустыни*, Вишневецкіе колонизовали эту пустыню и образовали ту Лубенщину, которая къ половинѣ XVII в. явилась уже въ видѣ ряда городковъ, мѣстечекъ, селъ, хуторовъ...

Исторія возникновенія Лубенщины и дальнѣйшаго ея устроенія тѣсно связана съ Вишневецкими, которые были ея властителями до освобожденія лѣвобережной Малороссіи отъ поляковъ.

Вишневецкіе стали извѣстны съ к. XV в., а съ половины XVI в. стали въ южной Руси и знаменитыми, благодаря Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, внуку Михайла Васильевича, который первый сталъ писаться Вишневецкимъ [3]). Дмитрій Вишневецкій прославился своими похожденіями: захвативъ Каневъ ок. 1554 г., Вишневецкій отсюда сносился съ тогдашнимъ Запорожьемъ, нападалъ на татаръ, а затѣмъ, будучи вѣроятно недоволенъ поляками, перешелъ на службу къ турецкому султану („z tem wszystkiem kozactwem a chlopstwem które około siebie bawił" [4]), пробылъ у послѣдняго около года, вернулся на Ук-

---

[1]) Volum. legg., изд. 1859 г., II, 317.

[2]) Т. ж., II, 317.—„Także Horoszą y Sleporod, nad rzeką Nieuszin (?) nazwaną, przy granicy Moskiewskiey."

[3]) Poczet Rodów, 368.

[4]) Изъ письма, напечатаннаго въ книжкѣ Ляховича—Listy Zygm. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego, стр. 58.

раину, но тутъ не зажился и отправился на службу къ Ивану Грозному, въ Москву, откуда ходилъ съ Адашевымъ на Крымъ; затѣмъ, въ 1562 г. Дмитрія Вишневецкаго видимъ снова въ Польшѣ, при чемъ съ Ласкимъ онъ воевалъ противъ волоховъ. Въ этомъ походѣ онъ былъ плѣненъ и отправленъ въ Цареградъ, къ турецкому султану Солиману, у котораго передъ тѣмъ служилъ. Солиманъ не простилъ Вишневецкому его бѣгства изъ Турціи въ 1554 г. и велѣлъ его повѣсить. Мученическая смерть Дмитрія Вишневецкаго воспѣта въ народной пѣснѣ, придавшей сему искателю приключеній имя Байды [1]).—Послѣ Дмитрія Вишневецкаго наиболѣе извѣстнымъ изъ Вишневецкихъ въ XVI в. былъ его родичъ (двоюродный братъ?) Михаилъ Александровичъ, котораго въ 1560 г. видимъ по староствѣ Каневско-Черкасскомъ. Старостою здѣсь онъ пробылъ около двадцати лѣтъ и за это время конечно близко познакомился съ экономическими богатствами Каневскихъ „уходовъ“ по Сулѣ. Слѣдуетъ думать, что сидя въ Каневѣ, Вишневецкій могъ и самъ наложить руку на эти „уходы,“ но малолюдство кіевской Украины не дало ему возможности водвориться въ Посульской пустынѣ, требовавшей для ея эксплуатаціи—людей, т. е. населенія. Въ 1581 г. Михаилъ Вишневецкій былъ уже кіевскимъ каштеляномъ, а преемникомъ его въ Каневѣ явился сначала одинъ изъ Ходкевичей, который не позже 1584 г. былъ замѣненъ старшимъ сыномъ Михайла В—го Александромъ [2]). Сѣвъ на Каневско-Черкасское староство, Александръ В—ій, какъ видно, сразу поставилъ себѣ цѣлью—подчинить Посулье личному своему обладанію. Юридическимъ его обладателемъ В—ій сталъ, какъ мы видѣли, въ 1590 г., но фактическимъ обладателемъ Посулья онъ былъ уже раньше. Для того, чтобы утвердиться въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Виш-

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о похожденіяхъ Дмитрія Вишневецкаго собраны польскимъ историкомъ Н. Малиновскимъ (р. 1799+1865 г.), въ его критической статьѣ о книжкѣ Ляховича—Listy Zygm. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego,—напечатанной въ польской газетѣ Tygodnik Petersb., 1843 г., № 19, стр. 114—116. См. также Историч. Пѣсни Малор. народа, I, 153—159.

[2]) Свѣдѣнія Бонецкаго о времени староства Александра Вишневецкаго пополняются свѣдѣніями Руликовскаго въ его статьѣ „Каневъ“ въ Słownik'ѣ Geogr. III, 812.

невецкому нужно было призвать сюда населеніе, причемъ для защиты послѣдняго отъ татарскихъ набѣговъ, нужно было строить "городки."—Если мы взглянемъ на карту теченія Сулы, то увидимъ, что правый берегъ ея изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ глубокими ярами, и особенно—берега притоковъ: Оржицы, Слѣпорода, Булатца и наконецъ Удая. Современное описаніе Лубенскаго уѣзда говоритъ что „теченіе Сулы, Удая и Слѣпорода представляетъ гористую возвышенность, прорѣзанную крутыми ярами. Наиболѣе крутыя балки, прорѣзывающія эту возвышенность направляются къ рѣкамъ Сулѣ и Удаю, составляя какъ бы притоки этихъ рѣкъ" [1]). При помощи этихъ яровъ многія мѣстности праваго берега Сулы представляютъ собою такія защищенныя мѣста, что здѣсь искали и находили слѣды жилищъ доисторическаго человѣка, который умѣлъ выбирать защитныя мѣста. Тутъ же, на правомъ берегу Сулы, и первоначальная лѣтопись указываетъ на существованіе городковъ, между которыми Лукомль и Лубны называются уже въ XII в. Но кромѣ горъ, защищенныхъ рѣками и рѣчками, здѣсь были и среди степей защищенныя мѣста—тѣми же рѣками и рѣчками; такъ Удай, разливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько рукавовъ, представлялъ среди послѣднихъ укромныя мѣста, до которыхъ трудно было добираться степному врагу древней поднѣпровской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посулье представляло много удобныхъ по защитности мѣстъ для того населенія, которое долженъ былъ новый владѣлецъ призывать туда для пользованія естественными богатствами пустынныхъ своихъ владѣній. Первый, повидимому, городокъ Александръ В—ій построилъ на мѣстѣ древнерусскаго городка *Лубно* и назвалъ его въ свое имя — *Александровомъ*. Лѣтописный *Лубно*, повидимому, не терялся въ народной памяти: такъ при описаніи заднѣпровскихъ уходовъ Канева въ 1552 г., называется уходъ

---

[1]) Сборникъ по хозяйств. статистикѣ Полтавск. губ., т. IV-й, Лубенск. уѣздъ. (Полтава, 1885), стр. 1.

Гостиновскій, а въ немъ—„земля Лубни“ [1]). Вотъ на этой землѣ, на пепелищѣ древнорусскаго городка, и возникъ новый городокъ въ к. XVI в.—“Лубны заложены въ 1589 г. Александромъ Вишневецкимъ,“ говоритъ Морачевскій, не указывая впрочемъ источника [2]). Онъ же, Александръ В—ій, вѣроятно, построилъ и другой городокъ при рч. Слѣпородѣ, тоже названный Александровомъ, теперь—село Александровка. Хотя и не сохранилось извѣстій—какъ устраивалъ Александръ В—ій свои Посульскія владѣнія, но мы можемъ съ полною вѣроятностью заключить, что устройство нѣсколькихъ городковъ должно было привлечь сюда населеніе съ праваго берега Днѣпра, при чемъ населеніе это искало удобныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ мѣстъ сначала для ловли бобровъ, заведенія пасѣкъ, устройства по рѣкамъ рыболовныхъ „езовъ,“ а потомъ и для постройки водяныхъ мельницъ, чтобы заняться излюбленнымъ въ старой Малороссіи мукомольнымъ промысломъ. Возникавшіе около водяныхъ мельницъ хутора, очень скоро разростались въ села подъ защитою городковъ, обезпечивавшихъ дальнѣйшій ростъ колонизаціи. Александръ В—ій не могъ однакожъ успѣть устроить достаточное количество городковъ, потому что не позже 1600 г. онъ уже умеръ, оставивъ одного сына Юрія, который, какъ кажется, отцовскаго начинанія не продолжалъ, можетъ быть, по молодости. Посульскимъ наслѣдствомъ Александра В—го завладѣлъ младшій его братъ Михайло, который и продолжалъ колонизацію Посулья; повидимому, при немъ устроенъ былъ городокъ среди Удайскихъ рукавовъ, на мѣстѣ древняго Пирятина, такъ какъ городокъ этотъ въ нач. XVII в. носилъ названіе Михайлова [3]). Получивъ

---

1) Архивъ Ю—З. Россіи, ч. 7-, т. 1, стр. 102.

2) Dzieje Rzeczy Pospol. Polskiéj, V, изд. 2-е, стр. 285. Пулаcкій (Szkice i poszuk. histor., Kraków, 1887) относитъ поселеніе Лубенъ (Александрова) къ 1591 г. (стр. 40), но также безъ указанія источника.

3) Бонецкій, 376. Пулаcкій впрочемъ говоритъ, что „Михайловъ надъ Удаемъ,“ т. е. древній Пирятинъ, поселенъ въ 1592 г., но источника этого свѣдѣнія не указываетъ. „Земля Пирятинская“ какъ воспоминаніе лѣтопискаго Пирятина, называется въ перечнѣ Каневскихъ уходовъ въ 1552 г. Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. VII. т. 1, стр. 102.

Овруцкое староство, нераньше 1608 г.,[1]) Михаилъ В—ій продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ устройствѣ Посульскихъ своихъ владѣній, какъ это указываетъ напр. актъ 1609 г., въ которомъ записана жалоба Михайла В—аго на Януша Острожскаго за нападеніе на Лубенщину. В—ій жаловался на Острожскаго, что тотъ наслалъ на его Лубенскія маетности военный отрядъ почти въ три тысячи человѣкъ (болше полтрети тысячи), подъ предводительствомъ „слугъ" своихъ, сидѣвшихъ въ сосѣднихъ съ Лубенщиною городкахъ Переяславщины, (принадлежавшей въ это время Острожскимъ), при чемъ старшимъ надъ этимъ отрядомъ былъ Переяславскій подстароста Щастный-Шлешинскій. Вооруженный „дѣлы, ручницами, луками и иною апаратою военною," отрядъ Шлешинскаго напалъ „на маетность властную и дѣдизную его, В—аго, на мѣсто Лубны, или Александровъ, и села до него належачія, яко и на другую маетность, которая недавно передъ тѣмъ пожалована отъ короля Вишневецкимъ, тамъ же на Украинѣ, на пустыню, лежачую надъ рѣками Псломъ и Ворскломъ..." И тотъ отрядъ „полками разными идучи черезъ помененные маетности Лубенскіе, оные яко неприятель пустошечи, нищечи, стаціе беручи, маетности и рѣчи рухомые такъ подданныхъ, якъ и самого князя Михаила В—ого властные забираючи, грабечи," направился, говоритъ жалоба, на тѣ новыя, пожалованныя Вишневецкимъ маетности, лежащія по р. р. Пслу и Ворсклу[2]). Изъ этого акта мы видимъ, что въ 1609 г. Лубны окружены были такими уже селами, которыя можно было и грабить военному отряду, посланному Острожскимъ въ зарождавшуюся тогда Полтавщину, для „выбитія" оттуда Вишневецкихъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній, которыя указывали бы на посѣщеніе когда либо Лубенщины самимъ Михаиломъ В—имъ; можно думать, что ему незачѣмъ было ее и посѣщать, такъ какъ хозяйство и дальнѣйшее заселеніе Лубенщины вели разные его урядники, жившіе по здѣшнимъ городкамъ. На продолжавшееся при Михаилѣ В—омъ заселеніе Посулья указываютъ жалобы на

[1]) Такъ говоритъ Бонецкій, но Руликовскій (Słown. geogr., VII, 776) говоритъ, что Мих. В—ій получилъ Овруцкое сторостро только въ 1614 г.

[2]) Кіевск. центр. арх., книга гродск. Житомирск. 1609 г., № 11, л. 374 об.

В—го сосѣднихъ владѣльцевъ; такъ, въ 1607 г., жена кн. Григорія Довмонта жаловалась на Михаила В—аго, что онъ принимаетъ въ Лубны и Жовнинъ бѣжавшихъ ея подданныхъ [1]). Такія же жалобы поданы были на В—ихъ и отъ другихъ сосѣдей за пріемъ бѣжавшихъ ихъ крестьянъ въ Лукомль, въ Михайловъ (Пирятинъ), въ Сенчу [2]). Умеръ Михаилъ В—ій въ 1616 г., оставивъ вдову, извѣстную Раину Могилянку, (дочь молдавскаго воеводы Іереміи Могилы) и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Іеремію (род. 1612) и дочь Анну. Опекуномъ этихъ дѣтей сначала былъ ихъ дядя Юрій В—ій, хлопотавшій о судебной передачѣ „заднѣпрскихъ маетностей" вдовѣ умершаго брата Михаила, какъ это видно изъ постановленія Люблинскаго трибунала 20 іюня 1618 г.—По этому постановленію вдовѣ Михайла В—аго переданы были: „замокъ и мѣсто Лубны, зо всѣми футорами, яко тежъ и иншіе замки и мѣста," при чемъ перечислены слѣдующіе „замки и мѣста съ футорами:" Прилука, Лукомль, Буромль, Жовнинъ, Снятинъ, Переволочна, Александровка, Многая, Сенча и Хоролъ и кромѣ того—„мѣстечко Замосте [3]), alias Гусчинцы и мѣстечко новоосаженное Краснобереже".

Къ этому добавлялось, что перечисленные замки поступаютъ къ вдовѣ Михаила В—аго „со всѣми тѣхъ мѣстъ и футоровъ подданныхъ пожитками и повинностями." Но въ указанномъ выше постановленіи Люблинскаго трибунала перечислены не всѣ городки, уже существовавшіе въ это время по берегамъ Сулы. Въ жалобѣ Раины В—ой на Юрія Михайловича В—аго, (предшествовавшей постановленію трибунала 20 іюня 1618 г.), за отнятіе мастностей, называются еще и слѣдующіе городки: Ситовичи (?), Лохвица, Стар. и Нов. Руменское (Роменъ?) [4]). Быть можетъ, та часть Посулья, гдѣ находились перечисленные городки, отдѣлена была Юрію В—ому, который имѣлъ на Посулье одинаковое съ братомъ Михайломъ право...

---

[1]) Zródła Dziejowe, XXI, 108.

[2]) Тамъ же, XXI, 120, 172, 174, 185.

[3]) Какое поселеніе разумѣлось подъ Замостьемъ, мы не знаемъ, а подъ Краснобережемъ значился м. б. теперешній Красн. Колядинъ, который въ спискѣ имѣній В—аго названъ Krasne, а въ послѣдствіи Колядиномъ сталъ зваться отъ сидѣвшаго въ немъ урядника-поляка Коляды.

[4]) Zródła Dziejowe, XXI, 315.

Для объявленія о переходѣ, по трибунальскому постановленію, наслѣдства Михаила В—аго къ вдовѣ его, собраны были въ Лубны со всѣхъ мѣстъ, мѣстечекъ и футоровъ—войты, мѣщане, подданные и бояре, при чемъ объявленіе это произвели нарочно прибывшіе для этого въ Лубны: кн. Семенъ Лыко, п. Андрей Росохацкій и два н. п. Марковича. Первый изъ нихъ тогда же былъ поставленъ „урядникомъ на Лубняхъ, а другіе слуги вышеречоные по иншихъ мѣстахъ ставши урядниками, ведлугъ розсказу панеи своеи, подданными тими всѣми владать и робить розсказовать почали". Такъ доносили возные объ исполненіи трибунальскаго постановленія [1]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что за тридцать лѣтъ (1589—1618) колонизаціонной своей дѣятельности въ „заднѣпскихъ мастностяхъ" В—іе сдѣлали очень много: они заселили берега Сулы, начиная отъ ея устья и кончая Ромномъ, и берега Удая—отъ его устья до г. Прилуки. Конечно густаго населенія здѣсь еще не было, но было уже болѣе десятка городковъ, подъ защитою которыхъ ютились „футора," разроставшіеся затѣмъ, съ увеличеніемъ „подданническаго" населенія, въ села... Никакихъ подробностей объ этой колонизаціи, къ сожалѣнію; мы не имѣемъ. Не обнаружилось до сихъ поръ ни одного „осаднаго листа," который давалъ бы возможность познакомиться съ экономическою стороною колонизаціи. Другой вопросъ, не менѣе любопытный,—откуда находило населеніе въ южную лѣвобережную Малороссію, а слѣдовательно и въ Лубенщину, разрѣшается также съ помощью однихъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ.

Прежде всего, первые насельники степной Малороссіи (такъ называемыхъ „полей") не могли приходить сюда съ сѣвера, разумѣя здѣсь Черниговщину и Стародубщину, потому что до Деулинскаго перемирія, т. е. до захвата лѣсной Малороссіи поляками, населеніе послѣдней было до того рѣдкое [2]), что ему рѣши-

[1]) Кіевск. Центр. Арх., книга гродск. Житомирская, 1618 г., №, 13 л. л. 1046 и 1047.

[2]) См. наши замѣтки по этому вопросу въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 150 и слѣд. Никакихъ новыхъ данныхъ въ обнародованномъ съ того времени историческомъ матеріалѣ, для измѣненія тогдашняго нашего заключенія мы не встрѣтили.

тельно не было причинъ оставлять насиженныя мѣста, притомъ изобильныя лѣсомъ и водою, чтобы пускаться въ голыя, малозащищенныя „поля.“ Никакого гнета „панскаго начала“ въ к. XVI в. здѣсь не могло быть, потому что и „пановъ“ то здѣсь было очень мало. Знаемъ мы, что были здѣсь обширныя земельныя владѣнія Борозднъ, Рубцовъ и нѣкоторыхъ менѣе богатыхъ бояръ (Козловыхъ, Дунаевыхъ)[1]; но населеніе въ этихъ владѣніяхъ было слишкомъ недостаточно для эксплуатаціи природныхъ богатствъ тамошнихъ угодій, чтобы владѣльцы послѣднихъ могли чѣмъ либо тѣснить это населеніе и тѣмъ заставлять его двигаться въ „поля,“ въ „степь,“ гдѣ жизнь представляла постоянныя опасности отъ татарскихъ нападеній...

Не могло двигаться изъ Сѣверщины населеніе на югъ и послѣ Деулинскаго перемирія, потому что нахлынувшіе сюда поляки сами нуждались въ крестьянскомъ населеніи и усердно перезывали его сюда, какъ то показываетъ напр. колонизація юговосточной окраины Сѣверщины Пѣсочинскимъ[2]). Врядъ ли могло двигаться на югъ и населеніе Волыни, лѣсной просторъ которой служилъ самъ по себѣ достаточною защитою отъ насилій „панскаго начала;“ впрочемъ, еслибы волынянамъ и была нужда бросать родныя мѣста, то едва ли житель лѣсовъ пошелъ бы въ степи, экономическая обстановка которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ обстановки полѣсья. Волынянамъ открытъ былъ путь въ ту же Черниговскую и Стародубскую Сѣверщину, гдѣ природа была такая же лѣсная и земельнаго простору было много, покрайнѣй мѣрѣ до полов. XVII в. Сохранились указанія, что уходили съ родныхъ мѣстъ жители сосѣдней съ Волынью Холмщины и уходили на востокъ, лѣвобережную Малороссію, но осаживались они здѣсь не доходя до „степи,“ въ мѣстности лѣсной, схожей съ ихъ родиною[3])...

---

[1]) Опис. Стар. Малороссія, II, 317.

[2]) Опис. Ст. Малор., II, 3. Также, Hist. Pamiątki, Свѣнцкаго, I, 393. Было движеніе Сѣверскаго населенія на югъ, но только въ болѣе позднее время (1651 г.) и притомъ временное, возникшее отъ причины частной. См. Самовидца лѣтоп., изд. Бодянск., 19.

[3]) Опис. Стар. Малор., II, 149.

Вѣроятнѣе всего, что колонизація степной Малороссіи, „полей", производилась населеніемъ жившимъ въ однохарактерныхъ мѣстахъ. Тотъ же степной просторъ, какимъ характеризуется южная Малороссія, видимъ мы и въ такъ называемой Кіевской Украинѣ, т. е. въ теперешней южной части Кіевской губерніи; но отсюда колонизація въ нач. XVII в. идти не могла потому что эта Украина въ это время была тоже почти пустынею [1]). Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи, причемъ гнали его отсюда почти постоянныя татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія [2]). Куда же должно было двигаться насеніе разоренныхъ мѣстъ:—на западъ, на сѣверъ, на востокъ?—Слѣдуетъ думать, что оно могло двигаться только на земли свободныя, гдѣ прежде всего могло выбирать мѣста для поселенія на большомъ просторѣ и затѣмъ заручаться значительными льготами... Конечно всѣ эти выгоды могла представить только лѣвобережная Малороссія, но ни какъ не Галицкая Русь и не Волынь. Первая изъ нихъ также какъ и Подолія, подвергалась постояннымъ разореніямъ и тѣмъ не привлекала, а отвлекала отъ себя населеніе, а волынскіе лѣса не могли привлекать привыкшаго къ степному простору подолянина. Въ подтвержденіе того, что Подолія была колонизаціоннымъ источникомъ для лѣвобережной Малороссіи можно указать на названіе нѣкоторыхъ поселеній послѣдней, повидимому, перенесенныхъ сюда изъ Подоліи; такъ мы находимъ въ Подоліи: Біевцы, Демковку, Дорогинку, Жабинцы, Зиньковъ, Ивангородъ, Княжную Луку, Комаровку, Коржовцы, Кузьминъ, Лозовую, Люлинцы, Маковъ, Махновку, Мачуху, Рогинцы, Русановку, Сокиринцы, Сосновку, Сребрну, Тростянецъ, Улановъ, Хмельникъ, Хомутинцы, Ярмолинцы... Всѣ эти названія находимъ мы и у поселеній лѣвобережной (и притомъ южной) Малоссіи, при чемъ быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ явились тутъ и независимо отъ подольскихъ поселеній, но есть же между ними несомнѣнно и подольскія, напр. глуховское м—ко Ула-

[1]) См. напр. статью Руликовскаго объ Умани въ Słown. Geogr., III, 209.

[2]) О татарскихъ нападеніяхъ на восточную Подолію см. у Руликовскаго—„Przed kilkuset laty" (Bracławszyzna) въ сборникѣ Трусѣвича—Kwiaty i Owoce, (Кіевъ. 1870 г.), стр. 284 и слѣд.

новъ, названію котораго не откуда было здѣсь взяться, какъ только изъ Подолья [1]). Можетъ возникнуть вопросъ—какимъ образомъ Подолье могло выдѣлять изъ себя такую значительную массу населенія въ то время, когда оно само въ это время колонизовалось? [2]). Для объясненія этого явленія слѣдовало бы найти источникъ, откуда пребывало населеніе въ Подолье, тогда вѣроятно и можно было бы увидѣть, что митрополія Подольскихъ колонистовъ настолько выдѣляла изъ себя (по тѣмъ или другимъ причинамъ) населенія, что въ Подольи являлся уже избытокъ колонистовъ, которые должны были поэтому двигаться далѣе... Въ подтвержденіе возможности такого явленія мы можемъ указать на то переселенческое движеніе, которое такъ рѣзко проявилось въ полов. XVII в. въ лѣвобережной Малороссіи и повело къ колонизаціи слободской Украины [3]).—Откуда приходили переселенцы, осѣдавшіе въ Подольи и затѣмъ двигавшіеся далѣе на востокъ — вопросъ этотъ еще не подвергался изслѣдованію [4]). Вѣроятнѣе всего, что митрополіей этой колонизаціи была Галицкая Русь, такъ какъ болѣе не откуда было взяться тому люду, который дополнивъ старое населеніе Подолья, заселилъ потомъ кіевскую и южную лѣвобережную Украины, при чемъ у колонистовъ и до сихъ поръ сохранились тѣ самыя пѣсни, которыя поетъ и митрополія, разумѣя подъ послѣднею Галицкую Русь... [5]).

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., II, 481.

[2]) Новѣйшій изслѣдователь исторіи юго-восточнаго Подолья говоритъ, что разгаръ колонизаціонной дѣятельности въ Барщинѣ падаетъ *на вторую половину XVI и самое начало XVII в*... Конецъ XVI и перв. четверть XVII в. характеризуется основаніемъ многихъ мѣстечекъ въ Барщинѣ и ее порубежьи... Арх. Ю. З. Россіи, ч. VIII, т. I, стр. 113.

[3]) См. Очерки изъ исторіи колонизац. и быта степн. окраины Моск. госуд., Д. И. Багалѣя, I, 378 и слѣд.

[4]) Въ книгѣ г. Грушевскаго о Барскомъ староствѣ, вопросъ о томъ—откуда приходили колонисты послѣдняго,—остался не тронутымъ.

[5]) По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малороссіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губерніи. Матеріала для такого сравненія относительно Прикарпатской Руси собрано уже достаточно. Не говоря о Сборникѣ пѣсенъ Головацкаго, достаточно указать на изданіе Краковской академіи—Zbiór wiadomosci do antropolog. krajow.

И теперь еще между жителями южной лѣвобережной Малороссіи очень часто встрѣчаемъ прозвища *Коломійцевъ* и *Коломиченковъ*, несомнѣнно происходящихъ отъ давнихъ сюда выходцевъ, черезъ Подолію изъ Галицкой Коломіи [1]).

Ал. Лазаревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вопросъ о томъ—откуда колонизовалась лѣвобережная Украина въ послѣднее время затронутъ М. Ф. Владимірскимъ Будановымъ, въ предисловіи къ II-му тому 7-й части Архива Ю. З. Россіи, при чемъ авторъ разсматривая вопросъ о колонизаціи вообще Ю. З. Россіи отъ втор. полов. XV в. до 1569 г., относительно лѣвобережной Украины (южной) приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Здѣсь вовсе нѣтъ поселеній, а только „уходы"... Вся эта мѣстность однако наполнена „городищами" и „селищами", которыя свидѣтельствовали о прежней заселенности края... Не вполнѣ изчезнувшее населеніе этой страны есть *сѣверская Русь*, сохранившая свое древнее названіе у тогдашняго поколѣнія: рѣки той пустыни именуются „северскими", уходы—„сиверскими". (стр. 45—46)... Обширныя владѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ, Сулѣ и Удаю, хотя въ люстраціяхъ и рисуются преимущественно пустынными, но въ 70-хъ и 90-хъ гг. XVI в. *населеніе въ этихъ вотчинахъ* было и именно не пришлое... Оно именуется въ актахъ севрюками (которые въ 1570 г. подъ именемъ севрюковъ Байбуриныхъ Ворскольскихъ освобождаются отъ городовыхъ податей), (Стр. 134).—Колонизація южной Руси направляется отъ сѣвера къ югу, именно переселенцы, заселявшіе постепенно южную Русь, шли изъ Бѣлоруссіи, т. н. Литвы, т. е. сѣв. зап. части той же Бѣлоруссіи, Полѣсья и изъ Московскаго государства,—*но ни откуда больше.* (Стр. 172).—Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній. *Сѣверщина* уцѣлѣла не только на Ворсклѣ, Сулѣ и Удаю, но значительно распространилось и на правомъ берегу Днѣпра... „(Стр. 138). Полагаемъ, что эти выводы за время, ограниченное Люблинскою уніею, не могутъ имѣть особеннаго значенія по отношенію къ южной лѣвобережной Украинѣ, *колонизація которой въ это время только что начиналась.* Полагаемъ также, что севруки, жившіе въ это время въ защитныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ р. Сейма, приходили въ южную лѣвобережную Украину лишь для промысловъ, какъ приходили сюда и жители кіевскаго Полѣсья. Никакихъ данныхъ для заключенія, чтобы севруки въ это время, т. е. въ XVI в., были осѣдлыми жителями побережій Сулы, Удая и Ворсклы—нѣтъ. Относительно „Ворскольскихъ Байбузинныхъ севрюковъ", замѣтимъ, что по актамъ даже нач. XVII в.—имѣнія наслѣдниковъ Байбузы по Ворсклѣ именуются—*незаселенною пустынею Ворскло.* См. Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., №67. (Извлеченія изъ книгъ Кіевск. Центр. Арх.) Иного мнѣнія о колонизаціи лѣвобережной Украины другой ученый—г. Милюковъ, рѣшающій этотъ вопросъ на основаніи данныхъ языка. См. „Міръ Божій" 1895 г., № 4, стр. 52—54.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и примѣты, пріуроченные къ „Риздвянымъ Святамъ“. Ни къ какому другому празднику, послѣ «Велыкодня», столько не пріурочено народныхъ повѣрій, обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и примѣтъ, какъ къ «Риздву» или еще иначе «Риздвянымъ святамъ». — И дѣйствительно, такія важныя, серьезныя и большія приготовленія, какія дѣлаются къ Рождеству, у нашего народа бываютъ только дважды въ годъ:—къ Велыкодню и къ Риздву.

Цѣль настоящаго очерка, избѣгая повтореній описаннаго мною въ ст. «Рождественскія святки на Волыни» («Кіевск. Стар.», янв. 1889 г. стр. 236—242), сгруппировать всѣ народные обычаи, обряды, повѣрья, суевѣрья и примѣты, относящіеся и пріуроченные къ празднику Р. Х. и записанные почти всѣ въ староконстантинов. уѣздѣ, волын. губерніи.

Пришло «Введенье» (21 ноября), которое «празныкивъ наведе». — Пришелъ, дѣйствительно, цѣлый рядъ чтимыхъ простымъ народомъ праздниковъ: Катерыны, Андрея, Варвары, Саввы, Мыколы, Ганны.

Изъ нихъ «Варвара ночи увирве, а дня прыточыть».

Савва дорогу постеле.

«Якъ на Мыколы иней—буде овесъ».

«На Ганны иней — буде всякый хлибъ».

«Незабаромъ, недалечко и кутя или иначе еще «вилія».

«На вилію» предъ наступленіемъ вечера хозяинъ или старшій въ семьѣ приноситъ въ хату снопъ разнаго рода хлѣба, а подъ мышкой охапку сѣна. Поздоровавшись съ присутствующими въ хатѣ словами: «будьте здорови зъ Риздвомъ», хозяинъ сѣно кладетъ въ переднемъ углу, подъ образами — «на покути», а на него ставитъ снопъ;

хозяйка сейчасъ же кладетъ на сѣно «кнышъ» и «грудочку соли; затѣмъ вынимаетъ изъ печи два горшка, одинъ съ узваромъ, другой съ кутьею, и оба ставитъ на сѣно, возлѣ снопа. При этомъ всѣ присутствующіе въ хатѣ садятся,— «щобъ куры добре на яйцяхъ сыдилы».

Вечеромъ— «на вилію», «по заходи сонця», вся семья крестьянина, умывшись, одѣвшись попраздничному и помолившись Богу,— садится за столъ «вечератн». Предъ началомъ «вечеры» продѣлывается еще слѣдующее: хозяинъ садится за столъ, кладетъ предъ собою одинъ или нѣсколько «кнышей» или пироговъ и пригинается за ними, какъ бы прячется, и спрашиваетъ присутствующихъ: «а чы бачыте вы мене?» Хотя присутствующіе отлично видятъ согнувшагося хозяина, но тѣмъ не менѣе отвѣчаютъ: «ни, небачымо».

Тогда хозяинъ встаетъ изъ-за стола и говоритъ къ семьѣ: «дай же, Боже, щобъ вы и назарикъ не бачылы мене изъ хлиба».

Впрочемъ, этотъ обычай начинаетъ уже выходить изъ употребленія и теперь на Волыни практикуется не вездѣ.

«Вечера» у крестьянъ продолжается очень долго—часа два-три, потому что на нее обыкновенно приготовляется много блюдъ: рыба варенная, жаренная, холодець, борщъ, каша, вареныкы съ капустою, фасолею, горохомъ, «родзынками» (изюмомъ), «локшина» (лапша) и т. п.; но начинается ужинъ всегда съ кути, которую ѣдятъ съ медовою «сытою», сахарныхъ сиропомъ или, наконецъ, съ маковымъ молокомъ. Вся семья отъ мала до велика обязательно должна попробовать кути, а также всѣ во время ужина пьютъ водку. Во время кути, хозяинъ беретъ въ ложку ее и бросаетъ въ потолокъ, приговаривая: «морозе, морозе! иды кути ісґы». Значеніе этого обычая— «щобъ пчолы добре роилыся». При этомъ считается хорошимъ признакомъ, доброй примѣтой, если зерна кути прилипнутъ «до стели» (къ потолку); чѣмъ больше пристанетъ къ потолку зеренъ, тѣмъ лучше.

Кутя къ ковельскомъ, напр., уѣздѣ варится изъ цѣльныхъ, обтолоченныхъ ячменныхъ зеренъ, въ староконст. и заславскомъ изъ такихъ же пшеничныхъ, на Подоліи тоже изъ пшеничныхъ (каменец. уѣздъ).

У крестьянъ есть обычай, что на вилію послѣ ужина, (въ иныхъ мѣстахъ на второй день святъ) мать ребенка посылаетъ «вечеру» «повитухѣ», принимавшей этого ребенка, и «кумамъ». Вечера, обыкновенно состоитъ изъ одного или двухъ кнышей или булокъ, нѣсколькихъ пироговъ и жареной рыбы. Если виновникъ этой «вечеры»—

ребенокъ—уже подростокъ, то онъ самъ несетъ «вечеру» и «до бабы», и «до хрестныхъ тата и мамы». Принесшій «вечеру» говоритъ: «просятъ батько й маты (или дядько и дядына) на вечеру и я такъ же прошу». Бабка или кумовья, принявъ «вечеру», благодарятъ и въ опорожненную миску насыпаютъ крупъ, пшена, пшенич. муки или зернов. хлѣба, а «похрестныку» или «похрестныци» посылаютъ припасенные заранѣе гостинцы: конфекты, орѣхи, пряники. Богатые крестьяне для подобной «вечеры» покупаютъ въ городѣ: булки, пряники, яблоки и пр. Этотъ обычай широко распространенъ и практикуется на Волыни,—въ сосѣдней Подоліи онъ меньше распространенъ.

Народная примѣта: если «на вилію» ночь «зирная»—къ хорошему приплоду скота и урожаю ягодъ; а если на самое «Рыздво» мятель—къ хорошему роенію пчелъ.

Если кто на вилію во время «вечеры» (ужина) чихнетъ, то «той щаслывый», и присутствующая семья должна ему что-либо подарить.

Если во время ужина на вилію, когда посмотрѣть изъ-за окна—кого либо не видно, а на его мѣстѣ какъ бы туманный столбъ, то тотъ, «другой виліи вже недочыкае»,—умретъ.

На ночь на вилію, (т. е. подъ первый день Р. Х.) ставятъ на столъ миску или макитру съ кутьей и въ нее кладутъ всѣ ложки, потому что души всѣхъ умершихъ родныхъ ночью придутъ кутью ѣсть.

Равно въ эту ночь, какъ и подъ «Велыкдень», не тушать огней,—почитается грѣхомъ; многіе всю ночь не спять. На счетъ сна подъ Свѣтлое Воскр. и Р. Х. у крестьянъ есть изреченіе—«хто въ таку ничь спыть, той спасиння (иные говорятъ: царство небесне) проспыть.

Во всѣ три дня «Риздвянихъ святъ» обѣдъ начинается всегда кутьей.

Колядовать ходятъ не вездѣ въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на первый день праздиковъ вечеромъ, а въ нѣкорыхъ вечеромъ втораго дня. При этомъ вездѣ принято, что мальчики ходятъ особо, а взрослые особо. На Волыни въ обычаѣ, что колядовать ходятъ даже женатые почтенные «господари»—старики, на Подоліи же (каменец. уѣздъ, погранични. полоса) женатые колядовать не ходятъ, а только парни, холостые.

Какъ на Волыни, такъ и на Подоліи многіе священники не разрѣшаютъ своимъ прихожанамъ ходить колядовать на томъ основаніи, что крестьяне своими грѣховными безсмысленными, безтолковыми,

искаженными колядками только грѣшатъ, а не славятъ Бога и оскорбляютъ Его. При этомъ нѣкоторые священники не позволяютъ безусловно и категорически, другіе же условно, т. е. если колядники возьмутъ въ церкви звонокъ и половину своего сбора отдадутъ батюшкѣ «на церковь»,—то можно колядовать, въ противномъ же случаѣ нельзя.

Послѣднее распоряженіе и взглядъ можно часто встрѣтить въ въ староконстант. уѣздѣ (въ окрестностяхъ города).

Къ утру очень часто колядники валяются, безъ ногъ и безъ голоса, перепившіеся и охрипшіе, такъ какъ всякій не поетъ, а горланитъ, кричитъ, сколько можетъ, и сколько глотка выдержитъ.

Очень часто колядники водятъ съ собою «козу» одинъ изъ колядниковъ: переряжается козой (обычай, употреб. въ староконст. уѣздѣ) или просто—бабой или какимъ либо шутомъ (на Подоліи).

Учиться колядовать обыкновенно начинаютъ недѣли за двѣ до «святъ», собираясь по вечерамъ въ одну хату и устраивая такимъ образомъ репетиціи. Парни учатся колядовать, ходя къ дѣвушкамъ на «досвитки».

Вечера отъ «виліи» и до Новаго года называются и считаются «святыми», по этому по вечерамъ ничего нельзя дѣлать, и люди «святкуютъ». Здороваясь въ эти вечера, обыкновенно говорятъ:—«будьте здорови. Съ святымъ вечеромъ» или кратко: «съ святымъ вечеромъ».

Подъ Новый годъ на Волыни мальчики ходятъ подъ окна щедровать. Щедруютъ только дѣти. «Щедровальникамъ» (т. е. дѣтямъ) даютъ пироги или нарочно для этого испеченныя маленькія кнышки, которые, тоже зовутся «щедровальными», или деньги.

На Подоліи щедровать ходятъ на «голодну кутю», т. е. подъ Крещенье.

Канунъ Новаго года, или 31 декабря, на Волыни еще зовется «богатымъ вечеромъ», а на Подоліи днемъ Маланки или просто «Маланкою», такъ какъ въ этотъ день празднуется Меланьи Римлянки.

На Подоліи, крестьяне 31 декабря, здороваясь, говорятъ: «будьте здоровы зъ Маланкою» или кратко «зъ Маланкою». Вечеромъ подъ Новый годъ парни ходятъ подъ окнами домовъ, гдѣ есть дѣвушки, съ музыкой и пѣснями: придя подъ окно, парни подъ аккомпаниментъ музыки поютъ пѣсню, въ которой восхваляютъ, воспѣваютъ дѣвушку. По окончаніи пѣнія дѣвушка приглашаетъ парней въ хату и уго-

щаетъ ихъ водкой, закуской. Въ хатѣ парни поютъ, танцуютъ, веселятся. Когда парни уходятъ, дѣвушка даетъ имъ еще деньги. Это хожденіе парней съ музыкой и пѣснями (обыкновенно продолжающееся всю ночь) называется по мѣстному—«ходыты зъ Маланкою».

Есть одинъ замѣчательный способъ гаданія наканунѣ Новаго года и угадыванія погоды на весь наступающій годъ: берется луковица, разрѣзывается пополамъ и берется изъ нея 12 чашечекъ, которыя ставятъ въ рядъ. Каждой чашечкѣ дается названіе одного изъ 12 мѣс. гола, по порядку: январь, февраль, мартъ и т. д. Затѣмъ въ каждую луковичную чашечку кладется «грудочка» соли, и такъ оставляютъ чашечки на всю ночь подъ Новый годъ. На другой день смотрятъ, въ какой чашечкѣ, подъ какимъ названіемъ мѣсяца, соль растаяла—тотъ мѣсяцъ будетъ «мокрый», а гдѣ соль не растаяла,—тотъ мѣсяцъ будетъ «сухой».

О Новомъ Годѣ у крестьянъ есть много повѣрій. Такъ говорятъ, что въ ночь подъ Новый Годъ, какъ и подъ Велыкдень, видьмы, злые духи не шатаются и не дѣлаютъ пакости людямъ, и вообще въ эту ночь вся «нечисть» безсильна.

Есть также повѣрье, что въ ночь подъ новый годъ, ровно въ полночь, горятъ всѣ деньги, находящіяся въ землѣ. Горятъ они синимъ пламенемъ. Кто увидитъ такое пламя, тотъ долженъ снять съ себя что-нибудь и бросить на то мѣсто; если напр., бросить шапку, то, чтобы выкопать деньги, придется копать въ ростъ того человѣка; бросить поясъ—и копать нужно по поясъ; бросить сапогъ—копать нужно въ колѣно. Нашедшій горящія деньги долженъ добывать и копать ихъ самъ и не звать никого на помощь до тѣхъ поръ, пока кладъ не будетъ въ рукахъ, иначе кладъ ни за что не дастся взять въ руки.

По поводу такого повѣрья мнѣ пришлось слышать слѣдующій разсказъ: то бувъ соби иденъ дуже бидный чоловикъ, а дуже винъ хотивъ розбогатиты. Чувъ винъ видъ старыхъ людей, що то пидъ новый рикъ въ пивничь горятъ грошы и, дочыкавшы нового рику и пивночи, ставъ дывытыся, чы не забачить де, якъ будутъ гориты грошы. На его щасте, а разомъ и на нещасте, винъ скоро и не далечко видъ себе побачывъ сыній вогонь; не довго думавши чоловикъ той скорише прыбигъ до того вогню, скынувъ зногы постилъ и кынувъ на огонь а самъ побигъ додому за заступомъ. Принисъ заступа и не вспивъ килька разъ копануты, якъ заступъ бренкнувъ о якесь зализо; скоро чоловикъ той выкопавъ зъ земли прывелыкого

зализнаго сундука; вчепывся, чоловикъ за вико, щобъ видчиныты той сундукъ, алежъ скильки не крахтивъ, не моцувався—не видчыняеця—тай годи.

— «Пиду,—думае соби чоловикъ—поклычу жинку на помичь, теперъ вже можна: грошы вже, такъ якъ и въ рукахъ,

Отъ вдвохъ зъ жинкою, якъ вчепылысь, скоро видчинылы сундука и тылько що чоловикъ зъ жинкою нахылылысь, щобъ подывытысь, що въ тимъ сундуку е, якъ зализне вико хлопъ!—тай зачинылось, и обоимъ головы такъ, якъ сокырою видтяло, и головы тіи остались въ сундуци, а сундукъ пишовъ глибоко въ землю, ажъ загуло, загуркотало за нымъ, а на тимъ мисци, де бувъ сундукъ, зосталась страшне глибока, що ни дна, ни конця еи не видно, яма». (Дер. Григоровка, староконст, у. отъ кр. Семена Атласіока).

Еще есть повѣрья, что подъ новый годъ, тоже ровно въ полночь, скотина получаетъ даръ слова и говоритъ. По поводу этого повѣрья въ той же дерев. Григоровкѣ, и отъ того же крест. Семена Атласіока слышалъ слѣдующій разказъ:

«Бувъ соби иденъ чоловикъ. Чувъ винъ тее, що скотына пидъ новый рикъ въ пивночь говорыть, тай захотивъ спрактыкуваты, чы то правда тее, и на самый новый рикъ въ повничъ пишовъ послухаты, що то будутъ говорыты его кони. Тыльки що пришовъ и насторожився, ажъ чуе, кони его и говорять.

— Наидайся, братъ, получше,—каже иденъ до другого—бо завтра не скоро будешъ исты.

— Черезъ що такъ?—пытаетця другый.

— Бо завтра повеземъ нашого господара на цвынтаръ ховаты—каже перший кинь. Якъ сказалы, повезлы его на другый день на цвынтаръ ховаты».

Также нашъ народъ говоритъ и вѣритъ, что для того, чтобы узнать, что человѣка ожидаетъ въ наступающемъ году,—нужно въ ночь подъ новый годъ въ полночь пойти на церковную паперть и послушать: если напр. изъ церкви послышится пѣніе «Исаіе ликуй», то подслушивающій въ наступающемъ году оженится, если же послышится изъ церкви «со святыми упокой»—подслушивающій умретъ.

«То бувъ дуже цикавый чоловикъ—разск. крест. с. Плесны, заслав. у. Федоръ Ярошукъ,—который хотивъ знаты, що его чикае въ новимъ роци, и, дочикавши нового року, винъ въ пивничь пишовъ пидъ церкву слухаты. Алежъ тылько що прыйшовъ винъ пидъ церковни двери и прыложивъ ухо, якъ заразъ затрусывсь увесь, якъ

той лыстъ. Прышовъ до дому и заразъ вмеръ: въ церкви спывалы «со святыми упокой», которе спивалы на другый день надъ тимъ цикавымъ чоловикомъ».

По народному повѣрью,—какъ кто проведетъ новый годъ, такъ проведетъ и весь тотъ годъ; если на новый годъ веселъ, счастливъ, то и весь годъ будетъ веселъ и счастливъ, и наоборотъ; въ силу этого повѣрья, «злодій» подъ новый годъ «пробуетъ счастя» и непремѣнно старается украсть,—чтобы весь годъ была удача. Въ силу того же повѣрья каждый старается на новый годъ не плакать, не ругаться, а веселиться и быть довольнымъ, чтобы весь годъ быть такимъ.

По народной примѣтѣ, если ночь подъ новый годъ «зирная», будетъ урожай ягодъ. По той же примѣтѣ, если на самый новый годъ (на Рождество также) на деревьяхъ иней, будетъ урожай хлѣба.

На самый новый годъ, какъ дѣти, такъ равно, даже и взрослые, ходятъ по домамъ и посыпаютъ «или засѣваютъ» смѣсью разнаго рода хлѣбовъ, приговаривая «на щасте, на здоровье на новый рикъ! Роды, Боже, жито, пшеныцю, всяку пашныцю, а ленъ щобъ такый вырисъ»; при этомъ горсть хлѣба бросаютъ подъ потолокъ, показывая, какой долженъ выросги ленъ. Если засѣваютъ молодымъ, то прибавляютъ еще въ шутку «роды, Боже, жыто-пшеныцю, а вамъ дитей копыцю».

«Посыпальниковъ» или «засѣвальниковъ» одѣляютъ пирогами или деньгами.

Хлѣбныя зерна, которыми посыпальники засѣяли полъ, хозяйки подметаютъ, собираютъ и хранятъ, какъ средство въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни.

Вторая «кутя или вилія, у крестьянъ, какъ на Волыни, такъ и на Подоліи» зовется еще «голодною кутею», вѣроятно, по сравненію съ первой кутей, и потому, что ко второй кутѣ обыкновенно всѣ запасы праздничные бываютъ съѣдены и выпиты, и на вторую кутю остаются только небольшіе скудные остатки; «кутю» эту нашъ народъ, вѣроятно, еще потому назвалъ «голодною», что въ этотъ день (т. е. 5 января) обыкновенно всѣ постятъ, т. е. голодаютъ. Вечеромъ предъ началомъ ужина всѣ, перекрестясь, пьютъ прежде всего «свячену» воду, а затѣмъ ужинъ, какъ и на первую вилію начинается «кутей».

Въ староконстантиновск. уѣздѣ наканунѣ Крещенія—на «голодну кутю» соблюдается слѣдующій похвальный обычай: хозяинъ

или старшій членъ семьи беретъ въ кружку немного свяченой воды, дѣлаетъ изъ колосьевъ жита «кропыло» и, взявъ кусокъ свяченаго мѣла, освященнаго на Спаса, въ сопровожденіи кого либо другого, несущаго кружку съ свяченой водой въ одной рукѣ, а булку хлѣба и «грудку соли» подъ мышкой другой руки,—обходитъ всю свою усадьбу, всѣ жилыя и нежилыя постройки, все окропляетъ свяченой водой, а на всѣхъ дверяхъ свяченымъ мѣломъ пишетъ кресты. На крещеніе изъ каждаго дома обязательно кто либо идетъ на Іордань, чтобы набрать и принести свяченой Іорданской воды. Въ этотъ день всѣ не ѣдятъ, пока не напьются Іорданской воды. Во многихъ селахъ какъ Волыни, такъ особенно Подоліи, въ обычаѣ, что всѣ имѣющіе въ селѣ ружья приходятъ съ ними на Іордань и послѣ погруженія креста въ воду, выстроившись въ рядъ трижды по командѣ стрѣляютъ. Нѣкоторые пожилые и благочестивые люди послѣ освященія воды на Іордани трижды погружаются въ рѣку, продѣлывая это изъ года въ годъ; впрочемъ, надо сказать, что подобныхъ храбрецовъ немного.

Іорданскою водою промываютъ глаза, мочатъ лобъ или голову лица, страдающія глазами или головой, съ полной вѣрой, что отъ этого болѣзнь пройдетъ.

Немного іорданской воды отливъ въ бутылочку и закупоривъ, всякая семья сохраняетъ и бережетъ подъ образами, какъ святыню и какъ средство въ разныхъ случаяхъ жизни, для излѣченія разныхъ болѣзней: лихорадки, «врокивъ», прыстриту, рожи, и т. п. для окропленія гробовъ покойниковъ и во многихъ друг. случаяхъ. Относительно крещенія у крестьянъ есть тоже повѣрье; говорятъ, что подъ крещенье ровно въ полночь вода превращается въ кровь, но только людямъ благочестивой и праведной жизни удается видѣть это превращеніе.

На другой день послѣ крещенія снопъ и сѣно, поставленные «на покути» на первую вилію (24 декабря), убираются; снопъ вымолачивается, и вымолоченныя изъ него хлѣбныя зерна сохраняются и берегутся для употребленія въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни; зернами этими обсыпается гробъ съ покойникомъ предъ выносомъ его изъ хаты на кладбище; или же въ томъ же случаѣ иногда обсыпается снаружи и весь домъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волыни въ подобномъ же случаѣ, т. е. когда въ хатѣ есть покойникъ, то предъ выносомъ его изъ хаты на кладбище тѣми же зернами обкуриваютъ гробъ и внутренность хаты. Тѣми же зернами обсыпаютъ и обкуриваютъ

снаружи домъ и въ томъ случаѣ, когда «мрець ходыть»—чтобъ не вошелъ, не подступилъ къ дому. Такимъ образомъ значеніе этихъ хлѣбныхъ зеренъ, по вѣрованію народа, то, что они не даютъ возможности, не допускаютъ «мерцямъ ходыты».

Сѣно, на которомъ стояла кутя, тоже сохраняютъ, и потомъ понемножко кладутъ въ гнѣздо—«кубло», когда подсыпаютъ домашнюю птицу: куръ, гусей и пр., чтобы хорошо птица сидѣла и высиживала. Этимъ же сѣномъ закрываютъ телятъ, ягнятъ, какъ первымъ кормомъ послѣ отеленія; дѣлаютъ дѣтямъ изъ этого сѣна куль, накуриваются имъ отъ лихорадки, рожи и проч. Крещеніе обыкновенно празднуется простымъ народомъ три дня. Крещеньемъ заканчиваются «Риздвяни свята».

Ив. Бѣньковскій.

Рождественская вирша. Нѣсколько разъ мы имѣли уже случай помѣщать на страницахъ нашего журнала тѣ малорусскія піесы, которыя обыкновенно называются *виршами*, при чемъ указывали и то, какъ надо понимать и объяснять этотъ родъ поэтическаго творчества въ старой Малороссіи (см., напр., наши замѣтки въ 1888 г. № 1—3, стр. 271—282; въ 1891 г., № 12, стр. 77; въ 1892 г., № 4, стр. 116—119). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса можно найти въ трудѣ П. И. Житецкаго «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», печатавшемся первоначально въ нашемъ-же журналѣ (въ 1892 году).—Здѣсь, между прочимъ, говоря во 2-ой главѣ такъ называвшихся *молодыкахъ*, *пыворизахъ*, вообще о странствующихъ школьникахъ, авторъ рисуетъ такую картинку ихъ житія. «Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, академія кіевская, не обезпечена была отъ нуждъ и голоданія... Приходилось добывать средства къ жизни испрошеніемъ подаянія. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившіе это названіе отъ перваго слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозяевамъ за милостыню. Въ праздникъ Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ домъ обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами». Къ такимъ именно виршамъ и должна быть причислена найденная нами въ старомъ бумажномъ хламѣ, случайно пріобрѣтенномъ въ полтавской губерніи. Къ сожалѣнію, никакой даты въ рукописи нѣтъ, и только водяные

знаки на бумагѣ указываютъ 1829-ый годъ. Писано очень неразборчиво и безъ соблюденія системы въ правописаніи.

Хочу васъ, панове, чого-сь испытаты:
Що теперъ за празднынъ, чы вы можете знаты?
Чы се той празднывъ, що Хрыстосъ родывся,
Отъ чыстой Дивы Маріи воплотывся?
Кажется винъ, бо почалы йисты ковбасы и сало,
Чого у насъ у школи зроду не бувало.
Мени сеи ночи во сни прыверзлося,
Що съ небесъ у школу сало прыплелося;
Ковбасы окбло, якъ вьюны, вертятся,—
Тіи-то потравы и для насъ годятся.
Колы мене счастіе одарыло,
Що стоить край сала сывухы барыло.
Впавшы я въ сумлиння, ставъ дали соваться,
Не знаю, до чого напередъ хвататься,
Чы до сала, чы до барыла.
Уже мене до того маты вродыла:
До ковбасъ—*нетимашъ* (?), до сала - нескваплывъ,
Вкусъ хмильной сывухы мени непріятлывъ.
Но нужда и законъ миняе: якъ доведется,
На остри зубы и ковбаса трется,
А и сало не вдавыть, въ горли не застряне.
. . . .
Горилки, хочъ скильки, мій нежить (?) не прыймае,
Але, кажу, нужда и законъ миняе:
Байдуже! гирко и безъ неи,—
Внесите лышъ бо трохы сіеи.
Зъ велыкои радости отъ сна возбудывая,
Пыльненько по школи всюды дывывся;
Ажъ нема ковбасъ, ни кусочка сала,
О бидна головонько! надежда пропала.
Заплакавъ я гирко и вдарывъ въ груды.
Прыйшло мни на памьять пійты межи люды.
Вы, честныи люде, мене порятуйте,
Ковбасу и сало мени наготуйте.
Отъ щедрои рукы, що прыгодылось,
Хоть те порося, що въ синяхъ щепылось (?)
Колы-жъ на сало не спроможнисть ваша,
Такъ дайте у кошыкъ хоть кусокъ мьаса;
Хоть воно прымерзлось, то можно роздраты,
Бо далеби, якъ не дасте, то не пиду зъ хаты.
А вы щобъ здоровы того году дождалы,
По чоторы кабаны на сало годувалы.
А за сію вистъ

Дайте ковбасъ шисты!
Тое вамъ повидаю;
И съ праздныкомъ поздоровляю.

Сообщ. В. Науменко.

Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи. «Предводители дворянства полтавской губерніи въ истекшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ [1]), будучи въ губернскомъ городѣ Полтавѣ имѣли общее совѣщаніе касательно примѣненія россійскихъ узаконеній къ Литовскому Статуту и положили, чтобы по сему предмету въ каждомъ уѣздѣ составить мнѣніе изъ почетнѣйшихъ и свѣдущихъ въ законоположеніяхъ гг. дворянъ, въ слѣдствіе чего въ пирятинскомъ уѣздѣ нижеподписавшіеся полагаютъ, что россійскія узаконенія почти всѣ достаточно соотвѣтствуютъ охраненію и обезпеченію собственности и правъ каждаго въ сравненіи съ Литовскомъ Статутомъ, по коему, при рѣшеніяхъ въ судебныхъ мѣстахъ, встрѣчается затруднительная разность въ подводѣ статей и служитъ только помѣшательствомъ и поводомъ для спорящихся къ умноженію производства дѣлъ по двумъ употребительнымъ узаконеніямъ литовскаго съ россійскимъ, одно и тоже постановляющихъ, и во избѣжаніе изъясненныхъ затрудненій не обходимо считаемъ пользоваться и въ полтавской губерніи силою и дѣйствіями однихъ россійскихъ гражданскихъ узаконеній, тѣмъ болѣе, что по высочайшему указу, данному правительствующему Сенату въ 25 день іюня, сего 1840 года, россійскіе законы распространены уже на губерніи кіевскую и западныя и что намъ, какъ съ россіянами единоплеменнымъ, всего свойственнѣе руководствоваться одними и тѣми же законами, ибо всякому русскому Статутъ Литовскій напоминаетъ прежнее лишь униженіе, а вмѣстѣ и прискорбное нѣкогда сего края отторженіе отъ Россіи, притомъ многіе изъ насъ, благословляя царствованіе императрицы Екатерины Великой, подтвердить могутъ и опытами были удостовѣрены, что законы россійскіе, коими въ Малороссіи тогда судились, безъ употребленія Статута, доставляли гораздо кратчайшій путь къ достиженію искаемой справедливости, а посему: если благодѣтельное правительство наше находитъ нужнымъ ввести и въ полтавской губерніи однѣ

---

[1]) Годъ не обозначенъ, но, вѣроятно, замѣтка составлена вслѣдъ за изданіемъ закона отъ 25 іюня 1840 г.

лишь узаконенія россійскія, то мы, какъ вѣрноподданные, признаемъ весьма полезнымъ, съ сохраненіемъ только права распоряженіемъ имѣніями, согласно Литовскаго Статута, раздѣла 7-го Артикула 1.

На подлинномъ подписались:

Предводитель дворянства генералъ маіоръ Дмитрій Селецкій. Судья уѣзднаго суда Александръ Щербакъ. Уѣзднаго суда засѣдатель Яковъ Шебедевъ. Уѣзднаго суда засѣдатель Василій Васильковскій. Уѣзднаго суда засѣдатель Евграфъ Бѣлоусовичъ. Земскій исправникъ пирятинскаго уѣзда и кавалеръ Акимъ Александровичъ. Непремѣнный засѣдатель Николай Огроновичъ. Помѣщикъ коллежскій ассесоръ Василій Марковичъ. Помѣщикъ маіоръ Андрузскій. Помѣщикъ капитанъ Иванъ Щоголевъ. Помѣщикъ титулярный совѣтникъ Василій Богдановичъ. Помѣщикъ коллежскій ассесоръ Степанъ Огроновичъ. Помѣщикъ титулярный совѣтникъ Николай Гриневичъ. Помѣщикъ флота капитанъ 2-го ранга и кавалеръ Елисей Гамалѣя. Помѣщикъ штабъ ротмистръ князь Дмитрій Жеваховъ. Помѣщикъ поручикъ Василій Томара. Помѣщикъ поручикъ Семенъ Иваненко. Помѣщикъ поручикъ Александръ Карлицкій. Завѣрилъ генералъ маіоръ Селецкій.

Мнѣніе по сему предмету предводителя дворянства Селецкаго. Малороссія при самомъ вступленіи въ подданство Россіи оставлена съ законами, которые даны ей польскими королями; законы сіи составляли два отдѣльныя уложенія: магдебургское право для купцовъ и мѣщанъ и литовскій статутъ для дворянъ и разночинцевъ. 1824-го года замѣчено, что магдебургское право начало терять свое дѣйствіе въ судахъ малороссійскихъ; правительство, въ угожденіе своему народу, изъявило желаніе возстановить дѣйствіе магдебургскаго права, но генеральный судъ, высшее судебное мѣсто въ Малороссіи, просилъ прекратить на всегда дѣйствіе его, основываясь на томъ, что это право съ давняго уже времени потеряло свою силу, даже забыто и неизвѣстно въ судахъ Малороссійскихъ. Уваживъ просьбу генеральнаго суда, правительство уничтожило дѣйствіе право магдебургскаго. Между тѣмъ Литовскій Статутъ сохранялъ свою силу, и только въ настоящее время участь его, подобно участи магдебургскаго права, подверглась сомнѣнію и должна рѣшиться. По сему случаю я имѣю честь представить свое мнѣніе и полагаю, что дѣйствіе Литовскаго Статута въ Малороссійскихъ губерніяхъ полезно

на всегда уничтожить. Сообразивъ обстоятельства, къ этому дѣлу относящіяся, я достигъ до слѣдующихъ результатовъ: 1) дѣйствіе Литовскаго Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно безразлично для блага Малороссіи; 2) а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вредно; 3) напротивъ прекращеніе дѣйствія его можетъ принести важную пользу во многихъ отношеніяхъ; 4) наконецъ, мнѣніе правительства о Литовскомъ Статутѣ невыгодно, и можно ожидать ежегодно, что оно само уничтожитъ дѣйствія его.

1) Извѣстно, что до того времени, пока жизнь малороссійскаго народа имѣла свой особенный характеръ и выражалась своеобразно, полезны и необходимы были для него особенные законы: но нынѣ, когда въ этой жизни изгладились особенныя черты, когда она мало по малу сливается съ жизнью великороссійскаго народа, особенные законы совершенно излишни. Единство и тожество законовъ есть необходимое слѣдствіе единства и тожества самой жизни. Отъ этого единства національности великороссіянъ и малороссіянъ произошло то, что артикулы Литовскаго Статута, относящіеся къ законамъ уголовнымъ, къ законамъ о финансахъ, о благоустройствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ, почти всѣ давно уже потеряли свою силу, и только изъ всей системы законодательства нѣкоторыя части законовъ гражданскихъ Литовскаго Статута имѣютъ свое дѣйствіе, но и этотъ остатокъ дѣйствующихъ постановленій не только не находится въ рѣзкой противоположности съ общими россійскими гражданскими законами, но даже въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляетъ маловажное различіе. По сему лишить силы и дѣйствія этихъ постановленій было бы дѣло совершенно безразличное для дворянства малороссійскихъ губерній. Привилегіи, которыми дворянство пользовалось и пользуется по высочайшей монаршей милости, если содержатся въ Литовскомъ Статутѣ, то однѣ изъ нихъ уже уничтожены, а другія оставлены и подтверждены высочайшими указами, слѣдовательно продолжить дѣйствіе Литовскаго Статута для дворянства въ этомъ отношеніи безполезно. Но все это, какъ безразличное, ничто не значитъ въ сравненіи съ тѣми невыгодами и вредомъ, какія можно замѣтить въ дѣйствіи Статута и которыя касаются какъ правительства, такъ и подданныхъ.

2) Литовскій Статутъ получилъ свое начало въ концѣ среднихъ вѣковъ и потому содержитъ въ себѣ законы устарѣвшіе, неприличные настоящему состоянію промышленности, степени образованія и вообще духу времени. Отъ этого происходитъ, что судебныя мѣста

малороссійскихъ губерній часто бываютъ не въ состояніи примѣнить извѣстнаго закона къ настоящему быту и съ одной стороны обращаются для разрѣшенія своихъ недоумѣній въ высшія присутственныя мѣста и тѣмъ затрудняютъ и излишне умножаютъ сумму дѣлъ, съ другой стороны замедляютъ ходъ дѣлъ, что, какъ извѣстно, имѣетъ чрезвычайныя невыгоды для обѣихъ тяжущихся сторонъ. Если-же и прилагаютъ извѣстный законъ къ дѣйствительности, то это приложено бываетъ насильственно и потому вредно. Почти всѣ государства Западной Европы могутъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ: однѣ изъ нихъ перенесли, а другія еще переносятъ то зло, какое проходитъ отъ дѣйствія устарѣвшихъ законовъ. Въ особенности правила и обряды судопроизводства въ Литовскомъ Статутѣ такого свойства, что растягиваютъ ходъ дѣлъ на долгое время, отъ того раждается и образуется пристрастіе къ тяжбамъ. Самая важная невыгода отъ дѣйствія Литовскаго Статута содержится въ неопредѣленности круга его дѣйствія. До сего времени остается малоизвѣстнымъ, какія его статьи исключительно должны имѣть свое дѣйствіе и отъ этой неопредѣленности происходитъ, что a) судьи часто употребляютъ произволъ и одно и тоже дѣло могутъ рѣшать по Литовскому Статуту и по Своду Общихъ Законовъ; b) отъ этого являются аппелляціи тяжущихся лицъ; c) ходъ дѣлъ замедляется какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ. Судьи и чиновники, особенно изъ великороссіянъ, или почитая его совершенно неудобнымъ къ дѣйстію и привыкнувъ къ общимъ законамъ, оставляютъ Статутъ безъ употребленія, отъ чего также происходятъ вышеозначенныя невыгоды.

3) Независимо отъ сего, прекращеніе дѣйствія Литовскаго Статута можетъ доставить положительную пользу. При всеобщемъ однообразіи постановленій познаніе законодательства облегчится въ области теоріи и практики, а труды законодательной власти сократятся, и отъ того дѣйствіе ея будетъ свободнѣе и проще. Тоже однообразіе производитъ то, что характеры націй, раздѣленныхъ нѣкогда внѣшними обстоятельствами, совершенно сроднятся съ собою, а единство духа двухъ націй одного Государства безъ сомнѣнія имѣетъ важное вліяніе на благоденствіе и величіе его.

4) Наконецъ, желаніе самаго правительства совершенно согласно съ изложеннымъ мною мнѣніемъ, и это желаніе безъ сомнѣнія основывается на побужденіяхъ уважительныхъ, потому что правительство можетъ удобнѣе наблюдать и сознавать нужды своихъ

подданныхъ. Съ давняго времени въ различныхъ своихъ постановленіяхъ правительство замѣчало, что право, дѣйствующее въ Малороссіи, не достаточно, и желало исправить и даже вновь сочинить законы для Малороссіи. A). Въ государствованіе Елисаветы Петровны 1761-го года, августа 31-го въ сенатскомъ указѣ замѣчено: что Литовскій Статутъ недостаточенъ, и по причинѣ перемѣны времени надлежитъ сочинить новые законы, а потому въ томъ же указѣ повелѣвается малороссійскому гетману опредѣлить особливыхъ людей для разсмотрѣнія Статута. Въ слѣдствіе сего составлена была коммисія, но труды ея, даже продолжительные, не имѣли успѣха по различнымъ причинамъ. B). Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 1826 года октября 9 сказано, что государственный совѣтъ, уваживъ во первыхъ недостатокъ польскихъ законовъ объ опекахъ, а во вторыхъ пользу отъ введенія однообразнаго по всему государству постановленія, положилъ: во всемъ, что касается должности опекъ въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и малороссійскихъ, руководствоваться тѣми же постановленіями, которыя уже изданы и впредь издаваться будутъ для великороссійскихъ губерній. C). Недостатокъ и неудобство въ приложеніи къ дѣламъ постановленій Литовскаго Статута замѣчается въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 1826 года іюля 11-го. D). Впрочемъ всего яснѣе видно это мнѣніе правительства въ указѣ настоящаго года, по которому дѣйствіе Литовскаго Статута велѣно прекратить на всегда въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и въ кіевской. Подобный указъ безъ сомнѣнія со временемъ будетъ изданъ и для малороссійскихъ губерній. Потому что судьба мѣстныхъ и особенныхъ законовъ всегда бываетъ одинакова: они мало по малу теряютъ свою силу и наконецъ совершенно изчезаютъ, особенно въ то время, когда народъ, который ими управляется, оставляетъ свою національность. Даже въ Грузіи, гдѣ законодательство основано на началахъ азіатскихъ, совершенно отличныхъ отъ началъ общаго россійскаго законодательства, сіе послѣднее постепенно получаетъ тамъ свою силу. Объяснивъ свое мнѣніе, я заключаю, что пора дворянству малороссійскихъ губерній исключить изъ круга политическаго дѣйствія прежнее свое законодательство, которое оно приняло за два вѣка предъ симъ, отъ націи чуждой и уже потерявшей свою самостоятельность, — націи, которая сама со временемъ покорится дѣйствіямъ общаго законодательства. Пора принять ему законодательство, дѣйствующее въ великороссійскихъ губерніяхъ, тѣмъ бо-

лѣе, что великороссіяне и малороссіяне соединяются издавна однѣми и тѣми же общественными узами,—одною православною религіею, самодержавіемъ и однообразнымъ воспитаніемъ, и только остается одна черта, повидимому, отдѣляющая ихъ—это Литовскій Статутъ, котораго дѣйствіе посему надлежитъ уничтожить на всегда и повергнуть о семъ всеподданнѣйшее прошеніе на высочайшее разрѣшеніе.

Предводитель дворянства генералъ маіоръ Селецкій.

Сообщилъ графъ **Г. А. Милорадовичъ.**

Черты изъ быта духовенства XVIII в. Если для характеристики общественной или сословной нравственности статистика даетъ лишь нѣмое указаніе на количество фактовъ извѣстнаго порядка, то письменные памятники и судебные акты или административныя распоряженія показываютъ, въ какихъ формахъ проявляются эти факты. Для полнаго качественнаго опредѣленія степени нравственности западно-русскаго чернаго духовенства и служитъ предлагаемый ниже документъ, найденный мной въ связкѣ ставленныхъ грамотъ, хранящихся въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры.

Кіево-Печерскія Лавры приписного заграничнаго Свято-Преображенскаго Дятловицкаго монастыря игумену пречестному іеромонаху Ѳеоктисту.

Отправленные отъ вашей пречестности въ лавру подданные Иванъ Коптевичъ, Григорій Пижевскій и при нихъ іеродіаконъ Елисѣй съ пріопредѣленнымъ отъ Сорокошицкаго управленія іеромонаха Зинона нарочнымъ присмотрщикомъ, въ Лавру прибыли и посланные отъ васъ сюда разные письма, изъ которыхъ Елисѣемъ многіе содраны, представлены въ ящикѣ сложенные и какъ изъ реестра, между тѣми содранными письмами сыскавшагося, оказались, что и антиминсы старые посланы, но оныхъ въ томъ ящикѣ не явилось, то оные подданные и Елисѣй были о вышеписанномъ спрашиваны, почему и оказалось, что Елисѣй, по прибытіи въ село лаврское Сорокошичи, бывшіе въ ящикѣ письма подралъ и по разнымъ мѣстамъ разбросалъ съ такимъ умишленіемъ, чтобъ въ лаврѣ

о представляемыхъ отъ васъ его худыхъ поступкахъ не было извѣстно; а изъ антиминсовъ два отважился употребить себѣ на обувь и потопталъ, третимъ же шію обовязывалъ, не вѣдая якобы что антиминсы, а признавая негодными платками, о какихъ худыхъ и богопротивныхъ его поступкахъ производится дѣло нынѣ, а онъ самъ содержится въ желѣзахъ подъ крѣпкимъ (карауломъ) присмотромъ. А яко по прописанному реестру значится въ отправкѣ въ лавру не мало писемъ, но съ оныхъ много не явилось, а нѣкоторыхъ куски хотя и сложены здѣсь и скопіеваны, еднакъ всей той, какова отъ васъ была послана, экспедиціи въ лавру необходимо потребно подлинной за вашимъ подписомъ (реестръ), а при томъ небыло-ль въ лавру по дѣламъ монастырскимъ и сверхъ значащихся по реестру представленій; для того опредѣлено послать къ вамъ при ордерѣ из оного реестру (выписку) съ отмѣткою, что явилось, а чего нѣтъ, копію и въ якомъ тѣ репорты, доношенія и при нихъ сообщенія разніи, кои подрани и коихъ во вся не явилось, въ такомъ обстоятельствѣ какъ прежде отправлены были изъ черныхъ отпусковъ написать и, подписавъ своей рукой, немедленно въ лавру прислать; изъ монашествующихъ же впредь никого безъ дозволенія лавры изъ Дятловицкаго монастыря сюда отнюдь не присылать, опасаясь за то истязанія и отвѣта; а если кто изъ нихъ будетъ имѣть непорядочные поступки и оказыватиметъ вамъ сопротивленія, таковыхъ какъ непокорныхъ въ силу даннаго вамъ патента, не докладаясь въ лавру, смотря по винѣ штрафовать. Буди жъ изъ чіихъ поступковъ окажется дѣло, которое требоватыметь рѣшенія лаврскаго или по какимъ либо важнымъ причинамъ, держать тамо кого изъ братіи далѣе отнюдь не слѣдоватиметь, въ такомъ случаѣ представлять въ Лавру обстоятельно и ожидать резолюціи. Поелику же вышеписанные антиминсы оказались совсѣмъ замараніе и потоптаніе, такъ что какихъ оніе церквей, въ какихъ годахъ и отъ коихъ архиереевъ данные и усмотрѣть почти не можно; сверхъ же того, хотя на одномъ изъ оныхъ и видно, что были зашити въ немъ и мощы святые, но оные вами-ль выняты, или жъ съ тѣми мощами и посланъ антиминсъ, знать не по чему; на другихъ же двохъ о мощахъ никакихъ знаковъ не видно; для того вамъ во всѣхъ ли антиминсахъ были святые мощи или въ едномъ оныхъ и при отправкѣ въ лавру выняты-ль вами или с оными отправлены и нѣтъ ли записки при монастырѣ обстоятельной отъ какихъ архіереевъ и прямо ли въ Дятловицкій монастырь или оного

въ села и въ якіе церкви къ священнослуженію и въ какихъ годахъ выданы были, выправясь обстоятельно реепортовать въ возможной скорости чрезъ нарочнаго, дабы въ рѣшеніи толь важнаго дѣла остановки не происходило и вашей пречестности объ ономъ вѣдать и исполнить по сему.

Архимандритъ Зосима зъ великія Кіево-Печерскія Лавры.

1770 г. генваря 26 дня.

И. Каманинъ.

Стихотвореніе П. П. Гулака-Артемовскаго. Однимъ изъ родственниковъ П. П. Гулака-Артемовскаго любезно предоставлены въ наше распоряженіе нѣкоторыя изъ не напечатанныхъ еще произведеній покойнаго поэта, а именно: 4 псалма въ переложеніи на малорусскую рѣчь и 1 стихотвореніе по поводу послѣдняго экзамена въ Полтавскомъ Институтѣ 6 февр. 1854 г., на малорусскомъ же языкѣ. Стихотвореніе по поводу институтскаго экзамена, сообщено намъ не въ подлинникѣ. Псалмы датированы 1857 г. Харьковъ, а стихотвореніе—6 февраля 1854 г., когда онъ по какому-то поводу ѣздилъ изъ Харькова производить экзаменъ въ Полтавскомъ Институтѣ. За сообщеніе этихъ матеріаловъ считаемъ долгомъ принести глубочайшую признательность А. Гулаку-Артемовскому.

Въ заключеніе послѣдняго экзамена въ Полтавскомъ институтѣ 6 февраля 1854 г.

У Полтави—въ славнимъ мисти,
Будинки биліють:
Въ тыхъ будынкахъ дивчатъ зъ двисти,
Мовъ макъ червоніють.

Вовтузяцця жъ ти дивчата
Та не зъ парубками;
На ослинцяхъ—пташенята—
Сыдять за кныжками.

Зъ стамбулками въ пальчынятахъ,
Стыхъ свій у часловци
Промовляють... ну! до ката!
Ажъ трищыть въ головци!

Хтожъ имъ стыхъ оцей трудненькый,
Такъ завдавъ рановько?
Изъ Харькова дякъ старенькый,
Петро Гулаченко.

Чогожъ взялысь ти дивчатка
За той стыхъ въ часловци?
Щобъ погладыла паньматка
Ихъ, бачъ, по головци!

Хто жъ ихъ маты? Хто родына
Объ ихъ печальныця?
Ихъ родына—Украина,
А маты—Царыця!

Грае квочка на смиттячку,
Курчатокъ склыкае:
Клыче й ненька сыриточку,
Въ свитлыцяхъ прыймае.

Пестыть іи й доглядае,
За нею слидкуе,
Пысьму и розуму навчае,
Зодяга й годуе.

Чкурнувъ поштарь до царыци
Зъ лепортомъ-що сылы,
Объ тимъ—вже стыхъ свій въ тій книжци
Панночки довчилы [1]).

---

[1]) Очевидно, что-то испорчено въ этихъ двухъ стихахъ.

Ну!.. чухрай же й ты, Гулаче,
У Харькивъ що—мога,
Бо тамъ зъ дитьмы жинка плаче
Жде тебе—небога!

6 февраля 1854 г. Полтава.

Мелкія извѣстія.

Археологическія экскурсіи. Какъ сообщаетъ газета «Жизнь и Искусство», секретаремъ херсонскаго губернскаго статистическаго комитета и хранителемъ музея при этомъ комитетѣ В. И. Гошкевичемъ по порученію археологической коммиссіи, въ промежутокъ времени между половиною августа и концемъ октября, были предприняты археологическія экскурсіи, направленныя вверхъ по правому берегу Днѣпра и затѣмъ по тому же берегу до Станислава, отъ Станислава вверхъ по лѣвому берегу Буга до с. Кисляковки, причемъ г. Гошкевичемъ осмотрѣнъ и описанъ рядъ древнихъ городищъ, встрѣчающихся по этимъ берегамъ. Общій характеръ этихъ городищъ, по сообщенію названной газеты, можетъ быть представленъ въ такихъ чертахъ: каждое изъ нихъ расположено на крутомъ обрывистомъ берегу рѣки, представляющемъ естественную защиту отъ нападеній, а съ остальныхъ сторонъ—окружено валами, нерѣдко хорошо сохранившимися; каждое городище переполнено остатками строительныхъ матеріаловъ и черепками большихъ кувшиновъ и мелкой посуды. Такихъ городищъ на указанномъ протяженіи найдено около пятнадцати. Изъ нихъ болѣе интереснымъ представляется такъ называемое Пропастное городище, расположенное надъ глубокой балкой такого-же имени вблизи Бизюкова монастыря. Кромѣ осмотра древнихъ городищъ, произведены были раскопки кургановъ. Всѣхъ кургановъ было вскрыто пять: два въ имѣніи Н. И. Блажкова, на берегу Днѣпра, и три вблизи с. Архангельскаго, Александровской волости. Изъ нихъ въ четырехъ курганахъ найдены только останки покойниковъ безъ всякихъ вещей; вскрытіе же пятаго кургана, расположеннаго по сосѣдству съ извѣстной Бузиняной могилой, дало болѣе интересные результаты. Онъ заключалъ въ себѣ обширный склепъ, обставленный дубовыми плахами. Покойникъ лежалъ на каменныхъ плитахъ съ протянутыми вдоль туловища руками. На одной изъ ручныхъ костей найденъ браслетъ изъ чистаго золота; близъ шеи собрано 4 золотыхъ спиральки и янтарныя бусы; у головы—30 костяныхъ стрѣлъ, ле-

жавшихъ повидимому въ колчанѣ, отъ котораго не осталось слѣдовъ; у самаго черепа найдены кусочки темнокрасной краски, а у бедра— желѣзный ножъ; дно склепа выбѣлено известью. Судя по характеру погребенія и найденнымъ вещамъ, г. Гошкевичъ относитъ открытую могилу къ скиѳскому періоду. За Бизюковымъ монастыремъ видны развалины какого-то древняго поселенія, не изслѣдованныя археологами. Оттуда г. Гошкевичемъ привезено въ херсонскій музей массивное мраморное изваяніе, на двухъ сторонахъ котораго высѣчены кресты, а между ними-кипарисы и букетъ ирисовъ.

Къ вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Статья г. Т. Кибальчича «Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ», содержаніе которой было изложено въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины», кромѣ замѣтки В. И. Щербины, помѣщенной въ ноябрьской книгѣ нашего журнала, вызвала еще и другія статьи. Въ виду возбужденной названною статьею среди нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ тревоги, почетный членъ историческаго общества Нестора лѣтописца В. Б. Антоновичъ, производя разслѣдованіе мѣстности, отведенной подъ устраиваемый въ Кіевѣ винный складъ, зъ засѣданіи общества 15 октября прочелъ рефератъ, заключавшій въ себѣ разборъ статьи г. Кибальчича и напечатанный потомъ въ газетѣ «Кіевское Слово» (въ №№ 2798, 2806 и 2807). Подробно разсмотрѣвъ положенія Кибальчича, какъ историческія, такъ и археологическія, и доказавъ ошибочность этихъ положеній, В. Б. Антоновичъ не нашелъ возможнымъ признать, чтобы валъ, уничтоженный въ усадьбѣ, пріобрѣтенной министерствомъ финансовъ для устройства виннаго склада, былъ частью того древняго вала, который былъ устроенъ Ярославомъ и для опредѣленія положенія котораго въ настоящее время не имѣется никакихъ данныхъ, кромѣ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія трехъ кіевскихъ воротъ (Золотыхъ, сохранившихся донынѣ, Жидовскихъ, названныхъ впослѣдствіи Львовскими и находившихся на нынѣшней Львовской Площади,—и Лядскихъ, лежавшихъ при началѣ нынѣшней Софійской улицы), которыя являются единственными данными, указывающими на географію древняго вала. Основываясь на планѣ Берлинскаго, В. Б. Антоновичъ высказалъ предположеніе что это вовсе не Ярославовъ валъ, а одинъ изъ ретраншементовъ Миниха, расширившаго укрѣпленія стараго Кіева во время турецкой войны, въ 1736 году.—Въ дополненіе къ высказанному г. Антоновичемъ и по поводу новой статьи Кибальчича, В. З. Завитневичъ помѣстилъ въ «Кіевскомъ Словѣ» (№ 2826) статью, въ ко-

торой находитъ, что вопросъ о времени происхожденія вала, уцѣлѣвшаго въ усадьбѣ министерства финансовъ, можетъ быть категорически разрѣшенъ на основаніи помѣченнаго 1745 годомъ плана, хранящагося въ музеѣ кіевской духовной академіи, причемъ также, какъ и В. Б. Антоновичъ, приходитъ къ заключенію, что упомянутый валъ представляетъ собою одинъ изъ миниховскихъ ретраншементовъ и что мысль о томъ, чтобы этотъ рентраншементъ покрывалъ собою древній Ярославовъ валъ, такъ-же невозможна, какъ невозможно смѣшеніе вала Вобановской системы съ окопами древнерусскими. Какъ В. Б. Антоновичу, такъ и В. З. Завитневичу г. Кибальчичъ возражаетъ въ двухъ помѣщенныхъ въ газетѣ «Жизнь и Искусство» статьяхъ (одна въ №№ 308, 310, 315, 317, 322, 324, 329 и 331 и другая въ № 339), въ которыхъ старается опровергнуть положенія г. г. Антоновича и Завитневича и доказать вѣрность своихъ положеній.—Сообщая свѣдѣнія объ этихъ статьяхъ въ дополненіе къ помѣщенному въ октябрьской книгѣ извѣстію о содержаніи первой статьи Кибальчича, мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе доводовъ названныхъ авторовъ, такъ какъ разрѣшеніе возбуждаемаго ими вопроса требуетъ изложенія спеціальныхъ свѣдѣній, далеко превышающаго предѣлы «мелкихъ извѣстій», помѣщаемыхъ въ настоящемъ отдѣлѣ, отъ котораго, мы надѣемся, и наши читатели не станутъ требовать изслѣдованій по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ вопросамъ, ибо все должно быть на своемъ мѣстѣ.

Еще одинъ изъ кіевскихъ валовъ. Какъ сообщаетъ газета «Кіевское Слово» (№ 2810), при производящейся въ настоящее время планировкѣ усадьбы Фабриціуса, выходящей на крещатицкую площадь, была снята часть горы, занимавшей правый уголъ двора, причемъ открылось обнаженіе, заключающее въ себѣ слѣды культурной жизни, на основаніи чего можно заключить, что эти возвышенности были нѣкогда насыпаны искусственно. Вся гора, состоящая изъ сплошного лёса, представляется раздѣленною пополамъ болѣе темнымъ слоемъ засыпанной когда-то почвы. Верхняя часть горы, менѣе однородная, и плотная чѣмъ нижняя, имѣетъ высоты около 5-ти саженей. Кромѣ продольныхъ полосъ, свидѣтельствующихъ, что эти части были нѣкогда сооружены искусственно, она показываетъ еще нѣсколько вертикальныхъ, слегка наклонныхъ линій, обозначающихъ, какъ впослѣдствіи было обнаружено, слѣды деревянныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ бревенъ на подобіе сруба. Двѣ изъ такихъ полосъ, пересѣкающихъ всю верхнюю часть горы, начиная отъ уровня древней почвы, тянут-

ся совершенно параллельно и даютъ поводъ предполагать, что нѣкогда онѣ ограничивали собою земляную стѣну. Недавно изъ горы вывалилась нѣкоторая часть ея, причемъ на стѣнахъ оставшейся горы явственно обнаружился отпечатокъ угла бревенчатаго, совершенно истлѣвшаго сруба. При вывозкѣ обвалившейся земли были найдены желѣзный продолговатый наконечникъ какого-то колющаго орудія (небольшого копья или метательнаго дротика) и обрывокъ бронзовой широкой цѣпочки, очень оригинальной по формѣ. На горѣ, имѣющей въ настоящее время, когда часть двора снята, 7 саженей высоты, находится еще второй валъ высотою въ нѣсколько саженей, насыпанный, очевидно, значительно позже нижней его части. Въ разное время, при вывозкѣ земли въ усадьбѣ Фабриціуса, было найдено не мало человѣческихъ скелетовъ, принадлежащихъ, судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, концу XVII столѣтія. По мнѣнію людей свѣдущихъ, нижнюю часть искусственной возвышенности, съ заключающимися въ ней слѣдами древнихъ срубовъ, надо отнести къ XVII вѣку: это—остатокъ одного изъ воеводскихъ валовъ, раздѣлявшихъ старый Кіевъ на нѣсколько частей; насыпанный же на немъ болѣе узкій валъ представляетъ вѣроятно укрѣпленіе, сооруженное Минихомъ, который воспользовался существовавшимъ возвышеніемъ, чтобъ лучше защищать эту часть города.

Подземные ходы въ Умани. Газетѣ «Жизнь и Искусство» (№ 344) собощаютъ, что недавно, возлѣ существующей въ Умани «Европейской гостинницы», произошелъ обвалъ, и когда его раскопали на 4 квадратныхъ аршина, то обнаружилось четыре развѣтвленія подземнаго хода. Главная вѣтвь идетъ къ бывшему дворцу Потоцкаго, вторая—къ бывшему концертному залу, который въ прошломъ году передѣланъ въ православную церковь, третья—направляется черезъ проулокъ между домами Фишмана и Могидовича къ старому кладбищу, гдѣ въ 1825 г. былъ построенъ костелъ, а четвертая идетъ къ сосѣднему съ церковью одноэтажному домику. По словамъ одного изъ служащихъ въ названной гостинницѣ, спускавшагося внизъ съ запасомъ свѣчей и спичекъ и ходившаго въ подземельѣ около 40 минутъ, стѣны и крыша подземняго хода совершенно ровныя и гладкія, точно цементированныя; въ одномъ мѣстѣ хода оказалась дверь. Раньше, года два тому назадъ, во второй части города рабочіе при постройкѣ открыли подземный ходъ, по которому ходили версты двѣ, по направленію къ Грекову лѣсу, а въ зданіи окружного суда, гдѣ раньше была базиліанская коллегія, имѣется начало тоннеля, идущаго

по направленію Царицына сада. Сообщая это изслѣдованіе, кореспондентъ газеты прибавляетъ, что извѣстіе всѣхъ этихъ подземныхъ ходовъ могло бы дать много интереснаго археологическаго матеріала.

Императоръ Александръ III о народномъ костюмѣ. Въ «Русскомъ Словѣ» г. Липранди разсказываетъ интересный случай изъ пребыванія Государя Императора Александра III на Волыни. Передаемъ словами автора: «29 августа 1890 г.,» сообщаетъ г. Липранди, «объѣзжая мѣста расположенія маневрировавшихъ войскъ, Государь остановился въ селѣ Жерновѣ, дубенскаго уѣзда. Съ высокой горы здѣсь Государь смотрѣлъ на маневры; по обыкновенію народъ окружалъ его, вперяя взоры въ свѣтлыя очи и благоговѣйно любуясь его царственно величавой фигурой. Государь нѣжно озиралъ толпу, ласково и любовно отвѣчая на ея восторженныя привѣтствія. Вдругъ взоръ Государя остановился, лицо Государя приняло серьезное выраженіе, онъ протянулъ руку и сдѣлалъ знакъ стоявшему въ толпѣ крестьянину, котораго ранѣе никто не замѣчалъ. Толпа мигомъ раздвинулась и предъ свѣтлыя очи Государя предсталъ мужикъ въ «спинжакѣ» и брюкахъ на выпускъ; на груди его красовалась медаль старшины.

— «Это что такое?», спросилъ его строго Государь, указывая на «спинжакъ».

— «Чемерка», Ваше Величество, отвѣчалъ оторопѣвшій старшина.

— «А ты кто?», спрашиваетъ Государь, пронизывая его своимъ строгимъ и вмѣстѣ добрымъ взглядомъ.

— Мужикъ, старшина...

— «Вотъ то-то», замѣтилъ Государь,— «*Зачѣмъ же ты свой народный костюмъ мѣняешь на выдуманный, чужой*, зная, что твоя сермяга кровью предковъ оплачена для твоего украшенія? Да она и теплѣе, и къ работамъ твоимъ удобнѣе. *Не смѣй мѣнять*»...

Испуганный старшина стоитъ ни живъ, ни мертвъ, опустивъ голову и не смѣя даже взглянуть въ очи Государя.

— «А это что?», спрашиваетъ опять его Государь, указывая на выпущенныя брюки.

— «Шароварки», отвѣчаетъ еле слышно поблѣднѣвшій старшина.

— «Опять замѣна», сказалъ Государь,— «зачѣмъ мѣнять? Оно и убыточно».

Пристыдивъ такимъ образомъ старшину и приказавъ ему быть вѣрнымъ доброй старинѣ и не тратиться на безполезныя выдумки, Государь отпустилъ его. Оторопѣвшій старшина упалъ въ ноги и,

заплакавъ, въ одинъ мигъ исчезъ, словно провалился сквозь землю. Вмѣстѣ съ нимъ исчезло и нѣсколько другихъ пиджачниковъ, промѣнявшихъ свой прадѣдовскій костюмъ на костюмъ заполонившихъ Волынь нѣмецкихъ колонистовъ».

Разсказавъ этотъ случай, г. Липранди прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, онъ ни разу не встрѣчалъ крестьянъ въ нѣмецкомъ костюмѣ.

Академикъ В. В. Радловъ о томъ же предметѣ. Сотрудникъ «Петербургской газеты» сообщаетъ, что академикъ В. В. Радловъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, высказывалъ сожалѣнія по поводу того, какъ быстро, за какія-нибудь 30—40 лѣтъ, уничтожаются характерныя особенности въ народномъ костюмѣ разныхъ мѣстностей Малороссіи: «въ прошломъ году», разсказывалъ В. В. Радловъ, «туда ѣздилъ изъ Петербурга одинъ изъ любителей этнографіи и, представьте, нашелъ всего двухъ стариковъ, которые брили себѣ головы по старинному. Найти малоросса или малороссіянку въ строго національномъ костюмѣ ему вовсе не удалось. Для того, чтобы фотографировать двухъ характерныхъ стариковъ, ему пришлось одѣвать ихъ въ привезенные съ собою костюмы. Точно такая-же неудача постигла его и съ малороссійскими вышивками: оригинальные образцы старинныхъ вышивокъ онъ разыскивалъ исключительно въ тряпьѣ на фабрикахъ бумаги; всѣ же остальныя вышивки, которыя ему предлагали въ деревняхъ, оказывались сработанными по образцамъ и рисункамъ московскихъ фабрикъ. Конечно, для этнографа онѣ никакой цѣны не имѣютъ».

Къ біографіи Н. И. Костомарова. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (1895 г. № 73) пасынокъ Н. И. Костомарова, подписавшійся иниціалами *А. К.* [1]), помѣстилъ свои воспоминанія, въ которыхъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи почившаго историка въ с. Дѣдовцахъ, прилукскаго уѣзда: «Николай Ивановичъ пріѣзжалъ къ намъ въ первые дни мая, пріѣзжалъ съ моей матерью [2]) и покойницей сестрой Соней [3]), въ сопровожденіи неизмѣнной горничной Ульяны, выросшей въ нашемъ домѣ и потомъ попавшей изъ Дѣдовецъ въ Петербургъ. За день-два передъ пріѣздомъ я получалъ теле-

---

[1]) Въ печати не разъ упоминалось о томъ, что дѣтямъ супруги Н. И. Костомарова отъ перваго ея брака принадлежитъ фамилія—*Кисель*.

[2]) А. Л. Костомарова.

[3]) С. М. Кисель, въ замужествѣ—Котельникова.

грамму изъ Москвы или Курска, съ обозначеніемъ дня, а иногда и приблизительно часа пріѣзда, чтобы и обѣдъ былъ приготовленъ, и комнаты провѣтрены, такъ какъ Н. И. не любилъ жары и духоты.

Съ пріѣздомъ нашихъ петербуржцевъ (Н. И-чъ, моя мать, сестра и Ульяна), жизнь ихъ въ Дѣдовцахъ, за рѣдкими отклоненіями, протекала чрезвычайно регулярно, по точно опредѣленной программѣ. Въ шесть часовъ утра, или немного раньше, почившій историкъ просыпался и начиналъ кашлять, часто и нарочно, чтобъ дать знать старому Ѳедору (то же лѣтъ сорокъ живетъ у насъ во дворѣ, но въ Петербургѣ не былъ), что онъ проснулся. По разнымъ такимъ знакамъ Ѳедоръ вносилъ ему вычищенные сапоги, помогалъ ему одѣваться и затѣмъ выносилъ ему въ экипажъ простыню, провожая его съ крыльца до подножки экипажа, который увозилъ его на Кустовцы (предмѣстье Прилукъ) купаться. Съ купанья онъ возвращался съ версту пѣшкомъ, чтобы согрѣться послѣ купанья въ холодной утренней водѣ, потомъ садился въ экипажъ и къ восьми часамъ пріѣзжалъ къ утреннему чаю. Въ праздники и воскресенья Н. И. пріѣзжалъ къ завтраку (12 час.), такъ какъ послѣ купанья молился въ кустовской церкви, священникъ которой всегда подносилъ ему просфору

Отъ чая до завтрака Н. И. съ моей матерью уходили въ его кабинетъ (онъ же и его спальня). Тамъ они садились за длиннымъ письменнымъ столомъ, за которымъ я теперь пишу эти строки, одинъ противъ другого; матушка моя писала подъ его диктовку какую либо историческую монографію, а онъ сидѣлъ, разложивъ передъ собой. записки, вымѣтки изъ архивовъ, и диктовалъ. Послѣ завтрака являлась неизмѣнная наша сосѣдка Марія Петровна Савченко и читала, Николаю Ивановичу книги на французскомъ языкѣ. Къ обѣду Н. И. выходилъ изъ гостинной, гдѣ они читали (иногда моя матушка, иногда и покойница сестра) ровно въ четыре часа. Къ обѣду подавалась селедка или балыкъ; обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ, послѣ обѣда—чай. Черезъ часъ послѣ чая Николай Ивановичъ (а если былъ, то и Данило Лукичъ Мордовцевъ), мама и сестра проходили нашимъ садомъ черезъ калитку въ садъ сосѣда Савченка, а оттуда Н. И. съ Маріей Петровной чаще всего—на высокую Бакумову гору за селомъ.

Когда они проходили селомъ, дѣвочки и мальчики сбѣгались къ нимъ, сопровождали ихъ на Букумову гору, и тамъ, пока «старый панъ съ барыней покурятъ и побалакаютъ», они пѣли имъ пѣсни, играли въ разныя игры. Къ десяти часамъ вечера всѣ воз-

вращались домой къ вечернему чаю; Марія Петровна приходила всегда, а покойный ея супругъ изрѣдка. Послѣ чаю Николай Ивановичъ съ Маріей Петровной уходили гулять по саду, гдѣ всегда оживленно разговаривали, матушка же моя, послѣ бывшаго у нея воспаленія легкихъ, боялась гулять въ прохладныя лѣтнія ночи. Иногда всѣ обитатели нашего дома выходили и разсаживались на крыльцѣ, разговаривая о томъ о другомъ. Въ полночь всѣ расходились спать, Николай Ивановичъ уходилъ въ садъ молиться, потомъ Ѳедоръ раздѣвалъ его, вытиралъ по совѣту доктора Кошлакова мокрымъ полотенцемъ, и въ домѣ тушились огни.

Такъ продожалось изо дня въ день. Дожди и холодъ не служили препятствіемъ къ купанью Николаю Ивановичу; послѣ такихъ купаній онъ кашлялъ, но винилъ не купанье, къ которому, какъ онъ говорилъ, хорошо пріучаетъ Нева. Пріѣзды Василія Петровича Горленко, или кого другого, измѣняли программу жизни Николая Ивановича въ Дѣдовцахъ, но въ общемъ она рѣдко измѣнялась до первыхъ чиселъ сентября, когда я провожалъ всѣхъ нашихъ петербуржцевъ на далекій сѣверъ. Оставались мы съ женою вдвоемъ и ждали ихъ опять съ весной слѣдующаго года».

Сравнивая прошлое съ настоящимъ, авторъ прибавляетъ: «бывшія крестьянскія дѣти, которыя особенно любили сопровождать почившаго историка на Бакумову гору, о которой въ то время писалъ Д. Л. Мордовцевъ, уже выросли, иныя изъ бывшихъ дѣвочекъ уже вышли замужъ: нынѣшнія наши крестьянскія дѣти не знаютъ его. Старый поваръ Ѳедоръ, служившій лѣтомъ въ Дѣдовцахъ одновременно и лакеемъ почившему историку, значительно, конечно, постарѣлъ, также и священникъ нашъ, обвѣнчавшій 9 мая 1875 года Николая Ивановича съ моею матерью. Сосѣдъ нашъ А. П. Савченко уже два года какъ умеръ, а жена его Марія Петровна, замѣнявшая почившему историку мою мать чтеніемъ французскихъ историческихъ сочиненій, постарѣла и осунулась. Только рядъ вѣковыхъ тополей въ нашемъ саду, груша, подъ которой молился въ лѣтнія тихія ночи почившій историкъ, дѣдовская и кустовская церкви, которыя онъ съ любовью и охотой посѣщалъ—это все осталось безъ перемѣнъ, а мы, люди, всѣ перемѣнились»...

Защита диссертаціи. 10 декабря, въ залѣ торжественныхъ засѣданій университета св. Владиміра, П. А. Ивановъ публично защищалъ диссертацію на степень магистра русской исторіи. Изъ прочитанныхъ деканомъ историко-филологическаго факультета Т. Д. Фло-

ринским кратких біографических свѣдѣній о диссертантѣ видно, что послѣдній родился въ херсонской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ кіевской шестиклассной прогимназіи и затѣмъ завершилъ свое среднее образованіе въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Поступивъ потомъ на медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, Ивановъ черезъ два года перешелъ на историко филологическій факультетъ, по которому и окончилъ курсъ въ 1880 г. со степенью кандидата. Съ 1887 года началась его педагогическая дѣятельность въ качествѣ учителя исторіи и географіи сначала въ Николаевской, а затѣмъ въ одесской Маріинской женской гимназіи. Въ теченіе этого времени Ивановъ работалъ въ нѣкоторыхъ архивахъ и напечаталъ нѣсколько сочиненій историческаго содержанія, а въ февралѣ 1893 г. выдержалъ въ университетѣ св. Владиміра магистерскій экзаменъ. Представленная имъ диссертація носитъ названіе «Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до XIV вѣка» и распадается на три части. Въ первой части разсматривается исторія заселенія Волыни, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ; во второй части описывается внѣшняя исторія Волынской земли; послѣдняя, самая существенная часть посвящена обзору внутренней исторіи Волыни. Оффиціальными оппонентами были профессора В. Б. Антоновичъ и П. В. Голубовскій, которые, сдѣлавъ нѣкоторыя возраженія частнаго характера, признали трудъ заслуживающимъ вниманія. Послѣ публичной защиты диссертаціи Ивановъ былъ признанъ историко-филологическимъ факультетомъ достойнымъ званія магистра русской исторіи.

Новыя оперы на сюжеты изъ повѣстей Н. В. Гоголя. Въ майской книгѣ «Кіевской Старины мы сообщали о постановкѣ въ Туринѣ оперы итальянскаго композитора А. Берутти на сюжетъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба», а въ настоящее время Рикорди издана партитура этой оперы. Между тѣмъ въ Петербургѣ, на сценѣ Маріинскаго театра, готовилась къ постановкѣ (и теперь, можетъ быть уже поставлена) новая опера Римскаго-Корсакова на сюжетъ изъ другой повѣсти Н. В. Гоголя—«Ночь накапунѣ Рождества». Это будетъ уже четвертая опера на сюжеты изъ названной повѣсти (три принадлежатъ П. И. Чайковскому и Н. Ѳ. Соловьеву) и Н. В. Лисенку.

«Власть тьмы» на малорусскомъ языкѣ. «Одесскія Новости» сообщаютъ что поставленную недавно въ Кіевѣ пьесу «Власть тьмы» г-жа Л. Д. Левитонъ перевела на малорусскій языкъ и что на по-

сланное ею гр. Л. Н. Толстому письмо съ просьбой о разрѣшеніи напечатать и поставить на сцену этотъ переводъ, получился на дняхъ изъ Ясной Поляны отвѣтъ, въ которомъ гр. Л. Н. Толстой благодаритъ за переводъ его пьесы и съ удовольствіемъ соглашается на популяризацію ея на малорусскомъ языкѣ. Не находя сдѣланный г-жею Левитонъ выборъ пьесы для перевода удачнымъ, отмѣчаемъ это извѣстіе, какъ представляющее интересъ свѣдѣніями о томъ, какъ «великій писатель земли русской» относится къ переводамъ его произведеній на малорусскій языкъ.

Новое археологическое изданіе. По сообщенію той же газеты въ засѣданіи Одесскаго общества исторіи и древностей недавно разрѣшенъ вопросъ о новомъ изданіи подъ названіемъ «Музей Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей». Изданіе это будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, отдѣльными выпусками, въ которыхъ, кромѣ текста, будутъ помѣщаться изображанія предметовъ, какъ находящихся въ музеѣ общества, такъ и другихъ имѣющихъ значеніе для археологіи вообще. Первый выпускъ будетъ посвященъ терракотѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣверной части уѣзда и статьи о говорѣ. Кіевъ 1895 (изъ „Унив. Изв."), стр. XXVIII+203.

Заглавіе книги—довольно странно.

На стр. XXVII авторъ говоритъ: «Пинскій говоръ относится къ группѣ говоровъ сосѣднихъ губерній (т. е. Волынской и Гродненской). Группу этихъ говоровъ можно назвать полѣсскою. *Ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію...* Слѣдуетъ еще прибавить уже высказанный мною (на многихъ страницахъ раньше) выводъ о границахъ говора съ бѣлорусскими: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ онъ *отдѣляется отъ бѣлорусскихъ болотами и прекращается круто;* на востокѣ, на Горыни, переходъ менѣе замѣтенъ, но за Горынью уже господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе не безъ *вліянія* однако пинскаго».

Спрашивается послѣ этого: почему же книга названа «*Бѣлорусское* Полѣсье»?!

Странное заглавіе не мѣшаетъ, конечно, быть труду г. Довнаръ-Запольскаго въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ этнографію. Пинскій уѣздъ до сихъ поръ былъ областью, чрезвычайно мало изслѣдованной какъ въ этнографическомъ, такъ еще болѣе въ филологическомъ отношенія: теперь, послѣ изслѣдованій г. Довнара, занявшагося преимущественно *пограничными* мѣстностями Пинщины и уяснившаго границы ея съ Бѣлоруссіей, она ужъ не можетъ считаться terra incognita. Чтобы понять значеніе книги г. Довнара-Запольскаго, достаточно привесть заглавія отдѣльныхъ рубрикъ:

1) Введеніе (стр. I—VII),—въ немъ авторъ не только излагаетъ тѣ принципы, по которымъ произведены изслѣдованія и редактированъ сборникъ, но разсыпаетъ также немало интересныхъ этнографическихъ сообщеній (каково, напр., народное дѣленіе *всѣхъ* пѣсенъ по временамъ года). 2) Говоръ Пинчуковъ (стр. VIII—XXVIII)—статья, очень цѣнная по даннымъ. 3) Пѣсни обрядовыя (стр. 1—52), съ приложеніемъ описанія свадьбы въ пинскомъ уѣздѣ (135—141), и 4) пѣсни необрядовыя (озаглавлены: «Пѣсни лирическія», — стр. 52—135). Записи, понятно, сдѣланы фонетически и часто провѣрены вторично. Желаніе дополнить скудныя свѣдѣнія о границахъ полѣсскихъ говоровъ побудило г. Довнара-Запольскаго помѣстить въ приложеніи двѣ записи не изъ собственной пинщины: одну—изъ мозырскаго уѣзда, другую—изъ Гродненскаго (стр. 141—157). Ко всему этому матеріалу сдѣланы необходимыя и важныя слѣдующія добавленія: а) примѣчанія къ пѣснямъ (стр. 157—184), б) словарь (185—194), в) указатель (195—203). Въ примѣчаніяхъ отмѣчаются многочисленные варіанты къ каждой пѣснѣ, напечатанные въ различныхъ сборникахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ, великорусскихъ, польскихъ, литовскихъ и др., и указываются существующія этнографическія изслѣдованія и замѣтки по поводу каждой пѣсенной темы, на языкахъ русскихъ и иностранныхъ; г. Довнаръ-Запольскій отличается огромной этнографической начитанностью, прекрасно знакомъ съ самыми мелкими сборниками и статьями въ повременныхъ изданіяхъ, и этотъ отдѣлъ его труда послужитъ большимъ подспорьемъ для послѣдующихъ нашихъ этнографовъ. Съ большой похвалой надо отозваться и объ указателѣ, цѣль котораго, по словамъ автора (стр. 194),—намѣтить матеріалъ, какой представляютъ пинскія пѣсни для изученія пріемовъ народнаго творчества; такимъ образомъ здѣсь отмѣчены общія мѣста, образы, эпитеты и пр., а также и нѣкоторыя наиболѣе интересныя культурно-бытовыя темы пѣсенъ. Иныя статьи указателя—это цѣлыя изслѣдованія; такова напр., статья «Запѣвы».

Понятно, что книга г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ наибольшихъ похвалъ и признательности этнографовъ и діалектологовъ. Мѣсяцъ тому назадъ Московское Императ. Общество Любит. Естеств., Антроп. и Этногр. присудило ей премію имени вел. к. Сергія Александровича. Но нельзя скрыть, что въ трудѣ почтеннаго этнографа есть нѣкоторые очень непріятные и нежелательные промахи. Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ, но вовсе не филологъ и не грам-

матистъ, и это обстоятельство невыгодно отразилось въ обработкѣ матеріала. Говорятъ, что съ практической точки зрѣнія очень хорошо и полезно—быть мало знакому съ грамматикой. Даль, напримѣръ, гордился своимъ незнаніемъ и боялся, что изученіе грамматики въ концѣ концевъ повредило бы его естественому чутью языка. Но если все это и такъ, то оно хорошо только до тѣхъ поръ, пока этнографъ занятъ собираніемъ сырого матеріала: а какъ скоро онъ желаетъ дать ему подобающую обработку, то тутъ ужъ не обойтись безъ филологіи. Г. Довнаръ-Запольскій излагаетъ свои (очень цѣнныя) сообщенія въ такой формѣ, которая иногда и очень часто вызываетъ улыбку. Напр. будущее время «вечерятиму» неопр. накл.+вспомог. глаголъ) образовано, по его мнѣнію, съ помощью «суффикса м» (стр. XXIII) «Очицами» (тв. пад. множ. ч.) онъ понимаетъ какъ *двойствен.* число (стр. XXII). Мѣстоименіе «тый» (изъ тъ+и) якобы происходитъ изъ «тотъ» (тъ+тъ, удвоенная форма). Историческаго взгляда на происхожденіе формъ и звуковъ у г. Довнара-Запольскаго совсѣмъ нѣтъ, и очень часто онъ архаизмы производитъ изъ фактовъ современныхъ, новѣйшихъ: напр., «заутра» изъ «завтра», «сватымъ» (гал. «сватім», дат. множ., церк.-слав. сватомъ)—изъ «сватамъ» и т. д., или наоборотъ—видитъ архаизмы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Приводя пинское произношеніе: уге, скогы, кага (=уже, скажы и—? каже или коза?), онъ говоритъ, что здѣсь звукъ ζ остался безъ смягченія (стр. XXVI); замѣчаніе это не понятно, потому-что здѣсь вѣдь слышится звукъ г, а не з; если же авторъ хотѣлъ сказать, что современное, «уге» есть архаизмъ сравнительно съ «уже», то это мнѣніе не вѣрно, такъ-какъ противорѣчитъ показаніямъ исторіи языка. Произношеніе «уге» (равно какъ слободское «каэ» вм. «каже» или галицкое «хлоэ» вм. «хлопче») обусловлено небрежносью или желаніемъ сдѣлать облегченіе для языка; въ кіевской губерніи тѣхъ, кто произноситъ «каэ», «невге» и т. п., народъ называетъ «гугнывымы», или «хнякамы», т. е. гнусящими. Звукъ ы въ «уломыты» г. Довнаръ-Запольскій объясняетъ изъ «а» въ «уломаты», т. е. видитъ здѣсь явленіе фонетическое; а оно—морфологическое! мы имѣемъ дѣло съ двуми глаголами разныхъ классовъ (четвертаго и пятаго). О капитальнѣйшемъ фактѣ исторіи русскаго языка: о паденіи глухихъ гласныхъ и слѣдствіяхъ этого паденія—авторъ разбираемаго труда на имѣетъ повидимому ни малѣйшихъ свѣдѣній, а потому при объясненіи различныхъ фонетическихъ измѣненій звуковъ о и е онъ все время блуждаетъ только

вокругъ да около; напр., появленіе дифтонга ꙋо въ «жуонка», «туом» и др. онъ сваливаетъ на ударенiе, хотя признается, что въ нѣкоторыхъ ударяемыхъ слогахъ (напр., «худоба») звукъ о не переходитъ въ двугласный. Тѣхъ современныхъ звуковъ о и е, которые произошли изъ ъ и ь, онъ не умѣетъ распознать отъ звуковъ о и е основныхъ, и т. д., и т. д. Достаточно и этихъ наудачу выхваченныхъ примѣровъ, чтобы понять, въ какой нежелательной формѣ изложены г. Довнаромъ Запольскимъ его интересныя и цѣнныя сообщенія.

Незнакомство съ исторіей языка вредно отразилось даже на выборѣ транскрипціи. Избравши, напр., букву *е* для обозначенія звука *мягкаго е* (какой слышится въ произношеніи великорусскомъ), г. Довнаръ-Запольскій для обозначенія «особаго *твердаго* звука *е*» избралъ не букву *э*, какъ мы естественно ждали бы, но букву *е*,—а вѣдь она издавна означаетъ *е йотованное*! Правда, г. Довнаръ-Запольскій заранѣе оговорилъ это и предупредилъ читателя, какъ слѣдуетъ произносить его букву *е*, и все же съ непривычки очень трудно прочитать начертаніе *тепера* за «*тэпэра*»;—невольно читаешь: *тьепьера*.

Отсутствіе филологическаго чутья и незнакомство съ филологической литературой вредно отразилось и на словарѣ. Въ пѣснѣ № 377 есть фраза: «У крыныци вода велищицца»,—г. Довнаръ-Запольскій ставитъ при послѣднемъ словѣ знакъ вопроса (стр. 62), ясно показывая этимъ, что даное слово для него необычно и не совсѣмъ понятно; и тѣмъ не менѣе (на стр. 185) онъ придумываетъ къ нему даже неопредѣленное наклоненіе! Это неопр. н-ніе онъ пишетъ «велищытыса», причемъ послѣ *в* употребляетъ ужъ не букву *е* (т. е. твердое э), но *е* (мягкое э). На самомъ же дѣлѣ *ве* есть не что иное, какъ предлогъ-частица *вы*; пинское *велищыцца* равно украинскому «вылыщиться» или «вылыскуется» (сверкаетъ, блеститъ), а неопред. н-ніе будетъ «вылыщатыся» или «вылыскуватыся»; есть и простой глаголъ «лыщаты» (блистать, сверкать). Глаголъ «лыщаты», конечно, очень хорошо знакомъ г. Довнару-Запольскому, и если бъ онъ имѣлъ какую-либо филологическую чуткость, то сразу угадалъ бы истинный смыслъ выраженія «вода велищыцца» (выраженія, замѣтимъ, вовсе нерѣдкаго, особенно въ двойномъ соединеніи: «лыщыть»—вылыщыться») и не написалъ бы въ «словарѣ» слѣдующей статейки: «*Велищытыса* (въ № 377: вода велещицца» (какая непослѣдователь-

ность въ правописаніи! Бѣлорусcы такъ говорятъ о водѣ, когда она стоитъ почти тихо, едва колеблется, тихо плещетъ; припоминается, что babyприпятскіе рыбаки употребляютъ этотъ глаголъ, говоря о рыбѣ, когда она слабо бьется на берегу, выброшенная сѣтями». Сколько здѣсь наговорено ненужнаго, лишняго и въ концѣ концевъ все же неточнаго!—Возьмемъ еще другіе примѣры изъ словаря г. Довнара-Запольскаго. Автора затрудняетъ слово *«боровиночка.* Онъ говоритъ: «Боровиночка—боровое зелье, по Пискунову, но по Далю—порода мелкихъ, но хорошихъ яблокъ». Кто правъ, этого и Довнаръ-Запольскій рѣшить не берется. Существуютъ малорусскія слова на—«овина»: «садовына» и «городовына» (на ряду съ «городына»), означающія все то, что растетъ въ саду, въ огородѣ. Существуютъ слова: «польовына», «лисовына»: все что произростаетъ на полѣ, въ лѣсѣ,—отсюда иногда: самое пространство поля, лѣса. Существуетъ наконецъ слово «боровына», которое означаетъ: «все лѣсное, боровое» въ томъ числѣ «весь боръ въ совокупности», «пространство бора». Если г. Довнаръ-Запольскій раньше не слышалъ этого слова, то при малѣйшей филологической снаровкѣ легко догадался бы о его смыслѣ. Впрочемъ я думаю, что почтенный этнографъ даже слышалъ это слово и прежде, только забылъ. Извѣстна малорусская свадебная пѣсня, напечатанная у Чубинскаго IV, 596: «Ой боромъ, боромъ, боровыною, а хто тамъ йиде вечорыною»? Эта пѣсня поется и у бѣлоруссовъ: она приводится въ одной изъ бѣлорусскихъ пьесокъ Дунина-Марцинкевича. Г. Довнаръ-Запольскій, самъ переиздавшій кое-что изъ Дунина-Марцинкевича, навѣрное читалъ эту пѣсню, и хотя слово «боровина» не попало въ бѣлорусскій словарь Носовича, оно должно было бы вспомниться г. Довнару-Запольскому, такъ-какъ записанная имъ пѣсня № 270 очень напоминаетъ ту, которая у Дунина-Марцинкевича. Слово *«жуковына»*, попадающееся въ пѣснѣ на стр. 151-й, въ словарь г. Довнара-Запольскаго не внесено, хотя туда внесены такія обычныя слова, какъ «барытыся», «бляха», «бороныты», «брыдкій» и др. Считать «жуковына» очень употребительнымъ словомъ, не требующимъ объясненія, авторъ не могъ, потому-что оно очень рѣдко, а въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича его нѣтъ: приходится думать что, г. Довнаръ-Запольскій, просто не зналъ этого слова. Оно—персидско-арабское и означаетъ «драгоцѣнное украшеніе», но въ старинномъ русскомъ языкѣ оно (сперва въ болѣе правильной формѣ «жиковина», а потомъ въ рус-

сифицированной «жуковина», какъ будто отъ «жукъ»)[1]) обозначаетъ «перстень, въ который вдѣлана драгоцѣнность»; въ такомъ значеніи слово сохраняется до сихъ поръ въ карпаткихъ горахъ, какъ видно, на Полѣсьи. Въ древне-русской литературѣ оно попадается часто.—*Додѣты* объяснено у г. Довн.-Запольскаго какъ «надоѣсть». Это вѣрно. Но по малорусски есть и глаголъ «надоисты» и (безъ предлога) «доисты»; не умѣя разбивать слова на составныя части, г. Довн.-Запольскій говоритъ, что «доила»—это есть прошедшее время къ «додѣты» на ряду съ «додѣла» (стр. 186.)—На стр. 187 интересна одна строка: «*Затяты*(й) (изъ «затнуты»)—тронутый; о деревѣ—надрубленный». Производя «тяти» изъ «тьнути», авторъ, конечно, нарушаетъ ученіе о юсахъ, но нарушаетъ невольно и безсознательно, такъ-какъ (я сужу по переводу «тронутый») онъ и не догадывается о юсовомъ происхожденіи глагола «тнуты», а видитъ въ немъ видоизмѣненіе «ткнуты» (тронуть). Переводъ «тронутый», разумѣется, не вѣренъ или не точенъ: и древнее, и нынѣшнее значеніе глагола «тяты»—именно «рѣзать», «рубить»,—значеніе, которое г. Довнаръ-Запольскій примѣняетъ только по отношенію къ дереву.—Этимологія вообще хромаетъ въ его словарѣ: часто она ложна, а иногда и правильна, да слово подобрано не ближайшее. Напр. сказано: «*Зотхнуты*—вздохнуть, westchnienie вздохъ». Какъ будто нѣтъ ближайшаго слова westchąć»! (Кажется впрочемъ, что Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно, и потому нельзя его упрекать, что онъ не вспомнилъ «westchąć»: б. м. онъ его и не знаетъ). Да и къ чему считать «зотхнуты» полонизмомъ? Древняя форма—въздъхнѫти; предлогъ въз систематически переходитъ у малороссовъ въ з (а у поляковъ въ *не* исчезаетъ здѣсь!), такъ что «зотхнуты» (вм. «здъхнути»)—чистѣйшій малоруссизмъ; въ тѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ звучные не переходятъ въ отзвучные, до сихъ поръ говорится «зодхнуты» «зидхнуты».—Неполное знакомство съ польскимъ языкомъ и съ малорусскимъ ведетъ не разъ къ неправильному исправленію словъ. На стр. 191 читаемъ: «*Порада*, порадонька—тотъ, съ кѣмъ можно посовѣтоваться; радость, счастье».—На стр. 190: «*Напрыдыу*—собств. на взглядъ», и даже № пѣсни не показанъ! По малорусски «на продыво», «на продывъ», «на придывъ»

[1]) Руссифицированная форма „жуковина“ привела недавно одного изъ галицкихъ (очень почтенныхъ) филологовъ къ догадкѣ, что первые перстни дѣлались изъ жуковъ. („Записки Наук. Тов. им. Шевч.“, V библіогр., стр. 24).

(а въ полѣсскомъ говорѣ вм. нашего «и» здѣсь «ы», какъ и въ «мый» вм. украинскаго «мій») значитъ «на удивленье» «на заглядѣнье»,—то же, что «на прочудъ». Выраженіе это—обычное и не возбуждающее ни малѣйшихъ сомнѣній. Въ «Пѣсняхъ пинчуковъ» оно встрѣчается въ № 354.—На стр. 193, *«вродлывый»* объясняется «дородный», каковогo значенія слово никогда не имѣетъ.—На стр. 192: «*Тканка*—шерстяная матерія вообще». Почему «шерстяная»? Въ Галичинѣ тканкой называется даже особое головное женское украшеніе, состоящее изъ коралловъ или жемчужинъ. А вообще «тканка» значитъ «ткань». Подобныхъ неточностей у г. Довнаръ-Запольскаго много, и всѣ ихъ приводить незачѣмъ.—Г. Довнаръ-Запольскій повидимому искренно убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій репертуаръ пинчуковъ—бѣлорусскій, а не малорусскій: множество обычныхъ малорусскихъ словъ объясняются у него по бѣлорусскому словарю Носовича или по бѣлорусскимъ сборникамъ пѣсенъ. Убѣжденіе это проистекаетъ не только отъ недостаточнаго практическаго знакомства съ малорусскимъ языкомъ (такого знакомства мы и не вправѣ требовать отъ спеціалиста-бѣлорусса) но и отъ незнакомства съ малорусскими словарями. Г. Довнаръ-Запольскій знаетъ изъ старыхъ малорусскихъ словарей только тотъ, который изданъ у Житецкаго, а словари Зизанія и Берынды ему неизвѣстны: изъ новыхъ словарей онъ знаетъ только Закревскаго и Пискунова. Оба названныхъ словаря и кратки, и грѣшатъ крупными ошибками, особенно Пискуновскій, гдѣ, напр. «гнеть» (скоро) переведено «другъ» (фраза: «гнеть мылый пры́буде»). Небольшой, но хорошій словарчикъ Манжуры былъ бы гораздо полезнѣе, а кромѣ того—неловко не знать о существованіи большого двухтомнаго (1117 стр.) словаря Желеховскаго!

И такъ со стороны филологической обработки трудъ г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ самыхъ большихъ упрековъ. Это почти единственная слабая его сторона. Говорю «почти», потому-что и способъ распредѣленія пѣсенъ также не заслуживаетъ особенныхъ похвалъ. Пѣсни, по г. Довнару-Запольскому, распадаются на два разряда: А) обрядовыя и Б) лирическія. Какъ будто большинство пѣсенъ обрядовыхъ не такія же лирическія! «Лирическія», необрядовыя пѣсни подраздѣляются у г. Довнара-Запольскаго на девять категорій, причемъ въ основу дѣленія кладется не одинъ, а нѣсколько принциповъ: 1) весеннія, 2) лѣтнія, 3) дожинки, 4) осеннія, 5) зимнія, 6) Филипповскія, 7) женскія, 8) рекрутскія, чумацкія, козацкія

(въ сущности, это три особыхъ разряда) и 9) разныя. Послѣдняя рубрика («Разныя») особенно ярко свидѣтельствуетъ о несостоятельности всей подобной классификаціи, противной самымъ существеннымъ правиламъ логики. Пора наконецъ покончить съ рутиной! пора наконецъ примириться съ мыслію, что въ основу логическаго дѣленія можетъ лечь *только одинъ* принципъ! А между тѣмъ наши этнографы (по крайней мѣрѣ великорусскіе) непремѣнно желаютъ сочетать въ одномъ дѣленіи хоть два принципа: напр. распредѣлить пѣсни по содержанію и въ то же время не упустить изъ виду ихъ формы, или употребленія въ обрядѣ, въ результатѣ, понятно, получается хаосъ. Юго-Западный отдѣлъ Имп. Р. Геогр. Общества еще въ 1874 году ясно созналъ всю грубую нелогичность дѣленія пѣсенъ на обрядовыя и бытовыя и выработалъ свою особую программу, по которой однѣ пѣсни обрядовыя, напр., колядки, включены въ пѣсни культа, а другія, напр., свадебныя—въ семейныя. (Еще раньше, въ 1854-мъ году, проч. Метлинскій исключилъ свадебныя пѣсни изъ класса «пѣсенъ годовыхъ» и включилъ ихъ въ классъ «пѣсенъ житейскихъ»). По программѣ Юго-Зап. Отдѣла редактированы Лоначевскимъ Буковинскія пѣсни, собранныя Купчанкомъ (Записки Ю.-З. Отд., т. II), и надо признаться, что сборникъ Лоначевскаго стоитъ по своей обработкѣ безусловно выше всѣхъ другихъ этнографическихъ сборниковъ. Можно конечно, кое въ чемъ не вполнѣ согласиться съ классификаціей пѣсенъ Юго-Зап. Отдѣла (я, наприм. предпочелъ бы дѣлить лирическія пѣсни всего на три категоріи: 1) религіозно (иначе культово)-философско-этическія, 2) житейскія и 3) отрицательныя, т. е. скептическія, шутливыя, сатирическія, несенитныци и т. п.), но принципіально нельзя не соглашаться съ Отдѣломъ. Всѣ возраженія и ссылки на то, что пѣсня важна не только содержаніемъ, но и ея народнымъ употребленіемъ, легко устранятся, если къ сборнику пѣсенъ, расположенныхъ по содержанію, будетъ приложенъ *указатель* употребленія пѣсенъ въ обрядѣ, или даже нѣсколько указателей сообразно возможнымъ нѣсколькимъ дѣленіямъ пѣсенъ по какому-либо тому или иному принципу. Но г. Довнаръ-Запольскій предпочелъ не вводить новшествъ и держаться старинной, хотя и неправильной классификаціи.

А. Крымскій.

Евг. Ляцкій: Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ-Запольскаго („Этнографич. Обозрѣніе“ кн. XXVI, стр. 153—160).

Послѣ того, какъ моя рецензія на трудъ г. Довнаръ-Запольскаго была ужъ написана и отослана въ редакцію «Кіевской Старины», вышла въ свѣтъ XXVI книга «Этнографическаго обозрѣнія», содержащая въ себѣ рецензію г. Ляцкаго на тотъ же трудъ. Рецензія эта—очень дѣльная, дѣльная во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ филологическаго, или лучше сказать—діалектологическаго. Къ сожалѣнію, г. рецензентъ именно о послѣдней сторонѣ труда г. Довнара говоритъ съ чрезвычайнымъ апломбомъ, заявляя, напримѣръ, (вполнѣ основательно) что діалектологическія данныя, собранныя авторомъ книги «Бѣлорусское Полѣсье», «представляютъ *высокій научный интересъ*». Положившись на мнѣнія г. Ляцкаго, компетентнаго въ «высокихъ научныхъ филологическихъ интересахъ», несвѣдущій читатель можетъ усвоить себѣ безусловно неправильныя мнѣнія о малорусскомъ языкѣ вообще и не воспользуется нѣкоторыми данными пинскаго говора, какія указаны г. Довнаромъ-Запольскимъ и представляютъ дѣйствительно «высокій научный интересъ».

Одна изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ для филолога чертъ Пинскаго говора—окончаніе *ое* въ имен. падежѣ прилагательныхъ множ. ч., напр., «кыни (кони) всѣ уланьск*ое*». Г. Ляцкій говоритъ: «Позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе, явственно ли слышалъ собиратель это *ое*». Рецензенту это окончаніе кажется страннымъ и немыслимымъ. Между тѣмъ въ старинныхъ малорусскихъ памятникахъ оно попадается довольно часто. Напр., въ грамотѣ 1499-го года, сохранившейся въ спискѣ 1736-го года, есть: «городов*ое* озера» (Антоновичъ и Козловскій: Грамоты великихъ князей литовскихъ. Кіевъ 1868, стр. 25). Въ наказѣ гетмана Димитрія Барабаша 1617-го г. («Кіевск. Старина 1883 май, 145) читаемъ: «пашни свое власн*ое*». Въ универсалѣ Мазепы 1691-го г. можно понимать не какъ род. пад. ед. ч., а какъ им. мн.: «свои козацьк*ое* службы», «свои тягл*ое* повинности» (Кіевск. Старина 1892 янв. 140). Въ интерлюдіяхъ Гаваттовича, составленныхъ на народномъ малорусскомъ языкѣ и написанныхъ польскими буквами, окончаніе *ое* въ прилагательныхъ множ. ч.—очень часто. (Пользуюсь нелатинской перепечаткой Драгоманова въ «Кіевской Старинѣ» 1883-го г., дек., сдѣланной съ печатнаго изданія 1619-го года, причемъ вм. «*і*» пишу «*и*», а вм. «*и*» — «*ы*»): «Богъ хотилъ так*ое* ричы на мене пустыты» (стр. 660),

«таыое ричы наброилъ» (ib), «муры маетъ золотое» (стр. 662), «суть (муры) червленое та свитное» (ib.), «суть тамъ и лыхое жонкы» (стр. 663) и др. Въ виду такихъ фактовъ, современное пинское окончаніе «ое» не должно возбуждать недоумѣній, а наоборотъ—должно быть привѣтствовано, какъ драгоцѣнный фактъ, позволяющій безъ всякихъ сомнѣній объяснить появленіе звука *і* (буду писать *и*) въ имен. падежѣ множ. ч. прил. современнаго малорусскаго языка: «добр*и* кони», «лых*и* жинкы», «жовт*и* чоботы», «червон*и* черевыкы», «люб*и* дивчата», «сыв*и* голубы» и т. п. Нѣкогда существовало мнѣніе, будто это окончаніе *и* есть архаизмъ, т. е. будто оно восходитъ къ церковно-славянскому и старорусскому и въ добри, люби, чьрлени и т. п.: такое объясненіе страдаетъ полнѣйшей ненаучностью, потому что старорусское и звучитъ теперь у малороссовъ твердо (*ы*) а не легко (не *и*). Огоновскій («Studien», 135) выводитъ современное малорусское «добри» изъ винит. пад. множ. числа „добрꙑѥ“ (что слѣдуетъ понимать какъ добрꙑѣ, срв. «Изслѣдованія» Соболевскаго. Р. Ф. В. 1881, № 3, стр. 38); по мнѣнію Огоновскаго, изъ „добрꙑѥ“ получилось «добрыји», и окончаніе «ыји» стянулось въ «и». Въ этомъ объясненіи много непонятнаго. Не понятно, почему у малороссовъ только во множ. числѣ прилагательныхъ звуковой комплексъ «ыји» долженъ былъ стянуться въ «и», а въ другихъ случаяхъ нѣтъ: вѣдь «помыји» не стянулось въ «поми», «шыји» не стянулось въ «ши», да и «мыјишъ» (изъ параллельно живущаго «мыешъ») не стянулось въ «мишъ», хотя всѣ эти фонемы скорѣе были бы понятны, чѣмъ «добри» изъ «добрыји» (срв. шьи у Срезневскаго въ «Свѣд. и Зам.» т. III, стр. 164; оумꙑю въ его «Древн. пам. русск. письма и яз.» Изв. Ак. Н. X, 446 и 447; живое великорусское «мью», «мьешь» и т. д., — см. примѣч. въ «Пермскомъ Сборн.» 1859, кн. стр. 42). Непонятно также мнѣніе Огоновскаго, что «ыји» должно было стянуться именно въ «и», а не во что-нибудь иное: въ силу какого фонетическаго закона могло бы это произойти? Мы еще могли бы ждать, что «ыји» сократится въ «ый», мы еще могли бы ждать, что «ыји» стянется въ «ы», но не имѣемъ никакихъ основаній думать, что изъ «ыји» моглобы получиться «и». Далѣе: еслибъ мы приняли теорію Огоновскаго, что малорусскія фонемы «добрыји», «злыји», «молодыји», «билыји» и т. п. обращаются по законамъ малорусской фонетики въ «добри», «зли», «молоди», «били», то зато у насъ остались бы совсѣмъ безъ роду безъ племени другія формы

им. пад. мн. ч.: «добріји», «зліји», «молодіји», «биліји» и др.: или же пришлось бы предположить, что послѣднія формы—совсѣмъ-совсѣмъ новыя,—предположить въ противность показаніямъ исторіи языка!— Между тѣмъ современное пинское окончаніе *ое*, которое отмѣтилъ г. Довнаръ, поставленное въ связь съ указаніями памятниковъ, даетъ намъ ключъ къ рѣшенію загадки: «ое» (собств. «оѣ») перешло въ «іји», а «іји» дало ужъ и нечленную форму на «и»: значитъ, было «доброѣ» (а въ памятникахъ, смѣшивающихъ ѣ и е,—«доброе»), изъ него—добріји и добри; молодоѣ, молодіји—молоди; червоноѣ, червоніји и червони; злоѣ, зліји и зли; золотоѣ, золотіји и золоти, и т. д. Причина перехода звука «*о*» въ «*и*» здѣсь таже, что въ родит. и творит. пад. ед. ч. женскаго рода: тіеи (изъ тоеи), тіею (изъ тоею), тіи (изъ тои); срв. «*и*» изъ «*е*» въ фонемахъ:ціеи, ціи, ціею; всіеи, всіи, всіею. Самое качество звука «и» въ современномъ малорусскомъ окончаніи множеств. числа прилагательныхъ ясно говоритъ, что онъ возникъ изъ звука *о*, а не изъ другаго: «и» въ «зліи» (зліји) и «зли» звучитъ не такъ, какъ въ «лито» (изъ «лѣто») и въ «лидъ» (изъ «ледъ»), а такъ, какъ въ «лій» (лой) и «лижко» (ложко). Въ «молодіи», «молоди» звукъ «и»—такой, какъ въ «дійка» (дойка), «дійты» (дойти), а не такой, какъ въ «дидъ» (дѣдъ) или въ «крадижъ» (крадежь). Звукъ «и» въ «червоніи», «червони» тождественъ съ «и» въ «нисъ» (носъ), «гній» (гной), «ничъ» (ночъ), но не тождественъ съ тѣмъ «и», какое слышится въ «нимый» (нѣмый) и «нисъ» (несъ). Звукъ «и» въ «босіи», «боси» совпадаетъ съ «и» въ «силь» (соль), «сикъ» (сокъ) но не совпадаетъ съ «и» въ «систы» (сѣсти) и «сильськый» (сельскый).— Однимъ словомъ, повторяю, полѣшское множ. число на *ое* не только не сомнительно, но, наоборотъ, относится именно къ тѣмъ фактамъ, которые представляютъ «высокій научный интересъ».

Другія сомнѣнія г. Ляцкаго касаются менѣе важныхъ чертъ, тѣмъ не менѣе нельзя ихъ оставить безъ отвѣта. Г. Ляцкій сомнѣвается, возможна ли группа «*чч*» изъ «тч», напр., «оччныты» изъ «отчныты»: по мнѣнію г. Ляцкаго, здѣсь вовсе нѣтъ никакой ассимиляціи, а есть удвоеніе звука «т»: «оттчныты». Предлагаю какому-либо малороссу произнесть послѣднее начертаніе! да я увѣренъ, что и г. Ляцкій не произнесетъ, развѣ что вставитъ бѣглое «о» между первымъ и вторымъ «т». Безусловно правъ г. Довнаръ: его «оччныты» записано вполнѣ правильно и слышится такъ не

только у пинчуковъ, но у всѣхъ малороссовъ. Кулишъ предлагалъ ввести такіе два «ч» даже въ литературное малорусское правописаніе.

Въ словѣ «бровами» вм. «бровями» г. Довнаръ-Запольскій видѣлъ отвердѣніе губнаго звука. Г. Ляцкій, не соглашаясь съ нимъ, предлагаетъ объясненіе ничуть не лучше: по его мнѣнію, тутъ виноватъ именительный падежъ множ. числа «брови», въ которомъ и оказалось «среднее», какъ въ словѣ «гиншая». Оба этнографа не догадываются, что именит. пад. единств. числа по-малорусски не «бровь», а «брова», и что въ словѣ «бровами» мы должны видѣть фактъ морфологическій, а не фонетическій.

Въ пѣснѣ поется: «Якъ запѣли, якъ зайграли надъ усихъ музыкъ», Здѣсь предлогъ «надъ» употребленъ въ вин. пад., причемъ означаетъ «выше»; такое употребленіе предлога «надъ» въ малорусскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ вполнѣ обычно и относится, конечно, къ разряду синтаксическихъ явленій. Г. Ляцкій, понимая «надъ» въ смыслѣ «лучше», думаетъ, что это относится къ явленіямъ «т. н. народной этимологіи: надъ—въ значеніи высшей степени». Если бъ рѣчь шла только о какой-нибудь формѣ превосходной степени вродѣ «надсильнѣйшый», то, конечно, можно было бы говорить объ этимологіи; но какая жъ этимологія въ выраженіи «надъ усихъ музыкъ»?!

Г. Довнаръ записалъ въ пѣснѣ: «пойду упрычки темною нычки». Genitivus temporis употребляется у малороссовъ сплошь да рядомъ и особенно въ выраженіи; «темнои ночи», темнои ничкы». Вѣроятно, зная это обстоятельство, г. Довнаръ-Запольскій не нашелъ ничего особенно страннаго въ род. падежѣ: «нычки» и отмѣтилъ только, какъ интересную непослѣдовательность, творительный падежъ прилагательнаго. Можно думать, что почтенный этнографъ плохо разслышалъ въ хоровомъ пѣніи окончаніе слова, и что на самомъ дѣлѣ пѣвицы пѣли не «темною», а «темнои». А г. Ляцкій думаетъ, что «темною» это правильно, а «нычки» поставлено вм. «нычкою» ради риѳмы! Многое въ пѣснѣ допускается ради риѳмы, но то, что допускается, всегда обусловлено извѣстнымъ закономъ и всегда можетъ считаться правильнымъ. А мнѣніе г. Ляцкаго—чистѣйшая клевета на малорусскій языкъ.

Въ «поноче» (по-ночи) г. Довнаръ усматриваетъ имен. падежъ. Рецензентъ, поправляя его, говоритъ, что здѣсь падежъ дательный. И не дательный, а мѣстный.

Противъ остальныхъ (счетомъ семи) замѣчаній г. Ляцкаго о филологической сторонѣ труда г. Довнара спорить не приходится.

Какъ изъ труда г. Довнара-Запольскаго, такъ и изъ рецензіи г. Ляцкаго (*другія* статьи котораго всегда читаются съ удовольствіемъ) можно сдѣлать одно печальное заключеніе: въ настоящее время считается позволительнымъ судить о малорусскомъ языкѣ и даже о его исторіи, не изучивши малорусскаго языка. Заключеніе это не будетъ слишкомъ поспѣшно, потому что оправдывается рядомъ другихъ, аналогичныхъ фактовъ. Достаточно вспомнить недавній трудъ акад. А. Шахматова (Варш. 1893): «Изслѣдованія въ области русской фонетики», въ которомъ исторія малорусскаго языка строится на основаніи словъ, неумѣло выкованныхъ въ галицкой кузницѣ, на основаніи великоруссизмовъ (даже «тётушка» привлечена къ изслѣдованію, какъ фактъ малорусской фонетики, на основаніи полонизмовъ, на основаніи словъ церковныхъ, и т. д., и въ которомъ, къ довершенію всего, чисто малорусскія слова невольно, но безбожно искажаются [1]). Не мѣшаетъ также вспомнить того ученаго, который съ цѣлью сдѣлать древнихъ кіевлянъ виликоруссами, изобрѣлъ «малорусскія» слова: трѣтій, небѣсный, телѣсный, хожѣніе вѣльми, нѣ знаю, будѣтъ (=будетъ) и т. д., и т. д.; на основаніи этихъ «малорусизмовъ», онъ позволилъ себѣ изучать «галицко-волынское» нарѣчіе по несомнѣннымъ новгородскимъ и бѣлорусскимъ памятникамъ.

А. Крымскій.

Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. Н. А. Лащенкова, Харьковъ 1895. 8° 286 стр. (отд. оттискъ изъ Харьковск. сборника 1893—95 г. г.)

Въ XVIII в. дѣти малороссійской козацкой старшины подъ вліяніемъ полученнаго въ кіевской академіи воспитанія, нерѣдко принимали монашество и, пользуясь покровительствомъ вліятельныхъ родичей, нерѣдко возвышались и до епископскихъ сановъ. Такъ мы видимъ достигшими этого сана Іосафа Горленка, внука гетмана Апостола, умершаго въ 1754 г. въ санѣ епископа Бѣлгородскаго,

[1]) Объ „Изслѣдованіяхъ“ Шахматова, въ немалорусской части очень почтенныхъ, разсчитываемъ поговорить въ „Кіевской Старинѣ“ въ самомъ ближайшемъ времени А. К.

Сильвестра Кулябку, внука того же гетмана, умершаго въ 1761 г. въ санѣ архіепископа петербургскаго и друг. Къ числу ихъ принадлежалъ и Христофоръ Сулима, сынъ переяславскаго полковника Семена Ивановича Сулимы, умершій въ санѣ харьковскаго епископа въ 1813 г.—По преданію, онъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ поступилъ въ кіевскую академію и въ 1765 г. принялъ здѣсь въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ монашество; но затѣмъ по іерархической лѣстницѣ онъ поднимался туго. Лишь въ 1789 г. получилъ архимандритство и Гамалѣевскій монастырь въ управленіе, и то по особому старанію Безбородка, который, будучи самъ родомъ изъ переяславскаго полка, хорошо зналъ отца Христофора.

Не смотря на то, что еп. Сулима учился въ академіи уже послѣ военной службы, онъ хорошо зналъ латинскій языкъ (какъ видно изъ его писемъ) и считался монахомъ ученымъ. При помощи этой учености Сулима получилъ въ 1794 г. ректуру черниговской семинаріи; затѣмъ въ 1798 г. былъ назначенъ епископомъ Феодосійскимъ, а въ слѣдующемъ—епископомъ слободско-украинскимъ. Этою епархіей онъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ. Обозрѣвая этотъ періодъ времени въ исторіи Харьковской епархіи, прот. Лащенковъ собралъ богатый матеріалъ для изученія исторіи мѣстнаго духовенства. Приводя интересныя свѣдѣнія (большею частью, впрочемъ, по источникамъ уже извѣстнымъ) изъ быта учениковъ тогдашняго Харьковскаго коллегіума (впослѣдствіи—семинаріи), авторъ разсказываетъ, какъ харьковскіе коллегіаты, при участіи своего епископа, помогли дѣйствительному открытію въ 1805 г. харьковскаго университета; дѣло въ томъ, что кандидатовъ для поступленія въ послѣднее изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній оказалось мало, вслѣдствіе чего для образованія перваго курса студентовъ взято было изъ харьковскаго коллегіума 20 «достаточно свѣдущихъ». Вообще еп. Христофоръ сочувствовалъ открытію университета и помогалъ ему, снабжая, напр., малолюдный медицинскій факультетъ тѣми же своими коллегіантами. Обозрѣвая затѣмъ дѣятельность еп. Сулимы по устроенію тогдашнихъ харьковскихъ монастырей и приходскихъ церквей и по надзору за сельскимъ духовенствомъ, почтенный авторъ приводитъ массу архивнаго матеріала (изъ мѣстной консисторіи), дающаго возможность близкаго знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ сельскихъ церквей и церковнаго причта. Сельскія церкви харьковской епархіи (да и другихъ вѣроятно) въ это время—«были зданія, большею частью расположенныя въ маленькомъ вишневомъ садикѣ, рубленныя изъ бревенъ на под-

валинахъ, отчего не рѣдко были покосившіяся, потому что подвалины скоро сгнивали. Стѣны храмовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, ни снаружи, ни внутри не обшивались досками, тѣмъ болѣе не штукатурными, отчего въ нихъ оставались значительныя щели... «Нелучше были храмы и городскіе, какъ видно изъ того, что «соборная Троицкая церковь въ г. Зміевѣ съ давняго времени стояла безъ всякой починки, отъ чего пришла въ такую ветхость, что во время дождей отъ сильной течи народу негдѣ было стоять въ храмѣ»... Заботясь о поднятіи нравственнаго уровня въ сельскомъ духовенствѣ, преосв. Христофоръ старался не давать послѣдняго въ обиду помѣщикамъ и иногда оказывалъ въ ходатайствѣ послѣднихъ о замѣщеніи вакантныхъ приходовъ ихъ приближенныхъ въ ущербъ «ученымъ» кандидатамъ (стр. 158). Интересны свѣдѣнія въ книгѣ прот. Лащенкова о «способахъ содержанія духовенства» и о попыткѣ извѣстнаго *нововводителя* Каразина замѣнить доходы за требы—платою опредѣленнаго жалованья духовенству, которое, будучи обязано къ исполненію всякой должности», должно быть «обществомъ отстранено отъ заботъ о добываніи себѣ насущнаго хлѣба».

Любопытны упоминанія автора о нѣкоторыхъ стародавнихъ бытовыхъ чертахъ прихожанъ харьковской епархіи, принесенныхъ ими сюда еще въ XVII в. при заселеніи этого края своими *слободами*. Приводимъ одинъ примѣръ. «Угощать въ храмовой праздникъ нищихъ (старцевъ) обѣдомъ было обычаемъ существовавшихъ въ Малороссіи церковныхъ братствъ, на обязанности которыхъ между прочимъ лежало содержаніе церкви и нищихъ. За время еп. Христофора еще оставались цѣлы при харьковской Христорождественской, Николаевской и Вознесенской церквахъ *братерскіе дома*, гдѣ братчики въ прежнее время совѣщались о своихъ дѣлахъ, и *шпиталь* (богадѣльня) при Троицкой церкви, гдѣ жили церковные нищіе. Это памятники такъ еще недавно передъ симъ живой, но въ описанное время почти уже угасшей дѣятельности церковныхъ братствъ, которыя были занесены сюда изъ за Днѣпра черкасами—предками Украинцевъ. Впрочемъ, при нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ сельскихъ храмахъ и за время еп. Христофора еще держались братства, дѣятельность коихъ проявлялась почти исключительно въ храмовые праздники. Обыкновенно передъ этимъ праздникомъ церковный староста собиралъ отъ прихожанъ доброхотныя подаянія, готовилъ медъ и въ праздникъ ставилъ такъ называвшійся братскій столъ, къ которому приглашались священникъ, церковнослужители и прихожане. При этомъ для

всего села въ братскомъ дворѣ производилась продажа братскаго меда, и выручаемыя деньги обращались въ пользу церкви, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ».

Вообще книга прот. Лащенкова заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ свѣдѣній о церквахъ и духовенствѣ «Слободской Украины» за первое деситилѣтіе настоящаго вѣка, причемъ значительное количество этихъ свѣдѣній извлечено изъ архива мѣстной консисторіи. Поэтому разсматриваемая монографія можетъ служить дополненіемъ къ извѣстной книгѣ г. Знаменскаго—«Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра». Страннымъ только кажется незнакомство автора этой монографіи съ общеизвѣстными книгами, изъ которыхъ онъ бы увидѣлъ, что извѣстный подручникъ Екатерины II Безбородко былъ сынъ не «мелкаго украинскаго дворянина», а тѣмъ менѣе «крестьянина», а будущій первый министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій не былъ «сынъ священника». И тотъ, и другой, какъ видно изъ обстоятельныхъ ихъ біографій [1]), были сыновья казацкихъ старшинъ, владѣвшихъ издавна довольно богатыми маетностями и потому имѣвшихъ возможность дать своимъ сыновьямъ хорошее образованіе. Имѣются въ книгѣ прот. Лащенкова любопытныя свѣдѣнія и о самомъ еп. Сулимѣ: будучи Гамалѣевскимъ архимандритомъ, онъ владѣлъ въ тоже время и крѣпостными крестьянами, доставшимися ему вмѣстѣ съ землями по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Пелагеи Разумовской; впрочемъ, въ свою очередь, онъ подарилъ эти имѣнія съ людьми другой сестрѣ въ 1813 г. Преданіе сохранило до послѣдняго времени память о еп. Христофорѣ, какъ о человѣкѣ, котораго «всѣ любили за доброту и доступность, равно для богатаго и бѣднаго». Такъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, современникъ этого епископа. А. Л.

Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомірова. С.-Петербургъ. 1895. 8°. 189 стр. (Прилож. къ Русской Бесѣдѣ 1895 г.).

Приступая къ изложенію малоизслѣдованной «исторіи Галицкой митрополіи», авторъ жалуется на «скудость, спутанность и нерѣдко фальшивость того историческаго матеріала», на основаніи ко-

[1]) Особенно странно незнакомство прот. Лащенкова съ такимъ солиднымъ трудомъ, какой представляетъ собою книга о Безбородкѣ—Григоровича.

тораго онъ написалъ свою работу, вслѣдствіе чего volens-noles онъ былъ вынужденъ добавлять историческія данныя своими собственными соображеніями и догадками»... Авторъ опасается, что «плоды такихъ соображеній и догадокъ могутъ оказаться весьма печальными, такъ какъ изъ подъ его пера можетъ выйти не исторія Галицкой митрополіи, а исторія его фантазіи о ней»... Послѣ ближайшаго ознакомленія съ книжкою г. Тихомірова, оказывается, что авторъ, быть можетъ, слишкомъ строгъ къ своему труду. Книжка состоитъ изъ шести главъ. *1. Галицко-Владимірское княжество. 2. Причины возникновенія Галицкой митрополіи и непостояннаго временно-періодическаго ея существованія. 3. Мнимые Галицкіе митрополиты XIII вѣка. 4. Рядъ попытокъ учрежденія особой Галицкой митрополіи, предпринимавшихся Галицкими князьями—Романовичами съ самыхъ первыхъ годовъ XIV в. и до пресѣченія ихъ династіи (1336 г.). 5. Попытки въ церковной обособленности Галиціи послѣ пресѣченія династіи ея природныхъ князей Романовичей, при иноземныхъ (литовско-польскихъ) владѣтеляхъ. 6. Дальнѣйшая церковная судьба Галиціи до окончательнаго отдѣленія ея вмѣстѣ съ Литвой и Кіевомъ отъ московской митрополіи.* Изъ этого перечня видно, что съ внѣшней стороны трудъ г. Тихомірова заключаетъ въ себѣ довольно полный пересказъ событій, касающихся галицкой митрополіи, при чемъ авторъ добросовѣстно воспользовался всѣмъ тѣмъ печатнымъ матеріаломъ, который даетъ русская и польская литература по сему предмету. Отдавая полную справедливость изслѣдованіямъ В. Б. Антоновича, устранившаго изъ научнаго обихода вымыслъ литовскихъ хроникъ, авторъ и самъ критически относится къ такимъ трудамъ какъ напр. Annales Ecclesiae Ruttenae, Гарасевича. Во всякомъ случаѣ книжка г. Тихомірова представляетъ въ себѣ добросовѣстный сводъ свѣдѣній по церковной исторіи той Галицкой Руси, изученіе судебъ которой значительно подвинулось впередъ, особенно послѣ изданной въ 1894 г. книга, г. Линниченка. «Черты изъ исторіи въ Югозападной (Галицкой) Руси XIV—XV в.»

Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Приготовилъ къ изданію дѣйств. членъ Орловск. учен. архив. коммиссіи А. Н. Лебедевъ по рукописи, ему принадлежащей. М. 1885.

Въ 3-й книжкѣ «Чтеній въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» за 1895 г. и отдѣльнымъ изданіемъ появилась въ

свѣтъ рукопись изъ собранія А. Н. Лебедева, озаглавленная издателемъ" Лѣтописецъ рускій. Продолженіе повѣстей времянныхъ лѣтъ." Заглавія этого, впрочемъ, въ самой рукописи нѣтъ, а взято оно г. Лебедевымъ съ изданія Львова. Рукопись эта содержитъ изложеніе событій одиннадцати лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго (1553—1563). Издатель снабдилъ лѣтопись коротенькимъ предисловіемъ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привелъ варіянты изъ „Лѣтописца Рускаго" изд. Львовымъ, и рукописи, изданной въ 1847—48 гг. Бодянскимъ за 5-ый томъ исторіи Татищева. Предисловіе г. Лебедева даетъ очень немного свѣдѣній объ изданной имъ рукописи [1]). Большая часть изданной г. Л—мъ рукописи совпадаетъ почти вполнѣ съ изданными уже Никоновской (годы 1553—1558), V томомъ Львовской (1558—1560 гг.) и текстомъ, изданнымъ г. Прѣсняковымъ въ его брошюрѣ „Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. Нова часть рукописи, заключающая извѣстія о событіяхъ съ августа 1560 по февраль 1563 г.

Перейдемъ теперь къ обзору содержанія этой части изданія г. Лебедева. Опуская мелкія извѣстія, укажу на разсказъ о дворцовыхъ событіяхъ послѣ смерти царицы Анастасіи. Здѣсь наиболѣе интересной является исторія сватовства Іоанна. На вступленіе во 2-й бракъ Іоаннъ соглашается какъ бы подъ вліяніемъ просьбъ митрополита, духовенства и бояръ. Царь рѣшилъ послать въ Литву сватать сестру польскаго короля, а также смотрѣть дочерей у шведскаго короля и у черкасскихъ князей. Сватовство на сестрѣ Сигизмунда-Августа не было успѣшно. Правда, въ февралѣ 1561 г. приходили въ Москву польскіе послы, но предварительно они потребовали высылки на рубежъ бояръ для переговоровъ о спорныхъ городахъ, какими они считали: Новгородъ, Псковъ, Торопецъ, Луки, Ржевъ, Дорогобужъ, Смоленскъ и всѣ сѣверскіе города. Только послѣ рѣшенія вопроса о городахъ, они считали возможнымъ приступить къ вопросу о сватовствѣ, при чемъ, по ихъ требованію, слѣдовало тогда же учинить договоръ о дѣтяхъ, „занеже тѣмъ дѣтемъ, которые отъ королевны будуть, и тѣмъ не на государствѣ быти нелзе, да и о вѣрѣ, чтобы королевнѣ быти въ своей вѣрѣ и костелъ бы ей на сѣнехъ поставити". Конечно, царь не могъ согласиться на эти условія, и дѣло

---

[1]) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о рукописи г. Л—ва и ея отношеніи къ другимъ рукописямъ находимъ въ рецензіи г. Прѣснякова, помѣщенной въ № 6 журнала М—ва Нар. Просвѣщенія за 1895 г.

разстроилось. При переговорахъ со шведскимъ королемъ о сватовствѣ и не упоминается. Удачнѣе оказалась посылка къ черкасскимъ князьямъ. Послы привели княжну Кучебей, которая была окрещена и вступила въ бракъ съ Іоанномъ.

Въ августѣ 1561 года пріѣхали въ Москву отъ Константинопольскаго патріарха Іоасафа егрипскій митроп. Іоасафъ и хоресскій епископъ и привезли благословенную на царство грамоту и чинъ о царскомъ вѣнчаніи и поставленіи. Послѣ перечня іерарховъ, подписавшихъ благословенную грамоту, въ лѣтописи приведено: „Послание учително от божественныхъ писаніи к преосвященному Макарію митрополиту (кіевскому), обличая злославимую и пагубную и богомерскую люторскую ересь того же патр. Іоасафа". Поводомъ къ написанію посланія патріархъ выставляетъ слѣдующее: „и есть в вашихъ странахъ в Малой Русиі нѣкия отпадоша в погибель, в злослужение люторско, в злословимую и пагубную ересь, отчитаеми убыточно.; вредими не токмо сами и невѣдущихъ губятъ и прелщаютъ иныхъ; и понеже есми слышал сию немощную бурю, и смерть душевную вашихъ пожалѣхъ, и поболѣхъ, и слезы точихъ на землю, горюще и одержимъ скорьбю и тугою великою". Затѣмъ слѣдуетъ обличеніе лютеранъ: во 1-хъ, въ отрицаніи таинства причащенія, во 2-хъ, священства, въ 3 хъ, въ отрицаніи поста, въ 4-хъ почитанія св. иконъ и мощей. Въ заключеніе патріархъ предписываетъ „христіанамъ, христоименитымъ людемъ, да не вкупѣ съ лютеры будутъ, но обѣгаютъ ихъ всею силою отнюдь, и всемощне бѣгайте и бѣжите отъ нихъ, яко люторп злочестни сутъ и еретицы, і вседушне бѣгайте отъ нихъ отнюдь всею силою." Далѣе патріархъ предписываетъ принимать кающихся, а впавшихъ въ ересь предаетъ проклятію, священниковъ же и архіереевъ предписываетъ извергать изъ сана. Интересно, что въ числѣ мотивовъ къ войнѣ съ Литвой и Польшей, Іоаннъ приводитъ и слѣдующій: онъ идетъ на Сигизмунда «за его многія неправды и неисправленія, наипаче же горя сердцемъ о святыхъ иконахъ и о святыхъ храмѣхъ священныхъ, иже безбожная Литва, поклонение святыхъ иконъ отвергше, святыя иконы пощепали и многія поругания святымъ иконамъ учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую вѣру и законъ оставльше и поправше и Люторство восприаша, и не токмо мирстіи люди, но и игумены, и черньци, и попы, и дьяконы греческого закона крестианьскую вѣру оставльше, а по своимъ похотемъ учинили себѣ и изобрали люторей и ихъ прелесное учение приняли, а которые кристиане мало в той

вѣру крестианскую дръжали, ино и тѣ, страха ради тѣхъ безбожныхъ люторей, святыхъ иконъ не дръжаху, для ради поруганпя святымъ иконамъ, яко же ни в Срацынской вѣрѣ в туркахъ, ни въ бусурманскихъ языцѣхъ таково святымъ иконамъ поругание не обрѣтается.“

Приготовленія къ Полоцкому походу, выступленіе въ походъ, описаніе похода и осады и взятія Полоцка изложены весьма подробно.

Я остановлюсь еще на нѣсколькихъ извѣстіяхъ, касающихся кн. Дмитрія Вишневецкаго. Въ ноябрѣ 1561 г. Вишневецкій пріѣхалъ въ Москву съ Днѣпра, гдѣ былъ государскою посылкою и воевалъ крымскіе улусы, расположенные вблизи этой рѣки. Въ апрѣлѣ слѣд. года Іоаннъ послалъ Вишневецкаго съ каневскими черкасами на Днѣпръ и велѣлъ ему „недружбу дѣлати царю Крымскому и королю Литовскому“. Но уже 31 іюля пріѣхали къ Іоанну въ Можайскъ съ Днѣпра черкасскіе козаки и сообщили, что кн. Дмитрій Вишневецкій отъѣхалъ въ Литву къ польскому королю съ своими людьми, 300-ми человѣкъ, а еще взяли съ собою въ Литву козацкаго Московскаго атамана Водоньяна съ его приборомъ и со 150 козаковъ Было еще съ кн. Дмитріемъ черкасскихъ козаковъ 400 чел. и ихъ онъ очень звалъ на Литву, но «они королю служити не похотѣли». «А пріѣзжалъ по него на Днѣпръ ис Кіева братъ его князь Михайло Вишневецкій да и князь Дмитрій же Вишневецкій».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Издатель сличилъ свой текстъ съ V ч. Лѣтописца Рускаго Львова и съ изданной Бодянскимъ V частью исторіи Татищева, но не сличилъ съ лѣтописью Никоновской. Далѣе, издатель говоритъ: «все, оказавшееся въ нашей рукописи излишнимъ противъ считавшихся печатныхъ изданій, набрано курсивомъ. «Мы сличили нѣсколько страницъ изданія г. Лебедева съ Львовскимъ лѣтописцемъ, и насъ нѣсколько удивила нѣкоторая неустойчивость издателя при сличеніяхъ. То, напр., онъ отмѣчаетъ курсивомъ опущенный у Львова союзъ (царь и государь) или отмѣчаетъ и приводитъ въ примѣчаніяхъ такія выраженія, которыя отличаются только перестановкой словъ, какъ напр.: «ихъ ис пищалей вездѣ побивали» (Леб. 125) и «вездѣ ихъ побивали изъ пищалей» (Львов. V, 293), то вовсе не отмѣчаетъ такихъ крупныхъ сравнительно разночтеній, какъ напр. на стр. 126 «писалъ воевода князь Федоръ Ивановичъ Татевъ», а у Львова (V, 402) «писалъ государю съ Тулы воевода князь Ѳеодоръ Ивановичъ Татевъ», или (стр. 125) «прежъ бо сего начала, какъ и юртъ Крымской сталъ» у Львова (V, 294) «прежъ бо сего отъ на-

чала»... или (стр· 124) «а иныхъ людей поймали съ собою въ важи на море» «у Львова (V 291) «а иныхъ людей поймали съ собою на морѣ въ вожи». Иногда выноски сдѣланы такъ неудачно, что если бы возстановить текстъ Львова по выноскамъ г. Лебедева, то получится иное, подчасъ лишенное смысла, чтеніе, напр. ст. 127 «Того жъ мѣсяца пришелъ съ Дону князь Дмитрій Ивановичь Вишневецкій зъ Дону, а съ нимъ пришелъ и черкасы и Чюрука Мырзу за Черкаскаго и билъ челомъ отовсѣхъ черкасъ». Тогда какъ у Львова (V, 297) читаемъ просто: «Того жъ мѣсяца пришелъ съ Дону князь Дмитрій Ивановичь Вишневецкій, а съ нимъ пришелъ и Чюрукъ Мырза за Черкаской и билъ челомъ государю ото всѣхъ черкасъ».

Е. К.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.

3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.

4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.

5) Повѣсти и разсказы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литературная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ **10** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**4** р., на **1** м.—**1** р. **50.**; безъ доставки и пересылки—на годъ **8** р., на 6 м.—**5** р., на 3 м.—**3** р., на 1 м.—**1** р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной

платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5** р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые **5** р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по **4** р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по **60** к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса—**20** к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова“, Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ *В. М. Богдановъ.*
Издатель *С. В. Кульженко.*

3—2

1896 г. **„НУВЕЛЛИСТЪ“** 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года, «Нувеллистъ» вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить какъ и прежде, аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями большаго плотнаго формата.

Въ «Нувеллистѣ» въ теченіе года будутъ помѣщены:

1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки.
2) Новые любимые танцы.
(вальсы, польки, мазурки, кадрили),
3) Русскіе романсы.
4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано.
5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано.
6) Дѣтскія пѣсенки.

Годовой экземпляръ «Нувеллиста» составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкальныхъ номеровъ.

Музыкальная-театральная газета будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель *Н. Бернардъ.*

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на «Нувеллистъ» получитъ безплатно премію Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ . . . . 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой . . . . 6 руб.

За границу съ пересылкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ «Нувеллиста» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

3—2

1896. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** — 1896.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 61-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 61-й.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, не смотря на громадные расходы, вводятся важныя и существенныя улучшенія, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

52 иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ большими гравюрами лучшихъ художниковъ. **52**

Въ виду предстоящаго въ 1896 году СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, а также открытіи въ Нижнемъ-

Новгородѣ «Всероссійской художественно-промышленной выставки», журналъ «Живописное Обозрѣніе» дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года будетъ выдано:

1) 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю»—2) 12) нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—8) стенной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

12 Въ составъ которыхъ входятъ новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч. **12**

Томы эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ одинъ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихъ личностей

Не смотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, по богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, внѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями.

Подписная годовая цѣна остается прежняя:

На годъ съ доставкою въ Спб. и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р—Въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою)—**4** р. **50** к.—На три мѣсяца -**2** р. **50** к.—
За границу на годъ—**16** р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ главной конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробно иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

3—2

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-Й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-Й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) **1896.**

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно (въ 2-хъ издан.) въ количествѣ **48,500** экземпляровъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ изданіи

На годъ съ доставкою. **8** На годъ съ доставкою.

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняютъ «Модный журналъ»,

3) Стѣнной календарь (съ картою Россіи), разсылается при первомъ нумерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества», въ 1896 году, получать безплатно и безъ всякой приплаты за пересылку.

Избранныя литературныя произведенія любимаго русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА.

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появленіи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „Жизнь Шупова".—II) „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ".

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—пять рублей.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ **8** р.—На полгода **4** р. **50** к.—На три мѣсяца **2** р. **50** к.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА".

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

На годъ съ доставкою. **4** На годъ съ доставкою.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей сосредоточивающихся на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ **4** руб. На полгода **2** руб. На три мѣсяца **1** руб.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробности объявленіе высылается изъ конторы по требованію безплатно.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

(Годъ изданія XI).

Въ 1895 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Хозяинъ и работникъ. Пов. гр. Л. Н. Толстого.—Избирательная реформа въ Бельгіи. В. Спасовича.—Съ убійцей. Пов. П. Боборикина.—«Переписка Мопассана съ Башкирцевой».—Отверженный. Ром. Д. Мережковскаго.—«Николай Николаевичъ Ге», біограф. очеркъ. В. Стасова.—Женская жизнь. Пов. М. Крестовской.—О значеніи войны для современнаго общества. Проф. Л. Камаровскаго.—Холера. Разск. Кота-Мурлыки.—О синдикатахъ. Проф. А. Исаева.—Законныя жены. Пов. О. Шапиръ.—Нѣтъ бѣдности въ Россіи. П. Кузнецова.—Не по правдѣ Пов. В. Дмитріевой.—Судъ присяжныхъ; объединеніе суда и судебный языкъ. М. Стиваля.—Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—Старый и новый ламаркизмъ. Проф. Н. Холодковскаго.—Исповѣдь. Анни Безантъ.—Обыватель. Рубль и блаженство. П. Кузнецова.—На родинѣ Христа. Б. Корженевскаго.—Разлука. Разск. Л. Гуревичъ.—Судьба и слава. Проф. А. Трачевскаго.—Рѣпинъ и Ге. А. Волынскаго.—Миссъ Май. Разск. З. Гиппіусъ.—По поводу выставки объ искусствѣ. М. Антокольскаго.—Сельско-хозяйственный совѣтъ. М. Стиваля.—Гергардъ Гауптманъ. Проф. Л. Шепелевича.—Замѣтки нервнаго человѣка. Л. Полонскаго.—Наши земельныя дѣла. П. Кузнецова.—Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ развитіи. Проф. В. Шимкевича.—Переселенческое дѣло съ 80-хъ годовъ. Проф. А. Исаева.—Тяжелые сны. Ром. Ѳ. Сологуба.—Земскія дѣла. М. Петрова.—Наяда. разск. А. Чермнаго.—Положеніе женщинъ въ соединенныхъ штатахъ.—Памяти Ядринцева. Проф. А. Исаева.—За границей. Воспоминанія А. Верещагина.—По поводу модныхъ разговоровъ. П. Кузнецова.—Основныя начала судебныхъ уставовъ. В. Устинова.—Quo vadis. Истор. ром. Генриха Сенкевича.—Англійское вліяніе въ Россіи. П. Боборыкина.—Рабочіе на сибирской желѣзной дорогѣ. Н. Арефьева.—Расколъ въ радикальной журналистикѣ шести десятыхъ годовъ и Д. И. Писаревъ. А. Волынскаго.—Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. М. Урсина.—Пересмотръ городового положенія. П. Кузнецова.—Вопросъ объ эльсасѣ и лотарингіи Проф. Л. Комаровскаго.—Кистяковскій какъ криминалистъ. Проф. И. Фойницкаго.—Прозрѣла. Пов. П. Боборыкина.—Романистъ-моралистъ. Проф. Л. Шепелевича.—Записки А. О. Смирновой. (Смерть

Пушкина.—Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка.—Живописецъ Ивановъ и пр.).—Стихи: Н. Минскаго, К. Фофанова, Д. Мережковскаго, О. Чюминой и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ:

1) Областной и земскій отдѣлъ (статьи и замѣтки разныхъ лицъ по вопросамъ областной, земской и городской жизни). 2) Провинціальная печать. Л. Прозорова. 3) Внутреннее обозрѣніе. 4) Корреспондеція изъ заграницы. 5) Театръ. 6) Изъ жизни и литературы. 7) Критика и библіографія. 8) На западѣ. *** 9) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Въ виду того, что романъ Г. Сенкевича «Quo vadis» продолжится печатаніемъ въ 1896 году, новые годовые подписчики на 1896 годъ получатъ первый томъ романа «Quo vadis», печатавшійся въ нашемъ журналѣ въ 1895 году съ мая по декабрь, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Цѣна:	Годъ:	Полгода.	Четверть:
Безъ доставки .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою .	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою .	13 » 50 »	7 » — »	3 » 50 »
За границей. .	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны.

Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Подписка принимается въ главн. конторѣ. Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ Спб. въ кн. маг. Феню, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издатель *Л. Я. Гуревичъ.* За редактора *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“,

имѣющій выходить съ перваго января 1896 года.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностран-

ной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, Ѳ. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ исключительно въ Главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи).

Редакторъ-Издатель *Михаилъ Петровичъ Вараева.*

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «Новое Слово», перейдя въ новыя руки, будетъ выходить подъ новой редакціею и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-еврейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «Новое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	— к.
» » безъ пересылки на годъ	9 »	— »
» » » » на полгода	5 »	— »
» » » » на три мѣсяца	2 »	50 »

Годовые подписчики «Новаго Слова» за 1895 г., получивъ въ счетъ подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 г., къ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотека Черкесова“.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24),

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе за пересылку не платятъ.

За редактора *А. Н. Поповъ*. Издательница *О. Н. Попова*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

на 1896 годъ.

На будущій 1896 годъ издатели, Товарищество «Обществ. Польза», по прежнему будутъ ставить себѣ задачей принимать постоянно всѣ мѣры къ улучшенію журнала. Веденіе и направленіе журнала остается прежнее, такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, будутъ принимать дѣятельное участіе и впредь.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., П. П. Гнѣдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьева «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзнію автора, причемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа. Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кромѣ того, появятся: новый ром. Дм. И. Стахѣева «Духа не угашайте»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. К. Ѳ. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ѳ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подъяч., 39), куда и просятъ обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. **15 р. 50 к.**, съ доставк. **16 р.**, съ перес. во всѣ города Россіи **17 р.** Допускается разср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по **1 р. 50 к.** въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

и разсрочка платежа: при подп. вносятъ **2** р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по **1** р., т. е. всего **14** р. безъ доставки и перес. За границу приним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза—**18** р. Въ прочія мѣста загран. подп. приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петерб. для городск.— въ Конторѣ журн. «Русскій Вѣстникъ» въ товарищ. «Обществ. Польза» (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Нов. Врем.» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи). И городск. и иногородн. просятъ покорн. адресоваться прямо въ конт. «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищ. «Обществ. Польза» Больш. Подъяч., д. 39. Статьи, присланныя въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращ. За своеврем. и аккуратную доставку журнала редакція приним. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Петербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1896 годъ

(ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **7** р., за границу—**8** р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовн. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р.; за

1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

„Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{37}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$ (XXV), $18^{63}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII), $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879. 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Учебнымъ Комитетомъ). 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ, св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) ср. Кипріана кареагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія «Сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2 е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа.

С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ө. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1794 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ө. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней — въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій.*

3—2

---

4 за годъ Р. **БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА** **1 три мѣс Р.**

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“

Безусловно независимый органъ печати со строго выдержаннымъ направленіемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является наиболѣе полнымъ

выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ЕЖЕДНЕВНО:

Руководящія статьи, посвященныя политическому положенію дня, общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. Знамя газеты—стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, новости и отголоски Общественной жизни. Дневникъ. Столичная хроника, изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чемъ говорятъ и пишутъ. Отклики. Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность ежедневныя бесѣды нашего даровитаго сотрудника г. Далина о вопросахъ и нуждахъ провинціи, о дѣятельности нашего земскаго и городскаго самоуправленія

и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центровъ политической жизни: Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константинополя и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. Заграничная жизнь. Фельетоны беллетристическіе; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственныя и научныя бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

со всѣми приложеніями и

съ пересылкой въ Россіи:

на годъ . . 4 руб.	на 3 мѣсяца 1 руб.
» полгода . 2 »	» декабрь или январь . 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ еженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составятъ въ наступающемъ году спеціально написанныя для «Биржевыхъ Вѣдомостей» новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

большой романъ въ 4 частяхъ «Вѣчные миражи» (изъ жизни русскихъ за границею).

Графа Е. Л. Саліаса

большой романъ въ 2 частяхъ «Изломанные люди» (изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы

послѣднее предсмертное произведеніе «Козелъ»

12 ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей: I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), большой романъ «Въ одинъ ненастный день». И. Н. Потапенко, большой романъ «Старое и юное» и повѣсть «Простая случайность». К. С. Баранцевича, повѣсть «Дама изъ мезонина». А. А. Луговаго, повѣсть «Павла Львовича перевели». Д. А. Линева, повѣсть «Рассчетъ». А. В. Круглова, повѣсть «Донъ-Кихотъ»

Н. П. Аксакова, историч. повѣсть «Макаръ-Богатырь», Е. О. Дубровиной, большой романъ «Свое и наносное» и повѣсть «Русалка». Слово Глаголь, «Искатели правды». Н. А. Соловьева, пов. «Душа проснулась» и рядъ др. произведеній беллетристическаго, литературнаго и научнаго содержанія, вошедшихъ въ воскресные номера 1895 года, высылаются желающимъ, какъ особая

ПРЕМІЯ

за 1 рубль (включительно расходовъ по пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ номеровъ 1895 г.) новымъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ, выславшимъ подписныя деньги не позже 20-го декабря.

3—2

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ своего существованія подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ собственника газеты, «Одесскій Листокъ» успѣлъ пріобрѣсти широкій кругъ читателей на всемъ обширномъ югѣ Россіи.

Направленіе газеты хорошо извѣстно постояннымъ читателямъ ея.

Редакція «Одесскаго Листка» зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ интересовать читателя въ политической и общественной жизни какъ Россіи вообще и ея Юга въ особенности, такъ и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ отношеніи по полнотѣ своего содержанія и по качеству сообщаемаго матеріала наша газета ни въ чемъ не уступаетъ выдающимся столичнымъ изданіямъ.

Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующій обширный списокъ лицъ, принимающихъ постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней; П. В. Безобразовъ (быв. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Бри-

танъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Германіусъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), П. Т. Герцо-Виноградскій, М. П. Гольденбергъ, Надежда Гликсбергъ, П. Д. Гроссулъ-Толстой, В. М. Дорошевичъ, К. А. Дешкинъ, І. Захаровъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ѳ. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставриаки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. И. Тезяновъ, Д. В. Ѳедоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій, И. Б. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

«Одесскій Листокъ, кромѣ самой полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корресподентовъ (въ теченіи цѣлаго года, а не только предъ подпиской) и отъ Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Ежедневно и обязательно въ каждомъ нумерѣ газеты печатается одинъ изъ фельетоновъ общественной жизни, литературно-критическихъ, сельско-хозяйственныхъ, по вопросамъ философіи, научныхъ, музыкальныхъ, беллетристическихъ и др., а также фельетонные наброски «злобъ дня» Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда и прочихъ городовъ Юга и Крыма. Сообщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра, мы ставимъ себѣ задачей — придавать имъ яркое, всегда безпристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

Во время предстоящихъ въ наступающемъ году торжествъ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ ежедневно помѣщаемы телеграммы и сообщенія изъ Москвы, относящіяся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ-же году въ Нижнемъ-Новгородѣ открывается всероссійская выставка, подробнѣйшія свѣдѣнія о которой въ телеграммахъ и сообщеніяхъ будутъ ежедневно воспроизводимы въ нашей газетѣ.

На 1896 годъ въ портфелѣ редакціи уже имѣются слѣдующіе разсказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «Дяди Власа»: 1) «Старая гвардія», 2) «Умирающая газета», 3) «Легенда о происхожденіи одесситки», 4) «Куміръ», 5) «Знаменитости», 6) «Передовая статья», 7) «Мужъ царицы (изъ закулисныхъ типовъ)», 8) «Мужья», 9) «Проданный выстрѣлъ», 10) «Гладіаторъ», а также разсказы и повѣсти многихъ др. авторовъ.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ еже дневно печатаются коммерческія свѣдѣнія — какъ-то: цѣны на хлѣбъ, коloніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юга редакція имѣетъ постоянныхъ кореспондентовъ.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначеніе—служить самому широкому кругу читателей, и наши постоянные читатели знаютъ, что мы никогда не останавливаемся передъ дальнѣйшими улучшеніями газеты какъ по ея содержанію, такъ и по внѣшнему ея виду.

Такъ, съ наступающаго 1896-го года обращено будетъ особенное вниманіе на улучшеніе внѣшняго вида газеты, съ каковою цѣлью, не смотря на крупную затрату, доходящую до двацати тысячъ рублей, выписана новая Ротаціонная машина Маринони изъ Парижа (печатающая до 10 тысячъ экземп. въ часъ), нынѣшніе шрифты замѣнены будутъ болѣе крупными и четкими, безъ ущерба для количества печатаемаго матеріала, и приняты вообще всѣ мѣры къ тому, что-бы изданіе наше даже и въ мелочахъ шло на встрѣчу желаніямъ публики.

Подписная цѣна газеты съ правомъ безплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія.

Въ городѣ съ доставкою на домъ: **10** руб. на годъ, **6** руб. полгода, **3** руб. **50** коп. три мѣсяца, **1** руб. **20** коп. въ мѣсяцъ.

На города съ ежедненою высылкою по почтѣ: **12** руб. въ годъ, **7** руб. полгода, **3** руб. **80** коп. три мѣсяца, **1** руб. **30** коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакціи «Одесскаго Листка»

въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„ПО МОРЮ И СУШѢ“

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

1) Хроника Столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакція и 10) Объявленія.

Въ 1896 году помѣщены между прочимъ:

«О Гоголѣ» проф. А. И. Маркевича; «Пушкинъ на югѣ Россіи» В. Н. Ястребова: «Шевченко—другъ семьи» А. Каневскаго; «Костомаровъ» А. С—каго; «О Шафарикѣ» Е. В.; «Вольта»; По поводу юбилеевъ проф. А. И. Маркевича и проф. В. А. Антоновича А. С—скаго; «О Грибоѣдовѣ», «О Грановскомъ» К. А. Шрама; «Воспоминанія Пастера», «О Пастерѣ» Г. С—ва; «О Котляревскомъ» «О Гулакѣ-Артемовскомъ» М. Комарова; «Малорусскія стихотвор. Кольцова» его-же и проч. Очерки Кореи, Абисиніи, Придунайской Бесарабіи, «О Бѣлградѣ и его окрестностяхъ» А. П. Углича; «Какъ сдѣлать Россію проѣзжей»; «О предсказаніи погоды» П. И. Злотина; поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ ананьев. уѣзда Чикаленко; съ береговъ Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморіи Стиверскаго, изъ Елисаветграда Ас—на, «Съ Далекаго Запада» Л. Богатаго; «О Сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ Англіи» Бичъ-Богуславскаго; «Выжила», повѣсть П. Остаповскаго; «Изъ жизни сельскихъ школьниковъ» его-же; «Русскій Фра-Дьяволо» Николаева; «Дезертиръ» его-же, «Сирота Захарко» А. Крымскаго; «Танцовальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея-же; Въ Одесскомъ Подземельѣ П. Вл—ко; «Кошка Помѣшала» Д. Романовой; «Изъ исторіи нашихъ степей» В. Я.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ даны будутъ 4 книжки приложеній.

Въ будущемъ 1896 г. читатели журнала «По Морю и Сушѣ» получатъ **52 №№** журнала, въ объемѣ не меньшемъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, и 4 книжки приложеній, выпускаемыхъ каждые 3 мѣсяца по одному.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой)

На годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣсяца 1 руб.; на 1 мѣсяцъ 35 коп. почтовыми марками.

Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп. Приложенія разсылаются всѣмъ подписчикамъ, исключая подписавшихся на 1 мѣсяцъ. Подписавшіеся на журналъ до Новаго года получатъ безплатно всѣ №№, имѣющіе выйти до конца 1895 г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская, д. № 18, кв. № 25) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи, а въ *г. Елисаветградѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала при «Молочной и Кофейной Гольдфельда и К°» (Дворцовая ул., д. Гольденберга).

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **„ОБРАЗОВАНІЕ“** V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать распространенію въ Россіи образованія (особенно народнаго), внимательно слѣдя за ходомъ народнаго просвѣщенія, освѣщая общественное значеніе явленій въ этой области, указывая на нужды и недостатки нашей школы и намѣчая средства къ ея развитію; 2) утверждать въ обществѣ, и въ частности въ средѣ учителей правильные взгляды на воспитаніе и обученіе, знакомя съ наиболѣе интересными сторонами теоріи (психологіи и исторіи педагогики) и практики нашего школьнаго и домашняго воспитанія, отмѣчая его темныя стороны, устарѣлые методы и неправильности постановки различныхъ учебныхъ предметовъ, выясняя ихъ образовательное значеніе и мѣсто въ системѣ общаго образованія; 3) помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно-изложенныхъ статьяхъ и цѣлыхъ сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ и 4) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ русской и заграничной жизни и литературы, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія и ихъ связь съ жизнью.

Въ журналъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Общепедагогическія статьи. 3) Народное образованіе въ Россіи и заграницей. 4) Новыя педагогическія движенія на Западѣ. 5) Критика и библіографіи (популярно-научныя и общеобразовательныя сочиненія, учебники, книги для дѣтей, народныя книги). 6) Научно-популярныя статьи. 7) Хроника (Изъ жизни и литературы). 8) Разныя извѣстія и сообщенія. 9) Статистика образованія (въ Россіи и заграницей). 10) Изъ области знаній. 11) Указатель новыхъ книгъ. 12) Приложенія (научно-популярныя и педагогическія сочиненія).

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе извѣстные педагоги: П. Ѳ. Каптеровъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 10 печатныхъ листовъ.

Въ 1896 году въ приложеніи къ журналу будутъ даны два научно-популярныхъ сочиненія.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкой 10 проц. Народные учителя могутъ подписываться съ разсрочкой (въ два срока: при подпискѣ **3** руб., 1-го мая **2** рубля).

Въ редакціи имѣется небольшое число экземпляровъ «Образованія» за предыдущіе годы. Цѣна **5** руб., съ пересылкой; для подписчиковъ на 1895 и 1896 г.—**4** рубля.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала (Спб., Басковъ пер., домъ 22).

За редактора-издателя *В. Сиповскій.*

3—2

1896 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ

безъ предварительной цензуры

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкой СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** руб.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д № 59, кв. № 1).

Программа: Послѣднія извѣстія.—Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законадательствъ.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—

Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ «Юридической Газетѣ» въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика» и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которую получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

V-й годъ изданія **МІРЪ БОЖІЙ** V-й годъ изданія

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для юношества и **самообразованія.**

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: «По новому пути»—романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; «Матросикъ»—разсказъ К. Станюковича; «Мишурисъ»—разсказъ И. Потапенко; «Въ водоворотѣ»—изъ исторіи великой французской революціи—Ю. Безродной; «У чугунной доски»—разсказъ Н. Гарина; «Изъ Сибирской жизни»—разсказъ В. Сѣрошевскаго; «Богомолье» — изъ народной жизни И. Савихина; «Подъ игомъ»—романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; романъ Іонаса Ли, переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; «За Атлантическимъ океаномъ»—путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ—Кживицкаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: «Шекспиръ и Бѣлинскій»—проф. Н. Стороженко; «А. Ѳ. Писемскій»—Ив. Ивановъ; «Люди и факты новой европейской культуры»—Ив. Иванова; «Герой современной легенды»—Ив. Иванова; «В. Г. Короленко (основныя идеи его произведеній)»—критическій этюдъ М. Плотникова; «Рёскинъ и его ученье»—Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры»—часть II-ая, Н. Милюкова; «Свобода ли человѣческая личность»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды»—прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Мои воспоминанія» (1851—1862 г.)—И. Красноперова; «Изъ записокъ изслѣдователя»—Ф. Щербины; «Гарантіи правосудія»—очерки Гр. Джаншіева; «Сила тяжести и давленіе какъ условіе существованія животныхъ»—проф. А. Никольскаго; «Вольфгангъ Гёте»—Даудена, переводъ съ англійскаго А. Анненской; «Развитіе профессій»—очерки Спенсера, переводъ Т. Криль; «Исторія цивилизаціи»—Дюкудре, часть II-ая, средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. Коропчевскаго; «Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина»—Эдмона Пэріэ, съ многочисленными

рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф. А. Никольскаго и К Пятницкаго; «Наши тайные друзья и враги», популярныя лекціи по бактеріологіи, Фарадея Франкланда и пр.

Постоянные отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей, 3) Критическія замѣтки, 4) Библіографія, 5) Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой **7** руб., безъ доставки **6** руб., за границу—**10** руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ **4** руб., остальные **3** руб. къ первому іюля и черезъ казначеевъ.

Издательница *А. Давыдова.* Редакторъ *В. Острогорскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствіе правительства II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства". V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VI. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибыв-

шихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія XXI. Стороннія собщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1895 Г.:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.—11 р., 11 м.—10 р. 50 к., 10 м.—10 р., 9 м.—9 р. 20 к., 8 м.—8 р. 50 к., 7 м.—7 р. 80 к., 6 м.—7 р., 5 м.—6 р., 4 м.—5 р., 3 м.—4 р., 2 м.—3 р., 1 м.—1 р. 50 к.

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.—10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р, 25 к., 8 м.—7 р. 50 к., 7 м.—6 р. 75 к., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р. 25 к., 4 м.—4 р. 50 к., 3 м.—3 р. 40 к., 2 м.—2 р. 40 к., 1 м.—1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

По поводу предстоящаго **Священнаго Коронованія Ихъ Иператорскихъ Величествъ** въ «Южномъ Краѣ» своевременно будетъ помѣщенъ цѣлый радъ рисунковъ, относящихся къ этому событію; во время коронацін ежедевно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы.

Годовымъ подписчикамъ «Южнаго Края» на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА"

въ 1896 году.

(26-й годъ изданія).

Отдѣлы журнала: 1, Оригинальныя статьи. 2, хроника русскаго и иностраннаго законодательства, 3, хроника гражданскаго и уголовнаго суда, 4, Критика и библіографія, 5, замѣтки и извѣстія.

Въ журналѣ за 1895 г. были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Никольскаго.—Первая и вторая международная конференціи въ Гагѣ по вопросамъ частнаго международнаго права; Е. Васковскаго.—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; Б. Беренштейна.—Къ вопросу о чекахъ. А. Леонтьева.—Желательная организація народнаго суда; Стараго Профессора. Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ (Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскій); А. Книрима.—О новомъ проектѣ устава о векселяхъ; Н. Мѣщанинова.—О привлеченіи къ суду; В. Набокова.—Нищенство и бродяжество, какъ наказуемые проступки; профес. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.—О врачебной тайнѣ съ этически-юридической точки зрѣнія; С.—О неприкосновенности почтовой корреспонденціи по русскому законадательству; В. Утина.—О силѣ и значеніи межевыхъ актовъ; А. Тютремова.—Къ вопросу о примѣняемости тѣлесныхъ наказаній; И. Гофштеттера.—Пойдетъ ли Россія по пути капитализма; В. Розенблюма.—О наказуемости двоеженства у раскольниковъ; Л. З.—Новыя теченія въ наукѣ уголовнаго права; Д. Дриля.—Убійство и убійцы; А. Леонтьева.—Волостной судъ и обычное право; Левитскаго.—Объ истолкованіи судомъ содержанія духовныхъ завѣщаній; А. Лонгинова.—Значеніе историко-юридическаго элемента по отношенію къ законопроектамъ мин. юстиціи; проф. Н. Суворова.—Центральная организація церкви, какъ юридическое лицо; А. Тимофеева.—Молодые преступники и организація, принудительнаго воспитанія; П. Шепилло.—По поводу учрежденія уѣздныхъ членовъ окружнаго суда; А. Левенстима.—Жалоба потерпѣвшаго лица; А. Башмакова.—Поземельное устройство прибалтійскихъ крестьянъ; А. Каминка.—О примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ; Н. Водовозова.—Экономическіе взгляды Мальтуса; Е. Максимова.—Земская дѣятельность въ области общественнаго призрѣнія; —Я. Городыскаго.—Практика судебно-административныхъ учрежденій; В.—Нѣсколько замѣчаній по: поводу проекта гражданскаго уложенія; А. Соколова. —Основныя положе-

нія предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ; проф. И. Иваневскаго.—Коллегіальное начало въ министерской организаціи; А. Гольденвейзера.—Наши своды кассаціонныхъ рѣшеній; Путилова.—Замѣтка о временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ; Е. Кривскаго.—Нѣсколько словъ по поводу вопроса нотаріальной практики; Л.—Американскія исправительныя тюрьмы; проф. Залѣсскаго.—Къ вопросу о цѣнности и происхожденія прибыли на капиталъ; Н. Дингельштедта.—Законъ о водѣ для Крыма; В. Волжина.—Необходимо ли допрашивать врача-экспертовъ подъ присягою; Я. Городыскаго.—Проектъ вотчинной системы; проф. Л. Ходскаго.—Памяти Н. Х. Бунѓе; Н. Дружинина.—Наказаніе безъ суда; А. Леонтьева.—Кодификація обычнаго права; Е. Васьковскаго.—Къ вопросу о реформѣ адвокатуры; Н. Полетаева.—Наказъ Импер. Екатерины II-й; проф. Н. Суворова.—Епархія, какъ юридическое лицо; А. Дукмасова.—Къ вопросу о судѣ присяжныхъ и др. Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется громадное количество рукописей, которыя будутъ напечатаны въ теченіе 1896 г. Затѣмъ въ журналѣ были помѣщены хроники законодательства касающагося права государственнаго, финансоваго (экономическое обозрѣніе), уголовнаго, гражданскаго и торговаго, а также хроники гражданскаго и уголовнаго суда.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщались рецензіи на вновь вышедшія книги и указатель юридической литературы (русской и иностранной).

Цѣна за годовое изданіе (10 книгъ въ годъ отъ 15 до 20 листовъ):

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 руб.	— к.
въ С.-Петербургѣ съ доставкою	8 »	50 »
съ пересылкою	9 »	— »
за границу	12 »	— »

Подписчики, желающіе, сверхъ того получить рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою пересылкою 13 руб. Отдѣльно рѣшенія (безъ журнала) 4 руб.

Допускается разсрочка: въ Январѣ 5 руб., съ касс. рѣш. 8 руб., и въ Іюнѣ остальная сумма. Гг. члены С.-Петерб. юридическаго общества, учащіеся и кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности платятъ половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (С. Петерб. Новоисаакіевская, 14. кв. 7), а равно въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, Мартынова, „Новаго Времени“ и др.

Редакція—С.-Петерб. Эртелевъ пер. 9, кв. 6 открыта по вторникамъ, отъ 2 ч. до 4 ч.

Контора—по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 ч.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—3

„ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО“.

Кіевская ежедневная, литературная политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

будетъ издаваться въ 1896 году по прежней программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На 1 годъ.	на 6 м.		на 3 м.		на 1 м.	
	руб.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ пересылкой и доставкой.	8	5	—	3	—	1	—
Безъ доставки. . . .	6	3	75	2	75	—	75

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул. № 8 а.

Редакторъ-Издатель *М. Е. Краинскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

(Седьмой годъ изданія)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и т. д.). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.). 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.). 4) Воспоминанія. 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ). 8) Вопросы церковной жизни.

9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи). 16) Объявленія.

Въ 1895 году въ „Русск. Обозр." было, между прочимъ, напечатано:

Д. В. Аверкіева: Переводъ трагедіи Шекспера Гамлетъ, Принцъ Датскій. А. Ф. Адамовича: Мысли обывателя. И. С. Аксакова: Письма къ О. А. Новиковой. А. А. Александрова: Стихотворенія. Б. Н. Алмазова: То-же. К. Альбинскаго: То-же. Проф. А. С. Архангельскаго: С. Т. Аксаковъ (Дѣтство и студенчество). К. Д. Бальмонта: Стихотворенія. С. П. Бартенева: Поѣздка на Востокъ. В. И. Бафталовскаго: Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. Гр. П. Д. Бутурлина: Стихотворенія. Е. А. Варженевской: То-же. С. Васильева: Къ характеристикѣ Чацкаго. Его-же: Театральная хроника. Я. И. Вейнберга: Новая составная часть воздуха. Проф. П. А. Висковатова: Задачи русской литературы. Ѳ. А. Витберга: Значеніе воображенія въ жизни человѣка. Княгини М. В. Волконской: „Одинъ изъ малыхъ сихъ". Идиллія. Кн. К. А. Вяземскаго: Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ. В. М. Гаршина: Письма къ матери изъ Болгаріи (1877). Г. П. Георгіевскаго: Древне-русскія свадьбы. Его-же: Коронованіе русскихъ государей. В. А. Гиляровскаго: Стихотвореніе. Н. П. Гилярова-Платонова: Логика раскола (письма къ И. С. Аксакову). Гр. А. А. Голенищева-Кутузова: Стихотвореніе. К. Ѳ Головина: Изъ исторіи русскаго романа. И. А. Гончарова: Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ". Шарля Гуно: Воспоминанія артиста. Г. О.: Ѳедоръ Павловичъ. Новгородскій разсказъ. Г. А. Де-Волланда: Въ странѣ восходящаго солнца. Чарльза Диккенса: Посмертный разсказъ. Н. Д'Эссаръ: Король теноровъ. Повѣсть. А. В. Елисѣева: Вдоль береговъ Трои. В. П. Желиховской: Въ житейскомъ омутѣ. Повѣсть. А. Л. Зиссермана: Деревенскія письма. Проф. Н. Ю. Зографа: Историческій обзоръ теорій наслѣдственности. В. Илларіонова: Иконописцы-суздальцы. Проф. Н. Д. Кашкина: Воспоминаніе о П. И. Чайковскомъ. Его-же: Музыкальное обозрѣніе. А. А. Кирѣева: Споръ съ западниками настоящей минуты Н. П. Колюпанова: Изъ прошлаго (посмертныя записки). А. А. Коринскаго: Стихотворенія С. Д. Крылова: Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. П. А. Кулиша: Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. К. С. Н.: Прогулка пѣшкомъ черезъ Симилонъ. И. И. Лажечникова: Письма къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ. К. Н. Леонтьева: Письма къ К. А. Губастову. Е. В. Ливотова: Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. Я. Литвинова: О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ. Его-же: Земскіе начальники, ихъ судебная и административная дѣятельность. М. А. Лохвицкій: Стихотворенія. Проф. Н. А. Любимова: Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы. Акад. Л. Н. Майкова: Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. В. Н. Макъ-Гаханъ: Поступательное движеніе православія въ Соединен-

ныхъ Штатахъ. В. Л. Маркова: Мечты и жизнь. Романъ. Е. Л. Маркова: Домой по Волгѣ. С. А. Минутко: Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи. А. Н. Муравьева: Мои воспоминанія. Проф. Г. А. Муркоса: Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. Гр. Г. И. Ностица: Стихотвореніе. Н. Н.: Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще. С. Обуховскаго: Стихотвореніе. Э. Оржешко: Разсказы изъ польской жизни. Н. М. Павлова: Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ. Его-же: Полемика по поводу этой статьи съ К. Н. Цвѣтковымъ. Н. Н. Павлова: Домой на праздникъ. Разсказъ. И. У. Палимпсестова: Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. В. А. Панаева: бумажныя деньги—товаръ. Н. Ѳ. Плахово; Стихотворенія. Я. П. Полонскаго: По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. Его-же: Стихотвореніе. Православнаго: Правы-ли мы? (письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ). Его-же; Къ вопросу о духовной литературѣ для народа Его-же, Къ вопросу о „пересказахъ" житія святыхъ. В. Птицына: По Ленѣ зимою. В. Ракитина: Стихотвореніе. Проф. С. А. Рачинскаго: Церковная школа. В. В. Розанова: О такъ-называемомъ „дѣйствія на разстояніи". Его-же: Смѣна міровоззрѣній. Его-же: Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе? Его-же: Что выражаетъ собою красота природы? Ѳ. Э. Ромера: Стихотвореніе. Гр. А. Салтыкова: То-же. А. А. Сидорова: Послѣдніе дни жизни и дѣятельности В. В. Крестовскаго К. К. Случевскаго. Призракъ. Поэти. А. А. Смирнова: Стихотвореніе. Протоіер. Е. К. Смирнова: Англо-Русское Литературное Общество. Его-же: Лекція о Митрополитѣ Филаретѣ. А. К. Соболева: Стихотвореніе. М. П. Соловьева: Письма изъ Италіи. Spectator'а: Современные вопросы. А. В. Стерна: Послѣднее разочарованіе. Повѣсть. П. П. Суворова: Въ какихъ убѣжденіяхъ таится истина? Его-же: Желательно ли возрожденіе романтизма? Его-же: Кое-что о „ дореформенномъ идеализмѣ". Его-же: Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ грамоты. Талицкаго: Новый уставъ Государственнаго Банка. В. А. Теплова: Осѣчка. Повѣсть изъ константинопольской жизни. Л. А. Тихомирова: Лѣтопись печати. Графини Е. Н. Толстой: Въ поискахъ за квартирой. Разсказъ. Кн. Э. Э. Ухтомскаго: Стихотвореніе. А. А. Фонъ- Риттера: Старые кадеты. Очерки. Свящ. І. И. Фуделя: Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. Его-же: Одна изъ нашихъ слабостей (По поводу полемики Каткова съ Герценомъ). Его-же: Поучительная исторія (Къ школьному вопросу). М. А. Хитрово: Стихотвореніе. Проф. Д. В. Цвѣтаева: Россія и западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (По поводу минувшаго царствованія). Н. А. Чаева. Стихотворенія. Н. И. Черняева. О русскомъ самодержавіи. Акад. В. І. Шервуда: Опытъ изслѣдованія законовъ искусства. (Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. И. Шмелева: У мельницы. Разсказъ. Н. В. Ш.: Статьи о Н. И. Гиляровѣ-Платоновѣ, А. С. Хомяковѣ и Ю. Ѳ. Самаринѣ. Ив. Щеглова: Милліонъ терзаній. Романъ. Cti: Письма изъ

Рима. W.: Лѣтопись современной беллетристики. Z.: Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ и мн. др.

Содержаніе книгъ 1896 г. будетъ отличаться обычнымъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Пріобрѣтенъ, между прочимъ, для напечатанія богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достаевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ѳ. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова (Щедрина), и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 25 коп. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Лица подписавшіяся на журналъ и газету *Русское Слово* имѣютъ право на скидку въ 1 руб. съ обычной подписной цѣны.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книж. магаз. Фену и К°, Невскій, д. Армянской церкви № 40, и въ библіотекѣ Семенникова, Васильевскій Ост., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльныхъ №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Подписку съ разсрочкой платежа проситъ адресовать въ контору редакціи.

Магазинамъ уступка—50 к. съ экз.; доставившимъ же подписки на сумму болѣе 100 руб. уступка 10% съ экз. Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 7 р. за годъ, 1892—1893 гг. по 5 руб. за годъ, 1894 г.—8 руб. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка за счетъ редакціи.

Въ конторѣ редакціи и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продается „Систематическій указатель содержанія *Русскаго Обозрѣнія* за первыя пять лѣтъ его существованія (1890—1894)“. Ц. 50 к.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція „*Русскаго Обозрѣнія*“ (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель *Анатолій Александровъ*.

2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ.

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1896 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяиственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна *12* книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики *Извѣстій*, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб., продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммисіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими

дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «Русской Старины» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ

того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1896 ГОДЪ
на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости"

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной подержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новыя затраты для улучшенія нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы, искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, разсказы и т. п. На праз-

дникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристическій отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 68 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Сознавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество спеціалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золсторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будутъ помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственныя письма и знакомить съ сельско-хозяйственною литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд).. А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Нааке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), профессоръ Ѳ. И. Успенскій, профессоръ П. Ѳ. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзнодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	9 » — »

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
» 3 »	3 » — »
» 6 »	5 » 50 »
На годъ	10 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подписка принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й годъ изданія. **„СѢВЕРЪ“.** IX-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Сѣверъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphic», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Сѣвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ *и на 1896 годъ ту-же подписную цѣну, а именно:*

на годъ (безъ отдѣльной преміи):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**; безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской **6 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкою за-границу **11 р.**

на годъ (съ отдѣльной преміей):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7 р.**; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской **7 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **8 р.**; съ пересылкою за-границу **12 р.**

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ „СѢВЕРЪ" дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: «Умирающій Левъ», историческій романъ изъ временъ Кавказской войны, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; «Похожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Потерянный день», повѣсть І. І. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Саліаса. Кромѣ того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ. А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Коринфскій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то есть 12 томовъ, объемомъ около 200 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся:

«Лазурный Край» —Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками;

«Іерусалимъ» Пьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» —того же автора

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Кел-

лера-Виліанди, Л. Лагоріо, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, хозяйство и домоводство“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получатъ:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ,

исполненный **олеографическимъ** способомъ, того же размѣра и художественнаго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *Н. А. Александровъ.* Издатель *Н. Ѳ. Мертцъ*

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“ —СПБ., Екатерининская ул., № 4.

3—1

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЮ

вышла третья, декабрьская, книжка научно-литературнаго и политическаго журнала

„НОВОЕ СЛОВО“.

Содержаніе: 1. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Глава I—VI). В. Немировича-Данченко. 2. Очерки современныхъ направленій. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ). Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. (Окончаніе). В. В. 3. Восточный Магазинъ (X—XV). (Окончаніе). Повѣсть П. Засодимскаго. 4. Бесси Кострелъ. (Окончаніе). Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер. съ англійск. 5. Подъ праздникъ. А. Серафимовича. 6. Сердце

заговорило. Новелла. Л. Весткирха. Переводъ съ нѣмецкаго. О. Н. П. 7. Моя родная тетушка Сара. (Разсказъ изъ еврейскаго быта). Н. Пружановскаго. 8. Паденіе Бирона. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). А. Брикнера. 9. По поводу отчетовъ государственныхъ учрежденій земельнаго кредита за 1894 годъ. Ив—ича. 10. Буковскій интеллигентный поселокъ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). Н. Энгельгардта. 11. Гергардъ Гауптманъ. Е. Дегена. 12. Научная хроника. Агрономія. Источники азота. 13. Новыя книги. 14. Въ области европейской мысли. Л. О. 15. Обзоръ заграничной жизни. I. Интересы дня. II. Между журналами и газетами. 16. Обозрѣніе внутренней жизни. Высочайшій манифестъ. Земство и города. Я. Абрамова. Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. А. Штевенъ. Изъ юридической области. Д. Л. Письма изъ провинціи. Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Н. Х. Письмо изъ Кіева.—Изъ Тамбова. В. Чернова.—Изъ Саратова. Я. Бур—ка. Выборгъ. Вл. Беренштама.—По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. Обо всемъ. Баранчука. 17. Обзоръ общедоступныхъ книгъ Коммиссіи Спб. комитета грамотности. 18. Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, П. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М, Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотевы (Е. С. и С. А) и др.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) «Новое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к. заграницу на годъ 12 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкасова».

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цензерленга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія Н. О. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора *А. Н. Поповъ*. Издательница *О. Н. Попова*.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ изданія. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ изданія.

„Природа и Охота" и „Охотничья Газета".

(24-й годъ изданія).

Подписчики получатъ 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственныя распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты".

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничьихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышленниковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничьихъ

подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ. «Альбомъ охоты» представитъ въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычею, проводниками, псковичами и пр.). и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничьихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничьихъ приваловъ, охотничьихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи **15** р., на полгода **7** р. **50** к. За границу **20** р. На пересылку преміи высылается *добавочный рубль.*

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

Издатели-редакторы: { *Л. П. Сабанѣевъ.* { *Н. В. Туркинъ.*

3—1

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й г. *Подъ редакціей В. А. Гатцука.* **2-й г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждаго мѣсяца книгами большого журнальнаго формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной періодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики разсматриваемыхъ изданій съ точки зрѣнія добросовѣстности исполненія дан-

ныхъ подписчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также—критическіе разборы отдѣльныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ разсматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и безпристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ" на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаціи лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати".

Для борбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 р., на 1/4 года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Іюня—1 р.) Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. на 1/2 года 2 р. и 1/4 года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати" Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго. *Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговляхъ столицъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакціи.*

3—1

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

III-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДѢНІЕ",

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,

съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ

картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8° (19╳26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	. . . .	4 р.
„ 1 „ „ подписчиковъ на журналъ	. . . . .	6 „
„ 1 „ „ всѣхъ остальныхъ	. . . .	10 „
„ 1 „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ	. . .	35 „
„ 1 „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	. . . . .	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ ¼ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О. Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Топоровъ.*

3—1

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія изданія

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

СЪ КАРТИНКАМИ.

Крупнымъ шрифтомъ напечатаны вновь вышедшія изданія.

№ 3.	**Приключенія Робинзона Крузе.** Составлено А. Н. Яхонтовымъ. 5-е изд.	12 к.
№ 6.	Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2-е изданіе.	3 „
№ 8.	Злодѣй и Петька. Повѣсть А. Ѳ. Погосскаго. 4-е изд.	8 „
№ 27.	Два старика. Разсказъ Л. Н. Толстого	6 „

№ 28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина. . . . . 10 к.
№ 29. Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ, Подъ ред. проф. Ор. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина. 2-е изд.. . . . . 6 „
№ 31. Соловки. Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. . . . . 6 „
№ 32. Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленко. 2-е изд. . . . 7 „
№ 37. Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Разсказъ С. В. Максимова. 2-е изд.. . . . . 3 „
№ 39. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина . . 30 „
№ 40. **Зимовье на студеной**. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. 2-е изд.. . . . . 3 „
№ 41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленко. . . . . 3 „
№ 42. Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича . . . . 5 „
№ 43. Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича. . . . . 3 „
№ 44. Безоброчный. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). . . 8 „
№ 45. Шестеро. Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ) . . . . 5 „
№ 46. Трусъ. Разсказъ В. М. Гаршина. 3
№ 47. Аясларское дѣло. В. М. Гаршина . . . . 3 „
№ 49. То, чего не было и Лягушка путешественница. Сказки В. М. Гаршина. . . . . 3 „
№ 50. Гордая пальма и Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Сказки В. М. Гаршина . . . . 3 „
№ 51. Басни И. А. Крылова (съ біографіей) I. . . . . 10 „
№ 52. Басни И. А. Крылова II. . . . . 8 „
№ 53. Басни И. А. Крылова III.. . . . . 8 „
№ 54. Басни И. А. Крылова IV. . . . . 8 „
№ 55. Саша. Разсказъ Марка-Вовчка (безъ картинокъ) . . . . . . 3 „
№ 56. Козачка. Одарка. Горпина. Разсказы Марка-Вовчка (безъ карт.) 4 „
№ 57. Сестра. Ледащая. Разсказы Марка-Вовчка (безъ картинокъ) . . 4 „
№ 58. Скряга Скруджъ. Святочный разсказъ. Ч. Диккенса . . . . . 9 „
№ 59. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ Л. Толстого (безъ картинокъ) . 4 „
№ 60. Чортово болото. Повѣсть Жоржъ-Зандъ (безъ картинокъ).. . . 7 „
№ 61. **Іонычъ**. Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). . . . . 14 „
№ 62. **Свекоръ**. Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ) . . . . 3 „
№ 63. **На-міру**. Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ) . . . . 18 „
№ 64. **Хай-дѣвка**. Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ) . . . 10 „
№ 65. **Отрѣзанный ломоть**. Комедія А. А. Потѣхина (безъ карт.). . 10 „
№ 66. **Чужое добро въ прокъ не идетъ**. Драма А. А. Потѣхина (безъ картинокъ) . . . . 10 „

№ 67. **Павло Чорнокрылъ.** Разсказъ Марка-Вовчка (безъ карт.) . . 3 „
№ 69. **Смерть Ивана Ильича.** Повѣсть Л. Н. Толстого (безъ карт.). 5 „
№ 70. **Гдѣ любовь, тамъ и Богъ и Кавказскій плѣнникъ.** Разсказы Л. Н. Толстого . . . . 3 „
№ 71. **Судный день.** Сказка В. Г. Короленко . . . . 8 „
№ 72. **На морскомъ пескѣ.** Разсказъ (безъ картинокъ) . . . . . . 3 „
№ 73. **Маруся.** Повѣсть Марка-Вовчка . . . . 12 „
№ 74. **Дочь миссіонера.** Разсказъ А. Котса . . . . 8 „
№ 75. **Учительница.** Повѣсть Э. де-Амичиса . . . . 8 „
№ 76. **Великанъ Іеусъ.** Сказка Жоржъ-Зандъ . . . . 5 „
№ 77. **Послѣдній день приговореннаго къ смерти.** Разсказъ В. Гюго. 9 „

Кромѣ того продаются:

1) Указанія къ устройству читаленъ (Узаконенія о безплатныхъ народныхъ читальняхъ. Примѣрные ихъ уставы, составленные Комитетомъ Грамотности. Примѣрный списокъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, допущенныхъ въ нихъ правилами 15 Мая 1890 года). 3-е дополненное изданіе Цѣна 10 коп.

2) Библіографическій указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ . . . . „ 1 руб.

3) Инвентарная книга для читаленъ . . . . „ 50 коп.

4) Систематическій каталогъ для читаленъ. . . . . . „ 50 „

5) Книга для записи книгъ и журналовъ, выдаваемыхъ для чтенія въ помѣщеніи читальни . . . . „ 75 „

6) Книга для записи книгъ и журналовъ, выдаваемыхъ для чтенія на домъ. . . . . „ 75 „

Собственный складъ Комитета Грамотности помѣщ. у М. Ф. Волкенштейна

(С.-Петербургъ, Спасская № 26).

1—1

Принимается подписка въ 1896 году на „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ".

Въ 1896 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ

концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахменовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуковъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ѳ. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

3—1

Новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышла 1-я часть 1-го тома Ч. Дарвина, содержащая автобіографію Ч. Дарвина, пер. проф. Тимирязева.—Путешествія на кораблѣ «Бигль», пер. Е. Бекетовой.

2-я часть 1-го тома выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Продолжается подписка.

на

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Чарльза Дарвина.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Томъ I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова.—Происхожденіе видовъ. Новый переводъ проф. К. Тимирязева.

Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ТРИ РУБЛЯ.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 1 руб., при полученіи I и II тома по рублю.

По выходѣ въ свѣтъ второго тома цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова). въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. журнала «Русская Мысль» и въ книж. маг. Конусова, у Страстного монастыря, Мурінова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая, противъ университета.

Новыя изданія О. Н. Поповой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

собранія сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Томъ I. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ—А. М. Скабичевскаго.—Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія.—Критическія статьи 1857—1858 гг.

Томъ II. Критичсскія статьи 1858—1859 гг.

Томъ III. Критическія статьи 1859—1868 гг.

Томъ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи Роберта Оуэнъ.—Народное дѣло. О. Гавацци.—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

По выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома цѣна будетъ повышена.

Томъ I выйдетъ въ декабрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ О. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская библіотека). въ книж. маг. журнала «Русская Мысль», въ книж. маг. Конусова, у страстного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкова, Моховая, противъ университета.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

МОРСКІЕ СИЛУЭТЫ.

К. М. Станюковича.

Цѣна 1 рубль, съ пересылкой 1 руб. 35 коп.

Содержаніе: Нянька—Матроска.—Генералъ-арестантъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ДВУХЪ КОРАБЛЕЙ

или

РАЗСКАЗЪ О ЦАРСТВѢ ВѢЧНАГО ХОЛОДА.

Составилъ Н. А. Рубакинъ.

Цѣна 20 копѣекъ, съ пересылкой 25 коп.

(съ 34 рисунками въ текстѣ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Н. В. Шелгунова.

Цѣна 2 рубля, съ пересылкой 2 руб. 60 коп.

Содержаніе: I. Крестьяне и земледѣльцы Смоленской губ.—II. Деревня и подать.—III. Провинція и провинціальная печать.—IV. Нравы провинціи.—V. Земство.—VI. VII. Провинціальные города.—VIII. Деревенскіе пожары.—IX. Мѣры противъ пожаровъ.—X. Очерки современной Сибири.—XI. Колонизація Кавказа.—XII. Наша косность и газетный консерватизмъ и либерализмъ.—XIII. По поводу земской школы.— XIV. Кое-какіе итоги (земскіе выборы).—XV. Что намъ далъ 1896 годъ.—XVI. Денежное мышленіе и 29 января (смерть Пушкина).—XVII. По поводу статьи Деревенскаго Жителя «Къ чему способна наша интеллигенція».—XIII. Рѣшаются-ли историческіе вопросы усовершенствованіемъ личности.—XIX. О налогахъ.—XX. Просторъ Самарской земли.—XXI. Въ чемъ мы можемъ сомнѣваться.—XXII. Наше «я» и нѣмецкое «я».—XXIII. Параллели и картинки.—XXIV. Безсознательный піонеръ прогресса.—XXV. Наша наука и консервативная печать.—XXVI. Что такое «русское» и «международное». Почему такъ развилось у насъ «я».—XXVII. Моралистическая и общественная точка зрѣнія.—XXVIII. Движеніе русской мысли и литературы за 40 лѣтъ.—XXIX. Петербургъ и его новые люди.—XXX. Что нужно для личнаго счастья и для заполненія промежутка между интеллигенціей и народомъ.—XXXI. Можемъ-ли мы коллективно мыслить.—XXXII. По поводу теоріи «святлыхъ явленій» и «бродящихъ впечатлѣній».—XXXIII. Борьба по-

колѣній.—XXXIV. Дѣйствительно-ли тенденціозныя причины руководятъ самоубійцами изъ-за общественныхъ мотивовъ.—XXXV. «Свой хлѣбъ».—XXXVI. Какой моментъ жизни мы теперь переживаемъ.—XXXVII. Свѣтлыя и темныя явленія.—XXXIII. Общественная совѣсть.—XXXIX. Вліяніе времени.—XL. Колонизаціонное движеніе и новые центры. XLI. Собирательная посредственность —XLII. Право на существованіе.—XLIII. Еще о свѣтлыхъ и темныхъ явленіяхъ.—XLIV, По поводу «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгрова.—XLV. Газетный оппортюнизмъ и идейность.—XLVI. Недавнее прошлое и общественные барометры.—XLVII. Зачатки общественной доброжелательности. — XLVIII. «Средній человѣкъ» и «двоящаяся накипь».—XLIX. По поводу письма одного толстовца.—L. Кавказскія минеральныя воды.—LI. «Что читать народу»—изданіе харьковскихъ учительницъ.—LII. Что читать и какъ читать.—LIII. Далеко-ли ушла наша общественная мысль.—LIV. Отрадное явленіе.

Минье. Исторія французской революціи. Спб. 96. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово», Спб. Спасская ул., д. № 15, за пересылку не платятъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Реклю. Э. Земля. — Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціею и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. Ц. 6 р. 70 к., съ перес. 7 р. 60 коп.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.—Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.—Вып. III. Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисленными рисунками и географическими картами.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ въ конторѣ журнала „Русск. Богатство" (Бассейная, 10).

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г., 300 стр. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 45 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895 г., Ц. р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. 80 к., съ перес. 1 р.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій, 2 т. Второе изд. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 70 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 95 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Летурно, Ш. Соціалогія, основанная на этнографіи Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 96 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес., 2 р. 80 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ.

Бертранъ. Кооперація въ Бельгіи.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II.
Мармери, Д. В. Прогрессъ науки.
Жюсседанъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ.
Гардинеръ Исторія пуританскихъ войнъ.
Буассье, Ѳ. Римское общество временъ цезарей.
Рамбо. Исторія современной цивилизаціи во Франціи.

Середа. 19. День былъ сперва свѣтлій и хмарній, а потомъ свѣтелъ, тепелъ и тихъ, о полднѣ хмари зъ сторонъ надійшли зъ дожчемъ и громомъ, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Рано ездилемъ въ судъ енер. за человѣкомъ моимъ, шевцомъ Степаномъ сварковскимъ, оттуду на Бѣлополовку до гетманского двора, где и обѣдалъ. Рубля послалъ черезъ Ярему до Манжули, до прежнихъ денегъ, на сѣнокосъ. Черезъ повѣренного Томариного отъ Останця зъ Астрах. получилъ писмо.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, тихій и ночъ такова жъ. Рано былъ я у генерала, а на службѣ на Бѣлополовцѣ и у гетмана. Обѣдалъ у себе зъ Стефаномъ Миклашевскимъ, а потомъ игралъ у карти зъ братомъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и братомъ Маркомъ. Позичилемъ 10 червоннихъ Григорашу Шаргородскому до ноевр. 1-числа, а буде не отдастъ, то вдвое доправить.

Пятокъ. 21. День былъ сперва зъ туманомъ, потомъ ясенъ, тепелъ и отчасти тихъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Кузма Якимовичъ поехалъ въ С. П. Бурхъ, черезъ которого писалъ я до сестри, Ханенка, Курбатова и швагра Андрея Полуботка, да до Ханенка послалъ червонца одного на арапе (табакъ?) и картузъ. Принесенъ указъ чили грамота, за рукою Андрея Івановича Остерманна, до гетмана о полякахъ, которіе въ Миргородскомъ полку за Днѣпромъ въ нашу границю вступаютъ и обиди малроссіянамъ дѣлаютъ, что ненамѣрени ея величество такихъ обидъ далѣ зносить. Мужикъ мой швець Сварковскій на поруку мою спущенъ съ подъ караулу. Судіи енералніе окончили свое засѣданіе въ судѣ для наступившихъ дней канѣкулярнихъ. Нажали подъ футоромъ 280 копъ, а еще осталось на 20 копъ. Вина нѣмецкого греку Іотію дали на продажъ, первимъ разомъ, дали: 18 квартъ петерцѣменту по копѣ кварта, а 18 квартъ фронтиніяку по 20 а., другимъ разомъ, дали петерцѣменту 60 квартъ, по той же ценѣ, а фронтиніяку 70 квартъ, по 20 а., и за тое вино отобралъ я уже отъ грека черезъ Клима за 18 квартъ фронтиніяку 18 талярей, да за петерцѣментъ 3 р.

Субота. 22. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, и ночъ такова жъ. Сегодня отправили маляра Глинского до монастира Гамал., давъ ему 200 р. Ему жъ далъ я двѣ книжки двойнику, якіе покупилъ зде по рублю. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я на Бѣлополовку и оттоль повернулся, простившись зъ Валкевичемъ и Шираемъ, отехавшими домой.

Неделя. 23. День былъ свѣтлій до полдня, а по полуднѣ дожчъ силний, ночъ хмарна, а потомъ виияснилась, а къ свѣту туманъ сталъ. Сегодня былъ я на службѣ на Бѣлополовцѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ до енерала и, тамъ посидѣвши доволно, повернулся назадъ.

Понедел. 24. День былъ сперва свѣтлій и теплій, а около вечора хмарний зъ дощикомъ, ночъ вияснилась, а особливо къ свѣту. Былъ я на службѣ на Бѣлополовцѣ, обѣдалъ у столу гетманского, зъ обознимъ енер. и Паскомъ. Крисковцовъ пѣшихъ человѣка 10 прійшли сюда косить и начали, а послалъ я туда въ Криски, велѣлъ еще 5 человѣка вислать зъ харчю. Писалъ до п. Петра Апостола, черезъ его служителя, и позиченную книжечку послалъ.

Вовтор. 25. День былъ сперва свѣтлій, а потомъ сталъ очинъ вѣтрянъ, вѣтромъ холоднимъ и хмаренъ, къ вечору дожчъ, ночъ ясна, тиха и холодновата. Сегодня рано поехалъ я до Уздицѣ и оттоль до пасѣки, где пообѣдавши, заездилъ до Шрамковской пасѣки, откуду вернувшись, пріехалъ у вечеру до футора, а зъ футора ноччю въ Сварковъ, где и заночовалъ. Въ Уздицкой пчоли всеей зъ отроившоюся стало 530, въ Шрамковской пасѣцѣ всеей пчоли 63, въ Тулиголовской пасѣцѣ всеей пчоли 46, въ Артополотской гамал. всеей пчоли 110, въ Сухоносовской всеей пчоли 172, въ Крискахъ 176, итого 938.

Середа. 26. День зранку самого хмаренъ, потомъ свѣтелъ и ясенъ, толко жъ вѣтеръ холодноватъ отъ полнощной сторони. Вѣдомость господарская, поля купленніе: 1, Сугдобовское поле въ каждой руцѣ по 70 копъ, люде пашутъ и сѣютъ; 2, Олѣйниковское Новѣцкого поле, на насъ пашется и сѣется; 3, Третяковское поле, жито наше, на ярину не пахано, на сѣно оставили, а теперъ тю-

тюннику на толоку пахать; 4, Горловскее поле попахано все, теперъ на насъ на ярину залегло, и въ третей руцѣ жито наше; 5, Радка Кролевецкого Литвиненку на толоку отдано, жито не сѣяли и ярини не сѣяли, да на толоку жъ тютюннику отдали; 6, Медведевскее отъ Шрамка, толока отдано съ копи Синялнику, а ярину Шаповалъ позасѣвалъ съ копи, на жито рука тая пуста била; 7, Шовкуновскее, одна рука въ толоцѣ на насъ попахана, а другая рука въ яринѣ на сѣно оставлена, третя рука сѣно; 8, Тумовскее, рука зъ житомъ на насъ, другая, где ярина, запустѣла, толко одна нивка на насъ засѣяна овсомъ, теперъ на толоку людямъ отдали руку третую, тее жъ зовется Орабювскее; 9, Петра Кривоноса Новогребелского, 2 нивки ярини на сѣно. Овса по 4 четверика зъ четвертю по 1 р. и 40 к. четверикъ, зъ половини посѣяли люде. Опанасъ купилъ четверикъ 1, Данило Нагиба полъ четверика, Петро Зайка четвериковъ 3, Василь Гладкій четверикъ 1, Яковъ Карабута полъ-четверика. Сѣна у Погаричахъ Манжула уготовалъ: 900 копиць, скиртъ 8, у Суденщини уготовали сѣна коп. 400, скиртъ 2 и стоговъ 2.

Четвер. 27. День былъ свѣтлій, теплій, отчасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, где и обѣдалъ и отклонился гетману и зъ п. Михайломъ простился, а по обѣдѣ заходилъ до генерала, где и вечералъ.

Пятокъ 28. День былъ свѣтлій, теплій, толко вѣтряній и по сторонамъ хмари къ вечору. Ночъ свѣтла, тиха, толко холодна. Далъ я на писмѣ приказъ господареви въ его должности, а другій Климу, которому показалъ и слѣдовать за мною въ Спасовку (?). Да ему жъ Климу далъ я 10 червоннихъ, а остатніе 6 р. отъ грека Іотія, за первую дачу вина, велѣлъ отобрать и дать Шрамку 25 р., а 40 р. останемся винни, и купчую у него на купленний грунтъ и пасѣку взять. Поехалъ я зъ Глухова до Тулиголовъ, где засталъ гор. 11 куоъ и въ дванадцатой 5 носатокъ. Старостѣ Тулиг. далемъ на росходъ 3 р. и записалъ у его реестрѣ. У Тулиг. уготовалъ староста сѣна 1100 коп., а еще осталось на 200 копиць.

Вѣжевскій имѣлъ у своемъ росходѣ 14 червоннихъ, да гривенниковъ 32 р. да алтин. 17 р.

Субота. 29. Сей день былъ сперва холоденъ, вѣтрянъ, хмаренъ и дощеватъ, съ полдня свѣтелъ и тепелъ, хмаренъ же по сторонамъ и съ дощемъ, у вечеру вияснилось. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Сегодня рано поехалъ я съ Тулиголовъ и, пріехавши въ Камень, обѣдалъ, а по обѣдѣ черезъ Сеймъ човнами перевезшись, уехалемъ миль 2 и ночовалъ у Кросенъ. Старостѣ Крисковскому Семену Шоху приказъ далемъ на писмѣ о поляхъ мужицкихъ, въ посторонніе руки позаходившихъ, чтобъ оніе отбырать, и впредъ не допускать того никому изъ подданнихъ чинити. Да ему жъ словесно приказано въ перемѣну прислать у Глуховъ 15 человѣкъ. 2) Сторони постройки греблѣ подлинно увѣдомитись, взявъ мѣрочника. 3) О доправки должного жита и овса зъ людей осѣнного и за денги.

Неделя. 30. День и ночъ во всемъ вчорайшимъ подобніе были. Зъ ночлѣгу вставши, уехалъ миль 4 и обѣдалъ у Сухого Ромна, а оттуду уехалъ милю до Смѣлого, ехалъ часъ 1, отъ Смѣлого до Хмѣлова четвер. 3, отъ Хмѣлова до Ромна полъ 3 часа, и засталемъ зде, въ Ромнѣ, родителку, жену, дѣтей, брата Луку, сестру Олесю зъ швакгромъ п. Яковомъ и дочерю ихъ новорожденною, где и вечералъ.

Понедел. 31. День былъ сперва свѣтлій, а потомъ вскорѣ хмарний, вѣтряний и холодний. Ночъ зъ вѣтромъ невеликимъ, свѣтла почасти и почасти хмарна, къ свѣту тиха и свѣтла. Сегодня тутъ у дворѣ род. обѣдалисмо и подпіяхомъ. У лазнѣ милсея и вечерали обще и съ нами Федоръ Заборовскій зъ женою.

М-ць Августъ. Вовтор. 1. День былъ сперва свѣтелъ и тепелъ, а потомъ хмаренъ зъ силнимъ дощемъ, къ вечору мало вияснилось, а ночъ свѣтла, тиха и тепловата, а къ свѣту хмарно и дощъ ишолъ. Сегодня обѣдалисмо у Ромнѣ, а по обѣдѣ у вечеру при заходѣ слонца, виехалисмо зъ женою и ехали до Бобрика год. 1., а оттоль Ромадановского шляхомъ до Андрѣевки год. 3.

Середа. 2. День былъ сперва свѣтелъ, потомъ хмаренъ зъ дощикомъ, знову свѣтелъ, да тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата, къ свѣту хмарна. Сегодня въ день ездилисмо зъ женою и зъ Глинскимъ сотникомъ до футора Гамалѣевского нашего и, оттуду повернувшись, у вечеру у Андрѣевку, тамъ и ночовалисмо. У футорѣ Гамал. Артополотскомъ моемъ пчоли старой было 56, а молодой стало 54, итого всеей пчоли 110. На лице сѣна торочного старого 4, а сеголѣтного 12 скиртъ, а въ копицяхъ будетъ на скирту да еще торочнихъ не откосили 5 скиртъ да сеголѣтнихъ столко жъ. Жита сѣяли четвериковъ 7, а зняли копъ 23. Процко, овчаръ Розбишовскій, показался въ злодѣйствѣ, у которого дворникъ забралъ за воровство.

Четвер. 3. День былъ почасти теплій и почасти свѣтлій и почасти хмарній, тихій и къ вечору свѣтлій и теплій, ночъ свѣтла, тиха, ядрана, къ свѣту хмарна. Алексѣеви далъ я 15 р. на сѣно и приказъ далъ въ 6 пунктахъ о сѣнѣ, чтобъ оного уготовать нинѣшними и торочними людми, которіи не откосили за гроши, о чомъ и писмо оставилемъ до старости Андріяшовского. Да въ приказѣ и о томъ, чтобъ дѣнця Шпака мужика Токарувского допросить о продажнемъ отъ его степку Остапенкова и увѣдомитись о попу розбишевскомъ и Красношапкахъ, сторони степу ихъ продажнего. Пасѣчницѣ футорной, которой мужъ Торопъ билъ у пасѣцѣ и умеръ, далъ 1 р. Поехалисмо по службѣ ранной зъ Андрѣевки и ехали до Токаровъ зъ полтора часа, милю добрую, а въ Токарахъ пообѣдавши, пріехали у Лохвицю до тіотки п. Павловой, которой не застали въ мѣстѣ, ехали полъ 2 часа, зъ Лохвицѣ ехали до Позниковъ 3 часа, а въ Сухоносовку полчаса, и пріехали завидна, где и ночовали.

Пятокъ. 4. День былъ сперва хмаренъ, потомъ свѣтелъ и тепелъ, знову хмаренъ зъ дощемъ, знову свѣтелъ, хмаренъ зъ дощемъ, малий вѣтеръ западний, толко жъ холодноватъ, ночъ свѣтла, тиха, толко жъ холодна. Сегодня тутъ у Сухоносовцѣ служби Божой слухали, а у вечеру верхомъ отехалъ въ монастирецъ Чорнускій Красноротской куда ехалъ зъ села 3 четверти и ночовалъ

тамъ, а Даніила Штапулскаго намѣсника не засталъ, которій на праздникъ въ Мгаръ отехалъ.

Субота. 5. День былъ зранку зъ туманомъ, которій, хочай и поднялся въ гору, однако жъ розійшолся на дробніе хмари, а день потомъ сталъ свѣтелъ, тепелъ и тихъ, ночъ значала хмарна и два рази дожчъ ишолъ, и до свѣта зъ хмарою. Приобщался я сегодня тутъ въ монастирцѣ Чорнускомъ ст. тайнамъ, а обѣдалъ въ Сухоносовцѣ, куда передъ вечоромъ пріехалъ отецъ Орановскій, а я по прежнему, для наступуючого праздника, пріехалъ на ночъ въ тотъ же монастирець и ночовалъ.

Неделя. 6. День былъ сперва хмарній зъ малимъ дощикомъ, а потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Въ монастирѣ служби Божой слухалъ, а обѣдалъ въ Сухоносовцѣ, куда пріехалъ и Григорій Огіевскій, а потомъ посѣщалъ насъ духовний зъ крестоношею Іосафомъ, а после пріехалъ писаръ пол. Савѣцкій и позно отехалъ.

Понедел. 7. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня у Сухоносовцѣ обѣдали, а по обѣдѣ у вечеру отехали и ночовали, не доежджаючи Орабювъ. Жена заболѣла на матицю. У Сухоносовцѣ нажали жита копъ 100, пчоли 172, старой било 86, а молодой 87. У Сухонос. воловъ рабочихъ 6, а молодихъ 7, итого 13, въ числѣ старихъ воловъ 2 перервинского подданного, которій робить не похотѣлъ. Вовни бѣлой старой рунъ 334, чорной 213 рунъ, шкуръ овечихъ чиненихъ 15, нечиненихъ шкуръ 8, телячихъ шкурокъ нечиненихъ 3.

Вовтор. 8. День былъ свѣтлій и теплій, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано вставши отъ ночлѣга, пріехали передъ полуднемъ въ Лубнѣ и обѣдалисмо обое зъ женою у полковника п. Петра Апостола и до вечора пробавилисмо и ночовали. Полков. казалъ Сухонос. опредѣлить, а именно Івана Левченка, Макара Якименка, Соляниченковъ, Бондарерковъ, Загребенковъ, а въ Перервин. Юрка Пилипенка, Василя Крутня и Якима Стрелця.

Середа. 9. Ѳедку Бѣловодскому далемъ 2 гривнѣ. Сей день пробавилисмо въ Лубняхъ у п. полковника луб. до вечора и игра-

лисмо въ ліомбаръ, безъ проиграшу моего, а у вечеру, простившись, съ ними ездили до Петра Кулябки и до Троцкихъ, и съ ними простились и ночовали у квартерѣ п. Івановой Корнѣевичовой. Книги, томовъ 4, французжскіе, авторъ Dictionaire universel defuselliere, à la Haye.

Четвер. 10. День былъ свѣтлій, теплій и жаркій, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня рано поехалисмо зъ Лубень и, уехавши болшъ 3-хъ миль, на обѣдъ стали у Кринички, у мостка, минувши Лукомле, недоежджаючи Наружжя, а по обѣдѣ поехали, и уехали миль зъ двѣ зъ лишнимъ, и пріехали передъ смеркомъ до футора Криворудского, где и ночовалисмо. У Кривой Рудѣ по ищисленію показалось: овець всѣхъ старихъ 562, а молодихъ овець всѣхъ 274, итого всѣхъ овець 836. Коровъ дойнихъ 51, коровъ яловихъ 14, бугаевъ старихъ 2, а молодихъ два, быковъ третяковъ 4, назимковъ бичковъ 12, а назимковъ телиць 10, телятъ бичковъ 24, а теличокъ 27, итого поголовя 146, воловъ рабочихъ 10; вовни ярачой рунъ бѣлой 193, чорной 79.

Пятокъ. 11. День былъ свѣтлій, теплій велми, толко вѣтрянъ, вѣтромъ полуденнимъ. Ночъ сперва хмарна зъ маленкимъ дощикомъ, а потомъ свѣтла, тепловата и тиха, отмѣнная теплотою отъ прежнихъ ядранихъ. Сей день тутъ, у футорѣ, пробавилисмо, ездилемъ и осмотрувалемъ сѣно наше, которого уробленного скиртъ 9, въ томъ числѣ 2 чили 3 великихъ скиртъ, а десятая торочная скирта, отъ полковника дарованная, а на покосахъ скиртъ на 5.

Суббота. 12. День былъ свѣтлій, жаркій, а съ полдня вѣтрянъ велми, теплимъ вѣтромъ западнимъ, ночъ сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Сей день также тутъ пробавилисмо. Ярочихъ овець вовну перечислили тутъ, якой показалось рунъ 277. Старостѣ на косарѣ и на заплату футорнимъ дали 12 р., да еще после 2 р.

Неделя. 13. День былъ сперва тихъ, свѣтелъ и холодноватъ, потомъ вѣтрянъ вѣтромъ западнимъ холоднимъ, ночъ сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Зъ футора рано поехалисмо на службу Божую у Горошинъ, а оттоль переехавши поромомъ черезъ Сулу, у перевозу обѣдалисмо. По обѣдѣ уѣхали зъ полъ 3 милѣ

до Денисовци, а оттоль болше 2-хъ миль до футорця Сухомузкого, где и ночовалисмо, а пріехали позно велми.

Понедел. 14. День былъ сперва тихъ, свѣтелъ, потомъ вѣтрянъ, толко жъ тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Рано зъ ночлѣга вставши, пріехалисмо на обѣдъ у Перервинцѣ, где и ночовали и дновали. Перечисляли стадо, означаючи кобили, зъ якими бились дрикгантами и якіе имѣли прошлого року и сего лошата, о чомъ впредь. Застали тутъ дойнихъ овець 100 и одну корову, зъ которихъ дойва 4 фаски масла и 4 дѣжки сира. А овець всѣхъ по ищисленіи: овець старихъ дойнихъ 109, яловихъ старихъ овець 10, барановъ старихъ 11, волоховъ старихъ 28, итого всѣхъ старихъ овець 158. (Волоховъ торочнихъ 25, ягниць торочнихъ 30, итого 55), сеголѣтнихъ ягниць 61, валашковъ 38, баранцовъ 8, итого 107, всѣхъ овець старихъ, торочнихъ и сеголѣтнихъ 320.

Вовтор. 15. День былъ тихъ, свѣтелъ, жарокъ очинь, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Сегодня службы Божой тутъ у Перервинцявъ вислухавши, обѣдали и дновали. Я передъ вечоромъ ездилъ до стѣнки своей Ворони, попа Яблуновского, откуду будетъ до села около 2-хъ миль, а ехалъ спорно, сивимъ конемъ, часовъ 2. Видѣли тамъ, что футоряне сотника Пѣратинского моего степку, до той стѣнки прилеглого, много завладѣли и прежную дорогу, на Яблуновскій шляхъ идучую, спортили, а новую проложили и что Борзни, судіи енер., служка, староста Бѣлоусовскій, за дорогу Яблуновскую много заехалъ степу до Бѣлоусовки. А между Бѣлоусовкою и Перервинцями границя, да оная еще за ляховъ, по сказкѣ Василя Крутня, лежала по такимъ прикметамъ: а именно, отъ яру Сухомозкого до Острой Могили, а отъ Острой Могили до шляху Яблуновского, зъ Перервинець до Яблунева идучого.

Середа. 16. День былъ тихъ, свѣтелъ и жарокъ очинь, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Сей день тутъ пробавилисмо, въ Перервинцяхъ, а вилучили лошаковъ зъ стада 3, пятакъ, ступакъ вороний, четвертакъ шпаковатій, да четвертакъ сивий.

Четвер. 17. День былъ такій же, якъ прежніе, очинъ жарокъ, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Сей день пробавилисмо тутъ же

въ Перервинцяхъ. Передъ обѣдомъ перечисляли стадо обстоятелнѣй прежняго ищисленія, о чомъ нижей и товаръ, а по обѣдѣ ездилемъ до стѣнки Ворониной, где яръ нашъ, прозиваемий Дегтярня, оттоль заездилъ до стѣнки своей Курковской и поручъ зъ нею лежачого яру Мехеевского. Стаднина въ Перервинскомъ футорѣ исщислена. Кобилъ наилутшихъ зъ лошаками 10, кобилъ лутшихъ зъ лошаками 7, а зъ лошицями 5, середнѣхъ зъ лошаками 14, а зъ лошицями 11, подлихъ зъ лошаками 5, а зъ лошицями 7, итого кобилъ зъ лошаками 36, а зъ лошицями 23, яловихъ 15, третякъ 11, всѣхъ 85, лошатъ всѣхъ 59, стрижокъ 18, пятаковъ 2, четвертаковъ 9, третяковъ 12, стрижаковъ 19, дрикгантовъ 10, summa всей стаднини 214, Коровъ яловихъ 5, дойная 1, воловъ молодихъ 14, чабанихъ 3, назимка чабаная 1, товару неробочого — 24, воловъ робочихъ, зъ посланними чтирма по соль, 14. Посѣяли жита четвер. луб. „ “, а зняли копъ 70, ярини посѣяли: гречки четвериковъ 5 и полъ, овса чет. 19, проса полтора четвер., сѣмя конопл. полъ четвер., гороху четвер. 2. На сѣно, до порахунку, роздалъ 24 р , а по порахунку 14 зъ полтиною, да вновъ на сѣно дано 20 р. зъ Глухова.

Пятокъ. 18. День былъ такій же, якъ и прежніе, жарокъ ночъ свѣтла, тиха, тепловата, а къ свѣту полунощний вѣтеръ холодноватий сталъ вѣять. Ездилисмо до футора Троцкого, а осмотрували стѣнки Чичканя мужика; до футора будетъ верстъ зъ 4 отъ села, а за футоромъ, къ футору Свѣчиному, видѣли косаровъ, которіе наше косятъ сѣно. Знято съ поля перервинского хлѣба, именно: жита нажали копъ 70, отъ Бѣгского 6, десятини 12, итого всего копъ 88, овса копъ 70, гречки копъ 36, а десятини 6, проса 40, ячменю 25, пшеницѣ 20 копъ, гороху четвериковъ луб. 10, жита на 1733 годъ посѣяли четвериковъ 25, мѣри луб.

Субота. 19. День вѣтрянъ, хмаренъ, а после полудня випогодился, къ вечеру свѣтелъ и тепловатъ, ночь тиха отчасти и вѣтряна отчасти, свѣтла и холодновата. Приказъ старостѣ данъ о недопусканіи грунтовъ мужичихъ козакамъ. О томъ, чтобъ станю поширшать, помостъ здѣлать, такъ же загороду вновъ здѣлать зъ

повѣттю и посерединѣ яслами, жита втрое посѣять, зъ коровъ 10 и зъ овецъ дойво збирать довше прежнего. О росправѣ зъ Тараненкомъ, сторони Клима, у яру Мехеевого заоранного вновъ имъ, взамѣну дать, Чичканю за стѣнку его денегъ ему 8 р. дается теперъ. Дрикгантовъ взять на станю и кормить. Обѣдалисмо у Перервинцяхъ, а по обѣдѣ поехали и пріехали передъ вечоромъ у Коровай, куда прежде братъ п. Семенъ пріехалъ, а потомъ родителка пріехала зъ меншими братами и ночовалисмо.

Неделя. 20. День былъ сперва свѣтелъ, тихъ почасти и тепелъ почасти жъ, а передъ вечоромъ хмаренъ, ночъ хмарна зъ дощемъ густенкимъ, и хмарно жъ, ажъ до свѣта. Тутъ у Короваяхъ праздновалисмо всѣ обще.

Понедел. 21. День былъ свѣтлій, тихій, а къ полудню сталъ велми вѣтрянъ, потомъ хмаренъ зъ дощемъ, къ вечеру знову вияснилось, зъ тихостю и теплотою, ночъ свѣтла, тиха и холодновата зъ росою. Пріехалъ въ Коровай мимоездомъ асаулъ пол. Прилуцкого Панкевичъ, едучій по указу гетманскомъ зъ обознимъ Прилуцкимъ до Переясловля, которіи, такъ же и Лукянъ Свѣчка, обѣдали въ Короваяхъ. А по обѣдѣ розехалисмося всѣ, родителка и жена и брати поехали въ Кіевъ, а я въ Пѣратинъ, где заездилъ до сотника, а виехавши зъ Пѣратина къ Чорнухамъ верстъ у 8, тамъ и заночовалъ, и со мною попъ Орановскій и Григор. Огіевскій.

Вовтор. 22. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Рано поехалъ я зъ ночлѣга и пріехалъ въ Сухоносовку на обѣдъ, где и ночовалъ. Увѣдомился я, что ревизори написали въ Сухонос. всѣхъ людей 50. Смотрѣли пчоли всеей и усмотрѣли такой, что подрѣзовать 60. При кобилахъ машталѣръ оставленъ Пилипъ Линниченко, которій старостою Перервинскимъ умовленъ на годъ служить машталѣрско, во всей нашой одежѣ, то-есть: въ свитѣ, кожухѣ, сорочкахъ и протчемъ, а плату ему дать при окончаніи года зол. 12, а одежу всю, якой не поноситъ, отъ него отобрать.

Середа. 23. День былъ свѣтлій, теплій велми. и вѣтрянъ отчасти, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня оставилъ я приказъ

третій числомъ по прежнихъ 2-хъ, старостѣ Сухоносов. Омеляну: 1) Чтобъ соли возъ оставивши, всю въ Глух. прислать; 2) вози всѣ въ цѣлости имѣть, а драбинчатихъ 2 дать въ Перервинци; 3) туда жъ вовни чорной 20 рунъ стар., а 20 молод. дать; 4) о хмелю приспособить оного въ трое болшъ; 5) о куплѣ лѣсу до винницѣ и о степку; 6) мапталѣру дать кожухъ, чоботи и сорочки; 7) ставокъ дворов. зъ яловимъ спустомъ, и гребелку оправить, и Курѣнскій устроить; 8) пасѣчнику бить по прежнему и плата прежняя; 9) у Кривой Рудѣ погребъ и загорода для товару зъ повѣттю. Да на заплату лѣса, приторгованного на зрубъ, далъ я рубля. 200 дуль оставили въ Сух. до панеи приезду. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ насъ отецъ Штапулскій и приходили козаки 5 человѣка определенніе. Поехалемъ после полдня у 2 часа и пол., и пріехали у гай до тіотки п. Павловой, при заходѣ слонца, полъ 7-го часа.

Четвер. 24. День былъ свѣтлій, теплій жаркій, зъ полдня вѣтрецъ и къ вечору хмари и дощикъ прорвался. Ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ гаю п. Павловой и зъ п. Павловою виехавши злучился, а потомъ верхомъ заехалъ въ городъ Лохвицю и зъ полковникомъ п. Петромъ увидѣлся, а пріехалъ на обѣдъ въ Токарѣ, где обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехавши, пріехалъ до футора своего Артополотского, куда болшъ милѣ будетъ, и тутъ у футорѣ ночовалъ.

Пятокъ. 25. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, а потомъ хмарній. Ночъ хмарна и дощъ, потомъ вияснилось. Ездилемъ осматривать сѣна, якого показалось торочного скиртъ 4, дворникомъ здѣланного скиртъ 12, чили 13, Алексѣемъ грошевихъ 8 скиртъ, да Калиновцями 5 скиртъ, а еще у Алексѣя осталось 6 р. грошей, даннихъ ему.

Субота. 26. День былъ по болшой части свѣтлій, жаркій и тихій, а къ вечеру хмарній и вѣтряній, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна, вѣтеръ полунощній. Осмотрувалисмо пчоли, якой показалось 110, изъ которой усмотрѣли убить 12, подрѣзать 30, а всеей на зиму оставить 98. Зъ попомъ Розбишовскимъ торгъ учинилисмо за

степъ, чили грунтъ Назаренковскій, за 60 р. и заплатилемъ ему 28 червонныхъ подъ тимъ уговоромъ, чтобъ мнѣ до него прислать денгами 60 р., а отъ его отобрать червонніе, и купчую взять. о чемъ онъ писмо далъ мнѣ при отцу Орановскомъ. Подарилемъ зъ тутейшого статку Григорію Огіевскому корову зъ телямъ, овецъ, 5 дойнихъ и ягнятъ 5, да овецъ старихъ яловихъ 5; да Орановскому 5, итого овецъ 20, да вовни по 10 рунъ обомъ, по 5 чорной, а по 5 бѣлой. Поехалъ я зъ футора и пріехалъ, у ночъ уже 8-го часа, въ Роменъ, где и ночовалъ. Перечисленъ статокъ и овци у футорѣ Артополотскомъ Вѣжевскимъ; дойнихъ овецъ бѣлихъ 34, а чорнихъ 25, въ томъ числѣ престарѣлихъ овецъ 8, барановъ бѣлихъ старихъ 10, яловихъ овецъ бѣлихъ 31, а чорнихъ 30, въ томъ числѣ престарѣлихъ бѣлихъ 10, а чорнихъ старихъ 2, тогорочнихъ валаховъ бѣлихъ 21, а чорнихъ 9, сеголѣтнихъ ягницъ бѣлихъ 30, а чорнихъ 13, сеголѣтнихъ валаховъ бѣлихъ 19, а чорн. 8, баранцовъ сеголѣтнихъ бѣлихъ 7, а чорн. 4, козъ дойнихъ 13, цаповъ старихъ 4, цапъ валахъ 1, козъ яловихъ 2, козенятъ 14, итого овецъ 243. Товару: коровъ дойнихъ чабанихъ 6, а половихъ 3, яловая 1, воловъ рабочихъ 11, бугай, назимковъ, бичковъ чабанихъ 2, сѣрихъ 2, телицъ назимокъ чабанихъ 5, итого опрочъ робочихъ 29, телятъ бичковъ 4, теличокъ 5.

Неделя. 27. День былъ хмарний, вѣтряний и холодний, ночъ вѣтряна жъ, хмарна, холодна, а къ свѣту випогодилось и тихо стало. Сей день тутъ пробавилисмо я зъ братомъ Маркомъ и Григор. Огіевскимъ; обѣдалъ съ нами Степанъ Лазаревичъ, ревѣдуючій число людей въ полку Лубенскомъ.

Понедел. 28. День былъ свѣтлій, тихій, зъ ранку холоденъ, потомъ жарокъ, ночъ тиха, свѣтла и холодна, къ свѣту морозъ впервое. Черезъ Тимоша писалъ я до Полуденского, чтобъ онъ заездилъ въ Лохвицю и до... и осмотрѣлъ бы слободки Гамалѣиной продажной и чтобъ клейно взяли зъ собою въ Глуховъ. Да до его жъ писалъ я по писму Лоренцова, чтобъ слобожане наши, якіи завиноватились шинкареви Берестовскому жиду, сплатились. Поехалемъ зъ Ромна рано и обѣдалемъ у Сухого Ромна, а ночовалъ, переехавши Терни.

Вовтор. 29. День былъ сперва зъ морозомъ, тихъ, свѣтелъ, потомъ тепелъ, къ вечору хмаренъ, после знову свѣтелъ, ночъ тиха, свѣтла и холодна. Рано зъ ночлѣгу поехавши, пріехали до Хижокъ, а Сеймъ переехали човнами, конѣ у бродъ, чили у плинъ, упустивши. Пріехавши въ Камень, тамъ и обѣдалемъ. А по обѣдѣ поехавши, пріехалъ у Ворголъ и ночовалъ у дворѣ дядѣ Стефана Миклашевского.

Середа. 30. День былъ хмарний, сперва холодний, потомъ потеплѣлъ, знову сполднѣ хмаренъ и дощеватъ и холоденъ къ вечору зъ вѣтромъ. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Рано зъ ночлѣга ставши, приехалъ у пасѣку Уздицкую, где осмотрѣвши пчоли, отехалъ до футора Калюжновского, тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ, где осмотрѣвши двора, пріехалъ въ Глуховъ ноччю. Въ пасѣцѣ Уздицкой по исчисленію осталось пчоли старой 247, а молодой 301 а отложено при себѣ убить старой 2, а молодой 1, итого остается 447. У футорѣ жита нажали, на футорномъ полѣ, 193 и пол., а на Сварков. 90 к., десятини зъ людей 27 и пол. (сѣна у футорѣ въ гаи скиртъ 2, въ первой копицъ 120, въ другой 120, въ третей 120, въ четвертой 150, въ пятой 120, въ шестой 140, въ семой 140, за мосткомъ у березѣ 80 копицъ). На облозѣ Новицкого 30 к., на Шовкунов. да на Горлов. полѣ, 200 копицъ, на Колосовскомъ полѣ 190 коп., итого всего 1370 копицъ.

Четвер. 31, День былъ хмарний почасти, толко холоденъ, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, холодна. Рано видѣлся я на Бѣлополовцѣ зъ п. Михайломъ и гетмана видѣлъ и кланялся, у него и обѣдалъ, зъ многими, г. генераломъ Іваномъ Васил. Панѣнимъ и прочіими и подпіяли. Тамъ же я забавилъ до ночи и позно пріехалъ домой.

Сентевр. м-цъ. Пятокъ. 1. День былъ хмарній почасти и свѣтлій почасти, однако жъ холоденъ, ночъ свѣтла, холодна и тиха. Праздновали начало лѣта и тезаименитство енерала Нарѣшкина, обѣдали у него многіе великороссійскіе и мы оба зъ род., изъ гостей Панѣнъ и Гуровъ. Ездилъ я у вечеру въ склепъ и насипалъ вина французского зъ бочки 4 бутилки, а 2 зъ антала, где венгерское. Заездилъ до п. Михайла.

Субота. 2. День былъ полусвѣтелъ, холоденъ велми, ночъ свѣтла, тиха, еще холоднѣйшая, а къ свѣту хмарна стала и мокровата. Сегодня виехалемъ рано зъ Глухова по службѣ Божіей, а пріехалъ на обѣдъ въ Тулиг. Въ Тулиг. засталемъ гор. 11 куѳъ, а дванадцятую неповну, сѣна всего въ Тулиг. уготовалъ стар. 1500 копицъ, возовъ 300. Родитель зъ Глухова пріехалъ на ночъ въ Тулиг., где и заночовалисмо.

Неделя. 3. День былъ сначала и до вечора хмаренъ зъ дощикомъ, холодний, тихій, ночъ сначала свѣтла, тиха, тепловата, а къ свѣту хмарна. Поехалисмо зъ Тулиг. и пріехали на обѣдъ въ Кролевецъ и стали въ дворѣ род. въ городѣ. Купилемъ вина квартъ 21, волоского по 7 к. въ двѣ барилцѣ. Михаилатовъ грекъ билъ у мене и принюсъ мнѣ въ презентъ око тютюну и трубку пѣнковую.

Понедел. 4. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, холодноватъ, ночъ свѣтла, холодновата. Сегодня тутъ, въ Кролевцѣ, пробавилисмо, генералъ Нарѣшкинъ пріехалъ на обѣдъ, у которого билъ я, а родитель поехалъ до Добротова, где и ночовалъ. Въ ночѣ за городомъ згорѣла хата.

Вовтор. 5. День былъ свѣтлій, теплій, у вечеру хмарно и дощъ. Ночъ хмарна и дощевата, къ свѣту випогодилось. Сегодня праздновали тезаименитство цесаревни государинѣ Елисавети Петровни и билъ я зъ генераломъ на молебствіи. Обѣдалъ у себе. По обѣдѣ знову ходилъ до енерала и до смерку у него позабавилъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, подобній отчасти прежнимъ, ночъ тиха, свѣтла и почасти ядраня, а найпаче къ свѣту. Генералъ Нарѣшкинъ рано поехалъ отсюду въ Глуховъ, а Мякининъ изъ Кіева повернулся и обѣдалъ у насъ. Родитель писалъ до Сави Рагозѣнского о степку Гамалѣевскомъ и писмо отослано до племянника его графа Гавріила, тутъ, въ Кролевцѣ. Стар. Тулиг. на росходи его дать приказалемъ Климу 5 р. Індукторомъ продан Климомъ воскъ мой, а именно 26 пуд. по 5 р. 61 к. Матеріи купилъ я у Кролевецкомъ ярмарку, а именно: у Павла грека бѣлокосу квѣтчастого 25 локоть, локоть по 7 гривенъ и 5 копѣекъ, да у Петракея, тако жъ бѣлокосу, квѣтчатого,

толко красного, 12 локоть по 7 гривенъ, да перучового бѣлокосу 14 локот. по 19 а, да красного бѣлокосу 28 локот. также по 19 а. Хутеръ лисѣхъ шлямовихъ 2 по 11 р. и 50 к., сѣбирковее чорнее за 10 р., мѣди пудовъ 3 по 8 р. и 30 к., казанъ чугунний, желѣзний до винницѣ на затюръ, ваги въ немъ 8 пуд. и 19 фунт., за полъ 20 а. пудъ, и протчіе покупки, о которихъ въ реестрѣ, да купилъ же квѣтчастого бѣлокосу бѣлого у Павла грека 26 локоть, локоть по 7 гривенъ зъ полугривнею.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ такова жъ, якъ вчорайшій. Обѣдалисмо въ Кролевцѣ, а по обѣдѣ поехали до Подолова, где въ сестри (Чарнышевой) позабавились мало, а оттоль поехавши, пріехали смеркомъ до Воронѣжа, где отвечеравши и давши конямъ отдохнуть, поехали и пріехали до монастира Гамалѣевского часа первого зъ полночи и застали на всенощное.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій, тепловатъ и отчасти вѣтрянъ, къ вечору тихъ, ночъ свѣтла, тиха, холодновата, а наипаче къ свѣту. Сей день въ монастирѣ пробавилисмо, у церковной церемонѣи били и у служенія. Игуменъ Петропавловскій Іоиль, строитель Мутинскій Паѣсій, Іннокентій, законникъ Петропавловскій, которіи съ нами и кушали. А по обѣдѣ я ездилъ до Макова, где видѣлъ свою карету, еще мало недодѣланную и болного маляра, и повернулся у вечеру.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, толко жъ зѣло холодний и вѣтряний отчасти, ночъ тиха, свѣтла, холодна. Обѣдалисмо тутъ въ монастирѣ зъ родителемъ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Глуховъ, а я въ лазнѣ милея и ночовалъ. Осмотрували работы малярской, я, отецъ Филипъ зъ Воронѣжа и маляръ зъ Новгородка, где показалось много положенного двойнику вмѣсто золота и снѣцарская не вся, потому что рожичокъ инде нѣтъ, инде квѣтовъ.

Неделя. 10. День былъ отчасти свѣтлій и отчасти хмарний, толко холодній, ночъ холодна и свѣтла, а къ свѣту хмарна и мокровата. Сегодня по службѣ Божой у монастирѣ Гамалѣевскомъ обѣдалъ я. Обѣдалъ тако жъ отецъ ігуменъ Петропавловскій и строитель Мутинскій, а по обѣдѣ поехалемъ и пріехалемъ въ Воронѣжъ, где и заночовалъ въ дворѣ монастирскомъ.

Понедел. 11. День былъ хмарний зъ дощемъ густенкимъ и зъ вѣтромъ, ажъ до самого вечора. Ночъ хмарна, такъ же зъ дощемъ до свѣта, почему стало очинь грязно. Ицика, перервинского стрепця, отправилемъ въ Кролевецъ до Семена Шоха о куплѣ футра пескового зъ 13 р. и 50 к., да черезъ его писалъ до Сухонос. старости о присилкѣ соли 5 воз. и коня сивого, о постройки млина Курѣнского и сѣлского сухонос., о доенню товару и овець черезъ сей мѣсяць, и прибавки сѣна producedпоболшъ противъ тоголѣтного, а до перервин. стар. писано о козакахъ, непохотѣвшихъ слушать насъ, чтобъ ихъ употребить и о томъ до сотника пѣрат. писалъ же. О станѣ на конѣ, о поставкѣ на станю дрикгантовъ, о прибавкѣ сѣна поболшъ противъ прошлолѣтного. Рано зъ Воронѣжа поехавши, пріехалемъ до села Клишокъ, отстоящого отъ Воронѣжа въ милѣ доброй, а оттоль до Чеплѣевки села же, въ полъ милѣ доброй же, где у попа Григорія обѣдали. По обѣдѣ уехавши зъ полъ милѣ доброй, пріехалъ до перевозу Розлетского, где черезъ Десну рѣку перевюзшись, пріехалъ за верству до Розлетъ села, а оттоль до села Іванкова миль у двѣ, а отъ Іванкова до Крисіокъ верстъ у 2, где и ночовалъ. У імбарѣ засталъ горѣлки 5 куѳъ и въ шестой носатокъ 8, въ сажѣ одномъ кабановъ 10, а въ другомъ 11, пчоли въ стояпахъ 16, а одинъ улей.

Вовтор. 12. День былъ сперва хмарній, посля свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Тутъ въ Крискахъ сей день пробавилемъ, ездилемъ осмотрувать млиновъ гетманского и Максимового, межи которими если можно еще устроить млинъ. Ярошъ зъ синомъ потомъ приходили ко мнѣ, и попъ подалъ писмо отъ архиерея Чернѣговского въ своемъ заводѣ.

Середа. 13. День сперва былъ свѣтлій, потомъ хмарній, ажъ до вечора, толко жъ тепелъ, ночъ была почасти свѣтла и почасти хмарна, а болше къ свѣту тепловата и наконець зъ вѣтромъ. Сегодня обѣдалемъ въ Крискахъ, былъ у мене попъ Стефанъ псаровскій, которому на погорѣлую сего сентевр. 9 церковъ далъ рубля. Семену Шоху приказъ далъ на писмѣ, а именно: 1) за позиченніе 1731-го году 30 р., жито доправлять, 2) 1730-го году осенщини

великой важности нѣту, а оны только симъ самымъ показали, что они не согласны на сіе рѣшеніе, которое по тому не теряетъ своей силы, и какъ оное не въ пользу батюшки, то онъ будетъ черезъ 6 недѣлъ въ палату гражданскую апелявать, и мы съ нашей стороны возьмемъ осторожность, дождавшись прескверныго опредѣленія по дѣлу нашему, кое самимъ гнуснымъ и безъзаконнѣйшимъ образомъ сотворено и мнѣ вчера въ судѣ обявленно. Содержаніе его въ краткихъ словахъ скажу: «что какъ г. Милорадовичъ занесъ жалобу на опредѣленіе Сосницкаго суда, позволяющее выйтить въ замужье дочерѣ его Анастасіи Милорадовичевнѣ въ Новгородской-сѣверской верхній земскій судъ, то и предоставляется обѣимъ сторонамъ доходить тамъ окончанія начатаго дѣла, а сіе пріостановить въ уѣздномъ Черниговскомъ суду, а какъ ни та, ни другая сторона не обвиняется и не можно оного рѣшить безъ окончанія того дѣла, то и отъ пошлинъ обѣ стороны уволняются, для того и обявить обѣимъ, за подписками, что буде которая недовольна, то апелявала бъ верхнему земскому суду.» Я съ моей стороны весь обрядъ выполнилъ, подписалъ на ономъ опредѣленіи недовольство и взнесъ по обряду на урядъ 25 р., а будетъ ли доволенъ симъ опредѣленіемъ почтеннѣйшій братецъ, сего не знаю; онъ еще ничего, ни того, ни другаго не подписалъ. Не можно такъ скоро рѣшится, что начать дѣлатъ, дабы избавится отъ такого безсовѣстнѣйшего судоваго опредѣленія. Но кажется, что необходимо пора уже пожаловатся намѣстнику, поѣхавши въ Кіевъ, чтобъ онъ тебя защитилъ отъ нападенія и гибели твоей ищущихъ, родителя и брата, всякими непозволенными и богопротивными способамы. Естли и намѣстникъ не вступится за твою невинность, то уже не начто больше надѣятся, а останется отъ всемогущаго Творца на томъ свѣтѣ ожидать награжденія, а тутъ кромѣ безъсовѣстія и волокити, не обрѣтемъ (ничего?). Думаю, что поѣздка моя съ жалобою въ Кіевъ нелегка мнѣ будетъ въ разсужденіи безпутици и переправы черезъ двѣ большіе рѣки. При отѣздѣ моемъ въ святій градъ, не оставлю тебя увѣдомить, а теперъ, пожелавъ тебѣ, жизнь моя, и Алексашѣ, здравія и благополучія, а я здѣсь остаюсь растроенъ мислею, духомъ и дѣламы. Можетъ быть сіе я сказалъ и сълишкомъ много, но таитъ передъ тобою вовѣкъ я себѣ бъ сочелъ порокомъ. Храни всегда въ сердцѣ твоемъ имя и намять любящего и обажающего тебя мужа и преданнѣйшаго до смерти друга, которой мисленно лобызаетъ тебя поминутно, Иванъ Лашкевичъ. М. г-нѣ бабушкѣ, м. г-нѣ Софіи Васильевнѣ прошу обѣимъ мое нижайшее по-

чтеніе свидѣтельствовать и поцѣловать за меня въ руки. Прилагаю у сего къ матушкѣ письмо незапечатанное, которое прошу переслатъ въ Брахловъ, приписавши и отъ своей стороны, что нибудь о себѣ и Алексашѣ, въ ономъ письмѣ или въ особомъ, какъ воля ваша будетъ. (*1790 г., 17 дек. Черниговъ*).

51. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей. На третій день я сюда прибылъ, раставшисъ съ тобою, ангелъ мой, да сегодня и отъсюда же выежаю, о чемъ и что я здоровъ податель сей тебя удостовѣритъ. Дядюшка пишетъ, просячи обо мнѣ къ Петру Васильевичу (Завадовскому), къ оберъ секретарю его другу, также и къ секретарю, да и къ другимъ обѣщалъ писатъ, когда нужда укажетъ, ибо онъ надѣется, что я самъ нашимъ благодѣтелямъ извѣстенъ, то увидя меня обиженного, конечно не откажутся пособить. О семъ я съ нимъ частую переписку буду весть. Посилаю тебѣ, душа, двѣ пари перчатокъ да для бабушки одну пару, которую прошу отъ меня въ ручку поцѣловатъ, при засвидѣтельствованіи моего нижайшего почтенія. Пожалуй, душа моя, изготуй два пуда конфектовъ, какъ скоро я потребую, то чтобъ оны у тебя были въ готовности, а безъ вѣдома не присилай. Кажется лутче, когда цошлешъ въ Кіевъ надежного человѣка и тамъ купишъ. Такимъ гостинцомъ весьма можно въ Петербургѣ услужить. Любезной дочкѣ моей посилаю карету съ лошадьми двумя, и еще девять разныхъ игрушокъ и желаю, чтобъ она въ силахъ была все сіе испортить.— Не тужи, другъ мой, обо мнѣ, будь здорова и любы того, которой тебя поминутно въ мисляхъ имѣя, цѣлуетъ мисленно тебя. Прощай, ангелъ жизни моей, и помни твоего преданнѣйшаго и вѣрнѣйшего мужа и друга Иванъ Лашкевичъ. Полотна я не купилъ, самая худшая штука 50, а какъ буду назадъ ехатъ, тогда куплю. (*1791 г.. 1 іюня. Могилевъ*).

52. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Къ полдню сегодня сюда приехалъ я, не буду я тебѣ дописивать подробно, какіе мнѣ въ дорогѣ случались трудности и досады, а скажу коротко, что всего лутче, когда Господь мнѣ даровалъ все перенесть. Квартери я искалъ долго и ѣздя въ кибеткѣ по городу, до того искучилъ, что принужденъ навремя остановится въ трактирѣ, гдѣ и договорилъ за всякой денъ 2 р. 50 к., за три покоя; сія квартера мнѣ дорога, такъ что я и не намѣренъ въ ней болѣе четирехъ дней пробытъ, а буду старатся о способнѣйшемъ жилищѣ и дешевшемъ. Ставъ тутъ на ногахъ, принимаюсь за бумагу сію, ангелъ

мой, душечка Настенька, щитаю первѣйшимъ моимъ долгомъ увѣдомитъ тебя, что я слава Богу здоровъ доѣхалъ. Симъ я увѣренъ духъ твой можетъ бытъ покоенъ. Плати, жизніоночокъ мой, взаимно и мнѣ, сказивая о твоемъ мнѣ дражайшемъ здоровьи, сіе одно кажется, любезной другъ мой, слабое утѣшеніе, коимъ мы въ разлукѣ питаемся. Можетъ нашъ благодѣтель Г. Петровичъ не захотитъ ли и оного прервать, на то я возьму мои мѣри съ послѣдующими за симъ письмами, а теперъ поставивши на семъ нумеръ (№ 1-й) для пробы, равно и ты, маминька, когда будешъ ко мнѣ писатъ, то на своихъ письмахъ надписуй нумери. Когда будешъ, ангелъ, ко мнѣ писать, то доставляй тѣ письма къ дѣдушкѣ Григорію Григоріевичу, въ Чернѣговъ, а онъ уже знаетъ, какъ ко мнѣ надписывать; а какъ скоро я совершенно найду себѣ квартеру, то тотъчасъ тебя увѣдомлю, тогда можно уже тебѣ, свѣтъ мой, прямо ко мнѣ надписивать; когда же получишъ и изъ Брахлова, то также съ своимъ ко мнѣ письмомъ къ дѣдушкѣ отправляйте; я оные буду вѣрно получатъ; теперъ же спѣшу съ отправкою сего на почту. Заключивъ сіи мои строки, погружаюсь мисленно въ наипріятнѣйшею твою душу, мою уже, и цѣлую тебя поминутно, ангела моего, живя въ тебя сердцемъ и душею, владѣя полно твоимъ. Прощай пребывающего къ тебѣ до конца жизни моей преданнѣйшимъ другомъ и вѣрнѣйшимъ мужемъ Иванъ Лашкевичъ. Любезную дочку нашу Сашечку поцѣлуй за меня. Sitot que vous entendrés le petit soter dans votre ventre, vous me donereż savoir le quelle dat... vous vous faire votre conoisence premier? Приложенное у сего письмо къ матушкѣ пожалуй, сердечко, доставь поскорѣй; ты сама, малюточка, знаешъ сколько она онымъ обрадуется. Извини, душенька, меня предъ бабушкою, что не въ особомъ конвертѣ, но въмѣстѣ съ твоимъ письмомъ посилаю, все сіе дѣлается что я много уповаю на ее къ намъ милости. Увѣдоми меня все ли ты получила отъ меня изъ Могилева, черезъ Марку. Adieu, mon ange. *(1791 г., 8 іюня, Петербургъ)*.

53. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей! Четыре дня назадъ тому, какъ я къ тебѣ, ангелъ мой, писалъ черезъ почту черниговскую. Увѣдоми меня получила ли ты оное. Теперъ сіе отпущаю, черезъ сосѣда моего и друга Степана Михайловича Ширая, въ надѣяніи, что дойдетъ къ тебѣ скоро черезъ Брахловъ. Но жалко, что не имѣю ничего сообщить тебѣ пріятного, кромѣ того: подалъ въ сенатъ апеляцію 10-го іюня и прямо въ руки генералъ-рекетмейстеру Аркадію Ивановичу Терскому. Что будетъ

далѣе не знаю, но въ департаментъ она еще не вошла; о томъ и какъ дѣло розбудить, я теперь стараюсь: ищу поминутно дороги и какъ скоро на оную вспаду, то буду всѣми силами стараться тянуть. (Повѣренный Г. П.—Аксюкъ здѣсь и ожидаетъ поминутно какихъ то бумагъ отъ Г П. на подачу въ сенатъ; какого оны быть должны содержанія я не понимаю, но увижу того чуда). Былъ я у Петра Васильевича, онъ на время въ городъ пріѣхалъ, а живетъ всегда лѣтомъ на дачѣ. Онъ весьма меня ласково принялъ и велѣлъ, чтобъ я къ ему на дачу пріехалъ, но по сю пору я однакожъ еще не имѣю свободнаго времени и можетъ черезъ день или два поѣду на дачу къ ему и къ графу Безбородку; увижу, какъ сей баринъ на меня повзглянетъ. Онъ же знаетъ о моемъ сюда пріездѣ и о дѣлѣ, то посему мнѣ необходимо къ ему толкнутся и примѣчу, что съ сего выйдетъ. Петръ Василвовичъ, между прочимъ, сказалъ, что отецъ тебя никакимъ образомъ не можетъ удалить отъ имѣнія твоего. Полагатся на сіе не слишкомъ должно, можетъ быть это политика, Богъ знаетъ. Два раза я былъ у графа Воронцова; однажды сказанно, что графъ проситъ въ другое время къ ему притить, а въ другой разъ сказанно, что графъ сегодня не принимаетъ никого, занятъ дѣлами. Здѣсь я колеблюсь съ мислями, не упрошенъ ли онъ (отъ ?) графа Безбородка меня къ себѣ не допускать. Но не взирая на сіе, я буду добиваться увидѣтся неотмѣнно и обо всемъ объяснится съ графомъ Воронцовымъ. Наконецъ, былъ я у г. оберъ прокурора и оберъ секретаря и обѣимъ имъ, особо каждому, пояснилъ обстоятельства дѣла. Ими я принятъ весьма ласково и обнадежили меня защитою справедливости. Потомъ я объяснился и изъ секретаремъ и, видное дѣло, сего надобно наиболѣе придерживаться, что я и исполню; онъ тотъ, которой, сказываютъ, можетъ дать скорое теченіе дѣлу; о томъ я ему и кучить буду всякій день, его пользу показавши. У Суденкова 4 раза былъ, не удостоился его видѣтъ; когда еще разъ не удастся его узрѣть, то брошу и ходить. Карета и пара лошадей каждый день здѣсь составляютъ 3 р. 50 к., что дѣлаетъ на мѣсяцъ 105 р. Я оную, попользовавшись 3 дня и заплативши 10 р. 50 к., отпустилъ а рѣшился апостольски пѣшкомъ ходить. Стыдно мнѣ тасkаться по улицамъ въ башмакахъ и иногда въ слякоть, но нѣчимъ перемѣнить; все генерально тутъ дорого и доведется можетъ быть здѣсь годъ и съ лишкомъ прожить, то и рубашки на плечахъ не останется. Слѣдовало бъ мнѣ написать къ м. г-рю дѣдушкѣ о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, но какъ сію же самую матерію опять долженъ

повторять, а времени не имѣю, да къ тому же и г. Ширай спѣшитъ съ отъѣздомъ, а пустить сего случая я не хочу, а черезъ почту я не могъ бы всего вышеписаннаго писать, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, жизнь моя, сіе самое письмо попроси бабушку нарочнымъ отослать въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ для прочету и дабы оное обратно къ тебѣ доставленно было. Да я и тебѣ, душа моя, примѣчаю: не давай никакого виду и ничего не сказывай при священникахъ боровицкихъ, что я къ тебѣ пишу: одинъ часто ѣздитъ въ Чернѣговъ, то иногда, что онъ слышавши въ Боровичахъ, тамъ Г. П. нечаянно не проговорился. Два дня уже назадъ какъ я на другую квартиру перешелъ; тутъ кажется мнѣ сходно будетъ. Полагаю у сего записку, какъ ко мнѣ письма надписывать, съ которой копію снявши, отошли для вѣдома къ дѣдушки, а сію у себе оставь. En suite, à vous dire la verité, je n'ai eté si inquiet qu'apresént; je m'enui ici expremeut et si Dieu ne me donerat point etre sitot de retourt, il me pars, que la nesiceté m'obligera de vous prier venir vivre avec mois pour suportez sette lours fardot eten ensemble tout nos malheurs serons suportable. Adieux, mon tres cher coeur, je vous baise mille mille fois, ne m'onbliez jamais votre fidelle epoux et ami J. Laschkewitch [1]). М. г-ню бабушку-матушку прошу за меня въ ручки разцѣловать. Алексашу въ лобыкъ поцѣлуй. *(1791 г., 12 іюня. Петербургъ).*

54. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Не можетъ быть ничего для меня пріятнѣе, какъ вотъ уже другой случай, которимъ я пользуюсь къ тебѣ, извѣщая о себѣ, думаю, что ты, ангелъ мой, по первому черезъ Ширая, изъ Брахлова, уже получила подъ № 2, а сіе отпущаю черезъ управителя Петра Васильевича, кое уповаю скоро до тебя дойдетъ, да и за симъ еще откриваются оказіи, которыхъ я не пропущу; съ сей стороны я доволенъ, что ты, сердце мое, покойна и се третье письмо отъ меня къ твоимъ рукамъ идетъ: одно изъ Могилева, а три изъ Петербурга, но я лишенъ сего утѣшенія, еще ни одного письма не получилъ, жизніоночекъ мой. Здѣлай милостъ, дражайшій ангелъ мой, увидоми, Бога ради, меня о твоемъ и Сашечкиномъ здоровьи et de cette que vous avez avec vous. Сколько я притерпѣваю, не видя тебя, то и пояснять лишнѣе будетъ; Богъ свидѣтель, ни съ чемъ не можно сравнять сей горестнѣйшей муки, да то бѣда, что и самъ не вижу, когда удастся

[1]) Французскій текстъ писемъ печатается безъ измѣненій.

мнѣ кончить тутъ дѣла и летѣть къ тебѣ, въ обятія, вѣрнѣйшему моему другу, при всѣхъ леестнихъ надеждахъ, коими я льщусь о благополучномъ окончаніи нашего дѣла, (что да буде между нами сказанно.) Теперъ тебѣ остается, душа моя, исполнить важную комисію и пособыть скорѣйшему успѣху нашего дѣла и постарайся неотмѣнно прислать ко мнѣ сюда, къ десятому августа, тисячу рублей денегъ. Попроси бабушку и дѣдушку пособить тебѣ, гдѣ бы вызичить; безъ оныхъ никакъ не можно обойтись, когда хочешъ выиграть дѣло; къ тому времени съ хозяйства можетъ быть что получишъ, изъ Жукотокъ, изъ Брахлова и изъ Савинокъ, а инако мои здѣсь тщетные будутъ рвенія и труда, ибо при сильнихъ нашихъ благодѣтеляхъ, безъ денегъ трудно и неудобно. Бога ради, вызволи меня, да и то рассуди, когда теперь сего въдругъ не схватить дѣла, то вить ожидаючи по очереди рѣшенія (да каково оно еще и будетъ) болѣе здѣсь издержу на свое тутъ содержаніе, нежели въдругъ пожертвовать и Богъ дастъ выиграть. Деньги не опасайся по почтѣ ко мнѣ доставить, квартира моя извѣстна, а по оказіи не отваживай, могутъ пропасть. Дѣвочокъ своихъ дочерей двухъ въ монастиръ отдалъ Ожеговичъ (?) и скоро можетъ бытъ отправится отъсюда; онъ успѣлъ въ своихъ дѣлахъ, деньги изъ банку получилъ и что мнѣ чудно, что онъ старается получитъ мѣсто дѣдушки Григорія Григорьевича, которое ему, я стороною узналъ, и обѣщанно, не знаю съ воли ли это дѣдушки дѣлается или нѣтъ. (*1791 г., 20 іюня. Петербургъ*).

Прибавленіе къ предыдущему письму.

15-го сего мѣсяца ѣздилъ я на дачу къ Петру Васильевичу (Завадовскому); много со мною кое чего посторонного говорилъ; когда же я началъ о дѣлѣ его просить, то онъ мнѣ сказалъ, что надобно бы прежде миролюбиво поступить, но я де вамъ буду помогатъ, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилъ въ самой точности и скорости. Туда пріехалъ къ обѣду также Суденокъ (Осипъ Степановичъ), къ которому я уже и бросилъ ходить; какъ же онъ меня удивилъ, что началъ со мною вѣжливо обходится и спрашивалъ о нашемъ дѣлѣ и отдалъ ли имѣніе Григорій П. половинную частъ?—Я ему сказалъ, что ничего. И другіе тому подобніе запроси онъ дѣлалъ. За симъ Петръ В. съ Суденкомъ весьма долго говорилъ, въ особенности въ продолженіе стола Петръ Васильевичъ и Суденокъ довольно со мною ласково и много о посторонних матеріяхъ говорили. 17-го. Бывши предъ симъ у графа Воронцова 2 раза и не удалось его видѣть, отъ чего я пришелъ въ великое недоумѣніе и не зналъ было что на-

чать, но того самого дни былъ я сенатѣ, въ обыкновенной прихожей комнатѣ, какъ въдругъ всѣ двери зашумѣли и входитъ сенаторъ графъ Воронцовъ, и лишь только со мною поравнялся, остановился и говоритъ мнѣ: «я знаю, вы у меня были, мнѣ нѣкогда было съ вами говорить, прошу завтра у меня побывать». (Столь мнѣ причинила такая нечаянная встрѣча удовольствія, что и описатъ не могу. Потомъ я узналъ, что благодѣтель мой Петръ Васильевичъ, бывши въ Царскомъ Селѣ 16-го, пояснялъ мое дѣло графамъ Безбородкѣ и Воронцову). И тогоже дня, вошедши въ сенатъ, велѣлъ, чтобъ апеляція моя доложена была, секретаръ тотъ часъ доложилъ оную, а за тѣмъ благотворитель нашъ графъ Воронцовъ приказалъ секретарю по нашему дѣлу готовить немедлительно экстрактъ, чему и секретарь не мало удивлялся. Но какъ отъ меня секретаръ и повѣтчикъ были уже довольни и предупреждени, то повелѣніе оное сенаторское начало свое въскорѣ восиріяло, и уже экстрактъ по дѣлу нашему повѣтчикъ началъ писатъ 18-го. Итакъ, имѣя повѣлѣніе, поѣхалъ я къ графу Воронцову и когда по докладу я къ его сіятельству предсталъ, то не далъ мнѣ ни слова выговорить, началъ сими словамы: «каково поживаешъ, давно ли пріехалъ? Я знаю твое дѣло, я велѣлъ по оному экстрактъ писать и ты узнаешъ, какъ я объ немъ судилъ. «Послѣ того началъ я графу изяснять происхожденіе странное дѣла нашего; онъ удивлялся, почему не вошелъ въ дѣло ни губернаторъ, ни прокуроръ Новгородскіе—сѣверскіе, сказалъ потомъ онъ: это Селецкій такъ здѣлалъ. Я ему отвѣчалъ: такъ точно, онъ; за тѣмъ всѣмъ, просилъ я въ несчастіи нашелъ сильного его покровительства, а при отходѣ моемъ сказамъ мнѣ: что какъ скоро по дѣлу вашему экстрактъ готовъ будетъ, то приходите ко мнѣ!—Тѣмъ днемъ довольно меня привелъ къ утѣшенію, видя такую надежду хорошую. Я нечаянно въ французской лавкѣ увидѣлся съ графомь Безбородкомъ, но тамъ не ловко было мнѣ къ ему адресоватся, а искалъ безъпрестанно случая. 19. Потому и рѣшилъ прямо къ ему въ домъ поѣхать, гдѣ долго его ожидавши съ протчими челобытчиками, чтобъ только ему показатся и поклонится, какъ пріежему. Наконецъ сего и удалося, когда онъ проходилъ къ каретѣ, то я ему съ протчими поклонился. Потомъ зашелъ я къ Трощинскому, первому графскому секретарю, бригадирскаго чина, съ которымъ я познакомился, и когда ему все дѣло пояснилъ (нарочито знавъ, что сей все отъ слова перескажетъ графу) и мнѣ кажется сказалъ я ему, когда можно прекратить такіе въ фамиліи вражды недѣлающіе чести, то я съ моей стороны считалъ бы

сіе за счастіе и удовольствіе. Онъ мнѣ сказалъ, что Г. П. доброй человѣкъ кажется и что видно отецъ сіе дѣлаетъ; я отвѣчалъ, почти не отецъ, а Г. П., потому отецъ далъ ему вѣрующее мирится, но Г. П. отъ того удалнется, ища всемѣрно сестру обидить. Теперь остается препобѣдить себя терпѣніемъ, пока экстрактъ кончится и мнѣ кажется дѣло пошло хорошо, когда что и не распортитъ строй, а особливо я боюсь, что ожидаютъ сюда Г. П. съ Александрою П. [1]) Однакъ надежду полагаю на Господа твердую, онъ насъ не оставитъ. *(1791 г., 30 іюня. Петербургъ).*

Приложенное у сего прибавленіе. (Къ письму № 54), Прочитавши потихоньку съ бабушкою, пошли, жизнь моя, заразъ, вмѣстѣ къ моимъ письмомъ, въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ, запечатавши въ другой конвертъ, и проси, чтобъ оное къ тебѣ обратно было доставренно. Когдаже Антонъ Андреевичъ (Войцеховичъ) приедетъ въ Боровичи, то ты ему вручи сіи прибавленія прочесть, только заразъ потомъ, пожалуй, оные спрячь, чтобъ всѣ такіе бумаги у тебя были сохранени. Засимъ, цѣлую тебя мисленно тисяча тисячу разъ, прощай, душа жизни моей, ангелъ мой дражайшій. Я вѣчно съ тобою мислями и душею и внѣ повседневно вижу, и благодарю Бога, что симъ духъ мой живится, да ниспошлетъ и на тебя сію отраду души, цѣлую тебя, жизніоночекъ, и Сашу, и ожидаетъ отъ тебя сегоже чуства, твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. На сихъ дняхъ я видѣлъ Катенькиного отца и мачиху, которіе до земли кланяются и благодарятъ за содержаніе ихъ дочери, отецъ ея директоръ банку, тисячу рублей жалованья беретъ. Отцу протопопу скажи, что сынъ его Гаврило Г. здѣсь и скоро имѣть будетъ мѣсто при генералу Васильеву.

Вслѣдствіе письма И. С. Лашкевича о займѣ денегъ для веденія процесса, Настасья Петровна писала къ Гр. Гр. Фридрикевичу:

55. Милостивой государь дѣдушка! Изъ сего писма изволите увидѣть крайнюю мою необходимость въ денгахъ, пожалуйте пособите дайте наставление, въ кого и какъ взять, естли можно достать въ черниговскихъ или въ Степановича, то пожалуйте прикажите обликъ написать и во свидѣтельство, естли милость ваша будетъ, на оному

---

[1]) Т. е. Александрою Павловною, своею женою, рожденною Кочубей и родною племянницею графа (послѣ князя) Безбородка.

подписатся, покорнѣйше прошу. Ваша покорнѣйшая услужница Настасия Лашкевичева. (*Собственноручно*).

56. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Ни одного случая не хочу упустить не извѣстя тебя, дражайшаго ангела моего, о себѣ, и признаться тебѣ, что я начинаю мучится найгорестнѣйшею мукою. Посуди сама, душа моя, сколько сіе быть должно тягостно: разставшись съ тобою, съ того самого времени, я никакого о васъ не имѣю, увѣдомленія; мнѣ это причиняетъ величайшую тоску. Утѣшь меня, жизнь, пиши покрайнѣй мѣри два раза въ мѣсяцъ, а инако, ты меня своимъ молчаніемъ замучишъ. Отправляю сіе письмо черезъ Верницкаго, откупщика раскольничихъ слободъ нашей губерніи, и съ нимъ ящикъ апельсинъ, въ коемъ всѣхъ 60, изъ которого я матушкѣ писалъ для себя взять 30, а другіе 30 тотъ часъ нарочнымъ отправитъ въ Боровичи для бабушки, для тебя, жизніоночка моего, и Сашечки, кои желаю во здравіе кушать. Не оставь также меня увѣдомить всѣ ли мои письма къ тебѣ дошли, ты сіе можешъ вдругъ увидѣть, считая нумера. Нужнымъ тебѣ поставляю сказать: сего мѣсяца 21-го былъ я на дачѣ у Петра Васильевича, нашего перваго благодѣтеля, и послѣ обѣда пошелъ я къ ему въ кабинетъ, чтобы узнать объ отвѣтѣ и мысляхъ по нашему дѣлу графа Безбородки, на что онъ изволилъ мнѣ сказать, между прочимъ, что графъ въ сіе дѣло не войдетъ. Я тогда ему началъ объяснять наше дѣло и, для лутчего еще по оному понятія, вручилъ краткую записку изо всего дѣла, которую онъ прочитавши, сказалъ своими словамы: «Будьте увѣрены, ничего не опасайтеся и ничего, что принадлежитъ женѣ вашей по матерѣ, не уступайте»! На Бога положась, будемъ ждать конца. Съ Сахновскимъ я познакомился, которой мнѣ сказалъ, что Григорій П. давно долженъ сюда бы быть, но видно стыдится ѣхать, ибо де и послѣдній разъ отсюда выѣжая, сказалъ «что конечно съ сестрою кончу дѣло миромъ», но показалъ публикѣ совсѣмъ тому противное. Я однакожъ такимъ баснямъ не вѣрю, а пишу тебѣ за извѣстіе. Экстрактъ по нашему дѣлу на слѣдующей недѣлѣ кончится, такъ я завѣренъ, а тамъ, какъ Богъ дастъ, буду управляться и готовлю каждому сенатору записку обстоятельную изо всего дѣла. Тебѣ же, душа моя, остается съ помощью дѣдушки и бабушки достать 1000 р. денегъ и прислать сюда неотмѣнно къ 10-му августа (какъ я уже прежде о семъ къ тебѣ писалъ), а инако будешъ на себя жалѣть, когда въ чемъ моя прозьба не успѣетъ ибо наше дѣло таково, что скорѣе, то лутче, а Боже сохрани продлится,

то можно тутъ на прахъ прожится: подумай, день обходится 2 р. и 3 р., а иногда когда карета нужна, что пѣши обѣгать не могу вездѣ, тогда расходится на день 5 и 6 р., таковъ непомѣрный здѣсъ расходъ. И такъ, со всего сего рассуждай, что выгоднѣе: разъ понесть и потеряться и дастъ Богъ выиграть, или медленными шагами ити и ожидать неизвѣстного. За скорою отправкою по сей оказіи, не успѣлъ писать къ м. г-нѣ бабушкѣ-матушкѣ и прошу тебя поцѣлуй въ ручки за меня, равно мѣрно и дочку мою Алексашу. Посилаю у сего ящичекъ апельсинъ къ дѣдушкѣ, что не умедля попроси бабушки отправить въ Чернѣговъ, я же къ ему теперъ потому ничого непишу, что о семъ вчерась по почтѣ къ ему уже писалъ, что посилаю сей гостинецъ через Боровичи. За симъ, цѣлуя тебя, дражайшего моего ангела, теперъ и поминутно, поруча тебя Божіему призрѣнію, прощай и имѣй въ мисляхъ твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Данилевскій, который ѣздилъ съ Г. П. въ чужіе краи, удивлялся; прежде, говорилъ онъ мнѣ о новыхъ, открывающихся дарованіяхъ у его воспитанника, а наконецъ я и самъ де дознал въ немъ во многихъ случаяхъ неисполненіе его обѣщанія и жалуется на него, что онъ здѣлалъ чувствительный убытокъ ему въ двухъ вещахъ, о чемъ пояснять тебѣ жалѣю моихъ трудовъ у бумаги, да и некогда. Г. П. повѣренный Аксюкъ пріехалъ сюда, тяжело начинять, онъ имѣлъ повную повозку водокъ, которые раздани кое кому изъ сенатскихъ, между которыми полинную похваляютъ отмѣнно. *(1791 г., 30 іюня. Петербургъ).*

57. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самой почти отлучкѣ отъ сего мѣста г. Ханенка, я поспѣшаю черезъ его крикнуть словъ нѣсколько и сердечно тебѣ, дражайшему ангелу, благодарю за твое письмо подъ № 1-мъ; я получилъ вчерась весьма уже поздно, однако, жизнь моя, ты въ ономъ умолкла, что уже моихъ получила тогда еще два черезъ Ширая и управителя Петра Васильевича, гдѣ я между протчимъ писалъ о деньгахъ; оные мнѣ такъ нужны, что и представить тебѣ не могу, и неприсылкою оныхъ къ 1-му сентябру почуствуемъ великую потеру и можно дѣло проиграть, а другое и то, что могу я изъ голоду пропасть; я же съ моей стороны готовъ подать щотъ, куда я здѣсь деньги теряю: кафтана себѣ не здѣлалъ и хожу такъ, какъ Богъ далъ, можетъ быть и дѣлаютъ изъ меня критику, но мнѣ до того нужды нѣту. Я то знаю: платья человѣку цѣны не прибавляетъ, каковъ я уже есть, таковъ и буду.—М. г—ню бабушку-матушку прошу отъ меня въ ручки

поцѣловать. Денегъ я думаю въ Брахловѣ, въ Савинкахъ сколько нибудь, и въ Жукоткахъ, уже собрали, а къ тѣмъ сколько надобно будетъ до тисячи занять. Попроси матушку, чтобъ попросила у Корсака въ Семеновкѣ, и переслать оныя деньги ко мнѣ чрезъ Новгородъ-Сѣверской. Ожеговичъ другой день отъ сюда уже выѣхалъ. Прощай, душа жизни моей, до смерти пребудетъ непремѣненъ къ тебѣ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Больше писать не могу, г. Ханенко спѣшитъ отсюда выѣздомъ. Сашечку прошу поцѣловать за меня. *(1796 г., 18 іюля. Петербургъ).*

58. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, мой душа жизни моей Настенька! Пущенное отъ тебя изъ Брахлова подъ № 3-мъ, я получилъ въ мѣстѣ съ матушкинымъ исправно сего мѣсяца 7-го числа и затѣмъ въскорѣ и другое твое письмо черезъ Войцеховича подъ № 5-мъ, также, дражайшій мой ангелъ, дошло въ моимъ рукамъ исправно. Много я обрадованъ тѣмъ, что имѣю вѣрное извѣстіе о твоемъ благосостояніи, но не знаю чему приписать, что послѣ 3-го, 5-й получилъ номеръ и гдѣ дѣвался № 4-й не знаю, на почти ли онъ пропалъ или ты, душа моя, ошиблась. Бога ради увѣдоми меня, ибо если ты не ведешъ записки, котораго числа подъ которымъ № отпущаешъ и получаешь отъ меня письма, то лекго можешъ ошибится; но я держу мое мнѣніе, что на почтѣ письмо пропало, потому въ послѣднемъ моемъ письмѣ пишешъ, что бабушка ко мнѣ недавно черезъ Новгородокъ писала; думать я долженъ, что и ты, душа моя, такъ же писала, но я отъ бабушки ни одного письма не получалъ здѣсь. Ты ко мнѣ, сердце, пишешъ, что цѣна на горѣлку возвышается и требуешъ моего совѣта продать ли оную или нѣтъ; я не знаю урожаю и каковъ умолотъ хлѣба, а потому и цѣнъ оному; тебѣ сіе все тамъ извѣстнѣе для того, за совѣтомъ бабушки, оставя на шинки довольное число, лишнего для чего не продать, лишь бы хоть съ маленькимъ баришомъ, но разсчетъ вѣрный здѣлать. Вѣдь ты, душа моя, знаешъ, сколько мы хлѣба купили, и какими цѣнами, то не хочется убытку понесть. Нитокъ брабанскихъ и шелку чернаго суконнаго, по твоему приказу, купилъ равно и фархоровыхъ черепокъ и блюдечокъ и табакерку бабушкѣ, и можетъ все оное доставлю, когда буду присылась Сашѣ няньку, о которой теперь стараюсь сыскать; одна было попалась что имѣетъ сына, и женщина благородная, небогатая, а сына того хочетъ хорошо воспитать и все сіе было бы на нашъ счетъ, то я ея не видя, отказалъ, избѣгая великихъ вздержекъ и безпокойствъ, а то у нея было бы болѣ бъ заботы о своемъ сынѣ,

нежели о нашей дочкѣ. Ты себѣ представить не можешъ, сколько я теперь озабоченъ: требуютъ отъ меня мира на престранныхъ кондиціяхъ, о чемъ я обстоятельно пишу къ дѣдушкѣ и тое письмо прошу его сообщить бабушкѣ и тебѣ для прочету. Тебѣ, маминька моя, остается настоять, чтобъ скорѣе дѣдушка далъ мнѣ наставленіе мирится ли на тѣхъ кондиціяхъ, кои отъ меня предложены или нѣтъ, на самыхъ умѣренныхъ положеніяхъ, въ единовременое избѣжаніе могущихъ произойтить великихъ безпокойствъ, и безконечныхъ тяжбъ. Теперь ты ясно видишь мое безпокойство, что ни одной души нѣту, кто бъ могъ мнѣ что здѣсь посовѣтовать и съ кѣмъ поговорить искренно, а по всему сему и не вижу я конца, какъ скоро могу я отъ сюда выѣхать. Но братикъ любезной нашъ также не можетъ тутъ долго зажится, а будетъ спѣшить къ октябру мѣсяцу первыхъ числъ... Но я не понимаю, какъ мы раздѣлаемся; оба мы имѣемъ хорошихъ и славныхъ тутъ защитниковъ, но Богъ знаетъ на чію сторону дѣло будетъ. Не увѣдомила ты, жизнь моя, бросила, ли ты себѣ кровь lorsque vous avez entendu l'enfent, sur lequel ma benediction et le quel je voudrai qu'il soit nai (né) dans la maison de ma cher grand mére par aport que vous avrai Ia tout pret le maidesin a Garodna, que j'aistime beaucoup et non pas celui qui eté autre fois. Vous entendé que celui de Starodoub je ne peu pas soufrir, je ne veux pas qu'il soi dans votre acouchement et sans mois encore. Dieu vous preserve et tout ça soit entre vous dit, si quelqu'un songa, vous perdrais m'amitier pour jamais. Все сіе я говорю, любя тебя. Прощай, жизнь души моей, цѣлую тебя поминутно, мысленно и никакіе мои печали здѣсь не могутъ ни на часъ изъ моихъ мыслей тебя вывести, и сія то самая мысль есть отрада въ моей горести, коей тогда лишусь, когда душа моя изъ тѣломъ разстанется. Не забывай вѣрнѣйшаго тебѣ мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Жаль мнѣ, что нѣту времени писать къ матушкѣ, а когда тебѣ случится писать, пожалуй, напиши, чтобъ не безпокоилась. Пашпортъ брату я уже получилъ, еще съ срокомъ на годъ съ 31 іюля до будущаго году 31-го іюля, съ превеликими трудами, а когда случится оказія вѣрная, то оной пришлю или же можетъ быть дастъ Богъ то и самъ привезу. М. г—ню бабушку матушку прошу за меня въ ручки поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго поклона. Сестрицѣ Варварѣ Степановнѣ кланяюсь и благодарю, что она тебѣ дѣлаетъ компанію въ путешествіяхъ. Алексашѣ запечаталъ письмо нарочно великою печатью, знаю, что ей печать пріятнѣе будетъ, чѣмъ

то что въ срединѣ написано. Не худо тебѣ, ангелъ мой, притвердить, чтобъ дачовъ жукотской велъ въ дворѣ записку, а инако затрудненіе будетъ; вить А. не гораздо грамотенъ, онъ проворенъ и расторопенъ. Да прикажи, чтобъ шинкарямъ не вѣрилъ горѣлки на вѣру, а больше всего старатся засѣять земли порядочно; тамъ еще по моему разсчету, должно быть стараго хлѣба на лицо около 30 четвертей, а больше всего, чтобъ подушнаго збору не запускали; это страшная вещь. Когда буду присылать бабу для Алексаши, то пришлю съ ней Кирюшку; онъ уже два мѣсяца учится на поварнѣ у Петра Васильевича и майстеръ его весьма хвалитъ, и уже почти ему нечего больше учиться; и еще кое что, когда сищу съ собою ненужное, дабы мнѣ здѣсь, какъ на легкой ногѣ тутъ остатся, въ ожиданіи благополучного вѣтру, чтобъ Богъ меня отсюда вынесъ. *(1791 г., 11 августа. Петербургъ)*.

59. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ души жизни моей Настенька! Письмо отъпущенное тобою изъ Боровичъ подъ № 4-мъ, о которомъ я думалъ, что оное пропало, вчерашняго дня дошло до моихъ рукъ исправно. Хотя часто къ тебѣ, дражайшій ангелъ, пишу, но мнѣ кажется, что все рука моя того не выполняетъ, какъ чувства мои ей повелѣваютъ и сколько кратно ни дѣлаю открытія моего сердца через бумагу, но едвалъ удобно потому пояснить тебѣ всю боль сердца моего и той грусти, коей я отъ разлуки терзаюсь; да и средства нѣту къ облегченію сей злой участи кромѣ безпокойнаго терпѣнія и ожиданія безпредѣльнаго, не видя конца въ дали. Воображеніемъ мучусь! Обнадеженъ, что скоро дѣло рѣшится, но какой оборотъ возметъ, не могу предвидѣть, а примѣчаю, что графъ Б(езбородко) вступается за нашего родича, который включаетъ, жалуясь на тебя, вездѣ, вмѣняя между протчимъ и то въ преступленіе, что вышла за мужъ за такого человѣка, у которого болѣе шести душъ во владѣніи нѣту. Теперь же остается тебѣ судить, естли сего не стыдился сказать, что можетъ удержать присовокупить все протчее, что только удобно обмарать нашу невинность. Нѣтъ другого средства, какъ только все перенося, вручить себя Всемогущему, пусть онъ ему судитъ. Наконецъ, цѣлую тебя мысленно поминутно, предаюся вѣчному твоему незабвенію и непоколебимой любви, остаюсь до послѣдней минуты жизни моей, вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ сенатѣ мы всякій день съ любезнымъ братикомъ видимся, но онъ всемѣрно уклоняется, чтобъ долго со мною не

заговорится, однако сенатъ обовязалъ насъ подпискою, чтобъ ми всякій день являлись, покуда дѣло выслушано будетъ.

Душенька Настенька, поцѣлуй за меня Сашечку. Сестрица Варвара Степановна, когда съ тобою, прошу кланятся. *(1791 г., 14 августа. Петербургъ).*

60. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, душа жизни моей Настенька. Постигаютъ иногда всякаго человѣка нечаянная встрѣча, то теперь и со мною дѣлается. Благодѣтель нашъ Петръ Васильевичъ по не однократнымъ переговорамъ съ графомъ Б., положили, чтобъ конечно дѣла наши конецъ (sic) миромъ прекратить, и разуждено, что здѣсь не можно сего исполнить тутъ, потому что батюшка, отъ котораго намъ прощеніе получить, такъ равно какъ бабушка, отъ которой прощеніе получить Григ. Пет. и часть имѣнія, а потому условясь на какихъ кондиціяхъ мирится въ присудствіи Петра Вас., а потомъ въ другой разъ, отъ стороны графа Б., передъ Суденкомъ. 1) Чтобъ Григ. Пет. далъ тебѣ равную противъ себя часть Любецкой волости, также и въ движимомъ имѣніи; 2) а когда бабушка его проститъ, то выдѣлить ему часть половинную изъ того имѣнія, что бабушка тебѣ пожаловала; 3) не касаясь отнюдь части Ник. Мих.; 4) всѣ дѣла вездѣ уничтожить и ѣхать съ нами къ батюшкѣ съ письмомъ графа Александра Андреев., который будетъ писать, чтобъ онъ насъ простилъ, 5) я ему уступаю всѣ протори и убытки; наконецъ 6) чтобъ раздѣлку и миръ необходимо кончить въ полтора мѣсяца неотмѣнно. Я же буду имѣть письмо отъ Петра Васильевича къ дѣдушки Григ. Григ. и къ Андрею С. (Милорадовичу), чтобъ насъ мирить и онъ будетъ имѣть о семъ письма къ бабушкѣ (и) къ дѣдушкѣ отъ графа. Долженъ тебѣ сказать, что причины къ согласію меня на сіе понудившіи, суть весьма важные, о которыхъ теперь ни слова не пишу, а нѣсколько усмотрѣть можешъ о томъ изъ письма моего къ дѣдушкѣ, а лутче узнаешъ за моимъ приездомъ, обстоятельнѣе перескажу. Въ заключеніе сего величайшимъ восторгомъ сердца моего скажу тебѣ, дражайшій ангелъ мой, что я скоро буду имѣтъ сіе несравненное ни съ чѣмъ мнѣ на свѣтѣ счастіе, что видѣтъ тебя, душечку мою, въ моихъ объятіяхъ. Я съ Григ. Пет. отсюда вмѣстѣ, какъ друзья, выѣжаемъ 1-го или 2-го сентября, и можетъ быть, съ помощію Божіею, съ тобою увижусь около 15 сентября. Мы съ нимъ будемъ вмѣстѣ и къ бабушкѣ, (которую теперь, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія, прошу въ ручки поцѣловать). Я рвусь, что скорѣе намъ отсуда никакъ не можна выѣхать, потому что братецъ нашъ лю-

безный такъ видно тихонько сюда скакалъ, что карету сломалъ, которая теперь лѣчится, да и я симъ временемъ разсудилъ, сколько нибудь себя обшить, нашедши мой гардеробъ весьма въ худомъ положеніи. Въ ожиданіи сего наиприятнѣйшаго времени, цѣлую тебя мыслено. Жди, ангелъ мой, жди твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Сашѣ по сіе время не могъ я найтить няньки, а когда попадется сими днями, то при себѣ еще отправлю, а инако взялся за сію комисію Данилевскій, что какъ скоро сищетъ, то и пришлетъ, здѣлавши съ ею контрактъ. Дочку мою прошу поцѣловать за меня. *(1791 г., 21 августа. Петербургъ).*

61. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Прилагаю у сего написанной вѣрующій листъ на имя мое отъ бабушки мнѣ, которой доложи бабушкѣ, чтобъ изволила подписать, такъ точно, какъ написанно въ запискѣ, которую здѣсь сообщаю, а потомъ, чтобъ сискала двухъ свидѣтелей, Каневского напримѣръ одного, а другаго Ющенка, и попросила бъ оныхъ во свидѣтельство подписаться на семъ вѣрующемъ листѣ и оной ко мнѣ обратно присылай, душа моя, неотмѣнно въ субботу на ночь, или же въ недѣлю къ обѣду, ибо въ понедѣльникъ надобно мнѣ съ Григор. Петрович. подать въ судъ о мирѣ. Дѣдушка о семъ ничего не пишетъ, потому, что недавно писалъ, а мнѣ приказалъ сію комисію исполнить, что все сдѣлавши точно такъ какъ пишу, доставте мнѣ въ скорости. Отъ Андрея Степановича сейчасъ курьеръ посланъ въ Гамалѣевку для подписи извѣстныхъ тебѣ бумагъ, но я думаю, что онъ не возвратится прежде Покрова, а потому ни я и никто изъ насъ не будетъ къ вамъ ближе 4-го октября, посему болѣе, что много работы здѣсь около бумагъ надобныхъ для миротворенія и я изъ сей стороны много озабоченъ.

Прилагаю здѣсь письмо къ матушкѣ, пожалуй, ту же минуту отправъ въ Брахловъ, тамъ нужнѣйшее письмо къ Саввѣ Павловичу, который когда пріедетъ съ Боровичъ, то попроси его, чтобъ ехалъ въ Коропъ по дѣлу савинскому и что тамъ дѣлать, то я о томъ пишу, а твое дѣло ему на дорогу дать 15 руб. Жаль мнѣ, что я отдалъ повѣстку Каламенку, который когда еще тамъ, то ты, жизнь моя, возьми у его оную повѣстку и поручи ея Гзовскому, когда онъ пріедетъ въ Боровичи; когда же Каламенко сюда явится, съ повѣсткою, то я отсюда повѣстку ту нарочнымъ къ тебѣ доставлю. Весьма мнѣ прискорбно, что я на тебя не успѣлъ еще и наглядѣтся. Прощай, маминька, ангелъ мой, цѣлуй въ мысляхъ лобызающаго тебя вѣрнѣй-

шаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ню бабушку-матушку поцѣлуй за меня въ ручки, Сашечку въ головку. *(1791 г., 26 сентября. Черниговъ).*

62. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самомъ началѣ моего сюда пріезду встрѣтилась мнѣ дорога неожидаемая, отъ того: не заставши я тутъ Григорія П., а узналъ, что поѣхалъ въ Нѣжинъ по требованію Осипа Степановича Суденкова, я тотъ же день, взявши подорожную, туда поскакалъ и дождался тамъ пріѣзду Суденкова, который меня ласково принялъ и показалъ свое удовольствіе о нашемъ мирѣ, а потомъ мы и растались. Я симъ случаемъ доволенъ, что съ нимъ расквитался и не нужно мнѣ уже будетъ ѣхать въ Новгородокъ. Я для тебя, дражайшій мой ангелъ, купилъ мѣхъ куньій на шубейку, которой у сего посылаю и желаю, чтоб сія присылка могла тебѣ понравится, и совѣтую заразъ пошить, а покрить атласомъ тѣмъ, что на шубѣ былъ. Меня здѣсь братецъ такъ отаковалъ, что я инако не могу, какъ долженъ сегодня съ нимъ ѣхать въ Жукотки и въ Любечъ, къ обозрѣнію и описанію имѣнія. Таковъ оборотъ мнѣ не ожидаемой весьма не нравится, но нѣчимъ перемѣнить; чѣмъ скорѣе объѣхать, тѣмъ лучче, а потому болѣе, что еще теперь снѣгомъ земля не покрыта. Но какъ такова нечаянная мнѣ дорога послѣдовала въ то время, что я не былъ къ ней готовъ, то здѣлай милость по приложенной у сего запискѣ все пришли ко мнѣ въ Жукотки или въ Любечъ. Посылаемое жъ здѣсь къ матушкѣ письмо, пожалуй, отправь заразъ; я жъ теперь въ такой растройкѣ, что не могу о себѣ ничего сказать: гдѣ, когда я буду и скоро ли тебя увижу, что мнѣ больше всего несносно, и ты меня, душечка, не послушала и не поѣхала со мною, а теперь мы вмѣстѣ были бъ. М. г-ню бабушку прошу отъ меня въ ручку поцѣловать. Прощай, жизніоночекъ мой, любящого тебя вѣрнѣйше и цѣлующего тебя въ мысляхъ поминуто, преданнѣйшаго мужа и искренного друга Иванъ Лашкевичъ.

Сашечку мою поцѣлуй за меня. Пожалуй, ангелъ мой Настенька, пиши же сколько нибудь къ матушкѣ, хоть нѣсколько строкъ. *(1791 г., 18 октября. Черниговъ).*

63. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Поздравляю тебя на вѣкъ при Жукоткахъ и со всѣми приписными къ Жуковкамъ селами, деревнями и всѣми и всякими угодіями, такъ точно, какъ ты уже и видѣла дѣльчій реестъ написанной мною въ Боровичахъ, которой вчерась я въ лицѣ твоемъ,

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ".

А.

А. А. Андріевскій. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

А. Андріевскій. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

А. Андріевскій. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—200. Цѣна 1 р.

В. Антоновичъ. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

А—ръ. Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

Б.

Д. И. Багалѣй. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Ганна Борвинокъ Молотники (Бытовой разсказъ). Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

С. А. Бершадскій. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе (1882—1891 г.г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Александръ Билоусенко. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Левко Боровыковській. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г., стр. I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

В.

А. Веселовскій. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

М. Владимірскій-Будановъ. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Марко Вовчокъ. Викунъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Марко Вовчокъ. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Марко Вовчокъ. Сестра. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

А. Востоковъ. Полтавскій полковникъ Иванъ Черникъ (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

А. Востоковъ Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Ол. Гаврышъ. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: І. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Л. И. Глибовъ. До мыровового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

П. Голубовскій. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

П. П. Гулакъ-Артемовскій. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

А. Ефименко. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Ефименко. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А. Ефименко. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Ефименко. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

З.

Петро Забоцень. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

А. Иванов. Розмова про земні сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Панько Казюка. Січові гості. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

И. Каманинъ. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

И. Каманинъ. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14. Цѣна 25 к.

М. Кононенко. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Петро Кузьменко. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

П. Кулишъ. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиниxъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

П. Кулишъ. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

А. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

О. И. Левицкій. Ганна Монтовтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

Архимандритъ Леонидъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой

Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

И. Лучицкій. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни**. Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Панасъ Мирный. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Панасъ Мирный. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

К. Михальчукъ. Къ южно-русской діалектологіи (**А. И. Соболевскій**. „Очеркъ русск й діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе,") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Ѳ. Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Данило Мордовцовъ. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г, стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

В. Науменко. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

В. Науменко. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

В. Науменко. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

В. Науменко. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

В. Науменко. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Ѳ. Николайчикъ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Ѳ. Николайчикъ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

М. Номис. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Н. Петровъ. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12 Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Одарка Романова. 1) Черствый пирожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

А. Романовичъ-Славатинскій. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Я. Я. Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

А. Русовъ Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Володимиръ Самійленко. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

В. Н. Сторожевъ. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Н. И. Стороженко. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

А. В. Стороженко Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Олекса Стороженко Закоханый чортъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34 Цѣна 7 к.

Олекса Стороженко. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр 1—8. Цѣна 2 к.

Олекса Стороженко Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Олекса Стороженко Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Т.

Иванъ Тарасенко. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Ив. Теличенко. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Осип Федькович. Повісти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г., стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Грыцько Чулай. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г, стр. 1—36. Цѣна 10 к.

В. Чайченко. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Ш.

Т. Г. Шевченко. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Тарасъ Шевченко. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Я.

Яструбецъ. Про звірів (по Брему) Мнясоіди або хижі звірі. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Хр. Ящуржинскій. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ музыкальныхъ произведеній Н. В. Лысенка.

Для пѣнія.

Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ чотырёхъ діяхъ. Тема по Гоголю Текстъ Старицкаго. Цѣна 10 р.

Молодбщи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы весняни, дытячи, дивочи, жоночи и мишани. Ц 1 р. 20 к.

До Хортыци, спивъ про тенора. Виршъ Щоголева. Ц 50 к.

ПИСЬНИ И СПИВЫ до гексту Г. Переспивъ Л. У. и М. С·

1) **Колы наставъ чудовый май.** Слова Г. Переспивъ Л. У. Ц. 30 к.

2) **Чого такъ побл·длы троянды.** Слова Г. Переспивъ Л. У. Ц. 40 к.

3) **Зъ мого тяж·ого суму.** Слова Г. Переспивъ М. С. Ц. 20 к.

4) **Вси люде, кохана, дурни.** Слова Г. Переспивъ М. С. Ц. 20 к.

5) **На лычекьну у тебе.** Слова Г. Переспивъ М. С. Ц. 20 к.

6-а) **У мене бувъ коха·ый, ридный край.** Слова Г. (про тенора). Ц 20 к.

6 б) **У мене бувъ коханый, ридный край.** Слова Г. (про баритона) Ц. 20 к.

7) **Тебе, моя любно едына.** Слова Г. Переспивъ Л. У. Ц 30 к.

8) **Колы розлучаются двое.** Дуэтъ. Слова Г. Переспивъ М. С. (Сопрано и альтъ. те жъ тенорь и басъ) Ц 30 к.

Для фортепьяно въ 2 руки.

Op. 6. Valse brillante. Ц 1 р.

Op. 7. 2-me Polonaise de concert en Sol-majeur. Ц. 1 р.

Op 5. 1-re Polonaise de concert en Lab majeur. Ц. 1 р.

Op. 8. 1 re Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine.

Grand morceau de concert. Ц 1 р.

Op 10. Deux chants sans paroles:
a) En Mi mineur Ц. 50 к.
b) Sb min. mineur Ц. 50 к.

Op. 11. Scherzino En Sol majeur. Ц. 40 к.

Op. 12. Le rêve „На солодкимъ меду". Ц. 60 к.

Op. 13. Rêvérie „Образкы зъ колышнього".

Op. 15. Barcarole Mi mineur. Ц. 50 к.

Op. 17. a) Valse mélancolique, h-moll Ц. 50 к.

Op. 18. 2-me Rhapsodie de l'Ukraine Ц. 90 к.

Op. 19. Nocturne cis-moll. Ц. 60 к.

Op. 22. „Ходыть гарбузъ по городу", chant populaire en forme d'une gavotte. Ц. 40 к.

Op. 27. Romance pour le piano As-dur.

Op. 30. Gavotte F dur. Ц. 50 к.

Op. 31 Торжественный маршъ ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевск. Института благ. дѣвицъ. Для 2-хъ фортепьяно въ 8 рукъ. Ц. 1 р. 50 к.

Для фортепьяно въ 4 руки.

Op. 4. Украинській козакъ. Шумка. Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo pour le grand orchestre. Arrangé pour le piano à 4 mains par l'auteur. 4-хъ ручное переложеніе авторомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Увертюра къ операѣ „Риздвяна ничъ" (La nuit de Noël). Ц. 1 р. 50 к.

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

I.

1. **Чайченко (Гринченко).** Батько та дочка. Оповидя. Цина 5 коп.
2. **Чайченко (Гринченко).** Пидпалъ—Панько. Два оповидання. Цина 3. коп.
3. **Чайченко (Гринченко).** Робинзонъ. Цина 10 коп.
4. **Жыви Струны.** Збирка писень. Цина 12 коп.
5. **Коцюбынськый.** Пьятызлотныкъ. Оповид. Цина 3 коп.
6. **Коцюбынськый.** Харытя.—Ялынка.—Маненькый гришныкъ.—Тры оповидання Цина 8 коп.
7. **Вирна пара та инше.** Оповидання та вирши Г. Барвинокъ, Е. Гребинкы, М. Вовчка, М. Костомарова, П. Кузьменка, Л. Боровыковськогo. Цина 8 коп.
8. **Гордіенко.** Кумъ—ханъ.—Прыгода у повидь.—Петро Мирошныченко.—Тры оповидання. Цина 3 коп.
9. **А. Т. . .** Добра душа. Оповидання. Цина 5 коп.
10. **Шевченко.** Катерина. Цина 3 коп.
11. **Черноморци у неволи.**—Якъ чоловикъ конемъ бувъ.—Уласъ Павленко.—Тры оповидання Цина 5 коп.
12. **Гринченко (Чайченко).** Байки. Ц. 15 к.
13. **Гринченко (Чайченко).** Неймовирный. Драма на 5 *дій. Ц. 10 к., а на лучшей бумагѣ 15 коп.*

Выписывающіе отъ издателя Бориса Дмитріевича Гринченко изъ Чернигова не менѣе 50 экземпляровъ этихъ книгъ пользуются уступкой въ 50% (пересылка на счетъ покупателя).

II.

1. **Б. Д. Гринченко (В. Чайченко).** Писни та думы.—Кныжка перша и друга. У Чернигови, 1895. Цина 50 коп.
2. **Гринченко. Б. Д.** Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. 1-й. Сказки и разсказы. Черниговъ 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе отъ автора изъ Чернигова не платятъ за пересылку, а для выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ—25% уступки.

Н. В. ЛИСЕНКО

имѣя намѣреніе издать сборникъ обрядныхъ малорусскихъ пѣсенъ (веснянкы, петривошни, купальски, зажнывни, обжиночни, весильни, колядкы, щедривкы и друг.), убѣдительнѣйше проситъ уважаемыхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества, имѣющихъ уже въ своемъ распоряженіи пѣсенный матеріалъ упомянутаго рода, тексты мотивы, сообщать ему таковой по адресу: Кіевъ, Маріинско-Благовѣщенская ул., д. № 89.

Матерьялъ этотъ, драгоцѣнный по глубокой древности своей, на глазахъ нашихъ изчезаетъ изъ народнаго пѣсеннаго обихода, и на обязанности родинолюбцевъ лежитъ сохранить хотя бы остатки этого оригинальнаго матерьяла въ интересахъ всесторонняго изученія родины.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Объявленіе о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей „Кіевской Старины".

Ввиду отсутствія у насъ систематически разработаннаго курса исторіи Южной Руси, который удовлетворялъ-бы потребностямъ и интересамъ науки и жизни, редакція журнала „Кіевская Старина" рѣшаетъ объявить конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго **курса Исторіи Малороссіи,** объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Условія конкурса слѣдующія:

1) Отъ авторовъ не требуется обязательнаго пользованія сырыми матеріалами, т. к. предполагаемый трудъ долженъ представить сводъ напечатанныхъ до сихъ поръ изслѣдованій и дать только „Очерки Исторіи Малороссіи".

2) Не требуется также дѣлать въ текстѣ ссылки на источники, но желательно, чтобы былъ приложенъ полный списокъ всѣхъ ихъ.

3) Рукописи должны быть доставлены въ редакцію къ 1 января 1898 года общепринятымъ порядкомъ, т. е. безъ имени авторовъ.

4) За лучшее изъ представленныхъ и одобренныхъ сочиненій на указанную тему редакція журнала выдастъ **въ видѣ преміи одну тысячу рублей сер.**, съ тѣмъ, что право на первое изданіе будетъ принадлежать ей и что это первое изданіе будетъ разослано подписчикамъ журнала, какъ безплатное приложеніе.

„Катерына“ (рис. Т. Г. Шевченка).

ПРОГРАММА ОЧЕРКОВЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

Объявивъ уже въ двухъ номерахъ (декабрь 1895 и январь 1896 г.) конкурсъ для составленія научнаго руководства по Исторіи Малороссіи, редакція „Кіевской Старины“ обѣщала указать програму желательнаго для нея труда. Печатая теперь эту програму, редакція считаетъ себя обязанной оговориться, что она не думаетъ стѣснять авторовъ и предоставляетъ имъ полное право въ деталяхъ допускать измѣненія и уклоненія отъ програмы, согласно съ тѣми научными матеріалами, которыми авторы будутъ пользоваться. Непремѣннымъ только условіемъ редакція ставитъ, чтобы предполагаемые Очерки Исторіи Малороссіи, при сравнительно небольшомъ объемѣ ихъ (отъ 25 до 30 листовъ печати), не удѣляли много мѣста первымъ *тремъ главамъ*, ограничившись краткимъ общимъ очеркомъ; центръ-же тяжести всего труда долженъ быть перенесенъ на остальныя главы, характеризуя въ равной мѣрѣ исторію какъ правобережной, такъ и лѣвобережной Украины.

Отдѣлъ I.

Краткій очеркъ доисторическаго періода Южной Руси до X вѣка.

Слѣды человѣка въ полеолитическомъ періодѣ; археологическіе памятники: стоянки, фабрики каменныхъ орудій, могилы каменнаго вѣка, пещеры. Скифы; краткія извѣстія о нихъ; скифскія могилы. Славяне и время ихъ поселенія на Украинѣ. Гот-

ское царство надъ Днѣпромъ и Роксоланы. Гуннское царство. Хазарское царство и зависимость отъ него южныхъ славянъ. Слѣды передвиженія Аваръ и Маджаръ (Угровъ). Этнографія южныхъ славянъ въ IX и X вѣкахъ. Начало государственнаго устройства у Волынянъ, Древлянъ, Тиверцевъ, Поморянъ и Полянъ. Хорваты и отношенія къ нимъ Римлянъ.—Кіевская полянская легенда и ея значеніе. Первые извѣстные князья и ихъ дружины: Диръ, Олегъ, Ольга, Игорь, Святославъ—Извѣстія о славянской миѳологіи у южнорусскихъ славянъ. Славянскія могилы и городища.

Отдѣлъ II.

Великое княжество кіевское.

Територія, вошедшая въ составъ этого княжества. Князья-организаторы—Владиміръ и Ярославъ; организація княжеской власти; права и обязанности князей; войско, судъ, законодательство, финансы и торговля; замѣна бояръ дружинниковъ особами княжескаго рода. Новая вѣра. Борьба съ Печенѣгами; заселеніе и укрѣпленіе границъ. Отношенія политическія къ сосѣдямъ: Византія, Польша, Литва. Червоная Русь и борьба за нее между кіевскимъ княжествомъ и Польшею. Тмутаракань и борьба за нее съ кавказскими народами. Первый раздѣлъ княжества между сыновьями Владиміра Святого. Святополкъ, Ярославъ и Мстиславъ Тмутараканскій. Ярославъ снова соединяетъ княжество. Отношеніе князей къ церкви и духовенству.

Отдѣлъ III.

Южная Русь въ удѣлахъ.

Старшіе князья и борьба ихъ съ изгоями. Любечскій съѣздъ и его послѣдствія. Княжества на югѣ Руси: кіевское, волынское, черниговское, туровское и галицкое. Географическій очеркъ каждаго княжества. Безкняжія земли. Общій характеръ

удѣльнаго періода. Установившіяся въ разныхъ княжествахъ династіи.

Бытъ южной Руси во время удѣловъ; значеніе и власть князя въ разныхъ княжествахъ. Развитіе общества: вѣча, ихъ совѣщанія съ князьями. Города и пригороды; ихъ взаимныя отношенія въ разныхъ земляхъ. Причины силы галицкаго боярства; его политическое значеніе; торговля южной Руси—греческая, западная, восточная и сѣверная. Пути и мѣста склада товаровъ. Монетная система. Состояніе науки, литературы, искусства и ремеслъ. Военное дѣло; составъ войска, вооруженіе. Догадки о томъ, кому принадлежала земская собственность. Главныя характеристическія черты политической исторіи каждаго княжества. Колонизаціонная дѣятельность каждаго княжества. Борьба Южной Руси съ степными ордами: Половцы, Торки, Монголы и ихъ нашествіе. Политическія отношенія разныхъ княжествъ къ Монгольскому владычеству.

Отдѣлъ IV.

Южная Русь въ составѣ Вел. Княж. Литовскаго.

Краткій очеркъ развитія Литовскаго княжества. Завоеваніе Ольгердомъ княжествъ—туровскаго, черниговскаго, кіевскаго и подольской земли. Борьба Ольгерда съ Польшею за обладаніе волынской землей. Ольгердъ вводитъ систему управленія княжеско-феодальную. Витовтъ, его борьба съ татарами; присоединеніе къ Литовскому княжеству южныхъ степей до Чернаго моря; вассальное положеніе Крыма. Витовтъ установляетъ династію Гиреевъ. Витовтъ замѣняетъ княжеско-феодальный строй земянскимъ строемъ. Основа государственныхъ правъ лежитъ въ раздачѣ земель за военную службу. Витовтъ раздаетъ земли непосредственно земянамъ, минуя князей—отсюда начало шляхетскаго сословія. Спеціальная привиллегія Витовта для кіевской земли. Неудачные планы Витовта разорвать династическую связь Литвы съ Польшей. Конгрессъ въ Луцкѣ и его послѣдствія. Противникъ Витовта Свидригайло, защитникъ княжеско-феодальной

партіи; его неудачная борьба съ братомъ Витовта Сигизмундомъ. Русскіе князья убиваютъ Сигизмунда, но земская партія возводитъ на княжескій престолъ Казимира Ягайловича. Князь этотъ, опираясь на земянъ, уничтожаетъ сохранившіяся еще полусамостоятельныя княжества и начинаетъ устанавливать унію съ Польшей; тоже самое дѣлаютъ наслѣдники его Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ. Реакція русскаго княжескаго элемента: Олельковичъ, Гольшанскій и Бѣльскій; сформированіе рады Литовской; Михаилъ Глинскій. Пограничные сѣверскіе князья отпадаютъ, переходя въ Московское государство. Унія подготовляется путемъ правовымъ: судебникъ Казимира, судебникъ Сигизмунда I и его-же привиллегіи нѣкоторымъ землямъ. Литовскій статутъ. Грамоты Сигизмунда-Августа—передача земянамъ права на земельную собственность; уравненіе въ правахъ земянъ съ польской шляхтой. Люблинскій сеймъ 1569 года и политическая унія Литвы съ Польшей. Политическія отношенія Вел. кн. Литовскаго къ Москвѣ (ссоры за пограничныя земли), къ Крымскому ханству (переходъ Гиреевъ въ вассальную зависимость отъ Турціи). Менгли-Гирей и его нападенія на южную Русь; позднѣйшія татарскія нападенія. Краткій очеркъ топографіи и государственнаго строя Крымскаго ханства. Южнорусскіе невольники и торговля ими. Характерныя черты устройства въ Литовскомъ княжествѣ.—Вел. князь и его власть законодательная, судебная, военная, финансовая. Администрація: министерства (военное—гетьманъ, полиціи—маршалокъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ—канцлеръ, финансовъ—подскарбій). Управленіе провинціями: повѣты, староства и воеводства. Сословія: князья, паны, земяне; мѣщане и города—магдебургское право; бояре; селяне, ихъ категоріи, право перехода, право владѣнія землей; копные суды. Церковныя отношенія въ Литовской Руси. Установленіе самостоятельной митрополіи. Торговля на Украинѣ въ этотъ періодъ: торговля съ Москвой, Крымомъ, Молдавіею съ Ганзой (торговыя конторы) и Польшей. Главные пункты торговли и складъ товаровъ; монетная система.—Положеніе просвѣщенія и литературы. Устройство церковное.—Га-

личина (отъ 1349 г.) и Подоліе (отъ 1430 г.) подъ властью Польши. Раздача земельной собственности шляхтичамъ. Польская администрація. Религіозныя притѣсненія. Положеніе городовъ. Едлинская привилегія. Ягайло и установленіе въ Червоной Руси польскаго права. Реакціи селянъ съ помощью татаръ до самого конца XV вѣка.

Отдѣлъ V.

Польское господство въ Украйнѣ и козачество до 1648 года.

Стремленіе поляковъ ассимилировать Украину въ дѣлѣ религіи, быта и національности. Послѣдствія Люблинской уніи— крѣпостное право и передача всей земельной собственности шляхтѣ. Политическія права тоже присвоены только шляхтѣ. Культурное вліяніе Польши. Вліяніе реформаціи. Протестантизмъ и социніанство. Возникновеніе братствъ. Церковная унія и ея характеръ. Причины возникновенія ея и способы проведенія. Брестскій Соборъ 1596 года; уничтоженіе православной іерархіи. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Школы, типографіи; полемическая литература. Мелетій Смотрицкій. Возобновленіе іерархіи Сагайдачнымъ въ 1620 году; Петръ Могила.

Первыя козацкія реакціи. Начало козачества при литовскихъ старостахъ и причины его возстанія. Остапъ Дашкевичъ, Предславъ Ланцкоронскій, кн. Дмитрій Вишневецкій, кн. К. И. Острожскій и др. Увеличеніе количества козаковъ послѣ Люблинской уніи благодаря иммиграціи сельскаго населенія. Баторій желаетъ завести оффиціальное козачество и отдѣлить его отъ селянъ—козаки реестровые и нереестровые. Гетманы оффиціальные и неоффиціальные. Козацкія возстанія: Косинскій, Наливайко и Лобода. Петръ КонашевичъСагайдачный и его политика. Запорожье, его начало и устройство; его значеніе во время козацкихъ возстаній. Время послѣ Сагайдачнаго: Жмайло, Михайло Дорошенко, Тарасъ Трясило, Сулима, Павлюкъ; ха-

рактеръ всѣхъ этихъ возстаній—частичность ихъ, отсутствіе общаго дѣла. Первое общее возстаніе Остранина, Гуни и Филоненка; причина его неудачи. Начало колонизаціи Слободской Украины. 10 лѣтъ упадка козачества; назначеніе шляхты начальниками реестровыхъ козаковъ; блокада Запорожья; Кодацкая крѣпость.

Отдѣлъ VI.

Козачество послѣ 1648 года.

Богданъ Хмельницкій; его воззванія къ народу—разгромъ поляковъ. Отношенія его къ Турціи, Крыму, Москвѣ, Молдавіи, Венграмъ и Шведамъ. Семь лѣтъ самостоятельнаго положенія. Трудность внутренней организаціи. Переяславскій договоръ и переходъ подъ власть Московскаго государства. Двѣ партіи послѣ Богдана Хмельницкаго—шляхетско-польская и народная. Борьба этихъ партій при помощи то Польши, то Москвы, то Крымскаго ханства, то Турціи; Выговскій и Юрій Хмельницкій. Андрусовскій договоръ. Край распадается на двѣ враждебныя половины подъ протекторатомъ Москвы и Польши. Сомко и Юрій Хмельницкій. Брюховецкій и Тетера. Дорошенко и его неудачная проба опереться на протекторатъ Турціи. Многогрѣшный, Самойловичъ, Ханенко. Полный упадокъ правобережной Украины благодаря борьбѣ козаковъ, Польши, Турціи и Москвы—Руина. Бахчисарайскій и Московскій трактаты и ихъ обязательство поддерживать руину. На лѣвомъ берегу развивается власть старшины козацкой. Характеръ этой старшины; захватъ земель и крѣпостничество. Самойловичъ. Мазепа, его біографія, его идеалы; борьба съ народнымъ направленіемъ (Палій, Петрикъ), желаніе самостоятельности. Шведская война—Батуринъ, Полтава, Бендеры.

Внутренній бытъ Малороссіи 1648—1710 гг. Управленіе: гетманъ, старшина; огранизація рады; организація суда. Земельный переворотъ. Сословія: козаки (городовые и охочекомонные), мѣщане, посполитые, подсусѣдки. Финансовыя отношенія. Про-

мыслы. Земельныя отношенія. Экономическій бытъ. Церковь; іерархія; монастыри; школы; шпитали. Просвѣщеніе; литература народная и книжная. Запорожье. Колонизація въ системѣ Дона.

Отдѣлъ VII.

Украина въ XVIII вѣкѣ.

Скоропадскій. Постройка линіи; канальская работа. Дѣло Полуботка. Малороссійская Коллегія—Даніилъ Апостолъ, Разумовскій; Екатерина II и уничтоженіе автономныхъ правъ въ Малороссіи; упраздненіе гетманства. Наказы. Дѣятельность Румянцева; опись полковъ. Составъ дворянства. Указъ о малороссійскомъ дворянствѣ; крѣпостное право; губерніи и намѣстничества. Установленіе обще-русскихъ порядковъ въ администраціи, въ законахъ и въ судахъ. Уничтоженіе Запорожья и разореніе Сѣчи. Характеръ строя въ лѣвобережной Украинѣ—въ гетманщинѣ въ XVIII в. Гетманъ, генеральная старшина—финансовые порядки. Полки, полковники и полковая старшина; сотни, сотники и сотенная старшина; значковые, войсковые и бунчуковые товарищи; войсковая канцелярія. Судъ и законодательство: литовскій статутъ малороссійской редакціи и speculum saxonicum; обычное право; города, мѣщане и магдебурское право.

Сельское населеніе: козаки, посполитые и подсусѣдки. Земельныя отношенія сословій. Владѣнія старшины. Скупля земель. Положеніе экономическое козаковъ. Разные виды посполитыхъ; ихъ экономическое положеніе. Панщина и право перехода. Постепенное закрѣпощеніе. Задолженность козаковъ. Состояніе промышленности: заводы, торговля. Просвѣщеніе: школы, кіевская академія, черниговскій коллегіумъ; литература. Церковь и церковная іерархія.—Запорожье; его территорія; его управленіе: курени, куренное хозяйство. Колонизація. Сербскія колоніи. Обычное право.—Правый берегъ Днѣпра подъ властью Польши въ XVIII в. Надворные панскіе козаки. Народная реакція—гайдамачество; начало его, способы дѣйствій и цѣль. Дважды гайдамачество пе-

реходитъ въ народное возстаніе: 1732 и 1768 годъ. Аналогичныя съ гайдамачествомъ явленія въ Галичинѣ: опрышки и смоляки. Насильное введеніе религіозной уніи; угнетеніе православія. Бунтъ 1789 года.

Отдѣлъ VIII.

Украина Россійская и Австрійская.

Остатки козачества: Слободская Украйна, малорусскіе козаки. Остатки Запорожья: козаки черноморскіе, впослѣдствіи кубанскіе. Козаки задунайскіе до 1828 года. Гладкій и козаки Азовскіе. Малороссійское генералъ-губернаторство—кн. Репнинъ и козацкіе полки Терскаго войска.—Политическія усилія польской шляхты на правомъ берегу Днѣпра: 1812 годъ; инсуррекція 1831 года; возстаніе 1863 года. Реформы Александра II-го.—Просвѣщеніе и литература: основаніе Харьковскаго университета; національное пробужденіе.—Котляревскій, Основьяненко и харьковская школа. Уничтоженіе на правомъ берегу польскихъ школъ—Кременецкій лицей. Основаніе кіевскаго университета. Шевченко и Костомаровъ. Возрожденіе украинской литературы въ 1858 г. Журналъ „Основа".

Галичина подъ властью Австріи. Литературныя реформы Іосифа II; реакція при Францѣ I и стремленія къ германизаціи. Возрожденіе національное. Шашкевичъ и Днѣстровая Русалка. Движеніе 1848 года. Двѣ партіи въ Галичинѣ: твердые русины и народовцы; ихъ цѣли и стремленія; борьба между ними.

КЪ БІОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Въ статьяхъ Е. М. Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ“ [1]) и А. И. Родзевича „Шевченко въ закаспійскомъ краѣ“ [2]) были сообщены относящіяся къ пребыванію Т. Г. Шевченка въ ссылкѣ свѣдѣнія, извлеченныя изъ нѣсколькихъ дѣлъ о Шевченкѣ, производившихся въ мѣстахъ его ссылки, причемъ въ статьѣ г. Гаршина, обнимающей первый періодъ ссылки Шевченка, было приведено и нѣсколько отрывковъ изъ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ по одному возбужденному противъ Шевченка обвиненію. Имѣя въ своихъ рукахъ точныя копіи документовъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Гаршина въ извлеченіи, и находя, что заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія, какъ основанныя на документальныхъ данныхъ, имѣютъ весьма существенное значеніе для біографовъ Шевченка, мы нашли нужнымъ сдѣлать нѣсколько дополненій къ статьѣ Гаршина. А для того, чтобъ изложеніе наше не было отрывочно и чтобъ приводимые нами документы были понятны читателямъ, приходится повторить нѣкоторыя свѣдѣнія, уже сообщенныя Гаршинымъ, дополняя ихъ по имѣющимся у насъ копіямъ.

30 мая 1847 года Шевченко былъ отправленъ изъ Петербурга въ Оренбургъ при бумагѣ управляющаго военнымъ министерствомъ Адлерберга командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручеву, отъ означеннаго числа за № 303, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ высочайше повелѣть

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1886 г. № 1.

[2]) „Русская Старина“ 1891 г. № 5.

соизволили: бывшаго художника С.-Петербургской академіи художествъ Тараса Шевченка, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, опредѣлить въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, *съ запрещеніемъ писать и рисовать*, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій. О таковой монаршей волѣ сообщая вашему высокопревосходительству для надлежащаго исполненія и препровождая при семъ рядового Шевченка подъ присмотромъ фельдъегеря Виддера, имѣю честь покорнѣйше просить увѣдомленіемъ, въ который изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ онъ будетъ заключенъ". При этой бумагѣ Шевченко прибылъ съ Виддеромъ въ Оренбургъ 9 іюня 1847 г., а на другой день, 10 іюня, препроводивъ Шевченка къ начальнику 23 пѣхотной дивизіи, командиръ оренбургскаго корпуса предписалъ ему зачислить Шевченка въ оренбургскій линейный № 5 баталіонъ, который былъ расположенъ въ г. Орскѣ, куда Шевченко прибылъ 23 того-же іюня и гдѣ, будучи зачисленъ въ 3-ю роту, находился до 11 мая 1848 г. Въ этомъ мѣсяцѣ Шевченко, въ числѣ прочихъ нижнихъ чиновъ, былъ командированъ (съ переводомъ въ баталіонъ № 4) для прикрытія транспорта, слѣдовавшаго изъ Орской крѣпости въ Раимское укрѣпленіе; по этому поводу бригадный командиръ генералъ-маіоръ Федяевъ 5 мая 1848 г. за № 1357 писалъ командующему 5 баталіономъ маіору Мѣшкову: „По волѣ корпуснаго командира прошу ваше высокоблагородіе рядоваго командуемаго вами баталіона Тараса Шевченку, включивъ въ число двухсотъ человѣкъ, слѣдующихъ съ ротою командуемаго вами баталіона, отправить въ линейный оренбургскій баталіонъ № 4 въ Раимское укрѣпленіе, куда онъ переведенъ мною на службу, а потому изъ списковъ 5 баталіона его исключить". Въ упомянутый степной походъ Шевченко выступилъ 11 мая 1848 г. въ составѣ той самой роты № 3, въ которой находился на службѣ въ Орской крѣпости, и въ вѣдѣніи своего-же ротнаго командира штабсъ-капитана Степанова.

По прибытіи въ Раимское укрѣпленіе, Шевченко поступилъ подъ команду начальника „Описной экспедиціи Араль-

скаго моря"[1]) капитанъ-лейтенанта Бутакова, при которомъ находился въ продолженіе двухъ навигацій по Аральскому морю на шкунахъ „Николай" и „Константинъ". Передъ окончаніемъ этихъ навигацій, Бутаковъ въ рапортѣ начальнику 23 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Толмачеву отъ 22 апрѣля 1849 г. за № 173 писалъ слѣдующее: „Въ командѣ ввѣренныхъ мнѣ судовъ находятся 4-го линейнаго баталіона унтеръ-офицеръ Ѳома Вернеръ и рядовой Тарасъ Шевченко. Первый былъ мною взятъ въ прошлогоднее плаваніе по предложенію полковника Матвѣева для изслѣдованія каменнаго угля, котораго признаки были найдены на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря, и для геологическихъ и ботаническихъ наблюденій, а послѣдній былъ назначенъ его высокопревосходительствомъ корпуснымъ командиромъ для снимашія видовъ въ степи и на берегахъ Аральскаго моря. Оба они будутъ мнѣ необходимы по возвращеніи въ Оренбургъ: Вернеръ для окончательнаго составленія геологическаго описанія береговъ и классифицированія долженствующихъ быть отправленными въ С.-Петербургъ образцовъ горныхъ породъ и ботаническихъ экземпляровъ, а Шевченко—для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего въ морѣ сдѣлать невозможно, и для перенесенія гидрографическихъ видовъ на карту послѣ того, какъ она будетъ составлена въ Оренбургѣ. О чемъ вашему превосходительству почтительнѣйше имѣю честь донести, прося всепокорнѣйше соблаговолить сдѣлать заблаговременное распоряженіе объ отправленіи поименованныхъ нижнихъ чиновъ вмѣстѣ со мною на линію изъ Раима по окончаніи предстоящей навигаціи". Вслѣдствіе этого рапорта, Шевченко подъ командою Бутакова былъ отправленъ изъ Раимскаго укрѣпленія 10 октября 1849 г. и прибылъ въ Оренбургъ 1 ноября того-же года. По прибытіи въ Оренбургъ, Бутаковъ въ рапортѣ штабу оренбургскаго отдѣльнаго корпуса отъ 5 ноября 1849 г. за № 285, прося при-

---

[1]) Въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка" (Кіевъ 1882 г.), во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ объ этой экспедиціи упоминается, она, вмѣсто „описной" (отъ слова „опись") ошибочно названа „опасною", что можетъ вести къ предположеніямъ объ опасностяхъ, съ которыми была сопряжена экспедиція.

командировать къ нему Вернера и Шевченка, для окончательныхъ работъ по описи Аральскаго моря, вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ: „Такъ какъ рядовой Шевченко, находившійся въ экспедиціи для снимания видовъ береговъ Аральскаго моря, не можетъ по краткости времени кончить всѣ рисунки, которые должны быть представлены г. военному министру, то, узнавъ, что во 2-мъ баталіонѣ есть умѣющій рисовать рядовой Брониславъ Залѣскій, имѣю честь просить прикомандировать его на время ко мнѣ, въ помощь рядовому Шевченкѣ, для отдѣлки гидрографическихъ видовъ береговъ Аральскаго моря“. По этому рапорту командиръ оренбургскаго отдѣльнаго корпуса 9 ноября 1849 г., разрѣшивъ отправить къ Бутакову унтеръ-офицера Вернера и рядовыхъ Шевченка и Залѣскаго, перваго для составленія геологическаго описанія береговъ Аральскаго моря, а послѣднихъ—для окончательной описи и отдѣлки гидрографическихъ видовъ, предписалъ Бутакову представить подробный о занятіяхъ каждаго изъ нихъ отчетъ, равно какъ и самыя работы ихъ.

Вышеприведенные документы свидѣтельствуютъ, что не смотря на упомянутое въ бумагѣ управляющаго военнымъ министерствомъ отъ 30 мая 1847 г. за № 303 запрещеніе Шевченку писать и рисовать, начальство, подъ команду котораго поступилъ на службу Шевченко, нашло нужнымъ поручить ему снимать живописные виды и составлять гидрографическую карту береговъ Аральскаго моря, изъ чего видно, что повелѣніе, выраженное въ словахъ: „съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него (Шевченка) ни подъ какимъ видомъ не не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій“—было понято мѣстнымъ начальствомъ не въ смыслѣ абсолютнаго воспрещенія что бы то ни было писать и рисовать, почему и было признано возможнымъ воспользоваться способностями Шевченка въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ была снаряжена „описная экспедиція“. Для того же вопроса имѣетъ значеніе бумага начальника III отдѣленія графа Орлова отъ 15 іюля 1847 г. за № 1194, въ которой онъ, сообщая командиру оренбургскаго отдѣльнаго корпуса о томъ, что Шевченко, передъ отправле-

ніемъ его изъ Петербурга, просилъ о возвращеніи ему ящика съ красками и рисунковъ, оставшихся въ Кіевѣ, вслѣдъ затѣмъ писалъ: „По таковой просьбѣ я входилъ въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, и нынѣ кіевскій военный губернаторъ доставилъ ко мнѣ упомянутые ящикъ и рисунки; но какъ предметы сіи оказались совершенно незначительными и незаслуживающими пересылки, то я приказалъ оставить оные при дѣлахъ 3 отдѣленія“—о чемъ и просилъ объявить Шевченку. Такимъ образомъ, и начальникъ III отдѣленія отказывалъ въ ходатайствѣ Шевченка о возвращеніи ему красокъ не потому, чтобъ Шевченко не имѣлъ права пользованія красками (т. е. рисовать), а потому, что принадлежавшія Шевченку и вытребованныя по его просьбѣ изъ Кіева краски, по обозрѣніи ихъ въ III отдѣленіи, оказались съ точки зрѣнія графа Орлова слишкомъ незначительною вещью для того, чтобъ ее стоило пересылать въ мѣсто служенія Шевченка.

Послѣ того былъ возбужденъ вопросъ о болѣе широкомъ разрѣшеніи Шевченку рисовать. Именно 30 января 1848 г. за № 163 Орловъ писалъ Обручеву: „Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство увѣдомить меня, какъ о томъ, въ какомъ полку рядовой Шевченко состоитъ на службѣ, такъ равно объ усердіи, поведеніи и образѣ мыслей его, съ вашимъ заключеніемъ, заслуживаетъ ли онъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованіемъ“. Отвѣчая на этотъ запросъ, за отсутствіемъ командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, начальникъ 23 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачовъ 30 марта 1848 г. за № 6 писалъ Орлову, что Шевченко „ведетъ себя хорошо, службою занимается усердно, въ образѣ его мыслей ничего предосудительнаго не замѣчено и по засвидѣтельствованію ближайшаго его начальства онъ заслуживаетъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованіемъ“. Такъ какъ болѣе года отъ Орлова по этому предмету никакихъ бумагъ болѣе не получалось, то 20 ноября 1849 г., за № 55 Обручевъ, упомянувъ объ означенномъ запросѣ и объ отвѣтѣ Толмачова, писалъ Орлову: „Не имѣя на это (т. е. на дозволеніе Шевченку заниматься рисованіемъ) разрѣшенія вашего сі-

ятельства, я имѣю честь покорнѣйше просить почтить меня увѣдомленіемъ, можно-ли дозволить рядовому Шевченко заниматься рисованіемъ подъ наблюденіемъ ближайшаго начальства". Въ отвѣтъ на это, Орловъ 12 декабря 1849 г. за № 2955 писалъ Обручеву: „Вслѣдствіе отношенія вашего высокопревосходительства отъ 20 ноября я входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору о дозволеніи рядовому Шевченко заниматься рисованіемъ, но высочайшаго соизволенія на таковое мое представленіе не послѣдовало".

Въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1850 Обручевъ распорядился о новой командировкѣ Шевченка: предположивъ отправить въ Ново-Петровское укрѣпленіе [1]) опытнаго штейгера для изслѣдованія пріисковъ каменнаго угля, открытаго при горахъ Кара-Тау, въ 120 верстахъ отъ названнаго укрѣпленія, Обручевъ нашелъ нужнымъ придать въ помощь къ этому штейгеру участвовавшихъ въ морскихъ экспедиціяхъ по Аральскому морю Вернера и Шевченка, почему 22 января 1850 г. за № 292 поручалъ начальнику 23 пѣхотной дивизіи препроводить Вернера и Шевченка въ Гурьевъ-Городокъ ко времени открытія по Каспійскому морю навигаціи, для отправленія ихъ потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Но вслѣдъ затѣмъ 27 апрѣля, это распоряженіе было отмѣнено, и вмѣсто того Обручевъ распорядился о производствѣ у Шевченка обыска и арестованіи его, а затѣмъ въ рапортѣ отъ 23 мая 1850 г. за № 373 писалъ военному министру: „Нынѣ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что будто бы рядовой Шевченко ходитъ иногда въ партикулярной гражданской одеждѣ, занимается рисованіемъ и составленіемъ стиховъ, почему и приказано было тотчасъ-же обыскать Шевченка и самого его впредь содержать подъ арестомъ. По произведенному осмотру у рядоваго Шевченка найдено одинъ только старый поношенный широкій партикулярный сертукъ, отъ разныхъ лицъ письма и преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, два альбома съ стихами и пѣснями на томъ же языкѣ, съ разными въ нихъ фигурами, нарисованными карандашемъ. Въ особенности замѣ-

[1]) Нынѣ фортъ Александровскій.

чательно изъ отобранныхъ бумагъ письмо на малороссійскомъ языкѣ изъ С.-Петербурга отъ 6 марта настоящаго года отъ служащаго въ оренбургской пограничной коммиссіи и нынѣ находящагося въ отпуску въ С.-Петербургѣ коллежскаго секретаря Левицкаго, переводъ съ этого письма у сего прилагается[1]); также замѣчательны между бумагами письмо двухъ братьевъ Лазаревскихъ, изъ которыхъ одинъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ гражданскомъ губернаторѣ[2]), а другой занимаетъ подобную должность при предсѣдателѣ здѣшней пограничной коммиссіи генералъ-маіорѣ Ладыженскомъ[3]). Изъ переписки видно, что нѣкоторыя письма къ Шевченку пересылались къ упомянутымъ Лазаревскимъ и чиновнику той-же коммиссіи Александрійскому[4]). Пріемлю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости при описи отобранныя отъ рядоваго Шевченка бумаги съ раздѣленіемъ писемъ, заслуживающихъ особаго вниманія, и какія по моему мнѣнію не заслуживаютъ таковаго, присовокупляя, что я подтвердилъ кому слѣдуетъ имѣть самый бдительный и строжайшій надзоръ за упомянутымъ рядовымъ и что съ виновными въ неисполненіи сего будетъ поступлено по всей строгости законовъ".

Такъ какъ для біографовъ Т. Г. Шевченка имѣютъ значеніе свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ именно въ то время онъ находился въ перепискѣ, то приводимъ здѣсь полную опись бумагъ, найденныхъ у Шевченка при обыскѣ и представленныхъ Обручевымъ военному министру[5]):

---

[1]) Въ упомянутой выше статьѣ г. Гаршина приведены изъ этого письма отрывки, въ которыхъ заключается все существенное содержаніе этого письма.

[2]) Михаилъ Матвѣевичъ, умершій въ 1867 году.

[3]) Ѳедоръ Матвѣевичъ, впослѣдствіи служившій управляющимъ удѣльными конторами: сначала—орловской, потомъ—ставропольской.

[4]) Уроженецъ черниговской губерніи, по имени Михаилъ.

[5]) Въ статьѣ Гаршина ошибочно указано, что эти бумаги были представлены Обручевымъ Орлову: въ дѣйствительности онѣ были представлены военному министру при рапортѣ, содержаніе котораго мы привели выше.

Письма съ обозначеніемъ годовъ.

1841.

1. Русское, отъ княжны Варвары Репниной, особеннаго ничего нѣтъ.

1847.

2. Отъ 21 октября, малороссійское, отъ Андрея Лизогуба, увѣдомляетъ о высылкѣ красокъ.

3. Отъ 2 декабря, русское, отъ Чернышева, изъ Оренбурга въ Орскъ.

4. Отъ 31 декабря, малороссійское, отъ Лизогуба.

1848.

5. Отъ 7 генваря, малороссійское, отъ Лизогуба, пишетъ о высылкѣ книгъ и красокъ, а также о томъ, что прежнее письмо было адресовано на имя Лазаревскаго.

6. Отъ 13 генваря, русское, отъ княжны Репниной и Глафиры [1]), нужно прочесть.

7. Отъ 7 февраля, малороссійское, отъ Лизогуба, посылаетъ книги, краски и бумагу.

8. Отъ 23 февраля, малороссійское, отъ него же, особеннаго ничего нѣтъ; спрашиваетъ, получены ли книги, краски и бумага.

9. Отъ 7 апрѣля, малороссійское, отъ него же, поздравляетъ съ праздникомъ Пасхи и, отвѣчая на письмо Шевченка, совѣтуетъ не унывать, отправляясь въ степь; при этомъ прислано 18 листовъ бристольской бумаги и разрисованное письмо.

10. Отъ 15 іюля, малороссійское, отъ Лизогуба, писано въ отвѣтъ на отправленное Шевченкомъ изъ Раима, особеннаго ничего нѣтъ.

11. Отъ 18 февраля, малороссійское, отъ неизвѣстнаго.

1850.

12. Отъ 6 марта, малороссійское, отъ Сергѣя [2]).

13. Отъ 29 марта, русское, отъ Чернышева.

---

[1]) Глафира Ивановна Дунинъ-Борковская, урожденная Псіолъ.

[2]) Вышеупомянутый Левицкій.

Письма безъ обозначенія года.

14. Малороссійское, отъ Лазаревскаго.

15 и 16. Русскія, отъ неизвѣстнаго, ничего нѣтъ особеннаго.

17. Русское, отъ Александры [1]).

18. Русское, отъ Лазаревскаго, препровождаетъ письмо княжны.

19. Малороссійское, отъ Лазаревскаго, особеннаго ничего нѣтъ.

20. Русское, отъ неизвѣстнаго, особеннаго ничего нѣтъ.

21. Русское, отъ Лазаревскаго, препровождаетъ письмо отъ княжны.

22. Русское съ малороссійскимъ, отъ Лазаревскаго, особеннаго ничего нѣтъ.

Другія бумаги.

Малороссійскіе стихи, подъ названіемъ „Святая вода“ [2]),— непозволительнаго ничего нѣтъ.

Два альбома съ малороссійскими стихами и пѣснями и рисунками карандашемъ.

Для полноты свѣдѣній, приводимъ также опись книгъ и другихъ вещей, которыя были отобраны отъ Шевченка, но не отсылались въ Петербургъ, а были возвращены ему 14 мая 1850 г. Въ описи указано слѣдующее:

Ветхій завѣтъ. Библія	1
О подражаніи Христу	1
Двѣ книги Шекспира	2
Двѣ книги полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ	2
Сочиненія Лермонтова	2
Евгеній Онѣгинъ Пушкина	1
Два портфеля для бумагъ	2

[1]) Александра Ивановна Псіолъ.

[2]) Это стихотвореніе, принадлежащее А—рѣ Ив. Псіолъ, напечатано въ Кіевской Старинѣ 1894 г. № 2.

Ящикъ деревянный съ кистями, красками, бумагою и ключикомъ. 1

Вышеупомянутое распоряженіе корпуснаго командира Обручева объ арестованіи Шевченка и о производствѣ у него обыска съ донесеніемъ о результатахъ послѣдняго военному министру, послѣдовавшее послѣ того, какъ само начальство Шевченка возлагало на его обязанность снимать живописные виды Аральскаго моря и, свидѣтельствуя объ его хорошемъ поведеніи, ходатайствовало о разрѣшеніи Шевченку заниматься рисованіемъ,—было бы совершенно непонятно, еслибъ не разъяснялось приведеннымъ въ статьѣ Н. И. Стороженка „Первые четыре года ссылки Шевченка [1]) разсказомъ свидѣтеля всего происшедшаго Ѳ. М. Лазаревскаго. Дѣло въ томъ, что Шевченко вмѣшался въ любовныя похожденія нѣкоего прапорщика И—а съ одной оренбургской дамой, найдя нужнымъ разоблачать эти похожденія предъ ничего невѣдавшимъ супругомъ этой дамы, хорошимъ знакомымъ Шевченка, оказавшимъ ему много услугъ, послѣдствіемъ чего былъ доносъ со стороны И—а Обручову о томъ, что Шевченко занимается рисованіемъ, пишетъ стихи и ходитъ въ партикулярномъ платьѣ. Опасаясь, что раздраженный И—ъ на этомъ не остановится и сдѣлаетъ (если не сдѣлалъ уже) доносъ Орлову, съ которымъ Обручевъ находился тогда въ натянутыхъ отношеніяхъ, онъ, чтобъ спасти свою невинность, счелъ нужнымъ поступить круто и поставить Шевченку и другимъ подначальнымъ лицамъ въ вину то, что самъ онъ, Обручевъ, разрѣшалъ и поручалъ дѣлать [2]).

Въ Петербургѣ, конечно, не могли подозрѣвать, что вся эта исторія возникла изъ-за любовныхъ похожденій г-на И—а, которымъ не кстати помѣшалъ Шевченко, и отнеслись къ дѣлу очень серьезно. По докладѣ вышеприведеннаго рапорта Обручева, написаннаго военному министру, состоялось слѣдующее повелѣніе: „рядоваго Шевченка, не исполнившаго воспрещенія

---

[1]) Кіевская Старина 1888 г. № 10.

[2]) Изъ того-же разсказа Ѳ. М. Лазаревскаго видно, что передъ этимъ Шевченко, по порученію Обручева, рисовалъ портретъ его жены.

писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія о виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ; при изслѣдованіи имѣть въ виду, что командиръ 5 оренбургскаго линейнаго баталіона и всѣ ближайшіе начальники подлежатъ должны законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно этого преступника, коего предшествовавшая вина была имъ извѣстна."

Во исполненіе этого повелѣнія, Обручевъ, независимо отъ распоряженія о содержаніи Шевченка подъ строжайшимъ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости Орской, 25 іюня 1850 г. за № 82, предписалъ командиру оренбургскаго линейнаго № 2 баталіона подполковнику Чигирю неотлагательно приступить къ производству упомянутаго изслѣдованія. Исполняя это порученіе, подполковникъ Чигирь 28 іюня началъ, а 5 іюля 1850 г. окончилъ и представилъ Обручеву „слѣдственное дѣло, произведенное надъ рядовымъ оренбургскаго линейнаго баталіона № 5 Тарасомъ Шевченкою, о полученіи имъ отъ разныхъ лицъ писемъ, посылкѣ отъ себя таковыхъ и о причинахъ неисполненія имъ воспрещенія писать и рисовать." Слѣдствіе состояло изъ допроса Шевченка и еще двухъ лицъ (смотрителя Орской почтовой станціи Фейзулина и командира оренбургскаго линейнаго № 5 баталіона маіора Мѣшкова) и изъ собранія разныхъ справокъ и копій.

Допросъ Шевченка былъ произведенъ 1 іюля 1850 г. въ присутствіи священника Орской крѣпости Петра Тимашева, причемъ Шевченко долженъ былъ собственноручно писать [1]) отвѣты на поставленные ему вопросные пункты. Приводимъ это показаніе (съ сохраненіемъ особенностей правописанія Шевченка), какъ документъ, представляющій собою нѣкоторымъ образомъ его автобіографію за тотъ періодъ времени, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь:

Вопросъ: Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, какъ твоя фамилія, сколько имѣешь отъ роду лѣтъ, изъ какого званія про-

---

[1]) Такимъ образомъ еще разъ оказалось невозможнымъ выполнить абсолютное „запрещеніе *писать*."

исходишь, какой вѣры и исповѣданія, на исповѣди и у святаго причастія бываешь ли ежегодно, присягалъ ли на вѣрность службы Его Императорскаго Величества, извѣстны ли тебѣ военно-уголовные законы, на службѣ или до оной не былъ ли ты подъ судомъ, слѣдствіемъ и за что именно?—*Отвѣтъ:* Зовутъ меня Тарасъ Григорьевъ Шевченко, бывшій крепостной крестьянинъ, а потомъ Императорской академіи художествъ художникъ. Отроду мнѣ 40 лѣтъ [1]), исповѣданія православнаго, на исповѣди и у святого причастія бывалъ ежегодно. на вѣрность службы Его Императорскаго величества не присягалъ [2]). военно-уголовные законы мнѣ извѣстны. въ службѣ съ 1847 года іюня мѣсяца числа не помню. Подъ слѣдствіемъ и подъ судомъ не былъ. а до службы бывъ художникомъ, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, по разсмотрѣніи дѣла, въ собственной Его Императорскаго Величества канциляріи въ 3-мъ отдѣленіи, былъ комфирмованъ рядовымъ на службу съ правомъ выслуги.

1. *В*: Котораго мѣсяца и числа 1847 года прибылъ ты въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, до котораго мѣсяца и числа 1848 года состоялъ въ баталіонѣ на лицо?—*О*: 1847 года іюня 9-го прибылъ въ г. Оренбургъ, но назначенъ въ баталіонъ № 5. Котораго числа прибылъ въ К. Орскъ не помню, гдѣ находился до 22 маія 1848 года.

2. *В*: Какія изъ писемъ 1847, 1848 годовъ и безъ обозначенія чиселъ, мѣсяцевъ и годовъ получены тобою въ Орскъ

---

[1]) Шевченко ошибся относительно своихъ лѣтъ: онъ былъ тогда значительно моложе (род. 25 февраля 1814 г.); должно быть, время для него тогда слишкомъ долго тянулось.

[2]) Относительно этого обстоятельства командиръ Оренбургскаго линейнаго № 5 баталіона Мѣшковъ, на вопросы Чигиря, объяснилъ, что ему не было извѣстно о томъ, что Шевченко не присягалъ на вѣрность службы; и такъ какъ вообще нижніе чины, по отдачѣ въ военную службу, немедленно приводятся къ присягѣ, а Шевченко былъ присланъ въ баталіонъ уже рядовымъ, то онъ, Мѣшковъ, никакъ не могъ полагать, чтобы Шевченко не былъ приведенъ къ присягѣ тамъ, гдѣ онъ отданъ въ военную службу; нынѣ-же онъ приказалъ немедленно привести Шевченка къ присягѣ на вѣрность службы.

до командированія на Раимъ?—*О*: Сколько могу припомнить, письма получаемые мною въ к. орской были отъ княжны Варвары Репниной, живущей въ настоящее время въ городѣ Одесѣ, отъ Андрея Лизогубова, помѣщика Черниговской Губерніи и уѣзда. Письмо же отъ 18 февраля 1848 года отъ неизвѣстнаго судя по времени должно быть получено въ к. орскѣ, но вѣрно я не помню, какъ это письмо, такъ и второе отъ неизвѣстнаго полученное мною на походѣ въ Раимъ полученное (т. е. получены) мною отъ Г. Бутакова. Я полагаю письма эти принадлежатъ Федору Лазаревскому, служащему въ Оренбургской пограничной комисіи. Предположеніе мое я основываю на томъ что писемъ я безъ подписи ни откого (т. е. ни отъ кого другого) не получалъ. письмо отъ 9-го Декабря 1847 года отъ Чернышева, служащаго въ Оренбургскомъ козачьемъ войскѣ урядникомъ, получено мною въ К. Орскѣ, но вѣрно не припомню. и еще письмо отъ Александры, которой фамилія Пселъ. живущей въ Полтавской Губерніи Переяславскаго уѣзда села не помню.

3. *В*: Чрезъ кого получалъ письма, если чрезъ почту, то чрезъ какую почтовую контору, а ежели чрезъ частныхъ лицъ, то объясни ихъ имена, фамиліи, званіе, мѣсто жительства или службы.—*О*: письма были адресованы на мое имя, и получалъ я чрезъ орскую почтовую станцію. чему можетъ быть свидѣтель подъ присягою Орской почтовой станціи смотритель.

4. *В*: На письма, полученныя въ Орскѣ, когда на какое отвѣчалъ и кому, также объясни ихъ имена, какъ сказано о тѣхъ, отъ кого получалъ письма,—*О*: отвѣчалъ же я дѣйствительно двумъ лицамъ. Княжнѣ Варварѣ Репниной, и Андрею Лизогубову, прочіе же письма оставлялъ безъ отвѣта.

5. *В*: Чрезъ кого отсылалъ отвѣты, чрезъ почту или частныхъ лицъ, объясни подробно, какъ выше сказано.—*О*: Отвѣты посылалъ я чрезъ почтовую станцію отъ своего имени.

6. *В*: Извѣстно ли было начальникамъ, у которыхъ ты состоялъ въ командѣ въ 5 баталіонѣ, и кому именно, какъ о получаемыхъ тобою письмахъ, такъ и объ отвѣтахъ, тобою пи-

санныхъ. Ежели начальники объ этомъ знали, то требовали ли письма и отвѣты на разсмотрѣніе, не получалъ ли ты отъ кого позволенія писать отвѣты и не былъ ли кто при семъ свидѣтелемъ.—*О*: о перепискѣ моей начальству я не объявлялъ, полагая что писать и получать письма обыкновенные мнѣ не запрещено, что мнѣ и объявилъ словесно начальникъ штаба корпуса жандармовъ при объявленіи комфирмаціи. Особеннаго же позволенія писать отвѣты не получалъ, и свидѣтелей при писаніи отвѣтовъ не было.

1. *В*: Въ 1848 году котораго числа и мѣсяца ты командированъ на Раимъ для прикрытія транспортовъ, въ чьемъ вѣдѣніи во время похода находился и подъ чью команду поступилъ по прибытіи на Раимъ, а изъ онаго когда командированъ былъ на Аральское море и по окончаніи навигаціи когда возвратился на Раимъ; въ чьемъ вѣдѣніи состоялъ во время нахожденія въ походахъ и командировкахъ.—*О*: 1848 года маія командированъ я для прикрытія транспорта, слѣдующаго въ Раимское укрѣпленіе съ переводомъ въ Баталіонъ № 4 подъ командою штабсъ капитана Степанова. по прибытіи въ Раимское укрѣпленіе, поступилъ я подъ команду Капитанъ лейтинанта Бутакова, при которомъ находился въ продолженіе двухъ навигацій на оральскомъ морѣ при описной экспедиціи, и подъ командою его же капитанъ лейтинанта Бутакова возвратился въ городъ Оренбургъ.

2. *В*: Какія изъ писемъ 1848 года и безъ обозначенія чиселъ и годовъ получены тобою во время похода на Раимъ, въ Раимѣ, на Аральскомъ морѣ и по возвращеніи съ онаго въ Раимъ, чрезъ кого получены, когда, съ кѣмъ и кому отосланы отвѣты, и знаетъ ли кто о письмахъ и отвѣтахъ изъ бывшихъ твоихъ начальниковъ, имѣешь объяснить съ такою-же подробностью, какъ требуется о письмахъ въ II пунктѣ.—*О*: Со времени выступленія моего изъ к. орска въ продолженіе 1848 года я получилъ на зимовкѣ на Косъ-Аралѣ одно письмо отъ андрея Лизогуба, чрезъ адъютанта № 4 баталіона Александра Лисюкова и при письмѣ записку отъ чиновника оренбургской погра-

ничной комисіи Михайла Александрійскаго а на письмо и записку я не отвѣчалъ.

1. *В*: Котораго года, мѣсяца и числа отправился съ Раима и прибылъ въ Оренбургъ въ вѣдѣніи капитанъ-лейтенанта Бутакова?—*О*: 1849 года 10 го октября подъ командою капитанъ лейтинанта Бутакова отправился я изъ Раимскаго укрѣпленія, и прибылъ въ г. Оренбургъ того же года 1-го ноября.

2. *В*: Когда получалъ письма 1850 года и не получалъ ли въ Оренбургѣ писемъ безъ обозначенія чиселъ и годовъ, чрезъ кого получалъ и отсылалъ отвѣты, объясни согласно требованію во II пунктѣ.—*О*: въ г. Оренбургѣ получилъ я одно письмо 1849 въ декабрѣ числа не помню. отъ Андреи Лизогуба, на которое отвѣчалъ. 1850 года получилъ я два письма съ оренбургской почты отъ художника Чернышева, находящагося при Императорской академіи художествъ, и отъ Сергѣя, на которое не отвѣчалъ. письмо подписанное Сергѣемъ принадлежитъ чиновнику Левицкому находящемуся при Оренбургской пограничной Комисіи. на которое я не отвѣчалъ по нелѣпому его содержанію. но я остаюсь увѣреннымъ что Г. Левицкій по чистой правдѣ при спросахъ долженъ показать, что на безсмысленные его фразы и общій смыслъ письма я никогда ничемъ не подавалъ ему ни причины ни права. полученые же письма мною не объясненные гдѣ и когда получилъ по долго прошедшему времени я не могу припомнить.

3. *В*: Не былъ ли кто изъ начальства въ Оренбургѣ извѣстенъ о веденной тобою перепискѣ.—Этотъ вопросъ (вѣроятно, по недосмотру) оставленъ безъ отвѣта.

В: Относительно отобранныхъ у тебя стиховъ, пѣсенъ и рисунковъ обязываешься показать: 1-е, стихи, показанные (въ описи) подъ № 23, твоего ли сочиненія, въ какомъ году и мѣсяцѣ и гдѣ они тобою писались, при комъ ты ихъ писалъ или объявлялъ, что стихи твоего сочиненія;—2-е, о сочиненныхъ

тобою на малороссійскомъ языкѣ стиховъ и пѣсенъ (sic);—3-е. о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ и при комъ рисованы тобою карандашемъ рисунки въ двухъ книжкахъ.—*О*: 1-е, Стихи подъ названіемъ *Святая Вода* сочиненіе дѣвицы Александры Псёлъ. полученные мною при письмѣ, въ к. орской 1847 года на которое я не отвѣчалъ. 2-е, стихи и пѣсни на малороссійскомъ нарѣчіи не моего сочиненія. а записанные мною во время бытности моей въ Кіевской, Каменецъ-Подольской и Волынской Губерніяхъ, какъ пѣсни народные, 1846 года. и по разсмотрѣніи возвращены мнѣ изъ 3-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. 3 е, рисунки находящіеся въ этихъ книжкахъ рисованы большею частью въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 году на Аральскомъ морѣ, по приказанію Капитанъ лейтинанта Бутакова, какъ гидрографическіе виды, копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря.

В: Послѣ отъѣзда изъ Оренбурга капитанъ-лейтенанта Бутакова, во время состоянія твоего въ вѣдѣніи прапорщика корпуса штурмановъ Поспѣлова, имѣлъ ли ты какія либо къ исполненію по службѣ порученія до отправленія твоего изъ Оренбурга въ крѣпость Орскъ?—*О:* Находясь въ вѣдѣніи прапорщика морскихъ штурмановъ Поспѣлова, я не могъ исполнять никакихъ порученій по службѣ, по причинѣ болѣзни глазами, что извѣстно доктору Майделю меня пользовавшему.

Показавъ все по истинной справедливости, осмѣливаюсь покорнѣйше просить начальство, принять въ милостивое разсмотреніе, что Высочайшая воля воспрещающая мнѣ писать и рисовать мною не нарушена, какъ въ отвѣтахъ я показалъ, нѣсколько гидрографическихъ рисунковъ мною нарисованы по приказанію Капитанъ Лейтинанта Бутакова, для картъ составленныхъ при описаніи береговъ Аральскаго моря. въ отношеніи же писать я разумѣлъ, что это запрещеніе относится къ сочиненіямъ или разсужденіямъ недозволенныхъ (sic) законами; на этомъ основаніи въ 1847 году писалъ я изъ к. орской къ Начальнику штаба корпуса жандармовъ, осмѣливаясь покорнѣйше

просить Его Превосходительство оказать мнѣ милость ходатайствомъ о дозволеніи мнѣ рисовать портреты и пейзажи, письмо это служитъ доказательствомъ незнанія моего о запрещеніи писать къ роднымъ и знакомымъ обыкновенные письма. во всѣхъ письмахъ мною писанныхъ съ 1847 года по настоящее время, которые могутъ быть вытребованы на разсмотреніе, начальство изволитъ усмотрѣть что не содержится въ нихъ ни одного выраженія подающаго сомненія къ нарушенію извѣстной мнѣ Высочайщей воли, которая со дня объявленія мнѣ комфирмаціи и по сей день призываю въ свидѣтели Бога видящаго чистоту моихъ помышленій свято была мною сохраняема.

Къ симъ отвѣтнымъ пунктамъ рядовой линѣйнаго оренбургскаго баталіона № 5 Тарасъ Шевченко руку приложилъ. Увѣщевалъ Орской крѣпости священникъ Петръ Тимашевъ. Допрашивалъ Слѣдователь подполковникъ Чигирь“.

По окончаніи Чигиремъ слѣдствія, оно поступило на разсмотрѣніе командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса Обручева при рапортѣ Чигиря отъ 5 іюля 1850 г. за № 11. Но еще прежде, чѣмъ Чигирь окончилъ производство слѣдствія, разсмотрѣніе въ Петербургѣ отосланныхъ туда вышеупомянутыхъ бумагъ, найденныхъ при обыскѣ у Шевченка, привело къ слѣдующему. Графъ Орловъ, какъ было изложено въ рапортѣ дежурнаго генерала главнаго штаба Игнатьева Обручеву отъ 30 іюня 1850 г. за № 580, увѣдомилъ, что онъ „испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія сообщить военному министру, что по произведенному здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) изслѣдованію на счетъ бумагъ, найденныхъ у Шевченка, оказалось: рядовой сей виновенъ въ томъ, что, не смотря на Высочайшее воспрещеніе, дозволилъ себѣ писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Стихи и рисунки, помѣщенные въ отобранныхъ у него двухъ альбомахъ, не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, кромѣ того только, что на нѣкоторыхъ рисункахъ изображены неблагопристойныя сцены. Равнымъ образомъ найденныя у него письма отъ разныхъ лицъ, исключая письма коллежскаго секретаря Левицкаго, содержатъ въ себѣ одно изъяв-

леніе дружескихъ чувствъ и желаніе ходатайствовать объ облегченіи его участи. Вообще бумаги эти не обнаруживаютъ, чтобы Шевченко продолжалъ прежній образъ мыслей, или писалъ и рисовалъ на кого либо пасквили. Если по изслѣдованію, произведенному военнымъ начальствомъ, болѣе ничего не будетъ обнаружено, то достаточно рядовому Шевченкѣ вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, строго внушивъ ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещено ему писать и рисовать, а ближайшему начальству поставить въ обязанность имѣть за исполненіемъ этого и вообще за Шевченкою самое бдительное наблюденіе.“ Утвердивъ это мнѣніе графа Орлова, Государь Императоръ соизволилъ положить на докладѣ, противъ словъ „и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ,“ собственноручную резолюцію: „Въ этомъ болѣе виновно его начальство, что допустило до сего, о чемъ сообщить для должнаго взысканія съ виновныхъ“.

Между тѣмъ Обручевъ, по разсмотрѣніи произведеннаго Чигиремъ слѣдствія, въ рапортѣ военному министру отъ 21 іюля 1850 г. за № 104, изложивъ свѣдѣнія, собранныя Чигиремъ, писалъ: „Изъ настоящихъ обстоятельствъ обнаруживается, что несообщеніе маіоромъ Мѣшковымъ о послѣдовавшей надъ рядовымъ Шевченкою Высочайшей конфирмаціи въ 4-й баталіонъ, расположенный въ степныхъ укрѣпленіяхъ, куда была отправлена въ 1848 году 3-я рота 5 баталіона, было причиною продолженія полученія рядовымъ Шевченкою нѣсколькихъ писемъ и отправленія на нихъ отвѣтовъ въ бытность въ Раимскомъ укрѣпленіи и Оренбургѣ и составленія на Аральскомъ морѣ нѣсколькихъ гидрографическихъ видовъ [1]), что впрочемъ сдѣлано

---

[1]) О томъ, что самъ онъ, Обручевъ, разрѣшилъ взять Шевченка въ описную экспедицію для снимавія видовъ и затѣмъ, по ходатайству Бутакова, какъ было упомянуто выше, прикомандировалъ Шевченка къ Бутакову въ Оренбургѣ для окончательной отдѣлки гидрографическихъ видовъ, вслѣдствіе чего Шевченко и находился тогда въ Оренбургѣ, Обручевъ не упоминалъ; виновникомъ допущенія Шевченка къ работамъ по описанію береговъ Аральскаго моря оказывался только маіоръ Мѣшковъ.

имъ для служебной надобности капитанъ-лейтенанта Бутакова, на котораго было возложено описаніе береговъ Аральскаго моря.“ Далѣе, упомянувъ о полученіи вышеприведеннаго рапорта Игнатьева за № 580, Обручевъ прибавлялъ: „вышеизложенныя обстоятельства имѣя честь представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, считаю долгомъ донести, что отъ меня вновь сдѣлано распоряженіе о строжайшемъ за рядовымъ Шевченкою надзорѣ и за точнымъ исполненіемъ высочайшаго повелѣнія о запрещеніи писать и рисовать и что рядовой Шевченко, впредь до полученія разрѣшенія вашей свѣтлости, содержится подъ арестомъ; что же касается до допущенія его, Шевченко, ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ, то по сему предмету собираются мною свѣдѣнія, по полученіи коихъ я не оставлю сдѣлать съ кого слѣдуетъ должное взысканіе и особо донести вашей свѣтлости.“

Въ отвѣтѣ на это, дежурный генералъ главнаго штаба 9 августа 1850 г. за № 747 писалъ Обручеву: „Г. военный министръ, усматривая изъ отзыва вашего выс—пр—ва за № 104, что по произведенному слѣдствію ничего новаго не обнаружено къ обвиненію рядоваго Тараса Шевченки, поручилъ мнѣ просить васъ, въ исполненіе высочайшей воли, извѣстной вамъ изъ рапорта моего за № 580: 1, вмѣнить Шевченкѣ въ наказаніе содержаніе его на гауптвахтѣ и, освободивъ его изъ подъ ареста, строго внушить ему, чтобы ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещено ему писать и рисовать;—2, перевесть его изъ 5-го въ другой отдаленный оренбургскій линейный баталіонъ, предписавъ ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ упомянутаго высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе,—и 3, а начальствующихъ, допустившихъ Шевченка ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ и не передавшихъ кому слѣдовало надлежащихъ о немъ свѣдѣній, при отправленіи его въ командировку, сдѣлать взысканіе по вашему усмотрѣнію.“

Вслѣдствіе этого Обручевъ 5 сентября 1850 г. за № 120 предписалъ начальнику 23 пѣхотной дивизіи: 1, рядоваго Тараса Шевченко, по освобожденіи изъ подъ ареста, перевести на службу, подъ строжайшій надзоръ ротнаго командира, въ одну изъ ротъ оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона, расположенныхъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, отправивъ его туда подъ присмотромъ благонадежнаго унтеръ-офицера, съ такимъ по времени разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть въ Гурьевъ Городокъ непремѣнно до окончанія навигаціи настоящаго года;—2, отобранныя отъ Шевченко вещи (партикулярное платье, которое, по донесенію Орскаго коменданта, хранится въ баталіонномъ цейхгаузѣ), какъ вещи для него вовсе не нужныя, предоставить Шевченкѣ отдать кому либо, или же, продавъ оныя въ присутствіи его, вырученныя деньги отдать ему;—3, увѣдомить меня, какъ о времени отправленія Шевченко въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ и о томъ, въ которую изъ ротъ онъ будетъ зачисленъ и кто ротный командиръ этой роты, которому строго предписать къ непремѣнному исполненію все изложенное мною касательно надзора за Шевченкою въ отношеніяхъ за №№ 25, 53 и 388 и въ особенности чтобы, независимо наблюденія за поведеніемъ этого рядоваго со стороны самаго ротнаго командира, ближайшій за нимъ надзоръ былъ порученъ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями и, если замѣтятъ что либо предосудительное или неповиновеніе, то доводили бы объ этомъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія ротнаго командира, который обязанъ немедленно доносить мнѣ, причемъ подтвердить ротному командиру, что малѣйшее послабленіе въ отношеніи надзора за Шевченкою подвергнетъ его строгой отвѣтственности,—и 4, командующему баталіономъ № 5 маіору Мѣшкову, за несообщеніе имъ въ баталіонъ № 4 послѣдовавшей надъ Шевченкою высочайшей конфирмаціи при командированіи его въ 1848 году въ Раимское укрѣпленіе, сдѣлать строгій выговоръ; относительно же положенія взысканія съ лицъ, дозволившихъ Шевченкѣ ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ, со-

бираются нужныя свѣдѣнія, по полученіи которыхъ будетъ сдѣлано распоряженіе особо.“

По послѣднему предмету Обручевъ 21 іюля 1850 г. поручалъ коменданту Орской крѣпости спросить Шевченка, когда именно онъ въ партикулярномъ платьѣ ходилъ и у кого и въ какое время въономъ былъ въ квартирахъ. Въ исполненіе этого, комендантъ Недобровъ 23 того же іюля за № 1638 писалъ Обручеву: „отобравъ отъ Шевченки свѣдѣніе, имѣю честь донести, что по квартированію его въ домѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Герна дѣйствительно онъ имѣлъ партикулярное платье и носилъ оное только въ квартирѣ, въ которомъ ни въ какое время, никогда и никуда не ходилъ; по прибытіи же въ Орскъ таковое у него отобрано и нынѣ хранится въ баталіонномъ цейхгаузѣ, которое, по удостовѣренію моему, заключается въ двухъ пальтахъ: одно ластиковое темновишневаго цвѣта, другое драдедамовое гороховаго цвѣта старое и одни брюки таковые-же.“—Хотя затѣмъ ни отъ кого не было получено никакихъ указаній на то, чтобы Шевченко ходилъ въ партикулярномъ платьѣ гдѣ нибудь, кромѣ своей собственной квартиры въ домѣ Герна, но отъ подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ Поспѣлова, которому Бутаковъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ въ началѣ 1850 года сдалъ свою команду, было потребовано объясненіе о томъ, почему онъ допустилъ Шевченка ходить въ партикулярномъ платьѣ въ отступленіе отъ положенной для нижнихъ чиновъ формы. На это Поспѣловъ въ рапортахъ за №№ 104 и 146 объяснилъ, что въ вѣдѣніе его Шевченко Бутаковымъ передаваемъ не былъ и при немъ не находился, такъ какъ никакой надобности въ Шевченкѣ онъ не имѣлъ, и потому не только не позволялъ ему ходить въ партикулярной одеждѣ, но никогда въ оной и не встрѣчалъ его.

Въ объясненіе противорѣчивыхъ указаній относительно того, въ чьемъ именно завѣдываніи находился Шевченко передъ производствомъ у него обыска, надо заключить, что при отъѣздѣ Бутакова въ Петербургъ не было сдѣлано надлежащаго

распоряженія объ откомандированіи Шевченка отъ Бутакова куда либо за окончаніемъ тѣхъ работъ, для которыхъ онъ былъ командированъ къ Бутакову и за отъѣздомъ самого Бутакова; причемъ Бутаковъ, сдавъ всю свою команду въ завѣдываніе Поспѣлова, полагалъ, что вмѣстѣ съ нею сдалъ и Шевченка; а Поспѣловъ, которому не было выгодно отвѣчать за то, что случилось, и который, можетъ быть, дѣйствительно, не имѣлъ надобности въ Шевченкѣ, вслѣдствіе этого сталъ утверждать, что Бутаковъ не сдавалъ ему Шевченка.

По разсмотрѣніи всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ относительно ношенія Шевченкомъ партикулярнаго платья, Обручевъ въ бумагѣ своей дежурному генералу главнаго штаба отъ 6 ноября 1850 г. за № 156, указавъ на противорѣчія въ донесеніяхъ Бутакова и Поспѣлова (изъ которыхъ первый, находясь въ то время въ 9-мъ флотскомъ экипажѣ, уже не состоялъ въ вѣдѣніи Обручева), писалъ: „если Бутаковъ не имѣетъ положительныхъ доказательствъ объ оставленіи рядового Шевченко при подпоручикѣ Поспѣловѣ, то вся вина должна быть отнесена на Бутакова, который не представилъ Шевченка въ корпусный штабъ или во 2-й линейный баталіонъ“. Требовались ли отъ Бутакова упомянутыя доказательства и подвергся ли онъ какому-нибудь взысканію—намъ не извѣстно.

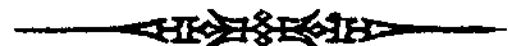
Послѣднимъ финаломъ этого дѣла было разрѣшеніе вопроса о томъ, на кого должны быть возложены издержки въ количествѣ 23 руб. 67 коп., употребленныя на поѣздку Чигиря въ Орскую крѣпость для производства слѣдствія: 10 ноября 1851 г. было опредѣлено взыскать ихъ съ маіора Мѣшкова.

Между тѣмъ, вызвавшій это производство Шевченко, въ исполненіе вышеизложенныхъ распоряженій 13 октября 1850 г. былъ отправленъ изъ Гурьева Городка въ Ново-Петровское укрѣпленіе на почтовой лодкѣ, прибывшей въ Гурьевъ Городокъ съ хорунжимъ Ерыклинцевымъ и увезшей Шевченка подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова. Это было послѣднее путешествіе, совершенное лодкой въ томъ году, что видно изъ того, что Булатовъ, сдавши Шевченка въ Новгородскомъ укрѣпленіи

17 октября, вслѣдствіе закрытія навигаціи, уже не могъ возвратиться къ мѣсту своей службы до начала навигаціи слѣдующаго года.

Этимъ окончился первый періодъ ссылки Шевченка и начался второй, которому посвящена статья А. И. Родзевича въ „Русской Старинѣ“.

Н. Васильевъ.



Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя [1]).

1854 годъ.

Письмо 1-е.

Предъ Севастополемъ непріятелей еще нѣтъ. Они со всѣмъ флотомъ тамъ—у Евпаторійскихъ береговъ. Вѣроятно ожидають успѣховъ отъ своего дессанта и потомъ уже бросятся на Севастополь. Силы непріятеля полагаютъ въ 70 тысячъ при 60-ти орудіяхъ. Вчера, говорятъ, было авангардное дѣло. Князь намѣренъ ускорить нападеніемъ, ибо непріятели окапываются. Въ первый же день козаки захватили 11 плѣнныхъ. Защищался только офицеръ и убитъ, а другіе бросили оружіе и стали просить хлѣба. Два алжирца, прочіе—французы. Крайне жалуются на худое продовольствіе. О Евпаторіи слышно, что занята непріятелями и оставлена жителями, не смотря на прокламацію, обѣщавшую спокойствіе и безопасность. О духовенствѣ нашемъ ничего не знаю, ибо не пишутъ. Отъ священника Манжелея я получилъ рапортъ отъ 30 августа, которымъ доноситъ, что троихъ дѣтей его постигла жестокая болѣзнь, и потому онъ не можетъ еще выѣхать въ Бахчисарай. Впрочемъ я надѣюсь, что о. протоіерей Шкуропатскій во всякомъ случаѣ поступитъ, какъ требуетъ санъ священный.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1896 г., № 1.

Главная квартира наша на Алмѣ въ Бурлюкѣ. Хомутовъ, атаманъ козачій, поспѣлъ уже въ помощь. У другихъ береговъ крымскихъ непріятелей нѣтъ. Итакъ восточному вопросу суждено рѣшиться на Евпаторійскихъ поляхъ.

Сиземскаго [1]) нѣтъ еще изъ Херсона. Если пріѣдетъ, куда ему дѣваться? ибо неизвѣстно еще, когда будетъ свободна Евпаторія, и чѣмъ выйдетъ она изъ рукъ непріятельскихъ. 2-го сентября жена его разрѣшилась отъ бремени: опять препятствіе къ переходу.

1-е Сентября 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 2-е.

И паки Вы обращаетесь къ намъ съ словами утѣшенія. Сіе третіе утѣшеніе получено мною 10 октября, уже въ 6-й день бомбардированія Севастополя. Вполнѣ понимаю, что вѣсти отъ насъ дороги теперь для Васъ; но страшный огонь перваго дня (5-е окт.) привелъ все и всѣхъ въ такое смятеніе и безпорядокъ, что я не былъ увѣренъ въ пріемѣ въ тотъ день почты, которая обрѣлась въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Потому просилъ написать Вамъ объ этомъ днѣ о. игумена Николая [2]), который, бывъ близъ Севастополя, пожелалъ быть свидѣтелемъ безпримѣрнаго ужаса. Не знаю, успѣлъ ли онъ благополучно переправиться на сѣверную; ибо потомъ я слышалъ, что бомбами съ моря потопило два катера. Въ другой почтовый день человѣкъ не нашелъ почты, которая очутилась въ николаевской батареѣ. До 5 числа непріятели продолжали подъ нашими выстрѣлами рыть противъ нашихъ батарей валы (они не выше обыкновенныхъ рвовъ), которые казались не важными, а если гдѣ значительно возвышались, ихъ старались разбивать. Въ этихъ то рвахъ устанавливали они свои орудія и окружили ими всю сухопутную линію Севастополя. Октября 5-го, въ 6 часовъ утра,

---

[1]) Діаконъ Севастоп. Петропавловской церкви, котораго преосвященный прислалъ сюда въ 1848 г. изъ Харькова, куда онъ прибылъ съ владыкою изъ Вологды, гдѣ былъ псаломщикомъ. Онъ былъ прекрасный чтецъ и пѣвецъ, за что пользовался особою расположенностію архипастыря.

[2]) Настоятеля Бахчисарайскаго Успенскаго Скита, потомъ архимандрита.

открытъ огонь, который въ полчаса превратился въ превышающій всякое описаніе ужасъ: громъ выстрѣловъ, трескъ лопающихся бомбъ, свистъ ядеръ, блистаніе какъ бы множества молній, залповъ, неумолкаемый раскатъ, страшно вторившій среди горъ и бухтъ нашихъ, наконецъ, при безвѣтріи дымъ, не позволявшій намъ видѣть далѣе той линіи, откуда раздавались громы оглушительные, все это невольно заставляло людей говорить: „страшный судъ! страшный судъ!“ Слыша самъ эти слова отъ многихъ собравшихся у церкви, я не находилъ въ нихъ преувеличенія, но только смутился душею при мысли, что, можетъ быть, онъ внезапу постигъ насъ безъ покаянія. Часа чрезъ полтора отъ усталости артилеристовъ или другой причины удары стали рѣже и какъ бы слабѣе; вмѣстѣ съ симъ и душамъ нашимъ была нѣкая ослаба. Литургію служилъ о. Александръ Демьяновичъ [1]) (его была седмица); затѣмъ служили молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты, что и ежедневно совершаемъ со времени осады Севастополя. Церковь оставалась, какъ и теперь, ежедневно открытой до вечера. Въ 12 часу бой страшно усилился съ видимымъ ожесточеніемъ. Ужасъ съ каждой минутой возвышался. Люди, не отходившіе отъ церкви (большею частію женщины), таяли отъ страха и плакали. Я нашелъ лучшимъ вторично пригласить ихъ на молитву въ церковь, гдѣ и засталъ меня о. Николай [2]); проводивъ его, я пошелъ къ библіотекѣ, (морской), чтобы посмотрѣть за движеніемъ непріятельскаго флота, который доселѣ только готовился къ бомбардированію. Но за дымомъ, валившимся съ 5 и 6 бастіоновъ, и здѣсь ничего нельзя было видѣть; даже нужно было поскорѣе удалиться, ибо корабли открыли огонь, который, смѣшавшись съ громомъ нашихъ морскихъ батарей, покрылъ все, что доселѣ мы съ утра слышали. Одна сѣверная сторона оставалась свободна отъ бомбардированія и потому была свободна отъ дыма. Это обстоятельство позволило намъ видѣть, какое множество непріятельскихъ бомбъ, бросаемыхъ съ кораблей, вмѣсто города, падало въ бухту

[1]) Младшій священникъ севастопольской Петропавловской церкви, стоящей на горѣ надъ южной бухтой.

[2]) Упомянутый выше настоятель Бахчисарайскаго скита.

и на сѣверную сторону. Наши морскія батареи остались цѣлы и въ людяхъ съ ничтожною потерею. За дымомъ, простиравшимся до облаковъ и покрывавшимъ до удушья весь городъ, нельзя было замѣтить и потери флота непріятельскаго. По бывшему взрыву полагаютъ, что одинъ пароходъ взорвали на воздухъ, и по крику людей, что послали кого-то и ко дну. Прибило къ берегу одну корму и довольно внутреннихъ принадлежностей корабля. А лучшимъ доказательствомъ неудачи флота служитъ то обстоятельство, что онъ съ той поры ничего противъ насъ не предпринимаетъ. Въ 1-й день потеря наша на всѣхъ бастіонахъ и батареяхъ убитыми и ранеными простиралась до 400 человѣкъ. Но самая тяжкая въ этотъ день потеря—это смерть Влад. Ал. Корнилова. На Малаховомъ курганѣ ему, когда объѣзжалъ батареи, оторвало ногу по бедро; отъ таковой тяжкой раны онъ вскорѣ и скончался. Сами недоброжелатели его (а онъ имѣлъ ихъ много) сожалѣютъ объ этомъ незамѣнимомъ въ настоящее время начальникѣ. Настоящимъ образомъ принялись за укрѣпленіе Севастополя послѣ Бурлюкскаго сраженія. Все, что было сдѣлано прошлою осенью, брошено прочь. Все дѣлано вновь и по новому плану. Чрезъ недѣлю самъ князь [1]), который былъ на позиціи у Бахчисарая, подивился работѣ Корнилова (ему помогалъ инженеръ-полковникъ Тотлебенъ) и совершенно успокоился за судьбу Севастополя. Уже нечего говорить о томъ, что его всякъ боялся болѣе, чѣмъ непріятельской бомбы, и стоялъ на своемъ мѣстѣ. И вдругъ въ такое время лишиться такого начальника.—Вслѣдствіе полученнаго отъ князя (онъ при арміи на бакчисарайской дорогѣ) распоряженія—похоронить, какъ позволяютъ обстоятельства, тѣло покойника, 6 числа, въ 11 часовъ дня, внесено въ Михайловскую церковь, а въ 6 часовъ вечера отпѣли погребеніе [2]). Изъ начальниковъ при погребеніи были, кто могъ, и просто въ строевыхъ шинеляхъ. Впрочемъ была музыка и по баталіону отъ морскихъ и армейскихъ солдатъ. Хотя въ 6 ч. пальба прекратилась, но

---

[1]) Меньшиковъ, главнокомандующій войсками въ Севастополѣ.

[2]) Авторъ писемъ былъ духовникомъ В. А. Корнилова и его семейства.

по временамъ непріятельскія бомбы летали въ городъ и носились надъ головами печальной процессіи. Могилой для Корнилова послужилъ склепъ его же начальника, адмирала Лазарева, съ которымъ онъ и положенъ рядомъ. Замѣчательно, что въ склепѣ оказалось много воды, такъ что необходимо было отливать ее, чтобы внести туда новый гробъ, который также поставленъ въ водѣ. Служили на водѣ, пришлось и почивать въ водѣ. Такъ прошелъ и второй день, какъ первый: въ непрерывномъ огнѣ съ 6 ч. утра до 6 ч. вечера; такъ третій и далѣе до настоящаго 7-го. Такимъ образомъ можемъ сказать, что мы были въ пещи, седмерицею разжженной; и если огнь оный касается не всѣхъ насъ, то сіе именно должно приписать милости Божіей и росѣ ангельской. Правда, въ слѣдующіе 6 дней убыль въ войскѣ незначительна, но смерть летаетъ по всему городу. Моя квартира казалась совершенно удаленною отъ выстрѣловъ, но и меня достигаютъ они. Бомбы разрывались по одну и другую сторону церкви, на улицѣ. Ядра свистятъ у оконъ нашего церковнаго дома; однимъ вышибло карнизъ надъ самою дверью, другимъ вырвало нѣсколько столбцовъ въ каменной оградѣ церковной. Извѣстная трещина на моей церкви значительно увеличилась, особенно съ западной стороны, гдѣ она почти была незамѣтна. Много уже пострадала артилерійская часть города, что къ Херсонесу, и корабельная [1]) съ госпиталемъ. Не уважили на госпиталяхъ и флаговъ, кои были поставлены по желанію, кажется, самихъ непріятелей. Напротивъ, эти мѣста и были ихъ цѣлію. Ибо когда было загорѣлся одинъ флигель въ госпиталѣ, то въ самое пламя пожара продолжали бросать бомбы. Больныхъ и раненыхъ, хватая, можно сказать, изъ огня, отправили на сѣверную въ бараки, другихъ въ Симферополь. Великое спасибо покойному Сентъ-Арно [2]), что онъ не оставался на Бельбекѣ, и оставилъ намъ единственный путь ко спасенію,— не выѣзжающимъ только, а преимущественно и остающимся въ Севастополѣ. Ибо мы въ такомъ положеніи остались бы въ нѣ-

---

[1]) На противоположной городу сторонѣ, на покатости отъ Малахова кургана.

[2]) Сентъ-Арно—главнокомандующій французовъ.

сколько дней безъ куска хлѣба и безъ всякой помощи. Нельзя приписать этого счастливаго обстоятельства маневру князя, ставшаго въ тылу: ибо онъ былъ крайне слабъ. Нѣтъ, это было чудо милости Божіей. О южныхъ высотахъ нашихъ, о которыхъ такъ прекрасно разсуждаютъ непріятели, и которыми теперь завладѣли, у насъ, вѣрно, забыли, не предполагая нападенія съ сухого пути. А сіе все бысть, что бы мы не приписали успѣха себѣ самимъ, а Богу. Вотъ и осьмый день разжигается наша пещь. Враги наши преступаютъ таинственное число, но Господь не оставляетъ своею помощію, и, вѣрно, не оставитъ. Князь доселѣ ничего не предпринимаетъ, кромѣ что завелъ отрядъ на Комарскія высоты. Все ожидаетъ войскъ, между тѣмъ всѣ недовольны его молчаніемъ. Даже изъ города не дѣлаютъ вылазокъ, кромѣ небольшихъ изъ охотниковъ, которые въ одну ночь заклепали было у непріятеля 18 орудій, въ другую 7-мь. Можетъ быть въ немъ и ошибаются, какъ нѣкогда недовольные кн. Кутузовымъ. М. б. онъ разсчиталъ на непріятелей ударъ вѣрный, но хранитъ въ тайнѣ. У насъ ожидаютъ Великихъ Князей, о чемъ объявлено даже войскамъ.

Городъ опустѣлъ; въ послѣднее воскресенье мало было въ церкви, по буднимъ днямъ и того меньше. Все спасается на сѣверную; оттуда далѣе и далѣе куда глаза, или скитаются въ лѣсахъ и горахъ. Въ городѣ довольно было поразительныхъ примѣровъ несчастія, но все это я соберу во едино, и потомъ сообщу Вамъ.

Преосвященный Агаѳангелъ въ Бакчисараѣ, какъ я слышалъ отъ о. Николая игумена. Что дѣлается въ Георгіевскомъ монастырѣ и что съ о. Геронтіемъ[1]), ни откуда не могу добиться свѣдѣнія. Слышалъ отъ прот. Балаклавскаго[2]) будто бы французы забрали въ монастырѣ весь скотъ, а обѣщали дать деньги и не дали, что умеръ экономъ, отъ чего—неизвѣстно. Еще слышалъ, будто на сѣверной сторонѣ разсказывали какія-

---

[1]) Настоятель Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, кандидатъ Кіевск. дух. Академіи X курса, впослѣдствіи настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря, въ которомъ скончался.

[2]) Антонія Архириди.

то женщины, захваченныя на хуторахъ непріятелями и занимавшіяся въ монастырѣ стиркой бѣлья для непріятелей, что богослуженіе бываетъ и въ церкви бываютъ непріятели. Женщинъ этихъ кормилъ монастырь, но когда истощилось продовольствіе, то по просьбѣ о. архимандрита ихъ отпустили. Только Сиземскаго [1]) семейство, для безопасности, 11 числа отправилось въ Симферополь, также и семейство Топузовыхъ [2]); пособіе я далъ изъ церковной суммы. Комарскаго священника я командировалъ къ Бакчисарайскому собору, пока священникъ Манжелей [3]) получитъ свободу.

Сейчасъ слышалъ непріятную вѣсть, будто князь объявилъ приказомъ держаться до 18 числа, пока соединятся съ нимъ всѣ войска, идущія въ Крымъ. О Господи! пошли намъ терпѣніе, вмѣни страхъ въ покаяніе.

Паки и паки благословляйте насъ и помогайте молитвами.

Впрочемъ большаго унынія или отчаянія у насъ нѣтъ. Только страхъ одинъ. Гарнизонъ рвется за стѣны, но не пускаютъ.

Арестантамъ дана свобода, и они употребляютъ ее прекрасно. Многіе уже получили Георгіевскіе кресты.

12 окт. 1854 г. 11 часовъ утра, г. Севастополь.

Письмо 3-е.

14 октяб. Вотъ и 10 дней провели мы среди огня и смерти. Пишу съ вечера, не зная, что породитъ утро. Впрочемъ, если *день дни отрыгаетъ глаголъ и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ*, то, судя по послѣднему дню и наступившей ночи, можно ожидать и надѣяться дней лучшихъ. Теперь совершенно тихо. Бомбардированіе было сегодня гораздо слабѣе обыкновеннаго, а бомбы и ракеты летали рѣже. Непріятели видимо отодвигаются уже назадъ; ибо князь уже началъ наступать. 13 окт. близъ Кадыковки [4]) у англичанъ взято 11 орудій и 4 редута, въ которыхъ теперь генералъ Липранди; штыками кололи его дивизію,

---

[1]) Вышеупомянутаго діакона.

[2]) Петропавловской церкви причетниковъ, родныхъ братьевъ.

[3]) Священникъ г. Евпаторіи.

[4]) Деревня близъ г. Балаклавы.

около 500 англійскихъ кавалеристовъ легло на мѣстѣ, ускакало человѣкъ 10, взято въ плѣнъ 60. Это дѣло уланъ нашихъ. Наши теперь надъ Кадыковкой. Также перешли Черную рѣчку, гдѣ англичане принуждены были уступить свою позицію и два орудія бросили въ воду. Сегодня самъ былъ очевидцемъ одного дѣла, бывшаго за Малаховымъ курганомъ, на дорогѣ въ Инкерманъ. (Отъ церкви моей въ трубу можно видѣть большую половину всей осадной линіи непріятельской). Съ крикомъ ура нашихъ двѣ колонны поднялись отъ пороховыхъ погребовъ на высоты, имѣя направленіе къ позиціи непріятельской. При нихъ было нѣсколько орудій конной артилеріи. Уже первая колонна спускалась съ высоты разсыпнымъ строемъ, уже и артилерія была въ дѣйствіи. Но наши наткнулись на непріятельскую скрытую батарею, которая ударила нашимъ въ флангъ. Посему вдругъ же начали отступать въ разсыпномъ же строѣ съ перестрѣлкою. По всему было видно, что эта попытка наша была неудачна. Вечеромъ я слышалъ, будто потеря состоитъ изъ 250 человѣкъ. Очень больно. Общее же движеніе нашихъ войскъ противъ непріятеля все-таки откладываютъ на 18-е число .Между тѣмъ въ нашемъ гарнизонѣ, говорятъ, слышенъ большой ропотъ на ужасъ продолжительной осады. Много у насъ убитыхъ и раненыхъ, впрочемъ за достовѣрное не знаю. Можно полагать 2000. Защита Севастополя пала на однихъ моряковъ. На всей оборонительной линіи у орудій стоятъ одни матросы и лихо дѣйствуютъ, какъ настоящіе артилеристы. Армейскіе полки составляютъ только прикрытіе батарей и употребляются ночью на исправленіе батарей и на уборку убитыхъ и раненыхъ. Вотъ слова Государя Императора къ нашимъ морякамъ, объявленныя приказомъ князя Меншикова: „Благодарю всѣхъ за усердіе. Скажи нашимъ молодцамъ морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ; никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы русскіе защищаемъ родимый край и вѣру нашу и предаться волѣ Божіей. Да хранитъ васъ всѣхъ Господь, и наше правое дѣло; душа моя и всѣ мысли съ вами“.

12 числа, въ 4 часа, когда уже звонили къ вечернѣ, пала бомба близъ самой церкви нашей, взрывомъ вышибла на южной сторонѣ стекла, два окна даже съ рамами, и повредила немного крышу. Обошлось безъ несчастія, хотя въ церкви были люди и я самъ тамъ находился. Убравши изъ церкви соръ и стекла и затворивъ въ побитыхъ окнахъ ставни, я отслужилъ вечерню; 13-го обѣдню и утреню также служилъ благополучно. Уже по окончаніи обѣдни осколкомъ разорвавшейся надъ церковію въ воздухѣ бомбы вырвало кусокъ желѣза и каменнаго карниза. Въ продолженіи дня еще разорвалось 3 бомбы надъ церковію, но двѣ также въ воздухѣ; осколки падали по саду и на улицѣ, не вредя ни церкви, ни дому, одна же пала, вѣрно, въ яму, вырытую бомбой, которая 12-го побила стекла и пала также въ 4 часа, когда едва я благословилъ вечерню. 14-го весь день было благополучно на церковномъ дворѣ. Хотя бомбы летали въ томъ же направленіи, но разрывались далѣе насъ. Сегодня, т. е. 15-го, бомбардированіе началось въ 7 часовъ. Доселѣ благополучно. Службу будемъ продолжать, пока будетъ гдѣ служить. Къ литургіи присоединяемъ ежедневно и молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты, находящія на ны. Впрочемъ, кромѣ двухъ-трехъ и немногихъ, кажется безпріютныхъ, въ послѣдніе дни въ церкви никто не бываетъ. Мужскій полъ у насъ на службѣ, а женскій, страха ради смертнаго, или выѣхалъ, или скрывается въ потаенныхъ мѣстахъ. Молимъ и просимъ дней лучшихъ. Молитвы ваши и милость Господня утѣшаютъ насъ.

Непріятели наши—образованные народы, изъ человѣколюбія пустили въ городъ фонтанную воду, но отравленную. 5 челов. умерло, поставили караулъ, а воду велѣно разложить на составныя части.

15 октяб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 4-е.

Возмогаемъ о Господѣ молитвами вашими и словомъ пастырскаго утѣшенія вашего, коимъ, аки росою, охлаждаете пламень пещи насъ постигшій. И дѣйствительно, 16 и 17 чиселъ

насъ почти не касался пламень ея; пальба между батареями непріятельскими и нашими происходила, но не жаркая, какъ бы усталая, неохотная, безъ энергіи, какъ бы для формы только осады, особенно со стороны непріятелей. Не вѣтеръ ли съ дождемъ и чувствительный холодъ охладилъ жаръ непріятелей? Съ ночи противъ 16 числа дуетъ сильный то сѣверо-восточный, то сѣверо-западный вѣтеръ, и много тревожитъ непріятельскій флотъ. Быть можетъ, непріятели начинаютъ чувствовать приближеніе нашихъ силъ и невольно отвлекаются вниманіемъ отъ Севастополя, на которомъ одномъ доселѣ было оно сосредоточено. По крайней мѣрѣ 16, 17 и сегодня (по настоящую минуту) мы не слышимъ полета бомбъ и ракетъ надъ головами нашими. Въ городѣ стало покойнѣе, или, если нарушается покой, то какъ бы случайно. 15-го же числа, отъ котораго я писалъ вамъ, множество стрѣлъ смертныхъ было бросаемо въ городъ. Одна бомба пала у самой церкви, вышибла большой камень въ ступеняхъ, повредила немного колонну, и болѣе ничего. Другія бомбы падали правѣе и лѣвѣе церкви, но внѣ церковнаго двора. Я предложилъ одному офицеру вопросъ: не цѣлятъ ли непріятели въ церкви нарочно? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ отъ одного офицера, будто кто-то передалъ непріятелямъ, что въ церквахъ нашихъ сложенъ порохъ и снаряды, а потому будто бы выстрѣлы непріятельскіе имѣютъ такое направленіе. Правда сему или нѣтъ, но истинно, что Господь видимо хранитъ храмъ святой. Служеніе продолжается. Настоящую седмицу служитъ о. Николай Сиземскій. Въ заупокойной эктеніи всегда поминаемъ и воиновъ, павшихъ на брани. Причетники бываютъ въ церкви неопустительно.

Сѣверная сторона служитъ теперь убѣжищемъ для здоровыхъ и больныхъ (тамъ госпиталь), для живыхъ и умершихъ (тамъ теперь для всѣхъ кладбище). Въ настоящее время и умереть—новая бѣда: ни доски (лѣсныя пожгли), ни мастера для гроба, ни людей понести тѣло нѣтъ, не говоря уже объ отсутствіи друзей и знакомыхъ. А погребеніе совершается какъ бы тайкомъ, или по заходѣ солнца, или на разсвѣтѣ, до начала бомбардировки.

13 окт. хотѣли подвести къ непріятельскому флоту брандеръ. За это взялись и сами вызвались греки-охотники. Воспользовались темною ночью и свѣжимъ западнымъ вѣтромъ (флотъ у Бельбека). Къ сожалѣнію, брандеръ прижало на мель у Константиновской батареи, изъ которой, по неимѣнію отъ начальства о таковомъ брандерѣ никакого свѣдѣнія, открыли было огонь. (Нѣтъ Корнилова). Уже не знаю, какимъ чудомъ брандеръ уцѣлѣлъ, или какъ умолилъ батарею прекратить огонь. Только ночью же онъ возвращенъ въ портъ. Догадались ли непріятели, коихъ два парохода противъ фарватера стояли въ караулѣ? Мудрено впрочемъ и догадаться: зачѣмъ стрѣлять по своему судну, выходившему изъ порта? Если брандеръ: для чего опять стрѣлять изъ своей батареи?

Срокъ нашему терпѣнію былъ назначенъ по 18-е окт. Теперь отлагаютъ на 20-е окт. Потерпимъ и до конца, только бы увидѣть спасеніе.

Князь при арміи. Въ городѣ старшій по чину—генералъ Моллеръ. Надъ морскими баталіонами и командами на батареяхъ—адмиралъ Нахимовъ. По смерти Корнилова, говорятъ, состоялся какой-то гофкригсгератъ изъ Моллера, Станюковича [1]), коменданта—генерала Кизмера и еще двухъ.

О положеніи Георгіевскаго монастыря и о. архимандрита Геронтія, сколько ни стараюсь узнать, не могу: нѣтъ никакого сообщенія.

Боясь отсутствія отъ церкви, ни съ кѣмъ почти не вижусь и мало имѣю потому свѣдѣній.

Журналъ я веду съ 1 сентября, и въ слѣдствіе совѣта вашего приложу къ тому болѣе вниманія [2]).

19 октяб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Уже бригада 10-й дивизіи въ городѣ. Сегодня присоединяется къ князю Меншикову и послѣдній полкъ 11-й дивизіи.

---

[1]) Командиръ Севаст. порта или губернаторъ.

[2]) Къ сожалѣнію, этотъ журналъ или дневникъ осады Севастополя случайно погибъ въ недавнее время въ Одессѣ.

Главная квартира его уже нѣсколько дней въ д. Чоргунѣ. Вчера былъ у всенощной адмиралъ Станюковичъ, который сообщилъ мнѣ, что сегодня, т. е. 21 окт., князь дѣлаетъ сильную рекогносцировку, что если не завтра, то во всякомъ случаѣ не далѣе воскресенья, онъ пойдетъ всѣми силами на непріятеля. При выходѣ изъ церкви, пріѣхавшій офицеръ доложилъ Станюковичу, что адмиралъ Новосильскій (завѣдывающій линіею 4 бастіона), проситъ о назначеніи ему офицеровъ, которыхъ выбыло у него сегодня 7 (1 убитъ и 6 ранены), что нижнихъ чиновъ у него одного убитыхъ и раненыхъ 161, и подбито 7 орудій.

Такихъ дней, кромѣ 5 числа, не бывало. Вѣроятно враги наши предчувствуютъ свое паденіе, и съ духомъ злобы, ими обладающимъ, употребляютъ послѣднія усилія. Постоянно ожидаютъ ихъ штурма, но едва ли это будетъ. Они очень хорошо знаютъ, что въ городѣ штыковъ много. А вотъ сію минуту раздалась сильная канонада: не штурмъ ли? 5 ч. утра. Иду къ утрени; что узнаю, допишу. Мати Божія! въ день Твоего праздника, памятнаго для Россіи твоимъ заступленіемъ отъ враговъ, спаси и насъ отъ враговъ нашихъ.

Пишу послѣ утрени. Чрезъ полчаса канонада затихла. Въ 5 ч. луна скрылась за горизонтъ. Стало темно. Не хотѣли ли непріятели извлечь пользу изъ темноты этой, а наши батареи загремѣли; такъ думаю, но настоящей причины еще не знаю. Но вотъ въ 7 ч. опять громы. Начало напоминаетъ 5 окт. Войска по улицамъ куда-то передвигаются. Говорятъ, что сегодня будетъ генеральное сраженіе. Но вчера адм. Станюковичъ этого не зналъ; развѣ вечеромъ не получено ли отъ князя такое распоряженіе. Не сдѣлается ли это извѣстнымъ послѣ обѣдни, до отхода по крайней мѣрѣ почты?

А пока прибавлю и сіе, что дѣйствительно, по показанію и плѣнныхъ, 5 окт. два непріятельскихъ большихъ парохода взлетѣло на воздухъ; что вода фонтанная, какъ оказалось по разложеніи оной, отравлена непріятелями, о чемъ объявлено, для предостереженія, и приказами; что и въ Севастополѣ есть опыты холеры.

Государь Императоръ жалуетъ матросамъ по 2 р., а офицерамъ годовое жалованье. Но много пострадалъ и еще страдаетъ флотъ: ибо одни моряки приняли на грудь свою защиту города, и вотъ уже 18-й день мужественно отражаютъ непріятелей. Эта защита будетъ стоить многихъ морскихъ сраженій, которыхъ, кромѣ Синопскаго, не пришлось имѣть Черноморскому флоту.

Обѣдню отслужили благополучно; въ 10 ч. пальба стала умѣреннѣе. Ничего особеннаго и сегодня, кромѣ бомбардировки. Въ доброе время въ этотъ день 22 окт. церковь была полна народа, а теперь десятка полтора простыхъ женщинъ и нѣсколько нищихъ. Адмиралъ Станюковичъ былъ и въ обѣдни: покупалъ свѣчи, слушалъ всю обѣдню и еще остался слушать и молебенъ съ акаѳистомъ. Я отвѣчалъ ему желаніемъ быть живымъ и здоровымъ для защиты нашей.

Кладбищная церковь пока мало пострадала. Немного сорвали желѣза; да два окна вылетѣли съ рамами.

Мнѣ передалъ о. Іовъ [1]), что слышалъ отъ содержателя въ Георгіевскомъ монастырѣ трактира, который отпущенъ оттуда 5 окт. Службѣ не препятствуютъ, и она совершается своимъ порядкомъ. Никакихъ особенныхъ обидъ братіи также не причиняютъ. Но хлѣбъ и всякую другую экономію забрали. По 5-е окт. у братіи оставалось еще 4-е четверти муки.—Слышалъ я, что одного шпіона французы поймали въ монашескомъ платьѣ. Точно ли такъ, не знаю.

День свѣтлый и тихій. Пошли, Господи, тишину и отраду душамъ нашимъ.

22-е окт. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 6-е.

22-е окт. прошло для насъ въ лютой канонадѣ, но и въ утѣшительной надеждѣ, что м. б. завтра уже соединившіяся войска наши двинутся со всѣхъ сторонъ на непріятелей. Между тѣмъ и 23 окт. не было этого движенія: м. б. тому причиною былъ дождь, который въ продолженіи всего этого дня умѣрялъ жаръ осаждаю-

---

[1]) Іеромонахъ.

щихъ и давалъ нѣкоторый отдыхъ осаждаемымъ. 22 окт. главныя улицы наши и прилегающіе къ нимъ проулки покрылись баррикадами. Въ окнахъ домовъ и въ стѣнахъ улицы устроены ружейныя амбразуры, отъ чего городъ принялъ видъ, который самъ наглядно убѣждаетъ въ угрожающей намъ опасности. Впрочемъ войска и сами лучше желаютъ штурма непріятельскаго, нежели нападенія на непріятельскія позиціи. Ибо въ послѣднемъ случаѣ нужно идти подъ огонь батарей, а въ первомъ одна работа штыку, которымъ Русскіе умѣютъ владѣть. Не на что плѣнные такъ не жалуются, какъ на ура наше, которое сопровождается страшнымъ дѣйствіемъ штыковъ и прикладовъ.

Ночью на 24-е число прибыли великіе князья и остановились на Сѣверной. Вмѣстѣ съ этою радостною вѣстію утромъ мы услышали и о наступательномъ движеніи войскъ нашихъ, или лучше услышали самое движеніе ихъ. Это было во время утрени, по окончаніи которой, сквозь туманъ и дымъ, мы видѣли только сверкавшіе огни на высотахъ, лежащихъ къ Инкерману. Кто не желалъ успѣха? Кто въ тайнѣ сердца не молился о дарованіи побѣды? Когда вѣтромъ немного очищало атмосферу, мы радовались, видя движеніе нашихъ впередъ и впередъ. Но съ полдня уже замѣтна была и ретирада, хотя на полѣ битвы происходила ружейная и пушечная пальба почти до вечера. Изъ города въ тоже время было послано 7 баталіоновъ противъ французовъ, занимающихъ Херсонескую землю. И здѣсь, какъ и тамъ, блистательное дѣло было, но плодовъ не умѣли пожать ни у англичанъ, ни у французовъ. И тамъ, и здѣсь не послано во время подкрѣпленія. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ отъ многихъ офицеровъ, для коихъ это не могло быть тайною. У французовъ заклепали орудія, и много положили ихъ несчастныхъ въ балкѣ предъ кладбищной церковью, когда они вздумали броситься на 6-й нашъ баталіонъ, что надъ карантинной бухтой. Англичанамъ двѣ отнятыя на высотахъ позиціи должны были уступить съ большимъ урономъ. Потерю нашу въ этотъ день полагаютъ до 3000 убитыхъ и раненыхъ. Особенно эта потеря чувствительна въ офицерахъ, а еще больше въ начальникахъ—полковыхъ и баталіонныхъ. Ге-

нералъ Соймоновъ раненъ и уже скончался. Но потеря непріятелей гораздо значительнѣе. Много вчера я видѣлъ французовъ на перевязочномъ пунктѣ, и многихъ умершихъ ночью отправили при мнѣ на баркахъ на сѣверную сторону Севастополя. Больно смотрѣть и на врага обезображеннаго и поверженнаго, какъ трупъ непотребный.

Болѣе князь Меньшиковъ ничего не предпринималъ до прибытія еще 2-хъ дивизій 3 корпуса, которыя въ Перекопѣ. Непріятели также ничего болѣе не предпринимали, кромѣ продолжающагося бомбардированія, которое 25 числа и сегодня невыразимо люто. 25 числа весь день непріятели трудились надъ очищеніемъ своихъ позицій и поля битвы отъ мертвыхъ труповъ.

Надежда наша была и есть паче на Бога, нежели на силы человѣческія. Много и во всемъ винятъ князя. Оно правдоподобно; но Богъ вѣсть, можетъ быть и ошибаются. Всѣ въ восторгѣ отъ генерала Липранди, отъ котораго много ожидаютъ. Храбрый—онъ удивляется храбрости матросовъ: „видалъ я храбрыхъ, но такихъ солдатъ не видѣлъ.“ На 18 день вздумали было, для облегченія, смѣнить людей на 4 баталіонѣ, который наибольше терпитъ. Матросы отказались. Развѣ мы худо дѣйствовали 17 дней? отвѣчали они и остались при орудіяхъ.— Одному боцману, когда онъ наводилъ орудіе, оторвало ногу; онъ упалъ, но просилъ приподнять, чтобы навести и выпалить. Когда его просьбы не могли исполнить, то онъ, уже съ насиліемъ, кричитъ матросу: смотри же, Кузька (Кузьма), правѣе немножко, правѣе. А то смотри, я тебя откатаю.“ И не мало подобныхъ примѣровъ! Другой на непріятельской батареѣ, когда кругомъ кипитъ бой, чинитъ линькомъ [1]) матросу расправу за то, что не достало заклепокъ. Такую дисциплину можно найти только во флотѣ. Вѣрно, сильные на морѣ враги наши не подозрѣваютъ, что они имѣютъ дѣло съ тѣмъ же самымъ флотомъ, который, по ихъ словамъ, постыдно скрывается въ гаваняхъ; а корабли: Егудіилъ и Гавріилъ даже дѣйствительно

---

[1]) Линокъ—кусокъ довольно толстой веревки. Матросовъ наказывали линками, а не палками, какъ солдатъ.

участвуютъ въ отраженіи осады,—одинъ въ южной бухтѣ, а другой противъ Ушаковой балки. У непріятелей часто бываетъ остановка, по показанію плѣнныхъ, за недостаткомъ зарядовъ. Теперь въ виду Севастополя только 17 линейныхъ кораблей, большая часть, вѣроятно, пошла за разными запасами.

Великіе князья были на мѣстѣ сраженія, но въ дѣлѣ будто бы не принимали участія.

Объ о. Геронтіѣ и монастырѣ не имѣлъ болѣе никакихъ свѣдѣній. И то, что писалъ, знаю по слуху. Можетъ быть, что-нибудь и не такъ. Вода въ могилѣ Лазарева, полагаютъ, оказалась отъ дождя: ибо мѣсто это, вырытое для фундамента церкви, было года три открыто. А также отъ поливки цвѣтника, который былъ устроенъ на самой могилѣ. Между тѣмъ самая то могила, съ помощію пороха выбита въ плитномъ камнѣ, который и задерживаетъ воду.

Сейчасъ съ Сѣверной пришли съ вѣстію, что число потери нашей 24 окт. простирается до 5600 человѣкъ, и что раненымъ нѣтъ, наконецъ, въ нашемъ госпиталѣ и мѣста.

Воля Божія будетъ съ нами.

Все, что могу съ этою почтою написать. Остается испросить Вашего благословенія и молитвъ—единыхъ молитвъ во утѣшеніе.

26 окт. 1854 г., г. Севастополь.

Письмо 7-е.

Уже послалъ я на почту бумаги, какъ вслѣдъ затѣмъ узналъ, что великіе князья 24 числа дѣйствительно участвовали въ дѣлѣ, потому съ сіею же почтою спѣшу исправить невѣрную вѣсть о ихъ высочествахъ, будто бы они не были въ дѣлѣ. Подъ однимъ изъ нихъ даже ранена лошадь. Потомъ они были на Малаховомъ курганѣ, и едва только успѣли передать зрительную трубу кондуктору и нѣсколько отступить, какъ ядро лишило этого кондуктора ноги. Изъ сихъ же послѣднихъ устъ слышалъ, какъ всѣ въ войскѣ—отъ мала до велика—недовольны распоряженіями князя Меншикова. Гласъ народа—гласъ Божій. И нельзя въ семъ гласѣ не признать истины; Липранди же

въ своей опасной позиціи, кажется, предоставленъ самому себѣ. Много разныхъ толковъ, но ни одного въ пользу нашего главнокомандующаго. Пока стоятъ у орудій безстрашные матросы, наша защита благонадежна. Но еще недѣли двѣ, и ихъ всѣхъ можно извести. Или Господу угодно явить силу свою уже въ нашей немощи?! Приходятъ всякія мысли и погрѣшительныя помышленія, когда прислушаешься къ толкамъ человѣческимъ.

Еще вспомнилъ доброе слово о нашихъ морякахъ плѣннаго капитана англійскаго: „если бы у насъ были такіе артилеристы, мы бы давно срыли ваши укрѣпленія".

О. Николай Сиземскій священникъ уже отправился сегодня въ Симферополь навѣстить свое семейство. Въ домѣ, гдѣ оно тамъ остановилось, былъ холерный случай, что его и обезпокоило. Нѣтъ ли гдѣ для него мѣста? Ибо едвали въ Евпаторіи скоро будетъ для духовенства кусокъ хлѣба, хотя бы и выгнали оттуда турокъ. Естественнѣе ожидать теперь въ Крыму всякой нужды.

Сейчасъ пріѣхалъ изъ скита о. Василій іеромонахъ, и пакетъ отъ него посылаю по своей книгѣ. Церковь его пока стоитъ (въ Херсонесѣ).

26 октября 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 8-е.

Отъ 26 октября, отъ котораго я имѣлъ честь писать вамъ, по настоящій день положеніе наше не измѣнилось ни къ лучшему, ни (и за сіе Богу благодареніе) къ худшему. Бомбардированіе продолжается съ прежнимъ вредомъ для города, потерею людей и непрестающимъ ужасомъ. Князь Меншиковъ ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ бы, еслибъ она узнала ихъ. Эта непонятная таинственность и бывшіе опыты неудачи тягостное производятъ вліяніе на всѣхъ, а главное на армію, которая крайне не расположена къ своему главнокомандующему. Одно присутствіе великихъ князей ободряетъ и утѣшаетъ войско: они, какъ ангелы для больныхъ и раненыхъ, о коихъ прилагаютъ всевозможное попеченіе.

27 октября вечеромъ прислано намъ утѣшеніе и отъ царицы матери. Съ флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ она прислала икону Христа Спасителя, чтобы поставить оную въ Николаевской батареѣ. Будучи приглашенъ губернаторомъ, я принялъ оную и передалъ въ Михайловскую церковь, оттуда, 28 октября въ 7 часовъ утра, съ церковною процессіею и военнымъ парадомъ отнесена высочайше пожалованная икона въ Николаевскую батарею, на площади которой былъ соборнѣ отслуженъ молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты. Всѣ потомъ прикладывались къ иконѣ при окропленіи св. водою. Икона поставлена на внѣшней сторонѣ батареи лицомъ къ городу. По окончаніи молебствія флигель-адъютантъ передалъ мнѣ, что великимъ князьямъ угодно, чтобы вечеромъ въ 6 часовъ, когда смолкнетъ бомбардировка, икона сія была однимъ изъ священниковъ обнесена по всѣмъ бастіонамъ, что губернаторомъ возложено на одного изъ священниковъ военнаго собора и дежурнаго штабъ-офицера. Послѣдняя молитва наша была видимо единодушною и теплою молитвою: довольно было взглянуть на положеніе и лица всѣхъ присутствовавшихъ на обширной площади. Я счелъ долгомъ представить вамъ сказанную мною при этомъ случаѣ рѣчь не потому, чтобы я находилъ въ ней что-либо достойное вашего вниманія (я даже со страхомъ посылаю), а единственно потому, чтобы дать понятіе о богобоязненномъ и истинно христіанскомъ настроеніи душъ въ темномъ Севастополѣ [1]). Эта рѣчь, которую я рѣшился говорить только по требованію настоящаго времени, исторгла слезы у многихъ, начиная съ губернатора и коменданта. Сердце, умягченное страшнымъ млатомъ Божіимъ, дѣлается чувствительнымъ къ самому слабому прикосновенію. Чрезъ часъ, не знаю, для какой надобности, губернаторъ запиской просилъ у меня этой рѣчи, и я отдалъ.—27 числа ударомъ бомбы выбило въ моей церкви колонну съ западной стороны противъ входа въ церковь, но церковь еще цѣла, и служеніе продолжается, безъ измѣненія даже часовъ богослуженія.

---

[1]) Рѣчь преосвященнымъ Иннокентіемъ отдана въ печать и напечатана въ „Одесскомъ Вѣстникѣ".

Вечеромъ 28 октября прибылъ въ Севастополь преосвященный *Поликарпъ*. Онъ у меня ночевалъ и сегодня намѣренъ отправиться обратно въ Бакчисарай, откуда самъ будетъ писать вашему высокопреосвященству. У насъ дожди и, вѣроятно, они мѣшаютъ новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ главнокомандующаго.

29-е октября 1854 г., г. Севастополь.

Письмо 9-е.

Благодареніе Богу, Севастополь стоитъ. Уже исполнилось 28 дней безпримѣрнаго бомбардированія. Мужественнымъ защитникамъ, оставшимся въ живыхъ, уже безъ представленій, по ясному статуту слѣдуютъ Георгіевскіе кресты. Но не о наградахъ теперь думаютъ сами достойные наградъ. У всѣхъ одно чувство, что насъ защищаетъ Господь, и одно желаніе—продолженіе сей великой милости. Удивительное въ этомъ отношеніи теперь единомысліе. Благодареніе Богу, оно ведетъ всѣхъ къ усердной молитвѣ и твердой надеждѣ, что Богъ насъ не оставитъ.

Князь Меншиковъ (не знаю какимъ образомъ) узналъ, что у непріятелей былъ уже совѣтъ, не оставить ли Севастополь и убираться во свояси, что весь флотъ того мнѣнія, что пора убираться домой; но что сухопутные въ этомъ мнѣніи раздѣлились. Въ случаѣ отступленія непріятелей, наши войска не упустятъ нанести имъ большое пораженіе, а всѣ редуты, ими устренные, останутся въ нашихъ рукахъ и будутъ готовыми лучшими укрѣпленіями (непріятели такъ укрѣпились и такъ расположили свои редуты, что ихъ столь же трудно оттуда выбить, какъ и взять имъ Севастополь) противъ будущихъ ихъ вторженій, если это возможно будетъ. Впрочемъ, поелику нельзя имъ возвратиться восвояси, не попытавшись по крайней мѣрѣ на штурмъ (иначе будутъ безотвѣтны), то мы еще ожидаемъ штурма. И вотъ 31 окт., въ 5 ч. вечера, едва только смерклось, мы уже было подумали, что на насъ идутъ штурмомъ. Вдругъ съ нашихъ батарей отъ южной бухты до послѣдняго бастіона, что противъ Херсонеса, открылась сильная канонада. При темнотѣ

наступившей ночи сверкающіе огни съ громомъ выстрѣловъ представляли ужасную картину и страшно увеличивали дѣйствительный страхъ, огненными шарами и зміями понеслись по городу непріятельскія бомбы и ракеты. Наши ракеты и барабанный бой, повсюду раздававшійся, возвѣстилъ тревогу. Движеніе войскъ по улицамъ и звонъ оружія болѣе еще удостовѣрили въ угрожающей опасности. Между тѣмъ съ стрѣльбой пушечной слилась ружейная—штуцерная, свидѣтельствовавшая уже о большей близости непріятелей. Къ утѣшенію, внезапно постигшій насъ ужасъ постепенно началъ стихать и продолжался не болѣе часу. Утромъ узнали, что мы были только въ опасности штурма, еслибы непріятели, бросившіеся на 4-й и 6-й бастіоны, не были во время замѣчены. Нѣсколько ихъ человѣкъ, проникшихъ въ батареи, схвачены, и одинъ капитанъ контуженъ. 1-го ноября захваченные плѣнные и нѣсколько человѣкъ передавшихся показали, что у непріятелей большая смертность и недостатокъ въ довольствіи какъ для людей, такъ особенно для лошадей, которыя спали съ тѣла и почти неспособны къ службѣ. Англійскій офицеръ показываетъ, что у нихъ, т. е. англичанъ, каждый человѣкъ потерялъ уже 28 фунтовъ вѣсу.

У насъ постоянно то дождь, то сильный вѣтеръ. Но сегодня, послѣ тихой ночи, съ ранняго утра такая поднялась непогода, въ которой нельзя уже не видѣть гнѣва Божія на нечестіе враговъ нашихъ. Вѣтеръ западный—самый опасный для непріятельскаго флота въ настоящей его стоянкѣ. Уже дано знать, что нѣсколько купеческихъ судовъ на мели. Съ кораблями, страшно посмотрѣть, что съ ними дѣлается. Морскіе офицеры полагаютъ, что этотъ вѣтеръ долженъ перейти въ сѣверо-восточный, что еще гибельнѣе. Между тѣмъ и намъ самимъ много вреда приноситъ этотъ вѣтеръ. На казармахъ и магазинахъ мало гдѣ осталось желѣза. Тоже и на частныхъ домахъ, стоящихъ на возвышенности. Черепица съ домовъ такъ летитъ, что опасно по улицѣ проходить. Съ церкви нашей сорвало крестъ съ пьедесталомъ и половину желѣза кровельнаго. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать съ крышею. А потолокъ ненадеженъ—лѣпной; пойдетъ дождь, и онъ обвалится. Денегъ въ

кошелькѣ нѣтъ. Да и съ деньгами теперь трудно предпринять что либо. Уповаемъ, что если Господь не пошлетъ на насъ искушеній большихъ, то, можетъ быть, горю нашему съ наступленіемъ зимы будетъ и облегченіе.

Греческій календарь въ послѣдней четверти сего мѣсяца полагаетъ удаленіе флота, побѣду надъ западомъ и смерть одного Государя, которая будетъ радостною вѣстію.

Въ воскресенье Великіе Князья съ княземъ Меншиковымъ были въ городѣ для слушанія литургіи въ Михайловской церкви, безъ всякаго о томъ предваренія, даже приказано было сказать, что одинъ генералъ-адъютантъ желаетъ быть въ обѣдни въ 9 часовъ. Пронесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ Государь Императоръ и что будто уже въ Кіевѣ.

2 ноября 1854 г., г. Севастополь.

Письмо 10-е.

Я писалъ вамъ отъ 2 ноября, извѣщая, что въ этотъ день была у насъ сильная буря. Она почти не стихала и ночью, а море взволнованное едва утихло чрезъ два дня. На другой день утромъ узнали, что 10 непріятельскихъ судовъ выброшено къ Бельбеку и 4 къ Херсонесу. Все это суда транспортныя, но есть и большіе два фрегата. На одномъ былъ дессантъ гусаръ. Плѣнные показываютъ, что они вновь привезенные, а м. б. и возвращавшіеся восвояси. Ибо вновь приходящихъ судовъ не было замѣчено. Но какіе бы они ни были, уже не существуютъ. Съ берега былъ поданъ имъ канатъ, по которому можно было спасаться. Вольные матросы (суда купеческіе) спасались, а гусары предпочли броситься на катера, спущенные съ ихъ кораблей. Катера разбились объ фрегатъ и гусары погибли. Другой разъ завести канатъ не было никакой возможности. Спасшихся матросовъ до 60 человѣкъ: всѣ они въ сѣверномъ нашемъ укрѣпленіи. На Бельбекъ много выброшено всякаго грузу. Наши войска, тамъ находящіяся, грѣются непріятельскимъ ромомъ. Въ Евпаторіи, говорятъ, выброшено 28 судовъ. Хотя это весьма вѣроятно (ибо тамъ ни откуда не могло быть защиты), но еще не совсѣмъ достовѣрно.

Сегодня въ 7 ч. утра въ Михайловской [1]) церкви, въ присутствіи войска (по 1 человѣку отъ взвода), по желанію великихъ князей и распоряженію начальства, было отслужено благодарственное молебствіе по случаю благоуспѣшнаго отраженія мѣсячной осады. Объ этомъ распоряженіи я узналъ случайно, когда уже молебствіе было отслужено, при которомъ впрочемъ великіе князя и князь Меньшиковъ не были. Послѣ обѣдни и мы отслужили по этому случаю благодарственный молебенъ.

Плѣнные, кои каждый почти день сами прибѣгаютъ, показываютъ, что непріятели наши намѣрены идти на штурмъ Севастополя. Это очень вѣроятно: ибо ничего болѣе не остается кромѣ попытки на штурмъ и постыднаго возвращенія восвояси. Генералу Липранди посланы орудія и мортиры для бомбардированія Балаклавы, чтобы, если возможно, зажечь непріятельскій флотъ, тамъ стоящій.—Сегодня нѣтъ ли у непріятелей совѣта: ибо море затихло, и адмиралы могутъ съѣхать для совѣщанія съ сухопутными.

Съ нашей стороны, кромѣ готовности къ отраженію штурма, ничего не будутъ предпринимать. Ибо непріятель сильно укрѣпился и на тѣхъ двухъ пунктахъ, которые были болѣе удобны къ нашему нападенію и которые мы открыли сами безуспѣшнымъ покушеніемъ. Обвиняютъ князя (да въ чемъ его не обвиняютъ?), что онъ не двинулся на непріятеля одновременно съ генераломъ Липранди, отнявшимъ 4 редута. Для усиленія гарнизона, сегодня съ сѣверной стороны переходятъ въ городъ еще два полка. Штурма ожидаютъ на 4-й бастіонъ, что противъ монастырской дороги.

О монастырѣ и объ о. Геронтіѣ ничего новаго не знаю.

3 ноября при усиленной бомбардировкѣ, направленной въ городъ, одна бомба попала и въ самую церковь мою. Это случилось въ 2 часа. Я стоялъ подъ колонадой [2]) и самъ былъ свидѣтелемъ удара и взрыва. Къ счастію, пробивъ крышу, она ударилась не въ потолокъ, который легко могъ весь обрушиться,

---

[1]) Адмиралтейской.

[2]) Петро-Павловская церковь, имѣющая видъ греческаго храма Тезея, обставлена со всѣхъ 4 сторонъ колоннами.

а въ стѣну, по ребру ея; разрѣшилась минуты чрезъ двѣ слабо такъ, что отъ взрыва еще меньше поврежденія. Въ двухъ мѣстахъ отскочила щекатурка и лѣпныя украшенія потолка, осколки же бомбы остались на чердакѣ. Въ ту же минуту я послалъ людей съ водою (ибо поднялся большой дымъ), но тушить было нечего, дымъ былъ только отъ пороху. Осколки бомбы, равно какъ и всѣ залетающіе на церковный дворъ гостинцы, я берегу на память.

Рѣчь, которою вы напутствовали шедшія къ намъ войска, я передалъ (въ присланныхъ вами экземплярахъ) лицамъ, чрезъ которыя она можетъ послужить и для другихъ такимъ же одушевленіемъ на св. брань.

5 ноября 1854 г. г. Севастополь,

Письмо 11-е.

Ваше отеческое посланіе отъ 2 ноября я получилъ только 8 нояб. вечеромъ и симъ теперь обыкновеннымъ замедленіемъ почти я объясняю мое мнимое молчаніе. Ибо я пишу вамъ каждую почту, напр. отъ 19, 22, 26, 29 окт., 2 и 5 ноября, и пишу всегда въ казенномъ пакетѣ.

О 24 числѣ, дѣйствительно страшномъ, я уже писалъ вамъ; и доселѣ толки объ этомъ весьма безуспѣшномъ дѣлѣ идутъ. Всѣ винятъ единогласно князя Меншикова, который не объявляетъ своего плана и тогда, когда ведетъ войска въ дѣло. Князь недоволенъ будто бы генераломъ Даненбергомъ, всѣ генералы—штабомъ главнокомандующаго. Наконецъ, противъ воли князя, дали ему въ начальники штаба генерала Семякина[1]), вмѣсто полковника Вунша, не имѣющаго никакихъ свѣдѣній для такой важной должности. Наприм. генералъ Баумгартенъ получилъ только 25-го утромъ бумагу о назначеніи его въ подкрѣпленіе баталіонамъ, дѣлавшимъ 24-го ч. вылазку на Херсонескую землю. Вообще дѣйствія главнокомандующаго подлежатъ справедливымъ нареканіямъ отъ генерала до солдатъ, даже отъ непріятелей, ко-

---

[1]) Послѣ войны К. Р. Семякинъ состоялъ помощникомъ командующаго кіев. военнаго округа, скончался въ званіи командующаго казанскимъ воен. округомъ.

торые удивляются, въ рускомъ войскѣ видятъ новую тактику— бѣглое отступленіе. Даненбергъ стоитъ на Бальбекѣ, генералъ Жабокрицкій надъ Инкерманомъ, а Липранди въ Комарахъ [1]). Движеній впередъ никакихъ. Ожидаютъ, что покажетъ время; и дѣйствительно послѣднее время или справедливѣе самъ Господь въ послѣднее время даровалъ намъ болѣе успѣха надъ непріятелями, чѣмъ мы могли нанести имъ и при всемъ усиліи. Это буря 2 нояб., о которой я уже писалъ вамъ. Въ Евпаторіи выброшено, кромѣ купеческихъ судовъ, 2 корабля, на которыхъ былъ большой запасъ пороху и денегъ. Стараются тѣмъ и другимъ воспользоваться. Замѣчено крушеніе въ самой балаклавской бухтѣ, происшедшее отъ самой тѣсноты бухты. Въ Ѳеодосіи одинъ шкиперъ подъ присягой показалъ, что у Босфора выброшено разныхъ судовъ съ непріятельскимъ грузомъ и дессантомъ до 60. Видимо, Господь намъ споборaетъ.

6 уже дней, какъ мы свободны отъ бомбардировки. Бываетъ нерѣдко пальба, но больше съ нашей стороны, и чаще штуцерская. Ожидаемъ, какъ опять показываютъ новые плѣнные, штурма, еще чрезъ 8 дней, т. е. 14-го или 15 ноября.

Непріятели перевозятъ большія орудія въ Балаклаву и ставятъ меньшія, иныя зарываютъ въ землю. Это замѣчено за агличанами; что дѣлаютъ французы, неудобно видѣть.

Въ числѣ передававшихся есть одинъ патеръ, также побужденный къ побѣгу скудостію довольствія.

Великіе князя имѣютъ пребываніе на сѣверной, въ одной хаткѣ при укрѣпленіи № 4. Въ городѣ бываютъ только въ воскресные дни къ литургіи въ Михайлов. церкви, болѣе или совершенно безопасной отъ выстрѣловъ. На бастіоны князь Меншиковъ ихъ не пускаетъ. За посѣщеніе Малахова Кургана ими много обезпокоился.

Смиреннѣйше благодарю отъ себя и отъ другихъ священниковъ за милостивое ваше вниманіе къ нашимъ въ настоящее время

[1]) Греч. деревнѣ, не далеко отъ г. Балаклавы.

трудамъ. Наипаче просимъ вашихъ св. молитвъ, да возможемъ добрѣ скончати прискорбное наше поприще.

Церковь я успѣлъ покрыть снова.

9 ноября 1854 г., г. Севастополь.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ [1].

IV.

Въ первой да отчасти и во второй половинѣ XVIII столѣтія бурсаки кіевской академіи не получали отъ своей *alma mater* почти никакихъ средствъ на свое содержаніе, а потому въ матеріальномъ отношеніи являлись въ полномъ смыслѣ слова „нищетною братіею“ [2]).

Эта „нищетная братія“, часто терпѣвшая холодъ и мучительный голодъ, *по необходимости* прибѣгала ко всѣмъ возможнымъ способамъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей...

Обыкновенно бурсаки питались „прошеннимъ хлѣбомъ“ [3]). Наступала голодная минута—и они, компаніею или въ одиночку, отправлялись по кіевскимъ улицамъ собирать доброхотныя даянія городскихъ обывателей. Желая ли, хоть нѣсколько, усыпить свою юношескую стыдливость (можно себѣ представить, сколько моральныхъ терзаній переживали крохоборцы-бурсаки, сами горько чувствовавшіе, какъ „не любо“ и чрезвычайно „досадно“ быть „общимы просителями“ и „слити прошаками“ [4]), или желая возбуждать въ благотворителяхъ большее сочувствіе къ себѣ, бурсаки во время такихъ хожденій „спѣвали,“ для

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1896 г. № 1.

[2]) Такъ называли себя даже сами бурсаки и при томъ въ оффиціальныхъ случаяхъ. См., напр., прошеніе бурсацкаго сеніора Николая Загайкевича къ митр. Тимоѳею Щербацкому 28 февр. 1749 г. (Арх. Кіев. Дух. Конс. д. 1739 г. № 61).

[3]) Ibid.

[4]) Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб. № 487, л. 85—86: Praxis 1, qua academic Kijovienses sua egestate pressi ex consueto more... petunt sibi eleemosinam.

услажденія слуха своихъ кормителей, духовные канты, а подъ часъ и свѣтскія пѣсни. (Отсюда „спѣвать“ и „просить“ [1]), на языкѣ тогдашней бурсы были синонимами). Разумѣется, видъ голодныхъ бурсаковъ поющими былъ полонъ самаго грустнаго комизма. И у однихъ онъ вызывалъ глубокое состраданіе къ „спѣвателямъ,“ а у другихъ ядовитыя насмѣшки и даже жестокія издѣвательства надъ ними, такъ что порою „спѣватели“ награждались не хлѣбомъ, а щедрыми побоями.

Вотъ и примѣръ такого рода.

Перваго іюля 1754 года бурсакъ Константинъ Ильнѣцкій, „по нуждѣ общей бурсацкой“, въ девятомъ часу вечера, отправился, *„какъ водится обикновенно,* для препитанія своего спѣвать“ въ свято-Васильевскій приходъ. Только онъ остановился предъ воротами одного дома, къ нему подошелъ настоятель Васильевской церкви свящ. о. Павелъ Лобко и „заманилъ“ его къ себѣ, въ свой домъ.

„Что ты? Откуда? Зачимъ по улицамъ бродишь?“ началъ торопливо разспрашивать тутъ о. Павелъ у Ильнѣцкаго...

— „Я изъ бурси... и спѣвать по нуждѣ зашелъ“, скромно отвѣчалъ голодный бурсакъ...

Не вступая въ дальнѣйшій разговоръ, о. Павелъ вывелъ Ильнѣцкаго изъ дому на дворъ, созвалъ сюда людей и велѣлъ кузнецу сейчасъ же „къ колодѣ въ хлѣвѣ вкругъ оковать“ ни въ чемъ невиннаго студента... Пока кузнецъ собирался приступить къ любопытной работѣ, о. Лобко выходилъ изъ себя и принялся попавшагося крохоборца угощать „плѣттю“ своими руками. „Безъ милости, сколко звѣрояростной натурѣ доволно стать могло“, хлесталъ онъ свою жертву!...

„Я имѣю опредѣленіе отъ Ея Імператорскаго Величества такихъ волочащихся допрашивать, а допросивъ въ Москву отсилать!..“ вопилъ при этомъ разъяренный о. Лобко, давая понять, что расправляется такъ жестоко съ Ильнѣцкимъ потому, что считаетъ его бродягой.

---

[1]) Иначе: „мирковать“.

Наконецъ, разбранивъ всѣхъ („какъ болшихъ и меншихъ академѣковъ") студентовъ и утомившись сѣченіемъ Ильнѣцкаго, о. Павелъ вручилъ его двумъ человѣкамъ „чрезъ ночь берегти" въ хлѣвѣ...

Ильнѣцкій уже забылъ про свой голодъ и помышлялъ лишь о томъ, какъ бы ему „болшой обиди и повреждения здравія" не учинили.

Кузнецъ приковалъ его „ланцугомъ" къ какой-то колодѣ въ хлѣву и, иронически пожелавъ ему покойной ночи, ушелъ. Два тѣлохранителя, явившіеся въ хлѣвъ помочь Ильнѣцкому скоротать ночь, посмѣялись надъ „спѣвателемъ", издававшимъ лишь стоны и вздохи, и улеглись спать... Скоро, къ двѣнадцати часамъ, отъ нихъ послышался уже сильный храпъ... и Ильнѣцкій рѣшилъ бѣжать.

Быстро оторвалъ онъ отъ колоды плотно охватывавшій его „ланцугъ" и съ нимъ, какъ „наложнымъ свидѣтельствомъ повреждения здравія" своего, умчался въ бурсу.

На другой день онъ пожаловался префекту Давиду Нащинскому; префектъ отъ себя препроводилъ его жалобу въ Духовную Консисторію; Консисторія 4-го іюля произвела, въ присутствіи студентовъ Андрея Ветлѣнскаго—философа и Георгія Васильковича—піиты, „обдукцію, при чемъ оказалось, что у Ильнѣцкаго „отъ ланцужного кованія вкругъ поясница чирвоноватая, и по нѣкіимъ мѣстамъ три смуги отъ биття канчукомъ произшедшіи", и... этимъ, кажется, дѣло было покончено.

Вотъ что иногда доставалось бѣднымъ бурсакамъ „спѣвателямъ!" И если съ ними поступали такъ священники [1]), ко-

---

[1]) Очень можетъ быть, что о. Лобко въ данномъ отношеніи былъ исключеніемъ, какъ человѣкъ вообще враждебно настроенный противъ академической корпораціи... Отъ него доставалось не только студентамъ, но и профессорамъ. Напр., въ 1767 г. учитель инфимы монахъ Леонтій не перевелъ инфимиста Ѳедора Стефановича, состоявшаго *служителемъ* у о. Павла, въ грамматическій классъ... О. Павелъ послалъ къ о. Леонтію своего сына узнать о причинахъ такой „непромоціи" Стефановича. О. Леонтій объяснилъ, что Стефановичъ—ученикъ „гнусный, лѣнивъ, ничего не знаетъ и не своимъ раченіемъ слагалъ ексерциціи", а потому и не переведенъ въ слѣдующую „школу". Для о. Павла этого и довольно было: онъ написалъ сейчасъ же строгому педагогу такое письмо:

торые съ большимъ, чѣмъ кто-либо другой, сочувствіемъ должны были относиться къ голодающимъ искателямъ свѣта науки, то почему же другіе не могли продѣлывать со студентами подобныхъ безцеремонныхъ сценъ?!...

„Я признаю обиду и насмѣяніе надъ домомъ моимъ въ непромоціи въ домѣ моемъ находящагося Федора Стефановича въ грамматику отъ Вашего Высокопреподобія. Чтожъ вы изволите по посылкѣ сина моего объявлять, что онъ якоби гнусній, лѣнивъ и ничего не знаетъ и якобы не своимъ раченіемъ слагалъ ексерциціи, что якобы нами и приусмотривано, однакъ сіе извиненіе не ко оправданію вашему слѣдуетъ но къ большей улѣки, потому что вамъ дана власть наблюдать того, и если онъ таковъ былъ, похвалы ему подписивать не слѣдовало ничего, и если такъ, то отъ васъ ему подалась причина быть спорченну въ ученіи, кромѣ же того и ексаминалная окупація и версіо лукуцій ко оправданію же его будетъ, да и естли съ нимъ не здѣлаетъся респекту въ грамматику, принужденъ буду просить у вышшей команди снимъ апробаціи, однакъ зазрително будетъ. Чего какъ съ моей стороны такъ и съ вашей не желаючи въ безпокой, слагаючись на ваше ко мнѣ благоволеніе, что онъ по сему не будетъ въ промоціи оставленъ, а я за благоучинность вашу при всегдашнемъ почитаніи останусь таковымъ“ (подпись).

Профессоръ, къ удивленію, перевелъ Стефановича послѣ такого письма въ грамматику!

Въ новомъ классѣ Стефановичу, всегда занятому работами для о. Лобко, приходилось бывать рѣдко.. Учитель, не видя его на лекціяхъ очень давно, и желая знать, почему онъ не является, послалъ за нимъ. О. Павелъ не позволилъ Стефановичу пойти къ учителю, но съ бранью и угрозами прогналъ посланнаго за нимъ и написалъ еще такое дерзкое письмо самому учителю:

„Дому моего служитель свободенъ учиться и не учиться, якожъ онъ не поповской ниже причетнической синъ, а на домъ мой висилать нахалъ есть противоправно, ибо и я въ случаи чимъ либо не погрѣшилъ, а кромѣ того онъ мой служителъ ученіе свое *по препорціи его ума* въ домѣ моемъ проходитъ, а не какъ у васъ сискуетъся (взыскивается) пеней чрезъвичайно, тако окупаціи и эксерциціи безъизяснително. Въ семъ прошу на мене не гнѣваться и мене въ пріязни своей содержать и къ случаю какому-либо не привесть, ибо я вашей пречестности одолжаюсь невсегда неотмѣнимъ пребить тако“ (подпись).

Но профессоръ грамматики былъ не тотъ, что инфимы. Онъ попытался о. Павла „привесть къ случаю“, отдавъ его письмо, какъ пасквиль, префекту, и разсказалъ о поводѣ къ такому письму... Теперь поднялся духомъ и учитель инфимы, и онъ разсказалъ префекту о своемъ столкновеніи съ о. Павломъ. Префектъ, взявъ оба письма о. Павла, препроводилъ копіи съ нихъ Кіево-Подольскому протопопу, прося успокоить о. Лобка въ его дѣйствіяхъ „въ обиду академіи“.

V.

Рыская въ голодныя минуты по городскимъ улицамъ съ протянутыми руками и унылымъ „спѣваньемъ" и иногда ничего почти не получая, кромѣ обидныхъ насмѣшекъ и грубой брани (ежедневное навязчивое попрошайничество голодныхъ бурсацкихъ ватагъ едва-ли было по душѣ малодостаточнымъ изъ кіевскихъ обывателей), бурсаки, чтобы какъ-нибудь утолить свой голодъ, *волей-неволей* прибѣгали къ *воровству*. Отъ нихъ въ этомъ случаѣ временами не отставали и сотоварищи, ютившіеся по церковно-приходскимъ школамъ, у которыхъ (хотя матеріальный бытъ ихъ въ общемъ и былъ сравнительно лучше бурсацкаго) порой тоже не ставало хлѣба съ водой. Академическое начальство смотрѣло на такіе подвиги студентовъ, кажется, довольно снисходительно, вѣроятно, въ той успокоительной мысли, что безъ этого, дѣйствительно, нечѣмъ иной разъ прокормиться голодающему труженику науки [1]). (Впрочемъ, если студентъ воровалъ у студента же или вобще неосмотрительно, не умѣя „скрыть концы въ воду", то „по обикновенію академѣйскому" онъ бывалъ „нещадно" наказываемъ „подъ оглашеніемъ звонка школного" и „выексклюдовываемъ" изъ святилища науки). И воровское ремесло у студентовъ чуть ли не возведено было въ систему, поставлявшую особенно пріятнымъ обыкновеніемъ „ночную добу", связанную съ разнообразными похожденіями и... разбойническими приключеніями. Не даромъ одинъ московскій старецъ, проѣзжавшій въ 1701 году чрезъ Кіевъ въ Іерусалимъ, только и сказалъ о студентахъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ очень много,—попущено имъ отъ митрополита (!?). Когда имъ кто понадокучитъ, тогда, пришедши ночью да укокошаютъ хозяина, а съ двора корову или овцу

---

[1]) Заключаемъ такъ по тому спокойному тону, съ какимъ ректоръ академіи архим. Давидъ Нащинскій (въ своемъ доношеніи митроп. Тимоѳею Щербацкому въ 1757 г.) замѣчалъ о гибельности бурсацкихъ „запазухъ" для „живности" Братскаго монастыря. См. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21.

сволокутъ; нѣтъ на нихъ суда! Скаредно сильно очень попущено воровать, пуще московскихъ солдатъ"... [1]).

Правда, 8-го декабря 1769 года Кіевская духовная консисторія особымъ указомъ запретила, „чтобъ какъ кіевской академіи студенты, такъ и приходскихъ церквей живущіе по школамъ школники въ ночное время не шатались и дракъ и другихъ безпорядковъ не чинили" [2]).

VI.

Постоянный гнетъ матеріальной нужды, отсюда ежедневная необходимость всячески (честнымъ и безчестнымъ путемъ) промышлять о кускѣ насущнаго хлѣба, не особенно манили бѣдныхъ студентовъ селиться въ бурсѣ и приходскихъ школахъ. Многіе предпочитали для спокойнаго препитанія въ дни своего академическаго образованія служить у кого-нибудь... И нужно замѣтить, въ выборѣ себѣ службы студенты не разбирали, будучи готовыми исполнить самыя черныя работы. Такъ, въ 1733 году риторъ Романъ Антоновичъ у священника Якова Жураковскаго „гной возилъ, коны пасъ, дрова рубилъ, коляску погонялъ" [3]).

---

[1]) См. Описаніе Кіева Ник. Закревскаго. Москва. 1868. стр. 78; срав. Лилеевъ Опис. рукописей, принадл. библ, Черниговск. Дух. Семин. № 266, стр. 179—180.

[2]) Этотъ указъ былъ вызванъ просьбою кіевскаго генералъ губернатора Θедора Воейкова къ митр. Арсенію Могилянскому сдѣлать распоряженіе, чтобы студенты не шатались по ночамъ (30 ноября 1769 г.), потому что онъ—генералъ губернаторъ (по доносу генералъ-поручика фонъ-Сиверса, что на Подолѣ 21 и 23 ноября „воинскихъ чиновъ два тѣла убитыхъ и безчеловѣчно ободранныхъ найдено, а къ тому же и въ бои почти до смерти" одного солдата подольскимъ мѣщаниномъ съ школьниками Царе-Константиновской церкви) „къ крайнему огорченію .. не безсумнительства состоитъ" на студентовъ кіевской академіи, „что по ночамъ шатаютца".

[3]) Такую низкую службу и нѣсколько лѣтъ нёсъ Антоновичъ у Жураковскаго, своего шурина, получившаго за его сестрою Притискую парохію, и (предъ женитьбою) „до школъ" и „до совершенного возраста всякіе потребности до наукъ надлежащіе давать ему"!.. И съ своею участью, какъ „наймита", Антоновичъ, быть можетъ, еще и мирился бы, если бы Жураковскій давалъ ему „на папѣръ" и на одежду приличную ритору, а главное, если бы не ругалъ всегда и не выгонялъ, наконецъ, совсѣмъ изъ двора... Тутъ уже терпѣніе Антоновича лопнуло: онъ затѣялъ съ Жураковскимъ судебный процессъ. Хотя на слѣдствіи Жураковскій давалъ показанія не въ пользу Антоновича. („Живя при мнѣ, говорилъ Жураковскій, Антоновичъ уходилъ

Конечно, независимо отъ рода работъ, служба часто несла студентамъ много разныхъ невзгодъ. Однѣ изъ нихъ создавались тѣми столкновеніями, въ какія поставляла служба, другія же навлекались и ими самими. Напримѣръ.

Въ 1750 году риторъ Антоній Гонтковскій жилъ у ключника Братскаго монастыря іеродіакона Кирилла, „послуговуя ему, дабы за то имѣть при ученіи... препитаніе". 18-го октября въ обѣденный часъ архимандритъ Братскаго монастыря (онъ же и ректоръ академіи) Сильвестръ Ляскоронскій послалъ къ ключнику своего служителя Дороша за пивомъ и медомъ для стола... Ключника въ это время не было дома, почему Гонтковскій отправился въ ледникъ съ Дорошемъ и „наточилъ въ двѣ коновки пива и меду"... Дорошъ началъ просить у Гонтковскаго и себѣ выпить меду. Гонтковскій, уже не разъ получавшій приказаніе „не упоявать Дороша", не далъ ему, говоря: „я тебѣ не силенъ дать". Дорошъ „самъ вхватя вѣдерко мѣдное зъ медомъ", сталъ пить... Гонтковскій у него отнимать..., а Дорошъ „тѣмъ мѣднымъ вѣдромъ" такъ хватилъ его по головѣ, что онъ и *„въ недоумѣніи сталъ* (sic!): изъ головы хлынула кровь!..

Гонтковскій, весь въ крови, примчался къ префекту академіи Георгію Кониccкому, прося его ходатайства предъ рек-

---

куда хотѣлъ, часто дома не ночевалъ, къ обѣду иной разъ являлся вечеромъ; когда я начиналъ его за это наказывать, онъ грубо отвѣчалъ: „волно мнѣ куда хотя ходити, тобѣ дѣла нема!; „люлку" тягнулъ въ моемъ домѣ „на прикростъ" мнѣ и домашнимъ, и т. п.. Изъ своего дому его я не выгонялъ, но онъ самъ ушелъ въ (Притискую) школу, и здѣсь „самоволно великіе роспусти и своеволѣ дѣлаетъ, по ночахъ зъ школниками ходячи и упиваючися... для которихъ своеволѣ и школи (академія) оставилъ, отъ самой средопостной недѣлѣ до школъ не ходитъ (а показаніе Жураковскій давалъ 1-го мая)... „не хочетъ учитися", а между тѣмъ „не контентовался такими сукнами, якие я по возможности своей справляю ему"), однако Консисторія въ виду обязательства Жураковскаго предъ женитьбою его на сестрѣ Антоновича, предписала, чтобы онъ съ риторомъ Антоновичемъ обходился лучше и чтобы, „понеже Антоновичъ приходитъ въ совершенный возрастъ и уже въ науцѣ реторики... старался о немъ суконками добрими, *чтобы его Антоновича люде стали узнавать*". Послѣднее довольно характерно!

Этотъ риторъ Антоновичъ, кажется, былъ позже священникомъ при Притиской церкви и въ 1741 г. заявилъ себя сильнымъ антоганизмомъ съ тѣмъ же Жураковскій по поводу поселенія студентовъ въ Притиской школѣ.

торомъ „за обиду и увѣчче“. Конисскій сейчасъ же съ нимъ вмѣстѣ отправился къ архимандриту Ляскоронскому. Что говорилъ Ляскоронскій Конисскому, не знаемъ; только Конисскій, вышедши изъ его келіи, посѣтовалъ остававшему въ прихожей Гонтковскому „отходить въ бурсу“, потому что ректоръ „его—изувѣченного винитъ“ [1]).

VII.

Въ 1753 году синтаксистъ Петръ Тросцянецкій состоялъ „въ службѣ“ у священника Кіево-Подольской Воскресенской церкви Стефана Шпанскаго. Шпанскій былъ человѣкъ достаточный и имѣлъ даже собственный хуторъ. 14-го августа по какой-то надобности онъ отправилъ въ этотъ хуторъ Тросцянецкаго („на возку едною лошадью“), при чемъ для веселаго пути „напоилъ его горѣлкою и „для всякой потребы“ снабдилъ ножемъ.

„Пяній“ Тросцянецкій, проѣзжая „чрезъ Плоское“, встрѣтился съ подданными Кирилловскаго монастыря и завязалъ съ ними живой разговоръ... Бесѣда мало-по-малу перешла въ ссору, и монастырскіе подданные принялись бить Тросцянецкаго „коллемъ“... Синтаксистъ, не ожидавшій такого сюрприза, быстро спрыгнулъ съ телѣги и ножемъ нанесъ три раны въ плечи Герасиму Лялченко!.. Товарищи Лялченко, разумѣется, не могли этого простить и, поймавъ Тросцянецкаго, потащили его вмѣстѣ съ лошадью къ игумену Кирилловскаго монастыря. Игуменъ посадилъ Тросцянецкаго „въ тюрму“, увѣдомилъ о случившемся Шпанскаго, приглашая его явиться въ монастырь „для вирученія“ всего арестованнаго...

Шпанскій пріѣхалъ. Игуменъ требуетъ у него „надлежащаго, по силѣ правъ, за учиненіе Тросцянецкимъ ножемъ рани подданному, платежа“...

Шпанскій отказывается платить за побои, нанесенные Тросцянецкимъ „въ запальчивости“.

---

[1]) 27-го октября Гонтковскій подавалъ обо всемъ этомъ доношеніе митр. Тимоѳею Щербацкому и, вѣроятно, остался не при чемъ

Перспектива тюрьмы приводитъ въ отчаяніе ничего не имѣющаго синтаксиста, и онъ самъ умоляетъ Шпанскаго уплатить игумену, сколько слѣдуетъ, обѣщая все возвратить.

Послѣ долгаго раздумья Шпанскій далъ, наконецъ, игумену три рубля.

Находя такую сумму малою, игуменъ наказалъ Тросцянецкаго, „по убожеству" его, „плѣттю до пятидесяти ударовъ" и затѣмъ отпустилъ его съ Шпанскимъ, отдавъ и лошадь и коляску.

Пріѣхавши домой, Шпанскій, чтобы гарантировать свои три рубля, забралъ у Тросцянецкаго „скриньку (сундукъ) со всѣмъ бѣднимъ имуществомъ" его себѣ въ залогъ и держалъ, пока тотъ не отдастъ ему долга. (Одинъ рубль, впрочемъ Шпанскій „отпустилъ" Тросцянецкому, а взялъ лишь два)...

Чрезъ долгое время Шпанскій осмотрѣлся, что въ домѣ нѣтъ того ножа, который онъ когда-то давалъ Тросцянецкому,—ножъ этотъ былъ забытъ въ Кирилловскомъ монастырѣ,—и забралъ у него „кунтишъ новій сукна семигривеннаго".

Тросцянецкій нѣсколько разъ ходилъ къ игумену Кирилловскаго монастыря, но ножа не нашлось.

Прошелъ почти цѣлый годъ. Кунтуша Шпанскій не возвращалъ, и Тросцянецкій подалъ на него (18 іюня 1754 г.) прошеніе въ Консисторію, чтобы она заставила его отдать ему—Тросцянецкому, какъ человѣку нищему, заграбленній кунтишъ".

Просьба осталась, вѣроятно, безъ всякаго результата, потому что синтаксическій учитель іером. Ѳеофилъ на прошеніи Тросцянецкаго сдѣлалъ такое „свидѣтельство": „ученикъ синтаксимы Петръ Тросцянецкій въ ученіи средственъ, въ постоянствѣ малоисправенъ" [1]).

Приведенныхъ нами эпизодовъ, пожалуй, и достаточно, чтобы имѣть приблизительно вѣрное представленіе о той горемычной жизни, какую приходилось вести въ борьбѣ съ нуждою

[1]) Дѣлать аттестаціи на прошеніяхъ студентовъ было обыкновеніемъ академіи.

нѣкоторымъ бѣднѣйшимъ студентамъ старой кіевской академіи, той жизни, гнетъ которой *самъ по себѣ*, независимо отъ другихъ условій, иногда *невольно* толкалъ многихъ изъ нихъ на путь порока и преступленія. О тяжести этой жизни съ паѳосомъ говорятъ и историки кіевской академіи—іером. Макарій и В. Аскоченскій, стараясь и сами изумиться и другихъ заставить благоговѣйно преклониться предъ величіемъ духа прежнихъ студентовъ, терпѣвшихъ нужду и голодъ во имя науки и знаній [1]). Но они (изъ чувства ли признательности къ имени своей alma matrer, или изъ почтенія къ памяти своихъ старшихъ собратій—дѣтей одной и той же воспитательницы) ни словомъ не оговариваются о томъ, какъ печально отражался неприглядный матеріальный бытъ такихъ бѣдняковъ на ихъ моральномъ состояніи...

Значительное число бѣднѣйшихъ студентовъ академіи составляли либо круглые сироты, иногда съ самой колыбели не имѣвшіе необходимаго воспитательнаго надзора за собою, либо дѣти людей низшаго сословія, чуждаго и представленія о правильномъ нравственномъ воспитаніи ребенка. (Бѣднякъ студентъ непремѣнно былъ или „сынъ мужичій“, или „сынъ козачій“, или „сынъ шляхетскій“). Поступая въ академію съ сомнительными нравственными задатками, они нуждались въ самомъ внимательномъ воспитаніи.

Но могла-ли дать его академія?

Ректоръ, всегда несшій обязанности настоятеля Братскаго монастыря, и префектъ, при томъ числѣ студентовъ, какое тогда бывало въ академіи (до 1000 и болѣе человѣкъ), конечно, не могли принимать близкаго и непосредственнаго участія въ дѣлѣ воспитанія... Учителя, изъ которыхъ каждый считался ближайшимъ воспитателемъ своей школы (класса), такъ же мало могли

---

[1]) Намъ кажется, что *не исключительно только* во имя науки, свѣточъ которой, былъ не особенно силенъ тогда въ академіи, студенты несли разныя лишенія... Вѣдь и внѣ академіи многимъ изъ нихъ пришлось бы влачить не болѣе лучшую жизнь, чѣмъ крохоборцамъ,—особенно круглымъ сиротамъ и дѣтямъ „мужичимъ“...

успѣвать: они были болѣе заняты прямыми обязанностями—составленіемъ лекцій, пересмотромъ ученическихъ тетрадей и т. п. Разныя должностныя лица изъ студенческой среды, помогавшія учителямъ, конечно, были не воспитателями, а лишь наблюдателями...

Съ другой стороны, самая морально-воспитательная система академіи XVIII в. была-ли, въ самомъ дѣлѣ, *воспитательною?*

Вся эта система держалась на розгѣ, которою воспитатели пороли своихъ питомцевъ, иногда забывая и мѣру и пощаду... Экзекуція практиковалась не только какъ кара за проступокъ, но и какъ средство добиться признанія отъ заподозрѣннаго, и какъ средство предостереженія отъ зла невинныхъ („чтобъ и другимъ не повадно было")... Сѣкли виновныхъ и „келейно" (въ келіяхъ педагоговъ), и „публѣчно" (среди бурсы и академическаго двора)... Мѣры же внушенія, воздѣйствія на умъ и чувство питомцевъ, „добронравніи увѣщанія" были слабы...

Разумѣется, такой суровый воспитательный режимъ (замѣтимъ кстати, что иногда въ академіи такъ сѣкли студентовъ, что они подплывали собственною кровью) если и удалялъ въ студентахъ одно зло, то поселялъ другое, воспитывая въ нихъ страхъ, желчное озлобленіе, жестокость. Особенно это нужно сказать о публичномъ наказаніи, дѣлавшемъ студента предметомъ язвительныхъ насмѣшекъ и болѣзненнаго позора какъ между своими товарищами, такъ и между лицами, не принадлежавшими къ академической корпораціи, въ присутствіи которыхъ иногда производилась экзекуція... Озлобляя наказываемыхъ, розга озлобляла и наказывавшихъ, роль которыхъ исполняли студенты же...

Такая система, понятно, легко рождала „дѣтей непобѣдимой злобы".

Лишенному вліятельнаго воздѣйствія со стороны начальниковъ и наставниковъ, съ ихъ мало удовлетворительной воспитательной системой, студенту оставалось подчиняться примѣру своихъ товарищей и той среды, вращаться въ которой ему приходилось.

Примѣръ товарищества, за малымъ исключеніемъ, не могъ быть благимъ.

Сравнительно благовоспитанными студентами въ то время были дѣти людей „посполитыхъ", сановитыхъ и именитыхъ. Но они держали себя въ сторонѣ отъ своихъ бѣднѣйшихъ и низшихъ по сословному происхожденію сотоварищей, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ, какъ „паничи" на „хлопцевъ". Иногда они брали къ себѣ товарища изъ этихъ хлопцевъ за *служителя*, кормили его, поили, одѣвали, но сближенія съ нимъ, какъ равнымъ себѣ, не допускали. (Это явленіе, вполнѣ свойственное вѣку крѣпостнаго права, поддерживалось и академическимъ начальствомъ. Сами профессора выдѣляли „панычей", какъ особый привилегированный классъ, изъ ряда прочихъ студентовъ даже оффиціально, въ дѣловыхъ бумагахъ. Вѣроятно, тутъ вліяла „знатная консоляція", съ которою „паничи" являлись къ нимъ изъ домовъ, да „водка и прочій напой", которою они „обсылались" отъ отцовъ „паничей"...). Значитъ, бѣдняку студенту оставались въ примѣръ лишь подобные ему, отъ которыхъ онъ постепенно научался „мирковать", воровать и т. п.

Среда, въ которую, какъ болѣе достаточную, иногда попадалъ студентъ, была низка (мѣщане, крестьяне, солдаты, дьяки), грубая; заимствовать отъ нея что-либо доброе не приходилось, а дурнаго сколько угодно.

Разскажемъ случай—другой, чтобы видѣть, съ кѣмъ и какія иногда столкновенія бывали у студентовъ (имѣемъ въ виду бѣднѣйшихъ ихъ нихъ) внѣ академіи, и судить, какъ могли вліять на нихъ эти столкновенія.

VIII.

Въ срединѣ января 1749 года студентъ Θеодоръ Ольшанскій направился въ село Карпиловку, въ гости къ тамошнему „мужику" Григорію Морозу, съ сыномъ котораго онъ когда-то былъ сотоварищемъ, „трактовалъ въ академіи подъ Сломѣнскимъ школу философію [1]).

[1]) Гедеонъ Сломинскій состоялъ профессоромъ философіи въ 1745—7 гг.

На дорогѣ Ольшанскій сошелся съ діакономъ Андреемъ Осовскимъ, путешествовавшимъ („при писаніи катедральномъ") на заточеніе въ Моровскій скитъ.

Осовскій, жалобно повѣствовавшій о злоключеніяхъ своей судьбы, такъ понравился Ольшанскому, что Ольшанскій предложилъ ему раздѣлить съ нимъ компанію въ посѣщеніи Мороза.

Діаконъ согласился.

Морозъ, мужикъ хлѣбосольный, довольный высокимъ посѣщеніемъ, не зналъ, какъ и принять такихъ гостей... Что только было у него, все тащилъ на столъ и, разумѣется, больше всего заботился о томъ, какъ бы ублаготворить ихъ крѣпкою „чаркою"...

Подкрѣпившись, діаконъ отблагодарилъ любезнаго хозяина и простился съ нимъ, желая, по пути въ скитъ, завернуть на минуточку къ своему знакомому—„городничему" (нѣчто въ родѣ управляющаго или эконома) села Карпиловки. (Карпиловка принадлежала Братскому монастырю).

Ольшанскій вызвался проводить его.

Довольно опрятный домикъ—„дворецъ" городничаго—монаха Іоакинѳа Храновскаго стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ села.

Студентъ, разогрѣтый виномъ, захотѣлъ зайти вмѣстѣ съ діакономъ познакомиться съ городничимъ, который, судя по словамъ діакона, и самъ любилъ выпить и другихъ умѣлъ угостить...

Оба—діаконъ и студентъ—уже „пяніи", входятъ „въ ганки" дворца.

„Въ дому ль городничій?" спрашиваетъ Ольшанскій у встрѣтившаго ихъ хлопца—камердинера о. городничаго.

— „Нѣтъ!" отвѣчаетъ хлопецъ.

— „А можеть, въ дому?"

Хлопецъ снова даетъ отрицательный отвѣтъ.

Видя, что Ольшанскій все-таки не удаляется, хлопецъ,—тоже бывшій на-веселѣ,—пускается въ догадки, чтобы ему—Ольшанскому нужно отъ городничаго: подаяніе или кутежъ...

На это Ольшанскій ему замѣчаетъ: „я пришолъ до городничого не требовать, ни упиватись!.. Да когда хощетъ городничій, то въ мене нехай позичитъ сто рублевъ денегъ!"

Хлопецъ засмѣялся и погрозилъ Ольшанскому, что городничій задалъ бы ему за такія слова, еслибы услышалъ.

„Я, отвѣчалъ Ольшанскій, городничому кожу отпору батожжемъ, и совсѣма вижену вонъ, а самъ житиму въ дворцѣ, ибо се маетность Карпиловка не есть Братского монастира, но студенская!"

Хлопецъ еще больше разсмѣялся и началъ уже бранить не въ мѣру расхрабрившагося студента.

Ольшанскій обидѣлся и сказалъ хлопцу замолчать, „не произносить болше въ безчестіе неучтивие слова", угрожая въ противномъ случаѣ „вдарить" его.

Послѣ этого хлопецъ выгналъ вонъ посѣтителей...

Вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, воротился домой и о. городничій. Первымъ долгомъ онъ освѣдомился у хлопца, не было ли, въ его отсутствіе, какихъ-либо посѣтителей.

„Приходилъ якійсь попъ или дяконъ зъ якимсь студентомъ... оба пяніи," отвѣчалъ хлопецъ, подробно передавая, какъ курьезъ, всѣ рѣчи студента.

О. городничій, человѣкъ не далекій, но монахъ надменный, рѣчи студента, брошенныя имъ въ присутствіи слуги, счелъ за дерзкую обиду для своего высокаго достоинства...

На другой день, развѣдавъ, что студентъ еще у Мороза, о. Храновскій послалъ за нимъ своего слугу.

Это было еще очень рано, и Ольшанскій еще спалъ.

Слуга ожидалъ его пробужденія и не возвращался къ городничему. Городничій, теряя терпѣніе, послалъ еще троихъ слугъ.

Ольшанскій, послѣ хорошаго угощенія Мороза, спалъ глубокимъ сномъ...

Наконецъ, набралась уже полная изба народу, присланнаго за Ольшанскимъ.

Пробудился и Ольшанскій.

„Приказалъ тебе отецъ городничій прійти къ нему въ дворъ!" объявляли посланные студенту.

Ольшанскій въ недоумѣніи, какъ быть.

Двое изъ присланныхъ за нимъ, не давая ему раздумывать долго, взяли его за руки и „насилно" потащили изъ избы. „Въ

сѣняхъ" одинъ изъ нихъ хватилъ его „кулакомъ въ потилицю," а другой—„въ бокъ" и, съ плѣтями въ рукахъ, потащили его ко дворцу городничаго, тормоша за руки, чтобъ живѣе двигался.

На встрѣчу вышелъ самъ о. городничій, уже хорошо выпившій [1]). „Ти, сякій и овакій сину, закричалъ онъ на Ольшанскаго, дѣлалъ на мене похвалки!" И съ этими словами трижды такъ ударилъ его „по головѣ палицею, ажъ палица переломалась," затѣмъ, взялъ его „за волоса и, пригнѣтавъ до землѣ..., приказалъ сподніе стягнуть, а по едной кошулѣ бить двома плетма...; и дано вдаровъ болше пятдесяти"...

Послѣ такого пріема, Ольшанскій былъ введенъ въ комнаты. Городничій сталъ его угощатъ: „едною рукою за волоси таскать, а другою по щокахъ бить".

Потомъ, отобравъ у Ольшанскаго денегъ „сѣмъ злотыхъ," ножикъ складаній, пушечку мосенежну, платокъ полотняній бѣлій зъ заполочними засновками и ручникъ полотняній зъ засновками заполочними", снявъ съ него „лѣберію суконную блакитную притертую, каѳанъ китаевій зеленій притертій, юпку вибойчаную, поясъ шерстяній пестрій, убранне сукенное зеленое, кошулю полотняную, чоботи козловіе, шапку баранячу чорную," городничій приказалъ одѣть его въ „чорную свиту" и „въ двѣ колодки обѣ ноги забить ему...""

Ольшанскій обливался слезами и молилъ городничаго о пощадѣ...

„Не я то говорилъ, оправдывался онъ во вчерашнихъ рѣчахъ, но хмѣлъ мой!.."

„Хочъ у смерть убю, не болѣе какъ сто рубліовъ заплачу!..," отвѣчалъ ничѣмъ, очевидно, не смущаемый отецъ городничій и, давъ Ольшанскому нѣсколько ударовъ „барбарами," потащилъ его на дворъ, при чемъ по пути, въ сѣняхъ, колотилъ еще „палицею въ спину" и „въ здовжь (вдоль) по спинѣ," пока не сломалъ палицу...

---

[1]) Ольшанскій „отъ людей чулъ многихъ: когда бъ не билъ городничій пяній, тобъ не дѣлалъ таковихъ продерзостей," какихъ онъ натворилъ надъ нимъ.

Подъ такими ударами онъ довелъ Ольшанскаго до ледника и здѣсь вручилъ ему „сокѣру,“ приказывая „набивать ліодъ въ ліодовню.“

Четыре часа полуодѣтый, съ босыми ногами, Ольшанскій работалъ въ ледникѣ!

Городничій тѣмъ временемъ уже отобѣдалъ и отдохнулъ. Вспомнивъ о работавшемъ студентѣ, онъ послалъ за нимъ двухъ человѣкъ немедленно привести его въ келію.

Посланные сжалились надъ измученнымъ, избитымъ и озябшимъ юношей и совѣтовали ему по пути изъ ледника: „прійдешь,—цѣлуй городничого въ ноги: онъ тебе помилуетъ и надаритъ!..“

Войдя въ келію, Ольшанскій, дѣйствительно, бросился въ ноги городничему, прося „помилованя“.

Но городничій гремѣлъ: „я тебе не такъ помилую еще!“ И что же?

Снявъ съ Ольшанскаго „чорную свиту“ и облекши его „въ свиту бѣлую короткую, сорочку полотняную долгую новую, чоботи яловичіе пришви, и баранюю бѣлую шапку,“ онъ велѣлъ Ольшанскому „на землю положитись,“ а слугамъ—сѣчь его „плѣтю“.

Еще двадцать ударовъ получилъ несчастный студентъ! Вся спина его была такъ изранена, что сорочка, покрывавшая ее, оказалась „окривавлена частими знаками отъ ковмѣра (воротника) до рубца на полѣ зашитого, не доходя пядей на двѣ!“

Но это еще не конецъ.

Городничій, оставивъ у себя все имущество Ольшанскаго, его самого приказалъ тремъ человѣкамъ „вести зъ двора за браму,“ при чемъ, „на улицу вибѣгши прогонную кричалъ: бийте добре!“

Провожатые, повинуясь такому велѣнію, таща Ольшанскаго „чрезъ все село,“ „били его въ шию во всенародное поруганіе и крайнее увѣтче на здоровю!“ И только, выведши его за село съ жестокимъ церемоніаломъ, отпустили „зъ притвержденіемъ, чтобъ болшъ не ворочался въ село Карпиловку...“

Такъ познакомился Ольшанскій съ о. Храновскимъ!

Правда, и о. Храновскому такое знакомство не прошло даромъ: оно ему стало въ 38 рублей.

Дѣло въ томъ, что Ольшанскій завелъ судебный процессъ съ Храновскимъ. Сначала, 20 января, онъ обратился съ жалобою на о. городничаго къ архим. Братскаго монастыря Сильвестру Ляскоронскому. Ляскоронскій, *ректоръ безучастный къ своимъ студентамъ,* передалъ его жалобу собору монастырской братіи. Соборъ, 25 февраля, пригласивъ обѣ стороны, предложилъ имъ примириться, при чемъ намѣстникъ братск. мон. Өеодосій Козельскій, стоявшій, безъ сомнѣнія, за своего городничаго, даже„ принуждалъ" Ольшанскаго „взять здертую у него городничимъ одежду и стращалъ боемъ, дабы принялъ, обѣщалъ Ольшанскому, въ случаѣ примиренія, дать рубль (!) денегъ" и т. п... Ольшанскій, видя, что судъ такой совершается „въ явную понаровку" городничему, котораго и намѣстникъ отпустилъ въ Карпиловку съ успокоеніемъ: „ми зъ монастира за тебе отвѣтствовать будемъ", обратился къ митрополиту. Митрополитъ сдѣлалъ запросъ Ляскоронскому. Ляскоронскій обвинилъ Ольшанскаго! Храновскій, писалъ онъ митрополиту, поступилъ съ Ольшанскимъ жестоко потому, что у послѣдняго не было паспорта... Соборъ братіи не дѣлалъ Ольшанскому „наругательства и похвалокъ", и показаніе Ольшан., что ему предлагали рубль „за безчестіе,"—„неправедное," и потому онъ „безпорядочно да и напрасно" утруждаетъ митрополита... Ольшанскій представилъ митрополиту опроверженіе такого показанія Ляскоронскаго. Ляскоронскій замолчалъ, что доказало митрополиту, что Ольшанскій правъ; и митрополитъ, желая его удовлетворить (а онъ „въ крайное убожество пришелъ, ибо.. не токмо зъ чоботъ, но и з одежди всю позичалъ въ людей," такъ какъ городничій все у него отнялъ), поручилъ произвести дознаніе лицамъ, незаинтересованнымъ въ дѣлѣ,—строителю Моровскаго скита іером. Іосифу Брылѣнскому и тамошнему городничему—іером. Мелетію Василевскому.

19-го мая они произвели обстоятельное дознаніе и склонили Ольшанскаго къ миру съ Храновскимъ. Послѣдній уплатилъ Ольшанскому 38 руб. и возвратилъ всѣ отнятыя вещи.

IX.

Третьяго октября 1751 года два студента академіи—философъ Андрей Случанскій и Максимъ Бѣлоцерковецъ собрались навѣстить свящ. села „Троечины,“ чтобы взять у него кое-какія обѣщанныя имъ книги.

Путь имъ въ это село предстоялъ по Днѣпру, и они направились „на Притику до караулу при лазаретѣ состоящему“ нанять тамъ кого-либо изъ караульныхъ солдатъ свезти ихъ „дубомъ“ (лодкою) въ село.

Караульные отказались, а вызвались стоявшіе немного дальше караула солдаты, „на байдаки“ пріѣхавшіе „съ Печерска на Притику“ за сѣномъ.

Солдатъ этихъ было много, и всѣ они были „подпиліе.“ Студенты, не знавшіе ихъ, не рѣшались съ ними отправиться, но, сообразивъ немного, предложили: „буди два или три человѣка зъ васъ повезти насъ схочете, то можно поѣхать зъ вами, а со всѣми вами ѣхать не хочемъ!“ И изъ толпы выдѣлилось только три человѣка, которые условились доставить студентовъ въ село за двѣнадцать копѣекъ и „кварту горѣлки.“

Сейчасъ же купили студенты въ Притискомъ „шинку“ кварту горѣлки, взяли ее съ собою „въ дуба“ и тронулись въ путь. Но солдаты, отчаливъ отъ берега, воротились назадъ „къ байдаку“ и кликнули къ себѣ двухъ товарищей „въ дуба.“

Студенты, видя нарушеніе своего договора, вступили въ прекаканіе съ солдатами—своими извозчиками, и, вѣроятно, стали даже дерзко бранить ихъ.

Солдаты только пересмѣхались между собою да перешептывались...

Быстро перегнавъ лодку чрезъ Днѣпръ, солдаты вышли на островъ и закричали студентамъ немедленно выходить изъ „дуба.“

Случанскій поднялся первымъ и лишь поставилъ ногу на берегъ, одинъ изъ солдатъ ухватилъ его за волосы и началъ „разбойнически" колотить его и ногами и веслами! Другой уцѣпился за Бѣлоцерковца, ударилъ его „друкомъ въ голову" и потащилъ по землѣ!

Долго издѣвались солдаты, впятеромъ, надъ двумя студентами! Ободрали ихъ почти до нитки. Такъ, у Случанскаго „содрали лѣберію суконную синюю подъ чорними смушами, юпку китаевую, штани суконніе, чоботи, панчохи, шапку, рубашку, поясъ," отняли денегъ „тринадцать рублей сцѣлнихъ и дробнихъ до тридцати копѣекъ"; у Бѣлоцерковца сняли „кожухъ, черкеску зеленую суконную, каѳанъ бѣлій полотняній" и заграбили послѣдній рубль!..

Къ счастью, ни у кого не оказалось ножа.

Солдаты и тутъ нашлись: связали обоихъ студентовъ, положили ихъ въ лодку и повезли на другой островъ.

„Повеземъ на другой островъ, тамъ будемъ батожжемъ быть, а после потопимъ!.. Нехай раки ловлятъ!" разсуждали они, приготовляя студентовъ въ гости къ вѣчности.

Съ замирающимъ сердцемъ слушали избитые студенты свой смертный приговоръ...

Бѣлоцерковецъ кое-какъ освободилъ отъ веревки свои руки и сдвинулъ ее съ ногъ вмѣстѣ „съ чоботами," рѣшивъ бѣжать, лишь пристанетъ лодка къ берегу.

Въ глубокой темнотѣ осенней ночи солдаты ничего этого не замѣтили.

Берегъ!

Бѣлоцерковецъ, забывъ всю боль побоевъ, какъ заяцъ, выскочилъ изъ лодки и помчался въ кусты густой лозы, покрывавшей островъ.

Солдаты за нимъ, но напрасно!.. Онъ сидѣлъ гдѣ-то, затаивъ дыханіе...

Остался въ лодкѣ Случанскій... Солдаты повезли его еще дальше, на „инній" островъ... Здѣсь, выволокши его изъ лодки, ударили ему „въ потилицу" такъ, что онъ упалъ на землю, и, приказавши ему не кричать, угрожая въ противномъ случаѣ умертвить, уѣхали...

Уже была пора „какбы до утренѣ время звонить..."

Случанскій кое какъ очнулся и началъ издавать тяжелый, болѣзненный стонъ...

Подулъ холодный вѣтеръ—вѣстникъ близкаго разсвѣта. По Днѣпру вдоль островов засновали въ разныхъ направленіяхъ легкіе рыбачьи челноки. Это притискіе рыбаки выѣхали на раннюю ловлю.

Рыбакъ Стефанъ Пиховецъ съ другомъ своимъ различаютъ какіе-то глухіе звуки..., прислушиваются... Звуки—человѣческіе, страдальческіе... Подъѣзжаютъ къ острову, откуда неслись они, и начинаютъ искать страдальца... Находятъ нагого философа, умоляющаго спасти, въ Кіевъ отвезти...

Выслушавъ всю исторію его страданій, они усадили его въ свой челнокъ и повезли къ себѣ домой.

Два другихъ рыболова такимъ же образомъ нашли и привезли Бѣлоцерковца.

Рыбаки немедленно дали знать о найденныхъ студентахъ въ академію. Префектъ Георгій Конисскій сейчасъ же отправилъ богослова Павла Артовскаго и философа Кирилла Фліоринскаго разспросить обо всемъ у найденныхъ и записать показаніе. Потерпѣвшіе все разсказали самымъ подробнымъ образомъ, при чемъ Случанскій не опустилъ указать и на то, что солдаты „съ Притицкаго караулу" говорили, что поколотившіе ихъ солдаты пріѣзжали за сѣномъ оберъ-коменданта полковника Костюрина и отъѣхали домой уже на разсвѣтѣ 4-го числа. Записавъ показаніе, Артовскій и Фліоринскій попросили изъ магистрата именемъ префекта Конисскаго трехъ лицъ и въ ихъ присутствіи произвели „осмотръ" потерпѣвшихъ. Оказалось, что отъ побоевъ у Случанскаго „голова спухлая, и волоса на головѣ зорваніи, правое око подбитое до кривѣ, рука правая криваво спухлая, на правомъ плечи знакъ болшій еденъ спухлой, на лѣвомъ боку знакъ спухлой еденъ, на плечи лѣвомъ еденъ знакъ болшой красной, на локтѣ лѣвой руки знакъ красно спухлій, на стегнѣ правой ноги знакъ спухлой";— у Бѣлоцерковца „зъ лѣвого боку голова розбита, отчего рана болшая и вся голова спухлая, ухо розбито до кровѣ, щока спухлая, на лѣвомъ плечи три знаки болшіе красно спухліе, на лѣвой руки знакъ болшйо

еденъ, на шіи знаки три до кривѣ зодратіи, съ правой сторони на лопатки два знаки спухліе, отъ плеча правого до локтя рука вся спухлая".—Показаніе и „обдукцію" Конисскій представилъ митрополиту; митрополитъ препроводилъ копіи съ нихъ оберъ-коменданту; но чѣмъ все окончилось, не знаемъ...

X.

Хотя такія звѣрски-кровавыя происшествія, какъ разсказанныя нами, можно считать исключительными (ихъ, однакожъ, и не мало бывало въ XVIII в. [1]), но они даютъ понять, какова вообще была среда, съ которою чаще могъ сталкиваться бѣдный матеріально и низкій сословно студентъ академіи. Среда эта была грубая, дерзкая, и на студента, соприкасавшагося съ ней, не могла вѣять добрымъ духомъ. Студентъ же (спѣшимъ еще разъ оговориться, что имѣемъ въ виду главнымъ и почти исключительнымъ образомъ студентовъ изъ бѣднаго и низшаго сословія, при чемъ, разумѣется, не устраняемъ возможности счастливыхъ исключеній—хорошихъ явленій и между ними), чуждый благовоспитанности домашней, раздражаемый тяжелымъ гнетомъ постоянной матеріальной нужды, озлобляемый суровымъ академическимъ режимомъ, легко усвоялъ встрѣчаемое имъ зло и готовъ былъ платить имъ всякому, при малѣйшемъ поводѣ.

Напримѣръ.

22-го декабря 1764 года магистратскій слуга, кіево-подольскій мѣщанинъ Сидоръ Климовъ пригласилъ къ себѣ студента Кондратія Подгорскаго „для чтенія по умершемъ... младенцѣ псалтирѣ" (Чтеніе псалтири надъ покойниками было одною изъ доходныхъ статей студентовъ, въ особенности—бурсаковъ), и за что-то,—хорошо не знаемъ [2]),—въ первый же вечеръ чтенія „побилъ и ограбилъ" его.

---

[1]) Одно подобное см. въ № 38 „Кіевлянина" за 1876 г.

[2]) Самого дѣла объ этой исторіи намъ не удалось отыскать, и о ней мы знаемъ, въ краткихъ чертахъ, изъ постановленія Кіевской Духовной Консисторіи 27 мая 1765 г. о принятіи въ академію философа Василія Козачинскаго, одного изъ участниковъ бурсацкой расправы съ Климовымъ.

Подгорскій прибѣжалъ въ бурсу и повѣдалъ ея обитателямъ про свою бѣду. Бурса всколыхалась и немедленно, ночью, двинулась въ походъ на Климова, желая „отмстить" ему (но „не убить до смерти," какъ она объясняла потомъ, при слѣдствіи) за Подгорскаго... Притащила Климова къ себѣ и тамъ отпорола его „розгами и плетми," что „брюхо и спина его, изсѣчена, вся спухла". Вышедши послѣ этого изъ бурсы, Климовъ немного протянулся..., упалъ... и на другой день былъ найденъ на улицѣ уже мертвымъ!

Что именно было причиною его смерти: побои-ли бурсы, его-ли хмѣль (а онъ былъ пьянъ), или морозъ зимы, осталось невыясненнымъ; должно быть, все вмѣстѣ...

XI.

Тяжелыя условія быта (нужда и голодъ, обстановка, дисциплина) дурно отзывались на чувствахъ студента старой академіи. Они притупляли, дѣлали въ немъ грубыми эти чувства, и подъ ихъ вліяніемъ онъ становился какимъ-то полудикимъ, неуживчивымъ даже въ своей товарищеской средѣ. Деликат-

---

Этотъ Василій Козачинскій „за взятіе въ бурсу и за бой съ протчими студентами" Климова содержался „подъ карауломъ" въ губернской канцеляріи, какъ назначенный ею въ ссылку „въ Сибирскую губернію для опредѣленія въ какую тамо службу годенъ явится."

Его двоюродный братъ, Гимнасій, іеромонахъ Кіево-Печерской лавры, сталъ ходатайствовать за него и 4-го мая 1765 г. подалъ „челобитную" въ губернскую канцелярію, прося освободить его отъ ссылки, чтобы онъ имѣлъ возможность осуществить свое желаніе „посвятиться въ духовенство", по окончаніи академическаго курса. Канцелярія адресовалась къ ректору академіи—архим. Самуилу съ запросомъ: имѣетъ-ли Козачинскій склонность и надежденъ ли „ко обученію вишшихъ наукъ," есть-ли у него намѣреніе „по совершенномъ науки обученіи принять духовенство, и—можно ли его снова зачислить студентомъ академіи... Ректоръ далъ утвердительный отвѣтъ... Дѣло губернская канцелярія передала консисторіи, которая и опредѣлила принять Василія Козачинскаго въ академію, въ виду того, что его нельзя винить „въ точномъ смертномъ убыйствѣ" Климова (умершаго не отъ однихъ побоевъ, но и отъ пянства и стужи"), а только въ участіи съ прочими студентами въ приводѣ въ бурсу Климова и въ наказаніи его здѣсь.

Случай подобной самоуправной родѣлки студентовъ съ своимъ непріятелемъ (въ 1746 г.) напечатанъ въ № 28 „Кіевлянина" за 1876 г.

ности, вѣжливости, взаимнаго уваженія между товарищами не было; были только ссоры, а порой и драки.

Вотъ какъ иногда студенты поколачивали другъ друга. Вечеромъ 17-го марта 1751 года, риторъ Иванъ Ярмолѣнскій, долго простоявъ на берегу Днѣпра любуясь начинавшимся ледоходомъ, въ грустномъ раздумьи направился „улицею отъ Днѣпра“. На встрѣчу ему попадаются „протопопенокъ“ (старшій сынъ кіево-подольскаго протопопа о. Романа) Иванъ Лубенскій и Василій, служитель маркитанта Ермолы Савеліева, и говорятъ: „поди зъ нами: будетъ ловушка!“

Ярмолѣнскій готовъ.

Минувши желѣзную лавку и спросивши тутъ „*на жартъ* свѣчокъ продажныхъ“, они втроемъ подошли къ дому мѣщанина Михаила Перепѣчая, гдѣ „на фортки“ стояла „дѣвка“—слуга Перепѣчая, и усердно начали „занимать“ дѣвицу...

Вдругъ со двора Перепѣчая выходятъ два ритора—Павелъ Навроцкій и Потапъ Мазолевскій. (Риторъ Павелъ Навроцкій, обучавшійся своего „риторическаго искусства“,—какъ аттестовалъ его учитель риторики іеромонахъ Георгій Щербацкій 19 апрѣля 1751 г.,—„не нерадиво и безъподозрительно“, часто встрѣчался съ Перепѣчаемъ и такъ ему понравился, что послѣдній не разъ просилъ его бывать у себя. Какъ разъ въ этотъ вечеръ, 17 марта, онъ собрался навѣстить Перепѣчая и пригласилъ съ собою своего друга-товарища Мазолевскаго. Перепѣчая они не застали дома и возвращались во свояси)... Кавалеры смутились... Чтобы замять какъ нибудь свой подозрительный разговоръ съ „служебкой“, слуга маркитанта обратился къ Навроцкому съ вопросомъ: „спѣвать-ли подъ этимъ дворомъ намъ—маркитанту, протопопенку и Ярмолѣнскому?“

Навроцкій и Мазолевскій сообразили, что не *спѣвать* имъ хочется... и, угадывая тайну ихъ разговора съ „дѣвкой“, расхохотались, и отпустили нѣсколько колкостей по адресу такихъ хитрыхъ спѣвателей...

Рыцари „ловушки“ обидѣлись и набросились на своихъ нравоучителей...

Навроцкій и Мазолевскій пустились убѣгать обратно въ домъ Перепѣчая. За ними устремились и романическіе спѣватели.

Двери дома спасавшіеся успѣли захлопнуть и запереть, и преслѣдователи стали бросать „druччемъ" въ окна, спрашивая, „кто тамъ есть?"

Слуги и дѣти Перепѣчая подняли страшный крикъ, заставившій „гвалтовниковъ" бѣжать...

Слуга заперла „фортку".

Прошло нѣсколько минутъ.

Преслѣдователи, пустившіеся было убѣгать, опомнились, перелѣзли чрезъ заборъ и снова принялись бросать „druччемъ" въ окна, говоря: „отвори хозяинъ и видай намъ сыхъ студентовъ: понеже мы нарочно присланы за ними отъ префекта!" [1]) Затѣмъ, вооружившись „полѣнамы", ворвались въ избу, поймавъ Навроцкаго (Мазолевскій успѣлъ ускользнуть совсѣмъ) и стали его „бить по щекамъ". Протопопенокъ сорвалъ съ него „лѣберію" и шляпу...

Наскоро расправившись такимъ образомъ, „гвалтовники" стали уходить.

„Отдайте лѣберію!" завопилъ, догоняя ихъ, Навроцкій.

— „Хто ты?" дико спросилъ у него, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не знавшій его, служитель маркитанта.

— „Я студентъ!"

— „Ступай до префекта!" проговорилъ служитель мракитанскій и схватилъ Навроцкаго „за чуприну", таща его за „фортку"... Тутъ „протопопенокъ" и Ярмолѣнскій, оба *товарищи* [2]) Навроцкаго, устремились на своего *коллегу* и такъ „нещадно кулачемъ и полѣнами рубанцамы" исколотили его „по бокамъ и по разнымъ мѣстамъ, а наипаче по головѣ", что у него на головѣ оказалось три раны, глаза были подбиты, лѣвая рука и большой палецъ на правой совсѣмъ перебиты!

---

[1]) Этотъ предлогъ Ярмолѣнскій мотивировалъ при слѣдствіи тѣмъ, что они предполагали, что Навроцкій и Мазолевскій, „для безчинія якого въ тотъ домъ зайшли".

[2]) Протопопенокъ лишь третій мѣсяцъ, какъ перестaлъ „ходить до риторики", слѣд., до этого былъ одношкольникомъ Навроцкаго.

Такая картина испугала и ихъ самихъ, и они пустились безъ оглядки удирать...

Навроцкій, однако, не обращая вниманія на нестерпимую боль и струившуюся кровь, „увязался“ за Ярмолѣнскимъ „по мостовой“ съ крикомъ „ратовать“.

Какой-то солдатъ поймалъ Ярмолѣнскаго и повелъ его, но Ярмолѣнскій возлѣ школы при Добро-Никольской церкви, какъ будто обижаемый, закричалъ „караулъ!“

Изъ школы выскочили студенты... разобрали, въ чемъ дѣло, и взяли Ярмолѣнскаго „подъ арестъ“.

19-го числа, по жалобѣ Навроцкаго, префектъ Георгій Кониссксій снялъ допросъ съ Ярмолѣнскаго, 20-го поручилъ двумъ философамъ—Матѳею Островецкому и Арсенію Бѣлоцерковцу освидѣтельствовать потерпѣвшаго Навроцкаго, и послѣ всего этого передалъ дѣло суду учителей.

„Обще учителями приговорено (было) Ярмолѣнскому за разбой нещадное розгами публично под оглашеніемъ звонка школного учинить наказаніе (яко иной сатисфакціи съ него въ пользу Навроцкаго неможно произвести) и ексклюдовать съ академіи“ [2]...

---

[1]) Навроцкій, истратившій на свое лѣченіе 10 рублей, конечно, этимъ не вполнѣ былъ удовлетворенъ: ему желательно было иной „сатисфакціи.“ Но протопопенокъ Иванъ Лубенскій, какъ не ходившій до школъ“ отъ начала 1751 г.,— „внѣ команди академійской“ былъ; равнымъ образомъ внѣ академической власти былъ и служитель маркитанта. Поэтому поискивать съ нихъ пришлось долго.

Протопопенокъ убѣжалъ за Десну въ Николаевскій скитъ и лишь „въ остатнихъ числахъ“ Марта, по распоряженію Георгія Кониссксаго, былъ приведенъ оттуда „*нарочно посиланними студентами.*“ Протопопъ, при нарочно съ академіи посиланныхъ“ къ нему съ Навроцкимъ, отказался удовлетворить послѣдняго деньгами за побои своего сына, „сказуя въ резонъ: мой синъ еще не отдѣленній,“ а предложилъ только „сина своего побить въ домѣ своемъ и для того... были бъ прислани нѣкоторіе студенти съ академіи для свидѣтельства.“ Навроцкій жаловался на него консисторіи два раза. Въ концѣ концовъ, 7 іюня, консисторія постановила: такъ какъ Навроцкій издержалъ на свое леченіе 10 руб. (въ чемъ представилъ и свидѣтельство отъ „цилюрика“), то „долженъ ему протопопъ Романъ изъ тихъ денегъ третую часть уплатить, а другой части искать Навроц. на маркитанту, третую же часть наказаніемъ студента Ярмолѣнскаго удоволствовано.“

Получилъ-ли по этому приговору Навроцкій,—не знаемъ.

XII.

Слабость нравственнаго воспитанія студентовъ старой академіи сказывалась иногда въ очень грустныхъ явленіяхъ. Въ 1750 году, напр., имѣлъ мѣсто случай ложной присяги одного студента.

Дѣло было такъ.

Перваго февраля 1750 года богословъ Георгій Зарушкевичъ письменно заявилъ академическому начальству, что онъ, отлучаясь „по нуждѣ своей за Днѣпръ", занялъ у риторовъ Родзкевичей („*господскихъ дѣтей* польской области, уизду могилевскаго") „восѣмъ червоннихъ", оставивъ имъ въ залогъ этого свой сундукъ. Возвратившись въ Кіевъ, „скринку" свою онъ нашелъ „потрушенную": изъ нея пропало „сукна саетоваго локоть пятъ по два рублѣ локотъ, поясъ персидскій болшой руки, платковъ два, рубашекъ двѣ тонкихъ и простирало"; почему и просилъ начальство приказать, „кому доведется (по слѣдствію) таковую въ покражѣ обиду пополнить"...

Префектъ іером. Георгій Кониссკій принялся разслѣдывать воровство.

Первымъ долгомъ были допрошены имъ Родзкевичи.

Скринка, оставленная намъ Зарушкевичемъ въ залогъ,— показывали Родзкевичи,—дѣйствительно, потрушена. Но что изъ нея пропало, мы не знаемъ, такъ какъ самъ Зарушкевичъ, оставляя ее, не сказалъ намъ, что въ ней есть, и мы его объ этомъ не спросили. Не знаемъ и того, кто учинилъ воровство, но подозрѣваемъ въ немъ бывшаго тогда у насъ *служителемъ* ритора Ярмолѣнскаго, потому что онъ—Ярмолѣнскій „зъ бурси весьма прилежно чрезъ людей просился къ намъ за служителя, обѣщая и школу остановить", а потомъ, когда произошла пропажа, въ скоромъ времени ушелъ отъ насъ безъ всякой причины, поставивъ на свое мѣсто своего младшаго брата. Будучи у насъ на службѣ, Ярмолѣнскій показалъ и свое умѣнье отпирать сундукъ Зарушкевича гвоздикомъ. Это было такъ. Старшій изъ насъ—Родзкевичей, тревожась, чтобы не пропали деньги, данныя нами въ займы Зарушкевичу (такъ какъ день,

назначенный Зарушкевичемъ для возвращенія, прошелъ), захотѣлъ однажды заглянуть въ его скринку, чтобы увидѣть, есть-ли въ ней чѣмъ вознаградить себя, въ случаѣ бы Зарушкевичъ не явился, и сталъ „при домашнихъ" молоточкомъ бить по замку, которымъ она была заперта. Ярмолѣнскій, замѣтивъ это, предупредилъ, что такъ можно испортить замокъ, и предложилъ свои услуги отпереть его безъ молотка. И дѣйствительно, взялъ гвоздь и сразу отомкнулъ имъ замокъ. (Мы—Родзкевичи посмотрѣли въ сундукъ только сверху и, ничего не перебирая, заперли его снова)... Главное же—у Ярмолѣнскаго, когда онъ со службы отъ насъ перебрался въ бурсу, нѣкоторые бурсаки видѣли „гривенникъ и ножикъ", пропавшіе у насъ въ числѣ прочихъ вещей, слѣдовательно, онъ склоненъ къ порочному ремеслу.

Былъ призванъ Ярмолѣнскій. Онъ не отрицалъ своего умѣнья гвоздемъ отпирать замки, но о ножикѣ и гривенникѣ „виводу надлежащаго не далъ". Поэтому о пропажѣ вещей Зарушкевича „былъ роспрошенъ розгами". Такъ-же былъ допрошенъ и его братъ. Но ни тотъ, ни другой не считали себя виновными.

Григорій Конисскій потребовалъ Родзкевичей назвать ему всѣхъ тѣхъ студентовъ, „которіи къ нимъ часто ухожи были", чтобы допросить и ихъ. Родзкевичи указали, кромѣ своего *инспектора* Матвѣя Морозевича, на богослова Войнаховскаго, ритора Таршевскаго и синтаксиста Филѣповича, присовокупляя при этомъ, что послѣдняго они ни въ коемъ случаѣ не могутъ подозрѣвать въ воровствѣ.

„Въ собраніи учителей", которые почему-то имѣли хорошее мнѣніе о Морозевичѣ и Войнаховскомъ, было приговорено, чтобы инспекторъ Морозевичъ, яко домовій Родзкевичей, и Войнаховскій какъ часто бывавшій и даже ночевавшій у нихъ, „присягою отъ пропажи отвелись", Ярмолѣнскаго же, какъ не свободнаго отъ подозрѣнія, и Таршевскаго, какъ „явился подозрительнымъ съ поетики", снова допросить „подъ пристрастіемъ", равнымъ образомъ допросить и „боемъ пострашить" и Филѣповича, хотя онъ и внѣ

всякаго подозрѣнія. Если уже послѣ этого виновникъ воровства не обнаружится, и Зарушкевичъ подтвердитъ присягою, что поискиваемыя имъ вещи, дѣйствительно, пропали, то обязать Родзкевичей уплатить Зарушкевичу за пропажу (согласно положенію „права малороссійскаго, статута роздѣла 7 въ артикулѣ 30“).

Морозевичъ и Таршевскій „отприсяглись“, Ярмолѣнскій и Филѣповичъ „не повинились“...

И такъ, воръ не нашелся.

Родзкевичи уплатили Морозевичу, присягою подтвердившему справедливость своего иска, двѣнадцать рублей.

Около этого времени въ Кіевѣ по дѣламъ своего заграничнаго (Витебскаго) Маркова монастыря былъ игуменъ Пчелка (Пщелко). Онъ узналъ про бѣду Родзкевичей (они были съ нимъ знакомы), посовѣтовалъ имъ отпратиться къ проживавшему на Подолѣ пятидесятилѣтнему старцу Василію Каллиниченко, слывшему за знахаря и волшебника, такъ какъ „онъ можетъ тое сдѣлать, что поворованніе вещи воръ самъ собою возвратитъ“.

Родзкевичи, образованные въ духѣ тогдашней академической схоластики, которая едва-ли могла освободить своихъ адептовъ отъ сказочной настроенности, повѣрили словамъ почтеннаго игумена и рѣшили обратиться къ рекомендованному имъ чудотворцу.

„На самые запусти мясничніе предъ великимъ постомъ“ Каллиниченко, отслушавъ вечерню въ Братскомъ монастырѣ, шелъ домой. На пути къ нему подошли Родзкевичи съ просьбою пожаловать къ нимъ „на господу (квартиру) на учту (угощеніе)“. Каллинченко, разумѣется, согласился.

Въ бесѣдѣ за столомъ Родзкевичи разсказали о своей потерѣ 12-ти рублей за чье-то воровство.

Каллиниченко сообразилъ, что тутъ его дѣло показать себя только всемогущимъ—и паничи сейчасъ будутъ эксплоатированы.

„Я, съ важно-спокойнымъ видомъ проговорилъ онъ, могу заворотъ головы сдѣлать вору!“

Паничи довольны... Обѣщаютъ чародѣю „въ вознагражденіе рубля дать“, если онъ это „учинитъ“.

Увѣривъ въ несомнѣнности своихъ словъ паничей, хорошенько закусивъ и отблагодаривъ, волшебникъ ушелъ домой къ себѣ.

На „учтѣ“ у Родзкевичей былъ и ихъ инспекторъ—богословъ Морозевичъ, который „присягою отвелся“ отъ воровства.

Въ присутствіи Каллиниченко онъ, замѣтно, не особенно хорошо себя чувствовалъ. И всю ночь ему не спалось.

Лишь только начало свѣтать, Морозевичъ всталъ и куда-то пошелъ.

Онъ направился къ Каллиниченку.

— „Пожалуй, Василь!—съ волненіемъ обратился онъ къ чародѣю, явившись въ его домъ, — „въ особенную избу!“ и здѣсь продолжалъ:

„Какъ если человѣкъ добрій, імѣю тебѣ секреты нѣкоторые объявить... только прошу въ секретѣ содержать!...

Каллиниченко просіялъ, еще не зная, въ чемъ дѣло.

— „Не опасуйся! ободрялъ онъ Морозевича, говори, єжели что імѣешь говорить!.. Хотя что секретное, не объявлю никому!..

„Я въ паничовъ своихъ побралъ вещи... Толко прошу не объявлять никому... и мнѣ пакостей никакихъ не дѣлать... не мучить мене... Мнѣ столко нудно чтобы на себѣ тѣло рвалъ... понеже я опасенъ, что если вчерась паничамъ говорилъ... обѣщалъ тому, что поворовалъ вещи, учинить заворотъ голови... Тія вещи уже дани чрезъ крамара за границю въ Богославе (Богуславѣ) для продажи... За тое, чтобы мнѣ ничего ты не чинилъ и никому о воровствѣ не объявлялъ, половину денегъ дамъ тебѣ продавшій краденнія вещи“...

Каллиниченко доволенъ... Получить нѣсколько рублей ни за что ни прочто... еще бы! Онъ успокоилъ Морозевича, и день ото дня поджидалъ отъ него обѣщанной половины....

Морозевичъ, утащивши вещи, отдалъ ихъ„ крамаркѣ кіевской именемъ Любцѣ“ въ уплату слѣдовавшихъ ей отъ него пятнадцати рублей, сказавъ, „что онія вещи дани ему въ награ-

деніе отъ паничей за инспекторство". Денегъ у него не было и дать что-либо Каллиниченко онъ не могъ. Да и раскаянье уже стало брать его, зачѣмъ онъ открылся волшебнику: авось бы онъ ничего не подѣлалъ съ нимъ.

Каллиниченко жаждалъ получки... Встрѣтитъ Морозевича и первымъ долгомъ спроситъ, скоро-ли онъ исполнитъ свое обѣщаніе, и погрозитъ, „что уже тое, сирѣчь волшебство на заворотъ головы, дѣлается"... Морозевичъ все извиняется, говоритъ, что вещи еще не проданы, увѣряетъ, что свое слово сдержитъ и т. п.

Такъ прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Каллиниченко понялъ, что Морозевичъ хитритъ надъ нимъ... Въ досадѣ, онъ разсказалъ „секретъ" своего кліента сначала студенту Таршевскому, а потомъ, 16-го іюня, и префекту академіи іером. Георгію Конисскому.

(Конисскому Каллиниченко говорилъ, что онъ до сей поры не выдавалъ Морозевича потому, что Морозевичъ, по его совѣту, обѣщалъ подкинуть утащеныя вещи, соглашаясь въ противномъ случаѣ на то, чтобы о воровствѣ его было объявлено, „гдѣ надлежитъ". Но такъ какъ Морозевичъ этого не исполнилъ, а духовникъ лаврскій на исповѣди увѣщевалъ меня открыть извѣстное мнѣ воровство, то я и счелъ долгомъ заявить).

Такимъ образомъ волшебникъ открылъ вора—и притомъ клятвопреступнаго!

Съ болью въ сердцѣ, Георгій Конисскій приступилъ къ новому допросу Морозевича.

„Много плутовалъ сперва" Морозевичъ, не желая сознаться въ своихъ, одно другого сильнѣе, преступленіяхъ, но, наконецъ, „повинился", разсказалъ, что, будучи инспекторомъ у Родзкевичей, онъ гвоздикомъ отомкнулъ сундукъ Зарушкевича и взялъ оттуда „сукно, поясъ и два платки" („кошуль же пари (ы) и простирала не бралъ"), что и отдалъ„ крамаркѣ Любцѣ". Конисскій снарядилъ къ этой„ Любцѣ" нарочныхъ потребовать всѣ вещи, принятыя ею отъ Морозевича. Она сначала„ затаилась", но потомъ, когда съ нарочными „во изобличенія" ея былъ отправленъ самъ Морозевичъ, отдала поясъ и два платка, а про сукно

сказала, что оно уже продано„ кіяницѣ (вѣроятно, кіевлянину) нѣкоторому, котораго на сей часъ и въ Кіевѣ нѣтъ".

Обнаруживъ двойную и весьма тяжелую виновность Морозевича, какъ вора и клятвопреступника, Георгій Конисскій 25 іюня донесъ обо всемъ подробно митр. Тимоѳею Щербацкому, прося его резолюціи, „понеже воровское Морозевича дѣло, яко съ кривоприсяженствомъ совокупившоеся до того жъ волшебство дѣло къ себѣ привязавшое, не можетъ въ Академіи рѣшитись".

Митрополитъ передалъ дѣло консисторіи, которая постановила: „Морозевичу за воровство учинить наказаніе по регуламъ и обикновенію академійческому, а за крывоприсяжество наложить эпитимію по усмотрѣнію архипастыря нашего імущаго власть вмаляти и прибавляти эпитиміи" (тутъ имѣлось въ виду 64-е правило св. Василія вел.)[1] Митрополитъ опредѣлилъ: „Морозевичъ лѣто едино да плачется, лѣто да послушаетъ божественныхъ писаній, лѣто да припадаетъ, лѣто да стоитъ съ вѣрными, и потомъ божественнаго общенія да причастится, въ церковь всегда входитъ и ежечасно да исповѣдуется"[2]), и препроводилъ консисторское постановленіе въ академію для исполненія.

---

[1]) О волшебствѣ Каллиниченко консисторіею поднято было особое дѣло.

[2]) 11-го сентября Морозевичъ просилъ митрополита о смягченіи такой эпитиміи. Вотъ его любопытное прошеніе по этому поводу:

„По паденіи моемъ, не безъ извѣстія Вашей Архипастирской святинѣ, въ грѣхъ, достодолжное принявъ наказаніе полномощнимъ іерарщескимъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства неблагословеніемъ отлученъ я паче всѣхъ окаяннѣйшій отъ святѣйшихъ божественныхъ таинъ принятія на чтири года, что совѣсть мою которую, аще Богъ мнѣ поможетъ, по смерть слезнымъ покаяніемъ исправлять хотщуся безпрестанно снѣдаетъ, и никогда духа моего всего міра слезъ достойнаго вспокоить не можетъ, но всегда различними помислмы смущаетъ, и въ бѣдственное состояніе приводитъ. Но о Владыко святій! се съ плачемъ яко блудній сынъ всесмиреннѣйше припадаю къ стопамъ святителскихъ ногъ вашихъ, печальнимъ духомъ іерарщескую руку любизаю и молю глубочайшимъ упокореніемъ благосерднѣйшую владическую утробу, пріими мя Владыко заблуждшую овцу, се бо беззаконіе мое предъ тобою архипастиремъ съ плачемъ исповѣдую, каятісь и сожалѣти объ немъ отъ всего усердія обѣщаюсь. Да будетъ убо Владыко святій іерарщеское на мнѣ вскорѣ ваше разрѣшеніе да не болѣе смущаемій помислми буду; осемъ Владыко святій слезно и паки молю.

Вашего Ясне въ Богу Преосвященства недостойній рабъ и подножіе Матѳій Морозевичъ слышатель богословіи".

28 іюля Георгій Конисскій уже„ репортовалъ" въ канцелярію митрополита: „понеже испрежде обикновеніе въ академіи, тѣхъ, которіи въ воровствѣ являются, публично подъ оглашеніемъ школнаго звонка боемъ наказовать и съ академіи эксклюдовать, того ради и Морозевичу по тому обикновенію.... сего іюля 26 публично средѣ бурси бивъ розгами съ академіи эксклюдовано; да сверхъ за уворованное сукно, якоимъ Морозевичомъ не привращенное, сняти съ его Морозевича черкеска и сундукъ старій подъ баранками, дабы тѣмъ означенное сукно хотя не совсѣмъ (ибо онія обѣ одежини по оцѣнки ихъ означенного сукна не стоятся) обижденной сторонѣ наградить".

Д. К. Вишневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову)[1].

Засимъ обращаемся къ дальнѣйшей исторіи Лубенщины, послѣ того какъ она была передана во владѣніе вдовы Михайла В—аго. Опекунъ и дядя малыхъ дѣтей послѣдняго, Юрій В—ій, скоро послѣ этого умеръ и былъ замѣненъ Константиномъ Константиновичемъ В—имъ, отца котораго Бартошевичъ называетъ роднымъ братомъ знаменитаго Дмитрія Байды [2]). Константинъ завѣдывалъ Лубенщиною вмѣстѣ съ Раиною до совершеннолѣтія Іереміи. Какъ видно изъ юридическихъ актовъ Лубенщины, Константинъ В—ій былъ опекуномъ уже въ 1621 г.; въ этомъ году онъ далъ позволеніе на устройство Слѣпородскаго монастыря. Повидимому, онъ усилилъ опекунскую власть надъ имѣніями малолѣтнихъ В—ихъ: до него вдова самостоятельно выдавала акты—на устройство Мгарскаго монастыря, на маетности монастырямъ Густынскому и Подгорскому (Ладинскому) [3]), но Константинъ В. эти акты нашелъ нужнымъ подтвердить, съ своей стороны, „опекунскимъ правомъ“ (prawem opiekunskim), причемъ измѣнялъ прежде выданные по своему усмотрѣнію [4]). Константинъ В. управлялъ „заднѣпровскими“

---

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1896 г., № 1.

[2]) Бонецкій, 369.

[3]) См. Лѣтопись м—ря Густынскаго, изд. Бодянскаго.

[4]) Приводимъ здѣсь актъ, выданный Конст. В—имъ въ 1622 г., „на будованне монастыря надъ рѣкою Сулою“, послѣ того, какъ такое позволеніе было уже

маетностями своего племянника еще и въ 1630 г., когда имъ былъ выданъ актъ Мгарскому м—рю съ подтвержденіемъ Ольшанскихъ грунтовъ[1]). Въ этомъ же году возобновленъ былъ споръ дочерью Станислава Жолкѣвскаго Софьей, женой Яна Даниловича, воеводы русскаго, противъ „княжати Еремія Корибутовича В—ого, старосты Овруцкого, и опекуна его мл. княжати Константина Корибутовича В—ого, старости Черкаского и иншихъ опекуновъ (?) его милости", за Горошинъ и Слѣпородъ. Мы уже видѣли, что по постановленію Варшавскаго сейма, въ 1590 г., эти два урочища были отданы анонимнымъ „тремъ особамъ", въ числѣ которыхъ оказался и Жолкѣвскій (см. янв., стр. 117); однакожъ эти „три особы" своего права на пустынныя урочища, какъ видно, не осуществили, пользуясь чѣмъ В—іе присоединили ихъ къ своимъ владѣніямъ. Дочь Жолкѣвскаго жаловалась „о посаженье и осягнене добръ, грунтовъ и урочискъ, т. е. пустынь Горошина и Слѣпородъ зо всими тихъ обойга урочищъ належностями и о посажене на тихъ грунтахъ и урочищахъ разныхъ мѣстъ, мѣстечокъ, селъ, футоровъ...", при чемъ

дано въ 1619 г. Раиною. „Constanti Korybuth xże Wiszniowiecki, starosta Czerkaski. Wiadomo czynię tym pisaniem ninieyszym i napotym będącym, komu wiedziec będzie potzreba, yż ia maiąc w opiece swoiey pozostałe potomky sławney pamięci xieża jego mci nieboszczyka Michała, brata mego, y maietnosci ych, a życząc, aby nie tylko w sprawach ych komu nie byłą y obliżenia, y owszem przymnożenia zostawali, które aby tym pochopniey y prędziey rozszyrzaly się od Boga y taky iego początek zacząc mi się zdało przeto tedy jako opiekun przyrodzony, za przyczyną y pzozbą mieszczan moich Łubieńskich, pozwoliłem y tem listem moim pozwalam zbudować y ufundować monasterku ko rozmnożeniu chwały Bożey, religij greckiey, nad rzeką Sułą, międzi Mharem rzeczką a Olszanką, drugą rzeczką, za Łubniami pułmile, oycu Jsaiu, episkopu y archimandrytu monasterow w maietnosciach zadnieprskich będącich, do ktorego grunt między temi rzeczkami będący przydałem z wołnym używaniem y ze wszystkimi pożytkami według potrzeby do żywnośći monasterzowi należący, wzdłuż od Olszanki rzecky do Mharu drugey rzeczky, wszyr od łąki nazwaney Łoreczyney do Suły, wolno iemu swoiem kosztem y młynek gdzie w tymże gruncie mieysce upatrżywschy, zbudować ku pożytku swemu, czego wedłyg tego nadania mego ma zażywać spokoynie, nienaruszníe, według upodobania swego przerzeczony oycieć Jsaia bez żadney przeszkody tak odemnie, iako y po mnie będących. A dla pewnieyszey wagy listu tego, ręką swą podpisałem się y pięczęc przycisnąc rozkasałem. Dzialosią w Alexandrowie, anno 1622, 15 septem." Акты Мгарск. м—ря, лл. 59 об. и 61 об.

[1]) Акты Мгарск. м—ря, л. 64.

пояснялось, что завладѣлъ этими грунтами умершій Михаилъ В—ій, „не маючій жадного права на тие грунта Горошинскіе, надъ рѣкою Сулою лежачіе, и Слѣпородъ—за Днѣпромъ („позовъ" писался въ Кіевѣ), на шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской и при рубежу московскомъ"; при этомъ въ „позвѣ" указывалось также, что эти грунта были отданы отцу „пани воеводиное русское правомъ вѣчнымъ отъ короля, въ року 1597[1]), послѣ чего на сихъ грунтахъ сѣло немало „мѣстъ, мѣстечекъ, селъ и футоровъ"[2])... „Позовъ" „русской воеводиной" кончился, повидимому, ничѣмъ, такъ какъ Горошинъ значился въ спискахъ имѣній В—ихъ и послѣ 1640 г. Изъ приведеннаго „позова" видно, что въ 1630 г. Іеремія В—ій называется уже старостою Овруцкимъ; такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или „позовъ" давалъ этотъ титулъ молодому Іереміи гадательно—не знаемъ. Не знаемъ также, когда именно Іеремія В—ій вступилъ въ самостоятельное распоряженіе отцовскими маетностями, а въ томъ числѣ и Лубенщиною; вообще мало имѣется свѣдѣній о ранней молодости наслѣдника Михаила В—аго. Въ компилятивныхъ біографіяхъ Іереміи разсказывается, что онъ учился въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ и тутъ же отступился отъ православія;—что, затѣмъ, онъ путешествовалъ по Европѣ для изученія военнаго искусства, при чемъ особенно долго занимался послѣднимъ въ Нидерландахъ[3]). На родину вернулся Іеремія ок. 1632 г., т. е. въ возрастѣ ок. двадцати лѣтъ. Повидимому, тогда же пришлось ему познакомиться и съ „заднѣпровскими" своими маетностями, куда звала его начавшаяся въ это время война Польши съ Москвою. Вѣроятно, что при этомъ первомъ посѣщеніи Іереміей Лубенщины было написано къ нему и извѣстное посланіе Исаіи Копинскаго, укорявшее молодаго отступника за неисполненіе предсмертнаго завѣта его матери.

---

[1]) Раньше (стр. 116, янв.) указано, что Горошинъ и Слѣпородъ отданы были Жолкѣвскому въ 1590 г. Разность въ годахъ происходитъ вѣроятно отъ описокъ.

[2]) Кіевск. центр. арх., Книга гродск. Житомирск., № 14. л. 836 об.

[3]) Свѣнцкаго, Histor. Pamiątki, II, 296.

— „Великій жаль наполняетъ наши сердца, пишетъ Копинскій, видя вашу княжую милость, „пожаданную утѣху“ нашу, уклонившимся отъ древнегреческой вѣры своихъ предковъ и родителей... Не вѣдаю, кто отвратилъ вашу кн. милость отъ нашей вѣры... Всѣ мы знаемъ, какими ужасными клятвами обязывала васъ родительница ваша, оставляя сей свѣтъ! На чью душу падетъ сей грѣхъ—Господь то знаетъ, а мы знаемъ, что „отцовская клятва высушаетъ, а материнская выкореняетъ“... Затѣмъ Копинскій вспоминаетъ предковъ Іереміи—прадѣда Ольгерда, сына его Ягелла и другого сына Ольгерда—Дмитрія Корибута, князя сѣверскаго... „Всѣ они были славными рыцарями, всѣ они принадлежали къ вѣрѣ греческой и послѣдняя ни въ чемъ ихъ не повреждала, а лишь славнѣйшими ихъ дѣлала!... Прошу вашу кн. милость именемъ всей церкви—не позволяй себя увлекать „политицкими раціями“! Вспомни, ваша кн. милость, своихъ родителей,—какой вѣры они держались!.. Почему же, ваша княжая милость, не хочешь слѣдовать ихъ примѣру, почему отрекаешься вѣры, въ которой родился?—Легко случается, что людскія рѣчи совращаютъ молодость, случается, что и насилуютъ ее, но все это сразу можетъ уничтожиться. Имѣешь, в. кн. м-ть, въ своихъ маетностяхъ и церкви, и монастыри, есть въ нихъ и достаточное количество духовныхъ особъ; искать ничего не приходится: чего пожелаешь, то и получишь! И мы, надѣясь, что не навсегда же отрекся, в. кн. м—ть, отъ церкви божьей, со слезами просимъ, именемъ всего духовенства, всего христіанства, не оставляй той вѣры, въ которой водою и духомъ родился, возвратись въ лоно ея, матери своей природной, и утѣшь тѣмъ насъ всѣхъ! И когда, в. кн. м—ть, учинишь по нашему моленію, то осѣнитъ тебя благословеніе божіе и родительское, и утѣшишь ты всю церковь и все христіанство, исповѣдующее древнюю вѣру! И счастливо окончишь ты земную свою жизнь и наслѣдуешь затѣмъ, по милости Бога, животъ вѣчный!“ [1]).

Думается, что эта мольба лучшаго представителя тогдашней южнорусской земли, такъ сильно напомнившая молодому отступ-

[1]) Лѣтоп. Густынск. м—ря, стр. 39—42.

нику данныя имъ умиравшей матери клятвы, не могла имѣть желаемыхъ результатовъ: молодость самонадѣянна и упряма... Исаія Копинскій своимъ посланіемъ могъ скорѣе возбудить у Іереміи лишь большую ревность къ его новой вѣрѣ [1])... Эта ревность неофита и обнаружилась въ начавшейся тогда войнѣ Польши съ Москвою. Война эта началась въ 1632 г. и первое время сосредоточивалась въ Сѣверской землѣ. По свѣдѣніямъ „Розрядныхъ книгъ“, въ концѣ 1632 г. отряды боярина Шеина воевали „литовскіе городы“ Батуринъ, Роменъ, Ивангородище, Борзну, Мену, Миргородокъ, которые были покорены, повидимому, въ нач. 1633 г. [2]). А когда Шеинъ отправился покорять Смоленскъ, то въ Сѣверщинѣ остался воевода Алябьевъ, осадившій въ томъ же году Черниговъ. Польскаго войска въ это время здѣсь было очень мало, и все оно, повидимому, заключалось въ частныхъ отрядахъ мѣстныхъ державцевъ; такъ, польскіе источники свидѣтельствуетъ, что къ осажденному Чернигову приспѣлъ изъ Нѣжина отрядъ п. Казановскаго, состоявшій всего изъ ста „выпищиковъ“. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ разсказывается, что когда русскій отрядъ Бутурлина разорилъ Миргородъ, то для прегражденія ему пути въ Лубенщину, изъ Лубенъ вышелъ только небольшой отрядъ подъ начальствомъ „слуги“ Іереміи Длотовскаго, почему отрядъ этотъ и былъ разбитъ Бутурлинымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ. Другой польскій отрядъ, находившійся въ Лубенщинѣ же подъ начальствомъ Киселя, былъ такъ малъ, что не рискнулъ идти даже и на помощь Длотовскому. Увеличить свои военныя силы поляки не могли при незначительности населенія въ тогдашней Лубенщинѣ (których szczupła liczba była na tym pograniczu), которое при томъ въ виду начавшихся военныхъ дѣйствій разошлось, какъ разошелся

[1]) Г. Кулишъ, въ своей книгѣ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, обвиняетъ Петра Могилу, что онъ, будучи близкимъ родичемъ Іереміи, „ничего не предпринялъ, чтобы удержать его въ православіи“.. (II, 198). Но врядъ ли въ это время была сила, которая могла бы остановить повальное вѣроотступничество тогдашнихъ южнорусскихъ магнатовъ, такъ какъ только католичество давало этимъ магнатамъ возможность оставаться и возвышаться въ магнатствѣ...

[2]) Розрядн. книги, II, 615. Акты Моск. госуд., изд. Акад. Н., I, 444, 599 и друг. Ср. Соловьевъ, IX, изд. 3, стр. 201.

„по своимъ домамъ“, и „запорожскій полкъ Лавринка“, повидимому, исполнявшій обязанности гарнизона въ Лубнахъ [1]).

Вотъ въ это время Іеремія В. и обнаружилъ свою энергію неофита... Польскіе его біографы разсказываютъ, что В., собравъ отрядъ *своего* войска (на правомъ берегу Днѣпра?), простиравшійся до пяти тысячъ, пошелъ подъ Путивль и поразивъ тамъ русскихъ, выжегъ окрестныя села; что затѣмъ, въ другой разъ, соединившись съ Лукою Жолкѣвскимъ, В. пошелъ уже за Путивль и воевалъ Курскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, которые вмѣстѣ съ окрестными селами обратилъ де въ пепелъ... И стали Іеремію В., продолжаютъ тѣже біографы, звать отъ того времени *палѣемъ* [2]). Этотъ разсказъ, повторенный вкратцѣ и Костомаровымъ [3]), никакими первоисточниками не подкрѣплялся. Только въ послѣднее время обнародованы акты изъ архива м—ва юстиціи, которые, подтверждая свѣдѣнія о походѣ Іереміи въ предѣлы Московскаго государства, сообщаютъ и подробности этого похода. Указанные акты говорятъ, что въ к. февраля 1634 г. поляки приходили подъ Путиль въ числѣ 5000 человѣкъ, но были отбиты, а въ мартѣ Іеремія съ Жолкѣвскимъ ходили подъ Сѣвскъ, хотѣли его взять осадою, но также были отбиты, хотя, какъ видно изъ сообщаемыхъ актами подробностей, Сѣвскъ при этомъ достаточно пострадалъ отъ пожара и разоренія; въ походѣ на Сѣвскъ участвовали до 30000 человѣкъ, „польскихъ и литовскихъ людей, и нѣмецъ и черкасъ“. При осадѣ Сѣвска, между прочимъ, участвовалъ и извѣстный Яковъ Остряница, котораго акты титулуютъ въ это время „полковникомъ“. Изъ подъ Сѣвска В. съ товарищами пошелъ было на Рыльскъ, но на дорогѣ получено было имъ извѣстіе о приближеніи татаръ къ „литовской землѣ“, почему В. счелъ нужнымъ вернуться домой [4]), а отрядъ „запорожскихъ козаковъ“, въ числѣ 12000 человѣкъ, съ полковниками Ильяшемъ и Остряницею, былъ направленъ В—мъ къ Смоленску, на помощь королю; но у козаковъ съ поляками вы-

---

[1]) Szkice Пуласскаго, стр. 221. Ср. Акты Моск. Госуд., I, 411.

[2]) Свѣнцкаго, Histor. Pamiątki, II, 296.

[3]) Богд. Хмельницкій, изд. 1884, I, 328.

[4]) Акты Моск. Госуд., I, 599, 607, 611, 612 и 616.

шла при этомъ какая то „рознь“, и походъ свой козаки ограничили лишь осадою Курска; осада была неудачна, и „черкасы“ вернулись домой, но здѣсь Іеремія „за то ихъ непослушаніе велѣлъ ихъ грабить и въ городы не велѣлъ ихъ пускать“ [1]).

Вернувшись въ Лубенщину, В. противъ татаръ не ходилъ, такъ какъ противъ нихъ пошли другіе военачальники, а В. сталъ готовиться къ новому походу въ Московское государство, предполагая снова начать этотъ походъ осадою Путивля [2]). Походъ этотъ однакожъ не состоялся, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ война съ поляками кончилась заключеніемъ поляновскаго мира.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что особыхъ удачъ въ своихъ походахъ противъ Московскаго государства Іеремія В—ій не имѣлъ, и польскія извѣстія о его успѣхахъ въ этихъ походахъ, повидимому, преувеличены [3]).

Засимъ мы не имѣемъ свѣдѣній, гдѣ жилъ и чтó дѣлалъ Іеремія В—ій въ продолженіе 1633—35 гг. Есть извѣстіе, что послѣ заключенія Поляновскаго мира, когда Киселю поручено было провести границу между Московскимъ и Польскимъ государствами, В—ій очень боялся, чтобы часть его Лубенщины не была отмежевана къ путивльскимъ землямъ и по этому поводу, въ 1634 г., просилъ будущаго своего тестя Замойскаго предстательствовать за него предъ Киселемъ [4]). Эта просьба указываетъ, что В—ій, не смотря на свою молодость, уже ревниво оберегалъ свои матеріальные интересы... Въ 1636 г. В—ій навѣдывался въ свою Лубенщину, такъ какъ мы имѣемъ два акта, выданные имъ, оба въ Лубнахъ, въ маѣ и октябрѣ 1636 г., одинъ Мгарскому м—рю, а другой какому то Федору Проскуренку на „островокъ для пасѣки“ [5]). Въ это время уже вся Лубенщина была и юридически закрѣплена за Іереміей В—мъ,

---

[1]) Т. же, 216.

[2]) Т. же, 622.

[3]) Тѣмъ болѣе, что и самъ король Владиславъ признавалъ, что главную роль въ этихъ походахъ игралъ не В—ій, а Кисель. Pułaski, Skize, 227.

[4]) „Xże imć. Her. W—cki, mając contignitatem granic z panstwem moskiewskiem, chciał by tego ostrzedz sobie, aby przez comissią naznaczona z Moskwą, ni poniesł jakowego uszczerbku“... Т. ж., 231.

[5]) Акты Мгарскаго м—ря, л. л. 5 и 59.

такъ какъ по условіямъ Поляновскаго договора Московское правительство спорную часть Лубенщины (Снятинъ, Сенчу, Многой, Журавку, Куренку...) „уступило въ королевскую сторону безъ спору“ [1])...

Затѣмъ изъ событій, происходившихъ въ Лубенщинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, по свидѣтельству позднѣйшихъ малорусскихъ историковъ, одинъ изъ сторонниковъ возставшаго Павлюка—Скиданъ универсалъ свой, взывавшій къ населенію степной Украйны, выпустилъ изъ Лубенъ, въ октябрѣ 1637 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что и населеніе этого города присоединилось къ возставшимъ козакамъ. А затѣмъ, послѣ Кумейскаго пораженія, когда отдѣльные козацкіе отряды пробовали еще сопротивляться полякамъ, одинъ изъ такихъ отрядовъ, предводимый Кизимомъ-сыномъ, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, занялъ Лубны и, разоряя польское населеніе этого города, сжегъ де тутъ и Бернардинскій монастырь [2]). Послѣдовавшее въ 1638 г. возстаніе Остряницы и Гуни скоро было усмирено поляками, въ предѣлахъ Лубенщины, причемъ въ этомъ усмиреніи участвовалъ и Іеремія В., какъ подробно объ этомъ разсказываетъ Окольскій. Усмиренныхъ козаковъ поляки жестоко наказывали, а послѣдствіемъ этихъ наказаній явились на лѣвомъ берегу Днѣпра разные толки о намѣреніяхъ поляковъ начать и здѣсь насажденіе уніи [3]). Слухи эти всполошили особенно лѣвобережныхъ монаховъ, думавшихъ, что они первые должны будутъ пострадать при этомъ. Особенно ис-

---

[1]) Дворцов. Разряды, II, 883.

[2]) Такъ разсказываютъ г. Кулишъ (Библ. дл. Чт. 1863 г., октябрь (?), стр. 12) и Костомаровъ (*Богд. Хмельн.*, изд. 4-е, 154), но источниковъ не указываютъ. Слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свѣдѣніе взято изъ рукописей Публ. б—ки, такъ какъ г. К. въ своей статьѣ оговаривается, что приводимыя имъ *новыя подробности* взяты изъ указаннаго источника. Костомаровъ сообщаетъ это свѣдѣніе, повидимому, по Кулишу. Въ книгѣ—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ свѣдѣніе о разграбленіи Лубенъ Кизимомъ—повторено (I, 282) тоже безъ указанія источника; впрочемъ въ этой книгѣ источники вообще не указываются.

[3]) Объ этомъ извѣщалъ Исаія Копинскій Мгарскаго и Густынскаго игуменовъ, что „де однокончно король польскій и паны радные и ляцкіе арцибискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть и христіанскія церкви превратить въ костелы ляцкіе и книги русскія и монастыри вывесть“... Акты Ю. З. Россіи, III, 5.

пугались густынскіе монахи, когда, на обращенную къ Іереміи В—му просьбу ихъ игумена—о подтвержденіи правъ на монастырскія маетности, князь отвѣчалъ: „а мнѣ цо о васъ—жійте до ласки моей!“ Сообщая объ этомъ отвѣтѣ Іереміи мгарскому игумену, густынскій игуменъ добавлялъ: „а ласка кождого пана на волоску виситъ, а кгда ся урветъ,—пречь отъ всего изъ маетности—до дьябла!“ Бѣгство Остряницы въ предѣлы Московскаго государства указывало и монахамъ возможность спасенія тамъ же. Не надѣясь на защиту В—аго, густынскій игуменъ согласилъ и другихъ двухъ игуменовъ (мгарскаго и ладинскаго) бѣжать съ братіей въ Путивль, чтобы оттуда просить милости и покровительства у московскаго царя.—Но когда густынскіе и ладинскіе монахи достигли Путивля, ожидая здѣсь уже встрѣтить и мгарскаго игумена, который долженъ былъ прибыть туда другою дорогою, то нашли тутъ только часть мгарской братіи, а самъ игуменъ не только не пошелъ изъ Мгари, но еще посмѣялся, въ письмѣ къ густынскому игумену, надъ страхами послѣдняго передъ уніей, спрашивая—почему такъ страшна ему эта унія: „чи зъ рогами она, чи зъ голынятыми ногами, чи зъ усомъ, чи зъ бородою великою, чи пѣша, чи ѣздитъ?“ [1])... Слѣдуетъ догадываться, что мгарскій игуменъ былъ обласканъ Іереміей и пересталъ бояться уніи... Не одни, впрочемъ, монахи нашли нужнымъ уходить подъ защиту московскаго правительства. Лубенскій „староста“ Якубъ Коледа тогда же (лѣтомъ 1638 г.) писалъ путивльскому воеводѣ Плещееву, что „подданные кн. Іереміи В—аго, поднявся въ нынѣшнюю свою козацкую войну отъ мѣста Гадяцкого, *нѣсколько тысечь*, ушли въ Путивль“.. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣдствіемъ усмиренія козачьяго возстанія 1638 года былъ общій переполохъ между населеніемъ Лубенщины, которое боясь за свою участь, стало покидать послѣднюю, двигаясь далѣе на востокъ. Происходившая такимъ образомъ убыль въ населеніи Лубенщины нарушала матеріальные интересы Іереміи и требовала принятія съ его стороны предупредительныхъ мѣръ.

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 10.

Повидимому, съ цѣлію упорядочить свои „заднѣпрскія маетности“ подъ личнымъ надзоромъ, В—ій рѣшилъ самъ переселиться въ Лубенщину. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ—личнымъ пребываніемъ въ послѣдней предупредить на будущее время и тѣ козачьи возстанія, которыя такъ невыгодно отражались на экономическомъ благосостояніи „заднѣпрскихъ“ его маетностей. Рѣшивъ вопросъ о своемъ переселеніи на лѣвый берегъ Днѣпра, В—ій, какъ кажется, одновременно рѣшилъ и другой вопросъ—о своей женитьбѣ. Женился онъ, какъ извѣстно, на дочери короннаго канцлера Фомы Замойскаго—Гризельдѣ. Недавно, въ одной газетной статьѣ, явилось подробное описаніе этой женитьбы [1]), сдѣланное, повидимому, на основаніи современныхъ событію свѣдѣній. Въ этомъ описаніи читаемъ, что В—ій, вернувшись, послѣ усмиренія козаковъ, въ правобережныя свои имѣнія, направился затѣмъ въ Варшаву, гдѣ и встрѣтилъ только что прибывшую изъ заграницы въ свитѣ королевы Цециліи Ренаты—Гризельду Замойскую, „особу молодую, разсудительную, болѣе привлекательную добротою и качествами сердца, чѣмъ красотою; безобразной она, правда, не была, но не обладала и совершенной красотой...“ Когда Іеремія В—ій посватался, причемъ сватомъ былъ самъ король (Владиславъ IV), то „старикъ Замойскій, смотрѣвшій на родъ и славу Вишневецкихъ, какъ на первый клейнотъ короны, съ искреннею радостью выслушалъ просьбу В—аго и сейчасъ же послѣ коронаціи королевы, въ присутствіи Владислава IV и его супруги, иностранныхъ пословъ, сановниковъ (panów) коронныхъ и литовскихъ, бывшихъ въ Варшавѣ, обручилъ свою дочь за Вишневецкаго. Во время этого торжества, по *описанію современника*, устроеннаго по старосвѣтскимъ обычаямъ, стрѣляли изъ пушекъ, состязались въ рыцарскихъ упражненіяхъ... Эти торжества продолжались шесть дней...“ Затѣмъ В—ій пригласилъ гостей на свадьбу во Львовъ, *къ 1 декабря 1637 г.*—Просилъ В—ій при этомъ и короля съ королевой, „но король, будучи дурно къ

---

[1]) Gazeta narodowa 1890 г., № 23.—«*Slub księcia Ieremiego Wisniowieckiego z Gryzeldą Zamoyską, odprawiony we Lwowie (dnia 1 grudnia 1637)*». Статья подписана—*R. Lew.*

нему расположенъ, отказалъ В—ому въ этомъ, а назначилъ только своими замѣстителями на эту церемонію пословъ. Съ сильнымъ раздраженіемъ противъ придворныхъ льстецовъ покинулъ кн. Іеремія столицу и во главѣ своего десятитысячнаго войска отправился во Львовъ, куда прибылъ къ концу ноября и занялъ роскошное помѣщеніе на городскомъ рынкѣ, въ угловомъ домѣ, недалеко отъ кафедральнаго собора... Отсюда 29-го ноября Іеремія В—ій, въ сопровожденіи родственниковъ, князей и многочисленной шляхты, выѣхалъ на встрѣчу Гризельдѣ до Грудка, откуда послѣ пышнаго пріема, всѣ отправились во Львовъ... При громѣ пушекъ и звукахъ музыки ѣхала великолѣпная золотая карета, въ которой сидѣла Гризельда съ матерью и сестрой Іоанной-Варварой, впослѣдствіи женою Александра Конецпольскаго. Рядомъ съ невѣстой ѣхалъ В—ій на великолѣпномъ турецкомъ конѣ, убранномъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Во второй каретѣ ѣхалъ Замойскій съ женами Чарторыйскихъ, въ третьей—Чарторыйскіе, въ четвертой—Збаражскіе, Воронецкіе и Корецкіе... На другой день, 1 декабря, въ 10 часовъ утра, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ золотой каретѣ, запряженной шестью бѣлыми какъ снѣгъ лошадьми, пріѣхалъ кн. Іеремія, въ сопровожденіи шести родственниковъ-князей, съ женами и дѣтьми—за невѣстой... Гетманъ Конецпольскій сидѣлъ рядомъ съ Іереміей, въ качествѣ старосты; дружками были Николай Потоцкій, Юрій Оссолинскій и друг... У порога храма молодые, по старому обычаю, приняли родительское благословеніе, вошли, при звукахъ музыки, внутрь храма, къ главному олтарю, гдѣ, ставъ на приготовленныя подушки, молились всю обѣдню, которую совершалъ архіепископъ львовскій Гроховскій; послѣ обѣдни, молодые заняли княжескія кресла и слушали поученіе о супружеской жизни отъ епископа краковскаго. Пріобщившись, поклялись у подножія алтаря въ любви, вѣрѣ и страхѣ божіемъ и цѣловали крестъ изъ рукъ архіепископа, вмѣстѣ съ отцомъ и гостями. Знатнѣйшими гостями при обрядѣ были: кн. Острожская, дочь воеводы Волынскаго, ея братъ кн. Острожскій, Чарторыйскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Воронецкіе съ женами и дѣтьми, Станиславъ Конецпольскій, Николай Потоцкій, Криш-

тофъ Радзивилъ, Лука Жолкѣвскій, Мартынъ Калиновскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Оссолинскій, послы Владислава IV,—Григорій Кнапскій и ксензъ-каноникъ Матвѣй Любинскій, послы Юрія Ракочія и много пановъ изъ Литвы и Руси.—По совершеніи обряда костелъ огласился пѣніемъ veni Creator; пѣлъ, съ акомпаниментомъ органа, органистъ, получившій за это отъ В—аго прекрасное село. Молодые пѣшкомъ пошли, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ костелы о. о. доминикановъ, бернардиновъ и кармелитовъ, и до вечера молились, дѣлая богатые вклады. Въ фамильныхъ актахъ (?) В—ихъ есть упоминаніе, что кн. Іеремія В—ій издержалъ на свадьбу 250000 злотыхъ. Во Львовѣ она продолжалась 15 дней... Утромъ 16 декабря молодые оставили Львовъ и, послѣ короткаго пребыванія въ Замостьи, уѣхали въ Вишневецъ." Въ этомъ любопытномъ описаніи положительно указывается, что В—ій вѣнчался *1 декабря 1637 г.*, но этотъ годъ возбуждаетъ сомнѣніе уже и потому, что Іеремія усмирялъ козаковъ въ 1638 г., а женился онъ, по словамъ самого автора приведеннаго описанія, уже послѣ усмиренія. Кромѣ того, въ недавно напечатанной въ польскомъ историческомъ журналѣ замѣткѣ—*о годѣ рожденія короля Михаила Вишневецкаго* [1]), указывается печатная „рѣчь" (kazanie), сказанная іезуитомъ Чарноцкимъ—„w dzień ślubu... xiążęcia j. m. Ieremiego... Wiśniowieckiego z j. ur. panną j. m. p. Gryzeldą Zamoyską, *miane w Zamosciu, w kościele farskim, w niedzielę przed mięsopusty 1639.*" Такимъ образомъ здѣсь указывается, что день свадьбы В—аго былъ де *6 марта 1639 г.*—Повидимому, г. Левъ въ своемъ описаніи ошибся въ годѣ, указавъ 1637-й годъ вмѣсто 1638-го, когда усмирены были козаки, но въ мѣсяцѣ женитьбы—здѣсь ошибки, повидимому, не должно быть, такъ какъ уже очень точно показаны ноябрскіе и декабрскія числа. Сказанная же 6 марта 1639 г. рѣчь іезуита Чарноцкаго, повидимому, говорена была не въ день вѣнчанья, *а по поводу недавняго вѣнчанья*, въ то время, когда послѣ свадьбы молодые гостили у Замойскихъ...

Какъ бы то ни было, но въ нач. 1639 г. В—ій былъ уже женатъ, при чемъ въ жены себѣ выбралъ панну, хотя и некра-

---

[1]) Kwartalnik Historyczny 1895 г. № 3, стр. 485.

сивую, но невѣсту завидную, руки которой искалъ и другой знатный князь. Въ напечатанномъ Войцицкимъ сборникѣ—*Biblioteka starożytna pisarzy polskich* [1]),—помѣщено между прочимъ и нѣсколько *разговоровъ умершихъ поляковъ*; это была очень любимая въ XVIII в. форма историческихъ повѣствованій, въ которыхъ нерѣдко приводятся интересныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію безъ указанія лишь ихъ источниковъ. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, и *разговоръ короля Собѣскаго съ Іереміей Вишневецкимъ*. На вопросъ короля о томъ, какъ Іеремія женился, послѣдній сообщаетъ интересныя подробности—какъ о наружности своей жены, такъ и о томъ, какъ она изъ двухъ одинаково знатныхъ жениховъ, выбрала его, Іеремію [2]). Нужно полагать, что основою разсказа были историческія свѣдѣнія, опровергающія такимъ образомъ новѣйшее повѣствованіе объ „извѣстной красотѣ" Гризельды. Вотъ съ этою то Гризельдою, обладавшею сердцемъ и умомъ мужчины, Іеремія и переселился на лѣвый берегъ Днѣпра,—для дальнѣйшаго экономическаго устроенія тамошнихъ своихъ маетностей.

[1]) Warszawa, 1843—1844, шесть книжекъ.

[2]) Іеремія о своей женитьбѣ сообщилъ Собѣскому слѣдующее: „Miał za sobą Gryzeldą Zamoyską *cale nie urodną*, ale serca i rozumu męskiego, przy wysokiey cnocie w tym ożenieniu niszey particularitatem nie znayduje, tylko że ta panna z xiężney Ostrogskiey, woiewody wołyńskiego Alexandra córki zrodzona, a zpłodzona z Tomasza Zamoyskiego, kanclera w. koronnego, nie tak urodą iak wysokością koligacyi i posagiem powabna, miała nie tylko mnie, ale i Dominika x-cia Ostrogskiego z Zastawskiey linii konkurenten; małośmy się nie pobili kilka razy, tak o punkt honoru za urodę Heleny Troianskiey, podczas stania x-że Ostrogski był piękny, młody, biały, ale delikatny, ospały zgoła, nie udatny; ia zaś byłem dużo czarniawy, nie wielki ale rześki i w stanie ładny, kibitny i aż nazbyt skłonny. Przekupował x-że Ostrogski baby i panny, że mnie ganiąc, mego ryvala vychwalali przed panną. Raz gdy baba pannie (która na mnie lepiey iak na tamtego patrzała) movi: dla Boga coś to upatrzyła v xięciu Wiszniovieckim, on czarny,—panna odpowiedziała: nie frasuy się, nie poczerni on mnie. I ta decyzya była dekretem, bo rodzice na nią zdali obranie kawalera, niechcąc sobie nas xiążat obu możnych, zacnych i bogatych sami urazic". T. VI, str. 87. Г. Кулишъ говоритъ, что Іеремія В—ій женился „на *извѣстной своей красотою* Гризельдѣ Замойской." („Отпаденіе," II, 199 и 207). Сколько намъ извѣстно, нигдѣ въ польскихъ источникахъ о красотѣ Гризельды не говорится. Единственное упоминаніе о ея наружности, приведенное здѣсь, говоритъ противное. Видно, что свѣдѣніе г. Кулиша основано на одной его *вѣроятности*...

Что же представляли собою „заднѣпрскія“ маетности В—аго въ это время?—Хотя свѣдѣнія наши о состояніи населенныхъ мѣстъ Лубенщины въ тридцатыхъ годахъ XVII в. очень скудны и отрывочны, однакожъ не до такой степени, чтобы нельзя было получить понятія объ успѣхахъ, достигнутыхъ колонизаціей въ Лубенщинѣ за первые сорокъ лѣтъ (1590—1630). Перечислимъ всѣ извѣстныя въ это время населенныя въ Лубенщинѣ мѣста [1]).

Лубны. Раина Могилянка, жалуясь въ 1618 г. на мужнинаго брата Юрія В—аго за отнятіе имѣній умершаго Михайла В—аго, называетъ между прочимъ—*Stare i Nowe Lubnie, Alexandrow zwane.* Имѣя свѣдѣніе, что лубенское населеніе въ это время размѣщалось (см. ниже) въ центрѣ городка и на его предмѣстьяхъ, слѣдуетъ заключить, что подъ именемъ *Старыхъ Лубенъ* разумѣлся *замокъ* и *мѣсто*, расположенные на мѣстѣ *стараго* лубенскаго городища, а *Новые Лубны* состояли изъ предмѣстій, возникшихъ вокругъ этого городища. Возобновленіе поселенія на мѣстѣ стараго лубенскаго городища послѣдовало, какъ мы уже видѣли, ок. 1590 г., а въ 1591 г. возобновленному подъ именемъ *Александрова* городку дано было, по свидѣтельству польскихъ источниковъ, уже и магдебургское право [2]). Объ укрѣпленіи лубенскаго *замка* можно судить уже и потому, что Михаилъ В—ій переправилъ сюда изъ Овруча 43 пищали (hakownic) [3]). Первое наше свѣдѣніе о лубенской администраціи относится къ 1623 г., когда Лубнами правилъ Мартынъ Нагурскій, „староста лубенскій.“ Населеніе города въ это время дѣлилось: на „громаду“ и „товариство“. Представителями „громады“ были: „войтъ лубенскій“ Федоръ Бышовецъ и бурмистры: Іосифъ Свитайло, Сидоръ Адамовичъ, Олекса Товкачъ, Миско Марченко, Иванъ Витязь, Иванъ Бей, Федоръ Печеникъ. Всѣ эти лица, составляя громадскую администрацію, подписывая

---

[1]) Для этого мы пользуемся книгой г. Яблоновскаго—*Zródła Dziejowe*, томы XX и XXI, и тѣми выписками изъ книгъ Кіевск. Центр. Архива, которыя были помѣщены умершимъ И. П. Новицкимъ въ Кіевск. Губ. Вѣд. 1869 и 1870 г. г.

[2]) Słownik Glogr., XIV, 228. (Обширная статья г. Яблоновскаго—*Zadnieprze*).

[3]) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 7 т. II, стр. 413. Линде говоритъ, что гаковницы „(rodzay strzelby dlugiéy) dawniej po fortecach w mocnym byly užywaniu.“

юридическіе акты, заносимые въ „книги мѣскія ратуша лубенскаго", добавляли—„зо всею громадою," указывая на то населеніе *мѣста* Лубенъ, которое поэтому и называлось *мѣщанами* и которому противополагалось „товариство." Послѣднее въ 1623 году представлялось въ такомъ видѣ: „Стефанъ Жукъ, атаманъ войска запорожского лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблоновскій зо всѣмъ товариствомъ." Судя по именамъ, Гендрикъ и Яблоновскій были поляки, хотя по акту, изъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о нихъ, лица эти вмѣстѣ съ другими членами „громады" и „товариства", отдали—„*духъ*, которій сполечне зъ собою мѣли, кождій свою часть, на рѣчцѣ Олшанцѣ, за прозбою отца владики о. Ісаіи (Копинскаго), до монастира Мгарского лубенского, на хвалу божію." Изъ этого же акта, между прочимъ, видно еще, что въ этотъ моментъ Лубны назывались одновременно и Лубнами, и Александровомъ; Нагурскій подписался старостою *александровскимъ*, а Бышовецъ—войтомъ *лубенскимъ* [1]). Упоминаемый здѣсь Исаія Копинскій, управляя въ это время Мгарскимъ монастыремъ, былъ въ то же время, такъ сказать, охранителемъ „всходного православія" въ Лубенщинѣ. По его начинанію, въ 1622 г., было учреждено „въ градѣ Александровѣ братство церковное, при храмѣ церкви соборной *братской* пресв. Тройцы [2])". По сохранившимся въ *тарифахъ* свѣдѣніямъ населеніе Лубенъ въ 1628 г. представляется въ такомъ видѣ: „дымовъ рыночныхъ—18, уличныхъ—8, предмѣстныхъ—40, убогихъ хижинъ—80, попъ—1, мельникъ—1, портныхъ—2, рѣзниковъ—4, сапожниковъ—4, кузнецовъ—2, „дударей"—2, рыбалокъ—4" [3]). Изъ этого описанія видно, что собственно городъ, вмѣщавшій *замокъ* и *мѣсто* (рынокъ), заключалъ въ себѣ 26 *домовъ*, изъ которыхъ 18 домовъ окружали рыночную площадь, а 8—расположены были въ ули-

---

[1]) Акты Мгарск. м—ря, л. 322 об. По акту 1628 г. войтомъ александровскимъ (лубенскимъ) значится Федоръ Луневичъ или Лунь, а бурмистрами: Ничипоръ Кудренко, Федоръ Печеникъ и Лапко Зубкевичъ.

[2]) Постановленіе объ учрежденіи троицкаго братства въ Лубнахъ помѣщаемъ въ *приложеніяхъ*.

[3]) Тутъ же показано, что водяныхъ мельницъ („колесъ") въ Лубнахъ было пять и при нихъ—сукновален двѣ.

цахъ, примыкавшихъ къ этой площади. Остальное населеніе размѣщалось въ 120-ти домахъ, составлявшихъ, повидимому, *Новые Лубны*, поселеніе отдѣльное отъ *замка*, при чемъ 40 домовъ этого поселенія принадлежали людямъ болѣе менѣе имущественнымъ, а 80—бѣднымъ. Всѣхъ домохозяевъ было въ замкѣ и его предмѣстьяхъ—около полутораста.

Мгарскій хуторъ, возникшій около монастыря, по акту Лубенскаго старосты (?) Андрея Калиновскаго, въ 1624 г. былъ отданъ въ „поссесію" Исаіи Копинскому: „по приказу князя его милости (опекуна кн. Константина?), хуторъ Мгарскій, съ подданными на томъ грунтѣ сидящими, пускаемъ въ поссесію его мил. о. Исаіи, епископу, архимандриту; при этомъ—по отношенію къ подданнымъ мгарскимъ, живущимъ на томъ грунтѣ, около „млинка" монастырскаго, уступаю (ůstępuię) злотыхъ 30, которые по ласкѣ князя его мил. имѣетъ аренда лубенская". Упоминаемый здѣсь хуторъ безъ сомнѣнія есть теперешнее село Мгарь.

Александровка. По акту 1617 г. показаны—*Lubni* albo *Alexandrow*, и отдѣльно—*m. Alexandrowka*, которая слѣдовательно обозначаетъ теперешнее село Александровку, расположенную при р. Слѣпородѣ и основанную, судя по названію, при Александрѣ Вишневецкомъ.

Лукомль. По акту 1604 г. владѣлецъ Жеребятина (переясл. у.). жалуется на Михайла В—аго за пріемъ въ Лукомль его бѣжавшихъ крестьянъ. Въ 1628 г. Лукомль былъ вторымъ послѣ Лубенъ, по населенію, городомъ. На составъ населенія этого городка можетъ указывать слѣдующее свидѣтельство мгарскаго монаха, относящееся къ 1625 г. и записанное въ 1671 г.— „Року 1625, за панства лядского, скоро монастырь (Мгарскій) ставъ будоватися, *человѣкъ лукомскій* на имя Кириллъ, пріѣхавши до монастыря, порадивъ чернцомъ (монахамъ) —барзо, мовитъ, добре на Красныхъ (урочище на Сулѣ, около Лукомля) рыбу ловити, я васъ, мовитъ, самъ тамъ заведу и способъ покажу, которого рады (совѣта) послухавши, заразъ чернцювъ зъ нимъ послали и онъ ихъ тамъ завѣвъ; которій то Кириллъ потомъ и самъ засталъ чернцемъ у Мгарѣ и дали

ему имя Кипріанъ, и вчинили (его) старшимъ рибалкою, и послали его на Красніе, и зоставалъ старшимъ рибалкою, началникомъ, ажъ до смерти, бо тамъ на плавняхъ и умеръ. *А панове у Лукомлѣ были тихъ часовъ тіе*: п. Мокрскій, п. Дашкувскій, п. Война, п. Замойскій, а жадной кривди и перешкоды чернцямъ у ловленню рыбъ на Красныхъ тіи панове не чинили; ащо-бы где якое мужицкое жерело было, того не было. Правда, що волно и мужикамъ ставити вятеръ было. Рыбалки панскіе всюди тамъ (около Лукомля, на Сулѣ) ловлювали рыбу, щобъ що тижня на потребу панскую рыба была; першій и старшій рыбалка былъ Махно, албо Матвѣй, другій Васко Губаръ, третій Германъ, а четвертый Цвей прозвыскомъ, которій то Цвей чернцюмъ на своей части позволилъ жерело прокопати" [1])... Упомянутые въ этомъ показаніи „паны"—Мокрскій и др.—принадлежали, нужно думать, къ составу администраціи, такъ какъ другихъ собственниковъ-пановъ въ Лубенщинѣ, помимо Вишневецкаго, не было. Лукомскіе „мужики", какъ видимъ, никакихъ правъ собственности, напр., въ рыбныхъ ловляхъ по Сулѣ, не имѣли, изъ чего можно заключить, что не имѣли они правъ собственности и въ какомъ либо другомъ недвижимомъ имуществѣ. Въ Лукомлѣ въ это время было: „дымовъ рыночныхъ—10, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45", причемъ показаны еще: священникъ—1, мельникъ—1 [2]). портной—1, рѣзчикъ—1, кузнецъ—1, „дудка"—1, рыбалокъ—2. Какъ видимъ и въ Лукомлѣ—въ *замкѣ* и въ *мѣстѣ* было 35 домовъ, а на предмѣстьяхъ—69, т. е. всего болѣе ста дворовъ.

Хоролъ по актамъ 1618 г. упоминается въ числѣ имѣній Михайла В-аго, причемъ носилъ названіе и *Ярослава* [3]).

---

[1]) Акты Мгарск м-ря, л. 319 об.

[2]) Мельничныхъ „колесъ"—2 и сукновальня—1.

[3]) Такъ какъ въ числѣ Вишневецкихъ, имѣвшихъ отношеніе къ Лубенщинѣ, мы не знаемъ ни одного, который бы носилъ имя Ярослава, то можно предполагать, что новое названіе старому Хорольскому городищу усвоено было первыми его насельниками, пришедшими сюда изъ галицкаго Ярослава. Такое переселеніе ярославскихъ жителей могло имѣть мѣсто, напр., въ 1600 г., когда весь Ярославъ выгорѣлъ и его населенію приходилось „na nowym korzeniu budować." *Wiadomość o m. Jarosławiu, Siarczyńskiego*, (Lwów, 1826), стр. 77. Такой же пожаръ случился

Горошинъ по актамъ 1618 г. называется *новою осадою*, причемъ видно, что первое населеніе сюда пришло изъ Лишни и Сосновки [1]).

Буромка. По акту 1609 г. упоминаются *буромскіе* подданные Михайла В—аго, а по акту 1618 г.—называется слободою [2]).

Жолнинъ. По актамъ 1604—1607 г.г., владѣльцы праваго берега Днѣпра жалуются на Мих. В-аго за пріемъ въ Жолнинъ бѣжавшихъ ихъ подданныхъ, причемъ видно, что въ числѣ бѣглецовъ было восемь человѣкъ изъ *Мозырскаго* повѣта. Въ 1618 г. кіевскіе базиліане, владѣвшіе тогда имѣніями Михайловскаго м-ря, жаловались на Юрія В—аго за то, что онъ поселилъ Жолнинъ на ихъ землѣ, называемой Климятино. Ок. 1630 г. Жолнинъ платилъ В-имъ 180 злотыхъ повинностей.

Слѣпородъ въ 1628 г. имѣлъ дымовъ—2 и огородниковъ—6. Слѣдуетъ думать, что это поселеніе возникло около Слѣпородскаго м-ря, на возобновленіе котораго опекунъ Константинъ В—ій далъ разрѣшеніе, въ 1621 г., какому то священнику Зоилу [3]).

Снятинъ по акту 1628 г. показанъ *новоосѣлымъ* (хотя упоминается уже въ и въ актѣ 1617 г.), при чемъ въ немъ значится: дымовъ осѣдлыхъ—5 и огородниковъ—10, а затѣмъ въ томъ же году въ Снятинѣ же показано: дымовъ рыночныхъ—7, уличныхъ—10, на предмѣстьи—5 и убогихъ—8. При этомъ показанъ и одинъ священникъ. Эта разница въ населеніи, за одинъ и тотъ же годъ, произошла вѣроятно вслѣдствіе ошибки въ датѣ перваго акта, писаннаго должно быть въ 1608 г., а не въ 1628 г.

Сенча. Въ 1613 г. владѣлецъ Ржищева жалуется на Мих. В-аго за пріемъ бѣглыхъ его крестьянъ въ Сенчу. Жаловались тогда же и другіе правобережные владѣльцы за то же на В-аго, напр., въ 1618 г.—за крестьянъ, бѣжавшихъ въ Сенчу же

въ Яреславѣ и въ 1625 г., выданный послѣ котораго Ярославскимъ жителямъ „привилей“ указываетъ, что и безъ пожара имъ жилось не легко. Т. ж., 83. Впрочемъ, кромѣ Ярос ава галицкаго, есть и въ Подоліи (летичевск. у.) с. *Ярославка*.

[1]) Лишня и Сосновка—обѣ деревни теперь въ Кіевск. уѣздѣ.

[2]) *Боремля* (мѣстечко) есть въ дубенск. у., волынск. губ.

[3]) Архивн. отрывки для исторіи Полтавск. епарх. (Полтава, 1887), стр 39.

изъ Рожева и Ходоркова. Ок. 1630 г. Сенча платила В-имъ 180 злотыхъ денежной повинности.

Лохвица. По акту 1628 г. значится здѣсь дымовъ осѣдлыхъ—6 и огородниковъ [1]), но это поселеніе упоминается уже и въ актѣ 1618 г.

Роменъ. По акту 1618 г. значится *Stare i Nowe Rumieńske.* Указаніе здѣсь на два Ромна, старый и новый, можетъ быть объясненно такъ, какъ это сдѣланно и относительно Лубенъ (стр. 222), т. е., что *старымъ* Ромномъ называлось поселеніе сѣвшее на старомъ городищѣ, а *новый* Роменъ—былъ его предмѣстьемъ.

Краснобережье упомянуто въ актѣ 1818 (К. Стар., янв., 122), при чемъ названо новоосаженнымъ мѣстечкомъ. Мы высказали уже догадку, что м. б. это былъ теперешній Красноколядинъ (конот. у.), нахожденіе котораго на высокомъ *берегу* р. Ромна, съ живописными видами, могло усвоить ему названіе *Краснобережья*, впослѣдствіи измѣненное добавленіемъ прозвища того урядника, который селилъ это мѣстечко.

Прилука. По акту 1617 г. упоминаются *Новая и Старая* Прилуки. И здѣсь можно думать, что *старою* Пр. названо поселеніе осѣвшее на древнемъ городищѣ, гдѣ былъ устроенъ *замокъ* и *мѣсто* (рынокъ), а *новою* Прилукою—названо поселеніе, возникшее на предмѣстьѣ (фольваркахъ). По акту 1628 г.—значится здѣсь всѣхъ дымовъ—40 и одинъ священникъ.

Переволочна (иначе—*Międzyrzecz*), по акту 1628 г. здѣсь дымовъ—2 и огородниковъ—4.

Варва по акту 1628 г. хотя и значится *новоосѣлою*, но въ ней въ это время уже находилось: дымовъ—10 и огородниковъ—20.

Журавка упоминается въ 1612 г., а въ 1618 г. сюда бѣгутъ крестьяне изъ Козловки [2]). По акту 1628 г. платитъ В-имъ денежной повинности 60 злотыхъ [3]).

---

[1]) Ср. Źródła Dziejowe, XX, 70.

[2]) Козловка, или Мал. Чернятинъ,—теперь село Бердичевск. у.

[3]) Вѣрнѣе, кажется, 160 злот., какъ у Новицкаго.

Многа[1]) извѣстна уже по акту 1618 г., а по акту 1628 г. въ ней значится: дымовъ—8 и огородниковъ—8.

Пирятинъ. Изъ акта 1604 г. видно, что владѣлецъ Жеребятина (теперь переясл. у.), Ложка жаловался на Мих. и Юр. В—ихъ за пріемъ его бѣглыхъ крестьянъ въ Пирятинъ, который въ актѣ 1613 г. называется: *Piratyn Nowy*, nazw. *Michajłow;* послѣднее названіе указываелъ, что Пиратинъ возобновленъ на „городищѣ“ Михайломъ В—имъ. По акту 1618 г. Пирятинъ платилъ В—имъ 225 злот. денежной повинности.

Куринка значится по акту 1618 г., а по акту 1628 г. здѣсь показано: дымовъ—5 и огородниковъ—10.

Перечисленныя поселенія представляли собою почти исключительно *городки*, отновленные на старыхъ *городищахъ*, причемъ такой городокъ, одновременно съ его возобновленіемъ, укрѣплялся *замкомъ*, снабженнымъ „арматами“ и „гаковницами“ [2]), подъ защитою котораго тутъ же возникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговый центръ—*мѣсто* (рынокъ). Можно догадываться, что въ приведенномъ перечнѣ поселеній указаны не всѣ поселенія, уже существовавшія въ это время въ Лубенщинѣ. Такъ напр., здѣсь не упомянутъ Константиновъ (за Ромномъ), который въ люстраціи 1622 г. названъ „слободою“, съ добавленіемъ: „w tym roku zaczęła się osadzać, mają słobody do lat 20 [3])“. Были конечно и другія такія *слободы*, которыя только что начинали въ это время садиться и на бумагу еще тогда не попали...

Въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о существовавшихъ въ Лубенщинѣ въ перв. четверти XVII в. городкахъ,—обращаетъ на себя вниманіе малочисленнось ихъ населенія, за немногими исключеніями. Очень можетъ быть, что населеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ городковъ умалилось во время кратковременнаго захвата ихъ кн. Юріемъ В-имъ (см. К. Ст. янв., 122), такъ какъ при возвращеніи захваченной послѣднимъ Лубенщины, по „де-

---

[1]) Теперь, *Городище*—мѣстечко лохвицк. у., при впаденіи р. Мвогой въ Удай

[2]) Когда въ 1618 г. передавались эти „замки“ Раинѣ В—ой, то „слуги“ послѣдней заботились, чтобы „армата, куле, порохи были цѣлы въ каждомъ месте и замку“. Кн. гродск. Житомирск. 1618 г., № 13, л. 1035. Кіевск. Центр. Арх.

[3]) Źródła Dziejowe, V, 135.

крету“ люблинскаго трибунала, возный Запольскій, приводившій этотъ декретъ въ исполненіе, говоритъ, что „при томъ отбираню (маетностей) слышалъ онъ великие нареканя съ плачемъ тамъ тыхъ людей, ижъ ихъ—княжа его мил. панъ кіевскій (каштелянъ, т. е. Юрій В—ій) зубожилъ велми, выбираючи неслыханные податки пѣнежные, быдлячие (скотомъ), медовъ, накидане горилки и селитры... А на остатокъ, же внивецъ (въ ничто) зубожоно и знищоно, для чого тежъ *трохи не половица ихъ се розышла*“ [1])... Такимъ образомъ отсюда мы видимъ, что уже и въ первую четверть XVII в., только что осѣвшее въ Лубенщинѣ населеніе, снова снималось съ облюбленныхъ мѣстъ и шло далѣе, конечно, на востокъ. Значитъ то движеніе „подданныхъ“ В аго къ Путивлю, о которомъ писалъ Коледа Плещеву въ 1638 г. (стр. 217) имѣло мѣсто уже и раньше. Тѣмъ болѣе основаній, слѣдовательно, было у Іереміи В—аго для переселенія въ Лубенщину съ цѣлію,—познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ тамошнихъ его маетностей, лично заняться дальнѣйшимъ ихъ устройствомъ и развитіемъ.

Ал. Лазаревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Книга гродск. Житомирск. 1618 г., № 13 лл. 1034 и 1035. Кіевск. Центр. Арх.

ЭПИЗОДЪ НА МОГИЛѢ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА.

(ЗАПИСКА ХУДОЖНИКА ЧЕСТАХОВСКАГО).

Въ „Кіевской Старинѣ“ 1886 г., № 2, была напечатана статья И. Билыка „Тревога надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка“, гдѣ авторъ на основаніи документовъ разсказалъ о томъ дутомъ дѣлѣ, которое поднято было польскими панами о существующемъ яко-бы заговорѣ противъ помѣщиковъ, при чемъ центральный пунктъ заговора—свѣжая могила Т. Г. Шевченка. Героемъ и главой заговора выставленъ былъ „крестьянинъ-музыкантъ Грыць“, который затѣвалъ будто-бы какіе-то коварные планы относительно повторенія „Тарасовой ночи“, т. е. истребленія жидовъ и поляковъ. Разслѣдованіе этого дѣла тогда же, какъ мѣстными каневскими властями, такъ и губернскими—кіевскими, привело къ тому, что никакого заговора, конечно, нѣтъ, а что этотъ „Грыць“—не кто иной, какъ служащій въ капитулѣ орденовъ губернскій секретарь Григорій Николаевичъ Честаховскій, сопровождавшій изъ Петербурга въ Каневъ тѣло Т. Г. Шевченка и оставшійся послѣ похоронъ приводить въ порядокъ могилу его. Напоминая теперь читателямъ нашимъ эту любопытную статью И. Билыка, мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящемъ февральскомъ номерѣ, ежегодно удѣляющемъ нѣсколько страницъ памяти Т. Г. Шевченка, напечатать сохранившуюся въ бумагахъ недавно умершаго Г. Н. Честаховскаго „записку“, передающую этотъ-же самый эпизодъ съ нимъ на свѣжей могилѣ Шевченка. По рукописи видно, что

этотъ разсказъ былъ составленъ Г. Н. Честаховскимъ въ видѣ докладной записки своему начальству, какъ объясненіе всего происходившаго съ нимъ. За предоставленіе въ наше распоряженіе печатаемой записки приносимъ глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому.

Прыбытіе въ г. Каневъ и могила Шевченка. Общество украинцевъ въ Петербургѣ избрало меня для препровожденія изъ Петербурга въ каневскій уѣздъ тѣла умершаго малороссійскаго поэта Шевченка и для погребенія его на мѣстѣ, избранномъ имъ самимъ при жизни[1]). По сему случаю я получилъ отъ начальства дозволеніе на 28-мидневный отпускъ въ кіевскую губернію и по прибытіи моемъ въ городъ Кіевъ передалъ тѣло поэта въ полное распоряженіе его братьямъ и сестрѣ, которые поставили гробъ поэта въ церкви Рождества на Подолѣ 6 мая вечеромъ, а 7-го, отслуживши панихиду, перенесли на ночь на пароходъ „Кременчугъ". 8-го мая въ 7-мь часовъ утра пароходъ снялся съ пристани и направилъ путь по Днѣпру къ Каневу. Я сопутствовалъ за гробомъ съ тѣмъ, чтобы наблюдать, гдѣ похоронятъ поэта и дѣйствительно-ли на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ избралъ для себя еще при жизни. Привезши тѣло въ Каневъ, занялись похоронами. Могила была выкопана студентами Кіевскаго университета, братьями и родственниками покойнаго и нѣкоторыми селянами, знавшими при жизни покойнаго и чтившими память его.

По преданіи тѣла землѣ, отдавши послѣдній долгъ покойному поэту, всѣ сопутствовавшіе изъ Кіева и другихъ мѣстъ начали разъѣзжаться, и когда 12-го числа я одинъ, посѣтивши могилу, думая послѣдній разъ передъ отъѣздомъ поклониться батькови и другу, выйдя на высокую гору, увидѣлъ осиротѣлую могилу, то невыразимая грусть сдавила мнѣ сердце: не хотѣ-

---

[1]) Это „избраніе" было сдѣлано поэтомъ лишь въ извѣстномъ его стихотворномъ завѣщаніи („якъ умру, то поховайте..."); никакихъ другихъ распоряженій наслучай своей смерти поэтъ не дѣлалъ. См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 2, стр. 316. *Прим. А. Л.*

лось разставаться съ мѣстомъ, гдѣ улеглося тѣло нашего любого и дорогого кобзаря, а желалось самому закопаться въ той славной землѣ. Думаю: а кто жъ насыплетъ надъ нимъ высокую могилу по его завѣщанію? не попробовать-ли мнѣ?

Едва блеснула въ моей головѣ эта *свитла щира дума*, какъ изъ-за нея выросъ въ воображеніи мрачный демонъ-чудовище—мысль о провинціальномъ чиновничествѣ, способномъ изъ мухи вывести слона, хотя я зналъ о немъ только по наслышкѣ; это сильно пугало меня, но надежда: авось, можетъ быть, вывернусь, вольными широкими крылами разсѣяла по воздуху темное бѣсовское навожденіе и утвердила во мнѣ доброе намѣреніе сдѣлать послѣднюю услугу незабвенному батькови и другу Тарасу.

Объявивъ о моемъ намѣреніи—остаться на нѣкоторое время въ родной Украинѣ, между своего народа подышать ея воздухомъ послѣ 18-ти-лѣтняго моего отсутствія,—одному изъ почитателей покойнаго поэта, знакомому съ нѣкоторыми властями города Канева, и о моихъ опасеніяхъ на счетъ чиновничества, я просилъ его представить меня нѣкоторымъ лицамъ, что и было сдѣлано имъ.

Когда явились мы къ нѣкоей особѣ, облеченной значительною властью по тамошнему положенію, то особа эта сейчасъ же направила разговоръ на новое положеніе о крестьянскомъ бытѣ и свела на ту дорогу, что у нихъ нѣсколько мудрецовъ (такъ выразилась значительная особа) уже посажено въ тюрьму за чтеніе новаго положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, говоря: „мы ихъ голубчиковъ выведемъ“.

Такимъ образомъ участь моя заранѣе рѣшена; стало быть— другими словами: если хочешь остаться здѣсь, гдѣ царитъ порядокъ и спокойствіе, такъ полѣзай въ тюрьму, а не хочешь въ тюрьму, такъ убирайся отсюда.

Я съ своей стороны сдѣлалъ намекъ, что я художникъ и остаюсь только съ тѣмъ, чтобы насыпать могилу своему любимому земляку и народному поэту, и не только, молъ, тебѣ, но и никому изъ васъ не помѣшаю порядковать во всѣ четыре заставки.

Обращеніе съ народомъ. Между тѣмъ по разнесшимся слухамъ о привозѣ и погребеніи тѣла Шевченка въ Каневѣ, безпрестанно прибывалъ разнаго званія народъ, чтобы посмотрѣть могилу и поклониться праху покойнаго. Послѣ погребенія Шевченка, народъ съ самаго начала прибывалъ, частію съ барокъ и плотовъ съ лѣсомъ, плывущихъ по Днѣпру и проходящихъ какъ разъ у самой подошвы Чернечей горы, на которой погребенъ поэтъ (народъ этотъ большею частію литвины; малороссіяне наши называютъ ихъ *кракодзеями*), а частію съ пароходовъ, пристающихъ въ полуверстѣ отъ могилы Шевченка. Посѣтители съ пароходовъ большею частію благородное сословіе: офицеры, гражданскіе чиновники, студенты, дамы и разнаго званія люди. Потомъ уже, по мѣрѣ распространившихся слуховъ, начали посѣщать могилу поэта духовенство и сельскій народъ изъ окрестностей, въ особенности въ воскресные и праздничные дни.

Оставшись одинъ исполнить свое намѣреніе насыпать могилу надъ прахомъ любаго батька Тараса, 12 мая я перешелъ изъ Канева и поселился въ маленькомъ сельцѣ, на разстояніи полторы версты отъ центра города и въ двухъ съ половиною отъ могилы, ибо могила поэта находится верстахъ въ четырехъ за Каневомъ внизъ по теченію Днѣпра. Во время производства работъ и во все время жительства моего въ Каневѣ, я постоянно находился между крестьянами и обходился съ ними, какъ слѣдуетъ честному человѣку и христіанину, ласково и привѣтливо, однимъ словомъ—по братски и какъ родной ихъ селянинъ[1]). На разные вопросы ихъ о какомъ-либо недоразумѣніи объяснялъ имъ, какъ слѣдуетъ и какъ я понимаю, но вопросы эти и объясненія мои касались исключительно семейныхъ дѣлъ, ссоры крестьянъ между собою и другихъ разныхъ обыкновенныхъ предметовъ, не заключающихъ въ себѣ ничего политическаго и важнаго. Когда-же крестьяне обращались съ вопросами относительно ихъ свободы изъ крестьянскаго состоянія или

---

[1]) Н. Г. Ч—ій по происхожденію былъ самъ крестьянинъ, родомъ изъ Новороссіи. А. Л.

съ жалобами на притѣсненіе пановъ (помѣщиковъ), тогда я объяснялъ имъ, что я самъ положенія о свободѣ крестьянъ не читалъ и не знаю правилъ въ немъ изложенныхъ, почему и не могу имъ объ этомъ предметѣ ничего объяснить, кромѣ только совѣтовать, чтобы безпрекословно они повиновались своимъ панамъ и исполняли-бы всѣ обязанности, какъ и прежде, что въ противномъ случаѣ, чего Боже сохрани, они подвергнутъ себя большой бѣдѣ и отвѣтственности, чему были уже многіе примѣры. Однажды крестьяне говорили мнѣ, что будто-бы въ положеніи нѣтъ двухъ нужныхъ листовъ, которые будто-бы вырваны, и они не знаютъ, что въ тѣхъ листахъ написано. Тогда я увѣрилъ ихъ, что всѣ листы цѣлы, и они болѣе не сомнѣвались. А о притѣсненіяхъ и побояхъ, дѣлаемыхъ имъ панами, совѣтовалъ обращаться съ просьбами своими къ ближайшему начальству; въ случаѣ-же неудовлетворенія—къ высшему начальству и даже къ самому губернатору. Когда-же мѣщане г. Канева обращались ко мнѣ съ просьбою прочитать и растолковать имъ ихъ древне-народныя права, а крестьяне просили прочитать новое положеніе о ихъ свободѣ, я рѣшительно отъ всего этого отказался, объясняя имъ откровенно, что не могу исполнить ихъ просьбы, ибо и безъ того здѣшніе паны и чиновники подозрѣваютъ меня въ какомъ-то съ народомъ сближеніи и заговорѣ, что, пожалуй, сочтутъ меня народнымъ бунтовщикомъ, и потому просилъ ихъ отнюдь не обращаться болѣе ко мнѣ съ подобными просьбами. Затѣмъ, въ свободное или праздничное время отъ нечего дѣлать я занимался рисованіемъ съ натуры окрестностей и по просьбѣ крестьянъ съ удовольствіемъ читалъ и объяснялъ имъ, на понятномъ для нихъ малороссійскомъ языкѣ, разные стихи и повѣсти извѣстныхъ сочиненій Шевченка, Основьяненка и другихъ малороссійскихъ поэтовъ. Стихи и повѣсти эти, какъ народные и отпечатанные въ особыхъ брошюркахъ были высланы изъ Петербурга по почтѣ для распродажи, и крестьяне покупали ихъ отъ меня съ большою охотою.

Негодованіе польскихъ пановъ и чиновнаго люда. Подобныя мои простыя, дружескія и ласковыя обращенія съ крестьянами

и простые добрые имъ совѣты возбуждали въ нихъ общую ко мнѣ любовь и довѣренность, и они между собою называли меня всегда Грыцемъ. Напротивъ того, паны ихъ, или помѣщики и прочій чиновный людъ, возымѣли ко мнѣ за то какую-то ненависть и подозрѣніе и, какъ мнѣ извѣстно, что они еще болѣе имѣли на меня негодованіе за то, что я былъ усерднымъ участникомъ въ погребеніи на ихъ землѣ Шевченка, какъ человѣка, бывшаго для нихъ всегда ненавистнымъ, но любимаго простымъ народомъ, и за то, что я съ этими панами во все время моего жительства въ Каневѣ не имѣлъ никакого знакомства, не сходился съ ними и не обращалъ никакого вниманія на ихъ негодованіе и на взводимыя ими на меня разныя нелѣпыя исторіи, которыя доходили до слуховъ моихъ отъ крестьянъ и которыя, какъ сказки, я не нахожу нужнымъ здѣсь объяснять. Вообще съ чиновниками я не сближался и не знакомился изъ опасенія, что они по своимъ взглядамъ на міръ и людей и по закоренѣлымъ судейскимъ убѣжденіямъ будутъ взвѣшивать каждое мое слово на свой канцелярско-судейскій ладъ; изъ этого непремѣнно выведутъ какую-нибудь исторію, облекутъ ее въ дѣло и поведутъ его законнымъ порядкомъ,—тогда, какъ хочешь такъ и, возжайся съ нимъ. Признаюсь, эта мысль пугала меня болѣе огня—и не даромъ. Наша народная поговорка гласитъ: „тоди одъ ныхъ сховаешся, якъ у землю вкопаешся". И потому, при встрѣчѣ съ чиновнымъ классомъ я или сворачивалъ съ дороги въ сторону, или потуплялъ взоръ, чтобы не встрѣчаться даже взглядомъ съ нимъ. Даже съ хозяиномъ, у котораго остановились мы на квартирѣ по прибытіи въ Каневъ, я избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и объясненій, хотя за это онъ и посматривалъ на меня искоса.

Задержаніе въ городѣ Каневѣ и прибытіе слѣдственной коммиссіи. По совершенномъ окончаніи всѣхъ работъ и распоряженій моихъ по погребенію тѣла Шевченко, я имѣлъ намѣреніе ѣхать обратно въ Петербургъ и 18 іюня вечеромъ, явясь къ начальнику полиціи, надворному совѣтнику Котлярову, просилъ о выдачѣ мнѣ вида на отъѣздъ. Котляровъ и обѣщалъ это исполнить на другой день утромъ, т. е. 19 іюля.

Когда же я возвращался на свою квартиру и сталъ укладывать свои вещи, приготовляясь къ отъѣзду, то явился ко мнѣ квартальный надзиратель (это была уже полночь) и объявилъ, что начальникъ полиціи требуетъ меня немедленно къ себѣ. Удивляясь такому требованію въ полночное время и интересуясь знать причину, я тотчасъ отправился вмѣстѣ съ квартальнымъ надзирателемъ и, когда прибылъ къ начальнику полиціи, то онъ потребовалъ отъ меня подписку подъ строгою предъ закономъ отвѣтственностью о невыѣздѣ моемъ изъ города Канева впредь до разрѣшенія начальства, объявивъ, притомъ, что о причинѣ этого задержанія я узнаю въ свое время. Исполнивъ безпрекословно требованіе начальника полиціи, я отправился обратно на квартиру свою, и съ того времени постоянно слѣдилъ за мною повсюду полицейскій солдатъ. Выждавъ довольно долгое время и не получивъ свѣдѣнія о причинѣ задержанія меня, я донесъ объ этомъ моему начальству.

Между тѣмъ стороною я узналъ, что отъ мѣстныхъ властей города Канева послано три эстафеты въ Кіевъ къ генералъ-губернатору о томъ, будто бы я пріѣхалъ въ Каневъ съ предложеніемъ поднять гайдамащину и возмущаю народъ взяться за оружіе и рѣзать польскихъ пановъ. Вслѣдствіе сего 20 іюля пріѣхали въ Каневъ: начальникъ губерніи генералъ-лейтенантъ Гессе, полковникъ корпуса жандармовъ Грибовскій и чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора...

Не дождавшись требованія меня, я тотчасъ явился къ г. губернатору и, объяснивъ ему причину нахожденія моего въ Каневѣ, обращеніе мое съ крестьянами и нѣсколько случаевъ, доказывающихъ мою невинность, просилъ изслѣдовать клевету и сдѣланный на меня ложный доносъ. При семъ его превосходительство, порядочно ругнувъ покойнаго Шевченка, упрекалъ насъ малороссіянъ за то, что мы вздумали поднять такъ высоко Шевченка не по заслугамъ его, что будто бы Шевченко хотѣлъ поднять упадшую малороссійскую народность, а самъ былъ не что иное, какъ пьяница, и проч.—Въ заключеніе же этой горькой эпитафіи покойному Шевченка сказалъ мнѣ: „обождите нѣ-

сколько дней, мы спросимъ, кого надо, и если вы окажетесь не виноватыми, то отпустимъ васъ, въ противномъ же случаѣ, чтобы я извинилъ его и не пенялъ бы на него. Послѣ сего г. губернаторъ, пробывъ въ Каневѣ 6 дней и не открывъ никакого возмущенія, напротивъ, найдя совершенное спокойствіе и тишину и удостовѣрившись въ ложной тревогѣ, причиною которой былъ главнымъ виновникомъ какой-то полицейскій чиновникъ изъ властей города Канева—Монастырскій,—изъявилъ на него свое неудовольствіе и 25 іюля уѣхалъ обратно въ Кіевъ, оставивъ для дальнѣйшаго разслѣдованія полковника Грибовскаго и чиновника... По моимъ же объясненіямъ, какъ мнѣ извѣстно, никакого распоряженія сдѣлано не было,—которыя вѣроятно были приняты только къ свѣдѣнію,—и я оставался по прежнему подъ надзоромъ полиціи и съ запрещеніемъ посѣщать могилу Шевченка.

Отобраніе вопросныхъ пунктовъ. 1-го августа я былъ потребованъ къ полковнику корпуса жандармовъ Грибовскому, которымъ было предложено мнѣ 15 вопросныхъ пунктовъ такого содержанія, какъ бы оные предлагались государственному преступнику, народному бунтовщику и врагу всякаго порядка и общественнаго спокойствія. По отобраніи же отъ меня на всѣ эти пункты объясненій, г. Грибовскій обязалъ меня подпискою ѣхать немедленно въ Кіевъ и явиться къ генералъ-губернатору князю Васильчикову такъ, чтобы полиція не знала и не успѣла бы прежде меня дать знать ему о моемъ пріѣздѣ, что въ точности мною и было исполнено.

Объясненіе съ генералъ-губернаторомъ княземъ Васильчиковымъ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ я узналъ, что генералъ-губернаторъ находится на дачѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города; тотъ же часъ нанялъ извощика, отправился туда и, найдя его въ саду гуляющимъ съ дамами, явился предъ нимъ и желалъ объясниться, но онъ приказалъ мнѣ явиться къ нему для объясненія въ Кіевъ на другой день, гдѣ онъ будетъ въ 12 часовъ. Когда же явился я къ нему въ Кіевѣ, то послѣ сдѣланныхъ мнѣ нѣсколькихъ вопросовъ, а мною отвѣтовъ, онъ спросилъ, въ чемъ заключалось мое главное занятіе въ Каневѣ?

Я отвѣтилъ, что въ приготовленіи могилы для погребенія тѣла покойнаго Шевченка и насыпи на ней, вмѣсто памятника, въ видѣ кургана, потомъ въ рисованіи съ натуры окрестностей. Затѣмъ князь опять спросилъ: „а для чего эти рисунки, для изданія что-ли какого?“ Я отвѣчалъ: „можетъ быть въ послѣдствіи, но теперь едва-ли это можно будетъ исполнить, ибо я скромный и бѣдный художникъ“. Послѣ сего князь сказалъ: „вотъ то-то! дѣлая могилу для Шевченка, вы своими чтеніями и разсказами народу на украинскомъ языкѣ взволновали цѣлый край и привели помѣщиковъ въ ужаснѣйшій страхъ и трепетъ;—здѣсь владѣльцы все поляки, я получалъ отъ нихъ изъ разныхъ мѣстъ по нѣсколько эстафетовъ въ день и до такой степени былъ напуганъ этимъ, что хотѣлъ самъ ѣхать въ Каневъ, но такъ какъ былъ чрезвычайно занятъ, то на мѣсто себя послалъ начальника губерніи. Затѣмъ спросилъ, что я говорилъ съ крестьянами. Я отвѣчалъ, что говорилъ съ ними большею частью про ихъ семейныя дѣла и другіе разные, обыкновенные предметы, не заключающіе въ себѣ ничего политическаго и ничего важнаго. При семъ объяснилъ: какъ крестьяне просили меня прочитать имъ новое положеніе, какъ они сомнѣвались относительно выдранныхъ въ немъ листовъ, какъ мѣщане просили меня прочитать хранящіеся у нихъ документы о древнихъ ихъ правахъ и какъ два крестьянина, одинъ съ матерью, избитой помѣщикомъ, а другой съ избитой женой-старухой, приходили ко мнѣ за совѣтами, что имъ дѣлать и какъ поступить. Потомъ князь обратился вновь ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ: „отъ чего-же въ такое короткое время народъ возъимѣлъ къ вамъ необыкновенное довѣріе? вотъ это-то и доказываетъ, что вы наговаривали народу! Извольте-ка объяснить мнѣ это?“ Я объяснилъ, что причина такому довѣрію самая простая и обыкновенная: родомъ-де я малороссіянинъ,—будучи хорошо знакомъ съ образомъ жизни и духомъ украинскаго народа, говорилъ съ ними на родномъ языкѣ просто, для нихъ понятно, обходился съ ними всегда дружески, ласково, по братски, какъ слѣдуетъ честному человѣку и христіанину, что вообще составляетъ въ томъ краѣ большую рѣдкость, такъ какъ

классъ, вышедшій изъ народа и ставшій выше его, пренебрегаетъ имъ, его языкомъ и оскорбляетъ его человѣческое достоинство высокомѣріемъ. Всякій изъ нихъ имѣлъ ко мнѣ смѣлый доступъ, во всякое время, какъ къ родному своему. При томъ же привозъ покойника Шевченка въ Украину народъ считалъ для себя особенною царскою милостью, а меня считалъ не иначе, какъ пріѣхавшимъ прямо отъ царя и имѣющимъ право доносить царю объ обидѣ народа и обо всемъ, хотя я говорилъ имъ, что покойный Шевченко привезенъ въ Украину, какъ на свою родину, по его желанію при жизни, а не по волѣ царя, и что я также не отъ царя присланъ, а просто пріѣхалъ изъ собственнаго моего усердія, чтобы похоронить тѣло Шевченка здѣсь и чтобы самому пожить и подышать свѣжимъ воздухомъ. Но за всѣмъ тѣмъ народъ былъ убѣжденъ въ своемъ мнѣніи, ибо и послѣ нерѣдко были слышны слѣдующія слова въ народѣ: „спасыби цареви, дай ему Боже, чого винъ бажае, и пошлы ему многи лита, що теперъ и наша земля не пуста, шо теперъ и на нашій земли лежить дуже розумный чоловикъ, а то все паны, та паны, котори жывцемъ грызуть насъ, якъ ти собаки!“

Когда-же я объявилъ князю, что относительно помѣщиковъ я всегда убѣждалъ крестьянъ повиноваться имъ и безпрекословно исполнять всѣ свои обязаности, тогда князь возразилъ: „неправда! вы этого не говорили“! и присемъ взялъ со стола какую-то бумагу, началъ читать мнѣ, что однажды я шелъ на Мотовилово поле,—гдѣ покойный Шевченко при жизни желалъ купить для себя землю,—и говорилъ шедшему со мною крестьянину, что Шевченко умеръ въ тюрьмѣ, въ кандалахъ, защищая крестьянскую волю, что онъ-же составлялъ и самое положеніе объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьяго ига. Потомъ князь обратился ко мнѣ со словами: „здѣсь есть люди, готовые подъ присягой уличить васъ въ этомъ и во многомъ другомъ, подобномъ этому, за что Вы должны быть преданы суду.“

Когда-же я сталъ объявлять, что это ложь и клевета и я прошу изслѣдовать, что я готовъ на судъ, если буду виновенъ,—тогда князь сказалъ, что ему некогда заниматься этимъ дѣ-

ломъ и чтобы я не думалъ о слѣдствіи, присовокупивъ: „нѣтъ! мнѣ некогда заниматься такими пустяками, а я придумалъ лучше: извольте сейчасъ-же отправляться къ мѣсту вашего служенія, а мнѣ дайте подписку, что Вы никогда не будете въѣзжать въ кіевскую губернію безъ разрѣшенія начальства губерніи и своего начальства, пока все это успокоится, измѣнится.—Извольте отправиться къ начальнику губерніи, тамъ дадите подписку,—я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ. Затѣмъ призвалъ своего адъютанта, приказалъ ему отвезти меня къ начальнику губерніи и сказать ему, что я тотъ самый человѣкъ, о которомъ онъ говорилъ съ губернаторомъ. При семъ я просилъ позволенія пробыть въ Кіевѣ два дня, чтобы посмотрѣть храмы Божіи и Кіево-печерскую Лавру, на что получивъ дозволеніе, я имѣлъ честь откланяться его сіятельству.

Объясненіе съ начальникомъ губерніи. Явясь къ начальнику губерніи, давъ требуемую подписку, я обратился къ нему съ вопросомъ: не будетъ-ли этотъ странный случай имѣть дурного вліянія на мою службу? Онъ отвѣчалъ: „за что-же! мы ничего такого не писали о Васъ, за что-бы Вы могли отвѣчать, а только донесли министру внутреннихъ дѣлъ, что такой-то чиновникъ дѣйствительно находится въ какихъ-то близкихъ отношеніяхъ съ народомъ и что по доносу—будто-бы чрезъ то въ разныхъ скрытыхъ мѣстахъ собираются шайки подозрительныхъ людей, поютъ разныя гайдамацкія пѣсни проч.,—ничего не открыто и все тихо и спокойно;—такъ что-же можетъ быть Вамъ за это, не понимаю!“ Затѣмъ я объяснилъ начальнику губерніи, что главный виновникъ этой ложной тревоги, какъ мнѣ извѣстно, полицейскій чиновникъ города Канева, Монастырскій, что до пріѣзда въ Каневъ его, губернатора, не было никакихъ тревожныхъ слуховъ, все было тихо и спокойно, какъ и всегда, но когда поляки и евреи узнали о внезапномъ пріѣздѣ его въ Каневъ, то тогда только стали какъ будто чего-то опасаться и распространять повсюду тревожные слухи такого рода, какъ будто что нибудь да есть важнаго, политическаго, скрытаго, го-

воря, что иначе бы такое лицо, какъ губернаторъ, не пріѣхалъ сюда напрасно.

Напротивъ того, молороссіяне спокойно смѣялись надъ ними, говоря, что ляхи сами себѣ надѣлали тревогъ и что всѣ выдуманные ими пустяки падутъ на ихъ-же пустыя головы, и больше ничего не будетъ. Выслушавъ меня, губернаторъ спросилъ, сказалъ-ли я генералъ-губернатору о чиновникѣ Монастырскомъ? Я отвѣтилъ, что сказалъ, и онъ, какъ будто довольный этимъ, присовокупилъ: „и очень хорошо сдѣлали, что сказали, но все таки я долженъ вамъ замѣтить, что никогда не надо сближаться съ простымъ здѣшнимъ народомъ и говорить имъ о старинѣ, о козачествѣ, о запорожцахъ, о гайдамакахъ и вообще о томъ, что было прежде, дабы не пробуждать въ народѣ ничего такого, что можетъ его взволновать. Другое дѣло за Днѣпромъ, въ полтавской и другихъ губерніяхъ: тамъ много козаковъ и самые помѣщики малороссіяне, а здѣсь этого нельзя, потому что здѣсь помѣщики все поляки и, хотя, положимъ, изъ подобныхъ разсказовъ ничего не можетъ быть или произойти возмутительнаго, да они боятся, чтобы на нихъ не напали крестьяне. Я отвѣчалъ на это, что такъ думаютъ и говорятъ люди, незнакомые близко съ украинскимъ народомъ, который безъ напоминанія очень хорошо и живо помнитъ свое прошедшее, о козачествѣ-же въ особенности, и знаетъ все то, что было въ старину, лучше насъ, ибо извѣстно, что всякое преданіе переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери, и такъ далѣе, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прислушаться къ ихъ бесѣдамъ. За симъ мы раскланялись, и я, пробывъ послѣ того въ Кіевѣ два дня, уѣхалъ въ Петербургъ.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ НЕБЫЛИЦА.

Документальные подлоги никогда не были рѣдкостью въ исторіи. Въ эпохи, ознаменованныя борьбой религіозныхъ, политическихъ или даже научныхъ мнѣній, всегда находились лица, настолько увлекаемыя страстнымъ желаніемъ придать оспариваемымъ положеніямъ авторитетъ непререкаемости, что не задумывались съ этой цѣлью сочинять подложные акты, письма, сказанія и нерѣдко даже цѣлыя сочиненія.. Большею частью такія поддѣлки предпринимались безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, а съ чистою совѣстью, „мняще тѣмъ служити службу Богу“, или же въ фанатическомъ убѣжденіи, что извѣстный историческій фактъ существовалъ въ дѣйствительности, но только случайно затеряны подтверждающія его документальныя данныя. За такое дѣло обыкновенно брались люди знающіе, и въ этомъ заключается причина, почему нѣкоторыя фальсификаціи въ теченіе очень долгаго времени принимались всѣми за чистую монету. Минуя многочисленные случаи подобнаго рода поддѣлокъ въ западной Европѣ, мы изъ южно-русской исторіи укажемъ для примѣра на обнародованную въ 1606 г. извѣстнымъ поборникомъ уніи Ипатіемъ Потѣемъ грамоту кіевскаго митрополита Мисаила, якобы посланную имъ къ папѣ Сиксту IV въ 1476 г., а на самомъ дѣлѣ, какъ полагаютъ, сфабрикованную самимъ Потѣемъ въ интересахъ любезной его сердцу уніи. Болѣе многочисленны поддѣли другого рода, предпринимавшіяся лицами или же корпораціями въ видахъ юридическаго обоснованія извѣстнаго права или вообще съ утилитарными цѣлями. Для примѣра можно указать на жалованную грамоту князя Андрея Бо-

голюбскаго, будто бы данную имъ въ 1159 г. Кіево-печерскому, монастырю на г. Василевъ (теперешній Васильковъ) вмѣстѣ съ прилегающею къ нему огромною территоріею по рр. Стугнѣ, Ольшаницѣ, Руткѣ, Бобрицѣ, Ирпени и проч. Грамота эта впервые была предъявлена, какъ безспорный документъ, еще въ концѣ XVI в., печерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Богуринскимъ, вмѣстѣ съ другою, тоже подложною ставропигіальною грамотою константиноп. патріарха Максима, съ датою 1481 г. [1]) Еще ступенью ниже—и мы имѣемъ дѣло съ подлогами въ прямомъ значеніи этого слова, за которые уже Литовскій статутъ грозилъ жестокой карой—сожженіемъ на кострѣ; сюда относятся: подложныя завѣщанія, дарственныя и долговыя записи и другіе документы. Въ актовыхъ книгахъ южнорусскихъ воеводствъ подобныя фальсификаціи въ XVI в. были вовсе неизвѣстны, въ XVII онѣ лишь изрѣдка встрѣчаются а въ книгахъ XVIII ст. ихъ можно отыскать въ значительномъ количествѣ. Между ними нужно различать: а) подлоги въ грубомъ смыслѣ, тайно вписываемые въ актовыя книги съ какими-нибудь опредѣленными преступными цѣлями, и б) подложные документы, открыто предъявлявшіеся гродскимъ или земскимъ урядамъ для внесенія въ актовыя книги и простосердечно принимавшіеся урядниками за истинные. Обманъ особенно тогда легко удавался, когда предъявляемый документъ относился къ такимъ отдаленнымъ временамъ, что члены уряда, по отсутствію историческихъ знаній, не имѣли возможности критически отнестись къ нему.

Такой именно документъ, подъ датою якобы 1076 года, нашли мы въ актовыхъ книгахъ первой половины прошлаго столѣтія. Кто занимался архивными разысканіями, тотъ легко пойметъ, съ какой сладостной тревогой забьется сердце въ груди присяжнаго архивиста, когда онъ, среди тоскливаго однообразія малоцѣнныхъ и малосодержательныхъ актовъ, вдругъ нападаетъ случайно на документъ съ такой внушительной да-

---

[1]) Грамота кн. А. Боголюбскаго издаваема была много разъ; между прочимъ она помѣщена въ „Описаніи Кіево-печ. лавры" митроп. Евгенія. Грамота патр. Максима напечатана въ I т. 1-й части „Архива Юго-зап. Россіи".

той! Глаза жадно пожираютъ драгоцѣнную находку—и на третьей же строкѣ очарованіе разлетается, какъ дымъ: подлогъ, и еще какой грубый, наивный, нелѣпый!..

Въ концѣ декабря 1739 года явился въ гродскій Летичевскій урядъ шляхтичъ Даніилъ Васютинскій и предъявилъ для внесенія въ актовыя книги ни болѣе, ни менѣе, какъ подлинную жалованную грамоту „найяснѣйшаго царя его милости Михаила Θеодоровича Черниговскаго“, выданную якобы имъ своему боярину и доблестному рыцарю Владиславу Веніаминовичу Богушу на огромную территорію, лежащую „въ воеводствѣ Литовскомъ, въ княженіи и повѣтѣ Кіевскомъ, въ чистомъ полѣ, въ дикомъ степѣ“, на р. Роси и ея притокахъ, подъ датою 1076 года. Летичевскій урядъ предварительно (какъ то требовалось закономъ) осмотрѣлъ представленный ему рѣдкій документъ и нашелъ, что онъ написанъ „русскимъ письмомъ“ на пергаментѣ, имѣетъ собственноручную подпись „ejusdem serenissimi imperatoris Michayło Theodorowicz“ и знаки, что на немъ была царская печать привѣсистая, впослѣдствіи утерянная. Убѣдившись такимъ образомъ въ подлинности документа, Летичевскій урядъ, согласно просьбѣ предъявителя, внесъ его „отъ слова до слова“ въ гродскія книги, а подлинникъ возвратилъ пану Васютинскому, сдѣлавъ лишь на немъ помѣтку, когда и подъ какимъ числомъ онъ былъ „облятованъ“ въ Летичевскомъ гродѣ, что уже отчасти придавало документу характеръ юридической непререкаемости. Но Васютинскому мало было этого: черезъ два съ лишнимъ года, 10 марта 1742 года, онъ прибылъ въ Житомиръ ко времени открытія здѣсь сессіи гродскаго суда и вторично предъявилъ членамъ суда, для внесенія въ книги, ту же самую грамоту. И здѣсь урядники произвели надъ ней легкую археологическую экспертизу, увидѣли „собственноручную царскую“ подпись, слѣды бывшей нѣкогда привѣсистой печати, помѣту Летичевскаго града—и, не долго думая, признали документъ подлиннымъ и внесли его въ книги. Такимъ образомъ мы имѣемъ эту пресловутую грамоту записанною въ двухъ актовыхъ книгахъ Центральнаго архива: въ Летичевской книгѣ, № 5284, на листѣ 1191, и въ Житомирской, № 53, на л. 65.

И тамъ, и здѣсь она выписана буквально, но, по обычаю XVIII в., польскимъ, а не русскимъ алфавитомъ. Вотъ ея текстъ.

„Михайло Ѳеодоровичъ одъ колина Іудова Седмыйдука, зъ ласки Божои восточный царь и велыкій князь Черниговскій, Билевскій (sic), Кіевскій, Билгородскій, Пиковскій, Новгородскій, Смоленскій, и второго нового Рыма Константынополя, царствующаго города, Греческаго царства дидычъ и наслидникъ, и на Калузи по отчеству царствующого града Москвы основатель, и всея малыя, Велыкія и Билыя Россыи самодержецъ, сымъ изъявляю: Былъ намъ чоломъ велыкій бояринъ новгородскій и великого Новгорода и Велыкихъ Лукъ, почтенный Владыславъ Веніаминовичъ Богушъ, року Божыя тысяча семдесятъ шостого года; одваровалъ себи, рыцерскимъ способомъ и мужественною храбростію урочища значные въ воеводствѣ Лытовскимъ, въ княженіи и повити Кіевскимъ, въ чистомъ поли, въ дыкомъ степѣ, а междо речками, пры головной реци Роси, зъ южнои стороны на малой речци Котлуй и у фундаменти устья речки Свынки, Духни, Кирдыи [1]), на усти Котлуя, пры реци Роси, Населыця, звышъ сего на реце Гонтлуя и Волкуновъ, Мохровня, при реци Боярской на вершинахъ Стрельница и Бысоковщука [2]) изъ ыншими обиходы своими. На тые урочища даемо се Владиславови Веніаминовичу почтенному Богушу вичного держаня ему и жени его и сыномъ его одъ рода въ родъ, за его значную услугу, како часъ не малый въ княженіи Кіевскомъ бувши, рыцерство одправуючи и пролытыя крови своеи не жалуючи, протывко крипкихъ выежджаючы герцогныковъ и ихъ звытязства подъ мечъ свой нахылялъ, велыкіе обозы турецкіе и полки розбывши, и самого Курдюкъ, велыкого везыра, прозваніемъ Барана, правытеля Половцомъ, зъ его крипкими батракы, уродою Болгары, самъпьята къ намъ въ Черниговъ прывелъ. Мы же, его выдячы человека збранна, рыцыра храбра, признавшы кавалира, даемо сыю грамоту царственну на назвиска урочищъ выжей знаменытыхъ, яко ся ныни рече, ген-

---

[1]) Въ Летич. книгѣ два послѣднія имена переданы такъ: „Duck na Kurady“.

[2]) Въ Летич. книгѣ: „y bysach Kowscucha“.

ту Кошова, къ нымъ же обтекуща 9-й дуктъ Диломирья[1]) земли земляномъ вкратци полагаемъ. Токмо по разсмотрѣнью велыкого князя Лытовскаго Изяслава Веныславовича Радзивила, а зъ другои стороны на раздиленю почтенного воеводы виленскаго[2]) Андрея Тышкевича, забираютъ соби тые жъ урочыща должыну и шырыну одъ Плоскои Скалы зъ восточнои стороны головнои реки Роси, на южной—Гопову луку, Богову гору, Кіевъ, Побой, простуючи на Половцовы шанцы у велыкого длинного окопу, яже блызко реки Теснохи, уступывшы реци Тесноси плоской косогоръ, до верху тояжде самои реки Теснохи на Печениговъ одкопаный шляхъ, Печениговъ старый шляхъ, черезъ реку Крывушу, Крывуша река обаполъ до толстого турецкого длинного окопу въ себи завираетъ, черезъ реку Котлуй и Дубовець, зъ устя до вершины Котлуя, на переносыну Мокрого озера, опрочъ доловъ и луговъ, въ чемъ ся Котлуя не употребляемъ, токмо реку Боярку зъ вершыною симъ прывлащаемъ. Одсели назначывшы, Татарскій велыкій шляхъ черезъ рѣчку Березянку сухимъ клиномъ, черезъ Волнявку на Чорногнылый Тыкичъ рику и Радзивилова моста, внызъ моста рика Тыкичъ еденъ берегъ зъ озерами до устя Березянки и Велыкого залому, Дупнынымъ складомъ до велыкаго Козарскаго кургана, простуючи черезъ речку Боярску на Предывную долыну и Батыева кладезя, яже назвася Стратъ-Баранъ-поле, зъ Предывнои долыны въ ричку Озерянку, Червоною долыною до Крутои горы и Тисного перекопу возвратыся ко Вшуней на Крывавый Замисъ, вверхъ речки Сынычки, забираетъ себи и Медыновъ велыкій шляхъ на Жолтую, курганъ Толстый на луце Плоской, Медыновъ, Пробытый шляхъ до головнои реки Роси, Плоского червоного каменя, головнои реки Рось одъ Червоного и Острого каменя, горы, и имуща вступныи затоны и проходныи озера, луки и луги обаполъ, клонится своими пожыткы назвиску Неселыци генту Кошова и Духна Кирдомъ[3]); какое

[1]) Въ Летич. книгѣ это мѣсто стольже мало понятно: Knum że obttek rubeza y ty dukt ditomirja!..

[2]) Въ Летич. кн-—„Wiłpskoł“.

[3]) Въ Летич книгѣ здѣсь снова, какъ и выше: „y duck na Kiet·len“.

се дахомъ и дуктъ рубежа положихомъ, да впредъ сего кролеве польские, коронные посаженци, ни едныя черты сея грамоты не прекротятъ и оскудиныя, но все благополучно всяко изобиліе преподадутъ, сымъ отверждаю, пры завышеныю печаты, рукою моею подпысуюся. Данъ въ Чернигови, тысяща семдесятъ шестого года, мисяца декамбра осмого дня.

Михайло Өеодоровичъ Седмыйдука, восточный царъ (manu propria).

Конечно, мы можемъ только удивляться крайнему историческому невѣжеству летичевскихъ и житомирскихъ гродскихъ урядниковъ, не усомнившихся признать подлиннымъ документъ, переполненный такими вопіющими нелѣпостями и анахронизмами. Уже одинъ титулъ миөическаго „царя" и князя Михаила Өеодоровича чего стоитъ! А этотъ храбрый „рыцарь" Богушъ, одновременно громившій „обозы и полки *турецкіе*" и бравшій въ плѣнъ „правителей *половецкихъ*"! или же члены межевой коммисіи, отводящей ему, по порученію *черниговскаго* князя, земли „въ воеводствѣ *литовскомъ*, въ княженіи и повѣтѣ *кіевскомъ*": великій литовскій князь Изяславъ Радзивилъ и воевода виленскій Андрей Тышкевичъ!.. А земли-то отвели они щедрою рукою: судя по тѣмъ географическимъ даннымъ, какія могутъ быть точно опредѣлены, рѣчь идетъ о громадной территоріи, включающей въ себѣ два нынѣшн. уѣзда кіевской губ.—сквирскій и таращанскій [1]). И какой это былъ прозорливый „царь" или князь „Михаилъ Өеодоровичъ: уже въ XI ст. онъ предвидѣлъ, что преемниками его верховныхъ правъ будутъ нѣкогда „кролеве польскіе", и онъ даетъ имъ строгій наказъ отнюдь не уменьшать, а напротивъ увеличить пожалованныя имъ храброму рыцарю владѣнія.

Но спрашивается: кому и для какихъ цѣлей понадобилось сочинить всю эту сплошную „безлѣпицу"? Опредѣлительно от-

---

[1]) Здѣсь упоминаютъ *рѣки*: Рось и ея притоки—Котлуй, Дубовецъ, Березянка; Гнилый-Тыкичъ и его притоки—Боярка и Вовнянка; *поселенія*: Кирдыи—вѣроятно, с. Кирданы, таращ. у.; Волкуновъ=дер. Бавкунъ, того же у.; Населыця= с. Новоселица, сквирск. у.; Кошовъ, с. таращ. у.; Побойна, с. уманск. на границѣ съ таращ.; Баранье-поле. с. каневск. у.

вѣтить на этотъ вопросъ, конечно, нѣтъ возможности, но нѣкоторыя данныя для его рѣшенія имѣются.

Дѣло въ томъ, что тотъ же самый панъ Даніилъ Васютинскій, который въ декабрѣ 1739 г. первоначально предъявилъ эту грамоту въ летичевскомъ гродѣ, въ то же самое время внесъ въ летич. гродскія книги „тестаментъ“ olim nobilis Якоби Богуша, датированный 1706 г., „въ с. Харковцяхъ, въизду Пырятинского (sic)“, и написанный довольно чистымъ малороссійскимъ языкомъ. Документъ этотъ былъ предъявленъ не въ подлинникѣ, а въ видѣ выписи или „екстракта“, „вынятого изъ книгъ мійскихъ гродскихъ (?!)“—какого именно „міста“ или грода, не сказано; судя по датѣ, можно бы думать, что рѣчь идетъ о г. Пирятинѣ, но тамъ никакого „града“ не было, да и „въиздъ (уѣздъ) Пирятинскій“ въ 1076 г. звучитъ какимъ-то страннымъ анахронизмомъ. Судя по всему, этотъ „nobilis“ Якобъ Богушъ болѣе похожъ былъ на „хлопа“, чѣмъ на „урожоного пана“: и „тестаментъ“ его написанъ простонародной рѣчью, и состояніе его было очень убогое: онъ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ: „товару рогатаго шестеро“, денегъ всего лишь 16 талеровъ, плахты, запаски и проч. рухлядь крестьянскую; упоминаются, впрочемъ, и „грунты земные *Кирданы*“, но не опредѣляется, гдѣ именно они находятся [1]) Но этотъ убогій шляхтичъ имѣлъ нѣкогда весьма именитыхъ предковъ и свято берегъ память о ихъ рыцарскихъ дѣлахъ и заслугахъ. Еще въ молодыхъ годахъ, въ 1663 году, этотъ самый „урожоный его милость панъ“ Якубъ Богушъ лично предъявилъ въ Луцкомъ градѣ и внесъ въ актовыя книги жалованную грамоту 1438 г., данную одному изъ его предковъ Тимоѳею Богушу великимъ княземъ Литовскимъ Свидригайломъ о причисленіи его къ сословію рыцарей великокняжескаго двора. Въ этой грамотѣ сообщается, что панъ Тимоха Оверкичъ Богушъ первоначально жилъ въ Новгородкѣ, въ „землѣ Сиверской“, и принадлежалъ къ роду „зацному, великому“. Будучи лично „чоловѣкомъ рыцерскимъ а хотѣчи тымъ болѣй рыцерства своего доказовати“, онъ

[1]) Летич. гродская книга № 5284 и 1190.

оставилъ родную Сѣверщину, „выѣхалъ значне и оказале до великого княжзства Литовского“ и предложилъ свои рыцарскія услуги князю Свидригайлу, которому его рекомендовалъ „и родъ зацный дому его оповѣдалъ“ членъ великокняжеской „рады“ князь Сангушко. И князь Свидригайло, проживавшій тогда въ своей любимой резиденціи—въ Луцкѣ, охотно принялъ „до двору своего“ знатнаго выходца, „яко человѣка зацного, родовитого и рыцерского“, предоставивъ ему пользованіе всѣми правами и „вольностями“, какія „иншыи князи, паны и шляхта хоруговные заживаютъ“ въ княжествѣ Литовскомъ, и обѣщая ему, „дастъ Богъ, и опатреніе вшелякое якое значное дати“, т. е. пожаловать имѣніе. „И волно ему въ здѣшнемъ панъствѣ нашомъ жону пояти и титулу вшелякого и волности шляхецкоѣ, яко властному шляхтичови, тубылцови, заживати; а онъ намъ маетъ, посполу з ыншою шляхтою, князи, паны и земяны нашими, службу военную отправляти“ [1]). Сомнѣваться въ достовѣрности этой грамоты нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ подлинникъ ея, на пергаментѣ, со слѣдами существовавшей нѣкогда привѣсистой печати (и съ помѣткой на оборотѣ документа, что онъ былъ явленъ Якубомъ Богушемъ 28 авг. 1663 г. въ Луцкомъ градѣ) и теперь хранится въ архивѣ петерб. Археографической коммисіи, куда онъ поступилъ въ 1835 г. изъ архива кіевской Гражданской Палаты. Слѣдовательно, существовалъ нѣкогда въ Сѣверской землѣ, а потомъ и на Волыни, древній и знатный русскій родъ Богушей, происхожденіе котораго, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ относится къ великокняжеской эпохѣ. Польскіе геральдисты ничего не знаютъ объ этомъ древне-русскомъ родѣ; Нѣсецкій лишь смутно помнитъ, что предки бѣлорусскихъ дворянъ Богушей нѣкогда перешли сюда изъ Кіевской земли [2]); можетъ быть, и сѣверскіе Богуши вышли оттуда же. Впослѣдствіи въ лѣвобережной Малороссіи оказалось не мало Бугушей, потомковъ старой шляхты, оставшейся здѣсь еще со временъ Хмельницкаго; но такъ какъ они

---

[1]) Грамота эта напечатана въ I т. Актовъ Зап. Россіи № 37.

[2]) Herbarz Polški, т. II, стр. 208.

не примкнули своевременно къ войсковому уряду, то такъ и остались (къ концу XVIII ст.) въ непривилегированномъ положеніи, не смотря на свои документы[1]). Въ такомъ же положеніи оказались и сородичи или софамильцы ихъ въ правобережной Украинѣ въ первой половинѣ XVIII ст. Къ ихъ попыткѣ вернуть себѣ шляхетство и относится, по всей вѣроятности, составленіе и опубликованіе подложной грамоты якобы XI в., какую мы нашли въ летичевскихъ и житомирскихъ актовыхъ книгахъ.

О. Левицкій.

[1]) Записки Черниг. Стат. Комитета 1866 г, ч. 2, стр. 52.

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко [1].

Братья Яхненко и Симиренко, обладая уже приличнымъ капиталомъ и состоя 1 гильдіи купцами г. Одессы, стали изыскивать средства къ болѣе широкой дѣятельности.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ графъ Бобринскій устроилъ въ м. Смѣлѣ свой сахарный заводъ, и братья Яхненко и Симиренко изъ рафинаднаго завода графа Бобринскаго купили 10 тысячъ пудовъ сахара-рафинада по 28 руб. ассигнаціями за пудъ. Сахаръ продали въ городахъ Одессѣ, Севастополѣ, Николаевѣ въ своихъ мучныхъ лавкакъ по 38 и 40 руб. ассигнаціями и заработали около 100 тысячъ руб.

Заработокъ этотъ былъ довольно значительный и давалъ поводъ думать предпріимчивымъ людямъ о выгодности заниматься свекло-сахарною промышленностью. Впрочемъ, сами братья Яхненко и Симиренко не рискнули взяться за дѣло, но на выручку имъ явился племянникъ ихъ, Платонъ Федоровичъ Симиренко. Молодой человѣкъ, окончивъ курсъ образованія въ лучшемъ тогда пансіонѣ Золотова въ г. Одессѣ, началъ заниматься торговыми дѣлами, которыя развивалась быстро и прибыльно. Кромѣ крупчатыхъ мельницъ, братья Яхненко и Симиренко закупили въ значительномъ количествѣ пшеницу, отправляли ее въ Одессу, гдѣ въ шести своихъ лавкахъ, вели оптовую и въ раздробь торговлю мукою и полотнами. Платонъ Федоровичъ Симиренко, занявшись въ первое время торговыми дѣлами, сталъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1896 г., № 1.

послѣ подумывать о полученіи высшаго образованія въ университетѣ и съ разрѣшенія родителей сталъ уже готовиться къ экзамену для поступленія въ московскій университетъ. Но случайно черезъ Смѣлу проѣзжалъ какой-то господинъ изъ Москвы, остановился въ домѣ Федора Симиренка, который между прочимъ сказалъ о желаніи сына поступить въ университетъ. Проѣзжій господинъ отозвался объ образованіи въ университетѣ не вполнѣ одобрительно и посовѣтовалъ старику не давать разрѣшенія, объясняя, что сынъ вашъ для васъ и для вашего занятія будетъ потерянъ, такъ какъ послѣ окончанія университета изберетъ другую дѣятельность. Слова проѣзжаго господина такъ напугали Федора Симиренка, что онъ наотрѣзъ отказалъ сыну въ средствахъ на поѣздку въ г. Москву и поступленіе въ университетъ. Платонъ Федоровичъ Симиренко, будучи огорченъ отказомъ отца въ полученіи образованія, рѣшился сначала самъ отправиться въ Москву, но вѣроятно недостатокъ средствъ не далъ возможности достигнуть своего желанія, и онъ сталъ заниматься веденіемъ счетовъ по конторамъ и сближеніемъ и знакомствомъ съ образованными нѣмцами и разными спеціалистами.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ, какъ я уже сказалъ, свекло-сахарная промышленность въ Россіи была въ самомъ младенческомъ состояніи. Заводъ графа Бобринскаго въ м. Смѣлѣ только нѣсколько выдавался изъ другихъ заводовъ; число же ихъ было незначительно, всѣ были огневые, парового ни одного; нѣкоторые изъ заводовъ имѣли видъ сараевъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и глины, производство на нихъ было ничтожно, самые лучшіе заводы перерабатывали около 20 тысячъ берковцевъ. Извѣстно, что огневые заводы были въ то время страшными истребителями лѣсовъ и строились одни, какъ барская затѣя, другіе, чтобы эксплоатировать даровую рабочую силу крѣпостного люда, остающуюся въ зимнее время безъ занятій, третьи, чтобы истреблять малодоходные въ то время вѣковые прадѣдовскіе лѣса. Рафинадныхъ свекло-сахарныхъ заводовъ было еще меньше: кажется, всего два—графа Бобринскаго въ Смѣлѣ и графа Потоцкаго въ с. Орловцѣ. Сахарнымъ производствомъ на заводахъ, если не на всѣхъ, то на большинствѣ ихъ, завѣдывали ино-

странцы, преимущественно нѣмцы, и, нечего грѣха таить, неопытныхъ владѣльцевъ сильно надували. Высоко держали они знамя искусства, ревниво сохраняли его въ секретѣ, придавая ему, особенно въ рафинадномъ производствѣ, таинственность. Изъ нихъ двое пользовались въ краѣ наибольшею извѣстностью: это были два великихъ мага—нѣмцы: Покартъ и Неандръ. Господа эти жили пышно, держали себя гордо, заносчиво, разъѣзжали не иначе, какъ четвернею на подставныхъ лошадяхъ, хотя бы поѣздка была не далѣе 40 верстъ. Ихъ дѣятельность и выходки, характеризующія ихъ самихъ и былое еще не очень давнее время, могутъ показаться теперь анекдотичными. Напр., одинъ изъ нихъ, Неандръ, занимая барскій домъ, устроилъ на крышѣ его высокую башню, на которой, когда онъ былъ въ домѣ, поднимался великолѣпный громадной величины флагъ, а во время отсутствія, опускался, и всѣ по флагу знали, дома ли директоръ, или нѣтъ. Другой, Покартъ, любилъ разъѣзжать не иначе, какъ съ колокольчикомъ, что по Высочайшему повелѣнію не дозволялось тогда никому, кромѣ земской полиціи и почтъ. Черкасскій исправникъ старался изловить дерзкаго нѣмца, но Покартъ зналъ это и приготовился. Случай представился. 15 августа храмовой праздникъ въ смѣлянскомъ костелѣ и годовая ярмарка въ Смѣлѣ; съѣздъ помѣщиковъ громадный. Во время богослуженія въ костелѣ присутствовала земская полиція съ исправникомъ. Покартъ на четверкѣ съ звонкомъ смѣло подкатилъ къ воротамъ церковной костельной ограды, исправникъ встрѣтилъ его вопросомъ: „по какому праву вы, милостивый государь, разъѣзжаете съ колокольчиковъ?“ Покартъ отвѣтилъ: „я имѣю право ѣздить такъ по этому царскому билету“ и подалъ исправнику двадцатипяти-рублевую кредитку. Исправникъ принялъ и не возражалъ противъ права ѣзды. Результаты же дѣятельности этихъ великихъ людей были таковы: Неандръ управлялъ, кромѣ сахарнаго завода, и имѣніемъ отсутствующихъ помѣщиковъ, разорялъ богатое имѣніе для завода истребленіемъ лѣсовъ на дрова и употребленіемъ рабочихъ силъ въ заводѣ. Заводъ же давалъ такія ничтожныя выгоды, что, если бы продать лѣсъ, сожженный на немъ, то, несмотря на малоцѣнность, получилось бы

вдвое больше барыша. Покартъ арендовалъ песочно-рафинадный заводъ графа Северина Потоцкаго на условіяхъ, поразительныхъ для настоящаго времени; свекловица, дрова, рабочая сила и все до мельчайшей подробности—владѣльческое, и за все это Покартъ обязался давать владѣльцу по 9 фунтовъ рафинада съ берковца свекловицы, да еще какого берковца? Вѣроятно, по тогдашней патріархальной простотѣ, пудовъ 18—20, затѣмъ остальное количество рафинада, добытое изъ берковца свекловицы поступало въ пользу Покарта [1]). Въ такое именно прекрасное время для наживы рѣшилась фирма брат. Яхненко и Симиренко заняться свеклосахарною промышленностью, и толчокъ этому дѣлу далъ Платонъ Федоровичъ Симиренко.

Платонъ Федоровичъ Симиренко, живя въ м. Смѣлой и занимаясь веденіемъ своихъ дѣлъ, успѣлъ познакомиться съ служащими на Смѣлянскомъ сахарномъ заводѣ графа Бобринскаго и близко сойтись съ практикантомъ, а впослѣдствіи извѣстнымъ сахарозаводчикомъ Н. Я. Сетгоферомъ. Оба были молодые люди, увлекающіеся, способные, и Сетгоферъ откровенно, по дружески и товарищески, объяснилъ Платону Федоровичу, какія громадныя выгоды даетъ свекло-сахарная промышленность и какъ скоро можно нажить на этомъ производствѣ громадное состояніе. Самъ Платонъ Федоровичъ видѣлъ, какъ многіе изъ сахарозаводчиковъ, занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этимъ дѣломъ, составляли громадныя состоянія и жили какъ владѣтельные князья.

Сетгоферъ и Платонъ Федоровичъ Симиренко ѣздили вмѣстѣ заграницу, увидѣли тамъ лучшіе заводы, способы выдѣлки и усовершенствованія по производству сахара, видѣли воочію преимущества парового производства предъ огневымъ, и у Платона Федоровича явилась мысль подговорить отца и дядей устроить свой сахарный заводъ. Задавшись такою мыслью Платонъ Федоровичъ не отступалъ отъ нея и началъ постепенно убѣж-

[1]) Многіе изъ директоровъ-нѣмцевъ, при выработкѣ сахара, что-бы пустить пыль въ глаза нашему люду, подходили къ котламъ, бросали какой-то порошокъ и этимъ указывали, что безъ порошка не будетъ сладокъ сахаръ, вообще старались поддерживать убѣжденіе, что знаютъ особый секретъ для выработки сахара.

дать отца и дядей заняться устройствомъ завода. Доводы Платона Федоровича имѣли успѣхъ, и братья Яхненко и Симиренко, обладая капиталомъ около 600 тысячъ рублей ассигнаціями, по нынѣшнему счету около 170 тысячъ руб. сер., арендовали у помѣщиковъ м. Ташлыка братьевъ Березовскихъ на 12 лѣтъ, по словесному договору, землю и рѣшили приступить къ постройкѣ своего завода.

Платонъ Федоровичъ Симиренко, получивъ согласіе отца и дядей на устройство сахарнаго завода въ Ташлыкѣ, отправился заграницу, осмотрѣлъ еще внимательнѣе во Франціи всѣ лучшіе заводы, составилъ тамъ планъ устройства своего завода, купилъ машины и задумалъ пересадить изъ Франціи сахарное производство въ томъ видѣ, какъ оно въ то время тамъ развивалось и цвѣло. Строительный матеріалъ былъ тогда дешевъ, бережливость и разсчетливость была въ полномъ ходу, кредитъ самый широкій, и заводъ скоро былъ готовъ.

Въ Россіи въ то время еще паровыхъ заводовъ, какъ я уже сказалъ, не было,—значитъ, не было и контингента служащихъ, а потому пришлось пригласить изъ Франціи спеціалистовъ по сахароваренію, техниковъ, и въ Ташлыкскій заводъ прибыло около 30 человѣкъ французовъ, причемъ нѣкоторые были съ семействами.

Въ 1843 году фирма братьевъ Яхненко и Симиренко, устроивъ первый въ Россіи паровой песочно-рафинадный заводъ въ Ташлыкѣ, приступила къ выдѣлкѣ сахара. Первымъ директоромъ Ташлыкскаго завода былъ французъ Сальзаръ. Производство сахара-рафинада началось по французскому образцу: сахаръ-рафинадъ вышелъ желтый и мягкій, а потому для нашего края неудачный. Наша публика не привыкла къ такому сахару, и первое производство было мало цѣнное, вообще первый выходъ сахара не удовлетворилъ потребителей. Необходимость заставила Семена Степановича Яхненка отправиться въ С.-Петербургъ, откуда и былъ приглашенъ рафинеръ Майеръ, который зналъ русскіе вкусы, умѣлъ приготовлять крѣпкій рафинадъ. Майеру, какъ директору завода, было назначено 12 тысячъ руб. ассигнаціями жалованья, и дѣла завода сразу по-

шли прекрасно: рафинадъ получался крѣпкій и бѣлый и сразу пошелъ въ продажу. По отзыву лицъ, знавшихъ перваго директора, извѣстно, что это былъ простой нѣмецъ, зналъ прекрасно способъ сахароваренія, держалъ кабановъ, умѣлъ дѣлать прекрасныя колбасы, но наукою не занимался, не слѣдилъ за усовершенствованіями въ пріемахъ и выработкѣ большаго количества сахара изъ свекловицы, но въ виду его первыхъ заслугъ состоялъ при фирмѣ на службѣ около 20 лѣтъ до 1864 года. Фирма не имѣла возможности отстранить его отъ должности; вообще фирма какъ-то привыкла всѣхъ служащихъ держать до смерти, разъ онъ не былъ замѣченъ въ какихъ либо безусловно худыхъ поступкахъ. Такой пріемъ, хотя имѣетъ и свои достоинства, но не всегда, т. к. при фирмѣ собиралось много людей изъ служащихъ, которые никуда уже не годились, служба ихъ выражалась только въ хожденіи изъ угла въ уголъ.

Такой способъ отношенія къ служащимъ въ предпріятіяхъ, двигающихся правильно, сообразно съ требованіями науки и практики, былъ конечно неудобенъ: требовались люди, которые могли-бы слѣдить за наукою и усовершенствованіями въ пріемахъ сахароваренія и выработкѣ изъ меньшаго количества свекловицы большаго количества сахара, иными словами— требовалось частое подновленіе служащихъ-директоровъ, знакомыхъ съ улучшеніями по сахароваренію, но на это члены фирмы не обращали должнаго вниманія, а между тѣмъ это имѣло громадное значеніе, и послѣ на это обстоятельство указывали, какъ на одну изъ ошибокъ фирмы, которая постепенно, но незамѣтно могла подтачивать ея дѣла.

Подобныя требованія трудно было предъявлять къ людямъ, едва умѣвшимъ подписать свое имя и фамилію, не получившимъ спеціальнаго образованія, и дѣйствовавшимъ въ промышленныхъ дѣлахъ какъ-бы по инстинкту и влеченію духа времени.

По истеченіи двухъ лѣтъ со времени постройки завода, братья Яхненко и Симиренко задумали уже заключить и письменный договоръ съ помѣщиками; по этому договору заводъ по истеченіи 12-ти лѣтняго срока поступалъ безвозмездно въ собственность помѣщиковъ по описи, составленной тогда-же. Въ слу-

чаѣ-же произведенныхъ послѣ описи затратъ въ теченіе всего аренднаго срока, помѣщики обязаны были вознаградить заводчиковъ тѣми суммами, которыя израсходованы на улучшеніе. По истеченіи 12 лѣтъ арендаго срока на улучшеніе завода сверхъ описи было истрачено по документальнымъ даннымъ около 120 тысячъ рублей ассигнаціями. Помѣщику Березовскому, основываясь на договорѣ, слѣдовало бы взять въ полную собственность заводъ и возвратить братьямъ Яхненко и Симиренко 120 тысячъ рублей ассигнаціями или по нынѣшнему 35 тысячъ; но онъ, не желая платить 35 тысячъ, отказался отъ принятія завода, предоставивъ фирмѣ владѣть заводомъ за плату безсрочно, и на основаніи этого пункта впослѣдствіи Платонъ Федоровичъ Симиренко и администрація по дѣламъ фирмы пользовались еще заводомъ много лѣтъ.

Интересно знать, какъ-же шли дѣла братьевъ Яхненко и Симиренко по свекло-сахарному производству? Первый годъ, хотя и былъ несовсѣмъ удачный, но и убытковъ не было: на берковецъ свеклы получалось до 30 фунтовъ песку. Пудъ пробѣленнаго сахарнаго песку былъ тогда въ продажѣ отъ 21 до 22 рублей ассигнаціями, а средняя цѣна пуда рафинада была 33—34 рубля. Въ результатѣ за первые два года производства при директорѣ Майерѣ на затраченный капиталъ въ 600 тысячъ рублей ассигнаціями, получено было чистой прибыли 800 тысячъ рублей ассигнаціями. Нужно замѣтить, что братья Яхненко и Симиренко не скупились предложеніемъ прекраснаго по тому времени жалованья служащимъ, но за то и барыши были громадные, п. ч. сахаръ рафинадъ ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ тогда заграничнымъ и своимъ фирмамъ.

Такой результатъ торговаго предпріятія, съ вольно-наемнымъ трудомъ, не могъ не быть поразительнымъ для помѣщиковъ, владѣльцевъ плодоноснѣйшихъ для свекловицы полей, роскошныхъ лѣсовъ и дарового крестьянскаго труда и не могъ не открывать имъ глазъ, не показать наглядно, какіе громадные барыши даетъ свекло-сахарная промышленность и какую богатую обѣщаетъ она жатву въ будущемъ.

Многіе сосѣдніе помѣщики посѣщали Ташлыкскій заводъ и интересовались видѣть производство и дѣйствіе перваго въ Россіи пароваго завода. Въ числѣ другихъ посѣтилъ заводъ графъ Ал. Бобринскій; сопровождалъ его самъ Кондратъ Михайловичъ. По осмотрѣ завода, графъ Бобринскій сказалъ ему откровенно: „а что будешь дѣлать Кондратъ Михайловичъ, когда ты обанкрутишься? сильно ужъ ты повелъ свое дѣло, много уже у тебя роскопи, много ты тратишь денегъ на свое производство“. Кондратъ Михайловичъ отвѣтилъ: „Буду чоботы шыть, якъ шывъ перше, та шкуры мнять; у мене ще на горыщи лежыть мишокъ съ копылами, и можно ще и теперъ чоботы шыть. А що вы будете робыть, Ваше Сіятельство, якъ не дай Боже обанкрутытесь? Вамъ може буты горе, а я съ голоду пры биди не умру“. Графъ Бобринскій засмѣялся и ничего не возражалъ.

Выручая хорошіе барыши на Ташлыкскомъ сахарномъ заводѣ, братья Яхненко и Симиренко взяли въ аренду на 3 года у графа Потоцкаго небольшой песочно-рафинадный заводъ въ Орловцѣ съ незначительнымъ производствомъ, всего до 30 тысячъ берковцевъ, предложивъ ему вмѣсто получаемыхъ отъ прежняго арендатора 9 фун. рафинада, 11 фунтовъ съ берковца. По этой арендѣ, не затрачивая ни на что капитала, исключая жалованья сахаровару и тремъ прикащикамъ-надзирателямъ, всего на сумму трехъ тысячъ руб. ассигн., арендаторы получали на свою долю болѣе 15 фунтовъ съ берковца, и на этой небольшой операціи получалось чистой за расходами пользы болѣе 400 тысячъ руб. ассигн. По истеченіи 3 лѣтняго срока этой аренды, арендаторы предлагали графу Потоцкому уже по шестнадцати фунтовъ рафинада съ берковца, но графъ не согласился на новую сдѣлку. Братья Яхненко и Симиренко, будучи людьми честными, нравственными, религіозными не утаивали ни отъ кого получаемыхъ ими громадныхъ доходовъ и этимъ успѣли уже раскрыть глаза помѣщикамъ и доказать, какъ ловко иностранцы умѣли изъ свекло-сахарнаго производства извлекать весь барышъ, а имъ давать только остатки, да и то съ упрекомъ, что-молъ всѣ барыши отдаемъ вамъ.

Сахарный песокъ въ то время изъ огневыхъ заводовъ почти поступалъ въ единственное мѣсто для сбыта, въ Смѣлянскій рафинадный заводъ графа Бобринскаго. Новоустроенный Ташлыкскій заводъ сталъ уже конкуррентомъ смѣлянскаго завода по покупкѣ песка и тѣмъ сталъ возвышать цѣнность его. Конкурренція рафинадныхъ заводовъ по покупкѣ песка была весьма выгодна для песочныхъ заводовъ и число ихъ стало сильно умножаться. Родовитые помѣщики, какъ графы Сангушко, Браницкій, замѣтивъ, что братья Яхненко бойко работаютъ на своихъ заводахъ и увеличиваютъ благосостояніе свое и мѣстности, начали перестраивать свои огневые заводы на паровые а новые заводы начали строиться не иначе, какъ съ дѣйствіями пара.

Работая успѣшно на Ташлыкскомъ заводѣ, братья Яхненко и Симиренко задумали въ 1846 году поднять благосостояніе нашего города Кіева; о ходатайствахъ и хлопотахъ ихъ, предпринимавшихся по этому предмету, какъ интересныхъ для кіевлянъ, я выпишу слово въ слово изъ замѣтокъ почтеннѣйшаго Алексѣя Ивановича Храпаля, будучи глубоко убѣжденъ, что всѣ его слова безусловно вѣрны и вполнѣ характеризуетъ Кіевское Городское Управленіе 1846 года и кіевлянъ съ частности. Вотъ что пишетъ Алексѣй Ивановичъ Храпаль:

„Поощряемые успѣхомъ своего Ташлыкскаго завода, и безъ того предпріимчивые братья Яхненко и Симиренко не теряли времении, не скупясь на затраты, предполагали еще до постройки Городищенскаго завода, построить рафинадный заводъ въ Кіевѣ, мѣстность котораго, по своимъ счастливымъ условіямъ, была самая подходящая для такого завода. Были уже пріобрѣтены усадьбы у жителей Куреневки по рѣкѣ Сырцу для мѣста подъ заводъ, построенъ былъ въ Вышгородѣ кирпичный заводъ, а для строительныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и для дровъ будущаго завода, купленъ у помѣщика Понговскаго, на рѣкѣ Тетеревѣ, лѣсъ въ количествѣ 2,400 десятинъ. Невольно припоминается здѣсь невѣроятная теперь дешевизна тогдашнихъ лѣсовъ. Почти нетронутый строевой лѣсъ съ вѣковыми соснами, по границѣ котораго, съ одной стороны, протекала сплошная рѣка, всего въ 80-ти верстахъ разстоянія отъ Кіева, купленъ былъ въ вѣчность по 1 рублю за десятину. „Такая дешевизна можетъ показаться теперь невѣроятною, однакожъ это фактъ. Другою иного свойства невѣроятностью покажутся теперь, пожалуй, и такіе факты.

Въ январѣ 1846 года братья Яхненко и Симиренко подали г. кіевскому губернатору Фундуклею прошеніе о разрѣшеніи построить сахарный рафинадный заводъ на Куреневкѣ. Не разрѣшая самъ, губернаторъ обѣщалъ сдѣлать представленіе о разрѣшеніи г. министру внутреннихъ дѣлъ; но въ теченіе почти цѣлаго года не собрался сдѣлать такого представленія. Другое прошеніе подано было въ Кіевскую думу объ уступкѣ продажею городской земли въ количествѣ менѣе двухъ десятинъ на пустырѣ, отдѣлявшемъ тогда городъ отъ Куреневки. Но тогдашняя дума на такую продажу не рѣшилась, мотивируя свой отказъ тѣмъ, *что на томъ мѣстѣ когда то существовали прудъ и мельница, называемые „чернечими" (монашескими)*, приносившіе во время своего существованія городу 120 р. ассигнаціями дохода, и что вызываются желающіе возобновить тамъ глубоко занесенный иломъ прудъ и построить мельницу для возстановленія городскаго дохода. И хотя на вызовъ въ теченіи 20 лѣтъ желающихъ не явилось, тѣмъ не менѣе тогдашняя дума, считая, вѣроятно, обстоятельство это великой важностью, *неприкосновенной святыней*, продолжала настоятельно свой вызовъ. Братьямъ же Яхненко и Симиренко этотъ клочекъ пустыря, бывшаго „чернечаго пруда", былъ необходимъ до невозможности; онъ находился въ центрѣ скупленныхъ подъ заводъ усадьбъ и, такъ какъ въ него изливался ручей Сырецъ, то предполагалось устроить въ немъ бассейнъ для скопленія запаса воды въ количествѣ, потребномъ для рафинаднаго завода, такъ какъ протекавшій ручей высыхалъ въ лѣтнее время. И такъ, братья Яхненко и Симиренко цѣлый почти годъ не добились уступки упомянутаго клочка земли городской, ни даже разрѣшенія на постройку завода. Такова тогда была близорукость взглядовъ и ограниченность понятій высшей администраціи и представителей гражданъ города Кіева на промышленность вообще. Изъ приведеннаго выше факта невольно вытекаетъ, что отношеніе тогдашнихъ кіевскихъ властей къ возникавшей свеклосахарной промышленности было не только не сочувственнымъ, но едва ли не враждебнымъ. А между тѣмъ она была, если не главною, то одною изъ главнѣйшихъ причинъ настоящаго величія Кіева. Тѣ громадные капиталы, которыми ворочаетъ нынѣ торговля и промышленность Кіева, созданы, что бы тамъ ни говорили, исключительно свеклосахарной промышленностью. Еслибъ возможно

было нынѣшній Кіевъ поставить рядомъ съ Кіевомъ до 40-хъ годовъ, т. е. до развитія свеклосахарной промышленности, то послѣдній представился бы не лучше Таращи или другого подобнаго града, и только спасли-бы его отъ подобнаго сравненія безпримѣрная красота мѣстности и великолѣпіе храмовъ. Стоитъ только вспомнить, что мѣсто, на которомъ стоитъ теперь памятникъ св. Ирины, сложенный изъ кирпичей фундамента древней церкви, открытой въ началѣ 40-хъ годовъ, было уже внѣ города на выгонѣ, гдѣ паслись животныя. Университетъ же св. Владиміра возвышался одиноко на необозримомъ кругомъ его пустырѣ. Нынѣшняго же блестящаго Крещатика и признаковъ не было. Въ коммерческомъ отношеніи Кіевъ былъ городомъ безжизненнымъ, одержимымъ спячкою. Его почтенные граждане проявляли только энергію въ усердномъ посѣщеніи храмовъ Божьихъ для слушанія акафистовъ: во вторникъ у Варвары Великомученицы; въ среду въ Лаврѣ; въ четвергъ у св. Николая Чудотворца на Печерскѣ, а въ субботу у чудотворной иконы Скорбящей Божьей Матери; и затѣмъ послѣ трудовъ праведныхъ предавались невозмутимому покою и безмятежному сну. Богатое магнатство юго-западнаго края покидало Кіевъ ради Одессы-портофранко, куда съ ихъ имѣній отправлялась для продажи пшеница, и сами они отъѣзжали семейно наслаждаться безпошлинною заморскою роскошью. Тамъ жили они большую часть года, проживали состоянія, созидая нынѣшнюю Одессу. Оживлялся Кіевъ въ лѣтнее время массами приходившихъ богомольцевъ, но разъ—большая часть изъ нихъ была простой сѣрый людъ, то ими оживлялась только мелочная торговля. Болѣе значительную коммерческую дѣятельность проявлялъ Кіевъ во время контрактовъ. Да и то правду сказать, было много панскаго шуму, а дѣлъ громкихъ было весьма немного. О значительныхъ капиталахъ не было и слуху. Единственнымъ банкиромъ на весь Юго-западный край былъ Гальперинъ въ Бердичевѣ. Коммерческіе обороты тогдашнихъ контрактовъ едва ли достигали тысячной доли оборотовъ во время контрактовъ настоящихъ. Незначительна, едва замѣтна была и береговая дѣятельность въ лѣтнюю навигацію: доставлялись съ верховьевъ дрова, лѣсные матеріалы, а снизу соль да еще развѣ кашинскіе арбузы изъ Кременчуга. Вотъ вамъ вся береговая коммерція Кіева. Да и самый нашъ славный Днѣпръ, если сравнить нынѣшнее грандіозное

движеніе по нему съ тогдашнимъ, покажется уныло пустыннымъ: кое-когда проплыветъ неуклюжая барка; кое-когда промелькнетъ щегольской парусъ нѣмецкой берлины...

Правда, существовало въ Кіевѣ съ начала 30-хъ годовъ два безобразныхъ деревянныхъ судна, называвшихся пароходами дальше Ржищева, кажется, не ходившихъ и перевозившихъ оттуда въ Кіевъ камень. Эти странные пароходы принадлежали какой-то еще болѣе безплодной по своей дѣятельности компаніи, которая однакожъ, дарованною ей привилегіею, затормозила развитіе пароходства на Днѣпрѣ болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ. Но какъ только кончилась эта злосчастная привилегія, чуть ли не на другой день братья Яхненко и Симиренко пустили на Днѣпръ выстроенный въ ихъ мастерской желѣзный пароходъ, и на Днѣпрѣ первый желѣзный пароходъ былъ ихъ „Украинецъ“. Этотъ первенецъ существуетъ и въ настоящее время [1]). Онъ оказался добрымъ работникомъ, проработавъ неустанно вотъ уже 35 лѣтъ. И въ развитіи пароходства на Днѣпрѣ братья Яхненко и Симиренко были инціаторами, и той, нынѣ достигшей громадныхъ размѣровъ, дѣятельности на Днѣпрѣ и его притокахъ найсильнѣйшій толчекъ дала свеклосахарная промышленность.

Въ то время, какъ кіевскія власти обидно по безпричинности затормозили предпринятую на Куреневкѣ постройку рафинаднаго завода, князь Воронцовъ предложилъ братьямъ Яхненко и Симиренко построить сахарный заводъ въ его Мошно-Городищенскомъ имѣніи [2]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Писано въ началѣ 80-хъ годовъ.

[2]) Къ сожалѣнію на предложеніи князя Воронцова братьямъ Яхненко и Симиренко построить заводъ и прекратились замѣтки А. И. Храпаля, и дальнѣйшія свѣдѣнія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко сообщаются на основаніи разсказовъ семьи К. М. Яхненка и Василія Ѳедоровича Симиренка.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Шевченко въ народныхъ разсказахъ. По сообщенію моей сестры, Анны Крымской, въ г. Звенигородкѣ, кіевской губерніи, началъ года три или два тому назадъ циркулировать слухъ о пріѣздѣ Шевченка на свою родину. По общему мнѣнію, которое распространено не только среди народа, но и среди здѣшней чиновничьей интеллигенціи, Шевченко живъ. Въ 60-хъ годахъ былъ привезенъ изъ-за границы закупоренный мѣдный гробъ, въ которомъ якобы находилось тѣло поэта, и былъ похороненъ. Но на самомъ дѣлѣ гробъ былъ пустъ, а Шевченко остался живъ: онъ уѣхалъ въ полтавскую губернію и поселился тамъ съ паспортомъ и бумагами своего пріятеля Кричмана. Года четыре тому назадъ этотъ Кричманъ посѣтилъ Кереленку, Тарасивку и г. Звенигородку. Онъ все очень внимательно осматривалъ: очевидно вспоминалъ свою родину, въ которой давно не былъ. Въ Звенигородкѣ онъ нѣсколько разъ заходилъ по дѣлу къ слѣдователю К—скому (теперь его здѣсь нѣтъ). К—скій призналъ въ немъ Шевченка и повторялъ знакомымъ, что это вовсе не Кричманъ. Посѣтилъ Шевченко и свою сестру въ Кереливкѣ; сестра получаетъ пенсію отъ государыни. Старые крестьяне узнавали пріѣзжаго и окликали: «Тарасъ». Тарасъ оборачивался и осторожно говорилъ: «Цытьте! Мовчить!» Между прочимъ онъ сообщилъ, что послѣ его смерти найдется много новыхъ, еще непечатанныхъ его произведеній.

Разсказъ этотъ пользуется довѣріемъ, между прочимъ, потому, что опирается на авторитетъ К—вскаго, выѣхавшаго изъ Звенигородки и не могущаго, значитъ, опровергнуть никакихъ слуховъ, которые соединяются съ его именемъ.

Не трудно отыскать источникъ сообщеннаго преданія (или если угодно—сплетни). Кричманъ—конечно г. Кречмеръ, который, быть можетъ, дѣйствительно пріѣзжалъ въ Звенигородку и бывалъ у слѣдователя К—скаго; но, кажется, онъ не былъ принятъ за Шевченка. Года четыре тому назадъ посѣтилъ Кереливку и Моринцы (но не Звенигородку) г. Кониской и описалъ свое путешествіе въ Львовской «Зорі» («Порож у рідні села Шевченка»); его дѣйствительно—по словамъ самого г. Кониского—приняли крестьяне за Тараса Григорьевича и на его заявленія, что ему «луже цикаво подывытысь тутъ», хитренько замѣчали: «Эге! хочъ кому цикаво подывытысь на те мисце, де зрисъ». Въ настоящее время, какъ видимъ, пріѣздъ Кониского и пріѣздъ Кречмера слились въ одно тождественное происшествіе, да къ нему добавлено кое-что изъ прежняго репертуара преданій о Шевченкѣ (металлическій гробъ).

А. Крымскій.

Поминки по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 году. При первомъ извѣстіи въ Лондонѣ о смерти Шевченка, добрымъ словомъ помянулъ его Герценъ въ «Колоколѣ». Вотъ этотъ некрологъ Шевченка. Колоколъ 61. стр. 798.

26 февраля (10 марта) угасъ въ Петербургѣ малороссійскій пѣвецъ г. *Шевченко.* Жаль, что бѣдный страдалецъ закрылъ глаза такъ близко къ обѣтованному освобожденію. Кому было больше по праву почесть этотъ день, какъ не ему? Но хорошо и то, что утренняя заря этого дня занялась при его жизни и освѣтила послѣдніе дни его.

Въ томъ же номерѣ «*Колокола*» помѣщена замѣтка о Шевченкѣ извѣстнаго Агапія на малорос. языкѣ. Это единственная замѣтка, помѣщенная Герценомъ въ Колоколѣ на малорос. языкѣ отъ іеродіакона Агапія (Андрея Гончаренка).

И безъ того тяжко, важко намъ блукаты на далекій чужини,—но все була потиха, все таки була надія. Бувъ въ насъ дома Кобзарь, винъ виспивувавъ дила батькивъ нашихъ, росказувавъ про козацьку славу, кто мы, чіи диты,—колы сами не хочемъ знаты.. А теперь его нема, смерть скосила его. И на души ще тяжче стало.—На кого теперь надія? Хто буде потишаты нашъ людъ въ неволи?.. Е вирни диты Украины, треба правду казаты;—но е далеби диты не розумни, а ще бильше перевертнивъ и недоляшкивъ...

Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. Помѣщаемый ниже документъ извлеченъ изъ отдѣла IX (Новыя Дѣла) Метрики Литовской Моск. Арх. Минист. Юст., кн. 116, л. 206. Онъ представляетъ изъ себя приложеніе на отдѣльномъ листкѣ къ акту, носящему аглавіе: «*Wydanie summy na potrzeby Rp. w skarbie koronnym po seimie anno 1601.*» (л. 204). Оба документа подлинные: запись о расплатѣ съ запорожцами писана иной рукой, чѣмъ весь отчетъ «Wydanie summy», безъ подписи.

Zold Zaporosczom naznaczony na czwiercz:

Hetmanowi ich na czwercz fl. 120.

Pulkownikom № 4 po fl. 30—fl. 120.

Hosaulom № 8 po fl. 26—fl. 200.

Setnikom № 20 po fl. 15—fl. 300.

Oboznemu na czwiercz—fl. 30.

Dziesiatnikom № 152 po fl. 9—fl. 1368.

Propornikom, surmaczom, bembeniczom, trembaczom № 16 po fl. 8—fl. 128.

Pusskarzom № 12 po fl. 12—fl. 144.

Wozniczom № 20 po fl. 3—fl. 60.

Piszarzowi fl. 10.

Czernym pacholkom № 1799 po fl. 7—fl. 12593.

Suma ossob № 2032, ʐoldu ich na czwiercz fl. 15149.

Z osobnoi na prochi, olowy, saletry pozwolonich fl. 500.

Y iednak nie mianue się, czy na czwiercz yednę, czy na dalssy cziess sluzby ich.

Сообщилъ **М. Довнаръ-Запольскій.**

Сколько было козацкихъ полковъ до Богдана Хмельницкаго, мы до сихъ поръ не знаемъ съ точностью. «Въ бытіи полковъ», говоритъ М. А. Максимовичъ [1]), «выдаются двѣ эпохи: одна—возвышеніе полковъ при гетманѣ Богданкѣ 1576 г.; другая—умаленіе полковъ послѣ гетмановъ Павлюка и Остраницы.» Въ первую эпоху М. А. Максимовичъ принимаетъ 20 полковъ; во вторую—6. Выборъ этотъ основанъ изслѣдователемъ на весьма сомнительномъ источникѣ, на извѣстной «Исторіи Руссовъ,» приписываемой Георгію Конискому. Предлагаемый документъ, относясь къ весьма раннему времени, имен-

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 657 и слѣд.

но къ 1601 г., и будучи оффиціальнаго происхожденія, представляетъ истинное положеніе дѣлъ. Изъ него мы видимъ, что козаки въ указанномъ году дѣлились на четыре полка; въ каждомъ полку было по пяти сотенъ; сотни дѣлились на десятки, которыхъ было 152; во главѣ козацкаго отряда стоялъ гетманъ, обозный и писарь; во главѣ полка—полковникъ; подъ его начальствомъ находилось два есаула, четыре сотника и 50 десятниковъ; сверхъ того—три пушкаря, по одному прапорщику, сурмачу, трубачу и бубенщику и четыре возничихъ; весь отрядъ состоялъ изъ 2032 человѣкъ. Само собою разумѣется, что эта цифра опредѣляетъ одно лишь регэстровое козачество. Въ нашемъ документѣ жалованье опредѣлено только на четверть года; отсюда мы высчитываемъ, что въ годъ получали: гетманъ—480 пол. злотыхъ, обозный—120, писарь—40, полковникъ—120, есаулъ—100, сотникъ—60, десятникъ—30, прапорщикъ, сурмачъ, бубенщикъ, трубачъ—32 злот. каждый, пушкарь—48, возничій—12 и простой козакъ—7 злотыхъ. На боевые припасы было назначено--2000 злотыхъ въ годъ. Общая сумма платежа на 1/4 года исчислена въ 15649 пол. злотыхъ.

Можно думать однако, что это не было постоянное жалованье, такъ какъ въ концѣ разсматриваемаго нами документа высказывается недоумѣніе: «не упомянуто, на одну ли четверть (года такой окладъ назначенъ), или же и за дальнѣйшую службу ихъ». И недоумѣніе это вполнѣ основательно, потому что коронному скарбу приходилось бы тогда платить ежегодно почти по 63000 пол. злот. Расходъ весьма значительный. Мы знаемъ, что въ другіе годы жалованье козакамъ было значительно меньше. Такъ напр.: Въ 1617 г., по договору польскихъ коммиссаровъ съ козаками 28 октября на уроч. Старой Ольшаницѣ надъ Росью жалованье опредѣлено въ 10000 пол. злот. и 700 поставовъ каразѣи, которые оцѣниваются въ слѣдующемъ договорѣ также въ 10000 пол. злот. [1]). По договору тѣхъ же коммиссаровъ 8 октября 1619 г. надъ р. Раставицей, ниже Паволочи, жалованье опредѣлено въ 40000 пол. злот., изъ коихъ 10000 пол. злот. уплачиваются въ видѣ 700 поставовъ каразѣи а остальные 30,000 наличными деньгами [2]).

---

[1]) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 206.

[2]) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Кіевъ. 1888, стр. 216—249.

Въ инструкціи посламъ нашимъ 1632 г. козаки просятъ объ увеличеніи имъ жалованья вообще по прибавкѣ еще на 2000 козаковъ [1]). Можно думать, что эта просьба козаковъ едва ли была удовлетворена сеймомъ, потому что въ томъ же году, по донесеніямъ Путивльскихъ воеводъ, собраннымъ ими у козаковъ, жалованья гетману полагалось только 300 пол. злот.; пяти полковникамъ, двумъ есауламъ и двумъ судьямъ по 150 злотыхъ каждому и 25 пушкарямъ по 7 злотыхъ [2]). Въ 1638 г., не смотря на неудачи козаковъ въ войнѣ съ поляками, по договору, состоявшемуся между ними 4 декабря на Масловомъ Ставу, и число козацкихъ чиновъ и жалованье имъ значительно увеличено; полковниковъ было уже 6; но ни имъ, ни гетману, какъ назначавшимся изъ шляхты, жалованье не опредѣлено; остальныя должностныя лица въ козачествѣ получали жалованье въ такомъ размѣрѣ: два войсковыхъ есаула по 600 злот. каждый; 6 полковыхъ есауловъ—по 250; 60 сотниковъ—по 200; 60 атамановъ (поручиковъ)—по 60 злотыхъ [3]).—Такая разница въ опредѣленіи размѣра жалованья запорожскому войску могла зависѣть отъ двухъ причинъ: или для мирнаго и военнаго времени существовали особые размѣры, или эти послѣдніе опредѣлялись договоромъ на каждый тотъ или иной случай. Щедрое назначеніе жалованья козакамъ въ 1601 г. объясняется просто: «были у Швецыи козаки запорозкие люду 4000 (по нашему документу 2032); надъ ними былъ гетманомъ Самуэль Кошка; тамъ же того Самуила убито и поховано у Киеве [4]);» точно также исключеніемъ является и 1621 г., когда козаки въ количествѣ 50000 получили отъ короля въ награду за Хотинскую побѣду 400,000 битыхъ талеровъ [5]). Остальные годы, въ которые опредѣлялось жалованье козакамъ принадлежатъ къ болѣе спокойнымъ, и главнымъ условіемъ со стороны поляковъ было поставлено козакамъ то, чтобы они не ходили войной въ турецкія владѣнія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду случай, имѣвшій мѣсто въ 1610 г., когда козацкій гетманъ (старшій полковникъ) Андрей Стороженко, во время войны Польши съ Москвой, отказался двигаться со своимъ отрядомъ въ глубь москов-

---

[1]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. I, стр. 338.

[2]) Акты Москов. госуд—ва, т. I, стр. 410. Любопытно, что пол. злот переводятся на рус. рубли; 7 злотыхъ равны $8^1/_4$ рублямъ по тогдашнему счету; отсюда одинъ злотъ—$1^1/_7$ рубля,

[3]) Лѣтопись Сам. Величка, т. IV, 280—285.

[4]) „Бурколабовская хроника.“ См. П. Кулишъ: „Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси,“ т. I, стр. 77.

[5]) Лѣт. С. Величви, т. 1, стр. 41 и 44.

скихъ владѣній на томъ основаніи, что въ его «приповѣдномъ» листѣ не опредѣлено, будетъ ли даваться годовое жалованье; не сказано, по скольку назначается одному человѣку на четверть года и вообще на какое количество козаковъ; наконецъ, не означено, у кого и въ какомъ мѣстѣ «это убогое кровавое жалованье», по окончаніи войны, кто останется живъ, можно будетъ требовать [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ, мы въ правѣ, намъ кажется, вывести заключеніе, что 1, опредѣленнаго жалованья для козаковъ не было; 2, размѣръ его подвергается быстрымъ колебаніямъ; 3, во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ случаяхъ вопросъ о жалованьи опредѣляется договоромъ, хотя въ нихъ и говорится, что жалованье будетъ платиться ежегодно; 4, козачество является, такимъ образомъ, вполнѣ наемнымъ войскомъ; 5, на размѣрѣ платы козачеству какъ будто отражается экономическій законъ спроса и предложенія; 6, число полковъ, чѣмъ ближе ко времени Богдана Хмельницкаго, не только не уменьшается, но, наоборотъ, усиливается, хотя медленно, но неизмѣнно (въ 1601 г.—4 полка [2]); въ 1632 г.—5 и въ 1638—6); поэтому выводъ, сдѣланный М. А. Максимовичемъ на основаніи «Исторіи Руссовъ», оказывается ошибочнымъ; весьма вѣроятно, что извѣстіе лѣтописи объ уменьшеніи количества полковъ до 1648 г. было не больше, какъ отголосокъ борьбы польскаго правительства противъ очень быстраго и опаснаго для него роста козачества, которому надо было платить все большую сумму жалованья; тѣмъ не менѣе правительство время отъ времени вынуждено было признавать постепенное увеличеніе числа козаковъ.

Къ исторіи Люблинской уніи. Въ маѣ 1569 г. въ г. Люблинѣ состоялось постановленіе о присоединеніи юго-западныхъ воеводствъ, Волынскаго, Кіевскаго, Брацлавскаго, къ Польшѣ и отдѣленіи ихъ отъ Литвы. Бывшіе на сеймѣ представители этихъ воеводствъ принесли присягу королю и Коронѣ Польской; однако король Сигизмундъ-Августъ нашелъ это недостаточнымъ и призналъ «рѣчью потребною и повинною», чтобы такую же присягу выполнили и остальные обыватели края; тѣмъ не менѣе, считая неудобнымъ вы-

---

[1]) „Чтенія въ Историч. Общ. Нестор. Лѣт., кн. VII, отд. III, стр. 69—72.

[2]) Эти четыре полка служатъ подтвержденіемъ показанія бискупа Павла Пясецкаго о „тетрархіи“ въ козачествѣ въ главѣ XVII в.

зывать всѣхъ ихъ для этого въ Люблинъ, король приказалъ отправить универсалъ о состоявшемся присоединеніи юго-западнаго края, вмѣстѣ съ формой присяги, во всѣ повѣты означенныхъ воеводствъ и потребовать присяги и подписки на мѣстѣ; при этомъ король предупреждалъ, что у «непослушныхъ» имѣнія будутъ конфискованы. Конечно, послѣ такого предупрежденія, шляхта всѣхъ повѣтовъ поспѣшила исполнить покорно приказаніе короля, т. е. дать присягу и подписку въ вѣрноподданствѣ. Какъ универсалъ, такъ и подписки обывателей внесены были въ копіяхъ въ замковыя книги каждаго повѣта, а подлинники отправлены королю и записаны въ книги Литовской метрики. Присяга и подписка обывателей Луцкаго и Владимірскаго повѣтовъ оказались въ мѣстныхъ замковыхъ книгахъ [1]), откуда были извлечены покойнымъ Н. Д. Иванишевымъ и напечатаны имъ частью въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» (ч. II, т. I, стр. 1—17), частью въ изданіи: «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (часть 1-я, стр. 19—27); но такихъ же документовъ по третьему повѣту Волынскаго воеводства—Кременецкому, а также по повѣтамъ воеводствъ кіевскаго и брацлавскаго мы не имѣемъ, потому что брацлавскія и кіевскія книги за этотъ годъ не сохранились; кременецкія до того истлѣли, что отъ прикосновенія разрываются; найти въ нихъ что-либо и прочесть чрезвычайно трудно; отсюда понятенъ уже интересъ и важность печатаемаго ниже документа, дополняющаго исторію такого важнаго для нашего края факта, какъ Люблинская унія. И хотя этотъ документъ представляетъ собою не перечень лицъ, принесшихъ присягу и давшихъ подписку на подданство королю въ кременецкомъ замкѣ, но лишь тѣхъ, которые почему либо не исполнили королевскаго приказанія, тѣмъ не менѣе онъ важенъ, какъ доказательство того, въ какой степени строго отнеслось польское правительство къ укрѣпленію за собой юго-западнаго края, подчиненіе себѣ котораго оно считало лишь возсоединеніемъ «части со своимъ цѣлымъ, члена со своимъ тѣломъ и головой».

Року Панскаго 1569, мца червца дня шестого-надцет. июня.

За листомъ и росказанемъ его кролевское милости, обыватели землеи Волынскихъ повѣту Кремянецкого присязе, подлугъ универсалу королеви, его милости, полскому и Короне Полской досыть не вчинили, меновите въ той минуте описаные:

---

[1]) Книги эти хранятся теперь въ централ. архивѣ Университета св. Владиміра.

Уряд земский Кремянецкий:

Андрей Куневский, судья.
Сава Еловицкий, подсудок.
Григорей Болбась, писар.
Михайло Иллович Малинский, маршалок.
Иван Шуть, войский.

Их милости княжата повѣту Кремянецкаго:

Костянтинъ Островский, воевода виленский.
Янушъ и Михайло Жеславскии.
Штефанъ Збаражский, воевода Троцкий.
Миколай Збаражский, староста Кремянецкий.
Юрей Збаражскій.
Владиславъ Збаражский.
Андрей Вишневецкий, каштелян Луцкий.
Михайло Вишневецкий, староста Черкасский.
Миколай Ярославовичъ.
Базиллусъ Древинский, писар его кр. мл.
Олбрахт Ласкай, воевода Сирадзский.
Воеводичи вислянские з Радивилова.
Лабунские Михайло и Крыштофъ.
Яловицкие Антонъ и Дмитръ.
Кгабриел Козирадский з братею.
Романъ Гойский.
Богданъ Патрикей Рядогоский; братъ того Миколай учинил присягу, бо еще нерозделны.

Оповеданя от небылых ку присязе:

Оповедан пан *Федоръ Сенюта* от матки своее панее Григоревое Сенютиное Ляховецкое, панее малжонки Патрикеевны иж она толко до часу на именях по животе малжонка своего мешкает; толко самъ з оселости той присязе досыть вчинилъ.

Пани *Михайловая Боговитлолевая пани Ганна* з сыномъ своим *Михайломъ* лет недорослым ку присязе становилася; а иж она не дедичка, прото тая присяга до ласки его королевское милости, а до лет сына ее отложона.

Пани Ивановая, Жабокроцкая Катерина Прозвековна оповедала, иж сынове ее *Василей а Янъ* лет не доросли; я иж сут на науце, прото их на тот час ку тый присязе поставити не могла.

Оповедала *Ивановая Волковская*, иж сынъ ее, лет недорослый, дан ку науце; ведже с тый оселости зять ее *Петръ Борковский* присягу вделалъ.

Пан *Ерофей Гойский* через врядника своего Өедора оповедал, иж, будучи в поселстве от всее земли Волынское, тамже в Люблине присягу вчинилъ.

Оповедал врядникъ з Садков Микита, иж пани *Климентовая Войничовая пани Катерина*, маючи болшую осадлость в повете Луцкомъ, нижли в Кремянецкомъ, там же, поведил, присязе досыть вчинила.

Мы, урядъ кгродский, тых, которыи, ведле универсалу его королевское милости, (королю его милости) и Короне Польской присязе досыть не вчинили, до акти кгродских вписавши, и минуту каморнику и комисару его королевское милости под печатьми нашими.

Дан с Кремянца. Двѣ печати мастичныя. Андрѣй Жирицкий, писарь.

(Книга Переписей Коронныхъ Моск. Арх. Минист. Юст., № 27 лл. 147—148).

Сообщилъ **М. Довнаръ-Запольскій.**

Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII в.

Въ недавно вышедшемъ изданіи Библіотеки Красинскихъ[1]) помѣщенъ очень интересный «Дневникъ московской войны 1633 г.» [2]). Это собственно не дневникъ, а рядъ писемъ Яна Москожовскаго (Moskorzowskiego), офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ секретаря гетмана литовского Крыстофа Радзивилла къ брату Андрею; ихъ дополняютъ нѣсколько писемъ другихъ лицъ и оффиціальные документы. Письма писаны съ мѣста военныхъ дѣйствій, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, съ полнымъ знаніемъ военнаго дѣла, а потому, для уясненія подробностей этой, такъ печально кончившейся для московскихъ войскъ, войны, онѣ имѣютъ большое значеніе. Значительную часть польскаго войска составляли казаки, прибывшіе на помощь полякамъ подъ Смоленскъ въ количествѣ 15-ти

---

[1]) Biblioteka Ordynacyi Krasinskich. Muzeum Konstantego Swidzinskiego. T. XIII, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Рембовскаго. Варш. 1895 г.

[2]) „Dyaryusz wojny moskiewskiej z r. 1633“.

тысячъ [1]). О военныхъ подвигахъ козаковъ извѣстія въ дневникѣ довольно часты, останавливаться на нихъ мы не будемъ, приведемъ лишь часть письма ксендза Колудзкаго (Kołudzkiego) отъ 27-го сентября 1633 г., заключающую въ себѣ небольшую, но яркую характеристику запорожцевъ. Ученый ксендзъ, пересыпая свое письмо латинскими фразами, относится слегка иронически къ этимъ «сатирамъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ скрыть своего удивленія объ обнаруженной ими энергіи и отвагѣ. Вотъ переводъ этой части письма [2]).

«Уже третій день стоимъ подъ открытымъ небомъ, не располагаясь лагеремъ, оставивши возы въ первомъ обозѣ,—это только и прибавлю. О козакахъ могу написать: я видѣлъ большую толпу, которой никто не могъ сосчитать; цѣлый день, когда приходили въ обозъ, тянулись по нѣсколько хоругвей вмѣстѣ, безъ надлежащаго порядка, а не какъ дружина (turba), заслуживающая вниманія на войнѣ, въ томъ только и порядокъ, что хоругви (шли) вмѣстѣ, одна возлѣ другой, они скорѣй походятъ на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей, хлопы похожи другъ на друга,—въ сѣрой одеждѣ, рѣдко кто въ синемъ или красномъ (w modrzy albo w czerwieni), кожа на ихъ тѣлѣ, какъ кожа на деревѣ, презрѣніе къ жизни полное, больше заботы: о «горилкѣ», чѣмъ о жизни (contemptus vitae maximus, maior cura cremati, quam vitae), однимъ словомъ, здѣсь есть что посмотрѣть. Привезли съ собой 10 небольшихъ пушекъ, сейчасъ-же подступили къ непріятелю и добили трехъ переднихъ офицеровъ, привели ихъ подъ руки къ королю, рѣчи не было, а только: «королю, ось маешъ нимцовъ» (а то были французы); дано имъ двѣ кадки (cebry) меду и 20 твердыхъ талеровъ, остались довольны. Затѣмъ, когда король хотѣлъ двинуться подъ самыя стѣны, ихъ раздѣлили на три части: одни остались въ старомъ обозѣ, другіе съ гетманомъ литовскимъ пошли подъ острогъ Прозоровскаго, а третьи съ королемъ; на всѣхъ трехъ мѣстахъ оправдали ожиданія. При кн. Радзивиллѣ они слѣдующимъ образомъ высказали свою смѣлость: нѣсколько десятковъ ихъ, раздѣвшись до-гола, переплыли съ обнаженными саблями на другую сторону Днѣпра къ непріятельскимъ шанцамъ, и посѣкли много москвы. Одинъ изъ казаковъ, когда нужно было на другой сторонѣ достать языка, пустился вплавь черезъ рѣку, и

---

[1]) По словамъ козацкихъ пословъ, явившахся по приходѣ къ королю—стр. 30.

[2]) Стр. 31—32.

лежалъ въ водѣ у берега и, когда пришелъ къ водѣ одинъ москвитинъ,—схватилъ его за волосы, втащилъ въ воду и такъ съ нимъ переплылъ назадъ; очень смѣшно этотъ козакъ разсказывалъ королю объ этой трагедіи—какъ его подстерегалъ и какъ съ нимъ плылъ; далъ (король) ему за работу нѣсколько ортовъ [1]). Дѣйствительно, не каждому хочется купаться въ такую пору, какъ этимъ добрымъ людямъ. Король имъ очень радъ. Не очень наступаютъ на фронтъ, такъ какъ голый людъ, но изъ рвовъ, изъ-за хвороста часто вредятъ москвѣ; имѣютъ свой шанецъ противъ москвы, съ которой ведутъ очень сильную перестрѣлку. Какъ только устроится обозъ, не будутъ безъ дѣла, пойдутъ въ непріятельскую землю, черезъ нихъ мы надѣемся доставать провіантъ, такъ какъ и теперь рѣдкій часъ, что бы чего не притащили въ обозъ. Есть также и политики между нами—ублаготворяютъ важныхъ пановъ добычей, особенно скотомъ. Пріятно было бы еще писать, такъ какъ въ нихъ мы нашли больше, чѣмъ ожидали»...

Н. В.

Нѣсколько данныхъ объ альманахѣ „Gwiazda“ (1846—49 г. г.) Въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ (СПБ. 1895 г.) на стр. 143, въ перечнѣ матеріаловъ, поступившихъ въ библіотеку изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и хранившихся до того времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія, указаны «засвидѣтельствованныя копіи съ цензорскихъ отзывовъ, въ которыхъ приводятся, въ переводѣ, замѣченныя вреднаго направленія мѣста въ четырехъ книжкахъ сборника «Gwiazda,» издававшагося въ 1846 г. въ Петербургѣ Фишемъ, а въ 1847—49 г.г. въ Кіевѣ Доленгою. Такъ-какъ альманахъ этотъ, послѣдовательно 4 года издававшійся и вышедшій четырьмя книжками, принадлежитъ тремя долями Кіеву (1847—1849 г. г.), то я заинтересовался этими цензорскими отзывами и, благодаря любезному разрѣшенію Директора Императорской Публичной Библіотеки, могъ разсмотрѣть эти матеріалы, представляющіеся любопытными для характеристики давно позабытаго альманаха «Gwiazda». Изъ дѣла видно, что нѣкоторыя статьи въ альманахѣ возбудили толки въ цензурномъ вѣдомствѣ о томъ, какъ и кѣмъ разрѣшено печатаніе этого изданія; при чемъ, конечно, приш-

[1]) Серебряная монета.

лось указывать и тѣ мѣста, которыя наиболѣе признавались неудобными. Замѣчанія цензуры больше всего направлены противъ размышленій «Gwiazd'ы» о религіозныхъ вопросахъ, но есть мѣста и иного, болѣе общаго, характера. Напримѣръ, по поводу № 1 дѣлается выписка изъ альманаха объ *останкахъ народовъ*: указывая, что безжалостная философія самымъ основательнымъ образомъ признаетъ невозвратность паденія народовъ, какъ результатъ «истощенія всѣхъ условій жизни», авторъ статьи прибавляетъ: «это останется непонятнымъ для души чувствительной и исполненной поэзіи; она не пойметъ никогда того, чтобы то, что было великимъ и благороднымъ, могло быть предназначеннымъ на кормъ насѣкомымъ, чтобы духъ народный умиралъ вмѣстѣ съ преходящими формами, въ которыхъ онъ выражался». Въ цензорскихъ замѣткахъ нѣтъ никакихъ комментаріевъ къ этому мѣсту, но и безъ того видна основная точка зрѣнія. Или, напримѣръ, по поводу статьи о Кременецкомъ лицеѣ и основателѣ его Чацкомъ, помѣщенной въ № 2 (O szkole Krzemienieckiej i o jej fundatorze Tadeuszu Czackim, także o innych dotkniętych listem Petroniusta Tetery umieszczonym w № 76 Tygodnika Peterburskiego r. 1845) и расхваливающей это учрежденіе, закрытое правительствомъ за предосудительное направленіе въ немъ образованія,—цензоръ говоритъ, что едва-ли въ виду этого прилично было пропустить эту статью къ печати. Тутъ-же въ № 2 помѣщена статья «Do pana Alexandra Parczewskiego» самого издателя Benedykt'a Dolęg'u, въ которой главнымъ образомъ идетъ полемика съ *Tygodnik'омъ Petersb.*, и между прочимъ по адресу г. Пржецлавскаго (Дѣйств. Ст. Совѣтн. и Директора Кодификац. Коммис. Царства Польск.) имѣется такая фраза: «kto, wziąwszy na uwagę ten jeden czyn p. Przeclawskiego niezgodzi się z nami, że on *jest wrogiem talentów*, *kannibalem kształcącej sie młodzieży?*» Конечно, фраза эта тоже заставила цензора въ Петербургѣ обратить на себя вниманіе. Или вотъ еще замѣтка. По поводу статьи, помѣщенной въ № 4, гдѣ идутъ размышленія о новомъ періодѣ польской литературы и гдѣ авторъ ставитъ въ главу угла Мицкевича, потому-что онъ, будучи прорицателемъ духа прогресса, обнуружилъ мысль и значеніе истинной поэзіи,—цензорская замѣтка дѣлаетъ только одну справку: *«всѣ сочиненія Мицкевича запрещены»*. Однимъ словомъ, изъ этихъ отрывочныхъ цензорскихъ матеріаловъ видно, что въ петербургской цензурѣ кѣмъ-то поднятъ былъ вопросъ объ альманахѣ «Gwiazda», какъ неосторожно пропущенномъ къ печати. Видно между прочимъ, что Министръ Народн. Просвѣщ. въ

1849 г. обращался письменно за справками къ Кіевск. Военному Генералъ-Губернатору, писалъ также и къ какому-то Николаю Николаевичу (титулуя «Его Превосходит.»); объяснялъ ему, что книги эти изданы были въ Кіевѣ не какъ періодич. изданіе, а по общему порядку, на основаніи § 34 Устава о цензурѣ, при чемъ поминается и имя цензора кіевскаго, Ореста Марковича Новицкаго, которому, вѣроятно, вся эта переписка причинила не мало непріятныхъ часовъ.

Заинтересовавшись этимъ альманахомъ, я пересмотрѣлъ его весь и, конечно, для себя, а надѣюсь и для читателей нашего журнала, нашелъ кое-что любопытное, совершенно только съ другой стороны. Отмѣчу, напримѣръ, письма сатирическія Зенона Фиша о кіевскихъ контрактахъ (№ 1 и № 4); воспоминанія изъ исторіи Каменца-Подольскаго Леона Романовскаго (№ 2), а также воспоминанія о Кременцѣ Кароля Качковскаго (№ 3); упомянутую раньше статью о школѣ Кременецкой и основателѣ ея Тадеушѣ Чацкомъ (№ 2).

В. Науменко.

Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie słowian. (Хранятся въ Импер. Публ. Библіот.)

Подлинная запись генералъ-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича, поданная Министру Народн. Просв. С. С. Уварову.

5 апр. 1838 г. Спб. Памятная записка о сочиненіи профессора Мацѣевскаго.

Извѣстный по изданію на польскомъ языкѣ сочиненія о славянскихъ древностяхъ, бывшій профессоръ закрытаго Варшавскаго университета, Мацѣевскій, послѣ усиленныхъ трудовъ собралъ достовѣрныя историческія свѣдѣнія о томъ, что свѣтъ христіанской вѣры проникъ въ древности во всѣ славянскія области, и въ томъ числѣ въ Польшу, съ Востока, и что уже позже по политическимъ обстоятельствамъ, поставлявшимъ постепенно Польшу въ ближайшія съ Западомъ сношенія,—проникло въ оную западное исповѣданіе и постепенно вытѣснило обрядъ восточной церкви.

Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ подобное сочиненіе можетъ имѣть весьма полезныя послѣдствія, но для лучшаго успѣха нужно избѣгать всякаго особенно гласнаго усилія Правительства въ изданіи этой книги.

Еслибъ оно было подвергнуто просмотру Варшавской цензуры, то, вѣроятно, встрѣтились-бы противодѣйствія, которыя могли-бъ поставить въ необходимость обнаружить участіе и тѣмъ уронить самое сочиненіе, давъ поводъ противодѣйствующимъ утверждать, что оно составлено подъ особеннымъ вліяніемъ правительства. По этимъ уваженіямъ нельзя-ли здѣшней цензурѣ заняться просмотромъ сего сочиненія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ одобренія могло оно быть напечатано въ Варшавѣ, что необходимо по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что отъ изданія этого сочиненія въ Варшавѣ зависитъ преимущественно благопріятное его вліяніе, и во 2-хъ, что Мацѣевскій, не имѣя здѣсь знакомыхъ и по важности приводимыхъ имъ историческихъ фактовъ, хочетъ самъ держать корректуру, дабы противники его не воспользовались какою-либо опечаткою, чтобы тѣмъ поколебать достовѣрность самыхъ фактовъ.

Сочиненіе Мацѣевскаго по указанію моему представлено частнымъ образомъ въ Департаментъ Минист. Просвѣщенія, и мнѣ остается покорнѣйше просить В. Впревосход. о приказаніи заняться просмотромъ онаго, и потомъ, послѣдуетъ ли одобреніе или нѣтъ, чтобы во всякомъ случаѣ поступлено было безъ огласки, такъ, какъ будто сочиненіе это представлено самимъ Мацѣевскимъ безъ участія мѣстнаго начальства.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій Гр. Паскевичъ-Эриванскій.

На этой памятной замѣткѣ значится надпись рукою кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова «Г. Министръ приказалъ подвергнуть цензурованію С. С. Гаевскаго 6 апр. 1838».

Тутъ-же находимъ и слѣдующее черновое донесеніе С. С. Гаевскаго Председателю Спб. Цензурнаго Комитета.

«По порученію Его Впревосх. Г. Мин. Нар. Просв., прочитано мною сочиненіе профессора бывшаго Варшавскаго унив.: «Pamiętniki o dziejach, pismennictwie i prawodawstwie Słowian, въ двухъ частяхъ (вход. журн. №№ 147—148). Въ сочиненіи семъ находятся нѣкоторыя статьи, которыя я полагалъ нужнымъ, по смыслу Устава о цензурѣ, подвергнуть предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры; но Его Впревосх., которому я имѣлъ честь докладывать о семъ, не находя удобнымъ посылать въ духовную цензуру книгъ на польскомъ языкѣ, и по уваженію, что въ ней нѣтъ догматическихъ толкованій, а только заключаются историческіе факты, разрѣшилъ меня одобрить сочиненіе Мацѣевскаго, что мною и исполнено.

О семъ В. Сі—ву имѣю честь донести.

3 мая 1838.

Наконецъ здѣсь-же находимъ черновой экземпляръ записки, приложенной при отсылкѣ сочиненія Мацѣевскаго въ Варшаву.

1) Если угодно сочинителю, одобреніе цензуры можно выставить на польскомъ языкѣ переведя оное съ русскаго.

2) При печатаніи перемѣнъ дѣлать не дозволяется, исключая поправки слога.

3) Исключенныя цензоромъ мѣста не должны быть печатаемы.

4) Страницы, на которыхъ мѣста сіи находятся, обозначены на заглавномъ листѣ каждаго тома.

5) По напечатаніи надобно выслать въ Петерб. Комит. *пять* экз., со свидѣтельствомъ типографіи, что книга напечатана согласно съ одобренною цензурою рукописью.

До полученія изъ Петербурга дозволительнаго билета на выпускъ въ свѣтъ, книга не должна обращаться въ публикѣ.

Сообщилъ В. Науменко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія.

Сочиненіе это представляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку русской исторіи: авторъ дополнилъ пробѣлъ, существовавшій въ наукѣ, представивъ вполнѣ серьезный и научный очеркъ одной изъ русскихъ земель, которой понынѣ не было посвящено ни одной, сколько-нибудь удовлетворительной монографіи. Работу свою г. Голубовскій выполнилъ съ соблюденіемъ вполнѣ научныхъ пріемовъ; онъ собралъ данныя первоисточниковъ, изучилъ всю литературу предмета, собранныя данныя подвергъ научной строгой критикѣ и обставилъ свои выводы вполнѣ научнымъ аппаратомъ. Онъ строго держался принциповъ, высказанныхъ имъ въ предисловіи: обращать вниманіе по преимуществу на источники первой руки, на основаніи критической ихъ переработки дѣлать выводы и избѣгать полемики по частнымъ вопросамъ, оставляя въ сторонѣ исторію разработки вопроса и ограничиваясь изложеніемъ самаго предмета его изслѣдованія.

Г. Голубовскій раздѣлилъ свой трудъ на пять главъ. Изъ нихъ главы: 2-я, 4-я и 5-я, по моему мнѣнію, безупречны въ научномъ отношеніи; конечно, можно высказывать иные взгляды на нѣкоторыя частныя положенія, можно колебаться во взглядѣ на ту или иную подробность, но должно признать во всякомъ случаѣ, что авторъ всѣ выводы основалъ на точномъ изученіи и критическомъ разборѣ источниковъ по каждому данному вопросу.

Вторая глава озаглавлена авторомъ «Промышленность и Торговля». Она представляетъ живой очеркъ промышленной дѣятельности Смоленской земли: факты весьма кропотливо собраны въ первоисточникахъ, сгруппированы очень умѣло и рельефно иллю-

стрированы свѣдѣніями о флорѣ и фаунѣ данной области и объ археологическихъ находкахъ на ея территоріи. Въ очеркѣ торговли авторъ, на основаніи показаній источниковъ, изученія топографіи края и нумизматическихъ находокъ, устанавливаетъ главные пути Смоленской торговли, начиная съ VIII—IX столѣтія. Глава эта содержитъ прекрасный критическій разборъ «Смоленской торговой правды», т. е. торговаго договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1229 году съ Ригою и городами «Готскаго берега» и подтвержденнаго нѣсколько разъ его преемниками.

Четвертая глава: «Общественный и политическій обзоръ Смоленской земли» представляетъ прекрасный очеркъ внутреннихъ отношеній, сложившихся въ Смоленской землѣ, и ея управленія. Здѣсь разсмотрѣны права общины и районъ дѣятельности вѣча въ отношеніяхъ: политическомъ, законодательномъ, судебномъ и финансовомъ; далѣе разсмотрѣны права и обязанности князя, его отношенія къ общинѣ; указаны точно его доходы, главнымъ образомъ на основаніи грамоты князя Ростислава Мстиславича (1150 г.) и перечислены административныя должности, служившія органами княжескаго управленія; затѣмъ разсмотрѣнъ составъ дружины, указано положеніе бояръ, ихъ права и обязанности, равно какъ и занимаемыя ими должности. Въ заключеніе помѣщенъ очеркъ исторіи Смоленской церкви; указано положеніе духовенства, доходы, которыми пользовалась церковная іерархія, опредѣлены предметы вѣдомства церковнаго суда, разсказана исторія основанія важнѣйшихъ церквей и монастырей, и, наконецъ, представленъ весьма живой очеркъ просвѣтительной и литературной дѣятельности въ Смоленскомъ княжествѣ, развившейся по почину духовенства и князей. Въ пятой главѣ находимъ «Очеркъ политической исторіи Смоленской земли». Въ очеркѣ этомъ авторъ свелъ въ стройную послѣдовательную картину разрозненныя и затерянныя среди другихъ извѣстій свѣдѣнія лѣтописныя о судьбахъ Смоленской земли. Весьма наглядно представлены политическія стремленія Смоленскихъ князей, повороты въ ихъ политикѣ, ихъ отношенія къ княжествамъ: Кіевскому, Суздальскому, Полоцкому, Черниговскому и къ Великому Новгороду, а впослѣдствіи къ В. К. Московскому и Литовскому. При этомъ авторъ весьма удачно указываетъ на вліяніе этнографическихъ особенностей разныхъ областей Смоленской земли, на ходъ политическихъ событій. Характеристики нѣкоторыхъ событій (напр. Липецкой битвы) и многихъ князей, какъ: Ростислава Мстиславича, сыно-

вей его Романа и Давида, Мстислава Давидовича, Святослава Ивановича составлены въ высокой степени талантливо и рельефно.

Третья глава озаглавлена: «Родъ князей Смоленскихъ»; въ видѣ дополненія къ ней приложены: а) списокъ Смоленскихъ князей по колѣнамъ, в) списокъ великихъ князей Смоленскихъ и с) родословная таблица. Несомнѣнно, эта глава стоила автору болѣе всего труда, крайне тяжелаго и кропотливаго. Среди разрозненныхъ, отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ показаній источниковъ, авторъ старается извлечь свѣдѣнія о каждомъ лицѣ княжескаго рода Ростиславичей, дополнить по возможности пробѣлы источниковъ, разъяснить ихъ противорѣчія, поправить анахронизмы и т. п. Въ большинствѣ случаевъ авторъ достигаетъ весьма удачно предположенной цѣли, хотя иногда, вслѣдствіе скудости свѣдѣній, онъ встрѣчаетъ непреодолимыя трудности и принужденъ ограничиться гипотезами. Такъ напримѣръ: филіація вѣтви предполагаемаго потомства кн. Константина Давидовича (такъ называемые князья Ѳоминскіе) остается недоказанною и сомнительною, хотя и правдоподобной гипотезой. Неудобство этой главы заключается въ методѣ распредѣленія самаго матеріала; авторъ размѣстилъ біографіи князей въ алфавитномъ порядкѣ ихъ именъ, не придерживаясь порядка ни хронологическаго, ни генеалогическаго. Такимъ образомъ теряется всякая связь между отдѣльными статьями, вошедшими въ составъ этой главы, и она превращается въ рядъ отдѣльныхъ экскурсовъ или примѣчаній и представляетъ какъ бы біографическій словарь вмѣсто связнаго историческаго разсказа.

Менѣе другихъ, по моему мнѣнію, удачно составлена первая глава. Она заключаетъ географію и топографію Смоленской области и соображенія о первоначальной колонизаціи страны. Вторая половина главы, въ которой авторъ пользовался данными первоисточниковъ, составлена такъ-же научно, какъ и все сочиненіе. Такъ, положеніе о распредѣленіи Кривицкаго племени, установленіе поселеній, существовавшихъ въ XII ст. сообразно съ перечнемъ грамоты кн. Ростислава—представляютъ изслѣдованія, обставленныя вполнѣ научно. Нѣсколько иной характеръ носитъ первая половина главы; это, впрочемъ, неудивительно, если принять во вниманіе совершенное отсутствіе указаній первоисточниковъ, которыми столь умѣло пользуется авторъ, по отношенію къ разсматриваемымъ въ этой части труда вопросамъ. Для того, чтобы представить картину заселенія Смоленской области въ доисторическую эпоху, авторъ, конечно, не могъ пользоваться сколько-нибудь точными показаніями; въ его распоряженіи

были только или общія гипотетическія положенія, или косвенныя данныя, заимствованныя изъ соображеній филологическихъ или архаическихъ изысканій. Пользуясь этимъ матеріаломъ, авторъ иногда увлекается въ область нѣсколько смѣлыхъ гипотезъ, иногда слишкомъ утвердительнымъ тономъ высказываетъ положенія не вполнѣ обоснованныя и иногда одностороннимъ или второстепеннымъ даннымъ придаетъ значеніе слишкомъ вѣскихъ аргументовъ: такъ напримѣръ, высказывая предположенія о далекомъ распространеніи на западѣ Финновъ въ до-историческое время, онъ приводитъ, какъ главныя основанія: употребленіе нѣкоторыхъ суффиксовъ въ составѣ именъ географическихъ и особое устройство кургановъ, обложенныхъ снаружи камнями; но оба эти признака не существенны: присутствіе указанныхъ авторомъ суффиксовъ не составляетъ исключительной принадлежности финскихъ географическихъ именъ—они встрѣчаются и въ названіяхъ несомнѣнно славянскихъ и во многихъ названіяхъ западной Европы; курганы, обставленные камнями, встрѣчаются на территоріи самыхъ разнообразныхъ странъ, иногда весьма отдаленныхъ (Алжиръ, Великобританія, Скандинавія и т. п.) и не могутъ быть приняты, какъ характеристика исключительно финскаго похороннаго типа.

Впрочемъ, первая половина начальной главы составляетъ какъ бы введеніе, выходящее за предѣлы предмета изслѣдованія, которому посвящено сочиненіе г. Голубовскаго; оно нисколько не умаляетъ достоинствъ его историческаго изслѣдованія, которое во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ.

В. А.

П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. Одесса 1895 г.

Книга г. Иванова раздѣлена на 7 главъ, заключающихъ слѣдующее содержаніе:

Въ первой главѣ помѣщенъ краткій географическій очеркъ Волыни; во второй сведены всѣ поынѣ извѣстныя данныя о первобытныхъ поселенцахъ Волыни въ каменномъ вѣкѣ. Третья глава посвящена исторіи славянскаго населенія Волыни до X ст., т. е. до присоединенія этой области къ В. К. Кіевскому при Владимірѣ Св. Авторъ воспользовался всѣми, понынѣ извѣстными, историческими источниками, провѣривъ мнѣнія, высказанныя его предшествен-

никами о распредѣленіи славянскихъ племенъ на Волыни (Волыняне, Дулебы, Бужане) и предлагаетъ свое мнѣніе для примиренія существующаго въ этомъ отношеніи разногласія. Для обрисовки быта Волынскихъ славянъ въ до-христіанскую эпоху авторъ воспользовался единственнымъ имѣющимся, хотя и представляющимъ лишь косвенныя указанія, источникомъ, т. е. этнографическими сборниками; онъ выбралъ изъ нихъ сказанія исключительно волынскія и постарался изъ нихъ выдѣлить отголоски языческой старины, не увлекаясь впрочемъ слишкомъ смѣлыми сближеніями и гипотезами.

Четвертая глава посвящена установленію границъ Волынской земли въ историческое время по лѣтописнымъ указаніямъ: указаны колебанія этихъ границъ и особенно тщательно разсмотрѣнъ вопросъ о промежуточной территоріи, т. наз. «Погоринѣ».

Въ пятой главѣ представленъ краткій очеркъ политической исторіи Волыни до половины XII вѣка (1157 г.), когда область эта окончательно обособилась подъ властью Изяслава Мстиславича и его потомковъ.

Шестая глава, самая объемистая, посвящена исторіи Волыни съ половины XII ст. до конца XV вѣка, т. е. до прекращенія самобытности Волынскаго княжества. Только въ началѣ этой главы (до 1292 г.) авторъ имѣлъ возможность пользоваться связнымъ лѣтописнымъ разсказомъ, но съ того времени, вслѣдствіе прекращенія текста Ипатской лѣтописи, онъ былъ поставленъ въ необходимость пользоваться весьма скуднымъ и разрозненнымъ матеріаломъ. Г. Ивановъ положилъ много труда для того, чтобы изъ матеріала этого возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, связный разсказъ; на каждомъ шагу ему пришлось встрѣчать спорные и недостаточно обставленные показаніями источниковъ вопросы: о времени и мѣстѣ княженія князей: Юрія I, Андрея, Льва, Юрія II; объ отношеніи или тождествѣ Юрія II и Болеслава Тройденовича; о генеалогической связи какъ Болеслава, такъ и Любарта съ родомъ Даніила Романовича, о времени княженія Федора Любартовича и т. п. Съ большимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ авторъ изучилъ и показанія источниковъ о данныхъ вопросахъ и провѣрилъ мнѣнія писателей, разсматривавшихъ ихъ: Лонгинова, Ржежабека, Любавскаго и другихъ. Онъ разсматриваетъ эти мнѣнія, относясь къ нимъ строго-критически, хотя менѣе удачно по временамъ выдвигаетъ собственныя гипотезы, подлежащія также строгой критической провѣркѣ.

Седьмая глава представляетъ очеркъ внутренняго быта Волынской земли и выполнена весьма удовлетворительно и настолько полно, на сколько дозволяли это сдѣлать свѣдѣнія источниковъ; здѣсь мы находимъ разсказъ о составѣ общества: князь, вѣче, дружина, людіе (сельчане и горожане), далѣе свѣдѣнія о доходахъ князя, о составѣ войска, о духовенствѣ и церквахъ, о занятіяхъ, промыслѣ, торговлѣ, образованности и т. п. Особенно тщательно собраны свѣдѣнія о дѣлахъ церковныхъ: составленъ каталогъ извѣстныхъ Волынскихъ епископовъ, списокъ церквей, извѣстія о существованіи которыхъ сохранились; далѣе указаны усилія галицко-волынскихъ князей относительно учрежденія отдѣльной митрополіи и старанія папъ и польскихъ королей о распространеніи на Волыни католичества.

Вообще трудъ г. Иванова отличается большою добросовѣстностью въ изученіи источниковъ и литературы предмета, съ которою онъ ознакомился во всей ея полнотѣ, и вполнѣ научными пріемами исторической критики. Нѣкоторый недостатокъ, можетъ быть, составляютъ нѣсколько рискованныя гипотезы, которыя впрочемъ встрѣчаются довольно рѣдко, и можетъ быть излишне развитый полемическій элементъ, преобладающій въ шестой главѣ сочиненія; послѣдній впрочемъ объясняется скудостью существующаго историческаго матеріала, вслѣдствіе чего всякому изслѣдователю приходится провѣрять съ излишнею мелочностью немногочисленные тексты источниковъ, что ведетъ неминуемо къ необходимости полемики.

Несмотря однако на эти недостатки, книгу г. Иванова, какъ по добросовѣстности изученія источниковъ, такъ и по качеству научныхъ пріемовъ ихъ разработки, должно признать вполнѣ серьезнымъ историческимъ изслѣдованіемъ.

В. А.

Одесса 1794—1894 г. Изданіе Городскаго общественнаго управленія. 1895 г. ц. 6 р.

Передъ нами огромная книга въ девятьсотъ слишкомъ страницъ большого формата со множествомъ портретовъ, рисунковъ, плановъ и пр.—Изданіе вообще чрезвычайно любопытное, въ особенности ежели принять во вниманіе, что починъ въ исполненіи его принадлежитъ одному изъ такихъ учрежденій, которыя вообще не очень то охочи до разныхъ литературныхъ предпріятій...

Книга состоитъ изъ вводнаго историческаго очерка Одессы, составленнаго подъ ред. Ѳ. И. Успенскаго, и нѣсколькихъ главъ, имѣющихъ задачею представить всестороннее описаніе столѣтняго города (территорія, климатъ и населеніе одесскаго градоначальства, исторія Одесскаго городскаго общественнаго управленія; торговля и промышленность; благоустройство, пути сообщенія; архитектура; народное здравіе; духовная жизнь и народноо образованіе; благотворительность; примѣчанія). Всѣ статьи составлены при участіи выдающихся мѣстныхъ знатоковъ (наприм., глава о климатѣ—при участіи А. В. Клосовскаго, о народномъ образованіи—при участіи А. И. Кирпичникова и Н. И. Ленца и т. д., благодаря чему книга болѣе или менѣе обезпечена отъ какихъ-нибудь крупныхъ промаховъ, а напримѣръ результаты еще нигдѣ не опубликованныхъ изученій лиманной грязи, сдѣланныхъ извѣстнымъ ученымъ А. А. Вериго (сообщены въ статьѣ о лиманахъ), имѣютъ даже нарочитую для дѣла важность... Рисунковъ и фототипій болѣе 160, и исполненіе ихъ вообще почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. (Говоримъ: почти, потому что есть дѣйствительно неудачные рисунки, напр., хотя бы на стр. 613 — «Прежнее зданіе музея: изображеніе очень неотчетливое—на стр. 612 домъ городскихъ народныхъ чтеній—и нѣк. др.)

Главу о народномъ образованіи и духовной жизни города мы разсмотрѣли довольно внимательно и въ общемъ остались довольны ею. Предъ умственнымъ взоромъ читателя возникаетъ довольно живая картина постепеннаго превращенія хаотической и многоязычной факторіи въ правильный европейскій городъ, все болѣе и болѣе пріобщающійся къ общерусской жизни и пріобрѣтающій болѣе или менѣе значительную національно-русскую окраску, чему особенно много содѣйствовалъ довольно быстрый ростъ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеній. Въ городѣ теперь сильно чувствуется только недостатокъ медицинскаго факультета, но кажется вопросъ объ учрежденіи его, уже окончательно назрѣвшій, скоро получитъ столь давно желанное осуществленіе, чему можно будетъ отъ души порадоваться. При изображеніи роста умственной жизни города составитель статьи остановился и на выясненіи того культурно-національнаго воздѣйствія, которое было произведено на городъ пребываніемъ въ немъ величайшаго изъ русскихъ поэтовъ А. С. Пушкина. Намъ сдается только, что этому важному обстоятельству можно было посвятить болѣе страницъ, чѣмъ это сдѣлано составителемъ, которому не слѣдовало бы

избѣгать тѣхъ любопытныхъ подробностей, которыми, какъ извѣстно, характеризуется одесская жизнь великаго опальнаго поэта.

Во всякомъ случаѣ, привѣтствуя капитальное изданіе Одесскаго городскаго управленія, не можемъ не пожелать, чтобы примѣръ его послужилъ къ подражанію и со стороны другихъ нашихъ городскихъ управленій...

А. С—чъ

Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присвячене науці і письменству украиньско-руского народу. Впорядкував Мих. Грушевській т. VIII (1895, кн. 4). У Львови, 1895. (Стр. 192).

«Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Кіевской Стар.» за прошлый годъ указано содержаніе первыхъ семи томовъ «Записокъ». Вышедшій недавно томъ восьмой свидѣтельствуетъ, что научное общество имени Шевченка съ неослабѣвающей энергіей продолжаетъ работать въ избранномъ направленіи, знакомя галицкую публику съ текущими явленіями научной литературы и внося свой посильный вкладъ въ дѣло изученія мѣстной исторіи и литературы.

Мы уже имѣли случай отмѣтить раньше, что отдѣлъ критики и библіографіи редакція «Записокъ» видимо стремится обставить возможно шире, полнѣе и разнообразнѣе. Настоящій томъ вновь подтверждаетъ это. Въ научной хроникѣ находимъ окончаніе ранѣе начатаго обзора повременныхъ изданій за 1894 г.—русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ. Въ отдѣлѣ библіографіи данъ отчетъ о 32 книгахъ и брошюрахъ, посвященныхъ вопросамъ южно-русской исторіи и быта, главнымъ образомъ изданныхъ на русскомъ языкѣ. Такимъ трудомъ трудолюбивая редакція удачно разрѣшаетъ задачу, о правильной постановкѣ которой столь часто толкуется безъ всякой осязательной пользы для самаго дѣла. Уже одна эта работа давала-бы «Запискамъ» право на почетное мѣсто въ ряду другихъ галицкихъ изданій, за рѣдкими исключеніями поставленныхъ въ этомъ случаѣ въ неблагопріятныя условія. Различіе языковъ нисколько не мѣшаетъ взаимному ознакомленію и усвоенію результатовъ чужаго опыта и изученій, на какомъ-бы языкѣ послѣднія ни предлагались. Теоретическія пререканія низводятся «Записками» на практическую почву къ общей пользѣ и безъ нарушенія чьихъ-либо интересовъ.

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Грушевскимъ предложены нѣкоторыя не лишенныя интереса, хотя не всегда новыя, догадки къ тексту древнѣйшей русской лѣтописи; кромѣ того, даны два акта 1577 и 1827 г., имѣющіе значеніе для исторіи колонизаціи на Подольи и для характеристики церковно-общественныхъ отношеній въ Галичинѣ въ началѣ текущаго вѣка.

Въ отдѣлѣ статей слѣдуетъ прежде всего отмѣтить цѣнный «опытъ упорядоченія хронологіи произведеній Тараса Шевченка, принадлежащій перу А. Я. Конисскаго. Изслѣдованіе обнимаетъ 1838—47 г., т. е. періодъ, которому г. Конисскимъ посвящены уже въ «Запискахъ» особые біографическіе этюды. Конечно, не всѣ вопросы хронологіи, возникающіе вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ жизни малорусскаго поэта, могутъ считаться окончательно исчерпанными въ настоящее время; такъ напр., отношеніе по времени малорусскихъ и и русскихъ произведеній поэта, по нашему мнѣнію, потребуетъ еще дальнѣйшихъ критическихъ изученій. Тѣмъ не менѣе, то, что сдѣлано уже г. Конисскимъ въ этомъ вопросѣ, должно быть отмѣчено какъ трудъ въ высшей степени полезный. Не останавливаясь на подробнѣйшихъ доказательствахъ и не касаясь метода послѣднихъ, приведемъ здѣсь лишь конечный результатъ детальныхъ изслѣдованій автора. Предложенная имъ хронологическая схема такова: 1838 г.—въ Петербургѣ: Причинна; Катерина; Перебендя; Іванъ Підкова; Витре буйний; На вічну память Котляревскому. 1839 г.—вь Петербургѣ Тополя; Тарасова ніч; На що мені чорни брові; Думи мої; думи мої До Основяненка. 1840 г.—въ Петербургѣ: Гайдамаки. 1841 г.: Хустына; Черныця Марьяна; Слѣпая красавица; Гайдай. 1842 г.: Утоплена; Слѣпая; Данило Рева; Тяжко важко в світі жити; Н. Марковичу. 1843: Гамалія; Назаръ Стодоля (по русски) и Безталанный (въ Яготинѣ). 1844 г.: Чигирин (въ Москвѣ, 19 февраля); Сон (въ Петербургѣ, 8 іюня); Наймичка; Назар Стодоля (по малорусски); Псалми Давыдові. 1855 г.: Великій Льох (въ Миргородѣ); Розрита могила, Невольник (въ Марьинскомъ); Іван Гус; Посланіе до мертвих, живих і ненарожденних земляків; Кавказ; Холодный яр и Заповіт. 1846: За думою дума роем вилітае; Не женися на богаій; Чого мині тяжко; Вітер в гаі; Не хочу я женитися; Не завидуй богатому; У Вильни городи; Цустка. 1847 г.: Княжна; Відьма; Русалка; Лилея; Калина; Три шляхи; Пустка (Рано вранці); Хустына (Чи на то вже Божа воля); Вечір; За байраками байракъ; Од стрічечки до стричеч-

ки; Ой одна я одна; Не кидай матери; Костомарову; По надъ полемъ иде.

Д-ръ Кир. Студиньскій издалъ въ настоящемъ томѣ панегирикъ Петру Могилѣ 1633 «'Ευφώνια весёло бр́мячая» по рукописи Спб. публичной библіотеки. Не имѣя историческаго значенія, панегирикъ этотъ не лишенъ интереса въ отношеніи языка и направленія идей, свидѣтельствующаго о западныхъ вліяніяхъ чрезъ посредство современной школы. Панегирикъ составленъ отъ имени кіевскихъ типографовъ, надѣявшихся на оживленіе своего «друкарскаго» дѣла съ прибытіемъ Могилы. Языкъ пенегирика—малорусскій съ примѣсью церковно-славянскаго и съ значительнымъ польскимъ вліяніемъ.

Редакторъ «Записокъ», проф. М. С. Грушевскій, въ статьѣ: «Похвала в. кн. Витовту», предложилъ нѣсколько своихъ соображе- о составѣ древнѣйшей русско-литовской лѣтописи. Авторъ сопоставляетъ лѣтописный текстъ «Похвалы» съ изданною недавно (IX т. Чтеній Общ. Нестора Лѣтописца) г. Соболевскимъ записью въ рукописномъ сборникѣ поученій Исаака Сирина и, коснувшись высказанныхъ въ литературѣ мнѣній (г.г. Смольки, Нрохаски, Тихомирова) о составѣ и происхожденіи различныхъ частей лѣтописи и, въ частности, «Похвалы», склоняется къ мнѣнію г. Смольки, относящаго возникновеніе лѣтописи къ г. Смоленску. По этому поводу можно замѣтить, что до критическаго изданія самой лѣтописи, столь давно ожидаемаго, въ настоящемъ и другихъ вопросахъ возможны лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, цѣнность которыхъ въ научномъ смыслѣ, кажется, должна быть признана очень слабою. Если не ошибаемся, общество имени Шевченка имѣетъ въ виду пополнить указанный пробѣлъ въ исторической литературѣ. Въ настоящемъ томѣ начата печатаніемъ монографія д-ра И. Франка: «Варлаамъ и Іоасафъ, старохристіанскій духовный романъ и его литературная исторія». Пока данъ лишь краткій обзоръ мнѣній о возникновеніи романа вообще, и о значеніи восточныхъ вліяній и начато изложеніе самой исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ, съ нѣкоторыми пояснительными замѣчаніями. Въ концѣ книги приложены рисунки и выдержки изъ текста романа по креховской рукописи XVI в. (стр. I—XVI), съ краткимъ описаніемъ послѣдней. Къ статьѣ г. Франка мы будемъ имѣть случай возвратиться при обозрѣніи дальнѣйшихъ томовъ почтеннаго львовскаго изданія.

Н. М.

Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. проф. Н. И. Петрова. К. 1895 г. стр. 171.

Исторія Кіевской духовной академіи, доживающей третье столѣтіе своего существованія, имѣетъ уже сравнительно обширную литературу. Существуетъ уже нѣсколько трудовъ, посвященныхъ спеціальному изслѣдованію историческихъ судебъ этого древнѣйшаго русскаго учебнаго заведенія. Но труды эти, за исключеніемъ извѣстнаго сочиненія С. Т. Голубева, полно и критически изслѣдовавшаго вопросъ о началѣ Кіевской академіи, въ настоящее время уже значительно устарѣли и не вполнѣ соотвѣтствуютъ вновь открытому матеріалу по исторіи Кіевской академіи и вообще современнымъ требованіямъ исторической науки. Вышедшимъ въ самомъ концѣ прошедшаго года своимъ трудомъ проф. Петровъ положилъ прекрасное начало составленію въ полномъ смыслѣ слова научной, строго критической исторіи Кіевской духовной академіи. Предметомъ своего труда, заглавіе котораго мы выше привели, почтенный нашъ ученый избралъ одинъ изъ самыхъ смутныхъ и тяжелыхъ періодовъ въ исторіи Кіевской академіи, обнимающій вторую половину XVII в. до преобразованія древней Кіево-могилянской коллегіи въ академію. Благодаря опустошеніямъ и разореніямъ враговъ, а также и пожарамъ, какимъ академія неоднократно подвергалась, въ ея стѣнахъ не сохранилось почти никакихъ матеріаловъ, необходимыхъ для возстановленія полной и точной ея исторіи за этотъ періодъ. Самъ Н. И. Петровъ предпринялъ трудъ составленія исторіи Кіевской академіи во второй половинѣ XVII в. на основаніи главнымъ образомъ внѣшнихъ источниковъ, открытыхъ большею частью имъ самимъ въ различныхъ кіевскихъ книгохранилищахъ во время составленія имъ описаній рукописныхъ собраній этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, для уясненія внутренняго строя Кіевской академіи во второй половинѣ XVII в. онъ пользовался обширными своими свѣдѣніями о школьныхъ порядкахъ, съ одной стороны, тѣхъ польско-католическихъ и западно-европейскихъ учебныхъ заведеній, которыя послужили образцомъ для кіево-братской коллегіи, а съ другой—русскихъ коллегій и академій, происшедшихъ отъ Кіевской академіи и устроенныхъ по ея образцу. Въ результатѣ получился отчетливый и обстоятельный очеркъ внѣшней и внутренней исторіи Кіевской академіи за вторую половину XVII в.

Внѣшняя исторія академіи излагается въ первой главѣ сочиненія (стр. 6—57). Здѣсь сообщаются краткія, но за то вполнѣ точ-

ныя, истинныя, основанныя на подлинныхъ документахъ, свѣдѣнія о ректорахъ, профессорахъ, учителяхъ и выдающихся ученикахъ Кіевской академіи, равно какъ и о наиболѣе замѣчательныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ ея исторіи за вторую половину XVII в. Начало первой главы сочиненія, въ видахъ наибольшей полноты и обстоятельности изслѣдованія, посвящено авторомъ краткому очерку собственно могилянскаго періода (до 1646 г.) исторіи Кіевской академіи.

Вторая глава сочиненія (стр. 58—125) посвящается характеристикѣ внутренняго строя кіево-могилянской коллегіи со времени ея учрежденія, до конца XVII в. Здѣсь авторъ сначала устанавливаетъ тотъ фактъ, что образцами для внутренняго устройства кіево-братской коллегіи послужили іезуитскія и піарскія коллегіи и только въ 80-хъ годахъ XVII в. кіево-братская коллегія, послѣ введенія въ кругъ ея наукъ богословія, пріобрѣла себѣ права академіи, измѣнивъ въ это время и свое внутреннее устройство по упрощенному іезуитами типу латино-польскихъ академій. Такимъ образомъ, проф. Н. И. Петровъ во внутреннемъ бытѣ кіево-братской коллегіи за XVII-е столѣтіе различаетъ двѣ эпохи: а) до 1680-хъ годовъ б) съ 1680-хъ годовъ до начала XVIII в. Соотвѣтственно этому онъ сначала характеризуетъ внутренній строй кіево-могилянской коллегіи за первую изъ указанныхъ сейчасъ эпохъ ея исторіи посредствомъ тщательнаго сравненія параллельныхъ явленій въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ, съ одной стороны, и въ кіево-братской коллегіи—съ другой (стр. 67—101), отмѣчая здѣсь же (стр. 111—113) и значительныя различія между школьными порядками іезуитско-піарскихъ коллегій и кіево-братской коллегіи. Затѣмъ авторъ говоритъ о томъ, какъ кіево-братская коллегія, по переходѣ своемъ подъ власть московскаго государства, постепенно улучшалась и подготовлялась къ преобразованію въ академію, т. е. высшее учебное заведеніе, при чемъ образцомъ для нея служили латино-польскія академіи, упрощенныя въ ихъ устройствѣ іезуитами. Характеризуя внутренній бытъ академіи, почтенный авторъ говоритъ объ управленіи ея, составѣ учебнаго курса ея и методахъ преподаванія, средствахъ содержанія воспитанниковъ, школьныхъ порядкахъ и надзорѣ за поведеніемъ воспитанниковъ, объ особенныхъ средствахъ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся и о школьной дисциплинѣ. Трудъ проф. Н. И. Петрова снабженъ 6 приложеніями: 1) привилей Владислава IV православнымъ отъ 18 марта 1635 г.; 2) списокъ игуменовъ кіево-братскаго монастыря, ректоровъ, префектовъ и учителей Кіевской академіи за XVII столѣтіе;

3) черновой списокъ нѣкоторыхъ начальствующихъ и учащихся лицъ Кіевской академіи, составленный въ 1820-хъ годахъ; 4) описаніе извѣстныхъ доселѣ учебниковъ по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ кіево-братской коллегіи въ XVII в.! 5) извлеченіе изъ дѣла Кіевской духовной Консисторіи 1741 г. № 148: «о позволеніи жить студентамъ въ школѣ притиско-никольской и о прочемъ» и 6) «вопросы и отвѣты зъ разныхъ писмъ служачіе вѣре православной».

Таково содержаніе новаго труда Н. И. Петрова, неутомимо работающаго на поприщѣ изслѣдованія кіевскихъ древностей. Сочиненіе написано во всеоружіи ученой эрудиціи и строгой критики. Каждое положеніе въ сочиненіи прочно обосновано и подтверждается ссылками на подлинные документы. Не смотря на то, что почтенному нашему ученому приходилось составлять свой трудъ на основаніи самыхъ отрывочныхъ и крайне скудныхъ свѣдѣній, сочиненіе его въ общемъ даетъ полный и ясный образъ внѣшней исторіи и внутренняго состоянія Кіевской академіи за одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ ея существованія. Поэтому рекомендуемъ настоящее сочиненіе любителямъ кіевской старины и вообще серьезнаго чтенія, въ полной увѣренности, что они получатъ истинное наслажденіе, прочитавъ солидный трудъ Н. И. Петрова. Отъ души желаемъ, чтобы задуманное имъ намѣреніе—дать русскимъ читателямъ полную, точную, ученую исторію Кіевской духовной академіи—было осуществлено имъ съ полнымъ успѣхомъ.

Кіевъ, 1896 года 26 января.

Ѳ. Титовъ

КЪ РИСУНКУ.

Въ печати извѣстно очень небольшое число картинъ, писанныхъ Т. Г. Шевченкомъ масляными красками; притомъ онѣ извѣстны по указаніямъ, заключающимся въ нѣкоторыхъ статьяхъ о Шевченкѣ, снимковъ же съ нихъ почти не появлялось. Въ этомъ отношеніи больше посчастливилось рисункамъ Шевченко, снимки съ которыхъ проявлялись въ разныхъ изданіяхъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ журналѣ. Чтобъ познакомить читателей съ этой мало извѣстной стороной художественной дѣятельности Шевченка, редакція прилагаетъ къ настоящей книгѣ снимокъ съ картины Шевченка, писанной масляными красками на сюжетъ изъ его поэмы „Катерина“. Она изображаетъ Катерину, покинутую милымъ ей „москалемъ“ и видимо носящую подъ сердцемъ залогъ своей несчастной любви. Повидимому, картина была написана вслѣдъ затѣмъ, какъ создавалась поэма; во всякомъ случаѣ она относится къ раннему періоду художественной дѣятельности Шевченка, предшествовавшему его ссылкѣ. Въ настоящее время эта картина находится въ собраніи В. В. Тарновскаго въ Кіевѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.

3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.

4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.

5) Повѣсти и разсказы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литературная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ **10** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**4** р., на 1 м.—**1** р. **50**.; безъ доставки и пересылки—на годъ **8** р., на 6 м.—**5** р., на 3 м.—**3** р., на м.—**1** р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной

платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова", Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ *В. М. Богдановъ.*
Издатель *С. В. Кульженко.*

3—3

1896 г. **„НУВЕЛЛИСТЪ"** 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года, «Нувеллистъ» вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить какъ и прежде, аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями большаго плотнаго формата.

Въ «Нувеллистѣ» въ теченіе года будутъ помѣщены:

1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки.
2) Новые любимые танцы. (вальсы, польки, мазурки, кадрили),
3) Русскіе романсы.
4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано.
5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано.
6) Дѣтскія пѣсенки.

Годовой экземпляръ «Нувеллиста» составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкальныхъ номеровъ.

Музыкальная-театральная газета будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель *Н. Бернардъ.*

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на «Нувеллистъ» получитъ безплатно премію Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ . . . . 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой . . . . 6 руб.

За границу съ пересылкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ «Нувеллиста» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

3—3

1896. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1896.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 61-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ изданія 61-й.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, не смотря на громадные расходы, вводятся важныя и существенныя улучшенія, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

52 иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ большими гравюрами лучшихъ художниковъ. **52**

Въ виду предстоящаго въ 1896 году СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, а также открытіи въ Нижнемъ-

Новгородѣ «Всероссійской художественно-промышленной выставки», журналъ «Живописное Обозрѣніе» дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года будетъ выдано:

1) 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю»—2) 12) нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—8) стенной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

12 Въ составъ которыхъ входятъ новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч. 12

Томы эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ одинъ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихъ личностей

Не смотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, по богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, внѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями.

Подписная годовая цѣна остается прежняя:

На годъ съ доставкою въ Спб. и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р—Въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою)—**4** р. **50** к.—На три мѣсяца—**2** р. **50** к.—За границу на годъ—**16** р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ главной конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробно иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) 1896.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно (въ 2-хъ издан.) въ количествѣ 48,500 экземпляровъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

На годъ съ доставкою. **8** На годъ съ доставкою.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) 52 нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняютъ «Модный журналъ»,
3) Стѣнной календарь (съ картою Россіи), разсылается при первомъ нумерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества», въ 1896 году, получать безплатно и безъ всякой приплаты за пересылку.

Избранныя литературныя произведенія любимаго русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА.

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появленіи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „Жизнь Шупова“.—II) „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—пять рублей.
Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):
На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

На годъ съ доставкою. **4** На годъ съ доставкою.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей сосредоточивающихся на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. На полгода 2 руб. На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробности объявленіе высылается изъ конторы по требованію безплатно.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

(Годъ изданія XI).

Въ 1895 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Хозяинъ и работникъ. Пов. гр. Л. Н. Толстого.—Избирательная реформа въ Бельгіи. В. Спасовича.—Съ убійцей. Пов. П. Боборикина.— «Переписка Мопассана съ Башкирцевой».—Отверженный. Ром. Д. Мережковскаго.— «Николай Николаевичъ Ге», біограф. очеркъ. В. Стасова.—Женская жизнь. Пов. М. Крестовской.— О значеніи войны для современнаго общества. Проф. Л. Камаровскаго.—Холера. Разск. Кота-Мурлыки. —О синдикатахъ. Проф. А. Исаева.—Законныя жены. Пов. О. Шапиръ.—Нѣтъ бѣдности въ Россіи. П. Кузнецова.—Не по правдѣ Пов. В. Дмитріевой.—Судъ присяжныхъ; объединеніе суда и судебный языкъ. М. Стиваля.—Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—Старый и новый ламаркизмъ. Проф. Н. Холодковскаго.—Исповѣдь. Анни Безантъ.—Обыватель. Рубль и блаженство. П. Кузнецова.—На родинѣ Христа. Б. Корженевскаго.—Разлука. Разск. Л. Гуревичъ.—Судьба и слава. Проф. А. Трачевскаго.—Рѣпинъ и Ге. А. Волынскаго.—Миссъ Май. Разск. З. Гиппіусъ.—По поводу выставки объ искусствѣ. М. Антокольскаго.—Сельско-хозяйственный совѣтъ. М. Стиваля.—Гергардъ Гауптманъ. Проф. Л. Шепелевича.— Замѣтки нервнаго человѣка. Л. Полонскаго.—Наши земельныя дѣла. П. Кузнецова.—Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ развитіи. Проф. В. Шимкевича.—Переселенческое дѣло съ 80-хъ годовъ. Проф. А. Исаева.—Тяжелые сны. Ром. Ѳ. Сологуба.—Земскія дѣла. М. Петрова.—Наяда. разск. А. Чермнаго.—Положеніе женщинъ въ соединенныхъ штатахъ.—Памяти Ядринцева. Проф. А. Исаева.—За границей. Воспоминанія А. Верещагина.—По поводу модныхъ разговоровъ. П. Кузнецова.— Основныя начала судебныхъ уставовъ. В. Устинова.—Quo vadis. Истор. ром. Генриха Сенкевича.—Англійское вліяніе въ Россіи. П. Боборыкина.— Рабочіе на сибирской желѣзной дорогѣ. Н. Арефьева.—Расколъ въ радикальной журналистикѣ шести десятыхъ годовъ и Д. И. Писаревъ. А. Волынскаго.—Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. М. Урсина.—Пересмотръ городового положенія. П. Кузнецова.—Вопросъ объ эльсасѣ и лотарингіи Проф. Л. Комаровскаго.—Кистяковскій какъ криминалистъ. Проф. И. Фойницкаго.—Прозрѣла. Пов. П. Боборыкина.—Романистъ-моралистъ. Проф. Л. Шепелевича.— Записки А. О. Смирновой. (Смерть

Пушкина.—Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка.—Живописецъ Ивановъ и пр.).—Стихи: Н. Минскаго, К. Фофанова, Д. Мережковскаго, О. Чюминой и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ:

1) Областной и земскій отдѣлъ (статьи и замѣтки разныхъ лицъ по вопросамъ областной, земской и городской жизни). 2) Провинціальная печать. Л. Прозорова. 3) Внутреннее обозрѣніе. 4) Корреспондеція изъ заграницы. 5) Театръ. 6) Изъ жизни и литературы. 7) Критика и библіографія. 8) На западѣ. *** 9) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Въ виду того, что романъ Г. Сенкевича «Quo vadis» продолжится печатаніемъ въ 1896 году, новые годовые подписчики на 1896 годъ получатъ первый томъ романа «Quo vadis», печатавшійся въ нашемъ журналѣ въ 1895 году съ мая по декабрь, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Цѣна:	Годъ:	Полгода.	Четверть:
Безъ доставки	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою	13 » 50 »	7 » — »	3 » 50 »
За границей.	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны.

Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Подписка принимается въ главн. конторѣ. Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ Спб. въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Нового Времени» и др.

Издатель *Л. Я. Гуревичъ.* За редактора *Л. Я. Гуревичъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ",

имѣющій выходить съ перваго января 1896 года.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзорт русской и иностран-

ной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, Ѳ. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки **4** руб., съ доставкою и пересылкою **4** руб. **50** коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп. Подписка принимается для иногородиихъ подписчиковъ исключительно въ Главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи).

Редакторъ-Издатель *Михаилъ Петровичъ Варавва.*

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «Новое Слово», перейдя въ новыя руки, будетъ выходить подъ новой редакціею и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно еврейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «Новое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	. . . .	10 р. — к.
» » безъ пересылки на годъ	. . . .	9 » — »
» » » » на полгода	. .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца	.	2 » 50 »

Годовые подписчики «Новаго Слова» за 1895 г., получивъ въ счетъ подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 г., къ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотека Черкесова“.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени». Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24),

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе за пересылку не платятъ.

За редактора *А. Н. Поповъ.* Издательница *О. Н. Попова.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

на 1896 годъ.

На будущій 1896 годъ издатели, Товарищество «Обществ. Польза», по прежнему будутъ ставить себѣ задачей принимать постоянно всѣ мѣры къ улучшенію журнала. Веденіе и направленіе журнала остается прежнее, такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, будутъ принимать дѣятельное участіе и впредь.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонопартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., П. П. Гнѣдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьева «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзнію автора, причемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа Вс. С. Соловьевъ также представилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кромѣ того, появлятся: новый ром. Дм. И. Стахѣева «Духа не угашайте»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. К. Θ. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Θ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подъяч., 39), куда и проситъ обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается paccp. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу приним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза—18 р. Въ прочія мѣста загран. подп. приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петерб. для городск.—въ Конторѣ журн. «Русскій Вѣстникъ» въ товарищ. «Обществ. Польза» (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Нов. Врем.» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи). И городск. и иногородн. просятъ покорн. адресоваться прямо въ конт. «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищ. «Обществ. Польза» Больш. Подъяч., д. 39. Статьи, присланныя въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращ. За своеврем. и аккуратную доставку журнала редакція приним. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Петербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1896 годъ

(ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовн. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 3/19 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р.; за

1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

„**Воскресное Чтеніе**“ за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{37}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$ (XXV), $18^{63}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII), $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Учебнымъ Комитетомъ). 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ, св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) ср. Кипріана кареагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія «Сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа.

С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1794 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней — въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій.*

3—3

---

4 Р. за годъ **1 Р. три мѣс**

БОЛЬШАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ
ГАЗЕТА

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей"

Безусловно независимый органъ печати со строго выдержаннымъ направленіемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является наиболѣе полнымъ

выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ЕЖЕДНЕВНО:

Руководящія статьи, посвященныя политическому положенію дня, общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. Знамя газеты—стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, новости и отголоски Общественной жизни. Дневникъ. Столичная хроника, изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чемъ говорятъ и пишутъ. Отклики. Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность ежедневныя бесѣды нашего даровитаго сотрудника г. Далина о вопросахъ и нуждахъ провинціи, о дѣятельности нашего земскаго и городскаго самоуправленія

и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центровъ политической жизни: Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константинополя и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. Заграничная жизнь. Фельетоны беллетристическіе; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственныя и научныя бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

со всѣми приложеніями и

съ пересылкой въ Россіи:

на годъ . . 4 руб.	на 3 мѣсяца 1 руб.
› полгода . 2 ›	› декабрь или январь . 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ еженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составятъ въ наступающемъ году спеціально написанныя для «Биржевыхъ Вѣдомостей» новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

большой романъ въ 4 частяхъ «Вѣчные миражи» (изъ жизни русскихъ за границею).

Графа Е. Л. Саліаса

большой романъ въ 2 частяхъ «Изломанные люди» (изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы

послѣднее предсмертное произведеніе «Козелъ»

12 ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей: I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), большой романъ «Въ одинъ ненастный день». И. Н. Потапенко, большой романъ «Старое и юное» и повѣсть «Простая случайность». К. С. Баранцевича, повѣсть «Дама изъ мезонина». А. А. Луговаго, повѣсть «Павла Львовича перевели». Д. А. Линева, повѣсть «Разсчетъ». А. В. Круглова, повѣсть «Донъ-Кихотъ»,

Н. И. Аксакова, историч. повѣсть «Макаръ-Богатырь», Е. О. Дубровиной, большой романъ «Свое и наносное» и повѣсть «Русалка». Слово Глаголь, «Искатели правды». Н. А. Соловьева, пов. «Душа проснулась» и рядъ др. произведеній беллетристическаго, литературнаго и научнаго содержанія, вошедшихъ въ воскресные номера 1895 года, высылаются желающимъ, какъ особая

ПРЕМІЯ

за 1 рубль (включительно расходовъ по пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ номеровъ 1895 г.) новымъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ, выславшимъ подписныя деньги не позже 20-го декабря.

3—3

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ своего существованія подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ собственника газеты, «Одесскій Листокъ» успѣлъ пріобрѣсти широкій кругъ читателей на всемъ обширномъ югѣ Россіи.

Направленіе газеты хорошо извѣстно постояннымъ читателямъ ея.

Редакція «Одесскаго Листка» зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ интересовать читателя въ политической и общественной жизни какъ Россіи вообще и ея Юга въ особенности, такъ и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ отношеніи по полнотѣ своего содержанія и по качеству сообщаемаго матеріала наша газета ни въ чемъ не уступаетъ выдающимся столичнымъ изданіямъ.

Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующій обширный списокъ лицъ, принимающихъ постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней; П. В. Безобразовъ (быв. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Бри-

танъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Германіусъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), П. Т. Герцо-Виноградскій, М. П. Гольденбергъ, Надежда Гликсбергъ, П. Д. Гроссулъ-Толстой, В. М. Дорошевичъ, К. А. Дешкинъ, І. Захаровъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ѳ. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставриаки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. И. Тезяновъ, Д. В. Ѳедоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій, И. Б. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

«Одесскій Листокъ, кромѣ самой полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корресподентовъ (въ теченіи цѣлаго года, а не только предъ подпиской) и отъ Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Ежедневно и обязательно въ каждомъ нумерѣ газеты печатается одинъ изъ фельетоновъ общественной жизни, литературно-критическихъ, сельско-хозяйственныхъ, по вопросамъ философіи, научныхъ, музыкальныхъ, беллетристическихъ и др., а также фельетонные наброски «злобъ дня» Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда и прочихъ городовъ Юга и Крыма. Сообщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра, мы ставимъ себѣ задачей—придавать имъ яркое, всегда безпристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

Во время предстоящихъ въ наступающемъ году торжествъ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ ежедневно помѣщаемы телеграммы и сообщенія изъ Москвы, относящіяся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ-же году въ Нижнемъ-Новгородѣ открывается всероссійская выставка, подробнѣйшія свѣдѣнія о которой въ телеграммахъ и сообщеніяхъ будутъ ежедневно воспроизводимы въ нашей газетѣ.

На 1896 годъ въ портфелѣ редакціи уже имѣются слѣдующіе разсказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «Дяди Власа»: 1) «Старая гвардія», 2) «Умирающая газета», 3) «Легенда о происхожденіи одесситки», 4) «Кумиръ», 5) «Знаменитости», 6) «Передовая статья», 7) «Мужъ царицы (изъ закулисныхъ типовъ)», 8) «Мужья», 9) «Проданный выстрѣлъ», 10) «Гладіаторъ», а также разсказы и повѣсти многихъ др. авторовъ.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ ежедневно печатаются коммерческія свѣдѣнія—какъ-то: цѣны на хлѣбъ, колоніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юга редакція имѣетъ постоянныхъ кореспондентовъ.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначеніе—служить самому широкому кругу читателей, и наши постоянные читатели знаютъ, что мы никогда не останавливаемся передъ дальнѣйшими улучшеніями газеты какъ по ея содержанію, такъ и по внѣшнему ея виду.

Такъ, съ наступающаго 1896-го года обращено будетъ особенное вниманіе на улучшеніе внѣшняго вида газеты, съ каковою цѣлью, не смотря на крупную затрату, доходящую до двадцати тысячъ рублей, выписана новая Ротаціонная машина Маринони изъ Парижа (печатающая до 10 тысячъ экземп. въ часъ), нынѣшніе шрифты замѣнены будутъ болѣе крупными и четкими, безъ ущерба для количества печатаемаго матеріала, и приняты вообще всѣ мѣры къ тому, что-бы изданіе наше даже и въ мелочахъ шло на встрѣчу желаніямъ публики.

Подписная цѣна газеты съ правомъ безплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія.

Въ городѣ съ доставкою на домъ: **10** руб. на годъ, **6** руб. полгода, **3** руб. **50** коп. три мѣсяца, **1** руб. **20** коп. въ мѣсяцъ.

На города съ ежедневною высылкою по почтѣ: **12** руб. въ годъ, **7** руб. полгода, **3** руб. **80** коп. три мѣсяца, **1** руб. **30** коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакціи «Одесскаго Листка»

въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„ПО МОРЮ И СУШѢ"

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

1) Хроника Столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Въ 1896 году помѣщены между прочимъ:

«О Гоголѣ» проф. А. И. Маркевича; «Пушкинъ на югѣ Россіи» В. Н. Ястребова: «Шевченко—другъ семьи» А. Каневскаго; «Костомаровъ» А. С—каго; «О Шафарикѣ» Е. В.; «Вольта»; По поводу юбилеевъ проф. А. И. Маркевича и проф. В. А. Антоновича. А. С—скаго; «О Грибоѣдовѣ», «О Грановскомъ» К. А. Шрама; «Воспоминанія Пастера», «О Пастерѣ» Г. С—ва; «О Котляревскомъ» «О Гулакѣ-Артемовскомъ» М. Комарова; «Малорусскія стихотвор. Кольцова» его-же и проч. Очерки Кореи, Абисиніи, Придунайской Бесарабіи, «О Бѣлградѣ и его окрестностяхъ» А. П. Углича; «Какъ сдѣлать Россію проѣзжей»; «О предсказаніи погоды» П. И. Злотина; поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ ананьев. уѣзда Чикаленко; съ береговъ Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморіи Стиверскаго, изъ Елисаветграда Ас—на, «Съ Далекаго Запада» Л. Богатаго; «О Сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ Англіи» Бичъ-Богуславскаго; «Выжила», повѣсть П. Остаповскаго; «Изъ жизни сельскихъ школьниковъ» его-же; «Русскій Фра-Дьяволо» Николаева «Дезертиръ» его-же, «Сирота Захарко» А. Крымскаго; «Танцовальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея-же; Въ Одесскомъ Подземельѣ. П. Вл—ко; «Кошка Помѣшала» Д. Романовой; «Изъ исторіи нашихъ степей» В. Я.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ даны будутъ 4 книжки приложеній.

Въ будущемъ 1896 г. читатели журнала «По Морю и Сушѣ» получатъ **52 №№** журнала, въ объемѣ не меньшемъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, и 4 книжки приложеній, выпускаемыхъ каждые 3 мѣсяца по одному.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой)

На годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣсяца 1 руб.; на 1 мѣсяцъ 35 коп. почтовыми марками.

Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп. Приложенія разсылаются всѣмъ подписчикамъ, исключая подписавшихся на 1 мѣсяцъ. Подписавшіеся на журналъ до Новаго года получатъ безплатно всѣ №№, имѣющіе выйти до конца 1895 г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская, д. № 18, кв. № 25) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи, а въ г. *Елисаветградѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала при «Молочной и Кофейной Гольдфельда и К°» (Дворцовая ул., д. Гольденберга).

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **„ОБРАЗОВАНІЕ“** V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать распространенію въ Россіи образованія (особенно народнаго), внимательно слѣдя за ходомъ народнаго просвѣщенія, освѣщая общественное значеніе явленій въ этой области, указывая на нужды и недостатки нашей школы и намѣчая средства къ ея развитію; 2) утверждать въ обществѣ, и въ частности въ средѣ учителей правильные взгляды на воспитаніе и обученіе, знакомя съ наиболѣе интересными сторонами теоріи (психологіи и исторіи педагогики) и практики нашего школьнаго и домашняго воспитанія, отмѣчая его темныя стороны, устарѣлые методы и неправильности постановки различныхъ учебныхъ предметовъ, выясняя ихъ образовательное значеніе и мѣсто въ системѣ общаго образованія; 3) помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно-изложенныхъ статьяхъ и цѣлыхъ сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ и 4) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ русской и заграничной жизни и литературы, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія и ихъ связь съ жизнью.

Въ журналъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Общепедагогическія статьи. 3) Народное образованіе въ Россіи и заграницей. 4) Новыя педагогическія движенія на Западѣ. 5) Критика и библіографіи (популярно-научныя и общеобразовательныя сочиненія, учебники, книги для дѣтей, народныя книги). 6) Научно-популярныя статьи. 7) Хроника (Изъ жизни и литературы). 8) Разныя извѣстія и сообщенія. 9) Статистика образованія (въ Россіи и заграницей). 10) Изъ области знаній. 11) Указатель новыхъ книгъ. 12) Приложенія (научно-популярныя и педагогическія сочиненія).

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе извѣстные педагоги: П. Θ. Каптеровъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 10 печатныхъ листовъ.

Въ 1896 году въ приложеніи къ журналу будутъ даны два научно-популярныхъ сочиненія.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкой 10 проц. Народные учителя могутъ подписываться съ разсрочкой (въ два срока: при подпискѣ **3** руб., 1-го мая **2** рубля).

Въ редакціи имѣется небольшое число экземпляровъ «Образованія» за предыдущіе годы. Цѣна **5** руб., съ пересылкой; для подписчиковъ на 1895 и 1896 г.—**4** рубля.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала (Спб., Басковъ пер., домъ 22).

За редактора-издателя *В. Сиповскій.*

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ.

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1896 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,* а съ пересылкой *семь рублей.* Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики *Извѣстій,* при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20°/₀.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб., продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммисіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими

дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «Русской Старины» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ

того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1896 ГОДЪ

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости"

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной подержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новыя затраты для улучшенія нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы, искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, разсказы и т. п. На праз-

дникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристическій отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 68 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Сознавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество спеціалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золсторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будуть помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственныя письма и знакомить съ сельско-хозяйственною литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд).. А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Нааке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), профессоръ Ѳ. И. Успенскій, профессоръ П. Ѳ. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзнодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	9 » — »

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
» 3 »	3 » — »
» 6 »	5 » 50 »
На годъ	10 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 5 руб.; для городскихъ — при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подписка принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й годъ изданія. „СѢВЕРЪ". IX-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Сѣверъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphie», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Сѣвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ *и на 1896 годъ ту-же подписную цѣну, а именно:*

НА ГОДЪ (БЕЗЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРЕМІИ):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**; безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской **6 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкою за-границу **11 р.**

НА ГОДЪ (СЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРЕМІЕЙ):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7 р.**; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской **7 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **8 р.**; съ пересылкою за-границу **12 р.**

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ „**СѢВЕРЪ**“ дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: «Умирающій Левъ», историческій романъ изъ временъ Кавказской войны, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; «Похожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Потерянный день», повѣсть І. І. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Саліаса. Кромѣ того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ. А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Коринфскій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фоафновъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то-есть 12 томовъ, объемомъ около 200 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся:

«Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками;

«Іерусалимъ» Пьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» — того же автора

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Кел-

лера-Виліанди, Л. Лагоріо, Лаведецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, хозяйство и домоводство“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получатъ:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ӨЕОДОРОВНЫ,

исполненный олеографическимъ способомъ, того же размѣра и художественнаго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *Н. А. Александровъ.* Издатель *Н. Ө. Мертцъ.*

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“—СПБ., Екатерининская ул., № 4.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ изданія. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ изданія.

„Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

(24-й годъ изданія).

Подписчики получатъ 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описа-

ніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственныя распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничьихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышленниковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничьихъ подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ.

«Альбомъ охоты» представитъ въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычею, проводниками, псковичами и пр.). и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничьихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничьихъ приваловъ, охотничьихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть при-

сланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи **15** р., на полгода **7** р. **50** к. За границу **20** р. На пересылку преміи высылается *добавочный рубль*.

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

Издатели-редакторы: { *Л. П. Сабанѣевъ.* / *Н. В. Туркинъ.*

3—2

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й г. *Подъ редакціей В. А. Гатцука.* **2-й г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждаго мѣсяца книгами большого журнальнаго формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интересным, что появляется въ русской и иностранной періодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики разсматриваемыхъ изданій съ точки зрѣнія добросовѣстности исполненія данныхъ подписчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также—критическіе разборы отдѣльныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ разсматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и безпристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаціи лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати“.

Для борбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 р., на 1/4 года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Іюня—1 р.)
Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. на 1/2 года 2 р. и 1/4 года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго.

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговляхъ столицъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакціи.

3—2

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

III-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,
съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8° (19×26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ

лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	. . . .	4 р.
„ 1 „ „ подписчиковъ на журналъ	. . . . .	6 „
„ 1 „ „ всѣхъ остальныхъ	. . . .	10 „
„ 1 „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ	. . .	35 „
„ 1 „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	. . . . .	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ 1/4 страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О. Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Топоревъ.*

3—2

Принимается подписка въ 1896 году на „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Въ 1896 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университе-„тѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, про-

изведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахменовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуковъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Архелогіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ѳ. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

3—2

Годъ въ 1896 году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами не менѣе 15 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаються: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главкой Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенти Императорскихъ Университетовъ, Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять по 5 рублей въ годъ.

Книжныя магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатеринской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающія гонораръ может быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтеній состоить изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. Церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Ѳ. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»—двухмѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Злотоуста

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номимальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50., считая въ томъ и пересылку.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣйшаго изображенія лика св. Іоана Златоуста.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—8 р. (б) отдѣльно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) р.; съ приложеніемъ «ТВОР. СВ. ІОАНА ЗЛАТОУСТА—6 р. 50 к. за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковного Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

2—1

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЮ

вышла четвертая, январьская, книжка научно-литературнаго и политическаго журнала

„НОВОЕ СЛОВО".

СОДЕРЖАНІЕ: ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ. 1. Волчья сыть. Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы VII—XI). В. Немировича-Данченко 2. Односторонняя теорія экономическаго развитія. В. Яроцкаго. 3. Филатка (Картинки минувшаго). В. Савихина. 4. Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Ихъ переписка). 5. Паденіе Бирона. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). А. Бринкера. 6. Обманутыя надежды. (Повѣсть). Н. Р. 7. Идеализмъ и матерьялизмъ въ исторіи. С. Ан—скаго. 8. Изъ сельской школы (М. Конопницкой), стихотв. А. Колтоновскаго. 9. Римъ. Романъ Эмиля Золя. 10. Современная женщина. (Глава XIII—XVII). Продолженіе. Романъ Эллы Хепвортъ Диксонъ. Пер. съ англ. В. Мосоловой. 11. Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ-язычниковъ. (Изъ записной книжки земскаго врача). Н. Тезякова. 12. Буковскій интеллигентный поселокъ. Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). (Окончаніе) Н. Энгельгардта. 13. Бегины и Бегарты. (The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson). Евг. Тарле. 14 Павелъ Владиміровичъ Засодимскій. Собраніе сочиненій П. Засодимскаго (Вологдина) съ потретомъ и предисловіемъ автора, въ двухъ томахъ. Спб. 1895 г. А. Скабичевскаго. 15. Новыя книги. 16. Обзоръ заграничной жизни. 1. Старый и новый годъ въ политическомъ мірѣ. II. Интересы дня. III. Между журналами и газетами. 17. Обозрѣніе внутренней жизни. Земство и города. Я. Абрамова. Нѣкоторые результаты питейной монополіи. Бирюковича. Исполненіе росписи въ 1894 году. А. Котельникова. Письма изъ провинціи. Съ сѣвернаго Кавказа. Я. Абрамова—Изъ Грайворона. Курской губ. А. П—ва.—Изъ Вологодской губ. (Страничка изъ земской жизни). Ш.—Изъ Царицина. По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. 18. Государств. роспись на 1896 г. А. К. 19. Обо всемъ Баранчука. 20. Приложеніе: исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. Ж. Жюссерана. 21. Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій. Н. А. Каблуковъ. С. Н. Кривенко, Д. Н. Мамъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Годовая подписка по ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналь (отъ 25—30 печ. лист.) «НОВОЕ СЛОВО» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р, безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р. 50 к., заграницу на годъ 12 р.

Вторая ноябрьская и третья декабрьская книжка журнала «НОВОЕ СЛОВО» печатаются вторымъ изданіемъ и будутъ разосланы подписчикамъ сейчасъ по ихъ отпечатаніи.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спаская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Ввемени», Н. П. Карбасникова К. Ректара, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. подъяческая, д. 24).,

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платять, исключая изданій, выходящихъ по подпискѣ, Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина.

За редактора **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**

1—1

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ I т. соч. А. Н. Добролюбова, съ портретомъ автора.

СОДЕРЖАНІЕ I т. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ — А. М. Скабичевскаго. — Статья о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія — Критическія статьи 1857—1858 гг.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Томъ I. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ—А. М. Скабичевскаго.—Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія—Критическія статьи 1857—1858 гг.

Томъ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

Томъ III. Критическія статьи 1859—1861 гг.

Томъ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи Роберта Оуэнъ—Народное дѣло. С. Гавацци.—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ,

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

По выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подъячевской, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спаская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская библіотека), въ книж. маг. журнала «Русская Мысль», въ книж. маг. Конусова, у Страстного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая, противъ Университета.

Пересылку изд. Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина, въ виду ихъ дешевизны, издательница за свой счетъ не принимаетъ.

1—1

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и К°,

ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНІЕМЪ.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ.

Цѣна тому въ переплетѣ на обыкновенной бумагѣ 5 руб., на лучшей 6 рублей.

съ 1 марта 1896 г. цѣна будетъ повышена.

Проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются безплатно.

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, рядомъ съ Университетомъ.

1—1

5 р. 65 к. доправить; 3) 1731-го году, осенщини 51 р. 49 к., доправить же; 4) сего году, за позиченніе 20 р., жито доправлять; 5) сеголѣтную хлѣбную и денежную десятину доправлять; 6) 4 р. дани старостѣ, за якіе купить дранѣ 1000, да фасокъ 20, да куховъ 30 подрадить; 7) винницю на 9 казановъ подовшать; 8) горѣлки 6 куѳу присилать и еще поспѣшать; 9) на шинкарахъ доправлять; 10) зъ Іосафа Ревенка 2 р. должнихъ доправить; 11) уговорить улей 400; 12) для млина приспособлять все впередъ; 13) проискать левади тютюнной; 14) проданніе грунта отискивать и заставніе; 15) усмотревать мѣста ниже млина Максимового на греблѣ; 16) исправить вѣдомость збору провянтового. Войтъ крисковскій Товкачъ отставленъ отъ войтовства, а поставленъ Алексенко. Поехалемъ зъ Крисіокъ и пріехалемъ на ночъ до Розлетъ, где у дворцѣ стали, а ночовали на загородномъ дворцѣ, при повѣтяхъ.

Четвер. 14. День былъ сперва тихъ, а заразъ послѣ—вѣтрянъ, зъ дощемъ, потомъ дощъ пересталъ о полднѣ, а вѣтеръ жестокій тривалъ до ночи. Ночъ хмарна зъ силнимъ вѣтромъ, а къ свѣту вѣтеръ утихъ, да дощъ ишолъ густенкій до свѣта. Рано зъ Розлетъ поехавши, по службѣ рано жъ отправленной, переехалъ Десну и заездилъ зъ старостою крисков. осмотрувать плита своего тонкого и узкого, а приказавши старостѣ первіе два дѣла, а именно: горѣлку и фаски въ Глуховъ присилать да собирать подводи для перевезення купленного въ Розлетахъ будинку, самъ пріехалъ до Обтова на обѣдъ, где и обѣдалъ. Зъ Розлетъ до перевозу верстъ зъ двѣ, отъ перевозу до села Погорѣловки верста, отъ Погорѣловки до Обтова верстъ зъ 4, отъ Обтова до Ревутинець верстъ зъ 3, зъ Ревутинець до Андрѣевки верстъ зъ 3, зъ Андрѣевки до Кролевца верстъ зъ 2, итого зъ Обтова до Кролевця верстъ 8. По обѣдѣ поехавши зъ Обтова, ехалъ через Ревутинцѣ и Андрѣевку, а пріехалъ до Кролевця, где и ночовалъ. Приказъ данъ Тарасу давать горѣлку на болшую носатку, по 2р. носатка.

Пятокъ. 15. День былъ хмарній, тихій, изъ ранку до полудня зъ дожчемъ, тихій, а къ вечору випогодился, тихъ и ясенъ

отчасти и холоднѣйшій, ночъ свѣтла, тиха, холодна, а къ свѣту туманъ великій. Рано поехалъ зъ Кролевца до Бистрика, а зъ Бистрика боромъ. До Тулиголовъ едучи, долго блудили покаместь доехали, где и ночовали. У Тулиг. винницѣ засталемъ 12 куѳъ гор., а въ тринадцятой 6 носат. По исчисленію людей въ Сварк. можныхъ 14, сред. 17, убогихъ 12, огород. 12. чиншовихъ 5, итого 60., въ Криск. можнихъ 9, среднихъ 30, огородниковъ 21, мѣзерних 28, итого 88, Въ Сухонос. можнихъ 10, среднѣхъ 22, мезѣрнихъ 32, итого 64; въ Перерв. можиихъ 13, сред. 6, убогихъ 8, итого 27; въ Артополотской слободцѣ всѣхъ 7; въ Тулиг. мезѣрнихъ 11. въ Ясманѣ 5; всѣхъ 266.

Субота. 16. День былъ свѣтлый, тихій и теплій, ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Приказалъ я словесно старостѣ о перепищикахъ, о переставленню винницѣ, о присилкѣ гор. сюда въ Глуховъ, чтобъ тертичники 100 деревъ урѣзали и задолжившіися за жито, половини дерево въ Сварковъ возили бъ, а половини тамъ отробили. У лазнѣ мился.

Неделя. 17. День былъ свѣтлій, тепловатій, тихій, ночь свѣтла, тиха и холодновата. Рано былъ я на Бѣлополовцѣ, где гетмана болѣзнуючого слишалъ, а не видѣлъ. Служби Божей тамъ слухалъ, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ. По обѣдѣ пигде не бывалъ.

Понедел. 18. День былъ почасти хмарний и почасти свѣтлій, холодноватъ, вѣтренъ къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, тиха, тепловата. Рано былъ я у генерала, где канцеляристъ Холодовичъ отъ гетмана подалъ листъ и суплѣку Сварковцевъ на солдатъ gварнѣзонних въ кражѣ. Обѣдалисмо сами зъ род.. а по обѣдѣ билъ у мене горбатий Милорадовичъ. Слишно, что гетманъ горше прежнего заболѣлъ на проносъ зъ жаромъ.

Вовтор. 19. День былъ почасти хмаренъ и вѣтренъ, потомъ хмаренъ и дождъ. Ночъ тиха, хмарна, почасти и мокровата, а потомъ випогодилась и вияснилась, а къ свѣту знов хмарна. Сегодня былъ я на Бѣлополовцѣ и видѣлъ гетмана обмогаючогося, где и кушалъ, а гетманъ сегодня поехалъ зъ Бѣлополовки въ городъ.

Середа. 20. День былъ хмаренъ, холодноватъ и почасти вѣтренъ. Ночъ хмарна жъ вѣтрена и зъ полночи жестокій вѣтеръ и

дождъ силній, ажъ до свѣта. Сегодня рано черезъ куріера иностранной колегіи, приездившого до гетмана зъ указомъ ехать ему до Сорочинець позволяючимъ, писалемъ до Каратаева о куплѣ двохъ стеколъ, чистихъ, да табаку картузного фунтовъ двохъ, а арапе фунта, и присланніе отъ его два стекла воспять отослалемъ. Черезъ того жъ куріера писали род. и я до Курбатова о дѣлѣ моемъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ поехалъ я въ футоръ, а зъ футора въ Сварковъ на ночъ, где и ночовалъ.

Четвер. 21. День былъ хмарній зъ дощемъ силнимъ, холодний, ночъ хмарна жъ зъ болшимъ вѣтромъ и зъ дощемъ, къ свѣту дощъ унялся, а вѣтеръ неперереставалъ холодний. Сей день пробавилъ я у Сварковѣ, для дощу. Войтъ зъ Василемъ Шмуйломъ и зъ Дуплоногомъ ездили въ городъ до полковника Кишкина по дѣлу сторони кражи, починившойся отъ солдатъ.

Пятокъ. 22. День былъ почасти хмаренъ, толко вѣтрянъ и холодний, у вечеру дощъ. Поехалъ я зъ Сваркова до футора и повернувшись въ Глуховъ, заехалъ до п. Михайла, у которого посидѣвши, повернулся домой. Жена зъ дѣтми пріехала въ Глуховъ зъ гостини кіевской. Сказивалъ дворникъ Калюжновскій, что ярини у футорѣ собрано именно: овса за мосткомъ, къ городу, собрали копъ 200, къ Сваркову 150, що зъ половини сѣяли, копъ 40, зъ пустовскихъ зняли десятини копъ 4, итого овса всего копъ 394. Гречки за мосткомъ, къ городу, копъ 80, къ Сваркову копъ 220, що зъ половини копъ 3 и пол. Жита посѣяли на 1733 годъ: на Шовкуневскомъ лану четверичковъ 126, на Горловскимъ 56, на футорномъ 152, на Ясманскомъ четверичковъ 100, на Ковалювщинѣ дворникъ—36 и пол., а войтъ Забара—четверичковъ 28, итого, опрочъ Ясманского, посѣяно четверичковъ на футорномъ и сварковскомъ полю—398 и пол.

Субота. 23. День былъ хмарній зъ дощемъ, вѣтряний и холодний, ночъ хмарна жъ, тиха и мокровата. Не ездилемъ никуда, а обѣдалисмо всѣ въ дому, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ до Кишкина и до Радищева. Господаръ зъ Ясманѣ повернувшись, сказивалъ, что тамъ знято жита копъ 18, овса—28 копъ, гречки—3

копъ. Въ Крискахъ Думитрашко, бунчуковий, переписивалъ людей и пописалъ: грунтовихъ 30, малогрунтовихъ 29, нищетнихъ и весма убогихъ 39, итого всѣхъ 98.

Неделя. 24. День былъ хмарній зъ дощемъ, вѣтряний и холодний, ночъ хмарна, тиха, толко усю ночъ дощъ ишолъ, къ свѣту пересталъ ити. Рано билъ я у гетмана, обѣдалъ у себе зъ род. и дядею п. Федоромъ и Іваномъ Себастіяновичемъ; у вечеру до п. Михайла ездилъ. Зъ Крисіокъ привезли подводчики 6 куѳъ гор. Зь Тулиг. привезли 2 куѳи гор. зимней, а кухву лѣтной, на росходъ.

Понедел. 25. День былъ хмарній, холодноватий, мокроватий, у вечеру и черезъ ночъ дожчъ. Рано былъ я у генерала и обѣдалъ зъ род., а по обѣдѣ заездилъ до протопопи, оттоль до п. Михайла и посидѣвши съ нимъ, повернулся домой.

Вовтор. 26. День былъ хмарній зъ вѣтромъ и зъ дощемъ до вечора, такова жъ и ночъ. Никуда не ездилемъ, а по обѣдали у насъ дядя п. Федоръ, Милорадовичъ и Себастіяновичъ, по обѣдѣ пріездила тіотка п. Кондзеровская. Отправленъ крисковскій человѣкъ и съ нимъ черезъ 5 подводъ крисковскихъ полдесяти четверти жита къ винницѣ, черезъ которого писалъ до стар., ганячи за недосмотръ подчасъ ревизѣи Думитрашкомъ чинившойся и оную ревизѣю къ нему послалъ, да приказуючи о куплѣ Ярошевой изслѣдовать, въ якомъ году оная была, да посланъ господара гетман. листъ до старости жуклянского (д. Жукля въ сосницк. у.) о видачѣ дранѣ нашей. У Клима принялемъ 6 р., якіе онъ отъ грека Іотія принялъ за вино, итого Іотію за все вино первимъ разомъ взятое, то есть за 18 вина петерцѣменту, да за 18 фронтиніяку, оплатился, а остается на немъ вино другимъ и третимъ разомъ взятое, то есть за 18 вина петерцѣменту. да за 18 фронтиніяку, оплатился, а остается на немъ вино другимъ и третимъ разомъ взятое то есть 60 квартъ петерцѣменту по 50 к., да 70 квартъ фронтиніяку по 60 к.

Середа. 27. День былъ хмарній, тихій, мокроватъ, толко жъ безъ дощу, ночъ хмарна зъ туманомъ чили дощемъ, подобнимъ ту-

манови, потомъ мало къ свѣту випогодилось. Сегодня рано ездилъ я въ городъ до п. Михайла и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ подалъ гетманови суплѣку на Кодинця и позно домой пріехалъ. Лопата Петро, которому гетманскій данъ унѣверсалъ о неправежѣ на немъ денегъ должвихъ черезъ 3 года, далъ мнѣ облѣкъ въ отдачѣ долгу въ пріидучомъ 1733-мъ годѣ о Вознесеніи Господнемъ. Максимъ Долѣнскій, бунчуковний, переписалъ Сварковъ и показалъ, что въ ономъ можнихъ мужиковъ 3, среднѣхъ грунтовихъ 2, мало грунтовихъ 14, безгрунтовихъ 11, подсусѣдковъ 3, итого 33.

Четвер. 28. День хмарний и отчасти погодний, тихій, холодный, ночъ хмарна жъ, тиха и холодновата, а къ свѣту дощикъ густенкій и тихенкій. Рано ездилемъ въ городъ, а въ дому зъ родителемъ и изъ дядею п. Федоромъ обѣдалъ. У вечору то жъ былъ въ городѣ и поигравши зъ п. Михайломъ въ пѣкетъ, повернулся домой. Жестянку ліодового сахару наложили и записали, поколь то привозъ будетъ.

Пятокъ. 29. День былъ хмарній зъ рѣденкимъ дощикомъ и снѣжкомъ впервое, холодній, ночъ тиха, хмарна и холодна. Сегодня я никуда не ездилъ, въ дому былъ. Казанъ мѣдній винничній, ваги въ немъ 30 фунт. и 3 труби, ваги въ ныхъ 12 фунт., отъ Демяна принять за долгъ зазѣрского козака въ 20 р. задолжившагося. Демянъ посланъ за Клевень доправлять жито зъ должнихъ, зъ Юрченкомъ и Гладкимъ, которому на произдъ дано 1 р.

Суббота. 30. День былъ почасти хмарний и почасти свѣтлій, воздухъ сухій, ночъ такова жъ, толко по болшой части хмарна, а къ свѣту свѣтлѣйша. Рано былъ я у гетмана и п. Михайла канцеляріи и въ енер., где принялъ писмо до п. пол. луб. о суплѣцѣ моей на Кодинця о росправѣ. Обѣдалъ у себе зъ род., у банѣ билъ и кровъ пускалъ банками я. Пріехалъ сюда у Глуховъ генералъ маіоръ Панѣнъ, повернувшись зъ Кіева. Въ канцеляріи зъ ревизѣй виписалъ, что въ Сухоносовцѣ показалось по ревизѣи посполитихъ тяглоубогихъ 17, нищетнихъ и весьма убогихъ 30, итого 48; протек-

цѣянтъ Федоръ Петренко. Въ Перевинцяхъ: посполитихъ тяглоубогихъ 8, нищетнихъ и весьма убогихъ 6, итого 14.

М-ць октовр. Неделя. 1. День былъ свѣтлій. почасти тихій и тепловатъ, ночъ холодна, свѣтла и вѣтряна полунощнимъ вѣтромъ. Рано былъ я у генерала, оттоль ездилъ зъ род. и п. Мих. до Панѣна зъ Кіева повернувшагося, обѣдалъ у гетманскаго столу зъ старшиною енер., а жена обѣдала дома зъ Гапкою и домашними.

Понедел. 2. День былъ хмаренъ, потомъ отъ полдня вѣтеръ силний зъ снѣгомъ, якій снѣгъ до полночи ишолъ зъ великимъ холодомъ, отъ полночи до свѣта вѣтеръ же холодний, а снѣгъ покрилъ землю. Рано былъ я у генерала и обѣдалъ зъ род. и по обѣдѣ до смерку засидѣлся у шахмати играючи, виграючи и проиграючись. Жена поехала въ Сварковъ передь обѣдомъ и тамъ заночовала. Овса купили за полъчетверика, чили мало меншъ, за 17 шаг., Вѣжовск. платилъ. Паробка сина Матвѣевого уговорили на годъ за 5 р., его вся одежа.

Вовтор. 3. День былъ холоденъ, зимній, съ полдня сталъ ростовать снѣгъ до ночи. Ночъ была хмарна, тепла мокра, почему и увесь ищезъ снѣгъ. Вѣжевскому далемъ въ росходъ 6 р. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а у вечеру ездили до п. Михайла и посидѣвши мало, повернулемся домой въ позномъ времени, смеркомъ. Били у насъ сотники Новомлинскій и Бакланскій, которіи объявляли намъ роспиcку отъ п. Павловой (Огіевской) кролевецкой данную по дѣлу ея зъ челобитчиками, что на чомъ они приговорятъ, на томъ она перестанетъ. Паробокъ Алексѣй футорний сталъ за 5 р. на годъ въ своей одежи, и взялъ уже 2 р.

Середа. 3. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодноватий, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалемъ въ дому, а по дневпомъ снѣ заболѣло лѣвое око. Вѣдомость, что Сухонос. нажали жита копъ 106, овса копъ 50, гречки копъ 60, конопель копъ 4; на 1733 годъ посѣяли жита на полѣ четвор. 19..., а въ левадѣ четвер. 6.

Четвер. 5. День былъ зранку хмаренъ и дожчеватъ, потомъ передъ полднемъ випогодилось и къ вечору, ночъ тиха, свѣтла и отчасти холодновата, воздухъ сухій. Сегодня я билъ у судѣ енер.

и подалъ повторную челобитную на Якубовича о сиску оного въ судъ по прежнему моему на него челобиттю въ неотдачи должнихъ мнѣ денегъ 456 р.; а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ и получилъ писмо до п. пол. луб. гетманское сторони Кодинця. Дорошъ поехалъ въ Роменъ, черезъ которого писалъ я до брата п. Марка и 20 а., послалъ черезъ него на кожухъ Рудому.

Пятокъ. 6. День билъ свѣтлій, погодній, ночъ такова жъ по болшой части, а по меншой хмарна. Сегодня рано ѐздилъ я въ гетманскій дворъ, а оттоль въ склепъ, где насипалъ вина зъ бочокъ, доброго по 6 квартъ, фран. и гиш. по..., а всего пудро насипалъ по 2 фляши разного, да бутилокъ доброго по 5, да французж. 2 бутилки, да зъ антала, изъ барила и зъ барилця по бутилцѣ.

Субота. 7. День былъ теплій, свѣтлій, тихій; ночъ тепла жъ зъ начала и погодна, а потомъ дождъ ишолъ до свѣта, то есть до утра неделного. Рано ездилемъ въ городъ до гетманского двору, где гетмановую, пріехавшую зъ гостини, засталъ, и тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ повернувшись въ домъ свой, засталъ Якубовича зъ женою его и тіотку п. Кондзеровскую. Данило Карпѣка пріездилъ ко мнѣ, зъ тимъ, что млинъ продаетъ, которому я зъ полемъ и дворомъ глуховскимъ давалъ 400 р. а онъ просилъ 500 р.

Неделя. 8. Отъ утра неделного черезъ увесь день, ажъ до вечора, дожчъ ишелъ зъ вѣтромъ, а въ ночѣ вѣтеръ умножился и дожчъ до полночи, после полночи снѣгъ и холодъ, а къ свѣту снѣгъ переста̀лъ, а вѣтеръ до свѣта тривалъ и холодъ. Сегодня за ока лѣвого моего болемъ никуда не ездилемъ опрочъ церкви Веригинской. Жена преехала зъ Тулиголовъ на обѣдъ и обѣдала съ нами. Да пріехалъ Грицко Дядя въ Тулиг. зъ соллю, возовъ 5, по 4 воли, а на шестомъ возѣ куѳа вишніовки. Рахованъ онъ и показалось въ росходѣ его денегъ 36 р. и 73 коп., а въ пріемѣ било 45 р., досталнихъ 8 р. 27 к., а соли привюзъ всеей 450 пуд., 80 пуд. у Сухоносовцѣ остановилъ, а 370 сюда привезлъ. Пасѣчника Солоху вихторовского уговорили на годъ до пасѣки Шрамковской за 10 зол., жита четвертей 4, гречки 2, пшона и крупъ, свита и кожухъ, и дано ему отъ Вѣжевского напередъ 3 р. Якимъ Глѣнскій, маляръ, что дѣлалъ иконостасъ до церкви вел. Гамал., отъ диссентеріи умре.

Понедел. 9. День свѣтлій тихій, холодноватий, а потомъ и тепловатъ до самого вечора, а потомъ холодноватъ сухимъ воздухомъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана зъ морозомъ такимъ, что и вода текучая зъ стрѣхъ попримерзала. Сегодня рано билъ я на службѣ у церквѣ Веригин. Обѣдалъ въ дому и съ нами, для моего тезоименитства, обѣдали сестра п. Чарнишева, тіотка Кондзеровская, п. Павлова кролевецкая, Гапка, Якубовичъ зъ женою, и подпіяхомъ. Приказъ данъ Тарасу давать на шинкъ гор. носатку старую по пол. 9 зол.

Вовтор. 10. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, тихій, воздуха сухого. Ночъ такова жъ, яковъ и день. Сегодня никуда не ездилемъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а жена на пастовнику. Вѣдомость отъ стар. перервинского имѣется о пашнѣ, что жита нажато копъ 70, изъ панского копъ 6, десятини копъ 12, всего 88. Овса нажали 70 копъ, гречки 36, а десятини копъ 6, проса копъ 40, ячменю копъ 25, пшеницѣ копъ 20, гороху четвериковъ луб. 10, а на 1733 годъ посѣяли жита: луб. четвер. 25, сѣна копового скиртъ 38, а за гроши наймомъ, 13.

Середа. 11. День былъ почасти хмаренъ и почасти свѣтелъ, воздуха сухого, ночъ свѣтла, тиха, холодна, воздуха сухого. До стар. крис. послана виписка о завладѣвшихъ ґрунтами крисковскими, чтобъ онъ роспиталъ, якого году и мѣсяця хто и чимъ завладѣлъ. Да къ нему жъ писано о куплѣ дранѣ и присилцѣ 500 въ Тулиг., а остатку въ Глуховъ.

Четвер. 12. День былъ свѣтлій, почасти тихъ и тепловатъ, воздуха сухого. Ночъ свѣтла тиха и ядрана, воздухъ сухъ. Ездилемъ рано до енерала, оттоль до гетмана, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ посидѣвши у п. Михаила, повернулемся домой.

Пятокъ. 13. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, зѣло хорошіе и погодніе. Дядѣ сухонос. далъ габу и 20 к. и 5 человѣкамъ по 20 к., которіе въ Кримъ ездили по соль; черезъ нихъ же послалемъ въ Сухонос. церковъ келѣхъ позлочуванний, а въ перервинскую тріодь цвѣтную. Да черезъ ихъ же отправили 4 куѳи гор.; а вниххъ носат. теперешнихъ „ “, зъ которихъ велено отдать Алексѣеви 3 куѳи, а одну перервинскому стар.; да писано о томъ

до Алексѣйця, стар. сухон. и перер. Заплатилемъ Данилу Карпѣцѣ за млинъ свар. и поле зъ окопомъ сѣнокоснимъ и дворомъ Булавкинскимъ 250 р. червонними по 11 зол. червонний, а 200 р. остался виноватъ, а онъ мнѣ купчую далъ. Вѣжевского пріемъ соли, а сколко оной прилагается вѣдомость, именно: куховъ 6, а въ нихъ пудовъ 288, да бочокъ 13, а въ нихъ пудовъ 242, фун. 22. Да черезъ Дядю отправилъ онъ гор. куфъ 3, до Алексѣя, а въ одной нос. 4, квартъ 38, въ другой носат. 5, квартъ 4, въ третей нос. 4, квартъ 98. а въ Сухоносовку куѳу, въ которой носат. 5, квартъ 85.

Субота. 14. День и ночъ подобніе прежнимъ, свѣтліе, тихіе, воздухъ сухъ. Рано поехалъ я въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ повернулся въ домъ, заехавши до п. Михайла. У Сварковѣ велѣлъ войту греблю загатить и захворостить старатись.

Неделя. 15. День и ночъ были подобніе прежнимъ, толко зъ прибавкою стужи. Сегодня зъ род. обѣдалисмо у енерала, а по обѣдѣ заходилъ до насъ Пасекъ, а потомъ родителка зъ двома братами пріехали.

Понедел. 16. День подобній бувъ прежнимъ, тихъ, ясенъ, и около полдня тепловатъ. Ночъ подобна жъ прежнимъ, свѣтлая, тихая и студеная, къ свѣту туманъ холодній. Облѣкъ далъ я Семена Крупенка Вѣжевскому, да другую вѣдомость отъ Клима, хто за конѣ виноватъ дати войту. Обѣдалимо сами въ дому зъ род.. а матка и жена у гетманского двору. По обѣдѣ ездилемъ до доктора Бока и до п. Михайла.

Вовтор. 17. День зъ ранку туманий и до вечора холодний, воздухъ, однакъ не весма мокрій. Ночъ такъже зъ туманомъ, а зъ полночи вияснилось и къ свѣту зъ морозомъ знатнимъ. Господаръ, повернувшись зъ пасѣки, обявилъ, что въ Уздицкой пасѣцѣ въ имшанеки установлено пчоли лутшой 393., а подлѣйшой 50, итого всей пчоли Уздицкой 443, въ Шрамковской пасѣцѣ лутшой пчоли 51, подлѣйшой 10, итого 61. Обѣдали у насъ род. обое, сестра Чарнишова, Конзерская, Гапка, отецъ Никифоръ и отецъ Мойсей, и подпіяхомъ именинъ ради родителевихъ сегодневнихъ. Григорія Гиля сынъ зъ Царицина повернулся, и привезлъ писмо отъ отца своего,

въ якомъ пишетъ, что онъ 5-го сентевр. зъ Царицина до крѣпости ст. Креста отправляется и что будто Архипъ умре. Онъ же привелъ коня, которій даванъ Григорію въ Царицинъ, да привезлъ бѣлорибици пудъ, да везики 5 фунт.

Середа. 18. День былъ свѣтлій, подобній прежнимъ, тихій зъ ранку и къ вечору зъ морозомъ, ночъ свѣтла, тиха, холодна зъ болшимъ морозомъ. Сегодня обѣдалисмо родитель и я у генерала, у вечеру ездилъ до п. Михайла, где посидѣвши, у ночъ повернулся домой.

Четвер. 19. День былъ свѣтлій, погодній, теплѣйшій вчорайшого, къ вечору морозъ. Ночъ свѣтла, тиха, холодна, подобна прежнимъ. Сегодня рано ездилемъ до Паска, где явившись Якубовичъ зъ Стефаномъ Миклашевскимъ просилъ о долгу своемъ, и зъ должной суми упустилъ я ему 10 р., а 350 р. отдать бы ему. Обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ былъ у генерала, где видѣлся зъ Володимиромъ Өедоровичемъ Шереметевимъ, унукомъ Володимера Петровича, зъ которимъ хочай и договаривался о мужику бегломъ его, однако жъ не договорился. Отъ крисковского стар. привезено дранѣ 600 за 4 р. данніе, купленнихъ дѣжокъ 20, кадовбовъ 5.

Пятокъ. 20. День и ночъ были сходніе, безъ жадной перемѣни прежнимъ. Матка и жена поехали до манастира Петропавловского поминаніе чинить по умершомъ дѣду моемъ Іларіону Маковскомъ, тамъ опочивающемъ, а я никуда не ездилъ и не ходилъ. Гребля въ Сварковѣ загачена и впервое стало молоть.

Субота. 21. День былъ свѣтлій, погодній, холодний, тихій, около полдня хмаренъ, якъ бы съ перемѣною, а потомъ знову випогодился, прежнею погодою до вечора, ночъ такъже свѣтла, тиха и студена, такого жъ воздуха сухого. Рано поехалемъ въ Сварковъ и обѣдалемъ, и ходилъ на греблю, которую вчора еще загатили отчасти, а зъ Сваркова поехавши, пріехалъ у футоръ Калюжновскій, где велѣлъ дворнику гречку и третую меншую скиртку овса змолотить, да зъ скиртъ житнихъ верхи позбирать и помолотить а оніе верхи по залеми собравши, накрить соломою обѣдвѣ такъ, якъ третая накрита. Зъ футора пріехалемъ въ Глуховъ на ночъ.

Неделя. 22. День былъ свѣтлій, погодній, холодній, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня рано были мы у генерала, а обѣдали у Мякинина—гетманъ, генералъ и мы зъ п. Михайломъ. Присланъ указъ къ генералу о висилцѣ Львова въ Москву, а къ гетману грамота обявителная о томъ же. По обѣдѣ были мы тамъ же, у Мякинина, и играли въ ломбаръ зъ виграшомъ моимъ и генералскимъ и проиграшомъ п. Михайла, а потомъ зайшли до п. Михайла, где Валкевича зъ розезду повернувшогося, видѣлъ, зъ тамъ тогобочной сторони, куда онъ былъ посиланъ.

Понедел. 23. День былъ погодний, свѣтлій, холодний, къ вечору туманъ сталъ. Ночъ хмарна, а къ свѣту туманъ прибавился. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ ездилемъ въ дворъ гетманскій до п. Михайла, где играли въ карти зъ Валкевичемъ, Холодовичемъ и имъ зъ проиграшемъ моимъ.

Вовтор. 24. День былъ зъ отмѣннимъ воздухомъ и отлигою, вѣлgотний, туманний, и ночъ такова жъ. Яковъ Якубовичъ роздѣлался со мною и далъ мнѣ облѣкъ отдачѣ 350 р. прійдучого 1733-го году, іюля 1-го дня. Обѣдалисмо въ дому сами, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ до п. Михайла, где въ карти играли зъ моимъ и Валкевича проиграшомъ.

Середа. 25. День подобний вчорайшому во всемъ. Ночъ такъ же подобна вчорайшой. Климу Пѣщанскому, отсилаючомуся въ Лубнѣ для присутствія имѣючому чинитись розиску о футорѣ моемъ Криворудскомъ, данъ приказъ, а въ немъ написано: 1) зъ футора Артополот. прислать возомъ воловимъ зъ Салогуб. албо Калинов. пшона, да съ нимъ пѣшого и валаховъ 25, да коровъ дойнихъ албо тѣлнихъ 3; 2) въ Сухонос. опредѣлить покупать жито до винницѣ за 16 р. и нѣ на що не употреблять онихъ и жита; 3) ехать передомъ на Кривую Руду, справится объ обидахъ отъ Кодинця и тихъ що повворувались и тихъ що футорами иосѣдали на томъ боку; 4) у Лубняхъ бить и при розиску и инквѣзицѣю переписавъ прислать сюда, 5) и требовать тогда приверниння слободки, 6) за поворотомъ, просить сатисфакцѣи, 7) описоватись ко мнѣ часто черезъ курѣнчиковъ; 8) по семъ доброго дворника въ

Кривой Рудѣ устроить; 9) повернувшись въ Сухонос., скуплять жито до винницѣ, въ винницѣ бить безъ переривки роботѣ, горѣлку на шинкъ отдавать кухву одну у Перервинц. а другую на шинкъ Яблоновскій, и денги за то къ себѣ. У дворѣ сухонос. гребелку справить и скриню яловую здѣлать, окончить млинъ курѣнскій и спорадить млинокъ сѣлскій, соли у футоръ Артоп. отослать чорнускихъ четверичковъ 2, а въ Перер. 3, виправу сюда вислать. 10) У Кривой Рудѣ сѣна осмотрѣть, да здѣлать погребъ и загороду зъ повѣттю, а дойво все зъ футора и зъ Перервинець спровадить. 11) Зъ виправою сюда прислать хмѣль, вовну зъ Перер. всю, а зъ простой часть оставить тамъ, для роздачи на село, попонъ теплихъ 20. Масло все и сиръ увесь зъ футора Артопол. 12) Зъ Сухонос. масло и сиръ послать въ Кіевъ своими подводами, у филиповъ постъ. 13) Облѣкгъ Григор. Шаргор. данъ на 10 червонихъ. 14) Осмотрѣть и списать въ Кривой Рудѣ и въ Сухонос. сѣна, хлѣба, сколко знято и сколко посѣяно. 15) Котляра въ Лохвицѣ сискать и при виправѣ вислать. 16) Увѣдомить о тютюнѣ, якова продажа. Да съ нимъ же послала жена п. полковниковой вина доброго бутилокъ 6. Онъ же зъ собою взялъ коней двое, тарана купленного, да гнѣдого сухого, да ему жъ далъ я 5 червонихъ, да 16 р., а на дорогу 2 ефимки.

Чотвер. 26. День былъ подобний прежнимъ, хмарній, тихій, а къ вечеру мокроватъ, въ началѣ ночи вѣтеръ малій и снѣгъ зъ дожчемъ, а потомъ морозъ къ свѣту. Сегодня обѣдалъ я у столу гетманского, а по обѣдѣ заездилъ до Стефана Миклашевского, оттоль до млина Радіоновского, а поворотясь заехалъ до Паска и посидѣвши доволно, повернулся домой. У млинѣ видѣлъ розмѣру жита четвертей зъ 2, пшеницѣ бочокъ 4, гречки бочокъ 3. Климъ поехалъ за порученнимъ ему вчора дѣломъ. Королю теслѣ далемъ 20 к., а отъ Вѣжевского бралъ денги.

Пятокъ, 27. День былъ почасти свѣтлій, толко жъ холоднѣйшей отъ прежнихъ. Ночъ свѣтла, тиха, а къ свѣту вѣтряна зъ морозомъ, сухій воздухъ. Сегодня, по службѣ, поехалъ я у футоръ, а зъ фу-

тора у Сварковъ, где и заночовалъ. У Вѣжевского шинковихъ грошей принялъ я 6 р. и 52 к. и роспиcку далъ.

Субота. 28. День былъ хмарній, холодный, вѣтряний, ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣжокъ випалъ и растаялъ, однако жъ воздухъ сухій. Тутъ, въ Сварковѣ, обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши у футоръ Калюжновскій, а зъ футора въ городъ, позно пріехалъ, а мимоездомъ билъ на Красной Горцѣ. На Красной Горцѣ по ищисленію теперъ показалось тину 124.

Неделя. 29. День былъ хмарній, холодній и ночъ такова жъ, сходніе прежнимъ. Празновали день ражденія ея височества государинѣ царевни Екатирини Іоановни. Банкетъ билъ у гетмана и подпіяхомъ.

Понедел. 30. День былъ хмарній, холодній. Ночъ хмарна, а потомъ зъ отлигою, якоби мокрою. Явился тутъ крисковскій бобиль Тимошъ Степанченко и сказалъ, что за кражу тютюну взялъ староста у него сѣно воз. 8., жита чотвериковъ въ 2, косу и серповъ 2, да у Мишука рубля, да у Панаса ганчара 206, и писалъ я до него, чтобъ Тимошу вернулъ сѣна и жита половину и прочее. Отправлени крисковци вь Криски и черезъ нихъ писано до старости: 1) чтобъ писмо и пункта на попа отвезлъ до епископа Чернѣг., 2) чтобъ денги за проданний мой тютюнъ отъ швакгра п. Якова отобралъ 86 р. 3) чтобъ на расколщикахъ, зверхъ данніе денги доправилъ; 4) чтобъ изслѣдовалъ о завладѣніи грунтовъ попомъ, якихъ годѣхъ; 5) чтобъ прислалъ сюда Товкача Николая и еще двохъ къ пятницѣ; 6) чтобъ съ ними прислалъ ревизѣю людей крис. Думитрашкову, 7) чтобъ винницѣ на 9 казановъ неподовшувалъ впредъ, а буде подовшавъ, чтобъ увѣдомилъ; 8) о горѣлцѣ сколко куеъ увѣдомить и пробу прислать и чтобъ пѣнная била—смотрѣть; 9) дранѣ зъ 500 въ Тулиг. прислать и людей сюда до греблѣ 10 подводъ. Обѣдалисмо зъ родителкою въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и съ нимъ и Валкевичемъ у карти, у шнипъ-шнапъ-шнуръ базилеръ играли и у столу гетманского вечерали. Федоръ Заборовскій писалъ ко мнѣ писмо, до которого отписалъ и Theologim Buddei послалъ на прочитанне . . . . .

нѣсколко день, якъ захоровалемъ на очи, первей былъ ячмѣнецъ, а после стали играть очи.

Вовтор. 31. День хмарний, мокроватий, тихій, зъ вечора дожчъ и въ ночѣ, а около полночи пересталъ ити и випогодилось, и вияснилось зъ сухимъ воздухомъ и морозомъ. Сегодня обѣдалисмо многіе зъ вneшихъ и знатнихъ у Радищева и подпіяхомъ; а генералъ за приключившоюся болезнію генералшѣ не билъ, до которого по обѣдѣ гетманова поехала посѣщать.

М-цъ ноеврій. Середа. 1. День былъ почасти хмарній, вѣтряний, почасти жъ, а особливо къ вечору; ночъ хмарна зъ болшимъ вѣтромъ и между тимъ ясна, къ свѣту хмарна безъ морозу, зъ мокримъ раствореніемъ. Ездилемъ рано до млина Родіоновского, где засталъ по прежнему жъ пшеницѣ 4, гречки 2 полубочка, а жита въ скринѣ зъ четвертъ да въ кадѣ зъ четвертъ. Оттуду поехавши засталъ въ дворѣ гетманскомъ на обѣдѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ и тамъ ночовалъ.

Четвер. 2. День былъ хмарній и передъ обѣдомъ градъ зъ дощикомъ двома рази находилъ, почасти вѣтрянъ былъ, мокроватого растворенія воздухъ; ночъ такова жъ, а къ свѣту морозъ и сухій воздухъ. Обѣдалъ я у Сварковѣ, а по обѣдѣ поехалъ до футора и съ футора пріехалъ домой на ночъ. У Сварковѣ розмѣру на лице было: кухва жита, полубочокъ гречки и полполубочка овса, и тутъ теслѣ начали замощувать у млинѣ и скриню на розмѣръ направлять. Люде сварковци, посиланніе на линѣю, повернулись зъ линѣи въ доми свои и даванного имъ коня, возъ и козанокъ отдали.

Пятокъ, 3. День былъ вѣтрянъ почасти, велми холоденъ, сухого воздуха, хмаренъ; ночъ хмарна, а зъ полночи свѣтла, холоднѣйша зъ такимъ морозомъ, что ставъ здешній глуховскій въ первое стявъся. Нигде небывалъ, а п. Михайло отъ генерала заездилъ ко мнѣ. Писмо отъ Ханенка получилъ, что арапе и картузу (табаку?) привезетъ.

Субота. 4. День были свѣтлій, тихій, холодній, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а у вечеру ходилъ у баню и кровъ банками пускалъ, да пявками, зашкурную. Зъ

Конономъ, шинкаремъ сестри полковници Толстой, сторжился за грунтъ его Сварковскій, дворъ зъ огородомъ и другимъ пляцомъ и зъ полемъ во всѣхъ трохъ рукахъ, за 15 р. и денегъ дали ему 10 р., а 5 р. дадѣмъ, когда урядовая купчая виданна будетъ.

Неделя. 5. День былъ похмурний отъ великого инею и очинъ холодний стужею до рождественскихъ морозовъ равняючійся, къ вечору мало отпустило, а ночъ подобна дневи была въ стужѣ. На службѣ былъ у енералской церквѣ и тамъ обѣдалъ и дновалъ. Подполковникъ Никифоръ Івановъ сынъ Львовъ по указу поехалъ зъ Глухова въ Москву. Родитель зъ маткою и жена моя обѣдали у п. Кондзеровского на пастовнику, для того, что онъ своего кравця на дѣвцѣ женилъ.

Понедел. 6. День былъ и ночъ подобніе во всемъ вчорайшимъ и ставъ скрѣпился. Въ дому билъ и некуда не ездилъ за грудою.

Вовтор. 7. День и ночъ были подобніе прежнимъ, а по ставу и я ліодомъ ходилъ. Обѣдали генералъ и проч., п. Михаило и я, у подполковника Жураховского, для завтрейшихъ его именинъ. Зъ футоря Гамал. привезли сюда 2 мѣри проса и овець 24, а Климъ пишетъ, что хлѣба зъ поля знято жита копъ 23, проса 75, гречки 45, гороху 29, конопель копъ 5, сѣна уробили скиртъ 34 и полъ, а такъ—рочного 4 скирти, пшеницѣ копъ 10 и пол., ячменю копъ 39, овса копъ 35, а на пришлий 1733 годъ висѣяли жита четвер. ромен. 15. На Веригинѣ пожаръ билъ рано и овина згорѣла.

Середа. 8. День былъ и ночъ подобніе во всемъ прежнимъ. Сегодня билъ въ городѣ пѣши и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ играли въ карти у п. Михайла, зъ виграшомъ моимъ, и отъ него пѣши зъ сотникомъ воронежскимъ Холодовичемъ прійшли ліодомъ. Копачамъ, что ями пашенніе въ футорѣ Колюжновскомъ копаютъ, заплатилъ черезъ дворника Семена первимъ разомъ 20 к., а теперъ 60.

Четвер. 9. День рано былъ мало зъ отлигою и зъ маленкимъ снѣжкомъ, однако жъ холоденъ, ночъ такъ же хмарна, однако жъ холодна, но зъ нѣкоторою отлигою. Сегодня рано ходилъ пѣши черезъ ставъ, до гетманского двору, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ игралисмо

въ карти зъ проиграшемъ моимъ. Посланъ въ Криски шинкаръ бѣлополовскій, чтобъ висилалъ Товкаченка, Товкача и чтобъ бересту на оббитте ямъ купить.

Пятокъ. 10. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, безъ снѣгу. Сегодня опредѣленіе въ судѣ енер. закрѣплено: шевця моего перепроситъ сварковского въ присутствіи бѣглого крестянина Шереметева. Пріехали Товкачъ да Миколай зъ Крисіокъ и привезли писмо отъ старости, въ якомъ обявляетъ, что гор. теперъ тамъ 5 куеъ. Івану Фурсѣ теслѣ, на отроботокъ теселскою работою, на чверть дано 2 р.

Субота, 11. День былъ и ночъ хмарніе, холодніе, маловѣтряніе, въ день снѣжокъ проривался, а потомъ вскорѣ пересталъ. Сегодня билъ на службѣ у церкви Веригинской и обѣдалъ въ дому, и кровъ банками пускалъ зъ потилицѣ. Староста пишетъ, что прислалъ 6 курчатъ, да что на Товкачу показуются денги подчасъ збору провіянтового на себе удержанніе, также подъ часъ роздачи на жито моихъ денегъ, утаенніе. Братъ Марко писалъ зъ Ромна, что полковникъ Нарвского полку баронъ Креніертъ наехавши въ Ромнѣ на домъ родителскій, позанималъ изби въ свою квартеру, а где братовая Семенова, тамъ вмѣсто караулнѣ драгунъ поставилъ, которіи оную перестрашили, въ чемъ родитель челобитствовалъ до гетмана и гетманъ писалъ о сѣмъ до генерала Вейзбаха, и писмо тое послано въ Роменъ. *(За симъ слѣдуетъ рецептъ).*

Неделя. 12. День былъ и ночъ во всемъ зъ вчорайшими сходніе, воздуха сухого, хмарніе, холодніе. Сегодня у Паска банкетъ билъ, гдѣ гетманъ, (опрочъ генерала Нарѣшкина захорововшого) Радищевъ, Кишкинъ, старшина енер. и п. Михаило и я били, и подпіяхомъ зѣло.

Понедел. 13. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ и прежнимъ. Сторжился я зъ ковалемъ здешнимъ глуховскимъ дѣлать ему веретено, рихви и чопи до нового млина сварковского за 30 а., и взялъ на тое батоговъ 21. Банкетъ билъ у насъ, обѣдали гетманъ, Радищевъ, Пасекъ, Борзна, Кишкинъ, Турковскій

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

А. А. Андріевскій. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

А. Андріевскій. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

А. Андріевскій. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

А. Андріевскій. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

* **А. Андріевскій.** Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

* **А. Андріевскій.** Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

* **А. Андріевскій.** Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

В. Антоновичъ. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

* **В. Б. Антоновичъ.** Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

* **В. Б. Антоновичъ.** Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

* **В. Антоновичъ.** По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ. Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

* **А. Т.** Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Д. И. Багалѣй. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Ганна Барвинокъ. Молотники. (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

С. А. Бершадскій. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г.г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Александръ Билоусенко. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Левко Боровыковськый. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г., стр. I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

---

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

* **Николай Бѣляшевскій**. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

А. Веселовскій. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

* **Вкона пара** та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55 Цѣна 8 к.

М. Владимірскій-Будановъ. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Марко Вовчокъ. Викупъ. Оповідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Марко Вовчокъ. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

* **Марко Вовчокъ.** Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

А. Востоковъ. Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к

А. Востоковъ Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Ол. Гаврышъ. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

К Гамалія Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона велыкихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

К. Гамалія. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

К. Гамалія Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Л. И. Глибовъ. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

П. Голубовскій. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

* **Даныло Гордіенко.** 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г, стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Грама́тка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

* **Б. Гринченко.** Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1 — 107. Цѣна 15 к.

* **Борысъ Гринченко.** (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

* **Б. Д Гринченко**. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

* **Б. Д. Гринченко**. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

П. П. Гулакъ - Артемовскій Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

А. Ефименко. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Ефименко. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А. Ефименко. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П Ефименко. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

* **Живи** струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

З.

Петро Забоцень. Гордовита пара. Оповидання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

А Иванов. Розмова про земні сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Панько Казюка. Січові гості. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

И Каманинъ. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

И. Каманинъ. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

М. Кононенко. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

* **Мыхайло Коцюбынській**. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

* **М. Коцюбынській.** 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Петро Кузьменко. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

П. Кулишъ. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиниxъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

П. Кулишъ. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

А. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. 1—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Александръ Степановичъ **Лашкевичъ** (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

О. И. Левицкій. Ганна Монтовтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

Архимандритъ Леонидъ Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго. „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

М Лисенко. Молодощі. Збірник танків та веснянок. Киів 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

И. Лучицкій По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни**. Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

* **К. Мельникъ.** Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Панасъ Мирный. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Панасъ Мирный. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

К. Михальчукъ. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Ѳ. Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Данило Мордовцовъ. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г, стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

В. Науменко. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

В. Науменко. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

В. Науменко Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г, стр. 1—31. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

В. Науменко Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

В. Науменко. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90 Цѣна 60 к.

В. Науменко. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

В. Науменко Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Ѳ. Николайчикъ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Ѳ. Николайчикъ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

М. Номис. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Н. Петровъ. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12 Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г, стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

П. З. Р—а. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Черногови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Одарка Романова. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

А. Романовичъ-Славатинскій. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

И. Я. Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

А. Русовъ. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговской

скимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Володимиръ Самийленко Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

В Н Сторожевъ. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Н. И. Стороженко. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

А. В Стороженко Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Олекса Стороженко Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Олекса Стороженко. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Олекса Стороженко Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы одававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Олекса Стороженко Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Н Ѳ Сумцовъ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

* **Сф. Кр.** Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

* **И. Слѣпушкинъ.** О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

* **Сборникъ** въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Иванъ Тарасенко. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Ив. Теличенко. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Осип. Федькович. Повісти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г., стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Грыцько Чулай Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г, стр. 1—36. Цѣна 10 к.

В. Чайченко. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63 Цѣна 15 к.

* **В. Чайченко.** 1) Пищалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

* **В. Чайченко.** Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапылася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

* **В. Чайченко** Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Т. Г. Шевченко. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Тарасъ Шевченко. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

* **В. Щербина.** Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

* **В. Щербина** Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

* **В. Щербина.** Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19. Цѣна 15 к.

* **В. Щербина.** Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г. стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звірів (по Брему) Мнясоіди або хижі звірі. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Хр. **Ящуржинскій**. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дозволено цензурою Кiевъ 5 марта 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 12-е.

У насъ дождь и слякоть—днемъ и ночью, при южномъ вѣтрѣ. Мож. быть, и поэтому противъ непріятелей ничего не предпринимаютъ. Противъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ идутъ у непріятелей работы, батареи дѣйствуютъ, не тратя впрочемъ снарядовъ напрасно. Непріятельскія батареи больше молчатъ. Сегодня утромъ очень удачно открытъ былъ огонь съ 4 бастіона по франц. траншеѣ. Стоны и крикъ раненыхъ даже слышны были на бастіонѣ нашемъ. Въ этомъ пунктѣ франц. траншея только въ 60 саж. отъ нашего бастіона. Все заставляетъ ожидать штурма. Толки объ этомъ у насъ разные. Думаютъ, что этотъ штурмъ долженъ быть сдѣланъ только для примѣра, чтобы сказать потомъ, что ими все сдѣлано, что только нужно было предпринять для взятія Севастополя; въ самомъ же дѣлѣ мысли непріятелей на обратномъ пути во-свояси. Впрочемъ, для этого мало пароходовъ, которыхъ большая часть въ разбродѣ. Кораблей же 9 уведено въ Константинополь послѣ 5 окт., и 8 уведено туда же послѣ 2 нояб. Вообще же, судя по времени года, обратное плаваніе непріятельской крымской экспедиціи считають столько же для ней опаснымъ и погибельнымъ, какъ и отчаянный штурмъ, на который бы они рѣшились. Еще полагаютъ,

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1896 г., № 2.

что непріятели ожидаютъ только разрѣшительныхъ депешъ отъ своего правительства, чтобы поскорѣй пуститься во-свояси.— Морозовъ еще нѣтъ, но отъ самой сырости очень холодно. Непріятели потребили на топливо всю растительность, и наконецъ нечѣмъ согрѣться. Теперь рѣдко еще замѣтенъ огонекъ въ лагерѣ, тогда какъ въ первые дни бывало сильное освѣщеніе.

Къ намъ еще идетъ 16 запасныхъ баталіоновъ, которые будутъ къ 20 нояб., и 24-ре гренадерскихъ баталіона.

Въ продовольствіи большой скудости не чувствуемъ. А малыя нужды не чувствительны при одномъ представленіи великаго времени, въ которое Господь поставилъ насъ.

Объ о. Геронтіѣ и монастырѣ нѣтъ и нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Не знаемъ, что и думать о ихъ положеніи.

Вчера возвратился домой преосв. митрополитъ Агаѳангелъ. Онъ здоровъ. На вопросъ мой: почему не ѣхали, напр., въ Корсунь? онъ отвѣчалъ, что старъ, могу заболѣть; а гдѣ тамъ взять медика? Притомъ глухъ, не буду слышать, что дѣлается.

5 нояб. козаки принесли изъ Херсонеса крестъ запрестольный и южную дверь, которая лежала на полатяхъ. Въ церкви не нашли даже половъ, все разорено нечестивыми на топливо. Будь тамъ кто либо изъ братіи, мож. быть этого и не случилось. О. Сергій [1]) хотѣлъ остаться, но о. Василій [2]) не позволилъ.

Кладбищная церковь, благодареніе Богу, еще въ совершенной цѣлости.

Болѣе ничего особеннаго нѣтъ. Выжидаютъ, наблюдаютъ, предполагаютъ—только въ настоящіе послѣдніе дни видимъ и слышимъ. Усиливаютъ батареи и берутъ другія мѣры противъ ожидаемаго штурма.

Паче мысли всѣхъ сосредоточены въ надеждѣ на Бога.— Смиреннѣйше благодарю; но мои труды, чувствую, далеко меньше Вашей милости и ходатайствуемой награды. Развѣ по слову: *идѣже пріумножися грѣхъ, тамъ преизбыточествова благодать?*

---

[1]) Іеромонахъ.

[2]) Тоже Іеромонахъ Херсонес. скита, его устроитель.

Говорятъ, что на нашей почтѣ письменная корреспонденція—приходящая и отходящая просматривается.

12 нояб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 13-е.

13 ноября весь день былъ мокрый; съ полдня густый дождь. Слѣдствіемъ сего въ продолженіи всего дня ни однимъ выстрѣломъ не былъ нарушенъ рѣдкій нашъ покой. 14-е ноября весь день свѣтлый: непріятели наши, кажется, старались вознаградить опущеніе прошедшаго дня. Но больше теперь заняты работами, чѣмъ бомбардированіемъ, которое можно назвать не болѣе, какъ обороною отъ нашихъ батарей. 15-е и 16-е ноября дни пасмурные и мокрые, и опять непріятели ведутъ себя тише. Раненыхъ въ продолженіе дня бываетъ весьма мало: иногда всего два. Сегодня день пасмурный, вѣтеръ сѣверный, но еще не сильный; снѣга, а съ нимъ и зимы, у насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Въ приходѣ непріятельскихъ судовъ, кромѣ парохода и транспорта, не замѣчено. Отходятъ, или, м. б., передвигаются чаще. Сегодня съ Бельбекской стоянки снялось два большихъ корабля, такъ что теперь всего тамъ видно 7-мъ судовъ. Не собираются ли въ обратный путь?

Можно думать, что не предпримутъ ли чего противъ Севастополя завтра, или послѣзавтра. 18-го ноября день Синопской побѣды; о важности для насъ этого дня непріятелямъ также извѣстно.

На сѣверной сторонѣ нашей устроены батареи, обращенныя на городъ, въ случаѣ онъ могъ бы быть взятъ непріятелемъ. Хотя одна мысль о такой возможности страшна, но все же эта мѣра необходимая. Въ Инкерманѣ, выше киновіи, и у сѣверныхъ маяковъ тоже устроены батареи. Говорятъ, что о. Иннокентій [1]) выбрался изъ скалы въ домъ генеральши. Сообщеніе трудно; не могу знать этого навѣрно.

---

[1]) Іеромонахъ Инкерманскаго скита.

14-го ноября, въ воскресенье, великіе князья были въ обѣдни въ Михайловской церкви уже съ Георгіевскими крестами, полученными за 24-е октября. О другихъ наградахъ еще не слышно.

О. Николай Сиземскій опять отправляется чрезъ Бакчисарай въ Симферополь къ семейству. Онъ намѣренъ просить въ Бакчисараѣ преосвященнаго Поликарпа командировать его къ Симферопольскому собору, гдѣ есть праздное мѣсто. У насъ кружка почти пуста; служимъ ежедневно, но развѣ проходящіе солдаты или офицеры забѣгутъ въ церковь на время; нашъ же собственный приходъ выѣхалъ. Потому, хотя большой дороговизны и нѣтъ, но мы вынуждены, съ разрѣшенія Вашего, прибѣгать къ вспоможенію церковному. Впрочемъ, все заставляетъ думать, что нашему горю скоро послѣдуетъ конецъ, и конецъ добрый.

Мы и сегодня (среда) не получили почты, которая обыкновенно приходитъ въ субботу.

Войска на прежнихъ позиціяхъ. Князь Меньшиковъ на пароходѣ „Громоносецъ". Вчера посылалъ какую-то бумагу Лорду Раглану. Великіе князья квартиру имѣютъ по-прежнему на сѣверной сторонѣ.

Болѣе ничего особеннаго не знаю для сей почты.

Предаемъ себя въ волю Божію. Много могутъ о насъ Ваши святыя молитвы, коихъ просимъ и на кои надѣемся.

Объ о. Геронтіѣ и доселѣ ничего не знаю.

17-е ноября 1854 г. г. Севастополь

Письмо 14-е

18 ноября прошло для насъ тихо и мирно, какъ нельзя лучше. О Синопской битвѣ ограничились только воспоминаніемъ, и кто могъ, обмѣнялся дружественными привѣтствіями; но веселія или празднества нигдѣ никакого, потому конечно, что непріятель подъ стѣнами.

Не весело и непріятелямъ отъ столь долгаго безуспѣшія и наступившихъ непогодъ. Уже перебѣгаютъ къ намъ и англичане отъ крайней нужды, ими терпимой. Они, забывъ стыдъ, м. б.

рады и бросить своихъ друзей. Но двѣ франц. дивизіи, говорятъ, отодвинулись къ Балаклавѣ, именно для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями искреннихъ союзниковъ. Французы отодвинули свои иностранные легіоны также потому, что изъ нихъ стали часто перебѣгать къ намъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ, по показанію плѣнныхъ, очень много больныхъ и умираютъ отъ холеры и цынги. На вопросъ: отчего они теперь мало палятъ? отвѣчали: „едва успѣемъ открыть огонь, какъ орудіе бываетъ подбито". Начальство обѣщаетъ повести ихъ на штурмъ 10 дек. (по нашему 26 ноябр.); но мы, говорятъ, не вѣримъ, ибо уже много разъ обѣщали. Вообще ропотъ въ войскѣ и несогласіе между начальствомъ.

Спаслись изъ плѣна два солдата Бутырскаго полка. По ихъ словамъ, непріятели сильно окапываются потому, что ежеминутно ожидаютъ нашего нападенія.—Но со стороны нашей этого не будетъ. Кажется, ожидаютъ, что речетъ о врагахъ Господь, и тогда ударятъ на нихъ. Довольно уже они убиты дождями и грязью, въ которой валяются, особенно въ траншеяхъ, гдѣ ихъ бьютъ весьма удачно. Что же будетъ, когда подуютъ сѣверные вѣтры, хотя на нѣсколько дней. Вчера и сегодня дождь; ночью тоже. Въ продолженіе всей ночи на 19 число была сильная пальба съ 4 и 5 бастіоновъ. Работы непріятельскія никакъ не могутъ идти впередъ.

Вообще надѣемся, что помощь наша отъ Господа скоро пріидетъ.

Замѣчательны въ военное время игры мальчишекъ. Идемъ, кричатъ, на батарею. На улицѣ строятъ изъ камушковъ брустверъ, и затѣмъ начинаютъ бросать другъ въ друга грязью, случается, и камушкомъ. Мнимо убитъ или раненъ кто, кричатъ: „носилки".

Оригинальнѣе было представленіе Синопскаго сраженія, вскорѣ послѣ того, какъ флотъ возвратился изъ Синопа. Собралось мальчишекъ 50, избрали мѣсто за корабельной слободой, раздѣлились на русскихъ и турокъ, избрали начальниковъ—Нахимова и Османа-Пашу, и вступили въ бой. Турки были разбиты, и ихъ вогнали въ городъ. Они скрылись въ ближайшій

дворъ, гдѣ не случилось никого въ домѣ. Нахимовцы хотѣли вполнѣ представить Синопскую картину и уже готовили пожаръ. Только перебили стекла и сожгли на 70 р. книгъ, принадлежавшихъ квартировавшему тамъ медику. Болѣе не успѣли; остановила полиція, въ которой объ этомъ происходили судъ и расправа. Нахимку, который разбилъ Османкѣ голову, и его храбрѣйшихъ сподвижниковъ больно высѣкли.

Еще инымъ образомъ жизнь военнаго времени проявляется: о. Лазарь[1]) 5 сего ноября узнаетъ, что въ приходѣ его явилась икона, что тамъ толпы народа и іеромонахъ служитъ молебны. Приходитъ и застаетъ тамъ даже часоваго съ ружьемъ. На вопросъ: откуда взялась эта икона? матроска отвѣчала: не знаю; я встала утромъ, а икона тутъ стоитъ. О. Лазарь взялъ икону и денегъ при ней 36 р. с. Еще не успѣлъ онъ оттуда уйти, какъ приходитъ старикъ—рабочаго экипажа офицеръ посмотрѣть икону, о которой уже слышалъ, какъ явленной, и представьте, узнаетъ въ ней свою икону, которую оставилъ въ своемъ полуразрушенномъ отъ бомбардировки домѣ.—Понятно, что ее украли и выдали за явленную.

19 ноября 1854 г. Севастополь.

Письмо 15-е.

Положеніе наше не измѣнилось. 20-е нояб. ознаменовано по крайней мѣрѣ небольшимъ успѣшнымъ дѣломъ: 80 челов. охотниковъ на разсвѣтѣ напали на англ. траншею, въ которой было 200 англичанъ; закололи изъ нихъ 30 и принесли 12 штуцеровъ. Потеряли одного только убитаго, котораго тѣло принесли домой. На другое утро охотники положили еще 20 челов. на англійской батареѣ и принесли 2 штуцера. На франц. траншею нападеніе было неуспѣшно, но безъ всякой потери.

Въ плѣнъ продолжаютъ перебѣгать какъ англичане, такъ и французы. Они говорятъ и нелѣпости, напр., что ожидаютъ подкрѣпленія въ 500.000. Другіе показываютъ, что намѣрены зимовать, а иные, что только сожгутъ нашъ флотъ и уйдутъ.

[1]) Священникъ Владимірской церкви.

21 нояб. прибылъ къ намъ генералъ Дм. Ерофеичъ Сакенъ, что всѣхъ обрадовало. Говорятъ, что онъ присланъ на мѣсто Даненберга, котораго обвиняютъ за 24-е октября. Не совсѣмъ довольны княземъ Горчаковымъ, командиромъ 6 корпуса.

Вчера и сегодня не было дождя. Не установится ли погода и не предпримутъ ли чего противъ непріятелей? Траншеи ихъ уже вездѣ близко. Городъ перестали безпокоить. Жители понемногу возвращаются въ свои жилища. Даже краснорядцы открываютъ свои лавки. Все показываетъ время лучшее, хотя, кажется, не миновать намъ штурма, которому, безъ сомнѣнія, будетъ предшествовать бомбардировка тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ ближе теперь подвинуты траншеи. Господь великій избавитъ насъ и отъ сей напасти, какъ избавилъ отъ первой. Ихъ Высочества продолжаютъ въ праздники посѣщать ту же адмиралтейскую Михайлов. церковь, въ которой впрочемъ большая неурядица. 20 числа говорилъ проповѣдь свящ. Эланскій, находящійся въ запрещеніи богослуженія. Никто этого не одобряетъ. В. князья впрочемъ пожаловали уже послѣ проповѣди этой. 21 числа служили безъ діакона. Два раза въ присутствіи в. князей служилъ тамъ—кто-же? діаконъ Недужковскій. Какъ скоро я узналъ о семъ, воспретилъ.—И это не по нуждѣ въ діаконѣ, а потому, что діаконъ служилъ съ настоятелемъ въ соборѣ, помѣщающемся въ томъ домѣ, который вы изволили посѣщать. Если бы онъ попросилъ моего діакона Василія Подольскаго, я всегда послалъ бы. Но мѣшаться туда не могу и боюсь. Мы всегда служили, прежде и теперь, въ табельные дни молебны въ своей церкви. Преосвящ. митрополитъ здоровъ и въ Михайлов. церкви видѣлся съ вел. князьями, которые между прочимъ спрашивали, не знаетъ ли чего о положеніи Георгіевскаго монастыря, ибо и они ничего объ немъ не знаютъ.

Въ Бакчисарайскомъ соборѣ преосв. Поликарпъ замѣтилъ большой безпорядокъ, о чемъ писалъ и мнѣ. Пока самъ не могу туда поѣхать, ничего не могу сдѣлать. Ибо на о. Спиранде нельзя дѣйствовать письмомъ. Онъ удивительно прехитро отписывается. Онъ ничего не знаетъ, ничего не видитъ; его всѣ обманываютъ, не слушаютъ, онъ ни за что не отвѣчаетъ, онъ старъ.

23 нояб. 1854 г. Севастополь.

Письмо 16-е.

24-е нояб. Въ ночь на сіе число охотники, выгнавъ англичанъ, завладѣли ихъ траншеей, въ которой съ намѣреніемъ держались и днемъ, чтобы болѣе обезкуражить ихъ.

Въ 2 ч. по полудни пароходы „Владиміръ" и „Крымъ" неожиданно для непріятелей вышли за фарватеръ и открыли огонь по непріятельской брандвахтѣ и также по пароходамъ, стоявшимъ въ Стрѣлецкой бухтѣ. Стрѣляли и въ лагерь и произвели въ немъ большую тревогу, которою воспользовался одинъ французъ и перебѣжалъ къ намъ. Наши пароходы не прежде пошли на рейдъ свой, какъ когда противъ нихъ вышло пять непріятельскихъ. Полагаютъ, что пароходу, стоящему на брандвахтѣ, нанесли большой вредъ. Не безъ поврежденій и другому пароходу. У насъ на одномъ „Владимірѣ" сбита стеньга.

25-е ноября. Ночью вырѣзали изъ англ. цѣпи 6 дюжихъ великобританцевъ и привели невредимыхъ въ городъ.

Днемъ приходилъ непріятельскій пароходъ подъ переговорнымъ флагомъ. На немъ доставленъ нашъ артилерійскій капитанъ въ обмѣнъ на англ. офицера знатной фамиліи, и какія-то бумаги. При этомъ случаѣ адмиралъ Лейносъ прислалъ коробку сигаръ адмиралу Истомину, своему старому и доброму знакомому. Не потому ли съ сею мамоною прибѣгаютъ къ старымъ друзьямъ, что предчувствуютъ свое оскудѣніе и помышляютъ о кровѣ?

25-го же получилъ я изъ Симферополя пакетъ отъ преосв. Поликарпа, съ требованіемъ увѣдомленія о преосв. Агаѳангелѣ, о которомъ пронесся тамъ слухъ, будто бы онъ умеръ. Отвѣтъ, какъ требовалъ преосвященный, посланъ по эстафетѣ, что митрополитъ живъ, здоровъ и не хворалъ. Удивительно, какъ неосновательные иногда разносятся слухи. Между тѣмъ этотъ слухъ задержалъ преосвящ. Поликарпа, который, въ случаѣ правды, считалъ нужнымъ прибыть для погребенія.

25-го же числа я получилъ отъ васъ бумаги о Крестовоздвиженской общинѣ и назначеніи меня къ оной духовникомъ. Могу обѣщать усердіе, а не способности, которыя вамъ извѣстны

и которыми никогда не похвалюсь. Докторъ Пироговъ [1]), какъ слышу, на сѣверной сторонѣ. Я буду у него не медля. Отецъ Иннокентій, какъ сегодня узналъ я, уже въ Бакчисараѣ. Повидавшись съ Пироговымъ, тогда уже буду требовать его.

О іеромонахахъ Іоанникіѣ и Пахоміѣ я не писалъ вамъ 1-е потому, что не хотѣлъ въ тоже время оскорбить васъ вѣстію о нихъ; 2-е видѣвши самъ какъ того, такъ и другаго въ самомъ томъ неприличномъ дѣйствіи ихъ, о которомъ дошелъ слухъ до васъ, я усмотрѣлъ, что это неприличіе болѣе произошло отъ ихъ невѣжества, чѣмъ отъ нетрезвости, которую можно было только примѣтить, не соблазняясь ею. Іоанникій 14 окт., въ епитрахили и съ крестомъ въ рукѣ ходилъ по батареямъ приглашать охотниковъ на вылазку, съ вѣдома и согласія на то, по его словамъ, адмирала Истомина. Я видѣлъ его уже возвращающимся къ своему посту, и когда замѣтилъ ему, что по городу ходить такъ не должно, онъ тотчасъ же снялъ епитрахиль, въ которую положилъ и крестъ. Потомъ слышалъ объ немъ, что онъ очень любимъ командой, съ которой всегда даже у орудій, и ходилъ недавно на вылазку, рекомендуется адмираломъ Истоминомъ и представленъ къ наградѣ, кажется, къ ордену. Это Іоанникій старый. Послѣ сего, думаю, неудобно высылать его въ Одессу. Объ Іоанникіѣ младшемъ (что изъ скита) слышалъ, что онъ вздумалъ поднести на батареѣ просфору вел. князьямъ. Опять неумѣстный поступокъ отъ невѣжества, и всего подобнаго нельзя предусмотрѣть.

Пахомія привелъ ко мнѣ о. Іовъ. Онъ былъ въ ризѣ, епитрахили и поручахъ; въ одной рукѣ крестъ, въ другой кропило. Откуда? Съ бастіона, на который былъ приглашенъ для молебствія. О. Іовъ свидѣтельствовалъ, что онъ ходилъ по домамъ, а тотъ объяснялся, что его пригласили съ дороги. Почему вы не разоблачились на бастіонѣ? Потому, что я облачился на фрегатѣ, съ котораго такъ шелъ и на бастіонъ. Почему же такъ дѣлаете? Я полагалъ, что по настоящему времени такъ приличнѣе. Разоблачитесь здѣсь же, и впредь такъ не дѣлайте! Слу-

[1]) Н. И. Пироговъ—знаменитый хирургъ и педагогъ, бывшій потомъ попечителемъ сначала Одесскаго, а потомъ Кіевск. учеб. округа.

шаю,—и сейчасъ разоблачился.—Это Пахомій, который былъ прежде въ скиту. Отъ офицеровъ слышалъ я, что это идіотъ какой-то. А я въ его прописанномъ поступкѣ вижу одно невѣжество. Можетъ быть, онъ былъ въ это время и нетрезвъ, какъ свидѣтельствовалъ Іовъ; по крайней мѣрѣ видомъ своимъ онъ не могъ никого обмануть. Его можно выслать, и я объявлю ему приказаніе Ваше. Благочинному ихъ іеромонаху Михаилу (онъ на кораблѣ „12-ти Апостоловъ") напишу, чтобы онъ именемъ Вашимъ подтвердилъ всѣмъ вести себя вездѣ благопристойно.

26-е нояб. Сегодня день Вашего ангела, что было для насъ сугубымъ побужденіемъ къ усердной молитвѣ о Вашемъ здоровьѣ.

Сегодня и кавалерственный день св. Георгія. Всѣ кавалеры этого ордена отъ генерала до нижняго чина были на литургіи и молебнѣ въ Михайлов. церкви. Были вел. князья. Пріѣзжалъ Сакенъ и даже Липранди. За два дня предъ симъ роздано штабъ и оберъ-офицерамъ, защитникамъ Севастополя, 22 знака этого ордена. Всѣхъ орденовъ по флоту и арміи князь подписалъ 70, но больше, говорятъ, приходится на флотъ.

Вчера и сегодня день тихій и ясный. Больше не тревожатъ насъ выстрѣлы, только ближайшіе, и то изрѣдка. Отъ бомбъ мы покойны.

По расположенію 4-го бастіона, у меня имѣютъ дневной пріютъ офицеры, изъ нихъ одинъ близкій родственникъ Станюковичу, а другой генералу Философову. Чрезъ ихъ посредство и частое свиданіе съ этими старшинами я стараюсь узнавать, что гдѣ нынѣ дѣлается, а между тѣмъ свѣдѣнія весьма малы и письма мои по неволѣ пустоваты. Часто проходитъ нѣсколько дней безъ всякихъ особенныхъ фактовъ: что вчера, то и сегодня.

26 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 17-е.

27-е нояб. День пасмурный. Въ бомбардированіи ничего особеннаго. Слышны по временамъ одни наши выстрѣлы, ночью весьма часто.

Былъ на сѣверной сторонѣ съ намѣреніемъ повидаться съ докторомъ Пироговымъ, но не нашелъ его тамъ. Сказали, что дней 5, какъ онъ уѣхалъ въ Симферополь, гдѣ, вѣроятно, будетъ ожидать пріѣзда сестеръ. Слѣдовательно, онъ прежде выѣхалъ, чѣмъ я получилъ отъ Васъ бумагу объ этомъ.

Не могу не сказать о приключеніи со мною при переправѣ на Сѣверную сторону. Уже я вышелъ изъ шлюбки и шелъ по этому узкому деревянному мосту, какъ волъ, бывшій въ телѣгѣ, вдругъ поворачивается и столкнулъ меня въ воду. Къ счастію было не глубоко, только въ поясъ. Благодареніе Богу, не уронилъ и Св. Даровъ, ибо вмѣстѣ я приглашенъ былъ на батарею № 4 для пріобщенія больного офицера и для служенія въ этой небольшой офицерской больницѣ молебна. Дѣло я исполнилъ, но пока въ мокромъ бѣльѣ я возвратился домой, чувствительно простудился.

28-го нояб. Воскресенье. День пасмурный, но теплый. Въ бомбардированіи ничего особеннаго. Взятый въ плѣнъ англичанинъ объяснилъ. что на новой траншеѣ намѣрены поставить 50 орудій для дѣйствія по рейду, чтобы сжечь флотъ, чѣмъ ограничиваются всѣ ихъ усилія.

Вел. князья обѣдню слушали въ Михайловской церкви. Потомъ сходили на зданіе библіотеки для разсмотрѣнія окрестностей и лагеря непріятельскаго, потомъ посѣщали могилу адмирала Корнилова, вмѣстѣ и Лазарева.

Генералу Сакену ввѣрено начальство надъ войсками, въ городѣ находящимися, слѣдовательно и защита города. Всѣ чрезвычайно рады этому.

29-е нояб. День теплый, настоящій лѣтній. О близости непріятелей даютъ знать только наши выстрѣлы пушечные. Непріятели ограничиваются штуцернымъ огнемъ.

Сегодня изъ устъ въ уста переходила радостная вѣсть о дѣлѣ, бывшемъ на Тихомъ океанѣ у Петро-Павловскаго форта, въ которомъ участвовали два нашихъ фрегата „Діана“ и „Аврора“. Эта вѣсть прислана отъ Нессельроде къ князю Меншикову въ подлинномъ донесеніи. Непріятельскихъ судовъ было

въ дѣлѣ 6, и всѣ сильно пострадали. Прежде дѣла ими захвачено наше одно судно, которое шло противу шести.

На Сѣверной сторонѣ Севастополя нѣтъ болѣе ни одного непріятельскаго корабля, всѣ перешли къ Херсонесу или на южную сторону.

29-е нояб. Былъ у меня благочинный флотскихъ монаховъ, игуменъ Георгій. Я видѣлъ его въ первый разъ. Это почтеннѣйшій старецъ, который однимъ видомъ своимъ внушаетъ уваженіе. Онъ передалъ мнѣ, что добрая ихъ братія крайне опечалена дошедшимъ до Васъ слухомъ о двухъ непорядочныхъ. Объ Іоанникіи онъ того же мнѣнія, что высылать его теперь неудобно, какъ я уже писалъ. Пахомія обѣщалъ прислать для отсылки, но онъ еще не являлся. Много онъ жаловался на бѣдное положеніе многихъ изъ братіи. Я далъ ему совѣтъ: писать Вамъ каждую недѣлю какъ о нуждахъ своихъ, такъ и о поведеніи и дѣйствіяхъ братіи, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ настоятеля, есть представитель своей братіи.

30-е нояб. Сегодня день также теплый. Ночью, въ 12 ч., сдѣлана удачная вылазка изъ 4-го бастіона. Охотниковъ было около 300 челов. козаковъ, матросовъ и армейскихъ. Напали на франц. траншею, изъ которой взяли 3 мортиры, 11 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ, перекололи до 100, своихъ потеряли 4, и до 30 ранено. Это есть уже начало распоряженій Сакена.

Вы получите отъ генерала Станюковича представленіе обо мнѣ и Демяновичѣ. Онъ присылалъ ко мнѣ довѣреннаго штабъ-офицера узнать форму отношеній къ высшей духовной особѣ, и приказалъ объявить мнѣ, что имѣетъ писать. Форму я сказалъ и просилъ благодарить адмирала за вниманіе.

Пронесся слухъ о монастырѣ (Георгіевскомъ) и его братіи: служеніе пріостановлено за нуждою, всѣхъ свели въ одну комнату и кормятъ одними галетами, угрожая въ случаѣ неудовольствія отправить на Аѳонъ. Это будто разказывалъ какой-то мужикъ, оттуда бѣжавшій.

30 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 18-е.

1 Декабря. Непріятели, вѣроятно, раздраженные нашею удачною вылазкою 13 ноября, бросали бомбы въ городъ днемъ и ночью. Видна была месть, ибо въ продолженіе уже почти мѣсяца мы бомбардированія значительнаго не испытывали, хотя и этотъ феноменъ въ нашей жизни нельзя назвать важнымъ. День былъ сухой и теплый.

2-е Декабря. Отъ вчерашняго дня раненыхъ и убитыхъ было больше обыкновеннаго. Непріятели опять замолкли. День съ утра пасмурный; послѣ обѣда дождь и ночью тоже. По секрету говорятъ о предположенномъ на 5-е декабря, по плану генерала Сакена, большомъ нападеніи на непріятелей. Генералъ Липранди оставилъ редуты имъ отнятые, но непріятели боятся и подходить къ нимъ, вѣроятно, изъ опасенія взлетѣть на воздухъ. Онъ перешелъ съ бригадою Черную рѣчку,—вѣроятно, для усиленія войскъ, на сѣверѣ Севастополя расположенныхъ.

Сегодня прибылъ о. архимандритъ Митрофанъ и пока расположился у меня. Главные госпитали на Сѣверной горѣ, и ему придется тамъ водворяться. Былъ онъ у адмирала Станюковича, который просилъ обождать пріѣзда самихъ сестеръ и Пирогова, тогда уже можетъ послѣдовать надлежащее распоряженіе. Сестры—первый ихъ поѣздъ,—какъ слышно, въ Симферополѣ уже. Если о. архимандритъ будетъ на сѣверной, то мнѣ лучше оставаться и служить при больныхъ въ городѣ, если мое назначеніе не отмѣняется назначеніемъ о. архимандрита, о которомъ Вы не изволили ничего написать мнѣ, равно и ему обо мнѣ. Обстоятельство это становится для меня вопросомъ, потому что въ бумагѣ г. Оберъ-Прокурора, которой копію Вы изволили прислать, просятъ о назначеніи только одного лица къ Общинѣ.

3-е Декабря. Дождливо, со стороны непріятелей довольно спокойно. Великіе князья уже изволили отслушать о путешествіи молебенъ и сегодня отправляются въ Петербургъ, обѣщая къ новому году возвратиться. Говорятъ, что ихъ пожелала видѣть Государыня Императрица, якобы нездоровая. Были для прощанья въ госпиталяхъ и на бастіонахъ.

За честеръ и сигары послали англійскому адмиралу дикую козу съ присовокупленіемъ, что вчера были на охотѣ и вотъ вамъ гостинецъ.

В. князья оставили своихъ адьютантовъ и багажъ, слѣд. возвратятся. Императрица будто бы очень больна, почему и пожелала видѣть дѣтей.

Третьяго дня, при встрѣчѣ со мною, адмиралъ Станюковичъ нѣкоторымъ образомъ извинялся, что онъ не приглашаетъ в. князей въ Петропавловскую церковь, потому именно, что она подвержена непріятельскимъ выстрѣламъ.

Михайловскую церковь 29 ноября обворовали. Воровство денегъ случилось въ 6-мъ часовъ вечера. Двери и окна цѣлы, кромѣ одного стекла, куда не можетъ пролѣзть человѣкъ. Воръ долженъ быть свой.

Еще продолжаетъ идти дождь, 3 часа по полудни.

О. архимандритъ представлялся графу Сакену, который при этомъ просилъ его о назначеніи іеромонахомъ на перевязочные пункты, гдѣ они доселѣ хотя и были, но непостоянно.

3-е Декабря 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 19-е.

4-е Декабря. Всю ночь шелъ дождь. При сѣверномъ вѣтрѣ утромъ дождь обратился въ снѣжную крупу. Къ полдню прояснилось, потомъ опять дождь. Выстрѣлы слышны было только изрѣдка, кромѣ ночи, когда обыкновенно они чаще какъ изъ пушекъ, такъ и штуцеровъ.

Генералъ Сакенъ призывалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ священниковъ и просилъ ихъ объ усердномъ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей

5-е Декабря. На 4-мъ бастіонѣ убитъ лейтенантъ штуцерной пулей въ лобъ.—Съ телеграфа замѣтили, что съ песчаной бухты прошло къ французскому лагерю 500 вьючныхъ лошадей и человѣкъ 300 кавалеристовъ. Винтовой корабль привелъ на буксирѣ трехъ-мачтовое судно, вѣроятно, съ частію дессанта.

День весь пасмурный. Въ ночь на 6-е декабря не умолкала усиленная пальба.

6-е Декабря. Большой вылазки, о которой за нѣсколько дней были слухи, не было. День былъ тихій и отъ непріятелей довольно спокойный. Начальство слушало литургію и молебенъ въ Михайловской церкви. Въ своей Петропавловской мы служили соборно съ о. архимандритомъ. Утромъ всѣ священники и іеромонахи были заняты служеніемъ молебновъ на бастіонахъ, батареяхъ и казармахъ, въ госпиталяхъ и вездѣ призывали въ помощь великаго угодника Божія Николая. Я служилъ молебенъ на 10-й батареѣ, что надъ карантинной бухтой противъ Херсонеса, и видѣлъ церковь Херсонесскую, которой зданіе еще кажется цѣлымъ. Непріятельскихъ 4-ре парохода стояли внѣ пушечнаго выстрѣла. Командиру сей батареи, капитанъ-лейтенанту Андрееву, который уже былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ отъ главнокомандующаго, в. кн. Константинъ Николаевичъ прислалъ этотъ орденъ съ своей груди, при собственноручномъ письмѣ.

Удивила всѣхъ награда, Высочайше пожалованная вице-адмиралу Новосильскому, начальнику дистанціи между 3 и 5-мъ бастіономъ. Онъ былъ представленъ къ Владиміру 2-й степени, между тѣмъ какъ онъ не имѣлъ еще ни одного ордена 1-й степени. Не знаютъ, какъ и понимать эту небывалую награду. Контръ-адмиралы Панфиловъ и Истоминъ получили Георгія 3-й степени. Нахимову, какъ думаютъ, будетъ адмиральскій чинъ.

7-е Декабря. Послѣ дождя ночью, день свѣтлый и теплый. Удивительно, что доселѣ къ намъ не приходитъ зима весьма нужная. Со стороны непріятелей ничего особеннаго. Съ полей Евпаторійскихъ тоже ничего особеннаго не слышно. Всѣ проѣзжающіе жалуются на теперешнюю Крымскую дорогу, отъ чего почты удивительно запаздываютъ. На одной станціи есть лошади, но нѣтъ ямщиковъ, на другой ямщики безъ лошадей. Но особенно трудна дорога отъ Симферополя до Севастополя. Павшими лошадьми и брошенными экипажами весь путь заваленъ.

Въ терпѣніи не оскудѣваемъ и продолжаемъ молиться ежедневно. Пусть мы и недостойные молитвенники. Не отмститъ

ли Господь насъ отъ соперниковъ нашихъ покрайней мѣрѣ за неотступность нашу?—Обращаемся къ Вашимъ св. молитвамъ, которыми Вы не оставите насъ.

(Число неозначено.)

Письмо 20-е.

8-е Декабря. Со стороны непріятеля ничего особеннаго. Радовались мы пришедшей вѣсти, что Австрія и Пруссія объявили, наконецъ, формальный свой нейтралитетъ въ настоящей войнѣ, и что вслѣдствіе сего цѣлый корпусъ отъ князя Горчакова назначается въ Крымъ, чтобы скорѣе рѣшить вопросъ здѣсь, а потомъ съ весной идти чрезъ Дунай, что армія кн. Горчакова пополняется войсками, стоявшими на западной нашей границѣ, теперь безопасной.

9-е Дек. Въ два часа ночи на сіе число сдѣлана была изъ бастіона удачная вылазка на англичанъ. Охотники наши, коихъ было около 300 челов., выбивъ непріятелей изъ первой траншеи, гнали ихъ до третьей и возвратились съ успѣхомъ. Плѣнныхъ привели 26 нижникъ чиновъ и 4 офицера, принесли 26 штуцеровъ, каждый почти охотникъ возвратился съ англійскою обновкой. Убитыхъ непріятелей не считали. Нашихъ потеря убитыми и ранеными незначительна—23 челов., но убитъ одинъ морской офицеръ. Стоя у церкви, мы съ о. Митрофаномъ [1]) были свидѣтелями огня, сугубо сильнаго отъ темноты ночи. Одновременно была сдѣлана вылазка и съ 5 бастіона, о которой узнали уже утромъ. Оттуда привели въ плѣнъ 31 француза. Тамъ вылазкою, по показанію плѣнныхъ, навели ужасъ и они, дрожа, идутъ на ночь въ траншею. Послѣ каждой вылазки, бывающей обыкновенно въ полночь, всѣ войска непріятельскія до разсвѣта находятся подъ ружьемъ. Въ ночь—на 6 декабря, полагая, что мы захотимъ чѣмъ-нибудь ознаменовать этотъ день, вся армія въ продолженіе всей ночи была подъ ружьемъ. Значитъ, вылазки полезны.

[1]) Архимандритомъ—настоятелемъ Корсунскаго монастыря.

До половины дня опять свѣтло и стало уже очень сухо. Но съ полдня и всю ночь не переставалъ дождь. Вѣтеръ не большой—то южный, то западный.

Мстя за вылазку, сегодня достаточно бросили бомбъ въ городъ.

10-е дек. Весь день дождь, къ вечеру вѣтеръ свѣжій—западный. Батареи стрѣляли весьма рѣдко, а ночью, можно сказать, молчали. Попавшійся въ плѣнъ турокъ жалуется на англичанъ, у которыхъ они давно работники только, а не войско. По его же словамъ довольно и татаръ есть въ непріятельскомъ лагерѣ. Они также употребляются на черную работу.

Монахи ропщутъ на меня, будто бы за доносы на нихъ. Іоанникій (что изъ скита) даже жаловался контръ-адмиралу Истомину, представляя меня ябедникомъ. Богъ съ ними! Но больно, когда чернятъ напрасно. Не избавитъ ли меня отъ клеветы присутствіе отца Митрофана?

11-е дек. Пирогова и сестеръ нѣтъ въ Севастополѣ доселѣ. О. архимандритъ пока труждается, какъ начальникъ флотскихъ іеромонаховъ, посѣщая госпитали и наблюдая за дѣйствіями іеромонаховъ, тамъ состоящихъ.

У насъ принималась почта въ пятницу и въ субботу утромъ. Желая имѣть больше что написать, я отложилъ это письмо до утра субботы. Между тѣмъ на этотъ разъ почта уже была отправлена и так. обр. мною безъ намѣренія пропущена.

12-е дек. Воскресенье. Весь почти день шелъ дождь. Предъ вечеромъ падалъ и снѣгъ, но вдругъ и таялъ. Выстрѣловъ почти не слышали, какъ всегда бываетъ при такихъ погодахъ.

По показанію плѣнныхъ англичанъ, въ ихъ лагеряхъ было уже два бунта. Солдаты требуютъ, чтобы вели ихъ на штурмъ, или домой. Имъ обѣщаютъ штурмъ, когда французы доставятъ обѣщанное подкрѣпленіе. Но 1-е—никто не вѣритъ этому обѣщанію; 2-е—еще менѣе вѣрятъ въ успѣхъ штурма. Показываютъ, что англичанъ теперь не свыше 10,000. Отношенія союзниковъ весьма весьма непріязненны.

Слышно, что франц. генералъ Форе хотѣлъ разстрѣлять полковника 42 полка, коего солдаты не умѣли отразить нашей вылазки 9 дек. и позволили даже взять мортиры.

13-е дек. Праздникъ Рожд. Христова у непріятелей. Когда плѣнному франц. офицеру напомнили, что у нихъ сегодня праздникъ, онъ, улыбнувшись, отвѣчалъ, что у нихъ это никого не забавляетъ.

Ночью первый морозъ. День ясный. Пальбы нѣтъ. Къ намъ идетъ 56 баталіоновъ и будутъ къ новому году. Что и когда будетъ вновь предпринято противъ непріятеля, не слышно. Генералъ Липранди съ двумя полками пошелъ на Качу. Высоты Комарскія и путь къ Байдарамъ, говорятъ, свободны для непріятелей. Не понимаютъ такой диверсіи, но послѣ похвалъ въ иностранныхъ газетахъ князю Меншикову, никто уже не порицаетъ главнокомандующаго. Остается допустить здѣсь какую-нибудь высшую хитрость.

14-е дек. Сегодня только я получилъ Ваше письмо отъ 3 дек. Старецъ митрополитъ живъ и здоровъ по старчески. Не было у насъ и поводу къ слуху о его смерти.

Благодареніе Богу, еще не гибнемъ гладомъ; мож. б. придется потерпѣть отъ холода. Всего труднѣе достать дровъ. Денегъ церковныхъ у меня достаточно для предотвращенія нуждъ духовенства, которому и пособляю мѣрою, всячески бережливою. Смиреннѣйше благодарю за Ваше отеческое участіе къ нашему положенію.

Версты [1]) оставались у каменьщика и должны быть цѣлы. Справлюсь, не взяты ли на устроеніе баррикадъ, въ которыя клали все, даже обдѣланный мраморъ. Впрочемъ скалъ Инкерманскихъ не понесутъ непріятели. Версты рано или поздно будутъ въ Одессу.

О парламентерѣ я съ о. Митрофаномъ думалъ уже и совѣтовался кой съ кѣмъ, но намъ совѣтовали прямо обратиться къ кн. Меншикову, что не легко; его трудно застать у себя.

---

[1]) Разумѣются каменныя версты, видѣнныя на почтовыхъ дорогахъ въ Крыму. Эти каменныя версты преосвященный Иннокентій хотѣлъ имѣть для архіерейской дачи въ Одессѣ.

Завтра побываю у Комовскаго, секретаря его. Ибо посылка парламентеровъ зависитъ непосредственно отъ князя одного.

Отвѣчаю на предложенные Вами вопросы. Одинъ изъ вопросовъ состоялъ въ томъ, почему и отчего непріятели переходятъ съ сѣверной стороны Севастополя на южную и, находясь въ то время между Севастополемъ и княз. Меньшиковымъ, стоящимъ на Бельбекѣ не болѣе какъ съ 15000, не сдѣлали двухъ вещей, кои такъ легко было сдѣлать: повернувъ направо, взять почти беззащитный тогда съ юга Севастополь, повернувъ налѣво и спустившись съ лѣваго берега—разбить князя, вовсе потерявшаго тогда духъ! Отвѣчаю: Эти дни съ 11 по 18 сент. были для насъ самые отчаянные, и Господь видимо и невидимо спасъ насъ, о чемъ никто почти внѣ Севастополя доселѣ не знаетъ; я былъ въ это время въ Бакчисараѣ и вполнѣ видѣлъ и зналъ опасность; о движеніи непріятелей къ Балаклавѣ могу пока отвѣчать слѣдующее. (Что больше узнаю, напишу).

Прежде всего одурачила непріятелей захваченная ими съ мнимымъ секретаремъ депеша князя Меншикова, въ которой главнокомандующій доноситъ Государю, что онъ имѣлъ на Алмѣ авангардное дѣло, что 80000-я армія наша бодра духомъ, что онъ отступаетъ къ сѣверной сторонѣ, но боится за южную, весьма слабую, что потому радъ, что непріятели высадились не тамъ, а близъ Евпаторіи. Тамъ же упомянуто и о совершенной безопасности Перекопа. Секретарь былъ простой писарь, одѣтый во фракъ. Для сообщенія большей важности этой особѣ, ему дано и денегъ 10000 руб., и велѣно съ означенной депешей ѣхать въ Петербургъ. Путь указанъ именно такой, чтобы дилижансъ не могъ миновать непріятельскихъ рукъ. Это была просто татарская утка, приготовленная на вкусъ непріятелей. Вслѣдствіе сего они и моремъ и берегомъ поспѣшили на южную сторону Севастополя, о безоружности которой могли знать и отъ татаръ. Послѣ Алминскаго сраженія наши войска занимали высоты лѣваго берега Бельбека. Главная квартира князя была на Микензіевой дачѣ, не много выше Инкерманской киновіи.

После Альминскаго сраженія наши войска двинулись тѣмъ же лѣвымъ берегомъ Бельбека къ Бакчисараю, стезями весьма трудными и опасными; а непріятели, лѣвѣе почтовой дороги и выше Инкерманской киновіи, у д. Чоргуна перешли рѣчку, сожегши казенныя казармы на Миккензіевой дачѣ. Нашъ мостъ въ Инкерманѣ былъ предварительно сломанъ, и здѣсь стояли наши пароходы, которые могли сдѣлать переправу невозможною. По сему то киновія оставалась безопасною, пока непріятели не стали на противоположной сторонѣ. Послѣ такого авангарднаго дѣла, какъ Альминское, непріятели не могли броситься на 80000 армію, и м. б. были рады отступленію. Сѣвер. сторона тѣмъ болѣе для нихъ была трудна, что армія наша находилась въ тылу. Перейти на восточную сторону они могли только съ южной. Между тѣмъ въ Балаклавѣ слышатъ, хотя м. б. и не вѣрятъ, что въ Севастополѣ большой гарнизонъ, что городъ укрѣпленъ кругомъ. Между тѣмъ предсмертные часы въ Балаклавѣ или, какъ мнѣ говорилъ Балаклавскій протоіерей Аргириди, и самая смерть Сентъ-Арно, котораго предпріимчивости и отваги не раздѣлялъ старшій по немъ Канроберъ. Все это, а м. б. и многое, намъ неизвѣстное, и обрекло непріятелей на нѣкое бездѣйствіе въ самые опасные для насъ дни. Кромѣ морскихъ командъ, изъ которыхъ только формировались баталіоны и которыя отъ утра до вечера были заняты саперными работами, у насъ только было два-три резервныхъ баталіона. О мѣстѣ пребыванія кн. Меньшикова нѣсколько дней не зналъ самъ Корниловъ. Князь далъ о себѣ знать чрезъ татарина, переодѣтаго въ турка (который получилъ въ Севастополѣ обѣщанную сумму, и когда и здѣсь получилъ бумагу къ князю, то отправился съ нею прямо въ непріятельскій лагерь, но былъ нашими захваченъ). Дѣйствительно, мы были въ видимой опасности, но къ счастью мы этого не чувствовали, кромѣ старшихъ начальниковъ. Утверждали, что непріятели не посмѣютъ броситься на Севастополь, не оградя прежде себя отъ нападенія кн. Меншикова. Но если бы только осмѣлились, то 14 и 15 сент. могли войти въ городъ, можно сказать, церемоніальнымъ маршемъ. Теперь всѣ этого мнѣнія. Видите, Господь защитилъ насъ.

О сестрахъ слышно, будто онѣ всѣ будутъ въ Симферополѣ, за неимѣніемъ у насъ помѣщеній. Но Пироговъ еще не пріѣзжалъ изъ Симферополя.

14 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 21-е.

15, 16 и 17 декабря. Все это время, особенно ночью, со стороны непріятельской (именно отъ французовъ) на 4 и 5 бастіонъ былъ производимъ усиленный огонь. Очень много бомбъ бросали и въ городъ. Имъ отвѣчали тѣмъ же, и съ видимымъ успѣхомъ. Ибо непріятели по часу молчали. Вѣроятно непріятели получили подкрѣпленіе и снарядами: иначе они не были бы такъ расточительны. Корабли приходили и прежде означенныхъ чиселъ. Полученный непріятелями секурсъ показываютъ въ 11 тысячъ. Войска наши, какъ говорятъ, подоспѣютъ къ 22 числу. Если бы Господь помогъ ознаменовать 25 декабря,—день, въ который воспоминается изгнаніе враговъ изъ Россіи въ 1812 г., новымъ, подобнымъ изгнаніемъ ихъ. Но не слышно ни о какихъ планахъ и намѣреніяхъ. Дѣятельными распоряженіями Дмитрія Ероф. Остенъ-Сакена всѣ довольны, и вездѣ говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ живетъ въ вашей квартирѣ, въ домѣ Ал. Мак. Красильникова.

Французы съ турками въ большомъ числѣ напали на нашу штуцерную траншею, гдѣ было только 30 человѣкъ, которые отступили, потерявъ одного раненаго. Непріятелей сейчасъ же выбили залпами изъ мортиръ.

Опять непріятный слухъ о политикѣ Австріи, которая будто бы требуетъ уменьшенія Черноморскаго флота до 6-ти кораблей.

Сейчасъ только возвратился я съ Сѣверной и доставилъ секретарю кн. Меньшикова, дѣйст. ст. сов. Комовскому, письмецо на имя о. Геронтія. Вотъ слово въ слово, что я написалъ: „Христіански совоздыхаемъ вамъ, свободы чающе вамъ, братіи и св. обители. Отвѣчайте по крайней мѣрѣ: 1) всѣ ли вы живы и здоровы? 2) не имѣете ли какихъ крайнихъ нуждъ, коимъ, если будетъ это возможно, я имѣю отъ преосвященнаго порученіе

помочь? и 3) совершается ли у васъ Богослуженіе? — Утѣшаяй насъ съ вами Богъ!“ Секретарь сказалъ мнѣ, что, по докладѣ его свѣтлости, письмо непремѣнно будетъ отослано по принадлежности, равно и отвѣтъ, когда будетъ полученъ, будетъ мнѣ доставленъ. Онъ прибавилъ еще, что это всегда можно было сдѣлать. Послѣ этого я пожалѣлъ, что не дѣлалъ сего прежде Вашего повелѣнія. Ибо можно было узнать что-либо о положеніи страдальцевъ.

О церквахъ: Херсонская видится зданіемъ цѣла. Но я уже писалъ, что въ ней не только все расхищено, но даже полы и двери выломаны. *Кладбищная*, можно сказать, доселѣ цѣла: ибо только однимъ ядромъ повреждена желѣзная кровля, и выбиты два окна ядромъ, пронесшимся въ пролетъ. Домъ новый совершенно невредимъ. Въ старомъ домикѣ кое-что выломали, кажется, наши же солдаты на топливо. У кладбищной стѣны, что со стороны города, стоятъ наши штуцерные стрѣлки. Стѣна служила имъ вмѣсто бруствера, изъ-за котораго они стрѣляютъ по непріятелямъ, если они показываются по ту сторону кладбища. И вотъ почему кладбищная церковь доселѣ недоступна непріятелю! Моя *Петро-Павловская* имѣетъ слѣдующія поврежденія: у входа въ церковь выбита колонна; осталась только нижняя ея половина, а верхняя съ капителью лежитъ въ кускахъ на земли. Отъ сотрясенія разошлись камни и во фронтѣ; удивительно, какъ не повалились два большихъ, громадныхъ камня, лежавшіе своими концами на выбитой колоннѣ; тогда бы могъ повалиться и весь фронтонъ. Я сдѣлалъ подставку изъ толстой корабельной стельги. Съ южной стороны поврежденъ цоколь (выбитъ одинъ большой камень, что не важно), повреждены двѣ колонны, но еще могутъ служить. Въ 8-ми окнахъ побиты стекла (каждое въ 12 бемскихъ стеколъ); въ трехъ окнахъ изломаны рамы: въ западной—у входа въ церковь также разбиты стекла въ обоихъ окнахъ и въ одномъ изломана рама. Въ потолкѣ въ двухъ мѣстахъ отбиты лѣпныя украшенія и щекатурка. Главное же въ томъ, что поврежденіе въ колоннадѣ, уже прежде замѣченное и бывшее предметомъ безпокойства и разслѣдованія,

теперь такъ значительно, что можетъ быть потребуетъ капитальнаго исправленія церкви.

Докторъ Пироговъ теперь въ Севастополѣ. О. архимандритъ видѣлся съ нимъ, но не могъ отъ него ничего узнать до пріѣзда сестеръ, которыхъ ожидаютъ къ 20 числу. Вѣроятно оберъ-прокуроръ св. Синода не увѣдомилъ еще его о сдѣланномъ Вами распоряженіи, и начальница сестеръ также объ этомъ ничего не знаетъ, иначе сія послѣдняя не сдѣлала бы о. Михаилу Родіонову [1]) грубаго отвѣта, что „мы не имѣемъ въ васъ нужды, у насъ есть свой іеромонахъ.“

Съ медикомъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева, митрополитъ кіевскій Филаретъ прислалъ сосудъ св. масла отъ гроба Господня на пользу больнымъ. Оно передано о. архимандриту, который имѣетъ раздать оное іеромонахамъ, состоящимъ при госпиталяхъ.

И сегодня день ясный и теплый, какъ лѣтомъ. Преосв. митрополитъ здравствуетъ, но въ эту ночь было съ нимъ очень дурно.

Въ домѣ причта Петропавловской церкви поврежденіе не важно; ударомъ ядра обезображенъ только карнизъ, отбитъ орнаментъ его. Въ каменной оградѣ близь дома выбило бомбами ограду на 3 сажени.

17 декабря 1854 г. Севастополь.

Письмо 22-е.

25 декабря. Великій праздникъ христіанскій мы — паче чаянія—встрѣтили и провели совершенно мирно, не будучи обезпокоены ни однимъ выстрѣломъ непріятельскимъ, и сіе—тако Господу благоволившему: уже съ полдня наканунѣ праздника былъ чувствительный морозъ при сѣверн. вѣтрѣ, который ночью дулъ весьмо сильно и холодъ развело настоящій рождественскій. Не до насъ было непріятелямъ, коченѣвшимъ отъ холода. Въ первый же день перебѣжало 9 англо-французовъ, собственно побужденныхъ къ тому холодомъ. По показанію англійскаго бѣглеца, его собратій въ Инкерманской долинѣ замерзло до 400. Впрочемъ, кажется, много сказалъ. Сказываютъ, также, что

[1]) Настоятелю Симферопольскаго собора.

адмиралъ англійскій. Рагланъ ушелъ въ Константинополь для важныхъ совѣщаній.

26 и 27 дек. была оттепель, но ночью крѣпкій морозъ, обратившій путь мокрый въ скользкій. Сегодня (28 дек.), при южномъ вѣтрѣ, уже очень начало таять. Теплые дни могутъ еще болѣе затруднить наше сообщеніе. Сегодня только мы получили Одесскую газету отъ 9 дек.

Прибывшій изъ Симферополя о. Василій, іеромонахъ херсонескій, разсказываетъ, что станціи между Севастополемъ опустѣли, и ѣзда возможна только далекими проселочными путями, большая же дорога обратилась въ бездну, въ которой безвыходно увязаютъ многіе неопытные путешественники. Сегодня же о. Василій отправился въ обратный путь, имѣя путешествовать на Донъ, согласно вашему на то благословенію.

Въ настоящій праздникъ мы не славили Христа въ домахъ, которые или разорены или упразднились отъ мятелей. Даже главы семействъ, которые остались пока на стражѣ своихъ домовъ или лавокъ, и тѣ отправились къ своимъ семействамъ въ Симферополь. Храмъ былъ полонъ молящихся, но исключительно солдатъ всѣхъ родовъ службы.

Для меня собственно праздникъ настоящій былъ какъ-то неудаченъ отъ неосторожности моей. Согрѣвшись у желѣзной печи и на минуту только выбѣжавъ на порогъ, я такъ сильно простудился наканунѣ праздника, что въ первый день едва могъ служить отъ головной боли; въ тотъ же день отъ непримѣтной занозы, не знаю, когда и гдѣ полученной мною, мнѣ оборвало ногу, такъ что на другой день служилъ съ большимъ трудомъ, хромая. На третій день не служилъ, и сталъ лечить ногу, которою по комнатѣ хожу теперь твердо. Услышавши, что я нездоровъ, губернаторъ Станюковичъ вчера посѣтилъ меня.

Ни пароходовъ, ни веселій праздничныхъ не было. Главнокомандующій, по причинѣ сильной погоды, не пріѣзжалъ съ Сѣверной въ городъ даже въ первый день. Сакена же не было оба дня въ церкви, говорятъ, по болѣзни. Впрочемъ, на улицахъ веселье русское слышно, даже видны были нѣкоторые, якоже древія ходящи.

Сейчасъ разсказывали о новомъ манифестѣ Государя Императора къ Россіи и непремѣнной волѣ его, что бы къ февралю мѣсяцу не было въ Крыму ни одного непріятеля.

Отвѣта нѣтъ отъ о. Геронтія.

28 дек. 1854 г. Севастополь.

Письмо 23-е.

29, 30 и 31 декаб. Первые дни оттепель, даже съ дождемъ, послѣдній день крѣпкій морозъ съ сѣверн. вѣтромъ и небольшимъ снѣгомъ. Со стороны непріятелей и нашей ничего примѣчательнаго не было. Бѣглецы изъ непріятельскаго лагеря продолжаютъ являться и жаловаться на все. Иные и теперь въ башмакахъ, между прочимъ и въ полушубкахъ, отъ которыхъ холодъ заставилъ отрѣзать рукава и натянуть на ноги. Зима добрая, если бы постояла съ недѣлю, много принесла бы намъ пользы. Такъ думаютъ и надѣются, что въ генварѣ мѣсяцѣ будутъ съ нашей стороны употреблены всѣ мѣры къ рѣшенію Крымскаго вопроса. Но положительно о распоряженіяхъ по этому предмету дознать трудно и невозможно.

Разсказываютъ плѣнные, что Рагланъ опять не согласенъ на предложеніе Канробера идти на штурмъ. Своимъ же будто бы объявилъ, что есть надежда на миръ; но если по 14 генваря (стар. ст. 2) не будетъ извѣстій о мирѣ, то онъ согласенъ на штурмъ.

Представленіе отъ г. Станюковича послано и вѣроятно уже получено вами. Какой награды удостоите меня недостойнаго, та и будетъ для меня лучше, та будетъ полезнѣе и для потомковъ моихъ. Не знаю даже, къ чему представлялъ губернаторъ. Хотя онъ и говорилъ мнѣ о крестѣ на Георгіевской лентѣ, но мнѣ совѣстно было самому написать это. Ибо исповѣдую предъ вами невольную вину свою. Послѣ того, какъ Станюковичъ присылалъ ко мнѣ штабъ-офицера узнать форму отношенія къ духовному начальству (о чемъ уже писалъ я), встрѣчается мнѣ самъ онъ и проситъ убѣдительно, что бы я потрудился написать всю эту бумагу или представленіе. Сколько я ни отказывался отъ такого щекотливаго предложенія, долженъ

былъ исполнить просьбу, зная опытно, какъ они (особенно старые моряки) мало знакомы съ нашею частію. Я былъ доволенъ тѣмъ, что онъ позволилъ мнѣ писать и о товарищѣ моемъ о. Александрѣ: представляя двухъ, я какъ бы не примѣтилъ, что пишу представленіе о самомъ себѣ. Въ этомъ черновомъ, вмѣсто самой награды, я употребилъ слѣдующую фразу: „въ полной увѣренности, что вы не оставите ихъ представленіемъ къ наградамъ, коихъ вполнѣ заслуживаютъ." Писалъ же только то, что было нами исполняемо, безъ всякаго прибавленія; кой-о чемъ не могъ написать именно потому, что мнѣ выпало на долю самому писать представленіе. Простите, если въ чемъ виноватъ.

Вчера вечеромъ прибылъ доброволецъ, архим. Герасимъ[1]), иззябъ, измучился, истратился: живой жаль! Много жалѣетъ онъ, что снялся съ мѣста, а еще болѣе, что поѣхалъ изъ Одессы. Дѣйствительно, при настоящихъ обстоятельствахъ морской службы, которая выброшена на берегъ и страдаетъ какъ рыба на сушѣ, служба для старика хилаго—и притомъ архимандрита, есть вещь невозможная, я всячески ему совѣтую удалиться отъ насъ; онъ охотно соглашается, но не можетъ успокоиться отъ напрасныхъ издержекъ. Сегодня онъ отдыхаетъ, а завтра пойдетъ, что бы явиться и проститься, потому извощика не отпускаетъ.

Съ новымъ лѣтомъ имѣю счастіе привѣтствовать Васъ, вашими св. молитвами да подастъ намъ Господь новое лѣто пріятное и сохранитъ отъ золъ мимошедшаго лѣта.

Нѣтъ отвѣта отъ о. Геронтія. А у Сакена не могъ еще быть, ибо не могу надѣть сапоги.

Митрополитъ здравствуетъ. О. Герасимъ вечеромъ идетъ къ нему.

Въ Бакчисараѣ умеръ староста мой Теллаховъ.

31 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ветхій архимандритъ, служившій прежде во флотѣ и участвовавшій въ Наваринскомъ сраженіи. Изъ Севастополя онъ уѣхалъ въ Кіево-печер. Лавру и здѣсь скончался. Прежде былъ настоятелемъ какого-то монастыря въ одной изъ великорос. епархій.

СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ[1]).

Браки среди деревенскихъ жителей и среди городскихъ мѣщанъ губерній, населенныхъ малороссами, заключаются обыкновенно во время мясоѣда, непосредственно слѣдующаго за праздниками Рождества Христова: это для рабочаго люда самая лучшая пора и для того, чтобы повеселиться, и чтобы, какъ говорятъ они, „*одружытыся*". И дѣйствительно, объ эту пору крестьяне ничѣмъ серіознымъ не заняты: есть у нихъ дрова— слѣдовательно, въ избѣ тепло; есть хлѣбъ и другіе запасы— слѣдовательно, онъ и его семья обезпечены отъ нужды, и сельскій, и городской обыватели вполнѣ отдыхаютъ въ это время, собираясь съ силами къ наступающей весенней и лѣтней страдѣ, которая потребуетъ тогда отъ нихъ и усиленнаго труда, и усиленнаго количества рукъ, и чрезвычайнаго физическаго напряженія. Только этимъ практическимъ путемъ и объясняется обычай заключать, среди рабочаго люда, браки въ послѣ-рождественскій мясоѣдъ. Въ прочую пору года если и бываютъ между ними браки, то они встрѣчаются рѣже, въ рабочую же пору браки среди мѣщанъ и селянъ заключаются только въ экстренныхъ случаяхъ.

Браки эти обставляютея особой торжественностію и особыми церемоніями, которыя носятъ на себѣ печатъ глубокой старины, хотя, впрочемъ, они не лишены уже новшествъ, внесенныхъ теченіемъ жизни, также измѣняющейся и въ сельскомъ быту временемъ и обстоятельствами.

---

[1]) Деревня Свидовокъ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Прежде всего, еще за долго до формальнаго сватовства, молодые люди, т. е. парень и дѣвушка, полюбовно сходятся между собой, обоюдно соглашаются на вступленіе въ бракъ между собою, къ тому же подготовляютъ и родителей своихъ, а сами же заключаютъ между собою словесный, искони заведенный обычаемъ, договоръ: *не обижать другъ друга.* Все то, что парень, во время ухаживанія своего, подаритъ дѣвушкѣ „*до браня рушныкивъ*", какъ то: мониста, перстни, ленты и проч., на случай, если-бы одна изъ сторонъ отказалась по какой-либо причинѣ отъ брака, не считается потерей и не подлежитъ ни возврату, ни взысканію; въ то же время, когда парень посылаетъ своего отца и двухъ съ нимъ человѣкъ „старостивъ" къ отцу невѣсты „брать рушныки", и когда предложеніе родителями невѣсты принято, потери и безчестія несетъ та сторона, которая отказывается отъ условій. Если дѣвушка нарушаетъ согласіе, то пропадаютъ ея „рушныки" и, сверхъ того, примѣрно, рубля три, израсходованные на угощеніе лицъ, окружавшихъ жениха, и наоборотъ. Обыкновенно плотитъ отецъ стороны, нарушившей договоръ. Если сторона, нарушившая условіе—сирота, то взысканіе производится и съ сироты. Убытки принимаетъ отецъ обиженной стороны: „*батькова втрата—батькови й заплата*". Если женихъ изъ другого села и невѣста мало его знаетъ или же совсѣмъ не знаетъ, а отецъ и мать изъявили свое согласіе, „рушныки" уже даны, а невѣста, собравши о нареченномъ неудовлетворительныя свѣдѣнія, принуждена бываетъ отказывать жениху, то въ семъ послѣднемъ случаѣ не ищутъ ни на комъ убытка: „рушныки" молодой пропадаютъ. Собственно говоря, по обычаямъ деревни, матеріальныя претензіи къ лицамъ, нарушающимъ предбрачныя условія, начинаются съ того часа, когда молодая перевяжетъ старостъ „рушныками", такъ какъ съ дачей „рушныкивъ" и начинается „*пропой молодои*". Бываютъ и такіе случаи. Парень, напр., сосваталъ дѣвушку; дали „рушныки" и обмѣнялись хлѣбомъ; но на бѣду предъявилъ на невѣсту свои права другой, болѣе любый ей парень, и свадьба разстраивается. Въ такихъ случаяхъ отца нарушившей условія стороны привлекаютъ уже къ

серьезной отвѣтственности, т. е., ведутъ его въ судъ[1]). На этотъ судъ, на основаніи крестьянскаго кодекса, никогда не является *дѣвушка-невѣста*, потому что, какъ говорятъ въ данномъ случаѣ селяне: „*не она ихъ сватала*". Только въ крайнихъ случаяхъ и при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, именно: когда у невѣсты отъ отказавшагося жениха родился ребенокъ, сама невѣста появляется на судѣ и предъявляетъ сему суду свое дитя, какъ вещественное доказательство ихъ обоюдной связи и обманутыхъ надеждъ, и т. д. Судъ подобнаго рода совершается иногда и въ присутствіи священника; а иногда дѣло доводятъ и до разбирательства мѣстной полицейской власти и даже до мирового; чаще же всего *судъ о безчестіи* вершится стариками-односельчанами и лицами, пользующимися наибольшимъ уваженіемъ въ деревнѣ.

Эти подробности юридическихъ сельскихъ воззрѣній южноруссовъ на взаимныя отношенія брачущихся я предпослалъ для того, чтобы уяснить читателю, что браки среди сельскихъ обывателей и бѣднѣйшихъ мѣщанъ въ городахъ заключаются между молодежью совершенно свободно и полюбовно и въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго принужденія, хотя и не безъ вліянія со стороны старшихъ, и что отношенія эти, не смотря на свою простоту—чисты и нравственны, не лишены при этомъ поэзіи и увлекательности, и, какъ таковыя, заслуживаютъ со стороны мыслящихъ людей болѣе тонкой и обстоятельной обработки, нежели простое описаніе обрядовой стороны деревенской свадьбы, излагаемой мною въ настоящей статьѣ.

---

1. Обрядъ: „**браня рушныкивъ**".

Отецъ жениха беретъ съ собою двухъ односельчанъ, обыкновенно, ближайшихъ родственниковъ — „*старостивъ*", кото-

[1]) Въ д. Свидовкѣ, черкасскаго уѣзда, былъ, напримѣръ, такой случай: дѣвушка-невѣста отказала своему жениху вечеромъ въ субботу наканунѣ свадьбы т. е. въ „*дивитвечиръ*". Коровай продали на базарѣ, а парня, отбившаго сговоренную невѣсту, судъ принудилъ заплатить обиженной сторонѣ за безчестіе и убытки 150 рублей.

рымъ вручается хлѣбъ; парень несетъ съ собой: сало, колбасу, кварту или, смотря по достатку, четверть ведра водки, и всѣ вмѣстѣ чинно отправляются къ отцу невѣсты для переговоровъ. Входя въ избу и поздоровавшись съ хозяевами, которые уже приготовились къ пріему дорогихъ гостей, старосты говорятъ: *„чи не наймаете наймычку на вики?“* или же: *„чи не продаете соломы?“*. Если согласны родители и если дѣвушкѣ любъ парень, то отецъ невѣсты принимаетъ отъ „старостивъ“ хлѣбъ, замѣняетъ его другимъ и отвѣчаетъ утвердительно на предлагаемые вопросы, невѣста же, зардѣвшись вся, перевязываетъ черезъ плечо старостъ *„рушныкамы“*, а собранныя къ этому семейному торжеству подруги молодой—*„дружки“*—поютъ ей:

«Та заручена... (Лукія, Марія и т. д.),
Дала свою билу руку на заруку.
Ой, ручко-жъ моя билесенька у батенька,
Чи будешъ така у свекорка?»

Молодая при этомъ горько плачетъ, а подружки продолжаютъ пѣть:

«Теперъ, нень󠄀ко моя, будешъ тыхо спаты,
Уже не будуть подруженьки докучаты,
Уже не будуть кватырочки одсуваты,
Уже не будуть на улыцю выклыкаты».

Перевязанныхъ „рушныками“ старостъ, отца жениха и самого жениха усаживаютъ за столъ. Старосты ставятъ на столъ водку, а молодая—принесенную женихомъ закуску. Старосты, подчуя виномъ отца жениха и ея мать, приговариваютъ при этомъ: *„Дай, Боже, тимъ счастя, за кого могорычъ пьемо, щобъ дитей малы, щобъ женыть диждать и замижъ даватъ“*. Тутъ же между угощеніемъ и пріятными разговорами старосты условливаются съ отцомъ невѣсты о количествѣ приданаго, а равно и о томъ, сколько въ понедѣльникъ, послѣ вѣнчанья, молодая должна дать платковъ, сколько заготовить для приглашенія на свадебное торжество и на самую свадьбу шишекъ и т. д., а дружки между тѣмъ поютъ *„Ой гороше, гороше* (дальнѣйшія слова не записаны)“...

Договорившись обо всемъ обстоятельно съ отцомъ невѣсты по всѣмъ пунктамъ будущаго домашняго хозяйства жениха, которое онъ пріобрѣтетъ за женой, а также о времени, въ которое имѣетъ состояться свадьба, и угостившись, сколько кому и какъ Богъ на душу положитъ, отецъ молодого и старосты, получивъ въ замѣнъ хлѣбъ, возвращаются домой, а женихъ и дружки, согласно деревенскому этикету, остаются пока у невѣсты. Наконецъ и дружки расходятся, а женихъ остается ночевать въ домѣ молодой.

Собственно говоря, свадебное торжество, какъ таковое, продолжается четыре дня: четвергъ, пятницу, субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ, слѣдующій за воскреснымъ свадебнымъ днемъ, невѣсту, уже перевозятъ въ домъ жениха на волахъ въ телѣгѣ, на которой укладываются сундукъ и весь скарбъ молодой жены, сверху же всего, на сундукѣ, устраиваютъ молодую.

---

2. Четвергъ и пятница.

Въ эти дни „*бгаютъ*", такъ называемый, „*коровгай*" въ домѣ невѣсты и пекутся шишки и прочая снѣдь, приготовляемая изъ муки. Родня жениха собирается у него въ домѣ, трактуетъ обыкновенно о животрепещущемъ вопросѣ и веселится, родня же невѣсты и дружки собираются въ домѣ молодой, гдѣ кипитъ спѣшная работа, по приготовленію къ воскресному дню. Во время приготовленія коровая и той суматохи, которая совершается въ избѣ, дружки поютъ:

1.

«Якъ мы коровгай мисылы,
Зъ Дунаю воду посылы;
Носылы воду зъ крыныци,
Злипылы коровай сестрыци...
Наберемо водыци на току,
Зобгаемо коровгай братыку».

2.

«Хорошіи коровгайныци
Хорошенько коровгай бгають,

Сыромъ прысыпають, шашлычкомъ прылывають,
Ще й около квиты, щобъ любылыся диты».

Вечеромъ въ пятницу поютъ не дружки, а молодыя бабы— *„молодыци“*.

«Ягоды полуныци
Уже мынулыся, уже мынулыся
(*имя невѣсты*) вечорныци.
Да идуть сестрыци на вечорныци,
А (NN) до воритъ клычуть...
Да идить, сестрыци, мене не ждите,
Жалю мени не робите:
Уже (*имя жениха*) сыдыть,
Та за рученьку держыть
— Винъ мене не пускае,
Ты, (NN), моя, недиленька твоя,
Не идемъ ни ты ни я.
Та сыдимо дома, просимо Бога,
Щобъ счастыла намъ доля».

Подъ звуки этихъ пѣсенъ, сажаютъ въ печь: *„коровай, шишки, лежни, шишку-княженецьку“*, которую украшаютъ калиной, ржаными колосьями, маленькими изъ тѣста лѣпленными птичками, изображающими голубковъ. Послѣдняя шишка предназначается спеціально въ подарокъ жениху.

Суббота.

Весь субботній день молодая съ дружками посвящаетъ на приглашеніе родичей своихъ и родичей жениха на свадьбу, а въ домѣ идутъ усиленныя приготовленія встрѣтить такъ называемый *„дивитвечиръ“*.

Вставши рано и одѣвшись нарядно, какъ того требуетъ деревенскій этикетъ: на ногахъ *„сапьянци“*, въ богато расшитой рубашкѣ, съ такимъ же полотенцемъ въ рукахъ, съ бусами и монистами на шеѣ и богатыми яркихъ цвѣтовъ лентами на головѣ и въ косѣ, молодая идетъ къ отцу жениха взять благословеніе и дозволеніе на то, чтобы собрать дружекъ.

Входя въ избу и поклонившись будущему свекору три раза въ поясъ, говоритъ: *благословить, тату, мени по дружки ити*", Свекръ каждый разъ отвѣчаетъ: „*Богъ благословытъ*". Тѣ же поклоны и тѣ же слова она повторяетъ матери молодого и, послѣдовательно, ему самому, отъ которыхъ, въ свою очередь, получаетъ разрѣшеніе, выраженное словами: „Богъ благословыть". Послѣ этого невѣсту и дружекъ усаживаютъ за столъ, предлагаютъ имъ завтракъ и подчуютъ водкой. Подкрѣпивши свои силы пищей, невѣста, поблагодаривши за угощеніе, отправляется вмѣстѣ съ дружками, обыкновенно впереди ихъ, къ священнику. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идутъ къ священнику женихъ и невѣста вмѣстѣ. Отъ священника уже молодая направляется къ родичамъ, а потомъ къ почетнымъ жителямъ села. Входя въ домъ, молодая, по обычаю, кланяется „въ поясъ" и говоритъ тихо: „*просылы батько и маты и я прошу на хлибъ, на силь, на весилля*" и, при этомъ, даритъ шишку. Каждое движеніе невѣсты на улицѣ сопровождается пѣніемъ дружекъ, пріуроченнымъ къ этому торжеству.

1.

«Снигомъ, (NN), снигомъ, мы за тобою слидомъ;
Мы за тобою, молодою, зъ хорошою ордою;
За тобою, дружыною, зъ хорошою челедыною».

2.

«Ныэомъ, дружечкы, нызомъ, закидайте дориженьку хлибомъ:
У (NN) кинь вороненькій перескочыть гай зелененькій».

3.

«По той бочокъ ставу клыкавъ павычъ паву,
Иды, иды, моя павочка, дамъ я тобп вынне яблучко,
А за тее вынне яблучко—потеряла дивуванначко,
А за тее виннишее—потеряла вирнишее».

4.

Йшлы дружечкы рядочкомъ по пидъ вышневымъ садочкомъ,
Вырвалы квитку зелененьку, заквичали (*NN*) молоденьку».

5.

«Тисни улыченьки, тисни! ой, чогожъ воны тисніи?
Бо йдуть дружечкы пышніи,

Несуть коровгу здорову. На тій корвзи лыстоньки.
Це тоби NN звистонька,
А на тій коровзи малювання,
Це тоби, NN дивованя».

6.

Ой, попе, попе, Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны въ субботу
Потеряй дружечкамъ роботу.
Дивкы въ субботу не прядуть:
Дивци, NN, винкы вьють».

7.

«Нема попа дома, поихавъ до Кіева ключикы куповаты,
Церковцю одмыкаты,
Церковцю одмыкаты,
NN винчаты.
Винчалась NN, винчалась,
Въ червони чобиткы прыбралась
Червони чобиткы на нози,
Покупавъ ихъ NN въ дорози.
Поносы, NN, новыи
Покупыть NN другыи».

8.

«Скочу я у городець, вырву я барвиночку,
Постелю постилочку
Постиль пуховая,—челядь молодая;
Постиль пуховенька—челядь молоденька».

9.

«Схилылась верба зверха до кориня,
Винчалась NN зъ ранку до полудня.
Стояла NN пидъ винцемъ,
Чесала кисоньки гребинцемъ.
Упавъ гребинець пидъ стилець
Подай NN гребинець!
Я тоби NN не вдивець,
Щобъ я подававъ гребинець,

Я тоби NN, не вдивчикъ,
Щобъ подававъ гребинчыкъ».

10.

«Ой, просо, просо, волоття!
Ой, косо моя кохана!
Не викъ я тебе кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зражала,
(А) за одынъ вечиръ стеряла!
Ой, косо моя кохана!»

11.

«Яворе-яворочку, на жовтимъ писочку,
— Тамъ щука-рыба грае...
Сама соби дывувалась,
Що зъ хорошымъ нагулялась
И зъ кращимъ звинчалась».

12.

Хмиль долыною—жовте стеблечко,
Що мовыть NN мылый, мое сердечко?»

13.

Скокы, бокы, сорокы, низки поклоны вороны,
Довги носочкы зъ чаечокъ, далеко чуты дружечокъ».

14

«Ой, гаю, мій гаю, я тебе кохаю!
Травыцю повыкошую,
Та на берегъ повыношую,
Щобъ було зелененько,
Родови веселенько...
А щобъ було зеленише
— Родови веселише».

15.

«Одчиняйте двери, застылайте столы,
Справляйте кубочки:
Не далеко дружечки»!

16.

«Не сама я ненько иду,
Симсотъ дружечокъ веду,

Симсотъ ще й чотыри,
Та вси чорнобрыви...
Симсотъ ще и пятнадцять,
Та вси у сапьянцяхъ».

17.

«Та спасыби тоби, моя ненько,
Що ты мене будыла раненько.
А я слухала, вставала,
Та соби рушныкивъ напряла;
По гори ходыла—билыла
—Я своихъ старостивъ дарыла».

18.

«Горою витеръ віе,
Долыною сонце гріе...
На яръ повивае,
Снигъ землю покрывае».

Обойдя всѣхъ, кого предполагалось просить на свадьбу, и повеселившись вдоволь на улицахъ села, молодая съ дружками отправляется къ молодому, подходя къ хатѣ котораго, дружки поютъ:

«Ой, гай, маты, гай, гай,
Кисоньку свою май, май!
Пусты мене, маты
Въ сей гай погуляты,
Въ сей гай погуляты,
Косою помаяты,
Косою русою—дивоцькою красою».

Взойдя въ хату, всѣ въ рядъ говорятъ: „*добрывечиръ цему всему дому, старому, малому и Богови святому!*" Послѣ привѣтствія, молодую и дружекъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ, а дружки на радостяхъ поютъ:

1.

«Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано, рано;
Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано-ранесенько;
На тры стины-каменіи, та рано, рано;

А на четвертую-золотую, та рано, рано;
Та на четвертую-золотую, та рано—ранесенько;
На тій стини макивочка, та рано, рано;
На тій стини макивочка, та рано-ранесенько;
А на макивочци ластивочка, та рано, рано;
Та звыла гниздечко зъ чорного шовку, та рано-ранесенько;
Та вывела диты-однолиткы, та рано, рано;
То перше дытятко—молодый..., та рано-ранесенько;
А друге дытятко—молода..., та рано, рано...»

2.

«Та лытять галочкы
Въ тры рядочкы,
А зозуля попереду.
Та уси галочкы по лугахъ силы,
А зозуля на калыни.
Та уси галочкы защебеталы,
А зозуля закувала.
Та идуть дружечкы
У тры рядочкы,
А NN попереду;
Та уси дружечкы
На лавци силы,
А NN на поводи;
Та уси дружечкы та заспивалы,
А NN заплакала.»

Подкрѣпившись пищею, невѣста и дружки отправляются въ домъ молодой, а женихъ садится за столъ и ожидаетъ бояръ и музыкантовъ. Въ домѣ невѣсты мать ея встрѣчаетъ молодую и дружекъ, опять ихъ угощаетъ всѣхъ, иногда приглашаетъ садиться, а иногда и нѣтъ и вновь отряжаетъ всѣхъ ихъ къ жениху, у котораго, къ тому времени, уже въ сборѣ и бояре, и музыка, подъ звуки которой бояре съ дружками и отправляются въ лѣсъ рубить *„гильце,“* т. е., небольшое сосновое деревцо, нужное для обстановки свадебнаго торжества. Когда отправляются рубить „гильце,“ то поютъ то же самое, что пѣли молодой, которая ходила по селу и приглашала гостей на

свадьбу, или же и совсѣмъ ничего не поютъ во всю дорогу къ лѣсу, или же, наконецъ, поютъ слѣдующее:

1.

«До бору, дружечкы, до бору,
Зрубайте сосну здорову,
Та понесемо додому,
Та поставымо на столи,
На биленькій скатерти.»

2.

«А въ нашого гыльця
Золотіи крыльця,
Якъ сонечко сяе
Одъ витру вьяне.»

Пока ищутъ подходящее деревцо, то поютъ:

«Ой, де тая сосна,
Що у бору взросла,
Що у бору родылася,
NN судылася,
Въ бору кохалася,
NN досталася.»

Нашедши подходящую сосенку и срубивъ ее, поютъ туже пѣсню, но съ измѣненіемъ словъ, *„ой, де тая сосна“* на: *„оце тая сосна“* и т. д. Пришедши къ жениху съ сосенкой, дружки застаютъ невѣсту у него, которая сидитъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ, сами разсаживаются вокругъ нея и поютъ:

1.

«Встань, маты, у субботоньку,
Измый мени та головоньку.
Ой, матинко моя ридная,
Головонько, моя бидная!
Встань, маты, та ранесенько,
Змый мене та билесенько!
Бильшъ ты мене та не мытымешъ,
Билыхъ ручокъ не томытымешъ...
Бильшъ ты мене не чесатымешъ,
Своихъ ручокъ не ламатымешъ.»

2.

«Зъ субботонькы та на недилю
Выйшла NN у шавлію:
Ой, хто мене у шавліи найде,
То тому я достануся.
Пишовъ батенько—не найшовъ,
Вырвавъ квиточку—та й пишовъ.
Квиточко моя, дзиндзюрявая,
Доненько моя, чорнобровая,
Та кому ты та досталася?

Та же участь постигаетъ ея мать, брата и сестру, но пошелъ женихъ:

. . . . тай найшовъ,
Взявъ за рученьку, тай пишовъ.
Квиточко моя, дзиндзюрявая,
NN моя, чорнобровая,
Та мени ты досталася.»

3.

«А у субботоньку, рано, сыне море грае
Сыне море грае, *NN* потопае,
NN потопае—батенька выклыкае:
Батеньку, твоя воля,
Вырятуй мене зъ моря!
Не моя, доненько, воля
Рятуваты тебе зъ моря

Отказываются по порядку спасать невѣсту изъ морской пучины и мать ея, и сестра, и братъ. Тогда она обращается къ жениху, называя по имени:

« . . . . ', твоя воля,
Вырятуй мене зъ моря.
Моя, . NN . , воля
Рятувать тебе зъ моря.»

За симъ, всѣ встаютъ изъ-за стола, крестятся на иконы и говорятъ на распѣвъ: „*благодарю всему, старому й малому и Богови святому*, потомъ берутъ съ собой „гильце,“ выходятъ изъ хаты и направляются въ домъ молодой. Дорогой, при этомъ, поютъ:

1.

«Якъ булы мы въ пана—свата,
Була намъ добра шана,
Пылы мы горилку
За NN дивку;
Пылы мы, гулялы,
Гиллечко зрубалы.»

2.

«Ой, матинько, утко!
Ворочайся хутко:
Сонечко нызенько,
Дружечкы блызенько,
Сонечко ще нызче
Дружечкы ще й блызче.»

Повторяютъ также пѣсни: г.) „одчиняйте двери" (№ 15) и „не сама я йду" (№ 16). Когда уже подойдутъ къ дому невѣсты, пѣсня прекращается, дружки останавливаются у дверей, а въ хату входитъ только молодая, въ знакъ привѣтствія кланяется отцу и матери, на что они обое отвѣчаютъ приказаніемъ: *„иды поклонысь дружкамъ, нехай идуть въ хату!"* Невѣста возвращается къ дружкамъ, кланяется и приглашаетъ въ домъ, потомъ размѣщаетъ ихъ по старшинству за столомъ, а сама, стоя впереди стола, угощаетъ ихъ, причемъ дружки поютъ 1) „вряженъ вечиръ;" 2) „ягоды полуныци;" 3) „ та летятъ галочкы;" 4) „та теперъ, маты, будешъ тыхо спаты." Поджидая жениха, который съ своей свитой долженъ скоро прибыть, дружки опять поютъ:

«А въ бору сосонка зросла,
Спустыла гылля до долу:
Часъ намъ, дружечкы, до дому!»

За симъ, дружки и всѣ прочіе, кромѣ отца и матери невѣсты, идутъ во дворъ на встрѣчу жениху; жениха, украшеннаго хусткою, сопровождаютъ: бояре, старосты, „свитылкы" и музыка. У дверей хаты всѣ останавливаются и только входятъ въ нее, по обычаю, двое старостъ. На дворѣ музыка играетъ, а дружки съ боярами устраиваютъ танцы. Спустя нѣкоторое время,

старшій бояринъ беретъ съ собою „гильце,“ оставляетъ его пока у порога и также входитъ въ избу. Остановившись у двери, онъ громогласно произноситъ, какъ говорятъ въ деревняхъ, „*гукае:*“

«Старосто, пани старосто!
— Ради... слухаю —
«Благословить у сей домъ покрасу внесты!»

Это старшій бояринъ повторяетъ три раза, на что и получаетъ каждый разъ въ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ Послѣ этого бояринъ вноситъ въ хату „гильце,“ вырѣзываетъ въ хлѣбѣ ножомъ дыру, вставляетъ въ него срубленное деревцо и ставитъ на столъ. Пока старшій бояринъ занятъ снаряженіемъ „гильця,“ одинъ изъ старостъ незамѣтно выходитъ во дворъ, беретъ жениха за руку и вводитъ въ хату. Въ слѣдъ за женихомъ входятъ: свашки, „свитылкы“ и бояре. Всѣхъ ихъ усаживаютъ за столъ, угощаютъ водкой и ставятъ на столъ вечерю, обыкновенно, вареную капусту. Невѣста на время выходитъ также во дворъ, собираетъ вокругъ себя подружекъ и съ ними возвращается въ хату. Положивъ на тарелку два платочка, она подходитъ съ ними къ столу, за которымъ сидитъ на почетномъ мѣстѣ женихъ, кланяется три раза и передаетъ эти платочки— одинъ молодому, а другой старшему боярину. За любезность и за полученные подарки женихъ и бояринъ, въ свою очередь, одаряютъ молодую и бросаютъ въ тарелку деньги, кто сколько можетъ: кто гривенникъ, кто больше, кто и меньше, а дружечки заливаются:

«Ой, вылетивъ пивень тай на воритечка,
Крыльцямы бье,
А . . . NN
Хустку дае.
Ой, вылетивъ пивень та на воритечка: «кукурику!»
Ой, NN до вику»

Молодой съ старостами и боярами ужинаютъ и угощаются, угощаются съ ними свашки и „свитылкы“, запѣвая при этомъ: „Зряженъ вечиръ“. Невѣста въ это время, если есть другая

изба, а если нѣтъ, то идетъ вмѣстѣ съ дружками къ кому-либо изъ сосѣдей плести вѣнки. Для этой цѣли берутъ старое кольцо, обматываютъ его разноцвѣтнымъ гарусомъ—краснымъ и синимъ: это и будетъ вѣнецъ. Оставшіеся въ хатѣ пирующіе приглашаютъ со двора музыку, угощаютъ ее закуской и водкой, т. е. даютъ на смычокъ. Музыка за это играетъ, а свашки и „свитылкы" танцуютъ. Повеселившись вдоволь, свашки и „свитылкы," обращаясь къ сидящимъ за столомъ, говорятъ: „*прощавайте, та звыняйте! То мы до васъ зайшлы, бо мы збылыся зъ дороги... та спасыби, що насъ нагодувалы, може мы и васъ колы не забудемъ. Теперъ не карайте. Може другый разъ попадемось, то будете вязаты,*" и за симъ уходятъ. Идутъ они къ жениху, гдѣ ихъ опять угощаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же, т. е. въ хатѣ жениха, остаются и ночевать, а прочія расходятся по домамъ. По уходѣ свашекъ, свитылокъ, дружекъ, бояръ, старостъ и жениха, у невѣсты остаются только близкіе родные ея, какъ то: дядья и тетки, которымъ опять подаютъ ужинъ. Наконецъ, уже въ позднюю пору всѣ расходятся по домамъ.

Воскресенье.

Въ воскресенье, до благовѣста въ церковь, женихъ и невѣста одѣваются каждый у себя къ вѣнцу. Къ одѣванью жениха допускается только старшій бояринъ; невѣста же съ субботы не въ правѣ сдѣлать ни шагу безъ старшей дружки: она причесываетъ молодую, накладываетъ ей вѣнокъ на голову, убираетъ волосы лентами и вмѣстѣ съ нею же собираетъ и дружекъ. Пока еще не звонятъ во всѣ колокола, старшая дружка беретъ съ собой платокъ, свѣчи, полотенце подъ ноги, и за симъ идутъ въ церковь. Женихъ такъ же собираетъ свою свиту и въ одно почти время съ невѣстой является въ храмъ. Въ строгой и религіозной паствѣ женихъ и невѣста, обыкновенно, въ этотъ день пріобщаются Святыхъ Тайнъ. По окончаніи литургіи—слѣдуетъ обрядъ вѣнчанія. Послѣ вѣнца, невѣсту окружаютъ дружки, а жениха—бояре, и всѣ вмѣстѣ направляются въ домъ жениха. Теперь уже женихъ идетъ домой подъ руку съ невѣстой.

По дорогѣ встрѣчаетъ ихъ музыка; бояре и дружки танцуютъ на ходу и при этомъ поютъ: 1) „Винчалась, NN, винчалась“, 2) „Схилылася верба“, и

3.

«Леты соколонько поперёдъ насъ,
Звисты матинку передъ насъ,
Нехай вона выйде зъ калачемъ,
Звинчалы іи дытятко зъ панычомъ...
Хоть не зъ панычемъ—зъ мужикомъ,
Звязалы руки рушныкомъ».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи кіевской, а также на Волыни и Подоліи свадебное шествіе изъ церкви встрѣчаютъ дѣти (дитвора), которыя переливаютъ дорогу водой, т. е. устраиваютъ яко-бы заставу. Для того, чтобы шествіе не останавливалось, невѣста и женихъ даютъ дѣтворѣ выкупъ: деньги, сладости или что-либо изъ съѣстного свадебнаго. Пришедши къ молодому, усаживаютъ молодыхъ за столъ, вокругъ ихъ разсаживаютъ дружекъ и бояръ и остальное общество, и начинается пиръ, послѣ котораго гости начинаютъ расходиться по домамъ, и только ближайшіе родные остаются и обѣдаютъ вмѣстѣ съ новобрачной четой. Новобрачные просятъ уходящихъ не засиживаться по домамъ, а возвращаться *„заразъ“*. Послѣ обѣда невѣста съ собравшимися дружками и боярами танцуетъ во дворѣ. Музыка играетъ козака, гопака, трепака. Въ общемъ веселіи и танцахъ принимаетъ участіе всякій: веселятся и старый, и малый, и приглашенный, и случайно или изъ любопытства очутившійся на свадьбѣ, словомъ, народъ веселится, т. е. *„справляе весилля“*. Жениху на это время даютъ покой, что бы онъ отдохнулъ, дабы, наконецъ, приступить и къ послѣдней свадебной церемоніи, такъ называемому обряду: *„скланяня“*, т. е., изъявленія повиновенія и покорности родителямъ, не смотря на вступленіе его черезъ бракъ въ самостоятельную жизнь.

Обрядъ „скланяня“.

Къ обряду скланяня собирается много народу, а также возвращаются и старосты, и свитылки, и свашки, и бояре. Ста-

росты усаживаютъ новобрачнаго въ хатѣ за столъ, а отца съ матерью устраиваютъ въ сѣняхъ рядомъ на ступѣ или ослонѣ. Когда усаживаютъ новобрачнаго за столъ, то свашки и свитылки поютъ:

«Иде NN на посадъ
Встрича его Госпидь самъ:
Хто жъ тоби та цей посадъ давъ
Долею счаслывою й доброю годыною?
Цей посадъ пысарь пысавъ,
Отъ Господа Бога пысалы его пысарци
Темнои ночи пры свичи
Ясного сонця, коло виконця».

Послѣ того, какъ пропоютъ эту пѣсню, младшій изъ старостъ беретъ новобрачнаго за руку, выводитъ его въ сѣни и, подведши къ отцу и матери, накладываетъ хлѣбъ на его голову и нагибаетъ ее, т. е. склоняетъ. Новобрачный, въ такомъ положеніи, три раза кланяется въ землю отцу и матери и цѣлуетъ ихъ, а свашки съ свѣтелками поютъ:

«Похиле дерево—та ялина,
Покирне дытятко Марына,
Поклоныся отцу, неньци
— Та нызенько».

Если отецъ новобрачнаго не родной, а вотчимъ, или же онъ круглый сирота, а мѣсто отца и матери заспупаютъ постороннія лица, въ такомъ случаѣ пѣсня видоизмѣняется такъ:

«Ой, кому ты, братику, тай кланяишься?
Що у тебе отця-неньки тай немае».

Вслѣдъ за симъ, младшій староста подводитъ новобрачнаго къ порогу и говоритъ: „Старосто, старший!“

— „Ради, слухаю“, отвѣчаетъ староста старшій.

— „Благословить въ оцей домъ молодого ввести“. Это повторяетъ младшій староста и разъ, и два, и три, на что и получаетъ въ отвѣтъ: „Богъ благословить уси три разы“. Послѣ этого, жениха вводитъ младшій староста въ избу, усаживаютъ его за столъ, за столъ садятся и старосты, избу наполняютъ бояре, свашки и свитылки, которые и поютъ:

„зряженъ вечиръ—дивитвечиръ". Мать новобрачнаго подаетъ на тарелкѣ: кисти калины, овесъ и колосья ржи. Изъ калины и ржи свашки и свѣтелки приготовляютъ два букета: одинъ вставляютъ въ бутылку, княженецкую, т. е. въ бутылку съ красной водкой, а другой привязываютъ къ гильцю, при этомъ свашки и свѣтелки, кидая оставшуюся калину на гильце, поютъ:

«Не идить молодыци до насъ гильця виты,
«Зовьемо мы сами зъ скрыпкамы, зъ цембаламы, зъ
хорошымы боярамы».

А обращаясь къ жениху, прибавляютъ, для выполненія церемоніи:

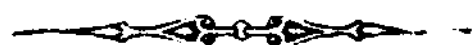
«Теперь годына не тая,
Щей дориженка слызькая,
Треба NN чобитокъ,
Ще й золотыхъ пидкивокъ».

Въ одинъ мигъ и старосты, и свашки, и свѣтелки, и бояре бросаютъ въ тарелку, стоявшую на столѣ съ овсомъ, деньги, яко-бы на подковы жениху, и, какъ овесъ, такъ и деньги, старшій староста высыпаетъ новобрачному за воротъ рубахи. За симъ идетъ угощеніе, а послѣ угощенія свашка—одна изъ болѣе почетныхъ—пристегиваетъ къ шапкамъ старостъ съ правой стороны букетики изъ калины. Старосты надѣваютъ свои шапки и вооружаются „*ципками*", т. е. палками, въ знакъ особаго почетнаго ихъ положенія, какъ провожатыхъ жениха въ далекую дорогу. Невѣста быстро скрывается и отправляется съ дружками домой. Жениха одинъ изъ старостъ выводитъ за руку во дворъ, на которомъ, вблизи хаты, другой староста уже поставилъ „*дижу*" къ верху дномъ, покрылъ ее скатертью и положилъ хлѣбъ съ дрибкомъ соли. Старшій староста обводитъ новобрачнаго вокругъ „дижи, а мать посыпаетъ его овсомъ, горохомъ, а если люди зажиточные—и конфектами, деньгами... Въ это время свашки поютъ:

«Овесцемъ, матинко, овесцемъ,
Щобъ нашъ овесецъ рясенъ бувъ,
Щобъ нашъ NN красенъ бувъ».

За симъ, мать, взявши съ „дижи“ хлѣбъ, а сына черезъ полу платья за руку, выводитъ его за ворота и передаетъ старшему старостѣ и молодого, и хлѣбъ. Старосты со свитой провожаютъ его къ церкви, передъ которой молятся и бьютъ поклоны, а бояре, сверхъ того, сквозь щель бросаютъ въ церковь деньги. Послѣ этого всѣ направляются въ домъ новобрачной. Въ то время, когда въ домѣ жениха совершаются послѣднія свадебныя церемоніи, освященныя обычаемъ и оставленныя народу глубокой стариной, въ домѣ молодой надъ новобрачной повторяется тотъ же обрядъ „скланяня“ и съ тѣми же формальностями, только здѣсь старостъ замѣняетъ ближайшая родня невѣсты, и новобрачной не выводятъ на улицу.

И. Стрижевскій.



ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ [1]).

(ОКОНЧАНІЕ).

XIII.

Философы-демонстраторы.

Старая кіевская академія, какъ мы уже замѣчали, страдала отсутствіемъ здравой педагогіи. У нея лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, которому усвоялась чуть ли не всемогущая нравственно-цѣлительная сила, была розга. „Пляги" послѣдней щедро, порой даже съ забвеніемъ мѣры и пощады, отпускались академическими педагогами не только провинившимся студентамъ (какъ „сатисфакція" имъ и предупрежденіе отъ зла другимъ— „чтобъ другимъ не повадно было"), но иной разъ и невиновнымъ, лишь подозрѣваемымъ („бой подъ пристрастіемъ", „постращиваніе боемъ").

Такая воспитательная система, понятно, сильно угнетала и страшно ожесточала студентовъ... Часто случалось, что провинившійся студентъ изъ-за одного того, чтобы избавиться отъ „жестокихъ и нещадныхъ плягъ", навсегда прощался съ самой академіей! Особенно раздражали студентовъ наказанія безъ вины, по одному подозрѣнію, или педагогическому недоумѣнію...

Конечно, инфимистъ или синтаксистъ, получивши, хотя и *незаслуженно*, внушительное число плягъ, только почесывалъ,

---

1) См. „Кіевск. Стар". 1896 г., № 2.

какъ выражается Н. В. Гоголь, свои шаровары, не осмѣливаясь (чтобы не получить двойной порціи) прямо, въ глаза, заявить своему экзекутору, что его десница „неправедно“ царапаетъ. Но философъ, еще въ риторикѣ самовольно и гордо помышлявшій о томъ, „чтобы его люде стали узнавать“, и, тѣмъ болѣе, богословъ, увѣренный уже, что онъ всегда можетъ „изобрѣсти себѣ пристоинства чинъ“, такъ какъ и „респектомъ митрополита ученія богослововъ не бываютъ оставляемы“, не могли равнодушно переносить плягъ *сверхъ* своихъ *должныхъ заслугъ*, особенно по единоличному суду префекта (онъ былъ главнымъ педагогомъ въ академіи), безъ соизволенія на то ректора, что практиковалось въ академіи, вопреки постановленію Духовнаго Регламента [1]). Они (главнымъ образомъ философы, которымъ очень часто приходилось испытывать горькую тяжесть префектовской десницы [2]) въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда префектъ являлся ихъ неправосудно-жестокимъ палачемъ, подымали въ академіи настоящія „возмущенія“ [3]).

Первое такое „философическое возмущеніе“ въ кіевской академіи было въ 1733 году противъ префекта Стефана Калиновскаго [4]).

---

[1]) „... Префектъ имѣетъ власть наказывать себѣ подчиненныхъ за преступленіе, но малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угровительнымъ, а потомъ на неисправляющихся доносить ректору“ (Духов. Регл., отд. „домы училищные и въ нихъ учители и ученики“... № 1, п. 6-й.

„Ректоръ, верховная власть, всѣхъ всякимъ, по разсужденію, наказаніемъ наказывать можетъ“ (Ibid., п. 8-й. Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. правосл. испов. Рос. имперіи, т. 1-й, стр. 20).

[2]) Это потому, что они, по переходѣ риторическаго моря, становились „большими академѣками“ и пользовались большею свободою, сравнительно съ своими меньшими сотоварищими. Свобода же, какъ *новинка*, вела ихъ къ безудержу, къ разнымъ „продерзостямъ“, за которыя префектъ и парилъ ихъ лозами, не задумываясь очень, дѣйствительно ли виновенъ тотъ или другой философъ, и не доводя объ этомъ до свѣдѣнія ректора... Богословы, свыкшись со свободою, уже были сдержаннѣе.

[3]) Возмущенія никогда не облегчали ихъ участи и даже оканчивались нежелательными и печальными для нихъ результатами.

[4]) Трудно сказать опредѣленно, что *именно* послужило къ этому возмущенію: дѣла о немъ, которое (по замѣткѣ документа о демонстраціи въ академіи въ 1763 г.) должно бы быть въ архивѣ Кіевской духовн. консисторіи, мы, при всѣхъ старані-

Калиновскій, бывшій, вѣроятно, строгимъ и взыскательнымъ, но въ разборѣ студенческихъ дѣлъ мало внимательнымъ, а потому не особенно справедливымъ начальникомъ, не по достоинству оцѣнилъ и свыше заслугъ наградилъ поведеніе философа Пантелеймона Чарнѣцкаго.

Чарнѣцкій, не сознававшій за собою отличія, достойнаго обидной для него префектовской награды, вознегодовалъ и, въ пылу досады и гнѣва, учинилъ три противности префекту за его беззаконіе. Калиновскій, надо полагать, въ долгу не остался и отплатилъ Чарнѣцкому, еще какъ „предерзателю"... Товарищи Чарнѣцкаго, смотрѣвшіе на его противности префекту, какъ на *необходимое* разъясненіе послѣднему его ошибки и несправедливости, возмутились, когда префектъ не только не принялъ во вниманіе этого разъясненія, но еще снова наказалъ ихъ коллегу... Они рѣшили, что довольно академіи нести тяжелое иго тирана Калиновскаго, отъ котораго жестоко достается и правому, не только виновному!.. На слѣдующій день они не пошли на префектовскую лекцію, составили въ квартирѣ философа Ивана Яворскаго петицію митрополиту на префекта—и уже готовы были торжествовать свою побѣду... Но не тутъ то было!

Калиновскій, какъ начальникъ, оправдался предъ митрополитомъ, виновными же остались „бунтовщики". Они оказались дерзновенно возставшими на попраніе академической власти, чтобы безнаказанно творить. что угодно! Они подали жалобу и притомъ ложную! Разумѣется, за это ихъ нельзя оставить безъ наказанія!.. И вотъ митр. Рафаилъ Заборовскій 15-го марта 1733 г. положилъ дѣлу такую резолюцію:

„Пантелеимона Чарнѣцкаго инспектора Афендикового за противность префекту трыкратно учиниенную, какъ непотребного философа, противника и продерзателя не умѣющаго наставляти дисцѣпула своего Афендика[1]), яко всему фи-

ахъ, не нашли тамъ, а потому ограничиваемся лишь догадкою на основаніи резолюціи митр. Рафаила Заборовскаго, сдѣланный имъ 15 марта 1733 г. на представленіе о философскомъ возмущеніи. Резолюція эта буквально приведена ниже.

[1]) Можно думать, что Чарнѣцкій былъ наказанъ Калиновскимъ за его дурное вліяніе на Афендика.

лософіческому возмущенію primum causatorem въ брамѣ вънутрь цвінтара зазвонывши въ звонокъ школный плетьми выбыть, при собраніи протчыхъ студентовъ, дать ему шестьдесятъ плягъ, и изъ школъ выексклюдовать. Протчыхъ философовъ, а именно: Івана Яворскаго, яко перваго къ противности учителю своему возмутителя и въ домъ свой для составленія челобитя на префекта зазывателя, Илію Команѣцкаго, Демьяна Аскоронскаго, Николая Зеленецкаго, Федора Яновича, Лащевскаго, Тодорского, Марковича и Александровича бить плетьми. Остальныхъ же двадцати человѣкъ за презрѣніе лекціи префектовской наказать плетьми въ келіи архімандричей, то есть бывшыхъ на кондиціи, а жившимъ въ бурсѣ въ недѣлю цвѣтоносную держа въ рукахъ свѣчи предъ иконою Богоматери чрезъ всю литургію на колѣнахъ стоять".

Такъ неожиданно поплатились студенты за свою демонстрацію! Но этого мало. Ихъ „философіческое возмущеніе", къ ихъ прискорбію, увѣнчалось еще появленіемъ въ академіи инструкціи—Leges academicae docentibus ac studentibus observanda,—утвержденной 7-го октября 1734 года, митр. Р. Заборовскимъ съ такими пунктами: 1) „Ученики, какой бы школы ни были, бунтовъ учинять ни противъ кого, а особливо противъ учителей, не долженствуютъ; учинителей бунтовъ жестоко наказывать или паче искоренять надобно" [1]). и 2). Никто изъ студентовъ, безъ вѣдома и позволенія префекта и профессора, не долженъ безпокоить великихъ и знатныхъ особъ просьбами" [2])...

Такимъ образомъ, студентамъ былъ положенъ запретъ не только „учинять мятежи", но и челобитствовать на свое начальство, безъ вѣдома и благословенія послѣдняго, какъ бы ни невыносимъ порой бывалъ его режимъ.

Однако время мало-по-малу какъ бы унесло съ собою силу указаннаго запрета. (Да это и вполнѣ естественно: между начальствовавшими въ академіи бывали вѣдь всякіе люди: и индифферентные и даже безсовѣстные въ отношеніи къ студентамъ.

---

[1]) См. Инструкцію у В. Аскоченскаго „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіей, ч. 2, стр. 102—108, пунктъ XI.

[2]) Ibid, пунктъ XX.

Не вопіять противъ нихъ студенты не могли, когда исчезало всякое терпѣніе; и ожидать на это ихъ позволенія и благословенія, разумѣется, было бы, по меньшей мѣрѣ, дикимъ)... По крайней мѣрѣ, уже въ 1749 г. мы видимъ студента Ольшанскаго челобитствующимъ митрополиту, безъ предварительной академически-административной цензуры, на самого тогдашняго ректора, архим. Сильвестра Ляскоронскаго; то же самое сдѣлалъ въ 1750 г. и риторъ Антоній Гонтковскій [1])... А въ 1763 году мы встрѣчаемся и съ новымъ „философическимъ возмущеніемъ" въ академіи.

Исторія этого возмущенія, какъ яркая картинка студенческихъ нравовъ того времени, заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться.

XIV.

Былъ понедѣльникъ 17-го февраля 1763 года.

Въ „семомъ часу" по полудни въ философской аудиторіи окончилась утомительно-сухая „поздняя" (вечерняя) лекція, и философы съ шумомъ и гамомъ побрели на свои квартиры, расположенныя тутъ же, не вдалекѣ отъ академіи, на Подолѣ. Лишь нѣсколько человѣкъ ихъ дольше другихъ оставались на академическомъ дворѣ, оживленно разсуждая между собою о томъ, какимъ бы образомъ весело провести сегодняшній вечерокъ. Но вотъ и они уже потянулись за ворота Братскаго монастыря...

Они условились немножко позже, когда Гамалѣя устроитъ свои дѣла, по его зову сойтись въ квартирѣ Романа Кривецкаго и хорошенько пображничать. (Бражничество было страстью студентовъ старой академіи).

---

[1]) Ольшанскій очень успѣшно обличилъ Ляскоронскаго въ его безсовѣстномъ отношеніи къ нему въ тяжбѣ его съ Карпиловскимъ городничимъ—Іоакиноомъ Храновскимъ, а Гонтковскій указалъ митрополиту на странно-равнодушное отношеніе Ляскоронскаго къ студентамъ: студента, безъ всякаго повода, колотитъ ректорскій служитель, и виновнымъ, по ректорскому суду, оказывается не онъ, а студентъ!.. Подробности того и другого случая нами изложены раньше...

Философъ Семенъ Гамалѣя состоялъ репетиторомъ сына невѣстки Далматовскаго преосвященнаго и спѣшилъ домой, чтобы повидаться тамъ съ матерью своего кліента и отпустить его къ ней (она жила „на старомъ городѣ") на ночь, а затѣмъ, по дорогѣ къ Кривецкому, обѣщалъ созвать всѣхъ участниковъ предназначенной компаніи. Быстро сбѣгалъ онъ въ свою квартиру, переговорилъ съ матерью своего ученика, и, проводивъ ее и сына со двора, понесся въ Братскій монастырь. Тутъ онъ пригласилъ Іосифа Поглузскаго, жившаго у экклезіарха Паисія Калиновскаго, и съ нимъ направился за прочими членами своего кружка.

Первымъ долгомъ они зашли къ Алексѣю Билецкому. Но его не оказалось дома: онъ былъ въ „великой" бурсѣ у своего старшаго брата—ритора Кондратія; поэтому они написали ему, каждый отъ себя, „картку", чтобы онъ, возвратившись домой, немедленно приходилъ къ Кривецкому, у котораго сойдутся и они, „чтобы тамъ вмѣстѣ о назначенныхъ хотя и не имъ диспутахъ дискурсъ чинить", и двинулись дальше. Только они вышли за ворота квартиры Билецкаго, встрѣчаютъ Кирилла Карпова, бѣжавшаго тоже за Билецкимъ... Объяснивъ Карпову, что Билецкаго нѣтъ дома, и что ему оставлено приглашеніе, Гамалѣя и Подлузскій потащили его съ собою къ Кривецкому. По пути имъ еще нужно было позвать Романовскаго.

Заходятъ къ Романовскому.

Тутъ сидитъ и самъ Кривецкій (побывавшій послѣ лекціи въ своей квартирѣ только съ тѣмъ, чтобы „положить философію"). На столѣ водка и медъ.

Романовскій, довольный появленіемъ нежданныхъ гостей, усадилъ ихъ за столъ и принялся угощать...

Вино быстро оживило философовъ. Бесѣда у нихъ не умолкала...

Подоспѣлъ и Билецкій. Онъ уже побывалъ и дома, и въ квартирѣ Кривецкаго и, узнавъ здѣсь отъ сожителя Кривецкаго—ритора Кисловича, что Кривецкій у Романовскаго, явился сюда какъ разъ въ пору. Компанія увеличилась, и вино шло къ концу.

Разговоръ о „разностяхъ вещей“, затѣянный философами, видимо, требовалъ еще возбуждающаго питья.

Билецкій, какъ опоздавшій, чувствовалъ это больше другихъ, и пригласилъ всю компанію къ себѣ.

Всѣ (за исключеніемъ Романовскаго) сейчасъ же и двинулись къ нему, отложивъ посѣщеніе Кривецкаго до другого раза.

Уже смеркало.

Кривецкій заскочилъ къ себѣ домой сказать своему сожителю не поджидать его къ ужину, забѣжалъ за Максимовичемъ—философомъ—позвать и его коротать ночь, но его въ квартирѣ не было...

У Билецкаго сидѣлъ бурсакъ — риторъ Савва Збавецкій, игрокъ „на гусляхъ“. Философы обрадовались музыканту и просили его играть... Явился и гарнецъ меду. „Дружка съ дружкою диспутуючись“, товарищи, подъ звуки пріятныхъ мелодій, живо осушили его... и рѣшили пойти къ Карпову, оставивъ музыканта въ домѣ Билецкаго...

Карповъ у себя сейчасъ же поставилъ на столъ гарнецъ меду и водки.

Философы ликовали. Веселый смѣхъ между ними не смолкалъ, не смотря на то, что у нихъ шелъ серьезный разговоръ „о вещахъ, до ученья касающихся“... Ихъ „дискурсъ о философѣйскихъ вещахъ“, ихъ „дружка дружкѣ (взаимныя) объекціи о философическихъ“ предметахъ, казалось, дышали всею полнотою жизни.

Время летѣло.

Семенъ Гамалѣя, хватившій не мало медовыхъ „стаканцовъ“ да нѣсколько чарокъ водки, былъ чрезвычайно веселъ и то и дѣло торопилъ компанію оканчивать угощеніе, чтобы всѣмъ идти къ нему.

Достаточно подпившая философская братія готова была. Только Карповъ не хотѣлъ раздѣлить съ ними предстоявшаго веселья, ссылаясь на то, что уже поздно и что ему сильно хочется спать. Но его уговорили не отставать отъ коллегъ, давъ слово, что отъ Гамалѣи всѣ разойдутся по домамъ, хотя еще и очень рано (тогда какъ на самомъ дѣлѣ былъ уже второй часъ съ полуночи).

По пути въ свою квартиру, Гамалѣя опомнился, что у него нѣтъ хлопца и что, значитъ, некому сбѣгать за напитками...

Кстати, не подалеку жилъ философъ Ѳома Явоновскій. Компанія и заворотила къ нему, чтобы, пользуясь услугами его хлопца, попировать тутъ на счетъ Гамалѣи, и попировать подъ звуки музыки, такъ какъ Явоновскій „имѣлъ искусство грать на флейтоверсъ и скрипицу".

Калитка двора Явоновскаго была заперта. Чтобы стукомъ не обезпокоить хозяйку, Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ ворота и впустилъ во дворъ всю компанію.

Самъ Явоновскій уже пробудился и помышлялъ подняться съ постели, „для исправленія школного дѣла", когда къ нему ввалилась веселая толпа товарищей, сразу ставшая просить его сыграть что-нибудь.

Ничего не подѣлаешь! подумалъ Явоновскій, всталъ съ постели и принялся за игру.

Но выпить у него ничего не нашлось, не было и хлопца... Компаніи это было не по сердцу, и она, забравши флейту Явоновскаго (чтобы этимъ заставить его идти съ нею, такъ какъ онъ отказывался) направилась къ сосѣду Явоновскаго—философу Брайковскому, съ надеждою найти у него хлопца „для розыску напитковъ."

Брайковскаго не было дома: онъ, сказали въ его квартирѣ, еще съ вечера ушелъ къ Якову Костенскому.

Тѣмъ лучше! сообразили философы, пойдемъ къ Костенскому: онъ вѣдь малый добрый и богатый, такъ что если угоститъ насъ, то... на славу!...

Уже былъ четвертый часъ утра.

Костенскій, утомленный долгимъ (до полуночи) чтеніемъ съ Брайковскимъ философскихъ лекцій (Брайковскому былъ назначенъ диспутъ на вторникъ), спалъ глубокимъ сномъ. Ворота его двора были заперты.

Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ и широко распахнулъ ихъ... Компанія подбѣжала подъ окно Костенскаго и принялась стучать.

Костенскій проснулся... Прислушавшись къ голосамъ, онъ узналъ своихъ товарищей, велѣлъ хлопцу зажечь свѣчу и впустить стучащихъ.

Весело разсказывала компанія своему коллегѣ о томъ, какъ она проводитъ сегодняшнюю ночь. Костенскому, завсегдатаю товарищескихъ пирушекъ, даже завидно стало, и онъ захотѣлъ сейчасъ же вознаградить себя: приказалъ хозяйкѣ „напечь оладокъ,“ а хлопца отправилъ за гарнцемъ меду...

Гамалѣя „сыскалъ“ другой гарнецъ.

Пошелъ пиръ. Явоновскій (котораго насильно втащили къ Костенскому) игралъ на „флейтоверсѣ“ (онъ исполнилъ „три виновети“), а прочіе философы, опрокидывая стаканецъ за стаканцемъ, „забавлялись картами.“

Хозяйка Костенскаго хотѣла полюбоваться разгуломъ молодежи, заглянула чрезъ дверь, но ее кто-то изъ философовъ крѣпко ругнулъ за такое любопытство [1]).

Вино брало свою силу... Подлузскій уже уснулъ... Но остальные всѣ были еще крѣпки и, истребивъ оладки и медъ, пошли къ Карпову, чтобы у него еще хватить (Явоновскій остался подлѣ Подлузскаго).

Охмелѣвшая философія двигалась по улицѣ съ такимъ крикливымъ говоромъ, что многихъ разбудила. По крайней мѣрѣ, философъ Иванъ Сѣчкаровъ (положимъ, онъ рано и спать улегся, такъ какъ вечеромъ только подтвердилъ „школное поученіе“ и немножко почиталъ книгу...), квартира котораго окнами выходила на улицу, былъ пробужденъ ею, и въ тревогѣ выскочилъ на улицу.

Онъ сразу узналъ своихъ собратій по школѣ и спросилъ у нихъ:

„Гдѣ вы были.“

„У Костенскаго!“ дружно заревѣла шумная толпа.

„А куда намѣрены итить.“

„Ми и до васъ пойдемъ, когда попросите!“ находчиво отвѣтили веселые философы.

---

[1]) Она указывала префекту на Билецкаго, а магистрату на Бруныковскаго.

Послѣ такого отвѣта Сѣчкарову оставалось только пригласить ихъ къ себѣ...

Выпивъ у Сѣчкарова чарки по двѣ водки, философы отправились къ Карпову „снѣдать.“ (По пути на минутку они заходили въ квартиру Гамалѣи, такъ какъ ему необходимо было сказать слугѣ, что покупать на базарѣ къ обѣду). Тутъ они пропустили еще по нѣсколько чарокъ водки, закусили икрой и только разговорились о томъ, что уже, кажется, не рано, какъ вдругъ услышали, что „пробило на шесть часовъ три четверти“...

Это какъ будто перепугало компанію. Рѣшено было всѣмъ разойтись по домамъ и „готовиться на французы“ (къ французскому уроку)...

Такъ весело провели философы ночь съ 17-го на 18-е февраля 1763 года [1])!

Утромъ 18-го февраля они, какъ ни въ чемъ не бывало, повидимому, были „во французской школѣ и въ философіи“...

Но пирушка безъ слѣда не прошла...

20-го февраля къ префекту академіи іеромонаху Мелхиседеку Орловскому явилась Кіево-подольская жительница Евдокія Ѳедорова, вдова коллежскаго регистратора (переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ) Стефана Стефанова, и словесно заявила ему, что къ ея квартиранту-философу Якову Костенскому 17-го числа ночью приходили его товарищи—Кривецкій, Гамалѣя, Билецкій, Брайковскій, Явоновскій, Сѣчкаровъ и Карповъ, что они шумѣли, играли на разныхъ инструментахъ, ѣли оладьи „предъ заутренею противъ самой среды [2]); что Алексѣй Билецкій выругалъ ее въ ту ночь, а Семенъ Гамалѣя открылъ ворота ея двора, почему у нея пропало много дровъ.

Префектъ немедленно началъ допрашивать всѣхъ указанныхъ философовъ, каждаго „порознь.“

---

[1]) Подобныя пиршества у философовъ бывали не рѣдко. По крайней мѣрѣ, въ квартирѣ Костенскаго, по словамъ его хозяйки въ жалобѣ магистрату, они „неоднократно прихаживали въ гости“; на второй недѣлѣ поста являлись „весьма пьяные съ музыками, играли на скрипицахъ и кричали.. какъ сумасброды“.

[2]) Это поставлялъ въ вину философамъ и префектъ, не сообразившій вѣроятно, что 17-е приходилось на понедѣльникъ, и что, значитъ, философы пировали не „противъ среды“, а наканунѣ вторника.

Философы, не зная, откуда и что имѣлъ противъ нихъ префектъ, „потаились" во всемъ, на что жаловалась вдова Ѳедорова. Но своими объясненіями все-таки обнаружили префекту, что всю ночь съ 17-го на 18-е февраля они „въ компаніяхъ провели," „дружка дружку отъ дружки до дружки посѣщая"...

Находя, что это дурно, такъ какъ въ такихъ компаніяхъ своихъ дѣтей (инспекторами и сеніорами которыхъ были) философы ничему не учили, кромѣ однимъ соблазномъ", префектъ сталъ увѣщевать провинившихся „пристойними словами." Но они на всѣ рѣчи префекта отвѣчали презрительной улыбкой. Префектъ выходилъ изъ себя и уже начиналъ покрикивать на философовъ, угрожая наказать ихъ за упрямство и запирательство въ винѣ, и тѣмъ болѣе за непочтительность къ нему, за то, что на его „учителскія" наставленія они только „усмѣхаются."

Одни смирились... Страхъ префектовскихъ лозъ смутилъ ихъ. Другіе же, какъ Билецкій и Гамалѣя, стали опровергать обвиненія префекта и даже слишкомъ дерзкимъ тономъ... Особенно грубо объяснялись Кривецкій и Костенскій.

Это ужъ совсѣмъ взорвало префекта... Билецкому и Гамалѣѣ онъ сейчасъ же объявилъ лишеніе „кондиціальныхъ мѣстъ", Кривецкому и Костенскому велѣлъ остаться у себя, чтобы „для страху впредъ прочимъ" наказать ихъ лозами.

„Филаксъ" (сторожъ) былъ посланъ въ бурсу за экзекуторами—синтаксистами Леонтіемъ Дроздовскимъ, Андреемъ Пушкаревичемъ, Кузьмою Харутовскимъ и Стефаномъ Наумовичемъ.

Досадно стало Кривецкому и Костенскому, что имъ двоимъ приходилось расплатиться за всю компанію. Какъ ни пытались они доказывать префекту, что ихъ вина не особенно велика, префектъ не измѣнялъ своего рѣшенія...

Въ „сѣняхъ" послышались голоса бурсаковъ... Неминуемыя „пляги" покоробили душу Кривецкаго, и онъ въ безпамятной злобѣ прозвучалъ префекту: „Може и Ваше Высокопреподобіе своихъ временъ по ночамъ брожевали!"..

Префектъ пораженъ... „Ежели вы такіи учителю слова говорите, закричалъ онъ, сердито распахнувъ дверь въ сѣни, то

колми паче кому иному!“.. и приказалъ бурсакамъ „разложить“ и сѣчь философовъ-грубіяновъ.

Отпарили Кривецкаго... „Напрасно били!.. того чинить не подлежало!..“ ворчалъ онъ сквозь слезы, подбирая свои шаровары... „Не оставимъ искать, гдѣ надлежитъ!..“ зарыдалъ и ушелъ...

Костенскій же и ложиться не хотѣлъ, долго „воспящая себе брать“ и говоря префекту, „что ему бить его не надлежитъ.“ Но четыре синтаксиста овладѣли имъ! Они уложили его на полъ, стянули съ него „сподніе;“ одинъ (Харутовскій) придержалъ его за голову, другой (Дроздовскій) за ноги, а Пушкаревичъ и Наумовичъ отсыпали ему „у двѣ розги ударовъ съ обоихъ сторонъ тридцать“...

Взбѣшеннымъ поднялся Костенскій... Онъ весь дрожалъ отъ злобы, глаза у него сверкали какъ-то дико и страшно.

„Постой, к.....ь! закричалъ онъ, обратившись къ префекту, постой, с..... сынъ!... [1]).

Бурсаки улыбнулись.

Префектъ скрылся въ келію, плотно захлопнувъ за собою ея дверь.

. . . .

Вотъ оно!.. Ученики!.. „На пристойнія слова и учителскія увѣщанія усмѣхаются... не даютъ консеквенціи!.. Станешь ихъ наказывать... сами же себе по упрямству довели до того..., своими поступками, вовся противними регуламъ академическимъ..., а они произносятъ гнусніи, неналежніи и поносніи рѣчи!“ И это—философы... мои ученики! Развѣ это не „крайняя обида“? Какъ же теперь „наблюдать справедливость академѣческихъ установленій?“ Чего мнѣ—„командиру бѣдному“ ожидать теперь „отъ другихъ академѣстовъ,“ если я стану ихъ „за приключающіе отъ нихъ ежечастіе ексцессіи штрафовать?“ Конечно, „не иного чего, какъ толко крайняго отъ всѣхъ студентовъ непослушанія и противностей, а въ случаи и потерянія (чего Богъ сохрани) жизни ожидать неотмѣнно слѣдуетъ!“

---

[1]) Опускаемъ нецензурную брань.

Въ такомъ тяжеломъ, мрачномъ раздумьи долго бродилъ о. Мелхиседекъ по своей келіи. Наконецъ, рѣшился написать о своей обидѣ митрополиту Арсенію Могилянскому... Указавъ поводъ къ наказанію философовъ, съ оговоркою: „да простятъ сіе освященніе уши" привелъ буквально („сіи точніи слова") ту площадную брань, какою послѣ наказанія они его осыпали, и просилъ Владыку разсмотрѣть такую (подрывающую авторитетъ префекта) обиду со стороны студентовъ, чтобы какъ ему, такъ и будущимъ префектамъ и учителямъ академіи „ попрежнему должное отдавано было почитаніе, а подчиненніи страхъ бы имѣли."

Воображеніе префекта такъ было напугано дерзостью философовъ, что онъ не осмѣлился лично пойти къ митрополиту, и „доношеніе" свое утромъ на другой день послалъ каѳедральному писарю, прося его подать митрополиту прилагаемое при письмѣ доношеніе „о крайней нуждѣ академійской", и замѣчая, что самому ему „по послѣдовавшимъ нѣкоторымъ нынѣ обстоятельствамъ крайне быть невозможно."

А тутъ еще бѣда: нужно идти къ философамъ на лекцію! Префектъ терялся... Что-то недоброе предчувствовала его душа... Думалъ онъ, думалъ; наконецъ, взялъ „философію" и побрелъ съ смутною тревогою въ философскую аудиторію.

Входитъ...

Всѣ философы сидятъ по своимъ мѣстамъ, „какъ надобно". Прочитали молитву.

О. Мелхиседекъ „сѣлъ въ катедрѣ" и началъ обычную экспликацію философіи.

Вдругъ въ глубинѣ аудиторіи раздалось „цисканье (тсс)" и мелькнуло нѣсколько махавшихся рукъ...

Сердце лектора дрогнуло... Въ глазахъ помутилось... Мысли путались... Однако онъ овладѣлъ собой и продолжалъ экспликовать философію.

Только онъ дочиталъ параграфъ, изъ-за парты на средину аудиторіи выскочилъ Кривецкій.

Онъ еще съ самаго прихода префекта въ аудиторію „съ мѣста на мѣсто поступалъ", желая объясниться съ нимъ по

поводу вчерашняго наказанія, но товарищи останавливали его „цисканьемъ“ и маханьемъ рукъ... Дѣло въ томъ, что задолго до лекціи собравшись на академическомъ дворѣ въ ожиданіи перваго звонка, съ которымъ открывался входъ въ аудиторію, философы узнали про вчерашнюю расправу префекта съ ихъ товарищами. Имъ со слезами разсказывали объ этомъ сами потерпѣвшіе—Кривецкій и Билецкій... И не только насъ, говорили они оба своимъ товарищамъ, „напрасно и безрезонно“ вчера наказалъ префектъ, но и Костенскаго. Его „жестокимъ розочнимъ боемъ онъ столь опарилъ“, что тотъ слегъ въ постель и уже... при смерти... Философамъ не вѣрилось, чтобы въ самомъ дѣлѣ такъ сильно могъ наказать префектъ, и нѣкоторые изъ нихъ сбѣгали на квартиру Костенскаго, чтобы убѣдиться въ справедливости разсказа о его положеніи... Дѣйствительно, состояніе Костенскаго было серьезно-опасно: онъ лежалъ почти безъ сознанія и даже безъ движенія. Это сильно тронуло философовъ, и они стали роптать на префекта. Чего добраго, разсуждали они, и каждому изъ насъ можетъ задать префектъ такъ же, какъ задалъ Костенскому! Ему необходимо дать понять, что въ наказаніяхъ должно соблюдать мѣру и не забывать справедливости... Но какъ же ему сказать объ этомъ?.. Долго каждый молодецъ судилъ на свой образецъ, но наконецъ всѣ [1]) пришли къ одному: „чтобы префектъ въ случаѣ и другимъ философамъ впредь такова побою напрасно чинить не отважился“, при выходѣ изъ аудиторіи спросить у него „обще полетично съ должнимъ почтеніемъ и кротостью“; за что онъ такъ жестоко поступилъ вчера съ ихъ товарищами? за то-ли, какъ они говорятъ?.. Но Кривецкій не могъ дождаться условленнаго времени. Лишь только префектъ показался въ аудиторію, онъ уже начиналъ объясненіе, но сильное душевное волненіе дѣлало его какъ бы нѣмымъ и онъ только „поступалъ съ мѣста на мѣсто“; товарищи, не желая нарушать аудиторскаго порядка, „цискали“ и махали на него руками, чтобы онъ не возвышалъ

[1]) Правда одинъ изъ философовъ Моисей Стясенскій, при допросѣ показывалъ, что все согласились на то, чтобы Кривецкій началъ объясненіе съ префектомъ тотчасъ по входѣ послѣдняго въ аудиторію, какъ это и случилось.

своего голоса и ожидалъ конца лекціи. Но эти жесты Кривецкій принялъ за сигналъ къ началу своей рѣчи къ префекту...

— „Господа соученики! высокопочтенніи философы! обратился дрожащимъ голосомъ къ аудиторіи Кривецкій,—вчерашняго дня мене господинъ учитель немилостиво наказалъ, отъ котораго я причиненного мнѣ бою здоровью моему чувствую уронъ, а другой на смертельной постели лежитъ!.. Прошу спросить на то резона!"..

О. Мелхиседекъ поднялъ глаза на нежданнаго оратора и, стараясь хотя съ виду сохранить равнодушіе, спокойнымъ тономъ проговорилъ:

— „Domine Кривецкій! Я не безъ командира... есть у мене командиръ!.. Изволь на меня искать по командѣ!.. Естли ты обѣжденъ, ищи на мене суда въ вышшей власти..., а въ школѣ препятствія не дѣлай!"... и продолжалъ читать лекцію...

— „Господа философи, снова заговорилъ Кривецкій со слезами на глазахъ, прошу покорно васъ его высокопреподобіе господина отца префекта испросить причины, для чего онъ вчерашняго дня розгами наказувалъ насъ, и такъ жестоко, что отъ наказанія я почти своего половинного здоровья лишился и во всей академіи нынѣ нахожусь обезславленъ, а другой соученикъ мой Костенскій после того наказанія на смертельной постелѣ лежитъ... такъ же Семенъ Гамалѣя и Алексѣй Бѣлецкій мѣстъ лишены... Для чего мы такой штрафъ и безчестіе понесли? Пусть предъ вами явно будетъ!..

Лекторскій голосъ префекта замолкъ. Молчала и аудиторія, пораженная неожиданностью...

Кривецкій разрыдался и съ упрекомъ снова обратился къ товарищамъ:

— „Вы, господа соученики, прежде всѣ обще были согласились на то, чтобъ спросить резона у господина отца учителя о нашемъ увѣчьи и безчестіи, а теперь... молчите!

Послышался слабый голосъ Билецкаго: „за что и мене лишили мѣста? что я виновенъ?

Волей-не-волей префектъ долженъ былъ начать непріятное объяснение съ своими „подкомандними".

— „Domine Кривецкій, обратился онъ къ плачущему философу, чего ви требуете?"

На это Иванъ Никифоровичъ, сидѣвшій вблизи каѳедры, (онъ и Иванъ Сѣчкаровъ, какъ лучшіе ученики—„за пристойность мѣста"—были уполномочены товарищами переговорить съ префектомъ), отвѣчалъ:

— „Ваше высокопреподобіе! мы всѣ и оны за то жалѣютъ, что такъ увѣчени"...

— „Я небезрезонно наказалъ ихъ: доносъ былъ одной женщины—хозяйки Костенскаго, что они дрова поворовали...

— „Оны, вмѣшался Сѣчкаровъ, паничи, господскіе дѣти, и имъ дрова не нужны: по квартирамъ стоятъ и потому кажется не по приличію имъ дрова воровать!

— Да Костенскій, подхватилъ Григорій Чижевскій, въ тоей женщины и на фатерѣ стоитъ, въ которой дрова поворовано...

— „Но все же на ихъ слѣду пропажа случилась, прокурорски разсуждалъ о. префектъ,... и я имъ объявлялъ съ сихъ двохъ легшое себѣ собрать либо удоволствовать оную бабу зложившися по 10 копѣекъ, либо наказаніе принять... Это бредня (пустякъ) зложившися по 10 копѣекъ заплатить.

— „Какъ намъ платить, вить (вѣдь) она на насъ никакого поличія въ покражѣ дровъ не показала? возражалъ уже нѣсколько успокоившійся Кривецкій.

— „Ежелибъ они невинни будучи заплатили оной бабѣ деньги, вставилъ Малчевскій, то сами бъ они на себе порокъ воровъ навели.

Мысль Малчевскаго показалась префекту неотразимою, и онъ сконфузился... Но все-таки отвѣтилъ:

— „Слушай, domine Малчевскій, ты при судѣ не былъ и ты не консисториста; не можешь ты выводить консеквенцій!"

Кривецкій же опровергалъ префекта. „Ваше высокопреподобіе, говорилъ онъ, таковихъ рѣчей, чтобъ намъ оную бабу удоволствовать, вы не говорили; ибо когда бы вы приказали удоволствовать ее, то бъ ми не толко по 10 копѣекъ, но и поболѣ заплатили бъ... Лучше бъ сколько нибудь заплатить нежели болѣе ста ударовъ понести!..

Префектъ обидѣлся...

— „Безсовѣстно, domine Кривецкій! Тебѣ еще лѣтъ нѣтъ двадцати, а я іеромонахъ уже... могу и совѣстію потвердить, что столко не далъ!..

Чувствуя въ душѣ, что нужно же хоть чѣмъ нибудь доказать справедливость наказанія философовъ, префектъ, обратясь ко всей аудиторіи, сказалъ:

— „Оны сверхъ того ночью бродили!.. Инспекторѣ... и дома не ночевали!

— „Мы, горячился въ забытьи Бѣлецкій, не бродили!..

— „Нѣтъ, бродили! Вы и самы сознали, что въ одного одинъ часъ, а въ другого другой, и такъ бродя цѣлую ночь провели!.. При томъ и дѣти твои въ допросѣ показали, что ты въ дому не ночовалъ!" справедливо останавливалъ его о. Мелхиседекъ.

— „Ваше высокопреподобіе!—отозвался Сѣчкаровъ,—Костенскій же, который смертно увѣченъ, ночью нѣгде (нигдѣ) не бродилъ!..

— „Костенскаго, оправдался взволнованный префектъ, я наказалъ за то, что такую въ неуказанное время компанію принималъ!..

— „А почему, цѣплялся Кривецкій, нѣкоторые бывшіе съ нами въ компаніи безъ казни остались?

— „Да! да! подхватили Никифоровичъ и Сѣчкаревъ, зачимъ же ихъ наказали, а Подлузскаго нѣтъ?

— „Вы при наказаніи нашемъ пояснилъ Кривецкій въ келіи ему Подлузскому то говорили: ты недавно зъ Москвы пріѣхалъ, для того тебе прощается!

— „Значитъ, ядовито вставилъ Бѣлецкій, сыскивая rationem sufficientem, что недавно съ Москви пріѣхалъ?

— „Не тотъ резонъ, отговаривался сбиваемый со всѣхъ позицій префектъ, но что смирился! Я всѣхъ васъ хотѣлъ (тутъ о. Мелхиседекъ даже поклялся) отечески наказать и дать по десяти ударовъ, но вы мои консеквенціи стали негодовать (отрицать) и досадно противясь виговаривить... за тѣмъ я васъ

побоялѣе наказалъ, а ево за смиреніе простилъ!.. А вы и сами знаете, что покорное телятко двѣ матки ссѣтъ (сосетъ)...

— „Было насъ отчески защищать! звучалъ Бѣлецкій.

— „Я защищалъ тебе... далъ тебѣ мѣсто и великое безчестіе отъ господъ богослововъ чрезъ васъ претерпѣлъ [1])!".

— „Не по отческу!.. безсовѣстно насъ наказали! заключилъ Кривецкій. Въ аудиторіи поднялся шумъ...

Съ разныхъ сторонъ раздалось: „безразсудно!.. безрезонно!.. несправедливо, не отчески!.. тиранско такъ наказывать философовъ!"...

Префектъ оторопѣлъ... Попытался читать лекцію, но шумъ заглушалъ его звуки...

— „Чего, господа, молчите? расходился опьяненный злобою Кривецкій... Развѣ у васъ языковъ нѣтъ?!"...

— „Такъ что жъ вы будете дѣлать? растерянно обратился о. Мелхиседекъ къ Кривецкому.

— „Къ Его Преосвященству станемъ ускаржаться! отрѣзалъ онъ.

— „Боже, благослови!" прозвучалъ префектъ, благословляя аудиторію...

Лицо его было неузнаваемо; глаза блуждали, руки дрожали; голосъ обрывался...

— „Всѣ ли вы, съ усиліемъ спросилъ онъ, подымаясь съ каѳедры и складывая книгу, на мене станете суда искать".

— „Всѣ! всѣ!" хоромъ прогремѣло въ аудиторіи...

Бѣдный командиръ попросилъ прочитать молитву...

Прочитали „Достойно есть"...

Префектъ робко откланялся на обѣ стороны—„отблагодарилъ за школу",—и, шагая къ двери,—чуть-чуть переводя духъ, пробурчалъ:

„Буди кто въ школу будетъ ходить, и я буду"!...

Съ болью въ сердцѣ шелъ префектъ въ свою келію... Что мнѣ дѣлать?.. Какъ мнѣ быть?.. Неужели всѣ, всѣ-до одного...

---

[1]) Префекты академіи обычно подыскивали старшимъ студентамъ кондиціи. Преимущество, конечно, было за богословами и, если философъ былъ предпочитаемъ, богословъ обижался.

философы такъ возненавидѣли меня?.. Нѣтъ! этого не можетъ быть! Вотъ, хотя бы Залѣсскій (философъ Ѳедоръ Залѣсскій состоялъ у него „писаремъ")... да онъ всей душой преданъ мнѣ... Позову-ка я его, быстро мелькнуло въ головѣ о. Мелхиседека, да попрошу узнать, кто изъ философовъ не идетъ противъ меня... Если такихъ будетъ больше, чѣмъ крикуновъ... конечно, больше! Бодрился префектъ..., тогда я съумѣю расправиться съ мятежниками!..

Явился Залѣсскій, выслушалъ просьбу обиженнаго префекта и сейчасъ же направился по квартирамъ философовъ отбирать подписи сочувствующихъ своему профессору [1])...

Лице префекта прояснилось, когда онъ глазами пробѣгалъ немалое число фамилій философовъ, стоявшихъ за него „по едной синовской къ учителю своему должности"... Онъ ликовалъ въ душѣ, что его судьба еще не такъ печальна, какъ ему казалось въ аудиторіи... Въ такомъ случаѣ побѣда моя!—рѣшилъ онъ подсчитавъ всѣ подписи, и усѣлся писать новое доношеніе митрополиту.

„Сегодня утромъ, излагалъ онъ, во время моей лекціи философъ Романъ Кривецкій выскочилъ изъ-за скамьи и крикомъ: „господа философы! меня и другихъ нашъ учитель несправедливо вчера обезчестилъ!"... прервалъ мои занятія... Я сталъ приводить ему резоны въ оправданіе своего наказанія, но онъ всѣ ихъ „публѣчно за ложніе призналъ", почему товарищи его (изъ нихъ префектъ переименовалъ 21, оговариваясь: и прочие, коихъ они сами показать могутъ") тотчасъ подняли противъ меня страшный крикъ и шумъ, называя меня „неправосудцемъ"... „Своими неутолимыми воплями они такъ мене крѣпко спугали, что *одна думка была въ катедрѣ школной, а другая на порогѣ*

---

[1]) Такъ показывалъ на дознаніи въ консисторіи Иванъ Сѣчкаровъ; самъ же Залѣсскій говорилъ, что оставшіеся на сторонѣ префекта пришли къ нему „самовольно, ни по чьему принужденію и объявили, что они не имѣютъ никакой причины суда на ево искать"; въ ихъ числѣ былъ и онъ; Навроцкій показалъ, что стоявшіе за префекта, „согласившись самоизвольно, не съ принужденіемъ описали имена свои и учителю подали", другіе показывали, что они „тайно" приходили въ келію префекта и тутъ „на одной картки" подписывались... Такое разнорѣчіе позволяетъ

смертномъ!" Кривецкій поминутно „поскакувалъ" среди аудиторіи, помахивая рукою, то моргая глазами, чтобы побудить своихъ единомышленниковъ, кажется, „къ весма худому и опасному мнѣ случаю"; часто обращался къ нимъ съ восклицаніемъ: „ну! чтожъ будемъ дѣлать, господа философы?"... Чувствуя „крайнюю опасность", я попытался успокоить философовъ, убѣдить ихъ, что во всей своей дѣятельности я стремлюсь лишь къ одному—къ ихъ пользѣ, указывалъ имъ на свои „старателства" о бурсацкихъ и школьныхъ постройкахъ, на свои классные труды, на „мѣста и кондиціи", пріискиваемыя имъ мною (а сколько тутъ приходилось испытать „печали!"...), но... все было напрасно!.. Шумъ въ аудиторіи подымался еще большій... „Я струсилъ весма" и подумалъ: „не хотятъ ли они мене средѣ школи висѣчь, или камнями забросать въ катедрѣ школьной или паче чаянія изъ гори (со втораго этажа) на низъ бросить". Ожидать, „при такихъ мятежахъ" откуда-либо помощи нельзя было, и я, покорно поблагодаривъ за школу, вышелъ изъ аудиторіи и, слава Богу, цѣлымъ и невредимымъ... Понятно, послѣ такихъ продерзостей со стороны философовъ („чего еще въ академіи никогда не бывало"), я не рѣшусь являться въ аудиторію, пока „не получу покровительства" Вашего, и прошу Ваше Преосвященство „учинить опредѣленіе"... Лично явиться къ Вамъ я не могу, потому что страшно опасаюсь, чтобъ мои ученики на дорогѣ не напали на меня"...

Сложивъ такое доношеніе, о. Мелхиседекъ отправилъ его черезъ служителя къ митрополиту, рѣшивъ до резолюціи и на глаза не попадаться философамъ.

Не дремали и философы... Какъ ни казалось имъ справедливымъ все продѣланное по отношенію къ префекту, тѣмъ не менѣе сознаніе того, что онъ—ихъ начальникъ, внушало имъ какое-то опасеніе... Они чувствовали, что перевѣсъ останется за префектомъ, но не за ними. Мало того! Если префектъ представитъ всю исторію митрополиту въ своемъ освѣщеніи, то имъ придется поплатиться и—очень жестоко... Значитъ, нужно спасаться, нужно самимъ объяснить митрополиту, въ чемъ дѣло;

нужно показать, что они обижены префектомъ, и что виноватъ, слѣдовательно, онъ, а не они...

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ соображеній Кривецкій, Бѣлецкій, Гамалѣя и Костенскій пишутъ въ тотъ же день митрополиту отъ себя доношеніе на префекта.

„Префектъ Мелхиседекъ Орловскій, читаемъ у нихъ, сего 20 февраля по одной, ни на чемъ не основанной, жалобѣ подольской вдовы, не принимая отъ насъ никакихъ оправданій наказалъ насъ „съ немилосерднимъ тиранствомъ“ (Гамалѣя и Бѣлецкаго „лишилъ мѣстъ“, Кривецкаго же и Костенскаго высѣкъ розгами и Костенскаго — такъ сильно, что тотъ заболѣлъ), чѣмъ „намъ навелъ немалое безчестіе въ академіи“... Всѣ мы живемъ въ наемныхъ квартирахъ и наши хозяева снабжаютъ насъ отопленіемъ („обогрѣваніемъ“); слѣдовательно, префекту, „*яко учителю философіи можно здравимъ умомъ разсудить*“, что дрова намъ не нужны, и потому не принять отъ женщины бездоказательнаго обвиненія насъ въ ихъ воровствѣ, тѣмъ болѣе, что и „по всѣмъ правамъ указано: ежели истецъ ничимъ не доводитъ, то обвиненный безъ всякого виводу волнимъ остается“... Мало того, Префекту слѣдовало отстаивать нашу честь, какъ своихъ учениковъ, ни въ чемъ прежде не заподозрѣнныхъ... А онъ, опираясь „на еднихъ пустыхъ женскихъ рѣчахъ, дерзнулъ насъ безчестить и бить, въ отмѣну Регламента Духовнаго части 1, листа 57, пункта 6-го и 8-го“... Въ заключеніе они просили митрополита „за таковое невинное безчестіе и побой учинить съ префекта удоволство... и впредъ ему таковихъ несправедливыхъ дерзостей чинить запрѣтить“...

Дни проходили. Префектъ въ аудиторію не показывался, въ ожиданіи митрополичьяго „опредѣленія“. Философы-мятежники недоумѣвали и смущались за исходъ своего возстанія противъ о. Мелхиседека. Они обдумывали теперь, какъ бы имъ обвинить его и оправдать себя...

25 февраля больной Костенскій высказалъ товарищамъ желаніе, чтобъ надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія. Товарищи дважды обращались къ префекту и разъ къ ректору съ просьбою отпустить для совершенія елеосвященія священ-

никовъ изъ Братскаго монастыря, но тотъ и другой отвѣчали имъ: „на подолѣ много священниковъ!".. Такой обидѣ философы какъ бы обрадовались, видя въ ней сильное обвиненіе противъ своего академическаго начальства, вызывающаго справедливыя возмущенія, и сейчасъ же обратились съ словесною жалобою къ митрополиту. Митрополитъ немедленно велѣлъ записать ихъ жалобу и снарядилъ судоваго писаря іером. Венедикта съ канцеляристомъ Иваномъ Юзефовичемъ освидѣтельствовать Костенскаго. Костенскій, по ихъ мнѣнію, оказался серьезно больнымъ, не могшимъ даже подняться съ постели. Чѣмъ онъ страдалъ, они не опредѣляли, но съ его словъ записали, что послѣ префектовскихъ побоевъ онъ ощущаетъ „внутрѣ немалую порчь", что на другой день послѣ экзекуціи у него было кровохарканье; нашли, что онъ не владѣетъ правою рукою и безъ сторонней помощи не въ состояніи переворотиться на кровати, узнали, что шестой день онъ ничего не ѣстъ и поддерживаетъ себя лишь питьемъ теплой воды разъ въ сутки; замѣтили, наконецъ, у него на тѣлѣ, „въ томъ мѣстѣ, гдѣ бито, отъ хлости давной у отца префекта, кровавые позашкорупѣліе смуги"...

Чрезъ нѣсколько дней до философовъ долетѣла не отрадная вѣсть, что митрополитъ находитъ ихъ виновными и что имъ предстоитъ большая непріятность. Откуда узнали они это,—не рѣшаемъ; вѣроятно, отъ митрополичьихъ канцеляристовъ... Значитъ, напрасно ректоръ, препровождая катедральному писарю два доношенія префекта (для передачи митрополиту), просилъ его, чтобы онъ самъ „по онымъ писалъ подлежащее", не отдавая канцеляристамъ, которые „сейчасъ вынесутъ изъ консисторіи резолюцію, и такъ по онымъ ничего здѣлать не можно будетъ" [1]). Философы смутились, и, въ виду того, что префектъ все еще не посѣщалъ аудиторіи, рѣшились на послѣдній шагъ— просить митрополита уволить ихъ изъ академіи (вѣроятно, въ той надеждѣ, что подобная просьба склонитъ митрополита въ ихъ пользу).

---

[1]) Это бросаетъ глубокую тѣнь на ректора... Очевидно, онъ сознавалъ, что философы были правы, по крайней мѣрѣ могли оправдаться.

Вотъ что они писали митрополиту 7-го марта:

„21 февраля сего года послѣ „протестаціи" нашихъ соучениковъ—Кривецкаго и Бѣлецкаго на то, что префектъ „безъ правильной причини противъ характера школи философіи велѣлъ ихъ сѣчь немилосердо розгами" (такъ что Костенскій „въ сомнителствѣ съ архіяторского примѣчанія есть долговременнаго житія" и надъ нимъ уже „християнскіе порядки отправленни"), мы „кротко и съ должнимъ почтеніемъ" просили префекта указать причины такого ихъ „штрафа", „ибо и намъ всѣмъ предвѣдѣлось не что иное, какъ таковая жъ срогая и напрасная награда." Префектъ отвѣтилъ намъ на это: „ищѣте-де суда на мене!" и „по завзятости своей" ушелъ изъ аудиторіи... За нимъ ушли и мы... И вотъ съ 21-го февраля онъ не является на лекціи, „удерживаетъ намъ время ученія," а предъ Вами—что очень обидно—„проименовалъ насъ бунтовщиками (*какъ послухъ есть*)," чѣмъ и „привелъ васъ на гнѣвъ," такъ что вы позволили поступить съ нами, какъ съ бунтовщиками... Но мы—не бунтовщики, но вѣрноподданные сыны Россійской имперіи, ибо „бунтовщикъ тотъ, которій на здравіе чіе возмущаетъ и подговариваетъ," у насъ же въ душѣ ничего подобнаго не было... и мы сдѣлали только то, о чемъ выше говоримъ. Если же Вы „изволите себе увѣрить не на насъ вообще, а на единомъ толко отцу префекту, и съ нами (*какъ слишно*) децѣзіи оставить не соблагоизволите, то ми, за происходившее въ академіи намъ ученіе съ ползою, понуждени будемъ поднести Вамъ благодареніе и изъ академіи къ докончанію совершеннѣшаго нашего ученія разойтись ьь иніи мѣста, да притомъ и то еще причина, что намъ окончивать ученіе философіи подъ дирекціею отца префекта опасно, даби онъ намѣреннаго своего авантажа не наградилъ подъ какимъ нибудь образомъ."

Это прошеніе было подписано 22 философами—врагами префекта.

Дѣю, какъ видимъ, гремѣло..., и требовало тщательнаго слѣдствія.

Митрополитъ 10 марта указомъ изъ консисторіи велѣлъ префекту возобновить занятія фялософіей, „безъ всякаго сумни-

телства ходить въ школу и ученіе надлежащимъ порядкомъ продолжать, точію въ школу не принять таковихъ учениковъ, на коихъ онъ префектъ имѣетъ зазрѣніе“ [1]); а Консисторіи поручилъ произвести обстоятельное слѣдствіе о философическомъ возмущеніи...

Долго тянулось дѣло въ Консисторіи. Она отобрала собственноручныя показанія у всѣхъ философовъ и даже у экзекуторовъ, сѣкшихъ Кривецкаго и Костенскаго... И каковъ былъ конецъ всему, не знаемъ [2]). Однако, судя по тому, что 19 мая въ Консисторіи была сдѣлана краткая выписка изъ Высочайшихъ граматъ, данныхъ кіевской академіи (Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1694 г., Петромъ Великимъ въ 1701 г., Елизаветой Петровной въ 1742 г.), изъ Духовнаго Регламента, изъ рѣгулъ кіевской и иностранныхъ академій [3])—о студентахъ, „не порядочно поступающихъ,“ для законнаго приговора надъ бунтовщиками, можно сказать, что имъ не посчастливилось... Да и префекту Мелхиседеку Орловскому, уже въ слѣдующемъ учебномъ году выбывшему изъ академіи, вѣроятно, была не особенно пріятна развязка этой исторіи.

XV.

Къ утѣшенію академической администраціи, послѣ изложенной нами демонстраціи, въ 1763 г. [4]) ей пришлось составлять новую инструкцію студентамъ, и она въ 15-мъ пунктѣ

---

[1]) Этотъ указъ учителями—синтаксическимъ іером. Никодимомъ и аналогическимъ—іерод. Іереміею былъ объявленъ всѣмъ философамъ 13 марта.

Кто былъ не принятъ префектомъ, не знаемъ... Вѣроятно, не одинъ Бѣлецкій, просившій митрополита 15 апрѣля объ обратномъ пріемѣ его въ академію..

[2]) Дѣло это сохранилось не въ полномъ видѣ.

[3]) Тутъ были выписки изъ регулъ академій Виттембергской и Магдебургской, на которыя (выписки) обращаемъ вниманіе будущаго историка кіевской академіи за вторую половину XVIII в. См. „Акты относящіеся къ исторіи кіевской академіи за XVIII столѣтіе, собранные Д. Вишневскимъ въ 1895 г.“. № 21. (въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи).

[4]) Инструкція была представлена митрополиту 18 ноября 1763 г. и утверждена имъ 39 декабря. (Ibid., д. № 22).

постаралась оградить себя отъ непріятныхъ студенческихъ жалобъ и доношеній на нее митрополиту... Въ этой инструкціи прямо, подъ угрозою „жестокаго на тѣлѣ наказанія“, запрещалось, безъ вѣдома ректора, писать такія доношенія; и еслибы кто-нибудь изъ студентовъ явился къ митрополиту съ подобнымъ доношеніемъ, таковаго предписывалось „отсылать при нарочномъ въ академію для наказанія предъ прочими учениками въ школѣ“...

Силу этого постановленія академическое начальство охраняло самымъ усерднымъ образомъ. Мало того; въ 1764 г. оно, воспользовавшись случаемъ [1]), успѣло еще выговорить себѣ (ректору) право, увольнять студентовъ, „за противности“ начальству, даже не представляя объ этомъ митрополиту, „во отвращеніе имѣющихъ послѣдовать Его Ясне въ Богу Преосвященству излишнихъ затрудненій, академической командѣ несносныхъ хлопотъ, въ ученіи помѣшательствъ, отъ всѣхъ состоящихъ въ Кіевѣ разныхъ командъ нареканій і непотребныхъ переписокъ“...

Это, кажется, прекратило возмущенія молодежи въ академіи...

Д. Вишневскій.

---

[1]) Случаемъ этимъ были „ругателнія, язвительнія и единственно къ уничтоженію власти префектской и всѣхъ обще учителей касающіяся рѣчи“ богослова Петра Яновскаго, произнесенныя имъ „съ крайнимъ непочтеніемъ, презрѣніемъ и другими непристойными поступками“ всему собранію академической корпораціи, судившей его за то, что онъ 12 апрѣля 1746 г. „въ пянствѣ“ высѣкъ въ бурсѣ „лозами„ піиту Андрея Пушкаревича, безъ всякаго повода. (Яновскому за это было приговорено, послѣ извиненія датъ, 60 плягъ, въ присутствіи префекта и учителей... Впрочемъ 19 ударовъ ему простили).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову)[1].

Свѣдѣнія о пребываніи Іереміи В. въ лѣвобережной Украинѣ отрывочны и сбивчивы. Сбивчивы эти свѣдѣнія особенно отъ значительнаго прибавленія къ фактамъ историческимъ—разныхъ личныхъ догадокъ позднѣйшихъ историковъ, причемъ догадки приводятся, какъ историческіе факты. Возьмемъ, напр., послѣднюю книгу Кулиша—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, напечатанную Московскимъ историческимъ обществомъ,—и что же мы въ ней находимъ относительно пребыванія В—аго въ Лубенщинѣ?—Съ увѣреннымъ тономъ сообщается объ этомъ такое свѣдѣніе: „Основавъ съ 1634 г. свою резиденцію въ Лубнахъ, В—ій въ религіозномъ отношеніи—не трогалъ монастырей, основанныхъ при покровительствѣ его матери. Онъ граничился только тѣмъ, что въ виду *обскурантовъ и пьяницъ*, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлію уничтожить православные храмы и привлечь симпатіи лучшихъ людей (?) къ религіи облагороженной, В—ій построилъ доминиканскій, т. е. проповѣднической, м—рь въ Прилукѣ и костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ“... (II, 198). Всѣ эти факты сообщаетъ новѣйшій историкъ Малороссіи, не указывая источника, но такъ авторитетно, что какъ будто и сомнѣваться въ нихъ нельзя. Мы можемъ указать источникъ лишь свѣдѣній о доминиканскомъ монастырѣ и костелахъ; взяты они или у Нѣ-

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1896 г. № 2.

сѣцкаго[1]) непосредственно или—у Свѣнцкаго[2]), который свою компиляцію о Іереміи В—омъ составлялъ преимущественно по такой же компиляціи Нѣсѣцкаго. Интересно, что въ той же своей книгѣ Кулишъ разсказываетъ раньше о томъ же съ иными подробностями... Говоря объ отношеніяхъ В—аго къ лѣвобережнымъ монахамъ, Кулишъ говоритъ, что Іеремія терпѣлъ правосланыхъ монаховъ въ своей Лубенщинѣ только ради своего родственника Петра Могилы и что когда когда игумены лѣвобережныхъ монастырей обращались къ нему съ просьбами и жалобами[3]), онъ отвѣчалъ имъ съ принебреженіемъ и давалъ чувствовать близость насильственнаго перехода подъ главенство римскаго папы. За то въ Лубнахъ, Ромнѣ, *Хоролѣ и другихъ городахъ* своихъ строилъ онъ костелы и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны... „(I, 212).—Приводя эти факты, основанные на однихъ догадкахъ, г. Кулишъ желаетъ сообщеніемъ ихъ показать, что цѣлью переселенія Іереміи на лѣвый берегъ Днѣпра былъ „насильственный переходъ населенія Лубенщины подъ главенство папы", т. е., что В—ій желалъ и въ „заднѣпровскихъ" своихъ маетностяхъ ввести ту же унію, которая въ это время уже царила на правомъ берегу Днѣпра... Ближайшее изученіе источниковъ, повидимому, указываетъ, что Іеремія пе-

[1]) Herbarż Polski, изд. Бобровича, IX, 356, гдѣ читаемъ: „fundował w Przylucе o. o. dominikanów (Okolski, Russ. Flor., 57) kościoły w Łubnie, Rumnie, Łochwicy, w Wiśniowcu zaś wspaniałą stawiać począł bazylikę"...

[2]) Historiczne Pamiątki, II, 298. Тѣ же источники, т. е. Нѣсѣцкій или Свѣнцкій, повидимому, послужили источникомъ и для Костомарова въ его разсказѣ о пребываніи Іереміи В—аго въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ читаемъ, что В—ій „владѣя огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней Полтавской губерніи, принялся съ жаромъ *вводить католичество*, построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, поощрялъ единоземцевъ (?), переходившихъ въ католичество и гналъ схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ... „(Богд. Хмельн., изд. 4, I, 327).—Трудно понять, изъ приведеннаго мѣста—гдѣ собственно В—ій принялся „вводить католичество"?—Вообще ли въ своихъ имѣніяхъ или же только въ его имѣніяхъ теперешней Полтавской губерніи?...

[3]) Здѣсь г. К—шъ разумѣетъ конечно обращеніе къ В—му Густынскаго игумена въ 1638 г. (см. февр., 217), такъ какъ другихъ такихъ обращеній—по актамъ не извѣстно.

реселялся въ Лубенщину съ цѣлями экономическими, а не религіозными... Кажется, нельзя сомнѣваться, что В—ій переселился въ Лубенщину на жительство уже послѣ женитьбы, [1]) т. е. не раньше 1639 г., а слѣдовательно только черезъ годъ послѣ усмиренія козаковъ, когда изъ лѣвобережныхъ его имѣній бѣжало „нѣсколько тысячъ подданныхъ“ въ Московское государство, когда туда же бѣжали лѣвобережные монахи, когда, однимъ словомъ, въ Лубенщинѣ царилъ общій переполохъ, такъ какъ тогдашнее ея населеніе ожидало новыхъ насилій, послѣ испытанныхъ уже при усмиреніи Остряницы и Гуни... Отсюда мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что В—ій переселился въ Лубенщину не для того, чтобы снова устрашать и разгонять ея жителей, а для того, чтобы призывать туда новыхъ,— для пополненія произшедшей въ населеніи убыли... И конечно не постройкою костеловъ въ Прилукѣ, Ромнѣ, Лохвицѣ, Хоролѣ, и „другихъ городахъ“ и не размѣщеніемъ въ этихъ городахъ „католическихъ монаховъ въ качествѣ духовныхъ гарнизоновъ“— могъ В—ій привлекать въ Лубенщину новыхъ *слобожанъ*. При всемъ этомъ, свѣдѣнія объ этихъ костелахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Достовѣрное имѣется свѣдѣніе объ одномъ только Лубенскомъ кляшторѣ. Мы уже видѣли, что Кулишъ въ одной своей работѣ 1863 г. указываетъ на разореніе въ Лубнахъ *бернардинскаго* монастыря (февр., 216), случившееся будто бы вслѣдъ за Кумейскимъ пораженіемъ козаковъ. Повторяя это свѣдѣніе черезъ 25 лѣтъ, Кулишъ не говоритъ уже о монастырѣ, а лишь объ одномъ костелѣ („Отпад.,“ I, 238). Но въ Лубнахъ былъ дѣйствительно устроенъ католическій монастырь („конвентъ“) и при томъ бернардинскій [2]). О постройкѣ же костеловъ въ Ромнѣ,

---

[1]) Для усмиренія козацкаго возстанія въ продѣлахъ Лубенщины въ 1638 г. Іеремія пришелъ „pod Lubnie“ съ войскомъ, (Dyaryusz Окольскаго, изд. Туровскаго 1858 г., стр. 129), повидимому, съ праваго берега Днѣпра; слѣд., въ это время онъ тутъ еще не жилъ ..

[2]) По акту 1647 г. Іеремія В. отдалъ Александру Замойскому г. Лубны, со всѣми его угодьми и хуторами, въ арендное пользованіе, на три года, за 21 т. польск. злот., считая въ годъ по 7 т. злот., при чемъ сумму эту Замойскій обязанъ былъ уплачивать *oycom Łubieńskiego conwentu bernadynom*... „Арх. Ю. З. Россіи, т. VП, ч. 1, стр. 462. Окольскій, говоря о „конвентахъ“ въ „русской провинціи“, построен-

Лохвицѣ, Хоролѣ никакихъ свѣдѣній въ извѣстныхъ намъ печатныхъ и письменныхъ источникахъ—нѣтъ. Да, повидимому, не для кого ихъ было и строить, такъ какъ католиковъ въ Лубенщинѣ много быть тогда не могло: кромѣ „дворянъ" В—аго и разныхъ его „старостъ" и прочихъ „слугъ", другимъ католикамъ не откуда тамъ было взяться; для такого же незначительнаго числа католиковъ достаточно было и одного монастырскаго костела въ Лубнахъ. Поэтому, можно думать, что упоминаемыхъ Кулишемъ костеловъ вовсе не существовало. Можетъ быть сомнѣніе лишь относительно доминиканскаго конвента въ Прилукѣ.

Упоминая объ этомъ конвентѣ, Нѣсѣцкій дѣлаетъ ссылку на книжку Окольскаго—Russia Florida. Дѣйствительно въ этой книжкѣ говорится, что избранный въ 1644 г. провинціаломъ „русской провинціи" доминиканецъ Іеронимъ Грохольскій заботился объ устройствѣ новыхъ конвентовъ въ своей провинціи („curavit aliquod loca pro conventibus erigendis"), причемъ вслѣдъ за этою фразою слѣдуетъ, какъ будто въ видѣ ея поясненія: „in Lipowiec, haereditate ducis in Zasław et Ostrog per gen. d. Wilga, sunm consanguineum, *in Przyłuka per illustrissimum ducem in Wisniowiec Jeremiam*, palat. Russiae..." стр. 57). Что хотѣлъ сказать этими словами Окольскій—понять трудно... Былъ ли устроенъ въ Прилукѣ „кляшторъ" или только дано было обѣщаніе на его устройство? [1]) При этомъ Окольскій ука-

ныхъ орденомъ бернардиновъ, тоже указываетъ *Лубны* (Łubniam). Russia Florida (Leopoli, 1646), стр. 25. Послѣ изгнанія поляковъ, бернардинскія имѣнія отданы были Хмельницкимъ Мгарскому монастырю. Въ одной купчей записи 1667 г. читаемъ, что братья Науменки, „вязовецкіе мешканцы, продали Мгарскому м—рю два „иза" за „шесть золотыхъ", при чемъ добавляютъ: „щосмо купилисмо были въ групахъ бернардинскихъ, на врочищи, прозываемомъ Тернахъ, изовъ два увъ озерахъ, бернардинскихъ, которыхъ то изовъ уживалисмо по збуреню *кляштора лубенского*... яко п. гетманъ в. Зап. Богданъ Хмелницкий тие всѣ грунта кляшторніе на врочищахъ, прозив. Тернахъ, що предъ симъ уживали бернадини кляштора Лубенского... тое все надалъ велебнимъ отцамъ законникамъ м—ра Мгарского Лубенского на писмѣ своемъ"... Акты Мгарск. м—ря, л. 256 об.

[1]) При рѣшеніи вопроса о кляшторѣ въ Прилукѣ—слѣдуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что есть еще *Прилука* и—на правомъ берегу Днѣпра (теперь—въ Бердич. у), которая въ перв. пол. XVII в. уже была центромъ цѣлаго ключа (Zródła Dziejowe XX, 123, 136 и друг.) Могло случиться, что Окольскій лишь по ошибкѣ назвалъ Прилуку Іеремія В—аго, вмѣсто правобережной, находившейся въ

зываетъ здѣсь 1644-й годъ, а книжка, въ которой онъ говоритъ объ этомъ, появилась въ печати въ 1646 г., почему можно думать, что здѣсь сообщается свѣдѣніе лишь объ одномъ только намѣреніи провинціала Грохольскаго, на дѣлѣ потомъ не осуществленномъ. Во всякомъ случаѣ никакихъ мѣстныхъ свѣдѣній о существованіи католическаго кляштора въ Прилукѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили [1]).

Въ виду преведенныхъ соображеній о томъ—могли ли въ дѣйствительности быть въ Лубенщинѣ называемые г. Кулишемъ кляштори и костелы, слѣдуетъ, кажется, рѣшить этотъ вопросъ такъ, что кромѣ Лубенскаго кляштора, другихъ кляшторовъ или костеловъ—не было [2]).

Затѣмъ, въ той же книгѣ Кулиша читаемъ, что поселившись въ Лубнахъ, В—ій „отнюдь не дозволялъ Московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригай-

---

той же Украинѣ, гдѣ былъ и Липовецъ, въ которомъ Грохольскій тогда же хотѣлъ устроить или и устроилъ—доминиканскій конвентъ. Правобережная Прилука одно время принадлежала (повидимому, ок. 1630 г.) Константину *Вишневецкому*, бывшему и *палатиномъ* (т. е. воеводою) *русскимъ*. (Słown. geogr., IX, 219).

[1]) При этомъ разумѣемъ хотя бы такія свѣдѣнія, какія сохранились относительно Лубенскаго бернардинскаго м—ря. Думается, что если бы въ Прилукѣ дѣйствительно устроенъ былъ кляшторъ, то В—ій долженъ былъ надѣлить его землею, а если бы была такая земля, то Густынскіе монахи не упустили бы случая выпросить ее (хотя бы по примѣру Мгарскаго м—ря) у Хмельницкаго... Но ни въ универсалахъ этого гетмана, ни въ другихъ документахъ Густынскаго м—ря о Прилуцкихъ доминиканахъ никакихъ упоминаній нѣтъ, при чемъ добавляемъ, что всѣ поземельные документы Густынск. м—ря нынѣ находятся въ Кіевск. Центр. арх., куда поступили въ 1895 г. изъ Черниг. казен. палаты.

[2]) Пользуясь книжкой Окольскаго—Russia Florida—можемъ сообщить, что кромѣ Лубенскаго, въ лѣвобережной Украинѣ, до полов. XVII в., были еще только слѣдующіе кляшторы: въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и Нѣжинѣ, причемъ о времени основанія ихъ Окольскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія (стр. 119—123). О количествѣ „братіи“ въ этихъ кляшторахъ говорится лишь относительно Нѣжинскаго—„manent ibi 4 fratres“. Наряду съ Нѣжинскимъ, Черкасскимъ и Н.-сѣверскимъ кляшторами называется также и Снятинскій, но здѣсь разумѣется Снятинъ правобережный (стр. 93), а не Лубенскій. Къ этому правобережному Снятину должны быть отнесены и цифры о его населеніи, которыя мы указали выше (февр. 226), какъ относящіеся къ Лубенскому Снятину: въ послѣднемъ въ 1628 г. было 15 дымовъ, а 30 дымовъ было въ Снятинѣ правобережномъ (теперь В. Снятинка—Васильк. у.).

лова, подъ Путивлемъ, а Крымская орда, вторгавшаяся въ западную Украину, черезъ древнее Поросье,—не смѣла съ востока перейти Ворскло и Пселъ, чтобы ясырничать на Посуліи..." (I, 199). И здѣсь видимъ тѣже личныя догадки, которыя приводятся, какъ факты... Но дѣло въ томъ, что „Московскимъ пограничникамъ" житье около Недригайлова было, повидимому, привольнѣе, чѣмъ въ Лубенщинѣ [1]), которая ихъ поэтому вовсе и манить не могла. А относительно татарскихъ набѣговъ—случилось, что въ первый-же годъ переселенія В—аго въ Лубенщину, этому, будто бы недоступному, Посулію—пришлось испытать жестокое „ясырничанье" татаръ. Въ февралѣ 1640 года [2]) татары разоряли оба берега Днѣпра, при чемъ на лѣвомъ берегу доходили до Прилуки. „И воевавъ де онѣ, татарове, вышли изъ Литовской земли вонъ назадъ, и тѣхъ де татаръ погромилъ подъ г. Горошиномъ гетманъ Конецпольскій да Замойскій, за Лащъ, и отшибли де у тѣхъ татаръ Московскаго полону *тысячи съ три...*" Такъ доносилъ въ Москву Путивльскій воевода Пушкинъ, а еще подробнѣе разсказалъ объ этомъ набѣгѣ одинъ Кіевскій монахъ, пріѣзжавшій въ Москву съ грамотою отъ митрополита Могилы. „Приходили подъ Кіевъ за 15 верстъ изгономъ крымскіе татаровя, а изъ подъ Кіева тѣжъ татаровя были за Днѣпромъ, подъ Прилуками, *въ Вишневецкаго имѣніяхъ*, и въ Переяславскихъ мѣстахъ, *куды татаровя николи не захаживали* [3]), и многія села и деревни пожгли, и людей многихъ побили, и въ полонъ поимали... А потому въ Литовской

---

[1]) Иначе они не уходили бы въ Московскіе предѣлы, на что жаловался старостѣ В—аго, говоря о бѣгствѣ туда нѣсколькихъ тысячъ.

[2]) Извѣстно, что татары предпочитали дѣлать свои набѣги зимою, вѣроятно, для избѣжанія затрудненій при переправахъ. Бартошевичъ думаетъ однакожъ, что зимніе набѣги обусловливались тѣмъ, что—„wtedy w stodołach było pełno" и что тогда „Ruś świeciła bogatstwem swojey ziemi." (*Pogląd na stosunki Polski z Turcya i Tatarami.* Warsz., 1860, стр. 77). Но вопервыхъ, татаръ вовсе не интересовалъ грабежъ того имущества, которое сохранялось въ „*стодолахъ*", а во вторыхъ, для *уничтоженія* его (что́ и дѣлали татары) ранняя осень была удобнѣе, по отсутствіи хотя бы снѣговъ и морозовъ, да и „стодолы" осенью были полнѣе, чѣмъ зимою...

[3]) Пока мѣстность эта была мало населена—татарамъ незачѣмъ было и ходить сюда.

землѣ всякихъ людей поимали до 100.000 человѣкъ [1]), опричь тѣхъ, сколько побито... И воевавъ татаровя Литовскую землю, пошли всѣ назадъ и полонъ, и лошади погнали въ свою землю. А за татары пошелъ ихъ шляхомъ гетманъ Конецпольскій, а пошло съ нимъ съ 40000 людей, а итти хотѣлъ до ихъ ихъ земли, и нынѣ де тотъ слухъ есть, что ихъ дошелъ и громилъ. Да гетманъ же де Конецпольскій въ Литовской земли, подъ г. Горошиномъ, отшибъ у татаръ Литовскаго полону всякихъ людей съ 3000 человѣкъ"... [2]) Здѣсь нѣтъ упоминанія о самомъ В—омъ, м. б. потому, что онъ не ходилъ въ догонку за татарами и о немъ небыло повода говорить,—но о разореніи Посулія ясно говорится...

Засимъ, обращаясь къ знакомству съ дѣятельностью Іереміи въ Лубенщинѣ, по переселеніи его туда, находимъ, что таковая заключалась въ устройствѣ и расширеніи маетностей.

Повидимому, одною изъ главныхъ заботъ В—го на лѣвомъ берегу—было возвращеніе отнятаго у него тамъ Ромна съ его окрестными землями. Городъ этотъ, возстановленный В—ими на старомъ городищѣ, вошелъ въ составъ ихъ владѣній вмѣстѣ съ остальнымъ Посуліемъ (февр., 227); тѣмъ не менѣе, во время малолѣтства Іереміи, онъ былъ захваченъ сначала Калиновскимъ, а послѣ заключенія Поляновскаго договора—отданъ былъ королемъ Владиславомъ, въ видѣ „кролевщизны", любимцу его Адаму Казановскому. Не надѣясь добиться мирнаго возвращенія незаконно отобранной маетности, В—ій употребилъ насиліе. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Лубенщинѣ прошелъ слухъ о смерти Казановскаго, В—ій поручилъ одному изъ своихъ „слугъ" (въ маѣ 1644 г.) съ помощью силы занять Роменъ, что̀ тотъ и исполнилъ. Казановскій жаловался королю и обратился въ судъ; послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу истца и такъ какъ В—ій на судъ не явился то, выдалъ Казановскому заочный приговоръ (kontomacyjny simplicis banitionis dekret), которымъ,

---

[1]) Такъ какъ татары въ это время разоряли и Волынь, и Галичину, то конечно свѣдѣніе о полонѣ въ 100000 чел. относится главнымъ образомъ къ правобережной Украинѣ.

присудивъ Роменъ послѣднему, кромѣ того, приговорилъ В—аго въ *баниціи*, т. е. къ изгнанію... Разсерженный этимъ рѣшеніемъ, В—ій пожаловался на Луцкомъ сеймикѣ волынскимъ „посламъ", которые должны были въ январѣ 1645 года ѣхать на Варшавскій сеймъ, причемъ изложилъ имъ, какъ свои права на Роменъ, такъ и подробности отдачи его королемъ Казановскому; при этомъ В—ій показалъ посламъ всѣ тѣ акты, которые несомнѣнно доказывали безспорность юридическихъ правъ В—ихъ на пограничное съ Московскими землями—Посулье [1]). Послы совѣтывали В—му—не подчиняться судебному рѣшенію [2]). В—ій такъ и поступилъ, вслѣдствіе чего въ это дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ король, который разсмотрѣвъ документы В—аго, рѣшилъ споръ въ пользу послѣдняго, а Казановскій успокоился, получивъ 100 тыс. злотыхъ [3]).

Возвративъ себѣ Роменъ, а вмѣстѣ съ нимъ и пограничное съ Московскими землями Посулье, В—ій посадилъ тамъ старосту Яна Бесѣдовскаго, который вмѣстѣ съ другимъ „слугою" В—аго, Криштофомъ Сѣножацкимъ, *хоружимъ* Черниговкимъ, и началъ тогда же садить на этомъ пограничьи по рѣчкѣ Хусѣ, слободы. При этомъ и были ими поселены: *Бесѣдовка*—Бесѣдовскимъ и *Хоружевка*—хоружимъ Сѣножацкимъ [4]).

Добившись такъ успѣшно возстановленія своихъ правъ на Роменщину, В—ій попробовълъ было присоединить къ своимъ маетностямъ и сосѣдній съ Ромномъ-Гадячъ. Послѣдній изстари принадлежалъ Станиславу Конецпольскому, а послѣ его смерти перешелъ къ сыну—Александру. В—ій, находя почему-то права Конецпольскихъ на Гадячъ сомнительными [5]), занялъ этотъ городъ тоже силою („mocą te dobra zajeżdża"). Молодой Конецполь-

---

[1]) Pamiętniki Albr. St. x. Radziwiłła, I, 155, и Арх. Ю. З. Россіи, ч. II, т. I, стр. 289 и слѣд.

[2]) „Otrzymał (отъ пословъ) artykuł, aby raczej rwał się sejm, niżeli żeby miał być ruszony przez jaki dekret z possessyi dóbr Rumno od Kazanowskiego odebranych..." Radziw., I, 156.

[3]) Тамъ же, I, 164. „Umie Wiśniowiecki i nieprzyjaciół ojczyzny i swoich zwyciężać" добавляетъ при этомъ Радзивиллъ.

[4]) О поселеніи Хоружевки см. Акты Ю. З. Россіи, III, 101 и 152.

[5]) Гадячъ достался Станисл. Конецпольскому послѣ женитьбы его на дочери.

скій, жалуясь сейму (1647 г.) на насиліе Б—аго, добавлялъ, что онъ также безправно захватилъ и Хоролъ, который хотя когда то и принадлежалъ В—имъ, но затѣмъ обращенъ былъ въ королевщизну. По разсмотрѣніи вопроса о захватѣ Гадяча на сеймѣ, въ маѣ 1647 г., было рѣшено—возвратить его Конецпольскому, причемъ сеймъ призналъ право послѣдняго и на Хоролъ, но за этотъ городъ Конецпольскій долженъ былъ уплатить В—му 100 тыс. злотыхъ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видимъ, какъ ревностно стремился В—ій къ разсширенію своихъ лѣвобережныхъ маетностей, причемъ не затруднялся дѣйствовать и силою, тамъ гдѣ права его были сомнительны. Не ограничиваясь округленіемъ своихъ маетностей въ предѣлахъ Лубенщины, В—ій принималъ мѣры къ возвращенію даже тѣхъ изъ своихъ „подданныхъ“, которые ушли передъ тѣмъ въ предѣлы Московскаго государства, причемъ просилъ Путивльскаго воеводу кн. Долгорукова—позволить его „слугамъ“ Бесѣдовскому и Сѣножацкому розыскивать бѣжавшихъ въ Путивльскіе предѣлы подданныхъ его, В—аго, и возращать послѣднихъ съ „животами и съ маетками“. Московское правительство, повидимому, оберегая миръ сосѣдскихъ отношеній,—„велѣло князя Еремѣя В—аго подданныхъ съ государевой земли, изъ Недричайловскаго уѣзда, ссылать безпрестанно тихостію“... [2]).

Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей В—мъ Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи населенія въ городахъ, возникшихъ до переселенія его въ Лу-

[1]) Pamiętniki Радзивила, II, 247, 264 и 273. См. также Dyaryusz Bog. Maszkiewicza, (Zbiór pam. histor. o dawn. Polszcze, t. V) стр. 59.—Въ книгѣ Кулиша—„Отпаденіе“ (II, 199) есть такая фраза: „Конецпольскій (Станиславъ) тягался съ В—мъ до самой смерти за *сорокъ старыхъ осадъ въ Украинѣ*“ и т. д. О какихъ осадахъ здѣсь говорится—понять нельзя... Есть у насъ свѣдѣніе Боплана, что онъ поселилъ Конецпольскому въ Украинѣ болѣе 50-ти обширныхъ слободъ (Опис. Укр. стр. XVIII), но и только. Есть и другое указаніе, что Стан. Конецпольскій „posadami wielkich miast Ukrainę ozdobił a tem w Ukrainę tatarom drogę zawarł...“ (Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 179). Но о спорахъ его съ В—мъ за эти „слободы и посады“, *которыя здѣсь опредѣленно не указываются*, мы свѣдѣній не

бенщину. Затѣмъ, мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іеремією Лубенщины новыми слободами и о привлеченіи новаго населенія въ „городки“, возникшіе до переселенія В—аго въ Лубенщину; но за то сохранился документъ, представляющій собою, какъ бы итогъ колонизаціонной дѣятельности послѣдняго. Мы говоримъ о напечатанномъ Пшездѣцкимъ—въ 1841 г.—спискѣ „подданныхъ кн. Іереміи В—аго въ заднѣпровской Украинѣ“ [1]); въ этомъ спискѣ перечислены всѣ отдѣльныя поселенія съ показаніемъ числа „hospodarów samych osiadłych“ и „колесъ“ водяныхъ мельницъ. При скудости нашихъ свѣдѣній о численности населенія въ южной Малороссіи (да въ сѣверной тоже) за первую половину XVII в., списокъ Пшездѣцкаго представлялъ бы собою очень цѣнный историческій документъ, если бы, къ сожалѣнію, не возбуждалъ сомнѣній въ достовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Прежде всего, списокъ этотъ не имѣетъ даты, причемъ о послѣдней можно лишь догадываться: такъ какъ списокъ указываетъ маетности *Іереміи В—аго* и притомъ въ блестящемъ, относительно численности населенія, видѣ, то время составленія его слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ пребыванія Іереміи въ „Заднѣпріи“, т. е., м. б. къ 1646, 1647 и даже 1648 г.г... Затѣмъ, въ этомъ перечнѣ 56-ти поселеній—указаны и такія имѣнія, которыя никогда В—имъ не принадлежали, какъ напр., Золотоноша, Пѣщана (Золот. у.), Домонтовъ, Полтава, Комышная, Ручинцы (Ручки?) Хомутецъ... Указанъ въ немъ и Хоролъ, исключенный, какъ мы видѣли, изъ числа имѣній В—аго въ 1647 г. [2]). Въ тоже время, мы не видимъ въ этомъ спискѣ мѣстечка Галицы, которое въ это время не только существовало, но имѣло уже и „фольваркъ“ [3]). Не указано село Пу-

---

[1]) Podole, Wołyń, Ukraina, (Wilno, 1841), I. 41—44.

[2]) Это обстоятельство можетъ указывать, что списокъ составленъ не позже этого года...

[3]) Галица, какъ мѣстечко, имѣвшее уже и „фольваркъ“, упоминается въ завѣщаніи Мгарскаго монаха Самсона Кутовскаго, написанномъ при Іереміи В—омъ (годъ обозначенъ 1634 г., но недостаточно ясно). Акты Мгартк. м—ря. л. 266. Въ спискѣ Пшездзѣцкаго указано поселеніе *Нака* (вслѣдъ за Монастырищемъ, около котораго находится и Галица), но ошибочно написанная Нака можетъ скорѣе указывать не Галицу, а *Галку*—село Роменск. у.

линцы, около Лубенъ, которое было заложено Іереміей В—имъ вдовѣ казненнаго Запорожскаго гетмана Сулимы [1]). Не указаны и такія роменскія мѣстечка, какъ Константиновъ, Хмѣловъ, Смѣлое, населеніе которыхъ можетъ быть, впрочемъ, подсчитано вмѣстѣ съ Роменскимъ, такъ какъ по этому списку—въ Ромнѣ значится 6000 „господарей", количество слишкомъ великое для одного города Ромна, если въ Лубнахъ, по этому же списку, значится только 2646 „госп." Вообще цыфры населенія по списку Пшездзѣцкаго очень велики: въ Лохвицѣ значится 3325 „госп.", въ Варвѣ—2037, въ Пирятинѣ—1749, въ Хоролѣ—1297, въ Красномъ (Колядинѣ?)—995... Сравнивая эти цифры съ тѣми, которыя раньше приведены относительно 1628—30 г.г., мы видимъ, что въ какія нибудь двадцать лѣтъ, Лубенщина болѣе чѣмъ удесятерилась въ своемъ населеніи... При этомъ, въ спискѣ Пшездзѣцкаго видимъ поселенія, о которыхъ тарифы 1630 г. вовсе не упоминаютъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, по этому списку, значится до 1000 двор., напр. въ Монастырищѣ (Нѣж. у.) показано 939 „госп", въ Ичнѣ—1494, въ Глинскѣ (Hrynsk)—1264, въ Срѣбномъ—1830, въ Чернухахъ—944, въ Корибутовѣ (Конот. у.)—600... Если эти поселенія существовали уже и раньше и въ тирифахъ 1630 г. опущены по какимъ либо причинамъ, то вовсе же численность ихъ населенія сравнительно съ другими поселеніями, въ тарифахъ упомянутыми, является очень значительною. Вообще, если приводимыя спискомъ цыфры населенія вѣрны, то успѣхъ колонизаціонной дѣятельности Іереміи въ Лубенщинѣ былъ очень великъ по массѣ того населенія, которое передвинулось сюда изъ югозападной Руси, во вторую четверть XVII в... Къ сожалѣнію, въ спискѣ Пшездѣцкаго нельзя видѣть несомнительнаго документа; помѣщеніе въ немъ, подъ именемъ имѣній Іереміи В—аго, поселеній послѣднему не принадлежавшихъ, возбуждаетъ сомнѣніе—нѣтъ ли въ немъ и другихъ невѣрностей... Во всякомъ случаѣ, пока этотъ документъ не описанъ научно (если только онъ еще существуетъ) къ нему слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Но мы

---

[1]) Сулимовск. архивъ, 21.

имѣемъ другой документъ, уже несомнѣнно свидѣтельствующій объ успѣхахъ колонизаціи В—аго въ принадлежавшемъ ему „Заднѣпріи“; мы разумѣемъ *Реестра войска Запорожского*[1]), составленные въ октябрѣ 1649 г., т. е. съ небольшимъ черезъ годъ послѣ ухода Іереміи изъ лѣвобережной Украины. Въ этихъ реестрахъ показаны слѣдующія *сотни*, входившія въ составъ Лубенщины: двѣ сотни Лубенскія, изъ которыхъ одна названа сельскою, почему слѣдутъ думать, что другая была городскою, Пирятинскихъ двѣ, Чернушинская, Городищенская, Журавская, Курѣнская, Роменская, Константиновская, Лохвицкая, Сенчанская, Глинская, Лукомская, и—наконецъ, почти цѣлый Прилуцкій полкъ, большая часть территоріи котораго входила въ составъ имѣній В—аго (сотни—кромѣ Прилуцкихъ,—Варвинская, Срѣбрянская, Переволочанская, Галицкая и друг.). Количество внесенныхъ въ эти сотенные списки козаковъ несомѣнно уже указываетъ, что къ концу первой половины XVII в. побережья Сулы и ея притоковъ, перестали быть тою *пустыней*, которою они называются въ к. XVI в.

Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ въ заселеніи своей Лубенщины и ставъ такимъ образомъ владѣльцемъ обширныхъ тамъ маетностей, В—ій, быть можетъ, уже и не думалъ о возвращеніи на родину, предпочитая ей просторъ своихъ колоній, едва ли не превосходившихъ Волынское его наслѣдство[2]).

---

[1]) Изданы Бодянскимъ въ 1876 г., въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Др.“.

[2]) У насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на размѣръ принадлежавшихъ здѣсь Іереміи В—му имѣній, такъ какъ списокъ этихъ имѣній В—ихъ, напечатанный Пшездѣцкимъ (Podole и проч. I, 57—61), не даетъ свѣдѣній—какія изъ перечисленныхъ въ немъ маетностей принадлежали *королевской* линіи В—хъ, т. е. какія изъ ихъ числа были, передъ тѣмъ, во владѣніи Іереміи.—Интересно, что не смотря на огромныя, во всякомъ случаѣ, маетности, Іеремія В—ій, повидимому, не рѣдко нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ обращаться къ кредиту.—Такъ онъ былъ долженъ 4000 злотыхъ вдовѣ разорителя Кодака Ивана Сулимы, при чемъ долгъ этотъ былъ обезпеченъ селомъ Пулинцами. Затѣмъ, одинъ изъ „слугъ“ Іереміи, Юрій Русѣновичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1668 г., завѣщаетъ Мгарскому м—рю и дѣтямъ своимъ—2400 злот., которые онъ заслужилъ у Іереміи В—аго и жены его, „личною службою“ и на которые имѣетъ „квитъ“, подписанный рукою Гризельды В—ой, но которыхъ до 1668 г. не получилъ... (Акты Мгарск. м—ря, л. 246). По акту 1 ноября 1647 г. Іеремія отдалъ брату жены Александру Замойскому въ аренду т. Лубны съ угодьями, на три года, по 7000 злот. въ годъ, при чемъ деньги эти

Къ сожалѣнію, мало сохранилось свѣдѣній о частной жизни Іереміи въ его колоніяхъ. Есть только извѣстія за послѣднее время его тамъ жительства, записанныя въ дневникѣ одного изъ „дворянъ“ Іереміи. Мы говоримъ о діаріушѣ Машкевича [1]), въ которомъ разсказаны событія изъ лѣвобережной жизни В—аго, начиная съ 1647 г.—Обстоятельная ихъ запись начинается впрочемъ только съ осени этого года, когда Іеремія отправился съ своимъ войскомъ на Запорожье, повидимому, безъ особой какой либо надобности, а какъ бы съ цѣлью сдѣлать военную прогулку для упражненія своихъ солдатъ въ походной жизни. Осенью 1647 г., разсказываетъ Машкевичъ, Іеремія В—ій, собравши въ „заднѣпрскихъ“ маетностяхъ 6000 войска, вышелъ съ нимъ въ ноябрѣ (въ день св. Михаила, которому посвященъ былъ Лубенскій костелъ) на Запорожье и тамъ пробывши нѣсколько дней въ Кодакѣ и осмотрѣвши Днѣпровскіе пороги, вернулся домой, въ Лохвицу [2]), въ день св. Мартына (11-го ноября). Ходилъ В—ій къ Запорожью, какъ будто и съ надеждою—не встрѣтятся ли, по дорогѣ, гдѣ татары, такъ какъ Машкевичъ добавляетъ, что В—ій вернулся, не видѣвши и одного татарина („i żadnęgo tatarzyna nie widziawszy“). Засимъ, насталъ роковой 1648-й годъ. Какъ начался этотъ годъ у В—аго, разсказываетъ Машкевичъ: въ началѣ января (7-го) Іеремія, вмѣстѣ съ женою, ѣздилъ изъ Лохвицы въ Сенчу, на крестины къ тамошнему управителю Суфчинскому; тамъ В—іе и ночевали. Черезъ восемь дней послѣ этого (15-го), Іеремія ѣздилъ (тоже изъ Лохвицы) въ Лубны, на

Замойскій долженъ былъ уплачивать бернардинамъ Лубенскаго конвента въ счетъ той суммы, которую В—ій „ординовалъ“ на этотъ конвентъ. (Кіевск. центр. арх., книга гродск. Житомирск. № 20, л. 161). Такимъ образомъ, этотъ актъ показываетъ, что и на такіе, впередъ опредѣленные, расходы у В—аго наличныхъ денегъ тоже не случалось и онъ долженъ былъ прибѣгать къ кредиту, да еще такому невыгодному... О тѣхъ займахъ, которые Іеремія В—ій принужденъ былъ дѣлать въ козацкую войну, см. въ книгѣ Чермака „Z czasów Iana Kazimierza“ (Lwów, 1893), статью—*Księże Ieremi dłużnikiem.*

[1]) Напечатанъ, какъ уже сказано, въ сборникѣ Нѣмцевича—Zbiór pamiątn. histor. o dawnej Polscze, V, 57—85.

[2]) Повидимому, Іеремія не постоянно жилъ въ Лубнахъ. Живалъ онъ и въ Прилукахъ, живалъ и въ Лохвицѣ; и тамъ, и тамъ, повидимому, были у него „замки“.

похороны одного изъ своихъ „слугъ“ Закревскаго. Прошелъ мѣсяцъ въ такой же тихой жизни. Іеремія продолжалъ заниматься обширнымъ своимъ хозяйствомъ. Такъ, въ концѣ января, онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ о возвращеніи своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства (см. выше, стр. 342). Но вслѣдъ за тѣмъ В—ій получилъ (15-го февраля) тревожное извѣстіе, что „какой то“ Хмельницкій, собравъ небольшой отрядъ Запорожскаго „гультайства“, разбилъ (spędził) Корсунскій полкъ, оберегавшій границу отъ татаръ, послѣ чего этотъ Хмельницкій сталъ сзывать къ себѣ народъ и устраивать изъ него войско. Извѣстіе было на столько важно, что на другой же день Іеремія послалъ Машкевича къ Краковскому воеводѣ (Потоцкому), находившемуся въ это время въ Богуславѣ, извѣщая его объ этомъ „какомъ то“ Хмельницкомъ. Машкевичъ возвратился, привезя отъ Потоцкаго письмо, повидимому, не заключавшее въ себѣ тревожныхъ вѣстей, потому что и послѣ этого Іеремія продолжалъ переписку съ Путивльскимъ воеводою относительно пограничныхъ дѣлъ [1]). Затѣмъ, въ началѣ апрѣля Іеремія, съ семьей, переѣхалъ изъ Прилуки въ Лубны, чтобы тамъ праздновать пасху. Въ Лубнахъ онъ оставался до конца апрѣля, когда получилъ новое извѣстіе, что гдѣ-то за Днѣпромъ Хмельницкій, соединившись съ татарами и собравъ многое множество вооруженнаго „гультайства“, угрожаетъ польскому войску. В—ій снова послалъ Машкевича къ Днѣпру, въ Еремѣевку, чтобы онъ тамъ точно узналъ о положеніи дѣлъ; а когда Машкевичъ прислалъ извѣстіе о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ, то В—ій послалъ Машкевичу прямо въ польскій лагерь, чтобы спросить тамъ у военачальниковъ—куда ему, В—ому, направляться съ своимъ отрядомъ войска, простиравшемся и теперь до 6000 душъ. Вмѣстѣ съ этимъ, В—ій написалъ и Путивльскому воеводѣ о полученномъ извѣстіи, что у Княжихъ-Байраковъ [2]) стоитъ татарская орда, числомъ до сорока тысячъ, которая куда направится, — на Польшу или на Московскую землю,—еще неизвѣстно, но что

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 153.

[2]) Балка Княжіе-Байраки, по указанію г. Эварницкаго, находится рядомъ съ Желтыми Водами. Истор. Запор. Козак., II, 240.

польское войско стоитъ въ готовности и онъ самъ, Іеремія, „при здѣшнихъ его маетностяхъ съ людьми своими готовъ есть“.—„И для того сеею моею грамотою, продолжаетъ Іеремія, даю тебѣ знати, чтобъ вы были на готовѣ... А естли по слышите, откуда вѣсти, что они въ нашу страну пойдутъ,—*помочь чините намъ съ* людьми своими [1]). О Хмельницкомъ и козакахъ Іеремія ничего не говоритъ, быть можетъ, потому что извѣстіе о соединеніи татаръ съ Запорожскими козаками произвело бы въ Москвѣ нежелательное для поляковъ впечатлѣніе... Письмо это В—ій писалъ изъ Прилуки, куда снова возвратился въ маѣ. А вслѣдъ за этими распоряженіями, В—ій, подозрѣвая серьезность положенія дѣлъ, нашелъ нужнымъ жену (конечно, вмѣстѣ съ сыномъ) отправить въ Минское полѣсье, въ тамошнее его имѣніе Брагинъ. Самъ же, не ожидая извѣстія отъ Машкевича, отправился съ войскомъ къ Переяславу. Первый ночлегъ на походѣ В—ій имѣлъ около с. Туровки,—это было наканунѣ пораженія поляковъ подъ Корсунемъ,—а слѣдующій ночлегъ В—аго былъ—у Яготина; тутъ явился къ нему изъ подъ Корсуня какой-то старый его соратникъ Поляковскій и извѣстилъ Іеремію о пораженіи и плѣненіи гетмановъ... Вѣсть была страшная и В—ій спѣшно двинулся къ Переяславу, желая скорѣе переправиться черезъ Днѣпръ и явиться на помощь къ остаткамъ польскаго войска. Отсюда же В—ій разослалъ всадниковъ изъ своей „драгоніи“—по сосѣднимъ переправамъ (въ Черкасы, Домонтовъ, Стайки, Трахтемировъ, Ржищевъ), чтобы изъ всѣхъ ближайшихъ пристаней собрать паромы къ Переяславской пристани. Но паромовъ не оказалось. По распоряженію предусмотрительныхъ козацкихъ военачальниковъ, сейчасъ же послѣ Корсунскаго сраженія, всѣ эти паромы были потоплены, съ цѣлью преградить путь именно В—ому, если бы онъ вздумалъ тутъ переправляться черезъ Днѣпръ. Препятствіе явилось неустранимое и В—ій, посовѣтовавшись съ своими „полковниками и поручиками“, рѣшилъ идти за Днѣпръ другимъ путемъ и идти безотложно, пока не взбунтовались „хлопы“ въ Лубенщинѣ. Сво-

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 191.

бодною оставалась одна дорога—на Черниговъ, а оттуда—на Любечъ, въ Брагинъ, гдѣ находилась въ это время его Гризельда съ сыномъ. По этой дорогѣ В—ій и направился. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ Машкевичъ, отмѣтивъ, что 16-го мая В—ій по дорогѣ на Черниговъ ночевалъ подъ Басанью [1]). Отсюда В—ій послалъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ „козацкаго ротмистра“ Понятовскаго, къ Каневу, на развѣдки, и Понятовскій въ ту же ночь поймалъ пять человѣкъ языка, подтвердившихъ В—ому извѣстіе о Корсунскомъ пораженіи. „На утро тѣ козаки казнены“ говоритъ Машкевичъ. Казненные козаки, повидимому, были посланы Хмельницкимъ къ В—ому съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ его поднять на поляковъ оружіе. Такъ можно думать по разсказу Величка (I, 78), у котораго читаемъ, что Хмельницкій „угасивъ огонь полскій“ Корсунскимъ пораженіемъ, помнилъ, что „еще великая головня въ Лубняхъ зосталася,—кн. В—ій, державца тамошній“... Вотъ ему то и нашелъ Хмельницкій нужнымъ написать письмо съ разъясненіемъ причины начавшейся войны, причемъ „предлагалъ жебы онъ, кн. В—ій, о тое, що ся уже съ гетманами стало, не уражался и гнѣва своего къ нему Хмелницкому простирати не изволилъ“... Величко говоритъ, что посланцы Хмельницкаго догнали В—аго „близко Березани“ и отдали ему письмо, послѣ прочтенія котораго В—ій „розярившись“ (конечно, за дерзость писавшаго письмо), на другой день, 25 мая, въ четвергъ на зеленой недѣлѣ, недалеко отъ Березани, велѣлъ посланцовъ этихъ казнить („постинать“), а самъ спѣшно пошелъ къ Лубнамъ... Машкевичъ не говоритъ, чтобы В—ій возвращался изъ подъ Переяслава въ Лубны, но изъ его дневника видно, что взятые Понятовскимъ козаки были казнены 17-го утромъ; если это были посланцы Хмельницкаго, что вѣроятно, при чемъ разница въ числахъ можетъ происходить отъ описокъ и отъ разности календарей, то слѣдуя разсказу Машкевича, В—ій отъ 17-го мая, когда онъ былъ въ Басанѣ (не въ Березанѣ ли?) до 25-го, когда онъ подошелъ къ Чернигову, долженъ былъ гдѣ нибудь въ пути имѣть остановку. Слѣ-

---

[1]) с. Басань, конечно „Старая“,—въ козелецк. у., черниг. губ.

дуетъ думать, что въ эти дни В—ій и возвращался въ Лубны, чтобы забрать оттуда уже все, что можно было взять [1]), причемъ это возвращеніе, вѣроятно, находилось въ тѣсной связи съ тѣмъ внезапнымъ умаленіемъ находившагося при В—омъ отряда, о которомъ говоритъ Кисель [2]). Безбоязненно уходившіе изъ отряда В—аго воины, принадлежавшіе къ числу его „подданныхъ", тѣмъ самимъ ясно указывали своему властителю—о приближающемся моментѣ того общаго возстанія „хлоповъ", которое должно было послѣдовать и на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду двукратнаго пораженія поляковъ. В—ій не могъ не видѣть, что нужно уходить съ лѣваго берега... Величко говоритъ, что послѣ казни посланцовъ Хмельницкаго, В—ій возвращался въ Лубны и что получивъ тутъ горестныя вѣсти изъ Польши, а также слыша совсѣхъ сторонъ о „бурливыхъ вѣтрахъ козацкой войны и бунтовъ посполитыхъ", поспѣшилъ оттуда уѣхать „зо всѣмъ домомъ своихъ вълегцѣ, только въ 3000 войска, и удавшися на городокъ Быковъ, тамъ о полуднѣ, противъ недѣлѣ святой (т. е. противъ воскресенья), рѣчку Свидовецъ переправилъ и... вдался ко Любечу" [3]). Къ этому извѣстію Машкевичъ добавляетъ, что когда В—ій проходилъ мимо Чернигова, по дорогѣ къ Любечу, то тутъ за нимъ было погнались козаки и—В—ій былъ де въ большой опасности, но счастливый случай его спасъ... Тридцатаго мая В—ій переправился черезъ Днѣпръ и тогда же достигъ Брагина, гдѣ находилась его семья. Такъ тихо, безъ шуму В—ій покинулъ свою Лубенщину, убѣдившись, что ему вѣ ней не удержаться [4])...

---

1) Въ одномъ изъ панегириковъ Іереміи В—аго говорится, что возвращался онъ въ Лубны (wraca się nazad ku Lubniom), чтобы z kraju ognistego, wywieść w całosci lud do iednego. „*Pochodnia woienney sławy j. osw. x. j mosci Ieremia. Michała Korybuta na Wisn. y Łubniach Wisniowickiego*" (Iana Białobockiego). Kraków. 1649. Панегирикъ этотъ имѣлъ два изданія, въ одномъ и томъ же году. Второе изданіе, посвященное Яну Замойскому, есть въ б—кѣ универс. св. Владиміра,

2) Памятники Кіевск. Ком., I, отд. 3, стр. 30.

3) С. Быковъ въ козел. у., черниг. губ. Приводя здѣсь свидѣтельство Величка мы не сомнѣваемся, что оно заимствовано имъ у одного изъ польскихъ хронистовъ и называемъ Величка, лишь не зная его источника. Быть можетъ это была „Wojna Domowa"...

4) Не такъ объ этомъ уходѣ разсказываютъ малорусскіе историки. У Костомарова, напр., въ его книгѣ „Богд. Хмельн.",—читаемъ: и услыхавъ о мятежѣ

Что же произошло въ Лубенщинѣ послѣ ухода Іереміи?

Свѣдѣній объ этомъ обнародовано пока немного. Намъ извѣстны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзненскому архіепископу, Кисель говоритъ, что Хмельницкій послалъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для уни-

---

(Хмельницкаго), хлопы (жившіе въ Лубенщинѣ) составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. В—ій собралъ до 8-ми тыс. шляхтичей (?), жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ впрочемъ не всѣ были надежны; онъ разсѣевалъ загоны (въ Лубенщинѣ) и всѣхъ попадавшихся въ руки, казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ вѣсилицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы. Разгоняя такимъ образомъ шайки, В—ій дошелъ почти до Переяславля" и т. д. (Изд. 4-е, стр. 329). Источникомъ этихъ свѣдѣній указаны—стр. 26 и 157, отд. 3-го, т. I-го „Памятниковъ" Кіевск. Ком., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что всѣ эти вѣсилицы и казни взяты изъ письма Кривоноса, писаннаго *25 іюля* 1648 г. (къ воеводѣ Сендомирскому), въ которомъ Кривоносъ разсказывая о жестокостяхъ В—аго, имѣетъ въ виду *правый* берегъ Днѣпра; *здѣсь* совершалъ В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакихъ подобныхъ ужасовъ ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ и намека нѣтъ. (Есть впрочемъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak się zaś chłopska rebellia na tę ojczyznę targnęła żeby w pożar nie wybuchnęła pod Żolninem, Mnoho, Sleporodem, Horzycą (?) pierwsze iskierki jej tlumil, także pod Kumejkami, Łubną, Konstantinowem Pryłuką, Niemirowem, herstów jej poznosiwszy, inszych wielu od swawolney ligi odstraszył"... (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій смѣшиваетъ событія 1638 г. съ событіями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной... Изъ этого мѣста хорошо виденъ и компилятивный характеръ книги Нѣсѣцкаго).—У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе", описаніе ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., изложено сходно съ разсказомъ Костомарова, при чемъ краткій разсказъ послѣдняго г. Кулишъ дополняетъ подробностями того „баснесловія", въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ панегиристовъ" и ихъ „вожака" Костомарова (II, 191). Сказавъ, что Хмельн. отправилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бунтовать Вишневещину, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окружилъ себя только служилою шляхтою (?) и разгонялъ гайдамацкіе загоны Перебійноса на пространствѣ *отъ Ворсклы до Трубежа*, а пойманныхъ на *горячемъ учинкѣ* Перебійносцевъ казнилъ тутъ же... Разгоняя гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ... В—ій дошелъ до Переяслава... Въ немъ сидѣлъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ому... Не желая пасть въ безславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу и жену, красавицу Гризельду *(которая въ это время была уже въ Брагинѣ)* и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову. Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хм—ій) хотѣлъ убаюкать В—аго; но тотъ не показывалъ

чтоженія кн. Вишневецкаго, причемъ приказалъ Кривоносу прибавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько [1])... Очень можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоряженіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чемъ неповинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже не было на лѣвомъ берегу, о чемъ добавляетъ и Кисель въ томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносовъ вовсе и не переходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ расправился. Одинъ монахъ Петроній Ласко, котораго Кисель посылалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ, разсказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ“, которые собравшись тамъ (т. е. на лѣвомъ берегу) цѣлымъ отрядомъ тысячъ въ пятнадцать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ поумерщвляли, а вмѣстѣ съ ними и много шляхты, мужчинъ и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ“ Хмельницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его маетности, а его же подданные [2])... О народномъ возстаніи въ

вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовленіями и взявши съ собою лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ (?), оставилъ свое заднѣпровское княжество... объѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпровіе московскими сакмами (такъ *неизвѣстно почему* г. К—шъ называетъ *битый* путь, а не *сакмы*, т. е. дикія дороги) изъ Переяславщины на Черниговъ, а оттуда на Любечъ... и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ въ Вишневецъ“... Откуда заимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія г. К—шъ—въ его книгѣ не указывается; есть только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Натанъ Ганноверъ даетъ понять“... Если при этомъ г. К—шъ ссылается на „лѣтопись Натана Гановеры“—(переводъ Мандделькерна, Одесса, 1878 г.), то въ ней *нѣтъ ничего* объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятнѣе, что источникомъ этихъ небывалыхъ подробностей послужили для г. К—ша „климактеры“ Коховскаго, у котораго (по изд. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I, 4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стычкахъ В—аго съ Кривоносомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Разсказъ г. К—ша объ уходѣ В—аго изъ Лубенщины несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, обвиняя „козацкихъ панегиристовъ“, что они „нетопырствуютъ въ потемкахъ баснословія“, самъ бы прежде долженъ покаяться въ этомъ грѣхѣ...

[1]) Памятники, I, отд. 3, стр. 30.

[2]) „Реляція“ Ласка приведена подлинникомъ у Шайнохи, Dzieła, X, 194.

лѣвобережной Малороссіи и разореніи польскихъ въ ней имѣній разсказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію, отъ Сѣвска до Кіева: „а войско свое Хмельницкій роспустилъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) къ Путивльскому рубежу, на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маетностей городы всѣ побрали, а которые де ихъ были крестьяне Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя и тѣ де съ ними (козаками Хмельницкаго) стали въ козаки жъ [1])"...

Засимъ весь общественный строй лѣвобережной Малороссіи измѣнился, а съ нею измѣнился и прежній строй Лубенщины...

Указавъ здѣсь главныя черты дѣятельности Іереміи В—аго въ „Заднѣпрскихъ" его имѣніяхъ, находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его личности, какъ общественнаго дѣятеля.

Польскіе историки, старые и новые, прославляютъ Іеремію, какъ великаго своего патріота, у котораго всякая приключавшаяся отчизнѣ невзгода вызывала душевную боль. (Calamitas patriae lamentatio Jeremiae). Патріотизмъ Іереміи особенно ярко выразился въ той страстной энергіи, которую онъ проявилъ въ войнѣ съ возставшимъ противъ Польши русскимъ народомъ. Но въ жилахъ Іереміи текла та самая кровь, которую онъ съ такою ужасною жестокостью проливалъ въ этой войнѣ.. И намъ кажется, что весь этотъ патріотизмъ, вся эта военная энергія Іереміи была только результатомъ той страстной вражды противъ *своихъ*, которую мы такъ часто встрѣчаемъ у измѣнниковъ своего народа...

Не могъ, конечно, забыть Іеремія той предсмертной мольбы своей матери, съ которою послѣдняя обращалась къ сыну, заклиная его не измѣнять вѣрѣ отцовъ... Укорительно напоминалъ Іереміи объ этомъ материнскомъ завѣтѣ Ісаія Копинскій въ своемъ къ нему посланіи.—И вотъ воспоминаніе объ этомъ неисполненномъ завѣтѣ матери должно было постоянно возму-

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, III, 216.

щать духъ Іереміи и онъ, желая вырвать изъ своей памяти, изъ своего сознанія — мольбу умирающей матери, *кричалъ*, чтобы поляки мучили козаковъ такъ, чтобъ тѣ чувствовали мученія... Заслуживъ у польскихъ историковъ славу великаго патріота, Іеремія тѣмъ не менѣе остается измѣнникомъ своему народу [1]).

Ал. Лазаревскій.

Приложенія.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ документовъ первый—есть актъ объ установленіи въ г. Лубнахъ *церковнаго братства*, въ 1622 г. списанъ онъ нами съ рукописи XVIII в., заключающей въ себѣ отрывочныя лѣтописныя свѣдѣнія о Мгарскомъ монастырѣ [2]) и принадлежащей священнику с. Исачекъ, Лубенск. у., о. Василію Романову, который получилъ эту рукопись, по его словамъ, отъ кого то изъ сѣверо-западнаго края. Приводимый здѣсь документъ былъ уже напечатанъ, въ передѣлкѣ на современный языкъ, въ Полтавск. губ. вѣд. 1895 г., № 89, но здѣсь онъ печатается дословно по рукописи, въ которую переписанъ, повидимому, недовольно исправно.

Объ историческомъ значеніи этого акта скажемъ въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ здѣсь только, что въ достовѣрности сего акта сомнѣнію, повидимому, нѣтъ мѣста.

Второй изъ приводимыхъ документовъ—есть запись 1623 г. Лубенцевъ Мгарскому монастырю на рыболовный «духъ». Объ этомъ актѣ сказано у насъ раньше. (Февр., 222).

I. *Копѣя на братство троецкое Лубенское церкви, отъ отца Ісаии Копинского зобраное. (1622 г., 1 октября).* Во имя святыя, живоначальныя, единосущныя и нераздѣльнія Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа, единаго, истинного Бога нашего, ему честь и поклоненіе, слава и хвала отъ всея чувственныя и невещественныя твари, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

---

[1]) Оканчивая настоящій свой очеркъ, считаемъ долгомъ поблагодарить В. Б. Антоновича за его указанія на тѣ приводимые нами здѣсь документы изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, которые еще не напечатаны.

[2]) Быть можетъ, одного происхожденія съ напечатаными въ Кіевск. Стар. 1889 г., №№ 4—6.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ вся яже ко спасенію многаго ради человѣколюбивого милосердія своего на земли совершая и вол- нѣй человѣкоспасителной страсти грядый, ученикомъ своимъ гла- голаше: си заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, посему бо рече и знаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, еже и божественный верховный апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей, любовъ во божественныхъ посланныхъ препо- ручаетъ, подадите, рече, вѣрѣ вашей добродѣтель, во добродѣтели же разумъ, въ разумѣ все воздержание, во воздержаніи терпѣніе, во терпѣнии же братолюбіе, во братолюбіи же любовъ. И паки братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтѣте, иже и по спасителномъ на небеса Христа Бога вознесеніи, друголюбное божественный апостолъ і евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщая Ѳеофилу, глаголя: вѣру- ющихъ рече бяше душа едина и сердце едино, и не бяше въ нихъ никто же нищъ, требованію нищихъ послужиша силнѣйшихъ руцѣ. Сему же убо божественному и спасителному и человѣколюбному по- ученію и мы грѣшные послѣдующе, благодатію благаго Бога Господа нашего Іисуса Христа, хотяща всѣмъ человѣкомъ спастися и въ ра- зумъ истинный пріити, начинаемъ сіе душеспасителное друголюбнее соедиеніе—братство церковное во богоспасаемомъ градѣ Александровѣ, благословеніемъ и повеленіемъ преосвященного господина отца Ісаии Копинского, архіепископа и экзархи патріаршего, на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему россійскому роду, сыномъ всход- ного православія, такъ духовного, яко и свѣцкого стану, всѣмъ хри- стоименитимъ людемъ, на виконане християнскихъ милосерднихъ учинковъ, такъ духовнихъ, яко и свѣцкихъ въ размноженю и вко- рененю християнскихъ добродѣтелей, яко тежъ и въ подаваню на- укъ учтывихъ и цвѣченю дѣтей народу християнского, откуда хвала всемогущого Бога на земли множить, потѣха родичомъ и зъ сыновъ наказанныхъ ростеть, речи посполитые, оборона людская и оздоба церковная фундуется, якѡ тежъ и во опатреню телесныхъ вдовъ, си- ротъ и въ поратованію всякихъ людей упадлихъ, якося въ собѣ са- мый грунтъ, предея взяте, того святого милосердного братства волею Вседержителя Бога закладается, и братское нерозорваное любве, но присяжный связокъ и зединочене, ведлугъ порядку правъ братствамъ отъ светѣйшихъ патриярховъ и преосвященного митрополита и елико по православныхъ короны полское моцъ церквамъ наданыхъ, благо- словенныхъ и утвержденныхъ, на што мы всѣ менованные персоны обоихъ духовного и свѣцкого стану людей единымъ сердцемъ, еди-

ными усты позволивши, крестнымъ цѣлованиемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого, при благочестіи стояще духомъ любве горяче связавшеся, нижей описанное християнское братское (ие?) повинности и порядки чинити, въ той реестръ братскій вписуемося, при храмѣ церкве соборной братской пресвятыя и живоначальныя и нераздѣлимыя Твойци. Аминь. Въ року 1622, октовр. 1 дня. Ісаия Копинскій, милостію божіею митрополитъ Заднѣпрскій, екзархъ Константинопольскій, на вся сія душеполезная благочестивыхъ христіянъ совѣтованія изволивше благословеніе, своего власною рукою подписуюся.

II. *Выпись съ книгъ мѣскихъ ратуша Лубенского на духъ, зостаючий на рѣцѣ Вулшанцѣ. (1623 г., 7 января).* Я Марцинъ Нагурскій староста Лубенскій. Мы, Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій, при мнѣ бурмыстровъ будучихъ: Іосифа Свитайла, Сидора Адамовича, Олекси Товкача, Миска Мирченка, Івана Вѣтязя, Івана Бея, Федора Печеника зо всею громадою. Мы Стефанъ Жукъ, атаманъ войска Запорожского Лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблонскій зо всѣмъ товариствомъ войсковымъ. Ознаймуемъ такъ листомъ нашимъ нынѣшнымъ и потимъ будучимъ, кому бы о томъ вѣдати належало, якъ мы всѣ сполне съ собою згодившися, взялисмо предъ себе дѣло богоугодное для збавення души своей, такъ тежъ за причиною и просбою господина отца владыки господина отца Ісаии, пастира нашего, отдалисмы духъ, которій есмо сполечне зъ собою мѣли, каждый своею частю, на рѣчцѣ Олшанцѣ, до монастыря Мгарскаго Лубенского, на хвалу Божію, абы за насъ всѣхъ и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, которого то духу маетъ заживати монастырь безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ, такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, которого то духу маетъ заживати монастирь безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ, такъ старостъ, яко и мѣщанъ, такъ какъ и всѣхъ войсковыхъ, гдижъ то единою до мѣстца святого даемъ и вѣчными часы даруемъ. А если бы тежъ хто напотимъ мѣлъ въ томъ чинити монастиру якую перешкоду и ущербокъ и одыймовати отъ мѣстца святого данину нашу, которую мы теперь всѣ сполечне згодившися, до мѣста святого дали и вѣчными часы даруемъ, теди таковый нехай не маетъ милости Христовой и участничества со святими, нехай будетъ на немъ клятва святихъ отецъ. А для лѣпшой вѣры и ваги листу того, печати притиснути и руки свои

подписати зезволилимо. Писанъ въ Лубнахъ, року 1623, мѣсяца януарія 7 дня.

Marcin Nagòrskj, na ten czas starosta Alexandrowskj będący ręką swą.

Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій зъ бурмистрами. Стефанъ Жукъ, атаманъ съ товариствомъ рукою власною.

Акты Мгарскаго м-ря, л. л. 322 об. и 323. (Рукопись б-ки университета Св. Владиміра, изъ собранія М. О. Судьенка).

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко[1].

Извѣстно, что свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ покровительствовалъ всякой промышленности, любилъ Россію и желалъ искренно развитія природнымъ ея богатствамъ. Поэтому, узнавъ о предпріимчивости братьевъ Яхненко, при встрѣчѣ съ Кондратомъ Михайловичемъ Яхненкомъ полюбилъ его искренно, предложилъ ему избрать, гдѣ угодно, лучшее мѣсто для постройки сахарнаго завода, обѣщая покровительствовать всѣмъ его планамъ, давать дрова и производить въ своихъ имѣніяхъ посадку свекловицы для его завода и вообще помогать чѣмъ возможно. Вслѣдствіе такихъ сердечныхъ отношеній князя Воронцова, братья Яхненко и Симиренко въ 1846 году заключили письменный договоръ на 36 лѣтъ объ арендованіи 260 десятинъ земли подъ устройство сахарнаго завода возлѣ с. Мліева. Устройству этого завода князь Воронцовъ придавалъ большое значеніе не только въ смыслѣ выгодности для своего имѣнія и личнаго своего интереса, но и вообще для развитія промышленности въ краѣ, понявъ хорошо предпріимчивость и трудолюбіе членовъ фирмы, и своею задачею поставилъ обезпечить на дальнѣйшее время развитіе и безостановочную дѣятельность этого благаго дѣла и капиталы фирмы. Обезпеченіе князь Воронцовъ желалъ выразить въ томъ, что въ договоръ внесъ много разныхъ пунктовъ, обезпечивающихъ правильную постановку свекловичнаго производства и между прочимъ одинъ пунктъ, коимъ давалъ арендаторамъ право послѣ 36-лѣтняго

[1]) См. „Кіев. Стар.„ 1896 г. № 2.

арендованія, если пожелаютъ, то *продолжить срокъ договора на слѣдующіе годы, сколько будетъ желательно.*

Князь Воронцовъ понималъ, что могутъ встрѣтиться всякія препятствія и непредвидѣнныя обстоятельства, по истеченіи 36 лѣтъ, а потому не только самъ подписалъ договоръ, но, для большей обезпеченности дѣлъ фирмы въ будущемъ, послалъ его въ Крымъ подписать сыну Семену Михайловичу, предложилъ подписать именитымъ помѣщикамъ, графамъ Браницкому, Потоцкому и др. Обезпечивъ, сколько возможно, довѣріе и права фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, вручая этотъ договоръ Кондрату Михайловичу, ставшему уже во главѣ фирмы за смертью старшаго брата Степана, сказалъ: „Богъ да поможетъ повести вамъ дѣло счастливо, на благо себѣ и дорогого нашего отечества. Надѣюсь, что отъ меня и наслѣдниковъ моихъ вы будете имѣть, кромѣ сердечнаго вниманія, полную защиту и покровительство въ вашемъ великомъ предпріятіи: наслѣдники мои обязаны нравственно также относиться къ вашему дѣлу, какъ я, но если бы наслѣдники мои не уважили этого контракта, то Государь Императоръ его уважитъ, и вы должны будете въ крайности обратиться къ Его Императорскому Величеству". Въ такихъ именно выраженіяхъ Кондратъ Михайловичъ передалъ своему семейству и членамъ фирмы многозначительный фактъ врученія контракта ему и благія пожеланія свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ благопожеланій князя, братья Яхненко и Симиренко, не медля ни минуты, сейчасъ и начали постройку завода и всего того городка, который составлялъ въ свое время славу фирмы и въ частности главнаго дѣятеля этой фирмы Кондрата Михайловича. Всѣ члены фирмы одинаково трудились надъ устройствомъ городка, устроили свой кирпичный заводъ, на коемъ выдѣлывался кирпичъ такого качества, что, по ликвидаціи дѣлъ фирмы и распродажѣ нѣкоторыхъ зданій въ 1880 годахъ, сосѣдніе помѣщики и евреи покупали тотъ кирпичъ и построили себѣ дома въ мѣстечкахъ и селахъ. Лично приходилось видѣть въ 1880-хъ годахъ, какъ цѣлыя вереницы во-

зовъ съ кирпичами ѣхали изъ городка по направленію къ м. Ольшаной и въ разныя стороны. Строительный матеріалъ былъ тогда не дорогъ; за постройкой слѣдили зорко и умѣло; городокъ выросъ, какъ на дрожжахъ; на пустырѣ образовалась жизнь, и жизнь самая кипучая и дѣятельная: тысячи народа нашли тамъ средства къ жизни и работали на пользу фирмы и собственнаго существованія.

Заводъ устроенъ былъ сразу для переработки 200 тысячъ берковцевъ свекловицы и для выдѣлки 400 тысячъ пудовъ рафинада, и по своему внѣшнему виду представлялъ изъ себя громадину для того времени. Онъ состоялъ изъ семи этажей, а потому по своей сложности и размѣрамъ требовалъ соотвѣтственныхъ машинъ. Братья Яхненко и Симиренко не жалѣли средствъ и своихъ трудовъ на такое великое предпріятіе. Всѣ машины были куплены за границей. Въ первомъ году свекловичнаго производства, по истеченіи только нѣсколькихъ дней работы, лопнуло огромное маховое колесо прессовой машины: заводъ долженъ былъ остановиться, и привезенные 60 тысячъ берковцевъ свекловицы пропали, потому что сдѣлать новый маховикъ и исправить поврежденныя части машины можно было только за границей. Остановка новаго завода, потеряла 60 тысячъ берковцевъ свекловицы и невозможность скоро исправить у насъ въ Россіи, по неимѣнію техниковъ и своего завода, заставили призадуматься братьевъ Яхненко и Симиренко и показали очевидную необходимость застраховать сахарное производство съ его механической стороны отъ разнаго рода случайностей, могущихъ ставить на карту все предпріятіе.

По общему совѣту членовъ фирмы, Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко отправился за границу, посѣтилъ въ Парижѣ и Брюсселѣ лучшіе въ то время машинно-строительные заводы и разсудилъ,—отчего же въ Россіи не могутъ быть устроены такіе-же заводы. Посовѣтовавшись съ отцомъ и дядями, онъ привезъ въ Россію французовъ-техниковъ, назначивъ имъ громадное жалованье, и фирма братьевъ Яхненко и Симиренко приступила къ постройкѣ перваго въ юго-западномъ краѣ, даже можно сказать и въ Россіи, машино-строительнаго завода съ усо-

вершенствованіями послѣдняго слова науки и практики. Изъ Франціи и Бельгіи выписаны были изъ лучшихъ фирмъ токарные и строгательные станки; но преимущественно Платонъ Ѳедоровичъ выписалъ лучшіе станки изъ Англіи отъ извѣстной въ Европѣ фирмы Витвортъ. Фирма братьевъ Яхненко и Симиренко понимала прекрасно, что машино-строительный заводъ будетъ требовать громадныхъ затратъ, а польза отъ него могла быть только въ будущемъ, когда усилится фабричное производство, разовьются пароходныя сообщенія и не пожалѣютъ землевладѣльцы своихъ сбереженій, а употребятъ на покупку машинъ, молотилокъ и проч. Нужно помнить, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко расцвѣла во время крѣпостного права, когда обработка полей, вымолотъ хлѣба были патріархальные, когда крестьяне даромъ работали на помѣщика, когда никто изъ зажиточныхъ людей не считалъ нужнымъ заводиться въ хозяйствѣ машинами и всѣ смотрѣли на машины, какъ на ненужную роскошь, когда о желѣзныхъ дорогахъ въ южной Россіи не было и рѣчи, когда машины ровно никому не нужны были, когда деньги употреблялись на содержаніе излишней прислуги, каретъ, лошадей. Рѣдкій изъ землевладѣльцевъ думалъ тогда объ улучшеніи своего хозяйства; не было надобности объ этомъ заботиться, такъ какъ все даромъ плыло въ руки помѣщиковъ.

Но такое положеніе промышленности и сельскаго хозяйства у насъ въ кіевской губерніи не остановило предпріимчивости фирмы,—она взялась за дѣло усердно, и заводъ былъ устроенъ. Задача машино-строительнаго завода была производить машины для фабрикъ, заводовъ, паровики, пароходы: техническая сторона была въ немъ поставлена на той же самой высотѣ, какъ стояла во Франціи. Машины выходили настолько доброкачественныя, что по отзыву главноуправляющаго Илинецкимъ имѣніемъ княгини Демидовой Санъ-Донато, Александра Осиповича Добровольскаго, лучшій въ Илинецкомъ сахарномъ заводѣ паровикъ и теперь изъ завода фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко. Вообще фирма никакой вещи изъ своихъ заводовъ и фабрикъ не выпускала безъ строгой провѣрки.

Послѣ усовершенствованія городка, сталъ выдвигаться старшій въ родѣ Кондратъ Михайловичъ, выучившійся уже кое-какъ подписывать свое имя и фамилію. Кондратъ Михайловичъ и Платонъ Ѳедоровичъ стали постоянно жить въ городкѣ и заниматься на мѣстѣ производствомъ операцій, а братъ Терентій, въ виду громаднаго развитія торговой дѣятельности, жилъ въ г. Одессѣ, гдѣ фирма имѣла большіе склады разныхъ произведеній; необходимость же заставляла нѣкоторыхъ изъ членовъ фирмы бывать въ разныхъ городахъ: Ростовѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ и др. и давать жизнь и дѣятельность развивавшемуся важному промышленному ихъ дѣлу.

Устройство машино-строительнаго завода, казавшееся сначала необходимымъ для устраненія всякихъ случайностей въ главномъ дѣлѣ сахарнаго производства, явилось великимъ предпріятіемъ въ дѣлѣ техническомъ у насъ на югѣ и стало удовлетворять нуждамъ огромнаго раіона сахарной промышленности въ теченіе многихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что о механическомъ дѣлѣ у насъ на югѣ и помину не было.

На покупку за границей машинъ въ двойномъ количествѣ для безостановочнаго дѣйствія завода, на покупку лишняго матеріала для машинъ и доставку его требовалось много запаснаго капитала. А съ устройствомъ такого завода въ центрѣ сахарнаго производства послѣдовало у многихъ помѣщиковъ сбереженіе капитала и употребленіе его на усовершенствованія по производству сахара. Небогатые капиталомъ помѣщики, но съ энергіей, взялись за устройство у себя сахарныхъ заводовъ, и никто не боялся остановокъ заводовъ и потери десятковъ тысячъ берковцевъ свекловицы, какъ это случилось на первыхъ порахъ съ фирмою. Машино-строительный заводъ безспорно принесъ несомнѣнную услугу и великую пользу мѣстности и избавилъ многихъ сахарозаводчиковъ отъ излишнихъ хлопотъ и затратъ. Всѣ издѣлія завода отличались всегда большою точностью и добросовѣстностью въ исполненіи, а это никогда не обходится дешево, даже при мѣстныхъ мастеровыхъ, которые съ теченіемъ времени замѣнили иностранцевъ. Въ обществѣ было распространено мнѣніе, что производство машино-строительнаго

завода фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко не окупало тѣхъ затратъ, которыя были вложены въ дѣло, что прибывшимъ иностранцамъ-французамъ нужно было платить громадное жалованье, въ четыре раза болѣе, чѣмъ они получали на мѣстѣ, во Франціи, иначе они не хотѣли ѣхать, а потому фабричныя издѣлія завода обходились очень дорого, и продавать ихъ дешево, соображаясь съ цѣнами во Франціи, не было никакой возможности, а что будто бы покупка и привозъ тѣхъ же предметовъ изъ Франціи, обходились дешевле противъ фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко. Но такое мнѣніе ошибочно. По отзыву Потапа Васильевича Лося, завѣдывавшаго счетоводствомъ машино-строительнаго завода, заводъ сразу началъ давать доходъ, въ среднемъ 25 тысячъ, а были годы, когда давалъ и 50 тысячъ. Правда, что тогда не было поощрительныхъ пошлинъ для фабричной промышленности, не было желѣзныхъ дорогъ и только что начала развиваться пароходная дѣятельность, но и при этихъ условіяхъ заводъ, какъ самостоятельное предпріятіе, разорительныхъ убытковъ не приносилъ. Потому еще было выгодно имѣть его, что онъ вполнѣ гарантировалъ правильность хода сахарнаго дѣла и давалъ возможность къ различнаго рода усовершенствованіямъ, не говоря уже о томъ, что онъ приносилъ извѣстный доходъ, такъ что заводъ, какъ предпріятіе, былъ полезенъ не только для мѣстности, но и для фирмы и выработалъ массу техниковъ, которые и теперь съ пользою работаютъ на другихъ заводахъ. Вообще, это была школа для техническаго, практическаго образованія. Прибывшіе изъ Франціи иностранцы техники поступили на службу по разнымъ фабрикамъ и заводамъ, и многіе принимали участіе въ открытіи новыхъ заводовъ и способствовали развитію этой важной отрасли промышленности. Справедливо, что французамъ пришлось платить въ два-три раза дороже, но громадная плата была не всѣмъ, а двумъ-тремъ главнымъ, да нѣкоторое время и простымъ мастеровымъ; но вскорѣ послѣдніе были замѣнены русскими. Нашимъ машино-строительнымъ заводамъ оказалась впослѣдствіи опаснымъ конкурентомъ Германія, которая, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, начала надѣлять нашу свеклоса-

харную промышленность дешевыми машинами и приборами, но болѣе низкими по достоинству сравнительно съ французскими. А между тѣмъ Млiевскія издѣлія взяли образецъ съ нихъ и вполнѣ подходили къ нимъ по своему устройству, выработкѣ, прочности и высокимъ качествамъ.

Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко и вообще всѣ члены фирмы не знали важнаго въ промышленномъ дѣлѣ откладыванія части барышей въ запасный капиталъ. Платонъ Ѳеодоровичъ, какъ и всякій человѣкъ, сталъ уже слишкомъ увлекаться и весь капиталъ обращать въ постройки. Правда, Кондратъ Михайловичъ и Терентій Михайловичъ возставали противъ лишней затѣи, но кредитъ и счастливыя обстоятельства шли на выручку всякимъ сомнѣніямъ.

Какъ я уже сказалъ, въ первомъ году производства, вслѣдствіе поврежденія махового колеса, сахарный заводъ стоялъ долгое время безъ работы до исправленія маховика, но зато къ концу года собралось въ складѣ 200 тысячъ или болѣе пудовъ песка, много рафинада: цѣны были низкія—и продавать казалось неудобнымъ. Совершенно случайное обстоятельство выручило фирму изъ затрудненій: Шлезвигъ-Голштинское движеніе нѣмецкаго населенія въ 1848 году противъ Даніи и порученіе Германскаго союза Пруссіи поддержать нѣмцевъ, заставило Данію блокировать всѣ порты Пруссіи, закрыть входы въ проливъ, вслѣдствіе чего сообщеніе Сѣвернаго моря съ Балтійскимъ прекратилось, доставка и привозъ сахара въ С.-Петербургъ также прекратилась, и цѣна на сахаръ страшно возросла. Имѣвшійся въ складахъ фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко сахаръ въ сотняхъ тысячъ пудовъ былъ проданъ по высокимъ цѣнамъ, и барыши получились громадные. Это обстоятельство подняло дѣла фирмы высоко: кредитъ возросталъ, обороты увеличивались, прогрессивно чему увеличивались затраты на постройки.

Постоянное пользованіе все большимъ и большимъ кредитомъ и устраненіе мысли о запасномъ капиталѣ вошло уже въ плоть и кровь фирмы, которая и не помышляла никогда о томъ,

что бы дѣла ея могли когда либо пошатнуться. И дѣйствительно, счастье видимо сопутствовало предпріятіямъ фирмы.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ фирма привыкла легко получать деньги, и потому не являлось у членовъ фирмы вопроса: „а что можетъ быть, если не дадутъ денегъ и не станетъ кредита?“ Послѣ устройства городка возлѣ Мліева и машино-строительнаго, рафинаднаго и песочнаго сахарныхъ заводовъ, фирма стояла на недосягаемой высотѣ благоденствія: все какъ бы преклонилось предъ величіемъ дѣятелей. Именитые сосѣди, какъ напримѣръ—графъ Бобринскій, относились къ фирмѣ очень хорошо. При посѣщеніи городка, графа Бобринскаго сопровождалъ Василій Өедоровичъ Симиренко; графъ внимательно осматривалъ заводы, не говорилъ уже о банкротствѣ, а высказалъ желаніе долгаго благоденствія фирмѣ, остался доволенъ издѣліями механическаго завода и обѣщалъ всѣ машины для своихъ заводовъ пріобрѣтать у фирмы и дѣлать ей заказы.

Вообще графъ Бобринскій при посѣщеніи Городка вынесъ прекрасное мнѣніе о дѣятеляхъ фирмы, видѣлъ, что члены фирмы люди дѣла, не жалѣютъ трудовъ и капитала и заботятся серьезно о благосостояніи мѣстности.

Слава о милліонной производительности фирмы сдѣлалась извѣстною даже мѣстному Генералъ-Губернатору г. Бибикову, который изъявилъ желаніе познакомиться съ представителями фирмы, и однажды Кондратъ Михайловичъ Яхненко и Платонъ Өедоровичъ Симиренко представились ему. Бибиковъ принялъ ихъ любезно и разспрашивалъ о дѣлахъ.

Въ одно изъ посѣщеній г. Кіева Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ представлялъ Кондрата Михайловича Государю Императору.

Простой народъ—крестьяне и мѣщане—зная, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко вышла изъ плоти его, также благоговѣли предъ членами ея. Свѣжи еще были въ то время воспоминанія, когда на ярмаркахъ видѣли братьевъ Яхненко и Симиренко продававшими тулупы, покупавшими пшеницу у помѣщиковъ, а тутъ сразу видятъ устройство городка, дѣйствую-

щіе паромъ заводы, привезенныхъ французовъ, массы подводъ, которыя день и ночь одни предметы привозятъ въ городокъ, другія увозятъ; всѣмъ крестьянамъ сосѣднихъ селъ были постоянные заработки, въ городкѣ кипѣла жизнь торговая, коммерческая, цѣликомъ пересаженная изъ Франціи. Простой народъ, понимая по своему источники богатства, не могъ не прійти къ убѣжденію, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко нашелъ кладъ.

Мѣщане г. Звенигородки, бывавшіе на ярмаркахъ въ Городищѣ и по разнымъ дѣламъ въ городкѣ Яхненка, лично мнѣ разсказывали, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко гдѣ-то встрѣтился съ однимъ глубокимъ старикомъ; оба они сразу другъ друга полюбили, и старикъ открылъ Яхненку, что въ одномъ изъ Городищенскихъ прудовъ на днѣ имѣется лодка, наполненная золотомъ и брошенная туда гайдамаками, и что Яхненко взялъ тотъ прудъ въ аренду, спустилъ воду съ пруда, нашелъ лодку съ золотомъ и началъ черпать.

Въ юго-западномъ краѣ, особенно въ южной части кіевской губерніи, не бывало примѣровъ, чтобы простой человѣкъ могъ на глазахъ богатыхъ помѣщиковъ, пріобрѣтшихъ богатство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ графы Потоцкій, Браницкій, выдаться такъ рельефно и устроить на чужой землѣ что-либо похожее на первый въ Россіи паровой сахарный заводъ въ Ташлыкѣ, первый машино-строительный заводъ на югѣ Россіи. Богатые помѣщики бывали за границею и видѣли тамъ производство время было крѣпостное, работники были даровые, — кажется; отчего бы не заняться пересадкою лучшихъ заграничныхъ заводовъ къ себѣ въ свои собственныя имѣнія. Между тѣмъ всѣ устраивали изъ подражанія огневые заводы, и только когда фирма Яхненко и Симиренко устроила первый паровой заводъ, всѣ именитые, богатые помѣщики стали подражать простымъ труженникамъ, не получившимъ образованія, а только собственнымъ природнымъ умомъ добившимся до пониманія того, что слѣдуетъ дѣлать для блага мѣстности.

Неудивительно послѣ этого, что слава о дѣятельности фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко росла съ каждымъ днемъ, члены фирмы ѣздили ежегодно на Нижегородскую ярмарку и имѣли

тамъ свои склады. Въ видѣ анекдота разсказываютъ, что входитъ однажды въ магазинъ баба и спрашиваетъ: „здѣсь ли продается сахаръ двухъ „хохловъ". Такъ величали простые великороссы фирму братьевъ Яхненко и Симиренко. Очевидно, извѣстна фирма была не только великороссамъ коммерческимъ людямъ, но и простому люду, простымъ бабамъ.

Конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ былъ моментъ полнаго расцвѣта фирмы; слава и извѣстность ея были повсемѣстны въ Россіи; стояла она на пьедесталѣ величія.

Постоянные барыши вскружили голову членамъ фирмы, и они стали вѣрить въ незакатность своей звѣзды, хотя нисколько не измѣняли своихъ обычныхъ нравовъ, простоты, ни у кого изъ нихъ не высказывалось и не проявлялось мысли и намѣренія быть гордымъ, важничать, стремиться къ роскоши.

Во время самаго расцвѣта дѣятельности фирмы, члены ея держали себя просто, какъ во дворцахъ магнатовъ, такъ въ скромныхъ домахъ средняго сословія и въ хижинахъ бѣдняковъ-крестьянъ. Вездѣ они казались простыми, добрыми и неспособными гордиться своимъ богатствомъ.

Съ каждымъ годомъ росло благосостояніе фирмы, со всѣхъ концовъ, какъ въ какое-то особое казнохранилище, несли богатые и бѣдные въ кассу фирмы деньги, и справедливость требуетъ сказать, что представитель фирмы, Кондратъ Михайловичъ, былъ по своимъ убѣжденіямъ безусловно честнѣйшій человѣкъ: не было у него мысли обидѣть кого-либо, онъ старался съ каждымъ окончить дѣло у себя мирнымъ путемъ, и потому къ нему было полное довѣріе всѣхъ сословій. Въ то время банковыхъ операцій къ Кіевѣ еще не знали, не знали биржевыхъ дѣлъ, мало лицъ занималось спекуляціей, а Кондратъ Михайловичъ безыскусственностью, честностью, выполненіемъ обязательствъ плѣнялъ всѣхъ. Обладая прекраснымъ здоровьемъ отъ природы, онъ имѣлъ громаднѣйшую память: помнилъ всѣ дни уплатъ, займовъ и дѣла свои вексельныя и торговыя такъ велъ мастерски, что приводилъ всегда въ изумленіе всѣхъ. Какъ природный малороссъ, онъ всегда говорилъ по-малорусски и, вслѣдствіе посто-

янныхъ занятій, привыкъ отвѣчать лаконично: занятія сдѣлали его подвижнымъ, дорожащимъ временемъ, казалось ему, что безъ него не такъ будетъ идти заводъ, и потому старался онъ быть вездѣ и слѣдить за всѣмъ.

Вообще Кондратъ Михайловичъ жизнь свою посвятилъ только долгу и семейству. Семейную жизнь онъ любилъ и былъ женатъ три раза. Первая его жена была крестьянка Екатерина; съ нею онъ прижилъ двоихъ дѣтей, которые умерли малолѣтними; вторая жена его была вдова священника, отъ которой онъ не имѣлъ дѣтей; третья жена его была вдова маіора Марія Васильева Труханова, урожденная Пасхалова, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей: Ивана и Василія.

Какъ въ семейной жизни, такъ и въ обращеніи со всѣми служащими, у него существовала патріархальность: всѣ служащіе составляли какъ бы одну семью. Религіозныя требованія въ этой семьѣ стояли на первомъ планѣ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ всѣ служащіе, во главѣ со своимъ представителемъ Кондратомъ Михайловичемъ и семьею его, шли въ церковь. Самъ Кондратъ Михайловичъ молился усердно, отъ чистой души и своимъ примѣромъ заставлялъ всѣхъ молиться. Въ этомъ городкѣ всякое нарушеніе нравственныхъ началъ считалось страшнымъ преступленіемъ, особенно соблазнъ дѣвушки; не знали, какъ карать соблазнителя. Самъ Кондратъ Михайловичъ, при массѣ занятій, по такимъ преступленіямъ принималъ на себя роль судьи и всегда старался карать мущинъ самымъ сильнымъ способомъ, не жалѣлъ онъ уже средствъ соблазнителя, а заставлялъ или жениться, или удовлетворить соблазненную деньгами по ея желанію. Часто по такимъ дѣламъ происходили курьезы. Однажды одинъ изъ служащихъ К. сошелся съ одной дѣвушкой, и она родила ребенка. Этотъ фактъ возмутилъ всѣхъ служащихъ, всѣ дамы — родственницы Кондрата Михайловича стали требовать, чтобы онъ наказалъ К. примѣрно и въ назиданіе всѣмъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ грознаго судьи, послѣ литургіи въ воскресный день потребовалъ къ себѣ К. За чаемъ сидѣла вся его семья, всѣ дамы-родственницы и вообще всѣ близкія лица его дома. По вызову явился К. и

сталъ въ роли обвиняемаго, принявъ смиренный видъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ суроваго судьи и обратившись къ К., спросилъ громко и протяжно: „Що це ты, козаче, зробывъ?“ К. самымъ наивнымъ образомъ поклонившись отвѣтилъ: „хлопчика, Кондратъ Михайловичъ“. Отвѣтъ такъ поразилъ дамъ, сидѣвшихъ за столомъ, что всѣ онѣ ушли, а Кондратъ Михайловичъ при общей суматохѣ не зналъ, какъ продолжать судъ и, махнувъ рукою, приказалъ уходить. Очевидно, быть грознымъ судьею такому простому и доброй души человѣку, какимъ былъ Кондратъ Михайловичъ, никакъ не шло. Не смотря на это, всѣ служащіе относились къ нему съ почтеніемъ и благоговѣли предъ его личностью.

Самъ Кондратъ Михайловичъ для порядка въ городкѣ установилъ дежурства, ночные обходы съ сотскими и десятскими изъ служащихъ. Всѣ подошедшіе подъ очередь должны были идти безпрекословно къ мѣсту, назначенному для надзора; требовалъ онъ, чтобы въ этихъ случаяхъ исполненіе обязанностей было самое точное. Не любилъ онъ въ этомъ случаѣ видѣть нарушеніе точно установленной имъ дисциплины, самъ провѣрялъ такіе обходы и, если заставалъ спящими, то безъ всякой церемоніи тутъ же наказывалъ ихъ палкою, а въ крайности грозилъ удаленіемъ отъ службы, что впрочемъ примѣнялъ рѣдко.

Кондратъ Михайловичъ по своей натурѣ былъ замѣчательный юмористъ. Однажды въ Кіевъ прибыло одно высокопоставленное лицо. Кіевское купечество давало ему обѣдъ; по своимъ дѣламъ Кондратъ Михайловичъ былъ тогда въ Кіевѣ и приглашенъ былъ на обѣдъ. Передъ обѣдомъ бывшій кіевскій гофъ-маклеръ Паталѣевъ, тогда еще молодой человѣкъ, заявилъ, что будетъ держать рѣчь во время обѣда; въ извѣстный моментъ встаетъ П—въ и начинаетъ говорить. Первыя слова рѣчи были: „господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“, но тутъ же смѣшался и не могъ продолжать, а опять повторилъ: „Господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“. Такъ начиналъ онъ три раза свою рѣчь. Понятно, это всѣхъ смутило, и никто не нашелся, чѣмъ поправить дѣло; одинъ Кондратъ Михайловичъ, чтобъ установить оживленіе, сказалъ: „Богъ тоби простыть, ты, правда, ще

молодый чоловикъ, сидай лучше на свое мисце да будемъ дообидувать. П—въ сѣлъ, и тѣмъ кончилась его рѣчь; обѣдъ продожлался, и оживленіе за столомъ пошло своимъ порядкомъ.

Вообще Кондратъ Михайловичъ былъ доброй души человѣкъ, веселаго нрава, любилъ самъ повеселиться и развлечь другихъ; бѣда только, что былъ постоянно занятъ.

Работая по своей спеціальности, Кондратъ Михайловичъ не отставалъ и отъ дѣлъ благотворительности: при пожертвованіяхъ во время крымской кампаніи, фирма братьевъ Яхненко и Симиренко доставила 10000 руб., не говоря о постоянныхъ жертвахъ на разныя богоугодныя дѣла: Кондратъ Михайловичъ давалъ всѣмъ бѣднымъ, кто только ни обращался къ нему.

Въ концѣ 1850 года Кондратъ Михайловичъ и братья его стали уже старѣть и слабѣть; пошелъ уже Кондрату Михайловичу 8-й десятокъ лѣтъ, сталъ онъ уже чувствовать себя слабымъ. Наслѣдникъ у него былъ совсѣмъ малолѣтній, а между тѣмъ дѣятельность на фабрикахъ расширялась, вездѣ надо было наблюдать, а въ дѣйствительности уже не было кому. Правда, Кондрата Михайловича вездѣ замѣняла очень образованная, дѣятельная личность, Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко; по отзывамъ, этотъ его племянникъ былъ очень умный человѣкъ, но къ сожалѣнію больной и потому не могъ быть подпорою Кондрата Михайловича при развивавшейся грандіозной дѣятельности. А тутъ, какъ нарочно, начали уже высказываться результаты ошибокъ фирмы и на первомъ планѣ результаты увлеченія.

Кондратъ Михайловичъ часто возражалъ противъ затѣвавшихся Платономъ Ѳедоровичемъ излишнихъ построекъ и роскоши. Здравый умъ стариковъ подсказывалъ имъ, что много уже имѣется лишняго и что это лишнее поглощаетъ массу чистаго капитала, что чуть-ли не весь капиталъ теперь въ постройкахъ, а такого рода активъ трудно было реализовать. Приходила уже старикамъ мысль о возможности сокращать лишнюю трату денегъ. Въ этой когда-то единой семьѣ братьевъ Яхненко и Симиренко, дышавшей единымъ духомъ и составлявшей какъ бы одно тѣло, образовались двѣ партіи, два теченія. Былъ такой моментъ, когда партійное движеніе на столько обострилось, что

Семенъ Степановичъ Яхненко замѣнилъ мѣсто въ управленіи дѣлами фирмы Платона Ѳедоровича Симиренка. Хотя эта замѣна продолжалась не долго, но явно было всѣмъ, что молодые люди не могли уже сходиться въ такихъ началахъ и вести дѣла, какъ вели старики. Слабость здоровья стариковъ не могла уже держать въ ежевыхъ рукавицахъ бразды правленія и дѣла фирмы. Въ 1858 году Кондратъ Михайловичъ по совѣту докторовъ со всею своею семьею отправился заграницу лѣчиться и возвратившись видимо почувствовалъ себя хорошо, но 21 сентября 1858 г. съ нимъ случился первый ударъ, затѣмъ послѣдовательно черезъ извѣстные промежутки было еще 6 ударовъ, и онъ былъ разбитъ параличемъ. Разбитый параличемъ, не могъ онъ слѣдить за дѣлами, постоянно наблюдать за дѣятельностью на заводахъ; болѣзнь его требовала безусловнаго покоя и удаленія отъ всякихъ занятій по дѣламъ. При такихъ условіяхъ, для веденія дѣлъ потребовались новыя, свѣжія силы, но ихъ не прибывало. Время измѣнило и нравы семьи Яхненко и Симиренко не къ лучшему, а къ худшему.

Послѣ смерти Степана Михайловича Яхненка, наслѣдники его все настоятельнѣе требовали раздѣла и выдѣла своей части; долго откладывался этотъ выдѣлъ и наконецъ совершился: они получили около полумилліона наслѣднаго капитала. Платонъ Ѳедоровичъ Симиренко, будучи больнымъ, сталъ также выдѣляться изъ фирмы и взялъ лично для себя Ташлыкскій сахарный заводъ, который не давалъ дохода, а съ каждымъ годомъ производительность на немъ падала, и получались убытки, а вслѣдствіе этого — задолженность Платономъ Ѳедоровичемъ денегъ фирмѣ.

Сахарная промышленность въ краѣ развивалась все сильнѣе и сильнѣе, строились новые заводы и каждый изъ нихъ являлся сильнымъ конкуррентомъ для фирмы. Графы Шуваловъ, Браницкій, товарищество Епни, устраивая новые заводы, старались вести на нихъ дѣла и производить выработку сахара на новыхъ началахъ, вырабатываемыхъ наукой и жизнію; нужно было не отставать отъ нихъ, а стараться—или идти въ уровень съ ними, или усиливать производительность. Необходимость

заставляла примѣниться къ новымъ условіямъ жизни и дѣятельности; трудно реализируемый активъ въ видѣ громадныхъ построекъ не имѣлъ особой цѣны, не могъ подвергаться постоянной продажѣ и давать оборотъ капиталу. Вообще въ дѣлахъ фирмы требовалось коренное преобразованіе, нельзя уже было держать сундукъ съ золотомъ и серебромъ открытымъ, чтобы всякій имѣлъ возможность брать безъ счета. Въ такой именно моментъ въ 1850 годы, вмѣсто преобразованія, улучшенія въ дѣлахъ фирмы, является товарищескій договоръ, формально совершенный между членами фирмы. Капиталъ фирмы раздѣленъ былъ на четыре части, наслѣдники Степана Михайловича были выдѣлены, остались участниками: Кондратъ Михайловичъ, Терентій Михайловичъ Яхненки и Ѳедоръ Степановичъ Симиренко. По этому договору Платонъ Ѳедоровичъ уполномачивался вести дѣло; за труды его было положено большое вознагражденіе. Для веденія такого громаднаго дѣла, кромѣ опытности и ума, требовалось и здоровье, а здоровья у Платона Ѳедоровича, какъ я уже сказалъ, совсѣмъ не было; онъ ежегодно падалъ здоровьемъ и слабѣлъ: ясно было всѣмъ, что онъ не жилецъ міра сего.

Вѣсть о раздѣлѣ между членами фирмы и о выдѣлѣ одной части наслѣдникамъ Степана Михайловича скоро разнеслась по всему коммерческому люду, и обаяніе фирмы начало понемногу падать. Буржуазное направленіе между членами фирмы стало проходить красною нитью; разсчетливость исчезла мало по малу, каждый изъ членовъ фирмы не стѣснялся заборомъ денегъ изъ конторы на свой личный счетъ, каждому хотѣлось самостоятельно вести дѣла. Въ молодомъ поколѣніи не выработалось ни одной энергической силы, которая взялась бы настоятельно за преобразованіе дѣлъ фирмы. Василій Ѳедоровичъ Симиренко сталъ уже совершеннолѣтнимъ, но былъ еще молодъ для радикальнаго переворота веденія дѣлъ фирмы, а возросшій въ полной покорности предъ старшими, не могъ выступить рѣшительнымъ преобразователемъ всего строя дѣлъ фирмы, боялся вызвать общее неудовольствіе. На первое время необходимо было поссориться со всѣми, возстать противъ всѣхъ порядковъ,

но на это не всякій способенъ, хотя бы имъ руководили честнѣйшія намѣренія и взгляды. Зять Терентія Михайловича, г. Великановъ, открыто говорилъ, что такъ вести дѣла фирмы нельзя; но его не слушали. Казалось всѣмъ, что временная недостача капитала со временемъ пополнится. Дѣйствительно, кредитъ неособенно ослабѣвалъ, хотя уже и не былъ въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде. Всѣ люди, знавшіе честность стариковъ, были убѣждены, что старики при всякомъ положеніи дѣла, отдадутъ рубль за рубль, и потому несли свои сбереженія въ кассу конторы. Старики, хотя слабые духомъ и тѣломъ, понимали расположенность къ себѣ богатыхъ и бѣдныхъ, дорожили этой расположенностью и старались всѣми мѣрами поправить дѣла фирмы, но молодежь, подъ вліяніемъ духа времени, по своему смотрѣла на промышленность и коммерцію. Также старики не могли сойтись съ молодежью относительно служащихъ. Молодежь настаивала на перемѣнѣ директоровъ, которые неслѣдовали за наукою, не вводили усовершенствованій въ производство; старики-же помнили прежнія заслуги и ни за что не рѣшались разставаться съ ними. Всѣ эти причины, собственно говоря, не могли оказать особаго вліянія на дѣла фирмы: опасаться краха—не было основанія. Правда, у фирмы было много враговъ, которые старались распространять нелѣпые слухи о ея дѣлахъ; многимъ коммерсантамъ хотѣлось чѣмъ-нибудь повредить фирмѣ, чтобы отвлечь кредитъ въ свою сторону. Къ несчастію для фирмы и къ счастію для враговъ ея, случай такой скоро представился.

Въ 1861 году представители фирмы были въ Кіевѣ на контрактовой ярмаркѣ, производили тамъ разсчеты, уплаты, замѣны траттъ. По окончаніи контрактовъ, завѣдывавшій счетоводствомъ и кредитными операціями, ѣдучи обратно, дорогою потерялъ багажъ съ книгами, траттами и даже бланками за подписью членовъ фирмы. Вѣсть о потерѣ такого цѣннаго клада скоро разнеслась по окрестности; книги послѣ находки ихъ переходили изъ рукъ въ руки, попадали въ руки дѣловыхъ людей, которые воочію увидѣли, что дѣла фирмы неособенно блестящи, что много имѣется долговъ. Понятно, при такихъ

условіяхъ можно было говорить что угодно, и враги фирмы воспользовались этимъ, стали распространять въ публикѣ слухи, что фирма на порогѣ къ банкротству. Результатомъ этого было то, что послѣдовали требованія о возвратѣ внесенныхъ суммъ.

Свѣтлѣйшаго князя Михаила Воронцова не было уже въ живыхъ, а сынъ его, князь Семенъ Михайловичъ, не такъ пріятельски, какъ отецъ, относился къ дѣламъ фирмы, иначе смотрѣлъ на это, думалъ уже объ устройствѣ своего завода въ м. Городищѣ, и потому сосѣдство фирмы ему не нравилось. Старики Θедоръ Степановичъ Симиренко, Кондратъ Михайловичъ Яхненко и Терентій Михайловичъ Яхненко были уже совсѣмъ слабы духомъ и тѣломъ, на послѣднихъ дняхъ жизни; Платонъ-же Θедоровичъ Симиренко былъ безнадежно боленъ. Въ виду всего этого въ 1862 году, съ согласія членовъ фирмы, учреждена была первая администрація для возстановленія упадшихъ дѣлъ. По балансу, окончательно выведенному кредиторами или администраціей по всѣмъ счетамъ, долга оказалось на 3,500,000 руб. а имущества и вообще состоянія было на 5,200,000 руб., слѣдовательно излишекъ оказывался въ 1,700,000 руб., т. ч. не было собственно говоря надобности учреждать администрацію. Законъ также не давалъ права учреждать администрацію, когда должники на 1 руб. получали не 50 коп., а 1 р. 50 к. Старики, что бы не запятнать своего имени, представили полностью свое имущество въ распоряженіе кредиторовъ, заявляя имъ: „заберите, что вамъ принадлежитъ, и отдайте намъ наше". Предсѣдалемъ первой администраціи былъ Каспаръ Козаковскій. На первомъ общемъ собраніи рѣшено было платить кредиторамъ по 4% годовыхъ на капиталъ. Справедливость требуетъ сказать, что администрація вела дѣла не какъ добрый хозяинъ, а стала расширять предрпіятія, вышедшія и безъ этого за надлежащіе предѣлы.

Такимъ образомъ, дѣла фирмы при администраціи не укрѣплялись, а еще болѣе расшатывались; члены фирмы видѣли уже, что дѣла падаютъ. Первая администрація взяла въ аренду на 12 лѣтъ Александровскій сахарный заводъ Грабовскихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, взяла голыя стѣны и на устройство затра-

тила около 300 тысячъ рублей. Для казавшагося улучшенія дѣлъ та же администрація взяла въ аренду 5000 десятинъ земли при селахъ Бурты и Завадовкѣ, около 2500 при с. Христофоровкѣ. Члены фирмы, замѣтивши явныя ухудшенія дѣлъ, желая поправить и устранить администрацію, обратились съ ходатайствомъ къ правительству о выдачѣ займа изъ государственнаго банка, но послѣдовалъ отказъ. Управленіе князя Воронцова, въ лицѣ главноуправляющаго г. Критскаго, стало уже враждебно относиться къ дѣламъ фирмы.

Въ публикѣ былъ уже слухъ, вышедшій изъ главнаго управленія, что срокъ арендованія 260 десятинъ земли въ городкѣ оканчивается, что продолжить договоръ главное управленіе не желаетъ и что контрактъ князя Михаила Воронцова необязателенъ для его наслѣдниковъ.

Такія обстоятельства подрывали въ корнѣ дѣла фирмы.

Василій Θедоровичъ Симиренко, завѣдывая нѣкоторое время администраціей по дѣламъ фирмы, задумалъ учредить акціонерную компанію для улучшенія дѣлъ, и обязательно нужно было пригласить въ акціонеры владѣльца земли. Главноуправляющій Критскій наотрѣзъ отказалъ въ согласіи на учрежденіе акціонернаго товарищества песочно-сахарнаго завода и при особыхъ уже ходатайствахъ изъявилъ согласіе только возобновить въ 1872 г. договоръ на 36 лѣтъ объ арендованіи 260 десятинъ, находящихся подъ городкомъ. Возобновленіе договора не внесло ничего новаго въ дѣятельность фирмы. Старикъ Терентій Михайловичъ Яхненко умеръ въ 1866 г., Θедоръ Симиренко въ 1867 г., Кондратъ Михайловичъ Яхненко—въ ночь на 14 февраля 1868 г., Платонъ Θедоровичъ—въ 1863 г.

Въ 1880-хъ годахъ были ликвидированы совсѣмъ дѣла фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, продано все имущество—зданія машинъ, и милліонное дѣло погибло навсегда. Важно уже и то, что фирма Яхненко и Симиренко при окончательной ликвидаціи дѣлъ уплатила казнѣ долгъ въ полной суммѣ, а кредиторамъ, кромѣ ежегодныхъ 4%, по 75 коп. на 1 руб. и тѣмъ закончила свое существованіе.

Такимъ образомъ очевидно, что дѣла фирмы обладали еще жизненностью до послѣднихъ дней, и явись капиталъ и энергическій дѣятель, можно было бы приступить къ поднятію упавшихъ дѣлъ.

Послѣ ликвидаціи дѣлъ фирмы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ опустѣлъ и знаменитый городокъ, и навсегда безвозвратно прекратила свое существованіе фирма. Теперь городокъ Яхненка находится въ распоряженіи мѣстнаго землевладѣльца Балашова; зданія завода обращены въ казармы для войскъ, и тамъ проживаетъ два полка, а въ домахъ живутъ разныя лица, купившія ихъ въ собственность. Передъ продажею машино-строительнаго завода, главноуправляющій имѣніемъ княгини Демидовой Санъ-Донато въ Илинцахъ, г. Добровольскій, хотѣлъ составить товарищество для покупки завода и открыть его дѣйствіе, былъ приглашенъ владѣлецъ имѣнія купецъ Израиль Бродскій, но встрѣтились разныя препятствія, и этому доброму дѣлу не суждено было осуществиться. Брянскій заводъ закупилъ на торгахъ машины и увезъ ихъ въ Екатеринославъ для устройства тамъ механическаго завода.

Если разсмотрѣть со вниманіемъ и безпристрастно дѣятельность фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, то можно видѣть, что, если бы въ моментъ кризиса былъ выданъ правительствомъ заемъ и если бы управленіе всѣми заводами и дѣлами попало въ руки способнаго и дѣльнаго распорядителя, то скоро бы всѣ денежныя дѣла были приведены въ надлежащій порядокъ и не было бы краха. Печальный конецъ съ предпріятіями Кондрата Михайловича воочію убѣждаетъ, что каждое грандіозное дѣло, воздвигнутое однимъ человѣкомъ, цвѣтетъ только, когда строитель самъ руководитъ дѣломъ; разъ его не стало, или не успѣлъ онъ оставить послѣ себя лицъ, вполнѣ замѣняющихъ его—и дѣло, какъ бы оно ни стояло высоко по своимъ операціямъ, въ большинствѣ случаевъ погибаетъ. Крахъ съ Кондратомъ Михайло-

вичемъ доказалъ ясно, что образованіе товариществъ на паяхъ далеко практичнѣе и обладаетъ большей жизненностью, чѣмъ сосредоточеніе грандіознаго дѣла въ рукахъ одного человѣка.

П. Клебановскій.

Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст.

При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ произведеніями южнорусской литературы XVI—XVIII ст., какъ печатными, такъ и рукописными, изслѣдователь невольно поражается чрезвычайнымъ обиліемъ въ ней панегириковъ самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Не говоря о спеціальныхъ твореніяхъ въ этомъ родѣ, почти невозможно встрѣтить печатной книги,—будь то богословскій трактатъ, церковно-полемическое сочиненіе, сборникъ проповѣдей, житія святыхъ,—которая была бы совершенно свободна отъ панегирической примѣси—если не въ самомъ текстѣ, то въ предисловіи, посвященіи или „конклюзіи". Даже собственно церковныя и богослужебныя книги западнорусской и малорусской печати тѣхъ вѣковъ по большей части снабжены льстивыми „дедикаціями" какому-нибудь знатному „патрону" съ неумѣреннымъ прославленіемъ его военныхъ и гражданскихъ заслугъ или „зацности и шляхетной старожитности" его „дома" и съ традиціонными „виршами" къ его гербу. Иные авторы прибѣгали даже къ такимъ пріемамъ, что извѣстную часть экземпляровъ своей книги печатали съ „дедикаціями", адресованными одному лицу, а остальную часть снабжали посвященіями другому или третьему лицу. Этотъ странный и не совсѣмъ приличный обычай не считался, однако, таковымъ въ тѣ времена, ибо и самые достойные писатели пользовались имъ съ спокойною совѣстью; надо помнить, что панегиризмъ господствовалъ тогда въ цѣлой Европѣ, въ особенности въ Польшѣ, откуда онъ перешелъ

и въ западную Русь, въ послѣдней же, сверхъ того, онъ до извѣстной степени могъ быть оправдываемъ неблагопріятными политическими и соціальными условіями, именно тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ какомъ находилась русская вѣра и народность въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой. Лишенные государственной защиты своей церкви, православные писатели, выступая на литературную борьбу за ея попираемыя права, поневолѣ должны были искать для себя и для своего дѣла покровителей или „патроновъ“ въ томъ сословіи, которое одно пользовалось политическимъ полноправіемъ въ польской республикѣ и могло, если хотѣло, оказать такую могущественную поддержку и защиту, что противъ нея часто оказывалась безсильной и воля королевская; а чѣмъ инымъ можно было пріобрѣсти или, по крайней мѣрѣ, продлить эту поддержку и расположеніе, какъ не публичнымъ выраженіемъ признательности и нѣкоторою угодливостью панскому тщеславію! И если обстоятельства слагались такъ, что въ извѣстномъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ поддержки со стороны хотя бы иновѣрнаго магната, то православные не стѣснялись посвящать и такимъ лицамъ свои литературные труды; такъ, одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній западнорусской полемической литературы—„Апокрисисъ“, изданное на средства князя Конст. Острожскаго, было посвящено канцлеру Яну Замойскому—католику. Церковныя братства, школы, типографіи—всѣ эти просвѣтительныя учрежденія только тогда и процвѣтали, когда имѣли могущественныхъ патроновъ; а сколько полезнѣйшихъ изданій появилось на свѣтъ исключительно на ихъ средства, и можно ли было упрекать авторовъ или издателей за тѣ льстивыя „дедикаціи“, которыми они желали отблагодарить усердныхъ патроновъ и щедрыхъ благотворителей и расположить ихъ къ продолженію такихъ же милостей.

Но тѣ литературные пріемы и обычаи, которые имѣли нѣкоторое оправданіе въ эпоху польскаго господства, въ значительной степени теряли его въ освобожденной Малороссіи; а между тѣмъ нигдѣ человѣкоугодливость и сервилизмъ не распустились такимъ пышнымъ пустоцвѣтомъ, какъ именно въ литературѣ этой вольнолюбивой и демократической страны. Спра-

шивается, чему приписать это странное явленіе? На нашъ взглядъ, его слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію тогдашней схоластической науки и школы, созданной по польскому образцу и надолго сдѣлавшейся проводникомъ уродливыхъ ультра-шляхетскихъ понятій и вкусовъ. Тамъ, въ старопольскомъ быту, съ его гордымъ магнатствомъ и угодливою политикою воспитателей юношества—іезуитовъ, взглядъ на книгу, какъ на орудіе хвалы, и на писателей, какъ на панегиристовъ quand même, еще имѣлъ хоть какой-либо смыслъ, но перенесенный въ безгербовную Малороссію, онъ являлся чистой безсмыслицей. А между тѣмъ взглядъ этотъ несомнѣнно проводился въ малорусскихъ школахъ если не въ теоріи, то въ практикѣ, въ пріемахъ школьнаго обученія. Учащимся, по большей части „павперамъ", жившимъ на доброхотныя подаянія, естественно внушались чувства признательности и благодарности по отношенію къ благотворителямъ; а чѣмъ же бѣднякъ школьникъ могъ выразить эти чувства, какъ не плодами своего книжнаго искусства: складной рѣчью, витіеватымъ привѣтомъ, виршами. Самое преподаваніе поэтики и риторики въ малорусскихъ школахъ было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы питомцы умѣли составить витіеватую „орацію", поздравительныя вирши, замысловатые акростихи [1]). Практическимъ примѣненіемъ этихъ упражненій и вмѣстѣ образцомъ грядущимъ поколѣніямъ служили тѣ, уже въ собственномъ смыслѣ, *панегирики*, которые въ такомъ невѣроятномъ количествѣ изготовлялись въ малорусскихъ школахъ; много ихъ было напечатано въ свое время, но несравненно больше осталось въ рукописяхъ. Первенцемъ этого рода литературы надобно, кажется, считать „*Просфониму*", т. е. привѣтъ митроп. Михаилу Рагозѣ, сочиненный учениками львовской братской школы, стихами и прозою, на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и напечатанный во Львовѣ въ 1591 г. Кіево-Могилянская коллегія съ первыхъ же годовъ своего сущест-

[1]) Въ Люблинскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ въ 1696 г. составлена была для руководства учащимся особая книга, заключавшая въ себѣ толкованіе польскихъ дворянскихъ гербовъ, для панегириковъ. Списки этого руководства встрѣчаются между учебниками старинныхъ малороссійскихъ школъ.

вованія не мало потратила дарованія своихъ сыновъ на составленіе панегириковъ разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Всѣ эти „Вѣзерунки цнотъ", „Имнологіи", „Евхаристіоны альбо вдячности", „Евфоніи веселобрмячіи", „Мнемозины" et tutti quanti—представляютъ неподражаемые образцы словесной виртуозности, направленной къ одной цѣли—къ вящшему прославленію избраннаго „мецената": тутъ и оды, и диѳирамбы, и вирши всевозможныхъ формъ и размѣровъ, и остроумные акростихи съ замысловатыми эмблемами. И вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стекляный блескъ ума и слова страдаетъ лишь однимъ существеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ живого, искренняго одушевленія, а слѣдовательно и истинной поэзіи. До 30-хъ годовъ XVII в. эти диковинныя произведенія школьной „поетицкой музы", по крайней мѣрѣ, по языку не были чужды народности; но начиная съ „Мнемозины", сочиненной въ 1633 г. въ честь митроп. Петру Могилѣ студентами основанной имъ коллегіи, почти исключительнымъ языкомъ панегириковъ становится языкъ польскій и отчасти латинскій. Даже такое потрясающее для своего времени событіе, какъ Чигиринская война 1677 года, вдохновило „панегиристу козарского" Александра Бучинскаго, и еще другого, неизвѣстнаго по имени „піиту", воспѣть доблести Самойловича и Ромодановскаго польскими „риѳмами". Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ издаетъ въ 1670 г. книгу Żywoty Swiętych и снабжаетъ ее посвятительными виршами въ честь царевича Ѳеодора Алексѣевича—на польскомъ же языкѣ. Панегиристы гетмановъ—Самойловича (названный Бучинскій, кіевомогилянскіе коллегіаты) и Мазепы (Ст. Яворскій, Іоаннъ Орновскій, Петръ Армашенко, Филиппъ Орликъ) славятъ своихъ „меценатовъ" латинскими и польскими виршами. Наиболѣе громкою извѣстностью между малороссійскими панегиристами пользовался Стефанъ Яворскій, прославившійся такимъ искусствомъ слагать латинскіе и польскіе стихи, что Кіево-Могилянская коллегія удостоила его (въ 1689 г.) почетнаго званія „лавроноснаго піиты" (poëta laureatus). И какое же употребленіе сдѣлалъ этотъ безспорно талантливый ученый изъ своего дарованія? Пи-

салъ льстивые диѳирамбы Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ, родственнику послѣдняго Обидовскому и др. Искусство автора обнаруживается въ гладкости стиха, въ остроумной игрѣ латинскими словами, но настоящей поэзіи нѣтъ и въ его твореніяхъ.

Въ связи съ развитіемъ спеціально-панегирической литературы, въ остальной малорусской печати конца XVII в. царитъ то же всеобщее стремленіе кого-то прославить, воскурить кому-то „мглистый ѳиміамъ". Почти каждая печатная книга посвящается кому-либо. При типографіяхъ заводятся особые словесныхъ дѣлъ мастера, снабжающіе изданія (даже церковныхъ книгъ) искусными „дедикаціями", „конклюзіями" и „афикціями". При черниговской типографіи, основанной Лаз. Барановичемъ, такимъ мастеромъ состоялъ долгое время Лаврентій Крщоновичъ, дослужившійся этимъ до игуменства въ тамошнемъ Ильинскомъ монастырѣ. Когда 1696 г. предстояли выборы черниговскаго архіерея на мѣсто умершаго Ѳеодосія Углицкаго, Крщоновичъ домогался поставить свою кандидатуру и въ письмѣ къ гетману Мазепѣ, въ числѣ главныхъ своихъ „прислугъ церкви Христовой", указывалъ на труды по изобрѣтенію „конклюзій и афикцій, тутъ предъ тимъ въ Малой Россіи нѣгди не бывалихъ, а теперъ многимъ особамъ, почавши отъ самаго монархи, зъ завистію римляновъ (т. е. котоликовъ) дедикованнихъ" [1]).

Нужно ли говорить о томъ, какія вредныя послѣдствія для развитія литературы влекло за собою это повальное панегирическое повѣтріе! Оно служило едвали не главной причиной ея вѣкового безплодія. Въ то время, какъ конецъ XVI и начало XVII ст. ознаменованы появленіемъ въ южнорусской литературѣ цѣлаго ряда талантливыхъ произведеній, исполненныхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ разгаръ жестокой борьбы съ уніей, латинствомъ и протестантствомъ,—вторая половина XVII в., а затѣмъ и весь XVIII вѣкъ, за весьма немногими исключеніями, знаменуются, наоборотъ, поразительнымъ убожествомъ и скудостью научной мысли, вдохновеннаго сло-

[1]) Лѣтопись Величка, III, 418.

ва, поэтическаго чувства. Страна переживаетъ величайшіе кризисы; въ ней совершаются безпримѣрныя событія, всколыхнувшія общественную жизнь до самыхъ основаній и вызвавшія изъ глубины народной мысли и чувства обильный родникъ поэтическаго творчества,—а малорусскіе книжники и „піиты" не откликаются на это ни однимъ живымъ словомъ и лишь латино-польскими виршами величаютъ военные походы Самойловича и Мазепы. Въ странѣ, гдѣ было столько школъ и столько ученыхъ людей, учившихся въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ, въ теченіе вѣковъ упорно царитъ взглядъ на литературное искусство, какъ на пустую забаву, занятную потѣху, годную лишь на то, чтобы потѣшить людское тщеславіе или—въ лучшемъ случаѣ—служить украшеніемъ къ оффиціальной жизни,—и такой взглядъ поддерживаютъ сами патентованные magistri artium leberalium. Нужно ли говорить, какъ глубоко деморализовалъ подобный взглядъ и общество, и еще болѣе писателей! Если кориѳеи учености и лавроносные поэты не стыдились тѣшить панское и старшинское тщеславіе, воспѣвая свѣже-сочиненные „гербы" козацкой старшины и „шляхетную зацность" ихъ „рожаю", то какою угодливостью и пресмыкательствомъ должны были прокладывать себѣ путь въ жизни менѣе даровитые писатели, научившіеся искусству слагать вирши и ораціи, дедикаціи и конклюзіи, и, слѣдуя духу времени, желавшіе пустить въ оборотъ этотъ убогій капиталъ! А такихъ литераторовъ развелось въ тѣ времена въ Малороссіи превеликое множество. Біографію одного изъ нихъ, въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, мы и приводимъ здѣсь.

Въ первый годъ своего гетманства, 3 іюня 1688 г. Мазепа писалъ своему благодѣтелю и покровителю, ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну слѣдующее ходатайственное посланіе: „Аѳанасій Заруцкий, житель Глуховский, тщаніемъ своимъ, якъ змогъ подлугъ разума своего, составивши книжицу на похвалу превысокого імени пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великой государыни бла-

говѣрной царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества, и на розширеніе славы всего ихъ монаршого Россійского царствія, показалъ мнѣ оную и просилъ велце, абы была тутъ, въ Малой Россіи, напечатана и свѣту оказана. Прето (однако) я, якъ жадныхъ рѣчей тутъ без волѣ и позволеня монаршого ихъ царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ не починаю, такъ и зъ тымъ составленнымъ дѣломъ его, Заруцкого, в царствующий градъ Москву до вашои княжой велможности посылаю, где изволь ваша княжая велможность росказать розумнымъ и в такихъ дѣлехъ искусныхъ людемъ пересмотрѣти и изслѣдовати тоеи написанои книжици, и если оная будетъ угодна премилостивой волѣ монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества и вашой княжой велможности высокой увазѣ, то можетъ по томъ изслѣдованіи и напечатана быти, о що онъ своего приложитъ стараня. Тое до ознайменя и высокои уваги вашои княжои велможности подавши, полецаюся при томъ з унижонимъ моимъ поклономъ звыклой благодѣтелской вашой княжои велможности ласце.

„Вашой княжой велможности всего добра зычливий приятель и низкий слуга Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого“.

Къ письму была приложена на отдѣльныхъ листкахъ приписка: „Извѣстно вашой княжой велможности чиню, ижъ (что) оную его книжку читалъ и исправлялъ мужъ мудрости полний, преосвященний архіепископъ Лазарь Барановичь и велце залецалъ и хвалилъ и до мене о томъ писалъ, и инниі мудрие люде похвалили. Еднакъ же просилъ онъ мене, Аѳанасій Заруцкий, абы прежде вашой княжои велможности подалъ пункта, о чомъ тая книжка буде написана, котрие я до вашои княжои велможности одсылаю; а онъ тамъ имѣе воскорѣ лѣтописцовъ писанихъ изслѣдовати, жеби в чомъ у своей книжцѣ не погрѣшилъ. Прошу теды вашои княжои велможности, благоволи оному краткий часъ исслѣдовати лѣтописцѣ, а онъ тую свою книжицу якъ найскорѣй вашой княжой велможности подастъ, исправивши.

„Видячи я не малую працу Аѳанасія Заруцкого въ начертаню книжици ко прославлению маестату ихъ царского пресвѣтлого величеста и вашои княжои велможности, теди, в нагораду тихъ его працъ, а до другихъ добрыхъ дѣлъ повабляючи, наймеповалемъ ему дати село Чорторию [1]); еднакъ же просилъ онъ мене, абимъ до вашои княжои велможности причинилъся за нимъ, аби ему ко лучшей крѣпости грамота дана была государская на тое село, по милости государской и по ласцѣ вашей княжой велможности, б(ь)ю теди чоломъ вашой княжои велможности, покажи милосердие свое надъ нимъ, бо кгдыжъ любъ (хотя) онъ есть молодъ лѣтами, еднакъ же залѣцаю я оного вашои княжои велможности, ижъ барзо цнотливе и богоугодно живе и в науцѣ книжной есть доскональий; щобъ ему било з чого службу имъ великимъ государемъ служить. Умилосердися надъ нимъ!" [2])

Кто же былъ этотъ многообѣщавшій ученый и авторъ, о которомъ такъ усердно ходатайствовалъ гетманъ предъ всесильнымъ тогда временщикомъ?

Родиной Аѳанасія Заруцкаго былъ г. Глуховъ; здѣсь въ 1675 г. мы находимъ его отца, Алексѣя, въ то время еще не принадлежавшаго къ духовному сословію [3]). Впослѣдствіи этотъ Алексѣй Заруцкій сдѣлался протопопомъ новгородсѣверскимъ и неизвѣстно, за какія заслуги, получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича жалованную грамоту на с. Бѣлокопытово, въ глуховскомъ повѣтѣ [4]). Сыну своему Аѳанасію онъ далъ хорошее образованіе, законченное, по всей вѣроятности, въ Кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, а можетъ быть и въ заграничныхъ (польскихъ) школахъ, что въ то время составляло обычное явленіе въ Малороссіи. Образованному и даровитому человѣку не трудно было тогда сдѣлать карьеру: такими людьми дорожили и имъ давали ходъ въ войсковой канцеляріи, при дворѣ гетмана и въ

---

[1]) Нынѣ с. Черториги, Глуховск. уѣзда.

[2]) Списано съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. дѣлъ.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, стр. 203.

[4]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, стр. 840.

духовномъ вѣдомствѣ. Аѳанасій Заруцкій, прежде чѣмъ избрать себѣ опредѣленный родъ общественной дѣятельности, задумалъ пріобрѣсти славу на литературномъ поприщѣ: онъ сочинилъ какую то „книжицу" и представилъ ее на одобреніе мѣстному архіепископу Лазарю Барановичу. Разсчетъ Заруцкаго оказался вѣрнымъ: нельзя было пожелать болѣе снисходительнаго цѣнителя и поощрителя въ такомъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ ревностный служитель музъ и горячій поклонникъ artium liberalium. Глубокій богословъ, даровитый проповѣдникъ, природный поэтъ и искуснѣйшій стихослагатель, Барановичъ самъ въ теченіе своей долгой жизни никогда не покидалъ пера, находилъ высшее наслажденіе въ литературномъ трудѣ и съ великимъ сочувствіемъ и поощреніемъ относился ко всякому, кто желалъ трудиться на томъ же поприщѣ. Одобривъ первый опытъ начинающаго писателя, Барановичъ, безъ сомнѣнія, разгласилъ о немъ ученымъ друзьямъ своимъ, съ которыми велъ постоянную переписку, и такимъ-то путемъ о книжкѣ Заруцкаго увѣдали „инніи мудрые люди" и тоже ее „похвалили". Наконецъ, благодушный архипастырь-литераторъ оказалъ еще большую услугу молодому автору: онъ написалъ о немъ хвалебное рекомендательное письмо къ гетману и посовѣтовалъ Заруцкому лично представить свой трудъ его ясновельможности,—очевидно, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такъ какъ книга была составлена „на похвалу превысокаго царскаго имени и на розширеніе славы Россійскаго царствія", то право цензуры такого важнаго сочиненія приличествовало не кому другому, какъ самому гетману. И здѣсь нашего автора ожидалъ необычайный успѣхъ: гетману такъ понравилось его сочиненіе, что онъ вызвался (а можетъ быть, только согласился по просьбѣ автора) обратить на него благосклонное вниманіе всесильнаго вельможи, послать ему программу книги, а затѣмъ отправить въ Москву и самого автора—опять таки подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ нуждается въ справкахъ съ „лѣтописцами", какіе только можно найти въ столицѣ, и что гетманъ, хотя вполнѣ одобряетъ книгу и заранѣе ходатайствуетъ о награжденіи автора „селомъ", но не рѣшается своею властью разрѣшить ея печатаніе, такъ какъ-де

привыкъ ничего важнаго „безъ воли и позволенія монаршого не починати“.

Что же это было за талантливое произведеніе, такъ обвороживщее гетмана? Конечно, Мазепа, какъ человѣкъ весьма образованный, въ состояніи былъ оцѣнить достоинства книги Заруцкаго, если и въ самомъ дѣлѣ она ими обладала; но это не былъ такой безкорыстный аматеръ литературы и поощритель талантовъ, какъ Лазарь Барановичъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ книгѣ Заруцкаго прославлялось не одно „монаршее имя“, но также и имя его ясновельможности, и если Мазепа о томъ умалчиваетъ въ своемъ посланіи къ князю Голицыну, то единственно изъ скромности. Можетъ быть, это была громогласная поэма въ родѣ „Роксоланской Музы“, которую во славу гетмана издалъ въ томъ же году черниговскій піита Орновскій, или громозвучнаго „Эха“, составленнаго ему же въ честь въ слѣдующемъ году магистромъ философіи Симеономъ Яворскимъ, будущимъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго всероссійскаго престола. Во всякомъ случаѣ, если даже это была историко-лѣтописная компиляція (что всего вѣроятнѣе) или богословскій трактатъ,—все равно, тогдашніе малороссійскіе литераторы во всякой книгѣ, хотя бы и богослужебной, въ посвященіи, въ предисловіи и послѣсловіи умѣли воспѣть, кому хотѣли, такой панегирикъ, что онъ стоилъ торжественной оды или героической поэмы. Такъ какъ новоизбранный гетманъ не успѣлъ еще совершить никакихъ достославныхъ подвиговъ, такъ какъ малороссіяне его не любили, а изъ Москвы находили нужнымъ секретно провѣдывать о его вѣрности и о степени расположенія и довѣрія къ нему со стороны его подчиненныхъ [1]), то въ виду этого и литературный диѳирамбъ, хотя составленный молодымъ ученымъ, но одобренный такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Лазарь Барановичъ, и другими „мудрыми людьми“, пріобрѣталъ для Мазепы не маловажную цѣну: изъ него въ Москвѣ должны были увидѣть, какъ смотрятъ на гетмана высшее духовенство и самые мудрые и ученые люди въ Малороссіи. А такъ какъ хит-

¹) Въ октябрѣ 1688 г. съ этою именно цѣлью былъ присланъ въ Малороссію Шакловитый.

роумный авторъ догадался за одно уже „прославить“ въ своей книгѣ и любимца царевны Софьи, князя В. В. Голицына, то вопросъ о поѣздкѣ къ нему на поклонъ Заруцкаго рѣшался утвердительно столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько и въ интересахъ гетмана: Мазепа надѣялся этимъ сдѣлать пріятное своему „благодѣтелю“, уже достаточно пріученному къ льстивымъ панегирикамъ со стороны малороссійскихъ писателей, а Заруцкій могъ быть увѣреннымъ, что при его посредствѣ онъ всего скорѣе получитъ царскую грамоту на жалуемое ему гетманомъ село.

Не знаемъ навѣрное, ѣздилъ ли тогда же, въ 1688 г., Зяруцкій въ Москву, но то несомнѣнно, что, когда въ августѣ слѣдующаго года, по окончаніи второго Крымскаго похода, гетманъ Мазепа съ многочисленной свитой прибылъ въ столицу, то разомъ съ нимъ прибылъ туда же и Аѳ. Заруцкій съ своей книгой [1]). Онъ подавалъ князю Голицыну челобитную, въ которой изъявлялъ желаніе потрудиться и впредь „въ начертаніи книжномъ къ прославленію престола ихъ царскихъ величествъ“ и его, князя Голицына, „чтобъ испытно чиномъ весь лѣтописецъ о родствѣ ихъ царскихъ величествъ написанъ былъ, дабы и въ настоящее время мудрымъ людямъ было что прочитать“. Заявлялъ онъ и о томъ, что до сихъ поръ писалъ онъ кратко, но теперь хотѣлъ бы написать подробнѣе, и просилъ снабдить его „лѣтописцами“, потому что въ малороссійскомъ краѣ таковыхъ нельзя было найти [2]).

Едва ли этой просьбѣ и заявленіямъ малороссійскаго ученаго придано было какое-нибудь значеніе. Дѣло въ томъ, что князю Голицыну въ то время было не до панегириковъ: его собственная судьба висѣла на волоскѣ. То были тревожные дни, когда между царемъ Петромъ и его сестрой—правительницей пошла рѣшительная борьба. Еще малороссіяне не уѣхали изъ

---

[1]) Въ числѣ гетманской свиты находилось нѣсколько духовныхъ лицъ, и между ними мы встрѣчаемъ іеромонаха (неизвѣстно, какого монастыря) Іоанна Заруцкаго. Былъ ли это родственникъ нашего автора—не знаемъ.—Костомаровъ, „Мазепа“, стр. 34.

[2]) Ibidem, стр. 41.

Москвы, какъ царевна Софья была отстранена отъ соучастія въ правленіи государственномъ и заключена въ монастырь, а ея любимецъ и могущественный временщикъ былъ лишенъ чести боярства, вотчинъ и сосланъ въ Каргополь; ему поставлено было въ вину то, что онъ „сестру великихъ государей писалъ съ великими государями обще и въ книгахъ и на деньгахъ обще жъ съ великими государями ее печатать велѣлъ". Лишившись такъ неожиданно покровителя, самъ Мазепа едва не потерялъ булавы, купленной имъ у Голицына, и чтобы заслужить царское благоволеніе, подалъ извѣтъ на своего бывшаго „благодѣтеля". Разумѣется, послѣ всего этого Заруцкому нельзя было и помышлять о наградѣ за книгу, прославляющую павшую правительницу и ея фаворита; ему оставалось спрятать подальше эту опасную книгу и молить Бога о благополучномъ возвращеніи на родину. И впослѣдствіи онъ могъ опасаться издавать свое литературное дѣтище, въ особенности послѣ того, какъ въ Москвѣ извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ подвергся жестокому наказанію, между прочимъ за то, что подъ портретомъ царевны Софьи подписывалъ титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы" и составилъ въ ея честь похвальныя „вирши". Вотъ почему книга Заруцкаго, приготовленная къ печати, какъ мы видѣли, еще въ 1688 году, осталась не изданной, а тревожное съ нею приключеніе надолго отбило въ немъ охоту къ литературнымъ упражненіямъ.

Потерпѣвъ неудачу въ литературномъ искательствѣ, Аѳ. Заруцкій избралъ болѣе скромный путь къ матеріальному обезпеченію: онъ выбралъ себѣ въ жены дочь богатаго новгородсѣверскаго мѣщанина Константина Пригары, взялъ за нею въ приданое богатыя угодья въ нынѣшнемъ новгородсѣверскомъ уѣздѣ [1]), гдѣ въ лѣсахъ тесть его занимался чрезвычайно прибыльнымъ въ то время поташнымъ промысломъ,—заселилъ ихъ и скоро сдѣлался весьма состоятельнымъ человѣкомъ. Около

[1]) „Грунты Знобовскіе, между рѣчками Свигою, Знобовкою и Лютою лежачіе" Здѣсь, на мѣстѣ одной изъ „будъ", Заруцкій поселилъ слободу, названную впослѣдствіи, по его саву, Протопоповкою. А. М. Лазаревскій, „Описаніе Старой Малороссіи", I, 230.

этого времени умеръ его отецъ, протопопъ новгородсѣверскій, и нашъ неудачникъ-литераторъ заступилъ его мѣсто. Въ январѣ 1694 г. Аѳанасій Заруцкій, въ санѣ уже „протопопы новгородского", покупаетъ въ Новгородсѣверскѣ усадебное мѣсто, принадлежавшее раньше каѳедрѣ черниговской [1]), а въ ноябрѣ 1696 г. участвуетъ въ избраніи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича [2]). Всецѣло погруженный въ хозяйственныя и служебныя заботы, Заруцкій, повидимому, заглушилъ въ себѣ писательскіе порывы и только въ проповѣдничествѣ примѣнялъ свой талантъ и ученость. Ни о какой личной близости его къ гетману, когда-то обѣщавшему наградить его маетностью и не исполнившему этого обѣщанія, нѣтъ и помину; Мазепа какъ-будто разочаровался въ дарованіяхъ своего перваго панегириста и не нуждался болѣе въ его услугахъ, имѣя цѣлую плеяду піитовъ (Стефана Яворскаго, Іоанна Орновскаго, Петра Армашенка, Филиппа Орлика и др.), на всѣ лады славившихъ его доблести и величавшихъ его „Алкидомъ Россійскимъ". Что могъ значить въ этомъ хорѣ слабый и недостаточно обработанный голосъ новгородсѣверскаго протопопа!

Но этотъ голосъ не умолкъ навсегда: онъ зазвучалъ съ неожиданной силой и экспрессіей, когда понадобилось вдругъ не славить, а злословить и проклинать имя Мазепы. Измѣна гетмана, или, точнѣе, послѣдовавшее за нею его анаѳематствованіе поставило многихъ изъ его прежнихъ панегиристовъ въ нелегкую обязанность—позорить того, кто еще вчера былъ предметомъ славословій; но едва ли кому-нибудь изъ нихъ эта внезапная метаморфоза стоила душевной борьбы, тревогъ совѣсти, и всѣхъ менѣе—Заруцкому. 12-го ноября 1708 г. въ Глуховѣ, въ соборной церкви, въ присутствіи царя, вельможъ и новоизбраннаго гетмана Скоропадскаго, кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, въ сослуженіи съ другими архіереями, совершалъ обѣдню, молебенъ, а послѣ молебна торжественно провозглашена была анаѳема и вѣчное проклятіе вору и измѣннику Мазепѣ. Новго-

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 821—822.

[2]) Лѣтопись Величка, III, 422.

родсѣверскій протопопъ Аѳанасій Заруцкій говорилъ при этомъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ, краснорѣчиво изобразилъ измѣнническія дѣла Мазепы и оправдывалъ наложенное на него церковное проклятіе [1]). Проповѣдь, какъ видно, очень понравилась царю, потому что на другой же день выдана была проповѣднику слѣдующая грамота: „Пожаловали мы великій государь протопопа Аѳанасія Заруцкаго—повелѣли ему владѣть въ глуховскомъ уѣздѣ селцомъ Бѣлокопитовымъ, которое по указу отца нашего... дано отцу его, протопопу Алексѣю; да въ глуховскомъ же уѣздѣ грунтомъ и съ мельницею, на рѣкѣ Клевенѣ обрѣтающеюся, съ которой вмѣсто перевозу отъ проѣзжихъ торговыхъ людей збирать ему, протопопу, съ воза по двѣ денги; да въ новгородскомъ уѣздѣ слободкою Протопоповкою и Комаровкою съ прудами на рѣкѣ Смячѣ въ Мамѣкинѣ, въ Лютомъ, на Дубровкѣ, около Знобовки, Борщихою, Ожинками, Поножнимъ" [2]). Собственно говоря, это было лишь царское подтвержденіе правъ Заруцкаго на такія земли, села и угодья, которыми онъ владѣлъ уже фактически, но вслѣдъ за тѣмъ кое-что было ему и вновь пожаловано: „Респектуючи (писалъ гетманъ Скоропадскій въ универсалѣ отъ 8 мая 1709 г.) на его, отца Заруцкого, протопопы новгородского, казнодѣйскія въ проповѣди слова Божого праци (труды), измѣнническую Быстрицкого слободу Ковпинку надалисьмо" [3]).

Такъ исполнились наконецъ давнія желанія и мечты Заруцкаго: своими дарованіями онъ заслужилъ высокое вниманіе монарха и удостоился царской милости. Случись это двадцать лѣтъ назадъ, когда онъ пріѣзжалъ въ столицу, окрыляемый пылкимъ желаніемъ потрудиться „въ начертаніи книжномъ", изъ него вышелъ бы плодовитый писатель; а теперь его молодость давно миновала, талантъ—если и былъ таковой—заглохъ безъ упражненія, писательская манера его сдѣлалась старомодной.

---

[1]) Чт. Моск. Общ. Исторіи и Древн., 1859 г., I, 181.

[2]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 840.

[3]) Историко-Статистич. Описаніе Черниг. епархіи, архіеп. Филарета, книга 6-я, стр. 13—15.

Однако, по старой привычкѣ онъ и теперь задумалъ продолжить и поддержать царское къ себѣ благоволеніе именно литературнымъ трудомъ— и засѣлъ за работу. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ корпѣлъ надъ ней, и въ 1717 г. представилъ на царское воззрѣніе свою книгу съ витіеватымъ заглавіемъ: *„Хлѣбъ ангельскій, на крестномъ жертовницѣ испеченный“*. Это единственное дошедшее до насъ произведеніе пера Заруцкаго не было напечатано, но сохранилась подлинная рукопись, старательно исполненная, какъ кажется, рукою самаго автора и украшенная множествомъ рисунковъ и каллиграфическихъ орнаментовъ; она хранится въ С.-Петерб. духовной академіи. Объ этой книгѣ упоминалось многими изъ нашихъ библіографовъ [1]), но только не давно появилось въ трудѣ А. Родосскаго подробное ея описаніе, которымъ и мы пользуемся [2]).

„Хлѣбъ ангельскій“ есть не что иное, какъ богословское экзегетическое сочиненіе, заключающее въ себѣ толкованіе на евангеліе Іоанна; оно расположено по зачаламъ евангельскимъ: въ началѣ толкователь полагаетъ текстъ всего зачала, далѣе представляетъ главное содержаніе его (синопсисъ), за тѣмъ уже объясняетъ каждый стихъ. Объясненія его по преимуществу догматическаго характера, на основаніи толкованія отцевъ церкви; языкъ—тяжелый. Но цѣнность книги, по замыслу автора, заключалась не столько въ толкованіяхъ евангельскаго текста, сколько въ „дедикаціяхъ“, рисункахъ и виршахъ, какими онъ въ обиліи снабдилъ и украсилъ свой трудъ. Книга представляетъ рукопись въ листъ, на 775 листахъ, писанныхъ одною рукою полу-уставнымъ почеркомъ; переплетъ—крѣпкій кожаный, съ застежками; на исподней крышкѣ 4 мѣдныхъ жука. Заглавный листъ украшенъ изображеніями вверху Распятія, а по бокамъ—св. Іоанна Богослова и св. Аѳанасія Александрійскаго (очевидно, патрона автора); въ серединѣ помѣщено заглавіе (киноварью) въ 35 строкъ

[1]) Въ „Словарѣ“ митроп. Евгенія, I, 52; въ „Обзорѣ русск. дух. лит.“ преосвящ. Филарета, изд. 3-е, стр. 213; въ „Извѣстіяхъ“ Акад. Наукъ по отд. русск. яз., т. VI, вып. III, столб. 244; въ „Словарѣ“ Венгерова.

[2]) Описаніе 432-хъ рукописей С.-Петерб. дух. академіи, сост. А. Родосскій, 1893 г., № 57.

съ обозначеніемъ лицъ царской фамиліи, мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стеф. Яворскаго, кіевскаго митрополита (Іоасафа Кроковскаго), кіевскаго губернатора (князя Дм. Мих. Голицына), архіепископа черниговскаго и гетмана Скоропадскаго; внизу въ особой рамкѣ прописано: „Его царскому священнѣйшему величеству отъ церкве въ благочестіи сіяющей, трудолюбіемъ Аѳанасія Заруцкого, протопопы Новгородка Сѣверского, въ даръ принесенный, 1717“. На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ Петръ I въ царской порфирѣ и съ андреевскимъ крестомъ; въ правой рукѣ у него мечъ, обвитый вѣтвью, а въ лѣвой держава; внизу слѣдующія вирши:

„Се образъ Царя Петра, Монархи Россійска
Славна, въ мирѣ прехвална, спразднителя Свійска [1]),
Иже турскихъ, татарскихъ странъ есть устрашитель,
Святоя въ Христа вѣры истинный блюститель.
Православію свято подъ симъ царемъ быти,
Царя Петра во вѣки достойно блажити.
Духъ Святый царя Петра главу осѣняе,
Онъ бо хулящыхъ крестну силу испраздняе“.

Лицевая сторона 2-го листа представляетъ изображеніе младшаго сына Петра 1-го, съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Петръ Петровичъ царевичъ з царскихъ нѣдръ рождае,
Духъ святъ споспѣшествуе, да преуспѣвае
Во крѣпости и силѣ въ царствѣ процвѣтати,
Въ родъ и родъ скипетръ царскій славно содержати“.

На оборотѣ того же листа помѣщено изображеніе малолѣтняго внука Петра 1-го, также съ четверостишіемъ внизу:

„Петръ Алексіевичъ, внукъ царскій процвѣтае,
З прадѣда, з дѣда з ложеснъ родство царске мае;
По родствѣ царскомъ мужство имать прославляти,
Небо свыше скиптръ царскій обѣщае дати“.

Съ 3-го по 18-й листы идутъ два предисловія или посвященія: одно царю Петру, другое митрополиту Стефану Яворскому. Въ первомъ изъ нихъ сочинитель, обращаясь къ лицу

[1]) Т. е. Шведовъ.

государя, говоритъ между прочимъ: „яко и ко мнѣ, рабу своему послѣднему, усты ко устомъ Ваше царское Священнѣйшее Величество провѣщевали милостиво монаршее свое слово“ [1]). Вѣроятно, Заруцкій удостоился личной бесѣды съ царемъ въ Глуховѣ, послѣ своей знаменитой проповѣди.

Среди текста посвященій въ рукописи опять продолжаются рисунки и вирши. На оборотѣ 11-го листа изображена царская фамилія: вверху—Петръ и Екатерина сидятъ на тронѣ; по бокамъ—царевичи: Алексѣй Петровичъ съ сыномъ и Петръ Петровичъ; между ними изображеніе Іоанна Богослова съ евангеліемъ въ рукахъ и церковью на головѣ; внизу слѣдующее восьмистишіе:

„Бозскій изволъ Царицу близъ Царя сажае,
Оба въ плоть едину Духъ Святый утверждае.
Лѣторасль царска окрестъ Царя предсѣдаютъ,
Царю, Царицѣ славы во вѣкъ умножаютъ.
Церковь Малороссійска Хлѣбъ ангельскъ дарствуе
Царскому Величеству, та же привѣтствуе:
Виватъ Царю з Царицею на многіе лѣта!
Виватъ з царскими сынми донѐлиже свѣта!“

На оборотѣ 13-го листа помѣщено изображеніе Стефана Яворскаго въ мантіи и съ посохомъ въ рукѣ; внизу четверостишіе:

„Ѳрону патріаршеска стражъ, блюститель россій,
Митрополитъ рязанскій, сый Стефанъ Яворскій,
Даромъ Духа Святаго въ мудрость пребогатый,
З богословіи точитъ церкви потокъ златый“.

Съ 17-го листа начинается текстъ евангельскихъ толкованій, но рисунки все еще продолжаются, занимая лишь верхнія части страницъ; такъ, на 17 л. изображены пять вселенскихъ патріарховъ, а на 25 л. находится очень оригинальный рисунокъ, изображающій Бога Отца и Бога Сына (въ поясъ), а подъ

[1]) Заимствуемъ эту цитату изъ „Обзора русск. дух. лит.“ преосвящ. Филарета (изд. 1884 г., стр. 213); къ сожалѣнію, г. Родосскій въ своемъ „Описаніи“ не приводитъ выдержекъ изъ посвященій Заруцкаго, даже не передаетъ ихъ содержанія, между тѣмъ можно полагать, что въ нихъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о личности автора.

ними двухъ царевичей съ надписью на полѣ: „Образъ Бога Отца и Бога Сына въ видѣ и образѣ царевѣ". Послѣ 45-го листа рисунки прекращаются, но для нихъ оставлены мѣста въ текстѣ. Листы въ рукописи — въ гранкахъ, съ особою графою сбоку, въ которой помѣщены разныя примѣчанія и цитаты; заглавіе и заглавныя буквы писаны киноварью.

Не знаемъ, была ли эта интересная рукопись поднесена царю лично авторомъ, или передана гетманомъ Скоропадскимъ, ѣздившимъ въ началѣ слѣдующаго года въ столицу, но отдаривать за нее сочинителя пришлось тому же гетману. Въ универсалѣ отъ 18 февраля 1718 года, выданномъ въ Москвѣ, Скоропадскій пишетъ: „Респектуючи на то, же (что) протопопъ Аѳанасій Заруцкій не тилько за достоинство царское у престола Божія при безкровныхъ офѣрахъ (жертвахъ) непрестаніе приноситъ моленія, лечъ (но) и на прославленіе превысочайшему его царскаго величества имени приписаніемъ конклюзіи многіе показалъ труды и знатное понесъ иждивеніе, надалемъ ему село Знобу з угодьями въ спокойное владѣніе [1]). Село это, принадлежавшее до того времени, кажется, новгородсѣверскому магистрату, какъ разъ прилегало къ владѣніямъ Заруцкаго, доставшимся ему за женой, и очевидно, было ему нужно для округленія границъ своихъ, теперь уже весьма значительныхъ маетностей. Въ гетманскомъ универсалѣ не приведено подлинное названіе книги Заруцкаго, а говорится лишь о какой-то „*конклюзіи*" съ прославленіемъ царскаго имени; но нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ именемъ разумѣется здѣсь посвятительная, собственно панегирическая часть сочиненія Заруцкаго, за которую только и было прилично наградить автора [2]).

Въ томъ же 1718 г. (21 марта) Аѳ. Заруцкій получилъ и царскую жалованную грамоту, по которой укрѣплялись за нимъ „въ вѣчное владѣніе" всѣ прежде пожалованныя ему и лично

---

[1]) Историко-Статист. Описаніе черниг. епархіи, преосвящ. Филарета, кн. 6-я, стр. 13—15.

[2]) Можетъ быть, что въ самой книгѣ посвященіе названо *конклюзіей*, хотя въ „Описаніи" г. Родосскаго объ этомъ не упоминается.

имъ пріобрѣтенныя села, земли и мельницы; въ числѣ ихъ упоминается и село Зноба, которое „гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадской, будучи въ Москвѣ, далъ ему, протопопу Аѳанасію, за труды ево въ составленіи печатной конклюзіи на прославленіе имени нашего царскаго величества [1]). Здѣсь, какъ видимъ, „конклюзія“ Заруцкаго названа *печатной*; между тѣмъ ни въ одномъ изъ каталоговъ старопечатныхъ книгъ нѣтъ указанія на книгу „Хлѣбъ ангельскій“, и всѣ библіографы, упоминающіе объ этомъ (единственномъ) сочиненіи Заруцкаго, ссылаются лишь на рукопись, хранящуюся въ библіотекѣ Петерб. духовной академіи, но никто не говоритъ о початномъ ея изданіи. Для объясненія этого противорѣчія остается предположить, что подъ именемъ *конклюзіи* нужно въ данномъ случаѣ разумѣть что-нибудь въ родѣ позднѣйшихъ *тезисовъ*, представлявшихъ краткое резюме извѣстнаго сочиненія, написанное или напечатанное на отдѣльномъ листѣ. Такая „конклюзія“ (печатная) была, вѣроятно, приложена и къ книгѣ Заруцкаго.

Кончину Заруцкаго относятъ къ 1720 году [2]). Онъ похороненъ въ Новгородсѣверскѣ, въ соборной успенской церкви, при которой священствовалъ; о мѣстѣ погребенія узнаемъ изъ завѣщанія его жены, умершей въ 1734 г. и завѣщавшей похоронить ее въ той же церкви, „при гробѣ отца и мужа“ [3]).

Есть извѣстіе, что въ с. Протопоповкѣ (новгородсѣв. у.), основанномъ, какъ мы упоминали, самимъ Аѳ. Заруцкимъ, хранится и понынѣ въ церковномъ притворѣ писанный масляными красками, сильно потемнѣвшій отъ времени, портретъ его на этомъ портретѣ Заруцкій изображенъ во весь ростъ, въ рясѣ съ епитрахилью и съ крестомъ въ рукѣ. Тамъ же, среди старинной церковной утвари, сохраняется большая серебряная кружка, по преданію, подаренная ему царемъ Петромъ [4]).

---

[1]) Обозрѣніе Румянц. Описи Малороссіи, 840.

[2]) Преосвящ. Филаретъ въ „Историко-Статист. Описаніи Черниг. Епархіи“,

[3]) Записки Черниг. Статист. Комитета, 1868 г., статья А. Лазаревскаго о родѣ Валькевичей.

[4]) Историч. Вѣстникъ, 1895 г., декабрь, ст. С. Браиловскаго. Что касается пересказаннаго въ этой статьѣ преданія о какихъ-то важныхъ политическихъ услугахъ, оказанныхъ Заруцкимъ Петру 1-му въ качествѣ „царева шпига“, то мы

Изъ дѣтей Заруцкаго извѣстны: сынъ Андрей, бывшій священникомъ, и дочь Евфимія, въ замужествѣ Величковская, прославившаяся на всю Украину „пьянственнымъ и развратнымъ житіемъ“, за что не разъ была судима въ консисторіи и наконецъ брошена мужемъ, женившимся на другой, за что пришлось ему претерпѣть великія злоключенія.

Вотъ и вся несложная біографія писателя, не оставившаго въ литературѣ никакого слѣда, а между тѣмъ добившагося именно путемъ сочинительства личной извѣстности гетманамъ, вельможамъ, даже государю, и составившаго тѣмъ же путемъ весьма значительное состояніе. Надо было обладать необыкновеннымъ талантомъ, чтобы написать такъ мало и получить за свой трудъ такъ много. Мы лишены возможности непосредственнаго знакомства съ произведеніями Заруцкаго въ полномъ ихъ объемѣ, но и по приведеннымъ выдержкамъ можно заключить, что его жалкое „риѳмичество“ служитъ свидѣтельствомъ отсутствія въ немъ литературнаго дарованія. Своимъ ученымъ трудамъ онъ самъ не придавалъ серьезнаго значенія, ибо не позаботился объ ихъ изданіи, имѣя къ тому полную возможность: въ его время печать вовсе не была рѣдкостью въ Малороссіи, и не далѣе какъ въ Черниговѣ давно уже существовала типографія. Но дѣло въ томъ, что, при тогдашней дороговизнѣ печати и при отсутствіи широкаго рыночнаго сбыта ея издѣлій, къ услугамъ типографскаго станка прибѣгали или люди, смотрѣвшіе на литературный трудъ, какъ на серьезное служеніе церкви или обществу и потому не щадившіе средствъ на издательскіе расходы, или же, въ крайнемъ случаѣ, тщеславные писатели, искавшіе отъ сочинительства славы, извѣстности—но не прибытковъ. Аѳанасій Заруцкій не принадлежалъ ни къ той, ни

считаемъ его мало правдоподобнымъ. Видимо, среди потомковъ Заруцкаго сохранилась смутная память о томъ, что ихъ предокъ за что-то получилъ маетности по жалованью царя Петра; чтобы осмыслить это преданіе, и была придумана легенда, полная анахронизмовъ и историческихъ несообразностей.

къ другой категоріи: онъ смотрѣлъ на писательство лишь какъ на легчайшій для него путь добиться личной извѣстности и расположенія сильныхъ міра и извлечь изъ этого матеріальныя выгоды, и разъ ему удавалось достигать своей цѣли, онъ не былъ настолько тщеславенъ, чтобы тратиться на изданіе своего сочиненія, уже сослужившаго ему службу. Этому взгляду на литературный трудъ Заруцкій оставался вѣренъ до конца. Въ его лицѣ мы имѣемъ типичнаго представителя цѣлаго сонма тогдашнихъ писателей-карьеристовъ, литературныхъ искателей, своего рода „пресмыкающихся“. Въ этомъ отношеніи личность Аѳанасія Заруцкаго только и заслуживаетъ вниманія историка.

Ор. Левицкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирныкъ Василій Морозъ родился въ д. Боковой, ананьевск. у. херсонской губ., приблизительно на 20 лѣтъ раньше освобожденія крестьянъ. Отецъ его былъ крѣпостнымъ г. Бокова и имѣлъ большую семью, хорошее хозяйство. Лѣтъ 8-ми Василій заболѣлъ оспою, послѣ которой лишился зрѣнія; но и слѣпому нашлась въ помѣщичьемъ дворѣ работа: на немъ лежала обязанность «пихать просо», т. е. дѣлать на ножной ступѣ пшено. Какой-то гость помѣщика посовѣтовалъ отдать Василія на обученіе какому-нибудь лирныку. И теперь еще Василій, при упоминаніи объ этомъ обстоятельствѣ, крестится и благодаритъ гостя помѣщика за то, что онъ далъ ему возможность честнымъ трудомъ добывать себѣ «шматокъ хлиба». Отвезли Василія учиться въ с. Коссы, подольской губ. балтскаго у. (?), къ лирныку Меѳодію Колесниченко. У Меѳодія въ то время было до 30 учениковъ разнаго возраста; во дворѣ была устроена большая изба-казарма, въ которой помѣщались ученики съ учителями, а содержатель школы Меѳодій жилъ съ семьею здѣсь-же, но въ отдѣльной хаткѣ. Старшіе, уже обученные Меѳодіемъ ученики, были учителями вновь поступающихъ; на двухъ учителей полагалось по пяти учениковъ, при чемъ учителя учили по очереди - недѣлю учитель занимается съ учениками, а недѣлю ходитъ по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ на заработки.

Затѣмъ уже сынъ Меѳодія отвозитъ домой пожертвованія, (главнымъ образомъ хлѣбъ), складываемый лирныками у довѣренныхъ людей.

Учениковъ обыкновенно отдавали Меѳодію на 6 лѣтъ, но «болванувати», т. е. неспособные, учились дольше, а «хытреньки» выучивались скорѣе и оставались до окончанія срока учителями и работниками у Меѳодія.

Впрочемъ, эти послѣдніе могли сдѣлаться самостоятельными лирныками, войдя въ соглашеніе съ хозяиномъ школы. Со смертію Меѳодія, еще до освобожденія крестьянъ, школа перестала существовать, и теперь Василій не знаетъ о существованіи гдѣ-нибудь подобной школы; теперь лирныки имѣютъ обыкновенно только по одному, по два ученика. Теперь Морозъ живетъ въ м. Гуцуловой, ананьевск. у., съ семьею, которая занимается хлѣбопашествомъ.

Репертуаръ у него не большой, но поетъ онъ очень хорошо, а играетъ на самодѣльной лирѣ прекрасно, особенно «до танцю» козачки, «валецъ», польку.

Такъ какъ всѣ пѣснопѣнія его ничѣмъ не отличаются отъ псальмовъ Евдокима Мокровоза, помѣщенныхъ въ «Кіевск. Стар.» за 1894 г. № 9, то я привожу здѣсь только тѣ, которыя разнятся, а также и отсутствующія у Мокровоза.

«*Про Почаевську Божу Матирь*» Морозъ поетъ точно такъ, какъ этотъ «псальмъ» помѣщенъ въ зборникѣ Н. В. Лысенко (І-й выпускъ).

«*Про панщыну*» мнѣ не удалось записать всѣхъ «пунктивъ», т. е. куплетовъ, не смотря на всѣ мои старанія.

Морозъ упорно отказывался ихъ пѣть, особенно тогда, когда узналъ, что я записываю.

1.

Охъ и горе, горе
На симъ свити жыты,
Не дай Богъ болѣзни,
Буде Богъ судыты.
Якъ чоловикъ здоровъ,
То всякъ его любытъ,
Пры лыхій годыни,
Родына отступытъ.
Кого Господь любытъ,
Того навиждае,
За отця за матирь
Сынъ Божій карае.
Есть маты болезна
Диты годувала [1]),
Якъ погодувала,
То шаны не мала.

---

[1]) Или: (Зъ жалю умлывае)
(Надъ своимы дитьмы)
(Та кровъ проливае).

Бо якъ тяжко, важко
Каминя лупаты,
А ще гирше тяжко
Диты годуваты.
Якъ каминь лупаты,
Можно видпочыты,
Диты годуваты
Горе въ свити жыты!
Якъ диты малыи
Отця матиръ знають,
Якъ повыростають,
Ни за що не мають.

2.

Теперъ же правды,
Въ свити не зиськаты,
Тилько въ свити правды,
Що отець та маты.
Теперь уже правда,
У свити умерла,
А тая неправда
Увесь свитъ зажерла
Теперынькы правда,
Сыдытъ у темныци,
А тая неправда,
Що дня у свитлыци.
Бо вже кинець свита
Ой вже прыблыжыся
Хоть ридного брата
Теперь стережыся.
Теперъ братъ на брата
Здаровля чатуе,
А сестра на сестру
Все чары готуе.
Сосидъ изъ сосидомъ
Не по правди жые,
Бо сосидъ сосиди
Непрыязнь готуе.
Колыбъ мигъ его
Хоть четь заметыты,
Въ нещастя въ неславу,
Его провадыты.
Передъ временъ вику
Такее повстане,
Що жаднея души
На свити не стане.

Бо зарвутця витры
Та барзо буйныи
Позрывають горы
Хоць яки крутыи.
Вдарять посухы
Барзо сухыи
Тай высохнуть рики
Хоць яки быстрыи.
Ты, гришныку лютый,
Вдайся до покуты,
Перестань гришыты,
Можешъ въ царстви жыты.

3.

Зашумилы лугы,
Забренилы рикы,
Помре отець маты 2
Сироты на викы. 2.
Котріи велыки
Ти пидутъ служыты,
Котріи маленьки 2
Ти будутъ бидыты. 2.
Нещасна годына
На свити настала
Не одна дытына 2.
Безъ мамы зистала. 2.
Охъ пишла сыритка
По свити блукаты
А своеи мамы 2
Риднои шукаты. 2
Зостривъ іи Господь,
Тай почавъ пытаты,
Куды йдешъ, сыритко, 2
Йду мамы шукаты. 2.
Вернысь, сыротыно,
Ты далеко зайдешъ,
Вжежъ ты свои мамы 2
Та повикъ не найдешъ. 2.
Охъ бо твоя маты
На высокій гóри
А вже іи тило 2
Спочывае въ гроби 2.
Ой прыйшла сыритка,
Тай плаче на гроби:
Серце-жъ мое мамо 2
Прыймить мене къ соби 2.

Рада-бъ я, сыритко,
До себе прыняты,
Насыпалы земли, 2
Не можу пидняты 2.
Насыпалы земли,
Що вже я не встану
Заслоныли очи 2
Вже на свитъ не гляну 2.
Пишлабъ ты, сыритко,
Мачуси вклонылась,
Чы не змылуется
Хочь головку змыты.
Чы не обдумается
Хочь рубашку сшыты.
Ище злая мачуха
Головки не змыла,
Нещасну сыритку 2
На смерть спорядыла. 2.
Взялы сыритку
Миждо вси святыи,
За провыну мачуху 2
Миждо проклятыи 2.
Сказала мачуха
Якъ бы я була знала,
То я бъ ти сыроты 2
По свити збырала 2.
Рече Господь
На що тоби, мачухо,
Сыроты збыраты,
Вручывъ Господь, 2
Було бъ шануваты 2.
Було бъ научаты,
Бо тыжъ называлась 2
Такъ якъ ридна маты 2.
Ой прыйде той часъ
И тая годына,
Що не поратуе 2
Въ нещасти родына 2.
Охъ якъ прыйде той часъ
Страшный судъ наступытъ
А хто добре вчыне, 2
Царствія доступытъ 2.

4.

Ой летила зазуленька
Черезъ горы—села

Чогось наша громадонька 2
Смутна невесела 2.
Ой летила зазуленька
Тай стала куваты
Ой сходьтеся, громадочко, 2
Щось буду казаты 2.
Щось буду казаты,
Буду говорыты,
Не будете, добри люде, 2
Панщыны робыты 2.
Ой настане, громадочко
Въ свити прекохана,
Сами соби зроблять 2
Изъ Ивана пана 2.
Тай будуть казаты
И прыповидаты,
Що передъ панамы 2
Шапокъ не здіймати 2.
Ой на яру посмитюха
Та стала тай кпытця,
Идуть паны комысары 2
Тай сталы дывытця 2.
Ходимо мы, пане брате,
Тую птыцю быты,
Нехай вона перестане 2
Изъ насъ панивъ кпытця 2.
Я кпылася, кпылася
И кпытыся буду,
Миждо вамы 2
Хтось робыть облуду! 2
Ой летила дыка качка,
Впала въ очерети,
Утикала панщынонька 2
Видъ панивъ въ верети 2.
Не сама вона втикала,
Громадочка гнала,
Соломляный капелюшокъ
На головку вбрала,
А сиренькую свытыну
На спыну вдягала.

***

Выйшла, выйшла стара пани
На затыльни двери
Ой вернися панщынонько 2
Хоть вамъ до вечери! 2

Не вернуся, не вернуся
Немае до кого,
Я служыла, заробляла 2
Нагаивъ по много.

***

Ой не буде осаула
Пидъ викна гукаты
Бо не буде мужыкивъ 2
Ране избужаты. 2
Мужыцькыи хлопци
Теперь вже не быти,
Воны ходятъ по пидъ коршмы 2
Якъ-бы де напыты. 2
Мужыцькая дивка,
Якъ та (рожева) била квитка,
Вона ходыть поглядае, 2
Якъ ясная зирка 2
Ой надиве теперь панъ
Билую манышку,
Тай нею гордуе,
Иде мужыкъ на базарь
Тай соби купуе.
Ой теперь паньська нагаечка
Высыть на гыляци
Вибачайте, добри люде, 2
Бо панщина въ с...! 2

5.

Про Хайку.

Ой у поли, поли
У чыстій диброви
Ой вей, виръ бомъ, бомъ
Виръ бомъ, виръ бомъ
Виръ бомъ, бомъ.
Новая корчомка
Муромъ мурована
Ой вей...
и т. д.
Муромъ мурована
Билемъ билевана.
Ой вей...
и т. д.

А въ тий корчомци
Жыдивочка Хайка
Ой вей...
Жыдивочка Хайка
Выномъ торгувала
Ой вей...
Выномъ торгувала
Набиръ роздавала.
Ой вей...
А въ тий корчомци
Пылы тры молодци.
Ой вей...
Пылы воны, пылы,
Грошей не платылы.
Ой вей...
Грошей не платылы,
Все Хаю манылы.
Ой вей...
Мандруй-же, ты Хаю,
Мандруй-же ты зъ намы
Ой вей...
Буде тоби лучче
Нижъ въ ридной мамы.
Ой вей...
Прыижайте, хлопци,
У суботу вранци,
Будутъ жыды въ школи,
Хайка на выбори.
Ой вей...
Прыихалы хлопци
Трома повозкамы
Ой вей...
На одну повозку
Пырыны зъ пухамы
На другу повозку
Сундукы зъ грошыма
Ой вей...
На третю повозку
Сама Хая сила.
Ой вей...
Поижайте, хлопци,
Бытыми шляхамы,
Бытымы шляхамы
На быту дорижку
Ой вей...

На быту доривку
Не дожене Ицько,
Не дожене Мошко
Ой вей...
Ой прывезлы Хаю
Къ быстрому Дунаю
Ой вей...
Ой взялы Хаю
За рукы за ногы
Укынулы Хаю
У Дунай глыбокый
Ой вей...
Нехай твои рукы
Та зъидятъ гадюкы,
Нехай твои ногы
Та зъидятъ стоногы
Ой вей...
Нехай твои цыци
Та зъидятъ блощыци
Ой вей...

Сообщилъ Е. **Чикаленко.**

Записка о состояніи Подоліи въ 1843 году. Слѣдующій документъ отысканъ мною среди кучи стараго рукописнаго хлама у одного изъ евреевъ-антикваріевъ во Львовѣ. Это небольшая тетрадь въ листъ сѣрой писчей бумаги, состоящая изъ 16-ти страницъ, исписанныхъ красивымъ почеркомъ. Первая страница раздѣлена вдоль на два пальца, но на правой половинѣ имѣется только заглавіе документа; прочія страницы написаны спѣшно, безъ оставленія полей.

Рукопись эта—по всей вѣроятности черновая или современная копія записки, поданной въ 1843 году Императору Николаю Павловичу подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ о состояніи ввѣреннаго ему края и заключаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ крестьянъ, городовъ, евреевъ и дворянъ этого края, о планахъ правительства на счетъ просвѣщенія и управленія страной, поднесенія ея благосостоянія, торговли и промышленности. Особенно интересны соображенія автора записки о «западномъ» вліяніи, обнаруживающіе въ немъ поклонника русской или культурной «самобытности.» Не менѣе интересно извѣстіе о стремленіи шляхтичей—однодворцевъ къ

переселенію въ екатеринославскую губ. Донесеніе о чрезвычайно частыхъ самоубійствахъ, особенно среди помѣщичьихъ крестьянъ, освѣжаетъ въ нашей памяти ужасы крѣпостничества, среди которыхъ выросталъ не задолго до того времени Т. Г. Шевченко. Какъ видимъ, записка, хотя и составлена въ довольно общихъ выраженіяхъ, не приводитъ никакихъ частныхъ случаевъ, фамилій, но все же богата содержаніемъ и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія при изученіи данной эпохи.

Въ запискѣ не выставлено ни года, ни фамиліи губернатора; только изъ ея содержанія мы убѣждаемся, что она составлена въ 1843 году. Списокъ нашъ при всей тщательности переписки не свободенъ отъ погрѣшностей, кромѣ нѣсколько устарѣлаго правописанія; нѣкоторыя погрѣшности въ самой рукописи исправлены другимъ почеркомъ и другими чернилами.

Миронъ.

Записка исправляющаго должность военнаго губернатора города Каменца и Подольскаго Гражданскаго Губернатора о состояніи Губерніи.

Страна, управленіе коею, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, ввѣрено мнѣ, представляетъ въ себѣ важнѣйшій и любопытнѣйшій предметъ для наблюденія.

Страну эту населяютъ полтора милліона жителей обоего пола. Природа щедро надѣлила ее многоразличными своими богатствами. Особенно земледѣліе, составляющее [1]) главную вѣтвь внутренней дѣятельности народа, съ избыткомъ здѣсь оплодотворяется. При всемъ томъ она не въ цвѣтущемъ состояніи.

Предместники (sic!) мои не разъ уже выражали мысли свои по этому предмету во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Они приписывали такое состояніе губерніи недостатку собственныхъ потребностей, неименію (sic!) удобныхъ пунктовъ и путей сообщенія для сбыта произведеній и отсутствію мѣстной промышленности. Я вполнѣ раздѣляю эти мысли, но вникнувъ со всею тщательностію въ столь важный предметъ, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что означенныя причины второстепенныя и что главною причиною непроцвѣтанія губерніи служатъ несчастныя обстоятельства этого края, которыя предшествовали возвращенію его подъ благодѣтельную державу монарховъ россійскихъ.

---

[1]) Въ пис. ошибочно „составляющую.“

Съ XIV вѣка край этотъ былъ поприщемъ безпрерывныхъ смутъ: вторженія Литвы, анархія поляковъ, хищничество татаръ и турокъ, гоненіе на православную вѣру, возстанія, никогда почти не давали покоя жителямъ, постоянно препятствовали развитію внутренняго благосостоянія, и тогда какъ другія области нашего отечества быстрѣе достигали цѣли нынѣшняго ихъ значенія, Подолье закоснѣло въ злополучіяхъ и переродилось подъ вліяніемъ чуждаго духа. Правда, что въ этомъ перерожденіи не открылось новой самобытности, но между тѣмъ вліяніе протекшаго времени на долго и на всемъ составило (sic!) свой отпечатокъ. Вотъ уже полъ вѣка, какъ здѣшній край возсоединенъ къ намъ; однакожъ до сего времени нѣтъ въ немъ единства; еще броженіе разныхъ елементовъ сильно—отъ того при всѣхъ естественныхъ богатствахъ края главные двигатели, ведущіе къ полному благосостоянію,—мѣстная промышленность, мѣстное потребленіе еще слабы. Удобнѣйшіе пункты и пути сообщенія для сбыта произведеній [1]), безъ сомненія (sic!) сами собою открылись бы, если бы только промышленность возвысилась. Въ такомъ положеніи края желательно одно—благопріятнѣйшая будущность. Мудрыя предначертанія Вашего Императорскаго Величества въ отношеніи здѣшняго края, обезпечивая жителямъ его вѣрнѣйшее спокойствіе, возстановляя здѣсь русскую народность, могутъ быть порукою, что эта будущность недалека.

Предмѣстники мои столько разъ столь подробно описывали нравственность жителей Подолья въ представленныхъ Вашему Императорскому Величеству отчетахъ, что мнѣ остается упомянуть единственно объ измѣненіяхъ, происшедшихъ отъ мѣръ правительства. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, первое мѣсто занимаютъ дворяне. На нихъ болѣе всѣхъ сословій отражается вліяніе послѣдняго владычества. Въ нихъ только проявляется духъ Польши. Нельзя сказать, чтобы образъ ихъ мыслей былъ исключительно въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ они живутъ тихо. Но преимущество ихъ предъ прочими сословіями состоитъ въ томъ, что они владѣютъ недвижимыми населенными имѣніями. Но и это преимущество теперь безсильно, потому что крестьяне ихъ исповѣдуютъ православную вѣру, говорятъ русскимъ языкомъ и преданы теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, русскому правительству. Къ тому же духовенство наше взяло важный перевесъ (sic!) надъ духовенствомъ римско-католическимъ,

---

[1]) Въ ошибочно „сообщенія“ и „произведенія.“

которое, хотя недовольно отобраніемъ бывшихъ въ его пользованіи недвижимыхъ имѣній, однако видя свое безсиліе, покоряется этой необходимости. Оно требуетъ еще ближайшаго надзора, и я не упускаю никакого къ тому случая. Впрочемъ, политическое состояніе края, кажется, не представляетъ въ настоящее время, никакихъ опасеній. Духовенство наше подъ наблюденіемъ дѣятельнаго своего пастыря преуспѣваетъ въ распространеніи господствующаго исповѣданія. Болѣе двухъ лѣтъ ежетретныя (sic!) вѣдомости указываютъ, что сотни иновѣрныхъ принимаютъ православіе по одному внутреннему убѣжденію о преимуществѣ нашей вѣры, и внушенія этого убѣжденія слѣдуетъ приписать одному духовенству.

Купцы по прежнему, почти всѣ евреи, занимаются незначительными только подрядами и перекупами. Вся мѣстная торговля въ ихъ рукахъ, и потому они препятствуютъ русскимъ развить ее на правильныхъ основаніяхъ. Другой уже годъ проходитъ со времени обнародованія Высочайшаго Указа Вашего Императорскаго Величества отъ 24-го декабря 1841 года о представленіи русскимъ льготъ при переселеніи въ здѣшній край, но еще не пожелалъ никто воспользоваться этимъ преимуществомъ. Совмѣстничество съ евреями, которыхъ число здѣсь весьма велико, а козни еще больше, отнимаетъ у русскихъ охоту рисковать своими капиталами въ новомъ для нихъ краѣ.

Мещане (sic!) по прежнему не отличаются ни въ ремеслахъ, ни въ торговой промышленности, но христіане по крайней мѣрѣ начинаютъ отвыкать отъ общей страсти къ нетрезвой жизни, чему немало содѣйствуетъ возвышеніе цѣнъ на горячіе напитки на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1842 г. Что касается мѣщанъ евреевъ, то все (sic!) мѣры мѣстнаго начальства объ исправленіи нравственнаго состоянія этого племени безъуспѣшны; отклонить ихъ отъ всевозможныхъ пороковъ, заставить исполнять точно государственныя повинности столь же трудно, какъ и вовсе искоренить ихъ.

Состояніе однодворцевъ вскорѣ должно улучшиться новою переписію: отъ приведенія въ извѣстность дѣйствительнаго ихъ числа облегчится бремя, тяготящее теперь на тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на лицо и должны платить подымный сборъ и отдавать людей въ военную службу не только за себя, но и за отсутствующихъ или неправильно внесенныхъ въ первую перепись, но оказавшихся послѣ принадлежащими къ другимъ сословіямъ. Впрочемъ, многіе изъ

однодворцевъ охотно переселяются въ екатеринославскую губернію. Они большею частію принадлежатъ къ польскому населенію, и это можетъ служить новымъ фактомъ, какъ съ одной стороны довѣріе къ русскому правительству усиливается и какъ съ другой стороны вліяніе польскихъ дворянъ, опиравшихся на мелкой шляхтѣ, нынѣшнихъ однодворцахъ, слабѣетъ.

Крестьяне болѣе и болѣе достигаютъ благосостоянія, что должно отнести къ попечительности новаго управленія. Крестьяне помѣщичьи не вышли еще изъ грубаго состоянія; но по крайней мѣрѣ при постоянной бдительности мѣстнаго начальства не испытываютъ уже отъ своихъ владѣльцевъ тѣхъ притѣсненій, которыя прежде, при отсутствіи иныхъ понятій о религіи и нравственности, не дозволяли имъ возвыситься до того состоянія, въ коемъ Вашему Императорскому Величеству желательно видѣть своихъ подданныхъ, даже находящихся на послѣдней степени въ ряду сословій государства.

Народная нравственность вообще опредѣляется числомъ и качествомъ преступленій. Въ этомъ отношеніи наблюденія мои открыли слѣдующіе результаты. Преступленія, нарушающія общественное спокойствіе и безопасность, здѣсь рѣдки. Но зато преобладаютъ слишкомъ сильно пороки, нарушающіе права собственности, и пороки, вредящіе самимъ совершителямъ ихъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ частыя воровства, къ числу послѣднихъ—пьянство и порождаемыя имъ покушенія на собственную жизнь. Тѣ и другія, какъ обыкновенно, проявляются въ низшемъ классѣ народонаселенія. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе самоубійства. Изъ двухнедѣльныхъ вѣдомостей о происшествіяхъ Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что нѣтъ почти дня, въ которомъ бы не было въ губерніи самоубійства, особенно между помѣщичьими крестьянами. При постоянныхъ мѣрахъ правительства, открывающихъ, что зло это происходитъ не рѣдко отъ притесненій (sic!) помѣщиковъ и наиболѣе отъ недостатка попечительности ихъ о своихъ крестьянахъ, можно надѣяться, что оно уменьшиться (sic!).

Утѣшительную надежду какъ въ семъ отношеніи, такъ и вообще представляетъ образованіе юношества въ духѣ русскомъ. Заимствованныя родителями отъ запада начала часто ложнаго ученія уступаютъ прочному воспитанію дѣтей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Настало уже время, въ которомъ сыновья дворянъ не соглашаются въ образѣ мыслей съ своими отцами, и отцы убѣждаются въ истинѣ; послѣдствія этой перемены (sic!) будутъ благодѣтельны

Желательно для ускоренія ихъ сколь можно поощрять и возвышать растущее поколеніе (sic!), которое образованіемъ своимъ связываетъ крѣпче недавно возвращенный край. Въ особенности было бы это полезно въ отношеніи молодыхъ людей, оканчивающихъ воспитаніе въ университетахъ. Между тѣмъ и въ другихъ сословіяхъ народное просвѣщеніе довольно быстро распространяется. Но ощутителенъ недостатокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ болѣе, что средства средняго класса жителей дѣлаютъ недоступными высшія заведенія. Еслибы можно было учредить болѣе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ разныхъ пунктахъ губерніи, то это принесло бы величайшую пользу, ускоряя обрусѣніе края и проливая свѣтъ на низшіе слои общества. Я уже коснулся отчасти этого предмета во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, вмѣстѣ съ симъ подносимомъ, здѣсь присовокупляю, что означенными пунктами могли бы быть для уѣздныхъ училищъ города: Винница, изъ коего переводится гимназія въ другое мѣсто, Летичевъ, Балта и Могилевъ, для приходскихъ училищъ всѣ прочіе уѣздные города, кромѣ Проскурова и Брацлава, въ уѣздахъ коихъ есть уже подобныя заведенія.

При общемъ взглядѣ на разныя части ввѣреннаго управленію моему края разительную черту представляютъ города. Внутреннѣе (sic!) и внѣшнѣе (sic!) состояніе ихъ такъ жалко, что не можетъ не обращать на себя вниманія, не вести къ соображеніямъ объ улучшеніи ихъ. Общія причины такого состоянія городовъ упомянуты уже выше. Но въ частности, кажется, можно безошибочно сказать, что тамъ, гдѣ наиболѣе сосредоточивается внутренняя дѣятельность, другія обстоятельства должны имѣть мѣсто. Ближайшее удостовѣреніе убѣждаетъ, что онѣ заключаются въ шаткомъ управленіи городскими сословіями и доходами городовъ. И въ самомъ дѣлѣ. Думы, магистраты и ратуши здѣшней губерніи составлены изъ самыхъ необразованныхъ, даже неграмотныхъ людей. При ревизіи я имѣлъ весьма многіе случаи удостовѣриться, что люди эти рѣшительно не понимаютъ своихъ обязанностей. Все основаніе въ означенныхъ присутственныхъ мѣстахъ лежитъ на секретаряхъ, но и тѣ или неопытны, или ненадежны, а главное, не имѣютъ своего голоса. Городскія земли отдаются въ содержаніе лицъ по произволу тѣхъ, кто умѣетъ извлекать свою пользу изъ невѣжества членовъ. Другія статьи доходовъ остаются безъ надлежащаго надзора. Объ увеличеніи ихъ нечего и говорить. Тоже бросается въ глаза по устройству городскихъ зданій вообще по внешнему (sic!) виду городовъ. Торговая полиція, реме-

сленныя управленія, общественные сборы, исполненіе городскими сословіями разныхъ повинностей не представляютъ никакого порядка, часто обнаруживаютъ злоупотребленія. Между тѣмъ близкое сосѣдство съ союзною державою, по слухамъ, даетъ пріѣзжающимъ сюда иностранцамъ болѣе или менѣе справедливый поводъ выводить невыгодныя заключенія о общемъ благоустройствѣ края потому только, что города, представители провинціи, не возрастаютъ. И все это, какъ я осмѣлился уже сказать, происходитъ отъ несоотвѣтственнаго мѣстнымъ потребностямъ состава думъ, магистратовъ и ратушъ. Чтобы прекратить это, по моему мнѣнію, нѣтъ иного средства, какъ только усилить составъ сихъ мѣстъ коронными чиновниками, возложивъ на ихъ обязанность и отвѣтственность преимущественно завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Назначеніе по одному такому чиновнику съ правами чина, съ небольшимъ жалованьемъ несомненно (sic!) принесетъ большую пользу и много будетъ содѣйствовать возвышенію благоустройства городовъ. Я уже представилъ подробнѣйшія соображенія по сему предмету генералъ губернатору.

Въ числѣ городовъ заштатные города Старая Ушица и Сальница не обѣщаютъ никакой надежды, чтобы когда-нибудь достигли надлежащаго устройства. Они теперь не что иное, какъ деревни и то въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Нѣтъ въ нихъ, особенно въ Сальницѣ, никакой торговли или другаго рода промышленности. Между тѣмъ они имѣютъ довольно много земли, а въ Ушицѣ и другія обратныя статьи. На счетъ завѣдыванія этими статьями преимущественно должно сказать то, что уже замѣчено мною выше въ описаніи думъ и ратушъ. Здѣсь мѣста эти рѣшительно безполезны. Я осмѣливаюсь полагать, что въ такомъ положеніи и существованіе ихъ ненужно. Если бы ратуши въ городахъ Сальницѣ и Старой Ушицѣ были упразднены, мѣщане оныхъ были подчинены общему завѣдыванію подобныхъ мѣстъ въ уѣздныхъ городахъ, а статьи городскихъ доходовъ были подъ надзоромъ Государственныхъ Имуществъ, отдавались въ содержаніе съ публичныхъ торговъ и поступали въ кассу доходовъ уѣздныхъ городовъ, то это много могло бы содѣйствовать улучшенію состоянія послѣднихъ, безъ всякой обиды для первыхъ, потому что тѣ никогда не могутъ возвыситься. Объ этомъ внесено отъ меня представленіе генералъ губернатору.

Не могу пройти молчаніемъ еще одной частности, которая затрудняетъ губернское начальство: это недоимки. Въ отношеніи мѣ-

щанъ, казенныхъ крестьянъ, гражданъ и однодворцевъ установленныя законами мѣры, основанныя на правилахъ взаимнаго обезпеченія пока хоть съ трудомъ достигаютъ цѣли. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этотъ предметъ требуетъ новаго соображенія. Изъ частныхъ примѣровъ оказывается, что въ сихъ имѣніяхъ, при отдачѣ ихъ въ опеку за недоимки, недоимки не только не пополняются, но еще болѣе копятся. Причиною тому—неудобства въ назначеніи къ нимъ опекуновъ: многіе дворяне не соглашаются быть опекунами, а на принужденіе ихъ нѣтъ положительныхъ правилъ; другіе, соглашаясь, безпечно завѣдываютъ такими имѣніями, иные позволяютъ себѣ подъ своимъ именемъ закрывать казенныхъ должниковъ, представляя въ полное ихъ распоряженіе имѣнія, поступившія въ опеку. Переписка объ избраніи опекуновъ, повѣрка ихъ дѣйствій, разсмотрѣніе отчетовъ поглащаютъ напрасно время. Между тѣмъ недоимки не очищаются. Для отвращенія этого представляется полезнымъ подобныя имѣнія вмѣсто опеки отдавать въ арендное содержаніе съ публичныхъ торговъ, смотря по количеству недоимковъ на три года и болѣе. По сему предмету я также сдѣлалъ представленіе генералъ губернатору.

Повергая все это на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотреніе, долгомъ считаю присовокупить, что всѣ силы мои устремлены къ тому, чтобы вверенное (sic!) мнѣ Вашимъ Величествомъ управленіе болѣе и болѣе улучшалось. Исполненіе ожиданій Вашего Величества составляетъ единственную всегдашнюю цѣль моихъ дѣйствій, моего рвенія. Если цѣль эта еще не такъ близка, да будетъ мнѣ оправданіемъ въ великодушномъ снисхожденіи Вашего Величества недавнее управленіе столь многозаботливымъ краемъ.

Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. Въ первомъ томѣ недавно изданной «Переписки П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ» (Спб. 1896. 8⁰), между множествомъ интересныхъ свѣдѣній о русской литературѣ начала сороковыхъ годовъ, находится немало извѣстій и о Квиткѣ-Основьяненкѣ, какъ сотрудникѣ Современника, влачившаго въ это время, подъ редакціей Плетнева, бѣдное свое существованіе. Эти извѣстія, какъ дополненіе къ литературной біографіи Квитки, приводимъ здѣсь.

1840 г. 24 сент. Возвратясь домой, нашелъ у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей

въ Современникъ, потому что дворянство, при выборахъ, намѣрено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей?... Но вотъ что досаднѣе: Квитка у меня проситъ позволенія напечатать въ Маякѣ отрывки изъ своего новаго романа: «Маякъ де исправно платитъ, а деньги вещь хорошая!» Какъ это вамъ покажется?

— *4 окт.* Государыня любитъ читать Квитку, только сожалѣетъ, что много мудреныхъ словъ.

— *8 окт.* Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ Маякъ все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фишера, гдѣ лежатъ оригиналы Халявскаго и Столбикова (новый романъ его). Отъ Современника не откажусь (т. е. не перестану его издавать) и безъ Квитки.

— *8 ноября.* Я получилъ письмо отъ Квитки съ III-ю частью «Столбикова» (романъ его). Кажется, мои отзывы на счетъ журнальной братіи подѣйствовали на него. Онъ навсегда и рѣшительно отказался отъ всякаго сношенія съ этими господами, желая видѣть себя или въ отдѣльномъ изданіи, или въ Современникѣ. Впрочемъ, избранный въ предсѣдатели уголовной палаты, онъ не можетъ писать много.

— *13 ноября.* У великой княжны Ольги Николаевны читалъ прелестную «Ярмарку» Квитки [1]).

— *19 ноября.* Чтеніе «Ярмарки» у в. кн. Ольги Николаевны. Тутъ присутствовала и Государыня. Я ее смѣшилъ, разсказывая про Квитку, какъ онъ окривѣлъ (ему нянька вздумала выдавить ячмень на глазу); какъ заставили его отказаться отъ 1.000 душъ крестьянъ въ пользу старшаго брата, который продулъ обѣ тысячи; какъ съ горя кривой пошелъ въ монахи и, какъ послушникъ, принужденъ былъ привезти монастырскія бочки на рынокъ для продажи; какъ его всѣ узнали и заукали, (sic) а онъ со стыда бросилъ бочки и монастырь; какъ онъ основалъ Харьковскій дѣвичій институтъ и женился на классной его дамѣ и проч. Чтеніе шло очень весело.

— *19 ноября.* Этотъ день началъ я чтеніемъ съ великой княжной Ольгой Николаевной не въ ея комнатѣ, а въ императрициной, которая желала слушать ярмарку.

— *10 декабря.* Вторникъ. Кончилъ чтеніе «Ярмарки». Государыня была очень довольна. Я спросилъ читала ли она «Марусю». И когда

[1]) Плетневъ преподавалъ въ это время великой княжнѣ русскую словесность.

узналъ, что нѣтъ, то предложилъ со слѣдующаго раза ею заняться. Мнѣ хочется разнѣжить ея вкусъ чтеніемъ русскихъ книгъ и сдѣлать для нея выборъ изъ всего, что у насъ есть лучшаго.

— *17 декабря.* Гоголь не печатаетъ совсѣмъ не потому, что не увѣренъ въ сбытѣ или не догадается на это пуститься, а потому, что онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана. Ему померещилось, что для довершенія славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вотъ онъ и умираетъ съ голоду, а *черезъ законъ свой* не переступаетъ подобно Матренѣ Семеновнѣ въ «Ярмаркѣ».—У великой княжны Ольги Николаевны, гдѣ присутствовала императрица, началъ чтеніе «Маруси».

— *25 декабря.* Выписка изъ письма великой княгини Маріи Николаевны, изъ Мюнхена: «Читала я съ истиннымъ наслажденіемъ повѣсть «Панна Сотниковна». Какъ это мило, просто, трогательно разсказано. Ну ужъ—ура Основьяненко.—Другая повѣсть Основьяненки—«Ложныя Понятія» едва ли не лучше первой. Я смѣялась во все горло».

1841 г., 18 февраля. Мнѣ очень странно, но вы нашли толкъ въ критикѣ Сенковскаго на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что онъ не смыслитъ различить въ авторѣ слогъ отъ языка. Но какъ же увѣрять, что черты смѣшного потому не смѣшны, что ихъ авторъ подмѣтилъ не въ столицѣ, а въ провинціи? Что касается до вашего замѣчанія, будто Квитка позволяетъ себѣ многое въ письмѣ, чего и въ разговорѣ не всегда удается слышать, то вы говорите, о Квиткѣ, какъ объ авторѣ журнальной статьи. А онъ написалъ огромныхъ двѣнадцать томовъ и въ нихъ не отъ себя говоритъ, а заставляетъ дѣйствовать другія лица. Какъ же вамъ не стыдно подмѣчать въ немъ то, о чемъ и не говорится при оцѣнкѣ столь оригинальнаго и неистощимаго писателя? Если онъ создалъ столько сценъ, если онъ раскрылъ передъ нами столько разнообразныхъ, незаимствованныхъ, самыхъ неподдѣльныхъ красотъ въ жизни человѣка и въ его душѣ,—тамъ можно ли критиковать, зачѣмъ онъ въ одной повѣсти началъ фразу словомъ *тьфу*! Вѣдь вы знаете причину, по которой Сенковскій напалъ съ такимъ остервененіемъ на Квитку. Во 1-хъ, что Квитка со мной друженъ. А этого для Сенковскаго достаточно, чтобы ругать автора. Такъ онъ ругалъ «Исторію» Ал. Ос. (Ишимовой); во 2-хъ, Квитка никому не посылаетъ повѣстей, кромѣ редактора Современника; въ 3-хъ, Сенковскій ду-

маетъ, что въ «Званныхъ Гостяхъ» Квитка вывелъ его такъ вѣрно и до зарѣзу остро.

— *21 февраля.* Дома нашелъ я твое письмо и еще отъ Квитки. Онъ такъ малодушенъ, что, пораженный злобнымъ отзывомъ Сенковскаго, велѣлъ прекратить совершенно отдѣльное изданіе своихъ сочиненій и уничтожить все, что до сихъ поръ напечатали изъ «Столбикова». Вотъ, что значитъ великій талантъ, но безъ полнаго сознанія своей дестинаціи. Онъ привыкъ думать, что за сочиненія надобно ждать только или похвалъ, или денегъ. А о высокой цѣли творчества и не помыслилъ. Онъ прислалъ для Современника еще повѣсть: „Герой Очаковскихъ временъ". Это родъ Донъ Кихота Малороссіи. Вечеромъ съ Александрой Осиповной мы начали чтеніе его. Это смѣшно до умору.

— *14 марта.* Читали письмо Квитки, который, наконецъ, одумался. Онъ, какъ я тебѣ сказалъ, не хотѣлъ было совсѣмъ писать для публики, развѣ только изрѣдка въ Современникѣ. Я въ трехъ къ нему письмахъ былъ истиннымъ его бичемъ... Онъ не сознается, что мои убѣжденія подѣйствовали. Онъ говоритъ, что былъ боленъ— и всѣ его мрачныя мысли произошли отъ болѣзни. Даже прибавляетъ онъ, что если бы мои письма застали его въ этомъ страдательномъ положеніи, они бы уморили его. Но это онъ вылѣчился и теперь ясно видитъ справедливость моихъ настояній. Опять согласился онъ на продолженіе своихъ сочиненій, ихъ изданіе и участіе въ Современникѣ.

1842 г., 7 марта. Мой главный сотрудникъ Квитка, повидимому, оставляетъ меня. Я не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ его комиссій—и это его охладило. Пускай попробуетъ имѣть дѣло съ другими журналистами. Можетъ быть, и возвратиться ко мнѣ. Кажется, онъ не убѣжденъ, что я жертвовалъ ему до нельзя по одному капризу продолжать Современникъ.

Приведенныя мѣста изъ писемъ Плетнева дополняютъ литературную біографію Квитки, указывая, какъ цѣнились его русскія повѣсти на тогдашнемъ литературномъ рынкѣ. Въ заключеніе приводимъ отзывъ Плетнева, въ тѣхъ же письмахъ, о Сковородѣ.—«Сковорода былъ въ XVIII ст. у малороссіянъ родъ юродиваго или философа, какъ называетъ простой народъ такихъ людей. Онъ подражалъ ученикамъ Пифагора: не ѣлъ мяса, говорилъ таинственными загадками, катался на поляхъ голый по росѣ, бродяжническую велъ жизнь по помѣщикамъ и распустилъ по Малороссіи нѣсколько писанныхъ

имъ философскихъ диссертацій. Подобныхъ оригиналовъ тамъ бывало не рѣдко». (стр. 515).

О русской литературѣ и наукѣ въ письмахъ Плетнева—множество преинтересныхъ замѣтокъ. Напр., и Сегодня у насъ въ университетѣ (Плетневъ былъ ректоромъ его) былъ министръ (Уваровъ). Мы просидѣли цѣлую лекцію у Устрялова за Дмитріемъ Самозванцемъ... Устрялова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія [1])... (Стр. 494).

А. Л.

Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ извѣстной книгѣ профессора Як. Чистовича—«Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», (Спб. 1883 г),—напечатанъ между прочимъ «алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи», (стр. LXVI—CCCLXVI), въ которомъ названо 523 медика, причемъ 42 изъ нихъ были малороссы. Вотъ ихъ списокъ. *Базилевичъ* Григорій Ивановичъ, сынъ священника бѣлгородской губ., учился сперва въ кіевской духовной академіи, а потомъ учился медицинѣ въ училищѣ при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и за границей, въ Страсбургѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ; въ Россіи повторилъ докторскій экзаменъ и былъ назначенъ профессоромъ патологіи спб. медико-хирургической академіи, а потомъ—и ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи. *Барсукъ-Мойсеевъ* Фома Ивановичъ. Точное происхожденіе его и званіе не обозначено. Учился сперва въ кіевской духовной академіи, потомъ окончилъ московскій университетъ по медицинскому факультету и сдалъ экзаменъ на доктора медицины. Былъ профессоромъ физіологіи въ московскомъ университетѣ. *Гнѣдичъ* Петръ Петровичъ, уроженецъ г. Полтавы, обучался заграницей, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ, въ которомъ и получилъ докторскій дипломъ. *Гороховскій* Маркъ Ивановичъ, родомъ изъ Кіева, учился сначала въ кіевской

---

[1]) Устряловъ продолжалъ читать лекціи въ Спб. университетѣ до конца пятидесятыхъ годовъ. Заглядывая иногда въ это время въ двери аудиторіи Устрялова, мы больше двухъ слушателей у него не видали, а курсъ филологовъ, которому въ это время онъ, читалъ состоялъ изъ 12-ти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ и разу не были на лекціяхъ Устрялова, но онъ благодушно всѣмъ ставилъ полные балы. А. Л.

духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ опредѣленъ главнымъ докторомъ балтійскихъ флотовъ, затѣмъ былъ переведенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Загорскій* Петръ Андреевичъ, сынъ священника новгородсѣверскаго уѣзда, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Сдавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи при с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, затѣмъ былъ назначенъ, тамъ же, адъюнктомъ анатоміи, экстраординарнымъ профессоромъ и наконецъ, ординарнымъ. *Звѣрака* Евстафій Федоровичъ, сынъ священника полтавскаго полка, учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, потомъ заграницей, преимущественно, въ шотландскомъ университетѣ св. Андрея, гдѣ получилъ и докторскій дипломъ. Былъ докторомъ при николаевскомъ госпиталѣ. *Каменецкій* Осипъ Кирилловичъ, сынъ мѣщанина стародубскаго полка, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Былъ инспекторомъ спб. физиката и первый изъ русскихъ достигъ званія лейбъ-медика императора Александра I-го. *Карпинскій* Никонъ Карповичъ, сынъ козака лубенскаго полка, сперва воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Для довершенія образованія уволенъ былъ заграницу, причемъ въ Страсбугѣ получилъ дипломъ. Въ Россіи былъ назначенъ профессоромъ анатоміи и физіологіи. *Квятковскій* Несторъ Григорьевичъ, уроженецъ кіевской губерніи, учился 4 года въ Кенигсбергѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. *Крутень* Матвѣй Самсоновичъ, сынъ черниговскаго магистратскаго бурмистра, первоначально учился въ кіевской академіи, а потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Для пополненія образованія 5 лѣтъ занимался въ Лейденѣ, гдѣ получилъ дипломъ. Затѣмъ былъ дивизіоннымъ докторомъ. *Леонтовичъ* Савва Алексѣевичъ, сынъ мѣщанина миргородскаго полка, учился въ кіевской духовной академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Былъ командированъ заграницу; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ назначенъ дивизіоннымъ докторомъ. *Логиновъ* Петръ Романовичъ, сынъ священника екатеринославскаго намѣстничества, учился сперва въ екатеринославской семинаріи, а потомъ въ спб. медицинской школѣ; выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи. *Максимовичъ-Амбодикъ* Несторъ Максимовичъ, сынъ священника га-

дяцкаго полка, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; затѣмъ продолжалъ образованіе въ университетѣ въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Отъ медицинской коллегіи получилъ званіе профессора повивальнаго искусства; былъ профессоромъ акушерства при повивальномъ институтѣ. *Максимовичъ* Иванъ Петровичъ, сынъ козака миргородскаго полка, учился сперва въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; окончилъ медицинское образованіе въ Кенигсбергѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Мироновичъ* Василій Емельяновичъ, сынъ мѣщанина изъ г. Полтавы, учился въ екатеринославской семинаріи, затѣмъ въ спб. госпитальной школѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ утвержденъ адъюнктомъ хирургіи и «матеріи медики». *Митрофановъ* Сила Митрофановичъ, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; командированъ на казенный счетъ заграницу и въ Лейденѣ получилъ дипломъ. *Оиѣвскій* Дмитрій Максимовичъ, сынъ сотника нѣжинскаго полка, учился въ кіевской духовной академіи, затѣмъ въ спб. госпиталѣ, отправленъ былъ заграницу, учился въ Страсбургѣ и въ Геттингенѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Оршава-Чижевскій* Семенъ Ивановичъ, сынъ отставнаго маіора стародубскаго уѣзда, сперва учился въ московскомъ университетѣ, потомъ былъ отправленъ заграницу въ Лейденъ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Погорецкій* Петръ Ивановичъ, сынъ священника кіевской губерніи, учился въ кіевской академіи; затѣмъ поступилъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскій госпиталь; оканчивалъ образованіе въ Лейденѣ. *Полетика* Иванъ Андреевичъ, надворный совѣтникъ, родился въ г. Ромнахъ, учился въ кіевской академіи, былъ два раза заграницей; въ Лейденѣ получилъ дипломъ, послѣ чего кильская медицинская академія избрала его въ профессоры, гдѣ онъ занималъ каѳедру два года, а потомъ служилъ въ Россіи [1]). *Политковскій* Федоръ Герасимовичъ, сынъ протоіерея черниговскаго полка, учился сперва въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ университетѣ; на счетъ университета былъ отправленъ заграницу, въ Лейденѣ получилъ дипломъ, а затѣтъ былъ профессоромъ практической медицины въ московскомъ университетѣ. *Понырка* Денисъ Васильевичъ, сынъ

---

[1]) Былъ и другой медикъ *Полетика*, Тимофей Ивановичъ, тоже родомъ изъ Ромна, учившійся въ троицко-сергіевской семинаріи, а потомъ въ с.-петербурскомъ госпиталѣ.

козака глуховскаго повѣта, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ московскомъ госпиталѣ и въ Страсбургѣ. *Поповъ* Гавріилъ Петровичъ, сынъ священника полтавской губерніи, учился въ екатеринославской семинаріи, потомъ въ медицинской московской школѣ, гдѣ былъ адъюнктъ-профессоромъ акушерства и «судной науки». *Рожалинъ* Козьма Федоровичъ, сынъ козака лубенскаго полка, окончивъ кіевскую, академію, учился въ спб. госпиталѣ; въ Лейденѣ получилъ дипломъ и затѣмъ былъ докторомъ украинской дивизіи. *Руцкій* Илья Васильевичъ, уроженецъ кіевскаго намѣстничества, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ профессоромъ московской акушерской школы. *Саполовичъ* Яковъ Осиповичъ, сына посполитаго прилуцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ кронштадскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ профессоромъ хирургіи и завѣдущимъ спб. хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ. *Сидоровичъ* Алексѣй, сынъ мѣщанина изъ гор. Конотопа, учился сначала въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ, а для дальнѣйшаго образованія отправленъ былъ заграницу. *Смѣловскій* Тимофей Андреевичъ, родомъ изъ Малороссіи, сперва учился въ харьковской семинаріи, потомъ въ спб. медико-хирургической школѣ и былъ профессоромъ ботаники. *Смѣловскій* Иванъ Андреевичъ, учился въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи. *Соболевскій* Григорій Федоровичъ, сынъ глуховскаго значковаго товарища, первоначально былъ придворнымъ пѣвчимъ, потомъ учился въ тройце-сергіевской семинаріи и въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Въ Лейденѣ получилъ докторскій дипломъ, а потомъ, отъ медицинской коллегіи, званіе профессора ботаники. Былъ назначенъ докторомъ гвардейскихъ полковъ. *Сандуль-Стурдза* Яковъ Тимофеевичъ, сынъ священника переяславскаго уѣзда, учился въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; былъ назначенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Тереховскій* Мартынъ Матвѣевичъ, сынъ священника гадяцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; былъ профессоромъ химіи въ московскомъ госпиталѣ и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Тимковскій* Осипъ Тимофеевичъ, сынъ козака миргородскаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ; былъ вра-

чемъ смоленской дивизіи и штадтъ-физикомъ въ Москвѣ. *Тимковскій* Иванъ Осиповичъ, сынъ доктора, учился въ московскомъ университетѣ и служилъ при физикатѣ въ медицинской коллегіи докторомъ. *Тумченко* Григорій Павловичъ, обучался сперва въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Килѣ получилъ докторскій дипломъ и былъ профессоромъ повивальнаго искусства въ Москвѣ. *Тихорскій* Фома Трофимовичъ, сынъ козака переяславскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ, докторскій дипломъ получилъ въ Страсбургѣ. *Федоровскій* Андрей Ивановичъ, сынъ священника бѣлогородской губерніи, первоначально учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ въ кронштадскомъ госпиталѣ; сдавъ докторскій экзаменъ, былъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи. *Фіалковскій* Степанъ, учился въ спб. госпиталѣ, потомъ заграницей, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ. *Шафонскій* Афанасій Филимоновичъ, сынъ сотника черниговскаго полка, учился медицинѣ въ Галле, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ, былъ штадтъ-физикомъ и управляющимъ медицинской конторой въ Москвѣ [1]). *Шумлянскій* Александръ Михайловичъ, сынъ значковаго товарища полтавскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ хирургическомъ институтѣ и почетнымъ членомъ медицинсской коллегіи. *Шумлянскій* Павелъ Михайловичъ, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ, получилъ въ Страсбургѣ дипломъ, былъ ординарнымъ профессоромъ хирургіи и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Ягельскій* Касьянъ Осиповичъ, первонально учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. госпиталѣ, получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ.

Къ этому списку можно добавить, что изъ остальныхъ 481-го медика, 431—были по происхожденію иностранцы, а остальные—уроженцы Россіи, причемъ изъ нихъ 19 человѣкъ имѣютъ русскія фамиліи, а остальные (изъ 50-ти) носили фамиліи иностранныя. Такимъ образомъ, громадное большинство докторовъ (82%) приходилось на долю иностранцевъ, съ иностранными фамиліями—6% и великороссовъ—4%; малороссовъ значитъ было 8%. Если принять во вниманіе, что изъ этихъ малороссовъ большинство происходило изъ духовнаго и податнаго сословія, то можно сдѣлать заключеніе, что и въ концѣ XVIII в. стремленіе къ просвѣщенію въ Малороссіи было

[1]) Авторъ „Описанія Черниговскаго намѣстничества“.

очень значительно, причемъ шли учиться нетолько дѣти дворянъ, но также сыновья священниковъ, мѣщанъ и козаковъ; учились медицинѣ сначала въ Россіи, затѣмъ ѣхали заграницу и получали докторскіе тамъ дипломы. По сословіямъ доктора изъ малороссовъ были: изъ духовнаго званія—11, козаковъ—9, мѣщанъ—4, крестьянъ—2, старшинскихъ дѣтей—2, дворянъ—3, 1 сынъ бурмистра и неизвѣстнаго происхожденія—10. Большинство изъ нихъ (23) образованіемъ своимъ обязаны кіевской духовной академіи, 5 училось въ семинаріяхъ, 5 въ московскомъ университетѣ, 6 въ коллегіумахъ и 3 - заграницей. Многіе изъ нихъ достигали извѣстности, таковы, напр., знаменитости своего времени—Загорскій, Максимовичъ - Амбодикъ, Полетика Иванъ (первый русскій профессоръ въ заграничномъ университетѣ), Шафонскій, Каменецкій...

Гл. Л.

По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ.—Въ номерѣ отъ 10 февраля 1896 года «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая редакціонная статья, сообщающая намъ о ходѣ дѣла съ постановкой памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго и еще разъ призывающая общество откликнуться своими пожертвованіями на то, чтобы достойнымъ образомъ украсить могилу начинателя малорусской литературы.

«Въ прошломъ году, на страницахъ «Полт. Губ. Вѣдомостей», мы сообщали, говоритъ редакція о предстоящемъ чествованіи памяти начинателя новаго періода украинской литературы, *Ивана Петровича Котляревскаго*, отмѣчая, между прочимъ, проявленіе мѣстной иниціативы по устройству надгробнаго памятника на могилѣ поэта, въ чертѣ стараго городского кладбища, а также по изысканію средствъ для сооруженія памятника поэту на Петровской площади противъ зданія губернскаго земства.

Теперь своевременно сообщить нашимъ читателямъ о дальнѣйшемъ движеніи дѣла по устройству памятниковъ И. П. Котляревскому. Сооружаемый на средства Полтавскаго губернскаго земства надмогильный памятникъ въ настоящее время изготовляется въ Табурищенской мастерской г. Певнаго (въ александр. у. херс. губ.) изъ гранита по модели художниковъ—полтавцевъ гг. Позена и Волкова. Памятникъ этотъ въ непродолжительномъ времени будетъ изготовленъ

и весною настоящаго года, по всей вѣроятности, будетъ праздноваться постановка его на могилѣ поэта.

Что касается сооруженія памятника на Петровской площади, то это дѣло проходитъ пока первыя стадіи: въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года начатъ сборъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, послѣ того какъ ходатайство Полтавскаго городскаго управленія о разрѣшеніи всеобщей подписки на это дѣло по полтавской и черниговской губерніяхъ въ чертѣ «Старой Малороссіи»,— удовлетворено правительствомъ въ смыслѣ разрѣшенія подписки въ предѣлахъ лишь полтавской губерніи. Къ половинѣ декабря истекшаго года пожертвованія на это дѣло выразились пока скромной суммой, около тысячи рублей, не считая 400 съ лишнимъ рублей, пожертвованныхъ на памятникъ Котляревскаго въ прежнее время.

Сравнительно слабое до настоящаго времени поступленіе пожертвованій приходится объяснить обычною малоподвижностью въ нашей общественности, тѣмъ болѣе, что сооруженіе памятника мѣстному дѣятелю осуществляется впервые въ «сегобочной» Украинѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ поступленіи пожертвованій на памятникъ Котляревскому останавливаетъ вниманіе одно отрадное обстоятельство— мы говоримъ о широкомъ кругѣ пожертвователей изъ селянъ хлѣборобовъ, густо покрывшихъ своими подписями разосланные Полтав. городской управой подписные листы, съ обозначеніемъ посильныхъ пожертвованій, наичаще въ 2, 3 и 5 копѣекъ. Сотни, а можетъ быть и тысячи именъ козаковъ и крестьянъ полтавской губерніи, откликнувшихся изъ разныхъ мѣстъ на краевое по своему существу дѣло, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что память И. П. Котляревскаго, неразрывно связанная съ его литературной дѣятельностью, глубоко почитается украинскимъ народомъ.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что видное мѣсто въ ряду пожертвованій занимаютъ доброхотныя пожертвованія, присланныя по газетнымъ замѣткамъ о предстоящемъ сооруженіи памятника, изъ городовъ внѣ предѣловъ полтавской губерніи, (преимущественно, изъ Петербуга и Одессы) съ изъявленіемъ признательности представителямъ городского управленія, выдвинувшимъ вопросъ о сооруженіи памятника И. П. Котляревскому.

Небезъинтересно прослѣдить, какъ назрѣвала мысль въ мѣстномъ обществѣ о выраженіи почитанія памяти поэта устройствомъ памятника, соотвѣтствующаго его національному значенію. Первоначально отчетливо выражалось пожеланіе возобновить надмогильный

памятникъ поэта. Еще въ январѣ 1881 года гласный А. И. Алексенко въ думскомъ засѣданіи возбудилъ вопросъ о поновленіи надмогильнаго памятника; въ непродолжительномъ времени послѣ того гласный Таранушенко изъявилъ готовность принять на свой счетъ штукатурку и побѣлку прежняго памятника, а дума ассигновала 100 рублей на потребные для поновленія памятника матеріалы и устройство ограды; въ августѣ того же 1881 года артистъ С. Н. Новиковъ «для возобновленія» памятника предложилъ устроить два спектакля и гулянье въ городскомъ саду, каковое предложеніе и осуществлено было, давъ чистаго сбора около 190 рублей. Результатомъ этихъ первыхъ начинаній было поновленіе памятника гл. Таранушенко и постановка деревянной ограды съ расходомъ въ 53 рубля. Послѣ того мысль о возобновленіи надгробнаго памятника, соотвѣтствующаго достоинству поэта, затемнилась, а памятникъ, поновленный слишкомъ экономно, въ непродолжительномъ времени пришелъ въ прежнее состояніе. Въ ноябрѣ 1891 г. М. И. Климовичъ изъ Одессы, узнавъ изъ газетной замѣтки о жалкомъ состояніи памятника, прислалъ 80 рублей, прося пріобщить ихъ къ имѣющимся въ кассѣ городской управы 350 рубл. на возобновленіе памятника; въ 1892 году прислано пожертвованіе на это дѣло отъ кружка любителей драматическаго искусства подъ управленіемъ Далматова. Могила Котляревскаго оставалась, однако, въ прежнемъ видѣ. Губернскому собранію 1893 года Полтавская губернская земская управа докладывала, что памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго пришелъ въ негодность, штукатурка обвалилась, кирпичъ подъ вліянемъ сырости началъ осыпаться, и мѣдная доска съ надписью, указывавшею, кто похороненъ въ этой могилѣ, исчезла.

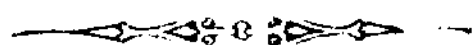
Всѣ эти подробности, свидѣтельствующія о неотзывчивости и неподвижности *нашего* общества въ кровномъ своемъ дѣлѣ, приведены здѣсь въ видя посылки для заключенія, что на нашемъ обществѣ тяготѣетъ упрекъ въ бездѣятельномъ отношеніи къ памяти писателя, первое произведеніе котораго (Энеида) въ 1898 году будетъ ознаменовано столѣтнимъ юбилеемъ. Теперь пришло время снять съ себя нашему обществу заслуженный упрекъ не только предъ современниками, но еще въ большей мѣрѣ предъ будущими поколѣніями, которыя не могутъ не оцѣнить заслугъ народнаго писателя, положившаго первое основаніе украинской литературы на народномъ языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ могила поэта пришла въ крайнее разореніе, произошелъ поворотъ въ отношеніи мѣстнаго общества къ

его памяти. Губернское собаніе 1893 г. ассигновало достаточную сумму на возобновленіе памятника на могилѣ, а въ 1894 г. Полтавская городская дума, по докладу городской управы, постановила возбудить отмѣченное выше ходатайство о разрѣшеніи всеобщей подписки на сооруженіе памятника Котляревскому на Петровской площади.

Подписка разрѣшена, и пожертвованія на сооруженіе памятника собираются. Умѣстно припомнить здѣсь высказанное нами раньше мнѣніе, что имѣющій быть сооруженнымъ памятникъ Котляревскому въ одномъ изъ областныхъ культурныхъ центровъ, какимъ является съ давняго времени городъ Полтава, имѣетъ значеніе выразительнаго показателя одного изъ моментовъ въ исторіи развитія нашего края и народа, такъ какъ каждый народъ, по мѣрѣ своего культурнаго развитія, чтитъ своихъ выдающихся дѣятелей на различныхъ поприщахъ, а почитаніе дѣятелей интеллектуальнаго прогресса имѣетъ особенно важное значеніе въ исторической жизни народа, являясь залогомъ его жизнеспособности активно выступать и въ дальнѣйшемъ теченіи событій. Для интеллигентной *части* населенія Полтавской губерніи, въ предѣлахъ которой собираются средства для сооруженія памятника Котляревскому, этотъ моментъ представляется весьма важнымъ, потому что открыто можетъ смотрѣть въ будущее только тотъ народъ и то общество, которые въ своемъ прошломъ знаютъ прочные опорные пункты. Сооруженіе памятника народному поэту—несомнѣнно актъ общественнаго самосознанія, и мы надѣемся, что дѣло это осуществится при широкомъ сочувствіи и дѣятельномъ отношеніи къ нему мѣстнаго общества».

Объявленіе о подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому.

Помѣстивъ выше перепечатку статьи о памятникѣ *И. П. Котляревскому*, редакція Кіевской Старины объявляетъ своимъ читателямъ, что она открываетъ у себя сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, при чемъ жертвуемыя деньги будетъ направлять въ Полтаву.



БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Мякотинъ. Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира, подъ редакціей профессоровъ И. В. Лучицкаго и Н. И. Карѣева, Спб. 1895 г.).

Матеріаломъ для труда В. А. Мякотина послужила часть Румянцевской Описи, хранящаяся въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ и обнимающая *четыре* сотни бывшаго Полтавскаго полка— двѣ полковыхъ, Рѣшетиловскую и Великобудисскую. Авторъ пользовался, впрочемъ, «не самою описью или точнѣе говоря, не самыми черновыми и бѣловыми «вѣдомостями», составлявшимися мѣстной администраціей, владѣльцами и «ревизорами», а сдѣланной послѣдними по вѣдомостямъ сводкой статистическаго матеріала или въ видѣ таблицъ, или, какъ она названа, «подворной табелью», которая довольно точно передаетъ содержаніе вѣдомостей» [1]. Въ табели есть свѣдѣнія о возрастномъ составѣ населенія, о земельномъ его владѣніи, скотѣ, повинностяхъ и т. п., хотя изъ данныхъ этихъ не всегда возможно сдѣлать опредѣленный выводъ, благодаря неполнотѣ и неточности практиковавшихся тогда статистическихъ пріемовъ. Нѣкоторые такіе недостатки авторъ и указываетъ въ характеристикѣ, которую онъ посвящаетъ «табели»: площадь лѣса, напримѣръ, подчасъ оказывается, совсѣмъ невозможно вычислить, потому что она измѣрялась не квадратными единицами, а пространство указывалось по окружности. Есть и другія неточности: при дворѣ иногда, напримѣръ, не показывается пахатная земля, но не потому что ея не было, а потому что она состояла въ общемъ, нераздѣльномъ вла-

---

[1]) Сборникъ, стр. 153—154.

дѣніи нѣсколькихъ дворовъ и показана при одномъ изъ нихъ и т. п.[1]). Для пользованія такимъ не всегда точнымъ матеріаломъ требуется особенная осторожность, а она то и составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей изслѣдованія В. А. Мякотина. Дѣлая извѣстный выводъ, авторъ дѣлаетъ, можетъ быть, ужъ и черезчуръ часто, соотвѣтствующія предостереженія читателю, чтобы онъ не принималъ вывода, безъ извѣстныхъ оговорокъ.

Румянцевская Опись является драгоцѣннымъ, по богатству и разнообразію своихъ данныхъ, источникомъ для изученія хозяйственной жизни лѣвобережной Малороссіи въ прошломъ столѣтіи. Не смотря на это, она почти до сихъ поръ не затронута изслѣдователями. Правда, ею пользовался А. М. Лазаревскій, но, по направленію своихъ работъ, онъ обращалъ главное свое вниманіе не на хозяйственную жизнь страны, а на тѣ юридическія и бытовыя отношенія, которыя возникали въ Малороссіи XVIII вѣка, а потому пользуясь Описью, онъ оставилъ безъ вниманія ея статистическую часть и ограничился документами. Тоже можно сказать и про И. В. Лучицкаго, если не считать изданныхъ имъ таблицъ по казачьему землевладѣнію золотоношскаго уѣзда[2]). И его работы о сябрахъ, общинномъ землевладѣніи[3]) основаны исключительно на документахъ Румянцевской Описи, равно какъ и работа проф. Д. И. Багалѣя «Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ»[4]).

Черниговскіе статистики Е. С. Филимоновъ, П. П. Червинскій и А. П. Шликевичъ обращались тоже къ Румянцевской Описи. Въ Вяткѣ въ 1888 году г. Филимоновъ издалъ таблицы, составленныя имъ въ бытность въ Черниговѣ и основанныя на Румянцевской Описи: «Румянцевская генеральная Опись суражскаго уѣзда 1767 года». Подобную же опись приложилъ и П. П. Червинскій къ «Матеріаламъ для оцѣнки угодій по кролевецкому уѣзду черниговской губерніи», причемъ сдѣлалъ и попытку сравнительно-историческаго изученія, сопоставляя данныя по описи 1767

---

[1]) Сборникъ стр. 155.

[2]) Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства.

[3]) О сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ Сѣв. Вѣстникѣ 1889 г. № 1 и 2; Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. От. Зап. 1882 г. кн. 11.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 1883 г. декабрь.

и 1883 годовъ. Выводы касались всѣхъ сторонъ экономической жизни мѣстности и получились довольно неожиданные. П. П. Червинскій старался доказать, что въ прошломъ столѣтіи, несмотря на земельный просторъ, на одного жителя приходилось почти столько же земли, сколько и теперь, а скота даже меньше; что количество безземельныхъ въ наше время даже уменьшилось сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ и въ землевладѣніи замѣчается даже большая равномѣрность, такъ какъ количество крупныхъ владѣній сравнительно уменьшилось, а количество среднихъ (1—15 дес.) возрасло; что вообще въ прошломъ столѣтіи не только крестьянству, но даже козачеству жилось хуже, чѣмъ теперь.

Эти заключенія, сдѣланныя притомъ безъ всякихъ оговорокъ, могли имѣть силу, пожалуй, для данной только мѣстности, но уже самъ г. Червинскій, а за нимъ и русская печать, отнесшаяся вообще съ большимъ интересомъ къ труду г. Червинскаго, обобщили его выводы на всю Малороссію. Въ особенности широко проведено это обобщеніе въ статьѣ А. П. Шликевича: «Лучше ли жилось въ Малороссіи за сто лѣтъ назадъ?», помѣщенной въ № 11—12 «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» за 1890 годъ.

Пользуясь таблицами, изданными Е. С. Филимоновымъ и «Матеріалами для оцѣнки земельныхъ угодій по суражскому уѣзду» проф. И. В. Лучицкій взялся провѣрить обобщенія, сдѣланныя отъ кролевецкаго уѣзда ко всей Малороссіи [1]). Результаты получились другіе. Выводы П. П. Червинскаго не только не подтвердились, но, напротивъ, оказалось, что въ суражскомъ уѣздѣ замѣтно пониженіе уровня земельной обезпеченности крестьянства и козачества въ настоящее время сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ; въ настоящее время не только не замѣтно большей равномѣрности въ дѣлѣ распредѣленія земли, а скорѣй можно наблюдать явленіе какъ разъ обратное—зарождающее стремленіе къ скопленію земли въ большемъ и большемъ количествѣ въ рукахъ одного хозяйства. Относительно количества скота можно сказать тоже самое. Эти данныя показали, что заключеніе относительно всей Малороссіи на основаніи данныхъ только по кролевецкому уѣзду какъ П. П. Червинскимъ, такъ и его критиками сдѣланы слишкомъ поспѣшно. Проф. И. В. Лучицкій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что ихъ можно было бы допустить только

[1]) Крестьянское землевладѣніе въ суражскомъ уѣздѣ черниговской губерніи въ 1667 и 1882 годахъ. *Юридическій Вѣстникъ* 1889 г. кн. 12.

при одномъ условіи, «а именно, когда намъ точно извѣстны тѣ факторы экономическіе и общественные, подъ вліяніемъ которыхъ происходило установленіе поземельныхъ порядковъ въ данный историческій моментъ, когда извѣстно и то, что они тождественны и для каждой отдѣльной мѣстности, и для цѣлой страны»... Разъ этого нѣтъ, «разъ условія дѣйствія и самое дѣйствіе общественныхъ и экономическихъ вліяній намъ неизвѣстны—остается одинъ путь изслѣдованія: изученіе сравнительно—историческое каждой мѣстности отдѣльно. Только тогда, когда изучены будутъ всѣ или большинство мѣстностей, можно будетъ сдѣлать общій выводъ для всей мѣстности, для всей лѣвобережной Украйны» [1]).

Необходимость подобнаго рода детальныхъ изслѣдованій, прежде чѣмъ получится возможность дѣлать общіе выводы—высказываетъ и В. А. Мякотинъ [2]), и его изслѣдованіе является первой попыткой въ этомъ родѣ. Авторъ не задается, впрочемъ, такой задачей, какъ П. П. Червинскій: онъ не хочетъ сравнивать данныя прошлаго вѣка съ данными конца настоящаго, хотя и признаетъ весь интересъ подобныхъ сравненій. Матеріалъ только, которымъ онъ располагалъ, слишкомъ недостаточенъ былъ для того, чтобы взяться за подобную работу. «То обстоятельство, говоритъ онъ, что сравненіе 18 вѣка съ 19-мъ не могло быть не только исчерпывающимъ, но даже полнымъ, тогда какъ при подчиненіи матеріала интересамъ этого сравненія неизбѣжно должны были исчезнуть нѣкоторыя характерныя особенности старой жизни, воспроизводимой нашимъ источникомъ, побудило меня рѣшиться выбрать изъ двухъ представлявшихся задачъ на этотъ разъ одну—изображенія положенія крестьянства въ 1767 г. безотносительно къ современнымъ порядкамъ» [3]). Авторъ ограничивается, такимъ образомъ, только воспроизведеніемъ картины *крестьянскаго* (опуская другія состоянія) землевладѣнія, какой она представлялась въ 1767 году, указаніемъ количества скота которымъ располагало хозяйство, а также отчасти указаніемъ платежей и повинностей, которые несли и платили крестьяне въ пользу своихъ владѣльцевъ. Онъ хочетъ воспроизвести только «конечный итогъ процесса, предшествовавшаго (1767 году), длившагося около вѣка» [4]).

---

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1889 г. кн. 12, стр. 601—602.

[2]) Сборникъ, стр. 185.

[3]) Сборникъ, стр. 153.

[4]) Сборникъ, стр. 153.

Мы уже говорили, что В. А. Мякотинъ далекъ отъ какихъ бы то ни было широкихъ обобщеній. Его выводы, какъ онъ самъ это нѣсколько разъ подчеркиваетъ, касаются только небольшаго уголка Полтавщины, всего 13-ти волостей изъ 20, составляющихъ теперешній полтавскій уѣздъ. На этомъ пространствѣ во всѣхъ селахъ, деревняхъ и хуторахъ насчитывалось 4,585 посполитскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, въ которыхъ жило 34,403 души обоего пола. Изъ нихъ немного больше половины (16,936 д.) приходилось на долю взрослыхъ мущинъ и женщинъ (отъ 15—60 лѣтъ); немного меньше половины (15,528 душъ)—на долю дѣтей и подростковъ (до 15 лѣтъ), а около $^1/_{17}$ (1,946 чел.) составляли увѣчные, больные, старые и вообще люди, къ работѣ неспособные. Во владѣніи ихъ находилось 24,453 десятины 910 кв. саж. пахатной, сѣнокосной и впустѣ лежащей земли, изъ которой 12,307 дес. 1,629 кв. саж. было пахатной, 8667 дес. 680 кв. саж. сѣнокосной и 3,478 дес. 1001 кв. саж.—лежащей впустѣ земли. Сюда вошла, впрочемъ, только земля, находившаяся въ подворномъ пользованіи; общинная же земля, которая, судя по актамъ, существовала въ Полтавщинѣ, въ расчетъ взята не была. Земля распредѣлялась между населеніемъ такимъ образомъ, что землю имѣло 2400 дворовъ, или 52,32%, безземельныхъ же было 2185, или 47,68%, при чемъ

имѣющихъ пахатную, сѣнокосную и лѣсную землю было	12,04%
пахатную и сѣнокосную	11,45%
пахатную и лѣсную	11,12%
сѣнокосную и лѣсную	0,67%
только пахатную	13,45%
сѣнокосную	1,39%
лѣсную.	2,20%

На одинъ дворъ среднимъ числомъ приходилось 5,31 дес. земли всѣхъ разрядовъ, причемъ было 2,68 дес. пахоти и 1,88 дес. сѣнокосу. Что касается скота, то, по вычисленію В. А. Мякотина, на каждое хозяйство, въ среднемъ, приходилось 2,15 тогдашняго рабочаго скота и 3 нерабочаго.

Цифры эти не даютъ точнаго представленія о положеніи крестьянства въ 1767 году. На пространствѣ тѣхъ волостей Полтавскаго уѣзда, которыя подверглись изслѣдованію В. А. Мякотина, жило четыре разряда крестьянъ: ранговыя, магистратскія, монастырскія и частновладѣльческія, и всѣ они не представляли вполнѣ однородного цѣлаго. Авторъ, поэтому, изслѣдуетъ положеніе каждаго раз-

ряда отдѣльно. Мы не можемъ, конечно, слѣдить за всѣми пріемами, къ какимъ прибѣгаетъ онъ для того, чтобы опредѣлить экономическое положеніе различныхъ крестьянъ. Это значило бы перепечатывать все изслѣдованіе В. А. Мякотина. Мы ограничимся сообщеніемъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Напередъ только познакомимся съ общимъ планомъ, по которому произведено его изслѣдованіе.

Авторъ начинаетъ его съ крестьянъ ранговыхъ, переходитъ затѣмъ къ магистратскимъ, монастырскимъ и, наконецъ, частновладѣльческимъ. Сначала онъ указываетъ общее количество дворовъ и живущихъ въ нихъ крестьянъ одного разряда; затѣмъ—количество десятинъ земли, находившейся въ ихъ владѣніи вообще, и количество отдѣльныхъ угодій—пахати, сѣнокоса и земли, лежащей впустѣ; далѣе слѣдуетъ вычисленіе средняго числа десятинъ земли, приходящейся на одинъ дворъ, съ подраздѣленіями затѣмъ по угодіямъ. Желая точнѣе опредѣлить земельную состоятельность отдѣльныхъ группъ, авторъ не ограничивается средними цифрами, которыя, по его словамъ, «способны выражать только самое грубое представленіе объ явленіи» [1]). Онъ составляетъ особыя таблицы, въ которыхъ въ процентныхъ отношеніяхъ указываетъ количество дворовъ, имѣющихъ пахать, сѣнокосъ и лѣсъ; пахать и сѣнокосъ; пахать и лѣсъ; лѣсъ и сѣнокосъ; только пахать; только сѣнокосъ и только лѣсъ. Затѣмъ въ процентныхъ отношеніяхъ опредѣлятся количество всѣхъ дворовъ, имѣющихъ землю и безземельныхъ. Таблицы авторъ сопровождаетъ своими поясненіями.

Желая дать возможность произвести сравненіе прошлаго съ настоящимъ—работу, за которую не могъ взяться В. А. Мякотинъ, онъ комбинируетъ цифры, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія, въ таблицы, принятыя въ полтавской земельной статистикѣ, т. е. старается опредѣлить количество разнаго вида угодій на дворъ имѣющій меньше десятины земли, затѣмъ имѣющій земли до 1 дес., отъ 1—2, отъ 2—3, отъ 3—6, отъ 6—9, отъ 9 до 16, отъ 16 до 20; отъ 20 до 60 и отъ 60 и болѣе.

Количество скота у каждаго разряда крестьянъ вычисляется по такой программѣ. Опредѣляется сначала общее количество рабочаго скота и отдѣльныхъ его видовъ; затѣмъ такимъ же образомъ—скота нерабочаго, причемъ указывается, сколько среднимъ числомъ

---

[1]) Сборникъ, стр. 160.

приходится на одинъ дворъ какъ общаго количества скота, такъ и отдѣльныхъ его видовъ. Всѣ данныя относительно рабочаго скота скомбинированы затѣмъ въ двѣ таблицы, одна изъ которыхъ «представляетъ отношеніе между собой хозяйствъ по числу дѣйствительнаго рабочаго скота въ эпоху Румянцевской Описи, т. е. воловъ и лошадей; вторая составлена по образцу современныхъ таблицъ, гдѣ въ рабочій скотъ зачислены и коровы, которыя въ 18 вѣкѣ не принадлежали къ таковому» [1]). Первая таблица, такимъ образомъ, указываетъ количество дворовъ въ %, не имѣющихъ совсѣмъ рабочаго скота; имѣющихъ 1 штуку, 2, 3, 4—5, 6—1», 11 и болѣе штукъ. Вторая подраздѣляется на три части. Сначала указанъ % безъ всякаго скота; только съ овцами, козами и свиньями; съ рабочимъ скотомъ. Затѣмъ—съ 1 лошадью, воломъ и коровой. Наконецъ съ 2, 3, 4—8, 6—10, 11 и болѣе штукъ.

Въ заключеніе обзора цифръ, касающихся отдѣльнаго разряда крестьянъ, даются свѣдѣнія и объ ихъ повинностяхъ, по сколько они содержатся въ «табели». Свѣдѣнія эти, впрочемъ, далеко не полны, такъ какъ о повинностяхъ, напримѣръ, частновладѣльческихъ крестьянъ въ «табели» никакихъ данныхъ не содержится [2]).

Изслѣдуя цифры, относящіяся къ различнымъ разрядамъ крестьянъ, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Количество безземельныхъ и имѣющихъ землю у разныхъ разрядовъ крестьянъ было далеко не одинаково и постоянно колебалось. У ранговыхъ безземельныхъ было 31,85%; и имѣющихъ землю 68,15% у магистратскихъ—43,85 и 56,15 у монастырскихъ 62,86 и 37,14; наконецъ у частновладѣльческихъ [3]) въ крупныхъ имѣніяхъ—38,96 и 61,04 и въ мелкихъ 85,57 и 14,63. Что касается количества скота, то у ранговыхъ крестьянъ $^1/_7$ лишена всѣхъ орудій самостоятельнаго хозяйства, земли и скота: почти $^1/_3$ не имѣетъ рабочаго скота и $^1/_5$ обходится безъ крупнаго скота, хотя изъ всѣхъ группъ выдѣляется все таки средне-состоятельная, владѣющая отъ 2—5 штукъ скота; на долю ея выпадаетъ около 48% [4]). У магистратскихъ крестьянъ отношенія складываются уже менѣе благопрі-

---

[1]) Сборникъ, стр. 162.

[2]) Сборникъ, стр. 179.

[3]) Частновладѣльческихъ крестьянъ В. А. Мякотинъ разсматриваетъ отдѣльно въ крупныхъ и мелкихъ владѣніяхъ, потому что положеніе ихъ далеко не было одинаковымъ.

[4]) Сборникъ, стр. 163.

ятно, и хотя средняя группа продолжаетъ сохранять свой перевѣсъ но онъ уже не великъ; группа многоскотныхъ едва меньше группы вовсе не имѣющихъ скота [1]). Къ положенію магистратскихъ въ отношеніи скота близки и крестьяне монастырскіе. И у нихъ хотя группа съ среднимъ количествомъ скота преобладаетъ (49%), но зато «мы наблюдаемъ увеличеніе группы хозяйствъ безъ рабочаго скота и уменьшеніе многоскотной группы, не перевѣшиваемое уменьшеніемъ числа хозяйствъ съ малымъ количествомъ скота» [2]). У частновладѣльческихъ крестьянъ, жившихъ въ крупныхъ имѣніяхъ. группа средне-состоятельныхъ немного болѣе 51%, около 1/6 дворовъ не имѣетъ вовсе скота, равно какъ и земли, слѣдовательно, не могутъ вести самостоятельнаго хозяйства; немного болѣе 1/4 дворовъ не имѣетъ рабочаго скота [3]). Что касается крестьянъ въ мелкихъ владѣніяхъ, то 1/4 общаго числа не имѣла никакого скота, болѣе половины не имѣла ни земли, ни рабочаго скота. Положеніе ихъ, такимъ образомъ, стояло на самой шаткой ступени благосостоянія, такъ какъ почти 3/4 изъ крестьянъ не имѣло скота, слѣдовательно, не могло вести и самостоятельнаго хозяйства [4]).

Сравнивая данныя, относящіяся ко всѣмъ четыремъ группамъ крестьянства, жившаго на изслѣдуемой территоріи, В. А. Мякотинъ приходитъ къ тому заключенію, что «положеніе полтавскаго крестьянства, судя по «табели», далеко не было во второй половинѣ прошлаго вѣка, вполнѣ обезпеченнымъ, скорѣе напротивъ» [5]). «Мы будемъ весьма не далеки отъ истины, говоритъ онъ далѣе, если выразимъ послѣдній итогъ въ такой грубо отчетливой формѣ: треть крестьянскаго населенія не располагала средствами самостоятельнаго хозяйства, половина его въ смыслѣ размѣра этихъ средствъ составляла среднюю группу, а остальная часть распредѣлялась между бѣдными и богатыми хозяйствами съ рѣшительными преобладаніями первыхъ; въ самой средней группѣ наиболѣе видную часть ея представляли, накопецъ, хозяйства съ наименьшими средствами».

«Эта общая картина значительно, впрочемъ, разнообразится, смотря по тому, съ какого рода владѣніями имѣемъ дѣло. Въ по-

---

[1]) Ibid., 166.

[2]) Ibid., 170.

[3]) Сборникъ стр. 178.

[4]) Ibidem, стр. 183.

[5]) Ibid., стр. 183 Выводъ, такимъ образомъ, говорящій противъ обобщенія П. П. Червинскаго и его критиковъ и подтверждающій мнѣніе проф. И. В. Лучицкаго.

рядкѣ постепеннаго уменьшенія хозяйственныхъ средствъ крестьянъ владѣнія эти могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто займутъ ранговыя имѣнія, гдѣ хозяйство посполитыхъ стояло на наиболѣе высокой ступени обезпеченности, затѣмъ частновладѣльческія крупныя имѣнія, потомъ магистратскія, за ними монастырскія и, наконецъ, мелкія частновладѣльческія, въ которыхъ положеніе посполитыхъ представлялось въ наиболѣе мрачномъ свѣтѣ» [1]).

Таковы общіе выводы. Обращаемся къ ихъ оцѣнкѣ. Самъ В. А. Мякотинъ придаетъ имъ только весьма узкое значеніе. «Не только наше изслѣдованіе, говоритъ онъ, носило чисто описательный характеръ, но и описаніе это захватывало въ свои предѣлы лишь нѣкоторыя стороны хозяйственной группы населенія: въ него не вошелъ цѣлый рядъ другихъ сторонъ, въ видѣ различнаго рода промысловъ, ремеслъ и т. д., обслѣдованіе которыхъ было бы, однако, необходимо для полученія полнаго вывода». Выводы касались затѣмъ только $^{1}/_{40}$ части гетманской Малороссіи, а потому обобщать ихъ на всю Малороссію «является совершенно невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе «значеніе собранныхъ фактовъ врядъ ли ограничивается простымъ констатированіемъ ряда явленій. Эти факты все же бросаютъ нѣкоторый, хотя слабый, и далеко еще недостаточный, ретроспективный свѣтъ на предшествовавшую исторію, они хоть немного разъясняютъ смыслъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ процессовъ въ исторіи малорусскаго землевладѣнія за 18 вѣкъ, въ родѣ перехода ранговыхъ селъ въ частное владѣнія или скупли владѣльцами казацкихъ и посполитскихъ земель, выражая отчасти тѣ реальныя измѣненія народной жизни, какія связаны были съ этими процессами» [2]).

Вполнѣ соглашаясь съ В. А. Мякотинымъ относительно значенія произведеннаго имъ описанія и находя даже, что онъ нѣсколько съузилъ это значеніе, мы въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ важнаго вопроса о качествѣ цифровыхъ данныхъ, которыми располагалъ авторъ. Вѣроятно, условія появленія его статьи въ «Сборникѣ», назначенномъ для распространенія въ большомъ, а не спеціальномъ кругу, было причиной тому, что авторъ не затронулъ этого вопроса, а между тѣмъ выслушать его мнѣніе по этому поводу было бы въ высшей степени интересно: В. А. Мякотинъ въ

[1]) Сборникъ, стр. 185.

[2]) Сборникъ, стр. 185.

настоящее время является, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ Румянцевской Описи, ея достоинствъ и недостатковъ; онъ лучше, чѣмъ кто другой, можетъ и оцѣнить этотъ источникъ для изученія прошлой жизни малорусскаго народа. Если мы, поэтому, возбуждаемъ вопросъ о качествѣ цифровыхъ данныхъ, то только потому, чтобы вызвать автора дать отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, въ виду, во первыхъ, правильной оцѣнки читателями фактическаго матеріала, легшаго въ основу статьи «Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.» и выводовъ изъ этого матеріала; во вторыхъ, въ виду вообще болѣе правильнаго, критическаго и осторожнаго отношенія къ даннымъ Румянцевской Описи при дальнѣйшей ея разработкѣ лицами, менѣе подготовленными къ этому дѣлу, не изучившими, какъ В. А. Мякотинъ, всей Описи съ ея характерными особенностями. Нельзя, вѣдь, глубоко не сочувствовать призыву В. А. Мякотина, обращенному къ кіевской университетской молодежи, взяться за разработку громаднаго и разнообразнаго матеріала, относящагося къ прошлымъ судьбамъ Малороссіи а среди этого матеріала Румянцевскя Опись занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

Большая или меньшая точность цифръ зависитъ прежде всего отъ тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ описаніе. Румянцевская Опись была составлена по слѣдующему поводу. Съ увольненіемъ въ ноябрѣ 1764 года Разумовскаго, управленіе Малороссіею поручено П. А. Румянцеву. Весною 1765 года новый администраторъ прибылъ въ Малороссію и прежде всего лѣтомъ того же года занялся личнымъ осмотромъ края, чтобы выяснить его положеніе [1]). Результатомъ этого осмотра явилось распоряженіе о производствѣ ревизіи, съ цѣлью привести въ извѣстность экономическое состояніе края. 7 сентября малороссійская коллегія получила предложеніе, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ Як. Марковичъ: «описать всѣ земли и перемѣрить ихъ во всей Малой Россіи квадратными саженями; также магистраты и составить списокъ вписавшихся въ оныхъ (съ имѣній, имъ на рангъ принадлежавшихъ) въ козаки и чиновники, и сверхъ того составить списки козаковъ и всѣхъ вообще мужеска и женска пола, и первыхъ, т. е. козаковъ, съ показаніемъ возраста, лѣтъ и болѣзней» [2]). «Графъ Румянцевъ, пишетъ тотъ же Як. Марковичъ

---

[1]) Записки Як. Марковича (1-е изданіе) т. II, стр. 397.

[2]) Записки Якова Марковича т. II, стр. 398.

подъ 7 октября, предложилъ коллегіи послать по штабъ-офицеру и одного изъ старшины полковой, или бунчуковаго товарища, во всякій полкъ, переписать всѣхъ мужеска и женска пола, а козаковъ съ лѣтами и примѣтами, равно и для перемѣра всѣхъ земель. Другое же предложеніе: описать всѣ дворы и бездворныя хаты и со всякой хаты брать по рублю для консистентовъ, а фуражемъ и провіантомъ уже не брать» [1]). 7-же октября была издана и инструкція для ревизоровъ, въ которой излагалось, что и какъ переписывать [2]).

Перепись эта, говоритъ «Исторія Руссовъ» «какъ въ своемъ родѣ, такъ и способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, необходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ ширенгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммиссіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммиссіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались и за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями» [3]). Такимъ образомъ происходила Румянцевская перепись, если только авторъ, вообще относящійся неблагосклонно къ новымъ румянцевскимъ порядкамъ, не слишкомъ сгустилъ краски.

Вопросъ теперь въ томъ, на сколько принимаемыя при переписи мѣры гарантировали правильность собираемыхъ свѣдѣній? Отвѣтъ на это должно, конечно, дать ближайшее критическое изученіе Румянцевской описи, какъ историческаго источника. Здѣсь мы

---

[1]) Ibidem стр. 399.

[2]) *Ал. М. Лазаревскій* Обозрѣніе Румянцевской Описи вып. 1-й стр., 4—12 *его-же* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 123—129.

[3]) Исторія Руссовъ М. 1846 г., стр. 256—257.

отмѣтимъ одинъ фактъ, заставляющій насъ съ большою осторожностью относиться къ точности цифръ Описи.

Русскій, а затѣмъ и малорусскій народъ всегда съ большой подозрительностью относился къ ревизіямъ. Причины этому вполнѣ понятны. Ревизіи въ Россіи предпринимались съ фискальными цѣлями, и разъ начиналась ревизія, народъ напередъ ждалъ уже и новаго обложенія, новыхъ налоговъ и, поэтому, боялся ревизіи. Отголосокъ такой боязни въ Малороссіи при Румянцевской описи мы видимъ уже въ инструкціи ревизорамъ, въ одномъ изъ пунктовъ которой требуется, чтобы всѣ «все то объявляли, что ведать при семъ отъ нихъ требуется, *безъ всякаго и всѣхъ лживыхъ воображеній какова либо отягощенія»* [1]). Того же числа, когда была издана инструкція ревизорамъ, былъ данъ и «ордеръ нижегородскаго карабинернаго полку господину примеръ—маиору Голенищеву—Кутузову,» командированному въ нѣжинскій полкъ для производства переписи. Въ ордерѣ этомъ Румянцевъ писалъ, между прочимъ: «изволите сами всемъ и всякому, а особо простова народу людямъ, толковать что сие все дѣлается единственно, дабы освободить ихъ отъ неумѣренныхъ, по вернымъ, дошедшимъ и сказавшимся справедливымъ жалобамъ, отъ старшинъ отягощеній» [2]). Если требовались эти разъясненія, если употреблялись затѣмъ угрозы—значитъ, были и причины къ этому, лежавшія въ недовѣріи народа къ ревизіямъ вообще. Трудно думать, чтобы ревизорамъ удалось побѣдить это недовѣріе, а если имъ удавалось, то, конечно, не вездѣ. Народъ могъ скрывать точныя свѣдѣнія, а потому цифровыя данныя могутъ быть, думается намъ, приняты только съ извѣстнымъ приближеніемъ къ истиннымъ даннымъ, различаясь, конечно, по мѣстностямъ. Такъ думаемъ мы, по крайней мѣрѣ, a priori. Если наши соображенія вѣрны, то можно пожалѣть, что В. А. Мякотинъ не высказалъ, какъ онъ склоненъ смотрѣть на достовѣрность цифръ, легшихъ въ основу его изслѣдованія?

Затѣмъ возникаетъ вопросъ относительно количества земли, указаннаго въ «табели,» которой пользовался авторъ. Земля указана тамъ въ десятинахъ и квадратныхъ саженяхъ. Какимъ образомъ добыты эти свѣдѣнія? Трудно думать, чтобы земля перемѣри-

---

[1]) *Ал. Лазаревскій* Малороссійскіе посполитые крестьяне стр. 128 *его же* Обозрѣніе Румянцевской Описи, вып. 1-й стр. 10.

[2]) *Ал. Лазаревскій* Малорос. посполит. крестьяне стр. 129—120.

валась [1]), хотя Румянцевъ, повидимому, и хотѣлъ этого [2]). Вѣроятно, площадь вычислялась или приблизительно, или по количеству посѣва. Насколько можно довѣрять этимъ вычисленіямъ? На сколько затѣмъ можно вѣрить свѣдѣніямъ Описи вообще и «табели» въ частности относительно скота, повинностей? Относительно послѣднихъ В. А. Мякотинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: имѣющее, впрочемъ, болѣе широкое значеніе: «частные владѣльцы въ дѣлѣ доставленія свѣдѣній о своихъ имѣніяхъ не были такъ упрямы, какъ монастыри, которые въ первое время составленія описи навлекали было на себя даже кары за упорные отказы сообщить требуемыя свѣдѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они оказались и болѣе стойкими, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному пункту программы, почти ничего не передавъ ревизорамъ насчетъ повинностей, отбывавшихся крестьянами въ пользу помѣщиковъ» [3]). Если дѣло обстояло такимъ образомъ, то этимъ только лишній разъ подтверждаесся необходимость указать *степень* достовѣрности какъ цифръ «табели,» такъ и выводовъ изъ нихъ.

Надѣемся, В. А. Мякотинъ не посѣтуетъ на насъ за наши замѣчанія, которыя ничуть не уменьшаетъ достоинства его замѣчательнаго труда. Изслѣдованіе г. Мякотина является первой попыткой серьезнаго изслѣдованія статистической части Румянцевской Описи, притомъ попыткой, сопровождающейся всѣми строго-научными пріемами, а потому могущей служить образцемъ, *какъ* нужно производить подобнаго рода изслѣдованія. Отъ всей души желаемъ автору дальнѣйшаго продолженія его работъ.

Въ заключеніе два слова относительно одного важнаго вопроса, затронутаго В. А. Мякотинымъ какъ бы мимоходомъ, вопроса о скуплѣ козачьихъ и посполитскихъ земель малороссійской старшиной. Говоря о способахъ образованія крупныхъ владѣній, авторъ указываетъ, между прочимъ, и на скуплю, отводя ей видное мѣсто въ этомъ процессѣ. «Всѣ мѣры, принимавшіяся центральнымъ правительствомъ для остановки этого процесса, не приносили съ собой никакого прочнаго результата.» Авторъ не склоненъ видѣть «единственную причину безплодности этихъ мѣропріятій правительства

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 68 стр. 140 § 8.

[2]) *Ал. Лазаревскій.* Обозрѣніе Румянц. Описи вып. 1-й стр. 7 § 7 *его-же* Малор. посполитые крестьяне стр. 125 и 130.

[3]) Сборникъ стр. 179.

въ томъ обстоятельствѣ, что заботиться объ ихъ исполненіи должны были люди, заинтересованные какъ разъ въ противоположномъ (мнѣніе А. М. Лазаревскаго)[1]). Факты подсказываютъ другую причину—экономическую; они «довольно недвусмысленно намекаютъ на отсутствіе соотвѣтствія между средствами крестьянскихъ хозяйствъ и лежавшими на ней платежами». Если бы получилась возможность установить такое несотвѣтствіе, сущность процесса была бы уяснена; было бы и понятно, почему старшина, какъ классъ капиталистовъ, сыгралъ такую крупную роль въ малорусской исторіи.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, высказаннымъ В. А. Мякотинымъ, и могли бы, съ своей стороны, привести массу указаній въ актахъ, гдѣ земля продавалась или находившаяся въ залогѣ, «въ заставѣ», или «по причинѣ крайняго нынѣ въ хлѣбѣ недороду» или «за крайнимъ убожествомъ». Намъ кажется, что вопросъ о скуплѣ тѣсно связанъ съ двумя другими центральными, если такъ можно выразиться, вопросами малорусской исторіи—вопросомъ о причинахъ обѣдпѣнія малорусскаго народа вообще и затѣмъ образованія группы капиталистовъ въ Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ. Борьбою этихъ группъ на почвѣ экономической и политической, борьбою часто не кровавою, а «мирною», можетъ быть, въ значительной мѣрѣ, былъ бы объясненъ характеръ и ходъ малорусской исторіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Правда, вопросъ этотъ очень сложенъ, какъ и всѣ, впрочемъ, центральные важные вопросы и требуетъ еще много предварительныхъ изысканій; но въ виду-то его важности и желательно, чтобы онъ привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Наблюдателю надъ малорусской исторіей XVII и XVIII в. бросаются въ глаза нѣкоторыя причины, которыя должны были неизбѣжно вліять на обѣднѣніе, напр., малорусскаго народа. На однѣ изъ нихъ—постоянныя войны, опустошавшія Малороссію и не дававшія возможности установиться извѣстному нормальному порядку въ ней,—и затѣмъ на переселенія съ праваго берега Днѣпра бездомнаго, неспособнаго вести самостоятельное хозяйство люда—указалъ В. А. Мякотинъ въ другомъ мѣстѣ[2]). Желательно было бы точнѣе выяснить вліяніе этихъ причинъ на увеличеніе числа лицъ слабыхъ экономически; равно какъ влія-

[1]) Сборникъ стр. 173.

[2]) *В. А. Мякотинъ.* Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи Рус. Богат. 1895 г. февраль, стр. 37.

ніе и неравномѣрности распредѣленія платежей и повинностей особенно въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи, повинностей, на которыя сыпалось столько жалобъ, и тяжесть которыхъ косвенно констатировало и русское правительство. Стихійныя условія—памятные голодные годы, на которые указываютъ документы, также повидимому, не оставались безъ соотвѣтствующаго вліянія на уменьшеніе экономической обезпеченности малорусскаго народа. На этой почвѣ матеріальной необезпеченности, думается намъ, и могло только развиться явленіе «скупли» и вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленій старшины. Если бы подтвердились наши соображенія, тогда злоупотребленія эти въ экономической и политической жизни малорусскаго народа явились, можетъ быть, явленіемъ производнымъ, но ужъ никакъ не кореннымъ. Пока, конечно, нельзя дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ выводовъ; можно только желать, чтобы малорусская исторія привлекала къ себѣ больше изслѣдователей и чтобы многіе вопросы детальнаго свойства, касающіеся экономической, юридической и бытовой жизни малорусскаго народа, обратили на себя вниманіе большаго лицъ, желающихъ посвятить себя научной дѣятельности. Мы, поэтому, еще разъ искренно присоединяемся къ призыву В. А. Мякотина, обращенному къ студентамъ того университета, въ пользу недостаточныхъ питомцевъ котораго изданъ «Сборникъ»—посвятить свои научныя силы разработкѣ исторической жизни малорусскаго народа, гдѣ «еще цѣлая область представляется намъ въ неясныхъ и случайныхъ очертаніяхъ» (Сборникъ стр. 185).

Ник. Василенко.

Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году. Священника Н. Стеллецкаго. Харьковъ 1895 года. Ц. 1 руб. съ пер.

Харьковскій коллегіумъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній Россіи въ теченіи большей половины прошлаго столѣтія, когда онъ по-истинѣ служилъ высшимъ просвѣтительнымъ центромъ для всей обширной Слободской Украины. Основанный въ 1726 году бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ (1722—1731 г.), при содѣйствіи извѣстнаго мецената, правителя бѣлгородской провинціи, князя М. М. Голицына, Харьковскій коллегіумъ, пользуясь общими симпатіями

слободского дворянства, весьма быстро пошелъ по пути развитія и совершенствованія. Устроенныя по образцу кіевской академіи, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ назывался въ началѣ своего существованія Харьковскій коллегіумъ, не больше, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ своего основанія, сдѣлались извѣстными далеко за предѣлами Слободской Украйны и удостоились получить одобреніе за свою просвѣтительную дѣятельность на пользу не только мѣстнаго края, но и всего вообще русскаго государства съ высоты императорскаго престола. Грамотою отъ 16 марта 1731 года императрица Анна Іоанновна утвердила харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ училище *всесословное, русское и православное.* «Учить», говорилось въ этой граммотѣ, *«всякаго народа и званія дѣтей православныхъ,* не только піитики, риторики, но и философіи, и богословія славяно-греческимъ и латинскимъ языки, такожде стараться, чтобы такія науки вводить *на собственномъ россійскомъ языкѣ* и преподавать ученіе съ усердіемъ и тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, *отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя церкви исповѣданія».* Такимъ образомъ, правительство возлагало на харьковскія славяно-греко-литовскія школы высокую и отвѣтственную задачу— быть разсадникомъ просвѣщенія для людей всѣхъ званій и сословій, на русскомъ языкѣ и въ духѣ православной церкви. Соотвѣтственно такому своему назначенію, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ общеобразовательное и общесословное учебное заведеніе, усвоили себѣ скоро имя коллегіума и внесли нѣкоторыя перемѣны въ самую учебную программу свою. При архіеп. Петрѣ Смѣличѣ (1736—1742 г.) въ Харьковскомъ коллегіумѣ было введено преподаваніе математики и исторіи, а также французскаго и нѣмецкаго языка, для чего нарочито были вызваны изъ-за границы особые учители и были выписаны необходимые французскіе инструменты и книги. Введеніе преподаванія сейчасъ означенныхъ наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ придавало реальный характеръ коллегіумскому образованію, что сдѣлало коллегіумъ еще болѣе симпатичнымъ въ глазахъ начальства и слободскаго дворянства. Теперь Харьковскій коллегіумъ получилъ характеръ, дѣйствительно, общеобразовательнаго учебнаго заведенія, а не спеціально духовной семинаріи, и потому мѣстные дворяне съ великою охотою отдавали сюда своихъ дѣтей для обученія. Какъ высоко стоялъ тогда Харьковскій коллегіумъ въ глазахъ высшаго начальства, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Когда въ 1739 году архіеп. Петръ перевелъ, вслѣдствіе свирѣпство-

вавшей тогда въ Харьковѣ холерной эпидеміи, коллегіумъ въ свою архіерейскую слободу Грайворонъ и выражалъ намѣреніе оставить его на-всегда, то св. Синодъ безусловно запретилъ ему это, причемъ въ синодальномъ указѣ на имя преосв. Петра говорилось: «таковымъ *знатнымъ училищамъ* въ селахъ быть весьма неприлично, а наипаче *внѣшнихъ странъ* имѣетъ быть не безъ зазрѣнія». Изъ послѣднихъ словъ синодальнаго указа видно, что Харьковскій коллегіумъ уже въ то время былъ хорошо извѣстенъ за границей. Вскорѣ послѣ того высшее начальство, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе возвысить значеніе Харьковскаго коллегіума и усилить его просвѣтительное вліяніе на окружное населеніе, подчинило ему всѣ остальныя духовно-учебныя заведенія бѣлгородско-обоянской епархіи и строжайше предписало (19 ноября 1742 г.) епархіальному начальству внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники этихъ заведеній непремѣнно поступали въ Харьковскій коллегіумъ для довершенія своего образованія. Теперь Харьковскій коллегіумъ сдѣлался высшимъ центральнымъ учебнымъ заведеніемъ бѣлгородско-обоянской епархіи, своимъ объемомъ значительно превосходившей Слободскую Украйну,— своего рода академіею обширной епархіи. И, дѣйствительно, Харьковскому коллегіуму въ это время было усвоено названіе академіи, которое едва-ли было простымъ почетнымъ титуломъ, а, должно думать, соотвѣтствовало дѣйствительному положенію коллегіума въ ряду другихъ учебныхъ заведеній и означало нѣкоторыя перемѣны въ самомъ устройствѣ его. Харьковская, или, какъ она иногда называлась, Тихорѣціанская академія вполнѣ оправдывала то вниманіе и тѣ надежды, какія возлагались на нее высшимъ правительствомъ. Въ глазахъ этого послѣдняго Харьковскій коллегіумъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ учебныхъ заведеній во всей Россіи. Даже такая просвѣщенная государыня, какъ императрица Екатерина II, весьма высоко цѣнила заслуги Харьковскаго коллегіума на пользу русскаго просвѣщенія. Она сдѣлала распоряженіе еще болѣе расширить кругъ коллегіумскаго образованія введеніемъ въ учебный курсъ коллегіума, геометріи, рисованія, инженерства, артиллеріи и геодезіи на что въ 1765 г было ассигнованно ею 3000 руб. А черезъ три года послѣ того, по ея же приказанію, были открыты при коллегіумѣ особые «прибавочные классы» для спеціальнаго преподаванія сейчасъ означенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ (напр., итальянскаго языка) свѣтскихъ предметовъ. Въ это же время при Харьковскомъ коллегіумѣ была открыта особая кафедра «россійской элоквенціи и поэзіи» и

выработана опредѣленная программа для преподаванія всѣхъ вообще предметовъ. Это была пора высшаго процвѣтанія Харьковскаго коллегіума. Вскорѣ послѣ того онъ начинаетъ постепенно падать и терять свое прежнее значеніе общеобразовательнаго высшаго учебнаго заведенія. Къ концу прошедшаго столѣтія Харьковскій коллегіумъ совершенно лишился своего прежняго высшаго положенія и сдѣлался обыкновенною епархіальною семинаріею. Поэтому, архіеп. Ѳеоктистъ распорядился (25 мая 1790 года) замѣнить прежнее названіе Харьковскаго коллегіума скромнымъ именемъ Харьковской семинаріи. И хотя вскорѣ затѣмъ Харьковская семинарія снова присвоила себѣ прежнее почетное названіе коллегіума, но это послѣднее названіе ничего не выражало: Харьковскій коллегіумъ окончательно и на-всегда сдѣлался обыкновенною среднею школою духовно-учебнаго вѣдомства. Главною причиною упадка Харьковскаго коллегіума было сокращеніе матеріальныхъ средствъ его. Съ самаго начала своего существованія Харьковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными матеріальными средствами—такими, какихъ не имѣла ни одна изъ существовавшихъ тогда русскихъ школъ. Кромѣ обыкновенныхъ сборовъ съ доходовъ церквей и монастырей, Харковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными вотчинами, какія отчасти были приписаны къ нему фундаторомъ его, епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ, а отчасти были пожертвованы кн. М. М. Голицынымъ и другими дворянами Слободской Украйны. Но въ 70-хъ годахъ и особенно въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія эти значительныя средства Харьковскаго коллегіума сократились. Наконецъ, въ 1787 г. всѣ вотчины Харьковскаго коллегіума, не исключая и пожертвованныхъ кн. Голицынымъ, были отобраны въ вѣдѣніе Государственнаго Казначейства, при чемъ на всѣ духовныя школы бѣлградско-обоянской епархіи была ассигнована штатная сумма въ количествѣ 2000 руб., изъ коихъ только половина должна была употребляться на содержаніе Харьковскаго коллегіума. Это и было причиною упадка Харьковскаго коллегіума.

Такова исторія Харьковскаго коллегіума и таково значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и, въ частности, въ исторіи просвѣщенія Слободской Украйны. Такому-то важному предмету посвящено сочиненіе священника Н. Стеллецкаго, заглавіе котораго мы выписали выше и которое вышло въ самомъ концѣ прошедшаго года. Сочиненіе это не первый трудъ, посвященный исторіи Харьковскаго коллегіума. Исторія этого послѣдняго имѣетъ уже сравнительно широкую литературу. Кромѣ многихъ журнальныхъ статей,

имѣются уже специальныя монографіи по исторіи Харьковскаго коллегіума, каковы: 1) Очеркъ исторіи Харьковскаго коллегіума прот. Н. А. Солнцева. (Хар. 1881 г.) и 2) Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета, проф. А. С. Лебедева (М. 1886 г.). Правду сказать, намъ показался очень сдержаннымъ отзывъ священника Н. Стеллецкаго объ этихъ трудахъ. Произведенія проф. Лебедева и прот. Солнцева имѣютъ высшую цѣну. Особенная цѣнность ихъ заключается въ томъ, что они составлены исключительно на основаніи архивнаго матеріала, собраны по мелкимъ крупицамъ. Послѣ указанія литературы предмета, священникъ Н. Стеллецкій говоритъ: «авторъ предлагаемаго труда одушевленъ желаніемъ восполнить указанный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ о харьковскомъ коллегіумѣ (стр. 3)». Весьма жаль, что авторъ не объясняетъ, какъ онъ понимаетъ то «восполненіе пробѣла въ исторической литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ», какое онъ поставляетъ цѣлію своего труда. Судя по тому, что раньше (стр. 2) онъ скорбитъ отъ отсутствія у насъ «полнаго и обстоятельнаго изученія исторіи» Харьковскаго коллегіума, онъ свое восполненіе понимаетъ не въ смыслѣ простого систематическаго свода всего того, что извѣстно въ нашей печатной литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ, а въ смыслѣ именно «полнаго и обстоятельнаго изученія его исторіи». Но тогда рѣшительно необходимо было объяснить, какими новыми матеріалами пользовался авторъ «полнаго и обстоятельнаго» изученія, равно какъ справедливость требовала объяснить, въ чемъ именно авторъ новаго труда дополнилъ прежнія сочиненія по тому же предмету, признаныя имъ имѣющими «крупные недочеты» (стр. 2). Изъ самаго сочиненія правда, видно, что священникъ Н. Стеллецкій въ видахъ составленія «полнаго и обстоятельнаго» очерка исторіи Харьковскаго коллегіума занимался въ архивахъ св. Синода, Харьковской духовной Консисторіи, Курской духовной Консисторіи, Харьковскаго Покровскаго монастыря и Курскаго Знаменскаго монастыря и Харьковскаго коллегіума на дѣла и документы которыхъ онъ весьма часто ссылается въ своемъ сочиненіи. Кстати скажемъ здѣсь о нѣкоторыхъ весьма оригинальныхъ особенностяхъ цитаціи, употребляемой авторомъ. У него встрѣчаются напр., подобныя цитаты: Архивъ духовной консисторіи (см. соч. стр. 103 прим. 1; стр. 111 прим. 2; стр. 128 прим. 1; стр. 150 прим. 1; стр. 157 прим. 3; стр. 192 прим. 2 и мн. др.), архивъ Курской духовной консисторіи (см. соч. стр. 135 прим. 1;

стр. 142 прим, 1; стр. 147 прим. 1), архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря (стр. 166 прим. 1 и др.). Спрашивается: что можетъ означать общая ссылка на архивъ Харьковской или Курской духовной консисторіи, гдѣ находится нѣсколько сотъ тысячъ дѣлъ и гдѣ имѣется даже по нѣскольку описей этихъ дѣлъ? Сознаемся, что мы рѣшительно не понимаемъ ни цѣли, ни значенія подобныхъ цитатъ. Мы признаемъ даже совершенно безцѣльными, излишними и неточными цитаты автора въ родѣ, напр., слѣдующихъ: архивъ Харьковской духовной консисторіи 1806 г. (соч. стр. 27 прим. 1 ср. стр. 81 прим. 1; стр. 109 прим. 2 и весьма мн. др.), архивъ Харьковскаго Покровскаго монастыря 1807 г. (см. соч. стр. 65 прим. 1 и др.). Въ сочиненіи есть даже ссылки на несуществующіе архивы. Напр., въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ въ подтвержденіе своихъ положеній ссылается на архивъ Харьковскаго коллегіума (см. соч. стр. 95 прим. 1, стр. 85 прим. 1, гдѣ упоминается даже архивъ Харьковскаго *духовнаго* коллегіума). Было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ автора, гдѣ помѣщается нынѣ архивъ харьковскаго коллегіума. Въ архивѣ харьковскаго семинарскаго правленія въ настоящее время имѣется только самая маленькая связка бумажекъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго коллегіума.

Кромѣ краткаго введенія, посвященнаго указанію литературы предмета, сочиненіе автора состоитъ изъ шести главъ, изъ коихъ въ первой (стр. 4—23) говорится объ основаніи и помѣщеніи Харьковскаго коллегіума, во второй (стр. 23—52) объ *управленіи* Харьковскаго коллегіума, начальникахъ, наставникахъ и *питомцахъ* его, въ третьей (стр. 52—84)—о средствахъ содержанія Харьковскаго коллегіума, въ четвертой (стр. 84—119)—о средствахъ содержанія учителей и учениковъ коллегіума, въ пятой (стр. 119—164)—о всесословномъ характерѣ Харьковскаго коллегіума и обязательности образованія въ немъ для дѣтей духовенства и въ шестой (стр. 164—219) объ учебно-воспитательной части въ харьковскомъ коллегіумѣ. Не споримъ, что распредѣленіе матеріала по главахъ зависитъ отъ усмотрѣнія самаго автора и само по себѣ это распредѣленіе есть дѣло не важное. Однако же не скроемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній нашихъ по поводу этого распредѣленія. Намъ напр., не понятно, почему авторъ отнесъ рѣчь о помѣщеніяхъ коллегіума къ первой главѣ, гдѣ говоритъ онъ объ основаніи коллегіума. Еще бы ничего, если бы авторъ говорилъ здѣсь о томъ именно помѣщеніи, какое было пріобрѣтено для коллегіума при самомъ основаніи его. Но совершенно неумѣстно,

по нашему мнѣнію, здѣсь излагать исторію помѣщеній коллегіума до 1817 года, тѣмъ болѣе, что о ремонтѣ и содержаніи помѣщеній коллегіума авторъ говоритъ въ четвертой главѣ своего сочиненія (см. стр. 103—105). Затѣмъ намъ осталось совершенно непонятнымъ, почему авторъ отдѣлилъ четвертую главу отъ третьей. Съ нашей точки зрѣнія, эти главы должны составить одинъ трактатъ, такъ какъ въ обѣихъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ. Кромѣ того, заглавіе четвертой главы («средства содержанія учителей и учениковъ Харьковскаго коллегіума») намъ кажется и непонятнымъ, и не соотвѣтствующимъ содержанію главы, въ которой говорится собственно о бытѣ учителей и учениковъ коллегіума (стр. 83—102), ремонтѣ зданій, прислугѣ, о церкви и больницѣ коллегіума (стр. 102—105) о бытѣ квартирныхъ учениковъ коллегіума, о надзорѣ за ихъ поведеніемъ, зачисленіи за ними мѣстъ по епархіальной службѣ, репетиторства и отпускѣ коллегіумистовъ на кондиціи (стр. 105—119), между тѣмъ какъ вопросъ о средствахъ (собственно объ источникахъ) содержанія учащихъ и учащихся былъ обстоятельно разсмотрѣнъ авторомъ въ предыдущей главѣ.

Въ сочиненіи священника Н. Стеллецкаго есть еще нѣкоторыя частности, могущія въ читателѣ, знакомомъ съ предметомъ изслѣдованія, вызывать сомнѣнія, или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія и неудовлетворенность. Напр., авторъ признаетъ *категорически*, что помѣщеніе для Харьковскаго коллегіума въ видѣ каменнаго двухъэтажнаго дома было куплено преосвящ. Епифаніемъ Тихорскимъ и кн. М. М. Голицынымъ у полковника Шидловскаго. Въ свое время мы сами склонились въ пользу такого рѣшенія настоящаго вопроса (см. Духовныя Школы Курско-бѣлоградской епархіи, вып. I и II. К. 1895 г. стр. 4), но въ дѣйствительности едва ли это рѣшеніе вопроса можетъ быть признано категорически вѣрнымъ. Данилевскій въ извѣстной своей статьѣ «Харьковскія народныя школы» приводитъ, между прочимъ, отрывокъ изъ рукописной замѣтки г. Кеппена, находящейся въ дѣлахъ Харьковскаго университета подъ заглавіемъ «училища въ Харьковѣ», гдѣ прямо утверждается, что «*Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ*» (см. Украинская Старина Г. П. Данилевскаго Х. 1866 г. стр. 302). Да и подлинное дѣло объ основаніи Харьковскаго коллегіума, хранящееся въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, также не располагаетъ къ принятію мнѣнія г. Кеппена. Затѣмъ авторъ сочиненія признаетъ случайнымъ явле-

ніемъ то, что Харьковскій коллегіумъ нѣкоторое время назывался въ *оффиціальныхъ* бумагахъ академіею. Намъ же думается, что это не было случайностію, которая была обусловленна, по мнѣнію автора (см. стр. 1—2), знатностію училища. Высшее начальство не могло случайно раздавать титулы подчиненнымъ учебнымъ заведеніямъ. Можно думать, что названіе коллегіума академіею было обусловлено другими, болѣе важными и существенными причинами, напр., перемѣною въ самомъ устройствѣ коллегіума, или особеннымъ положеніемъ его въ отношеніи къ низшимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи, которыя также въ это именно время мѣняетъ свои названія: бѣлгородская семинарія называется теперь въ оффиціадьныхъ актахъ гимназіею, а курскія историческія славяно-латинскія школы—семинаріями. Напримѣръ, авторъ оставляетъ совершенно неразъясненнымъ весьма интересный вопросъ о т. н. «прибавочныхъ классахъ», учрежденыхъ при Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1768 г., вѣроятно, потому, что остался неразъясненнымъ и у прежнихъ изслѣдователей исторіи Харьковскаго коллегіума. Авторъ ограничивается самыми краткими замѣчаніями по этому важному вопросы (стр. 123—124). При этомъ мы позволяемъ себѣ не согласиться съ принимаемымъ имъ объясненіемъ причины учрежденія прибавочныхъ классовъ при Харьковскомъ коллегіумѣ. Не «приливъ дѣтей свѣтскаго званія въ коллегіумъ» послужилъ этою причиною, а, вѣроятнѣе всего, положительное желаніе правительства расширить сферу просвѣтительнаго вліянія такого заведенія, какъ Харьковскій коллегіумъ.

Такія мысли и такія соображенія вызвало въ насъ чтеніе сочиненія священника Н. Стеллецкаго. Да не посѣтуетъ же насъ почтенный авторъ за нихъ. Предметъ, какимъ онъ занимался, дорогъ и близокъ и намъ, дорогъ онъ, думаемъ, и для многихъ другихъ. Многіе, надѣемся, съ интересомъ прочтутъ трудъ автора. Въ предѣлахъ поставленныхъ авторомъ себѣ задачъ—свести въ одно цѣлое все то, что доселѣ сдѣлалось достояніемъ печатной литературы касательно Харьковскаго коллегіума—трудъ автора обладаетъ солидными достоинствами. Онъ составленъ на основаніи тщательнаго знакомства съ печатною литературою предмета и съ видимою любовью къ предмету изслѣдованія. Рѣчь автора—живая, ясная и ровная. Есть въ сочиненіи и нѣчто новое сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно уже въ печати. Таковы, напр. цѣнныя указанія автора на нѣкоторые рукописные сборники учебниковъ и лекцій, продававшихъ-

ся въ Харьковскомъ коллегіумѣ (см. стр. 172 прим. 1, стр. 176 прим. 1 и 2, стр. 181 прим. 2) и на рукописные же сборники ученическихъ упражненій (см. стр. 186 прим. 1 и стр. 205 прим. 1).

Ѳ. Титовъ.

Кіевъ, 1896 года 27 января.

В. Антоновичъ, „Археологическая карта Кіевской губерніи" (приложеніе къ XV т. „Древности"). изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. М. 1895 г. Карта+139+20 стр. in 4⁰.

Давно ожидаемая археологическая карта кіевской губ. наконецъ появилась въ свѣтъ. Мы говоримъ «давно ожидаемая» на томъ основаніи, что слухи о составленіи такой карты существовали уже лѣтъ пять тому назадъ, если не больше; на это указываетъ напр. и то обстоятельство, что газеты, изъ которыхъ брались, между прочимъ, свѣдѣнія для карты, просмотрѣны только по 1889 годъ. Конечно жаль, что изданіе карты такъ затянулось, но сожалѣнія теперь неумѣстны—фактъ совершился, обратимся къ нему. Большой недостатокъ русской археологіи, чувствующійся въ настоящее время все больше и больше,—отсутствіе объединяющихъ работъ, гдѣ бы накопившійся уже въ достаточной мѣрѣ сырой матеріалъ получилъ должную обработку, гдѣ бы были сведены воедино результаты отдѣльныхъ ислѣдованій; безъ такихъ работъ русская археологія будетъ оставаться въ томъ хаотическомъ положеніи, въ какомъ она находится теперь, когда, при отсутствіи общаго плана, изслѣдованія зачастую производятся, если можно такъ выразиться, по вдохновенію. Недостатокъ этотъ могутъ отчасти пополнить археологическія карты, которыя, соединяя, хотя бы даже чисто механически, разъединенныя данныя, даютъ возможность наглядно представить себѣ распространеніе того или другого вида памятниковъ на извѣстной территоріи, тѣ пути, по которымъ шло это распространеніе, количество памятниковъ, ихъ взаимную связь. Всему этому отвѣчаетъ настоящая карта кіевской губ.; она даетъ даже больше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ такого рода работъ. Составлена она ученымъ, которому многимъ обязана русская археологія юга, въ изслѣдованіяхъ котораго мы и раньше встрѣчали обобщенія сырого матеріала, какъ напр.

въ вопросахъ о классификаціи кургановъ, о бронзовомъ вѣкѣ и т. п. Начнемъ съ текста, предшествующаго картѣ. Прежде всего мы находимъ объясненіе графическихъ знаковъ; особыми знаками нанесены на карту курганы--неизслѣдованные, съ погребеніемъ, съ сожженіемъ; курганы въ городищахъ; могилы—съ погребеніемъ и сожженіемъ; городища—майданы; валы; искусственныя пещеры,—изслѣдованныя и неизслѣдованныя; каменныя бабы; монеты; особымъ цвѣтомъ обозначается принадлежность предметовъ къ каменному, бронзовому или желѣзному вѣку; кромѣ того, есть особые знаки для обозначенія единичныхъ находокъ или находокъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ предметовъ, затѣмъ, мастерскихъ и стоянокъ—селищъ, при монетахъ буквами обозначается принадлежность монетъ тому или другому государству; наконецъ, цифры показываютъ количества обнаруженныхъ памятниковъ. Какъ видимъ, свѣдѣнія по своей полнотѣ не требуютъ никакихъ дополненій. За объясненіемъ знаковъ идетъ перечисленіе источниковъ, послужившихъ для составленія карты, здѣсь, кромѣ печатныхъ, находимъ и рукописные, напр.—замѣтки самого автора, отличающіяся особенной цѣнностью, вымѣтки Д. Айналова изъ дѣлъ Импер. Археолог. Коммиссіи, замѣтки гр. Уварова, Гошкевича, донесенія волостей и исправниковъ; пользовался авторъ также и коллекціями, какъ общественными, такъ и частными: музеями кіевскаго университета и церковно-археолог. общества при Кіевской академіи, собраніями—автора, Волошинскаго, Бѣляшевскаго, Зноско-Боровскаго, Поля, Хойновскаго, гр. Уварова, Краковской академіи. Что касается системы, которой придерживался авторъ, при распредѣленіи матеріала, то ее нужно признать найболѣе удачной и вполнѣ научной. Въ основу ея положены тѣ естественные пути, по которымъ въ древности главнымъ образомъ распространялась та или другая культура; пути эти—рѣки; авторъ и распредѣляетъ матеріалы по системамъ рѣкъ и водораздѣламъ между ними; начинаетъ описаніе съ сѣвера, съ радомысльскаго у., и постепенно проходитъ уѣзды кіевскій, васильковскій, сквирскій, бердичевскій, липовецкій, таращанскій, каневскій, черкасскій, звенигородскій и уманскій. Отдѣльно описаны валы кіевской губ. Послѣднія 20 страницъ занимаютъ указатели именъ географическихъ и предметный. Въ виду того, что при перечисленіи находокъ каждой мѣстности обозначаются всѣ вообще найденные предметы, относящіеся зачастую къ разнымъ эпохамъ, предметный указатель является необходимымъ;

составленіе его представляетъ большія трудности, поэтому нужно быть благодарнымъ автору, подѣлившемуся такимъ путемъ тѣми наблюденіями, которыя явились результатомъ знанія и долгаго опыта. Предметы распредѣлены такимъ образомъ: каменный вѣкъ— стоянки палеолитической эпохи, стоянки неолитической эпохи, каменныя отбивныя орудія, камен. полированныя орудія. пещеры, рисунки на камняхъ, костяныя орудія; бронзовый вѣкъ: орудія и оружіе; желѣзный вѣкъ: оружіе, украшенія и орудія, глиняные сосуды, амфоры, греческія издѣлія, судна и якоря, каменныя бабы; курганы (свѣдѣнія о 13200 к., изъ нихъ 842 вскрытыхъ): свѣдѣнія вообще, типы—каменнаго вѣка, каменныя кисты съ жжеными костями и каменными орудіями, кург. съ костями, окрашенными охрой, кург. скифскаго типа, к. желѣзнаго вѣка съ неопредѣленнымъ погребальнымъ типомъ, древлянскаго типа, съ сожженными костями и содержащіе погребеніе людей съ оружіемъ и конемъ; городища (435 ; городища—майданы; древности исторической эпохи: селища, развалины построекъ, золотые эмалированные предметы княжескаго періода, печати, церковныя принадлежности, колокола, кресты, панагіи, христіанскія гробницы, огнестрѣльное оружіе; монетные клады.

Карта составлена въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; кромѣ того, есть отдѣльный планъ г. Кіева въ гораздо большемъ масштабѣ. Исполненіе карты вполнѣ удовлетворительно, хотя вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія; такъ напр., на картѣ очень слабо представленъ рельефъ мѣстности, для изученія-же распредѣленія древностей, особенно доисторическихъ, это обстоятельство имѣетъ громадное значеніе. Затѣмъ, намъ представляется излишнимъ нанесеніе на карту тѣхъ мѣстностей, при которыхъ не было найдено никакихъ древностей; еще больше пестнитъ карту и затрудняетъ пользованіе ею обозначеніе дорогъ, особенно проселочныхъ,—никакого значенія ни историческаго, ни тѣмъ болѣе археологическаго онѣ не имѣютъ; можно было-бы ограничиться обозначеніемъ, насколько это возможно, старыхъ сухопутныхъ дорогъ.

Археологическая карта кіевской губ. заключаетъ собою рядъ предшествовавшихъ работъ о древностяхъ этой губерніи, работъ такихъ было не мало, и въ этомъ отношеніи кіевская губ. находится въ сравнительно счастливомъ положеніи. Въ иномъ положеніи находятся другія губерніи хотя-бы того-же юго-западнаго края обработка и группировка археологическаго матеріала здѣсь почти со-

всѣмъ не тронута; будемъ надѣяться, что почтенный авторъ, которому такъ хорошо извѣстны прошлыя судьбы края, пополнитъ со временемъ и этотъ пробѣлъ...

Н. Б.

В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древностей".) Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1895 г. [1]).

Императорское Московское Археологическое Общество оказало уже не мало услугъ развитію у насъ археологическихъ знаній и интереса къ занятіямъ археологіей среди русскаго общества. Достаточно вспомнить только, что столь прочно установившіеся въ настоящее время археологическіе съѣзды обязаны своимъ возникновеніемъ тому-же Обществу. Въ послѣднее время оно задалось весьма важною цѣлью—собрать свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихся въ Россіи археологическихъ памятникахъ, какъ курганы, городища, еще не обслѣдованные, такъ и обслѣдованные съ указаніями на всѣ открытые въ нихъ предметы, древности, о случайныхъ находкахъ такихъ предметовъ съ приблизительнымъ хотя-бы указаніемъ мѣстности ихъ открытія. Предположено для достиженія намѣченной цѣли составить археологическія карты отдѣльныхъ губерній, что и поручено выполнить членамъ Общества. Желательно, конечно, при этомъ, чтобы взявшійся составлять такую карту былъ въ одно и то-же время и вмѣстѣ съ тѣмъ давній мѣстный житель, хорошо знакомый съ географіей и топографіей своей губерніи. Оба эти условія вполнѣ удовлетворяетъ В. Б. Антоновичъ. Вотъ почему всякій интересующійся археологіей почти увѣренно можетъ положиться на археологическую карту Кіевской губерніи, зная, что показанія такихъ, все таки болѣе или менѣе сомнительныхъ источниковъ, какъ «донесенія волостей о сохранившихся памятникахъ древности, собранные центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 году», какъ «Матеріалъ, сообщенный Московскому Археологическому Обществу г. кіевскимъ губернаторомъ изъ донесеній исправ-

---

[1]) Въ виду особенной научной цѣнности этого труда В. Б. Антоновича, считаемъ умѣстнымъ помѣстить и вторую рецензію, являющуюся дополненіемъ къ первой.—*Ред.*

никовъ въ 1888 году», какъ даже «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи», Фундуклѣя, который тоже собиралъ свои свѣдѣнія, по всей вѣроятности, отъ волостей и исправниковъ, зная, что показанія этихъ источниковъ въ большей части провѣренно личнымъ наблюденіемъ составителя карты, изъѣздившаго и даже исходившаго кіевскую губернію вдоль и поперекъ и производившаго на ея территоріи многочисленныя раскопки. Этотъ новый трудъ В. Б. Антоновича распадается собственно на двѣ части: 1) источники, послужившіе для составленія карты и 2) самая карта, Первая часть заключаетъ въ себѣ перечень источниковъ, которыми пользовался составитель, и затѣмъ обозначеніе всѣхъ археологическихъ памятниковъ, существующихъ, существовавшихъ и когда-либо открытыхъ на территоріи Кіевской губерніи. Система принята такая. Весь матеріалъ разбитъ на уѣзды; въ каждомъ уѣздѣ составлены группы населенныхъ мѣстностей, занимающія какую-нибудь естественно ограниченную территорію; населенныя мѣстности каждой группы размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ и при каждой указаны открытые около нихъ предметы древности или существующіе археологическіе памятники. Такъ радомысльскій уѣздъ разбитъ на такія части: 1) група поселеній между р. р. Припятью и Ушью, 2) между р. р. Ушью и Тетеревомъ, 3) между рѣкою Тетеревомъ и границей кіевскаго уѣзда, 4) между рѣкою Тетеревомъ и границею сквирскаго уѣзда. Для обозначенія на картѣ археологическихъ памятниковъ принято 23 условныхъ знака. Намъ кажется, что является необходимымъ еще одинъ условный знакъ. Для обозначенія городищъ принято два знака: городище—четыреугольникъ и городище—майданъ—два соединенныхъ конуса. Но самыя городища бываютъ двухъ главныхъ типовъ: круглыя и угольныя четырехъ и многоугольныя). На сколько намъ извѣстно, круглыя городища археологи признаютъ за древнѣйшія. Слѣдовательно, не лишнее было-бы отмѣтить на картѣ эти два типа и обозначать круглыя городища какимъ-нибудь особымъ знакомъ. Если признать, что городища суть слѣды древнѣйшихъ поселеній, то особый знакъ для круглыхъ городищъ давалъ-бы намъ возможность сразу видѣть на картѣ районъ древнѣйшихъ поселеній и укрѣпленныхъ линій земель и княжествъ. Самая карта выполнена превосходно, какъ по внѣшнему изяществу, такъ и по точности иногда сложныхъ обозначеній.

Въ концѣ карта снабжена указателемъ именъ географическихъ и указателемъ предметнымъ. Послѣдній разбитъ на слѣдующія части;

1) каменный вѣкъ, 2) бронзовый вѣкъ, 3) желѣзный вѣкъ, 4) курганы, 5) городища, 6) древности исторической эпохи, 7) монетные клады. Городища и въ указателѣ разбиты только на двѣ группы. Нужно еще сказать, что части указателя—древности исторической эпохи и монетные клады,—частнѣе заключаютъ въ себѣ указанія въ алфавитномъ порядкѣ отдѣльныхъ открытыхъ предметовъ и памятниковъ, и монетъ. Несомнѣнно, археологическая карта, составленная В. Б. Антоновичемъ, представляетъ крупное явленіе въ русской наукѣ и окажетъ важную услугу и археологу и историку.

П. Г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «Русской Старины» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1896 ГОДЪ

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отно-

шеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной подержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новыя затраты для улучшенія нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, разсказы и т. п. На праздникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристическій отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 68 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Сознавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество специалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золоторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будутъ помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственныя письма и знакомить съ сельско-хозяйственною литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣст-

ныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд).. А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Нааке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), профессоръ Ѳ. И. Успенскій, профессоръ П. Ѳ. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзнодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	9 » — »

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
» 3 »	3 » — »
» 6 »	5 » 50 »
На годъ	10 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія

5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подписка принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й годъ изданія. **„СѢВЕРЪ"**. IX-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Сѣверъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первоклассньмъ европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphie», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Сѣвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ *и на 1896 годъ ту-же подписную цѣну, а именно:*

на годъ (безъ отдѣльной преміи):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**; безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской **6 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **7 р.** Съ пересылкою за-границу **11 р.**

на годъ (съ отдѣльной преміей):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7 р.**; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской **7 р. 50 к.**; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **8 р.**; съ пересылкою за-границу **12 р.**

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ **„СѢВЕРЪ"** дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: «Умирающій Левъ», историческій романъ изъ временъ Кав

казской войны, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; «Похожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Потерянный день», повѣсть І. І. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Саліаса. Кромѣ того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ. А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. П. Гнѣдичъ, Н. Кочетовъ, А. Коринфскій, О Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то есть 12 томовъ, объемомъ около 2 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся:

«Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками.

«Іерусалимъ» Пьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» — того же автора.

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Келлера-Виліанди, Л. Лагоріо, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, хозяйство и домоводство“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначеннаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получатъ:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ,

исполненный **олеографическимъ** способомъ, того же размѣра и художественнаго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *Н. А. Александровъ.* Издатель *Н. Ѳ. Мертцъ.*

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“—СПБ., Екатерининская ул., № 4.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ изданія. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ изданія.

„Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

(24-й годъ изданія).

Подписчики получатъ 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и натаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственныя распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничьихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышленниковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничьихъ

подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ.

«Альбомъ охоты» представитъ въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычею, проводниками, псковичами и пр.). и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничьихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничьихъ приваловъ, охотничьихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографія не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи **15** р., на полгода **7** р. **50** к. За границу **20** р. На пересылку преміи высылается *добавочный рубль.*

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

Издатели-редакторы: *Л. П. Сабанѣевъ. Н. В. Туркинъ.*

3—3

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й г *Подъ редакціей В. А. Гатцука.* **2-й г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждаго мѣсяца книгами большого журнальнаго формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной періодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати" будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ", въ которомъ не только будутъ даваться характеристики

разсматриваемыхъ изданій съ точки зрѣнія добросовѣстности исполненія данныхъ подписчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также—критическіе разборы отдѣльныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ разсматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и безпристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ" на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаціи лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати".

Для борбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 р., на 1/4 года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Іюня—1 р.) Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. на 1/2 года 2 р. и 1/4 года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати" Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго.

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговляхъ столицъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакціи.

3—3

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

III-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДѢНІЕ",

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,

съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ

картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу	для членовъ Кружка	4 р.
„ 1 „	„ подписчиковъ на журналъ	6 „
„ 1 „	„ всѣхъ остальныхъ	10 „
„ 1 „	въ годъ для членовъ и подписчиковъ . . .	35 „
„ 1 „	„ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ ¼ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Топоревъ*

3—3

Принимается подписка въ 1896 году на „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Въ 1896 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университе-„тѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта,

мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Аулів-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахменовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуковъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ѳ. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

3—3

Годъ въ 1896 году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами не менѣе 15 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаються: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главкой Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенти Императорскихъ Университетовъ, Училища Правовѣдѣнія и Александровского Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять по 5 рублей въ годъ.

Книжныя магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаюгся въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатеринской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающія гонораръ можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтеній состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. Церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Ѳ. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» —еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»—двухмѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50., считая въ томъ и пересылку.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣйшаго изображенія лика св. Іоана Златоуста.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—8 р. (б) отдѣльно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) р.; съ приложеніемъ «ТВОР. СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 р. 50 к. за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковного Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

2—2

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LII, 1896 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ [1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вирна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданния С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Черникъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г, стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Живи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украйнську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинській Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г, стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мнясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

и Лисенко и зъ дамъ гетманова, Радищева, Паскова, Борзниха и проч. и до вечора просидѣли.

Вовтор. 14. День былъ и ночъ подобніе, толко въ ночѣ зверхъ сходства въ воздухѣ, снѣжокъ маленкій припалъ. Сегодня у столу гетманского старшина енер. и я обѣдали, а вечерали и заговляли у насъ Кондзеровскій зъ женою.

Середа. 15. День былъ и ночъ зъ отлигою мокрою, и сегодня показалась перемѣна воздуха сухого на влȣотній. Сегодня обѣдали у насъ асаулъ енер. Мануйловичъ зъ женою, протопопиха и п. Кондзеровская, а по обѣдѣ ходилъ до енерала и позабавивши тамъ, повернулся домой. Николай Товкаченко отпущенъ домой и велено ему и Прокопу Гончаренку готоватись въ дорогу Кролевецкую, а писано черезъ его до стар. 1) о Тимоху Степанченку, чтобъ ему житъ въ селѣ и возвратить ему забранное, опрочъ жита и сѣна половини; 2) посланъ къ нему пакетъ до архіерея чернѣг. и пункта на попа объ изслѣдованіи, когда грунтами завладѣлъ; 3) на Товкачу 1 р. 90 к. доправить, якіе онъ удержалъ отъ поборцовъ, взявши и отъ роздачи на жито удержавши.

Четвер. 16. День и ночъ были туманніе, зъ нѣкоторимъ малимъ дощикомъ, отъ чего начала вся земля мяктѣти и грязко становитись. На службѣ Божой были у Веригинской церквѣ, а по службѣ обѣдали у себе зъ родителми и съ нами ігуменія Глуховская и Худолѣй, по обѣдѣ заездилъ ко мнѣ п. Михайло и посидя отехалъ. Господарь, повернувшись зъ Сваркова, обявилъ, что зъ млина нового сварковского 2 четверти самого жита взялъ онъ и далъ Задулу (?).

Пятокъ. 17. День былъ хмарній, зъ густимъ дощемъ до вечора, а у вечеру снѣгъ и къ ночѣ пересталъ, а въ ночѣ морозъ и къ свѣту силній, что все померзло очинь. Матка отехала зъ Глухова до Тулиголовъ, куда и жена поехала опроводить оную.

Субота. 18. День хмарний, холодний, воздуха знову сухого, а потомъ ажъ до вечора свѣтлій, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодна воздуха сухого зъ крѣпкою стужею. Жестянку наклали другую модового сахару; для памяти запис. Составлена вѣдомость новая дачи

годовой отъ Крисковцовъ, зъ которой видно, что пахарей 60 и зъ оних приходитъ 77 р. 50 к., а жита и овса четверть. по 50 понурницкой мѣри, а бобилей 37, зь которихъ приходитъ 12 р. и съ тою вѣдомостю отправлени Климъ Прокопенко да Іванъ Товкачъ къ старостѣ, до котораго писано: 1) о присилкѣ сюда вѣдомости завладѣнныхъ грунтовъ крисковскихъ посторонними; 2) о зборѣ по сей вѣдомости, 3) о виключкѣ отъ збору тихъ, которіи службою обовязани; 4) о присилкѣ сюда невода; 5) о разсмотреніи его надъ тими, что хлѣба на ихъ определить, зъ которихъ брать хлѣбъ не написано увѣдомити; 6) о доправкѣ прежнихъ зборовъ 1730-го году 1 р. 75 к., а за 1731 годъ 39 р. 47 к., итого за обидва 41 р. 22 к. Да жита за розданніе прошлого году, 30 р. и за нинѣшніе зъ 20 р. на 17 четвериковъ и денегъ 13 р. и 20 к. зъ людей.

Неделя. 19. День хмарній, вѣтряний, холодний велми, ночъ такъже хмарна и холодна. Сегодня у енерала обѣдалъ и дновалъ, ажъ до поздной ночи. Жена, опроводивши матку до Тулиголовъ, повернулась.

Понедел. 20. День былъ также сухій, холодний велми и вѣтряний, ночъ еще холоднѣйшая Богоявленскихъ морозовъ. Сегодни дома обѣдалисмо и я нигде не бивалъ, а былъ у мене п. Михайло, а посидѣвши отехалъ. Козакъ зъ писмомъ отъ Клима пріехалъ, въ якомъ пишетъ, что по челобитной моей Лаврѣнъ Кодинець, вмѣсто брата своего, билъ въ допросѣ.

Вовтор. 21. День сей былъ подобний во всемъ вчорайшому, а ночъ такъже холодна, воздуха сухого, толкожъ до свѣта зъ полночи началъ ити снѣжокъ спорній и покрилъ до свѣта землю. Былъ я рано въ городѣ и по службѣ обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ билъ званъ до енерала, у которого долго въ ночъ просидѣлъ, у шахмати играючи. Жена на уплави свои женскіе силно заболѣла. Янѣшевскій посиланъ въ Есмань и привезлъ вѣдомость, что тамъ въ млинѣ розмѣрного, опрочъ мѣрочниковихъ мѣрокъ, жита четвертей 13 и 5 мѣрокъ, гречки четвертей 4, ячменю четвертей 2, мѣрокъ 2 (а гуменной гречки четвертей 7, овса

четвертей 7 и зъ того числа въ яму всипанъ овесъ увесь и гречка вся гуменная и розмѣрная). Такъже пшеницѣ у млинѣ мѣрокъ 6.

Середа. 22. День былъ хмаренъ, зъ ранку ажъ до вечора снѣгъ густий ишолъ и сегодня первая стала дорога санная. Рано жъ и до полдня било велми холодно, а зъ полдня до вечора отлигло. Ночъ также хмарна зъ отлигою, а зъ полночѣ вѣтеръ полнощний зъ стужею до свѣта. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріездилъ п. Михайло и посидѣвши отехалъ, а гетманъ зъ ѕудіями были у генерала, для нѣкоторого дѣла, и после позно разехались.

Четвер. 23. День былъ хмаренъ и снѣгъ ишолъ до полдня, а сполдня пересталъ и випогодилось въ ночѣ, морозъ силний до свѣта. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и до Радищева. Грекъ Дмитрій купилъ мнѣско (?) кагве, якое братъ п. Марко просилъ.

Пятокъ. 24. День былъ холодний велми, свѣтлій почасти и почасти хмаренъ, ночъ хмарна, холодніе, воздуха сухого, зъ полночи снѣгъ. Праздновани день тезоименитства государинѣ царевни Екатерини Іоанновни и подпіяхомъ у генерала. Писалъ я до Клима о дѣлѣ зъ Кодинцемъ и улику зде говоренную послалъ къ нему. Да писано жъ до его, чтобъ 2400 вовни старой виславъ въ Кіевъ для продажи зъ масломъ. До стар. Перер. писалъ и копію купчой на яръ и стѣнку Воронину послалъ, чтобъ онъ по силѣ оной управлялся и ею владѣлъ, а тіе писма послани до п. Марка, чтобъ онъ въ Сухоносовку переслалъ. Зъ футора привезено овса и здано Степану осмухъ 47, четвеpичковъ 2 и 2 ґарци, а четвеpичками ищисляючи всѣхъ четвеpичковъ 237 и 2 ґарци.

Субота. 25. День былъ хмаренъ, сперва снѣгъ ишолъ, а потомъ отлигло, ночъ зъ отлигою исперва, а зъ полночи випогодилось зъ морозомъ. Рано явился мѣрочникъ Ясманскій зъ карбами и по ищисленіи онихъ карбовъ показалось, что за господарство Бузинскаго, отъ начала его, розмѣру принято зъ млина того по сее число: жита четвертей 133, гречки четвертей 18, ячменю четвертей 11, овса четвертей 3, пшеницѣ четвертей 2 и мѣрокъ 6, всего хлѣба четвертей 167 и мѣрокъ 6. Вѣжевскій пріехалъ зъ Сваркова и

обявилъ, что подданимъ Кутиру 50, Богомазу 80, Максиму Забарѣ 30, Івану Манжулѣ 30, Михаилу Литвиненку 100, Івану Бѣлаку 10, Лукяну Плетюнцѣ 10, далъ гор. по алтину за то, что они въ козацкомъ шинку пили. Да онъ же вимѣрялъ сколко теперъ розмѣру налицe въ Сварковѣ, а именно: мѣрокъ жита 36, гречки 18, овса 14. Да онъ же доправилъ на людяхъ за медъ, випитый дорогою тамъ, 6 р. безъ 5 к., да у Івана Артеменка 50 к. взялъ. Петру Шамушенку Княжицкому, за Степана Сварков. Двойника, 1 р. дано; Василю Шмуйлу на сей годъ дано 5 р. Вѣжевскимъ.

Неделя. 26. День зъ вѣтромъ холоденъ, сухого воздуха, хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, ночъ тиха, хмарна зъ болшимъ и сухимъ морозомъ. Рано былъ я у церквѣ ст. Анастасіи, а оттоль у дворѣ рейментарскомъ, а обѣдалъ у себе зъ женою, братомъ и Ганкою, а оттоль ездилъ до п. Михайла, а отъ него повернувшись, былъ у енерала и игралъ съ нимъ у пѣкетъ. Брата п. Михайла слуга Гаврило отехалъ въ Москву, черезъ которого писалъ я до Курбатова, а родитель до его и до князя Шаховского, да далъ я ему 40 червонныхъ на покупку коляски, шоръ цукга и футра шлямового песцового, о чомъ писалъ я до сестри и до Каратаева, да далъ я ему часи золотіе для перечистки, для придѣлки до оного двохъ стеколъ, да велѣлъ купить табаку картузъ, календаръ, чайниковъ глиняныхъ 2, да далъ ему для вимиття и поправки штановъ лосинихъ 2, рукавиць 2 пари и фуфайку лосиную, на что особливо далъ я ему 3 червонныхъ и на все тое далъ ему меморіялъ на писмѣ. Кирику, машталѣру, дали за службу его въ первое рубля.

Понедел. 27. Рано снѣгъ великій зъ силною метелицею и вѣтромъ, что и человѣка невидать было, толко жъ переходомъ, а по прошествіи хмаръ, ясно, холодно велми и вѣтряно, также и въ ночѣ ясно, холодно и велми вѣтряно. Обѣдалиемо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ, у вечеру, ездилъ до п. Михайла, зъ которимъ и Покорскимъ посидѣвши, вечералъ у гетманского столу, а панѣ гетманова отехала въ Кучеровку. Романъ, стар. Тулиг., былъ,

зъ которого реестровъ уписали въ господарскую книжку все, что на лице ему здано сего году, по ревизѣи, опрочъ горѣлки, и теперъ далъ я ему 5 р. на росходи.

Вовтор. 28. День былъ почасти свѣтлій, а после хмарній, холодній, отъ якого холоду столпи на небѣ показивались, такъже и ночъ свѣтла, холодна. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Борзни, у которого доволно посидѣвши, повернулся домой позно. Янѣшевскій посиланъ въ Ясманъ для осмотру розмѣру и привезлъ вѣдомость, что отъ прежнего его тамъ осмотру, которому тижденъ, собралось розмиру тамъ: жита 9 четверичковъ, гречки 9, ячменю зъ овсомъ 5, всего 23, а прежнего осталного жита четверичковъ 9.

Середа. 29. День былъ хмарній зъ силнимъ морозомъ и ночъ таковажъ, зъ вѣтромъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездилъ.

Четвер. 30. День былъ подобній прежнимъ и вчорайшому, холодний, хмарний и вѣтрянъ. Ночъ таковажъ, якъ и вчорайшая, свѣтла и погодна. Были рано зъ поздравленіемъ у генерала, а оттоль у гетмана, обѣдали у Паска по тому, что онъ іменинникъ и подпіяхомъ, а оттоль заехали мы зъ п. Михайломъ ко мнѣ и посидя, отехалъ онъ во свояси. Грекъ Іотій отдалъ за склепъ 5 червонныхъ по 2 р. и 15 к., а еще остался виноватъ 10 р. 25 к., для того, что нанятъ оний билъ склепъ за 21 р., которому найму конець вчера, а Вѣжевскій отобралъ денги. Да онъ же отобралъ отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ долженъ платить повсегодно; да отъ другихъ должниковъ—шинкарей—2 р. 90 к., итого у его денегъ 4 р. 90 к., опрочъ взятихъ отъ Іотія. До архиерея Кіевскаго отписалемъ, отвѣтуючи на его листь, чтобъ повелѣлъ кому доводячіеся отъ мене денги по леgацѣи Гурки (архіерея) 330 р. отобрать и писмо оное отдалемъ попу Кролевецкому отцу Алексѣю, поехавшому вчора въ Кіевъ.

М—ць Декаврій. Пятокъ. 1. День былъ вѣтряний зъ невеликимъ снѣгомъ, холодного воздуха, сухого, ночъ также холодна, вѣтрана, а день и ночъ хмарніе. Купили меду пудовъ 7 и фунт. 10, цена пуду по 7 зол., зъ деревомъ заплатили 10 р. 2 к.

Купили впервое жита четверикъ и полъ третѣ осмини, цена четверику 2 р. и 60 к., заплатилъ 3 р. 40 к. Вѣжевскій платилъ. Въ пріемѣ денегъ у Вѣжевского отъ октовр. 3 р., да сегодня были 40 р. 95 к., да зверхъ тихъ отъ шинкарей 2 р. 90 к., да отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ погодно долженъ будучи давать, далъ, итого всѣхъ денегъ у его по сейчасъ било 45 р. 85 к.

Субота. 2. Рано на службѣ божой у ст. Михайла били родитель и я, оттоль заходили до квартери городовой енералской, где видѣли печи новоманѣрно подѣланніе; оттоль повернувшись, обѣдали у себе. Приказъ далъ господареви о доправкѣ жита на сабичевцяхъ, ясманцяхъ и веригинцяхъ, или чтобъ отробили намъ. Такъже о доправцѣ жита зъ другихъ зъ Демяномъ, чтобъ онъ въ Пироговку заездилъ, а другій приказъ Демяну далъ, чтобъ онъ сискалъ все жито и овесъ зъ за Клевенѣ, чтобъ доправлялъ зъ господаремъ жито жъ зъ протчіихъ, такъ же чтобъ зъ войтомъ доправляль зъ Сварковціовъ. А Тарасу приказалъ сторжитись и нанять склепъ греку, да зъ Вѣжевскимъ покупать жито. Да направить и поддѣлать слупъ и шворенъ желѣзний у моей свѣтелцѣ. Зъ заклевенскими людми приказалъ ехать Демяну обявить ихъ поступку нинѣшную войту Лакису, тоесть, чтобъ винніи отдавали жито и овесъ, а неимущіи далибъ на себе писмо, объ отдачи оного у придучой осени зъ наросткою. И поехалемъ зъ Глухова въ Тулиг., куда пріехалъ позно, затимъ что дорога худа, за великимъ снѣгомъ и метелицею. А день былъ хмарній, холодній, вѣтряний, метелиця ишла до вечора, у вечеру отлигло и въ ночѣ, а къ свѣту морозъ жестокій. У Тулиг. горѣлки 9 куөъ, 10 у носатку, неполно толко, а староста говорилъ, что жита еще овинъ зъ 4 неполоченого есть, которого будетъ четвертей на 26 на горѣлку. Женѣ на куплю жита оставилъ червоннихъ 25.

Неделя. 3. День былъ хмарній и снѣжній, холодний, ночъ также хмарна зъ жестокимъ морозомъ, а отъ полночи сталъ снѣгъ ити и зъ великимъ вѣтромъ до свѣта. Миколай Товкаченко зъ Михалченкомъ и зъ Прокопенкомъ отправлени въ Кролевець прускій, которимъ дано на покупки и дорогу 135 червоннихъ, да 3 р.,

коней трое, сало, мука и круп гречаних; о 3 р. денег и о дачѣ имъ носатки гор. писалъ до стар. крисковскаго, а имъ що покупать данъ особливий на писмѣ приказъ, которого копія зде приложена. Вѣжевскому далъ я приказъ о покупцѣ жита и доправкѣ на оное денегъ отъ грека Іотія, отъ Сварковціовъ, отъ шинкарей и требовать у панеи. За неделю бить въ Ясманѣ и перемѣрить розмѣръ и въ Сварковѣ, отколь розмѣръ—въ Глуховъ перевезти. За соль пудъ по 20 к., если нелзя дорожше сторговавшись, тіе денги употреблять на жито, а продать зъ 400 пуд. Горѣлку на праздникъ въ Сварковѣ роздавать Михайлу при немъ. Фурманъ и пристава въ Царицинъ пропитовать и уговорувать. Склепъ нанять и окутать. Тютюнъ отъ тютюнника отобрать и дать ему 1 р. Камень до млина Сварковского сискать зъ пастовника. По обѣдѣ зъ Тулиг. поехавши, пріехалъ на ночъ въ Мутинъ и сталъ въ дворѣ гетманскомъ.

Понедел. 4. День былъ хмаренъ и сперва зъ отлигою, а потомъ зъ морозомъ и зъ силною метелицею до ночи, а зъ ночи до самого свѣта, отчего премного снѣгу прибавилось, что конѣ брили въ снѣгу, якъ ехалъ. Рано поехавши зъ Мутина, а переведши конѣ и санѣ черезъ Сеймъ, который за напавшимъ великимъ снѣгомъ по многой части незамерзлъ, пріехалъ о полднѣ въ Конотопъ и сталъ квартерою у дворѣ Іосифа Валіоватого (т. е. Костенецкого), сотника конотопского, где обѣдалъ и за силною метелицею и ночовалъ.

Вовтор. 5. День былъ холодний зъ снѣгомъ и метелицею и вѣтромъ, у вечеру престалъ снѣгъ и вияснилось. Ночъ тиха, безъ вѣтру, свѣтла зъ жесточайшимъ, и почитать въ первое толь силнимъ морозомъ. Рано поехалъ зъ Конотопа и пріехалъ въ Карабутовъ, отстоящій въ 24-хъ верстахъ, где и обѣдалъ, а квартерою стоялъ у попа Іоанна. По обѣдѣ поехалъ и пріехалъ въ Хмѣловъ въ 21 верстахъ отстоящое село, где и ночовалъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій съ такимъ жестокимъ, якъ и въ ночѣ морозомъ, а ночъ хмарна зъ великимъ вѣтромъ и зъ стужею зѣлною. Рано зъ Хмѣлова ехалъ до Ромна 2 часа и пріехалъ гораздъ передъ службою и засталъ матку позавчора прі-

хавшую зъ Шабалинова, зъ которою и обѣдалъ, а подъ часъ обѣда братъ Марко зъ Лубенъ пріехалъ и прокуликали такъ увесь день.

Четвер. 7. День былъ хмарній, вѣтряний велми зъ жестокимъ очинъ морозомъ. Ночъ тиха, свѣтла зъ такимъ же жестокимъ морозомъ. Рано зъ Ромна поехалемъ и хочай кружно ехалъ до Андрѣевки, для того что противъ Андрѣяшевки на гору поднялся, однакъ болше 3-хъ часовъ не ехалъ, а зъ Андрѣевки приехалъ у футоръ свой Артополотскій, где и ночевалемъ. Осмотрувалъ дойла, которого есть 6 фасокъ масла, а кадовбъ и 3 дѣжки сира, и масла половина гладуша. Приказалъ я Алексѣеви віслать виправу въ Глуховъ, а именно: пшона 12 четвериковъ, тютюнъ чили табаку всю, которой зъ тисячу и съ оною тютюнника, такъже дойво, вовну и гусаковъ скилко опатривши, а не живцемъ, да велѣлъ ему зъ Тимошемъ бить въ Ромнѣ и привесть коня, тарадайку, а Тимошъ за то, что оставилъ конѣ и пошелъ въ Роменъ, наказанъ. Получилъ я листъ отъ стар. Перервинского, въ якомъ обявляетъ, что возъ, посиланний у Волощину, повернулся зъ соллю, а привезлъ дробовъ 18, пчоли на зиму оставилъ вь футорѣ 87. Тютюну 1000 папушъ. У футорѣ посѣяли жито, на придучое лѣто, 15 четвер. роменскихъ.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій тихій зъ жестокою стужею, а съ полдня хмарно стало и маленко будто отдало, у вечеру иней великій. Ночъ холодна зъ силнимъ вѣтромъ, хмарно, до свѣта вѣтеръ. У футорѣ моемъ Артополотскомъ о вишеписанномъ вчора приказавши, поехалемъ сегодня, рано и пріехалъ у Токарѣ часовъ у два, скоро едучи, а въ Токаряхъ отдохнувши, пріехалъ въ Лохвицю и заехавши до тіотки п. Павловой, позабавилъ у неи зъ нею, такъ же сотникомъ лохвицкимъ Степановичемъ, которий визиту мнѣ отдалъ, и Яковомъ Литвишкомъ, которій теперъ прійшолъ зъ Астраханѣ и сказивалъ о нашихъ людяхъ, что живи у Бацѣ, а потомъ отехалъ и пріехалъ позно въ Сухоносовку, на ночлѣгъ.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, тихій, холодний велми, ночъ такова жъ. Обѣдалъ я у Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ поехавши пріехалъ до Лазурокъ села, за 3 часа, где и ночовалъ. Горѣлки

въ імбарѣ било зъ купленного жита 7 носатокъ. Пчоли, по сказкѣ пасѣчника, у імшаникъ вставлено 945, а меду дѣжокъ 3 болшихъ, а четвертая меншая, якъби у 8 вѣдерокъ.

Неделя. 10. День былъ свѣтлій сперва и холоденъ и тихъ, а передъ полднемъ хмаренъ и до вечора однако жъ холоденъ и зъ вѣтромъ, отъ вечора и въ ночѣ отпустило, иней великій билъ и вѣтеръ показался, къ свѣту тисше стало а хмарно. Зъ Лазурокъ ехалъ до Овсюковъ годину 1 и мѣн. 20 милю, а въ Овсюкахъ ставши на квартерѣ у попа Стефана и службы Божой вислухавши, отехалъ и ехалъ до Перервинець по узъ 3 брати долини називаючіеся, а ехалъ часовъ 2 безъ четверти, миль зо двѣ, и пріехалъ о полъ днѣ въ Перервинцѣ, где и ночовалъ. Засталъ лежачого старосту отъ побиття Семеномъ Василенкомъ учиненного батожжемъ, отъ которого бѣжучи онъ домой ногу свою отморозилъ. .Сѣна на статокъ и стадо и овци издержали зде 12 скиртъ.

Понедел. 11. День былъ хмаренъ, однако жъ холоденъ, толко зъ великимъ инеемъ, отъ чего снѣгъ пошкорупѣлъ. Ночъ такъже хмарна зъ инеемъ же и вѣтряна. Сегодня въ Перервинцяхъ вылучилисмо стрижаковъ, стрижокъ и лошатъ всѣхъ сеголѣтнихъ, якихъ всѣхъ числомъ 90, вилучивши определили онихъ держать въ повѣтѣ, въ дворѣ и придали до нихъ особливого человѣка, а ему за тое до воскресенія, що будетъ смотрѣть, плати рубль 1. Да вилучили теперъ зъ стада четвертаковъ, да третяковъ 15 коней, чтобъ ихъ отогнать въ футоръ Гамалѣевскій и тамъ ихъ кормить, а прежними двома рази взяли тожъ въ ежджаліе коней 5, итого всѣхъ 20 вилучанихъ отъ стада, а по ищисленію прежнемъ доводится при стадѣ бить ишаковъ 3. Да опредѣлили жъ взять отсель шестерню ворониxъ молодшихъ и каштановатого лисого, а оставить толко тутъ дрикгантовъ старихъ 7, да молодій, которій недавно визалозовавъ 1, да сивого верхового, всѣхъ 9. Да усмотрѣно старостино нераденіе въ исполненіи данного ему приказу, а именно, что станѣ не поширшалъ, коней доселѣ овсомъ не кормилъ, загороди зъ повѣттю для стаднини не здѣлалъ. Дякъ Перервинскій виписалъ зъ реестровъ старостиниxъ вѣдомость о сѣнѣ 1732 году до пора-

хунку пѣщанского. Староста роздалъ на коповое сѣно панскихъ 20 р., а шинкарскихъ 4 р. А по порахунку Клима Пѣщанского, тотъже староста роздалъ шинкарскихъ 4 р. 50 к., да при порахунку тамъ отобралъ староста у Клима 10 р. и оніе роздалъ, итого всѣхъ денегъ стар. роздалъ на сѣно коповое 38 р. и 50 к., а уробилъ 38 скиртъ. А поденщиками косячи витратилъ денегь 20 р. 67 к., а уробилъ 13 скиртъ. Третячку дали цигану за 1 р. до Успенія, а ступака подарилъ молодикамъ, якого они продали за 3 р.

Вовтор. 12. День былъ хмарний, холодний велми и почасти вѣтряній, ночъ такъже холодна, къ свѣту ясна и погодна. Висшеписанное въ Перервинцяхъ устроивши и цуговихъ коней старихъ 5, да шестого тарана, да лошаковъ неезджалихъ 15, да одного коштановатого лисого, всѣхъ зъ ежджалими и неежджалими 22, погнали зъ Перервинець къ футору Артополотскому, а потомъ и самъ я приказавши старостѣ о нижеписанномъ: 1) Чтобъ дрикгантовъ и верхового сивого овсомъ невѣянимъ, для неимѣнія сѣчки кормить, а досматривать Лисому онихъ; 2) да лошатъ зъ стрижчатами 90 смотрѣть другому до воскресенія паробкови, за что ему рубль; 3) Взамѣну до часу поколь иншая стѣнка сищется, велѣлъ дать за Чичканеву тую, что отъ попа досталося Чичканю, а тамъ бы гребелку засипать на ставъ и для футора; 4) да что Василь Крутень у оного Чичканя отнялъ стѣночку, велѣлъ оному Чичканеви искать; 5) шинкару за.... Глуховскую куфу, еще шинкуючуюся, гроши велѣлъ собирать и у дворъ довать на росходъ и впредъ не на що не давать, опрочъ на косовицю впредъ, 6) да Крутневи приказалъ повседневно бивать у дворѣ и осмотрувать стада и лошатъ, и буде что усмотритъ худо, о томъ старостѣ обявлять и старостѣ дѣлать исправленіе совѣтно съ нимъ. Приказавши о висшеписанномъ, поехалъ я съ Перервинець и переехавши Овсюки, обѣдалъ у Лазуркахъ, а зъ Лазурокъ пріехалъ до Сухоносовки, уже по заходѣ слонца, и припозно для того, что у лугъ били заблудили. У Сухоносовцѣ засталъ Клима, повернувшогося зъ Кривой Руди, который обявилъ о своемъ дѣлѣ, что по суду полковомъ велено сотникови Кодинцеви снести загороду, а на лукахъ тихъ, которими я до 1729-го году

владѣлъ, статку ему своего не держать, о чомъ и декретъ составленний видѣлъ.

Середа. 13. День былъ вѣтряний зъ метелицею и хмарній, а потомъ ясний, холодний, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна, толко жъ холодна и къ свѣту ясна и зъ морозомъ. Сей день пробавилъ я у Сухоносовцѣ, куда пріехалъ ко мнѣ писаръ полковий Савѣцкій, зъ которимъ обѣдали и просидѣли, а по отездѣ его и я виехалъ зъ Сухоносовки и пріехалъ у Лохвицю позно уже и ночовалъ у панеи Павловой. У Сухоносовцѣ горѣлки зъ жита Клим. куплѣ 12 носатокъ. Зъ писаремъ постановили такъ, чтобъ Климъ ехалъ на Кривую Руду и тамъ декретъ обявивши и листъ сотникови вручивши о исполненіи декрету, устроилъ тамъ дворника доброго и справного, а писаръ имѣлъ написать унѣверсалъ отъ пана полковника о послушенствѣ онихъ слобожанъ и тотъ унѣверсалъ послать въ Глуховъ до подпису. Висилать въ Кіевъ зъ дуйвомъ, якого всего, яко вижу, будетъ фасокъ 13 кривор. а перер. 2 и гладушъ, да сира 8 куфъ и 4 дѣжки. Да вовни старой рунъ зъ 400. Такъ же приказалъ висилать въ Глуховъ вовну порер. и Криворуд. ярачую, хмѣль, тютюнъ и проч. У Лохвицѣ увидѣлъ я Григория Тура, которій сказивалъ, что Архипъ зъ товарищи живи и прошлой зими у Гилянѣ зпродали гор. 30 куфъ и табаку щось, а объ Вознесеніи пріехали моремъ у Баку, где Архипъ единъ остался зъ половиною вина, а зъ другою половиною тіе два у Дербень поехали для продажи. У Бацѣ вѣдро полтора рубля, а у Дербенѣ по 2 р., ручка тютюну по 6 а. и по 20 к.

Четвер. 14. День былъ холодний, назбытъ ясенъ зъ вѣтромъ жестокимъ. Ночъ такъже ясна, вѣтряна, а найпаче къ свѣту и холодна. Сегодня въ Лохвицѣ написалъ я писмо до Клима о виправѣ въ Кіевъ и приложилъ подорожний листъ, а оное писмо въ ратушъ переслалъ для отсилки въ Сухоносовку, а самъ поехавши, обѣдалъ у Перекопувцѣ, а ночовалъ у Ромнѣ, где братовъ обоихъ Семена и Марка зъ жоною, да особливе родителку засталъ.

Пятокъ. 15. День былъ сперва свѣтелъ, вѣтрянъ велми, холоденъ, а къ вечору тихъ и свѣтелъ. Ночъ свѣтла, тиха, холод-

на, жестокимъ морозомъ, а къ свѣту вѣтеръ великій. Писалъ я до Клима и въ дополненіе къ прежнему приказу, где 16 пунктовъ имѣется приложилъ слѣдуючіе: 17) тютюнъ въ Глуховъ зъ виправою висилать, а тютюнника отъ тяглостей уволнить, да другого тютюнника въ Криски винайти прислать; 18) Осикъ купить и роздать людямъ, а съ нихъ уробить 200 улей; 19) меду середнего дѣжку зъ 4-хъ сухоносовскихъ прислать у футоръ для пчоли; 20) сироту хлопця прислать зъ виправою въ Глуховъ; 21) Кабани побить, сала подѣлать и ветшину, а укинуть зъ 15 хочай прикупивши; 22) у футорѣ Артопол. зраховать Павла дворника зъ аппробацѣею, а особливе о шкурахъ. Шинкарка Калиновская была, которой куфу по ея требованію, уступили гор. на вишинкъ за 10 р. Поехалъ я зъ Ромна до Хмѣлова и ехалъ зъ полъ 3 часа верстъ 19, а отъ Хмѣлова до Карабутова верстъ 22, такъже зъ полъ 3 часа, где и ночовалъ у попа Іоанна, зъ братомъ его попомъ засулскимъ Евстафѣемъ.

Субота. 16. День былъ хмарний, холодний велми такъже вѣтряний и около полдня зъ метелицею, а къ вечеру вияснился и вѣтеръ утихъ, такъже и черезъ ночъ, толко жъ зъ жестокимъ морозомъ. Рано зъ Карабутова поехавши, пріехалъ въ Конотопъ до дому сотничого, где квартеровалъ и обѣдалъ, ехалъ часовъ 2. А по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ Мутинъ по заходѣ слонца, а ехалъ часовъ 2 и полъ и тамже ночовалъ. У Конотопѣ явился сынъ сотника Сосницкого Омеляновича, повернувшійся зъ Баки и сказалъ; 1) что Архипъ продалъ зъ куѳъ у Гиляни гор. и табаку щось; 2) зъ остаткомъ пріехалъ у Баку, где оставилъ при себѣ куѳъ зъ 7 простой, а оковитой зъ 2, осталную всю виправилъ при Трохиму и Андрѣю у Дербень, где государевого вина не стало и збувавъ по 2 р. вѣдро, а фунтъ тютюну по 2 гривни и что колдру за 12 р. купилъ.

Неделя. 17. День былъ хмарній зъ силнимъ вѣтромъ и морозомъ, ночъ такъже хмарна и холодна презѣлно. Рано передъ свѣтомъ виехалъ зъ Мутина, а ехалъ до Ярославця часовъ 2 зъ четвертю, а зъ Ярославця зъ полтретя часа и пріехалъ въ Глуховъ передъ

службою, а службы Божой слухалъ у церквѣ ст. Николая, по службѣ у ясневелможного гетмана обѣдали и подпіяхомъ жестоко, для тезоименитства его.

Понедел, 18. День былъ такъже хмарній, холодний безмѣрно и вѣтрянъ, къ вечору вияснилось, ночъ свѣтла, тиха, холодна безмѣрножъ. У гетмана праздновали день рожденія государинѣ цесаревни Елисавеѳи Петровни, а у мене гостилъ Бурковскій. У вечеру ездилъ я до п. Петра Апостола, пол. Луб., на Бѣлополовку, где доволно посидѣвши, повернулся домой. Зъ футора Артополотского Гамал. прійшла виправа и привезено сира кадовбъ и дѣжокъ 3, масла фасокъ 6, вовни старой чорной рунъ 40, бѣлой старой вовни рунъ 63, ярочой бѣлой рунець 56, тютюну папушъ 1189, пшона у 5 мѣхахъ путив. 29, что Вѣжевскій у Сварковѣ и зложилъ, а тутъ оставили вощинъ мѣхъ, гусей 9 и индикъ 1.

Вовтор. 19. День былъ зъ силнимъ и густимъ инеемъ для безмѣрной и впервое толь великой стужи. Ночъ хмарна почасти, а вѣтряна велми вѣтромъ полуденнимъ, толко жъ холоднимъ. Писалъ я писмо до п. Ханенка въ С. П. Бурхъ, черезъ Александра Арсеніева, которій сегодня поехалъ, а писалъ, благодаря его за писмо же. На службѣ божой билъ у церквѣ ст. Іліи, обѣдалисмо въ дому зъ род., зъ хати той, где родитель и где братъ загорѣлась била за пѣччю стѣна, которую заледво погасили все пороскидавши. Пива зваренніе у Ямполѣ привезенни Василемъ Великимъ зъ 6 четвертей ячменю, да одной четверти жита, да 2-хъ четвеpичковъ проса, бочокъ не много болше 4-хъ, да пятая квасу.

Середа. 20. День былъ хмарний зъ отлигою знатою, тихій и ночъ такова жъ. Полковникъ Миргородскій Павелъ Апостолъ зъ братовою своею, полковницею Лубенскою, поехали сегодня зъ Глухова въ Смоленскъ для винайдення ему невѣсти. Купилъ я у грека Петракѣя Нѣжинского дуклѣ локот. 11, по 30 к. локоть, плев (?) плотной дуклѣ локоть 8 и пол. 60 к., полуштофу зеленого 13 локоть, по 55 к., оксамиту венецкого полъ локтя за 7 зол., стіонжокъ локоть 30 по 2, за все заплатилъ 17 р. 90 к. Да онъ же зъ Юріемъ росквѣтались со мною за сей годъ, а на прійшлій

дали вновъ облѣкъ, а срокъ тотъ же декавр. 1-го дня и Юрій отъ себе далъ 17 червон. и 5 р. зъ полтиною всѣхъ на рублѣ 43 р.

Четвер. 21. День былъ хмарній такъже зъ отлигою и ночъ такова жъ, зъ неболшимъ вѣтромъ. Степанъ Костенецкій, которому я въ Gданскъ давалъ сребра францѣберу самаго полфунта, да 5 червонныхъ, повернувшись былъ у мене и привезлъ чарокъ горѣлчаныхъ 12, 6 зъ моего сребра, а 6 зъ gданского, въ которихъ ваги лотовъ 35 и полъ, да млинокъ на кагве, тамъ купленний за 5 зол. тамошней монети. Черезъ подводи калиновскіе послани 2 куѳи гор. зъ Тулиголовъ у полъ 9 носатки обѣ, а порозни въ одной нос. полпяти безъ четверти, а въ другой нос. по 5 и третья доля четверти, итого нос. 9 безъ 20 квартъ; о чомъ я и до брата Марка писалъ, чтобъ оную принялъ и держалъ цѣло. Березнячій пріехалъ зъ Крисіокъ зъ 7 подводами, на которіи жита отпустили въ слѣдуючій пятокъ. Онъ же привезлъ писмо отъ швакгра п. Якова о денгахъ 36 р., за мой тютюнъ доводячихся, что онъ искать будетъ оніе вишукать у Рожовця, стар. бившого своего любецкого, а теперъ терця и привезъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 22. День былъ хмарний зъ отлигою жъ, подобній прежнимъ и еще мокрѣйшій, для того, что и дощъ, хочай невеликій, толко жъ густий ишолъ и пересталъ скоро, а вѣтеръ билъ до вечора и черезъ ночъ. Вѣжевскому на куплю жита до данних 2-го декавр. 25 червонныхъ придалъ теперъ еще 10 червонныхъ, итого 35 червоныхъ далъ на жито, якое теперъ онимъ и Тарасомъ покупалось. Старостѣ тулиг., которій сюда пріехавъ и привезлъ кабановъ 4, далемъ на росходъ 6 р. и съ нимъ жита отпустили четвертей 4. Зъ Березнячимъ отпустили жита въ Криски разного збору, что въ другомъ імбарѣ, 14 четвертей.

Субота. 23. День былъ хмарній, вѣтряний и дощеватъ зъ густимъ дощемъ, ночъ такъ же хмарна и велми вѣтряна, воздуха раствореного мокротою. Причащались родитель и я Ст. Тайнамъ у церквѣ енералской и обѣдали въ дому, никуда неездили.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний зъ густимъ снѣгомъ пластоватимъ и зъ дощемъ, которій къ вечору пересталъ, а вѣтеръ

силний зъ полночи показался, а въ ночѣ утихъ и сталъ къ понеделку силний въ ночѣ морозъ и ночъ свѣтла тиха и ясна. Били у енерала род. и я и кушали и подпіяхомъ для пріехавшого къ нему гостя Алексѣя Івановича Панѣна генерала маіора, котории къ нему въ гостѣ пріехалъ съ Москви.

Рождество Х—во Понедел. 25. День былъ тихій, свѣтлій, но зъ жестокимъ морозомъ, ночъ хмарна, но зъ такимъ же морозомъ, тиха. Били у генерала и у гетмана съ поздравленіемъ и род. обѣдалъ у гетманского столу, а я у себе, для болезни женѣ приключившойся уплавовъ, а у вечеру ездилъ до п. Михайла, у которого просидѣлъ и вечералъ у столу гетманского. Гаврило слуга брата п. Михайла пріехалъ съ Москви.

Вовтор. 26. День былъ зъ отлигою и зъ снѣгомъ и метелицею, ночъ такъже зъ вѣтромъ и зъ отлигою мокрою. Обѣдалисмо обое зъ женою у столу гетманского, а по обѣдѣ ездилемъ зъ п. Петромъ, п. Михайломъ до енерала, где игралисмо у кадрилѣю зъ моимъ все проиграшомъ.

Середа. 27. День былъ зъ знатнѣйшою отлигою мокрою, что уже гораздъ снѣгъ сталъ таяти и капать зъ стрѣхъ и зъ вѣтромъ влажнимъ. Ночъ такова жъ якъ и день. У службѣ билъ въ церквѣ ст. Николая и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ п. Петро и п. Михайло били у мене и забавляючись просидѣли и розехались. У церквѣ ст. Николая по криласамъ пѣвчіе многіе отъ архиерея Кіевского и другихъ присланние къ гетману по его требованію для двора государинѣ, изрядно пѣли.

Четвер. 28. День былъ зъ малимъ морозомъ, хмарній однакъ и почасти тихъ, таковажъ и ночъ. Былъ я рано у церквѣ ст. Николая на службѣ, а обѣдали у полковника Радищева, для того что его новорожденная дочь сегодня крещена била, которой воспріемниками были енералъ и гетманова и потому банкетъ онъ у себе имѣлъ и подпіяхомъ. Племѣнница жени моей сестричная Журавковна умре.

Пятокъ. 29. День былъ подобній вчорайшому, толко зъ болшимъ вѣтромъ, такова жъ и ночъ. Сегодня никуда неездилъ для приключившогося мнѣ катари въ персахъ; обѣдалисмо зъ родите-

лемъ, а жена у столу гетманского. Получилемъ писмо зъ Баки отъ Архипа писанное, въ которомъ обявляетъ, что осталось гор. еще простой 19 куѳъ, а двойной 8 куѳъ. Гаврило слуга брата п. Михайла за данніе ему 93 червоннихъ привезлъ зъ Москви карету зъ станками обома купленную за 47 р. зъ полтиною, а ставшую въ 56 р., да шоръ цукъ въ 16 р., за часи направленніе и за стекла 2 р., за табакъ картузній фунт. 2 1 р. 40 к., за вимитте двохъ штановъ, фуфайки 1 р., а 13 р. и 58 к. отдалъ.

Субота. 30. День билъ подобній прежнимъ хмаренъ, мокроватъ и вѣтрянъ почасти, ночъ такова жъ, безъ вѣтру толко. За шевця Леска тому, что оного сискалъ въ доплатку прежнихъ денегъ далемъ отъ себе через Вежевского 1 р. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а жена передъ обѣдомъ поехала въ Новгородокъ для погребенія преставлшойся своей племѣнници сестричной Журавковни, а у вечеру ездилъ я до п. Михайла, оттоль до п. полковника Холубенского, у которого доволно посидѣвши повернулъ я домой. Хощихѣ прежде сваркавской, а теперъ глуховской жителцѣ за грунтъ сварковскій у Конона купленний заплатилъ 2 р., для того что ей долженъ билъ Кононъ давать зъ грунту того погодно четвертую долю для препитанія ея.

Неделя. 31. День былъ подобній прежнимъ, хмаренъ, вѣтренъ мокроватъ, ночъ такова жъ была, якъ и день. Рано былисмо зъ родителемъ у генерала, которого невидѣли за приключившоюся генералшѣ самой болѣзнею, и оттоль были на службѣ у ст. Анастасіи, а я обѣдалъ въ дому, род. у гетманского столу. У вечеру пріехала матка зъ братомъ Лукою у Глуховъ.

1733 годъ. Януаръ м-цъ.

Понедел. 1. День былъ подобній прежнимъ, зъ болшимъ тепломъ, хмарний, вѣтрений и дощеватъ, около и по полднѣ вияснился, толко жъ безъ морозу, ночъ вѣтряна вѣтромъ силнимъ, безъ морозу, хмарна. Вѣжевскому на куплю жита далемъ 13 чер. и 9 р. Билисмо зъ род. рано у енерала зъ поздравленіемъ, а потомъ у гет-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ІСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № [illegible]
1896

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ І-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

1855 годъ.

Письмо 1-е.

1-е января 1855 г. Въ полночь на новый годъ была изъ 3-го бастіона вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали не только изъ первыхъ двухъ траншей, но даже изъ третьей. Много ихъ перекололи и 18 человѣкъ взяли въ плѣнъ. Нашихъ 2 убито, 2 упало въ колодезь и болѣе 10 ранено. Вслѣдъ за симъ открылаеь съ обѣихъ сторонъ канонада. Такимъ образомъ, новый годъ мы встрѣтили громомъ и молніями. Съ ночи былъ крѣпкій морозъ съ сѣвернымъ вѣтромъ, днемъ снѣжило при небольшой оттепели.

2-е января. Ночью вылазка съ 4 бастіона. Она исполнена тихо, даже безъ ружейнаго выстрѣла. Дѣло дѣлали штыками и молча, даже безъ обычнаго ура. Привели 8 плѣнныхъ, взяли 27 ружей и 6 штуцеровъ; о числѣ убитыхъ непріятелей не слышалъ, наша потеря въ 5 убитыхъ. Ночью выпалъ большой снѣгъ и продолжалъ идти въ теченіе дня.

3-е янв. Морозъ постепенно увеличивается; вѣтеръ постоянно сѣверный. Съ утра была мятель; съ полдня—тихо и ясно.—Архимандритъ Герасимъ выѣхалъ обратно въ Одессу.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 3.

4-е янв. Съ полночи большая мятель при сѣверномъ вѣтрѣ и большомъ морозѣ. Очень, очень холодно. По всему зима у насъ полная. Вѣрно непріятели плачутъ; впрочемъ еще терпѣніе имѣютъ, которому, безъ сомнѣнія, скоро будетъ конецъ. Каждый день есть нѣсколько бѣглецовъ изъ непріятельскаго лагеря.

Къ 6-му января ожидаютъ возвращенія вел. князей, которые въ дорогѣ и, м. б., уже не далеко отъ насъ. Не опять ли съ ихъ пріѣздомъ начнутся наши наступательныя дѣйствія? Дай Господи, чтобы только были счастливѣе прежнихъ!

Генералъ Липранди стоитъ на Бельбекѣ, на Чоргунской позиціи—генералы Кирьяковъ и Жабокрицкій. Всѣ высоты Инкерманскія, противолежащія непріятелю, тамъ именно, гдѣ нашъ скитъ Инкерманскій, покрыты батареями съ орудіями большого калибра. Безразсудно будетъ усиліе непріятелей перейти на сѣверную сторону и загладить старую ошибку. Имъ остается или въ море, или въ руки наши.

Къ вечеру становится сегодня еще холоднѣе. Какъ бы не замерзъ въ дорогѣ о. Герасимъ! И пришло ему на старость искушеніе послужить еще во флотѣ... Я еще не слышалъ, какъ онъ кому показался, но думаю, что на него посмотрѣли или съ улыбкой, или съ сожалѣніемъ. Да онъ никому и не являлся, кромѣ Сакена, котораго пріемомъ очень доволенъ и отъ котораго получилъ подорожную даже до Кіева. Былъ также и у адмирала Нахимова—сослуживца своего, у котораго, кажется, выпросилъ денегъ на молитвы. Кажется, старикъ совершенно истощилъ въ дорогѣ казну свою, ибо, не имѣя денегъ для обратнаго пути, предлагалъ мнѣ серебряный молочникъ. Могъ ли я помочь ему теперь, когда думаемъ не о серебрѣ, а о насущномъ хлѣбѣ, который со дня на день труднѣе и труднѣе? франзоля-булка стоитъ 10 к. сер., фунтъ говядины 7 к., ведро водки 10 руб., сахара фунтъ 60 к., и нѣтъ его въ городѣ; все это отъ крайней трудности путей крымскихъ. Сколько я ни убѣждалъ архимандрита остановиться въ Бахчисарайскомъ скиту до лучшаго по крайней мѣрѣ времени, слушать старикъ не хочетъ. „Тамъ уже легъ одинъ архимандритъ, и мнѣ того желаете, не хочу. Я хочу жить въ Кіевской лаврѣ".

До лучшихъ дней я не могу представить отчетности за истекшій годъ. Церкви: Евпаторійская, Кадиковская, Каранская и Севастопольская-кладбищенская не во власти нашей; разорена Комарская и самая деревня не существуетъ. Съ Бахчисараемъ и Мангумами, при теперешнихъ путяхъ и нуждахъ, почти не имѣю сообщенія; притомъ тюковъ съ книгами и вообще съ тяжелою корреспонденціею на почтѣ не принимаютъ. У меня есть сумма только своей церкви, да и та мнѣ нужна въ обезпеченіе неизвѣстной нашей будущности. И какъ цифра по моему собственно вѣдомству будетъ непримѣтна въ общей цифрѣ годовой по всей епархіи, то я не могу послужить консисторіи большимъ препятствіемъ въ годовой отчетности. Да это и не секретъ, который, м. б., оговоренъ. Впрочемъ и въ семъ да будетъ святая воля ваша надо мною.

4 января 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 2-е.

Прежде чѣмъ вступлю въ принятую форму письма, замѣчу обстоятельство, мною нечаянно пропущенное. Во время освященія воды, 6-го января, надъ самый, устроенный на Екатерининской пристани, Іорданъ слетѣлъ орелъ и держался до исполненія стиха: „во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи“ Орелъ замѣченъ всѣми, даже начальствующими лицами.

8-е января. Пальба раздается днемъ, какъ и ночью, въ которую была вылазка съ 5 и 6 бастіоновъ. Вылазка была значительнѣе прежнихъ—изъ 600 человѣкъ, въ которой участвовали и полковые командиры. Но встрѣтились съ большимъ также числомъ непріятелей: потому дѣло вышло жаркое; потеря наша простиралась до 70 человѣкъ; убитыхъ впрочемъ 4, прочіе ранены. Французовъ (ибо на нихъ собственно была вылазка) привели 8 и 1 офицера.

Отъ Комовскаго, секретаря кн. Меньшикова, принесли мнѣ отвѣтъ, что письмо о. Геронтія [1]) послано, но отвѣта не было. Думаютъ, что отвѣчать не позволяютъ непріятели.

[1]) Архимандриту Балаклавскаго монастыря.

9-е января. Ночью и днемъ огонь тише. Непріятели устали, мстя за вылазку.

Пасмурно, туманно, температура очень теплая. Особеннаго ничего не слышно.

10-е января. Тихо, но пасмурно, снѣгъ исчезъ; испаренія подымаются отъ земли облаками.

Огонь непріятельскій и нашъ слабы. Наши стрѣляютъ лишь по работамъ непріятельскимъ.

Корнилова бастіонъ мѣсяца два молчитъ, съ небольшимъ исключеніемъ, но укрѣпленъ такъ, что, какъ говорилъ мнѣ дѣльный артиллерійскій офицеръ, для одного этого бастіона потребовалось бы непріятелей 50 тысячъ. Главное: мѣстность высокая и окружена глубокими балками.

Былъ я на перевязочномъ пунктѣ для исповѣди и причастія офицера флотскаго, который для сего потребовалъ именно меня, хотя тамъ іеромонахи содержатъ дежурство. Онъ въ послѣдней вылазкѣ раненъ въ грудь на вылетъ, а былъ прежде въ 3-хъ вылазкахъ. Доктора даютъ надежду на выздоровленіе, но Богъ вѣсть. Подлѣ него лежитъ родной братъ, тяжело контуженный. Встрѣча братьевъ на перевязочномъ пунктѣ — не рѣдкость. На Алмѣ два брата пали отъ одного ядра. Еще одинъ, больной (безъ руки) офицеръ, котораго бы я и не примѣтилъ, самъ зоветъ „батюшка, дайте поцѣловать крестъ“. Какое утѣшеніе—вѣра!

11-е января. Морозъ. День тихій и ясный. Батареи не молчали.

Сегодня былъ я у генерала Сакена. Когда я объяснилъ ему, что на письмо мое отъ 17-го декабря доселѣ нѣтъ изъ монастыря отвѣта, то онъ съ улыбкой замѣтилъ, что, можетъ быть, оно не послано, и посовѣтовалъ мнѣ написать другое, которое онъ самъ пошлетъ. Я сдѣлалъ это немедля и подалъ. Жду отвѣта съ большою надеждою.

Нѣсколько резервныхъ баталіоновъ уже пришли; 10-я дивизія совершенно укомплектована.

12-е января. День ясный съ самаго восхода солнца и тихій. Отъ испареній горизонтъ не далеко чистъ. Огонь слышенъ лишь съ нашихъ батарей, и то мортирный, которымъ

обыкновенно мѣшаютъ работамъ непріятельскимъ. Пользуясь погодою, опять роются и окапываютъ свою позицію. По немногу перебѣгаютъ. Принесли на носилкахъ турка перебѣжавшаго. Онъ жестоко наказанъ по пятамъ, и потому бѣжалъ. Удивительно впрочемъ, какъ онъ послѣ этого могъ бѣжать.

Разсказывали двѣ пріятныхъ вѣсти: 1, что войска наши пошли въ Байдары, чтобы движеніемъ оттуда, когда понадобится, отрѣзать непріятеля отъ Балаклавы; 2, что чрезъ 8 дней долженъ быть или миръ, или рѣшительныя дѣйствія.

13-е января. День, подобно вчерашнему, ясный и тихій послѣ ночнаго мороза.

Пальбы мало слышно было. Теперь чаще огонь штуцерный, который не нарушаетъ общаго спокойствія.

Послѣ нѣсколькихъ дней хорошей погоды цѣны на предметы продовольствія немного уменьшились.

14-е января. Великихъ князей ожидаютъ съ часу на часъ. Думаютъ впрочемъ, что, м. б., они выѣхали изъ столицы 2-го января, какъ было писано.

Представляемый мною староста—церковный—человѣкъ отличный для этой должности.

14 января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 3-е.

14-е января. Послѣ ночного мороза въ 4-е градуса, день тихій и ясный.

Сказывали, что вчера съ французскаго лагеря былъ парламентеръ съ предложеніемъ о перемиріи потому будто бы, что они скоро ожидаютъ парохода съ депешами о самомъ мирѣ. Ему отказано.

Сегодня летали бомбы въ городъ не потому ли, что отказано въ перемиріи? Одна бомба лопнула недалеко отъ моей церкви, и осколокъ провизжалъ надъ самою церковью, при окончаніи литургіи.

Вчера въ 4-хъ крытыхъ подводахъ прибыли сестры милосердія.

Вчера же привезена изъ Симферополя діакономъ Строгановымъ Касперовская икона Божіей Матери, по желанію полковника Бутырскаго полка. Пожелали помолиться предъ нею и въ другихъ полкахъ, и икона осталась на нѣсколько дней.

Перебѣгающіе плѣнные умножаются. Чрезъ Инкерманскую рѣчку бредутъ съ оружіемъ въ рукахъ.

15-е января. День подобный вчерашнему или еще теплѣе. Выстрѣловъ не много слышно.

Опять слышится неудовольствіе на князя Меньшикова за его бездѣйствіе и очень плохіе отзывы о его способностяхъ къ дѣлу, которое ему поручено.

Въ 4-е часа ночи прибыли въ Севастополь великіе князья.

16-е января. Воскресенье. Утро очень пасмурное. Въ литургіи было людей не мало. Читанъ манифестъ. Ихъ Высочества изволили слушать литургію въ Михайловской церкви и потомъ посѣтили генерала Сакена.

Вечеромъ, когда смерклось, было передвиженіе полковъ для соединенія съ своими дивизіями. Замѣтно приготовленіе къ дѣлу, но ничего про то не знаемъ.

8-я дивизія пошла къ Евпаторіи, 9-я вступитъ въ составъ войскъ Севастопольскихъ.

17-е января. Ночью морозъ, утро и день довольно ясны. Отъ испареній погода сырая.

Слышалъ о новостяхъ, сдѣлавшихся извѣстными съ прибытіемъ великихъ князей. 1. Хотя дѣло заведено о мирѣ, но онъ сомнителенъ. Несомнѣнно только то, что Австрія входитъ съ Россіей въ тѣсный союзъ. 2. Государю Императору желательно, чтобы прежде чѣмъ будетъ миръ, князь Меньшиковъ проучилъ незванныхъ нашихъ гостей.

Сегодня непріятели много бросали бомбъ и ракетъ въ городъ. Бросаютъ разомъ изъ многихъ орудій, и ночью бомбы кажутся огненнымъ роемъ.

Вечеромъ въ 6-ть часовъ ракета огромной величины, освѣтивъ полетомъ мои комнаты, пробила крышу на вылетъ и, потерявъ на чердакѣ весь свой корпусъ, голову, съ адскимъ въ ней мозгомъ, унесла далѣе.

18-е января. День пасмурный. Выстрѣлы слышны и бомбы по временамъ заставляютъ содрогнуться, какъ сію минуту.

Ничего особеннаго еще сегодня не слышалъ и спѣшу на почту.

Отвѣта и на другое письмо нѣтъ изъ монастыря.

(Число не означено).

Письмо 4-е.

Письмо о. архимандрита Геронтія, вчера вечеромъ мною полученное, спѣшу послать Вамъ подлинникомъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы положеніе братіи въ самомъ дѣлѣ было такъ безбѣдно, какъ пишутъ. Сегодня я буду у генерала Сакена, и сегодня же отправлю просимый чай и свѣчи, если онъ найдетъ это удобнымъ.

Нѣсколько дней тому назадъ умеръ въ сѣверномъ укрѣпленіи іеромонахъ Палладій, братъ игумена Георгія, умеръ отъ тифозной горячки. Говорятъ, что эти братья имѣли небольшія деньги. Чемоданъ ихъ на митрополичьемъ подворьѣ, и когда нѣкоторые іеромонахи съ затопленныхъ судовъ поспѣшили въ монастырь, кто-то изъ усердія и ихъ чемоданъ взялъ въ монастырь, безъ вѣдома и согласія на то хозяевъ. Теперь, за лишеніемъ стяжанія, лишеніе родства. Скорбитъ старецъ весьма почтенный.

Въ городѣ довольно тихо. Ничего особеннаго нѣтъ и не слышалъ.

Успѣлъ побывать у Сакена. Всякую посылку, какого бы она вѣсу ни была, обѣщалъ послать.

Тамъ же видѣлъ я французовъ, взятыхъ на вылазкѣ бывшей ночью съ 3-го бастіона. Дѣла очень удачны. Плѣнные изъ новоприбывшаго незначительнаго секурса.

20-е января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Письмо Ваше отъ 14 января сокрушило меня малодушнаго не менѣе бомбы, пронесшейся надъ головою. Чувствую, что Ваше неудовольствіе и замѣчанія дѣлаются отечески и ми-

лостиво, но сокрушаюсь, что не могу или не умѣю въ настоящее время быть для Васъ хорошимъ слугою, при всемъ моемъ усердіи къ тому.

Вопросъ: что нового? въ Севастополѣ самомъ, о которомъ теперь весь міръ любопытствуетъ, на устахъ всѣхъ и каждаго, и, къ сожалѣнію, отвѣтъ на него почти всегда одинъ: ничего, ничего особеннаго. Вотъ была, отвѣчаютъ, вылазка, вотъ перебѣжало столько то непріятелей; вотъ, говорятъ, пришли наши подкрѣпленія; но чтожъ тутъ особеннаго? Это дѣлается и говорится съ самаго начала, а толку доселѣ никакого. Да и не будетъ никакого (это слышалъ своими ушами), пока будетъ главнокомандующимъ этотъ кн. Меньшиковъ, который до того секретенъ, что и дѣйствующіе, по его повелѣніямъ, какъ во тьмѣ ходятъ. Дистанціонный, напр., начальникъ, вице-адмиралъ Новосильскій съ нетерпѣніемъ ожидаетъ на бастіонѣ экипажнаго командира съ рапортомъ, чтобы спросить у него, что нового? Что слышно въ городѣ? Городскіе переѣзжаютъ на Сѣверную, гдѣ квартира главнокомандующаго и Ихъ Высочествъ, чтобы тамъ сдѣлать какое либо открытіе, и оттуда возвращаются не болѣе какъ съ предположеніами и надеждами. Говорятъ, будто главнокомандующій находится въ полной увѣренности, что скоро послѣдуетъ миръ, и тѣмъ объясняютъ его бездѣйствіе. Затѣмъ своими глазами мы видимъ только слѣдующіе предметы и явленія: линію непріятельскихъ батарей и траншей отъ Херсонеской киновіи кругомъ города до пороховой балки; на половинѣ морскаго пути въ Инкерманъ, противулежащую имъ паралель нашихъ батарей и бастіоновъ, изъ коихъ только съ 4-й (что за театромъ, у монастырской дороги) огонь никогда не умолкаетъ; на улицахъ повозки съ турами, фашинами и снарядами, подвозимыми къ батареямъ; солдатъ снующихъ взадъ и впередъ съ хлѣбомъ или кашицей въ манеркахъ и котлахъ; двѣ части домовъ въ городѣ, упраздненныхъ отъ жителей и занятыхъ солдатами (не исключая богато отдѣланныхъ домовъ Волохова и Ив. Мак. Красильникова), и одну часть города, представляющую развалины Херсонеса. Впрочемъ этотъ послѣдній видъ произошелъ не все отъ бомбъ и ядеръ непріятельскихъ, а частію отъ

рукъ солдатъ, коимъ въ пустыхъ домахъ не возбраняется добывать дрова на топливо. Тѣмъ же топливомъ пользуются отчасти и жители: ибо арестанты носятъ по дворамъ вязанки, заготовленныя изъ дверей, рамъ, подоконниковъ и всего, что бываетъ въ зданіи сожигаемаго. Не измѣнила своего вида (кромѣ баррикадъ на улицѣ) только часть города отъ церкви моей до Екатерининской пристани, и взгорье до Библіотеки. И вотъ все, что собственными очами видимъ и руки наши осязаютъ, то и могу намъ повѣдать о Севастополѣ. Еще: гора, по которой расположенъ городъ и которая отдѣляется отъ другихъ частей города нашего большою улицею, также коронована батареями, на случай бы передовая линія была сбита. Батареи устроены въ дворахъ и на двухъ площадкахъ, также у памятника Казарскаго.

Отчетъ въ свѣчный комитетъ посылаю завтра же, и въ консисторію не далѣе сего же мѣсяца. Богъ съ ними! скажу, чтобы не распространяться о причинахъ моего замедленія.— Вашу мысль о церкви на мѣстѣ и на память Инкерманскаго сраженія передамъ кому нужно, и о послѣдующемъ извѣщу. Но тѣла убитыхъ тамъ и умершихъ отъ ранъ, въ томъ числѣ и генерала Соймонова, похоронены на Сѣверной, гдѣ общее теперь кладбище всѣхъ павшихъ при защитѣ Севастополя; потому здѣсь особенно, на мѣстѣ упокоенія, нужна будетъ церковь, которая необходима и для живущихъ тамъ жителей и для пріѣзжающихъ (настоящій привозъ у насъ на Сѣверной). Въ монастырь просимая посылка послана при письмѣ. Сакенъ писалъ отъ себя генералу Канроберу и благодарилъ его за благосклонность къ обители и попеченіе о ней.

20-го января отъ офицера, который, какъ знатокъ нашей мѣстности, былъ приглашенъ къ Сакену сего же числа для объясненія оной на планѣ, узналъ я, что изъ Петербурга полученъ планъ всего непріятельскаго лагеря, составленный самими непріятелями, подробно представляющій всѣ укрѣпленія ихъ лагеря отъ Херсонеса до Балаклавы и Инкермана. Планъ съ французскимъ текстомъ, и вѣроятно присланъ изъ самаго Парижа. „О продажный городъ“, можно сказать объ этомъ Римѣ.

Не предпримутъ ли чего теперь по готовому плану? Кажется, ибо когда этотъ офицеръ вызвался вылѣпить всю окрестную мѣстность изъ воску, то Сакенъ замѣтилъ, что время не позволяетъ ожидать. Грознѣе всего укрѣплены Сапунъ гора и Балаклава, вообще тылъ лагеря. Каракскія высоты также сильно укрѣплены.

22-го января, въ 9 часовъ вечера, взорвали непріятельскую мину, которую вели къ 4-му бастіону; такимъ образомъ трехмѣсячная ихъ работа уничтожена. Никакой тревоги по этому случаю не произошло, хотя съ нашей стороны были приготовлены для отраженія.

Между морскими и сухопутными войсками есть зависть и рвеніе, которыя возбуждены особенно Высочайшимъ манифестомъ Черноморскому флоту; князь на сторонѣ флота, а Сакенъ—арміи.

23-го января. Митрополиту исполнилось 84 года. До ста легко доживетъ старецъ.

Ихъ Высочества слушали литургію въ Михайловской церкви.

Кромѣ и теперь продолжающейся сильной пальбы съ 4-го бастіона, ничего особеннаго не слышу и не имѣю сообщить. Простите и благословите.

25-е января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 6-е.

25-е января. Сегодня, какъ я узналъ уже послѣ обѣда, въ Михайловской церкви, вслѣдствіе распоряженія генерала Сакена, служили благодарственный молебенъ по случаю [1]) успѣшнаго отраженія бомбардировки и осады непріятельской. Данъ былъ приказъ, чтобы для сего отъ каждой роты явилось по одному человѣку изъ генераловъ и офицеровъ, кто можетъ. Молебенъ служилъ одинъ только іеромонахъ, тогда литургисавшій. Больше духовенства не было въ церкви; может быть, не было оповѣщено о томъ.—Сказываютъ, что оберъ-священ-

[1]) Исполненія 120 дней защиты Севастополя.

никъ для настоящаго времени назначилъ для всего своего духовенства,—морскаго и сухопутнаго, старшаго священника Владимірскаго полка, протоіерея Петра Мацкевича.

26-е января. Все встревожилось слухомъ имѣющей открыться со стороны непріятелей новой бомбардировки, такъ что семейные офицеры нѣкоторые, получивши было на нѣсколько дней отпускъ въ Симферополь, отказались отъ своихъ отпусковъ, чтобы не утерять дорогаго времени. Мнѣ не могли объяснить причины этой тревоги сами тѣ офицеры, коихъ она остановила отъ поѣздки. Одинъ отвѣтъ: „по всему видно". 26-го же января нечаянно, но пріятно изумлены были взрывомъ другаго рукава непріятельской мины, которую вели на 4-й бастіонъ нашъ. Неизвѣстно, хотѣли ли они взорвать нашу мину, которая была только въ 6-ти саженяхъ, или это случилось отъ неосторожности ихъ. Но взрывъ былъ большой и весь обратился на самихъ же непріятелей, вѣроятно, съ немалымъ вредомъ.

27-е января. Узнавъ, что сестры милосердія водворились и получили отъ придворной конторы Ея Высочества, в. кн. Елены Павловны увѣдомленіе о назначенныхъ къ общинѣ Вашимъ Высокопреосвященствомъ духовникахъ, я вошелъ съ ними въ сношенія и посѣщаю больныхъ. Въ госпиталяхъ все теперь улучшено до превосходной степени, и нѣтъ опущеній ни по одной части. Духовниковъ есть всякихъ изъ монашествующихъ, армейскихъ священниковъ—назначенныхъ, и отъ своего усердія ищущихъ участія. Надѣюсь быть въ этой службѣ полезнымъ, если не постояннымъ тамъ присутствіемъ, что для меня и невозможно, то наблюденіемъ за духовниками. Премило обращаются сестры съ своими паціентами. Я самъ былъ вчера свидѣтелемъ, какъ одна изъ нихъ, трепля матроса по щекѣ, называла его голубчикомъ и другими любезными именами, какъ другаго заохотчивала идти на вылазку. Больные, забывая боль, радостно улыбаются при такихъ любезностяхъ. Не безъ сестеръ было у насъ пока прибыли и настоящія сестры. Три чисто свѣтскія дамы, у которыхъ достало геройства не бѣжать изъ Севастополя, являлись по временамъ для услугъ раненымъ на перевязочномъ пунктѣ. Но вотъ какая исторія случилась съ ихъ па-

тріотизмомъ. За недостаткомъ рукъ, раненные ожидали для перевязки очереди. Одинъ матросъ уже былъ близокъ къ этой счастливой минутѣ, какъ вдругъ вносятъ раненнаго француза. Наши сестры всѣ три разомъ бросаются съ французскимъ блеяньемъ къ французу, оставивъ своего. Матросъ разразился гнѣвомъ и посыпалъ въ слухъ всѣхъ самою красною русскою бранью; наши незванныя сестры бросили тогда и француза, съ которымъ, вѣроятно, хотѣлось поболтать, и больше не являлись въ госпиталь, оставивъ и Севастополь.

По усмотрѣнной надобности, я отослалъ сестрамъ нѣсколько иконъ для комнатъ устроеннаго въ Николаевской батареѣ госпиталя.

Попеченія Двора о раненныхъ безпримѣрны. Великая княгиня Елена Павловна, узнавъ, что солдаты любятъ сбитень, заказала харьковскому купцу доставить для этого все нужное въ Севастополь, какъ-то: котелокъ, медъ, листъ лавровый и пр., даже отыскать хорошаго мастера этого дѣла. Великая княгиня Марія Павловна пожертвовала весь большой запасъ сигаръ покойнаго ея супруга.

Государь Императоръ прислалъ въ даръ Севастопольской библіотекѣ 7-мь картинъ бывшихъ въ Крыму военныхъ дѣйствій: 1-е Алминское сраженіе, 2-е Инкерманское сраженіе, 3-е Балакливинское сраженіе (дѣло Липранди), остальныя представляютъ съ разныхъ сторонъ бомбардировку Севастополя. Превосходная работа и виды; но на нихъ непріятели выставили, можно сказать, однихъ себя, даже, напр., въ дѣлѣ съ Липранди.

29-е января. Я подалъ генералу Сакену докладную записку о священникѣ Манжелеѣ, о которомъ въ Симферополѣ распространился слухъ, что онъ подвергался отъ евпаторійскихъ непріятелей тяжкимъ обидамъ и опасностямъ жизни, о чемъ доносилъ вамъ о. Михаилъ Родіоновъ. Генералъ обѣщалъ поэтому сдѣлать, что можно будетъ, и узнать о евпаторійскомъ духовенствѣ. При мнѣ же онъ сдѣлалъ объ этомъ распоряженіе.

Въ Херсонеской церкви засѣли было французскіе стрѣлки. Необходимость заставила стрѣлять по церкви, отъ которой теперь осталась только часть стѣнъ. Кладбищную Господь хранитъ.

На домъ церковный напали было наши солдаты, но я просилъ воспретить разореніе. Богъ вѣсть, поможетъ ли это.

Адмиралъ Нахимовъ, который доселѣ, можно сказать по своему капризу, оставался безъ назначенія, назначенъ товарищемъ Сакену.

Художникъ Тимъ, который теперь работаетъ въ Севастополѣ, снялъ съ Нахимова портретъ въ церкви, во время обѣдни. Чтобы убѣдиться въ успѣхѣ, онъ показалъ одну голову Нахимова, окутавъ ее въ холстъ, и когда тотчасъ узнали въ ней персону, которая не давалась на портретѣ, то и самъ убѣдился въ успѣхѣ. Неизвѣстно, какъ покажется эта продѣлка адмиралу Говорятъ, впрочемъ, что онъ будетъ очень доволенъ. Объ немъ много мнѣній — и противныхъ. На половину во флотѣ онъ имѣетъ и противниковъ и приверженцевъ.

Вчера, проходя мимо Михайловской церкви, замѣтилъ въ ней у самого амвона большой на высокомъ подножіи крестъ. Въ церкви я могъ только узнать, что такихъ два креста прислано изъ Москвы, для чего—это мнѣ сказалъ самъ крестъ. На передней сторонѣ внизу надпись: „симъ побѣждай". На другой: подобіе креста, принесеннаго княземъ Владиміромъ изъ Херсонеса. На самомъ перекрестьи, въ ободкѣ, изображеніе распятія Господня. По четыремъ концамъ, въ меньшихъ ободкахъ, лики 12 апостоловъ, по четыре на каждомъ концѣ. На краяхъ каждаго изъ 4-хъ концовъ ободки по больше, въ которыхъ на верхнемъ—Господь на тронѣ, на нижнемъ—сошествіе во адъ, на правой и лѣвой сторонахъ—еще два апостола: Матѳій и Іуда Алфеовъ. На оборотной сторонѣ креста въ самомъ перекрестіи: Успеніе Божіей Матери, 12-ть апостоловъ, изъ лицевой стороны имъ соотвѣтствуютъ 12 серебряныхъ звѣздъ; на оконечностяхъ же 4-хъ концевъ креста: 4-е праздника Господнихъ, въ ободкахъ. Предъ крестомъ поставлены два подсвѣчника. Явленіе подобнаго знамени, хотя не на небѣ, сильно воодушевитъ воинство, еслибы только ему растолковали это; впрочемъ, для грамотнаго крестъ понятенъ, стоитъ только подойти къ нему.

Всѣ эти дни погода стоитъ большею частію ненастная. Пасмурно, сыро; или снѣгъ, который тотчасъ обращается въ

воду, или самый дождь. Не это ли удерживаетъ непріятеля отъ новой бомбардировки и штурма? А что удерживаетъ нашихъ, одинъ Богъ про то вѣдаетъ.

Бѣглецы изъ непріятельскаго лагеря являются, даже совершенно здоровые и одѣтые.

30 января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо. 7-е.

Я осмѣлился положить въ казенный пакетъ прошеніе священника Демяновича, чтобы освободить его отъ путешествія въ Сѣверное укрѣпленіе, гдѣ принимается теперь подобная и денежная корреспонденція.

Бакчисарай и Лаки до сего часа задерживаютъ меня въ годовой отчетности, откуда не получилъ еще ничего, хотя писалъ два раза.

Вотъ и еще нѣсколсо замѣтокъ за два дня послѣ письма отъ 31-го января.

Пронесся слухъ, что у Евпаторіи было дѣло съ отрядомъ Омера-Паши, которое рѣшилось въ пользу нашу, хотя, за отсутствіемъ пѣхоты, кавалеріи нашей было трудно и она потеряла до 200 человѣкъ. И другой слухъ, что близъ Евпаторіи же выброшено 2 непріятельскихъ транспорта. Одинъ баркасъ съ 60 англичанами присталъ къ берегу и сдался военно-плѣннымъ; другой держался къ Евпаторіи и долженъ былъ погибнуть.

Подтвержденія этому еще нѣтъ, по крайней мѣрѣ я не могъ дознать, но на чемъ нибудь слухъ держится.

1-го февраля нашими выстрѣлами на французской батареѣ взорванъ пороховой погребъ, что тотчасъ возвѣщено крикомъ „ура" съ 5-го бастіона, съ котораго палили по этой батареѣ.

Того же числа слышны были съ непріятельскихъ судовъ у Камышевой бухты салютные выстрѣлы, вѣроятно новоприбывшему дессанту или начальнику онаго. Ибо сегодня и вчера замѣчено въ приходѣ 3 корабля и 4 фрегата. Однако новыя подкрѣпленія мало придаютъ бодрости старымъ нашимъ гостямъ. Бѣглецы изъ ихъ лагеря есть каждый день, особенно счастлива ловля на нихъ на позиціяхъ Липранди и Киріакова.

Въ госпиталяхъ духовныя требованія для раненныхъ выполняются тщательно, въ томъ числѣ и мною. Я уже бывалъ во всѣхъ больницахъ нашей городской стороны, и сейчасъ только съ перевязочнаго пункта, гдѣ исповѣдывалъ и пріобщалъ 6-ть и только исповѣдалъ 2-хъ. Крайне трудныхъ или безнадежныхъ кладутъ въ особомъ отдѣленіи, и крайне трудно дышать ихъ воздухомъ.

По городу непріятели стали стрѣлять чаще, особенно ночью, что впрочемъ для бодрствующихъ безопаснѣе, чѣмъ днемъ.

Великій князь Николай Николаевичъ назначенъ начальникомъ всѣхъ фортовъ и батарей на Сѣверной сторонѣ.

3-е февраля 1855 г.

Письмо 8-е.

Объ іеромонахахъ флотскихъ и запасныхъ, о коихъ по приказанію вашего высокопреосвященства, спрашиваетъ меня архимандритъ Діонисій [1]), узналъ и не медля представляю слѣдующее свѣдѣніе. За майскую треть жалованье хотя получено экономомъ, но онъ не успѣлъ записать его въ книгу и роздать іеромонахамъ, такъ какъ монастырь [2]) остался въ плѣну и жалованье тамъ. За сентябрьскую треть получено чрезъ вице-адмирала Нахимова, по запискѣ о томъ, поданной игуменомъ Георгіемъ. Но это жалованье однихъ *флотскихъ іеромонаховъ*, которое получается изъ *Севастопольской Кригсъ-Комисаріатской части*. Запасные же іеромонахи, коимъ жалованье выдается изъ *Херсонской Комиссаріатской комиссіи* и требуется консисторіею, ничѣмъ не удовлетворены со времени нахожденія монастыря въ плѣну. Еще отпускается на Балаклавс. Георгіевъ монастырь, по числу 24 іеромонаховъ, сумма изъ *Ялтинскаго уѣзднаго казначейства* (на отопленіе, освѣщеніе и проч.), которая также, по случаю нахожденія монастыря въ плѣну, не была требуема. Отъ флотскихъ командъ, при которыхъ состоятъ находящіеся теперь въ Севастополѣ іеромонахи, они пользуются порціонны-

---

[1]) Экономъ одесскаго архіерейскаго дома, въ послѣдствіи настоятель Боровскаго монастыря Калужск. губерніи.

[2]) Балаклавскій, къ которому приписаны флотскіе іеромонахи.

ми по 19 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ іеромонаха Лаврентія, который поступилъ въ комплектъ таковыхъ только ко смерти іеромонаха Палладія, котораго заступилъ мѣсто. Я давно говорилъ о. игумену Георгію, чтобы онъ о нуждахъ іеромонаховъ и вообще объ ихъ положеніи и службѣ, какую кто гдѣ несетъ, писалъ нашему высокопреосвященному, но онъ, не имѣя бумаги на званіе благочиннаго, которымъ именуется по старшинству, не смѣетъ и считаетъ это не позволительнымъ дерзновеніемъ. Между тѣмъ человѣкъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшій

Вотъ и еще письмо изъ Георгіевскаго монастыря съ увѣдомленіемъ о полученіи посылки.

Ихъ Высочества, узнавъ только отъ іеромонаха Никандра о возникшей съ монастыремъ перепискѣ и въ чемъ именно тамъ нуждаются, изъявили желаніе послать еще 5 фунтовъ чаю и также чрезъ меня. Я отвѣчалъ отцу Никандру, что прямѣе будетъ отослать чай прямо къ Сакену, чтобы мнѣ не безпокоить его частымъ посвщеніемъ, что, кажется, и сдѣлано.

Великіе князья на первой седмицѣ говѣли и слушали служеніе въ своей квартирѣ, для чего, по собственному ихъ выбору, вытребованъ былъ іеромонахъ Никандръ, который въ первые дни прибытія въ Севастополь Ихъ Высочествъ обратилъ на себя вниманіе на перевязочномъ пунктѣ Синопскимъ знакомъ отличія. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ мнѣ его товарищъ, іеромонахъ Веніаминъ, который также стоялъ, но безъ этого знака, ибо поспѣшилъ вмѣстѣ съ вещами отправить его въ монастырь. Объ этомъ Святогорскомъ іеромонахѣ писала княгиня Татьяна Борисовна Потемкина, которой онъ есть кліентъ. Впрочемъ и безъ всего этого о. Никандръ—іеромонахъ прекрасный. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи для Ихъ Высочествъ устроена церьковь, гдѣ въ пятницу они слушали преждеосвященную, а въ субботу пріобщались. Въ оба эти дня я отпускалъ туда своего діакона Подольскаго, которымъ, какъ и о. Никандромъ, в. князья остались очень довольны. Не могу умолчать при этомъ, что Ихъ Высочества, слушавъ въ среду литургію преждеосвященныхъ въ Михайловской церкви, остались недовольны бывшимъ тамъ служеніемъ, чего не скрыли отъ о. Никандра, отъ котораго я слы-

шалъ объ этомъ. Генералъ же Философовъ, тутъ же, въ церкви послѣ служенія замѣтилъ протоіерею, какъ много они отступаютъ отъ устава церкви. Служилъ полковой священникъ, такъ какъ солдаты говѣли, а извѣстно, что изъ армейскихъ священниковъ весьма немногіе знакомы съ этой литургіей. Все же виноватъ хозяинъ церкви.—Всѣ церкви наши (а ихъ всего три) наполнены говѣющими солдатами. Кромѣ того совершаются богослуженія для этой цѣли на корабляхъ, въ казармахъ и въ Красильникова домѣ, гдѣ вездѣ пріобщаютъ дарами преждеосвященными. Изъ своей церкви я выдалъ іеромонахамъ 5 чашъ. На второй недѣлѣ всѣ должны отговѣться.

13-е февраля 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 9-е.

О крестовоздвиженской общинѣ сестеръ должно сказать, что она несетъ добровольно поднятый крестъ съ безграничнымъ усердіемъ и христіанскимъ самопожертвованіемъ. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторымъ изъ нихъ начинаютъ измѣнять силы ихъ, чему причиною самая тяжесть креста, въ иной день и чрезъ мѣру тяжелаго. Одна изъ нихъ вчера слегла, другая—сегодня. Сама начальница Екатерина Михайловна Бакунина (генеральская дочь, внучка Кутузова, пожилая дѣвица), кромѣ надзора за другими, принимаетъ на себя обязанность дежурной сестры по два дня сряду, и только въ третій день остается при однихъ общихъ обязанностяхъ своихъ. Вся община доселѣ состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій, естественно образовавшихся отъ трекратнаго отправленія ихъ изъ столицы; ибо при каждомъ отправленіи для экспедиціи назначалась начальница надъ сестрами, медики при нихъ, помощница начальницы и проч., что все осталось отдѣльной корпорацiей и на мѣстѣ. Въ Севастополѣ сестры 2 и 3 отдѣленія. При семъ послѣднемъ и я служу оффиціально по милостивому вашему назначенію, съ тѣхъ собственно поръ, какъ Бакунина получила отъ великой княгини Елены Павловны увѣдомленіе о моемъ и о. Инокентія назначеніи, который и теперь труждается, какъ и прежде сего, на Сѣверной сторонѣ. О столѣ и прочемъ довольствіи каждаго отдѣленія се-

стеръ печется старшій медикъ отдѣленія. Всю общину возглавляетъ докторъ Пироговъ, уважаемый и любимый сестрами и медиками своими. Послѣднее слово я употребилъ потому, что медиковъ для общины Пироговъ самъ выбралъ и всѣ они преимущественно воспитанники московскаго университета. Потому имъ однимъ ввѣрилъ главный перевязочный пунктъ и на нихъ теперь исключительно лежитъ весь трудъ операцій,—трудъ до того тяжелый, что медики, сколько ни усердны къ своему долгу и богаты чувствами христіанскими (это послѣднее дѣлаетъ большую честь выбору Пирогова), но замѣтно упадаютъ въ физическихъ силахъ, хотя всѣ люди молодые. Одинъ уже трудно боленъ, и другіе начинаютъ жаловаться на слабость здоровья. Каждый день (иногда два и три раза) бывая на перевязочномъ пунктѣ, я очевидецъ трудовъ медиковъ и сестеръ общины. Страданія и вопли раненныхъ, когда только вносятъ ихъ въ операціонную, краснорѣчивѣе всякаго слова говорятъ сердцу христіанскому, и всѣ дѣлаютъ свое дѣланіе многосуетливое въ молчаніи. Если приходится иногда обмѣняться какимъ либо словомъ, и притомъ словомъ христіанскаго утѣшенія, то это въ весьма немногихъ промежуткахъ. Но на это нуженъ даръ слова и особое умѣнье, а я не могу похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ. Что же я дѣлаю, спросите, въ качествѣ духовника крестовоздвиженской общины? Снабдивъ палаты больныхъ иконами, большія изъ нихъ снабдилъ и лампадками, для которыхъ масло съ охотою покупаютъ сами больные, у кого только есть какая копѣйка. Исповѣдываю и пріобщаю больныхъ,—случалось и по 15 человѣкъ въ одинъ разъ. Ежедневно посѣщая больныхъ, стараюсь поговорить съ каждымъ изъ нихъ, при чемъ съ большою пользою для себя и для нихъ, знакомлюсь съ ихъ мыслями и чувствами, а между тѣмъ незамѣтно располагаю къ себѣ самихъ больныхъ, что нахожу въ служеніи моемъ всего важнѣе. Иногда они не объявляютъ желанія приступить къ св. таинствамъ по самой наивной причинѣ, о которой еще болѣе странно слышать отъ человѣка, котораго всѣ окружаютъ живымъ и безмезднымъ участіемъ. Что-жь, батюшка, говоритъ больной тихо и какъ бы по секрету, денегъ нѣтъ. Другой хочетъ еще по-

жить и боится св. причащенія, какъ напутствія къ смерти. Удивительно перемѣшано невѣжество съ немощами человѣческими! Съ наступленіемъ же великаго поста была надобность многихъ открыто, въ присутствіи сестеръ и медиковъ, убѣждать, чтобы не брезгали скоромной пищею, необходимою для больного столько же, какъ и самое лѣкарство, и которая одна для нѣкоторыхъ составляетъ лѣкарство. Въ одномъ необходимо дико выраженное чувство патріотизма исправить. Напримѣръ, сегодня спрашиваетъ меня раненный, лежащій подлѣ раненнаго француза: „батюшка! французъ—яка то вира? Отвѣчаю: французы христіане, католики.—Яки жъ воны христіаны? Я-бъ его повисывъ". Какъ можно такъ говорить, когда у него нѣтъ оружія въ рукахъ, и онъ, какъ и ты, безъ ноги. „Ей Богу, повисывъ бы". Въ другомъ нужно дивиться, какъ оно выражается прекрасно. Кіевской губерніи однодворецъ, и притомъ католикъ, которому только что сдѣлана операція, говоритъ ко мнѣ: „вотъ руки нѣтъ, но пойду, непремѣнно пойду съ одной рукой. Я старый солдатъ, долженъ показывать примѣръ молодымъ". И залился бѣдный слезами не столько отъ боли, сколько отъ досады, что не скоро уже будетъ въ траншеяхъ. Потомъ продолжаетъ: „въ Венгріи заслужилъ медаль, на Дунаѣ заслужилъ, и здѣсь отъ Императрицы получилъ", и указываетъ при этомъ на иконку у себя на шеѣ. Притомъ я узналъ, что отъ имени Императрицы были розданы солдатамъ иконки для ношенія на шеѣ, какихъ много продается въ Кіевѣ въ родѣ крестиковъ шейныхъ. Между тѣмъ солдаты, какъ вижу изъ этого примѣра, цѣнятъ это, какъ знакъ отличія. Какъ легко поощрить простую душу нашего солдата! Можно ли подобнымъ образомъ поощрить француза или англичанина? Вообще служеніемъ на этомъ поприщѣ я очень доволенъ: чувствую, что оно наполняетъ пустоту собственной моей души. Чтобы скорѣе войти въ духовный союзъ съ сестрами, я попросилъ списокъ ихъ именъ и поминаю, гдѣ слѣдуетъ.

Сестра Травина съ умиленіемъ вспоминаетъ о милостивомъ къ ней вниманіи вашемъ и бесѣдахъ, кои имѣла счастіе слышать въ Харьковѣ. Она помощница Бакуниной.

Каждая сестра имѣетъ у себя *клятвенное обѣщаніе* и *обязанности* печатныя. Если они вамъ неизвѣстны, то я доставлю. Я списалъ для себя.

8-го февраля, во вторникъ первой седмицы, ожидали отъ непріятелей давно ожидаемой новой бомбардировки. Если они дѣйствительно къ тому были готовы, то Господь занялъ ихъ. Утро насъ встрѣтило не бомбардировкой, а сильнымъ холодомъ и снѣгомъ, съ сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ и во всю ночь, между тѣмъ какъ предъ этимъ были дни настоящіе лѣтніе. Видимо бдитъ надъ нами Промыслъ Божій, напр., и въ этомъ: 10-го февраля бомба пала предъ самыми воротами церковными и вырыла большую яму, между тѣмъ какъ церковь была полна говѣющихъ солдатъ, которые стали выходить отъ обѣдни уже по минованіи этой смерти напрасной.

Ночью на 10-е февраля, не бывъ примѣчены непріятелями, мы построили за Киленбалкой что на Инкерманѣ, впереди нашего бастіона № 2, новую батарею, которая должна дѣйствовать во флангъ непріятельскихъ батарей и прикрывать отъ нихъ корабли наши, стоящіе въ Сѣверной бухтѣ. Это обстоятельство было весьма важное для насъ и для непріятелей. Неуспѣли порадоваться успѣху, какъ ночью на 12-е февраля непріятели бросились на эту батарею штурмомъ. Къ счастію, секретная цѣпь открыла ихъ движеніе. Командиръ волынскаго полка, генералъ Хрущевъ построилъ своихъ солдатъ, составляющихъ прикрытіе батареи, и воодушевивъ ихъ краткою рѣчью, выждалъ враговъ на ближайшій выстрѣлъ и принялъ такимъ ужаснымъ огнемъ, что плѣнные доселѣ удивляются этому ужасу. Впрочемъ успѣли было взойти и на батарею, на которой оставили 63 тѣла. Такъ же , какъ встрѣтили, и проводили непріятелей до ихъ траншей. Въ дѣлѣ, кромѣ Волынскаго полка, участвовали еще два баталіона Колыванскаго, бывшихъ на работѣ, которые потому дѣйствовали—и прекрасно—не оружіемъ, а кирками, лопатами и ломами. Потерю непріятелей полагаютъ въ 500 или 600 человѣкъ, а весь отрядъ состоялъ изъ 6-ти тысячъ, подъ начальствомъ генерала Тома. Въ плѣнъ взято 21 и 7 офицеровъ, въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ, нашу потерю полагаютъ уби-

тыми и раненными въ 120 или 150 человѣкъ, офицеровъ убитыхъ нѣтъ, раненныхъ 5-ть. Вообще это дѣльце считаютъ славнымъ. Каково же будетъ идти штурмомъ на весь Севастополь, если только что возникшая батарея обошлась непріятелю дорого и въ руки не далась!

Всячески заграждаютъ путь непріятелямъ на рейдъ. Вотъ и еще 12 сего февраля затопили противъ Николаевской батареи 2 корабля и 1 фрегатъ, и за ними поставили въ линію три вооруженныхъ корабля противъ Павловской батареи. Такимъ образомъ входъ на рейдъ загражденъ теперь тремя преградами: 1) прежде затопленными судами противъ Константинопольской батареи, 2) бономъ двойнымъ противъ Михаиловской батареи и 3) вновь затопленными судами противъ Николаевской батареи, за которыми стоятъ вооруженные и приготовленные къ бою корабли, коихъ впрочемъ всего теперь на лицо съ фрегатами 8, 9-ть. Вѣроятно видятъ опасность, что употребляютъ такія крайнія средства. Мимоходомъ я слышалъ объ этомъ ожиданіи матросовъ: „это ничего, говорятъ, только устоялъ бы Севастополь, а онъ (т. е. непріятель) долженъ тогда непремѣнно корабли за корабли намъ привести и поставить.

Что то опять стали побуждать женскій полъ къ выѣзду.

О Евпаторійскомъ дѣлѣ у насъ разсказываютъ вещи довольно пріятныя, между тѣмъ, о. Михаилъ Родіоновъ (протоіерей) изъ Симферополя пишетъ объ этомъ ужасы. Странно!

Объ о. Ананіѣ Менжелеѣ еще ничѣмъ не извѣщенъ я отъ генерала Сакена, къ которому обращался о немъ.

Сейчасъ слышалъ, что и Пироговъ занемогъ. Впрочемъ кто теперь не изнемогаетъ?

Слышимъ и вѣруемъ, что вы непрестанно возносите теплыя молитвы ваши о градѣ нашемъ, которыми да укрѣпитъ милосердый Господь всякаго изнемогающаго.

Ихъ Высочества оба въ дѣйствительной службѣ въ Севастополѣ. Николай Николаевичъ—начальникъ Сѣверныхъ укрѣпленій по инженерной части, а Михаилъ Николаевичъ по артилерійской.

Г. Севастополь

Письмо 10-е.

Успѣшное дѣло 12-го февраля, отданнымъ по арміи приказомъ, приписывается преимущественно мужеству и храбрости генерала Хрущова, который былъ самъ впереди своего полка. Непріятельскій отрядъ состоялъ изъ охотниковъ, воодушевленныхъ спиртомъ, отъ котораго уже въ плѣну нѣкоторые нескоро отрезвились.

Выше и лѣвѣе отстояннаго Хрущевымъ редута, генералъ Сакенъ возводитъ новый редутъ, на который непріятели еще не покушались. Оба они находятся по ту сторону Киленбалки и будутъ дѣйствовать во флангъ непріятельскихъ батарей, и могутъ дать возможность оттѣснить враговъ съ высотъ сѣверной бухты.

Достойна примѣчанія благочестивая тактика Сакена при всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ. Отдавъ, напр., приказаніе на такомъ-то пунктѣ поставить батарею, тотчасъ служитъ молебенъ и проситъ Божія благословенія. По успѣшномъ окончаніи, не медля посылаетъ за священникомъ и Бога благодаритъ. Это я знаю отъ полковаго священника, который, квартируя чрезъ дорогу отъ Сакена, постоянно занимается у него служеніемъ.

Вчера проводилъ на Сѣверную одну сестру Крестовоздвиженской общины, умершую отъ тифозной горячки. Тамъ слышалъ, что для кн. Меньшикова приготовлены лошади и что онъ уѣзжаетъ въ Симферополь. Зачѣмъ и на долго-ли? это оставалось вопросомъ. Тамъ же слышалъ, что ракеты непріятельскія 15-го февраля достигали квартиры какъ главнокомандующаго, такъ,—что еще дальше,—и великокняжеской, и что будто бы квартира для Ихъ Высочествъ будетъ на Бельбекѣ.

Для предохраненія кораблей отъ этихъ зажигательныхъ стрѣлъ, палубы настланы мѣшками съ землею въ два ряда, и, не смотря на то, на кораблѣ „Константинъ" упавшая ракета пробила первую палубу. Страшная разность послѣднихъ ракетъ противъ прежнихъ та, что бываютъ видимы только до послѣдней высоты, потомъ, вдругъ потухая, стремятся съ такою быстротою, что даже по шуму нельзя замѣтить ихъ направленія

и остеречься, какъ можно было отъ прежнихъ; 14 и 15 числа бросали ихъ вечеромъ въ продолженіи часу, но пожара нигдѣ не произвели, и смертныхъ случаевъ было только три.

16-го числа греческіе волонтеры вступили въ городъ и поставлены на позицію. Матросы и солдаты не могутъ надивиться ихъ наряду, называя просто „маскерадомъ". Они же, греки, утверждаютъ, что Омеръ-Паша разошелся съ союзными начальниками въ Евпаторіи и ушелъ въ Константинополь, чтобы представить султану, какому униженію союзники подвергаютъ турецкую армію въ Крыму, и отсюда ожидаютъ важныхъ послѣдствій.

Гробокопатели сѣвернаго кладбища (солдаты) хвалились мнѣ, что великіе князья, бывъ однажды на могилахъ, приказали копать ихъ какъ можно ближе одна къ другой и не разширять кладбища, потому что эти могилы послѣ всѣ сравняются и надъ ними будетъ насыпанъ общій курганъ, на которомъ поставится общій памятникъ.

Имена убитыхъ 24 октября удобнѣе всего возымѣть чрезъ генерала Сакена, который можетъ истребовать ихъ отъ полковыхъ командировъ. Мысль о церкви въ память убіенныхъ всѣмъ и каждому по сердцу.

Греки потерю свою подъ Евпаторіей полагаютъ въ 39 раненныхъ и 9 убитыхъ. Умеръ отъ ранъ Хрисовери—въ Симферополѣ.

Болѣе ничего особеннаго.

19 февраля 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 11-е.

Въ ночь на 22-е февраля Ихъ Высочества изволили опять отправиться въ С.-Петербургъ, по случаю болѣзни Государыни Императрицы. Вѣстникъ о семъ прибылъ вечеромъ 21-го февр., а чрезъ нѣсколько часовъ великіе князья уже оставили Севастополь, о чемъ узнали мы уже на другой день.

Кн. Меньшиковъ выѣхалъ въ Симферополь собственно для поправленія своего разстроеннаго здоровья.

Должность главнокомандующаго занимаетъ генералъ Сакенъ, котораго квартиру 20 февраля нашла непріятельская ракета, упавшая въ залу, гдѣ и была потушена.

20 и 21-го февр., еще удалось нанести вредъ непріятельскимъ минамъ, которыя въ двухъ мѣстахъ взорваны.

22 февр. непріятели, устроивъ батарею выше пороховой балки, открыли огонь по пароходу „Херсонесу", стоявшему въ сѣверной бухтѣ къ Инкерману. Хотя пароходъ и наши батареи съ другой стороны бухты заставили французскую батарею замолчать, но пароходъ получилъ 6 пробоинъ, 2 убито и 3 ранено.

Инкерманская Киновія доселѣ невредима, Херсонская въ развалинахъ. Кладбищная церковь цѣла. Но домъ кладбищный—новый и старый—нельзя было сберечь отъ хищничества нашихъ же солдатъ (непріятельская нога тамъ еще не была). Потому я наконецъ согласился на предложеніе начальника штаба, князя Васильчикова, чтобы эти строенія были разобраны по распоряженію военнаго начальства, въ чемъ мнѣ будетъ выдана квитанція. По крайней мѣрѣ будетъ надежда на вознагражденіе отъ казны.

Всѣ три недѣли поста говѣютъ у насъ солдаты, для коихъ служатъ армейскіе священники, и потому мы въ это время, для духовенства не бездоходное, еще паче оскудѣваемъ, при дороговизнѣ; потому опять необходимость заставила помочь причту изъ церковной суммы. Діаконъ Подольскій 22-го февраля отправилъ свое семейство въ Одессу, къ чему теперь всѣхъ побуждаетъ начальство. И въ этомъ нужно было помочь ему отъ церкви.

23-го февраля нежданное искушеніе постигло меня. Опуская въ ящикъ вырученные свѣчепродавцемъ деньги, я замѣтилъ, что снурокъ припечатанный былъ перерѣзанъ. Оказалось, что ящикъ былъ выдвинутъ съ помощію долота, но такъ, что внутренній замокъ совершенно цѣлъ. По соображеніи обстоятельствъ, воровство сдѣлано сего числа предъ утреней, когда сторожъ въ пономарнѣ разводилъ огонь, и по всей вѣроятности солдатами, которыми отъ утра до вечера наполнена церковь. Къ счастію, сумма въ ящикѣ была не такъ значительна, только за 8-мь дней, и потому, чтобы не оглашать, что въ Севастополѣ въ настоя-

щемъ его положеніи есть люди столько небогобоязненные, я, по согласію съ причтомъ, разсудилъ безъ суда по немногу восполнять эту потерю, къ которой съ нашей стороны не было никакихъ опущеній.

25-е февраля. Утро. Сей-часъ пріѣзжалъ въ церковь г. Станюкевичъ отслужить благодарственный и напутственный молебенъ. Что значитъ?—спрашиваю. Почти со слезами (оч. разстроенъ старикъ) онъ разсказалъ о непріятностяхъ съ Сакеномъ и Нахимовымъ, вслѣдствіе чего онъ просилъ кн. Меньшикова объ увольненіи, и получилъ повелѣніе ѣхать въ Николаевъ впредь до особаго о немъ распоряженія, передавъ власть свою Нахимову.

О кн. Меньшиковѣ сказалъ мнѣ Станюковичъ, что онъ изъ Симферополя ѣдетъ въ Николаевъ и что онъ серьезно боленъ.

24 февр. 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 12-е.

Ппроеніе отъ имени православныхъ жителей Крымскаго полуострова „Святѣйшему Правительствующему Сvноду“ я получилъ 25 февраля [1]). Разсуждая высокую возможность этой бумаги, которою устрояете высокое благо сей страны, и прежде прошенія отечески предваряете нужды, я нашелъ лучшимъ предварительно испросить вашего наставленія, какъ именно поступить съ этой бумагой, хотя само собою ясно, что она прислана для подписи. Глубокія соображенія, мысли и чувства, кои влагаете въ уста православныхъ жителей Крыма, такого рода, что прежде всего они должны быть подписаны такими лицами, кои способны, по образованію своему, дѣлать подобныя соображенія и приходить къ такимъ мыслямъ и чувствамъ, или, по званію своему, даже обязаны, напр., лицами начальственными и сословіемъ дворянъ, которые уже обязаны руководить и своихъ подручныхъ. Быть ли здѣсь подписи духовенства? Если быть, то на какомъ мѣстѣ? Не предложить ли первому подписаться преосв.

[1]) Прошеніе это о возстановленіи древнихъ святынь Крыма редактировано самимъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, который находилъ болѣе удобнымъ, чтобы иниціатива дѣла исходила отъ мѣстныхъ жителей.

митрополиту Агаѳангелу, который, жительствуя здѣсь около 35 лѣтъ, справедливо можетъ назваться крымскимъ жителемъ? Слѣдуетъ ли пригласить къ подписи лицъ военныхъ, каково теперь все временное наше начальство, въ томъ числѣ и исправляющій должность губернатора вице-адміралъ Нахимовъ? За исключеніемъ военныхъ, въ настоящее время въ Севастополѣ православныхъ можно найти только въ сословіи купцовъ и мѣщанъ. Затѣмъ эту подпись въ моемъ вѣдомствѣ можно продолжить въ Бакчисараѣ и въ другихъ деревняхъ. Какъ примѣрно она должна быть числительна? и какъ скоро прошеніе должно быть возвращено къ вамъ? Въ присланномъ прошеніи въ формѣ подписи слово „нижайшіе" послушники зачеркнуто вами: не нужно ли поэтому прошеніе переписать вновь, или оно будетъ только черновое и частное? Ибо, вѣроятно, не мнѣ одному поручаете сдѣлать подпись жителей всего полуострова. Простите, если найдете между сими вопросами вопросы пустые.

Въ обстоятельствахъ нашихъ военныхъ ничего особеннато не случилось, ожидаютъ кн. Горчакова и думаютъ, что кн. Меньшиковъ уже не возвратится къ командованію крымскою арміею.

Ввереди Корнилова бастіона нами укрѣпляется еще одна высота, не занятая непріятелями, которые этимъ, примѣтно, очень обезпокоены. Уже сутки не прекращается тамъ огонь, подъ которымъ наши работы уже оканчиваются. Французскіе начальники суетливо разъѣзжаютъ у этой мѣстности.

Служеніе сестеръ и наше духовное идетъ исправно. На перевязочный пунктъ, на которомъ я бываю ежедневно, съ 25 генваря по 25-е февраля поступило раненныхъ 450 человѣкъ, хотя важнаго дѣла въ это время никакого не было.

Вдовѣ—протоіерейшѣ Гавриловой ваше предложеніе мною передано; она просила времени подумать объ этомъ. Съ слѣдующей почтой буду отвѣчать, объяснивъ подробно и ея настоящее положеніе.

1-го марта утромъ узнали мы поразительно печальную вѣсть о смерти Государя Императора. Сейчасъ проходя домой съ перевязочнаго пункта, гдѣ всѣ безмолвствовали или не вѣрили, я

увидѣлъ, что проходили войска къ Михайловской церкви, но еще ни о какомъ распоряженіи по этому печальному случаю не знаю при отправленіи этого письма на почту. Теперь, безъ сомнѣнія, когда все будетъ обложено мракомъ печальнымъ, должно ожидать въ мірѣ настоящемъ перста Божія. Буди воля Господня!

1 марта, 9 часовъ утра. 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 13-е.

Вѣсть о кончинѣ Государя Императора привезена въ Севастополь сыномъ фельдмаршала, князя Паскевича. Приводъ къ присягѣ войскъ и жителей совершался на площади Михайловской церкви и при другихъ церквяхъ, и вездѣ, гдѣ удобнѣе было собирать войска. На Михайловской площади присутствовалъ и преосвящ. митрополитъ, который на другой день участвовалъ и въ совершеніи соборной панихиды по усопшемъ Императорѣ.— Замѣчательно, что за три дня до полученія изъ С.-Петербурга печальной вѣсти, въ лагерѣ непріятельскомъ уже знали о смерти Императора, и чрезъ парламента дали знать объ этомъ въ городъ, но Сакенъ хранилъ это въ тайнѣ. Довольно удивилъ меня полицейскій чиновникъ, пришедшій сказать, что явятся люди для привода къ присягѣ на вѣрность новому Императору. Объ умершемъ онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ замѣтилъ, что такъ надлежало быть по пророчествамъ, и теперь должно ожидать торжества праваго дѣла. На вопросъ:. по какимъ? онъ отвѣчалъ: греческимъ. Онъ изъ грековъ, и я понялъ тогда, какія разумѣтъ пророчества.

Кн. Меньшиковъ гдѣ-то въ Перекопѣ; онъ Высочайше уволенъ, о чемъ дано знать приказомъ по арміи. Кн. Горчаковъ еще не прибылъ.

Съ ночи на 2-е марта почти доселѣ идетъ жаркое дѣло у Корнилова бастіона о новостроющемся впереди его редутѣ нашемъ, очень опасномъ для непріятелей. Каждый день бываетъ много раненныхъ, сегодня же, 7 марта, убитъ контръ-адмиралъ Истоминъ (ему сорвало голову, которой не могли найти). Мѣсто для него,—питомца Лазарева,—готовится тамъ подлѣ адмирала.

Непріятели замѣтно усиливаются на Инкерманской сторонѣ, приготовляясь къ соединенію съ Евпаторійскими врагами. Плѣнные, даже офицеры, находятся въ полной увѣренности, что мы уже отрѣзаны турками. Такъ увѣряютъ ихъ въ лагерѣ.

Прибывшія вновь изъ Симферополя сестры остаются на сѣверной сторонѣ. Тамъ же начальница общины Стаховичъ и іеромонахъ общинскій. Изъ прежнихъ сестеръ похоронилъ я двухъ; изъ прочихъ, благодареніе Богу, иныя выздоравливаютъ, другія здоровы и подвизаются.

Нашъ католическій ксендзъ арестованъ и отправленъ за внушеніе на исповѣди солдатамъ измѣнническихъ мыслей. Не отъ того ли часто бѣгали поляки?

Ночь на 7-е марта была одна изъ ужаснѣйшихъ. Полагаютъ, что непріятелями брошено бомбъ и ядеръ до 4-хъ тысячъ. Идя къ утрени, я едва не подвернулся подъ осколки бомбы, лопнувшей у самыхъ воротъ церковныхъ. Благодареніе Богу, несчатные случаи очевь рѣдки.

Милость Господня и молитвы ваши будутъ защитой нашей и до конца горя.

7 марта 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 14-е.

Прежде всего буду отвѣчать Вашему Высокопреосвященству о присланныхъ вами іеромонахахъ для служенія во флотѣ. Въ слѣдствіе затопленія еще 4-хъ кораблей, о чемъ уже писалъ я, оказались іеромонахи наличные безъ мѣстъ и пріюта: такъ, наораблѣ „Чесмѣ“ состоитъ три Іеромонаха, а на „Константинѣ“ два, собственно потому только, чтобы имъ получать оттуда довольствіе или порціонные деньги, служба же ихъ разбросана, м. сказать, по разнымъ мѣстамъ, гдѣ находятся люди того судна или корабля, на которомъ состоялъ іеромонахъ до существованія корабля и образованія изъ матросовъ баталіоновъ и батарейныхъ командъ. И потому іеромонахи нѣкоторыхъ затопленныхъ судовъ служатъ теперь не столько штатно и на мѣстахъ, сколько номинально и довольствуются отъ командировъ за старую службу. Потому то когда я формально

передалъ волю Вашего Высокопреосвященства благочинному флотскому, игумену Георгію о замѣщеніи новыми іеромонахами тѣхъ, коихъ Вы признали неблагонадежными: то онъ отвѣчалъ мнѣ также формально, что на замѣщеніе таковыхъ неблагонадежныхъ есть наличные іеромонахи, и что онъ впрочемъ поэтому, во всякомъ случаѣ, не можетъ сдѣлать распоряженія безъ предписанія и указанія старшаго благочиннаго надъ духовенствомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму, протоіерея Петра Мацкевича, къ которому онъ и отнесся объ этомъ. Желая ускорить это дѣло и будучи уже знакомъ съ этимъ протоіереемъ, я самъ отправился къ нему на сѣверную, но къ удивленію моему узналъ, что онъ готовитъ репортъ оберъ-священнику, коимъ представляетъ Ваше распоряженіе на его разрѣшеніе, котораго должны новоприбывшіе іеромонахи ожидать въ Севастополѣ, безъ довольствія и пріюта. Напрасно я толковалъ ему, что Архіепископу Херсонскому всегда принадлежало и принадлежитъ право комплектовать флотъ іеромонахами, коихъ потому и св. Сунодъ присылаетъ въ непосредственное его распоряженіе, и что поэтому замѣщать неблагонадежныхъ лучшими также лежитъ на обязанности мѣстнаго епархіальнаго начальника; вамъ, говорилъ я, остается исполнить распоряженіе Его Высокопреосвященства и донести о томъ оберъ-священнику къ свѣдѣнію. Упорный старикъ остался при своихъ мысляхъ. Разсуждая, что таковъ ходъ дѣла былъ бы оскорбителенъ для власти и имени Вашего Высокопреосвященства и что іеромонахи нескоро дождались бы рѣшенія оберъ-священника, я предложилъ потомъ протоіерею Мацкевичу это дѣло оставить совсѣмъ, и что я самъ напишу Вамъ рапортъ о встрѣтившихся къ замѣщенію іеромонаховъ препятствіяхъ. Между препятствіями есть и сіе: къ удаленію неблагонадежнаго Іоаникія; въ ночь съ 2-го на 3-е марта онъ опять былъ героемъ въ дѣлѣ, ходилъ съ крестомъ впереди солдатъ и заставилъ броситься въ штыки, когда они не рѣшались на то, когда нужно; вмѣстѣ съ ними попалъ и въ потьмахъ между непріятельскими трупами открылъ одного врага—офицера живого, а только притворившагося, за что военнымъ начальствомъ рекомендуется съ отличной стороны и предста-

вляется къ наградѣ.—Вашему Высокопреосвященству пріятно будетъ услышать о другомъ Іоанникіѣ (что былъ іеродіакономъ въ скиту): въ дѣлѣ ночью съ 10 на 11-е марта онъ былъ посланъ вывесть изъ непріятельскихъ траншей солдатъ нашихъ, кои не хотѣли вѣрить и потому слѣдовать сигналу отступленія, и онъ также рекомендуется начальствомъ какъ отличный и неустрашимый іеромонахъ. Третій Іоанникій[1]) отличенъ Синопскимъ крестомъ. Сія троица именъ не ходатайствуетъ ли въ пользу одного изъ нихъ, житіемъ иногда разнствовавшаго? Говоря сіе, я нисколько не защищаю нетрезвости въ комъ бы и гдѣ бы ни было, а осмѣливаюсь только сказать свое мнѣніе, что оказанныя іеромонахомъ Іоанникіемъ отличія въ настоящее время выкупаютъ его вину въ туже эпоху. Іеромонаха Пахомія благочинный, Игуменъ Георгій, не одобряетъ и къ удаленію его не находитъ никакого препятствія, кромѣ власти протоіерея Мацкевича, который, какъ я уже объяснилъ, не рѣшился сдѣлать того безъ разрѣшенія оберъ-священника. Пахомій безъ судна и прикомандированъ къ кораблю „Чесмѣ", отъ котораго довольствуются три іеромонаха.

Сначала я хотѣлъ было винить игумена Георгія въ своевольномъ уклоненіи подъ новую власть протоіерея Мацкевича, безъ вѣдома Вашего. Но потомъ узналъ, что вслѣдствіе приказа отъ главнокомандующаго, адмиралъ давалъ по флоту знать приказомъ о подчиненіи флотскихъ іеромонаховъ этому старшему благочинному.

Новоприбывшіе іеромонахи, по моему совѣту, отправились въ Скитъ впредь до новаго Вашего объ нихъ распоряженія. Изъ нихъ Иліодоръ намѣревалъ отправиться въ Кизиль-ташъ. Послушникъ также отправился въ Скитъ, ибо мѣста для него не оказалось. Къ лазаретамъ главнымъ назначены теперь армейскіе священники, кои, къ сожалѣнію, небрегутъ о своей обязанности.

Представляю требуемый Вами списокъ флотскихъ іеромонаховъ въ такомъ видѣ, какъ составленъ онъ для меня самими

[1]) Кіевскій.

іеромонахами. Въ немъ не состоитъ іеромонахъ Иннокентій, какъ поступившій въ Севастополь на службу по особому назначенію Вашему. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ о. архимандритомъ Митрофаномъ, и съ того времени труждается на сѣверной въ госпиталѣ, не имѣя другаго довольствія, кромѣ собственнаго запаснаго жалованья, котораго, впрочемъ, онъ, какъ и игуменъ Георгій, съ 1-го мая не получалъ—(свѣдѣніе о жалованьѣ мною уже послано Вамъ). При сестрахъ есть Петербургскій іеромонахъ, который и состоитъ при первомъ ихъ отдѣленіи на сѣверной сторонѣ, гдѣ и главная начальница А. П. Стаховичъ. Потому о. Инокеній какъ до прибытія сестеръ служилъ собственно при больныхъ, такъ и теперь въ томъ одномъ подвигѣ труждается. На мою часть пришлись сестры 2-го и 3-го отдѣленія, имѣющія жительство собственно въ городѣ; потому и больныхъ я посѣщаю, и служу имъ, какъ въ первомъ перевязочномъ пунктѣ, такъ и во всѣхъ занятыхъ подъ госпитали домахъ, гдѣ находятся сестры и медики Крестовоздвиженской Общины.

12-го марта іеромонахъ Веніаминъ [1]) получилъ изъ монастыря свой Синопскій крестъ, при письмѣ о. архимандрита Геронтія, которому онъ писалъ объ этомъ. Изъ этого должно заключить, что нѣкоторая собственность монастырская дѣйствительно осталась неприкосновенною для вражьей руки. Вмѣстѣ съ этимъ о. Геронтій увѣдомляетъ о полученіи 10 фунтовъ чаю, который великими князьями для братіи пожертвованъ, также, что всѣ живы и здоровы. Письмо это отъ 24 февраля. Неизвѣстно, отъ чего оно такъ не скоро получено.

О священникѣ Манжелеѣ доселѣ не дано мнѣ никакого свѣдѣнія отъ Сакена, м. б. потому, что таковаго самъ онъ еще не имѣетъ: ибо письмо отъ о. Геронтія генералъ Сакенъ прислалъ ко мнѣ тотчасъ по полученіи. Потому я считаю излишнимъ, безъ особаго случая, утруждать объ этомъ генерала, у котораго постоянно много дѣлъ и лицъ. Такъ такъ указомъ

---

[1]) Впослѣдствіи настоятель монастыря „Новый Іерусалимъ", москов. губ., архимандритъ и ордена 1-й степени св. Анны кавалеръ.

консисторіи о переводѣ священника Манжелея изъ Евпаторійскаго въ Бакчисарайскій соборъ предписано ему получать жалованье, я предписалъ Бакчисарайскому причту вручать оное женѣ Манжелея, находящейся съ дѣтьми въ Симферополѣ. Послѣдовавшій указъ объ удержаніи отъ праздныхъ мѣстъ суммы въ пользу консисторіи, безъ сомнѣнія, имѣетъ силу впредь до будущаго времени. Комарскій священникъ Александръ Демишевъ, по занятіи непріятелями деревни Комара мною командированный къ Бакчисарайскому собору, о чемъ тогди же писалъ я Вашему Высокопр—ву, можетъ безбѣдно довольствоваться одними доходами отъ собора, приходъ котораго значительно увеличился теперь какъ пришельцами изъ Севастополя, Комарей и Кадиковки, такъ и людьми военными, для коихъ въ Бакчисараѣ нѣтъ другой церкви. Комары и Кадыковка давно уже не существуютъ, и жилища и церкви разобраны непріятелями на топливо. Жители этихъ двухъ деревень и Балаклавы (собственно женскій полъ), чрезъ три дня, по занятіи Балаклавы, по приказанію Раглана вышли съ Балаклавскимъ протоіереемъ Аргириди въ Бакчисарай (и то кто успѣлъ), о чемъ также я извѣщалъ Васъ въ свое время. Уцѣлѣла, какъ слышно, одна Карань, гдѣ будто бы находится и Кадыковскій священникъ съ частію жителей. Объ немъ я ожидаю свѣдѣнія отъ о. архимандрита Геронтія, которому я уже писалъ объ этомъ. Качинскій священникъ Ѳеодоръ Кузьменко, послѣ разоренія Качинской церкви (зданіе и иконостасъ цѣлы, расхищены утварь и другая движимость), долго не являлся ко мнѣ, потомъ съ согласія Мангутскаго причта и Біасальскихъ прихожанъ, я командировалъ его къ приписной Біасальской церкви. Старикъ, кажется, прибрегъ копѣйку для чернаго дня; ему необходимо служеніе болѣе для спасенія души. У него есть и свой садъ на Бельбекѣ. О разоренныхъ церквахъ моего вѣдомства я доселѣ не представлялъ формальнаго рапорта, потому что свѣдѣній объ этомъ полныхъ и совершенно вѣрныхъ не имѣю. Если Господь даруетъ намъ совершенную свободу, чего надѣемся скоро, я намѣренъ по живымъ слѣдамъ непріятельскимъ обозрѣть свое вѣдомство, и тогда обязуюсь представить о разоренныхъ цер-

квяхъ и духовенствѣ полную историческую записку, которая могла бы послужить и для донесенія Св. синоду.

Представленія о іеромонахахъ, за октябрьскую треть поступившія къ кн. Меньшикову, говорятъ, остались въ его канцеляріи неподписанными, равно какъ и представленія о медикахъ, изъ коихъ, не смотря на тяжкую службу ихъ, еще ни одинъ не получилъ награды. И теперь, полагаю, представленія о монашествующихъ пойдутъ тѣмъ же путемъ чрезъ канцелярію главнокомандующаго и уже въ Петербургѣ переданы будутъ въ Синодъ. Ибо отъ главнокомандующаго, вслѣдствіе предварительнаго его согласія на распоряженіе оберъ-священника, послѣдовалъ приказъ о подчиненіи флотскаго духовенства общему вѣдѣнію военному въ лицѣ протоіерея Мацкевича, который ордеромъ 10-го генваря за № 93 назначенъ старшимъ благочиннымъ духовенства сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму. Необходимо теперь обратить вниманіе на эти представленія въ Синодѣ. Судъ военный всегда есть внѣшній, и легко можетъ присудить награду не совсѣмъ приличествующую тому духовному лицу, котораго немощи ему неизвѣстны. Я слышалъ, что послужные списки къ этимъ представленіямъ составлялись изъ устныхъ показаній самихъ іеромонаховъ: легко можетъ статься, что тамъ окажется у иного утайка худородія и немощей, у другаго—прибавка ума и заслугъ. Справедливо, что всѣ они должны быть награждены, ибо всѣ болѣе или менѣе несли варъ и тяготу настоящаго времени. Но Богъ вѣсть, всѣ ли они будутъ способны носить свои знаки отличія? не послужатъ ли они для нѣкоторыхъ во вредъ и тяжесть?

Съ прибывшими іеромонахами я получилъ 50 экземпляровъ Касперовской иконы Божіей Матери, кои продаю и раздаю по Вашему назначенію. Также получилъ картину священно-мучениковъ херсонскихъ въ одномъ экземплярѣ. Въ ней такъ прекрасно выраженъ характеръ древняго иконописанія, что сама идея ея и исполненіе оной кажутся древними. Въ большемъ размѣрѣ и въ масляныхъ краскахъ это будетъ единственное украшеніе храмовъ, особенно нашего края, приснаго священно-мученикамъ. Я не медля поставилъ это изображеніе въ

раму и подъ стекло и теплю предъ нимъ лампаду и какъ за рѣдкій даръ приношу Вашему Высокопреосвященству глубочайшую благодарность. Кто-то въ Карасу-базарѣ прекрасно пишетъ Касперовскія иконы Бож. Матери и дешево по 6 р. сер. Я заказалъ сдѣлать для себя и для церкви.

У преосвященнаго митрополита былъ и передалъ ему поклонъ отъ Васъ. Старецъ принялъ поклонъ съ слезами радости и благодарности, и приказалъ, если буду писать, и отъ него засвидѣтельствовать Вашему Высокопр—ву поклонъ и почтеніе. О деньгахъ онъ не вспоминалъ, потому и я объ этомъ промолчать разсудилъ.

У владыки пріютилась старица протоіерейша Гаврилова, утруждавшая Вамъ письмомъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Чего именно она проситъ у Васъ, ясно доселѣ не объяснила мнѣ. Оставить Севастополь и слѣдовать хоть бы въ Одессу подъ Вашъ отеческій пріютъ она никогда не рѣшится по привязанности къ своему жилищу и желанію до смерти быть госпожей въ своемъ домѣ. У нея еще есть 4-е души крѣпостныхъ женскаго пола. Домъ ея много поврежденъ ударомъ двухъ бомбъ, лопнувшихъ внутри его. Думать объ исправленіи его теперь напрасно, еслибы она имѣла къ тому и средства. По окончаніи же войны, безъ сомнѣнія, первое удовлетвореніе отъ казны будетъ принадлежать вдовамъ. Мнѣ кажется, что она ожидаетъ отъ Васъ денежнаго пособія на продовольстіе свое.

Что касается до нуждъ нашихъ, т. е. моихъ и причта моего, о коихъ уже не въ первый разъ отечески спрашиваете, то благодаря Васъ и Бога о таковомъ милостивѣйшемъ архипастырѣ нашемъ, намъ удобнѣе въ бывающихъ нуждахъ заимствоваться (какъ сіе разрѣшено Вами) отъ церкви, чѣмъ просить денегъ у васъ изъ Одессы. Прежде чѣмъ мы подверглись нуждамъ и прежде прошенія нашего, вы уже предварили ихъ. Но не легко особенно переносить тяготу настоящаго времени моему сослуживцу, священнику Демяновичу. Кромѣ нуждъ, онъ терпитъ отъ страха не за себя одного, но за пятерыхъ дѣтей и мать, которыхъ не имѣлъ куда отправить изъ Севастополя.

Еще не такъ давно бомба залетѣла на дворъ его квартиры, которая недалеко отъ церкви.

Наконецъ—о ходѣ войны подъ Севастополемъ, сколько это доступно моему глазу, слуху и разумѣнію.

Театръ войны съ южной стороны и съ пункта 4-го бастіона перешелъ на юговосточную или Инкерманскую, можно сказать, съ 12-го февраля. Но съ марта мѣсяца у Корнилова бастіона и противъ всей той линіи дѣется тоже, что прежде кипѣло у 4 бастіона. Прибытіе новаго главнокомандующаго, кн. Горчакова (онъ прибылъ вечеромъ 8-го марта) придало нашимъ дѣйствіямъ характеръ болѣе рѣшительный. 9-го онъ обозрѣвалъ наши укрѣпленія и мѣстность, причемъ воодушевлялъ солдатъ ласковымъ словомъ (чего никогда не слышали отъ кн. Меншикова) и вѣстію, что идутъ къ намъ войска, снаряды и довольствіе въ огромномъ количествѣ, что потомъ объявилъ и приказомъ, присовокупивъ увѣреніе, что, съ помощію Божіею, скоро изгонимъ враговъ съ нашей земли. 10-го на 11-е сдѣлана вылазка въ большомъ размѣрѣ, именно тамъ, гдѣ теперь усиливаются непріятели. Ею командовалъ генералъ Хрулевъ и своимъ отличнымъ расположеніемъ привелъ ее къ счастливому концу. Неизвѣстно, непріятели были кѣмъ предварены объ этой вылазкѣ, или, безъ этого, сами готовились къ нападенію на новый редутъ нашъ, только они нѣсколько предварили насъ и притомъ сначала большею противъ нашего массою. Оставивъ противъ нихъ оба баталіона принять непріятелей, онъ одинъ только съ барабанщиками пошелъ въ обходъ и шумомъ 12-ти барабановъ заставилъ ихъ подумать, что тутъ идетъ большой отрядъ, и обратиться въ бѣгство. Большее сопротивленіе представилось въ траншеяхъ, которыя поелику были наполнены врагами, наполнились трупами ихъ. Дѣло тянулось долго, въ которое введено было еще нѣсколько баталіоновъ. На батареѣ непріятельской опрокинули нѣсколько орудій и траншеи разметали. Въ плѣнъ взято враговъ до ста; всю потерю ихъ примѣрно считаютъ не менѣе трехъ тысячъ.

Замѣчательная картина была, когда на другой день на всей линіи были подняты переговорные флаги и стали убирать

тѣла. Всѣ взгорья вдругъ покрылись краснотою и пестротою непріятельскою. Изъ траншей сыпались они, какъ муравьи. Одни суетились нося тѣла, другіе были только зрителями, по жестамъ рукъ и другимъ тѣлодвиженіямъ неравнодушными. Иные стояли въ большихъ кучахъ, и, какъ замѣтно, взирали на зрѣлище, внимали и какимъ то ораторамъ. На самомъ мѣстѣ побоища наши носильщики и парламентеры своею сѣрою, однообразною и солидною формою рѣзко отличались отъ маскарадной пестроты непріятельской. По свидѣтельству непріятелей, ни одинъ солдатъ не попалъ къ нимъ въ плѣнъ изъ этого дѣла. Англійскій подполковникъ на вопросъ кн. Горчакова: какъ онъ могъ попасть въ плѣнъ? ужели въ началѣ дѣла? отвѣчалъ, что онъ взятъ подъ конецъ дѣла, когда всѣ 12 офицеровъ его были убиты. На вопросъ же о штурмѣ, будетъ ли онъ? всѣ плѣнные теперь отвѣчаютъ смѣхомъ. Такъ мало они вѣрятъ успѣху своего дѣла.

Числа убитыхъ съ нашей стороны не знаю; раненныхъ же было 950. Изъ нихъ болѣе 300 такъ легко ранены, что чрезъ нѣсколько дней могутъ быть опять въ строю. Послѣ этого дѣла, на перевязочныхъ пунктахъ неимовѣрные труды были для медиковъ въ продолженіи двухъ дней.

Слышно, что 18 марта будетъ вылазка общая—изъ всѣхъ пунктовъ и противъ всей позиціи непріятельской. Страхъ намъ не новость; только дай Господи успѣть.

Въ ту же ночь, какъ у Корнилова бастіона лилась кровь, на городъ изъ-за 4 бастіона неслась самая ужасная бомбардировка. Бомбы смѣнялись ракетами и соперничали въ своихъ ужасахъ. Когда удалось сдѣлать три пожара, то на нихъ именно направлены были новые огни. Одинъ пожаръ вспыхнулъ недалеко отъ нашей библіотеки. Направленныя туда бомбы и ракеты неслись прямо чрезъ мою церковь. Нѣсколько бомбъ лопнуло въ воздухѣ надъ самою церковію; одна ударила въ стѣну церкви, миновавъ колонну и, хотя повредила стѣну, но не пробила насквозь, ибо ударъ послѣдовалъ въ самую нижнюю часть стѣны, между тѣмъ такъ былъ силенъ, что запоръ ставни выскочилъ съпробками, а въ церкви мѣстные большіе подсвѣч-

ники повалились. Одна бомба пала въ саду на дорожкѣ къ моей квартирѣ, но, лопнувши глубоко въ землѣ, брызнула не осколками, а землею, которая налетала на самую крышу дома. Съ 9-ти часовъ вечера почти до утрени я простоялъ съ причтомъ у церкви, наблюдая за смертію и укрываясь отъ нея за колоннами и церковію. Но самъ Господь видимо хранитъ всѣхъ. Болѣе 5-ти тысячъ бомбъ брошено въ городъ, а между тѣмъ изъ жителей всего ранены 2 женщины, и на линіи собственно городской не болѣе 30 человѣкъ; между тѣмъ на одномъ 4-мъ бастіонѣ легло 2 тысячи бомбъ, какъ мнѣ говорилъ штабъ-офицеръ, въ ту ночь тамъ команду имѣвшій.

Полагаютъ, что войска, идущія на усиленіе Крымской арміи, будутъ на мѣстѣ не раньше половины апрѣля, но что, впрочемъ, кн. Горчаковъ можетъ открыть свои дѣйствія съ 1-го апрѣля.

Кн. Меншиковъ просилъ о своемъ увольненіи покойнаго Императора, и уволенъ приказомъ новаго отъ 9-го марта. Можно подумать, что это увольненіе есть дѣло собственно царствующаго Императора, но этого у насъ не допускаютъ. Увольненіе же отъ министерства, о чемъ князь не просилъ, приписываютъ желанію генералъ-адмирала.

Измѣнникъ ксендзъ выданъ коменданту 20 солдатами—католиками, которымъ онъ внушалъ на исповѣди, что присяга не такъ важна, какъ услуга, которую они могутъ теперь оказать своей погибшей отчизнѣ, что нужно дорожить временемъ и дѣйствовать и проч. Теперь понятно, отчего непріятели всегда почти знали о нашихъ вылазкахъ, отчего много бѣгало поляковъ. Это его діавольское сѣяніе. Вы посѣщали Севастопольскій костелъ и можете припомнить этого поляка.

15 марта 1855 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).

> **„Чѣмъ больше изучаемъ мы лѣтописи прошлаго, тѣмъ больше радуемся, что живемъ въ вѣкъ милосердія".**
>
> *Мэколей.*

Въ настоящее время, когда общественная благотворительность у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ міра достигла значительнаго, а у иныхъ даже колоссальнаго развитія, когда благотворительныя общества и учрежденія нарождаются у насъ чуть не ежедневно,—мы такъ присмотрѣлись уже къ нимъ, что намъ, напримѣръ, трудно было бы себѣ представить такой городъ, гдѣ не существовало-бы вовсе подобныхъ учрежденій. Мало того: какъ заурядныя явленія обыденной жизни, учрежденія эти или просто игнорируются нами, или даже—въ худшемъ случаѣ—вызываютъ къ себѣ скептическое отношеніе, какъ палліативныя средства, не исцѣляющія соціальныхъ недуговъ. А между тѣмъ едва-ли нужно доказывать теперь, что процессъ развитія благотворительности неразлученъ и даже (отчасти) идентиченъ съ прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества вообще, что степень развитія благотворительности въ жизни какого-либо на-

рода служитъ лучшимъ критеріемъ для оцѣнки его цивилизаціи: все это ходячія истины въ наше время [1]). Но не такъ далеко отъ насъ то доброе старое время, когда благотворительность у насъ состояла исключительно въ подаяніи милостыни или, какъ это дѣлали русскіе цари XVI и XVII вв., въ посѣщеніи темницъ и роздачѣ всякаго рода провизіи заключеннымъ, а вся общественно-благотворительная дѣятельность выражалась въ поддержкѣ существовавшихъ при церквяхъ и монастыряхъ такъ называемыхъ „богадѣльныхъ избушекъ", гдѣ на церковно-приходскомъ иждивеніи находилось нѣсколько человѣкъ нищихъ и больныхъ, (получавшихъ здѣсь, впрочемъ, иногда если не лучшій, то по крайней мѣрѣ, болѣе сердечный присмотръ, чѣмъ въ иныхъ современныхъ намъ богоугодныхъ заведеніяхъ). Какихъ либо постоянныхъ учрежденій, въ родѣ больницъ, пріютовъ и т. п., на Руси до самаго конца XVII в. не существовало. Указъ 1682 года „объ основаніи *шпиталенъ*", т. е. госпиталей, по образцу западно-европейскихъ, изданный незадолго до смерти Θеодора Алексѣевича, свидѣтельствуетъ, что необходимость подобныхъ учрежденій уже ясно сознавалась правительствомъ и передовыми людьми подъ конецъ допетровской эпохи [2]).

---

[1]) Ср. напр. мнѣніе объ этомъ Мэколея (Macaulay) въ статьѣ, изъ которой нами взятъ эпиграфъ: „Still more important is the benefit, which all orders of society... have derived from the mollifying influence of civilisation on the national character". et c.

[2]) Если не брать во вниманіе извѣстныхъ церковныхъ „братствъ" юго-западной Руси, начиная съ XVI вѣка устраивавшихъ для „братчиковъ" богадѣльни и больницы, а для богомольцевъ—страннопріимные дома, то указъ царя Θедора Алексѣевича отъ 1682 года объ основаніи двухъ „шпиталенъ" для больныхъ „нищихъ людей" можно считать первымъ оффиціальнымъ признаніемъ необходимости общественныхъ благотворительныхъ учрежденій по образцу западно-европейскихъ. По крайней мѣрѣ, въ Московскомъ царствѣ до тѣхъ поръ подобныхъ учрежденій мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Правда „на верху", т. е. при царскихъ палатахъ, содержалась нищая братія, назначеніе которой было удовлетворять потребности царя—оказывать благодѣянія, но это, всего менѣе, можно считать проявленіемъ общественной благотворительности, а „богадѣльныя избушки", существовавшія при церквахъ, монастыряхъ, патріаршихъ и архіерейскихъ домахъ и являющіяся прототипомъ благотворительныхъ учрежденій церковно-приходскихъ попечительствъ, были, какъ самое названіе ихъ показываетъ, слишкомъ ничтожны для того, чтобы имѣть серьезное зна-

Великая просвѣтительная дѣятельность преобразователя менѣе всего касалась благотворительности [1]). Послѣдняя не могла сдѣлать большихъ успѣховъ и при его ближайшихъ преемникахъ. Только—со временъ Екатерины Великой начинается широкое развитіе благотворительной дѣятельности въ столицахъ, но въ провинцію она и тогда мало проникала [2]). Начало современной благотворительности тѣсно связано съ дѣятельностью Императрицы Маріи Θеодоровны [3]): только подъ ея покровительствомъ началось повсемѣстно процвѣтаніе блоготворительности въ Россіи.

Представить полную картину развитія благотворительности въ нашемъ отечествѣ—въ связи съ культурнымъ развитіемъ

ченіе общественно-благотворительныхъ учрежденій. Ср. Лешковъ. „Русскій народъ и государство". Въ 17-мъ вѣка „*братства*" (конечно, въ меньшемъ размѣрѣ) существовали и при харьковскихъ церквахъ, а въ 18 ст. въ Слободской Украинѣ считалось уже 68 *шпиталей*, гдѣ призрѣвалось болѣе 150 человѣкъ больныхъ и увѣчныхъ. См. Д. И. Багалѣй „Опытъ ист. Харьк. Университета", стр. 87.

[1]) Сюда относится только указъ 1705 года, запрещавшій прошеніе и подаяніе милостыни, и предписаніе Синоду озаботиться о средствахъ къ искорененію нищенства. „Ровно за годъ до своей кончины Петръ подписалъ указъ (составленный имъ при участіи Θеофана Прокоповича), который даетъ монастырямъ назначеніе пристанищъ для подкинутыхъ младенцевъ, для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ: наконецъ, въ монастыряхъ должны быть учреждены школы. Вскорѣ приняты были и мѣры къ исполненію этихъ предначертаній; но смерть Монарха разстроила дѣло въ самомъ началѣ, и все оное, по словамъ историка Татищева, въ забвеніи осталось". См. Я. Гротъ. „Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи", Спб. 1872, стр. 31.

[2]) Существовавшіе уже тогда въ губернскихъ городахъ Приказы общественнаго призрѣнія были обязаны, между прочимъ, по указу Имп. Екатерины II, (отъ 7-го ноября 1776 г.), открывать училища для дѣтей обоего пола, но ограничивались только формальнымъ выполненіемъ предписаній правительства: о малоуспѣшности открытыхъ ими при моностыряхъ школъ для обученія сирыхъ обоего пола особенно рѣзко отзывается въ своемъ рапортѣ „Главному Правительству народныхъ училищъ" директоръ курскихъ народныхъ училищъ подполковникъ Арсеньевъ. См. Е. Лихачевой, Мат. для исторіи женскаго образованія, т. I, стр. 283.

[3]) Супруги Императора Павла Петровича и матери Александра Благословеннаго, про которую В. А. Жуковскій, оплакивая въ звучныхъ стихахъ ея кончину, восклицаетъ:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами!

См. „Чувства передъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Θедоровны, въ ночь наканунѣ погребенія тѣла Ея Величества".

русскаго общества—было бы широкой и благодарной задачей историческаго изслѣдованія. Но для того, чтобы могла осуществиться эта задача, необходимо ёще произвести много детальныхъ работъ и прежде всего подведеніе возможно точныхъ итого въ дѣятельности какъ существующихъ понынѣ, такъ и когда-либо существовавшихъ у насъ благотворительныхъ обществъ. Поэтому, кажется, далеко не излишнимъ будетъ представить здѣсь бѣглый очеркъ давно уже прекратившаго свою дѣятельность и мало кому извѣстнаго перваго Харьковскаго общества благотворенія бѣднымъ. Основанное въ достопамятномъ 1812 году и положившее начало Харьковскому институту благородныхъ дѣвицъ, общество это было дѣтищемъ харьковскаго дворянства той знаменитой эпохи, когда послѣднее было едва-ли не единственной передовой силой въ нашей провинціальной жизни, когда изъ среды его выдвинулись такія личности, какъ основатель харьковскаго университета, гуманный и высоко образованный В. Н. Каразинъ, и знаменитый впослѣдствіи писатель Г. Ѳ. Квитка. Дѣятельности этого послѣдняго, какъ увидимъ ниже, обязаны своимъ существованіемъ какъ самое общество благотворенія, такъ и устроенный обществомъ харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ виду появившихся теперь нѣсколькихъ новыхъ работъ, характеризующихъ ту же эпоху жизни харьковскаго общества, каковы, напр., трудъ профес. Д. И. Багалѣя „Опытъ исторіи харьковскаго университета“, печатавшійся въ „Запискахъ харьковскаго университета“ и вышедшій теперь отдѣльными оттисками, и новая біографія Г. Ѳ. Квитки, помѣщенная при VI томѣ его сочиненій, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, думаемъ, что не лишнимъ будетъ и нашъ очеркъ, такъ какъ, напр., біографы Г. Ѳ. Квитки, дающіе довольно значительный матеріалъ для оцѣнки его литературной дѣятельности, очень мало касаются его дѣятельности въ качествѣ благотворителя [1]).

---

[1]) Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ вышедшая въ 1894 году біографія Квитки, принадлежащая перу г. С. Р. и помѣщенная въ VI т. собранія сочиненій нашего автора, издаваемаго Харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Но авторъ этой біографіи, пожелавшій скрыть свое имя подъ буквами С. Р., не

Съ другой стороны работа наша представляетъ нѣкоторый интересъ и въ виду только что возникшаго у насъ „харьковскаго (губернскаго) дворянскаго общества вспомоществованія“, уставъ котораго заключаетъ нѣкоторыя статьи, аналогичныя [1]) съ уставомъ харьковскаго общества благотворенія, а также въ виду основанія по Высочайшему повелѣнію такъ называемаго Ксеніевскаго полу-сиротскаго института въ С.-Петербургѣ [2]), нѣкоторыя уставныя черты котораго вновь возрождаютъ передъ нами тѣ предначертанія, которыя проводило „Харьковское общество благотворенія“ въ составленномъ имъ уставѣ института 1812 года. Основанному обществомъ институту мы посвятимъ отдѣльную статью, здѣсь же предлагаемъ вниманію читателя только краткій очеркъ благотворительной дѣятельности общества за пять первыхъ лѣтъ его существованія, съ 1812 по 1817 годъ. Благодаря любезности члена совѣта по учебной части и инспектора классовъ харьк. института уважаемаго Д. С. Георгіевскаго [3]), мы могли воспользоваться всѣми документами институтскаго архива, касающимися нашей темы, и до сихъ поръ никѣмъ неразработанными [4]). Пользуемся случаемъ принести здѣсь

могъ воспользоваться документами архива Харьков. Инстит. благород. дѣвицъ,— любезно предоставленными въ наше распоряженіе членомъ совѣта по учебной части Д. С. Георгіевскимъ,—за исключеніемъ одного дѣла: „Дѣло Инст. Архива № 5“, которое, какъ, говоритъ авторъ, „случайно попало ему подъ руки“ (стр. XIV).

[1]) Уставъ „Харьковскаго губернскаго дворянскаго общества вспомоществованія“, Харьковъ, 1894 г. (утвержденъ 30-го апрѣля 1893 г., дополненъ и измѣненъ 17 марта 1894 года). см. стр. 4, § 2: по мѣрѣ развитія средствъ Общества цѣль онаго можетъ быть расширяема и состоять въ оказаніи помощи всѣмъ дворянамъ, находящимся въ нуждѣ, безъ различія пола и возраста, путемъ выдачи пособій деньгами и вещами, пищей и квартирой, пріисканіемъ занятій, устройствомъ домовъ трудолюбія, опредѣленіемъ дѣтей въ ученіе и нравственной поддержкой.

[2]) Основанъ 25-го іюля 1894 года, открытъ 25-го марта 1895 года.

[3]) Въ 1893 году (1-го іюня) на торжественномъ актѣ института Д. С. Георгіевскимъ была произнесена рѣчь, въ которой, на основаніи документовъ, былъ представленъ краткій историческій очеркъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Очеркъ этотъ тогда же былъ напечатанъ (въ извлеченіи) мѣстными газетами. См., напр., „Южный Край“, №№ 4261 и 4265.

[4]) Составители краткихъ „историческихъ записокъ“ о харьковскомъ институтѣ, бывшіе члены Совѣта по учебн. части: д. с. с. П. П. Гулакъ-Артемовскій (онъ же—

нашу искреннюю благодарность какъ Д. С. Георгіевскому, такъ и директору 1-й харьковской (бывшей слободско-украинской) гимназіи М. П. Знаменскому, также предоставившему въ наше распоряженіе нѣкоторые документы гимназическаго архива, и секретарю харьковскаго депутатскаго собранія И. А. Эннатскому за такое же любезное содѣйствіе, оказанное намъ при пользованіи документами архива дворянскаго собранія.

Ограничивая наше изложеніе очеркомъ дѣятельности общества за 1812—1817 г.г., мы поступили такъ по той простой причинѣ, что благотворенія общества, выражавшіяся въ выдачѣ постоянныхъ и временныхъ пособій бѣднымъ, совершенно прекращаются именно къ 1817 году. Когда же (22 апр. 1818 г.). институтъ, принятый подъ высочайшее покровительство и главное начальство Императрицы Маріи Θеодоровны, отдѣлился отъ общества, послѣднее обязалось доставлять по 5000 тысячъ руб. ежегодно въ пособіе „на содержаніе 20 воспитанницъ", но и эту сумму не въ состояніи было собирать и доставлять въ институтъ своевременно. Въ 1827 году общество вовсе прекратило свое существованіе, а въ 1828 году, чтобы усилить источники доходовъ харьковскаго института, Высочайше повелѣно Приказамъ общественнаго призрѣнія губерній Слободско-украинской, Курской, Орловской, Екатеринославской и Воронежской „вносить по 4000 руб. ассигн. ежегодно въ пособіе на содержаніе харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ".

ГЛАВА I.

„Благотворительность составляетъ безспорно одно изъ самыхъ чистыхъ проявленій индивидуальной и общественной нравственности".

Н. Х. Бунге. „Полиц. Право."

То погрессивное движеніе, которое исходило въ началѣ правленія Императора Александра Благословеннаго отъ самой

ректоръ университета) и тайн. сов. Г. С. Рындовскій документами Общества благотворенія не пользовались. См. „Свѣдѣніе о харк. инст. благ. дѣвицъ", составленное д. с. с. П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ (21 февр. 1844 г.) въ книжкѣ К. П. Щел-

верховной власти [1]) и, стремясь какъ-бы отъ центра къ окружности, мало по малу переходило въ провинцію,—какъ это часто бываетъ, въ провинціи-же оказалось болѣе жизненнымъ, чѣмъ въ бюрократической столицѣ; даже въ то время, когда въ столицѣ наблюдался уже полный поворотъ въ сторону реакціи и властвовалъ всесильный Аракчеевъ [2]), въ провинціи продолжалась еще прогрессивная дѣятельность въ лицѣ „*колдуна*"—Каразина [3]) и другихъ ему подобныхъ людей, которые еще не могли или не хотѣли примириться съ совершившейся перемѣной.

кова „Харьковъ" Историко-статистич. опытъ, 1880 г,, стр. 47 и „записку" Г. С. Рындовскаго въ дѣлѣ канцеляріи Совѣта харьк. инст. 1877 года, за № 23.

[1]) „Невозможно описать, говоритъ историкъ харьковскаго университета, проф. Багалѣй, того энтузіазма, который былъ вызванъ воцареніемъ Императора Александра и первыми шагами его государственной дѣятельности въ духѣ свободы и покровительства просвѣщенію; для этого надо прочитать признанія современниковъ. Даже самые осторожные практическіе люди, умудренные житейскимъ опытомъ, въ родѣ Г. Р. Державина, исполнены были самыхъ розовыхъ надеждъ на новую эпоху". Но 1812 годъ принесъ много перемѣнъ. Онъ былъ, по словамъ другого историка, покойнаго проф. В. К. Надлера, „временемъ, когда, возлюбивъ другъ друга единымъ сердцемъ, не переставали истинно русскіе люди призывать великое имя нашего Бога и Спасителя". Ср. съ этимъ взглядъ Пыпина въ „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I", „Вѣстн. Евр." 1870 г., Апр. кн. 4, стр. 649—726, а также Шторхъ „Russland unter Alexander den ersten", v. I p. p. 20—23, у Bernhardi „Ceschichte Russlands und europäishen Politik in dem Iahren 1814 bis 1833", 11-er Theil,—II-te Abtheil., Leipzig, 1875, 4-tes Buch: „Alexanders I Regierung bis zum Wiener Congresse", p. p, 438 — 478.—Проф. В. К. Надлеръ „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза", томъ II (Рига, 1886 г.), стр. 14. (Ссылка на восп. Вигеля).

[2]) См. Вѣстн. Европы за 1870 годъ, книга 8, Августъ, изъ Аракчеевской переписки 1805—1833 г. Въ личной карьерѣ эта эпоха (1085—1833 г.) составляетъ все время его могущества отъ самаго начала и до полнаго паденія. (стр. 469. — Аракчеевъ умеръ 21 апрѣля 1834 года).

[3]) См. біографическій очеркъ В. Н. Каразина, составленный Я. В. Абрамовымъ, Спб. 1891 года, стр. 75. „Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ Богодуховъ (харк. губ.), сказалъ крестьянамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая, „странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ *колдунъ* (имѣніе Каразина находилось возлѣ Богодухова), *который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ*, (намекъ на занятія В. Н. метеорологіей); обратитесь къ нему".

Но если въ лицѣ Каразина мы встрѣчаемъ человѣка, который былъ способенъ на борьбу [1]) и настойчивое преслѣдованіе своихъ цѣлей, другой дѣятель той же эпохи, Г. Ѳ. Квитка, по замѣчанію его біографа [2]), представляетъ „скромную личность общественнаго труженника, натуру художественную и въ тоже время вполнѣ уравновѣшенную, поражающую своею искренностью и носящую въ себѣ самой примирительное начало.“ „Такія личности всегда воплощаютъ въ себѣ лучшія чувства современниковъ, всегда идутъ на встрѣчу новымъ свѣтлымъ вѣяніямъ, но никогда не протестуютъ противъ вопіющаго зла, потому что протестъ и борьба чужды имъ, органически имъ противны.“

Тѣмъ не менѣе оба дѣятеля имѣли одно общее: оба были идеалисты и пылкіе энтузіасты. Но у каждаго стремленія къ идеалу нашли себѣ далеко не одинаковое примѣненіе въ ихъ дѣятельности. Каразинъ рано началъ интересоваться общественными вопросами, и для него это *общество*—была вся тогдашняя *Русь*; Квитка также съ первыхъ шаговъ своихъ въ свѣтѣ—об-

---

[1]) См. напр. его откровенныя письма къ Императору Павлу (біографическій очеркъ В. Н. Каразина, составленный Я. В. Абрамовымъ, стр. II-ая) и особенно къ Александру I (ibidem стр. 88). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору Александру Павловичу Каразинъ между прочимъ говоритъ, что для избѣжанія революціонныхъ движеній въ Россіи потребны „не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи, но честность, строгая честность систематическій планъ, основанный отъ первой буквы до послѣдней *на началахъ христіанскаго монархическаго правленія*“.

[2]) См. біографію Г. Ѳ. Квитки, С. Р. въ VI т. „Сочиненій Г. Ѳ. Квитки“, Изд. Харьк. Уѣзд. Земства, 1894 г., Харьковъ, стр. III—VI. Впрочемъ со словами г. С. Р. едва ли возможно согласиться вполнѣ. Противъ такого (хотя и нерѣшительнаго отрицанія иниціативы у Г. Ѳ. Квитки) достаточно свидѣтельствуетъ вся его общественная дѣятельность, правда, не имѣющая характера „протеста“, но отличающаяся энергіей въ достиженіи цѣлей. Авторъ и самъ не отрицаетъ (стр. XXI), что „Гр. Ѳед. особенно энергично проявлялъ свое участіе въ дѣлѣ объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, (зданіе кототораго досталось институту, а корпусъ былъ открытъ въ Полтавѣ) и въ установленіи взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками“. Въ послѣднемъ дѣлѣ Квитка, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать въ то время, не превышая власти, данной уѣзднымъ предводителямъ дворянства особыми на этотъ счетъ инструкціями. (См. Арх. Харьк. Деп. Собр. дѣло № 15, за 1826 годъ). Масса энергіи вложена имъ и въ дѣла Общества благотворенія и въ основаніе Института.

щественный дѣятель, но дѣятельность его имѣетъ чисто мѣстный характеръ: онъ хотѣлъ быть полезнымъ у себя, въ одномъ углу, и не задавался трудно-исполнимыми и обширными планами [1]). Онъ служитъ то въ военной службѣ, то секретаремъ дворянства (отъ каковой должности отказался въ 1807 г.), то, хотя и не принимаетъ прямаго участія въ сборахъ пожертвованій на университетъ въ 1802 г.,—горячо сочувствуетъ и оказываетъ поддержку просвѣтительнымъ идеямъ В. Н. Каразина [2]), то участвуетъ въ частныхъ литературно-музыкальныхъ кружкахъ, то хлопочетъ объ устройствѣ въ Харьковѣ театра и даже стано-

---

[1]) Ср. съ этимъ характеристику замысловъ В. Н. Каразина у проф. Д. И. Багалѣя въ его трудѣ „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, стр. 52. Указавъ широту „предначертанія“ Каразина о харьковскомъ университетѣ, проф. Д. И. Багалѣй замѣчаетъ: „Въ нихъ (предначертаніяхъ) сказался весь Каразинъ со всѣми его достоинствами и недостатками—смѣлымъ оригинальнымъ умомъ и широкими, но не практичными замыслами. Его творческій разумъ не удовлетворялся обычною колеею, а всегда стремился къ грандіознымъ предпріятіямъ; у него былъ постоянно слишкомъ широкій розмахъ, котораго онъ не соразмѣрялъ съ условіями живой дѣйствительности“.

[2]) Извѣстно, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ частнаго собранія дворянъ (отъ 29 августа 1802 г.), опредѣлявшій сумму необходимаго на основаніе университета взноса въ *одинъ милліонъ* рублей, были: колежскій совѣтникъ Θедоръ Квитка (отецъ Г. Θ.), тит. сов. Димитрій Квитка и прапорщикъ *Георгій Квитка.* (см. Д. И. Багалѣй „Опытъ исторіи харьк. универс.“ стр. 48). У Г. П. Данилевскаго въ отдѣльной статьѣ: „Основьяненко“ (Спб. 1856) на страницахъ 8 и 9-й приводятся два указа Императрицы Екатерины II, свидѣтельствующихъ о службѣ Г. Θ. Квитки и полученномъ имъ при отставкѣ чинѣ. 1-й гласитъ, что Гр. Квитка который служилъ вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи, пожалованъ 3-го мая 1794 года (при отставкѣ) „въ капитаны отъ арміи“. 2-й, выданный изъ Государственной военной Коллегіи—18 октября 1796 года, предписываетъ „Капитану сѣверскаго карабинернаго полка Григорію Квиткѣ слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ“. И такъ съ 1794 года Г. Θ. вездѣ подписывается *капитаномъ*, а между тѣмъ здѣсь подпись: прапорщикъ Григорій Квитка, въ документѣ относящемся къ 1802 году. На страницахъ Записокъ Императорскаго харьковскаго университета, 1895 г. (отд. оттискъ, кн. 4-й), мы доказываемъ на основаніи документовъ, добытыхъ изъ Харьков. духов. консисторіи о. прот. Н. Лащенковымъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однофамильцемъ или родственникомъ Ф. И Квитки, но вовсе не съ Г. Θ. Квиткою. Помимо документальныхъ данныхъ простое сличеніе почерка подписей Г. Θ. и прапорщика Георгія, которое мы сдѣлали, осмотрѣвъ подлинный документъ въ архивѣ университета, убѣдило насъ окончательно, что Георгій и Григорій Квитки вовсе не тождественны. Намъ кажется, что Георгій или Юрій Квитка былъ отцомъ того Н. Ю. Квитки, на котораго такъ часто ссылается Г. П. Данилевскій.

вится его директоромъ (въ 1812 году) и, наконецъ, является въ истинномъ смыслѣ слова общественнымъ благотворителемъ, какъ учредитель „Общества благотворенія“ и института. Въ качествѣ харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства (съ 10 декабря 1816 года) хлопочетъ объ учрежденіи въ Харьковѣ Кадетскаго корпуса и, добившись Императорскаго указа (18 іюля 1823 г.), разрѣшавшаго открытіе корпуса, собираетъ деньги и пожертвованія натурой для его содержанія: въ то-же время улаживаетъ отношенія между помѣщиками и крестьянами; съ конца декабря 1827 года до 28 марта 1828 г. исправляетъ должность губернскаго предводителя дворянства; въ 1832 году избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, а въ 1840 г. въ предсѣдатели харьковской палаты уголовнаго суда, въ каковомъ званіи оставался до смерти, послѣдовавшей 8 августа 1843 г. [1]). Такимъ образомъ Квитка, если не брать во вниманіе его литературнаго значенія,—вполнѣ мѣстный общественный дѣятель. Но уже таково было вѣяніе времени, что и дѣла, имѣвшія чисто мѣстное значеніе, оказывались важными и благодѣтельными для цѣлаго края. Таково было и „Харьковское Общество благотворенія.“

Мы не знаемъ съ точностью, когда зародилась мысль объ основаніи Общества благотворенія бѣднымъ, и даже не можемъ

---

1) Если прибавить къ этому, что Г. Ѳ. Квитка, съ дѣтства не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ и въ юности мечтавшій объ иноческой жизни, былъ нѣкоторое время послушникомъ въ Куряжскомъ монастырѣ, (въ 1804—1805 гг. см. прот. Н. Лащенкова „Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки“, Харьков. Сборникъ 1889 г. отд. II, стр. 195), а затѣмъ, по настоянію отца, покинулъ монастырь, предался свѣтской жизни и даже былъ избранъ директоромъ „танцовальнаго клуба“, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что такая разносторонняя дѣятельность, соединенная съ литературною извѣстностью, казалась современникамъ подчасъ заслуживающей насмѣшки. По словамъ біографа Квитки, Г. П. Данилевскаго, самъ Каразинъ не удержался, чтобы не пустить въ ходъ о немъ довольно ѣдкаго куплета, который см. въ „Украинской Старинѣ“ на стр. 210 въ ст. „Г. Ѳ. Квитка“ Позже, говоритъ Данилевскій, другое четверостишіе обошло весь околотокъ:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
Одинъ и тотъ-же человѣкъ!

см. Укр. стар. Харьковъ 1866 г. „Г. Ѳ. Квитка“, стр. 210—211.

утверждать съ полною увѣренностью, что мысль эта принадлежала именно Г. Ѳ. Квиткѣ. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ явствуетъ только, что высоко-гуманныя слова манифеста Императора отъ 16 мая 1802 года были тѣмъ толчкомъ, который пробудилъ къ жизни дремавшую до тѣхъ поръ общественную благотворительность. По крайней мѣрѣ, это видно изъ разосланныхъ за подписью роднаго брата Г. Ѳ. Квитки, тогдашняго губернскаго предводителя Слободско-украинскаго дворянства Андрея Ѳедоровича Квитки печатныхъ „объявленій" о предполагаемомъ въ слободско-украинской губерніи „*Обществѣ благотворенія.*" Вотъ подлинное содержаніе этихъ объявленій [1]) съ сохраненіемъ ихъ орѳографіи:

„Обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ не упокоитъ старца отягощеннаго лѣтами, не возвратитъ здоровья юношѣ, увядающему на зарѣ своихъ дней; не избавитъ отъ смерти или порока младенца (,) долженствующаго быть подпорою отечества; нерѣдко такъ же наглый тунеядецъ похищаетъ отъ рукъ благодѣтеля то, что назначено было отцу семейства, томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія. Изъ сего слѣдуетъ, что разстрогану [2]) быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества—не есть еще благодѣяніе, надлежитъ искать нещастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ сей обители плача и страданія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе. И возможность произвести въ дѣйствіе столь богоугодное дѣло, доказывается самымъ опытомъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ."—И *далѣе*, чтобы показать, какъ близки къ сердцу Моему нещастныя [3]) жертвы ожесточеннаго рока, Я беру подъ особливое и непосредственное покровительство Свое какъ вновь учреждаемое въ здѣшней столицѣ Благодѣтельное Общество,

---

[1]) Архива Харьк. Института благородныхъ дѣвицъ № 20: „Собственно-ручныя подписки о желаніи быть членами Общества благотворенія".

[2]) Орѳографія подлинника.

[3]) Орѳографія подлинника.

какъ и всѣ другія, которыя, безъ сомнѣнія, по примѣру онаго размножатся между народомъ толико для Меня любезнымъ, на которой природа изліяла всѣ земныя свои сокровища и одарила всѣми добродѣтелями, и особливо симъ небеснымъ вдохновеніемъ помогать „ближнему."

Такъ изъяснился человѣколюбивый Монархъ въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ въ 1802 году мая въ 16-й день на имя Дѣйствительнаго Каммергера Витовтова. И на сихъ Высочайшихъ изреченіяхъ основавшись, Слободско-Украинское Дворянство приступаетъ къ предположенію о составленіи *Харьковскаго Общества Благотворенія.*

1.

Губернскій Предводитель Дворянства, собравъ списки Господъ Дворянъ, изъявившихъ желаніе на составленіе Благотворительнаго Общества *съ показаніемъ суммы на то назначенной* [1]), представить Его Превосходительству Господину Гражданскому Губернатору для испрошенія Высочайшаго соизволенія на существованіе этого Общества, по полученіи котораго учредится Общество подъ названіемъ *„Харьковское Общество благотворенія."*

2.

Предметъ *Харьковскаго Общества Благотворенія* достаточно опредѣляется его именемъ. Оно будетъ имѣть обязанностью, по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ, дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *представится* или *Обществомъ* откроется человѣкъ, *какого бы* званія [2]), пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства. И потому на вспоможенія Общества Благотворенія имѣютъ

---

[1]) Курсивъ нашъ. Мы нарочно подчеркнули эти слова, такъ какъ на основаніи ихъ и 4-го пункта этихъ объявленій, впослѣдствіи Совѣтъ отрицалъ право отказываться отъ участія въ Обществѣ и отъ уплаты ежегодныхъ взносовъ.

[2]) Курсивъ нашъ. Мы подчеркиваемъ эти слова съ цѣлью указать, насколько шире были задачи Общества въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремятся нынѣ учреждаемыя дворянское и купеческое общества вспомоществованія, какъ чисто сословныя учрежденія. Ср. § 2 Уст. Харк. Губер. Двор. Общ. Вспомощ.

право: 1) Лишившіеся имѣнія, или потерпѣвшіе ущербъ въ ономъ отъ случаевъ нещастныхъ [1]). 2) Вдовы, имѣющія нужду въ призрѣніи и пропитаніи. 3) *Сироты, требующія воспитанія* [2]), опредѣленія на службу, или *наученія какому-либо ремеслу* [3]). 4) Нещастныя дѣвицы безъ путеводителей и въ бѣдности остающіяся и черезъ то могущія подвергнуться обольщенію и разврату. 5) Страждущія (е) продолжительными болѣзнями и имѣющія (е) нужду въ присмотрѣ, пропитаніи и лѣченіи—и однимъ словомъ: всѣ тѣ нещастные, которые не отъ зазорнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи.

3.

Вспоможенія такого рода преимущественно доставляются жителямъ Слободско-Украинской губерніи.

4.

Для составленія суммы сего Общества каждый членъ обязанъ взнести въ казну онаго ежегодно не менѣе *двадцати пяти рублей*

5.

Распоряженія, до внутренняго порядка относящіяся, и правила для управляющихъ дѣлами Общества будутъ представлены на Высочайшее утвержденіе, и когда оно воспослѣдуетъ, тогда объявится публикѣ.

6.

Желающіе вслѣдствіе сего объявленія вступить въ члены Общества, да благоволятъ объявить о томъ словесно, или письменно сами Губернскому Предводителю, или черезъ посредство господъ уѣздныхъ дворянства предводителей, разумѣется въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оные на себя выполненіе сего принять согласятся.

Изъ дѣла (№ 20. Инстит. Архива) не видно, когда были разосланы эти объявленія, но во всякомъ случаѣ это было не

---

[1]) Ороографія подлинника.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Ср. Уставъ Ксеніевскаго полу-сиротскаго института.

позже 1811 года, когда одно изъ этихъ объявленій цѣликомъ было напечатано въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1811 годъ [1]). Трудно также указать, кому собственно принадлежала иниціатива и планъ въ учрежденіи Общества. Наиболѣе правдоподобное заключеніе, что правитель дѣлъ Общества Г. Ѳ. Квитка былъ и его иниціаторомъ, но мысль о немъ могла быть подана и кѣмъ-либо другимъ.

„Въ 1801 году дворянство Слободско-украинской губерніи отправило ко двору депутацію, въ составѣ которой были губернскій предводитель дворянства Василій Донецъ-Захаржевскій, Ѳедоръ Куколь-Яснопольскій и В. Н. Каразинъ.“ (См. Д. И. Багалѣй „Опытъ исторіи харьк. у—та“).

„Депутація должна была благодарить Императора за новое подтвержденіе правъ дворянства, дарованныхъ Екатериною II и урѣзанныхъ Павломъ Петровичемъ, а также ходатайствовать объ особомъ подтвержденіи правъ Слободско-украинскаго дворянства Высочайшею грамотою, которая и была дана 29 декабря 1801 года (находится въ архивѣ Харьк.-депут. собр.)

---

[1]) См. также Вѣстникъ Европы, 1812, кн. 1, стр. 64. Здѣсь мы читаемъ почти буква въ букву то самое объявленіе, которое приложено при дѣлѣ № 20, но подъ заглавіемъ „Правила (Уставъ) Харьковскаго Общества благотворенія“ и съ пропускомъ (въ началѣ) извлеченія изъ Высочайшаго манифеста. Повидимому, послѣднее сдѣлано по усмотрѣнію редакціи, какъ извлеченіе изъ „письма къ издателю изъ Харькова“ Григорія Квитки, отъ 10 декабря 1811 года. Такимъ образомъ здѣсь мы находимъ наиболѣе раннюю дату, указывающую время возникновенія Общества. Но тѣхъ „Правилъ“ его, которыя были утверждены правительствомъ, намъ не удалось розыскать нигдѣ, а между тѣмъ существованіе такихъ „Правилъ“ для названнаго общества подтверждается постоянными ссылками на нихъ въ документахъ. Въ „Указателѣ книгъ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 годъ“, составленномъ Г. С. Чириковымъ (на стр. 122, Харьк. Сбор. на 1890 г.), находимъ и „Правила Высочайше утвержденнаго Харьковскаго Общества Благотворенія“, (Харьковъ, 1812 г., универс. типографія, in 8-vo), слѣдовательно Совѣтъ отпечаталъ ихъ, вѣроятно, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы разсылать и старымъ и новымъ членамъ, по мѣрѣ надобности. Да и изъ перваго отчета Общества за 1812 годъ видно, что на печатаніе „правилъ“ была издержана довольно значительная сумма (ср. ниже отчеты Общества, дѣло Инстит. Архива № 1, в.).— Вообще все, что мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, взято нами изъ первоисточниковъ (какъ напр. протокольныхъ постановленій Совѣта и т. д.), найденныхъ нами въ дѣлахъ Инстит. Архива. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда что либо было ранѣе напечатано, мы точнѣйшимъ образомъ обозначаемъ это въ цитатахъ.

Милостивое вниманіе Государя къ нуждамъ дворянства должно было, естественно, вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Явилась мысль о необходимости ознаменовать это радостное событіе пожертвованіемъ на какое-либо обще-полезное дѣло; выразителемъ этой мысли явился губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій, который написалъ по этому поводу письмо къ одному изъ уѣздныхъ предводителей дворянства (отъ 20 іюня 1802 г. см. Д. И. Багалѣя op. cit., стр. 43 и примѣч.“). Вотъ отрывокъ этого письма, цѣликомъ приведеннаго въ названномъ трудѣ проф. Д. И. Багалѣя: „Мой совѣтъ, чтобы дворянство согласилось на постройку больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей 40 человѣкъ и на содержаніе и на лѣченіе ихъ составить капиталъ, изъ коего бы все выше-поименованное можно произвести, о чемъ подробнѣе въ полномъ собраніи дворянству предложить имѣю.“ (Ibidem стран. 44). „Тогдашній губернаторъ А. К. Артаковъ, говоритъ проф. Багалѣй, не счелъ возможнымъ разрѣшить предположеннаго съѣзда дворянъ въ Харьковѣ для раскладки извѣстной суммы съ благотворительною цѣлью. Нужно думать, что онъ такъ дѣйствовалъ по инструкціи, полученной изъ Петербурга. Государь, какъ это мы видѣли изъ рескрипта Его, по поводу устройства въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, былъ противъ подобныхъ раскладовъ, могшихъ имѣть принудительный характеръ, и потому ходатайство губернскаго предводителя о созывѣ дворянъ въ Харьковѣ не было уважено. Въ это-то время, какъ намъ думается, В. Н. Каразинъ и вступилъ въ переписку съ Донцемъ-Захаржевскимъ о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій въ средѣ Харьковскаго дворянства на открытіе въ Харьковѣ университета.“ (Ibidem, eodem loco). Какъ извѣстно, открытіе это и состоялось 17-го января 1805 г., но разъ начатое гуманное движеніе на этомъ не остановилось, и мысль о необходимости благотворительныхъ учрежденій въ Россіи, высказанная самимъ Императоромъ въ указѣ отъ 16 мая 1802-го года, не заглохла и находила себѣ сочувствіе у всѣхъ лучшихъ людей того времени. Такъ, находящаяся въ архивѣ IV отдѣленія переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны (по учрежденіямъ

Ордена св. Екатерины 180... г.) заключаетъ въ себѣ между прочимъ письмо Императрицы къ неизвѣстному лицу [1]) отъ 18-го ноября 1803-го года, въ которомъ читаемъ слѣдующее: „такъ какъ вы извѣщены, любезный графъ, о проэктѣ основать институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ"... и далѣе объ институтѣ говорится, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Императрица проситъ только графа справиться о помѣщеніи будущаго института „разсчитаннаго на 60 воспитанницъ", также пріискать директриссу, классныхъ дамъ и вообще все, что нужно [2]). Такимъ-же образомъ могла проникнуть въ Харьковъ и идея объ основаніи благотворительнаго общества, одной изъ главныхъ цѣлей котораго было воспитаніе и призрѣніе сиротъ и несчастныхъ дѣвицъ, остающихся въ бѣдности и безъ путеводителей и черезъ то могущихъ подвергнуться обольщенію и разврату. (См. вышеприведен. объявленіе) [3]).

---

[1]) Вѣроятно, къ графу Северину Осиповичу Потоцкому, извѣстному меценату и первому попечителю харьковскаго учебнаго округа: „24-го января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи харьковскаго университета, тогда же созданъ харьковскій учебный округъ и опредѣленъ попечителемъ его графъ С. О. Потоцкій". См. проф. Д. И. Багалѣй, op. cit. стр. 80.

[2]) См. Е. Лихачевой „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи" т. II, „Время Императрицы Маріи Θеодоровны" (1796—1828). Спб. 1893, стр. 37. Какъ самое содержаніе письма, такъ и неизвѣстность лица, которому оно адресовано, оставляемъ на отвѣтственности г-жи Лихачевой. Подлинной переписки мы не могли имѣть подъ руками, пользуясь, какъ мы выше сказали, только мѣстными архивами: харьковск. института благород. дѣвицъ, харьковск. дворянскаго депутатскаго собранія и харьковской первой (бывшей слободско-украинской) гимназіи. Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ архивахъ мы нашли сравнительно очень немного интереснаго для насъ матеріала и, главнымъ образомъ, черпали наши свѣдѣнія изъ институтскаго архива. Иниціатива разработки документовъ институт. архива принадлежитъ члену совѣта по учебной части и инспектору классовъ харьк. института Д. С. Георгіевскому, который въ актовой рѣчи, конечно, не могъ входить въ изложеніе подробностей внутренней жизни общества благотворенія и предложилъ намъ заняться разработкой уцѣлѣвшихъ отъ общества документовъ.

[3]) См. также С. И. Кованько „Описаніе харьковской губерніи. Топографія". Харьковъ. 1857, стр. 26: „Въ 1812 году харьковское дворянство съ Высочайшаго соизволенія, составило „общество благотворенія и *главною цѣлью Совѣта постановило* на иждевеніи благотворителей *воспитывать дворянскихъ дѣтей* недостаточнаго состоянія мужскаго пола въ гимназіи, а женскаго въ институтѣ, котораго не было въ ближайшихъ губерніяхъ и который тогда же предположено основать въ Харьковѣ, на что также воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе".

Готовый уже уставъ человѣколюбиваго общества могъ оказать существенное вліяніе и на вновь учреждаемое общество; что же касается автора объявленій, въ которыхъ изложены основныя черты устава общества благотворенія, то они, по всей вѣроятности, принадлежатъ перу того-же человѣка, который составлялъ уставъ харьковскаго института 1812 года, находящійся теперь у насъ подъ руками и весь написанный собственноручно Г. Ѳ. Квиткою [1]). Правда, предсѣдателемъ Общества былъ избранъ родной братъ Г. Ѳ. Квитки, тогдашній губернскій предводитель Слободско-украинскаго дворянства Андрей Ѳедоровичъ Квитка, но душою Общества былъ все тотъ-же Григорій Ѳедоровичъ: его заботливая рука видна на каждомъ дошедшемъ до насъ документѣ изъ архива общества, на каждомъ письмѣ, отчетѣ и даже часто малѣйшемъ клочкѣ бумаги, какими-либо судьбами уцѣлѣвшемъ въ дѣлахъ общества благотворенія. Привыкши во всемъ уступать старшему брату, кумиру семьи и магнату харьковскаго общества, Г. Ѳ. старался стушеваться за величавою фигурою брата, но, какъ ни стремился къ этому нашъ скромный *труженикъ*, онъ не достигъ своей цѣли: и современники, и послѣдующія поколѣнія признали его создателемъ и общества, и института. Можно привести очень много свидѣтельствъ въ пользу нашего предположенія. Такъ, Велиховъ въ отчетѣ о публичныхъ испытаніяхъ и выпускѣ воспитанницъ харьковскаго института (27, 28 и 29 іюня и 1 іюля) 1840 года, помѣщенномъ въ Харьковскихъ Губерскихъ Вѣдом. того же года (№ 26, стр. 234—240), говоритъ объ основаніи института и общества благотворенія слѣдующее: „въ началѣ 1812 года составилось въ Харьковѣ“ общество благотворенія и по подпискѣ *собрано было* до 7,000 рублей (ср. отчеты). Для употребленія этой суммы, а также и той, которая должна поступать отъ благотвореній и впредь, по представительству харьковскаго дворянства, назначенъ былъ, съ Высочайшаго утвержденія, совѣтъ, который и положилъ открыть въ Харьковѣ, на счетъ добровольныхъ приношеній, институтъ для образованія бѣднѣйшихъ

---

[1]) Какъ видно изъ протоколовъ общихъ собраній, составить уставъ было поручено также и ректору университета Аф. Ив. Стойковичу. См. объ этомъ ниже.

благородныхъ дѣвицъ, полагая по 2 пенсіонерки на каждый уѣздъ, коихъ тогда было 10 въ харьковской губерніи (Слободско-украинской)... Назначено было открыть институтъ 10-го сентября(?) Всѣ распоряженія по этой части возложены были на одного изъ членовъ совѣта (т. е. Г. Ѳ. Квитку), которому предлежали въ семъ дѣлѣ большія затрудненія, но твердыя его усилія восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Настало 10 сентября, и все было готово къ открытію института, какъ полученная въ тотъ день вѣсть, что непріятель занялъ Москву, совершенно было разрушила это заведеніе при самомъ его основаніи. Одна только твердая воля означеннаго члена совѣта, ревностно заботившагося о совершеніи столь благодѣтельнаго дѣла, дала возможность положить для сего начало того же 10 сентября." Указавъ неблагопріятныя для „общества и института обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ 1813, 14, 15 и 16 годахъ—(до принятія института „подъ высокое покровительство Императрицы Маріи"—въ 1818 г.),—Велиховъ продолжаетъ: „тотъ почтенный мужъ, который такъ ревностно заботился о первоначальномъ существованіи въ Харьковѣ, еще съ нами... Кто не восхищался, восклицаетъ подъ конецъ Велиховъ, *его прекрасною душею, отъ источника которой такъ много произошло* добраго сѣмени для блага отечества." И такъ, ни одного слова объ А. Ѳ. Квиткѣ, какъ основателѣ общества, мы не находимъ у современника Г. Ѳ. Еще категоричнѣе свидѣтельство другого современника Г. Ѳ-ча—А. Корсуна, „Воспоминанія" котораго о нашемъ авторѣ такъ часто цитируются всѣми біографами Квитки (Литературная газета, 1843 года, № 37). „Въ душѣ его (Г. Ѳ.) зародилось много филантропическихъ мыслей, которыя онъ желалъ привести въ исполненіе", говоритъ Корсунъ и затѣмъ переходитъ къ разсказу объ основаніи общества благотворенія, возникшаго вслѣдствіе „ревностнаго содѣйствія" Г. Ѳ. Квитки (ср. также К. Ст. XLII, стр. 167).

Но лучшимъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ въ пользу инниціативы Г. Ѳ. служитъ его, такъ сказать, *молчаливое согласіе* съ своими многочисленными панегиристами, рѣчи которыхъ онъ зналъ и читалъ; тогда какъ всегдашняя любовь къ

истинѣ, отличавшая Г. Ѳ. во всѣхъ случаяхъ жизни, не позволила-бы ему скрывать имя *главнаго виновника* всего дѣла и благотворителя края, каковымъ, безъ сомнѣнія, онъ объявилъ бы во всеуслышаніе своего старшаго брата, если-бы это было въ дѣйствительности. Правда, въ письмахъ, хранящихся въ институтскомъ архивѣ, мы находимъ многочисленныя просьбы о пособіяхъ, о помѣщеніи дѣтей и т. п. на имя Андрея Ѳедоровича или совѣта общества и только одно или два письма на имя Григ. Ѳедор. (см. напр. дѣло Инс. арх. № 4), но это обстоятельство нисколько не умаляетъ заслуги Г. Ѳ., заботливая рука котораго видна, повторяемъ, положительно на каждомъ документѣ, дошедшемъ до насъ отъ дѣлъ общества. Онъ не по назначенію былъ „правителемъ дѣлъ" общества: ни одно дѣло не проходило мимо его рукъ, не ускользало отъ его вниманія. Если къ этому прибавить постоянныя и сложныя обязанности его по отношенію къ институту, который онъ ежедневно посѣщалъ, не смотря ни на какую погоду: ежегодныя составленія отчетовъ; ежемѣсячныя повѣрки суммъ прихода и расхода, огромную корреспонденцію, которую ему приходилось вести и по дѣламъ общества, и по институту—по неволѣ изумляешься колоссальной энергіи этого мѣшковатаго на видъ, добродушнаго и подслѣповатаго малоросса, какимъ онъ представляется на всѣхъ дошедшихъ до насъ портретахъ.

ГЛАВА 2-я.

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ. (Девизъ
Харьк. Общ. благотворенія [1]).

Дѣятельность харьковскаго общества благотворенія выразилась въ трехъ главныхъ видахъ: 1) въ видѣ единовременныхъ пособій и постоянныхъ пенсій всякаго рода несчастнымъ, кото-

[1]) См. дѣло № 4, инст. архива, листъ 16, письмо изъ Тобольска, отъ Андр. Иванов. Фонъ-Кремиера (артиллер. полковника). Девизъ этотъ несомнѣнно представляетъ собою одинъ изъ первыхъ стихотворныхъ опытовъ Г. Ѳ. Квитки. Въ томъ-

рые не въ состояніи трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе; 2) въ выдачѣ, съ цѣлью увеличенія средствъ общества,—*заимообразно* и за извѣстные проценты суммъ (безъ обезпеченія имуществомъ, но за поручительствомъ двухъ лицъ, а затѣмъ и подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей), т. е. такъ назыв. банковыя или кредитныя операціи и, наконецъ, 3) въ призрѣніи и воспитаніи сиротъ обоего пола, (преимущественно дѣтей дворянъ и чиновниковъ), при чемъ мальчики помѣщались на счетъ общества въ пансіонъ мѣстной украинско-слободской (нынѣ 1-й) гимназіи, а для бѣдныхъ дѣвицъ общество почти одновременно съ основаніемъ своимъ, по мысли Г. Ѳ. Квитки, рѣшило учредить „институтъ". Но чтобы удобнѣе сдѣлать обзоръ дѣятельности общества, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о началѣ его и *его организаціи*, чему мы и посвящаемъ настоящую главу.

„Слободско-украинское дворянство", образовавшееся изъ „полковой старшины путемъ переименованія въ чины и утвержденія въ сословіи, всѣ свои вновь пріобрѣтенныя права направило на добываніе и укрѣпленіе своихъ личныхъ благъ. Нѣкоторыя лучшія начала существовали, конечно, и тогда и иногда пробивались къ дѣятельности" [1]), но „въ большинствѣ своемъ дворянство было еще очень невѣжественно". Правда, среди него были и такіе типы, какъ Полетика, Чепа, Каразинъ, Коваленже дѣлѣ инст. архива № 4, на оборотѣ 1-го листа читаемъ слѣдующее четверостишіе, написанное столь знакомымъ всѣмъ (по факсимиле) почеркомъ Г. Ѳ. Квитки:

Счастливъ тотъ, кто добръ душою!
Злой коварствомъ пусть живетъ,
Чтитъ пускай его весь свѣтъ:
Счастливъ будь, что добръ душою!

Передъ этими стихами нѣсколько разъ перечеркнутыя строки, писанныя рукою Г. Ѳ. Квитки, и затѣмъ еще двѣ строки начатаго стихотворенія:

Согласиться съ мыслью я не смѣю,
Что будто счастье смертнымъ не дано.

Быть можетъ, эти строки предназначались для девиза Общества, какъ и поставленныя у насъ эпиграфомъ настоящей главы.

[1]) См. Русскій Архивъ, 1895 г., кн. 4, стр. 468—469, ст. В. Горленко (по поводу изданія сочин. Квитки и біографіи С. Р.).

скій, Ломиковскій и многіе ученики Сковороды [1]), но не рѣдко можно было встрѣтить и такихъ людей, какіе изображены въ комедіяхъ Г. Ѳ. Квитки въ лицѣ Староплутовыхъ, Ненасытовыхъ, Заправлялкиныхъ и т. д. [2]). Этимъ объясняется то на первый взглядъ непонятное обстоятельство, что тѣ-же самые дворяне, которые въ началѣ такъ горячо откликнулись на призывъ Г. Ѳ. и А. Ѳ. Квитокъ, побуждавшій ихъ къ благотворительности на пользу общества, впослѣдствіи на столько пренебрегали своими взносами, что и деликатнѣйшему „правителю дѣлъ общества"—приходилось чуть не съ помощью министра полиціи побуждать ихъ къ уплатѣ недоимокъ. Благородные порывы, слѣдовательно, могли находить себѣ сочувствіе въ подобномъ обществѣ, но это сочувствіе къ общественнымъ нуждамъ не могло привиться на столько, чтобы быть продолжительнымъ; оно скоро уступало мѣсто эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ личностей. Впрочемъ, вѣроятно, мы не будемъ судить слишкомъ строго людей того времени, если вспомнимъ, что и на нашихъ глазахъ благотворительныя и другія общества часто бываютъ обречены на погибель вслѣдствіе неаккуратнаго поступленія членскихъ взносовъ. Обратимся теперь къ тому, что говорятъ намъ документы о началѣ и организаціи нашего „Общества".

Въ концѣ 1811 и въ началѣ 1812 года, какъ мы раньше говорили, уже были разосланы отъ имени А. Ѳ. Квитки приведенныя выше объявленія (вѣроятно) всѣмъ дворянамъ, главнѣйшимъ представителямъ духовенства и чиновникамъ Слободско-украинской губерніи [3]). Въ дѣлѣ № 20 инст. арх. на печатныхъ объяв-

---

[1]) Ср. ibidem, стр. 469.

[2]) См. Комедію Г. Ѳ. Квитки „Дворянскіе выборы", Соч. т. VI, стр. 295—382. Ср. также очень удачную характеристику тогдашняго дворянства (русскаго вообще и малорусскаго) въ статьяхъ проф. А. И. Кирпичникова „Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Толстого" (гдѣ авторъ говоритъ объ историч. значеніи не одного московскаго, но и всего русскаго дворянства. См. Истор. Вѣстникъ, іюнь, 1895 г., стр. 723—758). и проф. Н. Ѳ. Сумцова „Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Квитки" (см. „Кіевск. Стар.", 1884, іюнь, стр. 201—209).

[3]) Въ дѣлѣ № 4. (Ин. Архива) мы нашли собственноручную записку Г. Ѳ. Квитки съ обозначеніемъ лицъ, проживавшихъ въ то время въ Харьковѣ и получавшихъ разнаго рода приглашенія, а также, вѣроятно, и эти объявленія отъ Совѣта общества. Приводимъ ее вмѣстѣ съ нашими замѣчаніями о лицахъ извѣстныхъ намъ:

леніяхъ, уцѣлѣвшихъ въ 3-хъ экземплярахъ, находимъ подписи, съ обозначеніемъ суммы единовременнаго и ежегоднаго взносовъ слѣдующихъ лицъ: Фед. Шидловскій и Яковъ Демчинскій—по 50 руб.; Алексѣй Шидловскій, Алек. и Елизав. Стремоуховы, Никита Романовъ, Петръ Любовниковъ, Фед. Глушковъ, Ник. Ло-

---

1) Губернатору И. И. Бахтину, его женѣ Дарьѣ Ивановнѣ и семейству. Бахтинъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ губернаторовъ Харькова. Онъ много содѣйствовалъ основанію университета и былъ избранъ первымъ почетнымъ членомъ его. Правда, Ярославскій въ своихъ извѣстныхъ по недоброжелательности къ Каразину „воспоминаніяхъ" называетъ Бахтина „ставленникомъ" Василія Назаровича, но его дружба съ епископомъ Христофоромъ Сулимою, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ проводилъ цѣлые часы (въ архіерейскомъ имѣніи—Всесвятскомъ), просвѣщенные взгляды, отразившіеся, между прочимъ, и на городскомъ благоустройствѣ (планъ города, названіе улицъ и т. д.) достаточно говорятъ въ его пользу. Въ перепискѣ его съ Совѣтомъ благотворенія онъ является сочувствующимъ „высоко гуманнымъ цѣлямъ общества" (собственныя слова). См. о немъ Харьковск. календарь на 1886 годъ, научный отдѣлъ, стр. 102 и упомянутый трудъ Пр—я Лащенкова, Харьк. Сборн. 1893 года, вып. 7.; стр. 205. При Императорѣ Павлѣ I въ Харьковѣ за 4 года смѣнилось 5 губернаторовъ (Ѳ. И. Кишенскій, А. Г. Тепловъ, П. Ѳ. Сабуровъ, К. И. Невѣровъ и Зильбергарнишъ), при Александрѣ I за описываемый періодъ (1811—1818) только 2.—Послѣ А. К. Артакова, смѣнившаго (въ 1803 году) Зильбергарниша, слѣдуетъ И. И. Бахтинъ и В. Г. Муратовъ, который также находится въ спискѣ. Но тогда онъ былъ еще вице-губернаторомъ Слободско-Украин. губерніи.

2) Аѳан. Ив. и Ел. Петр. Стойкевичъ,—ректоръ и его супруга. О немъ и его гоненіяхъ на профессоровъ, о недостойномъ поступкѣ его съ женою также говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Ярославскій (см. Харьк. Сборн. на 1887 г. Выпускъ 1-й). Но для общества благотворенія онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Совѣта и жертвовалъ въ пользу его свои сочиненія.

3) Т. Ѳ. Осиповскій, профессоръ университета, довольно извѣстный математикъ, И. П. Каменскій, И. Д. Книгинъ, Ѳ. А. Делавинъ, Е. А. Васильевъ, К. П. Павловичъ и П. М. Шумлянскій—профессоры и адъюнкты университета. К. К. Нельдехенъ—профессоръ сельскаго хозяйства и домоводства. О нихъ см. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I" и профессора Д. Багалѣя „Опытъ ист. Харк. университета".

4) Генералъ-лейтенантъ Ник. Мих. Бердяевъ—очень богатый человѣкъ; жена его Александра Петровна была первою главною начальницею института общества благотворенія, но по несогласіямъ съ Совѣтомъ (по поводу перевода института изъ дома протоіерея Фотіева въ другой домъ) скоро отказалась отъ этой должности.

5) П. Я. Любовниковъ—губернскій прокуроръ и его жена Ек. Ѳ—на (славилась своими литературно-музыкальными вечерами).

6) Ив. Фил. Вернетъ, въ качествѣ переводчика, былъ выписанъ въ Россію А. В. Суворовымъ и впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ писатель, помѣщавшій статьи въ „Украинскомъ Вѣстникѣ". См. его біографію въ Современникѣ 1847 года, Кн. 1-я.

севъ и Розаліонъ-Сошальскій *ежегодно* по 25 руб.—всѣ на одномъ печатномъ объявленіи; надв. сов. Влад. Керенцовъ—10 р. *единовремен. взноса* — на другомъ печат. объявл.; помѣщики: Андрей Антоновъ и подпоруч. Фонъ-Люндегрейнъ (неясно)—по 25 руб.—на третьемъ объявленіи.

Здѣсь же на отдѣльномъ листкѣ находимъ „списокъ дворянъ, изъявившихъ желаніе быть членами харьковскаго благотворительнаго общества съ означеніемъ суммы взноса". Во главѣ этого списка стоятъ: Андрей Квитка (50 р.) и Григорій Квитка (25 р.); затѣмъ слѣдуютъ: Григорій Зарудный (50 р.);

---

7) Н. И. Шредеръ—дѣятельный членъ Совѣта общества благотворенія и впослѣдствіи тамбовскій вице-губернаторъ и корреспондентъ общества. А. И. Шредеръ — директоръ училищъ Слободско-Украинской губерніи; его смѣнилъ баронъ Эйбенъ.

Ф. И Шредеръ ихъ родной братъ.

8) И. И. Зарудный былъ женатъ на М. Ѳ. Квиткѣ, сестрѣ Гр. Ѳ—ча. Гр. Ив. Зарудный—родной братъ его.

9) Н. И. Смирнитскій - мужъ Е. Ф. Квитки.

10) А. Ф. Бѣлоусовъ—издатель-книгопродавецъ.

11) Сердюковъ Дм. Ѳ. коммиссіонеръ общества благотворенія. Построенный имъ каменный домъ до сихъ поръ стоитъ на Мироносицкой площади. Въ немъ, какъ видно, изъ воспоминаній Ф. О. Рейнгардта, помѣщался долгое время почтамтъ. Н. Ф. Шараповъ имѣлъ домъ въ залопанской части по сосѣдству съ институтомъ. (Остальныя см. въ спискѣ при дѣлѣ № 4 Инст. Арх.).

А вотъ фамиліи остальныхъ лицъ, приводимыхъ въ этомъ спискѣ: Ив. Максимовичъ; М. И. и В. И. Цебриковъ; Гр. Ив. Мокренцъ; Петр. Ларр. Бѣляевъ; Аг. Тим. Титовъ; Ром. Ал. и В. Ал. Аксентьевы; А. Д. Прожина; Ак. Анис. и Фекла Ф—на Сахновскіе; Юр. Фед. фонъ-Минстеръ съ семействомъ; С. А. Левшинъ; Д. И и Л. И. Хорватъ; Сестры Краморенковы; И. Б. Сонцевъ съ фамиліей; И. М. Яновскій; И. И Будянскій; И. И. и А. И. Нагель; И. Т. Шевичъ; А. И. Касовскій; Г. И. Вензель (аптекарь); Гиржевъ (корреспондентъ общества); Афр. М. Павловъ и К. М. Грумбахъ. Далѣе Г. Ѳ. помѣчаетъ: „за Лопанью". Безруковы; Н. И. и Ав. Л. Лосевы; графини К. В. и Н. В. Девіеръ; А. В. Маркова; А. В. Акацатова; Ф. С. и А. А. Рикманъ; графиня Ал. Ал. Гендрикова; Н. И. и К. А. Звѣревы, Г. А. Нечаевъ; Стремоуховы; П. И. Горговскій; П. М. Батезатулъ, Д. И. и Е. Н. Булычевы; С. Н. Куликовская; граф. Вар. Р—на Подгоричани; Ек. П. Потапова, Шидловскіе; А. Н. и М. А. Желтухины; И. П. Жонель; Ф. П. Глушковъ, Т. В. и А. А. Экъ; Д. Г. Дещенковъ; В. Н. Логачевъ и Я. Ю. Анадольскій. Кажется, что здѣсь перечислены лица не только постоянно, но и временно проживавшія въ Харьковѣ.

Стойковичъ (ректоръ); докторъ Майеръ, Петръ, Прохоръ и Өедосья Абаза; Николай Копыткинъ; Як. и Дм. Кашинцовы; братья Мезенцовы; Ник. Антоновъ; Илья Купчиновъ; Афанасій Земборскій; протоіерей Соколовскій, Ив. Зарудный, Афан. Павловъ, Яковъ Денисенковъ, Иванъ Гиржевъ, Екат. Шидловская и Герасимъ Коваленковъ,—всѣ обязавшіеся вносить по 25 р. Войсковой обыватель, житель села Барвинкова, Андр. Герас. сынъ Святка и священникъ Петропавловской церкви, изюмскаго уѣзда слободы Заводь, Өедоръ Погорѣленковъ—по 25 р. *ежегодно*. Въ самомъ концѣ списка и отдѣльно отъ прочихъ: *Александра Зарудная* 100 *рублей*. (безъ обозначенія ежегодно или единовременно). Далѣе на отдѣльномъ листѣ читаемъ слѣдующія фамиліи: Капитанъ Серг. Левшинъ, Екатер. губерніи, Бахмутскаго уѣзда, помѣщикъ Павелъ Янченко; Генералъ-маіорша Кат. Потапова, над. сов. Мих. Шидловскій, титул. сов. Дм. Мартыновъ и поруч. Ник. Купчиновъ, всѣ по 25 рублей ежегодно.

Изъ этихъ списковъ тотъ, во главѣ котораго стоятъ имена А. Ө. и Г. Ө. Квитокъ, былъ *первымъ* подписнымъ листомъ, долгое время ходившимъ по рукамъ дворянства во время его съѣздовъ въ Харьковѣ [1]). Число всѣхъ обозначенныхъ лицъ (45) далеко не достигаетъ дѣйствительнаго числа членовъ, которыхъ, какъ видно изъ перваго отчета общества (въ дѣлѣ № 1, в. инст. арх.), было 153 ко времени 1-го засѣданія избраннаго совѣта, т. е. къ 29 апрѣлю 1812 г., а къ 18 августу того-же года членовъ (см. тотъ-же отчетъ) было уже 201, въ томъ числѣ и трое именитыхъ: Д. С. С. Пав. Григорьевичъ Демидовъ, генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантъ Мих.

---

[1]) На оборотной сторонѣ этого списка надпись: „списокъ сей для представленія благородному дворянству поручается изюмск. уѣзда помѣщику коллегіи юнкеру Вас. Анд. Зарудному. Губ. Предв. двор. Андрей Квитка“. Въ числѣ лицъ обозначенныхъ въ этомъ спискѣ, Александра Зарудная и Св. Погорѣленковъ были первыми изъ членовъ Общества, отказавшихся отъ взноса подписныхъ денегъ; приведенный рядомъ съ ними житель села Барвинкова, наоборотъ, оказался очень исправнымъ плательщикомъ.

Степ. Кондратьевъ, вносившій по 1000 рублей, и подполковникъ П. П. Веселицкій—по 300 рублей ежегодно. И такъ въ дѣлѣ № 20 сохранились далеко не всѣ собственноручныя подписи дворянъ, пожелавшихъ быть членами общества еще въ 1812 году. Отсутствіе въ дѣлѣ многихъ подписныхъ листовъ и объявленій, помимо утраты, можетъ быть объяснено и тѣмъ, что впослѣдствіи приходилось предъявлять въ судъ собственноручныя подписи дворянъ, отказывавшихся отъ постоянныхъ взносовъ, въ качествѣ свидѣтельствъ о добровольно взятомъ ими на себя обязательствѣ *поддерживать общество благотворенія* [1]).

Какъ видно изъ списокъ, большинство членовъ общества принадлежало къ слободско-украинскому дворянству, но вскорѣ къ нимъ стали присоединяться и дворяне другихъ губерній. Въ архивѣ института мы нашли „списокъ членовъ Харьковскаго общества благотворенія въ 1812 г.“, писанный рукою Г. Ѳ. Квитки, но къ сожалѣнію сохранилась только 2-я книга его, гдѣ записаны фамиліи членовъ изъ другихъ губерній по мимо харьковской. Отсюда видно, что уже въ теченіе 1812 года въ число членовъ общества поступили: изъ орловской губерніи—2, воронежской—4, екатеринославской губерніи — 9, полтавской—3, таврической—4, черниговской — 2, тобольской—4, витебской, московской, костромской, с.-петербургской и владимірской—по одному, а всего 33 члена [2]). Были ли эти члены въ числѣ подписавшихся еще при самомъ началѣ общества, подобно указаннымъ выше лицамъ, имена которыхъ мы нашли на подписныхъ листахъ и объявленіяхъ, это трудно рѣшить по недостатку данныхъ. Изъ дѣлъ общества видно только, что ус-

---

[1]) Случаевъ предъявленія въ судъ подписей членовъ было нѣсколько. См. напр., дѣла Инст. арх, №№ 11, 14, 15 и другія.

[2]) Такимъ образомъ все же не выходитъ 153 членовъ, если къ прежнимъ 45 (на подписныхъ листахъ) присоединить еще 33 или 34 (считая поручика Изюмскаго гусарскаго полка К. П. Аксентьева, который также вошелъ въ списокъ иногороднихъ членовъ), а всего 79, слѣдовательно отсутствуетъ болѣе половины членовъ. Впрочемъ многіе, какъ видно изъ другихъ дѣлъ, заявляли свое желаніе сдѣлаться,

тавъ или правила общества были отправлены губернаторомъ Ив. Ив. Бахтинымъ въ Петербургъ 12 декабря 1811 г. Какъ видно изъ отношенія (отъ 19 января 1812 г.) министра полиціи (А. Балашевъ) къ гражданскому губернатору Бахтину [1]), уставъ общества былъ утвержденъ 15 января 1812 года. Вотъ эти то утвержденныя правительствомъ правила и разсылались членамъ общества [2]) и всѣмъ, кто только имѣлъ какое-нибудь положеніе среди служащихъ въ слободско-украинской губерніи чиновниковъ и дворянъ. Въ январѣ и февралѣ 1812 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени А. Ѳ. Квитки члены общества приглашались въ Харьковъ для избранія (на основаніи § 17 устава) предсѣдателя и членовъ совѣта общества. Въ дѣлѣ № 2 мы находимъ всю переписку объ этомъ. Выборы были назначены на 28 апрѣля 1812 г., но только немногіе члены общества могли лично присутствовать при этомъ: другіе по разнымъ причинамъ должны были отказаться отъ личнаго участія въ выборахъ и передать свои голоса уѣзднымъ предводителямъ дворянства, кому-либо изъ присутствовавшихъ членовъ, самому А. Ѳ. Квиткѣ, и, наконецъ, письменно выразить свое согласіе съ мнѣніемъ большинства наличныхъ членовъ или заявить, кого они избираютъ членами и предсѣдателемъ совѣта. Въ теченіе февраля, марта и апрѣля 1812 года такихъ писемъ было получено 31. Предсѣдателемъ общества и совѣта *единогласно* всѣми отсутствовавшими и бывшими на лицо членами былъ избранъ А. Ѳ. Квитка, правителемъ дѣлъ Григ. Ѳедоров. [3]). Изъ приложеннаго

членами словесно; фамиліи ихъ просто перечислены въ письмахъ, присылаемыхъ на имя Совѣта отъ корреспондентовъ. Далѣе (въ томъ же дѣлѣ № 20) находимъ уже списки членовъ, присоединившихся къ обществу въ 1813 и 1818 годахъ. Особенный наплывъ членовъ въ 1818 году объясняется тѣмъ, что въ этомъ году институтъ общества благотворенія былъ принятъ подъ Высочайшее покровительство и главное начальство Им. Маріи Ѳеодоровны.

[1]) См. дѣло № 2, Инст. Арх., листъ 3-й.

[2]) См. въ томъ же дѣлѣ письмо Ал. Бантыша и др.

[3]) Если не считать письма Ив. Золотницкаго (изъ Сумъ, отъ 26 апрѣля 1812 года), полученнаго 29 апрѣля, т. е. уже на другой день послѣ выборовъ. Золотницкій избралъ предсѣдателемъ Григорія Романовича Шидловскаго (письмомъ

къ дѣлу (№ 2 инст. арх.) „баллотировочнаго списка“ видно, что въ общемъ собраніи членовъ, бывшемъ 28 февраля 1812 года, въ члены совѣта избраны: ректоръ университета Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ (онъ же и кандидатъ на должность предсѣдателя), Совѣстный судья Петръ Ив. Ковалевскій—17 голосами, т. е. всѣми присутствовавшими членами, если судить по числу членовъ подписавшихся подъ спискомъ. Третьимъ членомъ совѣта и казначеемъ общества избранъ (13 голосами) Андр. Ив. Безруковъ. Харьковск. уѣзд. предводитель дворянства Іона Ник. Позпанскій 14 голосами былъ избранъ кандидатомъ въ казначеи. Остальные баллотировавшіеся получили: Н. И. Шредеръ (впослѣдствіи вице-губернаторъ), Ник. Ив. Романовъ (губ. казначей), Иванъ Петр. Каменскій (профессоръ)—по 11 голосовъ, А. Д. Прожина и И. Д. Книгинъ (профессоръ) по 7-ми, П. Я. Любовниковъ—8 голосовъ [1]). 29 апрѣля 1812 г., т. е. на другой же день, въ 6 часовъ пополудни вновь избранные члены совѣта харьковскаго общества благотворенія открыли первое засѣданіе и постановили: 1) объ открытіи совѣта извѣстить его превосх. г. гражданск. губернатора Ив. Ив. Бахтина (что и исполнено 4-го мая, подъ № 1) и препроводить ему при этомъ 100 экземпляровъ „правилъ“ общества съ просьбою разослать ихъ во всѣ присутственныя мѣста, а также харьковскому полиціймейстеру и городничимъ слободско-украинской губерніи; 2) на основаніи 12-й статьи правилъ [2]), избрать въ каждомъ уѣздѣ одного изъ дворянъ корреспондентомъ по дѣламм общества, а именно: въ

отъ 25 февраля 1812 года отказавшагося отъ избранія какого бы то ни было), а правителемъ дѣлъ губернск. землемѣра Ив. Ст. Мочульскаго.

[1]) Въ домѣ Любовниковыхъ составлялись музыкально-литературные вечера, гдѣ принималъ горячее участіе Г. Ѳ. Квитка.—Жена П. Як—ча Ек. Федоровна считалась одною изъ образованнѣйшихъ дамъ тогдашняго харьковск. общества; самъ П. Я. былъ корреспондентомъ общества по г. Харькову и членомъ Совѣта.

[2]) Вотъ эта статья (12): „Совѣтъ въ первомъ засѣданіи своемъ, имѣя списки всѣхъ членовъ Общества, избираетъ въ каждомъ уѣздѣ слободско-украинской губерніи одного изъ почетнѣйшихъ дворянъ, тамъ живущихъ, и приглашаетъ его быть своимъ корреспондентомъ“. См. дѣло № 1, а Инст. Арх., листъ 1-й.

извѣстить каждаго изъ нихъ объ этомъ избраніи [1]) и списокъ корреспондентовъ также представить — губернатору, котораго просить о предписаніи городничимъ и земскимъ судамъ всячески содѣйствовать корреспондентамъ общества. 3), На основаніи 17-й ст. „*правилъ*“ поручить правителю дѣлъ, „удаляясь всякой отяготительной формы и излишней переписки“, всѣ вступившія просьбы представлять въ ближайшемъ засѣданіи совѣту, который поставляетъ на нихъ свои рѣшенія, утверждая ихъ подписью членовъ, послѣ чего все это записывается въ особую журнальную книгу, 4) извѣстить также объ открытіи и мѣстную почтовую контору, которая денежные пакеты, присылаемые на имя совѣта, должна выдать казначею, простые—правителю дѣлъ, который представляетъ ихъ совѣту нераспечатанными; 5) собранныя отъ г.г. членовъ и постороннихъ лицъ совѣстнымъ судьею П. И. Ковалевскимъ деньги (съ 22 февраля по 29 апрѣля 1812 года) шесть тысячъ пятьсотъ тридцать два руб. и восемьдесятъ коп. передать г-ну казначею общества А. И. Безрукову, со внесеніемъ въ книгу прихода подъ двумя рубриками: ежегодной суммы—4,857 руб. 80 коп. и капитальной [2]) 1675 руб. которые и хранить, на основаніи правилъ, въ казенной кладовой за общими печатями членовъ совѣта [3]); 6) сумму общества, „взносимую въ капиталъ“ и достигшую къ 29 апрѣля до 4,600 руб. отдавать желающимъ взять взаймы преимущественно „помѣщикамъ здѣшней губерніи“, коихъ имѣнія достаточно было бы подъ залогъ занимаемой ими суммы и съ поручительствомъ двухъ извѣстнаго состоянія помѣщиковъ той-же губерніи, срокомъ не болѣе какъ на одинъ годъ, и съ уплатою 6% узаконенныхъ и 4% въ пользу благотворительныхъ заведеній, что и вносится за годъ впередъ; 7) вся сумма ежегод-

---

[1]) По особой формѣ, см. тоже дѣло № 1, а, л. 2. Изъ корреспондентовъ общества наиболѣе дѣятельнымъ оказался И. Ф. Богдановичъ, сумской городничій и родной братъ извѣстнаго автора „Душеньки“ (Ипполита Ф—ча). И. Ф. Написалъ также нѣсколько небольшихъ статей (напр. „Похвальное слово Іоанну IV Васильевичу“, Москва 1895) и грамматику русскую для „поляковъ“.

[2]) Объ этомъ см. ниже.

[3]) „А въ пріемѣ этихъ денегъ выдать г. Совѣстному Судьѣ и Члену Совѣта П. И. Ковалевскому отъ Совѣта росписку“. Тамъ-же, листъ 3-й.

ныхъ взносовъ, которая по сіе число (т. е. по 29 апрѣля) простирается уже до 8,000 руб. и еще увеличится отъ процентовъ, получаемыхъ съ капитальной суммы, должна распредѣляться такимъ образомъ: 1,600 руб. составляетъ ежегодную плату за обученіе и содержаніе *восьми* дворянскихъ дѣтей въ пансіонѣ при здѣшней гимназіи, 2,400 руб.—ежегодныхъ издержекъ на предполагаемое заведеніе для воспитанія *восьми дѣтей женскаго пола*; 20,000 руб.—на раздачу пособій, (изъ этой же суммы: 100 руб. полагается на писца при правителѣ дѣлъ и ему же на мелкіе расходы: почтовую пересылку, печатаніе объявленій и т. п.—35 руб.), наконецъ послѣдніе 2,000 руб. на непредвидѣнные расходы; 8) сумма, издержанная на необходимые „при составленіи общества" расходы, должна быть вычтена изъ 2,000 руб., назначенныхъ на раздачу нуждающимся. 9) Взносы членовъ, подписавшихся въ теченіе того же года, но послѣ 29 апрѣля, поступаютъ въ капиталъ и не расходуются вовсе [1]); 11) разослать корреспондентамъ и членамъ общества другихъ губерній копіи съ Высочайшаго рескрипта на имя А. Ѳ. Квитки; 12) на основаніи 3 и 4 статьи правилъ Д. С. С. Пав. Григ. Демидова, назначившаго 1,000 руб. ежегоднаго взноса въ распоряженіе общества, признать „именитымъ членомъ Х. О. Бл.", напечатать объ этомъ въ вѣдомостяхъ и благодарить его отъ имени совѣта и 13) опредѣлить малолѣтняго дворянина Александра Ковалевскаго въ пансіонъ при здѣшней гимназіи и выдать въ счетъ платы за него за 2 трети впередъ изъ суммы, предназначенной на воспитаніе *восьми дворянскихъ* сиротъ [2]). Этимъ первымъ засѣданіемъ совѣта общества достаточно выясняется характеръ и направленіе его дѣятельности, и потому мы выписали здѣсь всѣ постановленія совѣта. Затѣмъ засѣданія эти

[1]) 10-ое постановленіе о временномъ исправленіи должности казначея Общества его кандидатомъ (І. Н. Позванскимъ) мы пропускаемъ, какъ маловажное.

[2]) Таковъ былъ протоколъ перваго засѣданія Совѣта Общества. Мы привели его почти цѣликомъ не только потому, что изъ него видно, въ чемъ состояли занятія Совѣта и почти вся дѣятельность Общества, но также и потому, что здѣсь впервые упоминается о намѣреніи основать Институтъ, какъ мы только что видѣли, *всего для 8 дѣвицъ, причемъ не извѣстно, только ли дворянскаго сословія или и другихъ*.

повторялись каждую недѣлю по средамъ. Правитель дѣлъ, со свойственной ему аккуратностью, велъ „дневныя записки“ засѣданій совѣта, и мы могли бы прослѣдить изо дня въ день дѣятельность совѣта въ первый годъ существованія общества, но ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчаніями, чтобы не утомлять вниманіе читателей.

Такъ, прежде всего замѣтимъ, что дѣленіе суммы общества на капитальную и ежегодную не только требовалось уставомъ, но вызывалось и самымъ теченіемъ дѣлъ. Взносы членовъ съ самаго начала поступали далеко неаккуратно и требовался запасный капиталъ, необходимый для текущихъ расходовъ и впослѣдствіи вновь пополняемый по мѣрѣ поступленія взносовъ. Кромѣ того многіе члены, по усердію или не желая себя затруднять ежегодными взносами (и руководясь извѣстными статьями устава общества), предпочитали единовременные взносы значительныхъ суммъ, дававшихъ имъ право пожизненно состоять членами общества. Какъ видно изъ дѣла инст. арх. № 3 [1]) первыми жертвователями довольно значительныхъ суммъ были: М. И. Шидловская (300 руб.), Пав. Войновичъ (100 руб. единовременно и 25 руб. ежегодно), епископъ Слободско-украинскій и Харьковскій Христофоръ Сулима (100 руб. единовременно), Густавъ Гессъ-де-Кальве, приславшій 300 руб., т. е. весь сборъ съ концерта, устроеннаго имъ въ пользу общества благотворенія, Арк. Левшинъ и Мих. Кондратьевъ пожертвовавшіе по 500 руб., но съ тѣмъ, чтобы въ пользу общества шли только проценты съ этихъ денегъ, самый же капиталъ жертвователи оставляютъ за собою впредь до особаго распоряженія или завѣщанія на случай смерти, руководясь при этомъ ст. 26-й правилъ общества, наконецъ Даніилъ Лѣсницкій, собравшій отъ разныхъ лицъ [2]) 240 руб. единовременныхъ взносовъ и вмѣстѣ съ своимъ членскимъ взносомъ приславшій ихъ совѣту въ письмѣ отъ 26 іюня 1312 года. На сколько подобные взносы были желательны для общества, видно изъ той горячей благодарности, которую отъ

[1]) О взнесенной единовременно въ капиталъ общества благотворенія суммы, съ 1812 по 1819 годъ, на 78 листахъ.

[2]) См. фамиліи ихъ въ дѣлѣ Инст. архива № 3.

имени совѣта выразили, напр., Густаву-де-Кальве, А. Ѳ. и Г. Ѳ. Квитки [1]), а также изъ циркулярнаго предложенія совѣта членамъ общества благотворенія, „не благоугодно-ли имъ будетъ вмѣсто ежегоднаго взноса пожертвовать капиталъ, проценты съ котораго соотвѣтствовали бы назначенной ими ежегодной суммѣ". Черновая этого предложенія, относящагося къ концу 1813 года, писанная рукою Г. Ѳ., сохранилась въ томъ же дѣлѣ и достаточно свидѣтельствуетъ, какъ затруднительно уже и тогда было положеніе общества. Здѣсь-же обозначены лица, избранныя корреспондентами общества въ другихъ губерніяхъ.

Итакъ теперь намъ представляется довольно ясно вся организація общества. Члены общества дѣлятся на *именитыхъ* или *почетныхъ*, сдѣлавшихъ большія пожертвованія единовременно или постоянно, *дѣйствительныхъ*, взнесшихъ такой капиталъ, проценты съ котораго доставляли-бы не менѣе 25 руб. ежегодно (слѣдовательно 250 руб.), т. е. обычный взносъ, и *постоянныхъ*, которые дѣлаютъ ежегодные взносы не менѣе 25 руб. Во главѣ общества стоитъ совѣтъ [2]), завѣдующихъ дѣлами, избираемый на три года и, въ свою очередь, избирающій корреспондентовъ, которые пользуются одинаковыми правами съ членами совѣта и могутъ засѣдать въ совѣтѣ во время пребыванія своего въ Харьковѣ. Корреспонденты должны: 1) изыскивать для общества средства и пріобрѣтать, по мѣрѣ возможности, новыхъ членовъ, 2) отыскивать въ районѣ, которымъ завѣдуютъ, дѣйствительно бѣдныхъ людей, нуждающихся въ помощи, и оказывать имъ пособія изъ суммъ, которыя имѣются у нихъ подъ руками, или просить присылки денегъ отъ совѣта, находить сиротъ—дѣтей (преимущественно дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ) и просить совѣтъ объ опредѣленіи ихъ въ гимназію, или институтъ, или о выдачѣ уже учащимся временныхъ или

---

[1]) См. оба письма въ томъ же дѣлѣ № 3.

[2]) Постановленіемъ общаго собранія членовъ, состоявшагося 6 сентября 1813 года, избраніе предсѣдателя и членовъ совѣта на новое трехлѣтіе пріурочивалось ко времени обычнаго съѣзда дворян. для выборовъ.

постоянныхъ пособій для окончанія курса въ гимназіи [1]). Впрочемъ едва-ли дѣятельность корреспондентовъ была многимъ по сердцу: конечно, встрѣчались такіе ревностные и усердные дѣятели, какъ полк. Фонъ-Креммеръ (тобольскій корреспондентъ). Мизко (екатеринославскій, таврическій и херсонскій) и нѣкоторые другіе, но были и такіе, какъ, напр. Иванъ Каразинъ, который, казалось, искалъ лишь предлога, лишь-бы избиться отъ этой должности [2]). Да и на самомъ дѣлѣ трудно было иногда уговаривать тогдашняго дворянина, представляя ему всевозможные резоны, пожертвовать свою лепту на пользу ближняго [3]). Весьма многіе считали самое общество благотворенія совершенно лишнею забавою людей, которые „отъ нечего дѣлать" задумали благотворить человѣчеству. Всѣ корреспонденты жалуются на равнодушіе дворянъ или вовсе безсердечное отношеніе къ дѣламъ общества благотворенія, но часто усилія ихъ увѣнчивались и блестящимъ успѣхомъ, какъ напримѣръ—дѣятельность Н. И. Шредера, бывшаго члена совѣта, а затѣмъ Тамбовскаго вице-губернатора и корреспондента общества, вызывавшая восторженные отзывы и похвалы совѣта, расточаемыя по адресу Шредера письменно и даже печатно. Такъ, въ Украинскомъ

---

[1]) Отсюда видно, что дѣятельность корреспондентовъ была довольно обширна, и переписка ихъ съ Совѣтомъ поэтому наполняетъ большинство дѣлъ, хранящихся въ арх. Инст. Таковы дѣла №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18, охватывающія отношенія корреспондентовъ къ Совѣту отъ 1812 до 1821 года.

[2]) И вскорѣ,—какъ видно изъ дѣла № 4 И. А.—разсорился съ Совѣтомъ.

[3]) Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Павла Войновича, о которомъ мы упоминали уже выше (см. дѣло Инст. арх. № 3). „Дѣйствительно, въ бытность здѣсь Ник. Вас. Лосева, я хотѣлъ, приглася всѣхъ, единодушно составить въ г. Ахтыркѣ благородное собраніе, но что значитъ единица?" — восклицаетъ Войновичъ: „не только нельзя было заставить дворянъ собраться для обсужденія вопроса объ учрежденіи общества благотворенія, но и „отъ подписки *неопредѣленной* гг. сосѣдніе помѣщики рѣшительно отказываются", „почему остается пожалѣть о древности временъ, когда составленіе согласныхъ обществъ было истиннымъ для людей удовольствіемъ" и т. п. Таково же письмо В. Бедряги къ Гр. Ѳ—чу. „Письмо Ваше и при немъ кучу объявленій отъ Совѣта я получилъ. Успѣху не могу ждать по нашему уѣзду ни малѣйшаго: уже я писалъ ко всѣмъ гг. помѣщикамъ, но не только заявленія о желаніи благотворить, ниже отвѣту ни отъ кого не получилъ". см. Ин. Арх. дѣло № 5.

Вѣстникѣ за 1817 годъ (въ № 5) помѣщенъ цѣлый панегирикъ Шредеру, принадлежавшій, конечно, Григорію Ѳедоровичу. „При такихъ сотрудникахъ, восклицаетъ Квитка, общество войдетъ въ силу и будетъ преуспѣвать въ человѣколюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ!“ Посмотримъ, на сколько чисто благотворительная дѣятельность общества достигла своихъ цѣлей.

В. Лапинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ.

I.

Въ наши историческія изданія, посвященныя изученію малороссійской старины, рѣдко попадаютъ извѣстія изъ Слободской Украйны. Конечно, памятники и преданія малороссійской старины тамъ почти заглохли; они покрыты тяжелымъ и толстымъ пластомъ другихъ бытовыхъ теченій; но тѣмъ не менѣе опытный наблюдатель и подъ этимъ тяжелымъ пластомъ найдетъ глубокій родникъ живыхъ теченій, ярко рисующихъ характерныя черты давно минувшей жизни малороссійскаго племени, а также нѣкоторыя событія его военной и политической исторіи. Смѣло можемъ сказать, что если въ Слободской Украйнѣ удастся открыть какіе-либо памятники старины, то это будетъ находка весьма цѣнная, не искаженная ни польскимъ, ни жидовскимъ вліяніемъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ памятниками правобережной приднѣпровской Украйны. Зная близко быть Слободской Украйны, я хочу сооообщить нѣсколько разсказовъ слышанныхъ мною въ дѣтствѣ въ средѣ малороссійскаго населенія, въ предѣлахъ воронежской и харьковской губерній. Особенно памятны мнѣ двѣ пѣсни: одна заключаетъ въ себѣ указанія на обстоятельства, связанныя съ разгромомъ Сѣчи Запорожской; другая представляетъ собою яркое изображеніе чувствъ молодого козака, отправляющагося въ Запорожье, и живо рисуетъ предъ нами его прощанье съ родными мѣстами, съ матерью-старухой и со всѣмъ, что̀ мило и

дорого его сердцу и чтò тяжкая польская неволя заставляетъ его покинуть, по крайней мѣрѣ, на время.

Извѣстно, подъ вліяніемъ какихъ тяжелыхъ чувствъ наши бѣдные *сиромахи* оставили родину, покинули свою мать-Сѣчь и пошли служить невѣрному турецкому султану, о чемъ и поютъ ихъ пѣсни. Мнѣ приходилось слышать эти пѣсни еще въ дѣтствѣ. Возможность занесенія козацкихъ думъ въ Слободскую Украйну объясняется тѣмъ, что послѣ разгрома Сѣчи Запорожской пришло нѣсколько запорожцевъ къ жителю слободы Алексѣевки, бирюченскаго уѣзда, нынѣ воронежской губерніи, Ивану Степановичу Штурбѣ. Какъ объ этой замѣчательной личности, такъ и о пріютившихся у Ивана Степановича запорожцахъ болѣе подробная рѣчь—впереди; въ настоящее же время необходимо замѣтить, что родъ Штурбы[1])—очень древній, чисто козачій родъ. Въ семейныхъ преданіяхъ Штурбъ долго хранилось передававшееся изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, сказаніе, что они выселенцы изъ-за Днѣпра, изъ г. Богуслава, что на р. Роси. Въ этомъ же родѣ, какъ болѣе развитомъ и отличавшемся интеллигентностью, сохранилось преданіе о первомъ переселеніи малороссовъ на московскія земли.

Это было во второй половинѣ XVII-во вѣка, въ тотъ періодъ, который хорошо знакомъ читателю подъ именемъ „Руины".

Въ это смутное безвременье богуславскіе малороссы, предводимые Штурбой, двинулись на лѣвый берегъ Днѣпра. Ближайшія къ рѣкѣ мѣста были заселены, и правобережные выходцы не тотчасъ осѣли, а отправились дальше въ глубь края, на вольныя московскія степи, прилегавшія къ Дону. По семейнымъ преданіямъ Штурбъ, заднѣпровскимъ выходцамъ не мѣшали селиться гдѣ угодно на пустынныхъ земляхъ нынѣшней харьковской и южной части курской и воронежской губерній; они выбирали мѣста, гдѣ есть хорошія воды, луга, лѣса, а качество земли опредѣляли по кротовикамъ.

Замѣчательно, что переселявшіеся изъ-за Днѣпра въ московскія степи малороссы выбирали для своего поселенія такія

[1]) Фамилія „Штурба" несомнѣнно литовскаго происхожденія. Въ юго-западномъ краѣ есть шляхетскіе роды, носящіе эту фамилію.

мѣста, которыя по своему топографическому положенію напоминали ихъ родину. Мнѣ пришлось служить нѣкоторое время въ кременецкомъ уѣздѣ, волынской губерніи. Объѣзжая уѣздъ, я былъ пораженъ сходствомъ мѣстоположенія м. Ямполя волынской губ. и г. Бирюча воронежской губ. съ его окрестностями по р. Тихой Соснѣ, которыя были извѣстны мнѣ съ дѣтства. Лѣвый берегъ р. Горыни, на которой расположено м. Ямполь и его окрестности, такъ-же возвышенъ, какъ и лѣвый берегъ р. Сосны, на которой расположенъ г. Бирючъ; близъ Ямполя, на пологихъ берегахъ рѣки расположены разные приселки такъ же, какъ и близъ г. Бирюча. Народъ въ м. Ямполѣ показался мнѣ подходящимъ по типу къ народу г. Бирюча, какъ я зналъ его около 50 лѣтъ тому назадъ. На сходѣ въ волостномъ правленіи начинаютъ мнѣ читать фамиліи крестьянъ. Фамиліи оказываются тѣ-же самыя, которыя случайно остались у меня въ памяти еще отъ бирюченской жизни, напр.: Ермакъ—это былъ содержатель ученическихъ квартиръ въ г. Бирючѣ; Усикъ—богатый винокуренный заводчикъ [1]) тамъ-же; Кнюхъ—отличный мастеръ дубленыхъ полушубковъ и т. д. Затѣмъ, писарь, называя селенія, входящія въ составъ Ямпольской волости, произноситъ: „Слободка Михайловка"; я вспомнилъ, что внизъ по теченію рѣки Сосны, верстахъ въ 3-хъ отъ Бирюча, есть слободка Михайловка. Выкликая выборныхъ волостнаго схода изъ этой слободки, писарь читаетъ: Семенъ Легеза, Иванъ Легеза и еще нѣсколько Легезъ. Въ слободкѣ Михайловкѣ, что близъ г. Бирюча, также были Легезы, и очень видные люди, имѣвшіе винокуренный заводъ. Это окончательно убѣдило меня въ томъ, что г. Бирючъ и его окрестности населены выходцами изъ м. Ямполя и сосѣднихъ мѣстностей кременецкаго и дубенскаго уѣздовъ. Недаромъ въ Бирючѣ и его окрестностяхъ не мало было фамилій: Кременецкій, Ямпольскій, Дубенскій и т. п. Есть въ г. Бирючѣ даже Дубенская улица. По крайней мѣрѣ Дубенская улица была въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. На этой улицѣ долго жилъ войсковой обыватель Дубенскій, а затѣмъ много лѣтъ вдова его держала ученическія

---

[1]) Бывшіе козаки, получившіе потомъ наименованіе „войсковыхъ обывателей", сохранили за собою нѣкоторые привилегіи, въ томъ числѣ право винокуренія.

квартиры. Можетъ быть интеллигентные обыватели Бирюча впослѣдствіи переименовали эту улицу въ честь какой-нибудь важной особы, примѣрно, городничаго, исправника и т. д. Извѣстно, что во времена Хмельницкаго былъ въ Ямполѣ козачій полкъ, который послѣ Берестечскаго пораженія переселился во всемъ составѣ на московскія степи. Я увѣренъ, что если сличить фамиліи бывшихъ войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ) г. Бирюча и его окрестностей съ фамиліями крестьянъ м. Ямполя и его окрестностей, то между ними найдется много родни.

Трудно было заднѣпровскимъ поселенцамъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Орды дикихъ степняковъ и на при-донскихъ равнинахъ не переставали тревожить ихъ, и потому, немедленно по переселеніи, пришлось имъ держать стражу отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Всѣ полевыя работы производились подъ наблюденіемъ вооруженной стражи изъ козаковъ. Съ другой стороны, пришлось имъ вести постоянныя ссоры съ сосѣдями великороссами изъ-за пользованія разными угодьями, а особенно лѣсами. Если побѣда оставалась за кацапами, то они просто били хохловъ; а если побѣждали хохлы, то не обходилось безъ жартъ, особенно на счетъ кацапской бороды: побѣдители расщепятъ молодой дубокъ и ущемятъ между расщелинами бороду кацапа. Въ семьѣ Штурбъ сохранилось также преданіе, что при первомъ поселеніи земля ихъ была такъ плодородна, что въ поспѣвающихъ житахъ могъ скрыться конь съ сѣдокомъ; а если во время созрѣванія полевой клубники ѣхать повозкой по степи, то колеса дѣлались мокрые и красные отъ раздавленныхъ ягодъ.

У этихъ украинцевъ, поселенныхъ на московскихъ земляхъ, какъ надо полагать, было свое полувоенное управленіе. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія сельскія выборныя власти носили козацкія названія: атаманъ, осаулъ, сотникъ. И никто этому въ то время не мѣшалъ. Екатерина II закрѣпостила за гр. Шереметевыми почти половину Бирюченскаго уѣзда, населеннаго бывшими малороссійскими козаками, въ томъ числѣ и слободу Алексѣевку. Къ чести графовъ Шереметевыхъ надо сказать, что мѣстное народное управленіе они оставили

въ томъ видѣ, какъ оно было и какъ создалъ его самъ народъ, а крестьянъ обложили лишь легкимъ оброкомъ по количеству владѣемой ими земли, раздѣливъ на „тяглыхъ и полутяглыхъ". Такъ продолжалось вплоть до уничтоженія крѣпостного права.

Нѣкоторые Шереметевскіе крестьяне были богаче многихъ даже богатыхъ помѣщиковъ, чѣмъ очень гордились Шереметевы. Одинъ изъ Шереметевыхъ вздумалъ когда-то побывать въ Алексѣевкѣ. Малороссы чествовали своего графа отъ всего сердца; приглашали его въ свои дома, и графъ не отказывался. Былъ графъ и у стараго Штурбы. Помнятъ, что молодой графъ съ бокаломъ шампанскаго любовался на себя въ огромныя зеркала штурбинскаго дома. Увидѣвъ трехъ громаднаго роста сыновей Штурбы, графъ сказалъ: „какіе же у тебя, старикъ, сыновья молодцы!" Алексѣевцы, зная желаніе Штурбы выкупиться изъ крѣпостной зависимости, говорили: „Ну, Иванъ Степановичъ, теперь уже графъ тебя не выпуститъ". Дѣйствительно, Шереметевы не любили, когда отъ нихъ уходили какіе-либо замѣтные люди: пѣвцы, музыканты, ученые и т. д. „Чѣмъ вамъ плохо у насъ?" говорили такимъ господамъ Шереметевы. Но тѣ-же Шереметевы безъ всякаго выкупа увольняли изъ крѣпостной зависимости дочерей богатыхъ крестьянъ, которыя выходили замужъ за чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ и т. д., чего не дѣлалъ вь то время ни одинъ помѣщикъ во всей Россіи.

Во всякомъ случаѣ крѣпостное право давало себя сильно чувствовать, особенно для людей болѣе или менѣе образованныхъ. Если Шереметевы, владѣльцы двухсотъ тысячъ душъ, не нуждаясь въ притѣсненіи своихъ крѣпостныхъ, поступили, какъ люди высокообразованные и гуманные, то далеко не отличались мягкостью нрава и воспитанностью ихъ управляющіе. Долго былъ памятенъ въ Алексѣевкѣ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Бѣшенцовъ. Какъ сказано выше, Шереметевы вездѣ оставили народное управленіе. Но для высшаго управленія, для представительства личности владѣльца—всегда было уполномоченное отъ Шереметевыхъ лицо, носившее названіе „управляющій". Такъ какъ Алексѣевцы стояли въ то время въ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія далеко выше обыкновенныхъ крестьянъ,

а особенно крѣпостныхъ, то управленіе Бѣшенцова не обходилось безъ нѣкоторыхъ, весьма трагичныхъ случаевъ.

Вдова Звонаренкова (по народной переписи Сычова) воспитала своего сына Ивана въ мѣстномъ двухклассномъ училищѣ. Нѣкоторые изъ учителей этого училища играли на гитарѣ, пѣли жестокіе романсы и писали стишки. Иванъ Звонаренко въ этомъ отношеніи превзошелъ своихъ учителей. Онъ готовился для поступленія въ какое-то учебное заведеніе, но его не допустили къ экзамену въ виду неимѣнія увольнительнаго изъ крѣпостной зависимости акта. Хлопоты объ этомъ остались безуспѣшны.—Къ нему по вечерамъ стали собираться дѣти мѣстныхъ купцовъ. Молодые люди играли на скрипкахъ, на гитарѣ, пѣли, читали книги. Купцы съ ужасомъ замѣтили, что ихъ сынки сильно перемѣнились: не обвѣшиваютъ, не обмѣриваютъ, сдѣлались малодѣятельны въ торговлѣ; нѣкоторые изъ нихъ стали задумываться... Наконецъ попечительные родители дошли, что „портитъ" ихъ дѣтей никто иной, какъ только молодой Звонаренко. Родители-богачи грозно потребовали отъ матери Звонаренка, чтобы она воспретила сыну вечерніе сборы молодыхъ людей. Зная силу богачей, Звонаренко просилъ товарищей не посѣщать его. Но у Звонаренка былъ большой другъ, сынъ богатаго и самаго нахальнаго міроѣда, Михаилъ Дидухъ, который и продолжалъ посѣщать его. Старый Дидухъ женилъ своего сына противъ его воли, и этотъ мечтательный малороссъ изливалъ свою грусть въ дружеской бесѣдѣ, въ музыкѣ и чтеніи книгъ. Старый Дидухъ злобствовалъ и коварствовалъ. Отъ главнаго управленія имѣніями Шереметевыхъ было замѣчательное для того времени распоряженіе, чтобы тѣлесному наказанію не были подвергаемы купцы, мѣщане, лица, обучавшіяся въ школахъ и вообще принадлежащія къ хорошимъ семействамъ. Старый Дидухъ и Бѣшенцовъ исходатайствовали разрѣшеніе дать Ивану Звонаренку на полномъ сходѣ пять ударовъ розгами за его развращающее вліяніе на молодыхъ людей.

Узнавъ про такое ужасное распоряженіе, Звонаренко скрылся. Его зачислили находящимся „въ бѣгахъ" и постано-

вили: „по поимкѣ сдать его въ рекруты, безъ зачета за семейство“. Въ то время жизнь солдата была хуже каторжной работы, жестокія наказанія практиковались въ ужасающихъ размѣрахъ. Гдѣ квартировали войска, тамъ вопль истязуемыхъ палками и розгами солдатъ раздавался съ утра до ночи. Всякій полупьяный ротный командиръ безнаказанно могъ содрать съ живаго человѣка шкуру отъ головы до пятъ. Ни въ чемъ неповинный Звонаренко озлобился противъ крѣпостного права, противъ богачей-міроѣдовъ и вообще противъ всякаго насилія. Онъ сдѣлался жестокимъ и удалымъ разбойникомъ-душегубцемъ [1]). Странная судьба этого даровитаго малоросса! Сначала—стихоплетъ, гитаристъ и мучитель женскихъ сердецъ; потомъ—отчаянный разбойникъ; затѣмъ—подъ чужимъ именемъ монахъ, любимецъ свѣтскихъ дамъ; и наконецъ—непомнящій родства Иванъ, слѣдующій *по владиміровкѣ* въ Сибирь, въ сопровожденіи важной барыни... Безпредѣльная Сибирь поглотила его безслѣдно. Но обратимся къ разсказу.

Вскорѣ былъ разграбленъ одинъ богатый помѣщичій домъ. При слѣдствіи обнаружено, что руководилъ нападеніемъ молодой красивый атаманъ въ полукозачьемъ нарядѣ, а на дверяхъ разграбленнаго дома красивымъ почеркомъ было написано: „здѣсь гостилъ я, Иванъ Ивановичъ Звонаренко“. Черезъ немного времени былъ убитъ въ своей усадьбѣ помѣщикъ, извѣстный жестокимъ обращеніемъ съ дворовыми. Оказалось, что убійство помѣщика и разграбленіе его дома совершены шайкой Звонаренка, при участіи дворовыхъ людей. Были ограблены съ необыкновеннымъ искусствомъ, смѣлостью и сметкой нѣкоторые богатые купцы,—рука Звонаренка была видна и тутъ. Близко знавшіе Звонаренка объясняли постоянную его удачу тѣмъ, что онъ никогда не былъ пьянъ и все дѣлалъ обдуманно. Въ народѣ ходилъ слухъ, что всѣ награбленныя деньги Звонаренко отдавалъ бѣднякамъ. Говоря о Звонаренкѣ, народъ назы-

[1]) Звонаренко говорилъ, что онъ сразу попалъ въ шайку воровъ и разбойниковъ, надѣясь посредствомъ этихъ бродягъ лично казнить стараго Дидуха. Но Дидухъ былъ остороженъ настолько, что затѣя Звонаренка поймать Дидуха не удалась.

валъ его полнымъ именемъ: „Иванъ Ивановичъ“. Но предъ этимъ именемъ дрожали богатые купцы и помѣщики, а особенно тѣ изъ нихъ, которые жестоко обращались съ крестьянами. Мелкіе воришки нерѣдко пользовались именемъ Звонаренка. Какой-нибудь бродяга, останавливая на большой дорогѣ купеческій обозъ, нахально кричалъ: „я—Иванъ Ивановичъ Звонаренко“; у всѣхъ при этомъ имени отнимались руки и ноги, и бродяга бралъ у испуганныхъ людей все, что ему угодно. Суды были переполнены дѣлами о Звонаренкѣ. Но народъ охранялъ своего героя. Всѣ его слѣды были заметены такъ, что онъ дѣлался для полиціи совершенно невидимымъ. Народная фантазія видѣла въ Звонаренкѣ какого-то мифическаго героя. Видѣвшіе лично Звонаренка разсказывали своимъ сельчанамъ, что это—красивый, щегольски одѣтый мужчина; станъ стройный, лицо чистое, руки бѣлыя, никогда не испытывавшія тяжелой мужицкой работы. Стали говорить, что это—какая-то важная особа, преслѣдуемая помѣщиками за желаніе дать свободу крестьянамъ. Въ то время еще была свѣжа въ памяти народной пугачевщина, и ловкій человѣкъ, на тему крестьянской свободы, могъ разыгрывать всякія варіаціи.

Для полноты повѣствованія слѣдуетъ сказать, что Штурба былъ женатъ на сестрѣ Звонаренка. Извѣстно, что всѣ подобные Звонаренку люди неудержимо стремятся къ своимъ роднымъ мѣстамъ. Звонаренко узналъ, что Штурба собирается на маевку въ одну изъ своихъ пасѣкъ, находившуюся въ красивой степной балкѣ, поросшей кругомъ дикимъ терновникомъ. Тамъ внезапно предсталъ предъ глазами Штурбы Звонаренко. Солидный Штурба прочиталъ удалому Звонаренку строгую нотацію: „за тобою столько числится уголовныхъ дѣлъ, и противъ тебя такъ озлоблены чиновники и помѣщики, что, въ случаѣ поимки, ты не сойдешь живымъ съ эшафота. Иди куда-нибудь въ дальнія стороны; займись тамъ честнымъ трудомъ; а если ты отвыкъ отъ труда, сложи вдали отъ насъ свою бѣдную голову. Не старайся видѣться ни съ родными, ни съ друзьями, чтобы не навлекать на нихъ бѣды“. Съ тѣхъ поръ Звонаренко совершенно исчезъ; всѣ дѣла о немъ прекратились; лишь въ народѣ долго ходила

о немъ молва. Крѣпостные крестьяне ждали, что Звонаренко привезетъ имъ „волю", т. е. манифестъ о свободѣ. Удальцы съ наслажденіемъ разсказывали о молодецкихъ подвигахъ Звонаренка, мелкіе воришки именемъ Звонаренка долго наводили панику на людей трусливыхъ [1]...

Черезъ нѣсколько лѣтъ Звонаренко вынырнулъ въ другомъ мѣстѣ. У этого героя былъ братъ—Василій, называвшійся своей оффиціальной фамиліей Сычовъ, первый басъ знаменитаго въ то время шереметевскаго хора, состоявшаго исключительно изъ украинцевъ. Бывшіе шереметевскіе пѣвчіе изъ уроженцевъ Алексѣевки разсказывали, что Сычовъ и два тенора (тріо), фамиліи которыхъ я забылъ, потѣшали графа и его гостей артистическимъ выполненіемъ различныхъ музыкальныхъ произведеній, а особенно малороссійкихъ пѣсенъ и романсовъ. Какіе-то знатные иностранцы предлагали громадныя деньги за выкупъ этихъ артистовъ изъ крѣпостной зависимости. Графъ отказалъ:— „Вы правы, графъ,—сказали ему иностранцы; эти люди не имѣютъ цѣны". Но тѣмъ не менѣе эти люди погибали даромъ „ни за цапову душу", какъ говорятъ малороссы. Сознаніе своей крѣпостной зависимости, сознаніе того, что они составляютъ чью-то собственность, принадлежатъ кому-то, какъ вещь,—неотступно ихъ мучило. По крайней мѣрѣ относительно Сычова я знаю положительно, что онъ вдался въ безпробудное пьянство, былъ подвергаемъ наказаніямъ и, какъ неисправимый, висланъ на родину. Мнѣ приходилось видѣть и слышать этого пѣвца въ Алексѣевкѣ, онъ былъ уже старикъ, постоянно пьяный; но казалось, что у этого громовержца въ груди находится какой-то не имѣющій цѣны музыкальный инструментъ.—Въ то время дворъ шереметевскій былъ въ Москвѣ, а въ томъ числѣ и пѣвчіе.

Изъ пересылочной тюрьмы прислали сказать Василію Сычову, что его желаетъ видѣть одинъ изъ слѣдующихъ въ Сибирь арестантовъ.—„Не братъ ли это несчастный Иванъ зоветъ его къ себѣ?" подумалъ Сычовъ. Дѣйствительно, это былъ Иванъ

[1]) Вся бурная дѣятельность Звонаренка происходила въ періодъ времени приблизительно съ 1825 по 1837 годъ, но еще въ сороковыхъ годахъ боялись Звонаренка и много о немъ говорили.

Звонаренко. Имъ дозволили переговорить безъ свидѣтелей. Хотя Звонаренко былъ въ арестантской одеждѣ и въ тюрьмѣ, но на лицѣ его не видно было никакого унынія, никакого утомленія; онъ былъ бодръ, но сильно задумчивъ. Станъ его по прежнему былъ прямой; лицо красивое, но безъ улыбки. Спрашивалъ про родныхъ и друзей, сказалъ, что за мертвыхъ будетъ молиться; просилъ о немъ не безпокоиться. Въ тюрьмѣ Сычову сказали: „этотъ арестантъ слѣдуетъ изъ Кіева въ Сибирь, онъ—непомнящій родства Иванъ; подъ чужимъ именемъ вступилъ въ монастырь, былъ уличенъ, и съ нимъ поступили по закону, какъ съ бродягою; но онъ, повидимому, знатнаго происхожденія; какая-то вліятельная дама интересуется имъ; она не разъ посѣщала его на этапѣ, и они говорили между собою по-французски". Конечно, Звонаренку, при его подготовкѣ и при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не трудно было выучиться кое-какъ объясняться по-французски.

Такъ трагически гибли талантливые люди при крѣпостномъ правѣ, хотя бы оно проявлялось въ такихъ мягкихъ формахъ, какъ въ имѣніяхъ графовъ Шереметевыхъ. Люди, такъ или иначе ставшіе въ интеллектуальномъ отношеніи выше своего положенія, гибли безповоротно. Такъ едва не погибъ талантливый уроженецъ Алексѣевки, академикъ Александръ Васильевичъ Никитенко. По истинѣ былъ благодѣтель рода человѣческаго Императоръ Александръ II, уничтожившій величайшее въ мірѣ зло—крѣпостное право.

Изъ прежняго военнаго устройства при вотчинномъ управленіи графовъ Шереметевыхъ остались *козаки*. Еще въ сороковыхъ годахъ мнѣ приходилось видѣть этихъ козаковъ, которые обязаны были нести разсыльную и полицейскую службу. Это были рослые и красивые молодцы чисто малороссійскаго типа, съ бритой бородой, съ легко подбритыми волосками на головѣ, въ короткихъ камзолахъ, широчайшихъ штанахъ и въ высокихъ барашковыхъ украинскихъ шапкахъ. За мою память этихъ козаковъ было десятка два; но старики говорили, что въ прежнее время количество ихъ доходило до сотни, да и надобность въ то время въ нихъ была. Почтъ тогда еще не было, а между

Москвою, гдѣ было главное управленіе шереметевскими имѣніями, и Алексѣевкой, какъ центромъ управленія, почти 50 тысячнымъ населеніемъ Алексѣевской вотчины, постоянно ѣздили посыльные козаки, водили лошадей, возили казну и т. д. Для охраны всего этого требовались вооруженные козаки.

По семейнымъ преданіямъ Штурбъ, козаковъ этихъ привелъ изъ за Днѣпра въ Алексѣевку одинъ изъ предковъ этой фамиліи. Впослѣдствіи времени Штурбы съ гордостью говорили, что они пришли сюда козаками, а не мужиками, и что къ нимъ послѣ пришли въ Алексѣевку бѣглые мужики изъ за Днѣпра и поселились на другихъ улицахъ. По тѣмъ же фамильнымъ преданіямъ, вооруженные козаки, состоявшіе на службѣ при вотчинномъ управленіи графовъ Шереметевыхъ, издавна были подъ командой кого-либо изъ представителей фамиліи Штурба. По крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно, что въ концѣ прошлаго столѣтія одинъ изъ предковъ этой фамиліи нѣсколько разъ въ годъ, въ сопровожденіи козаковъ, возилъ денежную казну въ Москву.

Вообще фамилія Штурбъ всегда пользовалась въ слободѣ Алексѣевкѣ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Но изъ среды ея особенно выдавался малороссійскою удалью, энергіею, замѣчательнымъ умомъ и любовью къ своему племени, къ родной малороссійской старинѣ Иванъ Степановичъ Штурба. Вотъ къ этому то Штурбѣ, какъ уже замѣчено выше, въ концѣ прошлаго столѣтія, по какимъ-то памятямъ, пришло нѣсколько запорожцевъ. Недолго, однако, пожили они у Штурбы: что-то заскучали и куда-то исчезли. Остался лишь одинъ козакъ, столѣтній старикъ, сказавъ Штурбѣ: „Иванъ! мнѣ уже не пора бродить по свѣту; ноги плохо служатъ; останусь у тебя, но я твоего хлѣба даромъ ѣсть не буду; буду смотрѣть за твоимъ хозяйствомъ“. Козакъ сдержалъ свое слово. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ самый надежный и честный блюститель дома Штрубы, который часто отъѣзжалъ по своимъ торговымъ дѣламъ зимой въ Тулу и Москву, а весной — за покупкой скота въ калмыцкія степи,—какъ тогда говорили—въ Орду. За его честность, солидность, особенно за вечерніе разсказы въ людской очень его

любили. И надо полагать, что было весьма интересно послушать запорожца.

Этотъ старикъ разсказывалъ, что онъ еще подъ Полтавой былъ въ войскахъ Мазепы четырнадцатилѣтнимъ хлопцемъ. Кое-что, но очень мало сохранилось въ семьѣ Штурбы изъ разсказовъ этого запорожца. Такъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, отъ старшаго сына Штурбы мнѣ приходилось слышать, что запорожецъ училъ его ѣздить верхомъ на лошади и владѣть оружіемъ. Запорожецъ говорилъ, что для браваго и ловкаго козака самое лучше вооруженіе—сабля, винтовка и пистоль. Копье связываетъ руки бравому козаку; вооруженный копьемъ козакъ лишенъ возможности ловко дѣйствовать винтовкой и пистолемъ; притомъ-же ловкій козакъ всегда отобьетъ саблей копье. Когда будетъ на тебя наскакивать всадникъ, вооруженный копьемъ (списъ), ты бодро встрѣчай его съ саблей въ рукахъ и, какъ только онъ станетъ къ тебѣ долетать, поведи саблей по надъ гривой своего коня, отбей въ сторону его копье, и онъ самъ вскочитъ въ твои руки; „отъ-тоди ты ёму и стешишь шаблюкою голову!“ При аттакѣ запорожецъ училъ нападать преимущественно на правый флангъ непріятеля, такъ какъ непремѣнно будетъ сильнѣе поражать правый флангъ аттакующаго. Старшій сынъ Штурбы, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія по своимъ торговымъ занятіямъ надолго оставался въ степяхъ калмыцкихъ и кавказскихъ. На Кубани онъ познакомился съ казачьимъ сотникомъ (впослѣдствіи знаменитымъ генераломъ) Баклановымъ и не уступалъ ему ни въ стрѣльбѣ, ни въ джигитовкѣ. Въ то время молодой Штурба пріобрѣлъ себѣ на Кавказѣ лошадь, добытую козаками послѣ убитаго въ какой-то схваткѣ знаменитаго Кази-Муллы, предшественника Шамиля, и продѣлывалъ на ней штуки, удивлявшія даже козаковъ. Значитъ, уроки запорожца даромъ не пропали. Говорятъ, что этотъ запорожецъ необыкновенно высоко держалъ свою честь, не позволяя никому выражать даже сомнѣніе въ правдивости его разсказовъ.

— „Якъ я бувъ ще молодый, а мини една жинка сказала: мутышь (врешь), такъ я звязавъ іи руки и ноги до-купы, тай повисывъ іи на килокъ“.

Когда запорожецъ совсѣмъ ослабѣлъ отъ старости, и за нимъ потребовался посторонній уходъ, старый Штурба рѣшился помѣстить его *шпиталь*. Въ прежнее время въ большихъ малороссійскихъ слободахъ всегда были шпитали (госпитали); они устраивались въ особыхъ домахъ, раздѣленныхъ сѣнами на двѣ половины — мужскую и женскую, и непремѣнно на бойкомъ мѣстѣ: или при входѣ на кладбище, или гдѣ-нибудь при широкой проѣзжей дорогѣ, или наконецъ при самомъ въѣздѣ въ слободу. На стѣнѣ этого зданія висѣло огромныхъ размѣровъ изображеніе причти о богатомъ и Лазарѣ, а на заваленкахъ (на призьби) выгрѣвались на солнцѣ обитатели шпиталя—безродные старики и старухи. Они кормились подаяніемъ; были такіе благотворители, которые регулярно помогали шпитальнымъ бѣднымъ; въ случаѣ же недостатка этихъ пожертвованій — призрѣваемые отправлялись за милостыней въ слободу.—Не хотѣлось нашему запорожцу идти въ шпиталь. Разсказываютъ, что онъ энергично и долго стыдилъ стараго Штурбу, что онъ козака-запорожца ведетъ въ шпиталь; даже плакалъ старикъ, сожалѣя, что не далъ ему Господь козацкой смерти, а судилъ умирать ему въ шпиталѣ вмѣстѣ съ бабами". Но Штурба устроилъ козака въ шпиталѣ найлучшимъ образомъ; провѣдывалъ его и посылалъ ему пищу со двора. Козакъ, наконецъ, помирился съ своей долей и всегда ласково встрѣчалъ Штурбу, а иногда и самъ приходилъ къ Штурбѣ домой.

Пребываніе запорожцевъ во дворѣ стараго Штурбы не осталось безслѣдно. Молодежь переняла отъ нихъ нѣсколько чистыхъ запорожскихъ пѣсенъ, дышащихъ козацкой грустью и козацкой мощью характера. Теперь уже такихъ пѣсенъ не слышно ни въ приднѣпровской, ни въ слободской Украйнѣ. Разъ на Волыни пришлось мнѣ слышать пѣвца запорожскихъ пѣсенъ, нѣкоего Видорта, состоящаго „на ласкавемъ хлѣбѣ" у польскихъ волынскихъ магнатовъ. Теперь онъ уже старикъ, около 70 лѣтъ; но главнымъ пѣвцомъ запорожскихъ пѣсенъ и бандуристомъ былъ отецъ Видорта, состоявшій при графѣ Ржевусскомъ.

[1]) Статья о Видортѣ была напечатана въ „Кіевск. Стар." 1892 г., № 3 „Торбанисты Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты". А. Русова.—*Ред.*

Лѣтъ около 50 тому назадъ мнѣ пришлось слышать пѣніе запорожскихъ пѣсенъ однимъ изъ сыновей стараго Штрубы. Видортъ своимъ пѣніемъ напоминалъ пѣніе молодаго Штурбы, но у Видорта уже не было того полнаго, чистаго и свѣжаго голоса, какъ у Штурбенка.

Еще въ то время много было у слободскихъ украинцевъ такихъ особенностей, которыя показывали, что эти украинцы—истые потомки козаковъ Хмельницкаго и его сподвижниковъ. Въ описанное мною время, въ одной изъ торговыхъ малороссійскихъ слободъ, я увидѣлъ пьяненькаго малороса на базарной площади, размахивающаго руками и кричащаго до хрипоты: „Каганець (фамилія этого героя) иде, земля гуде! Бый жидивъ, католыкивъ!" —Въ то время въ воронежской губерніи, особенно внѣ городовъ, не было ни жидовъ, ни католиковъ даже на поглядъ.— А що, дядьку-Каганець, чи бачивъ ты колы-небудь жидивъ, або католыковъ?—„Ни, ныколы не бачивъ", отвѣчалъ Каганець.— На що-жъ ты кажешь ихъ быть?—„А то, бачте, такъ мій дидуня и мій батько (царство имъ небесне), якъ трохи було напьются пьяненьки, то такъ выгуковалы, то й я такъ".

Подобные факты съ неменьшею убѣдительностью, чѣмъ письменные документы, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велика сила исторической традиціи, а также и томъ, какое близкое племенное родство существуетъ между малороссами приднѣпровской и слободской Украины.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦИИ [1]).

Заднѣпровьемъ, т. е. Лѣвобережной Украиной, называлась часть кіевскаго воеводства на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Она обнимала обширную площадь отъ Сожа до устья Самары, а также полосу на лѣвой сторонѣ послѣдней. Кромѣ того, на сѣверѣ, отъ самой литовской границы (пов. рѣчицкій) и почти до устья Десны, къ Заднѣпровью принадлежала узкая полоса былой земли сѣверской вдоль самого Днѣпра, но далѣе къ югу область эта захватывала широкую площадь степной Украины, а именно бассейны Трубежа, Супоя, Сулы, Псла, Ворсклы и Орели вплоть до самарской части Запорожья. По присоединеніи утраченной Литвою еще въ началѣ XVI в. Черниговщины, въ область эту вошли также бассейны Десны и Сейма. Поэтому, удобнѣе разсматривать исторію кіевской и черниговской части Заднѣпровья отдѣльно.

1. Кіевщина.

Учрежденное въ 1471 г. кіевское воеводство явилось на смѣну кіевскаго удѣльнаго княжества, „земли" кіевской. Перво-

[1]) Неутомимый изслѣдователь историческаго прошлаго Украины, г. Ал. Яблоновскій, недавно опубликовалъ въ XIV т. „Słownika geograficznego" (вып. 160, стр. 221—247) обширную статью „Zadnieprze". Считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ очеркомъ въ настоящемъ изложеніи (съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями), въ виду представляемаго имъ интереса, а также для облегченія справокъ изслѣдователямъ нашей старины.—*Ред.*

начально границы воеводства совпадали съ границами княжества. За Днѣпромъ, со стороны ордынцевъ, граница шла такъ, какъ ее указалъ черкасскій намѣстникъ послѣдняго кіевскаго князя Свиридовъ (Dogiel, Limites, стр. 61). Начиная отъ Тавани на Днѣпрѣ, нѣсколько выше лимана, гдѣ находился перевозъ и литовско-татарская мытница, пограничная линія поворачивала прямо къ Овечьей водѣ, притоку Самары, затѣмъ къ верховьямъ послѣдней и Оргея, далѣе къ Донцу и Тихой Соснѣ. Словомъ, граница шла „муравскимъ шляхомъ" по водораздѣлу притоковъ Днѣпра и Дона. Выше лежащая часть теченія Сейма съ Путивлемъ также принадлежала нѣкоторое время къ Кіевщинѣ; постоянно же къ кіевскому княжеству, а затѣмъ воеводству тянули замки: Остеръ на нижней Деснѣ и Любечъ, старое гнѣздо сѣверянъ, на Днѣпрѣ, ниже устья Сожа, съ ихъ округами, рубежи которыхъ граничили съ черниговскими. Сѣверная часть кіевскаго воеводства на лѣвомъ берегу Днѣпра обнимала бывшее переяславское княжество, впослѣдствіи какъ бы ядро всего заднѣпровскаго округа, и далѣе за Сулой обширныя пустоши бывшихъ половецкихъ кочевьевъ.

По исчисленію Стрѣльбицкаго (Superficie de l'Europe), бассейны Сулы, Псла, Ворсклы и Орели составляютъ въ общемъ площадь свыше 1235 кв. миль, не говоря уже о бассейнѣ Самары (448.01 кв. миль), тянувшемъ къ Запорожью. Въ силу пустынности своей, это пространство только номинально принадлежало къ Кіевщинѣ. Въ началѣ XVI в., послѣ потери Путивля и ближайшаго Посемья, верховья Сулы и верхнее теченіе Псла и Ворсклы постепенно также отошли къ московскимъ владѣніямъ. Въ половинѣ того же столѣтія, все тянувшее къ Кіеву Заднѣпровье, отъ Сожа до Самары, обнимало площадь въ 1.260 кв. миль (при 2000 кв. миль площади всего кіевскаго воеводства. (Jabłonowski, Źródła dziejowe, т. XX, стр. 32, вступл.).

Въ топографическомъ отношеніи, пространства эти не имѣли однообразнаго характера. Заднѣпровье, какъ и правобережная Кіевщина, разбивалось на двѣ части: лѣсную и степную. Лѣсная полоса, меньшая по объему, тянулась отъ литовской границы чрезъ верховья Немыльной и Вира (притоковъ Сожа и Пакульки)

до Днѣпра, далѣе обнимала нижнее теченіе Десны до Трубежа; къ степной полосѣ принадлежали степи и „дикія поля“ до Самары. Впрочемъ, и въ степной полосѣ еще до половины XVII в. встрѣчаемъ значительные лѣсные участки по верховьямъ Трубежа, Супоя, Удая и Сулы (Бопланъ, Описаніе Украины) и вдоль Днѣпра, отъ Трубежа до Супоя. Лѣвый берегъ Удая до Прилукъ и нынѣ покрытъ еще лѣсомъ. Слѣды давнихъ лѣсовъ (Heidenstein, II, 375) и теперь еще остались надъ Сулой около Лубенъ, а также на пространствѣ между Псломъ и Ворсклой. Такой же лѣсной характеръ имѣло и среднее теченіе Ворсклы съ притоками Мерлою и Коломакомъ (Бопланъ и др.). Берега Орели тоже изобилуютъ лѣсами, въ верховьяхъ ея есть лѣсъ „кошъ-байракъ“, извѣстный, слѣдовательно, еще татарамъ (Голубовскій, Ист. южнор. степей, 12), ниже пуща Козлова около могилы Космыхи (Jabłonowski, Źr. dz., XXI, 625). Даже нижнее теченіе Самары изобиловало въ свое время лѣсомъ; именно тутъ козаки сооружали свои чайки, а Бопланъ бралъ оттуда дерево для постройки Кодака. Тѣмъ не менѣе, въ топографическомъ отношеніи указанныя двѣ части Заднѣпровья представляли рѣзкое различіе, отразившееся и на исторической ихъ судьбѣ.

Монгольское нашествіе обратило на долгое время (почти до конца XVI ст.) Переяславщину въ дикія поля, подобныя сосѣднимъ половецкимъ пустынямъ; между тѣмъ Любечъ, расположенный сѣвернѣе за болотами Выдры, несмотря на разореніе Чернигова съ округомъ, остался невредимымъ и сдѣлался какъ бы главной опорой постепеннаго возрожденія послѣ стихійнаго бѣдствія. Во то время, какъ въ сѣверной части Заднѣпровья непрерывно теплилась и развивалась жизнь на старой основѣ,— въ степной полосѣ Кіевщины почти все пришлось начинать заново. Вся жизненная энергія направлена здѣсь на обезпеченіе безопасности и на колонизацію, но южная часть Заднѣпровья, открытая для кочевниковъ, достигала результатовъ медленнѣе и съ большимъ напряженіемъ силъ, нежели сѣверная. Литва, присоединивъ Кіевъ и древнюю кіевскую, „русскую“, землю, нашла заселенною лишь сѣверную часть ея, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Уже Витовтъ и удѣльные кіевскіе

князья изъ линіи Владиміра Ольгердовича заботились о развитіи колонизаціи, раздавали пустоши служилымъ людямъ и т. п. Такъ, около 1455 г. Олелько Владиміровичъ (Архивъ Пясочинскихъ.— „Кіев. Стар.“, 1892 г., февр., 344) даетъ боярину своему Олехну Сохновичу, между прочимъ, городища на лѣвомъ берегу Днѣпра: Старое на Днѣпрѣ (Покалаурово), Бусурменское (?), Ярославское (?) и Сальково и селища: Булачинъ (нынѣ с. Ерковцы), Круглое (?), Сотниково за Каранью и Процево. Въ 1524 г. эти имѣнія переходятъ къ Лозкамъ въ качествѣ приданаго. Къ концу XV в. и въ началѣ XVI в. колонизація усиливается и на степномъ пограничьи возникаютъ новыя поселенія.

Въ эту пору встрѣчаемъ въ сѣверной полосѣ Заднѣпровья немало поселеній, большая часть которыхъ не упоминается въ домонгольскую эпоху. Городъ Любечъ на Днѣпрѣ, ниже устья Сожа, одно изъ древнѣйшихъ поселеній сѣверянъ, вѣроятно уже при Витовтѣ былъ присоединенъ къ кіевской землѣ. Въ 1484 г. кн. Василій Верейскій получаетъ этотъ городъ съ волостью отъ кор. Казимира Ягеллончика (I. Wolff, Kniaz. lit. rus., 549); съ 1503 по 1508 г. городомъ владѣетъ Москва; по возвращеніи къ Литвѣ, Любечъ поступаетъ въ держаніе воеводы кіевскаго Юрія Монтовтовича, а въ 1516 г. переходитъ во владѣніе къ зятю кн. Верейскаго Альбрехту Гаштольду (Любавскій, Областн. дѣл., 224). Ниже Любеча—Навозъ, центръ лѣвобережныхъ владѣній кіевскаго печерскаго монастыря, неизвѣстный въ рюриковское время. Далѣе къ устью Десны—новое поселеніе Черторинъ при озерѣ Опочнѣ. На востокъ отъ болотъ Выдры, по Остру и нижней Деснѣ—остерская волость, присужденная кор. Казимиромъ Ягеллончикомъ княгинѣ Маріи Трабской (Гольшанской). Кромѣ г. Остра и упомянутаго уже Чернина, пожалованнаго въ 1522 г. родственнику Трабской, виленскому воеводѣ Альбрехту Гаштольду, къ этой волости принадлежали: Выползово, Бодянки, Жукинъ, Лѣтки и Рожны на Деснѣ, Носово на притокѣ Остра, Свѣтильновъ на Трубежѣ (Любавскій, цит. соч., 243 сл.). Еще раньше, въ XV в., значительная часть этого округа будто-бы принадлежала кн. Половцамъ изъ Сквиры, потомкамъ яко-бы Тугортхана половецкаго, тестя вел. кн. кіевскаго Святополка

(† 1113), и владѣніе это подтверждено еще кн. Владиміромъ Ольгердовичемъ. Къ этимъ „владѣніямъ“ на лѣвомъ берегу Днѣпра, будто-бы разоренным татарами, принадлежали „въ Сѣверу“: „Рожны зе вшисткимъ“, Крехово, Осово (?), Свѣтильново, Бердово (исчезн.), Островецъ, Буковъ (Быково ?), Варно, Волузовъ, Нѣжинъ и Дорогинъ, „зе вшисткими инными урочистыми пущами въ тымъ отдѣлѣ, почавши отъ Десны по Удай и по Остеръ, и Сосновскій отдѣлъ также зе вшисткими, и Высогоръ“ (E. Rulikowski, Opis powiatu wasylkowskiego. Warsz. 1853, стр. 33 сл.). Отъ упомянутыхъ выше Рожновъ на Деснѣ Половцы изъ Сквиры получили и названіе Рожиновскихъ; родъ ихъ прекратился къ 1540 г. Несмотря на подложность документа, указанія эти, повидимому, удостовѣряютъ, что въ XV в. помянутыя поселенія уже существовали на нижнемъ теченіи Десны, хотя установить эти мѣстности нынѣ частью невозможно. Такое же относительное значеніе имѣетъ извѣстный претенціозный „ярлыкъ Менгли-Гирея“ 1506 г., гдѣ, между прочимъ, упомянутъ и Путивль на Сеймѣ, „съ повѣтомъ“, въ дѣйствительности тянувшій еще къ кіевскому удѣльному княжеству въ литовское время. Около 1500 г. къ этому замку тянули указанные частью въ ярлыкѣ: Мельна и Биринъ на Сеймѣ, Утѣшковъ на Сулѣ, Жолвечъ на Пслѣ и др. Въ 1503 г. все Посемье съ Путивлемъ отошло къ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и дань медовая, поступавшая (1496 г.) не только къ тамошнему намѣстнику и кіевскому воеводѣ, но и на церкви „русскія“ и кіевскому бискупу и каноникамъ (Любавскій, цит. соч., 245 сл.; В. Антоновичъ, Очеркъ ист. вел. кн. лит., 62) Поближе къ Кіеву встрѣчаемъ „землю Полукнязевскую“ (Княжичи), тянувшую къ Халепью на правомъ берегу Днѣпра и проданную владѣльцемъ Солтаномъ Албеевымъ въ 1509 г. Пустынскому монастырю (Акты Ю. и З. Россіи, I, № 62). Въ той же мѣстности, повидимому, находилось и селище Чатаново въ Милославичахъ (нын. Жеребятинъ ?), отданное Сигизмундомъ I кіевскому землянину Жеребятичу (Акты Ю. и З. Россіи, I, № 124).

Въ южной полосѣ Заднѣпровья въ концѣ XV и началѣ XVI в. находимъ прежде всего обширныя владѣнія могуще-

ственнаго въ Литвѣ рода князей Глинскихъ. Предокъ ихъ, потомокъ хана Мамая кн. Лекса получилъ еще отъ Витовта Глинскъ, Глинищу и Полтаву въ бассейнѣ Ворсклы. Впослѣдствіи владѣнія эти значительно увеличились. Въ 1498 г. Богданъ Ѳедоровичъ Глинскій получаетъ изъ отцовскаго наслѣдія Сѣверъ-Сульскую страну и р. Сулу съ верху до устья (гдѣ возникъ другой Глинскъ, близъ Ромна), а братъ его Григорій—Сѣверъ-Глинщину съ р.р. Ворсклой и Мерлею съ верха до устья; „а на рѣчкѣ Удай—Сѣверъ и городище Полтствинъ и рѣчка Куренка". Сестра Юрія Глинскаго, вышедшая замужъ за Байбузу около 1537 г., наслѣдовала имѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ и Глинщину, а въ концѣ XVI в. Глинскъ, Бѣльскъ и земли по Ворсклѣ перешли къ Проскурамъ (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 2, стр. 133 сл.; Wolff, Kniaz., 77 сл.). Въ ярлыкѣ Менгли-Гирея 1506 г. упомянутъ и Глинскъ (вѣроятно, на Босклѣ) „со всѣми людьми". Кромѣ того, тамъ указаны: Снѣпородъ, при устьѣ притока Сулы того-же имени, Синецъ на Сулѣ, Лосиче на Пслѣ, Хотмышль на Ворсклѣ. Воскресенская лѣтопись въ первой половинѣ XVI в. упоминаетъ еще города: Переславль Русьскій на Трубежѣ, Сокнятинъ (нынѣ Снятинъ), Чемосовъ, Кляпецъ (Клепачи?), Грошинъ, Роменъ на Сулѣ, Ковыла, Вороно, Салъ, Песьи Кости и на Пслѣ Ничанъ. Въ началѣ XVI в. нѣкоторые изъ этихъ городовъ вѣроятно были только запустѣлыми городищами (Любавскій, цит. соч., 247). Основаніе Кременчуга (по татарски Керменчикъ) при устьѣ Псла приписываютъ еще Витовту (Нарбутъ; Арх. Ю. З. Рос., VII, 1, 56), но это выдвинувшееся къ югу поселеніе было вѣроятно разрушено татарами еще раньше Переяслава.

На сѣверо-западномъ пограничьи древняго переяславскаго княжества колонизаціонное движеніе возобновилось съ начала XVI в.

Уже въ 1503 г. в. кн. Александръ отдаетъ какъ выслугу дворянину своему Дашку Ивановичу значительное пространство земли въ верхнемъ теченіи Трубежа и Супоя (В. Антоновичъ, Монографіи, I, 206), а сынъ его, извѣстный староста черкасскій Остафій Дашковичъ, такъ усердно занялся своимъ наслѣдствомъ,

что вскорѣ „на грунтахъ басанскомъ и быховскомъ“ возникли два мѣстечка: Басань и Быховъ и девять селъ: Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинъ, Карпиловка и Воронковъ. Послѣ сметри Остафія имѣнія эти перешли въ 1530 г. къ Дублянскимъ. Далѣе къ югу по Днѣпру получили значительныя земельныя владѣнія, между прочимъ, кіевскіе монастыри, особенно Пустынскій. Послѣднему принадлежали на Низу богатые звѣриные уходы, бобровые гоны и рыбныя ловли, отданныя ему „еще при первыхъ державцахъ черкасскихъ“, предшественникахъ Остафія, который удостовѣрилъ свидѣтелями, что „знамя тымъ входамъ идучи по Ерданъ да по Мачилу, а на верхъ идучи по Быстрицу“ (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 2, стр. 11 актовъ).

Не лишенъ интереса вопросъ, кѣмъ заселено было Поднѣпровье въ эпоху менглигиреевскаго увода оттуда людей въ концѣ XV и началѣ XVI ст. Въ общихъ чертахъ, теперь повторилось то самое, что было при монгольскомъ нашествіи. Послѣ разоренія Переяслава и Чернигова монголами, уцѣлѣвшее степное населеніе укрылось въ недоступныхъ сѣверскихъ пущахъ; но шайки кочевниковъ вновь возвратились позже на свои пастбища и охотничьи уходы. То не были уже чистые туранцы, „переяславскіе“ торки и вообще „черные клобуки“ съ остатками половцевъ, ушедшихъ послѣ битвы при Калкѣ на правый берегъ Днѣпра и далѣе, но ославянившіеся бродники, поглотившіе остатки туранскихъ шаекъ. Вождь ихъ Плоскиня, какъ извѣстно, измѣнилъ князьямъ при Калкѣ, и надо думать, что этотъ бродническій элементъ остался въ Заднѣпровьи подъ властью монгольскихъ баскаковъ, хотя слѣды бродниковъ встрѣчаются нѣсколько позже даже за Днѣстромъ. Имя бродниковъ, какъ въ свое время черныхъ клобуковъ, впослѣдствіи исчезаетъ, уступая названію черкасъ, которымъ молва приписывала основаніе не только г. Черкасъ, но и Канева, устроеннаго будто-бы выходцами со Снепорода, притока Сулы. При литовскихъ князьяхъ Заднѣпровье вновь стало оживать и заселяться, главнымъ образомъ выходцами съ верховьевъ Днѣпра и его верхнихъ притоковъ. Туранскій элементъ однако не остался въ этомомъ случаѣ

безъ вліянія не только въ степной полосѣ (татарскіе князья Глинскіе и др.), но и сѣвернѣе: еще въ началѣ XVI в. при господарскихъ замкахъ Острѣ и Любечѣ встрѣчаемъ указанія на поселки черемисовъ, вѣроятно, отатаренной чуди.

Многолѣтніе менглигиреевскіе наѣзды и опустошенія привели къ подобному же результату: осѣдлое населеніе отодвигалось къ сѣверу, а кочевое искало убѣжища въ болѣе безопасныхъ степныхъ пространствахъ юга. Съ этой поры промысловый людъ, занимавшійся рыбной ловлей и охотой въ отдаленныхъ уходахъ, выступаетъ подъ именемъ „севруковъ", и значительные округа самихъ уходовъ именуются „севирами", „сиверами" и т. п. Значеніе этихъ названій не выясненно съ достовѣрностью. Созвучныя съ „сѣверянами", „сѣверщиной", имена эти едва-ли не туранскаго происхожденія. „Sawrug" или „Sawrak" по словарю Редгоуза означаетъ „Wild, very impulsive or violant", т. е. дикій или же одичалый. Быть можетъ это имя и было усвоено суровыми охотниками праваго берега. Примѣсь туранской крови въ севрукахъ можно прослѣдить еще до половины XVI в. (даже среди мѣщанъ г. Кіева встрѣчаемъ въ 1552 г. Карая и Охмата Севруковъ, очевидно выходцевъ съ лѣваго берега), но съ начала XVI в. населеніе это въ общемъ имѣетъ славянскій характеръ.

Наряду съ севруками къ концу XV в. встрѣчаемся и съ козаками. Между тѣми и другими въ началѣ много общаго. Но козаки, принадлежавшіе къ вольному военному классу, поселены были при литовскихъ замкахъ на военномъ правѣ. Этимъ они отличались отъ севрюковъ какъ въ татарскую эпоху, такъ и позже, когда приливъ славянскихъ элементовъ придалъ козакамъ славянскій характеръ, если не заставилъ ихъ расплыться совершенно въ массѣ выходцевъ съ сѣвера. Какъ кажется, большая часть каневскихъ и черкасскихъ козаковъ-хуторянъ тянула къ Заднѣпровью. (Jabłonowski, Etniczna postać Ukrainy въ Kwart. hist. 1893 г.).

Гораздо опредѣленнѣе выступаетъ кіевское Заднѣпровье въ половинѣ XVI в. Ревизія украинскихъ замковъ 1552 г. (изд. въ ч. VII, т. 1, Арх. Ю. З. Рос., реестръ сборовъ Любецкаго

замка 1571 г.—въ т. XX „Źród. dziej") даетъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ. Начнемъ обзоръ съ сѣверной полосы. Любецкая волость, пограничная съ Литвою, обнимала оба берега Днѣпра, но большая часть ея находилась на лѣвомъ. Въ самомъ Любечѣ населеніе крайне незначительно: реестръ насчитываетъ лишь около сотни осѣдлыхъ жителей. Изъ 15 селъ, тянувшихъ къ замку, на лѣвомъ берегу упомянуты лишь два (Позниковичи и Лопатни),—остальныя на правомъ. Изъ 63 боярскихъ дворищъ большая часть, безъ сомнѣнія, также находилась на правой station. Правда, еще при державцѣ любецкомъ Альбрехтѣ Гаштольдѣ встрѣчаемъ „земли" Моравельскую (поздн. Симаки), Щуковскую (Корольчицы), Трухановщину (около Кувичицъ) на лѣвомъ берегу, недалеко отъ Любеча, но о заселенности ихъ нѣтъ указаній (Źródła dz., V.).

Судя по ревизіи 1552 г., принадлежавшая къ чернобыльской волости узкая полоса на лѣвомъ берегу Днѣпра южнѣе Любеча была уже болѣе заселена. Почти цѣликомъ составляла она владѣніе печерскаго монастыря. Здѣсь встрѣчаемъ: Мниво, выше р. Пакулки (6 чел.), Навозъ (44), Сороковичи (10), Глубово (11), Ошитковичи (7), Новоселки (2), Тарасовичи ниже Чернина (6), и Своромль (7).

Далѣе, въ кіевскомъ округѣ, на нижней Деснѣ: Дубечна (7 чел.), Слободка (14) и Погребы (4)—повидимому, тоже монастырскія владѣнія; противъ самого Кіева—замковое село Милославцы и затѣмъ Иванковцы на Альтѣ, Остралука и Борщовцы на Трубежѣ.

Въ волости Остерской, по Деснѣ и Остру: господарскій замокъ Остеръ, устроенный лишь въ 1538 г. виленскимъ воеводой Альбрехтомъ Гаштольдомъ на его „дѣдинѣ" и уже требующій починки, но острогъ при замкѣ еще прочный; домовъ боземлянскихъ и мѣщанскихъ въ острогѣ 50, за нимъ—35. Бояръ, обязанныхъ „отвѣдывати шляховъ" по сиверской сторонѣ, 27 коней съ „отчинъ оселыхъ", а пустыхъ земель межъ ними 5. Между боярами встрѣчаемъ имена: Шеметъ, Беликъ, Копоть, Орешко, Островскій, Летковскій, Сенчиковскій, Янъ Рошковскій, Мартинъ и Станиславъ Драбы, Пролиза, Данило Волошенинъ,

Ходоръ Обыйма, Черноухъ, Кулакъ Гавриловичъ и т. п. „Пахивали на замокъ у трехъ миляхъ на поли у Столпцы, а тыхъ часовъ пашня тамъ опущена за неспокоемъ отъ татаръ". На охоту для старосты ѣздили за Трубежъ въ Слуковъ заѣздъ, въ Минкову луку и въ Яселикъ, 7 миль отъ Остра. Изъ озеръ „уступныхъ принадлежали замку: въ Чернинѣ озерѣ, съ Днѣпра, 2 тони, въ Крехаевѣ, съ Десны, 1 тоня и въ Ялмунцѣ, съ Десны, 2 тони". Упомянуто о купеческомъ караванѣ изъ Москвы въ Турцію, который шелъ черезъ Остеръ. Къ замку тянули села: Выползовъ (7 чел.), Ельминка (5), Крохаевъ (5), Боденковичи (5), Жукинъ (11) и Чернинъ (5). Одинъ изъ мѣщанъ „ходитъ землею у Козельцахъ". Село Лютово подъ Остромъ (12 домовъ) тянуло къ кіевскому замку.

Въ южной части Заднѣпровья другая картина: все обширное пространство ея тянетъ къ замкамъ Каневу и Черкасамъ на правомъ берегу; менѣе заселенное, чѣмъ правобережная степная сторона, оно главнымъ образомъ богато промысловыми „уходами". Начиная съ каневскаго округа, обнимавшаго въ половинѣ XVI в. теченія Супоя, Сулы и Псла, мы видимъ, что главные ловы на замокъ имѣли мѣсто по теченію Супоя, въ 4 миляхъ отъ Канева, и обязанность принимать въ нихъ участіе прямо называется „супоевщиной". Селище Городище на Днѣпрѣ, въ полумилѣ отъ замка, лежитъ впустѣ; далѣе къ путивльской границѣ встрѣчаются только уходы. Таковы рыбные и бобровые гоны Пустынскаго монастыря на Сулѣ на милю выше слiянiя съ Переволочной и подъ Войновымъ Городищемъ. Еще далѣе на Сулѣ—уходъ Ромковщина и два другихъ и „знамя" Колавятинское держитъ каневскій мѣщанинъ Драбъ. На Оржищѣ держатъ бывшіе замковые уходы „слуги" Козакевичъ и Колоденскій, но у послѣдняго оспариваетъ владѣніе „отчичъ" Русановичъ, возвратившійся изъ 15-лѣтняго татарскаго плѣна. Выше устья Оржицы, на боярской землѣ Кашинѣ держали уходы, частью совмѣстно съ козаками, Морозовичъ и Чайка. Далѣе уходъ Гостыловскій, замковой, отъ Володыной горы до Лубенъ, 4 мѣщанскихъ грунта: Жолудевъ, Хорошковщина и др., гдѣ „ходятъ на старосту половинники козаки". Земля Лубны зам-

ковая; Желѣзновщина „отчичей“ каневскихъ Бродовичей. На Сулѣ и Снепородкѣ упоминается Гольчевщина. На сѣверо-западъ отъ Лубенъ, на притокѣ Сулы Удаѣ: Дидковщина отчича Дидковича, Милишевщина замковая, земля Пирятинская, отчина каневскаго боярина Чайки, Подпятковщина каневской церкви св. Василія, уходы на Удаѣ и Ольшаницѣ, отданные Остафіемъ Дашковичемъ каневской спасской церкви. Далѣе на Сулѣ земли и уходы: Половичи, Лукьяновичи, Лихошерстово, Хомино, Карчищеватое, принадлежащіе замку; Чекмаково и Макарино зарубской церкви что около Терехтемирова на правой сторонѣ Днѣпра. Въ Ровнѣ, на р. Многѣ, земля Колотвинская каневскаго отчича Панька Колотвиновича, замковая Колѣновщина пустая, какъ и Волосовщина, Кашутовщина и Войтовщина. Землю Чабановскую на путивльскомъ рубежѣ подъ княжьей горой на р. Сулицѣ держитъ каневскій отчичъ Чабановичъ. Въ 4 миляхъ отъ Сулы, у устья Хорола, замковые уходы, а на Пслѣ всѣ уходы занялъ бояринъ Драбъ. Пользованіе этими „сиверскими“ уходами не обходится безъ тревогъ и опасностей: „переказа уходомъ онымъ сиверъскимъ тыхъ часовъ (1552 г.) дѣется не только отъ татаръ, але болшъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичъне тамъ живуть на мясѣ, на рыбѣ, на меду, зъ пасѣкъ, зъ свепетовъ и сытятъ тамъ собе медъ яко дома. А еще переказують уходомъ тымъ таковымъ же обычаемъ копачи зъ драбовъ, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопывають, ищучи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидывають, на помъсту за то живымъ и невиннымъ“ (Арх. Ю. З. Р., VII, 1, стр. 103).

Лѣвобережная часть черкасскаго округа обнимала въ ту пору теченія Ворсклы, Орели и Самары и, подобно каневской, извѣстна только промысловыми уходами. Важнѣйшіе изъ нихъ: на самомъ Днѣпрѣ, „поченши отъ Мошонъ, уходъ и ставъ на имя Дубослей, тамъ озера, Уступный и Западный затоны, Засяклый-ловенье рыбы и бобровъ“; ниже уходы и ставы Еланьскій, Воловскій, уходы Керменчуцкій, Песельскій на Пслѣ, Кешиньскій на Ворсклѣ, Волчій Островъ, Орельскій на Орели, Романовскій, ниже устья Орели, Протолчъ, Кошоумъ, Отмутъ,

уходъ на Самарѣ „почонши отъ Ольховаго Плеса и Волчее воды ажъ до верху". На порогахъ: Волнечъ, Ненасытецъ, Плетенница, Носовскій, Томаховка, Аргачинъ и на Тавани. Изъ этихъ уходовъ лишь 5 держалъ староста (Дубослей, Еланьскій, Протолчъ, Ненасытецъ и Волнечъ), всѣ остальные уходы „хаживали Черкашене—такъ бояре яко мещане", за извѣстную часть старостѣ съ каждой „ватаги". Староста отдавалъ всѣ уходы выходцамъ изъ Кіева, Чернобыля, Мозыря, Петрикова, Быхова, Могилева и инымъ чужегородцамъ за плату въ натурѣ, рѣже за деньги; „угодники одны передъ другими, опережаючи, повышаютъ (плату), укупуючися" (Арх. Ю. З. Р., VII, 1, стр. 85). О козацкихъ промыслахъ на другихъ уходахъ можно лишь догадываться. Изъ кіевскихъ монастырей владѣли тамъ: Пустынскій—уходомъ на семь миль по Днѣпру, на устьѣ Сулы и въ Пивахъ, выше Кременчуга (гдѣ нынѣ с. Недогарки),—тамъ впослѣдствіи возникъ и филіальный монастырь; Печерскій—уходомъ на устьѣ Самары. Изъ немногочисленныхъ черкасскихъ землянъ владѣетъ за Днѣпромъ Михайло Грибуновичъ „селищемъ и городищемъ у Сивере на реце Ворскле, на имя Глинско". Другіе земляне (князь Василій Домонтъ, Янъ Келбовскій и Иванъ Зубрикъ) владѣютъ землями на правомъ берегу Днѣпра.

Послѣ люблинской уніи 1569 г. кіевское Заднѣпровье присоединено къ коронѣ вмѣстѣ съ Кіевомъ, но географическія данныя изъ этой эпохи не богаче данныхъ 1552 г. Въ инвентарѣ замковъ, городовъ, мѣстечекъ, волостей и т. д., составленномъ королевскими ревизорами въ 1570 г. (Zródła dziej. Яблоновскаго, т. XX) не упомянуты вовсе единственные въ той странѣ замки Любечъ и Остеръ. Ревизоры замѣчаютъ, что въ кіевскомъ воеводствѣ очень много пустыхъ городищъ, которыя, если ихъ отстроить, дали-бы защиту отъ непріятелей. Списокъ этихъ городищъ былъ представленъ королю, но къ сожалѣнію утраченъ.

Нѣсколько позже находимъ рядъ упоминаній о раздачѣ земель за Днѣпромъ боярамъ по распоряженію Сигизмунда Августа, съ обязательствомъ военной службы, очевидно, въ цѣляхъ усилить оборону края послѣ потери Чернигова (Zr. dz.

t. V). Таковы въ Любецкомъ округѣ или старовствѣ: „земли“ Сѣрховская и Котчинская и селище Гальково близъ Любеча; на верховьи Ворзны (прит. Днѣпра) „земли“ Росудовская, Сельчанская и, ниже, Газеницкая; южнѣе—земля Неданчицкая; на р. Свишинѣ (съ Бѣлоусомъ прит. Десны) земля Кувичицкая, Должикъ и др.; въ верховьи Пакулки (прит. Днѣпра) земля Обышовская и урочище Борокъ. Съ другими „землями“, „островами“, „пашнями“ и т. д. встрѣтимся при географическомъ обзорѣ любецкой волости въ началѣ XVII в. Мѣстности эти большею частью мѣняютъ названія, получая новыя имена отъ владѣльцевъ и изрѣдка лишь даютъ свои имена послѣднимъ (Сѣрковскіе, Росудовскіе, Кувичицкіе). За предѣлами любецкой волости новыхъ географическихъ названій не встрѣчается въ это время.

Время отъ уніи до декрета сейма о раздачѣ пустошей (1590 г.) также бѣдно извѣстіями. Въ реестрѣ 1579 г. (Źr. dz. т. XX) упомянуты изъ селъ остерскаго округа лишь Выползовъ (13 осѣдлыхъ людей), Ялмужа (11), с. Бодынковичи (8), Крехаевъ (1), Литковичи (13); все это коронныя владѣнія. Въ реестрѣ поборовъ земли кіевской 1581 г. (Źr. dz., т. XX) упомянуты частныя владѣнія: Чернинъ на Днѣпрѣ Тышкевичей (8 осѣдлыхъ людей), Воропаевъ на нижней Деснѣ Быковскихъ (5 осѣдлыхъ, 9 загродниковъ, 3 „убогихъ“); далѣе на Деснѣ владѣнія кіевской митрополіи: Свиноѣды (осѣдлыхъ 6, загрод. 7), Зазимье (4 ос., 2 загр.), Погребы (1 ос., 10 загр.); с. Осича между Днѣпромъ и Десною, печерскаго монастыря (3 ос., 2 загр.); ниже Десны, с. Княжичи пустынскаго монастыря (4 ос.) и с. Бортники (4 ос.). Далѣе по Днѣпру у Карани, въ сторонѣ Триполья, Жеребятинъ Лозковъ (9 ос., 6 загр.), на Карани Ковалинъ Пустынскаго монастыря (1 ос.); на притокѣ Трубежа Басанкѣ Басань, принадлежащая Балыкамъ (7 ос.). Наконецъ, подъ 1571 г. находимъ упоминаніе о „Сиверахъ“ по обоимъ берегамъ Ворсклы отъ Санчаровскаго перевоза вдоль р. Полузоры и далѣе, отданныхъ кор. Сигизмундомъ Августомъ на ленномъ правѣ Омельяну Ивановичу, низовому козаку и землянину (Чт. Общ. Нест. Лѣт., кн. 8). Важное значеніе для колонизаціи края, безъ сомнѣнія, имѣла и грамота

1585 г. (рукоп. копія) кн. Константину Острожскому на сооруженіе на старомъ переяславскомъ городищѣ новаго замка и города, который вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ магдебурское право и отданъ былъ на два доживотья кн. Александру Острожскому, сыну Константина. Какъ видно, кор. Стефанъ не забывалъ и объ укрѣпленіи Заднѣпровья.

Но гораздо болѣе важное значеніе для колонизаціи имѣло постановленіе сейма 1590 г. (Vol. leg., VI, 1023) о правѣ короля раздавать пустоши въ Украинѣ. Въ томъ же 1590 г., вмѣстѣ съ Терехтемировымъ, отданъ Борисполь на Альтѣ и сосѣднее селище Иванковское „панамъ молодцамъ" запорожскимъ. Въ 1596 г. сеймъ рѣшилъ отобрать эти „наданья" на королевскій столъ, такъ какъ гетману еще въ 1593 г. поручено было истребить непокорныхъ козаковъ ad internecionem (Vol. leg., II, 1446); однако, Терехтемировъ не достался гетману Жолкѣвскому. Въ 1590 г. утверждена за черкасскимъ старостой Александромъ Вишневецкимъ „пустыня р. Сулы, за Черкассами лежащая", будто-бы уступленная старостѣ Михайломъ Грибуновичемъ Байбузой, которому владѣніе этой пустыней было подтверждено кор. Стефаномъ (Vol. leg., II, 1345). Тогда же упомянуто объ отдачѣ въ частное владѣніе Гороши (Горошинъ на Сулѣ) и Слѣпорода надъ р. Неущей (?) у московской границы (ibid). Вслѣдъ за этимъ, къ концу XVI в. встрѣчаемъ: Александровъ на Сулѣ, при урочищѣ Лубны, и Михайловъ при урочищѣ Пирятинъ на Удаѣ; эти поселенія (Позднѣйшіе—Лубны и Пирятинъ) въ 1591 г. получили отъ кор. Сигизмунда III привилегіи на магдебургское право (рукоп. копія). О „северахъ" Глинскѣ и Бѣльскѣ на Ворсклѣ уже упомянуто выше; въ 1579 г. изъ за нихъ спорили Байбузы-Грибуновичи съ Келбовскими, а къ 1590 г. они перешли частью къ Проскурамъ (Арх. Ю. З. Р., VII, 2, стр. 133 сл., введ. Влад. Буданова).

Колонизаціонное движеніе шло главнымъ образомъ съ правобережней Украины, куда въ свою очередь стекались разнообразные элементы изъ сосѣднихъ и дальнихъ областей. Акты люблинскаго трибунала (Źr. dz., т. XXI), разбиравшаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ, даютъ возможность прослѣдить на-

правленіе этой колонизацівнной волны съ праваго берега въ область „дикихъ полей". Такъ, бѣглые изъ Черняхова въ житомирскомъ повѣтѣ находятъ пріютъ въ Бобровицѣ, Гоголевѣ, Прилукахъ; изъ Рожева (на Здвижѣ, въ кіевскомъ повѣтѣ)—въ Быковѣ, Прилукахъ, Сеньчѣ, Лубнахъ; изъ Ходоркова на верхнемъ Ирпенѣ—чаще всего въ Бобровицѣ, Басани, Быковѣ, Березани, Бориснолѣ, Барышевѣ, Лубнахъ и Сеньчѣ; изъ Триполья на Днѣпрѣ—въ Пещаномъ, Лукомлѣ, Жовнинѣ; изъ Ржищева—въ Ялмынкѣ, Бобровицѣ, Бориснолѣ, Сотниковѣ, Кропивной, Сеньчѣ. Какъ вновь возникающимъ, такъ и прежнимъ поселеніямъ даютъ наиболѣе выходцевъ: въ остерскомъ округѣ г. Остру—Загалье, Остроглядовичи въ брагинскомъ округѣ, Ялминцы и Мартыновцы на Ушѣ, Ржищевъ на Днѣпрѣ; Боденкамъ—Воронинъ (позд. Макаровъ) на Здвижѣ; Бобровищамъ—Черняховъ, Видыборъ, Осичъ въ житомирскомъ округѣ, Ставища, Андреевка въ кіевскомъ; Басани—Ходорковъ, Шепиличи на Припети. Далѣе, въ кіевскомъ лѣвобережномъ округѣ: Гоголеву даютъ выходцевъ Черняховъ, Селецъ, Видыборъ, Корчевъ въ житомирскомъ округѣ, Турбовъ на Каменкѣ въ кіевскомъ округѣ; Русанову—Новоселицы, Княжичи кіев. округа, на Ирпени; Борисполю съ Барышевымъ, Иваньковомъ и др.—Бежовъ, Щеніовъ, Черняховъ, Селецъ, Ловковъ въ житомирскомъ округѣ, Паволочъ, Копачевъ, Ржищевъ, въ кіевскомъ, даже Дивинъ на Жеревѣ овруцкаго округа; Рогозову—Бежовъ; Жеребятину—Криницы у Сругны, Рожевъ на Здвижѣ въ кіевскомъ округѣ; Сотникову—Ржищевъ. Въ округѣ переяславскомъ: Быхову на Супоѣ—Ходорковъ, Бышевъ, Рожевъ; Березани на Недрѣ—Ходорковъ; Переяславу—даже Юревичи и Точиловичи мозырскаго округа; Песчаному—Бышевъ, Лозовики на Унавѣ, Триполье кіевскаго округа; Золотоношѣ—даже Маркушевъ хмельницкаго староства на Подольи; Кропивной—Ржищевъ. Въ Вишневеччинѣ: Жовнину—Вербковичи мозырскаго округа, Липки около Ходоркова, Триполье; Горошину—Лишня близъ Бышева; Лукомлю—Мининки, Ловковъ житомирскаго округа, Триполье; Лубнамъ—Рожевъ, Паволочъ кіевскаго округа; Пирятину—Княжичи, Безрадичи на Стугнѣ, Журавцы, Козловка

около Паволоча; Прилукамъ—Чернобыль на Припети, Иванково на Тетеревѣ, Воронинъ (Макаровъ), Рожевъ, Кривое около Ходоркова, Черняховъ; Лохвицѣ—Билки около Ходоркова; Сеньчѣ—Иванковъ, Рожевъ, Ходорковъ, Ржищевъ. Болѣе того, можно прослѣдить даже путь бѣглецовъ изъ отдаленныхъ областей короны въ Заднѣпровье. Такъ, изъ Губкова на Случѣ (на пограничьи кіевскаго и волынскаго Полѣсья, округовъ луцкаго и овруцкаго) бѣглецы направляются чрезъ Рожевъ на правомъ, Жеребятинъ на лѣвомъ берегу Днѣпра на Посулье, въ Лубны и т. д.; изъ Куликова кременецкаго округа на Волыни—чрезъ Трояновъ подъ Житомиромъ и Бышевъ въ Быковъ на Супоѣ; изъ Заслава—чрезъ Паволочъ на Раставицѣ въ Борисполь на Альтѣ; изъ Полоннаго на Хоморѣ, притокѣ Случи—чрезъ Ходорковъ, Безрадичи въ Пирятинъ на Удаѣ; изъ Хмельника подольскаго—чрезъ брацлавскій Пиковъ, Ржищевъ въ Кропивну и т. д.; изъ Мизякова брацлавскаго—чрезъ Триполье въ Лукомль, Жовнинъ и т. д. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно прослѣдить движеніе выходцевъ въ предѣлахъ самого Заднѣпровья. Такъ, изъ Милославца противъ Кіева и Ямынки у Остра—въ Гоголевъ; изъ Жеребятина на Карани—въ Посулье, Жовнинъ, Лукомль, Лубны, Пирятинъ; изъ Домонтова у устья Супоя—въ Жовнинъ и Лубны. Встрѣчаются впрочемъ и случаи обратнаго бѣгства, напр. изъ того же Домонтова въ Мошны, изъ Жеребятина въ Ораное на Тетеревѣ. Должно думать, что осѣвшіе въ „слободахъ“ поселенцы, по окончаніи срока „воли“, не желали подчиняться ограниченіямъ и повинностямъ, обычнымъ въ той сторонѣ (Źr. dz., V, 210) и уходили или убѣгали на новыя слободы, хутора. На это имѣются и документальныя указанія. Такъ, при вводѣ кн. Раины Вишневецкой въ заднѣпровскія имѣнія въ 1618 г. комиссары должны были выслушивать отъ „громадъ“ „великіи нареканія съ плачемъ... ижъ княжа его милость панъ кіевскій (зубожилъ ихъ велми, выбираючи неслыханные податки пѣнезныи, быдляніи, медовъ на кидане горелки и селитры. Въ нивечъ зубожоно и знищоно, для чего тежъ трохи не половица их розишла“. (Кн. кіев. центр. арх. № 13, fol. 1035. Лучицкій, Займанщина, Юрид. Вѣстн., 1890 г., мартъ, 419).

Вообще, колонизаціонное движеніе въ кіевскомъ Заднѣпровьи ширилось съ конца XVI в. чуть не съ каждымъ днемъ, благодаря какъ стараніямъ старостинскихъ и магнатскихъ осадчихъ, соблазнявшихъ народъ приманкою многолѣтней „воли“ и т. п., такъ и безостановочному развитію самостоятельной козацкой колонизаціи, и къ концу первой четверти XVII ст. движеніе это достигло, повидимому, кульминаціонной точки. Къ этому времени Заднѣпровье заселилось и поднялось настолько, что данныя эпохи могутъ служить богатымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго географическаго и статистическаго обзора этой прекрасной окраины почти наканунѣ утраты ея Польшею.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(О формѣ им. п. мн. ч. прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.).

Г. А. Крымскій въ своей критической замѣткѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за настоящій 1896 годъ [1]), обратилъ вниманіе на форму именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ на—*ое*, встрѣтившуюся въ одной народной пѣснѣ, недавно записанной въ Пинщинѣ, и попадающуюся изрѣдка также и въ нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русской письменности.

Несомнѣнно, эта форма, какъ и другія, подобнаго рода, рѣдкостныя формы, встрѣчаемыя иногда въ нашемъ языкѣ, представляютъ извѣстный научный интересъ и вполнѣ заслуживаютъ изслѣдованія. Но почтенный авторъ замѣтки, очевидно, увлекшись своей находкой, придалъ указанной формѣ совсѣмъ неподобающее ей значеніе и присвоилъ ей такую роль въ нашемъ языкѣ, какой она въ немъ положительно никогда не играла и не могла играть.

Г. Крымскій категорически утверждаетъ, что встрѣтившееся въ пинскомъ говорѣ окончаніе им. п. мн. ч. прилагательныхъ на—*ое*, въ виду лишь того, что оно не чуждо также и языку нашихъ памятниковъ, не только „не должно возбуждать недоумѣній, а наоборотъ—должно быть привѣтствовано,

[1]) См. ст. его: „Евг. Ляцкій. Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ-Запольскаго“. Стр. 38—40.

какъ драгоцѣнный фактъ, *позволяющій* безъ *всякихъ* сомнѣній (?) объяснить появленіе зв. *і* въ им. пад. мн. ч. прилаг. современнаго малорусскаго языка: добрі коні, лихі жїнки, жовті чоботи и т. п."

Возникновеніе послѣднихъ формъ (на *і*), по мнѣнію г. Крымскаго, объясняется очень просто такимъ образомъ: „пинское окончаніе—*ое*, поставленное въ связь съ указаніями памятниковъ, даетъ намъ ключъ къ рѣшенію загадки:—*ое* (собственно—*оѣ*) перешло въ—*іјі*, а *іјі* дало ужъ и нечленную форму на—*и* (т. е.—*ьі*?): значитъ, было добр*оѣ* (а въ памятникахъ смѣшивающихъ *ѣ* съ *е*,—добр*ое*), изъ него—добр*іји* и добр*и*" (т. е. добр*і*?) и т. п. Причина же означеннаго „перехода" зв. *о* въ *і*, по увѣренію автора, „здѣсь та-же, что́ въ род. и тв. пад. ед. ч. ж. р.: т*і*еи, т*і*и (изъ т*о*еи, id. т*о*ї), т*і*ею (изъ т*о*ею)" и проч. При чемъ, „самое качество зв. *и* (т. е. *ьі*?) въ современномъ малорусскомъ окончаніи мн. ч. прилагательныхъ ясно —будто-бы—говоритъ, что онъ возникъ изъ звука *о*, а не изъ другого: *и* (т. е. *і*=*ьі*,—будемъ употреблять строго фонетическую транскрипцію) въ зл*іјі* и зл*і* звучитъ не такъ, какъ (*ї*=*ьі*, *јі*) въ л*ї*то (изъ л*ѣ*то) и въ л*ї*д (изъ л*е*дъ), а такъ какъ въ л*і*й (л*о*й)" и проч. „Въ молод*ії*, молод*і* зв. *і*—такой, какъ въ д*і*йка (д*о*йка) и пр., а не такой, какъ въ д*ї*д (дѣдъ)" и пр.

Въ этой аргументаціи въ пользу—*ії* изъ—*ое* все, безъ исключенія, или до очевидности не вѣрно, или въ высшей степени спорно.—Таковыми являются: и предполагаемая основная форма им. пад. мн. ч. на—*оѣ* для вторичной формы того-же падежа на—*ое* и для другаго варіанта ея на—*оï*, изъ котораго будто бы—*ії*, хотя существованіе, не только гипотетической ф. на—*оѣ*, но и живаго рефлекса ея на—*оï*, совсѣмъ не удостовѣрено фактами; и возможность непосредственнаго происхожденія фор. на—*ії* изъ этихъ предполагаемыхъ фор. на—*оѣ*,—*оï*, вслѣдствіе будто-бы „перехода" зв. *о* въ *і*, хотя такого рода *переходъ* не мыслимъ вообще въ подобномъ звуковомъ комплексѣ по законамъ малорусской фонетики; и объясненіе общею будто-бы причиною этихъ предполагаемыхъ „переходовъ" зв. *о* въ *і*—какъ въ им. п. мн. ч. біл*ії* и проч. (будто-бы изъ

изъ *білої* и проч.) такъ и въ род., тв. ед. ч. ж. р. мѣстоименій: *тіеї*, *тії*, *тіею*, *тію* и проч. (которыя будто-бы непосредственно изъ *тоеї*, *тої* и проч.), не смотря даже на бросающееся въ глаза отсутствіе такого перехода напр. въ фф. прилагательныхъ: *білої* (род. ед., гдѣ—*ої* дѣйствительно изъ—*оѣ*), *білою* и проч.; и сопоставленіе обоихъ этихъ „переходовъ" съ появленіемъ зв. *і* вм. *о* въ такихъ случаяхъ, какъ *дійка*, *лій* и т. п. не смотря на *о* въ *доїти*, *лою*, гдѣ на лицо тѣ-же комплексы *ої*, *ою*; и, наконецъ, отождествленіе всѣхъ этихъ разнородныхъ появленій зв. *і* на мѣстѣ *о*,—дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ,—потому только, что *і* во всѣхъ этихъ случаяхъ сходно по качеству, т. е. не смягчаетъ предыдущей согласной, хотя, напр., можно видѣть такое же *і* и въ случаѣ *діброва*, гдѣ оно уже не на мѣстѣ *о*, а на мѣстѣ *у*.

Но г. Крымскій, не подозрѣвая, очевидно, всей шаткости своей аргументаціи, считаетъ ее единственно правильной, а всякія иныя объясненія малорусскихъ (собственно—галицко-украинскихъ) формъ на—*ії*,—*і* отвергаетъ, какъ „ненаучныя". Между прочимъ, онъ рѣшительно не допускаетъ происхожденія этихъ формъ изъ—*ыји* (=*ыѣ*) и образованія формы на *і* (=*ы*і) путемъ стяженія, и говоритъ по этому поводу: „мы еще могли бы ждать, что—*ыји* стянется въ—*ы*, но не имѣемъ никакихъ основаній думать, что изъ *ыји* могло бы получиться *и*" (т. е. *ы*і). Наконецъ, если бъ принята была теорія обращенія фф. на —*ыји* въ *и* (=*ы*і), „то зато—по его словамъ—у насъ остались бы совсѣмъ безъ роду безъ племени формы на—*іјі*". Но вотъ, къ счастію этихъ формъ, г. Крымскій отыскалъ для нихъ вполнѣ законнаго предка, въ видѣ формы на—*ое*, или—*оѣ*, и такимъ образомъ легитимація ихъ оказывается чрезвычайно простой и не вызывающей никакихъ недоумѣній.

Допустимъ даже, что все это—такъ. Но позволительно затѣмъ спросить еще, откуда же взялась собственно эта основная форма на—*оѣ* или—*ое*, въ малорусскомъ языкѣ во всякомъ случаѣ крайне рѣдкая, какъ въ его живыхъ говорахъ, такъ и въ письменныхъ памятникахъ, и, сверхъ того, не находящая себѣ достаточныхъ оправданій ни въ какихъ ана-

логичныхъ формахъ другихъ славянскихъ языковъ, ни въ данныхъ историческаго развитія этихъ формъ во всей славянской рѣчи вообще?

На эти существенные и неизбѣжные вопросы авторъ не позаботился дать никакого отвѣта; а между тѣмъ, безъ надлежащаго рѣшенія ихъ, самъ-то этотъ предполагаемый предокъ формъ на—*її*,—*і* долженъ поневолѣ остаться въ томъ именно сомнительномъ положеніи—„безъ роду безъ племени",—въ какомъ, будто-бы, находятся послѣднія и изъ котораго съ такой увѣренностію взялся вывести ихъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если согласиться съ мнѣніемъ г. Крымскаго, что эта рѣдкая и загадочная форма им. мн. ч. прилагательныхъ на—*оѣ*, или—*ое* была нѣкогда общей и основной для всего малорусскаго языка, то какъ, прежде всего, примирить этотъ фактъ съ такими положительно вопіющими противъ него фактами, какъ напр. безспорное существованіе въ нашемъ языкѣ, въ несравненно большемъ количествѣ, формъ иного типа и вполнѣ яснаго происхожденія? И мы совсѣмъ ужъ не понимаемъ, какъ можно было отдать такое безусловное предпочтеніе первой формѣ и не обратить при этомъ ни малѣйшаго вниманія на послѣднія,—рѣшительно господствующія какъ во многихъ живыхъ говорахъ малорусскаго языка, такъ и во всѣхъ его памятникахъ.

Вѣдь въ томъ же, напр., сборникѣ пинскихъ пѣсенъ, въ которомъ встрѣтился лишь единичный случай употребленія формы на—*ое*, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы видимъ сплошь иныя формы. Да и такое единичное появленіе здѣсь этой формы можетъ быть объяснено условіями, не имѣющими ничего общаго съ предполагаемой органичностію ея происхожденія. Она встрѣчается въ слѣдующихъ стихахъ:

„Да бѣгутъ кони всё уланск*ое*
Не пьють воды да Дунайское" (стр. 72).

Здѣсь выраженіе „всё уланское" можетъ быть явилось просто въ риѳму съ „да Дунайское" (род. ед. ч. ж. р.). Вѣдь подобнаго рода случаи приноровленія къ риѳмѣ, при извѣстныхъ условіяхъ,—не особенная рѣдкость въ языкѣ народныхъ пѣ-

сенъ. Въ данномъ же случаѣ наша догадка тѣмъ болѣе кажется вѣроятной, что такому приспособленію могли способствовать и другія обстоятельства. Въ 1-хъ, данная ф. мн. ч. въ видѣ „*уланское*“, благодаря дополненію *веё*, легко могла явиться вслѣдствіе смѣшенія ея съ аналогичными формами эпитетовъ при собирательныхъ, въ родѣ „*всё сухое* листье, *черное* корі́нне, и т. п., а, во 2-хъ, чередованіе *о* съ *ы*, остающимся иногда и при открытіи слога, какъ напр. въ к*ы*ни (изъ к*ы*нь—конь), могло вызвать и обратное явленіе: аналогичную замѣну, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ,—*ы* черезъ *о*: уланск*ое* вм. уланск*ые*.

Затѣмъ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ въ этомъ сборникѣ формы именительнаго, а также неотличаемыя отъ нихъ формы винительнаго—падежей множ. числа прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій обыкновенно оканчиваются на—*ые*, *ыя*, *ы*, или на—*іе*, *ія*, *и* (*і*) (въ такъ наз. мягкомъ склоненіи и послѣ гортанныхъ согласн.). При чемъ и *сложныя*, и *краткія* фф. употребляются безразлично и въ аттрибутивномъ, и въ предикативномъ значеніи; но *краткія* (имѣющія видъ нечленныхъ, въ сущности же представляющія лишь стяженія членныхъ) вообще преобладаютъ въ обоихъ значеніяхъ. Примѣры: чи будете (рученьки) бѣл*ыя* у свекратка (2) [1]) (т. е.—*бѣлы* или *бѣлыми*), и рядомъ: полену я *ў* щир*ы* боры (2), при—хоче полынуты *ў* щир*ые* боры (7); ср. также краткія фф. въ обоихъ падежахъ въ аттрибутивномъ значеніи: да подянуймо..,. за тонк*и* обрусы (4, вин. п.), проклят*ы* дружчатка... ходылы (15, им. п.), одчиняйте (вороты) золот*ы* (26; вин. п.) друг*и*, трет*и* (при перш*ія*) ворытца (28, им. п.), завьяжу я чорн*ы* очи (75, вин. п.) и т. п.—для всѣхъ родовъ.—Кромѣ того, фф. на *ые*, *іе* употребляются не только при существительныхъ муж. рода, но также женск. и ср. родовъ, хотя и рѣже [2]): сѣни добр*ые*, походущ*іе*, (5), пухов*ые* подушки, шо*у*ков*ые* радюжки (31), сукни

---

[1]) Обозначеніе страницъ Сборника: „Пѣсни Пинчуковъ“ М. Довнара-Запольскаго. Вып. 1.

[2]) Частое употребленіе въ сборникѣ фф. на *ыя* и *ія* для именъ ж. и ср. рода можетъ быть составляетъ отчасти погрѣшность самого записывателя.

друбн*ые* (49), выкна помынущ*іе*, чорн*ые* очи (111), лита... молод*ые*, желѣзн*ые* пута (128) и т. п. Кромѣ того, въ другомъ сборникѣ пинскихъ пѣсенъ [1]), встрѣчаются еще фф. на—*іи* и—*е*: очки черненьк*іи* (68), хороше дѣвки (55) и т. п.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что фф. им.—вин. п. прилагательныхъ и мѣстоименій твердаго склоненія на—*ые*,—*іе* (послѣ гортанныхъ) и на—*ы*,—*і* (=основной—*ыѣ*) господствуютъ во всѣхъ *сѣверныхъ* (полѣшскихъ) говорахъ ю.-русской рѣчи, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ варіантомъ своимъ на—*ыї*; онѣ встрѣчаются также въ *прикарпатскихъ* говорахъ [2]) и въ говорахъ *переходныхъ* къ южнымъ (галицко-украинскимъ) нарѣчіямъ.— Но въ послѣднихъ уже, наряду съ фф. на—*ые*,—*ы*, чаще употребляются фф. на—*ыї*, а также на—*ѣї*,—*ѣі* (будемъ обозначать ихъ—*иї*,—*и*), напр., въ Кобринскомъ у. (с. Озяты) [3]): молод*ые* и добр*ыї* (С. 29); въ Брестскомъ и Пружанскомъ уу. жо*у*т*ые*, чорн*ые*, и ворон*ыї*, добр*ыї* (С. 30, 31); въ Холмскомъ и Томашевскомъ уу: бїл*ыї*, черн*ыї*, руд*ыї*—(Ч. 554, 555), въ Ровенскомъ у: чорн*ые*, и бїл*ыї* (Ч. 544), бїл*ые* и золот*иї* (С. 10); въ Ковельскомъ и Луцкомъ уу. на—*ы* (Ч. 546, 547, 548) въ Новоградъ-Волынскомъ у. на—*ы* (Ч. 537); въ Радомысльскомъ и Кіевскомъ уу. на—*ы* и *и* (Ч. 589, 590); [4]) точно также фф. на—*ы*,—*и*, рядомъ съ—*ые*,—*ыї* и—*иі*, употребляются безразлично въ южныхъ уу. Черниговской и сѣверныхъ—Полтавской губ.— Формы на—*ыі*,—*ы* не чужды также и подольско-украинскимъ говорамъ, ср. напр. бїл*ыі*, чорн*ыі* въ Трилѣсахъ Чигиринскаго у. (Ч. 570) и бїл*ы*—въ Гайсынскомъ у. (Ч. 567); но вообще въ *южныхъ* говорахъ преобладаютъ фф. на—*иі*,—*и* (=*ѣіі* —*ѣі*), которыя на востокѣ, по лѣвую сторону Днѣпра, перехо-

---

1) „Пинчуки" Д. Г. Булгаковскаго. Спб. 1890 г.

2) У Лемковъ, кажется, только на—*ы*.

3) Данныя приводятся изъ VII т. „Трудовъ Экс. въ Ю.-З. край" Чубинскаго и „Очерка рус. діалектологіи. III Малорус. нар." А. Соболевскаго,—въ отдѣльномъ оттискѣ. Въ скобкахъ указываются стр. того и другого изданія, съ помѣтой перваго—Ч., а послѣдняго С.

4) Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ показаны фф. на—*ы* и на—*ы*,—*и*, какъ намъ достовѣрно извѣстно, употребляются также фф. на—*ыї*, а также на—*иї* и—*и*.

дятъ уже отчасти въ—*ïï*,—*ï* [1]).—Форма же им.—вин. мн. ч. на—*ое*, кромѣ случая, указаннаго въ сборникѣ пинскихъ пѣсенъ, сколько извѣстно, не наблюдалась ни въ одномъ изъ живыхъ говоровъ ю.-русской рѣчи.

Что касается памятниковъ, изъ которыхъ приводятся г. Крымскимъ примѣры употребленія этой формы, то и здѣсь, рядомъ съ нею, опять таки видимъ въ большинствѣ случаевъ тѣ же формы, какія преобладаютъ нынѣ въ живой рѣчи.—Обращаемся къ этимъ памятникамъ.

Документъ, названный авторомъ „грамотой 1499 г.", принятъ имъ за таковую очевидно по недосмотру. Это собственно грамота Сигизмунда II Августа, писанная въ Варшавѣ въ 1570 г. и занесенная въ метрику коронную. Изданный же документъ представляетъ запись этой грамоты изъ метрики въ Кіевскую гродскую книгу въ г. Житомірѣ *въ 1736 г.* Языкъ изданнаго документа—обыкновенный такъ называемый „западно-русскій" актовой языкъ королевскихъ канцелярій конца XVI ст., съ тѣми измѣненіями и подновленіями его формъ, звуковъ и ореографіи, какія наблюдаются вообще въ спискахъ „западно-русскихъ" актовъ, сдѣланныхъ въ польскихъ канцеляріяхъ XVIII в., и какія явились тогда частью подъ усиленнымъ вліяніемъ въ Украинѣ польской письменности и языка, частью подъ вліяніемъ тогдашней церковной книжности и живой малорусской рѣчи.

Въ данной грамотѣ приведены извлеченія изъ болѣе раннихъ грамотъ, въ томъ числѣ—извлеченіе изъ грамоты Сигизмунда I (сороковыхъ годовъ XVI ст.), изъ котораго г. Крымскій и почерпнулъ свою цитату. Болѣе пространный текстъ, изъ котораго она взята, слѣдующій: „заломъ пустый у Чорторыи на верхнемъ конце со сеножатю—по жерело Лысянкое и по *Городовое озера*" [2]). Слова *„Городовое"* употреблено здѣсь въ

---

[1]) Впрочемъ такое *ï* въ этихъ фф. встрѣчается, по свидѣтельству Огоновскаго, и въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ (Studien auf d. Gebiete der Ruth. Spr. стр. 135).

[2]) В. Антоновичъ и Козловскій грамоты Вел. Князей Литовскихъ К. 1868. стр. 25.

качествѣ предиката, обязаннаго стоять въ вин. пад. мн. ч. ср. р., и является, можетъ быть, въ такой формѣ по простой опискѣ, случившейся подъ вліяніемъ предыдущаго слова „лысянкое" и вызванной имъ безсознательной ассоціаціи и смѣшенія представленій о формѣ на—*ые* съ формой на—*ое*, вслѣдствіе смежности обоихъ словъ и обозначенія ими одного—средняго рода, а также общаго зв.—*е* у подлинныхъ падежныхъ формъ того и другого слова. Но, какъ бы-то чи было, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ въ этой грамотѣ употребляются лишь формы на—*ые*,—*іе*, безразлично—въ значеніи им. и вин. пад. мн. ч., для всѣхъ родовъ.—Отмѣтимъ тождественныя слова съ обѣими этими формами въ винительномъ падежѣ мн. ч.: на потомн*ые*.... (стр. 24) и—на вси потомн*іе* часы (31); о т*ые* двѣ службе, т*ые* люде.... продалъ лысты.... побралъ (27) и—вси т*іе* луги, селыща, земли.... держаты (31). Кромѣ того, по одному разу встрѣчаются фф. им. мн. на—*ы* и—*ыи*: игумены.... просыты повинн*ы* будуть (31) и—ин*ыи*... лысты, при—ин*ые* пожитки (24), и проч.)[1]).

Второй документъ, указанный г. Крымскимъ, есть *копія* приказа гетмана Д. Барабаша 1617 г., писанная почеркомъ *конца XVII ст.*, и находящаяся въ числѣ актовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „а што *пашни свое власное* посеяли на нивахъ кгрунту его" [2]). И въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе, такая же какъ и въ предыдущемъ памятникѣ, постановка рядомъ двухъ словъ съ формами на—*ое*: „св*ое* власн*ое*", изъ коихъ первое слово,—если это выраженіе дѣйствительно обозначаетъ множ. число,—употреблено правильно въ своей органической ф. вин. пад. мн. ч. (св*оѐ* и современное укр. св*оі*=др. рус. св*оѣ*); при чемъ слово *пашни* произносилось бы тогда съ удареніемъ на *а́*. Но все это выраженіе можно понимать двояко: столько же въ смыслѣ *винит. пад. мн. числа* [3]), сколько и въ

---

[1]) Кстати, отмѣтимъ также встрѣтившуюся здѣсь созвучную ф. род.—вин. п. ед. ч. ж. р.: т*ые* земли искаты (31) при ф. род ед. ч. з т*оеи* земли (30).

[2]) „Кіевская Старина" 1883 г. Май 145.

[3]) И въ такомъ случаѣ форму *власное* можно бы объяснить тѣмъ же способомъ, какъ и фф. *уланское* и *городовое* въ двухъ предыдущихъ случаяхъ.

синонимическомъ ему смыслѣ *род.—вин. пад. ед. ч. ж. р.* [1]); причемъ въ послѣднемъ случаѣ слово *пашни* произносилось бы съ удареніемъ на *й*, форма *власное* была бы органической, а *свое* представляло бы стяженіе изъ *своée*, (ср. совр. укр. *свóі*, чаще *свéі*,—изъ *своéі*=др.—рус. сво*еѣ*) и въ передачѣ на соврем. живой укр. языкъ вся эта тирада явилась бы въ слѣд. видѣ: „а що *пашні своéі* (или *свéі*, или *свóі*) *власноі* посіяли на нивахъ" и пр.

Рядомъ съ указаннымъ случаемъ, всѣ остальные 3 случая, въ которыхъ встрѣчается им.—вин. пад. мн. ч. въ данномъ документѣ, представляютъ ф.ф. этого падежа на—*ые*,—*іе*: кото*рые* (им.), въ незамерон*ые* лѣта, на потомн*іе* часы (вин.).

Третій документъ представляетъ тоже *копію* универсала гетмана Мазепы 1691 года (современную ему), найденную въ книгѣ актовъ „мѣйскаго уряда" м. Борисполя. Мѣсто, въ которомъ встрѣчаются приведенныя г. Крымскимъ формы, слѣдующее: „жебы якъ козаки *свои козацкое службы*, такъ и посполитие люде *свои тяглое повинности* непремѣнно якъ теперь, такъ и во всѣ потомніе часы пилновали" [2]). И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ памятникѣ, можно видѣть совершенно аналогичное смѣшеніе формъ и ихъ значеній, такъ какъ данныя фразы, напечатанныя у насъ курсивомъ, можно понимать и въ смыслѣ *вин.* (=им.) *мн. числа*, и въ смыслѣ *род.—вин. ед. ч. ж. рода*. Къ такому пониманію ихъ, впрочемъ—болѣе въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ смыслѣ,—уполномочиваетъ между прочимъ также и предшествующая имъ въ этомъ документѣ фраза: „приказуемъ абы *власти свои* надъ маетностями заживали мѣрно" (140), гдѣ выраженіе „власти сво*и* (вм. власти сво*еі*, све*і*), представляетъ уже, безъ всякаго сомнѣнія, и по формѣ, и по значенію —*род.—вин. пад. ед. ч. ж. р.*, совпадающій однако, вмѣстѣ съ тѣмъ по своей формѣ и съ *вин.—им. мн. ч.* [3]). Что же касается

[1]) Форма род. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій въ этомъ документѣ, очевидно по традиціи письменнаго языка, постоянно на—*ое*: королевск*ое* милости, до рады наш*ое* зуполн*ое*, моци жадн*ое*.

[2]) „Кіевская Старина" 1892 г. янв. 140 стр.

[3]) Кромѣ указанной ф. *род.—вин.* на—*оï*, или точнѣе на *ï* (сво—*ï* изъ сво—еï), въ остальныхъ случаяхъ фф. *род.—вин.* и собственно *род.* пп. ед. ч.

собственно формъ *им.—вин.* пад. мн. ч., то, за исключеніемъ этихъ двухъ выше приведенныхъ случаевъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, коихъ насчитывается въ этомъ документѣ около 30, онѣ, для всѣхъ родовъ, на—*ые*,—*ы*, или гораздо чаще—на —*ие*,—*іе*,—*иѣ*, или—рѣже—на—*ии*,—*и*; при чемъ начальныя —*и*,—*і* несомнѣнно выражали уже въ именахъ твердаго склоненія тотъ же звукъ, что и *ы* [1]), и всѣ они (кромѣ случаевъ послѣ гортанныхъ согл.) произносились или какъ это послѣднее, или же—что вѣроятнѣе—какъ *і* (=ъі) безъ смягченія предыдущей согласной [2]); а вторыя *и*, какъ и *ѣ*, обозначали звукъ *jі* [3]). *Е*—вмѣсто послѣднихъ *ѣ* и *и*, писалось уже, очевидно, лишь по орѳографической традиціи, но вѣроятно тоже читалось иногда въ этихъ случаяхъ какъ *jі* [4]). Приводимъ нѣсколько примѣровъ этихъ формъ съ указанными окончаніями: котор*ые* и котор*іе*; потягнен*ы* и притиснен*и*; т*иѣ*, мног*иѣ*, войсков*иѣ* и мног*іе*, войсков*іе*, он*іе*, потомн*іе*, посполит*ие*, приневолен*ие*, як*ие*, так*ие* давн*іе*, маюч*иѣ* и будуч*ии*, и проч.

Четвертый, наконецъ, документъ—это интерлюдіи, или „Интермедіи" Гаваттовича 1619 г., изъ которыхъ г. Крымскій почерпнулъ наиболѣе своихъ примѣровъ им. п. мн. ч. съ формами на—*ое*, и которыя дѣйствительно изобилуютъ этими формами. Но, во первыхъ, рядомъ съ ними здѣсь имѣются также и другія формы, а, во вторыхъ, quasi—народный языкъ этихъ Интермедій вообще таковъ, что изслѣдователю исторіи малорусской рѣчи надо относиться къ нему крайне осторожно. Хотя авторъ названныхъ интермедій и попробовалъ написать ихъ на

ж. р. въ этомъ памятникѣ на—*ое* или на—*оѣ*: пилнуетъ козацк*ое* службы; за лядск*ое* державы; противъ волѣ наш*ое* гетманск*ое*; з жития маетности т*оѣ* прочъ витиснути, и проч.

[1]) Ср. напр. *и* вм. *ы*: б*и*ло, стягл*и*хъ войн*и* (род. ед.), поддан*и*мъ, жадн*и*хъ, вым*и*словъ, не закр*и*то, зв*и*клой и т. п.

[2]) Ср. напр. т*и*лко, т*и*хъ; од*и*искати, въ которыхъ *и* могло звучать и какъ *ы* и какъ *ъі*.

[3]) Ср. случаи, гдѣ *ѣ* вм. *і*: противъ вол*ѣ* нашое, до ун*іѣ*, ун*ѣ*версалъ.

[4]) Это можно заключить, между прочимъ, изъ безразличнаго написанія *е*, *ѣ*, *и* какъ въ окончаніяхъ *им.—вин.* п. мн. ч., такъ и въ окончаніяхъ *род.* пад. ед. ч. ж. р.: славн*ое*, т*оѣ*, необычн*ои*.

современномъ ему галицко-малорусскомъ языкѣ [1]), которымъ, по всѣмъ видимостямъ, и хорошо владѣлъ, но въ своемъ произведеніи, предназначенномъ для увеселенія неприхотливой ярмарочной толпы, онъ обращался съ этимъ языкомъ достаточно пренебрежительно, какъ съ орудіемъ балаганнаго смѣхотворства, не только не заботясь о правильномъ употребленіи его, а напротивъ того, не стѣсняясь даже нарочитыми искаженіями его на разные лады.—Впрочемъ, многія искаженія и неправильности въ языкѣ Гаваттовича могли зависѣть также, какъ отъ невольнаго вліянія на него польской рѣчи, такъ и отъ неумѣнія автора справиться съ передачей малорусской рѣчи въ тогдашней польской транскрипціи, тѣмъ болѣе что и самая польская орѳографія того времени была еще мало установленной и отличалась значительною непослѣдовательностію [2]).

Какъ иа образчикъ нарочитыхъ извращеній живой малорусской рѣчи, укажемъ хотя бы на такія курьезныя формы, встрѣчающіяся во II интермедіи, какъ напр. фф. им. п. ед. ч. ж. рода существительныхъ trawa*ia* (29) kapusta*ia*, kasza*ia* (62), которыя, очевидно, понадобились автору частью для риѳмы, частью для сохраненія размѣра въ стихѣ.—Что касается фф. *им.—вин.* мн. ч. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, то приводимые г. Крымскимъ примѣры этихъ фф. на—*ое* встрѣчаются въ интермедіяхъ Гаваттовича въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Въ I интермедіи эта ф. попадается лишь два раза въ словѣ *takoie*, въ слѣдующихъ стихахъ [3]):

---

[1]) Собственно—на *сѣверно-подольскомъ* его говорѣ, какъ мы удостовѣрились въ этомъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія этого памятника.

[2]) Печатный подлинникъ этихъ Интермедій, вмѣстѣ съ духовной драмой, на польскомъ языкѣ,—какъ намъ достовѣрно извѣстно,—находился у покойнаго польскаго писателя І. Крашевскаго. И драма, и Интермедіи составляли одно цѣлое, авторомъ котораго былъ тотъ-же Гаваттовичъ. У насъ имѣется точный, до педантичности, списокъ съ печатнаго оригинала этихъ интермедій, сдѣланный рукою Крашевскаго. Этимъ спискомъ мы и пользуемся здѣсь приводя примѣры изъ него въ подлинной транскрипціи, безъ всякаго измѣненія послѣдней. Мѣста, откуда взяты наши цитаты, мы будемъ обозначать въ скобкахъ цифрами I и II, означающими первую и вторую интермедію, съ присоединеніемъ къ нимъ номераци стиховъ арабскими цифрами.

[3]) Интерпункція—подлинника во всѣхъ цитатахъ нашихъ изъ него.

. . . . czy Boh to myłostiu sprawyty
Chotył, *takoie* ryczy, na mene pustyty,
Czy lichij lude. O Bożе myłostywy,
Kolisz by sia tot trapył czołowik zdradliwy,
Sczo mi *takoie* ryczy, oś Pane nabroił. (97—101).

Здѣсь въ обоихъ случаяхъ въ выраженіи *takoie ryczy* можно видѣть лишь путаницу формъ и ихъ значеній, затемняющую надлежащій смыслъ этого выраженія. Очевидно, въ данномъ видѣ мѣстоимѣніе *takoie* (т. е. такое изъ такоѣ=совр. укр. такої) поставлено здѣсь въ формѣ *род. п. ед. ч. ж. р.* (употребляемой иногда также, какъ было уже замѣчено, и въ значеніи пад. *вин. ед.*),—для выраженія ею, за одинъ разъ, отчасти также и значенія *вин. пад. мн. ч.* И это, должно быть, произошло потому, что съ формою слѣдующаго, опредѣляемаго имъ существительнаго ж. р. *ryczy* (т. е. річ—ї=древн. рѣч—ѣ или рêч—ѣ),—тождественной какъ для *род.* (*—вин.*) *ед. ч.*, такъ и для *вин.* (*им.*) *мн. ч.*,—смутно связывалось въ умѣ сочинителя интермедій представленіе о мнимомъ единствѣ выражаемыхъ этими тождественными формами двухъ разныхъ значеній ихъ, почему оба эти значенія совмѣщены у него также, повидимому, и въ формѣ род. ед. ч. слова *такое*—въ ущербъ ея прямому смыслу [1]).

Указанное объясненіе данной формы этаго мѣстоименія тѣмъ болѣе кажется намъ отвѣчающимъ дѣйствительному ея происхожденію, что въ другòмъ мѣстѣ, гдѣ это мѣстоименіе стоитъ при существительномъ *средняго рода въ винительномъ падежѣ мн. ч.*,—и отсутствуютъ при томъ и другія условія благопріятствующія ея появленію, форма этого мѣстоименія оказывается уже иной,—болѣе обычной въ живой рѣчи:

. . . . . Ta *słowa taki* wołaiesz (II, 81).

Сверхъ того, и въ приведенныхъ нами выше стихахъ мы видимъ также другую ф. им. п. мн. ч., именно на *ij*: lich*ij* lude (=совр. укр. лихі или лих*ії* изъ лих—*иѣ*=лих—*ыѣ*), сходную

---

[1]) Ср. также съ нею органическую ф. *вин. мн. ч.* мѣстоименія *свôй*, правильно употребленную авторомъ въ стихѣ, предшествующемъ цитированнымъ стихамъ: potołk, w nywocz obrotył te horsczki *swoie* (I, 96), которая тоже могла оказать нѣкоторое вліяніе, съ формальной стороны, на сочиненіе въ аналогичномъ видѣ формы *takoie*.

съ формою на *і* въ tak*i* (=так*і*,—*ії* изъ—*иь*=*ыь*), и представляющую, какъ и послѣдняя, не что иное, какъ стяженіе первоначальной ф. на—*ыь* (послѣ гортанныхъ—*иь*), обусловленное въ данномъ случаѣ, между прочимъ, также отчасти и потребностію для автора выдержать размѣръ стиховъ его. Затѣмъ остальныя фф. им.—вин. п. мн. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій разныхъ родовъ на—*ое*, встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ II интермедіи, рядомъ и вперемежку съ другими формами того-же падежа [1]).

. . . . takoy roboty
W switym ne widał krasnoie. Mury maiet *zołotoie* [2])
Ta kamenami sażen*e*, Dorohymy, sut zelen*e*,
Sut bił*yie*, *czerlenoie*, sut błakitn*e*, ta *switnoie* (42—45).

Było miaso, prosiata, Były pieczon*e* kurczata,
Były tam y *waronoie*, Ta były y *smażonoie*,
Wsie choroszo [3]), y z iuszkoiu.... (57—59)

Sut tamo popy, panowe, Ta nas*y* pobratymowe,
Sut tamo y *lichoie* żunki, sut ne welik*e* ditonki,
Ws*i* horeiut aż po uszy. Bidaż tam y moiey duszy,
Była, ta na wiczn*y* wiki (68—71).

Можно съ увѣренностію сказать, что изъ являющихся въ этихъ стихахъ формъ въ значеніи им.—вин. пад. мн. ч., только встрѣчаемыя по одному разу формы на—*yie* и на—*y*,—вполнѣ правильныя и органическія.

---

[1]) Кстати, отмѣтимъ также странное употребленіе въ этомъ интермедіи древнихъ фор. им. двойств. ч. или им.—вин. мн. ч. ср. р. для мѣстоименій, поставленныхъ въ значеніи вин. пад. мн. ч. муж. рода: Koliśmo iuž ztorhowali, Ta y *wsia* woły prodali (II, 2). Ta sczo to ist. (sic) za trawaia, sczo rodyt pyrohy *taia* (II 29). Въ другихъ мѣстахъ эти же мѣстоименія въ данныхъ падежахъ имѣютъ формы: *wsi*, *wsie*, *te*—для всѣхъ родовъ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе происхожденія у автора этихъ формъ, мы сопоставимъ лишь съ ними аналогичную ф., употребленную имъ еще и въ другомъ случаѣ: Bośmy ho wsi try zhlidy*ła* (II, 35). (ибо мы всѣ трое его замѣтили). Подобныя формы, въ такомъ значеніи, наблюдаются въ нѣкоторыхъ живыхъ польскихъ говорахъ.

[2]) Слова съ формами на—*ое* приведены въ курсивъ цѣликомъ; въ словахъ-же съ другими формами-курсивомъ обозначены лишь эти формы.

[3]) Это выраженіе можно понимать, пожалуй, и въ смыслѣ: *все хорошé*.

Въ bił*yie* (вин. мн.) форма, несомнѣнно, основная; а въ словѣ wiczn*y*, (которое—въ виду употребленія въ тогдашней польской графикѣ *y* для обозначенія звуковъ *ы*, *і*, а также и *j*,—позволительно читать также и какъ вічн*ї*)—можно видѣть уже стяженіе первой формы (—*yie*); аналогичная же ей ф. въ nas*y* представляетъ, очевидно, неудачную sui generis сдѣлку между польской ф. им. мн. ч. *nasi* и малорус. формой им.—вин. мн. ч. *наші*.—Что же касается фф. на—*е:* въ zelen*e*, błakitn*e*, pieczon*e*, welik*e*, t*e*,—рядомъ съ фф. на—*oie:* въ krasn*oie*, zoło-t*oie*, czerlen*oie*, waron*oie*, smażon*oie*, lich*oie*,—то первыя изъ нихъ являются, повидимому, здѣсь несомнѣнными полонизмами [1]). При чемъ, въ виду того, что эти фф. тождественны въ польскомъ яз. какъ для *им.—вин. мн. ч. ж.* и *ср. р.* (а также—*вин.—им.* мн. ч. м. р.), такъ и для *им.—вин. ед. ч. средн. р.* (ср. warzon*e*, smażon*e* kurczęta, kury, kapłony—и warzon*e*, pieczon*e* kurcząt*ko*)—можно съ большою вѣроятностію предположить, что въ данномъ случаѣ формы на—*oie*,—кромѣ возможности появленія ихъ по тѣмъ причинамъ, о какихъ говорилось выше,—могутъ представлять также и своеобразное растяженіе этихъ первыхъ формъ (на—*е*)—примѣнительно отчасти къ полнымъ малорус. формамъ им. вин. мн. ч. на—*ые*, но только по образцу формъ им. п. ед. ч. ср. на—*ое*, потому именно, что послѣдній комплексъ въ этомъ падежѣ могъ стягиваться въ малорус. яз. и давать тоже ф. на—*е*, тождественную съ польской,—о чемъ свидѣтельствуютъ въ интермедіяхъ такія фф. какъ: tysto warien*e*, smażon*e*, peczon*e* (II, 60) при фф. towarystwo chorosz*oie* (II 16), sczo żyw*oie* sia ruszyło (II, 53).

Мы исчерпали такимъ образомъ всѣ приведенные г. Крымскимъ примѣры формъ им.—вин. мн. ч. на—*ое* изъ указанныхъ имъ памятниковъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что эти формы попадаются изрѣдка также и въ другихъ еще памятникахъ.

---

[1]) Хотя—*е*, или мож. б.—*е*, въ этихъ формахъ возможны также и въ млр. яз., напр. въ его полѣшскихъ говорахъ: ср. усяк*е* очи въ черниговск. гов. (Потебня Зам. 113), хорош*е* дѣвки—въ пинскомъ говорѣ (Булгаковскій-Пинчуки. 55). Судя по случаямъ замѣны *и* чрезъ *е*, напр, въ хвалил*е*, коник*е* (Огоновс. Stud. 39, 40)—такія формы на—*е* возможны, кажется, и въ галицкихъ говорахъ.

Укажемъ, напр., на такія же фф. въ спискѣ XVIII ст. съ акта объ установленіи церковнаго братства въ г. Лубнахъ 1622 г.: „нижей описанн*ое* (?) христіанск*ое* братск*ое* повинности и порядки чинити“ [1]) (вин. мн.); а также въ оказавшейся у насъ подъ рукой копіи съ Евангелія, переведеннаго на „зап.-рус.“ языкъ Негалевскимъ и изданнаго въ 1577 г.: „добрый чловекъ з доброго скарбу серца выводит речи добрые, и злый чловекъ зо злого скарбу выводит зл*ое*“ [2]). (Ев. отъ Мат. гл. XII, ст. 35). Но, какъ это легко замѣтить, и наши примѣры вполнѣ поддаются тому же объясненію, что и примѣры указанные г. Крымскимъ.

Вообще, эти фф. на—*ое* появляются иногда въ нѣкоторыхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ при наличности только извѣстныхъ благопріятныхъ имъ условій и обстоятельствъ, которыя можно бы даже безъ особеннаго труда формулировать съ достаточной опредѣленностію, если бы задаться послѣдовательнымъ изученіемъ ихъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти формы крайне рѣдки въ памятникахъ, сравнительно съ другими формами,—преимущественно органическаго происхожденія; что уже само по себѣ доказываетъ ихъ эфемерность и отсутствіе въ языкѣ достаточныхъ основаній для развитія и упроченія въ немъ этихъ формъ въ той, напр., степени, въ какой это случилось въ малорусскомъ яз. съ органическими фф. вин. п. мн. ч., совершенно вытѣснившими собой изъ него изначальныя фф. им. п. мн. ч.

И такъ, изъ приведеннаго обзора фф. им.—вин. п. мн. ч. на—*ое*, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ количества, харак-

---

[1]) „Кіевская Старина“. мартъ 1896 г. стр. 456. Интересно въ этомъ документѣ употребленіе род. п. ед. ч. ж. р. на—*ые*: речи посполит*ые*, рядомъ съ болѣе частой ф. этого падежа на—*ое*.

[2]) Ср. текстъ польскаго Ев. Вуйка 1593 г., для перевода котораго изъ Вульгаты, вѣроятно, служило пособіемъ социніянское Ев. на польскомъ яз. Чеховича, изданное въ 1577 г., которое, въ свою очередь, несомнѣнно, послужило оригиналомъ для перевода Ев. на „зап.-рус“. яз., сдѣланнаго Негалевскимъ: „a zły człowiek ze złego skarbu wynosi *rzeczy złe*“. Мы цитируемъ это мѣсто изъ Ев. Вуйка за неимѣніемъ Ев. Чеховича,—но выраженія эти у обоихъ вѣроятно были тождественны.

тера и происхожденія, оказывается: 1) что эти фор. вообще крайне рѣдки какъ въ живыхъ малорусскихъ говорахъ, такъ и въ большинствѣ тѣхъ даже памятниковъ ю.-русской письменности, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, отсутствуя при этомъ совсѣмъ въ массѣ другихъ памятниковъ; 2) что онѣ всегда, болѣе или менѣе, искуственнаго характера и 3) что онѣ возникли отчасти подъ вліяніемъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (въ родѣ описокъ, ошибокъ, орфографическихъ затрудненій; вліянія риѳмы, размѣра стиховъ или же наконецъ—воздѣйствія сосѣдней польской рѣчи); но, главнымъ образомъ,—являются плодомъ довольно обычной въ языкѣ ложной аналогіи данныхъ формъ и ихъ значеній съ другими формами и ихъ значеніями.

Уже и этого, повидимому, вполнѣ достаточно для того, чтобы, по меньшей мѣрѣ, усомниться въ возможности признать ф. на—*ое*, или ея предполагаемаго предка,—форму на—*оѣ*,—органической и основной для им. п. мн. ч. не только во всемъ малорус. яз., но хотя бы даже въ какомъ нибудь отдѣльномъ его нарѣчіи.

Но противъ подобнаго квалифицированія этой формы безусловно высказываются также всѣ данныя исторіи и современнаго состоянія какъ малорусскаго, такъ и всѣхъ родственныхъ ему языковъ. Эти данныя категорически свидѣтельствуютъ, что основными формами для им. п. мн. ч. и, для замѣнившаго его въ млр. языкѣ,—вин. п. мн. ч., какъ въ этомъ послѣднемъ языкѣ, такъ и въ родственныхъ съ нимъ языкахъ,—были формы совсѣмъ инаго типа и происхожденія.—Но такъ какъ г. Крымскій говоритъ въ своей замѣткѣ только о формѣ одного *им. пад. мн. ч.* въ млр. языкѣ, упуская изъ виду, что древн. фф. его исчезли цѣликомъ въ этомъ яз., уступивъ мѣсто фф. вин. падежа мн. ч., то мы должны прежде всего констатировать это явленіе въ нашемъ языкѣ, какъ фактъ неоспоримый.

Мы имѣли уже не разъ случай указывать на этотъ фактъ выше. Теперь формулируемъ наши замѣчанія опредѣленнѣе, а именно:—что въ современномъ млр. языкѣ им. и вин. падежи мн. числа смѣшались и представляютъ въ звуковомъ отношеніи тождественныя и общія для всѣхъ родовъ формы, возникшія

скорѣе всего изъ древн. фор. вин. пад. мн. ч. м. р.,—искони тождественной съ общей формой им.—вин. пад. мн. ч. ж. р.—Эти общія и тождественныя фф. являются и въ полномъ (нѣкогда членномъ), и въ усѣченномъ (стянутомъ) видѣ—безразлично, и такъ-же безразлично употребляются обѣ, какъ въ аттрибутивномъ, такъ и въ предикативномъ значеніи. Все сказанное нами относится главнымъ образомъ къ украинскому нарѣчію и не составляетъ вовсе новости въ нашей филологической литературѣ. Ср. примѣры: мы маемо остр*ії*, vel—остр*ї*—ножї, id.—коси, id.—долота (вин. п. аттриб.); нашї остр*ії*, vel. остр*і* ножї, коси, долота—здатн*і* vel здатн*ії* до роботи (имен. пад. предикатив.); или же: у нас ножї, id.—коси, id.—долота—аж надто остр*і*, vel—остр*ії* (им. п. пред.) Говорится иногда также: ножї, коси, долота—були остр*і* или остр*ії*, та стали вже туп*і* или туп*ії* (вин. п. предикат.), но чаще говорится—*тупими*. Однако такое полное отождествленіе формъ данныхъ падежей, въ разныхъ значеніяхъ, не имѣло мѣста въ древнѣйшемъ состояніи нашего языка.

Только средній и женскій родъ именъ прилагательныхъ и мѣстоимѣній уже искони имѣли каждый для своихъ именит. и винительныхъ падежей мн. ч. общія формы во всѣхъ славянскихъ языкахъ: на—*а—ја,—ја—ја* для ср. р. и на—*у—ję* или—*у—јě;—ję—ję* или—*јě—јě* для ж. р.,—восходящія къ основнымъ для нихъ аріо-европейскимъ фф. на—*ā—jā,—jā—jā* и—*āns—jāns,—jāns—jāns*. Этимъ общеславянскимъ формамъ въ др.-рус. яз. правильно соотвѣтствовали столь же общія для обоихъ падежей фф. на—*а—я,—я—я* и на—*ы—ѣ,—ѣ—ѣ*. Имена же мужескаго рода, какъ въ общеславянскомъ, такъ и въ общерусскомъ языкахъ различали эти падежи въ формальномъ отношеніи: *им.* пад. мн. ч. оканчивался у нихъ на—*i—ji,—ji—ji* (=основн. аріо-евр. фф.—*ai—jai,—jai—jai*), а *вин.* пад. мн. ч. представлялъ два діалектическіе варіанта: въ церк.-слав. и, вѣроятно, въ обще-южно-славянскомъ яз. онъ оканчивался на—*у—ję* и *ję—ję*; а въ обще-русскомъ и, вѣроятно, въ обще-западнославянскомъ на—*у—jě* и—*jě—jě*: (=основн. аріо-европ. фф.—*ans—jans* и—*jans—jans*); при чемъ искони уже фор. *вин.*

пад. м. р. совпадали съ фор. *им.—вин.* пад. ж. р.—Такими же общими для этихъ падежей (для *вин. п. м. р.* и *им.—вин. п. ж. р.* мн. ч.) формами—были въ др.—рус. яз. фф. на—*ыѣ*, —*ѣѣ*, при им. мн. м. р. на—*ии*.

Благодаря, должно быть, главнымъ образомъ указаннымъ исконнымъ совпаденіямъ этихъ падежей, уже въ древнюю эпоху— въ общерускомъ и обще-южно-русскомъ языкахъ видимъ случаи смѣшенія формъ им. и вин. пп. мн. ч. м. р., и случаи употребленія формъ вин. пад. мн. ч. м. р. въ знач. им. п. мн. ч. того же рода; напр. въ Архангельск. Ев. 1092 г.: старьци людьск*ыи* (177) [1]) (вм. людьсц*ии*); въ кормчей XII ст. страньск*ыи* попове (177) (вм. страньсц*ии*), въ Рязанской кормчей 1284 г. ин*иѥ* денье (180) (гдѣ *и* м. б. им. п.+іѥ вм. *ѣ*—вин. п.), ѥфиопьск*ыѥ* образи (179), (гдѣ—*ыѥ* изъ—*ыѣ*—вин. п.), фарисѣи сказаеми отълучен*ы* (178) (*ы* вин. вм. *и* им. п.); въ Ев. 1317 г.: гроби полн*ы* суть (178); въ Лаврент. спискѣ Кіевс. лѣтописи 1377 г.: придоша рязиньск*ыѣ* князи (178), и др.—При чемъ встрѣчаются рядомъ также фф. им. п. въ значеніи вин., напр., въ Рязанск. кормч. 1284 г.: на чюж*ии* домы (вм.—*иѣ*); образи черн*и* въ багран*и* преложивъ (вм. *ы*) (179).—Къ столь же отдаленному времени относятся и случаи смѣшенія родовыхъ окончаній им. и вин. п. мн. ч. Ср., напр., употребленіе окончанія м. р. вм. оконч. ж. и ср. рр. въ Рязанск. кормч. 1284 г.: сущ*ии* (вм.—*иѣ*) въ ніхъ дьяконисы причтен*и* (вм.—*ы*) будуть (190); въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья.... не суть писан*ы* (вм.—*а*) (191) и проч.

Постепенному отождествленію им. пад. мн. ч. м. р. съ винительнымъ того-же ч. и р. въ ю.-русскомъ яз., можетъ быть, способствовали также и фонетическія превращенія въ этомъ языкѣ, а именно: а) довольно раннее отвердѣніе въ немъ *и* (і) и смѣшеніи его съ *ы*, случаи чего восходятъ къ XII в.; такъ

---

[1]) Примѣры беремъ изъ книги проф. А. И. Соболевскаго „Лекціи по ист. рус. яз". Изд. 2. Страницы обозначаемъ въ текстѣ въ скобкахъ. Цитируемые памятники— или подлинники ю.-русскаго происхожденія, или с.-русскіе списки изъ ю.-рус. подлинниковъ. Къ послѣднимъ относятся: кормчая XII ст. (предположительно), Рязанская Кормчая и Лаврентіевскій списокъ лѣтописи.

напр. уже въ Добриловомъ Ев. 1164 г. стрѣчаются: прос*ы*ти, съвѣтьн*ы*къ; съ XIV ст. эти случаи становятся гораздо чаще, при чемъ *ы* и *и* начинаютъ взаимно замѣнять вругъ друга, напр., въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: о назарян*ы*нѣ, седм*ы*жды; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: съ н*ы*мь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV ст.: *си*нъ, съ болот*и* (Соб. 74) и т. п. и б) еще болѣе ранній переходъ *ѣ* въ *і*, случаи коего встрѣчаются уже въ Изб. Свят. 1073 г., на ряду съ *ѣ* и съ ѥ, *е* (изъ *ѣ*): исц*и*ли, вър азум*и*ниѥ.—и также: исц*ѣ*ли, в*е*рую, гнѣвъ; отсюда, можетъ быть, также *и* (*і*) въ фф. вин. мн.—ы*и*,—*ии* изъ—*ыѣ*,—ы*ѣ* (а послѣ шипящихъ—*иѣ*),—и отождествленіе такого *и* (изъ *ѣ*) съ *и* изъ j*і* въ формахъ им. п. мн. ч. м. р. на—и*и*=и—j*и*.— Такимъ образомъ возможно допустить, что въ ю.-рус. яз. им. мн. ч. на—*ыи* (=*ыѣ*) не только заимствовалъ свою форму непосредственно изъ винит. пад., но можетъ быть образовался отчасти также и фонетическимъ путемъ, посредствомъ перехода въ собственной его ф. на—*и*j*и*—перваго *и* въ *ы* а втораго j*и* въ *ѣ*=*ї*, *ѥ* или *е*.

Въ настоящее время полное отождествленіе им. п. мн. ч. съ винит., въ общей формѣ для всѣхъ родовъ, раздѣляетъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ нарѣчіе нижнелужицкое (въ коемъ современныя окончанія—*е*, j*е* могли правильно образоваться лишь изъ стяженія основныхъ фф.—*у*—j*ê*, j*ê*—j*ê*)[1]) да еще болгарское, у котораго общія фф. на—*й*—*те*. Въ живыхъ говорахъ сѣверно-русскихъ нарѣчій наблюдаются также разнообразные варіанты *смѣшанныхъ* фф. им. и вин. пп. мн. ч. для разныхъ родовъ,—вѣроятно уже болѣе фонетическаго происхожденія, каковы: на—*ые*,—*ыя*,—*ыи*;—*іе*,—*ія*,—*іи*,—съ произвольнымъ употребленіемъ ихъ.—Въ другихъ же славянскихъ нарѣчіяхъ совершенно слились лишь фф. им.—вин. ж. и ср. рр. съ вин. м. р., образуя общія стяженныя фф.: въ словинскомъ яз. на—*е*,—j*е* (вм. основн. *у*—j*ę*, j*ę*—j*ę*), въ словацкомъ на—

[1]) Вообще *полныя* формы сохранились лишь въ русскихъ нарѣчіяхъ, которыя сходятся въ этомъ съ ц.-слав. языкомъ; въ остальныхъ же слав. нарѣчіяхъ изъ нихъ являются лишь однѣ *стяженныя* фф. уже въ первыхъ памятникахъ ихъ письменности.

é,—*іе*; въ польскомъ—*е*, *'е* (іе) и въ верхне-лужицкомъ—*е*,—jе, (вм. основныхъ *у*—jě, jě—jě) [1]); но и въ этихъ нарѣчіяхъ, въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже,—употребляются также иногда данныя фф. и въ значеніи им. п. мн. ч. м. р.; такъ напр., въ польскомъ нарѣчіи говорится уже иногда въ значеніи им. п. biał*e* anioł*y* вм. старопольскаго biel*i* anieli; формы же, въ родѣ biał*e* konie и т. п. вполнѣ обычны.—Формъ же им. или винит. пад. мн. ч., аналогичныхъ съ случайной формой въ малорусскихъ памятникахъ на—*оjе*, не знаетъ ни одно изъ славянскихъ нарѣчій. Такія же напр. фф. какъ польская на—*е* въ biał*e*, представляютъ лишь фактъ тоже случайнаго совпаденія, по законамъ польской фонетики, въ общемъ гласномъ стяженій, получаемыхъ изъ двухъ разныхъ звуковыхъ комплексовъ: первоначальнаго—*у*jě [2]) (въ ф. вин. пад. мн. ч.) и—*еjе* изъ *ъjе* (или изъ—*оjе*—путемъ регрессивной ассимилляціи *о* въ *е*—въ ф. им. п. ед. ч. ср. р.). Не рѣдко встрѣчаемыя въ разныхъ чешскихъ говорахъ фф. на—*у*,—ý вм.—*é* [3])—можетъ быть также представляютъ слѣдъ происхожденія послѣдняго изъ первоначальнаго—*уjе*.

Всѣ эти данныя, полагаемъ, въ совершенно достаточной степени уясняютъ исторію образованія современныхъ малорусскихъ фф. им.—вин. пад. мн. ч. для всѣхъ родовъ на—*ые*, *ыї*;—*ее*,—*еї*, *її* (напр. въ син*ее*, син*еї*, син*ії*,—изъ син*ѣѣ*) и на *ы*; *е*, *ї*, господствующихъ въ *сѣверныхъ* (полѣшскихъ) говорахъ, но встрѣчающихся изрѣдка также, какъ мы видѣли, и въ *южныхъ* (галицко-украинскихъ), указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на органическій источникъ ихъ происхожденія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и галицко-украинскія формы на—*ії*,—*і* (=*ѣjі*, *ѣі*) того же происхожденія и возникли также изъ первоначальной ф. на—*ыѣ* (при—*її*,—*ї* изъ—*ѣѣ*). Появленіемъ же своимъ въ такомъ видѣ онѣ, несомнѣнно, обязаны закону регрессивной ассимилляціи сходныхъ сосѣднихъ звуковъ, а именно,

---

[1]) Только въ чешскомъ и сербскомъ яз. осталась ф. им.—вин. мн. ч. ср. р. на—*á* и *ā*.

[2]) Ср. др.—польск: wy mił*ye* maciory (грам. Малэцкаго, стр. 112), хотя это можетъ быть и орфографическая описка.

[3]) См. Шемберы „Základové Dialektologie Československé" стр. 94 и далѣе.

въ данномъ случаѣ, зв. *ы* съ слѣдующимъ *ï* (изъ *ѣ*), откуда—*ïï* съ первымъ *і* (=*ъі*), не смягчающимъ предыдущей согласной. Затѣмъ этотъ комплексъ можетъ оставаться или стягиваться, по произволу, въ одно *і* (=*ъі*), которое затѣмъ, въ силу дальнѣйшаго дѣйствія упомянутаго закона ассимилляціи, въ нѣкоторыхъ говорахъ звучитъ уже и какъ *ï* смягчающее пред. согл. Историческій ходъ этого процесса, былъ такой: бѣлы*ѣ*=бiл*ыï*=біл*ъïï*=біл*ïï*; біл*ы* и біл*ъі*, біл*ъі* и біл*ï*.

Какъ извѣстно, фонетическіе законы ассимилляціи и стяженія совсѣмъ не рѣдкость во всѣхъ славянскихъ языкахъ, при чемъ, въ группахъ южной и чешско-словацкой, нарѣчія, различающія количество гласныхъ, представляютъ ту особенность, что въ нихъ стяженія вокальныхъ комплексовъ оставляютъ по себѣ слѣдъ, въ видѣ долготы получаемой изъ стяженія гласной.

Что фонетическій процессъ стяженія, преимущественно въ концѣ словъ, рядомъ стоящихъ гласныхъ, не рѣдкость и въ млр. нар., въ особенности въ галицко-укр. говорахъ, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя бы такія данныя, какъ напр. весьма обычныя стяженія:—*ая* въ *а*: добр*а* изъ добр*ая*; *ую* въ *у*: добр*у* изъ добр*ую*; — *о*,—*оё*, гдѣ *о* корневое,—въ *о*: мого и пр. изъ м*оj*-его, м*оj*-ого, м*о*му и пр. изъ моj-ему и пр. (по аналогіи также съ т*о*-го, біл*о*-го; т*о*-му, біл*о*-му);—*ое*,—гдѣ *о* суффиксальное, или хотя и корневое, но вслѣдствіе ассимилляціи съ слѣдующими *е* суффиксальнымъ, а также—по соотвѣтственнымъ аналогіямъ,—перешло въ *е* и затѣмъ получился комплексъ—*ее*, стянулось вь одно *е*: біл*е* изъ біл*ее*, а это изъ біл*ое*; въ м*еï*, м*ею*, изъ м*ое*і, м*ою* — тѣмъ же путемъ и по анологіи съ с*еі*, с*ею* (такъ же, какъ и по аналогіи съ послѣднимъ: т*еі*, т*ею* вм. т*оі*, т*ого*, а также, можетъ быть, и такія фор. какъ полѣшскія бѣл*еѣ*, бѣлего и пр.).

Но въ ю.-рус. яз., рядомъ со стяженіемъ, путемъ разныхъ аналогій, напр., съ фф. м*ое*го, м*ое*му и т. п., развились также и *растяженія* вокальныхъ окончаній, образующія комплексы *ое*, *ее* вм. *о*, *е*, какъ, напр., въ т*ое*го, т*ое*му, т*ое*і, т*о*ій, даже иногда т*о*ім (*і* изъ *jê*); с*ее*ю, с*ее*му и пр., также вс*ее*го и проч.; при чемъ, какъ мы видѣли, эти формы, путемъ ассимилляціи и аналогіи, могутъ переходить въ

фор. теі, тею.—Наконецъ, фф. *тоего, тоему, тоеі, сеего, сеему, сееі* и т. п., по аналогіи съ *тій—тіий, сій—сіий; тім—тіім, сім—сіім*, а также фф. въ родѣ *білий, билім, синій, синім*, и т. п., образовали изъ себя: *тіего, тіему, тіеі, сіего, сіему, сіею*, а также стяженныя изъ нихъ фф. *тії* (род. ед. ж. р.) *тію* (тв. ед.) и др.

Такое именно происхожденіе всѣхъ указанныхъ формъ—несомнѣнно, ибо оно находится въ полномъ согласіи съ другими данными языка и его фонетическими и морфологическими законами.—Предлагаемое же г. Крымскимъ объясненіе этихъ формъ непосредственнымъ переходомъ въ нихъ *о* въ *і*, на подобіе соотвѣтственнаго „перехода" въ такихъ случаяхъ, какъ *лій, дійка*, и т. п., не можетъ быть принято уже потому, что, какъ извѣстно, такого рода „переходы" возможны были только въ образовавшихся на почвѣ малорус. яз., вслѣдствіе паденія глухихъ и перехода *и* въ *й*, закрытыхъ слогахъ или иногда и въ открытыхъ, но только передъ суффиксальными *о, е*, изъ *ъ, ь*,—каковыхъ условій въ данныхъ формахъ мѣстоименій не имѣется.—По тѣмъ же причинамъ не выдерживаетъ также критики и дѣлаемое г. Крымскимъ сопоставленіе приведенныхъ фф. съ случайными формами им. вин. мн. ч. на—*ое*, для объясненія предполагаемаго имъ появленія въ послѣднихъ, тѣмъ же путемъ, *і* изъ *о*, сохранившаго будто-бы поэтому, какъ и въ другихъ случаяхъ такого своего происхожденія, особенный характеръ, не вызывающій смягченія предыдущей согласной. Такого „перехода" во всѣхъ этихъ случаяхъ фонетическимъ путемъ, какъ мы уже замѣтили, не могло быть, а тамъ, гдѣ могло появиться таковое *і* (ъі), фонетическимъ или нефонетическимъ путемъ, оно получило такой характеръ по одной общей причинѣ иного рода.

И въ галицко-укр. фф. им.—вин. п. мн. ч. на *ії,—і*, и въ приведенныхъ формахъ мѣстоимѣній, въ родѣ *тіеі*, и т. п., гдѣ *і* явилось на мѣстѣ *ы* и *о* нефонетическимъ путемъ, точно также какъ и въ другого рода случаяхъ, напр. въ *лій. дійка*, или въ *діброва*, гдѣ *і* стоитъ на мѣстѣ *ô* и *у*, и могло получиться изъ нихъ при условіяхъ фонетическаго закона, но также не непосредственно,—всѣ эти *і* потому сходны по своей природѣ и не смягчаютъ предыдущей согласной, что они явились на

мѣстѣ твердыхъ гласныхъ *ы*, *о*, *у*. Точно также, какъ вь фф. *сї*, синї, (им. мн.) *сїй*, синїй, (дат.—мѣстн. ед.) оба *ї* потому мягки, что первое возникло изъ *ѣ*, а послѣднее изъ мягкаго *ê*—*ьô* (=вторичному *ѣ*), передъ которыми согласные искони были мягки.

Что же касается высказываемаго г. Крымскимъ недоумѣнія, почему и на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ въ млр. яз. звуковой комплексъ *ыји* могъ стянуться, и при томъ, именно въ *и* (какое?=*ы* или *ьі*?),—а не во что нибудь иное,—въ одномъ только суффиксѣ мн. ч. прилагат., оставаясь не стянутымъ въ другихъ случаяхъ, напр. въ такихъ, какъ пом*ы-ји*, *шы-ји* и т. п. то здѣсь не понятна для насъ самая постановка этаго вопроса. Во первыхъ, и самыя-то паралелли здѣсь не подходящія: *ы* (изъ *з+ј*) въ пом*ыји* и *ы* (изъ *и=ъ+ј*) въ шы*ји*, принадлежатъ корнямъ словъ, а *ы*, напр. въ зл-*ыји* — принадлежитъ суффиксу, и тѣсно связано съ послѣдующимъ *ји*, что далеко не одно и то же для одинаковаго воздѣйствія закона стяженія на комплексы *ыји* съ такими разными *ы*, ибо дѣйствіе этаго закона далеко не безусловно и не всеобще въ языкѣ, а, во вторыхъ, и самъ авторъ признаетъ возможность стяженія *ыји* въ *ы* въ такихъ напр. случаяхъ какъ зл*ыји* въ зл*ы*; что же ему мѣшало допустить точно такую же возможность стяженія совершенно аналогичнаго комплекса *ьіјі* въ *ьі*?

И такъ, приведенные нами доводы противъ положеній г. Крымскаго съ достаточною, полагаемъ, ясностію показали всю несостоятельность этихъ положеній. Насъ можно развѣ упрекнуть лишь въ томъ, что мы вдались въ слишкомъ ужъ, можетъ быть, детальный разборъ ихъ. И мы готовы повиниться въ этомъ. Но насъ обязывали къ этому какъ имя автора этихъ положеній, пріобрѣтшее уже себѣ извѣстность въ филологической литературѣ, такъ и тотъ категорическій и непререкаемый тонъ, въ какомъ высказаны имъ данныя положенія. И то, и другое, несомнѣнно, вызовутъ особенное довѣріе въ читающей публикѣ къ этимъ положеніямъ и создадутъ имъ незаслуженную репутацію и успѣхъ въ обиходныхъ понятіяхъ объ особенностяхъ нашего языка, что, по нашему мнѣнію, было бы крайне не желательно по слѣдующимъ особеннымъ причинамъ. Въ области изслѣдо-

ванія млр. языка и его исторіи, не смотря на почтенные труды лучшихъ нашихъ языковѣдовъ, какъ-то вошло ужъ въ обычай довольно легко относиться къ постановкѣ и рѣшенію наиболѣе даже существенныхъ о немъ вопросовъ и употреблять при этомъ зачастую пріемы въ высшей степени иногда некритическіе и недисциплированные. Обстоятельство это способствовало надѣленію нашей филологическоей литературы и нашихъ свѣдѣній о родномъ языкѣ не однимъ уже филологическимъ миѳомъ. Отъ этого страннаго, но въ высшей стенени укоренившагося у насъ обычая, какъ и отъ обусловливаемыхъ имъ филологическихъ миѳовъ, пора бы намъ, наконецъ, хоть по немногу освобождаться, чтобы вступить и въ области нашего языковѣдѣнія на тотъ дѣйствительно научный путь изысканій, на который уже вошла наша историческая наука, тоже не отличавшаяся въ былое время особенной критичностію своихъ пріемовъ. А что мы не преувеличиваемъ вовсе той силы, съ какой укоренился въ нашихъ понятіяхъ и взглядахъ упомянутый обычай, объ этомъ можетъ свидѣтельствоватъ хотя бы тотъ фактъ, что ему невольно поддаются даже, какъ въ данномъ случаѣ, и наши филологи-спеціалисты. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ тотъ неожиданный фактъ, что нашъ талантливый молодой ученый такъ легко впалъ въ указанныя нами ошибки. Мы и смотримъ на эти его ошибки, какъ на результатъ случайнаго филологическаго недоразумѣнія, обусловленнаго, можетъ быть, отчасти указаннымъ обычаемъ. Но въ интересахъ науки вообще и въ интересахъ болѣе правильной постановки вопроса объ изученіи нашего роднаго языка, необходимо позаботиться, по мѣрѣ силъ, объ устраненіи столь легкой возможности дѣлаться нашимъ ученымъ жертвами подобныхъ недоразумѣній.

К. Михальчукъ.

Петръ Ивановичъ Нищинскій.

(*Некрологъ*).

4 марта скончался въ м. Воротиловкѣ (Винницкаго уѣзда), въ домѣ своей дочери, Петръ Ивановичъ Нищинскій, талантливый писатель и музыкальный композиторъ. Покойный былъ однимъ изъ выдающихся представителей того исполненнаго дарованій и энергіи типа литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ продолженіи долгаго времени выходили изъ рядовъ духовнаго сословія югозападной Руси и, несмотря на тяжелую житейскую обстановку, прокладывали себѣ путь къ саморазвитію, пріобрѣтенію высшей культуры и полезному труду на пользу родины.

Петръ Ивановичъ Нищинскій родился въ 1832 году въ селѣ Неминкѣ (Липовецкаго уѣзда); былъ сыномъ мѣстнаго псаломщика; на седьмомъ году жизни онъ лишился отца и вмѣстѣ съ тѣмъ вся семья осталась безъ всякихъ средствъ существованія; но мать Петра Ивановича оказалась женщиною не дюжинною, исполненною непреклонной энергіи и сознанія своего долга; продавъ свою бѣдную движимость, она съ двумя сыновьями:—Петромъ и Елисѣемъ (5-ти лѣтъ) отправилась пѣшкомъ въ Кіевъ съ твердымъ намѣреніемъ доставить дѣтямъ образованіе. Не легко было маленькимъ путникамъ прошагать 200 верстъ, и путешествіе ихъ затянулось; когда наконецъ они достигли Кіева, оказалось, что срокъ пріема воспитанниковъ въ бурсу уже миновалъ, и семья очутилась въ чужомъ городѣ безъ пристанища съ перспективою годичнаго ожиданія новаго срока пріема; неудача эта не сразила энергичной женщины: она пріискала себѣ мѣсто кухарки за прокормленіе свое и дѣтей и стала терпѣливо ожидать развязки. Не смотря на нѣжный возрастъ, Петръ Ивановичъ понялъ тяжелое положеніе матери и сдѣлалъ все что могъ для того, чтобы облегчить его; за годъ онъ воспользовался случайною помощью разныхъ доброхотовъ и усвоилъ себѣ превос-

ходно грамоту, вслѣдствіе чего былъ принятъ въ бурсу и помѣщенъ на казенное содержаніе; здѣсь онъ прилежаніемъ снискалъ вниманіе наставниковъ; на одномъ изъ экзаменовъ митрополитъ, присутствовавшій при испытаніи, обратилъ вниманіе на отчетливое и толковое исполненіе мальчикомъ нарисованныхъ имъ географическихъ картъ и поощрилъ его, подаривъ ему послѣ испытанія 2 рубля; эта первая полученная имъ награда осталась памятью Петру Ивановичу на всю жизнь, и карты, подавшія къ ней поводъ, онъ хранилъ до смерти и съ умиленіемъ разсматривалъ этотъ первый трофей своей житейской борьбы. Окончивъ бурсу первымъ ученикомъ своего класса, Петръ Ивановичъ былъ переведенъ въ семинарію, курсъ которой также окончилъ съ успѣхомъ; во время пребыванія въ семинаріи,— П. И. принималъ участіе въ хорахъ: семинарскомъ, академическомъ и митрополичьемъ и пріобрѣлъ репутацію хорошаго пѣвца и человѣка, обладающаго музыкальными дарованіями; эта репутація и повліяла на дальнѣйшее направленіе его жизни: онъ былъ отправленъ въ качествѣ причетника для усиленія церковнаго хора при русской церкви въ Аѳинахъ, гдѣ во главѣ русской миссіи стоялъ въ то время извѣстный своею ученостью гелленистъ, архимандритъ Антонинъ. Подъ руководствомъ этого ученаго, Нищинскій принялся усердно за изученіе эллинизма и вскорѣ успѣхи его были столь значительны, что онъ могъ поступить въ аѳинскій университетъ, который окончилъ въ 1856 году со степенью магистра, защитивъ диссертацію: "περι αιρεσεων και σχισματων τῆς ρωσσικῆσ εκκλεσιας" (О грѣсяхъ и расколахъ въ Россійской церкви). Послѣ окончанія университета добрыя отношенія между архимандритомъ Антониномъ и молодымъ магистромъ были нѣсколько нарушены: архимандритъ настаивалъ на томъ, чтобы Нищинскій принялъ священство и былъ недоволенъ его отказомъ, мотивированнымъ отсутствіемъ призванія. Охлажденіе это вызвало отставку Нищинскаго изъ причта миссіи и возвратъ его въ Россію. Въ 1857 году онъ поступилъ преподавателемъ греческаго языка въ С.-Петербургскую семинарію, но уже въ 1860 г. долженъ былъ оставить это мѣсто и переселиться въ Одессу, такъ какъ климатъ Петербурга оказался слишкомъ тяжелымъ для здоровья его жены, уроженки Аѳинъ. Въ Одессѣ Петръ Ивановичъ занимался долго то частными уроками, то литературнымъ трудомъ, пока наконецъ въ 1865 году былъ назначенъ преподавателемъ греческаго языка въ Одесскую 2-ю гимназію. Учительскую должность П. И. Нищинскій занималъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ одесскаго учебнаго округа (въ Одессѣ, Ананьевѣ и Бердянскѣ) въ теченіе 25 лѣтъ. Въ 1890 году онъ вышелъ въ отставку съ пенсіею, которою существовалъ до смерти.

Въ теченіе этого времени Петръ Ивановичъ занимался постоянно литературнымъ трудомъ и составлялъ музыкальныя композиціи, исполненныя таланта и посвященныя разработкѣ народной малороссійской музыки. Мы ограничимся перечнемъ изданныхъ имъ болѣе крупныхъ произведеній, оставивъ въ сторонѣ многочисленныя газетныя статьи, помѣщенныя въ одесскихъ современныхъ изданіяхъ.

Кромѣ диссертаціи, упомянутой выше, П. И. Нищинскимъ напечатаны были на греческомъ языкѣ: 1) Грамматика русскаго языка для греческаго юношества (Одесса 1868) и 2) Переводъ на древне-греческій языкъ „Слова о полку Игоревѣ". Сверхъ того въ теченіе 1861 года онъ издавалъ въ Одессѣ литературно-коммерческій органъ «'О 'Ερμῆς».

На русскомъ языкѣ П. И. Нищинскому принадлежатъ слѣдующія сочиненія 1) «Значеніе Кіева и Украины для славянства и исторія христіанства въ Россіи, рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества св. Кирилла и Меѳодія въ 1868 году». (Одесса 1868, Вѣдом. Одесск. град.) 2) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи греческаго языка въ гимназіяхъ (Одесса 1870) 3) Историческая записка объ Одесской 2-й гимназіи отъ ея основанія въ 1884 г. по 1882 г. 4) Путеводитель по Константинополю (Одесса 1884) 5) Путеводитель по святой землѣ (Одесса 1848).

Сверхъ того, П. И. Нищинскій составилъ два прекрасные малорусскіе перевода Одиссеи и Ильяды; первый изъ нихъ изданъ былъ во Львовѣ 1885 г., второй не оконченъ авторомъ, который успѣлъ переложить только первыя 12 пѣсней; превосходно также исполненъ имъ стихотворный переводъ на малорусскую рѣчь Софокловой «Антигоны» (Одесса 1883 г.).

Музыкальныя композиціи П. И. Нищинскаго высоко цѣнятся знатоками народной музыки. Важнѣйшія изъ нихъ это музыкальныя воспроизведенія двухъ народныхъ думъ: «Козакъ Софронъ» и «Байда» и оперетка или скорѣе этнографическая музыкальная интермедія «Вечерницы». Кромѣ того, покойнымъ составлено было много другихъ мелкихъ музыкальныхъ произведеній какъ пѣсня «Порада» и т. п., которыя распространялись въ кругу его знакомыхъ, но не были изданы въ печати.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Время написанія Шевченкомъ картины „Катерина“. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» приложенъ снимокъ съ картины Шевченка «Катерина», писанной масляными красками и въ замѣткѣ къ этому снимку редакція присовокупила, что «повидимому картина была написана вслѣдъ затѣмъ, какъ создавалась поэма, во всякомъ же случаѣ она относится къ раннему періоду его художественной дѣятельности».

Въ настоящее время редакція получила дополнительныя указанія по этому поводу отъ г. Кониескаго, который говоритъ, что есть полная возможность точнѣе опредѣлить время написанія картины. Поэма «Катерина» написана Шевченкомъ, какъ извѣстно, въ 1838 г. Картина же на сюжетъ поэмы написана художникомъ *лѣтомъ 1842 г.*, слѣдовательно, спустя почти *четыре* года послѣ написанія поэмы. Четыре года въ жизни художника, да еще въ жизни столь трагичной, какъ жизнь Шевченка, много значитъ. Картину эту Шевченко написалъ въ Петербургѣ, находясь еще въ академіи художествъ. Вотъ что писалъ онъ о ней Григ. Степ. Тарновскому въ письмѣ 25 января 1843 г. «Нарисовалъ я въ это лѣто двѣ картины, думалъ что вы пріѣдете. Картины видите ли наши, потому я ихъ и не показывалъ великороссамъ; но Скобелевъ таки узналъ и одну изъ нихъ взялъ; другая же у меня и эта уже не сбѣжитъ... потому что это моя *Катерина*. Я хотѣлъ послать ее къ вамъ; а каковая ей цѣна то это ужъ ваше дѣло, хотя бы и кусокъ сала, такъ и хорошо на чужбинѣ. Я нарисовалъ Катерину въ тотъ моментъ, когда она попрощалась съ своимъ москаликомъ и возвращается въ деревню. При въѣздѣ («у царини») возлѣ будки («пидъ куренемъ») сидитъ старикъ («дидусь»), ложечки обдѣлываетъ и уныло смотритъ на Катерину: а она, сердечная, едва не пла-

четъ, поднимая красный передникъ, потому что, знаете, немного ужъ... того... *А москаль* удираетъ себѣ, только собаченка догоняетъ его, и какъ будто, лаетъ на него. Съ одной стороны курганъ, на курганѣ вѣтряная мельница, а тамъ ужъ степь только... Такова то моя Катерина! Если понравится вамъ—хорошо, а нѣтъ—на чердакъ ее, пока я пріѣду»...

Эта выписка и объясняетъ намъ не только время написанія картины, но и драгоцѣнное содержаніе ея.

Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г. На страницахъ «Кіевской Старины», за разные годы, было напечатано нѣсколько договоровъ прихожанъ съ священниками объ установленіи опредѣленныхъ платъ за требоисполненіе; всѣ эти договоры относились къ перв. пол. XVIII в. Нѣсколько такихъ же договоровъ было напечатано и въ полтавской газетѣ «Земскій обзоръ» за 1883 г. (№ 6). Договоры эти указываютъ на стремленіе прихожанъ установить такія отношенія къ своему священнику, которыя бы обезпечивали обѣ стороны отъ пререканій и дрязгъ... Историкъ «приходскаго духовенства въ Россіи» [1]) говоритъ, что такіе договоры встрѣчаются лишь въ одномъ югозападномъ краѣ, а въ великорусскихъ епархіяхъ такіе «контракты» неизвѣстны (стр. 673—676). Повидимому, такіе договоры могли появляться въ Малороссіи лишь при существованіи права выбора священниковъ прихожанами. Приглашая священника въ свою церковь, прихожане имѣли возможность ставить ему условія относительно платы за требы. Но съ паденіемъ выборнаго начала, говоритъ г. Знаменскій, до послѣдней степени сократились и наконецъ вовсе стали уничтожаться такіе договоры духовныхъ лицъ съ прихожанами, служившіе гарантіей для послѣднихъ отъ вымогательствъ... (стр. 686). Паденіе выборнаго начала при замѣщеніи священниковъ началось въ Малороссіи съ к. XVIII в. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій въ 1768 г. доносилъ св. синоду, что прихожане и владѣльцы (маетностей) съ крикомъ и бранью изгоняютъ священниковъ, кото-

---

[1]) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань. 1873. 8° (Отдѣльные оттиски изъ Правосл. Собесѣдн. 1871—1872 г.г.).

рыхъ онъ назначалъ въ приходы отъ себя, минуя кандидатовъ, избранныхъ прихожанами, по ихъ негодности къ священному сану. Послѣдующіе митрополиты—Гавріилъ Кременецкій и Самуилъ Миславскій «начали вводить въ Малороссіи всѣ великорусскіе порядки, доселѣ имѣвшіе здѣсь силу только отрывочно и по частямъ» (Знаменск., 65). А вмѣстѣ съ этими порядками прекратилась и возможность договоровъ съ священниками о размѣрѣ платы за требы... Съ к. XVIII в. такихъ договоровъ болѣе не встрѣчается.—Но въ нач. XIX в. встрѣчаются попытки замѣнить плату за требоисполненіе—опредѣленнымъ причту жалованьемъ. Такъ, въ 1806 г, извѣстный дѣятель Слободской Украины Каразинъ въ своемъ с. Крутикѣ (Богодух. у.), въ силу взаимнаго договора съ причтомъ, обязался при даровой квартирѣ съ отопленіемъ и прислугой, ежегодно—по третямъ—платить ему извѣстную сумму денегъ, увеличивая ее по мѣрѣ возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности. Причтъ съ своей стороны обязался не брать съ прихожанъ платы за требы и не заниматься хлѣбопашествомъ; церковная земля поступала къ Каразину въ аренду и т. д.[1]). Договоръ Каразина представленъ былъ св. синоду и имъ утвержденъ. Договоръ этотъ показываетъ, что традиція—объ установленіи правильныхъ отношеній между причтомъ и прихожанами,—продолжала существовать... Такой же договоръ прихожанъ съ причтомъ встрѣтили мы и въ Черниговской губерніи, заключенный въ 1834 г. въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда, причемъ договоръ этотъ явился при наличности такихъ обстоятельствъ: сварковскій священникъ Трофимъ Муравскій достигнувъ такой старости, при которой служеніе на приходѣ стало ему уже не по силамъ, пожелалъ передать приходъ сыну, который въ это время уже былъ діакономъ той же сварковской церкви; вслѣдствіе этого Муравскій-сынъ начинаетъ «искать» отцовскаго прихода; разумѣется, приходъ этотъ Муравскому могъ быть данъ лишь властію мѣстнаго архіерея, но предстательство мѣстнаго помѣщика всегда играло въ такихъ случаяхъ немалое значеніе; сварковскимъ же помѣщикомъ въ это время былъ Александръ Михайловичъ Маркевичъ, тогдашній *черниговскій губернскій предводитель дворянства*... Нѣтъ сомнѣнія, что голосъ такого помѣщика имѣлъ у властей особое значеніе. Тѣмъ болѣе, значитъ, было основанія у Муравскаго-сына обратиться къ такому помѣщику за предстательствомъ. Но этотъ помѣ-

---

[1]) См. книгу протоіерея Лащенкова—*Христофоръ, первый еписк. Слободско-Украинскій и Харьковскій*, стр. 191.

щикъ былъ человѣкъ совсѣмъ особый, мало походившій на сосѣдей. А. М. Маркевичъ (р. 1790+1865) былъ до нѣкоторой степени идеалистомъ, хлопотавшимъ, напр., объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ гораздо раньше 1861 г... Кромѣ того, это былъ человѣкъ хорошо знакомый съ исторіей своей родины; онъ зналъ, по живому преданію, прежніе порядки мѣстной общественной жизни, зналъ и о тѣхъ договорахъ прихожанъ съ причтомъ, которые обезпечивали первыхъ отъ вымогательствъ послѣдняго. Повидимому, на просьбу Муравскаго-сына о предстательствѣ предъ черниговскимъ архіереемъ Марковичъ *воспользовался случаемъ* и предложилъ «ищущему» заключить съ будущими прихожанами такой договоръ, который бы обезпечивалъ послѣднихъ отъ произвола, при чемъ за требоисполненіе Муравскому было предложено *опредѣленное жалованье.* «Ищущій» не могъ не согласиться на такое условіе, послѣдствіемъ чего и явился приводимый здѣсь договоръ причта (включены были въ договоръ дьячекъ и пономарь) съ приходомъ, причемъ исправную выдачу предназначеннаго жалованья причту принялъ на себя Марковичъ. При подписаніи договора представителями прихода явились сварковскіе—помѣщикъ и нѣсколько козаковъ. Крѣпостные крестьяне никакихъ юридическихъ правъ не имѣли и потому въ числѣ прихожанъ состояли лишь фактически. Вотъ при наличности какихъ *особыхъ* обстоятельствъ явился этотъ рѣдкій юридическій документъ, который засимъ приводится въ точной копіи съ подлинника.

1834 года февраля 14 дня. Мы нижеподписавшіеся, прихожане села Сваркова, Глуховскаго уѣзда, діаконъ церкви Святониколаевскія сварковскія Николай Муравскій, ищущій, по старости лѣтъ своего родителя, іерея и священно-намѣстника Трофима Муравскаго, мѣсто священника при оной церкви, и церковной причтъ учинили сіе между нами добровольное условіе. Мы, прихожане, желая, во первыхъ, обезпечить положеніе священника села нашего, избавить его отъ излишнихъ заботъ о житейскихъ его нуждахъ и отстранить непосредственную плату за совершеніе таинствъ вѣры, при которыхъ доселѣ назначаемы были доходы священно и церковно-служителямъ, положили: 1) таинства вѣры: крещеніе, исповѣданіе во время постовъ и исповѣданіе съ напутствованіемъ больныхъ, бракъ (хотя бы женихъ былъ и изъ чужого села) должны совершаемы быть священникомъ Святониколаевскія сварковскія церкви безмездно, то есть безъ всякія платы деньгами или инымъ чѣмъ бы то ни было, для всѣхъ прихожанъ села Сваркова, и священникъ не только не долженъ за совершеніе оныхъ ни-

чего- требовать, но даже если бы кто и добровольно согласенъ былъ что дать, не долженъ принимать изъ уваженія къ святости. 2) Сіе самое положеніе распространяется и на чины погребенія и на хожденіе со крестомъ и святой водой во время праздника крещенія Господа нашего Іисуса Христа, которыя также должны совершаемы быть безмездно. 3) Дьячекъ и пономарь, при совершеніи священникомъ таинствъ вѣры, чина погребенія и хожденія со крестомъ и святою водою, тоже не получаютъ никакой платы или дохода. Впрочемъ добровольныя вспомоществованія въ нуждахъ священника или церковнаго причта, или добровольныя приношенія во всѣхъ другихъ случаяхъ, никому не воспрещаются. 4) Всѣ прочія отправы, какъ то: молебствія, акафисты, панихиды послѣ погребенія, сорокоусты, особыя молитвы, при литургіи совершаемыя, евангелія, при погребеніяхъ читаемыя, и водоосвященія въ домахъ, поелику все сіе зависитъ отъ воли желающаго, то вознагражденіе за трудъ священника и церковнаго причта предоставляется обоюдному согласію ихъ и прихожанъ. Сіи отправы должны быть добровольныя, а не налагаемыя, ибо въ противномъ случаѣ не могутъ уже оныя быть благоугодными Богу. 5) Чтеніе разрѣшительной молитвы въ окончаніи постовъ должно происходить не въ домахъ прихожанъ, но въ церкви въ тѣ дни, когда наиболѣе собираются христіане для молитвы. 6) Ружная земля, если при измѣреніи окажется, что оная въ указанномъ количествѣ десятинъ, на основаніи постановленій должна раздѣлена быть между священникомъ, дьячкомъ и пономаремъ (буде они штатные), ибо дьякона при церкви сварковской не положено, а единственно изъ уваженія къ старости нынѣшняго священника, мы, по просьбѣ его, согласились онаго имѣть. 7) Священникъ Святониколаевскія церкви получаетъ отъ насъ прихожанъ ежегодно—по триста рублей, дьячекъ тридцать рублей, а пономарь—двадцать рублей монетою по курсу. Деньги сіи всякій изъ нихъ получаетъ за треть года впередъ. За вѣрность полученія ими сихъ денегъ въ назначенное время, беру я, помѣщикъ Марковичъ, отвѣтственность на себя, и при наступленіи сроковъ каждый изъ нихъ можетъ получить слѣдующее ему изъ сварковской экономической конторы, хотя бы сборъ для сей потребности съ прихожанъ, *производимый не иначе, какъ добровольными даяніями*, и не составлялъ опредѣленной суммы. Сверхъ того дьячку остается право получать за чтеніе псалтыря надъ покойниками, а пономарю за позвонье. 8) Буде бы, сверхъ чаянія, открылось, что священникъ или кто изъ причта нарушилъ бы сіе условіе, хотя въ самой малой она-

го части, то мы прихожане имѣемъ право тогда приносить на нарушителя жалобу и просить о перемѣнѣ его другимъ священно-или церковно-служителемъ, который бы на сіе условіе былъ согласенъ. 9) Само собою разумѣется, что за утвержденіемъ меня діакона въ санѣ священника, родитель мой не получаетъ уже съ прихожанъ никакого дохода. 10) За симъ мы всѣ обязываемся исполнять въ точности взаимныя другъ ко другу обязанности, предписанныя намъ святою вѣрою, научающею пресвитерей быть кроткими, немздоимными, готовыми помогать и утѣшать молитвой и наставленіемъ, а духовныхъ дѣтей ихъ уважать и почитать ихъ, яко своихъ богомольцевъ, и быть признательными за труды и христіанскіе ихъ подвиги. Къ сему условію подписался Черниговской губерніи предводитель дворянства коллежскій ассесоръ Александръ Михайловичъ сынъ Марковичъ. Къ сему условію села Сваркова Свято-Николаевской церкви діаконъ Николай Трофимовичъ сынъ Муравскій подписался. Къ сему условію Святониколаевской церкви стихарный дьячекъ Іоаннъ Обуховскій подписался. Пономарь Андрей Гребенниковъ, а за его неграмотнаго, по его просьбѣ руку, приложилъ стихарный дьячокъ Іоаннъ Обуховскій. Къ сему условію подписались прихожане свято-Николаевской сварковской церкви: выборный козачій [1]) Петръ Обуховскій, козаки—Степанъ Новицкій, Федоръ Кондратенко, Кондратъ Обуховскій, Яковъ Лата, Афанасъ Калениченко, Марко Новицкій, Семенъ Лата, Павелъ Шумовъ, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себя руку приложилъ козакъ Емельянъ Онопрѣевъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ—долго ли соблюдался этотъ договоръ, а что онъ осуществлялся, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: А. М. Марковичъ—и по тогдашнему своему общественному положенію и по личному характеру—могъ написать такой договоръ лишь въ полной увѣренности, что онъ будетъ исполненъ обѣими сторонами.

Интересно, что въ послѣднее время конотопское уѣздное земство задумало было замѣнить—въ цѣломъ своемъ уѣздѣ—плату прихожанъ причту за требы опредѣленнымъ денежнымъ жалованьемъ.

Любопытная исторія этого неосуществившагося начинанія была такая. Въ земскомъ собраніи 1876 г., гласный П. В. Исіолъ († 1888 г.) обратилъ вниманіе собранія на ненормальное положеніе

---

[1]) „Выборный козачій"—это прежняя сельская должность у козаковъ, соотвѣтствующая теперешнему сельскому старостѣ.

сельскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ прихожанамъ, причемъ причты, получая недостаточное отъ казны жалованье, принуждены извлекать средства къ существованію изъ платы за духовныя требы. Священнику, по сану своему, поставленному наставникомъ и руководителемъ прихожанъ, ежечасно приходится исполненіе своихъ обязанностей соединять съ унизительнымъ торгомъ и т. д. Выслушавъ заявленіе Псіола, собраніе тогда же поручило управѣ составить проектъ вознагражденія причтовъ опредѣленнымъ содержаніемъ за требы, которыя затѣмъ выполнялись бы безвозмездно. Управою тогда же былъ составленъ «проектъ правилъ о вознагражденіи духовенства конотопскаго уѣзда изъ земскихъ суммъ за исполненіе обязательныхъ требъ». Проектъ этотъ предполагалось отпечатать и разослать мѣстнымъ священникамъ, земскимъ гласнымъ и друг. лицамъ для замѣчаній. Но для напечатанія его потребовалось разрѣшеніе губернатора, а послѣдній нашелъ нужнымъ рукопись проекта предварительно представить въ м-во внутр. дѣлъ. М-во, въ свою очередь, вошло въ сношеніе по этому вопросу съ св. синодомъ, который потребовалъ заключенія мѣстнаго архіерея, и предварительный проектъ былъ возвращенъ управѣ только въ февралѣ 1879 г. Напечатавъ проектъ, управа разослала его на заключеніе разнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и черниговскому епископу. Проектъ разработанъ былъ довольно подробно и въ этомъ отношеніи не долженъ быть опущенъ будущимъ историкомъ малорусскаго сельскаго прихода. Мы не будемъ приводить подробностей его содержанія (составляющихъ брошюру въ 17 стр.), а скажемъ лишь, что по проекту приходы были раздѣлены, по количеству прихожанъ, на три разряда, причемъ предполагалось: а) въ приходахъ съ населеніемъ до 1000 душъ, съ однимъ псаломщикомъ, назначить 640 р., священнику —480 р. и псаломщику—160 р.; б) въ приходахъ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 680 р., священнику—510 р. а псаломщику—170 р.; в) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 720 р., священнику 540 р., и псаломщику 170 р.; г) въ приходѣ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ двумя псаломщиками, 850 р., священнику 510 р. и псаломщикамъ 340 р. и д) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ двумя псаломщиками, 900 р., священнику 540 р. и псаломщикамъ—360 р.

По разсмотрѣніи проекта сихъ правилъ, черниговское губернское присутствіе по улучшенію быта православнаго духовенства полагало, что ихъ осуществленіе можетъ послѣдовать путемъ заключенія договоровъ земства съ причтами, при чемъ для послѣднихъ не воз-

никаетъ никакихъ новыхъ служебныхъ обязанностей по должности, а въ случаѣ нарушенія договора причтами, послѣдніе подвергаются отвѣтственности лишь въ гражданскомъ порядкѣ, какъ за неисполненіе личныхъ договоровъ. Земство съ этимъ взглядомъ не согласилось, полагая, что новое положеніе, создаваемое для духовенства уѣзда, можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если одновременно съ установленіемъ права причта на полученіе денежнаго содержанія изъ земскихъ суммъ, *послѣдуютъ и соотвѣтствующія измѣненія въ служебныхъ его обязанностяхъ по требоисполненію.* Словомъ, земство желало, чтобы исполненіе правилъ новаго порядка вознагражденія причтовъ было обезпечено закономъ или постановленіемъ надлежащей власти, находя, что заключеніе отдѣльныхъ съ причтами договоровъ и преслѣдованіе за ихъ неисполненіе гражданскимъ порядкомъ—не дало бы земству возможности достигнуть намѣченную имъ цѣль... По этой причинѣ начинаніе конотопскаго земства и не осуществилось...

А. Л.

Къ свѣдѣніямъ о старой малорусской школѣ. Въ 1845 г. была издана, въ Спб., книжка подъ заглавіемъ: «Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 годахъ». Кто былъ ея авторъ, скрывшій свое имя подъ буквами — *Ф. П. Л.*, мы не знаемъ, но въ своей книжкѣ онъ закрѣпилъ печатью любопытное свѣдѣніе о старой малорусской школѣ, которое мы здѣсь и приводимъ, въ виду малоизвѣстности указаннаго сочиненія. Разсказывая о заграничныхъ народныхъ школахъ, авторъ «Замѣтокъ» говоритъ: «Всѣ школы строятся и содержатся отъ городовъ и сельскихъ общинъ; въ нѣкоторыхъ городахъ они въ прекрасныхъ зданіяхъ; въ селеніяхъ есть весьма порядочныя, но не въ одномъ еще мѣстѣ они по строенію малымъ чѣмъ лучше тѣхъ, *какія въ старые годы я видывалъ при каждой церкви въ городахъ и селеніяхъ Полтавской, Харьковской, Черниговской, Кіевской и частію Воронежской губерній*». Подъ «старыми годами» здѣсь нужно разумѣть, вѣроятно, начало XIX в., а отъ этого времени никакихъ общихъ описаній Малороссіи, повидимому, не сохранилось, а можетъ быть и вовсе ихъ не было; это обстоятельство заставляетъ дорожить и такими коротенькими свѣдѣніями о церковныхъ школахъ того времени, пока не начнется разработка консисторскихъ архивовъ....

Тутъ же, кстати, приведемъ архивное свѣдѣніе о малорусскихъ церковныхъ школахъ нач. XVIII в. — Дьячокъ м. Седнева (черниг. уѣзда), спрошенный въ 1727 г. о происхожденіи, показалъ: «родомъ де онъ малороссіянинъ г. Гадяча, мѣщанскій сынъ Ивана Шапошника, отлучился де отъ своего отца годовъ тому зъ девять, пошелъ въ Кіевъ и проживъ въ монастиру Выдубицкомъ, при конархистѣ, съ мѣсяцъ, пошолъ отъ туда и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, учась по школамъ *чтенія и пѣнія церковнаго* по прошедшій 1726 годъ, а въ прошедшемъ де году пришелъ онъ до гор. Седнева и сталъ жить въ школѣ св. великомученика Георгія». (Арх. генер. канц., по черниговской описи, № 3847).

А. Л.

Къ исторіи кіевскихъ женскихъ монастырей. *(Составъ монашествующихъ въ 1777 г.).* Послѣ того, какъ въ 1711 г. Флоровскій монастырь былъ соединенъ съ Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ, въ Кіевѣ осталось только 3 женскихъ монастыря: Флоровскій, Іорданскій и Богословскій. Значительнѣйшимъ изъ нихъ былъ Флоровскій; во второй половинѣ XVIII вѣка монастырь этотъ заключалъ въ себѣ болѣе ста монахинь, какъ это показываетъ поименная ихъ вѣдомость 1777 года. Радіусъ круга вліянія и значенія этого монастыря былъ немалъ,—сюда стекались «сестры» не только со всей Малороссіи, какъ правобережной, такъ и лѣвобережной, но и изъ Великороссіи и изъ Сибири. Какимъ значеніемъ пользовался Флоровскій монастырь, видно изъ того, что въ его кельяхъ нашла успокоеніе и смиренная старица Нектарія— въ міру княгиня Наталія Долгорукова; въ этомъ же монастырѣ постригались: княжна Милославская (игуменья въ 1777 г.), графиня Головина, княгиня Горчакова, графиня Апраксина, Глѣбова, жена кіевскаго губернатора...

Изъ архивнаго матеріала мы видимъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка въ малороссійскихъ монастыряхъ уже существовала точная отчетность по отношенію къ Кіевской духовной консисторіи. Такими донесеніями — «о качествахъ монахинь и бѣлицъ» мы и пользуемся для настоящей замѣтки. Какъ видно изъ такого «донесенія», въ 1777 году въ Флоровскомъ монастырѣ числилось 123 монахини и 8 бѣлицъ. По націямъ монахини состояли: изъ 15 уроженокъ Великороссіи, 106 малороссіянокъ, одной козачки земли Войска Донского и одной нѣжинской гречанки. Изъ великороссіянокъ 7 были дворянскаго сословія,

въ томъ числѣ игуменья и намѣстница (графиня Головина), 2 изъ купеческаго званія и 6—«подданныхъ», т. е. крестьянокъ. «Сестеръ» малорусскаго происхожденія было—106, изъ нихъ 6 монахинь было изъ «шляхетства», 10 духовнаго званія, изъ козаковъ—42, 14 мѣщанокъ и 34 крестьянки. Онѣ происходили изъ слѣдующихъ мѣстностей: «полской націи» (т. е. изъ правобережной Украйны, Волыни, Подолья) было 31 монахиня и изъ лѣвобережной 75; лѣвобережныя монахини дѣлились по полкамъ такъ: изъ Кіевскаго полка было 12 «сестеръ», изъ Черниговскаго—3, изъ Стародубскаго всего лишь одна монахиня; наибольшее число приходилось на Лубенскій полкъ, откуда монахинь было 19, изъ Нѣжинскаго—11, Переяславскаго—6, Прилуцкаго 7, 5 изъ Миргородскаго, 3 изъ Полтавскаго и по 4 изъ Гадяцкаго и Сумскаго. По занятіямъ—116 монахинь были «рукодѣлія простого», причемъ мы видимъ, что это «простое рукодѣліе» не входило въ кругъ обязанностей «сестеръ» изъ высшаго круга, которыя вообще пользовались снисхожденіемъ, даже принимались въ монастырь безъ всякаго послушанія, что для обыкновенныхъ «сестеръ» дѣлалось въ видѣ ужь очень рѣдкаго исключенія: такъ всего лишь 3 монахини *простого происхожденія* пользовались этой льготой. Что касается образованія, то на 126 монахинь грамотныхъ числилось 92, остальныя были неграмотны. Обычныя послушанія, по вѣдомости 1777 г., распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «разныя экономическія» послушанія несли 26 монахинь, «разныя монастирскія»—9, намѣстническое и уставническое по одной, клирошанское 4 «сестры», церковное послушаніе возложено было тоже на 4-хъ, 20 монахини несло пономарское послушаніе, 2—келейническое, «будилническое»—1, «полатническое»—1, «свѣчарское»—4, просфорное—2, «шафарское» [1])—6, «городническое»—10, «коровническое»—5 и «мерническое»—5 сестеръ.

Что касается 8 бѣлицъ, то изъ нихъ только одна была великороссіянка, остальныя—малорусскаго происхожденія (2 изъ Переяславскаго полка, 3 изъ Кіевскаго, 1—Лубенскаго и 1—«полской націи»). Всѣ онѣ происходили изъ крестьянъ, грамотны за исключеніемъ одной (великороссіянки), послушанія несли экономическія (2), разныя монастырскія (2) и клирошанскія (4).

Въ Іорданскомъ монастырѣ, какъ видно изъ такого же донесенія, «сестеръ» въ 1777 г. было 98, кромѣ того 10 бѣлицъ. Іорданскій монастырь по общественному значенію, видимо, стоялъ ниже Фролов-

[1]) Отъ слова szafar (нѣмецкое der Szaffner)—управитель, эконом.

скаго: въ немъ мы не встрѣчаемъ сестеръ изъ высшаго круга, да и постригались въ немъ однѣ только уроженки Малороссіи. Изъ нихъ «польской націи» было 15 и изъ лѣвобережной Украйны—81 «сестра». Происходили онѣ изъ слѣдующихъ полковъ: изъ Ахтырскаго полка было 2 монахини, Гадяцкаго—тоже двѣ, Кіевскаго—7, Лубенскаго—10, изъ Миргородскаго—8, 4 изъ Стародубскаго, одна изъ Нѣжинскаго, изъ Переяславскаго полка 13, Прилуцкаго—12, изъ Сумскаго и Черниговскаго по одной, «Новороссійскихъ полковъ»—4, 9 «сестеръ» были родомъ съ Кіево-Подола, 2 изъ Кіево-Печерской лавры, одна изъ села Звѣринца (предмѣстья Кіева), владѣнія Выдубецкаго монастыря, и по одной изъ Кременчуга и Любеча. Кромѣ того, одна сестра была нѣжинская гречанка, а другая родомъ «цесарской націи», т. е. австрійская славянка. По сословіямъ монахини были: двѣ—«шляхетскаго» происхожденія, 9—духовнаго, 44—козачьяго, 27 посполитаго мѣщанскаго—9 и неизвѣстнаго происхожденія—7. Грамотность находилась въ незавидномъ положеніи: такъ, грамотныхъ въ Іорданскомъ монастырѣ было—22 монахини, малограмотныхъ—27 и неграмотныхъ 44; кромѣ того о грамотности четырехъ «сестеръ» свѣдѣній не указано. «Сестры» въ данномъ году несли слѣдующія послушанія: настоятельническое—1, намѣстническое—1, еклесіаршеское—1, разныя монастырскія—12, шафарское—3, клирошанское—12, «буделническое»—11, при больной старицѣ—1, проскурное—3, подъ началомъ—5, экономическія—10, продажей меду занимались двѣ монахини, «паламарское» послушаніе несли 3 сестры, «печи поправлять»—1, на одну же былъ возложенъ сборъ подаянія съ доброхотныхъ жертвователей съ «корнавкой», на другую «съ книгой зашнурной испрошенія милостыни», одна несла уставническое, одна брамное послушаніе, свѣчарское—двѣ, за старостью къ послушаніямъ не годилось 23 «сестры»; кромѣ того, объ одной свѣдѣній не имѣется.

Бѣлицы, которыхъ было десять, по націямъ состояли: изъ 8 малороссіянокъ и 2 уроженокъ Великороссіи: одна жена генералъ-маіора Демидова, а другая—солдатка. Малороссіянокъ двѣ было изъ Лубенскаго полка, двѣ изъ Нѣжинскаго и по одной изъ Сумского, Переяславскаго, Прилуцкаго и «полской націи». Всѣ бѣлицы несли монастырскія послушанія, «какія прикажутъ». Грамотныхъ изъ нихъ было четыре.

Наконецъ, въ Богословскомъ монастырѣ было наименьшее количество монашествующихъ: 52 монахини и 5 бѣлицъ. Монахини были почти всѣ (за исключеніемъ одной великороссіянки изъ Москвы) ма-

лорусскаго происхожденія: 13 — «полской націи», 38 лѣвобережной Украйны (въ донесеніи не указано изъ какихъ собственно мѣстностей происходили эти «сестры»). По сословіямъ монахини были: 7 духовнаго званія, 2 мѣщанки, 24 козачки, 1 жена гусарская (великороссіянка), 17 посполитыхъ и одна вдова канцеляриста. Процентъ грамотности здѣсь былъ еще ниже, чѣмъ въ Іорданскомъ монастырѣ: грамотныхъ было 8, малограмотныхъ 12 и 32 неграмотныхъ. Относительно послушаній монахини несли слѣдующія: по одной монахинѣ— «настоятельское», намѣстническое, казначейское, еклезіаршеское, просфорное и пономарское послушанія, три—шафарское въ селѣ Креничахъ, разныя послушанія—2, клирошанское—13, по одной трапезническое, городническое въ селѣ Креничахъ, келейное и свѣчарское, одна монахиня занималась продажей свѣчей, «буделническое» послушаніе несли три сестры, кошелковое—двѣ подъ началомъ—3 и 15 монахинъ «за болѣзнію и старостію впредъ къ послушанію» не годились. Что касается бѣлицъ, то ихъ было только 5,—3 малороссіянки и 2 великороссіянки; одна изъ нихъ была малограмотна, остальныя неграмотны, двѣ монахини были посполитаго званія, одна мѣщанка, одна жена лекаря и одна изъ старшинскихъ дѣтей. Изъ нихъ только одна несла брамническое послушаніе, 4 были безъ послушанія и одна не годилась къ послушанію за старостью. Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что монастыри Богословскій и Іорданскій, по занятіямъ своихъ «сестеръ», представляли собою болѣе экономическія общины, чѣмъ религіозныя. Иначе, кажется, и быть не могло. Въ богатомъ Фроловскомъ монастырѣ мы встрѣчаемъ «сестеръ», которыя идутъ въ монастырь, повидимому, ища забвенія и отдохновенія отъ «міра печали и слезъ»; въ другіе же два монастыря собираются «сестры» преимущественно того класса, которыя дома, въ большинствѣ случаевъ, испытываютъ нужду и въ монастырѣ ищутъ обезпеченнаго положенія... Съ другой стороны, такими монахинями очень дорожили «настоятельни», потому что могли распоряжаться по усмотрѣнію ихъ всяческою работою —на преуспѣяніе «честной обители» и поэтому возлагали на нихъ часто послушанія, не имѣющія ничего общаго съ монашествомъ, напр. сельское «шафарство», продажа меду и т. д.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что очень скоро послѣ этого (въ 1786 г.) Богословскій монастырь былъ переведенъ въ Золотоношскій монастырь, а Іорданскій въ томъ же году былъ упраздненъ, а церковь его обращена въ приходскую церковь. Остался одинъ Флоровскій женскій монастырь, продолжающій существовать и понынѣ, въ качествѣ «пер-

воклассснаго» монастыря. Упомянемъ еще, что, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, монастыри Богословскій и Іорданскій были соединены въ 1712 г. (стр. 111). Закревскій полагаетъ, что это соединеніе произошло еще раньше [1]). Но ошибки этихъ ученыхъ очевидны, такъ какъ, во первыхъ, изъ книги Строева (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви) видно, что оба монастыря продолжали существовать самостоятельно до 1786 года, а во вторыхъ, существованіе Богословскаго и Іорданскаго монастырей, въ концѣ XVIII вѣка, видно и изъ «донесеній» ихъ, послужившихъ матеріаломъ для настоящей замѣтки. Донесенія эти представлены въ консисторію отъ каждаго монастыря отдѣльно, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ называется особая «настоятелька», въ Іорданской — мать Александра, въ Богословскомъ— Ксанфія, чего, конечно, не могло быть, если бы эти монастыри были соединены въ нач. XVIII вѣка. Дѣлаемая нами поправка указываетъ— какъ еще мало изслѣдована исторія кіевскихъ женскихъ монастырей.

Гл. Л.

Царскій посланникъ и панскій управитель. Въ концѣ октября 1700 года возвращался изъ Турціи царскій посланникъ, думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, ѣздившій въ столицу падишаха для заключенія перемирія съ Россіей на 30 лѣтъ. Онъ удачно исполнилъ возложенное на него порученіе, былъ отпущенъ съ честью и съ подарками изъ Цареграда и теперь всѣми силами стремился на родину; но въ пути его застигло несчастье, дороги испортились, между тѣмъ съ нимъ была многолюдная свита и тянулся огромный обозъ. Вотъ ужъ близко и Днѣстръ, гдѣ предстояла трудная переправа, а далѣе начнутся владѣнія польскаго короля Августа II, съ которымъ царь Петръ незадолго предъ тѣмъ вступилъ въ тайный дружественный союзъ; значитъ, царскій посланникъ могъ разсчитывать, что здѣсь онъ встрѣтитъ подобающій его сану почетный пріемъ. Переправа предположена была противъ нынѣшняго мѣст. Цекиновки (ямпольск. у.), тогда незначительнаго села, въ которомъ проживалъ управитель приднѣстровскихъ имѣній короннаго конюшаго Яна Конецпольскаго, панъ Станиславъ Сорочинскій; ему дано было знать о томъ, чтобы онъ приготовилъ все нужное для переправы и устроилъ надлежащую встрѣчу. Каково же было него-

---

[1]) Описаніе Кіева, т. I, стр. 202.

дованіе знатнаго путешественника, когда, подъѣхавъ къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ, что о достойной встрѣчѣ его никто и не подумалъ, да и средства для переправы оказались крайне жалкими и недостаточными. Съ величайшею опасностью переправившись кое-какъ съ частью своей свиты на польскій берегъ, царскій посланникъ рѣшилъ самъ уже устроить пану Сорочинскому надлежащую встрѣчу, о подробностяхъ которой мы узнаемъ изъ жалобы, занесенной 3-го ноября того же года въ Винницкомъ гродскомъ судѣ, но не самимъ Сорочинскимъ (онъ не былъ въ состояніи не только прибыть въ Винницу, но и встать съ постели), а главноуправляющимъ Конецпольскаго, паномъ Станиславомъ Езерковскимъ. Приводимъ этотъ интересный документъ въ переводѣ:

«Когда ясновельможный господинъ посланникъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ людьми, его сопровождавшими, къ берегу Днѣстра, противъ села Чекиновки (sic!), имѣнія ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, и тамъ долженъ былъ переправиться черезъ рѣку, то стараніями мѣстнаго управляющаго ему доставлены были всѣ возможныя, при малочисленности населенія Чекиновки, средства для облегченія переправы, которая благополучно и совершилась, послѣ чего панъ управляющій встрѣтилъ господина посланника съ почтеньемъ приличнымъ его сану, а крестьяне, насколько позволяли ихъ средства въ этой пустынѣ, предложили дары въ качествѣ «поклона». Но вышеозначенный ясновельможный господинъ посланникъ, вмѣсто изъявленія благодарности пану управляющему и вознагражденія перевозчикамъ, утомленнымъ трудной работой, не взирая на законъ, обезпечивающій покой шляхетскихъ имѣній и неприкосновенность шляхетскихъ особъ, находясь въ задорномъ настроеніи, ибо никакой причины къ гнѣву не было ему подано ни со стороны ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, ни отъ упомянутаго его коммиссара и управляющаго, неизвѣстно, по собственной ли дерзости, или по чьему внушенію,—осмѣлился и дерзнулъ сначала словами оскорблять незапятнанную честь ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, господина жалующихся, равно какъ и честь его коммиссаровъ и упомянутаго его милости пана Сорочинскаго, управляющаго, прирожденнаго польскаго шляхтича, произнося слѣдующія слова: «Староста ли ты, или урядникъ... (прочее не достойно того, чтобы воспроизвести перомъ). Почему я не удостоился того, чтобы ты меня встрѣтилъ и привѣтствовалъ на томъ берегу рѣки?» Упомянутый его милость панъ управляющій представилъ причину, почему онъ не могъ

этого сдѣлать: онъ былъ занятъ хлопотами, желая ускорить переправу ясновельможнаго господина посланника; «однако же, прибавилъ онъ, здѣсь на территоріи моего господина, я счелъ долгомъ отъ его имени оказать вашей милости должное почтеніе, которое и свидѣтельствую». Но господинъ посланникъ, не слушая дальнѣйшихъ объясненій, разгнѣванный единственно лишь тѣмъ, что не былъ встрѣченъ и привѣтствованъ за милю до села, схвативши своеручно дубину, сталъ бить упомянутаго управляющаго и отдалъ приказаніе москалямъ: «Пожалуйте-ка его!» чтобы они били невиннаго человѣка, котораго личная безопасность обезпечена закономъ; и такъ г. посланникъ и самъ билъ, пока хотѣлъ, и другимъ бить приказывалъ, и до того его избили, что отъ подошвы до верхушки головы не осталось на его тѣлѣ здороваго мѣста, такъ что послѣ такого московскаго «пожалованья» онъ едва остался живъ. Затѣмъ г. посланникъ въ упомянутомъ селѣ Чекиновкѣ, словно бы оно не принадлежало къ числу шляхетскихъ имѣній, приказалъ москалямъ брать силою все, что ему было угодно: сѣно, кормъ для лошадей, куръ, гусей, барановъ, скотину. Крестьянъ приказалъ онъ бить, требуя отъ нихъ невозможнаго—доставки ста семидесяти подводъ, между тѣмъ какъ въ цѣломъ селѣ едва наберется нѣсколько хозяевъ, и то недавно поселившихся; потомъ, слѣдующаго дня, онъ ограбилъ воловъ и лошадей, къ великому отягощенію убогихъ людей, и прямо сказать—поступилъ лучше всякаго непріятеля. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, упомянутый истецъ, заботясь о цѣлости имущества своего господина и требуя удовлетворенія за насиліе, причиненное управляющему, и обиды крестьянамъ, доведеннымъ чрезъ то до конечнаго разоренія, настоятельно и торжественно жалуется и протестуетъ отъ имени вышеупомянутыхъ лицъ, оставляя за собою право, въ случаѣ надобности, дополнить настоящую жалобу въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ частяхъ». Жалоба, какъ водится, сопровождалась письменнымъ удостовѣреніемъ вознаго, свидѣтельствовавшаго избитаго пана Сорочинскаго и нашедшаго на его тѣлѣ слѣдующія поврежденія: «Вопервыхъ, правая рука выше локтя разсѣчена до кости топорикомъ; правый бокъ весь покрытъ синевою вслѣдствіе ударовъ; грудь вся избита до того, что «ажъ кровь за шкурою шелеститъ», и больной съ трудомъ дышитъ; съ лѣвой стороны между лопатками синева отъ побоевъ,—словомъ, онъ весь избитъ и искалѣченъ. Притомъ, не удовлетворившись этими побоями, самъ г. посланникъ подковами у подборовъ билъ его и топталъ, вслѣдствіе че-

го вся голова изранена. Всѣ эти побои нанесены пану управляющему (въ возможности излеченія котораго лѣкаря сомнѣваются) не кѣмъ инымъ, какъ его милостью г. посланникомъ московскимъ и его людьми [1]).

Имѣла ли эта жалоба какія-либо практическія послѣдствія, мы не знаемъ; полагаемъ, однако, что едва ли имѣли въ виду эту цѣль и сами потерпѣвшіе. Многое въ тѣ времена вносилось въ актовыя книги больше для памяти потомству, нежели для цѣлей правосудія.

Ор. Левицкій.

Изъ недавняго прошлаго. Въ мартѣ 1854 г. помѣщица кіевскаго уѣзда, жена генералъ-лейтенанта Ловцова [2]). получила отъ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Милевскаго слѣдующее циркулярное предложеніе:

«Государь Императоръ, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада о сдѣланномъ распоряженіи къ устройству вдоль шоссе по могилевской губерніи правильныхъ деревень, по существующимъ образцамъ для казенныхъ селеній, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы г.г. начальники губерній и губернскіе предводители дворянства другихъ губерній обратили особенно вниманіе на устройство деревень, прилегающихъ къ шоссейнымъ дорогамъ, при чемъ Его Величеству благоугодно было повелѣть: наблюдать, чтобы, независимо отъ деревень, расположенныхъ и располагаемыхъ въ пятисаженномъ отъ шоссе разстояніи, были устраиваемы по образцу казенныхъ деревень и тѣ лежащія вдоль шоссе деревни, которыя, хотя находятся и въ отдаленіи, но видны съ шоссе. Вслѣдствіе сообщенной мнѣ г. начальникомъ губерніи выше изъясненной Высочайшей воли, сдѣлано было распоряженіе о собраніи необходимыхъ по настоящему предмету свѣдѣній, по доставленіи которыхъ оказывается, что, въ числѣ прочихъ, и м. Мотыжинъ, на основаніи сказанной Высочайшей воли, должно быть устроено по образцу казенныхъ деревень. Посему имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство распорядиться, чтобы приступлено было къ устройству въ м. Мотыжинѣ жилыхъ обы-

---

[1]) Извлечено изъ гродской Винницкой книги, хранящейся въ Кіевскомъ Центр. Архивѣ, № 4599, л. 268 обор.

[2]) Ульяна Степановна, по первому мужу Сулима, основательница извѣстнаго въ Кіевѣ „Сулимовскаго дома“.

вательскихъ домовъ съ пристройками по образцу казенныхъ деревень, и объ успѣхѣ по настоящему предмету съ поясненіемъ, сколько именно будетъ перестроено домовъ, не оставьте сообщить мнѣ свѣдѣнія къ 1 марта и къ 1 сентября».

«На отношеніе вашего высокородія отъ 16 сего марта на счетъ построекъ въ м. Мотыжинѣ по образцу казенныхъ селеній, потому что будто оно лежитъ вдоль шоссе, въ числѣ видимыхъ съ него селеній,—объясняю слѣдующее: м. Мотыжинъ находится въ такомъ отдаленномъ разстояніи отъ шоссе, именно въ нѣсколькихъ верстахъ, что никакое зрѣніе человѣческое различить предметовъ не можетъ, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ оно не подходитъ къ категоріи селеній, не только прилегающихъ къ шоссе, но даже видимыхъ съ него; въ чемъ совершенно убѣдившись, рѣшилась я обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею моею просьбою: обратите ваше вниманіе съ свойственною вамъ справедливостью на это обстоятельство и избавьте меня отъ напрасныхъ хлопотъ и издержекъ. Я имѣю основаніе думать, что здѣсь есть ошибка со стороны тѣхъ, кому поручено было собрать по настоящему предмету свѣдѣнія. Вполнѣ надѣюсь, что ваше высокородіе, удостовѣрясь въ правдѣ мною написаннаго, сдѣлаете распоряженіе и въ этомъ дѣлѣ сообразно съ истиннымъ безпристрастіемъ».

Не извѣстно, удовлетворился ли предводитель доводами помѣщицы, но въ Мотыжинѣ крестьянскія хаты не были перестроены «по существующимъ образцамъ для казенныхъ селеній». Сколько намъ извѣстно, такія перестройки не были произведены и въ другихъ селеніяхъ и деревняхъ нашего края, не только «видимыхъ» съ шоссе, но и расположенныхъ въ близкомъ отъ него разстояніи.

Къ исторической топографіи Печерска и Клова. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи есть два рукописные чертежа Печерска и его окрестностей, относящіеся къ первой четверти XVIII вѣка и составлявшіе приложеніе къ тяжебнымъ дѣламъ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря изъ-за земельныхъ владѣній [1]). Одинъ изъ нихъ относится къ 1713—1715 гг. и составленъ по поводу тяжбы Никольскаго монастыря съ Печерскою лаврою изъ-за земель, находившихся на Печерскѣ, а другой—въ 1719 году

[1]) По указанію музея, №№ 1758 и 13734.

по поводу тяжбы того же монастыря изъ-за земель, находившихся за Днѣпромъ, но отчасти касается и монастырскихъ земель по правую сторону Днѣпра, въ самомъ Кіевѣ и въ частности на Печерскѣ и Кловѣ.

Первый изъ этихъ чертежей не имѣетъ опредѣленной хронологической даты, но время его происхожденія опредѣляется слѣдующими данными. На чертежѣ обозначенъ земляной валъ или ретраншаментъ, идущій отъ Печерской крѣпости по-надъ Лыбедью до Старокіевской крѣпости, а въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ еще не было нынѣшней каменной соборной церкви сего монастыря. Земляной же валъ или ретраншаментъ отъ Печерска по-надъ Лыбедью, по свидѣтельству Якова Маркевича, началъ строиться съ 1713 года; а нынѣшняя соборная церковь Никольскаго монастыря построена княземъ Дим. Мих. Голицынымъ около 1715 года [1]). Слѣдов., чертежъ составленъ не раньше 1713 и не позже 1715 года.

Во это время лавра, печерскій женскій монастырь противъ лавры и церкви Спасская на Берестовѣ, Воскресенская и Ѳеодосіевская, по показанію чертежа, обведены уже были многограннымъ укрѣпленіемъ, съ крѣпостными воротами съ сѣверной и западной сторонъ его; восточная же сторона не изображена на чертежѣ. Отъ западной стороны печерскаго укрѣпленія шелъ земляной «валъ новій от крѣпости печерской до города (Москов)скаго понад Либедю» которой направлялся сначала на западъ, потомъ, не доходя до г. Лыбеди, шелъ на сѣверъ, параллельно ея направленію, а миновавъ кловскій яръ, наискось перерѣзывалъ нынѣшній Крещатикъ и упирался въ старокіевскіе земляные валы.—Къ этой же системѣ Печерскихъ укрѣпленій нужно отнести «городокъ надъ Хрещатикомъ», т. е. надъ Крещатикскимъ источникомъ, тамъ, откуда нынѣ производится пушечная пальба во время церковныхъ церемоній 6 января и 15 іюля.

Внутри этихъ укрѣпленій на разсматриваемомъ чертежѣ обозначены монастыри, монастырскія земли, поселенія и дороги.

Внутри самой крѣпости изображена Печерская Лавра. Великая Лаврская церковь, первоначально имѣвшая три только алтарныхъ полукружія, на чертежѣ 1713 1715 г. г. имѣетъ уже боковые придѣлы съ алтарями, съ сѣверной и южной сторонъ церкви, всегоже 5 алтарей. На югъ отъ великой церкви стояла трапеза въ два яруса

[1]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 432, 583 и 584.

или свѣта съ церковію, а за нею, кажется, настоятельскіе покои. Надъ наружными, западными вратами лавры стояла Троицкая церковь, существующая и нынѣ, а сосѣдній съ нею сѣверо-западный уголъ лавры занятъ былъ Больничнымъ монастыремъ съ небольшой церковію. Въ сѣверо-восточномъ углу лаврской ограды виднѣется пятикупольная церковь, вѣроятно Всѣхъ Святыхъ, построенная Мазепою въ 1696—1698 годахъ[1]). Почти рядомъ съ этою церковію, на югъ отъ нея, изображенъ большой домъ, вѣроятно типографскій.

На сѣверъ отъ лавры и крѣпости находится Никольскій монастырь, въ которомъ различались тогда: «новий на горѣ монастырь святоникольскій Пустынный», построенный Мазепою въ 1690—1696 г. г. и «ветхий монастырь Святоникольскій» съ деревянною церковію на Аскольдовой Могилѣ. Противъ ветхаго монастыря стоялъ «столпъ». На сѣверъ отъ «столпа, въ одинъ уровень съ нынѣшнимъ военнымъ соборомъ, выстроена была слобода «Поликъ Микольскій» съ «кабачкомъ», а подъ нею, на берегу Днѣпра, поселокъ «Гончари».

Этимъ двумъ монастырямъ, т. е. Печерскому и Никольскому, принадлежало все пространство земель внѣ печерской крѣпости между Лыбедскимъ ретраншаментомъ и Днѣпромъ, до нынѣшней Крещатицкой улицы.

Противъ Никольскаго монастыря, на горѣ, лежала принадлежавшая ему «Долгая Нива» которая, начинаясь отъ нынѣшняго военнаго собора, тянулась узкою лентою на сѣверъ, захватывая всю нынѣшнюю Никольскую улицу, и мимо «кургановъ граничнихъ», бывшихъ приблизительно на углу Никольской и Московской улицъ, шла до самого Крещатицкаго источника, обнимая собою нынѣшній Александровскій скверъ и Царскій Садъ. На сѣверномъ концѣ этой нивы, на склонѣ, былъ «виноградъ». Никольскому же монастырю принадлежали три нивы у самой Лыбеди, между устьемъ Кловскаго яра и Васильковскою дорогою, шедшею прямо на западъ отъ западныхъ воротъ лавры и крѣпости, а именно: Плоская, Теремоватая, Клиноватая и нива подъ Клиноватою. Кромѣ того, въ Кловскомъ, «яру или долинѣ до Лыбеди», около нынѣшняго Кловскаго спуска, на разсматриваемомъ чертежѣ изображенъ «колодязь варяж(скій)», вполнѣ соотвѣтствующій «колодезю Николаевскаго монастыря» на планѣ Кіева 1695 года[2]). Въ послѣдствіи времени колодязь этотъ

---

[1]) Тамъ же стр. 684.

[2]) „Планъ Кіева, составленный въ 1695 года“, Кіевъ, 1893 года,

былъ закопанъ землею, и въ срубѣ его поставленъ крестъ, давшій названіе «Кресты» образовавшемуся здѣсь поселенію [1]).

Печерской лаврѣ принадлежала земля, лежавшая на западъ отъ печерской части «Долгой Нивы» до нивъ Плоской, Теремоватой, Клиноватой и Подклиноватой Никольскаго монастыря, или отъ западной стороны нынѣшней Никольской улицы до конца нынѣшняго Печерска. Половина этого пространства, прилегающая къ «Долгой Нивѣ» или къ нынѣшней Никольской улицѣ, заселена была «Поликомъ Печерскимъ» или Печерскою Слободою, а другая западная половина составляла «вигонъ Печерскій подъ Клиноватóю нивою Свято-никольскою даный на отмѣну за Долгую ниву, лежачую подъ монастыромъ Никольскимъ». На половинѣ протяженія помянутаго Васильковскаго шляха отъ западныхъ воротъ печерской крѣпости до ретраншамента, съ лѣвой стороны «шляха» былъ «дворецъ Печерскій»; при пересѣченіи этого шляха ретраншаментомъ стоялъ «калавур в (у) рогатокъ», а на р. Лыбеди виднѣются двѣ мельницы. Печерской же лаврѣ принадлежала и вся кловская возвышенность, посрединѣ которой, гдѣ нынѣ 1-е кіевское женское Епархіальное училище, значится «дворецъ новый печерскій» съ двумя зданіями.

Дорогъ было нѣсколько. «Шляхъ старинный зъ (Печерскаго) до Кіева» сначала состоялъ изъ двухъ вѣтвей, изъ коихъ одна шла отъ западныхъ воротъ печерской крѣпости, другая отдѣлялась отъ Васильковскаго шляху около «дворца печерскаго». Въ началѣ печерскаго Полика или Слободы онѣ сливались въ одну дорогу, которая шла по-за этимъ Поликомъ, съ западной его стороны, перерѣзывала Кловскій яръ немного выше нынѣшняго Кловскаго спуска и шла черезъ Липки и крещатикъ, приблизительно по нынѣшней Институтской улицѣ, къ старокіевской крѣпости, вѣроятно къ печерскимъ ея воротамъ. Отъ этой дороги на печерскѣ, по-за Поликомъ-же, отдѣлялась на сѣверовостокъ вѣтвь къ урочищу Провалье или къ нынѣшнимъ крѣпостнымъ Николаевскимъ воротамъ.

Другая дорога вела отъ сѣверныхъ воротъ печерской крѣпости и тотчасъ же раздѣлялась на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна шла прямо по западной границѣ Долгой Нивы до Провалья, а другая, перерѣзавъ пополамъ печерскую слободу, соединялась у Провалья съ первою. Отсюда на лѣво поворачивалъ «новый шляхъ до Кіев(а)», соедивялся со старою дорогою въ липкахъ и, миновавъ Институтскую гору, на-

[1]) „Описаніе Кіева“ Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 419.

правлялся въ Хрещатый Яръ, около нынѣшней царской площади, а отсюда—на Подолъ. Отъ того же Провалья шла «дорога зъ подолу ведле (саду) княжого до печерского» [1]), тамъ же, гдѣ и нынѣ идутъ Александровская улица и Александровскій спускъ. Влѣво отъ этой дороги, приблизительно на $^1/_3$ протяженія нынѣшняго Александровскаго сквера, отъ нея отдѣлялась и спускалась подъ гору «Стежка зъ Микульскаго... на Крещатикъ до Кіева», проходя подъ самымъ «городкомъ надъ хрещатикомъ».—Изъ сѣверныхъ же воротъ лаврской крѣпости выходилъ «звозъ... святоспаскій новій и древній» и тотчасъ же круто поворачивалъ внизъ къ Дрѣпру.

Другой изъ разсматриваемыхъ чертежей, именно 1719 года, частію дѣлаетъ дополненія къ прежнему чертежу, частію показываетъ послѣдовавшія къ 1719 году измѣненія. Передъ печерскою лаврою здѣсь изображены «ворота», вѣроятно извѣстныя впослѣдствіи подъ названіемъ Тріумфальныхъ [2]), съ башнею надъ ними, на которой стояла фигура архангела Михаила, держащаго въ правой рукѣ поднятый кверху мечъ. За лаврой, противъ Неводницкой пристани, устроены были два моста, одинъ черезъ Днѣпръ, а другой черезъ Черторыю, и отъ нихъ шла на востокъ «дорога на Лысую гору». На сѣверо-западъ отъ лавры, на прежнемъ ея «выгонѣ», тянется длинная «солдатская слобода», а передъ нею «Больницы», т. е. лазаретъ.

Въ Никольскомъ монастырѣ въ 1719 году была уже нынѣшняя соборная его церковь, но нѣтъ деревянной церкви на Аскольдовой Могилѣ, на которой остались только «ворота». «Городокъ надъ хрещатикомъ» чертежа 1713—1715 г.г. названъ теперь «Скородумомъ», прежній «виноградъ» надъ этимъ городкомъ названъ «виноградомъ государевымъ», а надъ крещатицкимъ источникомъ изображена часовня, съ подписью «колодезь крещатикъ». На сѣверовостокъ отъ крещатицкаго источника, около нынѣшней почтовой станціи, были »бани торговые»; но онѣ стояли уже не на землѣ Никольскаго монастыря.

---

[1]) Кажется, уже въ это время былъ разведенъ Государевъ виноградъ или садъ на мѣстѣ нынѣшняго царскаго сада. Никольскій монастырь ежегодно получалъ впослѣдствіи за эту землю по 200 руб. (см. „Кіевскую Старину", январь—мартъ 1888 г., стр. 64.).

[2]) См. „Генеральный планъ Печерской крѣпости", 1745 г,, въ „Обозрѣніи Кіева" Фундуклея, 1847 г., № 5, стр. 24. Но въ этомъ изданіи на планѣ допущены неточности и опущенія. Подлинникъ хранится въ Церковно-археологич. музеѣ при Кіев. дух. Академіи, по указателю № 1758.

Дороги на чертежѣ 1719 года представляются въ слѣдующемъ видѣ. Отъ сѣверныхъ или тріумфальныхъ воротъ печерской крѣпости до провалья шла одна дорога, съ подъѣздными дорожками къ ней отъ Александровой могилы, нынѣшняго Никольскаго монастыря и Никольской слободы, а за провальемъ она раздѣлялась на двѣ дороги, изъ коихъ одна шла мимо «винограда государева» на Подолъ, а друга черезъ Липки Крещатикъ къ старому или верхнему Кіеву, къ печерскимъ воротамъ старокіевской крѣпости. Отъ послѣднихъ шла еще дорога на юго-западъ, вѣроятно Васильковская.

Н. Петровъ.

Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго. Свѣдѣнія объ Аѳанасіѣ Заруцкомъ, сообщенныя въ «Кіевской Старинѣ» 1896 г. № 3, могутъ быть нѣсколько пополнены: лѣтомъ 1689 г. во время пріѣзда въ Москву съ гетманомъ Мазепою Аѳ. Заруцкій былъ уже нѣжинскимъ священникомъ (и получалъ въ Москвѣ поденную норму по 4 деньги— Шляпкинъ Св. Димитр. Рост. стр. 202 и примѣч. 3). Представляется несомнѣннымъ, что онъ былъ духовнымъ лицомъ уже и въ 1688 г., когда о сочиненіи его писалъ Мазепа кн. Голицыну, но можетъ быть, онъ тогда пребывалъ въ Глуховѣ, такъ какъ Мазе́па называетъ его Глуховскимъ жителемъ (ibid. 204 пр. 3); и женитьба его должна быть отнесена ко времени раньше 1688 г.

Сочиненіе Аѳ. Заруцкаго, о которомъ писалъ Мазепа, имѣло несомнѣнно лѣтописный характеръ; это видно изо всѣхъ челобитій Заруцкаго, да и Мазепа въ письмѣ къ кн. Голицыну въ 1688 г. прямо говоритъ о лѣтописчикѣ Аѳанасіѣ (ibid. 182, стр. 3).

Приводимое Костомаровымъ указаніе, что въ числѣ лицъ свиты Мазепы въ пріѣздъ его въ 1689 г. въ Москву былъ іеромонахъ Іоаннъ Заруцкій, кажется намъ простою ошибкою. Пріѣзжалъ Аѳ. Заруцкій, что извѣстно; но въ свитѣ было нѣсколько іеромонаховъ (см. составъ духовныхъ лицъ свиты у Шляпкина стр. 202, кр. 3); вѣроятно, одинъ изъ нихъ звался Іоанномъ, а Костомаровъ неточно списалъ показаніе источника.

Ал. Маркевичъ.

Маленькое объясненіе. Перечитывая на дняхъ 6-й томъ сочиненій Григорія Федор. Квитки (Харьковъ 1894 г.), я встрѣтилъ въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ тамъ, нѣсколько строкъ, упрекающихъ меня за то, въ чемъ я не повиненъ. Почтенный авторъ біографіи Г. Ф. Квитки, г. С. Р., между прочимъ говоритъ: «Самъ Науменко, приводя стихотвореніе Шевченка, посвященное Основьяненку, съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что этого-то содержанія (т. е. того, на которое указывается въ стихотвореніи), столь желаннаго для Шевченка, и не было въ повѣстяхъ Квитки и не было къ нимъ даже и призванія у стараго повѣствователя. На этотъ поэтическій зовъ молодого кобзаря—Шевченка что онъ написалъ еще по-малороссійски? Двѣ или три стихотворныя побрехеньки.—Это по нашему немного слишкомъ сильно сказано и т д.» Безспорно, эти мысли приведены у меня, но только г. С. Р., очевидно наскоро читавшій статью, не замѣтилъ, что онѣ принадлежатъ не мнѣ, а М. А. Максимовичу, рукописный отзывъ котораго о Квиткѣ я напечаталъ въ своей статьѣ.

В. Науменко.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревкаго въ Полтавѣ.

Въ № 3 Кіевской Старины, помѣстивъ замѣтку по поводу постановки памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, редакція объявила своимъ читателямъ, что она открываетъ у себя сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, при чемъ жертвуемыя деньги будетъ направлять въ Полтаву. Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили пожертвованія на этотъ предметъ отъ слѣдующихъ лицъ:

В. В. Тарнавскаго—300 р., С. С. Могилевцева—20 р, К. М. Гамалѣя, А. М. Лазаревскаго, Н. В. Молчановскаго, М. П. Моссаковскаго, В. П. Науменка, Н. Д. Новицкаго, А. В. Стороженка, М. К. Чалаго, Н. В. Шугурова—по 10 р., И. М. Каманина, А. В. Лазаревскаго, И. С. Левицкаго, О. И. Левицкаго, К. П. Михальчука, М. Я. Порскаловой, А. І. Степовича, В. И. Щербины—по 3 р., N—2 р., N—1 р., N—1 р.,—всего 438 р., которые и отправлены въ Полтаву. Сборъ добровольныхъ пожертвованій при редакціи «Кіевской Старины» продолжается.

Библіографія.

L'Anthropologie—Tome sixiéme, année 1895.

«Антропологія», одинъ изъ первоклассныхъ европейскихъ журналовъ, посвященныхъ антропологіи, первобытной археологіи и сравнительной этнографіи, помѣстилъ въ 1895 году нѣсколько статей, посвященныхъ изученію древностей южно-русскаго края.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій помѣщены двѣ статьи барона де Бай (de Baye): 1) Каменный вѣкъ въ Украинѣ и 2) Замѣтка о эпохѣ металлической культуры въ Украинѣ. Въ первой статьѣ (Note l'âde de la pierre en Ukraine, стр. 1—17) авторъ сообщилъ въ краткомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ свѣдѣнія, собранныя имъ во время его путешествій въ южную Россію въ 1893 и 1894 годахъ. Во время этихъ путешествій баронъ де Бай изучилъ весьма внимательно мѣстныя коллекціи археологическихъ предметовъ и познакомился основательно съ литературою разсматриваемаго предмета; сверхъ того, онъ предпринялъ нѣсколько экскурсій и раскопокъ для нагляднаго изученія памятниковъ каменнаго вѣка на югѣ Россіи (въ с. Вишенки, остерскаго уѣзда; въ усадьбѣ г. Святославскаго въ Кіевѣ, на Юрьевской горѣ въ окрестностяхъ Смѣлы). Бар. де Бай сообщилъ точныя свѣдѣнія о немногихъ понынѣ извѣстныхъ находкахъ палеолитической эпохи въ южной Руси, затѣмъ, переходя къ неолитической эпохѣ, представляетъ весьма точный очеркъ главныхъ памятниковъ этого періода: лесовыхъ пещеръ, спорадическихъ находокъ, среди которыхъ онъ указываетъ формы орудій характеристическія для южной Руси (полированные кремневые топоры и просверленные топоры—молоты) и сличаетъ эти формы съ формами, находимыми въ Скандинавіи. Далѣе слѣдуетъ перечень трехъ похоронныхъ типовъ въ курганахъ каменнаго вѣка въ южной Руси и весьма обстоятельное опи-

саніе стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка (мастерскія пряслицъ изъ краснаго шиффера въ овручскомъ уѣздѣ, стоянка на Юрьевой горѣ, стоянка и мастерскія у селъ: Збранки, Васьковичи, Сивки, Мощаницы, Вишенки и Кіева). Статья заканчивается описаніемъ могильника у с. Гатного (кіевскаго уѣзда), который, по мнѣнію автора, совершенно по нашему мнѣнію справедливому, составляетъ переходъ отъ каменнаго вѣка къ металлическому. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя барономъ де Бай, основаны на добросовѣстномъ изученіи какъ мѣстныхъ коллекцій (гр. Бобринскаго, Кіевскаго университетскаго музея, коллекціи г. Радоминскаго и т. д.), такъ и трудовъ, посвященныхъ данному предмету въ русской археологической литературѣ; свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, весьма точны, сгруппированы умѣло и освѣщаютъ древности нашего края весьма рельефно, указывая подобающее для нихъ мѣсто въ европейской наукѣ.

Не менѣе обстоятельна и другая статья барона де Бай: «Note sur l'époque des metaux en Ukraine (стр. 374—392)». Авторъ разсматриваетъ подробно типы скиѳскихъ кургановъ и сообщаетъ свѣдѣнія о находимыхъ въ нихъ предметахъ; онъ даетъ весьма вѣрную характеристику оружія, зеркалъ, сосудовъ, лошадиной сбруи и украшенія одежды, добытыхъ изъ скиѳскихъ кургановъ и хранящихся въ собраніяхъ гр. Бобринскаго, въ кіевскомъ университетскомъ музеѣ, въ коллекціяхъ г.г. Мазараки, Хайновскаго, Скаржинской и т. д.; въ концѣ статьи перечислены находки греческихъ могилъ, понынѣ открытыхъ въ южнорусскомъ краѣ. Авторъ не задается вопросомъ о происхожденіи скиѳовъ, но за то очень вѣрно опредѣляетъ въ скиѳскомъ быту вліяніе культуры средне-азіятской и воздѣйствіе на нее греческой культуры. Особенно интересно разсужденіе о зооморфическихъ орнаментахъ, составляющихъ преобладающій характеръ украшенія скиѳскихъ предметовъ. Баронъ де Бай считаетъ эти украшенія характеристическимъ признакомъ самобытной скиѳской культуры и указываетъ на широкое ея распространіе и воздѣйствіе на западно-европейскую культуру въ началѣ среднихъ вѣковъ: зооморфическія украшенія французскіе археологи считали признакомъ мѣстной культуры времени Меровинговъ, между тѣмъ какъ по сличенію барона де Бай онѣ оказываются лишь заимствованіемъ далекаго восточнаго скиѳскаго стиля.

Въ отдѣлѣ библіографіи (Mouvement scientifiue) мы встрѣчаемъ два отчета г. Волкова объ археологическихъ сочиненіяхъ, касающихся южной Руси: это извѣстіе о статьѣ о. Василія Спесивцева,

помѣщенной въ Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества о находкахъ въ селѣ Райгородкѣ (Изюмскаго уѣзда; стр. 194); въ статьѣ этой констатированы 2 стоянки неолитическаго періода, открытыя въ данной мѣстности, и сообщены свѣдѣнія о спорадическихъ находкахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ намеки на эпоху палеолитическую.

Другой отчетъ (стр, 324—326) посвященъ работѣ г. Ястребова: «Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи». Содержаніе этого почтеннаго труда уже извѣстно читателямъ «Кіевской Старины».

В. А.

Т. Тутковскій. Юго-Западный край. Естественно-историческіе и географическіе очерки. Выпускъ 2-й. Кіевъ 1895 г. 8°. 56 стр.

Книжка г. Тутковскаго заключаетъ въ себѣ популярные очерки естествовѣда мѣстной природы. Хорошо вооруженный научными знаніями, авторъ показываетъ намъ изъ мѣстной природы интересные уголки съ какими либо естественными примѣчательностями и тутъ же научно объясняетъ, въ чемъ заключаются эти примѣчательности. Такихъ очерковъ въ книжкѣ три: Трахтеміровскія тайны, Пѣшкомъ въ побережье р. Тетерева и—Коростышевъ и его окрестности., и кромѣ того еще два очерка изъ кіевской геологіи: артезіанскіе фонтаны въ Кіевѣ и кіевскіе сползни. Очень интересны описанія побережій р. Тетерева, на которыхъ найденъ напр. (около с. Козіевки)—мраморъ. «Здѣсь скрывается, говоритъ авторъ, единственное во всемъ юго-западномъ краѣ (и во всей южной Россіи) мѣсторожденіе настоящаго мрамора, кристаллическаго известника, сѣроватаго, мѣстами очень красиваго розоваго цвѣта съ нѣжными бѣлыми, розовыми и черными жилками... Онъ очень легко обрабатывается, такъ какъ мягче другихъ нашихъ камней, и принимаетъ превосходную полировку; издѣлія изъ него очень красивы и сверхъ того, онъ представляетъ хорошій строительный камень; но пока это интересное и рѣдкое мѣсторожденіе лежитъ совершенно нетронутымъ и безполезнымъ»... Значитъ, изъ Италіи привозить мраморъ, хотя бы въ Кіевъ, удобнѣе, чѣмъ изъ радомысльскаго уѣзда... Книжку г. Тутковскаго можно рекомендовать, какъ интересное чтеніе для любителей природы. Въ заключеніе сдѣлаемъ къ *геологическимъ* очер-

камъ маленькую *историческую* поправку: говоря о Трахтомировскихъ тайнахъ природы, авторъ замѣчаетъ, что самъ Трахтомировъ въ историческомъ отношеніи ровно ничѣмъ не замѣчателенъ... Но—это былъ первый козацкій городъ,—Стефанъ Баторій назначилъ его центромъ Украинскаго козачества, когда задумалъ организовать послѣднее. Объ этомъ можно читать во всѣхъ исторіяхъ Малороссіи...

Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзгляднеиіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. 2 тома. Львовъ. 1888—1895. Въ 4-ю д. л. 1 т.—XXII+161 стр. ц. 7 р. 50 к. и 2 т. 733 стр. ц. 31 р.

Въ теченіе семи лѣтъ издавался настоящій трудъ г. Левицкаго, и теперь, когда онъ оконченъ, галицко-русская литература обладаетъ такою библіографіей, какой не имѣютъ и болѣе богатыя славянскія литературы. Книга г. Левицкаго представляетъ собою до нѣкоторой степени монументальный трудъ, потребовавшій отъ ея составителя нѣсколькихъ лѣтъ кропотливой работы. Въ ней хронологически перечислены не только всѣ книги и брошюры, но и всѣ журнальныя и газетныя статьи, подробно обозначенныя при названіи того или другого періодическаго изданія. Такимъ же образомъ перечислены и статьи всѣхъ сборниковъ, а въ томъ числѣ и календарей. Разумѣется такая работа могла быть исполнена силами одного человѣка и въ такой сравнительно короткій срокъ лишь потому, что за 85 лѣтъ (1801—1886) въ галицко-русской литературѣ появилось отдѣльныхъ изданій лишь только 3411 [1]). Составлена книга г. Левицкаго образцово; имѣя эту книгу въ рукахъ, не нужно перелистывать, напр., фоліанты газетъ, чтобы найти нужныя по тому или другому вопросу свѣдѣнія, содержаніе всѣхъ газетъ имѣется въ книгѣ г. Левицкаго и при томъ подробное: содержаніе газеты «*Слово*» за 1879 г. (изложенное на 4-хъ стр. въ 4-ку мелкой убористой печати) показано въ перечнѣ всѣхъ статей, раздѣленныхъ притомъ по ихъ содержанію на рубрики, причемъ перечисляются и всѣ «корреспонденціи», съ крат-

---

[1]) Для сравненія можно указать, что въ Росписи Россійск. книгамъ Анастасевича, изданной въ 1828 г., показано русскихъ книгъ, печатанныхъ гражд. шрифтомъ—9934.

кимъ указаніемъ ихъ содержанія. Въ концѣ книги помѣщенъ—«Указатель именамъ авторовъ и заглавіямъ публикаціямъ» (стр. 595—733), въ которомъ, при имени того или другого автора, помѣщенъ перечень всѣхъ его статей, перечисленныхъ на страницахъ «Библіографіи»; этотъ же указатель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *предметный*, такъ какъ тутъ же показаны и общіе заголовки тѣхъ или другихъ *предметовъ*, съ указаніемъ статей, касающихся сихъ послѣднихъ; при этомъ названы, напр. такіе отдѣлы: «богословіе и церковная литература», «гуцулы», «словарь» и т. д. Не упущены составителемъ криптонимы и псевдонимы называемыхъ въ книгѣ авторовъ, причемъ собраны любопытныя данныя о псевдонимахъ, напр: при имени одного автора указано болѣе двацати его псевдонимовъ: Федоръ, Верниволя, Жукъ, Дроздъ, Журавель, Маруся, Сирота и т. д.

Книгу г. Левицкаго можно рекомендовать, какъ образецъ безукоризненной библіографической работы. Напечатана она на плотной веленевой бумагѣ, четкими шрифтами, которыхъ на одной страницѣ встрѣчается иногда до десятка отдѣльныхъ формъ.

Одинъ недостатокъ имѣетъ книга г. Левицкаго,—ея дороговизна, дѣлающая ее малодоступною для небольшихъ частныхъ библіотекъ, но трудно упрекнуть за это автора, когда такія книги расходятся иногда лишь въ десяткахъ экземпляровъ, а на «Библіографіи» значится, что она «издана авторомъ»...

Предположивъ закончить свою работу въ 1886-мъ году, г. Левицкій съ 1887 г. началъ составленіе галицко-русскихъ библіографій *за каждый годъ отдѣльно*, причемъ печаталъ ихъ въ видѣ приложеній къ «.алицкому Литературному Сборнику» и отдѣльно. До сихъ поръ такія «библіографіи» появились за три года—1887, 1888 и 1889. Жаль будетъ, если галицко-русская библіографія не будетъ г. Левицкимъ продолжена: другого такого искусника по этой части нескоро можно найти.

А. Л.

Куліш Олельковичъ Панько. Дзьвин, староруські думы й сьпіви Женева 1893, стр. 1—239.

Книжка, только-что нами названная, хотя и не составляетъ новости литературной, т. к. отпечатана еще въ 1893 году, но является настолько малоизвѣстной у насъ въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

настолько характерной по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, что сказать о ней нѣсколько словъ будетъ небезполезно, а для нашихъ читателей можетъ представить интересъ даже и новизны, въ виду ея заграничнаго изданія. Имя *Пант. Алекс. Кулиша (Панька Олельковича Куліша)* слишкомъ хорошо извѣстно книжному человѣку, не только среди южноруссовъ, но въ равной мѣрѣ и среди великоруссовъ и поляковъ, какъ имя человѣка, много и разнообразно заявившаго себя въ вопросахъ историческаго, литературнаго, этнографическаго и политическаго изученія украинскаго народа. Роль его въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе интересна, что на пространствѣ полустолѣтія, въ теченіе котораго П. А. Кулишъ постоянно выступалъ въ наукѣ, литературѣ и публицистикѣ то съ большей, то съ меньшей силой и энергіей,—можно увидѣть много смѣнъ въ его основныхъ воззрѣніяхъ, и притомъ такихъ смѣнъ, которыя подавали поводъ считать его то рьянымъ представителемъ украинскаго народолюбія (въ началѣ 60-хъ годовъ—напримѣръ), то ярымъ противникомъ всего носящаго отпечатокъ украинско-козацкой культуры (начиная съ 70-хъ годовъ). Какъ самая личность П. А. Кулиша, представляющая большой интересъ для анализа и изученія ея, такъ и эти колебанія и неуравновѣшенность въ воззрѣніяхъ его, ждутъ еще своего изслѣдователя, который долженъ будетъ, взвѣсивъ и оцѣнивъ все существующее pro и contra, высказать свой безпристрастный судъ; но теперь еще для этого не настало время, ужъ по тому одному, что теперь нельзя еще отрѣшиться отъ того субъективнаго начала, которое неминуемо является при оцѣнкѣ лицъ, еще дѣйствующихъ. Правда, публичная дѣятельность человѣка, а тѣмъ болѣе печатное его слово открываютъ возможность такого суда, даже больше того—создаютъ обязательство высказаться по этому поводу, но мы въ данномъ случаѣ не беремъ на себя роли оцѣнивать всю дѣятельность П. А. Кулиша, т. к. къ этому не обязываетъ насъ та книга, которая служитъ поводомъ къ нашему настоящему отзыву; мы считаемъ только необходимымъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній для того, чтобы понятнѣе было содержаніе и главный тонъ разбираемой книжки.

Какъ извѣстно П. А. Кулишъ впервые совершенно опредѣленно высказался, со своими осужденіями по адресу всего прошлаго козацкой Украины, въ 70-хъ годахъ, когда появилась въ печати его «Исторія Возсоединенія Руси». Критика сразу отозвалась по поводу этой новой работы г. Кулиша, и въ большинствѣ далеко не въ бла-

гопріятномъ для автора смыслѣ. Послѣ этого нашъ историкъ и публицистъ покатился какъ-бы по наклонной плоскости, все энергичнѣе выступая защитникомъ польской культуры, которая страдала отъ измѣнническихъ козацкихъ бунтовъ разбойничьяго характера; при этомъ начали совершенно опредѣленно обнаруживаться симпатіи автора къ дѣятельности Петра I-го, Екатерины II-й. Эти его излюбленныя идеи стали теперь выявляться всюду—и въ историческихъ его работахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и даже въ поэтическомъ творчествѣ [1]). Результатъ этого настроенія П. А. Кулиша выразился въ его «Хуторной поэзіи» и «Крашанкѣ», двухъ книжечкахъ, отпечатанныхъ въ Львовѣ въ началѣ 80-хъ годовъ. Конечно, не могли остаться безъ отвѣта со стороны болѣе видныхъ представителей Украины, какъ Н. И. Костомаровъ и Д. Л. Мордовцевъ, эти поразительныя писанія г. Кулиша, чѣмъ и объясняется, что нашъ авторъ, очевидно недугующій крайнимъ самолюбіемъ, внесъ теперь въ тему своихъ писаній дальнѣйшихъ и этихъ новыхъ своихъ враговъ. По крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить той желчи, переходящей подчасъ въ неприличную брань, которою переполнены нѣкоторыя стихотворенія въ разсматриваемой книгѣ. Такъ напр., чѣмъ инымъ, кромѣ злобнаго самолюбія, можно объяснить слѣдующій недостойный памфлетъ автора, озаглавленный имъ «Велыкому кныжныкови про дешеву премію его имени» (стр. 42—43)? Считаю нужнымъ напомнить читателямъ нѣкоторыя обстоятельства временъ давнихъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ извѣстно, въ журналѣ «Основа» было объявлено о сборѣ пожертвованій на составленіе средствъ для изданія народныхъ малорусскихъ книгъ, при чемъ средства эти направлялись къ Н. И. Костомарову. Въ каждомъ почти померѣ «Основы» печатался отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ. Собрался капиталъ тысячъ около 4-хъ, а между тѣмъ по измѣнившимся обстоятельствамъ цѣль и начинаніе собравшихся средствъ не могли быть осуществлены. И вотъ Н. И. Костомаровъ, какъ хранитель этихъ капиталовъ, рѣшилъ завѣщать всю собранную сумму въ академію наукъ, въ видѣ преміи за лучшій малорусскій словарь. Можно ли судить Н. И. Костомарова за такое рѣшеніе? Да и что можно было иное предложить ему въ видѣ совѣта? А

[1]) Кстати сказать и новѣйшая статья его въ „Русскомъ Обозрѣніи“ подъ заглавіемъ „Украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго“, написана въ томъ же тонѣ.

между тѣмъ теперь, когда давно ужъ нѣтъ завѣщателя въ живыхъ, П. А. Кулишъ нашелъ возможнымъ злобный укоръ кинуть по адресу Н. И. Костомарова. Не перепечатывая всего стихотворенія, мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ только заключительный куплетъ, который стоитъ послѣ указанія того, какъ «лукавый пысьменныкъ» (Костомаровъ) собранныя деньги якобы «занапастывъ на божевильне дило».

Брящай, дзвоны, пысьменныку лукавый:
Бо намъ (речешъ) ничого бильшъ не треба.
Сподобывсь и въ самому пекли славы,
Прыймы-жъ печать клятьбы святои зъ неба.

Прочитавъ такое недостойное поэзіи стихотвореніе, искренно пожалѣешь, что у автора есть даръ писательства, т. к., конечно, это не поэзія, а неблаговидный пріемъ сведенія счетовъ съ врагами.

Тутъ-же рядомъ находимъ и еще нѣсколько стихотвореній направленныхъ противъ упомянутыхъ личностей, а особенно противъ, Д. Л. Мордовцева, написавшаго остроумный свой отвѣтъ на «Крашанку» г. Кулиша подъ заглавіемъ «За крашанку пысанка» и подписавшагося *Слипченкомъ* [1]). Этотъ отвѣтъ и вызвалъ стихотвореніе г. Кулиша. «Слипченкови», которое заканчивается такимъ перломъ поэзіи:

Калики розумомъ, стыдовыще природы!
Про волю крычите, цураетесь свободы.
За деспотство съ панивъ лупыты рады шкуру,
И волну грызете, мовъ пацюки, бандуру. (стр. 46—47).

Въ этомъ стихотвореніи хотя и меньше замѣчается тотъ озлобленный, неприличный тонъ, которымъ исполнено раньше приведенное, но все таки и здѣсь огонь поэзіи отсутствуетъ. Немножко замѣчается этотъ огонекъ въ третьей пьесѣ, баснѣ «Свыня та цуцыкъ», хотя и тутъ личный элементъ играетъ первую роль. Дѣло въ томъ, что, какъ было сказано, Н. И. Костомаровъ и Д. Л. Мордовцевъ отозвались неблагопріятно о новомъ творчествѣ г. Кулиша въ его «Хуторной поэзіи» и «Крашанкѣ». За этотъ отзывъ и мститъ авторъ своимъ критикамъ басней «Свыня та Цуцыкъ». Въ этой баснѣ, хотя подкладка ея и очень непригляднaя, нѣтъ по крайней мѣрѣ того злобнаго начала въ непоэтической формѣ, ко-

[1]) Д. Л. Мордавцевъ и теперь по поводу названной статьи г. Кулиша въ „Русскомъ Обозрѣніи“ явился съ короткой но очень мѣткой статейкой въ „Новомъ Времени“ (1895 г., 6-го февраля) подъ заглавіемъ „Въ защиту правды“.

тораго исполнены первыя два стихотворенія; тутъ хоть до извѣстной степени выглядываетъ поэзія въ добродушно-сатирической формѣ піесы; хотя человѣчество, конечно, ничего не потеряло-бы, если-бы такого творчества и совсѣмъ не было. А вѣдь въ данной книгѣ далеко дѣло не ограничивается только піесами въ родѣ вышеприведенныхъ: здѣсь можно найти цѣлый рядъ стихотворной публицистики, очень и очень опредѣленнаго характера, о которой мы не будемъ распространяться теперь, т. к. это привело бы насъ къ необходимости подробно останавливаться на идеяхъ г. Кулиша и дѣлать имъ критическую оцѣнку, отъ чего мы сразу отказались.

Впрочемъ, въ этой-же книгѣ, какъ оазисы, попадаются истинные перлы поэзіи, такіе чистые, трогающіе за душу, что и не вѣришь, читая ихъ, будто это есть произведеніе того-же автора, творчество той-же самой мысли и того-же самаго сердца, которыя за нѣсколько секундъ передъ этимъ въ душѣ вашей вызвали чувство гадливости. Одинъ изъ этихъ перловъ, созданныхъ тоже на почвѣ субъективизма, но субъективизма иного порядка, написанъ по адресу старухи жены иноситъ названіе: «Чоломъ доземный моїй-же таки знаній». Тонъ этого стихотворенія замѣчателхно нѣжный, лирическій, а между тѣмъ достаточно сказать, что эта чистая лирика по адресу престарѣлаго друга-жены пишется человѣкомъ совсѣмъ ужъ на склонѣ жизни, когда поэзія любви отходить на второй планъ, уступая мѣсто спокойно-философскому размышленію.

В. Науменко.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

I.

1. **Чайченко (Гринченко).** Батько та дочка. Оповидання. Цина 5 коп.
2. **Чайченко (Гринченко).** Пидпалъ.— Панько. Два оповидання. Цина 3 коп.
3. **Чайченко (Гринченко).** Робинзонъ. Цина 10 коп.
4. **Жыви струны.** Збирка писень. Цина 12 коп.
5. **Коцюбынськый.** Пъятызлотныкъ. Опов. Цина 3 коп.
6. **Коцюбынськый.** Харытя.—Ялынка.—Маненькый гришныкъ.—Тры оповидання. Цина 5 коп.
7. **Вирна пара та инше.** Оповидання та вирши Г. Барвинокъ, Е. Гребинкы, М. Вовчка, М. Костомарова, П. Кузьменка, Л. Боровыковського. Цина 8 коп.
8. **Гордіенко.** Кумъ—ханъ.—Прыгода у повидь.—Петро Мирошныченко.—Тры оповидання. Цина 3 коп.
9. **А. Т . . .** Добра душа. Оповидання. Цина 5 коп.
10. **Шевченко.** Катерына. Цина 3 коп.
11. **Чорноморци у неволи.**—Якъ чоловикъ конемъ бувъ,—Уласъ Павленко.—Тры оповидання. Цина 5 коп
12. **Гринченко (Чайченко).** Байкы. Цина 15 коп.
13. **Гринченко. (Чайченко).** Неймовирный. Драма 5 дій. Ц. 10 коп., а на лучшей бумагѣ 15 коп.
14. **Загирня.** Добра порада. Оповидання. Цина 5 коп.

Выписывающіе отъ издателя Бориса Дмитріевича Гринченко изъ Чернигова не менѣе 50 экземпляровъ этихъ книгъ пользуются уступкой въ 50% (пересылка на счетъ покупателя).

II.

1. Б. Д. Гринченко. (В. Чайченко). Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови, 1895. Цина 50 коп.

2 Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I-й. Сказки и разсказы. Черниговъ 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе отъ автора изъ Чернигова не платятъ за пересылку, а для выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ—25% уступки.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при **Императорскомъ** Харьковскомъ Университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1- мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1898 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1897 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1894 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: **г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.**

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

мана, у которого и обѣдалисмо, и по обѣдѣ я просидѣлъ у п. Михайла зъ п. полковникомъ лубенскимъ, а повернувшись у вечеру домой, просидѣлъ доволно зъ Федоромъ Чуйкевичемъ.

Вовтор. 2. Сей день былъ подобній прежнимъ, хмаренъ, мокроватъ и вѣтрянъ, ночъ такъже хмарна и мокроватого воздуха. Принималемъ пѣлули гловніе отъ доктора Бока и имѣлъ доволно лякеацѣй и одинъ вомѣтъ.

Середа. 3. День былъ уже, якоби отмѣнного воздуха, на сухость перемѣняючогося и холоднешого, хмарній и безъ вѣтру, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, пол. луб., на Бѣлополовку, где съ нимъ и съ п. Михайломъ просидѣли до полночи у ломбаръ играючи, зъ проиграшемъ моимъ 40 а. Писали отъ род. и отъ насъ листи до отца ігумена Петропавловского и до архиерея Кіевского о непереводѣ ігумени Глуховской у монастиръ Гамалѣевскій.

Четвер. 4. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ, мокроватъ и зъ маленкимъ морозцемъ, ночъ також хмарна, вѣтряна, безъ морозу. Обѣдалъ я сегодня у гетманскомъ дворѣ, отколь зъ п. пол. луб. и п. Михайломъ ездили до коменданта Кишкина, а оттоль до п. Петра зъ которимъ, тако жъ зъ п. Михайломъ и Холодовичемъ, играли у карти безъ проиграшу моего.

Пятокъ. 5. День былъ хмарній, мокрій, подобній прежнимъ зъ дощикомъ и ночъ такова жъ. Зъ Сухоносовки привезено: вовни перервинской, старой бѣлой, рунъ 225, ягнячой 103, да криворудской ягнячой 150, сукна валеного локоть 60, масла криворудского фаска, тютюну папушъ 758, хмѣлю лантухъ и мѣховъ 4, мясо зъ 7 кабановъ, ковбасъ 35, ка... на конѣ 13. Зъ Крисіокъ привезено салъ 15, малихъ 4. Въ Криски, черезъ подводи крисковскіе, послали жита четвертей 18 на 9 подводахъ. Въ Тулиголови на сварковскихъ 16 подводахъ послали жита четвертей 32.

Крещеніе. Субота. 6. День былъ подобній вчорайшему и ночъ, а къ свѣту морозецъ. По отправѣ церемонѣи, былъ банкетъ у гетмана, где били генералъ, такъже Алексѣй Іван. Панѣнъ и многіе, и подпіяхомъ.

Неделя. 7. День билъ подобній прежнимъ во всемъ, о полднѣ мокро, такова жъ и ночъ, и къ свѣту морозъ, а въ ночѣ вѣтеръ. Билъ банкетъ у генерала и подпіяхомъ, где п. Михайло, подпилій барзо зъ генераломъ, уступилъ въ ссору зъ протчими пянственную, для чего и отехалъ скоро, а мы позабавилися долго и отехали зъ п. полков. луб.

Понедел. 8. День былъ прежнимъ во всемъ подобенъ, то есть зранку морозъ, да зверхъ того маленкій снѣжокъ, о полднѣ роставало, хмарно и почасти вѣтряно, ночъ такъже хмарна и къ свѣту морозецъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла, оттоль до генерала, где играли у ломбаръ съ нимъ и съ п. Петромъ, зъ виграшомъ моимъ 82 к. и вечерали. Вѣжевскій четверть жита купилъ. Климъ пѣщанскій пріехалъ въ Глуховъ зъ лубенского полку и обявилъ, что слобожанъ криворудскихъ принялъ къ футору во владѣніе.

Вовтор. 9. День зъ ранку зъ морозомъ, а потомъ подобній прежнимъ, такова жъ и ночъ. 3 куѳи гор. послани черезъ сухоносовцевъ до Сухоносовки, зъ которой старостѣ велено одну куѳу отослать въ Перервинцѣ, а другую въ слободку Кривор. и третую туда жъ, и денги старостѣ потреб. на роздачу на сѣно роздавать, а сухонос. держать въ целости, а въ онихъ куѳахъ носат. тулиг. старихъ 14 и квартъ 58, а во всякой зъ нихъ въ первой....

Середа. 10. Подалъ я п. Петру, пол. луб., указъ гетманскій о сиску въ судъ полковий луб. Василенка Семена и учиненню справедливости съ него за побой старости моего перервинского. Обѣдалъ я у столу гетманского, откуду заездилъ до генерала, где зъ генераломъ маіоромъ Алексѣемъ Івановичемъ Панѣнимъ, отехавщимъ сегодня зъ Глухова въ Москву, простился. День былъ зъ снѣгомъ и метелицею до ночи, а въ ночѣ престалъ снѣгъ ити и хмарно стало и тихо.

Четвер. 11. День тихъ зъ доволно нашедшимъ вчора снѣгомъ, ночъ тожъ тиха, хмарна и помѣрного холоду. Дворникъ калюжнов. привезлъ вѣдомость, что гречки всипали у яму двома рази четверичковъ 483. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ

п. Михайло и сотникъ воронѣжскій Холодовичъ, зъ которими на Бѣлополовку ездилемъ до п. пол. луб., где играли у панфиля, зъ проиграшомъ моимъ 70 к. Тютюнникъ гамалѣевскій отправленъ зъ листомъ до Алексѣя, чтобъ ему дать 2 р. 50 к., чтобъ Алексѣй 2 куѳи гор. принялъ отъ п. Марка, чтобъ грошей за такую всю гор. принятихъ не тратилъ, чтобъ пасѣчника сюда, сискавъ, зъ пшеномъ вислалъ.

Пятокъ. 12. День билъ зъ силною метелицею, отчего снѣгу прибавилось много, а потомъ снѣгъ переталъ, однако жъ зъ раствореніемъ воздуха, ночъ хмарна, тиха и мѣрного воздуха. Климъ пѣщанскій отобралъ отъ грека Іотія за вино потрете 10 р., а Вѣжевскій отъ Грицка Тихого, шинкара тулиг., отобралъ должнихъ 8 р., а 6 р. и 33 к. еще виноватъ. Купили сегодня жита полъ 5 четверика, Вѣжевскій платилъ. Вѣжевскому сегодня далемъ отъ Тихого принятихъ и отъ себе, всѣхъ 11 р., на жито. Бралъ пилули и доволно имѣлъ операцѣй, а пѣлули доктора Библова.

Субота. 13. День былъ хмарній, вѣтряний, воздуха среднего и хлада, ночъ такъ же хмарна, тиха и почасти холодновата. Были у насъ Михайло Турковскій писаръ енералний, да обозний стародубовскій Есимонтовскій зъ сыномъ своимъ Степаномъ, за которого приговорили дочъ мою Анну и хустки она отъ себе сватамъ подавала, обѣдали у насъ и подпіяхомъ. У Івановни отобралъ я 25 р. 80 к., проценту за прошлій годъ.

Неделя. 14. День былъ хмарний зъ морозцемъ и холодноватъ, а потомъ до вечора снѣгъ ишолъ, ночъ тиха, хмарна и холодновата. Банкетъ билъ у насъ на зговоринахъ, гетманъ зъ гетмановою и генералъ зъ генералшею, п. Петро и многіе гостѣ и подпіяхомъ. Крисковци зъ оболонскими, подводъ 34, привезли часть будинку розлетского и склали въ Сварковѣ. Отвезли въ Криски 18 четвертей жита.

Понедел. 15. День былъ сперва хмаренъ, тихъ зъ отлигою, а зъ полдня вдругъ учинилась перемѣна, вѣтерь силний зъ метелицею и дожчъ, а потомъ морозъ силний, а къ вечору жестокій, ночъ ясна зъ вѣтромъ и жесточайшимъ, и якоби впервое сеей зими толь

силнимъ морозомъ и потому съ прежнего воздуха состоянія на стужу здѣлалась перемѣна. Былисмо—матка, жена, сватъ обозний стар. и нареченний зять нашъ Степанъ, сынъ его, у гетмана и обѣдали, а по обѣдѣ повернулемся домой и нигде не бывалъ.

Вовтор. 16. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ морозомъ, ночъ такова жъ. Рано ездилисмо зъ род. до генерала и оттоль до п. писара енер., где билъ банкетъ и били гетманъ, генералъ и проч., и подпіяхомъ; оттоль заходилъ я до п. пол. луб. и играли съ нимъ и п. Михайломъ и Холодовичемъ, и Валкевичемъ въ карти, зъ виграшомъ 1 р. Дворникъ калюжновскій подалъ вѣдомость: гречки пріему вимолоченой, четверичковъ московскихъ 657, зъ якого числа молотникамъ отойшло 43, въ росходѣ тамошнемъ 59, въ яму усипалъ 483, а на версѣ есть 72, а самой гречки копъ зъ поля знято 303 и пол. Писалъ я до швакгра п. Якова Полуботка, обявляючи о зговоринахъ нашихъ.

Середа. 17. День и ночъ таковіе были, якъ и прежніе, зъ жесточайшимъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому и съ нами сватъ, обозний Есимонтовскій зъ сыномъ Стефаномъ, а родитель у гетманского столу, где зъ Радищевимъ простился.

Четвер. 18. День и ночъ были подобніе прежнимъ зъ жесточайшимъ морозомъ. Банкетъ билъ у Радищева для его именинъ, а я зъ женою обѣдалъ въ дому и съ нами и зять, которіе сегодня и отехали.

Пятокъ 19. День и ночъ подобніе были во всемъ прежнимъ и зъ жестокимъ морозомъ. Банкетъ былъ у гетмана и подпіяхомъ многіе ради возшествія на престолъ, и оттоль у генерала долго просидѣли; п. Петро, п. Михайло и я играли у карти, зъ проиграшомъ 1 р. 41 к. Вѣжевскій купилъ жита 9 четвериковъ. Климъ зъ денегъ 10 р. имѣючихся у него, далъ Івану Кучеровскому 5 р. за дрикганта, а еще 5 р. доводится ему. Вѣжевскому далъ я цѣпковихъ рублiовиковъ 20 на жито.

Субота. 20. Вѣтряний день и хмарній, ночъ зъ метелицею и жестокимъ вѣтромъ и стужею. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ жена зъ дѣтми поехали въ Новгородокъ, а я ездилъ до п. Петра, где играли у карти зъ виграшомъ моимъ 1 р. 20 к.

Неделя. 21. День и ночъ были зъ жестокимъ вѣтромъ полуношнимъ, отъ которого стужа въ жестокости усугубилась и умножилась такъ, что еще такъ лютого морозу не бывало доселѣ, что зъ людей, черезъ короткій часъ лице, носъ и прочее отморожували. Были родитель и я у церквѣ генералской, а по службѣ у генерала обѣдалъ я, а у вечеру ездилъ до п. Михайла и съ нимъ до п. Петра, зъ которимъ и съ Валкевичемъ играли у карти, зъ проиграшомъ 30 к. Чаю и сахару ліодового по жестянцѣ наложилъ.

Понеделокъ. 22. День былъ зъ метелицею и зъ вѣтромъ и со жесточайшимъ морозомъ, подобнимъ вчорайшому, а съ полудня стало помалу утихать и къ вечору отъ той лютости отдало, ночъ свѣтла зъ меншимъ вѣтромъ и зъ жестокимъ морозомъ, толко жъ полегшимъ прежнего. Обѣдалъ я въ дому зъ маткою, а родитель у генерала; по обѣдѣ пріехали ко мнѣ Валкевичъ и п. Михайло, зъ которими до п. пол. луб. ездилемъ и до полночи игралъ въ карти, зъ проиграшомъ 2 р. 30 к.

Вовтор. 23. День былъ зъ холоднимъ морозомъ, хмарній таково жъ и ночъ. Подалъ я гетману двѣ суплѣки, одну о скупляхъ посторонних въ Крискахъ, а другую на Кодинця, сотника лукомского, о постройки имъ млина и футора на Кривой Рудѣ. Обѣдалъ я у гетманского столу, такъ же протчіе и родитель, а по обѣдѣ заездили до атамана глуховского и подпіяли для веселного его акту зъ дочерю Кандиби, въ Конотопѣ совершившогося; оттоль заездилъ до Борзни и тамъ посидѣвши, пріехалъ въ домъ свой.

Середа. 24. День былъ и ночъ хмарніе, отчасти вѣтряніе и незбытъ холодніе, растворенного почасти теплотою воздуха. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Борзни и п. Михайла, гдѣ съ нимъ, зъ п. пол. луб. и Покорскимъ играли у карти. До тулиг. винницѣ черезъ сварковціовъ послали жита четвертей 20. До Крисіокъ послали жита четвертей 19. Стар. крис. привезлъ, за штаметъ недобранних, 15 р. 35 к.

Четвер. 25. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, хмарніе, тепловатіе. Обрученіе чинилось канцеляристѣ Юркевичу зъ свойствен-

ною гетмановой, для чего былъ банкетъ и мы были у столу гетманского и подпіяхомъ. Князь Шаховскій зъ С. П. Бурху пріехалъ въ Суми, откуду писалъ къ гетману о присилкѣ къ себѣ лѣкара и объ устроеніи почти на перевозку писемъ, для корреспонденцѣи.

Пятокъ. 26. День былъ сперва хмаренъ, потомъ свѣтелъ, а после знову хмаренъ, ночъ хмарна зъ густимъ вѣтромъ, до мокроти склоннимъ. Кровь пускалъ мнѣ лѣкарь Боковъ зъ ноги, зъ плѣски доволно ишло. На торгу купилъ жита Вѣжевский четвериковъ 9 и 2 осмухи. Зъ Сухоносовки пріехалъ Семенъ паламаръ и привезлъ денги 40 р. за сиръ и масло, въ Кіевѣ взятое.

Субота. 27. День былъ хмарній, вѣтряний зъ дощикомъ, ночъ зъ вѣтромъ и морозомъ, знову перемена воздуха. Рано Федора, стрелця перервинского, сынъ отправленъ и 5 р. съ нимъ послани для куплѣ сѣна или соломи и чтобъ Крутень поехалъ въ Короваи за сѣномъ, такъ же староста судомъ или миромъ расправлялся зъ Ковтуненкомъ. Ищисляли сколко купилось всего жита и показалось: въ запискахъ Вѣжевского и Тараса, въ куплѣ четвериковъ 67, 5 осмухъ и полъ осмухи. Зговорили мы брата Івана на дочерѣ Ломиковской Настѣ къ супружеству, старости били хоружій енер. Горленко, да дядя п. Федоръ.

Неделя. 28. Праздновали день тезоименитства ея величества и подпивали у енерала, а я зъ женою и прочіе у гетманского столу, ради учинившогося сегодня брату моему обрученія на зговоренной невѣстѣ. День былъ съ снѣгомъ, холодний, и ночъ хмарна и холодна.

Понедел. 29. День былъ хмарній зъ снѣжкомъ и холодній, ночъ хмарна, а холодна и тиха. Рано была у насъ гетманова, сваха Ломиковская, Горленко, да п. Петръ, пол. луб., и водки випивши, отехали, а мы въ дому обѣдали зъ родителми и съ нами енер. хоружій и дядя. Отправленъ тютюнникъ въ Тулиг., а оттоль зъ трома куѳами гор. въ Кіевъ до Турнавіота для продажи, а отъ куѳи заплачени имъ деньги по 8 зол. до Кіева.

Вовтор. 30. День былъ хмарній и холодний, зъ силною зверху метелицею до полдня, а после полдня и до вечора безъ снѣгу, однакъ зъ холодомъ, ночъ хмарна зъ малимъ вѣтромъ холодна. Матка отехала

въ Роменъ и при ней братъ Лука, а родитель опровожаючи, поехалъ въ Камень, а мы обѣдали зъ тіоткою п. Кондзеровскою и зъ новопріехавшими швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ и зъ сестрою Войцеховичовою и сынами ея; а по обѣдѣ былъ у насъ Пасекъ изъ женою, до которого после ми ездили. Вѣжевскій пріехалъ зъ Тулиг. и привезлъ вѣдомость отправленной гор. 3-хъ куеъ въ Кіевъ, а именно: въ 1 куфѣ гор. простой нос. 7, квартъ 32, а двойной носатка 1, квартъ 31, въ 2) куфѣ простой нос. 6, и квартъ 89, двойной носатка 1, квартъ 52, въ 3) куфѣ прос. нос. 7, квартъ 8, двойной нос. 1, квартъ 52, всего простой гор. нос. 21 и квартъ 14, а двойной нос. 4 квартъ 20 Всего простой и двойной нос. 25 и квартъ 34, а на оковитую пойшло простой гор. нос. 9.

Середа. 31. День былъ хмарній, холодній, тихій и ночъ такова жъ, швакгеръ мой Андрей Полуботокъ пріехалъ зъ С. П. Бурха въ Глуховъ, у котораго я рано былъ, а оттоль ездилъ въ гетманскій дворъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ до суддѣ енер. Борзни, оттоль до двора гетманского повидѣтись зъ п. Михайломъ, братомъ, пріехавшимъ зъ Сумъ отъ князя Шаховского, а оттоль позванъ до енерала Нарѣшкина, съ которимъ и съ п. Петромъ, пол. луб., игралъ у ліомбаръ, зъ проиграшомъ 35 к. Алексѣй пишетъ зъ футора Артополотского Гамал., что роздалъ онъ 10 р. на сотнѣ косарамъ откошивать. Панъ Михайло Скоропадскій привезлъ зъ собою два манѣфеста, въ якой силѣ прошлого году въ слободскихъ полковъ была перепись и прибитіе нинѣшное въ Суми князя Шаховского. (*Слѣдуетъ текстъ манифестовъ*).

М—цъ февраль. Четвер. 1. День былъ хмарній зъ вѣтромъ восточнимъ силнимъ и по мѣрѣ холодний, ночъ такова жъ, толко жъ зъ вѣтромъ силнѣйшимъ. Обѣдалъ я сегодня въ дому и со мною дядя п. Федоръ и Дмитро Кисиленко, и Іванъ Войцеховичъ, а по обѣдѣ ездилъ до п. Петра, пол. луб., съ которимъ и зъ генераломъ Нарѣшкинимъ, туда пріехавшимъ и п. Михайломъ, игралъ у кадрилѣю, безъ проиграшу.

Пятокъ. 2. День былъ хмарній зъ растворенним воздухомъ и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я въ дому, а у вечерѣ ездилъ до

швакгровъ своихъ и съ п. Андрѣемъ простился, которій ноччю и отехалъ въ домъ свой. Полков. миргор. Павелъ Апостолъ, женившійся прошлой неделѣ на дочерѣ столника смоленского Енделярта въ Смоленску, пріехалъ.

Субота. 3. День билъ свѣтлій почасти, а особливо у вечеру, растворенъ воздухъ и тепловатъ, зъ теччю зъ срѣхъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, а къ свѣту морозъ. Праздновали тезоименитство ея величества и подпіяхомъ у столу гетманского. Швакгеръ п. Яковъ и п. Войцеховичева отехали.

Неделя. 4. День былъ хмарній, почасти тихій зъ отлигою, что въ день и дощикъ ишолъ, ночъ сперва вияснилась, а потомъ хмарна, къ свѣту зъ туманомъ и морозомъ. Обѣдалисмо зъ род. и Заборовскимъ, зъ женою вь дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где зъ Ханенкомъ, судіею полковимъ стародубовскимъ, теперъ зъ С. П. Бурху повернувшимся, видѣлся и повидѣвшись, домой повернулся, и вечерали вкупѣ домашніе. Трусевичъ, слуга гетманскій, повернувшійся зъ Москви, привезлъ мнѣ писмо отъ сестри Уляни Івановни и чаю зъ полфунта доброго.

Постъ вел. Понедел. 5. День зъ ранку туманний, але холодний, потомъ свѣтлій, безъ великой стужи, ночъ хмарна, вѣтряна восточнимъ вѣтромъ, къ свѣту зъ морозцемъ. Розмѣру зъ млина ясманского привезено: жита четверичковъ 7.

Вовтор. 6. День былъ хмарній, зъ отлигою, подобною вчорайшой, къ вечору и въ ночѣ зъ морозцемъ, а особливо къ свѣту и зъ невеликимъ снѣжкомъ. Ханенко судця подалъ мнѣ купленніе картузовъ табаку два, да одинъ крученний кругло, а рапе—носовой стовпикъ. Ездилъ я въ городъ до гетманского двора, а оттоль на Бѣлополовку, где видѣлъ я трактатъ чили ратифѣкацѣю прошлого 1732 году въ генвар. мѣсяцѣ въ Гиляни въ Ращѣ учиненную полномощними минѣстрами отъ россійской сторони: генераломъ аншефомъ Левашевимъ, да штатскимъ дѣйствителнимъ совѣтникомъ барономъ Шафѣровымъ, вѣчного мира зъ Персѣею, гдѣ между другими пунктами то виражено, чтобъ въ Персѣю уступить по Куру рѣку всѣхъ провинцей и чтобъ купечеству россійскому торговать въ Персѣи безпошлино.

Середа. 7. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, зъ таяніемъ снѣга веснянимъ, ночъ свѣтла, тиха и маленко холодновата къ свѣту. У вечеру ѳздилемъ до п. Петра, пол. луб., которій отѳздъ свой отложилъ надалѣй, ради приключившойся женѣ его болѣзни. Бѣлополовціовъ уговорили въ подводу подъ 9 куѳъ гор. до Гадяча, по 1 р., и до Полтави по 1 р. и 50 к.

Четвер. 8. День былъ и ночъ весма сходніе вчорайшимъ. Послалъ писма въ Роменъ до родителки зъ поздравленіемъ, до брата Семена тако жъ, до Несторовича, чтобъ позволилъ меду и пива въ ліодовнѣ его поставить, до Алексѣйця—о зваренню пива, о куплѣ и зваренню меду, о павозѣ ліоду въ ліодовню Несторовича, где и напитокъ поставить, до п. Марка о споможенню.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтелъ и тепловатъ, подобній вчорайшому и ночъ свѣтла и хмарна, а къ свѣту морозецъ. Дали 6 пуд. безъ 4-хъ фунтовъ мѣди, котляру гетманскому, на казанъ броварній робить, а срокъ за 3 неделѣ положенъ.

Суббота. 10. День сей билъ хмаренъ зъ густимъ вѣтромъ полуденнимъ, ночъ такова жъ зъ жесточайшимъ вѣтромъ. Приобщались мы зъ родителемъ пресвятимъ тайнамъ, съ женою и, дѣтми у церквѣ святого Михаила. Обѣдали въ дому, у вечеру билъ я у п. Михайла, а потомъ билъ у мене п. Петро, пол. луб., и посидѣвши, отѳхалъ домой.

Неделя. 11. День былъ хмарній, вѣтряний зъ снѣгомъ мокримъ и дощикомъ до вечора, у вечеру такъ же, ночъ такова жъ, только отъ полночи морозецъ показался, зъ снѣжкомъ къ свѣту. Были родитель и я у генерала и гетмана, обѣдалъ я у генерала и играли у карти зъ проиграшомъ 7 к.

Понедел. 12. День былъ свѣтлій и ночъ такова жъ, а къ свѣту морозецъ. Были у генерала и обѣдали род., я, п. Петро и п. Михайло и проч. и подпіяхомъ, а после играли у кадрилѣю зъ проиграшомъ 52 к.

Вовтор. 13. День и ночъ подобніе прежнимъ, вчорайшимъ, зъ таяніемъ снѣгу. Въ Тулиг. отослали овса, Климомъ купленного, 16 четвертей москов. Писалъ я до Каратаева о покупкѣ риби и икри

черезъ Далченка и червонного приложилъ. Отослали до Крисіокъ овса, Климомъ купленного, четвертей 15 и четверичковъ 5. Обѣдалъ я дома, а по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ п. Михайло, зъ которимъ ездилъ до п. Петра и играли у кадриляѣю зъ проиграшомъ 1 р.

Середа. 14. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Ездилъ я рано до Сваркова и футора, обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. пол. луб., зъ которимъ, тако жъ зъ панею его, игралъ, зъ проиграшомъ 50 к.

Четвер. 15. День былъ тепловатъ, мокроватъ зъ знатнимъ снѣгу таяніемъ, и ночъ такова жъ. Рано ездилъ я до п. Михайла, а обѣдалъ у себе зъ род. По обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до п. Петра Апостола, зъ которимъ, тако жъ зъ п. Михайломъ, игралъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 22 к. Писалъ я черезъ Трусевича до Каратаева, чтобъ купилъ перцю, имберу, перeики, закусокъ, гвоздиковъ, корки помаранцовой почасти, и послалъ въ листѣ къ нему дуката въ 22 червонныхъ. Посланъ Демянъ зъ писмами и зъ указомъ гетманскимъ, до полков. чернѣговского, о розиску въ Крискахъ о скупляхъ грунтовъ подданническихъ Ерофѣев. и проч.

Петокъ. 16. День былъ подобній вчорайшому и ночъ зъ таяніемъ снѣгу. Рано отехалъ я зъ Глухова въ Тулиг. и пріехалъ у 3 часа, где и ночовалъ. Зъ 8 четверичковъ жита намелюется четвеpичковъ 11, а зъ 7 четверичковъ жита, да овса четверичковъ двохъ безъ четверти, намололось у млинѣ четверичковъ 12, а зъ 7 четверичковъ жита, да овса зъ двохъ четверичковъ намололось 13 четверичковъ безъ четверти. У винницѣ—давной горѣлки плохой съ полкуфи, а при мнѣ вновъ далъ носатокъ 2 новий винникъ Иценко Грицко полвигорной. У млинѣ бутурлимовскомъ скриня повная и 2 полубочки размѣрного жита при мнѣ было и завозу доволно.

Субота. 17. День былъ подобній прежнимъ и ночъ такъ же. Сегодня тутъ въ Тулиг. слухалъ службы Божой и обѣдалъ, а по обѣдѣ позно поехалъ и пріехалъ въ смерку до Глухова. Хлопецъ рудой явился въ Тулиг., отъ брата п. Марка присланъ и привезлъ листъ, въ которомъ обовляетъ братъ, что меду купилъ Алексѣй и что онъ далъ свой ячмѣнь Алексѣеви на солодъ вимѣнять. Прош-

лого февраля 11-го дня зъ Тулиголовъ виправленъ Михайло Литвиненко въ Полтаву зъ горѣлкою для продажи, которой всей, подправленой: двойною, простой сивухи нос. 90 и квартъ 100, а на подправку перегнали оковитой нос. 11, и квартъ 34, на якую пойшло простой нос. 22 и квартъ 54, итакъ послано оковитой нос. 11 и квартъ 34, а простой 79 нос. и кварт. 66, а всего нос. 90 и квартъ 100, а если оковитую на простую числить, то всеей гор. въ расходѣ тамъ нос. 102. Да назадъ зъ Глухова привезено, для перегону, особливой сивухи куфъ 2, въ которихъ нос. 19 и квартъ 75, зъ якой перегнали оковитой нос. 9, а квартъ 60, якая тамъ и отдана старостѣ; простой отъ перегону осталось квартъ 81 и отдано старостѣ.

Неделя. 18. День былъ хмарній зъ снѣгомъ мокримъ, ночъ такъ же хмарна, зъ маленкимъ къ свѣту морозомъ, тиха. Обѣдалисмо сегодня у гетманского стола, а у вечеру играли у карти, долго въ ночъ, зъ енераломъ, п. Михайло и я, зъ проиграшомъ 54. Пол. луб. п. Петро Апостолъ зъ женою отехали зъ Глухова. Укази зъ С. П. Бурха прислани, одинъ, о правосудіи и неволокитѣ, а другій, о вимѣнюванню сребранихъ копѣекъ на крупніе зъ казни, третій, о витѣсуванню якъ возможно досокъ въ бочкахъ, въ которихъ продаются товари, чтобъ охули въ нихъ черезъ толщину не было.

Понедел. 19. День былъ хмарній зъ таяніемъ снѣгу и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру ездилъ я до Борзни, сторони сестри своей паней Чернишевой съ чолобитчиками тиницкими о млинѣ ея. Тютюнникъ пріехалъ съ Кіева и привезлъ писмо отъ Тарноліота, что онъ принялъ 3 куѳи гор. моей и мѣетъ продать, и прислалъ онъ мнѣ сюда вина волоского 200 квартъ, по 8 копѣекъ кварта.

Вовтор. 20. День былъ зранку зъ морозомъ, а потомъ зъ отлигою, хмарний, тихій и холодноватий, ночъ холодновата и къ свѣту зъ морозцемъ. Обѣдалисмо зъ род. у гетманского столу и простились, а после были у генерала и простились на нашъ отездъ отсель въ Суми до кн. Шаховского, толко жъ сегодня не виехали, а отложили род. и я на завтрее.

Середа. 21. День былъ зъ ранку зъ морозцемъ, а середина зъ отлигою, толко холодно, къ вечору стало мерзнуть, ночъ зъ немалимъ морозомъ хмарна, а особливо морозъ къ свѣту явился. Далъ я паний 60 чер., да брату п. Яну 9 червон. на куплю въ Борзну штуки каруну, двохъ габъ, двохъ сафяновъ, оливи, соку. Вѣжевскому далъ я для покупки всякой, жита и на купчіе 5 р. Рано виехали род. и я зъ Глухова и приехали до монастира Петропавловского год. за 3, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали на Ховрувку, оттоль на Новую Слободу и Засулле, у пустинку Софроніеву, где и ночовали.

Четвер. 22. День былъ зранку зъ морозомъ свѣтлій, а после хмарній, ночъ хмарна, вѣтряна и велми холодна, зъ силнимъ морозцемъ. Зъ пустинки рано поехали и пріехали до Коровайковки села, до Карижи принадлежащого, у милю, и оттоль 2 милю уехавши, через Сеймъ переехавши и уехавши болше милѣ, пріехали до футора тоей же Софроніевой пустинки, где и обѣдали, а по обѣдѣ уехавши миль зъ двѣ, пріехали до Павловки Хоменковой, а потомъ до Павловки Кондратіева села, оттоль через рѣчку Павловку переехавши и уехавши съ милю, пріехали до села Рѣчокъ, где и ночовали у дворѣ сотника тамошнего Рѣчанского. Іотію греку безъ мене жена через Клима дала на вишинкъ вина 60 квартъ, кварта по 20 а., а за моимъ пріездомъ 15 квартъ отобралъ я, а 45 квартъ на немъ.

Пятокъ. 23. День былп ясний, изъ ранку зъ силнимъ морозомъ, потомъ хмарній, ночъ хмарна, тиха и холодна зъ сухимъ морозомъ. Рано зъ Рѣчокъ зъ полъ милѣ уехали и виехали на шляхъ съ Криги до Сумъ идучий, который зъ полъ третѣ милѣ уехавши, пріехали въ Суми и заразъ до князя, теперъ же передъ нами пріѣхавшого зъ Полтави, зайшли, и у него обѣдали, и у вечеру долго просидѣли, а я заходилъ до Михайла Хрущова, где доволно посидѣлъ.

Субота. 24. День былъ холодний велми, хмарній зъ прориваючимся снѣгомъ, ночъ такъ же хмарна, тиха, але холодна, по прежнему. Сей день пробавили зде въ Сумахъ, обѣдали у князя,

по обѣдѣ ходили до Хрущова и тамъ доволно просидѣвши, повернулись къ князю, откуду позно до своей прійшли квартери.

Неделя. 25. День былъ подобній вчорайшому, хмарній, холодній, ночъ ясна и холодна по прежнему. Сей день такъ же въ Сумахъ пробавили и у князя обѣдали и подпіяхомъ.

Понедел. 26. День былъ зранку зъ силнимъ морозомъ, ясній, тихій, ночъ такъже ясна, тиха и велми холодна, сухого воздуха по прежнему. Пробавили и сей день у Сумахъ, обѣдали съ княгинею, а князь принималъ лѣкарство и не виходилъ зъ своей избы. У вечеру были у князя и простившись съ нимъ, отойшли на свою квартеру, а онъ намъ прислалъ табаку картузного, олѣи орѣховой. Войтъ нѣжинскій Петро Стерѣевичъ зъ Глухова пріехалъ и сказалъ, что полковникъ и комендантъ Кишкинъ зъ Глухова взятъ и повезенъ зъ женою за карауломъ въ Москву, при сержанту гвардіи князю Гагарину присланномъ.

Вовтор. 27. День и ночъ прежнимъ сходніе, свѣтліе зъ вѣтрецомъ полнощнимъ, жестоко холодніе. Рано зъ Сумъ поехалъ род., я и братъ Семенъ, и съ нами Федоръ Куколь-Яснополскій, сотникъ бѣлополскій, чили кризкій, и пріехали до Криги степомъ верстъ 41 отъ Сумъ, где у его въ дому обѣдали и ночевали. Известился я зъ розговору бившого княжого, что душъ мужеска полу у слободскихъ полкахъ и у слободахъ 330 тисячъ и что по 12 шаг. на всякую душу положено, на чомъ и подписались, да чтобъ присяжний билъ дворъ 245 душъ на порцѣю и рацѣю. Король полскій Августъ слишно, что умеръ.

Середа. 28. День и ночъ били сходніе къ прежнимъ, холодніе, ясніе зъ вѣтрецомъ. Рано простился я зъ братомъ Семеномъ у Роменъ поехавшимъ, а я зъ род. поехали, а съ нами въ сопутіи тотъ же Яснополскій, и пріехали на службу до пустинки Молчанской, отстоящой около 25 верстъ отъ Криги, где у старика Неплюева и обѣдали. А по обѣдѣ поехали тимъ же путемъ, якимъ прежде ехали, на слободу монастира Путивлского на берегъ, поузъ Ховрувку и пріехали въ монастиръ Петропавловскій глуховскій, верстъ якъ бы у 20 отстоящій отъ пустинки, где и ночовали.

М—цъ мартъ. Четвер. 1. День и ночъ были сходніе къ прежнимъ, ясніе, сухіе и збытъ холодніе. Рано зъ монастира Петропавловского поехали и пріехалъ я до футора моего въ полтори милѣ отъ оного отстоящого, а оттоль до Сваркова, а зъ Сваркова до Глухова передъ обѣдомъ, где и обѣдалъ род. и я толко, а жени отехавшой зъ дѣтми въ Тулиг. не засталемъ. Передъ вечеромъ были у генерала Нарѣшкина, такъ же у гетманскомъ дворѣ, у самого гетмана и у п. Михайла, отъ которого позно, смеркомъ, повернулся я въ свой домъ. Писма двѣ отъ стар. крисковского подани, въ которихъ обявляетъ, что въ Новихъ Млинахъ вареного пива 3 бочки послалъ въ Роменъ, а сюда прислалъ же 6 бочокъ и пол., да прислалъ горшковъ и яблокъ. Пишетъ Алексѣецъ зъ Ромна, что въ калиновского шинкара за вишикованную куѳу гор. взялъ 10 р., а отъ Салогубовского 5 р., за 3 дѣжки меду далъ 10 р. и 3 куѳи меду поставилъ въ ліодовнѣ Несторовича, за солодъ 12 зол. и что сѣна еще имѣется у футорѣ Артопол. скиртъ 14. Да получилъ писма отъ свата Есимонтовского, что прислалъ сіомгъ двѣ, такъже мѣноговъ копчонихъ и приливанихъ. Пишетъ стар. сух., что купилъ скирту сѣна у пол. луб. за 12 р., округъ сажней 34 скирта.

Пятокъ. 2. День и ночъ во веемъ прежнимъ подобніе. Повернулись подводчики зъ Гадяча, ходившіи зъ горѣлкою моею и привезли зъ футора Гамалѣевского ячменю четверичковъ 98 московскихъ, проса четверичковъ 19, гречки четверичковъ 19 и пол., пшона четверичковъ 29 и пол. Ездилъ въ городъ и до швакгра моего п. Якова Полуботка. Прикладалъ Бокъ мнѣ везикаторіумъ на шіи для болю очей.

Субота. 3. День и ночъ были прежнимъ и вчорайшимъ во всемъ сходніе. Отправленъ Демянъ въ Криски и въ Чернѣговъ, а дано ему вѣрчую челобитную по дѣлу зъ Ероѳѣемъ и прочіими за скуплѣ грунтовъ, и інструкцѣю, якъ поступать ему и старостѣ по тому дѣлу, и для нуждъ далъ я имъ 2 р. первей, а теперъ червоннихъ два, и писма до полковника Богданова, до судѣ и писара чернѣг. и приказалъ ему, что бъ людей сюда по жито

вислано. Жена пріехала у вечору зъ Тулиг. и обявила, что тамъ опрочъ куѳи гор. оковитой, еще оставили полтори куѳи гор. простой. Теперъ въ Тулиг. въ винницѣ дается на кадку жита четверичковъ 7, а овса 2, а солоду житного 1, и горѣлки болшъ половини вигоруетъ. Обѣдалисмо зъ род. въ дому, а по обѣдѣ никуда я не ездилъ.

Неделя. 4. День и ночъ были противъ прежнихъ во всемъ сходніе. Былъ я рано у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе зъ род. и Войцеховичами. У вечеру ездилъ я до генерала и п. Михайла.

Понедел. 5. День зъ ранку былъ противъ прежнихъ ясний и холодній, а потомъ отпустило отъ прежнихъ жестокихъ морозомъ и къ веснѣ склонилось, почому въ день знатне роставало, такъ же и въ ночѣ тепловато, ясно, а къ свѣту морозъ. Вѣжевскому далъ 60 р. на жито и росписался, и купилъ сегодня жита четверичковъ 8. Присилано зъ суду до род., чтобъ отвѣтствовать на челобитте чернѣговскихъ черцовъ о млинѣ тулиголовскомъ.

Вовтор, 6. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, зъ знатнимъ таяніемъ, и ночъ такова жъ, свѣтла и тиха, а къ свѣту морозецъ. Сегодня былъ я у дворѣ гетманскомъ и обѣдалъ. Зъ Москви отъ Каратаева получилъ писмо о слабости сестри и присилку осятрини, лосося и полъ-пуда икри. П. Павловой Огіенковой далъ я 6 червонних въ доплатку за прежнюю гор. 15 куѳъ, а еще осталось на мнѣ денегъ 8 р. безъ 20 а. Стар. тулиг. дано зде Вѣжевскимъ, на росходи тамошніе, 6 р.

Середа. 7. День былъ хмаренъ зъ таяніемъ снѣга, ночъ такъже хмарна, весняная. Рано ездилъ я до суд. енер. по челобиттю чернѣговскихъ черцовъ за млинъ тулиг., оттоль заехалъ у дворъ гетманскій, где и обѣдалъ. У Криски вислано черезъ крисковцевъ дерево и пиво привозившихъ, жита четвертей 39. Боку доктору отослалъ я пива бочокъ 2.

Четвер. 8. День былъ свѣтлій, къ веснѣ склонний. Ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту хорошій морозецъ. Янѣшевскій, конюшій, послалъ въ Роменъ и съ нимъ отправлено коней 19, а данъ ему приказъ: 1) коней запровадить туда у футоръ Гамалѣевскій, где

осмотрѣ и проч. въ пунктахъ 15 числомъ и дано ему на дорогу 10 а. Вѣдомость далъ дворникъ калюжновскій росходу овсяного. Въ яму усипали чистого овса 200 четверичковъ, а зъ сверѣпою 200; да Сваркова конямъ четверичковъ 37.

Пятокъ. 9. День былъ хмарній, холодноватий, однако жъ зъ таяніемъ снѣгу, ночъ свѣтла и холоднѣйшая, а къ свѣту и зъ хорошимъ морозомъ. Вѣжевскому далъ я 4 р. да 7 червонихъ на росходи.

Субота. 10. День былъ погодний, але холодний, ночъ такъ же погодна и холоднѣйшая. Пріехалъ Миколай крисковскій зъ Кролевца прускогo и привелъ дриганта. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, до Синявина и Паска.

Неделя. 11. День былъ хмарній, холодноватъ сперва, а после тепловатъ, ночъ такъ же хмарна и почасти холодновата, а къ свѣту снѣгъ. Матвѣю Карпецѣ заплатилъ я должнихъ денегъ за млинъ сварковскій, 33 р., а еще виноватъ 167 р. Климъ посланъ въ Нѣжинъ за грекомъ Михайломъ должникомъ и червонного далъ ему на проездъ. Обѣдали гетманъ, старшина енер. и я зъ п. Михайломъ у отца Мойсея Богаевского, для родившейся и окрещенной дочери его Настѣ, которой воспріемники били род. и гетманова. По обѣдѣ зъ п. Михайломъ ходили до генерала и играли съ нимъ и съ Василемъ Гуревичемъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 142 к.

Ненеля. 12. День былъ хмарній, вѣтрянъ и холодноватъ, а после оттеплѣлъ. Ночъ хмарна, вѣтряна и холодна, къ свѣту снѣгъ зъ морозомъ. Не ездилъ я никуда, обѣдалисмо въ себе зъ род. и женою и Заруцкою, попадею новгородскою. Кварта новая во всѣ шинки, кромѣ сварковскихъ, уставлена, якихъ квартъ у дворѣ государевомъ 23, а въ носатцѣ новой болшой 111, за якую носатку отвернувши десятину и чоповое, приказалъ Тарасу брать денегъ по 9 зол. зъ алтиномъ.

Вовтор. 13. День былъ вѣтрянъ, холоденъ велми, прежнимъ холодамъ почасти подобний а вѣтеръ полунощній, ночъ еще зъ болшимъ вѣтромъ и холоднѣйшая, хмарніе. Рано ездилъ я до суду енер., где былъ въ допросѣ противъ челобиття епископа чернѣгов.

ангелъ мой, подписалъ; а братъ Григорій Петровичъ Любецкую часть подписалъ же, при свидѣтеляхъ оба. И вчерашняго же дня имъ и мною, въ уѣздномъ Черниговскомъ судѣ сознана уже сія на вѣчніе времена раздѣлка. Благодареніе Всемогущему Творцу, а потомъ и благодѣтельницѣ матерѣ нашей бабушкѣ, виновницѣ нашего благополучія, которой принеси надлежащую признательность, за себя и за меня, и разцѣлуй руки ея, что равномѣрно и самъ я за пріездомъ исполнить долженствую. Теперь же я для того только остаюсь здѣсь, чтобъ выпись изъ суда о нашей вѣчной роздѣлки получить, а притомъ, чтобъ при себѣ отправить управляющаго Григорія Петровича съ нашимъ Гуріемъ для принятія отъ волости Любецкой къ жукотскому хозяйству села Радьковки съ протчими деревнями, мельницами и лѣсами, немало не медля. Никакъ не могу быть къ вамъ, а потому и доведется пріехать вмѣстѣ съ Григоріемъ Григоріевичомъ. Прилагаемой у сего приказъ, какъ можно скорѣе, черезъ Гришку, когда онъ выздоровѣлъ, отправляй въ Савинки, верхомъ на разѣжей лошади, яко о нужнѣйшемъ дѣлѣ: недостатокъ крайній на горѣлку въ Жукоткахъ, то я требую присилки оной, какъ можно скорѣй. Праздникъ ближится, а къ тому же и шинковъ много прибавилось.

Жизніоночокъ мой, Настенька, позабываешь ты на меня, ни слова о себѣ не извѣщаешъ и о дѣткахъ, а я тебя, душечку, просилъ. Жду возвращенія нетерпѣливо сего нарочнаго съ извѣстіемъ о твоемъ благосостояніи; цѣлую тебя, маминьку, безпрерывно мисленно и пару моихъ голубятъ. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

Прилагаемые у сего бумаги въ палату попроси бабушки подписать, такъ точно, какъ я въ запискѣ написалъ форму и другую форму, какъ подписывать свидѣтелямъ, тутъ же прилагаю и подписавъ, при печатяхъ, Бога ради, поспѣшайте прислать сіи бумаги въ слѣдующую неделю на ночь, неотмѣнно. *(1791 г., 18 декабря. Черниговъ).*

64. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Нельзя лутче, какъ ты исполнила порученную тебѣ комисію въ расплаткѣ съ Ющенкомъ, и когда дастъ Богъ, то продажа горѣлки нашей доставитъ намъ удовольствіе поквитаться съ нимъ. Когда Ждановичъ не сдѣлалъ помѣты за годъ, то пожалуй душа моя, попроси у Уляни Семеновни, чтобъ она къ ему письмомъ адресовалась, (а у бабушки попроси человѣка послать съ тѣмъ пись-

момъ къ г. Ждановичу), и привезъ бы тотъ человѣкъ отъ Ждановича росписку, что онъ получилъ процентъ за годъ въпередъ.

Слава Богу, у насъ все мирно и спокойно, всѣ бумаги перепискою окончени, дѣлчіе реестры подписаны, Брахловъ нашъ и при немъ мужеска полу 430 душа; братъ взялъ Любечанскую часть и тамъ теперь стало мужеска полу 429 душъ. Я теперь посылаю въ Савинки за перепечайкой и другими подробностями, а тебя, свѣтъ мой, о всемъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу приежай сюда десятого числа, яко полная хозяйка въ семъ уголочку, гдѣ ты любезна мужу и полезна будешь дому, и наконецъ, гдѣ все ждетъ твоихъ повелѣній. А при томъ, ангелъ мой, сама знаешъ, что сколько нужно намъ поспѣшать въ Жукотки отъсель, устроя и здѣсь теперь порядокъ; во первыхъ, мы всѣ сегодня, матушка, я и братъ, ѣдемъ въ Стародубъ, яко на ближайшій урядъ, сознать наши раздѣлочніе реестры, и отътоль, какъ можно будетъ поскорѣе поспѣшать. Бабушку, пожалуй, поцѣлуй за меня въ руку. Никакъ болѣе писать нѣкогда. Прощай, душа жизни моей, ангелъ мой, поминутно мисленно тебя цѣлую, Сашечку и Парашу поцѣлуй за меня—а Петруша нашъ началъ кашлять, а особливо ночью почасти, для того то и мы скоро будемъ стараться воротиться, и ты, душа моя, пожалуй, пріежай сюда поскорѣе, чѣмъ утѣшишь преданнѣйшаго тебѣ друга и вѣрнѣйшаго мужа Иванъ Лашкевичъ.

По тройкѣ рядомъ не можно тебѣ ѣхать, а вели Гришкѣ запрягти журавлемъ, а Степка будетъ хворетеромъ. Да рѣкой ради Бога, не хватайсь, здѣлай милость. Безбородко сапожникъ уже здѣсь и проба ему сдѣланна, и прекрасно шьетъ. (*1795 г., 7 января, Брахловъ*).

65. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Приехавъ, живу я и остаюсь еще здѣсь на нѣсколько дней въ превеличайшей скукѣ: все тутъ хорошо, всего много, да тебя со мною нѣту, то божусь тебѣ богомъ, ничто и не веселитъ.— Жатва здѣсь, слава Господу, окончена наша и въ гумна въвезенна; въ Жукоткахъ—600 копъ, въ Полуботкахъ 240 копъ, въ Павловкѣ 220 копъ, а всего ржи 1060 копъ. Ярина по сю пору посредственна, по причинѣ суши; но естли пойдутъ дожди, то еще надежда есть къ поправкѣ. Старая четверть жита продается здѣсь 3 р. 20 к, и ожидаютъ низшей цѣны. Въ Иржищѣ (?) жъ было 4 четверти. когда Прокопъ былъ тамъ, однакъ тогда не было новаго хлѣба, а потому опять посылаю въ Иржище провѣдать о крайней цѣнѣ, да

уже тогда и рѣшимся, гдѣ покупать жито. За Десною великой урожай на озимой и яриной хлѣбъ, то и тамъ можно будетъ купить. Я отъсель на малое время ѣду въ Радьковку. По возвращеніи сюда, полагаю выехать къ тебѣ 5-го числа слѣдующаго мѣсяца и буду ожидать, съ превеличайшимъ нетерпѣніемъ, возвращенія отъ тебя сего нарочнаго, съ увѣдомленіемъ о твоемъ всего на свѣтѣ дражайшемъ для меня здравіи, и какъ скоро сей податель ко мнѣ отъ тебя возвратится (коего, пожалуй, не удерживая, отправляй), то я отъ сюда и выеду къ тебѣ въ Брахловъ, хотя и прежде 5-го числа. Сію минуту является, душечка, твое ко мнѣ письмо чрезъ самого того человѣка, что раскольника возилъ и мнѣ прежестоко досадно, что тотъ бездѣльникъ письмо мое, къ тебѣ писанное, удержалъ, въ которомъ я писалъ кое о чемъ нужномъ; для того, когда оное по сю пору ты, ангелъ мой, не получила, то не худо тебѣ послать нарочнаго въ Климову, къ тому плуту Самуся за письмомъ моимъ. Пожалуй, жизнь моя, не оставь увѣдомить о нажонѣ; по сю пору я не сыскалъ на горѣлку купца; Силичь свою продалъ въ Чернѣговъ 1000 в., по 1 р. 70 к. Чѣмъ насъ Господь помилуетъ? Не оставъ душечка, справится съ Полтавцемъ, когда срокъ въ Стародубъ отдать Кононову хлѣбъ, братый мной для мужиковъ, и не довѣряясь, сама заглянь въ копію моего облика, которой есть при экономіи. Естли сей податель поспѣетъ на ту пору, когда будутъ у тебя копы возить, то чтобы сей склалъ, хотя одну скирту, по здѣшнему манѣру. Посилаю при семъ сорокъ рублей денегъ на заплату подчинки матушкиной кареты, которую напередъ пусть осмотритъ ея кучеръ Петро и нашъ Иванька, съ коими отправь и писаря въ Солову съ контрактомъ, противъ котораго буде та карета за обозрѣніемъ найдется такъ точно во всемъ подчиненна, какъ сказанно въ контрактѣ, тогда прикажи, душа моя, оную карету взять, а деньги сіи, что слѣдуетъ, заплатить и карету при письмѣ отошли къ матушкѣ, а за ресорами приедетъ со мною каретникъ, которихъ безъ его нѣкому взять, потому что онъ ихъ на передъ долженъ осмотрѣть, кои боюсь, чтобъ такъ не были, какъ колись, спасибо имъ, подчинили, что подъ Полуботками поламались и здѣсь я ее опять прикажу поправлять, и теперь уже надѣюсь крѣпка будетъ. Записку отъ Федора Герасимовича въ твоемъ письмѣ я получилъ и должно объ немъ хорошо думать и поблагодарить, хотя мы и до полученія ея уже послали, но теперь кажется легче на животѣ, знавши, что кажется не попустому Булашевичъ съѣздитъ. Въ Чернѣговѣ новинъ нѣтъ

никакихъ, только дядюшка Иванъ Степановичъ (Леонтовичъ) приказалъ долго жить, а на его мѣсто уже избранъ Ожеговичъ. А Васильевна твоя оплакиваетъ постигшую кончину отъ морозовъ несчастныхъ гирковъ, да съ такою чувствительностью, что только ей одной сродно. А вѣпротчемъ, все слава Богу на огородѣ хорошо, а въ саду на диковину фруктовъ довольно; также и склянковыхъ, а особливо грушъ. Я забылъ тебя при своемъ отъѣздѣ попросить, то теперь пришло на мысль мнѣ: здѣлай милость, ангелъ, естли въ поле или на хуторъ будешъ ѣхатъ, то всегда при себѣ лакея имѣй, всякои случаи бываютъ въ дорогѣ и нечаянної, или спужать что можетъ или и другое что, Бога ради, соблюди и исполняй сію мою прозьбу. Посылаю къ матушкѣ письмо, которое буде матушка въ Галагановкѣ, то при своемъ туда аташли. Вѣдомости прикажи прикажчику ко мнѣ не присилать, ибо я самъ надѣюсь непремѣнно быть въ Брахловъ къ 7-му числу слѣдующаго мѣсяца. Посылаю при семъ журналъ мѣсяца апреля, которой очень любопытенъ, а особливо послѣдній въ немъ листочекъ, а тебя, душечка, прошу отискавъ въ Стародубѣ газеты, чрезъ сего неотмѣнно мнѣ прислать, которыя въ дорогѣ для обратного пути будутъ великую кампанію дѣлать, а инако со скуки можно занудиться. Изо всѣхъ дней моего здѣсь прожитія я считаю сей часъ наипріятнѣйшимъ для меня, въ который я съ тобою, жизнь жизни моей, посредствомъ сего переводчика говорю. Находясь долго я въ размышленіи о долгѣ Посудевскому и нехотя уже, и совѣстясь у его просить отъсрочки, а къ тому и не знавъ еще совершенно, гдѣ доведется хлѣбъ покупать, съ покупкой, коего еще можно подождать недѣль пять, а до тѣхъ поръ не дастъ ли Господь Богъ продать горѣлки, и такъ думавши и передумавши всѣ свои обстоятельства, рѣшилъ отдать Посудевскому 1000 р., кои деньги и отослалъ чрезъ управителя сего дня и обликъ нашъ получилъ сей часъ обратно, а Посудевскаго письмо для твоего свѣдѣнія при семъ влагаю. Писать болѣе, ей Богу, рука болитъ, а затѣмъ напоеваясь мысленно удовольствіемъ, цѣлуя тебя поминутно, а ты за меня Петрушу поцѣлуй, когда онъ умникомъ сталъ.—Прощай, жизнь души и жизни моей Настенька. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій на свѣтѣ другъ Иванъ Лашкевичъ (*1795 г., 21 Іюля, Брахловъ*).

66. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Сего мѣсѣца перваго числа я на ночь приехалъ сюда, съ котораго времени по сей день есть довольно и людямъ и мнѣ товкот-

печи,—плити стоятъ, не шуточки!—Но при томъ я своей ни одной колоди не свалилъ, а кое какъ и обошелся, часть купилъ, а часть позичилъ. Въ байдакъ уже вкинуулы 32 бочки, да на одномъ плиту по сей часъ 12, и естли Господь поможетъ, надѣюсь байдакъ отпустить чрезъ три дни, но та бѣда, что вода не подъживаетъ, и подниметъ ли по сей причинѣ байдакъ нашъ всю горѣлку, весьма объ томъ сокрушаюсь, а надежда очень для меня не лестная: въ бытность мою здѣсь прошло народу изъ сорока семи байдаковъ въ домы, бросивши на Днѣпру байдаки, нагруженіе солью, коихъ за малою водою не могли они до Радули и Витки притягнути, чтобъ всѣ тѣ преодолѣть трудности. Берутся мною великія мѣры, дай только Господь помощь, а инако—послѣдняя вѣстъ будетъ горше первой. За присилку булокъ и огурцовъ премного благодарю и, потребованію вашему, посылаю часнику 5 вѣнковъ, да и Нанкину (?) пишу въ Жукотки приказъ, чтобъ былъ купленъ и врученъ бы сему подателю. Я жъ, когда буду къ вамъ, въ Боровичи, не могу заподлинно сказатъ и буду обстоятельнѣе обо всемъ писать изъ Жукотокъ, а теперъ больше нѣкогда. Кубъ вмазанъ, да муки нѣту, такая бѣда, мельници почти молчатъ. М. г—нѣ бабушкѣ, пожалуйста, душа моя, свидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и дѣтей благослови и поцѣлуй за меня. Учителемъ Петрушѣ непремѣнно буду стараться. Возвращаясь отъ сего черезъ Довжикъ, надѣюсь тамъ узнать о телицахъ, пришли оныя или нѣтъ и непремѣнно тебѣ ихъ куплю. Прощай, ангелъ мой, цѣлую тебя поминутно, мысленно, твой на вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. (*1797 г., 7 октября. Радьювка*)[1].

Слѣдующее письмо писано Ивану Степановичу Лашкевичу тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Іерофеемъ (бывшимъ черниговскимъ архіепископомъ), который, какъ видно, принималъ близкое участіе въ примиреніи отца и тестя съ дочерью и зятемъ.

---

67. Милостивый государь Иванъ Степановичъ! Любя и почитая васъ, не менше и жалѣя, что чрезъ толь долгое время не удостоились лично родительскаго благословенія у Петра Степановича, недавно въ Кіевѣ бывшаго, я сколько могъ склонялъ его сердце къ чистому обращенію къ вамъ. Добрая его душа, какъ мягкой воскъ, все желаемое изобразить на себѣ допустила. О семъ благопріятномъ и радостномъ для меня случаѣ, извѣщая васъ, совѣтую и прошу не

[1]) Село черниговскаго уѣзда, при р. Деснѣ.

теряя времени, съ расположеніемъ истинно сыновскихъ и христіанскихъ сердецъ, поспѣшить, купно съ супругою Настасіей Петровной, въ обятія его, недалѣе, какъ первыхъ числъ слѣдующого ноября. Но прежде прямо должны вы ѣхать въ Лохвицу, къ Ивану Осиповичу Гамалѣи. Онъ будетъ споспѣшествовать благому сему дѣлу. А я отъ всея души желая спасительнаго событія, съ почтеніемъ и усердіемъ пребуду навсегда у вашего высокоблагородія, милостивого государя, всѣхъ благъ искренный желатель, богомолецъ и слуга Іерофей, митрополитъ кіевскій. Не упускайте, любезный пріятель мой! времени, не отлагайте на далѣе. Все оставя, совокупно съ Настасіею Петровной въ Гамалѣевку изволте отправится, то есть, чтобъ по крайней мѣрѣ къ 10 числу слѣдующаго ноября тамъ были. Петръ Степановичъ въ объятія свои васъ пріиметъ и радостнымъ сердцемъ отечески обыметъ, увѣряю. Вотъ вамъ и писмо, которое лично его превосходительству поручите. *(1798 г., 20 октября. Кіевъ).*

Участіе митрополита Іерофея, какъ видно изъ слѣдующаго письма, писаннаго П. С. Милорадовичемъ къ тещѣ, имѣло успѣшный результатъ.

---

68. Милостивая моя государыня, матушка Анастасія Степановна. Письмо ваше чрезъ зятя моего, Ивана Степановича г. Лашкевича, я получилъ сего ноября 3-го числа и сердечно радуюсь, что вы по милости Божіей находитеся въ добромъ здоровьи, а я за приездомъ моимъ съ Кіева, октября 21 числа, жестоко занемогъ, а нынѣ по милости Божіей хотя есть немного легше, однакъ нахожусь въ великой слабости. Зять мой, Иванъ Степановичъ г. Лашкевичъ, зъ дочерью моею Анастасіею Петровною и сыномъ своимъ Петромъ, приехали ко мнѣ сего ноября 3-го числа, которыхъ я принялъ съ душевною моею искренною радостью. Оные прожили въ меня сего ноября до 7-го числа, которихъ я отпустилъ съ моимъ грѣшнымъ родительскимъ прощеннемъ и благословеніемъ. Я также отъ васъ всепокорнѣйше прошу милостиваго мнѣ прощенія, въ чемъ я предъ вами, отъ невѣдѣнія моего или же неосторожности, согрѣшилъ, и сердечно желаю да всемогущій Господь укрѣпитъ сили ваши и даруетъ вамъ здравіе и благополучіе. Притомъ свидѣтельствуя вамъ мой нижайшій поклонъ и почтеніе, пребываю съ усерднѣйшимъ моимъ доброжелательствомъ и отличнымъ почтеніемъ всегда всегда и всегда, васъ, м. г—ни моей матушки, покорнѣйшій сынъ и слуга Петръ Милорадовичъ. *(1798 г., 7 ноября. Гамальевка).*

69. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ жизни моей, Настенька! Я сюда пріехалъ благополучно, всѣ наши близкіе меня ласково пріемлютъ. Михаила Павловича (Миклашевскаго) нѣту въ городѣ, онъ поѣхалъ губернію объежать а Настасья Яковлевна съ обоими сынами на жильи до тѣхъ (поръ?) въ Понуровкѣ будетъ его ожидать, куда и выѣхали уже. И такъ я по дѣламъ о Пакульщинѣ мало что поговорилъ съ Андреемъ Максимовичемъ, чему былъ свидѣтелемъ Григорій Петровичъ. Я наконецъ обнадеженъ отъ Андрея Максимовича о хорошей перемѣнѣ, что зрѣть и надѣется должно по свойству доброй его души. Григорій Петровичъ съ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) ѣдутъ къ бабушкѣ 25-го числа мѣсѣца и просятъ и тебя до того времени побыть въ Боровичахъ; и я на то согласенъ, чтобъ ты, ангелъ мой, когда хочешь, дождися ихъ въ Боровичахъ. Но Гроховского присилайте прямо къ 20-му числу непремѣнно ко мнѣ въ Жукотки, гдѣ и Григорій Петровичъ будетъ у меня на возвратномъ пути изъ Любеча, куда ѣдучи сегодня будетъ ночевать въ Жукоткахъ, и мы съ нимъ въ Жукотки и ѣдемъ, и въ четвергъ онъ будетъ у меня и обѣдать. И естли ты останешься въ Боровичахъ, то пошли въ Брахловъ навѣдаться о дѣтяхъ и отошли письмо къ Неровному и прикажи Леонтію, чтобъ его на обывательскихъ (довезли?) до Боровичъ, а изъ Боровичъ до Полуботокъ. Попроси у бабушки ему о обывательскихъ лошадяхъ, а притомъ пожалуй, душа моя, напиши къ Леонтію, чтобъ писарь съ Гришкою послалъ бы въ Понуровку о собакѣ провѣдать и естли она тамъ, то попросилъ бъ объ отъдачѣ его со всею пристойностью. Землемѣръ въ Подоловъ сегодня ѣдетъ почтою, но какъ ему тамъ необходимо нужно чорніе листи роздѣлочныхъ Подолова иМитченикъ, то о семъ ангелъ мой доложи бабушкѣ, чтобъ нимало не медля, тѣ листи роздѣлочніе Подоловскіе и Митченковскіе съ надежнимъ нарочнымъ отослала при своемъ приказѣ въ Подоловъ къ Якову Анищенку для порученія г. землемѣру. Сейчасъ ѣду къ архирею для подачи прозьбы для благословенія на перекрытіе Брахловской церкви. М. г—нѣ бабушкѣ прошу мое почтеніе доложить и въ ручку поцѣловать. Отъ Григорія Петровича у сего письмо прилагаю. И я съ нимъ и своего пѣшего нарочнаго посылаю, чрезъ которого, пожалуй, увѣдоми о себѣ обо всемъ, чего нетерпѣливо ожидаю, а писать болѣе недосужно, а цѣлую тебя мысленно поминутно, тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1800 г., 16 мая. Черниговъ).*

70. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настасья Петровна! Сколько бы я не желалъ приехать къ 25 числу сего мѣсяца вмѣстѣ съ братіями въ Боровичи, но мнѣ того не возможно здѣлать и тѣмъ я много времени теряю, а присутствіе мое и въ Боровичахъ пользы особливѣйшей не принесетъ, а потому счасти Боже, вамъ тамо управлятся,—я же тутъ окончивши что слѣдуетъ, буду поспѣшать, ангелъ мой, къ тебѣ въ Брахловъ. Вчерашняго дня здѣсь обѣдалъ Григорій Петровичъ и много трактовали о дѣлѣ бабушки съ Лисенкомъ, но не можно еще дать ему конечной резолюціи, для которой г. Гроховскій сегодня ѣдетъ въ Чернѣговъ, а оттоль явится въ Боровичи, котораго неотмѣнно уже надобно изъ Боровичъ доставить къ 5-му числу слѣдующаго іюня мѣсяца въ Глуховъ, о чемъ всемъ пожалуй, душа моя, доложи м. г—нѣ бабушкѣ, и, при засвидѣтельствованіи моего ей глубочайшаго почтенія, поцѣлуй за меня въ ручку. Объ успѣхѣ моего здѣсь пребыванія скажу тебѣ, что корпусъ службъ уже заложенъ, козака Сенчука со всѣмъ его грунтомъ скупилъ, земли на 5 четвертей посѣвомъ, и онъ переходитъ на жительство въ Козелъ, гдѣ уже онъ и купилъ грунтъ себѣ. Въ Нѣжинъ Кіянцовъ отъпущенъ для покупки пѣчей и красокъ для маляра,—здѣсь полы малѣвати, двери и окна. Въ Нѣжинъ Кіянцову отпущено 250 р.; малярь договоренъ на всю вышеписанную работу за 130 р. Завтра ѣду въ Павловку, чтобъ кончитъ, когда можно миролюбно съ Звонкевичемъ и Еньчихою... Сегожъ нарочнаго посылаю къ тебѣ, ангелъ мой, чтобъ знать о твоемъ положеніи, а при томъ посылаю при семъ мѣдною монетою 300 р., кои деньги вели здать Григорію Герасимовичу, а на оныя имѣющеесь у его мое письмо прими и то самое письмо мое, данное ему для вида на триста рублей, пожалуй, ко мнѣ при своемъ письмѣ чрезъ сего нарочно пришли неотмѣнно, а наконецъ скажи, ангелъ мой, Улянѣ С., что я, по приездѣ моемъ въ Боровичи, заплачу имъ самъ по разчетѣ за сіи 300 р. процентъ, а сего нарочнаго безъ удержанія прошу ко мнѣ поворотить. Я очень озабоченъ знать, какъ у васъ окончится объ имѣніи бабушки за свиданіемъ съ братцами, о чемъ не оставь, душа моя, увѣдомить чрезъ того подъводчика, которой привезетъ Гроховскаго къ вамъ въ Боровичи, а равно напишешь, когда намѣрена выехать въ Брахловъ. Надъ Днѣпромъ, въ доль, въ лѣсной полосѣ вывелась въ величайшемъ количествѣ сарана и она уже движется на востокъ, и должно ее сюда скоро ожидать изъ Радьковки, естли Господь не помилуетъ. Она по сіе время такъ зла,

что ѣстъ жито, овесъ и ячмень и ночуетъ на хлѣбѣ; да и кругомъ слышно, что ея вездѣ много. Горѣлка уже плотится ведро 1 р. 80 к. Повыдимъ, что̀ дальше будетъ. Панъ Неровный какъ разъ къ стати сюда подъѣхалъ, какъ будто на смѣну Гроховскому, а въ добавокъ еще здѣсъ и г. Корицкій Леонко и ко мнѣ ничего не пишетъ чрезъ Неровнаго, а я отъ его получилъ репортъ чрезъ Гиршу, приехавшего сюда, съ жалобую, что воды много на прорвѣ точится, по какому случаю я и предписалъ Леонтію взять именно какія мѣры; его жъ репортъ, въ которомъ онъ мнѣ ничего не пишетъ о томъ, посылаю къ твоему усмотрѣнію, гдѣ также примѣтишъ, душа моя, что плотники послѣдній мостъ на сей недѣлѣ окончатъ, да и гулять будутъ, ибо никто имъ не можетъ показать безъ тебя, какъ и гдѣ имъ начинать погребъ дѣлать, а потому не худо тебѣ выехать въ Брахловъ 29 го сего мѣсѣця. Григорій Петровичъ неотмѣнно къ вамъ будетъ 25 или 26-го, на обѣдъ, ибо и ему времья дорого; онъ іюня 1-го числа ѣдетъ на мѣсѣцъ въ степь[1]). Въ Брахловъ приехавши, старайся, ангелъ мой, продать пеньку, деньги нужны будутъ на хлѣбъ. Гирша говорилъ, что мужики Брахловскіе продаютъ пеньку пудъ по 2 р. 60 к., что составитъ берковецъ 26 р.—Въ Пакульщинѣ сходъ худой, ибо тамъ уже почти голодъ; за Днѣпромъ также сараны тьма. Жаль и горько смотрѣть на здѣшніе хлѣба и пшеницы озимые по низкимъ мѣстамъ: какъ стѣна жито и пшеница стоитъ, по буграмъ повыпрѣвала, но все сносно, да сохранитъ токмо Господь отъ сараны. Здѣсь теперь за майстеровими уѣхать скоро нѣкогда будетъ, а деньгамъ переводъ. Однакожъ, переживши сію эпоху, будемъ можетъ быть покойны по вѣкъ нашъ, да и дѣтямъ нашимъ достанется. Засимъ желаю тебѣ, ангелу моему, здравья въ мѣстѣ со всѣми нашими дѣтьми и мысленно тебя, жизнь моя, цѣлую поминутно; твой во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ саду фруктовъ ничего нѣту и то весьма къ стати, бо сада не было бъ ѣсти майстеровымъ и на одну неделю, а уберегти бъ и помыслить не возможно бы. Въ Бодняхъ я не трогалъ полотенъ, тамъ не сыскалъ рядовины, а всю рядовину, какая была, употребили на обывку стѣнъ, а тонкихъ, тѣ, что въ Бодняхъ, ни одного и не трогалъ, а чего не доставало рядовины, то потребное число побрали у бабъ изъ навоевъ или ими дѣлаемой господской рядовины. И такъ, у васъ въ Радьковкѣ сей годъ жукотского рядо-

---

[1]) Т. е. въ степныя мѣста Малороссіи, въ полтавскую губернію.

ваго полотна небудетъ. Попросишь бабушку, чтобъ пожаловала приказала, хотя Божку, или кому другому кому такому надежному, чтобъ при жукотскому боярину, пересчитавши сіи триста рублей, отъдалъ бы счетомъ Григорію Герасимовичу, дабы на случай опосля не было бъ нарѣканія. Я бы асигнаціями отдалъ, но, ей Богу, нѣтъ, кромѣ мѣдныхъ, въ конторѣ. Еще осталось 600 р., но и то все мѣдь. *(1800 г., 22 мая. Жукотки).*

71. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Къ сущему души моей обрадованію оба, ангелъ мой, письма ко мнѣ доставлены исправно, изъ Боровичъ отъ тебя писанные, одно чрезъ Ушача, а другое чрезъ возвращающогося человѣка изъ Брахлова, изъ коихъ видно о благосостояніи твоемъ въ мѣстѣ съ бабушкою и дѣтьми. Благодарю Создателю за то, а въ отвѣтъ скажу, что и я съ обѣими чадами здѣсь здоровъ и у насъ все хорошо идетъ со стороны здоровья, а не меньше благоуспѣшно и по части контракта. Въ Радьковкѣ 9 вед. выходитъ трехпробной изъ 20-ти (?), а въ Савинкахъ, сверхъ чаянія, найшлось годной горѣлки 3020 в. въ восьмидесяти бочкахъ, семью градусами ниже трехъ пробъ и оные 80-ть бочекъ къ 1-му марту и заправлени будутъ до 5-ти градусовъ, и выступлены въ походъ до Радьковки. И такъ, благодаря Всевышнему, къ 1-му апреля всѣ 5000 вѣдеръ поплывутъ до Могилева, готови будутъ въ совершенную пробу противъ контракта, а може не удастся ли здати выше проби полъ градусомъ, дабы хотя на два года въ передъ заключить контрактъ о поставкѣ въ ихъ контору. Итакъ, я отъ сюда почти уже отдѣлался, послѣ завтра или въ неделю выежаю, и гдѣ я въ которой день буду, для знанія твоего, душа моя, прилагаю у сего росписаніе, по которому надѣюсь все свершити, когда Богъ поможетъ и сіе для того дѣлаю, на случай какой надобности ко мнѣ, то чтобъ ты знала гдѣ меня искать. Для любопытства твоего прилагаю къ тебѣ письмо Забѣли, которой сильно хочетъ моими руками жаръ загребать, но сего ему не удастся здѣлать. Я къ ему отписалъ, что я буду въ Савинкахъ и туда будетъ мой повѣренній, да и его, чтоби туда же приездилъ бы, и я дамъ имъ совѣтъ, какъ поступать въ Сосницѣ и чтобы онъ своего повѣренного снабдилъ бы деньгами, а я своему дамъ для всякой нужды въ Сосницѣ посуду; однако жъ? думаю, что чуть ли онъ самъ не приедетъ ко мнѣ въ Савинки, чего мнѣ и не желалось бы, а для курьезу посылаю здѣсь письмо Василя Левича; нашъ паничъ вернулся ни съ чемъ, не выдѣлъ ни Горленка, ни дочери его и не

былъ и въ домѣ; старій сказалъ, что повремени можно будетъ видѣться, а въ постъ о такихъ дѣлахъ не говорятъ; и такъ онъ, побывавши у Катерини С., у Карася (?), въ Ступаковкѣ, въ Иваницѣ, прибулъ обратно и со мною домой приедетъ. Онъ пишетъ къ Варварѣ С. письмо, кое здѣсь прилагаю и когда сестры у тебя, пожалуй отъ меня имъ кланяйся, а писать имъ особо, ей, недосугъ; приложенное жъ отъ меня у сего письмо къ Неровному, нимало не медля, пожалуй, отправь съ повозкой, тройкой, обывательскими лошадьми, давъ имъ два рубля на харчь. На оныхъ лошадяхъ Неровній долженъ непремѣнно ко мнѣ приехать въ Савинки 28-го сего мѣсѣца, для отправки его отъ туда съ Аксимовымъ (?) въ Сосницу. Удивительная и во свѣтѣ не бывалая повѣстка попечительная ко мнѣ дошла, можетъ быть она будетъ принужденна съ Бѣлоровскимъ проѣздится до Петербурха. Есть сарана на свѣтѣ, и слѣдовательно гнѣвъ Божій! а потомъ и помилованіе, надежда на милосердіе Божіе, да мимо идетъ сей гнѣвъ. Плоскони получены и отдани, по твоему повелѣнію, управительшѣ. Николай М. (Стороженко) у меня не былъ, да и Григорій П. третьяго дня возвращался изъ Любеча, а туда ѣхалъ на Довжикъ и Павловку. Я къ нему писалъ и отвѣту не даде, то и я не разсуждаю къ нимъ заѣзжать, съ панами нѣчего брататься. Я сіе пишу чрезъ Пакульскаго жида, а скоро къ тебѣ буду опять писать чрезъ лоцмана, которій будетъ отъ меня отправленъ для покупки канатовъ на байдакъ въ Климовкѣ, а затѣмъ и не распространяю, а мысленно тебя, ангела моего, поминутно цѣлую, пребываю къ тебѣ во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1801 г., 21 февраля. Жукотки).*

72. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Я въ Чернѣговѣ скорѣе управился, нежели думалъ, а сіе отъ того зависитъ первоначально, что г. губернаторъ ко мнѣ показался очень ласковъ и хотя небольшую мою до его просьбу, токмо о подорожней, но въ другъ и ту исполнилъ, а затѣмъ и другіе надобности всѣ вскорѣ окончилъ и пообѣдавши у Александри Павловни, приехалъ сюда въ пятницу, на ночъ. Николая Михайловича и Маріи Андреевни въ городѣ нѣтъ, а поѣхали въ Иржавецъ и въ Кореніовку, къ новоявленной Богоматерѣ на поклоненіе. Николай Мих. домъ свой продалъ Будлянскому [1]) за 4000 р., срокъ положенъ въ немъ жити Николаю М. токмо до мая мѣсѣца, а за-

[1]) О Будлянскомъ, Ал. Мих., см. Кіевск. Стар. 1893 г., мартъ, 535.

тѣмъ въ оной въѣдетъ Будлянскій. Григорій Петровичъ въ Любечѣ отпущаетъ два байдака въ Минскую губернію, въ оныхъ 5000 вѣдръ проданной имъ горѣлки, вѣдро по 1 р. 65 к., и 500 четвертей хлѣба, туда же проданного, четверть по 5 р. 60 к. Далѣе занимается въ Любечѣ закладинами дома большого, деревяного. Итакъ съ родныхъ, кромѣ Александри Павловни, я никого не выдалъ, которая ласково приняла меня и поручила мнѣ бабушкѣ переслать капусту цвѣтную, при семъ отправляемую въ сѣменахъ, а затѣмъ бабушкѣ и тебѣ, душа моя, велѣла свидѣтельствовать ея почтеніе, что и исполняю. Слухъ носится, что наша губернія раздѣлится на три губерніи и что губернскими городами будутъ—Глуховъ, Черниговъ и Полтава, еще нѣтъ о семъ указа. Покупку, по повѣленію твоему, душа моя, исполнилъ и оную при семъ посилаю—шолкъ бѣлій и двѣ цѣвки сребра, а сверхъ того посилаю тебѣ, ангелъ мой, въ гостинецъ серги съ камнями рубинами, желаю, чтобъ оны были на твой вкусъ и чтобъ ты ихъ здоровенька носила, да и дочкамъ Пасюрѣ и Настулѣ по парѣ же серегъ, кои отъ меня извольте имъ поручить въ гостинецъ, за хорошій успѣхъ ихъ въ наукахъ. А Петруша свой гостинецъ напередъ уже получилъ, состоящій въ новомъ сертукѣ, о которомъ сказать ему, что оной ему не будетъ данъ, когда не поисправится въ своемъ поведеніи и не начнетъ лучше прилѣжать къ наукамъ, а старому пану крайне нѣчего послать, развѣ то ему будетъ въ гостинецъ, что намъ Богъ дастъ въ колиску для его забавы. Легко можешь, душа моя, себѣ представить, сколько рижая тварь Бѣлоровскій дѣлаетъ мнѣ неприятности его медлительностью, и я его здѣсь двое сутокъ ждалъ, но времени больше мнѣ нѣтъ его здѣсь ждать, для того и ѣду въ Жукотки сей часъ и далѣе къ байдаку въ Радьковку, а къ ему, Бѣлоровскому, пишу и оное письмо незапечатанное къ тебѣ здѣсь влагаю, оное изволь прочитать и запечатай порядочно, и пожалуй, душа моя, чрезъ надежного нарочного тое письмо Бѣлоровскому до Брахлова отправъ, нимало не удерживая, какъ можно скорѣе. Оканчивая сіе, прошу покорно, при засвидѣтельствованіи моего глубочайшаго почтенія бабушкѣ, въ ручку поцѣловать, а я тебя, ангела моего, поминутно мисленно цѣлую, пребывая во вѣкъ со всѣмъ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

За новость скажу: герольдія не будетъ болѣе къ намъ присилать исправниковъ и засѣдателей, а велѣнно ихъ по старому выбирать изъ дворянъ осѣдлихъ въ томъ повѣтѣ, а потому скоро и

должни начаться выборы исправниковъ и засѣдателей, да и повѣтовихъ судей чуть ли не повеленно ли будетъ новыхъ же выбирать, о чемъ нашъ г. губернаторъ послалъ представленіе съ нарочнимъ въ сенатъ. *(1801 г., 7 апрѣля. Полуботки).*

73. Любезнѣйший и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька. При помощѣ Божіей, главнѣйшее дѣло моей сюда поѣздки оконченно благополучно: вчерашняго дня Петрушу я помѣстилъ къ университетскому профессору коллежскому совѣтнику Харитону Андреевичу г-ну Чеботареву, умному и добрѣйшему человѣку, живущему во внутренности университета. Ему съ лишкомъ 50 лѣтъ, а женѣ его, Софіи Ивановнѣ, лѣтъ за 40-къ, онѣ обое полюбили Петрушу, какъ сина, и Харитонъ Ан. Петрушину кровать поставилъ въ своемъ особенномъ кабинетѣ и взялся, вмѣстѣ съ женою своею, его воспитывать и даже учить по латини, а Софія Ивановна сама же его начнетъ учить по французски, которимъ язикомъ она такъ изясняется, какъ парижанка, (ибо она есть воспитаница покойной Чернишевой, находясь съ ней въ какомъ далекомъ свойствѣ). Итакъ за Петрушею нашимъ теперь большое наблюденіе: профессоръ, жена его и Алексѣй Ивановичъ, не говоря о Данькѣ. Договоръ у насъ съ Харитономъ А. здѣланъ въ годъ за 550 р., за все про все, кромѣ портомойки, которая не такъ дорого, надѣюсь, будетъ стоить; чемъ всѣмъ я весьма доволенъ, видѣвши все изъ близка и обстоятельно; надѣюсь конечно, что и ты, ангелъ мой, будешь въ семъ пунктѣ единомисленна со мною, а особливо, когда всѣ подробности узнаешъ, о чемъ по приездѣ моемъ, душа моя, къ тебѣ, словесно раскажу, а теперь больше о семъ не распространяю уже. Другое жъ дѣло мое, о мадамѣ, совсѣмъ еще безъ успѣха по сей день. Первая, что сискалась, запѣла пѣсню очень не складную, запрося въ годъ по 1000 р. и то на одинъ годъ, по прошествіи которого, чтобъ ея опять сюда же доставилъ я на свой щетъ; я ей во всемъ отказалъ; однакожъ надѣюсь на Бога, что я нападу на свою и шатнусь вездѣ, бывъ теперь совершенно уже на досугѣ, выдя всѣ мои комисіи почти всѣ оконченними со стороны покупки, коею надѣюсь, душечка, будешь довольна, всю покупку изволь читать: дормезомъ прекраснимъ ѣжжу по Москвѣ, четвеpомѣстная карета еще чрезъ десять дней, то совсѣмъ принята мною отъ майстра будетъ. Симъ двумъ штукамъ цѣна 1700 р. Мѣхъ чорнобурій, муфта соболья, двѣ опушки на двѣ солопи, часи столовие, двѣ люстри, адинъ фанаръ, сѣмъ зеркалъ, все у меня въ квартирѣ; все сребро

уже въ работѣ и оно поспѣетъ до послѣдней вещи къ 30-му сего мѣсяца въ мѣстѣ съ Ефросиніи С. сребромъ, кое и дежене въ 7 ф. будетъ сработано. Долго я искалъ, чтобы поѣженую карету и дормезъ купитъ, но сколько не выдалъ, сискавши тѣ вещи, то находилъ сущую дрань, и такъ мнѣ наскучило искать и смотрѣть ту ветошь и погань, а потому то и рѣшился, хоть дорого дать, да за то уже будетъ насъ карета и дормезъ долго возить съ подчинкою майстра, если что сломается (о чемъ отъ майстера и росписка взята); моя жъ коляска за десятилѣтнюю службу обновляется, яко орля юности, наложеніемъ по бордамъ бронзою, что и дѣлаетъ нѣмецъ каретникъ. Теперь примусь за твой гардеробъ, хотя и тѣсно и почти приступу нѣту къ маршанъ-де-модъ, такъ лавки ихъ вашею братьею затружены, однакожъ и мнѣ нѣчего дожидаться, а пора о дворѣ помишлять. Разсчиталъ деньгами и еще, что и не написано тобою, да естли будетъ у меня ставатся денегъ, то, что можно будетъ хорошое тебѣ, ангелъ мой, здѣлать, то постараюсь сшить, а притомъ тебѣ и мѣхъ брусчатой на шубейку куплю же. Отъ завтрашняго дня начну визити дѣлать большимъ барямъ: г. Петру Васильевичу (Завадовскому) и г. Иліи Андреевичу (Безбородку), а также и Осипу Степановичу (Судьенку) и еще кое кому. Слишу, что и Николай Михайловичъ нашъ пріехалъ, но гдѣ онъ остановился, никто изъ моихъ людей не могъ найти его квартири. Хотя и мудрена для глазъ кажется дамская ческа волосъ, однако жъ Матвѣй ея выучится у договоренного для нашихъ мальчиковъ перетмахаря. По слѣдующей почтѣ писать буду въ мѣстѣ съ Петрушою, къ бабушкѣ, а до тѣхъ поръ прошу при оказіи и отъ меня мой ей доложить должнѣйшій поклонъ. Когда я оставилъ уже Петрушу у профессора, то онъ сильно заплакалъ и тѣмъ чуть чуть и меня до стиднихъ слезъ не довелъ, но чтобъ не занудился, то я его сегодня у вечеру къ себѣ возьму и завтра день, поелику воскресной, у себя удержу, а въ понедѣльникъ рано опять къ Харитону Андреевичу отправлю и такъ буду продолжать, чтобъ его слегка отъ себя уже отучить, а не вдругъ. Не получая, душа моя, отъ тебя никакого извѣстія, я начинаю уже сильно скучать. Я же къ тебѣ писалъ изъ дороги три письма, изъ Стародуба, Брянска и изъ Калуги, да се изъ Москви уже второй мой (?) къ тебѣ, душа моя, творю и прошу покорнѣйше, хотя однимъ вашимъ письмомъ меня удостоить и обрадовать. Катерина И. здѣсь остается и я на то противорѣчить отнюдь не намѣренъ, какъ себѣ хочетъ съ своею

теткою.—Наконецъ, въ ожиданіи отъ тебя, ангелъ мой, приятнѣйшаго отзива, пребываю до конца жизни моей тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ, цѣлующій тебя поминутно, мисленно и благословляющій дѣтей нашихъ Іванъ Лашкевичъ.

Сестрамъ моимъ и брату, когда выдаетесь, прошу мой поклонъ засвидѣтельствовать. *(1801 г., 7 сентября. Москва).*

Засимъ слѣдуетъ рядъ писемъ «бабушки» Настасьи Степановны Полуботокъ къ внукѣ и ея мужу. Всѣ эти письма писаны «бабушкой» собственноручно.

---

74. Ангелъ мой Настенка. Съ писмами извѣстними и нѣкоторою посилкою отправляетца съ Брахлова къ вамъ. Что будешь писать,—дай мнѣ знать и что прислано, даби и мнѣ отвѣчать можно было, когда то, что такое до мене принадлежитъ. О пшеницѣ Григорію Григоріевичу обяви, что когда надобно, то я и болше пришлю, а лучой нѣтъ; а для паски вибираютъ; и я, дастъ Богъ, привезу, здѣлавши. Болше ничево писать, да и недосужно по правдѣ. Ад... Вѣрная твоя баба извѣстная. 1789 г., марта 22. Григорію Григоріевичу прошу кланятись и поцаловать за мене въ душу.

75. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Іванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Радуюсь о благоденствіи вашемъ и отъ искренѣйшаго моего сердца желаю, да премилосердной Господь даруетъ вамъ любовъ, миръ и тишину, здравіе и должайшіе лѣта. Что я не могу бить по сію пору въ доми вашемъ, извинѣте: глазами стражду жестоко, такъ что въ силу сіе написать могу, въ чемъ и предъ матушкою вашею, а моею м—вою г—нею Парасковею Григоріевною извинить прошу. Что принадлежитъ до батюшки вашего, то сей самой перескажетъ все, почему и не поясняю; а писмо ваше къ нему и мое оставила до пріезду Григорія Петровича, кои по сего сказкамъ скоро будетъ ко мнѣ. Болше не распространяю, препоручивъ васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, божіему милостивому призрѣнію и покровителству. Пребуду, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею моихъ ангеловъ, вѣрною и всего доброжелателнѣйшею бабкою, Настасья Полуботкова. 1789 г., июля 3. Изъ Боровичъ, въ 7 часу пополудни. Сей вручитель вамъ перескажетъ, что Григорій Петровичъ скоро будетъ ко мнѣ; мнѣ кажетця, весма би не худо вамъ пріехать теперъ, заставая его здесь, о чемъ посовѣтуйтесь съ матушкою, Василіемъ Степановичемъ, Софіею Василіевною и Степаномъ Степановичемъ. Засимъ

и спѣшу съ отправкою къ вамъ и къ нимъ никому не пишу, по причинѣ болнихъ моихъ глазъ, да и писаръ лежитъ боленъ, а я спѣшу нарочито изъ симъ къ вамъ.

76. Государи мои, любезніе унуки І. С. и Н. П. Что ви прибили въ домъ благополучно и въ добромъ здоровьи застали матушку и любезнихъ сестрицъ, сердечно радуюсь. Я после вашего отезда, заехала суда и отъ вовторника проживаю малинъ ради, но онихъ ничево нѣтъ и естли не будетъ еще въ воскресенье, то весма малое количество сварила. Сколко здѣсь проживу, незнаю; но и у Боровичахъ скучно жить одной. Писать нѣчего болше. Поручивъ васъ божіему милостивому покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею въсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. июля 7. изъ Смячи. P. S. М—ой г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшой матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и дражайшимъ вашимъ сестрицямъ кланятись прошу. Краснокуцкой посилается. Объ извѣстномъ я зъ братомъ говорила и сіе утверждаетъ подобно прежнему невозможному.

Приписка Г. Г. Фридрикевича. При семъ и я вамъ обѣимъ кланяюсь; пріѣхалъ вчерась сюда, а завтра отъѣду. Ви не пишете, будете ли къ намъ или нѣтъ, равно и о томъ, посланы ли письма въ Романовку. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ. О квартерѣ прежде знать и навѣрное сказать—надобна ли, а безъ того домъ требовать въ наймы неможно, которой готовъ. Нового ничего нѣтъ. Андрей Степ., отъѣхавши 28 іюня, возвратился изъ Воронковъ 5 числа сего мѣсяца.

Къ этому письму относится, можетъ быть, слѣдующая записка. Я много трактовала о извѣстномъ вамъ дѣлѣ съ извѣстнимъ человѣкомъ, но онъ все одно твердитъ, что прежде ничего неможно здѣлать, покуда ви не начнете вашего дѣла и чтобъ въсе оставя, пріѣхать вамъ съ пріятелемъ и повѣренимъ; а что касаетця до квартери, то она готова, толко до тіехъ поръ не говорилъ съ хазяиномъ, покуда отъ васъ не получитъ извѣстія, когда будете. Сіе для того начать должно, сперва чрезъ пріятелей, а потомъ и судомъ, покуда не узнаютъ мислей; и буди они обѣ сторони что либо противное начнутъ, то въ то время въ се вамъ извѣстное здѣлать мнѣ будетъ можно, а до того никакъ несходно, ибо я сама на себе подала причину имъ все, что есть горшаго здѣлать и для васъ, и для мене неспокойства и клопоти. Много о семъ писать, а луче, когда Богъ,

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности"). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1 — 139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковськїй Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вірна пара та инше. У Черныгови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданния С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданния. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Черняхъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Черныгови 1885 г., стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Черныгови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Живи струны. Збирныкъ писень. У Черныгови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украи̂ньску мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Өедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбынській Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторія Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г, стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10 Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12 Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Черныгови 1895 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересливы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мнясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ 7 мая 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ І-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).[1]

ГЛАВА III.

„Жатвы много, а дѣлателей мало."
(Еванг. отъ Матѳея, гл. IX, 37.)

„Мы часто видимъ въ свѣтѣ людей доброжелательныхъ и почтенныхъ, которые, предпринявъ для общаго блага какое нибудь трудное дѣло, занимаются имъ нѣкоторое время съ любовью и величайшимъ усердіемъ," говоритъ Энгельгардтъ въ своихъ Russischen „Miscellen," посвященныхъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ[2]), „но время проходитъ, прелесть новизны исчезаетъ и рвеніе хладѣетъ; тогда общее благое дѣло исполняется только по обязанности, только по наружному виду: не такъ дѣйствовала Императрица Марія Ѳеодоровна." Не такъ, скажемъ мы, поступалъ и Григорій Ѳеодоровичъ Квитка. Тогда какъ другіе члены общества зачастую охладѣвали къ дѣлу и, чтобы поддерживать въ нихъ рвеніе, требовались особыя средства, въ родѣ, напр., Высочайшихъ рескриптовъ или покровительства,—усердіе Г. Ѳ. никогда не ослабѣвало. Его искреннее

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

[2]) См. „Импер. Марія Ѳеодоровна въ богоугодныхъ ея заведеніяхъ". Спб. 1832 г., стр. 3.

увлеченіе, выражавшееся всевозможными жертвами для добраго дѣла, которому онъ посвятилъ всего себя, было заразительно и передавалось другимъ. Его первые опыты печатнаго слова всецѣло посвящены обществу и дѣлу благотворительности, и нельзя не признать, что добрыя сѣмена, щедро разсѣеваемыя имъ не только среди харьковскаго дворянства, но и въ другихъ губерніяхъ, не погибали и не оставались безплодными. Распространенію свѣдѣній о цѣляхъ общества благотворенія по всей Россіи и привлеченію въ него членовъ не мало способствовалъ обычай общества ежегодно въ торжественныхъ публичныхъ собраніяхъ знакомить публику съ результатами своей дѣятельности и отчеты объ этихъ собраніяхъ печатать въ столичныхъ газетахъ. 28-я ст. Правилъ общества, (какъ видно изъ дѣла Инст. Арх. № 1, в), требовала, чтобы „совѣтъ ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ, назначивъ день и пригласивъ всѣхъ членовъ общества, въ Харьковѣ пребывающихъ, гражданскихъ чиновниковъ и другихъ почетныхъ особъ, объявлялъ о вновь вступившихъ членахъ, отдавалъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и о употребленіи суммъ и выписку изъ журнала сего собранія сообщалъ къ свѣдѣнію публики черезъ вѣдомости.“ Это требованіе устава тщательно исполнялось, особенно въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія общества, какъ видно изъ отчетовъ его, печатавшихся въ столичныхъ вѣдомостяхъ и въ послѣдствіи въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и сохранившихся въ Инст. Арх. (Дѣло № 1 в.). Разсмотримъ эти отчеты, какъ наиболѣе важные документы, обрисовывающіе дѣятельность общества между 1812—1817 г. г. При чемъ въ этой главѣ остановимся исключительно на пособіяхъ и пенсіяхъ, выдаваемыхъ обществомъ за эти годы.

Въ первомъ отчетѣ [1]), прочитанномъ въ публичномъ собраніи членовъ Общества благотворенія 18 августа 1812 года, мы находимъ Высочайшій рескриптъ Императрицы Маріи Ѳео-

---

[1]) Само собою понятно, что каждая строка отчетовъ, гдѣ бы то ни было напечатанныхъ, принадлежала Г. Ѳ. Квиткѣ. Онъ же неутомимо оповѣщалъ въ газетахъ о каждомъ пожертвованіи въ пользу Общества благотворенія.

доровны [1]), данный на имя губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Квитки 11 марта того же года, слѣдующаго содержанія:

„Господинъ предводитель дворянства Слободско-Украинской губерніи, Квитка! Благодаря Васъ за сообщеніе правилъ Харьковскаго общества благотворенія, Я прошу Васъ вмѣстѣ съ симъ засвидѣтельствовать признательность Мою и прочимъ членамъ почтеннаго сословія, возложившаго на Васъ таковое порученіе. При истинномъ желаніи, дабы всѣ предначертанія онаго на пользу страждущаго человѣчества увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ, пребываю къ Вамъ благосклонною „Марія".

Этотъ рескриптъ Императрицы былъ несомнѣнно однимъ изъ важныхъ стимуловъ, побуждавшихъ дворянство къ подпискѣ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ распространеніемъ о немъ свѣдѣній, возрастало и число членовъ, которыхъ ко времени перваго торжественнаго собранія было уже болѣе 200 и, какъ мы видѣли трое *именитыхъ*, сдѣлавшихъ значительныя пожертвованія [2]), а сумма Общества по подпискѣ достигала уже 7675 рублей—ежегодной и 3075 рублей капитальной. Изъ этихъ подписныхъ денегъ 29 апрѣля, т. е. въ первое засѣданіе совѣта, на лицо было уже 4857 р. 80 к.—ежегодной, капитальной—1675 р. и сверхъ того Коллеж. Ассесоръ Андрей Баташовъ съ женой пожертвовали листоваго желѣза 187 пудовъ 27 фунтовъ; а съ того времени по 18 августа взнесено еще отъ членовъ общества (какъ прежде подписавшихся, такъ и вновь вступившихъ)—1550 рублей ежегодной и 3256 руб. 50 коп.—капитальной, да за пожертвованное Баташовымъ и проданное Совѣтомъ желѣзо получено 1406 руб. 50 коп.—слѣдовательно, на лицо капи-

---

[1]) О немъ уже упоминалось въ протоколѣ перваго засѣданія Совѣта Общества, ср. выше.

[2]) Само собою понятно, что Квиткамъ приходилось разсылать массу писемъ для привлеченія членовъ и жертвователей: почти каждое изъ сохранившихся въ дѣлахъ писемъ является отвѣтомъ на письмо Андрея Ѳедоровича.

тальной суммы было всего 6348 руб., ежегодной — 6807 руб. 80 к. Не внесено было всего 250 р. — капитальной и 1575 р.—ежегодной. Суммы эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: капитальная раздавалась взаймы подъ проценты; одна часть ежегодной суммы шла на содержаніе въ пансіонѣ при гимназіи 5 человѣкъ—„питомцевъ общества благотворенія", другая—опредѣлена была на годовое содержаніе предположеннаго къ открытію института (около 6.000 рублей) [1]) и третья часть суммы „назначена на пособіе нуждающимся."

Пособія раздѣлялись на постоянныя и единовременныя. Постоянныя пособія или пенсіи въ первый годъ существованія общества были назначены слѣдующимъ лицамъ: 1) тремъ приходящимъ ученикамъ гимназіи по пяти рублей въ мѣсяцъ; 2) вдовѣ, сынъ которой помѣщенъ въ пансіонъ—по пяти рублей въ мѣсяцъ [2]) (кромѣ единовременнаго пособія); 3) двумъ вдовамъ по двадцати рублей единовременнаго пособія; отставному улану на излеченіе глазъ по шесть руб. 56 коп. ежемѣсячно съ тѣмъ, чтобы онъ уже нигдѣ не просилъ милостыни [3]); въ случаѣ невозможности для него излѣчиться, корреспондентъ

---

[1]) Объ этомъ особо см. ниже.

[2]) А дочь взята въ домъ П. И. Ковалевскаго (члена Совѣта) для обученія рукодѣліямъ.

[3]) Въ дѣлѣ Дворян. Депутат. Собр. № 15 „О приглашеніи гг. дворянъ къ подпискѣ на полученіе отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества журнала", находится переписка А. Ѳ. Квитки съ предсѣдателемъ ученаго Комитета Человѣколюбиваго Общества барономъ Бор. Ив. Фитингофомъ и секретаремъ его Петромъ Кеппеномъ и между прочимъ „мысли о прекращеніи въ Россіи нищенства", т. е. замѣчанія на такое же разсужденіе о возможности искорененія нищенства, писанныя рукою Андрея Ѳедоровича Квитки, но въ коротенькой записочкѣ, приложенной здѣсь же, легко узнать увлекающееся перо Г. Ѳ. Квитки, съ помощью котораго несомнѣнно составлена и вся записка. Излагая свои замѣчанія о нищенствѣ (которыя уже переданы г. С. Р. въ біографіи Квитки) Г. Ѳ. прежде всего отмѣчаетъ, что въ Малороссіи нищихъ меньше, чѣмъ въ Великороссіи и что едва ли здѣсь найдется и одинъ нищій на 100 жителей, тогда какъ авторъ „мыслей" находитъ отношеніе 1:50 въ сѣверо-западномъ краѣ и объясняетъ это довольно сентиментально тѣмъ, „что люди здѣсь чувствительнѣй и благотворительнѣй". Да и мысль объ устройствѣ богадѣленъ и своего рода домовъ трудолюбія въ деревняхъ „общественнымъ сборомъ", высказанная братьями Квит-

зміевскаго уѣзда Бедряга беретъ его къ себѣ на содержаніе, а Совѣтъ выдаетъ ему, по мѣрѣ надобности, деньги на платье и обувь, сколько потребуется; помѣстивъ въ больницу город. секретаря Буковскаго, оказываетъ вспомоществованіе его дочери. Кромѣ того, оказывались постоянно и единовременныя пособія: считая 200 рублей, посланныхъ въ Тобольскъ по просьбѣ артиллеріи полковника Фонъ-Креммера (впослѣдствіи избраннаго корреспондентомъ) двумъ княжнамъ Ратіевымъ, оставшимся въ безпомощномъ положеніи послѣ смерти отца ихъ, бывшаго предсѣдателя Тобольской гражданской палаты, всего единовременныхъ пособій было выдано за сравнительно короткій промежутокъ времени (отъ 29 апрѣля по 18 августа)—410 рублей, сумма по тому времени довольно значительная. Кромѣ того, выслано для выдачи нуждающимся различнымъ уѣзднымъ иныхъ губерній корреспондентамъ — 300 рублей, 74 рубля выдано пенсіонныхъ денегъ (т. е. постоянныхъ пособій), а всего на дѣло благотворенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, за этотъ первый отчетный періодъ, истрачено слѣдовательно (410+300+74 р.) 784 р. Кромѣ того, 500 рублей выдано на первое обзаведеніе института, который предположено оффиціально открыть въ *день тезоименитства* Его Императорскаго Величества [1]), и 675 рублей

ками, въ то время едва ли могла осуществиться.—Въ этомъ же дѣлѣ есть и довольно подробный отчетъ о началѣ дѣятельности общества благотворенія за 1812—1818 гг. и маленькая записка, писанная рукою Г. Ѳ. о числѣ всякаго рода вспомоществованій, оказанныхъ обществомъ за этотъ періодъ. Само собою понятно, что эта записка служила для насъ лучшимъ средствомъ повѣрить отчеты, хранящіеся въ Институт. Арх. въ дѣлѣ № 1, в. Намъ кажется нѣсколько смѣлымъ утвержденіе г. С. Р., что „маленькая записочка на синей бумагѣ", откуда взяты нами вышеприведенныя замѣчанія Квитокъ на мысль о нищетѣ, *написана рукою* Г. Ѳ. Можно утверждать, что *при составленіи записки Г. Ѳ. помогалъ* брату, *но рукою Г. Ѳ. написана всего одна краткая записка, въ которой подведены итоги дѣятельности Общества благотворенія.* Мы тщательно пересмотрѣли дѣло, но другого документа, писаннаго рукою Г. Ѳ. не нашли.

[1]) Какъ извѣстно, Императоръ Александръ I родился 12 декабря 1777 года, а тезоименитство его праздновалось 30 августа. Изъ дѣла И. А. № 1 а видно, что Совѣтъ нѣсколько разъ постановлялъ различные приговоры о времени открытія института. Такъ (въ среду) 31-го іюля Совѣтъ при полномъ собраніи членовъ и гг. корреспондентовъ всѣхъ уѣздовъ постановилъ: „приступить къ исполненію опредѣ-

издержано на содержаніе воспитанниковъ общества въ пенсіонѣ гимназіи.

Уже второй отчетъ общества благотворенія (за 1813 годъ) обрисовываетъ намъ дѣла его далеко не блестящими. (См. тоже дѣло Институт. Арх. № 1, в). Хотя первый отчетъ Совѣта, прочитанный въ торжественномъ собраніи, ознакомилъ дворянъ съ дѣлами общества и пріобрѣлъ ему нѣсколько новыхъ членовъ, но, во первыхъ, роковой 1812 годъ унесъ нѣсколько жертвъ изъ членовъ общества, въ томъ числѣ двухъ именитыхъ: подполковника П. П. Веселицкаго, вносившаго по 300 рублей ежегодно и убитаго въ Бородинскомъ сраженіи, и генералъ-лейтенанта М. Ст. Кондратьева, вносившаго по 1000 рублей; во вторыхъ, прапорщикъ Стремоуховъ и поруч. Изюмскаго гусарскаго полка Аксентьевъ, взятые въ плѣнъ въ самомъ началѣ кампаніи, помѣщики: Стаховичъ, Чечеринъ, Двигубскій; помѣщицы: Тютчева, Времева, Штеричъ и купецъ Луценко, умершіе въ томъ же году,—также выбыли изъ числа членовъ общества. Правда, послѣ напечатанія списковъ членовъ на 1813 годъ, вступили въ общество еще многія новыя лица, обязавшіеся вносить обычную членскую плату ежегодно,—но они не могли по-

---

ленія Совѣта, состоявшагося въ 29-й день апрѣля объ учрежденіи института для бѣдныхъ дѣвицъ *на счетъ Общества на основаніи устава, сочиненнаго для сего членомъ Совѣта господиномъ Стойкевичемъ*, и все приготовить не далѣе, какъ къ 25-му числу наступающаго августа мѣсяца, дабы возможно было въ торжественный день тезоименитства Его Императорскаго Величества открыть сей Институтъ". Въ среду же сентября 4-го дня *заключили*: „открытію Института быть *сего сентября 15-го числа*". Что подтверждается и слѣдующимъ документомъ *отъ 11 сентября 1812 г.*, за подписью Г. Ѳ. Квитки, найденнымъ нами въ архивѣ бывшей слободско-украинской, а нынѣ харьковской первой гимназіи. Изъ Совѣта Харьковскаго Общества Благотворенія господину директору училищъ Слободско-Украинской губерніи. „На основаніи 22-й статьи Высочайше утвержденныхъ правилъ харьковскаго Общества Благотворенія, Совѣтъ учреждаетъ въ Харьковѣ Институтъ для 20 бѣдныхъ дѣвицъ изъ дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, открытіе котораго послѣдуетъ сего сентября 15 дня". См. дѣло Арх. 1-й Харк. гимназіи № 166, л. 111. И такъ институтъ открытъ былъ *не 10-го августа* (какъ у г-жи Лихачевой т. II стр. 89) *и не 10-го сентября*, какъ говорилъ Великовъ (ср. выше) и др. печатныя свидѣтельства, *а 15-го сентября 1812 года.*

полнить даже того, что вносилъ одинъ почетный членъ М. С. Кондратьевъ. Кромѣ того, помѣщикъ курской губ. поручикъ Николай Васильевичъ Похвисневъ предоставилъ Совѣту право получать изъ казны назначенный ему при отставкѣ пенсіонъ (за раны, полученныя на войнѣ), въ размѣрѣ 262 р. 35 коп., обращая его, по своему усмотрѣнію, на вспомоществованіе бѣднымъ [1]). И такъ, въ общемъ число членовъ не только не уменьшилось, но возрасло съ 201 до 215 человѣкъ, однако Совѣтъ, константируя это увеличеніе, жалуется въ то же время на неаккуратное поступленіе членскихъ взносовъ: за 1812 годъ все еще не было внесено 850 рублей, а за 1813 годъ недоимка достигла уже 2825 руб., что чувствительно отражалось на положеніи дѣлъ общества и особенно такихъ учрежденій, какъ институтъ, гдѣ деньги были необходимы на текущіе расходы; а между тѣмъ, за раздачею капитальной суммы взаймы подъ проценты, денегъ иногда совсѣмъ не бывало въ кассѣ.

Чтобы какъ-нибудь помочь горю, Совѣтъ еще въ концѣ 1812 года предложилъ, какъ мы уже раньше говорили, членамъ вмѣсто ежегодныхъ взносовъ взнести единовременно капиталъ, проценты съ котораго давали бы ежегодно по 25 рублей, для полученія званія „дѣйствительнаго" члена общества и диплома на это званіе. Но, какъ мы уже видѣли, только немногіе члены изъявили свое согласіе на это предложеніе [2]): 4—въ 1812 и 1—въ 1813 г. Кромѣ того, въ ежегодную же сумму зачислялись проценты, получаемые съ должниковъ общества, и плата за своекоштныхъ пансіонеровъ института. Но всего этого было слишкомъ мало сравнительно

---

[1]) Пенсіонъ этотъ, какъ видно изъ дѣла Институт. Арх. № 21 и № 26, за вычетомъ почтовыхъ расходовъ (1 р. $30^{3}/_{4}$ коп.), въ размѣрѣ 261 руб. $4^{1}/_{4}$ коп. и высылался въ Совѣтъ Общества до самой смерти пенсіонера, послѣдовавшей впрочемъ не ранѣе 1825 года, такъ какъ переписка съ курскимъ уѣзднымъ казначействомъ о высылкѣ этого пенсіона прерывается на 1826 году.

[2]) См. дѣло № 3 Институт. Архива, а также отчеты (№ 18), гдѣ перечислены всѣ имена членовъ и постороннихъ лицъ, сдѣлавшихъ единовременные взносы.

съ тѣми широкими цѣлями благотворенія, которыми задавался Совѣтъ. Уже одни выборы корреспондентовъ [1]) по многимъ и даже отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Россіи, о которыхъ отчетъ за второй годъ существованія Общества даетъ довольно подробныя свѣдѣнія, показываетъ намъ, какъ старались члены Совѣта мѣстное дѣло благотворенія сдѣлать всероссійскимъ. Съ особенною благодарностью отзывается Совѣтъ въ своемъ отчетѣ о дѣятельности двухъ корреспондентовъ общества: кор. тобольской губ. полк. Фонъ-Креммерѣ, которому Совѣтъ довѣряетъ дѣлать вспомоществованія изъ суммъ, имъ же собранныхъ, „за дальностью мѣста безъ разрѣшенія Совѣта,“ и корреспондента южной Россіи Мизко.—Оба они доставляли обществу и новыхъ членовъ, и случаи благотворить дѣйствительно несчастнымъ людямъ.

Оставляя въ сторонѣ приводимыя отчетомъ свѣдѣнія объ употребленіи и составѣ капитальной суммы [2]) за 1813 годъ, а также расходы по содержанію пансіонеровъ въ гимназіи и института изъ ежегодной суммы [3]), мы остановимся здѣсь лишь на благотвореніяхъ общества за отчетный годъ (т. е. на распредѣленіе 3-й части суммы ежегодныхъ взносовъ).

Кромѣ назначенныхъ въ 1812 году постоянныхъ пособій, Совѣтъ рѣшилъ выдавать пенсіи еще слѣдующимъ лицамъ. 1) въ Харьковѣ: капитану Мурлыгину, обремененному семьей и

---

[1]) Мы уже раньше перечислили имена и фамиліи почетныхъ корреспондентовъ. Въ дѣлѣ Институт. Арх. № 20 въ особой книгѣ, выданной Обществомъ благотворенія Н. И. Шредеру отъ 18 декабря 1813 года, „для вписыванія почтеннѣйшихъ благотворителей, желающихъ удостоить харьковское Общество благотворенія, причисливъ себя въ сочлены онаго, съ обозначеніемъ суммы, повѣряемой Совѣту для вспомоществованія несчастнымъ“, находимъ еще имена трехъ новыхъ членовъ Общества, которыхъ очевидно удалось завербовать предпріимчивому Шредеру въ концѣ 1813 года, именно: двухъ фрейлинъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, княженъ Туркестанову и Щербатову, и совѣтника черниговскаго губернскаго Правленія н. с. Г. И. Бажанова, который принялъ на себя обязанности корреспондента по черниг. губ. и оказалъ много услугъ Обществу.

[2]) Капиталу было уже тогда 8901 руб. 71 коп.

[3]) О каждой изъ этихъ статей расхода мы скажемъ впослѣдствіи, здѣсь же обратимъ вниманіе читателя лишь на то, что капитальная сумма *уже въ 1812—13 г. отдавалась взаймы подъ проценты* и что въ нее зачислялись пожертвованія всякаго рода (ср. обо всемъ этомъ ниже).

получающему за сороколѣтнюю службу сорокъ три рубля въ годъ, по шестидесяти рублей въ годъ; улану Раснянскому—по тридцати рублей, поручицѣ Прозоровичевой съ двумя дочерьми—по 90 рублей въ годъ; 2) въ Богодуховѣ: престарѣлой кол. асс. Башкатовой и капит. Сабельской— по 50 рублей въ годъ; 3) въ Ахтырхѣ: разбитому параличомъ подпоруч. Мосцицкому—по 50 рублей, 4) въ Сумахъ: подпоруч. Вашковой съ семействомъ—по 60 рублей въ годъ. Единовременныя пособія были оказаны 15 просителямъ, изъ нихъ 4 получили помощь отъ Тобольскаго корреспондента Фонъ-Кремmера, остальные отъ Совѣта, при чемъ Совѣтъ выдавалъ ихъ съ должною осмотрительностью, стараясь находить дѣйствительно нуждающихся въ помощи, поэтому всегда требовалось свидѣтельство корреспондента или вообще извѣстныхъ Совѣту и наконецъ оффиціальныхъ лицъ о бѣдности просителя. Всего просьбъ за 1813 годъ, какъ видно, изъ дѣла № 4 институт. арх., поступило въ Совѣтъ 28, и всѣ онѣ были удовлетворены Совѣтомъ, за исключеніемъ довольно любопытнаго прошенія чиновника московскаго архива Алексѣя Тархова, письмо котораго, присланное въ Совѣтъ Вас. Наз. Каразинымъ [1]), описываетъ страданія его (Тархова) во время за-

[1]) Вотъ это письмо: милостивый государь Василій Назаровичъ! По силѣ учиненнаго архивскаго опредѣленія оставленъ я былъ съ двумя товарищами, Ждановскимъ и Шульцемъ въ Москвѣ для храненія казенныхъ вещей, дома и дѣлъ также и переписки. Но французы, вшедъ въ Москву 2 сентября въ 4 часа пополудни, въ 9 часовъ вечера начали жечь въ городѣ лавки и дома, и пожаръ въ Москвѣ безпрерывно продолжался четверо сутокъ, день и ночь, наконецъ большую часть города обратилъ въ пепелъ. Меня же французы и поляки били палашами, кулаками и пиками нещадно съ крикомъ: „покажи и отдай намъ деньги казенныя и свои, гдѣ онѣ хранятся, зарыты или у тебя гдѣ нибудь спрятаны", угрожали мнѣ обнаженными саблями. Напрасно сказывалъ я имъ, жертвуя жизнью своею, что никакихъ у меня денегъ нѣтъ. Во время самого пожара, когда все кругомъ было объято пламенемъ, спасая жизнь свою, бѣжалъ я съ семействомъ своимъ (шестью дѣтьми) изъ архивскаго дома, и всѣ мы ночевали противъ Ломоносова дома въ саду на Казенной улицѣ, и только на третій день осмѣлился я вернуться въ архивскій домъ. Благодареніе Всевышнему Создателю, что флигель, въ которомъ я жилъ, и аппартаменты остались цѣлы; домъ же, гдѣ жили чиновники Шульцъ и Либенау, сгорѣлъ до тла. Въ тотъ же день пріѣхали къ намъ французскіе чиновники съ командою, вооруженною молотами и топорами, и стали разбивать замки въ дверяхъ Трактатной Палаты и нижнихъ архивскихъ апартаментовъ; разломавъ оные, вошли и начали грабить

нятія французами Москвы, но адресовано не въ Совѣтъ, а самому В. Н. Каразину. Начавшіяся ли уже тогда несогласія между Совѣтомъ и В. Н. Каразинымъ или что-либо другое удержали Совѣтъ отъ оказанія помощи пострадавшему чиновнику—мы этого не знаемъ.

Какъ бы то ни было, это—единственный документъ, на которомъ нѣтъ ни резолюціи Совѣта, ни даже обычной подписи правителя дѣлъ: невольно приходитъ мысль, что документъ этотъ сохраненъ въ дѣлахъ именно благодаря его оригинальности. Остальные просители: 5 прежде получившихъ пенсіи и просив-

---

имѣніе, находившееся въ разныхъ сундукахъ, въ томъ числѣ и мои пожитки, и, наклавъ онымъ 4 фуры, повезли съ собою. Спустя нѣсколько дней стали ко мнѣ на постой шефъ 8-го польскаго уланскаго полка и 2 капитана, которые разграбили все, что еще оставалось въ домѣ, и притѣсненіе отъ нихъ имѣлъ я великое.—А 1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, пришли ко мнѣ въ архивскій домъ опредѣленные отъ французскаго привительства частный приставъ съ коммиссаромъ и драгуномъ и спросили: не я ли г. Тарховъ? и, когда я отвѣчалъ утвердительно, они сказали, что меня требуетъ г. генералъ-коммендантъ къ себѣ. Я не могъ сопротивляться, пошелъ съ ними и былъ приведенъ къ правителю канцеляріи или секретарю генералъ-комменданта, который, спросивъ мое имя и фамилію, отвелъ меня въ холодную комнату и оставилъ тамъ, а у дверей поставилъ двухъ драгуновъ съ обнаженными саблями. Спустя нѣсколько времени въ тотъ же холодный покой привели: тайнаго совѣтника Андрея Васильевича Повалишина), (бывшаго астраханскаго губернатора), дѣйств. ст. сов. Андрея Кондратьевича Артакова, бригадира Аммоса Евдокимовича Демидова, кол. асс. П. Устинова и тит. сов. Реброва, и, приставивъ къ нашей двери уже 4-хъ драгунъ съ обнаженными саблями, держали насъ въ той холодной залѣ съ 7-ми часовъ утра до 8-ми вечера, не давая намъ ни хлѣба, ни воды. Наконецъ въ 8 часовъ вечера входятъ къ намъ франц. генералъ-коммендантъ и генералъ-полиціймейстеръ Виллерсъ, бывшій профессоръ московскаго университета, и объявляютъ намъ арестъ за то, что еще до прибытія французовъ въ Москву его сіятельство графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ отправилъ якобы на баркахъ 50 человѣкъ французовъ, жившихъ до тѣхъ поръ въ Москвѣ, въ Казань или въ Сибирь, гдѣ французовъ этихъ содержатъ якобы весьма нехорошо. Поэтому Императоръ ихъ Наполеонъ велѣлъ намъ написать нашему Императору Государю и ко главнокомандующему князю Голенищеву-Кутузову, чтобы французы эти были возвращены непремѣнно, ежели же не будутъ возвращены, то Бонапартъ грозилъ немедленно разстрѣлять насъ. Когда мы на это отвѣчали, что ничего не знаемъ и ни въ чемъ ни душою, ни тѣломъ неповинны, то приказано было отвести насъ къ генералу, завѣдывавшему русскими военно-плѣнными, и тамъ насъ три дня держали подъ строжайшимъ карауломъ, выдавая лишь по куску хлѣба и не допуская къ намъ никого, на 4-й день генералъ, завѣд. военно-плѣнными, объявилъ намъ отъ имени Наполеона свободу, но съ приказаніемъ, чтобы мы подъ страхомъ смертной казни,

шихъ о продолженіи ихъ, 8 новыхъ пенсіонеровъ и 14 просившихъ единовременной помощи, всѣ получили, по мѣрѣ возможности, удовлетвореніе отъ Общества [1]). Всего выдано отъ Совѣта и корреспондентовъ пенсіонерамъ: полугодовымъ—150 рублей, третьнымъ—160 рублей, мѣсячнымъ—264 руб. Единовременныхъ пособій выдано на 465 рублей, кромѣ того, на отправленіе въ ополченіе бѣдныхъ дворянъ издержано 389 рублей. И такъ, на 2-й годъ благотворительная дѣятельность Общества значительно увеличилась. Въ 1812 году на пособія, какъ мы видѣли, было издержано всего 784 рубля, въ 1813—1428 рублей. Кромѣ того, изъ этой же части ежегодной суммы, какъ мы уже видѣли раньше, выдавались деньги и на содержаніе канцеляріи Совѣта и на другіе мелкіе расходы. Расходы эти значительно уменьшились въ 1813 году. Въ 1812 году на содержаніе канцеляріи издержано 135 рублей, въ отчетномъ году только 100 рублей. Сверхъ того, въ 1812 году на печатаніе объявленій издержано 197 руб. 20 к.—въ 1813 году—ничего. Такъ какъ и за послѣдующіе годы этой статьи расхода нѣтъ въ отчетахъ, а всякаго рода печатныя объявленія были и печатаніе отчетовъ вообще продолжалось, то приходится допустить одно изъ двухъ: или редакціи С.-Петербургскихъ (Комитетъ Правленія Академіи наукъ) и Московскихъ (Правленіе Московскаго Университета) Вѣдомостей, „Харьковскихъ Извѣстій“ (А. Вербицкій) и „Сына

никуда не отлучались и черезъ каждые три дня являлись къ нему, къ генералу же комменданту каждый день, что мы и исполняли до тѣхъ поръ, пока казаки наши не выгнали французовъ изъ Москвы. А о голодѣ, какой претерпѣвали мы съ самаго прихода французовъ въ Москву, т. е. со 2-го сентября по 11 октября и говорить нечего: хлѣба даже единаго кускъ не имѣли, а питались только картофелемъ, капустою, рѣдькою и свеклой. Наконецъ нашли на баркѣ горѣлую пшеницу и, найдя жернова, сами мололи и ѣли ее“. Затѣмъ Тарховъ проситъ Василія Назаровича о присылкѣ разныхъ домашнихъ продуктовъ („мучки, крупъ, маслица, ветчинки или свининки, а изъ живности, что Богъ на сердце положитъ“) и помѣчаетъ письмо 19-го ноября 1812 года.

[1]) Вообще за первые 2 года существованія Общества мы встрѣтили въ дѣлахъ его очень немного отказовъ просителя. Да и то отказы эти касались только такихъ лицъ, которые не представили достаточныхъ свидѣтельствъ о бѣдности и трезвомъ (хорошемъ) поведеніи или, наконецъ, какъ тит. сов. Осташевскій, не показали даже мѣстожительства своего (см. „Дневныя записки № 1, а).

Отечества" согласились, по просьбѣ Совѣта, помѣщать отчеты и объявленія безплатно, или за нихъ платилъ Г. Ѳ. изъ собственныхъ средствъ [1]).

Страшныя и потрясающія душу событія 1812 года должны были оказать свое вліяніе на общественную благотворительность вообще и на дѣла общества благотворенія въ частности. Тысячи разоренныхъ и обездоленныхъ семействъ, громадное число раненыхъ и увѣчныхъ—все это взывало къ общественной благотворительности и, казалось, должно было содѣйствовать усиленному развитію ея. Не смотря на все это, 1813 годъ, какъ и слѣдующій 1814 годъ, былъ уже тяжелымъ, почти бѣдственнымъ годомъ для общества. Донесенія корреспондентовъ общества за эти годы (1813—1814) наполнены сѣтованіями на неаккуратность, равнодушіе и даже враждебное отношеніе многихъ членовъ Общества. Нѣкоторые (правда, немногіе) члены прямо отказывались отъ взноса денегъ, другіе на письма корреспондентовъ и циркулярныя воззванія Совѣта объ уплатѣ недоимокъ отвѣчали молчаніемъ. Особенною неаккуратностью отличались именно дворяне Слободско-Украинской губерніи. Недоимки сдѣлались хроническою болѣзнью Общества, которая, все усиливаясь, грозила, по словамъ Г. Ѳ. Квитки, „разрушить самое общество и основанныя имъ благотворительныя заведенія (Институтъ)".

---

[1]) Въ дѣлѣ Ин. Арх. № 1, в.) находятся составленныя Г. Ѳ. черновыя двухъ отношеній Совѣта въ редакціи столичныхъ (Спб. и Моск. вѣдомостей съ просьбою „напечатать отчетъ общества, если можно, не взимая за это никакой платы въ уваженіе того, что сумма общества предназначена единственно на вспомоществованіе нуждающимся" (1813 года). За 1815 годъ мы находимъ отчетъ общества въ „Сынѣ Отечества" и (судя по отсутствію расходовъ на напечатаніе), вѣроятно, онъ былъ напечатанъ безвозмездно. Когда же сталъ издаваться въ Харьковѣ журналъ „Украинскій Вѣстникъ", и Г. Ѳ. началъ принимать въ немъ участіе (съ 1816 г.), отчеты общества печатались, конечно, безплатно. Изъ постановленій Совѣта за 1813 годъ, имѣющихъ общій характеръ, замѣчательно рѣшеніе его разъ навсегда пріурочить избраніе председателя и членовъ Совѣта на новое трехлѣтіе ко времени общихъ дворянскихъ выборовъ. Рѣшеніе это было принято въ общемъ экстренномъ собраніи членовъ 6 сентября 1813 года, но такъ какъ членовъ оказалось въ собраніи мало (8), то рѣшено считать только то собраніе состоявшимся, на которомъ было не менѣе 12 человѣкъ.

Какъ погрессировали недоимки, видно изъ черноваго отчета, находящагося въ томъ же дѣлѣ институтскаго архива (№ 1, в) и писаннаго рукою Г. Ѳ. Квитки.—Въ 1812 году по харьковскому уѣзду числилось за дворянами 325 руб. недоимки, въ 1813-мъ же 875 р., а въ 1814-мъ—1725 руб. Также прогрессировали онѣ въ остальныхъ уѣздахъ Слободско-Украинской губерніи, такъ что недоимки членовъ другихъ губерній были значительно меньше [1]). Совѣтъ принималъ разныя мѣры къ устраненію этого зла, но онѣ оказывались недѣйствительными. Было что-то стихійное въ томъ упорствѣ, съ которымъ дворянство уклонялось отъ обязательныхъ взносовъ на нужды общества... Но, чтобы, по возможности, произнести безпристрастный приговоръ по этому дѣлу, намъ необходимо сначала разсмотрѣть тѣ мотивы, которые приводились въ письмахъ членовъ, отказывав-

---

[1]) Вотъ таблица недоимокъ, составленная Квиткою въ половинѣ 1814 г.:

	въ 1812 году,	въ 1813 году,	въ 1814 году.
По Харьковскому уѣзду	„ 325 р.	„ 875 р.	„ 1725 р.
По Купянскому „	„ 25 „	„ 125 „	„ 550 „
По Волчанскому „	„ — „	„ 175 „	„ 225 „
По Изюмскому „	„ — „	„ 475 „	„ 875 „
По Валковскому „	„ — „	„ 25 „	„ 150 „
По Лебединскому „	„ — „	„ 200 „	„ 450 „
По Ахтырскому „	„ — „	„ 25 „	„ 300 „
По Богодуховскому „	„ — „	„ 25 „	„ 200 „
По Зміевскому „	„ — „	„ 25 „	„ 325 „
По Сумскому „	„ — „	„ 75 „	„ 550 „
По другимъ губерніямъ	„ 50 „	„ 300 „	„ 850 „
А всего по годамъ:. . . .	475 „	„ 2325 „	„ 6200 „

Всего къ іюню 1814 года: 9000 руб., изъ которыхъ на долю дворянства слободско-украинской губерніи приходится слѣдовательно 7800 руб. сер. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи названія харьковск. губерніи. Имя *слободско-украинской* харьковская губернія носила еще между 1765 и 1780 годами въ 1780 году переименована въ харьковское намѣстничество. 17 декабря 1796 г по указу Императора Павла I, намѣстничество уничтожено и возстановлена „слободско-украинская губернія“ въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ которыхъ она существовала до 1780 г. Только съ 1837 года губернія стала называться *харьковской* (см. напр. Харьковск. Сборникъ, литер. научное прилож. къ Харьковск. календарю на 1889 года, вып. 3-й, Отд. 11 стр. 68), при чемъ нѣсколько измѣнилось и прежнее дѣленіе на уѣзды (объ этомъ см. харьковск. календарь на 1886 г. Отд. IX литер. научный „Атласъ слободско-украинской губерніи и ея описаніе 1797 года“ стр. 149).

шихся отъ дальнѣйшихъ взносовъ. Первый отказъ отъ дальнѣйшаго участія въ Обществѣ Совѣту или, лучше сказать, его корреспонденту по купянскому уѣзду А. С. Эли пришлось услышать изъ устъ богатой помѣщицы (дѣвицы) А. И. Зарудной, которая, какъ мы видѣли, подписала 100 рублей безъ обозначенія, ежегодно или единовременно намѣрена она вносить такую сумму. Вотъ что писала эта госпожа отъ 25 іюля 1812 года къ Эли. „Назначеніемъ въ ежегодный взносъ ста рублей благотворительному обществу я никогда себя не обязывала и теперь признаю излишнимъ, ибо добрая воля облегчать участь нуждающихся и несчастныхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, гораздо лучше и скорѣе достигаетъ цѣли, т. е. того удовольствія, къ коему располагаютъ собственное чувство (благотворительности) [1]). Почему покорнѣйше Васъ прошу отъ такого требованія меня избавить, а единовременное пособіе во 100 руб. при семъ къ Вамъ препровождаю". Нужно замѣтить, что подобнаго требованія въ то время, т. е. въ іюлѣ 1812 г., никто и не могъ предъявить г-жѣ Зарудной, но слухи и толки о томъ, что подписавшіе какую либо сумму обязаны дѣлать такіе же взносы ежегодно, привели въ ужасъ помѣщицу и заставили ее поскорѣе отдѣлаться отъ такой бѣды. Впрочемъ, къ чести остальныхъ членовъ нужно сказать, что Зарудная была единственнымъ членомъ, отказавшимся отъ платы въ томъ же 1812 году [2]).

Вторымъ изъ отказавшихся былъ помѣщикъ валуйскаго уѣзда воронежской губерніи Ник. Мих. Антоновъ, но на постоянные запросы Совѣта объ уплатѣ денегъ онъ или не давалъ никакого отвѣта ранѣе 1815 года, или письма его не сохранились, поэтому мы не знаемъ его мотивовъ, которые могли быть и очень серьезны, если судить по письму отъ 1815 года, гдѣ онъ довольно вразумительно говоритъ о полной для него невоз-

---

1) Намекъ на девизъ общества.

2) См. дѣло Ин. Арх. № 24 „Объ отказавшихся членахъ Общества благотворенія отъ ежегоднаго взноса жертвуемой ими суммы". Въ циркулярныхъ предложеніяхъ, разсылаемыхъ Совѣтомъ членамъ съ увѣщаніями объ уплатѣ недоимки, прибавлялось въ видѣ угрозы, что въ отчетахъ будутъ напечатаны имена отказавшихся, но на дѣлѣ это не практиковалось.

можности уплачивать взносы, такъ какъ, по причинѣ разныхъ несчастій, онъ совершенно разорился (дѣло № 24, л. 11). Неизвѣстны намъ и причины отказа помѣщицы той же губерніи М. И. Назимовой, которая вовсе не прислала подписанныхъ ею денегъ, что и составило 50 рублей недоимки по воронежской губерніи за первый годъ существованія общества. Отъ 1813 года (въ томъ же дѣлѣ № 22, ин. арх.) дошло до насъ только одно письмо Василія Стремоухова, который извѣщаетъ Общество объ исчезновеніи сына своего прапорщика Ильи Стремоухова, о которомъ „инаго нельзя заключить, какъ что онъ палъ на полѣ чести за спасеніе отечества“, и потому отецъ не намѣренъ вносить за него подписанной имъ Обществу суммы. А между тѣмъ отказавшихся отъ взносовъ въ этомъ году было значительно больше. Такъ, въ спискѣ иногородныхъ членовъ Общества передъ именемъ помѣщика таврической губерніи Дм. Евст. Нотары (въ графѣ 1813 года) рукою Квитки помѣчено: „отказался“. Та же помѣтка стоитъ передъ именами 2-хъ братьевъ *Величко*, помѣщиковъ полтавской губерніи. Были, вѣроятно, и члены Слободско-украинской губерніи, но мы не знаемъ, какіе именно. Отъ 1814 года до насъ дошло также только одно письмо съ отказомъ, а въ отчетѣ вовсе отказавшихся отъ взносовъ показано 6 человѣкъ[1]). Но Квитка и въ отчетахъ не называетъ ихъ фамилій, а въ дѣлѣ № 22 ихъ письма, по неизвѣстной причинѣ, отсутствуютъ. Въ единственномъ же уцѣлѣвшемъ письмѣ священника Погорѣленкова (отъ 5 іюня 1814 года) приводятся до-

[1]) Спустя 13 лѣтъ послѣ того, какъ институтъ отдѣлился отъ Общества благотворенія, именно въ 1831 году, Совѣтъ института потребовалъ отъ опекуна надъ имѣніемъ бывшей предсѣдательницы Общества, Настасіи Николаевны Надаржинской, скончавшейся въ 1830-мъ году, немедленнаго представленія въ Институтскій архивъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ документовъ Общества благотворенія. Въ отношеніи къ Совѣту отъ опекуна кол. асс. Аполлинарія Львовича Шагарова, найденномъ нами въ дѣлѣ № 33, есть и „опись дѣламъ по обществу благотворенія“. Здѣсь къ 1812—1828 годамъ относится 27 дѣлъ, и еще 6 отдѣльной нумераціи (отъ № 7 до № 12 включительно) дѣлъ 1822—1827 гг. Наконецъ безъ № приходо-расходныя книги, книги исходящихъ бумагъ и „связка въ салфеткѣ съ разными благотворительными письмами и проч. бумагами“, но этой послѣдней въ архивѣ не оказалось. Весьма возможно, что тамъ то были письма членовъ, отказавшихся отъ взносовъ.

вольно солидные резоны о невозможности дальнѣйшихъ взносовъ въ общество „вслѣдствіе болѣзней“ этого священника и „оскудѣнія“, при чемъ изъ письма видно, что священникъ получилъ повѣстку отъ изюмскаго земскаго исправника *съ требованіемъ уплаты подписной суммы*, „которую сумму“ онъ, по собственнымъ словамъ, „подписалъ *единовременно*“, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ общества на подписномъ листѣ его же рукою написано: „ежегодно“. Какъ тяжело должны были ложиться на душу основателей общества подобные извороты подписавшихся. Св. *Погорѣленковъ*, конечно, *могъ позабыть* то, что онъ подписалъ два года тому назадъ, но Г. Ѳ. видѣлъ ясно его подпись въ дѣлахъ и... вѣроятно, ему было стыдно за пастыря. Но если сельской священникъ и дѣйствительно могъ отказываться отъ пособій на пользу бѣдныхъ, самъ нуждаясь въ пособіи, то какъ должны были дѣйствовать на Квитокъ холодные отказы богачей помочь доброму дѣлу. Г. Ѳ. впослѣдствіе вспоминалъ это тяжелое время съ глубокою горестью... „Я устраивалъ институтъ, самая мысль о которомъ была такъ нова для здѣшняго края“, пишетъ онъ къ Плетневу въ 1839 году, „боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями, привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ“ [1]). Дѣйствительно, всесильная тогда въ провинціи сплетня уже рисовала братьевъ Квитокъ, какъ людей, изъ цѣлей личнаго честолюбія посягающихъ на чужой карманъ... Хотя никто не осмѣливался говорить объ этомъ открыто, но нѣкоторые желчные намеки, попадающіеся намъ въ письмахъ, позволяютъ сдѣлать такое заключеніе (см., напр., дѣло № 11 Ин. Арх.) А между тѣмъ въ теченіе 1813—1814 г. г. дѣла Общества, какъ мы уже говорили, все ухудшались и вызывали, въ виду возможнаго краха, болѣе или менѣе серьезныя мѣры, очевидно, принятыя если не болѣе энергичнымъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе суровымъ А. Ѳ. Квиткою. Въ то время, какъ Г. Ѳ. строчилъ къ членамъ краснорѣчивыя посланія, А. Ѳ. рѣшилъ обратиться къ губернатору, просить содѣйствія земскихъ су-

---

[1]) Г. П. Данилевскій „Украинская Старина“, Г. Ѳ. Квитка, стр. 255.

довъ, предъявляя имъ подписные листы, какъ документы, обязывающіе членовъ къ уплатѣ подписной суммы, наконецъ довелъ все дѣло до свѣдѣнія Министра Полиціи и Главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, но объ этихъ перипетіяхъ въ жизни многострадальнаго общества мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

В. Лапинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1].

Письмо 15-е.

Христосъ Воскресе!

Съ праздникомъ свѣтлымъ привѣтствую Васъ, Милостивый Архипастырь и Отецъ. Да будетъ онъ свѣтлъ у Васъ, а у насъ, съ 5 час. утра, страшно уже омраченъ дымомъ и ужасами открытой бомбардировки, которою такъ долго стращали враги наши. Во-время утрени, стоя у престола, нѣсколько разъ ощущалъ я такое сотрясеніе отъ выстрѣловъ на самое зданіе церкви, что полъ подъ ногами колебался. Богъ вѣсть, что будетъ, но спѣшу извѣстить васъ, что насталъ наконецъ часъ, кажется, рѣшительный. Незнаю, впрочемъ, кто первый открылъ огонь—мы или непріятели. Можетъ быть, что и мы. Ибо слышно было о планѣ кн. Горчакова, имѣвшемъ скоро исполниться. Онъ предполагалъ привлечь вниманіе непріятелей на Севастополь и вдругъ устремиться на нихъ всѣми силами отъ Чоргуна, гдѣ все къ тому готово и куда перевелъ онъ свою квартиру. Вчера вечеромъ былъ онъ, по случаю перваго дня праздника, въ городѣ и слушалъ литургію въ Михайловской церкви. Темная ночь, въ которую бдѣли и ожидали перваго праздничнаго часа, хотя и была освѣщаема молніями пушечнаго огня, но этотъ огонь былъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

обыкновенный и не нарушалъ въ храмахъ Божіихъ спокойствія и сладостныхъ минутъ пасхальной службы. Они переполнены были православными воинами, коимъ, впрочемъ, объявлено было всякую минуту быть готовыми и къ другой службѣ. Потому и для свѣтлаго дня начальники были въ тѣхъ же сѣрыхъ шинеляхъ, какъ и солдаты. Т. е. мы праздновали Пасху, подобно Израилю, стоя, препоясавшись, и съ жезлами въ рукахъ, будучи готовы на все отъ непріятелей, знакомыхъ по Пасхѣ Одесской. Разсказывали, будто-бы они даже присылали парламентера съ предложеніемъ на три дня праздника перемирія, но что кн. Горчаковъ, сославшись на ихъ прошлогоднія дѣйствія у Одессы, не далъ вѣры слову ихъ, такъ будто бы и отвѣчалъ.

Хотя внѣшняго освѣщенія на храмахъ теперь не было у насъ, но ихъ прекрасно освѣщалъ народъ, не вмѣщавшійся въ храмахъ и съ свѣчами стоявшій на дворѣ и по улицѣ, гдѣ стояли ряды съ пасхами, приготовленными для освященія. На бастіонахъ пасхальная служба была совершена іеромонахами, оттуда никому не велѣно было отлучаться ни на минуту. Для великаго пятка и субботы я далъ на бастіоны три плащаницы, бывшія въ моей церкви на храненіи. Страстную Седмицу мы провели, благодареніе Богу, не испытывая особенныхъ страховъ; хотя въ послѣднее время враги неумолкаемо и съ особенною яростію кипятъ за корабельной слободкой, но страхи оттуда въ городъ почти не достигаютъ. При слушаніи страстей Христовыхъ спокойствіе молящихся болѣе нарушено было сверканіемъ въ окнахъ огня, чѣмъ звуками выстрѣловъ, къ коимъ привыкли давно; офицеры по временамъ выходили изъ храма, прислушиваясь, не бьютъ-ли тревоги.

Какъ въ праздникъ Рож. Христова, такъ и теперь, обычнаго по городу христославленія мы не совершали. Ибо нѣтъ къ кому идти: два-три купца, да и тѣ выѣхали ради праздника къ семействамъ въ Симферополь. Были впрочемъ у митрополита; намѣревался я быть у губернатора, Нахимова и у Сакена, но узнавъ, что они принимали праздничные визиты въ четыре часа, какъ скоро возвратились отъ литургіи, я не могъ безпокоить ихъ

въ 9 часу. Посѣтилъ съ пѣніемъ церковнымъ раненныхъ и также сестеръ въ ихъ квартирѣ, и затѣмъ возвратился домой.

Доселѣ погода стояла хорошая. Ночью и теперь, подъ шумъ орудій, шумитъ и частый дождикъ. Если наши войска предпримутъ какое движеніе, то путь будетъ сугубо утомительный и скользкій.

Время къ обѣднѣ, но громъ бомбардировки еще ни на минуту не смолкалъ. Если что послѣ обѣдни узнаю и успѣю къ сегодняшней почтѣ, другой разъ пошлю на почту. Что къ вечеру будетъ извѣстно, завтра непремѣнно буду писать, если буду живъ.

Иду на молитву подъ страхомъ... Ужели у Бога не нашлось лучшихъ молитвенниковъ, что и мнѣ грѣшному пришлось возносить общественную молитву въ такомъ мѣстѣ и въ такое время?

О, помолитесь Вы за насъ! Вы, безъ сомнѣнія, молитесь даже въ часъ сей, но еще не знаете.

Чтобы въ праздникъ не дѣлать неприличнаго празднику, лукавые англофранцузы вчера посадили вмѣсто себя въ траншеи турокъ, которые, бывъ рады случаю и чести, непомѣрно ярились штуцернымъ огнемъ, даже залпами.

28 марта 1885 г., г. Севастополь,

Письмо 16-е.

Христосъ Воскресе!

Благодареніе Богу, Севастополь выдержалъ и отражалъ счастливо вчерашнюю бомбардировку, продолжавшуюся до глубокой ночи. Ночью непріятели бросали бомбы изъ мортиръ, коимъ нельзя было дѣйствовать днемъ по причинѣ дождя. До вечера поступило на перевязочный первый пунктъ до 200 челов. и одна женщина. На другомъ пунктѣ, что въ корабельной слободкѣ, вѣроятно меньше поступило раненныхъ, ибо на той сторонѣ огонь былъ слабѣе, а съ полдня непріятели тамъ почти молчали. О вредѣ непріятелей можно судить по ихъ батареямъ, во многихъ мѣстахъ срытымъ; нѣкоторыя изъ нихъ рано замолчали.

Другіе результаты и цѣль вчерашнихъ дѣйствій, пока неизвѣстны, по крайней мѣрѣ—намъ, частнымъ лицамъ.

Сегодня съ 5 ч. тѣже громы и также по всей оборонительной линіи, на которой у насъ до 500 орудій. Сейчасъ возвратился я съ перевязочнаго пункта; уже до 7 ч. поступило довольно раненныхъ. Проходя оттуда и взглянувъ на море, съ ужасомъ замѣтилъ, что непріятели подводятъ свои корабли и пароходы. Не будутъ ли сегодня бомбардировать съ моря, на что послѣ 5 октября они не рѣшались. Сохрани Господи!—Но печи для каленія ядеръ на нашихъ батареяхъ дымились. Пасмурно, туманно и безвѣтренно: ужасъ отъ дыму и мрака будетъ сугубый. Не пойдутъ-ли враги на штурмъ теперь? Желаніе конца томительной войнѣ у всѣхъ таково, что готовы принять и штурмъ съ радостію. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ было бы лучше.

Вчера одинъ морской офицеръ сообщилъ мнѣ замѣчательный касательно этого слухъ, съ недѣлю ходящій между матросами и солдатами. При переправѣ черезъ бухту съ сѣверной въ городъ сѣлъ на катеръ, наполненный разными нижними чинами, и какой-то старикъ съ большой бородой и въ монашескомъ платьѣ. Рѣчь у солдатъ была своя, о своихъ нынѣшнихъ дѣлахъ, въ которую вмѣшался и неизвѣстный старецъ, ободряя ихъ въ священной брани помощію небесной, съ которою въ третій день праздника Пасхи побѣдятъ враговъ, и прежде чѣмъ пристали къ берегу, сталъ невидимъ. Въ тотъ же день этотъ же, по разсказамъ, старецъ переправлялся съ корабельной на сѣверную, также ободрялъ плывшихъ съ нимъ солдатъ, и также, не доѣхавъ къ пристани, сталъ невидимъ. Его потомъ замѣтили будто бы ходившимъ по горѣ на Сѣверной, побѣжали къ нему, но онъ также скрылся невидимо. Я просилъ офицера найти хоть одного очевидца, но сегодня это третій день и слухъ къ вечеру долженъ оказаться истиною или ложью.

Вашу вѣсть отъ 28 февр. о кончинѣ Государя Императора и указъ консисторіи отъ 2 марта о томъ же предметѣ и о присягѣ новому Императору я получилъ только 22 марта; мы болѣе трехъ недѣль въ то время не получали почты. Я уже писалъ, что мы присягали новому Императору 1 марта и какъ

это было; листъ о присягѣ духовенства мнѣ подвѣдомаго представлю по полученіи таковаго изъ Бакчисарая, куда посланъ мною листъ и предписаніе, чтобы и лакскіе священно-церковнослужители явились для учиненія присяги въ Бакчисарай къ прот. Спиранди.

Приношу глубочайшую мою благодарность вашему вы—ству за присланный вами разборъ богословія преосв. Макарія. Я тѣмъ болѣе радъ былъ вразумиться въ этомъ богословіи вашимъ высокоученымъ судомъ, что почтенный авторъ богословія мнѣ знакомъ еще въ студентахъ кіевской духовной академіи, жилъ со мною два года въ одной комнатѣ и былъ мнѣ, младшему тогда студенту,—компаньономъ старшимъ. Онъ и тогда далеко отличался отъ всѣхъ товарищей, чѣмъ теперь далеко упредилъ не только товарищей, но и старшихъ.

О. Геронтію и братіи его къ празднику Пасхи (за три дня) послалъ я артосъ, пасху и красныхъ яицъ.

Французс. парламентеръ передавалъ нашему, что вашъ архіерей (такъ онъ величаетъ о. Геронтія) пользуется большою расположенностію генерала Канробера, который приглашаетъ его къ себѣ и у него бываетъ.

9½ часовъ утра. Пальба, постепенно дѣлаясь все рѣже и рѣже, теперь уже какъ будто не похожа на бомбардировку. Съ моря пальбы не слышно было. Идетъ дождь. Не измѣнились ли планы? Пишу пока одно то, что подлежитъ зрѣнію и слуху. Что узнаю, дополню.

Въ Инкерманѣ нельзя было долѣе держаться; послушникъ высланъ, церковь заперта, имущество давно отослано въ скитъ. Требуемые рапорты о херсонской и инкерманской киновіи представлю.

Іеромонаху Никандру, бывшему духовникомъ вел. князей, присланъ золотой крестъ, украшенный бриллiантами, на золотой цѣпочкѣ, кажется, не какъ знакъ отличія, а какъ царскій даръ, ибо деньгами за труды они не благодарили его. На самомъ крестѣ мелкіе бриллiанты составляютъ небольшой крестикъ. Содержанія бумаги, при которой онъ присланъ въ штабъ, не знаю.

29 марта 1855 г. Севастополь.

Письмо 16-е.

Вотъ и пятый день бомбардировка продолжается и, кажется, съ днями усиливается. Что за нею послѣдуетъ, доселѣ неизвѣстно. Вчера Сакенъ заходилъ къ митрополиту взять благословеніе и ничего не сказалъ про намѣреніе, по крайней мѣрѣ, съ нашей стороны. Взятые въ плѣнъ французы показываютъ, что Наполеона нѣтъ еще. Перебѣжавшій французъ утверждаетъ, что его ожидаютъ скоро, для чего и корабли вытащились въ море, чтобы къ приходу его выкраситься, а не для бомбардировки, какъ мы предполагали. Если прійдетъ Наполеонъ, то непремѣнно пошлетъ на штурмъ, но войска будто бы слышать объ этомъ не хотятъ и крайне недовольны своимъ императоромъ.

Значительная часть нашихъ войскъ прибыла и поставлена по мѣстамъ. Про планъ же дѣйствій ничего не знаемъ.

Артилерійская слободка подверглась теперь большому разрушенію, но бастіоны и батареи стоятъ и дѣйствуютъ во всей силѣ. Жаль матросовъ нашихъ, много ихъ выбываетъ и ихъ некѣмъ замѣнить. Доктора и сестры не спятъ ни днемъ, ни ночью. Тяжкое зрѣлище въ жилищахъ слезъ, стоновъ и смерти. Духовныя требованія духовными выполняются съ примѣрнымъ усердіемъ и аккуратностію. Все возложенное всѣми выполняется.

Богослуженіе въ церкви моей идетъ неопустительно; но церковь со 2-го дня праздника стала совершенно пуста. Вчера легло одно ядро у меня предъ порогомъ.

31 марта 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 17-е.

Все ожидали мы, что послѣ бомбардировки будетъ какой-либо конецъ, ибо пора, и естественно потому было ожидать этого конца. Я потому именно и пропустилъ одну почту, что надѣялся написать вѣсти окончательныя и пріятныя. Между тѣмъ мы опять въ томъ же положеніи; ни шагу назадъ, но и впередъ ни шагу. Собственно бомбардировка была 7 или 8

дней, считая со 2-го дня праздника; дѣйствіе непріятелей въ остальные дни уже ниже этого страшнаго слова. Въ гарнизонѣ нашемъ убыло убитыми и раненными не менѣе 5000 (бывало раненныхъ по 300 и 400 человѣкъ въ сутки). Поврежденія незначительны, и поправлялись ночью. Были взрывы пороху на 5 и 6 бастіонахъ, но незначительные и безъ важныхъ послѣдствій. Въ ночь на 4 число непріятели взорвали 4 мины своихъ противъ 4 бастіона, которому впрочемъ не причинили никакого вреда. Люди, бывшіе въ нашихъ колодцахъ, придавлены землею, и 60 человѣкъ ранено камнями. Но непріятели ничего не извлекли изъ этого взрыва; когда они бросились къ воронкамъ, ихъ встрѣтили такимъ картечнымъ огнемъ, что потерю непріятелей считаютъ гораздо больше нашей. Потомъ на томъ же мѣстѣ они успѣли поставить туры и два орудія. Вчерашнюю ночь сдѣлана вылазка, батарею разметали, а траншею наполнили непріятельскими трупами. Матросъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ, разсказывая про успѣхъ, досадовалъ на начальство, которое скоро бьетъ отбой; человѣкъ только что разогрѣется, а тутъ бьютъ назадъ. 4-го числа взорвали также погребъ у непріятелей на ихъ батареѣ, что противъ новаго камчатскаго редута.

Во время бомбардировки не мало было несчастныхъ случаевъ съ женщинами и дѣтьми. Изъ одного дома принесли мать полуживую, двухъ мальчиковъ обожженныхъ, ребенка убитаго, и только дочь, прибитая камнями, могла разсказать про несчастіе этого бѣднаго семейства. Жалко смотрѣть на старуху 60 лѣтъ, которой отнимаютъ ногу, но еще больнѣе смотрѣть на раненнаго грудного ребенка, который еще живетъ и которому нечѣмъ помочь,—мать его убита. Вчера я былъ свидѣтелемъ этой сцены. Удивляться должно, какъ иногда смерть ищетъ своей жертвы. Бомба пробиваетъ въ александровскихъ казармахъ, гдѣ помѣщался госпиталь, крышу и потолокъ, не вредя больныхъ, и оставляя два слѣдующіе этажа зданія, вылетаетъ въ окно, павъ на камень, и, сдѣлавъ рикошетъ, влетаетъ въ окно подвала этого же зданія, и тамъ находитъ несчастную мать, которую лишаетъ всей семьи, состоявшей изъ трехъ маленькихъ дѣтей. Смотритель госпиталя разсказывалъ мнѣ про этотъ случай со

слезами на глазахъ. Тамъ же въ другой день контужена сестра, и медику оторвало руку. Теперь перевели 3-й перевязочный пунктъ и больныхъ того зданія въ морскіе магазины, что въ Доковой бухтѣ.

Флотъ непріятельскій въ бомбардировкѣ не принималъ участія. Иногда ночью пароходъ приближался къ берегу, чтобы сдѣлать одинъ или два залпа и потомъ бѣжать.

На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ съ духовной стороны нѣтъ опущеній,—напротивъ, монахи и бѣльцы даже соревнуютъ другъ другу на этомъ служеніи. Прибывшій вторично въ Севастополь іеромонахъ Іосифъ Хмельницкій, по распоряженію адм. Нахимова, опредѣленъ на корабль „Храбрый“, смѣнивъ Германа, который состоитъ въ михайловской батареѣ и при больныхъ, тамъ находящихся.

Сестры перестали болѣть и всѣ теперь на службѣ. Съ прибытіемъ 4-го отдѣленія число ихъ достаточно. Между ними есть нѣсколько католичекъ, которыя какъ то косо смотрятъ на православнаго священника и, кажется, къ больнымъ не тѣмъ горятъ усердіемъ. Нѣмки—прекрасныя сестры.

Что-то не полюбился общинѣ аѳонскій монахъ, прибывшій съ ними, Веніаминъ. По словамъ старшаго доктора при общинѣ Тарасова, который отъ ея высочества уполномоченъ ко всѣмъ распоряженіямъ по общинѣ, іером. больше положитъ въ сестрахъ несогласія, чѣмъ миръ и любовь. Чтобы онъ меньше имѣлъ на нихъ вліянія, Пироговъ прикомандировалъ его безсмѣнно къ палатамъ самыхъ трудныхъ больныхъ, куда заставили переселиться на жительство. Вмѣсто его рекомендуютъ ея высочеству меня, о чемъ 5 апр. докторъ Тарасовъ послалъ рапортъ вел. княгинѣ. Когда спрашивали на то моего согласія, я тѣмъ менѣе могъ отказываться, что уже вашимъ в-ствомъ милостивѣйше указанъ на это служеніе, хотя доселѣ проходилъ его только при отдѣленіи общины. Іеромонахъ пока ничего не знаетъ про это. Онъ добрый человѣкъ, но, говорятъ, изъ солдатъ, и потому не имѣетъ многихъ качествъ для служенія въ обществѣ людей образованныхъ. Притомъ смотритъ на вещи по аѳонски,—это

уже слишкомъ много для общины, незнакомой съ монашествомъ.

7 апрѣля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 18-е.

Вотъ и еще письмо отъ архим. Геронтія. Оно, кажется, залежалось въ штабѣ по случаю праздничной бомбардировки. Въ немъ есть свѣдѣнія о священникѣ Кодыковскомъ, который скрылся безъ вѣсти.

Доселѣ не было штурма, не бываетъ и огня особеннаго. Двѣ послѣднія ночи были слишкомъ мирны. Говорятъ, что кн. Горчаковъ своему брату—главнокомандующему писалъ изъ Вѣны и просилъ скорѣе порадовать доброю вѣстію, необходимою для лучшаго хода переговоровъ. Исполнитъ ли онъ эту просьбу и какъ скоро, не знаемъ. Думаемъ, что мы первые не выйдемъ изъ оборонительнаго положенія.

Еще одно ядро попало въ церковь; ударившись въ карнизъ, оно отскочило, оставивъ только язву на немъ.

Сегодня секретнымъ образомъ дошло до меня свѣдѣніе, что представленіе ваше о награжденіи меня и товарища моего крестами на страстной седмицѣ было въ Севастополѣ и, по засвидѣтельствованіи кн. Горчаковымъ, опять пошло по назначенію, безъ всякаго въ немъ измѣненія. Это, говорятъ, потому, что награды, кои такъ милостиво присудили намъ, подлежатъ суду высшаго начальства; и эта форма так. обр. соблюдена. Въ семъ ходѣ дѣла мы видимъ новую къ намъ милость Божію: ибо если бы оно пришло къ кн. Меншикову, то вмѣстѣ съ представленіемъ о всемъ военномъ духовенствѣ и врачахъ, осталось бы недвижимо въ его канцеляріи. О духовныхъ и врачахъ онъ сказалъ: пусть ихъ наградитъ Господь.

Недавно мнѣ случилось узнать его сужденіе о Сакенѣ. Оставляя Крымъ и слагая причину малыхъ успѣховъ на посредственность генераловъ, его окружавшихъ, онъ сказалъ: „и Ерофеичъ (Дмитрій Ерофеичъ) мнѣ не помогъ“.

Прошеніе Св. Синоду въ Севастополѣ подписано и послано въ Бакчисарай съ тѣмъ, чтобы не медля, за учиненіемъ подписи, было доставлено въ Симферополь о. Родіонову.

О. игумену Николаю я послалъ всѣ бумаги, нужныя для искорененія въ Бакчисарайскомъ соборѣ безпорядка и введенія тамъ порядка, который всегда будетъ сомнительнымъ при о. Спиранди.

11 апрѣля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 19-е

Отъ послѣдняго письма моего по 20-е число апр. не случилось въ Севастополѣ и около него ничего замѣчательнаго, хотя раненныхъ съ батарей и бастіоновъ прибывало на перевязочные пункты не мало.

Театръ войны или усиленныхъ дѣйствій непріятеля опять у 4 и 5 бастіоновъ, т. е. на дорогѣ монастырской. Здѣсь мы защищаемся только изъ-за батареи; непріятельскія траншеи въ 10 саженяхъ, для глаза же и того разстоянія нѣтъ.

Въ ночь на 20 апрѣля французы отняли у насъ и послѣднюю траншею у 5-го бастіона. Они напали въ числѣ несравненно большемъ нашего прикрытія. Впрочемъ, нашу неудачу приписываютъ просто трусости *Углицкаго* полка. Потеря убитыми и раненными была до 1000 человѣкъ. Въ послѣднее время много пало офицеровъ. 22 апрѣля погребали ихъ вмѣстѣ 8 человѣкъ, принятыхъ 21 числа при уборкѣ тѣлъ изъ француз. траншей. Случайно я былъ свидѣтелемъ—на весьма близкомъ разстояніи—этого печальнаго зрѣлища; французы сами выносили наши тѣла на половину того разстоянія, какое еще находится между нами и врагами. Здѣсь стояли два нашихъ офицера, которые распоряжались своими носильщиками. Зрителей со стороны непріятелей было очень много. По торчавшимъ изъ рвовъ краснымъ головамъ можно было судить о близости къ намъ враговъ и ужасаться этой близости. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что штурмъ послѣдуетъ здѣсь и очень скоро. Можно о семъ заключить и изъ того, что гарнизонъ нашъ усиленъ новыми полками.

Пройти по какой либо улицѣ все равно, что по лагерю; все наполнено солдатами. Вѣнскія конференціи не имѣютъ на наши дѣла ни малѣйшаго вліянія.

Замѣчено, что 21 взята въ Херсонѣ значительная часть дессанта на суда и отправлена въ Евпаторію. 8 баталіоновъ нашихъ съ сѣверной стороны посланы туда-же въ подкрѣпленіе нашихъ войскъ.

Адмиралъ Нахимовъ, по случаю производства своего въ этотъ чинъ, приказалъ по флоту благодарить семью моряковъ сознаніемъ, что незаслуженную милость монаршую онъ получилъ за доблести своихъ товарищей. Словесно же онъ выражался, что въ случаѣ вторженія непріятелей въ городъ, онъ первый долженъ пасть при защитѣ его. Такъ онъ понимаетъ ту славу, которую пріобрѣли черноморцы въ послѣднее время, и не хотѣлъ бы пережить ее.

Что намъ дѣлать, въ случаѣ бы Господь попустилъ хотя временно подвергнуть насъ такому посѣщенію. Думаю, что мы не должны оставлять церкви, пока не будемъ отозваны отъ ней начальствомъ или прогнаны непріятелемъ. Такъ по крайней мѣрѣ я понимаю долгъ священника и святость храма Божія и такъ готовъ поступить въ надеждѣ на милость Божію.

Братъ мой, законоучитель гимназіи въ Бѣлой Церкви, пишетъ, что манифестъ о народномъ ополченіи произвелъ большое волненіе въ Кіевской губ.; крестьяне, отягченные игомъ польскихъ помѣщиковъ, рады случаю и не хотятъ болѣе знать своихъ помѣщиковъ. Всѣ желаютъ служить Богу и Государю и быть вольнымъ козачествомъ. Злонамѣренные люди внушили невѣждамъ, что таковъ именно смыслъ манифеста, и что у священниковъ есть и указъ „не робыть помѣщикамъ панщины". Требуя отъ нихъ такихъ указовъ, принуждая къ писанію просьбъ и адресовъ, прихожане въ деревняхъ нерѣдко подвергали священниковъ тяжкимъ обидамъ и насилію. Особенно торопила ихъ къ тому молва, что послѣ великаго четверга поздно уже записываться въ вольные козаки. Братъ съ вел. субботы не возвращался домой, и въ постоянномъ разъѣздѣ съ чиновниками отъ генералъ-губернатора. Въ имѣніи Браницкихъ уташили вол-

неніе; въ одномъ только мѣстѣ по нуждѣ употреблена сила оружія: крестьянъ убито 30 и ранено 30. Теперь тоже поднялись въ имѣніи кн. Лопухина въ корсунскомъ округѣ. Отправился туда и самъ кн. Васильчиковъ. Печальное явленіе.

22 апрѣля 1855 г г. Севастополь.

Письмо 20-е.

Непріятное для насъ дѣло, случившееся въ ночь на 20 апрѣля, скоро заглажено нашимъ успѣхомъ: 23 апр. мы взорвали у непріятелей 2 пороховыхъ погреба, и въ ночь на 24-е еще одинъ погребъ тамъ же противъ 4-го бастіона. Въ ту же ночь отъ 3-го бастіона сдѣлана изъ 100 челов. охотниковъ удачная вылазка, цѣлію которой было собственно достать языка, чтобы узнать, куда пошелъ флотъ съ дессантомъ. Взяли въ плѣнъ одного офицера и 6 рядовыхъ; но, кажется, отъ нихъ ничего не дознали. Предполагаютъ различно: одни — что непріятели пошли изъ Евпаторіи въ Одессу. Изъ Ялты дали знать что замѣтили ихъ направленіе къ Анапѣ. Еще думаютъ, что м. б. это ничто иное, какъ одинъ видъ диверсіи, чтобы заставить насъ развлечь свои силы.

23 апр. былъ военный совѣтъ, на которомъ, говорятъ, только адм. Нахимовъ и генер. Хрулевъ горячо говорили, что время наступательно дѣйствовать. Впрочемъ, на чемъ рѣшено, неизвѣстно.

Къ отраженію штурма всѣ распоряженія сдѣланы, ибо его можно теперь ожидать съ часу на часъ. Дѣло на 20 апр. слишкомъ предосудительно для насъ и произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Унасъ въ отнятой непріятелями траншеѣ 7 мортиръ и 2 орудія. Углицкій полкъ, бывшій тогда въ траншеѣ и въ прикрытіи, просто бѣжалъ постыдно! Это дѣло было случаемъ для начальника праваго фланга оборонительной линіи, вице-адмирала Новосильскаго, начальника 4 бастіона капитана 1-го ранга Кутрова и еще нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ сказаться больными и оставить свои мѣста. Моряки, почти 8 мѣсяц. защищая Севастополь своею грудью, не могутъ безъ негодованія говорить о бездѣйствіи арміи и какомъ-то холодномъ равно-

душіи ея генераловъ. Наконецъ, почти нѣтъ флота; перевелись и матросы, и офицеры. Отъ экипажа осталось всего 36 челов. Сакенъ вчера посѣтилъ больного Новосильскаго и убѣдилъ ли его быть здоровымъ—неизвѣстно. Кому Севастополь—не родной, тотъ не пойметь болѣзни моряка; между тѣмъ всѣ говорятъ о морякахъ съ благоговѣніемъ, и скорбятъ, что ихъ такъ мало. Нахимовъ съ трудомъ теперь находитъ и своихъ больныхъ, о коихъ онъ заботился болѣе, чѣмъ отецъ: они стали рѣдки на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ. Много есть прекрасныхъ сторонъ въ этомъ адмиралѣ, между прочимъ память о морякахъ—покойникахъ. Въ этомъ мѣсяцѣ я служилъ для него три панихиды: 5 числа по Корниловѣ, 11-го по Лазаревѣ и 15 по Истоминѣ, по случаю 40 дней отъ кончины сего послѣдняго. Онъ не забываетъ дней кончины ихъ. „Очень мала теперь семья наша", говорилъ онъ мнѣ на могилѣ, „и неудобно теперь собираться сюда, но должно исполнить св. долгъ нашъ.

Владимірскій храмъ будетъ теперь какъ бы на гробахъ мучениковъ. Два адмирала пали за вѣру, и третьяго кончина была страдальческая, если покойникъ смотрѣлъ на свои страданія, какъ должно.

Вчера я прочелъ въ письмѣ Станюковича изъ Николаева къ своему зятю слѣдующее: „кн. Меншиковъ, по случаю производства Нахимова въ адмиралы, сказалъ: „его сдѣлали безполезнымъ. Его было дѣло равнять корабли, тянуть веревки, смочить снасти и со всѣми браниться". Кажется, генералъ—адмиралъ лучше понимаетъ Нахимова, чѣмъ бывшій морской министръ.

Двѣ сестры общины отправились въ Петербургъ по болѣзни. Одна изъ нихъ отъ нервической чувствительности не могла сносить прежде пушечныхъ выстрѣловъ, а потомъ и стоновъ больныхъ. Другая тоже отъ подобной чувствительности не могла перенести строгаго замѣчанія начальницы. Правду сказать, что М. Стаховичъ имѣетъ болѣе пріемы крутого ротнаго командира, чѣмъ начальницы женщинъ благородныхъ и сознающихъ свои личныя достоинства. Она ограничиваетъ свободу сестеръ до того, что воспрещаетъ сходить въ церковь, хотя бы сестра имѣла на то досугъ. Зачѣмъ тамъ выставляться? Можно и дома

помолиться. Такъ она думаетъ, и очень упряма, чтобы послушать чьего совѣта. Сестры не совсѣмъ довольны ею и, благодареніе Богу, проходятъ усердно свое служеніе, открывая свои чувства лишь тому, чрезъ кого онѣ не могутъ быть гласными. Стараюсь говорить имъ то, что на пользу общую, для которой можно забывать малость.

Дѣти моего товарища о. Демяновича приняты въ Воронежскій кадетскій корпусъ съ тѣмъ, чтобы старшій сынъ былъ представленъ нынѣ же, когда будетъ ему 9½ лѣтъ.

25 апр. 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 21-е.

26 апр. съ поспѣшностію очистили отъ раненныхъ и больныхъ всѣ тѣ мѣста въ городѣ, гдѣ они находились. Можно было догадываться, какъ и говорили, что готовятъ мѣста для раненныхъ отъ имѣющаго быть великаго сраженія. (Больныхъ изъ города отправили на сѣверную въ палатки, откуда отправляютъ ихъ далѣе). Между тѣмъ 27-е число прошло тише обыкновеннаго. Ночью пошелъ дождь, который продолжалъ идти и днемъ: потому тишина водворилась вокругъ насъ отъ непріятелей. Ночью на 29-е апр. въ 10 ч. закипѣла жаркая пальба у 3 бастіона, но продолжалась всего съ полчаса. По штуцернымъ огнямъ (мѣстность, гдѣ происходило это, отъ церкви совершенно видна) можно было судить, что или непріятели напали на ложементы наши, или наши хотѣли побывать въ непріятельскихъ траншеяхъ. Пишу утромъ и подробностей о томъ еще никакихъ не слышалъ. Безъ сомнѣнія онѣ не могутъ быть важны.

Сегодня опять дождь, начавшійся еще до разсвѣта. Обыкновенно въ такую погоду съ обѣихъ воюющихъ сторонъ бываетъ молчаніе. И еслибы дожди продолжались, мы благополучно дождались бы конца Вѣнскихъ конференцій. На военномъ совѣтѣ, бывшемъ у насъ 21 апр., будто бы рѣшено, что намъ выгоднѣе оставаться въ оборонительномъ положеніи. Есть слухъ, не знаю какимъ путемъ достигшій Севастополя, что Пруссія объявляетъ войну Франціи и проситъ у Россіи вспомогательнаго корпуса.

Если и правда сему, то несомнѣнно, что, по манію Божію, соберутся новыя политическія тучи и въ громахъ противоставятся громамъ и громовые отводы.

Докторъ Пироговъ, котораго присутствіе и неутомимая дѣятельность чрезвычайно важны для Севастопольскихъ госпиталей, просился, по болѣзни, домой, а также прибывшіе съ нимъ на содержаніи в. кн. Елены Павловны медики просили объ отпускѣ по крайнему озчеможенію отъ непомѣрныхъ 6-тимѣсячныхъ трудовъ. Вел. княгиня, изъявляя нѣкотор. образ. согласіе на отпускъ Пирогова, его же проситъ убѣдить другихъ медиковъ, какъ лучшихъ хирурговъ, остаться еще въ Севастополѣ. Но оффиціальнаго разрѣшенія и Пироговъ пока не имѣетъ, и безъ сомнѣнія безъ того не уѣдетъ.

Сестры и духовники въ госпиталяхъ исполняютъ свое дѣло. Кладбищная церковь видится цѣла и неоткрыта. Съ Пасхи переговоры производятся на морѣ съ катеровъ, и не было случаевъ осмотрѣть ихъ близко, какъ это было удобно при переговорахъ на сухомъ пути. Такая перемѣна послѣдовала вслѣдствіе покушенія непріятелей заглянуть въ наши рвы, кои настланы досками съ набитыми на нихъ гвоздями.

Свидѣтельство на кладбищный домъ, что онъ разбитъ непріятельскими ядрами (чего впрочемъ еще не было) и разобранъ на военныя надобности, я получилъ изъ штаба. По нему можно будетъ получить вознагражденіе отъ казны.

27 апр. о. Иннокентій, бывшій въ городѣ, передалъ мнѣ, что на Сѣверной сторонѣ въ госпиталяхъ находился послушникъ Василій Райза изъ выкрестовъ, который занимался тамъ служеніемъ раненнымъ-больнымъ, и что онъ за какую-то бесѣду заподозрѣнъ и куда-то отправленъ. О. Иннокентій объ немъ отозвался мнѣ, что онъ этого послушника хотя и видѣлъ, но онъ при немъ не состоялъ, и не знаетъ, откуда и зачѣмъ онъ былъ присланъ туда. По письму о. Мих. Радіонова, при которомъ онъ передаетъ еще два письма этому послушнику изъ Кіева, видно, что онъ хорошо и съ доброй стороны извѣстенъ о. Михаилу и служилъ прежде въ Симферополѣ при госпиталѣ же.

О Георгіевскомъ монастырѣ новаго ничего не знаю, ни письма о полученіи артоса и пасхи не имѣю.

Преосв. митрополитъ здравствуетъ по старчески и хотя ядра и ракеты съ моря летали чрезъ его квартиру (непріятели перепробовали свои снаряды со всѣхъ сторонъ по городу, и все напрасно: не горитъ городъ), сидитъ дома неподвижно. Непонятно, почему старецъ не согласился на ваше предложеніе ѣхать въ Одессу или Корсунь, гдѣ нашелъ бы пріютъ, покой и довольствіе. Впрочемъ „сѣмя свято стояніе всякаго града", а его санъ и старчество непорочное сами говорятъ въ пользу этого стоянія.

Много паче можетъ ваша архип. молитва, яко ангела паствы, врагами обложенной. Не лишайте насъ и архипастырскаго вашего благословенія.

Рапорты по присланнымъ письмамъ мною уже представлены. Счелъ нужнымъ возвратить и самыя письма.

29 апрѣля 1865 г., г. Севастополь.

Письмо 22-е.

Оставаясь въ томъ же безъисходномъ положеніи, въ послѣдніе дни Севастополь былъ обрадованъ новымъ успѣхомъ мужественныхъ и неутомимыхъ защитниковъ его.

29 апр. ночью сдѣлана малымъ числомъ охотниковъ удачная вылазка отъ 3 бастіона. Хотѣли для главнокомандующаго достать только языка, захвативъ нѣсколько человѣкъ изъ передовой цѣпи непріятельской; но, по причинѣ большой темноты не примѣтивъ этой цѣпи и сами не бывъ примѣчены, охотники очутились у самой траншеи и съ крикомъ ура, распугавъ англичанъ, заклепали нѣсколько орудій и представили пять языковъ—живыхъ и здоровыхъ англичанъ. 30 апр. взорвали у непріятелей два погреба: одинъ ночью, другой днемъ.

Въ ночь на 2-е мая была также удачная вылазка отъ 5 бастіона, коею заглажена вина углицкаго полка. Обѣ наши траншеи противъ 5 бастіона, отнятые французами 20 апр., очищены отъ нихъ спѣшно и туры разбросаны, а непріятели здѣсь опять въ прежнемъ болѣе почтительномъ отдаленіи отъ насъ.

Между тѣмъ осадныя работы у непріятелей продолжаются, хотя съ недѣлю водворилась значительная тишина. У насъ также фуры и фашины въ большомъ множествѣ ежедневно отправляются на оборонительную линію. Общая молва (такъ говорятъ рѣшили и въ бывшемъ военномъ совѣтѣ), что, не смотря на превосходное число войскъ нашихъ, мы не выйдемъ первые изъ оборонительнаго положенія.

1 мая пронеслась вѣсть (будтобы изъ достовѣрнаго источника), что французы отправляются куда-то открывать другой театръ войны, оставляя укрѣпленные пункты—Балаклаву и Камышеву бухту подъ прикрытіемъ флота. Три послѣднихъ дня апрѣля былъ дождь и днемъ и ночью; съ 1 мая стали дни ясные; земля даже подъ ногами непріятелей зеленѣетъ.

Кіево-выдубецкаго монастыря послушникъ Василій Рейза заподозрѣнъ, какъ потомъ узналъ я, по слѣдующему обстоятельству. Въ госпиталь на сѣверной сторонѣ поступилъ по случаю войны, изъ отставныхъ, штабъ-лѣкарь—полякъ. Онъ, наполнивъ стеклянныя баночки табакомъ, поручилъ послушнику передать ихъ какому-то цыгану; этотъ цыганъ задержанъ козаками на позиціи генерала Липранди. Въ баночкахъ подъ табакомъ оказались на бумагѣ рисунки нашихъ укрѣпленій. Вслѣдствіе этого арестованы штабъ-лѣкарь, послушникъ и цыганъ. Они, кажется, въ Симферополѣ.

Встрѣтивъ потомъ въ городѣ бывшаго херсонскаго послушника Іовина и узнавъ, что онъ остается теперь безъ дѣла, я въ тотъ же день далъ ему на руки бумагу и выслалъ его въ скитъ, чтобы и онъ куда-либо не увязъ.

Сегодня слышенъ огонь штуцерный, и пушечные выстрѣлы раздаются не рѣдко.

4 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 23-е.

Вчера только получены мною высланные по распоряженію вашего высокопр—ства деньги на вспоможеніе скитамъ и духовенству, о чемъ узналъ на почтѣ случайно, посылая деньги въ свѣчной комитетъ. Первое объявленіе не доходило до меня. Въ моемъ

вѣдомствѣ остаются безъ мѣстъ два священника: Комарскій, доселѣ состоявшій, за неимѣніемъ наличнаго священника, при Бакчисарайскомъ соборѣ, и Качинскій Кузьменко, который, по моему распоряженію съ согласія Мальчумскаго причта, во время четыредесятницы и праздника Свѣтлаго служилъ въ Біазалахъ. Теперь особенной нужды въ служеніи въ приписной церкви нѣтъ, и на это уже нѣтъ согласія причта и прихожанъ. Я предложилъ имъ просить мѣстъ себѣ, если есть праздныя. Качинская церковь можетъ быть скоро приведена въ порядокъ, даже теперь, если бы были тамъ жители въ разоренныхъ садахъ, но Комарская не существуетъ, какъ и самая деревня.

Въ послѣдніе дни ничего у насъ не случилось замѣчательнаго, кромѣ взрыва непріятелемъ двухъ минъ противъ 4-го бастіона, киторый не понесъ отъ того никакого вреда. Прошлую ночь заложены нами и въ послѣднюю докончены ложементы противъ кладбища (церковь видится цѣлою, а ограда во многихъ мѣстахъ разорена). Въ послѣднюю ночь поэтому былъ сильный огонь, и много бомбъ брошено. Одна въ саду церковномъ такъ глубоко вошла въ землю, что нельзя докопаться, другая въ домѣ сосѣдскомъ противъ колокольни изранила человѣка не собою, а стеклами оконъ.

Во флотѣ непріятельскомъ, который—какъ лѣсъ въ херсонескихъ бухтахъ, большое движеніе постоянно. Вчера двигалось 23 парохода. Въ лагерѣ, слышно, холера и общее неудовольствіе зуавовъ, которые бѣгаютъ часто и компаніями. Есть уже бѣглецы изъ піемонтцевъ. Дни у насъ очень жаркіе. Потому днемъ непріятели молчатъ; съ нашей стороны пальба бываетъ лишь въ отвѣтъ непріятелю.

Пронесся слухъ, что у Евпаторіи турки больно проигрались предъ нами; но, кажется, это не вѣрно, объ этомъ не молчало бы начальство. О пріѣздѣ Наполеона еще не замѣтно изъ лагеря. Тамъ постоянно видны ученья.

Въ общинѣ крестовоздвиженской труденъ миръ, пока начальница будетъ такъ дѣйствовать: ея дѣйствія не въ духѣ любви. Хотѣла перемѣстить нѣкоторыхъ сестеръ въ Бакчисарай. Тѣ не согласились, видя въ томъ обиду для себя. Она поспѣ-

шила донести объ ослушаніи, когда тѣ на другой же день изъявили послушаніе. Генеральша Ширманъ, чрезъ руки которой идетъ къ вел. княгинѣ вся переписка, не доводитъ слишкомъ непріятнаго до слуха ея высочества, но, кажется, сама не одобряетъ тона Стаховичъ.

11 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 24-е.

Въ ночь съ 10 на 11 мая много пролито крови подъ севастопольскимъ кладбищемъ. 11-го числа я писалъ къ вашему высокопр—ству утромъ, не имѣя еще свѣдѣній какъ о дѣлѣ самомъ, такъ и о потерѣ, въ немъ бывшей. Не легко впрочемъ собирать ихъ вдругъ послѣ дѣла: тутъ бываетъ столько разнорѣчивыхъ, пріятныхъ и непріятныхъ разсказовъ, что по нимъ нельзя составить и понятія о дѣлѣ.

Послѣднее дѣло было таково: ночью на 10-е мая мы открыли работы, чтобы соединить ложементъ, для коего послужила кладбищенская стѣна, съ 5-мъ нашимъ бастіономъ, и отъ угла кладбищной ограды провести линію ложемента на карантинной бухтѣ, и, безъ особенной потери, почти окончили эти работы. Въ ночь на 11 мая непріятели напали на эту линію гораздо въ большемъ числѣ, нежели у насъ было поставлено для отраженія нападенія, котораго ожидали. По словамъ плѣннаго, ихъ было 18000, въ томъ числѣ 3000 гвардейцевъ. Употреблена была въ дѣло и часть кавалеріи. Наши ложементы въ продолженіе ночи три раза переходили изъ рукъ въ руки, и наконецъ линія отъ кладбища къ бухтѣ осталась за непріятелями. Къ значительности числа убитыхъ присоединилась смерть бригаднаго генерала, графа Адлерберга. На перевязочномъ пунктѣ зрѣлище было одно изъ самыхъ ужасныхъ. Хотя потребовали медиковъ и съ другихъ пунктовъ, но все же недоставало рукъ. Многимъ изъ страдальцевъ приходилось цѣлый день ожидать операціи. Услышавъ, что въ полдень будетъ поднятъ перемирный флагъ для уборки тѣлъ, я пошелъ на 6 бастіонъ, чтобы при этомъ посмотрѣть кладбищную церковь и Херсонесъ въ теперешнемъ его видѣ. Флагъ, впрочемъ, былъ под-

нятъ только въ 6 часовъ, а французы не отвѣчали ему, и потому въ этотъ день тѣлъ не убирали. Однако, пользуясь въ полдень бывшею тишиною, я успѣлъ съ 6 бастіона взглянуть на мѣсто битвы. Не смотря на то, что утромъ было отправлено на сѣверную ночью поднятыхъ тѣлъ—нашихъ 2 бота и 1 ботъ французскихъ, еще много лежало здѣсь по линіи ложементовъ. Мнѣ указано два тѣла на срединѣ разстоянія: страдальцы усиливались доползти къ намъ и испустили духъ. Еще нѣсколько человѣкъ было замѣчено живыхъ, два были въ сидячемъ положеніи, другихъ можно было узнать только по нѣкоторымъ движеніямъ и поднятію головы, которую обращали къ своимъ, ожидая пособія. Послѣдовавшій по бастіону выстрѣлъ заставилъ меня поспѣшно удалиться съ опаснаго мѣста.

12 мая, т. е. на другой день, замѣтивъ въ 10 ч. перемирный флагъ на томъ же бастіонѣ, я опять поспѣшилъ туда съ трубою. Люди и носилки для тѣлъ были готовы, но непріятели не поднимали своего флага, хотя впрочемъ не стрѣляли и даже исчезли. Потому и намъ можно было смотрѣть безопасно. Отъ послѣдней ночи, въ которую мы также понесли неудачу, труповъ прибавилось. Кладбищная стѣна городской стороны, бывшая вмѣстѣ съ нашимъ ложементомъ, осталась также въ рукахъ непріятелей, которые въ эту же ночь успѣли соединить ее и съ своею траншеей, идущей по направленію горы, отдѣляющей кладбище отъ города. Такимъ образомъ кладбише теперь въ рукахъ непріятелей. Говорятъ, что кн. Горчаковъ, вслѣдствіе большой потери людей въ прошлую ночь, не разрѣшилъ на эту ночь поставить болѣе двухъ баталіоновъ, которые по необходимости уступили многочисленному непріятелю, потерявъ изъ строя 4 офицеровъ раненныхъ. Сегодня въ 1 часу послѣдовало общее согласіе на уборку тѣлъ. Французы вышли на это печальное зрѣлище очень разряженными. Впрочемъ въ полдень у нихъ были салюты съ кораблей: нѣтъ ли у нихъ торжества? Тутъ же удостовѣрились, что у нихъ мѣсто Канробера заступилъ Пелисье, потерявшій руку въ Алжирѣ. Принято тѣлъ нашихъ 500; число тѣлъ французовъ полагаютъ въ 1500; между сими послѣдними было тѣло одного полковника, надъ кото-

рымъ братъ его плакалъ, какъ женщина. Раны у нашихъ убитыхъ большею частію отъ пуль и штыковъ, тѣла непріятельскія наиболѣе изуродованы картечью и ядрами нашихъ батарей.

При этомъ случаѣ я посылаю церковнаго сторожа осмотрѣть кладбищную церковь, давъ ему въ нѣсколькихъ строкахъ, съ приложеніемъ печати, видъ, коимъ прошу, отъ кого это будетъ зависѣть, дозволить ему это. Штабъ-офицеръ нашъ не отказалъ предложить объ этомъ французскому представителю перемирія, но тотъ не согласился пропустить даже съ своимъ конвойнымъ, объявивъ, что это противно законамъ, и завѣривъ, что церковь цѣла и будетъ неприкосновенна. Правда, съ 6 бастіона она видна вся и дѣйствительно цѣла, только безъ креста, который, вѣроятно сбитъ, цѣлы даже деревянные кресты на могилахъ, а высокая трава по всему кладбищу свидѣтельствуетъ, что тамъ и стопы вражеской доселѣ не было. Послѣднею линіей непріятели овладѣли, обойдя кладбище. Ворота его и калитка заперты, впрочемъ въ верхней части стѣна снята. Но если на этой линіи, какъ и должно ожидать, непріятели поставятъ орудія, на кои намъ нужно будетъ отвѣчать, то церковь кладбищная не уцѣлѣетъ, какъ не уцѣлѣла херсонеская, сначала разоренная французами, а потомъ, когда изъ нея стали стрѣлять, нашими выстрѣлами.

Въ Херсонесѣ отъ бывшихъ строеній, кромѣ камней, ничего нѣтъ; даже ворота не существуютъ. Печка известковая разбита, безъ сомнѣнія, нашими выстрѣлами, ибо отъ ней по всему этому древнему валу или насыпи идутъ 9 амбразуръ непріятельской батареи. Еще одна мортирная батарея находится за самою насыпью. Отъ зданій карантинныхъ и слободки этого имени также однѣ груды камня видны.

По приведеніи въ надлежащую извѣстность, вся потеря нашихъ у кладбища составляетъ: нижнихъ чиновъ—700 убитыхъ, 1860 раненныхъ, всего 2560 человѣкъ, офицеровъ 11 убитыхъ и 66 раненныхъ и одного генерала убитаго.

Богъ вѣсть, чего намъ ожидать послѣ подобныхъ потерь въ дѣлѣ, повидимому незначительномъ. Ужасы штурма ближе

и ближе къ намъ. Въ спасеніи отъ нихъ одна надежда на Бога.

13 мая 1855 г., г. Севастополь

Письмо 25-е.

Послѣ дѣла у кладбища, о чемъ я уже писалъ вашему высокопр—ству, въ положеніи Севастополя ничего особеннаго по настоящее число (19 мая) не произошло. Непріятели продолжаютъ осадныя работы ночью, потому ночью только огнемъ непріятельскимъ и нашимъ нарушается теперь спокойствіе города. Дневной же жаръ значительно подѣйствовалъ на охлажденіе жара воинственнаго.

Число холерныхъ больныхъ у насъ увеличивается: уже существуютъ палаты холерныхъ. Впрочемъ, опасеній большихъ тутъ еще нѣтъ.

Вслѣдъ послѣ неудачи у кладбища, мы услышали о нашемъ отступленіи на Чоргунѣ предъ наступившимъ 12 числа непріятелемъ. Говорятъ, что это сдѣлано кн. Горчаковымъ съ намѣреніемъ: отвести непріятеля отъ укрѣпленнаго лагеря и принудить къ сраженію. Главная квартира наша поэтому перешла съ сѣверной на хуторъ Миккензія. На Дуванкѣ устраивается госпиталь на 2000 человѣкъ. Потому открытія военныхъ дѣйствій должно ожидать здѣсь гдѣ-нибудь—между Бакчисараемъ и Севастополемъ, такъ какъ и непріятели направляютъ свои силы болѣе въ обходъ Севастополя, чѣмъ на самый Севастополь. Слухъ о занятіи непріятелями Керчи произвелъ у насъ тревожное впечатлѣніе. Впрочемъ уныніе ни въ чемъ не замѣтно. Напротивъ, и это объясняютъ какимъ то особымъ соображеніемъ нашего главнокомандующаго. Говорятъ, что для насъ выгоднѣе привлечь на Крымъ всѣ силы враждующаго Запада, чѣмъ вести съ ними войну на западной нашей границѣ.

Наставленіе сестрамъ крестовоздвиженской общины, сказанное вашимъ высокопр—ствомъ въ Одессѣ и присланное для раздачи сестрамъ здѣшнимъ, я роздалъ такъ, чтобы въ каждомъ пунктѣ ихъ пребыванія было по экземпляру онаго. Оно принято ими съ непритворною искреннею благодарностію настави-

телю-архипастырю за умилительное назиданіе. Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего высокопр—ства, что эта община, примѣрно дружная въ стремленіи къ цѣли, ей указанной, подверглась искушенію несогласія въ самой себѣ. Раздѣленіе общины на отдѣленія и отдѣльное пребываніе этихъ небольшихъ отрядовъ сестеръ утвердило въ начальницахъ отдѣленій, которыя суть не болѣе, какъ помощницы главной начальницы, мысль о самостоятельности ихъ. Когда же главная начальница, по данной ей власти, стала входить въ распоряженіе самыми отдѣленіями, и, къ сожалѣнію, не умѣла скрыть преобладающаго въ ней чувства самовластія, то эти помощницы предпочли лучше сложить съ себя званіе начальницъ отдѣленій, чѣмъ видѣть распоряженія Стаховичъ надъ сестрами, ихъ смотрѣнію ввѣренными отъ в. княгини. Это было ихъ заблужденіе и открылось изъ послѣднихъ распоряженій ея высочества, но ими самое названіе отдѣленій уничтожается. Между тѣмъ и сестры бывшихъ отдѣленій 2-го и 3-го, оставаясь единомысленными съ своими начальницами, стали отказываться отъ распоряженій Стаховичъ или покоряться съ неудовольствіемъ. Три рѣшились даже оставить общину. Все это уже знаетъ вел. княгиня, но, по случаю отъѣзда Пирогова, вручая попеченіе о крестовоздвиженской общинѣ графу Сакену, надѣется, что духъ послушанія и любви, при его вліяніи, скоро опять утвердится въ ней. Туже надежду ея высочество благоволила выразить и мнѣ письмомъ гофмейстера Хрущова, коимъ дано мнѣ знать о назначеніи меня къ общинѣ духовникомъ. Представляю вашему высокопр—ству копію сего письма. Іеромонаху Веніамину предоставлено за симъ исполнять въ общинѣ только богослуженіе и требы христіанскія.

19 мая 1855 г. г., Севастополь.

Письмо 26-е.

Не смотря на занятіе непріятелями Керчи и ихъ плаваніе по Азовскому морю, у насъ существуетъ увѣренность, что дѣла наши еще не въ худомъ положеніи, и скоро пріимутъ прекрасный оборотъ.

21 мая мнѣ разсказывали о вѣстяхъ, привезенныхъ адъютантомъ генерала Лидерса; Англія будто проситъ посредничества у Пруссіи къ примиренію съ Россіею. Вслѣдствіе того Пруссія и Германскій союзъ присовѣтовали Австріи строгій нейтралитетъ, угрожая въ противномъ случаѣ вступить съ своими войсками въ предѣлы Австріи. Потому мы имѣемъ совершенную возможность отдѣлить съ западной границы и съ Дуная въ Крымъ столько войскъ, сколько нужно для перевѣса надъ врагами, которыхъ всѣ силы привлечены теперь на Крымъ. Эти войска уже спѣшатъ сюда и будутъ къ 5 или 8 іюня. Затѣмъ неотмѣнно начнутся съ нашей стороны рѣшительныя дѣйствія. Если непріятели до того времени не откроютъ третьей бомбардировки, то она будетъ открыта съ нашей стороны. Много заготовлено фашинъ, чтобы, наполняя ими траншеи, можно было вести артилерію.

Впрочемъ уже слышится неудовольствіе и на дѣйствія новаго главнокомандующаго: даже въ самомъ штабѣ его недовольны его бездѣйствіемъ, говоря: „кн. Меншиковъ хотя что-нибудь по крайней мѣрѣ дѣлалъ".

Вчера разсказывали о кн. Меншиковѣ, что онъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто кн. Далюрднова (?). Эту важную перемѣну объясняютъ слѣд. обстоятельствомъ: кн. Меншиковъ, оставляя Крымъ, сказалъ слѣд. слова: „я знаю, что прапорщики меня осудятъ, а исторія и потомство оправдаютъ". Благодаря зною, очень впрочемъ тяжелому для раненыхъ больныхъ, днемъ мы пользуемся совершенною тишиною, но по ночамъ нѣтъ покою и безопасности нигдѣ. Въ послѣднюю ночь однимъ осколкомъ бомбы на фронтонѣ съ восточной стороны церкви разбито всевидящее око и самый фронтонъ поврежденъ; другой осколокъ пробилъ каменный сводъ въ олтарѣ, именно между престоломъ и царскими дверями, и потомъ разбилъ икону на стѣнѣ алтаря, два осколка достигли моей квартиры, но въ стѣну, хотя близко оконъ; еще два взрыхлили землю въ саду.

Всякій разъ болѣе убѣждаюсь въ храненіи Божіемъ и пока будетъ оно надъ храмомъ Божіимъ, не рѣшусь оставить его, ни квартиры своей.

Я писалъ въ Комитетъ и просилъ свѣчъ, а теперь не знаю, безопасно ли будетъ имѣть ихъ въ Севастополѣ. Не лучше бы оставить въ Симферополѣ? Собственно для моей церкви свѣчъ еще достанетъ мѣсяца на два или даже на три. Въ случаѣ большого поврежденія церкви или какого въ ней несчастія, м. б. запретятъ служить: тогда и продажа какая...

21 мая умерла одна сестра отъ холеры. Болѣзнь эта увеличивается.

24 мая 1885 г. Севастополь.

Письмо 27-е.

25 мая, въ 3 ч. по полудни, въ Севастополѣ непріятели открыли третью бомбардировку, впрочемъ не по всей оборонительной линіи, а только отъ Инкермана до южной бухты съ 3 бастіономъ включительно. Это обстоятельство заставляло на этотъ разъ предположить особую цѣль въ непріятелѣ. На этой мѣстности огонь и теперь ужасный, не престававшій съ 25 мая. Но цѣль непріятеля вчера открылась. Зная, что наши прикрытія увеличиваются собственно ночью, и предполагая, что при такомъ огнѣ мы не станемъ держать людей на бастіонахъ и редутахъ, они не ошиблись въ томъ, и въ 6 ч. къ вечеру, когда еще было совершенно свѣтло они бросились на редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій и завладѣли ими прежде, чѣмъ поспѣли туда изъ города прикрытія. Редуты были сначала отняты, но потомъ остались, какъ утромъ сдѣлалось извѣстно, за непріятелями. Говорятъ, что они сегодня же будутъ взяты обратно. Кажется, начальство наше здѣсь непростительно виновато. По крайней мѣрѣ такъ уже говоритъ молва. Когда нужно было дѣйствовать, вдругъ недостало на нѣкоторыхъ батареяхъ пороху и снарядовъ. Отважный Нахимовъ едва не попалъ въ плѣнъ, но подробностей объ этомъ не знаю. Еще все дѣло пока темно. Дай Господи, чтобы оно просвѣтлѣло.

Церковь и домъ въ эти два дня или лучше сутки подвергаются выстрѣламъ. Пострадалъ садъ, а въ домѣ уже всѣ окна побиты. Отъ взрыва въ саду бомбы у меня въ комнатѣ растворилась дверь, бывши на замкѣ, который оторвало импетомъ;

въ церкви, впрочемъ, служимъ. Сегодня сильный юго-восточный вѣтеръ: отъ пыли свѣту не видать.

Слышалъ я одно благочестивое замѣчаніе о послѣдней бомбардировкѣ. Какъ она начата 25 мая—въ день третьяго обрѣтенія главы Іоанна Крестителя, а четвертаго обрѣтенія не было, то полагаютъ, что и третья бомбардировка непремѣнно будетъ послѣдняя. Но послѣдняя м. б. горша первыхъ по послѣдствіямъ. Милость Божія и молитвы Ваши защитятъ насъ.

24 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 28-е.

Вашему Высокопреосвященству писалъ я о дѣлѣ 26 мая, что оно пока темно, хотя печально. Таково оно и на самомъ дѣлѣ, когда пришло въ достовѣрную извѣстность въ слѣдующихъ подробностяхъ:

Непріятели отняли у насъ три редута: Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій. Когда поспѣли наши резервы изъ города, редуты были возвращены, Волынскій и Силенгинскій—генераломъ Хрулевымъ, а Камчатскій лично адмираломъ Нахимовымъ, который, по незнанію сухопутнаго дѣла, здѣсь едва не попался въ плѣнъ, но былъ выученъ и вынесенъ на рукахъ матросами. Въ то время, какъ Нахимовъ и Хрулевъ на Корниловомъ бастіонѣ хвалились другъ другу (они—бывшіе друзья) о своемъ успѣхѣ, имъ дали знать, что непріятели опять бросились на редуты, которые и на этотъ разъ остались за нами. Но когда въ третій разъ уже ночью непріятели снова завладѣли ими, то велѣно было оставить ихъ пока въ рукахъ непріятелей. Утромъ въ совѣтѣ, къ которому прибылъ изъ Инкермана и кн. Горчаковъ, положено было въ 2 ч. по полудни отнять, между тѣмъ и до вечера ничего не было предпринято. Главнокомандующій, будучи тѣхъ мыслей, что непріятели послѣ такого успѣха должны пойти на штурмъ этой части города, собралъ 30.000 гарнизона въ Корабельную слободку и предпочелъ ожидать со стороны ихъ нападенія, котораго поелику не послѣдовало, то 28 мая предложено было со стороны нашей

перемиріе для уборки тѣлъ. По этому случаю бомбардировка, не умолкавшая съ 25 мая ни днемъ, ни ночью, прекратилась. Для перемирія назначено было 2 часа времени, а тѣлъ не могли убрать и въ 4 часа. Не смотря на то, что настоящія мѣста битвы остались за непріятелями, которые потому могли убрать ночью свои тѣла, мы съ нашей позиціи передали 3000 тѣлъ. Отъ нихъ приняли своихъ тѣлъ 1500, до 700 тѣлъ у себя убрали, итого нашей потери убитыми 2200, раненныхъ оказалось 2300, до 500 человѣкъ попалось въ плѣнъ и 15 офицеровъ, всю потерю можно полагать въ 5000. Судя по числу непріятельскихъ тѣлъ, поднятыхъ на нашей только позиціи, и полагая противу него количество раненныхъ, которое всегда противъ числа убитыхъ бываетъ больше, потеря непріятелей должна быть вдвое больше нашей. И потому не думаютъ, чтобы это дѣло, какъ оно, повидимому, ни блистательно должно быть для непріятелей (орудія трехъ редутовъ и снаряды остались въ ихъ рукахъ, не говоря уже о важности занятыхъ пунктовъ), могло придать имъ много мужества. Напротивъ, оно должно устрашить ихъ относительно предполагаемаго штурма. До 200 плѣнныхъ попалось и намъ.

Но каково бы ни было впечатлѣніе непріятелей, наше собственное весьма тягостно. Въ одинъ голосъ всѣ говорятъ, что одна надежда на Бога. Осуждая теперешнихъ начальниковъ, съ сожалѣніемъ стали вспоминать о кн. Меншиковѣ, у котораго дѣла шли сравнительно лучше. Дѣйствительно, у насъ бываютъ факты, которые весьма стоютъ коммиссіи Ребуна. Напр. въ послѣднемъ дѣлѣ: въ городѣ не прежде узнали объ угрожавшей опасности, когда сами подвергшіеся опасности дали знать о томъ: бьютъ тревогу, и долго-долго на звукъ барабановъ нѣтъ собирающихся; наконецъ собрались баталіоны и блуждаютъ по улицамъ, спрашивая у подходящихъ, куда именно требуется подкрѣпленіе; солдаты являются на мѣсто съ пустыми сумами и должны были снимать сумы съ убитыхъ и раненныхъ; на сѣверныхъ батареяхъ, которыми преимущественно могли наносить вредъ непріятелю, не оказывается вдругъ снарядовъ во

время самого дѣйствія бомбардированія города, и при томъ днемъ, когда всѣ бодрствуютъ.

Бомбардировка, прекратившаяся на 4 часа по случаю уборки тѣлъ, затѣмъ немедля возобновилась и только 30 мая утромъ затихла. Флоту почти нѣтъ мѣста теперь. Онъ расположенъ у Бона между Николаевской и Михайловской батареями.

Госпиталь и сестеръ имѣютъ перевести въ Дуванку. Въ Севастополѣ останется только перевязочный пунктъ и тотъ на Сѣверной. Кто можетъ, убирается изъ города: дилижансы вдругъ возвысились отъ 8 р. выше 20 р. только до Симферополя. Митрополитъ вчера имѣлъ отправиться туда же. Въ послѣднюю бомбардировку уже не было мѣста охраняющаго, а хранилъ видимо одинъ Богъ, на котораго и теперь вся надежда. Въ моей квартирѣ или церковномъ домѣ не уцѣлѣло ни одного окна отъ бомбъ, которыя только въ самый домъ и церковь не попадали. Цѣнныя вещи какъ своей церкви, такъ и кладбищной и Херсонеской укладываю въ ящики, чтобы отправить въ Симферополь. Тудаже вышлю и деньги, присланныя изъ консисторіи.

Обѣщаютъ наступательныхъ дѣйствій, когда прійдутъ еще три дивизіи, изъ коихъ одна только на мѣстѣ. Но если враги упредятъ? Не оставьте вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, котораго давно не получалъ, хотя въ послѣдній часъ.

31 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 29-е.

Здравіе вамъ отъ Господа! А намъ просите у Него спасенія.

Плохо, очень плохо намъ. Въ послѣдніе дни поколебалась наша увѣренность въ неодолимость Севастополя. 25 мая непріятель открылъ третью адскую бомбардировку, 26 около 6 часовъ вечера бросился на наши редуты Волынскій, Силенгинскій и Камчатскій и занялъ ихъ: ибо на редутахъ, кромѣ артилерійской прислуги, почти никого не было; прикрытія были спрятаны отъ бомбъ въ городѣ и поздно поспѣли на помощь. Потеря наша убитыми и раненными не менѣе 5000, до 100 орудій осталось у непріятелей и до 1000 зарядовъ. Въ плѣнъ

попалось 15 офицеровъ и двѣ роты солдатъ. Причиною сему, какъ говорятъ всѣ, наша крайняя оплошность и недостатокъ распорядительности. Сегодня съ утра стало тише. Но эта тишина не возвратитъ войскамъ и намъ прежняго духа. Я вижу въ нашемъ несчастіи попущеніе Божіе, которое, когда нужно наказать, отнимаетъ и умъ у начальниковъ.

Всякъ заботится теперь о безопасности своей, которой нѣтъ болѣе и на томъ кускѣ города, который доселѣ считался убѣжищемъ.

Митрополитъ сегодня выѣзжаетъ въ Симферополь.

Госпиталь и сестеръ переводятъ въ Дуванку. Въ Севастополѣ будетъ только перевязочный пунктъ на Сѣверной—въ Михайловской батареѣ. Флоту нашему почти нѣтъ мѣста. Въ домѣ у меня ни одного уже окна нѣтъ: только въ самомъ домѣ еще не было бомбы, а кругомъ его буквально все обито. Осколкомъ бомбы пробило алтарь между престоломъ и царскими дверями. Прятаться негдѣ, и каждую минуту боишься за жизнь, которую если желалъ бы сохранить, то единственно для семейства [1]) которое.... Боже мой, какая доля его ожидаетъ, при жалкихъ средствахъ духовнаго попечительства? Думаю поскорѣе исповѣдаться во грѣхахъ и, предавшись волѣ Божіей, ожидать штурма. Сегодня тише, м. б., именно Господь даетъ эти минуты на покаяніе. Простите. Если не найду вѣрной руки, то завтра по почтѣ пришлю вамъ деньги, присланныя изъ консисторіи на вспоможеніе—скитамъ и духовенству, ибо боюсь держать ихъ у себя.

Простите и помолитесь.

30 мая 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 30-е.

Да благословитъ Господь и въ обратномъ пути входы и исходы ваши!

---

[1]) Семейство автора писемъ, состоящее изъ жены и 4-хъ малолѣтнихъ дѣтей, находилось тогда у его родныхъ въ Кіевской губерніи, куда отправлено на третій день послѣ Аямскаго сраженія, въ первыхъ числахъ сентября; съ трудомъ пробралось оно среди войскъ, слѣдовавшихъ отъ Дуная.

Сколько посѣщеніе ваше для всѣхъ въ Севастополѣ было нечаянно [1]), и потому еще болѣе радостно, столько нечаянно для меня совершилось отшествіе ваше и потому было прискорбно. Я даже не успѣлъ принять вашего благословенія при отбытіи вашемъ изъ Севастополя. Мнѣ естественно было ожидать, что ваше высокопреосвященство спросите меня о приставленіи домовнѣмъ, о которомъ мнѣ легче было бы отвѣчать теперь словесно, чѣмъ на бумагѣ. Я не видѣлъ у вашего высокопреосвященства досуга, чтобы самому было предстать вамъ съ своею службою и опущеніями по ней. Если бы даже вы не нашли здѣсь ничего, кромѣ моей вины и безотвѣтственности, то и въ такомъ случаѣ мнѣ бы легче было скорѣе услышать судъ вашъ, всегда праведный, чѣмъ остаться связанному недоумѣніемъ, опасеніемъ, томленіемъ, какъ бы долго ни ожидать сего. Не по своей волѣ, а по вашей, всегда для меня священной, я очутился въ Севастополѣ, гдѣ застигли меня обстоятельства, которыя выше моихъ силъ.

Милостивый архипастырь мой и отецъ! Явите мнѣ хотя малое знаменіе, что я могу надѣяться на продолженіе милостей вашихъ ко мнѣ.

Для сего довольно будетъ для меня одного благословенія вашего, котораго не имѣлъ я счастія получить при отъѣздѣ Вашемъ изъ Севастополя.

24 іюня 1855 г., г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 25—26 іюня преосвященный Иннокентій неожиданно прибылъ, утромъ, на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ служилъ литургію въ походной церкви сѣвернаго укрѣпленія, а вечеромъ, по приглашенію генерала Д. Ероф. Сакена, чрезъ рейдъ отправился къ нему въ Николаевскую батарею, гдѣ нынѣ приморскій бульваръ. На другой день онъ служилъ литургію въ адмиралтейской церкви, которой еще не коснулась ни одна бомба, по особенности ея мѣстности. По окончаніи литургіи преосвященный совершилъ молебствіе предъ церковью, сказалъ рѣчь къ войску и благословилъ привезенными съ собою иконами. Изъ этой церкви его увезли прямо въ главную квартиру—на Инкерманскія высоты, гдѣ онъ опять говорилъ рѣчь къ войскамъ и благословлялъ. Оттуда, не возвращаясь въ Севастополь, отправился въ Симферополь; изъ Симферополя уже прислалъ подорожную къ протоіерею А. Л-ву, не успѣвшему съ нимъ проститься, но тотъ не могъ ею воспользоваться.

МАЙСКІЯ РЕКРЕАЦІИ ВЪ БУРСѢ.

(изъ воспоминаній).

I.

Чуть не ректоръ.

Раннее весеннее утро. Училищный сторожъ, на обязанности котораго лежало большимъ звонкомъ, не уступавшимъ по размѣрамъ главному колоколу иной деревенской колокольни, оповѣщать бурсаковъ о времени сбора въ школу, еще не рѣшилъ даже вопроса о томъ, прибирать или не прибирать сегодня классы. Онъ успѣлъ только обойти классныя помѣщенія и остановился на крылечкѣ въ раздумьи, которымъ обыкновенно начиналъ онъ каждый день своей давнишней службы при училищѣ въ качествѣ швейцара, разсыльнаго, полотера, „сѣкутора“ [1]) ректорскаго лакея, дворника и проч. и проч. Не смотря на такую сложность обязанностей, раздумье о томъ, прибирать или не прибирать классы, являлось слѣдствіемъ простой привычки, съ одной стороны, и нежеланія явиться въ собственныхъ глазахъ неисполнительнымъ — съ другой. А надъ чѣмъ было, въ сущности, задумываться? Чистотой и опрятностью бурсакъ не избалованъ, а потому совершенно резонно онъ никогда не принимался въ соображеніе при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. О ревизіяхъ въ бурсѣ уѣзднаго города П—ва никто никогда и не

[1]) Отъ слова „*сѣчь*“.

слыхалъ, исключая архіерейскаго посѣщенія, которое не могло быть неожиданнымъ. Все дѣло, значитъ, заключалось въ исполненіи требованій ближайшей власти—ректора, человѣка вспыльчиваго и любившаго опрятность.

Не угодить отцу протоіерею—значило рисковать, если не службой,—до этого дѣло дойти не могло,—то во всякомъ случаѣ собственной физіономіей, съ которой руководитель просвѣщенія церемонился мало. Но и эту опасность легко было миновать: отецъ ректоръ, хотя и долженъ былъ по росписанію бывать ежедневно въ училищѣ на урокахъ Закона Божія, предпочиталъ задавать уроки чрезъ того же сторожа, отмѣчая по книжкѣ „до сихъ поръ“ и посвящая въ теченіе всего года лишь нѣсколько часовъ на провѣрку выученнаго. А такъ какъ провѣрка эта составляла довольно торжественное событіе, о которомъ всѣ знали за нѣсколько дней, то—понятно—къ этому времени классы и приводились въ порядокъ, при чемъ, конечно, жалобы сторожа на „каторжный“ трудъ неизмѣнно сопровождались нелестными отзывами о неряшливости бурсаковъ, нанесшихъ—молъ—столько грязи, что „хоть возомъ вывози“.

На этотъ разъ колебанія сторожа разрѣшились сами собой. Задолго до перваго звонка въ ворота монастырской ограды, гдѣ пріютились и классы бурсы, ввалила толпа бурсаковъ. Были тутъ и синтактики, будущіе семинаристы, и грамматики, была даже фара [1]). Очевидно, жившіе въ разныхъ концахъ города бурсаки и бурсачки, какъ снисходительно называли фару городскіе мѣщане, условились по какому-то дѣлу раньше прійти въ школу, пренебрегши строгими приказаніями сторожа отнюдь не являться раньше перваго звонка. Какъ рьяный исполнитель распоряженій училищнаго начальства, сторожъ не могъ не пользоваться авторитетомъ въ глазахъ бурсаковъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ единственное средство подкупа—полное послушаніе.

„Не слушаешься?“ скажетъ, бывало, сторожъ: „постой же ты!“....

И бѣдный бурсакъ уже понималъ, въ чемъ дѣло, понималъ и пуще смерти боялся всегда возможнаго наказанія, усилить или

[1]) Названіе по классамъ—высшій, средній и низшій.

ослабить которое могъ одинъ сторожъ. Послѣдній же, на несчастье бурсаковъ, обладалъ необычайной памятью именно проступковъ, которые опредѣлялись имъ лаконическимъ намекомъ на силу наказанія. „Будешь ты у меня кряхтѣть!"—значитъ, не пожалѣетъ силы, на случай провинившагося отправятъ „подъ колокольчикъ", гдѣ висятъ „пучки березовой каши". Или „ни крошки!"—значитъ: пропадетъ виновный съ голоду, если запрутъ его въ карцеръ... И сколько было другихъ случаевъ, когда тотъ же сторожъ могъ и спасти, и погубить, и вытащить, и утопить. Зналъ всѣ возможные случаи одинъ онъ, милостивый къ послушнымъ и жестокій по отношенію къ строптивымъ. Боялся онъ только двухъ-трехъ силачей изъ синтаксиса, лебезилъ только предъ ними, слушался только ихъ, и—къ чести сихъ силачей—въ лицѣ ихъ многіе изъ бурсаковъ, особенно бурсачко̀въ, находили защитниковъ; но *многіе*—не всѣ, а добрая половина школьниковъ должна была все-таки оказывать безропотную покорность „чуть не ректору", какъ секретно острили на счетъ сторожа бурсаки.

„Васъ какой дьяволъ претъ?"—обратился сторожъ къ приближавшимся бурсакамъ, не разглядѣвъ спросонокъ, что въ числѣ пришедшихъ были и нéбезопасные для него синтактики: „я что̀ говорилъ?"

Двое изъ силачей, державшихся особенно нестѣсненно въ отношеніи „чуть не ректора", подошли ближе и однимъ поднятіемъ головы дали знать, что *они* тутъ. Этого безмолвнаго, но многозначительнаго поднятія головъ было дѣйствительно достаточно, чтобы, готовый уже разразиться филиппикой, сторожъ понизилъ тонъ и даже далъ дорогу тѣмъ изъ бурсаковъ, которые далеко не привыкли видѣть съ его стороны какую бы то ни было любезность. Читатель не долженъ удивляться тому, что эти юноши-бурсаки, прослывшіе за силачей, имѣли такое неотразимое вліяніе на сторожа: они и въ самомъ дѣлѣ были силачи. Въ доброе старое время не знали еще тѣхъ стѣснительныхъ правилъ, по которымъ ученикъ можетъ оставаться лишь извѣстное число лѣтъ въ школѣ, и въ бурсѣ, гдѣ курсъ каждаго класса и безъ того продолжался два года, на такъ называемый повтори-

тельный или „второй“ курсъ оставались по 3—4 раза. Случалось, что послѣ 3—4 такихъ „вторыхъ“ курсовъ ученикъ выходилъ, напр., изъ перваго же класса, женился и, посвященный въ дьяки, начиналъ славословить. Такіе второ-третье—и четверто-курсники пользовались всегда репутаціей отпѣтыхъ „камчадаловъ“ [1]), и способность ихъ проявлять свою физическую силу только потѣшала начальство. Бывали примѣры, что послѣднее само любовалось, какъ тотъ или другой изъ подобныхъ питомцевъ бурсы отличался въ кулачномъ бою, обычномъ тогда развлеченіи „шкурниковъ“, какъ называли и навываютъ всѣхъ кожевниковъ въ П—вѣ. И такъ: не удивительно, говорю, если училищный сторожъ, всесильный относительно прочихъ, пасовалъ предъ силачами, не боявшимися ни начальства, ни розги.

На свободный пропускъ бурсаковъ въ классы до перваго звонка могло, впрочемъ, оказать вліяніе и другое еще обстоятельство. Я говорю о практическомъ соображеніи сторожа, который не могъ не догадываться, что дѣло идетъ о рекреаціи, а сія послѣдняя, помимо того, что освобождала отъ дневныхъ занятій и самого сторожа, имѣла кой-что для него еще болѣе привлекательное: хоть бурсаки и голь—кто же объ этомъ споритъ?—но въ такіе торжественные дни у каждаго голяка оказывался Богъ вѣсть откуда взявшійся грошъ; грошъ этотъ раздѣлялся, и хоть небольшая его часть, но все же попадала въ карманъ того же сторожа.

Вотъ какія соображенія мелькнули въ головѣ „чуть не ректора“. Можно ли было устоять, оставшись въ предѣлахъ безполезной и даже вредной на этотъ разъ суровости и неподкупности? И бурсаки ввалили въ большую классную комнату, гдѣ должно было произойти то, о чемъ узнаетъ читатель изъ слѣдующей главы.

---

[1]) Лѣнтяевъ, сидѣвшихъ сзади, у печки, гдѣ удобно было спать весь урокъ.

II.

Совѣщаніе.

Собравшимся бурсакамъ предстояло рѣшить не маловажный вопросъ. О томъ, просить ли начальство назначить рекреацію, не могло быть и рѣчи; нигдѣ традиція не была такою живучею, какъ въ бурсѣ, и только ужъ слишкомъ экстраординарныя обстоятельства могли повліять на лишеніе бурсаковъ того удовольствія, за которое съ охотой отдали бы они даже все лѣтнее вакаціонное время. Къ числу такихъ необычайныхъ обстоятельствъ относилась, напр., опала начальства, если послѣднее усматривало въ дѣйствіяхъ питомцевъ въ теченіе года слишкомъ ужъ рѣзкое нарушеніе правилъ дисциплины, распоряженій, постановленій и т. п. Но это было рѣдко, ибо въ разсчетѣ на возможность подобнаго взысканія бурсаки зорко слѣдили сами за собой и употребляли всѣ средства, чтобы—въ крайнемъ случаѣ—тотъ или другой проступокъ не дошелъ до свѣдѣнія начальства. Оставалось рѣшить главный, ежегодно повторявшійся вопросъ: идти ли съ просьбой къ ректору гурьбой, или же послать депутацію?—вопросъ, разрѣшеніе котораго гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Подойти къ квартирѣ ректора in corpore—былъ рискъ: ну, а какъ *онъ* сегодня сердитъ? Вѣдь, и слушать то не станетъ, крикнетъ: „Вонъ отсюда, ослы!“ и баста. Правда пройдетъ день—другой, ректоръ раздумаетъ, загладитъ свою вину, но рекреація все таки будетъ отсрочена, а выборъ дня много, много значитъ. Отправить нѣсколькихъ бурсаковъ... Но кто же поручится, что депутація не „срѣжется“? Прійдутъ, возьмутъ благословеніе, поцѣлуютъ въ руку, а дойдетъ до дѣла—точно нѣмые всѣ, и опять онъ посмѣется: назоветъ чурбанами, ослами, бурсачвой и прогонитъ вонъ. Можно прибѣгнуть къ посредничеству учителей и инспектора, но съ этимъ сопряжено еще больше неудобствъ: съ инспекторомъ ректоръ не въ ладахъ, а учителей—въ грошъ не ставитъ, перваго честитъ безъ церемоніи „мазницей“, а прочихъ—бурсачвой. Да и инспекторъ-то

больно не сочувствуетъ рекреаціямъ: человѣкъ онъ грузный, мало подвижный, даже въ маѣ носитъ неимовѣрно большія глубокія кожаныя калоши,—не охота ему предводительствовать цѣлой оравой, забывающей, вслѣдъ за выходомъ изъ города, все на свѣтѣ, даже щелчки въ лобъ, которыми въ другое время господинъ инспекторъ укротитъ и самаго неукротимаго. Ну, прикажетъ ректоръ, тогда что дѣлать! Натянетъ „мазница" свою ватошную крылатую накидку, влѣзетъ въ „мокроступы", повѣситъ на лѣвой рукѣ толстую съ крючкомъ палку и пойдетъ лежать подъ кустомъ цѣлый день и вечеръ, исполняя обязанность присутствовать на рекреаціи; а идти просить... покорно благодарю: „не мала баба хлопоту, та купыла порося!"

Долго длилось совѣщаніе бурсаковъ. Прозвонилъ уже сторожъ разъ, прозвонилъ и другой, а вопросъ все оставался открытымъ, не смотря на то, что и часы въ это утро замедлили ходъ...

„Ну, такъ какъ же, господа?"... Слышалось съ разныхъ концовъ, а дѣло все не подвигалось.

Трое или четверо отдѣлились и направились къ двери съ твердымъ, по-видимому, намѣреніемъ отправиться къ ректору и просить, но были остановлены криками: „Куда къ чорту? Кто васъ выбралъ? Побробуйте только!"—и самозванные депутаты возвратились назадъ, окинули взоромъ всѣхъ спорившихъ, махнули рукой, о чемъ-то перешепнулись и перестали принимать участіе въ спорѣ.

Третій звонокъ. Еще минутъ 15, и прійдутъ учителя, начнутся уроки... Да что же это, наконецъ, такое? Вдругъ одинъ голосъ вбѣжавшаго грамматика покрылъ всѣ самые громкіе голоса и заставилъ смолкнуть:

— Ректоръ, ректоръ!

Невозможно описать, какое смятеніе произошло послѣ этого извѣстія. Грамматики—собраніе происходило въ ихъ классѣ—бросились занимать свои мѣста, отыскивать книги и зубрить уроки; синтактики повалили къ выходу, проталкиваясь

между фарой, которая немилосердно пищала, сдавленная точно тисками, дежурные изъ грамматиковъ поспѣшили къ столу, чтобы привести его въ приличный видъ; дежурный старшій, всегда изъ синтактиковъ, воспользовался счастливой случайностью и сталъ выговаривать одному изъ грамматиковъ, котораго вчера, при посѣщеніи квартиры, не засталъ дома; аудиторы грамматики, на обязанности которыхъ лежало выслушивать слабѣйшихъ учениковъ и заносить результаты въ особую вѣдомость (эрату), повынимали листы и углубились въ нихъ, точно въ самомъ дѣлѣ занимались чѣмъ то очень серьезнымъ... Все это совершилось такъ быстро, что когда отецъ ректоръ, пройдя дворъ, вошелъ въ длинную переднюю и открылъ дверь класса, то увидѣлъ почти небывалый порядокъ. Но отъ его зоркаго глаза не ускользнуло стоявшее въ классѣ облако пыли и то, что на его глазахъ изъ третьяго класса вышло много учениковъ другихъ классовъ. Онъ молча остановился въ дверяхъ. Всѣ притаили дыханіе.

Но въ то время, когда бѣдные ораторы уже дрожали въ ожиданіи возмездія и со страхомъ поглядывали въ окно, откуда открывался видъ и на ректорскій садикъ и на звонокъ...; когда всѣ грамматики и захваченные въ ихъ классѣ синтактики уже предвкушали сладость одного изъ обычныхъ послѣдствій вины— стоянія на колѣняхъ, ибо отецъ ректоръ легко могъ истолковать всю происшедшую сутолоку утреннимъ кулачнымъ боемъ; когда наименѣе виновные и никогда ни въ чемъ не замѣченные, и тѣ опасались за свои ладони, по которымъ, какъ самое снисходительное наказаніе, могли походить корешки пучковъ розгъ,—словомъ—въ то время, когда все трепетало и съ замираніемъ ожидало рѣшенія проклятаго вопроса: что будетъ?— въ это время ректоръ, любившій иногда поражать неожиданностью, вдругъ вызвалъ дрожавшихъ, какъ осиновый листъ, дежурныхъ, объявилъ, что завтра, сирѣчь перваго мая, *рекреація*, и велѣлъ сегодня расходиться по домамъ для приготовленія къ сему торжественному дню, съ одной стороны, и послѣ-рекреаціонному—съ другой... Бѣдные дежурные забыли даже поцѣловать руку отца протоіерея, бросившись стремглавъ въ классъ, чтобы

объявить сію радость. Что теперь уже произошло въ классѣ— отказываюсь описывать даже не подробно, ибо рѣшительно не знаю ни одного сравненія, ни одного аналогичнаго случая изъ всей исторіи, ссылкой на который можно было бы объяснить читателю происшедшее...

Не успѣлъ отецъ ректоръ выйти изъ училища, какъ въ стѣнахъ его не осталось ни одного ученика: они летѣли на квартиры, гдѣ предстояло много работы.

III

Канунъ рекреаціи.

П...ское училище не имѣло корпуса бурсы. Классы помѣщались въ длинномъ каменномъ сараѣ, въ монастырской оградѣ; сарай былъ раздѣленъ на три большія перегородки—классы, безъ печей, почему зимой всѣ сидѣли въ верхнихъ платьяхъ и на перемѣнахъ грѣли себя кулачными боями. Жили же бурсаки по частнымъ квартирамъ. Каждая хозяйка, желая содержать квартиру, обязана была, напр., при восьми своекоштныхъ ученикахъ держать двухъ казеннокоштныхъ, за которыхъ начальство платило всего только 20 руб. въ годъ. Это послѣднее обстоятельство, однако, не вліяло на жизнь бурсака, пользовавшагося чуть не даровой квартирой. По крайней мѣрѣ, хозяйки не различали ихъ отъ платныхъ квартирантовъ и всѣхъ кормили одинаково плохо.

Наканунѣ рекреаціи хозяйки, по установившемуся обычаю, заготовляли своимъ пансіонерамъ всякую всячину, преимущественно-же коржи, мало-по-малу ставшіе однимъ изъ критеріевъ для оцѣнки той или другой хозяйки въ кулинарномъ искусствѣ. Трудно сказать, откуда пошелъ этотъ обычай, но несомнѣнно одно: никогда хозяйки не были такими непримиримыми врагами, никогда конкуренція не достигала такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ это время, время коржей, пироговъ, блиновъ, маковниковъ и пр. и пр., премущественно же коржей.

И бурсаки не оставались въ долгу у хозяевъ, наперерывъ стараясь доказать превосходство издѣлій своей хозяйки.

Такимъ образомъ, хозяйки явились ближайшими, послѣ бурсаковъ, заинтересованными рекреаціей лицами. Имъ-то и принесена была прежде всего вѣсть о неожиданномъ рѣшеніи ректора.

— Я такъ и знала! рѣшила, конечно, не одна хозяйка: не даромъ паничи такъ рано сегодня собрались. Я и дрожжи приберегла, и горохъ намочила, и мачку купила.

Предупредительность рѣдкая, не знающая границъ. И бурсаки спокойны: до завтрашняго утра они не заговорятъ о коржахъ, пирогахъ и т. под., чтобы тѣмъ пріятнѣе былъ и самый сюрпризъ, и не обидѣть хозяйку, которая въ такихъ случаяхъ рѣзко отчеканивала:—Ишь ты поганецъ! [1]) Будто мнѣ въ первый разъ. Мои паничи—слава Богу—уже протоіереями и протодіаконами служатъ. Самъ ректоръ покойный—царство ему небесное—говорилъ, что такихъ коржей и его попадья не пекла.

Аргументація, во-первыхъ, слишкомъ сильная, а во-вторыхъ повторявшаяся изъ года въ годъ каждой хозяйкой, слѣдовательно—можно и не должно было возражать.

Впрочемъ дѣломъ бурсаковъ, послѣ оповѣщенія хозяекъ, было приготовленіе уроковъ на послѣ-рекреаціонный день. Дѣло очень серьезное, особенно передъ первой рекреаціей. Положимъ, каждый прекрасно понималъ, что ни одинъ изъ наставниковъ на другой день послѣ рекреаціи не прійдетъ, а если и прійдетъ, то весь часъ проговоритъ о вчерашнемъ, но... чѣмъ чортъ не шутитъ? Лукавый „Мазница“ участія въ рекреаціи не приметъ, подъ кустомъ выспится, явится на урокъ и станетъ спрашивать, хоть бы въ отместку ректору—что тогда? А человѣкъ онъ строгій, попробуй не прочесть текста изъ катихизиса или не перечислить латинскихъ словъ! Сдѣлаешь одну ошибку—скажетъ: „глупое животное!“ Сдѣлаешь другую—щелкъ въ лобъ. О, проклятые щелчки! Вѣкъ не забуду васъ... не забуду этого большого навощенаго пальца, этой ехидной улыбки

[1]) Отъ слова „поганый“—скверный.

подкравшагося инспектора, этой громадной шишки на лбу блѣднаго сосѣда, этой спокойной поступи возвращающагося къ столу тиранна, этой... но пройдемъ мимо этихъ безчеловѣчныхъ пріемовъ стараго педагога, быть можетъ еще и теперь, если только онъ живъ, сожалѣющаго о прошедшихъ дняхъ, когда сотни живыхъ душъ должны были благоговѣть предъ однимъ его щелчкомъ! Почему бы то ни было, но уроки готовились исправно. Весь почти предрекреаціонный день проходилъ въ приготовленіяхъ.

Только къ вечеру бурсаки, подучившіе уже уроки, повылѣзли изъ своихъ норъ и, садясь съ другими, обсуждали вопросы, касающіеся собственно рекреаціи.

— Братцы! Не буянить... ни-ни-ни!

— Убирайся ты къ чорту съ поученіями!

— А архіерей, небось, не пріѣдетъ!

-- Пѣвчіе будутъ.

— Вотъ невидаль: своихъ горлодеровъ мало!

— Мало или не мало, да кто справится за архіерейскую октаву?

— А за баса?

— А тенора?

— Да, а пожрутъ, что ни притащи!

— Экой ты дурачина: да вѣдь преосвященный на каждую рекреацію галды [1]) присылаетъ, такъ что ужъ тебѣ?

Практически всѣ эти разговоры не могли имѣть и не имѣли, конечно, никакого значенія, ибо архіерейскій хоръ являлся всегда, какъ бы о томъ ни судили бурсаки, тѣмъ болѣе, что проводя ежегодно весь май въ г. П—вѣ, привыкшіе къ веселой жизни басы и тенора радовались рекреаціи, какъ случаю поразвлечься отъ скуки уѣзднаго города. Правъ былъ и послѣдній оппонентъ: бурсаки очень мало страдали отъ того, что къ тремстамъ прибавлялось двадцать лишнихъ желудковъ. Обидно было одно: архіерейскіе пѣвчіе непремѣнно образовывали *правый*, т. е. главный хоръ, и на другой же день въ городѣ

---

[1]) Галда—всякія лакомства.

начинали ходить разговоры не о томъ, что такой-то синтактикъ „великолѣпно вынесъ многая лѣта", а о томъ, что честь сія принадлежитъ архіерейскому первому басу. А рекреація то чья? Кто рисковалъ попасть въ опалу? Кто весь день зубрилъ panis, piscis? Кто и послѣ будетъ терпѣливо выносить инспекторскіе щелчки?

Но дѣлать нечего: противъ рожна не попрешь, надо мириться, не подать и повода, что обидно.

Нѣсколько учениковъ хористовъ озабочены собираніемъ нотъ, другіе взяли на себя обязанность запастись мячами и прочими принадлежностями игръ, иные отправились къ учителямъ заручиться непремѣнно обѣщаніемъ быть на рекреаціи... Безъ учителей не будетъ полной радости: кто внесетъ столько души въ игры, если не будетъ симпатичнѣйшаго отца Ѳедора Л..? Кто безъ него такъ оживитъ пѣніе „Мужикъ каже гречка?" Кто замѣнитъ деликатнаго учителя ариѳметики А—*, который никогда пальцемъ не ударилъ бурсака, хотя послѣ щелчковъ и розогъ бурсаки простили бы ему одинъ-другой пинокъ? Какъ бы то ни было, но всѣмъ нашласъ работа, всѣ такъ дѣятельно настроены, такъ озабочены.

Уже полночь, а изъ бурсаковъ рѣдкому удалось заснуть: разговоры, предположенія, соображенія. Да и спѣшить затра нечего: сборы начнутся часовъ въ 10—11, въ классы не идти, можно побаловать себя. Нѣтъ опасности даже проспать завтракъ: въ обычный будничный день хозяйка непремѣнно накажетъ „лежебоку" тѣмъ, что не оставитъ ни одной галушки, ни одной ложки кулишу: не спи—молъ! Но завтра, завтра она не только сытно накормитъ, еще и снабдитъ полнымъ мѣшкомъ того, надъ чѣмъ съ такой заботливостью провозилась она цѣлыя сутки и о чемъ такъ аппетитно мечтаетъ бурсакъ, далеко не привыкшій къ лакомствамъ.

— Когда же и побаловать бѣдненькихъ, какъ не на рекреаціи—говоритъ бывало хозяйка, вполнѣ понимая, что латынь, розги, щелчки, голодъ и холодъ и всѣ прочіе неизмѣнные спутники убогой жизни бурсаковъ не могутъ „побаловать бѣдненькихъ". Къ счастію для послѣднихъ, сами они, казалось, гораз-

до менѣе мрачно смотрѣли на свою судьбу,—не первое и не послѣднее подтвержденіе того, какую силу имѣетъ привычка. Ко всему можно привыкнуть, со всѣмъ можно сжиться, даже съ ужасными щелчками инспектора, сжиться въ то время, когда посторонній наблюдатель готовъ прійти въ ужасъ отъ одного разсказа о переживаемомъ людьми...

Было только одно обстоятельство, которое не могло не смущать бурсаковъ и которое, случись оно, могло бы разрушить все.

Смущалъ вопросъ, какова будетъ погода? Что, если вдругъ пойдетъ дождь, да еще суточный, который имѣетъ скверное обыкновеніе всегда начинать съ утра, а не съ вечера? Боже сохрани и избави! Урока къ этому дню не готовили, хоть и дали слово выучить: занимались приготовленіемъ уроковъ къ дню послѣ-рекреаціонному; въ училище созовутъ непремѣнно; „Мазница“ станетъ спрашивать съ особеннымъ ехидствомъ, рекреацію на послѣ-завтра не отложатъ—убоятся сырости, на которую бы, строго говоря, наплевать... Словомъ, пойдетъ такая кутерьма, что и жизни не радъ будешь, не то рекреаціи! И бурсаки часто посматривали на усѣянное звѣздами небо, гораздо болѣе боясь увидѣть облачко, чѣмъ услышать крики и вопли хозяйки, если у нея не удадутся коржи. Заснули они съ мыслью: „что Богъ дастъ!“ и до поздняго утра не были разбужены тревожными извѣстіями безпрестанно освѣдомлявшихся о погодѣ нѣкоторыхъ товарищей, между которыми—къ стыду бурсы—всегда находилось нѣсколько, радовавшихся неудачѣ—отмѣнѣ рекреаціи. Я говорю: къ стыду..., ибо не стыдъ ли, въ самомъ дѣлѣ, если изъ за того, что первый басъ архіерейскаго хора будетъ „выносить многолѣтіе“, бурсацкіе басы готовы были радоваться несчастью? Помѣшать устройству рекреаціи они не могли, не явиться было рисковано, и оставалось имъ одно—надѣяться на особую къ нимъ милость природы. Но гдѣ же видано, чтобы природа слушалась такихъ глупцовъ? О такихъ господахъ бурсаки весьма мѣтко отзывались малорусской поговоркой: „Якъ бы свыни рога, вона бъ всихъ людей поколола.

IV

Выходъ.

Семь, восемь часовъ утра. Не слышно убійственнаго школьнаго звонка. Вотъ вамъ уже первое удовольствіе, но что значитъ оно въ сравненіи съ тѣмъ, какое еще впереди? Явилась хозяйка съ десяткомъ—другимъ небольшихъ связочекъ, по числу ея пансіонеровъ. Настроеніе ея, всегда почти сурово-серьезной и недовольной, теперь рѣдко благодушное, ласково-снисходительное. Не трудно догадаться о причинѣ: пусть-ка ея заклятая сосѣдка, пичкающая своихъ квартирантовъ разной гадостью, поспоритъ съ ней! Почитай, каждому дала по пирогу, набитому фасолей, и рада-радешенька, что сегодня ей не кормить всей оравы... И куда же смотрятъ батюшки да матушки? За чѣмъ слѣдитъ начальство? Вѣдь тамъ, у этой самой хозяйки, что ни годъ, то число квартирантовъ все больше и больше. А бывало ли когда, чтобы у нея каждую субботу давались блины? чтобы по воскресеньямъ готовились такія пампушки? чтобы по средамъ и пятницамъ ѣли кулишъ съ такимъ масломъ? чтобы... Но бурсаки получали свою порцію и забыли про всѣхъ и вся.

Около 10 часовъ утра. Большой и порядкомъ таки запущенный дворъ бурсы наполненъ учениками. Подойдите къ старому забору, отдѣляющему этотъ дворъ отъ двора собственно монастырскаго, прислонитесь въ сторонѣ къ щелочкѣ и полюбуйтесь на эту, если не изящную, то во всякомъ случаѣ оригинальную картину. Веселый шумъ и говоръ. Всѣ отъ мала до велика, съ „клунками“ [1]) подъ мышкой. Иной, не дождавшись гулянья и забывъ про то, что утромъ все же онъ позавтракалъ, а впереди еще длинный день, но прельщенный заманчивымъ запахомъ печеній, уже приступилъ къ уничтоженію части дневного пропитанія. Въ кучкѣ собравшихся въ сторонѣ одноклассниковъ происходитъ обмѣнъ продуктами, сопровождающійся неизбѣжными дебатами, направленными на доказательство превосходства одного предмета дѣлежа предъ другимъ.

---

[1]) Связками, мѣшками.

— Да ты посравни: у тебя что? подошва казеннаго сапога, а не коржъ.

— Скажите, пожалуйста: подошва! А присыпанъ то чѣмъ — не видишь?

— Ну ладно: вотъ тебѣ въ придачу половина маковника... Больше даже половины... Хочешь?

— Давай цѣлый!

— Дудки!

— Дудки и мѣняться!

Синтактики—тѣ поважнѣе: и связки у нихъ больше, и въ связкахъ поразнообразнѣе угощеніе, и связокъ съ собой почти не носятъ, возложивъ сію обязанность на подначальныхъ фаръ, для которыхъ, съ одной стороны, подобное довѣріе старшихъ лестно, а съ другой—исполненіе обязанностей мѣхоноши въ нѣкоторомъ смыслѣ есть долгъ: вѣдь завтра же этотъ синтактикъ будетъ дежурнымъ, посѣтитъ квартиру, застанетъ тебя ходящимъ на головѣ... что тогда? Запишетъ, конечно, въ журналъ: „съ 8 часовъ вчерашняго утра и до 8 часовъ сегодняшняго дня (почему *вчера* въ 8 часовъ начиналось утро, а *сегодня* день—и по сію пору не знаютъ, вѣроятно, и сами авторы сей формы записи) въ квартирѣ все было исправно, кромѣ такой-то ходилъ на головѣ. „Мазница“ въ графѣ „замѣчанія начальства“ пропишетъ мѣру взысканія, и бѣдный гимнастъ поплатится гораздо дороже, чѣмъ сегодня, если продержитъ лишній часъ харчи старшаго. Разсчетъ, кажется, простой и положительно дышащій благоразуміемъ.

Иные вооружены тщательно отдѣланными палками и длинными снурками: гулянье не обойдется безъ игры въ мячъ, хороненіе кольца, мышку и кошку, джгута... Притащили даже корзину: разсчетъ на „жакъ“, одинъ изъ послѣднихъ и желательнѣйшихъ номеровъ гулянья. Нѣкоторые до невозможности обременены ношей: извольте-ка потащить нѣсколько связокъ, громаднѣшихъ размѣровъ гилку [1]), нѣсколько толстыхъ въ старыхъ переплетахъ тетрадей нотъ... И тѣмъ не менѣе, напрасно ста-

[1]) Палка для игры въ мячъ.

нете искать хоть тѣни недовольства. Только басы ходятъ по двору какъ-то слишкомъ уже серьезно, насупились, ни съ кѣмъ ни слова, держатся даже въ сторонѣ другъ отъ друга, не смотря на то, что, казалось бы, несчастіе должно сблизить ихъ. Ни одинъ изъ нихъ даже связки съ „галдой" не имѣетъ. Положимъ, хитритъ каждый, и хитритъ очень неумѣло, все понапихивалъ въ карманы, это видно; но суть то не въ томъ: гармонія нарушена, и *онъ* выдѣлился, выдѣлился хоть на время, до гулянья, ну а тамъ... станутъ просить, убѣждать, выражать неудовольствіе, и каждый басъ не только станетъ пѣть, но къ общему удовольствію, даже „вынесетъ многолѣтіе" первому басу архіерейскаго хора.

— Господа! Инспекторъ! Тише... Чш... ш... Да не шумите. Сюда! Шапки долой!

Инспекторъ неизмѣнно-медленной поступью прошелъ мимо, зашелъ на одну секунду (бурсаки ехидно замѣтили: „уже пообѣдалъ!" они отлично знали дружбу начальниковъ) въ квартиру ректора, возвратился и, обратившись къ смолкнувшей и обступившей его толпѣ бурсаковъ, произнесъ напутствіе.

„По улицамъ идти смирно. Собакъ не дразнить. Жидовъ не трогать. Пѣсенъ не пѣть до выхода за городъ. Держаться кучи. Не сквернословить. Въ лѣсу не драться. Кулачекъ [1]) чтобы не было. У перекупокъ [2]) ничего не брать. Ты слышишь"? Тутъ никогда не церемонившійся съ второ, третье-и четвертокурсниками инспекторъ назвалъ фамилію бурсака, который въ прошломъ году, не дождавшись „жака" отъ учителей, выхватилъ у мѣщанки корзинку съ конфектами и устроилъ жакъ отъ имени инспектора; послѣдній, конечно, заплатилъ и мѣщанкѣ, и лакомкѣ-бурсаку, хотя, само-собою разумѣется,—заплатилъ совершенно различно. Верзила выступилъ изъ толпы и хотѣлъ было уже начать свое единственное оправданіе, что-де ему такъ тогда послышалось и проч., но господинъ инспекторъ продолжалъ: „Когда скажутъ—мигомъ домой. На возвратномъ пути не отставать. Въ городѣ—не разговаривать... Всѣ собрались?

---

[1]) Кулачные бои.

[2]) Мелкія торговки.

— Всѣ! всѣ! всѣ! заорали сотни голосовъ.

— Маршъ!—скомандовалъ инспекторъ, и самъ далъ дорогу, разсчитывая сперва осмотрѣть свое ополченіе, а потомъ шествовать сзади, чтобы лучше видѣть, если кто нарушитъ его приказанія. Но бурсаки прекрасно понимали, что большая половина этихъ приказаній будетъ нарушена безнаказанно и потому не сочли нужнымъ даже говорить объ этой выученной въ теченіе многихъ лѣтъ рѣчи инспектора. Всѣ быстро повернулись къ выходу и бодро и весело зашагали.

Мѣсто, избранное для рекреаціи, находилось въ 5—7 верстахъ отъ города, въ лѣсу, гдѣ раскинулась громадная поляна, касавшаяся однимъ изъ своихъ краевъ озера съ прекрасной чистой водой. Дорога къ этому мѣсту изъ города также отличалась чуднымъ разнообразіемъ. Едва успѣвали вы выбраться изъ грязныхъ улицъ города и его бѣднаго предмѣстья, какъ выходили въ поле. Узкая дорога, обсаженная по обѣимъ сторонамъ большими деревьями, скоро поворачивала въ сторону. Здѣсь растительность съ каждымъ шагомъ становилась все гуще и гуще, лѣсной здоровый воздухъ явственно заявлялъ о себѣ. Мало по малу эта дорожная аллея превращалась въ такую густую что шедшая толпа должна была растягиваться вдоль. Позаботилась природа и о полянѣ, удобной для отдыха, и о ручьяхъ, способныхъ утолить жажду. Еще верста-другая—и дорога входитъ въ лѣсъ: приходится идти по узкой тропинкѣ, составляющей кратчайшій путь къ цѣли: тропинка вьется между вѣковыхъ деревьевъ и кустарниковъ, переваливается черезъ горку и теряется на обширной полянѣ, гдѣ собственно должно начаться гулянье, а такъ какъ поляна эта густо окаймлена лѣсомъ, то въ распоряженіи гуляющихъ все—и лѣсъ, и поляна, и даже недалеко поле.

Говорить-ли о томъ, что путешествіе совершалось безъ печальныхъ послѣдствій нарушенія наставленій инспектора? Правда, чуть не въ воротахъ ограды бурсакъ, несшій гилку, попотчивалъ ею здоровенную собаку; не прошли и нѣсколькихъ шаговъ, какъ кто-то ловко „подцѣпилъ“ еврея, который растянулся на тротуарѣ; далеко не вошли еще въ предмѣстье города,

какъ послышался звонкій запѣвъ, сразу же остановленный, впрочемъ, другими; кучи не держались уже потому, что это было физически невозможно, басы не могли не сквернословить... но, во-первыхъ, за общимъ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ трудно было услышать визгъ несчастной собаки или брань еврея, а тѣмъ болѣе сквернословіе остроумныхъ басовъ; во вторыхъ, даже каменное сердце вожатаго могло смягчиться при одномъ видѣ этого рѣдко-праздничнаго настроенія. Оно и смягчилось. По крайней мѣрѣ, когда нѣсколько бурсаковъ, отдѣлившись отъ толпы товарищей, остановили молодого шкурника и стали „зарывать", т. е. подзадоривать его начать кулачный бой, инспекторъ лишь для виду попытался отправить буяновъ домой. Буяны кротко выслушали приказаніе, пошли какъ будто назадъ, но, обойдя ускореннымъ шагомъ толпу, скоро опять очутились на своемъ мѣстѣ. Инспекторъ замѣтилъ это и только пригрозилъ своимъ историческомъ пальцемъ. Бурсаки замѣтили, что палецъ не навощенъ, и конечно порадовались въ душѣ за ненарушимость рекреаціоннаго покоя.

Послѣ часовой ходьбы съ небольшимъ роздыхомъ, бурсаки вздохнули, наконецъ, воздухомъ завѣтнаго лѣса и поляны, съ жадностью припали къ холодной водѣ, не думая ни о какихъ простудахъ и воспаленіяхъ, порожденіяхъ того изнѣженнаго поколѣнія, которому до слезъ смѣшно слушать разсказы про бурсу и ея питомцевъ.

V

День веселья.

Задолго до прихода бурсаковъ, на полянѣ уже собралось много народа. Первыми очутились здѣсь, какъ и всегда, перекупки-мѣщанки съ корзинами, наполненными конфектами, пряниками на сахарѣ и на меду, бубликами, сѣмячками, орѣхами, маковниками и всѣмъ, что сколько-нибудь привлекало вниманіе бурсаковъ, за вкусомъ которыхъ никто и никогда не слѣдилъ лучше этихъ торговокъ. Онѣ навѣрное уже знали о рекреаціи

еще наканунѣ, но для большей гарантіи спрашивали у каждаго проходившаго бурсака, дѣйствительно ли завтра рекреація. Въ день гулянья мѣщанки поспѣшили въ лѣсъ, боясь упустить выгодное мѣстечко, каковымъ, безъ сомнѣнія, должно было считаться ближайшее къ дубамъ, гдѣ днемъ располагались учителя, щедрые на гостинцы, а вечеромъ собирались и всѣ бурсаки. Не обошлось, разумѣется, безъ ссоръ и дракъ за обладаніе тѣмъ или другимъ мѣстомъ, но все это совершалось до прихода героевъ дня, быть можетъ, даже тогда, когда половина героевъ спала еще непробуднымъ сномъ. На мѣстахъ подалѣе расположились квасники, мороженщики, булочники, пирожники, каждый съ непочатымъ продуктомъ своего или чужого производства. Число всѣхъ этихъ торговокъ и торговцевъ, очевидно, мало соотвѣтствовало и числу бурсаковъ, и ихъ средствамъ, но дѣло въ томъ, что среди учителей были такіе щедрые, которымъ ничего не значило потратить и десятокъ рублей на угощеніе учениковъ, при томъ же въ лѣсъ обыкновенно являлось много и совершенно постороннихъ, проводившихъ тамъ цѣлый день. Не зная, гдѣ и какъ убить время, уѣздныя франтихи были рады случаю поразвлечься—посмѣяться и послушать пѣніе, а для сопровождавшихъ ихъ кавалеровъ являлась чрезвычайно удобная минута, что называется, шикнуть и предъ бурсаками, неуклюже острившими надъ ними, называя ихъ „франтами сальнаго ряда“, и предъ дамами, большими любительницами мороженаго и прочихъ угощеній. Все это прекрасно знали торговцы, и ни одному изъ нихъ не приходилось нести назадъ свой товаръ. Подъ самыми дубами уже былъ разостланъ огромной величины коверъ, ветхій - ветхій деньми, видѣвшій, по всей вѣроятности, еще первыя давнія рекреаціи, которыя—увы!—были не чета нынѣшнимъ. Что подѣлаешь? Такъ уже созданы люди: все то лучше, что прошло. Вотъ и теперь. Ужъ на что, казалось, раскутились бурсаки: не дождавшись вечера, не устроивъ еще ни одной игры, они обступили мѣщанокъ и принялись перебирать конфекты съ неизбѣжными стишками, а мѣщанки все жалуются да хвалятъ прошлое: „То ли было прежде! однихъ конфектовъ, бывало, на пять цѣлковыхъ принесешь, и

все мало. Преосвященный, бывало, пріѣдетъ, корзинокъ пять закупитъ. А теперь что?“ Бурсаки пытаются смягчить рѣзкій приговоръ нынѣшнему поколѣнію основательной ссылкой на то, что прежде въ П—вѣ была семинарія, много училось, больше было учителей... Такъ куда? Занозистая баба стоитъ твердо на своемъ! Нѣтъ, что ни говорите, а въ старину было не то!

То же самое говоритъ и сторожъ. Онъ суетится около дубовъ, устанавливая на коврѣ чайную посуду, разводя огонь для самовара, присланнаго монастырской братіей, которой тоже стыдно было не имѣть хоть депутата своего на рекреаціи, нося воду и отбиваясь отъ бурсаковъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ каждую вещицу, назначенную для сервировки волшебной скатерти. Но жалобы сторожа касаются другихъ сторонъ дѣла и вытекаютъ изъ иныхъ побужденій.

— Ну, что это за кутежъ? спрашиваетъ онъ, таща корзину съ нѣсколькими дюжинами пива: нешто такъ было прежде? Прежде наплевать на пиво. Да „прохвесоръ“ С... (тутъ онъ называлъ фамилію отставного профессора семинаріи, извѣстнаго своею слабостью къ спиртнымъ напиткамъ) плюнулъ бы на всю эту чайную утварь... Вотъ что! А на водку теперь получишь, какъ прежде?

И сторожъ затягивалъ предлинный разсказъ о томъ, какъ однажды на рекреаціи получилъ онъ цѣлый рубль за то, что въ лѣсу досталъ водки, которою онъ запасся, припрятавъ боченокъ подъ кустами и сказавъ, будто за полчаса успѣлъ сбѣгать въ городъ.

Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ начались игры. И сколько въ этихъ незатѣйливыхъ играхъ разнообразія, сколько неподдѣльной веселости, сколько рѣдкой и ни мало не преступной свободы и отсутствія стѣсненія!

Вотъ нѣсколько десятковъ бурсаковъ образовали большой кругъ, взялись за руки, впустили въ средину мышку, за кругомъ оставили кота. Громкій веселый смѣхъ сопровождаетъ каждую попытку кота пробраться въ защищенный десятками переплетенныхъ рукъ кругъ. Но котъ все-таки пробрался, схватилъ

мышку, и громкій смѣхъ смѣшался съ одобреніемъ ловкости кота, удачно обманувшаго защищавшихъ мышку.

Тамъ давно уже идетъ игра въ мячъ. Господи! что за искусникъ иной! Дай только ему хорошую гилку, да хорошо поддай мячъ. Диву дивятся всѣ, до какого совершенства дошелъ онъ. Мячъ послѣ его удара летитъ такъ высоко, что не увидишь даже, и—посмотрите—какъ всегда правильно, точно по заказу! Не легко и поймать на воздухѣ мячъ. Тутъ тоже нужна сноровка, и многіе положительно артисты въ этомъ отношеніи. Не успѣешь оглянуться, онъ уже подпрыгнулъ выше всѣхъ, хватилъ одной рукой мячъ, летѣвшій съ неимовѣрной быстротой и готовый, казалось, попасть въ руки совсѣмъ другого счастливца, и нѣсколькими прыжками очутился „въ городѣ“ (откуда бьютъ), успѣвъ на пути ловко хватить мячомъ того, кто билъ и кто теперь за свою неловкость и неувертливость долженъ идти исполнять пренепріятную обязанность подавать мячъ. И убѣжать вѣдь нужно умѣло: главное—быстро, не боясь споткнуться, увѣренно, смѣло. Вотъ какъ иной изъ фаръ: даромъ что маленькій, а попробуйте-ка попасть въ него мячомъ! Да это такая юла, что гораздо благоразумнѣе поступитъ тотъ, кто вовсе не станетъ бросать въ него мячомъ: мячъ все равно пролетитъ мимо, къ общему смѣху, и тебѣ же прійдется идти отыскивать. Нѣсколько часовъ продолжается эта игра, нѣтъ минуты, въ которую не было бы слышно и смѣха, и шума, и одобреній, и поощреній, словомъ—всего, что неразлучно съ играми и что собственно и дѣлаетъ ихъ привлекательными.

Не смотря на строгое приказаніе инспектора не играть въ „высокую лозу“, и эта игра, нелюбимая Мазницей безъ всякой причины, въ полномъ ходу. Инспекторъ подошелъ, попалъ перваго же, стоявшаго наклонившись и упершись руками въ колѣни, въ ожиданіи, пока добѣжитъ товарищъ и перепрыгнетъ чрезъ него,—строго напомнилъ о своемъ приказаніи, но игры все таки не нарушилъ: „чортъ съ вами, сегодня вашъ праздникъ“.

Джгутъ, жмурки, кольцо, свайка, раскъ и прочія игры, сохранившіяся и забытыя теперь, смѣнялись одна другой, разно-

образя день и давая каждому полную возможность выказать и свою силу, и ловкость, и быстроту ногъ, и зоркость зрѣнія, и гибкость тѣла. Въ одномъ мѣстѣ игра сопровождается пѣніемъ. Заранѣе условившись, въ игрѣ этой приняли участіе всѣ хористы и умѣвшіе пѣть. Посторонніе наиболѣе заинтересовались этой игрой и плотной стѣной окружили пѣвцовъ. Даже мороженщики и квасники, торговля которыхъ не можетъ начаться раньше, чѣмъ окончатся нѣкоторыя игры и бурсаки почувствуютъ потребность прохладить себя мороженымъ и квасомъ, и тѣ далеко оставили свои кадки и подошли поближе къ играющимъ. Но запасъ пѣсенъ, относящихся собственно къ игрѣ, мало-по-малу истощается, и пѣвцы, бросивъ игру и сбившись въ кучку, перешли просто къ своему обычному репертуару. Какихъ только пѣсенъ не вспомнили они! „Ахъ, ты Днѣпръ" смѣняется веселой „Ой за гаемъ, гаемъ"; „Въ старину живали дѣды", можетъ быть по контрасту, переходитъ въ солдатскую „Вотъ житье, вотъ бытье", при чемъ, хоть не совсѣмъ удачно, опредѣленіе „солдацкое" замѣняется болѣе подходящимъ „бурсацкое"; „Не ходы Грыцю", по предложенію одного изъ поющихъ, замѣняется какой-то русской, но оставляется совсѣмъ. Стоитъ кому нибудь назвать пѣсню, не говоря уже о просьбѣ, какъ одинъ, безъ очереди и права, начинаетъ, прочіе подхватываютъ, и пѣсня допѣвается до конца, какъ бы ни была она длинна. Сначала управлялъ регентъ, горделиво прислушиваясь къ звукамъ камертона, потомъ—управленіе, уже безъ камертона, какъ драгоцѣнности, которую нельзя же всякому довѣрить, было передано субъ-регенту, но скоро перешло оно во владѣніе всѣхъ и каждаго: кто начиналъ свою излюбленную пѣсню, тотъ и управлялъ, т. е. махалъ руками, не думая о томъ, смотритъ кто на него или нѣтъ. И сказать правду—послѣдняго рода пѣніе было наилучшее, по крайней мѣрѣ, не стѣсненное остановками и распеканіями регента, и тутъ не забывавшаго злиться, пылить и ругаться.

Бурсаковъ тревожило одно обстоятельство: долго не являлись учителя. Что за причина—неизвѣстно, но не явись они

совсѣмъ, это не только огорчило бы всѣхъ, но и испортило бы гулянье: иные изъ учителей давали своеобразный тонъ гулянью, какъ-то особенно бодрили, оживляли всѣхъ. И бурсаки собирались уже послать въ городъ выборныхъ товарищей, совершенно не подозрѣвая, какой готовился имъ учителями сюрпризъ. Точно чувствуя свою вину, учителя пріѣхали съ двумя или тремя корзинками конфектовъ. Ясно: будетъ „жакъ". Какъ почувствовали себя торговки, узнавъ, что учителя привезли гостинцы изъ города, а не взяли у нихъ, не знаю; но бурсаки были въ восхищеніи и уже заранѣе подбирались къ тому дубу, съ котораго, по всей вѣроятности, посыплется дождь лакомствъ. Дубъ этотъ дѣйствительно представлялъ большое удобство: стоитъ онъ особнякомъ, значитъ—вокругъ него могутъ расположиться всѣ бурсаки, такой вѣтвистый, что даже неискусный лазить легко можетъ взобраться на самую вершину. Но это заключительный номеръ, пока же есть другое дѣло: надо повторить всѣ игры съ учителями.

Кто былъ свидѣтелемъ того, какъ бурсаки провели пять-шесть часовъ до пріѣзда учителей, тотъ положительно долженъ былъ недоумѣвать: гдѣ у нихъ находилось столько бодрости и силы, чтобы съ такой удвоенной энергіей вновь начать и это пѣніе, и эту бѣготню, и эти крики. Точно всѣ они только что проснулись, точно впервые очутились на свѣжемъ воздухѣ, среди этой прекрасной поляны, въ виду этой заповѣдной рощи.

Игры потворялись. Учителя, свѣтскіе и духовные, играли и пѣли, какъ дѣти, ободряя однихъ, соревнуя другимъ.

Только слишкомъ ужъ накричавшіеся и набѣгавшіеся, ногъ подъ собой, какъ говорятъ, не чуявшіе ученики разбрелись на отдыхъ, куда-нибудь подъ дерево, гдѣ аппетитно уничтожали весь принесенный провіантъ, угощая другъ друга и дѣлая сравнительную оцѣнку способностей или щедрости той или другой хозяйки; но стоитъ только назвать того или другого изъ отдыхавшихъ, отсутствіе котораго чувствовалось въ игрѣ или хорѣ, сразу же забывалось все—и аппетитъ, и хозяйка, и усталость. Не исполнить желанія учителя—значитъ обидѣть го-

стя, нарушивъ въ самой основѣ долгъ гостепріимства: не даромъ же учителя называютъ сегодня учениковъ хозяевами...

Наступаетъ вечеръ. Учителя усѣлись на коврѣ, бурсаки разбрелись, кто куда хотѣлъ... Пріѣхалъ и ректоръ. Онъ обошелъ поляну, ласково отвѣчалъ на привѣтствія учениковъ, спрашивалъ, довольны-ли рекреаціей, поласкалъ нѣсколькихъ мальчугановъ и, освѣдомившись, сколько у нихъ было денегъ, купилъ имъ гостинцевъ, недорогихъ, правда, но кто же и думалъ объ этомъ? Ректоръ—человѣкъ больной, слабый; явился онъ единственно потому, что зналъ, какъ важно его вниманіе къ своимъ питомцамъ, которые и не претендовали на большее. Боялся онъ явиться раньше, можетъ быть, и потому, что присутствіе его все же могло бы стѣснить дѣтей и взрослыхъ: пришлось бы, можетъ быть, отказаться отъ какой-нибудь игры, и это въ значительной степени лишило бы гуляющихъ той нестѣсненности, которая должна была быть и была сущностью рекреаціи.

Начинаетъ темнѣть. Учителя за чаепитіемъ. Нѣтъ между ними одного только инспектора, но никто даже не интересуется имъ: знаютъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Всѣ знали, что въ 10 часовъ онъ явится, скомандуетъ свое безповоротное „домой" и поплетется вслѣдъ за бурсаками въ городъ, поплетется, если бы даже самъ ректоръ ѣхалъ вслѣдъ. Знали его мѣстопребываніе одни бурсаки, отмѣтившіе незамѣтно для инспектора бумажнымъ флагомъ кустъ, гдѣ онъ скрывался. Подобная предосторожность могла спасти многихъ отъ непріятной встрѣчи.—Вмѣстѣ съ учителями явились и большіе архіерейскіе пѣвчіе, не водившіе дружбы съ уѣздными бурсаками уже потому, что иные изъ нихъ уже прошли нѣсколько классовъ семинаріи и, слѣдовательно, должны были свысока смотрѣть на тѣхъ, для кого семинарія еще одно прекрасное далекое. Зато мальчуганы—дисканты и альты—въ этотъ день окончательно сливались съ учениками, и въ теченіе всего гулянья, до самаго вечера, когда они становились въ свой хоръ, никто изъ посторонних не подозрѣвалъ ихъ присутствія. Даже въ хорѣ днемъ они почти

не участвовали, имѣя на то запретъ регента, пуще своей жизни берегшаго голоса солистовъ, которымъ завтра или послѣзавтра предстоитъ исполненіе многихъ номеровъ на торжественномъ служеніи владыки.

По всей полянѣ разнесся давно и нетерпѣливо жданный крикъ: Жакъ! жакъ! жакъ!

Мигомъ уединенный дубъ былъ окруженъ бурсаками, направившими все еще голодныя очи на самую верхушку дерева, гдѣ уже примостились двое изъ почтенныхъ синтактиковъ съ двумя корзинами. Еще минута—и изъ этой густой зелени, теперь такъ потемнѣвшей, посыпались во всѣ стороны лакомства: конфекты всевозможныхъ сортовъ—съ картинками, стишками, чубиками, круглые, плоскіе, продолговатые, квадратные,—пряники, сахарные бублики, волошскіе орѣхи, яблоки.... И чего, чего тамъ не было! Толпа бросилась ловить, кто что можетъ, и кто какъ можетъ. Крикъ, шумъ, смѣхъ, давка... Мѣщанки, у которыхъ еще осталось товару, отодвинулись подальше, боясь быть смятыми; квасники и мороженщики, къ вечеру распродавшіе уже все, хохотали во все горло; франты и франтихи, стоя поодаль, принужденно смѣялись, какъ люди, которымъ не диво лакомство, достающееся столь дорогой цѣной; учителя зорко слѣдили за устроенной ими потѣхой; даже ректоръ, рѣдко веселый, расхохотался и только высказалъ опасеніе, какъ бы не придавили какого-нибудь малюка.... Опасеніе было совершенно напрасное: бросавшіе съумѣли захватить такое широкое пространство вокругъ, что никоимъ образомъ не могло произойти опасной давки.

Вся эта кутерьма длилась не болѣе пяти минутъ, послѣ которыхъ началось такое же энергичное отыскиваніе гостинцевъ въ травѣ, хотя и порядкомъ вытоптанной, но все же скрывавшей въ себѣ не мало сокровищъ.

Никто, конечно, не назоветъ разумнымъ такого способа угощенія. Когда утомленные жакомъ больше, нежели всѣми играми дня, бурсаки стали сходиться, то въ числѣ ихъ можно

было видѣть и счастливцевъ, наполнившихъ до-верху карманы, и обиженныхъ, вынужденныхъ довольствоваться однимъ орѣхомъ или золотой головкой коня изъ медоваго тѣста. Но до чего предусмотрительны угощающіе! Они приберегли для этихъ обиженныхъ цѣлую корзинку, прикупили еще у мѣщанокъ, и въ концѣ концовъ—распредѣленіе вышло если не вполнѣ равномѣрнымъ, то и не обиднымъ. Обогатившіеся добычей товарищи также послѣдовали совѣту учителей и охотно дѣлились съ другими.... Словомъ: ясно было, что дѣло не въ томъ, чтобы одинъ съѣлъ больше другого.

— А кто наловилъ больше всѣхъ? спрашиваетъ учитель...

Изъ толпы выдвигаютъ, точно провинившагося, юркаго грамматика, такъ удачно ловившаго, что не только карманы его пиджака едва выносятъ тяжесть, но даже шапка вся наполнена.

— Молодецъ! Только ты не объѣдайся...

— „Да я уже роздалъ половину, и эти роздамъ у кого мало!"...

— Правда! Ну, братъ, *герой* же ты!...

А нужно сказать, что слово „герой" имѣло особенное значеніе у бурсаковъ, и назвать такъ—значило чрезвычайно и польстить самолюбію, и поднять этого героя въ глазахъ другихъ. Въ чемъ бурсакъ именно выказываетъ геройство? Во многомъ... Возьмите хоть бы розгу. Думаете, мало нужно самообладанія героя, чтобы сдержать слово и не пикнуть подъ ударами какого-нибудь здоровилы, для котораго налагать сильные удары было какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ, и который этимъ путемъ также хотѣлъ попасть въ герои? Или: мало-ли нужно было терпѣнія Сцеволы, чтобы въ теченіе пяти-десяти минутъ выдерживать жестокіе удары корешкомъ розги по ладонямъ, имѣвшимъ несчастіе прогуляться по щекамъ товарища, который осмѣлился пригрозить выдать инспектору какую-нибудь продѣлку? Да, если хотите, не мало нужно было геройства и для того уже, чтобы съ тощимъ желудкомъ, въ подбитомъ вѣтеркомъ пальтишкѣ, при 28 градусномъ морозѣ, просидѣть 6 часовъ въ нетопленномъ сараѣ-классѣ, просидѣть да еще и

получить хорошіе баллы за прекрасное знаніе и катехизиса, и латинскихъ склоненій, и мало ли чего? Нѣтъ, для всего этого нужна особая, нечеловѣческая подчасъ сила. Бурсаки, конечно, не сознавали этого и терпѣли, мужественно перенося удары... даже не судьбы, а просто Мазницы...

Разбрасываніемъ лакомствъ окончилось, можно сказать, гулянье, окончился день. Наступилъ лѣтній вечеръ. На коврѣ зажгли свѣчи. Всѣ столпились вокругъ: часъ-другой будутъ пѣть, чтобы потомъ подъ звуки послѣдней пѣсни направиться домой.

Прежде всего установились хоры: направо, какъ и слѣдовало, архіерейскій, налѣво—училищный. Послѣдній былъ, разумѣется, усиленъ, при чемъ и всѣмъ дано было право подтягивать, соблюдая обязательное требованіе „не рѣзать“ и отстать по первому намеку одного изъ компетентныхъ пѣвцовъ. Архіерейскій хоръ открылъ музыкальный отдѣлъ вечера, чудно пропѣвъ концертъ, которымъ недѣлю тому назадъ восхищался „весь городъ“. Слѣдовало уступить мѣсто хору училищному, и послѣдній, ободренный ли соревнованіемъ, отъ избытка ли чувствъ, которыя не могли не быть торжественно-радостными, грянулъ, буквально грянулъ одну изъ своихъ излюбленныхъ малорусскихъ пѣсенъ. И въ пѣніи этомъ столько было кипучей жизни, столько молодой силы, бившей неудержимымъ ключемъ, столько неподдѣльной веселости! Такъ могли пѣть только счастливые, а пѣвцы эти именно были счастливцами въ этотъ памятный для нихъ вечеръ. Хоры архіерейскій и ученическій еще не одинъ разъ смѣняли другъ друга. Между прочими, былъ спѣтъ традиціонно исполняемый въ такихъ случаяхъ и всегда доставлявшій удовольствіе начальству старинный кантъ:

Мы тебя любимъ сердечно;
Будь намъ начальникомъ вѣчно;
Наши зажегъ ты сердца:
Мы въ тебѣ видимъ отца...

Неожиданно порядокъ пѣнія долженъ былъ нарушиться: ректоръ не могъ дольше оставаться и собирался уѣхать; онъ простился съ учениками и выразилъ желаніе, чтобы они сво-

имъ поведеніемъ и успѣхами заслужили вторую рекреацію. Ученики отвѣчали громкимъ „ура", какъ сигналомъ къ цѣлому ряду овацій. Первый басъ архіерейскаго хора началъ „выносить многолѣтіе" отцу ректору. Боже! Какъ онъ его вынесъ! Поклонники его дивнаго баса, восхищенные потрясающими высокими нотами, говорили, будто собственными глазами видѣли, какъ съ дуба падали листья, и будто они страшно боялись, чтобы съ басомъ не случилось удара. Но басъ находилъ обратное: сегодня онъ былъ не въ ударѣ и не дотянулъ нѣскольких нотъ... Что же это было бы, если бы онъ дотянулъ ихъ!

Въ отвѣтъ на возгласъ послѣдовало громкое троекратное „Многая лѣта"; въ этомъ пѣніи участвовали всѣ, не исключая даже сторожа, который считалъ себя и большимъ знатокомъ пѣнія и о голосѣ своемъ былъ преувеличеннаго мнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ бытность свою сельскимъ пономаремъ, по болѣзни дьячка, самъ пропѣлъ многолѣтіе благочинному, за что и удостоился отъ послѣдняго похвалы.

Ректоръ снова благодарилъ всѣхъ, послѣ чего усѣлся въ казенную бриченку и, раскланиваясь на всѣ стороны, велѣлъ кучеру ѣхать. Бурсаки отдѣлившейся толпой направились провожать: не смотря на настойчивыя совѣты ректора остаться и воспользоваться послѣднимъ часомъ, они все же проводили его до дороги, громко распѣвая пѣсни, начинавшіяся и кончавшіяся неизмѣннымъ „ура". Только тамъ, гдѣ оканчивается лѣсъ и начинается дорога, они простились съ ректоромъ, который, отъѣзжая, долго еще слышалъ громкое „ура", „спасибо" и пѣніе, пѣніе безъ конца.

Возвратившись къ дубамъ, гдѣ оставались всѣ прочіе, провожавшіе присоединились снова къ компаніи. Завершеніе гулянья пошло размѣреннымъ ходомъ: тотъ или другой хоръ пѣлъ пѣсню, было провозглашено многолѣтіе, начали снова пѣсни... Самый подозрительный наблюдатель не могъ бы видѣть не только вражды между басами двухъ хоровъ, но напротивъ: какъ и слѣдовало ожидать, училищные басы, даже безъ всякихъ просьбъ, мало по малу вошли въ роль и немилосердно

драли свои здоровыя глотки. Особенно не щадились послѣднія, когда запѣваломъ являлся какой-нибудь учитель. Тогда училищный хоръ, къ которому дѣйствительно примкнули уже всѣ, просто неистовствовалъ.

Такъ прошло около двухъ часовъ. Наступилъ часъ окончанія гулянья въ лѣсу... только въ лѣсу, ибо огромное путешествіе никоимъ образомъ не должно было быть исключено изъ веселыхъ номеровъ этого гулянья. Быстро собравшись, предводительствуемые инспекторомъ, пошедшимъ теперь впереди, съ пѣсней всѣ направились въ ту сторону, куда вела тропинка изъ лѣсу.

Какъ ни весело было возвращаться, однако усталость давала себя чувствовать, и многіе предпочитали идти въ сторонкѣ, отставая отъ толпы и предаваясь невиннымъ бесѣдамъ. Естественно было вспомнить о такихъ слухахъ, какіе начали проникать уже и въ самыя глухія мѣста.

„Да... не сдобровать и рекреаціямъ: реформа все поставитъ вверхъ дномъ!"

— Ну, это еще вопросъ! Отецъ Ѳедоръ (симпатичнѣйшій учитель!) сказалъ: „не думаю!"

— „А *Вы*", братцы, это вѣрно. Честное слово!

— Да кто же споритъ?

Тутъ затянулся разговоръ о томъ, что дѣйствительно вышло распоряженіе, въ силу котораго и ректоръ, и инспекторъ, и учителя не должны называть учениковъ „ты", а непремѣнно „вы". Спорить объ этомъ было трудно, такъ какъ и теперь, особенно послѣ ссоры съ ректоромъ, инспекторъ нерѣдко „ошибался" и называлъ „вы" даже фаръ.

„Эй, ты... вы! Ступай сюда!"

Странно это было для бурсаковъ, не привыкшихъ даже отъ сторожа слышать такую любезность, и каждый изъ нихъ съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ бы „ты", нежели принималъ щелчки въ лобъ...

— Охъ, несчастный Мазница: то-то трудно ему будетъ умѣрить свой пылъ по части щелканія въ лобъ!...

„Привыкнетъ, чортъ его не возьметъ!"

— Въ отставку выйдетъ!

— Какъ же!

— „Ей-Богу!“

— Кто тебѣ сказалъ?

— „Я тебѣ говорю.

— Говорила бабушка до смерти...

— „Посмотришь“.

Въ сущности, это оправдалось. Прошло нѣсколько лѣтъ, новые порядки вошли въ силу, и щедрый на щелчки инспекторъ очутился въ отставкѣ. Не знаю, торжествовали ли бурсаки, но бѣдный Мазница, говорятъ, неохотно разставался съ своимъ излюбленнымъ постомъ и только одно нашелъ утѣшеніе въ своемъ горѣ: я—молъ—не могу служить тамъ, гдѣ заводятъ порядки, которые не приведутъ къ добру!

„А ревизоръ таки на носу!“

— Охъ!

— „Чего? Мы тутъ при чемъ?“

— А съ кого же спросятъ?

— „Конечно съ начальства“.

— Знаемъ мы это *конечно*: начальство же насъ и перепоретъ...

— „Ну, нѣтъ... розгѣ капутъ!

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ да въ пѣніи тянулось время, пока дошли до города. Тутъ все притихло. Бурсаки стали раздѣляться на кучки, и каждая кучка повернула на свою дорогу. Еще 10—15 минутъ, и бурсаки уже приготовились отдохнуть послѣ весело проведеннаго дня, заснуть богатырскимъ сномъ. Кстати, ректоръ разрѣшилъ завтра явиться въ классъ прямо ко второму уроку....

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и не могу я забыть этихъ рекреацій... И жаль мнѣ становится добраго стараго времени, умѣвшаго многимъ искупить свои вольныя и невольныя прегрѣшенія. Реформа все перевернула „вверхъ дномъ“. Почему? Зачѣмъ? Что могла найти „реформа“ въ этомъ невин-

номъ развлеченіи разъ въ годъ? А вѣдь въ обиходномъ лексиконѣ бурсаковъ нѣтъ уже и слова „рекреаціи“, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ томъ заманчивомъ смыслѣ, какъ прежде.... Право же жаль! И только памятные щелчки „Мазницы“ не позволяютъ чувству сожалѣнія долго оставаться въ душѣ....

П. Борзаковскій.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ[1].

II

На предыдущихъ страницахъ мнѣ неоднократно приходилось упоминать имя Ивана Степановича Штурбы. Это былъ человѣкъ высокихъ дарованій, какими вообще отличаются наши самородки. При оригинальномъ складѣ своего характера, выдвигавшемъ его въ разрядъ типичнѣйшихъ слободскихъ украинцевъ, при обширности своихъ торговыхъ сношеній, онъ составилъ себѣ огромную популярность въ районѣ своей дѣятельности. Въ родной его слободѣ Алексѣевкѣ память о немъ долго жила, какъ о человѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ выдающемся. Съ цѣлью сохраненія нашей малороссійской старины, позволяю себѣ разсказать то, что я слышалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Алексѣевкѣ отъ тогдашнихъ старыхъ священниковъ и лучшихъ крестьянъ-малороссовъ о старомъ Штурбѣ.

Отецъ его умеръ въ концѣ прошлаго столѣтія, не оставивъ сыну ничего, кромѣ хаты, огорода, сада и левады, но за то И. С. Штурба былъ прекрасно, по тому времени, обученъ грамотѣ, письму и счетоводству. Уже въ 1812 году молодой Штурба, сдѣлавшись купцомъ, выписывалъ „Московскія Вѣдомости", былъ друженъ съ мѣстными попами, особенно съ ученѣйшимъ изъ нихъ отцомъ Федоромъ Рудинскимъ и отцомъ Петріемъ, такъ прекрасно выставленнымъ въ дневникѣ Алексѣевскаго уроженца А. В. Никитенка[2]). Кстати сказать, что отецъ Пет-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 4.

[2]) Русс. Стар., 1888, мѣс. августъ.

рій былъ зять „житного попа". Послѣдній получилъ свое странное названіе по такому поводу. Въ житѣ на полѣ былъ найденъ младенецъ мужескаго пола. Алексѣевцы воспитали его на свой счетъ и обучили грамотѣ. Такъ какъ онъ прекрасно читалъ и пѣлъ на клиросѣ, то выборные отъ громады отвезли его къ архіерею и просили „высвятить его на попа". Этотъ житный попъ далеко въ окружности былъ извѣстенъ своей добродѣтельной жизнью и долго оставался въ народной памяти. Что касается отца Федора Рудинскаго [1]), то онъ, очевидно, былъ ученый человѣкъ. Гдѣ онъ пріобрѣлъ свою ученость—неизвѣстно. Но послѣ него осталась библія, изданная Синодомъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Поля этой библіи были испещрены рукою отца Федора; находящіяся здѣсь замѣтки заключали въ себѣ различныя ссылки на параллельныя мѣста, съ приведеніемъ греческаго и еврейскаго текста многихъ мѣстъ Писанія.—Была у И. С. Штурбы и кое-какая библіотека. Любимымъ чтеніемъ его была Исторія Малороссіи Бантыша-Каменскаго, сочиненія Георгія Кониского, Сковороды, Котляревскаго и Основьяненка.

Знавалъ Штурба и покойнаго Никитенка, котораго не разъ принималъ потомъ у себя въ гостяхъ, относясь къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, какъ къ человѣку энергичному, составившему собственными силами высокое для себя положеніе; но отца Александра Васильевича Штурба не уважалъ [2]) за его

---

[1]) Одинъ изъ членовъ этой самой фамиліи, Орестъ Ивановичъ Рудинскій, еще очень недавно былъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ въ Россіи. Онъ былъ товарищъ по воронежской семинаріи бывшему московскому митрополиту Леонтію, въ мірѣ Лебединскому, тоже украинцу, изъ слободы Калитвы Острожскаго уѣзда. Очевидно, заднѣпровцы переселялись на московскія степи вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ; на это указываютъ долго державшіяся въ Слободской Украинѣ фамиліи духовенства: Прокоповичи, Леонтовичи, Хелодовичи, Стонкевскіе, Мѣшковскіе, Григоревскіе и т. д.

[2]) Вообще сельскіе богачи не любятъ независимыхъ бѣдняковъ: „на рубль-де амбиціи—на грошъ амуниціи". Но, какъ видно, и Никитенко-отецъ позволялъ себѣ заниматься доносами въ главную контору Шереметевыхъ. Про его похожденія въ Алексѣевкѣ сочинили сатирическую пѣсню; но по весьма понятной скромности А. В—чъ приводитъ въ своемъ дневникѣ только два стиха этой пѣсни (Русск. Стар 1888 г., августъ). Алексѣевка въ то время была богата народнымъ творчествомъ,

бѣдность и малодушіе, особенно за то, что онъ на цѣлый вѣкъ остался учителемъ. По мнѣнію Штурбы, учительское званіе недостойно серьезнаго человѣка; оно приличествуетъ старому дьячку, черничкѣ—монахинѣ, хромому солдату, раненному на войнѣ, и т. д,, но серьезному и здоровому человѣку ни въ какомъ случаѣ не подходитъ возиться съ ребятишками.

— „Учытелышко сельскій!" съ ироніей говорилъ Штурба объ отцѣ Никитенка: „бѣднякъ, покупалъ въ лавкѣ полъ-фунта дроби и четверть фунта пороху для охоты!" Штурба, какъ увидимъ, любилъ помогать человѣку бѣдному, безпомощному; но по его мнѣнію, человѣкъ умный и здоровый непремѣнно долженъ бороться съ бѣдностью, а не обрекать себя на всегда на званіе сельскаго учителя, и значитъ—на вѣчную и неисходную бѣдность и недостатки.

По преданію, И. С. Штурба былъ истинный малороссъ-козакъ, со всѣми хохлацкими особенностями и причудами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень богатъ. Его торговля желѣзными товарами, солью, а особенно скотомъ, пріобрѣтаемымъ въ калмыцкихъ степяхъ, давала ему огромныя деньги. Знавшіе торговыя дѣла Штурбы говорили, что были такія времена, когда онъ зарабатывалъ по 200 тысячъ рублей къ годъ. Вотъ этотъ-то богачъ и позволялъ себѣ въ Алексѣевкѣ всякія причуды, которыя принимались остальнымъ людомъ, какъ законъ. Онъ любилъ, чтобы съ христосованьемъ и съ крещенской водой къ нему шло все духовенство разомъ со всѣхъ церквей слободы Алексѣевки и ея окрестностей; а въ самой Алексѣевкѣ было до 10 тысячъ народонаселенія. Въ такихъ случаяхъ въ домѣ Штурбы собиралось духовенства нѣсколько десятковъ человѣкъ. Онъ тре-

---

и всякое происшествіе, сильно интересовавшее, находило своего пѣвца. По любви къ молодому, бравому вахмистру ушла за полкомъ дивчина Татьяна, изъ хорошаго даже дому; было воспѣто и это происшествіе; я помню, лишь заключительные стихи:

Ой ты дуро, Тытяно!
Де твій розумъ дився?
У собачому хвостови
Въ ковтунъ завертився.

бовалъ пѣнія чиннаго, простого и стройнаго. „Ни якихъ выкрутасивъ“ въ пѣніи не дозволялось. На такіе выкрутасы Штурба смотрѣлъ, какъ на весьма неудачное нововведеніе въ церковное дѣло. Послѣ пѣнія и молитвословія, въ залѣ Штурбы усаживались всѣ попы, дьяконы, дьяки и пономари. Подавалось обильное угощеніе. Штурба, будучи привѣтливымъ хозяиномъ, позволялъ себѣ дѣлать при этомъ духовному чину внушенія и замѣчанія. Одному батюшкѣ говорилъ, что онъ очень рано начинаетъ обѣдню, почему хозяйки не въ силахъ до обѣдни справиться съ своимъ дѣломъ; другому—что онъ долго тянетъ службу, а это нехорошо въ томъ отношеніи, что дѣти не выдерживаютъ и наѣдаются до обѣдни; нѣкоторыхъ дьячковъ за четкое и внятное чтеніе и пѣніе хвалилъ, а другимъ дѣлалъ строгія внушенія, что они, при чтеніи даже словъ: „Господи помилуй“, гдѣ по уставу это требуется повторить сорокъ разъ, произносятъ такъ, что къ соблазну прихожанъ изъ этого выходитъ что-нибудь вовсе не молитвенное.—Родной дядя Штурбы по матери, по фамиліи Слюсарь[1]), былъ дьякономъ въ базарной церкви. По обычаю того времени, старикъ сильно нюхалъ табакъ. При чтеніи на эктеніи Александра, Константина и Николая Павловичей, выходили лишь звуки—палича—палича—палича (вмѣсто Павловича). Штурба не оставлялъ и дядька безъ замѣчанія: „тебе, дядьку, треба-бъ добре выбыты паличьямъ, щобъ ты поменьше табаки нюхавъ.“ Духовенство сносило все это терпѣливо, зная, что изъ этого ничего плохого не выйдетъ и что Штурбѣ надо дать покуражиться.—Затѣмъ выносилось большое блюдо, до-верху переполненное серебряною монетою. Штурба изъ этого блюда давалъ каждому члену причта, сколько вздумается: пономарь иногда получалъ рублей 5—10, а священникъ 20 коп. Такой пріемъ духовенства обходился Штурбѣ въ одинъ разъ до 200 рублей.

Но выходки Штурбы по отношенію къ духовенству простирались и дальше. Онъ часто посѣщалъ всѣми уважаемаго

---

[1]) Его потомки носятъ уже передѣланную фамилію Снѣсаревыхъ.

отца Петрія [1]). Когда Штурба собирался въ гости къ этому священнику, то онъ бралъ съ собой приказчика, заходилъ въ винный погребъ и бакалейную лавку, бралъ вино, ромъ, закуски; приглашалъ съ собою кого-нибудь изъ почетныхъ людей. Однажды Штурба засталъ о. Петрія за хозяйственными занятіями: онъ рубилъ дрова, имѣя на головѣ старую, помятую поповскую шляпу. Штурба попросилъ у о. Петрія топоръ, снялъ съ его головы шляпу и порубилъ ее на дровитнѣ. О. Петрій зналъ, что это ему будетъ не въ убытокъ, и умиленно улыбался. Штурба досталъ изъ кармана и вручилъ о. Петрію нѣсколько рублей, на которые онъ могъ купить нѣсколько новыхъ шляпъ.

Тогдашнее духовенство вполнѣ снисходительно смотрѣло на выходки Штурбы, а эти выходки бывали иногда очень рѣзки. Однажды священникъ говорилъ въ церкви проповѣдь на тему: „птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ". Штурба былъ въ первыхъ рядахъ слушателей. Послѣ заключительнаго слова: аминь, Штурба, обращаясь къ священнику, громко на всю церковь сказалъ: „то-вѣрно, что птицы не сѣютъ, не жнутъ; но за то зимою по дорогѣ всякую нечисть клюютъ!" Очевидно, батюшка очень много говорилъ объ одной лишь надеждѣ на благость Божію, безъ всякаго труда, заботъ и попеченій. А это вполнѣ было противно взгляду Штурбы на жизнь—трудовую, разумную и энергичную, да несогласно и съ Свящ. Писаніемъ.

Штурба благотворилъ не одному духовенству. Нерѣдко онъ ходилъ на громаду, особенно когда происходила раскладка или сборъ податей. За вдовъ, сиротъ или людей, обнищавшихъ отъ старости, болѣзней или другихъ несчастій, Штурба былъ всегдашнимъ заступникомъ. Обращаясь къ зажиточнымъ людямъ, Штурба говорилъ: „бачите, не тягнуть; такъ мы за ихъ потягнемъ: Усатенко, Папуша, Дидухъ, Безмогорычный...... тягнить помаленьку!" Когда разберутъ богачи за бѣдныхъ лю-

---

[1]) Это тотъ самый священникъ, о которомъ говоритъ также Никитенко въ своихъ запискахъ. Изъ особаго уваженія къ этому священнику прихожане звали его вмѣсто Петръ—Петрій, думая, что Петрій—какъ-то будетъ благопристойнѣе.

дей—кто тягло, кто полъ-тягла, Штурба выкрикиваетъ: ащо панъ писарь (или панъ отаманъ), ще скилки треба тягнуть? Оказывается неразобранныхъ пять или десять тяголъ.—„Ну, оце усе я потягну“, отзывался Штурба и уплачивалъ за 5—10 и болѣе семействъ всѣ годовые подати.

Вообще бѣдныя семьи имѣли отъ него всегдашнюю помощь. Предъ большими праздниками развозились бѣднякамъ цѣлые возы хлѣба, мяса, муки, крупы, и проч. Множество денегъ затратилъ Штурба въ 1830 году, во время всероссійскаго голода, на покупку хлѣба для бѣдныхъ, и эта затрата главнымъ образомъ поколебала его благосостояніе. Кромѣ раздачи хлѣба зерномъ для пріѣзжихъ, у Штурбы ежедневно выпекалась масса хлѣба въ нарочито устроенныхъ на левадѣ большихъ печахъ. Печеный хлѣбъ разрѣзался на порціи и раздавался безчисленнымъ бѣднякамъ. За нѣсколько лѣтъ до голода въ Алексѣевкѣ, былъ большой неурожай въ одной изъ ближайшихъ мѣстностей, населенныхъ великоруссами. На нѣсколькихъ фурахъ они прибыли въ Алексѣевку, чтобы поработать, прокормиться и прокормить лошадокъ. Они были страшны на видъ: зеленые, исхудалые, съ жадностью посматривали на малороссійскія паляницы.—„Берить, добры люды, ижьте!“ говорили имъ добродушные хохлы.

И они ѣли, какъ волки. „А наши дѣтушки-то голодаютъ“, говорили великоруссы.—„Берите и везите своимъ дѣткамъ“, говорили хохлы, наполняя возы голодныхъ людей хлѣбомъ, мукой, пшеномъ, саломъ и другимъ добромъ. Но когда былъ голодъ въ Алексѣевкѣ и хохлики поѣхали за поборомъ къ великороссамъ, то имъ тамъ сказали: „тѣ, что у васъ были за хлѣбомъ, живутъ подальше“.

Ни Штурбѣ, ни его семьѣ никогда не приходило въ голову, что за свою благотворительность онъ могъ бы получить какую-либо награду. Свое благосостояніе онъ считалъ великимъ благомъ Божіимъ и глубоко былъ убѣжденъ, что это посылается не для него одного. Семья Штурбы не смѣла претендовать на его богатство, какъ на свою собственность. Къ Штурбѣ нерѣдко обращались за пособіями его довольно многочисленные

родственники, обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ. Мальчуганы изъ училищъ просили прислать имъ сколько-нибудь на бублики, но семинаристы изъ философіи и богословія писали ему витіеватыя письма, напримѣръ: „Любезный братецъ. Вся природа, облекшись нынѣ (весною) въ свою праздничную одежду, торжествуетъ; одинъ я, не имѣя никакой одежды, нахожусь въ скорби и печали...“ Штурба посылалъ рублей пять (смотря по степени родства и положенію учащагося), всегда съ строгимъ внушеніемъ беречь деньги, учиться и знать, что людей „по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ“. Въ то время симинаристъ на 5 руб. устраивалъ себѣ пару платья изъ хорошей нанковой матеріи и фуражку. Даже могъ нарядиться франтомъ. Штурба разсказывалъ, что въ его время семинаристы о каникулахъ, одѣтые въ длинные халаты изъ крашеннаго холста, ходили по дворамъ и пѣли канты въ такомъ родѣ: „Миръ [1]) Христовъ водворяется въ домахъ вашихъ за молитвами святыхъ отець нашихъ. Аллилуя, аллилуя, аллилуя...“

У Штурбы былъ открытый домъ для всѣхъ пріѣзжающихъ: духовенство, помѣщики, купцы, чиновники—находили у него пріютъ, угощеніе, кормъ для лошадей. Высшіе чиновники сосѣднихъ городовъ Бирюча и Острогожска старались дружиться съ Штурбой, брали у него взаймы деньги безъ отдачи, приглашали въ крестные отцы къ своимъ новорожденнымъ или просто пріѣзжали какъ-нибудь „поживиться“. Говорили, что Штурба имѣетъ милліоны. Да, онъ дѣйствительно имѣлъ бы ихъ, еслибы жилъ сдержаннѣе. Старуха-мать Штурбы, воспитавшая его буквально трудами рукъ своихъ, ужасалась широкому розмаху жизни Штурбы.—„Ой Иване, чимъ ты будешь, стару матирь годуваты, якъ пропьешь и происы усю худобу?“ Отъ дѣтей Штурбы приходилось слышать, что они имѣли бы милліонное состояніе, еслибы отецъ ихъ, тѣша свое хохлацкое самолюбіе не бросалъ денегъ даромъ. Надо сказать, что дѣти Штурбы цивилизовались на особый ладъ: надѣли сюртуки и пиджаки, а

---

[1]) Народъ этимъ пѣвцамъ далъ названіе „миркунники“.

дочери вышли замужъ—старшія за священниковъ, а младшія, когда цивилизація двинулась еще болѣе впередъ,—за офицеровъ, уже въ Крыму, куда Штурба переселился со всей своей семьей, выкупившись изъ крѣпостной зависимости отъ графа Шереметева.

Откуда же это необычайное богатство Штурбы?—Какъ чрезвычайно умный, энергичный и неутомимый человѣкъ, Штурба хорошо воспользовался экономическими и торговыми условіями даннаго времени и данной мѣстности. Еще молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, онъ, по смерти своего отца, началъ торговать въ базарные дни на рогожкѣ гвоздями, винтиками, ножами, замками и другимъ желѣзнымъ товаромъ. Торговля шла бойко, такъ что Штурба вскорѣ открылъ лавку и сталъ ѣздить за подѣлочнымъ товаромъ въ Тулу, а за желѣзомъ не въ дѣлѣ и за солью—въ Царицынъ. Въ приволжскихъ степяхъ онъ познакомился съ условіями степной торговли. Скотъ въ то время покупался у кочевниковъ-калмыковъ очень дешево; пастбища ничего почти не стоили, а между тѣмъ сало, шерсть, овчина и кожи имѣли хорошую даже въ то время цѣну въ Острогожскѣ, Воронежѣ и Москвѣ. Къ тому-жъ и конкуренція была очень слаба.

Интересна была у Штурбы торговля молодыми бычками. Къ Штурбѣ пригоняли ихъ огромными стадами изъ калмыцкихъ степей. На весеннихъ ярмаркахъ: никольской, вознесенской, троицкой и др. прикащики Штурбы раздавали этихъ бычковъ крестьянамъ, съ обязанностью уплатить за нихъ осенью, по уборбѣ хлѣба. Кому и сколько было дано бычковъ—записей никогда не велось. Но не было примѣра, чтобы кто-нибудь, взявши весною бычковъ, не принесъ за нихъ осенью денегъ. Затѣмъ нравы нѣсколько измѣнились: отъ уплаты за бычковъ стали уклоняться. Тогда приказчики стали записывать, кому сколько выдано бычковъ и сколько за нихъ причитается денегъ. Это сначала сдерживало людей легкомысленныхъ, и они, боясь записи, приносили за бычковъ осенью деньги. А затѣмъ и записей перестали бояться. Штурба вынужденъ былъ прекратить эту торговлю. Но красная порода калмыцкаго скота долго дер-

жалась въ той мѣстности, называясь „штурбинской".—Есть много данныхъ заключать, что переселившіеся изъ-за Днѣпра малороссы были люди высокой честности, строго дисциплинированы и чрезвычайно религіозны. Но съ теченіемъ времени, деморализуясь болѣе и болѣе, потомки этихъ малороссовъ ни въ чемъ не уступаютъ великороссійскимъ кулакамъ и шибаямъ, даже превосходятъ ихъ.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія ѣздить въ калмыцкія степи было не безопасно. Калмыки и сосѣдніе ногайцы сильно пошаливали; но тѣмъ не менѣе, послѣ покоренія Крыма и Предкавказья, они уже не могли собираться большими партіями; шайки же въ 5—6 человѣкъ нерѣдко рыскали по степи. Съ такими шайками отправляемыя Штурбою въ степь для покупки и выпаса скота партіи легко могли справляться: Штурба всегда набиралъ для этого дѣла добрыхъ хлопцевъ, у которыхъ еще несовсѣмъ испарилась козацкая удаль. Обыкновенно снаряжалось нѣсколько повозокъ, запряженныхъ каждая парою лошадей. При каждой повозкѣ былъ такой штатъ: чабанъ (главный руководитель стада), два гайдаря (пастухи), подпасокъ (меньшій пастухъ), кошеваръ, онъ же кучеръ, и приказчикъ. При каждой же повозкѣ шло нѣсколько собакъ—овчарокъ. Люди были вооружены винтовками; въ повозкѣ находились, на всякій случай, копья, а при боку у каждаго хлопца—длинные ножи, отточенные настолько, что ими брили бороды и, по малороссійскому обычаю, подбривалы головы, „щобъ кузька не заводылась".—„Дюже хорошъ ты человѣкъ, Иванъ Степановичъ! говорили, бывало, Штурбѣ царицынскіе купцы, да твои молодцы, кажись, плохіе-то люди. Какой они у тебя вѣры [1])? Не токмя что бороду, да и голову-то брѣютъ".

Штурба отправлялъ въ орду нѣсколько десятковъ повозокъ; имъ назначены были въ извѣстныхъ улусахъ стоянки, а самъ Штурба съ нѣсколькими приказчиками выбиралъ центральную мѣстность. Всѣ знали, гдѣ стоитъ самъ Штурба съ своимъ та-

---

[1]) Подъ словомъ „вѣра" простой народъ и донынѣ разумѣетъ весь нравственный и физическій обликъ индивидуума. У одного разсказчика спросили: какой вѣры татары?—„Плохая ихъ вѣра, отвѣчалъ онъ, лошаденину (т. е. конину) ѣдятъ.

боромъ, отдѣльные приказчики отправлялись къ Штурбѣ за приказаніями, за деньгами и со всякими рапортами. Если случалось при какой-либо повозкѣ несчастіе, Штурба немедленно узнавалъ объ этомъ и принималъ мѣры. Во время похожденій или скорѣе походовъ Штурбы въ орду нерѣдко происходили довольно характерные для тогдашняго времени эпизоды, которые я постараюсь разсказать въ томъ видѣ, какъ ихъ мнѣ приходилось слышать.

Свои отряды Штурба отправлялъ раннею весной, въ первой половинѣ марта, направляя ихъ къ Царицыну. Противъ Царицына они переправлялись черезъ рѣку Донъ и шли къ этому городу. Здѣсь они ожидали, пока степныя рѣчки войдутъ въ свои берега, такъ какъ въ то время въ степи не полагалось ни переправъ, ни перевозовъ. Таборы останавливались на берегу р. Волги, а тѣмъ временемъ Штурба покупалъ нужное желѣзо для своей лавки и отправлялъ его на чумакахъ. Горожане-великороссы приходили смотрѣть на чудныхъ для нихъ людей изъ табора Штурбы. Еслибы не благоразумный Штурба и его предусмотрительность, то не обошлось бы безъ дракъ. Какъ только появлялся на лугахъ кислый щавель и другая съѣдобная трава, хлопцы собирали ее и варили борщъ. Для великороссовъ и это было странно: „о проклятые хохлищи! зелень-то жрутъ; а у насъ капустка-то въ погребахъ двухгодовала, трехгодовала, какъ жолтокъ.

Предъ какими-то весенними праздниками Штурба для продовольства своихъ хлопцевъ купилъ молодого степного быка; собрались его рѣзать. Но никакъ не повалять сильную степную скотину. Слова „бисъ и чортяка“ сыпались градомъ. Для великороссовъ показалось страннымъ, что предназначенную на пищу скотину бранятъ бѣсомъ, чертякой и другими недобрыми словами. „О проклятые хохлищи, да вы бы съ молитовкой!“ Въ обозѣ Штурбы нерѣдко находился извѣстный даже изъ записокъ А. В. Никитенка [1]) силачъ Журба. Полагая, что кацапы бранятъ хлопцевъ за неумѣнье справиться съ быкомъ, Жур-

[1]) Русск. Стар. за 1888 г.

ба взялъ его за рога: „о, мы ще й не такихъ чортивъ крутылы!“ и съ этими словами такъ повернулъ быка за рога, что онъ упалъ на землю.—„Во, хохлище-то проклятой!“ завопили горожане и стали ходить смотрѣть на Журбу.

Остановимся нѣсколько на Журбѣ. Говорятъ, что это былъ человѣкъ необыкновеннаго роста, силы и красоты. Впослѣдствіи отъ пьянства Журба обрюзгъ. Въ молодости онъ сдѣлался извѣстенъ графу Шереметеву и былъ взятъ къ его двору. Когда къ графу собирались знакомые, Журба потѣшалъ ихъ своею силою, напр.—вытягивалъ горизонтально руки; на нихъ садились верхомъ молодые офицеры-шалуны, человѣка по два-три на каждой, и Журба носилъ ихъ свободно, не згибая рукъ. Журбу засыпали деньгами, а онъ неудержимо сталъ пить, за что его отослали на родину, и здѣсь Журба для пропитанія нанимался въ рабочіе. О необычной силѣ и здоровьѣ Журбы передавали слѣдующіе факты. Въ погребѣ Штурбы стояли бочки съ наливкой; одна изъ нихъ потекла, и вотъ хозяева, чтобы спасти напитокъ, подставили большой мѣдный тазъ, въ который, чуть не до краевъ наполненный наливкой, упала лягушка. Чистоплотные малороссы хотѣли-было вылить на землю оскверненную по ихъ мнѣнію наливку. Но Журба выбросилъ лягушку и въ два пріема выпилъ чуть не полведра наливки. Журба, чтобы показать свою силу, бралъ пустую сорокаведерную бочку за воронку (отверстіе среди бочки, въ которое вливаютъ жидкость), и, на глазахъ толпы изумленныхъ зрителей, перебрасывалъ бочку черезъ сарай, какъ мячикъ. Вотъ такими-то и подобными молодцами окружалъ себя Штурба, отправляясь въ орду.

Въ степи нерѣдко бывали съ таборами Штурбы случаи весьма серьезные. Одинъ разъ, когда таборъ Штурбы спалъ крѣпкимъ сномъ, за исключеніемъ сторожевыхъ, не вдалекѣ раздались выстрѣлы. Всѣ проснулись, взялись за винтовки и приготовили для обороны ручное оружіе; затѣмъ, не далѣе какъ въ верстѣ, кто-тб сталъ разводить огонь, и послышались ужасные вопли истязуемаго человѣка. Штурба съ хлопцами отправился на крикъ и увидѣлъ страшную сцену: человѣкъ пять русскихъ, повидимому купцовъ, развели близъ своей повозки костеръ и,

имѣя трехъ связанныхъ калмыковъ, одного изъ нихъ поджаривали на медленномъ огнѣ, а остальные два томились въ ожиданіи своей очереди. Оказалось, что калмыки давно слѣдили за этими, по ихъ мнѣнію, купцами, и когда тѣ остановились на ночлегъ, калмыки сдѣлали на нихъ нападеніе. Но купцы видѣли намѣреніе калмыковъ и, подпустивъ ихъ на приличную дистанцію, встрѣтили залпомъ изъ ружей. На мѣстѣ осталось три калмыка: у двухъ были убиты лошади, а третій былъ самъ раненъ и свалился съ коня. Купцы рѣшили порядочно поджарить своихъ плѣнниковъ, для острастки другимъ калмыкамъ. Штурба освободилъ калмыковъ. А купцы оказались бѣглыми солдатами, грабившими въ степи неосторожныхъ.

Въ таборѣ Штурбы была большая дисциплина. Никто изъ хлопцевъ не смѣлъ обижать калмыковъ, особенно калмычекъ. Калмыки—по религіи буддисты—неодобрительно относились къ убиванію всякихъ животныхъ, за исключеніемъ хищныхъ, и къ разоренію птичьихъ гнѣздъ. И это было воспрещено хлопцамъ, большимъ охотникамъ заправлять степную кашу яйцами куликовъ, степныхъ чаекъ и дикихъ утокъ, стрепетовъ и дрохвъ. Много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть въ калмыцкой степи. Онѣ и тогда еще изобиловали всякой дичью, особенно пернатой; и тогда еще калмыки охраняли обитателей степей отъ разоренія ихъ пришельцами. Если какой нибудь бродячій кулакъ, вымѣнивающій у калмыка цѣлую телячью шкуру на грошовую пачку табаку, начнетъ рыскать по низменнымъ мѣстамъ, съ цѣлію собиранія яицъ, всѣ безчисленные пернатые обитатели той мѣстности поднимали оглушительный крикъ: степной куликъ на далекое пространство оглашалъ степь своимъ жалобнымъ, берущимъ за душу стономъ; чайки, извиваясь надъ головою хищника, неистовымъ крикомъ какъ бы призывали кого-то на помощь. Дѣйствительно, съ какой-либо стороны во весь карьеръ скакалъ такой же сынъ степи, какъ и остальные ея обитатели, калмыкъ и, сердито потрясая нагайкой, кричалъ: „Урусъ, не можно такъ, видишъ, матка плачетъ; Богъ бить будетъ“. Такой же птичій крикъ подымался обыкновенно при появленіи волка или лисицы; калмыкамъ этотъ крикъ хорошо извѣстенъ;

между ними были всегда лихіе наѣздники, догоняющіе волка или лисицу и убивавшіе ихъ своими тяжелыми нагайками.

Случалось, что хлопцы Штурбы оказывали калмыкамъ услуги и притомъ весьма существенныя. У калмыковъ было развито своего рода наѣздничество—угонъ лошадей цѣлыми табунами. Нѣсколько удальцовъ, высмотрѣвъ хорошенько облюбованный ими табунъ, ночью засядутъ гдѣ-нибудь въ балкахъ, а къ утру, предъ разсвѣтомъ, совершаютъ свой отчаянный подвигъ. Послѣ полуночи, къ утру, бываетъ такой моментъ, когда все живое засыпаетъ. Спятъ въ это время и лошади, но сонъ ихъ такъ чутокъ и тревоженъ, что достаточно какого-нибудь малѣйшаго шелеста, чтобы табунъ вздрогнулъ и побѣжалъ туда, куда бѣжитъ передняя лошадь. Наѣздники выжидаютъ именно такого момента и тогда окружаютъ табунъ; задній неистово гикнетъ, иногда даетъ выстрѣлъ; табунъ вздрагиваетъ и несется за переднимъ воромъ, который собственно и ведетъ табунъ, куда ему нужно. Остальные управляются съ табунщиками, которые въ такихъ случаяхъ скрывались въ виду неравной силы и внезапнаго нападенія. Не разъ проносились такіе табуны мимо таборовъ Штурбы; но старикъ не рекомендовалъ своимъ хлопцамъ вмѣшиваться въ такого рода дѣла, изъ нежеланія мести воровъ. Но бывали случаи, что хлопцы, увлекаемые козацкою удалью, отбивали у воровъ табуны, а Штурба торжественно возвращалъ ихъ хозяевамъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи одинъ изъ сыновей Штурбы. Хорошо стрѣляя изъ винтовки, онъ старался ранить лошадь передняго вожака; дѣло въ такихъ случаяхъ совершенно разстраивалось: табунъ путался, воры робѣли и старались только вырѣзать тавро подстрѣленной лошади, чтобы по немъ нельзя было дослѣдить, какого племени и улуса воры. Это еще подымало престижъ Штурбы въ глазахъ всего калмыцкаго племени.

По разсказамъ Штурбы и участниковъ его экспедицій, между калмыками были очень богатые люди. При обширныхъ, казавшихся безконечными въ то время, степяхъ болѣе сметливые и энергичные калмыки заводили огромныя стада. Нѣкоторые калмыки имѣли около десяти тысячъ головъ лошадей и де-

сяти тысячъ скота рогатаго и овецъ. Не смотря на дешевизну въ то время всякаго скота, калмыки наживали огромныя деньги. Хранили они свои сокровища довольно искусно, хотя никакихъ сундуковъ, несгораемыхъ кассъ и т. д. у нихъ не было. Содравъ цѣликомъ шкуру съ ноги палой лошади, калмыкъ набивалъ ее золотомъ или серебромъ и закапывалъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Но русскія власти, въ роли попечителей калмыцкаго народа, хорошо знали, кто изъ калмыковъ имѣетъ деньги, и умѣли заставить калмыка раскошелиться.—Часто попадались въ степи тѣла убитыхъ бродягъ, а иногда и честныхъ людей. Ничего не стоило посадить въ тюрьму того или другого калмыка по подозрѣнію въ убійствѣ. Если такія выходки и теперь случаются, то что-же было въ то время, когда слѣдствіе, судъ и расправа были въ лицѣ одного человѣка? Разсказывали, что одинъ почтеннѣйшій калмыкъ, по подозрѣнію въ какомъ-то убійствѣ, просидѣлъ въ тюрьмѣ два года. Человѣкъ этотъ по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть убійцей; это всѣ знали, но знали также, что у него много денегъ. Заплатилъ ли этотъ калмыкъ хорошо, или не было достаточно уликъ,—но его выпустили на свободу изъ тюрьмы. Онъ всегда съ особенной любовью поджидалъ Штурбу. Вмѣстѣ они выпивали. Старый, богатый и почтенный калмыкъ рыдалъ, вспоминая свою неволю и свой позоръ въ тюрьмѣ. Очевидно, что въ тюрьмѣ надъ нимъ глумились и заставляли даже изъ другихъ камеръ таскать такъ называемыя параши. Калмыкъ сочинилъ на этотъ счетъ пѣсню, пѣлъ ее со слезами и особенно рыдалъ, когда произносилъ заключительныя слова своей пѣсни; въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ самимъ авторомъ пѣсни, слова эти были: „руска с...тъ, моя г...о тащи“.—Говорятъ, что теперь калмыки стѣснены въ пользованіи степями и сильно обѣднѣли.

Въ общемъ строѣ торгово-промышленныхъ предпріятій Штурбы и въ успѣшномъ осуществленіи его замысловъ весьма важное значеніе принадлежало охранителямъ стадъ, и потому рѣшаюсь сказать еще нѣсколько словъ о малороссахъ-чабанахъ и гайдарахъ.

Слободскіе украинцы очень любили степь; они любили поселяться на хуторахъ, на пасѣкахъ, любили ухаживать за стадами скота въ степи, любили, наконецъ, чумачество, лишь бы только любимое ими лѣто (святе литечко) провести въ степи. За то они были большіе знатоки природы. Какое, повидимому, простое дѣло—хорошо выпасти въ теченіе лѣта купеческое стадо и, взявъ его весною, привести осенью къ хозяину безъ утраты, сытое, здоровое! А между тѣмъ для этого надо много опытныхъ знаній, энергіи, любви къ природѣ и къ животному. Опытный чабанъ не допуститъ волка къ стаду; онъ не дастъ развиться болѣзни въ стадѣ, сумѣетъ подобрать пастбища такъ, чтобы ко времени полуденнаго жара овцы были уже накормлены и напоены, спокойно, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, выжидая прохлады; не всякую воду онъ дастъ пить овцамъ и не на всякое пастбище онъ погонитъ ихъ. Бываютъ такія мѣста и такія времена, когда чабанъ не пуститъ свое стадо на пастьбу до тѣхъ поръ, пока не спадетъ роса; бываетъ роса, настолько вредная, что у овецъ сейчасъ-же пойдутъ нарывы на копытахъ; а всякая болѣзнь сильно задерживаетъ нагулъ скота. Съ рогатымъ скотомъ еще хуже; на него нападаютъ болѣзни и отъ недостатка воды, и отъ дурнаго ея качества. Въ степи, въ жаркое время года, скотъ негдѣ напоить въ теченіе иногда нѣсколькихъ дней. Но вотъ безводное пространство кончается; вдали виднѣется рѣка. Это самый опасный моментъ: рогатый скотъ, не слушая своего пастуха, со всѣхъ ногъ бросается и летитъ къ водѣ. Неопытный чабанъ никогда не удержитъ въ такихъ случаяхъ стада; скотъ напивается воды больше, чѣмъ нужно, и множество его въ такихъ случаяхъ гибнетъ тамъ-же на мѣстѣ. Иногда во время ночной стоянки находитъ сильная туча съ грозой. Рогатый скотъ этого боится и разбѣгается въ стороны, такъ что на утро не досчитаются доброй половины быковъ, разбѣжавшихся по степи. Хорошій чабанъ во время ночной грозы идетъ къ стаду быковъ; громкимъ голосомъ даетъ знать, что онъ съ ними; ободряетъ ихъ, говоритъ съ ними... скотъ трясется отъ испуга, но, покорный голосу своего чабана, стоитъ на одномъ мѣстѣ. При переправѣ черезъ рѣку

у неопытнаго вожака скотъ можетъ заволноваться на самой срединѣ рѣки: одни будутъ плыть впередъ, другіе назадъ; третьи будутъ кружиться на одномъ мѣстѣ, начнутъ топить другъ друга... и можетъ погибнуть все стадо. Но ничто не страшно для опытнаго вожака. Хорошій чабанъ пріучаетъ къ себѣ скотъ въ теченіе лѣта, онъ говоритъ со скотомъ, командуетъ имъ... и скотъ его слушаетъ лучше, чѣмъ солдаты командира. Когда жаждущее стадо увидитъ вдали воду, хорошій чабанъ крикомъ своимъ и командой удержитъ его въ порядкѣ. Былъ въ Слободской-Украйнѣ извѣстный чабанъ Маркъ Антоновичъ Лобко. Онъ шелъ къ водѣ всегда впереди своего стада и командой удерживалъ скотъ въ порядкѣ. Пригнавъ скотъ къ рѣкѣ, Лобко предварительно напьется воды самъ, помочитъ голову и лицо, дастъ немного хлебнуть скоту и отгоняетъ его назадъ; чрезъ нѣсколько времени опять и опять продѣлываетъ тоже самое. Такъ что онъ выпоитъ свой скотъ постепенно. Но это можетъ сдѣлать только тотъ, кто любитъ скотъ, кто говоритъ съ нимъ, кто имъ командуетъ, кто знаетъ хорошо натуру каждаго животнаго, находящагося въ его стадѣ. Въ каждомъ стадѣ есть вожаки, которые всегда идутъ впереди стада и особенно послушны голосу своего пастуха. При прогонѣ скота вплавь черезъ рѣки, Лобко всегда впереди своего скота на лодкѣ; вожаки идутъ за нимъ; онъ зоветъ ихъ громкимъ голосомъ; за вожаками стройно плыветъ стадо и благополучно переплываетъ такія рѣки, какъ Донъ, Хоперъ, Медвѣдца... У такихъ чабановъ, какъ Марко Лобко, скотъ всегда жирнѣе, даетъ болѣе мяса и сала; наконецъ и кожи такого скота лучше и цѣннѣе. Такими чабанами купцы-скотопромышленники сильно дорожили. Въ Слободскую Украйну пріѣзжали за ними купцы даже изъ отдаленныхъ губерній—Тамбовской, Тульской и Московской; овцеводы Херсонской и Таврической губ. имѣли чабановъ изъ Украйны... Удивительно, что великороссъ не годился для такого дѣла; его живой и общительный характеръ не выдержитъ въ теченіе цѣлаго лѣта скуки одиночества въ степи съ овцами или рогатымъ скотомъ.

Осенью на салотопенномъ заводѣ Штурбы давали окончательную оцѣнку чабанамъ, и они получали награду или порицаніе. Завѣдующій заводомъ докладывалъ, что стадо такого-то чабана дало хорошій нагулъ сала и мяса, такой-то чабанъ далъ вполовину менѣе. Добрый пастырь сіялъ отъ восторга. Его угощали водкой, дарили ему для жены большую красную шаль, которою перевязывали его съ праваго плеча на лѣвое и подпоясывали его краснымъ поясомъ. Въ такомъ видѣ чабанъ гулялъ по слободѣ цѣлый день, и восторгамъ не было конца. Нерадивый чабанъ подвергался ужаснымъ насмѣшкамъ; вмѣсто шали, его перевяжутъ кишками тощихъ овецъ его стада, подпояшутъ тѣми-же кишками и вышлютъ на улицу.

Таковъ въ краткихъ чертахъ былъ ходъ торговой дѣятельности Штурбы. Здѣсь я лишь бѣгло намѣтилъ обстоятельства; сопровождавшія эту дѣятельность. Ну уже изъ краткаго изложенія вырисовываются тѣ особенныя экономическія условія, которыя представляли обильный источникъ обогащенія. Какъ сказано выше, Штурба ежегодно отправлялъ въ орду нѣсколько десятковъ повозокъ. Каждая повозка собирала около 2,000 овецъ, которыхъ затѣмъ, выпасши хорошенько на вольныхъ пастбищахъ, отправляли по направленію къ дому. Въ первыхъ числахъ сентября отары (стада) уже поступали на салотопенный заводъ въ Алексѣевкѣ. Барыши отъ такихъ операцій были огромные. Въ то время калмыцкая крупная овца, на теперешнія деньги, стоила около . . . . 75 коп.
Расходъ на все лѣто за овцу не превышалъ . . 25 коп.

Итого . 1 руб.

Изъ калмыцкой овцы выручалось:

овчина . . .	75 коп.
мясо . . .	60 „
сала около .	2 р.
Итого	3 р. 35 к.

Значитъ, одна овца давала чистаго дохода болѣе 2-хъ руб. А такъ какъ овецъ убивалось ежегодно около 50,000 шт., то значитъ на ѳдинхъ овцахъ Штурба получалъ не менѣе 100,000

руб. въ годъ чистаго барыша. Кромѣ того, на заводѣ Штурбы убивалось до десяти тысячъ рогатаго скота, да желѣзная и соляная торговля... такъ что знающіе люди вѣрно опредѣляли ежегодную прибыль Штурбы около 200,000 руб. въ годъ. Приблизительно такую же торговлю вели Острогожскіе купцы Нечаи (впослѣдствіи Нечаевы); они нажили милліоны, дѣтей вывели въ дворяне и во второмъ и въ третьемъ поколѣніи владѣли большими населенными имѣніями.—Догадывались и другіе купцы о выгодности такой торговли, но они не могли организовать дѣла такъ, какъ его организовалъ Штурба. Иногда приходилось отражать нападенія кочевниковъ перестрѣлкой. Случалось находить въ степи зарѣзанныхъ купцовъ, рискнувшихъ вдвоемъ-втроемъ безъ исправнаго вооруженія углубиться въ степь... Но вскорѣ правительство уняло калмыковъ и ногайцевъ; степь сдѣлалась болѣе безопасною; туда пустилось множество купцовъ царицынскихъ, астраханскихъ и другихъ. Конкуренція сдѣлала свое дѣло; торговля калмыцкимъ скотомъ вскорѣ потеряла свою прежнюю прибыльность.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія сыновья Штурбы начали настаивать, чтобы онъ выкупился изъ крѣпостной зависимости отъ графа Шереметева. А это дѣло было не легкое; про милліоны Штурбы молва прошла далеко; въ дѣйствительности же милліоновъ этихъ уже не было. Кое-какъ, съ превеликими хлопотами и затрудненіями добились увольненія отъ крѣпостной зависимости. Переѣхали въ Крымъ, выстроили домъ; купили мореходныя суда, завели виноградные сады, такъ что отъ капитала уже ничего не осталось, и молодежь занялась въ разныхъ мѣстахъ Крыма и Кавказа хлѣбной торговлей при помощи уже кредита, который широко былъ открытъ имъ, какъ солиднымъ и честнымъ людямъ, заграничными хлѣбными конторами. А затѣмъ всѣ они превратились въ почетныхъ потомственныхъ гражданъ и стали писаться Штурбинъ, а не Штурба. Сохранилъ свою родовую фамилію безъ всякихъ добавокъ и осложненій лишь старый Штурба. Еще и теперь въ Алексѣевкѣ глубокіе старики разсказываютъ о баснословныхъ богатствахъ Штурбы и объ его широкой благотворительности. Но сами Алек-

сѣевцы, подъ вліяніемъ времени и нивеллирующей всѣ этнографическія особенности цивилизаціи, давно уже потеряли свой малороссійско-козачій обликъ.

Теперь всему этому дѣлу конецъ! Степи распаханы, скотъ отправляютъ по желѣзнымъ дорогамъ. Чумачество уничтожено; пасѣки погибли; на хуторахъ нечего дѣлать. Отошла въ вѣчность милая старина. Напрасно ищетъ малороссъ для себя другой Украины. Онъ не найдетъ ея ни въ Заволжскихъ сухихъ степяхъ, ни въ Семирѣчьи, ни въ Сибири, ни даже на Кавказѣ. Приходится измѣнить свои нравы, обычаи и привычки согласно настоящимъ экономическимъ и культурнымъ условіямъ и передѣлать свой обликъ. Да онъ уже и передѣлался.... Но, тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ намъ любить нашу родную старину.

СКИТАЛЬЧЕСКАЯ СУДЬБА ВОЛЫНСКОЙ СЕМИНАРІИ.

(1796—1896 г.г.)

Въ настоящемъ году одному изъ заброшенныхъ городовъ Волыни—Кременцу—выпадаетъ на долю отпраздновать рѣдкій юбилей: столѣтіе Волынской духовной семинаріи. Предлагаемый очеркъ имѣетъ задачей отмѣтить главные моменты не совсѣмъ заурядной жизни этой школы.

I.

Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, русское правительство приступило къ систематической работѣ для упорядоченія дѣлъ въ западно-русскихъ областяхъ. Дѣла церковныя вызвали особую заботливость правительства, и это вполнѣ понятно, если вспомнить печальныя судьбы православной западно-русской церкви въ эпоху Рѣчи Посполитой. Въ первую же очередь былъ поставленъ вопросъ о средствахъ образованія для западно-русскаго духовенства. Это былъ вопросъ первостепенной важности, потому что, напр., духовенству Волыни приходилось доселѣ учиться, гдѣ попало: то въ свѣтскихъ повѣтовыхъ школахъ, то въ базиліанскихъ монастырскихъ, то въ уніатскихъ семинаріяхъ (Жидичинской, Почаевской или Жировицкой), а это было не удобно, да и для многихъ недоступно. Поэтому, одновременно съ учрежденіемъ епископской каѳедры на Волыни (собственно—волынскаго викаріатства при минской архіепископіи),

Св. Синодомъ изданъ былъ указъ (12 іюля 1795 г.) объ учрежденіи въ г. Острогѣ епаршеской семинаріи. Цѣлый годъ, однако, указъ пролежалъ безъ исполненія, вѣроятно, по трудности набора воспитанниковъ. Самое открытіе семинаріи произошло какъ-то незамѣтно, втихомолку. Въ августѣ 1796 г. въ Житомірѣ еще не имѣли никакихъ свѣдѣній о новооткрытой семинаріи, и вице-губернаторъ волынскій приказалъ житомірскому городничему забрать точныя справки—„существуетъ ли Острогское училище, и гдѣ именно, какому числу учащихся преподаются науки“. Городничій отвѣтилъ, что семинарія въ Острогѣ открыта 14 мая 1796, и классовъ въ ней четыре: риторическій, піитическій и два грамматическихъ [1]). Новооткрытая семинарія помѣщена была въ величественныхъ зданіяхъ Острожскаго Преображенскаго монастыря, построенныхъ еще въ 1-й половинѣ XVII ст. Анной Алоизой княжной Острожской для іезуитскаго коллегіума, потомъ перешедшихъ въ руки уніатовъ и, наконецъ, переданныхъ православнымъ. Зданія эти были настолько обширны (іезуиты, какъ извѣстно, умѣли основательно строиться и обзаводиться), что, кромѣ семинаріи, могли вмѣщать духовную консисторію и резиденцію архіерея съ его штатомъ. Семинаріи осталась въ наслѣдство отъ іезуитовъ также богатая библіотека.

Открытіе семинаріи встрѣчено было духовенствомъ Волыни безъ особаго сочувствія, скорѣе—съ затаеннымъ недоброжелательствомъ. Яснымъ становилось, что для полученія прихода теперь придется предварительно совершить тернистый и не такъ короткій („ars longa“...) путь ученія. Учениковъ приходилось набирать съ трудомъ. Благочиннымъ предписанно было представить дѣтей духовнаго званія въ г. Острогъ, при чемъ предусмотрительное начальство заблаговременно распорядилось подвергать наказаніямъ и даже лишать приходовъ тѣхъ священниковъ и причетниковъ, которые отказались бы добровольно доставить своихъ дѣтей для вкушенія науки. Но и это не помо-

[1]) Любопытно, что это отношеніе городничаго остается теперь единственнымъ документомъ, гдѣ сохранена точная дата открытія семинаріи. Семинарскій архивъ потерпѣлъ значительный и трудно-вознаградимый ущербъ во время послѣдующихъ злоключеній семинаріи.

гало. Была изобрѣтена даже особаго рода уловка, посредствомъ которой иные пытались избѣжать этой повинности: такъ, великовозрастныя „дѣти" спасались отъ поступленія въ семинарію женитьбой, что́ давало нѣкоторое право просить о приходѣ и безъ образованія. Для полноты картины необходимо прибавить, что духовное начальство принуждено было прибѣгнуть къ содѣйствію даже земской полиціи, и бывали случаи, что дѣтей доставляли насильно въ школу (словно преступниковъ въ тюрьму).

Кое-какъ, съ грѣхомъ и бѣдой пополамъ, удалось собрать 119 челов. разнаго возраста (отъ 8 до 21 года). Конечно, ни о какой системѣ на первыхъ порахъ нельзя было и думать, имѣя предъ собой до такой степени разношерстный составъ чающихъ науки. Прошло не мало времени, пока семинарія получила хотя нѣсколько благоустроенный видъ. Учились по году по два и даже по три въ одномъ классѣ—смотря, кто какъ успѣвалъ. Учителей сперва было только три. Полный комплектъ классовъ выработался только къ 1798 г. Семинарія совмѣщала въ себѣ и духовное училище, такъ какъ только въ 1817 г. низшія отдѣленія были выдѣлены изъ ея состава. Преподаваніе шло на обычномъ въ тогдашнихъ духовныхъ школахъ языкѣ—латинскомъ. Любопытно, что въ число предметовъ преподаванія входило „рисовальное искусство" (при чемъ ему обучалъ діаконъ) и „врачебная наука", учителемъ которой былъ штабъ-лѣкарь. Особенность семинаріи состояла въ томъ, что при ней была такъ назыв. „Русская школа" (т. е. съ преподаваніемъ на русскомъ, а не латинскомъ языкѣ), учрежденіе которой вызвано было насущными нуждами епархіи. Дѣло въ томъ, что съ обращеніемъ уніатовъ въ православіе открылось много приходовъ, для замѣщенія которыхъ еще не откуда было взять подходящихъ кандидатовъ. И вотъ, чтобы хоть сколько-нибудь подготовить дѣтей духовенства къ пастырству, епархіальное начальство открыло въ 1798 г. при семинаріи Русскую школу, гдѣ бы въ скорѣйшее время приготовлялись кандидаты священства. Случались (и очень нерѣдко) такіе курьезы: учится-учится малый въ семинаріи, дойдетъ уже до риторики, но, на-

скучивъ тяжелымъ путемъ науки, которой и конца не предвидится, возвращается съ Божьяго соизволенія вспять: поступаетъ въ Русскую школу и черезъ годикъ-другой получаетъ вожделѣнный приходъ.

Бытъ питомцевъ семинаріи скудно былъ обезпеченъ и представлялъ собой сплошную цѣпь невзгодъ и лишеній. Тогдашней бурсѣ жилось тяжело: голодъ, холодъ и бѣдность были неразлучными спутниками жизни учениковъ отъ вступленія на порогъ школы до того момента, когда, по выходѣ изъ нея, они группами отправлялись въ поиски приходовъ и невѣстъ. На провизію для казеннокоштныхъ учениковъ отпускалась ничтожная сумма—650 р. въ годъ, на одежду—430 р., а между тѣмъ казеннымъ коштомъ пользовалось до полутораста человѣкъ. Спрашивается, какъ можно было прокормить такую массу молодыхъ желудковъ на эти крохи! Удивительнѣе всего, какъ и при этомъ ничтожномъ бюджетѣ семинарскіе комиссары ухитрялись набивать себѣ карманы на счетъ воспитанниковъ; а между тѣмъ это практиковалось и даже открыто, такъ что архіерей выгналъ одного комиссара за то, что тотъ присвоилъ себѣ 10 возовъ казенныхъ дровъ и кормилъ бурсацкимъ хлѣбомъ своихъ свиней. Семинарское начальство всякими мѣрами пыталось ослабить хроническую голодовку, на которую обречено было столько молодыхъ силъ: то требовало отъ болѣе достаточныхъ (лучше сказать менѣе бѣдныхъ) родителей доставлять кое-какую провизію, хоть мѣшокъ муки, полкорца крупъ и сколько можно сала; то пробовало привлечь монастырь къ пожертвованіямъ; то само, тронувшись несчастнымъ видомъ полуголодной молодежи, отпускало изъ запасовъ архіерейскаго дома „безвозвратно навсегда“ разной муки, крупъ, сала, или лакомство вродѣ „кабановъ убитыхъ два и корову убитую съ кожею и потрухами одну“.

Одинъ разъ тогдашній епископъ Варлаамъ пробовалъ убить зло, такъ сказать, въ корнѣ: думая, что родители семинаристовъ несутъ большія издержки на перевозъ дѣтей во время рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ, онъ распорядился отпускать учениковъ только разъ въ годъ—лѣтомъ; такимъ

образомъ онъ думалъ сберечь въ карманахъ родителей нѣсколько грошей, надѣясь, что они дадутъ возможность отцамъ улучшить бытъ своихъ дѣтей. И что же? Эта мѣра раскрыла только во всей своей наготѣ то зло, которое тяготѣло надъ нашей духовной школой даже до недавняго прошлаго въ видѣ какого-то рока. Оказалось, что требованіе епископа постоянно нарушалось, и въ объясненіи префектъ семинаріи доносилъ, что „многіе священники не присылаютъ дѣтямъ своимъ харчей, и потому дѣти, не имѣя чѣмъ кормиться, убѣгаютъ тайно". Здѣсь невольно вспоминается нарисованный Помяловскимъ типъ бурсака—голоднаго, жаднаго и вслѣдствіе этого озлобленнаго; и сколько правды въ разсказѣ Гоголя объ общихъ походахъ бурсы подъ предводительствомъ отважнаго философа для истребленія чужихъ огородовъ, послѣ чего въ столовой неожиданно появлялась каша изъ тыквъ!

Одѣвали учениковъ такъ-же бѣдно, какъ и кормили. Казеннокоштному ученику давали два сюртука—лѣтній и зимній (почему-то съ мѣдными пуговицами), холстяной халатъ для ношенія въ внѣклассное время, по три штуки бѣлья и шубу нагольную овчинную. При этомъ руководились правиломъ порѣже выдавать одежу, такъ что при новой выдачѣ одежа казеннокоштнаго воспитанника представляла чуть ли не лохмотья. Вообще печальна была обстановка, среди которой проходили лучшіе годы будущихъ пастырей народа. Лишь съ 1817 г., когда стали отпускать по 7 тыс. рубл. на продовольствіе казенныхъ учениковъ, получилась возможность сдѣлать школьную жизнь болѣе сносною.

II.

Самымъ выдающимся событіемъ въ острожскій періодъ жизни Волынской семинаріи было путешествіе ея въ 1812 г. въ полтавскую губ. Наполеоново нашествіе особенно тяжело отразилось на Волынской губ. въ силу пограничнаго положенія. Для русскаго населенія Волыни тягости военнаго времени увеличились еще и потому, что сильно дала себя почувствовать

тогда вражда польскихъ помѣщиковъ къ духовенству и народу. Сочувствіе поляковъ явно было на сторонѣ французской арміи и ея великаго предводителя. Произошло не мало кровавыхъ домашнихъ стычекъ между русскими и поляками. Въ скоромъ времени для русскихъ выяснилась печальная необходимость— бѣжать, куда глаза глядятъ, и это дѣлали не единицы только, а и цѣлыя корпораціи, напр.—братія Корецкаго монастыря, исчезнувшая вдругъ изъ Волыни и скрывавшаяся въ предѣлахъ Молдавіи, пока гроза не утихла.

При такихъ обстоятельствахъ не мало заботы доставилъ епархіальному начальству вопросъ, куда дѣвать семинарію въ трудную годину бѣдствій. Въ первое время, пока приносились лишь отдаленные раскаты надвигавшейся грозы, тогдашній епископъ Даніилъ всячески старался успокоить мятущееся словесное стадо, издавая одно за другимъ распоряженія, имѣвшія цѣлью утишить общую панику. Но въ августѣ 1812 г. стала извѣстной воля императора Александра I объ удаленіи семинаріи на время въ какой-нибудь безопасный городъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ (медлить нельзя было) избрали для этой цѣли городъ Полтаву, куда и рѣшено было перевезти семинарію со всѣмъ скарбомъ.

Нужно замѣтить, что когда созрѣло это рѣшеніе, каникулы еще не окончились, и семинаристовъ въ Острогѣ не было. Поэтому картина передвиженія семинаріи теряетъ часть той внушительности, которая представляется при первой мысли объ этомъ грандіозномъ путешествіи. Отъ Острога до Полтавы 700 верстъ—путь не малый. Путникамъ вручено было предписаніе, по которому они имѣли право требовать 50 подводъ въ назначенныхъ по маршруту мѣстахъ. 22 августа обозъ изъ 62 подводъ, нагруженныхъ семинарскимъ и консисторскимъ архивомъ, библіотекой и всѣмъ скарбомъ, а также семействами и имуществомъ учащихъ, тронулся въ путь. Отправилось всего 21 чел. начальствующихъ и учащихъ. Что-же касается воспитанниковъ, то епархіальное начальство дало распоряженіе духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ всѣхъ студентовъ и учениковъ „*выслать* въ г. Полтаву заразъ (сейчасъ) при паспортахъ

изъ духовныхъ правленій".. Некогда было вникнуть предварительно, какъ это сдѣлать (пѣшихъ, что ли, выслать?), не до того было.

Въ настоящее время можно лишь пожалѣть о томъ, что ни одинъ изъ путешествовавшихъ учителей не велъ дневника, не оставилъ своихъ записокъ, въ которыхъ изображалась бы картина этого любопытнаго переселенія корпораціи „въ страну далече". А что это путешествіе изобиловало эпизодами, въ которыхъ отъ смѣшнаго до великаго—только одинъ шагъ,—объ этомъ можно судить по оффиціальнымъ рапортамъ; въ нихъ сквозь дѣловую сухость языка то и дѣло проскальзываютъ картинныя фразы, рисуются сцены, показывающія, что это путешествіе было непрерывною цѣпью приключеній, иногда курьезныхъ, иногда траги-комическихъ, а иногда печальныхъ и тяжелыхъ (въ числѣ ѣхавшихъ были женщины и дѣти—семьи учителей). Человѣку съ пылкимъ воображеніемъ естественно съ восторгомъ отнестись къ такому путешествію, въ которомъ, пожалуй, есть и заманчивыя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, хорошее время года, роскошная степь малороссійская, по которой не спѣша тянется громадный, какъ бы чумацкій обозъ; украинская „божественная, очаровательная" ночь, во время которой обозъ дѣлаетъ привалъ, казанокъ съ кулишемъ весело кипитъ у большого костра, волы пасутся на просторѣ, путешествующая компанія ведетъ оживленную бесѣду, расположившись на сочной и душистой травѣ, небесный сводъ смотритъ милліонами своихъ очей—да это поэзія, это очаравательная прогулка!—воскликнетъ восторженный мечтатель. Нѣтъ, поэзіи тутъ было мало, а все сѣренькая проза, и это вовсе не увеселительная прогулка, а тяжелый, утомительный подвигъ. Нужно представить и обратную сторону медали. Начать съ того, что перевозка семинаріи была тяжелою натуральною повинностью для всей мѣстности, чрезъ которую пролегалъ путь изъ Острога въ Полтаву. Какъ снѣгъ на голову для мирнаго обывателя какой-нибудь Диканьки сваливалась обязанность выставить подводу для какой-то невѣдомой и вовсе ненужной ему семинаріи. И если рука его лѣзла въ затылокъ

гдѣ нашъ простолюдинъ привыкъ всегда искать выхода изъ затруднительнаго положенія, то также естественно предположить, что съ устъ срывался нелестный эпитетъ или недоброе пожеланіе по адресу непрошенныхъ гостей. На комъ же проще всего было сорвать свою досаду, какъ не на ни въ чемъ неповинныхъ спутникахъ? Равнымъ образомъ и для полиціи не доставляло особаго удовольствія къ своимъ и безъ того суетливымъ обязанностямъ присоединять еще одну—заботу о пріисканіи въ своемъ районѣ извѣстнаго числа подводъ. Во всякомъ случаѣ эту обязанность чины полиціи „не съ радостью творили, а воздыхающе".

Цѣлый мѣсяцъ путешествовала семинарія къ мѣсту своего назначенія, и все таки не достигла его. 23 сентября обозъ прибылъ въ Кобеляки, уѣздн. гор. полт. г., въ 60 верст. отъ Полтавы. Здѣсь путешественниковъ ожидалъ не особенно пріятный сюрпризъ. Подводъ дальше не давали, а объявили распоряженіе полтавскаго губернатора, что семинарія должна остановиться здѣсь. Пришлось покориться; архивъ консисторскій и семинарскій свалили въ свободныхъ залахъ повѣтоваго суда, учителей съ семействами размѣстили на частныхъ квартирахъ. Предстояло теперь рѣшить вопросъ, гдѣ и какъ вести учебныя занятія, когда съѣдутся семинаристы. И велико же было недоумѣніе кобелякскаго городничаго, когда правленіе семинаріи поставило ему этотъ вопросъ; городничій далъ чистосердечный отвѣтъ, что „способнѣйшихъ для сего домовъ въ Кобелякахъ вовсе не имѣется". Обратились тогда къ малороссійскому генералъ-губернатору, но тотъ отдѣлался философской тирадой: „Экстренность обстоятельствъ предписываетъ всякому довольствоваться тѣмъ, что обрѣсти случится", а такъ какъ всѣ видѣли, что въ Кобелякахъ обрѣсти и даже изобрѣсти ничего не возможно, то „слѣдовательно—дабавлялъ генералъ-губернаторъ,—семинаристовъ и всѣхъ прочихъ, за помѣщеніемъ по мѣрѣ возможности, въ городѣ, должно остальныхъ *размѣстить постоемъ* въ мѣстечкахъ повѣта и селеніяхъ".

Практическое осуществленіе мѣры, проектированной генералъ-губернаторомъ съ веселой беззаботностью, было просто

унизительно для семинаріи, да и ни къ чему бы не привело. Какое ужъ тутъ было бы въ самомъ дѣлѣ ученіе, когда семинарія, словно полкъ солдатъ, была бы раскинута по деревнямъ на десятки верстъ въ окружности! Къ счастью, эта мудрая мѣра такъ и осталась проектомъ. Всеизвиняющая „экстренность обстоятельствъ“, помогшая генералъ-губернатору легко отвязаться отъ настойчивыхъ требованій семинарскаго правленія, была такимъ же прекраснымъ поводомъ для семинаристовъ отдохнуть нѣкоторе время отъ бремени науки. Не смотря на строгія предписанія епископа Даніила, семинаристы не являлись въ Кобеляки: нашелся лишь одинъ любитель науки, который рѣшился предпринять нелегкое путешествіе въ Полтавщину! Впрочемъ, еписк. Даніилъ нашелъ средство не пріостанавливать ученія даже и въ 1812 г. 26 октября имъ было открыто въ г. Острогѣ на старомъ пепелищѣ отдѣленіе семинаріи; строгими предписаніями онъ собралъ молодежь, поставилъ неоффиціальныхъ учителей изъ окончившихъ лучшихъ студентовъ семинаріи, собралъ кое-какія крохи для оплаты ихъ труда (правительственное жалованье получали кобелякскіе скитальцы), словомъ—устроилъ семинарію.

Когда на Волыни опасность отъ непріятеля миновала, сейчасъ же стали думать о возвращеніи семинаріи, такъ неудачно отправленной въ полтавскую губ. 29 янв. 1813 г. еп. Даніилъ выхлопоталъ Высочайшее повеленіе о возвращеніи семинаріи обратно въ г. Острогъ; на этотъ разъ предоставлено было право требовать 120 обывательскихъ подводъ подъ архивы и скарбъ.

Нерадостно было возвращеніе нашихъ странниковъ. Прежде всего разныя обстоятельства помѣшали сразу же воспользоваться столь желаннымъ разрѣшеніемъ покинуть негостепріимные Кобеляки, гдѣ пришлось натерпѣться разныхъ непріятностей. Едва 20 апрѣля состоялся этотъ „исходъ“ изъ Кобелякъ въ обѣтованную родину. Съ мѣста перепряжки обыкновенно одинъ учитель отправлялся впередъ, чтобы приготовить лошадей на слѣдующей стоянкѣ; но и при этомъ все таки приходилось иногда ожидать по два, по три, а то и по пяти дней, томиться и изнывать въ тоскѣ. Бывали и происшествія: во

время переправы чрезъ р. Исіолъ (въ Бѣлоцерковкѣ) чуть не утонуло цѣлыхъ пять возовъ съ архивными дѣлами, такъ какъ теченіемъ и вѣтромъ оторвало одинъ паромъ. Случалось, что префекту только съ большимъ трудомъ удавалось „достигнуть до начальниковъ", во власти которыхъ была выдача подводъ; иногда требовали съ путешественниковъ прогоновъ. А кіевскій полиційместеръ просто съ какимъ-то озлобленіемъ накинулся на почтенныхъ іереевъ (префекта и учителя философіи) и ни съ сего—ни съ того наговорилъ имъ кучу непріятностей: „Я тебя свяжу!—кричалъ онъ—я тебя въ тюрьму посажу, на Сибирь пошлю, связаннаго къ Государю представлю, бороду остригу! ты мужикъ, ты мужикъ изъ мужика; ты попъ, а это все одно, что мужикъ! ты хотя бы былъ еще сто кратъ больше, чѣмъ протопопъ, и тогда мужикъ больше бы у меня значилъ, чѣмъ ты" [1]).

1-го іюня транспортъ прибылъ въ Острогъ; трудности далекаго путешествія окончены; путники радовались „яко исполинъ тещи путь". Характерно, что тогдашнее начальство оцѣнило—нѣсколько своеобразно—это необычное для педагоговъ странствованіе: о немъ, какъ объ особомъ подвигѣ, было занесено въ формуляръ всѣхъ участниковъ.

И доселѣ еще отъ стариковъ-священниковъ на Волыни вы можете услышать разсказы, по наслѣдству предаваемые изъ рода въ родъ, объ этомъ далекомъ событіи; подробности путешествія и участники его, на долю которыхъ выпала тяжелая обязанность на своихъ плечахъ вынести столько невзгодъ, послужили предметомъ многихъ легендарныхъ сказаній.

III.

Послѣ кобелякскаго путешествія семинарская жизнь мало по малу вошла въ обычную колею, и мирное теченіе ея не нарушалось до 1821 г. Въ этомъ году на семинарію обрушилось новое несчастіе, вслѣдствіе котораго ей пришлось нѣсколько лѣтъ прожить при условіяхъ невозможныхъ и затѣмъ перекочевывать

---

[1]) *Вол. еп. вѣд.* 1894 г. № 26—27.

съ мѣста на мѣсто, не находя себѣ твердаго пристанища. 18 апрѣля 1821 г. страшный пожаръ истребилъ цѣлую улицу въ г. Острогѣ. Пострадала и семинарія; о степени поврежденій можно судить по тому, что все зданіе было объято пламенемъ, крыша сгорѣла до тла, остался только каменный остовъ; и нужно удивляться геройству библіотекаря, успѣвшаго спасти книги. Послѣ пожара зданіе представляло собою обгорѣлый скелетъ. Теперь покажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ можно было хоть мѣсяцъ жить и учиться въ этихъ развалинахъ. А между тѣмъ не мѣсяцъ и не годъ, а цѣлыхъ три года оставалась семинарія въ обгорѣлыхъ зданіяхъ; о ремонтѣ какъ то не столковались, хоть и поднимали рѣчь. По-неволѣ втупикъ станешь предъ этой удивительной покорностью судьбѣ. Уже непосредственно послѣ пожара 1821 г. семинарское правленіе доносило по начальству: „нѣсколько кратъ испытано, что и при самомъ посредственномъ дождѣ заниматься ученикамъ ради сильной течи не можно, да и пребывать въ ономъ тогда крайне опасно—входъ къ (нѣкоторымъ) комнатамъ, чрезъ великую течь, бывающую во время дождей, пресѣкается, а полы въ корридорахъ занимаются водою" [1]). Казеннокоштныхъ учениковъ оказалось невозможнымъ оставить на жительство въ зданіи безъ крыши, и ихъ размѣстили, какъ могли, въ мѣщанскихъ семействахъ съ платой по 50 к. въ недѣлю съ человѣка. Библіотекарь былъ настойчивѣе всѣхъ: онъ то и дѣло докучалъ начальству своими безотрадными реляціями, что стѣны угрожаютъ опасностью, а „большинство книгъ затекло и поелику негдѣ просушивать, начало гнить, такъ что со временемъ можетъ совершенно истлѣть".

Къ концу 1823 г. въ конецъ истощилось терпѣніе семинарской корпораціи. Вотъ общая картина, которую даетъ осматривавшая тогда зданіе семинаріи коммиссія: члены ея „нашли теперь совершенно невозможнымъ начать въ ономъ (зданіи) ученіе: ибо кромѣ того, что убійственная сырость и близкіе уже къ разрушенію своды онаго ежечасно угрожаютъ очевидною опасностью жизни, а во время дождей облитіе учащихъ и уча-

---

[1]) Вол. Еп. Вѣд. 1880 г.

щихся можетъ затруднять занятія ихъ, какъ уже и прежде сіе замѣчено,—холодный вѣтеръ, сильно дующій сквозь разбитыя окошка и проломанныя подъ ними стѣны, какъ въ классахъ, такъ и на корридорѣ, и теперь уже очень ощутителенъ и даже не стерпимъ, а тѣмъ болѣе во время зимы, когда онъ, какъ сіе очевидно, будетъ засыпать и классы и корридоръ снѣгомъ" [1]).

Кое-какъ дотянули до конца учебнаго года. Наступилъ іюнь; пора бы подумать объ экзаменахъ, а проливные дожди не даютъ возможности и заглянуть въ классъ, гдѣ стоятъ лужи. Въ отчаяніи семинарское правленіе обратилось въ Городническое Правленіе съ просьбой назначить одинъ изъ свободныхъ домовъ для производства экзаменовъ. Квартирная коммиссія указала „редутный домъ", но тутъ ужъ правленіе возмутилось духомъ и сочло „въ трактирѣ редутную залу для произведенія духовнымъ питомцамъ испытанія неприличною". И вотъ семинарское правленіе, не долго думая, устроило 9 іюня 1823 года торжественный экзаменъ въ монастырскомъ саду подъ открытымъ небомъ.

Такъ печально закончился для волынской семинаріи 1822—23-й учебный годъ.

Между тѣмъ епархіальное начальство оставалось глухо къ донесеніямъ правленія о тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена школа. Наступалъ новый учебный годъ, и семинарія въ совершенномъ отчаяніи возопила къ коммиссіи духовныхъ училищъ и къ кіевской духовной академіи—какъ быть, что дѣлать? Отъ коммиссіи отвѣта не послѣдовало. А епископъ волынскій Стефанъ далъ распоряженіе продолжать ученіе въ прежнемъ помѣщеніи. Это уже было похоже прямо на насмѣшку, и взволнованные члены правленія въ обширномъ репортѣ обращаются къ человѣколюбію начальства: „нынѣ благодѣтельное начальство—писали они—печется объ улучшеніи содержанія для самихъ даже законопреступниковъ". Это „моленіе" имѣло два результата. Епископъ Стефанъ сдѣлалъ выговоръ членамъ правленія за грубость и дерзкія выраженія въ

---

[1]) Волын. Епарх. Вѣд. 1896 г. № 3.

своихъ протоколахъ и пригласилъ ихъ на будущее время, вмѣсто всякихъ умствованій, получше усердствовать къ своимъ прямымъ обязанностямъ, а кіевская духовная академія предписала продолжать ученіе въ тѣхъ же зданіяхъ, сдѣлавъ лишь необходимыя починки, хотя политично умолчала о средствахъ, на которыя бы можно это сдѣлать. Принявъ эти совѣты и выговоръ къ свѣдѣнію, правленіе пока покрыло соломой библіотечное помѣщеніе.

А помощь была уже близка, хотя пришла не съ той стороны, откуда ее ждали. Въ бѣдствіяхъ семинаріи приняло участіе совсѣмъ постороннее вѣдомство, именно: по предписанію волынскаго губернатора, острожская квартирная коммиссія занялась вопросомъ о пріисканіи помѣщенія подъ семинарію. Коммиссія вошла въ соглашеніе съ владѣльцемъ г. Острога кн. Яблоновскимъ, и тотъ изъ своихъ домовъ согласился уступить два лучшихъ въ распоряженіе семинаріи. Тутъ кое-какъ и размѣстилась семинарія. Главный домъ—изъ 11 комнатъ, и вотъ здѣсь ухитрились размѣстить классы и отвести квартиры для начальствующихъ и для правленія. Приходилось мириться съ массой неудобствъ; такъ, для классовъ можно было удѣлить только три комнаты, да и то небольшихъ, а въ каждой комнатѣ сидѣло по сотнѣ и болѣе учащихся; духота была невозможная; все же это было лучше, чѣмъ сидѣть въ зданіи безъ крыши! Библіотека была помѣщена въ двухъ комнатахъ въ другомъ помѣщеніи; книги были свалены въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе сырости помѣщенія, ихъ приходилось время отъ времени просушивать. Ученики продолжали въ полномъ составѣ жить на частныхъ квартирахъ. Такъ какъ ближайшіе къ семинарскому зданію дома были населены евреями, то ученики жили на окраинахъ города въ мѣщанскихъ семействахъ. Потѣснившись съ своей семьей, елико возможно, мѣщанинъ-ремесленникъ могъ очистить небольшой уголъ, который и занимали два—три человѣка; конечно, тутъ и рѣчи не могло быть хоть о какихъ-нибудь удобствахъ. Семинаристы на нѣкоторое время становились какъ бы членами мѣщанскихъ семействъ, раздѣляя ихъ невзгоды и радости. Часто отъ грубаго и своенравнаго хозяина терпѣла

не только жена его съ дѣтьми, но и семинаристъ-постоялецъ. А когда послѣднимъ былъ дюжій богословъ или вообще человѣкъ не робкаго десятка, привыкшій за оскорбленія давать сдачи, то нерѣдко случалось побоище, служившее предметомъ разбирательства въ семинарскомъ правленіи. Вотъ какъ объяснялъ одинъ ученикъ, почему онъ „далъ хозяину два раза по мордѣ".— „Я и прочіе со мною квартиру имѣвшіе семинаристы отъ хозяина нашего претерпѣвали разныя поношенія и ругательства, какъ то: онъ, ежедневно почти приходя пьяный на квартиру, чеплялся (придирался) не только ко мнѣ, но и всѣмъ со мною квартиру имѣвшимъ безъ всякой ему обиды, говоря: „а ѣдятъ, чтобъ они трасцю съѣли! понавозили, чорти-бъ вашу ма!" Тоже не только называлъ гицлями (палачами), разбойниками, каналіями, ... (слѣдуетъ еще одно не совсѣмъ удобное ругательство), бестіями, но и отца моего протоіерея поносилъ, сказывая: „такими протопопами грубу запираютъ" и прочими ругалъ его скверными и срамными словами". Однажды ночью, пришедши въ нетрезвомъ видѣ, хозяинъ „началъ насъ обоихъ таскать за боки и бранился, называя насъ разбойниками и прочими ругательными, по обыкновенію его, словами. Я, проснувшись, сказалъ ему здѣсь: хозяинъ! за что ты насъ терзаешь? мы тебя не занимаемъ; то хозяинъ меня схватилъ за груди и началъ болѣе терзать и ударилъ спиною объ стѣну" [1]). Тутъ ужъ и терзаемый не стерпѣлъ.—Весною и осенью приходилось ученикамъ путешествовать по невылазной грязи, въ которую превращались тогда немощеныя улицы города. Такъ какъ своей церкви не было, то каждому предоставлено было право ходить въ ближайшую отъ своей квартиры.

Въ этомъ переходномъ положеніи семинарія просуществовала безъ малаго два года. Въ концѣ 1824—25 учебнаго года епископъ Стефанъ вошелъ въ переговоры съ княз. Яблоновскимъ объ уступкѣ подъ семинарію и епархіальныя учрежденія помѣщеній въ м. Аннополѣ (въ 36 вер. отъ г. Острога), гдѣ князю принадлежало около 50 домовъ. Благодаря дружескимъ

[1]) Волын. Еп. Вѣд. 1881, № 35.

отношеніямъ между княземъ и еп. Стефаномъ, дѣло было улажено скоро, безъ обычныхъ проволочекъ; польскій аристократъ простеръ свою любезность даже до того, что на свой счетъ принялъ расходы по приспособленію зданій. Къ сентябрю 1825 г. семинарія уже переведена была въ м. Аннополь и начала свой учебный годъ въ новыхъ условіяхъ жизни. Лучшія помѣщенія изъ уступленныхъ княземъ были отведены подъ архіерейскій домъ и консисторію. Что касается семинаріи, то она была помѣщена въ бывшихъ конюшняхъ. Здѣсь были даже печи, въ которыхъ, впрочемъ, топили только до тѣхъ поръ, пока здѣсь были княжескія лошади. Было и еще одно неудобство: въ этомъ помѣщеніи были снизу кое-гдѣ отверстія, чрезъ которыя зимою въ обиліи навѣвало снѣгу, и со всего мѣстечка собирались зимой странствующія собаки—послушать семинарской премудрости, да кстати и обогрѣться.

Бытъ воспитанниковъ носилъ нѣкоторыя черты, свойственныя временамъ патріархальнымъ. Еще живы среди волынскаго духовенства разсказы о томъ, какъ въ свободное отъ классныхъ занятій время ученикамъ приходилось принимать участіе въ домашнихъ и полевыхъ работахъ своихъ квартирохозяевъ, иногда—пасти мелкій домашній скотъ и т. д. Напитавшись духовной пищей въ классѣ, молодой риторъ вооружался предлинной хворостиной и гналъ гусей въ поле, философъ съ неменьшимъ усердіемъ проявлялъ заботливость о волахъ и лошадяхъ, богословъ вооружался топоромъ и кололъ дрова.

Неизвѣстно, какъ долго просуществовала бы семинарія въ Аннополѣ, сжалилось ли бы и какъ скоро начальство надъ ея злоключеніями; по всей вѣроятности, всю до-реформенную эпоху прожила бы она въ глухомъ мѣстечкѣ, если бы не помогъ случай. Волынской семинаріи пришлось еще разъ перекочевать и въ новомъ мѣстожительствѣ просуществовать большую половину своей жизни при условіяхъ, если и не совсѣмъ благопріятныхъ, то все же лучшихъ, чѣмъ было доселѣ.

IV.

Въ глубокомъ ущельи Авратынскихъ горъ, въ 24 вер. отъ австрійской границы, живописно раскинутъ городъ Кременецъ, со всѣхъ сторонъ окруженный цѣпью горъ. Будучи однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній (XI—XII вв.). Волыни, городъ этотъ дѣлилъ бурную участь своей области. Долгое время онъ былъ сильною, неприступною крѣпостью, неоднократно лилась подъ его стѣнами кровь русская, польская, литовская и татарская, горѣлъ онъ до тла и снова обстраивался, то онъ поднимался на степень центра области, то снова хирѣлъ и нисходилъ въ ряды „нѣкогда славныхъ, но нынѣ захудалыхъ" городовъ. Въ 1731 г. на пожертвованія князей Вишневецкихъ здѣсь начали воздвигать величественный костелъ съ громаднымъ корпусомъ для общины іезуитовъ и ихъ коллегіума. Въ 1743 г. костелъ былъ конченъ и освященъ во имя свв. Игнатія Лойолы и Станислава Костки. Но недолго суждено было членамъ общества Іисуса раскидывать свои сѣти въ Кременцѣ: послѣ 1773 г. костелъ былъ обращенъ въ приходскій, а въ зданіяхъ помѣщены аптека и повѣтовая канцелярія съ архивомъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра I польская партія, опираясь на могущество кн. Адама Чарторижскаго, широко развила просвѣтительную дѣятельность въ юго-западномъ краѣ. Во главѣ этого движенія на Волыни сталъ извѣстный Ѳаддей Чацкій, собравшій на дѣло просвѣщенія громадныя суммы отъ польскихъ магнатовъ и давшій имъ разумное примѣненіе. Волынь покрылась цѣлой сѣтью низкихъ и среднихъ школъ. Чацкій между прочимъ прибралъ для своихъ цѣлей и кременецкія ноіезуитскія зданія: здѣсь въ 1805 г. была открыта гимназія, которая постепенно чрезъ расширеніе преподаванія и чрезъ прибавленіе предметовъ была преобразована въ лицей. Этотъ лицей вполнѣ оправдалъ надежды своего патрона: изъ его воспитанниковъ вышли лучшіе представители польской науки и литературы 40-хъ—60-хъ годовъ. Но такъ какъ этотъ лицей далъ также немало дѣятелей, выступившихъ въ 1831 г. съ оружіемъ въ рукахъ противъ Россіи, то это обстоятельство рѣшило его

судьбу: онъ былъ закрытъ, а научныя богатства его были переданы новооткрытому университету св. Владиміра. Въ числѣ ихъ заслуживаетъ упоминанія прекрасный ботаническій садъ, славившійся въ свое время даже въ зап. Европѣ; въ немъ насчитывалось до 14 тыс. видовъ растеній, и онъ снабжалъ лекарствами даже заграничныя аптеки.

Послѣ закрытія лицея остались превосходныя зданія безъ опредѣленнаго назначенія. И вотъ здѣсь-то, въ этихъ „полицеальныхъ“ (какъ ихъ называютъ) зданіяхъ и суждено было утвердиться (хоть и не навсегда) волынской семинаріи. Духовное вѣдомство купило эти зданія за 200 т. р. асс. еще въ 1832 г., но передача ихъ тянулась цѣлыхъ пять лѣтъ. 6 апр. 1836 г. семинарія была наконецъ переведена въ Кременецъ, гдѣ и суждено ей отпраздновать свой столѣтній юбилей чуть не наканунѣ новой и—будемъ надѣяться—послѣдней перемѣны мѣстожительства.

Второе пятидесятилѣтіе своей жизни—въ Кременцѣ—семинарія провела болѣе спокойно, безъ тѣхъ глубокихъ потрясеній, какія доставилъ ей 1812 годъ и пожаръ 1821 года. Въ громадныхъ зданіяхъ было гдѣ размѣститься, если не съ роскошью, то съ давно невиданными удобствами, которыя на первыхъ порахъ могли казаться комфортомъ (хотя до этого и далеко было). Тутъ же подъ рукой свой громадный садъ (около 8 морговъ земли), гдѣ въ свободную минуту можно подышать чистымъ воздухомъ, а въ дни экзаменовъ—найти укромный и тѣнистый уголокъ для усиленныхъ занятій. Правда, до 1846 г. начальство сохранило старую экономную привычку не топить зимой въ классахъ, предоставляя ученикамъ согрѣвать ихъ своимъ дыханіемъ и теплотой своего тѣла; нужно и того не забывать, что помѣщеніе семинаріи состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ, такъ что воспитанникамъ нужно совершать небольшія прогулки изъ классовъ въ столовую и изъ церкви въ спальни; но что значили всѣ эти неудобства въ сравненіи съ тою каторгой, которую безропотно отбывала семинарія послѣ 1821 года! Итакъ, можно думать, что всѣ на первыхъ порахъ просто сибаритствовали, не могли въ себя придти отъ восхищенія при ви-

дѣ той роскоши, которую создали чуждыя руки іезуитовъ. Но это очарованіе скоро стало таять.

Какъ это такъ случилось, теперь трудно понять, но всѣ забыли ту простую истину, что постройка можетъ хорошо сохраняться только при томъ условіи, если о ней заботиться и время отъ времени ее ремонтировать. Принятыя послѣ лицея въ томъ превосходномъ видѣ, въ какой дали возможность привести ихъ громадныя средства Чацкаго, семинарскія зданія, оставленныя безъ починки, начали понемногу приходить въ упадокъ. Штукатурка осыпалась, покраска на крышѣ потускнѣла, карнизы поотвалились, контрафорсы грозили рухнуть, деревянныя части зданія прогнивали. Отцы, привозившіе своихъ дѣтей къ тому же источнику науки, отъ котораго нѣкогда сами вкушали, съ грустью и укоромъ качали головами при видѣ величественныхъ зданій, которыя ветшали и какъ-то мрачнѣли все болѣе и болѣе. Только каменный остовъ какъ-то затвердѣвалъ и казался литымъ изъ металла, всѣ же менѣе прочныя части своимъ изломаннымъ и расшатаннымъ видомъ громко заявляли требованія о ремонтѣ.

Не лучше было и внутри зданія. Полы дырявились, окна и двери отставали отъ косяковъ, образуя порядочныя щели. Вслѣдствіе этого на всѣхъ корридорахъ (холодныхъ—безъ печекъ) зимою свободно гулялъ вѣтеръ, заставляя проходящихъ придерживать шляпы на головѣ и запахивать пальто; въ классахъ въ оконныя щели навѣвало снѣжку, который мягко ложился небольшими сугробами и медленно таялъ, температура спускалась всегда до 6°, такъ что ученики оставались въ пальто и колошахъ, а преподаватель, въ теплой одеждѣ прогуливался по классу. Получалась совсѣмъ иллюзія Аннопольскихъ временъ; развѣ только собакъ не было. И это даже въ 80-хъ годахъ.

Какъ бы то ни было, когда съ введеніемъ новыхъ семинарскихъ уставовъ (въ 1870-хъ годахъ) въ бурсу пахнуло новою жизнью, то корпорація волынской семинаріи стала возвышать свой голосъ противъ неудобствъ помѣщенія и требовать хотя бы немногосложныхъ передѣлокъ. А когда семинарію посѣтилъ первый ревизоръ учебнаго комитета, то онъ просто ужаснулся

тому зрѣлищу, которое представилось его глазамъ; справедливо одинъ ревизоръ въ своемъ отчетѣ окрестилъ семинарію казармой, а не благоустроеннымъ заведеніемъ. Отмѣтимъ такой, напр., фактъ. Около спальныхъ помѣщеній до 1875 г. не было не то что внутренняго, но даже наружнаго клозета, и воспитанники отправляли естественныя потребности просто на вольномъ воздухѣ, около склада дровъ. И всѣ къ этому присмотрѣлись, ничьихъ глазъ это безобразіе не рѣзало, съ нимъ какъ-будто мирились, такъ что потребовался пріѣздъ изъ Петербурга свѣжаго человѣка, и при томъ съ властью ревизора, чтобы выстроенъ былъ хоть небольшой деревянный сарайчикъ. Кстати сказать: и въ настоящее время ученику ночью, въ случаѣ надобности приходится одѣваться потеплѣе, спускаться внизъ съ третьяго этажа и, пробѣжавши шаговъ 50 по двору, достигать оная сарайчика—и это хотя бы въ 15° зимній морозъ. Антигигіеническія условія, среди которыхъ живутъ учащіеся въ Кременцѣ, прекрасно иллюстрируются громаднымъ процентомъ смертности; въ этомъ отношеніи волынская семинарія едва ли можетъ найти соперницу, хотя бы пересчитать всѣ семинаріи.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, ревизорскихъ отчетовъ, а съ другой—усиленныхъ ходатайствъ нѣкоторыхъ изъ волынскихъ епископовъ, еще въ 70-хъ гг. былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ семинаріи изъ грязнаго, вонючаго Кременца въ губ. г. Житоміръ. Этотъ вопросъ слѣдовало бы взять за характерный образецъ того, какую волокиту приходится испытать у насъ проекту, даже такому, съ которымъ въ принципѣ всѣ согласны. Казалось бы, чего проще: и центральное духовное управленіе не скупилось на отпускъ довольно крупныхъ суммъ для постройки новыхъ зданій семинаріи, если нужно было; и владыки волынскіе немало хлопотали о скорѣйшемъ осуществленіи проекта, желало перевода и духовенство, и корпорація, наконецъ, бывали и прецеденты. Полтавская семинарія была переведена изъ г. Переяславля въ г. Полтаву, Курская — въ г. Курскъ изъ г. Бѣлгорода. Волынской семинаріи въ этомъ вопросѣ долго не счастливилось, такъ что еще въ прошломъ году едвали кто могъ съ полною рѣшимостью отвѣтить „да“ на во-

просъ: будетъ ли наконецъ семинарія переведена изъ Кременца въ Житоміръ? И вотъ, лишь въ годъ столѣтняго юбилея семинаріи поднесенъ дорогой и пріятный сюрпризъ. 19 янв. наст. года послѣдовалъ указъ св. Синода на имя волынскаго архіепископа Модеста, которымъ дальнѣйшая судьба семинаріи рѣшается въ такомъ смыслѣ. Семинарія переводится въ губ. г. Житоміръ, гдѣ для нея будутъ выстроены зданія. Землю жертвуютъ каѳедральный соборъ и городская дума по небольшому участку. На постройку новыхъ зданій св. Синодъ ассигнуетъ 356½ тыс. руб. Независимо отъ этой суммы, по распоряженію епархіальнаго начальства, на постройку общежитія при семинаріи будетъ обращена значительная часть (80 тыс. руб.) капитала, скопленнаго духовенствомъ Волыни путемъ взносовъ на постройку зданія для кременецкаго женскаго епархіальнаго училища. Что же касается зданій семинаріи теперешнихъ, то они обращаются подъ помѣщеніе кременецкаго мужскаго училища, а зданія послѣдняго передаются женскому духовному училищу, не имѣющему собственныхъ помѣщеній и ютящемуся въ наемныхъ неудобныхъ квартирахъ.

V.

Въ своемъ очеркѣ мы мало касались внутренней жизни питомцевъ семинаріи, ея склада и характера, отношеній между начальствующими и учащимися, постановки преподаванія и т. д. Но дѣло въ томъ, что волынская семинарія не представляла какихъ-либо рѣзкихъ особенностей по сравненію съ общимъ складомъ порядковъ, общей физіономіей нашей духовной школы. Такъ же, какъ и во всѣхъ семинаріяхъ, въ преподаваніи царила сухость и мертвечина, и лишь изрѣдка на каѳедрѣ появлялся живой человѣкъ, привлекавшій глубокія симпатіи молодого люда сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу; такъ-же, какъ и во всѣхъ семинаріяхъ, были начальники суровые, вносившіе даже виртуозность въ систему наказаній, а бывали люди добрые и умные, имя которыхъ съ благоговѣніемъ переносится изъ ро-

да въ родъ; ученикамъ такъ-же, какъ и вездѣ, приходилось терпѣть истязанія, переносить и „біенія и заушенія и всякія другія тѣлесныя озлобленія“, пока эпоха порки не миновала, жить среди безцѣльныхъ лишеній, всегда не доѣдать и одѣваться чуть не въ тряпье. Словомъ, почти все было такъ, какъ вездѣ. Была, впрочемъ, одна мѣстная особенность.

Почти чрезъ весь столѣтній періодъ жизни, волынской семинаріи приходилось бороться со зломъ, которое въ значительной степени вызвано мѣстными условіями жизни и которое еще и доселѣ не искоренено. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ распоряженіе, изданное семинаріей еще въ 1803 г.: „есть ли кто либо дастъ студенту подъ ручной залогъ деньги съ процентами и безъ оныхъ, то залогъ долженъ быть возвращенъ, не ожидая уплаты, а заимодавецъ будетъ сверхъ того принужденъ его начальствомъ къ денежной пенѣ въ пользу бѣдныхъ“. А дѣло въ томъ, что среди семинаристовъ невѣдомыми путями развилась вредная привычка брать у мѣстныхъ ростовщиковъ евреевъ деньги подъ высокіе проценты съ обязательствомъ уплаты по окончаніи курса. Изъ Острога это зло было перенесено въ Кременецъ и здѣсь развилось до ужасающихъ размѣровъ. Правленіе нѣсколько разъ принималось за борьбу съ этой язвой, сносилось съ полиціей и указывало имена ростовщиковъ, но все это были палліативы, не приносившіе результатовъ. Одинъ изъ ревизоровъ обратилъ на это зло особенное вниманіе и въ своемъ отчетѣ по ревизіи указалъ, что изъ выпуска 1877 г. (41 чел.) только трое вышли свободными отъ долга мѣстнымъ ростовщикамъ. Домашнее зло семинаріи получило, такимъ образомъ, оффиціальную огласку, и тогда-то правленіе семинаріи съ особенной энергіей принялось за искорененіе его. Ученикамъ предложено было откровенно сознаться, сколько кто изъ нихъ задолжалъ мѣстнымъ ростовщикамъ и какими обязательствами связалъ себя. Оказалось, что въ трехъ только высшихъ классахъ набралось съ полсотни, причемъ многіе еще не сознались—и совершенно напрасно, потому что кредиторы сознавшихся должны были, во избѣжаніе отвѣтственности, смягчить свою кровожадность и довольствоваться дѣйстви-

тельной суммой долга. При этомъ выяснилось, что въ векселяхъ сумма долга увеличивается въ 5—6 разъ, и подпись помѣчается будущимъ временемъ. Въ 1881 г. было открыто при семинаріи попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ въ видѣ мѣры для борьбы со зломъ, происхожденіе котораго отчасти вызывается самою бѣдностью духовенства. Впрочемъ, язва эта гноится еще и доселѣ: описаніе процедуры сдѣлокъ было помѣщено въ газетѣ „Волынь" въ январѣ 1889 г. Хорошо было бы, еслибы семинарія оставила въ Кременцѣ этотъ порокъ и не повторяла въ Житомірѣ старой ошибки, съ послѣдствіями которой питомцамъ приходится расплачиваться крупной монетой, какъ въ переносномъ, такъ и въ буквальномъ смыслѣ.

Для всякаго корпоративнаго учрежденія, какъ и для отдѣльнаго человѣка, въ знаменательные дни юбилеевъ вполнѣ естественно сдѣлать короткую передышку, оглянуться назадъ и подсчитать итоги своей дѣятельности. Волынская семинарія заслужила неоспоримое право съ чувствомъ отрады и нравственнаго удовлеворенія смотрѣть на пройденный періодъ жизни. Правда, не мало горя и бѣдствій пришлось перенести предшествующимъ поколѣніямъ; не въ роскоши здѣсь проводятъ свои годы ученія и теперь. Но когда трудный путь конченъ, невзгоды и лишенія его какъ-то забываются, и на общемъ фонѣ съ наибольшею чуткостью выступаютъ свѣтлыя, положительныя стороны жизни. Взять хотя бы внѣшнюю обстановку: куда какъ неприглядна она была, а попробуйте-ка, припомните курьезы, въ свое время стоившіе, быть можетъ, слезъ—и они все-таки не вызываютъ злости или ненависти къ шлолѣ, въ которой прошли лучшіе годы жизни. Напомните почтенному, сѣдовласому волынскому іерею, какія нѣкогда предпринимались экскурсіи по кременецкимъ горамъ, сколько молока и простокваши съѣдалось у хуторянина, какъ хорошо бесѣдовалось въ дружескомъ товарищескомъ кружкѣ, расположившемся какъ попало на скошенной травѣ, назовите ему „тарпейскую скалу" или „швейцарскую долину" (такъ семинаристы называли каменный утесъ и лужайку)—онъ расцвѣтетъ улыбкой, глаза засвѣтятся молодымъ блескомъ. А попробуйте напомнить іерею последующаго поко-

лѣнія шумныя рекреаціи недавнихъ временъ, когда вся семинарія, съ оркестромъ во главѣ, восходила на одну изъ кременецкихъ горъ и располагалась здѣсь временнымъ лагеремъ: воздухъ оглашался чудными мелодіями украинскихъ пѣсенъ, подъ звуки собственнаго оркестра затѣвались даже танцы, уничтожалась или сглаживилась рѣзкая обособленность преподавательской корпораціи отъ ученической среды—въ какой восторгъ придетъ вашъ собесѣдникъ при этихъ воспоминаніяхъ.

Несомнѣнно, что неблагопріятная внѣшняя обстановка не помѣшала семинаріи съ честью выполнить свою воспитательную и образовательную задачу. Можно заранѣе предсказать, что въ хорѣ юбилейныхъ привѣтствій основнымъ мотивомъ будетъ слѣдующій: семинарія была передовымъ оплотомъ православія въ окатоличенной окраинѣ, была пріютомъ и разсадникомъ православной науки и просвѣщенія среди католическихъ вліяній, дала борцовъ противъ инославной пропаганды. Не отрицая важныхъ заслугъ семинаріи въ указанномъ отношеніи, мы хотѣли бы поставить на одинаково-почтенное мѣсто еще одну важную заслугу семинаріи; жаль будетъ, если объ этой заслугѣ не вспомнятъ, если ее пройдутъ молчаніемъ. Въ чемъ же эта заслуга.

Школа, какъ извѣстно, кладетъ неизгладимый отпечатокъ на духовную физіономію своихъ питомцевъ; въ школѣ вырабатываются первыя и главныя основанія той программы, которую впослѣдствіи ея питомецъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, проводитъ въ жизнь. Поэтому о заслугахъ волынской семинаріи лучше всегда судить по основному характеру дѣятельности мѣстнаго духовенства.

На Волыни до самаго послѣдняго времени даетъ себя чувствовать аристократическій складъ общественной жизни, перешедшій по наслѣдству изъ Польши, гдѣ отечество было раемъ только для магната и адомъ для холопа. Заносчивый шляхтичъ и доселѣ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относится къ поляку-кмету и малороссу-простолюдину. Западно-русское православное духовенство въ эпоху Рѣчи Посполитой тоже принадлежало къ тѣснимой сторонѣ. Когда Волынь перешла подъ власть Россіи—государства православнаго, духовенство вышло изъ под-

невольнаго положенія. Старая рознь между шляхтичемъ и холопомъ осталась; являлся вопросъ, къ какой же партіи пристанетъ духовенство? Не примкнетъ ли оно къ шляхтѣ, не сдѣлается ли однимъ изъ слоевъ его? Нѣтъ, духовенство не сдѣлало этого, не порвало своей кровной связи съ простымъ народомъ, а стало въ первыхъ рядахъ его твердо и безповоротно—за нѣкоторыми печальными исключеніями (къ сожалѣнію, теперь все болѣе увеличивающимися). Мы считаемъ одной изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ дѣятельности волынскаго духовенства именно его связь съ сермягой, съ простолюдиномъ. А между тѣмъ было столько заманчивыхъ поводовъ войти въ дружбу, хотя бы путемъ сдѣлокъ съ совѣстью и цѣною униженій, съ вельможнымъ паномъ, особенно въ эпоху крѣпостного права. Отъ пана зависѣло дать или не дать попу рабочихъ въ горячее лѣтнее время, панъ могъ подарить и лѣску, и сѣна, и хлѣба. При всѣхъ этихъ искушеніяхъ волынскій священникъ остался на высотѣ пастырскаго призванія. Если панъ притѣснялъ крестьянъ, священникъ нерѣдко начиналъ съ нимъ безкорыстную борьбу и отстаивалъ интересы слабой паствы до послѣдней возможности, навлекая на себя много непріятностей. Это въ особенности приходится сказать о 50-хъ гг., когда помѣщики отлынивали отъ точнаго соблюденія инвентарныхъ правилъ. Однимъ словомъ, духовенство на доброе дѣло истрачивало то значеніе, которое принадлежало ему въ силу его положенія. Вообще въ общественной жизни волынскаго края за истекающее столѣтіе на долю духовенства выпала почетная роль: оно стояло за слабыхъ и худородныхъ, защищало и печаловалось за нихъ. И громадную хвалу слѣдуетъ отдать той школѣ, въ которой былъ заложенъ фундаментъ такой высокой христіанской дѣятельности.

Константинъ Храневичъ.

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ [1]).

Въ исходѣ первой четверти XVII ст. кіевское Заднѣпровье, несмотря на значительное развитіе свое въ теченіе болѣе 50 лѣтъ, по прежнему составляло часть обширнаго повѣта, оффиціально называемаго „кіевскимъ", и обнимало до 1250 кв. миль. Это огромное пространство, представлявшее значительныя отличія уже въ топографическомъ отношеніи, фактически разбивалось на нѣсколько меньшихъ областей. По возстановленіи разрушеннаго Переяслава и присоединеніи къ его замковому округу участковъ, тянувшихъ въ литовское время къ округамъ кіевскому, каневскому и черкасскому, возникла новая область, дѣлившаяся въ свою очередь на два округа: переяславско-лубенскій на сѣверо-западѣ и миргородско-полтавскій на юго-востокѣ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени въ кіевскомъ Заднѣпровьи образовалось восемь фактически существовавшихъ, неоффиціальныхъ округовъ, изъ которыхъ четыре находились въ сѣверной, лѣсной сторонѣ и четыре—въ южной, степной. Теченіе Трубежа отошло отъ кіевскаго замка къ Переяславу. Заднѣпровскій округъ любецкаго староства обнималъ около 40 кв. миль; узкая полоса по Днѣпру, отошедшая послѣ 1566 г. отъ чернобыльскаго замка и принадлежавшая главнымъ образомъ кіево-печерскому монастырю—до 40 кв. миль; тянувшая собственно къ Кіеву полоса—до 60 кв. миль, а весь округъ, со-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

ставлявшій нѣкогда остерскую волость, съ уменьшающимся постоянно староствомъ—235 кв. миль. Южнѣе, къ Каневу тянула полоса па лѣвомъ берегу площадью не болѣе 10 кв. миль; къ Черкасамъ — широкое побережье Днѣпра отъ Супоя до Орели (около 200 кв. миль) и теченіе Орели (слишкомъ 180 кв. миль). Теченіе Самары уже не зависѣло отъ Черкасъ и принадлежало запорожскому козачеству. Изъ упомянутыхъ выше округовъ, отошедшихъ отъ Кіева къ Переяславу, переяславско-лубенскій, пространствомъ до 330 кв. миль, обнималъ теченія Трубежа, Супоя и среднее и верхнее теченіе Сулы, а миргородско-полтавскій (225 кв. миль)—часть теченія Псла и Ворсклы.

Географическо-статистическое обозрѣніе кіевскаго Заднѣпровья въ концѣ первой четверти XVII в. можетъ быть основано лишь на данныхъ, которыя должны быть признаны минимальными, такъ какъ данныя эти относятся къ эпохѣ оживленной колонизаціи, когда въ оффиціальныхъ спискахъ часто не показывались не только дымы, но даже цѣлые поселки, сидѣвшіе на „волѣ". Начнемъ нашъ обзоръ съ сѣвера.

Староство любецкое обнимало двѣ волости: лоевскую (лоевогорскую) съ сѣвера и собственно любецкую съ юга. На лѣвомъ берегу къ староству принадлежало до 60 кв. миль. Центромъ области былъ замокъ и городъ Любечъ. Инвентарь 1606 г. (рук. изъ скарб. книгъ подъ № 669) уже даетъ о немъ подробныя свѣдѣнія. „Замокъ и мѣстечко Любечъ отъ Днѣпра въ 4 или пяти гонахъ на горѣ, а озеро въ 100 гонахъ отъ Днѣпра; предмѣстье подъ самой замковой горой отъ Брагина". Двое воротъ, главная улица длиною малымъ больше, чѣмъ на стрѣльбу изъ лука, рынокъ очень малъ, къ нему три малыя улицы. По обѣимъ сторонамъ 15 лавокъ, отъ нихъ дорога къ замку черезъ мостъ, на которомъ взводъ о двухъ цѣпяхъ. Въ замкѣ ворота и не малая вежа (башня) въ два этажа, выстроенная въ двѣ стѣны. Вправо отъ вежи двѣ городни съ палисадами въ двѣ стѣны, на низу срубъ и другая вежа. Слѣва также двѣ городни отъ рѣки и озера и при нихъ жилыя постройки. Далѣе новыя двѣ городни съ палисадами до другой двухъ-этажной башни и около этихъ городенъ 5 городскихъ коморъ внизу.

Гора отъ замка раздѣляетъ городъ; видно, она скопана, такъ какъ кругла со всѣхъ сторонъ. При замкѣ на той же горѣ мѣщанскихъ домовъ 28, двѣ церкви и 60 домовъ шляхетскихъ, боярскихъ, поповскихъ и замковыхъ слугъ. Валъ идетъ отъ кіевскихъ воротъ и острогъ на немъ до брагинскихъ воротъ, что внизу у конца замковой горы, далѣе острогъ поднимается по горѣ къ замку, далѣе внизъ къ городу и затѣмъ валъ съ острогомъ доходитъ до кіевскихъ воротъ. Въ предмѣстьяхъ, за воротами кіевскими и брагинскими, мѣщанскихъ домовъ 202, боярскихъ 8. Бояръ съ черемисами всего 35 службъ.—Въ концѣ первой четверти XVII ст., встрѣчаемъ болѣе точныя данныя о самомъ староствѣ любецкомъ и его округѣ (люстраціи 1616 и 1622 г. въ V т. Źr. dz., тарифы 1628 г. тамъ-же, т. XX и Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I). Въ 1628 г. въ самомъ Любечѣ отмѣчено дымовъ 60, убогихъ 40, ремесленниковъ 6, поповъ 2; въ 1616 г.—дымовъ 276, а бояръ любецкихъ лишь 28 коней, но за то увеличилось число селъ, тянувшихъ непосредственно къ замку. Въ волости лоевогорской (1616 г.), близъ литовской границы, упомянуты Поповцы на Зачесаркѣ, притокѣ Днѣпра (18 дымовъ); южнѣе, въ дельтѣ Днѣпра и Сожа, Абакумы (11); за устьемъ Сожа, на Днѣпрѣ Каменское (5); на правомъ берегу Замглая, притока Сожа, Познаховичи или Позноцалы (18). Тамъ же земли боярскія: Ярыловичи въ дельтѣ Сожа и Намыльной и, быть можетъ, „земля Снятинская на островѣ Суховисскомъ“ (Суховирскомъ на Вирѣ?). Въ любецкой волости непосредственно замку принадлежатъ села: Лопатни на Днѣпрѣ (дымовъ 9), Грабовъ между болотомъ Замглаемъ и Опаристымъ (10), Бильдухи или Белдники близъ Любеча (39), наконецъ Губичи на Ворзнѣ у Днѣпра (9). Гораздо болѣе значительная часть любецкой волости принадлежитъ уже на военномъ правѣ боярамъ и землянамъ, которымъ розданы были многочисленные острова, земли и пр. при Сигизмундѣ Августѣ вслѣдъ за уніей и затѣмъ при Сигизмундѣ III. Большинство этихъ мелкихъ владѣній утратили или измѣнили свои имена, что затрудняетъ топографическій обзоръ. Нѣкоторые участки получили названія по именамъ владѣльцевъ, и это позволяетъ иногда оріентиро-

ваться въ топографической номенклатурѣ. Такъ, напр., выше Любеча, между Днѣпромъ и болотомъ Опарыстымъ, упоминается „пашня Юшковская“ съ „островами“ Зарѣцкимъ, Радутовскимъ и др. (поздн. Радуль), отданная Сигизмундомъ III Заньку Нахыбѣ, сыновья котораго называютъ себя Зарѣцкими; нѣсколько южнѣе „земля пашня Сирхова“, полученная предкомъ Сѣрховскихъ (Сѣрховецкихъ) отъ Сигизмунда-Августа; „земля Матковская и пашня Сирховская“, отданная Сигизмундомъ III Татаренкамъ Михновичамъ (поздн. Татаринъ?); на сѣверо-востокъ отъ Любеча „земля Моравельская“ отдана Гаштольдомъ предку Сѣмаковичей, именующихъ себя теперь Злобицкими (?),—очевидно, это позднѣйшія Симаки; далѣе „земля Котежинская“ Петрушенковъ (поздн. Петраши?); южнѣе „селище Гальковъ держанія Зохличей“ и друг.; на верхнемъ теченіи Ворзны „земля Росудовская“, пожалованье Сигизмунда-Августа, какъ и Гальковъ; потомки пожалованнаго называютъ себя Розсудовскими и владѣютъ въ 1628 г. Мысами на Днѣпрѣ, Голенищами и Неданчицами (всего 6 дымовъ, 2 огор., 2 мельн.). Къ востоку отъ Розсудова „земля Щуковская“ Корольковъ Масловичей, пожалованная еще Гаштольдомъ (поздн. Корольчицы), „земля Сельчанская“ Тарасовичей (поздн. Тарасовичи); на нижней Ворзнѣ „земля Газаницкая“ Козловъ, пожалованье Сигизмунда-Августа (поздн. Козлы), и далѣе близъ Днѣпра „земля Неданчицкая“ Грысичей (Неданчинскихъ). На пограничьи съ черниговской и остерской волостями встрѣчаемъ „землю Пероцкую“, отданную Сигизмундомъ-Августомъ Рыбчицамъ или Рѣпчицамъ и Даничамъ (Пероцкимъ),—впослѣдствіи сс. Рѣпки и Даничи. Въ 1628 г. Пероцкъ имѣетъ лишь 8 огородниковъ. Южнѣе на Бѣлоусѣ (прит. Десны) „островъ Листвинскій и селище Дулебы“ любецкихъ бояръ Пушкаренковъ. На Свишинѣ „земля Кувичицкая“ и пр., пожалованье Сигизмунда-Августа предкамъ Кувичицкихъ, урочища р. Должика и др. Южнѣе „земля Маковоская“ Тупичей (поздн. Тупичовъ); наконецъ, на верховьи Пакулки „земля Обеймицкая“ съ селищемъ Плеховымъ разныхъ „участниковъ“ и урочище Борокъ. О другихъ мѣстностяхъ не упоминаемъ.

По тарифу 1628 г. во владѣніяхъ кіево-печерскаго монастыря (заднѣпровская полоса быв. чернобыльскаго округа) села: Мнѣвъ—5 дымовъ, 3 огородника; Навозъ—12 д., 6 огор., 5 убогихъ, 1 попъ; Сорокошицы—6 д., 2 огор., 1 уб.; Глѣбовъ—6 д., 2 огор., 1 уб.; Ошытковичи—7 д., 2 огор.; Новоселки днѣпровскія—4 д., 1 огор., Тарасовичи—5 д., 2 огор., 1 уб.; Своромль—7 д., 5 огор., 5 уб. Прибавилось лишь одно поселеніе—Пакулка на р. Пакулкѣ, съ 3 д. и 3 огор.

На нижнемъ теченіи Десны, тянувшемъ непосредственно къ Кіеву, пространствомъ до 20 кв. миль, вмѣстѣ съ побережьемъ Днѣпра и до лѣваго берега Узолоча, владѣнія того же монастыря: Новоселки десенскія (5 д., 3 огор., 2 уб., 1 попъ); Дубечны—5 д., 4 огор. и новая „слобода", на лѣвой уже сторонѣ Десны, Пухова съ 4 д. и 4 огор. Монастырю пустынскому принадлежалъ поселокъ „Десна" (Никольское) съ 5 д. и 1 огор. Митрополичьи владѣнія на Деснѣ, Погребы, Зазимье и др., не упомянуты въ современныхъ актахъ. На Днѣпрѣ, нѣсколько выше Кіева, встрѣчаемъ новое замковое поселеніе Милославичи, отданное въ 1613 г., вмѣстѣ съ р. Супоемъ и островомъ Муравцемъ, въ доживотье городничему кіевскому Стан. Вигурѣ (откуда поздн. Вигуровщина) и состоявшее еще въ 1622 г. на „волѣ". Княжичи никольскаго монастыря (1628 г.) лежатъ впустѣ, какъ, повидимому, и сосѣдніе Бортники и „грунтъ" Дарница; далѣе по Днѣпру главныя озера (Затонъ, Рѣчище) съ рыбными уходами находятся при владѣніи выдубицкаго монастыря Осокоркахъ (1616 г.). Наконецъ, въ Гнидынѣ (Хмидынѣ) на р. Узолочи, принадлежавшемъ печерскому монастырю, числилось въ 1628 г. 4 дыма, 5 огор.; въ Вишенкахъ—4 д., 2 огор.

Остерское староство, обнимавшее къ концу XVI в. болѣе 85 кв. м., въ началѣ XVII ст. уменьшилось до такой степени, что къ замку тянулъ лишь городъ Остеръ и новое поселеніе Бобровица. Въ 1616 г. староство не имѣетъ ни села, ни фольварка, почему, какъ замѣчаютъ люстраторы, необходима для него помощь со стороны короля и Рѣчи Посполитой, въ виду важности положенія его по дорогамъ изъ Путивля и Чернигова къ Кіеву. Въ г. Острѣ платящихъ дань мѣщанскихъ домовъ 184,

бояръ 98, козаковъ, насильственно занявшихъ свободные мѣщанскіе дома, 40 и 4 мельницы о 12 камняхъ. Далѣе по Деснѣ „Выпелзновъ“ (Выползовъ) о 12 дымахъ, во владѣніи Олешковъ, с. Ялменки, старый и новый поселки, Курганы и Беременицкое о 10 дымахъ, во владѣніи Вьельгорскихъ, которые устроили на этомъ грунтѣ мѣстечко Ялменки, имѣвшіе въ 1616 г. 70 дымовъ; Крогаевъ съ 10 „давними людьми“ въ держаніи Плихтовъ. Ниже лежащее с. Боденки, съ урочищами Провалье, Назарово, Борки, Выдрица, Убожицъ и Блиновъ на р. Деснѣ о 9 „службахъ потяглыхъ“, „обезлюдѣвшее вслѣдствіе украиннаго опустошенія“, принадлежитъ Яловицкимъ, а Лѣтковцы, Большіе и Малые, отняты у нихъ Аксаками. Въ Б. Лѣтковцахъ числилось 5 тяглыхъ подданныхъ, 12 куничниковъ, бояръ 12 коней; въ М. Лѣтковцахъ или Колѣнцахъ 4 тяглыхъ. Еще ниже по Деснѣ „городище“ Рожны (Рожиновъ), у самой границы староства остерскаго съ кіевскимъ округомъ, достались въ 1575 г., вмѣстѣ съ значительною частью остерскаго староства, самозванцу, боярину Юрію Рожновскому, выдавшему себя за потомка князей Половцовъ изъ Сквиры Рожиновскихъ, древнѣйшихъ, яко-бы, владѣльцевъ этихъ земель; въ 1609 г. перешло отъ него къ Аксакамъ, противъ которыхъ съ 1613 г. выступили Яловицкіе, получившіе на это имѣніе королевскую жалованную грамоту. Въ 1628 г. Рожнами (6 дымовъ, 4 огор.), вмѣстѣ съ сосѣдней Дымеркой (2 д., 3 огор.) владѣетъ, въ числѣ другихъ, Марьянна Глѣбовичева кн. Корецкая. Около Боденковъ, на правомъ берегу Десны, Жукинъ Жукинскихъ имѣлъ въ 1628 г. 8 дымовъ. 2 огор.; Воропаевъ, принадлежавшій Стрибыламъ—7 д., 6 огор. Принадлежавшей ранѣе къ кіевскому замку Лютовой на Деснѣ выше Остра (2 огор.) владѣютъ въ это время уже Проскуры Сущанскіе. Далѣе, на правомъ берегу Дѣсны владѣнія кіевскихъ бискуповъ, тянувшіяся до черниговской границы; въ безспорномъ владѣніи ихъ находилось лишь с. Коропъ (9 огор.), такъ какъ Моровскъ былъ отнятъ еще въ 1594 г. къ Москвѣ и возвращенъ въ 1619 г. лишь по присоединеніи Черниговщины. Грунтъ Лукаревскій („островъ и боръ“) на лѣвомъ берегу Десны отданъ еще въ 1560 г. остерскимъ боярамъ Бѣликамъ,—отсюда и имя

позднѣйшаго поселенія Бѣлики. По сосѣдству съ послѣдними рядъ подобныхъ же боярскихъ грунтовъ, розданныхъ послѣ уніи самими старостами остерскими (Ратомскими). Таковы: Махница, доставшаяся въ 1583 г. воеводѣ Барановскому, Олбень—въ 1602 г. воеводѣ Грегоровичу, Озера у Десны—въ 1612 г. Яр. Броновицкому, Гаденовщина (Надиновка), у грунта Махницы, между Десной и Смолянкой—тогда-же Орловскому. „Почавши отъ Лютовы старыя остерскія границы идутъ р. Десной до р. Смолянки... Смолянкой до р. Остра и Остромъ внизъ до устья р. Дѣвицы и потомъ Дѣвицей до верховья ея у могилы Лусты... оттуда до Иваницкаго рога, гдѣ плоскій курганъ". (Арх. Ю. З. Р., VII. I, 345). По теченію Остра, къ востоку отъ замка, земля Козельцы только теперь начинаетъ заселяться; на притокѣ Остра Кобызчѣ, гдѣ въ 1597 г. находился грунтъ Уколъ, пожалованный Курцевичамъ, возникла Кобыздь. Грунтъ Козаръ выше по Остру до Смолянки переходитъ изъ рукъ въ руки: въ 1595 г. пожалованъ Ермолѣ Ходкевичу, въ 1603 г.—Песочинскимъ, въ въ 1611 г.—Олешкамъ, Мрынъ на Острѣ отданъ боярамъ Гирамъ; Носовка, южнѣе Мрына, отдавалась въ держаніе разнымъ боярамъ (въ 1594 г. Середамъ, въ 1596 г. Бѣликамъ и т. д.), вошла затѣмъ въ составъ владѣній самозваннаго кн. Рожиновскаго, а въ 1622 г. находится уже во владѣніи Аксаковъ. Дѣвица, восточнѣе Носовки (поздн. Володкова Дѣвица) на р. Дѣвицѣ (Новый Потокъ?), въ 1580 г. досталась Толкачамъ. Отъ плоскаго кургана по верхнему теченію Дѣвицы, гдѣ еще въ 1594 г. бояре обязаны были держать пограничную сторожу, граница староства направлялась къ югу „Иваницкой дорогой до впаденія Свидовца въ Супой" и затѣмъ внизъ Супоемъ до Володовой могилы. На востокъ отъ этой границы, по теченію верхняго Остра и притоковъ Сейма, тянулись пустоши, которыя начали заселяться лишь по присоединеніи Черниговщины съ Новгородъ-Сѣверскомъ. Въ южной полосѣ остерскаго староства до кіевской границы (линія р. Плоской Руды, притока Трубежа, верхней Басанки, Лисьей Долины, прит. Недры и до Волотовой могилы на верхнемъ Супоѣ) въ 1625 г. встрѣчаемъ лишь одно замковое мѣстечко Бобровицу (Бобровница) на рѣкѣ того же

имени, притокѣ Трубежа, основанное въ 1600 г., а въ 1616 г. имѣвшее уже 107 „домовъ осѣдлыхъ“ (Арх. Ю. З. Р., VII, I, 303), хотя въ тарифѣ 1628 г. показано тамъ всего 16 дымовъ и 8 огородниковъ; изъ позднѣйшихъ многочисленныхъ старостинскихъ слободъ теперь можно указать развѣ на Заворичи на Трубежѣ. Свитыльновъ на той же рѣкѣ и вновь возникшая Рудня на Данильвѣ, отошедшія отъ староства къ самозванцу Рожиновскому, становятся яблокомъ раздора между Еловицкими и Аксаками. Въ 1628 г. ихъ держатъ Аксаки, причемъ въ Свитыльновѣ показано дымовъ рыночныхъ 5, уличныхъ 8, убогихъ 22, въ Руднѣ—3 дыма. Впослѣдствіи тутъ возникаетъ особая волость площадью свыше 10 кв. миль. Къ востоку отъ Свитыльнова, по теченію Басанки и Недры, внѣ границъ собственно остерскаго староства, басанская волость пространствомъ до 7 кв. миль, доставшаяся послѣ разныхъ перипетій въ 1593 г. извѣстному кіевскому роду Ходыковъ Криницкихъ. Изъ поселеній этой волости въ 1628 г. упомянуты Басань Старая на Басанкѣ (дымовъ 7, огор. 8) и новое мѣстечко Басань на Недрѣ (20 д., 40 огор.).

Южнѣе остерскаго староства въ первоначальныхъ его границахъ тянулась по Трубежу и Рудѣ до Днѣпра область, стоявшая въ болѣе близкой связи съ Кіевомъ и обнимавшая нѣсколько волостей, преимущественно частновладѣльческихъ. Такова волость гоголевская между Рудой и Трубежемъ и на верх-Старицней ѣ, площадью $7^1/_2$ кв. миль, принадлежавшая кн. Корецкимъ. Въ ней упомянуты въ 1628 г.: м. Гоголевъ (Хохоловъ) съ 6 домами и 5 огор.; Красне (Красиловка) съ 1 д. и 2 огор.; Плоска на Рудѣ съ 2 д. и 2 огор. и м. Русановъ съ 10 д. и 4 огор. и кромѣ того г. Старица. Далѣе на юго-востокъ, по верховьямъ Альты и по Трубежу, волость бориспольская (свыше 14 кв. миль) Жолкевскихъ (1610 г.), а затѣмъ Даниловичей (1630 г.). Въ ней упомянуты: г. Борисполь на Альтѣ съ 10 рыноч. дымами, 20 уличными, 40 убог., 3 ремесл. и 1 попомъ (1628 г.); г. Барышевъ на Трубежѣ—20 рын. дымовъ, 40 уличныхъ, 30 убог., 20 огор., 2 рем. и 1 попъ; поселенія Иванковъ на Альтѣ и Остролучи на Трубежѣ. По верхней Карани до

Днѣпра волость воронковская (свыше 10 кв. миль), принадлежавшая въ 1525 г. Лозкамъ подъ именемъ „земли Жеребятинской“, а въ 1628 г.—Олизарамъ. Здѣсь уже находимъ значительное число поселеній: Рогозовъ на Альтѣ, Воронково на Иквѣ, Процевъ на Павловкѣ и Сальковъ ближе къ Днѣпру; на Карани Жеребятинъ и Сотниковъ (Созниковъ). На Днѣпрѣ, противъ Триполья, Койловъ (1628 г.), вмѣстѣ со Стайками собственность кн. Корецкихъ. Ниже на Карани владѣнія пустынскаго монастыря лежатъ впустѣ (1628 г.), какъ и Княжичи поближе къ Кіеву.

Переяславское староство обнимало нижнее теченіе Трубежа съ притономъ Недрою, почти все теченіе Супоя, верхнее теченіе Золотоноши и р. Чумгакъ до впаденія въ Оржицу, т. е. пространство свыше 100 кв. миль. Переяславъ, воздвигнутый на старомъ пепелищѣ въ 1585 г., уже десять лѣтъ спустя, по свидѣтельству Э. Лассоты, представлялъ собою крѣпкій городъ; въ 1616 г. тамъ отмѣчено 300 домовъ мѣщанскихъ „послушныхъ“ и 700 козацкихъ. Староство не имѣетъ селъ, а лишь нѣсколько хуторовъ, занятыхъ большею частью козаками, которыхъ оказывалось больше, нежели „послушныхъ“ подданныхъ, но и мѣщане также имѣютъ свои части въ этихъ козацкихъ владѣніяхъ. Къ староству принадлежатъ мѣстечко Березань на Недрѣ и Яготинъ на Супоѣ—домовъ „послушныхъ“ 50 и козаковъ 50, сидящее еще на „слободѣ“ м. Гельмязовъ (Глемязовъ), основанное въ 1618 г. и имѣвшее въ разсматриваемую эпоху 40 домовъ „послушныхъ“ и 100 козацкихъ, и новоустроенный Быховъ (30 д. посл. и 25 козац.). Яблоновъ, поселенный годомъ ранѣе, на Оржицѣ, имѣетъ уже домовъ посл. 50 и козац. 30. Отъ 1622 г. имѣемъ списокъ всѣхъ селъ или хуторовъ, принадлежащихъ къ этому староству: Прыстромы, Волчково, Гланишово на правой сторонѣ Трубежа; Любаровъ, Скопцы, Войтово, Харково на Альтѣ; Ступпяки (Столпяги) на Карани; Каратула на Броваркѣ, къ востоку Стронова и Помоклое, южнѣе Юнище (Виннище), Городище и Цыбли; на Супоѣ с. Лисъ при Яготинѣ (Лѣсняки), далѣе Соснова, Денисова, Полежаи, Безпальцы, Калениково (Каленки); на Переводѣ Поповцы и нѣк.

др. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ въ 1622 г. числилось „подданныхъ послушныхъ“ 280, а козаковъ болѣе тысячи.

Къ югу отъ переяславскаго староства небольшая полоса по Днѣпру отъ устья Трубежа почти до устья Супоя (10 кв. миль) продолжала тянуть къ староству каневскому. Въ 1622 г. тутъ упомянуты поселенія: Леплявы, Кереберды (Келеберда) и Прохорово. Рѣшотки къ югу держали уже козаки, а Бубновъ съ 8 дымами принадлежалъ въ 1628 г. Балакирамъ.

Ниже устья Супоя по Днѣпру до Орели тянулась Черкащина, значительно уменьшившаяся теперь въ объемѣ благодаря пореходу земель въ частныя руки. Огромный „грунтъ Домонтовскій“ (10 кв. миль) на нижнемъ Супоѣ и по среднему теченіи Золотоноши, старое владѣніе „Черкашанъ“ кн. Домонтовъ Мошенскихъ, въ началѣ XVII в. уже раздробился. Въ 1628 г. Домонтамъ принадлежитъ только м. Домонтовъ на Днѣпрѣ (20 дым., 7 огор.); Песчанную на Супоѣ (д. 6, огор. 5) держатъ Олексичи Герановскіе, а Золотоношу (11 д. 4 огор.) пополамъ тѣ-же Олексичи (съ Антиповкой—3 д.) и Халаимы. Къ востоку отъ домонтовской волости, по нижней Золотоношѣ, Кропивной и Ирклѣѣ, пространство до 30 кв. м. можно назвать Ирклѣевской частью староства. Въ 1616 г. встрѣчаемъ здѣсь два мѣстечка сидящія на „слободѣ“: Арклѣй (Ирклѣй)—70 дом. посл., болѣе 300 коз. (въ 1622 г. д. посл. 50, коз. болѣе 400), Кропивну—30 д. посл. и 60 коз. (въ 1622 г. д. посл. 60, коз. болѣе 200) и слободу Богушевку на Золотоношкѣ (въ 1622 г. д. посл. 5, коз. 40) и нѣсколько хуторовъ поближе ко Днѣпру (1622 г.): Липовское, Желизково, Мутышино, Пищиково, Попово и Тараново (?).

У восточной грани переяславскаго староства вмѣстѣ съ ирклѣевскою частью, тянувшею къ Черкасамъ, на протяженіи 370 кв. миль находимъ Посулье, „Сиверу Сульскую“, нѣкогда пустынное владѣніе кн. Глинскихъ. Съ 1590 г. сторона эта досталась послѣ Байбузовъ кн. Вишневецкимъ. Почти три четверти этого пространства вошли въ составъ столь извѣстной Вишневеччины, представлявшей нѣчто въ родѣ удѣльнаго княжества. Условія возникновенія подобнаго владѣнія разъясняетъ

исторія эпохи, для географіи же достаточно указать на самый фактъ. Вишневеччина, тянувшаяся почти непрерывно, раздѣляла переяславскую и черкасскую королевщины пополамъ, обособляла миргородскій и т. д. округа отъ Переяслава и нарушала связь округовъ черкасскаго, кременчугскаго и др. съ ирклѣевскимъ. По актамъ 1618—1628 г.г. здѣсь насчитывается до 20 поселеній, въ томъ числѣ Лубны, Лукомль, Хоролъ, Лохвица, Роменъ, Прилука, Пирятинъ. Большинство этихъ поселеній, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ, еще слабо заселены [1]), но уже и въ эту пору недавно лишь осѣвшіе тамъ люди снимались съ мѣста и двигались далѣе вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни, какъ можно судитъ изъ приведеннаго уже акта 1618 г. (наст. ст., Апр., стр. 100).

Въ противоположность Посулью, пространство свыше 400 кв. миль между Псломъ и Хороломъ состояло въ первой четверти XVII в. почти сплошь въ королевскомъ владѣніи. Оно распадалось на три округа, изъ которыхъ южный тянулъ къ Черкасамъ, а два другіе къ Переяславщинѣ. Отдѣленные отъ Переяслава владѣніями Вишневецкаго, эти два округа постепенно слились въ одинъ (до 225 кв. м.), который можно назвать миргородско-полтавскимъ. Округъ по нижнему Пслу, кременчугскій или лучше сказать голтвянскій (до 60 кв. миль), тянулся отъ Днѣпра за устья Хорола и Голтвы. Здѣсь упомянуты: Кременчугъ (Керменчукъ) на Днѣпрѣ при впаденіи Кагамлыка,—въ 1590 г. еще простое урочище, гдѣ предполагалось устроить замокъ „для подавленія окраиннаго своевольства“; далѣе на Пслѣ Омельникъ, Манджала (Манжелѣй) съ 4 дымами въ 1628 г., Городище на „слободѣ“ съ 22 домами въ 1622 г.; у устья Голтвы м. Голтва (Олтва) на „слободѣ“ (въ 1616 г. дом. посл. 30, коз. 200; въ 1622 г. дом. посл. 20, коз. 230). Округъ миргородскій по среднему теченію Хорола и Псла обнималъ едва 80 кв. миль. Новооснованный г. Миргородъ на

---

[1]) Подробныя данныя о Вишневеччинѣ см. въ ст. А. М. Лазаревскаго: „Лубенщина и кн. Вишневецкіе“ въ Кіевск. Стар. 1896 г., янв.—мартъ. Перечень поселеній—мартъ, стр. 222—228. Н. М.

Хоролѣ имѣлъ въ 1628 г. дымовъ рыночныхъ 20, уличныхъ 40, лавокъ 60; далѣе упомянуты Хомутецъ и Камышинка на Хоролѣ, Бѣлоцерковка, Богачка и Сорочинцы на Пслѣ. Округъ или „трактъ“ гадяцкій по верхнему теченіи Псла съ притоками, пространствомъ до 90 кв. м., еще находится впустѣ, хотя самый Гадячъ упомянутъ уже въ концѣ XVI в. Здѣсь въ 1622 г. показана лишь новая слобода „на сарскомъ городищѣ“ съ 10 домами, на Пслѣ, тянувшая однако къ Черкасамъ (Zr. dz., V, 133).

Пространство въ 280 кв. миль по теченію Ворсклы по прежнему представляетъ область почти исключительно охотничьихъ уходовъ. Но верхнее теченіе Ворсклы и земли по Мерлѣ и Коломаку, верховья Сулы и Псла уже отошли къ Москвѣ. Нижнее теченіе Ворсклы отъ Днѣпра до сенжарскаго перевоза на перекопскомъ „шляхѣ“ осталось за Черкасами. Здѣсь владѣютъ грунтами по Ворсклѣ Проскуры Сущанскіе, Байбузы, Лучкевичи, Добранскіе. „Сиверомъ“ по Ворсклѣ ниже Санжаръ и татарскаго шляха владѣетъ на ленномъ правѣ шляхтичъ Василій Меленинъ, потомки котораго уступаютъ впослѣдствіи свои права Потоцкимъ. Округъ по средней Ворсклѣ съ притоками Кагамлыкомъ и Коломакомъ, до 60 кв. миль, присоединенный къ переяславскому староству, составлялъ какъ-бы дополненіе миргородскаго округа, отдѣленнаго владѣніями Вишневецкихъ. Его можно назвать полтавскимъ. Тутъ упоминаются лишь уходы, „сиверы“, Полтава едва возникаетъ, въ Глинщинѣ также встрѣчаемъ только городища, могилы и уходы.

По Орели въ 1628 г. точно также упоминаются исключительно уходы и ни одного прочнаго населенія, а землями по Самарѣ владѣютъ запорожцы.

Вторая четверть XVII в. была для заднѣпровской Украины временемъ наивысшаго развитія колонизаціи и хозяйственнаго разцвѣта. На прежнихъ пустошахъ возникаютъ новые поселки, а въ старыхъ селидьбахъ возростаетъ число жителей. Но сѣверная и южная полоса Заднѣпровья и въ эту пору представляютъ свои особенности. Округа любецкій и печерскій (чернобыльскій), лучше заселенные въ прежнее время, представляютъ

сравнительно мало перемѣнъ. Въ Любеччинѣ почти всѣ оставшіеся за короной „земли", „острова", „пашни" и пр. уже розданы въ частныя руки еще Сигизмундомъ-Авг. и въ началѣ царствованія Сигизмунда III. Владиславу IV оставалось лишь подтверждать пожалованія своихъ предмѣстниковъ, такъ что изъ его собственныхъ „наданій" извѣстно лишь одно селище Плехово на верхней Пакулкѣ (Zr. dz., V, 198—208).

Во владѣніяхъ кіевскихъ монастырей по Днѣпру и нижней Деснѣ также не встрѣчаемъ въ это время новыхъ поселковъ, Поближе къ Кіеву возникаютъ Бровары; кромѣ того въ картѣ Боплана отмѣчены Позняки, вѣроятно гнѣздо кіевскихъ бояръ того-же имени, которые уже въ 1570 г. имѣли „свою осѣдлость въ трехъ миляхъ отъ замка" (Zr. dz., XX, 7).

Въ остерскомъ староствѣ, столь бѣдномъ передъ 1625 г., является теперь (1636 г.) немало новыхъ поселеній. Таковы „новыя слободы": Новый Острецъ близѣ замка, Наденовщина при устьѣ Смолянки, Козелецъ, Козары и Ржавецъ на Острѣ, Калета и Семиполки южнѣе Козельца, Сухины, Мостова Слобода, Заворичи и Мокрецъ на Трубежѣ, новая Бобровица рядомъ со старой на Бобровицѣ, Ярославка на Сагѣ, Красиловка и Гадановичева. У Боплана отмѣченъ еще Свидовецъ къ востоку отъ Бобровицы, на истокахъ Супоя. Бояръ, обязанныхъ военной службой, насчитывалось въ 1636 г. до 70, въ томъ числѣ Барановскій, Бѣликъ, Гира, Гломазда, Козорогъ, Лапа, Лось, Пальчикъ, Серкезовичъ, Сырай, Шеметенко, Тетера. Людей служебныхъ шляхетныхъ, владѣвшихъ грунтами въ остерскомъ староствѣ, указано 22 чел., между которыми есть несомнѣнные выходцы съ запада, каковы Бачинскій, Яцковскій, Барановскій, Кашовскій, Крушинскій, Кривицкій, 2 Ольшевскихъ, 2 Орловскихъ, 2 Завадзкихъ, Трембицкій, а изъ мѣстныхъ Брановицкій, Хмура, Одановичъ, Курцевичъ, Пулькевичъ, Сачко, основатель Козельца, Соболевичъ, двое Жукинскихъ. Заднѣпровскія владѣнія кіевской р. к. епископіи значительно расширились послѣ возвращенія Чернигова и отдачи епископамъ Моровска. Изъ за Наденовщины епископы ведутъ споръ съ остерскими старостами (Zr. dz., V, 221). Затѣмъ, вся пустынная во-

сточная окраина, по верхнему теченію Остра и въ Посемьи вообще, постепенно отпадаетъ отъ остерскаго староства, къ которому тянула ранѣе.

До деулинскаго перемирія тамъ встрѣчались лишь промысловые уходы, вольные для жителей обоихъ государствъ, но послѣ возвращенія Чернигова и Новгородъ Сѣверска эта сторона оживилась, почему пришлось точнѣе опредѣлить границу между Кіевщиной и Черниговщиой. Разграничительной коммисіи 1638г. было вмѣнено принять за правило, что старыя поселенія принадлежатъ къ Кіевщинѣ, а возникшія при Сигизмундѣ III—къ воеводству черниговскому (Vol. leg., III, 947). Такимъ образомъ всѣ новыя поселенія отъ самаго Нѣжина, т. е. Борзна, Батуринъ и пр., были приписаны къ Черниговщинѣ. Принадлежность Нѣжина къ послѣдней была признана впрочемъ еще въ 1625 г.; Мрынъ на Острѣ, Коморовка на Моловѣ и Гальчинъ въ 1627 г. пожалованы черниговскимъ доминиканамъ, а Носовка и Киселевка (на Острѣ) въ 1659 г. Гуляницкому (Vol. leg., IV, 649), причемъ указано прямо, что эти мѣстности находятся въ черниговскомъ воеводствѣ.—Южная полоса остерскаго округа по прежнему оставалась во владѣніи Аксаковъ (волость свитыльновская) и Ходыковъ Криницкихъ (вол. басанская). Къ Свитыльнову теперь тянутъ: Бобрики и Рудня на Данильвѣ, Богдановка, Дымерка и Рожевка (1651 г. Оп. кн. Кіев. Ц. Арх., кн. 20, № 26). Басань, послѣ отца Ост. Дашковича, вмѣстѣ съ Быковымъ переходилъ изъ рукъ въ руки отъ Дублянскихъ къ кіевскимъ мѣщанамъ Кошколдовичамъ (1578 г.), отъ послѣднихъ—къ Кобызовичамъ Ходыкамъ (1593), назвавшихся Криницкими (отъ Криничъ на пр. бер. Днѣпра). Послѣ вмѣшательства въ дѣло о владѣніи этою полосою кн. Януша Острожскаго, старосты Переяславскаго (1605 г.), имѣніе раздѣлилось, Быковъ отошелъ къ староству, а за Криницкими осталась только басанская волость (В. Антоновичъ, Моногр., I, 198), которою они и владѣли вплоть до руины.

Значительнѣе перемѣны въ южной полосѣ Кіевскаго Заднѣпровья. Гоголевская волость (Плоска, Старица, Красиловка, Гоголевъ и Русановъ) переходитъ въ 1651 г. къ Аксакамъ (въ

1640 г. она принадлежала еще кн. Марьянпѣ Корецкой). Владѣльцы Борисполя Даниловичи основываютъ Трибуховку и Дударовъ между Броварами и Бориснолемъ (выпись изъ кн. кіев, трибунала, 1633 г.), на селищахъ Иваничи и Вольничи. Кромѣ извѣстныхъ уже ранѣе поселеній (Борисполь, Барышевъ, Иванковъ, Остролучи), въ бориспольской волости встрѣчаемъ теперь: Едловку, Рудницкое, Нов. Остролучи, Селище, Хлопковъ, Дерновку на правой сторонѣ Трубежа; Старицу, Сезанковъ, Пасѣчну на лѣвой; южнѣе, за Альтой — Глубокое. Кромѣ того, упомянуты Юрковцы или Юшковцы, Тебліевка, Жабокрики, Костино, нынѣ или исчезнувшія или измѣнившія имена (1631 г. Опис. кн. кіев. центр. арх. кн. 14, № 639; выпись 1631 г. изъ кн. кіев. триб.). Волость воронковская переходитъ отъ Лозковъ къ Олизарамъ Волчковичамъ и Красинскимъ. Къ прежнимъ поселеніямъ (Воронковъ, Жеребятинъ и др.) прибавились теперь Софіевка на Павловкѣ, Краснополь на Карани; еще въ 1640 г. упоминаются старинныя городища въ этой волости, Басурманское и Ярославское, а на Калаурахъ возникла даже въ 1629 г. „новоя слобода" Калауровская (Опис. кн. Кіев. Ц. Арх., № 17).

Границы переяславскаго староства, между Трубежемъ и Супоемъ, не измѣнились, но мѣстность стала люднѣе. Переяславъ, пользовавшійся магдебургіей, значительно поднялся. По свидѣтельству Боплана, это былъ въ ту пору одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ въ Украинѣ, имѣвшій до 6000 домовъ; тамъ стоялъ козацкій полкъ. Въ 1633 г. Владиславъ IV подтвердилъ привилегіи кор. Стефана и сверхъ того на вѣки освободилъ мѣщанъ отъ доставки селитры въ Кіевъ и явки въ обозъ, за исключеніемъ посполитаго рушенья, когда войтъ съ хоругвью обязанъ былъ выступить при королѣ конно и оружно. Былъ въ Переяславъ и іезуитскій коллегіумъ, основанный старостой Лукашемъ Жолкевскимъ; особая администрація по селитреннымъ угодьямъ, которыя сдавались въ аренду обыкновенно самимъ старостамъ, учреждена была еще со времени кн. Януша Острожскаго, каштеляна Краковскаго, „державцы администраціи селитръ украинскихъ" (Zr. dz., V, 221). Собственно къ

Переяславу тянули мѣстечки Березань, Быковъ и Яблоновъ, село Чумгакъ на притокѣ Оржицы Чумгакѣ, Крукполь на Недрѣ и Краснополь на Карани. Въ 1644 г. Чумгакъ уже именуется мѣстечкомъ (Вып. изъ кн. триб. кіев.). Кромѣ извѣстныхъ уже въ первой четверти XVII в. поселеній, Бопланомъ упомянуты еще: Искринъ на нижней Альтѣ, Козинцы на Трубежѣ ниже Переяслава, Козловъ, Лецки, Поголовское (Ѳергуны) на Броваркѣ, Хацки, Ташань и Жерноклевы на Супоѣ, Ничиповка у истоковъ Чумгака, Круподеринцы у его устьевъ, Денисовка, Савинцы и Золотухи на Оржицѣ.

Въ заднѣпровской части каневскаго округа послѣ 1625 г. перемѣнъ мало. Къ прежнимъ населеніямъ присоединилась лишь одна—Рѣшотки на Днѣпрѣ, которыя держали ранѣе козаки. Изъ-за Прохорова, ниже по Днѣпру, возникъ въ 1636 г. споръ между каневскимъ старостою Самуиломъ Лащемъ и ректоромъ переяславскаго іезуитскаго коллегіума Стан. Броновскимъ, который ссылался на даръ коллегіуму Лукаша Жолкевкевскаго, старосты переяславскаго, миргородскаго и пр. (Źr. dz., V, 220).

Значительно иначе обстояли дѣла на черкасскомъ побережьи Днѣпра, ниже Супоя. Въ Золотоношѣ къ 1645 г. уже числилось 273 „хозяйства", въ Песчаной 230, Домонтовѣ 243; мельницы этихъ поселеній имѣли 23 постава. Бопланъ упоминаетъ сверхъ того о Драбовцахъ на р. Золотоношѣ. Для ирклѣевскаго округа черкасскаго староства не сохранилось положительныхъ данныхъ о движеніи колонизаціи. У Боплана, кромѣ извѣстныхъ уже ранѣе, встрѣчаемъ: Панское на Днѣпрѣ, Самовица по близости и Крупское на р. Кропивной.

Для Посулья сохранилась подробная опись имѣній Іереміи Вишневецкаго, изданная Ал. Пжездзѣцкимъ (Podole, Wołyń, Ukraina. Wilno, 1841. I, 41—44), гдѣ состояніе этой стороны рисуется въ самомъ блестящемъ видѣ относительно численности населенія, сравнительно съ недавнимъ еще состояніемъ маетностей. Если и будетъ доказано, что данныя этого списка неточны, то реестры войска запорожскаго 1649 г. (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1876 г.) несомнѣнно подтверждаютъ, что къ концу

первой половины XVII в. побережья Сулы и его притоковъ перестали уже быть той пустыней, о которой говорятъ акты конца XVI в. [1]).

Миргородскій округъ почти выдѣлился уже изъ староства переяславскаго, почему и староство именуется переяславскимъ и миргородскимъ. Селитренное производство играло здѣсь еще бóльшую роль, нежели собственно въ Переяславщинѣ. Къ „селитренной администраціи“ принадлежатъ два главныя поселенія округа—Миргородъ и Полтава (еще на „слободѣ“). Привилегіей Владислава IV администраціи назначены „урочища“ для заселенія, т. е. мѣстечко Гадячъ съ окрестностями, а именно: Каменное на Пслѣ выше Гадяча, Сары, Рашова, Лютынка, Зиньковъ, Бѣльскъ и Глинскъ; всѣ эти урочища только начинаютъ заселяться въ 1636 г., а вслѣдъ за ними возникаютъ и другіе поселки. Колонизаціонное движеніе, какъ видно, ширилось независимо и въ ущербъ коронным владѣніямъ; люстраторы 1636 г. недаромъ указываютъ (намекая главнымъ образомъ на кн. Іер. Вишневецкаго), что возникло много новыхъ поселковъ на присвоенныхъ изъ коронпаго владѣнія земляхъ, и рекомендуютъ старостѣ какъ можно скорѣе озаботиться, возвращеніемъ захваченнаго (Zr. dz., V, 214 сл.). Современный поэтъ Андрей Морштынъ въ „Каникулѣ“ (1647 г.) характеризуетъ Ворсклу тѣмъ, что она „течетъ среди селитренныхъ гадяцкихъ селидебъ.“ Въ 1646 г. Гадячъ, пожалованной Александру Конецпольскому, былъ присвоенъ кн. Іереміей. Рогачка на Пслѣ и Бѣлоцерковка пожалованы въ 1650 г. Голубамъ. Изъ за стараго „сивера“ по средней Ворсклѣ, т. е. Глинщины съ городищами Глинскомъ и Бѣльскомъ, ведется въ 1640 г. споръ между Проскурами Сущанскими и кн. Іереміей, Анной Гербуртовой Жолкевской и Стан. Конецпольскимъ (Вып. изъ кн. кіев. триб.); между тѣмъ, эти самыя „городища пустыя“ еще въ 1632 г. пожалованы были въ собственность Мировицкимъ (Арх. Ю. З. Р., VI, I., № 151). Точно также „слобода пустая“ Полтава отдана въ 1630 г.

---

[1]) Не приводимъ здѣсь списка Пшездзѣцшаго, такъ какъ г. Лазаревскимъ возбуждены серьезныя сомнѣнія въ его достовѣрности. См. Лубенщина и пр., Кіев. Стар., 1896 г., Мартъ, 343 сл. Н. М.

Обалковскимъ (Кор. Метр., кн. 178, л. 29), а въ 1641 г. это уже городъ, принадлежащій Ал. Конецпольскому (Акты Ю. и З. Р., III, 54). У Боплана сверхъ того отмѣчены: на верхнемъ Пслѣ—Плешивецъ, Кнышевка и нѣсколько въ сторонѣ Олешня, Борки на Груни, Шивраки ниже Сорочинецъ, Балаклея ниж- Бѣлоцерковки; на Ворсклѣ Опошня выше Полтавы и далѣе, среди лѣсныхъ пущъ, даже Ахтырка. Укажемъ еще, что „владѣнія по р. Хоролу" въ 1649 г. были присуждены кн. Іереміи въ вознагражденіе за утраченный Недригайловъ на верхней Сулѣ (Vol. leg., IV, 286), а владѣнія „Гадяцкая и Миргородская" въ 1661 г. (временно) пожалованы Юрію Хмельницкому (тамъ-же, л. 766).

Не менѣе значительное развитіе колонизаціи замѣчается и въ черкасскомъ лѣвобережномъ округѣ по нижнему Пслу и Ворсклѣ и на Орели. Кременчугъ („нѣкогда мѣстечко") еше въ 1636 г. былъ „пустымъ полемъ" (Zr. dz., V, 226) во владѣніи Рудскихъ; Бопланъ засталъ здѣсь лишь развалины стараго замка (керменъ, керменчукъ) и въ 1635 г. намѣтилъ тамъ крѣпость; въ 1647 г. онъ именуется уже городомъ, во владѣніи Потоцкихъ (Опис. кн. Кіев. Ц. Арх., кн. 19. № 552). Въ 1639 г. Станиславу Потоцкому пожалована на ленномъ правѣ Максимовка на Быстрикѣ, западнѣе Кременчуга, слободки Бужинъ и Вороновка. Въ 1647 г. Потоцкимъ, кромѣ Кременчуга и Максимовки, принадлежали еще и другія поселенія (Опис. кн. Кіев. Ц. А., кн. 19, № 552; кн. 20, № 71), Кромѣ извѣстныхъ уже Власовки, Новаго Потока, Броварокъ, Омельника, Манджалы (Манжелѣя), Голтвы, Остапова, Рѣшетиловки, принадлежавшихъ къ королевскимъ имѣніямъ (въ 1640 г. ихъ держитъ Ст. Гурскій—вып. изъ кн. триб. кіев.), находимъ у Боплана Зайчинцы, Биляки, Радоловку, Зубаны, Федоровку на нижнемъ Хоролѣ и Градижскъ на Гирманѣ.

„Сивера" на нижней Ворсклѣ, отъ устья до Санжарскаго перевоза, принадлежавшая ранѣе наслѣдникамъ козака низоваго и землянина Омельяна Ивановича (пожалованье Сиг. Августа 1571 г.), теперь присуждена, очевидно ad male narrata, въ нарушеніе правъ владѣльцевъ, Станиславу Гурскому, позже

старостѣ кагарлыцкому. Въ 1643 г. Гурскій уступаетъ свои права на это имѣніе Немиричамъ, а потомки Омельяна Ивановича—Потоцкимъ. Верхъ одержали Немиричи, которымъ въ 1648 г. принадлежитъ весь кобеляцкій округъ. Здѣсь упомянуты: Переволочна, Кишинъ, Кобыляки, Бѣликовъ Бродъ, Санжаровъ (Чт. Общ. Нест. Лѣт., VIII, 86; опись кн. Кіев. Ц. А., кн. 21, № 9). Тѣмъ не менѣе, въ 1636 г. „Билиполь мѣстечко" и „Санджаровъ" указаны (Źr. dz., V, 224) какъ королевскія имѣнія, принадлежащія къ черкасскому староству.

Земли по Орели, находившіяся ранѣе въ пользованіи Орельскихъ и др., тоже достаются Ст. Гурскому, который повидимому уступилъ ихъ въ 1643 г. Немиричамъ разомъ съ нижнимъ теченіемъ Ворсклы. Немиричамъ принадлежатъ здѣсь: с. Орли (Орликъ), р. Орель съ Орчикомъ и Берестовой (Опис. кн. К. Ц. Арх., кн. 21, № 9). У Боплана отмѣченъ Константиноградъ (?) на притокѣ Орели Бурчакѣ.

Теченіе Самары неизмѣнно находится въ распоряженіи низоваго козачества, не смотря на устройство Кодацкой крѣпости.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. А. БЕРШАДСКІЙ.

(Некрологъ).

23 февраля вечеромъ въ С.-Петербургѣ, скончался проф. университета С. А. Бершадскій. Потеря его особенно тяжела для науки, потому что покойный С. А. принадлежалъ къ числу немногихъ даровитыхъ изслѣдователей литовско-русскаго права. Смерть постигла его въ періодъ наибольшаго развитія человѣческихъ силъ: ему было всего лишь 45 лѣтъ; онъ могъ бы еще долго работать съ пользой для избранной науки. Много вопросовъ для разработки было имъ намѣчено; нѣкоторые, обѣщавшіе быть весьма цѣнными, изслѣдованія и матеріалы даже начаты были печатаніемъ,—и все это теперь прервано неумолимымъ рокомъ. С. А. принималъ участіе и въ „Кіев. Стар.“, напечатавъ въ ней свое изслѣдованіе[1]).

С. А. Б—ій родился въ 1850 г. Предки его по отцу принадлежали къ духовному званію, предки по матери—къ козачеству. Семейныя преданія старины о жестокой борьбѣ козачества съ поляками и евреями и впечатлѣнія дѣтства, проведеннаго на югѣ Россіи, въ Елисаветградѣ и Керчи, возбудили въ немъ тѣ вопросы, разрѣшенію которыхъ была посвящена его короткая жизнь. Въ 1868 г. онъ окончилъ Керченскую гимназію, а въ 1872 г. Новороссійскій у—тъ, гдѣ и оставленъ былъ стипендіатомъ для приготовленія къ профес. званію по каѳедрѣ государств. права; руководство занятіями С. А. было поручено

---

[1]) „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ (1888 г. № 9—12).

проф. Пригарѣ; послѣ смерти его С. А. былъ командированъ въ Спб. доканчивать приготовленіе подъ руководствомъ проф. Градовскаго; тамъ онъ началъ чтеніе лекцій по энциклопедіи и исторіи философіи права сначала какъ приватъ-доцентъ, а съ 1883 г., по полученіи магистерской степени, какъ штатный доцентъ; кромѣ того, онъ преподавалъ энциклопедію права въ военно-юридической академіи и исторію русскаго права въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ; въ 1884 г. онъ былъ возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора, въ каковомъ оставался до конца своей жизни.

Ученые труды С. А. Б—аго могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1-я, бо́льшая, касается еврейскаго вопроса и 2-я, меньшая—вопросовъ литовско-русскаго права. Мы не будемъ касаться работъ С. А. по исторіи права, потому что они частью входятъ въ исторію евреевъ, напр. государственное и общественное устройство Литвы, финансовое управленіе ея и проч. (гл. V-я), частью еще только начаты, напр., по исторіи внутренняго устройства и правовыхъ отношеній Литовской Руси съ XIV по XVI в.—С. А. собралъ для этой работы очень цѣнный и многочисленный матеріалъ, издаваемый Спб. археографической коммиссіей и почти уже доведенный до конца, но изслѣдованія этого матеріала не успѣлъ сдѣлать.

Можно упомянуть еще напечатанный въ „Чтеніяхъ Москов. общ. истор. и древностей" его разборъ соч. М. Любавскаго: „Областное дѣленіе литовско-русскаго государства" и статьи въ Журн. Мин. Народ. Просв. „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому статуту". Въ 1-й группѣ наиболѣе важнымъ трудомъ является магистерская диссертація С. А. „*Литовскіе евреи*"—исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи (1388—1569 гг.).

Приступая къ изслѣдованію своего предмета, С. А. спрашиваетъ: „Въ чемъ сущность еврейскаго вопроса? Почему онъ живетъ до нашего времени? Почему евреи до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане? Въ чемъ причины натянутыхъ отношеній между евреями и не евреями на сѣверо и юго-западѣ нашего отечества? Въ чемъ сила еврейства? Гдѣ причины

его экономическаго преобладанія?“ [1]) С. А. не удовлетворился существующими готовыми объясненіями и отвѣтами на эти вопросы. Онъ ищетъ разрѣшенія ихъ въ наукѣ, потому что „современная наука, говоритъ онъ, гораздо осмотрительнѣе въ своихъ выводахъ и гораздо болѣе склонна тѣ или другія особенности соціальныхъ явленій ставить въ зависимости отъ условій, при которыхъ онѣ возникаютъ,—отъ степени культуры народа, его экономическаго развитія, характера собственности и т. п., чѣмъ отъ расовыхъ или поземельныхъ его свойствъ. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока психологія человѣка и психологія народовъ не станутъ на болѣе твердую почву, мы не имѣемъ права отыскивать темныя или свѣтлыя стороны національнаго характера въ физіологическихъ его особенностяхъ, а должны направить наши изысканія на историческую почву“. И С. А. Б—ій приступилъ къ собиранію историко-юридическаго матеріала, послѣ того какъ „изученіе русскаго законодательства и русской литературы о евреяхъ привело его къ убѣжденію, что для разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ необходимо захватить ихъ въ самый моментъ зарожденія“. Такимъ моментомъ изслѣдователь считаетъ XIV вѣкъ, когда „въ Литвѣ мы не встрѣчаемъ еще ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ“, ибо въ XV в.—„присутствуемъ при ея зарожденіи, видимъ причины, вызывающія ее къ жизни, видимъ мѣры правительства, способствующія ея укрѣпленію. Въ XVI в.—среди разлагающагося общества крѣпнетъ еврейское единство подъ сѣнію быстро водворившагося талмуда. Въ XVII в.—отдѣльный еврей растаиваетъ въ еврейскомъ единствѣ, подчиняется безусловно его непремѣнной волѣ. Около половины XVII в. еврейское единство достигаетъ своего апогея. Козацко-шляхетскія войны наносятъ ему жестокій ударъ: XVIII в. наполненъ борьбой между просыпающимся индивидомъ-евреемъ и вѣковою кагальною властью“.

Такова въ краткихъ словахъ исторія западно-русскихъ евреевъ, переданная нами словами самого изслѣдователя. Но для

[1]) Слова, обозначенныя кавычками, безъ указанія мѣста заимствованія, взяты нами изъ соч. и статей покойнаго С. А. Б—аго.

детальной разработки мало силъ одного человѣка, и С. А. ограничиваетъ свою задачу „открытіемъ первыхъ зачатковъ еврейской консолидаціи въ Литвѣ и уясненіемъ причинъ, вліявшихъ на ея укрѣпленіе и развитіе".

Для выполненія поставленной себѣ задачи С. А. собралъ два тома „Документовъ и регестъ къ исторіи евреевъ". Матеріалъ этотъ былъ извлеченъ имъ изъ книгъ литовской метрики и центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ и Вильнѣ и потребовалъ затраты 4-хъ лѣтъ усидчиваго труда. Онъ состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 1,000 актовъ; въ „документы и регесты" вошло до 700 актовъ; остальные послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ С. А. по еврейскому вопросу.

Собранный и изслѣдованный С. А. матеріалъ въ предѣлахъ его задачи, т. е. выясненія причинъ зарожденія и развитія еврейской консолидаціи, привелъ его къ слѣдующимъ выводамъ: Люблинская унія 1569 г. и вызванныя ею измѣненія въ общественной жизни служатъ временемъ перелома и въ жизни евреевъ. До Люблинской уніи, когда господствовала равноправность, личная и имущественная неприкосновенность, свобода совѣсти и религіозная вѣротерпимость, евреи сливаются съ массой христіанскаго населенія, не отличаясь отъ нея ни въ языкѣ, ни въ занятіяхъ ремеслами и земледѣліемъ; изданный въ 1495 г. великимъ княземъ Александромъ Казимировичемъ указъ о томъ, чтобы всю „жидову зъ земли вонъ выбити", является по мнѣнію С. А. актомъ „внезапнымъ", вытекавшимъ повидимому изъ религіознаго прозелитизма, а въ сущности вызванный желаніемъ пополнить княжескую казну конфискаціей еврейскаго имущества и способствовать развитію городовъ, устранивъ еврейскую конкуренцію. Въ 1503 году этотъ указъ самимъ же княземъ Александромъ былъ отмѣненъ, и евреямъ снова позволено было селиться въ Литвѣ. Послѣ Люблинской уніи условія жизни измѣнились: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя, преобладаніе шляхты и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили установившіяся спокойныя отношенія народностей въ Литовской Руси и внесли въ ея дальнѣйшую жизнь много печальныхъ явленій;

они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлей и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были, въ свою очередь, составить обособленную, изолированную отъ остальнаго населенія, группу, сплотиться въ своихъ общинахъ и вступить въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая вызвала страшный погромъ ихъ въ 1648 г. и позднѣйшія за нимъ и которая къ концу прошлаго столѣтія доставила, однако же, евреямъ побѣду надъ христіанами, и, какъ замѣчаетъ С. А.,—„въ рукахъ этого (т. е. еврейскаго) населенія находилась вся промышленность и торговля Литвы".

Яркимъ историческимъ примѣромъ этой же борьбы является трехвѣковая борьба виленскихъ мѣщанъ съ евреями, живо изображенная С. А. въ другомъ его трудѣ: въ „*Исторіи вилен. евр. общины*". Главные моменты этой борьбы изображены С. А. Б—мъ въ слѣдующихъ словахъ.

Великіе князья Литовскіе, подобно своимъ западнымъ сосѣдямъ, жалуя привилегіи на *магдебургское*, *любское*, *тротское* и *хелмское* право и устанавливая въ предѣлахъ города опредѣленныя ярмарки и базарные дни, въ то же время воспрещали производство торговли всѣми товарами, кромѣ сырья,—всѣмъ лицамъ, кромѣ мѣщанъ,—повсюду, кромѣ городовъ. Эти правила были равно обязательны для всѣхъ классовъ населенія, а потому волей-неволей приходилось покупать всякому и всѣ предметы обихода только въ городѣ и только у мѣщанъ. Естественно, что шляхта съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣла на мѣщанскія привилегіи. Отмѣнить совсѣмъ магдебургское право, шляхта, однако, не рѣшалась. Поэтому она выступаетъ не съ требованіемъ отмѣны этого права, а съ требованіями свободы торговли и промысловъ вообще. Монополіи отмѣняются въ Польшѣ конституціей 1567 г., а свобода торговли провозглашается на сеймѣ 1633 г.

Однако, законодательное признаніе этихъ великихъ принциповъ не должно вводить насъ въ заблужденіе—свобода должна была существовать только въ интересахъ шляхты.

Для осуществленія же этой свободы торговли и промысловъ нуженъ былъ готовый уже торгово-промышленный классъ, способный вступить въ борьбу съ магдебургскимъ мѣщанствомъ. Такимъ готовымъ элементомъ явились евреи. Они явились въ Литву не съ пустыми руками: съ ними денежные капиталы и вѣковой опытъ торгово-промышленной жизни въ культурныхъ странахъ Европы.

И въ то время, когда мѣщане, опираясь на свои привилегіи, не считаютъ нужнымъ справляться съ измѣняющимися теченіями общественной жизни, евреи постоянно зондируютъ почву, постоянно стараются связать свои интересы съ интересами преобладающихъ общественныхъ силъ. Такъ, въ 1593 г. они получаютъ привилегію, по ходатайству магнатовъ, для которыхъ поселеніе евреевъ и производство торговли въ принадлежащихъ магнатомъ домахъ, а равно и продажа этихъ домовъ, обѣщали значительные выгоды. Въ 1633 г. изъ-за евреевъ выступаетъ мелкая шляхта, получившая значеніе въ государствѣ. Въ 1549 г. евреи вступаютъ въ близкія отношенія къ монашескимъ орденамъ, въ руки которыхъ, съ обученіемъ шляхты и управленіемъ ея совѣстью, переходитъ и направленіе всей внутренней политики польско-литовскаго государства. Надъ тѣмъ, какія послѣдствія для городовъ произойдутъ изъ такого законодательства, шляхта не задумывалась.

На этомъ столкновеніи началъ монополіи и связанныхъ съ нею мѣщанскихъ обязанностей и началъ ничѣмъ неограниченной конкуренціи, коренятся всѣ перипетіи борьбы виленскихъ мѣщанъ съ виленскими же евреями. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, удивительно не то, что евреи водворяются въ Вильнѣ, а скорѣе удивительно, что водвореніе ихъ идетъ такими тихими шагами. Медленно отступаютъ мѣщане, защищая потерянное дѣло. Каждый шагъ уступаютъ они съ боя; но основы всей мѣщанской жизни г. Вильны были безповоротно подкопаны.

Кромѣ *Вилен.* евр. общины, С. А. далъ очерки по исторіи львовской и люблинской общинъ.

Отъ общихъ вопросовъ по исторіи литовскихъ евреевъ С. А. обращался и къ болѣе частнымъ; такъ, напр., онъ охарактеризовалъ двухъ братьевъ Езофовичей, Абрама и Михеля, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. Братья представляютъ собою рѣзкую противоположность, живо очерченную авторомъ. Характеристика Абрама Езофовича была сдѣлана С. А. послѣ появленія статьи объ этомъ лицѣ г. Вольфа. Невѣрность изображенія Езофовича, выдаваемаго г. Вольфомъ за еврея, и искаженіе другихъ фактовъ его жизни привели С. А. „въ глубокое изумленіе". Онъ рѣшился возстановить истину. Абрамъ Езофовичъ, по изслѣдованію С. А., хотя и былъ по происхожденію евреемъ, но очень рано, еще до изгнанія евреевъ изъ Литвы въ 1495 г., принялъ христіанство и при томъ не ради выгодъ, а по глубокому убѣжденію, о чемъ свидѣтельствуетъ его дальнѣйшая жизнь; постепенно повышаясь въ служебной іерархіи, Абр. Езоф. достигъ, наконецъ, высокаго поста земскаго подскарбія (т. е. министра финансовъ) въ вел. княжествѣ Литовскомъ и сдѣлался членомъ „Рады". Достигнувъ этого поста, онъ совершилъ крупную и полезную реформу земскаго скарба: „произвелъ объединеніе государствен. поступленій, устранилъ путаницу въ распредѣленіи суммъ, установилъ правильную систему расходованія; однимъ словомъ устроилъ для Литвы 16 в. единство кассы". Кромѣ того „онъ провелъ принципіальное различіе между государственными доходами вел. княжества и частными доходами вел. князя, замѣнилъ натуральные платежи денежными, передалъ судебные доходы въ руки вел. князя, упорядочилъ монетное дѣло, замѣнилъ систему откуповъ системою управленія". Однако, свои личные интересы Езофовичъ никогда не ставилъ на первый планъ: „онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою службу, жертвуя своими личными выгодами выгодамъ вел. князя,—какъ въ 1507 г. онъ отказывается отъ реализаціи въ свою пользу убыточныхъ для казны откуповъ, такъ точно въ 1519 г. онъ поступается вел. князю обезпеченіемъ своихъ долговъ на брестской таможнѣ, предпочитая вел.-кня-

жеское слово солидному реальному обезпеченію". Лучшей похвалой Езофовичу служатъ слова, сказанныя королемъ Сигизмундомъ въ день принесенія Альбрехтомъ Бранденбургскимъ ленной присяги: „вспомнили мы, говоритъ король, о доблести и талантахъ вельможнаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго,... который неустанно старался служить благу и своего государя, и вел. княжества Литовскаго.

Совершенно инымъ является братъ Абрама—Михель Езофовичъ. Онъ всегда былъ евреемъ, купцомъ и откупщикомъ таможенныхъ и всякихъ другихъ пошлинъ въ Литов. княжествѣ. Богатства его настолько были велики, что онъ могъ оказывать весьма цѣнныя услуги королевской казнѣ; за эти услуги король возвелъ Михеля въ шляхетское достоинство со всѣмъ его потомствомъ и назначилъ „*старѣйшиной*" всѣхъ литовскихъ евреевъ, предоставивъ ему право высшаго суда и ходатайства предъ королемъ по всѣмъ еврейскимъ дѣламъ. Не смотря на свое высокое положеніе, Михель, говоритъ С. А., „съ такимъ же упорствомъ, до послѣднихъ дней своихъ, отстаиваетъ всякую арестованную за промытъ „штуку" воску, съ какимъ обиженные ее отыскиваютъ". Но Михель не только дѣлаетъ обороты товарами, „онъ не прочь и отъ операцій, сильно напоминающихъ ссуды подъ пенсіонныя книжки; такъ напр., онъ получаетъ отъ короля право дѣлать ссуды офицерамъ королев. войска подъ обезпеченіе слѣдуемаго имъ жалованья".

Отъ изученія отдѣльныхъ лицъ въ еврействѣ С. А. обращался и къ изученію массы. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то странное явленіе, что, не смотря на собираніе и научную разработку миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ и проч. у всѣхъ европейскихъ народовъ и даже дикихъ племенъ другихъ частей свѣта, до сихъ поръ не сдѣлано собранія миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ въ средѣ еврейскаго народа, а между тѣмъ такое собраніе могло бы дать большой матеріалъ „для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи въ теченіе своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку„. Поэтому С. А. взялъ на себя трудъ изслѣдовать одну легенду объ

избраніи въ польскіе короли Шауля Юдича Валя изъ Бреста. Древнѣйшая форма этой легенды такова. Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались въ назначеный день для выбора короля. „По установившемуся обычаю, король долженъ быть избранъ непремѣнно въ назначенный для того день. Когда послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день склонялся уже къ вечеру, то паны пришли къ мысли выбрать въ короли на одну ночь Шауля Валя, чтобы исполнить законъ; получивъ въ свои руки государственныя книги и печать, онъ внесъ въ нихъ нѣсколько грамотъ, предоставляющихъ льготы евреямъ". Пересмотрѣвъ акты Литов. Метрики, С. А. пришелъ къ заключенію, что Шауль Юдичь Валь, подобно Михелю Езофовичу, былъ арендаторомъ доходовъ Брестскаго замка и таможни; по его ходатайству евреи освобождаются отъ торговыхъ пошлинъ съ мелочнаго торга, отъ платежа судеб. пошлинъ и „стараго мыта". Оказанныя Шаулемъ Валемъ услуги еврейству высоко цѣнились имъ и впослѣдствіи стали даже приписываться ему; отсюда то и сложилась легенда о царствованіи еврея.

Въ послѣдніе годы С. А. приступилъ къ изученію положенія евреевъ послѣ раздѣловъ Польши и присоединенія къ Россіи. „Первымъ памятникомъ законодательной дѣятельности русской государственной власти, которымъ правительство поставило своей политикѣ по отношенію къ евреямъ совершенно ясныя и опредѣленыя задачи, является несомнѣнно „Положеніе о евреяхъ 1804 г." Излѣдуя этотъ законодательный памятникъ и его основанія, С. А. пришелъ къ заключенію, что онъ не является плодомъ самостоятельнаго изученія въ Россіи еврейскаго вопроса, а заимствованіемъ одного изъ тѣхъ проектовъ, какіе въ большомъ количествѣ писались въ Польшѣ въ концѣ прошлаго вѣка, именно—положеніе 1804 года дословно повторяетъ проектъ Скарбовой коммиссіи 1788 г. Но какъ положеніе, такъ и прототипъ его показываютъ совершенное непониманіе причинъ обособленія евреевъ и средствъ къ ихъ улучшенію. Сила кагала не только не была ослаблена, но, напротивъ, увеличена особенно въ положеніи 1835 г. „Любой Литовскій староста, замѣ-

чаетъ С. А., не нашелъ бы ничего новаго въ этихъ §§ положенія 1835 г.". „Со второй половины царствованія импер. Александра I законодательство наше все сильнѣе и сильнѣе стремится создать рядъ замкнутыхъ, обособленныхъ обществен. круговъ, раздѣленныхъ между собою непереходимыми границами.

Сословіе отдѣляется отъ сословія, вѣдомство отъ вѣдомства, управленіе отъ управленія. У всякаго свои спеціальные интересы, свои права, свои учрежденія.

Для всѣхъ этихъ разрозненныхъ сословій нѣтъ общихъ правъ и общаго суда, общихъ податей и повинностей, нѣтъ никакого общаго дѣла.

Странно было бы требовать, чтобы въ такой общественной обстановкѣ евреи представляли исключеніе".

Кромѣ разсмотрѣнныхъ работъ С. А. по еврейскому вопросу, напомнимъ еще его статьи о кагалѣ, о первыхъ оффиціальныхъ ощиботахъ въ старинной Польшѣ, и рядъ другихъ очерковъ по новымъ документамъ изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ. Во всѣхъ этихъ работахъ С. А. старается оставаться строго безпристрастнымъ; онъ не скрываетъ некрасивыхъ и печальныхъ сторонъ въ дѣятельности евреевъ, но ихъ исправленіе и возможность слиянія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ видитъ въ такой общественной организаціи, гдѣ нѣтъ различія между отдѣльными членами общества ни по соціальному положенію, ни по вѣрѣ, ни по національности, гдѣ нѣтъ экономической или личной зависимости одного отъ другого. Такимъ добрымъ старымъ временемъ С. А. считалъ XIV вѣкъ и начало XV. Въ XVI в. онъ считалъ общество уже распадающимся.—Поэтому, туда, въ эту даль вѣковъ, уносился мыслью С. А. и желалъ ихъ воскрешенія.

Въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ сходился со своимъ критикомъ, что „сила еврейства—въ экономическомъ безсиліи и недостаткѣ образованія христіанскихъ низшихъ классовъ населенія; и до сихъ поръ только тамъ еврейскій вопросъ имѣетъ острый характеръ, гдѣ массы народа стоятъ на низкой ступени экономическаго и умственнаго развитія. Такимъ образомъ, центръ тяжести еврейскаго вопроса лежитъ внѣ еврейскаго об

щества. Государству и обществу предлежитъ направить свои условія (не законодательныя, а правительственныя и экономическія) не столько на евреевъ (которые, впрочемъ, въ большинствѣ сами нуждаются въ поднятіи ихъ благосостоянія), сколько на другіе классы общества, а именно—на городской христіанскій и низшій сельскій классъ въ запад. краѣ Россіи, заняться ихъ умственнымъ и экономическимъ подъемомъ до того уровня, на которомъ они были бы недоступны для эксплоатаціи съ какой бы то ни было стороны и могли бы сами вступить въ экономическую борьбу не безъ надежды на успѣхъ" [1]).

Въ виду важнаго научнаго значенія изслѣдованій С. А. Бершадскаго желательно было бы имѣть ихъ въ отдѣльномъ полномъ изданіи.

[1]) Разборъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ соч. С. А. Бершадскаго „Литовско-русскіе евреи", напечатанъ въ журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за 1885 годъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Сампсоніевскій фонтанъ. Въ «Описаніи Кіева» Закревскаго 1868 года и въ разныхъ путеводителяхъ по Кіеву обыкновенно говорится о сампсоніевскомъ фонтанѣ съ павильономъ, что онъ выстроенъ около 1808 года нарочно для того, чтобы въ немъ лѣтомъ въ день св. Маккавеевъ торжественно освящать воду съ бывшею до 1835 года пышною церемоніею, устраивавшеюся кіевскими мѣщанами [1]. Между тѣмъ происхожденіе этого фонтана несомнѣнно древнее.

Фонтанъ построенъ на той торговой площади, которая въ древности называлась «Торговищемъ», упоминаемымъ въ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ. Когда въ этомъ году возмутившіеся кіевляне убили бывшаго своего великаго князя Игоря Ольговича, постригшагося въ Θеодоровскомъ монастырѣ на старомъ городѣ, то тѣло его «возложиша на кола..., и везоша и на Подолье, на Торговище и повергоша поруганью... И повелѣ тысяцкой взяти Игоря, и вземше и, положиша его въ церкви св. архангела Михаила въ Ноугороцкую божницу», бывшую на Подолѣ же [2]. По нашему мнѣнію, высказанному и обоснованному нами въ другомъ мѣстѣ, тѣло убитаго Игоря Ольговича совлекли на Подолѣ по Боричеву взвозу, соотвѣтствовавшему верхней половинѣ нынѣшняго Андреевскаго спуска и улицѣ «Черная Грязь», мимо древней церкви пресв. Богородицы Пирогощей или нынѣшняго Кіево-подольскаго Успенскаго Собора. Въ такомъ случаѣ, древнее подольское «Торговище» было бы тамъ, гдѣ и теперь находятся Кіево-подольскій гостинный дворъ и сосѣдній съ

---

[1]) „Описаніе Кіева", Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 875 и 876.

[2]) „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей", Кіевъ, 1874 г., I, 19.

нимъ толкучій или Сампсоніевскій рынокъ. На этомъ «Торговищѣ» стояла и новгородская божница, или небольшая церковь св. Михаила, приблизительно около того мѣста, гдѣ нынѣ находится Сампсоніевскій фонтанъ.

Но достовѣрная исторія этого фонтана начинается собственно съ XVII вѣка. Въ первой половинѣ этого вѣка кіевоподольскіе доминикане, жившіе на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ кіевскою духовною семинаріею, устроили въ своемъ монастырѣ колодязь и для снабженія его водою провели съ горы трубы. Въ 1636 году польскій король Владиславъ IV далъ кіево-братскому монастырю соизволяющій привилей на то, чтобы трубами провесть въ монастырь воду съ горъ, изъ источниковъ [1]). Вѣроятно, вскорѣ послѣ сего, и городское самоуправленіе Кіева провело съ горъ воду для нуждъ подольскихъ обывателей и устроило общественный колодязь или фонтанъ. На планѣ Кіева 1695 года, на мѣстѣ нынѣшняго Сампсоніевскаго фонтана, уже виднѣется капличка или часовенка, съ крестомъ на крышѣ, вѣроятно построенная надъ колодяземъ или фонтаномъ [2]). Въ 1774 году Гильденштедтъ такъ описываетъ этотъ колодязь или фонтанъ и капличку надъ нимъ: «въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ратуши, среди ярмарочной площади, подъ каменнымъ куполомъ—колодезь съ каменными стѣнками. Посрединѣ колодца на пьедесталѣ стоитъ статуя, въ правой рукѣ держащая большую кружку, изъ которой постоянно течетъ вода. Для устройства этого главнаго колодца воспользовались ручьемъ на возвышенности, отъ котораго при помощи подземныхъ трубъ и отвели воду къ колодцу. Изъ послѣдняго, тоже при помощи трубъ, вода проведена во многіе другіе колодцы, устроенные на улицахъ города. Они обшиты деревомъ, имѣютъ сажень въ поперечникѣ, и обшивка ихъ подымается всего на три фута надъ поверхностью земли, такъ что изъ нихъ очень удобно черпать воду. По маленькому каналу, идущему черезъ городъ вдоль частокольной стѣны, вода стекаетъ въ Днѣпръ» [3]). Около 1784 года надъ колодцемъ или фонтаномъ построенъ новый павильонъ, который поручикъ В. И. Новгородцевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Противъ ратуши сдѣланъ колодязь, надъ которымъ построенъ новой архитектуры куполъ съ постановленнымъ на ономъ рѣзнымъ изобра-

---

[1]) Тамъ же, II, 102 и 103, и III, 108.

[2]) „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году“. Кіевъ, 1893 года.

[3]) „Кіевская Старина“, февраль, 1893 г., стр. 281 и 282.

женіемъ св. апостола Андрея, держащаго въ рукѣ крестъ, и внутри при колодязѣ ангелъ, держащій сосудъ, изъ котораго черезъ подведенныя подземныя трубы фонтанъ изливаетъ въ тотъ колодязь воду, а изъ онаго чрезъ такія же трубы прочіе колодязи для употребленія и удовольствія обывателей наполняются»[1]). Около 1808 года павильонъ надъ фонтаномъ получилъ нѣсколько иную форму. На подножіи утверждена статуя въ обыкновенный человѣческій ростъ, представляющая Сампсона, который раздираетъ челюсти льва. Все это вырѣзано изъ дерева и окрашено масляными красками. Изъ пасти льва выказывается, въ поперечникѣ около двухъ дюймовъ, желѣзная труба, чрезъ которую изливается вода и съ шумомъ падаетъ на деревянный водоемъ. Надъ нимъ возвышается круглый сводъ, поддерживаемый 4-мя четыреугольными подпорами, изъ коихъ къ каждой, съ наружной стороны, приставлены, для украшенія, по двѣ колонны ордена Тосканскаго съ полными, высокими пьедесталами. На фризѣ всѣхъ четырехъ сторонъ придѣланы солнечные часы; самый же антаблеманъ или полный карнизъ, горизонтальный надъ колоннами, въ промежуткахъ изгибается надъ четырьмя боковыми дугами свода, покрытаго желѣзомъ и выкрашеннаго зеленою краскою. Надъ шарообразною кровлею вызвышается мѣдное рельефное, вызолоченное изображеніе св. апостола Андрея, держащаго въ лѣвой рукѣ крестъ. Павильонъ этотъ, представляющій въ планѣ своемъ совершенный кругъ, имѣетъ въ поперечникѣ до четырехъ, а въ высоту болѣе пяти саженъ, и выстроенъ во вкусѣ французскаго рококо XVII вѣка[2]).

Фонтанъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ колодца Сампсона, просто Сампсона и святаго Лэва или Лэвана и успѣлъ уже сдѣлаться предметомъ народныхъ южнорусскихъ легендъ. По сказанію одной изъ нихъ, Давидъ царь имѣлъ трехъ сыновей: Іосифа прекраснаго, Сампсона сильнаго и Соломона премудраго. «Сильный Сампсонъ воювався по всимъ свити, наостатокъ зъ нами задумавъ воювати. Плыве Днипромъ, але тилько що зъ воды, ажъ на него левъ. Самсонъ до него, та якъ ухватывъ его за пащу, та якъ наступывъ ногою, то такъ разомъ зъ левомъ и закаменивъ. Такъ винъ

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., II, 131.

[2]) „Описаніе Кіева“, Закревскаго, Москва, 1868 г., стр.

и теперъ стоить у Кыиви»[1]). Богомольцы изъ простолюдиновъ обыкновенно располагаются на отдыхъ вблизи этого фонтана, снабжающаго ихъ питьевою водою, относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ и нерѣдко вѣшаютъ Сампсону на шею крестики. Съ устройствомъ въ Кіевѣ городского водопровода, оказались ненужными для города прежнія водопроводныя трубы на Подолѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становился излишнимъ и Сампсоніевскій фонтанъ; но городское управленіе, въ виду привычекъ и нуждъ кіевскихъ богомольцевъ изъ простого народа, въ 1895 году возобновило и ремонтировало какъ самыя трубы, такъ и Сампсоніевскій фонтанъ.

Н. Петровъ.

Взятіе и разореніе Запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 г.

Печатаемый здѣсь документъ составляетъ оффиціальное донесеніе Ильи Чирикова (Каменно-Затонскаго коменданта?) боярину Стрѣшневу въ Москву.—«Великому государю, царю и вел. кн. Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, холопъ твой *Илья Чириковъ* челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 709 г., маія въ 17 д., въ твоемъ великаго государя, царя и вел. кн. Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указѣ, по разсмотрѣнію Римскаго и Россійскаго государствъ Ижерскаго князя и генерала главнаго Александра Даниловича Меншикова ко мнѣ, холопу твоему, написано: отправленъ *въ Каменный* Затонъ г. полковникъ Яковлевъ съ тремя полками пѣхотными для охраненія Каменнаго Затона, и какъ онъ придетъ, и мнѣ быть ему во всемъ послушну; да вышеозначеннаго онъ, государь, дня въ письмѣ господина графа и главнѣйшаго министра и кавалера Гаврила Ивановича Головкина въ Каменный Затонъ плавною г. полковникъ Яковлевъ и когда онъ прибудетъ и чего станетъ требовать антилеріи и аммуниціи, такожъ провіанту и людей и прочаго, велѣно ему давать и быть ему послушну. И по вышеозначеннымъ твоимъ, великаго государя, указомъ, на что требованіе г. полковника Яковлева было, дано ему было для походу подъ Сѣчу ратныхъ людей и всякихъ припасовъ изъ Каменнаго Затона; а что ему было

---

[1]) „Малоруссія народныя преданія и разсказы“, М. Драгоманова, Кіевъ 1876 г., стр. 98.

дано и что изъ того убыло, о томъ при сей отпискѣ вѣдѣніе. А сію, государь, отписку къ тебѣ великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, къ Москвѣ послалъ я, холопъ твой, чрезъ звычайную почту, въ нынѣшнемъ 709 году, іюня въ 5 д., съ самарскимъ козакомъ Степаномъ Матвѣевымъ и велѣлъ подать въ розрядъ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи.

Вѣдѣніе, что было изъ Каменнаго Затону подъ Сѣчею съ г. полковникомъ Яковлевымъ каменно-затонскихъ полковъ офицеровъ и солдатъ и всякихъ антилерныхъ припасовъ: Подполковникъ Ѳедоръ Спѣшневъ, да съ нимъ полку его маеоръ 1 человѣкъ, офицеровъ 4 человѣка, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 230 человѣкъ; подполковника Гаврила Вульфа полку его—офицеровъ 5 человѣкъ, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 265 человѣкъ; маеора Ѳомы Щитовскаго полку его офицеровъ 4 человѣка, урядниковъ и рядовыхъ солдатъ 253 человѣка, да антилерной подполковникъ Никифоръ Телѣгинъ да съ нимъ пушкарей и бомбандировъ 30 человѣкъ. Антилерныхъ и всякихъ припасовъ по требованію.—Изъ вышеписанныхъ ратныхъ людей, изъ антилеріи подъ Сѣчею что убыло: На штурмѣ побито и ранено: Ѳедорова полку Спѣшнева: 1 человѣкъ маеоръ, 3 человѣка офицеровъ, 6 человѣкъ сержантовъ, 3 человѣка подпрапорщиковъ, 3 человѣка каптенармусовъ 5 человѣкъ капраловъ, 5 человѣкъ барабанщиковъ, 2 сиповщиковъ, 70 человѣкъ солдатъ, 34 раненыхъ солдатъ; Гаврилова полку Вульфа: 2 человѣка офицеровъ, 2 человѣка сержантовъ, 1 человѣкъ каптенармусъ, 5 человѣкъ капраловъ, 2 человѣка барабанщиковъ, 87 человѣкъ солдатъ; отъ ранъ померло: 1 человѣкъ капралъ, 5 человѣкъ солдатъ, раненныхъ: 1 человѣкъ офицеръ, 66 человѣкъ солдатъ. Ѳомина полку Щитовскаго: 3 человѣка офицеровъ, 3 человѣка сержантовъ, 1 человѣкъ подпрапорщикъ, 2 человѣка каптенармусовъ, 1 человѣкъ ротный писарь, 91 человѣкъ солдатъ, 41 человѣкъ раненыхъ солдатъ. Всего подъ Сѣчею на штурмѣ побито: 1 человѣкъ маеоръ, 3 человѣка капитановъ, 5 человѣкъ поручиковъ, изъ прапорщиковъ, 11 человѣкъ сержантовъ, 3 человѣка подпрапорщиковъ, 10 человѣкъ капраловъ, 6 человѣкъ каптенармусовъ, 7 человѣкъ барабанщиковъ 2 человѣка сиповщиковъ, 1 человѣкъ ротный писарь, 247 человѣкъ солдатъ, всего урядниковъ и рядовыхъ солдатъ побито 288 человѣкъ; отъ ранъ померло 6 человѣкъ. Раненныхъ: 1 человѣкъ офицеръ, 141 человѣкъ солдатъ.

Да по вѣдомостямъ тѣхъ же полководцевъ подъ Сѣчею у солдатъ пропало ружья: Өедорова полку Стѣшнева: 99 фузей, 3 протазана, 27 багинетовъ; 27 копей, 63 бердыша, 2 сумы каптенармусскія. Гаврилова полка Вульфа: 202 фузеи съ суммы и съ перевязьми, 156 бердышей, 46 копей, 13 багинетовъ. Өомина полку Щитовскаго: 143 фузеи съ сумы и съ перевязьми, 3 алебарды, 9 багинетовъ съ протупеи, 1 барабанъ, 70 бердышей, 104 копья, 2 сумы каптенармусскія. Всего пропало ружья: 444 фузеи съ сумы и съ перевязьми, 6 протазановъ, 49 багинетовъ, 178 копей, 286 бердышей, 4 сумы каптенармусскія, 1 барабанъ. Изъ антилерныхъ припасовъ въ расходѣ: пороху пушечнаго 5 бочекъ, вѣсомъ 32 пуда, 1 бочка ручнаго, вѣсомъ 6 пудъ, 2 бочки мушкетнаго, вѣсомъ 13 пудъ, 1 пудъ 20 фунтовъ свинцовыхъ пуль, 120 нарядныхъ бонбъ двупудовыхъ, 545 ядеръ нарядыхъ, ручныхъ, двуфунтовыхъ, 40 ядеръ гонныхъ 10 фунтовыхъ, 500 гонныхъ двуфунтовыхъ, 150 кремней, 3 пуда фитилю, 9 пудъ пеньки, 50 мѣшковъ пороховыхъ, 1 ломъ, 20 лопатъ желѣзныхъ, 10 топоровъ, 1 якорь, 15 канатовъ большихъ, 3 каната по 20 саженъ, 4 буравля большихъ, 2 долота съ трубки, 74 весла фуркатныхъ, 50 шестовъ, 7 ценовокъ.

Извѣстіе что въ Сѣчи завоевано. Полону: 1 человѣкъ атаманъ кошевой [1]), 1 человѣкъ судья, 26 человѣкъ атамановъ куренныхъ, 2 ченца, 2 человѣка русскихъ, 250 человѣкъ козаковъ. Изъ того числа померло: 5 человѣка казаковъ, казнено: атамановъ и казаковъ 156 человѣкъ, женскаго полу и ребятъ взято въ полонъ 160 человѣкъ, изъ того числа отдано въ раздачу всякихъ чиновъ, офицерамъ и солдатамъ 115.

Антилеріи: 31 пушка мѣдныхъ большихъ и малыхъ, 4 мортиры желѣзныхъ, 5 пушекъ чугунныхъ, 13 знаменъ, 10 станковъ пушечныхъ, 12 шмаговницъ, большихъ и малыхъ, 62 ручницы, 27 коритъ свинцу, 450 ядеръ пушечныхъ, розныхъ калибровъ, 600 ядеръ ручныхъ, тощихъ, 13 бочокъ пороху, 53 якора, 195 кусковъ желѣза, 67 топоровъ, 7 теселъ, 20 кандалы, 7 чѣпей желѣзныхъ, 7 буравовъ, 9 молотковъ, 3 клещи, 15 круговъ проволоки желѣзной, 4 паруса, 8 канатовъ пеньковыхъ.

Церковной утвари: иконостасъ рѣзной съ царскими дверьми и съ поставными иконами, и съ деисусомъ и съ прочими поставными иконами, которыя писаны на цкахъ и на полотнахъ и на малыхъ

---

[1]) Петръ Сорочинскій? См. Мазепа и Мазепанцы, стр. 529.

цкахъ нѣсколько, счетомъ по росписи; 8 колоколовъ большихъ и малыхъ, а что вѣсу—не подписано, 3 креста желѣзныхъ большихъ съ церкви, свѣчи, и воскъ и ладанъ по росписи, святое евангеліе, въ ящикѣ, не въ переплетѣ, 441 котелъ мѣдные большихъ и середнихъ и малыхъ, въ нихъ вѣсу 83 пуда 30 фунтовъ, дужки и уши желѣзныя, въ томъ числѣ многіе худые, 9 котловъ желѣзныхъ, 4 пуда мѣди ломанной.

Провіанту: 969 бочокъ да 2 куфи большихъ, да 30 мѣшковъ муки ржанной, 1 бочка пшена, 304 бочки соли. (Арх. М—ва Ю—ст. въ Москвѣ, розр. вязка 50, № 17).

Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.**

„Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго“. *(Изъ акушерской практики прошлаго вѣка).* Въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи, между прочимъ, есть связка бумагъ, озаглавленная: *«Дѣло по донесенію протопресвитера Городецкаго о томъ, что рожденное крестьянкою дитя объявлено, что оно не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго, и что оное закопано въ землю»*.

Содержаніе такъ любопытно озаглавленнаго дѣла, въ немногихъ словахъ, слѣдующее.

Въ ночь съ 4-го на 5-е число ноября мѣсяца 1743 г. въ Кіевѣ, на Подолѣ, жена Введенскаго прихожанина Григорія Сердечнаго разрѣшилась отъ бремени, при чемъ «дитя зъ утробы матерней въ пузиру родимомъ вышло». Бабки, присутствовавшія при родахъ, были, очевидно, весьма неопытными въ повивальномъ искусствѣ, а потому пришли въ изумленіе: дитя ли это, или «трибъ скотинной»... Долго не задумываясь, онѣ порѣшили, что это—«нѣякій щудъ и бѣсовское мечтаніе»... и, разсудивъ, что «о семъ ледачомъ и попу доносить не годится», призвали отца новорожденнаго «мечтанія» и объявили ему: «се въ тебе, человѣче, бѣсище родилось!».. И «гдѣ знатни были (виднѣлись) руки сквозь плѣву пузира», «то»,—объясняли онѣ ошеломленному отцу,-«крили (крилья), а гдѣ пуповина, то хвостъ». И что же? Принялись заклинать плодъ, чтобъ «бѣсище не наверзло пагубу», а отца послали «отесать осиковій колъ»... Колъ былъ принесенъ... Бабки пробили имъ насквозь «пузирь», съ причитаньемъ: «нехай-де на ему окошитъся, цуръ твого, человѣче добрій, и кола и двора!»

Убитое съ такими проводами «бѣсище» сейчасъ же было и зарыто въ домѣ «подъ поломъ»...

Сердечный въ гнѣвѣ на жену за ея «такое родиво». Онъ готовъ ее «сокѣрою розсѣчи», и только домашніе «обороняютъ» ее...

Между тѣмъ бабки быстро, подъ секретомъ, разносятъ по всему Подолу необычайную новость, что жена Сердечнаго «бѣса родила», добавляя, что онѣ собственными глазами видѣли даже, что этотъ «родившійся уродъ, какъ звѣрина якая, по полу лазилъ»... Всѣ знакомыя родильницы спѣшатъ къ ней, чтобы отъ нея самой узнать, вѣрно ли случившееся... Родильница терзается... Нѣсколько оправившись, она захотѣла и сама взглянуть, «что̀ бы то (въ самомъ дѣлѣ) за уродъ былъ». 7-го ноября она упросила своего мужа отрыть «трибъ». Отрываютъ... Въ пузырѣ «дитя во всемъ совершенно женска пола, съ тилу въ ротъ коломъ пробитое»!.

Вотъ какое счастье выпадало иногда рождавшимся въ сорочкѣ!

Съ болѣзненною грустью, омыли Сердечные трупъ, положили его на столъ и пригласили бабокъ, чтобы онѣ взглянули на свое «бѣсовское мечтаніе»...

Всю эту исторію 12 ноября узнали священники Введенской церкви—Стефанъ Кордашевскій, Иванъ Коминскій и Стефанъ Кондратьевъ и донесли подольскому протопопу Георгію Городецкому, прося его резолюціи, «какой эпитиміи или наказанія достойни дѣтоубійци бабы за свою продерзость, же не объявляючи священникамъ, что съ тимъ дѣлать (хотя бы и щулъ какой родился), сами дитя совершенное и живородившоеся безъ крещенія святаго тиранско умучили». Городецкій 17-го ноября препроводилъ дѣло митр. Рафаилу Заборовскому, митрополитъ же (такъ какъ дѣла объ убійствахъ подлежатъ «мірской командѣ») передалъ его въ Кіевскій магистратъ... Какое сужденіе по нему было здѣсь, не знаемъ.

Д. Вишневскій.

О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. Древняя исторія Кіева не перестаетъ живо интересовать ученыхъ изслѣдователей. Не только выдающіяся событія и лица, но и многіе частные вопросы изъ прошлой исторіи Кіева (напр. топографіи его) детально изслѣдуются въ цѣляхъ уяснить жизнь матери русскихъ городовъ. Это обстоятельство ободряетъ насъ при выборѣ предметомъ нашей

замѣтки одного малоразъясненнаго вопроса изъ церковной исторіи Кіева. Вопросъ касается исторіи кіевскаго Трехсвятительскаго монастыря, существовавшаго въ 18 в. при нынѣшней трехсвятительской церкви. Собравъ по возможности появлявшіяся въ печати свѣдѣнія о монастырѣ и дополнивъ ихъ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными, мы и ограничимся этимъ, считая полную исторію монастыря невозможной, по скудости положительныхъ извѣстій о немъ. Ибо монастырь, какъ не принимавшій никакого участія въ общественной жизни Кіева, не привлекалъ къ себѣ вниманія современниковъ; и насколько они мало знали о немъ, видно изъ слѣдующаго факта. Когда въ 1770-хъ годахъ нужны были св. Синоду справки о монастырѣ, то кіевскій митрополитъ вынужденъ былъ заявить: «оная (трехсвятительская церковь съ монастыремъ) принадлежала почему къ катедралному кіево-софѣйскому монастырю, на то ни малейшихъ документовъ, да и о определенныхъ къ той церкви отъ катедры началникахъ даже до 1761 году никакихъ дѣлъ не сыскалось». Въ силу такого недостатка достовѣрныхъ свѣдѣній о монастырѣ, и историки Кіева, говоря о трехсвятительской церкви, ограничились лишь краткими замѣтками въ родѣ такихъ: въ 18 в. при ней находился мужской монастырь [1]). Основателемъ монастыря при трехсвятильской церкви былъ кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій.

Возобновленная Могилой трехсвятительская церковь въ значительной степени пострадала въ 1651 г. отъ поляковъ Радзивилла [2]), а въ 1682 году оказалась уже во дворѣ русскаго воеводы и «утиснена житними амбарами» [3]), и пребывала въ такомъ запустѣніи, что митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій просилъ разрѣшенія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей разобрать и употребить ее на возобновленіе софійскаго собора [4]). Просьба митрополита не была почему то удовлетворена, и преемникъ его Варлаамъ Ясинскій просилъ царей дать ему «въ досмотрѣніе и въ строенье въ верхнимъ Кіевѣ церковь каменную запустѣлую и по много разоренную во имя св. Василія и равноапостольныхъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго [5]). Цар-

---

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева стр. 210. Сементовскій. Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности стр. 43.

[2]) Похилевичъ. Монастыри и церкви г. Кіева стр. 76.

[3]) „Кіевск. Стар.“ 1884 г. кн. X стр. 237.

[4]) Ibid. стр. 235.

[5]) Ibid. стр. 236—237.

ской грамотой отъ 28 сентября 1691 г. трехсвятительская церковь была отдана митрополиту [1]), который, по словамъ Сементовскаго, и возобновилъ ее въ 1695 г. [2]). Дата эта можетъ быть принята, и четырехлѣтній періодъ обновленія церкви ничуть не будетъ долгимъ, когда, напр., на обновленіе наружнаго вида софійскаго собора потребовалось 11-ть лѣтъ [3]). Обновивши церковь, Варлаамъ Ясинскій устроилъ при ней вѣроятно, въ томъ томъ же 1695 г. и мужскій монастырь «къ житію престарелыхъ и болныхъ монаховъ кіево-софійскаго и другихъ кіевскихъ монастырей, назначивъ сюда строителя съ братіею.

Побужденіемъ къ устроенію трехсвятительскаго монастыря послужило, можно думать, желаніе митрополита дать пріютъ престарѣлымъ, немощнымъ и больнымъ монахамъ главнымъ образомъ кіево-софійскаго монастыря и тѣхъ монастырей, для которыхъ было не по средствамъ содержать свой особый пріютъ для братіи своей общины. Очевидно, въ такихъ монастыряхъ дѣло призрѣнія престарѣлыхъ и больныхъ изъ братіи было въ неудовлетворительномъ состояніи и явственно ощущалась нужда въ такого рода учрежденіи, какое явилось въ новоустроенномъ монастырѣ.

Учредивъ съ такою цѣлью монастырь, Варлаамъ Ясинскій этимъ самымъ указывалъ братіи монастырской постоянное дѣло для ихъ нравственныхъ силъ, давалъ особую задачу для монастыря и особое исправленіе его жизни, удаляя отъ той погони за умноженіемъ вотчинъ и угодій, отъ тѣхъ постоянныхъ земельныхъ споровъ, которые поглощали много силъ у монашества XVIII в.

Трехсвятительскій монастырь во все время своего недолгаго историческаго существованія считался «приписнымъ къ каѳедральному кіево-софійскому монастырю». Когда совершилось это подчиненіе монастыря, сказать довольно трудно, ибо объ этомъ не знали даже и въ 18 в., въ періодъ существованія самаго монастыря; но уже въ вѣдомости 1756 г. о монастыряхъ епархіи кіевской и малороссійскихъ трехсвятительскій монастырь или, какъ его называли, скитокъ, числится между приписными къ кіево-софійскому монастырю [4]). Можно думать, что тотчасъ по своемъ учрежденіи трехсвятительскій монастырь былъ поставленъ подъ власть каѳедраль-

---

[1]) Ibid. 237.

[2]) Цит. соч. стр. 43.

[3]) „Кіев. Стар. 1884 г. к. X стр. 236.

[4]) М. Евгеній. Описаніе кіево-софійскаго собора прилож. № 43 стр. 245.

наго монастыря, во 1-хъ, потому, что основателемъ былъ митрополитъ, по идеѣ котораго ново-учрежденный долженъ былъ служить главнымъ образомъ интересамъ каѳедральнаго монастыря, откуда назначался и строитель трехвятительскаго монастыря, 2-е—потому, что послѣдній находился на землѣ, принадлежавшей митрополіи [1]).

Неизвѣстно, владѣлъ ли монастырь тѣми землями и куничными дворами, которые въ началѣ XVIII в. принадлежали трехсвятительской церкви [2]), или же эти угодья остались за братскимъ монастыремъ, къ которому была приписана она по грамотамъ Владислава IV 1638 и 1640 годовъ [3]). Но каковы бы ни были матеріальныя средства монастыря трехсвятительскаго, онъ въ теченіе своей исторической жизни выполнялъ ту задачу, какая опредѣлена была ему его учредителемъ.—Частныхъ фактовъ изъ жизни монастыря, равно и именъ дѣятелей его до 60-хъ годовъ XVIII в. не сохранилось; одно только можно сказать, что монастырь находился подъ особымъ покровительствомъ и вниманіемъ митрополитовъ, которые старались поставить монастырь въ условія, благопріятствующія выполненію его задачи призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ. Такъ, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій въ своемъ завѣщаніи 1757 года отписываетъ половину доходовъ съ мельницы, бывшей на р. Красной въ Трипольѣ, «на имѣючуюся строитися въ вышнемъ градѣ Кіевѣ при трехсвятительской приписной къ катедральному нашему монастырю церквѣ больницю и оною опредѣленною отъ насъ половинною частію доходовъ завѣдывать находящимся при оной трехсвятительской церквѣ начальникомъ, и отдавать тѣ доходы на прокормленіе бѣдныхъ въ той больницѣ больныхъ безобыдно» [4]). Устройство новой больницы и богодѣльни составляло также предметъ заботъ и митрополита Арсенія

[1]) Въ началѣ XVII столѣтія; во время судебныхъ споровъ православныхъ съ уніатами изъ-за обладанія трехсвятительскою церковью, всегда указывалось на то, что церковь св. Василія принадлежала къ митрополіи, ей подчинена была и на ея землѣ находилась" (Кіев. Епархіал. Вѣдом. 1873 г. стр. 357 и д.), и во второй половинѣ 17 в. митрополиты также считали принадлежащей къ каѳедрѣ землю между михайловскимъ монастыремъ и десятинной церковью и, по праву собственника, запрещали московскимъ боярамъ возводить здѣсь укрѣпленія (Карповъ. Кіевскіе митрополиты и московское правительство 1654 году. Правосл. обозрѣн. 1871 г. августъ—сентябрь).

[2]) Кіев. Епарх. Вѣдом. 1873 г. стр. 482.

[3]) Памятники кіевской ком. для разбора древн. актовъ, т. II, отд. I. стр. 144—149.

[4]) „Кіев. Стар." 1894 г. сент. стр. 457.

Могилянскаго, который, кромѣ этого, задумалъ еще обновить пришедшую въ ветхость монастырскую церковь. Для выполненія своихъ намѣреній онъ старался найти необходимыя средства въ средѣ запорожскихъ козаковъ, питавшихъ къ митрополиту любовь и уваженіе. Съ этою цѣлью были посланы въ 1767 г. строитель трехсвятительскаго монастыря іеромонахъ Іустъ (или Іустинъ) и іеромонахъ софійскаго монастыря Евстратій въ сѣчь запорожскую и «в принадлежащіе до оныя мѣста для испрошенія на возобновленіе в трехсвятителскомъ монастырѣ обвѣтшалой каменной церкви и на устроеніе въновь при немъ богодѣлни милостинного отъ доброхотовъ подаянія». При этомъ просители были снабжены письмомъ митрополита къ запорожскому войсковому судьѣ Павлу Флоровичу Головатому [1]), грамотой митрополита и просительной шнуро-запечатанной книгой. Какъ велико было «милостинное подаяніе» запорожцевъ, вообще щедрой рукой дававшихъ на церковныя нужды кіевскихъ монастырей, съ точностью опредѣлить трудно, но можно думать, что оно было очень значительно, когда митрополитъ счелъ нужнымъ написать къ войсковому судьѣ особое письмо, благодаря его за оказанную іеромонаху Іусту «благопризрительность» съ пожеланіемъ всему войску запорожскому «всецѣлаго здравія и всесовершеннаго благополучія» [2]). На эти пожертвованія и начато было обновленіе

---

[1]) Приводимъ дословно это любопытное письмо: „Высокородный и достойно почтенный господинъ судья войска низоваго запорожскаго Павелъ Фроловичъ, нашъ зичливый пріятель! Сего подносители приписнаго къ нашему каѳедральному кіево-софѣйскому монастырю трехсвятительскаго монастыря строитель Іеромонахъ Іустинъ и определенный къ нему в помощъ нашего жъ каѳедральнаго монастыря іеромонахъ Евстратій отправлены от насъ в Сѣчь запорожскую и в принадлежащіе до оныя мѣста, для испрошенія *на возобновленіе в ономъ приписномъ къ нашему каѳедральному монастырю трехсвятительскомъ монастырѣ обвѣтшалой каменной церкви и на устроеніе въновъ при немъ богодѣлни милостинного* от доброхотовъ по данной отъ насъ при грамотѣ книгѣ подаянія. Мы, видя прежде оказиваеміе въ таковыхъ благополѣзныхъ дѣлахъ отъ вашего высокородія милости, и отличніе призрѣнія, просилъ онаго строителя іеромонаха Іуста, съ сотрудникомъ его іеромонахомъ же Евстратіемъ, принявъ въ особливое вашего высокородія покровительство, таковой же милости и благопризрительства не лишить, въ чемъ мы имѣя несумнѣнную надежду пребываемъ при желаніи вашему высокородію и всему войску запорожскому всецѣлаго здравія и всесовершеннаго благополучія мар. 27 д. 1767 г. Вашего высокородія, намъ зичливого пріятеля всегда благожелательный богомолецъ смиренный митрополитъ кіевскій Арсеній". (Архивъ библіотеки кіево-соф. соб., книга писемъ м. Арсенія, № 36).

[2]) Библ. кіев.-соф. соб. реестръ пис. 1768 № 36.

трехсвятительской церкви, какъ объ этомъ писалъ въ 1768 г. митрополитъ кошевому Калнишевскому; но этихъ средствъ было недостаточно и «въ совершенное окончаніе привесть (возобновленіе церкви) безъ (новаго) милостивого даянія не возможно» было и поэтому митрополитъ просилъ кошеваго разрѣшить въ запорожскихъ владѣніяхъ сборъ пожертвованій на трехсвятительскій монастырь [1]). Велики или малы были пожертвованія, но все таки монастырь не былъ надлежащимъ образомъ благоустроенъ, и новый строитель монастыря іеромонахъ Савва нашелъ его въ 1769 г. «со всемъ опустошенной». Можетъ быть, эти слова не чужды нѣкотораго преувеличенія, особенно въ устахъ человѣка, говорившаго о своихъ заслугахъ для монастыря, но все таки остается справедливымъ то, что монастырь требовалъ многихъ улучшеній, и вотъ новый строитель ревностно принялся за его благоустройство. Іеромонахъ Савва, по его собственнымъ словамъ, неопровергнутымъ епархіальной властью, «построилъ (въ монастырѣ трехсвят.) своимъ стараніемъ двѣ церкви и кельи, въ коихъ живетъ без всякой катедральнаго и братскаго монастырей помощи» [2]). Очевидно въ это время въ трехсвятительскомъ скиткѣ было не мало священно-монаховъ, послушниковъ и бѣльцовъ, и онъ значительно расширился и пріукрасился. Но энергичный, образованный по своему времени (былъ учителемъ) Савва еще старается изъять свой скитокъ изъ подъ власти софійскаго монастыря, сдѣлать свою обитель самостоятельнымъ монастыремъ, а самому быть его начальникомъ. Это стремленіе было замѣчено недружелюбно расположенными къ нему лицами, и вотъ при новомъ митрополитѣ, Гавріилѣ Кременецкомъ, Савва былъ обвиненъ «въ самоволномъ названіи трехсвятительской церкви монастыремъ и въ усилномъ того домогательствѣ». По резолюціи митрополита, трехсвятительскій монастырь долженъ былъ перейти въ вѣдѣніе братскаго монастыря и не называться болѣе этимъ именемъ. Неуступчивый Савва такому рѣшенію митрополита не подчинился. О какой «продерзости и ослушности» его митрополитъ донесъ въ 1774 году св. Синоду, прося у него «отъ іеромонаха Саввы защищеніе». Св. Синодъ, соглашаясь съ постановленіемъ митрополита о передачѣ трехсвятительскаго монастыря братскому монастырю, вмѣстѣ съ этимъ назначилъ для разбора дѣла

---

[1]) Библіот. кіево-соф. собора, книга писемъ м. Арсенія № 605 письмо № 48. Напечатано въ Трудахъ кіев. дух. акад. 1894 г. № 10.

[2]) Архивъ кіевской дух. консист., собраніе указовъ 1775 г., №№ 31 и 74.

Саввы слѣдственную комиссію, которой тотъ не подчинился, считая ее пристрастной къ себѣ. Извѣщенный о таковомъ неуваженіи къ его опредѣленію, св. Синодъ, не смотря на объясненіе Саввы о своей дѣятельности на пользу монастыря, постановилъ въ 1775 г.: отнынѣ трехсвятительскую церковь не толко монастыремъ или пустынею, но ниже скиткомъ не именовать и не писать и строителѣй и начальниковъ никого къ нѣй не опредѣлять, а быть ей при кіево-братскомъ монастырѣ ружною церковью и оную церковь совсѣмъ, что при нѣй есть, кіево-братскому архимандриту принять..., а монахов изъ того места всѣхъ вывесть въ братской монастырь, а послушниковъ и белцовъ куда подлѣжитъ въ другія места» [1]).

Такъ покончилъ свою недолгую жизнь трехсвятительскій монастырь, преслѣдовавшій въ своей практической жизни безспорно симпатичную задачу. Поддерживалъ ли послѣ 1775 г. братскій монастырь тѣ филантропическія учрежденія (больницу, богодѣльню), какія существовали при упраздненномъ монастырѣ, или нѣтъ неизвѣстно; только въ 1787 г. церковь трехсвятительская была обращена въ приходскую [2]).

П. П—скій.

Рекреаціонный діалогъ. Въ дополненіе къ помѣщенной въ нынѣшнемъ номерѣ «Кіевск. Стар.» любопытной статьѣ о майскихъ рекреаціяхъ нахожу не лишнимъ припомнить интересную подробность рекреаціоннаго ритуала, о которой авторъ умалчиваетъ.

Я учился въ полтавскомъ духовномъ училищѣ въ періодъ 1860—63 гг.; майскія рекреаціи отправлялись тамъ такъ же, какъ и повсюду, за исключеніемъ нижеслѣдующей подробности. Въ то время въ составѣ преподавателей училища былъ памятный не одному поколѣнію полт. духовенства Григорій Пантелеймоновичъ Коневскій, нерѣдко такъ попрекавшій иныхъ изъ своихъ учениковъ: «я еще дѣдушку твоего училъ и папеньку; они тоже были преизрядные лѣнивцы, но ты превзошелъ ихъ обоихъ». Это былъ усердный хранитель старинныхъ преданій малорусской школы, стремившійся поддерживать такіе отжившіе давно свой вѣкъ школьные обычаи, какъ, напримѣръ, со-

---

[1]) Всѣ перепетіи этого дѣла довольно подробно изложены въ синодскихъ указахъ, хранящихся въ архивѣ кіев. дух. консисторіи.

[2]) Сементовскій, цит. соч., стр. 43.

исканія de loco и т. под. Такъ вотъ, бывало, за нѣсколько дней до начала рекреацій этотъ благодушный старецъ призываетъ къ себѣ болѣе любимыхъ учениковъ изъ разныхъ классовъ, даетъ имъ для списыванія какіе-то порыжѣвшіе отъ времени листочки и велитъ ихъ выучить наизусть. Это были отдѣльныя роли изъ какого-то сценическаго произведенія, въ которомъ дѣйствующими лицами служили грамматическія *части рѣчи*. Малолѣтніе актеры ежедневно собирались у Коневскаго, затворялись въ его кабинетѣ и тамъ производили репетиціи. Наступалъ день рекреацій, справлявшихся обыкновенно въ монастырскомъ лѣсу, недалеко отъ Ворсклы. Незадолго до наступленія вечера, послѣ того какъ учащіеся вдоволь набѣгаются, наслушаются пѣнія архіерейскаго и училищнаго хоровъ и даже напляшутся (кто умѣлъ плясать кадриль, лансье и легкіе танцы) подъ звуки собственнаго оркестра, а учащіе и начальствующіе разопьютъ пуншъ,— къ палаткѣ о. ректора созываются «лицедѣи» съ ихъ режиссеромъ, учителемъ Коневскимъ, во главѣ. Вокругъ тѣснятся толпы оживленныхъ дѣтскихъ лицъ, красныя рубашки мороженщиковъ, цвѣтные «очипки» мѣщанокъ-торговокъ и не мало прочаго посторонняго люда, собравшагося даже изъ ближайшихъ деревень посмотрѣть, какъ «паничи гуляють». Ни кулисъ, ни особыхъ костюмовъ нѣтъ и въ поминѣ. Помню, что въ самомъ началѣ выходитъ изъ палатки мальчикъ, изображающій собою *имя существительное*, и затверженнымъ тономъ, будто отвѣчаетъ урокъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разглагольствуетъ о томъ, какая онъ важная часть рѣчи. Съ нимъ состязаются о своихъ достоинствахъ *имя прилагательное* и *мѣстоименіе*. Но вотъ стремительно вылетаетъ на сцену изрядный подростокъ-синтактикъ *глаголъ* и задорно атакуетъ зазнавшуюся склоняемую челядь, преувеличенно изображая ея ничтожество и полнѣйшую якобы зависимость отъ него, царя рѣчи. Его громкіе, командирскіе окрики на нихъ: «Стой! держись! ступай! молчи!» вызываютъ, бывало, громкій смѣхъ присутствующихъ. Разогнавъ соперниковъ, *глаголъ* съ важностью расхаживаетъ по площадкѣ и благосклонно выслушиваетъ представленія прочей грамматической мелкоты, не смѣющей и подумать о соперничествѣ съ нимъ. Выступаетъ малецъ-первоклассникъ и взволнованнымъ голоскомъ смиренно докладываетъ, что хотя-де онъ и небольшая птица, всего лишь какое-нибудь *междометіе*, а все же и безъ него не обойдешься: и кучеру понадобится «но!», «тпру!», и баринъ не обойдется безъ «эй!» и на войнѣ пригодится «ура!». Въ

такомъ же родѣ рапортуютъ о себѣ и остальныя служебныя части рѣчи.

Трудно представить, сколько восторга, заливного смѣха и неподдѣльнаго веселія вызываетъ, бывало, это немудреное представленіе среди наивныхъ зрителей, большею частью никогда не видавшихъ настоящаго театра! Исполнители награждались пряниками или орѣхами изъ рукъ самого о. ректора, а режиссеру выражалась признательность начальства за труды по разучиванію пьесы.

Я передалъ лишь общее содержаніе пьесы, составленной, сколько помню, весьма остроумно. Нѣсколько лѣтъ назадъ я пытался достать ея полный текстъ, но попытки не увѣнчались успѣхомъ: почтенный педагогъ Коневскій давно умеръ, а его многочисленные ученики, кого я ни спрашивалъ о пьесѣ, помнятъ о ней не больше моего. Не удалось мнѣ даже узнать, какъ она называлась, да и было ли у нея названіе. Точно такъ же покрыто забвеніемъ и то, когда и кѣмъ она составлена. Престарѣлые полтавскіе іереи, учившіеся у Коневскаго еще въ 1840-хъ годахъ, передаютъ, что и въ то время пьеса исполнялась во время рекреацій и что едва-ли не тотъ же Коневскій ввелъ ео въ употребленіе въ полтавской бурсѣ. Но самъ то Коневскій былъ уроженцемъ полт. губ. и получилъ образованіе въ переяславской семинаріи; поэтому можно безошибочно утверждать, что самая пьеса есть не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ *діалоговъ*, какіе обычно исполнялись въ старинныхъ южнорусскихъ школахъ при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, въ томъ числѣ и во время рекреацій. По свидѣтельству митроп. Евгенія, «въ три майскія рекреаціи всѣ ученики и учители кіевской академіи и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись разными невинными играми, а студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учители—*діалоги*» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что къ числу такихъ старинныхъ *діалоговъ* должна быть причислена и та рекреаціонная пьеса, какую мнѣ въ отрочествѣ приходилось слышать въ Полтавѣ. Здѣсь этотъ діалогъ могъ удержаться въ употребленіи такъ долго единственно благодаря упорному консерватизму почитателя старины, учителя Коневскаго, прослужившаго въ этомъ званіи болѣе полувѣка. Съ его выходомъ въ отставку (въ началѣ 1870-хъ годовъ)

---

[1]) „Описаніе кіево-соф. собора“, митроп. Евгенія, приложеніе, стр. 223.

исчезъ и этотъ едва ли не послѣдній пережитокъ давно минувшихъ школьныхъ порядковъ, столь ревностно имъ поддерживаемый. Слышно, что и самыя «рекреаціи» не долго послѣ того просуществовали въ полтавскихъ школахъ; вѣроятно, ихъ замѣнили военно-гимнастическія «прогулки». Всему свой часъ!

О. Л.

Путешествіе малороссійскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго въ Италію въ 1697 году. Въ недавно вышедшемъ 8-мъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества» напечатанъ весьма интересный документъ, отысканный въ московскомъ архивѣ минист. иностранныхъ дѣлъ трудолюбивымъ изслѣдователемъ южнорусской старины М. М. Плохинскимъ; «Распросныя рѣчи» черниговскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго, отправлявшагося въ италіанскій городъ Баръ для поклоненія мощамъ святителя Николая. Подобныя путешествія образованныхъ малороссіянъ—главнымъ образомъ съ образовательными цѣлями—отнюдь не составляли рѣдкаго явленія въ XVII ст. Начиная съ первыхъ учителей кіево-могилянскаго коллегіума, рѣдкій изъ малороссійскихъ ученыхъ XVII—XVIII ст. не считалъ нужнымъ довершить свое образованіе въ одномъ или даже въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ и академіяхъ. Даже лица, не посвящавшія себя спеціально-ученой дѣятельности, по большей части, по окончаніи курса въ кіевскомъ коллегіумѣ, ѣздили доучиваться въ заграничныхъ школахъ. Можно пожалѣть, что никто изъ ученыхъ малороссіянъ XVII ст. не оставилъ описанія своего заграничнаго путешествія; по этому приходится дорожить и такими краткими, оффиціальными отчетами, каковы «распросныя рѣчи» лицъ, возвращавшихся изъ чужихъ земель. Кромѣ спеціальныхъ «вѣстовщиковъ», посыланныхъ гетманами для собиранія заграничныхъ политическихъ вѣстей, такимъ распросамъ обязательно подвергались: выходцы изъ турецкаго или татарскаго плѣна, купцы, богомольцы и вообще всѣ лица, побывавшія въ чужихъ земляхъ. При отсутствіи правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами, русское правительство хоть этимъ мало надежнымъ путемъ стремилось пополнить скудный запасъ своихъ свѣдѣній о заграничныхъ дѣлахъ.

Такому «распросу» подвергся прибывшій въ маѣ 1698 г. въ Москву изъ Италіи чернецъ Тарасій Каплонскій. По пріѣздѣ въ столицу, онъ

прежде всего явился съ поклономъ къ патріарху Адріану и поднесъ ему «скляночку» съ міромъ отъ мощей святителя Николая. Патріархъ благосклонно принялъ подношеніе и самого подносителя, распросилъ, кто онъ, гдѣ былъ и какія святыни видѣлъ, и затѣмъ, согласно обычаю, отослалъ его въ малороссійскій приказъ для «распроса». Здѣсь Каплонскій показалъ слѣдующее.

Зовутъ его Тарасіемъ, а мірское имя его было Тимоѳей Ивановичъ по прозвищу Поклонскій [1]). Родился онъ въ малороссійскомъ городѣ Конотопѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ при успенской церкви. Прійдя въ возрастъ и слыша, что въ кіевскихъ школахъ многіе обучаются разнымъ наукамъ, онъ и себѣ пожелалъ того же и, принявъ отъ отца благословеніе, отправился въ Кіевъ и въ теченіе трехъ лѣтъ учился тамъ грамматикѣ, синтаксису и поэтикѣ у «казнодѣя» (проповѣдника) кіевскихъ школъ Ѳеофана [2]) Прокоповича. Изъ Кіева онъ отправился «за польскій рубежъ» въ г. Несвижъ, опредѣлился въ тамошнюю іезуитскую коллегію и въ теченіе трехъ лѣтъ учился здѣсь реторикѣ «у езувита у Юдейка», затѣмъ перешелъ въ Львовъ и у тамошнихъ іезуитовъ три года изучалъ реторику и философію, а оттуда возвратился въ родной Конотопъ къ отцу своему. Странно, что Каплонскій не нашелъ на родинѣ, къ чему примѣнить свою ученость, пріобрѣтенную въ заграничныхъ школахъ, и въ 1682 году, «по обѣщанію своему», принялъ иноческое постриженіе въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ отъ рукъ архіепископа Лазаря Барановича, вмѣстѣ съ рукоположеніемъ въ іеромонахи; вѣроятно, около того же времени и его отецъ постригся въ батуринскомъ Крупицкомъ монастырѣ. Въ 1696 г. Тарасій задумалъ привести въ исполненіе и другое благочестивое «обѣщаніе» — отправиться въ италіанскій городъ

---

[1]) Такъ онъ названъ въ „Распросныхъ рѣчахъ“ и въ царскомъ указѣ объ отпускѣ его въ Малороссію; но въ оказавшихся при немъ восьми документахъ (малороссійскихъ, польскомъ и иностранныхъ), удостовѣрявшихъ его личность, инокъ Тарасій всюду именуется *Каплонскій* или *Коплонскій*. Фамилія эта извѣстна въ XVII в. Одинъ изъ Каплонскихъ (Еразмъ) служилъ въ козацкомъ войскѣ при Юріѣ Хмельницкомъ.

[2]) Въ документѣ: „Митрофана“, но это очевидная описка. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ Ѳеофанѣ I Прокоповичѣ (дядѣ знаменитаго Ѳеофана), который былъ учителемъ въ кіевскомъ коллегіумѣ съ 1675 г., былъ даже избранъ въ ректоры и игумены Братскаго монастыря, но, по смиренію, отказался отъ этихъ должностей, славился, какъ „искусній проповѣдникъ слова Божія“, и скончался 3 апр. 1689 г. Тарасій, очевидно, учился въ самомъ началѣ учительской службы Ѳеофана, когда онъ преподавалъ еще въ низшихъ классахъ коллегіума.

Баръ на поклоненіе мощамъ чудотворца Николая. Пускаясь въ дальній и опасный путь, благочестивый инокъ предварительно посѣтилъ мѣстные монастыри: около года прожилъ въ Макошинскомъ, что близъ Батурина, монастырѣ, затѣмъ былъ въ Кіевѣ. Заручившись открытыми листами (удостовѣряющими его личность, какъ пилигрима) отъ управлявшаго Макошинскимъ монастыремъ преосвященнаго Никодима, титуловавшагося «митрополитомъ батуринскимъ», равно и отъ кіевопечерскаго архимандрита Іоасафа Кроковскаго, Каплонскій въ маѣ 1697 г. выѣхалъ «за польскій рубежъ» и черезъ Подлѣсы и Жолковъ прибылъ въ Краковъ. Здѣсь 9 іюня бурмистръ и райцы снабдили его «проезжимъ» листомъ, удостовѣрявшимъ, что «честный отецъ Тарасій Каплонскій, іеромонахъ закона св. Василія Великаго, по своему намѣренію путешествуетъ въ Римъ къ порогамъ св. апостоловъ Петра и Павла и для посѣщенія иныхъ св. мѣстъ», что онъ идетъ изъ мѣстъ благополучныхъ отъ какого-либо моровопо повѣтрія, и потому его слѣдуетъ «безопасно пропускать и сему пособіе и милостыню подавать въ чаяніе возмездія за то отъ Господа Бога». Въ началѣ августа Каплонскій былъ уже въ чешской Прагѣ и получилъ здѣсь два «проѣзжихъ листа»: отъ мѣстнаго городского «сената» и пражскаго арцибискупа; въ обоихъ листахъ онъ поименованъ монахомъ базиліаниномъ *полякомъ*. Дальнѣйшій путь его лежалъ «на городы владѣнія Баварскаго князя: Миниxенъ (Мюнхенъ), Авшпуркъ (Аусбургъ), на Теролю (Тироль), на Іншпрукъ (Инсбрукъ), а оттуда «до Венецкого княжества». Въ Венеціи нашъ путешественникъ пробылъ около двухъ недѣль и отсюда черезъ Падую и Феррару «ѣхалъ на городы папы римскаго, на Бононію и на Анконію, что стоитъ при Бѣломъ морѣ» (Адріатическомъ). Узнавъ, что въ гавани въ то время находился здѣсь царскій стольникъ Михаилъ Хилковъ съ братьями, Тарасій счелъ нужнымъ повидаться съ соотечественниками и посѣтилъ ихъ на кораблѣ. Изъ Анконы отправился онъ въ Лорето, гдѣ видѣлъ «домъ праведныхъ богоотецъ Іоакима и Анны и прикладывался къ блюду пресвятыя Богородицы, на которомъ она кушала, и съ того блюда взялъ воды»; здѣсь же, въ Лорето, онъ былъ на исповѣди «у ксенза римской вѣры», такъ какъ оказалось, что безъ этого ему не выдали бы «свидѣтельственнаго листа о бытіи его» тамъ, а нашъ пилигримъ, какъ мы уже замѣтили, старался всюду выпрашивать такіе «листы», потому что они служили ему и «проѣзжими» документами, и въ то же время предоставляли возможность пользоваться

гостепріимствомъ въ католическихъ монастыряхъ и разнаго рода страннопріимныхъ учрежденіяхъ.

Въ концѣ октября того же 1697 г. Каплонскій былъ уже въ Римѣ, посѣтилъ «костелъ, гдѣ лежатъ мощи св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла», т. е. храмъ св. Петра, и здѣсь также исповѣдывался у ксендза-іезуита; при этомъ, конечно, онъ долженъ былъ скрыть свою принадлежность къ православной церкви, а «сказывался, что онъ римской вѣры законникъ», и въ удостовѣреніе бытія у исповѣди и «разрѣшенія отъ грѣховъ» получилъ форменное удостовѣреніе, въ которомъ онъ названъ «полякомъ». Побывъ въ Римѣ всего лишь три дня, Каплонскій «ѣхалъ владѣнія гишпанского короля на городы Неаполь, а изъ Неаполя въ Баръ-градъ:» Не доѣзжая послѣдняго города, онъ встрѣтился на пути съ соотечественниками—стольниками Дмитріемъ и Петромъ князьями Голицыными, Шереметьевыми, Лопухинымъ, Ртищевымъ и съ княземъ Лобановымъ. «И въ Барѣ градѣ будучи, видѣлъ онъ мощи святителя Христова Николая: лежатъ въ костелѣ великомъ, кругомъ гробницы лампады серебряныя золочены, на гробницѣ вылитъ изъ серебра образъ св. Николая». Здѣсь, въ этомъ конечномъ пунктѣ своего паломничества, о. Тарасій не только «исповѣдывался отъ езувита, тамо начальствующаго», но и причастился св. таинъ, взялъ нѣсколько сосудовъ съ миромъ отъ мощей св. Николая и въ удостовѣреніе всего этого получилъ «свидѣтельственный листъ», датированный 29 ноября, по новому стилю. Пробывъ въ Барѣ всего лишь три дня, Каплонскій прежнимъ путемъ отправился въ обратный путь, но изъ Вѣны повернулъ на Варшаву, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Смоленскъ и 16 мая 1698 г. «самъ-другъ съ челядникомъ, который присталъ къ нему въ Польшѣ», прибылъ въ Москву и явился къ патріарху.

Кромѣ краткаго отчета о своемъ путешествіи, Каплонскій сообщилъ также въ Малороссійскомъ приказѣ нѣкоторыя вѣсти о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, слышанныя имъ въ Аусбургѣ, въ Вѣнѣ и въ польскихъ городахъ, предъявилъ всѣ имѣвшіеся у него «проѣзжіе» и «свидѣтельствованные листы», которые въ приказѣ были тотчасъ же переведены и записаны, и наконецъ объявилъ, что онъ «великому государю привезъ святыни, святителя Христова Николая мира скляночку. Какъ кажется, это благочестивое подношеніе было принято царемъ Петромъ Алексѣевичемъ благосклонно, и 3-го іюня Каплонскій получилъ царскую отпускную грамоту съ указомъ

на имя воеводъ и приказныхъ людей о безпрепятственномъ пропускѣ и дачѣ ему подводъ до Чернигова.

О дальнѣйшей судьбѣ Тарасія Каплонскаго не приходилось намъ встрѣчать никакихъ извѣстій. О. Л.

Бумаги государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи. Въ львовскомъ журналѣ «Kwartalnik historyczny» за текущій годъ, вып. I, г. А. Гиршбергъ даетъ подробный списокъ хранящихся въ названномъ архивѣ дѣлъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для дипломатической и внутренней исторіи Малороссіи, Польши, Пруссіи, Курляндіи, Трансильваніи, Крыма, Молдавіи и Валахіи, а также дѣлъ библіотеки гр. Браге и упсальскаго университета. Списокъ этотъ опубликованъ также въ III т. изданныхъ администраціей архива въ 1886 г. «Извѣстіяхъ шведскаго госуд. архива». Въ виду малой распространенности этого изданія, считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь списокъ дѣлъ, вошедшихъ въ рубрику «Cosacica».

1) Förhandlingar emellan Sverige och Kosakerna innehöllande bl. a: (Акты о сношеніяхъ Швеціи съ козаками):

Ablegaten Otto Vellings depecher . . .	1657 г.
Ablegaten Gustaf Liliencronas dep. . . .	1657 »
Residenten Daniel Olivebergs dep. . . .	1657—1658 »
Fältherrars och underfältherrars bref till Svenska Konungahuset (письма гетмановъ и кошевыхъ къ шведскимъ королямъ):	
Bohdan Chmielnicki	1654—1657 »
Ioannes Wyhowski	1657—1658 »
Nikita Bogusoh (sic)	1710 »
Iosip Kijrilenko	1710 »
Konstantin Gordienko	1712 »
Ivan Malasjevitj (sic)	1720 »
Vasilij Jerofeov	1721 »
Strödda handlingar rörande Kosakerna (Разные акты, касающіеся козаковъ). . . .	1654—1721 »

2) Fältherren Philip Orlik bref till svenska konungahuset och kansliembetsmän (письма Орлика, къ шв. королямъ и чинамъ королевской канцеляріи) 1711 -1741.

Изъ актовъ библіотеки гр. Браге, составляющей нынѣ отдѣлъ государственнаго архива въ Стокгольмѣ, отмѣтимъ бѣлорусскій днев-

никъ переговоровъ 1611 и 1612 г. объ избраніи Владислава на московское царство (по катал., т. I, № 17), акты, относящіеся до пребыванія Карла XII въ Бендерахъ (тамъ-же, № 136), отрывки изъ дневниковъ по исторіи войнъ 1633 и 1649 г.г.

Г. Гиршберъ чрезвычайно лестно отзывается о любезности администраціи архива и готовности ихъ оказать всякое содѣйствіе изслѣдователямъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ № 4 былъ напечатанъ первый списокъ лицъ, внесшихъ въ контору нашей редакціи пожертвованія на сооруженіе памятника Ивану Петровичу Котляревскому въ Полтавѣ, всего на сумму 438 р. Въ теченіе апрѣля мѣсяца вновь поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) отъ женскаго персонала служащихъ въ кіевской женской гимназіи—А. И. Д—ъ, Э. Б. З—ъ, Л. А. А—ой—*по 1 руб.*, К. А. Г—ь, Е. А. Г—ь, Е. Г. П—ой, М. Г. П—ой, А. Ф. Б—ъ, О. Ф. Б—ъ, В. К. Н—ой, В. Н. Н—й, М. П. Н—ой, Н. Н. К—ой—*по 50 коп.*,—всего *8 руб.*; 2) получено при письмѣ изъ Канева: отъ В. С. Гнилосырова и А. Л. Пото—*по 3 руб.*, отъ Н. И. Борымской, А. Ковалевской, А. Ф. Вержбицкаго, Ф. С. Вильчинскаго, А. М. Земичковскаго—*по 2 руб.*, отъ И. В. Никольскаго, М. В. Наумова, М. В. Ученковскаго, В. Ф. Вержбицкаго, С. И. Билеки, И. Радчевскаго, А. Т. Ступникова, А. И. Гдѣшинскаго—*по 1 руб.*, отъ Ю. Воликовской, М. К. Воликовскаго, Марченка—*по 50 коп.*, отъ NN и X—*по 20 коп.*,—всего *25 р. 90 к.*; 3) отъ отдѣльныхъ лицъ: Н. Лисенко—5 руб., В. Б. Антоновичъ, К. Забѣлло, Д. Чолакъ—*по 3 р.*, А. В. Геркенъ, Л. П. Геркенъ—*по 2 руб.*, Ив. Антоновичъ, В. И. Антоновичъ, О. Грушевскій, А. Берло, О. Окуневская, А. Кучинскій, О. Лисенко, М. Михновскій, М. Н. Пантелѣевъ—*по 1 руб.*, М. Тимченко, Е. Тимченко, М. Кононенко, Т. Кононенко, Г. Михновскій, Ол. Гавришъ, Т. Малеваный, К. М.—*по 50 коп.*, К. Лисенко—*40 к.*, О. Лисенко, Г. Лисенко, М. Нещадименко—*по 25 коп*, Муся Лисенко, Б. Каминскій—*по 15 к.*, всего—*32 р. 45 к.*; 4) при письмѣ изъ г. Шацка (тамб. губ.) отъ почитателей автора Энеиды—*5 руб.* Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступило пожертвованій—*71 р. 35 к.*, что вмѣстѣ съ прежними 438 р. (см. № 4) составитъ *509 р. 35 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Св. Е. Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ подольской епархіи.—I. Каменецкій уѣздъ. Каменецъ-Подольскъ 1895.

Трудъ св. Сѣцинскаго, вышедшій въ концѣ 1895 года, составляетъ седьмой томъ трудовъ подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Комитетъ этотъ, основанный въ 1865 году подольскимъ епископомъ Леонтіемъ, много потрудился съ того времени для собранія историческаго и статистическаго матеріала и для научной его разработки съ цѣлью выясненія исторической судьбы Подолія. Успѣшному ходу занятій комитета способствовало совпаденіе двухъ благопріятныхъ обстоятельствъ; комитетъ постоянно пользовался просвѣщеннымъ покровительствомъ цѣлаго ряда преемственныхъ епископовъ: пр. Леонтія, Ѳеогноста, Іустина, Доната и особенно внимательною заботливостью о ходѣ научныхъ занятій комитета нынѣ управляющаго подольскою епархіею, преосвященнаго Дмитрія; съ другой стороны, въ составъ комитета вошли члены, обладающіе серьезною научною подготовкою и искреннею любовью къ исторической наукѣ, какъ гг. Симашкевичъ, Яворовскій, св. Сѣцинскій и другіе.— Съ самаго начала своего существованія комитетъ постановилъ своею задачею составить систематическое описаніе приходовъ и церквей подольской епархіи и съ этою цѣлью обратился къ священникамъ съ предложеніемъ доставлять въ комитетъ описаніе приходовъ по даннымъ, имѣющимся въ церковныхъ документахъ и сохранившимся въ мѣстныхъ преданіяхъ.—Описанія эти стали поступать въ комитетъ, но оказались по большой части недостаточными, какъ по скудости свѣдѣній, такъ и по недостатку критическаго отношенія къ преданіямъ; вслѣдствіе этого въ 1875 г. комитетъ рѣшилъ дополнить

недостающія свѣдѣнія разработкою историческаго матеріала, хранящагося въ архивѣ консисторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ разрѣшенія пр. Ѳеогноста, комитетъ постановилъ издавать собранный имъ матеріалъ въ отдѣльной серіи томовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета», которые должны были выходить въ качествѣ приложенія къ епархіальнымъ вѣдомостямъ; тогда-же составлена была новая, болѣе подробная программа для собиранія нужныхъ свѣдѣній и разослана священникамъ. Принявъ, такимъ образомъ, мѣры для собранія нужныхъ матеріаловъ, комитетъ постановилъ печатать въ «Трудахъ» какъ важнѣйшіе изъ нихъ, такъ и изслѣдованія, составленныя на основаніи собранныхъ матеріаловъ. Первая книжка «Трудовъ» появилась уже въ 1876 году и, затѣмъ, дальнѣйшія выходили въ 1879, 1887, 1889, 1891, 1893 и 1895 годахъ. Дѣятельность комитета, по инициіативѣ преосвященнаго Дмитрія, была сверхъ того расширена въ 1890 году устройствомъ при соборѣ епархіальнаго древнехранилища, въ которомъ, подъ охраною комитета, собираются: библіотека, состоящая изъ книгъ историческихъ и старопечатныхъ, а также рукописей, архивъ и коллекціи вещественныхъ памятниковъ старины [1]). Въ перечисленныхъ томахъ «Трудовъ» напечатаны были весьма цѣнныя для науки изслѣдованія и сборники матеріаловъ; между ними особенно выдаются: Историко - географическій и этнографическій очеркъ Подоліи св. Симашкевича (т. I)—трудъ, задуманный по очень широкой программѣ, но къ несчастію, вслѣдствіе перемѣны мѣста служенія автора, не оконченный. «Опись церковно служебныхъ книгъ, принадлежащихъ комитету» (т. I), составленная весьма тщательно Т. Бѣленькимъ; «Историческій очеркъ уніи въ Брацлавщинѣ» (т. III) и «Матеріалы для исторіи уніи» (т. V)—два сборника весьма цѣнныхъ документовъ, редактированные г. Яворовскимъ; Очеркъ исторіи подольскихъ армянъ протоіерея Дороновича (т. II); Современная статистика подольской епархіи за 1891—1892 г.г. (т VI), составленная г. Греченкомъ, и прекрасная монографія св. Сѣцинскаго»: «Матеріалы для исторіи монастырей подольской епархіи» (т. V), гдѣ собраны

---

[1]) Уже два года спустя послѣ основанія древнехранилища, въ 1892 году въ немъ было собрано: историческихъ сочиненій 421, старопечатныхъ книгъ 80, рукописей 49, портретовъ, гравюръ и рисунковъ 342, картъ 7, церковныхъ древностей 161 и предметовъ археологическихъ 142 Съ того времени коллекціи древнехранилища постоянно умножаются пожертвованіями лицъ, сочувствующихъ трудамъ комитета.

историческія свѣдѣнія о 56 монастыряхъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и существовавшихъ прежде въ предѣлахъ нынѣшней Подоліи, и приведены многочисленные документы, въ томъ числѣ цѣлая лѣтопись Сатановскаго монастыря.

Энергическія заботы комитета о собраніи и разработкѣ историко-статистическаго матеріала дозволили ему наконецъ приступить въ 1895 году къ выполненію главной своей задачи, составленію систематическаго историко-статистическаго описанія епархіи; трудъ этотъ принялъ на себя членъ комитета св. Сѣцинскій и выполнилъ первую часть его—«Описаніе каменецкаго уѣзда».—Трудъ св. Сѣцинскаго представляетъ, какъ по количеству собранныхъ матеріаловъ, такъ и по критическимъ пріемамъ автора, одну изъ лучшихъ историко-статистическихъ работъ, посвященныхъ разработкѣ мѣстной, областной исторіи. Авторъ основательно изучилъ историческую литературу и изданные понынѣ актовые матеріалы, относящіеся къ Подоліи, и сверхъ того пополнилъ ихъ многочисленными данными, почерпнутыми изъ документовъ, принадлежащихъ консисторіи, комитету и другимъ архивамъ. Описаніе мѣстностей онъ распредѣлилъ въ географическомъ порядкѣ по благочиніямъ; въ каждомъ-же благочиніи размѣщены приходы въ алфавитномъ порядкѣ. Можетъ быть, порядокъ строго географическій, по бассейнамъ рѣкъ, былъ-бы болѣе естественнымъ, чѣмъ порядокъ, основанный на церковно-административномъ дѣленіи, но авторъ въ этомъ отношеніи держался схемы, принятой въ статистическомъ описаніи епархіи (т. VI), и нѣкоторое неудобство, вытекающее изъ такого распредѣленія, устранилъ приложеніемъ подробно составленнаго указателя географическихъ именъ.—Описаніе начинается очеркомъ исторіи города Каменца и его церквей, затѣмъ слѣдуетъ описаніе приходовъ, расположенныхъ въ уѣздѣ. Въ каждомъ приходѣ сообщаются географическія свѣдѣнія о данной мѣстности, затѣмъ свѣдѣнія объ основаніи или первомъ встрѣчающемся упоминаніи о данномъ поселеніи и разсказана его исторія, на сколько она могла быть возстановлена по свидѣтельству источниковъ; далѣе приведены цифры статистическія о народонаселеніи и землевладѣніи, какъ въ прошедшее время (тамъ, гдѣ дозволили это сдѣлать документальныя свидѣтельства), такъ и современныя. Затѣмъ описаны археологическіе памятники, сохранившіеся въ чертѣ земель описываемаго селенія: городища, курганы, пещеры, селища и т. д., сообщаются свѣдѣнія о производившихся археологическихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ этихъ памятниковъ, перечисляются споради-

ческія находки предметовъ древности и сообщаются связанныя съ памятниками народныя преданія; впрочемъ, къ послѣднимъ авторъ относится строго критически и отмѣняетъ долю ихъ достовѣрности. Далѣе авторъ переходитъ къ исторіи мѣстнаго церковнаго зданія, сообщаетъ свѣдѣнія о времени и условіяхъ основанія церкви, объ обновленіи обветшавшихъ и времени возстановленія разрушенныхъ церквей, сообщаетъ статистическія данныя о количествѣ прихожанъ и церковномъ землевладѣніи какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящее время, цитируетъ документы, относящіеся къ исторіи церкви, и описываетъ древніе предметы церковнаго обихода, богослужебныя книги, надгробія и надписи, сохранившіяся въ каждой церкви, и заканчиваетъ описаніе перечнемъ приходскихъ священниковъ, управлявшихъ преемственно приходомъ, насколько перечень такой возможно было составить по имѣющимся документамъ.

Вообще книга св. Сѣцинскаго представляетъ весьма полезный вкладъ въ историческую литературу; мы искренно желаемъ его продолженія и увѣрены, что при научныхъ критическихъ пріемахъ и глубокомъ знаніи исторической литературы предмета, авторъ не замедлитъ порадовать всѣхъ любителей исторической старины нашего края изданіемъ продолженія своего труда. Частнымъ образомъ мы получили свѣдѣніе, что св. Сѣцинскій приступилъ уже къ описанію Ушицкаго уѣзда, и отъ всей души желаемъ успѣха этому полезному для науки предпріятію.

В. Антоновичъ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. К. 1896 г.

Судя по «свѣдѣніямъ о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца съ 27 октября 1894 года по 27 октября 1895 года», напечатаннымъ въ *десятой* книгѣ «Чтеній», Общество проявляло довольно живую дѣятельность; рефераты читались чрезъ каждыя двѣ недѣли и касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: археологіи, исторіи церкви, русской и малорусской исторіи и литературы, всеобщей исторіи и т. д. Къ сожалѣнію только, способъ веденія протоколовъ Общества лишаетъ возможности имѣть какое-нибудь поня-

тіе о томъ, обмѣнивались-ли члены Общества своими мнѣніями по поводу прочитанныхъ рефератовъ, къ какимъ результатамъ пришли они при обсужденіи и т. д. Это тѣмъ болѣе жаль, что задачей Общества является «обмѣнъ мнѣній», а не пассивное выслушиваніе различныхъ докладовъ, большинство которыхъ можно было бы съ большимъ, пожалуй, вниманіемъ прочесть, когда они будутъ напечатаны въ «Чтеніяхъ» Общества.

Содержаніе *десятой* книги «Чтеній» довольно таки скудно. На первомъ мѣстѣ напечатана статья П. Л. *«Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ»*, представляющая изъ себя компиляцію мнѣній прежнихъ историковъ о томъ, что первымъ митрополитомъ на Руси былъ не Михаилъ Сиринъ. П. Л. больше всего занимаетъ вопросъ о мощахъ Михаила, и онъ остроумно рѣшаетъ, что разъ въ X—XI в. митрополита Михаила не было, значитъ—и мощей его быть не могло. Обходя всѣ Сциллы и Харибды, П. Л. высказываетъ предположеніе, что мощи могутъ принадлежать митрополиту Михаилу XII в. «Такое признаніе не представляетъ и особеннаго практическаго затрудненія, такъ какъ при этомъ не измѣняются ни имя, ни санъ, ни титулъ святителя, нетлѣнно почивающаго своими мощами въ кіево-печерской лаврѣ; мощи остаются принадлежащими святому митрополиту кіевскому Михаилу, только митрополиту не X и не XI, а XII в.»

Статья Л. В. Падалки *«По вопросу о времени основанія города Полтавы»* мало подвигаетъ вопросъ впередъ. Авторъ противъ отождествленія лѣтописной «Лтавы» съ «Полтавой» и старается доказать невозможность подобнаго лингвистическаго превращенія. Мы, конечно, отказываемся спорить съ авторомъ на филологической почвѣ, хотя думаемъ, что говорить о какой-нибудь закономѣрности лингвистическихъ «переходовъ» тамъ, гдѣ происходило самое уродливое смѣшеніе различныхъ нарѣчій, нельзя. Пусть уважаемый авторъ обяснитъ намъ, путемъ какихъ «переходовъ» изъ С.-Петербурга образовался Питеръ, изъ Нахичевани—Кочевань, изъ Грандъ-Отель—Гринатель и т. п. Авторъ разсуждаетъ: «Лингвистика не допускаетъ превращенія слова» «Лтава» въ «Полтава»: слогъ «по» въ этомъ послѣднемъ словѣ не можетъ быть приставной, что необходимо было-бы, если бы названіе «Полтавы» образовалось изъ «Лтавы». Природа органическаго языка, требующая, чтобы слово было образомъ обозначаемаго имъ предмета,

исключаетъ возможность образованія собственнаго имени города съ приставкой, въ данномъ случаѣ ничего не выражающей (?!). Какое представленіе можетъ, въ самомъ дѣлѣ, связаться съ словомъ, происходящимъ отъ корня «*Лт*» или «*Лѣт*» съ приставкой «*По*»? Какой оттѣнокъ въ искомомъ понятіи могла бы выразить такая приставка?» (стр. 15—16). Здѣсь цѣлый рядъ, по нашему мнѣнію, сплошныхъ недоразумѣній. Почему Л. В. Падалкѣ кажется, что въ словѣ Полтава корень *Лт* или *Лѣт*, а не *Лтав*? Затѣмъ, почему автору кажется, что приставка *По* ничего не выражаетъ? Намъ неизвѣстно, что такое *Лтава*, потому и кажется, что приставка ничего не выражаетъ, но допустимъ, что *Лтава* рѣчка, впадающая въ Ворсклу, допустите, что Лтава—то нагорье Ворсклы, по которому раскинулась современная наша Полтава, и тогда *Полтава*, какъ названіе города, получитъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Мы никакой гипотезы не выставляемъ; намъ хочется только отмѣтить, что съ пріемами филологическими въ области исторіи нужно обращаться очень осторожно; филологія для исторіи можетъ имѣть только подчиненное значеніе, а потому выставлять первымъ при рѣшеніи чисто историческаго вопроса положеніе филологическое—есть, по нашему мнѣнію, грубая ошибка. Чтобы тамъ ни говорили, а трудно отрѣшиться отъ того, что между *Полтавой* и *Лтавой* нѣтъ ничего общаго, разъ и та и другая лежатъ на р. Ворсклѣ. Л. В. Падалка не поколеблетъ своими соображеніями этого «предубѣжденія».

Историческія соображенія Л. В. Падалки также мало убѣдительны, такъ какъ главное положеніе его, будто «несомнѣнно то, что въ дѣятельности Витовта, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается рѣшеніе занимающаго насъ вопроса объ основаніи г. Полтавы» (стр. 29),—остается для насъ недоказаннымъ. То обстоятельство, что Полтава упоминается въ XV вѣкѣ впервые, не даетъ намъ еще *ровно никакого права* относить основаніе ея къ энергичной дѣятельности Витовта.

Соображенія уважаемаго автора относительно происхожденія г. Полтавы отъ корня *плот* (пълот)=плетень, ограда, намъ кажутся, совершенно искусственными: такимъ способомъ можно Богъ знаетъ изъ какого корня произвести названіе г. Полтавы, если упускать изъ виду историческое свидѣтельство, что въ XII в. на Ворсклѣ существуетъ какая-то *Лтава*, гдѣ никакого и признака корня *плот* нѣтъ, и эта то *Лтава* составляетъ сущность названія города въ XV, XVI,

XIX в.в. Пусть проститъ наши сомнѣнія уважаемый авторъ; намъ кажется, въ вопросѣ о происхожденіи Полтавы онъ нѣсколько нарушилъ свою обычную осторожность и слишкомъ далеко зашелъ въ область гадательнаго.

Самой интересной статьей въ десятой книгѣ «Чтеній» является, безъ сомнѣнія, статья А. А. Андріевскаго «*Послѣдніе кіевскіе сотники*», содержащая въ себѣ богатый матеріалъ для бытовой стороны кіевской сотни во вторую половину XVIII вѣка. Послѣдніе кіевскіе сотники были изъ рода Гудимъ. Родъ этотъ происхожденія мѣщанскаго и разбогатѣлъ разными недозволенными средствами въ прошломъ столѣтіи. Одинъ изъ этихъ Гудимъ, Павелъ Ивановичъ, былъ въ 1750-хъ годахъ кіевскимъ сотникомъ, не смотря на то, что, по происхожденію былъ не козакъ, а мѣщанинъ, слѣдовательно, не имѣлъ права участвовать въ козацкихъ урядахъ. Но въ это время началось уже окончательно перерожденіе козацкихъ порядковъ, а потому Павелъ Гудимъ легко могъ, какъ выражается о немъ оффиціальный документъ, «снискать себѣ сотництво ради одного подступнихъ мѣсту шинковъ горѣлчанихъ произвожденія» (стр. 30). Сотничій урядъ послѣ Павла оставался, по наслѣдству, въ родѣ Гудимъ, а разныя злоупотребленія послѣднихъ въ роли сотниковъ и составляютъ содержаніе въ высшей степени любопытной статьи А. А. Андріевскаго.

Проф. В. Б. Антоновичу принадлежитъ статья «*По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала*». Ранѣе она была напечатана въ газетѣ «Кіевское Слово», а теперь перепечатана съ нѣкоторыми дополненіями. Статья В. Б. Антоновича носитъ полемическій характеръ и вызвана тѣмъ шумомъ, который произвели статьи г. Т. Кибальчича въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» по поводу уничтоженія акцизнымъ вѣдомствомъ при постройкѣ виннаго склада остатковъ вала, якобы построеннаго при Ярославѣ Мудромъ. В. Б. Антоновичъ шагъ за шагомъ разбираетъ историческую и археологическую аргументацію г. Кибальчича и доказываетъ ея полную несостоятельность. По предположенію В. Б. Антоновича, основанному на самыхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, снесенный акцизнымъ вѣдомствомъ валъ насыпанъ не Ярославомъ Мудрымъ, а представляетъ изъ себя «одинъ изъ ретраншементовъ Миниха», насыпанъ, значитъ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Статья В. Б. Антоновича, по богатству историческихъ и археологическихъ данныхъ, по критикѣ ихъ и осто-

рожности выводовъ, является крупнымъ вкладомъ въ исторію топографіи Кіева.

Отдѣлъ «Матеріаловъ» въ книгахъ «Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца» никогда еще не былъ такъ скудент и однообразенъ, какъ въ *десятой* книгѣ. *«Матеріалы по характеристикѣ послѣднихъ кіевскихъ сотниковъ»* А. А. Андріевскаго въ высшей степени цѣнны и подобраны умѣлой рукой, захотѣвшей отдѣлить въ нихъ пшеницу отъ плевелъ. За то 108 стр. *«Матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви»*, на ряду съ интересными и цѣнными документами, заключаютъ много такого, что имѣетъ второстепенное значеніе, печатаніе же подобнаго матеріала является прямо таки роскошью для такого небогатаго Общества, какое представляетъ изъ себя «Общество Нестора Лѣтописца». За это можно сильно упрекнуть какъ проф. С. Т. Голубева, такъ и редакцію десятой книги «Чтеній»: неужели редакція придаетъ большое научное значеніе многословно-пустымъ письмамъ «былаго виленскаго старшого іеромонаха Феофана»? А, вѣдь, этихъ писемъ не мало...

Съ недавняго времени въ «Чтеніяхъ» Общества Нестора Лѣтописца заведенъ отдѣлъ «библіографіи». Признаемся, мы не совсѣмъ понимаемъ, какой потребностью вызванъ этотъ отдѣлъ въ Сборникѣ, выходящемъ maximum разъ въ годъ? Библіографія, разъ она не разростается въ научныя статьи по поводу извѣстнаго сочиненія, имѣетъ цѣлью знакомить читателей съ вновь выходящими книгами и изданіями и устанавливать извѣстную точку зрѣнія на нихъ. Отсюда вытекаетъ потребность, чтобы рецензіи печатались въ болѣе доступныхъ для публики журналахъ, а не въ такихъ Сборникахъ, какъ «Чтенія въ Обществѣ Нестора», куда даже ученая публика, навѣрно, заглядываетъ только тогда, когда желаетъ навести справки по тому или другому вопросу. При такихъ условіяхъ рецензія, во-первыхъ, теряетъ свой raison d'etre, а во вторыхъ, вызываетъ недоразумѣніе и появленіе отдѣльныхъ рецензій въ спеціальномъ Сборникѣ. Можно было бы понять еще, если бы въ «Чтеніяхъ» былъ организованъ отдѣлъ рецензій на подобіе, напр., «Записокъ Науковаго Товариства им. Шевченка» во Львовѣ, тогда бы отдѣлъ этотъ могъ имѣть справочное значеніе. А то извольте теперь догадаться, что прекрасная, строго научная рецензія А. М. Лазаревскаго, уничтожающая совсѣмъ «Исторію Запорожскихъ козаковъ» Д. И. Эварницкаго, какъ самостоятельный трудъ, находится въ *десятой* книгѣ «чтеній». Это тѣмъ болѣе жаль, что для публики рецензія А. М. Лазаревскаго

остается неизвѣстной, и публика съ тѣмъ же довѣріемъ будетъ относиться къ г. Эварницкому, съ какимъ относилась и до сихъ поръ. И это не только простая, но даже ученая публика, что, конечно, вполнѣ понятно. Отдѣлъ библіографіи намъ кажется совершенно излишнимъ въ «Чтеніяхъ», а потому гораздо было бы полезнѣе, если бы 50 страницъ, посвященныя библіографіи, были отданы, напр., на напечатанье, положимъ, «Нѣжинскаго историческаго слѣдствія о маетностяхъ» и мн. др. документовъ по исторіи Малороссіи.

Кромѣ рецензіи А. М. Лазаревскаго, въ «Чтеніяхъ» помѣщена и другая рецензія В. З. Завитневича на книгу А. А. Олесницкаго «Мегалитическіе памятники святой земли», заключающіе въ себѣ обширный и подробный пересмотръ работы профессора кіевской духовной академіи—и только, если не считать указаній на стр. 47 рецензентомъ литературы о томъ, кто когда у насъ, въ Россіи, интересовался мегалитическими памятниками. Читатель можетъ видѣть изъ этого, какъ *случайна* «библіографія» «Чтеній».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о нумераціи страницъ въ «Чтеніяхъ». Намъ кажется въ высшей степени неудобнымъ, что каждый отдѣлъ имѣетъ особую нумерацію. Это только затрудняетъ пользованіе книгой. По нашему мнѣнію, было бы удобнѣй, если бы въ книгѣ было только два отдѣла: протоколъ и затѣмъ труды общества. Кто пользовался книгами «Чтеній», тотъ, думаемъ, согласится съ нами.

Н. В.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакціею Михайла Грушевського. Томъ IX и X (1896, кн. I—II). Стр. 194+202[1]).

Въ X т. «Записокъ» редакторъ даетъ общій обзоръ дѣятельности львовскаго научнаго общества имени Шевченка за три года его существованія. Независимо отъ чтенія рефератовъ (большею частью помѣщаемыхъ въ «Запискахъ») въ засѣданіяхъ трехъ секцій общества, послѣднее значительно расширило свое издательское дѣло. Въ минувшемъ году «Записки» выходили четыре раза въ годъ, матеріалъ сгруппированъ въ постоянныхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ наиболѣе полно поставленъ отдѣлъ библіографическій. Предпола-

¹) Обзоръ содержанія I—VIII т. т. „Записокъ" см. въ „Кіев. Стар." 1895 г., ноябрь и декабрь, 1896 г., февраль.

гается выпускать томъ «Записокъ» черезъ каждые два мѣсяца, а болѣе обширныя изслѣдованія, сборники матеріаловъ и т. п. издавать отдѣльно. Кромѣ «Записокъ», общество продолжало изданіе «Юридическаго журнала», «Исторической библіотеки» и «Зори»; начато изданіе «Источниковъ для исторіи Украины-Руси» (вышелъ I-й томъ, содержащій люстраціи королевщинъ въ земляхъ Галицкой и Перемышльской 1565—6 гг., со вступительной статьей г. Грушевскаго, собравшаго и матеріалъ для этого тома); задумано изданіе «Памятниковъ украинско-русскаго языка и литературы» —первый томъ будетъ выпущенъ въ настоящемъ году, подъ ред. г. Франка; изданъ первый томъ «Этнографическаго Сборника». При скудости матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ молодое общество, и трудности этого новаго и сложнаго дѣла, нельзя не удивляться энергическимъ начинаніямъ кружка галицкихъ литераторовъ и ученыхъ и не пожелать возможно широкаго развитія дѣятельности общества, направленной къ разработкѣ научныхъ вопросовъ на родномъ языкѣ.

Кромѣ научной хроники, мелкихъ замѣтокъ и библіографическаго обзора, который, какъ отмѣчено уже не разъ, ведется весьма успѣшно, въ настоящихъ двухъ томахъ находимъ нѣсколько болѣе обширныхъ статей, интересныхъ по содержанію и обработкѣ. Г. Ал. Лотоцкій въ статьѣ «Соборные клиросы въ Украинѣ и Бѣлоруссіи XV—XVI в.» (т. IX, 1—34) попытался дать, на основаніи главнымъ образомъ актоваго матеріала, характеристику внутренняго строя церковно-приходской жизни и выяснить значеніе соборнаго клира въ отношеніи административномъ, судебномъ и хозяйственномъ. При разбросанности матеріала по этому вопросу и преобладающемъ вліяніи обычнаго права въ нормированіи внутреннихъ церковныхъ отношеній на Руси разсматриваемой эпохи, авторъ, конечно, не задается безплодною мыслью дать въ своемъ изслѣдованіи точную схему или кодексъ мѣстнаго административно-каноническаго права. Вѣроятно, по той же причинѣ авторъ уклонился отъ подробнаго сравненія изслѣдуемаго института со строемъ иновѣрныхъ церквей, имѣвшимъ свое вліяніе на жизнь западно-русской церкви. Цѣль его—сгруппировать наличный, достаточно скудный, матеріалъ и дать посильное объясненіе по уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ о строѣ старой церковной жизни. Въ этихъ предѣлахъ поставленная задача выполнена авторомъ съ большою осторожностью, и статья читается съ интересомъ.

Г. Вас. Щуратъ (IX, 1—28) въ статьѣ о Словѣ Даніила Заточника даетъ обзоръ изданій этого памятника, мнѣній о его происхожденіи и значеніи. Пользуясь изданіемъ Леграна и изслѣдованіями Крумбахера, авторъ доказываетъ, что «Слово» въ основѣ представляетъ собою чуть-ли не простой переводъ стихотворныхъ посланій византійскаго хрониста Михаила Глики къ имп. Мануилу Комнену (XII в.) и поэтому имѣетъ также ближайшее сходство съ поэмами современника Глики Өеодора Птохопродрома. На этой заимствованной основѣ позднѣйшіе переписчики и передѣлыватели рисовали дальнѣйшіе узоры по собственному вкусу, откуда разница въ изданіяхъ. Такимъ образомъ, «Слово» лишено всякой исторической подкладки и въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ извѣстныхъ Пчелъ, Златоструевъ и др. компилятивныхъ сборниковъ преимущественно поучительнаго содержанія. Въ концѣ статьи приложено и самое «Слово» по копіи Толстого XVII, съ важнѣйшими разночтеніями. Составленіе «Слова» въ неизвѣстной намъ первоначальной формѣ авторъ относитъ къ XIII или началу XIV ст.

Г. Евг. Барвинскій (X, 1—34) въ статьѣ «Къ исторіи сношеній императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками въ 1593 и 1594 гг.» представилъ интересный очеркъ этой неудавшейся военно-дипломатической кампаніи. Въ концѣ статьи приведено нѣсколько выписокъ изъ неизданныхъ актовъ вѣнскаго Haus-Hof-Archiv'a, изъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ и Чарторійскихъ въ Краковѣ.

Указанная уже въ прежнемъ обзорѣ (Кіев. Стар. 1896 г., февр.) статья г. Ив. Франка о романѣ «Варлаамъ и Іоасафъ» (X, 29—80) оканчиваетъ критическій обзоръ содержанія этого памятника, даетъ сравненіе текста креховской рукописи съ греческимъ и нѣсколько соображеній объ источникахъ романа. Окончаніе статьи будетъ посвящено вопросамъ о личности автора романа и времени составленія послѣдняго.

Кромѣ того, въ IX т. находимъ статьи д-ра О. Ч. «Неовитализмъ и его заблужденія» и г. Ив. Раковскаго «Къ вопросу о строеніи пищепровода у лекарской пьявки» (съ 8 микроскоп. снимками).

Изъ статей научной хроники отмѣтимъ интересный и обширный критическій отчетъ г. М. Грушевскаго (X, 1—32) о новѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ внутреннему строю вел. княжества литовскаго (гг. Владимірскаго-Буданова, Любавскаго, Леонтовича и Вольфа).

Въ библіографіи настоящихъ двухъ томовъ даны болѣе или менѣе подробные отчеты о 70 изданіяхъ, книгахъ и брошюрахъ, касающихся южнорусской письменности и исторіи.

Нѣсколько нелишенныхъ интереса замѣтокъ находимъ и въ отдѣлѣ miscellanea. Таковы отчеты объ извѣстной исторіи съ мнимымъ Ярославовымъ валомъ въ Кіевѣ, поднятой г. Кибальчичемъ по поводу устройства зданія винной монополіи на Кудрявцѣ, и о находкахъ г. Хвойко, о документахъ тайнаго берлинскаго архива, касающихся тайной миссіи Капниста къ берлинскому двору въ 1791 г. по дѣламъ Малороссіи, выдержка изъ рукописнаго перевода Левицкаго «Слово о п. Игор.» 1839 г., обзоръ содержанія рукописнаго галицкаго сборника, содержащаго сказанія, главнымъ образомъ, объ Александрѣ Македонскомъ, и нѣк. др.

Н. М.

Juliusz Starkl. Łowictwo. Zygm. Fiszer. Rybactwo. (Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Tom. II, zeszyt 7). Lwów, 1896. gr. in—4. Стр. 115

Кружокъ галицко-польскихъ литераторовъ, ученыхъ и практическихъ дѣятелей (болѣе 50 душъ) задался весьма симпатичною мыслью: пользуясь львовской выставкой 1894 г., дать читающей публикѣ рядъ подробныхъ научныхъ очерковъ, посвященныхъ главнымъ образомъ экономическому изученію Галичины, какъ въ ея настоящемъ, такъ и въ прошломъ. Все изданіе предположено въ 25 выпускахъ или 4 томахъ. Программа изданія задумана весьма широко и разносторонне, разработка отдѣльныхъ вопросовъ поручена спеціалистамъ. Если изданіе будетъ доведено благополучно къ концу, то, несомнѣнно, мы будемъ имѣть богатый матеріалъ для болѣе или менѣе полнаго ознакомленія съ внутреннею жизнью родственной намъ области, представляющей во многихъ отношеніяхъ экономическаго свойства значительныя аналогіи съ нашей родиной.

Полученный недавно 7 выпускъ общаго изданія посвященъ очерку охотничьяго и рыболовнаго дѣла въ Галичинѣ и составляетъ незначительную часть второго тома, куда должны войти также монографіи по земледѣлію, лѣсоводству, горному и горнозаводскому дѣлу. По мѣрѣ полученія выпусковъ, надѣемся знакомить съ ними вкратцѣ читателей журнала.

Судя по работамъ гг. Старкля и Фишера, названіе которыхъ приведено въ заголовкѣ, львовская выставка 1894 г. не будетъ служить основнымъ фономъ для монографій и, повидимому, къ счастью для изданія. Авторы откровенно заявляютъ, что, не смотря на всѣ усилія, выставка дала очень мало матеріала для изображенія дѣйствительнаго положенія дѣла рыболовства и охоты въ краѣ. Авторамъ приходится обращаться къ литературѣ предмета, лишь въ рѣдкихъ и сравнительно маловажныхъ случаяхъ ссылаясь на экспонаты. Правда, въ монографіи г. Старкля (стр. 1—33) имѣется нѣсколько художественно исполненныхъ снимковъ выставочныхъ пьесъ, но снимки эти, въ сущности, ничего не поясняютъ. Гораздо поучительнѣе въ работѣ г. Старкля статистическія сопоставленія, указывающія на малую культурность края. Сравненіе съ западными областями монархіи, даже со Штиріей и Нижней Австріей, приводитъ автора къ печальнымъ для Галичины выводамъ: застой и чрезвычайно медленное распространеніе принциповъ раціональнаго охотничьяго хозяйства—таково общее заключеніе г. Старкля о Галичинѣ въ указанномъ отношеніи.

Скудость матеріала, бывшаго въ распоряженіи г. Старкля, видимо, не позволила автору разработать этотъ отдѣлъ изданія съ тою обстоятельностью и наглядностью, блестящій образецъ которыхъ данъ въ монографіи г. Фишера, посвященной галицкому рыболовству и рыбоводству. Мы не можемъ достаточно рекомендовать эту работу всѣмъ, интересующимъ дѣломъ не только въ отношеніи спорта, но и со стороны экономическаго его значенія и въ смыслѣ изученія его прошлаго. Чтобы нарисовать картину, предложенную въ настоящей монографіи, г. Фишеру, видимо, пришлось работать много и усидчиво, и въ результатѣ читателямъ предложенъ высоко интересный и поучительный матеріалъ. Собственно выставка 1894 г. и въ этомъ отношеніи не дала почти ничего цѣннаго. Г. Фишеру необходимо было не только перерыть литературу предмета, но и производить личныя сношенія съ свѣдущими людьми, и только такимъ путемъ удалось достичь намѣченной цѣли. Предполагая, что нашъ «Вѣстникъ Рыбопромышленности» не преминетъ подробно ознакомить русскую читающую публику съ работой г. Фишера, ограничимся здѣсь указаніемъ общаго содержанія ея.

Глава 1-я монографіи посвящена рыболовной гидрографіи Галичины. Тутъ подробно указаны виды рыбъ, обитающихъ въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ края. Очеркъ Днѣстра представляетъ спеціальный интересъ и для нашего края, такъ какъ улучшеніе рыболовства въ

этой рѣкѣ возможно лишь путемъ международнаго соглашенія. Статистическія сопоставленія показываютъ, что изъ всѣхъ областей Австріи Галичина находится въ самомъ благопріятномъ положеніи для развитія рыболовства, а между тѣмъ оно находится тамъ въ крайнемъ упадкѣ.

Глава II—«рыбы Галичины и ихъ распространеніе». Здѣсь даны научныя и народныя названія 54 видовъ галицкихъ рыбъ, мѣры ихъ роста, названія рыбъ исчезнувшихъ въ краѣ, но упоминаемыхъ въ старинной литературѣ, очеркъ передвиженія рыбъ въ теченіе года, очеркъ разселенія рыбъ по разнымъ воднымъ поясамъ, указаны причины перемѣнъ въ водной фаунѣ. Историческому очерку положенія рыбнаго дѣла до 1890 г. посвящена обширная III глава (стр. 71—86), при чемъ обращено особое вниманіе на законодательство и подробно указаны причины паденія рыбнаго промысла въ новѣйшее время—истребленіе лѣсовъ, сплавъ дерева по горнымъ рѣкамъ, регулированіе рѣкъ, варварскіе способы ловли, порча воды фабричными и заводскими отбросами, безучастіе законодательства и т. д. Въ слѣдующей главѣ данъ очеркъ дѣятельности галицкаго рыболовнаго общества и въ особенности основателя его, проф. Максимиліана Новицкаго,—очеркъ высоко поучительный. Далѣе подробно изложенъ и подвергнутъ критикѣ рыболовный уставъ 1890 г., внесшій нѣкоторый порядокъ въ смутное положеніе дѣла. Въ VI главѣ дана картина современнаго положенія промысла въ Галичинѣ, обрисованы способы ловли и сбыта, описаны рыболовныя снасти и инструменты (на стр. 119 снимки), наконецъ указаны попытки нѣкоторыхъ лицъ завести правильное рыбное хозяйство. Глава VII посвящена очерку прудоваго рыбнаго хозяйства. Глава VIII—«продукція рыбъ въ краѣ, потребленіе, торговля, консервы, раки». Наконецъ, глава IX посвящена обзору мѣръ и способовъ, необходимыхъ для поднятія въ Галичинѣ рыбнаго дѣла, находящагося нынѣ, не смотря на уставъ 1890 г., въ печальномъ положеніи, особенно по сравненію съ западными областями монархіи.

Уже изъ краткаго изложенія содержанія монографіи г. Фишера можно судить, въ какихъ широкихъ рамкахъ задумана и исполнена эта прекрасная работа, поучительная не только для практическихъ дѣятелей, но и для лицъ, интересующихся вообще народнымъ бытомъ во всевозможныхъ его отношеніяхъ. Къ статьѣ приложена карта, показывающая распредѣленіе рыбъ въ водахъ Галичины и пункты съ раціональнымъ рыбнымъ хозяйствомъ. Настоящій частный во-

просъ, разработанный умѣло и съ знаніемъ дѣла, гармонически дополняетъ общую картину, которую обѣщаетъ дать изданіе въ полномъ его объемѣ.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, что особенно удивительно въ виду его дешевизны.

Н. М.

I. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1892. w. Tarnopolu. 1892. стр. VIII+146 и I планъ.

II. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1893 W Tarnopolu. 1894. стр. IV+177

Въ 1890 г. на съѣздѣ историковъ во Львовѣ покойный профессоръ львовскаго университета и редакторъ польскаго историческаго журнала «Kwartalnik Histocyczny» Ксаверій Лиске поднялъ вопросъ объ организаціи въ небольшихъ городахъ Галиціи кружковъ для изученія прошлаго и современнаго состоянія этихъ городовъ и ихъ округовъ. Мысль Лиске оказалась плодотворною и осуществилась на дѣлѣ. Устройство такого кружка въ Тарнополѣ взялъ на себя д-ръ Янъ Ленекъ, и ему удалось организовать здѣсь коммиссію, которая выработала уставъ кружка и обратилась съ приглашеніемъ принять участіе въ его дѣятельности къ мѣстнымъ помѣщикамъ, священнослужителямъ обоихъ вѣроисповѣданій, чиновникамъ, учителямъ среднихъ и низшихъ школъ, адвокатамъ и пр. На призывъ коммиссіи отозвалось 64 человѣка, и уже въ мартѣ 1892 г. кружокъ началъ свою дѣятельность. По уставу цѣль кружка—изученіе Тарнополя и Галицкаго Подолья въ археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Кружокъ дѣлился на двѣ коммиссіи: историко-литературную и естественно-историческую. Задача первой: описаніе мѣстныхъ архивовъ, изданіе важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ и самостоятельныя изысканія на основаніи этихъ матеріаловъ, обработка исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, изученіе археологическихъ памятниковъ, произведеній искусства, надгробныхъ надпи-

сей, имѣющихъ историческое значеніе, изученіе мѣстныхъ особенностей языка, собираніе народныхъ преданій, пѣсенъ и обычаевъ. Вторая коммиссія занимается изслѣдованіемъ мѣстной фауны, флоры, геологическихъ, климатическихъ и гигіеническихъ условій края. Кружокъ издаетъ свой ежегодникъ (Rocznik), въ которомъ печатаются статьи на обоихъ мѣстныхъ языкахъ —польскомъ и малорусскомъ.

Мы имѣемъ въ рукахъ два томика этого ежегодника за 1892 и 1893 гг. Въ I выпускѣ напечатаны и программы для описанія отдѣльныхъ мѣстностей въ историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніи, выработанныя коммиссіями кружка. Изъ мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ въ I вып. напечатаны привилеи королей и владѣльцевъ г. Тарнополя, изъ которыхъ древнѣйшій привилей Сигизмунда-Августа восходитъ къ 1550 году (Тарнополь основанъ гетм. Яномъ Тарновскимъ въ 1540 г.). Д-ръ Л. Финкель на основаніи дневника Ульриха Вердума и инвентаря г. Тарнополя 1672 г. (послѣдній напечатанъ въ той же книжкѣ Rocznik'a) даетъ очень живое и интересное описаніе г. Тернополя въ 1672 г. (вып. I). Во II выпускѣ г. Ногай сообщаетъ выпись изъ рукописи «Protokól akt miejskich mikuliniеckich», заключающую права и привилегіи, данныя М. Микулинцамъ Людвикой Потоцкой, статуты цеховъ этого мѣстечка и списокъ микулинецкихъ мѣщанъ, присягавшихъ въ 1762 г. по случаю введенія здѣсь Потоцкой магдебургскаго права. Въ той же книжкѣ г. Ногай разсказываетъ о судьбѣ парафіальнаго костела въ Тарнополѣ, основаннаго Ѳомой и Катериной Замойскими; здѣсь же приложенъ и фундаційный актъ въ латинскомъ оригиналѣ и польскомъ переводѣ. Исторіи Тарнополя посвящена и неоконченная во II-мъ вып статья свящ. Петра Билинскаго «Тарнополь и его данныя, которыя сообщаетъ авторъ касательно исторіи тарнопольскихъ церквей.

Этнографіи въ Rocznik'ѣ посвящена всего одна статья Яна Матiёва «Причинокъ до етнографiѣ галицкаго Подоля» (на малорус-

---

[1]) Приводимъ изъ этой статьи небольшую выписку, небезынтересную для занимающихся географіею древней Руси: „На поли (степу), належачомъ до Струсо-

комъ яз.), гдѣ передаются любопытныя мѣстныя повѣрья, относящіяся къ чорту и смерти (вып. I.).

Что касается естественно-историческаго отдѣла, то мѣстной флорѣ посвящено три статьи: двѣ г. Р. Гутвинскаго «Staw Tarnopolski» и «Odolny pógląd na glowy okolic Tarnopola, Tremlowli» и одна г. Шнейдера «Las kutiowiecki». Г-ну Сатке принадлежатъ двѣ статьи: «Klimat Tarnopola» (вып. I) «O zawiesloscі cieрłoty w następujęcych po sobie miesiącach i porach roku w Tarnopolu» (вып. II). Наконецъ, пчеловодству на галицкомъ Подольѣ посвящена статья г. Яна Кобака (вып. II).

Къ первому выпуску приложенъ планъ г. Тарнополя 1790 г.

Два томика Rocznika свидѣтельствуютъ о томъ, что тарнопольскій кружокъ успѣлъ въ короткій промежутокъ времени сдѣлать не мало для всесторонняго ученія родного края, и можно только пожелать, чтобы и въ будущемъ дѣятельность кружка была столь же энергичною и плодотворною, какъ и въ первые два года его существованія. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у насъ въ провинціи мало распространены общества такого типа, какъ тарнопольскій кружокъ. При немногочисленности людей, заинтересованныхъ мѣстными изученіями, такіе кружки въ нашихъ небольшихъ городахъ могутъ организоваться скорѣе, чѣмъ спеціальныя общества, посвятившія себя изслѣдованію одной какой нибудь стороны прошлаго

ва, межи селомъ Заздростію и нѣмецкою кольоніею Найтичайнъ Панталихою званою, есть могила звана „Галицка" або „Галицкая"; традиція каже, що то була граница межи галицкимъ и Теребовельскимъ княжествомъ. Поле, на которомъ та могила, кажуть люде, звалося все „галицке"; ажь познѣйше, якъ побудоване тамъ фольваркъ, зачало называтися „Поплавы". Оповѣдають, що въ той могилѣ або, якъ инши называють, въ томъ конци есть закопаный желѣзный стовпъ. Котрый дуже помаленько росте, якъ выросте до призначеной высоты, то буде война по вконець, а втогди буде одъ конця по тамтой сторонѣ, себѣ то на галицкой сторонѣ. Не далеко одъ галицкой могилы, бо на границѣ межи селомъ Варваринцями а селомъ Ладычинъ есть озеро, котре такожь зве ся „Галицке". (Rocznik, II, стр. 66-68). Авторъ отождествляетъ эту галицкую могилу съ Галичиной моиилой, упоминаемой въ Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1206 годомъ. (Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., стр. 483-484.

или современнаго состоянія данной мѣстности, на привлекая къ себѣ всѣ мѣстныя интеллегентныя силы и захватывая борѣе широкій кругъ интересовъ, они могутъ разсчитывать и на болѣе сочувственное отношеніе къ себѣ со стороны публики, что, конечно, доставитъ имъ и большія средства для выполненія научныхъ предпріятій.

Е. К.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

Сверхъ книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ при № 3 „Кіевской Старины“, въ книжный складъ поступили слѣдующія изданія.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Ц. 50 к.

Гаврышъ Ал. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Ц. 5 к.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Черпигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 коп.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса. 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к, на веленевой бумагѣ 10 к.

Загирня М. Добра порада. Оповидання. У Чернигови 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Правдыва казка. Оповидання. Выдання друге. Харькивъ 1890 г., стр. 1—15 Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Щетынныкъ. (Зъ народного жыття). Харькивъ 1891 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харькивъ 1890 г., стр. 1 49. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кононенко М. С. Княгиня-кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

Крымскій. А. Черезъ що люде биднiють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квиткы Москва 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 15 к.

Лучицкій. И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65. Цѣна 75 к.

Ныва. Украинськый литературный збирныкъ 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

Пилинскій Д. Прыгоды (Малюнки зъ жыття). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 г.г. Изданіе журнала «Кіевская Старина». Кіевъ 1892 г., стр., 1-112. Ц. 75 к.

Тышко Ол. Маты. Кіевъ 1896 г. стр. 1—36. Цѣна 5 к.

за млинъ тулиголовскій, оттоль заехалъ до двора гетманскаго, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ повернувшись домой, никуда не ездилъ. Сестра моя двоеродная Уліяна, дочъ гетмана Скоропадского, жена Петра Толстого, умре въ Москвѣ, зъ болѣзни чехотной.

Середа. 14. День былъ подобній вчорайшому, холодній, вѣтряний и хмарній. Ночъ такъже очинь была холодная зимною стужею. На службѣ родитель и я били у генер. церквѣ и обѣдали у себе и дновали.

Четвер. 15. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ сходніе, толко между тимъ ясность показивалась и таяніе. Рано ездилъ до п. Михайла, былъ въ судѣ, где чернець повѣренний епископа Чернѣговск. Тихонъ говорилъ противъ мене улику сторони мелници тулиг. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ знову ездилемъ до п. Михайла и посидя повернулся домой. Присланъ указъ зъ С. П. Бурха грамотою, 2-го марта отпущенною, до гетмана, чтобъ онъ нарядилъ малороссійскихъ бунчуковихъ и козаковъ десять тисячъ и болѣе, и когда востребуетъ генералъ, (что въ Ризѣ губернаторомъ) Лесси (?) тобъ и поступали бъ по его диспозицѣи и приказомъ, а коммендѣромъ опредѣлить вѣрную и знатную особу, а походъ къ виступленію и полкамъ рекгулярнимъ къ полскимъ границамъ. Повернулся зъ Москви Гаврило, брата п. Михайла слуга и обявилъ, что сестра наша Толстая очинь болна на чехотную, и привеслъ за дуката купленніе рѣчи вѣкоторіе дробніе. Слугамъ дана барма: Климу и Вѣжевскому и Алексѣю сукно лучшее, Янѣшевскому Петру, Демяну, Юску, Тарасу, Яремѣ—другое и дано имъ денегъ по полтора руб., машталѣру—тузѣнокъ и Козлу, Рудому габа, такъже Урбану и Козлу—зъ тузѣнкомъ.

Пятокъ. 16. День былъ вѣтрянъ, а после свѣтелъ зъ таяніемъ, однакъ и холодомъ, ночъ свѣтла, сперва вѣтряна, а потомъ тиха и зъ морозомъ чувственнимъ. До Терноліота писалъ я и червонних 10 послалъ, а родитель 15 червонних, а писма сіе послани до Андрѣя Василченка, дворанина кораваювского, черезъ Вакуловича, чтобъ онъ двѣ по 400 квартъ вина бочки отпустилъ, зъ которихъ одну сюда въ Глуховъ прислать; до егожъ писалъ я,

чтобъ если можно за анталъ вина 3 куѳи гор., тобъ я и зъ охотою принялъ. Черезъ Старжинского, до Ромна едучого, писалъ я до Заборовского о подписѣ челобитной въ судъ, что онъ иску матерного на сестрѣ Чорнишевой не ищетъ. До Алѣксѣя, чтобъ зехалъ въ Гадячъ до Михаила Литвиненка и увѣдомился о гор. и если тамъ покупу нѣтъ, то чтобъ онъ далѣй рушалъ до Полтави. До стар. сухонос. о походѣ нашемъ и козаковъ въ Сух. и Перер.

Субота. 17. День былъ свѣтелъ, а потомъ хмаренъ, тихъ, сперва холоденъ, потомъ тепловатъ и снѣжокъ малий проривался, ночъ хмарна зъ вѣтромъ и холодновата. Въ службѣ билъ я у Николая, обѣдалъ въ дому и съ нами Ладонка, канцеляристъ судовий. У банѣ мился. Швакгеръ п. Яковъ отехалъ, зъ которимъ я, у мене бувшимъ, простился. Слишно, что яко би комендантъ глухов. Кишкинъ, взятий по интересному дѣлу въ Москву зъ женою, освободился.

Неделя. 18. День былъ почасти свѣтелъ, однакъ холодноватъ, а къ вечору теплѣйшій. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата, а особливо къ свѣту зъ морозцемъ. Былъ я зъ род. рано у генерала Нарѣшкина, оттоль у гетмана, где и обѣдалъ зъ многими, а по обѣдѣ у Ломиковской зъ п. Михайломъ и проч., подпіяхомъ зѣло. Новіе шинкарѣ въ Сварковѣ уставлени, Жидовленокъ и Антоненокъ; такъ же и кварта новая, якихъ въ носатцѣ болшой 105, если носатками давать, то за носатку, отвернувши десятину и чоповое, приходитъ денегъ намъ по рублю и по 74 к., а если куѳою, то отъ цѣлой кухви готового 3 копи отвернуть.

Вел. понедел. 19. День былъ свѣтлій и почасти вѣтрянъ, холодноватъ, а зъ полдня зъ таяніемъ; ночъ такъ же свѣтла, тиха, а къ свѣту зъ морозомъ и вѣтромъ. Сегодня отправленъ Чугутовъ въ Роменъ, черезъ которого до родителки послалъ я вина бутилокъ 3 и писмо. Ярема привезлъ пива варъ зъ Воронѣжа 6 бочокъ и еще варъ тамъ. Новіе шинкарѣ сварковскіе отправлени, одной дано отъ Тараса нос. 2, а другому отъ его жъ дана карта о видачѣ куѳи зъ Тулиг.

Вовтор. 20. День былъ сперва свѣтлій, после хмарній, мокроватъ, зъ вѣтромъ, ночъ такъ же хмарна, мокровата, а къ свѣту

зъ густимъ дожчемъ великимъ. Пріехалъ Климъ зъ Нѣжина и привезлъ писмо отъ Димитрія и покупку отъ его жъ, око кагве, двѣ оки тютюну и 2 волочки оловянихъ водки рожевой цареградской, и писма отъ Стерѣевича и асаули пол. Левицкого, чтобъ увѣдомить ихъ, виновать ли Іотій Хіотѣ 400 р. или ни, требуючіе такой вѣдомости. Принялъ я отъ Тараса сварковскихъ шинковихъ 8 р. и росписалея. Черезъ...

Середа. 21. День былъ хмаренъ зъ густимъ и пластоватимъ снѣгомъ, которій покрилъ всю землю, а потомъ сталъ таяти до вечора, а зъ вечора черезъ ночъ, а особливо къ свѣту морозецъ и силненкій; ночъ же была хтарна и тиха. На службѣ Божой были у церквѣ енералской. Писалъ я до войта нѣжинского, черезъ хоружого нѣжинского Левицкого, чтобъ Михайла Хіоту онъ велѣлъ взять за арестъ, покаместь отъ мене туда мой посланний пріедетъ, для того, что Іотій хочай и признается до денегъ Хіоти на себѣ однакъ не столко, чтобъ мой долгъ могъ уплаченъ быть.

Четвер. 22. День былъ сперва хмаренъ и зъ сухимъ морозомъ, а после свѣтелъ зъ таяніемъ, ночъ такъ же хмарна, а къ свѣту ясна не зъ великимъ морозцемъ. Приобщались род. и мы ст. Тайнъ у церквѣ Михайловской, а жена зъ дѣтми у енералской, и никуда не ездили. Янѣшевскій повернувшись зъ степу, привезлъ вѣдомость, 1) что ужѣ тому недѣль зъ двѣ, якъ у футорѣ Артополотскомъ было скиртъ 10 сѣна; 2) куфу гор. за 8 р. Калиновскому шинкаревѣ дать Алексѣю; 3) въ футорѣ Гамал. здохло теля отъ корови грабѣжной, овець такъже 2, ягнятъ 3 и козенятъ 1, а на Кривой Рудѣ—малихъ телятъ 2, въ Сухонос. волъ, зъ Кіева прійшовшій; 4) а въ Перервинцяхъ до марта 13-го дня—кобилъ, лошаковъ и стрижаковъ, 3, стрижокъ 2, лошаковъ прошлолѣтнихъ 14, лошичокъ 6, итого 30 поголовя; 5) у футоръ Гамал. перегналъ онъ Янѣшевскій зъ Перервинець дрикганта вороного, нѣмецкихъ кобилъ двѣ зъ лошачкомъ, да кобилъ 12 своего стада; 6) тамъ же у Артопол. футорѣ ежджалихъ коней 24, а лошаковъ 17 еще неученихъ.

Пятокъ. 23. День былъ сперва свѣтелъ, а потомъ хмаренъ зъ густимъ и пластоватимъ снѣгомъ, толко жъ мокримъ, а потомъ зъ дощемъ, отчего грязно очинъ стало. Такъ же и ночъ хмарна и дощевата и тепла была. Пріехали зъ Астраханѣ Дѣдичъ и Гломазда и привезли 500 р., да еще 6 р., да на людяхъ кризкихъ 9 р. 50 к. за провозъ ихъ, да мѣди полтора пуда, зъ залишкомъ, и въ ломанnихъ штучкахъ 56 фунтов., въ томъ же числѣ, шовку кренцоного фунтъ 1, коней 4, да кобилъ 2, хомутовъ 3 и писмо отъ Григорія Гиля, что онъ за горѣлчаними 390 р. остался для доправки въ Астрах. Зъ Крисіокъ былъ подводчикъ и привезлъ допросъ Ерофѣя; черезъ которого отписалъ до стар. и Демяна, чтобъ они доношеніемъ о розищику отозвались до полковника и между тимъ одинъ зъ нихъ былъ сюда привезлъ вѣдомость Клима, въ Будищахъ продаемого. Зъ Сухонос. пріехалъ человѣкъ и привезлъ сира и смитани и вовни на коберци вироблeной, пофарбованой, 40 пасомъ. Дворникъ сварковскій умре. Мѣрочнику сварковскому за будущую его работу около млина далъ 60 к. Коновалу Федору цигану далъ я строкатого коня и 20 к. для отроботку впредъ.

Субота вел. 24. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний и мокрій, осѣнному подобній. Ночъ была вѣтряная, мокрая и холодная Брату п. Михайлу отослалъ должнихъ отъ моне денегъ 50 р. черезъ Клима. Боку за чай черезъ его малого отослалъ 3 р. Вѣжевскому далъ 6 р. и записано, зъ которихъ онъ далъ и съ прежнихъ котляру за казанъ броварний, въ которомъ 6 пуд. 8 р., а еще приходится 1 р. 44 к., опрочъ мѣди за якую...

Воскресеніе. 25. День былъ хмарній, вѣтряній и холодній, ночъ такова жъ. Были у генералской церквѣ зъ поздравленіемъ генерала, где и службы Божой слухали, оттоль заехали до двора гетманского для... (?) поздравленія, а обѣдалъ зъ женою въ дому и зъ Ганкою, и уже никуда не ездилъ.

Понедел. 26. День былъ свѣтлій, тихій, мало вѣтряний, але холодній, воздуха сухого, ночъ такъ же была свѣтла, тиха, и очинь холодна. Были на службѣ у ст. Анастасіи и обѣдали у гетманскомъ дворѣ, и подпіяхомъ.

Вовтор. 27. День былъ вчорайшимъ во всемъ сходніе зъ прибавкою стужи. Рано были мы зъ род. у енерала Нарѣшкина, обѣдали у его жъ, и увесь день съ нимъ, такъ же зъ п. Михайломъ и племѣнникомъ енералскимъ Василіемъ Василіевичомъ, играли у кадрилѣю, а после въ ломбаръ, зъ проиграшомъ 180 к. Кравцю Леску далъ я через молодика его 1 р.

Середа. 28. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ и позавчорайшимъ сходніе. Былисмо въ дому и обѣдалисмо вси, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и посидя и поговоря о скорбѣ своей, которую сегодня получили зъ преставленія сестри нашей Уліяни Івановни Толстой, розехались. Стар. тулиг. пріехавши, обявлялъ, что тамъ въ Тулиг. 3 куеи гор. повнихъ есть. Ему жъ далъ я 12 р. на куплю дерева на лазню, на свиннѣ и на уплатку винникомъ.

Четвер. 29. День былъ во всемъ противъ прежнихъ сходенъ, толко мало теплѣйшій. Ночъ такъже была сходна во всемъ противъ прежнихъ. Климъ пѣщанскій повторно поехалъ въ Нѣжинъ за должникомъ Михайломъ Шіотою и данъ ему приказъ, якъ въ томъ дѣлѣ поступать, и писма до полковника, до Грановского, до асаули пол. и до Стерѣевича, и ему на дорогу 20 а. Отписали писмо до хоружого енер. черезъ дубогаевского человѣка сторони Панчушнихъ и Тимошенковъ, подданнихъ монастирскихъ, которихъ онъ, хоружій, въ козаки неслушне приворочаетъ, и до Щербѣнского о томъ же и что зде приняти, отъ него присланніе 70 р. Служитель покойници сестри Толстой пріехалъ въ Глуховъ къ намъ зъ тимъ, что тѣло ея вчорайшого дня зъ Сѣвска попроважено у монастиръ Гамалѣевскій, черезъ Марчишину Буду и черезъ Ямполь.

Пятокъ. 30. День былъ во всемъ противъ прежнѣхъ сходенъ, такъже и ночъ, толко очинъ холодна. Били род. и я рано у генерала Нарѣшкина и отклонились ему, а после обѣда рано о полднѣ поехали и пріехали до монастира Гамалѣевского, где и ночовали. Вѣжевскому далъ я въ росходъ 18 р. Брату Марку родился другій сынъ, Іванъ, въ Стародубѣ.

Субота. 31. День былъ и ночъ противъ прежнѣхъ, тихіе, ясніе, воздуха сухого. Рано тѣло покойной сестри моей Уляни Іва-

новни Толстой припроважено въ монастирь, а при немъ пріехали и дѣти оя Александеръ и Іванъ Толстіе и дочъ Анастасія, и съ ними дворецкій Іванъ Каратаевъ, и мы зъ род., зъ п. Михайломъ и Корецкимъ пробыли зде увесь день.

М-ць априль. Неделя. 1. День былъ противъ прежнихъ сперва зъ морозомъ холодний, а после мало зъ таяніемъ, ночъ такъже противъ прежнихъ зъ морозомъ. Дновалисмо зде у монастиру, а у вечеру пріехалъ до насъ Флюґеръ, воронѣжскій сотникъ, зъ которимъ доволно просидѣли и повеселились.

Понедел. 2. День былъ сперва зъ морозомъ противъ прежнихъ, а передъ вечоромъ воздухъ теплотою и влагою растворенъ сталъ, а потомъ и дожчъ сталъ показиватись, ночъ также тиха, тепловата и мокровата зъ дощемъ. Погребеніе сегодня у монастиру покойной сестри моей Уляни Івановни Толстой отправилось, при которомъ мы всѣ были, а зъ духовнихъ—мутинскій строитель зъ трома законниками, такъже протопопи: глуховскій и кролевецкій, отецъ Никифоръ, отецъ Мойсей и протчіе, которимъ зде и обѣдъ билъ поставленъ.

Вовтор. 3. День былъ хмарній, безъ стужи и тихій до полдня, а съ полдня вѣтеръ завѣялъ полунощній зъ морозомъ до ночи и ночъ вся зъ стужею. Позичилисмо у намѣсници монастирскихъ денегъ 100 р. на роздачу на поминовеніе покойной сестри. П. Михайло после обѣда отехалъ въ Глуховъ, такъже жена и Кондзеровская, а род. и я остались въ монастирѣ.

Середа. 4. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, мало роставало, такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо у монастирѣ, а по обѣдѣ поехали зъ монастира домой и пріехали позно, для худой дороги, отъ великого везде по дорозѣ и по полямъ снѣгу. Пріехали съ нами и Толстіе. Зъ С.П.Бурху указъ присланъ къ ясневелможному на линѣю висилать 10 тисячъ человѣкъ, а въ Глуховѣ положили козаковъ вислать 3, а мужиковъ 7 тисячъ, итого 10 тисячъ.

Четвер. 5. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, тепловатий зъ дощемъ. Такъже и ночъ хмарна была и нехолодна, зъ дощемъ невеликимъ, отчего и ставъ по малу почалъ очищатись. Обѣ-

далисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, такъ же и до племѣнниковъ Толстихъ, на поставникъ.

Пятокъ. 6. День былъ хмарній зъ дощемъ и тепловатъ, отчего еще болше очистилось ставу здешнего глуховского отъ ліоду, ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту морозъ. Рано зъ племенниками Толстими ездили родитель и я до генерала и до гетмана, где всѣ и обѣдалисмо, а по обѣдѣ посидѣвши я зъ п. Михайломъ, повернулся домой. Старостѣ крисковскому данъ на писмѣ приказъ въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) по прежнимъ приказамъ сент. 13, да ноевр. 18, недоконченніе докончить; 2) о зборѣ осѣнномъ, хлѣбномъ и грошевомъ опредѣленіе учинить межъ себе самимъ людямъ, 3) по дѣлу зъ Ярофѣемъ обстоювать, чтобъ о заннятю греблѣ мужикомъ Ананкою и попа Галушки грунта мужичіе включенни били въ розискъ; 4) уллѣ, дрань, приборъ до греблѣ и прочее у ониxъ прежнихъ приказахъ исправлять; 5) зъ Нѣвченками за млинъ торговатись; 6) пасѣчника сискать и въ улей пчолу упускать, а не у стояни. Получилъ писмо отъ архиерея кіевского объ отдачѣ денегъ Гурчиниxъ [1]) игумену петропавловскому, да отъ архіерея Чер. объ опредѣленіи въ Криски на розискъ игумена Макошинского по дѣлу съ попомъ крисковскимъ.

Суббота. 7. День былъ зъ ранку зъ хорошимъ морозцемъ, а потомъ тепелъ, тихъ а свѣтелъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна и дощевата, ажъ до свѣта тиха, отъ чего мало не ввесь ставъ здешній за ночъ очистился. Рано ездили род. и я зъ женою на пастовнихъ, где било поминаніе о покойной сестрѣ и обѣдалисмо тамъ.

Неделя. 8. День былъ свѣтелъ, тихъ и тепелъ, а посередъ дня дожчъ, къ вечору вѣтеръ холодній, ночъ свѣтла вѣтряна зъ морозомъ, особливо къ свѣту. Ставъ мало не ввесь очистился отъ ліоду, сдешній глуховскій. Сегодня былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, а обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ и по обѣдѣ сидѣлъ у п. Михайла, оттуду заездилъ до Радищева, Синявина и Борзни, у которого посидѣвши, повернулся домой, где засталъ отца Иннокентія

---

[1]) Т. е. Горки, архіеписк. астраханскаго.

законника петропавловского до мене за денгами 330 р. Горчиними, чтобъ ихъ отобрать отъ мене, пріехавшого. Карпѣцѣ Матвѣю, по писму отца его Данила Карпѣки, повторне далъ до прежде данних 33 р далъ теперъ 67 р., итого 100 р. далъ, а 100 на мнѣ.

Понед. 9. Денъ бѣлъ хмарній, вѣтряний съ полнощнимъ вѣтромъ, холодний, что мало холоднѣйшая, а къ свѣту снѣжокъ и́ зъ вечора снѣжокъ. Сегодня не ездилъ я никуда, обѣдалисмо у себе, а Ганнуся на пастовнику у Анастасіи. После обѣда Бокъ пріездилъ и кровъ мнѣ зъ головной жили, а женѣ и Пазѣ зъ ноги, родителю зъ медіяни—пускалъ.

Вовтор. 10. День былъ хмарний, велми холодний, а къ веєору випогодилось, ночъ такъ же погодна, тиха, толко еще холоднѣйшая и зъ морозомъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому и никуда не ездилъ, а приказъ написанъ Янѣшевскому, отсилаючомуся въ степъ, въ слѣдуючихъ пунктахъ: 1) виcлать сюда 12 коней, 22-го апр., зъ машталѣромъ; 2) до Михайла Литвиненка карту переслать о продажѣ горѣлки на ярмарку...(?). есть въ Гадячомъ; 3) Въ Гамал. осмотрѣть пчоли чи згодована, плуги чи споражени, ярина чи посѣяна и сколко, и чтобъ на тютюнъ виоралъ много презъ озерца и возовъ воловихъ 5 спорадить. 4) О степку сторжитись и попа упевнить денгами. 5) У Сухонос. назначить Дядю и людей, возовъ 10 спорадить, улліовъ до 300 уготовать, млина курѣнского отобрать, тютюну болше присѣять, гор. куѳу зъ Сух. взять въ Перервинцѣ и что плоха она, за то стар. зганить, Мищенка зъ Павломъ Дядею росправить, о свиняхъ, жеби било въ сажу зъ 20. 6) О присилкѣ шинкара Салог. и Калин. сюда по горѣлку и перемѣнить онихъ певнѣйшими. 7) О котляру. 8) О вовнѣ, въ Кіевъ посиланной. 9) У Перервинцяхъ 30 р. роздавать Крутневи и старостѣ, гор. если зійшла послать въ Сухонос. по куѳу, загороду занять болшую на конѣ и устроить зъ повѣтками, по обоихъ концяхъ и зъ яслами по серединѣ, шопу овчую обернуть на шопу для лошатъ, а для овецъ устроить далѣй и около ввесь токъ вербами обсадить, а для строенія человѣка 10 на 2 или на 3 недѣлѣ взять и что теперъ можно, а что неможно, то въ осени дѣлать, на тое 5 р.

дано, о приуготовленіи мѣста на футоръ, где стѣнка Чичканева, ярини сѣять зъ прибавкою. Сивого дрикганта, если толко можно, не пускать. 10) Зъ Василемъ Крутнемъ объ упадку излѣдовать конскомъ и писать ко мнѣ. 11) Перечислить здохлихъ и конѣ порадкомъ прошлорочнимъ. 12) Палубовъ 4 въ Сухонос. здѣлать.

Середа. 11. День былъ свѣтлій, вѣтряний и велми холодній, такъ что и въ день не роставало. Ночъ такъ же свѣтла, тихшая отъ дня и холоднѣйшая, зъ морозомъ. Климъ пріехалъ зъ Нѣжина и привезлъ отъ Михайла Шіоти проценту 12 червоннихъ и 70 к. Слишно, что архимантриту Межигорского и другихъ старцовъ провезено черезъ Глуховъ зъ Кіева подъ карауломъ. Обѣдалъ я зъ род. въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где видѣлся зъ полковникомъ Нѣжинскимъ Хрущовимъ, которій сюда пріехалъ отпрошуватись, чтобъ ему не бить въ командѣ обозного енералного, что онъ себѣ ставитъ, если бы былъ, за обиду. Климу, випровляючомуся въ Лубнѣ до полков. луб. зъ листомъ гетманскимъ, по дѣлу зъ Кодинцемъ, данъ приказъ: 1) достоіевать по оному листу рѣшенія въ судѣ пол.; 2) інструкцѣю Янѣшевскому данную дѣлать ему и смотрѣть и упоминать, чтобъ по оной, где и отъ кого надлежитъ, исполненіе чинено было; 3) Лиценка и Павла Дядю росправить и стар. за взятте викладовъ зганить; 4) по силѣ прошлогоднего приказу, ревизѣи знимать зъ старостъ; 5) у Кривой Рудѣ, жеби на бѣль (?) порадочнѣй торочного збиранно и 6) денегъ 20 р. дано ему—роздавать на сѣно въ Перервинцяхъ, а 15 р. у Гамал. футорѣ. Вѣжевскому на росходи далъ 10 р.

Четвер. 12. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодній, подобній вчорайшому, къ вечору хмаренъ, такъ же и ночъ хмарна и холодна велми. Сегодня былъ на службѣ у ст. Николая, а обѣдалъ въ дому зъ племенниками Толстими. Договорились зъ пасѣчникомъ жителемъ ярославскимъ, Ефимомъ Яновскимъ, винниченкомъ, на годъ до пасѣки, и дать ему 5 р., жита русскихъ четвертей 8, гречаного 1, крупъ мѣрокъ 4, мѣрку пшона, сала полтора пуда и соли то жъ, риби въ постъ, кожухъ, свиту, рукавицѣ, чоботи, убраніе суконіе, кошуль пару, и далъ ему 2 р. 50 к. Договоръ былъ зъ цегельниками Пилипомъ Анисковимъ, да Тарасомъ Григоріевимъ

на 30 тисячей цегли на той ценѣ, якъ и родителей, и далъ я имъ задатку 4 р. Янѣшовскій зъ инструкцѣею посланъ, о которой апр. 10 упомянуто.

Пятокъ. 13. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодній велми, ночъ такъ же свѣтла, тиха и холодна, толко не такъ къ свѣту хмарна. Сегодня не ездилъ я никуда, а родитель заболѣлъ на голову. Климъ поехалъ въ Лубнѣ зъ інструкцѣею, вчера помянувшеюся. У чиншовика сварковского взялъ Вѣжевскій чиншу 2 р.

Субота. 14. День былъ хмарній, тихій, мокровлажний и тепловатій, ночъ также хмарна, тиха почасти и тепловата. Ездилъ я въ городъ и обѣдалъ у двору гетманского, а по обѣдѣ ездилъ на пастовникъ, откуду у вечеру повернувшись, билъ у банѣ и кровъ зъ потилицѣ и плечей банками пускалъ. Слишно, что якобы князь Шаховскій поехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, а зъ Ромна въ Нѣжинъ, а въ Нѣжинѣ Петра Стерѣевича писма арестовалъ, а зъ какихъ мѣръ—неизвѣстно.

Неделя. 15. День былъ подобній вчорайшому, толко еще теплѣйшій и ночъ такова жъ, а къ свѣту випогодилась. Былисмо зъ ранку у генерала и съ нимъ на службѣ у его церквѣ, а обѣдали въ дому. По обѣдѣ знову ездилемъ до генерала и игралъ нещасливо у шахмати зъ племенникомъ его. П. Михайло поехалъ въ Нѣжинъ ради своихъ должниковъ. (*Сбоку приписка*: къ веснѣ перемѣна).

Понедел. 16. День былъ свѣтлій, мало вѣтрянъ, однакъ холодноватъ, а особливе зъ ранку, а потомъ тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и зъ малимъ къ свѣту морозцемъ. Продалъ Вѣжевскій зъ Тарасомъ соли 108 пуд. соляникамъ, отъ которого отобралъ и денегъ 22 р. и 68 к.; да продалъ же тютюну 109 папушъ, за которий отобралъ я денегъ 1 р. и 62 к. зъ денгою и на то ему росписка дани. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до склепу, где насипали вина кіевского бутилокъ 11, цицю и бутилу, якъ би у 4 бутилки, а осталось вина половина бочонка.

Вовтор. 17. День былъ и ночъ тихіе, тепліе, саміе весняніе и свѣтліе. Вино зъ Кіева отъ Тарноліота правезено ко мнѣ волоское, кухва 1, и писмо отъ него, въ которомъ объявляетъ, что

всего вина въ двохъ кухвахъ и въ третей бочцѣ 1014 квартъ по 8 копѣекъ, за якое онъ принялъ денегъ 19 червонних и 12 р., а остальніе денги пріиметъ, продавши мою горѣлку, которой тамъ 3 кухви есть. По ищисленію ему доводится всѣхъ денегъ 81 р. 12 коп., принялъ онъ 19 червоннихъ, по 11 зол. червонний кладучи, и 12 р., итого принялъ 53 р. и 80 к., а приходится ему еще 28 р. 32 коп. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и тіоткою Кондзеровскою, а по обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ до племянниковъ Толстихъ.

Середа. 18. День и ночъ были такіе, якъ и вчера зъ особливою чувственною теплотою. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и Добронизкими обома, а по обѣдѣ ездилъ въ городъ и тамъ позабавивши, повернулся домой. Ігуменъ густинскій Леополскій пріехалъ въ Глуховъ отъ архіерея кіевского и привезлъ намъ отъ его листъ, въ якомъ обявляетъ, что получилъ онъ зъ Синода указъ— черницъ гамалѣевскихъ перевести въ Мутинъ, а мутинскихъ черцовъ въ Гамалѣевку, въ монастиръ Харлампіевскій и чтобъ ему ігумену до указу тамъ быть.

Четвер. 19. День былъ и ночь подобніе прежнимъ, свѣтліе, тепліе очинъ и тихіе почасти. Рано ездилъ я въ судъ и присутствовалъ говоренной отъ поверенних епископа черниговского улики противъ моего допросу о млинѣ тулиголовскомъ. Такъ же по дѣлу сестри Чарнишевой зъ пасинкомъ ея говорилъ Старжинскій допросъ, которого и за караулъ посажено. П. Михайло пріехалъ съ Нѣжина, у которого посидѣвши, повернулся домой.

Пятокъ. 20. День и ночъ во всемъ вчорайшимъ сходни были. Ездилъ я рано до футора и Сваркова и оттуду позно повернулся домой. Овса купилъ Вѣжевскій четверикъ и осминъ 3, по 6 зол. четверикъ. Шинкаръ сварковскій первую видалъ куѳу гор. и за оную привезлъ денги, якіе я принялъ, а именно 13 р. и 23 к. и росписку далъ Тарасу, а остался долженъ 3 р.

Субота. 21. День былъ свѣтлій, теплій, а после вѣтряний, а у вечеру хмаренъ, ночъ хмарна, вѣтряна. Поминаніе было на пастовнику за сестру Уляну Толстую, и обѣдалисмо.

Неделя. 22. День свѣтлій, холодноватъ и вѣтрянъ, таковажъ и ночъ, а къ свѣту морозецъ. Былъ на службѣ у ст. Михаила, а обѣдалъ у дворѣ и зъ п. Михайломъ посидѣлъ, у пѣкетъ забавляючись. Сотника лохвицкого и писара его привезено сюда подъ карауломъ.

Понед. 23. Были съ род. у енерала, а неувидивши его, слухали службы Божой у монастирѣ и въ дому обѣдалисмо. День былъ такой же, якъ и вчора и ночъ, а къ свѣту морозецъ, толко что въ день особливо было тепло. Старостѣ тулиг. Романови далемъ на росходъ 6 р. и записалъ, и далъ Вѣжевскій зъ 13 р. взятихъ у Тараса, шинковихъ и даннихъ Вѣжевскій у пріемѣ и расходѣ своемъ не повиненъ записивать. Господарь здалъ пчолу въ пасѣкахъ и привезлъ реестръ, что въ Уздицкой пасѣцѣ пчоли виставлено зъ имшаника 370, а порожнихъ улей 422, а у Шрамковской виставлено плоли на точку 44, а порожнихъ улей 50. Стар. тулиг. обявилъ, что виставилъ живой пчоли 23. Въ футорѣ Ар. Гамал. всеей пчоли на лице 84, а въ Сухонос. 136.

Вовтор. 24. День былъ сперва до полдня свѣтелъ, тихъ и збытъ тепелъ, а съ полдня передъ вечоромъ полуденний вѣтеръ зъ жесточайшимъ вихромъ, что и шопу нашу удвигнулъ и нагналъ къ водѣ, а после мало утихъ, однако жъ черезъ вечоръ и ночъ вѣтеръ былъ же и ночъ была хмарна, а тепловата. Ездилъ въ судъ и началъ и окончилъ оправданіе мое на 7 листахъ противъ, улики повѣреннихъ еп. чернѣговского. Пріехавши оттуду, зъ женою обѣдалъ.

Середа. 25. День былъ свѣтелъ, тепелъ велми, якъ и прежніе, и тихъ, а передъ вечоромъ зъ полдня хмара надишла зъ жестокимъ громомъ и блискавицею, и дощъ густий ишолъ до ночи, а зъ полночи знову ишолъ до свѣта. Рано поехалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ монастиръ Гамал., где засталъ ігумена густинского Леополского, также протопопу глух. и отца Мойсея, переписуючихъ монастиръ и что въ немъ есть, въ чомъ и забавилисмося до вечора.

Четвер. 26. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а потомъ къ вечору почасти хмаренъ, зъ маленкимъ дощикомъ, ночъ хмарна зъ

малимъ и тихимъ дожчемъ, къ свѣту випогодилась. Продновали зде въ монастирѣ Гамал., переписуючи імбарѣ и проч.

Пятокъ. 27. День былъ свѣтлій и теплій велми, ночъ такъ же свѣтла тиха, а къ свѣту вѣтряна и холодна. Сегодня тутъ въ монастирѣ до обѣда забавилъ и черницямъ полотна видѣлилъ, а именно: серветокъ гладкихъ штукъ 3, а квѣтчатихъ штукъ 7, обрусовъ гладкихъ штукъ 15, а квѣтчатихъ штука 1, ручниковъ квѣтчатихъ штукъ 9, обрусовъ перетиканихъ штукъ 50, полотна бѣлого штукъ 50, итого всего штукъ 90, да зъ другого імбару ровного полотна штукъ 105, серветокъ гладкихъ штукъ 3, скатертей штука 1, итого 109, а зъ обоихъ імбаровъ 199 штукъ. Поехалъ я зъ монастира, а пріехалъ въ Глуховъ за 4 часа.

Суббота. 28. День былъ съ початку хмаренъ и холоденъ, а после дощъ густій ишолъ часовъ нѣсколько, а потомъ пересталъ ити дощъ, толкожъ хмарно и вѣтрано до вечора и черезъ ночъ всю было. На Бѣлополовки, после служби и молебна, у гетманскихъ новихъ будинкахъ билъ банкетъ и подпіяхомъ ради дне коронацѣи ея величества, и самъ гетманъ болше всѣхъ пянъ и слабъ сталъ, что понесли его до постелѣ зъ крѣсломъ, где якъ сказуютъ и спать не моглъ отъ лому въ рукахъ и ногахъ; а после увѣдомились, что паралѣжъ заразилъ его лѣвую руку и ногу и мало рота скривило; которому докторъ Бокъ въ ночѣ еще давалъ кристеръ, и кровъ зъ ноги пускалъ и потное лѣкарство давалъ. Конѣ зъ футора Гамал. пригнати козаками сухонос., 13 коней. Да съ Крисіокъ отъ стар. сухонос. получилъ я вѣдомость гор. тамъ имѣючойся, а именно: куховъ 24, а въ нихъ нос. 240, да квартъ 411, а въ двадцять пятой куѳѣ нос. 6 толко еще.

Неделя. 29. День былъ хмарній, вѣтряній, полунощнимъ вѣтромъ и велми холодній. Ночъ также была хмарна и холодна, толко тиха, къ свѣту дощъ. Обѣдалисмо у генерала, а въ день посѣщали болѣзнуючого гетмана на паралѣжъ, якъ висше упомянуто. Купилъ я вороного дрикганта нѣмецкого у сѣвского ямщика Василія Зѣновъева сына Прутковского, за 40 р

Понед. 30. День былъ хмарній и дощеватий зъ доволнимъ дощемъ и холодній, а къ вечору почасти випогодился, ночъ почасти свѣтла, тиха и холодна. Продали соли кухву, въ которой 29, да бочку у 15 пуд. а кухва нумеръ 5, и денги до себе принялъ, а бочка нумера 2-го (sic). Писалъ до стар. криск. и Демяна, чтобъ по совѣсти составили сами мнѣніе и по роспросамъ людскимъ, что и съ кого надлежитъ убавить осипъ грошевой и хлѣбний, и такое мнѣніе ко мнѣ прислать; да о хлопцахъ старатись, сиротахъ, на услугу сюда двухъ или трохъ. Да старатись о куплѣ улей и постройцѣ млина и приложилъ къ нимъ листъ шваґгра п. Якова зъ саморучною покойного тестя цедулою, что не было позволення Ерофею скуплять грунтовъ, и писмо послалъ до Өедора Лисенка, сотника березинского, нараженного зъ пол. канцеляріи за розискъ въ Криски. Родитель поехалъ въ Роменъ, а я на Бѣлополовку и зъ п. Михайломъ видѣлся. Листъ гетманскій получилъ я о нешествіи моемъ въ походъ. Василь Филомоновъ посланъ зъ двома дрикгантами въ Роменъ, вороними, которому на дорогу далъ 40 к. Чаю жестянку насипали вновъ полну.

М-ць май. Вовтор. 1. День былъ вѣтряний, холодний, а после дощеватъ, а холодъ осѣнний, ночъ также была хмарна и холодна. Ездилъ я въ городъ и закрепилъ въ судѣ енер. оправданіе свое на бѣло по дѣлу зъ епископомъ чернѣгов. за тулиголов. мелницу. Обѣдалъ въ дому съ сестрою Чарнишевою и Кондзеровскою. Продалъ я Кролевецкого дворикъ суддѣ енер. Борзнѣ за 40 р. и взялъ.

Середа. 2. День былъ глубоко осѣнний, а именний (именно?) холодний, вѣтряний, мокрій зъ дощемъ и съ снѣгомъ пластоватимъ, а после дощемъ, потомъ мало випогодилось, особливе къ вечору и въ ночѣ, а зъ полночи до свѣту изнову хмарно, вѣтряно и холодно. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ, простившись съ домашними, отехалъ, и пріехалъ въ Тулиг. на ночъ, где и ночевалъ.

Вознесеніе. Четвер. 3. День былъ зъ ранку холоденъ велми и вѣтрянъ, а после снѣгъ, потомъ дощъ, который передъ вечоромъ престалъ ити, а вѣтеръ жестокій не переставалъ ити. Ночъ тиха,

свѣтла и холодна, толко жъ не такъ, якъ день. На службѣ Божой былъ я у церквѣ тулиг. и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ передъ вечоромъ у Мутинъ, где и ночевалъ. Зъ Тулиг. писалъ письмо до панеи черезъ Козла: 1) чтобъ клуня робилась; 2) чтобъ пасѣки обѣ обгорожени и обстроени были; 3) о пристройки другого кола въ Сварковѣ; 4) должніе за жито люде, чтобъ отробляли; 5) возовъ воловихъ 10 спорадить и всѣхъ вислать въ Тул. по лазню, на святой неделѣ; 6) пчоли 70 перевезти у Шрамковскую пасѣку и о семъ бы приказать господареви, а Забарѣ и Тарасу: 1) жито позичать четвертей сварковцямъ 20, да глуховцямъ 20, на отроботокъ; 2) да соль важить и соляникамъ отдать, да особливе Козлу въ Сварковѣ дерево щепить и ячмѣнь покупать на насѣнне и горѣлку роздавать на жито въ Свар. объ Николѣ. Въ Мутинѣ явился Ярема, черезъ которого до жени писалъ о засилцѣ его зъ лишними кони въ футоръ Гамалѣевскій. У Тулиг. імбарѣ гор. было при мнѣ 3 куѳи повнихъ, а въ четвертой 7 нос.

Пятокъ. 4. День былъ во всемъ и ночъ такіе, якъ и вчорайшіе. Рано поехалемъ зъ Мутина и переехалъ черезъ Сеймъ, а въ переездѣ медлѣлъ часовъ 3 зъ злишкомъ, и пріехалъ до полдня въ село Грузскую, где опочилъ; оттоль поехавши, пріехалъ у вечеру въ Смѣле и у Греся ночевалъ.

Субота. 5. День былъ сперва тихъ, а после вѣтрянъ и хмаренъ, и холоденъ. Ночъ хмарна и холодна и черезъ всю ночъ, дожчъ силній ишолъ, къ свѣту пересталъ. Рано поехалъ зъ Смѣлого и пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ, где засталъ родителей и братовъ Семена, Марка и Луку доброздравственныхъ.

Неделя. 6. День былъ вѣтрянъ зъ ранку, а после тихъ и свѣтелъ и тепелъ. Ночъ свѣтла, тиха и почасти тепловата, и стала перемѣна вѣтра. Сей день пробавилемъ въ Ромнѣ, покупкѣ свои споражаючи. Явился Михайло Литвиненко и обявилъ, что 2 куѳи гор. продалъ, одну за 14 р., а другую за 14 р. (sic) и изъ тихъ грошей отдалъ намъ 12 р. Всѣхъ грошей Вѣжевскому далъ я 12 червенних, да 20 р. на ярмарковіе покупки по сей часъ зде въ Ромнѣ, да еще 3 червон., а всѣхъ 15.

Понедел. 7. День былъ тихъ и почасти хмаренъ и тепловатъ, а после по полднѣ дощеватъ, къ вечору пересталъ дожчъ. Ночъ хмарна, тиха и холодновата къ свѣту. Продновалъ зде въ Ромнѣ, обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ покупки споражалъ.

Вовтор. 8. День былъ рано хмаренъ, после свѣтелъ и тепелъ, и тихъ до вечора. Ночъ такъ же отмѣнная отъ прежнихъ 2, свѣтлая, тихая и тепловатая зъ росою. Продновалъ я зде въ Ромнѣ, а родитель поехалъ по футорамъ. Николаю Михайловичу греку далъ я карту, что доводится отъ мене денегъ за покупкѣ 50 р., а 7 р. и 85 к. я ему отдалъ. Такъ же Ененку за сукно доводилось отъ мене денегъ 7 р., а я его сыну видалъ червонних два, а остался виноватъ 2 р. 60 к. Купилъ я у лавочника сребра середнего проби, 42 лота, по 9 а лотъ, за все заплатилъ 11 р. и 40 к. Ординарная цена чеховому или шаговому и шостаковому сребру лотъ по 9 а., а московскому противъ рублевика по 10 а., а гданскому по 15 а. и вижоги по полтинѣ.

Середа. 9. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому съ маткою, а по обѣдѣ ходилъ зъ братами осмотривать дрикгантовъ и кобилъ нѣмецкихъ, продажнихъ нѣкоторого московитина Полякова, жителя нѣжинского да Колѣженина, оттоль зазванъ я до отца протопопи роменского Совѣцкаго, где мало посидѣвши отойшолъ и отехалъ, а пріехалъ у футоръ мой Гамал. Артополотскій за полъ 4 часа. У футорѣ смотрѣлъ овецъ, где ягнятъ уже есть 80, а козенятъ 10.

Четвер. 10. День былъ свѣтлій, тихій, а после вѣтрянъ, однако жъ тепелъ, по сторонахъ дожщъ, ночъ тиха, свѣтла и тепла. У футорѣ посѣяли ярини сего году четвериковъ лубенской мѣри, ячменю 11, овса 12, пшеницѣ 5, проса 3. Обѣдалъ я тутъ у футорѣ, а по обѣдѣ Алексѣйця посилалъ до попа розбишовского, чтобъ онъ пріехалъ ко мнѣ для розграниченя степку у его купленного, але онъ самъ не поехалъ, а прислалъ карту зъ человѣкомъ, которому приказалъ завести на томъ степку, где орать. И потомъ я поехалъ у вечеру, а пріехалъ у Токарѣ, где и ночовалъ. Дрик-

даруетъ, пріедете, то въ то время поговоримъ обстоятелно; я и сама того жъ мнѣнія, а не инако, и когда и ви узнаете причину, то и ви такого же содержанія будете, что прежде нелзя мнѣ поступать па сіе никакъ, покуда противности отъ ихъ какой неузнать. Пожалуйте, чрезъ сего увѣдомите мене, когда ви будете, ибо я хочу въскорѣ въ Каруковку поехать. Получена ль полатка ваша въ цѣлости, увѣдомить прошу, ибо оная отправлена съ Каруковки приказчикомъ.

76. Любезніе мои въпуки Н. П. и И. С. Сей въручитель, что такъ нескоро къ вамъ присланъ, то тому причина, что я толко что пріехала сюда недавно; домашніе клопоти, а паче плотина мене удерживала. Какъ ви скоро будете, прошу увѣдомить чрезъ сего; я здеся не замедлю, толко поисправлю что нужнѣйшое. Михайла Михайловича [1]) ожидаю въ Боровичи изъ синомъ, которого онъ ожидалъ пріезда сегодни въ Черниговъ. Не худо би, чтобъ ви его въ Боровичахъ застали, о чемъ я одначежъ васъ увѣдомить не промину, какъ толко пріедетъ онъ въ Боровичи. Мнѣ кажетця, что сходнѣе будетъ здесь вамъ, Иванъ Степановичъ, познакомившись съ нимъ, и просить тогда о извѣстномъ дѣлѣ. Что до отца касаетця, какого ви будете на сіе мнѣніе и какъ расположитеся, увѣдомить прошу. За симъ препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ вѣрнимъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею въсегодоброжелателнѣйшею услужницею Н. П. 1789 г. июля 23. Съ Каруковки.

77. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Николай Михайловичъ въчерась поздо пріехалъ самъ, безъ отца, толко изъ Старинневскимъ, которой сказивалъ, что Петръ Степановичъ на сихъ дняхъ хотіелъ ехать у Городню и тутъ ....тисъ дочери, а притомъ съказивалъ и то, что отъ многихъ слишилъ, что говорили, чтобъ вамъ неотмѣно должно пріехать у Чернѣговъ и старатисъ чрезъ пріятелей, испросить прощенія, а инако де худо будетъ. Можетъ статця онъ того и самъ желаетъ; я то догадиваюсъ сама, да какъ мнѣ кажетця, то и должно старатисъ о семъ, и для того не коснѣте съ пріездомъ; ви луче сами отъ Николашенки услишите обо всемъ обстоятелне, да онъ васъ нетерпеливо и хотитъ вѣдать. Болше не распространяю, а кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., июля 27. Изъ Боровичъ.

---

[1]) Стороженка, а сынъ его—Николай Михайловичъ, бывшій потомъ черниговскимъ губернскимъ предводителемъ.

78. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Съ писъма вашего предвижу я, что ничево хорошого не можетъ бить въ расужденіи нечестивого дядка [1]); по всему видно, что онъ то и всему причиною, какъ и отецъ мнѣ пояснялъ, что я во всемъ слушаюсь брата и поступлю неинако, какъ онъ мнѣ совѣтуетъ. Господь пусть ему отдастъ, какъ самъ знаетъ; въ его святой волѣ все наказать и помиловать. Чтожъ касаетця до владики, то увѣраю, что онъ докажетъ, когда его пристално просить будете; и хотя бъ то отецъ и нѣсколко разъ владики отказивалъ, но ви одначе жъ просбою безпокойте владику [2]); въ семъ вамъ ни грѣха, ни стида не можетъ бить, авось даруетъ Предвѣчной, что толкущему отверзетця. Мое мнѣніе, а ваша воля, чтобъ въ случаи владики и тисячу посулить, толко бъ простилъ и отдалъ материнскую часть безъ клопотъ; а впротчемъ Господь съ ними, а на пору и двохъ не пожалѣть; вить болше потеряете покуда сищете; пожалуйте, сами для себе старайтесь недремучимъ окомъ. Воля его что дать, недать своего, а толко бъ материну часть отдалъ. Естлибъ владика ростолковалъ ему порядочно, что сего не можетъ нихто отъ материнской части васъ отдалить, но что хорошое изъ сего будетъ, когда отецъ собственихъ своихъ дѣтей въ разореніе приведетъ? Недоволно, что безчестія и поруганія учинилъ доволно, но ещо съ обоихъ сторонъ и убитокъ. Какую славу приобрититъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ при такихъ лѣтахъ? Ви, какъ молодіе люди, погрѣшили противо отца, пусть такъ, сему простить должно, какъ отцу просившихъ прощенія,—вотъ свято би здѣлалъ и покрилъ би въвесь съ обоихъ сторонъ проступокъ. Естли владика сіе докажетъ, то сущимъ миротворцемъ наречетця. Сіе получить отъ Предвѣчного, вамъ отъ искренѣйшого моего сердца желаю. Я слишала, что отецъ хотитъ ехать въ Гамалѣевку; Бога ради, теперъ старайтесь кончить миромъ, а какъ уедетъ, то въ то время способу не будетъ ужо ничево доброго здѣлать. Какого ви о семъ мнѣнія будете, дайте мнѣ чрезъ сего знать, равно и какіе начатки послѣдовали, со всякимъ обстоятетелствомъ не оставте увѣдомить мене. Естли замедлите, то пожалуйте, пишѣте чего вамъ надобно безъ и малѣйшей цермонѣи; не теряйте на то денегъ, что можете получить, а инако я сочту васъ неприязнеными ко мнѣ. Наконецъ, поручаю васъ божіему милостивому призрѣнію и по-

---

[1]) Андрей Степановичъ Милорадовичъ

[2]) См. выше, стр. 149

кровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. авг. 13. Изъ Боровичъ.

79. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Запомнила я прежнихъ для васъ бумагъ послать, которіе засимъ посилаю, съ коихъ все увидите и по сему поступить рекомендую; да и я не иного содержанія, что сіе съ вашею будетъ ползою. Сіи бумажки, коихъ четиры по листу, а пятая поллиста, прошу мнѣ обратно прислать, яко я еще на сіе не отвѣчала и чрезъ сего жъ самого. О священику такъ же неумедлѣте, пожалуйте. Болше, за скорость, не распространяю и кончу тіемъ, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., авг. 26. Изъ Боровичъ.

80. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Посилаю вамъ присланое писмо и прозбу отъ священика, до которого ещо я и не отвѣчала; пожалуйте, посему, какъ вамъ заблагоразсудитца, начернѣте (когда надобно) и пришлѣте съ нарошнимъ своимъ, яко сей едетъ въ Романовку и долго дожидатисъ его будетъ. Григорій Григоріевичъ толко и пишетъ, что за недосугомъ ни на что отвѣчать не можетъ, а совѣтуетъ сколко можно потерпѣте, ибо графа (Румянцева) ожидаютъ скоро, и человѣкъ его пріехалъ таперъ ко мнѣ, началъ водокъ учитись дѣлать, то тутъ надобно отъ всего удержатись, чтобъ не подать ни въ чемъ причини имъ на себе; и ви положитись на Всеведущого, тотъ непремѣно устроитъ все по желанію сердца вашего, толко взять терпеніе. О деревняхъ и душахъ Василій Ивановичъ пишетъ, что будетъ старатись, но ему то неловко, а совѣтуетъ Г. Г. [1]) чтобъ ви не заживались да пріездили сами луче. Вѣрующой отъ Настасіи П., такъ же Григорій Григ. пишетъ, ещо не брать, ибо де рознесетця тотчасъ и се къ худшему можетъ бить, и для того и я вамъ совѣтую подождать; а между тіемъ графъ когда пріедетъ, то луче все, а можетъ онъ и къ миру не преклонитъ ли; всѣ сіе говорятъ и совѣтуютъ такъ поступить; вотъ священика бѣдняка жалко, что страждетъ, о семъ потрудѣтесь, и естли писать за благо вамъ покажетця отъ мене, яко за своего священика уступитця надлежитъ, то тутъ прописать непремѣно мнѣ каже (говоритъ) все про сіе прописать надобно, какъ затіеи Петрови, такъ и дозволеніе и отказъ многимъ женихамъ безъ согласія дочернего, такъ судъ и то, что мнѣ сказалъ, что за лифлянца(?) намереваетъ отдать безъизвѣстна, равно и то, что она никогда въ отца не бивала.—И начернивши, пришлѣте ко мнѣ. Болше бъ

[1]) Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ.

писала да глаза такъ болятъ, что способа не нахожу, и тіемъ кончу, что естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. Авг. 26, 1789. Изъ Боровичъ.

81. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро я получила ваше писмо ко мнѣ и до Григорія Григоріевича, равно жалоба и опредѣленіе извѣстное, то того же часа и отправила съ нарочнимъ моимъ, въ надлежащіе руки. Ви пишете, что едете тотчасъ въ Новгородокъ, но не написали—обое ли или одно съ васъ; естли одинъ Иванъ Степановичъ поедетъ, то неможно ли Настасьи Петровнѣ пріехать ко мнѣ, прилѣжно о семъ прошу. Клюкви посилаю и три арбуза да и грушъ въ коробки, желаю здоровенкимъ кушать; возокъ дворовой данъ сему вашему человѣку, при оказѣи прошу прислать, равно и коробки прежніе и сіи, естли ненадобни. Засимъ поручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., сент. 17. Изъ Боровичъ.—P. S. Писмо ваше ко мнѣ—отправила я туда жъ, куда надлежитъ; въ насъ ничемъ ничего не слихать, да и о Максимовичу не слишила я ничево. М—вой моей г—нѣ Парасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу мое почтеніе и низіохенкой поклонъ засвѣдителствовать, равно и любезнимъ вашимъ сестрицамъ, а моимъ м—вимъ г—нямъ. Уляна Семеновна въсемъ низіохенко кланяетця, а притомъ проситъ и Уляна Семеновна Настасью Петровну, какъ кумушку свою, чтобъ пожаловала пріехать, а когда не пріедетъ, то она сама въскорѣ будетъ, но съ тіемъ, чтобъ ви прежде пріехали, а безъ того и никогда не поедетъ.

82. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. За поздравленіе ангелъ моимъ мене чувствителнѣйше вамъ и всему вашему семейству приношу благодареніе, молитвами которой да даруетъ Всевидущой всѣмъ вамъ помистное (?) благощастіе, покой, здравіе и должайшіе лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. За присилку хлѣба и охоти вашей зайцовъ премного благодарю. Писмо ваше и Калиновского, также и опредѣленіе вамъ извѣстное того жъ часа съ нарочнимъ отправлено въ Чернѣговъ, равно и до священика послано ваше писмо. Увѣдомить васъ непромину, что батюшка вашъ горячкою занемогъ и что масломъ соборованъ, о чемъ мнѣ сказивалъ отецъ Романъ, которой третово дни изъ Чернегова пріехалъ, а онъ слишилъ сіе отъ Михайла Михайловича, и что докторъ Удинъ ползовалъ его, а пріехавши въ Чернѣговъ и самъ заболѣлъ. Борони Господи чего, то вѣчно сожалѣть будемъ, когда благословенія и проще-

нія не получите. Мнѣ толко удивително, что Григорій Григ. ничево о семъ не пишетъ. Федосья Константиновна на возвратномъ пути съ Питербурха едучи, по дороги занемогла, а пріехавши въ Москву, скончалась сентября 25, где и погребена; а Марія Михайловна [1]) віехавши зъ Москви, въ Орлѣ заболѣла, и всѣ люде съ нею бившіе, и пролежала до 22 октября, а теперъ писала, что она будетъ ноября къ 2, въ Подоловъ, куда и брата Василія Степановича проситъ, чтобъ пріехалъ, и онъ 30 сего октября, рано, и поехалъ. Какъ мнѣ жалко Федосье Константиновни—описать вамъ не могу, а болше ещо Марію Мих., которая описивала, что они претерпѣли, то истино нелзя нетронуту бить человѣку, читая оніе писма; доволно, что до того дойшло, что лежитъ болна въ Орлѣ со всѣми людми, а денегъ ни копейки, но графъ Кирило Григоріевичъ [2]) прислалъ съ нарочнимъ 500 рублей и до Неплюева писалъ, чтобъ всякое вспоможеніе било би для болящой. Подумайте: двѣ женшини въ такую болшую дорогу отважились поехать, туда, где ни души знакомихъ нѣтъ; благодареніе Богу, что графъ случился въ Москви, а безъ того пропасть би должно. О Григорію Петровичи присланъ указъ, что опредѣленъ на мѣсто Селецкого, но еще нѣтъ его и понинѣ. Вотъ вамъ и всѣ здешніе новости, а болше ничево нѣтъ, но сохрани Господи таковихъ вѣстей. Болше писать чего не сискую, поручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г., окт. 31. Изъ Боровичъ. Пивонѣйки нѣтъ здесь; видно потеряли въ другомъ мѣстѣ. Я знаю что Настенка къ игрушамъ охотницяя, посилаю 130 варенихъ въ меду; унгарского спирта..... и разной водки, коришпевой и масти(ковой), всехъ 7-мъ.

83. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку мелника, чувствително благодарю, но не въ пору; когда би тогда пріехалъ било, какъ можно ещо гатить, то бъ много помогъ, а теперъ далъ нѣкоторой совѣтъ, что касаетця около клетокъ; но луче би въсего, когда бъ онъ или синъ его принялся бить атаманомъ; я ему о семъ говорила, но онъ самъ не соглашаетця, а сказивалъ, что синъ де его можетъ статця поохотитця, которой естли ужо согласитця, то покорно прошу, прежде, тамо съ нимъ договоритись, какъ ему бить, то есть какую онъ часть получать долженъ будетъ, и о семъ мене

[1]) Стороженко?

[2]) Разумовскій.

прежде, при оказѣи, увѣдомить, даби человѣка не трудить. Вамъ господинъ Калиновской [1]) вѣрно переказивалъ дѣло и для того я лишнимъ почитаю объ ономъ пояснять, а скажу вамъ толко то, что Григорій Петровичъ пишетъ ко мнѣ, которое писмо посилаю для увидѣнія, по сему ненадобно объ немъ худого думать, а въ томъ Господу свѣдущему, но я по крайности симъ себе лщу. Я къ нему отвѣчала таперъ толко то, что я радуюсь о сего мѣсту и протчая; равно благодару за незабвенье и поздравляю его чиномъ, а болше ничего, даби не вдругъ за его приниматися. Мое мнѣніе, какъ я и Калиновскому съказиваю, чтобъ вамъ поехать въ Чернѣговъ, заманутись зачемъ нибудь, а хотя би то и будто для Михайла Михайловича, которой весма боленъ, съ преложеного писма усмотрите, а между тіемъ и изъ Григоріемъ Петровичемъ повидатисъ, чтобъ чрезъ его просить отца о вашемъ достояніи и протчая. Да и Григорій Григоріевичъ писалъ, зачемъ ви не едете, удивляетця. Когда не намерени ехать, то какой ради причини—увѣдомте. Я би чрезъ васъ писала къ Г. Петровичу или за совѣтомъ вашимъ и опосля или прежде, я великимъ дивомъ (sic), что Григорій П. пишетъ ко мнѣ, да и что неудоволство подписано отъ сторони отца, а съ писма Г. Г. увидите, что сами и приговоръ писали; что нибудь да кажетця къ миру сходно. О дай то предвѣчной Господи, чтоби такъ било. Съказивала мнѣ Ефросинія Романовна, что Настенка бокомъ часто неможетъ; Бога ради, не сиди много!—то есть великой вредъ, да не худо би и лекара сискать; а между тіемъ попробовать, какъ толко начнетъ маленко болѣть, то розогревши въ ложки сребной масла деревяного, и руку нагреть тотъ долженъ хто будетъ тереть болное мѣсто, наливъ масла на руку, и терѣть сълегка; одначеже въ разужденіи томъ, что не празна, и до тіехъ поръ пока масло въсе въвойдетъ въ тѣло; потомъ овса нагреть и положить до болного мѣста, и буди легче будетъ, то и не мѣшать болше ничемъ При семъ посилаю, сколко у мене било, бобкового масла, и сіе велику помощь дѣлаетъ, но опасно можетъ бить, что давнее. А луче всего совѣтую лѣкара сискать и отнюдь не запускать. Мартиновской превеликой практикъ женскимъ болѣзнямъ, которой нинѣ у Михайла Михайловича,—естлибъ пріехали безъ замедлѣнія, то бъ весма хорошо его пригласить. Болше не распространяю, да и что то нездорова я ужо дни нѣсколко. И такъ кончу тіемъ, что я естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею Н. П. 1789 г., нояб. 18. Изъ Боровичъ.

[1]) Адвокатъ.

84. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Какъ скоро получила я отъ васъ прозбу 16-ти лѣтнево малчика извѣстную получила (sic), такъ и писмо ваше, въ коемъ пишете о присилки извѣстного вамъ рѣшенія, то нарочнимъ послала до Григорія Григоріевича, даби поскорѣе присилалъ, а какъ скоро прислана будетъ, не укосню съ присилкою; пожалуйте, не заживайтесъ; вамъ таперъ весма нужно въ Чернѣговъ. За присилку селдей чувствителнѣйше благодарю, кои весма хороши и исъ коихъ по частички послала къ Михайлу Михайловичу и Григорію Г. Для Михайла Михайловича, кажетця, таперъ весма будутъ кстатѣ. Что получила отъ Николашенки, посилаю; дай Господи, чтобъ виздоровилъ Михайло Михайловичъ; жаль мнѣ до безконечности его, а къ тому и синъ такой, что безъ отческого призрѣнія никуда негодитця. Болше не распространяю. Препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею вѣрною и всегодоброжелателнѣйшею бабкой Н. П. 1789 г., ноября 24. Изъ Боровичъ.

85. Любезніе мои вънуки И. С. и Н. П. Я толко, что расположилась било къ вамъ послать, заговѣвши, какъ же ви упредили, то и оставила на другое. Радуюсь, слиша о вашемъ здоровьи и продли Всевидущой въ непоколѣбимомъ (*sic*) обѣихъ васъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего моего сердца желаю. Я слава Богу здорова по моимъ лѣтамъ, но съ комнати ни вонъ. Батюшка вашъ віехалъ совсемъ ужо, о чемъ мнѣ мужичокъ жукоцкой съказивалъ, которой пріездилъ на тамошнего приказчика жаловатця, а имено за то, что позною добою [1]) виправилъ подводи съ разнимъ хлѣбомъ въ Любечъ и во всю ночь ехали они, — какъ то въ сего мужика продрался мѣшокъ и пропало пшеницѣ двѣ мѣрки, за что приказчикъ билъ его нещадно и требуетъ потеряной пшеницѣ; я до Григорія П. писала, что по двѣ кожи не годитця драть и чтобъ онъ велѣлъ виислѣдовать, буди точно билъ, то тіемъ би и доволенъ оставался, а чтобъ господское непропало, тотъ приказчикъ положилъ, а между тіемъ и въ наличности писала, чтобъ онъ мене точно увѣдомилъ естли .....Сей мужичокъ сказивалъ, что уже идетъ перевозъ извѣстной и что люде ни одной минути свободи неимѣютъ: одни молотятъ и вѣютъ, другіе домъ перевозятъ. Я хочу послать нарошного заразъ, даби по ревизѣи принималъ въсе, но сама не знаю кого би, посовѣтуйте, какъ вамъ кажетця, а я думаю Иванѣцкаго, ибо совершенно надобно по ревизѣи випра-

[1]) Временемъ.

витись. За присилку льну премного благодарю, которой хотя недешевъ, но весма хорошъ, тутъ же и за гриби благодарю премного. Василія Степановича нѣтъ по сію пору, отехалъ въ Чернѣговъ. Григорій Григоріевичъ нездоровъ, педагрою и харагрою страждетъ. Что отъ Иліи Василіевича лакей будучи сказивалъ о горелки, то явилась ложъ, Лемъ, поворотясь, съказивалъ, что ни же по два рубля не даютъ. Мнѣ хлѣба не купили таперъ въ Сосницѣ и для того посилаю уже завтрешній день въ Глуховъ. Что то тамо будетъ, Богу свѣдуще. Зъдесь пронеслось, что будто графъ Петръ Александровичъ съкончался, жаль, борони, Господи, сего, ми всѣ потеряемъ прямого отца, я о семъ посилала до Григорія Г., тотъ вѣрно обо всемъ вѣрнѣйшіе вѣсти (имѣетъ?). Болѣ писать чего не сискую, препоручивъ васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшей бабкою Н. П. 1790 году, генваря 3. Изъ Боровичъ.

86. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Долго не получая отъ васъ о вашемъ для мене дражайшомъ здравіи, въ немаломъ сокрушеніи пребиваю; прошу чрезъ сего нарочно посилаемого увѣдомить мене здорови ли ви? А я по благости божіей, хотя не совсемъ, но здорова, желаю и отъ васъ получить то, что ви здорови и дужи. Я би давно послала къ вамъ, но дорога мѣшала, ожидая зъ дня на день авось поправитця, но во мѣсто того все хуже да хуже, и чтобъ не здѣлалось ещо и болше сего, то какаво бъ то не доехала(?). Кормилицу посилаю. Даруй Всевидущой, чтобъ оная вамъ била угодна и надобна, отъ искренего моего сердца желаю. Естли возможно и не испортитця пуще дорога, покорно прошу въ Стародубъ послать купить для мене свѣжихъ осетровъ два, толко бъ некашницъ (?), икри жидкой, самой хорошой фунтовъ десять, да паюсной самой хорошой пудъ одинъ, сливъ французкихъ полпуда; на сію покупку посилаю денегъ 35 р. Камбали, каваловъ 6, селдей хорошихъ, когда можно, бочонокъ болшой, когдажъ неможно, то маленкихъ 2 бочоночки. Вотъ и вся моя покупка. Сіе для того, чтобъ упорожнѣ подвода не возвращалась. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, а когда у васъ что новое, не оставте сообщить. Не слишили ли ви чего съ Романовки,—здорови ли тамо наши и не били ли въ Стародубѣ? пожалуйте не оставте увѣдомить; я хотіела посилать къ нимъ, но дорога попрепятствовала. М. г—нѣ моей Парасковьи Григоревнѣ, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу отъ мене засвѣдителствовать мое почтеніе, равно и сестрицямъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ, низіохенко кланяюсь,

а васъ, моихъ ангеловъ, обѣихъ цалую въ мисляхъ, препоручивъ васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 15. Изъ Боровичъ.—Николашенки и по сіе время съ Иржавця нѣтъ. Естли паче чаянія не будетъ рибъ, то вина какого хорошого купить да пива аглицкого за сіи денги. Василій Степановичъ прекраснихъ жеребцовъ купилъ 2, у Стаховича, одинъ, какъ глина, съ темними пятнами, а другой—серой; не худобъ кобилокъ двѣ прислать изъ вашимъ нарошнимъ. За оніе далъ 300 р., первой 2 ар. и 6 в. съ половиною, а другой молоденкой.

87. Любезніе мои въінуки И. С. и Н. П. Писмо ваше я получила. Радуюсь, слиша, что ви дужи и здорови, продолжи, Всевидущой, въ непоколѣбимомъ вамъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искренего сердца моего желаю. За присилку мастера чувствително благодарю, но жаль, что по пустому бѣдняжка потрудился: первое, то, что дорога безпутна, фторое, что и нелзя ничево дѣлать таперъ, яко испортился совсемъ ліодъ, а где било можно, то до пріезда его окончено. Я его договорила, даби онъ принялся здезь бить атаманомъ, которому доходъ на одинъ годъ давала такой, чтобъ ему розмѣръ обикновеній со всехъ клѣтокъ брать, а мѣрочникомъ съ того третину дать онъ долженъ, но съ тіемъ, чтобъ исправилъ совсіемъ порядочно, какъ должно во всякой клетки, а что въновъ дѣлать бы довелось, то на то договоръ другой, но онъ съказалъ, что ему нелзя, откладиваетъ на иное сіе время, а на какое—не положилъ ничево. Пожалуйте, поговорите ви съ нимъ, къ чему и на чомъ онъ желаетъ пристать и мене увѣдомить. За присилку конопляного масла чувствително благодарю, которое тіемъ болше пріятно, что съ вашихъ рукъ; въ Жукотки не посилала ещо, а предъ срокомъ за неделю пошлю. Ульяна Семеновна къ 1 марта будетъ къ вамъ съ повелѣною надобностію,—даруй толко, Всевидущой, чтобъ сокровеное открилось и при ненарушим(омъ) здравіи узрѣли ви, и мене удостой, Предвѣчной, то видѣть, что для мене лестно. Засимъ препоручивъ васъ божіему призрѣнію и покровительству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, февраля 21. Боровичи.

88. Вселюбезнѣйшіе мои въінуки Н. П. и И. С. Съ терпѣнія вихожу, неполучая такъ долго вожделѣнѣйшаго для мене извѣстія. Обрадуйте мене, когда премилосердое Провидѣніе даровало вамъ что, ибо срокъ уже прошолъ, и потому два дни миновало ужо. Буди

жъ, паче чаянія, ніетъ еще ничево, то, по крайности, росчитавшись порядочно, въ совершености, дайте знать. Богъ мой свѣдитель, что я себѣ не помню отъ горести. Г-жа Симонова 2 марта разрѣшена отъ бремени и даровалъ ей Богъ дочь Евдокію. А по рощоту вашему, вамъ бо прежде надлежало. Ради Христа, не медлѣте сего нарошного, даби мнѣ не унивать. Господь вамъ да поможетъ! Господь да благословитъ васъ всіемъ тіемъ, чего ожидаемо съ нетерпеливостію, отъ искренего моего сердца желаю. Пребивая, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 5. Изъ Боровичъ.—Послали ли писмо къ Степану Степановичу и не имѣети ли какого объ нихъ извѣстія, пожалуйте увѣдомите. М—вой моей г—нѣ драгоцѣнѣйшей вашей матушки прошу мое почтеніе зосвѣдителствовать, рано и сестрицамъ вашимъ, а моимъ м. м. г—нямъ низіохенко кланяюсь. Улянѣ Семеновнѣ прошу обявить, что Григорій Герасимовичъ дужъ и здоровъ и онъ ей кланяетця, и я съ нимъ вмѣстѣ кланяюсь жъ.

89. Любезнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. За пересилку писма моего въ Романовку и отъ толь ко мнѣ, чувствително благодарю, равно и за покупку московскую, хотя чайникъ и великъ, но нѣчого перемѣнить, такъ и бить, а что касается до чашекъ, то видно ви безъ разбору оставили себѣ полдюжини, яко у мене неодинаки двѣ чашки и болшіе гораздо, и цвѣти на всѣхъ розанчики, а на двохъ иніе цвѣти, но и въ томъ нужди нѣтъ, можно и по времени перемѣнить, когда похочете, а я весма доволна оними, равно... и протчимъ, за что еще повторно благодарю вамъ обѣимъ, моимъ ангеламъ. Ви не написали о дѣлѣ отца вашего, вамъ извѣстного въ Новогородку Сиверскомъ. Какой то повереной справлялся, нарочной ли пріехалъ съ Чернегова или тамошной, буди тамошной, то не удивляйтесь, а когда нарочитой пріездилъ отсель, то легко сего нечего поставлять (*sic*). Пожалуйте, неостаньте увѣдомить же о семъ. Николай Михайловичъ вчерась пріехалъ и сказивалъ, что и Григорій Петровичъ изъ супругою и дѣточками будетъ къ празднику сюда; я ему обо всемъ семъ говорить буду, и ви ничемъ не клопочитесь, пожалуйте, все прекратитця и будете имѣть покой, толко даруй Всевидущой вамъ обѣимъ съ вожделѣніемъ. Николай М. сказивалъ, что оцецъ (*sic*) вашъ сину далъ вѣрующую для прекращенія всехъ дѣлъ и онъ непремѣнно здѣлаетъ; никакого я сумнителства въ семъ не имѣю, увѣраю; толко, Бога ради, не клопочитесь по напрасному. Премилосердной Господь наказиваетъ насъ за грѣхи, а когда молить его и несумнѣно

на то положитись, то сколко наказанія, то сугубое помилованіе получаемъ. Я у Жукотки отправила Лема одного, которой писалъ ко мнѣ, что требуютъ подводъ везти горелку въ степъ, я приказала отнюдь не дать, но Николай М. пріехавши, сказивалъ, что 10 бочекъ повезли жъ таки жукоцкіе бѣдніе люде. Подумайте, какова таперъ дорога, истино, сердце мое болитъ, услишивши такое безаконіе. Я предъ симъ послала туда и бочку пѣной горелки, велѣла роздать въ шинки тамошніе и когда видетъ и дорога поправитця, то и другую пошлю. Наличности, пишетъ, никакой нѣтъ и воли такъ бѣдни и маленки, что и по три рубльа нестойніе, и поле, сказиваютъ, не все засѣяное; словомъ, Николай Михайл. сказивалъ, а ему Лемъ, что такъ разорени будто люде, что ни одного человѣка нѣтъ, чтобъ можно назвать человѣкомъ достаточнимъ. Я истино не понимаю, что мнѣ дѣлать? Подумайте, когда такъ точно разорени, чемъ поправить? Истино съ терпѣнія вихожу. За симъ ожидать буду увѣдомленія отъ Григорія П. Николай Мих. съказивалъ, что послалъ писмо въ Жукотки Г. П. на мои къ нему требованія о наличности. Что получу, безъ увѣдомленія—не оставлю васъ. За симъ препоручивъ васъ божіему милосердію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 7. Изъ Боровичъ.—М. г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшей матушки, прошу почтеніе отъ мене засвѣдителствовать наичувствителнѣйше за присилку милця, за боброви каплѣ, и гофманови, премного вамъ благодарю, равно и за шафранъ. Отъ недосугу голова кружитця и когда что пропустила—извинѣте.

90. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. Не получая отъ васъ такъ долго никакого извѣстія, въ немаломъ сокрушеніи пребываю. Увѣдомте мене, какови ви въ своемъ здоровьи, дайте хотя съ нарошнимъ вашимъ знать. Я въ той надежди, что ви писали—будете увѣдомлять и не посилала по сіе время; всякую мѣнуту ожидала радостнѣйшого для мене извѣстія, но видно ошиблися щотомъ, со всіемъ тіемъ хотя и тіемъ увѣдомте, что нѣчево ещо нѣтъ. Даруй, Всевидущой, благополучно въ свое время. Пива ніетъ, послала варить, какъ толко привезутъ, пришлю. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу... Естмъ во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 13. Изъ Боровичъ.— Я глазами стражду, жестоко болитъ. Улянѣ Семеновнѣ прошу кланятись, а панъ ея пишетъ самъ о себѣ и для того пояснять уже мнѣ нѣчево.

91. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Сколко я била тронута, по расказамъ Уляни Семеновни мученіемъ Настенкинимъ во время родовъ, описать силъ моихъ нѣтъ, сколко жъ и м. моя г—ня, а ваша драгоцѣнѣйшая матушка, въ то время и завсегда безпокоитця и безпокоилась, ничемъ сего наградить силъ нѣтъ. Предвѣчной одинъ тотъ да даруетъ ей за такову ея милость все по желанію ея сердца и должайшіе лѣта, даби ея отрасли, видя таковое призриніе надъ страждущими подавали би руку помощи, а вамъ остаетця вѣчно сіе въ сердци вашемъ запечатлѣть и удесятерить вашу къ такой матери преданость и почтіеніе, равно и я, поколь духъ въ моемъ тѣлѣ будетъ пребивать, не исключу изъ сердца моего благодарности и почтенія, съ которимъ и въ гробъ пойду, а нинѣ прошу отъ мене низіохенко кланятись и за меня обоихъ васъ прошу въ ручки обѣ поцаловать по сто разъ, а я васъ троихъ цалую въ мисляхъ неме(н)ше жъ того, какъ ви за мене. За присилку теліоночка премного благодарю, съ которимъ дожидатисъ вашего пріезда буду, ибо я до полученія забила въ Каруковки своего теліонка. Къ Григорію Григоріевичу того жъ дня отправила другого теліонка, при писмѣ вашемъ. Григорій Г. боленъ и по сіе время, и въ Чернѣговѣ празникъ принимать будетъ, а Василій С. со мною, кой толко на время отехалъ въ Смячъ. Посилаю вамъ погребецъ водки: сладкой 4 штофа, а крепкой три. Естли возможно, прошу приказать додѣлать въ гутѣ 3 штофа бѣлой води, и то не заразъ, а по времени. Яблокъ посилаю 55 сладкихъ и кислихъ, по частямъ, какіе на сію пору случились, сѣменъ редечнихъ трохъ сортовъ, а арбузовъ сѣменъ нѣтъ хорошихъ, селдерей не посилаю, яко перемерзнетъ. Писмо отъ Василя С., къ вамъ писаное, посилаю. Папошникъ посилаю, незнаю каковъ, пшеницу съпортили по чужихъ мелница(хъ) мелючи, а мои въ подтопѣ—третая недѣля. Здѣлайте милость, какъ у васъ вѣрно частіе оказѣи въ Стародубъ, прикажѣте купить мнѣ сахару пудъ, на что и денегъ посилаю 15 рублей, и чрезъ того пришлете, что съ пивомъ пришолъ. Сашенки, моему ангелу, отъ своихъ трудовъ коробочку посилаю и парку цвѣточковъ, какіе на сію пору разъцвѣлось. Засимъ препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 21. Изъ Боровичъ.—Прошу мое почтеніе засвѣдителствовать вашимъ любезнимъ сестрицямъ, а моимъ м. м. г—нямъ. Уляна Семеновна всѣмъ вамъ кланяетця, начавъ отъ матушки вашей, вамъ троимъ и сестрицямъ вашимъ, и цалуетъ всѣхъ ручки.

92. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. За присилку пива аглицкого премного вамъ благодарю, которое по пробѣ и не худенкое. Извинѣте, что я васъ симъ безпокою, причина сему, что мои люде ещо туда не обикли ездить. Что принадлежитъ до присланой копѣи прошенія по дѣлу отца вашего, вамъ извѣстного, то ви весма понапрасному безпокоите, вѣрте, что ничево изъ сего не можетъ бить. Григорій Петровичъ изъ супругою и Соненкою сей день отехали отсель; онъ увѣралъ мене, что въ маи мѣсяцѣ увидите сами, что все прекратитъ онъ непремѣнно, и надобно вамъ знать, что Полуботки отобрала съ протчими наряду деревнами, и Григорій П. хотя ськолко не просилъ мене, чтобъ я ему отдала таперъ же, но я удержала до тіехъ поръ, покуда не кончитъ онъ положеного мира, вамъ извѣстного. Описивать вамъ о происхожденіяхъ бывшихъ, лишнимъ почитаю, дастъ Господь, пріедете, услишите все, а таперъ ещо пофтору вамъ, ради Бога, не печалтесь о пустой затіеи отческой; вѣрте, что оная исчезнетъ, какъ нонѣшной сънѣгъ отъ слонца. Наконецъ, препоручивъ васъ троихъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ къ вамъ усердіемъ во всю мою жизнь, вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, марта 30. Изъ Боровичъ.

93. Любезніе мои вънуки Н. П. и І. С. Получа о вашемъ здоровьи извѣстіе, радуюсь, даруй Всевидущой вамъ и крошенки Алексашенки пребивать въ ненарушимомъ, при покровителствѣ божіемъ, до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Не менше сего обрадована я и пріемомъ милостивимъ отца вашего хлѣба узварного. Дастъ Господь, въсе будетъ хорошо, толко терпѣніе имѣть и положитись во всемъ на провидѣніе Господне, тотъ боритель общего врага попередъ, несумнителную надежду имѣю. Посилаю о наличности жукоцкой описъ; что касаетця до ярини, то будетъ какъ нибудь, но жита ничего нѣтъ; я тамо мужичка поставила мохнатинского до пріезда вашего, которой маленко и грамотенъ. А ви старайтесь человѣкомъ и нехудо бъ, чтобъ и отправить его заразъ, а въ томъ, какъ изволите, ибо я ужо сему то мужичку приказала, чтобъ онъ старался—все поле ораное засеялъ бы, непремѣнно въсе, какъ овсомъ сколко его есть на лѣцо, пшеницею и протчимъ, сколко чего есть. Воли, какіе есть нѣчево уже переберать, кои всѣ при Жукоткахъ останутця. Шинкаромъ я дала двѣ бочки вишеполугарной горелки, цену положила зъ десятиною по два рубля, но той мало будетъ, а у мене такъ же нелишней горелки; я би вамъ не жалѣла, но и въ Савинки надобно

будетъ бочекъ двѣ жъ, покуда ви прійметесь за хозяйство. Мнѣ кажетця, какъ ужо близкое время приходитъ до окончанія дѣла вашего зъ братомъ, то бъ не дожидаясь мая, писать къ нему о положеніи сърока, и не худо бъ своего нарошного прислать, и хотя и чрезъ сего изволте писать, я къ нему пошлю и своимъ. Много вамъ писать о розговорахъ нашихъ за лишное почитаю, дастъ Богъ, пріедете, услишите. Прошу дать знать, когда ви намереваете пріехать, дабп я зная могла возвратитись съ Каруковки, куда хочу заразъ за поворотомъ сего отъ васъ поехать. Я тамъ толко и прожила дни три и почти ничево не здѣлала. Савинской приказчикъ весма боленъ, и хотя я и писала къ нему, чтобъ вездіе било позасѣяно, по сумнюсь, чтобъ билъ порядокъ въ расужденіи его болѣзни; однакъ часто посилать буду туда провѣдивать, а буди не поправитця, то хотя отсель пошлю человѣка. Болше писать чего не сискую, да и после дороги не совсѣмъ здорова что то. Цалую въ мисляхъ васъ, моихъ ангеловъ, троихъ, препоручивъ васъ божіему покровителству и милостивому его призрѣнію, пребуду во всю мою жизнь вашеговсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, апреля 11. Изъ Боровичъ.—Уляна Семеновна благодаритъ за присилку писемъ, и будетъ къ вамъ къ повеленому сроку непремѣнно. Виписка съ контракта данного мнѣ отъ Петра С. на откупъ Жукотокъ, которой данъ 1777 году, сентября отъ 1 числа, на три года, которому сего 1780 году и конецъ года; на всякой годъ полагая по 600 р., за три года 1800 рублей, отдано за карету Енку—192 р. 50 к., по росписки Каморовскаго, того жъ, году, въ маи мѣсяцѣ—200, по другой, въ ноябрѣ—300. Чрезъ Базилевича получила я—333 р., за 300 колодъ на церковъ жук.—75 руб., чрезъ Николая я получила—300, майстрамъ жукоцкимъ—30, да таперъ чрезъ козака 168 рублей; и того 1748—50, ещо надлежитъ—51 р. 50 к.

94. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. По отездѣ вашему, наумовской молодой попъ, являсь у мене, представилъ зъ дикастеріи указъ и прозбу, которіе для вашего знанія посилаю, единствено для того, чтобъ ви вѣдали, что неусипно оцетъ (sic) стараетця жъ, и Господь ихъ вѣдаетъ, на что сей обманъ, что тутъ такъ, а тамо инакъ. Сей же священикъ со слезами просилъ мене, чтобъ послать къ Степану С..., дабп подписался на присяги прилагаемой, которую не надобно ли въ чемъ поправить, вамъ предъоставляю. И ви пожалуйте къ Степану С. напишѣте о семъ и, не удерживая нимало сего нарошного, отправляйте. Между протчимъ сказивалъ священикъ, что пріостановлено де било въ дикастеріи сіе дѣло совсемъ; но ужо свят-

ками получали отъ Петра Степановича прозбу да скончено было сіе дѣло безъ замедлѣнія. Правда ли сему или нѣтъ—я слишаное пишу. Какого ви о семъ мнѣнія и чемъ би успокоить можно сего несщастнаго, неоставте мене, со всякимъ обстоятелствомъ, чрезъ сего жъ увѣдомить. Каково ви доехали, и благополучно ли застали въ добрѣ все а въ началѣ о здоровьи матушки вашей и Сашенкиномъ, увѣдомить прошу. Пребивая во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 16. Изъ Боровичъ.

95. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Жаль, что ви не симъ моимъ нарочнимъ отправили къ Степану Степановичу да своего человѣка потрудили. Посилаю сего нарошного съ темъ, чтобъ и привезеное писмо отъ Степана Степ. онъ же привезъ. А между протчимъ и писмо отъ Григорія Гр., писаное ко мнѣ, прилагаю. По оному буди угодно поступить или отложить, причинъ ради какихъ, остаетця въ власти все вашей, толко прошу увѣдомить, какихъ ви будете расположеній о поездки вашей; какъ получу присягу извѣстную, то пошлю до Григорія Григоріевича по вашему въ томъ требованію. Что касаетця до писемъ потребнихъ, то вѣрте, что они у мене въ сохраненіи, какъ должно, а кои ненужніе и несекретніе, то я онихъ никогда не храню и употребляютця оніе на всяку всячину, а потому не извлоте никакого сумнителства въ семъ имѣть. Что ви всѣ трое дужи и здорови, радуюсь и отъ искренего моего сердца желаю вамъ въ ненарушимомъ пребывать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Алексашенку прошу за мене поцаловать. Въ протчемъ пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 21. Изъ Боровичъ.—Горелку купленую изволте сейчасъ присилать и своего челолѣка, какъ въ Савинки, такъ и у Жукотки, и цѣни, какъ вамъ угодни, изволте тако и располагать. Ради Бога, Насточко, не упрамтесь да принимайте и владѣйте, вѣрь мнѣ что и все порядочнѣе будетъ, когда сами будете разполагать и скорѣе можете окончить ваши дѣла; а безъ того, какъ хочете, естли не примете заразъ, то имено отдамъ въ аренду, и тогда не жалѣйте. Я разъ навсегда сказала, что вамъ давала и таперъ то же пишу, ви подумайте: вить и косовиця недалеко, надобно же что нибудь да подумать, яко тамо немалая оная. Скажѣте, ради Господа небесного, кого ви боитесь, что не принимаете ничево, когда по вашему, что по шеи дадуть, то первоначално, хто би сіе здѣлалъ? фторое, братъ же владѣетъ матернею частію, зачемъ же тебѣ не принять моего. Николаша также Виблями владѣетъ и нихто по шеи не бъе. Ещо разъ прошу—принимайте оз-

наченую для тебе часть извѣстную, а когда не премете, вѣрте, что все отдамъ Григорію Петровичу и тогда ужо изволте съ его рукъ получать, какъ хочете. Уляна Семеновна вамъ обѣимъ кланяетця и Санечку цалуетъ.

96. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку писемъ отъ Степана Степановича и извѣстной присяги премного вамъ благодарю, которую, по прежнему вашему писму, отправлю прежде до Григорія Григоріевича. За увѣдомленіе о здоровьи вашемъ и дражайшой Санечки желаю отъ всего моего сердца пребивать вамъ всѣмъ троимъ въ непоколѣбимомъ до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, при покровителствѣ Всевидущаго, коему припоручивъ, пребиваю во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, мая 22. Изъ Боровичъ.—P. S. М—ой моей г—нѣ Прасковьи Григоріевнѣ, вашей драгоцѣннѣйшей матушки, прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и сестрицимъ вашимъ, а моимъ г. м—мъ низіохенко кланяюсь. Уляна Семеновна на сію пору не била, за хозяйствомъ трудитця, капусту садитъ, и не била какъ сей пріехалъ и отехалъ. Извинѣте, что не кланяетця инѣ.

97. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. Вчерась, тоесть июня 22, вашъ Данко пріехалъ, которой того же самого дни и отехалъ въ Брахловъ. Сожалѣю о вашемъ безпокойству, да что дѣлать, нѣчемъ перемѣнить, когда не хотятъ мира. Дай Господи, чтобъ доброй успіехъ имѣли ви. Вовну, привезеную вашу, изъ симъ самимъ посилаю къ вамъ, ещо успѣютъ оную къ петрову дню попрясть. Я думаю, недожидаясь вашего пріезда, отправить вашего Гурія въ Савинки съ писаремъ, даби здачу ему учинилъ, ибо таперъ около плотинъ работи доволно будетъ, а присмотрѣть отнюдъ нѣкому, а за пріездомъ вашимъ, на готовое поедете, дай косовиця постигаетъ, пусть хотя до того времени осмотритця. Какого ви будете о семъ мнѣнія, увѣдомитіе мене. О квартахъ прошу не запомнить, а наче о цвѣточкахъ, въсенужно они мнѣ надобни. Хлѣба бѣло(го) и ситного посилаю, когда угодно, то дайте знать, я вамъ и часто присилать буду, толко не знаю каково то будетъ, да и худи ситницѣ попекли, вибачить прошу. Какъ долго замедлите, увѣдомить прошу. Болше писать чего, не сискую, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду съ моимъ усердіемъ во свою мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, июня 13. Изъ Боровичъ.—Чулочки Настенки посилаю, купленіе сей же день, желаю здоровенкой носить.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII.

1896 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LIII

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896.

Дозволено цензурою Кіевъ 1 іюня 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 31-е.

Къ великому моему прискорбію, Ваше утѣшительное благословеніе и разрѣшеніе пріѣхать въ Симферополь я получилъ только 6-го іюля. Въ объясненіе этой медленности на почтѣ мнѣ сказали, что почта, которой ожидали въ субботу, получена во вторникъ вечеромъ. Не смотря на то, я, не медля, собрался въ путь, предполагая, что, м. б., Вы посѣтите еще Карасубазаръ и Θеодосію, и потому надѣясь Васъ встрѣтить еще въ Симферополѣ. Но въ Бакчисараѣ отъ о. Архимандрита узналъ, что напрасно буду тамъ искать Васъ.

Подорожную возвращаю съ глубочайшею благодарностію. Въ настоящее время и подорожная плохо ускоряетъ путь: отъ Дуванки до Бакчисарая я доѣхалъ на обратныхъ. Больному о. протоіерею Спиранде было лучше при моемъ посѣщеніи.

Непріятели противу насъ доселѣ не предпринимаютъ ничего важнаго. По временамъ случается и жаркая перестрѣлка, съ значительнымъ урономъ. Изъ работъ видно, что они готовятся къ новой бомбардировкѣ и штурму. Бѣглецы показываютъ, что это послѣдуетъ скоро, но что войска не хотятъ болѣе слышать о штурмѣ.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 4.

Въ церкви служимъ въ воскресенье, среду и пятокъ но почти безъ всякаго, наконецъ, для себя пособія отъ алтаря. Я употребляю деньги, какія есть, имѣя послѣ дать въ этомъ отчетъ.

Сухопутный госпиталь уже водворенъ на Бельбекѣ, туда же переводятъ и морской. Тамъ же большая часть и сестеръ съ главной начальницей. Вчера я былъ у нихъ тамъ. Есть много неудобствъ, главное: днемъ слишкомъ знойно, а ночью очень сыро и свѣжо.

Адмирала Нахимова похоронили также въ будущемъ храмѣ Владимірскомъ, со всею честію, чину его подобающею. На непріятельскомъ флотѣ приспущены были флаги. Должность губернаторскую пока исправляетъ контръ-адмиралъ Панфиловъ.

Сѣверная сторона находится въ вѣдѣніи военнаго начальства Сѣверной стороны. Потому, если будетъ надобность, о часовнѣ нужно отнестись къ самому главнокомандующему или къ дежурному генералу.

Говорятъ, что графъ Сакенъ будетъ замѣненъ Лидерсомъ по тому случаю, что онъ назначенъ главнокомандующимъ гренадерскимъ и гвардейскимъ корпусами. Графомъ многіе недовольны даже изъ старшихъ лицъ.

12 іюля 1755 г., г. Севастополь.

Письмо 32-е.

Благодареніе Богу, положеніе наше доселѣ твердо и надежда на прекрасный успѣхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Прислушиваясь къ говору офицеровъ и солдатъ, видишь во всѣхъ только желаніе, какъ бы поскорѣе открылось дѣйствіе. При нынѣшнемъ числѣ войскъ (Севастопольскій гарнизонъ простирается до 60000), и при теперешнемъ духѣ ихъ, никто не сомнѣвается въ побѣдѣ. Непріятели видимо охладѣли въ своемъ рвеніи, съ которымъ доселѣ стужали городу. Слышно (ибо объ этомъ никогда не объявляютъ), что если послѣднихъ числъ сего мѣсяца непріятели не рѣшатся на новую бомбардировку и штурмъ, къ чему уже повидимому готовы, то въ первыхъ чис-

лахъ августа со стороны нашей будутъ предприняты рѣшительныя дѣйствія къ изгнанію враговъ изъ Крыма.

Какъ благочинный, осмѣливаюсь сказать слово за священника Качинской церкви Өедора Кузьменкова, который, по представленію о. Михаила Родіонова, уволенъ Вами за штатъ. За этимъ старикомъ ничего предосудительнаго я не знаю. Помѣщица М. Мейеръ всегда имъ была довольна. Старикъ на Бельбекѣ имѣетъ клочекъ саду, который составляетъ все его достояніе, пріобрѣтенное во время службы въ вѣдомствѣ оберъ-священника, посему удаленіе его отъ мѣста въ настоящее время будетъ для него тяжкимъ лишеніемъ. Онъ имѣетъ жену и дочь-вдову: въ монастырѣ не можетъ быть для него пріюта. Слѣдовать въ Херсонъ, какъ предписано, за полученіемъ тамъ рѣшенія, не имѣетъ въ настоящее время средствъ. Около года онъ остается безъ всякаго почти пособія къ своему содержанію. Праздношатающимся, какъ представленъ, онъ не былъ: ибо оставилъ мѣсто не по своей волѣ. Во время четыредесятницы, съ моего вѣдома, онъ служилъ въ Біасальской церкви. Въ послѣднее время, прислаьъ вольнаго дьячка (штатнаго тамъ давно нѣтъ и не былъ присылаемъ по моему объ этомъ донесенію), онъ имѣлъ пребываніе на Качѣ и совершалъ въ церкви (безъ антиминса) нѣкоторыя службы, какъ совершаетъ это теперь священникъ Демишевъ. Я ѣздилъ на Качу: церковь и иконостасъ въ ней невредимы. Препятствіемъ къ служенію только то, что съ престола похищена срачица. Жителей тамъ нѣтъ; наберется десятка два дворовыхъ людей въ садахъ помѣщиковъ. На протяженіи Качи стоятъ два эскадрона гусаръ и сотня козаковъ. Служеніе въ тамошней церкви нужно только потому, что она теперь на проѣзжей дорогѣ. Во всякомъ случаѣ Демишевъ едва ли можетъ быть честнымъ гостинникомъ. Убыль въ Адмиралтейскомъ Соборѣ восполнена новыми священниками. Какъ слышно, они предъявляютъ свои права и на будущую часовню на сѣверной сторонѣ. Я молчу въ ожиданіи Вашего Архипастырскаго повелѣнія, по моему объ этомъ предметѣ рапорту. Еслибы скорѣе Господь даровалъ

намъ побѣду, то отраднѣе было бы о. Кузьменку жить на нашихъ развалинахъ и пепелищахъ.

Молитвами Вашими уповаемъ обрѣсть эту милость у Бога. Не оставьте Архипастырскимъ благословеніемъ.

О. Михаилъ Радіоновъ лично представилъ сына въ полкъ Азовскій. Вчера и сегодня онъ здѣсь.

28 іюля 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 33-е.

Вчера вечеромъ я получилъ письмо Ваше отъ 17 іюля. Одесскія почты приходятъ къ намъ иногда въ такомъ порядкѣ, что послѣдняя изъ Одессы почта получается недѣлею раньше прежде оттуда вышедшей.

Благодарю Бога, что я не лишаюсь милостиваго вниманія Вашего, и со слезами прочелъ слова: „живъ ли я по крайней мѣрѣ“?

Причину неявки моей въ Симферополь я уже объяснилъ Вашему Высокопреосвященству въ прежнемъ письмѣ: это было слишкомъ позднее полученіе Вашего разрѣшенія на то. Уповаю, что Вы, движась Архипастырскимъ долгомъ, паки явитесь среди насъ, коль скоро услышите о пораженіи и бѣгствѣ враговъ нашихъ, часъ чего, уповаемъ, уже приблизился,—явитесь, чтобы научить насъ, какъ подобаетъ въ подобномъ случаѣ радоватися и благодарить Бога.

Всѣ войска собрались. На военномъ совѣтѣ, бывшемъ 29 и 30 іюля, положено приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они будутъ открыты завтра, т. е. 2 августа. Благослови только, Господи! Генералъ Липранди имѣетъ занять Комарскія высоты, а князь Горчаковъ д. Чоргунъ. Дальнѣйшее движеніе будетъ зависѣть отъ успѣшнаго начала. Въ городѣ гарнизонъ свыше 60 тысячъ. На позиціи въ полѣ 74 тысячи однихъ штыковъ, кромѣ артилеріи и кавалеріи.

Вчера прибѣжавшіе переметчики предсказывали, что сегодня будетъ открыта сильная бомбардировка города, однако доселѣ (8 ч. утра) оной не послѣдовало. Вчера, впрочемъ, начавъ съ полночи, непріятели такъ много стрѣляли по городу, что не-

возможно было пройти къ утрени въ Петропавловскую церковь, ибо эта часть города преимущественно подвержена была выстрѣламъ. Въ одномъ дворѣ библіотеки пало 7 бомбъ. Вѣроятно, старались разрушить это зданіе, но нанесли вредъ только саду и стѣнамъ зданія, пораненнаго осколками.

Вчера въ 7 часовъ вечера въ большой массѣ пронеслась чрезъ городъ саранча, имѣя направленіе къ югу, т. е. въ непріятельскій лагерь, гдѣ, можетъ быть, Господь указалъ ей пищу.

Въ крестовоздвиженской общинѣ былъ непріятный казусъ: 29-го іюля одна молодая сестра, не снесши незаслуженнаго будто бы грубаго обращенія съ нею начальницы, бѣжала въ городъ и явилась на 4-й бастіонъ, ища тамъ службы или лучше смерти. По надлежащемъ усовѣщеніи и успокоеніи малодушной, я лично представилъ ее на Бельбекъ къ начальницѣ, которую съ трудомъ можно было убѣдить дать прощеніе раскаявшейся сестрѣ. Крестъ впрочемъ снятъ на недѣлю, для примѣра, въ штрафъ. Въ общинѣ характеры разные, не безъ немощей въ нѣкоторыхъ лицахъ; а начальница не хочетъ слышать объ этой разности и не желаетъ съ немощными обращаться въ духѣ кротости. Отъ того въ общинѣ никогда нѣтъ полнаго мира, тѣмъ паче—любви, которая должна быть ея союзомъ. Хотя тихо, но всегда ворчатъ.

Если завтра будетъ то, что предположено, то завтра же утромъ буду писать, что увижу. Когда вы были въ пути, мои письма не скоро могли прійти къ вамъ. Въ Одессу я уже адресовалъ два письма. Между тѣмъ доселѣ у насъ не было ничего замѣчательнаго. И вотъ причина моего молчанія, которое прерываю при всякомъ случаѣ послать какую либо вѣсть изъ Севастополя.

Сейчасъ отправляюсь на сѣверную, чтобы засвидѣтельствовать отъ имени вашего почтеніе г.г. Тетеревникову и Ползикову [1]).

1 августа 1855 г. г. Севастополь.

---

[1]) Командиръ 6-го сапернаго баталіона, въ послѣдствіи генералъ и георгіевскій кавалеръ.

Письмо 34-е.

Вчера я нарочно былъ на сѣверной, чтобы засвидѣтельствовать отъ вашего высокопреосвященства почтеніе генералу Тетеревникову и полковнику Ползикову и поблагодарить ихъ отъ вашего имени. Генералъ Тетеревниковъ приказалъ благодарить васъ за память о немъ и свидѣтельствуетъ душевное почтеніе О прекрасной палаткѣ, которую вы занимали, я замѣтилъ генералу, что преосвященный по возвращеніи домой желалъ у себя устроить такую. Онъ отвѣчалъ: зачѣмъ? Кажется, къ его высокопреосвященству будетъ отправлена палатка отсюда. Я понялъ, что этотъ подарокъ имѣетъ вамъ сдѣлать полковникъ Ползиковъ, котораго я не засталъ дома, онъ перебирался на позицію. Однако я передалъ ему поклонъ отъ васъ. О крестахъ, присланныхъ московскимъ купцомъ, обѣщали сегодня сдѣлать справку по бумагамъ.

Предположеннаго противъ непріятеля дѣйствія сегодня, неизвѣстно почему, не послѣдовало. Между тѣмъ враги исподоволь продолжаютъ громить городъ.

Въ адмиралтейской михайловской церкви, въ которой 26-го іюня вы имѣли служеніе, сегодня бомба произвела большое разрушеніе. Хоть прорвалась она среди церкви, но не уцѣлѣлъ ни иконостахъ, ни св. престолъ, который опрокинутъ съ своего мѣста. Особенно больно то, что при этомъ разсыпаны дары святые. Въ моей церкви, благодаря Богу, святое святыхъ еще не тронуто, и сегодня была въ ней литургія.

Въ михайловскую церковь попала бомба не во время служенія, и ранены только два человѣка.

11-ть часовъ утра. Что-то тихо стало. Можетъ быть, что нибудь въ Чоргунѣ и совершается, а можетъ быть и нѣтъ. Еще ничего не знаемъ.

Вчера генералъ (молодой) князь Воронцовъ раненъ у 5-го бастіона пулей въ голову. Не слышалъ навѣрное, смертельна рана или нѣтъ.

2 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 35-е.

Вчера непріятельскій флотъ былъ украшенъ флагами, по случаю тезоименитства Людовика Наполеона. Въ полдень и вечеромъ при спускѣ флаговъ былъ съ флота салютъ. По городу въ этотъ день салютовали умѣренно. Видно, враги были заняты празднествомъ.

Вечеромъ за достовѣрное стало извѣстно, что ночью войска наши оставляютъ свою позицію, чтобы къ вечеру занять Чоргунъ и Комарскія высоты. За успѣхомъ тамъ, имѣли идти далѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать наступленіе съ города. Во 2-мъ часу ночи уже слышна была пальба за Инкерманомъ. Между тѣмъ доселѣ (11-ть часовъ дня) еще ничего не извѣстно о движеніи и успѣхѣ нашихъ войскъ. Телеграфъ дѣйствуетъ, но значеніе номеровъ сигнальныхъ извѣстно однимъ начальственнымъ лицамъ. Положилъ бы Господь враги подъ ноги наша! о чемъ я сейчасъ и молюсь въ церкви своей, никомуже предстоящу.

Мнѣ сказывали, что Государь Императоръ писалъ главнокомандующему такъ: „для Меня и для Россіи невыносимо тягостно настоящее положеніе нашихъ войскъ", и что вслѣдствіе того князь Горчаковъ, доселѣ сонливый, говорилъ въ военномъ совѣтѣ энергически въ пользу наступательныхъ дѣйствій, которыя теперь и предприняты съ твердымъ намѣреніемъ сбросить враговъ въ море. Съ утра въ городѣ очень тихо. Въ городъ вступили, наконецъ, и ратники наши.

День сей, если онъ будетъ днемъ радостнымъ, съ утра туманенъ, съ 8-ми часовъ ясенъ; съ 10-ти поднялся вѣтеръ, теперь пасмурно и краплетъ дождикъ.

Михайловскую церковь устрояютъ въ Николаевской батареѣ, хотя антиминсъ ея неподвижно данъ.

4 августа 1855 г., г. Савастополь.

Письмо 36-е.

Сколько надѣялись на успѣхъ и съ нетерпѣніемъ ожидали вѣсти о немъ, столько вечеромъ опечалились вѣстію о не-

удачѣ нашей на Чоргунѣ. Наши войска отступили съ значительной потерей. Какъ велика она и что было причиною тому, неизвѣстно еще, какъ и всѣ подробности вчерашняго дня. Объ успѣхѣ, еслибы былъ какой-нибудь, заговорили бы всѣ и вдругъ; а тутъ трудно достать и языка. Потерю полагаютъ до 7-ми и 8-ми тысячъ. Въ числѣ убитыхъ называютъ корпуснаго командира, генерала Реада и другихъ двухъ генераловъ.

Ночью обошлось безъ особенной тревоги. Съ 4-хъ часовъ утра идетъ ужасная бомбардировка доселѣ (11 ч. утра). Должно ожидать штурма.

Въ Бакчисараѣ на крестномъ ходѣ постараюсь быть. А можетъ быть къ тому времени даруетъ Господь принести взбранной воеводѣ побѣдительная. Вчерашняя неудача еще не отнимаетъ надежды на успѣхъ.

5 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 37-е.

Благодареніе Богу, Севастополь еще стоитъ. Послѣ неудачи на Чоргунѣ, 5, 6 и 7 августа мы выдержали тяжкую бомбардировку, которая, въ меньшей только степени, продолжается и теперь. Ожидаютъ штурма, но его не послѣдовало. Послѣдняя частичка города разбита окончательно. Въ самой Николаевской батареѣ не довольно безопасно: стеколъ уже довольно побито въ ней осколками.

О 4-мъ августѣ могу сообщить слѣдующія подробности. Убиты генералы Реадъ, Вревскій, Веймарнъ и Граневскій. Штабъ- и оберъ-офицеровъ потеряли 87. Неуспѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ будто бы отъ того, что непріятели за 8 дней знали о имѣющемъ быть нападеніи. 12-я дивизія, которая ужасно пострадала, попала можно сказать прямо въ засаду, такъ что 1500 человѣкъ должны были сдаться военноплѣнными. Впрочемъ горько жалуются на дурной планъ и недостатокъ энергіи въ главнокомандующемъ. Войска шли двумя отдѣльными отрядами, когда обстоятельства требовали противнаго. Резервъ былъ далеко, когда нападавшимъ, по занятіи ими двухъ непріятельскихъ батарей, нужно было подкрѣпленіе. Артилерія и ка

валерія вовсе не были въ дѣлѣ. Разсказываютъ странную вещь: будто бы начальникъ штаба Коцебу потерялъ или забылъ дома книгу секретныхъ сигналовъ. Видѣли номера и не знали ихъ значенія. Коротко: нѣтъ у насъ главнокомандующаго. Въ такой нуждѣ сожалѣютъ о кн. Меншиковѣ.

На военномъ совѣтѣ, бывшемъ предъ 4-мъ августа, графъ Сакенъ будто бы подалъ мнѣніе оставить Севастополь. Съ нимъ былъ одного мнѣнія еще какой то генералъ. Страшно подумать, если такая тяжелая мысль прокрадывается, въ какихъ бы видахъ она ни предлагалась. Говорятъ, что мнѣнія всѣхъ членовъ совѣта отобраны на бумагѣ и посланы къ Государю Императору. Впрочемъ, говорятъ,—могутъ быть здѣсь и басни.

На дѣлѣ плана наступательныхъ дѣйствій не оставляютъ, для чего ожидаютъ 2-хъ драгунскихъ дивизій. На Бога вся надежда, когда люди плохо обнадеживаютъ.

Мостъ чрезъ бухту отъ николаевской къ михайловской батареѣ завтра, кажется, будетъ оконченъ. Это важное обстоятельство въ настоящемъ положеніи Севастополя.

Церковь для сѣверной стороны поспѣшимъ устроить. Всѣ отъ мала до велика благодарятъ васъ за разрѣшеніе. Бумага къ вамъ отъ военнаго начальства объ этомъ дѣлѣ, постараюсь, послѣдуетъ.

Раньше 135 р. сер. мною получены и употреблены по назначенію, именно туда, гдѣ наиболѣе встрѣчается нужда. Съ слѣдующею почтою я представлю росписку.

Крестовъ мы еще не получали, хотя изъ вопроса вашего въ послѣднемъ письмѣ замѣчено какъ будто они высланы сюда [1]). Вчера на панихидѣ спрашивалъ меня объ этомъ и графъ.

Вчера въ 7-мъ часовъ вечера я служилъ панихиду по адмиралѣ Нахимовѣ въ присутствіи графа Сакена, адм. Новосильскаго, почитателей и подчиненныхъ покойника. Ядра и гранаты такъ учащали надъ мѣстомъ покоища адмираловъ, что про-

[1]) По соглашенію военно-морскаго начальства съ епархіальнымъ, автору писемъ пожалованъ золотой крестъ на георгіевск. лентѣ изъ кабинета Его Императ. Величества, украшенный драгоцѣнными камнями, и священнику Демяновичу золотой крестъ на георгіевск. лентѣ, безъ украшеній.

сили отступить, сколько возможно, отъ устава великой панихиды.

О крестахъ московскихъ въ штабѣ губернатора не оказалось никакой бумаги. Спросилъ справки въ канцеляріи Мансурова, и ожидаю оттуда отвѣта.

9 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 38-е.

Пишу изъ Бакчисарая, гдѣ нахожусь съ 11-го числа, по случаю праздника Успенія.

Въ Севастополѣ, когда я оставлялъ его, ничего особеннаго не случилось: бомбардированіе города было обыкновенное.

Жителей и рынокъ съ сѣверной стороны переводятъ на Бельбекъ, гдѣ указано мѣсто на взгорьѣ, близъ бывшей Бельбекиной станціи. Тамъ уже будетъ устроена и церковь, на которую послѣдовало ваше разрѣшеніе. Объ этомъ я вошелъ бумагой къ дежурному генералу Ушакову, который обѣщалъ сдѣлать зависящее распоряженіе и меня увѣдомить. Въ тотъ же день послѣдовало распоряженіе о переводѣ жителей и рынка на Бельбекъ. Туда же переводятъ изъ города и всѣ присутственныя мѣста.

Въ успокоеніе купцамъ, которымъ разорительно новое передвиженіе, начальникъ штаба отвѣчалъ только, что того требуютъ военныя обстоятельства. Укрѣпленія сѣверныя расширяютъ и необходимо мѣсто для лагеря постоянно прибывающихъ войскъ.

Въ соборѣ бакчисарайскомъ нашелъ я чистоту и порядокъ въ служеніи, какихъ не было при старомъ настоятелѣ. Отецъ Паксимаде заботится объ устройствѣ греческаго училища и вообще видно въ немъ усердіе къ благу церкви и прихожанъ, которые имъ довольны. Впрочемъ о назначеніи его бакчисарайскимъ настоятелемъ доселѣ нѣтъ никакой бумаги ни у меня, ни у него самого. Отца протоіерея Спиранде засталъ я почти бездыханнымъ. Вечеромъ онъ на малое время очнулся, но слова его были невнятны. Медленно умирая, утромъ 16-го числа, казалось, испустилъ духъ; уже была прочтена надъ нимъ и от-

ходная молитва. Но потомъ старецъ опять ожилъ. По этому обстоятельству я упрошенъ его дѣтьми остаться до сего дня, чтобы послужить погребенію на случай смерти.

Вчера прибывшіе изъ Севастополя офицеры разсказываютъ, что 15-го числа непріятели какъ будто дѣлали попытку на штурмъ, но были отражены, что штурма впрочемъ ожидаютъ. Отъ тѣхъ же лицъ слышалъ, будто по телеграфу дано знать о выѣздѣ Государя Императора въ Севастополь, гдѣ теперь заботятся о томъ единственно, какъ бы удержать Его Величество отъ посѣщенія самого города, въ которомъ опасность на каждомъ шагу.

Два раза я посѣтилъ больныхъ и сестеръ бакчисарайскихъ и служилъ у нихъ молебенъ. Начальница очень хвалитъ усердіе и труды скиткихъ іеромонаховъ, посѣщающихъ здѣшніе госпитали.

Извѣщая васъ о полученіи 9-го августа крестовъ, я съ моимъ сослужителемъ Демяновичемъ имѣемъ случай паки и паки благодарить ваше высокопреосвященство за безмѣрную вашу милость къ намъ и повторить обѣтъ вѣчной памяти незаслуженнаго нами воздаянія.

17 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 39-е.

17-го возвратился я изъ Бакчисарая, не дождавшись смерти о. протоіерея Спиранде. Въ Севастополѣ я нашелъ довольно новаго: присутственныя мѣста и всѣ канцеляріи вышли или выведены изъ города или лучше изъ николаевской батареи, въ которой все это помѣщалось. Удалены оттуда и торговцы, удовлетворявшіе послѣднимъ нуждамъ Севастополя. Пушки, которыя смотрѣли на бухту и въ море, обращаются чрезъ окна на городъ; въ нижнемъ этажѣ этого прочнаго зданія дѣлаются мины. Весь городъ вновь покрытъ баррикадами; тѣ, которыя были прежде во многихъ мѣстахъ, сняты. Послѣдняя движимость, какъ частная, такъ и казенная, вывозится изъ города, по приказу начальства. Узнавши, что полиція предваряла о томъ и церковь петропавловскую, я вчера лично явился къ графу Са-

кену спросить, чего намъ держаться. Онъ далъ совѣтъ (приказъ—церкви не касался) вынесть святыню и церковную утварь: „могутъ непріятели прорваться въ городъ; будутъ взрывать мины; можетъ самый городъ сдѣлаться мѣстомъ сраженія. Тогда поздно будетъ спасать святыню“. Вотъ мысли его сіятельства, вслѣдствіе коихъ онъ далъ совѣтъ закрыть церковь. Я засталъ графа слушающимъ всенощную дома. Онъ нездоровъ и пожелалъ говѣть. Думаю, что онъ христіански приготовляется къ рѣшительной минутѣ, которая ожидаетъ насъ.

Извѣстились, будто бы у непріятелей готовъ планъ отчаяннаго нападенія на Севастополь всѣми силами. Желаютъ прежде завладѣть корабельной слободкой, и оттуда, также съ моря, громить городъ. У насъ будто есть мѣра уступить непріятелю 4-й бастіонъ, и потомъ, взорвавъ его на воздухъ, открыть путь непріятелю въ городъ, гдѣ умереть или побѣдить. Впрочемъ пути человѣческіе и мысли далеки отъ мыслей Божіихъ.

Жители и базаръ слѣдуютъ сегодня на Бельбекъ. Сейчасъ отправляюсь служить напутственный молебенъ и вмѣстѣ съ ними на Бельбекъ, чтобы видѣть мѣсто церкви и потомъ приступить къ устроенію оной. Благословите! Съ слѣдующей почтой извѣщу о ходѣ дѣлъ.

19 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 40-е.

20 августа ядро сдѣлало большой проломъ въ потолкѣ Петро-Павловской церкви. Утварь и вся движимость церковная отправлена мною на сѣверную сторону. Иное оставляю для церкви на базарѣ, иное имѣю отправить въ Бакчисарай. Снимать иконостасъ нашелъ я неудобнымъ, а сняты только иконы, которыя живописи академической.

Не всѣ изъявили согласіе селиться на вновь отведенномъ мѣстѣ у Бельбека. Многіе, отказываясь отъ всякаго интереса и риску, а болѣе опасаясь зимы, слѣдуютъ далѣе. Не знаю, будемъ ли имѣть возможность держаться при горсти разоренныхъ поселенцевъ. Обратите, ваше высокопреосвященство, отеческое

вниманіе на наше положеніе, которое день отъ дня становится безотраднѣе.

21 числа освящали мѣсто, отведенное для базара. Мѣсто для церкви отведено въ центрѣ торговаго квартала. Въ тотъ день только занимали мѣста. Для церкви нашей предлагаютъ палатку бѣлостокскаго полка, который на Кавказѣ. Пусть прежде населяется базаръ и колонія: палатку церковную можно поставить въ одинъ день.

Ни непріятели намъ, ни мы имъ въ послѣдніе (дни) не сдѣлали ничего особеннаго. Городъ продолжаютъ бить, и въ гарнизонѣ убыль всегда значительна. Изъ города продолжаютъ вывозить всякую движимость; между прочимъ мысль о совершенномъ оставленіи города не подтверждается. Все это, говорятъ, дѣлается изъ предосторожности только.

Слухъ о путешествіи къ намъ Государя Императора затихъ. Это кажется не болѣе, какъ желаніе и гласъ края, находящагося въ крайнихъ обстоятельствахъ.

Всѣ флотскіе іеромонахи получили золотые кресты на георгіевской лентѣ; тѣмъ же, которые имѣли сіи кресты за Синопъ, данъ орденъ 3-й степени Анны. Соборнымъ 4-мъ священникамъ пожалованы ордена 2-й степени св. Анны. Ничего не получили іеромонахи Пахомій (по недостоинству) и Иннокентій инкерманскій, который потому обойденъ, что не состоялъ по флоту. Съ декабря мѣсяца прошедшаго года онъ постоянно трудится при морскомъ госпиталѣ, гдѣ труждаются и сестры, и труды его хорошо извѣстны начальницѣ кресто-воздвиженской общины.

Слышу, что протоіерей Спиранде умеръ 18 августа. Въ присутствіи тамъ о. архимандрита, безъ меня могли обойтись при погребеніи. Потому я не велѣлъ давать мнѣ о томъ знать.

23 августа 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 41-е.

(Отрывокъ письма безъ означенія мѣсяца и года и безъ подписи).

Севастополь, кажется, болѣе не существуетъ и на бумагѣ. Ибо всѣ управленія, какъ губернаторское, такъ и комендант-

ское, закрыты; городовыя присутственныя мѣста, а также полиція упразднены. Служащія лица объявлены свободными отъ своихъ должностей.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ передвиженія полковъ, ничего не замѣтно. Войска сосредоточиваются на Черной рѣчкѣ, и расположены такъ: центромъ на Микензіевой горѣ командуетъ Липранди, правымъ флангомъ и сѣвернымъ укрѣпленіемъ—Сакенъ, а лѣвымъ Сухозанетъ.

Священникъ Демяновичъ желалъ бы поступить въ Симферопольскій соборъ, гдѣ говорятъ, есть священническая вакансія.

Прошеніе Демишова, извиняюсь, пропало на пристани, по случаю взрыва баркаоа съ порохомъ, причемъ разбитъ былъ сундукъ мой.

Съ разсвѣтомъ можно ожидать и штурма. Я всталъ пораньше, полагая, что тогда будетъ не до письма. 24-го августа съ разсвѣтомъ открыта непріятелями новая бомбардировка. Объ ужасахъ оной не стану говорить. Чѣмъ долѣе непріятели къ этому варварству приготовляются, тѣмъ становятся превосходнѣе въ этомъ дѣлѣ. Послѣдняя бомбардировка отличается отъ прочихъ особыми пріемами. Начинаютъ залпами съ орудій по всей линіи. Въ 10-ть часовъ опять залпами, предъ тѣмъ какъ бы затихли. Въ 5-ть часовъ, послѣ умѣреннаго на часъ отдыха, опять ужасъ залповъ. 26-го августа—день Бородинской битвы. Ужели и здѣсь отступимъ, какъ ни славно дрались за Севастополь? Сохрани Господи! Впрочемъ, вчера не замѣтно никакихъ распоряженій, по коимъ можно было бы бояться сего.

Вчера я изъ Бакчисарая, куда я ѣздилъ на нѣсколько часовъ, чтобы найти мѣсто для церковнаго имущества и архива, что все почти на сѣверной. Потому не былъ свидѣтелемъ пожара транспорта „Березина". Онъ зажженъ непріятелями. Транспортъ былъ большаго ранга и пожаръ былъ, говорятъ, величественъ. Отъ него большой опасности подвергался корабль „Марія" и самый мостъ; къ счастію съ большими усиліями это предотвращено.

Я уже писалъ, что въ церкви Петропавловской разбитъ потолокъ. Вчера разбиты два колокола, съ поврежденіемъ самой колокольни.

Для церкви на базарѣ Сѣверномъ отпущенъ наметъ церкви Бѣлостокскаго полка. Къ воскресенью церковь будетъ готова. Я представлялъ къ сей церкви только священника Демяновича, располагая самъ оставаться, пока Господь терпитъ грѣхамъ, при Петропавловской. Теперь куда мнѣ дѣваться? Туда же? Сегодня я намѣренъ выйти изъ города, гдѣ, наконецъ трудно найти и сухой кусокъ хлѣба. Всѣ вышли на Сѣверную и все на Сѣверной. Послѣ Николаевской батареи, которую я оставилъ по крайнему тамъ стѣсненію, послѣднихъ два мѣсяца я жилъ въ минѣ, въ одномъ дворѣ, неподалеку отъ церкви, откуда и пишу, не обращая вниманія на громъ ночной бомбардировки [1]).

Подробности 4-го августа, о которомъ я писалъ уже и о которомъ опять спрашиваете, таковы, что объ нихъ совѣстно разсказывать. Разсуждали будто бы хорошо, а сдѣлали иначе. Одинъ только Липранди сдѣлалъ свое дѣло, а потомъ съ горестью смотрѣлъ на пораженіе бывшей его 12-й дивизіи, которое произошло вслѣдствіе новыхъ распоряженій главнокомандующаго на мѣстѣ. Движеніе нашихъ войскъ наиболѣе затруднено дурными мостами. Говорятъ, что генералъ Вревскій пораженъ именно въ тотъ моментъ, когда прискакалъ къ главнокомандующему съ вѣстію о дурномъ оборотѣ дѣла и обратился къ нему съ упрекомъ. Всю вину, конечно, слагаютъ на покойника, т. е. Реада. Убито генераловъ 3, ранено 7. Всего потерю по-

---

[1]) Въ Николаевскую батарею авторъ писемъ перешелъ, спасшись чудеснымъ образомъ отъ смерти въ своей церковной квартирѣ, разрушенной бомбою въ 12 часовъ ночи. Проснувшись предъ этимъ отъ сильной жажды, онъ вышелъ изъ своей комнаты, въ которой спалъ, для безопасности, на полу, у стѣны, ниже подоконника, но лишь только перешелъ черезъ сѣни въ кухню, бомба влетѣла въ его спальню и, лопнувши здѣсь, разрушила, половину дома, причемъ осколкомъ ранила въ ногу спавшаго въ сосѣдней квартирѣ малолѣтняго сына священника Демяновича. Сожителями протоіерея А. Л—ва въ минѣ, были два мичмана, изъ коихъ одинъ, нынѣ вице-адмиралъ Вейсъ, былъ недавно Севастопольскимъ город. головой.

лагаютъ въ 8 тысячъ. Полки Азовскій, Одесскій и Украинскій почти не существуютъ.

Слышно, будто бы отвѣтъ Государя Императора на вопросъ о трудности защиты города, послѣдовалъ таковъ: „ни шагу отъ Севастополя".—Нашъ лѣвый флангъ сильно ослабленъ; 2-й бастіонъ совершенно разбитъ и молчитъ. Корниловъ бастіонъ также сильно поврежденъ. Какъ валятся люди и офицеры, нечего и говорить. На Бога одного надежда, всѣ твердятъ одно. И благодареніе Богу, что эта мысль никого не оставляетъ.

Дѣти протоіерея Спиранде удерживаютъ въ наслѣдіе крестъ, пожалованный отцу. Что съ ними дѣлать [1])?

При запечатаніи письма было 9 часовъ утра. Штурма не послѣдовало; бомбардировка не ослабѣваетъ. Съ ранеными едва могутъ управляться. Число убитыхъ далеко заходитъ въ сутки(?)

26 августа 1855 г., г. Севастополь, 2-й часъ по полуночи.

Письмо 42-е.

Севастополь оставленъ.

Мнѣ кажется, что удобнѣе оплакивать, чѣмъ описывать это тяжко печальное событіе. Омытый кровію, прославленный мужествомъ, обратившій на себя взоръ всего свѣта, затмившій славою всѣ города, какіе когда-либо были осаждаемы, онъ—этотъ знаменитый и вмѣстѣ злополучный городъ, наконецъ, оставленъ нами. Мы не могли ожидать сего; едвали могли ожидать сами непріятели, того желавшіе.

27-го августа, съ разсвѣтомъ, бамбардировка города открылась также залпами, какъ и въ предшествовавшіе три дня. День былъ ясный, но чувствительно холодный. Вѣтеръ сѣверный дулъ сильно и распространялъ въ городѣ пожаръ, произведенный непріятельскими снарядами. Екатерининская улица горѣла справа и слѣва. Къ вечеру пожаръ достигъ Петропавловской церкви и остановился на церковномъ домѣ, не коснувшись

[1]) Такъ называемые Синодальные кресты, жалуемые духовнымъ лицамъ, въ то время, по смерти сихъ лицъ, отсылались въ св. Синодъ чрезъ консисторію.

самой церкви. Никто не тушилъ пожара и не обращалъ на него вниманія. Вся дѣятельность была обращена на спасеніе не стѣнъ, а того, что было въ стѣнахъ—казеннаго и частнаго. На мосту не было прохода отъ повозокъ, слѣдовавшихъ съ багажемъ наемнымъ, мебелью и другою частною собственностію. Кто везъ, кто сносилъ ношу на своихъ плечахъ. Графская пристань была завалена подобнымъ же грузомъ для отправленія его на гребныхъ судахъ на Сѣверную. Здѣсь я сложилъ вчера иконостасъ Петропавловской церкви, и при немъ въ сундукѣ то, что изъ вещей, по важности или необходимости, должно было имѣть при себѣ, подъ своею рукою и смотрѣніемъ. Мнѣ нужно было поспѣшить на Сѣверную, чтобы тамъ найти людей для принятія вещей съ берега, и потому, въ ожиданіи обѣщаннаго баркаса, я пошелъ на Сѣверную по мосту, оставивъ при складѣ человѣка. Не дождавшись вещей на Сѣверной и до ночи, которую въ первый разъ ночевалъ здѣсь, я съ разсвѣтомъ побѣжалъ въ городъ, чтобы узнать причину такого замедленія. Но на Графской пристани я нашелъ лишь куски золоченыхъ рамъ отъ мѣстныхъ иконъ, а иконы разбросанныя и поврежденныя; подобравъ нѣсколько бумагъ и книгъ, коихъ не сожгло пламенемъ или не занесло импетомъ, также поднялъ часть бѣлья и одежды, кѣмъ то сложенной въ уцѣлѣвшую часть сундука, м. б. изъ состраданія; сторожа я не нашелъ: онъ былъ раненъ или убитъ. Къ прискорбію, не нашелъ его ни на перевязочномъ пунктѣ, ни въ палатахъ, ни даже въ спискахъ раненыхъ[1]). Причиною гибели оставленнаго мною имущества былъ взрывъ двухъ баркасовъ съ порохомъ, приставшихъ къ пристани, въ одинъ изъ которыхъ попала непріятельская ракета. Разрушенію подверглись не только пристань и парадная каменная лѣстница съ тріумфальною аркой и двумя домиками, къ

[1]) Между разбросанными остатками бывшаго въ сундукѣ скуднаго моего имущества уцѣлѣли, къ счастію, двѣ дорогія для меня иконы: икона Божіей Матери (благословеніе моихъ родителей, поврежденная кускомъ мѣди, который и остался въ ея рукѣ, держащей младенца Іисуса; другая икона Божіей Матери (благословеніе родителей моей жены)—осталась невредимою, хотя кіотъ и рама разбиты. Храню эти св. иконы, какъ единственное имущество, спасенное изъ Севастополя и какъ благословеніе въ родъ и родъ.

ней принадлежавшими, но даже тяжелыя, лежавшія на пристани орудія, изъ коихъ одно разорвано на части, а другое заброшено на вторую террасу. Одна изъ мраморныхъ статуй, служившихъ украшеніемъ пристани, поверглась съ своего мѣста и разбилась. Уцѣлѣвшія колонны были обрызганы кровію людей, погибшихъ при этомъ взрывѣ, причемъ убитъ и штабъ-офицеръ, завѣдывавшій переправою. Въ огромномъ зданіи Николаевской батареи отъ сего взрыва не уцѣлѣло ни одного окна. Одна изъ тамъ живущихъ сестеръ Крестовоздвиженской общины ранена стекломъ. Нечего было плакать мнѣ о своемъ несчастіи, когда оно было не мое одно и постигло многихъ. Какъ бы въ убѣжденіе, что отъ несчастія, коему надлежало подвергнуться, нельзя уйти, на Сѣверной мнѣ разсказали другой случай, съ купцомъ Носовымъ. Онъ уже успѣлъ переправить и сложить товары свои на Сѣверной пристани. Непріятельская бомба и тамъ настигла его, и все разметала или пустила на воздухъ. Итакъ возвращаюсь къ общему горю, постигшему насъ 27 августа.

Въ 10-ть часовъ повторились залпы, и еще чрезъ два часа бомбардировки усиленной, ровно въ полдень послѣдовалъ штурмъ. Съ Сѣверной стороны можно было наблюдать линію только отъ перваго бастіона по 3-й включительно. Городъ покрытъ былъ страшнымъ дымомъ пожара, и препятствовалъ видѣть, что дѣлалось на городской линіи. Уже въ 5-ть часовъ по полудни, когда пригнали изъ города въ Сѣверное укрѣпленіе болѣе ста человѣкъ французовъ, взятыхъ въ плѣнъ у 5-го бастіона, мы узнали, что штурмъ Севастополя былъ всеобщій, и что отъ города непріятели на всѣхъ пунктахъ были счастливо отражены. Даже въ Корабельной Слободкѣ, на которую преимущественно онъ былъ направленъ, непріятели имѣли успѣхъ неважный. Отъ 1 и 2 бастіоновъ они были отбиты, 3-й бастіонъ, страшно обезсиленный продолжительнымъ бомбардированіемъ, также съ успѣхомъ отразилъ англичанъ, три раза устремлявшихся на штурмъ его. Между бастіонами 2-мъ и Корниловскимъ, между симъ и 3-мъ у насъ были двѣ параллельныхъ линіи съ батареями; первою изъ нихъ непріятели завладѣли при первомъ натискѣ, но со второй мы защищались успѣшно, и до захода солнца

они не подвинулись впередъ ни на шагъ. Въ добавокъ, на линіи между 2-мъ и Корниловскимъ бастіонами они подверглись взрыву нашей мины, тоже и на самомъ Корниловскомъ бастіонѣ, которымъ успѣли завладѣть и водрузить на немъ свое знамя уже въ первомъ, кажется, часу. Но часть того же бастіона была въ рукахъ нашихъ до вечера, гдѣ и происходила сильная борьба. Съ утра войска проходили съ Сѣверной въ городъ, и казалось, ихъ тамъ было очень довольно, чтобы противопоставить силу силѣ. Больно было видѣть непріятельское знамя на томъ бастіонѣ [1]), который сами непріятели прославили неприступнымъ, который стоилъ жизни лучшимъ защитникамъ Севастополя съ Корнилова до Нахимова. Мы не спускали глазъ съ этого пункта, чтобы не пропустить, какъ бросятся туда свѣжія войска и опрокинутъ вражеское знамя. Но и до вечера наша надежда и наше желаніе не исполнились. Мы возвратились по своимъ норамъ, а большая часть подъ кровъ небесный, который одинъ теперь вмѣстителенъ для неимѣющихъ крова, возвратились печальными, но еще съ нѣкоторою надеждою на лучшее.

Въ 10-ть часовъ ночи на 28-е число послѣдовалъ приказъ объ отступленіи изъ Севастополя. Можетъ быть, такое рѣшеніе состоялось и раньше, но только въ эту ночную пору оно сдѣлалось общеизвѣстно. Я ночевалъ въ блиндажѣ на одномъ изъ Сѣверныхъ редутовъ, и мы уже спали, какъ къ командиру редута явился адъютантъ коменданта съ этою печальною вѣстію и вмѣстѣ съ приказаніемъ калить ядра и быть въ готовности къ отраженію бомбардировки съ непріятельскаго флота, который, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, имѣлъ открыть ее ночью или съ разсвѣтомъ. Тотъ-часъ на редутѣ пробита тревога и всякъ былъ на своемъ мѣстѣ. Тутъ было не до сна и мнѣ, не имѣющему никакого назначенія на редутѣ. Чрезъ полчаса времени входитъ въ блиндажъ офицеръ съ 9-го бастіона (братъ командира редута). Прежде чѣмъ поздоровался съ братомъ своимъ, онъ остановилъ слезящій взоръ предъ иконою, и положилъ три земныхъ поклона, громко благодаря Бога за спасеніе жизни. Тутъ я

[1]) Что на Малаховомъ курганѣ.

понялъ, что для многихъ отступленіе изъ Севастополя, какъ освобожденіе отъ челюстей смерти, было несказанною радостію. Онъ сказалъ намъ, что войска отступаютъ съ наступленіемъ темноты, что на мосту страшная тѣснота, что онъ—военный офицеръ—едва выпросилъ мѣсто на баркасѣ, шедшемъ съ грузомъ вещей какого-то начальника. Я вышелъ къ дорогѣ и, можно сказать, не наблюдалъ, а прислушивался къ этому отступленію: такъ было темно на дворѣ. Дѣйствительно, въ говорѣ людей слышалось болѣе радости, чѣмъ грусти. Слышались и слова сожалѣнія о пролитой крови, о павшихъ товарищахъ. Суетились и кричали объ отставшихъ людяхъ или забытыхъ, нужныхъ вещахъ. Но всякъ видимо ускорялъ шаги отъ бывшей бѣды и шелъ какъ бы на вѣрный отдыхъ. По городу носились бомбы, не смотря на то, что онъ весь почти былъ въ пламени, который распространяли наши охотники, къ тому отъ начальства уполномоченные. Зажигались дома, преимущественно казенные и частные богатые; отъ нихъ силою вѣтра пламя передавалось и другимъ зданіямъ. Съ нашихъ батарей также видны и слышны были выстрѣлы, хотя на батареѣ было оставлено для сего по одному и по два орудія. Прочія велѣно было при отступленіи заклепать, пока послѣдуетъ сигналъ заклепать остальныя орудія и отступить всей командѣ. Въ полночь начались взрывы минъ на бастіонахъ и батареяхъ. Они производились съ значительными промежутками времени, и вѣроятно оставляли непріятеля въ большомъ недоумѣніи. Только при взрывѣ батарей приморскихъ, 10-й и Александровской (это было уже съ разсвѣтомъ), могъ догадаться непріятель, въ чемъ дѣло. Впрочемъ до 10-ти часовъ, когда разведенъ былъ мостъ, въ городѣ непримѣтно было присутствіе враговъ. Послѣднимъ оставилъ его начальникъ гарнизона, графъ Сакенъ, который выѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи своего штаба. Потомъ замѣтили бродившихъ по городу гостей, но это были, кажется, охотники и мародеры. Настоящаго вступленія въ оставленный нами городъ непріятели не дѣлали даже на другой день. Вечеромъ, вѣроятно, пьяные бродяги трезвонили въ колокола Петропавловской церкви, которыхъ уцѣлѣло всего два.

Много было дней печальныхъ для Севастополя въ послѣднемъ годѣ, но не было дня болѣе печальнаго какъ тотъ, въ который погребенъ Севастополь подъ развалинами своими. Военнаго покойника напутствуютъ въ могилу залпами пушекъ и ружей. Севастополь напутствовалъ себя въ свою могилу собственными залпами, которыхъ громче и страшнѣе отъ вѣка никто не слышалъ. Здѣсь былъ и свой дымъ кадильный, котораго не представить ни одному живописцу, если онъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ страшныхъ облаковъ, кои новымъ, какимъ-то грознымъ небомъ висѣли надъ Севастополемъ. Здѣсь были и свои слезы—это волны моря, которое само содрагалось при взрывѣ береговыхъ укрѣпленій и обливало родные берега волнами, бывшими слѣдствіемъ страшнаго сотрясенія. Если упоминать и о зрителяхъ его послѣдняго исхода, то и въ числѣ многочисленныхъ враговъ, здѣсь бывшихъ, можетъ быть, многіе возвращались отъ страшнаго зрѣлища, біюще въ перси своя.

Прости Севастополь!

Потеря наша была неизвѣстна, какъ неизвѣстны причина отступленія и планъ будущихъ дѣйствій. Корабли и всѣ парусныя суда были потоплены въ ночь отступленія; но пароходы, какъ движущіяся батареи, еще оставались и стояли у пристани Сѣверной стороны. Нѣкоторымъ морскимъ экипажамъ велѣно слѣдовать въ Николаевъ. Іеромонахи, какъ слышалъ, при экипажахъ признаются излишними и будутъ распущены. Впрочемъ формальнаго распоряженія объ нихъ не послѣдовало. Всѣ толпились въ Сѣверномъ укрѣпленіи, и никто не находилъ пріюта. Не имѣя покойнаго угла, чтобы извѣстить Васъ о своемъ положеніи и сказать вся бывшая, я рѣшилъ поѣхать въ Бакчисарай, откуда, съ первою почтою, послѣ Севастополя, пишу объ этомъ.

Флотъ непріятельскій расположился противъ Бель-бека съ Сѣверной стороны, но ничего не предпринималъ еще. (Не означено мѣсяца и года).

Письмо 43-е.

Не судите и милуйте меня. О себѣ впрочемъ я умолчу пока не успѣю дать во всемъ возможный отчетъ.

Я прежде всего прошу о причтѣ моемъ, который давно почти безъ куска хлѣба. Военные священники, получая обыкновенное ихъ жалованье, по военному времени получали и дополненіе, равносильное жалованью. Мы, въ продолженіе года неся всю тяготу военнаго времени, въ теченіе всего года постепенно подвергались только лишенію, пока наконецъ не лишились всего. Я повторяю мысли причта, который выставлялъ мнѣ положеніе свое именно въ этомъ сравненіи.

Церковь на базарѣ, при всемъ моемъ стараніи объ этомъ, доселѣ не устроена—то за переводомъ оттуда базара на другое мѣсто, то за медленнымъ переселеніемъ туда жителей, то наконецъ, за перепиской о выдачѣ церковной палатки. Вчера она должна была быть выдана, и я, уѣзжая, поручилъ хлопотать объ этомъ о. Александру Демяновичу, которому и назначено быть при этой церкви. Но Богъ вѣсть, не разойдется ли теперь эта колонія. Прежде жили и въ полѣ, въ надеждѣ рано или поздно возвратиться въ Севастополь. Теперь нѣтъ этой надежды. Богъ вѣсть, что повлечетъ за собою оставленіе самого Севастополя. Осень наступаетъ холодная, далѣе можетъ быть и зима будетъ за грѣхи суровая. Ничего не предвидится утѣшительнаго. Какъ же намъ на авось держаться въ степи, послѣ годичнаго испытанія въ огнѣ? Священника Демяновича особенно затрудняетъ то, что при немъ малолѣтніе дѣти, для коихъ нужна прислуга, которой при кочевомъ бытѣ нельзя имѣть [1]). Онъ радъ бы, какъ говоритъ, мѣсту и въ какой-нибудь деревнѣ. Діаконъ очень слабъ здоровьемъ, чтобы продолжать подобную жизнь. О діаконѣ и дьячкахъ братьяхъ Топузовыхъ осмѣливаюсь просить ваше высокопреосвященство, чтобы они были награждены за Севастополь. Меньшой Топузовъ, какъ знающій хорошо пѣніе, могъ бы быть діакономъ намъ, гдѣ нуженъ вмѣстѣ и регентъ; голосу же діаконскаго онъ не имѣетъ. Мѣста для нихъ тѣмъ болѣе необходимы, что эти братья поддерживаютъ мать съ четырьмя другими дѣтьми.

Я пріѣхалъ въ Бакчисарай на 3 дня, чтобы заняться нѣкоторою отчетностію. За казенную потерю на графской приста-

[1]) Особенно затрудняетъ его раненный сынъ, который и много стоитъ ему.

ни не по своей винѣ, не гнѣвайтесь. Я буду стараться всячески о вознагражденіи оной, если мнѣ Господь поможетъ.

31 августа 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 44-е.

Я сейчасъ изъ подъ Севастополя, откуда переведенъ и полевой почтамтъ въ Бакчисарай.

Я провелъ тамъ около сутокъ, и ни одного выстрѣла ни съ той ни съ другой стороны не было. Говорятъ, что непріятели при послѣднемъ штурмѣ, въ который ввели 97 тысячъ, потеряли до 50 тысячъ. Они сами уже отступали, но мы своимъ отступленіемъ поспѣшили образумить ихъ и остановиться. Флотъ непріятельскій отъ сѣвернаго укрѣпленія опять потащился къ Камышевой бухтѣ. Сказывали, будто непріятели присылали за ключемъ Севастополя и флагомъ, и что мы еще будемъ имѣть съ ними дѣло.

И послѣ пожара и послѣ страшныхъ взрывовъ Севастополь издали кажется цѣльнымъ городомъ. Въ зданіяхъ погорѣло дерево, пали крыши, а каменныя стѣны представляютъ видъ города. Николаевская батарея, кажется, нисколько не пострадала; непріятели очень могутъ воспользоваться ею противъ насъ. Впрочемъ, работъ у нихъ никакихъ не видно. На пристани графской они поставили нѣсколько мортиръ, изъ которыхъ стрѣляли, кажется, для пробы только. У александровскихъ казармъ, что надъ новымъ адмиралтействомъ, поставлены полевыя орудія. На Малаховомъ курганѣ вертится телеграфъ.

Дѣйствій съ нашей стороны никакихъ пока, о планѣ оныхъ также никто ничего не знаетъ. Въ сѣверномъ укрѣпленіи оставленъ небольшой гарнизонъ изъ моряковъ 2 дивизіи, находящейся на Инкерманскихъ высотахъ. Значительная часть войскъ подвинута къ Евпаторіи.

Палатки для церквей намъ не успѣли выдать, онѣ сгорѣли въ городѣ. Болѣе нѣтъ въ запасѣ. Вчера я былъ въ главной квартирѣ, чтобы узнать, будетъ ли и зимой существовать этотъ временный городъ въ полѣ и есть ли надобность теперь въ церкви. Дежурный генералъ затруднился отвѣчать мнѣ, и

совѣтовалъ лучше не начинать этого дѣла. Можетъ быть, завтра послѣдуетъ миръ, прибавилъ онъ, и надобность минуется. По крайней мѣрѣ вѣрнаго, положительнаго я ничего не могу сказать.

Что сказать вамъ объ этомъ рынкѣ, на которомъ прежде была потребность въ церкви? Вслѣдствіе перевода его на новое мѣсто, многіе предпочли удалиться въ городъ. Вслѣдствіе отправленія морскихъ командъ въ Николаевъ, туда же слѣдуютъ и семейства ихъ. Наконецъ близость зимы гонитъ отсюда и тѣхъ, которые терпѣливо переносили зной лѣта, въ надеждѣ возвратиться въ Севастополь. Теперь только немногихъ удерживаетъ одна надежда на барышъ, пока расположены тутъ войска. Говорятъ, впрочемъ, что главная квартира на зиму будетъ переведена въ Бакчисарай. И такъ, хотя и есть тамъ потребность въ священникѣ, но прошла нужда въ церкви. Можно имѣть тамъ часовню и быть священнику, но не могу представить положенія его, если тамъ оставаться безъ особаго денежнаго пособія. Я былъ на самомъ базарѣ тамъ, который и открытъ, какъ уже писалъ я, съ священнымъ молитвословіемъ и спрашивалъ: нуженъ ли теперь священникъ? Мнѣ отвѣчали словами: „грѣхъ вамъ будетъ, если вы оставите насъ". Я обѣщалъ чрезъ день возвратиться, въ ожиданіи впрочемъ вашего архипастырскаго распоряженія. Священникъ Демяновичъ съ малолѣтними дѣтьми не можетъ тамъ оставаться на зиму.

Духовенство адмиралтейскаго собора откомандировано къ таковому же въ Николаевъ. Флотскимъ іеромонахамъ, согласно ихъ желанію (котораго не понимаю), даны билеты въ Кіевъ, гдѣ будутъ ожидать распоряженія отъ оберъ-священника. Всему этому духовенству даны прогоны и подорожныя по казенной надобности.

Отецъ архимандитъ Геронтій выслалъ игумену Георгію собственныхъ его денегъ, оставшихся съ вещами въ монастырѣ, 500 руб. Болѣе ничего особеннаго не знаю. Не лишите вашего архипастырскаго благословенія.

3 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 45-е.

Ничего новаго на сей разъ не имѣю сообщить вашему высокопреосвященству. На всемъ печать пасмурной осени, какъ будто и въ военныхъ дѣйствіяхъ прошло время жатвы и дѣланія.

Дождь и градъ задержали меня отъ второй поѣздки подъ Севастополь. Вмѣстѣ поднялась высоко и цѣна дилижансамъ. Сколько бы ни было пассажировъ, извозчикъ наровитъ взять 20 руб. въ одинъ конецъ. Это вслѣдствіе того, что многіе теперь пускаются въ путь изъ Крыма.

Между тѣмъ 7-го числа пріѣхавшій изъ-подъ Севастополя купецъ Сребренниковъ, который особенно хлопоталъ о церкви на базарѣ, привезъ мнѣ извѣщеніе, что теперь рѣшительно нѣтъ тамъ надобности въ церкви. Я уже писалъ, что съ Севастополемъ потеряли надежду возвратиться въ свое жилище, многіе не пожелали селиться на вновь отведенномъ для базара мѣстѣ. Теперь же, по случаю перехода главной квартиры къ Бакчисараю или въ самый Бакчисарай, всѣ, даже имѣющіе интересъ торговый, поколебались въ намѣреніи оставаться на зиму и ищутъ болѣе постояннаго пристанища. Коротко: эта колонія разбѣгается.

Въ Бакчисараѣ приказано заготовить много квартиръ для лицъ, составляющихъ штабъ главнокомандующаго. Самому князю назначается квартира въ домѣ генеральши Бухариной, что въ 10 шагахъ отъ собора. Изъ двухъ причетниковъ—пономарь Березовскій [1]), недавно туда назначенный,—не можетъ быть на клиросѣ, ибо не умѣетъ еще ни читать, ни пѣть. Между тѣмъ доходы по собору, съ поступленіемъ туда о. Паксимаде, когда стали ихъ вносить въ книгу вѣрно, бываютъ въ мѣсяцъ выше 200 руб. сер., въ августѣ же мѣсяцѣ было въ кружкѣ 300 р. сер. Такъ измѣнилось отъ умноженія населенія и близости арміи значеніе бакчисарайскаго собора. Потому, если дѣйствитель-

---

[1]) Пономаря Березовскаго лучше бы послать въ монастырь, гдѣ бы онъ приготовился сколько нибудь къ причетнической должности, а жалованьемъ штатнымъ и кружкой пусть бы пользовался достойный.

но главная квартира будетъ въ Бакчисараѣ, то въ соборѣ можно и справедливо бы прибавить одного причетника или двухъ, удаливъ безграмотнаго. Я осмѣливаюсь рекомендоватъ моихъ, теперь безмѣстныхъ причетниковъ—братьевъ Топузовыхъ.

Впрочемъ, Богъ вѣсть, что породитъ завтрашній день. Иные, послѣ паденія Севастополя, не вѣрятъ безопасности въ Бакчисараѣ или вообще въ Крыму, и выѣзжаютъ далѣе. По такому будто бы опасенію отправили семейства свои изъ Бакчисарая здѣшній городничій, почтмейстеръ и другіе. Конечно, въ войнѣ случайностей много.

Послѣ обуреванія севастопольскаго, мы обрѣли для себя не бурное и тихое пристанище въ насажденномъ десницею вашею Успенскомъ скитѣ, гдѣ, по милости о. архимандрита, призрѣвшаго насъ, имѣемъ пріютъ и столъ. Долгомъ считаемъ благодарить за сіе преимущественно васъ, милостивый архипастырь и отецъ! Здѣсь, кромѣ меня, живутъ священникъ Демяновичъ съ дѣтьми и діаконъ. Причетники пошли къ матери въ Балтачакранъ.

Сейчасъ возвратившійся изъ города священникъ Демяновичъ удостовѣряетъ, что дѣйствительно главная квартира переводится въ Бакчисарай и что на воротахъ дворовъ есть надписи, гдѣ какая канцелярія и проч.

10 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 45-е.

13-го сентября я былъ подъ Севастополемъ, куда ѣздилъ для того собственно, чтобы явиться г-ну Пирогову, который хотѣлъ меня видѣть по дѣламъ общины крестовоздвиженской. Ему и г-жѣ Хитрово великая княгиня поручила вникнуть въ состояніе общины и представить, что необходимо нужно сдѣлать для ея улучшенія. Поводомъ къ сему было то, что до ея высочества доходили и невыгодные слухи объ общинѣ. Г-жа Хитрово усматриваетъ, что цѣль общины была достигаема, но что если въ общинѣ иногда проявлялось внутреннее несогласіе и нестроеніе, подавшія поводъ къ невыгоднымъ слухамъ, то первою виною тому была сама начальница г-жа Стаховичъ, которая,

всячески устраняя вліяніе на общину другихъ лицъ (духовника и доктора), сама была пристрастна и не матерински жестка въ обращеніи, а также крайне несправедлива въ оцѣнкѣ трудовъ ихъ. Кажется, что она не останется въ общинѣ, и вѣроятно мѣсто ея заступитъ г-жа Хитрово.

Всѣ госпитали, бывшіе на Бельбекѣ, отъ больныхъ очищены и сняты. 13 сентября послѣднія сестры отправились оттуда въ Бакчисарай, гдѣ, по моемъ возвращеніи, я засталъ ихъ въ числѣ 50-ти, и въ день воздвиженія креста Господня, послѣ литургіи, служилъ въ квартирѣ благодарственный молебенъ. Главная квартира общины будетъ, кажется, въ Симферополѣ.

Подъ Севастополемъ не слышно прежнихъ громовъ, не видно и прежней дѣятельности. Однако ничего утѣшительнаго тамъ нѣтъ. Николаевская батарея, къ большому прискорбію, не послушалась слабыхъ минъ и сдѣлалась теперь грозою нашею. За нею на площади непріятели поставили мортирную батарею и съ навѣсу безнаказанно стрѣляютъ по сѣверной сторонѣ. Амбразуры нижняго этажа заложены камнями, что заставляетъ думать, что они ставятъ тамъ орудія. Я останавливался на 14 редутѣ у знакомаго моряка капитана, который на вопросъ мой: почему бы по крайней мѣрѣ не разбить батареи? отвѣчалъ: на это потребно тысячъ пять ядеръ такого калибра, котораго у насъ есть не болѣе сотни. Вотъ простая и ясная причина. Сѣверное укрѣпленіе, въ которомъ вы изволили останавливаться и служить, нашелъ я пустымъ отъ прежняго населенія и всю площадь его, какъ поле вспаханное бомбами. Церковь оттуда убрали, и, кромѣ дѣйствующаго гарнизона, никто не живетъ въ укрѣпленіи. Я даже не останавливался здѣсь: въ одни ворота въѣхалъ, въ другія выѣхалъ верхомъ. Одну только бомбу при мнѣ взорвало въ укрѣпленіи.

Флотъ непріятельскій стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и судя по большому числу вымпеловъ, нельзя было думать, чтобы значительная часть его отдѣлилась въ экспедицію. Потому разнесшійся слухъ, что непріятели уже три дня бомбардируютъ Одессу, считали невѣроятнымъ. На адмиральскомъ французскомъ кораблѣ были перекрещены реи и на всѣхъ судахъ приспущены

кормовые флаги, изъ чего заключали, что адмиралъ Брюа, недавно произведенный въ этотъ чинъ, умеръ.

Бывши на Бельбекѣ у Пирогова, слышалъ тамъ, что непріятели высадились у Евпаторіи въ числѣ 25 тысячъ и захватили наши аванпосты.

На базарѣ, гдѣ предполагалось быть церкви, жителей осталось немного. Я нарочно проѣхалъ между землянками ихъ и спрашивалъ: намѣрены ли оставаться здѣсь? Это бѣднѣйшіе люди морскаго вѣдомства, кои, не имѣя средствъ слѣдовать далѣе, выжидаютъ къ тому случая. Жалко смотрѣть на ихъ жизнь.

Невѣроятны слухи о дальнѣйшемъ отступленіи; но имъ даютъ вѣру, полагая, что найдутъ нужнымъ отступать, чтобы вытащить непріятеля въ поле и удалить отъ берега. Допуская эту возможность, осмѣливаюсь спросить ваше высокопреосвященство, что дѣлать съ церковнымъ имуществомъ и архивомъ, который мною сложенъ въ Бакчисарайскомъ соборѣ, а также съ цѣннымъ имуществомъ сего собора? Не передать ли въ скитъ? Къ монастырскимъ обителямъ непріятели всегда бываютъ уважительнѣе.

(Безъ означенія числа, мѣсяца и года).

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

I.

Въ селѣ Каневцахъ, переяславскаго полка, ирклѣевской сотни, жилъ богатый козакъ Михайло Мармута. У него была челядь и много всякаго добра: комора была наполнена свитками, кожухами, конской сбруей и саломъ; въ закромахъ было довольно всякаго зерна, въ погребахъ—меду, масла, всякихъ настоекъ и наливокъ; въ скрыняхъ лежали мѣшечки съ червонцами, ефимками, рублями и талярами, и набиты были тѣ скрыни полотнами самодѣлковыми да сукнами заморскими; въ „кимнатѣ“ на стѣнахъ красовались ружья турецкія, сабли дамаскія, уздечки наборныя и сѣдла серебромъ отдѣланныя, въ конюшнѣ тоже было на что посмотрѣть; тутъ стояло болѣе десятка „добрыхъ коней“ и пять кобылицъ заводскихъ.

На такое добро нашлись охотники, выбравшіе для своего злого дѣла бурную и темную осеннюю ночь.

1754 г., ноября 17 въ полуночный часъ неизвѣстные люди забрались въ домъ Мармуты, связали Мармуту, жену его и всю челядь; а связавъ всѣхъ ихъ, „нещаднымъ боемъ желѣзными обухами били, домъ его, Мармуты, разорили, имущество ограбили, и денегъ оными разбойниками нѣсколько десятковъ рублевъ взято“.

[1]) Составлено на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ 10 мъ выпускѣ „Историческихъ Матеріаловъ изъ архива Кіевск. Губ. Правленія“ А. Андріевскаго (стр. 76—95), а также по фамильнымъ документамъ Требинскихъ.

Управившись такимъ манеромъ, разбойники умчались подъ покровомъ той же темной ночи. Но что скрывала ночь, то открылъ день.

Раннимъ утромъ 18 ноября Мармута поспѣшно отправился въ Ирклѣевъ и здѣсь поднялъ на ноги всю сотенную канцелярію. Канцелярія тотчасъ „для сыску и поимки" разбойниковъ нарядила команду подъ начальствомъ шурина Мармуты, сотеннаго атамана Федора Рубана и хорунжаго Афанасія Сененко. Рубанъ, прибывъ въ Каневцы, тщательно обслѣдовалъ дворъ Мармуты и отыскалъ „разбойный слѣдъ"—слѣды конскихъ копытъ; они привели козачью команду до самой слободки Чутовки.

II.

Чутовка—слободка лубенскаго полка, Горошинской сотни—находилась въ 25 верстахъ отъ села Каневцевъ, ютилась у рѣчки Иржавца вблизи болотъ и густыхъ камышей; и владѣлъ ею гусаринъ, Новой Сербіи вицекапралъ Иванъ Требинскій. Онъ имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ—Данила и Николая. Данило жилъ въ 15 верстахъ отъ Чутовки—въ селѣ Плеховѣ. Николай былъ на службѣ: „обрѣтался при славяно-сербской командѣ" [1]).

Данило, Иванъ и Николай Требинскіе—сербы, пришли въ Россію изъ Герцеговины. Лишившись отца, сложившаго голову въ борьбѣ съ Турками, они лишились и родного крова своего. Съ подобными себѣ смѣльчаками, горѣвшими местью къ притѣснителямъ, они ютились по горамъ и лѣснымъ дебрямъ, пока не достигла до нихъ радостная вѣсть: родной дядя—Ирклѣевскій сотникъ Славуй звалъ братаничей въ тѣ мѣста, въ коихъ поселился онъ и сталъ жить въ добрѣ и довольствѣ. Братаничи прибыли къ заботливому дядѣ въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны и подъ крылышкомъ его стали жить-

---

[1]) Австрійскій Сербъ Шевичъ составилъ полкъ изъ земляковъ своихъ и балканскихъ сербовъ. Этотъ полкъ, названный „Славяно-Сербскимъ", поселенъ былъ въ Ю.-в. части Слободской Украины (нынѣ славяно-сербскій уѣздъ екатеринослав. губерніи).

поживать безъ опредѣленныхъ занятій. По истеченіи нѣкотораго времени престарѣлый дядя далъ племянникамъ занятіе: должность сотника онъ передалъ своему родному брату Алексѣю, а управленіе имѣніями—Оржицею, Плеховымъ и Чутовкою вручилъ Данилу; Иванъ и Николай должны были состоять помощниками Данила.

Недолго пришлось Данилу отдавать отчетъ въ хозяйничаньи: въ 1749 г. умеръ Славуй, а черезъ 4 года—Алексѣй. Послѣдній оставилъ жену да малолѣтняго сына. Этимъ обстоятельствомъ надлежаще воспользовались братаничи: изъ управителей они сдѣлались владѣльцами. Данило взялъ себѣ львиную часть: Оржицу и Плеховъ, Иванъ утвердился въ Чутовкѣ.

Обзаведшись немалымъ количествомъ земли, Данило нѣсколько раньше постарался упрочить свое положеніе и съ другой стороны: онъ вошелъ въ родственныя связи съ малорусской старшиной. Основаніемъ сихъ связей была женитьба.

Въ 25 верстахъ отъ Плехова въ сел. Ивановкѣ жила весьма интересная вдовушка: то была Елена Лизогубовна Пиковець—дочь Миргородскаго полковника Лизогуба и бывшая жена писаря генеральнаго войскового суда Ивана Пиковця. Она обладала большимъ состояніемъ: владѣла селами Ивановкой и Хижками, была молода и пригожа собой, и стало-быть въ особѣ своей соединяла заманчивыя качества: молодость и красоту, богатство и знатность.

Уже въ первые мѣсяцы по смерти Пиковця Лизогубовну начали безпокоить особы, желавшія обладать ею; но Лизогубовна косо глядѣла на сихъ особъ: и не нравились они ей, и отъ тоски по мужѣ не могла отдаться она пріятнымъ чувствамъ. Такъ прошло болѣе года. Но вотъ въ одинъ прекрасный день молодая вдовушка имѣла удовольствіе принимать незваннаго заморскаго гостя: это былъ Данило Петровичъ Требинскій. Онъ пріѣхалъ къ вдовушкѣ якобы для покупки хлѣба.

Познакомившись, Данило два раза пріѣзжалъ къ Лизогубовнѣ, находя приличные къ тому случаи; а когда въ третій разъ явился, то изъяснилъ, что онъ вотъ какъ полюбилъ ее: ни спать, ни ѣсть, ничего дѣлать не можетъ.

Данило Еленѣ Пиковець нравился; она отдала ему свою руку и свое сердце.

На правахъ жениха Данило зачастилъ къ Лизогубовнѣ. Она хорошо кормила, сладко поила и нѣжно „до себе пригортала“ заморскаго молодца. Онъ, какъ сыръ въ маслѣ, катался и развивалъ предъ своей пташкой планы будущаго домостроительства; какъ это они будутъ *дбать добро*.

Недѣли черезъ три состоялось бракосочетаніе. Свадьбу справили шумно и пышно. Гостей было много. Данило пригласилъ своихъ сербовъ, Лизогубовна назвала родныхъ и знакомыхъ. Изъ сихъ персонъ съ особеннымъ почетомъ и вниманіемъ были принимаемы засѣдатель войскового генеральнаго суда Иванъ Туранскій и его жена Пелагея Григорьевна—двоюродная сестра Елены Лизогубовны. Данило сильно занялся засѣдателемъ генеральнаго суда и такъ сошелся съ нимъ и такъ понравился ему, что сей послѣдній въ интимной бесѣдѣ высказалъ интересную мысль: пообѣщалъ Данилу посодѣйствовать въ скорѣйшемъ полученіи чина бунчуковаго товарища. Но и къ остальнымъ гостямъ Данило былъ внимателенъ; своею предупредительностію, бойкими и веселыми рѣчами понравился имъ.

Зато земляки его вели себя совершенно иначе; свой нравъ они, что называется, выложили на ладони. Они здѣсь на свадьбѣ важничали и расхвастались: „мы де Австрію отъ Турокъ спасли, мы ихъ по шеямъ гнали изъ Вѣны“, говорили Сербы; „какъ бы не мы—Турки всѣхъ Австріяковъ въ полонъ забрали-бы; и сюда-де къ вамъ мы пришли, чтобъ Татаръ попугать и полонить ихъ, чтобъ они, тѣ Татары, васъ не обижали: вашихъ селъ не грабили, вашихъ женокъ и дѣтей не забирали. Вотъ-де мы имъ покажемъ—тѣмъ Татарамъ!“

Такія рѣчи не понравились козакамъ тѣмъ болѣе, что козаки уже съ первой встрѣчи искоса посматривали на Сербовъ. „Вотъ тѣ незванные господа, которые пришли хлѣбъ нашъ заѣдать, земли наши занимать!“ говорили они между собою.

Дерзостное хвастовство привело козаковъ въ азартъ, и нѣкоторые уже съ кулаками начали подступать къ самохвальцамъ; но Данило не допустилъ до бурной сцены и поспѣшилъ

удалить сотоварищей своихъ въ отдѣльное помѣщеніе; козацкую-же компанію постарался привести въ нормальное состояніе, убѣдивъ ее, что *на дурныхъ* не стоитъ обращать вниманія, что то они говорили *сдуру да съ хмелю.* Рано утромъ Данило выпроводилъ своихъ „дурней" восвояси, а козакамъ сказалъ, что товарищи испугались и убѣжали. Довѣрчивые козаки и въ самомъ дѣлѣ подумали, что сербы такіе трусы. Находясь въ пріятномъ заблужденіи насчетъ сербовъ, трусовѣ и дурней, малороссіяне веселились-пировали, Данилу и Лизогубовнѣ всякаго добра-счастья желали.

И до женитьбы Данило неуважительно относился къ собственности сосѣдей-козаковъ; а послѣ женитьбы эту неуважительность простеръ до широкихъ размѣровъ. Со своими табунами онъ забирался на чужія поля, запахивалъ козачьи участки, орудовалъ въ ихнихъ ставкáхъ и прудахъ, присваивалъ себѣ чайки, рубилъ лозняки. Не стѣснялся Данило накладывать руку свою и на сиромахъ: онъ обидѣлъ Уласа Солода, состоявшаго у него въ должности *маштальрской.* Среди бѣла дня изъ хутора, принадлежащаго бунчучному генеральному Оболонскому, Данило *гвалтовне* отбилъ и угналъ весь скотъ, выслуженный Солодомъ втеченіе 22 лѣтъ у Пиковця: „овецъ 55, коровъ 2, воловъ старыхъ 2 пары, телицъ 3, быка дволѣтка одного".

Генеральный судъ, разсмотрѣвъ жалобу Солода, потребовалъ, чтобы Данило Требинскій возвратилъ обиженному имущество; но Данило генеральнаго суда не послушался, и Лубенскій полковникъ Апостолъ вынужденъ былъ послать козачій отрядъ для взятія означеннаго имущества.

Съ сосѣдомъ своимъ, бунчучнымъ генеральнымъ, присутствующимъ въ генеральномъ судѣ—Оболонскимъ, Данило постоянно ссорился, совершалъ наѣзды на его маетности и подавалъ на него въ генеральный судъ разныя кляузы.

Особенно ожесточенную перепалку велъ Данило Требинскій съ Оржицкими козаками. Братья Иванъ и Николай были дѣятельными помощниками Данила. Иванъ даже завоевалъ себѣ пальму первенства въ этой борьбѣ: совершалъ наѣзды съ неслыханной отвагой, удальствомъ и дерзостью. Оржицкіе козаки

пытались прогонять Требинскихъ, врывавшихся въ ихъ добро, но были побиваемы. Вотъ козаки выѣхали на свои поля съ командою, посланною отъ сотенной Горошинской канцеляріи; но та команда ударилась на попятную, ўзрѣвъ Ивана Требинскаго, шедшаго съ многолюдствомъ. Козаки устраивали ловушки воинству Требинскихъ; но *засидки* и днемъ и ночью не достигали цѣли: воинство не появлялось; оно какъ бы чуяло, что теперь опасно наѣзжать на козацкое добро. А какъ только *засидокъ* не было, воинство обязательно появлялось и уничтожало, что попадалось подъ руку. Такое появленіе иногда бывало неблагополучно: козаки челядь плеховскую лавливали и порядкомъ ее колачивали. Дабы этого не случалось, по инициативѣ Ивана устроено было нѣчто вродѣ крѣпостцы на границѣ плеховской земли; и отсюда уже предпринимались систематическія вылазки на поля оржицкихъ и горошинскихъ козаковъ. Какъ ни старались козаки, но не могли угоняться за наѣздниками, предводимыми Иваномъ Требинскимъ. Его воинство какъто незамѣтно выползало изъ логовища своего, и столь же безслѣдно и стремительно возвращалось туда же. Но разъ козаки изловчились: застукали на своихъ грунтахъ чутовскую и плеховскую челядь и преизрядно побили ее. Преслѣдуя эту челядь, козаки угнались до самаго хуторка-крѣпостцы и вознамѣрились взять ее приступомъ; но послѣ кратковременной осады были прогнаны, ибо Иванъ Требинскій имѣлъ изрядный резервъ и дрался, какъ левъ.

За штурмъ своей крѣпости Иванъ и Николай задумали натворить козакамъ пуще прежняго. Они выѣхали съ вооруженною челядью и напали на ближайшій хуторъ оржицкихъ козаковъ Авраменковъ. Хозяева и ихъ челядь были жестоко побиты, бабы и дѣвки изнасилованы, изъ скрынь и коморъ добро повыбрано, худоба угнана. Наѣздъ совершенъ днемъ. Козачья команда успѣла прибѣжать къ Авраменкамъ, когда и слѣдъ наѣздниковъ простылъ. Козаки помчались до крѣпости; тамъ, никого и ничего не нашедъ, закурили *люльки* свои—сожгли ненавистную западню. Это было въ 1753 году.

Иванъ и Николай оставили крѣпость на произволъ судьбы, дабы сокрыть слѣды своего отчаяннаго наѣзда. Тѣмъ не менѣе, Хорватъ засадилъ Ивана Требинскаго въ темницу съ наложеніемъ *ланцюговъ* на руки и ноги. И за оказанныя продерзостныя дѣла гусаринъ Иванъ содержался въ желѣзахъ цѣлый годъ; но не покаялся.

Вотъ съ такимъ-то сорвиголовой, имѣвшимъ за своими плечами удалыхъ братцевъ, пришлось имѣть теперь дѣло атаману Рубану и его командѣ. Можно было ожидать, что дѣло въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи приметъ немаловажныя осложненія. Такъ и было.

III.

Атаманъ Федоръ Рубанъ, хорунжій Афанасій Сененко и 30 козаковъ, пріѣхавъ по слѣду до слободки Чутовки, вблизи ея на дорогѣ встрѣтили Ивана Требинскаго. Это онъ, управившись въ Каневцяхъ, ѣхалъ въ Глуховъ: везъ письмо Хорвата къ генеральному обозному Кочубею.

Козаки оному гусарину объявили, что разбойный слѣдъ дошелъ до слободки его, и требовали позволенія оную слободку потрусить; но Ив. Тр—скій на то ихъ требованіе позволенія не учинилъ. Онъ, поспѣшно уходя въ слободку, угрожалъ стрѣлять по нимъ. Когда же команда попыталась насильно войти въ слободку, то гусаринъ Иванъ Тр—скій „вышелъ противъ команды настояще уже съ многолюдствомъ и палить съ ружья приладивался“. Но пальбы не было: „Только де, невѣдомо почему, того злого своего намѣренія не выполнилъ“—доносилъ Рубанъ своему начальству.

Вслѣдствіе такого грознаго и смѣлаго сопротивленія козачья команда ударилась на попятную и позаботилась объ удвоеніи своихъ силъ.

Неподалеку отъ Чутовки находилось село Горошино, а въ немъ была сотенная канцелярія. Сюда то и обратился Рубанъ. Ему дана была козачья команда, опредѣленная къ разъѣзду по силѣ указовъ полковой Лубенской канцеляріи.

Съ удвоенными силами отправился Рубанъ и Сененко къ Чутовкѣ. Съ надеждой на успѣхъ спѣшатъ они сюда. Но едва только козачья команда стала подходить къ слободкѣ, какъ гусаринъ Иванъ не допустилъ той команды въ слободку свою: онъ съ многолюдствомъ при ружьяхъ выскочилъ навстрѣчу командѣ и противъ оной команды *съ ружья палилъ*. Козаки, не убоявшись выстрѣловъ, стали поспѣшно приближаться къ слободкѣ; тогда Требинскій бѣжалъ *въ очерета*, и во время бѣгства утералъ свою *шаблю, содержачую имъ наголо*. Саблю эту козаки подхватили.

Густые камыши скрыли Требинскаго и его драбантовъ. Среди камышевыхъ чащъ, прерываемыхъ трясинами и озерами, бѣглецы нашли себѣ надежное убѣжище. Напрасно козаки лазили по этимъ дебрямъ: они не могли сыскать гусарина Ивана. Къ тому же наступали сумерки, надвигалась мрачная осенняя ночь, нужно было спѣшить по домамъ. Такъ команда и возвратилась восвояси ни съ чѣмъ.

Въ первый-же день послѣ неудачнаго похода въ Чутовку, Мармута подалъ въ сотенную Ирклѣевскую канцелярію доношеніе о учиненіи надъ нимъ, нижайшимъ, ночью нападенія. Атаманъ Рубанъ да хорунжій Сененко доношеніемъ представили о приключеніяхъ своихъ въ Чутовкѣ.

Сотники Ирклѣевскій и Горошинскій представили доношенія въ полковыя канцеляріи Переяславскую и Лубенскую; въ эту послѣднюю прислана и сабля гусарская. Полковыя канцеляріи *поднесли* доношенія въ генеральную войсковую канцелярію подъ высокое оной разсмотрѣніе и опредѣленіе. Они покорно испрашивали повелѣній о томъ, какъ поступить съ разбойникомъ гусариномъ Иваномъ Требинскимъ и его согласниками. Полковая козачья старшина изъяснила, почему она не рѣшилась продолжать сыскиваніе Ивана Требинскаго: „дабы иногда при сыску оный Требинскій по своему легкомыслію не могъ кому приключить смертнаго убійства, и что онъ не малороссійской команды человѣкъ—новосербскій вицекапралъ“.

Генеральная канцелярія предписала переяславскому полковнику: „умноживъ команду, поискъ надъ оными разбойниками

учинить, и гдѣ можно ихъ настигнуть, тамъ аттаковавъ взять; а въ противномъ случаѣ съ ними какъ съ злодѣями поступать".

Вотъ многочисленная команда подъ начальствомъ тогоже Рубана 3 декабря направляетъ свой бѣгъ въ Чутовку. При командѣ „къ опознанію своихъ пожитковъ" находится и самъ Мармута.

Появленіе козаковъ въ Чутовкѣ было настолько неожиданное, что хуторяне и самъ *ватажекъ* Иванѣ Требинскій были застигнуты врасплохъ: едва успѣлъ ватажекъ вскочить на коня, какъ уже козаки были у двора, и ему удалось прорваться помежду нихъ лишь благодаря смѣлому, быстрому натиску и убѣжденію козаковъ, что и пуля его не беретъ.

Козакъ Романъ Яременко такъ говорилъ Данилу Требинскому: „когдабъ у его списъ згодился въ то время, какъ онъ Иванъ, вибѣгая змежду нихъ, на его Яременка коня нагналъ, то-бъ его всеконечно оттоль не випустилъ и скололь бы въ смерть; а хотя ружжю и имѣлъ при себе заряженную, но известясь отъ бывшихъ прежде тамо въ нападеніи, что куля его не возметъ—не стрѣлялъ".

Оторопѣвшіе козаки спохватились, когда чародѣй-гусаринъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ; и только теперь болѣе удалые пустились въ погоню за нимъ: сотенный асаулъ Яковъ Чорнышъ, Штепа, Сезоненко и Мармута. Сколько ни старались козаки, не могли догнать гусарина, и такъ увлеклись погоней за нимъ, что влетѣли во дворъ Данила Требинскаго, куда вскочилъ его братецъ Иванъ.

Но тутъ козакамъ пришлось расхлебать цѣлый рядъ скандальныхъ сценъ.

Какъ только козаки, кромѣ Чорныша, угнались во дворъ Данила и здѣсь у воротъ начали сновать, къ нимъ выскочилъ съ ружьемъ Данило въ сопровожденіи челяди и велѣлъ забить ворота.

— Зачимъ ви здѣсь ѣздите? спросилъ Данило.

— Мы женемось за воромъ и разбойникомъ Иваномъ Требинскимъ, который во дворъ твой скрылся! отвѣтили козаки и произнесли не мало „досадительныхъ словъ" Данилу.

Послѣ такой короткой прелюдіи сейчасъ-же и началась съ ними расправа. Прежде всего досталось Штепѣ: Данило накинулся на него, ударилъ его дуломъ въ грудь и гикнулъ на своихъ слугъ; тѣ осыпали несчастнаго ударами, а самъ Данило „друччемъ билъ его, куда видя, наипаче по головѣ". Сюда прибѣжалъ съ пистолетомъ Иванъ и началъ бить Штепу тоже по головѣ, затѣмъ прицѣлился въ него и выпалилъ, но не попалъ въ цѣль. Въ этотъ моментъ выбѣжала Елена Лизогубовна и заступилась за Штепу. Тогда Данило, Иванъ и слуги накинулись на Мармуту и Сезоненка: дрючками, кіями и обухами желѣзными нещадно били ихъ. Видя такое, Лизогубовна ринулась въ средину бойни и умоляла о пощадѣ. Сами пострадавшіе потомъ говорили: „отъ коего бою ежелибы Данила Требинскаго жена не упросила, слѣдовало имъ козакамъ смертію пострадать".

Прибивши козаковъ до полусмерти, Данило велѣлъ заключить ихъ подъ неослабный караулъ, а челяди приказалъ готовиться къ подобной-же расправѣ съ Рубаномъ и его командою, которая хозяйничала тамъ—въ Чутовкѣ.

Не прошло получаса, какъ челядинцы сидѣли на коняхъ, вооруженные саблями, ружьями и обухами. Хотѣлось и Данилу пошалѣть саблей и ружьемъ, ему вывели коня, уже готовъ онъ былъ гикнуть своей командѣ; но жена выскочила къ воротамъ и *воспретила* мужу принимать участіе въ этой поѣздкѣ.

Съ сокрушеніемъ сердечнымъ уступая желанію жены, печалился Данило, что самъ Иванъ, быть можетъ, и не справится съ козачьей командой.

Но Иванъ *хвасталъ* и говорилъ: „я атамана Рубана голову къ тебѣ, брате, на саблѣ принесу!"

А Данило брату Ивану отвѣтствовалъ: „приведи мнѣ Рубана живого, я знатиму зъ нимъ что дѣлать!"

— Добре, брате! Приведу живого—сказалъ Иванъ, зычнымъ голосомъ гикнулъ и полетѣлъ стремглавъ съ пятьюдесятью головорѣзами въ Чутовку.

Въ Чутовкѣ Рубанъ чинилъ свою расправу—разыскивалъ воровъ и пожитки, пограбленные у Мармуты. Дѣло пока шло

на ладъ. Четыре человѣка, причастныхъ воровству и разбою, были пойманы и пожитки нѣкоторые сысканы: „жены куртка китаева да запасокъ блакитныхъ двѣ, выбойчата и штаметова новая, да рубашокъ женскихъ двѣ, дитячихъ двѣ и сидло едно".

Чиня поиски, козаки разбрелись по слободкѣ; нѣкоторые изрядно подвыпили и тѣмъ развязнѣе начали заигрывать съ чутовскими бабами; да и самъ атаманъ сидѣлъ надъ куфой и угощался, не гадая, что надъ нимъ можетъ разразиться грозная туча. А туча эта въ видѣ гусарина Ивана надвигалась.

Асаулъ Чорнышъ не успѣлъ хорошенько поразсказать, что дѣется во дворѣ Данила Требинскаго, какъ гусаринъ Иванъ вихремъ ворвался въ слободку свою. По какому-то чутью онъ сразу наскочилъ на угощавшагося атамана да и задалъ ему препорядочной трепки: его, атамана, разбойникъ Иванъ Требинскій „списомъ въ плечи подкололъ", а согласникъ Ивана, Данила Требинскаго служитель-сербинъ, ножемъ голову „попоролъ" и руку перебилъ. Въ свою очередь и Рубанъ изловчился: „оному сербину саблею косу урѣзалъ".

Пораженный атаманъ не дался въ плѣнъ, и козаки бойко отбивались; но зато и поплатились: были избиты преизрядно, трое-же человѣкъ козаковъ—Иванъ Сѣда, Игнатъ Троянъ да Петро Андрущенко съ ихъ лошадьми и ружьями „невѣдомо отъ тѣхъ разбойниковъ гдѣ подѣты" во время горячей схватки.

Учинивъ нападеніе на козачью команду, Иванъ Требинскій умчался въ Плеховъ.

Раненному атаману Рубану и его козакамъ избитымъ было уже не до розысковъ въ слободкѣ, — надо было спѣшить домой и тамъ залѣчивать столь безславно полученныя раны. И козаки поскакали восвояси, недосчитывая въ своихъ рядахъ шести удалыхъ головъ: трое изъ нихъ неизвѣстно гдѣ были подѣты, а трое, какъ мы знаемъ, томились въ тайникахъ Данила.

Плѣнникамъ не пришлось возвратиться домой прямой дорогой: Данило Требинскій, забивъ Мармуту и его товарищей въ ножныя колодки, якобы разбойниковъ, отправилъ ихъ въ

полковую Лубенскую канцелярію; но отсюда они отпущены домой „за усмотрѣніемъ ихъ невинности". Такъ-то жестоко насмѣялся Данило надъ свободолюбивыми рыцарями!

IV.

Катастрофа, постигшая умноженную козачью команду, отбила у Мармуты и Рубана охоту предпринимать новый походъ въ Чутовку; это значило-бы вновь и совершенно напрасно подставлять свои головы подъ желѣзные обухи.

Они ограничились пока письменнымъ изъясненіемъ начальству того, что совершилось при сыску воровъ и разбойниковъ.

Рубанъ подалъ доношеніе въ полковую Переяславскую канцелярію. Немедленно-же, 7 декабря, сія канцелярія всепокорнѣйше *поднесла* войсковой Генеральной канцеляріи доношеніе Рубана въ оригиналѣ. Поднося оригиналъ, канцелярія изъясняла, что она имѣетъ дожидаться резолюціи о томъ, какъ съ Даниломъ Требинскимъ поступить по силѣ правъ малороссійскихъ, яко защитителемъ и передержателемъ разбойниковъ.

Мармута, Штепа и Сезоненко тоже подали „покорныя доношенія" въ сотенную Ирклѣевскую канцелярію. Они печалуются, что отъ Данила Требинскаго и его брата, вора и разбойника, Ивана Требинскаго, да служителей ихъ „понесли немалое на здоровью поврежденіе, ище жъ увѣчье и безчестіе напрасно, такъ что къ прежнему здоровью прійти крайне не можемъ".

Ирклѣевскій сотникъ Павелъ Завойка послалъ эти доношенія въ Переяславскую полковую канцелярію „на разсмотрѣніе". Переяславскій полковникъ отправилъ ихъ „на разсмотрѣніе" въ Генеральную войсковую канцелярію.

Въ концѣ декабря бунчуковый товарищъ Данило Требинскій получилъ приглашеніе явиться въ Генеральную войсковую канцелярію для допроса. Касательно Ивана Требинскаго присланъ былъ въ Переяславскую полковую канцелярію ордеръ: „нарядить нарочнаго сотника съ довольною командою и ко взятію вора и разбойника Ивана Требинскаго и помощниковъ его

приложить удобовозможныя мѣры, однако съ такою осторожностію, дабы при томъ какова кому-либо забойства не учинилось".

Кромѣ того, генеральный обозный Кочубей въ январѣ 1755 г. написалъ новосербскому командиру Хорвату о дѣяніяхъ вицекапрала Ивана Требинскаго, просилъ розыскать его и прислать въ полковую Лубенскую канцелярію для слѣдствія.

Во всѣ гусарскія и пандурскія роты Хорватъ разослалъ приказы, дабы разъѣздныя команды денно и нощно сыскивали вицекапрала Ивана Требинскаго.

Мармута и Рубанъ, у которыхъ еще не зажили раны и на тѣлѣ еще виднѣлись слѣды келеповъ, почувствовали нѣкоторое сердечное облегченіе, когда узнали о такихъ мѣропріятіяхъ. Они пріободрились и думали, что уже теперь гусаринъ Иванъ попадется въ руки правосудія, да и его брату Данилу не сдобровать; но надежды ихъ не сбылись

V.

Данило Требинскій, дабы выпутаться изъ бѣды, въ какую попалъ по милости братца, въ началѣ января полетѣлъ въ Глуховъ и явился въ Генеральную войсковую канцелярію. Здѣсь онъ противъ доношенія атамана Рубана подалъ письменное объясненіе.

Въ объясненіи Данило показывалъ, „что онъ родного брата своего, Ивана Требинскаго, невиновнаго ни въ чемъ, защищалъ отъ наглой смерти"; что Рубанъ и Мармута „самоизвольно и по какой-либо злобѣ учинили нападеніе на хуторъ реченнаго брата; въ тотъ хуторъ они привезли куфу большую горячаго вина, пьянствовали тамъ и безчинствовали: тамошнихъ обывателей многихъ били до полусмерти, а женъ тамошнихъ такъ тиранско мучили, что иныя, будучи уже въ крайнемъ беремени, тогдажъ мертвыхъ дѣтей порожали; козаки такъ нещадно били келепами брата Ивана, что онъ, прибѣжавъ въ его дворъ, „упалъ съ лошадѣ место мертваго"; что онъ, Данило, того брата своего Ивана не яко вора, но яко брата своего родного и шляхтича, „осѣдлость имѣющаго, а въ злыхъ учин-

кахъ правомъ не переконанного“, взять козакамъ не допустилъ и приказалъ прогнать козаковъ отъ двора своего; а трехъ съ нихъ, Мармуту, Яременка и Сезоненка, пьяныхъ, задержалъ въ домѣ своемъ, давъ имъ дозволеніе, буди подзоръ на домъ его въ чемъ имѣютъ, оной трусить; но они того не похотѣли; оныхъ-же козаковъ онъ прислалъ въ полковую Лубенскую канцелярію съ прошеніемъ, дабы ихъ тамо допрошено было, почему они съ Рубаномъ таковые чинятъ наизды“.

Такому показанію, конечно, нельзя было давать вѣры; но Иванъ Туранскій и нѣкоторыя особы судейскаго пантеона, коихъ Данило изрядно угостилъ, такъ посодѣйствовали, что Данило возвратился домой, преисполненный самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, и уже по этому дѣлу въ Глуховъ не ѣздилъ: судъ не безпокоилъ его.

VI.

Тогда какъ Д. Требинскій поспѣшилъ на выправку въ Генеральный судъ, его братецъ Иванъ послѣдовалъ иной тактикѣ: дабы избѣжать всякихъ слѣдствій и суда, онъ еще въ декабрѣ удралъ въ польскую область.

Прошатавшись здѣсь болѣе мѣсяца, въ январѣ 1755 г. явился гусаринъ Иванъ въ новую Сербію—и здѣсь былъ уловленъ.

Команда немедленно-же представила Гусарина Ивана Хорвату. Командиръ сначала сурово принялъ продерзостнаго вице-капрала: накричалъ на него и тюремнымъ заключеніемъ ему угрожалъ; но продерзостный Иванъ прикинулся такой лисичкой, изобразилъ изъ себя такого невиннаго страдальца; что Хорватъ понизилъ тонъ и сталъ выслушивать своего ягненка. Онъ командиру своему жалобно говорилъ, что на него, ни въ чемъ неповиннаго, ѣхавшаго въ Глуховъ, ирклѣевскіе козаки напали, письмо его, генералъ-маіора, порвали, нещадно били его келепами и стрѣляли по немъ, и убили бъ его въ смерть тѣ козаки, когдабъ не спасся онъ въ Плеховѣ у брата своего; и хуторъ его, вопилъ Ив. Тр—скій, тѣ козаки разорили, мно-

гихъ людей побили въ смерть, многихъ людей съ собою забрали, остальныхъ поразгоняли, жонокъ и дѣвокъ блудомъ осквернили, имущество его и обывательское забрали; а его, Ивана, всюду искали, чтобъ убить его,—и онъ де все оттого скрывался, боясь тѣхъ козаковъ, чтобы они смерти его не предали.

Выслушавъ такіе ужасы, Хорватъ немало удивился,—его чрезвычайно заняло и даже покоробило, что какъ это козаки подстерегли такого храбраго, силача и мастера на всякія продерзости. И потому, удивленный Хорватъ немедленно исполнилъ просьбу Кочубея: на другой день, 20 января, вицекапралъ Ив. Тр—скій былъ отправленъ „россійскою стороною“ въ полковой Лубенскій судъ *ко очищенію* на время въ конвоѣ одного капрала и двухъ человѣкъ гусаръ.

Ивана Тр—скаго везутъ въ Лубны, а нарочный сотникъ Левицкій, по приказу переяславскаго полковника, является въ Чутовку съ довольною командою и надлежащимъ наставленіемъ; не нашедъ здѣсь надобной персоны, сотникъ прибылъ въ село Плеховъ. Д. Требинскаго не было дома, была дома только жена его; сотникъ требовалъ отъ жены, чтобъ она отдала ему подъ караулъ вора и разбойника Ивана Требинскаго и помощниковъ его; но оная объявила, что Ив. Тр—скій невѣдома куда бѣжалъ еще послѣ „происка“, учиненнаго 3 декабря атаманомъ Рубаномъ и его командою.

Такъ сотникъ Левицкій и возвратился восвояси безъ Ивана Требинскаго.

Капрала и двухъ гусаровъ, ведшихъ Ивана Требинскаго въ Лубны, тоже постигла неудача. Съ этимъ конвоемъ совершился отмѣнный казусъ. Конвойные, капралъ и два гусара, не знали „россійской дороги“ въ Лубны, ѣхали они на двухъ саняхъ Ивана Тр—скаго и съ двумя служителями его. Этими обстоятельствами какъ нельзя лучше воспользовался лукавый Иванъ. Онъ направилъ капрала на ту дорогу, которая вела въ польскій городъ Чигиринъ. Капралъ прослѣдовалъ съ плѣнникомъ своимъ чрезъ Чигиринъ. Выѣхавъ изъ города, конвойные послѣдовали коварному совѣту вицекапрала—ударились степью

по одной изъ глухихъ и малопроѣзжихъ дорожекъ,—по этому пути, говорилъ онъ, скорѣе *достанемось* въ Лубны.

Ходко катили двое саней по скользкой дорогѣ степной; съ трепетомъ выжидалъ Иванъ момента, когда можно будетъ улизнуть отъ несноснаго капрала и его команды. Онъ не разъ рыскалъ по этой степи—и зналъ въ ней каждый овражекъ и бугорокъ, за которыми теперь такъ зорко слѣдилъ.

Путники, проѣхавъ степью верстъ пятнадцать, быстро подкатывали къ желанному для узника мѣсту: то былъ глубокій оврагъ. Требинскій искусно выполнилъ свой злой умыселъ: когда подъѣхали къ оврагу, онъ приказалъ служителю своему держать заднія сани, на коихъ были два гусара, „дабы оные сани не набѣгли и чрезъ то поломки не учинилось“; заднія сани пріудержаны; въ то время переднія сани быстро спустились внизъ, и теперь самъ капралъ очутился въ западнѣ. Съ нимъ тутъ уже не поцеремонились: какъ только съѣхали въ ту долину, то служитель Ивана Тр—скаго, правившій лошадьми, ухватилъ реченнаго капрала за руку, а онъ, Иванъ Тр—скій, за горло—и связавъ капрала, выбросили его изъ саней. Гусары, замѣтивъ такую расправу съ ихнимъ командиромъ, пустились съ горы во всю прыть; но едва они подскочили къ мѣсту расправы, какъ тотчасъ Требинскій одного изъ нихъ ударилъ саблей—и тотъ упалъ, а самъ вскочилъ въ сани, по лошадямъ—и былъ таковъ! Гусары пустились въ догонку за вицекапраломъ; но онъ вихремъ мчался на своихъ коняхъ да еще и дразнилъ одураченныхъ конвойныхъ: по временамъ останавливался, приглашалъ ихъ къ себѣ, махая саблей и ругаясь. Долго гусары гнались за вицекапраломъ — но имъ оставалось только любоваться, какъ онъ исчезалъ въ далекой степной синевѣ. Капралъ въ-точности отрапортовалъ Хорвату о побѣгѣ вицекапрала Ив. Тр—скаго, а Хорватъ сообщилъ объ этомъ генеральному обозному Кочубею и просилъ „приказать о присматриваніи и поимкѣ онаго Требинскаго во всѣ малороссійскія мѣста; и если онъ гдѣ будетъ сысканъ и пойманъ, то чтобы для дѣла о разбойномъ нападеніи на домъ козака Мармуты представленъ былъ подъ карауломъ въ полковой лубенскій судъ, а по окон-

чаніи суда и къ нему, Хорвату, присланъ былъ-бы за крѣпкимъ конвоемъ".

О томъ же самомъ *съ пристойностію* писалъ Хорватъ въ полки Лубенскій и Переяславскій. Переяславская канцелярія послала во всѣ сотни своего полка предложенія „о пересматриваніи и поимкѣ вора и разбойника Ивана Требинскаго"; въ полковыя канцеляріи отправлены промеморіи касательно этой поимки, а въ генеральную войсковую канцелярію *въ покорности* рапортовали о сдѣланныхъ мѣропріятіяхъ. Для бóльшаго успѣха въ „пересматриваніи" за Ив. Требинскимъ, были прописаны въ предложеніяхъ и промеморіяхъ примѣты его: „оный Иванъ Тр—скій росту великаго, лица продолговатаго, таранковатъ (рябоватъ) мало, очей черныхъ, волоса темнорусые въ косѣ, говоритъ съ-сербска громко".

Войсковая генеральная канцелярія въ свою очередь разослала ордеры во всѣ полковыя канцеляріи; „дабы приличившагося къ разбою и воровству новой Сербіи гусара Ивана Требинскаго по описаннымъ на немъ примѣтамъ сыскивать, и будибъ оной могъ гдѣ сысканъ и пойманъ, то онаго въ ручныхъ и ножныхъ колодцахъ подъ крѣпкимъ карауломъ отправить въ полковую переяславскую канцелярію къ производимому надъ нимъ и другими слѣдствію".

Малороссійскія полковыя канцеляріи отправили сотникамъ предложенія о сыскиваніи и поимкѣ приличившагося къ воровству и разбою гусара Ивана Требинскаго.

Такимъ образомъ вѣсть о продерзостныхъ дѣяніяхъ Ивана Тр—скаго облетѣла по всей Малороссіи. Немало дивились дѣламъ, которыя совершилъ этотъ сербинъ. Кромѣ того, ходило много суевѣрныхъ толковъ объ этомъ сербинѣ: говорили, что онъ колдунъ, знается съ вѣдьмами и чертями, коимъ продалъ душу свою, потому и *куля* его не беретъ; простодушно вѣрили, что Иванъ Тр—скій бѣгаетъ по степямъ волкомъ или въ видѣ клубка катается; ходила также молва, что онъ чернокнижникъ. Многіе, особенно „письменные", увѣряли, что Иванъ Тр—скій

знаетъ черную магію, каковой обучался въ Австріи у одного монаха--капуцина, и потому онъ мастеръ на всякія чудодѣйственныя штуки.

VII.

Толки объ Иванѣ Требинскомъ въ разныхъ концахъ Малороссіи все болѣе и болѣе возрастали и уснащались вымыслами; они тѣмъ болѣе не прекращались и имъ тѣмъ болѣе вѣрили, что страшилище это нигдѣ не отыскивалось—ни въ новой Сербіи, ни на Украинѣ. А вѣдь сотенныя канцеляріи усердно чинили розысканія: искали буйнаго удальца по глухимъ зимовникамъ, рыскали разъѣздныя команды по балкамъ, лѣсамъ и камышамъ, распрашивали о „таранковатомъ“ гусаринѣ путниковъ; но нигдѣ не находили его, ни отъ кого не получали вѣстей о немъ; онъ, какъ дымъ—какъ вихрь, исчезъ; онъ гдѣ то гуляетъ среди отчаянныхъ головъ—такихъ же, какъ и самъ. Его чутовскіе друзья-пріятели тоже были въ бѣгахъ, и лишь весьма немногіе раздѣлывались за злодѣянія свои и державца своего; то были Василь Литвиненко и Иванъ Шкуренко—завзятые бродяги, побывавшіе въ молдавской землѣ, исколесившіе украинскія степи, лѣса и байраки, гулявшіе въ польскихъ областяхъ и послѣ цѣлаго ряда грабежей нашедшіе пріютъ у Ивана Требинскаго.

Прежде всего не повезло Василію. Въ одной корчмѣ, маячившей среди поля при дорогѣ, схваченъ былъ Литвиненко въ то самое время, когда его ватажокъ такъ побѣдоносно управился съ конвоемъ. Частенько заскакивалъ Василь въ эту корчму: здѣсь онъ выпивалъ и любезничалъ съ молодой шинкаркой—еврейкой. И вотъ въ одинъ изъ такихъ заскоковъ безшабашная голова, разгоряченная виномъ и ласками черноокой красавицы, нежданно-негаданно была застигнута разъѣздною командою. Схваченный у шинкарки, бродяга былъ доставленъ въ сотенную ирклѣевскую канцелярію, и здѣсь былъ опознанъ, какъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ, которыхъ поймала было команда въ Чутовкѣ.

Василь Литвиненко сначала запирался: говорилъ, что онъ ничего не вѣдаетъ, на разбоѣ никогда не былъ; но на очной ставкѣ сознался, что разбой у Мармуты чинилъ Иванъ Тр—скій обще съ нимъ—Литвиненкомъ да служителями своими, коихъ всѣхъ точно и по примѣтамъ показалъ.

Заковали Василя въ ручныя и ножныя колодки и отправили въ Переяславль, а отсюда по снятіи допроса въ Глуховъ. Сидѣлъ теперь Василій одинокій въ тюрьмѣ, пригорюнившись и все думая про свою удалую жизнь—полную приключеній: мерещились ему степи раздольныя и лѣса дремучіе, вспоминались товарищи, гуляющіе гдѣто тамъ на раздольи, и лукавая шинкарка, обольстившая козака своими черными огненными очами,—и не одна слеза покатилась изъ глазъ узника; но это были слезы не раскаянія, а тоски: это были слезы буйной силы, рвавшейся на свободу для разгульной жизни. Но вотъ Василю предоставлено было нѣкоторое развлеченіе: онъ могъ поразмять свои члены, повидать людей и подышать свѣжимъ воздухомъ,—его повели въ генеральную канцелярію на допросъ. И здѣсь Литвиненко показалъ съ полною откровенностію тоже, что въ Ирклѣевской и переяславской канцеляріяхъ. Такою откровенностію онъ, быть можетъ, думалъ купить себѣ хотя въ будущемъ свободу, а теперь избавить себя отъ пытки, но ошибся: судьи были буквоѣды и въ данномъ случаѣ строгіе и неуклонные исполнители предначертаній закона; имъ недостаточно было одного добросовѣстнаго показанія; по закону требовалось учинить вторичный допросъ, совершивъ при немъ пытку. А потому изъ острога еще разъ привели Василя Литвиненка и учинили ему *допросъ съ пыткою*: палачъ угощалъ его кнутомъ, а судьи допекали вопросами; но кнутъ ничего не прибавилъ къ тому, что говорилъ Василь на первомъ допросѣ.

Въ допросныхъ и пыточныхъ рѣчахъ Василь Литвиненко показалъ: „прошедшаго 1854 году, 17 ноября, ночью, Иванъ Требинскій собралъ служителей своихъ восемь человѣкъ—въ томъ числѣ и его Литвиненка, и ѣздилъ вмѣстѣ съ ними при ружьяхъ, списахъ и обухахъ до Михайла Мармуты въ домъ его, въ селѣ Каневцахъ состоящій; въ томъ домѣ напали они

ночью на Мармуту спавшаго, и перевязавъ его, Мармуту, такожъ жену и служителей его, заграбили у него разное имущество, и оное привезши въ хуторъ Ивана Тр—скаго Иржавскій— схоронили". Затѣмъ Василій точно и по примѣтамъ показалъ всѣхъ участниковъ сего разбоя.

Когда исполосовали Литвиненку спину, и раны зіяли и кровь струилась, тогда только судьи удовольствовались пыточными рѣчами колодника и отправили его въ острогъ на сидѣнье.

Послѣ кнутобитія Литвиненко утѣшалъ себя мыслью, что его уже не будутъ допрашивать; но напрасно онъ такъ думалъ: ему еще пришлось вѣдаться съ кнутомъ.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ такого допроса привели въ острогъ колодника Шкуренка Ивана. Этотъ пособникъ Ивана Требинскаго, проживъ зиму у новосербскаго панка Булацеля, вздумалъ понавѣдаться въ Чутовку.

Генеральная войсковая канцелярія немедленно же взялась за Шкуренка: съ нимъ было продѣлано то же, что и съ Литвиненкомъ. Но Иванъ Шкуренко показалъ совсѣмъ не то, чего ожидали судьи. „На веснѣ прошлаго 1754 году,—сознавался Шкуренко,—Иванъ Требинскій отправилъ его, Литвиненка и прочихъ служителей въ Кіевъ для покупки сосновыхъ колодъ; на пути до Кіева, не доходя м. Яготина, Литвиненко говорилъ ему, Шкуренку, и товарищамъ, будто Ив. Требинскій отправилъ ихъ не для покупки сосновыхъ колодъ, но ради грабительства въ польскую область; по приходѣ въ Кіевъ были они здѣсь два дня, шлялись по городу и за городомъ; и въ бытность ихъ за городомъ Кіевомъ въ лѣсу, находящемся при урочищѣ Либеди, Литвиненко говорилъ ему, Шкуренку, и прочимъ, чтобъ они шли съ нимъ въ польскую область на разбой, сказывая, что они для того и посланы, почему они на разбой въ Польшу и ходили, а въ грабежѣ и разбоѣ дому казака Мармуты онъ, Шкуренко, участія не принималъ и ничего о томъ не знаетъ".

Судьи заинтересовались открытіями Шкуренка и на слѣдующій день поставили его глазъ на глазъ съ Литвиненкомъ. И на

очной ставкѣ Шкуренко отрицался отъ разбоя дома Мармуты; Литвиненко же отрицался отъ хожденія въ Польшу на разбой. Тогда начали нещадно бить обоихъ; но колодники теперь ничего не говорили: сколько ни силились судьи вызвать ихъ на отвѣтъ, отвѣтомъ были свистъ бичей да глухіе прерывистые стоны пытаемыхъ. Тѣмъ и закончилось слѣдствіе, что Литвиненка да Шкуренка до полусмерти отстегали батожьемъ. По дѣлу о разбоѣ дома Мармуты ничего болѣе не предпринимали генеральная канцелярія и генеральный судъ: ожидали той поры, когда поймается и будетъ явленъ въ судъ самъ ватажекъ Иванъ Требинскій.

А. Полницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)[1].

ГЛАВА 4-я.

Въ концѣ 1813 года, когда Совѣтъ началъ изыскивать мѣры „противъ дальнѣйшаго увеличенія недоимокъ и ко взысканію прежнихъ", губернаторомъ И. И. Бахтинымъ было получено изъ министерства полиціи отъ Главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязьмитинова предписаніе: доставить въ министерство свѣдѣнія о дѣлахъ Харьковскаго Общества благотворенія, о которомъ министерство полиціи не имѣло никакихъ свѣдѣній съ самаго учрежденія устава Общества. Письмомъ на имя А. Ф. Квитки губернаторъ просилъ исполнить требованіе министерства полиціи. Тогда уже совѣтъ рѣшилъ, представивъ отчетъ, обратить вниманіе Министерства на неаккуратныхъ плательщиковъ и вмѣстѣ просить губернатора о предписаніи земскимъ судамъ помогать корреспондентамъ Общества при взысканіи недоимокъ[2]). Затѣмъ было составлено правителемъ дѣлъ циркулярное предложеніе неаккуратнымъ членамъ Общества о скорѣйшей уплатѣ недоимокъ. Черновая этого предложенія, писанная рукою Квитки, много разъ перечеркнутая и закапанная

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 5.

[2]) А такихъ неплательщиковъ, какъ видно изъ отчета, къ концу 1814 года было уже 141, да отказавшихся отъ всякаго участія въ дѣлахъ Общества—6.

чернилами, ясно свидѣтельствуетъ о состояніи духа до тѣхъ поръ аккуратнѣйшаго правителя дѣлъ. Вотъ она дословно. „28-ю статьею Высочайше утвержденныхъ правилъ Общества, возложено на Совѣтъ представлять ежегодно публикѣ отчетъ въ дѣлахъ своихъ и о состояніи суммы, ему ввѣренной. Въ отчетѣ сего года недоимка на г. г. членахъ показана болѣе 7000 руб.[1]). Отчетъ сей, по правиламъ Общества, долженъ быть напечатанъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, а вслѣдствіе предписанія начальства, въ свое время представленъ министерству полиціи, при чемъ должно быть подробно выяснено состояніе благотворительныхъ заведеній Общества, указаны средства распространить оныя для общей пользы и причины невозможности содержать оныя. Главнымъ же препятствіемъ довести устроенныя заведенія до предложенной цѣли, учредить новыя, правилами предписанныя[2]), и вспомоществовать несчастнымъ—служитъ неисправный взносъ подписанной суммы нѣкоторыми членами, въ числѣ которыхъ и на Васъ почитается недоимка. Совѣтъ покорнѣйше проситъ Васъ не замедлить доставленіемъ слѣдуемыхъ съ Васъ денегъ и впредь проситъ взносить никакъ не позже 1-го генваря каждаго года, или неугодно ли будетъ Вамъ разъ на всегда внести капиталъ, проценты съ котораго равнялись бы Вашему ежегодному взносу, за что Совѣтъ не замедлитъ признать Васъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ и доставитъ Вамъ на званіе это установленный дипломъ".—„Многіе изъ г. г. корреспондентовъ извѣстили Совѣтъ, что на многократныя ихъ напоминанія о платежѣ суммы не получаютъ они никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ неплатящихъ членовъ, почему Совѣтъ и рѣшилъ отнестись къ Вамъ непосредственно и просить отъ Васъ увѣдомленія, угодно ли Вамъ, заплатя числящуюся на Васъ недоимку, и впредь вносить подписанную Вами сумму, или по какимъ-нибудь обстоятельствамъ Вы не можете, или не желаете быть членомъ Общества благотворенія. Отвѣтъ на это Совѣтъ проситъ доставить ему никакъ не позже 1-го марта 1815 года. Неполученіе

---

[1]) См. ниже отчетъ 1814 года.

[2]) Подразумѣваются, вѣроятно, богадѣльни и пріюты.

отвѣта къ означенному сроку почтется за нежеланіе Ваше быть членомъ Общества, при чемъ Совѣтъ не замедлитъ отреченіе Ваше довести до свѣдѣнія Начальства и публики, но все же проситъ Васъ внести всю числящуюся на Васъ до сихъ поръ недоимку, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сложена съ Васъ, потому, во 1-хъ, что, надѣясь на исправный взносъ членами денегъ, всѣ смѣтныя деньги Совѣтъ распредѣлилъ уже соотвѣтственно правиламъ Общества, во вторыхъ, что въ недоимочномъ спискѣ, посланномъ высшему начальству, недоимка эта числится за Вами. Эта мѣра, предпринимаемая Совѣтомъ,— необходима. Заведенія Общества, по мѣрѣ возможности, уже достигаютъ своей цѣли. Но никакія старанія, никакія усилія не въ состояніи будутъ удержать ихъ даже въ теперешнемъ видѣ, если сумма къ тому будетъ недостаточна, или несвоевременно вносима. Недостатокъ денегъ, все возростая, можетъ довести Общество до послѣдней крайности: закрыть учрежденныя имъ благотворительныя заведенія, уничтожить и самое Общество, учрежденное по мысли Человѣколюбиваго Монарха, принявшаго оное при самомъ его рожденіи такъ благосклонно[1]). Неужели Совѣтъ, по Высочайшему соизволенію управляющій дѣлами Общества, представитель его нуждъ передъ правительствомъ, увидитъ себя въ горестной необходимости донести оному, что Августѣйшая воля призирать бѣдныхъ слабо исполняется дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи! Но Совѣтъ не дерзаетъ и помыслить, чтобы въ Обществѣ, столь знаменитомъ по источнику своему и цѣли, нашелся кто-либо изъ членовъ, дерзнувшій сказать, что онъ не желаетъ болѣе благотворить нещастнымъ братіямъ своимъ[2]) и отвергаетъ Высочайшее благоволеніе обожаемаго Монарха, изліянное на него при изъявленіи только желанія вспомоществовать страждущимъ". Это

---

[1]) Дальше все зачеркнуто и неизвѣстною рукою написано: „не надо лучше" Но мы выписываемъ въ текстѣ и зачеркнутыя мѣста.

[2]) Василій Масловичъ, издавшій въ началѣ 1814 года свои „басни въ стихахъ", въ концѣ того же года написалъ свой „драматическій кантатъ Харьковскому благотворительному Обществу". Къ сожалѣнію, содержаніе его намъ не извѣстно, но вѣроятно, авторъ изображалъ въ немъ горестное положеніе Общества.

окончаніе, несомнѣнно нѣсколько превышавшее мѣру полномочій Совѣта и походившее на доносъ, конечно, никому не могло понравиться и было выпущено въ циркулярномъ предложеніи Совѣта, но оно свидѣтельствуетъ еще яснѣе, что положеніе дѣлъ Общества было поистинѣ критическое. Кругъ благотворительной дѣятельности Общества становился все шире[1]), а средства существовали больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Для доказательства только что сказаннаго, приведемъ еще 2 отчета Общества за 1814 и 1815 годы и для сравненія соединимъ ихъ въ одно цѣлое.

Число членовъ Общества продолжало увеличиваться за оба отчетные года: въ 1813 году членовъ было 215 человѣкъ, въ 1814—233 (3 умерло), изъ нихъ не взнесшихъ своевременно денегъ—141, отказавшихся отъ платы—6; въ 1815 году—261 членъ. Между прочимъ въ отчетѣ за 1815 годъ находится слѣдующее заявленіе Совѣта: „нѣкоторые изъ членовъ на требованіе отъ нихъ недоимки заявили, что они не желаютъ болѣе быть членами Общества благотворенія[2]), и потому просили объ исключеніи ихъ изъ списковъ, но какъ на вписаніе ихъ въ члены была у каждаго собственная воля, и всякій, кто дѣлалъ какія-либо пожертвованія единовременно, тогда же объяснялъ о томъ въ подпискѣ, на основаніи которой былъ составленъ списокъ и по напечатаніи доставленъ каждому члену, и не было ни отъ кого возраженія о неправильномъ включеніи въ число членовъ, то по прошествіи столь долгаго времени Совѣтъ и не смѣетъ ихъ исключить, а обязанъ будетъ, если не доставятся

[1]) Особенно по Черниговской губерніи, гдѣ и возрасло число членовъ Общества, но за то прибавилось и много бѣдныхъ, получавшихъ пособіе отъ Общества. См. отчеты.

[2]) Въ дѣлѣ Инст. Арх. № 24, „Объ отказавшихся членахъ“ находятся письма членовъ, отказавшихся въ 1815 году; изъ нихъ интересно письмо проф. Каменскаго, который, ссылаясь на то, что введенъ былъ въ заблужденіе бывшимъ ректоромъ Стойковичемъ, отказывался отъ ежегоднаго взноса, такъ какъ, подписывая 25 р., считалъ ихъ единовременнымъ взносомъ, кромѣ того Каменскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что нельзя богатыхъ помѣщиковъ и людей, живущихъ однимъ жалованіемъ, равнять между собою, а также (что важнѣе всего) нельзя заставить силою (принудительно) дѣлать добро. Если же Общество непремѣнно желаетъ получить свои деньги, пусть подастъ искъ на бывш. ректора Стойковича.

отъ нихъ къ исходу сего года всѣ недоимочныя деньги, донести о томъ министерству полиціи [1]), и имена ихъ сдѣлать извѣстными чрезъ вѣдомости". Едва ли таковая угроза по адресу неплательщиковъ, вѣроятно, присутствовавшихъ въ томъ собраніи, гдѣ торжественно читался отчетъ Общества, могла кому-либо понравиться. Среди дворянства слышалось все больше и больше

---

[1]) Эта угроза и была приведена въ исполненіе. Въ томъ же дѣлѣ (№ 1, в.) гдѣ находятся оба отчета, сохранились и двѣ черновыя донесеній Совѣта Общества Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, относящіяся къ 1815 году. Приводимъ ихъ въ извлеченіи. Первое, помѣченное Іюнемъ 1815 года, начинается заявленіемъ Совѣта, что вниманіе начальства ободрило Совѣтъ среди затрудненій и „обязало его всѣми способами стараться поставить на прочномъ основаніи всѣ учрежденныя уже благотворительныя заведенія, отъ коихъ польза становится съ каждымъ годомъ все ощутительнѣе для всего здѣшняго края". „Но при всемъ неослабномъ попеченіи своемъ Совѣтъ, не видя отъ нѣкоторыхъ членовъ никакого содѣйствія Обществу, столь милостиво принятому человѣколюбивымъ Монархомъ, и опасаясь разрушенія не только заведеній, но и самаго Общества, осмѣливается представить Вашему Высокопревосходительству всѣ подробности обстоятельствъ, потрясающихъ самое существованіе Общества". „При составленіи Общества всякій, желающій быть членомъ его, подписывалъ свое имя и назначаемую имъ сумму на объявленіи, (коего листъ при семъ къ Вашему Высокопревосходительству препровождается) и Совѣтъ, по смыслу 4-го пункта объявленій (ср. выше) считалъ таковыхъ членами какъ обязавшихся платить подписанную сумму ежегодно; нежелавшіе же быть членами означали при подпискѣ, что они означенную сумму вносятъ единовременно. Напечатанные списки членовъ препровождены каждому изъ нихъ, и Совѣтъ, получая ихъ взносы, въ квитанціяхъ именовалъ ихъ членами, на что никогда и ни отъ кого не было возраженія или отреченія отъ ежегоднаго взноса". Затѣмъ исчисляются благотворенія: единовременныя и постоянныя и издержки, которыя дѣлалъ Совѣтъ на содержаніе пансіонеровъ при гимназіи и институтѣ, и указывается полнѣйшая невозможность дальнѣйшаго существованія Общества вслѣдствіе неаккуратности плательщиковъ. Недоимка оказалась уже за первый годъ существованія Общества, но на 4-й она такъ возросла, что пришлось, „1-е, ограничить число воспитанниковъ при гимназіи, 2-е, прекратить выдачу назначенныхъ пожизненно пенсій и въ 3-хъ, пріостановить раздачу капитала подъ проценты и употребить изъ онаго значительную сумму на содержаніе воспитанницъ Института". Правда, многіе члены пополнили свои недоимки, но другіе вовсе отказались платить, и Совѣтъ, не имѣя права исключить ихъ изъ списка членовъ, проситъ Главнокомандующаго предписать губернатору всячески содѣйствовать Обществу, а Совѣту дозволить представить списки членовъ губернскому правленію для взысканія съ нихъ недоимки. Другое донесеніе касается больше Института; въ этомъ донесеніи Совѣтъ проситъ, чтобы губернатору было предписано убѣдить всѣми зависящими отъ него мѣрами гг. корреспондентовъ Общества точно исполнять свои обязанности, а вновь избранныхъ—не уклоняться отъ этой должности.

недовольныхъ голосовъ. Иные, какъ И. Н. Каразинъ, говорили, что Общество уклонилось отъ своихъ цѣлей, другіе, что добровольные взносы хотятъ обратить въ государственные налоги, третьи, наконецъ, подсмѣиваясь надъ неаккуратными, устрашали ихъ судомъ[1]). Да и въ самомъ дѣлѣ добровольныя пожертвованія дворянства, сдѣлавшись обязательными или лучше сказать принудительными, утрачивали свой первоначальный характеръ. Приходилось „творить добро“ по неволѣ, и съ этой стороны жалобы дворянства имѣли свои основанія. Поэтому намъ кажется несомнѣннымъ, что просвѣщенный и высокогуманный Императоръ Александръ I, если только до него доходили объ этомъ слухи (а они, несомнѣнно, могли дойти черезъ того же Главнокомандующаго Вязьмитинова), не могъ иначе взглянуть на дѣло, какъ неодобрительно. Чтобы убѣриться въ этомъ, стоитъ только припомнить себѣ его замѣчательный рескриптъ, данный въ 1801 году на имя Слободско-Украинскаго губернатора и призывавшій къ пожертвованіямъ дворянъ на устроеніе въ Харьковѣ кадетскаго корпуса. Этотъ рескриптъ цѣликомъ приводитъ въ своемъ трудѣ проф. Д. И. Багалѣй, но мы заимствуемъ здѣсь только окончаніе рескрипта, какъ наиболѣе характерное и интересное для нашей цѣли... „*При семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ сего дѣйствія, чтобъ удаленъ былъ отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягченіе государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія...*“ (Оп. Истор. Харьковск. Университета стр. 17—

[1]) Отказъ казначея А. И. Безрукова, получившаго увольненіе 27 Сентября 1813 г., и замѣна его Іоной Николаевичемъ Познанскимъ (см. дѣло И. Ар. № 1, и протоколъ засѣданія Совѣта 27 сентября 1813 года) доставили, повидимому, много новыхъ непріятностей Совѣту. Іона Николаевичъ Познанскій, человѣкъ, повидимому, очень неуживчивый, возненавидѣлъ Квитокъ и отомстилъ впослѣдствіи во время дворянскихъ выборовъ 1816 года доносомъ на Г. Ѳ., котораго дворянство избрало Харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства на мѣсто того же Познанскаго, коего злостная клевета вполнѣ опровергнута губернскимъ прокуроромъ. См. біографію Квитки, г. С. Р., стр. XX.

18). Такое же почти опредѣленное требованіе, чтобы пожертвованія всякаго рода были добровольными и необременительными, встрѣчаемъ въ другомъ рескриптѣ Императора, въ которомъ онъ благодаритъ Екатеринославское дворянство „за даръ" его Харьковскому Университету „довольно значащаго приношенія единственно отъ избытковъ ихъ" и т. д. Послѣ такого категорическаго заявленія самого „обожаемаго монарха", всякаго рода принудительныя раскладки, хотя бы съ самою возвышенною и благодѣтельною цѣлью, становились невозможны и нежелательны, и только отчаянное положеніе Общества могло заставить Совѣтъ забыть и о царской волѣ.

Не менѣе интересна и та часть отчетовъ, которая говоритъ о расходованіи суммы ежегодныхъ взносовъ. Отъ прошлаго 1813 года какимъ-то чудомъ въ кассѣ Общества оставалось еще 462 р. 50 коп. наличными, въ теченіе 1814 года взносовъ поступило 3,891 руб. 60 коп. Именитый членъ Пав. Григ. Демидовъ къ присылаемой ежегодно суммѣ въ 1000 рублей прибавилъ еще 1000 рублей съ особеннымъ назначеніемъ [1]). Сюда же присоединились: проценты съ капитала въ количествѣ 435 рублей и плата за своекоштныхъ институтокъ, достигшая въ 1814 году 1093 рублей.

Недоимки показаны въ отчетахъ такъ: за 1812 г.—475 р. за 1813 г.—1925 р., за 1814 г.—4825 р., а всего 7225 руб. Исключивъ изъ наличной суммы расходы по содержанію института (6348 руб. 19 коп.), питомцевъ при гимназіи (1115 руб.), мы видимъ, что ея не хватаетъ не только на раздачу пенсій и пособій, но и на текущіе расходы по институту, поэтому уже въ 1814 году пришлось взять *заимообразно* изъ капитальной суммы 1336 руб. Изъ этой суммы на раздачу пенсій было издержано 192 руб. 50 коп. и только 25 руб. на единовременныя пособія. Даже, если присоеденить сюда 40 руб., издержанные на отправленіе въ военную службу воспитанника общества, и 100 руб. на канцелярію, всего получится 353 руб. 50 коп. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ отчетномъ году дѣ-

[1]) На содержаніе одной воспитанницы въ институтѣ и одного воспитанника при гимназіи имени Демидова.

ятельность общества мало по малу сосредоточилась исключительно на воспитаніи и обученіи бѣдныхъ дѣтей.

Еще рельефнѣе выступаетъ это направленіе дѣятельности общества въ отчетѣ 1815 года. Въ самомъ началѣ этого года совѣтъ разсылаетъ всѣмъ своимъ уѣзднымъ корреспондентамъ слѣдующее заявленіе. „Въ засѣданіи своемъ 30 декабря 1814 года совѣтъ, разсмотрѣвъ записки о поступленіи и расходованіи суммъ общества, нашелъ, что смѣта расходовъ много превышаетъ сумму, поступающую *ежегодно* отъ гг. членовъ, и что, за недостаткомъ ея, употреблена на расходы значительная часть капитала, котораго, при неисправномъ взносѣ ежегодной суммы гг. членами и по причинѣ увеличенія расходовъ на содержаніе заведеній общества, пополнить невозможно; вслѣдствіе сего, опасаясь полнаго истощенія капитала, совѣтъ рѣшилъ съ 1 января сего 1815 года пріостановить выдачу уже назначенныхъ пенсій, а вновь поступающія просьбы о пособіяхъ оставить безъ разсмотрѣнія до того времени, когда сумма общества будетъ достаточна для возмѣщенія издержанной части капитала и вмѣстѣ для безбѣднаго существованія воспитанниковъ и воспитанницъ общества". Затѣмъ въ отчетахъ общества за этотъ годъ мы находимъ еще „ежемѣсячныя вѣдомости" о движеніи суммъ общества. Намъ кажется, что появленіе этихъ „вѣдомостей" объясняется, съ одной стороны, самымъ усложненіемъ отчетности (вмѣстѣ съ расширеніемъ института), съ другой, большую детальность отчетовъ за это время можно объяснить желаніемъ Г. Ѳ. имѣть во всякое время подъ руками оправдательные документы въ правильности расходованія суммъ. Вѣроятно, уже въ концѣ 1813 года начались какія-то размолвки, затѣмъ вспыхнула открытая ссора съ членомъ совѣта и казначеемъ І. Н. Познанскимъ [1]) (которому назначенъ былъ въ помощники кол. асс. Басанскій). Тогда въ обществѣ могли распространиться

[1]) Въ февралѣ 1814 года на общихъ дворянскихъ выборахъ избраны предсѣдателемъ совѣта А. Ѳ. Квитка; членами: П. Я. Любовниковъ, А. И. Шредеръ, Г. Ѳ. Квитка и казначеемъ И. Г. Басанскій. Слѣдовательно І. Н. Познанскій уже разсорился въ то время съ Квитками. Вѣроятно А. Ѳ. и былъ виновникомъ его удаленія.

какія-либо инсинуаціи, бросавшія тѣнь и на правителя дѣлъ. Вотъ вѣроятныя причины появленія при оффиціальныхъ отчетахъ и „ежемѣсячныхъ вѣдомостей". Въ этихъ „вѣдомостяхъ" насъ прежде всего поражаетъ крайняя незначительность наличной суммы къ началу каждаго отчетнаго мѣсяца [1]), затѣмъ почти полное отсутствіе единовременныхъ пособій (для которыхъ нѣтъ даже особой графы въ вѣдомостяхъ) и, наконецъ, частыя заимствованія изъ капитальной суммы (напр. на починку дома для института казначеемъ И. Г. Басанскимъ было издержано изъ капитала 683 руб.) и постоянное возростаніе издержекъ на содержаніе института. Годовой отчетъ констатируетъ все это еще яснѣе. Правда, наличная ежегодная сумма доходила до 7647 руб. 35 коп., но издержки по воспитанію юношей (1030 р.) и особенно на институтъ (8387 руб. 51 коп.) такъ возросли, что совѣтъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ отказывать просителямъ не только въ единовременныхъ пособіяхъ, но и въ пенсіяхъ, которыя были бы вовсе прекращены, если-бы благодѣтель общества П. Г. Демидовъ, кромѣ 1000 руб. ежегодныхъ и 500 руб. въ капиталъ,—не прислалъ еще 300 руб. спеціально *для раздачи бѣднымъ*, но изъ этой суммы единовременно выдано было только 60 руб., а остальныя деньги выданы пансіонерамъ. Не много выдавали пособій и корреспонденты другихъ губерній. Черниговскій корреспондентъ Бажановъ, увеличившій доходы общества на 2000 рублей и привлекшій много членовъ, роздалъ всего 75 руб.; Тобольскій корреспондентъ фонъ-Креммеръ собралъ для общества и выдалъ бѣднымъ 100 руб. Изъ отчета Креммера, между прочимъ, видно, что Тюменьскій исправникъ Лунгъ заявилъ о пожертвованіи 38 руб. для раздачи бѣднымъ *нѣкоторыми крестьянами* того уѣзда, чему составитель отчета придаетъ не малое значеніе [2]). Причиною такого

[1]) Къ 1-му января 1815 года на лицо состояло 25 рублей, къ 1-му февраля—30 руб., къ 1-му марта—63 руб., къ 1-му мая—*наличной суммы не было вовсе*, къ 1-му іюня было уже 107 руб. 40 коп., къ 1-му іюля—75 коп., къ 1-му сентабря 3 руб. 15 коп. и т. д. Послѣ этого понятны отчаянные вопли совѣта и настойчивое требованіе уплаты недоимокъ.

[2]) „Даже въ столь отдаленномъ краѣ нашего отечества, зная благія намѣренія нашего общества, и простой человѣкъ спѣшитъ участвовать въ подаяніи братіямъ

уменьшенія благодѣяній несчастнымъ совѣтъ считаетъ, главнымъ образомъ, недоимки, хотя сумма ихъ, въ 1814 году доходившая, какъ мы видѣли, до 7225 руб. въ отчетномъ году, „благодаря усердному содѣйствію гг. корреспондентовъ“, была уже много меньше: всего 2475 руб. Капиталъ въ 1815 году возросъ до 16619 руб. 74 коп. Изъ него роздано заимообразно 11536 руб. и взято въ расходъ на содержаніе института 3219 рублей. Здѣсь также указаны пожертвованія въ пользу общества *вещами* (холстъ, полотно и платки), предназнаемыми для воспитанницъ института [1]). Наконецъ къ отчету на 1815 годъ при-

своимъ, дѣлая сіе съ вѣрою, что и малая чаша воды, поданная жаждущему, не останется безъ награды отъ Мздовоздателя“. (ibidem, eodem loco). Зная, какіе практиковались еще въ сравнительно недавнее время поборы среди жителей отдаленной Сибири изобрѣтательными исправниками, какъ-то не вѣрится въ то, чтобы это пожертвованіе было сдѣлано добровольно и сознательно.

[1]) Кромѣ пожертвованій, въ 1817 году совѣтъ издалъ въ свѣтъ „сочиненія“ (стихотворенія и разсказы) мѣстной поэтессы Любови Кричевской, подъ заглавіемъ „Мои свободныя минуты“. Кричевская долго сотрудничала въ мѣстномъ журналѣ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и была очень польщена этимъ изданіемъ, какъ видно изъ объявленія о подпискѣ на ея сочиненія, составленнаго, вѣроятно, Г. Ѳ. Квиткою. „При составленіи стиховъ Кричевская была руководима, говорится въ объявленіи, всегда собственнымъ чувствомъ; у ней нѣтъ ничего заимствованнаго, кромѣ нѣсколькихъ подражаній. Сіи чистыя произведенія своего таланта почтеннѣйшая писательница желаетъ увѣнчать еще добрымъ дѣломъ, принося плоды своихъ занятій въ даръ харьковскому Институту общества благотворенія“. Вотъ собственныя слова ея, въ которыхъ она простосердечно заявляетъ читателямъ „о средствахъ и намѣреніи своемъ“. „Говорятъ, что признательность есть знакъ добраго сердца, какое пріятное замѣчаніе для меня. Желая удержать довѣренность своего читателя, я со всею признательностью являюсь передъ нимъ въ ту минуту, когда онъ беретъ мою книгу въ руки, надѣясь провести хоть одинъ часъ съ удовольствіемъ... Не науки и познанія настраивали мою лиру: даже сіе самое обыкновенное выраженіе *я училась на мѣдныя деньги* не идетъ ко мнѣ, ибо я и ни на какія не училась. Сокращенный катехизисъ, преподанный мнѣ нѣжной, доброю матерью, составлялъ всѣ мои науки“... „И такъ, почтенный читатель, я не обѣщаю тебѣ ничего своими Свободными минутами“: не для славы издаю ихъ; чувство гораздо возвышеннѣе побудило меня къ тому—надежда сколько-нибудь способствовать почтеннѣйшей публикѣ имѣть новыя благодѣянія на сиротъ, призрѣнныхъ харьковскимъ обществомъ благотворенія, которому сердце мое съ восторгомъ посвящаетъ сіи слабые труды“ „Чувствительныя сердца, подивитесь моей хитрости: я нашла способъ быть читаемой вами! Кто изъ васъ откажется быть благодѣтелемъ нуждающемуся человѣчеству? Ахъ сколь благословенна та минута, въ которую я перенесла свое перо отъ расходной книги на эту тетрадь“. Стихи Кричевской раскупились довольно бойко благотворителями: въ первый же годъ ихъ разошлось около 100 экземпляровъ,

ложены были, въ видѣ особой записки, еще слѣдующіе пункты, подлежавшіе разсмотрѣнію общаго собранія членовъ. 1) „Другой уже годъ совѣтъ не имѣетъ предсѣдателя, почему почтеннѣйшее собраніе общества приглашаетъ приступить къ избранію его“. Этотъ пунктъ, за отсутствіемъ другихъ документальныхъ данныхъ, представляется намъ нѣсколько непонятнымъ. Въ дѣлѣ № 2 Ин. Арх. („Объ открытіи совѣта и объ избраніи членовъ его съ 1812 по 1815 гг. на 95 *листахъ*), гдѣ, повидимому, всѣ листы сохранились, мы нашли листъ (84-й) съ именами лицъ, избранныхъ въ общемъ собраніи членовъ 1 февраля 1814 года на слѣдующее трехлѣтіе (1814—1817). Предсѣдателемъ совѣта по прежнему избранъ А. Ѳ. Квитка, кандидатомъ къ нему—(онъ же старшій членъ совѣта), вице-губернаторъ Василій Гавриловичъ Муратовъ, 2-й членъ совѣта: П. Я. Любовниковъ. Кандидаты въ члены: директоръ гимназіи А. И. Шредеръ и А. И. Безруковъ, правитель дѣлъ Г. Ѳ. Квитка и казначей—И. Г. Басанскій. (Познанскаго уже нѣтъ въ числѣ членовъ). Вскорѣ послѣ этого, именно 17 февраля того же года А. Ѳ. Квитка отправился во главѣ дворянской депутаціи съ поздравленіемъ къ Императору (по случаю благополучнаго окончанія войны), но ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на выходъ его въ отставку. Можно только предполагать, что, вѣроятно, вышли какія-то недоразумѣнія между предсѣдателемъ совѣта, словесно отказавшимся отъ участія въ дѣлахъ общества, и кѣмъ-либо изъ бывшихъ или вновь избранныхъ членовъ совѣта, но тогда ли именно произошла указанная нами выше ссора между А. Ѳ. Квиткой и І. Н. Познанскимъ [1]) и было ли временное удаленіе предсѣдателя

---

[1]) Если мы рѣшаемся утверждать, что ссора произошла между А. Ѳ. и Познанскимъ (а не между послѣднимъ и Г. Ѳ.), то основываемся, во 1-хъ на внезапномъ удаленіи А. Ѳ. отъ должности предсѣдателя, во 2-хъ, на извѣстномъ всѣмъ миролюбивомъ характерѣ Гр. Ѳед., хотя месть Познанскаго и обратилась именно на этого послѣдняго. Но намъ кажется, что Познанскій поступилъ такимъ образомъ потому, что не могъ повредить А. Ѳ. и обрушился на Г. Ѳ., котораго дворянство избрало вмѣсто него уѣзднымъ предводителемъ. Впрочемъ, при всемъ желаніи повредить Квиткѣ, онъ могъ придумать противъ его избранія предводителемъ только 2 главныхъ довода: 1) что онъ не имѣетъ офицерскаго чина и 2) что не обладалъ до-

только естественнымъ результатомъ этой ссоры или, наконецъ, просто его удерживала въ Петербургѣ необходимость дождаться возвращенія государя, мы этого не знаемъ. Вообще намъ кажется, что такая переписка, изъ которой можно было бы узнать подробности ссоры, врядъ ли могла сохраниться въ архивѣ, и если таинственная „салфетка съ письмами" и заключала какіе-либо матеріалы по этому вопросу, то, повидимому, она также таинственно исчезла изъ архива, еще въ то время, когда послѣ смерти предсѣдательницы общества благотворенія маіорши Настасьи Ник. Надаржинской (†25 іюля 1830 года), дѣла общества были переданы совѣту института мы пересмотрѣли всѣ описи дѣлъ института съ 1831 года, но нигдѣ не нашли ни малѣйшаго указанія даже на существованіе подобнаго хранили-

статочнымъ цензомъ, но то и другое опровергнуто дознаніемъ прокурора (см. Біогр. Квитки, С. Р. стр. XX). По поводу имущества Г. Ѳ. и его капитанскаго чина, вотъ что, между прочимъ, извѣстно благодаря новымъ изслѣдованіямъ; въ архивѣ харьковской духовной консисторіи почтенный протоіерей Н. Лащенко нашелъ всѣ документы, касающіеся поступленія Г. Ѳ. въ монастырь. Здѣсь, между прочимъ, Квитка говоритъ о себѣ, „что родился въ 1778 году, былъ въ военной службѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ *капитана* въ 1797 году (см. прошеніе его отъ 4 мая 1804 года). Затѣмъ интересно еще слѣдующее свидѣтельство, представленное въ консисторію родителями Квитки: „Мы ниже подписавшіеся, видѣвъ сына нашего отставного капитана Григорія предпринятое еще въ 1797 г. желаніе вступить въ монашество и доселѣ непримѣняемое, согласіе изъявляя, дозволили ему, сыну нашему, подать преосвященному Христофору, епископу слободско-украинскому и харьковскому, о такомъ его, сына нашего, намѣреніи прошеніе, въ чемъ свидѣтельствуя подписываемся съ приложеніемъ герба домашней нашей печати, кол. сов. и кав. Ѳедоръ Ив. сынъ Квитка, кол. совѣтница Марья Васильевна Квиткина; сему свидѣтельствуя, родной дядя его премьеръ-маіоръ Илья Ивановичъ Квитка руку приложилъ. Въ томъ же свидѣтельствую маіоръ Андрей Квитка". Этотъ документъ проливаетъ чрезвычайно много свѣта на семейныя отношенія Квитокъ. Г. Ѳ., уходя въ монашество, доставлялъ „кумиру семьи" Анд. Ѳеод. свою часть имѣнія болѣе, чѣмъ съ 300 душъ крестьянъ, и такимъ образомъ давалъ ему всѣ средства, необходимыя для поддержанія того блестящаго положенія, которое его ожидало. Но по возвращеніи изъ монастыря Г. Ѳ. не взялъ своей части имѣнія, получивъ только впослѣдствіи, чтобы имѣть необходимый цензъ на 80000 рублей векселей и очень небольшую часть имѣнія. Впослѣдствіи подъ старость уже, разстроивъ свои дѣла еще больше участіемъ въ расходахъ по дѣламъ института, Г. Ѳ. жилъ на Основѣ во флигелѣ, возлѣ дворца своего брата-сенатора и очень нуждался, какъ видно, между прочимъ, изъ постоянныхъ просьбъ его въ редакціи журналовъ, гдѣ печатались его сочиненія, о скорѣйшей присылкѣ гонорара. (Смотри біографію Квитки г-на С. Р. стр. XLII).

ща писемъ. Какъ бы то ни было, но это временное удаленіе А. Ѳ. отъ должности предсѣдателя *никогда не считалось за увольненіе его въ отставку*. Въ 5 части „Украинскаго Вѣстника“, за мартъ 1817 года [1]) (на стр. 357) читаемъ слѣдующее. „Для свѣдѣнія какъ гг. членовъ, въ разныхъ губерніяхъ жительствующимъ, такъ и другимъ особамъ, имѣющимъ какую либо надобность къ обществу благотворенія, объявляется, что членами въ совѣтъ на наступившее трехлѣтіе избраны: предсѣдателемъ губерн. предводитель дворянства Анд. Ѳед. Квитка *на третье уже трехлѣтіе;* [2])—*членами засѣдающими*: совѣстный судья Н. В. Лосевъ, полковникъ и кавалеръ Ал. Анд. Щербининъ, *по учебной части*—протоіерей Ал. Степановичъ Башинскій (о немъ ниже); *правителемъ дѣлъ* Предводитель дворянства харьковскаго уѣзда Григ. Ѳед. Квитка. Самые выборы сіи производились *особеннымъ порядкомъ*: каждый членъ общества писалъ тайно на особой бумагѣ, кого онъ и въ какой должности избираетъ; потомъ листы сіи вручены были г-ну Губернатору, какъ начальнику губерніи, и въ тоже время члену общества. Его превосходительство, сосчитавъ голоса, на кого сколько подано, объявилъ имена избранныхъ членовъ собранію“. Изъ этого объясненія можно заключить, что, во 1-хъ А. Ѳ. Квитка *никогда*, даже во время отсутствія, *выбывшимъ изъ общества не считался* [3]), во 2-хъ, что дѣйствительно противъ

---

[1]) Каждая *часть* „Украинскаго Вѣстника“ состояла изъ 3-хъ мѣсячныхъ книжекъ. Такимъ образомъ за 1816 годъ вышло 4 части, а 5-я часть 1817 года заключала въ себѣ январьскую, февральскую и мартовскую книжки.

[2]) Курсивъ нашъ. Мы нарочно подчеркиваемъ это слово, потому что, очевидно, Г. Ѳ. считаетъ *первымъ трехлѣтіемъ время между* 1812 и 1815 г. 2-мъ 1814—1817 и 3-мъ 1817—1820 годами. О томъ же Г. Ѳ. напечаталъ и въ „Харьковскихъ извѣстіяхъ“ (1817-й годъ, № 5): „Сего 27 января въ 6 часовъ вечера харьковское общество благотворенія имѣло свое собраніе въ домѣ г. совѣстнаго судьи Н. В. Лосева, гдѣ на основаніи 7 ст. Высоч. утв. правилъ избраны“... Далѣе перечислены тѣже лица, но съ прибавленіемъ: „казначеемъ Александръ Ермолаевичъ Мельгуновъ“.

[3]) Хотя нареканія несомнѣнно были и настолько сильно вліяли на Квитку, что онъ вскорѣ послѣ общаго собранія членовъ, на которомъ предложилъ избрать предсѣдателя вмѣсто отсутствовавшаго брата, обратился къ губернатору съ просьбою принять временно въ свое завѣдываніе всѣ дѣла общества, замѣняя такимъ об-

правильности прежнихъ выборовъ слышалось много возраженій, и потому то новые выборы происходили *особеннымъ порядкомъ* съ участіемъ губернатора, которое, по мнѣнію, совѣта, гарантировало его (совѣтъ) отъ нареканій на будущее время (замѣтимъ еще, что здѣсь же впервые упоминается отдѣльно *членъ по учебной части*). Остальные 4 пункта добавленій къ отчету 1815 года уже не ведутъ ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Итакъ, 1815 годъ начинается отказомъ Общества отъ выдачи пособій и кончается заявленіемъ о необходимости для Института стать подъ высочайшее покровительство, чтобы не прекратить свое существованіе, польза котораго, по словамъ отчета, уже „ощутительно для всѣхъ сказывается". Слѣдовательно этотъ годъ былъ однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ для Общества. Тѣмъ не менѣе правитель дѣлъ все еще лелѣетъ себя надеждою, что ему удастся пробудить общественную благотворительность своими искусно составленными отчетами, въ которыхъ онъ, часто покидая сухой оффиціальный тонъ, трогательнымъ краснорѣчіемъ своимъ старается подѣйствовать на сердце читателя. Отчеты эти помѣщаются теперь преимущественно въ мѣстныхъ органахъ печати „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" и „Украинскомъ Вѣстникѣ". Въ статьѣ объ институтѣ мы приведемъ эти отчеты, иногда очень характерные, здѣсь же замѣтимъ только, что чисто благотворительная дѣятельность общества, какъ видно изъ отчетовъ, (по крайней мѣрѣ въ самой Слободско-Украинской губерніи), мало по малу прекратилась. Если и производились иногда выдачи пособій по прошеніямъ, то это только по волѣ жертвователей, которые категорически заявляли Обществу объ этомъ свое желаніе. Такъ, напр., именитый членъ Общества Демидовъ въ 1817-мъ году пожертвовалъ сверхъ обычныхъ своихъ взносовъ (1000 руб. на Институтъ, 200 или 300 р. на воспитанниковъ) еще 300 рублей спеціально для раздачи бѣднымъ [1]). За

разомъ совѣтъ. Квитка объяснялъ свою просьбу тѣмъ, что ему приходится *единолично* и принимать взносы членовъ, и расходовать ихъ безъ всякаго контроля и потому онъ просилъ губернатора обревизовать всѣ дѣла общества и дать письменное о нихъ заключеніе. Дѣло № 1. в. опредѣл. сов. листы 102 и 103.

[1]) Но, вопреки волѣ жертвователя, изъ нихъ для раздачи бѣднымъ издержано только 25 руб., остальные причислены къ капиталу (см. Укр. Вѣстн. 1817 г., часть 8, ноябр. кн., стр. 218).

то благотворительная дѣятельность иногороднихъ корреспондентовъ Общества еще долго не прекращалась, и, если производились еще вспомоществованія бѣднымъ людямъ, то преимущественно корреспондентами по другимъ губерніямъ. Для подтвержденія только что сказаннаго приведемъ еще нѣкоторыя цифры отчетовъ 1816, 1817 и 1818 г.г.

Въ городѣ Харьковѣ отъ Совѣта.

	1816	1817	1818 г.
Выдано пенсій въ	120 р.	не было	не было.
Единовременно. .	90 р.	25 р.	не было.

Въ 1816 году, по словамъ отчета, пенсіи, по недостатку суммъ, были выданы только 2-мъ вдовамъ, а единовременная помощь оказана по харьковской губерніи *только* 3 семействамъ, тогда какъ по черниговской—11-ти, по тамбовской—2-мъ, (тобольской—неизвѣстно сколько). Н. И. Шредеру, тамбовскому вице-губернатору, удалось завербовать много новыхъ членовъ для Общества, за что въ 1817 году онъ также избранъ почетнымъ членомъ Общества (см. отнош. корреспондентовъ за 1818 годъ, дѣло Ин. Арх. № 14). Въ числѣ корреспондентовъ Общества появляется въ 1817 г. впервые и корреспондентъ по рязанской губерніи (Ив. Фед. Лабковъ), а въ 1818 году по полтавской губерніи (Ив. Ив. Бедряга), при чемъ послѣднему обѣщано выхлопотать Высочайшую благодарность за услуги, оказанныя имъ Обществу.—Чтобы покончить съ разсматриваемою нами стороной дѣятельности Общества за 1812—1817 годы (т. е. до отдѣленія института), подведемъ, по возможности, *точные* итоги всему, что сдѣлало Общество за это время.

Самъ Г. Ѳ. Квитка такъ резюмируетъ дѣятельность Общества за эти годы по дѣлу вспоможенія бѣднымъ семействамъ, распредѣляя ихъ по губерніямъ:

Въ харьковской	губ.	помощь	была	оказана	28	семействамъ.
„ черниговской	„	„	„	„	43	„
„ тобольской	„	„	„	„	74	„
„ тамбовской	„	„	„	„	2	„
„ екатеринославск.		„	„	„	1	семейству.

„ г. Томскѣ „ „ „ 1 „
„ г. Георгіевскѣ „ „ „ 1 „
„ г. Харьковѣ еще вылѣченъ на иждивеніи Общества разбитый параличемъ „ „ „ 1 человѣкъ.
Возвращено зрѣніе рядовому улану Роснянскому, получившему контузію въ сраженіи „ „ „ 1 человѣкъ.
Отправлено въ военную службу бѣдныхъ дворянъ 7 человѣкъ [1]).

Цифры эти вполнѣ подтверждаются и хранящимися въ архивѣ печатными отчетами Общества благотворенія [2]).

В. Лапинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) См. дѣло двор. депутат. Собр. № 15, листъ 83, писанный рукою Г. Ѳ. Квитки. „Дѣйствія Общества благотворенія съ 1812 по 1818 годъ".

[2]) Намъ пришлось сравнить писанные и печатные отчеты между собою, и мы нашли мало разницы между ними. Къ сожалѣнію объ устроенномъ обществомъ пріемномъ покоѣ для лицъ, подвергавшихся разнымъ несчастнымъ случаямъ, въ дѣлахъ Общества дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА.

(1817—1830 г.г.).

Въ октябрьской книжкѣ Кіевской Старины за 1895-й годъ была разсказана біографія И. Р. Мартоса, на основаніи его бумагъ, сохранившихся у наслѣдниковъ задушевнаго пріятеля Мартоса—В. Я. Ломиковскаго. Въ этихъ же бумагахъ сохранилась и значительная часть переписки Мартоса съ его пріятелями и знакомыми, за 1817—1830 г.г. Сохранились какъ письма, писанныя къ Мартосу, такъ и черновики писемъ послѣдняго. Наиболѣе дѣятельную переписку велъ Мартосъ съ Ломиковскимъ; къ сожалѣнію, эта переписка и наименѣе интересна, будучи посвящена главнымъ образомъ той „мистикѣ", въ которую погружены были оба пріятеля. Мало интересны письма и самого Мартоса, будучи проникнуты постоянно сдержаннымъ тономъ, мѣшавшимъ ему сказать задушевное слово даже въ письмѣ къ самому близкому человѣку. Но за то немалый интересъ имѣютъ письма къ Мартосу такихъ его пріятелей, какъ скульпторъ И. П. Мартосъ, эксъ-министръ Трощинскій, поэтъ Капнистъ и друг. [1]).

Печатая здѣсь переписку И. Р. Мартоса, мы ограничиваемся выборкою изъ нея лишь тѣхъ писемъ которыя имѣютъ

[1]) Въ февральской книгѣ Истрич. Вѣстника за 1896 г. напечатаны нами письма къ Мартосу его родного брата Ф. Р. Мартоса, почти исключительно посвященныя описанію пребыванія императора Александра I въ 1825 г. въ Таганрогѣ и его кончины тамъ.

общій интересъ, рисуя людскія заботы двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Поэтому изъ писемъ Ломимовскаго мы приводимъ лишь отрывки, опуская все, что касается „мистики“.

Ал. Лазаревскій.

I. Письма Ивана Петровича Мартоса.

Біографія извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса (р. 1753 † 1831) до сихъ поръ не написана. Слышно было, что недавно умершій Д. А. Ровинскій готовилъ монографію о Мартосѣ, какъ о скульпторѣ, но насколько слухи эти были основательны— остается неизвѣстнымъ. Въ тѣхъ коротенькихъ свѣдѣніяхъ объ И. П. Мартосѣ, которыя обязательно помѣщаются въ справочныхъ словаряхъ, говорится обыкновенно, что М. родился въ м. Ичнѣ (Борзенск. у., Черниг. губ.). Между тѣмъ родиною Мартосовъ былъ Лохвицкій уѣздъ, Полтавской губерніи; въ самомъ началѣ XVIII в., въ Лохвицѣ жили и служили козацкую службу два брата Мартынъ и Павелъ Васильевичи Мартосы, родоначальники всѣхъ нынѣ разбросанныхъ по Русской землѣ Мартосовъ. Рожденіе И. П. Мартоса внѣ ихъ родины указываетъ, повидимому, что отецъ скульптора Петръ М. былъ уже обѣднѣвшій человѣкъ, а потому и потерявшій связь съ бывшими имѣніями своихъ предковъ. Въ недавно напечатанныхъ въ Историч. Вѣстникѣ „Воспоминаніяхъ“ М. Ф. Каменской (1894 г., №№ 5—8) приводятся очень любопытныя свѣдѣнія о частной жизни И. П. Мартоса на склонѣ его дней, когда онъ былъ ректоромъ академіи художествъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ между прочимъ сообщается о происхожденіи М-са слѣдующее: „говорили, что онъ родомъ былъ хохолъ изъ духовнаго званія; мальчикомъ привезли его въ Петербургъ и отдали въ ученики академіи художествъ, гдѣ онъ оказалъ необыкновенную способность къ ваянію. При выпускѣ получилъ первую золотую медаль и былъ посланъ въ Италію пансіонеромъ....“ (Май, 341). Эти неопредѣленныя свѣдѣнія современниковъ о М-сѣ указываютъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ неизвѣстнымъ бѣднякомъ, ко-

торымъ стали интересоваться тогда, когда о происхожденіи художника можно было разсказывать только съ прибавленіемъ слова—„говорятъ"..... Восполнять эти свѣдѣнія теперь—и подавно трудно, если не поможетъ какой либо счастливый случай. Печатаемыя здѣсь письма даютъ несомнѣнно цѣнный матеріалъ для знакомства съ И. П. М., какъ частнымъ человѣкомъ; кромѣ того, есть здѣсь и нелишенныя интереса свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ художника-скульптора. По сохранившимся бумагамъ И. Р. Мартоса можемъ добавить, что И. П. М-съ происходилъ не изъ духовнаго званія, такъ какъ въ свидѣтельствѣ Полтавскаго губернскаго маршала (1805 г.) о дворянствѣ Мартосовъ значится, что Петръ Мартосъ (отецъ скульптора) былъ корнетъ.

1. Милостивый мой государь Иванъ Романовичъ. Письмо ваше, писанное въ Таганрогѣ 5-го октября, я получилъ; оно принесло мнѣ большое удовольствіе; я его прочиталъ не одинъ разъ, но нѣсколько разъ перечитывалъ и жалѣю, что оно написано только на двухъ листахъ; описаніе ваше водъ Кавказскихъ, приносящихъ большую пользу страждующимъ, которую вы надъ собою испытали, для меня весьма интересно; всѣ говорятъ, что она цѣлебностью своею превосходитъ всѣ воды въ Европѣ, но превосходство ихъ, какъ мнѣ кажется, нигдѣ не описано съ подробностью, и польза, отъ нихъ получаемая больными, извѣстна только отъ такихъ людей, которые сами надъ собою испытали чудесное ея дѣйствіе, не потому ли, что ѣздящіе туда врачи по большей части иностранцы, которые не хотятъ выказать преимущества Кавказскихъ водъ передъ Европейскими. Вы бы много одолжили публику, естьли бъ употребили ваше перо на описанія ихъ; одно изгнаніе солитера, которой, какъ вы пишите, не имѣли (sic) понятія, что у васъ гнѣздится и былъ вашъ сокрытый врагъ, ясно доказываетъ цѣлебную силу Кавказскихъ водъ; мнѣ они были-бы очень полезны, ибо я стражду запорами урины, но чтобъ ѣхать туда, надобно быть въ независимости многихъ обстоятельствъ, препятствующихъ теперь сему исполненію, а при томъ мнѣ уже почти 64

года, и потому остаюсь въ нерѣшительности, нужно-ли заботиться о поѣздкѣ или оставить себя воли Божіей.

Вамъ извѣстно было, что Софьюшка, ваша крестница, была невѣста, теперь она уже замужемъ за Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; кажется, что и вы его знаете, у меня его видали. Батюшка его Иванъ Никитичъ и матушка Прасковья Дмитріевна живутъ въ Пирятинѣ; я надѣюсь, что вы съ нимъ повидаетесь, а такъ какъ вы крестный отецъ его невѣсты, то вы съ нимъ сваты. О родствѣ нашемъ, черезъ сочетаніе нашихъ дѣтей, я къ нему еще не писалъ, ибо не зналъ достовѣрно его пребыванія, а получилъ недавно извѣстіе отъ Василія Ивановича. Подарокъ вашъ Софьюшкѣ—прекрасное персидское одѣяло—держу у себя съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ своемъ домой ей вручить и видѣть лично ея удовольствіе.

Алеша по графскому повелѣнію пріѣзжалъ сюда[1]) и на другой день пріѣзда очень занемогъ; однакожъ графской лѣкарь его скоро вылѣчилъ, и онъ опять поѣхалъ въ Петербургъ съ порученіями, пробывши здѣсь болѣе двухъ недѣль. Всемогущему Богу угодно было явить дѣтямъ моимъ великое благословеніе, а мнѣ милость, которую не ожидалъ получить такъ скоро. Я выдалъ замужъ четырехъ дочерей менѣе чѣмъ въ два года и за хорошихъ людей; это не очень обыкновенное дѣло. Не безполезно нахожу сообщить вамъ произшествіе, случившееся на Софьюшкиной свадьбѣ: на другой день свадьбы, обѣдали у меня молодые и всѣ дѣти и ихъ мужья, веселились, но Любуша на ужинъ не осталась и пошла домой. Авдотья Афанасьевна, замѣтивъ, что она нездорова, проводила ее и осталась у ней; поутру рано возвратилась съ радостнымъ извѣстіемъ, что Любушѣ ночью Богъ далъ сына Ивана; сообщая вамъ сіе для меня пріятное извѣстіе, надѣюсь, что оно и вамъ будетъ пріятно. Вотъ я уже дожилъ до внуковъ и внучекъ; два внука Ивана умножаютъ фамилію Мартоса; видно судьба положила, чтобы

[1]) Алексѣй Ивановичъ Мартосъ, р. 1790 † 1842. См. о немъ Кіевск. Стар. 1895 г., № 2. Графское повелѣніе—т. е. повелѣніе Аракчеева, у котораго онъ служилъ.

значущіе что нибудь Мартосы все были Иваны. Дѣло мое [1]) приходитъ къ окончанію; я надѣюсь, что монументъ будетъ оконченъ черезъ три недѣли, но боюсь, чтобъ во время открытія не было большого мороза, которой воспрепятствуетъ великолѣпію праздника, требующаго хорошой погоды. Сообщаю вамъ случившееся со мною произшествіе, которое меня очень потревожило, но кончилось по моему желанію. Два мѣсяца до пріѣзда государя въ Москву занимались мы тасканіемъ съ берега рѣки на Красную площадь тяжелыхъ штукъ монумента и ставили на мѣсто, избранное не однимъ мною, но главнокомандующимъ и другими важными лицами. Сія работа была очень тягостна и продолжительна; на нее выходило людей всякій день по сту и болѣе человѣкъ, рыли землю, били сваи, бутили и только что кончили работу наканунѣ пріѣзда государя, на другой день призываетъ меня главнокомандующій и объявляетъ высочайшее повелѣніе, чтобъ монументъ съ онаго мѣста снять и поставить на другое мѣсто, назначенное его величествомъ—посрединѣ самой площади. Услышавъ сіе, я доказывалъ всю неудобность сего дѣла, ибо площадь, которая теперь чиста и открыта для проѣзда, будетъ загромощена, а монументъ потеряетъ свой видъ, потому что ѣзда будетъ сзади его и очень близко, и что по сюжету онъ долженъ быть поставленъ лицемъ къ кремлю. Однакожъ г. главнокомандующій не взялся донести мои доказательства государю, а сказалъ, чтобъ я объяснился чрезъ графа Аракчеева или князя Голицына. Не описывая въ подробности всего мною дѣланнаго и говореннаго, скажу вамъ, что монументъ приказано ставить на мѣстѣ, какъ онъ теперь поставленъ. Съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ я видѣлся на работѣ онъ мнѣ очень пѣнялъ, что (я) у него не былъ; послѣ я былъ у него и обѣдалъ. При первомъ свиданіи, прежде всего, спрашивалъ меня о васъ, гдѣ вы теперь и здоровы ли; я ему сказывалъ, что вы были на Кавказѣ и что въ здоровьѣ поправились. Въ другой разъ моего съ нимъ свиданія, опять о васъ говорилъ, и очень много; я замѣтилъ, что онъ вами интересуется

[1]) Окончаніе памятника Минину и Пожарскому.

и особенно уважаетъ; говоря о васъ и о вашихъ трудахъ, сказалъ: онъ писалъ, писалъ—и все это брошено!—Спрашивалъ меня, гдѣ вы теперь находитесь, но я сказалъ, что не знаю, ибо дѣйствительно тогда не зналъ: я заключаю не хочетъ-ли вамъ писать. Никифоръ Ивановичъ Спаскій спрашивалъ о васъ, и какъ я сказалъ, что вы находитесь въ Пирятинѣ, то хотѣлъ вамъ писать. Вы меня извините, что на письмо ваше я замедлилъ отвѣтомъ; я былъ весьма доволенъ вашимъ увѣдомленіемъ, ибо мнѣ хотѣлось только знать, гдѣ вы теперь и какъ находитесь. Мнѣ очень хочется имѣть письмо моего Никиты Ивановича [1], писанное къ вамъ изъ Италіи, но какъ вы оригинальнаго не дадите, то прошу васъ прислать мнѣ съ него копію.

Остаюсь съ чувствами искренней моей къ вамъ привязанности вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ

10 Ноября 1817 г. Москва. Адресъ ко мнѣ: на Варваркѣ, въ д. купца Горголія, въ Москвѣ.

2. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Очень я соскучился, не имѣя объ васъ никакого извѣстія и не получая давно вашихъ писемъ, приносящихъ мнѣ особенное удовольствіе; но въ этомъ я самого себя обвиняю, ибо не писавши къ вамъ такъ давно, выставляю себя нерадивцомъ, незаслуживавшимъ вниманія; къ оправданію своему скажу, что не всегда имѣю время и не охотникъ писать, и найпаче, когда нечего, но получать письма, а найпаче ваши, очень люблю; я часто ихъ перечиты-

---

[1]) Старшій сынъ Ивана П—ча М—са. Онъ былъ посланъ, въ 1809 г., въ Римъ для изученія архитектуры и писалъ оттуда къ И. Р. М—су. Отрывокъ изъ одного такого сохранившагося въ бумагахъ Ив. Р—ча письма приводимъ здѣсь.— „Вояжъ мой кончилъ я благополучно и въ 5-ть недѣль пріѣхалъ въ Римъ. Я противъ чаянія моего болѣе полагалъ восхищаться чужими землями, которые подлинно только велики въ чужихъ глазахъ.. О самомъ Римѣ я болѣе воображалъ, нежели какъ онъ есть, и самые его остатки древностей, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ, представляютъ развалины раввалинъ и о тѣхъ великихъ монументахъ, о которыхъ часто слышимъ, какъ то дворцовъ императорскихъ и огромныхъ храмовъ, вы найдете въ первыхъ нѣсколько кучъ кирпичу, а въ послѣднихъ одну или двѣ обломанныя колонны. Часто садясь на сіи печальные обломки, думаю о древнемъ Римѣ и о его славѣ, о тѣхъ великихъ римлянахъ, которыхъ духъ видѣнъ еще и въ ихъ развалинахъ...“ Н. Ив. М—съ умеръ очень рано, едва ли не тогда же, въ Римѣ.

ваю и ихъ берегу, а потому и прошу васъ при праздномъ времени писать ко мнѣ, что вздумаете и какую матерію угодно.

О себѣ скажу, что я и жена моя, слава Богу, здоровы, и что династія моя умножается; кромѣ двухъ малыхъ дѣтей, имѣю шесть внуковъ; Настасья Ивановна[1]) имѣетъ двухъ дѣтей, Вѣра Ивановна[2]) тоже двухъ, Софья[3]) и Любовь Ивановны[4]) по одному. Вы вѣрно все это похвалите; и дѣйствительно, я счастливъ, ибо имѣю хорошихъ зятей, они всѣ добрые люди, хотя не очень достаточнаго состоянія; одинъ только Герасимъ Ивановичъ Лузановъ, какъ слышу, живетъ безъ нужды и хорошо. Ему приключилась непріятность: онъ былъ произведенъ сенатомъ въ коллежскіе асессоры, но ихъ прокуроръ господинъ Абаза, имѣя ссору съ губернаторомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сдѣлалъ канцеляріи министра юстиціи худое о немъ внушеніе, якобы его университетской атестатъ недостаточенъ. Но ищущіе чиновъ скоро ихъ не будутъ искать, здѣсь слухъ идетъ, что съ новаго года чиновъ давать не будутъ, а будутъ классы, въ званіе которыхъ будутъ опредѣлять способныхъ по учености.

Прилагаю къ вамъ записку д. ст. сов. Болгарскаго, которой просилъ меня дать ему свѣдѣніе о его бумагахъ. Его послалъ ко мнѣ Димитрій Прокофьевичъ[5]), говоря, что вы оставили съ бумагами два сундука, но я не имѣю никакого свѣдѣнія ни о бумагахъ ни о сундукахъ; просилъ Болгарскаго, чтобъ онъ вамъ самимъ сдѣлалъ записку о своихъ бумагахъ, и гдѣ ихъ отыскать. Онъ меня просилъ очень убѣдительно, чтобъ его записку вамъ доставить и просить о доставленіи его бумагъ, которыя ему очень нужны.

Если вы пріѣдете въ Петербургъ, то удивитесь его перемѣнѣ; бульваръ, на которомъ вы прогуливались и встрѣчали тысячи людей вамъ знакомыхъ, переносится къ самому строенію адмиралтейства, черезъ что дѣлается площадь обширнѣй-

---

[1]) Жена Герасима Ивановича Лузанова.

[2]) Жена профес. живописи Алексѣя Егоровича Егорова.

[3]) Жена Василія Ивановича Григоровича.

[4]) Жена архитектора Абрама Ивановича Мельникова.

[5]) Трощинскій.

шая; со стороны алтаря Исакіевской церкви и насупротивъ бюргеръ-клуба и другихъ домовъ—выстроилъ князь Лобановъ-Ростовскій домъ преогромнѣйшій, который въ чернѣ стоитъ гораздо болѣе милліона. Исакіевская церковь почти вся вновь передѣлывается. Нашъ Петербургъ поровняется красотой Риму во время Августа, который умирая сказалъ: я взялъ Римъ деревянный, а оставляю мраморный.

Письмо моего покойнаго сына[1]), вамъ писанное изъ Рима, я хотѣлъ вложить для возвращенія его вамъ, но каюсь вамъ, что не могъ его отыскать, куда то засунулъ, будьте увѣрены, что вамъ доставлю, какъ только его отыщу.

Вы мнѣ писали, что намѣрены ѣхать на Кавказъ въ началѣ будущей весны; поѣзжайте и истребляйте вашего злодѣя солитера; дѣйствительно, это злодѣй рода человѣческаго, онъ то поистинѣ тотъ діаволъ, который живетъ въ человѣкѣ; я говорю изъ опыта: теперь жена моя имъ страдаетъ, лѣчится и мучится отъ лѣкарствъ, которыхъ не въ силахъ уже принимать. Катенька моя, ваша крестница, уже большая, черезъ три дни ей будетъ четыре года, она уже очень умна, проситъ васъ принять отъ нея особенной поклонъ, а братъ ея маленькій Александръ уже бѣгаетъ очень проворно, но еще не говоритъ. Ежели будете ко мнѣ писать, то, сдѣлайте милость, напишите о вашей матушкѣ, какъ она—здорова-ли, помнитъ ли меня, но прежде всего засвидѣтельствуйте ей мое усерднѣйшее почтеніе. Прощайте, Иванъ Романовичъ, желаю отъ всего сердца, чтобы вы были совершенно здоровы для вкушенія всѣхъ пріятностей безмятежной жизни въ вашихъ прелестныхъ мѣстахъ, о которыхъ только мысленно мечтаю и даю преимущество предъ столицами великолѣпными. Еще прощайте и помните того, который къ вамъ искренно и сердечно привязанъ. Остаюсь на всегда вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

Октября 4-го числа, 1818 года.

3. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ.

Много прошло времени, какъ я съ вами не бесѣдовалъ и не благодарилъ за полученныя письма, которыя для меня весьма

[1]) Никиты Ивановича, см. выше.

пріятны и которые завсегда читалъ я не одинъ, но сѣвши въ кружокъ со всѣмъ моимъ семействомъ; тутъ мы всѣ разсуждаемъ и говоримъ такъ, какъ бы вы и сами съ нами присутствовали и съ нами разговаривали; но послѣ оканчиваемъ сожалѣніемъ, что вы не съ нами, и хотя вы отъ насъ далеки, но божусь вамъ, что всегда находитесь въ нашей памяти; я прошу васъ не лишать насъ пріятнѣйшаго удовольствія получать ваши письма чаще. Господинъ Яновскій вручитъ вамъ сіе письмо; онъ навѣщалъ мой домъ и видѣлъ наше житье и бытье, онъ скажетъ вамъ, что мы слава Богу здоровы и проводимъ время въ пріятной посредственности, имѣющей свои наслажденія, заставляющія благодарить Всемогущаго, но втоже время и пролили нѣсколько слезъ. Богу угодно было лишить меня милаго моего сына Александра, прекраснаго, какъ ангелъ; уже сѣмъ мѣсяцевъ, какъ онъ умеръ, имѣя отъ роду два года и одинъ мѣсяцъ. Равномѣрно такая-же участь постигла Василья Ивановича и Софью Ивановну; они также имѣли несчастье потерять и своего милаго сына, а моего внучка Иванушку; они такъ меня растрогали, что я долженъ былъ ихъ взять къ себѣ, и они гостятъ у меня; теперь успокоились и переходятъ на свою квартиру. Алексѣя Егоровича племя растетъ, онъ имѣетъ уже трехъ дочекъ, послѣднюю Богъ ему далъ недавно. У Любовь Ивановны только одинъ сынъ Ванюша, у Настасьи Ивановны—сынъ и дочь; и такъ я имѣю теперь двухъ внуковъ и четырехъ внучекъ окромѣ ихъ тетки, моей Катеньки, вашей крестницы, которой еще пятый годъ. Вотъ мое крупное племя; они всѣ, слава Богу, здоровы. Можетъ быть эта матерія для васъ суха но чтожъ дѣлать—это слабость тѣхъ, которые, если что любятъ, то почитаютъ за удовольствіе сообщать и своимъ любящимъ. Алексѣй Егоровичъ написалъ образъ св. Александра Невскаго по повелѣнію государя, и превосходно. Мужъ Любовь Ивановны, г. Мельниковъ, называется Абрамъ Ивановичъ; онъ учился съ моимъ Никитою Ивановичемъ въ Римѣ архитектурѣ, имѣетъ талантъ превосходный, рисуетъ и сочиняетъ очень хорошо, и во вкусѣ греческомъ, въ нашей и римской академіи профессоръ, но государю не очень извѣстенъ, а потому и не имѣетъ отъ

него препорученій; трудно, почти невозможно, искоренить у насъ иностранцевъ, которые привлекли къ себѣ особую довѣренность; кажется, что и самое время сего не исправитъ.

Сынъ мой Алексѣй Ивановичъ любитъ заниматься литературою, теперь хочетъ опять вступить въ службу. Нашъ военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ беретъ его къ себѣ, а бѣдный мой Петръ Ивановичъ болѣнъ болѣе шести мѣсяцевъ ревматизмомъ и такимъ сильнымъ, что нѣсколько времени ходилъ на костыляхъ, и едва не умеръ. Онъ хотя и вышелъ на службу, которую любитъ, но не можетъ исправлять ее, какъ здоровый офицеръ, что меня очень печалитъ. Я, по привычкѣ моей, все таки чѣмъ нибудь занимаюсь; недавно сдѣлалъ статую св. апостола Петра для монумента надъ гробомъ Александры Алексѣевны Чичериной, рожденной княжны Куракиной. Признаюсь, что привычка вторая натура; хотя и тяжело рукамъ и ногамъ, но не могу быть въ праздности, я люблю чѣмъ нибудь заниматься. Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ, дай Богъ, чтобъ вы были здоровы. Жена моя Авдотья Афанасьевна усердно вамъ кланяется, также Катенька, ваша крестница, и я кланяюсь и прошу держать меня въ своей памяти, такъ какъ я всегда содержу въ своей васъ и остаюсь навсегда усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугой Иванъ Мартосъ.

Письмо сына моего покойнаго Никиты Ивановича вамъ возвращаю. Октября 10-го дня 1819 года.

4. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить на праздникахъ, оно принесло мнѣ и всѣмъ намъ особенное удовольствіе, но всего пріятнѣе для меня то, что и въ отдаленности держите меня въ своей памяти; и хотя я къ вамъ не пишу, но вы не смотря на это, хоть изрѣдка, но меня удостаиваете своими письмами, за что отъ всей искренности васъ благодарю и прошу быть увѣренымъ, что я равномѣрно одушевленъ къ вамъ такими-же чувствами любви и привязанности, кои сохраню во всю мою жизнь.

У насъ такъ, какъ и у всѣхъ, бываетъ и скучно и весело. У Софьюшки прежде умеръ сынъ, а потомъ дочь, и она была безъ-утѣшна, но нынѣ она утѣшена сыномъ Василіемъ, кото-

раго мы въ новой годъ крестили; также и Любуша потеряла сына, но нынѣ награждена дочерью, которую также на сихъ дняхъ окрестили. Дѣти мои живутъ на свѣтѣ не напрасно: у всѣхъ у нихъ есть дѣти, и Алексѣй[1]) женился, но нигдѣ къ моему огорченію не служитъ; люди, предавшись литературѣ, высокопарными выраженіями восклицаютъ о добродѣтели, о любви къ отечеству, а сами отечеству не служатъ, не работаютъ и лежатъ, какъ лѣнивцы; они для меня презрительны, и я ихъ почитаю егоистами, но нынѣ молодые люди живутъ своими правилами, надъ отцами и стариками они смѣются и этому причиною остроумныя книги.

Мнѣ препоручается весьма важное дѣло по высочайшей волѣ, объявленной генералъ-губернаторомъ Александромъ Дмитріевичемъ Балашевымъ, чтобъ сдѣлать памятникъ Дмитрію Донскому изъ мѣди и поставить на Куликовомъ полѣ. Прожекты давно сдѣланы, но будутъ-ли утверждены или нѣтъ—окажетъ пріѣздъ государя. Сей монументъ по сочиненію превосходитъ монументы Минину и Пожарскому, ибо онъ составленъ изъ трехъ фигуръ: Дмитрій Донской представленъ сражающимся, въ ногахъ его двѣ фигуры, означающіе двойную силу вражью; одна изъ сихъ фигуръ—лежащая убитая, и другая—уклоняющаяся отъ удара героя. Піедесталъ подъ симъ групомъ (sic) негладкой, но съ пролетомъ и сдѣланъ сквозной аркою, украшеною снаружи сплошъ трофеями, что дѣлаетъ видъ новый и прекрасный. Сему дѣлу я и радъ и не радъ, ибо трудиться надъ нимъ надобно имѣть силы душевныя и тѣлесныя, но послѣдними я очень скуденъ и не надѣюсь совершить сію трудную работу.

Мнѣ очень нравится ваше слово—кругъ семейства; дѣйствительно, кругъ нашего семейства бываетъ очень веселъ, въ немъ происходятъ разныя проказы, и главную роль играетъ Алексѣй Егоровичъ; но часто мы васъ вспоминаемъ и жалѣемъ, что вы не съ нами, чтобъ похохотать. Я вамъ разсказываю наше бытье, теперь прошу васъ разсказать намъ ваше. Я воображаю, что вы

[1]) Сынъ.

окружены прелестными видами величественнаго Днѣпра и окрестностей Кіева; пожалуйста, опишите ихъ, ваше перо послужитъ картиною, съ нихъ списанною. Кіевъ всѣ хвалятъ, но описанія я нигдѣ не читалъ, ни даже въ Сынѣ Отечества, въ которомъ все пишутъ[1]).

Авдотья Афанасьевна проситъ, чтобъ вамъ засвидѣтельствовать отъ нея всеусерднѣйшее почтенія и желать вамъ здоровья и всего лучшаго, крестница ваша Катенька дѣлаетъ тоже и въ особенности сама просила меня увѣдомить васъ, что она начала уже учиться, читать по руски, и нанята для ее мамзель; ей недавно исполнилось шесть лѣтъ,

Многіе знакомые спрашиваютъ меня объ васъ, и я всѣмъ говорю, что вы здоровы, что Кавказскія воды васъ поправили; это замѣчаю изъ почерка вашего письма, который мнѣ кажется лучше прежняго почерка, то есть не дрожащая рука пишетъ. Еще забылъ кое что: Тульскій гражданскій губернаторъ графъ Васильевъ прислалъ мнѣ рѣдкость; для обмѣренія Куликова поля посланымъ землемѣромъ вспаханъ небольшой крестъ бронзовый, въ которомъ, какъ видно, съ одной стороны лежали мощи; по его отдѣлкѣ видно, что онъ былъ ношенъ на цѣпочкѣ и, кажется, иноческой; не одного ли изъ тѣхъ иноковъ, которыхъ Сергій далъ герою Донскому. Какая бы была рѣдкость Николаю Михайловичу Карамзину! Онъ прислалъ медаль, тамъ-же найденную, въ письмѣ своемъ онъ какъ бы благословляетъ меня симъ крестомъ на поднятіе трудовъ для прославленія героя Донского.

Вотъ всѣ мои дѣла. Теперь прошу васъ не скупиться своими письмами, на мнѣ же не взыскивать, что рѣдко пишу, признаюсь вамъ, что я очень скучливъ писать, а найпаче какъ нечего, то и перо въ руки не берется. Я предъ Федоромъ Романовичемъ очень виноватъ, но приняться все откладываю до будущей почты, а тамъ еще до почты, а послѣ и самому стыдно.

[1]) Отсюда можно думать, что И. П. М—съ въ Кіевѣ никогда не былъ; слѣдовательно, не учился въ Кіевской академіи, какъ его племянники.

Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ! Будьте здоровы, сего отъ всего сердца желаетъ искренно любящій и почитающій васъ нелицемѣрно и всегда преданнѣшій слуга Иванъ Мартосъ.

20 генваря, 1821 г.

5. М-ый мой г-рь Иванъ Романовичъ. Съ особливымъ удовольствіемъ я получилъ ваше письмо сего 1822 г., въ которомъ изъявляете мнѣ тѣ-же знаки вашей любви и привязанности, какія я получилъ отъ васъ, будучи въ мѣстѣ съ вами; они всегда мнѣ будутъ памятны; особенно благодарю васъ за то, что и въ разлукѣ вы меня помните и не ставите на ряду съ такими людьми, которые однимъ частымъ о себѣ сообщеніемъ желаютъ изъявить знаки своей дружбы, можетъ быть и не всегда искренной; чтожъ принадлежитъ до меня, признаюсь искренно, что я васъ люблю, какъ самаго пріятнѣйшаго моему сердцу родственника, и до конца жизни любить буду. Дай Богъ, чтобъ сей наступившій годъ принесъ вамъ радость и даровалъ полное здоровье, которое-бы усладило дни жизни вашей, ведущей (sic) въ тихомъ уединеніи. Сіи послѣднія строки вашего письма привели меня въ печальное размышленіе, я вижу, что уединенная жизнь по всѣмъ отношеніямъ, несравненно превосходнѣе жизни разсѣянной, ибо она спокойная и безпорочная, но о сей пространной и глубокой матеріи пусть разсуждаютъ философы и знатоки.

Про себя скажу, что прошлой годъ принесъ мнѣ много душевныхъ непріятностей, о которыхъ много будетъ говорить жаль только, что все это случилось въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, въ которыхъ очень тяжело переносить; тѣлесные-же незначительны, выключая того, что я сдѣлался нѣсколько тупъ глазами и слабъ ногами; я потерялъ на головѣ всѣ передніе волосы, отъ чего простуживаю голову; для защищенія ея я заказалъ французу сдѣлать себѣ туръ,—такой парикъ, который закрываетъ голую часть головы, за который я заплатилъ 35 рублей,—что для меня было очень хорошо, потому что голова была тепла, но не такъ то хорошо для людей: всѣ смотрятъ на меня, какъ на другого человѣка, иные смѣются, другіе говоратъ, что это очень худо и чтобъ бросилъ парикъ, потому

что теперь всѣ ходятъ плѣшивые, съ голыми головами, например, Сперанскій плѣшивъ, Голицынъ, Поповъ, а также и другіе многіе изъ военныхъ выдираютъ (sic) себѣ волосы; даже и высокія лица не носятъ париковъ. Судите, въ какомъ я былъ положеніи: я не могъ его скоро скинуть, и долженъ былъ носить болѣе полтора мѣсяца, и не могъ ходить въ баню, потому что онъ былъ прилѣпленъ тѣстомъ къ голому тѣлу, надлежало ждать какъ тѣсто высохнетъ; наконецъ, я его кое-какъ содралъ и теперь хожу опять плѣшивый; и это хорошо, потому что по модѣ!—И такъ должно терпѣть стужу чтобъ быть по модѣ; это называется жить благопристойно. Моя Авдотья Афанасьевна съ самого того времени, какъ вы прислали ей кольцо св. Варвары великомученицы, а Катенькѣ крестъ, тоже с. великомученицы, безъпрестанно заставляла меня вамъ писать и чувствительнѣйше благодарить за сіи пріятнѣйшіе для нея подарки, но я все откладывалъ до завтра, и вотъ до которыхъ поръ дошло; но въ этомъ я виноватъ, а не она. Истинно вамъ говорю— она теперь особенно благодаритъ васъ за присылку рецепта отъ солитера, жаль очень, что прежде она его не имѣла, ибо она лѣчилась отъ него у доктора Кашинскаго, почитающагося изгнателемъ солитеровъ, но онъ у нея изгонялъ такими жестокими лѣкарствами, отъ которыхъ она чуть-чуть было не умерла и теперь ужасно боится лѣчиться; однакожъ этотъ рецептъ я буду хранить, какъ наиполезнѣйшій.

Потомство мое умножается, внуковъ и внучекъ 13; у Алексѣя Егоровича 3 дочери и 1 сынъ, у Василія Ивановича 2 сына, у Настеньки 2 дочери и 2 сына, у Сонюшки послѣдній сынъ родился, теперь 40 дней; у Настеньки родилась дочь передъ Рождествомъ, у Абрама Ивановича 1-а дочь; онъ очень просилъ васъ, чтобъ вы его причислили въ свое родство, ибо васъ никогда не видалъ; объ немъ скажу вамъ, что онъ имѣетъ превосходный талантъ, къ несчастью только онъ не употребленъ царемъ, потому что онъ ему неизвѣстенъ, однакожъ онъ теперь строитъ старо-обрядческую церковь въ Петербургѣ, не далеко отъ Владимірской; она хоть и невелика, но будетъ лучшая церковь въ городѣ, по изящному вкусу и по пропорціи,

совершенно греческой архитектуры. Мой прожектъ Дмитрія Донского заснулъ у графа Кочубея, которому государь утвердя, приказалъ препроводить для исполненія. Онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ денегъ для произведенія сего монумента, но рисунки еще у него; на этихъ дняхъ я пойду взять ихъ отъ него обратно, можетъ быть я его награвирую и распущу въ публику.

Забылъ; еще упустилъ двухъ внучекъ: у Алексѣя родился сынъ, онъ называется Несторъ, на сихъ дняхъ я его крестилъ, изъ всѣхъ внучковъ онъ одинъ называется Мартосъ, да у Петра, который теперь находится въ полку короля Прускаго, квартирующаго въ Дорогобужѣ, маіоромъ и командующимъ баталіономъ, дочь. Вотъ теперь полное число. Жена Петрушина[1]) съ дочерью малолѣтней живутъ у меня, а онъ съ тѣхъ поръ въ походѣ, какъ выступила отсюда гвардія. Я теперь не пишу вамъ о городскихъ строеніяхъ, потому что тутъ не упишется, а оставляю до другого времени, когда еще что въновь будутъ предполагать строить. Черезъ нѣсколько времени вы Петербургъ совсѣмъ не узнаете, ибо я все еще въ надеждѣ, что вы сюда пріѣдете. Катенька моя пишетъ къ вамъ письмо своей рукой; ей недавно исполнилось сѣмь лѣтъ, она хорошо читаетъ по руски и пишетъ, какъ видите; также читаетъ и по французски, кажется, по лѣтамъ она довольно успѣваетъ. Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ. Пишите ко мнѣ почаще, вы симъ докажете вашу ко мнѣ любовь.

Остаюсь навсегда съ чувствами всегдашней моей къ вамъ любви и преданности, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ,

Авдотья Афанасьевна васъ заочно цѣлуетъ, а Катенька моя сдѣлалась крестною матерью, она крестила у Сонюшки обѣихъ сыновей.

Генваря 16, 1822 года.

6. М-ый г-ръ Иванъ Романовичъ. Я былъ увѣренъ, что получу отъ васъ письмо, въ чемъ и не ошибся; оно принесло мнѣ особенное удовольствіе и служитъ доказательствомъ того, что вы меня любите и помните, меня же заставляетъ краснѣть.

---

[1]) Сына Петра.

Вы можете сдѣлать худое заключеніе и приписать моему невниманію, а еще болѣе холодности то, что на многіе ваши письма вамъ не отвѣчаю, но прошу васъ искренно не дѣлать обо мнѣ сего заключенія, ибо я имѣю къ вамъ душевную привязанность и почтеніе. Извиняясь передъ вами въ моей неисправности, нахожусь принужденнымъ признаться вамъ еще и въ томъ, что писаніе не есть моя стихія, а къ тому-же слабость глазъ, и какъ будто нарочно встрѣчающіеся, хотя и мѣлкіе, занятія отъ того меня отвлекаютъ; есть ли сіи причины пріймите увѣрительными, то я останусь спокойнымъ.

Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желаю искренно, чтобъ всемогущій Богъ даровалъ вамъ лучшее здоровье, а болѣе всего душевное спокойствіе, какъ нужнѣйшее добро всякому человѣку, а найпаче чувствительному.

Не безъполезнымъ нахожу сообщить вамъ одну изъ нашихъ новостей и надѣюсь, что она для васъ будетъ пріятна. Россійская академія, 14-го числа сего мѣсяца, праздновала день своего учрежденія, къ которому были приглашены всѣ ея члены, а также и другіе особы; до полудня съѣхались всѣ; собраніе было многочисленнѣйшее: все знатнѣйшее въ государствѣ тутъ было, а также множество чиновниковъ и вѣроятно всѣ литераторы; зала такъ была наполнена, что многіе изъ знатныхъ особъ за неимѣніемъ стульевъ стояли. По занятіи мѣстъ и по объявленіи академіи секретаремъ о предметахъ чтенія, Николай Михайловичъ Карамзинъ читалъ отрывокъ изъ сочиняемой имъ исторіи объ убіеніи с. Дмитрія царевича и о возведеніи на царство Бориса Годунова. Хотя онъ читалъ не очень громко, но все было слышно, ибо такъ было тихо, что слышно естьлибъ пролетѣла муха. Піеса сія не только что превосходнѣйшая, но едва ли найдутся ей подобные; какое подробное описаніе при убіеніи святаго младенца; самыя малѣйшія обстоятельства выставлены, всѣ лица дѣйствующія въ семъ ужасномъ дѣлѣ по повелѣнію Годунова, съ такою точностью описаны, что кажется писатель самъ былъ свидѣтелемъ сего варварскаго произшествія; слушатели были разстроганы до слезъ. Потомъ, переходя къ описанію возшествія на тронъ Годунова, онъ, какъ правдивый

историкъ, описалъ характеръ его самыми живыми красками, изобразилъ стези одного только злодѣя, не устрашающими (sic) къ достиженію своей цѣли. Умъ его, употребленныя хитрости, чтобъ заставить не одну Москву, но всю Россію, даже своихъ непріятелей, просить его неотступно о возложеніи на себя царской короны. Однимъ словомъ онъ описалъ сіе бѣдственное для Россіи произшествіе, какъ искусный художникъ и безпристрастный историкъ, который пишетъ не для нынѣшняго времени, а для потомства. Можно сказать, что Карамзинъ не одной Россіи геній, но и всей Европы ученой. Вы сами посудите, когда прочитаете, ибо журналисты не преминутъ напечатать сей отрывокъ.—Послѣ сего были читаны переводъ изъ Енеиды Жуковскаго и переводъ изъ книги Тита Ливія о взятіи Капитолія галлами, превосходные, а въ заключеніе, авторъ многихъ прекрасныхъ театральныхъ піесъ, князь Шаховской читалъ стихами свою комедію, въ стилѣ греческомъ составленную изъ лицъ греческихъ, въ томъ числѣ Ксантипу, Сократову жену; да еще читали стихи Воейкова, прекраснѣйшія, въ коихъ есть лица Елисаветы, Шувалова и Ломоносова.—По прочтеніи сихъ пьесъ, собраніе кончилось самымъ блистательнѣйшимъ явленіемъ. Къ поощренію талантовъ трудящихся въ словесности секретарь академіи прочиталъ, что по уставу ея и по предложенію президента за труды, въ пользу словесности ревностно продолжаемые, господамъ дѣйствительному тайному совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву и Ивану Андреевичу Крылову—дается золотая медаль. Ивана Ивановича здѣсь нѣтъ, но нынѣ президентъ вручилъ медаль Ивану Андреевичу Крылову, какъ вдругъ раздалось во всей залѣ громкое рукоплесканіе, которое было повторено и продолжалось долго. Сіе неожидаемое дѣйствіе публики было поразительно, и едва ли не въ первый разъ въ Россіи случилось и въ ученомъ собраніи, для отличія превосходнаго таланта; съ чемъ можно сравнить такое поощреніе для дарованій? самъ Крыловъ признается, что сіе рукоплесканіе, ему сдѣланное, превзошло цѣну медали.

Теперь съ пріятнаго надобно обратится къ непріятному. Изъ письма вашего я вижу, что вамъ извѣстна участь Алек-

сандра Федоровича Лабзина; я вамъ скажу, что онъ болѣе нещастливъ, нежели виноватъ; его уже здѣсь нѣтъ, онъ, какъ великій преступникъ, высланъ отъ сюда въ сопровожденіи полицейскаго офицера къ городъ Сингилей, Симбирской губерніи, за 1519 верстъ отъ сюда. Извѣстно, что въ словахъ онъ былъ невоздерженъ и въ публикѣ шелъ за дерзкаго, но самъ онъ строго въ себѣ не видѣлъ и ему казалось, что говоритъ безъгрѣшно. Въ академическомъ совѣтѣ, въ присутствіи президента, при назначеніи въ почетные любители графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Гурьева, когда мною объявлено было сожалѣніе, что академія за неимѣніемъ мѣста, не можетъ имѣть своимъ сочленомъ графа Остермана-Толстаго, который, какъ уже извѣстно, покровительствуетъ художниковъ, а притомъ и близокъ къ государю, онъ сіи слова: и Илюшка близокъ къ государю, то и его принять въ члены, (Илья, кучеръ государя). Сіе слово разнеслось по городу и дошло до военнаго генералъ-губернатора, въ донесеніи же такъ преувеличено, что онъ бутто сказалъ сіе, ругая вышеписанныя важныя лица. Я, имѣя случай говорить съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ, удостовѣрилъ его, что онъ ихъ не ругалъ и объяснилъ въ точной истиннѣ сказанное Лабзинымъ. Говорятъ, что его путешествіе было несчастливо: въ Москвѣ не позволено было ему прожить болѣе одного дня, а почтенная его жена въ дорогѣ, при паденіи кареты, такъ повредила себѣ ноги, что уже не ходитъ; самъ же онъ имѣетъ падучую болѣзнь, которой припадки часто съ нимъ бываютъ, и въ дорогѣ съ нимъ случились. Книга его перевода—Торжество Евангелія здѣсь не всѣми хорошо принята, многіе, прочитавъ объявленіе переводчика и начало книги, въ коей находятся вопросы невѣрующаго, бросаютъ и не хотятъ дочитывать ея до конца, хотя въ ней выставлены неопровержимые доказательства патера невѣрующему; они кажутся ужасными и говорятъ—на что дѣлать такіе вопросы, которые отрицаютъ божественность Спасителя. О семъ я бы желалъ знать, какъ у васъ думаютъ, и какъ вы сами думаете? Федоръ Романовичъ (Мартосъ) пишетъ ко мнѣ пріятное письмо, и въ пожеланіи всего лучшаго у новаго года, желаетъ самой

незначущей бездѣлицы, а именно: три пуда ассигнацій, изъ чего заключаю о его увѣренности, что уже имѣю ихъ полъ пуда, и думаю, что трудно мнѣ вывести его изъ сего заблужденія, но рѣдко настоящее дѣло сходствуетъ со мнѣніемъ: мои лѣта и мои силы удостовѣряютъ меня, что дѣятельность и труды уже для меня тягостны и что остатки моихъ дней долженствовало бы провесть въ отдохновеніи, но выходитъ противное, я долженъ искать работы, ищу болѣе прежняго, я льстился, что буду производить монументъ Дмитрія Донского, но сія работа отмѣнена, потому что она нейдетъ быть поставленною на Куликовомъ полѣ. Это меня печалитъ, ибо для моего существованія пенсіонъ и жалованье, состоящее въ шести тисячахъ рубляхъ, недостаточно; своего ничего не имѣю, ибо что имѣлъ—отдалъ дѣтямъ, а что болѣе всего меня ужасаетъ, это то, что долги накопляются, и естьли, по волѣ Божіей, умру, не поправясь, то схоронить нечимъ; въ етомъ не стыжусь вамъ открытся, но прошу васъ не принять сего за плачъ Іереміи,—я пишу сіе единственно для того, чтобъ только наполнить письмо и о чемъ нибудь, какъ съ лучшимъ моимъ родственникомъ, побесѣдовать.

Авдотья Афанасьевна, особенно васъ любящая и искренно почитающая, усерднѣйше вамъ кланяется и проситъ, чтобъ вы ее не забывали и почаще о себѣ увѣдомляли; также моя Катенька, а ваша крестница, проситъ меня, чтобъ доставить вамъ и ея письмо въ доказательство, что она хорошо учится, теперь ей исполнилось 8 лѣтъ, она уже читаетъ пофранцузски и нѣсколько говоритъ и пишетъ, а поруски читаетъ очень хорошо, пишетъ же по диктовкѣ, въ арифметикѣ знаетъ хорошо три правила, и начала учиться на фортепьянѣ. Прочія же дѣти мои, у которыхъ есть также дѣти, благодарятъ васъ, въ особенности за всегдашнее имъ въ моихъ письмахъ ваше приписаніе и просятъ впредь продолженія онаго; я, пребывая въ такихъ же мысляхъ, прошу васъ писать почаще прежняго, ибо замѣчаю, что вы пишете рѣже, но приписываю не иному чему, какъ только болѣзни руки вашей, а не забвенію меня; но чтобы это не послужило вамъ отговоркою, то есть на то другой способъ, то есть можете диктовать, я буду доволенъ вашимъ подписаніемъ своего имени,

а подписать свое имя не мудрено, хотя рука и больная. Остаюсь со всегдашнею моею къ вамъ преданностію вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

Генваря 19 дня, 1823 года.

7. М. Г. Иванъ Романовичъ. Письмо ваше съ поздравленіемъ меня съ новымъ годомъ, писанное 3-го января, я получилъ 14-го дня сего года; оно подтверждаетъ вашу ко мнѣ искреннюю любовь и преданность, которую съ молодыхъ еще лѣтъ вы оказывали и которыхъ опыты я многократно испыталъ. Я не могу и не умѣю описать вамъ тѣхъ чувствъ благодарности, которые за сіе въ сердцѣ моемъ къ вамъ питаю; скажу только, что послѣ моихъ дѣтей, вы въ немъ первое мѣсто занимаете. Я держу за правило читать ваши письма, когда мы всѣ вмѣстѣ, сіе послѣднее принесло намъ большое удовольствіе и въ то же время растрогало; когда вы, описывая ваше положеніе въ ноябрѣ и декабрѣ, чуть было не отправились на тотъ свѣтъ, всѣ мы воскликнули: не дай Богъ! а Авдотья Афанасьевна заплакала, разсуждая о страждущей вашей жизни, которую вы ведете съ молодыхъ лѣтъ; нельзя не содрогнуться и не сказать, что вы особенно оставлены судьбою на испытаніе. По пріѣздѣ къ намъ вашего митрополита, я искалъ нарочно съ нимъ видѣться, чтобъ узнать о васъ и о вашемъ здоровьѣ; онъ меня успокоилъ и увѣрилъ, что вы здоровы и веселы; мнѣ было пріятно отъ него это слышать и узнать, что онъ васъ любитъ и уважаетъ.

14-го числа прошедшаго мѣсяца, въ день присяги нынѣшнему императору Николаю Павловичу, было у насъ великое и печальное произшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ. Вы усмотрите изъ печатныхъ манифестовъ и газетъ, въ которыхъ оно написано безъ всякого закрытія, къ какой погибели оно вело наше государство, но Богу угодно было послать на погашеніе сего зла—нынѣ царствующаго императора; онъ въ семъ дѣлѣ показалъ необыкновенный разумъ, дѣятельность и рѣшимость, которая всѣхъ удивила. Не сходя въ тотъ день съ улицъ, наполненныхъ почти всѣмъ народомъ столицы, онъ самъ своею особою всѣмъ распоряжалъ, и предъ лицемъ народа, въ короткое

время, погасилъ такое дѣло, которое было бы бѣдственно для всей Россіи, естьли бъ не была употреблена на то подобная рѣшимость. Теперь мы совершенно спокойны. Скажу вамъ най-откровеннѣйше, что мы имѣемъ царя несравненнаго, какъ по уму, такъ и по ангельскому сердцу. На счетъ Василія Ивановича (Григоровича) будьте спокойны: онъ очень уменъ, чтобы быть причастнымъ какому нибудь безчестному дѣлу; онъ самъ къ вамъ пишетъ. Благодарю васъ очень за принимаемое участіе касательно будущихъ работъ, кои для меня предполагаете; они для меня надобны, но теперь почти неудобоисполнительны; мнѣ скоро исполнится 73 года и я чувствую всю тягость оныхъ; я становлюсь походить на покойнаго князя Григорія Семеновича Волконскаго, бывшаго въ Оренбургѣ генералъ-губернаторомъ, которому сказалъ татаринъ: ты прежде была *хороша*, *умна*, а теперь ты стала *стара*, *глупа*, *глуха*, *слѣпа*; и татаринъ сказалъ правду.

Съ Федоромъ Романовичемъ, во время присутствія покойнаго императора въ Таганрогѣ, я имѣлъ частую и пріятнѣйшую переписку, онъ извѣщалъ меня обо всемъ до него касающемся, а также и до меня; онъ сообщилъ мнѣ слова, коими милостиво изволилъ отозваться обо мнѣ и моихъ сыновьяхъ покойный императоръ: извѣщалъ меня о присудствіи ихъ величествъ въ его саду, о оказанной милости ея величествомъ Ульянѣ Андреевнѣ, и о всѣхъ наипріятнѣйшихъ подробностяхъ, бывшихъ въ Таганрогѣ; и вдругъ какой всему переворотъ! И хотя все, случившееся съ нимъ, онъ видѣлъ, какъ во снѣ, но будущность его не должна приводить его въ сомнительное положеніе; онъ очень извѣстенъ всѣмъ съ хорошей стороны; всѣ знаютъ, что онъ честный и благородный человѣкъ; я его познакомилъ съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, но жаль, что графъ тамъ не остается; конечно, онъ могъ надѣяться быть тамъ градоначальникомъ, но мнѣ кажется, что это отъ него не уйдетъ.

Зятьямъ моимъ я сдѣлалъ выговоръ, что они къ вамъ не пишутъ. Алексѣй Егоровичъ извиняется тѣмъ, что ему некогда писать, а притомъ и не знаетъ, что̀ писать; а Абрамъ Ивано-

вичъ тѣмъ, что не имѣетъ чести знать васъ лично; но я имъ говорю, что это одни отговорки. О Абрамѣ Ивановичѣ скажу вамъ, что онъ выстроилъ церковь старообрядческую съ такимъ изящнымъ вкусомъ чистой греческой архитектуры, что она почитается теперь по своей красотѣ лучшею въ Россіи, и естьли бъ масштабъ былъ въдвое болѣе, и вмѣсто кирпича была она выстроена изъ камня и мрамора, какъ выстроенъ св. Петръ, то по красотѣ архитектуры она почиталась бы въ Европѣ первою; и дѣйствительно, онъ имѣетъ талантъ превосходный. О Алексѣѣ Ивановичѣ моемъ скажу, что трехлѣтіе его службы въ Сибири кончилось, онъ желаетъ возвратиться служить въ Россіи, но тѣмъ же предсѣдателемъ, какъ тамъ служитъ; запятая только въ томъ, что онъ не имѣетъ чина коллежскаго совѣтника, о чемъ я очень хлопочу и знакомлюсь съ людьми, которыхъ прежде не зналъ; и именно я былъ у Люменарскаго, который теперь то, что были вы [1]); онъ мнѣ обѣщаетъ и обнадеживаетъ, что мой сынъ можетъ получить чинъ за отличіе; не знаю, до какой степени можно вѣрить людямъ, служащимъ по министерствамъ. Петръ Ивановичъ служитъ на поселеніи въ прусскаго короля полку подполковникомъ и правитъ баталіономъ, очень скучаетъ своею службою, которая въ поселеніи тягостна. Моя Катенька всякій разъ о васъ спрашиваетъ и цѣлуетъ вашу ручку, ей все хочется васъ видѣть. Авдотья Афанасьевна усерднѣйше вамъ кланяется и желаетъ вамъ лучшаго здоровья, равномѣрно и я желаю отъ всего сердца того же и прошу васъ писать ко мнѣ, какъ можно почаще, въ ожиданіи чего, съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Мартосъ.

15 генваря, 1826 года.

8. М. Г. Иванъ Романовичъ! Я узналъ случайно, что рисунки Десятинной въ Кіевѣ церкви, дѣланные Ефимовымъ для ея возобновленія, находились у Алексія Николаевича (Оленина), онъ мнѣ обѣщалъ заставить мальчиковъ съ нихъ срисовать, чтобъ ихъ вамъ доставить; но рисунковъ не много, одинъ планъ

---

[1]) Т. е. директоръ департамента м-ва юстиціи.

только; занятія ли его на службѣ, или другія отвлеченія, но я еще не получилъ отъ него копіи съ его плана, но надѣюсь непремѣнно получить; не желая болѣе ожидать, я рѣшился послать вамъ зависящіе отъ меня рисунки памятника Ломоносову, который уже отлитъ щастливо изъ бронзы и теперь отчеканивается. Мысль для группы подала мнѣ ода безсмертнаго Ломоносова, содержащая размышленія о величіи Божіемъ при случаѣ сѣвернаго сіянія, въ которой превзошелъ онъ, такъ сказать, самого себя и въ стихахъ неподражаемыхъ выразилъ всю полноту чувствъ и слабость силъ человѣческихъ для изображенія великолѣпнаго зрѣлища, имъ созерцаемаго. Вотъ слова поэта:

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ“.—

Въ моей группѣ Ломоносовъ представленъ въ минуту священнаго восторга, который произвело въ немъ небесное явленіе, геній поэзіи подаетъ ему лиру; вензелевое имя Елисаветы на лирѣ и сѣверное полушаріе, на коемъ начертано имя Холмогоры, служащее подножіемъ, имѣютъ отношеніе къ вѣку и родинѣ поэта. Фигура Ломоносова имѣетъ вышины 3 арш. и 3 вершка; слѣдовательно, она колоссальная, съ пьедесталомъ, который также довольно великъ; я надѣюсь, что на площади монументъ сдѣлаетъ хорошій видъ, онъ поставится въ Архангельскомъ городѣ, и сіе по высочайшему повелѣнію. Я бы очень желалъ прислать вамъ рисунокъ дѣлаемаго теперь монумента императору Александру I-му, но эстампъ съ него не сдѣланъ, да и дѣлать нельзя, ибо на большой модели не то выйдетъ, что на эскизѣ, а потому надобно подождать; тогда будетъ настоящій эстампъ.

Въ одно и то же время я дѣлаю и статую князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго. Сія статуя колоссальнѣе статуи государя; кромѣ того, она и затѣйливѣе, ибо со-

стоитъ изъ 5-ти фигуръ; но теперь дѣлается одна статуя князя, на которую уже собраны по подпискамъ деньги. Сей памятникъ поставится въ Херсонѣ. Эстампы его я отдалъ всѣ графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Федоръ Романовичъ писалъ мнѣ, что въ Таганрогѣ полученъ рисунокъ съ рисунка высочайше утвержденнаго, и что онъ пришлетъ вамъ съ него копію; онъ можетъ прислать вамъ и эстампъ монумента князя Потемкина Таврическаго, который онъ можетъ достать отъ графа Михаила Семеновича; онъ раздаетъ его всѣмъ, желающимъ его имѣть.

Я теперь занятъ такимъ важнымъ и труднымъ дѣломъ, что ожидаю только помощи Божіей къ довершенію его; я всякой день молю всемогущаго Бога, чтобъ укрѣпилъ мои тѣлесныя силы, которыя меня скоротечно оставляютъ, да и васъ прошу за меня помолиться такъ, какъ вы знаете; вы были завсегда добрымъ и честнымъ человѣкомъ, я увѣренъ, что молитвы такихъ людей Богомъ пріемлются. За вниманіе ваше къ моей дочери, а къ вашей крестницѣ, особенно благодарю; въ особенности же благодаритъ васъ мать ея Авдотья Афанасьевна за присланный ея дочери подарокъ, которой не малоцѣненъ и которой ваша крестница будетъ всегда держать, какъ драгоцѣннымъ вашимъ памятникомъ (*sic*).

Прощайте, Иванъ Романовичъ, будьте здоровы и ежели можно, то и веселы. Я, Авдотья Афанасьевна и Катенька вамъ сердечно кланяемся и просимъ содержать насъ въ своей памяти. Съ истиннымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію остаюсь навсегда вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Мартосъ.

13-го марта, 1829 года.

P. S. Случилось какъ будто нарочно, что я сіе письмо не послалъ по написаніи на почту; на третій день Алексѣй Николаевичъ прислалъ мнѣ планъ Десятинной церкви съ подробнымъ описаніемъ. Планъ и записку также къ вамъ препровождаю. Рисунка фасады, прожектированного г-номъ Стасовымъ, не имѣется, вѣроятно онъ долженъ находиться въ Кіевѣ. По розыскапіи моемъ, я увѣрился, что его рисунокъ, а не другого кого, апробованъ.

9. М. г. Иванъ Романовичъ! Присланный вами подарокъ дочери моей Катерины, въ видѣ вашего благословенія, есть знакъ вашей всегдашней къ намъ любви. Я и Авдотья Афанасьевна чувствуемъ вашу къ намъ привязанность и благодаримъ отъ всего серда, желая, чтобъ Богъ укрѣпилъ ваше здоровье и продлилъ вашу жизнь для утѣшенія тѣхъ, коимъ вы полезны.

Про себя скажу вамъ, что я совсѣмъ окончилъ монументъ Александра I-го для Таганрога; но теперь нахожусь въ великомъ затрудненіи отвести его въ Таганрогъ, не столько по тягости статуи, сколько гранитнаго піедистала, который ея гораздо тяжелѣе. Нѣкоторые совѣтуютъ мнѣ, чтобъ отправить изъ Кронштата моремъ, и чрезъ Константинополь въ Таганрогъ, но это чрезвычайно далеко, я еще не рѣшился.

Статую князя Потемкина Таврическаго я окончилъ модѣль, и надѣюсь, что, при помощи Божіей, она будетъ поставлена въ Херсонѣ. Что жъ касается до моего здоровья, то оно въ большомъ упадкѣ: отъ службы по академіи я долженъ отказаться, потому что ходить на верхъ не могу по причинѣ недуга, которой только позволяетъ мнѣ сидѣть. На мнѣ исполняется аксіома Жанъ Жакъ Руссо, которой не согласенъ съ правиломъ философа Сенеки, предписывавшаго учиться или трудится до старости лѣтъ; онъ говоритъ: на что управлять искусно колесницей, доѣхавши уже до твоей мѣты. Мнѣ кажется, Руссо справедливѣе.

Прощайте, любезный Иванъ Романовичъ, будте всегда такъ добры ко мнѣ, какъ нынѣ; и продолжайте ко мнѣ писать попрежнему и что вамъ вздумается, а я всегда съ прежнею моею къ вамъ привязанностію остаюсь покорнѣйшимъ слугою Иванъ Мартосъ.

Авдотья Афанасьевна въ особенности вамъ кланяется и отъ всего сердца благодаритъ за любовь вашу къ Катеньки; она жалѣетъ, что лично васъ не можетъ поблагодарить.

10-го октября, 1830 года.

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ.

(*Окончаніе*[1]).

2. ***Черниговщина.*** Область эта, обнимавшая древнія княжества черниговское и новгородъ-сѣверское и утраченная Литвою къ концу XV в., присоединена къ рѣчи посполитой въ началѣ XVII в. Лишь послѣ деулинскаго перемирія 1619 г. и поляновскаго договора 1634 г. вошла она въ составъ украинскаго Заднѣпровья, какъ бы дополняя сѣверную его полосу съ неопредѣленными границами. Порубежная линія передвинулась теперь далѣе къ сѣверу, до розграничья стародубско-смоленскаго, и по присоединеніи Смоленска примыкала къ литовскому рубежу. Въ 1635 г. въ этой полосѣ образовано отдѣльное воеводство, къ которому присоединена и часть воеводства кіевскаго по верхнему Остру и лѣвымъ притокамъ Сейма.

Съ запада новое воеводство примыкало къ рѣчицкому повѣту (минскаго воеводства), любецкому округу и сѣверо-восточной полосѣ заднѣпровской волости (Навоза) печерскаго монастыря; съ юга—граница шла по верхнему теченію лѣваго притока Десны Смолянки, далѣе переходила къ Деснѣ и на ту сторону Сейма; затѣмъ, послѣ присоединенія къ Чернигову староства нѣжинскаго, граница шла по р. Остру, мимо болота

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 5.

Плоскаго, нѣсколько ниже устья Дѣвицы (Новаго Потока) и этой послѣдней рѣкой до ея верховья, засимъ по водораздѣлу Остра и верховьевъ Удая и Ромна (притоковъ Сулы) до путивльскаго рубежа московскаго царства. Восточная граница направлялась по водораздѣльной грядѣ Ромна и Сейма, пересѣкала Сеймъ ниже Путивля, далѣе направлялась по притоку Сейма Клевени до верховья; затѣмъ къ сѣверу по сѣвскому рубежу и поворачивала къ Деснѣ. Наконецъ, сѣверная граница направлялась по правому берегу Десны къ западу, выше устья Сожа отдѣляя Черниговщину отъ стародубскаго повѣта смоленскаго воеводства, черезъ Сновъ (прит. Десны) по притоку Сожа Терухѣ до розграничья рѣчицкаго повѣта съ любецкимъ староствомъ.

Такимъ образомъ, воеводство обнимало площадь около 500 кв. миль. Это по преимуществу лѣсная сторона, представлявшая какъ бы продолженіе за Днѣпромъ кіевскаго полѣсья, за исключеніемъ, впрочемъ, незначительной полосы по лѣвому берегу Сейма. Кромѣ многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, здѣсь встрѣчаемъ много озеръ и болотъ.

Воеводство дѣлилось на повѣты черниговскій и новгородскій (сѣверскій). Первый, юго-западный, имѣлъ до 225 кв. миль, второй, сѣверо-восточный, до 275 кв. миль. Граница обоихъ повѣтовъ не была точно опредѣлена и можетъ быть возстановлена лишь приблизительно.

Черниговщина отошла къ Польшѣ послѣ опустошительныхъ войнъ и представляла собою настоящую пустыню съ обширными пущами, среди которыхъ разсѣяно было нѣсколько городковъ и сторожевыхъ остроговъ по Сейму и Деснѣ. Извѣстныя намъ впослѣдствіи прочныя поселенія возникли, за малыми исключеніями, уже послѣ деулинскаго перемирія. Большая часть воеводства была роздана въ цѣляхъ колонизаціи на ленномъ правѣ крупнымъ землянамъ и чиновнымъ людямъ, какъ мѣстнымъ, такъ и выходцамъ съ праваго берега Днѣпра и болѣе отдаленныхъ областей короны. Частная собственность въ строгомъ смыслѣ слова едва начинала возникать въ эту пору, какъ это устанавливается актомъ еще 1646 г. (Vol. leg., IV,

100). Для очерка колонизаціи Черниговщины сохранилось очень мало архивныхъ матеріаловъ, нѣтъ ни люстрацій королевскихъ имѣній, ни податныхъ тарифовъ. Приходится поэтому ограничиться трибунальскими актами черниговскаго воеводства, перечисленіемъ имѣній Пясочинскихъ въ актѣ варшавской коммисіи 1668 г., нѣсколькими отрывками изъ частныхъ архивовъ и отдѣльными замѣтками въ изданныхъ трудахъ историковъ (особенно А. М. Лазаревскаго). На этомъ полѣ изслѣдователямъ предстоитъ еще немало труда.

Удобнѣе всего вести описаніе по теченіямъ рѣкъ.

Въ черниговскомъ повѣтѣ, съ западной стороны его, на границѣ съ пов. рѣчицкимъ (минскаго воеводства) встрѣчаемъ бассейнъ Снова, праваго притока Десны. Среднее теченіе Снова, съ притоками Вербичевкой, Смячемъ, Туріей и Бречью, составляло городенскій округъ, обнимавшій площадь свыше 55 кв. миль. Мѣстность эта мало изслѣдована. Центромъ округа была Городня Хващей (Фащей), которымъ принадлежала и сосѣдняя волость. Трудно сказать, входили-ли въ составъ этой волости Горскъ ниже устья Ваги и Смячъ при устьѣ Смяча. Суличовка у любецкой границы находилась въ держаніи Грязныхъ, затѣмъ (съ 1630 г.) Мазапетовъ. Нижнее теченіе Снова составляло сѣдневскій округъ (20 кв. миль). Городъ Сѣдневъ на Сновѣ съ волостью и Тупичевъ принадлежали Пацамъ (Тризнамъ), Клочково на Сновѣ—Харленскимъ, Березна—Потоцкимъ.

На юго-западѣ отъ городенскаго тянулся по Деснѣ и ея правымъ притокамъ Замглаю, Стрижнѣ и Бѣлоусѣ округъ черниговскаго староства (около 25 кв. миль). О состояніи главнаго города воеводства, Чернигова, почти не сохранилось извѣстій къ концу первой половины XVII в. Есть преданіе, будто-бы Черниговъ лежалъ 12 лѣтъ впустѣ послѣ разоренія его при занятіи Горностаемъ. Лишь въ 1623 г. Сигизмундъ III даровалъ городу магдебургію, вмѣстѣ съ значительными земельными угодьями. Въ городѣ былъ замокъ и доминиканскій монастырь (позднѣе борисоглѣбская каѳедра), фундаціонная грамота котораго подтверждена въ 1635 г. (Vol. leg., III, 884). Въ церковномъ отношеніи Черниговщина зависѣла отъ Смоленска. Точ-

наго описанія староства не сохранилось, но въ немъ упоминаются: на Замглаѣ Вел. Село, Тереховка и Лопатинъ; на Стрижнѣ Роище; на Бѣлоусѣ Бѣлоусъ, Жолвинка, Гущинъ, Кіенка, принадлежавшая повидимому доминиканамъ, Юрьевка и Кошовка; на Бычалкѣ (пр. Бѣлоуса) Рутка и Чортыковщина (Черневчина?), доставшаяся послѣ Петровскихъ Рѣчинскимъ. Себережъ при городищѣ Рогощемъ (Роище на Стрижнѣ) въ 1645 г. отданъ Владиславомъ IV Пясочинскимъ. На лѣвой сторонѣ Десны встрѣчаемъ Виблы (замковое село) и Колчевку Солтыковъ.—Къ югу отъ черниговскаго староства, по теченію Десны и ея притоковъ Козла и Лебедя вплоть до Смолинки и границы остерскаго староства, находился округъ слабинскій (около 25 кв. миль). Здѣсь главнымъ образомъ владѣнія рода Грязныхъ: г. Слабинъ у устья Козла, Шестовица на Деснѣ, Здвижъ и Лукашевка на Лебедѣ и нѣсколько южнѣе Скоронецъ при оз. Гребнѣ. Середницу (Серединку) на Смолинкѣ держатъ Илинскіе. Смолинъ на Деснѣ, у остерскаго рубежа, повидимому тянулъ къ черниговскому замку.

Округъ вересоцкій, къ востоку отъ черниговскаго и слабинскаго, обнималъ теченіе Вересочи (пр. Десны) и Десны отъ Березны до Мены (35 кв. миль). Большая часть округа принадлежала Солтыкамъ: Блистановка на Деснѣ, Стольное на Пулькѣ, Кольчинъ (Ковшинъ) на Деснѣ выше Андріевки въ державіи Оранскихъ и Солтыкова Дѣвица („грунтъ Дѣвицкій“), возобновленная Солтыками на старомъ городищѣ; Вересочь на Вересочи; восточнѣе Британовка на урочищѣ Стадница и на Смолежѣ Илинцы и Комаровка. Кромѣ того, на Деснѣ Солтыкамъ принадлежали неизвѣстные нынѣ грунты „Бочаково селище“ и „на Озеринѣ“. На Хибаловку ниже г. Вересоча въ 1660 г. заявлялъ притязанія нѣжинскій войтъ Васютинскій. Далѣе къ Нѣжину тянулись веркіевскія владѣнія Казановскихъ: г. Веркіевка на р. Богачкѣ (пр. Вересочи), Кошелевка Вел. и Мал. и Британовка (вѣроятно, пріобрѣтенная отъ Солтыковъ); кромѣ того, болота Волочковскія и пасѣки Савинскія.

Округъ менскій (40 кв. миль) обнималъ теченіе Мены, Березы и нижней Борзны. Западную полосу этого округа, по

обоимъ берегамъ Десны, составляли владѣнія Грязныхъ: Ушня на Деснѣ („грунты Ушанскіе"), Дубровка недалеко отъ устья Мены, Воловица при устьѣ Березы и Степановка на оз. Ворона. Волосковичи на Дяговой (пр. Мены) принадлежали Солтыкамъ. Значительная часть менскаго округа принадлежала Казановскимъ, отъ которыхъ пріобрѣли ее Кисели: г. Мена на Менѣ, Киселевка, Максаки на Деснѣ, гдѣ въ 1642 году кіевскій каштелянъ (Адамъ) основалъ монастырь, которому отдалъ с. Холмы на Березѣ, Красноставъ на Дочи, Едуты на Борзнѣ и Пральники (Прачи), составлявшія т. наз. „задесенскій" или „красноставскій ключъ". Куковичи повыше Максакъ на Деснѣ повидимому также входили въ составъ менской волости.

Борзенскій округъ обнималъ теченіе Борзны (около 40 кв. миль). Г. Борзна основанъ новгородскимъ подкоморіемъ Вышлемъ. Главнѣйшія поселенія округа: Конашевка ниже г. Борзны, Оленовка и Загоровка на Загоровкѣ, Плиска на Плискѣ (владѣнія Коссаковскихъ), Бахмачъ у истоковъ Борзны, Городище и Дочь на верхней Дочи. Высокое у Красноставскаго рубежа на Дочи перешло отъ Страшей къ Адаму Киселю, который подарилъ его максаковскому монастырю.

Староство нѣжинское составляло самую южную часть черниговскаго повѣта. Г. Нѣжинъ, возобновленный на городищѣ послѣ стариннаго Унѣнежа, въ 1624 г. получилъ отъ Сигизмунда III обширныя земельныя угодья, а въ слѣдующемъ году магдебургію. Вскорѣ послѣ этого на городскихъ грунтахъ возникли: Володкова Дѣвица (поздн. Нов. Потокъ) на рѣкѣ того же имени, Талалаевка, Кропивная и Синяки на Кропивной, Переяславка на Острѣ, Бурковка на Рыбцѣ, Круты, Кагарлыки, Печи (Печилѣсы) и Гороше Озеро. Далѣе, въ верховьяхъ Остра: Обмышъ Угорницкихъ съ женскимъ монастыремъ и Ивангородъ Пацовъ; у верховья Дѣвицы „Лосьи Головы" (поздн. Лосиновка), отданное (40 уволокъ) въ 1627 г. королевичемъ Владиславомъ Малаховскимъ, затѣмъ переходившее къ Чижамъ, Вишневецкимъ, Угорницкимъ и этими послѣдними записанное обмышскому монастырю. Къ нѣжинскому округу, обнимавшему площадь не менѣе 35 кв. миль, слѣдуетъ причислить и уз-

кую полосу по верхнему Удаю, гдѣ упомянуты Крупичполь и Дорогинка Коссаковскихъ. Дорогинка, „munitum oppidum et arx ad Udai dextram“ (Целларій), отдана Коссаковскимъ Сигизмундомъ III, а Крупичполь полученъ ими позже (1638 г.). Самый Нѣжинъ къ половинѣ XVII в. былъ уже довольно значительнымъ городомъ; здѣсь находился доминиканскій монастырь, фундаційныя грамоты котораго подтверждены были еще въ 1635 году (Vol. leg., III, 884).

Нѣсколько больше свѣдѣній сохранилось для историко-географическаго очерка новгородсѣверскаго повѣта. Значительная часть повѣта, при раздачѣ сѣверскихъ пустошей на ленномъ правѣ землянамъ, досталась Пясочинскимъ (Александру, каштеляну кіевскому и старостѣ нов.-сѣв.), которые приложили большія усилія къ заселенію этой окраины, пріобрѣтенной послѣ деулинскаго перемирія. Архивъ Пясочинскихъ по счастью уцѣлѣлъ, хотя не вполнѣ, и въ частности сохранился списокъ ихъ владѣній, представленный въ 1668 г. варшавской коммисіи. Правда, въ спискѣ этомъ замѣтна большая путаница,—надо надѣяться, что дальнѣйшими изслѣдованіями она будетъ устранена. Приведемъ здѣсь показанія этого списка.

Собственно нов.-сѣверскій округъ обнималъ бассейнъ Десны почти отъ устья Судости до устья Малотечи и Шостки (до 80 кв. миль). Новгородокъ Сѣверскій на Деснѣ, центральный пунктъ округа, отданъ Пясочинскимъ вмѣстѣ съ волостью (старостводомъ) вслѣдъ за поляновскимъ трактатомъ (1634 г.). Здѣсь были два монастыря: доминиканскій, основанный въ 1619 г., разрушенный въ 1632 г. и возобновленный послѣ 1634 г., и іезуитскій, основанный Пясочинскими. Фундаціи ихъ подтверждены въ 1635 и 1647 г. г. (Vol. leg., III, 884 и IV, 132). Старинный спасскій монастырь разрушенъ еще при осадѣ Н. Сѣверска Самозванцемъ въ 1604 г.; послѣ 1619 г. черицы покинули пепелище, а монастырскія владѣнія были отданы католическимъ монастырямъ. Неизвѣстно, даровалъ ли Сигизмундъ III магдебургію городу. Къ нов.-сѣверской яко-бы „дѣдичной“ волости Пясочинскихъ (въ сущности, представлявшей староство), кромѣ города, принадлежали: Комань на Деснѣ, Ивотъ на Ивоти, Би-

рынъ при устьѣ Торкни, Очкинъ на Деснѣ, Порохонъ на верхней Знобовкѣ и неизвѣстные нынѣ Олешкевичи, Страчевъ, Новоселки, Жорновъ и Гараповичи, вѣроятно, хутора. Кромѣ того, принадлежали Пясочинскимъ на ленномъ правѣ въ томъ же округѣ: Корки на Деснѣ, ниже Комани, Фаевщина (Фаевка) на Малотечѣ, Стахурщина, Знобъ на Знобовкѣ, Меѳедовка, основанная козакомъ Меѳодіемъ, Сибилово на Знобовкѣ, Ромашковъ, Хильчицы, Кривоносовка и Собичъ. Доминиканскому монастырю принадлежали Домоткановъ и Погребки на Деснѣ, невдалекѣ отъ города. Повидимому, іезуитскому монастырю принадлежали Игнатовка на Деснѣ и Березки. Кромѣ того, упоминаются на духовныхъ грунтахъ: Горбовъ, основанный еще въ 1552 г., Чулатовъ, Дехтяровка, Кудлаевка, Глазовъ (1620 г.), Олтарь, Свиржъ. Изъ землянскихъ владѣній можно указать слѣдующія: Чигинъ на Свидѣ, основанный Стан. Драгомиромъ, Жиховъ, Юхновъ Вронскихъ, Мизинъ Соловіевъ или Соломіевъ, а затѣмъ Карскихъ. Къ этому же округу слѣдуетъ отнести и „жадовскую волость“, находившуюся въ ленномъ держаніи Пясочинскихъ, по Ревнѣ или Рванцу, притоку Снова, съ поселками: Жадовъ, Погорѣльцы и Машевъ. Кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. упомянуто еще 12 поселковъ, быть можетъ простыхъ хуторовъ, принадлежавшихъ Пясочинскимъ въ жадовской волости: Татемичъ, Бучинъ, Таршицы, Павшенскъ, Роятичи, Горбацкое, Приборскъ, Любечъ, Львовщина, Наробы, Мальковщина и Кобецинъ.

Глуховскій округъ, площадью свыше 60 кв. миль, къ юго-востоку отъ нов.-сѣверскаго, до путивльскаго рубежа, тянулся по Клевани за Сеймъ и обнималъ верхнее теченіе Ивоти (пр. Десны). Городъ Глуховъ возобновленъ Пясочинскими на „стародревнемъ городищѣ“. Они держали глуховскую волость на ленномъ правѣ. Здѣсь, кромѣ Глухова, называемаго Новымъ Остророгомъ, упомянуты: Сварковъ, Холзовка и Волокитинъ на Клевани, у путивльскаго рубежа, Викторовъ и Кочерги на Есмани, ниже Глухова, Воргла и Литвиновичи на Ворглѣ, Хижки, Старики, Камень (Митинъ Божекъ), Любитовъ, Новоселки, Озаричи, Заболотовъ, сѣвернѣе Спасское поле, къ сѣверо-востоку Локня и Погребки, ближе къ Глухову Слѣпородъ

на Вербовкѣ, Чортовщина (Чорторыи) и Землянка на Сливкѣ. Въ сѣверной полосѣ округа къ глуховской волости Пясочинскихъ принадлежатъ: Воронежъ на Осотѣ (пр. Десны), Крупецъ, Локотки, Маковъ, Собичевъ на Шосткѣ, Княжичи на Свесѣ, Бочевка близъ Клевени. Кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. приведенъ рядъ забытыхъ нынѣ названій мѣстностей. Наряду съ Пясочинскими были здѣсь и другіе, мелкіе владѣльцы—земляне и доминиканскій монастырь. Такъ, Розтопчамъ принадлежитъ Клинъ Старый (поздн. Ямполь) и слободка Клинская, Кояковичи (?), Михновскимъ—Пустогородъ на Свесѣ, Ягницкимъ—Есмань, Осинскимъ—Береза, Оссолинскимъ—Студенекъ на Клевени, Богуцкимъ—Некраши, Песцамъ—Щербы, Лущевскимъ и Песцамъ — Дунаецъ, Лущевскимъ — Уздицы, Ярославскимъ—Ярославецъ, Глоговскимъ—Зимное (Зиминъ) и Горичевъ (?). Доминиканамъ здѣсь принадлежали Быстрикъ, Тулиголовъ, Обложки, Полошки, Улановъ, Ястребщина и Суходольщина.

Коропскій округъ, къ западу отъ глуховскаго, тянулся по обѣимъ сторонамъ Десны, южнѣе Нов.-Сѣверска (40 кв. миль). Собственно коропская волость, главнымъ образомъ на лѣвой сторонѣ Деснѣ, находилась въ держаніи Пясочинскихъ. Кромѣ г. Коропа на Деснѣ (повидимому, основаннаго на городищѣ древняго Хоробра), Рождественнаго и Корильска, къ ней тянули: Билка (Билочъ?) на Накотѣ, Алтыновка близъ Сейма, Рыботинъ и Сохачи на Деснѣ ниже Коропа, южнѣе Христовщина и Добротовъ къ востоку отъ Коропа. Кромѣ того въ спискѣ 1668 г. упомянуты забытыя нынѣ: Напень, Студенецъ, Батьковское, Чудиново, Безобразово, Коренево и др., быть можетъ простыя урочища. Принадлежавшая Пясочинскимъ на правой сторонѣ Десны волость почему то названа „княжицкой". Въ ней упомянуты: Пакошичи, Ярухи, Крышки, Понорница, Верба, Рыхловскій островъ, Андреевка и Хлопенники; кромѣ того, въ спискѣ 1668 г. перечислены забытыя нынѣ Липки, Микульщина, Опятовскій островъ (Обтовъ?), Билочъ, Варвинское, Лабановка, Пруски или Олизаровъ, Новики, Селимъ и Быковъ. Землянскіе грунты: Блони (Оболонь), Городище, Савенки, Глинна или Будище Розтопчей, владѣльцевъ Клина и пр. въ глу-

ховскомъ округѣ, неизвѣстно чей Тагановъ, Радичевъ землянъ Соловіевъ или Соломіевъ, державшихъ также Мизинъ, и Псяровка („Псаровщина") Петриковскихъ, которымъ принадлежали также Хорошки (?),—всѣ на правой сторонѣ Десны. На лѣвой ея сторонѣ: г. Райгородокъ Зеленскихъ, г. Кролевецъ („civitas regia"), основанный С. Вышлемъ, съ цѣлой волостью Вышлей: Реутинцы, Обтовъ, Погорѣловка, Лучники, Чапліевка и Клишки.

Сосницкій округъ обнималъ все теченіе Убеди и нижнее теченіе Сейма и Накота (свыше 40 кв. миль). Сосницкая волость находилась въ держаніи Пясочинскихъ: г. Сосница, Лавы, Рудня, Богданово, Устье (Малое), Ниж. и Вер. Якличи, Змитневъ и Конятинъ на правой сторонѣ Десны, Устье (Вел.), Новые Млыны, Пекаревъ и Пекаровская слобода, Синятичи и Головенка—на лѣвой. Кромѣ того въ спискѣ 1668 г. упомянуты: при Сосницѣ—Красноселка, Зродки, Иваничи, Кивеновщина, Козовъ, Рахмановъ, Посольское, Босуровъ, Микулинъ, Волки; при Нов. Млинахъ—Медвѣдки, Верекинъ, Тековичи, Хоричи, Склаковщина, Теребинскъ, Османъ, Заникалы, Лепки—названія большею частью очевидно испорченныя. Изъ духовныхъ владѣній упомянуто только Спасское, перешедшее къ нов. сѣверскимъ доминиканамъ послѣ уничтоженія Спасскаго православнаго монастыря. Землянскіе грунты: Козленичи на Убеди („Буда Козленицкая")—Осуховскихъ, затѣмъ (1646 г.) Кіевскихъ, и Шабалиновъ выше Накота—Пенскихъ.

Южную полосу нов.-сѣверскаго повѣта составлялъ округъ батуринскій, на лѣвой сторонѣ Сейма съ притоками его Накотиловкой и Езучемъ (25 кв. миль). Волости батуринская и конотопская возникли на пустошахъ, пожалованныхъ Владиславомъ IV канцлеру Юрію Оссолинскому (послѣ 1634 г.) и въ видѣ приданаго перешли: батуринская къ Любомирскимъ, а конотопская—къ Калиновскимъ. Батуринъ основанъ еще въ 1625 году осадчимъ Ал. Пясочинскаго Матвѣемъ Стахурскимъ (см. Э. Руликовскаго „Ian Stachórski" въ Dz. warsz. 1855 г. №№ 257—263). Имя города намекаетъ на какого то Батура, повидимому туранскаго происхожденія. Отмѣченное въ „Исторіи

Руссовъ" извѣстіе, будто-бы Батуринъ основанъ еще при кор. Стефанѣ Баторіи, который назначилъ его столицей гетмановъ войска запорожскаго, представляетъ простую легенду. Къ батуринской волости принадлджали поселки: Обманчевъ на Сеймѣ, Тростянка, Пальчики, Митченки и Красное на притокахъ Сейма; къ конотопской: кромѣ Конотопа, возникшаго уже послѣ 1634 г., Поповка на р. Накотиловкѣ, Устянка (?) и вѣроятно Сосновка, основанная конотопскимъ подстаростою Сосновскимъ близъ стараго городища Торговицы.

Нѣкоторѣя свѣдѣнія о населенности черниговскаго воеводства имѣются лишь съ 1650 г., слѣдовательно относятся уже къ эпохѣ послѣ движенія Хмельницкаго, которое произвело крупныя перемѣны въ дѣлѣ колонизаціи (см. т. X Актовъ Ю. и Зап. Рос.). Послѣ отпаденія отъ рѣчи посполитой и организаціи новаго военнаго строя, старые рубежи заднѣпровскихъ воеводствъ, повѣтовъ и округовъ исчезли. Вмѣсто нихъ явились полки. При переписи 1654 г. за Днѣпромъ названо девять полковъ, но два изъ нихъ имѣли свои центральные пункты на правомъ берегу. Въ переписи перечислены поселенія возникшія еще до 1648 г. (См. ст. Влад.-Буданова въ „Кіев. Стар." 1888 г., іюль).

Къ черкасскому полку, кромѣ Черкасъ и Мошенъ на правой сторонѣ Днѣпра, тянули гг. Домонтовъ, Песчаное, Золотоноша и 9 другихъ поселеній, отнесенныхъ въ переписныхъ книгахъ большею частью къ брацлавскому полку.

Къ полтавскому полку причислены города Полтава, Гадячее, Веприкъ, Зиньковъ, Ряшавка, Лютенка, Борки, Богачка, Балаклѣйка, Опушнянское (Опошня), Черкасское (Черкасовка), Куземинъ, Стар. Санжаровъ, Кобылякъ и 6 слободъ: Бѣлоцерковцы, Бурки, Рѣшетиловка, Котельва Заворскаго, Бѣльско, Нов. Санжаровъ, мѣстечко Ковалевка и г. Подольскъ; Кременчугъ причисленъ къ чигиринскому полку.

Въ миргородскомъ полку находились города Миргородъ, Лубны, Лохвица, Сенча, Комышная, Краснополье, Жигимонтовъ, Хоролъ, Глинскъ, Ромовъ, Смѣлое, Константиновъ, мѣстечки Грезки и Пески, Барановка и Хомутецъ.

Кропивенскій полкъ заключаетъ въ себѣ 9 городовъ: Кропивну, Ирклѣй, Пирятинъ, Чернухи, Яблоновъ, Оржицу, Журавку, Куринку и Городище.

Въ переяславскомъ полку 11 городовъ: Переяславль, Гельмязовъ, Яготинъ, Быковъ, Березань, Басань, Барышевка, Борышполе, Воронковъ, Гоголевъ, Крукполе.

Въ полку прилуцкомъ: Прилуки, Монастырище, Галица, Ичня, Переволочна, Варва, Сребряное, Красный, Голявцы, Корибутово.

Къ кіевскому полку тянули на лѣвой сторонѣ Днѣпра Бровары, Рожовка, Остръ, Карпиловка, Козелескъ, Бобровица, Заворичи.

Къ полку черниговскому принадлежали города Черниговъ, Слабунь, Сидневъ, Любечъ (пустой) и, по Костомарову, въ 1650 г. Сосница, Борзна и Конотопъ, которые въ 1654 г. принадлежатъ уже къ полку нѣжинскому.

Въ нѣжинскомъ полку находились города Нѣжинъ, Солты, кова Дѣвица, Ольшевка, Козары, Мрынъ, Носовка, Кобызча-Володкова Дѣвица съ западной стороны; Сиволочъ (древній Всеволожъ), Борзна, Ивангородокъ, Бахмачъ, Новые Млины, Батуринъ, Рождественное, Кролевецъ—въ восточной; далѣе, Глуховъ, Новг. Сѣверскій и даже смоленскій Стародубъ и т. д.

По даннымъ Костомарова, въ названныхъ полкахъ числилось въ 1650 году сотенъ: въ черкасскомъ—19, полтавскомъ—17, миргородскомъ—16, кропивенскомъ—11, переяславскомъ—17 (если исключитъ Остеръ, принадлежавшей къ кіевскому полку), въ прилуцкомъ—19, въ кіевскомъ—на лѣвомъ берегу 7, на правомъ 15, въ черниговскомъ—6 (?), въ нѣжинскомъ 9 (но въ 1654 г. 35 мѣстъ сотеннаго управленія).

Данныя о степени заселенности Заднѣпровья въ половинѣ XVII недостаточно ясны и опредѣленны; тѣмъ не менѣе они указываютъ на живое колонизаціонное движеніе, получившее сильный толчокъ послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Опытъ характеристики этого движенія и его результатовъ данъ въ статьѣ г. Владимірскаго—Буданова: „Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго“ („Кіев. Ст.“ 1888 г., № 7, 79—116), изъ которой и извлечены приведенныя выше немногія данныя о распредѣленіи полковъ за Днѣпромъ въ 1650—1654 г.г.

Н. М.

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА.

Исторія южнорусской религіозной драмы XVI—XVII вѣка очень интересна во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ недостаточно разработана, главнымъ образомъ по скудости дошедшаго до насъ матеріала, а также потому, что далеко не весь извѣстный матеріалъ опубликованъ и научно обработанъ. Мнѣ посчастливилось отыскать вотъ уже вторую южнорусскую религіозную драму, изъ которыхъ одну („Мистерія страстей Христовыхъ") я напечаталъ уже на страницахъ „Кіевской Старины", вторую же намѣренъ теперь предложить вниманію читателей. Эта вторая открытая мною пасхальная драма чрезвычайно любопытна, какъ по своему содержанію, основанному на извѣстномъ апокрифическомъ евангеліи Никодима, такъ и по своей стихотворной формѣ, похожей нѣсколько на форму козацкихъ думъ и близкой къ формѣ виршей. Интересъ ея увеличивается еще при ея сопоставленіи именно съ виршей и съ народнымъ разсказомъ, который будетъ приведенъ ниже. Однимъ словомъ, настоящая драма дѣлается очень цѣннымъ звеномъ, соединяющимъ нѣкоторыя до сихъ поръ разрозненныя наши свѣдѣнія по исторіи южнорусскаго религіозно-литературнаго творчества, и даетъ основаніе для нѣкоторыхъ довольно интересныхъ обобщеній.

Руководствуясь соображеніями, мотивы которыхъ читатель увидитъ ниже, я привожу прежде всего слѣдующую „пасхальную виршу", которая была въ 1862 году напечатана въ іюль-

ской книжкѣ петербургской „Основы“ по записи, сдѣланной изъ устъ народа въ изюмскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи.

Егда Юда Христа жидамъ продавъ
И о тимъ вельмы захвырсовавъ [1]),
Повергъ сребряныкы, шедъ и удавися
И передъ Луциперомъ-сатаною у пекли явыся.
То Луцыперъ його любовно прывитавъ
И ось такъ именно словамы його поздоровлявъ:
«Обытай же Юдо, брате мій коханый,
Бо есы другъ мій прысно соизбраный!
Добрую мы зъ тобою пораду малы,
Що Исуса Назарянына на хрестъ изогналы.
И яже азъ пію чашу, то й ты будешъ пыты,—
Да тилько объ сьому не изволь скорбити:
Що мни буде въ день судный, те й ты будешъ терпиты.
Не унывай, но пожды, покы прыйде свиту кинецъ,
И водружымъ на главу твою мій прекрасный винець.
Отъ-отъ якъ не выдно, Назарянына приведуть
И його душу мени на викы вични оддадуть;
Ибо я пославъ по його безсмертныхъ и пресыльныхъ
Бынарей и Трубарей, воеводъ своихъ вирныхъ.
Да тилько не знаю, чого воны тамъ забарылысь?
Выдно, Юдеи Назарянына Христа ище не разбылы (?) [2])
Якъ сіе Луцыперъ съ Юдою розмовлялы,
То ихъ послами воеводы скоро причвалалы,
И началы въ трубы трубыть всимъ слугамъ пекельнымъ
И самому Луцыперю й князямъ его темнымъ:
«Затыкайте, пидпирайте пекельныи врата,
Да й никто не выглядайте зъ пекла изъ нашого брата!
Ось иде гость усимъ намъ неравный,
Господь крипкый и царь царей грозный,
И множество ангеловъ Его окружають,
А насъ, куды! до Его ани мало не допущають!
Протывъ одного ангела невозможно ничого намъ чыныты,

---

[1]) Кажется, исковеркано вм. захврасовавъ—началъ жалѣть.

[2]) Въ „Основѣ“ по ошибкѣ напечатано: „не зробылы“; соображаясь съ рифмой, можно предполагать здѣсь скорѣе всего „не позбылысь“!

А на Его самого и оддалеку невозможно зриты.»
А егдажъ Христосъ ставъ икъ пеклу прыступаты,
То зачалы предъ нымъ ангелы воспиваты:
«Возьмите врата князя ваша,
И оддайте авраамськіи души наша!
Отъ идеть до васъ царь славы,
Котрый сокрушывъ винецъ вашей главы.
Годи-жъ вамъ тутъ царствоваты
И преведни души къ соби забираты».
И закрычавъ Луцыперъ: «що тамъ за царь славы?
Чы не той, що зъ розбійныкамы жыды его на хрести роспялы.
Я оце за стыдъ соби ставлю врата ему отворяты
И вырій ему покаряты.
Нехай же винъ иде сюды дай настыгае,
А хто изъ насъ буде дужчый, той и барыши соби прыдбае».
И закрычавъ Луцыперъ: «Гей панове воеводы,
Бынари й Трубари!
Я васъ на пораду сюды волаю,
Якъ исъ сымъ Христомъ поступаты маю?
Якъ бы намъ оце хытрійше изробыты,
Щобъ Его душу въ небо не пустыты?»
Замормоталы слугы: «Нехай же винъ иде до неба,
А сюды намъ его отнюдь не треба!
Хыбажъ ты не знаешъ, якъ винъ сюды прыйде,
То ввесь намы собраный народъ изъ пекла выйде.
Ибо винъ не есть простый чоловикъ,
Но Богъ, котрый бувъ прежде всихъ викъ».
И закрычавъ Луцыперъ: «Щожъ винъ за Богъ, що смерты боявся,
И за серебряныи грошн якъ простый рабъ продався!
Передъ смертію стогнавъ
И на небо волавъ,
Дабы въ злыи рукы жидамъ не попавъ?»
Между тымъ Христосъ икъ пеклу прыблыжыся,
То мрачнее пекло свитомъ просвитыся,
А Луцыперъ не смогшы свита терпиты,
Упавъ ныцъ и почавъ сыльно вопиты:
«Гвалтъ, панове, гвалтъ! Пекло пропало!

И сылы уже моеи скилькы у мене не стало.
Правду казалы, що царь небесный
Взявъ на себе образъ человиколепный.
И яжъ, скилькы не дужь, такъ не возмогъ прелстыты,
Що прыйшлось мени теперь до вику вичнього скорбиты.
Бо Иванъ Косматый Его хрестывъ
И тымъ же то хрещеннемъ и поклоненнемъ мене мудро уловывъ:
Я-жъ думавъ на Его, що винъ гришнійшый усихъ чоловикъ,
Ажъ винъ той Богъ, который бувъ прежде всихъ викъ.»
А Христосъ прышедшы къ пеклу, благословывъ коругвою
И сокрушывъ на всихъ заклепахъ вырій передъ собою.
И тогда то Христосъ пійшовъ до Адама,
Де була заготовлена окромишная яма,
И такъ ставъ поздравляты,
Напередъ Адама и Еву одклыкаты:
«Адаме, Адаме! Якъ тебе яблуко сюды далеко загнало!
И за тобою скилькы праведныхъ душъ въ пекли пропало!
Якъ тоби того яблука вкусъ показався?
Я-жъ черезъ него на хрести за всихъ васъ розпявся.
Теперъ же ты иды въ слидъ за мною, отсюду ступай,
И зъ праведныхъ ни одніи души не оставляй.
Соломона-жъ не треба зъ собою браты,
Бо винъ может крипко дуже мудроваты.
Да и Каинъ нехай ище трохы перебуде,
Покы не таковый, а особлывый мій судъ буде.»
И егдажъ Христосъ ставъ изъ пекла выступаты,
Тогда Луцыперъ почавъ помаленьку и дерзость прыныматы.
Хоть хлыпко, да ставъ говорыты
И по бокамъ пекельнымъ очамы ставъ водыты.
И уздривъ Соломона, вельмы удывывся
Изъ своимы слугамы и не мало чудывся.
И сказавъ: «хоть одъ Христа я и лыха набрався,
Такъ за тежъ бо мыни мудрійшый всихъ чоловикъ остався.
Прызнайся, Соломоне, чого ты ище въ пекли не выдавъ?
Хыбажъ тебе Христосъ мыни на викы вишни подарувавъ»?
И рече Соломонъ: «Глядыжъ, сей подарокъ тоби зъ лыхомъ выйде.
По мене-жъ Христосъ еще и въ друге прыйде.

Въ первый его прыходъ еслы ты и зостався,
А якъ по мене въ другый разъ прыйде, то хочь и отчайся!»
И закрычавъ Луцыперъ: «Выбыйте его въ шыю,
А колы не хоче зъ пекла, то хочъ черезъ сылу!»
И тоди то бисы выгналы его зъ пекла,
То душа его въ слидъ за праведнымы потекла.
И такъ Соломонъ зъ пекла вымудрувався,
Що всякъ сему дыву дывувався.
И такъ о избавленіе отъ вичного плена нашого радисть вамъ витаю,
И зъ Велыкоднемъ усихъ васъ поздоровляю [1]).

Въ 1886 году пок. М. П. Драгомановъ сдѣлалъ эту виршу темой небольшой статьи, напечатанной въ малор. сборникѣ „Ватра“, изданномъ въ гор. Стрыѣ въ Галиціи (стр. 122—129). Въ этой замѣчательной статьѣ пок. ученый обратилъ вниманіе на вирши, встрѣчающіяся въ древнихъ рукописяхъ, или сохранившіяся въ памяти крестьянъ и мѣщанъ, или распѣваемыя мужиками. „Интересно,—писалъ онъ между прочимъ,—что нѣкоторыя вирши имѣютъ совершенно драматическую форму и могутъ считаться или начатками драмы, или ея обломками, отголосками церковной драмы, ежели не нашей, то близкихъ намъ народовъ“.

Процитировавъ изюмскую пасхальную виршу, М. П. Драгомановъ замѣчаетъ: „И въ этой виршѣ такъ и бросается въ глаза живое драматическое изложеніе. Можно сказать, что *авторъ ея или имѣлъ передъ собой примѣръ драматическихъ сценъ, которыя сокращалъ*, влагая ихъ въ виршу, или вирша представляетъ промежуточную форму къ драмѣ. Смотря на примѣры похожихъ на нее рождественскихъ виршей (напр. въ „Основѣ“ 1862, VI, у *Чубинскаго*, Труды III, 328, 331—340, 342) и сравнивая ихъ съ подробностями извѣстныхъ варьянтовъ рождественской драмы, мы должны согласиться съ первымъ. Правда, противъ этого говоритъ то обстоятельство, что *мы не*

---

[1]) Второй нѣсколько сокращенный варьянтъ этой вирши, записанный въ г. Купянскѣ старобѣльскаго уѣзда, напечаталъ г. П. Ивановъ въ своей статьѣ „Изъ области малорусскихъ нар. легендъ“ (Этнogр. Обозр. 1893, № 3, т. 119—120).

имѣемъ текстовъ Пасхальной драмы, но извѣстно, что такая драма когда-то у насъ была (см. *митроп. Евгеній*, Описаніе кіевософійскаго собора II, 216). *Можетъ быть гдѣ нибудь и отыщутся тексты* этой драмы, которая въ своей чисто драматической формѣ должна была быть такъ-же похожа на драмы западныя (латинскія, французскія, нѣмецкія), какъ и Рождественская драма".

И вотъ, спустя десять лѣтъ послѣ напечатанія этой статьи, предположеніе нашего ученаго изслѣдователя оправдалось. Мнѣ посчастливилось отыскать пасхальную драму, которую мы должны считать прототипомъ изюмской вирши. Фактъ этотъ, интересный самъ по себѣ, становится еще болѣе замѣчательнымъ по тѣмъ обстоятельствамъ, какія сопровождали мою находку. Лѣтомъ 1894 г. я получилъ отъ молодого галицко-русскаго этнографа Іосифа Роздольскаго небольшую тетрадку современнаго, курсивнаго письма. Тетрадка, вся писанная однимъ почеркомъ, составлена была крестьяниномъ села Мостищъ, калушскаго уѣзда на галицко-русскомъ Подгорьѣ, Фомою Кышкомъ. Онъ передалъ ее одному изъ знакомыхъ г. Роздольскаго, но не сообщилъ ничего о томъ, откуда онъ списалъ имѣющіеся въ тетрадкѣ тексты. Я прочелъ тетрадку и заинтересовался ею, такъ какъ съ первой страницы ея убѣдился, что тексты, списанные Ф. Кышкомъ—не его собственнаго издѣлія, но интересные памятники нашей древней письменности. Чрезъ посредство одного знакомаго въ Калушѣ я пробовалъ добраться къ самому Ф. Кышку, чтобъ узнать что нибудь на счетъ подлинниковъ, съ которыхъ онъ списалъ то, что имѣется въ его тетрадкѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не узналъ, кромѣ того, что онъ вносилъ въ свою тетрадку „всячину" изъ болѣе старыхъ рукописей и изъ книгъ. Это я зналъ и безъ него. Только стороной узналъ мой знакомый, что въ с. Мостыщахъ живетъ очень старый крестьянинъ Яковына, у коего есть старыя книги и рукописи, которыми, должно быть, пользовался и Ф. Кышко. Добраться до самаго Яковыны я пока не успѣлъ, но получилъ одно письмо отъ Кышко и убѣдился, что пишетъ онъ еще болѣе безграмотно, чѣмъ тексты въ его тетрадкѣ, въ которой онъ часто списывалъ

слова и цѣлыя предложенія подлинника, не понимая ихъ смысла, и вѣроятно кое-что по недосмотру или небрежности пропускалъ. Во всякомъ случаѣ большая часть содержанія его тетрадки—списокъ съ какой то болѣе древней рукописи, которую я еще не потерялъ надежды отыскать.

Вотъ содержаніе тетрадки Ф. Кышко. Она состоитъ изъ 54 страницъ обыкновенной четверки плохой писчей бумаги. Первыя 16 страницъ содержатъ сказку „Премудрый младенецъ", напечатанную мною въ галицкомъ журналѣ „Житя і Слово" 1894, II, 136—142. Съ 17-й страницы начинается писанное безъ разстановки стиховъ „Слово о буреню пекла .... славнаго Его воскресенія тридневнаго"; оно оканчивается на стр. 39. Послѣ него слѣдуетъ „Чудо святителя Христова Николая", гдѣ разсказанъ разговоръ св. Николая съ сатаной. Чудо оканчивается на стр. 44, послѣ чего слѣдуетъ небольшая апофтегма; „Описанѣ 12 вещей, которій нѣкогда доброго порятку не зробятъ: 1. Мудрѣ безъ учинку, 2. Богачѣ безъ милостинѣ, 3. Убогій гордий, 4. Старий не богобойний, 5. Младеницъ непослушний, 6. Жона безъ стиду, 7. Люди безъ права, 8. Война безъ фрики (?), 9. Панъ безъ ласти (? м. б. ласки), 10. Християнинъ сварливий, 11. Царь гнѣвливий, 12. Духовний лѣнивий." Послѣ этого на стр. 45—46 находимъ довольно нескладную виршу „Бѣда съ бѣдою", составленную въ тонѣ стихосплетеній галицко-русскихъ „трезвителей народа". Далѣе слѣдуетъ сказка „Господаръ и перепелица", списанная изъ устъ народа, но съ книжными подбавками. На стр. 49—51 имѣется „Пѣснь людова про панщину"—списокъ сводный изъ нѣсколькихъ варьянтовъ и довольно спутанный. На стр. 51—53 списаны небольшіе разговоры крестьянина Грыця Оковытки и еврея Мортки Пявкеса—должно быть списано изъ „науки" пок. Наумовича. Въ концѣ на послѣдней страницѣ мы находимъ виршу „По битвѣ пѣдъ Плевною"—кажется, сочиненіе какого нибудь современнаго рапсода изъ галицко-русскихъ крестьянъ; вирша эта напечатана мною въ журналѣ „Житя і Слово" 1894, II, 224.

Самая обширная и самая важная въ историко-литературномъ отношеніи вещь въ настоящей тетрадкѣ—это „Слово о

бурeню пекла“. При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи „Слово“ это оказывается настоящей пасхальной драмой, написанной стихами, впрочемъ совсѣмъ свободнаго размѣра, похожаго на размѣръ козацкихъ думъ. Мы предлагаемъ ее читателямъ не измѣняя ни въ чемъ текста, но сглаживая нѣсколько правописаніе и интерпункцію, разставляя стихи и указывая многоточіями мѣста, гдѣ по нашему предположенію въ текстѣ имѣются пробѣлы.

Слово о буреню пекла... *(что-то д. б. пропущено)* славнаго Его воскресенія тридневного.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Знаю я але о томъ Христѣ,
Иже онъ естъ отъ колѣна Давидова, Маріинъ сынъ,
Который самъ себе именуетъ, же онъ Божий сынъ.
О томъ пророци съ давна пророкуютъ,
Вѣсть тую тилько дурно розмножуютъ,
О той шестой тысящи лѣтъ запѣвнуютъ (?):
Его бити Богомъ и человѣкомъ,
Вязьнѣ нашѣ заровно отберетъ отъ насъ.
Але я маю слуги у себи доводнѣ и бѣглѣ,
Же чрезъ нихъ знаю, що ся дѣе ни тилько на земли,
Али и на облацѣхъ святихъ,
Знаю, що ся дѣетъ и на край свѣта.
Коли Богъ основалъ землю и положилъ на ней дочаснѣ лѣта,
Такъ дочасніи, же подъ небомъ и во мори...
Знаю, що ся дѣе и въ едной годинѣ.
Чрезъ оная, рече, естъ... (д. б. пропускъ)
Иже билбы на земли Божий Синъ,
Не могу тое изъ своего розуму поняти.
Знаю Творца ещи пред вѣки
Живого въ небѣ и со человѣки;
И тія трави, що Богъ сотворилъ, всѣ вѣдаю,
А того, що ся именуетъ Синомъ Божимъ, барзо возненавидѣлемъ.

Я билемъ въ небѣ ангеломъ свѣтлымъ
И жилемъ на облацѣхъ и всему-м-ся приглядѣлъ:
Знаю, що ся дѣетъ и во едемскихъ палацахъ,
Али барзо дивуюся о тихъ речахъ.
И знову гди Богъ Адама созда, человѣка отъ земли,
И все животное що естъ на земли,
И въ рай его на востоцѣ посадилъ,
Аби имня Творца своего славилъ,—
А шумнія (?) тому позавидѣлъ,
Адама и Еву з розуму извѣлъ,
Иже Божую заповѣдь переступилъ
И на тое повѣлъ, гдѣ онъ согрѣшилъ:
Далъ ся намъ такъ...
Богъ ему грѣха того не хотѣлъ терпѣти,
Послалъ ангела и вигналъ его з роскоши.
И розумъ тотъ маетъ,
Але отъ того часу землею дѣлаетъ
И въ потѣ лица свой хлѣбъ снѣдаетъ.
Тую то оповѣсть
Во сконченю свѣта навѣсть (?).
В той часъ возрадовал-емся и осмѣял-емся зъ него,
Же онъ тое одержалъ: барзо добре на него!
Скоро онъ тое отрималъ,
А я того давно ожидалъ.
Альбо тижъ и тое знаю,
Же Богъ девять хоровъ ангельскихъ маетъ,
Отъ которихъ на небѣ хвалу пріймаетъ.
А я тилько помисливъ ровнятися зъ нимъ,
И за тое струченъ есмь изъ неба,
Где мнѣ давно било потреба,
Такъ тижъ и Адамъ согрѣшилъ,
Же зъ древа заказаного овоцу ѣлъ,
Отъ которого ангелъ ему заповѣлъ,
(Аби) ани въ руки свои не бралъ!
Але то з моей причини,
Же от древа заповѣданого овоцу ѣли.
И ещемся о то старалъ,
Аби ся Адамъ изъ потомками своими мнѣ на вѣки записалъ.
А я то Адамовѣ сини родная повадилъ,

Же Каинъ Авеля брата своего изъ свѣта зглади̂лъ.
И отъ того часу почалемъ (пекло) будовати
И душъ отъ всего свѣта забирати.
И все потомство его нѣкому не завадило,
Адама первозданна.... (д. б. пропускъ)
И зрадилъ такъ Адама,
Запровадилъ и Авраама,
Ісаака, Іакова и всѣхъ патриярховъ,
Тамъ мнѣ не било о нихъ иншыхъ страховъ.
Царей незречонихъ и рицаровъ отъ вѣка
Назбиралемъ не мало ажъ до сего часу.
Пекло, моя слѣчная потѣха една
Грѣшниковъ ажъ (до) верху узкаго пожерла,
Рицаровъ можныхъ и Самсона барзо дужаго,
Царя Аликсандра всего свѣта явного,
И Давида царя, которого ялемся, повѣдаю.
Пророки всѣ, которіи васъ людий научаютъ,
А пана своего Ада и мене с пренемусу навѣжаютъ.
Которихъ маю въ хланахъ [1]) своихъ—
Повно завше есть ихъ!
Іоанко есть, а потому и самъ Христосъ у мене будетъ.

Адъ до Люципера:

Пани Люциперу, мой старосто,
Хочъ у мени и у теби слугъ есть тысящей сто,
Чомуся мои гадки барзо голову троскочутъ
И фрасунку несносного такъ мене зднимуютъ!
Але зажиймо зъ собою поради и слугъ зволаймо,
А того Христа запихаймо!
Идѣмо, аби тому Исусу дали побой,
Ми-же его не зачѣпаймо, абимъ из нимъ билъ у спокою.
Бо гдижъ имѣлемъ у себи Лазора читиродневнаго,
А гди его еднимъ словомъ (воскресилъ),
(Собѣ) за наемника обибралъ,
Гвалтомъ изъ руки ми вирвалъ,
(То я) барзо острое уружіе притупилъ,
Хочъ якъ ся изъ нимъ не билъ.

[1]) Вм. отхланяхъ.

И теперъ я тимъ клопочу голову свою:
Вою ся, жеби клопотъ (?) мнѣ в неволю с тобою.

Люциперъ до ада мовитъ:

Не тревожся цане мой и добродѣю!
Тилько ти у ме (не) першая надѣя.
Хоть онъ такъ барзо страшній Маріинъ Синъ,
Я еще о восько постараюся
И съ нимъ добре вибюся,
И буду шукати якои причини.
Ужемъ побудилъ на него жидовъ
И повели его до ратуша нинѣ,
Аби на него найшли фальшивую зраду.
И до того подповилемъ своего утѣшителя Июду.
Аби его видалъ до фальшивого суду.
Бо гдижъ чинился Синомъ Божимъ бити,
А теперъ при нему не видно и жадного Апостола,
А Марія боится за нимъ причипити.
А тихъ 12 Апостоловъ не тилько (не) боимося,
Але и не лякаймося!
Отъ заразъ будутъ на него жиди сторожу имѣти,
А насъ о помощъ барзо просити.
И попущаюся слугъ своихъ....... (д. б. что то пропущено)
О которыхъ маю приязною и прихильною.
И въ каждой годинѣ будемъ вѣдати,
Що той Ісусъ теперъ умѣетъ и що будетъ дѣяти.

Адъ до Люципера мовитъ:

Пане Люципере, старосто мой (и) добрий друже!
Прошу тя, мого господарства пильнуймося дуже!
Пильнуй добре! знаеш, на що ся поднялъ,
Бо Іоанъ Предтеча слугъ нашихъ дуже полякалъ.
А того Христа не зачѣпаймо!
Отъ куду естъ, того добре не знаемо.
Бо мои жили почали дрожати—
Лнбой коло насъ не жарти!
И чемусь боюся, аби на мене не било якихъ страховъ,
Жебисьмо не утратили пекельнихъ нашихъ кгмаховъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Пане мой Аде, чому-сь такъ барзо боязливий?
Не тревож же ся о моихъ слугъ милихъ,
Которихъ маю чужихъ,
Абимъ из ними та долгий (вѣкъ) прожилъ.
Але я, Аде, надѣю маю:
Душу Христову себѣ поймаю.
Пошлю заразъ съ воськомъ старшого своего воеводу Трубая,
И другую Венеру,
Тамъ нехай вбѣгаютъ подъ мѣсто Ерусалимъ,
Аби Христа пильно стерегли,
Щоби ангели душу до неба не донесли.

Люциперъ до слугъ своихъ мовитъ:

Гей панови воеводи, и ти пане Трубаю,
И ти Неро!—А то для того васъ волаю,
Жебисьмо зажили якои поради,
Щоби з Христовою душею ангели не учинили зради.
Щобисмося теперъ добре порадили,
А того Христа душу до неба не допустили.
Бо его конче жиди распяти маютъ,
О то ся пильно стараютъ.
И намъ о то ся пильно старати,
Аби его душу до себи поймати.
А гди бисмо его душу до себе поймали,
То бимъ билъ безпечний, не боялбимся на свѣтѣ нѣкого.
То конечне прутко тамъ бѣгайте,
А душу его пильно вистерѣгайте,
А менѣ о томъ хутко знати давайте,
Куда ся тотъ Iсусъ повернетъ. Треба намъ о томъ знати;
Вѣнъ то кажетъ, що то изъ нимъ жарти.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Ужемъ, Аде, пославъ слугъ своихъ пилнихъ.
А гдѣ (Христа) будутъ мучити,
Тогда душу его до насъ провадити.
А ми сюда ангеловъ не допускаймо,

Щоби насъ не зрадили,
Щобъ душу его до неба не попровадили.
Послалемъ старшаго слугу своего Трубая и Венеру.
Не бойся, пане Аде, що-сь бо такъ барзо страшливый?
Ещемся въ господарствѣ нѣгдимъ не заспалемъ
И ввесь вѣкъ въ радость мою положилъ.
Не боймо ся Маріина Сина: Богъ бо естъ и человѣкъ,
Не вчинитъ намъ нѣчого во вѣкъ.
Я до конца бо... держитъ... (д. б. пропускъ)
И готовий естимъ до побоя,
А пекло—то моя столица,
Бо держитъ его моя правица.
Гди би онъ Божій Синъ, не терпѣлъ би муки,
Не видавал би онъ себе въ жидовскѣ руки.

Адъ до Люципера мовитъ:

Южъ я бачу (годину) страстную и моминтную,
Хочъ еще жадной новини не чую.
Животъ мой дрожитъ, очи мои бачутъ,
И животъ мой добре чуетъ, тилько не скажетъ:
Подобно Христосъ пришедшій всѣхъ насъ повяжетъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Щожъ чинити? Ось бачу, они прорѣкаютъ,
Щосьмо прожили вѣкъ всѣ дни свои.

Адъ мовитъ до Люципера:

Оглядь но стражу и пекло,
Щоби жаднои душѣ не утекло!
И мѣдянѣ ворота зо всѣхъ сторонъ постави
И ланцухами моцними истягни
И твердими колодками замкни,
И тисяща тисящъ множество
Воська избра на него!
Знаю, же Христосъ приходити будетъ!

Люциперъ до Ада мовитъ:

Не ужасай ся, Аде, пане мой!
Будуся якъ мога изъ нимъ бити,
Покѣ кости едному на десять ся не роспадутъ,

И не дамъ до себи приступити.
Тилько пословъ очѣкую
И вѣсти первой ожидаю.

Іоанъ Креститель мовитъ до Ада:

Смутися, Аде, и ламентуй во вѣкъ,
Бо вже до насъ идетъ Богъ и человѣкъ.
Готовый еси пекла и вязня,
Котрие будутъ на твое время!
Всея полъ (?) и (съ) слугами твоими,
Котріе будутъ подъ ногами Божими.
Вставай Давиде, веселися и въ струни ударяй!
Ото певне будетъ до насъ! Пана и Творца своего прославляй!

Люциперъ до Іоана мовитъ:

Постой Іоане, еще ся с тимъ не вихваляй,
А того Ісуса не прославляй!
Бо ми его не любимо
И тимъ до пекла не дуже потребуемо.
А ти еще ся тому не дивуй, що насъ беретъ ужасъ:
И той твой Ісусъ будетъ у насъ,
Хто дужший будетъ, той виграетъ зъ пасъ.
И ти ся не вифиглюешъ, хочъ би ся якъ фигловалъ!
Которому дорога готова...
Ти то завше, Іоане, покаяння проповѣдникъ
И того власний Ісусовъ подхлѣбникъ.
Ти естись ему щось за родина,
Що такъ твоя о немъ зъ нами перепона.
Для чогожъ ти вязнѣвъ моихъ потривоживъ
И вѣсть тую дармо розмноживъ?
Щоби у тебе Богъ бувъ, коли бы ти ся народивъ?
Щобись намъ тіи вѣсти не множилъ!
Чому инщѣ святіи сидятъ тихо?
Гдесь и тобѣ у насъ прийшло лихо!
Яко твой Іисусъ до Ада маетъ уступити
И всѣхъ вязнѣвъ моихъ висвободити,
Того ти нѣгди не доконаешъ,
Тилько о немъ тую славу дурно розмножаешъ.
А докиж ти, Іоане, будешъ практиковати,

А що разъ то больше о томъ Христѣ пророковати?
А що такъ богато пророкуешъ, братку,
Дайте ему смоли напитися и пекельного кваску!
А ходи но сюди, больше не проповѣдай,
Мнѣ страху и моимъ слугамъ не завдавай!
Бо и знаку его тутка не будетъ, не боемося,
И набоженства его не смотримо,
Знаю, же Богъ есть въ небѣ,
Которому ангели спѣваютъ: слава тебѣ!
Тутъ на земли Бога въ тѣлѣ не маешъ,
А о немъ пророкуешъ, а самъ его не знаешъ.
Богъ въ небѣ зъ апостолами пануеть,
А моя слава во вѣкъ роскошуетъ.
И мене всѣ люди на язицѣ носятъ,
Лѣпше нежели Бога просятъ;
А я ведлугъ просьби ихъ готовъ тое чинити
И буду ихъ любити,
И еще имъ за тое покажу и битую ласку
Не тисящу, бо якъ наготую смоли и пекелного кваску...
А ти вѣсти больше не повѣдай,
Товариству своему в смутку не допомагай!
Вижу, же то фѣглюешъ,
Разумѣю, же ти ся утечи готуешъ.
О, не вифиглюешся, пташку!
Рицаря ми того не боемося
И той рицаръ будетъ съ тобою,—
О тожъ бѣжитъ поселъ зъ новиною!

Генера прибѣгаетъ и мовитъ:

Пане Аде и ти пане старосто нашъ!
Гди на свѣтѣ большого нема над тебе,
Посли мене воеводу Гинера и Трубая,
Нѣчого ся не лякай!
По що ти послалъ, ми все то поорудовали,
А Христа того въ ланцухи и въ стрички убрали.
Водятъ его жиди отъ ради до ради,
А нѣхто ему не даетъ поради.
И чулемъ отъ жидовъ: заразъ веденъ будетъ за мѣсто,
И знаю добре, иже готуютъ на него лобное мѣсце.

Той доказуеть и другій наступаеть:

О тожъ пане мой Аде!
Христа жиди теперъ на крестѣ разпяли
И гвоздьми желѣзними пребили.
Южъ не будетъ живъ, то правда, конечне,
А ми будемъ жити безпечне.
Мене послали воеводу тое оповѣдати,
Аби тобѣ заразъ радость размножити.

Третий посолъ мовитъ до Люципера:

Отожъ пане нашъ Аде, южъ Христосъ умпраетъ,
На крестѣ главу преклоняетъ.
Иже все тѣло его бичами избили
И копѣемъ бокъ его пробили,
Оцтомъ со желчѣю напоили
И приправми — присѣками его частовали.
И оставшися нашѣ тамъ воеводи,
Аби душу Христову принесли на нашѣ угли.

Люциперъ до Ада мовитъ:

Видишъ, Аде, такую маю новину!
Що то ся чрезъ мене стало Маріиному Сину.
Южъ жиди его на крестѣ распяли,
На смерь гане(б)ную...
И бокъ его копѣемъ пробили,
Во своя сѣти...

Адъ до Люципера мовитъ:

Моя рада такая
И голова старшая:
Душу Христову не берѣмо
Анѣ ей стережѣмо,
Щоби для едного
Не утратити много.
Нехай душа его идетъ до неба,
А намъ ей не потреба.
Бо всѣ пророки о томъ пророкують,
Же маетъ прийти до насъ, запивняютъ,

Духа своего познаютъ.
Же такъ пророкуютъ: южъ намъ отъ него гинути
И пекло наше зовсѣмъ утратити.
Бо южъ блисько конець нашъ,
И старшеньство тутъ днесь, а завше ни нашъ.

И такъ поселъ прибѣгаетъ и мовитъ:

О тожъ Христосъ запевне умеръ,
А я бачивъ ото недавно, теперъ!
Але гди душа его вийшла из тѣла,
Не одна тамъ плоть зомлѣла.
А ми всѣ ся били полякали
И далеко-сьмо отъ него повтикали.
Хтѣли-сьмо душу его поймати,
Але гдисьмо отскочили, страшно було и здалека стояти,
Не тилько приступити.
Аггельскія войска гди приступили,
А насъ до него не допустили.
Дрежала земля, ломалися оноки,
Билъ страхъ великий и естъ и доки.
Сонце и мѣсяць во кровъ премѣни
И мертвихъ отъ гробовъ воскреси.
Отъ страха великаго ажъ на землю падали
И чрезъ три години лежали,
Ажъ не хутко встали.
И такъ ми ся були страху набрали!
Утѣкали-сьмо оступомъ всѣ вразъ,
Взявши въ руки брань.
Правда, тяжко есть знати,
Але-смо чули отъ ангеловъ,
Же во третий день воскреснетъ и прийдетъ до насъ
И хочетъ забрати всѣхъ святихъ отъ насъ.

Воеводи южъ приходятъ, Генера и Трубай, и мовятъ:

Пане Аде и ти пане старосто Люципере нашъ,
Подобно Христосъ усѣхъ святихъ заберетъ отъ насъ.
Хотѣли-смо душу его къ себѣ поймати.
Але Божии сили не дали до ней приступити.

Охъ лихо наше!
Видѣли-смо Божии блискавици и громи незносніи!
Подобно правдивій есть Христосъ Богъ;
Нѣхто такихъ чудовъ кромѣ него чинити не могъ.
Уступили-смо ту до пекла поради зажити.
Южъ онъ ту будетъ запевне у насъ,
Почавше отъ Адама изберетъ усѣхъ отъ насъ.

Люциперъ мовитъ:

Ова! Якъ мога буду ся боронити, я могучи,
Бо не годит ми ся ис своего паньства утечи.
Если онъ Божій Синъ, нехай собѣ сидитъ на небѣ та пануетъ,
А нами и пекломъ нашимъ нехай не керуетъ,
И з нами нехай ся не воюетъ.
Бо гди билъ при мнѣ Давидъ,
Гди би ся ему кланялъ и дань давалъ,
Гди би ся ему поднялъ
Кроловати натрохи вѣку,
А теперъ щобимъ ся далъ едному человѣку!
Тутъ его буду чикати, Аде, на пляцу с тобою,
Гди ся человѣка жадного в кѣлѣ не бою.
И буду ся з нимъ межне воевати.
Бимъ мѣлъ що маю и тое продати.
Гей, добрѣ всѣ мои жовнѣри,
Берѣтся до него смѣле!
Ото страхъ прийшолъ, то ся не лякайте:
Ставте ся до него межне, з восьkомъ поставайте!
А брами воротніи рихловъ замыкайте
И ворота пекельніи добре пооглядайте,
И ланцухами долгими изволѣкайте
И колодками моцними и твердими замикайте!
Бо южъ запевне прийде,
Але хто буде дужшій, той межи нами виграе.
Нехай вамъ серце отъ страху не млѣетъ!
Тилько берѣте ся до него смѣле!
Бо знаю, южъ вамъ не новина воевати,
Не такихъ рицаровъ на пляцу имати.

И зъ нимъ (будемъ) воевати,
А всѣмъ кролювати!
Я настаравъ князей, пророкъ,
(Що) не втѣкають з нашихъ рукъ.
Отвѣдайте, чилѣ естъ всѣ князѣ у пеклѣ?
Постойте, не тривожтеся!
А Христа того не бойтеся!
Тилько еще посла остатного из плацу ожидаю,
Бо его пристья не знаю.

Остатній поселъ прибѣгаетъ, мовитъ:

Пане Аде и ти пане Люциперу старосто, ознаймую вамъ,
Иже идетъ то естъ (д. б. гость) неровній намъ—
Царъ грозный и ангеловъ множество...
И з нимъ идутъ всѣ сарафими
И его божественнѣ силы.
Противъ едного ангела не могли-сьмо нѣчого скургати [1])
А самаго Ісуса—его страшно слухати.
И то прибѣгли-сьмо напередъ дающи вамъ знати.
(Зобачили короґву Христову и полякалися).

Люцеперъ до своихъ слугъ мовитъ:

Отожъ идетъ къ намъ! Пильно стережѣте!
А въ рукахъ своихъ оружіе моцно держѣте!
А якъ до насъ прийде, моцно отповѣдайте,
Плечима дверѣ моцно подпирайте,
А якъ би ся домагалъ, ангеловъ забивайте!
Не фольгуйте ему, такъ тежъ нѣкому,
Нехай онъ не идетъ ко мнѣ (до моего дому!)
Чого по нему тутъ? Коли онъ Божій Сынъ, нехай собѣ на небѣ сидитъ!
Я не вѣдаю, для якой причини сюда идетъ.
Ни маетъ онъ до мени жадной справи,—
И не можу разумѣти, що то за царъ слави.

Святий Іоанъ до Люципера мовитъ:

А, то ти отъ насъ царя слави не чувалъ
Изъ устъ моихъ, о которомъ (я) пророковалъ?

---

[1]) Изъ польскаго wskórać—получить, восторжествовать..

Не тилько я, али и всѣ пророки;
Не тилько (пророки), али и всѣ патриархи (о) тимъ предсказують усѣ роки.

Люциперъ до Іоана мовитъ:

Знаю и Іоане, же то Богъ все тое справилъ,
Не той царъ слави,
О которомъ ти пророковалъ!
А я Бога сѣдящаго знаю,
А тутъ на земли о томъ не розумѣю:
Отколь би то онъ мѣлъ (ся) на земли взяти,
То не могу з розуму моего поняти.

Втеди Люциперъ до слугъ мовитъ:

Гей, панове молодцѣ! Нехай вамъ серце ся не лякаетъ,
(Же) отъ того Христа восько все повтѣкаетъ!
Потужне си ставте,
А зъ пляцу и жаденъ не утѣкайте!
Грозне ся до него ставте, а за дверѣ берѣте и голосно волайте,
Крикомъ страху ему завдавайте.
Бо якъ розумѣю: як жи гвалту не будети чинити,
То онъ не схочетъ з нами войни точити.
А если би кликавъ, вязний просилъ,
Не билбимъ ему и десяти боронилъ.
Радъ би я з нимъ поради зажити,
Але боюся иншого огни...[1])
Бо я анѣ письма не читалъ,
Анѣ отъ людий мудрихъ не чувалъ,
Що би (то) билъ за царъ слави?
То той не маетъ до насъ справи,
Же маетъ грозно до насъ прийти
И пекло наше розпошити.

Слуги мовятъ до Ада:

Отожъ пане нашъ Аде, що-смо видѣли уже виликія чуда.
Правда, исправилъ емъ худо барзо и нашъ Іюда.
Не тилько чинилъ чудо во Ерусалимѣ, але и всюда:

[1]) Здѣсь опять что то пропущено.

Мертвихъ воскресилъ, хорихъ уздоровлялъ,
А насъ словомъ своимъ далеко прогонялъ.

Потомъ самъ Христосъ приходитъ и мовитъ:

Отчинѣте князи врата ваша!
Входитъ во васъ царъ слави.

Люциперъ до Ісуса мовитъ:

Прошу тя Христе в добрий обичай:
Дай мнѣ покой и больше ми не докучай!
А що жъ то естъ за царъ слави?
Коли ти Богъ, приймп отъ апостоловъ хвалу
И отъ ангеловъ своихъ славу,
А насъ занихай,
И на ворота мои и на мени больше южъ не волай!

Потомъ Христосъ другий разъ рече и благословитъ короговою:

Господь крѣпокъ силовъ брани!
Возьмѣтеся врата вѣчная, войдетъ во васъ царъ слави!

Люциперъ до Ісуса мовитъ (съ) крикомъ:

Повторне прошу тя Ісусе: пекло и мене не напастуй!
Бо невинно напастуешъ,
Нѣчого . . . . , ...
Бо коли ти Богъ, такъ собѣ седи, въ раю пануй,
А я тебе тутъ не потребую.

(*Третий разъ Христосъ благословитъ короговою, и бисть такъ сокрушишася врата).*

Христосъ мовитъ:

Ото входитъ во васъ царъ слави!
Господь силенъ, той естъ царъ слави.

(И перекрестивши на три части, в той часъ ворота и ланцухи сокрушишася и входитъ Христосъ въ пекло, освѣщаетъ своимъ промѣнемъ и освнщаетъ всѣ мѣсця пекельнія и кропитъ водою и духомъ святимъ).

Адъ кричитъ:

Гвалтъ, панове! Врата ломятъ!
И водою якоюсь острою насъ кропятъ!

Люциперъ до Христа мовитъ:

Що ти ломишъ мои врата безпечне?
Гдесь вязний моихъ хочешь взяти конечне!
А для чого мя такъ, Сину Божій, гвалтуешъ
И вязневъ моихъ исъ собою приймуешъ?
Которихъ я билъ собѣ отъ вѣка назбиралъ,—
А теперъ пекло збурилъ и столицу сплюндровалъ,
А мене Ада вѣчными узами звязалъ!
Щожъ я теперъ чинити маю!
Южъ вязневъ моихъ покралъ—запевне знаю,
Вѣчніи паляци мои попсовалъ
И все мое пекло сплюндровалъ
И насъ подъ ноги свои бралъ и потоптовалъ
И слуги мои миліи всигди порозганялъ,
Адама и Еву и всѣхъ святихъ съ собою забралъ!
Тилько зъ едного страху ледви сижу,
А по старому передъ собою едного праведника вижу.
Питаю ся я тебе, Соломоне, чему ти ся тутъ зосталъ?
Подобно мнѣ тебе Христосъ даровалъ.

Соломонъ до Люципера мовитъ:

Южъ повторне Христосъ по мене прийде.
Страшний билъ его первий приходъ,—
Еще другуй страшнійший буде.

Люциперъ мовитъ до слугъ своихъ:

Слуги мои, узмѣте,
Царя Соломона изъ пекла випровадѣте!
Не жалую его
Анѣ Христа того,—
Нехай сюда больше не приходитъ,
Пекломъ нашимъ и нами не тривожитъ.

(В той часъ бѣси взяли Соломона и випровадили изъ пекла, и мовятъ такъ бѣси на Христа и на Соломона)

Бѣси мовятъ:

Идижъ, иди за своемъ Христомъ, а тутъ не бувай
И пекломъ нашимъ и нами больше не полагай!
(Соломонъ скачучи почавъ спѣвати,
Люциперъ изъ Адомъ плакати и ридаши)

Христосъ до него рече:

Не ридай мене Аде. . . . . . .
Наполню пива. . . . .
. . . .
Во остатний день будешъ имѣти яко-сь мѣлъ.

Соломонъ:

(почалъ Бога во Тройци вихваляти и причистую Богородицу)

Приблагословенная еси Богородице Дѣво,
Воплоти бо ся ис тебе (божое слово)!
Адъ плѣненъ бысть, Адамъ призвася,
Клятва потреби ся,
Ева свободися,
Смерть умертви ся,
А ми ожихомъ!
Тѣмъ поюще возопѣемъ:
Благословенъ Христосъ Богъ нашъ изволивый таковая!
Слава тебѣ!

Конецъ исторіи.

Подробное сравненіе вирши съ драмой очень поучительно, ибо оно нагляднымъ образомъ иллюстрируетъ процессъ перехода духовной драмы въ виршу, а съ другой стороны можетъ, при неисправности текста драмы дать намъ нѣкоторыя указанія для возстановленія ея первобытнаго цѣлаго. Но прежде всего умѣстенъ вопросъ: дѣйствительно ли Изюмская вирша произошла отъ драмы, похожей на ту, которой текстъ напечатанъ выше, а не наоборотъ?

Въ томъ, что первообразъ или скорѣе источникъ Изюмской вирши былъ драмой, нельзя и сомнѣваться. Другое дѣло—была ли это именно та драма, которой списокъ сохранился въ тетрадкѣ Ф. Кышко на галицко-русскомъ Подгорьѣ? Есть моменты, допускающіе какъ утвердительный, такъ и отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и мы постараемся тщательно проанализировать тѣ и другіе. Въ пользу предположенія, что Изюмская вирша произошла изъ драмы, если и не вполнѣ

идентичной съ напечатаннымъ выше текстомъ, то очень къ нему близкой, или точнѣе сказать, болѣе полной, говоритъ, во первыхъ, близкое сходство или даже полное совпаденіе многихъ стиховъ вирши и драмы [1]), во вторыхъ сходство характерныхъ и не очень обыкновенныхъ названій демоновъ „Бынарей и Трубарей“, изъ коихъ особенно первое только послѣ сопоставленія съ драмой становится понятнымъ: въ драмѣ демонъ этотъ называется Венера или Генера (это можетъ быть описка полуграмотнаго копіиста), или сокращено Нера, хотя для самаго составителя драмы демонъ этотъ мужскаго рода. Составитель вирши еще менѣе зналъ классическую миѳологію и *этого* Венеру передѣлалъ на Бынарей въ множ. числѣ, послѣ чего и Трубаю пришлось разложиться на множество Трубарей. Оставляя въ сторонѣ такія шаткія доказательства, какъ языкъ и размѣръ стиха, мы укажемъ еще на одно сходство, по нашему мнѣнію, очень знаменательное—это эпизодъ съ Соломономъ общій, какъ виршѣ, такъ и драмѣ, и не принадлежащій къ общимъ мѣстамъ религіозно-драматической литературы и даже не встрѣчающійся въ той формѣ нигдѣ болѣе въ извѣстныхъ намъ текстахъ религіозныхъ драмъ; ниже мы отмѣтимъ его существованіе, но съ другими дѣйствующими лицами.

Разсмотримъ теперь соображенія, говорящія противъ преемственной связи вирши съ драмой. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи можно считать содержаніе одной и другой. Сравнивая содержаніе вирши съ содержаніемъ драмы, мы съ перваго взгляда склонны заклю-

---

[1]) Вирша ст. 18— 19 сравни Драма ст. 160 и 165.
„ „ 28— 29 „ „ „ 377—378.
„ „ 30— 31 „ „ „ 312—313.
„ „ 32— 33 „ „ „ 309—310, 381—382.
„ „ 46— 47 „ „ „ 361—362.
„ „ 48— 50 „ „ „ 142—144.
„ „ 52— 53 „ „ „ 146—147.
„ „ 54— 55 „ „ „ 294—295.
„ „ 60— 64 „ „ „ 175—176.
„ „ 103—104 „ „ „ 465—466.
„ „ 105—108 „ „ „ 467—469.

чить, что имѣемъ дѣло съ двумя различными композиціями, имѣющими, конечно, общую тему и принадлежащими одной и той же литературной школѣ, но совершенно различными по исполненію въ подробностяхъ. Эпизоды, имѣющіеся въ виршѣ, отсутствуютъ въ драмѣ и наоборотъ; дѣйствующія лица въ драмѣ не совсѣмъ тѣ, какія дѣйствуютъ въ виршѣ. Насколько подобный взглядъ согласенъ съ фактическими данными, какія мы можемъ добыть при изученіи вирши и драмы, это покажетъ болѣе подробный анализъ и сравненіе ихъ содержанія. Исходной точкой при этомъ мы беремъ виршу, такъ какъ текстъ ея во всякомъ случаѣ не столь сомнительный и испорченный, какъ текстъ драмы.

Содержаніе Изюмской вирши въ той формѣ, какъ мы напечатали ее выше, состоитъ изъ восьми эпизодовъ и заключительнаго двустишія—обычнаго поздравленія съ праздникомъ, свидѣтельствующаго о томъ, что вирша производилась юношами, можетъ быть школьниками, ходящими отъ двора во дворъ и получающими за это угощеніе или какую нибудь подачку. Нѣтъ сомнѣнія, что именно для этой цѣли она и была составлена, и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ предположеніи, что авторъ для составленія вирши воспользовался извѣстной его публикѣ религіозной драмой, сокращая и передѣлывая ее сообразно съ своими цѣлями. Но такъ ли это было въ дѣйствительности, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Эпизодъ 1. Разсказъ объ Іудѣ и разговоръ съ нимъ Луцыпера (ст. 1—20). Здѣсь нужно различать три отрывка, а именно: 1) эпическій разсказъ о смерти Іуды (ст. 1—6)—очевидная литературная собственность составителя вирши; въ драмѣ по всей вѣроятности смерти Іуды изображено не было, но дѣйствіе начиналось прямо въ аду сценой входа души Іуды и привѣтной рѣчью Луцыпера. 2) Рѣчь Луцыпера къ Іудѣ, особенно ст. 7—15, должна быть прямо заимствована изъ драмы. Но исчерпывался ли этой рѣчью весь эпизодъ съ Іудой? Вѣроятно—нѣтъ; Іуда долженъ былъ также говорить что нибудь, а начальныя слова рѣчи Луцыпера „*Обытай же Іудо*“ указываютъ на то, что имъ предшествовалъ цѣлый діалогъ, и эта рѣчь

была его заключеніемъ. Этого эпизода въ нашей драмѣ нѣтъ, кромѣ небольшого упоминанія объ Іудѣ (ст. 108—109). Но намъ кажется очень возможнымъ допустить, что въ полномъ, первоначальномъ текстѣ драмы эпизодъ этотъ былъ; въ этомъ утверждаетъ насъ то обстоятельство, что текстъ нашей драмы очевидно не имѣетъ начала, такъ какъ первый ея стихъ начинается съ „але“, значитъ, есть отвѣтъ на какія то прежде высказанныя, но въ рукописи утраченныя положенія. 3) Вторая часть рѣчи Луцыпера въ виршѣ (ст. 16—21) по всей вѣроятности вставлена туда авторомъ вирши изъ какой нибудь другой рѣчи Луцыпера, обращенной не къ Іудѣ. Въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ насъ то обстоятельство, что два стиха этой рѣчи (ст. 18 и 10) довольно близко воспроизводятъ ст. 160 и 165 драмы, гдѣ имѣется рѣчь Луцыпера къ Аду.

Эпизодъ 2. Возвращеніе Бынарей и Трубарей и ихъ рѣчь къ Луцыперу и всѣмъ демонамъ (ст. 22—33) есть только блѣдная и слабая передѣлка того же эпизода, съ сценической живостью изображеннаго въ драмѣ (ст. 257—428) и составляющаго ея драматическую pièce de resistance. Хотя въ виршѣ этотъ эпизодъ переданъ всего 12 стихами, изъ коихъ 4 эпическіе, значитъ, опять таки прямая собственность составителя вирши, но изъ прочихъ восьми стиховъ четыре (30—33) почти буквально взяты изъ разныхъ мѣстъ нашей драмы (сравни ст. 309—310, 312—313, 381—382). Въ виду этого, связь этого эпизода вирши съ соотвѣтственнымъ эпизодомъ драмы становится несомнѣнной. А въ такомъ случаѣ интересно прослѣдить, какъ обращался авторъ съ текстомъ драмы, передѣлывая его въ виршу. Какъ видимъ, въ драмѣ эпизодъ этотъ обнимаетъ 171 стихъ, коимъ въ виршѣ соотвѣтствуетъ 12. Въ драмѣ дѣло развивается такимъ образомъ: Венера входитъ и разсказываетъ, что Христа присудили къ смертной казни; второй демонъ разсказываетъ, что Христа распяли на крестѣ; третій возвѣщаетъ, что Христосъ умеръ. Люцыперъ торжествуетъ, но Адъ высказываетъ свои опасенія. Тогда входитъ новый демонъ, котораго рѣчь болѣе-менѣе соотвѣтствуетъ рѣчи Бынарей и Трубарей вирши, съ изъятіемъ ст. 26—27, которымъ соотвѣтствуютъ дальнѣйшія

распоряженія Люцыпера (ст. 357—360). Затѣмъ приходятъ прочіе демоны (въ нашемъ текстѣ, должно быть по опискѣ копииста, Генера приходитъ второй разъ) и подтверждаютъ, что Христосъ въ самомъ непродолжительномъ времени явится въ аду. Люциперъ храбрится и дѣлаетъ распоряженія къ защитѣ. Еще одинъ демонъ прибѣгаетъ, который опять повторяетъ то, что воспроизведено и въ виршѣ. Люцыперъ еще разъ напоминаетъ своимъ слугамъ, чтобы защищались храбро, ибо онъ не понимаетъ, какой это „царь славы" идетъ на нихъ. Св. Іоаннъ Креститель напоминаетъ Люцыперу о пророчествахъ на счетъ „царя славы", но Люцыперъ упорно отказывается понимать это и еще разъ побуждаетъ своихъ слугъ къ стойкости, хотя у самого храбрость замѣтно падаетъ, и онъ оказывается склоннымъ даже къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу невѣдомаго „царя славы". Еще болѣе паденіе духа видно изъ отвѣта демоновъ на эту рѣчь Люцыпера; и въ этотъ моментъ у воротъ ада является Христосъ. Какъ видимъ, содержаніе этого эпизода въ драмѣ богатое и расположенное, пожалуй, не безъ драматическаго таланта, между тѣмъ какъ вирша не даетъ содержанія всего эпизода, но только выхватываетъ одинъ моментъ и на немъ сосредоточиваетъ все вниманіе слушателя, не утомляя его пересказомъ сложныхъ картинъ и контрастовъ, составляющихъ главный интересъ драмы, но неудобныхъ въ эпическомъ изложеніи, а особенно въ виршѣ, которая должна дѣйствовать несложными, но прямыми и выпукло проведенными штрихами.

Эпизодъ 3. Приближеніе Христа къ аду и пѣснь ангеловъ (ст. 34—41). Въ нашей драмѣ пѣснь эта, собственно двустишіе

Отчинѣте князи, врата ваша,
Входитъ во васъ царь славы

вложено въ уста самому Христу, но обыкновенно, какъ увидимъ ниже, въ пасхальной драмѣ слова эти поютъ ангелы такъ же, какъ и въ виршѣ. Быть можетъ, что такъ было и въ той редакціи драмы, по которой составлена вирша, но можно допустить и то, что авторъ обращался съ драмой довольно свободно и передѣлывалъ ее сообразно съ планомъ совершенно отличнымъ отъ того, какимъ руководствовался составитель драмы. Въ

этой догадкѣ укрѣпляетъ насъ особенно разсмотрѣніе слѣдующихъ эпизодовъ вирши.

Эпизодъ 4. Отвѣтъ Люцыпера на вызовъ ангеловъ, его обращеніе къ демонамъ и отвѣтъ этихъ послѣднихъ (ст. 42—64). Этотъ эпизодъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ „творческій" методъ составителя вирши. Въ нашей драмѣ, какъ видимъ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту этого эпизода вирши, нѣтъ ничего аналогичнаго. Но тѣмъ не менѣе было бы натяжкой утверждать, что въ драмѣ вовсе нѣтъ ничего соотвѣтственнаго этимъ строкамъ вирши. Напротивъ, мы видимъ изъ 21 стиха, составляющаго этотъ эпизодъ вирши, цѣлыхъ 11 болѣе или менѣе дословно повторяющихся въ текстѣ нашей драмы. Составитель вирши подобралъ ихъ какъ то случайно, и поэтому эпизодъ этотъ страдаетъ нѣкоторой противорѣчивостью и несообразностью. Первая его часть (ст. 42—47)—отвѣтъ Люцыпера на ангельскую пѣснь, выставляетъ этого послѣдняго еще гордымъ и самоувѣреннымъ; здѣсь воспроизведены между прочимъ слова Люцыпера изъ болѣе ранняго эпизода драмы (ст. 362), гдѣ князь демоновъ побуждаетъ своихъ слугъ къ борьбѣ съ Христомъ. Но ежели эти слова въ этомъ мѣстѣ вирши еще можно понять, то уже совсѣмъ нельзя назвать умѣстными дальнѣйшихъ его словъ, обращенныхъ къ демонамъ (ст. 48—53), гдѣ Люцыперъ призываетъ своихъ слугъ совѣщаться, какъ бы имъ душу Христову удержать въ аду. Въ драмѣ это совѣщаніе есть, но въ самомъ почти началѣ; составитель вирши заимствовалъ оттуда почти всѣ свои стихи (Вирша ст. 48—50=Др. 142—144; Вир. 52—53=Др. 146—147). Отвѣтъ демоновъ на призывъ Люцыпера тоже почти цѣликомъ взятъ изъ роли Люцыпера и Ада въ нашей драмѣ (Вир. 54—55=Др. 294—295, Вир. 56—57 сравн. Др. 225—226 и 326—327). Въ концѣ отвѣтъ Луцыпера демонамъ взятъ опять таки изъ болѣе ранняго эпизода драмы (Вир. 60—64 сравни Др. 175—176). Такимъ образомъ, этотъ эпизодъ вирши, повидимому столь живой и драматичный, оказывается въ сущности механическимъ конгломератомъ отрывковъ драмы, взятыхъ изъ разныхъ ея мѣстъ, пропущенныхъ составителемъ

вирши ранѣе и почему то вставленныхъ какъ разъ сюда, можетъ быть съ цѣлью достигнуть нѣкотораго замедленія въ разсказѣ.

Эпизодъ 5. Вступленіе Христа въ адъ и вопль Люцыпера (ст. 65—78). Этотъ эпизодъ для насъ очень интересный, какъ одно изъ лучшихъ доказательствъ, что вирша произошла изъ драмы довольно близкой къ нашему тексту. Въ ст. 65—66 мы видимъ прямое отраженіе замѣтки въ драмѣ, что „Христосъ входитъ въ пекло и освѣщаетъ своимъ промѣнемъ", изъ чего составитель вирши сдѣлалъ двустишіе:

Между тымъ Христосъ и къ пеклу прыблыжыся,
То мрачное пекло свитомъ просвитыся.

Вопль Люцыпера напоминаетъ вопль Ада въ драмѣ (ст. 447—448), да и дальнѣйшія его слова имѣютъ въ драмѣ свои параллели (Вирша ст. 73 сравни Др. ст. 95—96, вирша ст. 77 сравни Др. ст. 348, 350). Интересно здѣсь упоминаніе объ Іоаннѣ Крестителѣ, котораго Люцыперъ называетъ Иваномъ Косматымъ, совершенно подъ стать тому эпизоду, который отведенъ Іоанну Крестителю въ драмѣ (ст. 198—255). Что характернаго прозванія „Иванъ Косматый" нѣтъ въ драмѣ—это ничего не доказываетъ; оно могло быть, но можетъ составлять собственность вирши, которая вообще любитъ употреблять пластичные эпитеты.

Эпизодъ 6. Христосъ разрушаетъ адъ, разговариваетъ съ Адамомъ и уводитъ спасенныя души съ собою (ст. 79—94). Первообразъ этого эпизода только отчасти сохранился въ драмѣ, которой текстъ здѣсь очень испорченъ и кромѣ того имѣетъ, кажется, между ст. 452 и 453 большой пробѣлъ; на это наводитъ насъ то обстоятельство, что въ ст. 452 говорящій персонажъ—Люцыперъ, между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ стихахъ промовляетъ несомнѣнно Адъ („А мене, Ада" и т. д.) Всматриваясь въ содержаніе всей тирады (ст. 449—466), вложенной въ уста Люцыпера, мы тоже замѣчаемъ въ ней пробѣлъ: начальные четыре стиха обращены къ Христу, находящемуся въ аду, прочіе же—очевидно отрывокъ сѣтованій Ада послѣ ухода Христа изъ ада вмѣстѣ съ праведными душами, изъ коихъ въ

аду остался одинъ только Соломонъ. Вирша даетъ намъ возможность хоть приблизительно восполнить этотъ пробѣлъ, и на ея основанiи мы можемъ утверждать, что въ нашемъ текстѣ драмы утрачены: отвѣтъ Христа на вопросы Люцыпера, заключающiеся въ ст. 449—452, разговоръ Христа съ Адамомъ и Евой и въ концѣ его указанiе—оставить въ аду Соломона, который и самъ придумаетъ средство, какъ выбраться изъ ада.

Эпизодъ 7. Послѣ отшествiя Христа съ праведниками Луцыперъ медленно приходитъ въ себя и, узрѣвъ Соломона, оставшагося въ аду, радуется, что хотя всѣ ушли, но самый умный человѣкъ остался таки у него (ст. 95—104). Въ драмѣ этому эпизоду соотвѣтствуетъ отрывокъ „хлыпкой" рѣчи Ада (ст. 453—466), которой начало утрачено. Обращенiе Ада къ Соломону въ виршѣ и драмѣ почти слово въ слово сходно (вирша ст. 103—104 сравни Др. ст. 465—466).

Эпизодъ 8. Соломонъ отвѣчаетъ, что ради него Христосъ еще разъ придетъ въ адъ; это наполняетъ Люцынера такимъ ужасомъ, что онъ велитъ вытолкать его въ шею изъ ада (ст. 105—114). И этотъ эпизодъ воспроизводитъ драму довольно близко: рѣчь Соломона для выразительности нѣсколько распространена, между тѣмъ какъ приказъ Люцыпера въ виршѣ болѣе бруталенъ и грубъ, чѣмъ въ драмѣ, гдѣ Соломона только выпроваживаютъ изъ ада, но не выталкиваютъ въ шею. Оканчивается вирша, какъ уже было сказано, обычнымъ поздравленiемъ, драма же передаетъ еще слова Христа къ Аду, очевидно произносимыя изъ-за сцены и обѣщающiя ему новыхъ плѣнниковъ, послѣ чего оканчивается торжественнымъ пѣнiемъ Соломона.

Подробный анализъ содержанiя вирши и сравненiе его съ содержанiемъ драмы показываетъ, что вирша въ общихъ чертахъ довольно вѣрно воспроизводитъ содержанiе драмы, иногда даже заимствуя изъ нея цѣлые стихи и двустишiя; правда, въ одномъ или двухъ случаяхъ эта послѣдовательность теряется, и составитель вирши въ болѣе позднiй моментъ дѣйствiя вставляетъ эпизоды, которые въ драмѣ занимаютъ болѣе раннее мѣсто. Это обстоятельство, конечно, говоритъ тоже въ пользу совер-

шенной зависимости текста вирши отъ текста драмы. Далѣе сравненіе содержанія вирши съ содержаніемъ драмы дало намъ возможность открыть и по крайней мѣрѣ гадательно выполнить два важные пробѣла въ текстѣ нашей драмы: одинъ въ началѣ (эпизодъ съ Іудой), а одинъ при концѣ (разговоръ Христа съ Адамомъ, и можетъ быть и съ другими праведниками въ аду).

Но въ текстѣ нашей драмы есть и такіе эпизоды, которые не воспроизведены въ виршѣ. Это, во первыхъ, длинный разговоръ Люцыпера съ Адомъ въ началѣ нашего текста драмы, гдѣ Люцыперъ разсказываетъ о своихъ подвигахъ отъ созданія міра и строитъ планы на счетъ захвата души Христовой, Адъ же, являющійся лицомъ болѣе авторитетнымъ и разсудительнымъ, высказываетъ свои опасенія на счетъ Христа и совѣтуетъ оставить его въ покоѣ. Мы въ дальнѣйшемъ изложеніи коснемся еще этой не совсѣмъ обыкновенной персонификаціи—Ада, здѣсь же должны замѣтить, что можетъ быть именно эта необычность представленія Ада, какъ живого *лица*, а не какъ *мѣста* казней, и была причиной, почему составитель вирши пропустилъ этотъ эпизодъ. Авторъ драмы могъ рискнуть такой вещью, такъ какъ сценическое искусство давало ему возможность представить ее пластично глазамъ зрителей, но авторъ вирши, обращающійся только къ слуху безъ помощи зрѣнія, долженъ былъ вращаться въ кругу привычныхъ публикѣ понятій, иначе онъ рисковалъ быть темнымъ и непонятнымъ.

Второй эпизодъ драмы, пропущенный составителемъ вирши—это сцена между Люцыперомъ и Іоанномъ Крестителемъ. Сцена эта, особенно же рѣчь Люцыпера, обращенная къ Іоанну, выдержана въ тонѣ бурлеска и должна была быть очень по вкусу составителя вирши, а между тѣмъ онъ совершенно оставилъ ее безъ вниманія и едва вскользь упомянулъ объ Иванѣ Косматомъ, да и то въ связи съ совершенно другимъ кругомъ представленій. Можно предположить, что составитель вирши имѣлъ подъ рукою текстъ нашей драмы, не заключающій этого эпизода, а можетъ быть, что текстъ вирши въ этомъ мѣстѣ неполный. Во всякомъ случаѣ, и эта несхожесть вирши съ драмой не мо-

жетъ служить доказательствомъ противъ зависимости Изюмской вирши отъ Пасхальной драмы, въ общемъ планѣ тождественной съ той, коей неисправный и неполный текстъ дошелъ до насъ въ спискѣ Ф. Кышко.

Установленіе этой тѣсной связи Изюмской вирши съ драмой даетъ намъ *очень важный историко-литературный фактъ*. Во первыхъ, оно бросаетъ яркій свѣтъ на темную до сихъ поръ и мало изслѣдованную исторію такого характернаго для южнорусской литературы жанра, какъ духовная вирша, и позволяетъ, такъ сказать, подмѣтить самый процессъ составленія вирши, оцѣнивать и взвѣшивать тѣ или другія побужденія и соображенія ея составителя, а во вторыхъ, документы, введенные нами въ дѣло при этомъ изученіи, отысканы на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, одинъ въ Лѣвобережной Украинѣ, второй въ Галицкомъ Подгорьѣ, въ уголкѣ, который, начиная со временъ Владиміра Великаго вплоть до настоящаго дня, жилъ отдѣльной отъ Лѣвобережной Украины политической жизнью, входилъ и входитъ въ составъ совершенно отличныхъ и во многомъ рѣзко отъ прочей Южной Руси обособленныхъ политическихъ организмовъ. Тѣсная, преемственная связь Изюмской вирши съ Пасхальной драмой указываетъ на то, что, не смотря на политическую разрозненность, среди малорусскаго народа живы до сихъ поръ и однородны на всемъ пространствѣ его разселенія не только тѣ древнія преданія, пѣсни, вѣрованія и обычаи, которые обыкновенно составляютъ область этнографіи, но живы также тѣ литературныя, книжныя традиціи, которыя начали было вырабатываться въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, но которымъ по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ не было суждено развиться болѣе полнымъ образомъ и сдѣлаться рычагомъ болѣе мощной, общенародной культуры. Не смотря на всю свою скудость и бѣдность, эти начатки новой культурной работы находили благодарную почву среди южнорусскаго народа, проникали въ массу, особенно городскую, болѣе грамотную, и дѣлались ей дороги. И какъ чешскіе Гуситы, послѣ побѣды реакціи, послѣ ухода изъ родины на изгнаніе, утѣшались тѣмъ, что, помимо потери всего имущества, всего, что имъ было

мило и дорого въ родной странѣ, имъ удалось спасти, какъ самую большую драгоцѣнность—„Кралицкую Библію“ и „Лабиринтъ міра“, такъ и Южноруссы, принужденные во второй половинѣ XVII в. бросать едва развившіеся центры умственной и культурной жизни на Волыни, Подольѣ и Правобережной Украинѣ и искать убѣжища въ непроглядныхъ степяхъ Слободщины, не забывали захватывать съ собою книгъ и даже рукописныхъ произведеній новаго въ Южной Руси драматическаго искусства, какъ залога дальнѣйшаго развитія на болѣе широкомъ, но все же цѣльномъ и однородномъ базисѣ. Намъ кажется, что именно такою была судьба нашей Пасхальной драмы. Составленная въ первой половинѣ XVII в. на правомъ берегу Днѣпра, она быстро сдѣлалась популярной и распространялась не только съ подмостковъ, сооружавшихся по городамъ въ Страстный Пятокъ, или въ самой церкви, или внутри церковной ограды для представленія страданій, смерти и воскресенія Спасителя, но и въ рукописяхъ, какъ назидательное чтеніе. И когда религіозная драма пришла въ упадокъ, она въ Лѣвобережной Украинѣ сократилась въ виршу и въ этой новой формѣ живетъ до сихъ поръ въ памяти народной, между тѣмъ какъ въ своей первобытной родинѣ она подвергалась совершенному забытью и только случайно уцѣлѣла въ записной тетрадкѣ полуграмотнаго крестьянина.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи въ 1669 году. Въ началѣ 1669 г. Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій, прислалъ въ Москву игумена Максаковскаго монастыря Іеремію Ширкевича съ челобитною [1]) о томъ, чтобы новое сочиненіе Барановича «Трубы словесъ проповѣдныхъ» было напечатано въ Московской типографіи. Такъ какъ архіепископъ Черниговскій старался увѣрить, что волненіе, вызванное въ Малороссіи бунтомъ Брюховецкаго, улеглось главнымъ образомъ благодаря его, архіепископа, усиліямъ [2]), то Московское правительство не сочло возможнымъ отказать Барановичу, но просьба его долго не приводилась въ исполненіе. Сначала въ Москвѣ объяснили «молчаніе» въ печатаніи «Трубъ» недостаткомъ бумаги [3]); а послѣ отговаривались тѣмъ, что Московская типографія завалена работою и пока не можетъ взять на себя печатаніе «Трубъ». Такъ писалъ Лазарю Барановичу патріархъ Іоасафъ [4]). Было ли это дѣйствительно причиною замедленія или же въ Москвѣ спохватились и рѣшили, что критика Симеона Полоцкаго, разсматривавшаго «Трубы», пристрастна и недостаточна строга, опредѣлить трудно, но что Московская типографія была въ 1669 г. завалена дѣломъ—это несомнѣнно. За время съ 1668 года по 1669 годъ,

---

[1]) Списокъ съ этой челобитной сохранился въ Московск. Сѵнодальн. библіотекѣ между бумагами Симеона Полоцкаго (Слав. рукоп. № 130, л. 156—157) и напечатанъ въ Русск. Архивѣ за 1875 г. (III, стр. 309). О времени написанія этой челобитной см. мое изслѣдованіе: „О сношеніяхъ Малоросс. духовенства", въ Чтен Московс. Общ. Ист. и Древн. за 1894 г. кн. стр. 541.

[2]) Ibid. стр. 540.

[3]) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1670 г. № 33, Москов. Арх. Мин. Юст. Кн. Малоросс. Прик. № 5., л. 742—744.

[4]) Москов. Сѵнод. Библ. Слав Рукоп. № 130, л. 61 об—62.

можно судить по записнымъ книгамъ печатнаго двора [1]), въ Московской типографіи напечатаны были слѣдующія изданія: Тріодь Цвѣтная, Часословъ, Псалтыри со слѣдованіемъ, Учебная Псалтырь, Служебники, Книга вечеренъ, азбуки, азбуки учебныя, азбуки съ орацыи, чиновникъ ко освященію церкви, грамоты разрѣшальныя для патріарха александрійскаго Паисія, грамоты поповскія для патріарха Іоасафа.

Если принять во вниманіе, что въ Московской типографіи было всего 12 станковъ [2]) и что такія книги, какъ Тріодь Цвѣтная, печатались въ продолженіе 7-ми съ лишнимъ мѣсяцевъ на четырехъ станкахъ, а Псалтырь съ возслѣдованіемъ болѣе года [3]), то ясно будетъ, что типографія, дѣйствительно, была завалена работою. Вѣроятно, по этой причинѣ архимандриту Саввина Сторожевскаго монастыря Варнавѣ, который по указу великаго государя провожалъ изъ Москвы до Кіева алекс. патріарха Паисія, поручено было переговорить съ архимандритомъ Кіево-печерской лавры Иннокентіемъ Гизелемъ о томъ, чтобы въ печерской типографіи печатались книги для московскаго правительства [4]). По составленному въ Москвѣ проекту, на печатаніе книгъ предполагалось уплатить печерскому монастырю весьма значительную для того времени сумму въ 1000 рублей [5]), причемъ бумагу предполагалось доставлять изъ Москвы.

На первый разъ предложено было печерской типографіи напечатать новое изданіе книги «Бесѣды на Дѣянія Апостольскія»; это изданіе должно было быть перепечатано дословно съ прежняго Московскаго изданія той же книги. При свиданіи съ Варнавою въ Кіевѣ, Гизель, какъ кажется, не особенно охотно соглашался на то, чтобы его типографіи поручено было печатаніе новаго изданія «Бесѣдъ» для Москвы, а объявилъ Саввинскому архимандриту, что въ книжномъ складѣ кіево-печерской типографіи имѣется много экземпляровъ ранѣе напечатанныхъ «Бесѣдъ», которые онъ продалъ бы въ

---

[1]) Арх. Москов. Сунод. типогр., книга печатн. двора № 72 безъ пагинаціи 66 л. 24.

[2]) Ibid., № 59, л. 705.

[3]) Ibid. № 72 подъ 1669—1670 г. (пагинаціи нѣтъ).

[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 21, ст. 83.

[5]) Москов. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1669 г. № 16: „177 году августа въ 12 день великій государь указалъ въ Приказъ своихъ великаго государя тайныхъ дѣлъ взять ис Приказу Малыя Россіи тысячю рублевъ, которые посланы были въ Кіевъ въ Печерскій монастырь на книги“.

Москву дешевою цѣною, а именно по два рубля за экземпляръ безъ переплета. Одинъ экземпляръ печерскаго изданія «Бесѣдъ» Гизель далъ «на указъ» (для образца) Варнавѣ, который обѣщалъ архимандриту печерскому устроить для него это дѣло въ Москвѣ, бумага же, предназначавшаяся на печаніе «Бѣсѣдъ» въ печерской типографіи была «возвращена» въ Москву [1]).

Когда Варнава, возвратясь въ столицу, доложилъ объ исходѣ переговоровъ съ Гизелемъ, то правительство московское, повидимому, оставило на время мысль о печатаніи «Бесѣдъ» въ Кіевѣ, а на предложеніе купить «Бесѣды» старыхъ кіевскихъ изданій не обратило вниманія. Съ цѣлью, между прочимъ, справиться о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, архимандритъ печерскій отправилъ въ концѣ сентября 1669 г. въ Москву старосту Печерскаго мѣстечка Ѳеодора Предремирскаго. Гизель поручилъ своему посланцу узнать на Москвѣ у саввинскаго архимандрита Варнавы, возьмутъ ли къ Москвѣ книгу «Бесѣды на Дѣянія» печерскаго изданія по цѣнѣ 2 руб. за экземпляръ, или же печерской типографіи данъ будетъ заказъ на печатаніе новаго изданія «Бесѣдъ» [2]).

Предремирскому на Москвѣ отвѣтили, что предлагаемыя Гизелемъ книги печерскаго изданія не могутъ быть взяты въ казну по предлагаемой архимандритомъ цѣнѣ, однако посланцу печерской обители позволили самому продавать эти книги на Москвѣ, «какою цѣною возможно»; далѣе, Предремирскому объявили, что переговоры о предоставленіи заказа печерской типографіи будутъ возобновлены [3]). Для возобновленія этихъ переговоровъ 28 октября 1669 г. посланъ былъ въ Кіевъ подьячій Малороссійскаго приказа Максимъ Алексѣевъ [4]). Въ грамотѣ, которая послана была къ Гизелю съ Алексѣевымъ, архимандриту давали знать о томъ, что великій государь указалъ напечатать въ печерской типографіи двѣсти экземпляровъ «Бесѣдъ на Дѣянія и на Посланія» (по сто экземпляровъ каждой книги); изъ заказываемыхъ двухсотъ экземпляровъ, 40 должно было быть отпечатано на александрійской бумагѣ и 160 на простой; Гизелю предлагалось немедленно сообщить подьячему Алексѣеву, сколько потребуется бумаги на печатаніе этихъ книгъ, сколько надобно бу-

1) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IX, № 21, столб. 83, № 38, ст. 152 „противъ прежніе печата“.

2) Ibid

3) Ibid № 26 столб. 130

4) Московск. Арх. Мин Юст. Малоросс. приказа Кн. № 5, л. 118

детъ заплатить типографіи за печатаніе и сколько времени потребуется на исполненіе заказа. Архимандриту печерскому писали, что только по полученіи этихъ свѣдѣвій можно будетъ дать указъ начать тисненіе [1]).

Такъ какъ дорога изъ Москвы въ Кіевъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября была, по выраженію Алексѣева, «трудновата», то онъ прибылъ въ печерскій монастырь только 3 декабря, спросилъ архимандрита съ братіей отъ имени великаго государя о здоровьѣ и спасеніи, объявилъ указъ о печатаніи «Бесѣдъ на Дѣянія и Посланія» въ лаврской типографіи и просилъ отпечатать на александрійской и простой бумагѣ пробные листы обѣихъ книгъ, чтобы опредѣлить, сколько потребуется бумаги на всѣ двѣсти экземпляровъ и сколько придется уплатить типографіи за печатаніе. Согласно наказу, который данъ былъ Алексѣеву въ Москвѣ, онъ долженъ былъ взять у Гизеля подробную смѣту расходовъ на печатаніе и немедленно отвезти ее въ Москву. Но дѣло показалось Гизелю настолько серьезнымъ, что онъ не считалъ возможнымъ дать Алексѣеву какой либо отвѣтъ безъ совѣщанія съ братіею и поэтому просилъ подьячаго прійти за отвѣтомъ на другой день.

4 декабря Алексѣевъ опять былъ у Гизеля, который сказалъ подьячему, что велитъ набрать по листу «Бесѣдъ» на александрійской и простой бумагѣ и смѣтить, сколько понадобится бумаги на 200 экземпляровъ; о срокѣ, въ который могъ бы быть выполненъ заказъ, и о стоимости печатанія Гизель не обѣщалъ дать точныхъ свѣдѣній, замѣтилъ только, что печерская типографія вслѣдствіе военнаго времени пришла въ упадокъ, мастеровъ осталось мало, многіе убиты и взяты въ плѣнъ, а новые изъ Кракова и изъ иныхъ мѣстъ не приходятъ, поэтому печатаніе двухъ заказываемыхъ московскимъ правительствомъ книгъ можетъ затянуться болѣе, чѣмъ на два года.

Пробный листъ набирали въ печерской типографіи десять дней, и только 13 декабря Гизель опять пригласилъ къ себѣ Алексѣева и, передавъ ему набранный и отпечатанный для образца на простой и александрійской бумагѣ листъ «Бесѣдъ на Посланія», призвалъ завѣдывавшаго лаврскою «друкарнею» старца Іосафата, который сказалъ Алексѣеву, что набраны пробные листы только изъ книги «Бесѣды на Посланія»; изъ набранныхъ листовъ видно, что для напе-

[1]) Ibid. л. 317.

чатанія ста экземпляровъ этой книги потребуется 85 стопъ простой бумаги, а печатать на александрійской бумагѣ лаврская типографія не можетъ, такъ какъ александрійская бумага очень широка и потому будетъ мяться и прорываться въ маленькихъ лаврскихъ станкахъ.

Затѣмъ Іосафатъ объяснилъ Алексѣеву, что пробныхъ листовъ изъ книги «Бесѣды на Дѣянія» онъ приготовить не успѣлъ, потому что для набора листа изъ «Бесѣдъ на Посланія» пришлось ему съ мастерами проработать почти двѣ недѣли безпрестанно день и ночь и если бы набрать пробный листъ и изъ другой книги и «знатно, что то не въ мочь». Впрочемъ Іосафатъ говорилъ, что въ пробныхъ листахъ изъ книги «Бесѣды на Дѣянія» и нужды особенной нѣтъ, такъ какъ въ книжномъ складѣ Лавры имѣются экземпляры того лаврскаго изданія «Бесѣдъ на Дѣянія», образецъ котораго посланъ въ Москву съ архимандритомъ Варнавою. По этимъ образцамъ видно, что для напечатанія ста экземпляровъ «Бесѣдъ на Дѣянія» потребовалось бы 35 стопъ бумаги, но зачѣмъ великому государю заказывать новое изданіе «Бесѣдъ на Дѣянія», когда въ книжномъ складѣ печерской типографіи находится болѣе ста непереплетенныхъ экземпляровъ стараго лаврскаго изданія «Бесѣдъ», цѣною по два рубля за экземпляръ и «великій бы государь изволилъ тѣ книги взять на себя, а за нихъ прислать деньги», если же все таки рѣшено будетъ печатать обѣ книги, то понадобится 125 стопъ бумаги: 85 для печатанія «Бесѣдъ на Посланія», 30 для напечатанія «Бесѣдъ на Дѣянія» и 10 стопъ на пробные и корректурные оттиски [1]),

Такимъ образомъ Гизель съ братьею сообщили Алексѣеву только часть смѣты и отказались дать свѣдѣнія о томъ, во что обойдется самое печатаніе книгъ. Въ письмѣ, которое Гизель послалъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ подьячимъ Алексѣевымъ, архимандритъ старался увѣрить государя въ томъ, что печатать въ лаврской типографіи книги по заказу изъ Москвы—дѣло очень трудное и едва ли выполнимое; что если и удастся исполнить предлагаемый типо-

[1]) „Старецъ Езуѳатъ, который вѣдаетъ друкарню, подьячему говорилъ: буде великій государь книги на Дѣянія и на Посланія укажетъ печатать двѣсти книгъ, и на тѣ де книги по смѣтѣ надобно бумаги на сто книгъ на Дѣянія пє҃ стопъ, въ книгу по з҃і дести, а на Дѣянія на р҃ же книгъ л҃ стопъ, въ книгу то шти дестей, да въ запасъ на *опытъ* і҃ стопъ, потому что какъ первое печатованіе бываетъ, тогда сперва *опытъ* чинятъ, напечатаютъ дважды и трижды и четырьмя, бываетъ и семью; какъ ужъ чисто напечатуетца, то ужъ все чисто пойдетъ. (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Кн. № 5, л. 332, столб. № 5921).

графіи заказъ, то печатаніе обойдется очень дорого, такъ какъ «художныхъ мастеровъ» въ печерской типографіи мало, нужно будетъ приглашать изо Львова и изъ Кракова, но сомнительно, чтобы это приглашеніе имѣло успѣхъ, такъ какъ совсѣмъ нѣтъ проѣзду въ Кіевъ изъ Польши и изъ другихъ странъ: Кіевъ и Печерская Лавра находятся какъ бы въ осадѣ, недалеко отъ города расположились турки и татары, союзники Дорошенка. Вслѣдствіе такихъ бѣдствій въ Кіевѣ «невозможно великая цѣна всякому харчу» и мѣстные «типографскіе дѣлатели» не только берутъ большую плату за работу, но къ тому же и «бѣгать обыкли»; поэтому нѣтъ возможности опредѣлить, сколько времени заняло бы печатаніе «Бесѣдъ» и какіе бы на это потребовались расходы [1]).

Такъ какъ Максимъ Алексѣевъ вслѣдствіе дурной дороги и продолжительной задержки въ Печерской Лаврѣ долго не возвращался въ Москву [2]), то отправленному 29 декабря 1669 г. въ Малороссію подьячему Михаилу Савину поручено было, между прочимъ, передать Гизелю государеву грамоту съ требованіемъ сообщить немедленно, въ какомъ положеніи находятся переговоры по дѣлу о печатаніи въ печерской типографія «Бесѣдъ». Изъ этой государевой грамоты Гизель могъ заключить, что въ Москвѣ серьезно рѣшили поручить Лаврѣ типографскіе заказы; поэтому Гизель счелъ небходимымъ высказаться по этому вопросу болѣе опредѣленно, чѣмъ что было сдѣлано въ письмѣ, которое незадолго передъ тѣмъ архимандритъ послалъ съ Максимомъ Алексѣевымъ.

Во второмъ своемъ письмѣ Гизель не распространяется уже особенно о затрудненіяхъ, съ которыми будетъ связано выполненіе печерскою типографіей предлагаемаго ей заказа, не говоритъ о томъ, что печатаніе книгъ въ Кіевѣ обойдется московскому правительству слишкомъ дорого, а прямо заявляетъ, что въ Кіевѣ за многими помѣшками и невозможностью печатать «Бесѣды» и великаго государя

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. Столбцы № 5921; кн. № 5, л. л. 330—332; 336—340—статейный списокъ Алексѣева о переговорахъ его съ Гизелемъ. Такимъ образомъ, мнѣніе г. Шляпкина (св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 123), будто Гизель отказался отъ сдѣланнаго ему заказа, ссылаясь на малую величину станковъ, не вполнѣ вѣрно.

[2]) Когда Алексѣевъ ѣхалъ въ Кіевъ, дорога была „трудновата“, а въ Кіевѣ Гизель задержалъ подьячаго на 10 дней, въ теченіе которыхъ набирали и печатали пробный листъ „Бесѣдъ“. (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. Прик. кн. № 5, л. л. 317—332).

повелѣнія совершать невозможно. Такимъ образомъ, попытка московскаго правительства печатать книги въ Кіево-печерской типографіи не удалась вслѣдствіе несогласія Гизеля взять на себя это дѣло. Рѣшительно отказываясь печатать въ своей типографіи «Бесѣды», Гизель просилъ государя «не поставить этого въ вину Лаврѣ» и не лишать ея своей милости, такъ какъ заказъ не принятъ лишь благодаря «сполошнымъ и мятежнымъ временамъ», а также вслѣдствіе упадка печерской типографіи, въ которой осталось будто бы только два небольшихъ станка[1]).

Но къ этимъ жалобамъ на крайній упадокъ печерской типографіи врядъ ли можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время, когда Гизель увѣрялъ, будто никакъ не можетъ взять типографскаго заказа отъ московскаго правительства, вслѣдствіе недостатка станковъ, при Лаврѣ устроена была новая польская типографія[2]), въ которой вскорѣ напечатано было сочиненіе Барановича «Żywoty swiętych», и такая объемистая книга, какъ «Lutnia Apollinowa» того же Барановича. Вѣроятнѣе всего, что Гизель отказался взять на себя печатаніе книгъ для московскаго правительства, опасаясь «многихъ убытковъ». Дѣло въ томъ, что хотя московское правительство и обѣщало возмѣстить Лаврѣ всѣ расходы по печатанію «Бесѣдъ», однако въ Кіевѣ уже хорошо знали, какъ туго производятся въ Москвѣ платежи. Наконецъ, отказъ Гизеля печатать въ Лаврской типографіи для московскаго правительства новое изданіе «Бесѣдъ на Дѣянія» былъ вызванъ еще просто желаніемъ сбыть въ казну великаго государя залежавшееся лаврское изданіе «Бесѣдъ», что впрочемъ не удалось архимандриту.

Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. *(Изъ «Исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII столѣтія»).* Курсъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія дѣлился, какъ извѣстно, на восемъ «ординарнихъ школъ» или классовъ: фару (аналогію), инфиму, грамматику синтаксиму, піитику, риторику, философію и богословіе. Къ нимъ въ 1738 году, заботами кіев. митр. Рафаила Заборовскаго, были при-

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 28, столб. 155; Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1669 г. № 59.

[2]) Письма Лазаря Барановича, № 61, стр. 75.

бавлены еще экстраординарные классы языковъ—греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго, или школы «эллинская, еврейская и нѣмеческая». Въ каждомъ ординарномъ классѣ всегда имѣлся особый профессоръ [1]), въ классахъ же «языческихъ» порой бывалъ одинъ [2]), а иногда и два [3]). Слѣдовательно, академическая корпорація въ первой половинѣ XVIII в. состояла, по меньшей мѣрѣ (если богословіе преподавалось ректоромъ, а философія—префектомъ), изъ восьми, съ 1738 же года изъ девяти и даже десяти членовъ.

Спрашивается: какъ и чѣмъ содержалась вся эта корпорація, когда на нее въ первой половинѣ XVIII в. правительствомъ не отпускалось никакого штатнаго оклада?

Главнѣйшія средства для своего содержанія она имѣла отъ Братскаго монастыря, который, получая пособіе отъ правительства [4]) и митрополитовъ [5]), предоставлялъ учителямъ академіи даровое помѣщеніе, освѣщеніе, отопленіе и даровой столъ.

Для помѣщенія учителей монастырь отводилъ особыя келіи («чуланы», какъ онѣ иногда назывались), столъ же предлагалъ имъ

---

[1]) Исключенія бывали весьма рѣдки. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ лишь единственный случай, что въ двухъ классахъ преподавалъ одинъ профессоръ. Это—іером. Митрофанъ Довгалевскій, состоявшій въ 173⁶/₇ учеб. году учителемъ синтаксимы и піитики (См. рукоп. Кіево-Михайл. биб. № 1710, л. 161 на обор. и л. 245—254, и рукоп. библ. Кіев. Дух. Акад. Муз. № 51, л. 439).

[2]) Напр., съ 1738 г. по 1742 г. всѣ языки преподавалъ одинъ Симонъ Тодорскій (Рукоп. Кіево-Печер. Лавры X, 70; ср. Арх. Кіев. Дух. Конс. Реестръ 1742 г., № 649).

[3]) Съ 1746 г. См. Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т I, № 28.

[4]) 80 рублей по граматѣ 1694 г. и 130 рублей изъ 200-рублевой суммы, отпускавшейся на Академію съ 1741 г. изъ войсковаго малороссійскаго скарбу.

[5]) Нельзя сказать, какую сумму отпускали Братскому монастырю кіевскіе митрополиты до Рафаила Заборовскаго. Единственное указаніе объ этомъ въ доношеніи архіеп. Варлаама Ванатовича въ 1727 г. (См. Опис. док. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Свят. Прав. Син. т. VII, Прилож. VIII, ст. CXXIX—CXXX)—и то очень неопредѣленно („... дается на всякъ годъ на пропитаніе учителямъ, на рыбу и на прочія ихъ персональныя нужды... изъ казны архіерейской, отъ бову моего смиренія, *елико по силѣ моей мощно*“).. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ въ Братскій монастырь на учителей „опредѣлено было... изъ катедральной святософійской суммы въ годъ на рыбу давать по сто рублевъ, которые и даваны были до опредѣленія двоихъ сотъ рублевъ изъ войсковаго малороссійского скарбу зборовъ“. (См. въ архивѣ Кіев. Дух. Конс. черновое доношеніе митр. Рафаила Заборовскаго въ Св. Синодъ въ февралѣ 1744 г.).

въ общей трапезѣ съ братіею (иногда, быть можетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выдавалъ на домъ).

Содержаніе каждаго учителя среднимъ числомъ обходилось монастырю болѣе 80 рублей, если переводить на деньги стоимость издерживаемой провизіи, по цѣнамъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. 17-го декабря 1743 года ректоръ академіи Сильвестръ Кулябка (на требованіе митрополита Заборовскаго, хлопотавшаго предъ Синодомъ о назначеніи учителямъ кіевской академіи оклада жалованья, по примѣру Московской) въ вѣдомости объ ежегодныхъ издержкахъ Братскаго монастыря на содержаніе учителей Академіи сдѣлалъ такое перечисленіе монастырскихъ расходовъ:

«На осми нынѣ имѣющихся человѣкъ учителей на хлѣбъ муки ржаной на тиждень (недѣлю) виходитъ одна четвертъ, въ годъ четвертей пятьдесятъ двѣ, з одной четверти хлѣбовъ сорокъ два, на день осми человѣкамъ хлѣбовъ шестъ; на язическаго одинъ, на реторическаго.... одинъ хлѣбъ, на поетицкого, синтактицкого одинъ хлѣбъ, на граматицкого, інфимѣского одинъ хлѣбъ, на фариского полхлѣба, итого на денъ на осми шестъ, а въ годъ двѣ тисячи сто девятъ десятъ хлѣбовъ, смѣкая хлѣбъ по двѣ копѣйки денегъ, сорокъ два рубли восѣмъдесятъ копѣекъ.

Пива на философѣйскаго гарцовъ два, а на протчіихъ по гарцу, на осми на денъ гарцовъ девятъ, а въ годъ три тисячи двѣстѣ восѣмъдесятъ пятъ, гарнецъ смѣкая по три копѣйки, денегъ девятъдесятъ восѣмъ рублей пятъдесятъ пять копѣекъ.

Муки пшеничной на булки, на галушки, на одного въ годъ по три четверти, на осми четвертей двадцать четири, смѣкая на денгу четвертъ по рублю денегъ двадцать четири рубля.

Муки гречаной на одного по три четверти, на осми въ годъ четвертей двадцать чтири, смѣкая на денгу четверть по пятидесятъ копѣекъ, денегъ дваналцать рублевъ.

Пшона на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей четири, четвертъ по рублю по сороку копѣекъ денегъ пять рублей восѣмъдесятъ копѣекъ (?).

Крупъ гречанихъ на одного по полчетверти, на осми въ годъ четвертей чтири, смѣкая на денгу четвертъ по восѣмдесятъ копѣекъ, денегъ три рубли двадцать копѣекъ.

Гороху на одного по полчетверти въ годъ четири четверти, на осми, смѣкая на денгу четвертъ по рублю, денегъ четири рубля.

Сира, масла на одного двѣ дѣжки, на осми въ годъ шестнадцать смѣкая дѣжку по полтора рубли, денегъ двадцать чтири рубли.

На свѣжую рибу по справки съ книгами монастырскими зашнурними, на сметану, на яйцы, на молоко, кромѣ опредѣленнихъ въ годъ виходитъ на осми денегъ двѣстѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копѣйки и три полушки.

Вялой риби на одного тисяча, на осми въ годъ тисячъ восѣмъ, смѣкая на денгу тисячу по три рубля денегъ двадцать чтири рубли.

Грибовъ на одного по тисячи, на осми въ годъ тисячъ восѣмъ, смѣкая на денгу тисячу по рублю денегъ восѣмъ рублей.

Варива, бураковъ бочка, капусти бочка одного, а на осми въ годъ шестнадцать, смѣкая на денгу бочку по рублю денегъ шестнадцать рублей.

Олѣи на осми по двѣ кварти на денъ, кварта по десятъ копѣекъ; въ году, постнихъ дней напримѣръ сто тридцать сѣмъ, виходитъ квартъ двѣстѣ сѣмъдесятъ четири, денегъ двадцать сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ.

Цибулѣ на одного вѣнковъ тридцать, на осми въ годъ двѣстѣ сорокъ, смѣкая на денгу вѣнокъ по три копѣйки, денегъ сѣмъ рублей двадцать копѣекъ.

На свѣчки на осми въ годъ тридцать рублей.

На частноку, на петрушку, на капусту и на протчое зѣлля на осми въ годъ десятъ рублей.

На корѣніе на осми въ годъ десятъ рублей.

На кухара десятъ рублей.

Горѣлки на осми въ годъ дается разовъ четири, на философійского по шестъ квартъ, а на протчихъ семи учителей по четири кварти, въ годъ на осми сто тридцать шесть квартъ, смѣкая на денгу, кварту по десяти копѣекъ денегъ, тринатцать рублей шестъдесятъ копѣекъ.

Дровъ на варение кушання и на опалъ келій на одного по пятъдесятъ колодъ, на осми въ годъ колодъ четириста; плитовъ четири, плитъ смѣкая на денгу по семи рублей, денегъ двадцать восѣмъ рублей.

Итого всѣхъ денегъ шестьсотъ пятъдесятъ пять рублей, восѣмъдесятъ сѣмъ копѣекъ и три полушки» [1]).

---

[1]) См. эту вѣдомость въ архивѣ Кіев. Дух. Конс., въ дѣлахъ 1743 года.

Конечно, такой расходъ былъ весьма ощутительнымъ для Братскаго монастыря, матеріальное благосостояніе котораго въ первой половинѣ XVIII в. почти всегда было крайне неудовлетворительнымъ [1]).

И профессора академіи, въ благодарность монастырю, исполняли всѣ обязанности его братіи, совершали богослуженіе въ его церквяхъ, пѣли и читали на клиросахъ, проповѣдывали слово Божіе и проч. [2]), на что нерѣдко удѣляли время, необходимое для своихъ ученыхъ занятій.

Имѣя, такимъ образомъ, отъ Братскаго монастыря квартиру и столъ, для удовлетворенія своихъ прочихъ нуждъ (одежда, обувь, учебныя пособія, письменныя принадлежности и т. п.) профессора располагали малыми и—главное—крайне неопредѣленными денежными средствами.

Главнѣйшимъ источникомъ такихъ средствъ были митрополичьи консоляціи, изъ которыхъ однѣ были постоянныя, ежегодныя, а другія—случайныя, временныя.

Каковъ былъ размѣръ постоянныхъ митрополичьихъ консоляцій до времени митроп. Рафаила Заборовскаго, нельзя сказать, за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ. При митр. Рафаилѣ Заборовскомъ въ пользу учителей изъ митрополичьей консоляціи ежегодно раздѣлялось 165 рублей по слѣдующему росписанію: «на теологійского двадцатьпять рублей, на философійского двадцать, на греческого двадцать пять рублей, на реторицкого сѣмнадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ, поетицкаго пятнадцать рублей, синтактицкого пятнадцать рублей; граматицкому дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ, фарискому дванадцать рублей пятъдесятъ копѣекъ» [3]).

О размѣрахъ случайныхъ консоляцій со стороны митрополитовъ нѣтъ свѣдѣній. Онѣ выражались частью въ денежныхъ даяніяхъ на разныя «персональныя» нужды учителей [4]), напр., «на одѣяніе» [5]) и т. п., частью въ даяніяхъ самымъ «платьемъ» [6]); и бывали «когда

[1]) Н. Мухинъ. Кіево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1893., стр. 141—156.

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад.; собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, № 21.

[3]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1743 г., безъ №.

[4]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. VII, Прилож. VIII, ст. CXXIX—CXXX.

[5]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, № 21.

[6]) Ibid.

единъ разъ, а иногда и дважды», какъ это было при митр. Рафаилѣ Заборовскомъ [1]).

Другимъ источникомъ былъ сборъ съ «вѣнечныхъ памятей» (такъ назывался письменный видъ, выдаваемый духовными властями на совершеніе брака, не подлежащаго никакому сомнѣнію), право выдавать которыя въ нижнемъ Кіевѣ было предоставлено академіи. (Когда впервые присвоено было ей это право, неизвѣстно. Ректоръ академіи Амвросій Дубневичъ, прося въ 1732 году митр. Рафаила Заборовскаго возвратить его (а оно на время было отнято) академіи, въ своемъ прошеніи выразился слишкомъ неопредѣленно: «отъ антецессоровъ Вашего Преосвященства вѣнечныхъ памятей дача врученна была кіевобрацкого монастыря ректорамъ» [2]). Кажется, въ 1731 году [3]) академія была лишена этого права, но въ слѣдующемъ же 1732 г. 21-го іюля, по прошенію Дубневича, оно снова было возвращено ей. Половину этихъ сборовъ (они не были, да и не могли быть одинаковыми) получалъ ректоръ, другая же половина шла въ раздѣлъ между учителями, соотвѣтственно ихъ старшинству. Такъ, ректоръ Сильвестръ Кулябка въ своемъ доношеніи митрополиту, въ декабрѣ 1743 г., писалъ: «з квѣтовихъ денегъ, якихъ за моего начальства чрезъ три года собралося, а именно: 1741 г. отъ генваря 8 до ноября 11 чиселъ шестъдесятъ два рубли шестъдесятъ двѣ копѣйки; за 1742 г. сорокъ пятъ рублей дванадцать копѣекъ; за 1743 г. тридцатъдевять рублей тридцать три копѣйки, *половина на ректора, а половина на учителей дается, а с тѣхъ денегъ не равно себѣ учители раздѣляютъ»* [4]).

Вотъ и всѣ главные и болѣе или менѣе постоянные источники средствъ академическихъ профессоровъ въ первой половинѣ XVIII в.! Скудость ихъ говоритъ сама за себя...

Правда, постоянные благодѣтели академіи—кіевскіе митрополиты, стараясь всѣми возможными способами улучша́ть матеріальный бытъ профессоровъ, часто располагали къ благотворительности въ пользу ихъ разныхъ лицъ (къ сожалѣнію, время унесло съ собою память подобныхъ благотворителей). Въ архивѣ кіевской духовной кон-

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, №. 1.

[3]) Вѣроятно, въ силу Синодальнаго указа отъ 28 мая 1731 г. о взиманіи съ вѣнечныхъ памятей пошлинныхъ и лазаретныхъ денегъ. См. Полное собр. постанов. и распоряж. по вѣдом. прав. исповѣд. Росс. имперіи, т. VII, стр. 270. № 2449.

[4]) Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1743 г.

систоріи есть лишь одно дѣло, показывающее, что и такая ничтожная сумма, какъ 8 рублей, доставшаяся, по волѣ митрополита, (изъ денегъ, оставшихся по смерти одной игуменіи) на всю академическую корпорацію, была цѣлымъ событіемъ для нея [1]); дѣлали распоряженія, чтобы монастыри, постриженцами которыхъ состояли профессора, выдавали имъ слѣдуемую часть доходовъ и т. п. [2]), но все это было недостаточнымъ.

Наконецъ, и «обичное благодареніе» профессорамъ за школу со стороны учениковъ было малымъ. Да и благодарить ихъ могли лишь дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей, которыхъ въ академіи бывало сравнительно очень мало. Они, являясь изъ дому «съ поклономъ», приносили и «консоляцію» своимъ просвѣтителямъ. Но это была «малая толика», не превышавшая въ годъ пятнадцатирублевой суммы; и одинъ разъ она цѣликомъ шла въ пользу префекта, а другой—уже въ пользу профессоровъ [3]).

Неудивительно, что, при такомъ жалкомъ обезпеченіи, профессора съ грустью несли свои обязанности, и лишь открывалась возможность выбраться на болѣе обезпечивающую службу (напр., катедральнаго казнодѣя, консисторскаго судоваго писаря и т. п.), оставляли свои каѳедры безъ малѣйшаго колебанія. Не было же подобнаго выхода, каждый изъ нихъ, начавъ свою службу съ низшаго класса, томительно жаждалъ перехода въ высшій, потому что такой переходъ оставался послѣднимъ средствомъ къ улучшенію его положенія, являясь въ полномъ смыслѣ академическою табелью о рангахъ: съ нимъ связано было и увеличеніе внѣшняго почета въ академической средѣ, и увеличеніе матеріальнаго содержанія. («Понеже не всѣхъ учителей равенъ есть трудъ, разсуждалъ Гедеонъ Вишневскій, но якоже окіянъ каплю едину, сице богословскіе догматы пре-

---

[1]) Арх. Кіев. дух. Кон. д. 1742 г. № 1723.

[2]) Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 21. За это въ каникулярное время учителя отправлялись на служеніе въ свои монастыри. Ясное доказательство этому мы видимъ въ постоянныхъ требованіяхъ митрополитовъ, въ началѣ каждаго учебнаго года, отъ разныхъ монастырей обратной высылки учителей въ академію. Такъ, напр., въ опредѣленіи митр. Заборовскаго учителей на 174²/з учеб. годъ мы читаемъ: „учителей, кои не въ Кіево-Братскомъ монастырѣ жительство имѣютъ, отъ того належитъ, въ Кіево-Братскій монастырь требовать". (Арх. Кіев. дух. Конс., д. 1742 г., № 128; срав. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1., №№ 13, 22 и 28; Арх. Кіев. дух. Конс. д. 1739 г., № 30; д. 1744 г. № 8 и др.).

[3]) Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 21.

восходятъ ученіе грамматическое, того ради праведно судится быти, дабы и мзда не равна была, но по пропорціи труда жалованье... Не ровное бо... жалованье видится приличное пропорціи, сіесть неравенству школъ и учителей и можетъ поощряти меншихъ учителей къ большимъ трудамъ... Къ чему бо меншому учителеви въ болшіе труды непрестанные и тяжкіе вступити? аще за меншія и легшія столько жалованья пріиметъ, сколько и за большія»[1]?. Въ такихъ соображеніяхъ всѣ суммы (что видно изъ приведенной нами выше росписи консоляціонныхъ денегъ и замѣчанія ректора Кулабки о дѣлежѣ сборовъ съ вѣнечныхъ памятей), выпадавшія на долю академическихъ профессоровъ дѣлились между ними соотвѣтственно положенію каждаго въ корпораціи.

Д. Вишневскій.

Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. Воинская исторія малорусскаго козачества до сихъ поръ не написана. Мы знаемъ, что козацкое войско во время гетманщины состояло изъ десяти *городовыхъ* полковъ, набиравшихся съ извѣстныхъ мѣстностей, называвшихся поэтому *полками*, и нѣсколькихъ полковъ, конныхъ и пѣхотныхъ, набиравшихся изъ охотниковъ, почему эти полки и назывались охотницкими. Знаемъ также, что городовые полки (съ 1735 г.) дѣлились на козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ, при снаряженіи которыхъ на дѣйствительную службу, сотники брали большія взятки, увольняя богатыхъ на счетъ бѣдняковъ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о порядкѣ отбыванія службы ни въ военное, ни въ мирное время—въ печатной литературѣ не имѣется. Да и собрать эти свѣдѣнія за время, предшествовавшее попыткѣ кн. Шаховскаго (въ 1735 г.) упорядочить военную организацію козаковъ,—очень трудно, такъ какъ общихъ распоряженій за сказанное время, повидимому, дѣлаемо не было и потому въ архивныхъ бумагахъ попадаются лишь отрывочныя упоминанія о военномъ бытѣ козаковъ. Въ 1735 г. тогдашній правитель Малороссіи кн. Шаховской сдѣлалъ было попытку ввести нѣкоторый порядокъ въ военную службу козаковъ, раздѣливъ ихъ на выборныхъ и на подпомощниковъ, съ цѣлію обезпечить матеріальную сторону строеваго козачества; но попытка

[1]) Описаніе док. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. II, ч. 2-я Прилож. VIII, § 3, п. 11, ст. XXIV.

эта не имѣла ожидавшихся результатовъ, благодаря злоупотребленіямъ старшины, которая съ XVIII в. стала смотрѣть на подначальныхъ козаковъ, какъ на источникъ доходовъ... Воинская сторона козачества приходила въ большій и большій упадокъ. Въ гетманство Разумовскаго служилые малороссійскіе козаки стали употребляться на всякую службу, а въ томъ числѣ и на частную. Въ 1760 г. гетманъ Разумовскій началъ устраивать для себя усадьбу въ Яготинѣ; лубенскій полковникъ Кулябка, которому поручено было главное распоряженіе этимъ устройствомъ, сталъ требовать рабочихъ въ Яготинъ съ ближайшихъ полковъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ требованій кіевскій полкъ послалъ Кулябкѣ печатаемую здѣсь вѣдомость о расходѣ служилыхъ козаковъ, указывающую, какія разнообразныя обязанности долженъ былъ исполнять тогдашній гетманскій козакъ.

«Вѣдомость съ полковой кіевской канцеляріи сколко по послѣдней 756 г. ревизіи показано въ полку кіевскомъ всѣхъ подпомощниковъ козаковъ и исъ того числа сколко куда состоитъ въ откомандираціи».
1762 г., апрѣля 30 дня.

По ревизіи 756 г. показано всѣхъ—3267. Съ того числа въ откомандированіи на межигорскій и сорокошицкій форпости—101.— Въ армію при волахъ 759 г. отправленнихъ, за исключеніемъ возвратившихся уже въ домы, -31.—1760 г., въ армію подъ командою обозн. полков. старод. Шкорупы, при виборнихъ козакахъ погонщиками—12.—1761 г., при волахъ въ армію отправленныхъ—20.—Къ вновь прожектированной на Дону крѣпости наряжено—29.—Въ Батуринъ, къ тамошнему національному строенію[1]), плотниковъ—22.— На засѣку работниковъ, кромѣ приставовъ—870.—Комисарами сотенными на сей годъ—21. Въ Носовки слѣдственною комиссіею отобрано и ея с—ву граф. Наталіи Демяновнѣ г—жѣ Разумовской въ подданство поручено—21.—При бунч. тов. Ивану Леонтовичу и войск. тов. Степ. Пасенку и Гр. Солонинѣ при мостовомъ строеніи—12.—Къ работѣ нынѣ мостовъ въ тысячное число работниковъ—293, да къ нимъ приставовъ—35.—Въ полковую канцелярію для посилокъ зъ дѣлами конныхъ--20.—Въ Козелецкую контору его вис.—рейхсъ графск. с—ва г. ген.-фельдм. и кав. Алексѣя Григоріевича Разумовскаго—12.—Въ полковую щетную комисію—4.— Къ острогу полковому для береженія колодниковъ—32.—Въ полковую и судовую канцеляріи на сторожу и для береженія казны—9.—

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1890 г., ноябрь, 338 и слѣд.

Въ 11-ти сотенныхъ канцеляріяхъ на стойкахъ—98.—При комисарахъ полковыхъ прошлогоднихъ и нинѣшнихъ—8.—Въ Батуринъ къ тамошнему строенію подводъ требуется—50; туда жъ, въ число слѣсарей и протчихъ майстеровихъ людей отправлено съ козаковъ подпомощниковъ и нинѣ отправляются не мало. Итого въ откомандированіи—1711, а затѣмъ числится на лице--1556.

Обозний полковой Александеръ Солонина».

А. Л.

Къ исторіи малорусскаго духовенства. Въ библіотекѣ печерской лавры хранится любопытная рукопись.—«*Пункты по указу 1767 года сентября 1 дня изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ кафедрѣ митрополіи кіевскія о принадлежащихъ епархіи кіевскія духовенству какъ о владѣніи грунтовъ, такъ и о прочихъ имъ выгодностяхъ сочиненныи.* Изъ этого заглавія видно, что «пункты» сочинены для извѣстной «Екатерининской Коммиссіи», а изъ подписи ихъ—кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, настоятелями кіевскихъ монастырей и всѣми лѣвобережными протопопами—видно, что «пункты» заключаютъ въ себѣ desiderata почти всего малорусскаго духовенства. Говоримъ *почти*, потому что къ этимъ «пунктамъ» въ концѣ рукописи прибавлены еще двѣ записки «о выгодностяхъ духовенства», присланныя къ печерскому архимандриту тогдашними епископами: переяславскимъ Гервасіемъ и черниговскимъ Кирилломъ. Вся рукопись (in folio 183 двойн. стр.) заключаетъ въ себѣ 62 пункта, при чемъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: указанія на фактическое положеніе того или другого обстоятельства и затѣмъ—изъ просительнаго заключенія по его поводу. Указавъ, напр., на значеніе кіевской академіи въ исторіи образованія [1]), въ пунктахъ выражается желаніе

---

[1]) ...„Непроходитъ не одинъ почти годъ, котораго бы здѣшней академіи студенты самопроизвольно не отпускаемы были въ медицинскую науку; изъ тѣхъ же студентовъ не малое число находится въ переводчискихъ при разныхъ мѣстахъ и въ учительскихъ званіяхъ при классахъ шляхетного корпуса и при московскомъ университетѣ; и нѣкоторые на собственномъ своемъ коштѣ, хота и съ неописанною бѣдностію соединенномъ, для продолженія и полученія высшихъ наукъ, ради пользы отечества, отправились въ Германію, о чемъ извѣстно кіевской губернской канцеляріи по причинѣ данныхъ изъ оной канцеляріи пашпортовъ... Указавъ затѣмъ на скудость вознагражденія учителей, воспитывающихъ это юношество, „пункты“ добавляютъ, что между тѣмъ на обязанности этихъ же учителей лежитъ и пропо-

что бы «въ разсужденіи столь изобильной пользы отъ ученія въ академіи кіевской производимаго происходящей и впредь съ вящшимъ умноженіемъ происходить имѣющей, преосвященный митрополитъ кіевскій проситъ повелѣть опредѣлить на содержаніе той академіи годовую денежную сумму, хотя противъ московской славяно-греко-латинской академіи или сколько заблагоусмотрѣнно будетъ». При этомъ «пункты» добавляютъ, что «для чувствительнѣйшаго удовольствія народа (преимущественно богомольцевъ) столь горячимъ усердіемъ къ слушанію слова божія стремящагося и къ непрерывной въ таковыхъ случаяхъ проповѣди евангельской распространенію, весьма нужно и полезно быть въ той академіи, кромѣ учителей, особливимъ двумъ проповѣдникамъ изъ достойныхъ людей, въ ученіи довольно свидѣтельствованнимъ и къ толь *великому званію природныя достаточныя качества имѣющимъ,* на особливомъ не скудномъ жалованьи»[1]...

За симъ приводимъ полностью одинъ изъ «пунктовъ», въ которомъ рисуется положеніе приходского священника въ селѣ, гдѣ въ числѣ «господъ и владѣльцевъ» жилъ какой-нибудь «панъ сотникъ», «панъ обозный», не говоря уже о «вельможныхъ» полковникахъ...

«Правилами святыми узаконенно: быть во свое время литургіи, почему въ согласіе о нихъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій по докладнымъ пунктамъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода указалъ: если кто, кромѣ его величества императорской фамиліи, приказывать будетъ церковному служителю къ церковному служенію благовѣстить не въ урочныя времена или долго, паче обыкновеннаго времени, велитъ себя дожидать и таковыхъ въ томъ не слушать; токмо и затѣмъ высочайшимъ указомъ нѣкоторые господа, а найпаче владѣльцы, въ своихъ владѣніяхъ, или принуждаютъ священниковъ божественную литургію безвременно зачинать и спѣшить, или приказываютъ имъ священникамъ ожи-

---

вѣдничество, когда въ академическую церковь „въ праздники и воскресные дни для полученія отъ проповѣдуемого слова Божія душеспасительнаго наставленія стекается съ великою жадностію многочисленный народъ, а паче весною и лѣтнимъ временемъ, когда изъ разныхъ странъ, разные жители, въ великомъ числѣ состоящіе, для богомолья приходятъ"...

[1]) Предложенная въ 1767 г. кіевскимъ митрополитомъ мѣра къ утоленію духовной жажды множества тысячъ стекающихся весною въ Кіевъ богомольцевъ, повидимому, и теперь была бы благовременною.. См, „Кіевск. Стар." 1895 г., сентябрь, стр. 87.

дать ихъ съ литургіей, по то время, пока они прикажутъ звонить, когда имъ угодное время дня окажется и потому иногда литургія отправляема бываетъ пополудни, въ отмѣну святыхъ отецъ правилъ, а чрезъ то народъ, имѣющій хозяйственныя нужды немогучи долго ожидать, лишается въ тіе дни слушанія церковнаго служенія, да тое и священникамъ бываетъ досадою и трудностію и не малою въ домашнихъ строеніяхъ остановкою, а иногда и нужда настоитъ спѣшить священнику къ больному, для исповѣди и къ исправленію другихъ требъ. Ежели-же ихъ владѣльцевъ и прочихъ господъ въ томъ священнику не послушать, — негодуетъ и сыскуетъ къ отмщенію причины; да и безъ того мірскіе такъ дерзостно поступаютъ, что нѣкоторые съ нихъ сами собою церкви заключаютъ своими замками и священниковъ недопущаютъ къ священнослуженію, а нѣкоторые самижъ собою отъ священниковъ церковніе ключи къ себѣ забираютъ и священниковъ къ церквамъ и священнослуженію въ нихъ недопускаютъ, и отъ приходовъ отрѣшаютъ и другіе наглости и обиды причиняютъ. Да въ обычай еще вошло, что владѣльцы приходскимъ священникамъ своихъ селъ и деревень приказываютъ приходить къ нимъ по литургіи съ просфорою неотложно. Того ради малороссійское епархіи Кіевскія бѣлое священство проситъ запретить мірскимъ властямъ и владѣльцамъ отъ священниковъ требовать или ихъ принуждать, чтобъ они или божественную Литургію и другіе церковныя служенія безвременно зачинали и спѣшили или ожидали ихъ съ церковнослуженіемъ, пока имъ мірскимъ властямъ и владѣльцамъ угодное время окажется; ежели-же ихъ священники въ томъ не послушаютъ, запретить же за то отмщенія имъ дѣлать, и какъ до священниковъ, такъ и до церквей и до церковныхъ добръ и до доходовъ ихъ и до прочаго касается, и священниковъ къ нимъ съ просфорою приходить принуждать, наипаче же самимъ собою церкви заключать и церковные ключи отъ священниковъ отбирать и ихъ до церкви не допускать и отъ приходовъ отрѣшать и другихъ наглостей и обидъ причинять не дерзать повелѣть, а дерзающимъ противное дѣлать, точные штрафы опредѣлять. («Пунктъ» 9-й).

Желательно, что бы вся эта рукопись цѣликомъ была издана, при чемъ издателемъ ея всего естественнѣе быть кіевской академіи...

А. Л.

Вниманію фотографовъ-любителей. Въ области фотографіи послѣдняя четверть настоящаго столѣтія ознаменована громаднымъ поступательнымъ движеніемъ. Какъ бы для довершенія тріумфа этого движенія явилось обратившее на себя вниманіе всего міра открытіе проф. Рентгена. Движеніе шло и идетъ въ двухъ направленіяхъ: совершенствуется техника; какъ изъ рога изобилія сыплются одно за другимъ изобрѣтенія, дополняющія прежнія или открывающія нѣчто совершенно новое; съ другой стороны, расширяется область примѣненія, увеличивается число лицъ, для тѣхъ или другихъ цѣлей пользующихся свѣтописью.

Было бы утомительнымъ сдѣлать даже бѣглый перечень тѣхъ примѣненій, какія получила фотографія: она проникаетъ въ различныя сферы, въ различныя спеціальности мы находимъ ее тамъ, гдѣ трудно было-бы предполагать.

Но гдѣ фотографія принесла и приноситъ ничѣмъ незамѣнимыя услуги—это въ области знанія: многія научныя отрасли положительно не могутъ обходиться безъ нея.

Имѣя въ виду ту пользу, какую можетъ принесть фотографія именно по отношенію къ одному изъ подраздѣленій послѣдней области, мы и начнемъ нашу бесѣду.

Не будемъ говорить о предметахъ, носящихъ тотъ или другой болѣе тѣсный спеціальный характеръ,—тамъ конечно нужны особыя знанія, особая подготовка; но многое можетъ сдѣлать и обыкновенный любитель-фотографъ, если только поставитъ себѣ опредѣленную цѣль, очертитъ опредѣленный кругъ дѣйствій. Фотографія сдѣлалась въ послѣднее время «моднымъ» занятіемъ, развлеченіемъ; благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, особенно послѣ введенія «сухого» способа, кругъ лицъ, занимающихся фотографіей, возросъ до большихъ размѣровъ: не только въ городахъ, но даже въ глухихъ захолустьяхъ можно встрѣтить любителей-фотографовъ. Занятіе это дѣйствительно доставляетъ много удовольствія, но однако, въ большинствѣ случаевъ, не выходитъ за предѣлы личнаго удовольствія и зачастую скоро пріѣдается. Пріобрѣтается аппаратъ, начинается усиленная съемка. Сняты всѣ члены семьи, начиная отъ старшихъ, кончая самыми крошечными, перепробованы разнообразныя позы, снято нѣсколько группъ,—матеріалъ истощился. Вниманіе «своего» фотографа привлекаетъ прислуга—и тутъ принесено много радостей; наступаетъ очередь для четвероногихъ членовъ

семьи, зачастую къ большому неудовольствію послѣднихъ. Если прибавить къ этому нѣсколько видовъ дома, усадьбы и, въ крайнемъ случаѣ, окрестностей, то этимъ и будетъ исчерпанъ «репертуаръ» фотографа-любителя; мы беремъ, конечно, наиболѣе частые случаи, разумѣется есть и исключенія,—ихъ мы не касаемся.

А между тѣмъ жизнь, въ различныхъ проявленіяхъ, даетъ кругомъ такой разнообразный матеріалъ, такъ много сторонъ ея доступны для фотографа, могутъ быть «фиксированы»! При изученіи строя жизни какого-нибудь народа въ извѣстный періодъ, для того, чтобы ознакомленіе было по возможности полнымъ, въ изслѣдованія необходимо должны войти и чисто внѣшнія проявленія ея: характеръ и устройство жилищъ и другихъ построекъ, принадлежности домашняго обихода, тѣ или другія природныя условія мѣстности, наконецъ масса другихъ, на первый взглядъ мелкихъ фактовъ, такъ или иначе относящихся къ матеріальной сторонѣ быта, служатъ существеннымъ дополненіемъ къ тому, что мы знаемъ о духовной сторонѣ жизни даннаго народа въ сферахъ политической, соціальной, моральной и т. д.,—все это находится въ тѣсной связи и, пробѣлъ въ одномъ мѣстѣ нарушаетъ цѣлость картины. Вотъ почему наука такъ дорожитъ тѣми остатками былой жизни, которые относятся къ области внѣшней культуры, собираетъ, изучаетъ ихъ. Къ сожалѣнію время дѣлаетъ свое дѣло, и къ намъ доходятъ лишь жалкіе остатки, не дающіе возможности въ надлежащей полнотѣ возстановить прошлое.

Работа фотографа, его наблюденія, запечатлѣваемыя на снимкахъ, принесутъ несомнѣнную долю пользы при изученіи какъ прошлой, такъ и современной жизни,—на основаніи настоящаго мы судимъ о прошломъ. Большая услуга можетъ быть оказана фотографами и для будущаго; современная жизнь для будущихъ изслѣдователей ея дастъ обильный матеріалъ: при большой продуктивности печатнаго слова, которой характеризуется наше время, будетъ гдѣ покопаться будущему изслѣдователю; не забудемъ-же и другого средства, путемъ котораго можно освѣтить для него внѣшнюю сторону нашей жизни; если вспомнить какъ рѣдки и какъ цѣнятся теперь хотя бы гравюры и картины прошлаго столѣтія, рисующія жизнь того времени, какъ матеріалъ такого рода встрѣчается все рѣже и рѣже для болѣе ранняго времени, что находится въ связи съ несовершенствомъ и трудностью техники, то конечно будетъ непростительно съ нашей стороны не воспользоваться тѣмъ могуще-

ственнымъ средствомъ, которое находится въ нашихъ рукахъ; средство это—фотографія.

Дальнѣйшія усовершенствованія несомнѣнно дадутъ возможность вполнѣ закрѣпить для будущаго времени тѣ стороны нашей жизни, которыя по отношенію къ прошлому являются для насъ почти совсѣмъ потерянными. Если взять, напр., два изобрѣтенія, надъ которыми работаетъ знаменитый Эдисонъ, мы говоримъ о т. н. «живыхъ» фотографіяхъ, дающихъ возможность, путемъ ряда моментальныхъ снимковъ, передать и возстановить *движеніе* цѣлыхъ сценъ, взятыхъ изъ жизни, повторять ихъ по желанію, и если прибавить къ этому такую-же возможность возстановленія живой рѣчи и вообще звуковъ путемъ фонографа, то станетъ ясно, какъ мы далеко ушли впередъ въ этомъ отношеніи, какое богатое наслѣдство можемъ оставить...

Послѣ этихъ общихъ отрывочныхъ соображеній, оставивши въ сторонѣ изобрѣтенія высшей техники, постараемся намѣтить, хотябы только слегка, тотъ рядъ предметовъ, на которые фотографъ-любитель можетъ съ пользой направить свой аппаратъ.

Начнемъ съ городовъ, гдѣ имѣется сравнительно очень много лицъ, занимающихся фотографіей. Если вы просматриваете «виды» какого-нибудь города, предлагаемые публикѣ, то въ большинствѣ случаевъ находите цѣлый рядъ снимковъ съ различныхъ «достопримѣчательностей: это церкви, общественныя и правительственныя зданія, памятники; сюда прибавляется перспективный видъ одной или двухъ главныхъ улицъ, видъ на рѣку, если таковая есть,—тѣмъ дѣло по большей части и заканчивается; вы видите, такъ сказать, лишь показную сторону города, полнаго представленія о немъ вы не можете составить. А между тѣмъ каждый большой городъ заключаетъ въ себѣ цѣлую картину того или другого культурнаго состоянія всего края, центромъ котораго онъ является: переходя отъ главныхъ улицъ, гдѣ сосредоточиваются продукты высшей культуры, къ окраинамъ, вы проходите чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, пока не дойдете до того мѣста, гдѣ городъ сливается уже съ деревней; всѣ эти переходныя ступени носятъ свои особыя характерныя черты, соединеніе ихъ только и можетъ дать ясное понятіе о физіономіи города. Замѣчанія эти касаются какъ построекъ, такъ и населенія; особенная бѣдность чувствуется по отношенію къ послѣднему, а вѣдь типы, внѣшній видъ обитателей такъ-же являются характерными для даннаго города, какъ и его постройки. Упомина-

емъ еще объ одномъ обстоятельствѣ: города быстро застраиваются, мѣняютъ свой внѣшній видъ, старыя зданія, типичныя для своего времени, уступаютъ мѣсто новымъ, уничтожаются массами,—на нихъ то и слѣдуетъ обратить вниманіе фотографамъ. Выскажемъ по этому поводу въ нѣкоторомъ родѣ «идеальное» пожеланіе, которое, однако, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказаться исполнимымъ; при современномъ развитіи фотографіи и при большомъ числѣ лицъ, занимающихся ею, намъ кажется, можно приступить къ съемкѣ и *всего города*; по отношенію къ небольшимъ городамъ это даже легко исполнимо.

По этому поводу намъ вспоминаются старые планы городовъ, напр. XVII или XVIII вв.; тогда не довольствовались тѣмъ, что представляетъ изъ себя современный планъ, т. е. рядомъ условныхъ линій и знаковъ въ извѣстномъ сочетаніи,—для того чтобы дать болѣе наглядное понятіе о данномъ городѣ или крѣпости, на планѣ помѣщались также изображенія главныхъ зданій, иногда цѣлыхъ улицъ, съ размѣщеніемъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находились въ дѣйствительности, а иногда и съ сохраненіемъ особенностей построекъ, присущихъ данному времени; конечно, съ технической стороны такіе планы по большей части мало удовлетворительны, чего трудно было бы и требовать, но за то по нимъ можно составить представленіе и о внѣшнемъ видѣ города. Такое совмѣщеніе въ настоящее время, разумѣется, едва ли можетъ быть допущено, такъ какъ оно несомнѣнно повредило-бы точности плана, но, съ другой стороны, оставивши въ покоѣ планы, путемъ фотографіи можно получить цѣлый рядъ панорамъ даннаго города—его улицъ, площадей, окрестностей, которыя восполнятъ этотъ недостатокъ. Попытки такого рода имѣли уже мѣсто и увѣнчались успѣхомъ. Единичными усиліями здѣсь едва ли можно много сдѣлать, но, при извѣстномъ числѣ лицъ, при извѣстной организаціи, которую могли бы взять на себя довольно многочисленныя въ настоящее время фотографическія общества, дѣло представляется намъ вполнѣ возможнымъ. Чтобы далеко не ходить—возьмемъ нашъ древній Кіевъ; трудно, кажется, найти другой городъ, гдѣ бы мѣстоположеніе, разнообразіе видовъ, чудныя окрестности давали столько матеріала фотографу, какъ дается здѣсь, все это такъ и просится быть закрѣпленнымъ во всей своей цѣлостности.

Изъ города переѣдемъ въ деревню. Мы намѣрены остановиться здѣсь подольше. Скажемъ, прежде всего, что именно здѣсь дѣя-

тельность фотографа-любителя можетъ быть найболѣе плодотворной, является найболѣе желательной. Говоря такъ, имѣемъ въ виду изученіе народной жизни. Нельзя отрицать того, что въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано: вниманіе обращалось главнымъ образомъ на духовную сторону жизни, изучалось міровоззрѣніе народа, выразившееся въ легендахъ, сказкахъ, пѣсняхъ, обрядахъ и т. д. Не забывалась и внѣшняя сторона, но, къ сожалѣнію, сравнительно съ первой, здѣсь замѣчаются большіе пробѣлы: не говоря уже о работахъ обобщающаго характера, отсутствуетъ даже сырой матеріалъ, на основаніи котораго можно дѣлать общія заключенія, а если и есть, то въ очень незначительномъ количествѣ.

Въ послѣднее время интересъ къ изученію матеріальной стороны жизни понемногу усиливается, ему отводится надлежащее мѣсто, матеріалъ пополняется.—Этому послѣднему обстоятельству много способствовала фотографія, давшая въ руки этнографа легкій способъ переносить на бумагу изучаемый предметъ, а это является необходимымъ, такъ какъ однѣ описанія никогда не дадутъ полнаго и яснаго представленія о предметѣ; и теперь, можно сказать, почти каждый этнографъ, лично наблюдающій народную жизнь, обязательно запасается фотографическимъ аппаратомъ. Но людей, занимающихся этой наукой, въ общемъ очень немного, поле же для наблюденій громадно, и въ данномъ случаѣ помощь фотографовъ-любителей явится какъ нельзя болѣе кстати. Повторяемъ—тутъ не нужно никакой спеціальной подготовки, каждый, кто отнесется болѣе или менѣе внимательно къ дѣлу, принесетъ несомнѣнную долю пользы. Перечислимъ, что собственно заслуживаетъ вниманія для вышеуказанной цѣли.

Хотя, въ данномъ случаѣ, главнымъ объектомъ являются человѣкъ и результаты его дѣятельности, но такъ какъ складъ жизни находится въ тѣсной связи съ природными условіями каждой данной мѣстности, то *картины природы*, рисующія различныя особенности ея, должны составить какъ-бы фонъ для послѣдующихъ иллюстрацій. Далѣе слѣдуютъ мѣста, гдѣ сосредоточивается жизнь—въ настоящемъ случаѣ—село, деревня, хуторъ и т. п. Желательно было бы имѣть *общій видъ*; онъ даетъ возможность видѣть, какъ располагаются составныя части того или другого поселенія—усадьбы, дворы; это также имѣетъ свое значеніе, такъ какъ каждому народу и даже болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ его присущъ свой особенный способъ располагать жилища; если, напр., мы возьмемъ

для сравненія великорусское и малорусское село, то разница бросается въ глаза: въ первомъ—скученность построекъ, избъ составляетъ «порядокъ», во второмъ—разбросанность. Послѣ общаго вида наступаетъ очередь *отдѣльной усадьбы.* Тутъ, конечно, трудно будетъ ограничиться однимъ снимкомъ, такъ какъ важно знать взаимное расположеніе построекъ, находящихся въ усадьбѣ или дворѣ; для большей наглядности къ такимъ снимкамъ можно приложить и планъ хотя какого-ниб. одного двора, что очень легко сдѣлать.

Изъ отдѣльныхъ построекъ на первомъ мѣстѣ стоитъ жилое помѣщеніе, изба; кромѣ наружнаго вида, интересно имѣть и внутренній; при съемкѣ построекъ *слѣдуетъ записать и мѣстныя названія ихъ.* Это замѣчаніе относится и къ дальнѣйшему, когда мы коснемся костюма; при удачныхъ снимкахъ двора, гдѣ надворныя постройки выйдутъ отчетливо, можно этимъ и ограничиться, хотя конечно не будутъ лишними и самостоятельные снимки съ нихъ. Отъ этихъ крупныхъ предметовъ можно перейти къ болѣе мелкимъ: снять разновидности *изгородей*, которыя для каждой данной мѣстности являются характерными, *предметы и орудія хозяйства:* возъ, сани, плугъ, соху, борону, ткацкій станокъ и т. п. также записывая названія, какъ цѣлаго предмета, такъ и составныхъ частей его. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ какіе ниб. *промыслы или ремесла* можно обратить вниманіе и на нихъ, снять орудія и инструменты, напр. при существованіи рыболовства—типы лодокъ, сѣти, можно выбрать нѣсколько моментовъ во время самой работы; принадлежностью каждаго почти села являются мельницы—вѣтряныя или водяныя,—и онѣ должны занять мѣсто въ ряду другихъ снимковъ; будетъ безполезнымъ дѣлать подробный перечень всего—поле обширно, сама жизнь, при знакомствѣ съ ней, дастъ любознательному фотографу массу темъ.

Обращаясь къ жителямъ того или другого поселенія, съемку можно производить въ двухъ направленіяхъ: сдѣлать рядъ фотографій, рисующихъ *типы* мѣстнаго населенія,—тутъ обращается вниманіе главнымъ образомъ на лицо, и можно ограничиться погрудными изображеніями, *снимая en face и въ профиль;* если-же дѣлать снимки съ цѣлью получить изображенія *костюмовъ*, то нужно снимать во весь ростъ. Всѣмъ извѣстно какъ разнообразенъ костюмъ сельскаго населенія; разнообразіе это наблюдается какъ по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ (такой, напр., сравнительно небольшой территоріальный единицы, какъ губернія, а иногда даже и

уѣздъ), такъ и въ предѣлахъ одного какого-ниб. поселенія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ различать костюмъ *стариковъ, взрослыхъ* и *дѣтей*, костюмъ *замужней женщины* и *дѣвушки*, *праздничную* одежду и *будничную*. Для того, чтобы составить болѣе полное понятіе *о покроѣ*, о характерѣ головныхъ уборовъ женщинъ и т. п., желательно дѣлать снимки спереди и сзади; не ограничиваясь снимками съ отдѣльныхъ лицъ, можно снимать группы, а если есть возможность снимать моментально, то снимать группы въ движеніи, напр. во время праздничныхъ гуляній и т. д. Простой людъ не составляетъ всего населенія села, въ немъ почти всегда есть и другіе элементы, т. н. «деревенская аристократія»,—и ее нужно включить въ програму, слѣдуя тому-же пути, т. е. снимая типы, костюмы, жилища.

Наконецъ, остаются еще различныя мѣстныя достопримѣчательности, какъ напр. урочища, чѣмъ либо ознаменованные памятники старины—церкви, развалины укрѣпленій, городища, курганы и т. п.; такого рода памятниковъ, особенно у насъ на югѣ,—много, ихъ можно встрѣтить почти въ каждомъ селѣ,—они также заслуживаютъ вниманія фотографа.

Наша программа вышла довольно поверхностной и разбросанной, да мы и не заботились о полнотѣ; намъ кажется, что этимъ вопросомъ пора-бы заняться какому-ниб. этнографическому обществу или изданію и выработать подробную программу для фотографовъ; при помощи послѣднихъ можно получить много цѣннаго матеріала для науки.

Въ настоящемъ случаѣ, если даже будетъ выполнена только часть намѣченныхъ выше темъ, и если въ результатѣ пребыванія фотографа-любителя въ деревнѣ или на дачѣ получится небольшой альбомъ фотографій какой-ниб. мѣстности, то, помимо личнаго удовольствія для автора, такая работа будетъ имѣть и болѣе общее значеніе.

Насъ могутъ спросить: что-же дѣлать съ такими фотографіями, куда ихъ направить? Не говоря о заграницѣ, и въ Россіи есть нѣсколько учрежденій, гдѣ такіе альбомы и даже отдѣльные снимки, сдѣланные по извѣстной программѣ, съ опредѣленной цѣлью, будутъ приняты съ благодарностью: укажемъ главныя: Академія Наукъ, Имп. Русское Географическое Общество—въ Петербургѣ, Общество

любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Географическій кабинетъ при университетѣ—въ Москвѣ. Что же касается Кіева, то можно надѣяться, что устраиваемый въ настоящее время Кіевскій историко-художественно-промышленный Музей явится мѣстомъ, гдѣ будутъ сосредоточиваться и такого рода снимки, какъ характеризующіе мѣстную жизнь и природу.

Н. Бѣляшевскій.

Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Въ раввинскихъ книгахъ временъ Хмельницкаго разбросанъ между прочимъ матеріалъ для исторіи преслѣдованій евреевъ въ Украйнѣ въ ту эпоху. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя данныя объ избіеніи евреевъ козаками находимъ въ респонсахъ Никольбургскаго раввина Менахемъ-Менделя, жившаго въ означенную эпоху. Тудъ содержатся показанія свидѣтелей объ убитыхъ евреяхъ въ 1648 г., свидѣтелей, допрошенныхъ съ цѣлью установленія правъ оставшихся женъ выходить вторично замужъ:

1) Явилась къ намъ женщина по имени Сара, дочь Мордхова, оплакивающая убитаго мужа ея Евеля во время рѣзни 1648 г. въ Полонномъ, въ присутствіи ея и сестры ея Златы, тутъ же стоявшей. Существенное ихъ показаніе было слѣдующее. Злата сказала: «она, Евель съ женой и съ сестрой ея Сарой, еще одинъ человѣкъ, мужъ ея родственницы, еще одинъ человѣкъ и нѣсколько женщинъ были спрятаны въ тѣсной комнаткѣ; явились козаки, убили мущинъ, изувѣчили женщинъ, не убивъ ихъ до смерти, говоря, что женщинамъ довольно идти по міру нищими. Ни она, ни сестра ея не тронулись съ своихъ мѣстъ, видѣли, какъ убійцы обшаривали одежды убитыхъ, ища денегъ и драгоцѣнностей. На мой вопросъ: чѣмъ убили Евеля? она отвѣтила, что убивавшихъ было нѣсколько—у кого была палка, у кого топоръ, у кого мечъ... На вопросъ: что потомъ сдѣлали съ убитымъ Евелемъ? она отвѣтила, что не знаетъ; быть можетъ, собаки сожрали, свиньи утащили, или же былъ погребенъ въ числѣ другихъ убитыхъ, такъ какъ потомъ необрѣзанные выкопали ямы и бросили туда убитыхъ.

Показаніе Сары, хотя различное по оборотамъ рѣчи, но по существу вполнѣ тождественно съ показаніемъ ея сестры. 4-го Элула 5413 (1656 г.)

---

2) Свидѣтельское показаніе объ убитомъ Герцѣ изъ Чуданова.

а) Аронъ, сынъ Нафтулевъ, показалъ передъ раввинскимъ судомъ въ Никольсбергѣ слѣдующее: Герцъ проживалъ въ Чудновѣ, жена его была моя двоюродная сестра; когда ворвались козаки, мы бѣжали въ Полонное. Я и оттуда бѣжалъ, а Герцъ остался тамъ съ женой и малымъ ребенкомъ. Услышавъ, что край умиротворенъ, мы отправились въ Острогъ, тамъ застали дочерей тети моей, сестеръ жены Герца, и расспросили ихъ о спасенныхъ: кто именно остался въ живыхъ, кто убитъ и гдѣ ихъ мужья. На это женщины отвѣтили, что гдѣ ихъ мужья, онѣ не знаютъ, такъ какъ они оттуда бѣжали; что же касается шурина нашего Герца, то мы знаемъ навѣрно, что онъ убитъ, а именно—убійство произошло въ среду; мы были тогда спрятаны. Въ четвергъ пошелъ слухъ, что спасшимся ничего больше не сдѣлаютъ, и они могутъ выйти. Въ пятницу мы пошли розыскивать родственниковъ и по одной улицѣ нашли Герца съ женой и малымъ ребенкомъ, лежащихъ рядомъ.

б) Представились суду Самуилъ, тесть упомянутаго Герца, и одинъ родственникъ Герца по дѣлу объ оставшемся послѣ Герца въ Чудновѣ домѣ. Самуилъ показывалъ, что раньше былъ убитъ Герцъ, затѣмъ уже дочь его, жена Герца, такъ что онъ долженъ наслѣдовать своей дочери; родственникъ показывалъ, что жена Герца была раньше убита, а онъ—наслѣдникъ Герца. Каждый изъ нихъ представлялъ свидѣтелями насильно окрещенныхъ евреевъ во время погромовъ, а потомъ вернувшихся въ лоно своей вѣры. Рѣшили, чтобы стороны подѣлились домомъ за невозможностью въ точности доказать, кто былъ раньше убитъ.

в) Дочь убитаго, дѣвочка 12 лѣтъ, показала: отецъ мой убитъ въ Полонномъ; нельзя было проходить отъ обилія труповъ. Козаки объявили, что, по причинѣ страха, похоронятъ всѣхъ убитыхъ. Евреи и не евреи лежали въ свалку, а собаки грызли ихъ. Всякій розыскивалъ родственниковъ. Я узнала отца моего, и при мнѣ его похоронили. Никольсбургъ (1654 г.)

---

3) Передъ нами, въ судебное засѣданіе изъ трехъ судей, явился Рувинъ, сынъ мученика Ицхока изъ *Лохвицы*, и показалъ: знаю эту женщину, по имени Бунка. Мужа ея звали Іосифъ; проживали они въ Буржѣ гдѣ проживалъ и братъ мой Перецъ. При вторженіи козаковъ бѣжалъ я съ семьей изъ Лохвицы въ Буржу, куда сбѣжались

евреи изъ многихъ окрестныхъ городовъ. Это было до праздника пятидесятницы 5408 г. Въ среду 4 дня послѣ праздника пришли негодяи и въ Буржу и въ ночь на четвергъ учинили нападенія на пріѣзжихъ евреевъ съ убійствами и рѣзнями. На утро мы совѣщались съ братомъ Перецомъ, который заявилъ, что одинъ знакомый мужикъ обѣщалъ ему безопасный пріютъ; и знаю я въ точности, что Іосифъ былъ убитъ въ четвергъ работникомъ его, прислуживавшимъ въ шинкѣ. При мнѣ зарѣзалъ его работникъ на порогѣ дома, приговаривая при рѣзаніи: помнишь, какъ билъ меня за неисправность,— вотъ моя месть. Черезъ 2 недѣли атаманъ приказалъ хоронить убитыхъ, и мы уложили всѣхъ въ одну могилу. Мы же прятались у одного мужика среди свиней и т. д.

Надо замѣтить, что разслѣдованія раввиновъ въ вопросахъ, касающихся констатированія факта смерти мужа для предоставленія женѣ права вторичнаго выхода замужъ,—бываютъ особенно тщательны, почему документамъ, подобнымъ вышеприведеннымъ, можно вполнѣ довѣрять.

Сообщ. **М. Затуловскій.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе мая мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Стороженка—10 р. 37 к., Е. К. Трегубова—6 р. 60 к., Ю. Г. К.—1 р., М. Т.—1 р., В. В.—50 к., В. Л.—50 к., Д. А.—50 к.,—всего въ маѣ мѣсяцѣ 20 р. 47 к., что вмѣстѣ съ прежними 509 р. 35 к. (см № 5) составитъ 529 р. 82 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. Спб. 8°. VIII+583 стр.

Послѣ нѣкотораго перерыва появилась десятая книга интереснаго труда г. Барсукова съ увѣдомленіемъ, что издана эта книга на средства пот. поч. гражд. А. Н. Мамонтова, «бывшаго желѣзнодорожнаго дѣятеля и коммерсанта въ Москвѣ», а нынѣ слѣпого 64-тилѣтняго старика»... Благо, что есть такіе люди между «коммерсантами». Въ настоящей книгѣ, описывающей 1848—1849 г.г., имѣется немало свѣдѣній, интересныхъ для «Кіевской Старины», иногда впрочемъ очень краткихъ, какъ напр. о задуманномъ было Максимовичемъ этнографическомъ путешествіи, которое предполагалось сдѣлать на счетъ географическаго общества. Не состоялось путешествіе по недостатку средствъ. Любопытно письмо Максимовича къ Погодину объ участіи его въ составленіи извѣстной книги «Обозрѣніе Кіева». «Въ 1847 г.», говоритъ М—чъ, —«когда транспортъ съ рисунками для *Обозрѣнія* былъ уже на пути изъ Парижа, вызвали и меня съ Михайловой Горы въ Кіевъ. Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ пріѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ, а на паромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня. Но тогда козакъ Осьмакъ, содержатель перевоза, и товарищъ его Скокъ, поспѣшали въ Кіевъ на торги и предложили мнѣ оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться съ ними. Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились барашками, а лодка была крошечная душегубка... Кое-какъ усѣлся я въ ней самъ-третій, между двухъ козаковъ. Жутко было мнѣ, пока отплывали отъ берега. Онъ глотаетъ людей, какъ мухъ—говоритъ Гоголь о взволно-

вавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самою глубиною Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безпечно. Живо мнѣ тогда воображались и твои варяги, и мои запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы—ненаглядныя святыя кіевскія горы!... Того-же дня вручено мнѣ было *Обозрѣніе* Кіева, съ тѣмъ чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому пріѣзду; и я охотно взялся за это дѣло. Печатая готовый текстъ *Обозрѣнія*, кое-гдѣ исправленный рукою Фундуклея, я написалъ передовой очеркъ Кіева и пополнилъ примѣчанія изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для третьей книги моего *Кіевлянина*. Туда вошли: мои выписки трехъ записей изъ Никольск. Евангелія 1411 г., листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щекавицу, сообщенный мнѣ Зубрицкимъ, и проч. Къ половинѣ іюля, къ Владимірову дню, *Обозрѣніе Кіева* будетъ совсѣмъ готово въ великолѣпныхъ переплетахъ Штробиндера».

За симъ въ настоящей книгѣ немало свѣдѣній о Бодянскомъ, особенно о постигшей его катастрофѣ послѣ напечатанія въ *Чтеніяхъ* перевода Флетчера. Погодинъ не переносилъ Бодянскаго, не стѣснявшагося въ указаніи недостатковъ промышленнаго ученаго.— «Я узналъ давно документально эту бестію предателя»—пишетъ Погодинъ Шевыреву о Бодянскомъ. Шевыревъ возражаетъ противъ столь сильныхъ выраженій... Погодинъ отвѣчаетъ: «вмѣсто *б.... и* (бестіи?) *читай Мазепа*». Личныхъ отношеній съ Бодянскимъ Погодинъ впрочемъ не прерывалъ (стр. 156). Когда въ октябрѣ 1848 г. вышла книжка *Чтеній* съ переводомъ Флетчера, находившійся въ это время въ Москвѣ министръ Уваровъ, «усмотрѣвъ въ сочиненіи Флетчера неодобрительные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ», сдѣлалъ распоряженіе остановить эту книжку *Чтеній* и вырѣзать изъ нея статью Флетчера. Строгановъ, будучи предсѣдателемъ общества, напечатавшаго Флетчера, попробовалъ было объяснить министру неумѣстность его строгости, но безъ успѣха. Строгановъ и Бодянскій (секретарь) оставили общество. Принимавшій непосредственное участіе въ напечатаніи Флетчера кн. Оболенскій разсказывалъ, что *доносъ о печатаніи Флетчера* подали Уварову Погодинъ и Шевыревъ... Біографъ Погодина называетъ этотъ слухъ клеветою, въ доказательство чего приводитъ письмо Бодянскаго къ Погодину, писанное уже послѣ распоряженія о переводѣ его въ Казань (стр., 163). Другіе доносителемъ по дѣлу Флетчера называли Снегирева... Во всякомъ случаѣ доноситель понималъ, что, вслѣдствіе враждебныхъ своихъ отношеній къ Строганову, Уваровъ воспользуется

доносомъ... Искупительною жертвою этой вражды явился Бодянскій; его перевели въ Казань на мѣсто Григоровича (В. И.), котораго переместили въ Москву. Бодянскій просилъ Уварова оставить его въ Москвѣ на какой бы то ни было должности, указывая, что въ своей подпискѣ о службѣ за заграничную поѣздку онъ обязывался прослужить въ должности преподавателя при московскомъ у—тѣ, *а не безусловно по назначенію начальства...* Далѣе въ своемъ письмѣ Бодянскій говорилъ: «не страшась еще разъ встрѣтиться съ знакомой мнѣ бѣдностью, изъ одного желанія сохранить безцвѣтную и горестную жизнь мою и чрезъ то не подвергнуться утратѣ двухъ моихъ единственныхъ сокровищъ въ мірѣ, бѣдной моей матери и богатой библіотеки, я умоляю ваше с—во обратить на меня свое милостивое вниманіе. Родясь въ скудости и одинокій, я буду доволенъ весьма малымъ, буду жить только для своей науки, для бѣдной удрученной дряхлостью и горемъ матери старушки, увѣренный, что въ случаѣ крайности, ваше с—во не откажете мнѣ въ возможности по силамъ своимъ и положенію, исполнить обязательство, данное мною нѣкогда начальству подъ извѣстнымъ условіемъ, назначивъ, какое вы заблагоразсудите мѣсто въ Москвѣ, хотя-бы то приходского учителя». При поддержкѣ Строганова, Бодянскаго освободили отъ перемѣщенія въ Казань, и онъ былъ «уволенъ отъ службы и, во уваженіе болѣзненнаго состоянія, освобожденъ отъ обязанности дослужить недостающее противъ данной имъ подписки число лѣтъ въ вѣдомсвѣ м-ва нар. просвѣщенія». Интересно письмо, которое писалъ Кубаревъ къ Сахарову по поводу ухода Бодянскаго изъ секретарства общества (стр. 179). Упрекая Бодянскаго за его «дерзости» по отношенію къ обществу, Кубаревъ говоритъ: «наконецъ, чѣмъ сдѣлались *Чтенія?* Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлацкихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу и *Общество* отъ этой скверны.... Присоедините (къ качеству Бодянскаго) хохлацкую грубость, упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое (противъ Бодянскаго) справедливо... Прибавилъ бы я вамъ еще тысячу непристойностей Бодянскаго, но письмо будетъ тетрадью... Не любили Бодянскаго за его неуступчивый характеръ и за твердость въ отстаиваніи, какъ своихъ личныхъ правъ, такъ и всякаго рода интересовъ, ему ввѣренныхъ».

Любопытно письмо «историка» Маркевича (Н. А.), писанное къ Погодину въ к. 1849 г., въ отвѣтъ на какое-то его посланіе. «Получилъ я письмо ваше. Оно для меня было истинной усладой въ нынѣшнемъ горестномъ состояніи отечественной словесности; по немъ увидѣлъ я, что есть еще люди готовые стать за имена, приносящія честь родинѣ. Великіе писатели—тѣ же дѣятели; возвышая душу, они увлекаютъ соотечественниковъ къ добру, и, слѣдовательно, они благодѣтели народа, а неблагодарность къ благодѣтелямъ не только грѣхъ, но безчестіе. «Юридическая иронія давности не признается жизнью; совсѣмъ напротивъ, давность съ точки зрѣнія природы даетъ только одно право—право смерти». Это слова *Отечеств. Записокъ*: *Письма объ изученіи природы* [1]). Оставя въ сторонѣ варварскій слогъ этой буйной выходки, вникните въ смыслъ: Жуковскому 67 лѣтъ; заслуги его въ отечественной исторіи поэтому ничтожны; то, что̀ увлекало насъ въ великую войну, то, что̀ возвышало душу цѣлаго поколѣнія, стало ничтожнымъ. У него нѣтъ правъ на благодарность нашу, ему 67 лѣтъ. У него остается право—умереть... И мы молчимъ. Но подобныхъ литераторовъ должно клеймить, не жалѣя ни лбовъ, ни штемпелей»... Далѣе Маркевичъ предлагаетъ Погодину для *Москвитянина* рядъ статей, въ которыхъ онъ «объявляетъ войну за русскій языкъ, за людей, дѣлающихъ честь и славу соотечественникамъ, за росское начало»... Несомнѣнно, что «историкъ» считалъ себя и «литераторомъ»... Архіеп. Филаретъ Гумилевскій, задумавъ свое *описаніе харьковской епархіи*, писалъ въ 1849 г. къ извѣстному Горскому (А. В.), изъ Харькова: «Благодареніе Господу, здѣсь я покоенъ (послѣ Риги). Около двухъ мѣсяцевъ употребилъ на обзоръ епархіи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ моихъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было то, что предписалъ я окружно всѣмъ священникамъ завесть тетради для записыванія и описанія дѣлъ и случаевъ мѣстной церкви... Въ душѣ есть желаніе составить описаніе харьковской епархіи. Думаю, что это будетъ занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей церкви русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было написано ни строчки. Что дѣлать? Здѣшній край имѣетъ свою исторію, съ своими красками и штрихами»... Черезъ полтора года послѣ этого, архіеп. Филаретъ сообщаетъ тому-же Горскому: «Записки мои о харьковсковской Украинѣ подвигаются впередъ. Нѣкоторыя части почти совсѣмъ отдѣланы, другія-

---

([1] Герцена.

приближаются къ отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, много матеріаловъ древнихъ то погибло въ огнѣ, то затеряно небрежностью. Напримѣръ, какъ вамъ покажется слѣдующее распоряженіе преосвященнаго Владиміра (впослѣдствіи Казанскаго, а передъ тѣмъ Курскаго)? Въ Бѣлгородъ собраны были святителемъ Іоасафомъ[1]) старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ польско-литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію ихъ въ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Преосвященный Владиміръ приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычная исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украины книгъ. Если такъ распорядился епископъ, что думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ. Но теперь ихъ уже нѣтъ. Съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра»...

Въ концѣ своей книги г. Барсуковъ сообщаетъ свѣдѣнія о возвращеніи Бодянскаго на прежнюю кафедру, но эти свѣдѣнія, какъ большею частью взятыя изъ напечатанныхъ уже раньше отрывковъ дневника Бодянского, почти ничего новаго не представляютъ. Вскорѣ послѣ возвращенія Бодянскаго въ университетъ Хомяковъ писалъ Попову (А. Н.): «Бодянскій, вступивъ снова въ университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыревымъ». «Неистовый» славистъ не могъ жить въ мірѣ съ Погодинымъ и его присными.... Оканчивая выписки изъ десятой книги г. Барсукова, пожелаемъ автору успѣха въ скорѣйшемъ появленіи слѣдующихъ.

Отношенія между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова.

(Записки Крымскаго Горн. Клуба 1895 г., №№ 3 и 6—12) Статья г. Львова представляетъ собою обстоятельно составленный очеркъ, при чемъ авторъ воспользовался едвали не всѣмъ печатнымъ матеріаломъ. «Причины невозможности для Запорожья обходиться безъ постоянныхъ сношеній съ Крымомъ, говоритъ авторъ, были какъ экономическія, такъ и политическаго характера». Постоянная готовность Запорожья поддерживать всѣ народныя движенія Малороссіи противъ вводимой поляками шляхетской культуры и католицизма вызывала систематическое преслѣдованіе его со стороны Польши.

---

[1]) Горленкомъ въ пол. XVIII в.

Козачество малороссійское и запорожское искало въ такихъ случаяхъ помощи у своихъ сѣверо-восточныхъ и южныхъ сосѣдей. Вся политика козачества, находившагося подъ вліяніемъ сильныхъ сосѣдей: Польши, Москвы, Крыма и отчасти Турціи, состояла въ сущности въ стараніи уравновѣсить насколько возможно силы этихъ сосѣдей. Въ особенности по отношенію къ Крыму козачество, по крайней мѣрѣ наиболѣе дальновидные вожди, старались быть послѣдовательными въ этомъ отношеніи. Изучая исторію Смутъ втор. полов. XVII в., мы часто видимъ боязнь козаковъ малороссійскихъ дать сильный перевѣсъ тому государству, подъ властью котораго они находились, будь то Москва или Польша. Исторія войнъ этого времени наполнена измѣнами, нарушеніями договоровъ и т. п. Козаки какъ будто боятся ухудшенія своего положенія по произволу побѣдителя и стараются, чтобы никто таковымъ не оказался. Чтоже касается до Крыма, то въ поступкахъ и словахъ козаковъ, въ особенности запорожцевъ, видно совершенно ясное сознаніе того, что самое существованіе козачества обусловлено только существованіемъ крымскаго ханства, и въ продолженіе своей исторіи Запорожье становится къ Крыму попеременно въ положеніе врага, союзника и подданнаго».

Пересказавъ въ связномъ порядкѣ факты политической жизни Запорожья и его отношеній къ Крымскимъ татарамъ, мирнымъ и не мирнымъ, авторъ подробно останавливается на торговыхъ сношеніяхъ Запорожья съ татарами, какъ «одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ» ихъ сближенія. Эта часть очерка г. Львова и представляетъ наиболѣе подробное до сихъ поръ обслѣдованіе экономической жизни Запорожья. Въ очеркѣ запорожской торговли болѣе всего приведено данныхъ о соляной торговлѣ. «Соляная торговля, какъ крупный источникъ доходовъ хана, была также важнымъ оружіемъ въ рукахъ Запорожья: въ случаѣ недовольства мѣропріятіями хана, Сѣчь лишаетъ его доходовъ, задерживая солевозовъ»... Подробно разсказываетъ г. Львовъ и о рыболовномъ промыслѣ Запорожья.

Подводя итоги историческаго сосѣдства Запорожья съ Крымомъ, г. Львовъ такъ заключаетъ свой очеркъ: «разсказанные факты рисуютъ Запорожье не только какъ пограничную стражу культурныхъ государствъ противъ татаръ, или какъ народную силу, поддерживающую всѣ движенія народа. Они доказываютъ, что Запорожье было самостоятельной общиной, имѣвшей свою культуру, обычаи, своеобразную жизнь и интересы, не всегда совпадавшіе съ интересами окрестнаго края;—общиной, самое существованіе которой обусловливалось

существованіемъ Крыма, и понимавшей это;—общиной, черпавшей частью оттуда свою культуру, тактику, даже личный составъ и средства къ существованію. Все это поясняетъ намъ тѣ историческія извѣстія, гдѣ запорожцы являются иногда измѣнниками родины и пособниками хановъ. Факты эти уясняютъ намъ, наконецъ, самый духъ Запорожья, въ силу котораго козаки явились наслѣдниками древнихъ обитателей Приднѣпровья. Факты инкорпораціи русскимъ населеніемъ сосѣдей, даже хищныхъ азіатскихъ племенъ, какъ Торки, Берендѣи, черные клобуки и др. въ удѣльный періодъ, также татары, поселенные въ числѣ 200000 человѣкъ въ предѣлахъ Подоліи при Витовтѣ; фактъ распространенности среди запорожцевъ прозвищъ, указывающихъ на татарское происхожденіе и прямо татарскихъ; наконецъ, дѣло о «тумахъ» татарскихъ плѣнныхъ или перебѣжчикахъ, остававшихся въ Сѣчи на жительство—все это доказываетъ, что непосредственное сосѣдство русскаго и татарского племени, не смотря на многовѣковую борьбу, все время продолжало дѣйствовать сближающимъ образомъ. Самая борьба не развила здѣсь фанатической ненависти къ иновѣрцамъ, подобно той, какая являлась во время завоевательнаго движенія германцевъ въ Пруссіи и другихъ странахъ, или во время борьбы испанцевъ съ маврами. Козаки, первые бойцы противъ татаръ, въ концѣ своего политическаго поприща являются связывающимъ звеномъ между ними и покорителемъ—государствомъ; въ 1770 г. они перевозатъ черезъ Днѣпръ ногайцевъ, покорившихся Россіи, и доставляютъ имъ запасы. Наконецъ, самый послѣдній фактъ исторіи запорожцевъ, уходъ ихъ въ Турцію въ 1775 г., когда память о подчиненіи мусульманъ не могла не быть свѣжею, доказываетъ, что ненависть къ магометанскому міру не составляла преобладающей черты козачества и легко заглушалась болѣе сильными интересами». Очень жаль, что статья г. Львова напечатана въ такомъ малораспространенномъ и почти неизвѣстномъ изданіи.

Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część II.—Zeszyt I. W Krakowie 1895. Str. 529—688.

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1893 г. (№ 10, стр. 173—176) была помѣщена обстоятельная рецензія на первую

часть этой книги профессора Варшавскаго университета Н. Н. Любовича. Авторъ рецензіи подробно выяснилъ въ ней какъ планъ книги, такъ и ея достоинства и недостатки. Въ настоящее время мы отмѣчаемъ выходъ въ свѣтъ ея продолженія. Сужденія проф. Любовича остаются въ своей силѣ и для новаго выпуска, заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Географія и этнографія. 1) Географія. А) Всеобщая географія: а) библіографія, повременныя изданія и географическія общества; б) исторія географіи, состояніе науки, энциклопедіи; в) важнѣйшіе учебники, статистика, физическая географія и климатологія; г) картографія, важнѣйшіе атласы. Б) Географія Польши: а) библіографія, повременныя изданія, общества, энциклопедіи, обозрѣнія; б) историческая географія: путешествія, описанія, изслѣдованія; в) области: Великая Польша, Царство Польское, Малая Польша, Силезія, Снижъ, Червонная Русь, Галиція, Буковина, Подолія, Волынь, Украина, Литва, Пруссія, Поморье, Инфлянты; г) физическая географія: почва, горы, воды, климатъ, царства растеній и животныхъ; д) политическая географія: границы, статистика, обозрѣнія; е) картографія: атласы, карты.

2) Этнографія. А) Всеобщая этнографія: а) библіографія, повременныя изданія, антропологическія и этнографическія общества; б) состояніе науки, теорія ея и учебники этнографіи, в) планъ науки антропологіи, теорія ея и учебники антропологіи; г) доисторическая археологія. Б) Этнографія Польши: а) библіографія, повременныя изданія, обозрѣнія и дѣятели; б) изслѣдованія антропологическо-археологическія; в) доисторическая археологія: повременныя изданія, состояніе науки, съѣзды, выставки и учебники; г) доисторическая археологія: раскопки, курганы, могилы, кладбища (расположены въ порядкѣ областей, составлявшихъ нѣкогда Польшу); д) доисторическая археологія: пещеры, постройки, поселенія; е) доисторическая археологія: утварь, оружія, урны и т. д.; ж) этнологія: Славяне, Поляки, Русскіе, Литвины, Пруссы, Латыши и т. д. (Тѣлосложеніе, одежда, обычаи, говоры, преданія и т. д.); з) колоніи: Нѣмцы, Жиды, Армяне, Татары, Цыгане; и) польскій народъ за предѣлами Польши.

II. Вѣра и церковь. 1) Дохристіанская эпоха: А) сравнительное изученіе религій; Б) миѳологія славянская и литовская. 2) христіанская эпоха: А) исторія католической церкви: а) энциклопедіи, учебники, житія святыхъ; б) исторія папъ, исторія соборовъ; Б) исторія церкви въ Польшѣ: а) учебники по исторіи церкви, житія святыхъ; б) принятіе

христіанства; в) сношенія съ папскимъ престоломъ и съ соборами; г) церковное право: исторія его, литература, организація церкви, должности и иммунитеты, суды, имущественныя права, церковная практика; д) эпархіи; е) монашескіе ордена и монастыри; ж) рыцарскіе ордена.

Отмѣтимъ наиболѣе выдающіеся промахи новаго выпуска.

1) Составители библіографіи не имѣли, очевидно, подъ руками многихъ изъ включенныхъ ими въ библіографію сочиненій, а поэтому, при отнесеніи ихъ къ тому или другому отдѣлу, руководились исключительно одними заглавіями ихъ. Этимъ объясняется то, что, напримѣръ, статьи А. М. Лазаревскаго: «Люди старой Малороссіи» (Кіев. Стар. 1882—1888 г.) попали въ число сочиненій по малорусской этнографіи (стр. 614), между тѣмъ какъ онѣ представляютъ строго историческое изслѣдованіе о малороссійскихъ дворянскихъ фамиліяхъ 17 и 18 в.в.

2) Нѣкоторыя сочиненія заняли свое мѣсто въ библіографіи дважды, а другія, очень важныя для даннаго отдѣла, совсѣмъ пропущены. Такъ, напримѣръ, сочиненіе Н. Ф. Сумцова: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ». Харьковъ 1881—помѣщено подъ №№ 11941 и 12017; сочиненіе Кандля (Kandle): «Galizisch-ruthenische Weihnachtsbrauche». Am Urquell 1892.—помѣщено подъ №№ 11886 и 11913. Такое повтореніе одного и того-же сочиненія въ двухъ мѣстахъ напрасно увеличиваетъ только объемъ книги. Между тѣмъ въ ряду сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала пропущены такія важныя изданія, какъ И. Я. Рудченка: «Народныя южнорусскія сказки», Кіевъ 1869—70 г., и «Чумацкія народныя пѣсни», Кіевъ 1874,—и многія другія.

3) При передачѣ русскихъ заглавій латиницей допущено множество непослѣдовательностей въ правописаніи, а также опечатокъ.

Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель Литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской. Стр. 1—73. Кіевъ 1896. (Отд. оттискъ изъ Зап. Кіев. Общ. Естествоиспытателей т. XIV, вып. 2.

При составленіи настоящаго указателя авторъ имѣлъ въ виду собрать по возможности всю обширную и крайне разбросанную литературу по геологіи губерній кіевскаго учебнаго Округа и помочь оріенти-

роваться въ ней. Задача эта выполнена авторомъ очень внимательно и успѣшно. Указатель содержитъ 517 номеровъ различныхъ книгъ и статей, начиная съ 1721 года и кончая 1895. Кромѣ статей чисто научныхъ, сюда вошли и популярныя компилятивныя, а также статьи существенно техническаго характера, выясняющія значеніе полезныхъ ископаемыхъ здѣшняго края.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ кромѣ заглавія приводитъ въ общихъ чертахъ и содержаніе статьи. Въ концѣ книжки находится указатель предметовъ, мѣстностей и авторовъ со ссылкою на соотвѣтствующіе номера, что весьма облегчаетъ наведеніе справокъ.

Каждый интересующійся геологіей здѣшняго края останется благодарнымъ автору, затратившему значительное количество кропотливаго труда при составленіи указателя, объединившаго и значительно дополнившаго списки и обзоры геологической литературы отдѣльныхъ мѣстностей здѣшняго края, при чемъ лишь небольшое число указываемыхъ книгъ и статей (отмѣченныхъ звѣздочкой) авторъ не имѣлъ возможность просмотрѣть въ подлинникѣ[1]).

П. А.

Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1896. Спорудывъ К. А. Билиловськый. Выдання Левка Григора. Харьківъ. 8°. 271 стр., цѣна 1 р. 25 коп.

Въ «Складкѣ» приняли участіе 16 украинскихъ писателей и, кромѣ того, въ концѣ сборника приложены ноты «Моя могила», вирши Александрова, спивъ М. Лисенко.

Внѣшній видъ сборника довольно изящный, отпечатанъ на хорошей бумагѣ, шрифтомъ чистымъ и не сбитымъ, но корректура продержана плохо. Опечатокъ можно найти сколько угодно и не только въ срединѣ текста, но даже и въ заглавіяхъ. Но это все относится къ внѣшней сторонѣ «Складки»; что же касается ея литературнаго достоинства, то... нужно сказать правду, и съ этой стороны производитъ она не особенно отрадное впечатлѣніе. Сборникъ наполненъ

---

[1]) Есть и пропуски, напр. не упомянута изд. въ 1798 г. (Спб.) книжка Я. М. Марковича—*Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ*,—въ которой цѣлая глава (стр. 90—98) посвящена „исчисленію минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи". См. „Кіевск. Стар." 1894 г., дек., 371 и слѣд.—*Ред.*

главнымъ образомъ мелкими разсказами и такими же стихотвореніями. Самымъ крупнымъ произведеніемъ по объему является «Маруся Чураивна», драма въ 5 діяхъ и 9 одминахъ В. Самійленка. О ней прежде всего мы и скажемъ нѣсколько словъ. Драма написана на извѣстный сюжетъ отравленія Марусей Грыця. Этой Марусѣ Чураивнѣ преданіе приписываетъ очень много украинскихъ народныхъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и пѣсню «Ой не ходы Грыцю на вечорныци». На этомъ основаніи Маруся Чураивна пріобрѣла себѣ титулъ «Украинской писнетворки», а вышеназванная пѣсня ея «Ой не ходы Грыцю» вдохновила нѣкоторыхъ писателей, и на тему эту существуютъ уже драмы Александрова, Старицкаго, Бораковскаго и наконецъ г. Самійленка. У первыхъ двухъ писателей драмы построены на бытовой основѣ народной жизни, у Бораковскаго и Самійленка на исторической подкладкѣ. О драмѣ г. Бораковскаго я умолчу, такъ какъ всѣ его драматическія произведенія слишкомъ слабы, хотя «Маруся Чурай» должна быть отнесена къ самымъ лучшимъ его произведеніямъ. Что же касается драмы г. Самійленка, то прежде всего можно сказать, что написана она прекраснымъ слогомъ и не менѣе прекраснымъ языкомъ. Драма написана прозой и бѣлыми стихами, и послѣдніе, въ нѣкоторыхъ монологахъ, истинно поэтическіе. Что же касается достоинства драмы, какъ произведенія цѣльнаго, то она далеко не удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ драмы. Характеры дѣйствующихъ лицъ развиваются не послѣдовательно, а неожиданными прыжками; кромѣ того, очерчены такъ слабо, что всѣ являются почти однохарактерными, и даже главное дѣйствующее лицо—Маруся—почти не оставляетъ по себѣ впечатлѣнія у читателя. Кромѣ того, драма растянута на 5 дѣйствій и 9 картинъ, что для исполненія почти невозможно. Много также монологовъ, которые по своему смыслу и высокому стилю вовсе не соотвѣтствуютъ данному дѣйствующему лицу. Видно, что авторъ не вполнѣ обдумалъ, планъ своего произведенія, а мѣстами и не обработалъ, какъ бы слѣдовало.

Вслѣдъ за драмой Г. Самійленка идетъ одинъ актъ изъ оперы «Вій» Г. Кропивницкаго. Актъ этотъ написанъ не вполнѣ удачными рифмованными стихами и, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ заурядныхъ литературныхъ вещей, невольно наводитъ на вопросъ, зачѣмъ и для чего напечатанъ въ «Складкѣ» одинъ только 5-й актъ?

На страницахъ сборника встрѣчаемъ одинъ разсказъ и Г. Мордовцева. Разсказъ этотъ носитъ такое названіе: «Кѐлехъ Карла XII.

Де що пивъ-историчне». Суть разсказа такова: у Г. Мордовцева хранится келехъ (кубокъ), на днѣ котораго вытисненъ портретъ Карла, а вокругъ него надпись: Carolus XII. Rex Sueciae. Келехъ перешелъ къ Г. Мордовцеву по наслѣдству вмѣстѣ съ преданіемъ, что изъ келеха этого пили когда то Карлъ съ Мазепой, а потомъ король подарилъ келехъ предку г. Мордовцева,—вотъ и все. Разсказъ изложенъ на 17 страницахъ и написанъ такъ, что о немъ рѣшительно затрудняешься высказать мнѣніе. Тутъ есть все, и нѣтъ ничего. Мы сознаемъ, что такая оцѣнка разсказа не ясна и не понятна, однако думаемъ, что иначе его и оцѣнить нельзя; если же читатель сомнѣвается въ этомъ, то лучше всего, если онъ самъ прочитаетъ «Келехъ Карла XII».

Лучшими вещами въ «Складкѣ» можно назвать произведенія Л. Старицкой, особенно ея разсказы «Навищо» и «Тры друга». Разсказы эти очень небольшіе, но написаны художественно и талантливо. Содержаніе ихъ философско-фантастическое, и это, собственно говоря, не разсказы, а стихотворенія въ прозѣ, которыя читаются съ большимъ удовольствіемъ и оставляютъ по себѣ прекрасное впечатлѣніе.

Болѣе всего «Складка» изобилуетъ стихотвореніями; но изъ всѣхъ ихъ можно отмѣтить лишь два стихотворенія,—одно: «Надимною лисъ шепоче» —Л. Старицкой, и стихотвореніе г. Самійленка. «Посвята». Послѣднее написано въ духѣ влюбленныхъ, т. е., на тему самую избитую, однако талантливость поэта не допустила пошлости, и «Посвяту» можно прочитать съ удовольствіемъ. Остальныя стихотворенія не выступаютъ изъ ряда посредственности; къ числу жесамыхъ слабыхъ—можно отнести стихотворенія: Шамраева, Ружнаго, Григорова и Козлова.

Въ заключеніе упомяну о легендѣ «Щастя». Это небольшой разсказецъ, написанный, какъ доподлинно мнѣ извѣстно, Л—й Ук—й, но напечатанъ за подписью, «Васыль Чайченко». Впрочемъ, на противоположной сторонѣ страницы сохранились и иниціалы «Л. У.» Очевидно, что произошло это по недосмотру редактора «Складки», и недосмотру крупному, такъ какъ разсказъ вышелъ за двумя подписями, тогда какъ одинъ изъ авторовъ даже не зналъ о его существованіи.

М. Кононенко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ І-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

Сверхъ книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ при № 3 „Кіевской Старины“, въ книжный складъ поступили слѣдующія изданія.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Ц. 50 к.

Гаврышъ Ал. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Ц. 5 к.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Черниговi 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 коп.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса. 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к., на веленевой бумагѣ 10 к.

Загирня М. Добра порада. Оповиданна. У Черниговi 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Правдыва казка. Оповидання. Выдання друге. Харькивъ 1890 г., стр. 1—15. Цѣна 5 к.

Кернеренко Грыцько. Щетынныкъ. (Зъ народного жыття). Харькивъ 1891 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харькивъ 1890 г., стр. 1—49. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кононенко М. С. Княгиня-кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

Крымскій. А. Черезъ що люде биднiють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квиткы. Москва 1896 г., стр 1—36. Цѣна 15 к.

Лучицкій. И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65. Цѣна 75 к.

Нива. Украинськый литературный збирныкъ 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

Пилинскій Д. Прыгоды (Малюнки зъ жыття). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 г.г. Изданіе журнала «Кіевская Старина». Кіевъ 1892 г., стр., 1—112. Ц. 75 к.

Тышко Ол. Маты. Кіевъ 1896 г. стр. 1—36. Цѣна 5 к.

ганта вороного московского припустили до клячъ, а старого взяли на станю. Пчоли всеей теперъ на лице имѣется въ футорѣ 84.

Пятокъ. 11. День былъ и ночъ во всемъ сходніе прежнимъ, а особливе вчорайшимъ. Рано зъ Токаровъ поехалъ, и пріехавши въ Лохвицю, засталъ на службу Божую у Николая, которой вислухавши, поехалъ и пріехалъ передъ вечоромъ въ Сухоносовку, где засталъ Клима болѣзнуючого отъ переполоху.

Субота. 12. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а по сторонамъ громъ и дощъ. Ночъ такъ же свѣтла, тиха и тепла безъ дощу зъ росою. Сегодня обѣдалъ я въ Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ передъ заходомъ слонца до Пѣратина, а зъ Пѣратина до Короваевъ уже о 10-му часу передъ полноччю пріехалъ, где родителей и братовъ Семена, Луку и Івана засталъ. Въ Сухонос. пчоли теперъ на точкахъ 134, а 15 упало теперъ отъ весны. Дядѣ я далъ 2 р. на куплю ободдя на колеса въ Густиню. (Т. е. въ Густынскую ярмарку).

Неделя. 13. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ изрядной погоди. Сегодня тутъ, въ Короваяхъ, отобѣдалисмо, а по обѣдѣ уснулъ, а у вечеру, зъ родителми и братами простившись, поехалъ зъ Короваевъ и пріехалъ до Перервинецъ за 3 часа зъ залишкомъ, передъ полноччю въ 10-мъ часу.

Понедел. 14. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ, израдная погода. Сей день тутъ пробавилъ въ Перервинцяхъ и обеждяючи кущѣ (табуны) дрикгантами чалимъ, буланимъ, свѣтлобуланимъ, сивимъ корноухомъ, воронимъ доморослимъ и гнѣдимъ доморослимъ. Старосту перервинского за его несмотреніе отставилъ отъ староства и до рощоту велѣлъ вещи его переписать и удержать, а приказанъ досмотръ дяку тамошнему Максиму Іванову до времени. Въ Перер. посѣяно ярини сего году: ячменю четвериковъ луб. 5, овса 15, проса пудъ 2, пшеницѣ 3, гороху полъ 2, сѣмя коробокъ полъ 2.

Вовтор. 15. День былъ хмаренъ и вѣтрянъ испервa, однакъ тепелъ, а зъ полдня хмаренъ же зъ тихимъ силнимъ дощемъ, къ вечеру свѣтелъ и тихъ. Ночъ почасти хмарна и почасти свѣтла,

вѣтряна. Рано зъ Перервинець виехалъ и пріехалъ до Короваювъ на обѣдъ, где засталъ родителку и швакгра п. Якима Троцкого зъ женою, а родитель зъ братами пріехалъ на обѣдъ же зъ Шелеховщини. Тутъ и по обѣдѣ продновалъ и переночовалъ.

Середа. 16. День былъ почасти вѣтрянъ, толко свѣтелъ и тепелъ, а зъ полдня тихъ. Тиха жъ и ночъ, свѣтла и тепла. Рано зъ Короваювъ поехалъ я на прамикъ до Сухоносовки, степомъ, а именно, зъ шляху, до Городища идучого, звернулъ у лѣво, а ехалъ до рѣчки Слѣпороду, которую у бродъ перебувши, ехалъ дорожкою до шляху, зъ Пѣратина до Лубенъ идучого, который переехавши и взявши въ лѣво, поузъ Карпиловку и Духовее и Гонцѣ, ехалъ до Оробювъ, а зъ Оробювъ до Сухоносовки, чего всего будетъ милѣ 4 добрые. Въ Сухоносовцѣ засталъ Клима и подданнихъ Криворудскихъ 22 подводи, по погребъ пріехавшихъ. У Кривой Рудѣ посѣяно овса четвер. луб. 3., проса 2, ячменю 3, пшеницѣ 3.

Четвер. 17. День былъ свѣтелъ, тепелъ и вѣтрянъ, а после тихъ. Ночъ была почасти вѣтряна и холодновата, свѣтла со затмѣніемъ луни. Климу да Янѣшевскому въ дополненіе до данной ему Климу інструкцѣи, въ 7 пунктахъ состоящей, далъ вновъ въ слѣдуючихъ, а именно: въ 8-мъ, объ исправки и укончению ревизѣи, въ 9-мъ, доправить упадокъ коней и овецъ на бившомъ стар. Перер., да 2 скирти, забранніе у Бирловцѣ, да рубля, у Товстопята взятого, да шостака отъ каждого рубля, зъ денегъ, на сѣнокосъ розданнихъ, взятіе; а устроить тамъ зъ Кротовъ Максима старостою, прихожихъ людей, особливими хатами живучихъ, до работизни притягать, заоръ давній поновить, а въ заоравшихся воли грабить и плуги рубать, степку и яру, до Ворониной стѣнки належного, не попускать, прихожимъ до году давать свободи, зъ шопами стадницю здѣлать. Въ 10-мъ, Дедю вислать, по 2-хъ неделяхъ поста, по соль. Денегъ теперъ далъ я 20 червон. да 32 р., чтобъ два рази звернулся и людямъ дать по полтинѣ, воловъ 12 взять до Перервинець до сеей виправи, а жеби было воловъ 42 зъ нимъ. Въ 11-мъ, сторони лѣска брата Крутневого, буде Крутень просрочится. Въ 12-мъ,

непорадки сухонос. исправлять. Пасѣчнику доводится тутейшому за прежніе года доплатить полъ 2 р., я теперъ далъ рубля, а полтину после дать приказалъ, а на сей годъ толко ему кожухъ, да по дню весною и осѣнню дать ему виорать, а впредь орать такъ же и кожухъ и рунъ 15. Въ Сухонос. теперъ на точкахъ пчоли всеей 136. Въ Сухонос. посѣяно ярини: овса четвер. 20 луб., гороху 5, проса пол.

Пятокъ. 18. День былъ свѣтлій, теплій сперва и въ день вѣтрянъ, къ вечору тихъ. Ночъ тиха, свѣтла, помѣрно холодновата. Сей день продновалъ я у футорѣ своемъ Артополотскомъ, дожидаясь попа розбишовскаго и полѣцая господарство тамошнее Грицку наместнику, которое все переписано въ господарской книзѣ.

Субота. 19. Сей день былъ во всемъ прежнимъ, а паче вчорайшому сходенъ, такова жъ и ночъ. Пріехалъ рано попъ розбишовскій у футоръ мой зъ помѣжникомъ Назаренкомъ Яремою и другими, зъ которимъ ездилемъ степку отъ его продажнего осматривать и копци онъ велѣлъ моимъ людямъ позакопувать; вернувшись, обѣдалисмо у футорѣ. После обѣда пріехалъ прикажчикъ Хоружовскій Лоренцовъ зъ зятемъ своимъ Галецкимъ и зъ Остапенкомъ и говорили, что будто попъ завелъ лишнего степку и ихъ Остапенкового, а когда были мы подъ часъ розезду тамъ и посилали по нихъ Павла, бывшого дворника, такъ же Алексѣйця, то они тогда не поехали. Брату п. Марку дарилъ я овецъ зъ ягнятами 5, да Юску Залускому овецъ зъ ягнятами 2, да яловую одну, итого всѣхъ овецъ 45. Вилучили со мною въ езду коней неезджалихъ еще четвертаковъ 2-хъ: гнѣдо-строкатенкого и сивострокатенкого дрикганчука, да опредѣлили дворнику коня гнѣденкого, Алексѣйцеви подпалого-лисого, Тимошу гнѣдого, стаднику супацкого (?) бѣлого, да въ Криски гнѣдого Воротеляку и подпалого астраханского. У вечеру далъ я дворнику новому 2 р. и съ тихъ заразъ видалъ онъ тютюннику 1 р. 50 к., а 9 р. осталось у Мяла для роздачи на сѣно и записалъ въ пріемъ его самъ я 11 р. и отехалъ оттоль у Андрѣевку, где засталъ родителей и ночовалъ тутъ.

Неделя. 20. День былъ свѣтлій, теплий велми и тихій. Ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Сей день пробавилисмо зде въ Андрѣевцѣ. Обѣдали зъ родителми, такъ же зъ гостми, пріехавшими, тіоткою п. Павловою, старостою хоружовскимъ и зятемъ его Галецкимъ.

Понедел. 21. День былъ подобвій вчорайшому, толко жъ зъ болшимъ отъ прежнихъ жаромъ, такова жъ и ночъ. Сегодня всѣ мы обще въ Андрѣевцѣ службы Божой слухали и обѣдали, а по обѣдѣ поехали, и пріехалъ прежде я, а потомъ и родители въ Ромонъ, где и ночовали. Мене, отъ принятого декокту, черезъ увесь день и ночъ до великого ослабѣнія пурgовало.

Вовтор. 22. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ. Обѣдалисмо въ Ромнѣ, а по обѣдѣ родитель поехалъ на Бубни и Курень, а я просто до Глухова; я жъ, переехавши Хмѣлувку, заночовалъ. Приказъ новопоставленному дворнику Артополотскому Грицку Наметнику далъ я въ 10 пунктахъ; а именно: 1) чтобъ Алексѣй его завелъ до тихъ, кому роздалъ гроши на откосъ, и до кушнѣровъ, кому шкури чинить далъ; 2) стаднику кулбаку спорадить, а Тимошеви поправить данную; 3) осталніе 9 р. и вовну руно по 5 к. роздавать на откоеъ; 4) улей прикупить въ Гадячомъ подъ часъ торговъ; 5) вози воловіе 5, а колѣсъ 10 отшукать Алексѣеви; 6) Климъ, якъ пріедетъ, то поклейнить неклейнаний товаръ; 7) имшаникъ новий здѣлать; 8) слобожанъ новихъ селить; 9) Мяло за вола доводячіеся 4 р., жеби откосилъ теперъ одну или 2 скирти и гроши осталніе отдавалъ бы поволно въ семъ году; 10) Алексѣй за провіянтомъ и фуражомъ договаруватись поехалъ би туда, откуду требуютъ зъ Слободки недор... за вино дать 54 к.

Середа. 23. День былъ жаркій, тихій, свѣтлій, по сторонамъ громъ зъ невеликими хмарами и дощемъ, а по заходѣ слонца вѣтряно и холодно было, и хмарно черезъ всю ночъ. Рано зъ ночлѣга вставши, переехалъ черезъ Смѣлое и обѣдалъ, переехавши черезъ Терни, а ночовалъ, доехавши березняковъ мутинскихъ.

Чотвер. 24. День былъ зъ ранку холодноватъ и вѣтрянъ, а после теплій, зъ полдня дощикъ невеликій зъ громомъ до ночи. Ночъ випогодилась ясна, а вѣтряна. Зъ ночлѣга вставши, пріехалъ

надъ Сеймъ и, перевезшись, пріехалъ въ Тулиг., где и ночовалъ зъ племенниками своими Толстими, переездомъ своимъ въ степніе ихъ деревнѣ заехавшими сюда во дворецъ.

Пятокъ. 25. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ и зъ полдня хмари зъ дощемъ и громомъ до вечора самого, отчего земля доволно напоена. Ночъ тожъ хмарна, а по сторонамъ громъ и дощъ. Въ Тулиг. імбарѣ сегодня на лицу било горѣлки куеъ 3 повнихъ, а зъ четвертой повной же на росходъ берется, можетъ бить до перепуста, а въ пятой носатокъ 5, а при мнѣ внесли шестую рано. Велѣлъ я стар. тулиг. на клуню приговорити людей, въ Кролевецъ хати приторговать.

Субота. 26. День былъ свѣтлій и теплій, къ вечору дожчъ и ночъ такова жъ. Сегодня рано я зъ родителемъ, рано жъ пріехавшимъ въ Глуховъ зъ протчею старшиною енералною, стрѣтили князя Шаховского и при немъ маіора Михайла Хрущова и другихъ, пріехавшихъ въ Глуховъ. Обѣдалисмо у себе.

Неделя. 27. День былъ свѣтлій, тихій и теплій до полдня, зъ полдня дощъ зъ вѣтромъ густий до вечора и въ ночъ; въ ночѣ пересталъ мало, однако жъ вѣтряна была и холодна вѣтромъ полунощнимъ, а дощикъ зъ полночи знову до свѣта. Генералъ Нарѣшкинъ и князь Шаховскій и многіе обѣдалисмо у гетманскомъ дому на Бѣлополовцѣ и подпіяхомъ, оттоль они всѣ поехали, а я зъ п. писаромъ зайшолъ до его и, у его посидя, пріехалъ къ себѣ. Отправлени козаки сухонос. зъ писмомъ до Клима: 1) чтобъ давалъ знать о новомъ у Перер. старостѣ, если устроенъ; 2) о роздачѣ 15 р., теперъ посланнихъ на сѣно въ Кривой Рудѣ; 3) о роздачѣ вовни на сѣнокосъ, 4) объ устроеніи въ футорѣ Гамал. ключникомъ Мяла; 5) о томъ, чтобъ онъ приказалъ Грицку, господареви гамал., не приимать на жилле великороссіянъ и смолянъ. Отпущенъ слуга зятя Стефана Есимонтовского зъ писмомъ до свата, чтобъ веселлю бить іюля 21-го дня и дано ему сукно и 1 р.

Понедел. 28. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний; Ночъ вияснилась, толко жъ холоднѣйшая еще и вѣтряна. Сегодня обѣдалисмо зъ род. у князя, а по обѣдѣ у насъ долго просидѣли.

Писалъ до Клима объ иследованіи по сказкѣ лисого машталѣра о 2-хъ скиртахъ сѣна, якоби отъ бившого стар. проданихъ тайно и карту стар. сухонос. о томъ писанную послалъ. Да писмо подорожнее Грицку Дедѣ послалъ. Купили за соляніе денги 5 р. и 20 к. 4 четверика овса у Петровской.

Вовтор. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій зъ знатною отмѣною, ночъ такова жъ. Рано были у князя Шаховского и у енерала, у которого онъ и кушалъ, а я въ дому, а по обѣдѣ ездилъ у футоръ калюжновскій и у Сварковъ, где и заночовалъ. Антоновичъ Чернѣговскій отдалъ должнихъ по облѣку денегъ 65 р., а еще доводится на немъ и на Болботу 52 р., да человѣку 6 р., итого 58 р., которому я и росписку далъ. Принялъ я отъ Тараса шинковнихъ сварковскихъ грошей 9 р. 99 к. и росписался.

Середа. 30. День былъ и ночъ изрядніе, тепліе и тихіе. Рано сегодня въ Сварковѣ заложили изби людскіе противъ глиняного имбару. Поехавши после того, пріехалъ въ городъ на обѣдъ. По обѣдѣ посѣщалъ мене п. Петро, полк. луб., игуменъ Леополскій и протопопъ, и швакгеръ Андрей Полуботокъ, вновъ пріехавшій въ Глуховъ.

Четвер. 31. День былъ и ночъ изрядніе, тепліе и тихіе. Сегодня рано былъ я у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ домой, а на ту сторону переехавши, у п. Михайла отобралъ реестри до крѣпостей монастирскихъ. Писма въ Роменъ отдалъ я до рукъ п. полк. луб. Апостола, до родителки зъ обявленіемъ, когда будетъ веселний актъ Ганнусѣ, а до брата Марка о пересилкѣ писма до Клима, а до Клима: 1) подорожная карта Дядѣ; 2) писмо отъ стар. перер. до сухонос. писанное о зробленню носатки гор. за присланное отъ его борошно; 3) о зробленню полубовъ 3-хъ; 4) о млинѣ курѣнскомъ, чтобъ далъ знать, за чимъ остановка.

М—ць іюнь. Пятокъ. 1. День былъ вѣтряний, а после хмарний зъ густимъ дощемъ до вечора. Ночъ погодна, свѣтла, тиха и мѣрно растворенна. Василь молодикъ отправленъ въ Криски зъ даннимъ ему приказомъ: 1, зъ Макова сюда отправить Кондратовича, 2) въ Крискахъ куѳъ осмотрѣть зъ гор. и привезти вѣдо-

мость; 3) Демяна сюда или извѣстіе о ихъ дѣлѣ; 4) гребля и млинокъ строится ли; 5) ободдя привезти; 6) штукъ до млина и кленини; 7) дранѣ также; 8) уллей осмотрѣть же; 9) вѣдомость збору осѣнного привести со мнѣнемъ стар. и Демяна; 10) хлопцевъ двохъ или трохъ на службу; 11) много ль ярини посѣяно; 12) взять тебѣ сюда подводъ 10 и пѣшихъ 5; 13) въ Погорѣловцѣ плота и тертець осмотрѣть. Игумену густинскому Леополскому отдали мы всѣ крѣпости, на манастиръ Гамалѣевскій данніе, а у его за его рукою, тако жъ протопопи глухов. отца Мойсея росписку въ пріемѣ онихъ приняли. Князь Шаховскій, зъ многими присутствуючими ему штапъ офѣцерами, посѣщалъ насъ и посидя отехалъ.

Субота. 2. День былъ свѣтлій, и почасти хмарній, почасти вѣтряний, къ вечеру свѣтелъ. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана, то есть холодновата, воздуха сухого. Рано былъ я у генерала и у князя Шаховского, а обѣдалъ въ дому родитель зъ дядею п. Ѳедоромъ и прочіими, и мы домашніе.

Неделя. 3. День былъ вѣтряний, холодний, свѣтелъ, а между тимъ и хмаренъ, къ вечеру тихъ, ночъ тиха, свѣтла, холодновата, а особливо къ свѣту и зъ вѣтромъ. Данилу Карпѣцѣ отдалъ я осталніе денги всѣ за млинъ и за поле 100 р., а онъ далъ писмо мнѣ о старателствѣ достать и отдать мнѣ старіе крѣпости. Генералъ лейтнантъ, князь Шаховскій отехалъ сегодня зъ Глухова, которого опроважалисмо до Руди, до корчми моей, а тамъ простившись, повернулись родитель и всѣ въ Глуховъ, а я въ футоръ зъ братомъ Лукою и въ Сварковъ, где и заночовалъ. Уговорили чорторійскаго человѣка клунѣ дѣлать за 6 р., четверть жита, 2 четверики гречки, такъ же и крупъ, соли 15 фунтов., риби 50 въ футорѣ и дали ему задатку 2 р.

Понедел. 4. День былъ вѣтряний, холодній, свѣтлій и почасти хмарній, къ вечеру тихъ. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана Рано поехалъ зъ Сваркова и пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, а обѣдали у себе род. швакгеръ Троцкій и дядя п. Федоръ зъ проч., которіи по обѣдѣ и отехали въ походъ нинѣшний къ Стародубу подъ командою обозного енералного Якова Лизогуба, подъ которимъ пойшли ко-

заки десять тисячъ, а онъ подъ командою енерала маіора Загрязкого.

Вовтор. 5. День былъ холодний, вѣтряний, почасти хмарній и почасти свѣтлій, вечоръ тихъ, ночъ тиха, свѣтла и погодна, холодновата. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и швакгромъ, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до полк. луб. и, мало позабавивши, повернулся домой. Осталніе денги Шрамку за лѣсъ зъ пасѣкою заплатилъ, а купчую черезъ Забару принялъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, тиха, тепла, а къ свѣту випогодилась и вияснилась. Сегодня ездилъ я лодкою въ городъ и въ склепу былъ, а оттоль заехалъ на Бѣлополовку простится зъ полковникомъ лубенскимъ, отежджаючимъ отсель на линѣю, у которого и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ домой. Получилъ я писмо отъ Клима, въ якомъ обявляетъ, 1) что Ігнатъ, бывшій стар. перервинскій, далъ облѣкъ платить за упалій статокъ 53 поголовя, да за 2 скирти сѣна, да за доводячіеся отъ росходу денги, всего того 60 р. 97 к., 2) что степъ вновъ по данному заору заоранъ тамъ же, 3) у Кривой Рудѣ слобожанамъ тамошнимъ роздалъ денегъ 7 р. 70 к. косить сѣно по 6 к. на день, а гребцамъ 3 р. 40 к., по полъ 3 копейки на день: Да тамъ же роздалъ вовни на тое жъ рунъ 24, на 5 день по 4 рунѣ. 4) Денегъ, отсюду присланнихъ, принялъ онъ 15 р. безъ 10 к., на сѣнокосъ посланнихъ.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а между тимъ и вѣтряний. Не ездилъ я никуда зъ дому, а обѣдалисмо у себе зъ род., швакгромъ Якимомъ Троцкимъ, братомъ Лукою, а по обѣдѣ онъ, швакгеръ, и братъ поехали, швакгеръ въ походъ до бунчуковихъ, а братъ у Воронѣжъ искать себѣ невѣсти. Отписалъ я до Клима о доправкѣ денегъ на Игнатцю по облѣку его и объ удержаніи ему данного Тараненкового облѣка о роздаяню вовни на откосъ. У футорѣ Гамал. 1) о пріемѣ слобожанъ прихожихъ, опрочъ великорос. и смолянъ, и облѣкъ Игнатцовъ послалъ, а отдавать не велѣлъ, толко росписатись на ономъ позволилъ уплатку. Да черезъ того жъ послалъ кобилу тисарскую (?) сивую зъ лошамъ въ футоръ Артопол. Гамал. до дрикганта вороного. На болѣзнь па(ра)лѣжа

гетманскую прислалъ докторъ Бидловъ рецептъ. (*слѣдуетъ рецептъ.*) Сегодня въ первое стала пчола у пасѣцѣ Уздицкой роитись и одинъ рой постигъ.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій, теплій велми, а вѣтряний, а передъ вечоромъ хмаренъ зъ дощемъ до самой ночи и зъ громомъ, ночъ хмарна и отчасти дожчевата. Рано поехалъ я зъ Глухова черезъ Дунаецъ, где видѣлъ новоначавшіеся строитись будинки п. Михайла Скор. Оттоль пріехалъ у пасѣку Уздицкую, где видѣлъ вновъ оную обгороженную, а оттоль у другую Шрамковскую пасѣку, где также позабавивши мало, пріехалъ у футоръ и зъ футора зъ дощемъ, смеркомъ, у Сварковъ, где и ночовалъ.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, вѣтряний и теплій; ночъ такова жъ. Обѣдалъ я у Сварковѣ, а по обѣдѣ поехалъ черезъ футоръ и пріехалъ въ Глуховъ. Обсѣялись сегодня зъ овсомъ и гречкою у футорѣ.

Недел. 10. День былъ свѣтій, тихій и теплій, ночъ такова жъ, къ свѣту ядрано. Рано родитель зъ Кролевца пріехалъ и былъ на службѣ у церквѣ енер., а я на Бѣлополовцѣ. Род. обѣдалъ у енерала, а я въ дому. Зъ Крисіокъ привезено улей до прежнихъ 70 еще 55, шкла сулѣй 15 и проч. барилець 18.

Понедел. 11. День былъ свѣтлій, тихій, зъ полъ дня хмаренъ. Ночъ хмарна и зъ дощемъ до самого свѣта, однако жъ тепла и тиха. Рано былъ я у судѣ енер. и смотрѣлъ дѣла родителского зъ Даниломъ Забѣлою, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ. Старостѣ тулиг. далемъ 8 р. Отобралъ я у Тараса за куфу гор. свар. 10 р. толко, а еще доводится 5 р. 40 к.

Вовтор. 12. День былъ хмарній зъ силнимъ дощемъ до самого вечора, а въ вечеру тихо и свѣтло. Ночъ свѣтла, тиха и ядрана, а особливо къ свѣту. До Крисіокъ до Василя писалъ: 1) чтобъ лутшая била горѣлка; 2) чтобъ приборъ былъ на греблю и млинъ; 3) чтобъ ободдя били товстіе; 4) чтобъ штукъ 50 и кленини на палцѣ (для мельницы) прислалъ; 5) чтобъ дранѣ 500 зъ Розлетъ отъ будинку и новой 500 прислать; 6) чтобъ плотъ купить товстого дерева, на что и 6 р. послалъ; 7) о хлопцяхъ; 8)

чтобъ рои въ улѣи, а не въ стояни упускать. Швакгру Андрею Полуботку позичилемъ 180 червонних для уплатки купцамъ, которіи за дѣло зъ Цибулскимъ въ Полщи заарештовани, до августа 1-го числа срокъ [1]).

Середа 13. День былъ холодноватъ, а после и тепелъ, свѣтелъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата, а къ свѣту холодна и ясна. Сегодня жена рано зъ дѣтми поехала въ Сварковъ, где и ночевала, а мы зъ род. обѣдали въ дому, а по обѣдѣ я ездилъ до Борзни, где посидя, повернулся позно домой. Черезъ Григорія Огіенка послалемъ до писара енер. Турковского 10 р., якіе жена, будучи въ Новгородку, позичила на погребеніе его синовей.

Четвер. 14. День былъ холодноватъ, а после свѣтелъ, тепелъ и погоденъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня обѣдалисмо род. и я въ дому, а жена зъ дѣтми по обѣдѣ пріехала. Пявици приставлялъ къ геморгоидалной жилѣ таковимъ порадкомъ; на столцу велѣлъ сидѣть, а зъ исподу водою горячою и камѣннемъ розжаренимъ подгрѣвалъ до поту, поколь оная жила показалась и около неи губкою, въ горячую воду умоченною, обтиралъ и после на постелѣ положенному приложилъ зъ рукъ, въ платокъ обвивши, пявицу, а когда напились и отпали, то въ то время на столцу знову сидѣть и кровъ капала доволное время. Жита 40 четвертей повезли подводчики у Тулиг., а оттоль зачнутъ въ первое возить лазню новую. Михайло Литвиненко и съ нимъ Дѣдикъ и Татка отправлени въ Тулиг., а оттоль зъ двома куфами гор. въ Глобувку до Заборовской, да въ Бубни до Свѣтихи для перегону, а въ онихъ куфахъ нос. „ “ и квартъ „ “, и съ ними пудъ ганишу до Заборовской, а до Свѣтихи на ганишъ 1 р. Да зъ Михайломъ писалъ я до Алексѣйця, чтобъ онъ зехалъ въ Гадячъ и оттоль взялъ для проби у сулѣйку зо всѣхъ куфъ гор. До Клима, чтобъ дрикгантовъ послѣ Петра заразъ взять на станю. До брата Ивана

---

[1]) Павелъ Полуботокъ во время своего полковничества неправильно арестовалъ товары у еврея Цыбульскаго, за что послѣдній и взыскивалъ съ наслѣдниковъ Полуботка убытки.

облѣкъ его на 9 зол. и 20 к. послалъ за скриню, у его купленную. Вѣжевскій вѣдомость подалъ вину, данному Іотію греку на продажъ, и денгамъ взятимъ: фронтиніяку взялъ квартъ 133 по 20 а. доводится денегъ 80 р. безъ 20 к. Петерцѣлеенту взялъ квартъ 78 по 50 к., доводится денегъ 39 р. итого 119 р. безъ 20 к. А отдалъ Іотію: мая 6-го—10 р. 80 к., юля 15-го—3 р., семтевр. 25-го—6 р.; ноевр. 6-го—6 р.; генвар. 2-го—10 р.; генвар. 12-го—10 р. февр. 24-го—8 р.; итого отдалъ 57 р. 80 к., а на немъ доводится 61 р.

Пятокъ. 15. День былъ свѣтлій, сперва холоденъ, а после теплъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата, а особливо къ свѣту. Брату Луцѣ, мѣючому завтра отехать, далъ я на куплю олѣи въ Овдоколлю 1 р. 50 к. Договорился зъ маляроемъ помаліовать въ Сварковѣ решотку отъ саду блакитною фарбою, а вершки бѣлою, да слупцѣ зеленою, да столпи край воротъ мармурово, да кришки на станѣ, шопѣ и имбарахъ—краснимъ брамуртомъ, а щитки на дверцяхъ и окнахъ другимъ и ꙋм... бѣло, а за то дать ему 6 р., да четверть жита, осьмуху гречки 20.

Субота. 16 День былъ свѣтлій, тихій, теплій, къ вечору хмаренъ зъ дощикомъ, ночъ тожъ хмарна, почасти вѣтряна, толкожъ нехолодна. Рано зъ п. Михайломъ ездилемъ на пастовникъ до племѣнници Толстой, обѣдалисмо у себе зъ род. и съ нами сестра Чарнишиха, да Кондзеровская. Привезли у первое 21 дерево на лазню зъ Тулиголовъ. Взялъ Литвиненко Михайло для перегону въ Роменъ 2 куѳи гор., одну болшую нос. 10 и квартъ 45, а другую меншую нос. 8 и квартъ 46, до отца Павла (Свѣта) въ Бубни и до Заборовской.

Неделя. 17. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, и къ свѣту холодновата. Былъ я у службѣ ст. Михаила, а обѣдали у себе; по обѣдѣ родитель поехалъ въ Кролевецъ, а я ездилъ на Бѣлополовку и до млина Гапоновского. Получилъ вѣдомость отъ Василя Шмуйла, что купилъ онъ плотъ теперъ, колодъ 105 трохсаженнихъ, въ доплатку послалъ теперъ ему полъ 2 р., да на штуки уговоренніе 10 по 21 к., тожъ

по 2 р. на 70 штукъ, и что брусовъ 50 привезли зъ Орловки на греблю тамъ. Гречки у Крискахъ посѣяли четвериковъ понорницкихъ 6.

Понедел. 18. День былъ сперва хмарній и холодний, а потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, толко холодна, а особливо къ свѣту. Обѣдалисмо въ дому а по обѣдѣ поехалъ я до футора, где всѣ сварковци толоку орали, а сошокъ 63, а не виорали всеей колосенковой ниви, а оттоль пріехалъ въ Сварковъ и тамъ ночовалъ.

Вовтор. 19. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а по сторонамъ хмаренъ и дощеватъ, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, а къ свѣту випогодилась. Рано зъ Сваркова поехалъ на футоръ, где близъ футора другую ниву орали сварковцѣ 67 сошокъ; а якъ пріехалъ домой, то и обѣдалъ въ дому, а передъ вечоромъ родитель пріехалъ зъ Кролевца. Панъ Михайло посѣщалъ. Климъ зъ Алексѣйцемъ пріехали въ Глуховъ.

Середа. 20. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій велми и ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня рано поехалъ я зъ Глухова до Дунайця къ п. Михайлу, где обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилемъ у пасѣку Вихторовскую, где роевъ 5 показалось, а оттоль въ Уздицкую где роевъ 2, а третій прихожій, явилось по сей день; а оттуду повернувшись въ Дунаець, ночевалъ на ліодовнѣ зъ п. Михайломъ. Фарбу синюю дѣлать—обмазовать будинки такъ: крейду потовкти и пересѣять черезъ решето и налить водою, а що избѣгнетъ булбашки тое, собравъ, вимить, а после уголля липового натовкти и пересѣять, якъ же крейда, налитая водою, постоитъ сутки, то злить воду и вивернуть крейду, на сподѣ чорнее зрѣзать и покинуть, а чистую, пудъ олеи терти и зъ уголлемъ мѣшать.

Четвер. 21. День былъ сперва хмаренъ, а после мало свѣтелъ, а потомъ весма свѣтелъ и между тимъ хмаренъ, и найпаче къ вечору, толко жаркій, ночъ хмарна, тиха, жарка. Рано зъ Дунайця поехали у футоръ, а оттоль въ Сварковъ зъ п. Михайломъ, где осмотрѣвши будинку, повернулись въ Глуховъ на обѣдъ и я обѣдалъ зъ род. и женою, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до п. Михайла, и посидя, повернулся домой. Сварковцѣ 3 днѣ пахали

63 сохи и 67 на другій и на третій день, а випахали за 3 днѣ колосенкову всю ниву, другую ниву подъ футоромъ, а третій ланъ— на семъ боку мостка отъ города.

Пятокъ. 22. День былъ хмаренъ и свѣтлъ почасти, толко жарокъ, зъ полдня хмаренъ зъ дощемъ и холодноватъ. Ночъ хмарна зъ дощемъ и вѣтромъ малимъ, а къ свѣту випогодилась зъ холодомъ. Приказалъ я Вѣжевскому въ Сварковѣ переписать все поле наше и купленное, да вовни и табаку на ярмарокъ въ Петропавловскій манастиръ, и вовну на отроботокъ роздавать. И поехалъ въ Тулиг., где засталъ Василя Шмуйла, пріехавшого зъ Крисіокъ, которій вѣдомость привезлъ: 1) что всеей горѣлки зимной у Крискахъ куѳъ 25, а въ нихъ носат. 246 и квартъ 411; а лѣтней 4 куфи, а въ нихъ носат. 38 и полъ и квартъ 75. 2) Посѣяно въ прошломъ годѣ жита въ Крискахъ: четвериковъ 9, а теперъ ярини—овса четвериковъ 10, гороху 1, гречки 6, пчоли у пасѣцѣ 12, у сажѣ свиней 24, а надворнихъ 27, ячменю четверикъ 1, конопель четверикъ 1.

Субота. 23. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, вѣтряний, къ вечору зъ дощикомъ. Ночъ тожъ почасти свѣтла и почасти хмарна, холодноватіе. Пробавилъ я сей день тутъ въ Тулиг., затимъ что греблю Бутирлимовскую роскопали и спустили води доволно для риби, причомъ майстровалъ Овдѣй, отъ п. Стефановой Миклашевской присланний. Видалъ староста куфу гор. въ Глуховъ по картѣ Тараса, а тутъ осталось немного. Зъ сварковціовъ господарливіе Хлонъ да Артюхъ Ларченко и способніе до войтовства.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний и дощеватъ, хмари переходячіе. Ночъ такова жъ была зъ густѣйшимъ дощикомъ и зъ болшимъ вѣтромъ и холодомъ. На службу Божую ездилемъ въ Дубовичъ верстъ 5 зъ залишкомъ, а продновалемъ зде у Тулиголовахъ. Риба зде стала показоватись карасѣ, лини болшіе и щуки.

Понедел. 25. День былъ сперва хмарній, а после мало ясний, вѣтряний, холодноватъ. Ночъ вѣтряна, а после хмарна и дощевата до свѣта и холодна. Билъ у мене Кузма Лядважченко, которому

полтори четверти жита и 5 к. велѣлъ дать я въ позику Роману. Поехалъ я рано зъ Тулиг. и пріехалъ на пастовникъ до племянниковъ Толстихъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ видѣтся на Бѣлополовку до п. Михайла.

Вовтор. 26. День былъ хмаренъ и холодноватъ, а зъ полдня свѣтелъ и тепелъ, ночъ ясна и тепла, а къ свѣту хмарна и дощевата. Рано съ род. ездили въ городъ до енерала, а не увидѣвши его, повернулись домой и обѣдали, по обѣдѣ ездили на пастовникъ просто ее (?) для того, что сегодня племѣнники наши Александръ и Іванъ Толстіе зъ сестрою своею Анастасіею въ Москву поехали.

Середа. 27. День былъ хмаренъ и между тимъ свѣтелъ, ночъ хмарна, дощевата и холодна. Березнячій отправленъ въ Криски и дано ему 3 р. на задатокъ нанимать подводи подъ горѣлку, а 2 р. на дрань. Ему жъ писмо отдано до стар. Крисковского и до Демяна сторони дѣла зъ Ерофѣемъ, да такжe включени 3 облѣни Петра Лопати для доправкѣ на немъ долгу за 2 штуки штамету и 25 р., позиченнихъ у Кролевцѣ. Били у генерала и на молебствіи и обѣдали мы обое зъ род. тамъ же и подпіяхомъ зѣло.

Четвер. 28. День былъ хмаренъ зъ дощемъ осѣннимъ и вѣтрянъ, таковажъ и ночъ была. Ездилъ рано въ Сварковъ и футоръ, а пріехалъ домой передъ вечоромъ. Зъ Крисіокъ привезено сюда 14 штукъ дубовихъ до млина, 3 ободи, обручовъ возъ, шкла фляшокъ.

Пятокъ. 29. День былъ и ночъ, сходніе вчорайшимъ и прежнимъ. Рано были у генерала, а обѣдали у себе, по обѣдѣ былъ у склепу и насипалъ вина бутиль 4 вел. и малую одну зъ барила, въ постъ зъ Кіева привезенного. Василь Филимоновъ посланъ въ Криски и дано ему полтора рубля на задатокъ тертичникамъ рѣзать тертицѣ.

Субота. 30. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ и прежнимъ. Были рано у генерала, обѣдали у себе и никуда неездили. Писалъ я до Янишевского о дрикгантахъ, чтобъ на станю взять и кормить и чтобъ увѣдомилъ мене, если сѣно косится, если що построено. Зъ Овдоколля прислалъ братъ Лука 50 квартъ олѣи за полтора руб.

М-цъ юль. Неделя. 1. День хмарній и холодній, велми подобній прежнимъ до полдня, а съ полдня и вечора вияснился и тепловатъ сталъ, ночъ ясна, тиха, холодновата. Рано были у енерала, а у службѣ у ст. Михаила. Обѣдали у себе. Юско посланъ въ Роменъ и въ футоръ Артопол. за конми и велено взять старихъ коней 6, а 4 молодихъ подездковъ. Господарь виправленъ у Есмань и далъ ему полъ 9 зол. на покупку скринѣ и хворосту. Наклалъ чайникъ чаю и фунтъ сахару ліодового.

Понедел. 2. День былъ ясенъ и жарокъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, дощевата и тепла. Сегодня рано были у генерала, на службѣ у ст. Михаила, обѣдали на Бѣлополовцѣ въ дому гетманскомъ для веселля Юркевича зъ племѣнницею гетманши, сегодня чинившогося и просидѣли доволно.

Вовтор. 3. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, толко тепелъ, ночъ хмарна, а тепла. Сегодня обѣдалисмо у себе, а род. у генерала, по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулъся домой.

Середа. 4. День былъ по болшой части хмаренъ, нежели ясенъ, толко жъ тепелъ и между тимъ дощеватъ, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна воздуха полнощного. Перемѣна. Матка зъ Ромна зъ братомъ Іваномъ пріехала въ Глуховъ на обѣдъ. Климу Пѣщанскому, посилаючомуся въ поля, данъ приказъ, который состоитъ: 1) о браку овець, козъ и товару; 2) сѣно начать косить везде; 3) на толоку орать болшъ прежнего; 4) дойво збирать пилно; 5) тютюну болшъ садить; 6) дрикгантовъ на станю; 7) зъ Сухос. въ Роменъ палуби отослать и 5 шкуръ. 8) росписать вовну старую и ягнятъ стригти; 9) старостѣ перер. должность написать; 10) кобили зъ футора Гамал. у Перер. перегнать; 11) ревизѣю исправить; 12) ягнятъ, на баранцѣ оставленнихъ, не отлучать отъ овець, и телятъ на бугаи отъ коровъ; 13) зверхъ сего що пораднее—устроевать.

Четвер. 5. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, ночъ свѣтла, тиха, къ погодѣ хорошой. Рано виехалъ я зъ Глухова и пріехалъ на обѣдъ въ Тулиг., а по обѣдѣ поехалъ и мимоездомъ въ Кролевцу видѣлъ хату заложенную на гетманчиновомъ пляцу, а

пріехалъ на ночъ въ Подоловъ, где и ночевалъ у сестри Чарнишевой.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, теплій зъ жаромъ, толко вѣтрянъ къ вечору и тихъ. Ночъ свѣтла, погодна, тиха и ядрана. Рано зъ Подоловъ поехалъ до Андрѣевки верстъ зъ 2, оттоль до Ревутинецъ верстъ 3, оттоль до Обтова верстъ зъ 4, оттоль до Погорѣловки верстъ зъ 4, где осмотрувалъ купленного нового плита 105 колодъ, которіе рѣжутъ на тертицѣ сотню по 3 р., четверть жита, 10 квартъ гор., соли и сала по безмѣну; а давнихъ колодъ 47 еще осталось, якіе возятъ крисковцы въ Глуховъ, едучи позичать жито. Зъ Погорѣловки до перевозу зъ версту, оттоль, просто переехавши черезъ Десну на гору, до Іванкова верстъ зъ 10, а отъ Іванкова верстъ зъ 2 до Крисіокъ, куда пріехалъ 3-го часа зъ полдня. У пасѣцѣ старой пчоли крисковской 12 ставней, а сегодня рой молодий пойманъ и уставленъ въ улей.

Субота. 7. День былъ свѣтлій, теплій, тихій. Ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Сей день продновалъ я зде въ Крискахъ, а старосту, отехавшого до моего сюда пріезду въ Чернѣговъ и знову ко мнѣ заверненного, отправилемъ туда жъ, и далъ ему червонного и таляра бытого. Да Оникіенку далъ на куплю 300 дранѣ 25 а., по полу полтинѣ сотня.

Неделя. 8. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и тепліе, подобніе вчорайшимъ. Службы Божой въ Крискахъ слухалъ, а служилъ Исидоръ попъ Покошицкій и обѣдалъ тамъ же. По обѣдѣ позабавилъ, а у вечеру отехалъ и пріехалъ къ перевозу за полъ 3 часа, оттоль заездилъ до тертичниковъ, и пріехалъ позно въ Обтовъ и ночевалъ у попа Прокопѣя. У Крискахъ гор. 31 кухва, зъ которихъ 4 пересипалъ Вѣжевскій въ другіе кухви и показалось несходство противъ подпису, а именно меншъ: въ 1-й, не доходитъ квартъ 19, въ 2-й куѣ-переходитъ квартъ 25, въ 3-й, не доходитъ квартъ 22, въ 4-й, не доходитъ носатки и квартъ 26, итого не доходитъ носатка одна и квартъ 42.

Понедел. 9. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и тепліе зъ болш[illegible]ъ жаромъ, якъ и вчера. Рано зъ Обтова поехалъ до Кро-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ И АВГУСТЪ
1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурой Кіевъ 19 іюля 1896 года.

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ источникахъ нашей Пасхальной драмы, мы должны прежде всего остановиться на такъ называемомъ евангеліи Никодима, апокрифическомъ сочиненіи, которое когда-то и въ южной Руси пользовалось большой извѣстностью, и котораго вторая часть разсказываетъ о сошествіи Христа въ адъ и объ освобожденіи оттуда душъ праведниковъ. Литературную исторію этого знаменитаго апокрифа разработали въ послѣдніе годы два славянскіе ученые, Юрій Поливка и М. Сперанскій [2]), съ такой полнотой и подробностью, что я не буду на ней останавливаться, но воспользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи фактами, какіе добыты этими изслѣдованіями.

Никодимово евангеліе дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: полной и краткой. Полная редакція, это собственно механическій сводъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ разновременно и разными авторами, именно—такъ называемыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (Acta Pilati)—апокрифическаго разсказа о мученіяхъ и смерти Іисуса, и Сошествія Христа въ адъ (Descensus Christi ad Jnferos) — сочиненія, приписываемаго въ самомъ текстѣ Левкію и Харину, сынамъ Іосифа Богопріимца, воскресшимъ изъ мертвыхъ послѣ крестной смерти Іисуса и написавшихъ на требованіе іерусалимскаго синедріона разсказъ о томъ, что они видѣли въ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 6.

[2]) *Jiři Polivka*, Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanskych (Časopis Mus. Kr. Českeho, 1891), str. 440 *М. Сперанскій*, Славянскія апокрифическія евангелія (общій обзоръ). Москва 1895, стр. 55—82.

аду во время, когда въ него сошелъ Христосъ. Оба эти сочиненія написаны по гречески и долгое время существовали независимо другъ отъ друга; только въ болѣе позднее время они были соединены въ одно цѣлое и въ такомъ видѣ переведены на латинскій языкъ. Въ греческомъ текстѣ существуютъ "Acta" отдѣльно отъ "Descensus'a," и это есть краткая редакція, которая имѣется также въ славянскихъ переводахъ съ греческаго. Текста "Descensus'a" отдѣльно отъ "Acta" нѣтъ. Въ латинскомъ переводѣ, который въ средніе вѣка былъ очень распространенъ въ западной Европѣ и имѣлъ громадное вліяніе на развитіе западно-европейскихъ литературъ, краткой редакціи нѣтъ, а есть только полная, т. е. сводная редакція обѣихъ сочиненій съ упрочившимся за ней съ IX в. названіемъ Никодимова евангелія.

Сравнивая славянскіе рукописные тексты этого апокрифа съ текстами греческими и латинскими, названные славянскіе ученые пришли къ интересному и довольно неожиданному выводу, что полная редакція Никодимова евангелія, имѣющаяся въ славянскихъ спискахъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, церковно-славянскаго перевода, восходящаго, по словамъ М. Сперанскаго, „едва ли не къ первымъ вѣкамъ христіанства у славянъ, во всякомъ случаѣ къ начальному періоду славянской литературы“ (*М. Сперанскій*, op. cit. 58), сдѣлана не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода этого апокрифа. Только позже и независимо отъ этого перевода сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго самыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (краткой редакціи) безъ „Сошествія въ адъ“, и этотъ переводъ получилъ довольно большое распространеніе у южныхъ славянъ и на Руси. Правдоподобно, что на Руси къ этому тексту краткой редакціи апокрифа былъ присоединенъ сокращенный пересказъ „Сошествія“, и такимъ образомъ возникла особая редакція апокрифа, „смѣшанная“, по выраженію М. Сперанскаго, и не совпадающая ни съ однимъ изъ иноземныхъ текстовъ (op. cit. 69).

Насъ интересуетъ здѣсь только вторая часть апокрифа т. е. Descensus, такъ какъ эта часть именно и была основаніемъ нашей и вообще западно-европейской Пасхальной драмы или

тѣхъ ея эпизодовъ, гдѣ представлялось сошествіе Христа въ адъ. Мнѣ извѣстны два южно-русскіе списка по полной редакціи Никодимова Евангелія: Вѣнской надв. библіотеки, содержащій въ началѣ Палею, пожертвованный въ 1643 г. изъ г. Ковля на Волыни одному изъ Афонскихъ монастырей и оттуда попавшій въ Вѣну, писанный въ XVI в., и списокъ начала XVII вѣка, обрѣтающійся въ рукописномъ сборникѣ № 69, принадлежащемъ Василіанскому монастырю въ Краковѣ, Жолковскаго округа въ Галиціи. Такъ какъ я не успѣлъ списать всего текста интересующаго насъ апокрифа изъ Вѣнскаго (собственно Ковельскаго) списка, то пользуюсь однимъ только Краковскимъ спискомъ, изъ коего выписываю мѣста, которыя нашли себѣ отраженіе въ нашей драмѣ.

Каринъ и Лысинъ (въ заглавіи онъ называется „Лицѣюшъ"=Lycius, Leucius), повинуясь заклятію архіереевъ, велѣли подать себѣ бумаги и каждый отдѣльно написалъ слѣдующій разсказъ: „Егда бѣхом со всѣми отци нашими посаждені въ преглубинѣ во тмѣ несветиме, нагло сътворенно быс[ть] злато зерьньце, лицемъ препрѣнномъ и царскій венецъ просвещая насъ ты въставль человѣчь родъ, в купе Адама съ всѣми предними отци и пророки возвеселящеся рѣша: отъ свѣта Вышняго свѣтъ вѣчныи сьи ес[ть] еже намъ обѣща послати равновѣчныи свои свѣтъ". Исаія цитируетъ свое пророчество, послѣ чего приходитъ Симеонъ Богопріимецъ и разсказываетъ, какъ онъ держалъ на своихъ рукахъ младенца Іисуса и узналъ въ немъ Спасителя рода человѣческаго. „Си слышаса все множество дивящеся взрадовашас[я] и потомъ пріиде Креститель и вопросиша и всѣ: кто ты еси? онъ же отвещавъ рече: азъ есть пророкъ Вышнаго предгрядый предъ лицемъ пришествія его въ отданіе грѣховъ и видѣхъ приходяща его ко мнѣ, принуженъ Духомъ Святымъ исповѣдая рѣхъ: изыде се агнецъ Божіи вземлаи (sic!) грехи всего мира! и крестихъ и въ Иердансцеи рецѣ, и видѣхъ Духъ Святый долу грядущь нань въ образе голубинѣ, и слышахъ гласъ[съ] небеси рекущъ: се есть сынъ мой возлюбленныи, о немъ же благоволихъ и ныне предъ лицемъ его предвозвести вамъ яко приближилъ ся ес[ть] посетити насъ, превыше сы[и] Сынъ Божіи

отъ вышняго, издавна седящемъ намъ во тмѣ й сѣни смертнеи". Адамъ услышавъ, что Іисусъ крестился во Іорданѣ, велитъ сыну своему Сиѳу разсказать, что возвѣстилъ ему архангелъ Михаилъ, когда борясь со смертію Адамъ послалъ было его къ раю спросить оттуда деревяннаго масла для утоленія его боли. Сиѳъ разсказываетъ, какъ архангелъ Михаилъ сказалъ ему тогда, что черезъ 5555 лѣтъ на землю придетъ возлюбленный Сынъ Божій, который долженъ креститься въ Іорданѣ и спасти весь родъ человѣческій, въ томъ числѣ и отца его Адама.

„Си всѣмъ слышащимъ отъ Сифа предніи отца вси и пророци возвеселишас[я] велиею радостью. и егда веселяхуся вси Святіи, ишедъ предніи князь Діаволъ смертныи и реч[е] ко Аду пріяти Іисуса иже славитс[я] Сынъ Божіи и со человѣкы есть бояся смерти, реч[е] бо: прискорбна ес[ть] душа моя до смерти. И много противляется зло творя много: яже азъ слѣпыи, хромыи, горбатыи, оуродивыи, глоухии, трудны сътворихъ, онъ словомъ исцѣляя (дб. исцѣли я). Но оуже азъ мертвыи къ тебѣ, и отъ тебѣ живы извед[е]. И отвѣша Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: которыи той ес[тъ] обладыи, да есть человѣкъ сеи бояся? вся оубо власть земная моей области покорны соуть и обяти, яж[е] ты повинны приведе твоею областію, аще оубо владычьствуя ты еси, какъ есть человѣкъ той Іисусъ, бояся смерти, власти твоеи противляется? аще тако владыи ес[ть] въ человѣчьствѣ семъ, истинно ти реку, всемогіи въ Божествѣ, и области его никто же можетъ противитис[я]. Глаголю ти оубо яко яти та хощеть, и горе тобе въ вѣчнои моуцѣ боудетъ. И отвѣщая неприязнь предни[и] къ Адоу реч[е]: что размышляеши и боишися прияти Ісуса? противникъ ес[ть] мой и твой. Азъ искусихъ и, и старейшины жидовскія навадихъ нань и въ гнѣвъ противу ему, наострихъ копіе въ прободеніе его, желчь и оцетъ смѣсихъ дати ему пити и древо приготовихъ распяти и. И приближилася ему смерть, да приведя и къ тобѣ покорива мнѣ и тобѣ. Отвещавъ адъ и глагола: аще той ес[ть], иже мертвыя отъ мене извлече? то суть иже отъ мене здѣ одержимыя, живы бо на землю отъ мене мертвыя возимая областію Божіею и ко Отцу Богу своему молбою. То бо есть Всемогій Богъ и творя

вся яж[е] хощеть. Тои ли ес[ть] Іисусъ, иж[е] словесемъ своимъ мертвыя отъ мене изведе? непьщяя, яко той ес[ть]—той бо Лазаря смердяща разгнившася и четырехъ дней, его же азъ держахъ мертва, той же востави жива чресъ слово власти твоеи (дб. своеи). Отвѣщавая Аду диаволъ реч[е]: той истый есть Іисусъ! Си слышавъ Адъ рече къ нему: заклинаю тя силами моими двоими, да не приведеши его ко мнѣ! азъ бо тогда, егда слышахъ заповѣдь словесе, вострясъся проторженъ боязиию, и вси нечестыи потяжници вкупѣ смущени быша, ни того же Лазаря оудержати могъ, но сътрясаяся яко орелъ всею быстротою и скоростію и скочивъ вонъ грядый отъ насъ; и сама земля яже держала Лазарево тѣло мертво, и скоро абие вда его жива. Тѣмъ же нынѣ азъ вѣмъ яко человѣкъ, иже можетъ то сътворити, Богъ силенъ ес[ть] и въ власти владый и въ человѣчьствѣ Спаситель ес[ть] роду человечю. И аще приведешi и ко мнѣ, и вси иже суть здѣ въ пристранѣ неразрешающейся оузъ грѣх[а]ми въклещени[1]), разрешаетъ, и въ жизнь Божияго Божества своего приведетъ.

И егда же си[и] между собою глаголаша Сотона [и] предній Моука [и] сотворенъ быс[ть] гласъ яко громъ и духовъ грай: възмѣте врата предняя и взмѣтеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славѣ. Си слышавъ Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: ищезни отъ мене вонъ! иди отъ моихъ сѣдалищъ! аще убо владый противникъ еси, борися съ царемъ славы. Что ес[ть] тобе съ нимь? И изгна Адъ Сотону отъ сѣдалищъ своихъ, и рече Мукамъ своимъ, нечестивымъ послоушникомъ: запрете врата съ пристранная мѣдная и затворы желѣзны забійте и сильно противитеся, да не буде оу[бо] боятис[я] держати обіатія. Си слышаще все множество святыхъ гласомъ веліимъ рѣкоша ко Адоу: отверзи врата твоя и внидетъ царь славѣ. И възни Давидъ [царь] и пророкъ реки[и]: воле ты! егда бѣхъ жилъ на земли, прежде поведахъ вамъ: исповѣдайтеся Господеви и милости его, и чюдеса его Сыномъ человѣчьскымъ, и иже раздроуши врата мѣдная и затворы желѣзныя сломи, приатъ ихъ отъ пути неправды ихъ.

[1]) На полѣ для объясненія добавлено: связани.

И потомъ же реч[е] Исаія ко всѣмъ святымъ: волѣ! и азъ бѣхъ егда на земли живъ, прежде повѣдахъ вамъ: въстанутъ мертвіи и въскреснутъ и иже въ гробѣхъ суть, и веселящеся по земли суть, имъж[е] роса, яже ес[ть] отъ Бога, исцѣленію имъ ес[ть], земля ж[е] нечьстивыхъ падетъ. И яко паки рѣхъ: гдѣ ты смерти жало? где ти аде побѣда? Си слышаще святіи отъ Исаия рѣша ко Аду: отвьрзи врата твоя, нынѣ преборенъ еси и изнѣмогая, не владый собою будеши. И быс[ть] гласъ веліи яко громъ рекый: отимете врата предняя ваша, и возмете ся врата вѣчная и внидеть царь славѣ! Видяже Адъ яко двократы возваша, яко невѣдый изъ оутрь Адоу рече: кто есть тои царь славѣ? И отвѣщая Давидъ ко Аду рече: сей гласъ разумѣю, понеже азъ его духомъ пророчьствовахъ и нынѣ предповѣстоую ти: силы ть крѣпокъ и силенъ, человѣкъ силенъ во брани, тои ес[ть] царь славѣ, и той самъ Господь съ небеси на землю призрѣ оуслышати воздыхание окованныхъ, раздрѣшити сыны оумерщвеньнныхъ и нынѣ сквернѣйшая и смердящія муко, отверзи врата твоя, да внидетъ Царь славѣ! Си рекущу Давиду ко Аду приидe царь славѣ во образѣ человѣчи, человѣкъ пресыльныи, и вѣчныя претны, просвѣти, неразрѣшимыя оузы преторже, посѣти насъ седящая во тмѣ грѣховней. Си видя Адъ и Смерть и безчестны[и] послужители ею съ злыми потяжникы и вострясеся во властныхъ областехъ ихъ, познавше тако великъ свѣтъ во свѣтлости. Егда Господа на гловнихъ седящь оузрѣша, и возпиша рекуще: прес[и]лени есмы отъ тебе! Кто ты еси отъ Бога посланъ ко области нашей? Кто ты еси страшный и стлѣнію непреборимая сила, пресильный въ лютосердие наше? попираеши область нашю! Кто ты еси тако грьдыи, малъ сыи и покоривъ вышьше небесъ, царь во образѣ рабіи, и дивенъ супостатъ, и царь славѣ, мертвъ и живъ. Егда же крестъ держа убиенъ быс[ть], и мертвъ полежа во гробѣ, живъ къ намъ прійде, и въ твою смерть вся вострясеся, твари вся восколебавшася, и нынѣ восталъ еси и мертвыя свобождаеши и безчисленная наша смешая. Кто еси ты, и иж[е] прьвыми грѣх[а]ми связани отдержими бѣху, разрѣшаеши странны и во свободу перву ведеши? Кто еси ты, и еже грѣх[а]ми тмы ослеплены, Божіаго свѣта сіяниемъ, властию ты просвѣ-

щаеши? та мож[е] сущая о діаволѣ вся множества вкоупѣ оужасашас[я] страхомъ и боязнию претръжени, единѣмъ гласомъ возпиша рекуще: откоудоу еси? и се тако крѣпокъ человѣкъ чистъ и сияя силою тако, яко не можемъ зрѣти и отъ начала смертнаго и вѐсь вѣкъ земный, иже намъ бѣ преданъ доселѣ присно, и въ нашей жизни не бѣ въ насъ никогдаж[е] въ мертвыхъ таковаго человѣка посланна, никого, да такого царства адъскымъ посланна быша. Кто убо ты еси, иже тако безъ страха въ наша предѣлы ютрь вшелъ еси? и не то едино, нъ и нашея мукы не боишися, и верху того и вся отъ насъ изяти хощеши. Непщюемъ, егда ты еси Іисусъ, о немже старейший нашь діаволъ повествоваше, да твоея рад[и] смерти крестныя все человѣчьство властію ти изведеши отъ насъ? и во скорѣ абие тогда Царь славѣ, Господь крѣпокъ силою своею, поправъ смерть и имь Діавола связа [и] предасть и муце вѣчнѣй и изведе Адама во свое пресвѣтлоство. Тогда Діаволъ сваримъ Адомъ и Смертію и множествомъ нечистыхъ духовь реч[е] къ нему: воле ты началниче пагубѣ и князь пустыни, Вельзауле, и обругание отъ ангелъ божіихъ и враже праведнымъ! чему то сътвори тако, царя славѣ на крестъ восткнути хотѣвъ, и того непщева умрети, и толь многу користь си обѣща сътворити, невлады и яко несмыслена мя содѣла. Смотри уже, се Іисусъ божества своего сиянiемь прогна вся тмы смертныя, и твердыя темница имъ разломи и вонъ изятъ одержимыя, разрѣши ужники вся; иже подъ нашими обыкоша воздыхати муками, ругаются намъ, и отъ користи ихъ будуть избранни, власти наша и владычьства преможена суть, и ни малый уже боится насъ родъ человѣчь. Врьху того же и силно намъ претять, имже никогда же намъ возмозиви бяху мертвіи и никогдаже не можааху веселитися странніи. Воле ты, предніи Сотоно, всему злу началникъ и первый муко! ты прежде сего на Іисуса прю изыска злу, и ни единаго грѣха обрѣте въ немъ. Какож[е] безъ вины не испытавъ его на крестъ въстъкнути смѣаше и въ нашу область безъ долга привести и отъ вѣка держимыя погуби! Егда же то глагола Адъ ко Дияволу, тогда царь славе реч[е] къ Аду: буди Дияволъ подъ областію твоею въ вѣки вѣка на мѣсте Адамли праведнымъ судомъ

моимъ! И рече Господь простеръ руку свою: приид[ѣ]те вси святіи мои ко мнѣ, выже имате подобие образа моего, иж[е] древа Дияволя дѣля смертию осуждени бѣсте, нынѣ же видите древомъ Диявола и смерть осудихъ. И яко тако реч[е], вси святии подъ рукою господнею быша. И держа Господь десницу Адамлю рече къ нему: миръ тобѣ со всѣми чады твоими! Адамъ ж[е] на ногу Господню согнувся паде и со слезною молитвою реч[е]: Вознесу тя, Господи, яко подятъ мя и нѣси возвеселилъ врагъ моихъ о мнѣ! Ты Господь Богъ мой, возопихъ къ тобѣ и[с]цѣлилъ мя еси и изведѣ отъ Ада душу мою, и избавилъ мя еси отъ низходящихъ въ ровъ. Пойте Господу вси святіи его, исповедайте памятъ святыня его! яко гнѣвъ во ярости его и животъ въ воли его; також[е] вси святіи его, колѣна преклоньше на ногу Господню, единѣмъ гласомъ рѣша: Пріиде избавитель вѣкомъ, якож[е] закономъ и пророкы прежде возвести и дѣлы исполни; избави ны животворящимъ крестом си, и смерти ради крестныя сниде къ намъ и избави ны отъ смерти адовныя силою твоею, Господи! якоже постави писмя славы твоея на небесѣхъ, и вышьнее исполни писмя, крестъ твои постави на земли, Господи, во адѣ знамение побѣды креста своего, смерть бо не обладаеть потомъ. И простеръ Господь руку свою сотвори знамение крестово на Адамѣ и на всѣхъ своихъ святыхъ и держа десницю Адамлю выспрь иде изъ ада, и вси святіи послѣдствующе быша Богу“.

Дальнѣйшій текстъ Никодимова евангелія передаетъ радостное пѣніе Давида, Аввакума и другихъ пророковъ и пришествіе праведниковъ въ рай; для изученія нашей драмы эта часть апокрифа не представляетъ никакого интереса и потому мы ее и не выписываемъ. Но за то та часть, которую мы выписали, при сравненіи ея съ нашей посхальной драмой увеличиваетъ интересность ея изученія. Перечитывая текстъ апокрифа, мы видимъ, какъ много бралъ авторъ драмы изъ этого послѣдняго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуя ему рабски, но передѣлывая его соотвѣтно особымъ цѣлямъ драмы, вставляя новые эпизоды, расширяя то, что въ апокрифѣ затронуто было вскользь, или пропуская и сокращая то, что въ апокрифѣ разсказано широко. И

такъ, во первыхъ, изъ апокрифа взялъ авторъ драмы удивившую насъ прежде персонификацію Ада, какъ верховнаго князя тьмы; въ апокрифѣ также, какъ и въ нашей драмѣ, между Адомъ и Діаволомъ существуетъ разногласіе на счетъ Іисуса; Діаволъ собирается съ силами, чтобы не только убить Іисуса, но и поймать его душу и запереть ее въ адъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ Адъ совѣтуетъ дѣйствовать поосторожнѣе съ Іисусомъ, котораго силу онъ узналъ по случаю воскрешенія Лазаря. Это разногласіе между Адомъ и Діаволомъ доходитъ до того, что въ критическій моментъ приближенія Христа къ дверямъ адскимъ Адъ изгоняетъ Діавола изъ своей крѣпости—сцена очень драматичная, но почемуто оставленная безъ вниманія авторомъ нашей драмы. Вмѣсто этого эпизодъ съ Іоанномъ Крестителемъ, въ апокрифѣ довольно блѣдный, авторъ драмы передѣлалъ въ яркую драматическую картину, ежели монологъ Люципера, обращенный къ Крестителю, представить себѣ какъ сопровождавшійся драматическимъ дѣйствіемъ діаволовъ, которые по велѣнію Люципера должны были заготовлять „пекельный квасокъ“ и подавать Крестителю расплавленную смолу.

Не изъ апокрифа взялъ, но въ видахъ сценической живости создалъ авторъ драмы эпизодъ съ воеводами діавольскими, которые являются другъ послѣ друга и возвѣщаютъ все новыя происшествія, при чемъ три первые приносятъ извѣстія все болѣе и болѣе радостныя для Люципера, но за то два послѣдніе возвѣщаютъ ему наближающееся его пораженіе. Въ апокрифѣ, какъ видимъ, хотя и упоминается о „потужникахъ“, „прислужникахъ“, „мукахъ“ Адовыхъ, но они не исполняютъ роли пословъ.

Также и послѣдній эпизодъ драмы — оставленіе Іисусомъ Соломона въ аду и его освобожденіе оттуда собственнымъ промысломъ—заимствованъ авторомъ драмы не изъ апокрифа, въ которомъ о Соломонѣ совсѣмъ даже не упомянуто. Такимъ образомъ сравненіе нашей драмы съ соотвѣтствующимъ ей отрывкомъ Никодимова евангелія не приводитъ насъ ни къ какому рѣшительному заключенію. Какъ извѣстно, всѣ пасхальныя драмы въ Европѣ, представлявшія также сошествіе Христа въ адъ, основывались на томъ же евангеліи Никодима, заимствовали изъ

него весь остовъ драматическаго дѣйствія, сокращая или совершенно устраняя одни эпизоды, расширяя или вставляя другіе. Значитъ, вездѣ въ Европѣ, гдѣ только мы встрѣтимъ пасхальную драму, изображающую сошествія Христа въ адъ, мы замѣчаемъ, конечно въ большей или меньшей мѣрѣ тоже литературное явленіе, что и у насъ. Вопросъ не въ томъ, основана ли извѣстная пасхальная драма на евангеліи Никодима, потому что оно легло въ основаніе всѣхъ драмъ того рода; вопросъ въ томъ, составляетъ ли данная драма передѣлку непосредственно изъ апокрифа, или же она передѣлана изъ какой-нибудь другой пасхальной драмы, переведена съ какого-нибудь другаго языка. Такимъ образомъ вопросъ объ источникахъ нашей драмы есть собственно вопросъ о большей или меньшей степени литературнаго, собственно драматическаго творчества у ея автора, о болѣе или менѣе слѣпомъ заимствованіи или рабскомъ подражаніи. Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, въ литературѣ предмета не былъ до сихъ поръ поставленъ съ достаточной опредѣленностью, быть можетъ потому, что для его рѣшенія у насъ слишкомъ мало собрано и разработано матерьяла. И не у насъ однихъ. Исторія польской старой драмы, не смотря на объемистые труды Вишневскаго, Войцицкаго, Естрейхера и новыя изслѣдованія Неринга, Брюкнера и др., до сихъ поръ темна и состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій и библіографическихъ указаній на неизвѣстныя никому книги и рукописи. Текстовъ церковныхъ драмъ и мистерій извѣстно очень мало. А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ, что религіозная драма пришла въ южную Русь съ запада, именно изъ Польши, и за все время своего существованія, т. е. до появленія „Наталки Полтавки“ Котляревскаго стояла подъ польскимъ вліяніемъ. Поэтому естественно является заключеніе, что южнорусская религіозная драма не только какъ общее историко-литературное явленіе заимствована изъ Польши, но что каждая южнорусская религіозная драма есть ежели не прямый переводъ, то по крайней мѣрѣ передѣлка какого нибудь затраченнаго польскаго оригинала. Къ этой мысли склонялся и пок. М. Драгомановъ въ своей статьѣ объ Изюмской виршѣ (Ватра, стр. 127—128), хотя не могъ указать драмы, которую бы можно

считать прямымъ оригиналомъ какъ этой вирши, такъ и южнорусской драмы, послужившей матеріаломъ для ея составленія. Правда, онъ указалъ на нѣкоторыя мѣста въ нѣмецкихъ „Passionsspiele", напоминающія своей концепціей поодинокіе эпизоды вирши, значитъ и драмы южнорусской, и эти указанія очень цѣнны. Но драмы, особенно польской, которую можно бы считать прототипомъ нашей, кажется, нѣтъ. Правда, мы имѣемъ извѣстія о польскихъ „діалогахъ", въ которыхъ какъ эпизодъ евангельской исторіи страданій, смерти и воскресенія Спасителя, представлялось также его сошествіе въ адъ, но это былъ только эпизодъ, а не особое драматическое цѣлое. Г. Хоментовскій въ своей исторіи польскаго театра [1]) приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ хелминскаго діалога. Керберъ, сторожъ ада, говоритъ къ Люциперу:

Gościa mamy, Lucyperze,
Jezusa Nazareńskiego,
Z chorągwią jakąś czerwoną,
Krzyżem napieczętowaną.

Люциперъ:

Jużci źle, bracie Cerberze,
Pewnoć nam wszystko pobierze.
Tu Kapłani, prorokowie,
Więc znamienici panowie—
Biada, jeśli postradamy.

Керберъ:

Niezbędni dziadowie oni
Chociaż tuż są we złej toni,
Śmiele sobie rozkazują,
Musi być—Jezusa czują.
A najbardziej pan Adamek,
U nas najprzedniejszy panek.

---

[1]) *Wł. Chomętowski*, Dzieje teatru polskiego od najdawniejszych czasów do r. 1750. Warszawa 1870, стр. 86-87.

Trzeba by go poczęstować,
Z pół garnca mu smoły podać,

Адамъ:

Wypijesz ją sam, poczwaro!

Какъ видимъ изъ этого отрывка, эпизодъ о сошествіи Спасителя въ адъ въ хелминскомъ (а также очень близкомъ къ нему ченстоховскомъ) діалогѣ хотя и созданъ на канвѣ разсказа Никодимова евангелія, но далекъ отъ него на много болѣе, чѣмъ наша драма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ польскомъ діалогѣ Адаму приписана роль нѣсколько похожая на ту, какую въ нашей драмѣ играетъ Іоаннъ Креститель, включая даже до намѣренія чертей—угостить его смолой. Такъ какъ Никодимово евангеліе въ Польшѣ очень мало было извѣстно[1]), то мы едва ли ошибемся, предполагая, что интересующій насъ эпизодъ польскихъ діалоговъ былъ только передѣлкой относительныхъ эпизодовъ нѣмецкихъ или французкихъ пасхальныхъ драмъ; въ этомъ укрѣпляетъ насъ и то обстоятельство, что эпизодъ этотъ въ польскомъ діалогѣ получилъ нѣкоторую классическую закраску (Керберъ), чуждую той сферѣ миѳическихъ представленій, въ какой вращается Никодимово евангеліе. И въ этомъ отношеніи южнорусская пасхальная драма послѣдуетъ польской, вводя демона Венеру, какъ одного изъ воеводъ—помощниковъ Люципера. Но при всемъ томъ, судя даже по приведенному отрывку хелминскаго діалога (онъ сохранился въ рукописи XVII в.), нельзя утверждать, чтобъ онъ могъ быть оригиналомъ нашей драмы.

Правда, мы не имѣемъ текстовъ болѣе древнихъ польскихъ діалоговъ XVI в., среди которыхъ самый интересный для насъ долженъ бы быть знаменитый доминиканскій діалогъ, выставленный въ Краковѣ 1533 г., состоявшій изъ восьми дѣйствій,

---

[1]) Евангеліе Никодима было переведено на польскій языкъ Кіевскимъ бискупомъ Верещинскимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Клёновичъ въ своемъ предисловіи къ польскому переводу Устава св. Бенедикта (1597 г.): „Widziałem też uważenia godną Ewangelią Nykodema S. przez W. M. na Polskie przetłumaczoną“. Къ сожалѣнію этотъ переводъ не былъ напечатанъ. Насколько онъ могъ распространиться въ рукописныхъ копіяхъ, сказать трудно.—*Ред.*

котораго представленіе продолжалось три дня сряду [1]). Но судя по всѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ о немъ, это была циклическая мистерія въ родѣ тѣхъ, какія въ XV стол. создали во Франціи Арнольдъ Гребанъ, Жанъ Мишель и ихъ многочисленные послѣдователи; сошествіе Іисуса въ адъ было здѣсь тоже только однимъ изъ эпизодовъ. Разумѣется, это совсѣмъ не мѣшаетъ, что наша драма можетъ быть именно обработкой одного такого эпизода, но и здѣсь мы опять останавливаемся передъ вопросомъ: была ли она переводомъ, болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ, болѣе или менѣе самостоятельной передѣлкой чужаго оригинала.

Не имѣя возможности на почвѣ польской рѣшить интересующій насъ вопросъ, мы должны обратиться туда, откуда составители польскихъ религіозныхъ драмъ брали готовые образчики этого рода сочиненій, а иногда даже цѣлыя сочиненія, которыя они переводили или передѣлывали соотвѣтно вкусамъ и привычкамъ польской публики, т. е. къ религіозной драмѣ западной Европы, а главнымъ образомъ Франціи и Германіи. Не вдаваясь въ пересказыванье извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ началу драматическаго искусства въ средневѣковой Европѣ, мы припомнимъ только нѣкоторыя общія положенія. Средневѣковая драма западной Европы развилась изъ литургической драмы, составленной на латинскомъ языкѣ и бывшей нѣкоторое время какъ бы интегральной частью богослуженія, особенно въ извѣстные большіе праздники, служившей для возвеличенія обряда и разъясненія смысла и основанія торжественныхъ церковныхъ церемоній. Драма эта возникла въ церкви, игралась священниками, имѣла цѣлью назиданіе и пропаганду истинъ христіанскаго вѣроученія. Только со временемъ она, проникаясь именно этой цѣлью все глубже и глубже, начала впитывать въ себя все больше и больше элементовъ народнаго языка и народныхъ воззрѣній; строгая литургическая схема, не измѣняясь въ сущности, оживлялась подъ вліяніемъ той свѣжей реалистической струи,

---

[1]) *M. Wiszniewski*, Historya literatury polskiej, t. VII, 241, гдѣ приведены мелкіе отрывки изъ этого діалога; *Chomętowski*, op. cit. 25.

какою дышетъ литература XV столѣтія, литература разроставшихся въ то время городовъ, которые и были той почвой, на которой развилось и усовершенствовалось драматическое искусство. Изъ тиши церквей и монастырей религіозная драма постепенно переходила въ церковную ограду, а оттуда на вольный просторъ городскихъ площадей, изъ рукъ духовенства въ руки полу-мірскихъ братствъ въ родѣ знаменитой французской Confrérie de la Passion и въ концѣ въ руки городскихъ и даже сельскихъ общинъ (во Франціи главные центры мистерій были Парижъ, Руанъ, Лилль, Лиможъ, Метцъ, Дижонъ и проч. [1]), въ Германіи между прочимъ деревня Обераммергау, гдѣ представленія того рода удержались до сихъ поръ).

Хотя начатки религіозной драмы въ продолженіе среднихъ вѣковъ были почти вездѣ на пространствѣ германо-романскаго міра, но все таки несомнѣнно, что главнымъ очагомъ, гдѣ эти начатки развились и дошли до извѣстной степени совершенства, нужно считать Францію. Французскія мистеріи сдѣлались поэтому образчиками англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, а косвенно также польскихъ и южнорусскихъ. Разница существуетъ развѣ въ томъ, что переходя съ запада на востокъ театральныя представленія дѣлаются рѣже по мѣрѣ того, какъ число богатыхъ и самостоятельныхъ городовъ малѣетъ, обстановка представленій менѣе роскошна, самъ текстъ религіозныхъ драмъ сокращается, а вмѣсто того тонъ ихъ дѣлается грубѣе, композиція проще. Когда во Франціи почти всѣ города ежегодно устраивали набожныя репрезентаціи, а большіе города соперничали другъ съ другомъ въ роскошныхъ и съ громадными издержками сопряженныхъ представленіяхъ циклическихъ мистерій, въ Германіи такихъ центровъ мы находимъ меньше (главнымъ образомъ въ южной Германіи: Нюренбергъ, Мюнхенъ и др.), а въ Польшѣ имѣемъ только одинъ единственный слѣдъ циклической мистеріи; въ южную Русь доходятъ только отрывки,

---

[1]) См. *Petit de Julleville*, Les Mystères, t. II, 1—185, гдѣ собраны свидѣтельства обо всѣхъ того рода представленіяхъ въ XIV—XVI стол.

отголоски этой богатой литературы, только поодинокія звенья изъ громадныхъ цикловъ, передѣланныя, заокругленныя кое какъ и соотвѣтствующія болѣе скромнымъ требованіямъ публики небольшихъ городковъ, иногда даже деревенской. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ сценарій ченстоховской пасхальной драмы, приведенный г. Хоментовскимъ (op. cit. 85—86). „Эта *исторія* можетъ быть представлена inter ferta Paschalia, въ костелѣ или на кладбищѣ, подъ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ чего нибудь, хотя бы изъ вѣтвей, для защиты отъ дождя. Ежели бы это совершалось въ деревнѣ, гдѣ уборовъ нельзя добыть, можно и женскія платья передѣлать въ ризы. Парики и бороды изъ пеньки, только осторожно при огнѣ, въ виду суматохи... Въ первой части Анна и Каіафа войдутъ къ Пилату въ шатеръ сдѣланный изъ полотна, который въ деревнѣ можетъ быть выгороженъ изъ прутьевъ... Марія Іаковля, покупая масти у аптекаря, вмѣсто червонцевъ высыпаетъ мѣдные *личманы*, а ежели въ деревнѣ таковыхъ нѣтъ, можетъ нарѣзать округлыхъ пластинокъ моркови, но въ такомъ случаѣ надо ихъ медленно выкладывать изъ мошны. Магдалина высыпаетъ талеры, или, ежели бы таковыхъ не оказалось, округлые пластинки рѣпы“ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Пасхальная драма въ частности пережила такую-же судьбу въ своемъ развитіи и путешествіи съ запада на востокъ. Самая ранняя концепція этой драмы основана цѣликомъ на Евангеліи; сошествія въ адъ въ ней совсѣмъ нѣтъ [1]). Вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ литургическую драму народнаго языка (во Франціи это началось еще въ концѣ XII, въ Германіи въ концѣ XIII стол.) дѣйствіе Пасхальной драмы осложняется введеніемъ въ нее апокрифическихъ подробностей. Въ Пасхальной драмѣ по Ейнзидельнской рукописи, изданной Монэ, мы видимъ смѣсь латыни съ нѣмецкимъ языкомъ: нѣко-

---

1) Текстъ ея въ переводѣ съ латинскаго цѣликомъ напечатанъ въ книгѣ Пти де Жюллевилля (Les Mystéres I, 61—63); латинскій текстъ опубликованъ сперва Дюканжемъ (Glossarium latinitatis, s. v. Officium sepulchri), а въ болѣе исправномъ видѣ Эдельстаномъ дю Мерилемъ (*Ed. du Meril*, Origines latines du thé atre moderne).

торые литургическіе напѣвы удержали латинскій текстъ, но драматическій разговоръ идетъ по нѣмецки. Мы приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями этотъ эпизодъ нѣмецкой Пасхальной драмы, какъ она представлялась въ XIV стол.

Ihesus et angeli eunt ad infernum. Angeli cantant: Cum rex gloriae.—Adam cantat: Advenisti. Angeli cantant: A porta inferi eripe nos Domine [1]). Lucifer clamat:

Stoz den rygel vor dye toer,
Ich weiz nicht, waz da rouschet davoer.

Angeli cantant: Tollite portas principes vestras. Lucifer clamat: Quis est iste rex gloriae? Angeli: Dominus fortis, potens dominus, potens in proelio. Item angelus percutiens dicit:

Ir hern, schliesset uft dye toer,
Der Koning der eren ist hye voer.

Lucifer dicit:

Wer ist der Konig lobelich,
Der da stort soe geweldiglich
Mir an myne hellentoer?
Her mochte wol bliben davoer.

Angeli cantant: Tollite... Lucifer: Quis est... Angeli: Tollite... Lucifer: Quis est...

Ihesus dicit:

Ir hern uz der finsterkeit,
Ewir rufes sit ir gar ungemeit;
Balde schlibet uft dye toer,
Der Koning der eren ist davoer.

Lucifer dicit:

Stoz den regel vor dye toer,
Der Koning der eren ist da voer,
Her schriget uns czue den oren.
Warlich, er mag wol toren

[1]) Это очевидно начальныя слова церковныхъ антифонъ.

Soe vil er kan her klaffen!
Waz hat her hye czue schaffen?
Balde heiz en enweg gen,
Anders en wert eym bosze weter besten
Hye mir czewel und kelle,
Ich wil in sencken in dye helle.

Et sic frangit Ihesus tartarum, daemones ululant.

Ihesus dicit:

Nue komt myne vil liben kint,
Dye von mynem vater bekomen sint,
Ir solt mit mir ewiglich
Besiczen mynes vaters rich.

Далѣе слѣдуетъ разговоръ Іисуса съ Адамомъ и Евой. Et cantat Ihesus: Venite benedicti patris mei. Въ этомъ мѣстѣ вставленъ юмористическій эпизодъ съ душой какого то несчастнаго хлѣбопека, которая хочетъ прошмыгнуть изъ ада вмѣстѣ съ душами старозаконныхъ праведниковъ, но которую дьяволы удерживаютъ. Когда Іисусъ съ праведниками ушелъ изъ ада, Люциферъ созываетъ чертей и приказываетъ имъ, чтобы шли въ міръ и таскали новыя души въ адъ. Главный прислужникъ Люцифера—Сатана охотно берется исполнить это приказаніе, и Люциферъ даетъ ему обширную инструкцію, кого онъ долженъ тащить въ адъ. Начало этой инструкціи въ высшей степени характерно для дореформаціонныхъ временъ:

Lauf hen keyn Anion [1]),
Brenge mir den babest und den cardinal,
Patriarchen und legat,
Dye den luten geben boszen rat;
Koning und Keyser,
Dye brenge mir alczue male her [2])

По изданіямъ Ланге (Die lateinischen Osterfeiern), Вирта (*Wirth*, Die Oster-und Passionsspiele), Дю-Мериля и Маньена (*Du Meril et Magnin*, Origines latines du théatre moderne) и Куссмакера (*Coussemaker*, Drames liturgiques) мы можемъ про-

[1]) Очев[redacted]Авиньонъ.

[2]) [redacted]Schauspiele, стр. 115—120.

слѣдить постепенное развитіе Пасхальной драмы въ Западной Европѣ и специально развитіе интересующаго насъ эпизода—сошествія Христа въ адъ. Въ драмѣ, напечатанной Моне, мы видимъ съ одной стороны преобладающую еще литургическую схему, основанную на Никодимовомъ евангеліи, но очень далекую отъ того богатства истинно драматическихъ подробностей, какое имѣетъ апокрифъ, а съ другой стороны вторженіе современнаго, сатирическаго элемента, который со временемъ усиливался все больше и больше и доходилъ до того, что напр. въ гор. Любекѣ дьяволы по приказанію Люцифера начали таскать въ адъ грѣшниковъ, угримированныхъ, какъ купцы, ремесленники, мастеровые и т. п. тогоже города, а въ концѣ втащили туда и мѣстнаго священника, который однакожъ успѣлъ освободиться изъ ада тѣмъ, что послѣ длинныхъ споровъ съ Люциферомъ пригрозилъ этому послѣднему, что Христосъ опять придетъ въ адъ, чтобы его освободить[1]).

Въ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, который навѣрное не былъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ составителя Любекской драмы, но взятъ имъ или изъ какой нибудь болѣе древней драмы, или изъ бродячаго анекдота, мы узнаемъ параллель того эпизода нашей драмы, гдѣ Соломонъ такимъ же образомъ освобождается изъ ада. Но въ той же Любекской мистеріи есть и начало этого эпизода нашей драмы (оставленіе Христомъ одного праведника въ аду), хотя приложенное къ другой личности. Тутъ дьяволы сами и остаются удержать Іоанна Крестителя, говоря ему между прочимъ:

Horet gummen her Baptiste,
Gy konnen vele arge liste,
Wolde gynn aldus untrynnen?

Представленіе о св. Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о человѣкѣ хитромъ и изворотливомъ, довольно странное; тѣмъ болѣе интересно, что и въ нашей драмѣ, въ которой роль хитраго и изворотливаго праведника болѣе естественно приписана Соломону,

---

[1]) *Mone*, Schauspiel des Mittelalters II. (Пасхальная драма по рукописи 1464 г.).

остался отголосокъ такого-же взгляда и на Крестителя въ эпизодѣ столкновенія между имъ и Люциперомъ, который нѣсколько разъ отзывается о Крестителѣ, какъ о „фиглярѣ“ т. е. шутникѣ и бунтовщикѣ.

Въ своемъ „Dictionnaire des Mystéres“ попытался Дуэ *(de Douhet)* представить, такъ сказать, родословное дерево Пасхальной драмы. Эту работу продолжали болѣе систематически нѣмецкіе ученые Мильхзакъ, Ланге и Виртъ, которые кромѣ этого пытались отыскать для нѣмецкой драмы свои особые, нѣмецкіе источники. Особенно трудъ Ланге (Die lateinischen Osterfeiern, München 1887) важенъ по богатству разработаннаго матеріала; Ланге разсмотрѣлъ и изучилъ не менѣе чѣмъ 224 памятника, изъ коихъ 159 нѣмецкихъ, 52 французскихъ, 7 итальянскихъ, 2 испанскихъ, 3 голландскихъ и 1 англійскій. Какъ результатъ его работы слѣдуетъ считать слѣдующія положенія.

Основой Пасхальной драмы нужно считать т. н. Воскресное торжество (Osterfeier), которому и посвященъ исключительно трудъ Ланге.

Воскресное торжество развилось изъ богослужебнаго ритуала Свѣтлаго Воскресенья. Его развитіе перешло слѣдующія три ступени: 1) *Первобытная форма*—одна и единственная сцена, разговоръ женщинъ съ ангеломъ у гроба Спасителя; 2) *вторая степень*: двѣ сцены, а именно женщины и ангелъ у гроба и два апостола, спѣшащіе къ гробу Спасителя; 3) *третья степень:* сцена съ женщинами, сцена съ апостолами (иногда пропущена) и явленіе Христа Маріи Магдалинѣ.

Дальнѣйшей степенью развитія были т. н. Воскресныя зрѣлища (ludus paschales) и болѣе обширныя Страстныя зрѣлища (ludus passionis), коимъ посвященъ замѣчательный трудъ Вирта (*Ludwig Wirth*, Die Oster und Passionsspiele bis zum XVI Iahrhundert. Halle a. S. 1889), которымъ мы и воспользуемся.

Воскресныя зрѣлища въ свою очередь раздѣляются на двѣ группы, изъ коихъ первая представляетъ какъ по языку (смѣсь латинскихъ формулъ и гимновъ съ разговорами на народныхъ языкахъ), такъ и по композиціи болѣе древнюю степень развитія. Эта группа содержитъ обыкновенно 7 сценъ, а именно: 1) Три Маріи среди жалобныхъ причитаній идутъ ко гробу,

чтобы помазать тѣло Іисусово; 2) онѣ разговариваютъ съ торговщикомъ мастями; 3) у гроба онѣ находятъ ангела и узнаютъ о воскресеніи Христовомъ, но возвращаясь еще какъ будто не вѣрятъ и плачутъ; 4) ихъ встрѣчаетъ Христосъ, котораго онѣ принимаютъ за садовника, но потомъ узнаютъ, послѣ чего онъ исчезаетъ; 5) женщины возвѣщаютъ ученикамъ о воскресеніи Христовомъ; 6) Христосъ является ученикамъ и Ѳомѣ; 7) Петръ и Іоаннъ спѣшатъ ко гробу; окончаніе. Какъ видимъ, драмы этой группы основывались исключительно на евангельскомъ разсказѣ; сошествія въ адъ въ нихъ еще не было. Пьесъ принадлежащихъ къ этой группѣ—относительно мало; уже въ XII и XIII стол. мы встрѣчаемъ пьесы, даже совсѣмъ еще латинскія, значитъ, не вышедшія еще изъ церковной ограды и изъ рукъ духовенства, принадлежащія ко второй группѣ (см. *Wirth* op.-cit. 6), построенной по слѣдующей схемѣ: 1) Дѣйствіе начинается по погребеніи Іисуса; входитъ Пилатъ и возвѣщаетъ собранному народу, что случилось; 2) Іудеи высказываютъ свои опасенія насчетъ того, чтобы ученики не украли тѣла Іисусова, совѣщаются, что имъ дѣлать; 3) они просятъ Пилата, чтобы имъ позволилъ запечатать гробъ и приставить сторожу; въ однихъ пьесахъ Пилатъ соглашается, но велитъ Іудеямъ заплатить сторожѣ, въ другихъ онъ отказываетъ ихъ просьбѣ, послѣ чего Іудеи сами находятъ и нанимаютъ сторожу; 4) сторожа у гроба; 5) воскресеніе Іисусово; 6) сошествіе Іисуса въ адъ; 7) сторожа послѣ воскресенія, ея разговоры съ послами отъ Пилата и Іудеевъ, съ Іудеями и Пилатомъ.

Эти два типа Воскресныхъ зрѣлищъ, въ коихъ со временемъ, въ XIV и XV стол., восторжествовалъ народный языкъ, вошли въ составъ болѣе обширныхъ Страстныхъ зрѣлищъ, представлявшихъ въ драматической формѣ болѣе важные моменты послѣдней седмицы въ жизни Спасителя, начиная съ воскресенія Лазаря или торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ, и кончая явленіемъ Воскресшаго ученикамъ и вознесеніемъ Его на небо, или даже многіе моменты всей Его жизни, начиная съ Рождества или съ Крещенія. Какъ видимъ, интересующій насъ эпизодъ—сошествіе Іисуса въ адъ—до XVI столѣтія какъ само-

стоятельная драма обработанъ не былъ, но составлялъ только одинъ эпизодъ Воскресныхъ игрищъ второй группы или же Страстныхъ драмъ, принявшихъ въ себя Воскресныя игрища этой группы. Разсмотримъ болѣе подробно содержаніе этой сцены въ различныхъ нѣмецкихъ драмахъ этого рода. Общая схема ея такова (*Wirth* op. cit. 23--26): Послѣ Воскресенья Христосъ идетъ въ адъ, чтобы освободить души праотцевъ. Еще до его появленія у воротъ ада разливается свѣтлое сіяніе. Души праведниковъ радуются и разговариваютъ о предстоящемъ своемъ освобожденіи. Ихъ радостные возгласы обращаютъ на себя вниманіе Люципера, который немедленно велитъ запереть адскія ворота; въ нѣкоторыхъ пьесахъ ворота запираются только послѣ появленія Христа. Люциперъ созываетъ чертей на совѣщаніе, причемъ Сатана разсказываетъ о смерти и воскресеніи Іисуса. Христосъ является у воротъ сопровождаемый пѣніемъ ангельскимъ и взываетъ Люципера, чтобы отперъ ворота; послѣ троекратнаго напраснаго воззванія Онъ разбиваетъ адскія ворота, велитъ связать Люципера и на вѣки заключить въ аду, послѣ чего взываетъ души праотцевъ послѣдовать за нимъ въ рай. Души (первобытно только Адамъ и Ева, позже и многія другія) привѣтствуютъ Спасителя и уходятъ вмѣстѣ съ нимъ изъ ада. Христосъ или самъ ведетъ ихъ въ небеса, или поручаетъ вести ихъ ангеламъ. Только одну душу (такъ названную anima infelix) дьяволы удерживаютъ въ аду и она поднимаетъ голосный вопль; иногда душъ такихъ бываетъ нѣсколько; въ одномъ случаѣ, въ упомянутой уже нами драмѣ, изданной Монэ, роль этой души играетъ Іоаннъ Креститель, при чемъ, конечно, дьяволамъ не удается удержать его. За симъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ драмахъ т. н. Teufelsspiel, отвѣтный французской Diablerie. Люциперъ созываетъ чертей, разговариваетъ съ Сатаной о своемъ посрамленіи, высылаетъ чертей ловить души людей разныхъ сословій, а когда дьяволы приводять эти души, онъ судитъ ихъ, однѣхъ велитъ задержать въ аду, другія же изгонять вонъ и оканчиваетъ этотъ эпизодъ длиннымъ разсужденіемъ о своемъ пораженіи.

Изъ пьесъ, разработанныхъ Виртомъ, только 9 содержатъ этотъ эпизодъ, а именно: Инсбрукское Воскресное зрѣлище (нашъ

эпизодъ занимаетъ въ немъ всего 54 стиха, а присоединенная къ нему diablerie—162 стиха); Вѣнское Воскресное зрѣлище, Ерлаское Воскр. зрѣл. (ч. V: 59 стиховъ); Редентинское Воскрес. зрѣлище (489 стих.) Мурская страстная драма (82 стиха); Сантъ-Галленская Стр. др. (26 ст.); Франкфуртская Стр. др., изъ которой сохранился только сценарій съ начальными стихами тирадъ поодинокихъ персонажей; Альфельдская Страстная драма (221 ст.) и Донауэшингенская стр. др. (107 ст.). Какъ видимъ, и по самому объему эпизодъ это далеко не доравниваетъ нашей, хотя и не полной драмѣ. Единственный его текстъ, болѣе или менѣе равный нашей драмѣ по количеству стиховъ, въ Редентинскомъ Воскресномъ зрѣлищѣ, достигаетъ этого не болѣе драматическимъ развитіемъ дѣйствія, не болѣе обстоятельной характеристикой дѣйствующихъ лицъ, но механическимъ накопленіемъ цитатъ изъ св. Письма, такъ какъ Христа въ аду привѣтствуютъ тамъ длинными рѣчами Адамъ, Ева, Сиѳъ, Авель, Исаія, Давидъ, Симеонъ Богопріимецъ и Іоаннъ Креститель.

Разсматривая интересующій насъ эпизодъ съ точки зрѣнія его источниковъ, нѣмецкіе ученые Мильхзакъ *(G. Milchsack* Die Oster-und Passionsspielle. I. Wolfenbüttel 1880, стр. 130 и д.) и Виртъ (op. cit. 23—24) приходятъ къ тому выводу, что хотя основаніемъ его и есть Никодимово евангеліе, но авторы средневѣковыхъ драмъ не пользовались этимъ евангеліемъ прямо, а только при посредствѣ церковнаго ритуала, въ свою очередь основаннаго въ части и на апокрифѣ. Кромѣ церковнаго ритуала авторы Пасхальныхъ драмъ пользовались произведеніями богатой средневѣковой гимнологіи, а также болѣе древними эпическими поэмами библейскаго содержанія въ родѣ „Urstende" „Passional" „Martina" „Erlösung" „Vom glauben" и т. п. Сравнивая содержаніе „сошествія" въ нѣмецкихъ драмахъ съ относительнымъ разсказомъ Никодимова евангелія мы видимъ, что драма только въ самыхъ общихъ чертахъ наслѣдуетъ апокрифу, не знаетъ Ада, какъ дѣйствующаго лица, не знаетъ спора между Адомъ и Сатаной и исключенія этого послѣдняго и т. п. Поэтому мы можемъ почти навѣрное сказать, что наша Пасхальная драма, хотя въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ чертахъ и сходится съ

нѣмецкимъ Воскреснымъ зрѣлищемъ (эпизодъ anima infelix, превращенной у насъ въ Соломона), по отношенію къ общему плану дѣйствія, къ ходу мыслей діалоговъ и расположенію эпизодовъ,—*должно считаться произведеніемъ совершенно независимымъ отъ нѣмецкихъ образчиковъ.* Главнымъ образомъ она безъ сравненія ближе къ тексту Никодимова евангелія, а во вторыхъ—она самостоятельное цѣлое, какого мы не обрѣтаемъ среди нѣмецкихъ памятниковъ этого рода.

Мы не можемъ съ такой же увѣренностью высказаться о французской Пасхальной драмѣ, главнымъ образомъ потому, что у насъ нѣтъ подъ рукой изданій текстовъ этой драмы. Пти де Жюллевилъ, котораго книгой мы пользуемся, даетъ вправдѣ анализъ всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ мистерій, въ томъ числѣ и драмъ Пасхальныхъ, но анализъ его касательно нашего эпизода обыкновенно слишкомъ бѣглый и не даетъ понятія о ходѣ дѣйствія и расположеніи сценъ. Мы соберемъ все, что можно извлечь изъ его книги для нашей цѣли.

Самая древняя изъ сохранившихся пьесъ, содержащихъ сошествіе Христа въ адъ, это провансальская „Пассія“ 1345 г. Въ пьесѣ этой между прочимъ былъ эпизодъ съ Іудой, который предавъ Спасителя, въ длинномъ монологѣ разсказывалъ свою легендарную біографію, послѣ чего и удавлялся. О сошествіи Христа въ адъ П. де Жюллевиль только вскользъ упоминаетъ (Petit de Julleville, Les mystères, II, 351).

Въ XV стол. во Франціи пошла мода на громадныя мистеріи, драматически представлявшія чуть ли не всю библейскую исторію, начиная съ созданія міра, и кончая вознесеніемъ Іисуса. Сейчасъ первая пьеса этого рода, писанная въ началѣ XV в. и опубликованная Жюбиналемъ (*A. Jubinal,* Mystères inédits du XV-e siècle, Paris 1837) содержитъ и эпизодъ сошествія въ адъ. И здѣсь, какъ въ нѣмецкихъ пьесахъ, сошествіе по техническимъ соображеніямъ, хотя и въ противорѣчіи съ церковной традиціей, поставлено послѣ Воскресенія (см. объ этомъ Wirth op. cit. 23). Содержаніе эпизода П. де Жюллевилль передаетъ слѣдующими словами: Сатана и Бельзебутъ укрѣпляются въ аду, но Іисусъ разбиваетъ ворота и освобождаетъ праведниковъ; Да-

видъ, Исаія, Іоаннъ Креститель, Аввакумъ, Адамъ и Ева выходятъ изъ преисподней, славя Бога". (op. cit. 393).

Тотъ же эпизодъ есть и въ громадной киклической драмѣ Арнольда Гребана, но мы не можемъ сказать въ какой формѣ (op. cit. 410). Тоже мы должны сказать и о мистеріи Осташа Меркде (op. cit. 421) и о мистеріи представленной въ Валансіеннѣ (op. cit. 424). Въ Страстной драмѣ Жана Мишеля содержаніе этого эпизода сходно съ мистеріей, изданной Жюбиналемъ. Тотъ же Мишель написалъ кромѣ этого Воскресную драму, которая опять таки начиналась сценой сошествія Христа въ адъ. Насколько можемъ судить изъ списка дѣйствующихъ лицъ, приведеннаго П. де Жюллевилемъ (op. cit. 447), дѣйствіе въ этой сценѣ развивалось слѣдующимъ образомъ: Керберъ, придверій ада, начиналъ сцену; далѣе слѣдовалъ разговоръ дьяволовъ: Ада, Сатаны, Левіатана, Маммоны, Гасмодея, Бельзебута, Баальдериха, Баамма, Астарота, Бериха, Вегемота, Бельдигора и Люцифера; являлся Христосъ, сопровождаемый ангелами Михаиломъ, Гавріиломъ, Рафаиломъ и Уріиломъ; съ высоты раздавался голосъ Бога Отца; являлись души разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ, и еще одна осужденная душа; затѣмъ слѣдовалъ разговоръ Христа съ душами праведниковъ, при чемъ Христа привѣтствовали Адамъ, Ева, Авель, Маѳусаилъ, Ной, жена Ноева, Мелхиседекъ (или Симъ), Іовъ, Авраамъ, Сарра, Лотъ, Исаакъ, Яковъ, Іуда патріархъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ, Самсонъ, Самуилъ, Давидъ, Товія, Юдиѳь, Есѳирь, Исаія, Іеремія, Даніилъ, Іуда Маккавей, Захарія, Симеонъ, Іоакимъ, Анна мать пресв. Дѣвы, Іоаннъ Креститель, дѣти Вифлеемскіе, убитые Иродомъ, Іосифъ мужъ Богородицы, въ концѣ предполагаемые списатели этой части Никодимова евангелія Каринъ и Левкій (здѣсь Leoncius). Какъ видимъ изъ самаго этого списка, дѣйствіе въ этой драмѣ было на много ближе къ тексту Никодимова евангелія, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ Пасхальныхъ драмахъ, хотя Мишель, разумѣется, расширялъ рамку апокрифическаго разсказа, вводя множество новыхъ лицъ и расширяя такъ называемые diableries, которыя здѣсь однако, по свидѣтельству

П. де Жюллевиля, выходятъ нѣсколько болѣе серьезныя, чѣмъ въ большинствѣ другихъ произведеній того рода (op. cit. 448).

Вѣкъ XVI—это вѣкъ упадка мистерій во Франціи; изъ него мы имѣемъ только одну Воскресную драму, написанную Елуа Дюмономъ ок. 1530 года, но эпизода сошествія Христа въ адъ въ ней нѣтъ (op. cit. 605).

Вотъ и все, что мы могли извлечь изъ книги Пти де Жюллевиля. Къ сожалѣнію, этого слишкомъ мало для того, чтобы судить, есть ли какая нибудь связь между нашей Пасхальной драмой и французскими, которыя могли служить образчикомъ для польскихъ „діалоговъ“ и такимъ образомъ косвенно влiять и на Южную Русь. Оставляя это дѣло нерѣшеннымъ, мы однако не можемъ не высказать мысли, что наша драма есть сочиненіе *въ значительной степени оригинальное.* Мы понимаемъ это въ такомъ смыслѣ, что авторъ не передѣлалъ ее прямо изъ какой либо другой драмы, польской, нѣмецкой или французской, но составилъ свободно, пользуясь текстомъ Никодимова евангелія и внося для разнообразія эпизоды изъ видѣнныхъ имъ Пасхальныхъ драмъ (несчастная душа=Соломонъ), или измышляя свои собственные (такимъ, мнѣ кажется, есть эпизодъ спора Люцыпера съ Іоанномъ Крестителемъ).

Оканчивая наши замѣтки по поводу открытой нами Пасхальной драмы, мы должны обратить вниманіе еще на одно интересное явленіе въ области южнорусскаго фольклора, имѣющее, какъ намъ кажется, прямую связь съ нашей драмой и происшедшей изъ нея виршей. Это народный разсказъ о томъ, какъ Соломонъ избавился изъ ада. Разсказъ этотъ, также какъ и остатки Пасхальной драмы, популяренъ на двухъ противуположныхъ концахъ территоріи, заселенной южноруссами. Разсказъ этотъ записанъ г. Ивановымъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, и напечатанъ въ Этнографическомъ обозрѣніи 1893, № 3, стр. 107—109. „Нѣтъ вѣроятно,—говоритъ г. Ивановъ—ни одного въ уѣздѣ селенія, въ которомъ эта легенда была бы совсѣмъ неизвѣстна. Но не смотря на многочисленность, варіанты ея представляютъ лишь незначительную разницу въ содержаніи, отличаясь только изложеніемъ и мелкими подробностями въ родѣ

того, что въ однихъ варіантахъ Соломонъ собирается строить въ адѣ колокольню, въ другихъ церковь, въ третьихъ монастырь,— вообще грозитъ чертямъ колокольнымъ звономъ, или тѣмъ, что Христосъ вторично явится въ адъ за нимъ лично, и такой угрозой достигаетъ своей цѣли: бѣсы сами выводятъ или вывозятъ его даже на себѣ изъ ада (op. cit. 107). Мы не выписываемъ здѣсь самаго разсказа, въ которомъ интересующая насъ подробность осложнена другими сказочными и легендарными мотивами, но замѣтимъ, что въ томъ же уѣздѣ, гдѣ этотъ разсказъ столь популяренъ, записанъ также г. Ивановымъ варіантъ Изюмской вирши, о чемъ мы упоминали выше.

Второй варіантъ этого сказанія записанъ Б. Д. Гринченко изъ устъ крестьянскаго мальчика изъ хутора Троецкаго, славяносербскаго уѣзда екатеринославской губ. [1]). Этотъ варіантъ очень кратокъ. Іисусъ, выводя всѣхъ людей изъ ада, оставляетъ въ немъ одного Соломона и говоритъ ему: „Ты, Соломоне, хитрый та мудрый, выйдешъ самъ хытрощамы та мудрощамы". Какими „хытрощамы" Соломонъ вышелъ изъ ада,—разсказъ неупоминаетъ.

Тотъ же разсказъ, сколько мнѣ помнится, неизвѣстный до сихъ поръ въ правобережной Украйнѣ, ни въ Галиціи, записалъ лѣтомъ 1895 молодый галицкій этнографъ Владиміръ Гнатюкъ въ Угорской Руси, въ селѣ Голятынѣ марамарошскаго уѣзда отъ крестьянина Андрія Бряныка. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, напечатанный въ мало извѣстномъ русскимъ читателямъ галицкомъ журналѣ „Жите і Слово" (т. IV, стр. 346—347), пропуская начало, гдѣ разсказано, какъ Адамъ записалъ Сатанѣ себя и свое племя и какъ Сатана скрылъ этотъ „кôндратъ" (контрактъ, запись) въ камнѣ на горѣ Голгофѣ. „И самъ Сусъ Хрыстосъ чирезъ праведни души давъ сыбе на мукы и мусивъ вмыраты за православну виру свою. И якъ Сусъ Хрыстосъ оскресъ и пішовъ въ Галагофту гору и выслободывъ тотъ кондратъ, перечулы зли духы зъ передъ того трьома годы и далы такъ пекло обкуваты якъ михыръ, самовъ мидьовъ, и середъ

[1]) *Б. Д. Гринченко*, Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I. Черниговъ 1895, стр. 75—76.

пекла изробылы ковбыцю въ тысяча мажъ (мажа—сто фунтовъ) и на то 12 ланцивъ искувалы и 12 колодыць изробылы. И прыйшовъ Сусъ Христосъ идъ пеклу идъ воротымъ изъ святымъ Михаиломъ и каже: „Втворити князы врата свои, бо йдутъ сыны небесніи!" Кажи другый разъ то само и кажи третый разъ. И въ читвертый разъ махне на охрестъ свойовъ паличковъ золотовъ, и вшыстко лыше хрякнуло, упало. Відтакъ прыходытъ идъ адови пекельному. И адъ пекельный каже: „Ты есь мы типерь въ рукахъ". И каже: „Сидай идъ ковбыцы той вбырайся въ ланцы!" „Я ни знаю, якъ ся вбыраты, хиба мы вкажишъ". Убрався (адъ) красно и позамыкавъ. „Ино бысь ты такъ на ся взявъ!" А Господь кажи: „ну, най буди такъ!" И вшистко на нымъ прыросло тото. И колы почавъ собовъ быты, и ще такъ бувъ бы ся завгрубшкы проломывъ, кажи: „ни рыдай, ади пекельный! Во послідня ремя ти вшытко твое буде цыльце (що першый клясъ), а мое позадье". Винъ такъ ся тогды зрадовавъ, що ся засміявъ, що му два зубы зъ пыска выскочылы. И тогды за собовъ души праведни Господь вшытки повівъ до раю такъ, якъ едынъ вивчарь вивци за собовъ. И премудрый Сельемонъ кажи: „Господи,—кажи,—та мине туй лышышъ?"— „Ты бувъ, Сельемони, мудрый, премудрый, та выслободы ся изъ пекла!" И тогды Сельемонъ ставъ муруваты манастырь, велыку резыденцію. И кажи адъ пекельный: „Що ты, Сельемоне, будуешъ?" „Я тото будую: туй прыйде Маріинъ сынъ Исусъ Хрыстосъ назадъ сюда, и будутъ изо всима святымы спиваты красно и тыміаномъ будутъ дужи красно кадыты". И тогды кажи адъ пекельный: „Бирите го та писвіте тыхо, бысьте мине и не здроглы, и положите ще пиредъ другыхъ, бы ся замишавъ, бы ся назадъ ни вирнувъ". И зъ Богомъ у рай премудрый Сельемонъ пишовъ якъ други праведни".

Я не настолько начитанъ въ сборникахъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ, чтобъ могъ рѣшительно сказать, встрѣчается эта легенда гдѣ нибудь въ западной Европѣ, или нѣтъ. Для меня остались недоступными капитальныя сочиненія, относящіяся къ этому предмету, а именноМори (*Maury*, Les legendes pieuses du Moyen Age), Грэссе (*Grässe*, Die grossen Sagenkreise des

Mittelalters) и Дуэ (*Douhet*, Dictionnaire des légendes). Но въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ касающихся цикла Соломоновскихъ легендъ, а именно у Веселовскаго (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и дополненія къ этой работѣ въ Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ), у Вейля (Biblische Legenden der Muselmänner), у Грюнбаума (Die hagadischen Beiträge zur vergleichenden Mythologie въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen gesellschaft t. XXXI и въ Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde) подобнаго сказанія совсѣмъ нѣтъ. Я не встрѣтилъ его и въ такихъ богатыхъ коллекціяхъ средневѣковыхъ легендъ и разсказовъ, какъ Otia imperialia Гервазіи изъ Тильбери (Gervasius von Tilbury. Otia imperialia. Herausg. von F. Liebrecht), какъ Gesta Romanorum (edid. H. Oesterley) или Кирхгофовъ Wendunmuth (изд. его-же). Въ виду общепринятаго мнѣнія, что всѣ легенды о лицахъ библейской исторіи, живущія въ устахъ нашего народа,—бродячій международный матерьялъ, сочтется мнѣ, быть можетъ, за еретичество слѣдующая гипотеза о возникновеніи интересующей насъ Соломоновской легенды. Не возможно ли ея возникновеніе выяснить слѣдующимъ образомъ? Первобытнымъ основаніемъ служитъ типичный въ западноевропейской Воскресной драмѣ эпизодъ съ anima infelix, которую по исшествіи Христа съ праведниками изъ ада дьяволы удерживаютъ или пытаются удержать въ аду. Мы видѣли, что иногда эта anima infelix превращается въ одного изъ праведниковъ, напр. въ Іоанна Крестителя. На малорусской ли, или на польской, или еще на нѣмецкой или французской почвѣ возникло превращеніе этой несчастной души въ премудраго Соломона, этого за недостаточностью матерьяла мы не можемъ рѣшить. Разъ эта роль выпала Соломону, естественно явилось и то представленіе, что онъ, какъ „премудрый“, долженъ какой нибудь штукой освободиться изъ ада. Мы видѣли въ одной изъ нѣмецкихъ пасхальныхъ драмъ и первообразъ этой штуки—угрозу священника сатанѣ, что для его освобожденія Христосъ еще разъ придетъ въ адъ. Эту штуку и приложено въ нашей драмѣ къ Соломону. Только изъ драмы или возникшей на ея основаніи вирши этотъ анекдотъ перешелъ въ уста народа и удержался

именно тамъ, гдѣ сбереглись до сихъ поръ остатки одной и другой. Угрорусская мѣстность, гдѣ записанъ приведенный разсказъ, довольно близка къ галицкой границѣ, а народъ оттуда ежегодно толпами ходитъ на богомолье въ галицкое Подгорье, именно въ Гошевъ (долинскаго пов.), Кохавину (жидачевскаго пов.) и Кальварію Паславскую (старомѣстскаго пов.) — мѣста, гдѣ происходитъ особенно живой обмѣнъ религіозныхъ сказаній, такъ какъ богомольцы принуждены десятками ночевать въ одной комнатѣ, обыкновенно всю ночь разсказываютъ того рода сказанія или заставляютъ грамотныхъ изъ своей среды читать того рода вещи изъ тетрадокъ, имѣющихся у нихъ всегда для такой оказіи. Кажется, что и тетрадка Ѳ. Кышко, въ которой сбереглась наша драма, сдѣлана была именно для такого употребленія. Того рода тетрадокъ есть у меня довольно значительное количество и обозрѣніемъ ихъ содержанія я займусь при другой случайности. Что же касается нашей легенды, то возникновеніе ея такимъ именно образомъ, какъ изложено выше, изъ пасхальной драмы, мнѣ кажется довольно правдоподобнымъ.

Миронъ.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 47-е.

Мы оставили Севастополь, могу сказать, послѣдніе, и никто не можетъ подумать, что мы бѣглецы. Адмиралтейское духовенство и флотскіе іеромонахи были уже отпущены военнымъ начальствомъ, коему они подлежали. Городскія Севастопольскія власти были также упразднены. Наконецъ, какъ дѣло о церкви на базарѣ началось чрезъ главную квартиру, то я, какъ уже писалъ, спросилъ Дежурнаго генерала, который отвѣчалъ, что лучше теперь оставить это. Поелику же оставался еще нерѣшеннымъ вопросъ о необходимости священника для базарной колоніи, то я далъ слово жителямъ, что самъ буду при нихъ, возвратившись изъ Бакчисарая, и былъ тамъ до 13 сентября три раза. Время показало, что и эта надобность, какъ я уже писалъ, прошла. Тамъ остаются теперь, можно сказать, одни маркитанты. Даже воспрещено, наконецъ, тамъ селиться и строиться.

Что намъ нужно? спрашиваете. Смиреннѣйше благодаря за отеческое участіе, осмѣливаемся просить, покрайней мѣрѣ, единовременнаго денежнаго пособія. Священникъ Демяновичъ, по его словамъ, былъ бы доволенъ и сту рублямъ. Противъ него по чину справедливо будетъ дать пособіе діакону и при-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 6.

четникамъ. Есть примѣръ, что таковое пособіе недавно дано отъ Сѵнода. Балаклавскій протоіерей Аргириди, который продолжалъ получать свое жалованье, деньги квартирные, столовые, и раціонныхъ 50 р. сер. въ мѣсяцъ, получилъ изъ св. Сѵнода пособіе 300 р. сер.

О себѣ самомъ я долженъ молчать. Я обязанъ говорить о другихъ. Священникъ Демяновичъ завтра отправится въ Симферополь на праздное при Соборѣ мѣсто, Вами указанное. Оно ему нужно; я потерплю. Причетника одного беру тудаже, другого оставляю при Бакчисарайскомъ Соборѣ. Но у этихъ братьевъ Топузовыхъ есть мать, три сестры и братъ малолѣтній. Въ настоящее время это бремя и для достаточнаго человѣка. Эту вдову съ дѣтьми необходимо отправить изъ Крыма, какъ теперь все подобное выѣзжаетъ. Но на это нужны деньги. Завтра буду въ Симферополѣ и посовѣтуюсь о томъ съ о. Михаиломъ. Узнаю, нѣтъ ли тамъ мѣста для діакона, который плачетъ и просится изъ Крыма. Письмо Ваше отъ 3 сентября получилъ я только вчера.

Г-жа Хитрово говоритъ, что мнѣ необходимо оставаться при Общинѣ, которой главная квартира въ Симферополѣ. Какъ же мнѣ оставаться, не имѣя мѣста священническаго? Впрочемъ, завтра еще буду видѣться съ Пироговымъ и буду оттуда отвѣчать Вамъ.

Высокихъ гостей изъ Петербурга нѣтъ еще: они, какъ слышно, остановились въ Николаевѣ и едвали будутъ сюда. Впрочемъ есть слухъ (и еслибы онъ былъ справедливъ), что главнокомандующимъ назначенъ в. кн. Константинъ Николаевичъ съ помощникомъ кн. Долгоруковымъ, котораго въ министерствѣ смѣнитъ кн. Горчаковъ. Къ генію кн. Горчакова пало всякое довѣріе. Онъ самъ пока въ Карамеѣ и весь штабъ въ Бакчисараѣ, въ которомъ, вѣроятно, думаютъ прожить долго, ибо будутъ дѣлать шоссе. На устройство квартиръ и печей тратятся большія суммы. Страшно слышать, какъ много тратится денегъ, повидимому, на ничтожныя вещи.

Враги, повидимому, ничего не предпринимаютъ важнаго, м. б., отъ истощенія силъ, но прекрасно пользуются нашею безпечностію, въ которой выражается геній главнокомандующаго. Онъ спитъ и ничего не видитъ, и все по немъ. Въ первыхъ числахъ сентября у Евпаторіи насъ на аванпостахъ захватили спящими; на дняхъ предъ наступающимъ непріятелемъ мы зажгли Саки, которые непріятель занявъ, сталъ окапываться. Мы успокоились, и въ виду враговъ повели поить лошадей, оставивъ артиллерію безъ прикрытія. Такимъ образомъ изъ пустяковъ потеряли 7 орудій. Такъ вчера расказывали за достовѣрное.

21 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 48-е.

О Сакенѣ извѣстно, что онъ на высотахъ Инкерманскихъ. Но будетъ ли онъ счастливѣе, чѣмъ въ Севастополѣ, Богъ вѣсть. И въ немъ ничего особеннаго, кромѣ благочестія, не видятъ. Защитою Корабельной Слободки былъ лично Хрулевъ, и когда онъ 27 августа былъ раненъ, нѣкому было замѣнить его: потому и Малаховъ Курганъ остался за непріятелями до вечера. Онъ теперь въ Бакчисараѣ; ему вылущенъ большой палецъ на рукѣ, рана идетъ не совсѣмъ хорошо. Въ другихъ генералахъ не видятъ энергіи за отсутствіемъ ея въ главнокомандующемъ; плохо и нескладно дѣйствуетъ машина потому, что не имѣетъ двигателя хорошаго. Вотъ чѣмъ объяснять можно отсутствіе хорошихъ генераловъ и хорошихъ успѣховъ настоящей войны. Благодареніе Богу, я удостоился быть у Кузьмы и Демьяна [1]), къ чему доселѣ не имѣлъ случая. Тѣмъ поразительнѣе для меня было это высокое въ природѣ послѣ крайностей ужасовъ человѣческихъ. Вотъ кстати бы отдохнуть здѣсь и окомъ и слухомъ послѣ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи года, еслибы не жена и дѣти, которые со слезами давно зовутъ меня, и куда впрочемъ проситься не смѣю, развѣ Господь устроитъ сіе чрезъ милостиваго моего Архипастыря.

---

[1]) У Космо-Демьяновскаго источника на склонѣ Чегтырдѣга, гдѣ устроялся скитъ.

Сейчасъ прибыли въ Бакчисарай жители гречес. деревни Керменчинъ (въ 4-хъ верстахъ отъ Лакъ и въ 7-ми отъ Анастасіи), отступившіе вмѣстѣ съ аванпостами предъ появившимся тамъ непріятелемъ. Это шагъ довольно дерзскій и вмѣстѣ для насъ опасный. (Безъ означ. числа).

Письмо 49-е.

Я уже писалъ Вашему Высокопреосвященству, какъ разбѣгалась постепенно колонія, образовавшаяся было на сѣверной сторонѣ Севастополя, гдѣ предполагалась для ней церковь и священникъ. Наконецъ убираются оттуда даже сами торговцы съ своими товарами, по предостереженію начальства. Такимъ образомъ нѣтъ мнѣ мѣста и въ полѣ.

Хотя мѣсто при Симферопольскомъ соборѣ предлагалось не прямо священнику Демяновичу, а одному кому либо изъ насъ; но какъ ему съ дѣтьми труднѣе оставаться безмѣстнымъ, то я охотно уступилъ ему, тѣмъ болѣе, что отъ него уже подано и прошеніе на это мѣсто.

Гдѣ же мнѣ дѣваться? Мнѣ кажется, что я теперь совершенно лишній въ Крыму. Смѣю напомнить Вашему Высокопреосвященству, что уже прошелъ годъ, какъ нахожусь въ разлукѣ съ семействомъ, что я послѣ 11-ти лѣтъ службы и 9-ти лѣтъ священства, совершенно нищъ и не имѣю своего угла, чтобы приклонить голову, и что близка пора подумать о воспитаніи дѣтей. Не имѣю дерзновенія просить объ удовлетвореніи моихъ нуждъ или о мѣстѣ, гдѣ бы какъ нибудь удовлетворять имъ, и только осмѣливаюсь сказать, что я весь въ нуждахъ, вполнѣ предаваясь волѣ и благоусмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства.

Если же почему либо меня оставите въ Крыму, то при назначеніи мнѣ мѣста, хотя бы то временнаго, благоволите имѣть въ виду то, что я состою духовникомъ при Крестовоздвиженской общинѣ, которой главная квартира теперь въ Симферополѣ. Вчера я былъ у Пирогова и объясняя ему, что теперь безъ мѣста и неизвѣстно, гдѣ получу его, спросилъ: могу ли я оставить Общину? Онъ отвѣчалъ, что не могу, ибо на-

значенъ самой Великой Княгиней (копію этой бумаги я представилъ Вашему Высокопреосвященству), и совѣтовалъ написать объ этомъ Вашему Высокопреосвященству. Я долженъ признаться, что доселѣ я почти не имѣлъ никакого вліянія на Общину вслѣдствіе системы г-жи Стаховичъ, которая хотѣла одна дѣйствовать. Теперь будетъ иначе, и г-жа Стаховичъ, кажется, скоро будетъ уволена. Впрочемъ это служба не по мнѣ, и увольненіе отъ ней было бы для меня милостію, особенно если эта одна служба будетъ препятствіемъ къ отпуску изъ Крыма.

Изъ церквей моего вѣдомства остались: Бакчисарайская, Менгумская и Біасальская (Лакская можетъ быть доселѣ оставлена; Качинской также нѣчего считать). Что за благочиніе изъ двухъ причтовъ? Въ настоящее время лучше сосредоточить власть и пріобщить эти церкви къ вѣдомству о. Михаила. Протоіерей Паксимаде мало свѣдущъ въ Русскомъ письмѣ, чтобъ быть ему благочиннымъ, и вообще въ немъ преобладаетъ греческій элементъ.

Діакону нѣтъ мѣста въ Симферополѣ, и потому я намѣренъ отпустить его въ Одессу, если не получу объ немъ особаго распоряженія. Причетниковъ Топузовыхъ можно бы обоихъ оставить въ Бакчисараѣ, но одного необходимо отпустить проводить куда либо за Перекопъ семейство, состоящее изъ матери, 3 сестеръ и малолѣтняго брата. Послѣ паденія Севастополя началось новое переселеніе изъ Крыма, и трудно урезонить, чтобы не бѣжали отъ вѣроятной только опасности. Изъ Бакчисарая отправили свои семейства протоіерей, діаконъ и дьячекъ. Новопоступившій священникъ Рафаилъ, хотя пріѣхалъ съ женой, также отпускаетъ ее.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего новаго сообщить не имѣю. Вчера въ Симферополѣ разсказывали, какъ новость, будто бы непріятели зажгли Балаклаву и Камышевый городъ, и отступаютъ, чтобы открыть въ другомъ мѣстѣ театръ войны. Еслибы это было вѣрно, то обстоятельнѣе знали бы и оффиціально.

Сейчасъ возвращаюсь въ Бакчисарай, гдѣ ожидаю дальнѣйшаго Вашего распоряженія.

24 сентября 1855 года, г. Симферополь.

Письмо 50-е.

26 сентября получилъ я отъ о. архимандрита письмо Ваше, и за отеческую Вашу заботливость о положеніи моемъ и причта приношу глубочайшую благодарность.

Не только съ Сѣверной стороны всякіе жители удалены (деревня Кучкусевка сожжена), но и съ Бельбека понуждаютъ всѣхъ удаляться. Севастопольцовъ тамъ давно нѣтъ; кто же было построилъ тамъ лавку, товары перевозятъ въ Симферополь и тамъ открываютъ балаганы.—Смѣю увѣрить Ваше Высокопреосвященство, что ни на Сѣверной, ни на Бельбекѣ нѣтъ болѣе надобности въ приходскомъ Севастопольскомъ священникѣ. Я самъ желалъ послужить съ Севастополемъ и въ полѣ но, къ сожалѣнію, его нѣтъ болѣе нигдѣ.

Оставивъ священника Демяновича въ Симферополѣ, остальнымъ причтомъ я распорядился такъ. Меньшого Топузова оставилъ при Бакчисарайскомъ Соборѣ на мѣстѣ больного пономаря Березовскаго, котораго отпустилъ къ роднымъ въ Карасубазаръ. Старшаго Топузова отпустилъ проводить за перекопъ мать съ семействомъ съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратился къ Бакчисарайскому Собору. Діакона я не рѣшался безъ Вашего разрѣшенія отпускать въ Одессу, но онъ уже потерялъ терпѣніе и жаль было смотрѣть на него. Я послушался совѣта о. архимандрита и вчера отпустилъ ради семейныхъ обстоятельствъ. Вы спрашиваете: сколько кому нужно на каждый мѣсяцъ? По моему мнѣнію, текущее содержаніе тѣмъ не нужно, кто изъ насъ имѣетъ уже мѣсто, напр. священникъ Демяновичъ и причетникъ Топузовъ. Но мы всѣ нуждаемся въ единовременномъ пособіи, вышедши изъ Севастополя какъ съ пожара. Съ 1-го августа мы въ Севастополѣ уже рѣшительно не имѣли никакихъ доходовъ, хотя до 20-го продолжали служить въ своей церкви.

Отъ о. Михаила Родіонова получили на содержаніе: священникъ Демяновичъ 25 р., причетникъ Ѳеод. Топузовъ 10 р. и Петръ Топузовъ 10 р., Діакону я велѣлъ также обратиться въ Симферополь къ о. Михаилу. На свои нужды, хотя живу въ Скитѣ, я также получилъ 25 р.

Говоря о необходимости единовременнаго пособія, не смѣю ни для себя, ни для другихъ опредѣлять его. Вамъ извѣстны наши нужды, какъ и обстоятельства жизни въ Севастополѣ. Бывъ въ Симферополѣ, я не могъ, къ удивленію, не замѣтить, что отъ тѣхъ же военныхъ обстоятельствъ, отъ коихъ въ одномъ мѣстѣ въ теченіи года мы лишались и лишались, въ другомъ болѣе насъ счастливые пріобрѣтали и пріобрѣтаютъ. Привожу сіе обстоятельство собственно для объясненія, а не отъ зависти жребію другихъ. Ибо жребіи раздаются отъ Бога.

Ваше Высокопреосвященство удостоили меня спросить о семействѣ моемъ: гдѣ оно и что для него? Симъ истинно отеческимъ участіемъ Вы тронули меня до слезъ. Скажу о его положеніи со всею откровенностію. Семейство мое съ сентября мѣсяца прошедшаго года у моего отца находилось до января, а съ января сего года въ м. Бѣлой-Церкви,—кіев. губерніи у брата моего. Отправка изъ Крыма, при общемъ бѣгствѣ жителей и движеніи войскъ, мнѣ стоила 200 р. сер., когда я имѣлъ ихъ не болѣе 50. Жена моя плачетъ и проситъ одного: мѣста постояннаго, куда могла бы прибыть ко мнѣ съ дѣтьми. Если, наконецъ, и получу такое мѣсто, я не имѣю денегъ, чтобы взять семейство обратно. Могу ли надѣяться на отпускъ, чтобы самому поѣхать за семействомъ? Съ послѣдней почтой получилъ письмо, что отецъ мой, можно сказать, въ послѣднихъ часахъ жизни: потому я желалъ бы принять отъ него послѣднее благословеніе и поклониться въ Кіевѣ святымъ мѣстамъ. Если мнѣ крайне необходимо пособіе, то именно для этой надобности, т. е. чтобы соединиться съ семействомъ. Прочія нужды восполнятся сами собою, если дастъ Богъ, буду имѣть мѣсто. Не пріймите, Милостивый Архипастырь, моихъ желаній за настоятельную просьбу. Я совершенно во всемъ предаюсь на усмотрѣніе и волю Вашу.

О военныхъ дѣйствіяхъ мало знаю, мало объ нихъ говорятъ, почти они затихли и состоятъ лишь въ приготовленіяхъ.

Занятіе непріятелемъ Керменчука оказалось ложью. Впрочемъ жители вышли изъ этой деревни въ Лаки и другія мѣста. Вчера пошла саперная рота въ Керменчукъ для построенія

тамъ укрѣпленія. Семейство Лакскаго Священника я отпустилъ за Перекопъ, но самому ему велѣлъ оставаться при своемъ мѣстѣ, пока (въ случаѣ) не будетъ приказанія отъ начальства выходить изъ деревни.

Дѣйствительно разнеслись было слухи о намѣреніи отступить далѣе съ цѣлію вывести непріятеля въ поле. Даже говорили о переводѣ главной квартиры въ Симферополь. Но третьяго дня я слышалъ отъ прибывшаго изъ позиціи офицера, что пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ кн. Ливенъ подтвердить, чтобы всякія идеи объ отступленіи были оставлены.

Генералъ баронъ Корфъ за непростительную оплошность у Евпаторіи преданъ суду. Во уваженіе только прежнихъ заслугъ, онъ выключенъ изъ службы съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу и поступленія куда либо на службу. Что дѣлаютъ враги? Усиливаются на Черной и гдѣ-то чрезъ горы прокладываютъ себѣ путь къ Бакчисараю. Адмиралъ Лейносъ взялъ будто бы на себя во чтобы то нистало овладѣть Константиновскимъ фортомъ. Вчера и третьяго дня была слышна усиленная пальба: не бомбардировали ли сѣверной? Впрочемъ вѣстей никакихъ оттуда. Завтра надѣюсь быть ближе къ позиціи и развѣдать что либо.

Главнокомандующій самъ еще не пріѣзжалъ въ Бакчисарай.

28-е сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 51-е.

Вечеромъ сейчасъ отъ возвращающихся въ Николаевъ морскихъ офицеровъ получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

25-го сентября флотъ непріятельскій съ дессантомъ, примѣрно въ 40 тысячъ, снялся и пошелъ по направленію къ Одессѣ. Замѣчено также, что брали съ собою туры и фашины.

Вѣроятнѣйшимъ полагаютъ, что флотъ пошелъ къ Акмечетской бухтѣ, можетъ быть съ цѣлію отрѣзать насъ отъ Перекопа. То и дугое только предположеніе, а гдѣ очутился непріятельскій флотъ, еще неизвѣстно.

На Черной рѣчкѣ, думаютъ, непріятели будутъ оставаться лишь въ оборонительномъ положеніи.—Между тѣмъ тамъ у де-

ревни Шюли 26 сентября было и небольшое дѣло. Непріятели двигались впередъ и должны были отступить.

Сѣверное укрѣпленіе сильно страдаетъ отъ непріятельскихъ бомбъ, бросаемыхъ съ Аполконовой балки и Николаевской площади. Съ моря не было бомбандировки; но береговыя батареи наши, смотря лицемъ въ море, страдаютъ съ тылу отъ непріятельскихъ снарядовъ, туда достающихъ.

Въ Николаевской батареѣ всѣ амбразуры закрыты. Думаютъ, что ее вооружаютъ для дѣйствія по Константиновской и Михайловской. Наши силы сосредоточены на пути отъ Черной рѣчки.

Главнокомандующій—въ Каралевѣ.

28-е сентября 1855 г. г. Бакчисарай.

Письмо 52-е.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего особеннаго не имѣю сообщить, кромѣ печальной вѣсти, что непріятельскій флотъ, 25-го сентября оставившій Севастополь, очутился въ Одессѣ и можетъ быть, какъ уже говорятъ, бомбандируетъ ее. Сохрани васъ Господи.

Въ послѣдніе дни была усиленная бомбандировка по Сѣверной, но о результатѣ еще неизвѣстно. Выстрѣлы перестали быть слышны.

О дьячкѣ Пироговѣ считаю нужнымъ сказать, что это злой корень бывшаго порядка въ Бакчисарайскомъ Соборѣ. Пользуясь довѣренностію покойнаго настоятеля и бывши его письмоводителемъ, онъ не разъ предлагалъ къ подписи его то, о чемъ тотъ и не думалъ.

Кромѣ того какъ двоеженецъ, не имѣя уже въ виду званія высшаго,—онъ, при малѣйшемъ замѣчаніи, съ дерзостію иногда объявляетъ, что онъ готовъ оставить духовное званіе. Потому полезно удалить его отъ Собора. Вьну очи мои ко Господу и къ вамъ, милостивѣйшій Архипастырь мой! Съ каждой почтой ожидаю опредѣленнаго себѣ назначенія, и не смѣю наскучать о семъ, вполнѣ предаваясь волѣ Вашего Высокопреосвященства.

30-е сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 53-е.

Главный пріютъ мой—Успенскій Скитъ, откуда, когда на хожу случай, отлучаюсь на рекогносцировку. 2-го октября съ о. архимандритомъ, которому нужно было побывать у Анастасіи, я былъ въ Лакахъ и Керменчукѣ, по направленію къ коему чрезъ горы пробирался непріятель. Тамъ уже довольно было стянуто войска нашего; но въ ночь на 1-е октября непріятель, какъ полагаютъ, предваренный татарами, внезапно отступилъ и скрылся. Штабъ 3-го корпуса, который занялъ было квартиру въ домѣ Жецкаго, опять возвратился на свою позицію. Керменчукъ, совершенно оставленный жителями, продолжаютъ укрѣплять; собственно защищаютъ дорогу, здѣсь проходящую. Впрочемъ деревня эта, въ которой было всего 4 двора христіанскихъ жителей, теперь стала веселѣе отъ многолюдства военнаго. Церковь Керменчукская (она приписная къ Лакской), съ которой, по причинѣ ветхости ея, уже три года какъ снятъ антиминсъ, разрушается и едва ли найдетъ возстановителей. Бѣдная утварь ея перенесена въ Лакскую церковь. Въ Лакахъ жители остаются, не опасаясь близости непріятеля, котораго появленіе здѣсь было, кажется, попыткою. Ущелья, и тѣснины горныя вездѣ заняты войсками, пути же пресѣчены завалами и прикрыты по мѣстамъ батареями. Инженеры, гдѣ можно, пользуются укрѣпленіями природы, ставя орудія просто на скалѣ. Прямо Анастасіи Кача пересѣчена засѣкой, и на противоположной сторонѣ устроена батарея въ 5-ть орудій, коими обстрѣливается теченіе Качи. 3-го октября былъ я у Анастасіи съ сестрами Крестовоздвиженской Общины. Раненыхъ теперь, слава Богу, мало; потому сестры воспользовались досугомъ для путешествія къ св. мѣсту, которое совершили пѣшкомъ. Всѣхъ путешественницъ было 18-ть; съ ними была и начальница сестеръ—Стаховичъ. Нашлось 7-мь, и въ числѣ ихъ сама начальница, которые пожелали взойти къ источнику. Я былъ ихъ проводникомъ туда, и какъ ни трудно было взбираться на гору, трудъ ихъ былъ вознагражденъ душевнымъ удовольствіемъ. Сестра Леди, очень слабая здоровьемъ, предприняла этотъ трудъ единственно для того, чтобы промыть св. водою слабыя глаза свои.

Огню непріятельскому по Сѣверной сторонѣ съ нашей стороны отвѣчаютъ успѣшно. Вчера отъ офицера пріѣхавшаго изъ-подъ Севастополя слышалъ я, будто кн. Горчаковъ выѣхалъ отсюда. На вопросъ мой: когда и по какому случаю? онъ отвѣчалъ: я знаю изъ приказа по арміи главнокомандующаго, коимъ даетъ знать, что онъ, по дѣламъ службы отлучаясь, передаетъ начальство графу Сакену, и что приказъ этотъ послѣдовалъ 25-го сентября. Оставляетъ ли онъ совершенно главное начальство, неизвѣстно.

Объ опасностяхъ нашихъ перестали говорить. Главная квартира, можно сказать, только считается въ Бакчисараѣ. Старшія же лица доселѣ въ Казамеѣ и не переходили въ назначенныя имъ квартиры.

Уже двухъ почтъ нѣтъ изъ Одессы. Это составляетъ предметъ нашего недоумѣнія и безпокойства. Ибо о флотѣ непріятельскомъ, что онъ дѣлаетъ, слухи противорѣчащіе носятся. Буди воля Божія.

5-е октября 1855 г., Успенскій Скитъ.

Письмо 54-е.

Сейчасъ возвратился я изъ сѣвернаго Севастополя, и спѣшу съ отходящею нынѣ почтою дать отчетъ въ томъ, что видѣлъ и слышалъ тамъ.

Сѣверная сторона стоитъ и можетъ стоять твердо. Число батарей ея увеличено до 60-ти нумеровъ. Онѣ дѣйствуютъ по непріятелю очень успѣшно. Въ городѣ нашими выстрѣлами произведено было нѣсколько пожаровъ. Непріятели боятся жить въ городѣ, и гарнизонъ ихъ, какъ полагаютъ, не превышаетъ 1½ тысячи человѣкъ. Въ Корабельной улицы перекопаны тремя параллельными рвами. Непріятели устроили мортирныя батареи въ балкахъ: Ушаковой и Аполлоновой, на графской пристани, на Александровсвой и № 8 батареяхъ. Съ моря по сѣверному укрѣпленію доселѣ не стрѣляли. Съ нашей стороны пальба всегда чаще. Что дѣлаютъ въ Николаевской батареѣ, въ которой закрыты амбразуры, доселѣ неизвѣстно, но тамъ слышенъ большой стукъ мастеровыхъ. Въ камышевой бухтѣ судовъ довольно.

На сѣверной сторонѣ жителей никакихъ нѣтъ. На бывшемъ рынкѣ всего три балаганчика. Въ двухъ кое-чѣмъ торгуютъ охотники; въ третьемъ помѣщается перевязочный пунктъ. На противоположномъ холмѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ былъ праздникъ Брянскаго, нынѣ кн. Горчакова полка, я нашелъ нѣсколько землянокъ и палатокъ, и тамъ іеромонаха о. Лаврентія, прежде служившаго въ сѣверномъ укрѣпленіи. Церковь онъ сдалъ въ дивизію, изъ которой она была выдана, а состоитъ при 31-мъ флотскомъ экипажѣ, который, можно сказать, одинъ составляетъ гарнизонъ сѣвернаго укрѣпленія и всей сѣверной стороны. Онъ увеличенъ командами другихъ службъ и доведенъ до 3 тысячъ человѣкъ; на каждое орудіе по три матроса, прочіе—изъ другихъ. Комендантъ всей сѣверной стороны контръ-адмиралъ Бартеневъ. Онъ задержалъ о. Лаврентія, который только одинъ остался изъ флотскихъ іеромонаховъ, и теперь состоитъ также при перевязочномъ пунктѣ. По его словамъ, со времени оставленія Севастополя, на сѣверной сторонѣ убитыхъ и раненныхъ всего было только 15 человѣкъ. Дѣйствительно, въ госпиталѣ на Бельбекѣ я видѣлъ больныхъ просто, а не раненныхъ. Сестеръ здѣсь всего четыре. Этотъ госпиталь скоро долженъ упраздниться: ибо онъ въ палаткахъ. Больныхъ постоянно отправляютъ далѣе. Въ Дуванкѣ—слабосильные. Въ Бакчисараѣ теперь очень просторно въ дворцѣ. Раны и болѣзни такимъ образомъ вывезены съ театра войны.

На новомъ рынкѣ у Бельбека, гдѣ именно хотѣли имѣть церковь, нашелъ я около десятка балаганчиковъ, и—тѣ пусты. Торговцы жалуются, что нѣтъ никакой торговли, и они одинъ за другимъ убираются оттуда. Два раза были понуждаемы къ тому и начальствомъ. Теперь опять объявлено, что могутъ оставаться. Жителей здѣсь никакихъ. Войска постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто: потому и рынокъ возможенъ только передвижной. Мысли, что мы возвратимся въ Севастополь, нигдѣ не слышно, хотя о дальнѣйшемъ отступленіи нѣтъ болѣе слова. О. Лаврентій говорилъ мнѣ, что провизію для сѣвернаго гарнизона велѣно заготовить по февраль мѣсяцъ, между тѣмъ

какъ недавно предшествовало распоряженіе о заготовленіи оной по 1-е ноября.

Какъ же мнѣ оставаться? Еще осмѣливаюсь спросить. Къ Севастополю я ѣхалъ по Качинской долинѣ съ прямымъ намѣреніемъ видѣть тамошнюю церковь. Усердіемъ гусаръ сдѣланы на престолъ два приличныхъ одѣянія, также и на аналои. Въ воскресные дни и праздники бываетъ не безъ молящихся: но кромѣ передвигающихся войскъ жителей здѣсь—почти никакихъ. Человѣкъ 10 наберется людей дворовыхъ. Священника я не засталъ: онъ отправился проводить до Симферополя семейство, которое ѣдетъ за Перекопъ. Если обстоятельста будутъ обѣщать возможный покой, то можно освятить Качинскую церковь (съ престола была похищена и срачица). Въ противномъ случаѣ, что и святить, если покидать?

Подъ Севастополемъ слышалъ еще о взятіи непріятелями Кинбурна.

Объ Одессѣ, кромѣ того, что тамъ непріятельскій флотъ, еще ничего не знаемъ. Уповаемъ на милость Господню.

Возвращаясь съ Бельбека, видѣлъ войска наши, слѣдующія съ позиціи подъ Евпаторію. Шли съ обозами и артилеріею три девизіи—7, 9 и 14. Также—ратники и греки волонтеры.

8 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 55-е.

Въ два часа пополудни, сего 15 октября, полученъ мною пакетъ съ словами отеческаго утѣшенія и милостивымъ вашимъ представленіемъ св. Синоду о севастопольскомъ причтѣ. Приношу глубочайшую благодарность отъ себя и за другихъ вашему высокопреосвященству за истинно отеческое ваше попеченіе объ насъ. Отправленіе пакета съ курьеромъ свидѣтельствутъ о желаніи вашемъ скорѣе утѣшить насъ. Скорбно, что не умѣю, какъ слѣдуетъ, выразить всего того, что чувствуетъ сердце мое, тронутое вашимъ Архипастырскимъ вниманіемъ. Только любовь начальника могла въ неключимыхъ рабахъ обрѣсти то, о чемъ свидѣтельствуете за насъ предъ св. Синодомъ. Мы обязаны оправдать такое свидѣтельство, и не медля восполнить то, чего бы

не доставало на вѣсахъ строгой правды. Итакъ се рабъ вашъ какъ прежде, такъ и отселѣ—буди мнѣ по глаголу вашему. Если должно оставаться въ Крыму до конца войны, я совершенно покоряюсь распоряженію вашему, какъ ни тяжка долгая разлука съ семействомъ.

Послѣ завтра я ѣду въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, пробыть съ недѣлю при общинѣ. Не могу ли я жить въ Симферополѣ, а оттуда, при случаѣ, а иногда и нарочито, навѣщать свое вѣдомство. Я не знаю, какъ меня тамъ встрѣтятъ послѣ долгаго отсутствія. Тамъ теперь другой порядокъ и строже требуютъ службы. Г-жа Стаховичъ уѣзжаетъ.

Театръ военныхъ дѣйствій, кажется, переносится къ Евпаторіи, куда стягиваются войска. Третьяго дня тамъ дали хорошій урокъ непріятелямъ, подвигавшимся впередъ за нашимъ отступленіемъ. Мы удачно обошли ихъ и заставили обратиться въ бѣгство съ большимъ урономъ. Говорятъ, что вслѣдстіе этого успѣха, мы опять тѣсно обложили Евпаторію. Сегодня отправился туда главнокомандующій, и, кажется, туда же подвинетъ свою квартиру. Штабъ графа Сакена теперь въ Бакчисараѣ. На высотахъ—одинъ Сухозанетъ.

Пишу, что слышу, всего знать нельзя. Иногда и спрашивать неловко.

15 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 56-е.

Я терпѣливо сношу свое безмѣстіе, какъ дѣло необходимости. Согласно волѣ вашей бываю тамъ и тамъ, и на взгорьѣ севастопольскомъ, гдѣ, какъ я уже писалъ, нѣтъ ни жителей, ни надобности въ приходскомъ священникѣ. Оставаясь при одномъ званіи благочиннаго, я могу до времени находиться въ Симферополѣ. Тамъ по крайнеи мѣрѣ я буду имѣть службу при общинѣ сестеръ, при которой только считаюсь. Я не знаю, какъ меня тамъ пріймутъ послѣ долговременнаго отсутствія; однако рѣшаюсь отправиться въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, остаться тамъ. Осмѣливаюсь сдѣлать сіе, не дождавшись вашего разрѣшенія, въ томъ предположеніи, что обложеніе не-

пріятельскимъ флотомъ Одессы, можетъ быть, заставило васъ на время предоставить насъ самимъ себѣ. Вчера впрочемъ графъ Сакенъ, бывши въ скитѣ, сказалъ пріятную вѣсть, что непріятельскій флотъ оставилъ Одессу, не бомбандировавъ ее. Въ военныхъ дѣйствіяхъ особеннаго ничего нѣтъ, кромѣ передвиженія. Хотя главнокомандующій и перешелъ въ Бакчисарай, но, кажется, его квартира будетъ гдѣ-то поближе къ евпаторійской позиціи. Въ Бакчисараѣ будетъ штабъ гр. Сакена. На высотахъ оставленъ одинъ ген. Сухозанетъ. Нерѣдко проносятся слухи и толки о военныхъ дѣйствіяхъ, но такіе, къ которымъ не слѣдуетъ прилагать уха.

Съ каждой почтой ожидаю милостиваго обо мнѣ распоряженія вашего высокопреосвященства. Со слезами молю: „имиже вѣсте судьбами устройте меня совершенно разстроеннаго". Мнѣ нужно мѣсто; я не желалъ бы обнажать своихъ нуждъ, прибѣгая къ церковному пособію, хотя оно разрѣшено св. Синодомъ и вами дозволено. Не всякому нуждающемуся легко протянуть руку къ подаянію. Впрочемъ буди воля ваша! Своей воли я не хочу имѣть въ обстоятельствахъ превышающихъ, могу сказать, мое разумѣніе. Всецѣло предаюсь волѣ вашего высокопреосвященства.

15 октября 1855 г, г. Бакчисарай.

Письмо 57-е.

Рапортъ.

30-го октября, въ прошедшее воскресеніе, Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, съ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, изволилъ въ Бакчисарайскомъ Николаевскомъ Соборѣ слушать литургію, которая была совершена мною съ діакономъ сего Собора Петромъ Грабенкомъ. По окончаніи литургіи, Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня, гдѣ получилъ я крестъ на георгіевской лентѣ, и во все ли время осады находился въ Севастополѣ. За служеніе Всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ золотой перстень

съ брилліантами, а діакону Грабенкѣ—золотыс часы. Смѣю по сему думать, что Его Императорское Величество какъ служеніемъ, такъ и порядкомъ, бывшимъ въ церкви, остался доволенъ. О чемъ Вашему Высокопреосвященству долгъ имѣю смиреннѣйше донести.

1-е ноября 1855 г., г. Симферополь.

Письмо 58-е.

Донося Вашему Высокопреосвященству о пребываніи Государя Императора въ Бакчисараѣ и полученной мною новой Монаршей милости, чувствую, что всѣмъ я обязанъ Вашему Архипастырскому о мнѣ смотрѣнію, и смиреннѣйше приношу благодарность души и сердца моего. Ублажаю и буду ублажать послушаніе начальству, которое есть лучшій путь службы, чѣмъ собственный выборъ мѣста или должности. Бѣденъ я и не имѣю никакой собственности, какъ бы сейчасъ изъ школы, но уповаю на милосердаго Бога, что когда либо и прочее, мнѣ потребное, приложится по Его милости.

Въ слѣдъ за Государемъ я поспѣшилъ въ Симферополь, имѣвъ отъ Г. Пирогова увѣдомленіе, что одна изъ сестеръ, бывшая на испытаніи, по повелѣнію Ея Высочества, имѣетъ быть приведена къ присягѣ, и полагая, не нужно ли будетъ мое присутствіе въ Общинѣ, если Государю Императору угодно будетъ видѣть оную. Община не представлялась въ своемъ составѣ, и немногимъ изъ сестеръ удалось видѣть Государя въ тѣхъ госпиталяхъ, кои Его Величеству угодно было посѣтить въ Симферополѣ. О состояніи Общины освѣдомлялся только принцъ Мекленбургскій, посѣтившій квартиру сестеръ нечаянно, гдѣ, кромѣ начальницы Хитровой и еще 4-хъ сестеръ, никого не было. Всѣ были по службѣ. Сегодня же я возвращаюсь въ Бакчисарай. Во всѣ дни пребыванія въ Бакчисараѣ, Государь Императоръ ѣздилъ къ разнымъ позиціямъ войскъ и подъ Севастополь, гдѣ благодарилъ и ободрилъ всѣхъ. Жителямъ Севастопольскимъ, представлявшимся въ Бакчисараѣ, говорилъ, что, Богъ дастъ, скоро возвратимся опять въ Севастополь. О планѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ничего не слышно. Не слышно

теперь и выстрѣловъ. Вчера носились слухи тутъ о такихъ политическихъ новостяхъ, будто бы Швецiя на насъ, Наполеонъ убитъ и проч. Такъ и говорили объ этомъ, какъ о слухѣ.

(Число мѣсяца не означено).

Письмо 59-е.

Въ церкви, при посѣщенiи Государя Императора, казалось, все было въ порядкѣ. Встрѣчу дѣлали мы соборнѣ съ Оберъ-священникомъ Крымской Армiи, состоящемъ при главной квартирѣ. Въ церкви же ожидало прiѣзда Государя Императора и все военное начальство, кромѣ г. главнокомандующаго, который сопровождалъ Его Величество.

По совершенiи многолѣтiя Его Императорское Величество и Ихъ Императорскiя Высочества изволили приложиться, къ образу Преподобнаго Сергiя, который, съ переходомъ главной квартиры въ Бакчисарай, переданъ въ церковь.

Посѣтивъ главнокомандующаго, котораго квартира противъ церкви, Высокiе посѣтители отправились въ свою квартиру въ домъ Спиранде, гдѣ были встрѣчены обществомъ городскимъ. Послѣ того Государь Императоръ ѣздилъ смотрѣть войска, на Качи расположенныя. Вѣроятно они расположены или собраны у моста: ибо Его Величество скоро возвратился. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Сегодня въ скитѣ обновленiе храма, по случаю перенесенiя престола на средину алтаря. Пожелалъ быть при этомъ главнокомандующiй; вѣроятно будутъ съ нимъ и другiе. Счелъ нужнымъ упомянуть о семъ, полагая, что о. архимандриту сегодня недосугъ писать.

Звуку браннаго не слышно; или планы или намѣреиiя измѣняются. Вчера слышалъ, что 3-го сего ноября непрiятели взорвали николаевскую батарею и доки. Заключаютъ, что они убираются отъ насъ.

5 ноября 1855 г.

Письмо 60-е.

Сегодня, въ праздникъ архистратига Михаила, служилъ въ Бакчисарайскомъ Никольскомъ соборѣ старшiй благочинный во-

еннаго духовенства въ Крыму, называемый также оберъ-священникомъ. Служили бы соборнѣ, да недостатокъ большой въ ризницѣ, которую, дастъ Богъ, скоро построимъ.

При главной квартирѣ церкви нѣтъ, и не будутъ устраивать ее въ Бакчисараѣ, тѣмъ болѣе, что квартира главнокомандующаго у самой городской церкви. Оберъ-священникъ бумаги не имѣетъ, чтобы служить ему здѣсь, кромѣ словеснаго указанія на эту церковь отъ дежурнаго генерала. Протоіерей этотъ—человѣкъ очень добрый и благородный; претензій или неудовольствій какихъ либо отъ него ожидать нельзя. Будемъ служить по согласію—иногда соборнѣ. Не доношу рапортомъ объ этомъ новомъ лицѣ въ бакчисарайскомъ соборѣ потому, что не было объ немъ отъ военнаго начальства никакой бумаги. Вчера явился въ главную квартиру и діаконъ, вызванный изъ екатиринославской епархіи. Поскупился преосвященный Леонидъ, или лучшаго не нашлось: присланный діаконъ съ небольшимъ голосомъ и нисколько не полированъ,—ни такта, ни манеры діаконской. Жалованья ему 250 руб. сер. Это мѣсто было бы кстати моему бывшему діакону Подольскому. Я очень жалѣлъ, что не было его здѣсь при посѣщеніи Государя Императора. Оберъ-священнику Кутневичу, кажется, ближе было просить діакона въ херсонской, а не въ екатеринославской епархіи.

Военныхъ дѣйствій никакихъ нѣтъ. О николаевской батарѣе, будто она взорвана непріятелями, пронесли ложно. Въ самомъ же дѣлѣ былъ у непріятелей на такъ называемой канроберовой батареѣ взрывъ порохового погреба, гдѣ было и множество снарядовъ: бомбъ, ракетъ и пр.

Вчера явился ко мнѣ кадыковскій псалта Иванъ Политисъ, недавно выпущенный изъ плѣна и высаженный въ Ѳеодосіи. Какъ очевидецъ, онъ далъ мнѣ слѣд. свѣдѣніе *о кадыковскомъ священникѣ Георгіѣ Ментилина.* 14 сентября отслуживъ въ кадыковской церкви литургію, отъ страха онъ бѣжалъ въ Харань, откуда болѣе не возвращался въ Кадыковку. Ноября 8 или 10 онъ неизвѣстно куда скрылся по слѣд. обстоятельству: какой-то иностранецъ, по должности переводчикъ, явившись къ священнику съ дѣвицей Екатериной Ханджошу угрозами принудилъ его об-

вѣнчать ихъ ночью и притомъ не въ церкви, а въ домѣ. Когда новобрачные на другой же день подверглись наказанію начальства и въ оковахъ отправлены были въ Константинополь, священникъ, боясь послѣдствій своей вины, скрылся безъ вѣсти. По письму, полученному однимъ изъ родственниковъ, оказывается что онъ очутился въ Константинополѣ, а оттуда пробрался въ Аѳины, гдѣ и теперь находится. *О Кадыковской церкви:* вечеромъ, 14 сентября, непріятели были уже въ Кадыковкѣ и входили въ церковь съ крайнимъ безчиніемъ. Перекидывая бумаги и книги, все рвали и бросали на полъ. Надъ вещами священными онъ, Псалта Политисъ не попустилъ наругаться пока поставлена была стража къ церкви, изъ которой онъ, спустя недѣлю, съ вѣдома французскаго начальства, св. антиминсъ, сосуды церковные и другія священные вещи, а также иконы изъ иконостаса представилъ въ монастырь и сдалъ о. Архимандриту по описи. Затѣмъ кадыковская церковь обращена сначала въ госпиталь, а потомъ въ какой-тó магазинъ.

О *монастырѣ*: служатъ въ Димитріевской церкви. Все довольствіе получаютъ и пользуются совершенно свободно. Іеромонахи бываютъ и въ лагерѣ непріятельскомъ, если случается надобность напутствовать или погребсти кого изъ русскихъ.

О жителяхъ вообще: жили безбѣдно, вырабатывая плату за переноску грузовъ и другія работы у купцовъ иностранныхъ.

Жена умершяго священника Рафаила Янакова вчера, при удобномъ случаѣ, отправилась въ Корсунь къ дядѣ своему, митрополиту Іосифу.

8 ноября 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 61-е.

Отъ имени вашего высокопреосвященства о. архимандритъ Діонисій вручилъ мнѣ 100 руб. сер. Въ тоже время получилъ я отъ вашего высокопреосвященства назначеніе состоять при бакчисарайскомъ скитѣ. За ту и другую милость приношу вамъ, милостивый архипастырь, глубочайшую благодарность. Деньги послалъ я семейству, въ нихъ нуждающемуся; самъ надѣюсь пропитаться отъ мѣста.

13 ноября съ о. архимандритомъ Діонисіемъ былъ я подъ Севастополемъ. Во время нашего пребыванія тамъ была тишина, нарушенная лишь однимъ выстрѣломъ для о. Діонисія. Гарнизонъ сѣверной стороны скучалъ бездѣйствіемъ непріятелей, которые недѣли три вовсе не стрѣляли на сѣверную. Съ нашей стороны стрѣляютъ лишь по усмотрѣнію въ городѣ цѣли для выстрѣла. Петропавловская церковь сгорѣла недѣли три тому, обнаженныя стѣны и колонны представляютъ печальный видъ храма Божія. Государь Императоръ, бывши на сѣверной, не останавливался тамъ долго, а только проѣхалъ къ сѣверному укрѣпленію.

Съ ночи на 15-е ноября опять слышны частые выстрѣлы въ Севастополѣ.

Съ другихъ пунктовъ, ни въ самомъ Бакчисараѣ ничего особеннаго не слышно.

Наконецъ наступаетъ крымская зима. Вчера падалъ мокрый снѣгъ, сегодня идетъ дождь.

Главнокомандующему угодно, чтобы въ воскресные и праздничные дни всенощная была съ вечера, и такъ дѣлается.

16 ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 62-е.

Вчера возвратился я изъ Симферополя, куда ѣздилъ къ сестрамъ. 20 числа г-жа Хитрово вступила въ должность сестры—настоятельницы общины, мною приведена къ присягѣ и мною возложенъ на ее крестъ сей общины. Поводомъ моей поѣздки туда было между прочемъ требовоніе отъ меня отзыва, на какихъ условіяхъ я могу посвящать время для общины, о чемъ спрашиваетъ великая княгиня. Я отвѣчалъ, какія условія угодно будетъ поставить Ея Высочеству, на тѣ я буду совершенно согласенъ. Между тѣмъ мнѣ объявили, что мое присутствіе и теперь необходимо при общинѣ, т. е. въ Симферополѣ. Я поставленъ въ затрудненіе, изъ котораго могу быть выведенъ только разрѣшеніемъ вашего высокопреосвященства. Если и буду разрѣшенъ, то опять буду въ затрудненіи, если въ Симферополѣ не буду имѣть какой либо опоры своей. Я буду нуждаться, мо-

жетъ быть, иногда въ церкви, если пожелаютъ сестры говѣть. Великая княгиня проситъ васъ только о разрѣшеніи оставаться мнѣ при общинѣ, но какъ мнѣ при оной оставаться,—сіе будетъ вполнѣ зависѣть отъ милостиваго усмотрѣнія вашего высокопреосвященства. Я бы не желалъ быть, хоть на время, исключеннымъ изъ службы епархіальной.

Въ войнѣ ничего новаго у насъ; 6 и 2-й корпуса оставляютъ Крымъ.

23 ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 63-е.

По горѣ—по ту и другую сторону города—горѣли бочки.

Сегодня, говорятъ, Государь Императоръ поѣдетъ къ Севастополю. Вѣроятно завтра въ Скитѣ будетъ слушать литургію. И лучше бы: въ Бакчисарайской церкви нѣтъ ризницы для такого случая.

Въ прежнемъ письмѣ я забылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ пребыванія Государева въ Бакчисараѣ.

31-го октября Государь Императоръ имѣлъ выѣхать. Пришла мысль и желалось знать, не зайдетъ ли Его Величество въ церковь предъ выѣздомъ; думали, можетъ быть, пожелаетъ приложиться къ образу Преподобнаго Сергія, теперь находящемуся въ здѣшней церкви. Отвѣчали, что въ другихъ мѣстахъ Государь этого не дѣлалъ, но что впрочемъ дадутъ знать, если Его Величеству это угодно будетъ. Между тѣмъ Государь Императоръ утромъ поѣхалъ на позицію и оттуда возвращаясь въ два часа по полудни, пожаловалъ прямо въ церковь, и потому неожиданно. Царя не заставили ожидать: церковь была открыта. Приложившись къ образу Преподобнаго Сергія, Его Величество тотчасъ и вышелъ. Протоіерей Паксимаде не успѣлъ застать Его въ церкви, хотя былъ тутъ же въ церковномъ домѣ. Я въ то время былъ въ монастырѣ и уже на пути оттуда; отлучался, зная, что Государя нѣтъ въ городѣ и возвратится къ вечеру.

Припишите ли сіе опущеніе моей винѣ, когда это посѣщеніе Государемъ церкви было неожиданнымъ для самой свиты

Его? Можетъ быть, Его Величеству угодно было помолиться безъ свидѣтелей.

Бакчисарайскій комендантъ передалъ мнѣ, что Государь въ воскресенье, выходя изъ церкви, сказалъ, что въ такихъ церквахъ съ какимъ то особеннымъ расположеніемъ молишься, и что Его Величество былъ очень доволенъ служеніемъ.

Возвращаю письмо Великой Княгини, и не умѣю Вашему Высокопреосвященству выразить моей благодарности за отличный и милостивый отзывъ о мнѣ. Чувствую и искренно исповѣдуюсь, что у меня нѣтъ способности вполнѣ оправдать его. Буду трудиться ободренный Вашимъ благословеніемъ.

Обязанности мои въ Общинѣ письменнымъ уставомъ еще не опредѣлены. Все въ ней еще опредѣляется только, измѣняясь по указанію опыта. По отвѣту директора Общины г-на Пирогова, (такъ онъ велѣлъ отвѣчать и Вамъ) эти должности состоятъ въ участіи въ комитетѣ, коимъ отселѣ управляется Община, въ назиданіи сестеръ—и преимущественно въ назиданіи и вообще въ духовномъ попеченіи о сестрахъ. Исполненіе христіанскихъ требъ, какія случатся въ Общинѣ, или богослуженія, также относятся къ моей обязанности; но главное, что требуется отъ меня—это нравственное вліяніе на сестеръ. Потому-то мое пребываніе признается необходимымъ въ Симферополѣ, гдѣ наибольшее число ихъ и гдѣ ихъ управленіе. По желанію Пирогова, я отправляюсь туда дня черезъ два, имѣя возвратиться въ Бакчисарай, если не будетъ особой надобности, къ новому году для исполненія отчетности благочиннической. Хотя я не получилъ еще Вашего разрѣшенія на сіе, но, думаю, въ данномъ Вами повелѣніи состоять при Общинѣ оно само собою заключается. Г-жа Хитрово жалуется на какой-то духъ апатіи къ своему дѣлу, замѣчаемый въ Симферопольскихъ сестрахъ противъ котораго нужны духовныя мѣры. Итакъ я долженъ ѣхать. Пироговъ оставляетъ насъ на сихъ дняхъ.

Кажется отъ простуды у меня зубы болятъ и головой страдаю, съ каждымъ днемъ хуже. Можетъ быть поэтому пробуду нѣсколько дней въ Бакчисараѣ.

Въ помощь о. Паксимаде я командирую Лакскаго священника, которому, кромѣ праздничныхъ дней, нечего дѣлать въ своемъ приходѣ.

Діаконъ, присланный изъ Екатеринослава въ главную квартиру, удаляется за нетрезвость и вообще за плохія его качества. Честь предложена Бакчисарайскому діакону Грабенкѣ, который умѣлъ обратить на себя вниманіе своими скромными, но настоящими достоинствами. Оберъ-священникъ Крымскій, получивъ его согласіе, доноситъ Оберъ-священнику въ Петербургъ, о чемъ конечно послѣдуетъ къ Вамъ отношеніе. Грабенко—добрый служитель и отличается примѣрнымъ благоговѣніемъ въ служеніи. При освященіи Даровъ всегда можно видѣть на глазахъ его слезы. Съ него можно ожидать добраго священника.

Привезли въ Бакчисарай 37 человѣкъ раненныхъ и 20 плѣнныхъ изъ небольшого дѣла, бывшаго два дня тому въ Орнустѣ.

30-ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 64-е.

Съ 5 декабря шелъ у насъ снѣгъ, который наконецъ сегодня скрѣпленъ большимъ морозомъ. Зима явилась въ Крыму въ настоящемъ видѣ.

5 же декабря достигла насъ радостная вѣсть о взятіи Карса. Но еще торжественнаго благодаренія Богу не совершали.

27 ноября при выборѣ церковнаго старосты къ бакчисарайскому собору, я не опустилъ случая напомнить обществу прихожанъ, что ихъ церковь принадлежитъ теперь не однимъ имъ, а и воинству православному, котораго главная здѣсь квартира, что тутъ преклоняютъ колѣна и молятся объ успѣхѣ оружія нашего не только вожди войскъ Россійскихъ, но и самъ Благочестивѣйшій Императоръ молился о томъ въ храмѣ семъ, что все это должно быть важно въ глазахъ ихъ, и побудить употребить и приложить всяческое попеченіе о благолѣпіи убогой ихъ церкви, къ чему теперь само военное время, чрезъ умноженіе населенія въ городѣ и оживленіе торговли, подаетъ наилучшія средства и потому просилъ воспользоваться симъ

временемъ. Я указалъ имъ на совершенный недостатокъ разницы, на бѣдный видъ церкви, на которой крестъ желѣзный и крыша черепичная, какъ и на послѣднемъ строеніи въ городѣ, на дворъ тѣсный и заваленый камнями и проч.

Результатъ былъ слѣдующій: малое общество, бывшее тутъ въ лицѣ 12 представителей, тотчасъ подписало для этой цѣли 280 руб. сер., обѣщавъ предложить и отсутствующимъ и всѣмъ торгующимъ теперь въ Бакчисараѣ православнымъ. Церковный староста, по предложенію о. настоятеля Паксимаде, изъявилъ согласіе на свой счетъ провести воду и сдѣлать фонтанъ въ церковной оградѣ, которая отъ камня уже очищена, и ямки для деревъ готовы.

Договоръ съ монастыремъ о фонтанѣ также уже сдѣланъ, и если не помѣшаетъ холодъ, къ великому посту вода будетъ проведена. О позлащенномъ крестѣ и заготовленіи желѣза для крыши позаботится, чтобы къ веснѣ то и другое было готово. Я ожидаю успѣха преимущественно отъ попечительности настоятеля, который изъ настоящаго времени можетъ извлечь къ тому средства, а также церковнаго старосты, который, въ случаѣ чего не будетъ доставать, можетъ самъ пособить. Старостой избранъ тотъ же Ергопуло, который и для скита обязался что-то поставить. На деньги, также собранныя пожертвованіемъ, заказана настоятелемъ плащаница новая, которая къ великому посту будетъ прислана изъ Кіева. Многаго или почти ничего нѣтъ въ церкви, существующей съ 1798 года. Потому-то я дорожу настоящимъ временемъ и стараюсь внушить другимъ эту мысль, чтобы, если Господь поможетъ, къ лѣту представить вамъ посильное ея обновленіе. Мысль о. Паксимаде заказать мѣдную вызолоченную доску, на которой сдѣлать надпись о посѣщеніи церкви Государемъ Императоромъ въ такомъ то году и въ такое то время. Я совершенно раздѣляю эту мысль, но предварительно испрашиваю вашего архипастырскаго благословенія и наставленія, въ какихъ именно словахъ приличнѣе выразить это важное для церкви событіе.

Поѣздку въ Симферополь я отложилъ по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, отъ которой вчера лишь оправился; но

необходимо завтра съѣздить въ Мангуши, гдѣ умеръ вдовый діаконъ, оставивъ сиротъ и имущество, которому надлежитъ на мѣстѣ сдѣлать опись.

Сейчасъ изъ церкви, гдѣ принесено благодарственное молебствіе о взятіи Карса. Сегодня въ 9 часовъ послѣдовало о томъ распоряженіе главнокомандующаго, который и самъ изволилъ быть въ церкви.

7 декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 65-е.

Съ прошлой почтой ничего не писалъ вашему высокопреосвященству за болѣзнію. 7 декабря въ тотъ же день, когда рапортовалъ вамъ здоровымъ, я преждевременнымъ выходомъ на холодъ возвратилъ свою болѣнь, и благодаря участію о. архимандрита Николая, который пригласилъ меня подъ свой кровъ, я опять чувствую себя здоровымъ и возвращаюсь въ городъ. Но докторъ, удерживая еще на діэтѣ, не совѣтуетъ или лучше воспрещаетъ до времени совершеннаго выздоровленія ѣхать въ Симферополь. Боюсь вновь заболѣть и хотѣлось бы благовременно явиться въ общину: колеблюсь и сокрушаюсь.

Прибывшій изъ Петербурга духовникъ общины, іеромонахъ Веніаминъ оказался мало свѣдущимъ (онъ изъ простыхъ), чтобы имѣть въ общинѣ то вліяніе, какого требуется; а потому, вслѣдствіе представленія г. Пирогова, ему велѣно еще въ маѣ мѣсяцѣ оставаться при одномъ отправленіи богослуженія и требъ въ общинѣ, имѣть же духовное попеченіе о сестрахъ поручено мнѣ. (Копію письма которое, объ этомъ писалъ мнѣ отъ имени великой княгини гофъ-маршалъ Хрущовъ, я представилъ вашему высокопреосвященству). Въ такомъ значеніи о. Веніаминъ находился въ общинѣ до отъѣзда г-жи Стаховичъ, которая, какъ казалось, и не хотѣла имѣть другого духовника. За переходомъ большаго числа сестеръ въ Симферополь, онъ остался на Бельбекѣ при той части госпиталя, гдѣ лѣтомъ была главная резиденція сестеръ, и гдѣ теперь ихъ всего три, за малымъ числомъ больныхъ тамъ. Самъ онъ не просится объ увольненіи; удалять, можетъ быть, не хотятъ, потому, что сами

поискали его для этой должности. Такимъ образомъ онъ оставался при общинѣ до послѣдняго времени. Не знаю, не сдѣлалъ ли ему Пироговъ какого предложенія предъ отъѣздомъ своимъ бывши на Бельбекѣ.

Ваше высокопреосвященство поручили мнѣ секретно вникнуть въ состояніе Успенскаго скита (что и какъ въ немъ—лица, вещи и проч.?), которымъ вы недовольны.

Послѣ Севастополя я прожилъ въ скитѣ довольно времени, и живя въ Бакчисараѣ, посѣщаю его нерѣдко. И потому могу теперь же дать свой отзывъ, если мое сужденіе, какъ мірянина и человѣка малоопытнаго о предметахъ касающихся св. обители, не будетъ погрѣшительно. Пишу послушанія ради, а не сужу.

На мой судъ въ Успенскомъ скитѣ все—отъ мала до велика, отъ лицъ до вещей—порядокъ, служба, самый бытъ братіи внѣшній и внутрентій въ настоящее время въ прекрасномъ видѣ, и должно радовать, а не печалить васъ.

Богослуженіе совершается чинно и благогласно. Всякъ на своемъ мѣстѣ по способностямъ. Между братіею миръ и согласіе. Ни отъ кого неудовольствія или ропота на что либо. Со стороны не слышалъ нареканія; напротивъ похвала обители—въ устѣхъ многихъ. А теперь не безъ значительныхъ судей въ Бакчисараѣ. Трапеза безъ прихоти, сытна и обильна; въ экономіи есть все необходимое на потребу. Во внѣшнемъ отъ двора до келій, вездѣ чистота, порядокъ и благоприличіе. 5-го ноября, по случаю освященія престола перенесеннаго на средину алтаря, на приготовленной для важныхъ посѣтителей закускѣ, нельзя было не замѣтить, какъ и здѣсь все было благообразно и по чину, безъ излишества и роскоши, но много, вкусно, прилично, чисто, какъ требовалъ случай и присутствіе такихъ гостей, какъ напр., графъ Сакенъ. Военные теперь часто посѣщаютъ скитъ, и потому на внѣшнее приличіе не малое требованіе, которое впрочемъ находятъ здѣсь выполняемымъ. Обхожденіе настоятеля съ братіею болѣе братское, чѣмъ начальническое, но безъ фамиліарности. Молодые послушники подъ его надзоромъ, кромѣ пѣнія, упражняются въ письмѣ, катихи-

зисѣ, русской грамматикѣ и ариѳметикѣ, а также въ разныхъ послушаніяхъ на кухнѣ и на дворѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей, на все въ обители благопотребныхъ. Вы лично знаете этого строителя, коему сіе имя вполнѣ приличествуетъ.

14 декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 66-е.

Сегодня ожидаютъ сюда генерала Лидерса. Князя Горчакова Государь Императоръ приглашаетъ для чего-то въ С.-Петербургъ; говорятъ, будто-бы по случаю безнадежности здоровья кн. Паскевича, котораго онъ долженъ занять мѣсто. Впрочемъ онъ ѣдетъ, не оставляя совершенно здѣшняго поста.

Войны у насъ нѣтъ. Зима держится, снѣгу прибавилось. Г-жа Хитрова пріѣзжала въ Бакчисарай и соизволила мнѣ оставаться въ Бакчисараѣ до совершеннаго выздоровленія. Очень прискорбно мнѣ, что завтра—въ первый день праздника—не могу прослужить. Кажется для соборнаго служенія пожалуетъ о. архимандритъ, какъ сіе угодно Его Сіятельству.

При Бакчисарайской церкви я состоялъ только двѣ недѣли по 1-е декабря, и получилъ изъ доли второго священника 15 р. сер. Съ полученіемъ приказа о назначеніи духовникомъ Общины я долженъ былъ (какъ уже писалъ о семъ) ѣхать въ Симферополь и потому оставилъ службу при Бакчисарайской церкви, къ которой, въ помощь Паксимаде, командировалъ Лакскаго священника. Между тѣмъ заболѣлъ и опять ни при чемъ. Великая Княгиня, какъ слышу, очень экономна, и доселѣ собираетъ свѣдѣнія, какое я имѣю и имѣлъ довольствіе. Доля моя такова: странствую здѣсь, но ни откуда не получаю жалованья и не имѣю никакой фундаментальной службы. Терпя потерплю Господа, и когда либо внемлетъ моимъ воздыханіямъ.

24-е декабря 1855 года, г. Бакчисарай.

Письмо 67-е.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ прибылъ въ Бакчисарай на второй день праздника. Сегодня съ Кн. Горчаковымъ, говорятъ, поѣхалъ къ Севастополю. кн. Горчаковъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ

31-го декабря. Будетъ ли Лидерсъ главнокомандующимъ или только временнымъ здѣсь начальникомъ, неизвѣстно. Въ первомъ случаѣ ожидаютъ перемѣнъ въ штабѣ и также перевода главной квартиры въ Симферополь. Молва назначаетъ Графа Сакена Генералъ-Губернаторомъ въ Москву.

Дѣйствій никакихъ. Уже два дня снѣгъ таетъ и скоро, кажется, зима скроется отъ насъ.

28-е декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 1-е.

1856 годъ.

1-го генваря весь день шелъ дождь. Съ ночи на 2-е число посыпалъ снѣгъ, задулъ сѣверный вѣтеръ, наступилъ сильный морозъ, и зима вдругъ возвратилась въ самомъ грозномъ видѣ. Теперь вѣтеръ съ мятелью. Вотъ единственная новость послѣ выѣзда кн. Горчакова, который выѣхалъ отсюда 1-го генваря. Въ церкви уже былъ во главѣ Лидерсъ.

Послѣдовала перемѣна въ дняхъ отхода почты. Узнавъ, что сегодня она отходитъ, представляю запоздалую бумагу съ сими нѣсколькими строками.

2-е генваря 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 2-е.

Сейчасъ слышалъ, что вчера передалось съ нашей стороны непріятелямъ 6-ть человѣкъ, и въ томъ числѣ два унтеръ-офицера, и что будто бы поэтому главнокомандующій остановился съ преднамѣренными на завтра дѣйствіями. Бѣжавшаго одного офицера схватили съ потерею двухъ человѣкъ.

Еще расказываютъ, что вчерашнимъ огнемъ много очень повреждено зданій въ городѣ и не мало людей. Бѣда отъ враговъ, горе и отъ домашнихъ негодяевъ.

О крестахъ, присланныхъ изъ Москвы, сегодня получу настоящее свѣдѣніе, и завтра буду отвѣчать.

Своихъ крестовъ[1]) ожидаемъ съ терпѣніемъ, тѣмъ паче, что право наше на нихъ не велико. Это милость Ваша, которая всегда будетъ благовременна.

Письмо 3-е.

Имѣя случай, еще приношу вашему высокопреосвященству глубочайщую благодарность за Севастопольское жалованье, на полученіе коего прошу благословенія.

Трудное положеніе исправляющей должность настоятельницы Общины. Не позволено мнѣ быть въ Бакчисараѣ, какъ предполагалъ.

Великая Княгиня очень печется о своей Общинѣ, требуя увѣдомленія о состояніи оной и депешами. Еще шлетъ намъ 10 сестеръ. Командующій запасною арміей проситъ у Ея Высочества сестеръ для госпиталей въ Измаилѣ, Одессѣ, Вознесенскѣ, Перекопѣ и другихъ пунктахъ. Просьбу эту Великая Княгиня желаетъ исполнить: такимъ образомъ древо Живоносънаго Креста еще шире раскинетъ вѣтви свои.

Въ госпиталяхъ Симферопольскихъ изъ 12,500 больныхъ въ сутки умираетъ 140 человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ Симферополѣ больныхъ отъ ранъ всего теперь 400 человѣкъ. Итакъ не мечъ, а болѣзни уменьшаютъ теперь армію и уменьшаютъ страшно.

Староста Ергопуло, если немного поощрить его, будетъ полезенъ не для одной Бакчисарайской церкви, но и для скита, въ которомъ уже обѣщалъ устроить Силоамскую купѣль.

16-е февраля 1856 г., г. Симферополь.

Письмо 4-е.

Съ постомъ святымъ имѣю дерзновеніе привѣтствовать ваше высокопреосвященство. И въ сіе душеспасительное время, какъ и во всякое другое, уповаемъ въ Вашихъ Архипастырскихъ молитвахъ обрѣсти всяку благотребну намъ помощь.

---

[1]) Разумѣются бронзовые кресты на Владимірской лентѣ, пожалованные въ память войны 1853—1856 г. всему православному духовенству того времени.

Не утруждаю теперь частыми письмами, не имѣя ничего особеннаго, чтобы довести до свѣдѣнія Вашего.

23-го февраля возвратился я изъ Бакчисарая, куда, равно и на Бельбекъ, ѣздилъ по дѣламъ Общины. Бывши на Бельбекѣ, считалъ непростительнымъ не взглянуть на Севастополь, и видѣлъ его совершенно измѣнившимся по уничтоженіи Николаевской батареи, которая представляетъ длинную гряду одного щебня. Безопасно было смотрѣть теперь на городъ и ходить по берегу Сѣверной (ибо уже было время перемирія), но при очень пасмурной погодѣ мало что можно было разсмотрѣть въ печальной его картинѣ. Памятникъ Казарскому видится цѣлъ. Невредимъ также стоитъ вновь построенный Николаевскій Соборъ. Конечно, это будетъ въ будущемъ Севастополѣ первая церковь, въ которой въ скоромъ времени можно открыть богослуженіе. Наша Петропавловская едва ли удобна будетъ къ возстановленію, особенно по тому стилю, по которому она построена была. Это потребуетъ средствъ, которыя были у Лазарева[1]). Не увезены ли Апостолы (мраморные) въ Парижъ, гдѣ очутились сфинксы, лежавшіе на парадной лѣстницѣ библіотеки? Вывезти ихъ въ послѣднее время я не имѣлъ средствъ, а прежде не могъ предвидѣть того, что случилось съ Севастополемъ. Въ эту же поѣздку я узналъ, (и не хочется вѣрить, пока не увижу собственными глазами), что Инкерманская церковь рукою вражіею приведена въ первобытное печальное ея состояніе.

1-го марта 1856 г., г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Вчера поздно возвратился съ пути. Съ первою почтою представляю рапортъ, а подробнѣйшее описаніе мною видѣннаго въ непріятельской области представлю съ слѣдующею почтой.

О. Архимандритъ Геронтій (Балаклавскій) съ братіею здравствуетъ и проситъ Вашего Архипастырскаго благословенія. Послѣ храмоваго въ монастырѣ праздника онъ будетъ въ Скитѣ,

---

[1]) Возстановлена въ первобытный видъ въ 1891 году строителемъ броненосца „Синопъ" Володинымъ на его собственныя средства, согласно желанію Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны.

откуда будетъ писать Вамъ обо всемъ. Писать чрезъ руки или чрезъ Штабъ онъ находитъ неудобнымъ. По мнѣнію его, подвергать монастырь очищенію не для чего. Въ монастырскихъ верхнихъ зданіяхъ были больные только полуздоровые для окончательнаго поправленія здоровья, и то въ небольшомъ числѣ. Опасности болѣзненной онъ никакой не видитъ, а затруднительно и опасно оставлять обитель въ руки неизвѣстныхъ жителей.

Непріятели или гости начинаютъ собираться въ дорогу, но только еще начинаютъ. Въ Севастополѣ на развалинахъ вездѣ караулъ. Въ Камышѣ и Балаклавѣ мало суетятся о выступленіи изъ Крыма. Видѣлъ татаръ пріѣзжающихъ въ Балаклаву съ пожитками и слышалъ, что многія семейства изъ деревень Байдарскихъ уходятъ къ своимъ единовѣрцамъ на Востокъ.

Въ Бакчисарайскомъ церковномъ дворѣ, при отнесеніи неправильно искрушенной стѣны и снятіи наносной земли, оказался остатокъ древняго зданія; повидимому, это олтарная часть. Я велѣлъ оставить его до пріѣзда Вашего. О. Накротинъ имѣетъ большіе недостатки и не на мѣстѣ онъ въ Бакчисараѣ, гдѣ злоязычные греки за всѣмъ слѣдятъ. Но Паксимаде, кажется, преувеличиваетъ кое-что по своимъ видамъ.

Вчера главный штабъ прибылъ въ Симферополь и слѣдуетъ въ Одессу.

Когда община наша оставитъ Крымъ, еще нѣтъ отъ Великой Княгини извѣстія. Вѣроятно его привезетъ новая сестра-настоятельница Бакунина, о назначеніи которой сейчасъ получилъ рескриптъ Ея Высочества. Она—сестра нашей же общины. Больныхъ еще до 9-ти тысячъ, и выводятся они въ поле—въ палатки, гдѣ, быть можетъ, и мнѣ придется жить.

Въ Севастополѣ нескоро можно будетъ открыть богослуженіе. Кудаже приставить діакона Подольскаго, если уже слѣдуетъ сюда?

22-е апрѣля 1856 г., г. Симферополь.

Письмо 6-е.

Съ сею же почтою къ Вамъ слѣдуетъ бумага, которою просятъ для меня отпуска въ С.-Петербургъ. Вполнѣ предаюсь въ

семъ случаѣ, какъ и всегда, архипастырской волѣ Вашей, которая, не по заслугамъ моимъ, всегда была о мнѣ благая. Не смѣю и думать, чтобы я, съ моими немощами, оказался тамъ на что либо потребнымъ. Кажется, вся потребность во мнѣ та, что я находился при общинѣ во все время пребыванія оной въ Крыму, и могу быть свидѣтелемъ бывшихъ опытовъ ея. По возвращеніи же сестеръ въ С.-Петербургъ, какъ отчасти извѣстно, великой княгинѣ желательно заняться и окончательною организаціею (изъ лучшихъ сестеръ) своей общины, которая будетъ существовать и въ мирное время или всегда.

За полученіемъ билета, если благоволите отпустить меня, имѣю чрезъ недѣлю самъ явиться въ Одессу... Ѣду съ докторомъ общины Тарасовымъ, который имѣетъ надобность быть въ штабѣ главнокомандующаго и также возвращается въ Петербургъ, и нашъ путь избранъ чрезъ Кіевъ. Если благословите и меня въ путь сей, имѣю случай утѣшиться и скорымъ свиданіемъ съ семействомъ.

9 іюня былъ на сѣверной сторонѣ Севастополя, куда провожали тѣло покойной Хитрово для отправленія на пароходѣ въ Одессу. Опять обращался къ г. коменданту контръ-адмиралу Бартеневу, прося его согласія и распоряженія на водвореніе тамъ нашего духовенства. Онъ отвѣчалъ, что пока нѣтъ никакого распоряженія о водвореніи самихъ жителей, что гражданской власти здѣсь никакой нѣтъ, что для гарнизона есть іеромонахъ Лаврентій, который исполняетъ требы, какія случатся, что пока не будетъ чего-либо фундаментальнаго, положительнаго распоряженія отъ правительства о водвореніи севастопольцевъ, дотолѣ было бы излишне хлопотать о церкви и опредѣленномъ приходѣ. Мы сами, говоритъ онъ, не знаемъ, что мы здѣсь хозяева или нѣтъ. И я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ г. коменданта. Новая колонія состоитъ изъ ряда балагановъ, въ которыхъ торгуютъ мелкіе торгаши (большая часть караимовъ). Изъ настоящихъ гражданъ Севастопольскихъ никто не возвращается еще. По ту и другую сторону балагановъ въ землянкахъ водворяются семейства нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, которые въ свою очередь ведутъ и торговлю. Это не

наши прихожане; по крайней мѣрѣ мы не можемъ объявить на нихъ права, безъ распоряженія отъ начальства. Занятій для священника есть и довольно, ибо довольно бываетъ и требъ, требующихъ метрическаго акта, но необхимо прежде удалить, можетъ быть, іеромонаха, чтобы не вышло какого либо соперничества и, можетъ быть, соблазна. Діаконъ Подольскій живетъ въ Бакчисараѣ; тамъ же дьячки, въ ожиданіи дальнѣйшагаго распоряженія. Но въ севастопольскомъ причтѣ, кажется, нѣтъ священника. Отецъ Михаилъ хвалился мнѣ, что сыну его разрѣшено оставаться въ Симферополѣ.

Бывши на Сѣверной, я побывалъ въ монастырѣ балаклавскомъ. Отецъ Геронтій съ братіей здравствуетъ. При мнѣ пригнали 20 лошадей, подаренныхъ монастырю французами. Уже не много осталось французовъ и англичанъ на нашей землѣ, но довольно еще складовъ, съ которыми не такъ скоро можно убраться. Въ гостинницѣ монастырской и въ самомъ монастырѣ есть еще чужіе пожильцы.

Въ Карани уже поселились наши греки.

Исправленіе моей должности ближе поручить о. Родіонову, но можно и о. Пансимадзе.

Я не писалъ вамъ съ пароходомъ, отходившимъ изъ Севастополя, полагая, что вы уже на пути къ намъ. Но пріѣхавши въ Симферополь, узналъ, что болѣзнь удержала васъ отъ путешествія, давно нами ожидаемаго.

17 іюня 1856 г., г. Севастополь.

Послѣсловіе.

Несмотря на опасность положенія отъ скопленія множества больныхъ въ госпиталяхъ и развитія тифа, автору писемъ пришлось оставаться въ Симферополѣ еще два мѣсяца, и только въ половинѣ августа могъ онъ выѣхать, вмѣстѣ съ общиной, въ Петербургъ чрезъ Кіевъ и Москву, куда призывался весь составъ Крестовоздвиженской общины съ начальницей ея Бакуниной, духовникомъ и съ старшимъ врачемъ Тарасовымъ. Путешествіе это дало ему возможность свидѣться съ своимъ

семействомъ послѣ трехлѣтней разлуки. Въ Москвѣ милостиво принятый Ея Высочествомъ, великой княгиней Еленой Павловной, и преосвященнымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, бывшимъ здѣсь по случаю коронаціи Императора Александра II-го, авторъ писемъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ вел. княгиней, 28 августа, Государю Императору, посѣтившему ее въ этотъ день по случаю годовщины кончины ея супруга, в. князя Михаила Павловича. При этомъ Его И. Величеству благоугодно было обратиться къ представляемому о. протоіерею съ словами: „вы изъ Севастополя; вы были тамъ все время осады до конца. Это было вчера“. Послѣднія слова произнесены Его Величествомъ съ грустью и наклоненіемъ головы.

По прибытіи Общины въ С.-Петербургъ великая княгиня выразила было ея духовнику желаніе свое содѣйствовать опредѣленію его къ одной изъ столичныхъ церквей; послѣдуя совѣту высокопреосвященнаго Иннокентія, онъ просилъ Ея Высочество предоставить ему возвратиться въ вѣдомство своего архипастыря. Соизволивъ на это, вел. княгиня выразила къ нему благоволеніе своимъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, съ выраженіемъ „благодарности за достойное и примѣрное исполненіе обязанностей духовника Общины“; при этомъ пожаловала ему большую серебряную медаль, установленную „въ память милосерднаго служенія страждующей братіи“ и повелѣла отпускать ежегодно изъ своей придворной конторы по 250 руб. на приготовленіе двухъ старшихъ его сыновей въ учебныя заведенія и выдать денежное пособіе на возвращеніе изъ Петербурга.

По прибытіи въ Одессу съ семействомъ въ концѣ сентября 1856 г., авторъ писемъ состоялъ сначала на священнической вакансіи при Одесской Срѣтенской церкви, спустя годъ опредѣленъ законоучителемъ Ришельевской гимназіи и ключаремъ каѳедральнаго собора, а съ 1873 года состоитъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ томъ же соборѣ. Ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, 14 минувшаго мая, удостоенъ награжденія орденомъ 1-й степени св. Анны.

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

VIII.

Мармута, Штепа и Сезоненко, узнавъ, что жалобы о немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ, отложены въ долгій ящикъ, прибыли въ Глуховъ къ началу мая, и давай обивать канцелярскіе пороги. Послѣ долговременныхъ хлопотъ и немалыхъ посулъ, доношенія ихъ, поданныя въ декабрѣ 1754 г., отправились теперь при ордерѣ въ войсковой генеральный судъ на разсмотрѣніе. Въ эту пору было только двое судей: Оболонскій и Петръ Горленко; а Д. Требинскій поспѣшилъ заявить, что г. Оболонскій находится въ тяжбѣ и ссорѣ съ нимъ. Поэтому доношенія не разсматривались. Мармута же сталъ скупенекъ на подачки, онъ на сухую началъ совершать хожденія къ судейскимъ крючкотворамъ, и они ему всякій разъ говорили одно и тоже: нужно пообождать до полнаго состава гг. судей. Но вотъ Мармута пронюхалъ какъ—то, что на дняхъ будетъ разбираться дѣло глинскаго сотника Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ. Онъ метнулся туда и сюда,—и нѣкій крючокъ, задобренный рублемъ, на ушко шепнулъ ему, что генеральная войсковая канцелярія для разсмотрѣнія того дѣла назначила судей. Тогда Мармута, Штепа и Сезоненко подали всепокорнѣйшее доношеніе въ генеральную канцелярію: „Мы нижайшіе

[1]) См. „Кіевск Стар.“ 2896 г., № 6.

извѣстились, что по дѣлу сотника глинскаго Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ велѣно присутствовать съ бунчук. товарищемъ П. Г—енко бунчук. товарищомъ Ив. Діаковскому и Ив. Туранскому; а воръ и разбойникъ Ив. Требинскій, опасаясь за свое злодѣйство, съ пути прошлаго генваря безвѣстно въ чужое государство бѣжалъ, а на оному Ивану Тр—скому нашей претенсіи состоитъ до нѣсколько сотъ рублей; того ради генеральной войсковой канцеляріи просимъ, оное дѣло наше рѣшить; а оставшійся по немъ хуторъ повелѣть арестовать и сотенному горошинскому правленію въ смотрѣніе отдать,—далѣе намъ нижайшимъ за поварованніе онымъ воромъ наши имущества и немалые бои было съ чего съ удоволствомъ нашимъ по рѣшенію того нашего дѣла получать: ибо таковіе отъ воровъ, низбегшихъ зъ россійскаго государства въ чужое, оставшіеся добра слѣдуютъ въ отдачу обидимымъ". Генеральная канцелярія, принявъ во вниманіе это доношеніе, повелѣла, дабы по дѣлу Мармуты имѣли присутствіе означенные бунчуковые товарищи. Но Ив. Туранскій немедленно же, 29 мая, изъяснилъ генеральной канцеляріи: „понеже бунч. тов. Д. Требинскій мнѣ доводится въ свойствѣ такомъ, что жена его зъ моею женою двоюродные сестри, зачѣмъ мнѣ по иску казаковъ Мармуты, Штепы и Сезоненка присутствовать не доводится,—того ради прошу въ судъ генеральный по вышеписанному дѣлу определить на мѣсто меня кого другого". Въ генеральной канцеляріи почли заявленіе Туранскаго резоннымъ и возрадовались, что еще будутъ имѣть возможность погрѣть руки въ карманахъ Мармуты. Съ назначеніемъ третьяго судьи не торопились. Каждое канцелярское колесо выжидало подмазки, по совершеніи которой, генеральные колеса завертывались—и третьимъ судьей въ концѣ іюня назначенъ Илья Марковичъ.

На этотъ разъ Данилу Тр—му не удалось остановить дѣла Мармуты: судьями оказались лица, не бывшіе съ Даниломъ въ пріятельскихъ или родственныхъ отношеніяхъ.

Пятаго іюля генеральный судъ послалъ въ генеральн. канцелярію доношеніе: 1, дабы генерал-маіора Хорвата запросить

о томъ, гдѣ находится нынѣ Иванъ Тр—скій—въ бѣгахъ или при своей командѣ, и что отъ Хорвата въ отвѣтъ сообщено будетъ-—генеральному суду дано бы знать; 2, что же на Ивану Тр—му означенніе претензіи показаны и въ разбои оговоренъ, а паче, что избѣгъ въ чужое государство,—то судъ генеральный опись оному имѣнію утекшаго и отборъ з подъ владѣнія братовъ, а отдачу въ сторонній добрый присмотръ по своему мнѣнію присуждаетъ, чтобы иногда оное растеряно быть не могло". Въ первой же половинѣ іюля послали запросъ г. Хорвату, а въ полковую лубенскую канцелярію указъ объ арестованіи имѣнія Ивана Тр—скаго.

Достигши такихъ результатовъ и изрядно угостивъ канцелярскую братію, Мармута пустился безъ оглядки домой. Поспѣшая въ Каневцы, то и дѣло хватался онъ за свои карманы и только вздыхалъ; но утѣшалъ себя мыслію, что потраченное возвратится къ нему сторицею; претензію свою онъ получилъ съ имѣнія Ивана Тр—скаго, а пока что—отдохнетъ дома послѣ всего того, что претерпѣлъ въ Глуховѣ. Но ему скоро пришлось побывать тамъ, откуда такъ ретиво бѣжалъ.

IX.

Прибывъ домой, Мармута обрадовалъ домочадцевъ тѣмъ, что *претензію* свою онъ получилъ съ имѣнія Ив. Тр—го. На радостяхъ Мармута и его присные сосчитывали и соображали, какіе доходы могутъ быть съ хутора Иржавскаго, какое есть тамъ имущество и сколько его. На радостяхъ Мармута собралъ къ себѣ знакомыхъ и родныхъ и задалъ пирушку.

Угощаясь медомъ и виномъ заморскимъ, вареным и жаренымъ, веселые гости похваляли хозяина, что нашелся хотя одинъ казакъ—онъ Михайло Семеновичъ, который наложилъ руку на хуторъ Требинскихъ.

— Зачепывъ бы Данило Требиньскій мене, такъ я ще не те зробывъ!—произнесъ ктото изъ застольной компаніи.

— А щобъ ты зробывъ? спросилъ Мармута, подбоченясь. Хочетьця мини знать, щобъ це ты зробывъ? важно продолжалъ Мармута.

— Щобъ зробывъ.

— Эге!

— Знавъ бы, що зробывъ!—послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ смѣльчакъ.

Веселая компанія захохотала.

— А воно таки тому Данилу Требиньскому щось треба зробыты!—возвысилъ голосъ Степанъ Кочерга.

— Будемо робыты! Будемо братцы—подхватили другіе.

— Утнемо таку штуку, що мабуть и не снилось и не снитеметьця! Зробымо таке, що Данило Требиньскій не сподивавсь и не сподыватиметьця!—ораторствовали охмелѣвшіе казацкіе головы.

— Кожній напише свою претенсію, та скинемось, братци, по копи грошей, и воно у суди дило наше буде доладу та доскладу—ось що!—сказалъ Кочерга.

— Якъ скинутьця, то й скинемось! Аби-бъ дило було!—сказали многіе.

— Буде, буде!—возопилъ Кочерга.

— Щожъ воно буде?—спросили нѣкоторые.

— Тежъ саме буде, що Иванови: опишемо худобу Данилову тай подилымось! Кожный яку обиду мае, та и визьме свою часть!

И занялись раздѣленіемъ имущества Данила Требинскаго. Распредѣливъ между собою плеховскія и оржицкія поля, садки, гайки, оставили пока недѣленными болото съ осокой и камышемъ, да ставокъ съ мельницей. Вопросъ о болотѣ разрѣшили сразу: этотъ предметъ былъ предоставленъ Якиму Рудьку, который не принималъ участія въ разбираніи добра Требинскихъ и былъ всецѣло преданъ Хмельницкому—то и дѣло тянулъ онъ поставецъ за поставцемъ.

— А що, Якиме, визьмешь соби оту мистину, де очерету та осоки такои богацько?

— Добре! И за це спасиби!—отозвался Якимъ.

— А може якъ раздывысся, та тоди скажешь: казнащо далы—самый очеретъ, та чаполочъ, та осоку!

Якимъ не слушалъ рѣчи, онъ занятъ былъ поставцями.

— Чы чуешь, Якиме? Чы не будешь жалкувать, що чапалочъ та осока?..

— Та часомъ и того нигдѣ взяты! Нехай буде вже такъ! сказалъ Якимъ, махнувъ рукой.

Заходили и зазвенѣли чарки по рукамъ: то поздравляли Якима съ пріобрѣтеніемъ болота въ вѣчное и потомственное владѣніе.

— Спасыби, добре люде! Спасыби! Часомъ и того нигдѣ взяты!—прыговаривалъ Якимъ, усердно выпивая и расправляя свои усы.

Порѣшивъ съ болотомъ, принялись за мельницу и ставокъ, теперь уже не поладили; всякому, кромѣ Якима, хотѣлось завладѣть этими предметами. Возникъ жаркій споръ: шумѣли, кричали, чокались чарками, цѣловались, уговаривали другъ друга пойти на уступку млынка и ставка. Даже Ст. Кочерга, получившій хорошую часть—тоже ставокъ съ мельницей—и тотъ горячился и спорилъ: ему хотѣлось заграбастать и эти спорные предметы. Упрекая Кочергу, къ согласію не приходили; тогда обратились къ Якиму Рудьку.

— Хочь бы ще ты Якиме, що разумне сказавъ!

— Бо й казатыму! Чому не казать!—пробормоталъ Якимъ.

Честная компанія настроилась слушать, что Якимъ будетъ казать—говорить, онъ не заставилъ себя долго ждать,—наполнилъ чарку, расправилъ усы, поднялся и сказалъ: „На здоровье добри люди, хозяину, хозяйци и диткамъ! Хай соби шануютьця въ добри та щасти! Щобъ у ихъ було горилки и меду стильки, скильки у тому ставку воды! Щобъ у ихъ муки було стильки, скильки перемололось зерна у тому млыни! А за той ставокъ та за той млынокъ помиркуете, люде добри, уранци натощакъ!“

— Оце добра ричъ!—воскликнула застольная компанія. „И справди, порадымось, братьци, у раньци!“ И стали чокаться за здоровье хозяевъ да похвалять Якима за его рѣчь.

— Якимъ якъ скаже, такъ якъ сокирою уруба! говорили.

Главнымъ образомъ восхищались тѣмъ, что онъ пожелалъ. Мармутѣ *горілки* цѣлый ставокъ; и желая хозяину такое множество—выпивали.

Пѣнился медъ, звенѣли чарки: то увлеченные рѣчью Якима частувались съ разными присказками; причемъ нѣкоторые остряки не преминули пройти и на счетъ Требинскихъ.

— Погладьмо дорогу и Данилу Требиньскому! говорили.

— Та и Ивану Требиньскому, де винъ тамъ, сердега, блукае, нехай икнетьця! раздалось за столомъ.

— Та тільки нехай не вертаетьця! подсказали.

— Оттакъ якъ не вернетьця оця чарка, що пиде у горло, такъ и ему не вертатысь!—сказалъ Кочерга.

Съ его пожеланіемъ согласились всѣ и осушили чарки за *невертання* Ивана. Въ тотъ самый моментъ взлетѣлъ въ хату Сезоненко.

— Хлибъ, силь добримъ людямъ, а гостю чарка горилки! Иванъ Требиньскій, братци, объявивсь!—сразу ляпнулъ Сезоненко. При этихъ словахъ всѣ пришли въ ужасъ: у иныхъ чарки выпали изъ рукъ, у иныхъ чарки такъ и остались возлѣ ртовъ, нѣкоторые ощупывали бока, какъ бы намѣреваясь вооружиться. Сезоненко, желая успокоить публику, только подбавилъ жару: „кажу що Иванъ Требиньскій объявивсь... ось я бачывъ...

— Де?,.. Що?... Якъ?... Видкеля?... —засыпала его вопросами изумленная и оторопѣвшая публика.

— Та чого бо вы полякалысь? Ничого тутъ страшного нема! Ось, мерщій, давайте перше чарыну, та я усе раскажу!—проговорилъ Сезоненко.

Ему поднесли нѣсколько чарокъ, онъ выпилъ залпомъ три и наполнилъ ротъ жаренымъ. Между тѣмъ изумленная компанія то и дѣло возглашала: „Дежъ бо це винъ узявсь?... Якъ же бъ то це винъ проявывсь?...

Подкрѣпившись, Сезоненко началъ разсказыватъ о проявленіи Ивана Тр—скаго.

Ѣздилъ это онъ, Сезоненко, въ Кременчугъ и тамъ видѣлъ тѣхъ гусаръ, которые отвели Ивана Тр—го къ Хорвату; а Хор-

ватъ посадилъ его въ желѣзахъ подъ стражу; словили Ивана съ какою то бабою въ Славяносербіи.

— Легкый на спомынкы! Ось бачъ де винъ блукавъ! А мы ось казалы, що винъ не вернетьця въ цю сторону!—сказали Сезоненку и пошли острить надъ уловленнымъ.

— Мабуть, бабу ту десь укравъ! Бо винъ бере, що подвернетця пидъ руку, а перше жинокъ, бисивъ сынъ не мына!

— А тымъ часомъ сыдыть у зализахъ!...—сказали другіе.

— Та шануеться зъ бабою!...—добавилъ ктото.

— Мабуть биля бабы дуже забарывся, що не счувсь, якъ ёго злапалы!—говорили.

— А то бъ утикъ: бо винъ швидкій, и якъ не переливки, такъ заразъ навтикача!—объяснилъ Штепа.

Вѣсть о поимкѣ Ивана Тр—го привела Мармуту въ такой восторгъ, что ему представлялось, какъ это гусарина будутъ вести въ Глуховъ, а онъ, Мармута, заберетъ имущество его. Дабы это поскорѣе совершилось, Мармута вознамѣрился сбѣгать въ Глуховъ.

— Якъ я оце поиду у Глухивъ, та объявлю, що Иванъ Требиньскій піймавсь, такъ его скоришь вытребують, та дило мое кончуть; тоди вже побачите, братци, якъ я настояще буду хозяйствовати въ Иржавскимъ хутори.

Такъ фантазировалъ Михайло Семеновичъ, а гости его и послащивали ему.

— Теперички замисть бабы та Михайло Семеновичъ буде шакувать Требиньскаго Ивана! Буде винъ згадувать те шанування по викъ свій!—говорили.

— Спасыби, добре люде! Спасыби!—отвѣчалъ самодовольно Михайло Степановичъ.

Съ такими словами Мармута и выпровожалъ своихъ гостей, которые, въ свою очередь, обѣщались задать и Данилу Требинскому. Здѣсь на прощаньи они еще разъ условились завтра-же *порадиться* насчетъ Данила. Но это желаніе, возникшее въ хмѣльныхъ головахъ, вмѣстѣ съ хмѣлемъ и испарилось: проспавшись, каждый поспѣшилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ и выжидалъ, что къ нему прійдутъ на раду, а главное—у каж-

даго не хватало охоты скинуться по копи грошей. Такъ рада насчетъ Данила и не состоялась. Зато Мармута что задумалъ съ вечера, то и осуществилъ утромъ.

X.

Выпроводивъ гостей, Мармута выспался хорошенько; едва блеснула утренняя зорька, онъ былъ уже на ногахъ, суетился, полѣзъ въ скрыню—досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ рублей на всякій случай—для большаго успѣха, и поѣхалъ на своихъ пѣгихъ.

Въ Глуховѣ немало удивились появленію Михайла Степановича, пріятно улыбались ему и вопрошали, чтобы такое такъ скоро пригнало его сюда; и просилъ сдѣлать все такое, чтобы поскорѣе сюда привели Ивана Тр—го да уже и рѣшили бы его дѣло. Канцелярскіе служаки посовѣтовали Мармутѣ обратиться съ такою просьбою къ генеральному обозному. Мармута сейчасъ же и проникъ, куда ему указали. Обозный любезно принялъ просителя и далъ слово сдѣлать все къ удовольствію его.

Низенько поклонившись Кочубею, Мармута весь сіяющій забѣжалъ въ генер. канцелярію и повѣдалъ о явкѣ къ обозному. Господа канцелярскіе, слушая рѣчи Мармуты, потирали руки въ ожиданіи предстоящаго удовольствія, какое за добрый совѣтъ онъ долженъ былъ доставить имъ.

Изъ присутственныхъ мѣстъ шествовалъ Михайло Семеновичъ въ сопровожденіи канцелярской братіи, которую въ надлежащемъ мѣстѣ угостилъ. Во время угощенія ему сказали, что за добрый совѣтъ слѣдуетъ еще завтра и дорожку погладить. Михайло Семен., хотя и далъ слово, но дорожки завтра не гладили,—это глаженье комомъ сидѣло въ карманахъ его. Раненько утромъ, ни свѣтъ, ни заря, Мармута утрясся изъ Глухова.

Генеральный обозный Кочубей исполнилъ, что обѣщалъ. Немедленно же онъ послалъ Хорвату письмо, чтобы прислать Ивана Требинскаго въ генеральный судъ.

Хорватъ 30 іюня увѣдомилъ „высокоблагороднаго“ обозваго, что „23 іюня Иванъ Требинскій сысканъ и по оказавшемуся *важному дѣлу* содержится заклепанъ въ ножныхъ кандалахъ подъ карауломъ; когда же по тому дѣлу дѣло надъ нимъ окончится, тогда вамъ дано знать будетъ, о чемъ во извѣстіе вамъ объявляю“.

Какимъ же способомъ поймалась въ клѣтку такая важная птица залетная, съ которою не справились Рубанъ съ командою и капралъ съ гусарами? Эту птицу попутало влеченіе къ чутовской красавицѣ.

XI.

Почти всѣ молодыя бабы, обитавшія въ Иржанскомъ хуторѣ, плачивали дань державцу своему—гусарину Ивану. Кромѣ этихъ разнообразныхъ и случайныхъ жертвъ, у Ивана Тр—го была любовница—нѣкая Ганнуся, кіевская торговка, которую онъ привезъ къ себѣ вскорѣ послѣ водворенія своего въ Чутовкѣ. Ганнуся пользовалась особеннымъ его вниманіемъ. Это была забористая молодка: черноокая, дородная—она имѣла изящныя формы, роскошные черные волосы и замѣчательной бѣлизны тѣло.

Намѣреваясь предаться бѣгству въ польскую область, Иванъ Тр—скій сожалѣлъ, что такой лакомый кусочекъ остается, такъ сказать, на произволъ судьбы и, пожалуй, попадетъ въ чьи-либо руки; потому строго наказывалъ Ганнусѣ никуда не отлучаться и дожидаться его.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а гусаринъ Иванъ не возвращался въ свой хуторъ: въ новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми—удалыми польскими шляхтичами ему жилось хорошо; да и нужно было подольше здѣсь въ Польшѣ погулять, чтобы хотя немного поистерлись слѣды разбоя, учиненнаго въ Канецахъ. Но вотъ у Ивана явилось страстное желаніе позабавиться Ганнусей; по ней ему даже взгрустилось. Она, думалъ онъ, ждетъ его и скучаетъ за нимъ. Ктому же хотѣлось узнать и объ обстоятельствахъ своего дѣла.

Къ путешествію въ Чутовку, весьма небезопасному, Иванъ Тр—скій приготовился надлежаще: досталъ себѣ лихого скакуна, облекся въ польскій кунтушъ, обрѣзалъ косу, подкрасилъ волосы и запасся паспортомъ на имя нѣкоего шляхтича Людвика Гудзиньскаго. Преобразившись такимъ образомъ, Иванъ Тр—скій пустился въ путь. На вторые сутки Людвикъ уже близился къ Чутовкѣ; разсчитывалъ онъ прибыть туда ночью, и потому на день залегъ въ лѣсу. Какъ только солнце стало спускаться за горизонтъ, Людвикъ выпорхнулъ на опушку лѣса и остановился, и въ суровыхъ очахъ его свѣтился восторгъ. Тамъ впереди раскинулись долы и холмы, они были объяты свѣтлоголубой мглой и алѣли въ лучахъ заходящаго свѣтила; но не видъ ихъ занималъ Ивана, не понимавшаго красотъ природы: онъ отыскивалъ ту ближайшую точку, достигнувъ которой можно было узрѣть хуторъ Иржавскій; онъ восхищался тѣмъ, что вотъ только вспрыгнетъ туда—на тотъ холмикъ, такъ сразу и очутится въ объятіяхъ роскошной Ганнуси; и при мысли объ этихъ объятіяхъ въ горячей натурѣ Ивана заклокотала кровь, заклокотали страсти,—онъ рванулся впередъ, какъ тигръ, и полетѣлъ стрѣлой къ намѣченной точкѣ.

Уже потухли послѣдніе солнечные лучи, долы и холмы потонули въ тьмѣ ночной, уже водворилась въ нихъ тишина, а Людвикъ все вихремъ летѣлъ на лихомъ конѣ и болѣе и болѣе воспламенялся, воображая, какъ онъ будетъ утопать въ объятіяхъ черноокой пышной Ганны, будетъ наслаждаться прелестями ея. Наконецъ онъ достигъ до желаннаго холма, птицей взлетѣлъ на вершину его, остановился и сталъ прислушиваться: изъ хутора доносился лай собакъ, да гдѣто прокричалъ филинъ. Крикъ его покоробилъ Ивана, ему чудилось, будто мертвецъ стоналъ и звалъ его къ себѣ. Тѣмъ скорѣе, дабы заглушить такое непріятное чувство, Людвикъ пришпорилъ коня, хотѣлось поскорѣе добраться до Ганны. Она покоится въ безмятежномъ снѣ, а быть можетъ, кохается съ кѣмъ нибудь—подумалъ Иванъ. Но эта мысль только промелькнула въ головѣ Ивана—и сразу улетучилась.

Обогнувъ уголъ усадьбы, Иванъ подъѣхалъ къ воротамъ; оказалось, что ворота и калитка заперты; вскорѣ оказалось, что и входы въ домъ заперты; онъ—къ окнамъ, и окна заколочены! Онъ обезумѣлъ и началъ метаться по двору; людская хата, конюшня, сараи, амбаръ—все было затворено и заперто. Разъяренный вскочилъ онъ на коня, надѣясь узрѣть Ганну въ Плеховѣ. При выѣздѣ изъ хутора на встрѣчу ему попался какой-то человѣкъ; этотъ человѣкъ окликнулъ: кто ѣдетъ? Верховецъ отвѣтилъ, что это ѣдетъ панъ Людвикъ—шляхтичъ польскій; и оба начали перекидываться словами.

— Чого жъ бо то панъ у таке времня издыть? И до кого бъ то?—спросилъ человѣкъ.

— А до Ивана Требиньскаго дѣло маю. Та штось и фортка и ворота заперты, та и въ дворѣ штось никого не видно! отвѣтилъ панъ Людвикъ.

— Бо тамечки нима никого, хиба сторожъ е!—сказалъ человѣкъ.

— А дежъ Иванъ Требиньскій?

— А хто его зна! Кажуть, що у Кыивъ поихавъ лисъ купувать—чи що!..—объяснилъ осторожный мужикъ; онъ, щадя свого пана, опасался незнакомцу открыть истину, что его панъ въ бѣгахъ. Людвикъ между тѣмъ подъѣхалъ ближе и распозналъ, что это говорилъ съ нимъ его вѣрный служитель Степанъ Лобода.

— Це ты Степане!

— Эге! произнесъ въ недоуменіи Степанъ и присмотрѣвшись попристальнѣе—узналъ своего пана.

— Та це вы, мій пане:

— Онъ самой!..

— Видкиля жъ це вы?

— А ты менѣ скажи, де Ганна дѣлася?

— Яка бъ це то Ганна?

— Та моя жъ Ганна!

— Давно нема!—сказалъ Степанъ, махнувъ рукой.

— Гдѣжъ она? Куда она проклята утряслася?

— А хто іи зна!.. Кажуть би то... а тимъ часомъ... И замялся Степанъ.

— Та штожъ тамъ кажуть.. Хтожъ кажуть? горячась, воскликнулъ Иванъ.

— Та кажутъ люде, буцимъ то Миколай Петровичь іи узявъ!

— Какой Миколай Петровичъ? съ изумленіемъ спросилъ Иванъ.

— Значитьця, братець ваши!

— Братъ мой?

— Эге... кажуть... а чи справди воно такъ...

— Та што все кажуть та кажуть, а ты-жъ де былъ? горячился Иванъ.

— Я не бачывъ!

— Чево не бачивъ?

— Бо издывъ на ярмарокъ.

— Када жъ это било?

— Издивъ я, значитьця, на ярмарокъ заразъ писля заговинъ. Якъ це ихавъ, такъ Ганна ще була, а якъ пріихавъ — не було вже іи!—размахивая руками, объяснялъ Степанъ, который, вслѣдствіе такого допытыванья, уже не радъ былъ и самой встрѣчѣ со своимъ паномъ.

— Какъ же онъ узялъ еи?—пилилъ панъ своего служителя.

— Та Бигъ его Святый зна, кажу! Мабуть, що вона зъ нимъ поихала—чутка така иде.

— Та штожъ, нихто не видѣлъ, какъ она поѣхала?

— Эгъ-жъ, значитьця, що такъ: чи винъ визъ іи, чи вона сама ихала, цего нихто не бачывъ, и я не бачывъ; ничого тутечки таитысь: якъ не бачивъ—то й не бачывъ!—базиковалъ Степанъ, радуясь, что разговоръ объ этомъ предметѣ пришелъ къ концу.

Иванъ Тр—скій началъ ругаться и высказыватъ сожалѣніе объ исчезновеніи Ганны.

— Та чого жъ бо то журытысь? Хиба вже и кращихъ нема? Сюды—туды майнутысь—знайдутьця!—утѣшалъ Степанъ.

Кажуть, у Кіиви такихъ жинокъ добиса е, кажуть, усякыхъ— и ляхивокъ, и жидивокъ, и нимокъ; та таки, кажуть, жартовливи!—поддразнивалъ Степанъ своего пана, по простоватости своей не сообразивъ, что такія вещи опасно говорить этому пану.

Дѣйствительно, Иванъ Тр—скій, слушая такія разглагольствованія, сталъ помышлять о Приськѣ—женѣ Степана.

— Та штожъ ми тутъ балакаемъ? Може хто подслухае?—сказалъ панъ.

— Адмежъ и я кажу, чого це мы туточка балакаемо! Эге...—возразилъ Степанъ и замолкъ, смекнувъ, къ чему клонились сіи вопросы: ему не хотѣлось бы пускать волка до хаты, ему припомнились „жартовання" пановы съ его жинкою; и онъ сталъ заговаривать о предметѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ его хатою и жинкою.

— Та воно, бачите, Данило Петровичъ кажну недилю чы подвійчи—чи потрійчи пріиздять и тутечки, значитьця, доладу все призводять.

— Такъ штожъ што доладу? перебилъ его Требинскій.

— Эге,—продолжалъ Степанъ,—такъ воно, значитьця, воны приставили трехъ чоловика—двохъ за стороживъ, а едного за прикажчика; воны десь тамъ. Ось заразъ я ихъ пошукаю.

— На што тамъ шукать? Я вже самъ шукалъ—и у дворѣ нема никаво...

— Та кудысь, мабуть, позаходили! Отъ якъ воны стережуть паньске добро!—говорилъ Степанъ, желая сосредоточить вниманіе пана на сторожахъ и прикащикѣ.

— Та тамъ и стерегти нечево... А вотъ пайдемъ до тебѣ, менѣ надобно отпочинуть якой часъ! — рѣшительно сказалъ Требинскій.

Услыша такое, Степанъ обмеръ отъ страха.

— Эге...—совершенно машинально произнесъ онъ и побѣжалъ.

Запыхавшись влетѣлъ Стетанъ въ хату и возопилъ: „Ой жинко! Утикай мерщій... нашъ панъ ось... тутечки...

— Ой лихо!—воскликнула Приська, словно громомъ оглушенная, и метнулась къ дверямъ, подбирая и подвязывая запаску; въ дверяхъ она наткнулась на Требинскаго. А онъ схватилъ въ свои лапы всю Приську цѣликомъ. Приська пищала и извивалась въ его желѣзныхъ рукахъ; онъ же вполнѣ безцеремонно любезничалъ съ нею, приговаривая: „Здорова била, Приська! Видишь, я до тебѣ въ гости заѣхалъ, душа моя, серце мое!

Степанъ въ оцѣпененіи стоялъ, понуривъ голову, и только изподлобья поглядывалъ на эту сцену да почесывалъ въ затылкѣ; онъ думалъ про себя: „що то воно зъ того війде?.. Оце... отъ тоби якъ... и де воно у биси узялось!“... И наконецъ осмѣлился сказать гостю: „Мы и не сподивались оце теперечки бачыты васъ, паночку! Тай не маемо, чимъ угощаты васъ!

— Тай не знаемо, чого бъ душа ваша забажала!—подхватила Приська.

— Отто дурни!—сказалъ гость, зазирая въ очи своей душкѣ; и обратившись къ степану промолвилъ: „На што мене твое угощеніе! Пайди лошадь маю пасматри та ѣсть ей палажи!“ Не обращая затѣмъ вниманія на Степана, гость сталъ пуще прежняго приставать къ Приськѣ, которая не могла освободиться изъ объятій и только приговаривала: „Пустыть же мене, паночку! Пустить, родненькій!“

Наконецъ, подскочилъ Степанъ, ухватился за трепетавшую въ рукахъ Ивана Приську и сталъ ублажать Ивана: „Паночку мій голубчику! Ось посьтривайте трошечки!

— Чево ты лѣзешь?—зарычалъ разъяренный Иванъ, сверкнувъ глазами и полуобнаживъ саблю. „Пошелъ изъ хаты, када голову хочешь имѣть цѣлу!“

Степанъ моментально исчезъ изъ хаты. Тогда Приська настояще уже заголосила: „Панечку—голубчику! Ой, пустить же мене... хочь... дыхнуть трошки... Пустить...

— Отъ я тебѣ какъ махну саблею голову, такъ ты и совсѣмъ дыхать не будешь, чортовая баба!—зарычалъ панъ и такъ устрашилъ бабу, что она сразу замолкла. Степанъ уже въ хату не рѣшался войти. Сначала онъ было притаился въ сѣняхъ, а потомъ выскочилъ изъ сѣней и хотѣлъ побѣжать по сосѣдямъ;

но сообразилъ, что то будетъ напрасная и опасная тревога: сосѣди—люди собранные Иваномъ Тр—скимъ съ разныхъ концовъ свѣта и преданы ему душой и тѣломъ; наконецъ, если появленіе Ивана Тр—скаго получитъ огласку и онъ попадетъ подъ арестъ, то братья Данило и Николай съ грунта выгонятъ его, Степана, или убьютъ его. Такъ раздумывалъ Степанъ и все только бѣгалъ взадъ и впередъ возлѣ хаты, ломая руки, хватаясь за голову. Наконецъ, ему въ голову пришла интересная мысль; съ нею онъ метнулся въ хату и восликнулъ: „братци, гукъ такій великій... Объїздні неначе!“...

Пана Ивана какъ иглой кольнуло, онъ вылетѣлъ изъ хаты.

— Коня менѣ!.. Да ты брешешь, гдѣ тотъ гукъ? Никакова гука нема!

— Та то, мабуть, вони притаились, або-що!.. Прислухаютьця, кажить; бо кожну ничъ вони тутечки шастають.

Взявъ во вниманіе эту рѣчь, гость потихоньку выѣхалъ содвора и вѣдомой ему глухой тропой пустился безъ оглядки въ Плеховъ.

Выпроводивъ такимъ манеромъ гостя, Степанъ вскочилъ въ хату. Здѣсь на лавѣ лежала Приська и тяжело дышала.

— А що жинко?

— Шыю та плечи такечки намнявъ...—жалобнымъ тономъ произнесла Приська.

— Эге, яжъ кажу... Эге!—было отвѣтомъ Степана и онъ замолкъ.

Приська лежала, повременамъ охая, а Степанъ въ какомъ то остолбенѣніи стоялъ возлѣ нея и глядѣлъ на нее.

Послѣ кратковременнаго бѣздѣйстія Степанъ метнулся къ порогу и отъ порога къ жинкѣ.

— Жинко! ворушись мерщій, та вставай, поидьмо у поле; а то якъ вернетьця—та ще намне!

Жинка съ такимъ предложеніемъ согласилась. Ѣдучи въ поле, обое нѣкоторое время молчали.

— Шыя щемить?

— Эге, шыя и плечи.

— Про те байдуже!—сказалъ Степанъ.

— Эге... не такъ плечи, якъ бока болять!—сказала Приська.

— Оце гирше усего... Тебе зразу ухопивъ, якъ скажена собака! Э такъ злякавсь, думавъ, що кишки зъ тебѣ вискочать.

Такъ разговаривалъ Степанъ съ Приською въ ту пору, когда его панъ устремлялся въ Плеховъ.

XII.

Было тихо въ селѣ и за селомъ, птички кое гдѣ стали попискивать, только-только начала заниматься заря. Всадникъ бысро скакалъ, окольнымъ путемъ вотъ-вотъ приближался къ Плехову съ мыслію поскорѣе укрыться въ домѣ брата, что и совершилось.

Данило обрадовался пріѣзду брата, разсказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и не совѣтовалъ объявляться; о Ганнѣ сказалъ, что не вѣдаетъ, куда она *дѣлася*. Лизогубовна тоже ничего не сказала о Ганнѣ. Но Иванъ вывѣдалъ у кой кого изъ дворни, что любовница его обрѣтается у брата Николая.

Дѣйствительно, Ганна кохалась теперь съ Николаемъ, и ей у было него веселѣе, чѣмъ въ Чутовкѣ. Здѣсь, по отъѣздѣ Ивана, она имѣла терпѣніе пробыть только двѣ недѣли, и это время показалось ей цѣлымъ годомъ. Сидя въ глухомъ хуторѣ, она затосковала и начала собираться въ Кіевъ съ добромъ, нажитымъ у господина своего. Во время этихъ сборовъ пріѣхалъ въ Чутовку Николай Требинскій и сошелся съ красавицей безъ затрудненій,—Ганна сразу отдалась этому новому селадону и была привезена имъ въ свой хуторъ, который находился въ Славяносербіи. Николай нажилъ себѣ хлопотъ изъ-за этой бабы: ей пришлось таки побывать въ рукахъ отчаяннаго Ивана.

XIII.

Иванъ Требинскій, дождавшись вечера, распрощался съ Даниломъ, сказавъ, что отправляется туда же, гдѣ былъ—въ польское мѣстечко Лановъ. Но онъ направилъ свой бѣгъ туда, гдѣ обрѣталась измѣнница Ганна.

Переодѣтый и подкрашенный, съ паспортомъ на имя того же ляха, гусаринъ Иванъ благополучно совершилъ путешествіе онъ приближался уже къ хуторку братца своего Николы. Были сумерки. Въѣхавъ во дворъ, Иванъ поставилъ коня возлѣ крыльца и вошелъ въ сѣнцы. Здѣсь ворочалась какая то старушка; отъ нея незнакомецъ узналъ, что пана нѣтъ дома, а есть одна хозяйка, которая легла спать. Незнакомецъ попросилъ вызвать хозяйку, чтобы передать ей дѣло, касающееся до пана. Старуха юркнула въ комнату, а господинъ вслѣдъ за нею—и здѣсь сразу узрѣлъ желанную особу. Ганна приподняла голову, глянула и окоченѣла отъ страха: ей внутренній голосъ подсказалъ, что это Иванъ.

— Палучче пасматри, такъ узнаешь, хто я таковъ! И безъ дальнѣйшихъ разсужденій предложилъ ей сію же минуту одѣться да и ѣхать съ нимъ. Ганна воспротивилась. Тогда, не теряя драгоцѣннаго времени, Требинскій схватилъ старушку, и вскочивъ какъ левъ на Ганну—колѣнями придушилъ ее, а старушку началъ вязать. Произошла борьба: Ганна царапалась и барахталась, но не могла освободиться отъ ужасныхъ клещей, охватившихъ ея нѣжное тѣло; старушка кряхтѣла и болтала своими костлявыми членами; но гость связалъ старушку, показалъ ей кинжалъ и велѣлъ ни пиcнуть. Затѣмъ связалъ красавицу свою, окуталъ одѣяломъ, захватилъ одежду и повлекъ непокорную до коня, вскинулъ на него живое тѣло, самъ вскочилъ, махнулъ ногайкой—и былъ таковъ.

Старушка, пролежавъ нѣсколько минутъ въ обморокѣ, пришла въ себя, разсмотрѣлась, что и Ганны и похитителя нѣтъ уже—и давай кричать во все горло: „хто въ Бога вируе—ратуйте!“

На крикъ сбѣжались служители, только-что пригнавшіе скотъ съ водопоя; они развязали старуху, которая стала разсказывать, что кто-то пріѣхалъ *верхи*, схватилъ ее и связалъ, да еще и ножа подвелъ ей „подъ самисиньки вичи“, а Ганну надушилъ, послѣ этого она ничего не помнитъ; этотъ неизвѣстный человѣкъ, говорила старуха, еще дрожавшая отъ страха великій та великій, на головѣ шапка такая *чудная*, лице у не-

го большое—съ добрый казанокъ, на затылкѣ и вискахъ *волосся* нѣтъ, усы длинные и тоненькіе, какъ у кота.

Выслушавъ такой разсказъ, служители побѣжали по хутору; собралось съ десятокъ людей, судили—рядили и на основаніи разсказовъ старухи всѣ порѣшили, что похититель Ганны былъ не кто иной, какъ татаринъ.

Пресловутый татаринъ быстро мчался. Онъ направлялъ свой бѣгъ въ одно мѣстечко, гдѣ жидъ готовилъ для него свой извощичій нарядъ—кибитку и саврасыхъ.

Панъ Людвикъ съ увѣсистымъ грузомъ прибылъ къ жиду еще до разсвѣта и на жидовской колымагѣ пустился въ дальній путь.

Неходко катилась колымага,—тощія лошаденки лишь слегка потрюхивали; но панъ не замѣчалъ этого: онъ усердно тѣшился своей жертвой въ кибиткѣ. Жидъ, слыша пановы амуры, только ежился на своемъ сѣдалищѣ, да усердно стегалъ по лошадямъ; тѣ было пускались вскачь, и чрезъ нѣсколько минутъ снова плелись тою же привычною, лѣнивою рысцей,

Въ пріятномъ путешествіи провелъ Людвикъ добрые сутки; онъ и не гадалъ, что надъ нимъ вотъ-вотъ готова была разразиться гроза.

XIV.

Николай Требинскій прибылъ домой въ ту же ночь, когда была похищена его конкубина. Вѣсть объ исчезновеніи Ганнушки поразила его, какъ громомъ; онъ не хотѣлъ вѣрить всему тому, что говорили; но фактъ былъ на лицо: Ганны не было, а измятый пуховикъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь ея нѣжное тѣло трепетало въ рукахъ похитителя. Глядя на пустое ложе, Николай прослезился. Конецъ коханью! думалъ онъ: запропастятъ татары Аннушку въ Бакчисарай; какъ овцу выведутъ ее базаръ да и продадутъ. Нужно гнаться чрезъ всѣ степи до самаго Крыма, въ самый Бакчисарай. И помчался онъ стремглавъ къ своему командиру Шевичу.

Николай Тр—скій вскочилъ во дворъ Шевича на зарѣ и учинилъ здѣсь тревогу. Едва Шевичъ выскочилъ на крыльцо, вицекапралъ сразу и брякнулъ: „Татары набѣжали"... Огорошенный такими словами полусонный командиръ не сталъ болѣе слушать, бросился назадъ и давай бѣгать по комнатамъ. На шумъ прибѣжалъ Чубукчій, баринъ наткнулся на него и крикнулъ: „давай!" Чубукчій, по привычкѣ, какъ угорѣлый, бросился въ уголъ, схватилъ тамъ трубку съ предлиннымъ чубукомъ и сунулъ ее въ руки барину; баринъ, облеченный въ женскій капотъ, съ воображаемымъ палашемъ шмыгнулъ въ прихожую, зооравъ во все горло: „коня! живо—о... коня!..." Заслышавъ эти слова, многочисленная дворня пустилась стремглавъ въ перегонку до конюховъ. Въ этотъ моментъ перетрусившій вицекапралъ заступилъ Шевичу дальнѣйшій путь и сталъ объяснять ему—въ чемъ дѣло; а Чубукчій, присѣвъ на корточки, возжигалъ фиміамъ, заключенный въ трубкѣ. Командиръ при первыхъ объяснительныхъ словахъ плюнулъ, выругался и замахнулся трубкой, попалъ ею въ зубы прислужнику и вывалилъ туда жаръ табачный; прислужникъ даже и глазомъ не моргнулъ, и съ прежнимъ усердіемъ принялся снова за возжиганіе.

Шевичъ, слушая разсказъ, подвелъ къ губамъ чубукъ и началъ тянуть; онъ пускалъ клубы дыма прямо въ лицо вицекапралу и только теперь замѣтилъ, въ какомъ онъ смѣшномъ нарядѣ; почему, не дослушавъ разсказа, затопалъ ногами, закричалъ и прогналъ вицекапрала. Переодѣвшись, Шевичъ позвалъ Требинскаго, и тотъ снова говорилъ ему, что этой ночью наѣхали татары, угнали лошадей, ограбили его домъ, утащили его хозяйку, заполонили всѣхъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ. Шевичъ не сталъ гнѣваться и, возмущенный дерзостью татаръ, далъ въ распоряженіе Требинскаго сто двадцать гусаръ.

Прибывъ съ гусарами въ хуторъ, Николай Тр—скій раздѣлилъ ихъ на четыре части. Самую меньшую часть съ десятью служителями своими Требинскій отправилъ на сѣверъ—по направленію къ Кременчугу—такъ, на всякій случай: можетъ быть то и не татары *наъздили*—говорилъ онъ. Три-же отряда разными путями помчались на югъ—къ рѣкѣ Волчьей.

Требинскій и шестьдесятъ гусаръ отчаянно скакали цѣлый день подъ палящими лучами солнца; нигдѣ не попадалось ни души, лишь коршуны да ястребы парили въ лазури небесной. Скакали гусары и на другой день; встрѣтили сѣчевиковъ, возвращавшихся изъ-за Конскихъ видъ. Сѣчевики сообщили, что они нигдѣ не встрѣчали татарской оравы.

Возвращаясь назадъ, Николай утѣшалъ себя, что какой-нибудь отрядъ что-нибудь да выслѣдитъ.

Такихъ же результатовъ достигли другіе два отряда, изъ коихъ одинъ привезъ командиру своему гостинецъ—двѣ дикихъ козы, убитыхъ въ Самарскихъ лѣсахъ [1]).

Четвертый отрядъ наиболѣе порадовалъ командира сего—г. Шевича: онъ привелъ ему дикаго вепря, на слѣдъ коего сразу набрелъ.

Взявъ изъ хутора на сѣверо-западъ, команда прибыла въ то мѣстечко, изъ котораго жидъ вывезъ пана Людвика. Тутъ гусары и служители шныряли по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, распрашивая о похитителяхъ дѣвокъ и бабъ. Ни отъ кого ничего не узнавъ, рѣшили направиться по большой дорогѣ на Кременчугъ. При выѣздѣ на эту дорогу—въ концѣ мѣстечка гусары завернули къ колодцу, у котораго женщина „журавлемъ" тянула воду. Здѣсь они напоили лошадей и вступили съ женщиной въ разговоръ, спрашивали, не выѣзжалъ-ли сегодня изъ мѣстечка кто-нибудь особенный—не изъ ихнихъ.

— Ба ни!.. Не бачила никого; але у ранци до схидъ сонця жидъ когось повизъ...

— Куда жъ онъ повизъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Неначе бъ то на великій шляхъ, сказала женщина, указывая на большую дорогу.

— Ково-жъ онъ повизъ?

— А хто ёго зна! Неначе щось сидило у будьци, а хто ёго зна, що воно таке!

— Богацько жъ ихъ тамечки сидило? чій жинка тамечки була? выхватился служитель Н. Тр—скаго.

---

[1]) Въ ту пору были дремучіе лѣса вдоль Самары, впадающей въ Днѣпръ.

— Та хто ёго зна! Але мабуть не богацько, такъ щось двое неначе! отвитила женщина.

— А жинки тамечки ни було? повторилъ служитель.

— Хиба я приглядалась, чи що!

При дальнѣйшихъ распросахъ женщина сказала, какой жидъ повезъ и гдѣ онъ живетъ. Домишко его находился неподалеку отъ колодца—почти въ концѣ мѣстечка. Туда помчались гусары, во дворѣ встрѣтили жидовку и спросили, куда ея мужъ поѣхалъ. Жидовка сказала, что Шмуль поѣхалъ въ Кременчугъ, повезъ туда кожи. Такой отвѣтъ сразу показалъ, что Шмуль потаскалъ какихъ-то подозрительныхъ господъ,—и гусары тѣмъ энергичнѣе привязались къ Суркѣ, наступали, что называется, ей на горло, вопрошая, кого это мужъ ея повезъ; имъ уже извѣстно, говорили они, что Шмуль повезъ не кожи, а двоихъ *людинъ*. Но Сурка упорствовала—стояла на своемъ. Тогда гусары всполоснули жидовку нагайками—и она созналась, что какой-то ляхъ пріѣхалъ къ нимъ сегодня предъ разсвѣтомъ верхомъ и привезъ съ собою молодую бабу, баба эта была такая смутная и невеселая; ляхъ съ нею отдыхалъ въ каморѣ. И Сурка показала гусарамъ эту комору: то былъ грязный, темный чуланъ, заваленный всякой дрянью и нечиненными кожами; онѣ издавали такой отвратительный запахъ, что всѣ гусары и служители хватились за свои носы, когда распахнуласъ дверь бывшаго Ивановаго пріюта. Тутъ еще были замѣтны слѣды возлежанія: въ углу лежала измятая засаленная подушка и разостлано что-то вродѣ полсти, изорванной въ клочки. По осмотрѣ коморки гусары всетаки пристали къ Суркѣ съ вопросами, куда же Шмуль повезъ ляха. Сура упала на колѣни, припадала къ землѣ и рыдая клялась, что не знаетъ болѣе ничего, видѣла только, какъ они поѣхали на большой шляхъ и Шмуль говорилъ ей, что повезетъ ляха въ польскую область, и ляхъ этотъ—человѣкъ очень большаго роста, въ польскомъ нарядѣ, усы большущіе...

— И таки довгеньки та тоненьки, неначе котячи? спросилъ служитель.

— Винъ самый! отвѣтила повеселѣвшая Сура.

— И такій страшній? продолжалъ служитель.

— Воно са́ме! Таке страшне! Уй, яке зтрашне!..

— И голова обголена? спрашивалъ служитель.

— Голова не бачила, бо въ сапци вони було и сапки не скидивало,—отвѣтила Сура.

— А развѣ ты видѣлъ ево? полюбопытствовали удивленные гусары.

— Бачить не бачивъ, а бачила стара̀...

— Какая стара̀? спросили.

— Аджежъ стара̀, що у пана надитьця...

Вона каже, що винъ такій великій та обгаленій, якъ убравсь винъ у хату, каже, якъ ухопывъ попереду іи, а пбтимъ Ганну злапавъ... Та що тутечки брехати; ніякихъ дивокъ и бабивъ нихто не бравъ, однисиньку Ганну ухопивъ, тай годи! признался служитель.

— А на штожъ казали, што якіесь татары били и дѣвокъ та бабъ покрали? спросили гусары.

— А то такечки казали... зъ ляку...

Не теряя времени, поскакали гусары большимъ шляхомъ. Промчавшись верстъ 15, встрѣтили обозъ чумаковъ. Чумаки сказали, что имъ попадались на встрѣчу конныя фуры, но всѣ онѣ были не жидовскія. Тогда команда своротила влѣво и направилась къ высокому шпилю, на коемъ виднѣлась отара. Чабаны сказали, что понадъ шпилемъ проѣхала кибитка, и указали мѣсто, гдѣ скрылась она; гусары помчались по направленію къ ближайшей днѣпровской переправѣ, которая была возлѣ м. Каменки.

Уже солнце готово было потонуть въ безпредѣльной дали степной; уже кони притомились и порядкомъ взмылились, а желанная кибитка нигдѣ не показывалась, нигдѣ не было ни коннаго, ни пѣшаго; на однообразныхъ степяхъ господствовала тишь да гладь, лишь пернатые оживляли этотъ безмолвный край. Вотъ уже потухъ послѣдній лучъ, а съ нимъ и гусары прекратили свой бѣгъ, расположившись на ночлегъ на мягкой душистой травѣ. Съ разсвѣтомъ они опять пустились въ путь. Проскакавъ немалое пространство, узрѣли гусары издали подводу;

но скоро она скрылась, спустившись въ глубокую балку. Два лихихъ скакуна помчались, и едва кибитка взобралась на высокій бугоръ, какъ уже была настигнута двумя гонцами. Гонцы, остановивъ кибитку, спросили, кто ѣдетъ. Жидъ растерялся и возжи опустилъ; панъ Людвикъ тоже было обомлѣлъ, увидивъ гусаръ; но сейчасъ-же воспрянулъ духомъ, выскочилъ моментально изъ будки, дуломъ пистолета хватилъ одного гусарина въ грудь—и тотъ грохнулся на землю, какъ бревно; а другаго гусарина двинулъ кулачищемъ по головѣ, этотъ закрутился на мѣстѣ и тоже повалился на землю. Управившись съ гонцами, Людвикъ мигомъ взлетѣлъ на своего скакуна и пустился впередъ во всѣ лопатки. Промчавшись съ версту, Людвигъ оглянулся назадъ,—погоня была далеко: онъ повеселѣлъ и сталъ внутренно торжествовать; но въ минуту ликованія со всего размаху шлепнулся на землю: сѣдло сорвалось съ лошади, а вмѣстѣ съ нимъ—и сѣдокъ, Разгоряченный конь помчался впередъ, Людвикъ пустился вслѣдъ за нимъ; но скоро былъ настигнутъ и окруженъ. Послѣ долговременной обороны онъ былъ сбитъ съ ногъ и взятъ. Онъ теперь сталъ просить пощады, говорилъ, что онъ шляхтичъ Людвикъ Гудзиньскій, а въ кибиткѣ то его жена, сбѣжавшая отъ него; но разсвирѣпѣвшіе гусары, не обращая вниманія на эти рѣчи, связали пана Людвика, повлекли его къ кибиткѣ, положили его рядомъ съ Ганною и пустились въ обратный путь прямо къ командиру.

Всю дорогу плѣнникъ надоѣдалъ командѣ: требовалъ, чтобы его *урожоннаго* польскаго шляхтича отпустили; угрожалъ, что они жестоко отвѣтствовать будутъ за *арештованіе* его; онъ приходилъ въ ярость, силясь приподняться и судорожно сжимая кулаки; онъ скрежеталъ зубами, окидывая взоромъ ненавистныхъ спутниковъ, глаза его искрились и метали молніи. Ганна, объявившая, кто она и кто онъ, только подсмѣивалась надъ этимъ связаннымъ титаномъ, зазирая ему въ глаза, и все приговаривала: „катюзи по заслузи, ходила стара по малину та у лихую годину!“ А Юхимъ Кладько, коему панъ повредилъ ногу во время взятія, подсказывалъ: „вовкъ геля полизавъ та келепивъ піймавъ!“ У пана Людвика вся внутренность пере-

ворачивалась при этихъ досадительныхъ словахъ; но въ безсиліи онъ испускалъ лишь дикіе стоны, посылалъ ругательства и похвалялся: „Постойте, постойте, я вамъ покажу ту малину та вовка! Будѣтѣ ви повѣкъ помнить малину та вовка!" Ганна, слушая эти нахвалки, *реготалась* да повторяла надъ самыми ушами узника: „ходила стара по малину..."

Гусары представили Шевичу тройцу цѣликомъ: жида, бабу и ляха. Забѣгали глаза командира, когда онъ узрѣлъ эту бабу. Предлагая ей разные вопросы о похитителѣ, онъ нѣжно прикасался къ ея плечамъ, заглядывался на ея алыя губки и лебединую шею. Долгонько-таки онъ выпрашивалъ черноокую красавицу и никакъ не могъ ею налюбоваться. Пойманный стоялъ на своемъ: выдавалъ себя за польскаго шляхтича Людвика Гудзиньскаго, во удостовѣреніе чего и подалъ свой паспортъ. Шевичъ пана Гудзиньскаго посадилъ подъ стражу, а маложонкѣ его отвелъ удобное помѣщеніе. Явился Николай Требинскій, и результаты очной ставки были таковы, что дали возможность Шевичу задерживать у себя черноокую сирену. На очной ставкѣ Иванъ Требинскій, прямо глядя въ очи и Николаю, и Шевичу, и Ганнѣ, рѣшительно отрекался отъ родства съ этимъ Николаемъ, говорилъ, что первый разъ видитъ его, изумлялся и не понималъ, зачѣмъ это признаютъ его за *нѣякогось Ивана Требѣньскаго*. Николай Тр—скій, щадя своего брата и до сихъ поръ не видѣвши его обстриженнымъ и въ польскомъ нарядѣ— находился въ недоумѣніи; онъ не утверждалъ, что это навѣрное его братъ Иванъ; только Ганна утверждала это. А нѣякійсь панъ отвѣтствовалъ, *что тое маложонка его невѣрная* говоритъ *для того*, чтобы освободиться отъ него: потому что за невѣрность ей предстоитъ жестокая судебная кара. Шевичъ тоже изумленъ былъ той сценой, которая происходила предъ нимъ; онъ говорилъ, что такое загадочное и непонятное видитъ и слышитъ первый разъ въ жизни своей; и объявилъ Николаю Тр—скому, что эту женщину выдастъ ему лишь по наведеніи надобныхъ справокъ. Но справокъ Шевичъ не наводилъ, а *Ганзю* держалъ у себя для пріятнаго препровожденія времени. Только когда уже жена надѣлала ему кучу непріятно-

стей, а подначальный вицекапралъ сталъ неотступно надоѣдать просьбами, отпустилъ Ганзю восвояси; Людвика же Гудзиньскаго подъ сильнымъ карауломъ отправилъ къ Хорвату.

XV.

Хорватъ пришелъ въ азартъ, когда увидѣлъ ту образину, которая выдавала себя за шляхтича Гудзиньскаго; онъ велѣлъ заклепать своего голомозаго гусара въ желѣза и посадить въ тюрьму.

Новосербскій командиръ не думалъ посылать своего гусарина въ войсковой генеральный судъ: ибо своими худыми дѣлами, которыя раскроются на судѣ, онъ обезчестилъ бы всю Новую Сербію; а обезчеститъ ее—дѣло крайне неудобное: вѣдь она то, сербская команда, и водворена на окраинѣ россійской для искорененія воровъ и разбойниковъ.

Мармута, не вѣдая такихъ соображеній, надѣялся, что Иванъ Требинскій вотъ-вотъ появится въ генеральномъ судѣ; но тщетны были эти ожиданія.

Заарестованіе имущества, принадлежащаго этому Требинскому, тоже не осуществилось какъ думалъ и гадалъ Мармута. Жовнинскій атаманъ Булюбашъ и козакъ сотни лукомской И. Афанасіевъ, по приказу полковой лубенской канцеляріи, въ первыхъ числахъ августа 1755 г явились въ Чутовку, учинили опись имѣнія Ивана Тр—го и поручили это имѣніе *въ досмотръ* оржицкимъ козакамъ Артему Боровку и И. Москаленку.

Боровко и Москаленко, принявши иржавское имущество *за росписками*, прилагали къ смотрѣнію его много труда; но недолго имъ пришлось *присматривать*. Въ Чутовку явился Данило Требинскій и сталъ непріятности причинять Бровку и Москаленку, не допускалъ ихъ собиранію порученной имъ части корысти, да еще похвалялся смертно бить ихъ, козаковъ, если будутъ препятствовать ему, употреблять въ работу описанныхъ людей".

Боровко и Москаленко письменно донесли сотенной горошинской канцеляріи, что „чрезъ тѣ похвалки и угрозы они, оп-

редѣленіе, будучи опасни, а наипаче, даби имъ за то не подпасть отвѣту, либо въ нихъ тое взятое Даниломъ Тр—мъ имущество не взискано било, тѣмъ доношеніемъ просятъ—куда надлежитъ о томъ представить".

Не успѣли Боровко и Москаленко получить сатисфакцію насчетъ Данила, какъ на Иржавскій хуторъ нагрянулъ братецъ его Николай. Этотъ еще болѣе страху нагналъ на смотрителей: „едного съ нихъ, Боровки, намѣревался связать, а другаго—побить, и *выгналъ* изъ слободки того и другаго; и уже оныхъ вовсе не допуская въ слободку, похвалки произносилъ *смертно бить*; людей же нѣкоторыхъ въ свой хуторъ выслалъ, а нѣкоторые же люди чрезъ многіе чинимые отъ него, Ник. Тр—го, озлобленія въ побѣгъ удалилися".

Въ побѣгъ удалилися Боровко и Москаленко; они рады были, что головы свои цѣлыми унесли изъ Чутовки; и по прибытіи домой они снова доношеніями представили о столь плачевныхъ результатахъ *смотренія*.

Мармута узнавъ объ изгнаніи Оржинскихъ казаковъ изъ Чутовки, и носа не показывалъ сюда—опасно было. Въ тоже время онъ *увѣдомился* о другой непріятности,—что Хорватъ не присылаетъ въ Глуховъ Ивана Тр—го, и чрезъ то дѣло его, Мармуты, остается безъ разсмотрѣнія.

Получивъ такую вѣсть Мармута отправился къ Хорвату.

— Зайду ще зъ цего кинця! Воно щось зъ того та буде! говорилъ онъ знакомымъ, собираясь въ Новомиргородъ.

Новосербскій командиръ довольно ласково принялъ каневецкаго козака и даже сдѣлалъ ему удовольствіе: показалъ ему узника своего. На очной ставкѣ Иванъ Тр—скій удивлялся всему тому, что говорилъ Мармута; а Мармута говорилъ то, что слыхаилъ изъ устъ Литвиненка. Требинскій отвѣтствовалъ, что никакого Литвиненка онъ не знаетъ и никакого Литвиненка у него небыло въ услуженіи. Мармута выпучилъ глаза и только вздвигивалъ плечами, взирая на генералъ-маіора, который прехладнокровно слушалъ рѣчи своего гусара, пуская клубы дыма.

— Щей не бачивъ такого! Прямисенько щей въ вичи зазира, неначе не винъ!—сказалъ Мармута, перекрестившись. Кажешь, що не грабувавъ мене?

— Я тебе не знаю, кто ты таковъ и гдѣ живешь!—отвѣтилъ Требинскій, смѣрявъ съ ногъ до головы Мармуту.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не втикавъ видъ насъ?..

— Я жизнь свою спасалъ отъ васъ! отвѣтилъ Требинскій.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не бивъ мене у Плехови обухомъ у двери Данила, та не наставлявъ мини дула въ груди!..

— Какъ васъ, разбойниковъ, много било, такъ каждово не можно било примѣты видѣти! Вы всѣ единъ на еднову схоже! отпалилъ Иванъ.

— Чи чуете, пане, якъ господинъ капралъ зобижа и мене и козацьку команду! обратился Мармута къ Хорвату.

— Я вижу, что съ вашихъ разговоровъ никакого толку не будетъ! Сказалъ Хорватъ и велѣлъ убрать своего гусара.

Такъ кончилась эта очная ставка. Мармута отправился домой, вполнѣ увѣренный въ томъ, что сказалъ ему Хорватъ; а Хорватъ пообѣщалъ прислать Ивана Тр—го въ Генеральный Судъ черезъ три недѣли—когда окончится надъ нимъ слѣдствіе по очень важному дѣлу.

Когда Мармута вошелъ въ хату, жена спросила: „А що, якъ? бачывъ Требиньскаго?“

— Бачывъ! сказалъ Мармута вздохнувъ. Тамъ такій клятій та цикавій! Тамъ такъ брешс, такъ бреше, та ще й прямисинько въ вичи заглядае и мини и енералови!... Буцимъ-то винъ и ничого не робивъ, и ничого не бачивъ, и ничого не зна—тай годи!... Якъ би ты бачила—тамъ такій якъ зъ неба знятій, неначе святій та преподобній!... Та енералъ цему усему не потура! У зализахъ закованій... Казавъ Хорватъ, що отправить его у Глухивъ; тильки треба цего пидождати недили зо три: якеесь тамечки за нимъ дило тряпляитьця, велике якесь—казавъ енералъ.

— Отъ тоби й на!.. воскликнула Домаха. Ще пидождать! Доки же ждатимемъ! Мабуть, и кинця не буде тому жданню!..

Буде!... Перемелитьця—мука буде! лаконически отвѣтилъ Михайло.

XVI.

Домаха правду сказала: мельница Мармутова вяло вертѣлась, а мука уже и совсѣмъ не мололась.

Хорватъ обѣщанія своего не выполнилъ: Ивана Требинскаго онъ держалъ у себя подъ строжайшимъ арестомъ и еженедѣльно продѣлывалъ надъ нимъ одно и тоже. Зачастую, въ часы досуга или скуки, приводили узника И. Требинскаго предъ лице Хорвата, и генералъ-маіоръ, сидя съ трубкою въ зубахъ у камина, вопрошалъ завзятаго гусарина: зачѣмъ онъ совершилъ разбой у Мармуты, какъ онъ смѣлъ перевязать и перебить конвойныхъ, ведшихъ его въ Лубны *ко очищенію*, какъ онъ смѣлъ дезертирству предаться, зачѣмъ *выкралъ бабу*, учинилъ немалые бои и пораненіе командѣ Шевича?

Требинскій на всѣ эти выспрашиванья отвѣчалъ, не запинаясь: въ грабительствѣ Мармуты онъ не принималъ участія и даже въ то время не былъ дома, ѣздилъ въ Глуховъ до Кочубея съ письмомъ отъ него—генералъ-маіора, которое письмо оные Мармута и рубанъ изорвали; отъ конвойныхъ онъ вырвался потому, что тѣ конвойные въ дорогѣ мучили его—не давали ѣсть и пить, смѣялись надъ нимъ и поносили его, Рубанъ и Мармута нападали на его хуторъ по злобѣ, что онъ и братья его сербской націи люди, и хотѣли убить его, и это случилось бы, какъ бы не убѣжалъ онъ къ брату; и какъ въ такомъ своемъ зломъ умыслѣ они не успѣли, то и подали доносъ въ генеральный судъ на его, Ивана, якобы вора и разбойника; но они сами воры и разбойники: ибо днемъ грабили хуторъ, принадлежащій ему и братьямъ его, такой гвалтъ сдѣлали въ томъ хуторѣ, что многія женщины съ перепугу мертвыхъ дѣтей порождали, а многихъ женщинъ и дѣвокъ поизнасиловали, людей изъ хутора разогнали, имущество въ домѣ его

и братьевъ его забрали; въ судахъ же своихъ малороссійскихъ оные Мармута и Рубанъ имѣютъ свойственниковъ и родственниковъ, и его всенепремѣнно засудили бы понапрасну; и какъ онъ на пути узналъ, что козаки по той сторонѣ Днѣпра собрались въ немаломъ количествѣ, дабы убить его, то просился онъ у конвойныхъ везти его обратно къ нему—генералъ-маіору на объясненіе и великое справедливое его усмотрѣніе; но какъ конвойные на такіе просьбы не обращали ни и малѣйшаго вниманія, то онъ въ сердцахъ, яко человѣкъ поступилъ съ ними нехорошо, а потомъ уже бόялся явиться и къ его милости—генералъ-маіору. Ганна тоже обидѣла его Ивана: она выкрала у него все серебро и золото, много другого добра забрала; и какъ до этой злохитростной бабы его не допускали, то онъ, плачась о такомъ своемъ несчастіи, и принужденъ былъ насильно взять ту бабу, дабы вывѣдать, гдѣ она то добро подѣвала; команда же его нагнала и хотѣла *въ смерть забитъ*, поэтому онъ, защищая свой животъ, отбивался отъ той команды.

Такъ выправлялся Иванъ Требинскій предъ своимъ командиромъ. Предъ Хорватомъ стояла невинная жертва, несчастный страдалецъ, котораго всѣ обижаютъ, начиная съ Мармуты и кончая бабою. Командиръ только покачивалъ головою да постукивалъ чубукомъ, выслушивая оправдательныя рѣчи гусара своего; онъ зналъ, что это за птица, и не довѣрялъ такимъ рѣчамъ; пόдолгу онъ его выпрашивалъ, усовѣщевалъ, прикрикивалъ и угрожалъ, но слышалъ одно и тоже—гусаръ не винился. Тогда его уводили восвояси—въ тюрьму, причемъ приказывалось ему обдуматься и сказать всю правду.

Спустя нѣсколько дней снова приводили къ Хорвату тогоже узника. Командиръ съ тою же неразлучною трубкою и у того же камина выслушивалъ тѣже рѣчи; узникъ не поступался ни единымъ словомъ, сказаннымъ въ первый разъ; напротивъ, съ каждымъ новымъ появленіемъ предъ лицо командира И. Тр—скій становился рѣчистѣе, говорилъ съ большимъ апломбомъ; онъ призывалъ во свидѣтели Бога, „Матку Божу“, всѣхъ святыхъ, клялся, взывалъ къ человѣколюбію. Иногда Хорватъ добывалъ кой-какія улики: опровергалось, напр., воровство Ган-

ною вещей; дурное обхожденіе конвойныхъ съ Ив. Тр—скимъ оказывалось ложью. Но Требинскій, и глазомъ не моргая, ладилъ одно и тоже, говорилъ, что всѣ сговорились противъ него по злобѣ и хотятъ отомстить ему: конвойные за то, что онъ не отдалъ имъ своихъ лошадей, Ганна за то, что онъ не женился на ней. И опять Требинскаго уводили для дальнѣйшаго думанья.

Такъ-таки Хорватъ ничего и не добился отъ своего узника; зато узникъ вынесъ большую пользу отъ этихъ допросовъ: эти допросы были для него, такъ сказать, репетиціей для будущихъ показаній въ Генеральномъ Судѣ; у Хорвата онъ свои рѣчи оформилъ, округлилъ и затвердилъ,—надлежаще приготовился къ ораторству въ Генеральномъ Судѣ.

На доношенія Боровка и Москаленка объ обидахъ и изгнаніи ихъ изъ Иржавскаго хутора не обратили надлежащаго вниманія: лишь по истеченіи трехъ мѣсяцевъ эти доношенія отправлены были изъ полковой Лубенской канцеляріи въ Генеральный Судъ; о прописанномъ въ нихъ испрашивали *резолюціи*—какъ о томъ повелѣно будетъ. Генеральный судъ, положивъ доношенія подъ сукно, ничего не повелѣвалъ. Узнавъ объ этомъ, Мармута съ товарищами—Штепою, Сезоненкомъ, Боровкомъ и Москаленкомъ—поѣхалъ въ Глуховъ послѣ „Рiздвяних святокъ“ 1756 года.

Компанія—Мармута съ товарищи—далась знать и суду и генеральной канцеляріи: ни свѣтъ, ни заря—какъ козаки уже стояли у входа въ судилище, затѣмъ проникали въ самую глубь храма Ѳемиды и тутъ, что называется, наступали на горло крюкамъ. Эти съ судейскимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ отдѣлывались отъ козаковъ: посылали ихъ въ генеральную канцелярію, а генеральная канцелярія отправляла просителей въ генеральный судъ. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ ходили козаки взадъ и впередъ—изъ одного мѣста въ другое.

— Таки до чогось доходимось! говорили козаки.

— Воно якъ по чарци, такъ неначе якось веселійш ходити! прибавилъ однажды Штепа.

Его желаніе одобрили и оно съ той поры выполнялось.

Мармута и его товарищи доходились таки: изъ генер. суда послали доношеніе въ генер. канцелярію: „понеже суду генеральному небезизвѣстно, яко Николай Требинскій при сербской командѣ обрѣтается, и чтобъ его за прописанную противность арештовать—судъ генеральный дати дозволенія полковой Лубенской канцеляріи не можетъ; якожъ жалобливая сторона—козакъ Мармута съ товарищи просятъ въ обидахъ своихъ отъ суда генеральнаго неотступно сатисфакціи,—того ради судъ генеральный опредѣляетъ: Боровку и Москаленку продолжать смотреніе Иржавскаго хутора; будеже воспослѣдуютъ отъ Требинскихъ какія препятія къ тому смотренію, то сотенная Горошинская канцелярія въ помощь имъ имѣетъ нарядить команду козаковъ.“

Мармута пріѣхалъ домой невеселымъ: ибо въ Глуховѣ поистратилъ немало серебряныхъ рублей; а еще такая же трата предстояла въ Лубнахъ и Горошинѣ. Въ Лубны онъ ѣздилъ два раза, въ Горошинѣ же обрѣтался до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, вырядили Боровка и Москаленка въ Иржавскій хуторъ. Сюда явились они въ концѣ марта 1756 г. съ приличною командою—въ сопровожденіи ста козаковъ надлежаще вооруженныхъ.

Въ части, принадлежащей Ив. Требинскому, козачья команда нашла полное запустѣніе: во дворѣ, въ домѣ, въ амбарахъ и сараяхъ, хоть шаромъ покати; хаты людскія—пусты, иныя безъ оконъ и дверей; мельница—безъ колесъ и поставовъ, гребелька разрушена, камышъ дочиста вырѣзанъ; только вороны да воробьи нѣсколько оживляли этотъ жалкій пустырь. Боровко и Москаленко водворились на этомъ пустырѣ и стали рачительно присматривать за нимъ.

А. Полянецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)[1].

ГЛАВА 5-я.

Что Общество благотворенія съ самаго начала своего существованія задавалось самыми широкими планами, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только учрежденіе Института, но и (особенно) сдѣланная Совѣтомъ впервые попытка практическаго осуществленія мысли о взаимномъ кредитѣ между членами Общества. Правда, на основаніе этого перваго въ провинціи кредитнаго учрежденія, (соединявшаго въ себѣ нѣкоторыя черты и современныхъ намъ кредитныхъ обществъ и тогдашнихъ ломбардовъ), могли оказать вліяніе своими уставами существованія уже съ 1763 года (при воспитательныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ) сохранная и ссудная кассы, но по частной иниціативѣ, такое учрежденіе если не считать „филотехническаго общества" [2]), нарождалось тогда въ провинціи впервые. Образцовый порядокъ, установленный въ сохранной и ссудной кассахъ Импе-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 6.

[2]) Филотехническое общество, основанное В. Н. Каразинымъ на акціяхъ еще въ 1811 г., представляло, по словамъ г-на Абрамова, „нѣчто среднее между ученымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ и коммерческимъ предпріятіемъ". См. Уставъ или правила Филотехническаго Общества въ XXXI томѣ полнаго собранія законовъ Росс. Имперіи.

ратрицею Маріею Өеодоровною и преобразованныхъ ею опекунскимъ совѣтомъ, поразительные результаты ихъ финансовыхъ операцій, давшихъ Императрицѣ обильныя средства для ея многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій,—все это должно было вліять на болѣе просвѣщенныхъ современниковъ, побуждая ихъ къ основанію подобныхъ кредитныхъ учрежденій и въ другихъ городахъ Россіи. Такую же цѣль могло преслѣдовать и Слободско—Украинское дворянство, вѣроятно, также желавшее соединить въ созидаемомъ обществѣ благотворительность съ кредитными операціями. По крайней мѣрѣ, уже въ первомъ засѣданіи своемъ, 29 апрѣля 1812 г., какъ мы уже говорили, совѣтъ постановляетъ: „сумму общества, вносимую въ капиталъ и достигшую къ тому времени 4.600 рублей, отдавать желающимъ взять взаймы подъ проценты, причемъ выдавать ссуды преимущественно помѣщикамъ здѣшней губерніи, коихъ имѣнія достаточно было бы подъ залогъ занимаемой ими суммы, за поручительствомъ двухъ извѣстнаго состоянія помѣщиковъ той же губерніи, срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ,—и взимать шесть процентовъ узаконенныхъ и 4% въ пользу благотворительныхъ учрежденій“ [1]). Какъ видно изъ отчетовъ 1812, 1813 и 1814 г.г., дворяне очень часто и охотно обращались въ общество съ просьбами о выдачѣ имъ ссудъ, такъ что денегъ далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ просьбъ.

Уже въ 1812 году было выдано, по просьбамъ членовъ,—5566 рублей, въ 1813—6200 рублей и 1000 рублей—въ 1814 году, а всего за три года: 12776 рублей. Такъ какъ требованія все возрастали, а денегъ свободныхъ было мало, то Совѣтъ, очевидно, ожидая, что дворянство охотно будетъ помѣщать свои излишки на сбереженіе и приращеніе процентами въ кассу общества, рѣшился уже въ началѣ 1815 года выработать для своихъ кредитныхъ операцій разъ навсегда опредѣленныя пра-

---

[1]) Впослѣдствіи Совѣтъ увеличилъ проценты до 12. Впрочемъ первоначально и сохранная касса, принимая капиталы по 5%, выдавала ихъ по 10% подъ залогъ имущества, а ломбардъ бралъ по 12%. Только впослѣдствіи ломбардъ сталъ взимать по 9% и наконецъ по 6%. См. Имп. М. Ө., С.-ПБ., 1832 г., стр. 22.

вила и сдѣлать ихъ извѣстными, при помощи печати, болѣе широкому кругу публики. Одинъ экземпляръ подобныхъ печатныхъ правилъ сохранился въ дѣлахъ Институтскаго архива [1]), и мы приведемъ здѣсь этотъ довольно любопытный памятникъ кредитныхъ операцій Общества.

„1815 года марта 26 дня въ засѣданіи Совѣта Харьковскаго Общества благотворенія опредѣлено:

„Входя въ разсужденіе, что многіе изъ живущихъ въ городѣ Харьковѣ и временно бывающіе въ ономъ разнаго званія люди [2]) весьма часто, по встрѣчающимся обстоятельствамъ своимъ, имѣютъ нужду въ займѣ денегъ для своихъ оборотовъ на короткое время, но при семъ желаніи не могутъ достать ихъ, черезъ что терпятъ убытки и разстройство въ своихъ дѣлахъ торговыхъ или другихъ подобныхъ. Вслѣдствіе этого Совѣтъ, руководствуясь Высочайше утвержденными правилами своими и сообразно цѣли учрежденія Общества, по мѣрѣ возможности, доставлять всякаго рода пособія всѣмъ и каждому, постановляетъ слѣдующее.

1. Изъ капитальной суммы Общества отдѣляется на первый случай 5000 рублей, которые и выданы будутъ правителю дѣлъ Общества для роздачи желающимъ взять изъ оной взаймы. Для записыванія таковой выдачи, получаемыхъ процентовъ и закладываемыхъ вещей, получитъ онъ изъ Совѣта шнуровыя книги.

2. Раздача сей вспомогательной суммы производится всякаго состоянія людямъ подъ залогъ разнаго рода и достоинства

---

[1]) См. Институт. Арх. дѣло № 5: „по прошеніямъ разныхъ лицъ, требующихъ заимообразно изъ суммъ Общества благотворенія". Это и есть то самое дѣло которымъ воспользовался авторъ біографіи Г. Ѳ. Квитки, г-нъ С. Р., но, къ сожалѣнію, нужно сказать воспользовался несовсѣмъ удачно, допустивъ очень странные промахи, которые можно объяснить развѣ только спѣшностью работы. Такъ авторъ утверждаетъ, что Общество благотворенія начало свои кредитныя операціи только *черезъ три года послѣ своего основанія,* но читатель могъ убѣдиться, что документы доказываютъ совершенно другое. Положимъ, г-нъ С. Р. имѣлъ подъ руками только одно дѣло № 5, но изъ этого дѣла легко усмотрѣть, что *нѣкоторые займы относятся къ 1812, 13 и 14 му годамъ.*

[2]) Во время ярмарокъ.

вещей, не болѣе 1000 рублей и не менѣе 10 рублей въ однѣ руки, срокомъ отъ 3-хъ дней и до 3-хъ мѣсяцевъ.

3. Имѣющій надобность занять изъ сей вспомогательной суммы относится къ правителю дѣлъ Общества во всякое время съ объявленіемъ и при ономъ представляетъ закладываемую вещь въ обезпеченіе занимаемой имъ суммы. Правитель дѣлъ принимаетъ вещь по своему произволенію и отвѣчаетъ Совѣту и всему Обществу за достоинство ея; слѣдовательно оцѣнка ея остается на его единственной отвѣтственности.

4. Представившій въ залогъ вещь вписываетъ ее съ обстоятельною описью ея въ данную изъ Совѣта Правителю дѣлъ книгу, прикладываетъ къ вещи свою печать и получаетъ росписку въ пріемѣ вещи. Получая же деньги, уплачиваетъ впередъ проценты за нихъ, слѣдующіе по особому росписанію [1]).

5. Сроки выдачи въ займы суммы могутъ быть: 3, 7 и 14 дней; 1, 1 и 3 мѣсяца. Кромѣ того, на всякій непредвидимый для занимающаго деньги случай, назначаются льготные дни на 7 дней—1, на 14 дней—2, на мѣсяцъ—5, на полтора—7 и на 3 мѣсяца—10 дней.

6. По истеченіи срока, занимавшій сумму, представляетъ ее Правителю дѣлъ вмѣстѣ съ билетомъ на заложенную вещь, которую и получаетъ въ томъ видѣ, въ каковомъ ее отдалъ. Въ случаѣ же, если заложенная вещь найдена имъ будетъ поврежденною, тогда долженъ немедленно заявить о томъ Совѣту, отъ котораго въ первомъ засѣданіи будетъ доставлено ему удовлетвореніе.

7. Если самъ занимавшій деньги не можетъ явиться за полученіемъ заложенной вещи, въ такомъ случаѣ надписываетъ на оборотѣ билета, кому довѣряетъ получить ее. Безъ предъявленія билета вещь не выдается.

---

[1]) Росписаніе это, сдѣланное рукою того же неутомимаго Г. Ѳ., находится въ томъ же дѣлѣ на листѣ 27. Вотъ проценты на 10 и на 1000 руб. *За 10 руб.* на 3 дня—10 коп., на 7 дней—12 коп., на 14 дней—15—коп., на 1 мѣс.—20 коп., на 1½ мѣс.—25 к., на 3 мѣс.—30 коп. *За 1000 руб.* на 3 дня—3 руб., на 7 дней—4 руб. 50 коп., на 14 дней—5 руб., на 1 мѣс.—10 руб., на 1½ мѣс.—15 руб., 3 мѣс.—30 руб.

8. Въ случаѣ же, если занимавшій сумму не внесетъ ее и по прошествіи льготныхъ дней, тогда Правитель дѣлъ Общества послѣ того въ первый день предлагаетъ одному изъ членовъ Совѣта сдѣлать въ книгѣ помѣтку, что срокъ прошелъ и заложенная вещь должна итти въ продажу съ аукціона.

9. Невыкупленныя (изъ залога) вещи представляются Совѣту въ ближайшемъ засѣданіи и, по приложеніи къ нимъ печатей членовъ, записываются въ особый реестръ и для продажи ихъ съ аукціона назначается удобный день.

10. Если сумма за проданную съ аукціона вещь будетъ превышать данную подъ залогъ ея, тогда, удержавъ проценты, слѣдующіе по день продажи вещи, излишекъ суммы возвращается залогодателю.

11. По истеченіи каждаго мѣсяца Совѣтъ считаетъ наличную сумму капитала, повѣряетъ всѣ книги и подписомъ членовъ утверждаетъ вѣрность счетовъ.

12. При ежемѣсячной повѣркѣ суммъ Правитель дѣлъ изъ полученныхъ на розданныя взаймы деньги процентовъ часть, т. е. 6% выдаетъ казначею на обыкновенные расходы; прочіе же доходы вносятъ тогда же въ общую приходную капитальную книгу *особою статьею въ числѣ пожертвованій* и въ этомъ видѣ показывается въ отчетахъ публичныхъ и представляемыхъ министерству полиціи.

13. Если кто пожелаетъ внести собственный свой капиталъ для приращенія процентами, онъ можетъ заявить о желаніи своемъ Совѣту и заключить съ нимъ условія о срокѣ (вклада) и платежѣ процентовъ. Условія эти будутъ сохраняемы во всей ихъ силѣ свято и ненарушимо. Внесшему на извѣстныхъ условіяхъ какую либо сумму выданъ будетъ билетъ, обезпечивающій цѣлость и срокъ возврата ея, въ чемъ замедленія не будетъ ни одного дня.

14. Желающій внести какой бы то ни было капиталъ только для сохраненія на опредѣленное время можетъ также отнестись въ Совѣтъ, который принимаетъ сумму запечатанною и за цѣлость ея ручается.

15. Для распространенія въ публикѣ свѣдѣній о такихъ постановленіяхъ Совѣта напечатать ихъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и разослать ихъ жителямъ города Харькова. Подписали члены Совѣта: Петръ Любовниковъ, Антонъ Мейеръ, Андрей Касовскій. Правитель дѣлъ Общества Григорій Квитка.

Правитель дѣлъ Общества считаетъ нужнымъ при семъ объявить съ своей стороны, что выдача взаймы этой вспомогательной суммы начнется съ 7-го апрѣля сего года. Желающіе получить ссуду могутъ обращаться къ нему въ канцелярію Совѣта, помѣщающуюся при Институтѣ Общества благотворенія [1]).

Такимъ образомъ Обществу не хватило только средствъ, чтобы устроить нѣчто въ родѣ городскаго ломбарда на счетъ *этой вспомогательной* суммы, которую рѣшено было выдѣлить изъ капитала. Самыя операціи Общества принимаютъ болѣе широкіе размѣры уже въ силу общедоступности ссудной кассы Общества, предназначенной для лицъ всякаго состоянія, т. е. для ярмарочнаго купечества и мѣщанства. Но главнымъ образомъ, конечно, общество выдавало ссуды *своимъ членамъ*. Такая выдача не прекращалась въ первыя 5 лѣтъ существованія Общества съ 1812 по 1817-й годъ и приносила ему значительные доходы. Но и здѣсь русская халатность и неаккуратность оказала плохую услугу Обществу. То и дѣло должники пропускали сроки, просили объ отсрочкахъ, переписывали свои обязательства и мало думали о погашеніи долга. А такъ какъ проценты шли не на увеличеніе капитала, а на ежегодные расходы, то часто въ кассѣ Общества не было вовсе свободныхъ для выдачи суммъ. Приходилось издерживать еще на содержаніе Института значительныя суммы, взятыя изъ капитала безъ на-

---

[1]) Здѣсь же приложена и форма заявленія о желаніи получить ссуду подъ залогъ вещи. См. тоже дѣло, листъ 25.

Изъ 12 пункта этихъ постановленій можно, пожалуй, заключить, что Совѣтъ не желаетъ обнаруживать настоящую цыфру процентовъ. Подписавшіеся здѣсь члены Совѣта Антонъ Эммануиловичъ Мейеръ (докторъ и инспекторъ врачебной управы) и Андрей Ивановичъ Кассовскій избраны вмѣсто выбывшаго Познанскаго, первый въ члены Совѣта, 2-й въ кандидаты къ нему въ общемъ собраніи членовъ 20 августа 1814 г, какъ видно изъ протокола, находящагося въ „Дневныхъ Запискахъ“ на листѣ 79. Здѣсь подписи 12-ти членовъ. За предсѣдателя Любовниковъ.

дежды когда либо пополнить его. Поэтому то денежные обороты Общества никогда не могли стать на степень доходныхъ кредитныхъ операцій. Впрочемъ кредитныя операціи всякаго рода лучше и краснорѣчивѣе всякихъ словъ обрисовываются цифрами и мы должны вновь обратиться къ отчетамъ Совѣта, чтобы получить вполнѣ вѣрное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ въ этой „финансовой сферѣ дѣятельности Общества.

Изъ отчетовъ за первые 4 года существованія Общества [1]) видно, что вообще капитальная сумма Общества вносилась гораздо исправнѣе ежегодной и недоимки падали, главнымъ образомъ, на эту послѣднюю. Уже въ 1812 году, какъ мы видѣли раньше ежегодная сумма по подпискѣ достигла 8,375 рублей, а ко времени перваго торжественнаго собранія членовъ Общества (18 августа того же года) изъ нея поступило всего 6,800 рублей, тогда какъ капитальная сумма внесена была почти вся именно: 4.931 р. 50 коп. и противъ подписной суммы (5.181 р. 50 к.) недоставало всего 250 рублей. Мало того, изъ того же отчета видно, что уже тогда изъ капитала выдано было въ займы 2.000 рублей и къ 18 августа 1812 г. получено 200 рублей %, изъ которыхъ 120 рублей (т. е. 6%) причислено къ ежегодной суммѣ, а 80 руб. (т. е. 4%) къ капиталу. Интересно здѣсь, между прочимъ то, что первымъ должникомъ Общества былъ знаменитый В. Н. Каразинъ. Ссуда въ 2000 рублей была ему выдана, по прошенію *отъ 12 іюня 1812 года*, за поручительствомъ *одного только помѣщика* Харьковскаго уѣзда Ивана Терентьевича Шевича, тогда какъ въ прошеніи сказано: „Въ обезпеченіе сего долгу представляю за себя двухъ поручителей изъ гг. помѣщиковъ здѣшней губерніи“ [2]). Вѣроятно, солидное состояніе Шевича играло здѣсь непослѣднюю роль, хотя и самъ Каразинъ, въ то время стоявшій во главѣ „Филотехническаго Общества“ и, кажется, до тѣхъ поръ исправно уплачивавшій проценты по его акціямъ, считался еще довольно состоятель-

[1]) См. „Отчеты“ въ дѣлѣ № 1, в. Институтскаго Архива.

[2]) См. дѣло Ин. Арх. № 5. „По прошеніямъ разныхъ лицъ, требующихъ заимообразно изъ суммъ Общества благотворенія денегъ“.

нымъ человѣкомъ [1]). Удержанные при выдачѣ ссуды 200 рублей (т. е. 10%) и показанные въ отчетѣ, какъ первая прибыль Общества, а равно число и годъ, выставленные на этомъ прошеніи, достаточно констатируютъ фактъ, что *денежныя операціи Общества начались гораздо раньше* основанія Института. Къ сожалѣнію изъ отчета не видно, *какъ составилась* эта первая капитальная сумма изъ пожертвованій или также изъ суммъ, вносимыхъ для приращенія процентами? Если мы вспомнимъ, что впослѣдствіи на содержаніе Института Совѣту приходилось заимствовать деньги изъ капитальной суммы, то намъ не трудно будетъ высказаться въ пользу перваго предположенія, т. е. что бо́льшая часть капитала образовалась путемъ пожертвованій. Когда же деньги вносились кѣмъ нибудь изъ членовъ для временнаго пользованія ими съ цѣлью увеличенія средствъ Общества впредь до востребованія вкладчиками, то объ этомъ всякій разъ особо отмѣчалось въ отчетахъ Совѣта, какъ можно видѣть, напр., уже въ отчетѣ 1812 года относительно майора Михаила Кондратьева, внесшаго 500 рублей въ кассу Общества лишь на время съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употреблялись на дѣла благотворенія.

Для ознакомленія читателя съ условіями подобныхъ временныхъ вкладовъ въ капиталъ общества приведемъ письмо Кондратьева отъ 28 марта 1812 года къ А. Ѳ—чу. „Желая быть членомъ Харьковскаго общества благотворенія, представляю въ капитальную сумму денегъ пятьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употребляемы были въ пользу несчастныхъ, капиталъ же почитался бы принадлежащимъ мнѣ, и буде въ теченіе жизни моей не сдѣлаю тому капиталу особаго

---

[1]) Хотя для уплаты % по акціямъ, можетъ быть, и занималъ эту сумму. Въ отчетахъ и дѣлахъ Общества не разъ встрѣчаются эти акціи, которыя многія помѣщики съ охотою представляли вмѣсто денегъ... Нѣсколько разъ упоминается и о полученіи процентовъ по нимъ, но изъ письма В. Маркова, которое мы приведемъ ниже, читатель увидитъ, что многіе помѣщики, жившіе по деревнямъ, процентовъ никакихъ не получали. Уже въ 1824 году (т. е. 12 лѣтъ спустя) село Кручикъ, имѣніе Каразина, было описано за долгъ его графу Подгоричани-Петровичу. (См. Пр. Н. Лащенкова. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика, Харьковскій Сборн. на 1887 г., стр. 58—59).

опредѣленія, то по смерти моей, на основаніи 26-й статьи Высочайше утвержденныхъ сему обществу правилъ, причислить сіи деньги къ суммѣ общества". Такое же точно письмо еще отъ 16 марта 1812 года прислалъ въ общество другой жертвователь Аркадій Левшинъ (или Колпинъ, фамилія не разобрана), отдававшій 500 руб. въ пользованіе общества на тѣхъ же условіяхъ [1]). Впрочемъ, вопреки ожиданіямъ Совѣта, такіе денежные вклады въ капиталъ общества дѣлались очень рѣдко. (Мы нашли ихъ всего 3). Большинство такъ называемыхъ единовременныхъ взносовъ поступало въ видѣ *пожертвованій.* Но крупныя пожертвованія были нечасты. Въ 1812 году ихъ было всего шесть крупныхъ (отъ 100 до 500 руб.) и нѣсколько мелкихъ. Охотнѣе всего жертвовали члены акціями филотехническаго общества, очевидно, не возбуждавшими къ себѣ довѣрія. Такъ въ „Дневныхъ Запискахъ Совѣта" за 1812 годъ читаемъ слѣдующее. „1812 года 31 декабря мы, нижеподписавшіеся, члены Харьковскаго Филотехническаго общества представляемъ выданныя намъ отъ правителя дѣлъ того общества г-на Стат. Совѣтника и Кавалера Василія Назаровича Каразина въ прошломъ 1811 году сторублевыя акціи въ Совѣтъ Харьковскаго общества благотворенія съ тѣмъ, чтобы акціи эти были внесены въ капитальную сумму общества сверхъ опредѣленнаго уже нами въ ежегодный взносъ. А. Квитка, Ав. Эли, Ив. Гиржевъ, С. Левшинъ, Н. В. Лосевъ, П. Смагинъ, Іона Познанскій, Гр. Дм. Девіеръ, П. Карповъ, Василій Марковъ [2]). Въ 1813 году крупныхъ единовременныхъ взносовъ было 3, по 250 рублей каждый [3]), въ 1814 году четыре, въ 1815 и 1816 только по одному взносу въ 250 рублей и одинъ въ 25 рублей отъ неизвѣстнаго (съ подписью „русскій дворянинъ"). Только 1817 годъ отли-

[1]) См. Дѣло Ин. Арх. № 3. „О взнесенныхъ единовременно въ капиталъ Общества суммахъ", листы 7 и 8. Отсюда видно, какъ составлялся первоначальный капиталъ Общества.

[2]) См. Дѣло Ин. Арх. № 1, а. Противъ каждой фамиліи рукою Г. Квитки обозначено: „получено".

[3]) Пожертвовали Платонъ Карповъ, Мих. Бедрига и М. Кондратьевъ. Послѣдній отдавалъ половину изъ тѣхъ 500 рублей, которые внесъ въ общество для временнаго пользованія.

чается сравнительно обильными пожертвованіями. Вѣроятно, усилившіеся со времени посѣщенія Харькова Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ слухи о принятіи въ ближайшемъ будущемъ основаннаго обществомъ института подъ Высочайшее покровительство и главное начальство вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны были причиной такого явленія. Но объ этихъ пожертвованіяхъ, простиравшихся до 3,000 рублей (2,875 р.) [1]) и предназначенныхъ исключительно на содержаніе института мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же остановимся еще разъ на *составѣ капитала,* на сколько это можно видѣть изъ отчетовъ за 1812—15 гг. Только за первый годъ существованія общества отчетъ не выясняетъ, какимъ образомъ составился капиталъ, но въ 1813 году уже возрастаніе и составъ его обозначаются довольно опредѣленно. Къ началу 1813 года въ „заимообразной раздачѣ“ состояло уже 5566 рублей и на лицо капитала было всего 53 р. 50 к. Къ этой суммѣ въ теченіе отчетнаго года поступило: процентовъ съ капитала—222 рубля, процентовъ по акціямъ филотехническаго общества—24 рубля, за табакерку, подаренную обществу Пл. Ник. Карповымъ, выручено—310 руб., въ 2-хъ маскарадахъ, устроенныхъ въ пользу общества выручено—334 р., присланныхъ отъ неизвѣстнаго—100 рублей, выручено за продажу съ аукціона рукодѣлій воспитанницъ—453 руб., еще отъ неизвѣстнаго 10 рублей, пожертвовано въ пользу института разными лицами—456 р. Прислано П. Г. Демидовымъ (сверхъ ежегодныхъ 1000 рублей) для воспитанія юношества—200 рублей [2]). Весь оста-

---

[1]) Приводя цыфры пожертвованій, сдѣланныхъ въ 1812—17 годахъ, мы не считаемъ обычныхъ (ежегодныхъ) пожертвованій именитыхъ членовъ въ родѣ П. Г. Демидова или (вступившаго нѣсколько позже) графа Каменскаго.

[2]) Тогдаже установлено, чтобы одна воспитанница при институтѣ и одинъ воспитанникъ при гимназіи носили имя Демидовскихъ. Впослѣдствіи рѣшено было поставить портреты гр. Каменскаго и Демидова въ торжественномъ залѣ института. Подъ рубрикою „пожертвованія“, какъ помнитъ читатель, показаны и 4% на капиталъ, т. е. 456 р., слѣдовательно всего % за 1813 годъ получено 678 рублей. Въ одномъ изъ своихъ постановленій Совѣтъ съ цѣлью возвысить доходность капитала, увеличилъ взимаемые % до 12 (какъ въ настоящее время берутъ всѣ частные банки), но также скрывалъ добавочные 6%, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ пожертво-

токъ ежегодной суммы отъ 1812 года, т. е. 1286 р. 21 к., рѣшено причислить къ капиталу, который такимъ образомъ возросъ уже до 8,901 р. 71 к.; изъ нихъ взято въ заемъ членами 7766 рублей, оставалось на лицо ко времени отчета (т. е. въ августѣ 1813 года) 1135 руб. 71 коп. Къ началу 1814 года изъ этихъ денегъ на лицо было только 972 р. 66 коп. Въ теченіе 1814 года вступило: недоимки за прежніе годы—250 рублей; за рукодѣлія воспитанницъ, проданныхъ съ аукціона—1150 рублей; за рукодѣліе, ими же по заказу работанныя,—165 р.; изъ подаренныхъ Г-мъ Стойковичемъ 200 книгъ продано 20 экземпляровъ на 95 руб. Получено: отъ А. С. Эли (%)—195 р., отъ К. П. Щербининой--35 р., П. А. Герсеванова—20 р., Д. Ф. Сердюкова—25—отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ неизвѣстнаго *бостонной подати*—13 руб., В. Н. Каразина—120 р., неизвѣстнаго черезъ Д. И. Булычева—50 р., отъ дѣйствительныхъ членовъ Донецъ-Захаржевскаго и Адамова (по 500 р.)—1000 р., а всего капиталу 13,520 р. 50 к. Выдано въ займы изъ этой суммы: 8,766 рублей и издержано на институтъ 1336 рублей. Такимъ образомъ капиталу къ началу 1815 года на лицо было: 2990 р. 31 коп. Къ этому въ 1815 году поступило: % съ капитала, выдаваемаго въ займы,—399 р. 7 к., отъ дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ по 250 р. въ капиталъ,—775 рублей; прежней недоимки взыскано 2475 рублей, за рукодѣлія воспитанницъ выручено—1070 рублей, отъ 2-хъ неизвѣстныхъ лицъ пожертвовано—150 руб. и червонецъ, отъ П. Г. Демидова—500 р. (Совѣтъ постановилъ, чтобы портретъ этого благодѣтеля былъ повѣшенъ навсегда въ залѣ института. Им—ца Марія Θеодоровна утвердила это постановленіе Совѣта); получено отъ разныхъ лицъ—766 р. 22 коп., отъ дѣйствительнаго члена Николая Бразоля—250 р. Кромѣ того Г-нъ Масловичъ представилъ въ Совѣтъ 300 экземпляровъ кантаты, написанной въ похвалу Слободско-Украинскаго дворянства, учредившаго общество благотворенія, и корреспонденты общества про-

---

ваній". Хотя правительство едва ли могло имѣть что либо противъ этого Ломбарда брал до 12% годовыхъ.

дали ихъ на 80 рублей, такъ что весь капиталъ общества достигъ 16,619 руб. 74 к. Изъ него выдано въ займы: 11,536 р. и взято заимообразно на содержаніе института 3,219 руб. 23 к. Въ концѣ отчета о состояніи капитальной суммы находится слѣдующее примѣчаніе. „Совѣтъ употребить все свое стараніе вознаградить расходъ сей изъ капитала и изыщетъ способы замѣнить одну сумму другою. Обращеніе капитальной суммы выдачею въ займы на короткое время съ обезпеченіемъ представляемыми въ залогъ вещами доставляетъ ей значительное приращеніе, чему можетъ служить примѣромъ сумма въ 200 руб. выданная въ апрѣлѣ подъ % и обратившаяся къ 21 августа въ 212 руб.“ За тѣмъ перечислены различныя пожертвованія вещами на 510 рублей и заявлено о безкорыстіи А. И. Демьяненкова, безвозмездно исправляющаго обязанности правителя канцеляріи Совѣта.

Отлагая въ сторону остальные отчеты, касающіеся исключительно содержанія института, тѣмъ болѣе, что выдача денегъ взаймы послѣ 1815 года почти вовсе не практиковалась, мы сдѣлаемъ здѣсь лишь одно замѣчаніе по поводу кредитныхъ операцій общества. Какъ видитъ читатель, составъ капитальной суммы нашего общества вовсе не такой, какой мы находимъ въ современныхъ намъ кредитныхъ обществахъ. Здѣсь капиталъ весь или почти весь образовался изъ пожертвованій, въ кредитныхъ же обществахъ нашего времени онъ составляется изъ различныхъ вкладовъ, отдаваемыхъ съ цѣлью приращенія процентами, полученія дивиденда и съ другими чисто коммерческими цѣлями. Ничего подобнаго въ цѣляхъ нашего общества не было или, по крайней мѣрѣ, судя по всему только что изложенному, ни въ чемъ не обнаружилось. Общество совершенно оправдывало свое названіе, преслѣдуя цѣль чисто благотворительную, и если мы позволили себѣ (хотя и отдаленное) сравненіе операцій общества съ операціями обществъ „взаимнаго кредита“, то мы сдѣлали это, основываясь исключительно на внѣшнемъ признакѣ—на *довѣріи* общества къ членамъ, выражавшемся въ формѣ простого поручительства безъ обезпеченія

залогомъ (имущества) и напоминающемъ нашъ учетъ векселей [1]).

Возвращаясь снова къ должникамъ общества, мы должны обратить вниманіе читателя на тотъ печальный фактъ, что только очень немногіе заемщики общества платили во время, большинство прибѣгало къ постояннымъ отсрочкамъ, нѣкоторые же не платили вовсе. Тотъ же В. Н. Каразинъ, получившій ссуду, какъ мы видѣли, еще въ 1812 году, четыре раза просилъ объ отсрочкѣ и уплатилъ долгъ совсѣми % только въ 1817 году. Даже самъ пресѣдатель совѣта А. Ѳ. Квитка, получившій 4 декабря 1812 года за порукой 2-хъ членовъ (Эли и Бедряги) въ ссуду 566 руб. *на одинъ годъ*, просилъ черезъ годъ отсрочки еще на годъ, но какъ видно изъ дѣла № 5, уплатилъ ихъ только въ ноябрѣ 1816 года [2]). Изъ всѣхъ должниковъ общества наиболѣе аккуратною оказалась полковница Екатерина Петровна Щербинина, представившая въ совѣтъ занятыя ею 21 августа 1812 года 3500 руб. ровно черезъ годъ и 1 мѣсяцъ (21 сентября 1813 года) съ уплатою % и за просроченное время [3]). Напротивъ того всѣ лица, воспользовавшіяся услугами общественнаго кредита въ 1813 году, оказались самыми небрежными плательщиками. Такъ капитанъ Сер. Левшинъ, взявшій 700 руб. 28 января 1813 года, уплатилъ ихъ послѣ неоднократныхъ напоминаній и писемъ отъ совѣта, только 24 сентября 1817 года [4]).

Но особенно много хлопотъ причинили совѣту 2 его корреспондента: Зміевскій—маіоръ Михаилъ Бедряга и Купянскій

---

[1]) А пріемъ къ учету заемныхъ писемъ со всѣмъ напоминаетъ вексельную операцію Обществъ „взаимнаго кредита".

[2]) Приложивъ при этомъ еще 250 рублей взноса съ цѣлью получить званіе дѣйствительнаго члена Общества ibidem, листы 21 и 61.

[3]) „Хотя я просила Совѣтъ объ отсрочкѣ уплаты занятыхъ мною 3500 руб. еще на годъ, но нынѣ находясь при деньгахъ, желаю уплатить оныя со всѣми процентами". Ibidem, листъ 16.

[4]) При чемъ представилъ и часть добровольно пожертвованныхъ 300 руб., а всего 1000 руб. (ibidem, листъ 34). Вотъ что пишетъ ему Квитка: „отсрочки въ занятыхъ вами деньгами сдѣлать отнюдь нельзя: деньги нужны на покупку дома, почему и назначается послѣдній срокъ уплатѣ 15 августа сего 1816 года". То же повторяется въ оффиціальномъ отношеніи Совѣта, но Левшинъ уплатилъ слишкомъ годъ спустя послѣ этого.

Ав. Ст. Эли. Оба они взяли довольно значительныя суммы: первый—1000 руб., 2-й—4750 руб., оба уплатили долгъ свой гораздо позже другихъ должниковъ и даже не самому обществу, а въ иныя учрежденія, которымъ общество благотворенія передало свои обязательства. Михаилъ Бедряга получилъ еще 16 января 1813 года свою 1000 руб. и не только не платилъ долга, но мало заботился о процентахъ, не смотря на частыя напоминанія совѣта [1]). Долгъ этотъ числился на немъ до 1818 года, когда прошло отдѣленіе института отъ общества и по просьбѣ совѣта обращенной къ экономическому комитету при слободско-украинской гимназіи и даже попечителю округа З. И. Корнѣеву, былъ принятъ слободско украинской гимназіей въ уплату за пансіонеровъ, содержимыхъ при этой гимназіи обществомъ благотворенія, однако попечитель учебнаго округа настоялъ, чтобы совѣтъ общества благотворенія взялъ на себя взысканіе съ своего корреспондента денегъ. Тогда отъ совѣта поступила жалоба въ слободско-украинское губернское правленіе съ просьбою о взысканіи съ Бедряги денегъ. „Зміевскаго уѣзда помѣщикъ маіоръ Бедряга прошлаго 1813 года 16 января занялъ изъ капитальной суммы харьковскаго общества благотворенія тысячу рублей за подлежащіе проценты, долгу своего до сихъ поръ не уплатилъ и проценты внесъ только 16 января 1815 года, съ того же времени не только не вносилъ процентовъ, но и не просилъ объ отсрочкѣ. Какъ видно изъ отношенія губернскаго правленія Бедряга долженъ былъ переписать данное имъ обязательство (т. е. прошеніе о выдачѣ съ 2-мя поручителями) на заемное письмо, но онъ предпочелъ

---

[1]) Въ дѣлѣ № 3 находится нѣсколько циркулярныхъ посланій Совѣта къ Бедрягѣ, на которыя онъ отвѣчалъ, „что не знаетъ, сколько на долю его причитается процентовъ, что исполняя различныя порученія графа Алексѣя Андреевича Аракчеева не могъ доставить Совѣту долга и что, наконецъ, удивляется зачѣмъ Совѣту получать съ него деньги, когда капиталъ Общества долженъ остаться неприкосновеннымъ и что Совѣту все равно съ кого получать проценты, которые онъ, Бедряга, не отказывается „платить“ и т. д. Но Совѣтъ, не обращая вниманія даже на „порученія графа Алексѣя Андреевича“ представилъ прошеніе Бедряги въ Губернское правленіе и тѣмъ заставилъ его предложить въ уплату долга 3 десятины лѣсу. См. Дѣло № 7, Инст. Архива.

предложить обществу вмѣсто 1000 рублей (а съ % 1205 руб.) три десятины лѣсу. По соглашенію съ дирекціей училищъ лѣсъ этотъ былъ принятъ въ уплату слободско-украинскою гимназіею, но такъ какъ онъ пошелъ по слишкомъ низкой цѣнѣ, то слободско-украинская гимназія считала еще 700 руб. за обществомъ благотворенія. По разнымъ обстоятельствамъ совѣтъ не хотѣлъ признать этого долга и дѣло затянулось. Впрочемъ объ окончаніи его мы скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ, теперь же перейдемъ къ Августу Стан. Эли. Повидимому, Эли былъ однимъ изъ тѣхъ русско-нѣмецкихъ чиновниковъ, которые состоя долгое время въ русской службѣ и пріобрѣтя имѣніи въ слободско-украинской губерніи, все еще тяготѣли къ Германіи. Даже самое имѣніе Эли носило нѣмецкое названіе Луизенталь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Эли могъ бы возвратить взятыя имъ деньги во время, но онъ не хотѣлъ этого дѣлать, видя, какъ легко можно отсрочивать долги свои. Онъ или отмалчивался на запросы совѣта объ уплатѣ долга или процентовъ, или вновь переписывалъ свое обязательство, увеличивая, а не погашая свой долгъ. Ко времени отдѣленія института отъ общества, долгъ Эли возросъ, очевидно, до значительной цифры и ловкій нѣмецъ, не желая платить деньги немедленно (въ виду возможнаго взысканія по суду) придумалъ очень выгодный для себя исходъ: онъ предложилъ совѣту института поставлять въ институтъ въ счетъ долга всѣ съѣстные припасы (муку, крупу, свиное сало и т. д.) со скидкою 20% противъ справочныхъ цѣнъ. Тогда же былъ заключенъ съ нимъ контрактъ. Но какъ исполнялся имъ этотъ контрактъ видно изъ того, что Совѣтъ постарался, какъ можно скорѣе развязаться съ нимъ, передавши, между прочимъ, его заемное письмо на сумму 7600 руб. уходившему въ то время изъ совѣта Г. Ѳ. Квиткѣ [1]). Это было уже въ 1821 году.

Такъ долго могли оттягивать уплату должники общества! Говоря о крупныхъ должникахъ, мы не должны упустить изъ

---

[1]) См. дѣло Ин. Архива № 23. „О должныхъ Купянскимъ помѣщикомъ Густавомъ Эли деньгахъ обществу благотворенія и о поставкѣ въ счетъ долга разныхъ припасовъ институту благородныхъ дѣвицъ".

виду и мелкихъ потому, что мелкія ссуды, выдаваемыя изъ „вспомогательной“ суммы должны были приносить обществу больше пользы, нежели крупныя. Но и здѣсь на каждомъ шагу обнаруживается неопытность привитела дѣлъ и членовъ совѣта, удовлетворявшихъ прошенія лицъ, часто не заслуживавшихъ довѣрія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Еще въ 1813 году проѣзжалъ черезъ Харьковъ командированный изъ Петербурга на Кавказъ форштмейстеръ Ив. Егоровъ Лундегрейнъ. Издержавъ даные ему прогоны, онъ заявляетъ совѣту, что потерялъ на дорогѣ къ Харькову 80 руб. и не можетъ добраться до мѣста своего назначенія. Совѣтъ выдалъ ему 35 руб. и взялъ отъ него росписку безъ всякаго поручительства въ уплатѣ. Единственнымъ документомъ кромѣ его росписки была копія съ подорожной, выданной форштмейстеру отъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязьмитинова. Получивъ эту небольшую сумму, Лендегрейнъ, повидимому, совершенно забылъ о ней. Тогда совѣтъ обратился съ жалобой на него въ кавказское губернское правленіе, которое, въ свою очередь, обратилось съ запросомъ о Лунденгрейнѣ къ оберфорштмейстеру Новикову. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ этого послѣдняго и получилъ ли совѣтъ удовлетвореніе, но видимъ ясно, какъ могла быть чувствительна для общества потеря даже такой незначительной суммы, если совѣтъ и правитель дѣлъ такъ долго вели о ней переписку. Долго также велась переписка по поводу заемныхъ писемъ, представленныхъ въ общество для обезпеченія долга. Такъ подпоручикъ Сильвестръ Давыдовъ заложилъ обществу заемное письмо на 400 руб. поручика Марандаки, но совѣтъ не смотря на частые запросы и жалобы въ таврическое губернское правительство [1]) денегъ по заемному письму съ поручика не получилъ. Таковъ же, кажется, былъ результатъ иска по заемному письму шт. капитана Хвостова, выданному имъ 13 февраля 1812 года срокомъ по ноября того же года капитану Ник. Давыдову. Этотъ, своего рода, учетъ векселей, кажется, менѣе всего удался обществу, которое при учетѣ удер-

---

[1]) А. ие „Правленіе“, см. дѣло № 5, листъ 18 и др.

живало значительные проценты, но за то много теряло, не получая вовсе капитальной ссумы. Впрочемъ такихъ случаевъ мы насчитаемъ всего 3. Гораздо легче производилась выдача ссудъ подъ залогъ вещей. Изъ нѣкоторыхъ указаній отчета можно заключить, что выдача эта производилась въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ можно судить по уцѣлѣвшимъ документамъ. Въ дѣлѣ № 5 сохранилось только 2 росписки о закладѣ вещей губернскаго секретаря Ленскаго, 2 иностранца Алландера и 2 помѣщика Тебѣкина, отъ имени котораго заложилъ вещи какой то Токаренковъ, не пожелавшій возвратить ему залоговую квитанцію, на что Тебѣкинъ жаловался совѣту и взамѣнъ получилъ новую квитанцію. Иностранецъ же Аллапдеръ, получившій подъ залогъ вещей по первой квитанціи 500 руб., по 2-й—100 руб. учелъ кромѣ того 2 заемныя письма: одно на его имя выданное Выдринымъ, другое выданное Осипомъ Калиновскимъ на имя магистра Шумана. По обоимъ письмамъ пришлось начать взысканіе, которое, повидимому, привело къ благопріятнымъ результатамъ. Дѣло Аллапдера обращаетъ на себя вниманіе еще по резолюціямъ совѣта о выдачѣ денегъ. Такъ на первомъ прошеніи о выдачѣ подъ залогъ вещей стоитъ резолюція: „выдать 300 рублей—изъ капитальной суммы; 200 руб.—изъ *демидовскихъ суммъ*“. И такъ капиталу не хватало и приходилось брать ссуды изъ другихъ источниковъ. Въ случаѣ неуплаты—приходилось урѣзывать деньги, опредѣляемыя на содержаніе воспитанниковъ при гимназіи и на другіе расходы. Дѣла запутывались болѣе и болѣе и общество принуждено было вовсе прекратить свои финансовыя операціи. Послѣднія ссуды относятся къ 1816 году [1]), хотя въ черновой донесенія министру полиціи, писанной еще въ 1815 году, какъ мы видѣли, совѣтъ заявляетъ о необходимости прекратить выдачу денегъ взаймы вслѣдствіе неаккуратнаго поступленія взносовъ. И такъ общество потерпѣло и здѣсь фіаско. Въ сравненіи съ колоссальными кредитными операціями нашего времени эта сторона дѣятельности нашего общества покажется читателю, навѣрное, ничтожной и мизерной, но мы позволимъ себѣ напомнить читателю, что и совре-

[1]) Подъ заемныя письма, какъ болѣе надежные документы.

менные намъ банки, ворочающіе теперь огромными капиталами начинали свою дѣятельность съ крайне ничтожными капиталами. Только времена теперь другіе и всякая добрая иниціатива находитъ себѣ энергическую поддержку въ обществѣ [1]). А общество благотворенія преслѣдовало при томъ не одну, а нѣсколько слишкомъ широкихъ задачъ, исполнить которыя въ то время еще не было возможности. За нимъ осталась, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что съ именемъ его навсегда связана память о воспитаніи мѣстнаго юношества [2]) и объ учрежденіи перваго женскаго учебнаго заведенія, имѣвшаго большое значеніе для всего юга Россіи.

В. Лапинъ.

---

[1] Харьковскій городской банкъ началъ съ основн. капиталомъ въ 10.000 рублей: черезъ 25 лѣтъ онъ ворочалъ милліонами.

[2]) Въ дѣлѣ арх. дворян. депутат. собранія за № 15, Г. Ѳ. Квитка въ запискѣ о дѣятельности Общества благотворенія за 1812—1818 годы такъ опредѣляетъ число воспитанниковъ, обучавшихся на счетъ Общества.

Изъ воспитанниковъ Общества благотворенія въ пансіонѣ при гимназіи опредѣлено въ военную службу 16, изъ которыхъ 7 эпикированы были на коштъ Общества. Поступилъ въ студенты университета — 1 чел. Продолжаютъ ученіе — пять. Изъ дѣла Инст. Архива № 6 „О питомцахъ воспитывавшихся въ Слободско - украинской гимназіи на счетъ Общества благотворенія съ 1812 по 1816 годъ“ видно, что Совѣтъ въ 1813 году, извѣщая министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи института для 20 бѣдныхъ дѣвицъ, просилъ министра о дозволеніи замѣщать воспитанниками Общества 5 ваканцій казеннокоштныхъ воспитанниковъ при гимназіи, но министръ графъ Алексѣй Разумовскій отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ оставлять эти ваканціи для воспитанниковъ Общества, такъ какъ на нихъ и безъ того много кандидатовъ. Изъ дѣла Инст. архива № 7, „о должныхъ Харьковскимъ Обществомъ благотворенія Харьковской гимназіи за бывшихъ въ оной воспитанниковъ 700 р. денегъ“ (на 85 листахъ) и изъ дѣлъ Архива харьковской 1-й гимназіи №№ 166, (1812 года) 202, (1813 г.), 19, (1814 г.), и 55, (1816 года), видно, какъ Обществу съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе выплачивать гимназіи деньги за содержаніе воспитанниковъ. Уже въ 1820 году совѣтъ вовсе не находилъ средствъ для уплаты долговъ Общества Харьковской гимназіи за воспитанниковъ: Цебриковыхъ и Богуславскаго. Постоянныя жалобы на безденежье со стороны Совѣта, обратили, наконецъ на себя вниманіе правительства, которое предписало впослѣдствіи приказамъ общественнаго призрѣнія тѣхъ губерній, откуда родомъ были воспитанники, уплачивать содержаніе и обученіе ихъ въ Слободско—украинской гимназіи.

Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи.

Площадь Полтавскаго Побережья, орошаемая Днѣпромъ и его притоками, поросшая большими лѣсами, въ старые годы представляла большія удобства для хлѣбопашества. Пріятно было пахарю бросать сѣмена въ сырую землю съ увѣренностію, что трудъ его вознаградится сторицею. Среди обширнаго поля, сколько глазъ захватитъ раскинулся зеленый коверъ: цвѣты въ безпорядкѣ перемѣшали свои краски, слили воедино свой запахъ, стоятъ неподвижной стѣной; стада въ безпорядкѣ бродятъ, рога едва видны изъ зеленой травы, и только фырканье ретивыхъ коней, да изрѣдка ревъ быка, чующаго близкое присутствіе волка, давали знать о присутствіи стада. Въ полдень, когда стадо нестройной толпой пустится къ водопою, какихъ стройныхъ, тучныхъ животныхъ провожаетъ наблюдательный глазъ. Вдали послышался голосъ: чья это пѣсня раздается среди безмолвной степной тишины? Чумакъ затянулъ нескончаемо длинную пѣсню „Пугача“ и поетъ проходя безлюдныя степи; привольно ему тянуться, лежа, покачиваясь на своемъ громадномъ возу, покрытомъ сверху хорошо пропитанной дегтемъ кожей, и наполненномъ зернистой красной пшеницей или, при обратномъ движеніи отъ соляныхъ озеръ, дорогой тогда солью. Только эхо вторитъ его пѣснѣ. Степь, раздольная степь, не ты ли сложила эту пѣсню своему страннику чумаку?.. Скрипъ и стукъ колесъ слышится ближе и вслѣдъ затѣмъ протяжное „тпру“ водворяетъ тишину. Возы стали, пора чумакамъ ночевать, волы распряжены, тутъ же разбрелись по зеленой травѣ;

блеснулъ у воза огонекъ и каша кипитъ въ казанѣ. Привольно пасутся волы, объѣздныхъ нѣтъ, штрафовъ никто не беретъ; покойно до самаго утра спятъ чумаки. Лишь солнце блеснетъ, опять заскрипѣли возы, и снова запѣлъ свою пѣсню „Пугача" чумакъ, „гей, гей!" изрѣдка покрикивая на воловъ.

Малороссійскій чумакъ совсѣмъ не то, что русскій извозчикъ, хотя цѣль ихъ одна и та же: свезти мѣстные продукты и мѣнять на иногородніе. Извозчикъ велъ свое дѣло на лошадяхъ и хотя колесилъ во всѣ концы матушки Россіи, но шелъ всегда мѣстами людными, избиралъ трактовыя дороги, не бралъ съ собой никакихъ запасовъ, кромѣ мошны съ серебряными рублевиками. Онъ зналъ, что вездѣ по дворамъ найдетъ сѣно, овесъ и сытныя щи. Чумаку путь лежалъ изъ Малороссіи въ Крымъ; проходилъ онъ по безлюднымъ степямъ, нога за ногой, совершая три ходни въ лѣто къ солянымъ озерамъ, сбывъ соль, по возвращеніи на мѣсто, торговцамъ, зимовалъ дома, гдѣ ожидала его семья съ полнымъ запасомъ красной зернистой пшеницы и полновѣсной ржи и роскошь гречиха, вареники съ сыромъ, облитые масломъ, и ласка чорноокой козачки, и зимняя длинная ночь, и теплая хата, и мягкія пуховыя подушки; а для воловъ пахучее сѣно, роскошная барда—награда за всѣ путевые лишенія.

Въ старые годы чуманство въ Малороссіи было въ большомъ развитіи. Вызвало его, главнымъ образомъ, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и изобиліе рогатаго скота. Въ то время въ Малороссіи сѣяли хлѣбныхъ злаковъ сравнительно очень мало но урожаи были обильные, сбытъ хлѣба, несмотря на близость черноморскихъ портовъ, былъ затруднителенъ; дешевая продажа его на мѣстѣ не представляла никакихъ выгодъ для хлѣбопашца, а потому волей-неволей надо было искать другихъ доходныхъ источниковъ. Успѣшная хлѣбная торговля велась только лишь въ мѣстахъ, лежащихъ близь Днѣпра. Отправка хлѣба по Днѣпру шла съ успѣхомъ въ верхъ, когда усиливался запросъ изъ Литвы. Сплавъ его внизъ затрудняли пороги, почему многіе предпочитали отправлять хлѣбъ съ чумаками въ объѣздъ пороговъ, ниже которыхъ установляло разъѣзды въ Береславѣ и Ко-

хавкѣ, куда преимущественно и направляли свой путь чумаки, гдѣ, распродавъ хлѣбъ и махорку, въ то время въ изобиліи производившуюся въ Малороссіи, шли дальше къ солянымъ озерамъ. Чумакствомъ занимались не только козаки, а даже и помѣщики снаряжали самостоятетьно свои валки подъ управленіемъ довѣренныхъ лицъ изъ довѣренныхъ крѣпостныхъ.

Козаки и въ настоящее время во многомъ сохранили свои характерныя черты и весьма рѣзко выдѣляются изъ общей среды. Солидарности между козаками и крестьянами никогда не существовало. Сословное преимущество козаки признавали, да и теперь признаютъ за собой; такъ напр. выдать дочь за крестьянина или взять невѣсту изъ крестьянской семьи допускалось только лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Чумаки преимущественно отвозили къ портамъ свой хлѣбъ и только при недостачѣ на всѣ партію брали „фуру". Фурой называется кладь отъ другого лица. Въ старые годы были села, населеніе которыхъ все, безъ исключенія, занималось чумачествомъ, а велось это дѣло такъ: собиралась валка возовъ въ тридцать—сорокъ; опытный чумакъ избирался ватагомъ, ему то поручались всѣ дѣла, относящіяся ко всей партіи такъ, что ватагъ имѣлъ право принимать въ свою партію кого ему угодно, рѣшалъ продажу и покупку продукта, уславливался въ цѣнѣ за извозъ, осматривалъ исправность возовъ и худобы и велъ всѣ дорожніе расходы. Съ четырьмя парами воловъ легко управлялся одинъ рабочій. Въ такихъ селахъ считали плохимъ хозяиномъ того, кто не посылалъ въ Крымъ по соль или на Донъ по рыбу хотя бы одну—двѣ пары; но зато въ этихъ селахъ были и такіе зажиточные съ предковъ богачи, что однимъ своимъ дворомъ собирали полную валку. Запѣли жаворонки—вѣстники весны и чумаки уже тянутся къ югу, на встрѣчу ему журавли, перекликнулись путники, счастливаго пути одинъ другому пожелали и безлюдная степь за зиму, не слыхавшая ни одного звука, снова огласилась пѣснею чумака. Легкая кладь на пару воловъ считалась въ пятьдесятъ пудовъ. Хорошіе волы везли обыкновенно шестьдесятъ—семьдесятъ пудовъ; а кто *кохався въ худоби* и держалъ хорошихъ воловъ, тотъ клалъ и девяносто пудовъ

на пару, но тогда уже больше двухъ ходокъ въ лѣто не дѣлалъ. Хорошая и удачная ходка, когда волы не болѣютъ и хороши корма по пути приносила среднимъ числомъ въ одинъ оборотъ двадцать пять—тридцать рублей на пару, такимъ порядкомъ чумакъ имѣетъ въ лѣто отъ пары воловъ за всѣми расходами семьдесятъ пять — девяносто рублей, причемъ еще иногда имѣли возможность дома *трохы пидъоратысь*.

Козакъ на Побережьи, такъ зовется приднѣпровская мѣстность,—всего имѣетъ у себя полную чашу: хлѣба у него полные закрома. *Срибни карбованци и червинци скрыню ломалы*; коровы даютъ молоко, жирныя свиньи не только для домашняго обихода, но и для продажи снабжали претолстѣйшимъ саломъ; а въ *борщи завжде кыпыть курка*. Дѣйствительно, козаки всегда имѣли у себя чисто и вкусно приготовленную пищу: молочная каша, вареники, а на вечерю непремѣнно *гречани галушки* съ саломъ, а въ постный день—„*звари мени, жинко, чабака*".

Кромѣ птицы, употребляли баранину и свинину, говядины тогда не ѣли. Чумаки смотрѣли на вола, какъ на своего друга, сотрудника. Онъ дѣлитъ съ нимъ всѣ невзгоды во время пути и наслаждатся роскошью зимней стоянки у себя дома, гдѣ такъ тепло и уютно. Даже при несчастіи, когда быкъ сломаеть ногу или получитъ другое какое увѣчье, и тогда чумакъ не подыметъ руки на своего друга вола и со слезами сдаетъ его торговцу. Вслѣдствіе хорошаго довольства, козакъ, несмотря на тяжелую, трудовую жизнь, не скоро старѣется и даже въ немолодые годы имѣетъ привлекательный видъ. И потому среди сельскаго населенія всегда легко отличить козачку не только по ея богатому наряду, но и по привлекательному типу: роскошная черная коса и бѣлое лицо, и полныя груди и даже рука подъ развитіемъ усиленнаго физическаго труда не получила той неправильной и грубой формы, какимъ отличается крестьянка при своемъ среднемъ довольствѣ.

Козакъ Побережья щеголеватѣй козака отдаленныхъ мѣстъ. Высокія чорныя или сивыя смушковыя шапки даже въ лѣтнюю пору замѣняются соломенными или войлочными брылями лишь только въ рабочіе дни: въ праздники же, идя въ церковь, не-

премено одѣваетъ смушковую шапку, жупанъ синяго тонкаго сукна, широкіе китайковые штаны, хорошо смазанные дегтемъ *чоботы*, *червоная стежка* и *червоный поясъ* завершали роскошь наряда. Козачка обувала непремѣно *сальяници;* подолъ бѣлой тонкой сорочки, вышытый гладью, всегда видѣнъ изъ подъ роскошной шелковой или гарусной плахты; смотря по времени, байковая, или ситцевая юбка обхватываетъ стройный станъ; на шеѣ—дорогіе мониста, *золотие* и *срибни дукачи*, а чорная коса такъ перевита лентами всѣхъ цвѣтовъ, что не видно даже волосъ.

Взрослые сыновья и даже женатые только въ исключительныхъ случаяхъ отдѣлялись отъ семействъ и жили самостоятельно; преимущестиенно же до смерти отца жили всѣ вмѣстѣ, работая на одно хозяйство. Свадебные обряды совершались, какъ и теперь, со всѣми общепринятыми обычаями старины; часто бывало такъ, что невѣста подаетъ слово, не видѣвши своего жениха, причемъ старосты обмѣниваютъ хлѣбъ и тогда только знакомили жениха съ невѣстой. Безъ *старостивъ* необходилось дѣло даже тогда, когда невѣста давно намѣтила себѣ суженаго и совершенно съ нимъ сговорилась. За обмѣномъ хлѣба слѣдуютъ *розглядины*: родные невѣсты ѣдутъ къ жениху и при обычныхъ угощеніяхъ водятъ сватовъ по амбарамъ и коморамъ, показываютъ имъ свое трудомъ нажитое добро: волы, возы, скрыни, одежду и все хозяйство. Затѣмъ старосты вновь являлись къ невѣстѣ, съ ними и женихъ. Жениху и невѣстѣ представляли полную свободу для знакомства, а старосты хлопотали о выдачѣ *рушниковъ*. Когда невѣста повяжетъ *старостивъ* рушниками, тогда дѣло считается безповоротно рѣшеннымъ. Начинаются сговоры на счетъ подарковъ отъ жениха отцу и матери невѣсты, а о приданномъ ничего не говорятъ. Во время свадебнаго празднованія, уже тогда, когда женихъ забиралъ къ себѣ невѣсту, отецъ и мать дарили дочь, чѣмъ сами знали, а скрыня и одежда сдавалась дочери еще до вѣнца. По окончаніи сговоровъ назначали день вѣнчанья и свадьбы. Послѣ чего женихъ собиралъ человѣкъ двѣнадцать бояръ изъ молодежи. Старшій бояринъ, кромѣ хустки, въ отличіе отъ другихъ, получалъ бантъ

на грудь, а жениху невѣста пришивала его на шапкѣ, и вотъ вся партія стройно, верхами на лошадяхъ, отправлялась созывать на свадьбу родныхъ и добрыхъ знакомыхъ; а невѣста съ своей стороны сначала шла звать подругъ въ дружки, а затѣмъ уже, когда соберетъ ихъ большую партію, съ пѣснями обходила все село, всѣмъ встрѣчнымъ кланяясь, роднымъ и знакомымъ дарила фигурно испеченный хлѣбъ „*шишки*“ и приглашала на коровай. Горѣлка, медъ, варенуха приготовлялись заблаговременно цѣлыми бочками; музыка въ двѣ скрипки съ бубной развлекали молодежь. Такъ какъ свадьбы обыкновенно совершаются въ свободное отъ полевыхъ работъ время, то пиршества иногда продолжались нѣсколько дней сряду: сначала у невѣсты, а потомъ ѣхали всѣ къ молодому. Если невѣсту брали въ другое селеніе, то парубки задерживали молодыхъ при выѣздѣ изъ села и брали съ нихъ выкупъ горѣлкою, что и называлось „пропить молодую“.

Въ зимнее время, кромѣ ухода за домашними животными, по деревнямъ работъ никакихъ не бывало, развѣ кто думалъ строиться, надо подготовить лѣсныхъ матеріаловъ, либо состроить плужокъ, борону, изукрасить рѣзьбой ярмо на сѣрыхъ рогатыхъ и только. Женщины преимущественно пряли нитки и занимались ткацствомъ. По вечерамъ дѣвушки собирались на *вечерныци*. Здѣсь то на *вечерныцяхъ* молодежь занималась и весилилась отъ души. Пѣсни, разсказы про старое отдаленное время составляли главное развлеченіе, подъ часъ бубенъ и скрипка вызывали молодцовъ пойти въ присядку, но это только въ праздники, когда дѣвушки не заняты пряжей и всѣ свободны. Подсолнухи—лучшій десертъ, каждая имѣла у себя полную пазуху и съ доброхотствомъ угощала ими *парубковъ*. Всѣ участники собранія приносили хозяйкѣ что либо съѣстное: сала, гречневой муки, пшена, соли, десятка яицъ, а то такъ и *курку*. Захватитъ безъ вѣдома матери и такимъ порядкомъ составляли довольно сытный ужинъ. Порубки покупали горилку и тогда уже подъ музыку лихого скрипача шла разудалая пляска, и кружились головы молодыхъ дивчинъ.

Въ старые годы козакъ отличался радушіемъ и гостепріимствомъ. Онъ всегда радъ былъ принять у себя не только своего односельчанина, но и совершенно незнакомаго ему чужестраннаго путника: накормитъ, напоитъ его и конямъ задастъ въ волю овса и сѣна. Въ Малороссіи всегда бывало много захожихъ людей. Богъ вѣсть откуда, переходили они изъ села въ село, носили съ собой срисованные виды Афонской горы и проч. Ерусалимскихъ рѣдкостей, крестики, кольца, образки и все это роздавали даромъ благодушнымъ хозяевамъ, напрощанье снабжавшимъ гостя и холстами, и деньгами, и разными яствами. Старцы, лирники и бандуристы переходили изъ села въ село. Ихъ пѣсни, ихъ разсказы про старое время, когда еще Сѣчь существовала, коротали длинные зимніе вечера и развлекали не одну заслушавшуюся семью. Я помню, съ какимъ бывало нетерпѣніемъ и въ нашей семьѣ ожидали прихода Іуды Искаріотскаго, а наша семья дворянская, къ намъ уже пробился свѣтъ науки, у насъ были учителя семинаристы, много книгъ, въ числѣ коихъ Конекъ-Горбунекъ, по своему интересу занималъ самое видное мѣсто. Іуда всегда появлялся въ нашихъ мѣстахъ въ одно время, около Кузьмина дня, и всегда въ вечернихъ сумеркахъ, когда уже самоваръ стоитъ на столѣ, когда всѣ мы собрались къ круглому столу, а нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала комнату, и вдругъ съ коридора дверь отворяется и на порогѣ ея высокая исхудалая фигура. Матушка всматривается: „О! и Іуда явился!“ мы всѣ вскакиваемъ изъ за стола и окружаемъ его. Онъ неуспѣваетъ отвѣчать на наши вопросы. Его усаживаютъ тутъ же за столъ и онъ, обогрѣвшись чашкой горячаго чая, начинаетъ свои повѣствованія. Здѣсь и Ерусалимъ, здѣсь и Афонъ—да словомъ предъ нами развертывалось все. Съ какимъ интересомъ до поздней ночи мы всѣ слушали его разсказы! Ему отводили особую въ домѣ комнату и онъ уходилъ; но мы все еще полны интереса не успокаивались. Намъ хотѣлось видѣть его вериги, какъ онъ препоясываясь ремнями и изнурялъ и безъ того свое тощее исхудалое тѣло. Для чего это онъ дѣлаетъ? Намъ говорили, что это святой человѣкъ, и мы этому вѣрили безусловно. Іуда Искаріотскій мнѣ особенно

нравился, я даже мечталъ о томъ, какъ хорошо сдѣлаться странникомъ, съ посохомъ вь рукахъ обойти весь свѣтъ, побывать на Афонѣ, который я считалъ тогда крайнимъ предѣломъ нашей планеты, но время, ненасытное время, съѣло мои младенческіе мечты, показавъ другія картины, иныхъ людей, дало мысли иное направленіе, оставляя въ сторонѣ и Афонъ и Іуду съ его веригами и все, что такъ тѣшило тогда мое воображеніе.

Хорошій и умный священникъ среди сельскаго козачьяго населенія, катался какъ сыръ въ маслѣ: зажиточные хозяева устраивали у себя въ зимнее время бесѣды и зазывали священника съ причтомъ и послѣ обычной молитвы шло угощенье, а при прощаньи одѣляли священника и причтъ всѣмъ, чего пожелаетъ душа. Впрочемъ, тогда, всѣ безъ исключенія смотрѣли на козака, какъ на дойную корову, и небыло судейскаго панычa, который бы при случаѣ чѣмъ либо не поживился отъ него. Козаки тогда подчинялись волостямъ, которыя въ свою очередь отчетовались за свою дѣятельность окружнымъ начальникамъ. Полиція также имѣла долю своего права, но весьма незначительную. Львиная доля лакомства принадлежала окружнымъ начальникамъ; лакомства эти были настолько значительны, что окружные начальники, несмотря на малые оклады жалованья, жили съ полною роскошью. Козачки простачки и сами безъ всякаго вымогательства любили ублаготворять свое начальство, даже небудучи въ чемъ предъ ними повинны. Поздравить начальника съ праздникомъ, входило въ обычный порядокъ, какъ равно и съ окончаніемъ своего чумацкаго дѣла: гляди, несетъ начальнику полный годовой запасъ. Да были и между начальниками люди лихіе, на всѣ лады изощрялись, какъ бы побольше взять, и хитри не хитри козакъ, а подавай осетра.

Въ старые годы, когда еще не такъ густо было населеніе, простую, но какую прелестную картину представляло собой каждое козачье селеніе! Дворы огорожены, за ними обширныя левады, гдѣ привольно пасутся дойныя коровы, направо огороды и сады. Взгляните на хату: бѣлая, свѣтлая, чиста и опрятна внутри и снаружи, стоитъ она среди прочихъ построекъ, какъ грибомъ, окутанная совсѣхъ сторонъ зеленью роскошныхъ

вѣковыхъ осокоровъ, серебристыхъ тополей, за которыми раскинулись густою зеленью вишни, сливы и другія фруктовыя деревья; дальше огородъ, въ которомъ хотя и не найдете культурныхъ растеній въ родѣ спаржи и цвѣтной капусты, но зато все необходимое въ отличнѣйшемъ видѣ. Глядя на эти прекрасные огороды, сады, левады, уютно расположенныя избы, зимой манящія своей несомнѣнной теплотой и радушіемъ хозяевъ, а лѣтомъ прохладой въ тѣни густой листвы деревъ, невольно думается: здѣсь ли не культура, здѣсь ли не та правильная, роскошная жизнь, гдѣ нѣтъ ни суеты, ни лести, ни обмана. Не это-ль тотъ священный уголокъ, гдѣ могъ бы всякъ съ своей разбитой жизнью найти привѣтъ и вдохновеніе, гдѣ могъ бы отдохнуть всякъ, оставившій всею черты этого уголка всю пустоту праздной и безтолковой свѣтской жизни! И это такъ хорошо и прочно на много лѣтъ устроился тотъ самый козакъ, котораго въ лѣтнюю пору вамъ часто приходилось видѣть въ его чумацкомъ до невозможности грязномъ костюмѣ, а зимой въ кожухѣ бѣлѣе снѣга, опушенномъ дорогими сѣрыми смушками, и черной смушевой шапки. Смотрите, любуетесь и глазамъ невѣрите, когда это онъ могъ такъ себя *очепурить*. Ждетъ его, недождется черноокая,—любящая жена: Уже и бѣлая тонкая сорочка готова, и китайковые штаны, и полный *шапликъ* согрѣтой воды для купанья, настоянной барвинкомъ, васильками и душистымъ чебрецомъ, и бѣлыя, мягкія подушки, и теплый претеплый *листныкъ*, и сама, полная страсти, давно уже жданнымъ бредитъ во снѣ, *„а его нима, тай нема! чы вилы поховорилы, чы возы не насправи!... Колы це у вечери: „птру“!... сталы волы. Заскрыпилы ворота, гей-гей!... помоленьку возы цокотятъ, зоставылы двиръ“*.

Козакъ всегда любилъ и сознавалъ необходимость грамоты; но по недостатку школъ немногіе могли воспользоваться наукой у сельскаго дьяка, который самъ по своей малограмотности и неумѣнію преподавать, немногихъ выучивалъ читать псалтырь, а писать почти никого. Но зато школяръ, зазубрившій отъ слова до слова псалтырь, пріобрѣталъ себѣ въ семьѣ особое благоволеніе, а въ обществѣ почетъ, особенно когда имѣлъ

достаточно смѣлости и выходилъ въ церкви читать апостола. Книгъ для народнаго чтенія, кромѣ церковныхъ, тогда несуществовало. „Бова Королевичъ и Соловей Разбойникъ“ непредставляли для малоросса интереснаго чтенія; кромѣ того, что они писаны на русскомъ языкѣ, малороссійскій народъ имѣетъ въ своемъ прошломъ много несказочныхъ богатырей, а истыхъ героевъ, слава о которыхъ за недавностію ихъ подвиговъ съ достовѣрностію передавалась въ разсказахъ и пѣсняхъ кобзарями. Разсказы эти съ особеннымъ интересомъ выслушивались молодежью, и часто на *вечирныцяхъ* смолкалъ не только говоръ и смѣхъ, но даже шумъ веретенъ, и водворялась тишина, среди которой раздаются звуки кобзы и воспѣвается слава Наливайки и другихъ героевъ старины. И въ старые годы ученыхъ кобзарей не много было на Украини, а теперь уже они и подавно перевелись. И хотя часто приходится на сельскихъ ярмаркахъ встрѣчать цѣлую араву слѣпцовъ, поющихъ пѣсни и наигривающихъ на кобзѣ и бандурѣ, но весь ихъ репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ лирницкихъ, гдѣ преимущественно воспѣвается убогій Лазарь. Кобзарь по профессіи совсѣмъ не то, что кобзарь по призванію. Ихъ музыка, ихъ пѣсни обратились для потомства въ науку. Истому кобзарю ненадо было ничего, кромѣ кобзы, съ ней онъ проходилъ всю Украину, съ ней онъ шагалъ по безлюднымъ Херсонскимъ степямъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и гдѣ только была горсть малороссійскаго народа, вездѣ его пѣсня вызывала слезы, вездѣ ему привѣтъ и сытный обѣдъ, а что дороже для поэта,—его душевная потребность удовлетворена. Какая радость для чумака, когда его валка остановилась на ночлегъ, волы разбрелись по роскошной травѣ и среди мертвящей степной тишины вдругъ неожиданно раздаются звуки кобзы и пѣсня кобзаря! Сотни лѣтъ минули съ той поры, какъ Наливайко на своемъ добромъ конѣ съ сотнею лихихъ запорожцевъ по этимъ степямъ гналъ татарву, и вотъ эта степь слушаетъ пѣсню славы его; а чумаки вокругъ огнища сидятъ, пріуныли: и козанокъ уже кипитъ, и галушки пора саломъ *затовкты* и *посолыты*, а никто съ мѣста не трогается, боятся помѣшать кобзарю. И невольно идетъ имъ на мысль дума: время,

куда ты ушло?... зачѣмъ унесло съ собой нашу привольную жизнь предковскую, когда небыло ни стряпчого, *що жинка его любитъ осятра, ни судьи, ни подсудка. Ухъ! стара-старына, за тобою жалкуемъ, а може тоди ще гирши було!*

Не только села отличаются роскошью, хутора также красиво раскинулись по обширнымъ полямъ, также тщательно окутаны вишневыми садами, такіе же прекрасные огороды и бѣлыя, акуратно отстроенныя хаты. Но жизнь хуторянина болѣе однообразна. Занятый хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, онъ окруженъ царствомъ животныхъ и пернатыхъ, требующихъ постояннаго ухода, и потому у него нѣтъ времени для чумацкаго промысла. Одинокая хуторская жизнь сдѣлала его угрюмымъ, необщительнымъ и сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ. Онъ имѣлъ въ своемъ хозяйствѣ все необходимое для продовольствія и одежи и покупалъ только лишь предметы роскоши, для чего самъ, когда и отправлялся въ городъ совмѣстно съ женой, то наровилъ непремѣнно къ вечеру возвратиться домой. Жизнь хуторской молодежи тоже далеко уже не та. Хуторокъ въ три-четыре хаты не собираетъ *вечерныць*, и если дѣвушки когда соберутся на *посыденьки*, тамъ уже нѣтъ ни кобзаря, ни скрипача самоучки, да и все собраніе почти своя семья или близкая родня.

Въ общемъ семейная жизнь козака всегда была хороша. Конечно, тамъ, гдѣ вѣчный недостатокъ, гдѣ душа и всѣ человѣческія проявленія огрубѣли, тамъ эстетическое чувство не имѣетъ мѣста, тамъ ссора и грубое обращеніе. Жена въ такой семьѣ страдалица; но такихъ семействъ въ старые годы среди козачьяго сословія было не много. Въ большинствѣ жена козака въ своей семьѣ являлась такимъ же равноправнымъ членомъ, какъ и мужъ. Въ такихъ семействахъ трудъ распредѣлялся равномѣрно и никогда одинъ другого не понукалъ выполнять свои обязанности, всякъ зналъ свое дѣло и съ гордостію хвалился успѣшнымъ его результатомъ. Мужъ уходитъ на все лѣто чумаковать. Жена остается одна при семьѣ, гдѣ она занимаетъ первое мѣсто и ведетъ мужнее дѣло; всѣ ей подчиняются и знаютъ порядокъ, даже и мужъ, возвращаясь къ зимѣ домовать,

не вмѣшивается въ ея дѣла и знаетъ только волы, да возы, да такъ кое-что поисправить: гдѣ ветхая крыша, плетень повалился, борона или плугъ не исправенъ, а все остальное дѣло жены. За ней весь порядокъ.

Самое близкое и родственное казакамъ сословіе—это казенные или государственные крестьяне. Между ними вся разница заключалась въ томъ только, что первые были родовые владѣльцы и имѣли собственные угодья, вторые жили на государственныхъ земляхъ, равномѣрно, хотя неправильно, обложенныхъ платежами. Образъ жизни ихъ и занятія одни и тѣже. Здѣсь не было той сословной разницы, какая существовала между козаками и помѣщичьими крестьянами. Это были два сословія, почти слившіяся въ одно. Они находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ волости и окружныхъ начальниковъ, равномѣрно распредѣляли между собой свои общественные расходы, и только воинскую повинность каждое сословіе отбывало само за себя. За ними слѣдуютъ монастырскіе крестьяне. Это было такое же захудалое сословіе, какъ и помѣщичьи крестьяне, только лишь съ отпечаткомъ кротости и смиренія. Монастырскіе крестьяне пополняли собой контигентъ странниковъ. Изъ ихъ среды являлись и Іуды Искаріотскіе, и другіе мнимо Ерусалимскіе поломники. Многіе изъ нихъ учились славянскому письму и были хорошо грамотны. Они жили на монастырскихъ земляхъ и свято выполняли всѣ требованія своихъ настоятелей.

Самое видное мѣсто въ кругу мѣстныхъ сословій, конечно, принадлежало дворянину-помѣщику. Но такъ какъ жизнь крестьянина во время крѣпостного права являлась результатомъ того, чѣмъ былъ для него владѣлецъ, то ихъ прошлое, состоя въ тѣсной связи, представляетъ одну общую картину. Ихъ нельзя раздѣлять. Они тогда только обрисуются рельефно на тускломъ фонѣ своего прошедшаго, когда будутъ стоять рука объ руку.

Дворянинъ-помѣщикъ, владѣлецъ крѣпостныхъ душъ, всегда представлялъ собою что-то чуждое духу Малороссіи, привитое ей извнѣ, а не выработанное условіями ея прошлой жизни

и потому плохо гармонировавшее съ ея мирнымъ, благодушнымъ бытомъ. Какъ явленіе наносное, дворянство такъ и не успѣло органически слиться съ общимъ строемъ народной жизни въ странѣ. Вотъ почему, при всѣхъ удобствахъ своего привилегированнаго положенія, не смотря на столѣтнее почти существованіе въ Малороссіи крѣпостного права, дворянинъ не съумѣлъ упрочить своего благосостоянія, и хотя казалось, что дворянство глубоко пустило свои корни, а въ концѣ концовъ очутились они на самой поверхности, и дворянинъ бѣжитъ безъ оглядки, оставляя прекрасныя поля, луга и все, что такъ долго называлъ своимъ родовымъ, сдаетъ его дѣйствительнымъ наслѣдникамъ и приходитъ къ убѣжденію, что это все не его родовое, что онъ владѣлъ имъ какъ опекунъ, а теперь, при запутанности счетовъ, взимаетъ послѣднюю контрибуцію и уходитъ, Богъ вѣсть куда, затирается среди общей массы и превращается въ пролетаріи.

Въ старые годы имущественный цензъ помѣщика опредѣляли не землей, а числомъ ревизскихъ душъ. Сто ревизскихъ душъ при выборахъ давали право самостоятельнаго голоса и причисляли къ рангу великопомѣстныхъ, почему многіе стремились укрѣпить за собой возможно большее число ревизскихъ душъ, хотябы даже и не соотвѣтственное имѣющемуся числу десятинъ земли. Оказывалось, что такіе помѣщики не въ состояніи были удовлетворять нуждъ своихъ крѣпостныхъ, и будучи окружены бѣднѣйшими, тяготились ими и, не разбирая средствъ принимали мѣры къ тому, чтобы выжать съ нихъ всѣ соки. Неудовольствія росли, и переполненная чаша разливалась, образуя лужи всѣхъ видовъ и формъ. Для большинства крестьянъ единственной исходной точкой представлялось бѣгство; а какъ въ то время въ Херсонской и Екатеринославской губерніи можно было селиться всѣмъ, то многіе, оставляя свои семейства на попеченіе владѣльца, уходили туда навсегда, гдѣ вторично женились и приписывались къ обществамъ. Бѣглыхъ изъ ревизіи не вычеркивали, государственные сборы числились на нихъ въ недоимкѣ и лежали на отвѣтственности владѣльца, который, хотя съ потугами, но все же вносилъ ихъ въ казначейство и тѣмъ

удерживалъ за собой право самостоятельнаго голоса. Между тѣмъ осиротѣлая семья бѣднѣла: изба безъ ремонтировки валилась на бокъ, окна у самой земли, крыша вся въ дырахъ, вокругъ избы ни стожка хлѣба, ни сарая, ни овцы, ни даже свиньи, такого необходимаго и заурядного животнаго въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И сколько такихъ избъ среди неприглядной деревушки, а въ концѣ ея и самая помѣщичья усадьба красуется лишь только крышею барскаго дома, все же прочее, какъ говорила пословица того времени, „сдано воробьямъ въ аренду“, и самая деревня въ насмѣшку прозвана Голодрабовкой.

Всѣ службы при усадьбѣ въ разоренномъ состояніи: тамъ вывалилась стѣнка, тамъ въ полулежачемъ положеніи болтается повисшая на одной петлѣ дверь, жилые постройки для прислуги съ разбитыми стеклами въ оконныхъ рамахъ, борзыя собаки свободно прогуливаются въ нихъ, прыгая изъ окна въ окно; здѣсь онѣ иногда, захваченныя у самого очага барской поварни и напуганныя рогачемъ въ рукахъ грязнаго повара, застрявъ головой въ разбитомъ окнѣ, выносятъ его на своихъ шеяхъ вмѣстѣ съ рамой. Эта безъискусственная вентиляція способствовала къ тому, что въ избахъ всегда стояла прекрасная атмосфера, не смотря на скопленіе въ нихъ народа, и что неопрятныя кухарки освобождали лохань отъ помоевъ только тогда, когда она переполнится крысами и первые несчастливцы начнутъ уже показывать свои полуоблѣзшія мордочки. Заборы полуразрушены, ходы вездѣ открыты: гуси, свиньи и проч. домашняя живность безпрепятственно прогуливается въ саду и огородѣ; ихъ никто не выгоняетъ, развѣ баринъ иногда, ради потѣхи своей, запуститъ зарядъ картечью въ свиней или хватитъ по гусямъ, а подъ часъ прикажетъ спустить стаю гончихъ и, разсерженный нахальствомъ своихъ же собственныхъ голодныхъ животныхъ, задастъ имъ такую травлю, что даже сосѣдямъ въ зависть. Въ такихъ дворахъ прислуга всегда заспанная, неумытая; никто не заставлялъ ее ничего дѣлать, никогда имъ не давали ни обуви, ни бѣлья. Обо всемъ они помышляли сами и раздобывали необходимое по козачьимъ селамъ, куда

цѣлыми ватагами отправлялись ночью для поживы. Лошади, волы, коровы, если они имѣлись, находились въ самомъ тощемъ и изнуренномъ видѣ; возы съ блистающимися люшнями и не смазанными колесами скрипомъ своимъ раздирали душу; плуги и всѣ другія земледѣльческія орудія разстроены до невозможности; упряжь разорвана, экипажъ увязанъ веревочками, брязгъ разбитыхъ его колесъ слышенъ далеко, а понуканье и возгласы кучера, усердно хлеставшаго изнуренныхъ животныхъ кнутомъ, схожи съ заунывною пѣснею сыча. И кучеръ, и форейторъ, и Ванька лакей, стоящій на запяткахъ, и самъ баринъ, сидя въ коляски и покуривая сигару, думаютъ и никакъ всѣ сообща не могутъ додуматься, отчего это у нихъ кони худы и нехотятъ бѣжать, не смотря на то, что ѣдутъ же они домой, а извѣстно, животное по своему инстинкту, всегда съ охотой возвращается къ привычному стойлу,—думаютъ и общимъ совѣтомъ рѣшаютъ: вѣрно, пора имъ насосы сколоть, и завтра же опредѣляютъ позвать коновала.

Между тѣмъ на утро выдался славный осенній денекъ, ночью немного дождь приросилъ; во дворѣ всѣ засуетились, ожили въ ожиданіи хорошей травли русака, и только баринъ сердито покрикиваетъ на служанку, суетливо ухаживающую за самоваромъ и не смотря на то, что вечеромъ, украдкой отъ супруги, ласково трепалъ ее по плечу и что-то любезно нашептывалъ, теперь мечетъ на нее грозные взгляды и помахиваетъ плетью, будто готовится прищелкнуть русака, отъ страха дрожащаго на своей лежки. Но вотъ самоваръ готовъ, баринъ наскоро выпиваетъ два стакана чая, выходитъ на крыльцо и въ ожиданіи, пока дворня переловитъ голодную стаю псовъ, обрѣтаетъ сигару и куритъ. Ванька лакей, форейторъ Гришка, обладающій ловкостью, не вставая съ коня, отымать у псовъ звѣря, уже сидятъ на клячахъ, щеголяющихъ одна передъ другой своей худобой; а въ это время на гумнѣ идетъ молотьба, молотники усердствуютъ и съ нетерпѣніемъ поглядываютъ, скоро ли вся эта стая псовъ очутится въ полѣ, откуда глазъ не увидитъ, какъ они будутъ таскать барскіе мѣшки хлѣба по своимъ дворамъ.

Женское хозяйство велось немного получше. Барыни отъ нечего дѣлать таки преизрядно всѣхъ пробираютъ и, правду сказать, не жалѣютъ рукъ и, коли замѣтятъ непорядокъ, одолжить незабудутъ. Зато жъ и наливки на славу, и вкусные пирожки съ сыромъ, и въ домѣ порядокъ, и кошки и болонки въ такомъ опрятномъ видѣ, что даже Грунѣ въ зависть, а вѣдь Груня любимица. А изъ кухонной прислуги никто и подумать не смѣетъ о той роскоши, какой пользуются всѣ комнатныя собачки.

Днѣпровское Побережье, имѣетъ самую разнообразную почву. Здѣсь прекрасные заливные луга съ зарослями, и супесокъ черноземный; здѣсь и озера, полные рыбы и дичи, и лѣсъ, а за лѣсомъ потянулись черноземныя поля. На право Днѣпръ, а на лѣво Сула, Пселъ, Ворскла съ безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ. Какое обиліе влаги—роскошь для пахаря! Но такъ какъ помѣщикамъ того времени вовсе было не до хозяйства, то и въ этой прекрасной мѣстности оно велось безпорядочно, не только безъ всякихъ научныхъ приложеній, но даже безъ всякой системы, и только винокуреніе, какъ коммерческое дѣло, обращало вниманіе хозяевъ. Правительственныя мѣропріятія и участіе его въ барышахъ отъ этого дѣла въ нѣкоторой степени побуждали владѣльцевъ заводовъ къ ихъ упорядоченію; но главнымъ образомъ помѣщики обращали вниманіе на винокуреніе потому, что тогда существовала откупная система. Хотя винокуренные заводы платили въ пользу откупа акцизъ, но продажа неоплаченнаго акцизомъ вина была настолько выгодна, что всѣ владѣльцы заводовъ старались сдѣлать возможно большій выпускъ неоплаченнаго вина и размѣстить его тайно по шинкамъ. На этой дѣятельности помѣщики до того изощряли свое искусство, что никакой жидъ, контролирующій заводы, не въ состояніи былъ охранить интересы своихъ довѣрителей, и помѣщики винокуры—одинъ передъ другимъ щеголяли своими подвигами и такъ ловко крали свое собственное вино, что заводъ, дѣйствующій всю зиму, давалъ въ пользу акциза самое ничтожное количество водки, вмѣсто которой получали только чвири, а водка уходила Богъ вѣдаетъ куда. Это

пріятное и небезполезное развлеченіе многимъ нравилось, что заводы росли какъ грибы; въ воровствѣ преуспѣвали всѣ и до того имъ тщеславились, что наконецъ слово кража сдѣлалось на столько же обыкновеннымъ, какъ всякая настольная книга въ видѣ альбома съ изображеніями на первой страницѣ двухъ цѣлующихся голубковъ.

Помѣщикъ обкрадывалъ откупъ, крестьянинъ обкрадывалъ помѣщика, и въ то время, когда жидъ удивлялся, какъ это въ бочкахъ нѣтъ горѣлки, помѣщикъ, въ свою очередь, удивлялся и негодовалъ на своего приказчика, какъ это вмѣсто зерна получалась одна полова, несмотря на то, что урожай былъ хорошъ.

„*Та воно, бачыте, добротно, тилько велыке поросло, а толку мало!.. та ще покрутыло, вылягло, солома пухла, черезъ те и зерна дасть Богъ!*“

Баринъ уже начиналъ сердиться: не сдобровать приказчику! Но приказчикъ въ это время начинаетъ всматриваться въ даль: присядетъ, рукой заслонитъ солнце, смотритъ, смотритъ и, наконецъ, въ восторгѣ вскрикиваетъ: „*вовкъ!.. ей же Богу вовкъ! оно-но-но побравсь до болота!*“ Баринъ напрягаетъ зрѣніе, смотритъ, рукою ко лбу на глаза, видитъ, чтó то дѣйствительно перевалило черезъ бугорокъ и въ лощинѣ скрылось. И живо картина преобразилась: вся дворня уже на коняхъ, собаки на сворахъ, приказчикъ самъ суетится около барскаго коня, еще минута, и вся ватага понеслась по направленію къ мѣсту, гдѣ виденъ былъ будто бы волкъ; а приказчикъ покрутилъ свой усъ, заложилъ его за ухо, надвинулъ шапку на глаза и пошелъ, усмѣхаясь, въ амбаръ, гдѣ происходила какая то неспѣшная работа.

Жизнь въ то время такъ мало требовала расходовъ, что всякій помѣщикъ, какъ ни были ограничены его доходы могъ обходиться своимъ, некупленымъ: рабочихъ силъ сколько угодно; сады, огороды снабжали всѣмъ необходимымъ, птицы и всякой живности ѣшь, сколько хочешь, закуски разныхъ сортовъ, наливки и все домашняго приготовленія; портные, сапожники свои; словомъ, баринъ обутъ и одѣтъ съ ногъ до головы. Экипажъ нуженъ,—смастерятъ свои столяры и кузнецы, а коней

такихъ лихихъ можно подобрать изъ своего же табуна, что хоть изъ пекла вынесутъ. Поэтому то только помѣщики, ведя свои дѣла съ полнѣйшею неакуратностію, могли такъ долго держаться. Что хлѣбопашество не приносило имъ доходовъ, а велось въ ущербъ, видно изъ слѣдующаго процесса его производства: по уборкѣ хлѣбъ свозили въ скирды на гумно, гдѣ, случалось, оставляли до той поры, пока мыши, съѣвъ хлѣбъ, разваливали скирды, затѣмъ скирды вывозили вонъ, даже не размышляя, для чего велась вся эта процедура; или, перемолотивъ хлѣбъ, засыпаютъ его въ ямы. Хлѣбныя ямы бутылкообразной формы обжигали, затѣмъ бока середины устилали тонкимъ слоемъ соломы и, насыпавъ зерномъ, закрывали. Конечно, хлѣбъ пропадалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь трудъ по производству работъ. Привольная барская жизнь отодвигала на второй планъ всѣ хозяйскія заботы, и помѣщикъ, утопая въ довольствѣ и роскоши, не провѣрялъ никогда своихъ счетовъ, не зналъ до послѣдней минуты своего рокового дня, въ который стукнулъ молотокъ, и все кубаремъ свалилось и полетѣло въ преисподнюю. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода: были и такіе скопидомы, у которыхъ разнаго добра ни перечесть, ни на ста подводахъ не перевезть. Какими путями оно наживалось, просто, Богъ вѣдаетъ, но только у такихъ помѣщиковъ крестьяне были еще въ болѣе жалкомъ состояніи. У нихъ не стояли мельницы бокомъ и дырявыхъ крышъ не было и, хотя мышей откармливали, но за то весь навозъ, оставленный ими въ скирдахъ, вмѣстѣ съ остатками зерна сдавали на винокуренные заводы или поставляли солдатамъ для продовольствія. Тогда солдатскіе желудки были до того крѣпки, что принимали въ свое нутро не только навозную муку, но даже сало замѣняли старыми подошвами, обмакнувъ ихъ предварительно въ сальную жидкость. Такіе хозяева не теряли ничего. У нихъ не было ни гончихъ, ни борзыхъ, за то жирвыя овчарки такъ акуратно берегли стада тонкорунныхъ барановъ, что пастухъ хоть и не ходи. Къ такимъ хозяевамъ всегда всѣ уже съ низкимъ поклономъ; такіе коли уже примутъ у себя какую чиновную особу, то такъ начинятъ ее всевозможнымм сластями и

пряностями, что и по возвращеніи домой, даже если на третій день утромъ войти къ особѣ въ опочивальню, ароматъ пряностей все еще слышенъ.

Я сдѣлалъ краткій очеркъ козачьяго и крестьянскаго быта и помѣщичьихъ хозяйствъ въ дореформенный періодъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось на нашемъ побережьи, какъ и во всей земледѣльческой Россіи:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—и ударила:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Но мужику не привыкать къ терпѣнію и выносливости: этимъ добродѣтелямъ учился онъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Приспособился онъ и къ новымъ условіямъ жизни соціальной, и, какъ ни трудно въ общемъ живется ему, а все же онъ понемного да помаленько, сажень за саженью, откупаетъ у помѣщика землю, а дворянское сословіе, столь когда-то могущественное и вліятельное, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу и уступаетъ слабымъ противникамъ не только богатыя помѣстья, но и свое прежнее общественное и экономическое вліяніе. И нѣтъ той силы, которая могла бы остановить дальнѣйшій ходъ событій, нѣтъ того радикальнаго средства, которое могло бы излѣчить дворянское сословіе отъ гибельнаго разложенія, почти уже завершившаго свой роковой процессъ. Минуло 35 лѣтъ со времени реформы,—и сколько перешло помѣщичьихъ имѣній въ руки крестьянъ и козаковъ! А сколько ихъ есть и въ настоящую минуту готовыхъ къ сдачѣ! Шутка ли сказать, что къ іюньскому сроку (1896 г.) дворянскимъ банкомъ въ одной полтавской губерніи было назначено къ продажѣ 190 имѣній! А что же дѣлаемъ мы сами, дворяне, разорившіеся помѣщики? Задаемся ли мыслью о будущемъ? стараемся ли—если не въ самихъ себѣ, то хоть въ дѣтяхъ своихъ—истребить барскія привычки предразсудки, вѣковое отвращеніе отъ всякаго производительна-

го труда? Увы! Слова поэта, сказанныя почти четверть вѣка назадъ, все еще звучатъ горькой истиной:

Сословья благородныя
У насъ труду не учатся!

Такъ диво ли, что мрутъ они съ голоду, и что безъ поддержки государственной да безъ службы казенной они давно перевелись бы въ конецъ!

Н. В—цкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

Малоруссы въ современной польской этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Руликовскій.—Кольбергъ.—Поповскій. — Быковскій.—Подберезскій.—Брыкчинскій.—Зѣмба.—Густавичъ. — Грегоровичъ. — Колесса (Янъ). — Цисекъ. — Коперницкій.—Талько-Гринцевичъ.—Мошинская.—Рокоссовская. — Томашевская. — Шаблевская.—Малиновская.—Стадницкая.—Ванке.—Рашкевичъ.—Нейманъ и Z. D.

Въ польской этнографической литературѣ малоруссы всегда занимали значительное мѣсто, по близкому сосѣдству двухъ родственныхъ славянскихъ племенѣ. Въ старое время въ малорусской этнографіи непослѣднее мѣсто занимали труды Доленги-Ходаковскаго, Залѣсскаго (Вацлава изъ Олѣска), Жеготы Паули, Войцицкаго, Голембіовскаго, Новосельскаго-Марцинковскаго, Турцевича. Къ новымъ польскимъ этнографамъ, посвящавшимъ свои труды малорусскому племени, можно отнести Руликовскаго, Кольберга, Мошинскую и мн. др., статьи которыхъ были помѣщены большею частью въ краковскомъ изданіи Zbiór Wiadomośći, когда Коперницкій былъ редакторомъ этого изданія. Украинско-польская этнографія характеризуется двумя чертами: 1) подавляющее большинство статей состоитъ изъ сырыхъ, этнографическихъ матеріаловъ, если не считать небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, напр. статей г. Неймана о ду-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г. № 10.

махъ и о пѣсенныхъ размѣрахъ, нѣтъ совсѣмъ изслѣдованій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и по польскому фольклору изслѣдованій очень мало: сырой матеріалъ и здѣсь сказывается подавляющимъ. Новая польская этнографія вообще, а малорусскій ея отдѣлъ въ особенности, отличается обиліемъ женскаго труда; чуть ли не большинство сборничковъ пѣсенъ составлено женщинами.

Въ виду того, что польскіе сборники даютъ лишь этнографическіе матеріалы, мы на предстоящихъ страницахъ ограничимся обзоромъ ихъ содержанія. Сборники эти въ Россіи почти неизвѣстны, и библіографическій очеркъ, можетъ быть, наведетъ изслѣдователя на новые нелишенные научнаго интереса, матеріалы, по нѣкоторымъ отдѣламъ фольклора, матеріалы довольно богатые и свѣжіе.

Къ слову сказать, въ украинско-польскихъ сборникахъ очень немного—одинъ языкъ, или даже одна латиница, т. е. въ дѣйствительности это чисто малорусскіе сборники пѣсенъ и и сказокъ, записанныхъ латыницею съ большой научной добросовѣстностью и съ соблюденіемъ мѣстныхъ фонетическихъ особенностей.

Руликовскій (Эдуардъ) родился въ 1809 г., былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, солидный знатокъ малорусскихъ древностей и исторіи, скончался на 79 году жизни въ 1888 г. въ с. Геленовкѣ васильковскаго уѣзда кіевской губ. Въ теченіе своей жизни онъ усердно занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно разработкѣ археологіи, статистики и этнографіи правобережной Малороссіи. Въ географическомъ словарѣ Сулимирскаго и Валевскаго онъ помѣстилъ рядъ историко-статистическихъ *описаній городовъ и мѣстечекъ* кіевской губ. Въ 1853 г. Руликовскій издалъ *описаніе васильковскаго уѣзда* кіевской губ., довольно объемистую книжку, въ 243 стр. Изъ 22 главъ 5 посвящены этнографіи, главнымъ образомъ глава 18, гдѣ говорится о характерѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и одеждѣ крестьянъ, и глава 19, гдѣ приведена 51 малорусская пѣсня, въ томъ числѣ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ пѣсенъ прошлаго вѣка.

Въ III-мъ Zbiór wiadomości (1879) напечатаны („*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*“ (62—166), сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ большею частью лично отъ крестьянъ кіевской губ.

Въ началѣ сборника (62—89) помѣщены *преданія* (59 №№) большею частью историческія, и отчасти апокрифическія, напримѣръ, о нечестивыхъ великанахъ, потопленныхъ Богомъ. Интересны преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ. Жена царя Перепета съ войскомъ пошла отыскивать мужа, встрѣтила его войско, не узнала его, убила мужа, и съ горя лишила себя жизни. Надъ ними насыпаны курганы. Варіантъ преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ изданъ *Чубинскимъ* въ маленькой брошюрѣ о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Далѣе, у Руликовскаго находимъ интересные варіанты преданій о Кожемякѣ (Деменкѣ) и сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Литература предмета старательно собрана въ одной этнографической замѣткѣ *В. В. Каллаша* въ „Этнографич. Обозрѣніи“. Въ „Запискахъ“ Руликовскаго въ разрядѣ преданій встрѣчается интересная въ историко-литературномъ отношеніи сказка о Сучичѣ, варіантъ сказки, извѣстной по сборникамъ Чубинскаго, Манжуры и другихъ. Научное изслѣдованіе Потебни о Сучичѣ и др. сходныхъ ему лицахъ указано мной при обзорѣ сочиненій Потебни, съ надлежащими дополненіями по литературѣ предмета. Далѣе у Р. слѣдуетъ нѣсколько любопытныхъ преданій о кіевской старинѣ, о древнемъ названіи Кіева Арахтелемъ (62), объ Андреѣ Первозванномъ, о томъ, какъ святой Антоній заперъ демона въ чернильницѣ (69), рядъ преданій о татарахъ, о Батыѣ (72—78), Мамаѣ (79), о набѣгахъ татарскихъ (80—82), сказаніе о затонувшемъ озерѣ (варіантъ обширнаго цикла сказаній, о которомъ мы говорили въ 8 т. сборника Харьк. Истор. Фил. общества 1896 г.), сказаніе объ обращеніи двухъ любовниковъ въ селезня и утку. Совсѣмъ не къ мѣсту среди историческихъ преданій попала сказка о томъ, какъ демонъ сначала далъ лѣсничему денегъ, а потомъ удавилъ его (76). Первый отдѣлъ заканчивается преданіями о Богданѣ Хмельницкомъ, запорожцахъ и гайдамакахъ, въ этихъ преданіяхъ от-

мѣчены случаи грабежа, запорожское знахарство, ихъ одежды. Интересны и новы преданія о запорожскомъ писарѣ изъ монаховъ Журбѣ и ватажкѣ Витрогонѣ (83—87). Въ преданія вошли въ отрывкахъ двѣ думы, одна о Хмельницкомъ „Бодай Хмеля Хмельницкаго перва куля не минула“, извѣстная въ болѣе подробномъ видѣ по сборнику Антоновича и Драгоманова, и начала другой неизвѣстной, забытой думы о Витрогонѣ:

Панъ Боровскій Витрогона прыпрохае,
А винъ людей не вызнавае,
А панъ его на волю пускае.
„Скажи, скажи, Игнате, хто ще бувъ зъ тобою
То я тебѣ, Игнате, пущу на волю,
Игнатъ словомъ утверждае
А людей не вызнавае.

Во второй отдѣлъ „*Mity*“ (миѳы) вошли краткія замѣтки о Паликопѣ, мавкахъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, чаровницахъ, змѣѣ летавцѣ, перелестникѣ, дивѣ, упыряхъ, вовкулакахъ, посигаловцахъ, нычкѣ и полозахъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ (*Wierzenia*) а четвертомъ (*Wyobrażenia przyrodnicze*) находятся краткія сообщенія о *повѣрьяхъ*, связанныхъ съ разными растеніями и животными, съ силами и явленіями природы. Матеріалъ перемѣшанъ, напр., о журавлѣ говорится въ 3, а объ аистѣ въ четвертой главѣ, о кукушкѣ и дятлѣ въ 3, а о гусяхъ и ласточкахъ въ 4. Вообще, распредѣленіе матеріала составляетъ слабую сторону „Этн. записокъ“ Руликовскаго.

Въ главахъ 5, 6, 7 и 8 находятся также краткія сообщенія *о колдовствѣ, народной медицинѣ, заговорахъ* (18 №№) и *гаданіяхъ*. Между прочимъ приведенъ одинъ архивный документъ XVIII в., о колдовствѣ и 10 наставленій объ уходѣ за пчелами, представляющихъ варіанты тѣхъ „наукъ“, которыя находятся въ I т. Чубинскаго.

Въ 9 главѣ находится краткое описаніе *обрядовъ крестинныхъ и свадебныхъ* (стр. 120—123), матеріалъ незначительный при существующей въ печати массѣ описаній малорусской свадьбы.

Въ главѣ объ обычаяхъ, связанныхъ съ годовыми праздниками—мелкія замѣтки о народномъ календарѣ, кулачныхъ бояхъ и писанкахъ. Въ эту главу вошло (126—129) описаніе досвѣтокъ, обычаи ярмарочные и нѣсколько мелкихъ повѣрій.

Въ 11 главу вошло нѣсколько повѣрій о закладѣ хаты, названія разныхъ частей хаты, воза, плуга, ярма, сохи, бороны и одежды.

Двѣнадцатая глава носитъ названіе *Мова* (языкъ), но здѣсь нѣтъ ничего о мѣстныхъ звуковыхъ особенностяхъ. Въ эту главу вошли названія родныхъ, названіе быковъ и коровъ, формулы привѣтствія, проклятія и брани.

Въ 13 главу вошли думы и пѣсни, всего 19 №№. Первая дума о Димитріи Вишневецкомъ ранѣе уже издана въ „Описаніи" васильк. у., въ настоящемъ изданіи добавлено въ концѣ 7 строкъ исключенныхъ въ „Описаніи": „якъ стрелывъ (Д. В.) то вцелывъ въ сердце султана, а султаншу въ потылыцю, а дочь султана въ помисныцю. „Отожъ тоби султане, за твою кару". „Узлылысь языченьци, сталы его рубаты; сталы янгелы крылмы трепаты, сталы его тило и душу съ небесъ браты".

Вторая пѣсня объ Иванѣ Вдовыченкѣ представляетъ варіантъ думы, извѣстной по многимъ другимъ сборникамъ.

Въ 14 главу вошло 515 пословицъ и въ послѣднюю, 15 главу, 17 загадокъ—матеріалъ нелишенный интереса при сравнительномъ изученіи съ болѣе крупными русскими и иностранными сборниками.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника Руликовскаго, нужно оговорить, что главы 1 и 13 заключаютъ въ себѣ историческія преданія и пѣсни, что сообщаетъ имъ большой интересъ и научную цѣнность. Остальныя же главы при другихъ сборникахъ не имѣютъ значенія, по краткости и, главное, извѣстности матеріала. Достоинство „Записокъ" Руликовскаго состоитъ въ точности записи; слабая сторона ихъ—разбросанность матеріала.

Въ V т. „Zbiór wiadomości" Руликовскій напечаталъ интересную статью *о каменныхъ бусахъ*, находимыхъ на правомъ берегу Днѣпра. Каменныя бусы встрѣчаются очень часто по берегамъ рѣкъ: Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменныя бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выноситъ ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линій или зубцовъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночки" и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли" и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь" т. е. вѣдьмъ, и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ, въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на живитъ". Эти надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отгонять вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменныя бусинки называются „помочниками": помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жиды вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германія (Мекленбургѣ) Великороссіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія, (надѣвались въ прялки и сѣти). Руликовскій держался того мнѣнія, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнаментика, народныя преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго свойства.

Кольбергъ (Оскаръ). О почтенной личности и плодотворной дѣятельности О. Кольберга былъ рядъ статей и замѣтокъ

въ 1889 году, по поводу 50 лѣтняго его юбилея, и въ 1890 г., по случаю кончины его на 76 г. жизни. Сравнительно наиболѣе подробныя біографіи Кольберга на русскомъ языкѣ *Н. А. Янчука* во II кн. „Этнограф. Обозр.“ 1889 г. (съ портретомъ) и *А. Н. Пыпина* въ III т. „Ист. рус. этногр.“ литература на польскомъ языкѣ указана въ концѣ помянутой выше статьи г. Янчука. Позднѣе вышла цѣнная статья г. Рафила-Любича—оттискъ изъ Ateneum'а 1890 г. Страстный любитель музыки К. началъ съ собиранія народныхъ мелодій и затѣмъ послѣдовательно перешелъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ. Онъ предпринялъ рядъ этнографическихъ экскурсій, собралъ громадный матеріалъ, и, не щадя собственныхъ очень скромныхъ средствъ, издалъ десять томовъ пѣсенъ, нотъ и сказокъ. Не перечисляя здѣсь сборники, заключающія исключительно польскій этнографическій матеріалъ, остановимся лишь на сборникахъ галицко-русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

Наибольшей извѣстности заслуживаетъ цѣнный сборникъ „*Pokucie*“ въ 4 томахъ, заключающій въ себѣ пѣсни и сказки гуцуловъ. Трудъ этотъ составляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстному сборнику пѣсенъ Головацкаго. На страницахъ „Кіев. Стар.“ 1884 № 3 была уже довольно подробная рецензія г. Неймана на первые 2 тома „Pokucié“, повторенная затѣмъ г. Пыпинымъ въ 3 т. „Ист. русской этнографіи“. Подробный обзоръ IV т. Pokucie мы дали въ „Этнограф. Обозр.“ 1894 г. кн. XXII. Не повторяя сказаннаго, отмѣтимъ здѣсь лишь содержаніе 3 тома, кажется, совсѣмъ неизвѣстнаго въ Россіи.

Третій томъ „Pokucie“ вышелъ въ 1888 году (293 стр.). Послѣ краткаго предисловія и картинки, изображающей танецъ коломыйку, слѣдуетъ описаніе танцевъ коломыйки, вертака, чабана, серпеня, музыкальныхъ инструментовъ (1—10) и затѣмъ слѣдуетъ цѣнный сборникъ пѣсенъ коломыекъ съ нотами, всего 721 пѣсня со 102 нотами. Въ литературномъ отношеніи этотъ сборникъ коломыекъ такъ же важенъ, какъ и сборникъ Головацкаго (II и III томы). Въ отношеніи музыкальномъ это драго-

цѣнный сборникъ, по массѣ мотивовъ, записанныхъ такимъ знатокомъ музыки, какъ Кольбергъ. Желающіе изучить народную малорусскую музыку имѣютъ въ III т. „Pokucie“ полезное пособіе. У Головацкаго нотъ нѣтъ. Дума о Барабашѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ въ 7 кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Чубинскаго въ III т. положено на музыку нѣсколько колядокъ и въ концѣ IV т. свадебныя пѣсни м. Борисполя Переяславскаго уѣзда (138 №№), у Закревскаго 32 №№, кое что. У Неймана въ VIII т. Zbiór Wiadom. Болѣе всего нотъ у сборникахъ Кольберга.

Большая часть III тома посвящена разъясненію народнаго міросозерцанія, какъ выразилось оно въ сказкахъ и повѣрьяхъ о происхожденіи міра и въ демонологіи (79—179). Сюда вошли: космогоническая дуалистическая сказка о сотвореніи міра Богомъ и демоновъ чертомъ, о войнѣ Бога (и ангеловъ) съ сатаной (и демонами), о происхожденіи криницъ, озеръ и рѣкъ (ныряніе сатаны на дно моря за землей), 8 разсказовъ о чертяхъ, 4 о громѣ и вѣтрѣ (молнія бьетъ въ демона; въ вихрѣ празднуетъ чертъ свадьбу), 7 разсказовъ о болѣзняхъ (въ томъ числѣ разсказъ о вѣдьмѣ въ видѣ кошки), 9 о мавкахъ или нявкахъ (наружный видъ, названіе, похищеніе дѣтей, обереги, сходство съ мамунами и дивоженами), 4—о страдчахъ (дѣтяхъ, умершихъ до крещенія, 2—о летавцѣ (обереги отъ него), объ утопленникѣ, 3—о дидѣ (духѣ охранителѣ) и дидькахъ (демонахъ), 2—о рахманахъ, замѣтки о снѣ—дримотѣ, 4 разсказа о вовкулакахъ, 49 разсказовъ о вѣдьмахъ (отдѣлъ сравнительно съ другими полный и содержательный), 29 разсказовъ о чародѣйствѣ, 28 замѣтокъ о птицахъ и животныхъ (медвѣдѣ, кротѣ, волкѣ, аистѣ, ласточкѣ, ужѣ, толкованія значенія крика птицъ), 28 замѣтокъ о растеніяхъ (чебрецѣ, василькахъ и др.), 63 повѣрья о домѣ, домашнемъ хозяйствѣ, посѣвѣ, жатвѣ, 5 примѣтъ о погодѣ, 42 толкованія сновидѣній, 96 замѣтокъ о народныхъ болѣзняхъ и лѣчебныхъ средствахъ (препленыця, золотникъ, укушеніе змѣи и др.). Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ пословицъ (616 №), записанныхъ въ коломійскомъ округѣ (стр. 179—198).

Въ концѣ тома находятся разныя дополненія о танцѣ коломыйкѣ, чертѣ, громѣ, вѣтрѣ, майкахъ, рахманахъ, вовкунѣ и др., дополненія мелкія. Выдаются по величинѣ дополненія разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ (27 №№), чародѣйствѣ (12 №№) и замѣтки о народномъ календарѣ (220—226).

Изъ этого сухаго перечня видно уже разнообразное содержаніе III т. Многое въ немъ, правда, повторяетъ уже извѣстные изъ „Трудовъ" Чубинскаго, но есть много оригинальныхъ мелочей. Такъ, разсказы о вѣдьмахъ могутъ составить полезное дополненіе къ сборнику г. Иванова.

Есть много любопытныхъ мелочей, напр., мѣстныя галицко-русскія названія растеній и распредѣленіе растеній на употребляемыя въ хозяйствѣ, въ чародѣйствѣ и въ медицинѣ, напр., кадыло (Dictamus albus)—оберегъ отъ мавокъ, обрамашекъ—противъ устарѣнія человѣка, попивъ-мудъ (Evonimus evropeus) отъ лишая. Послѣднее названіе встрѣчалось намъ въ Подоліи въ пріуроченіи къ писанкамъ. Попова-мудь, очевидно, по растенію. Это кустарникъ, растущій въ лѣсу и въ огородахъ, съ красными ягодами.

Интересны замѣтки о болѣзняхъ „золотникѣ" (на 162—163 стр.). Слово золотникъ часто встрѣчается въ заговорахъ малорусскихъ и великорусскихъ (въ сборникѣ Л. Майкова), причемъ обозначаетъ матку. Въ Галиціи болѣзнь эту пріурочиваютъ къ женщинамъ и мужчинамъ. Думаютъ, что золотникъ находится подъ пупкомъ въ животѣ и, если кто подниметъ тяжелое, то опускается книзу, и человѣкъ болѣетъ.

Одновременно съ изданіемъ 3 тома Pokucie Кольбергъ напечаталъ въ краковскомъ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1888 г. XII небольшой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ изъ Подоліи „*Piesni ludu Podola rossyjskiego*". Пѣснямъ предшествуетъ краткая замѣтка о годовыхъ праздникахъ. Всѣхъ пѣсенъ 40 съ нотами, и самыя пѣсни изданы ради музыкальнаго значенія ихъ и по содержанію ничего особеннаго не представляютъ. Въ XIII т. Zbiór изданы „Полѣсскія легенды" (собраны въ пинскомъ

уѣздѣ) и „Свадебные полѣсскія обычаи и обряды“ (записаны тамъ же).

Четвертый (послѣдній) томъ „Pokucie“ вышелъ въ 1889 г. Сюда вошли 77 сказокъ и 205 загадокъ. Загадки могутъ представить интересъ лишь при спеціальномъ ихъ изученіи. Интереснѣе сказки. Сборникъ Кольберга восполняетъ сборники Чубинскаго, Рудченка и Манжуры интересными варіантами и представляетъ кое-что новое. Подробный библіографическій обзоръ всѣхъ галицко-русскихъ сказокъ въ изданіи Кольберга, съ указаніемъ литературы, сдѣланъ нами въ XXII кн. „Этнограф. Обозрѣнія“ 1894 г. Наиболѣе интересныя въ историко-литературномъ отношеніи сказки подъ №№ 1, 18 и 21 о трудныхъ задачахъ, подъ № 8 о подмѣнѣ ребенка злой женщиной, подъ № 7 объ отцеубійствѣ и покаяніи убійцы, изъ круга апокрифовъ, подъ № 32 повѣсть о мученіи прядева, подъ №№ 50, 51 о мудрой дѣвѣ, подъ №№ 49, 50, 76 сказки съ загадками, соотвѣтствующія великорусскимъ пѣснямъ съ загадкой о милой, сидящей на костяхъ милаго и древней повѣсти о Петрѣ и Февроніи. Сказка о покаяніи ангела (№ 41) хорошо извѣстна по великорусскому варіанту въ обработкѣ графа Л. Н. Толстаго („Чѣмъ люди живы“). Окончаніе галицкаго варіанта (о пѣніи ангела при отлетѣ на небо) отличается художественнымъ достоинствомъ. Моральнымъ достоинствомъ отличается затѣмъ сказка о судѣ Божіемъ подъ № 39 на тему, что преступникъ не остается безъ наказанія. Наряду съ этими сказками встрѣчаются сказки грубыя, съ оправданіямъ побоевъ жены (№ 38) и съ восхваленіемъ воровства (37, 58—64). Правда, сказки объ искусномъ ворѣ встрѣчаются съ давнихъ поръ у разныхъ народовъ, причемъ въ особенности популярной оказывается сказка на геродотовскую тему о похищеніи сокровища царя Рампсинита. У гуцуловъ слишкомъ много сказокъ о ворахъ, и къ ворамъ наживная мораль здѣсь относится слишкомъ снисходительно и даже одобрительно. Нѣкоторыя гуцульскія сказки представляютъ большое сходство съ западными новеллами, фацеціями и народными книгами и, по всей вѣроятности, вышли изъ нѣмецкихъ Volksbücher.

Вообще, четвертый томъ „Pokucie" представляетъ значительный историко-литературный интересъ. Въ сказкѣ про алмазную дорогу (№ 74) къ шаблонному сказочному окончанію, въ родѣ обычнаго „и я тамъ былъ, медъ-вино пилъ" и пр., примкнула любопытная народная пѣсня о еврейскихъ притѣсненіяхъ.

Теперъ добре все мынуло,
Пришло въ свити нарикаты,
Ридну землю опускаты.
Всека нужда имъ прысила,
Зъ жидами зворошыла,
Прійде въ свити погибаты.
Хто жъ Гуцула поратуе?
Зъ насъ ся каждый повепкуе,
Якъ терпѣчки намъ не стане.

Г. Поповскій въ VIII т. „Zbior" помѣстилъ Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny". Собиратель прямо, безъ малѣйшаго предисловія, начинаетъ съ пѣсни о Нечаѣ и затѣмъ приводитъ всего 176 №№ пѣсенъ на 61 страницѣ. Не обозначено даже, какого уѣзда, какой губерніи эта Залеванщина. Въ читателяхъ, даже у записныхъ географовъ нельзя предполагать знанія всѣхъ малорусскихъ селъ. Г. Поповскій, очевидно, пропустилъ, а редакція забыла отмѣтить, гдѣ же находится Залеванщина. Нельзя требовать отъ читателя справокъ въ многотомныхъ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи", да и справки не могутъ помочь читателю, такъ какъ Залеванщины оказываются въ разныхъ малорусскихъ губерніяхъ, могутъ находиться и въ закордонной Галиціи. По языку пѣсенъ приходится лишь догадываться, что мы имѣемъ дѣло съ украинскими пѣснями.

Сборникъ г. Поповскаго, равно какъ многіе другіе сборники малорусскихъ пѣсенъ новѣйшаго времени, г. Омельченка, № 7 Д и Неймана, Рокосовской, въ значительной степени ограничиваетъ общераспространенное мнѣніе о глубокомъ упадкѣ малорусской народной поэзіи. У г. П. многія народныя пѣсни отличаются художественностью образовъ и изяществомъ выраженій. Въ языкѣ встрѣчаются великорусскія слова. Въ сборникѣ отмѣчено, когда и отъ кого записаны пѣсни историческія. Изрѣдка встрѣчаются указанія на варіанты у Головацкаго, Чу-

бинскаго, Рудченка и Мордовцева. Распредѣленіе пѣсенъ не отличается систематичностью. Въ виду малой извѣстности сборника г. П., мы здѣсь отмѣтимъ заголовки и содержаніе главныхъ отдѣловъ и выдающихся пѣсенъ.

1) *О Нечаѣ* „Ой въ лузи, въ лузи“ и пр.—весьма распространенная пѣсня, извѣстная по многимъ сборникамъ (у Антон. и Драгом. во II т. 38 варіантовъ, въ Zbiór wiadom. VIII 162).

2) *О Гавриленкѣ* „Ей якъ ясно сонечко сходыть“ (Г. одолѣваетъ разбойниковъ).

3) *О татарскомъ набѣгѣ* „А въ недилю пораненьку“... Пѣсня сложная, вначалѣ о татарскомъ набѣгѣ на побережцевъ, въ концѣ о подчиненіи Сѣчи императрицѣ Екатеринѣ. Обѣ части оригинальны, впервые являются въ печати. Въ „Политическихъ пѣсняхъ“ подобнаго варіанта нѣтъ.

4) „*Ой зажурывся та сивъ соколонько*“ отнесена г. Поповскимъ къ пѣснямъ о паденіи Запорожья, хотя въ самой пѣснѣ нѣтъ ничего о Запорожьѣ.

5) „*Ой не пугай пугаченьку*“. Г. П. ошибочно относитъ и эту пѣсню къ историческимъ, именно, къ пѣснямъ о паденіи Запорожья. Въ этой пѣснѣ рѣчь идетъ о спорѣ орла съ конемъ, о чемъ см. статью *Потебни* въ „Къ ист. звуковъ“ и мою замѣтку о ней въ 1 вып. „Соврем. малор. этногр.“ стр. 34.

6) *О гайдамакѣ Недуменкѣ*—мать совѣтуетъ Н. не пить; Н. ослушался, пошелъ въ лѣсъ и попалъ въ тюрьму—изъ разбойничьихъ пѣсенъ.

7) *Мене батько сгодовавъ*—разбойничья пѣсня на распространенный мотивъ: мужъ разбойникъ убиваетъ въ дорогѣ шурина. Подобныя великор. у *Аристова* въ соч. о разбойничьихъ пѣсняхъ, въ *Лѣтоп. рус. литер. и древн.* и др.

8) „*Ой сердене, серденечку*“, въ варіантахъ „Ой сербино, сербиночку“, „Ой свербыно, свербыночку“, извѣстна по многимъ сборникамъ *Чубин.* V 481, *Голов.* I 206, II 582, *Zbiór wiadom.* II 73, VIII 169, *Kolberg*, Pokucie II 52, Lud (польск.) I 8 (32 вар.) XVI 475, *Erben*, Czeske pis 417, 478, *Wojcick* 150; *Wisła* 1890 стр. 164; 1891 г. I. Содержаніе: дѣвушка на-

вязывается въ жены, даетъ отраву брату, парубокъ ея не беретъ, она идетъ замужъ за нищаго и терпитъ побои.

10) „*Ой въ Кіевѣ на подолѣ*"—весьма распространенная пѣсня—баллада на мотивъ о превращеніи брата и сестры въ цвѣты. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ Zbiór wiadom. VIII 166 (Z. D. ib. 166, Чуб. V 479, Holb. Pok. II 32, 33, Erlen 483).

11) „*Ой у яру глибокимъ*"—весьма распространенная пѣсня о кровосмѣшеніи: мать бросаетъ двухъ сыновей въ Дунай, потомъ выходитъ замужъ за одного, дочку выдаетъ за другаго. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ Zbiór 167 (Чуб. V; 407, стр. 888, 485—II варіантовъ, Голов. I, 45, 73, II, 577—3 вар., Koll. Zud. I, 217, Pokucie II 29—37; Ант. и Драг. I 275, Шейнъ Бѣлор. п. 142—3 варіан.).

12) „*Коло млына червона калына*"—дѣвушка угощаетъ козака, приглашаетъ переночевать съ ней, козакъ говоритъ, что у него есть любимая жена и дѣти. Варіантъ въ „Политическ. пѣсняхъ".

13) „*И кинь мини спотыкается*"—весьма распространенная пѣсня: козакъ спитъ, приближаются татары, дѣвушка бьетъ его травой по лицу и будитъ. Варіанты въ сказкахъ у *Манжуры* 31, *Садовникова* 30, *Караджича* 266, Шейнъ, Матер. I, 578 и мн. др. Подробнѣе объ этомъ мотивѣ мы говоримъ въ особой приготовляемой для печати монографіи.

74) *О панщинѣ*=наступила чорна хмара, затѣмъ сѣрая, была Польша, затѣмъ Россія и пр.—извѣстна по разнымъ сборникамъ (Z. D., Неймана и др.).

77) „*Та посіявъ я макъ*"—горе мужа, жена котораго утонула въ Дунаѣ и оставила ему 4 дѣтей.

176) *О свадьбѣ птицъ*—„перепелыченька не велыченька" и пр., варіантъ у Вересая.

Большая часть пѣсенъ—любовныя—парубковъ и дивчатъ; много пѣсенъ женскихъ, изъ коихъ выдаются жалобы жены на свекра и свекруху (№№ 59, 78), на мужа пьяницу (№ 80, варіантъ пѣсни „Ой кудро кудрявая" въ I т. Объясн. А. А. Потебни), нѣсколько характерныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (81, 82,

109—117), шутливыхъ и скабрезныхъ „гудзинокъ“ (118—175). Встрѣчаются оригинальные пѣсенные мотивы, полные одни мѣткаго юмора, другіе глубокаго чувства. Встрѣчается много пѣсенъ, характеризующихъ любовное отношеніе мужа къ женѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 59) свекорь совѣтуетъ сыну бить жену; сынъ отвѣчаетъ.

За що ін, тату, быть,
Коли зъ нею добре жить:
Вона змеле и зтовче,
И наварыть, напече,
И помые, помаже,
Билу постиль постелыть,
И со мною спати ляже,
И никому не скаже.

Въ другой пѣснѣ (№ 78) жена жалуется мужу на свекруху.

Якъ твоеи неньци не вгоджу,
Поперу хуста на ричци,
А вона каже, що въ дижци,
Поперу хуста на води,
А вона каже въ болоти;
Поперу хуста въ мыли,
А вона каже що въ глыни
Прынесу воды, тай не пье
Замету хату—не стане,
Помію ложки—не гляне.

Мужъ отвѣчаетъ:

Не робы, мыла, не робы,
Склады рученьки та и сиды
Шежъ моя маты не стара
Принесе воды шей сама...

Въ третьей пѣснѣ (№ 152) жена хвалитъ своего мужа за то, что онъ добрый, „намеле, натовче, сухихъ дривець врубае и горилочки розидбае“.

Самая ссора супруговъ воспроизводится въ пѣсняхъ въ мягкой формѣ, съ оттѣнкомъ грусти и юмора, напримѣръ въ пьяницкой пѣснѣ (№ 011):

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна,
Ой отчины, ворогточки, Ганусю кохана,
Ты господарь, ты господарь, возьми соби хлопця,
Нехай тоби отчиняе що вечеръ воротця.

На послѣдующія просьбы мужа сварить вечерю, постлать постель, Гануся предлагаетъ господарю нанять кухарку и горничную. Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя просьба господаря.

Не я пьяный, не я пьяний—горилочка пьяна
Лягай, лягай зо мною, Ганусю кохана.
Зажды мини хочъ часочокъ, зажды хочъ годыну,
Нехай же я прыколишу малую дытыну.

Здѣсь чувственность введена въ строгія границы такта и обязанности.

Въ сборникѣ г. Поповскаго встрѣчается много пѣсенъ, извѣстныхъ уже по прежнимъ сборникамъ, напр. „Ой чумаче“ (105), „Зеленый дубочокъ“ (100), „Ты зиронько“ (50), „Ой пидъ гаемъ“ (42), „Сыдыть сиромаха“ (22) и др.

Встрѣчается нѣсколько великорусскихъ пѣсенъ въ передѣлкѣ на малорусскій ладъ, напр., подъ № 23 „Ой зъ пидъ каменя“ и № 21 „Ой на мори на Днипри (искаженная донская пѣсня).

Попадаются странные припѣвы, напр., въ № 33 каждая вторая строка оканчивается восклицаніемъ охъ, ха, ха! въ № 69 вохъ-та-ли-ла-друмъ-друмъ! въ № 97 въ началѣ и концѣ пѣсни потворяется сложный припѣвъ:

Фить, фить, фить, техъ, техъ, техъ
Ай, ай, ай, охъ, охъ, охъ!

Это соловьиное насвистываніе могло быть усвоено отъ странствующихъ музыкантовъ.

Г. Быковскій Pieśni obzędowe ludu rusniego z okolic Pińska, въ Zbiór wiadomości do antrop. kraj. 1878 II, 260—285. Содержаніе: 1) *Кустъ*—обычай водить дѣвушку на зеленыхъ святкахъ, о чемъ упоминаетъ Мандельштамъ въ соч. „Опытъ объясн. об.“ и подробнѣе см. въ моемъ соч. „Культ. переживанія“ въ ст. „Водить тополю“. Г. Быковскій приводитъ 12 пѣсенъ „кустовыхъ“, вполнѣ малорусскихъ по языку. 2) *Пѣсни весеннія*, считаемъ 3; 3) *пѣсни лѣтнія*—всего 5, которыя точнѣе было бы назвать обжинковыми пѣснями; 4) *пѣсня осенняя*, 5) *разныя пѣсни*—всего 7, изъ коихъ 2 колядки и одна пьяницкая. Затѣмъ слѣдуетъ *описаніе свадьбы*, причемъ при-

ведено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Сборникъ небольшой и неважный.

Г. Подберскій далъ „Materyały do demonolagii ludu unraińsniego", въ VI т. Zbiór wiadom. do antrop. urajaw. 1880 года 3—83. Матеріалы эти, собранные въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ научномъ отношеніи представляются цѣнными; они заключаютъ въ себѣ много новыхъ подробностей, не встрѣчающихся въ изданныхъ въ Россіи сборникахъ южно русскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Повѣрья записаны непосредственно изъ народныхъ устъ. Вообще сборникъ этотъ заслуживаетъ вниманія по обилію демонологическихъ повѣрій. Содержаніе: 1) *Привидѣнія и духи*: а) мавки, лоскотки и скарбы, б) русалки, в) домовой, г) дьявольскія дѣти (одмина). 2) *упыри—олицетворенія болѣзней*: а) перелесники и обоясныки, 2) упырь изъ Макіевскаго хутора, в) о покойникѣ Харькѣ и парубкѣ Василѣ, г) упырь разгоняетъ досвитки, д) Оситнясскій упырь Халявка, е) упырь на 13-й верстѣ, ж) борьба упыря съ висѣльникомъ подъ Чигирыномъ, з) происхожденіе чумы, и) появленіе холеры, і) вовкулака и Матусова. 3) *Вѣдьмы*: а) Оситянская вѣдьма, б) вѣдьма—попова жена, в) вѣдьма наречоная, г) Шалабяйка (о ярчукѣ), д) Кучурвална, е) Марта Кострубаха, ж) поврежденіе креста въ полѣ (фигуры), з) шабашъ на лысой горѣ, и) китайгородская вѣдьма. 4) *Бѣсы и кикиморы*—8 разсказовъ о дьяволѣ, проживавшемъ въ горильчаномъ заводѣ, о явленіи бѣса въ видѣ свиньи, барашка и др. 5) *Колдовство*: а) знахари, характерники и планетники, б) чары, насланія, уроки, пристритъ, в) заговоры отъ болѣзней и повѣрья—13, г) Божія наказанія за несоблюденіе праздниковъ. 6) *Болѣзни* людей и скота и *заговоры* числомъ 26, съ краткой замѣткой въ концѣ о народной хирургіи (вырываніе зубовъ кузнецами).

Г. Брыкчинскій, Zapiski etnograficzne z Polesia Wołyńsniego, въ Zbiór Wiadom. 1888 XII 81—103. Краткая замѣтка о крестинахъ. Описаніе свадебныхъ обрядовъ и 30 коротенькихъ свадебныхъ пѣсенъ. Замѣтки о похоронахъ, закруткѣ, купальскихъ обрядахъ и 6 купальскихъ пѣсенъ. Кромѣ того 7 на-

родныхъ пѣсенъ, уже извѣстныхъ ранѣе въ печати. Сборникъ небольшой и малосодержательный.

Г. Зомба въ XII т. Zbiór'a 1888 стр. 227—230 далъ небольшую замѣтку „Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu“.

Г. Густавичъ въ V т. Zbiór 1881 г. стр. 102—187 далъ интересный сводъ польскихъ и отчасти галицко-русскихъ народныхъ повѣрій о животныхъ. Статья подробная, напр. о ящирицѣ 23 повѣрья, о ласточкѣ 32, аистѣ 28, быкахъ и коровахъ 187.

Г. Грегоровичъ въ V т. Pamiętnik Tawarzystwa tatrańskiego“ ч. 2, стр. 26—36 помѣстилъ небольшой, но интересный гуцульскій словарь. Такіе труды легко затериваются, а между тѣмъ путемъ накопленія ихъ можно было бы подготовить почву для серіознаго изученія лексической стороны малорусскаго языка

Колесса (Янъ) въ XIII т. Zbiór напечаталъ сборникъ этнографическихъ матеріаловъ о родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ русиновъ въ с. Ходовицахъ стрыйскаго повѣта.

Цисекъ въ XIII т. Zbiór напечаталъ интересные этнографическіе матеріалы изъ м. Жалынь перемышльскаго повѣта. Здѣсь, между прочимъ, приведено описаніе вертепа, сообщено о братствѣ, основанномъ сапожниками, приведены повѣрья о колдовствѣ.

Копорницкій (Исидоръ), извѣстный польскій антропологъ (род. 1825 † 1891), воспитанникъ кіевскаго университета, интересовался, между прочимъ, и малорусской этнографіей и въ положеніи редактора краковскаго антропологическаго сборника открылъ широкій доступъ на страницы этого изданія малорусскимъ этнографическимъ матеріаламъ. Біографія И. Коперницкаго и библіографическій обзоръ его трудовъ см. въ „Библіографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета“, некрологъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1891 г. № XII 462—465. Коперницкій редактировалъ нѣкоторые вошедшіе въ Zbiór сборники малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, а въ VIII т. напечатано двѣ самостоятельныхъ статьи „Физическая характе-

ристика русскихъ горцевъ" (въ Галиціи) и „Этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи". Въ отзывѣ г. В. А. въ „Кіевск. Стар." 1891 г. XI, 136 эти статьи Коперницкаго оцѣнены, „какъ работы весьма основательныя и точныя". Здѣсь же данъ обзоръ ихъ содержанія.

Талько-Гринцевичъ—авторъ небольшой статьи „Физическая характеристика украинскаго населенія" въ XIV томѣ Zbiór wiadomości. Содержаніе этой статьи и ея недостатки были отмѣчены въ XI кн. „Кіевск. Старины" 1891 года въ редакціи г. В. А.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО.

(1719—1723 и 1754 г.).

Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884—1886 г. Г. А. Лазаревскимъ былъ напечатанъ Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753 г.), какъ представляющій собою важнѣйшій памятникъ для изученія Малороссіи средины XVIII вѣка.

Послѣ обстоятельнаго предисловія къ этому дневнику Г. Лазаревскій говоритъ: „Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ дневникъ его авторамъ, и съ какого времени начинается онъ“. Болянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, что дневникъ начинался съ 9 ноября 1819 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ онъ начинается съ 3 февраля 1727 и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ недостаетъ, на примѣръ, цѣлыхъ 7 лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи А. И. Ханенко, сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже А. И. Ханенко, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда. „Можно догадываться“, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, „что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенко, въ рукахъ которыхъ одно время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти находились на службѣ“. Нами пріобрѣтены почти всѣ бумаги покойнаго

профессора московскаго универститета О. М. Бодянскаго, въ числѣ которыхъ оказался и дневникъ Ханенко, прекрасно переписанный, свѣренный съ подлинникомъ, со своеручными поправками Бидянскаго и съ записью въ концѣ рукописи: „Подлинникъ у потомка его Александра Ивановича Ханенка, черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда въ Городищѣ списано 1851 г., февраля 17 дня. Москва, О. Бодянскій".

Въ этой рукописи также не оказывается семи годовъ (1734—1741), но за то уцѣлѣло начало дневника за 1719—1723 и послѣдніе листы начала 1754 г., что нами и печатается на тѣхъ же страницахъ „Кіевской Старины", какъ пополненіе дневника Н. Ханенко.

Предположеніе напечатать дневникъ Ханенко было высказано покойнымъ редакторомъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей" еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, но несчастное дѣло по поводу помѣщенія въ чтеніяхъ сочиненія о Россіи Флетчера, слѣдствіемъ котораго было закрытіе чтеній и увольненіе секретаря Общества О. М. Бодянскаго, остановило ровно на 10 лѣтъ печатаніе дневника Ханенко. Но и впослѣдствіи только ничтожная часть его была напечатана О. М. Бодянскимъ въ 1-й книжкѣ чтеній за 1858 г. подъ заглавіемъ „Діаріушъ или журналъ о есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоана Скоропадскаго, войскъ Всѣпресвѣтлѣйшаго его императорскаго величества, запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана оказій и церемоній такожъ и въ концеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ начеmшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представленіи и погребеніи помянутаго жъ Гетмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго, въ мѣсяцѣ іюлѣ Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ". Къ этой части дневника О. М. Бодянскій сдѣлалъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ широко воспользовался не только всѣмъ дневникомъ Н. Хоненка, но и другими матеріалами, врученными ему потомками послѣдняго.

У насъ уцѣлѣла переписка Бодянскаго съ Михайломъ Ивановичемъ и Александромъ Ивановичемъ Ханенко по поводу

печатанія дневника. Письма эти не только интересны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и указываютъ на тѣ оставшіеся документы и рукописи, которые сохранялись въ 1847 г. въ родовомъ архивѣ Ханенко. Такъ первое письмо М. И. Ханенка отъ 14 декабря 1847 г. начинается спискомъ этихъ документовъ. Списокъ разныхъ бумагъ и документовъ, находящихся у М. Ханенка:

1. Копія пунктовъ Петру Великому отъ гетмана Скоропадскаго, апр. 11-го, да челобитная о Почепской межѣ и другая на указъ о учиненіи въ Глуховѣ Малор. Колегіи, въ отвѣтъ апр. 28—1722 год. поданныя въ Москвѣ, и какія на это собственной рукой императорской состоялись резолюціи.

3. Печатный указъ Импер. Петра объ удаленіи отъ престолонаслѣдія Алексѣя.

3. Приказъ Гр. Разумовскаго съ копіей указа Иностр. Колегіи о пожалованіи Почепа.

4. 1729 г. роспись о жалованіи Малороссійскимъ полкамъ изъ Государс. Колегіи.

5. Указы Петра 1-го о взятіи Азова 1696 г. о невзиманіи безъ указа подводъ и о неназываніи измѣнниками и прот. 1710 г. о произведеніи въ чины полковые и сотеные гетману изъ кандидатовъ 1715 г. О измѣнѣ Мазепы 1708 г.

6. О вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича послѣ Ал. Мих., тутъ же о содержаніи правъ и вольностей. О вступленіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и о подтвержденіи правъ и привилегій.

7. Ядро Исторіи Россійской изъ многихъ достовѣрныхъ исторіографовъ собранное къ угожденію прошказельнымъ (84 листа мелкой печати).

8. Счетъ деньгамъ, даннымъ изъ Генер. Канцеляріи хорунжему Ханенку при отправкѣ изъ Глухова въ С.-Петерб. 1750 года.

9. Печатный дипломъ изъ Академіи Голштинской Килской В. Н. Ханенкѣ и печатныя правила той же Академіи Алберты Христины.

10. Экстрактъ изъ правъ Малороссійскихъ о земской давности, подк. судахъ или межевыхъ 1755 году, писалъ собственноручно Н. Д. Ханенко.

11. Выписка изъ статей гетмана Хмельницкаго, поданныхъ 1654 г.

12. Просьба къ Императору гетм. Скоропадскаго 1720.

13. Краткое описаніе Малороссійскаго края, народа и состоянія онаго древнемъ, такъ же о гетманахъ, какъ прежде мужественнаго онаго и вѣчныя славы достойнаго гетмана Зеновія Богд. Хмельницкаго, яко и по немъ бывшихъ, о разныхъ тожь малороссійскаго, украинскаго и козацкаго народа храбрыхъ дѣйствіяхъ, преславныхъ надъ поляками многихъ побѣдахъ и о прочемъ, что потомъ послѣдовало, собранное въ разныхъ авторовъ латинскихъ польскихъ и русскихъ, 25 листовъ.

14. Указъ Алекс. Мих. мѣщанамъ кіевскимъ на права ихъ жаловать.

15. Изъ конституціи сейма вольнаго варшавскаго, о правахъ за короля Іоана Казимира; перев. съ польскаго. *Коммиссія Годяцкая* 1659 г.

16. Указъ Импер. Петра 1723 г. Малороссійской Колегіи.

17. Челобитная поданная въ С.-Петербургѣ Колегіи иностранныхъ дѣлъ до рукъ самого Государя, сент. 15-го 1723 г. за подписью всѣхъ чиновъ малороссійскихъ. (Генер. суд. Чарныша, Полуботки пол.).

18. О книгѣ конституція варшавская 1578 г.

19. Въ генеральной войсковой канцеляріи по справкѣ съ имѣющихся Вел. Госуд. Цар. и Вел. Кн. и Импер. и Сам. Всер. грамоты такожь и привелигіанты, Кор. Польс. и Вел. Кн. Литовскаго на вольности, права и преимущества Малороссійскихъ великихъ чиновъ, шляхетства рыцарства и народа и съ другими письменными документами выписано. (Цѣлая тетрадь).

20. Списокъ о полку компанейскомъ, сколько въ немъ состоитъ членовъ и рядовыхъ съ показаніемъ жалованья и прочаго.

21. О гербахъ державы россійской и жезлахъ въ ней содержимыхъ.

22. Уставъ главнаго магистрата Петра Вел. (Печатная книга въ большой листъ изъ библіотеки Н. Д. Ханенко).

23. Подлинная инструкція изъ Генеральной Канцеляріи 1745 г. Генер. Хорун. Н. Ханенку.

24. Промеморія изъ войсковой Генеральной Канц. въ государственную военную Колегію 1744 г.

25. Донесеніо о козакахъ 1744 г. отъ Ивана Бибикова.

26. Донесеніе посланыхъ съ нарочнымъ въ Сенатъ 1745 г.

27. О служительскихъ деньгахъ и ранговыхъ деревняхъ 1745 г. отъ Генеральной Малороссійской старшины.

28. Различныя донесенія въ Генер. Канцел., предписанія къ полковникамъ и другая форменная переписка и различные указы въ копіяхъ.

29. Указы и грамоты Петра II отъ 1728 до 1730 год.— къ Малороссіи относят. Анны Іоанновны отъ 1731 до 1736 г.

30. По силѣ указа о винныхъ маетностяхъ и, которыя состояли подъ веденіемъ министерской канцеляріи, а кто въ оныхъ управители, вѣдомость съ описаніемъ маетностямъ и какой отъ нихъ доходъ (тетрадь).

31. Указы гетмана Апостола въ Стародубскій полкъ.

32. Грамота гетману Скоропадскому на его гетманскій чинъ и на малороссійскія права 1710 г., также универсалъ Богдана Хмельницкаго о индуктахъ, отобранные у гетмана Апостола 1721 год. въ Москвѣ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ и назадъ не отданные.

32. Универсалы Самойловича 1678 года, Мазепы и другіе.

33. Меморіалъ, что къ пользѣ Малороссійскаго народа необходимо нужно, дабы здѣшнему краю сущому какъ не въ прежнемъ состояніи могло воспослѣдовать какое нибудь исправленіе.

34. Меморіалъ о нижеслѣдующихъ нуждахъ Малороссійскихъ.

35. Еще о семъ меморіалѣ.

36. Къ свѣдѣнію и произвожденію потребное.

37. Гетману доношеніе о нуждахъ малороссійскихъ (отъ кого и кому неизвѣстно).

38. Письмо Хоецкаго войска брацлавскаго судьи пограничнаго, князю примасу изъ Торговица, 1753 г.

39. Переводъ съ писемъ комисаровъ польскихъ изъ Торговица съ комисаромъ россійскимъ, отправленнымъ во время пограничной комиссіи 1753 г.

40. Каталогъ книгъ библіотеки Н. Д. Ханенко, на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, до 150 сочиненій.

41. Письма къ Н. Д. Ханенко отъ разныхъ лицъ: отъ Василія Демидова о покупкѣ овецъ, отъ Полетики, Журоховскаго, Анастасіи Полуботковой, но не заключающія въ себѣ ничего историческаго; изъ за-границы, изъ Парижа, отъ Пріода, изъ Стразбурга, отъ Гуммеля, изъ Киля, отъ Волькмана, изъ Гамбурга и проч.

42. Письма Васил. Ник. Ханенко къ отцу изъ за-границы, гдѣ онъ учился и находился на службѣ голштинскихъ войскъ, впослѣдствіи же былъ полковникомъ гвардіи и флигель-адъютантомъ Петра III. Описаніе его путешествія, пріемовъ при дворѣ, привозъ знамени въ Голштинію отъ Петра III и проч., писемъ до 50-ти.

43. Указъ Разумовскому Импер. Елизаветы о неявкѣ на комиссію украинскую запорожцевъ гайдамакъ 212-ти человѣкъ 1753 года.

44. Письма гетмана Апостола къ полковнику стародуб. судью Ник. Д. Ханенко, очень ветхія, (Апостолъ былъ женатъ на Ломиковской, которой родная сестра была матерью Н. Д. Ханенко).

45. Письма Ник. Д. Ханенко къ сыну Василію заграницу.

46. Конвертъ съ письма, на коемъ написано собственной рукой В. Н. Ханенко: Qeulques papiers au sujet des affaires du feu, M-s de Priouda, mort á Strasbourg le du juin 1758. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ, но есть черновое письмо къ банкирамъ, гдѣ онъ благодаритъ ихъ за попеченіе о немъ передъ смертью и обязывается заплатить всѣ его долги заграницей.

47. Черновыя письма Н. Д. Ханенко къ различнымъ лицамъ. Иныя очень любопытны.

48. Continuatio Diary privati 1722. Нѣсколько маленькихъ тетрадокъ, изъ коихъ въ первой окончаніе похода на Кавказъ. Кромѣ извѣстнаго Діаріума, веденнаго во время пребыванія

Скоропадскаго при дворѣ Петра I-го, есть дневникъ, писанный каждодневно собственной рукой Н. Д. Ханенко, въ продолженіе 40 лѣтъ—онъ находится у брата моего Алексѣя Ивановича Ханенко.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 декабря 1847 года М. И. пишетъ: „Исполняю Вамъ мое обѣщаніе и посылаю Діаріумъ Н. Д. Ханенко, въ немъ вы найдете во многихъ страницахъ пропуски словъ и строкъ—но это дѣло неисправимо, ибо списокъ сдѣланъ тоже съ копіи, доставшейся намъ, въ которой тѣже пропуски; оригиналъ же, мнѣ кажется, находится у Бантышъ-Каменскаго, которому былъ доставленъ покойнымъ нашимъ дядей Ив. Ханенкою, и которымъ онъ руководствовался при написаніи своей исторіи, о чемъ и упоминаетъ самъ; еслибы Вамъ случилось когда нибудь спросить его объ этомъ, то вы бы доставили намъ этимъ великое одолженіе. Но пропуски эти незначительны, вы все таки найдете очень много интереснаго и полезнаго. Условій для напечатанія этой рукописи я не предлагаю и не имѣю права предлагать никакихъ. Надѣюсь также, что Вы доставите намъ въ отдѣльно напечатанной книгѣ этотъ діаріумъ въ числѣ 25 и до 40 экземпляровъ; мнѣ бы хотѣлось раздать его добрымъ достойнымъ землякамъ, а также послать въ черниговскія гимназіи, лицей и полтавскую гимназію. Впрочемъ, во всемъ полагаюсь на Васъ; предлагаю эти условія не съ желаніемъ вознагражденія, но если это не мало не будетъ тягостно обществу, то для чего же не доставить случай имѣть другимъ? Братъ Александръ просилъ передать Вамъ, что все, что есть у него изъ старины нашей малороссійской, онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ для напечатанія обществу“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1848 г. онъ говоритъ: „видѣться съ братьями, какъ я хотѣлъ, чтобы добрать у нихъ остальное къ нашему родовому архиву, за дальностью ихъ жительства теперь не могу вскорѣ, а между тѣмъ не хочу, чтобы у меня лежало долѣе то, что обѣщалъ Вамъ, и что принадлежитъ вашему ученому разсмотрѣнію, почему, приведя кое-какъ въ порядокъ, посылаю Вамъ второй томъ, который не меньше

перваго, и который заключаетъ въ себѣ болѣе нашего, семейнаго, родового, Ханенковскаго, но, мнѣ кажется, вмѣстѣ и историческаго. Разсмотрѣвъ, Вы увидите, что я не скрылъ отъ Васъ ничего ни самаго пустого, ни самаго важнаго; въ этомъ вся моя заслуга передъ Вами, и хотя малое выраженіе моего истиннаго уваженія къ вамъ. Вмѣстѣ съ бумагами посылаю двѣ книги изъ библіотеки прадѣда: 1) Уложеніе магистрату Петра I-го, если оно имѣетъ какую нибудь важность историческую и будетъ интересно вашему обществу, то прошу передать въ библіотеку онаго. 2) Рукописная латинская, не знаю, что заключающая въ себѣ, ежели она заслужитъ какое-нибудь Ваше вниманіе, то прошу ее оставить у себя; отъ правнука въ память прадѣда. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что вся библіотека Ник. Дан. Ханенко, (каталогъ которой вы имѣете), подарена нашими бабками Новгородъ-Сѣверской гимназіи и теперь, кажется, вся на лицо. Многія книги исписаны рукою прадѣда, т. е. его замѣтками. Ежели братъ Александръ, съ которымъ я уже давно видѣлся, не отослалъ Вамъ дневника Н. Д. и другихъ его бумагъ, то могу увѣрить Васъ, что въ самомъ скоромъ времени вы ихъ получите, и тогда исповѣдь нашего семейства передъ Вами будетъ кончена, будемъ хлопотать о другихъ. Мнѣ кажется изъ письма Вашего, что вы незнакомы лично съ Ник. Андр. Маркевичемъ; этотъ человѣкъ такъ добръ, что у него можно взять послѣднюю рубаху, но нужно взять, самъ же онъ неспособенъ исполнить самого пустого обѣщанія по своей безпечности. Вотъ причина, почему Вы могли предполагать, что онъ жартуе съ вами, я постараюсь употребить все мое настояніе, чтобы добыть лѣтопись, нужную Вамъ,—но для этого нужно быть мнѣ у него. Предположеніе его о лѣтописи Казара, принадлежащей будто бы Разумовскому, какъ автору, мнѣ кажется невѣроятнымъ по многимъ даннымъ,—пусть пришлетъ ее, Ваше дѣло будетъ увѣриться или разувѣриться въ этомъ“.

Въ письмѣ отъ 3 марта 1848 г. М. И. писалъ: „списокъ, присланный мною вамъ, дневникъ Ник. Дан. Ханенко, переписалъ съ единственнаго у насъ списка брата Александра, и пропуски, сдѣланные въ немъ, находятся и въ его спискѣ, одно не

сдѣлано мною, я его не успѣлъ повѣрить со спискомъ брата, написаннымъ довольно четко, что произошло отъ поспѣшности отправить вамъ, и потому пропуски останутся, кажется, навсегда, а если въ моемъ спискѣ встрѣчаются слова, которыя трудно прочесть, и Вы захотите имѣть списокъ брата Александра, то напишите ко мнѣ, онъ съ того времени у меня на удержу, до увѣдомленія вашего. О дневникѣ Маркевича, я почти могу надѣяться доставить его вамъ для напечатанія, Алекс. Мих. изготовилъ его временно къ печати и даже написалъ предисловіе—но онъ залежался у него и какъ ему съ охотою не передать вамъ для исполненія его намѣренія и напечатанія въ чтеніяхъ Вашего общества. Когда онъ, встрѣтясь со мною и говоря объ Васъ, сдѣлалъ мнѣ укоръ, что мнѣ стыдно не передать для напечатанія Вамъ дневникъ моего предка (который онъ читалъ), но онъ мною уже былъ отосланъ, и онъ повторилъ, что я сдѣлалъ должное. Изъ этого вы можете видѣть и его мысли; и, вѣроятно, тѣ, которымъ вы говорили объ этомъ и не намекнули ему; я же воспользуюсь случаемъ за это здѣсь полезнымъ. Я слышалъ отъ кого-то, что Чижовъ его предполагалъ печатать въ своемъ журналѣ и потому не обѣщалъ ли ему Алекс. Мих. и не свяжетъ ли это послѣдняго, но и въ такомъ разѣ я не разрѣшу. Чижовъ живетъ въ нашемъ уѣздѣ, я съ нимъ часто вижусь и знаю, что кромѣ формальнаго запрещенія правительствомъ изданія его журнала, онъ и самъ, по этимъ или другимъ причинамъ, раздумалъ о своемъ изданіи—онъ мнѣ такъ говорилъ.

Алекс. Мих. Маркевичъ, потомокъ Пав. Л. Полуботки, по женской линіи, и у него я видѣлъ собственноручную записку Павла Леонтьевича—не помню года и числа когда она ведена. Числа выставлены по церковному буквами, и противу каждаго числа писано, что случилось историческаго въ этотъ день изъ исторіи древней и новой. Такъ исписанъ полулистъ. Не думаю, чтобы эта записка была интересна для напечатанія въ Чтеніяхъ общества; она драгоцѣнна для насъ по воспоминаніямъ о величайшемъ мужѣ. Жду, что вы мнѣ скажете.

Жалѣю, что я не зналъ, при Вашемъ изданіи Конисскаго, что списокъ Полуботки Вамъ интересенъ, первое потому, что

мнѣ легко было его достать, а второе, что у брата Александра, находится сдѣланный имъ семь лѣтъ тому назадъ со списка списокъ Полетики и хорошо свѣреннаго. Хотя я слышалъ отъ Полетики о важности его, но не вѣрилъ ему, ибо не зналъ того, что Вы мнѣ пишете. Не хотите ли, чтобы Вамъ прислать списокъ брата Александра, Вы его просмотрите и, если найдете разницу, то я могу достать и списокъ Полетики. Полетика, слышавши, что мы послали печатать дневникъ Н. Д. Ханенко, (хотя по его воспитанію и прочему это ему не могло быть интересно), просимъ передать мнѣ черезъ родственника, что онъ доставитъ лѣтопись или черезъ меня въ ваше общество или просилъ Вашего адреса. Я сказалъ сейчасъ, что эта лѣтопись Конисскаго, но тотъ мнѣ возражалъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ и что это другая, При первой возможности, (ибо онъ живетъ за 60 верстъ), я буду у него, узнаю все и пришлю Вамъ. Напишите, какъ Вы нашли моего прадѣда. Ежели можно то прошу Васъ не покидать вашей прекрасной мысли для насъ печатать все то, что найдете достойнымъ въ нашихъ бумагахъ, по общимъ сводамъ, (изъ бумагъ рода нашего)".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 7 апрѣля: „Исполняю Ваше желаніе и посылаю Вамъ списокъ (дневникъ Н. Д. Ханенко), принадлежащій брату Александру Иван., изъ котораго сдѣланъ мой, пересланный Вамъ,—не думаю, чтобы онъ пособилъ общей нашей потерѣ, разумѣю о нѣкоторыхъ пропускахъ въ спискѣ. Съ Александромъ Мих. Маркевичемъ надѣюсь видѣться никакъ уже не позже мая 10-го и тогда передамъ Вамъ результатъ моего свиданія. Къ Полетикѣ уже написалъ и просилъ его о присылкѣ его лѣтописей, ожидаю отвѣта и увѣдомлю васъ, почему въ ожиданіи этого не счелъ за нужное посылать списокъ съ Полетикиной лѣтописи, находящейся у брата Ал. Ив.

Отъ 21 апрѣля 1848 г. М. И. Ханенко писалъ: „черезъ два дня ѣду въ деревню къ брату Ал. Ив. и надѣюсь, что при мнѣ онъ отправитъ къ Вамъ всѣ бумаги, которыя уже и изготовилъ къ сему, о чемъ говорилъ мнѣ на дняхъ.

Благодарю Васъ за обѣщаніе высказать мнѣ мнѣніе о Ник. Дан. Хан., а притомъ, надѣюсь, о важности бумагъ, нами доставленныхъ. Біографію его нельзя очертить, не имѣя въ рукахъ его 40 лѣтняго дневника, который вы скоро получите, а при этомъ позвольте-ка вамъ передать кое-что, что знаю о немъ, какъ о предкѣ своемъ.

Н. А. Маркевичъ добрый человѣкъ, а тому, что онъ разсказываетъ, вѣрить нельзя и потому, ежели онъ пишетъ, что предложилъ академіи наукъ грам. и слов. Косенко, то надо предполагать, что это только была мечта и вполнѣ можно ручаться, что не исполнится и успокоиться. За вѣрность моего показанія мѣстоположенія Вышенекъ я могу ручаться офиціально, ибо прошедшее лѣто, по должности моей предводителя дворянства, производилъ тамъ посредническое, довольно большое поземельное дѣло. Подробности же другія, слышанныя, повѣрялъ на мѣстѣ, жилъ же я самъ въ домѣ фельдмаршала.

Посылаю Вамъ въ подлинникѣ письмо Полетики, чтобы Вы изъ него усмотрѣли, что я дѣлалъ, что могъ и надѣюсь, при свиданіи, сдѣлать окончательно, что могу, а между тѣмъ, не найдете ли Вы или не укажете ли мнѣ другихъ путей къ его двоюродному брату,—братъ же мой Алек. Ив. доставитъ вамъ свою копію Конисскаго". Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день О. М. Бодянскій получилъ письмо отъ Ал. Ив. Ханенко: „Давно я собирался послать къ Вамъ находящіяся у меня бумаги прадѣда моего Николая Даниловича Ханенко, но, желая представить Вамъ ихъ въ лучшемъ видѣ и имѣя въ продолженіи нѣкотораго времени много занятій по службѣ, я отлагалъ это до свободнаго времени, чтобы порыться въ старыхъ сундукахъ съ дѣлами, относящимися къ имѣнію, гдѣ частію отысканы и сіи бумаги. Но, услышавши отъ брата Михаила Ив. пріятнѣйшую для меня вѣсть, что Вы въ предстоящее вакаціонное время хотите при изданіи части дневника помянутаго прадѣда моего, приложить его біографію, я поспѣшаю при семъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ вы найдете матеріалъ для этого предмета, и дневникъ, часть котораго была передана покойнымъ дядею моимъ Александромъ Ив. Ха-

ненко Бантышу-Каменскому, съ которой копія получена мною отъ того же дяди моего, а списокъ уже съ оной доставленъ вамъ братомъ моимъ. Еще также передалъ мнѣ братъ, что Вамъ угодно имѣть мой списокъ Исторіи Конниского, переписанной слово въ слово изъ рукописи, находящейся у Якова Павл. Полетики, съ радостью всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить Вамъ, но нужнымъ считаю объяснить, что хотя сей Полетика и потомокъ того извѣстнаго депутата Полетики, но рукопись его, кажется не предковская, а досталась ему изъ Безбородкинской Гриневской библіотеки и притомъ очень неисправная, а подлиннаго экземпляра надо искать у полтавскихъ Полетикъ, двоюродныхъ его братьевъ. Ежели Вамъ угодно будетъ, я, какъ знакомый съ ними, напишу къ нимъ объ этомъ и извѣщу Васъ о послѣдствіяхъ моего розысканія. Возвратясь изъ Чернигова, я постараюсь скорѣе собрать остальныя бумаги и также переслать ихъ Вамъ, изъ которыхъ все, что вамъ угодно будетъ, прошу Васъ напечатать въ Изданіи Общества, и, по разсмотрѣніи ихъ, когда онѣ уже будутъ ненужны, покорнѣйше прошу возвратить ихъ мнѣ, по прилагаемому адресу.

P. S. Между посылаемыми бумагами Вы найдете универсалы Меньшикова опошнянскимъ жителямъ послѣ полтавской битвы. Они переданы мнѣ родною теткой жены моей, жительствующей возлѣ самой Опошни въ селѣ Мискихъ Млинахъ, а ей достались отъ предка ея сотника опошнянскаго Корицкаго".

Въ заключеніе мы должны сказать, что недостающія части дневника Н. Ханенко. по нашему мнѣнію, должно искать, какъ это видно изъ письма А. И. Ханенко, въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Бантышъ-Каменскаго.

1896 февраля 13. Андрей Титовъ.

1719 годъ Партикулярный журналъ.

Мѣсяцъ ноеврій.

9. Полковникъ [1]) литовскій панъ Антоній Танскій прислалъ мнѣ коня мастью гнѣдого, а панъ Василь Кочубей—вороного.

---

[1]) Пропуски въ рукописи Бодянскаго.

10. Товарищъ бунчуковый панъ Стефаній Тарнавскій и канцеляристъ войсковый панъ Григорій Яснополскій посланы въ полкъ миргородскій для ревѣзій дворовыхъ числа людей посполитыхъ.

28. Братъ Иванъ отъѣхалъ зъ Глухова зъ писмами гетманскими до епископа переславского преосвященного Кирила Шумлянского.

Декабрь.

1. . . . .

9. Началося веселье въ домѣ гетманскомъ братанича гетманского жъ его милости пана Михаила Василіевича Скоропадского, обозного полкового чернѣговского, передъ которого начаткомъ говорилъ я орацію, просячи у гетмана и у гетмановой, такожъ и у отца благословенія и того жъ дня отъѣхали въ Дунаецъ.

10. Тамъ въ Дунайцѣ принялъ шлюбъ панъ Михаило Скоропадскій зъ невѣстою своею панною Іуліаною, княжною Четвертенскою, послѣ которой церемоніи обѣдъ продолжался допозна въ ночь, а при концу обѣда давано марцепаны, и коровай раздѣланъ.

11. Отъѣхали мы въ Глуховъ, а прочая веселная компанѣя тамъ осталась.

Сегож числа, за прибытіемъ моимъ въ Глуховъ, вручена мнѣ отъ пана дядка асаула полкового кіевского Федора Лаврентіевича Ханенка лаговница и унѣверсалъ небожчика Григорія Гетманича, полковника чернѣговского, на добра, налѣжне жены дядковой Параскевіи Товстолѣсовны служачіе.

22. Универсалъ гетманскій справленъ пану дядку на добра, въ полку чернѣговскомъ по женѣ доставшееся.

27. Противъ сего числа въ ночи громъ былъ и блискавиця.

30. Синъ молодшій его милости пана Семена Савича, писара войскового енералного, Михаилъ Савичъ передъ свѣтомъ за годину преставился.

31. Попроважено тѣло покойного пана писаревича до монастыря петропавловского глуховского, куда и мы зъ его милостью, паномъ писаремъ, отъѣхали.

Февраль.

1. Погребеніе ономужъ пану писаревичу отправлено.

3. Принесены двѣ грамоты къ гетману отъ сина енерала лейтнанта Бутурлина: одна о приготовленю ся въ походъ, другая о заготовленіи работниковъ на работу до фортецъ, въ Малой Росіи будучихъ.

6. Яну Юрію Каспару, купцу вроцлавскому, виданъ декретъ на Стефана Рубана.

7. Захоровалъ я на горячку и хоровалъ по 11 число сего мѣсяца.

19. Посланъ универсалъ гетманскій пану дядку на добра въ чернѣговскомъ полку по женѣ доставшееся, справленный.

Мартъ.

3. Панъ Михаило Скоропадскій обѣщалъ мнѣ коня.

9. Пришла вѣдомость къ гетману чрезъ Шостакова, что свѣтлѣйшый князь Александръ Даниловичь Меншиковъ ѣдетъ въ Украину.

10. Віѣхалъ ясновельможный и прочіе пани, имѣвшіесь въ Глуховѣ, а тамъ же и мы, канцеляристи, забираючи путь къ Шептакамъ на встрѣчу свѣтлѣйшого князя.

11. Зъ Гамаліевки рано віѣхавши, проѣхали Новгородокъ и прибыли на ночь въ Шептаки.

17. Свѣтлѣйшій князь зъ княгинею и со всѣмъ своимъ домомъ прибылъ до Шептаковъ уже позно; которого и самъ ясневелможный и многіе присутствовавшіе особы встрѣчали опол-милѣ за Шептаками.

18. Пріймовалъ ясневелможный на квартирѣ своей въ домѣ попа шептаковского свѣтлѣйшого князя зо всѣмъ его домомъ и ассистенціею, и княгиня по обѣдѣ заразъ отъѣхала, а князь забавился ажъ довѣчера при стрѣляню зъ горматъ, и мождрировъ; тамъ велѣлъ взять подъ караулъ чернцювъ новгородского моностыря, знаменія на небѣ видѣвшихъ, свѣтлѣйшій князь. По отъѣздѣ княжомъ, полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ зъ полковникомъ гадяцкимъ Михаиломъ Милорадовичомъ поссорились въ квартирѣ гетманской.

19. Рано ясневелможный, отъѣхавъ зъ Шептаковъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ крестилъ дитину у пана Кутневского, а на ночъ отъѣхалъ въ Гамаліевку.

20. Прибыли въ Глуховъ.

Априля.

30. Прибыли зъ ясне велможнымъ въ Гадячь, гдѣ уже свѣтлѣйшого князя застали и якъ въѣздилъ гетманъ въ городъ, то палено зъ пушокъ, и сталъ квартерою въ замку, гдѣ цѣлая рота драгунская совсѣми офицерами зъ знамемъ и зъ музикою поставлена была на караулѣ, имъ отдавала честь гетману зъ барабаннымъ боемъ походу и зъ граньемъ музики.

Май.

1. Панове полковники и енералные персоны были у свѣтлѣйшого князя (а гетманъ не былъ, бо жестоко еще на дорогѣ занемогъ) на обѣдѣ послѣ службы и послѣ казанія.

5. Пана асаула енералного Жураковского и пана Валкевича отправлено до Стародуба для межованя Почепа.

15. Свѣтлѣйшый князь отъѣхалъ зъ Гадяча.

16. Ясневелможный отъ толъ же віѣхалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая сего году женился пане Федоръ Чуйкевичь въ Кролевцѣ на дочерѣ умершого священника тамошнего Маковского.

Іюнь.

30. Написанъ пану Яну Голембіовскому на село Засуху уневерсалъ.

Іюль.

1. Оный же унѣверсалъ ему виданъ.

11. Купилъ у пана Корецкого наметъ, за которій далъ 5 р. 50 коп.

31. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій отъѣхалъ зъ Глухова къ Москвѣ.

Августъ.

7. Панъ Валкевичъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

14. Купилъ рондъ, въ которомъ ваги сребра 4 гривны безъ двохъ лотовъ и двохъ золотниковъ; дано за оный 17 рублей.

17. Зъ Яснополскимъ перемовимось.

19. Слухана справа пана полковника чернѣговского Полуботка зъ Цибулскимъ.

25. Виданъ дикретъ пану Моvсѣю Костантиновичу Левицкому, асаулу полковому нѣжинскому, за которій обѣщалъ коня въ 30 талерей.

Септеврій.

6. Виданъ дикретъ пану полковникове чернѣговскому въ справѣ его зъ Цибулскимъ, за которого переписыване начисто далъ я пану Григорію Максимовичу канцеляристѣ 11 локоть атласу зеленого.

14. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій возвратился зъ Москви, и служилъ въ церкве святаго Михаила.

15. Былъ жестоко боленъ, чего для нѣсколко дней слѣдуетъ лѣчитися мусѣлъ.

21. Отправилъ слугу Томоша Лятовецкого, давши ему абшитъ, которій служилъ мнѣ болѣе двохъ годъ.

Ноеврій.

10. За уневѐрсалъ на маетности, писанный пану Семену Ганецкому, сотникове погарскому, далъ онъ 5-ть талерей битыхъ.

Декаврій.

20. Принесена грамота о Григоріи Михайлову, канцеляристѣ, и о Василю Дорошенку.

1721 годъ.

Генварь.

6. Былъ у гетмана еденъ знатный полякъ Николай, прозваніемъ Бучинскій, подъчашій троцинскій столника великаго княжества литовскаго пана Юрія Сапіги и поимѣвшойся отъ

него привѣтственной мовѣ отдалъ ясне велможному отъ принципала своего изрядныхъ пару пѣстолетовъ и щирозлоченѣй дзигаронъ въ подарку.

10. Столникъ Федоръ Ивановичь Протасіевъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

13. Отъѣхалъ полякъ Бучинскій.

14. Отправлена експедиція до двора царского величества взглядомъ Івановича глуховского и взглядомъ Сухоты стародубовского, и декреты посланы.

18. Иванъ Граевскій, старій канцеляриста, віѣхалъ зъ канцеляріи до монастыря петропавловского совсѣмъ.

22. Отъѣхалъ панъ Стефанъ Максимовичь К. В. женитись въ Стародубъ, зъ которымъ отъѣхалъ же и панъ Яснополскій. Въ семъ мѣсяцѣ панъ Андрей Горошинскій женился.

Февраль.

7. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, отъѣхалъ до С. П. Бурха.

10. Привезлъ грамоту зъ С.-П. Бурха Онишенко о оставленю поротной станціи.

24. Пріѣхалъ въ Глуховъ енералъ Кантакузинъ.

26. Отправленъ зъ Глухова до Стародуба за стаціею и показанщиною.

28. Прибилъ въ Стародубъ и былъ у генерала Роппа, которому и листъ отъ гетмана вручилъ.

Мартъ.

8. Поданную суплѣку отъ магистрату стародуб. принявъ и о уменшеню стаціи отправилъ съ писмомъ къ ясневелножному, требуя на то указу.

9. Данилу Никитинку Дятку даны 6 р. съ полтинню на грунтъ.

11. Віехалъ зъ Стародуба къ Пактусову.

12. Былъ въ Яцковичахъ у пана Покорского.

13. Прибылъ въ Мглинъ, и былъ у тамошнего сотника пана Максима Бородки.

17. Былъ у пана Афонасія Есимонтовского въ хуторѣ Бѣловодцѣ.

18. Віѣхалъ зъ Мглина.

19. Прибылъ въ Баклань, и сталъ квартерою у Соколовского.

22. Віехалъ зъ Бакланѣ, и прибылъ первей въ Баликинъ на службу, а вечеромъ въ Погарь: гдѣ былъ у мене сотникъ пагарскій панъ Семенъ Галецкій зъ своимъ урядомъ.

27. Василью Романовичу даны отъ мене 2 р.

29. Віехалъ зъ Погари и прибылъ въ Лобки.

30. Прибылъ въ Стародубъ.

Априль.

4. Обсилка чрезъ мене учинена знатная отъ ясне велможного на кухнѣ естними и питейними рѣчами генералу Роппу.

20. Віѣхалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Дохновичи.

22. Прибылъ въ Новгородокъ.

26. Віѣхалъ съ Новгородка.

28. Прибылъ въ Глуховъ.

Май.

30. Былъ у гетмана олонецкого драгунского полку господинъ полковникъ Юрій Өедоровичъ, послѣ котораго синъ и орацію къ гетману говорилъ передъ обѣдомъ при инспекторѣ своемъ Незабитовскомъ.

Іюнь.

9. Даровалъ мнѣ яснѣвельможный инструментъ, якимъ можно за однымъ разомъ перо затемперовать. Сего жъ числа отправленъ до двора царского величества и до св. синода панъ Кутневскій.

10. Были у ясневельможнаго два резиденты, одинъ князь Сергій Григорьевичь Долгорукій до Полщи, другій Неплюевъ поруччикъ отъ галернаго флота, до Царигорода ординованный.

21. Пріѣхали зъ С.П-Бурха асаулъ в. енерал. панъ Василій Жураковскій, обозный прилуцкій и судіа гадяцкій, да канцеляристъ войсковый панъ Петръ Валкевичь.

22. Тіижъ пріѣжджіи были у ясневелможного и принесли грамотъ 4: 1-я о межѣ почеповской, 2-я о лаврѣ кіевопечерской, 3-я о избраніи въ чины енералныхъ особъ вакансовыхъ. 4. о сvнодѣ духовномъ, жебы писать и возносить таковою титлою: святѣйшему правительствующему сvноду.

Іюль.

18. Віѣхали зъ ясневелможнымъ зъ Глухова къ Нежину.

22. Прибыли въ Нѣжинъ: и тамъ на квартерѣ гетманской застали роту зъ знаменъ на караулѣ.

23. Былъ благодарственный молебенъ о полученномъ поиску надъ шведами чрезъ енерала лейтнанта Лессі, потомъ обѣдали у полковника Петра Петровича Толстого зъ гетманомъ генералъ лейтнантъ князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой зъ княгинею двома дочарми и племенницею.

Августъ.

8. Писана експедиція до двора царского величества въ интерессахъ полковъ гадяцкого и полтавского въ заводахъ о грунта зъ слободскими полками и отпуску козаковъ зъ Ладоги за временномъ, и тая экспедиція вручена сотнику опошнянскому Корицкому, асаулу пол., полтавскому Сибилевичу и сотнику старосанджаровскому Тарнавскому; а сіе дѣлалось въ селѣ Дубовомъ Гаю въ полку прилуцкомъ.

10. Прибыли въ Новую Греблю.

14. Прибыли къ монастырю Густинскому.

17. Прибыли въ Прилуку.

18. Віѣхали зъ Прилуки.

23. Прибыли въ Мутинъ.

26. Прибыли въ Вороглѣ, а потомъ прибыли въ Глуховъ.

Септаврій.

1. Купилъ у пана Казановича шаблю позлоцѣстую за 25-ть талерей битихъ.

7. Господарь двору рейментарского Иванъ Даровскій преставився.

23. Пришла вѣдомость зъ С. П. Бурха о состоявшемся между империею россійскою и короною шведскою мирѣ въ Ненштатѣ.

23-го числажъ получилъ ясне велможный отъ сүнода листъ о висилки отца Тихорского и отца Горки до С. П. Бурха.

Октоврій.

2. Принесена царского величества грамота и за собственною монаршею рукою листъ изъ габинета зъ объявленіемъ о состоявшемся вѣчномъ миру зъ короною шведскою, а оная грамота принесена Даниломъ Тимофиѣвичемъ Чевкинымъ, отъ лейбъ гвардіи капитаномъ поруччикомъ. Якою вѣдомостю привѣтствуючи ясне велможного, пріѣздили господа столникъ Протасіевъ да полковники Шарфъ и Балцеровъ и для той же вѣдомости по всѣхъ церквахъ дзвонено и зъ арматъ бито.

3. Молебствіе о вчора полученной вѣдомости благодарственное въ церкве святаго Николая отправовалось и публикація о мирѣ была при пушечной стрелбѣ, и при обѣдѣ у стола гетманского палено зъ пушокъ и з межджировъ доволно.

6. Панъ Михайло Скоропадскій купно зъ паномъ Костенецкимъ отъѣхали до С. П. Бурха,

8. Женился Іосифъ Гавриловичь на свойственницѣ пана писаря енералного.

19. Отъѣхалъ господинъ Чевкинъ зъ Глухова, и полковники разъѣхались.

22. Пришла вѣдомость, что князь Петръ Алексѣевичь Галицынъ, сенаторъ и кіевскій губернаторъ, сего мѣсяца 19 числа въ Кіевѣ преставился.

Ноеврій.

12. Панъ Григорій Яснополскій зосталъ господаремъ двору рейментарского.

16. Комендантъ глуховскій господинъ полковникъ Богданъ Григоріевичъ Скорняковъ Писаревъ отъѣхалъ зъ судіею надворнымъ курскимъ господиномъ Чириковымъ на межу почеповскую.

20. Отъѣхалъ писарь войсковый енер. панъ Семенъ Савичь на межу почеповскую.

21. Машталѣръ Заецъ привезъ зъ С. П. Бурха грамоты: 1) о полкахъ, чтобъ 8 толко осталось въ Украинѣ; 2) о Нахимовскомъ и о городахъ имѣющихся дѣлитися между слободскими и полтавскими полками.

22. Посланъ я отъ гетмана къ генералъ-лейтнанту фонъ Вейзбаху зъ указами о выводѣ зъ Украины лишныхъ полковъ сверхъ осми и къ оберъ штеръ криксъ коммисару Ивану Василіевичу Панину на почтѣ.

23. Прибылъ въ Конотопъ, а ночью въ Роменъ.

24. Былъ у оберъ штеръ крикзъ коммисара Панина и ему-жъ вручилъ листъ гетманскій и указъ зъ главного военного коммисаріату.

25. Прибылъ въ Лохвицю на свитаню, оттоль до Сенчи, потомъ уже заледва ночю пріѣхалъ въ Лубнѣ.

26. Былъ у его превосходительства у господина генерала Девейзбаха рано и отдалъ надлежащые письма, потомъ у его-жъ превосходительства и обѣдалъ.

27. Také у генерала кушалъ обѣдъ и коммисію свою исправлялъ.

28 Отобравъ отъ генерала експедицію отвѣтную и отклонился, потомъ обѣдалъ у сотника и, віѣхавъ зъ Лубенъ, ночевалъ въ монастырѣ Мгарскомъ.

29. Прибылъ въ Лохвицю.

30. Прибылъ въ Роменъ и былъ на трактаментѣ у полковника лубенскаго его милость панъ Андрея Марковича ради кавалерскаго праздника именинъ его.

Декамврій.

1. Передъ віѣздомъ зъ Ромна обѣдалъ у пана Яснополскаго, потомъ былъ у старшого канцеляриста коммиссаріатского Михаила Василіевича Володимерова и оттоль поѣхалъ зъ Ромна.

2. Прибылъ съ свѣтомъ въ Конотопъ.

3. Прибылъ въ Глуховъ и писма генералскіе и отъ оберъ штеръ криксъ коммисара Панина въручилъ ясне велможному, такожъ отъ енерала и столнику Протасіеву.

6. Сего числа по запискѣ скончилось мнѣ 28 годъ отъ роду.

12. Полковникъ чернѣговскій панъ Павелъ Полуботокъ, повернувшися зъ Ладоги, прибылъ въ Глуховъ.

15. Подана супплѣка гетману о опредѣленіи деревень.

17. На оную супплеку положилъ декларацію чрезъ пана Володковскаго.

1722 г. въ Москвѣ.

Мартъ.

8. Былъ у присяги о опредѣленіи наслѣдника престола россійского, его же позволилъ императорское величество владѣющій государь по своей воли опредѣлити, и такъ на формѣ присяги, яко и въ книгѣ о томъ подписался.

25. Въ сей Воскресенія Господня и Благовѣщенія праздникъ изволилъ его императорское величество Петръ Великій зъ государынею, и всею высочайшею фамиліею, такожъ всѣ первѣйшіе господа и гетманъ присутствовать въ церквѣ соборной успѣнской на утренѣ и на обѣднѣ, а самъ его императорское величество апостолъ читалъ.

Априль.

21. Донесено гетману, что сего жъ априля 19 состоялся въ сенатѣ именный указъ о опредѣленіи въ Малой Россіи коллегіи, въ которую назначенъ президентомъ Степанъ Лукичь Вильаминовъ брегадиръ.

28. Въ Преображенску подалъ гетманъ его имп. величеству пункта въ общенародныхъ нуждахъ, и челобитную въ дѣлѣ почеповского межованія, на которой самъ государь тогожъ часу собственною рукою помѣтилъ указъ для исполненія по оному изъ сената.

29. Посвященъ отецъ архимандритъ нѣжинскій Епифаній Тихорскій епископомъ бѣлгородскимъ, а игуменъ выдубецкій Лаврентій Горка поставленъ архимандритомъ воскресенскимъ, а отправовалъ надъ ними тые церемоніи преосвященный архіепископъ великоновгородскій Феодосій Яновскій съ другими 6 архіереями и архимандритами.

30. Былъ гетманъ въ сенатѣ и подалъ указъ собственноручный государевъ на челобитной гетманской, о Почепѣ написанный, а какъ возвратился зъ сенату, то принесенъ къ гетману за собственнуюжъ императорскаго величества рукою указъ о учреждении въ Малой России великороссийскихъ судей для вышшей аппеляции и о протчемъ.

Май.

3. Противъ оного указу учиненный отъ гетмана отвѣтъ отвезъ панъ Димитрій Володковскій до генерала прокурора Павла Ивановича Якушинского и до Петра Андреевича Толстаго.

Сегожъ числа его императорское величество изволилъ быть у гетмана на квартирѣ, и позабавится зъ годину въ ночь.

4. Государь и адмиралъ генералъ Федоръ Матвiевич Апраксинъ изволилъ поплить на судахъ рѣкою Москвою къ Коломинску. Числа 5 знову оттоль возвратился государь въ Москву.

6. Архимандритъ кiево-межигорскій Іродiонъ Жураковскій посвещенъ епископомъ въ Чернѣговъ.

12. Былъ государь въ ризницѣ патрiаршой, гдѣ его величество и гетманъ кланялся.

13. Изволилъ отъѣхать государь зъ Москви, забѣрая маршъ въ походъ до Астраханѣ.

14. Посвѣщенъ архiепископомъ кiевскимъ отецъ Варламъ Ванатович архимандритъ тихвинскій преосвященнымъ Феофаномъ Прокоповичемъ архiепископомъ псковскимъ.

20. Поставленъ архимандритомъ заиконно-спасскимъ отецъ Гедеонъ Вишневскій и ректоромъ.

21. Принесены пункта отъ гетмана государю, подованныя за отмѣтами, противъ всякого учиненными и резолюцiею.

Іюнь.

4. Свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ у гетмана на квартирѣ и пожегнался съ гетманомъ.

5. Государыни цесаревны и свѣтлѣйшій князь отъѣхали до до С.-П-бурха зъ Москвы.

9. Госпожа гетманова и обозъ весь гетманскій выѣхалъ съ Москви.

10. Я зъ паномъ Столповскимъ отъѣхалъ зъ Москви калужскимъ трактомъ и ѣхалъ на Калугу, на Беліовъ, Болховъ, Карачевъ, Трубчевскъ и на Стародубъ. А оттоль

27 прибыли въ Глуховъ, куда сего жъ дня и ясне велможный господинъ гетманъ Скоропадскій прибылъ больный. По молебствіи о полтавской викторіи, въ церквѣ св. никольской отправленномъ, палено зъ пушокъ.

29. Былъ молебенъ ради тезоименитства императорского величества съ пушечною стрѣлпою, а потомъ банкетъ былъ въ домѣ гетманскомъ, токмо гетманъ ни въ церквѣ, ни при банкетѣ не присутствовалъ ради не малой своей немощи, которая що разъ болѣе умножалась.

Іюль.

1. Прибылъ въ Глуховъ полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ.

2. Сочиненъ отъ ясневелможнаго тестаментъ, на которомъ какъ самъ его велможность, такъ и господа полковникъ чернѣговскій Полуботокъ, Семенъ Савичь писарь, асаулъ Василей Жураковскій енеральные, да полковникъ лубенскій Андрей Марковичь.

3. Шестого часа пополдне ясневельможный Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ, преставился въ Глуховѣ вѣку своего—76 году, а гетманства на 14 годъ семого мѣсяца. День былъ вторникъ.

4. Тѣло гетманское церемоніално винесено зъ двора въ церковь святаго Николая.

Continuatio diarii privati.

Августъ.

22. Тарки, гдѣ просто заѣхали на дворъ князика тамошнего, зовемого Алжи Дерей Шафналѣ, которій, давши намъ первѣе авдіенцію. потомъ велѣлъ просити до фантани, на дворъ будучой, и туда висилалъ намъ своего татарского хлѣба накшталтъ-коржовъ, сира и яблокъ, а далѣ казалъ намъ же отвѣсти квартири, обѣщаючи одправити за арміею поутру. На квартиру

прислалъ возъ сѣна чрезъ своего кортана, якъ бы асаула, а потомъ знову коржами и рибою вялою обослалъ и караулъ свой на всѣ господи, где мы и казаки стояли, подавалъ, на ночь присилалъ тѣ жъ до насъ еще разовъ зъ многка зъ разными уговорами помянутого своего кормана.

23. Рано ходилисмо до Шафнала, которій еще до утра удержатись намъ совѣтовалъ, и для коней знову велѣлъ сѣна дати и корову живую на кухню намъ прислалъ, якую забивши, на всѣхъ раздѣлить велѣлисмо, а тутъ же въ Торкахъ и сей день пробавили

24. Былъ у насъ на квартирѣ прапорщикъ драгунского казанского полку Иванъ Ждановичъ, въ Таркахъ для присталнихъ коней заставленный. Мы тежъ первѣе у Шафнала, томъ и у того прапорщика были. А Шафналъ обявилъ намъ, что сухимъ путемъ къ Дербенѣ проѣхать невозможно для татаръ противнихъ товлинцовъ и слимчевцовъ(?), всѣ дороги заступившихъ. Того ради казалъ намъ забиратися воднимъ путемъ до Дербенѣ на бусѣ, которимъ мѣлъ онъ же дербенскихъ аманатовъ туда отпускати, и оное судно намъ показано, але вночѣ противъ.

25 числа, когда зъ горъ великій повсталъ вѣтеръ, тое назначенное намъ судно вали на морѣ разбили, и того ради усовѣтовалисьмо послать чрезъ татарина о себѣ до его превосходителства Петра Андріевича доношеніе, къ чому и Шафналъ склонился, а намъ бы доспять возвратитися до транжаменту, и потому составилисмо мененное доношеніе и особенный до пана полковника миргородского листъ, а сами еще въ Торкахъ заночевали, гдѣ въ ночѣ, спячимъ намъ, напали нѣкоторіе татаре на часового нашого козака, хотѣли его зъ оружіемъ схватати, толко татаре, придаванные намъ одъ Шафнала на каждую ночь для караулу, когда учинили окрикъ, теды тіе вори уйшли, тутъ же заплатилемъ Дмитрашковѣ запог—зол. 7.

26. Скоро свѣтъ прислалъ къ намъ Шафналъ своего кармана, же бы одалисмо писма для отвозу, куда надлежить, которому мы вручивши пакетъ, на имя пана полковника миргородского подписанный, (въ якомъ и доношеніе свое и другое куріеровъ Якима Савича Украинцова преображенского полку сал-

дата, да Ивана Микифоровича Сенатского зъ товарищи въключилисмо, такождо прапорщика, въ Таркахъ будучого, писмо до енерала Кропотова) отпустили оного, да онъ же корманъ пріѣхавши къ намъ на квартиру повторе, при проводилъ намъ же въ провожатіи къ Сулаку мурзака, зъ якимъ по обѣдѣ и віѣхалисмо всѣ зъ Тарковъ, а прибывши до помянутой рѣки Сулаку сами начали переправлятись, а мурзана оного зъ другими татарами, якихъ у той же рѣки засталисмо, одпустили, въ свояси. Переправивый за сь рѣку мало до паги... натягши, стали на ночь.

Descriptio situs marum a Scythas montanos.

Тарки, помянутое мѣстечко, есть подъ самими и между горами, отъ моря одстоитъ верстъ 7—6, въ которомъ жилища татарскія суть премногіе, всѣ зъ каменя мурованные, тилко въ мѣсто вапна глиною, и не мгивъ не на хатахъ, не на мечетахъ дахового покрову; тилко стелютъ зверху грубою глиною налѣпленою, а внутръ кладенные, довгіе, небарзо товстіе, едно одругого, якъ бы въ поллоктя, бервена, а на верхъ ихъ очеретомъ настилано, же бы земля, зверху насипанная, непросипалась. Дворовъ въѣздныхъ болшихъ нѣтъ, але хати такъ густо, же зъ ѣдной на другую можна переступати, и, надѣятися, въ томъ мѣстечку самихъ людей, до бою способныхъ, коло—5.000, опрочь малихъ и старихъ. Шафналови будинки зъ тесаного камени, вышше всѣхъ жилищъ подъ горою, гдѣ зъ горѣ текуютъ води преизбытніе зъ камяня, и идутъ первіе во дворъ Шафналовъ каналами до едной на дворѣ, а до другой въ избѣ приходніой чрезъ сребрную буру, фонтаню будучихъ, а оттоль на ввесь городокъ каналами и по подземлею текутъ презрочистіе води, а на каналахъ, взявши отъ шавналового двора, ажъ внизъ ко концу мѣстечка, будетъ зъ 40 млиновъ построенныхъ, барзо лотвомелючихъ. При дворѣ шафналскомъ и брата зъ тесаного каменя здѣлано въ избахъ... Нѣукого оконъ шкляныхъ нѣтъ, але у ѣдныхъ кратками подѣлано, а въ другихъ нема болшъ нѣчого, кромѣ оконницъ. Коло мѣстечка жадного валу нѣтъ, тилко Сидиръ. Оные въ вилахъ гор улицѣ въ немъ барзо маліе, заледво одною горбою проѣхать можна. Ринку до продованія и етнихъ и про-

чіихъ вещей немашъ, а тавары, якіе мѣютъ, продаютъ по дворахъ, тилко овощи—едни возятъ по улицехъ, другіе же, бы и шулъ, кто хочетъ покупать, яко то яблокъ и орѣховъ, кричатъ маліе дѣти, сидячи по хатахъ. Сами тамошніи татаре живутъ и ходятъ чирство, почеркеску, въ сервѣткахъ моднихъ и кажанахъ, а жони ихъ шпетни убіорѣ тако, ходятъ въ безіовихъ сорочкахъ, да въ штанахъ безпоясовъ. Хлѣба квасного у нихъ нѣтъ, бо и пекти его не умѣютъ, але идятъ корже прѣсніе, а о инныхъ ихъ исвіахъ не случалось бадатись; идятъ тож мясо и рибу, да не знать якъ готуютъ. Въ хатахъ ловокъ и сталовъ немашъ, але коверцами вислано и подушокъ з вовни досидѣнья наслано; печей немашъ; свѣтятъ жиромъ зъ туліеніовъ, собакъ морскихъ; въ мечетяхъ молятся по 3 рази въ сутки въ день и въ ночѣ; голови всѣ и бороди голятъ, и барзо суть хорошіи въ мужскомъ полу, хотя и въ женскомъ (опрочь строю) многіе найдуются негрубіе. Хлѣбъ пахаютъ пшеничній, ячмень и просо на низинахъ, способнихъ, не оподоль моря и на ниви водъ зъ горъ каналами пускаютъ, бо въ тамошнихъ сторонахъ дожчовъ барзо рѣдко, а горячести превеликіе; соли маютъ зъ озеръ, понадъморемъ будучихъ, доволно; маютъ овощей, также не скудно, особливе винограду, яблокъ, кавуновъ и орѣховъ волоскихъ; а питя жадного, кромѣ чихиру, то есть вина свѣжого, не достать, бо тамошніе жители нѣ пивовъ, не меду, не квасу, а поветъ и борщу дѣлать не умѣютъ; погребища, гдѣ мертвихъ ховаютъ, неоподаль одъ мѣстечка, и одъ сѣлъ найдуются, а надъ кождомъ гробовищи у головахъ оставляютъ камень тесаный, столпомъ, бо тамъ окаменя нетрудно, кгдижъ все гори каменные, и щось на томъ каменѣ по татарску пишутъ. Тїежъ горскіе татаре великую охоту маютъ до оружія, а именно янчарки все зъ囗 сребрними пасками держатъ, роги едни, а другіе ладовницѣ роговіе зъ ладунками такими, що тилко порохъ зъ нихъ висипается, носятъ; прочіе въ панцерахъ зъ мисюрками и карвашами при сагайдакахъ; ѣздятъ коней легкихъ и кулбаки добріе держатъ, и сами барзо чирство ходятъ; вмѣсто люлки, каліанъ курятъ якій. Подобный есть збанковѣ абуваютъ тіе каліани сребрніе, люсяндровіе, кршталовіе и деревяніе, при которихъ чубукъ сафянавый

крученый зверху неякое зеліе . . . тютюну. а въ низу вода и черезъ воду, якъ бардакъ, курятъ; тимъ трактаментомъ и гостей почтуютъ, а инныхъ трунковъ не тѣютъ; грошей тѣжъ передъ симъ у нихъ не было нижшою цѣною надъ пять копіокъ персіян неякая монета, а теперь уже копѣки, тилко мелкіе сребрніе, а не медніе берутъ, однакъ все дорого продаютъ; женъ каждіи мѣетъ разомъ, сколко хочетъ. Такихъ же обичаевъ суть и протчіе татаре горскіе, такъ императору нашому поклонившіеси яко и противніе, въ городкахъ и селахъ мѣшкаючіе. Гори засъ тіе не всѣ ровніе, едно барзо високіе, другіе молонижшіе, а заперпими горами инне превисокіе, видать на которихъ зимою и лѣтомъ лѣжатъ снѣги; каждая тежъ гора и наинижшая верстъ зъ три висотою будетъ, а все камянистіе. Да утихъ же татаръ много бидла рогатого, овецъ, и верблюдовъ барзѣ зоднимъ горбомъ наидуются. Зъ владѣльцовъ горскихъ, которіи монарсѣ нашому, поклонились сіи суть: 1 Алдідерей Тарковскій Шафналъ; другіи салтаному жъ; третить Асламбекъ кабардинскіе князеніи, да Накпъ дербенскій, котораго императоръ и потретомъ своимъ подарилъ.

27. Рано зночлегу рушивши и мало уѣхавши, попасовали потомъ прибыли до транжаменту о обѣдней годинѣ гдѣ, у пана Ігачского и обѣдъ кушали; яжъ у его пана сотника на мѣстѣ сталъ, а панъ Тарновскій у пану хоружого полкового прилуцкого.

28. Принесли до комменданта Маслова чрезъ татарина листи одъ енерала адміpала и отъ габінетъ секретаря Макарова, чтобъ зжданими писмами почтарей зъ Москви, и отколь нибудь прибувшихъ не отпускалъ к арміи и писемъ самъ не пересилалъ, развѣ согласіа жъ зъ тарковскимъ Шафналомъ. Тогда жъ принесена вѣдомость, что Дербень мѣсто государю нашему поклонилось, а тавлинцовъ татаръ, которіе были на армію сторонѣ камяного мосту марширующую въ нѣсколко тысячахъ порвались живцемъ пойманныхъ болшъ—20 еднихъ повѣшано, другихъ колесовано, а старого одного Абиза на поль збито, метячись затое, же и они посланныхъ одъ государя Козаковъ зъ писмами тиранско замордовали.

29. Полковникъ Черновъ на флотѣ къ Аграханской заливѣ прійшовшій зъ капитаномъ морскимъ Никитою Петровичемъ Велбое былъ въ транжаментѣ на службѣ Божой у комменданта на учтѣ ради именинъ онаго.

30. Vacat.

31. Помянутый флотъ, а именно 13 болшихъ суденъ, зовемихъ ластовихъ, а прочихъ шлюпокъ, якіе были наладовани запасами харчевими, и аммунѣціею, арматами, кулями, порохомъ, бомбами и проч., пойшолъ одъ Аграханѣ до Дербенѣ, за которымъ флотомъ и я на шлюпцѣ зъ паномъ сотникомъ Сребрянскимъ ѣздилъ, хотячи просити капитана Велбое, жебы и насъ на флотъ взялъ, лечъ онихъ не могши достигнути, возвратилемся и зъ великою нуждою заледво до транжаменту о годинъ килка въ ночь прибились.

Мцъ Септеврый.

1 числа прибылъ до транжаменту епископъ орменскій съ 15-ю человѣкъ арменъ зъ Астраханѣ водою, которій и у коменданта былъ; а комендантъ сего дни писалъ объ немъ и о насъ до арміи и послалъ писмо тое чрезъ татарина Шавкалского къ Дербенѣ.

2. Вотъ судно пришло отъ Дербенѣ до тренжаменту, на которомъ привезенъ писма квартермистръ языковъ до комендеданта Маслова одъ адмирала.

3. На тотъ же ботъ по опредѣленію коммендантскомъ и мы тако жъ почтари Украинцовъ зъ товарищи, и Іванъ Михаиловичъ человѣкъ Наришкина, всѣли и пошли заливою одъ транжаменту въ которой за неспособною погодою на якорѣ ночовали.

4. Рано зъ заливи війшли на море, але за противною погодою въ путь свой ити тилко ходили Реемъ, и ту сѣли противъ Терку, якорь бросивши, ночовати, гдѣ превеликіе волни на судно били и многіе з насъ барзо хоровали.

5. Заданною намъ одъ Бога поносною къ Дербенѣ погодою пойшли, и первіе минули островъ, зовемій Чеченъ, потомъ и флотъ, зъ тогожъ острову поднявшійся, подъ командою помянутого капитана Вельбое будучій, оминулисмо долеть обехали кол-

тукъ, въ которій рѣка Сулакъ впала, и шли однимъ вѣтромъ добримъ и противнимъ намъ, зовенимъ нордъ—вѣстъ якій, вѣетъ между полночю и западомъ ажъ до полночи, а зъ полночи противный вѣтеръ Зіюндъ всталъ, которій не толко ѣхать, но и реіовать за превеликими волнами намъ не допустилъ, але назадъ судно погналъ, и прибилъ противъ Тарковъ, гдѣ о килко верстъ од черней, замѣривши лотомъ глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень въ глубъ.

6. И тутъ чрезъ цѣлій сей день якъ гори волни на судно наше были, отчего не тилко въ страхъ великій, но и въ болѣзнь многіе, отчаеваючись житія своего, пришлисмо барзѣ и, когда ночь наступала, коло судна зась при томъ великомъ штурмѣ многіе туленѣ, то есть нѣбы собаки морскіе, плавали: а о полночи инный повѣявъ вѣтеръ, зовемій нордъ, а потомъ нордъ—вестъ, за которимъ заразъ, поднявши пароси гротъ и брифокъ, пойшли и до свѣта уйшли верстъ зъ 150, свѣтомъ зась,

7 Пливучи самимъ великимъ моремъ, зъ далека видѣли превисокіе усмеевскіе и тавлинскіе гори, гдѣ и деревнѣ видать было, одъ войскъ государевихъ попаленные, далей минули устіе Усмеи; и ажъ до полудня и плили доброю погодою, а по полудню почалъ утихати вѣтеръ, въ якое время минулисмо одно судно, шлюпку государеву, на которой будучіе люди сказывали намъ, же государь и вся армія рушили зъ за Дербенѣ назадъ. А когда стали уже видни намъ Дербенскіе гори, тоди весма на морѣ тихо стало такъ, что судно уже и рушитись не могло, того ради и лопатами греблись, а просто змѣрали къ Дербенѣ, за котораго на морѣ и флотъ стоялъ; еще зась и другое судно морское, т. е. далѣе моремъ отъ береговъ ишло, зовемое галіотъ, на которомъ первенствующимъ былъ Филиппъ Петровичъ Палчиковъ подмайстерій корабельный да Іванъ Даниловичь хочетъ (кочотъ) паросный, и Тихонъ Игнатьевичь Блоковъ майстери Когдажъ сближились уже къ Дербенѣ, якъ бы о 15 верстъ, то по сей сторонѣ города виставлено на берегу морскомъ бѣлое знамя, якое самъ государь, въ капорскомъ полку пѣхотномъ велѣвши взять, виставилъ противъ нашого и помянутого другого судна, приворочали къ берегу,

албо застановились: а при знамѣ випалено разъ изъ пушки, но понеже мы на суднѣ не знали, хто и для чого стрѣляетъ, и шли прямо къ Дербенѣ, теды повторе випалено зъ пушки кулею; з чого порозумѣвшись мѣчманъ судна нашого, же поднялъ флаки не хто инный, тилко самъ государь здесь, и началъ судно къ чернямъ кероватп, а на другомъ суднѣ поспущено пароси, и послана зъ людми къ берегу шлюпка до знамя; куда зъ нашого судна жадного человѣка не взяли. А якъ прибыли шлюпкою къ берегу, теды самъ государь, тамъ при знамю будучій, приказалъ на тейже шлюпцѣ привезти зъ судна нашого московскихъ почтаровъ, которихъ и побрано, а мы на суднѣ, що разъ ближше къ чернямъ прибѣраючись, заночевали, гдѣ недалеко одъ черней государева ставка и вся армія лагеромъ стояла. Судно зась бот такій есть структори: само оно въ сажней полъ 4 должнихъ сдѣлано до 6 арматокъ, на которомъ еденъ посерединѣ, другій въ кормѣ меншій каютъ, а третый въ носу и кухня, щилно з робленные и полотномъ смоленнимъ укритіе, 4 на немъ пароси, первый гротъ, другій фокъ, третій на носу клѣфокъ и сіи всѣ суть косіи, а четвертій между фокомъ и клефокомъ брифокъ простій, ровный. Гротъ машта зовѣтся тее дерево, при которомъ паросъ гротъ, а веревка при немъ боковая диринъ фалъ, а якою тотъ же паросъ подіймаютъ гродъ фалъ; которою привязуютъ, на якую сторону надобно, веровкою зовется гротшкотъ. Боковая брифокова веревка—брифокъ брасъ, а низовіе—брифокъ шкотъ. У машти веревки лѣствичніе, по которихъ лазять матроси, зовутся ванти, другіе—блокъ тали, третіе—юнфери, кормило—руль, а желѣзо, що руль оборочаетъ, руль—пень; знакъ, що на кормѣ—флакъ; що на носу—флакъ; що на маштѣ—флюдеръ дерево, що на носу—букшкарокъ; веревка, по которой фока стягаютъ штакъ; по которой брифока—лопштакъ. Два якори, одинъ большій два зубный зъ колодою, зовомою штокъ, другій меншій дрекъ у обоихъ канати, т. е. лини, на которихъ оніе пускаются въ воду, зовутъ кабалковіе, да два дерева, якіе уставичне плаваютъ на водѣ и показуютъ, гдѣ якорь въ водѣ лежитъ, зовутся буи, а веровка, на якихъ они падаютъ на воду, буйребъ. Два з боковъ судна нашкталтъ крилъ зовутся шверци, а веровки до нихъ прицеп-

ленны. Шверцъ-тали, чимъ воду зъ судна виливаютъ, нососъ, на чомъ кладутъ знявши паросъ гротъ, вили гротъ и фокъ къ чому привязуются, зовутся покгони, желѣзніе, якими и все судно скрѣплено. Покровъ на болшомъ середніомъ каютѣ деревяній зовется люкъ, а полотняній брежентъ, на томъ же суднѣ найдуется, фонарь т. е. лихтарня. Компасъ, на которій смотрячи жекглютъ и въ день и въ ночѣ, шости весла, а по бокахъ стоятъ бочки зъ водою прѣсною, вь кормѣ, въ носѣ, въ каютахъ провіантовіе и прочіе запаси, на низу великіе штуки олова лежатъ, жебы судно глубше въ водѣ и шло и не такъ бы оного волни кидали; людей на томъ суднѣ боту обрѣтаючіеся матроси, лоцмани, которіе управуютъ паросами и прочіимъ, а що командуютъ судномъ къ людемъ, тотъ зовется мѣчманъ, що правитъ рулу, той есть также лоцманъ, албо кормшитъ. Вѣтри на мори принципалнѣйшіи суть чтири, полуночный зовется нордъ, всходный вестъ, полуденный зундъ, западный вестъ.

8 Числа септеврія. Скоро свѣтъ припустилисьмося съ судномъ ботомъ къ самому берегу, иже не мѣлисмо лодки, мусили бристи, порозберавшись зъ споднѣхъ убіоровъ, а, війшовши на берегъ, немедля помаршировали до лагеру, гдѣ стояла вся армія отъ моря верстей у 3, а прійшовши въ обозъ и допитавшись ставокъ адмиралской и Петра Андреевича, первіе Толстому, и адмиралу, потомъ и габинетъ секретарю Макарову вручилисмо писма, мало зась погодя, когда его императорское величество изволилъ пріити до ставки адмиралской, и, тамъ мало позабавивши, виходилъ зъ адмиральского намету, теды мы самому вручили одъ старшины енер. и полковниковъ нашихъ писаніе, которое пріймуючи одъ насъ изволилъ сіе формальніе слова сказати: вѣдаю я, что гетманъ умеръ, и, заразъ отдавши писмо наше Петру Андріевичу, самъ обратится изволилъ къ наипу Дербенскому, который близъ намету Петра Андріевича стоялъ, а зъ нымъ де що чрезъ толмача говорилъ, на остатокъ зась, того наипа по плечу рукою поплескуючи, сказалъ: управляйтеся здѣсь гораздѣ, а мы васъ не оставимъ. Tandem всѣлъ на коня вороного черкесского, одъ Шафкала тарковскаго дарованного, одъѣхалъ къ церквѣ, тамже недалеко разбитой, куда и

государыня императрица каретою пароконною пріѣхала, и началась служба Божія, гдѣ стоялъ государь между пѣвчими и самъ читалъ апостолъ. Ми зась по евангеліи отъѣхали до обозу козацкого, о полмилѣ одъ арміи стоявшого, и тамъ, вручивши пану Миргородскому писма, кушали, а по кушаню знову до арміи пріѣздили къ Петру Андреев., которій якъ первій, такъ и повторе сказалъ намъ ѣхати до Астраханѣ, и тамъ отправить декляровавъ, чого ради мы людей своихъ и компанѣйцовъ на тое жъ судно ботъ посадивши, ихъ водою одпустили, а сами до обозу козацкого возвратилисмося. Куда скоро прибыли, заразъ смеркомъ уже рушилось козацкое войско въ слѣдъ за бригадою Володимера Петровича Шереметева, и ночью, уйшовши милъ зъ двѣ, на дорозѣ спали и тамъ дождали свѣта.

Помянутому наипу дербенскому данъ отъ государя портретъ, которій у него пришпиленный имъ видѣлисмо, а государыня императрица ему жъ вчорайшого числа даровала злоцѣстый дзигарасъ, онъ зась государю нѣсколько коней, а адмиралу и Петру Андреевичу по панцеру и по парѣ опеленбасовъ срѣбрнихъ. Дербень мѣста намъ отчасти видать было, которое лежитъ надъ самимъ моремъ, мури зъ обоихъ сторонъ начавшіеся мало не от самого верху горъ притягли къ самому морю, а между мурами поселенія, наверху зась всѣхъ будинковъ замокъ мурованный же, въ которомъ и арматъ килко десять штукъ найдуется, зъ якихъ, когда монархъ нашъ переходилъ оный городъ, стрѣляно. Въ тотъ замокъ введено президіумъ великороссійское, два баталіони жолнеровъ, и армати зъ суденъ впроважено до города. Въ городѣ зась и ихъ татарскіи жолнерѣ платніи найдуются, подобніи до турецкихъ янчаръ, да такіе жъ бубонки, талерки, якимъ брязглютъ, и игри мѣютъ, якъ турки. Овощей въ томъ городѣ премного, яблокъ, ореховъ волоскихъ, винограду и проч. есть, лѣски суть коло тогожъ города попадгожами, гдѣ барзо родится шаптали то есть бросквинъ, много и иныхъ овощей, между ими есть одинъ рожанъ, подобный яблокамъ, тилкожъ онихъ, не зваривши, исти нельзя, виноградовъ и дикихъ много, такожъ рижу не мало, и тамъ якое жъ колвекъ войску было поживленіе. Тамже дано козакамъ жалованя по ко-

пѣ. Сказовали намъ нѣкоторіе въ государевомъ обозѣ, что будучи его император. величество за Дербеню (гдѣ о 15 верстъ въ Дербенѣ и транжаментъ заложивши, козаковъ 200, а великороссійскихъ 100 человѣка повелѣлъ оставити) мѣритъ самъ изволилъ ціркуломъ едну гору превисокую, зовемую Шахъ гора, якая отъ моря отстаитъ о верстъ килко десятъ, а въ висоту есть 18 верстъ и 206 сажень.

Сегожъ числа брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ з своей команды драгунами, и панъ Миргородскій зъ козаками зъ своихъ лагеровъ ночью рушили, и, увойшовши одъ стану верстъ съ семъ, якъ ишли лавами, такъ и ночеваии. На стану зась мененномъ, зъ якого рушили, здѣланъ ими жъ былъ по указу государевомъ невеликій транжаментикъ, и оставлено въ ономъ козаковъ нашихъ 102 и драгунъ зъ офицеромъ 30; въ ночѣ великій всталъ ветеръ барзѣ на морѣ.

9. Рушивши государь, и вся армія зъ по Дербенѣ, и, не попасуючи въ обѣдъ, натягли одъ стану о 8 верстъ на ночь. А панъ Миргородскій, пойшовши зъ своего ночлегу, о 4 версти обѣдалъ, а о 4 ночовалъ. На обѣдніомъ стану былъ у пана Миргородскаго Бековичь.

10. Присланъ указъ одъ адмирала до пана Миргородского, жебы козаки его команды ишли ровно съ арміею отъ мори десятою лиціею, а армія въ 9 линый ити расположена, и потому такъ устроено.

11. Самъ его императорское величество изволилъ быть передъ обѣдомъ у пана Миргородскаго въ намѣтѣ и горѣлку ганичковую кушалъ, которая его величеству пришла до уподобаня, и любо оной государевѣ панъ Миргородскій куфу оферовавъ, однако государь сказалъ, что нѣчимъ везти, и для того велѣлъ, когда зъ барилками зъ двору присилати, давати.

12. Когда подлугъ вишь намененного указу ишли козаки въ десятой линіи при армѣи, сего числа о полудню пришли къ тимъ мѣстамъ, гдѣ по под горами текутъ натуральніе нефти, накшталтъ діогтю, що кто хотѣлъ бралъ для шмарованія осей и колѣсъ вмѣсто смоли. Тамъ же ишли мимо тепліе води, въ кото-

рихъ многіе солдати и козаки купались, а ми только мили голови.

13. Стояли при томъ мѣстцу обозами недалеко, гдѣ на армію, еще къ Дербенѣ ишовшую, вдарили были зъ горъ Тавлинцѣ татарѣ, съ которихъ якіе тогдажъ зимани были, таможе и повѣшани; о обѣдной зась годинѣ учинилась була тривога, будто знову явились зъ горъ татаре, чого опасуючись, весь уже день ишли осторожне, козаковъ донскихъ и нашихъ виборнихъ на отводъ коммендировавше. Было сее при урочищи Унчи рѣчки.

14. Пройшовши урочище Кольчи, гдѣ противъ деревнѣ Буяна вода добрая была, переправлялись чрезъ камяній мостъ на урочищи Уллучи, и, уйшовши верстъ скильканадцать, ночовали.

15. Перейшовши рѣчку Монасъ, въ которой вода добрая, натягли заледво о 2 или 3 годинѣ въ ночь къ мѣстечку владѣльца Шафкала Таркамъ и тутъ ночовали, гдѣ передомъ арміи поѣхавшихъ къ городу двоихъ трембачовъ государевихъ зарѣзали татаре, зъ которихъ поимано пять чоловѣкъ, и

16. тамъ же подъ Тарками казнено оnихъ различно, еднимъ руки и ноги толко поперебивано, другимъ поотрубовано.

Зъ подъ Тарковъ рушила армія, а за нею уже назадѣ козаки наши надъ вечери: гдѣ когда самъ его императ. величество ѣхать изволилъ передъ арміею, подали наши старшина чолобитную о избраніи гетмана зъ вираженіемъ прошенія таковаго, якое и въ грамотѣ, чрезъ насъ присланной, написано, которую челобитную его император. величество вичитавши знову нашимъ отдалъ, сіе слова сказавши: есть уже писмо зъ малои Россіи такое, а будетъ о томъ впредъ указъ.

17. Весь день ишли, и ажъ

18. натягла армія и государь до рѣки Сулаку, на которой два моста были, единъ на поляхъ, другій на суднахъ устроени. Козаки зась наши

19. пришли до той же рѣки, и особенно одъ арміи обозомъ стали, гдѣ стояли чрезъ

20—и 21—числа, а

22. перешли на другой бокъ той рѣки мостами; въ сихъ числехъ надъ тою жъ рѣкою в вершинѣ другой рѣчки, зовемой

Аграханъ, заложенъ городокъ земляный, и названъ городъ Святаго Креста по сей сторонѣ рѣки оной: которій городокъ самъ государь размѣралъ и заложилъ.

На семъ стану панъ Даміанъ Мазаракій, товаришъ полку прилуцкого, преставился, которого тамъ же 23—поховали чрезъ

24—и—25 числа тотъ городокъ Армецяки и козаками здѣланъ, валомъ окопанъ, и палями оставленъ; въ которій запасовъ хлѣбнихъ и военной амунѣціи зъ арматами напроважено чи мало зъ транжаменту, на Аграханской заливѣ будучого.

26. Въ наметной церквѣ, въ томъ же городку розбитой, былъ молебенъ, куда государь, государыня, адмиралъ и другіе насъ енерали зъѣхавшись поздравляли воставленного тамъ подполковника полку драгунскаго Селиванова коммендантомъ, а когда зъ города государь, императрица и прочіе отъѣздили, палено зъ 7 штукъ арматъ разовъ сѣмъ и

Сего жъ числа всѣ пѣхотніе полки, такожъ и дворъ государевъ рушили одъ Сулаку къ Аграханской заливѣ всѣдать тамъ на судна для маршу моремъ до Астраханѣ.—Мы тежъ, потжегнавши пана Миргородскаго и всѣхъ своихъ въ обозѣ бывшихъ (зъ между которихъ оставлено въ томъ же городку 500 городовихъ, а 100 компанѣйцовъ, да 100 донцовъ подъ командою Славуя Требынскаго, сотника Ірклѣевского, зъ сотниками и другихъ полковъ) поѣхали за арміею, и ѣдучихъ насъ встрѣтилъ на дорозѣ господинъ полковникъ брегадиръ отъ кавалеріи Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ, зъ которимъ на дорозѣ разними діскурсами прі его жъ трактаментѣ годину и другую пробавили, tandem, разѣхавшись, надъ рѣчкою Аграханю въ полѣ ночовали, обминувши армію.

Сегожъ дня въ транжаментъ на Аграханскую заливу прибылъ государь.

27. Прибылисмо до того жъ надъ море транжаменту.

28. Былъ въ транжаментѣ въ наметной церквѣ молебенъ благодарственный въ воспоминаніе баталіи и полученной надъ шведомъ подъ Лѣснимъ викторіи: а по молебнѣ випалено зъ 31 штуки арматъ, а потомъ все полки пѣхотніе бѣгучимъ огнемъ стрѣляли разъ одинъ. Кушали обѣдъ всѣ господа подъ наме-

тами у государя и гуляли ажъ до позна, а скоро смеркло, начали пущатись раціи въ гору, которихъ на килка сотъ викинено зъ звѣздами и другими огненнеми фенгателями.

В семъ походѣ которіе енерали и брегадири отъ кавалеріи и інфантеріи были, тихъ имена слѣдуютъ ниже сего.

1) Главный всей арміи и флоту коммендоръ, енералъ адміралъ Федоръ Матвѣевичь Апраксинъ.

4) Отъ инфантеріи енерали маіори Михайло Аѳонасьевичь Матюшкинъ. Иванъ Іліичь Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичь Іюсуповъ князевъ князь Юрій Юріевичь Трубецкой.

3) Отъ инфантеріи жъ брегадери Василій Яковлевичь Левяшовъ, князь Иванъ Федоровичъ Борятинскій, Александръ Ивановичь Румянцовъ.

1) Отъ кавалеріи енералъ маіоръ Гаврило Семеновичь Кропотовъ.

3) Отъ кавалеріи брегадири: Володимеръ Петровичь Шереметевъ. Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ и иноземецъ ветераный.

Министри:

Князь Дмитрій Кантемиръ, господарь волоскій, Петръ Андрѣевичь Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Надъ 10000 козацкаго войска наказнимъ гетманомъ былъ Даніилъ Апостолъ, полковникъ миргородскій, да при немъ цѣліи два полковники, прилуцкій Игнатъ Галакганъ, и кіевскій Антоный Танскій, а зъ прочіихъ полковъ наказніи.

Надъ 5000 донского войска атаманъ былъ Иванъ Матвѣевичь Краснощокій, да полковникъ Данило Ефремовичь.

29. Императорское величество зъ государинею императрицею и зъ всѣмъ дворомъ изволили на судна зійти и пойшолъ моремъ къ Астраханѣ за доброю погодою.

30. Бавилися мы еще въ тренжаментѣ.

Мѣсяцъ октоврый.

1. Енералъ адміралъ и Петръ Андріевичь взойшли на судна и, когда пріѣздилъ адміралъ противъ якового судна, зъ каждого стрѣляно и панъ Тарновскій взойшолъ на ластовое судно.

2. Я зъ паномъ сотникомъ ічанскимъ сѣли въ судна, именно на островки, въ брегадѣ господина Левашева; я зъ порутчикомъ первой роти полку пѣхотного копорского иноземцемъ Гамантомъ, а панъ сотникъ зъ капитаномъ тоеиже роти Стефаномъ Алексіевичемъ Румянцовимъ, и при божіей помощи поплили на море отъ транжаменту.

3. Въ ночѣ великая была противная погода, которая многіе судна отъ флоту одорвала; мы ишли въ флотѣ томъ, що и пѣхотніе всѣ полки.

4, 5, 6, 7, 8, 9. То поноснимъ вѣтромъ, то на гребляхъ ишли.

10. Знову была противная погода. Захоровалъ братъ Іванъ.

11. Ишли поноснимъ вѣтромъ.

12. Прибыли къ Волзѣ и, нѣсколько вѣрстъ уйшовши, ночовали на березѣ.

13. Волгою за поноснимъ вѣтромъ уйшли.

14. Флотъ ввесь тотъ, въ которомъ мы ишли, и прійшолъ въ Астрахань, и зъ Волги ввойшовши въ рѣчку, прежде званую Хотомова, а теперь одъ императорскаго величества нареченную Нева, стали, а мы, зійшовши зъ суденъ, перенеслись на господу въ городъ, гдѣ и пп. Семенъ Рубецъ и Василій Биковскій, присланныи въ томъ же интересѣ зъ сенату, стояли.

15. Vacat. 16. Прибылъ адмиралъ, и господинъ Толстой зъ моря ажъ теперь, поневажъ противная погода ихъ на черволіи морскіи води занесла была и за малимъ въ крайнее небезпеченство не приправила; а когда пріѣзджалъ подъ городъ адмиралъ выпалено на бляковзу зъ 3 пушокъ.

17. У адмирала былъ банкетъ для имянинъ брата его графа Андрея Матвіевича Апраксина, гдѣ самъ император. величество зъ многими господами кушалъ и гулялъ доволно.

18. Былъ государь передъ обѣдомъ у адмирала jacta in hospitio vixo c... 6: nt. v. n. Ich. n. ns.

Даровалемъ хустку едвабную Стефану Алексѣевичу Румянцову 1 роти капитану полку капорского.

19. Деклярована намъ одъправа.

20. Прибылъ зъ моря въ Астрахань п. Михайло Пршедзіецкій, и отъ пана Тарновского привезъ къ мнѣ писмо.

21. Губернаторъ астраханскій господинъ Артемій Петровичь Волынскій справовалъ для вчорайшихъ именинъ своихъ банкетъ въ кремлѣ; гдѣ государь зъ императрицею и всѣ господа зъ своими паніами были на кушанню, и ажъ до вечера гуляли, а о годинѣ въ ночь одправовали тамъ же въ кремлѣ передъ государемъ и протчіими свое набоженство косолбаси: а именно несли нѣякогось хлопца въ бѣлой кошулѣ, небы на марахъ лежачого, всего стрѣлами поколотого, въ которомъ оніе стрѣли и ножъ въ серду стримѣлъ, за нимъ несли небы три хорогви зъ персидскихъ поясовъ, а одинъ абизъ на собѣ надъ головою неслъ щось накшталтъ бандекиму тилко зверхомъ убраное матеріами. Затимъ ишли паръ зъ 60 онихъ косолбасовъ, которіи всѣ скакали и кричали первей тое слово *Асамъ*, *Асамъ*, уставичне между ними едни накшталтъ походней зъ нему свѣчки невеликіе несучи свѣтили, другіе въ талерки били, а третіи зъ кіями идучи скакаръ приганяли? Потомъ, передъ палацъ губернаторскій прійшовши, всѣ много барзо танцовали ажъ до поту кричали другое щось: *Акшій*, *Бакшій*, далей, подобувавши ножовъ, начали сами себѣ голови рубати, едни ножами, другіе шаблями, а третіимъ, которіи сами себѣ рубать не хотѣли, абизи тихъ нагнувши, рубали голови, зъ якихъ всѣхъ кровь барзо текла, а они безъ перечь танцовали, и когда которій помянутого накшталтъ умершяго на марахъ лежачого миналъ, то на его головою трусилъ порубанною, и кровью кропилъ. Итакъ од того порубанія многіи з нихъ, зійшовши кровю, не могли сами пойти ку домовѣ, але ажъ они жъ поведено такого зась ихъ на божества, а раче безъ божія взяло болшъ трохъ годинъ въ ночь.

22. Взяли у Петра Андреевича одправу пану Рубцу зъ Биковскимъ ѣхать къ Москвѣ, а намъ просто на Украину; и чрезъ насъ далъ толко одъ себѣ Петръ Андреевичь да совѣтникъ Степанъ листи до пана полковника чернѣговского и старшины енеральной, а имъ далъ писмо въ сенатъ, куда такожъ и сотниковѣ ічанскому ѣхать указано

Ажъ сего числа панъ Тарновскій пріѣхалъ зъ моря.

23. Vacat. 24. v. m. r. f, c. m. c. nt. v. n. cz. n. nsf.

Сего жъ числа прибылъ панъ судія прилуцкій зъ моря.

25. Готовилисмо себѣ лодку.

26. Одъѣхали наши коллеги, то есть панъ Семенъ Рубецъ, сотникъ ічанскій, и Биковскій почтою къ Москвѣ.

1723 годъ.

Генварь.

6 и 7. Жестоко былъ боленъ на рецедиву горячки, на которую въ прошломъ году въ декабрѣ по возвращеніи изъ Астраханской и Дербенской дороги захоровалъ.

Февраль.

5. Прибылъ въ Глуховъ ундеръ лейтнантъ преображенского полку князь Петръ Володимировичь Волконскій зъ указомъ, чтобъ ѣхали въ Москву комиссары, бывшіе на межѣ почеповской, асаулъ войсковой енералный Василій Жураковскій и Петръ Васильевичъ съ товарищи, а протчихъ челобитчиковъ тутъ въ Глуховѣ повелѣно ему допрашовать.

6. Куплены у Василія Биковскаго шесть ложокъ сребрныхъ и шесть чарокъ срѣбрьныхъ же, въ которихъ вѣсу гривенъ двѣ безъ 2 золотниковъ, дано за оные 13 р. 16 к.

14. Пріѣхалъ въ Глуховъ наказный полковникъ стародубовскій панъ Петръ Корецкій съ прочими полчанами тамошними для допросу о межѣ почеповской, въ Глуховѣ имѣючемъ быть при присутствіи преображенского полку ундеръ-лейтенанта князя Волконскаго.

18. Принесены 3 грамоты: 1, о виправѣ къ крепости Святого Креста на Сулакъ 10000 козаковъ, 2, о виправѣ 5000 до Ладоги на каналъ, 3, о шпигонахъ.

19. Ночью проѣхалъ чрезъ Глуховъ куріеръ въ Кіевъ по архимандрита печерского.

Мартъ.

11. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ два куріера, 1 од турецкого солтана Ага Мустафа до посла турецкого, въ Москвѣ обрѣтающогось, 2 отъ французского короля. Первій съ объявле-

ніемъ войны, ежели войско посланное къ Терку не будетъ возвращено. Вторый зъ медіаціею о томъ же.

13. Привезено зъ Москвы тѣло пана Войцеховича, сотника седневского, тамъ умершого, до села Березы.

15. Въ ноче проважено отца Іоаникія Сенютовича, кіевопечерского архимандрита, подъ карауломъ къ Москвѣ, и переменено только ноччю жъ въ ратушѣ подводы, да заразъ зъ Глухова и повезенъ.

1754 году.

Для памяти повседневная записка.

Генварь.

1. Получено писмо зъ Глухова объ отставки отъ всякихъ дѣлъ Скоропадского.

2. Пріѣздилъ обозный Юркевичь и писарь Гаевскій судовый.

3. Пріѣздила Федорова Шираева зъ дочерми, а по обѣдѣ и отѣхали купно зъ вчорашними гостми.

Писалъ къ намѣстнику ичанскому Ираклію Ляпдашевичу о дровахъ чрезъ Д. Городиского.

Числа сего жъ зять Савичь зъ дочерю нашею Анастасіею отѣхалъ къ Левенкѣ и далѣе къ Кривцѣ.

4. Писалъ до Губчица о дѣлѣ зятнемъ и до зятя Рословцѣ Галя отѣхала, а я ночевалъ на Василіовцѣ зъ Ивашкомъ.

5. Одтоль возвратились паки въ домъ.

Ивашко занемогъ.

6. При водосвятіи какъ стрѣляли, то Козловскому поврежденіе на лицу сдѣлалось.

7. Писалъ писма поздравительные новымъ годомъ до старшинъ генералныхъ и до протчихъ въ Глуховъ. И до полковника прилуцкого о Горленку и въ Товкачовку.

8. Писалъ же до Якубовича и до асаула компанѣйского за Лавриномъ Цяпою.

9. Оный Цяпа зъ тими писмами отправленъ въ Глуховъ. А ночью прибылъ къ намъ зъ женою Гудовичь.

10. Онъ же, отъобѣдавъ, отѣхалъ въ путь свой до Хорола на сватбу, а вечеромъ прибыли подводы зъ Товкачовкы.

11. Писалъ до Копса о лѣкарствахъ для Ивашки.

12. Писалъ писма въ Товкачовку до господаря и до Петруши; да до полковника прилуцкого о дѣлѣ стороны козаковъ поднскихъ.

13. Послѣ полдня были откупщики Лобисевичь и турокъ за показанною и покуховнымъ. Да козакъ Гарбузъ зъ синами и зъ атаманомъ Кистерскимъ.

14. Писалъ до черниця Михаила Ядрилы, чтобъ съ нимъ видѣться въ Стародубѣ 16 или 17 числъ.

15. Чубенку кушнеру стародубовскому за работу отъ подшиванъ нѣсколько одеждъ данъ рубль денегъ и ему жъ дано въ чинбу двѣ куницѣ, да чрезъ его жъ послано писмо до Ядрила; лѣкарь Копсъ пріѣхалъ и сотникъ погарскій.

16. Ѣздилъ въ Погаръ зъ женою, и Копсомъ на крестины сина его Петра.

17. Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ, и за лѣкарства даны ему два червоные.

Писалъ до писара генералного за Павломъ Соломахою, да до Скоропадского о газетахъ и мужикахъ марковскихъ и до Соломахы.

18. По утру была у насъ старая Соболевская, и я поутружъ отѣхалъ и прибылъ въ Стародубъ послѣ полдни. А вечеромъ посѣщалъ Скорупину болную и сина ей Івана.

19. По утру многіе мене посѣщали и протопопъ съ священниками. Писалъ и въ домъ къ женѣ, и посилку нѣкоторую послалъ, да отдалъ на бляшкѣ образомъ маліовать маляру костобобрскому Ѳедору Завольскому, по полдни былъ у Копса и у Искрицкого, а вечеромъ были у мене Александрова Корецкая, обозный и писарь полковые.

20. Рано отъѣхавъ зъ Стародуба, заѣздилъ зъ Копсомъ до Андреевой Миклашевской въ Нижномъ, потомъ у графа Моѵсея отъобѣдавъ въ Топалѣ, на ночь прибылъ въ Кривець.

21. Тутъ же весь день пробылъ, а Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ ми-жъ проеждjжались до млиновъ Савичевыхъ, на рѣкѣ Сновѣ будучихъ.

22. Снѣцару въ Кривцѣ заказалъ дубовую скрипку дѣлать, и дано ему въ задатокъ двадцять копѣекъ.

Самъ же по ранномъ обѣдѣ отѣхалъ, и провожали насъ дѣти до своего футора, называемого Рудня, одтоль поѣхавши попасовали коней въ Ущерпѣ, откуда и писалъ до черница Ядрила о поѣздѣ своемъ въ Лотокы. А на ночлегъ прибылъ въ Удiобное позно, гдѣ и ночевали въ домѣ Плешковомъ.

23. Прибылъ на службу Божию въ Попову гору и, тамъ откушавъ, прiѣхалъ на Iвановку и тутъ ночовалъ.

24. Зъ Ивановкы переѣхалъ въ Лотоки и сталъ въ своемъ дворѣ. А пополдни ѣздилъ на Плiужѣ (?) до построеннаго млина и ступника нашого.

25. Зъ попомъ Семеономъ Пригарою, и знач. товаришемъ Василемъ Озерскимъ розговоры были поутру о обидахъ, людемъ нашимъ отъ ихъ дѣлаючихся.

26. Получены писма въ покетѣ зъ разныхъ мѣстъ, изъ которыхъ сина Василя и Мироновскаго писма въ моемъ до жены писмѣ посланы къ Юркевичу, обозному полковному, для пересилки. А самъ отѣхалъ до Кургановки, и тамъ у Ивана Курганского ночовалъ.

27. Поутру оттоль отѣхалъ въ Николаевку, и тамъ отобѣдавъ, прибылъ на ночь въ Лотоки.

28. Попу лотоковскому выговоровалъ за здирства людскiе, а по обѣдѣ ѣздилъ къ млину и на Ивановку, а оттоль возвратясь, посилалъ за разскольщиками, чрезъ фарпостъ зъ свиными салами пропущенными.

29. При оныхъ салахъ бывшого пристава съ слободы Злинки Матвiя и пашпортъ, у него бывшiй зъ губернской смоленской канцелярiи, квитъ индукторскiй, и карту сотника случановскаго пропускную при моемъ извѣстiи въ полковую стародубовскую канцелярiю отправилъ и о томъ же до поруччика Сергiя Тихонова въ Тимошкинъ перевозъ писалъ, и тутже былъ у мене тихъ салъ

хозяинъ Федоръ Подсевалщиковъ и капралъ форпостный. Послѣ полдня ѣздилъ въ Макаричи.

Въ писмахъ отъ сина виражено.

Въ 1-мъ, ноября отъ 17 n. s. 1746 году полученномъ: въ С.петербурхѣ декабря 2 тогожъ году началъ онъ науки 1 курсъ философическій, состоящій въ 12 частяхъ, а именно: in logica, politica, phisica, hipothetica, historia philosophiae, metaphisica. ethica, pneumatologia, theologia naturali juris divini naturali scientia, patrologia, ethico-phisica, et juris divini positivi prudentia. Proffessor Gentzke.

2, Collegium Mathematicum. Proffessor Kosius.

3. Латинскаго языка у профессора Захаріаса.

4. Гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера, а по воскресеніи имѣлъ начать юрисъ пруденцію.

Въ 2-мъ, тогожъ году, отъ 29 декабря n. s., полученномъ 14 генваря 1747 году.

Разные части философіи, такожъ и математику, и исторію juris germanici, и латинскій языкъ.

Въ 3-мъ, 1747 году, 9 января n. s., полученномъ января 18.

Всю систему философіи г. профессора Gentzke.

Такожъ и математику г. профессора Козе.

Да гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера.

Латину у проф. Захаріаса.

Въ 4-мъ, тогожъ году, марта отъ 13 n. s., полученномъ 20, v. s.

Логику и гисторію философическую, такожъ политику и jus divinum positivum выслушалъ уже у профессора Genzke.

У профессора Matheseos Козе арифтетику и первую часть геометріи въ лѣтѣ на полѣ практиковать будетъ. Латины у профессора Захаріаса отсталъ.

Въ 5-мъ тогожъ году, апр. отъ 3 n. s., полученномъ апр. 19 v. s. у профессора Genzke логику, такожъ гисторію философическую уже выслушалъ, и весь курсъ его системы философической къ пріидучему 1-му октября n. s. окончить имѣлъ.

У профессора Козе арифметику и первые части геометріи и планиметріи прошелъ, а остальную континуетъ.

У професора Дреера гисторію правъ нѣмецкихъ окончилъ, а по воскресеніи имѣлъ слушать institutiones до правъ нѣмецкихъ.

Въ 6-мъ іюня отъ 6 n. s., полученномъ іюня 26 v. s.

У проф. Genzke us naturae съ частію . . . . . въ которомъ включается tractatus de affectibus съ мѣсяца априля началъ, и скоро окончилъ.

У проф. Козе къ воинской и гражданской архитектурѣ, такожъ и наинужнѣйшей практической геометріи... геодезіи, стереометріи, тригонометріи и планиметріи collegium privatissimum.

Въ 7-мъ отъ 1 n. s. декабря, полученномъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Gentzke cursum totius philosophiae rationalis, отъ сего n. s. Михайлова дня началъ приватно новой философіи у проф. Генинга слушать логику Готтеда, Валеріевого послѣдователя, да Валеріеву политику у одного кандидата jurisprudentiae.

Языкъ французскій у академическаго шпрахмейстера, именемъ Гартана, и латину ексерцируетъ.

У проф. Козіуса оконча тригонометрію, и астрономію, имѣлъ начать географію.

Въ 8-мъ декабря отъ 7 n. s., полученомъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Genżke курсъ totius philosophiae practicae ei theoreticae, началъ у проф. Heninas слушать логику профессора липскаго Готтеда; латинскій языкъ приватно, а французскій у академическаго шпрахмейстера ексерцитуетъ.

Притомъ сообщилъ практической геометріи и р сунковъ двѣ пробы.

Quae collegia frequentanda et quae lingua addiscenda, ac alia exercitia tractanda, hoc. patet infra

In juridica et in philosophia, quae magis sunt necessaria. In Mathesi arithmetica, geometria cum suis partibus, trigonometria, astronomia, quae spectat ad geographiam, geodesia, architectura militaris et civilis, et pars magis necessaria mechanica. In oratoria: eloquentia et poesis latinae linguae, latina, gallica, italica, praeter germanicam.

Historia generalis et particularis, geographia.

Примѣчаніе редакціи: Не смотря на такой, до неузнаваемости испорченный текстъ дневника Н. Д. Ханенка, подлинника котораго не сохранилось, редакція печатаетъ его и въ такомъ видѣ, такъ какъ онъ содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя для жизнеописанія какъ самого Н. Д. Ханенка, такъ и для характеристики современнаго ему общества.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій. Приводимый ниже универсалъ Разумовскаго представляетъ собою въ высшей степени любопытный актъ, которымъ высшая въ краѣ администрація, публично свидѣтельствуя, что полковники и вся другая полковая и сотенная старшина чинитъ надъ подчиненной ей частью народа *несносные налоги и тяюсти* и угрожая законопреступникамъ лишеніемъ чина, призываетъ этотъ народъ къ подачѣ жалобъ за насилія—*прямо* въ гетманскую канцелярію, причемъ обѣщается *безволокитное удовольствованіе* по такимъ жалобамъ. Однакожъ, повидимому, универсалъ этотъ не имѣлъ никакихъ благихъ результатовъ: старшинскій гнетъ народа въ это время былъ такою язвою, которую канцелярскими мѣропріятіями излѣчить нельзя уже было... Интересно-бы только доискаться – кто былъ иниціаторомъ этого во всякомъ случаѣ человѣчнаго распоряженія...

А. Л.

Графъ Кирилъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ. Нашей Генералной Войсковой Канцеляріи. Извѣстно намъ учинилось, что малороссійскихъ полковъ полковники, полковая старшина, сотники и сотенные старшины, несмотря на многочисленные запретительные ея императорскаго величества высочайшіе указы, козаковъ употребляютъ во всегдашние работизни для своихъ приватъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, а особливо въ жнивное и косовичное время, и отягощаютъ перевозками разныхъ припасовъ, съ ближнихъ и далнихъ мѣстъ, лѣсу на строеніе себѣ домовъ и хуторовъ и то въ нихъ вымогаютъ умышленнымъ прошеніемъ, маня будущою платою или уволненіемъ отъ походу, нарядовъ и другихъ общенародныхъ повинностей, а прочие

угроженіемъ, воображая имъ въ походи и наряды дальнѣйшіе откамандированія отъ домовъ, чѣмъ ихъ легко и устрашать могутъ, якобы безочереднія высылки и прочіе несносные налоги и тягости нарочно для того часто отъ показанныхъ командировъ напрасно и затѣваютъ, что зъ многихъ справедливыхъ жалобъ самими нами усмотрѣно, чѣмъ козаки приходятъ въ крайнѣйшое разореніе и, оставя свои жилища, принуждены бѣжать за рубежъ и въ Слободскіе полки, зъ того великое умаленіе въ козакахъ во всей Малой Россіи послѣдовало и впредь неслыханнымъ безпорядкамъ конечне сдѣлаться можетъ козаковъ искорененіе, для чего выше писанные обстоятельства пріемля мы въ разужденіе и желая козаковъ отъ такихъ обидъ защитить, нашей генералной войсковой канцеляріи чрезъ сіе приказуемъ—послать во всѣ малороссійскіе полки и сотни открытые ордеры зъ сообщеніемъ копіи сего нашего ордера, въ которомъ наисрогше запретить, дабы полковники, полковые старшины, сотники и сотенные старшины съ полученія сего козаковъ на свои работизни ни подъ какимъ видомъ неупотребляли, въ походы и командированія не высылали безочередно и излишними сверхъ указныхъ отъ генеральной войсковой канцеляріи учиненныхъ расположеній никакими налогами и взятками не отягощали, такожъ грунтовъ ихъ напрасно не отнималибъ. Буди же и за симъ нашимъ ордеромъ кто съ показанныхъ чиновъ въ дѣланіи прописанныхъ обидъ изобличенъ явится, тотъ по данной намъ власти отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей Государыни, кромѣ что лишенъ будетъ за свое преступленіе чина, зъ собственнаго имѣнія обиженному козаку всѣ его обиды вдвое заплатить долженствуетъ и дабы о семъ всѣ обще козаки вѣдали, для того имъ сей нашъ ордеръ по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ публиковать, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ обиженные за симъ ордеромъ козаки безъ всякой отъ кого либо опасности являлисябъ зъ своими объ обидахъ доношеніями прямо въ генералной войсковой канцеляріи, гдѣ они зъ доказателствомъ въ своихъ обидахъ скоро и безволокитно удовольствованы будутъ, въ чомъ ихъ всемѣрно и обнадежить.

Оригиналной подписанъ посему: гетманъ графъ К. Разумовскій.

1754 году, юня 29 д. Санктпѣтербурхъ.

На справочной копіи подписался старшый войсковый канцеляристъ Сергѣй Дергунъ

Дѣло (2—22 октября 1694-го г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ. Печатаемое ниже дѣло извлечено мною изъ группы документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ рубрикой столбцовъ *Московскаго стола Разряда* (№ 994, частный № 4, ставы 10—18). Въ этой группѣ подавляющее большинство документовъ дѣйствительно относится къ дѣлопроизводству Московскаго стола Разряда, но встрѣчаются цѣлые столбцы или отдѣлы въ нихъ, которые только по небрежности попали въ этотъ отдѣлъ да такъ въ немъ и остались. Такъ, здѣсь встрѣчаются документы Иноземскаго, Посольскаго, Малороссійскаго приказовъ, Сѣвскаго стола Разряда и др.; всѣ они требуютъ тщательнаго выдѣленія и особаго описанія. Печатаемое дѣло и взято мною изъ такого столбика Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, не имѣющаго никакого отношенія не только къ Московскому столу, но даже и къ Разряду (срв. дѣло дьяка А. А. Виніуса, напечатанное мною въ приложеніи къ журналу 53-го засѣданія Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи и заимствованное изъ тѣхъ же столбцовъ). Подобныхъ дѣло не мало сохранилось въ дѣлопроизводствѣ приказа, вѣдавшаго въ XVII вѣкѣ Малую Русь, нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны, но въ общемъ они не изучены, не приведены въ наличность и не эксплуатированы въ извѣстной системѣ. Между тѣмъ они представляютъ нѣкоторый интересъ и цѣннѣе въ своей массѣ, чѣмъ взятые въ одиночку. Въ нихъ скрывается не мало бытовыхъ чертъ, съ ними связано не мало воспоминаній о томъ порядкѣ существованія, который теперь очень трудно вообразить себѣ, не вчитываясь въ архивные памятники далекаго прошлаго, или въ нервы народнаго пѣсеннаго творчества. Надѣясь въ будущемъ ознакомить съ матеріаломъ значительнаго количества такого рода дѣлъ, позволяемъ себѣ настоящее дѣло напечатать полностью, дабы подчеркнуть ту разницу въ порядкѣ допроса и распросныхъ рѣчей, которую можно подмѣтить въ записяхъ отъ 2 и 19 октября 1694-го г., сдѣланныхъ въ Сѣвскѣ и въ Москвѣ; послѣдней понадобились болѣе точныя справки о выходахъ, ибо она раскошеливалась на цѣлыхъ два рубля да на два гамбургскихъ сукна.

1.—Отписка окольничаго и воеводъ князя Петра Лукича Львова изъ Сѣвска въ Посольскій приказъ отъ 4 октября 1694 г.

Великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ холопи ваши Петрушка Лвовъ съ товарыщи челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ, великіе государи, 203-мъ году октября въ 2 день явились въ Сѣвску въ разрядной избѣ полоняниковъ два человѣка *черкаской* породы.

И по вашему великихъ государей указу мы, холопи ваши, тѣхъ полоняниковъ велѣли роспросить, а въ роспросѣ они сказали: адного Тимошкою зовутъ Ивоновъ Нѣжинского полку города *Кабыджи*, другова Демкою зовутъ Александровъ изъ за Днѣпра города *Павловичи*. И тѣ ихъ распросные рѣчи за ихъ руками изъ Сѣвска къ вамъ, великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ, къ Москвѣ послали, и ихъ Тимошку и Демку отпустили мы, холопи ваши, съ сею отпискою октября въ 4 день нынѣшнего жъ 203 го году,—и велѣли имъ явитца и отписку и росиросные рѣчи подать въ вашемъ Государственномъ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову съ товарыщи.

Помѣчено на оборотѣ: «203-го году октября въ 19 день роспросить тѣхъ полоняниковъ [1]) поподлиннѣе.

Бывъ сложена пакетомъ, подписана: «великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ въ Посольской приказъ.

2. *Распросныя рѣчи двухъ выходцевъ-черкасъ изъ турецкаго плѣна, сказанныя ими 2 октября 1694-го г. въ сѣвской разрядной избѣ.*

7203-го году октября въ 2 день въ *Сѣвску* въ разрядной избѣ окольничему и воеводамъ князю Петрю Лукичу Лвову съ товарищи явились *выходцы* два человѣка.

И по приказу околничего и воеводъ князя П. Л. Лвова съ товарыщи тѣ выходцы роспрашиваны порознь.

I.

А въ роспросѣ одинъ человѣкъ сказался, *Тимошкою* завутъ, *Ивановъ* сынъ. Родомъ де онъ *черкашенинъ* Нѣжинского полку города Кабыджи. И въ прошломъ де во 169-мъ г. въ разборъ боярина Василья Борисовича Шереметева подъ Чюдновымъ взятъ онъ въ полонъ, и былъ въ Крыму у татарина у Приша, жилъ два годы; и

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на дьячью помѣту, распорядившуюся распросить „*поподлиннѣе*.“.

тотъ де татаринъ продалъ ево въ Царьгородъ турченину Карабею, а взялъ за него сто двадцать тарелей. И у того турченина жилъ онъ 36 лѣтъ, работалъ на катарги. И въ прошломъ де 202-мъ году везли де они моремъ въ войска турецкое запасы, и на Дунай де рѣкѣ въ урочищи Демиркопы съ катарги онъ Тимошка да съ нимъ полоняниковъ пять человѣкъ бѣжали на берегъ тому де нынѣ 15 недѣль. А шолъ де онъ на цесарской городъ Карашебешъ и жилъ въ томъ городѣ 8 дней; и цесарской камандатъ, давъ ему прохожей листъ отпустилъ до мажарской земли съ цесарскими людьми.

А съ мажарской земли шолъ онъ на Ляцкую землю, а съ Ляцкой земли шолъ на Каламыю самъ третей, а два де товарища остались въ Можарской земли; а съ Коломыи шолъ на городы на Подгаецъ, на Ляховецъ, на Полонецъ и пришолъ въ Кіевъ, и въ Кіевѣ де былъ онъ четыри дни. И исъ Кіева де шолъ онъ малоросійскими городами на Козелецъ, на Насовку, на Нѣжинъ, на Батуринъ, —и два де товарища одинъ *батуринской* житель Ѳедкой завутъ да *полтавской* житель Сенка остались въ Батуринѣ,—а изъ Батурина на Глуховъ, и пришолъ въ Сѣвескъ.

А какъ де онъ Тимошка пошолъ исъ турокъ, и въ то де время турецкое войска съ везирамъ пошли на цесаря христіанскаго подъ Бѣлгородъ.

А въ турецкой де земли и въ Полши на люди морового повѣтрія нѣтъ, и хлѣбъ радилъ.

А идетъ де онъ къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить челомъ за полонное терпѣнье о жалованьи.

На оборотѣ второй и на лицевой сторонѣ третьей склеи и по сставу написано: «к сѣму роспросу сѣвской площеди подъячей Сенка Климовъ вмѣсто выходца Тимошки Иванова по ево велѣнью руку приложилъ».

II.

Другой сказался, *Демкою* завутъ, *Александровъ* сынъ. Родомъ де онъ черкашенинъ города Павловича козакъ. И въ прошлыхъ де годѣхъ тому нынѣ будетъ 22 годы взятъ онъ Демка за Днѣпромъ въ городѣ Ладыжинѣ зъ запорожскимъ полкомъ въ полонъ, а взято де 2 тысячи человѣкъ. И былъ въ полону въ Царѣгородѣ у салтана турецкого, работалъ на ево катарги; и былъ въ Оранской земли и

въ Александріи шесть лѣтъ, а изъ Александріи пришедъ, жилъ въ Царѣгородѣ у салтанского дворового турченина у Гайвась двѣ недѣли.

И отъ того де турченина бѣжалъ онъ на ѳранцужскіе голены, и ѳранцужскіе де купцы привезли ево въ ѳранцужской городъ Масиля; и въ томъ де городѣ жилъ онъ мѣсяцъ. А исъ ѳранцужъ шолъ онъ на Дженевизи, на Сшпанелы, на Венедицкую землю, съ Венедіи на талянскую землю, съ талянской земли на Вянѣцыю, съ Венѣцыи на словянскую землю, съ словянской на шленскую, съ шленской въ цесарскую, и съ цесарской земли на Польшу. И съ Польши потомъ въ Кіевъ и жилъ въ печерскомъ монастырѣ десять дней. А исъ Кіева де шолъ онъ на малоросійскіе городы на Козелецъ, на Прилуки и исъ Прилукъ былъ въ Запорожьи для сыску свойственниковъ и изъ Запорожья де пришолъ онъ въ Батуринъ, а изъ Батурина пришолъ въ Сѣвескъ.

А какъ де онъ Демка пошолъ исъ полону, и въ то де время въ тѣхъ мѣстахъ на люди морового повѣтрія не было, и хлѣбъ радилъ.

А идетъ де онъ Демка къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить челомъ за полонное терпѣніе о жалованьи.

На оборотѣ написано: «к сѣму роспросу сѣвской площеди подьячей Ми—шка Кирпичевъ вмѣсто выхотца Демка Александрова по ево велѣнью руку приложилъ».

3. Распросныя рѣчи тѣхъ же выходцевъ—черкасъ изъ турецкаго плѣна, сказанныя ими 19 октября 1694-го г. на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ.

И октября въ 19 день нынѣшняго 203-го году по выше писанной сѣвской отписки явилось въ приказѣ Малыя Росіи полоняниковъ два человѣка *черкаскіе породы.*

И тѣ полоняники роспрашиваны, а въ роспросѣ сказали.

I.

Тимошка Ивановъ сказалъ:

Тому съ 38 лѣтъ былъ онъ въ полку боярина Василья Борисовича Шереметева при полковникѣ переясловского полку при Иванѣ Цыцурѣ въ козацкой службѣ. И какъ подъ Чюдновымъ обозъ боярской татаровья взяли, и въ то время взялъ ево въ полонъ крымской татаринъ Тарабердѣйко и, привезчи ево въ Крымъ, продалъ татарину жъ Пришу, взялъ за него 60 ѳоимковъ, и былъ у него два года въ

работѣ. А тотъ татаринъ продалъ ево на катаргу турченину Карабею, взялъ за него 120 ѳимковъ; и у того турчанина работалъ на катаргѣ 36 лѣтъ. И въ прошломъ 202-мъ году на той катаргѣ исъ Царяграда Чернымъ моремъ везли въ войско турецкіе запасы и на Дунаѣ рѣкѣ въ урочищѣ Демиркопы передъ Петровымъ постомъ недѣли за двѣ съ той катарги они спущены были на берегъ тянуть тое катаргу бечевою, и въ то число онъ Тимошка съ той катарги да съ нимъ четыре человѣка полоняниковъ Адріянъ Моджаръ, Андрей Волошенинъ, Семенъ Поставской, Ѳеско Батуринской ушли въ лѣсъ, и шли лѣсомъ семь дней и пришли въ цесарскую землю въ городъ Карашебешъ; и были въ томъ городѣ 8 дней у камендата и тотъ де камендатъ, давъ имъ прохожей листъ, отпустилъ ихъ до моджарской земли, давъ имъ проводника. И пришедъ въ Можары, явились они того города державцу, и тотъ державецъ изъ Моджаръ отпустилъ ихъ въ путь въ Польшу. И они шли отъ Мотжаръ самъ третей, а два человѣка остались въ Мотжарахъ, чрезъ высокіе горы пѣши, и пришли въ полскую землю въ мѣстечко Коломыю; а исъ того мѣстечка шли на Подгайцы, на Леховцы, на Полоней, на Хвастовъ, и пришли въ Кіевъ въ прошломъ же 202-мъ году послѣ Преображеніева дни спустя двѣ недѣли, и явились въ Кіевѣ боярину и воеводамъ князю Петру Ивановичю Хованскому. И были въ Кіевѣ четыре дни. И исъ Кіева пошли безъ отпуску, и шли малоросійскими городами, и были въ Батуринѣ; а изъ Батурина пошелъ онъ въ Сѣвескъ, а товарищи ево два человѣка остались въ Батуринѣ. И пришедъ въ Сѣвескъ явился окольничему и воеводамъ князю Петру Лукичю Лвову съ товарищи, и околничей и воевода, давъ ему отписку и проѣзжей листъ, отпустилъ въ Москвѣ бить челомъ великимъ государемъ о жалованьѣ за полонное терпѣніе).

II.

Другой человѣкъ *Демьянко Александровъ* сказалъ: въ прошлыхъ годахъ былъ онъ на Запорогахъ и служилъ десять лѣтъ козацкую жъ службу при полковникѣ Савѣ, а какъ по прозвищу сказать не упомнитъ. И тому нынѣ 22 года какъ къ городу Ладыжину приходилъ войною турской везиръ и, городъ Ладыжинъ взявъ, разорилъ, а полковниковъ Саву и Мурашку да съ ними козаковъ зъ двѣ тысячи человѣкъ взяли въ полонъ. И онъ Демьянко въ полонъ взятъ въ тожъ время и былъ въ полону въ Царѣградѣ и посаженъ былъ въ салтанскую тюрьму; и исъ тюрьмы посыланъ былъ для работы на катарги

салтанскіе; и былъ на катаргахъ въ Орабской земли въ Александріи шесть лѣтъ, и изъ Александріи былъ по прежнему въ Царѣградѣ и работалъ салтанской тюрьмы у сторожа Гайвача въ виноградномъ саду двѣ недѣли. И отъ того сторожа ушолъ онъ на пристань цареградскую на ѳранцужскую купецкую галену и у купцовъ на той пристани былъ недѣлю вскрыте. И тѣ купцы, какъ пошли отъ Царяграда Чернымъ моремъ, и ево взяли съ собою и пришли во ѳранцужскую землю къ городу Масилѣ, и въ томъ городѣ присталъ онъ къ капитаму Сикару, и былъ у него въ работѣ два мѣсяца, и отъ него отшедъ, присталъ на пристани къ ѳранцужскимъ же купцомъ на галену; (и шелъ на той галенѣ съ купцы бѣлымъ моремъ на Дженевизи, на Шпанелы, на Венедицкую земли; а изъ Венецыйскіе земли шелъ сухимъ путемъ на Таліянскую землю, и на Венецыю, и Цесарскою землею на словяны, и на Шленскъ да на полскіе городы на Краковъ, на Лвовъ, на Дубны, на Олыку, на Звяглу, на Коростышевъ, на Берегородку и въ Кіевъ. А исъ Кіева въ Батуринъ, а изъ Батурину въ Сѣвескъ, а въ Сѣвску околничей и воеводы князь Петръ Лукичь Лвовъ съ товарыщи давъ ему съ вышеписаннымъ полоняникомъ отписку вмѣстѣ и проѣзжей листъ отпустилъ ево къ Москвѣ, а къ Москвѣ пріѣхалъ онъ бить челомъ великимъ государемъ о жалованьѣ за полонное терпѣніе.

На оборотѣ приписано: «К симъ роспросным рѣчамъ вмѣсто полонениковъ Тимоѳѣя Иванова да Демьяна Александрова по ихъ велѣнью посольского приказу плвщадной подьячей Ивашка Ивановъ руку приложилъ».

4. *Приговоръ думнаго дьяка Ем. Иг. Украинцева отъ 22 октября, 1694-го г.*

203-го г. октября въ 22 день, по указу великихъ государей, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичь Украинцовъ съ товарыщи приказалъ: тѣмъ козакамъ за ихъ службу, и за полонное терпѣнье, и на милостину дать ихъ великихъ государей жалованья по сукну амбурскому *изъ приказу Малые Россіи* да по рублю денегъ человѣку *изъ Галицкого приказу* изъ четвертныхъ доходовъ,—и послать о томъ въ тотъ приказъ указъ, и отпустить ихъ въ малоросійскіе городы, и дать имъ ихъ государеву проѣзжую грамоту по указу.

На оборотѣ всего дѣла по ставамъ приписано: «Діакъ Василей Поснࠀковъ».

Сообщилъ **Василій Сторожевъ**.

Бурты (чигир. у.), какъ мѣсто археологическихъ находокъ [1]). Чигиринскій уѣздъ въ изданіяхъ по археологіи совершенно обойденъ; только благодаря случайнымъ находкамъ предметовъ древности, онъ не можетъ быть исключенъ изъ археологической карты. Неудобство-ли путей сообщенія, предположеніе-ли объ отсутствіи памятниковъ древности, кромѣ еще не выдохшихся и неистлѣвшихъ памятниковъ козацкой старины, или же отсутствіе указаній на хранилища предметовъ древности заставляютъ искателей вещественныхъ памятниковъ не заглядывать въ чигиринскій уѣздъ. Между тѣмъ наши доморощенные археологи продолжаютъ свое дѣло варварскаго разрушенія кургановъ и расхищенія предметовъ древности. Кара закона къ нимъ не примѣняется, потому что они не вѣдаютъ, что творятъ.

Въ Буртахъ происходитъ теперь то, что было на Княжей горѣ до начала правильныхъ раскопокъ: курганы разрываются и находимые предметы или уничтожаются, или переходятъ въ руки евреевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я посѣтилъ Бурты, и глазамъ моимъ представилась величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ грустная картина: на поляхъ крестьянъ с. Цвѣтной (чигиринскаго уѣзда), въ 6 верстахъ отъ Цвѣтной и въ 2 отъ д. Фарпоста и с. Княжаго (херсонской губерніи) имѣется площадь величиной болѣе 1 десятины, сплошь усѣянная высокими курганами, представляющими собой въ общемъ четыреугольникъ. Площадь эта съ курганами называется крестьянами «бурты», «майданъ», «замковище». Отъ этой площади въ сторону Фарпоста и Княжаго на разстояніи $^{1}/_{4}$ версты имѣется отдѣльно стоящій высокій курганъ, а въ сторону Матронинской казенной дачи тянется по одной линіи болѣе 10 кургановъ, сравнительно низкихъ, еще нетронутыхъ нашими археологами. Курганъ же въ сторону Фарпоста въ настоящее время разрытъ по всѣмъ направленіямъ, по пріемамъ, нѣсколько напоминающимъ правильныя раскопки. Курганъ этотъ съ прилегающею частью поля принадлежитъ жителю д. Фарпоста, который поручилъ раскопать курганъ 100 лѣтнему старцу крестьянину, наложившему на себя покуту рыть землю, чѣмъ онъ и занимается уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣдъ въ этомъ курганѣ дорылся до какого-то склепа изъ большихъ погнившихъ дубовъ; дубы были вытянуты, и земля, прикрывавшая ихъ, обрушилась

---

[1]) Въ изд. В. Б. Антоновича „Археол. карта Кіев. губ.“ М. 1895 г. на стр. 101 помѣщено коротенькое извѣстіе о курганахъ при с. Буртахъ (чигир. у.).—*Ред*

и засыпала склепъ. Было-ли еще что найдено при раскопкѣ этого кургана, неизвѣстно. Раскопка производилась осенью прошлаго года и теперь продолжается по бокамъ кургана.

Въ Буртахъ вездѣ на курганахъ имѣются слѣды раскопокъ прошлой осени; пріемы раскопокъ одинаковы: съ вершины кургана идетъ глубокая, ниже почвы, яма съ подкопами въ разныя стороны на днѣ ямы; выкапываемая земля частью выбрасывается на вершину кургана, частью складывается въ самой ямѣ; боковыя раскопки кургановъ рѣдки и повидимому только пробныя. На склонахъ раскопанныхъ кургановъ и въ ямахъ валяются вездѣ человѣческія кости и куски разбитой глиняной посуды. Въ одной изъ глубокихъ ямъ мною поднятъ кусокъ уха глинянаго сосуда. По разсказу кр—на, присутствовавшаго при находкѣ этого сосуда, сосудъ былъ цѣлый, высокій, съ толстыми стѣнками; нашедшіе его кр—не пробовали крѣпость этого сосуда, какъ ни къ чему негодной вещи, сначала тѣмъ, что бросали его объ землю, но когда сосудъ не поддавался, то они стали колотить его желѣзными лопатками, и имъ удалось таки въ дребезги разбить его; были-ли какіе предметы въ сосудѣ, разсказывавшій не знаетъ, а величину сосуда онъ опредѣлилъ тѣмъ, что поднятый мною кусокъ уха составлялъ только $^1/_6$ часть уха. Какой же долженъ быть величины сосудъ, если поднятый мною кусокъ уха имѣетъ длины 2 вершка, ширины 1 верш. и толщины $^5/_8$ верш.? Допуская преувеличенія разсказчика въ размѣрѣ уха, слѣдуетъ все-таки предположить, что сосудъ былъ внушительныхъ размѣровъ.

О прошломъ раскопокъ въ Буртахъ я узналъ мало по той причинѣ, что крестьяне, скрывая свое участіе въ разрытіи кургановъ, большею частію говорятъ, что ничего не знаютъ или знаютъ только по слухамъ. Раскопки въ Буртахъ начались лѣтъ 15 тому назадъ и ведутся систематически каждую осень и весну. Для раскопокъ собираются партіи кр—нъ с. Цвѣтной отъ 3 до 7 человѣкъ и раскопки производятъ преимущественно въ лунныя ночи. Ищутъ въ курганахъ только серебра и золота—кладовъ, а не отдѣльныхъ вещей. Найденныя при поискахъ вещи лѣтъ уже 8 сбываются за безцѣнокъ евреямъ, которые эти вещи куда-то вывозятъ. На этотъ сбытъ вещей евреямъ имѣло вліяніе слѣдующее обстоятельство: лѣтъ 8 тому назадъ семь кр—нъ с. Цвѣтной искали въ курганахъ Буртъ клада; въ одномъ изъ разрытыхъ ими кургановъ они нашли золотую чашу, кадильницу и серебряную умывальную чашку; сосѣдній помѣщикъ

Б—ій предлагалъ счастливцамъ 300 руб. за эту находку, но они не согласились, считая найденные предметы стоющими больше. Тѣмъ временемъ полиція узнала объ этой находкѣ, отобрала ее и отослала въ С.-Петербургское Археологическое Общество. Черезъ значительно долгое время нашедшіе получили по 7 руб. на человѣка—всего значитъ 49 руб. Были-ли эти 49 руб. выданы нашедшимъ, какъ оцѣнка находки, или какъ награда, неизвѣстно. Послѣ этого случая искатели кладовъ въ Буртахъ находимыя ими вещи стали тайно сбывать евреямъ и скрывать свое участіе въ раскопкахъ. Но не всѣмъ это удается. Весной этого года партія кр—нъ начала свои поиски кладовъ въ Буртахъ и случайно нашла много древнихъ вещей; не успѣли евреи пристроиться къ этимъ вещамъ, какъ мѣстный урядникъ узналъ о находкѣ и таковую отобралъ; вещи были переданы Чигиринскому исправнику, который отослалъ ихъ г. Кіевскому губернатору. Изъ этой находки обращаютъ на себя вниманіе золотой браслетъ, костяныя бусы, два глиняныхъ кувшина въ видѣ теперешнихъ крестьянскихъ тыквъ, серебряная чашка, наконечники стрѣлъ и золотыя пластинки для украшеній.

Браслетъ оказался тождественнымъ съ браслетомъ, изображеннымъ въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемыхъ В. Прохоровымъ 1881 г.» и отнесеннымъ въ этомъ изданіи къ скифскому періоду IV вѣка до Р. X.

На переходъ находокъ въ руки евреевъ имѣются прямыя указанія въ разсказахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Буртахъ партіею кр—нъ былъ найденъ мѣдный котелокъ, окруженный 8-ю глиняными кувшинами; кувшины на мѣстѣ были разбиты, а котелокъ былъ проданъ какому-то еврею. Что было въ котелкѣ и кувшинахъ неизвѣстно, а также неизвѣстно, при какой обстановкѣ оказалась находка. Да этими вопросами кр—не и не интересуются. Злостное отношеніе искателей кладовъ въ Буртахъ къ глиняной посудѣ мною объясняется тѣмъ, что искатели—кр-не с. Цвѣтной, извѣстной далеко за предѣлами уѣзда своимъ горшечнымъ производствомъ. Въ Буртахъ были открыты два подземныхъ хода; пастухи проникали въ эти ходы, но тщательно ихъ не осматривали и ничего въ нихъ не нашли.

Въ послѣднее время хищническія раскопки въ Буртахъ ведутся весьма энергично въ виду распространеннаго, будто-бы тѣмъ же помѣ-

щикомъ Б., слуха между кр—нами, что въ Буртахъ должна быть церковь или костелъ, въ которыхъ хранятся драгоцѣнности.

Пока не поздно, археологамъ слѣдуетъ немедленно приступить къ раскопкамъ Буртъ, чтобы предупредить возможность перехода находокъ въ нихъ къ лицамъ, никакого касательства къ археологіи не имѣющимъ.

Н. Во—скій.

Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. Mélanges pour servir à l'hisfoire des pays qui forment aujourd'hui le département de l'Oise (Picardie meridionale-Nord de l'Jle-de-France) par le vicomte de Caix de Saint-Aymour. Paris. 1895. Въ іюльской книжкѣ нашего журнала за 1884 й г. былъ помѣщенъ портретъ дочери Ярослава Мудраго, Анны Ярославны, бывшей въ замужествѣ за Генрихомъ I, королемъ французскимъ. Портретъ сопровождается небольшой замѣткой, посвященной очерку жизни этой королевы. Но послѣ 1884 года во Франціи появились новыя данныя и новыя изслѣдованія о бракѣ Генриха I и судьбы его супруги. Въ 1894 году въ январьской книжкѣ Историческаго Вѣстника была напечатана небольшая статья: «Французская королева Анна Ярославна», статья, въ которой были сгруппированы результаты новѣйшихъ французскихъ изслѣдованій. Но всего годъ спустя вопросъ снова поднимается новымъ изслѣдованіемъ, которому посвящена первая глава вышеуказанной книги. Эта глава имѣетъ такое обозначеніе «Anne de Russie, reine de France, puis comptesse de Valois, fondatrice de l'abbaye de Saint-Vincent de Senlis». Виконтъ де Кэ принялъ въ соображеніе всѣ изслѣдованія своихъ предшественниковъ и на основаніи первоисточниковъ изложилъ исторію брака и жизни Анны Ярославны. Мы вкратцѣ передаемъ здѣсь содержаніе изслѣдованія г. Кэ.

XI в. является эпохой, въ которую государи з. Европы обнаруживаютъ неудержимое стремленіе къ расширенію своихъ владѣній и къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній. Съ цѣлью усиленія своихъ государствъ они не стѣсняются въ средствахъ, изъ которыхъ главнымъ являются брачные союзы. Браки происходятъ иногда между самыми близкими родственниками. Естественно, что церковь выступаетъ энергично противъ такихъ злоупотребленій. Мало по малу дошло до запрещенія браковъ между родственниками даже седьмого колѣна; кромѣ

того, считались предосудительными болѣе близкія связи даже между союзниками, которые приравнивались къ родственникамъ по крови. Пользуясь провѣркой законности браковъ, папы вмѣшивались безпрестанно во внутреннія дѣла государей. Всѣмъ неудобствамъ и непріятностямъ отъ такого вмѣшательства подвергся король Робертъ, женившись на Бертѣ, дочери Прованскаго короля Конрада, приходившейся ему родственницей въ четвертомъ колѣнѣ. Шесть лѣтъ противился Робертъ папскимъ громамъ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить. Въ этой борьбѣ значительно ослабъ престижъ королевской власти, столь необходимый для молодого королевства Капетинговъ.

20-го іюля 1031 года Робертъ умеръ, и ему наслѣдовалъ Генрихъ I. Ему предстояла трудная задача: поддерживать миръ съ Римомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько возможно, не допускать вмѣшательства въ свои дѣла. Когда умерла его первая супруга Матильда, дочь императора Генриха II, въ 1044 г., не оставивъ дѣтей, Генрихъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе относительно выбора новой подруги жизни: бракъ съ Матильдой поставилъ его въ родственныя связи почти со всѣми государями Германіи. Долго шло отыскиваніе такой личности, которая, сдѣлавшись королевой Франціи, удовлетворяла-бы вполнѣ требованіямъ каноническаго права и политическимъ стремленіямъ Генриха I. Въ это то время и дошли до него слухи о красотѣ принцессы, отецъ которой правилъ на другомъ концѣ Европы, въ сосѣдствѣ съ Византійской имперіей. Отдаленность этой страны, почти неизвѣстной латинскому западу, могла, казалось, дать Генриху надежду, что съ русской княжной онъ не состоитъ ни въ какихъ родственныхъ связяхъ, прямыхъ и косвенныхъ, и что черезъ бракъ съ нею онъ избѣгнетъ церковныхъ запрещеній и вмѣшательства въ свои дѣла со стороны духовенства.

Бракъ короля Франціи съ русской княжной являлся бракомъ равнымъ. Ярославъ Владиміровичъ, Карлъ В. Русской земли, поднялъ ее на высокую степень могущества. Цѣлымъ рядомъ брачныхъ союзовъ русскій княжескій домъ породнился съ сосѣдними династіями. Было-бы грубѣйшей ошибкой, на основаніи только лишь молчанія французскихъ источниковъ о Руси, предполагать, что эта страна находилась въ то время еще въ полуварварскомъ состояніи. Напротивъ, Русь занимала важное положеніе на Востокѣ. Кіевъ являлся столицей монархіи болѣе сплоченной, болѣе обширной и, можетъ быть, даже болѣе могущественной, чѣмъ королевская Франція. Русь находилась въ тѣс-

ныхъ сношеніяхъ политическихъ, торговыхъ и культурныхъ съ Византіей. Городъ Кіевъ представлялъ собой торговый центръ, гдѣ жили, въ отдѣльныхъ кварталахъ, купцы голландскіе, венгерскіе, нѣмецкіе, скандинавскіе. Греческіе художники украшали дворцы и храмы.— Исповѣдный вопросъ не могъ быть препятствіемъ къ браку, ибо раздѣленіе церквей Восточной и Западной не было еще окончательнымъ. Въ противномъ случаѣ союзъ между Генрихомъ I и Анной Ярославной оказался-бы абсолютно невозможнымъ. По прибытіи во Францію Анна Ярославна не имѣла ни отдѣльной церкви, ни особаго священника, какъ ошибочно утверждаютъ нѣкоторые, а посѣщала только церковь своего мужа и, вѣроятно, не замѣчала, что ей совершали обѣдню по латыни, а не по славянски. Благодѣянія, которыя Анна оказывала монастырямъ, письмо къ ней папы Николая II въ 1059 г., наполненное похвалами ея благочестію и благотворительности,—эти факты доказываютъ, что въ то время еще не чувствовалось глубокой разницы въ исповѣданіяхъ запада и востока. Рѣшивъ просить руки дочери Ярослава, Генрихъ поручилъ выполненіе этой миссіи Готьé I, епископу Мо и Госцелину де Шалиньякъ, присоединивъ къ нимъ нѣсколько другихъ вельможъ. Отправившись весною 1048 г., послы вернулись во Францію въ 1049 г. Бракосочетаніе было торжественно совершено въ Реймсѣ 14-го мая того-же года, въ день Пятидесятницы. Въ это время Аннѣ было 25 лѣтъ. Нѣсколько времени у королевы не было дѣтей, вслѣдствіе чего она дала обѣщаніе построить и обезпечить монастырь, если у нея родится сынъ. Затѣмъ у нея было трое сыновей: Филиппъ, который правилъ послѣ смерти отца, Робертъ, рано умершій, Гюгъ, позже графъ де Крепи и родоначальникъ королевской линіи Вермандуа. Они всѣ упоминаются вмѣстѣ съ матерью въ одномъ документѣ, датированномъ 12-го іюля 1058 г., слѣд. всѣ родились между 1049 и 1058 г., а такъ какъ Филиппъ уже въ 1059 г. былъ помазанъ въ короли, еще при жизни отца, то слѣд. долженъ былъ родиться около 1049 года. Почему-то, при жизни Генриха, Аннѣ трудно было исполнить данное обѣщаніе, но мы видимъ однако-же, что королева пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ у своего супруга. До насъ дошло нѣсколько документовъ, въ которыхъ имя Анны стоитъ рядомъ съ именемъ короля. Утверждаютъ даже, что Генрихъ хотѣлъ поручить регентство своей супругѣ, и только формальный отказъ ея заставилъ его возложить эту обязанность на своего зятя Балдуина V, графа Фландрскаго.

Генрихъ умеръ 4-го августа 1060 года. Королева удалилась вмѣстѣ съ дѣтьми въ замокъ Senlis. Здѣсь Филиппъ I далъ монастырю Saint-Lucien de Beauvais царственную грамоту, подъ которой мы находимъ подпись и королевы Анны.

Анна Ярославна любила жить въ Senlis, частью вслѣдствіе прекраснаго воздуха, частью же благодаря охотѣ, въ которой Анна находила особое удовольствіе. Можетъ быть, она избрала это мѣсто для исполненія своего давняго обѣщанія построить монастырь. Около Senlis, въ предмѣстьѣ Vitel, существовала маленькая часовня св. Винцента, обратившаяся отъ древности въ развалившуюся лачужку. Тутъ и былъ основанъ монастырь. Учредительная грамота была дана ему въ 1060 г. Церковь была выстроена въ формѣ креста. Съ одной стороны была высокая башня для помѣщенія въ ней колоколовъ, а съ другой—южной—монастырскія зданія. Она была посвящена св. Тройцѣ, Божіей Матери, св. Винценту и св. Іоанну Крестителю. Монастырь просуществовалъ до временъ революціи.

Грамота монастырю св. Винцента не была единственной. До насъ дошли такія-же грамоты Анны Ярославны монастырю въ Турню (Tournus) въ 1060 г., аббатству с. Дени—въ томъ-же году и др. Въ 1062 году мы находимъ ея имя въ грамотѣ монастырю св. Петра въ Шартрѣ: «Philippus cum regina matre sua» выдаетъ этотъ документъ. Наконецъ, самый интересный актъ—это грамота аббатству Saint-Crépin le—Grand въ Суассонѣ. Мы находимъ тутъ собственноручную подпись Анны Ярославны кириллицей: «Ана рȣина».

Въ числѣ лицъ, постоянно бывавшихъ въ Санли, мы видимъ Рауля III, графа Крепи и Валуа. Между нимъ и вдовствующей королевой зародилось взаимное чувство, и графъ, который былъ уже два раза женатъ, воспользовавшись однажды прогулкой Анны въ лѣсу Санли, похитилъ ее, привезъ въ свою резиденцію, гдѣ какой-то священникъ обвѣнчалъ ихъ. По всей вѣроятности, это произошло въ первой половинѣ 1063 года, такъ какъ послѣдній документъ, въ которомъ Анна титулуется королевой, датированъ этимъ годомъ. Вторая супруга Рауля добилась у папы признанія брака своего супруга съ Анной незаконнымъ и затѣмъ церковнаго на него отлученія. Но это мало помогло, и графъ де-Крепи не разстался съ Анной Ярославной. Интересно, что сынъ ея, король Филиппъ, во все это время не прерывалъ хорошихъ отношеній съ графомъ, а по смерти послѣдняго въ 1074 году Анна возвратилась къ королевскому двору. Ея имя вновь встрѣчается въ документахъ съ тою только разницей,

что она титулуется уже не королевой, а «матерью короля Филиппа» (signum Annae matris Philippi regis). Послѣдній такой документъ относится къ 1075 году, послѣ котораго мы уже не находимъ объ Аннѣ никакихъ упоминаній.

Предположеніе, будто по смерти своего второго мужа Анна Ярославна возвратилась на Русь, по мнѣнію автора, ни на чемъ не основано. Можно почти съ полной достовѣрностью указать мѣсто ея послѣдняго успокоенія. Ученый іезуитъ Ménестріе (Ménéstrier) еще въ 1682 году указалъ могилу Анны Ярославны въ церкви аббатства Вилье (Williers) около Ферте—Алей (Ferté—Aleys), въ Гатинуа (Gatinois). На плоской плитѣ сохранилась надпись: «Hic jacet domina Agnes uxor quondam Henrici regis». Конецъ стертъ, а съ другой строки: «Eorum per misericordiam Dei requiescant in pace». Хотя аббатство Вильé основано въ 1220 году, но это обстоятельство, по мнѣнію автора, не препятствуетъ отождествленію королевы Agnès съ Анной Ярославной: королева-мать могла жить въ какомъ-нибудь замкѣ или монастырѣ тутъ по сосѣдству и быть погребенной въ капплицѣ Бенедиктинцевъ, изъ которой впослѣдствіи образовалось аббатство; можетъ быть, самая могила была перенесена сюда для сохраненія изъ другого сосѣдняго менѣе безопаснаго мѣста. Если даже эта могила есть простой монументъ, воздвигнутый въ честь королевы въ позднѣйшую эпоху, то и онъ показываетъ, что королева Анна умерла во Франціи, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ согласовать теперь Agnés и Anne. Во всѣхъ документахъ мы находимъ подпись «Anne». Но въ одномъ изъ нихъ, именно въ грамотѣ въ Санли, 1060 года, аббатству с. Дени, мы находимъ: «Signum Agne Regine». Древніе мартирологи и агіографы пишутъ часто: Agná и Anna.

Въ Національной библіотекѣ сохранился оригиналъ грамоты Филиппа I аббатству С. Крепи въ Суассонѣ На этомъ документѣ находится собственноручная подпись королевы Анны, представляющая самый древній образецъ русскаго письма. Въ заключеніе авторъ предполагаетъ, что корона королевы, изображенная въ видѣ колпака на плитѣ, такая, которую носили князья Рюрикова дома. Согласиться съ авторомъ, не видя передъ собой самаго изображенія этой короны, конечно трудно.

П. Голубовскій.

Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. Организованная въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія особая коммиссія (изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ) для перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, свои занятія въ 1735 г. вела въ Москвѣ. Въ числѣ ея духовныхъ членовъ здѣсь, между прочимъ, состояли въ этомъ году ректоръ кіевской академіи архим. Амвросій Дубневичъ, игуменъ Никольскаго Макошинскаго (черниговской епархіи) монастыря іеромонахъ Димитрій Билѣнскій и Роменскій протопопъ Василій Савицкій. Они, время отъ времени, каждый отъ себя, увѣдомляли своихъ архипастырей обо всѣхъ дѣйствіяхъ коммиссіи. Такъ, Дубневичъ 21 іюня 1735 г. сообщалъ митр Рафаилу Заборовскому, что коммиссія «въ дѣлѣ переводномъ» окончила «двѣ правные книги, статутъ и порядокъ «и исправила» третой книги Саксона не малую часть»; 7-го сентября, что она «переводомъ» окончила «послѣднихъ чиселъ августа, а сводомъ начала»...

Лишь коммиссія приступила къ «своду», между ея членами произошло пререканіе.

Дѣло въ томъ, что «мирскіе» члены коммиссіи, основываясь на «восемнадцатомъ рѣшителномъ пунктѣ» указа Верховнаго Тайнаго совѣта, отвѣчавшемъ на просьбу гетмана Даніила Апостола предъ импер. Петромъ II въ 1728 году «отрѣшити указомъ предъбывшое въ Малороссіи обыкновеніе о наданю на монастыри духовному чину... грунтовъ и земель и о куплѣ всякихъ угодій», отказывались «въ сводѣ о свободной надачи на монастыри и церквы положить артыкули зъ правъ». Вслѣдствіе этого архим. Дубневичъ представилъ въ Глуховъ свое мнѣніе съ такимъ (пятымъ) пунктомъ.

«О надачѣ недвижимого имѣнія тестаментомъ кому кто похочетъ такъ духовнимъ особамъ, яко и мирскимъ, артыкули статута и другихъ правъ въ свободѣ показать не будетъ противно, хотя по прошенію покойного господина гетмана Апостола въ рѣшителномъ 18 пунктѣ и повелено въ Малой Россіи монастирамъ обрѣтаючимъся, попамъ и всякого чина духовного людемъ козачихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и козакамъ и всякого мирского чина людемъ имъ не продавать и не закладивать и вноминовеніе вкладомъ и никакими здѣлками не давать, и не укрѣплять, ибо Всемилостивѣйшимъ указомъ ея Императорского Величества намъ повелено зъ трехъ правъ в едно токмо свесть, а не узаконять. Сія же власть узаконять въ волѣ и самодержавствѣ Ея Імператорского Величества состоитъ, и потому все духовенство малороссійское, такъ въ надачѣ грунтовъ на

поминовеніе, яко и въ покупкѣ оныхъ на самоповелителное Ея Императорскаго Величества узаконеніе и милостивѣйшій Монаршій указъ впредъ слагается».

Объ этомъ Дубневичъ увѣдомилъ митр. Заборовскаго, представивъ и копію приведеннаго пункта изъ своего мнѣнія.

Биленскій о пререканіи членовъ коммиссіи далъ знать 15 сентября Иларіону архіеп. черниговскому, прося его войти по этому поводу въ сношеніе съ митроп. кіевскимъ, епископомъ переясловскимъ, и архимандритомъ печерскимъ.

Архіеп. Иларіонъ 23 сентября адресовался къ митр. Заборовскому, выражая ему свое соображеніе, что коммиссія, которой вообще «не повелѣно оставлять зъ правъ малороссійскихъ пунктовъ, кои прежде въ ненарушной были силѣ», не можетъ опускать и пункта «о паданю грунтовъ и земель на монастыры и о куплѣ духовному чину» тѣмъ болѣе, что и «рѣшителній» пунктъ, исходатайствованный гетм. Даніиломъ Апостоломъ («безъ согласія духовнаго чину», въ видахъ «единой козачей ползы» и именно «для того, чтобъ служба козачая не умалялась»), уничтоженъ Высочайшею грамотою князю Алексѣю Ив. Шаховскому на правленіе Малороссіею, такъ какъ въ этой грамотѣ, между прочимъ, «*дано на-волю* хто похочетъ зъ козаковъ и посполитыхъ спродаватся за кого—нибудь зъ мирскихъ господъ и жить за тѣми» («чрезъ що,—разумѣется,—умаленіе службы козачой дѣлается не малое»); и прося митрополита «здравій учинить совѣтъ» съ еп. Переясловскимъ и архим. Печерскимъ, чтобы написать затѣмъ отъ лица всего духовенства доношеніе на Высочайшее имя, «была бы по прежнему воля боголюбцемъ въ дачи коихъ либо угодій на монастыри и въ куплѣ свобода по правамъ малороссійскимъ духовному чину», съ обѣщаніемъ подписать и отъ себя такое доношеніе...

Доношеніе, дѣйствительно, было подано на Высочайшее имя митр. Заборовскимъ; и онъ 12 ноября написалъ Дубневичу, что уже предпринято «старателство» по поводу пререканій коммиссіи, не указывая однако, «въ чемъ тое старателство естъ».

Между тѣмъ, пока небыло никакой резолюціи, свѣтскіе члены коммиссіи продолжали быть «спорливыми», «крѣпко» настаивая на своемъ, «чтобъ о надачи доброволной на монастыри и церквы грунтовъ артыкули въ сводѣ не были положены»... Духовные члены, видя, что «о покупки во всѣхъ правныхъ книгахъ, зъ которыхъ сводъ дѣлаетъся, артыкуловъ ни воспящающихъ, ни позволяющихъ не імѣетъся», и разсуждая, что «таковая покупка духовенству свободна можетъ быть

(уже и) потому, что духовный чинъ во всѣхъ тѣхъ правахъ съ шляхтою въ равенствѣ полагается, да и тая покупка зъдавна (до прошенія гетм. Д. Апостола) духовенству и священству воспящена не была», тревожились подобнымъ упрямствомъ свѣтскихъ своихъ сотоварищей. И вотъ Дубневичъ и Савицкій, желая имѣть у себя «для информаціи» что-либо вѣское въ глазахъ своихъ противниковъ по возбужденному дѣлу, обратились 28 ноября къ митр. Рафаилу Заборовскому, прося его извѣстить ихъ, для этой цѣли, въ чемъ *именно* состоитъ его «старателство», о которомъ онъ увѣдомлялъ Дубневича 12 ноября [1])

Чтó отвѣчалъ Заборовскій, не знаемъ.

Д. Вишневскій.

Къ біографіи Ивана Мазепы [2]). Въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ дневниковъ епископа Порфирія (Успенскаго), Спб. 1895, подъ 14 мая 1844 года читаемъ: «Богъ удостоилъ меня сегодня отслужить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня вмѣстѣ съ архіепископомъ газскимъ. Жертвенникомъ служилъ Гробъ, а престоломъ тотъ камень который отваленъ былъ ангеломъ отъ двери Гроба. На этомъ камнѣ положена была богатая серебряная доска съ прекраснымъ изображеніемъ Снятія со Креста подъ чернь и съ чеканными ликами четырехъ евангелистовъ по угламъ и другими фигурами и цвѣтами, тоже чеканными. Эта доска пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись подъ чернь славянскими буквами: «Иждивеніемъ ясневельможнаго Іоанна Мазепы Россійскаго гетмана», а внизу на латинскомъ языкѣ: Sumptu illustrissimi Ducis Iohannis Maserae Rossiae. «Вотъ судьба Мазепы, подумалъ я; въ Россіи его проклинаютъ, а здѣсь молятся о упокоеніи души его и прощеніи и оставленіи грѣховъ его. Не знаю, что дѣйствительнѣе предъ Богомъ: наше ли торжественное, всенародное проклятіе, или здѣшнія молитвы. Вѣрно, ни то, ни другое. Богъ воздалъ и воздаетъ ему по дѣламъ его, а не по нашему хотѣнію».

(Книга Бытія моего, часть II, стран. 85—86). **В. И.**

---

[1]) Письма, послужившія источникомъ настоящей замѣтки, нами будутъ переданы въ библіотеку церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи. Ихъ числомъ пять.

[2]) Въ „Кіевск. Стар.“ 1893 № 11 была помѣщена подробная замѣтка кн. А. Дабижи объ этомъ дарѣ Мазепы Гробу Господню, при чемъ былъ приложенъ и

Интересный народный обычай во время жатвы. Жизнь нашего простого народа, его вѣрованія имѣютъ много еще неизслѣдованнаго. Особенно много еще неизслѣдованныхъ, неизученныхъ этнографами народныхъ обычаевъ.

Нашъ народъ слѣпо и безразсудно исполняетъ всѣ обряды и обычаи,—но почему такъ, а не иначе нужно дѣлать—это для него никогда неразрѣшимая загадка.

На вашъ вопросъ, почему, напр. о пожарѣ нельзя говорить, что горитъ, а нужно говорить—«мокне», или почему журавлей нельзя называть журавлями, а нужно называть «веселыками»,—вы всегда, вездѣ и отъ всякаго изъ простого народа услышите одинъ короткій отвѣтъ—«такъ не годытся», но почему именно «не годытся»—такъ отъ народа никогда не добьетесь, не узнаете.

Въ такомъ точно положеніи очутился я предъ однимъ народнымъ обычаемъ, или, правильнѣе сказать, предразсудкомъ.

У крестьянъ есть обычай: во время жатвы на полѣ серпъ изъ рукъ въ руки одинъ другому ни зачто не дастъ, а непремѣнно положитъ серпъ на землю, и тотъ, кому нуженъ этотъ серпъ,—долженъ поднять его съ земли.

Сколько я ни спрашивалъ объ этомъ бабъ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ (волын. губ.),—другого отвѣта кромѣ неопредѣленнаго слова «такъ негодытся»—добиться не могъ.

Этотъ предразсудокъ, какъ и многіе другіе, свято и слѣпо соблюдается нашимъ народомъ, и никто изъ народа ни за что не нарушитъ его.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ нужно истолковать этотъ обычай, я рѣшаюсь путемъ печати поставить вопросъ, обращенный преимущественно къ этнографамъ, не объяснитъ ли кто либо изъ нихъ значеніе этого интереснаго обычая.

Ив. Бѣньковскій.

Эпизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. Извѣстно, что манифестъ о выборѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія вызвалъ въ Мало-

---

фототипическій снимокъ съ него. Въ дополненіе къ этому печатаемъ теперь справку изъ дневниковъ знаменитаго епископа Порфирія Успенскаго, причемъ замѣтимъ, что надписи еп. Порфиріемъ были неточно прочитаны.—*Ред.*

россіи довольно сильное броженіе. Отвлеченныя идеи французской просвѣтительной литературы, на основаніи которыхъ должно было вырабатываться новое законодательство, имѣвшее цѣлью «блаженство каждаго и всѣхъ», менѣе интересовало мѣстное населеніе, чѣмъ сохраненіе старинныхъ «правъ и вольностей» Малороссіи, во многомъ уже нарушенныхъ и подлежавшихъ полной отмѣнѣ со введеніемъ новаго, общаго для всей имперіи уложенія. Особенно боялась этой отмѣны козацкая старшина, эгоистическія стремленія которой давно уже представляли удобный поводъ къ ограниченію не только злоупотребленій, но и всего стараго строя Малороссіи; другія сословія также опасались за свои права — «вольному козачеству» грозило обращеніе въ безсловесную массу земледѣльцевъ, «посполитству» — прикрѣпленіе къ землѣ [1]). Недовольство обнаружилось при самыхъ выборахъ депутатовъ, и Румянцеву, управлявшему тогда Малороссіей, стоило большого труда руководить выборами согласно съ видами императрицы, что видно изъ его донесеній. Имп. Екатерина довольно легко относилась къ проявленіямъ недовольства, что можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго письма ея къ Румянцеву: «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 г. Однакожъ я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они несходственны съ общимъ добромъ; и только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ тѣхъ, коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ. Итакъ, тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, вполнѣ приличенъ былъ» [2]).

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ примѣненія Румянцевымъ «тона начальничества» представляютъ выборы депутата отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства. Вотъ какъ описывалъ эти выборы самъ Румянцевъ въ своемъ донесеніи Им—цѣ. На выборахъ, происходившихъ въ Нѣжинѣ, предводителемъ былъ избранъ отставной полковникъ Тарнавіотъ, а депутатомъ земскій судья Лаврентій Селецкій. Послѣ этого избиратели, «не давъ ему полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разъѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ, на срокъ собою положенный съѣхавшись, присту-

[1]) См. И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи („Кіевс. Стар". 1890, августъ.

[2]) Соловьевъ Ист. Россіи, т. XXIII, стр. 321 (изд. 1895).

пили къ сочиненію наказовъ и коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о сдѣланныхъ обѣщаніяхъ Е. И. В. предковъ въ сохраненіи ихъ всегда при ихъ правахъ и вольностяхъ непремѣнно и вносить особливо дарованныя грамоты и указы Петра В. во время бѣдственнѣшія для сей земли, и между тѣмъ, что будто безъ гетмана крайняя нужда и опасеніе всей Малороссіи состоитъ, и причитая быть все только одною тягостію, что государственными тамъ узаконеніями сдѣлано, а расположеніе войска наиглавнѣйшею, и чтобы выборъ гетмана, будто на прежнемъ основаніи, обще съ Запорожскою Сѣчью имъ сдѣлать должно было. «Когда нѣкоторые избиратели, въ томъ числѣ и Селецкій, стали возражать противъ предъявленныхъ требованій, а Селецкій предлагалъ слѣдовать черниговскому наказу (составленному Безбородкомъ въ самомъ умѣренномъ духѣ), большинство избирателей, пользуясь «простотою» предводителя Тарновіота, выбрали на мѣсто Селецкаго депутатомъ подкоморья Григорія Долинскаго. Румянцевъ требовалъ отъ предводителя отвѣта въ нарушеніи обряда выборовъ и увѣщевалъ отправить въ коммиссію Селецкаго, но увѣщаніе «не произвело никакого дѣйствія». Затѣмъ дѣло было передано въ Сенатъ, который постановилъ: 1) выбору Селецкаго остаться въ силѣ, а выборъ Долинскаго уничтожить; 2) предв. Тарновіота въ виду того, что онъ поступалъ незаконно «единственно по своей простотѣ» отъ штрафа освободить, но отрѣшить отъ должности предводителя, 3) зачинщиковъ непорядка отослать воинскихъ на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ—на гражданскій судъ [1]).

Какіе суды и какъ судили обвиняемыхъ—намъ неизвѣстно, но въ одной изъ рукописей библіотеки К.-Соф. Соб. (Сборн. № 593) намъ встрѣтилась копія прошенія о помилованіи, поданнаго на Высочайшее имя въ 1769 Долинскимъ и его товарищами, изъ которой можно видѣть ихъ дальнѣйшую участь. Вотъ этотъ документъ.

Державнѣйшая Императрица Всемилостивѣйшая Государыня!

Претерпѣвшіе отъ Бога и отъ Монарха своего не только тяжкое наказаніе осмимесечнымъ заключеніемъ въ оковахъ и понынѣ состоящіе еще подъ гнѣвомъ В. И. В. лишеніемъ нашихъ чиновъ, дерзаемъ всеподданнѣйшіе и недостойные рабы подвергнуть себя ко священнымъ стопамъ В. В., проса помилованія.

Всемилостивѣйшая Государыня! Богъ сердцевѣдецъ; Онъ Самъ да будетъ на своемъ страшномъ судѣ свидѣтель душъ нашихъ, что

---

[1]) Дополн. Румянцева журналъ? у Соловьева XXVII, 322—323.

осуждены мы за такое преступленіе, которое не отъ злоумышленного нашего намѣренія началомъ своимъ произошло, и не отъ твердой нашей надежды на милосердіе безприкладное, которымъ В. И. В. дать всѣмъ вѣрноподданнымъ новые законы, сродные матернему чадолюбію намѣреніе воспріяли (sic).

Когда обрядамъ публикованнымъ и мы вѣрноподданнѣйшіе по совѣту Нѣжинскаго и Батуринскаго малороссійскаго шляхетства состоящее изъ 54 человѣкъ дозволеніе получили выбрать себѣ депутата, то несчастіе насъ постигло, что выбраннаго недѣйствительнымъ еще почли депутатомъ, когда онъ нашего наказа принять отъ насъ не хотѣлъ, а сочинилъ свой безъ согласія нашего.

Сіе было причиною, что онъ депутатомъ болѣе быть отказывался, а мы на его мѣсто яко единожды выбраннаго дерзнули новаго выбрать, и въ томъ, по неразумѣнію нашему, правыми себя быть почитали, въ разумѣ такого нашего мнѣнія. Никогда мы не противлялися прямому толкованію обряда. Ежели бы могли мы отъ кого на то время лучшій совѣтъ получить, но къ несчастію нашему, ни предводитель нашъ, ни мы во отдаленіи нашемъ того не разумѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня! Все что по сему отъ насъ происходило, хотя преступленіе наше можетъ быть умножало, но вѣрность и рабское повиновеніе ко священной Особѣ вашей такъ, какъ къ Монархинѣ Богомъ избранной, а любовь и усердіе такъ, какъ къ Матери всего отечества, въ серцахъ нашихъ глубочайше вкоренены были, мы почитаемъ во священнѣйшемъ лицѣ вашемъ божественныя дарованія, между которыми блистаетъ наипаче въ правосудіи милосердіе ваше.

Не вниди въ судъ съ рабами своими, а паче не приносящими никакого оправданія. Помилуй и прости насъ разрѣшеніемъ отъ гнѣва вашего и возврати по милосердію своему тѣ намъ чины и должности, которыхъ мы прежними нашими вѣрнѣйшими заслугами къ престолу В. И. В. достигли. Обрадуй, милосердая мать, домы наши и потомство великодушіемъ вашимъ; отри слезы и отъими воздыханія наша, сокращающія вѣкъ нашъ; дай, благоутробная мать всего отечества, намъ и дѣтямъ нашимъ соучаствовать радость, которою отъ милосердія В. В. всѣ вѣрноподданные рабы съ веселіемъ наслаждаются, сего прося и моля, съ подобострастіемъ повергаемъ себя ко освященнѣйшимъ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшіе и недостойные рабы бывшій подкоморій повѣту Батуринского Григорій Долинскій, бывшій полковой нѣжинскій писарь Яковъ Почека; бывшій сот-

никъ Басанскій Михайло Яновичъ; бывшій войсковой товарышъ Петръ Жураковскій. Октября « » дня 1769 году.

Копія передаетъ и положенную на прошеній резолюцію. «На подлинномъ надписано такъ: «*Богъ проститъ*».

В. Щербина.

Письмо архимандрита Кіево—Печерской Лавры Тимоѳея Щербацкаго къ митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому.

(Съ подлиника, хранящагося въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи). Ясне въ Богу преосвященнѣйшій Владико, Высокомилостивый мой по Дусѣ Святѣ Господине, отче и собственнѣйшій патроне.

При нижайшомъ поклонѣ моемъ объявляю Вашему преосвященству, что благопоспѣшествующими архипастирскими Вашего преосвященства молитвами сего априля 6 прибылъ я въ Москву (кроме дорожной нужди) благополучно. Девятого же числа чрезъ милость добрыхъ благодѣтелей представленъ Высокомонаршему Ея Императорскаго Величества лицу, и по принесеніи моего всеподданнѣйшаго Ея Императорскому Величеству поздравленія удостоенъ я тогожъ дни при Высочайшей Ея Императорскаго Величества персонѣ кушать. При томъ случае слишалъ я всемилостивѣйшее Ея Величества непремѣнное намѣреніе посѣтитъ святіе Кіевскіе мѣста: точію би всемогуществомъ Божіимъ паки воспослѣдовала мирная з сосѣдственныхъ государствъ тишина, которо и чаятелно естъ. День коронаціи Ея Императорскаго Величества объявленъ сего априля 25 числа, но еще не твердо, точію упователно, что конечнѣе далѣй отъ 27 числа не продолжится. За симъ нижайшимъ моимъ объявленіемъ наступающими высокими и всеторжественными празденства Ваше преосвященство всеблагопріятнѣйше поздравляю и праздновать оніе въ добросостоятелномъ здравіи и всеблагополучнѣйшемъ поведеніи всеусерднѣйше желаю и остаюсь.

Ясне въ Богу преосвященства Вашего вѣрножелателнѣйшій Богомолецъ, послушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Кіево-печерскія Лавры Архімандритъ Тимоѳей.

Априля 15 д. 1742 году. Москва.

Къ этому письму приложены двѣ записки («цедулы» — по тогдашнему) слѣдующаго содержанія:

I.

«Ея Императорскому Величеству отъ Вашего преосвященства всенижайшій рабскій поклонъ отдалъ я прежде кушания, на что

изволила испросить о здравіи вашемъ: я отвѣтствовалъ обстоятелно о болѣзни вашей архіерейской часто бываемой, и всегдашней ножной и сіе сказалъ: всѣмъ усердіемъ желалъ преосвященный Рафаилъ собо—персоналнo всеподданнѣйшое свое Вашему Величеству отдать поклоненіе точію крайная болѣзнь къ тому желаемому намѣренію воспрепятствовала: сіе Вашему Архипастирству по вѣрной моей синовской склонности доношу всенижайше.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня по высокоматерному своему милосердію всѣхъ впадшыхъ въ вины всемилостивѣйше простить для наступающего высокого торжества соизволила, о чемъ изъ Правительствующаго Сената во всѣ Коллегіи и Канцеляріи, а изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Духовные консисторыи указы посланы. Вышеозначенному высокомонаршому милосердію ревнуя, Ваше преосвященство, протоіерея Павла Свѣта вину простить и отъ платежа на немъ положеннаго для наступающей радости милостивно свободить повелѣте, всепокорнѣйше и всеприлѣжнѣйше прошу и несумѣнно въ вышеписанномъ благонадежденъ остаюсь.

Всенижайшій слуга Архімандритъ Тимоѳей.

По вопросу о происхожденіи названія „Полтава“. Въ Майской книжкѣ «*Кіевской Старины*» текущаго 1896 г. въ отдѣлѣ *Библіографіи*—помѣщены замѣчанія г. Н. В. по поводу мнѣній г. Л. В. Падалки о происхожденіи названія города *Полтавы*. Намъ кажется, что въ этомъ возникшемъ спорѣ весьма кстати будетъ припомнить мнѣнія по этому предмету такого филолога и историка, какъ приснопамятный *Осипъ Максимовичъ Бодянскій*,—мнѣніе, остающееся, повидимому, неизвѣстнымъ ни г. Л. В. Падалкѣ, ни г. Н. В.

Въ московскомъ журналѣ «*Телескопъ*» за 1834 г. № 21-й помѣщенъ разборъ книги: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. Харьковъ, въ универс. типографіи. 1834. (8). 34. Разборъ подписанъ: *І. Мастакъ*—псевдонимомъ, несомнѣнно принадлежащимъ О. М. Бодянскому. Здѣсь—по поводу пословицы *пропавъ якъ Шведъ пидъ Полтавою*, І. Мастакъ дѣлаетъ слѣдующее любопытнѣйшее *подстрочное примѣчаніе*:

«Замѣчателенъ случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы. Въ 1608 году, по словамъ одной Малороссійской Лѣтописи (издан.

Рубаномъ), козакъ Миргородскаго полка, *Масло*, вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олтвы, Голтвы), бывшей тогда Малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней *Полтавы*, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства *По-Олтавою*, (о—оо) *Полтавою*, (оо—у) *Пултавою*, *По-Олтвою*, т. е. *другою, новою Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ *Олтавѣ*, при которой и рѣкѣ Пслѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькія рѣчки, одна *Олтава-Олшана*, а другая *Суха Олтава* (см. карту Украйны Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое названіе? Для рѣшенія сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при коей стоитъ Переяславль (Переясловъ) Малороссійскій, или какъ говоритъ Никоновская Лѣтопись, *Переславль Русскій, иже въ Кіевѣ*, именно рѣки *Альты* по Нестору *Олты, Олуты* (по Малоросс. *Ильты*, уменьш. *Ильтыци*: а—о—и); припомнить объ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, называемыхъ, по словамъ Арабскихъ Писателей: *Ибн-ел-Варди* (около 1232 г.) и *Кассини* (въ первой полов. XIV ст.), *Атлава* (Отлава, Олтава, а—о—т переставлено), *Тлава* (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута*, и еще, не помню гдѣ, другая какая-то *Алута*. Многія Украинскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ Украинцевъ, напр., *Ворьсколь*, нынѣ *Ворскла*, *Супой*, *Псёлъ;* послѣднимъ подобныя встрѣчаете и на Кавказѣ: *Субой*, *Пса*, *Псё;* также въ степяхъ Кавказскихъ и за-Уральскихъ находится и озеро *Ильмень*»... (*«Телескопъ* 1834 г. часть XXI, стр. 345—346»).

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) Зъ могилы Т. Г. Шевченка видъ группы пилигриммивъ—22 р.; 2) изъ Баку—отъ А. И. Побѣдоносцева, А. Н. Шрамченка по 5 руб., К. К. Пелеховича—3 р. и Н. А. Афонскаго—2 р.; 3) отъ Н. А. Б—скаго 1 р.,—всего—38 р., что вмѣстѣ съ прежними 529 р. 82 к. (см. № 6-й) составитъ—567 р. 82 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое подъ ред. Николая Тихонравова и Владиміра Шенрока. Т. VI и VII. Москва и С.-Петербургъ 1896. Изданіе А. Ф. Маркса. Стр. VIII+827 и V+1087.

Въ 1889—90 г. покойнымъ акад. Н. С. Тихонравовымъ выпущено было въ свѣтъ пять первыхъ томовъ образцоваго изданія сочиненій Гоголя (М., изд. книжнаго магазина В. Думнова), обратившаго на себя всеообщее вниманіе. Глубокій знатокъ своего дѣла, изощренный въ особенности въ критическомъ изданіи памятниковъ древнерусской литературы, Тихонравовъ и на Гоголя взглянулъ, при изданіи его сочиненій, съ точки зрѣнія строго-научныхъ критическихъ пріемовъ, вездѣ стараясь представить окончательно выработанный Гоголевскій текстъ и пользуясь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ рукописями Гоголя и печатными изданіями для варьянтовъ; текстъ этого изданія, очищенный отъ постороннихъ искаженій и снабженный варьянтами, большею частью впервые опубликованными, далъ Тихонравову, при его глубокихъ и разностороннихъ познаніяхъ въ русской литературѣ, обильный и важный матеріалъ для изученія жизни и дѣятельности Гоголя, чѣмъ онъ въ полной мѣрѣ воспользовался при составленіи своихъ редакторскихъ «примѣчаній», составляющихъ обширныя и любопытнѣйшія изслѣдованія почти о каждомъ отдѣльномъ произведеніи Гоголя. По своимъ выдающимся достоинствамъ, какъ относительно метода редактора, такъ и его выполненія, это изданіе сочиненій Гоголя составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ исторіи изученія послѣдняго, но оно не было доведено до конца, и когда въ ноябрѣ 1893 года Н. С. Тихонравовъ скончался, то любители русской литературы имѣли полное основаніе глубоко сожалѣть объ этой крупной потерѣ особенно по отношенію къ изданію сочиненій Гоголя.

Хотя въ пяти вышедшихъ томахъ напечатаны уже были всѣ главнѣйшія произведенія Гоголя, и на послѣдующіе томы матеріала оставалось сравнительно не много, но этотъ матеріалъ былъ исключительно почти въ рукописяхъ, да и взяться за продолженіе и окончаніе такой образцовой работы было дѣломъ въ высшей степени отвѣтственнымъ и труднымъ: приходилось другому редактору поставить себѣ задачей докончить начатое изданіе такъ же образцово, какъ оно было начато Тихонравовымъ, владѣвшимъ для этого, по общему признанію, исключительными свѣдѣніями и талантомъ. Собственникомъ начатаго изданія сочиненій Гоголя, перешедшимъ отъ фирмы В. Думнова къ фирмѣ А. Ф. Маркса, приглашенъ былъ для его продолженія и окончанія г. Шенрокъ. Выборъ этотъ можно назвать вполнѣ удачнымъ, такъ какъ имя г. Шенрока, въ отношеніи изученія Гоголя, занимаетъ у насъ, особенно послѣ смерти Тихонравова, едвали не самое видное мѣсто: г. Шенрокъ, съ замѣчательной настойчивостью и умѣньемъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимается изученіемъ жизни и дѣятельности Гоголя, и ему принадлежитъ, кромѣ значительнаго количества вновь опубликованнаго матеріала, большой систематическій трудъ «Матеріалы для біографіи Гоголя», котораго вышло уже три тома (М. 1892—1895).

Въ вышедшихъ теперь двухъ томахъ сочиненій Гоголя, редактированныхъ и снабженныхъ примѣчаніями г. Шенрокомъ, новый редакторъ, при выполненіи своей задачи, въ характерѣ работы старался слѣдовать своему предшественнику: «мы поставили своей задачей—говоритъ онъ въ предисловіи къ VI тому — сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнять дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ (Тихонравовымъ)». И въ самомъ дѣлѣ, внимательный читатель, ознакомившись съ обоими вышедшими томами, долженъ прійти къ тому заключенію, что по тщательности, основательности, добросовѣстности работы, по обнаруженному въ ней знанію дѣла и по любопытнымъ результатамъ, эти томы, заканчивающіе изданіе, могутъ достойнымъ образомъ стать рядомъ съ первыми пятью томами, вышедшими изъ-подъ редакторскаго пера Н. С. Тихонравова.

Что касается содержанія, то въ VI томѣ почти сплошь мы находимъ матеріалъ, впервые опубликованный въ печати и рѣшительно впервые появляющійся въ составѣ «сочиненій» Гоголя. Это—стихотвореніе «Непогода» (школьнаго періода); прозаическіе отрывки «Хромой чортъ», «О поэзіи Козлова», «Петербургская сцена въ 1835—

36 году», «Александръ», «1846 годъ», «О сословіяхъ въ государствѣ», «Объявленіе объ изданіи русскаго словаря», «Помѣщики», «Трудъ», «Альбомная замѣтка», «Строки, написанныя за нѣсколько дней до смерти» (молитвенно-религіознаго содержанія); болѣе крупныя вещи «Первоначальная редакція Коляски», «Переводъ комедіи Мольера Сганарель», «Наброски изъ древней исторіи», «Учебная книга словесности», «Карманныя записныя книжки» и нѣк. другія. Въ VII томѣ напечатаны, также большею частію впервые: первая и вторая полная редакція перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; отрывки изъ первоначальной редакціи «Мертвыхъ Душъ»; страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; вновь найденныя страницы изъ второй части «Мертвыхъ Душъ» и новые наброски изъ первой части этой же поэмы. Конечно, совершенно новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннаго въ художественномъ отношеніи въ вышедшихъ двухъ томахъ немного, но этотъ матеріалъ имѣетъ большое значеніе въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ представляетъ новыя и важныя данныя какъ для исторіи развитія самого Гоголя, такъ и для исторіи возникновенія и выполненія его творческихъ замысловъ. Смотря, очевидно, съ этой точки зрѣнія на свою задачу, г. Шенрокъ не жалѣлъ труда при отысканіи и подготовкѣ къ печати даже самыхъ незначительныхъ письменныхъ остатковъ отъ Гоголя; онъ относился къ Гоголю какъ къ настоящему классику, малѣйшая черта котораго должна быть сохранена для потомства и можетъ такъ или иначе пригодиться для всесторонней будущей его оцѣнки. Поэтому, напечатаны, напр., не только случайные наброски и отрывки произведеній, къ которымъ Гоголь никогда потомъ не возвращался, или безпорядочныя замѣтки записной книжки, но даже газетное объявленіе Гоголя, шутливое условіе дружескаго пари или фрагменты комедіи «Женитьба», не вполнѣ сохранившіеся на изорванныхъ листахъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ редакторъ, видя историческую цѣну въ каждомъ словѣ, написанномъ рукою Гоголя, не упускаетъ случая комментировать самымъ обстоятельнымъ образомъ все, помѣщаемое въ текстѣ: такъ, по поводу напечатанныхъ изъ записной книжки Гоголя разныхъ интересовавшихъ его отдѣльныхъ словъ и выраженій, г. Шенрокъ съ величайшей внимательностію производитъ сравненіе этихъ словъ и выраженій со словаремъ Даля; по поводу сдѣланныхъ Гоголемъ записокъ изъ научныхъ сочиненій во время его историческихъ занятій, г. Шенрокомъ

приводятся отрывки изъ Геродота въ подлинникѣ. Наконецъ, къ VII тому приложено весьма обширное «описаніе рукописей» Гоголя (стр. 827—947) съ извлеченіемъ изъ нихъ всего неизданнаго въ предыдущихъ томахъ. Разумѣется, такіе пріемы понятны также при взглядѣ на Гоголя, какъ на совершенно признаннаго классика, и только историческій интересъ спеціалиста оправдаетъ эти, иногда не имѣющія границъ, увлеченія редактора; для широкой читающей публики эти два тома существовать не будутъ, какъ не будетъ существовать и многое въ пяти первыхъ томахъ, редактированныхъ Тихонравовымъ.

Сверхъ всего этого, VII томъ снабженъ полнымъ хронологическимъ указателемъ ко всѣмъ томамъ «Сочиненій Н. В. Гоголя» и подробнѣйшими алфавитными указателями собственныхъ именъ и предметовъ. При VI томѣ имѣются художественныя приложенія—портретъ Гоголя и три снимка съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя къ послѣдней сценѣ «Ревизора»; къ VII тому также должны быть приложенія—портретъ А. С. Пушкина, набросанный Гоголемъ и домики Гоголя,—но въ нашемъ экземплярѣ этихъ рисунковъ не имѣется.

Не претендуя на сколько-нибудь обстоятельную оцѣнку такого капитальнаго явленія въ нашей историко-литературной наукѣ, какъ 10-е изданіе «Сочиненій Н. В. Гоголя», исполненное трудами Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, мы имѣли лишь въ виду, въ нашей краткой замѣткѣ, привѣтствовать окончаніе большаго и важнаго литературнаго предпріятія, по качествамъ своего исполненія вполнѣ достойнаго великаго имени того писателя, трудамъ и генію котораго оно посвящено.

Е. Пѣтуховъ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. VIII-й. Харьковъ 1896 г. стр. 1—18 + 1—67 + 1—323 + 67—112 (Прилож.).

Настоящій томъ «Сборника» особой нумераціей для каждаго дѣлится на четыре отдѣла: некрологическій, оффиціальный, отдѣлъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ и приложеніе.

Въ некрологическомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, посвященныя памяти почившихъ членовъ Общества И. М. Собѣстіанского и И. Ф. Одарченка, нагробныя рѣчи, говоренныя при погребеніи Собѣстіанскаго и обзоръ его ученой дѣятельности.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ главное мѣсто занимаетъ «Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго Общества въ $18^{94}/_{95}$ академическомъ году», составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ отчетномъ году Общество имѣло десять засѣданій, но въ нихъ сообщеній съ характеромъ изслѣдованія было сдѣлано три: А. С. Лебедевымъ: «О просвѣтительной дѣятельности бѣлгородскаго архіепископа Ѳеоктиста Мочульскаго», и М. М. Плохинскимъ: 1, «О почетныхъ членахъ Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе его существованія (до 1815 г.)» и 2, «О Нѣжинскомъ греческомъ братствѣ» и «Торговлѣ нѣжинскихъ грековъ въ прошломъ вѣкѣ» (два послѣднія сообщенія мы предполагаемъ однимъ цѣлымъ); остальныя сообщенія въ засѣданіяхъ касались большею частью печальныхъ событій, постигавшихъ общество и государство.

Педагогическій отдѣлъ Общества имѣлъ семь засѣданій; изъ читавшихся въ нихъ докладовъ по вопросамъ правильной постановки преподаванія исторіи, географіи, логики и проч. выдѣляется изслѣдованіе М. И. Демкова: «Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго».

Какъ и въ прежнихъ томахъ «Сборника», отчетъ страдаетъ недостаточно строго проведенной систематизаціей предметовъ занятій Общества въ засѣданіяхъ, что при сплошномъ однообразномъ шрифтѣ сильно затрудняетъ чтеніе.

«Отчетъ объ историческомъ (!) архивѣ Общества» походитъ больше на библіотечный отчетъ. Къ чему этотъ хаотическій перечень пожертвованныхъ книгъ? Не лучше ли было бы сообщить, вмѣсто него, подробности о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Архива—старыхъ дѣлахъ, какихъ-либо рукописяхъ, а перечень книгъ соединить съ такимъ же перечнемъ книгъ, пожертвованныхъ Обществу Академіей Наукъ, только все-таки расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, игнорируемомъ редакціей «Сборника», но очень удобномъ для справокъ.

Въ «Приложеніи» къ «Отчету» мы находимъ: 1, правила о преміи имени А. А. Потебни; 2, темы, интересовавшія покойнаго ученаго и служащія руководствомъ для выбора темъ на премію его имени; 3, разборъ студенческихъ работъ, представленныхъ на эту премію; 4, записку Г. В. Левицкаго объ организаціи курганныхъ раскопокъ въ харьковской и смежныхъ губерніяхъ; 5, отчетъ и программы «научныхъ» чтеній для женщинъ, и 6, протоколъ юбилейнаго засѣданія 13 ноября 1895 г., посвященнаго чествованію памяти Г. С. Сковороды, и рѣчи по этому поводу А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Д. И. Багалѣя. Наиболѣе важнымъ изъ этихъ приложеній

мы считаемъ отчетъ и программы «научныхъ» чтеній для женщинъ. Важность эта тѣмъ больше, чѣмъ меньше женщина имѣетъ возможности пополнить скудный запасъ своихъ знаній. Починъ Харьковскаго Общества въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ чтенія, заслуживаетъ полнаго сочувствія и подражанія со стороны ученыхъ обществъ другихъ городовъ. Чтенія открыты по иниціативѣ и ходатайству Харьков. Общества взаимнаго вспоможенія учительницамъ по примѣру такихъ же чтеній, ведущихся въ Тифлискомъ, Нижегородскомъ и Московскомъ Обществахъ. При открытіи чтеній въ Харьковскомъ Обществѣ сразу записалось 247 слушательницъ; семью членами Общества было прочтено 48 лекцій, а всѣхъ посѣщеній слушательницами было сдѣлано 5181 (должно было бы быть болѣе 10,000, т. е. ровно вдвое); разсматривая таблицу посѣщеній по лекціямъ (за напечатаніе ея нельзя не поблагодарить редакцію «Сборника»), мы замѣчаемъ, что вообще къ послѣднимъ лекціямъ интересъ слабѣетъ, при чемъ къ однимъ лекціямъ интересъ очень мало слабѣетъ (г. Багалѣя), къ другимъ слабѣетъ больше (г. г. Сумцова, Овсянико-Куликовскаго, Собѣстіанскаго и Соловьева) и къ третьимъ рѣзко слабѣетъ (г.г. Лапина и Шепелевича). Гдѣ же лежатъ причины этого грустнаго явленія? Мы думаемъ, что онѣ лежатъ не въ преподавателяхъ (хотя, несомнѣнно, кое-что слѣдуетъ отнести и на ихъ счетъ) и не въ слушательницахъ, а въ самой постановкѣ чтеній, въ способѣ сообщенія высшихъ знаній людямъ болѣе или менѣе уже подготовленнымъ къ ихъ воспріятію; такое явленіе наблюдается и въ университетахъ. Обѣ стороны, безъ всякаго сомнѣнія, горячо желали достичь поставленной себѣ цѣли: одни научить, другіе научиться; но число слушательницъ на лекціяхъ стало замѣтно падать; слѣдовательно, слушательницы испытывали неудовлетворенность (да, пожалуй, еще во всемъ винятъ своихъ безкорыстныхъ учителей). Но вопросъ о желательной постановкѣ чтеній—вопросъ сложный и серьезный, и обсуждать его въ краткой рецензіи неудобно.

Переходимъ, поэтому, къ отдѣлу сообщеній, изслѣдованій и матеріаловъ.

Въ статьѣ г. *Аляксритскаго*, посвященной *«памяти Н. С. Тихонравова»* представленъ обзоръ трудовъ профессора за время его студенчества и преподавательской дѣятельности до выступленія на университетскую кафедру; труды эти обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ человѣка недюжинныхъ способностей.

Между рукописями Императорскаго Общества любителей древней письменности есть коллекція бумагъ, заключающая въ себѣ нѣкоторые *«матеріалы для исторіи Харьковскаго университета»*; г. Лященко извлекаетъ изъ этой коллекціи циркуляръ попечителя Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Корнѣева Харьковскому университету отъ 25 января 1819 г. и письмо В. Н. Каразина къ министру В. Н. Кочубею по поводу этого циркуляра; эти два документа имѣютъ не только частное значеніе для исторіи университета, но и общее, представляя господствовавшій въ началѣ текущаго столѣтія характеръ университетскаго преподаванія и ту крайность, къ которой оно приходило вслѣдствіе того, что цѣлью преподаванія ставилась не сама наука и ея незыблемыя истины, а выработка людей желательнаго направленія.

На нѣсколькихъ замѣчаніяхъ г. *Ѳ. Корша «Къ греческой фонетикѣ Бругмана»* мы не будемъ останавливаться, какъ на статьѣ, не имѣющей общаго интереса и важной лишь для немногихъ спеціалистовъ; замѣтимъ только, что она лишній разъ показываетъ слабость современной филологіи, какъ науки, не вышедшей до сихъ поръ изъ области гаданій.

«Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, градскіе и подкоморскіе въ XVIII в.» —выдающійся научный трудъ г. *Д. Миллера.* Потребность въ разъясненіи существовавшихъ смутныхъ и сбивчивыхъ понятій о судахъ полковыхъ и сотенныхъ, отношеніи ихъ къ земскимъ, градскимъ и подкоморскимъ судамъ, о формѣ и компетенціи послѣднихъ въ связи съ исторіей ихъ давно уже чувствовалась всѣми занимавшимися изслѣдованіемъ южно-русскихъ актовъ лѣвобережной Украины. Названное сочиненіе и пытается удовлетворить этой потребности. Оно основано авторомъ на неизданномъ матеріалѣ, главнымъ образомъ, на дѣлахъ существовавшей въ прошломъ столѣтіи Малороссійской Коллегіи, хранящихся теперь въ центральномъ Архивѣ Харьковскаго университета. Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ говоритъ о малорусскомъ судоустройствѣ до 1648 г., которое ничѣмъ не отличалось отъ таковаго же польскаго; войны Хмельницкаго вызвали къ жизни полковые и сотенные суды; но первые годы польскіе суды, говоритъ авторъ, продолжали еще существовать; указаніе на это онъ видитъ въ томъ, что королевская грамота, данная Хмельницкому въ 1652 г., внесена въ актовыя книги Кіевскаго градскаго суда; но, прибавимъ мы, суда королевскаго, потому что Кіевъ продолжалъ оставаться польскимъ

городомъ, и Кіевскіе гродскіе и земскіе суды не переставали существовать до окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и только послѣ уступки Кіева Московскому государю переходили то въ Овручъ, то въ Житоміръ; козацкіе же суды на правомъ берегу Днѣпра (а тѣмъ болѣе это должно было быть на лѣвомъ) мы встрѣчаемъ рядомъ съ королевскими въ эпоху войнъ Хмельницкаго; полковые, напр., суды въ это время сливаются съ магистратскими, какъ показываютъ акты, касающіеся козацкаго землевладѣнія [1]). Доказательствъ того, чтобы въ этотъ же періодъ времени на правомъ берегу существовали сотенные суды, мы не имѣемъ, да едва ли, въ виду небольшихъ территорій полковъ и подчиненія населенія въ весьма значительной степени польскимъ панамъ и старостамъ, они и были тогда; между тѣмъ на лѣвомъ берегу обширныя пространства полковъ, при полномъ отсутствіи польскаго вліянія, должны были привести къ необходимости учрежденія сотенныхъ полковъ, изъ которыхъ потомъ выдѣлились полковые, какъ высшая инстанція; высшимъ апелляціоннымъ учрежденіемъ былъ войсковый генеральный судъ и въ періоды междугетманства малороссійская коллегія, исторію развитія которыхъ авторъ и излагаетъ, говоря о нихъ. Въ половинѣ XVII в., съ отдѣленіемъ малороссійскаго дворянства отъ массы остальнаго населенія, явилась мысль о коренной реформѣ судовъ и соглашеніи ихъ съ малороссійскими правами, т. е. говоря проще, о возстановленіи польскихъ судовъ, память о которыхъ въ лѣвобережной Украинѣ была жива. Авторъ подробно излагаетъ хлопоты объ этомъ дворянства, созывъ гетманомъ малороссійскихъ чиновъ на съѣздъ въ г. Глуховъ, выработка на съѣздѣ проекта судебной реформы и сдѣланныя въ немъ гетманомъ измѣненія. Измѣненный гетманомъ проектъ универсаломъ отъ 19 ноября 1763 года былъ предложенъ полковымъ и сотеннымъ судомъ къ свѣдѣнію и руководству; исполненіе универсала, вслѣдствіе противодѣйствія со стороны старыхъ судовъ шло очень медленно. Высочайшею властью проектъ было утвержденъ лишь указомъ отъ 10 ноября 1764 года, одновременно съ уничтоженіемъ гетманства. Далѣе авторъ приводитъ любопытныя подробности открытія земскихъ судовъ, ихъ устройство, квартиры и матеріальную обстановку; указываетъ на случаи проявленія вражды старыхъ судовъ къ новымъ, которая вмѣстѣ съ другими непредвидѣнными препятствіями тормозила дѣятельность послѣднихъ; изображаетъ выборы должностныхъ лицъ,

---

[1]) Чтенія въ Истор. Общ. Нест. Лѣтоп. кн. VIII, отд. 3-й, стр. 19—22.

ихъ утвержденіе, и, наконецъ, опредѣляетъ компетенцію земскихъ и гродскихъ судовъ; опредѣленіе компетенціи ихъ до сихъ поръ составляло камень преткновенія многихъ изслѣдователей, и мнѣніе автора очень интересное и важное, заслуживаетъ полнаго вниманія и провѣрки [1]). Малороссійскіе суды, говоритъ онъ, не знали раздѣленія дѣлъ на уголовныя и гражданскія; въ XVIII в. ихъ дѣлили обыкновенно на колодничьи и челобитчиковы. Но и это дѣленіе не можетъ служить основаніемъ для разграниченія компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, ибо тотъ же гродскій судъ, который вѣдалъ дѣла колодничьи, разбиралъ и постановлялъ свои рѣшенія и по дѣламъ челобитчиковымъ. Гораздо вѣрнѣе опредѣляется кругъ вѣдомства каждаго суда, если мы примемъ дѣленіе «справъ» *по степени наказуемости.* Литовскій статутъ, служившій главнымъ основаніемъ малороссійскихъ правъ, различаетъ «речи крвавые, за што горломъ караютъ» и «речи меншіе, некрвавые, где о горло нейдетъ»; и вотъ, если мы выдѣлимъ въ особую группу «речи крвавые», то и получимъ какъ разъ тотъ кругъ дѣлъ, который подлежалъ исключительно вѣдѣнію гродскихъ судовъ»; его-же вѣдѣнію подлежали кое-какія полицейскія правонарушенія; былъ еще родъ дѣлъ, одинаково подсудныхъ и гродскому и земскому суду: уходъ слугъ, угрозы здоровью и жизни, захватъ имѣній и т. п. Всѣ остальныя дѣла были подсудны земскимъ судамъ, исключая дѣлъ объ имѣніяхъ выморочныхъ и государственныхъ, разбиравшихся въ особыхъ коммиссіяхъ. Высказавъ мнѣніе о компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, которое справедливо можетъ быть оцѣнено лишь послѣ его повѣрки по актовымъ книгамъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію законовъ, которыми руководствовались гродскіе, земскіе и подкоморскіе суды: Литовскаго Статута, Порядка, Правъ цесарскихъ, магдебургскихъ, Саксона и общерусскихъ узаконеній XVIII в. и въ заключеніе характеризуетъ отношеніе къ шляхетскимъ судамъ малороссійскаго дворянства; отношеніе его къ нимъ было вполнѣ благопріятно; новоучрежденные суды пользовались общей симпатіей, однако они сильно страдали медленностью и волокитой вслѣдствіе недоконченности судоустройства, халатности судящихъ, несовершенства законодательства, «нехожденія» самихъ челобитчиковъ и злоупотребленія судейскаго персонала; тѣмъ не менѣе разница между велико-

---

[1]) D-r Ałojzy Winiarz въ недавной статьѣ своей („Ziemia sanocka w latacl 1463—1552“), помѣщенной въ „Kwartaln. Histor.“ (№ 2 за 1896 г.) указываетъ также на трудность опредѣленія компетенціи земскихъ и гродскихъ судовъ (стр. 305 и 306).

русскими и малорусскими судами была весьма значительна: «одного права выбора урядниковъ вольными голосами, а тѣмъ болѣе свободы отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній было вполнѣ достаточно, чтобы заставить шляхетство держаться за свой «національный» судъ обѣими руками. Послѣ же указа Петра III о вольностяхъ дворянъ и высочайшей грамоты о дворянствѣ, когда преимущества малороссійскаго суда стали достояніемъ и суда великороссійскаго, стоять за свой судъ малороссійскому дворянству не было уже смысла. Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды просуществовали до 1782 г., когда въ лѣвобережной Украинѣ было введено екатерининское учрежденіе намѣстничествъ. При Павлѣ статутовые суды были вновь возстановлены, но лишь на короткое время.

Въ «Приложеніяхъ» къ изслѣдованію г. Д. Миллера помѣщены: ордеръ гетмана Разумовскаго объ избраніи подкоморыхъ, ордеръ полковникамъ о съѣздѣ въ Глуховъ и универсалъ объ учрежденіи земскихъ и гродскихъ судовъ. Мы не сомнѣваемся, что почтенный трудъ г. Миллера послужитъ основаніемъ для появленія нѣсколькихъ новыхъ работъ.

Въ дополненіе къ изданному раньше А. М. Лазаревскимъ и Н. П. Василенкомъ генеральному слѣдствію о маетностяхъ полковъ Кіевскаго, Черниговскаго и Гадяцкаго г. *В. Мякотинъ* печатаетъ въ настоящей книгѣ «*Слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка*» по рукописи (№ 1159) Румянцев. музея; этому матеріалу онъ предпосылаетъ небольшое предисловіе, въ которомъ старается показать важность «слѣдствія» для изслѣдователей, извлекая изъ него нѣкоторыя данныя по землевладѣнію малороссійскихъ чиновъ.

Г. *М. Плохинскій*, печатая во многихъ отношеніяхъ интересное путешествіе въ 1697 г. іеромонаха Тарасія Поклонскаго въ г. Баръ въ Италію на поклоненіе мощамъ святителя Николая Чудотворца (перепечатано въ нашемъ журналѣ за прошлый мѣсяцъ), приводитъ въ предисловіи и цифры богомольцевъ, направляющихся въ Кіевъ на поклоненіе печерскимъ угодникамъ.

Г. Н. Сумцовъ, сообщая сказанія о затонувшихъ городахъ, селахъ или монастыряхъ, передаваемыя во многихъ мѣстахъ Малороссіи и въ разныхъ другихъ странахъ, въ пріуроченіи къ озерамъ, болотамъ и рѣкамъ, приходитъ къ заключенію, что въ основаніи ихъ лежатъ воспоминанія объ исключительно рѣдкихъ явленіяхъ природы; при передачѣ ихъ собственныя имена перепутывались, обобщались, исчезали, и получалось общее излюбленное сказаніе съ разными мѣстными

пріуроченіями и легендарной окраской; легендарная окраска проистекала отъ введенія морали—неси наказанія за грѣхи; нѣкоторыя сказанія носятъ на себѣ слѣды вліянія библейскаго сказанія о разрушеніи Садома и Гоморры.

Кромѣ того, г. Сумцовъ, указывая на важность изученія апокрифовъ и легендъ, дѣлаетъ подборъ не многихъ старинныхъ малорусскихъ легендъ, связанныхъ большей частью съ малорусскими историческими лицами и событіями, именно, о странствованіи церкви изъ одного мѣста въ другое, о сверхъестественномъ огражденіи русскихъ во время татарскаго нашествія, о порчѣ иконъ татарами, о построеніи церквей на мѣстахъ побѣдъ и т. п.

Г. М. Линда сообщаетъ историческія преданія о селѣ Рублевкѣ (богодухов. у. харьков. губ.), рисующія колонизацію далекой окраины того времени и условія жизни колонистовъ въ борьбѣ съ кочевниками. Настоящій томъ «Сборника» заключается продолженіемъ описи старыхъ дѣлъ центральнаго Архива при Харьков. у—тѣ, но разборъ этой описи мы откладываемъ до окончанія ея печатанія.

И. Каманинъ.

Fontes historiae Ukraino-Russicae (Ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae editi. Vol. I.

Жерела до історіи Украины-Руси. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Люстраціі королівщин в земляхъ Галицькій, Перемиській 3 р. 1565—66. У Львові 1895.

Основанное въ 1892 г. въ Львовѣ ученое общество имени Шевченка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяетъ свою дѣятельность. «Записки» общества, выходившія сначала по одной книжкѣ въ годъ, въ 1895 г. вышли уже въ 4 книгахъ, а съ 1896 г. предполагается издавать по 6 кн. въ годъ. Одновременно съ «Записками» обществомъ велись слѣдующія изданія: 1) юридическій трехмѣсячникъ «Часопись правнича», который съ настоящаго года преобразовывается въ ежегодникъ «Розвідки правничі історично-філозофічноі секціи Н. Т. ім. Шевченка»; 2) «Історична Бібліотека» (переводы важнѣйшихъ сочиненій по южно-русской исторіи—Костомарова, Антоновича и др.); 3) журналъ «Зоря». Съ настоящаго года общество пред-

принимаетъ новый рядъ изданій: 4) «Жерела до історіи Украины-Руси», 5) Памятки украінско-руськои мови и літератури» (для веденія этихъ изданій избрана особая археографическая коммиссія); 6) «Етнографічний збірник». Изданія общества представляютъ большой интересъ для всякаго занимающагося южно-русскою исторіею, такъ какъ въ нихъ помѣщается много важныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся не къ одной только Галиціи, но и ко всей территоріи, населенной малорусскимъ племенемъ.

Книга, заглавіе которой выписано выше, представляетъ первый томъ изданій археографической коммиссіи общества. Въ немъ помѣщена часть древнѣйшей люстраціи «русскихъ земель» (т. е. Галиціи), окончанію которой будутъ посвящены и два слѣдующихъ тома изданія, и вступительная статья редактора проф. Грушевскаго «Економічний стан селян на Подністровѣ галицькім въ половині XVI в.»

Значеніе люстрацій королевскихъ имѣній для изученія экономическихъ и соціальныхъ отношеній края настолько уже выяснено, что едва-ли нужно говорить о научной важности помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ матеріаловъ. Значеніе ихъ увеличивается еще тѣмъ, что они относятся къ странѣ, мало затрагиваемой русскими историками и досихъ поръ не находившей изслѣдователей среди мѣстныхъ ученыхъ. Самое изданіе сдѣлано съ подобающею тщательностію: издатель пользовался двумя рукописями—люстраціею, сохранившеюся въ части Коронной Метрики, хранящейся въ Московскомъ архивѣ М. Юстиціи, и инвентарями, сохранившимися въ архивѣ Варшавской казенной палаты; въ предисловіи дано подробное описаніе обѣихъ рукописей и объясненіе того, какъ пользовался ими издатель.

Вступительная статья, составленная преимущественно на основаніи помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ матеріаловъ, представляетъ начало цѣлой серіи подобныхъ работъ относительно внутренняго строя Галиціи въ XVI в., задуманныхъ авторомъ. Въ данномъ случаѣ онъ ограничивается очеркомъ экономическаго положенія крестьянъ галицкаго Поднѣстровья, а именно—старостствъ Снятинскаго, Теребовльскаго, Галицкаго, Рогатинскаго, Стрыйскаго, Дорогобычскаго и Самборскаго. Самое изслѣдованіе распадается на слѣдующія рубрики: 1) разряды крестьянъ; 2) формы землевладѣнія; 3) подати и повинности; 4) благосостояніе крестьянъ. Вотъ главныя положенія, къ которымъ приходитъ авторъ по этимъ вопросамъ. Наиболѣе многочисленный разрядъ крестьянъ представляютъ тяглые (въ люстр. по-

тужники, затяжные, работные, данные и т. п.), переходъ къ которымъ составляютъ «свободные» (т. е. живущіе извѣстное число лѣтъ «на свободѣ»); встрѣчаются еще служки, загородники, подсусѣдки—какъ поселяне менѣе состоятельные и, наконецъ убогіе. Основная форма землевладѣнія — дворищная, находящаяся уже въ упадкѣ: дворища почти всѣ «мѣряныя», т. е. обращенныя въ ланы; въ нѣкоторыхъ староствахъ и ланы уже распадаются на $^1/_2$ и $^1/_4$ ланы. Вообще грунта уменьшаются по направленію съ В. на З. и съ Ю. на С. (такъ въ ст. Снятынскомъ и Теребовльскомъ преобладаютъ цѣлодворищныя хозяйства; въ Дорогобычскомъ полдворищныхъ хозяйствъ 150, $^1/_4$ дворищныхъ 76, но есть $^1/_6$ и $^1/_8$ дворищ. Вопросъ о крестьянскихъ податяхъ и повинностяхъ разработанъ съ особенною полнотою: каждому староству посвящена особая глава. Мы приведемъ только заключительныя обобщенія. Главныя формы обложенія—денежный чиншъ, хлѣбная дань, десятина отъ скота и пасѣкъ, стація и работы. Величина чиншей и хлѣбной дани втеченіе нѣсколькихъ поколѣній оставалась безъ измѣненій; работа представляла большія колебанія; стація и десятина также. Особенно измѣняется количество работъ: въ инвентарѣ Теребовльскаго, стар., относящемся къ болѣе раннему времени, работа является только въ видѣ т. наз. «помочи», составляющей 8 рабочихъ дней въ годъ; въ люстраціи устанавливавается уже 2 дня рабочихъ въ недѣлю (за что нѣсколько уменьшенъ чиншъ), но помочные дни остаются по прежнему; въ другихъ случаяхъ помочь прямо замѣняется еженедѣльною работою; въ тѣхъ случаяхъ когда работа замѣнялась денежнымъ платежемъ, оставались помочи, размѣръ которыхъ впослѣдствіи увеличивался; еще удобнѣе подвергалась увеличенію работа неопредѣленная («роблять що скажуть»), иногда обращавшаяся въ ежедневную (въ нѣкоторыхъ селахъ Галицкаго и Теребовльскаго стар.). Наконецъ работа могла увеличиваться вслѣдствіе раздробленія грунтовъ: особенно ясно это явленіе замѣчается въ повѣтѣ Стрыйскомъ, гдѣ податною единицею считается дворнище, а работа отбывается съ $^1/_4$ дворища. Таже причина приводила и къ чрезмѣрному возрастанію денежнаго обложенія; при этомъ старосты могли увеличивать свои доходы, оставляя безъ измѣненія номинальные размѣры податей и повинностей, но облагая ими меньшіе надѣлы; земли, неоставшіяся свободными послѣ помѣра, они или отдавали прежнимъ владѣльцамъ въ видѣ «прирѣзковъ» за увеличенныя повинности, или же принимали на нихъ новыхъ поселенцевъ. Размѣры повинностей и податей въ различныхъ староствахъ были неоди-

наковы. Не вдаваясь въ изложеніе подробныхъ вычисленій г. Грушевскаго, не сведенныхъ по недостатку матеріала къ какимъ либо опредѣленнымъ выводамъ, ограничимся только числомъ рабочихъ дней въ нѣкоторыхъ староствахъ: въ Снятнискомъ на дворище приходилось отъ $^1/_4$ до 2 рабочихъ дней, Теребовльскомъ—3, Галицкомъ—4—6, Стрыйскомъ—4, Рогатинскомъ—8,—т. е. и здѣсь положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З. Кажется, къ подобному выводу можетъ привесть и помѣщенная на стр. 49 предисловія общая таблица податей и работъ въ разл. сторонахъ, Въ заключительной главѣ авторъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній о благосостояніи крестьянъ, насколько его можно видѣть изъ данныхъ люстраціи. Такъ, на основаніи количествъ десятины онъ опредѣляетъ общее количество скота и пасѣкъ на каждое хозяйство. Для Снятынскаго—10 воловъ, $7,_3$ свиней, $4^1/_2$ пня; для Галицкаго—12 воловъ, 6 пней; для Теребовльскаго—$8,_3$ вола, $5^1/_2$ овецъ, 6 пней. Но въ этихъ ю.-з. сторонахъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ въ сѣверо-зап. Тамъ грунты были уже такъ роздроблены, что становились недостаточными для веденія хозяйства; новые поселенцы избѣгали этихъ повѣтовъ; въ Стрыйщинѣ сама администрація находила обложеніе чрезмѣрнымъ; въ ст. Рогатинскомъ положеніе крестьянъ было такъ тяжело, что они разбѣгались, не смотря на то, что правительство казнило смертью за побѣгъ; въ этомъ староствѣ сама администрація освобождала нѣкоторыхъ крестьянъ отъ налоговъ «для ихъ нужды».

Таково содержаніе интересной статьи г. Грушевскаго. Общій характеръ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ автора на современныя потребности южно-русской исторіи, высказаннымъ въ предисловіи къ изслѣдованію его о Барскомъ старостве. «Южно-русская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ на всемъ своемъ протяженіи трудами предшествующаго поколѣнія историковъ, требуетъ для провѣрки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно детальныхъ изслѣдованій—въ особенности въ видѣ «изученія различныхъ явленій внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи... Это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Настоящая работа несомнѣнно представляетъ новую попытку въ томъ же направленіи. Придавая большое значеніе подобнымъ работамъ, не можемъ не замѣтить, что авторъ въ данномъ случаѣ м. б. слишкомъ увлекся своимъ «лабораторнымъ» методомъ и слишкомъ тщательно избѣгалъ

всякихъ обобщеній и болѣе или менѣе общихъ объясненій приводимыхъ фактовъ. Впрочемъ, эта особенность въ значительной степени объясняется неполнотою матеріала, которымъ пользовался авторъ, а также намѣреніемъ его отложить общіе выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдованій, открываемыхъ настоящею статьею. Изъ частныхъ недосмотровъ не можемъ не указать непонятное для насъ вычисленіе количества скота въ послѣдней главѣ: въ Снятинщинѣ съ 300 тяглыхъ хозяевъ и 36 вольныхъ и загородниковъ берется десятина въ 30 воловъ, и въ результатѣ получается 10 воловъ на хозяйство (вѣроятно это опечатка: вм. 30 д. б. 300). Несовсѣмъ понятна и заключительная фраза этого отдѣла: опредѣливъ, что на хозяйство приходилось 8—10 воловъ, г. Грушевскій прибавляетъ «достатокъ не великій»! Нельзя не пожалѣть также, что г. Грушевскій не сдѣлалъ попытки вычислить, насколько позволяли его матеріалы, количество населенія и его густоту въ староствахъ.

В. Щербина.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ. СПБ. 1895 г., стр. 1—356; 1—29; 1—167.

Какъ и всѣ прежніе отчеты Императорской Публичной Библіотеки, о которыхъ намъ приходилось говорить уже нѣсколько разъ, данный отчетъ отличается полнотой и обстоятельностью свѣдѣній о матеріалахъ, поступившихъ въ Публичную Библіотеку въ 1892 году. Разсмотрѣвъ этотъ отчетъ, каждый интересующійся спеціальнымъ вопросомъ можетъ смѣло идти въ библіотеку, зная болѣе или менѣе точно, съ какими матеріалами онъ тамъ встрѣтится, а это одно изъ существеннѣйшихъ условій пользованія обширными книгохранилищами. Мы не будемъ перечислять со всей подробностью громаднаго матеріала рукописнаго, поступившаго въ библіотеку въ 1892 году, а отмѣтимъ только то, что можетъ интересовать преимущественно читателя нашего журнала, т. е. матеріалы, касающіеся жизни юга Россіи.

На первомъ планѣ нужно отмѣтить переданныя изъ Мин. Нар. Просв. бумаги и брошюры, хранившіяся до того времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ наибольшій интересъ представляютъ выписки изъ цензурныхъ дѣлъ и разныя бумаги по вопросамъ цензуры, находившейся прежде въ вѣдѣніи Мин. Народ. Просв., а не Мин. Внутр. Дѣлъ. Укажемъ, напримѣръ, переписку по поводу

издававшагося въ 1846—49 гг. альманаха «Gwiazda», который главнымъ образомъ принадлежитъ Кіеву (объ этой перепискѣ, равно какъ и о самомъ альманахѣ см. нашу замѣтку въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2); а также любопытную подлинную памятную записку генералъ-фельдмаршала князя И. Ѳ. Паскевича о сочиненіи профессора Мацѣевскаго «Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie Słowian». (см. этотъ документъ также въ нашей замѣткѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2). Кромѣ этого, отмѣтимъ еще одинъ документъ: два черновыхъ проекта всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія о разсказѣ М. Елагина «Откупное дѣло», помѣщенномъ въ № 9 «Современника» за 1858 годъ, въ каковомъ разсказѣ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ усматривалъ пасквиль противъ нѣкоторыхъ лицъ общественнаго круга г. Екатеринослава (Отчетъ, стр. 148). Самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ изъ рукописныхъ матеріаловъ, безспорно, нужно признать купленныя Библіотекою бумаги извѣстнаго профессора Московскаго университета и академика Степана Шевырева, который, благодаря своимъ многолѣтнимъ ученымъ и литературнымъ трудамъ, велъ обширную переписку съ разными лицами. Всѣхъ писемъ къ нему сохранилось 3437; изъ нихъ очень немногія пока опубликованы, главнымъ образомъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 и 1885 гг., да письма Н. В. Гоголя къ С. П. Шевыреву напечатаны въ сочиненіяхъ Гоголя, подъ редакціей П. Кулиша. Всѣ эти письма принадлежатъ 565 лицамъ, алфавитный перечень которыхъ и напечатанъ въ «Отчетѣ» (стр. 182—192), съ указаніемъ, сколько писемъ какому лицу принадлежитъ. Нечего и говорить о томъ, что среди этихъ лицъ мы находимъ много именъ такихъ, которыя по дѣятельности своей всецѣло или отчасти принадлежатъ нашему югу Россіи; перечислять мы не станемъ, а упомянемъ лишь о томъ, что изъ этого собранія мы списали 11 писемъ М. А. Максимовича, которыя и напечатаемъ въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Цѣнный даръ получила Библіотека отъ С. Н. Батюшковой, а именно: альбомъ автографовъ, принадлежавшій ея покойному мужу Помпею Николаевичу Батюшкову и содержащій 250 писемъ разныхъ лицъ, тутъ-же въ «Отчетѣ» и перечисленныхъ, а также отдѣльное собраніе писемъ къ самому П. Н. Батюшкову (Отчетъ, стр. 209—221). Тутъ встрѣчаемъ тоже цѣлый рядъ именъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ культурной жизни нашего края, какъ-то: Я. Ѳ. Головацкій, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, М. О. Кояловичъ, прот. П. Г. Лебединцевъ, И. И. Малышевскій, Н. И. Петровъ, М. В. Юзефовичъ.

Кромѣ того, ею же пожертвованы разныя дѣловыя бумаги покойнаго мужа—то по части учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то касающіяся греко-уніатскаго дѣла и католической пропаганды въ этомъ краѣ, то относящіяся къ церковно-строительному дѣлу здѣсь-же, то, наконецъ, касающіяся изданія «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ».

Изъ старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ Библіотекою въ отчетномъ году, отмѣтимъ только одну, имѣющую для насъ спеціальный интересъ: Малороссійская пѣсня «На бережку у ставка», съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою. Москва. 1794, въ листъ (Отчетъ, стр. 258); объ этой книгѣ нѣсколько словъ мы скажемъ въ слѣдующей книжкѣ въ видѣ особой замѣтки.

Какъ и раньше, къ «Отчету» даны очень цѣнныя приложенія, а именно—разныя письма, представляющія большой интересъ для занимающихся вопросами литературными и общественными. Дѣлать выписки изъ этихъ писемъ значило-бы перепечатывать ихъ цѣликомъ, а потому мы ограничимся указаніемъ только на нихъ и помѣстимъ одну выдержку изъ письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву о постановкѣ «Ревизора» Гоголя на московской сценѣ въ 1839 г. въ присутствіи его самого. «Гоголь здѣсь и онъ немножко гримасничаетъ. Аксаковъ и я постарались, чтобы его вызвали въ Ревизорѣ. Загоскинъ [1]) нарочно далъ піесу. Гоголь сидѣлъ въ бенуарѣ у Чертковой [2]). Послѣ втораго дѣйствія стали вызывать, хотя въ театрѣ было немного, но публика приняла единодушное участіе въ вызовѣ, а Гоголь посидѣлъ, посидѣлъ, да и уѣхалъ, не показавшись. Загоскинъ лѣзъ на стѣну. Еслибъ публика не вызывала Гоголя, мы бы назвали ее публикой вандаловъ да готтентотовъ; теперь она узнала о его пріѣздѣ, и тутъ виновата. На другой день, разумѣется по внушенію Погодина, а можетъ быть и нѣтъ, Гоголь написалъ извинительное письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ разстроенъ, что у него есть семейныя отношенія, какое-то горе, которое помѣшало ему выйти. Этого письма въ ходъ не пустили и умно сдѣлали». (Приложенія къ «Отчету», стр, 119).

Тутъ-же, въ Приложеніяхъ, въ одномъ изъ писемъ А. Ѳ. Воейкова къ П. И. Гаевскому находимъ любопытную приписку, относя-

---

[1]) Мих. Ник. Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ Императорск. Московск. театровъ.

[2]) Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева.

щуюся къ личности А. А. Перовскаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Антонія Погорѣльскаго (о немъ см. стат. «Кіевск. Стар.» 1888 г. № 4). Вотъ эта приписка: «Позвольте узнать, можно-ли будетъ, напримѣръ, Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, заявя о семъ своему цензору, подписываться Антоніемъ Погорѣльскимъ? Разрѣшите меня, ради самого Бога». Что можетъ означать этотъ вопросъ въ связи съ біографіей А. Перовскаго?

В. Науменко.

левца на Ревутинци и Андрѣевку, а зъ Кролевца до Тулиг., де и обѣдалъ, а по обѣдѣ вечоромъ пріехалъ въ Глуховъ, где матки незасталъ, отехавшой сегодня въ Богдановку до образа.

Вовтор. 10. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими зъ жаромъ. Сегодня рано былъ я у генерала и после у генералской церквѣ. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ былъ на Бѣлополовцѣ, откуду поехалъ я до Паска, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ листъ отъ Янѣшевского и реестри коней еждящалихъ 21 въ футорѣ Гамал., да сеголѣтнихъ всѣхъ лошачковъ 20, да лошичокъ 16, всего 36.

Середа. 11. День былъ свѣтелъ и тепелъ, толко велми вѣтранъ, а передъ вечоромъ дожчъ зъ силнимъ громомъ, а на ночъ знову собрался дожчъ, котрий въ ночъ ишолъ. Толко жъ воздухъ теплій и тихій. Рано въ Сварковѣ осмотрѣлъ и приказалъ: 1) людей висилать войту и Забарѣ пахать Шовкунувщину и Горловщину; 2) Омельку здѣлать другое пуздро; 3) окна переправитч теслямъ; 4) Ковернику смотрѣть тесел и млина и требовать, що потреба до оного; 5) да ему жъ требовать свитъ двохъ машталѣру Павлу и Омелкови. Пріехалъ у футоръ и приказалъ дворнику: 1) сискать клунниковъ, чтобъ клунѣ доробыли; 2) чтобъ Криековци скирту вимолотили жита; 3) чтобъ зъ того жъ жита четверть 1 взять тамъ на росходъ. Поехалъ до пасѣки Вистровской и пріехалъ передъ полднемъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ и, не доежджая Уздицѣ, дожчъ силний змочилъ. А якъ пересталъ, то я, пріехавши въ пасѣку Уздицкую, мало позабавилъ, и оттоль поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ за 3 часа позно.

Четвер. 12. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, осѣнний, а къ вечору пересталъ, ночъ свѣтла, ясна и холодна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я на Бѣлополовку, где зъ и. Михайломъ и Валкевичемъ видѣлся. До Василя Филипъ писалъ писмо въ Криски и денегъ 6 р. 50 к. послалъ, а писалъ: 1) чтобъ былъ приставъ, когда подводи сюда отправляются; 2) чтобъ колодки привозили должніе и еще, буде хто похочетъ, жита; 3) Василя Шапченка, утекшаго, вибить 10 кіевъ; 4) дрань сюда

присилать и крокви зъ Розлетъ и 15 пѣшихъ на сѣнокосъ; 5) мѣрочника Стелка зъ Казимовки сискать и хто искуснѣйшій, тому строить; 6) зъ денегъ, якихъ всѣхъ у его есть 17 р., по сей день платить тертичникамъ и грабарей нанимать; 7) впредъ тертичникамъ платить зъ шинковихъ криск., а урѣзать тертиць шеліованихъ 500, двоедалнихъ 200, а остатокъ на брусся до будинку и складать; 8) старостѣ,якъ пріедетъ смотрѣть греблѣ, а Демяну въ Роменъ.

Пятокъ. 13. День былъ почасти подобній вчорайшому, дожчеватъ отъ перебѣгаючихъ хмаръ и холодноватъ, у вечору випогодилось. Ночъ тиха, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо въ дому ради праздника, а по обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, а родитель до матки въ Кролевецъ, а я на Бѣлополовку, где играли у карти зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ у панфиля, зъ проиграшомъ 50 к.

Субота. 14. День былъ свѣтлій, вѣтрянъ и съ ранку холодноватъ, ночъ тиха, свѣтла. Отъ грека Іотія, после порахунку, принялъ я черезъ Тараса 10 р., а еще на немъ 51 р. Да принялъ же я отъ Тараса шинковнихъ свар. 5 р. 44 к. въ доплатку за куѳу. Обѣдалисмо дома зъ женою, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку, где игралъ у карти зъ виграшомъ 20 к.

Неделя. 15. День былъ свѣтлій, теплій, чили рачей жаркій, тихій. Ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Миклашевская и Кендзеровская и Гапка, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Валкевичъ и Холодовичъ, зъ которимъ игралъ въ карти зъ виграшомъ 1 р. и 70 к. Жена передомъ зъ дѣтми отехала у Тулиг., а я заночовалъ самъ въ Глуховѣ. Алексѣй Полуденскій, Максимъ Забара и Леско Дѣдикъ виправлени въ Лещѣ у Астрахань по Гилю и Архипа, и дано имъ на дорогу 15 р., и приказъ и писма, чего всего копія тутъ оставленна.

Понедел. 16. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, а къ вечору вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано ездилъ я на Бѣлополовку за пріездомъ зъ Кролевца въ Глуховъ родителскимъ и, простившись, повернулся и обѣдали совокупно. А по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ, оттоль въ футоръ Калюжновскій, зъ футора до

Тул. через Некрасовъ, поузъ Щебри и пріехалъ о полночѣ въ Тул. Далъ я приказъ Тарасови, другій войту свар. и Забарѣ, третій коберникови, да словесно приказалъ дворникови футорнику пашню у клунѣ складать и клуню оправить.

Вовтор. 17. День былъ свѣтлій, тихій, зъ малимъ вѣтромъ, жаркій, ночъ сперва свѣтла, почасти хмарна, а после знову свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо зъ женою у Тулиг. а по обѣдѣ поехали вечоромъ и, пріехавши смеркомъ у Мутинъ, стали у дворцѣ и ночевали. Далъ Роману, стар. тулиг., на росходи 5 р. и записалъ. Роіовъ 9 стало у Тулиг. пасѣцѣ.

Середа. 18. День былъ подобній прежнимъ, тихій, свѣтлій и жаркій, ночъ почасти хмарна, толко жъ тиха и тепла. Рано зъ Мутина поехали и, переехавши поромомъ через озеро Мутинъ, а Сеймъ другимъ поромомъ, пріехали до Грузской, где и обѣдали. Отъ обѣда уехали верстъ зъ 10 до Терну, где полкъ Гадяцкій стоитъ, и переехавши тамъ через греблю, вновъ онимъ полкомъ здѣланную, уехали зъ милю и стали надъ болотомъ, Московкою именуемимъ, на ночлѣгъ. Сеймъ у своемъ стремю сталъ ити и еще почасти вода спадаетъ.

Четвер. 19. День былъ теплій, сперва хмаренъ и дощеватъ, а после свѣтлій, знову дощеватъ, а къ вечору випогодился, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Зъ ночлѣга поехавши, пріехали въ Смѣлое и, для найшовшого дожчу, стали въ дворѣ Греся и обѣдали, а по обѣдѣ оттоль поехали и пріехали позно у Роменъ, где застали въ добромъ здоровю брата Марка зъ женою, братовую п. Семенову и сестру Олесю и другихъ.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтрянъ и хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха почасти и почасти вѣтряна и холодна барзѣй къ свѣту. Сей день пробавили зде, въ Ромнѣ; были у мене протопопъ Савѣцкій и Лучанскій отецъ Ѳедоръ.

Субота. 21. День былъ зранку холоденъ и почасти хмаренъ и вѣтрянъ, а после тепелъ и зъ дощемъ густимъ, переходячимъ. Ночъ свѣтла, вѣтряна и холодновата. Сей день тутъ въ Ромнѣ пробавилисмо. Вѣжевскому для покупокъ ярмарковихъ далъ я 10 р.

Получилъ я писмо зъ Крисіокъ отъ Василя, что договорился онъ зъ мѣрочникомъ строить греблю и млинъ, а ему за то 6 р., сукно и габа.

Неделя. 22. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ, после тепелъ и свѣтелъ до вечора, ночъ тиха, свѣтла и мѣрна, къ свѣту хмарна зъ дощикомъ. Сей день тутъ продновалисмо, купили сутой парчи золотой локоть за 6 р., а у юріевого шафара Павла взяли локоть красной парчи за 3 р., да локоть блакитной за 12 зол., да 14 локоть канавацу безъ чвертки по 65 к. штабного желѣза 3 пуда по 19 а., полъ пуда свинцу за 1 р., да полтори тисячи чабаковъ за 12 зол., полуедвабной матеріи у жидовъ локоть 33 по 11 а., оливи по 8 к. фунтъ, мигдаловъ по 12 а.

Понедел. 23. День былъ хмаренъ велми зранку и холодноватъ, а после свѣтелъ, вѣтрянъ, однакъ тепловатъ, ночъ свѣтла, ядрана и вѣтряна почасти. Вѣжевскій отправленъ въ Глуховъ, а данъ ему приказъ въ 12 пунктахъ о зняттю пашнѣ и сѣнокосѣ и проч. Обѣдалисмо въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ футоръ свой Артополотскій передъ вечоромъ, где и ночовали.

Вовтор. 24. День былъ зранку холодноватъ вѣтромъ холоднимъ велми и хмарками переходячими, свѣтелъ по болшой части, ночъ сперва свѣтла, после хмарна зъ малимъ дощикомъ, а къ свѣту знову ясна. Сей день пробавилисмо тутъ въ футорѣ, рано ездилъ осматривать пашнѣ и сѣно, которого уже на нѣсколько скиртъ укошено. У пасѣцѣ пчоли показалось всеей старой и новой, зде у футорѣ 146, а 2 у Данила, да у другого подданого, которіе они половили. Набѣлу тутъ у футорѣ 2 дѣжки болшихъ, а 2 меншихъ масла, а 2 кодовба сира.

Середа. 25. День былъ сперва свѣтелъ, после почасти хмаренъ и вѣтрянъ велми, однакожъ тепелъ. Ночъ свѣтла, тиха, а после хмарна и тепла. Рано поехалъ зъ футора своего Гамал. до Андрѣевки, где служби Божой вислухавши, пріехалъ на обѣдъ въ Токарѣ. Приказалъ дворникови Гамал., чтобъ толоки еще зоралъ столко жъ; да чтобъ давалъ съ третой копицѣ косить сѣно посторонним на нашомъ статку. Получилъ я писмо отъ Шоха и Куз-

мѣнского, что сказку Ерофѣеву въ судѣ пол. чер. перемѣнено черезъ Березнячого. По обѣдѣ поехалъ и пріехалъ на ночъ въ Лохвицю и стали въ гаи, въ дворѣ тіотки п. Павловой.

Четвер. 26. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, потомъ вѣтрянъ велми, толко жъ тепловатъ. Ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ ночлѣга отъ тіотки п. Павловой поехали и пріехали на обѣдъ въ Сухоносовку, где и ночевали.

Пятокъ. 27. День былъ свѣтелъ и жарокъ, зъ малимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Въ Сухонос. по мой отездъ было всеей пчоли 146 и еще роилась. Получилъ я отъ род. зъ Глух. вѣдомость, что Архипъ съ товарищи повернулся зъ низу и привезлъ... Поехали зъ Сухонос. и, переехавши Удай, въ Оробяхъ, заночовали. До брата Марка писалъ черезъ козака Токар., чтобъ завернуть Алексѣя послалъ зъ дороги.

Субота. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а около полдня вѣтряний, потомъ тихшій, ночъ свѣтла, теплована, толко ядрана и тиха. Рано отъ Оробювъ поехали и пріехали въ Лубнѣ на обѣдъ и въ дворѣ Іванихи Корнѣенковой стояли. А по обѣдѣ поехали зъ Лубенъ и пріехали къ Березнякамъ, перебувши зъ трудностю рѣчку Багачку чили болото и стали на ночлѣгъ. Петру Кухару далъ на росходъ столовий 2 р.

Неделя. 29. День былъ зранку тихъ, а заразъ вѣтрянъ, хмаренъ и гараздъ холоденъ зъ маленкимъ дощикомъ, а къ полдню тепелъ и после свѣтелъ и жарокъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана велми. Зъ ночлѣга поехали и проехали Березняки и пріехали передъ полднемъ у футоръ свой Криворудскій миль зъ 4 было, где и обѣдали и ночевали. Сего лѣта вездѣ тутъ въ поляхъ степнихъ, взявши отъ Сейму, жита худи, овси добри и лутшіе гречки, проса и ячменѣ и пшеницЯ нехуди.

Понедел. 30. День зранку тихъ, свѣтелъ и велми жарокъ, ажъ до вечора, ночъ свѣтла, тиха, ядрана велми, къ свѣту хмарна и почасти вѣтряна. Ездилемъ по заору, отъ Горошинціовъ уступленному, якому таковий слѣдъ: взявши отъ футора Горошка по могилу Майданъ, и отъ Майдану просто до могили Столповахи,

где шляхъ идетъ зъ Говтви говтвянскій, и тимъ шляхомъ (поузъ который идетъ старий заоръ Жостѣрскій) по дорожку, зъ Лубенъ до футора нашего идучую, чили барзѣй поузъ тотъ старий жостѣрскій заоръ до заору Криворудского, который идетъ через Кривуху по узъ могилки Близници, близкіе къ футору нашему, а сѣнокосніе луки здавна наши бивали отъ шляху говтвянскаго, где дорожка зъ Лубенъ до нашего футора идетъ, почавши просто черезъ могилки и Кривуху до могилокъ Близниць далшихъ, где футоръ сѣла теперъ бувшая сотничка Лукомская до Довгой могили.

Вовтор. 31. День былъ зранку ядраний, свѣтлій, жаркій велми, ночъ подобная вчорайшимъ, свѣтла, тиха и ядрана. Сей день тутъ позабавили у футорѣ и переночевали. Набѣлу по сейчасъ у футорѣ: дѣжокъ меншихъ масла 9, девятая неповна, а 3 дѣжки великихъ, всѣхъ 12, сира куховъ 5, чили кадовбовъ, а особливо было 3 горшки болшихъ сметани и молока, въ гладушахъ. Ездилъ я передъ обѣдомъ къ футору Глумишиному, оттоль къ бугру, где усмотрѣлъ мѣстце гребелку загатить, вмѣсто тоей, что въ слободцѣ.

Августъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и очинъ жаркій, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Рано зъ футора Криворудского поехали на службу до Горошина, где вислухавши службы, поехали до перевозу Горошинского, отколь перевезшись, поехали и пріехали на ночъ въ Денисовку, миль 3 добрихъ отъ Сули.

Четвер. 2. День былъ зранку мало хмаренъ, потомъ свѣтелъ и жарокъ, ночъ свѣтла, толко по бокамъ хмарна, почасти вѣтряна, толко жъ тепловата. Зъ Денисовки по службѣ Божой, которую служилъ отецъ Орановскій, поехали и пріехали на обѣдъ въ Перервинцѣ, куда будетъ миль 3. Застали тутъ набѣлу: масла фасокъ 9, сира дѣжокъ 5. Увѣдомился я, что Климъ вибраковалъ зде 40 овецъ и продалъ по 32 к., а срокъ отдачѣ грошей объ Успеніи положенъ.

Пятокъ. 3. День былъ свѣтелъ и жарокъ, ночъ такъже тепла, свѣтла и тиха. Рано ездилемъ за село и за Левкову долину, где футоръ Троцкій, на степъ, где сѣно мое кошено, которого въ скиртахъ сотеннихъ будетъ скиртъ 20. Да тамъ же осмотрувалъ

заору давнего и теперешняго весняного, котерий отъ дороги пошолъ горбомъ по надъ Левкою (?), да завернувшись прийшолъ до Оржицѣ Сухой, противъ Исаенкового футорця. Ячменю нажали тутъ всего копъ 24, да жита на лану однимъ 35 копъ.

Субота. 4. День былъ свѣтлій, жаркій, толко вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Приобщались Прест. Тайнамъ; духовнимъ билъ отецъ Потапий Городисскій, зъ Василкова попъ, который зъ другими попами, зъ Орановскимъ, священнодѣйствовавшимъ, и Петромъ перервинскимъ и обѣдали. По обѣдѣ поехалъ я зъ Перервинецъ по узъ яръ Мехеевскій и стѣнки Тараненкови до яру Исаенковъ, где заоръ видѣли и пріехали позно велми въ Короваи, где и ночевали. Приказалъ я въ Перервинцяхъ: 1) денги 13 р. зъ чимсь, у Василя Крутня обрѣтаючихся, употребить ему на сѣно поденное и укосить скиртъ 10 или болшъ великихъ. 2) Старостѣ Демяну Тараненку въ харчъ призапаситись. 3) Пашню забрать, въ заорѣ насѣянную, отъ футорянъ сотничихъ. 4) Сѣно забрать Свѣчки Ивана, въ заорѣ покошенное. 5) Болше прежнего жита посѣять. Послалъ я 3 р. до Кращенка, дворника Криворудского, на куплю жита,—засѣвать черезъ слобожанъ Криворудскихъ.

Неделя. 5. День былъ зранку хмаренъ и холодноватъ, а после свѣтелъ и тепелъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, тиха и зъ великимъ дощемъ и густимъ. Служби Божой вислухавши въ Короваяхъ, и обѣдали, а по обѣдѣ виехали до Пѣратина и пріехали, а оттоль пріехали позно до Сухоносовки, где застали зятя п. Стефана и Клима и машталѣра, отъ швакгра п. Андрѣя Полуботка присланнаго, зъ листомъ просительнимъ объ отсрочкѣ денегъ, должнихъ, позиченнихъ. Петро Кухаръ посланъ въ Лубнѣ для напитку и хлѣба и риби.

Понедел. 6. День былъ зранку вѣтряний, и холодний, и хмарний зъ дощемъ, а передъ полуднемъ дощъ пересталъ, а после, а особливо къ вечеру, очинъ изрядно ведро, таково жъ въ ночѣ, свѣтло, тихо, ядрано. Сей день въ Сухонос. пробавилисмо и отъ зятя п. Стефана получилъ я листи родителя его, такъ же писара енер. и род.

Вовтор. 7. День былъ свѣтлій, теплій, мало вѣтряний, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, а около полночи дощикъ малий. Сей день продновалисмо у Сухонос. и съ нами зять нашъ Стефанъ. Ездилъ осмотривать левадъ, одной поповской, другой Куцубовской, третей Шереметишиной, где тютюнъ саженъ не въ пору, и садовъ Канатовскаго, Козубувщини и Шереметовщини. Пчоли осмотривали Сухонос. и означили въ зиму пустить 109, а убить 36, а всеей 135 (?).

Середа. 8. День былъ свѣтлій и теплій, а зъ полудня хмаренъ, а после свѣтелъ, а къ вечору хмаренъ, ночъ была хмарна и вѣтряна, толко жъ тепловата, къ свѣту дощикъ. Рано поехалисмо зъ Сухонос. до Лохвицѣ всѣ обще и обѣдали у тіотки п. Павловой въ гаи. Далъ я приказъ Янѣшевскому о Кривой Рудѣ: 1) Поле орать на жито слобожанамъ къ заору. 2) Толоку одну имѣть имъ къ Горошину. 3) Скопщини зъ... брать. 4) Овецъ доить не переставать. 5) Жита сѣять до 20 четвер. луб. 6) Лѣсъ поблизу для хворосту сторговать. 7) Гребелку низше загатить. По обѣдѣ отъ п. Павловой поехали, виехавши отъ греблѣ Лохвицкой, розехались зъ зятемъ п. Стефаномъ, онъ поехалъ просто въ Роменъ, а мы въ Токарѣ, где и заночовалисмо.

Четвер. 9. День былъ хмарний зъ переходячими хмарами и дощеватъ, а после свѣтелъ и жарокъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ Токаровъ пріехалисмо въ Гамалѣевскій футоръ, а я, едучи, заездилъ до нового футора вигонного родителского, которій межи слободкою Галецкого и футоромъ обозного луб. Мартоса устроенъ. Обѣдалисмо въ Гамал. футорѣ, а у вечеру ездили въ Андрѣевку до родителки, где вечерали и ночевали. Сѣна тутъ у Гамал. футорѣ отъ шляху Ромадановскаго скиртъ 7, на Поповщиной 4, а къ Андрѣевцѣ, на томъ боцѣ, скиртъ 12, всего 23, а торочная 1. Жита нажато зде, опрочъ зажонного, копъ 71, а ячменю копъ „ “. Пчоли у футорѣ Гамал. 146, въ томъ числѣ старой 83, молод. 61, да у людей 2, въ томъ же числѣ допулнихъ старихъ 20, а молод. 14, зъ того числа убить старихъ 21, а молодихъ 5, всѣхъ 26, а на зиму оставить 120.

Пятокъ. 10. День былъ свѣтлій, теплій и мало вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано зъ Андрѣевки поехалисмо я футоръ Гамал., а оттоль зъ полдня у Роменъ, куда пріехали смеркомъ и заночевали.

Субота. 11. День былъ зранку холодноватъ, свѣтелъ и послу тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и очинь ядрана. Родителка зъ Андрѣевки пріехала на обѣдъ въ Роменъ, зъ которою обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали зъ Ромна и съ нами племѣнница Заборовская, и не доезджая Хмѣлова, близъ луки Савуского старого, заночевали.

Неделя. 12. День былъ свѣтлій, сперва ядранъ, после тепловатъ и почасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано отъ ночлѣга поехавши, были на службѣ у Смѣломъ, а обѣдали у слободцѣ Стаховичевой, а отъ обѣда поехавши, ночевали на Кроснахъ.

Понедел. 13. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, ночъ хмарна зъ дощемъ и вѣтромъ, а къ свѣту выпогодилась почасти. Отъ Кросенъ поехали и обѣдали въ Мутинѣ, а по обѣдѣ зъ Мутина поехали и пріехали въ Тулиг. на ночъ, где и ночевали. Въ Тулиг. ужали жита 150 копъ, опрочъ отшедшихъ женцямъ 30 копъ, а сѣна укосили 300 воз. Въ имбарѣ гор. куѳа вел. 1, а въ другой—4 или 5 нос.

Вовтор. 14. День былъ свѣтлій и почасти хмарній, толко жъ теплій, о полднѣ дощъ и хмарно до вечора, ночъ хмарна и почасти свѣтла, къ свѣту вѣтеръ. Зъ Тулиг. рано поехали на обѣдъ въ Глуховъ, где застали родителя при добромъ здоровю, зъ которимъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ былъ я на Бѣлополовки у гетмана и п. Михайла. Тутъ увѣдомился, что по іменному ея величества указу, который прислан до генерала порутчика Загрязкого, обозний енер. Яковъ Лизогубъ зъ бунчуковими товарищи и съ полками рушилъ къ Смоленску за границу у Полщу, а велено ему стать у селѣ Мисновичахъ.

Середа. 15. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, толко вѣтряний велми, ночъ хмарна и тиха стала, а къ свѣту вѣтеръ. Рано были мы, род. и я, у генерала Нарѣшкина зъ поздравленіемъ праздника и обѣдали у него, и до вечора позабавилисъ.

Четвер. 16. День былъ свѣтлій, толко велми вѣтрянъ, а къ вечору тихъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, толко къ свѣту ядрано. Рано ездили зъ род. на службу на Бѣлополовку, заходили до двора гетманского, а обѣдали у себе и никуда не ездили. Принялъ я отъ Тараса шинковихъ сварков. 10 р. да отъ Іотія 10 р. да за склепъ отъ грека 13 р.

Пятокъ. 17. День былъ подобній вчорайшому, вѣтряний, свѣтлій и тепловатий. Ночъ тожъ подобна вчорашой, тиха, свѣтла и тепловата. Архипомъ привезенніе денги роздѣлилъ родитель себѣ и мнѣ; мнѣ далъ 1200 р. и платковъ топъ 90, а во всякой топѣ по 4 платка, а себѣ изволилъ взять 800 р. Ярема посланъ и дано ему 27 р. 50 к., зъ которихъ велено дать ему на Кривой Рудѣ приставу 20 р., на сѣно, тамъ же дворнику 2 р. на гуси и утята, тамъ же дворничцѣ за услугу еи прежную 1 р. 50 к., а 4 р. въ Лохвицѣ п. Павловой и 2 платка гостинця, а денги на пшеницю, и данъ ему во всемъ томъ на писмѣ приказъ. Заболѣлъ я на ухо лѣвое.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ и почасти тихъ, толко жъ тепляй. Ночъ тиха, тепла и почасти свѣтла до половини, изъ половини хмарна, дощъ, громъ и блистанія до свѣта, дощъ пересталъ, толко билъ вѣтеръ и холодъ. Купилъ я у Кузми, Якима и Федора Лядвижченковъ млинъ зъ боромъ и сѣножатки близъ Бистрика ихъ 3 части, а 2-хъ частей не куповалъ, и купчую принялъ и далъ 90 р. Были на службѣ у церквѣ генералской и обѣдали зъ род. въ дому. Далъ я 4 р. Роману, господареви тулиг., на росходи, а 1 р. на сѣно, на Клевени,—косить Вѣжевскому.

Неделя. 19. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ и холоденъ, а съ полдня свѣтелъ, ясенъ, а къ вечору и тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Никуда я не ходилъ для умножившойся во мнѣ въ ушахъ болезни. Толко п. Михайло въ день пріездилъ ко мнѣ и посидя отехалъ.

Понедел. 20. День былъ свѣтелъ, тепелъ и тихъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, толко къ свѣту ядрана. Принималъ я вчера, спать ляговлячись (sic), пѣлулъ 16 зъ аптеки своей и имѣлъ стола-

цовъ зъ 9 и вомѣтъ 1, а опѣрацѣя била часа 8, 9 и 10-го зъ полночѣ, и никуда я не ездилъ. Сторжился я зъ Марею Ксенчинхою Лядвижченковою за часть ея въ млинѣ и бору и сѣножатехъ за 44 р. и кадку гор., и 10 р. задатаку ей далъ, а она мнѣ дала писмо. Кровъ у вечеру зъ головной жили пускалъ доволно.

Вовтор. 21. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, свѣтліе, тихіе и тепліе. Лутше мнѣ, слава Богу, стало сего ранку. Обѣдалисмо зъ род. совокупно. Спалню здѣлали плотники, новий станокъ передний за 1 р. 50 к.

Середа. 22. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, дощеватъ и вѣтрянъ, ночъ хмарна и зъ великимъ дощемъ. Жена поехала у Сварковъ на обѣдъ, а мы зде зъ род. обѣдали, пріехалъ у вечеру п. Михайло, зъ которимъ у пѣкетъ игралъ. Архипа и другихъ о ихъ дорозѣ стали допрашивать.

Четвер. 23. День былъ хмарній, вѣтряній, холодній, осѣнний, после випогодилось мало, ночъ почасти болшой хмарна, толко тиха. Сегодня обѣдали всѣ совокупно и жена, а по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ и въ пѣкетъ долго играли. Отъ архиерея Кіевского писмо къ намъ отвѣтное прійшло о Гамал. обители и пункта, рукою архиерейскою закрѣпленніе.

Пятокъ. 24. День былъ хмарній сперва и вѣтряній, а после ясенъ и тихъ и тепловатъ, ночъ тиха, ясна и тепловата, а къ свѣту ядрана. Сей день знову умножилась боль въ ушахъ моихъ, чего нѣчимъ не лѣчилъ, кромѣ что мѣшечки зъ сухимъ зѣллемъ прикладалъ до ушей. Доношеніе далъ я въ енер. к—рію о посилкѣ повторного указа въ полкъ Чернѣг. о безволокитномъ вершеніи дѣла моего зъ Ероѳѣемъ. Послалъ я до Максима Ровнѣцкого на покупку олѣи 5 р. черезъ нового старосту.

Субота. 25. День былъ свѣтлій, а найпаче по полднѣ, тихій и теплій и ночъ такова жъ. Принялъ я денегъ за 8 куѳъ осталнихъ отъ Михайла Гавриленка 79 р., а еще долженъ о Покровѣ отдать 13 р. и 58 к. Да Архипъ отдалъ теперъ денегъ, удержанних у себе, 70 р. Писалъ письма до князя и Ахтирского полковника Лсевицкого, прося на веселле дочери моей, такъ же и о

томъ же до мачухи жениной и Войцеховичевой. Посланъ опять (?) въ Криски Василь Филимоновъ и данъ ему приказъ пунктами о медовой десятинѣ и строеніи млина и присилцѣ сюда 500 дранѣ и денегъ; далъ ему 8 р., итого всѣхъ денегъ у его 25 р.

Неделя. 26 День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ тиха, первей свѣтла, после хмарна и зъ густимъ дощемъ. Билъ у мене зъ Устюга архимандритъ Пахомій, бывшій городничій Смѣлянскій [1]). Обѣдалисмо обще зъ род. Сватба была у господара за сына бывшого сотника Глуховского Омеляновича, где была жена и проч. Архипъ по окончанію щоту остался виноватъ 203 р. 60 к. за дорогу. Мѣди, Архипомъ привозной, пудовъ 4 безъ двохъ фунтовъ, якую всю въ имбаръ взято.

Понедел. 27. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, а зъ полдня вияснился, а после знову хмаренъ и дощеватъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Андрушка признался, что вивезлъ денегъ 45 р. зъ Глухова въ домъ свой и зверхъ росходу, которій имѣлъ теперъ въ дому, осталось въ дому 32 р. Обѣдалисмо у себе зъ род., я въ болезни своей поможку имѣлъ зъ приложенного пластра, которий составленъ зъ цибулѣ печеной, фѣкъ и саля (?).

Вовтор. 28. День былъ холодноватъ, однакожъ свѣтелъ почасти и вѣтрянъ, ночъ тихшая, но холоднѣйшая, почасти свѣтла и почасти хмарна. Посланъ Климъ въ Кролевецъ, продавать овецъ 100 и коней 2. Андрушкову мѣдь удержали тутъ, которой 59 фунт.

Середа. 29. День былъ хмарній, вѣтряний, а после свѣтелъ, а особливе къ вечору, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где и ночевалъ. Господаръ посланъ въ обѣ пасѣки пчоли бить.

Четвер. 30. День былъ ясний, свѣтлій и теплій, ночъ холоднѣйша, хмарна зъ дощемъ, особливе къ свѣту и зъ холодомъ. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ у футоръ, а зъ футора на обѣдъ въ Глуховъ. Копачѣ около Калюжновского футора окопали 300 са-

---

[1]) Т. е. управляющій Смѣлянскимъ имѣніемъ (Роменск. уѣзда) Кіево-Печерской лавры.

женъ по 6 пядей въ ширъ и въ глибъ ровъ, которимъ велѣлъ я Тарасови заплатить 5 р. и 50 к., а 50 к. перше имъ дано, толко бы поровняли ровъ.

Пятокъ. 31. День былъ хмарній зъ великимъ дощемъ, а после свѣтелъ и тихъ, къ вечору; такова жъ и ночъ, къ свѣту хмарна и вѣтряна. По службѣ Божой ездилъ я у склепъ и зъ бутель повиципалъ вино. Панъ гетманъ по обѣщанію повезенъ до образа Пресвятой Б—цы въ Богдановку. Архипъ отпущенъ отъ оковъ въ домъ свой за свою вину. Прислана грамота, чтобъ зъ землѣ зъ Малой Россіи собрать 2000 лошадей, а генералу Вейзбаху принимать оніе лошадѣ, а платить зъ скарбу войскового отъ 10 р. до 18 р., да чтобъ еще 10000 козаковъ нарадить къ походу и били бъ по всякой готовости.

М-ць Септевр. Субота. 1. День былъ вѣтрянъ почасти, однако жъ теплъ и свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Праздновали день тезоименитства генерала нашего Нарѣшкина и всѣ подпіяхомъ, а я позно зъ п. Михайломъ пріехалъ домой. Жена отехала зъ дѣтми и со всѣмъ въ Тулиг., забираючи путь къ Ромну.

Неделя. 2. День былъ сперва хмаренъ и вѣтрянъ, а после свѣтелъ, тихъ и тепелъ. Ночъ хмарна и дощевата, дощъ ишолъ передъ полноччю, а къ свѣту перестaлъ. Рано я приказы оставилъ Вѣжевскому и Тарасу и отехалъ по службѣ у Тулиг., где зъ женою и обѣдалъ. Писалъ я писмо до войта нѣжинского Стерѣевича о денгахъ моихъ на Юріи Горѣ (?) 339 червон., чтобъ онъ отобралъ и удержалъ.

Понедел. 3. День былъ сперва хмарній, а после свѣтлій и велми теплій, ночъ свѣтла, тиха и между тимъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Рано зъ Тулиг. поехалъ я и, обехавши млинокъ зъ боромъ, у Лядвижченковъ купленний, пріехалъ зъ женою у Кролевецъ на обѣдъ и обѣдалъ зъ родител. Василь Филимоновъ явился и обявилъ, что медовую десятину у Крискахъ вибылъ, а именно у Данила Пилипенка 1, у Гаврила Гребеника 2, у Федора Березнячого 1, а небытихъ: у Ковшика 5, у Бази 5, у Івана Ступа-

ченка 1, у Кривоносенка 1, у Гребенника и въ Панаса 2, итого 14 небитихъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, тихій и теплій и ночъ такова жъ, а къ свѣту вѣтеръ. Сегодня торговали, а за поворотомъ родителя зъ Добротова обѣдали. Василь Филимоновъ отправленъ въ Криски и дано ему денегъ еще 5 р.

Середа. 5. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору хмаренъ и холодноватъ, ночъ такъ же почасти свѣтла и почасти хмарна и холодновата зъ вѣтромъ. По обѣдѣ родитель отехалъ зъ Кролевца въ Глуховъ, а мы остались. Продали наши персидскихъ поясовъ 8 по 3 р. и 30 к., да одинъ болшій за 5 р. и 50 к.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій и теплій или болше сказать жаркій, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Обѣдалисмо въ Кролевцѣ для неспораженныхъ покупокъ, а особливе для пріехавшихъ зъ лѣпскими товарами Димитрія Лѣпскана. Генералъ Нарѣшкинъ пріехалъ после зъ Глухова въ Кролевецъ. Клима Пѣщанского оставилъ я въ Кролевцѣ и при немъ облѣкъ Димитрія Лѣпскана на 330 червон., да карту на 50 чер., да облѣкъ Анастасія Шакота на 104 р., да облѣgъ Михайла Шати на 110 чер. и 55 р., и приказъ далъ ему по тихъ облѣкахъ денги доправлять на должникахъ, а именно, у Шакоти доправить 104 р., отдать Миколаю Греку давний долгъ 50 р. да Енченку за прежнее и нинѣшное сукно 9 р. 72 к., да за гарла лисѣи заплатить, 2 пари, 3 р. 60 к., да за дуклю венецкую алую заплатить 4 р. да 60 к., да стар. Роману тулиг. 15 р. на росходи дать, да ему Климу взять себѣ 6 р., а зъ Михайла тіе до 50 р. доправить. А вновъ Николаю Греку задолжился я на 69 р. 87 к. Виплатилъ я всѣ денги за четвертую часть млина вдовѣ Ксѣнчисѣ Лядвизской до данныхъ ей въ задатокъ 100 р. еще теперъ отдалъ 34 р., итого за всѣ 4 части млина и пущи и сѣножатей заплатилъ я четиромъ 134 р., опрочъ росходу, якого будетъ на 6 р., итого 140 р.

Пятокъ. 7. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано поехалисмо зъ Мутина и, перевюзшись черезъ Сеймъ, догнали воловий нашъ обозъ, зъ Глухова зъ Демяномъ

идучій, а пріехавши мы до Кросенъ, тутъ на становиско стали, а отъ становиска поехавши, не доездя Сухого. Ромна въ милю, стали на ночлѣгъ. Черезъ Петровскаго, слугу гетманского, писалъ я до Вѣжевского о принаттю соли 9 воз. четверних, Дядею зъ Криму припроваженной въ Глуховъ, и зложенню оной въ Сварковѣ.

Субота. 8. День былъ подобній вчорайшому, тихій, свѣтлій и жаркій и ночъ такова жъ. Зъ Смѣлого писалъ я до свата о нашемъ отездѣ въ Роменъ и до п. писара енер. объ отсилцѣ оного писма къ нему. Тако жъ до Клима о куплѣ ока качве, готоваленки, сукна поставовъ, каруну, тузѣнку и бенкліового. Въ Смѣломъ службы Божой слухали и обѣдали, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ Роменъ передъ заходомъ слонца и не застали матки, въ Андрѣевку отехавшой. Сегодня погребена зде баба флоровская, давно при дворѣ служачая.

Неделя. 9. День былъ подобній прежнимъ, толко жъ нежаркій уже, ночъ подобна жъ. Отправленъ Уласъ до Кролевца для куплѣ ложокъ и талѣрокъ краснихъ по 100, да ножовъ дюжинъ 3-хъ, на что ему дано 5 р. и приказъ. Отправленъ Петро въ Кривую Руду и Сухонос. за дробиною и за денгами, у Андрушкиномъ домѣ оставленними.

Понедел. 10. День былъ хмаренъ, однако жъ почасти тепловатъ, а къ вечеру дощъ, и въ ночѣ дощъ такъже ишолъ и стало холодно. Родителка пріехала на обѣдъ зъ Андрѣевки и обѣдалисмо вкупѣ. Послалъ я козака въ Кролевецъ о куплѣ двохъ косяковъ лудану красного.

Вовтор. 11. День былъ хмарній, холодноватий, а въ день потеплѣло, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, толко жъ холодновата. Паробокъ тулиг. отправленъ рано въ домъ и черезъ его повторно до Клима писалъ о косякахъ лудану червоного. У вечеру паробки зъ волами, пятма парами и 4-ма возами, отправлени въ Глуховъ, которіи сюда привозили коляску и проч.

Середа. 12. День былъ вѣтряний, хмарній и холодній, такова жъ и ночъ осѣнніе. Сей день по прежнему въ Ромнѣ отправилисмо, а рано посѣщалъ насъ... (?) гость Несторовичъ.

Четвер. 13. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ и холоденъ, а съ полдня сталъ дощикъ прориватись до ночи, а черезъ всю ночъ до свѣта вѣтеръ жестокій съ густимъ дощемъ и великимъ холодомъ былъ. Родитель зъ Глухова пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ. Пріехалъ Грицко Дядя зъ Глух., припровадившій зъ Криму соли 10 воз. и въ Сварковѣ зложившій 9 воз., зъ якихъ возовъ одинъ середнѣй зважили и показалось ваги 90 пуд. Стратилъ денегъ на всю соль 20 червоннихъ, которіе менялъ по 14 зол., а вернулъ въ цѣлости 32 р., да утерялъ вола одного, которого оцѣнено за 3 р. При обѣдѣ пріехалъ посланець отъ свата нашего Есимонтовского, обозного пол. стародуб., что сынъ его, а нашъ зять, Степанъ едетъ зъ веселною компанѣею въ домъ родителскій въ Роменъ, а мы многихъ персонъ запрошували на 16 число сего септевр., когда имѣетъ актъ веселний отправлятись дочерѣ моей Аннѣ. Поехалъ я по обѣдѣ въ Андрѣевку, где заночевалъ для наступуючого праздника.

Пятокъ. 14. День былъ холодній, вѣтряний зъ густимъ дощемъ до вечора, а у вечеру пересталъ ити дощъ, ночъ холодная, хмарная и тихая. По службѣ Божой зъ Андрѣевки поехалъ я въ футоръ свой Гамалѣевскій, где вибралъ за Ганнусею коней 21, въ томъ числѣ цугъ воронихъ и верховихъ. У футорѣ вилучили барановъ 40, яловиць старихъ 2, а молод. 1, воловъ 2 на зарѣзъ для веселля. Жита съ поля у футорѣ зняли копъ 70, пшеницѣ ярой 30, отзѣмной 20, да еще овса 50, ячменю 35, гречки 60, проса 60, коноцель 4, сѣна было при мнѣ скиртъ 36, да еще скиртъ на 4 въ покосахъ; а посѣяно жита на лану 8 четвериковъ луб., а на гречк... 10, да еще 2, итого 20, гороху знято четвериковъ 9.

Субота. 15. День былъ хмарній вѣтряний, холодний, ночъ такова жъ, а къ свѣту дощъ. У вечеру пріехалъ зять мой Стефанъ Есимонтовскій въ Роменъ въ домъ родителскій зъ веселною компанѣею, а съ нимъ въ старостахъ швакгеръ его Іванъ Максимовичъ, да Максимъ Турковскій, въ дружкахъ Косачъ, да Лѣвинскій, жена Максимовичева, да жена Семена Карпѣки, сестра его Стефанова, зъ бояръ: Іванъ Турковскій, Роговскій, Якимовичъ и братъ двоеродний зятевъ.

Неделя. 16. День былъ хмарній зъ дощемъ переходячимъ, вѣтряний и холодній, ночъ была хмарна, холодна и мокра. Сватба совершилась сегодня дочерѣ моей Аннѣ зъ зятемъ моимъ Стефаномъ Есимонтовскимъ, вѣнчалъ ихъ въ церквѣ намѣсникъ Роменскій Іоаннъ.

Понедел. 17. День былъ мокрий, вѣтряний и холодній зъ дощемъ и ночъ такова жъ. Сей день пробавилисмо зъ музикою, стрелбою и подпіяхомъ. Дарилисмо дѣтей новобрачнихъ денегъ 300 р. да сребра зъ полпуда, въ томъ числѣ родитель подарилъ отъ себе коновку, чарокъ 10, кубковъ 2, пучаръ и ложокъ 6 сребраной посуди. Жена швакгра моего Андрея Полуботка умре.

Вовтор. 18. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, безъ дощу однакъ, такова жъ и ночъ, а къ свѣту вияснилея воздухъ зъ морозомъ и перемѣною отъ дощу. Сей день продновали компанѣею и подпіяхомъ до ночи.

Середа. 19. День былъ зранку ясенъ и холоденъ, воздуха сухого, а после хмаренъ, знову свѣтелъ, ночъ ясна и холодна, а къ свѣту хмарна. Сей день продновали зде мы и съ нами весѣлніе гостѣ всѣ и подпіяхомъ.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а после свѣтлій, тихій и погодній, ночъ свѣтла, тиха и сухого воздуха зъ морозомъ. Обѣдали у насъ всѣ веселніе гостѣ, а после обѣда дѣтей и гостѣй всѣхъ опроважалисмо зъ женою до Процювки, где и заночевали у... и зъ братовъ Марко зъ женою и Лука поехали зъ дѣтми. Зъ дѣтми дано: новая коляска зъ вороними 6-ма конми и конь сивий верховий зъ кулбакою зеленою и сутимъ рондомъ, палубовъ маліованихъ 3, возковъ 2, и будка и молодиковъ при нихъ два, Ярема и Уласъ, коней всѣхъ 21; да особливо палубъ и возокъ для харчи, да при томъ Демянъ, коней 5, якіе вернутся назадъ; Демяну жъ далъ я на расходъ 10 р., да особливо дочерѣ Ганнусѣ 10 р.

Пятокъ. 21. День былъ почасти болшой свѣтелъ, нѣжели хмаренъ, воздухъ сухій и холодноватъ, ночъ сперва свѣтла, а потомъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Въ Процювцѣ розеха

лисмося зъ дѣтми нашими и зъ гостми и зъ братами; они поехали въ Стародубъ, а мы зъ женою и п. Войцеховичевою въ Роменъ, отколь они обѣ знову поехали въ Слободку до Заборовского, где и ночевали, а я въ Ромнѣ остался.

Субота. 22. День былъ по болшой части свѣтлій, тепловатъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сей день передновалисмо зде зъ женою у Ромнѣ. У банѣ кровъ банками пускалъ я себѣ.

Неделя. 23. День былъ подобній вчорайшому, а къ вечеру хмарно и дощъ. Ночъ хмарна и до полночи дощъ, а зъ полночи хмарно жъ и холодно. Сей день тутъ въ Ромнѣ забавилисмо.

Понедел. 24. День былъ почасти холодній и почасти свѣтлій, толко жъ холодноватъ, осѣнний воздухъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ маткою и женою въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехалъ я къ Нѣжину и ночевалъ у Бубнахъ, у отца Свѣта; верстъ 18 зъ Ромна до Бубновъ.

Вовтор. 25. День былъ сперва хмаренъ, после свѣтелъ и тепелъ, особливо надъ протчіе. Ночъ тиха, хмарна и почасти тепловата, а въ ночѣ дожчъ ишолъ маленкій. Рано зъ Бубновъ поехалъ я и на дорозѣ откушавши, пріехалъ до Ярошовки, села Горленкового, въ 3-хъ миляхъ, а верстъ 27 отъ Бубновъ отстоящого, где мало отдохнувши, уехали миль 2 еще въ 18 верстахъ до Парафѣевки Сави Рагозинского, где въ дворци графскомъ и ночевалъ.

Середа. 26. День былъ хмарній и холодноватъ, а после тепелъ и почасти свѣтелъ, ночъ почасти свѣтла и холодновата, воздуха сухого. Зъ Парафѣевки уехалъ до Рожновки села милю, а оттоль до Максимовки полмилѣ, а зъ Максимовки до Крупичъ-поля болшъ полъ милѣ, где и обѣдалъ. Зъ Крупичъ-поля простою дорогою лѣсомъ поехалъ я, а ехалъ миль болше 3-хъ лѣсомъ и виехавши зъ лѣса, заночовалъ у футорцѣ, недоежджая Нѣжина въ милю. Зъ Ромна до Нѣжина верстъ около 120.

Четвер. 27. День былъ сперва свѣтелъ, а после хмаренъ и къ вечеру дощеватъ, ночъ такъ же хмарна, воздуха мокрого толко жъ не дощевата. Сегодня рано зъ ночлѣга поехалъ и пріехалъ въ

Нѣжинъ, и сталъ квартерою въ дворѣ грека Петракѣя и ночевалъ тутъ же.

Пятокъ. 28. День былъ почасти хмаренъ, толко жъ после свѣтелъ и тепловатъ, воздуха сухого, ночъ хмарна и мокровата, къ свѣту дощъ. Сей день тутъ я въ Нѣжинѣ позабавилъ и ночевалъ, въ день ѳздилъ до войта и видѣлся съ нимъ. Часи у Пѣпера взялъ ценою у 25 р.

Субота. 29. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, къ вечору зъ дощемъ, ночъ хмарна и мокра зъ дощикомъ. Обѣдалъ сегодня въ дому.

Неделя. 30. День былъ свѣтлій почасти и хмарній почасти, подобній вчорайшому, и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у асаула полкового Левицкого зъ Голяховскимъ канцеляристою и, позабавивши, повернулся въ свою квартеру.

М—цъ Октоврій. Понедел. 1. День былъ сперва хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, воздуха сухого, ночъ свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна. Обѣдалъ я у Терезѣя, а у вечеру билъ у войта.

Вовтор. 2. День былъ сперва хмаренъ и почасти дощеватъ, а после свѣтелъ и тепловатъ, потомъ знову хмаренъ и дощеватъ, ночъ хмарна, а къ свѣту дощевата. Сегодня обѣдалъ я зъ Доброниэкимъ и проч. у войта Нѣжинского. У Пѣпера взялъ пару пѣстолетовъ за 10 р. да табакерку за 40 а., да 3 хустки за 1 р. и 50 к., да пряжку до портупея за 50 к., а у Енченка 10 локоть сукна зъ чверткою за 40 а. зъ 5 копѣйками локоть и заплатилъ.

Середа. 3. День былъ сперва хмаренъ и дощеватъ по малу, а къ вечеру свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна, а къ свѣту хмарна. Сегодня обѣдалъ я у себе и дновалъ зде въ Нѣжинѣ. Купилъ у Пѣпера сукна понсового полъ 5 локтя по 12 зол., перцового полъ 5 локтя по 9 зол., блакитного, тонкого по 9 зол. и сѣрого локоть 5, по 7 зол. Каракатицю готовала баба, въ окропъ сперва вложила и варила, а после соллю перетирала и покраяла, да цибулю въ оливѣ усмаживши, туда вложила и каракатицю,

а виномъ налила, что поняло и роздѣнковъ укинула, а приваривши, до столу дала.

Четвер. 4. День былъ свѣтелъ по болшой части, а хочай и хмаренъ, толко жъ воздуха сухого, ночъ свѣтла, холодна и велми вѣтряна, а къ свѣту потихше. Обѣдалъ я у Нѣжинѣ еще, а по обѣдѣ віехалъ и пріехалъ до Комаровки, села архиерея Кіевского, отъ Нѣжина верстъ 26, где и ночевалъ у дворцѣ архиерейскомъ. У Пѣпера взялъ я часи ценою у 27 р. Зъ Михайлатѣемъ розделались, поручились за его Янъ Гасанъ и Анастасій Шалита въ 183 р. до 1635-го году, октовр. 4-го, а на 26 р. самъ далъ облѣкъ половину дать 1734-го году, февр. 1-го, а другую половину 735-го февр. 1-го. Климъ у Нѣжинѣ оставленъ и зъ нимъ оставилъ я облѣкъ у 330 чер. да въ 5 червон., для того первое, чтобъ Пѣперу взялъ поруку, что отдастъ денги 1735-го генвар. 26-го; другое, чтобъ по Юріи Готѣ взялъ поруку Терезѣя въ 300 р.; третее, чтобъ купить дрикганта, хочай гнѣдого, вел. турецкого у Димитрія Коцаро за 160 р., хочай гнѣдого меншого у Терезѣя за 60 р. и человѣка до досмотру его принанялъ. Да ему жъ Климу для харчи далъ я 5 р. денегъ.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, ясний, толко вѣтряний велми, ночъ свѣтла и ясна, холодна да вѣтряна жъ. Рано зъ Комаровки поехалъ я черезъ Берестовецъ село полковничее и пріехалъ до Борзни верстъ у 19 отъ ночлѣга, где и становиско имѣлъ, а отъ Борзни до Шаповаловки верстъ 9, а отъ Шаповаловки до болота Дочи верстъ 11, где мостъ и уездний дворъ, оттоль до Батурина верстъ 12, где у Клима Стожка и ночлѣгъ имѣлъ.

Субота. 6. День былъ свѣтелъ, толко вѣтрянъ, а послѣ хмаренъ, да вѣтрянъ. Ночъ сперва вѣтряна велми зъ дощемъ, а после свѣтла и велми холодна зъ морозомъ. Рано зъ Батурина поехалъ и пріехалъ до Ксендзювки верстъ 14, зде у дворѣ Тарицина и обѣдалъ.

Неделя. 7. День былъ свѣтлій и холодній велми, а после хмаренъ, ночъ хмарна и вѣтряна, толко холодна. Сегодня у

Подоловѣ у сестри обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ оттоль и пріехалъ до Тулиг. на ночъ.

Понедел. 8. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, а особливе къ вечеру толко вѣтрянъ и холоденъ, ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. У Тулиг. стар. далъ на росходъ 5 р. и приказалъ ему 3 рѣчи, о греблѣ Лядвижганской, чтобъ коло устроить дабы мололо, да о броварѣ, чтобъ посудъ и броварника зъ Воронѣжа сискать, о чемъ и писалъ я до п. Заруцкой, да о зробленню деревяного на рибу сажа. Обѣдалъ я у Тулиг. а оттоль по обѣдѣ поехалъ на Некрасовъ, куда ехалъ полъ 3 час., оттоль зъ полчаса до футора, где засталъ овину Демкову згорѣвшую.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодний велми, ночъ холодна, свѣтла. Дновалисмо здесь въ Сварковѣ и подпіяхомъ для моего тезоименитства, и съ нами п. Кондзеровская, Гапка, попи сварковскій и капелянъ Кучарскій. Зъ Царицина прійшолъ Дѣдикъ зъ Максимомъ Забарою и привезли короповъ 116, визики пучокъ, да осятровъ коренних 16, съ ними кобилъ 3, въ томъ числѣ бурая кобила колмицкая, куплена за 4 р.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, тихій, толко зъ морозомъ, а къ вечеру хмаренъ зъ малимъ дощикомъ, ночъ сперва хмарна, а посля свѣтла, тиха и зъ морозомъ. Дновалисмо зде у Сварковѣ и съ нами гостѣ, Кондзеровская и Гапка. Войтомъ забара устроенъ по прежнему.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій, сперва холоденъ велми, тихъ, ночъ свѣтла, тиха, къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо тутъ въ Сварковѣ, а посля обѣда поехали всѣ, я на футоръ Калюжновскій, а жена, зъ п. Кондзеровскою и Гапкою, просто въ Глуховъ, пріехали позно уже. У Сварковѣ у млинѣ моемъ стало коло другое молоть.

Пятокъ. 12. День былъ свѣтлій, отчасти вѣтрянъ, толко велми холоденъ, ночъ свѣтла, тожъ почасти вѣтряна, а велми холодна. Ставъ здешній Глуховскій по берегахъ стявъся. Отъ Григорія Гиля отобралъ я привезенних денегъ 188 р., да мѣдних 30 р., да мѣди 3 пуда и 9 фунт., юхту красную, коней двое и

другіе мѣлочи и два барана. Черезъ Стар. Криск. Шоха послалъ писмо до Клима и 65 р. за дриганта до Нѣжина и ему, Шоху, далъ приказъ въ 11 пунктахъ, о чемъ въ термѣнахъ. Янѣшевскій отпущенъ и съ нимъ отправилъ дриганта вороного нѣмецкого, такого жъ третяка и стрижака и далъ ему приказъ и 3 р. о чемъ въ термѣнахъ. Купили овса четверикъ и осмухъ 6 по рублю зъ 10 к., дано 1 р. 94 к.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій зъ великимъ морозомъ, ночъ свѣтла вѣтряна зъ великою стужею, ставъ поболше стявъся. Сегодня билъ я у генерала, а оттоль въ домъ пріехалъ и обѣдалъ. Въ лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій, холодній и вѣтрянъ велми, ночъ хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ великимъ. Былъ я на службѣ у ст. Анастасіи и въ гетманскомъ дому, обѣдалъ у себе и съ нами тіотка Кондзеровская и никуда неездилъ.

Понедел. 15. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, у вечеру дощикъ и черезъ ночъ. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ на Красную Горку и до Паска.

Вовтор. 16. День былъ хмарній, вѣтрянъ велми, дощеватъ отъ хмаръ, перебѣгаючихъ, такова жъ и ночъ была, саміе осѣнніе. Родитель пріехалъ на обѣдъ рано, зъ которимъ обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла въ городъ и посидя, повернулся. Климъ повернулся зъ Нѣжина и припровадилъ зъ собою купленнаго аргамака турецкого, гнѣдого за 165 р. у Димитрія Коцари.

Середа. 17. День былъ хмарній, дощеватъ, холоденъ и ночъ такова жъ зъ вѣтромъ. Праздновалисмо именини родителскіе въ которихъ обѣдали и зъ Кандзеров. и Александ. подпіяхомъ.

Четвер. 18. День былъ вѣтрянъ велми зъ силнимъ морозомъ, хмаренъ и ночъ токова жъ, а въ ночѣ и ставъ истявся увесь впервое. За поле и сѣнокосъ Дорофѣевскій черезъ Глуховского и Семена Заруцкого заплатилъ 30 р. за роспискою. Обѣдалисмо обое зъ женою у гетмановой.

Пятокъ. 19. День былъ хмарній, вѣтрянъ почасти и холоденъ велми, отчего все померзло грудою, ночъ такъже холодна, хмарна и вѣтряна. Купили жита впервое четвериковъ 2 и осмухъ 6, а на тое далъ я Алексѣеви Полуденскому да Тарасови 10 р. впервое. Дровъ купилъ 8 воз. по 6 и по 7 к., да сѣна 3 вози по 18 и по 20 к. Братъ п. Марко пріехалъ зъ братовою и братомъ Лукою, который себѣ заручилъ дочъ п. Плотной въ Стародубѣ за невѣсту. Панѣ гетманова бочку прислала вина намъ кримского.

Субота. 20. День былъ подобній вчорайшому, толко почасти свѣтлѣйшій, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и братомъ, а жена зъ братовою у паней гетмановой. Братъ п. Михайло поехалъ въ Суми до князя Шаховского, черезъ которого писалъ я до швакгра Андрея Полуботка въ утоленіе скорби его. Далъ я людямъ своимъ крисковскимъ два конѣ заложить за нихъ по указу понеже зъ 50 дворовъ коня рослого двохъ аршинъ и двохъ вершковъ велено дать подъ армѣю. Получилъ я указъ зъ суда енер., чтобъ до попа Криск. трудовъ не интересоватись до переверненія.

Неделя. 12. День былъ свѣтлій, тихій зъ сухимъ морозомъ силнимъ, ночъ тиха, свѣтла и еще холоднѣйшая, а зъ полночи снѣгъ сталъ ити до свѣта самого и покрилъ всю землю. Обѣдалисмо въ дому и съ нами род. п. Якимъ Горленко и хоружий енер., братъ зъ братовою, которіе после обѣда отехали въ Роменъ. Дарилъ я брата и братовую за трудъ ихъ, что ездили за дѣтми нашими въ Мглинъ, далъ ей канавацу, а ему сукно бѣлое, а дитинѣ рубля.

Понедел. 22. День былъ хмарній, тихій зъ морозомъ, а зъ снѣгомъ великимъ, который покрилъ такъ землю, что можно санми было ездить и ездили; ночъ хмарна, тиха, толко безъ снѣгу. Обѣдалисмо у генерала зъ род. и отголь пріехали домой. Стар. Сухонос. пишетъ что на Кривой Рудѣ собралось набѣлу; сира кунъ 6 и кадовбовъ 2, масла фасокъ 17, сѣна скиртъ 25; воли, что зъ соллю прійшли, отослалъ на кривую Руду. Пчоли въ погребъ уставили 119, а убили 20. Зъ Крисіокъ вѣдомость, что пчоли на зиму

уставили старой 12, а молодой 5, всеей 17; да что зъ поля знято жита копъ 68, вимолотили 38 четвериковъ, а посѣяли на приидучій годъ четвериковъ 7 и пол., яриц зняли, гречки копъ 40 и 5 полукопковъ, овса копъ 37. Тарасу и Алексѣю на куплю жита вновъ далъ ж 10 р.

Вовтор. 23. День былъ хмарній, тихій, зъ мокроватимъ воздухомъ, отчего сталъ снѣгъ пропадать, ночъ еще зъ болшимъ растворенiемъ и нехолодна. Сегодня былъ я въ судѣ енер. и допрашиванъ Запясоцкій по дѣлу Петра Коховского смолянина, сторони бѣглого его.

Середа. 24. День былъ мокроватого воздуха почасти ясенъ, а зполдня свѣтелъ и ясенъ, ночъ свѣтла, ясна, холодна зъ морозомъ, къ свѣту хмарна. Отправленъ каберникъ въ Криски и съ нимъ отправили жита четвертей 7, да Василю послалъ 6 р. на докладку тертичникамъ. До стар. повторно писалъ до грунтовъ попа Крис. не интересоватись и чтобъ на 6 казановъ гор. робилась. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ и по обѣдѣ ездилъ до млина Радіоновского, оттоль заехалъ до Борзни.

Четвер. 25. День былъ хмарній, толко жъ воздуха сухого, такова жъ и ночъ безъ вѣтра. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ, а по обѣдѣ ездилъ я до Синявина и до енерала, где долго посидѣвши повернулся ноччю въ домъ. До стар. Сухонос. писалъ о конѣ подъ мѣру на Сухонос. наложенную, взять моего, если прійдетъ, о заплатѣ 20 р. полков. луб. за сѣно. О конѣ жъ писалъ и до конюшого Янѣшевского.

Пятокъ. 26. День былъ сперва хмаренъ, а после къ вечору свѣтелъ зъ морозомъ же, ночъ сперва свѣтла, а после хмарна зъ морозомъ же. Повторно далъ я на куплю жита 10 р. Принималъ я 120 капель R. panch. magag. и имѣлъ доволно операцѣй. Уговорили нового дворника у футоръ Калюжновскій на годъ за 5 р. и 50 к. и напередъ далъ ему 3 р.

Субота. 27. День былъ хмарній, вѣтрянъ почасти, воздуха сухого, ночъ такова жъ. У лазнѣ кровъ банками пускалемъ.

Неделя. 28. День былъ хмарній, а зъ полдня дощеватъ, такова жъ и ночъ, отчего гразко становится начало. Рано были у генерала, службы слухали у ст. Анастасіи, обѣдалисмо у себе.

Понедел. 29. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе и мокріе. Новий дворникъ устроенъ въ Калюжновскомъ футорѣ Леско Кубраченко, житель ясманскій, за 5 р. и 50 к., якіе ему денги передомъ дани, а у его росписка взята. Купили овса полъ четверика за 50 к.

Вовтор. 30. День былъ и ночъ сходни вчорайшимъ, толко у вечеру вѣтеръ силний. У гетманскомъ дворѣ банкетъ билъ: Максимовича служителя виправляли зъ дому до Глинска женится на Глинского сотника дочерѣ.

Середа. 31. День былъ хмарній зъ туманомъ и зъ дощемъ, ночъ хмарна, тиха и мокровата, отъ чего еще грязи умножилось. Сегодня обѣдалисмо у себе, а у вечеру пріехали дѣти п. Стефанъ зъ Ганнусею. Отобралъ я отъ Тара(са) горѣлочнихъ свар. грошей 2 р. 60 к. отъ шинкарки.

М—цъ Ноеврій. Четвер. 1. День былъ хмарній зъ дощемъ маленкимъ, ночь свѣтла, зъ перемѣною воздуха, такъ что къ свѣту все померзло. Принялъ я отъ Вѣжевского денги имъ собранніе въ Сварковѣ, а именно: отъ Богомаза 21 р., отъ Сивака старос. 8 р. отъ молодого Опанаса 7 р. и 50 к. Ездили дѣти въ городъ у дворъ гетманскій при женѣ и тамъ обѣдали.

Пятокъ. 2. День былъ хмаренъ зъ морозомъ, ночъ свѣтла, тиха зъ стужею. Неездилъ я никуда, господареви далъ 2 р. на задатокъ за Леска 3 р. Получилъ вѣдомость отъ Янѣшевского, что сѣна уроблено у футорѣ Гамал. скиртъ 40, у Сухонос. скиртъ 5, у кривой Рудѣ скиртъ 25, у Перервинцяхъ скиртъ коповихъ 50, поденнихъ 12, забраннихъ у людей скиртъ 8, итого скиртъ всѣхъ 20, а везде скиртъ 140. Овса полъ четверика купилъ за 50 к. и отослалъ въ Тул. на конѣ.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, тихій, холодній зъ морозомъ, отчего лiодъ на ставу еще укрѣпился, ночъ такова жъ была, а зъ полночи вѣтеръ зъ хмарою. Сегодня рано ездили мы до генерала, которого на утро къ себѣ просили, такъже и протчіихъ. Обѣдалисмо у себе. До Крисiокъ послалъ 2 пуздерка до Гути для зробленя фляшокъ и писалъ до стар. объ устроенню дворникомъ Трохима Прокопенка и чтобъ сюда прислалъ Клима подданного крис.

Неделя. 4. День былъ хмарній, холодній, а после мокрий, почасти зъ силнимъ вѣтромъ, ночъ хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ, къ свѣту снѣгъ и холодъ. Банкетъ билъ у насъ для пріезду дѣтей нашихъ. Билъ генералъ зъ генералшою и гетманова, и прочіихъ много и подпіяхомъ.

Понедел. 5. День былъ хмарній, холодний и снѣжокъ упадшій примерзлъ, а после растворенъ, къ вечору знову зъ морозомъ, ночъ тиха, хмарна, зъ болшимъ снѣгомъ, который изрядно покрилъ землю изъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому и никуда я неездилъ.

Вовтор. 6. День былъ по болшой части ясній, нежели хмарній, холодний зъ морозомъ, ночъ свѣтла, тиха, холоднѣйшая еще. Банкетъ билъ у Радищева, где генералъ билъ и проч., родитель и я, куда санками ездили, толко жъ санная дорога худа. Климъ Пѣщанскій посланъ въ Роменъ для заарештованя Пѣкера въ Сухонос. для устроенія Миколая Товкаченка, нового тамъ старости, ему жъ далъ я 12 р. на покупку сукна зеленого 8 локоть, 10 р. на покупку жита въ Сухонос. винницю, 20 р. на уплатку пол. Луб. за сѣно, 38 р. на куплю грунту у Сеника близъ Чорнухъ, всѣхъ денегъ 80 р. и приказъ далъ въ особливыхъ пунктахъ. Черезъ его жъ писалъ до родителки, братовъ п. Семена и п. Марка.

Середа. 7. День былъ по болшой части свѣтлій, подобній вчорайшому, толкожъ холоднѣйшій, воздуха сухого, ночъ еще холоднѣйшая и мало вѣтряна и хмарна. Сей день у себе праздновали и никуда неездили. Далъ я интеллѣgаториви тестаментъ Compendium medicale—и 3 лѣбри зъ 5 аркушами, книжицею оправить, за все 90 к., а 40 к. далъ напередъ, а зробить къ другой недѣлѣ по слѣдуючой. Копачей на двѣ ями у футоръ наняли отъ четверика по 2 а., а отъ 10 четвериковъ 3 путивки жита, полъ путивки гречанихъ крупъ, 5 фунт. сала и задатку далъ имъ Тарасъ 1 р.

Четвер. 8. День былъ свѣтлій поболшъ, нежели хмарній, сходній зъ вчорайшимъ, холодний, тихій, ночъ такова жъ зъ стужею тиха. Рано былисмо у генерала на службѣ у ст. Михаила, обѣдалисмо у себе, на вечеринку ездили до Паска, где доволно сидѣли и подпіяхомъ.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, холодний зъ морозомъ, ночъ такова жъ, зъ болшимъ холодомъ. Климу Прокопенку Крисковскому далъ я 60 р., на покупку жита въ Крискахъ до винницѣ Крисковской, зъ которимъ отправленъ и Василь Шмуйло, на время сюда пріездившій.

Субота. 10. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, а къ вечору зъ отмѣною воздуха, для чего ноччю и малий снѣжокъ випалъ, которая била хмарна и тиха. Обѣдалисмо у себе, а на вечеринцѣ били у коменданта Кишкина, где ужинали генералъ и проч., и я.

Неделя. 11. День былъ подобній вчорайшому и ночъ потепляе прежнихъ. Рано были у гетманскомъ дворѣ по службѣ, а обѣдали въ дому, у вечеру били на вечеринцѣ у подполковника Жураховского, у которого совершилась сватба дочерѣ его зъ прапорщикомъ гварнѣзону глуховского.

Понедел. 12. День былъ хмарній, почасти вѣтрянъ съ полдня зъ отлигою знатною, а особливе къ вечеру, что роставать стало. Ночъ такова жъ, а зъ полночи къ свѣту морозъ невеликій, однако жъ примерзло. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ род., а у вечеру были на сватанню Зварковского нашего у госпожи Островской, которой дочъ онъ себѣ приговорилъ.

Вовтор. 13. День былъ хмаренъ и мокроватъ, ночъ хмарна и болѣе мокровата. Были рано зъ род. у генерала, обѣдалисмо у гетманскомъ дворѣ, прошени за тимъ, что Максимовичъ Іванъ, женясь на дочерѣ глинского сотника, пріехалъ зъ женою.

Середа. 14. День былъ хмарній, дощеватъ и зъ мокримъ же туманомъ, у день дощъ ишолъ, ночъ такова жъ была, толко безъ дощу, а къ свѣту перемѣна воздуха отъ мокрого на сухій и на морозъ, бо и примерзло. Сегодня я не ездилъ никуда. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру забавлялись картами зъ собою и дѣтми. Писалъ я до Клима о неприсилки сюда, но объ отсилки всего дойва въ Кіевъ для продажи, а сюда толко Гамалѣевскаго, да о покладѣ у Ромнѣ тютюну Гамал. и Сухонос. и о видачѣ брату п. Марку 20 рунъ вовни и проч., о чемъ въ терм.

Четвер. 15. День былъ зъ морозомъ свѣтелъ, а къ вечеру и прибавилось стужи, ночъ свѣтла, а болше хмарна, зъ вѣтромъ и зъ морозомъ. Ездилъ я до п. Борозни, жени его болѣзнуючой посѣщать, оттоль до п. Михайла. Архипъ зъ конемъ подъ мѣру отправленъ до Борзни до капитана Арапова, до которого я и писалъ и 1 р. сцѣлного Архипу далъ, а буде не пріиметъ довести въ Прилуку до полковника фонъ—Венделя, которого о пріемъ оного коня просить—пана Федора дядка просилемъ писмомъ.

Пятокъ. 16. День былъ тихій, свѣтлій зъ морозомъ, къ вечеру хмарно, ночъ такъ же хмарна и почасти свѣтла зъ морозомъ. Принялъ я на службу машталѣромъ Павла, Івашкиного батка, а дать ему въ годъ 4 р., сукно и кожухъ и чоботи и харчи на м—ць неболшъ четверичковъ 2-хъ жита, одного крупъ и 5 фунт. сала въ мясницѣ. Принималъ я R. Panch. mag. 150 капель и имѣлъ доволно операцѣй. Боку доктору позичилъ 20 р., а отъ его взялъ дукатъ въ 20 чер. въ заставу.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій, холодний велми, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо всѣ въ дому и никуда неездили для бездорожжя и груды. Послалъ я доношеніе до п. писара енер. о Нѣперу. Пускалъ я кровъ зъ головной жили.

Неделя. 18. День и ночъ сходніе вчорайшимъ, толкожъ ночъ хмарна, а холодно. Рано били у генерала и обѣдали и до полночи просидѣли.

Понедел. 19. День былъ свѣтелъ почасти, холоденъ велми, сухого воздуха, зъ великимъ инеемъ, который вмѣсто тумана сталъ, ночъ хмарна, холодна, такъже и почасти вѣтряна отъ полдня. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда я не ездилъ.

Вовтор. 20. День былъ хмарній, снѣгъ зъ полдня ишолъ до вечора, ночъ вѣтряна отъ полночи холодна, къ свѣту со жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо въ себе, а по обѣдѣ посѣщалъ братъ п. Михайло и Валкевичъ, вчора сюда пріехавшій, которіе, посидѣвши у мене и кофе напившись, отойшли во свояси.

Середа. 21. День былъ свѣтлій, тихій съ жесточайшимъ морозомъ и еще небывалимъ, ночъ такъже свѣтла и тиха съ такимъ

же морозомъ. Рано были у генерала съ поздравленіемъ праздника Воведенія, у службѣ били зъ род. у ст. Михайла; обѣдалисмо у себе.

Четвер. 22. День былъ весма сходний зъ вчорайшимъ, тихій и холодний на збитъ, ночъ такова жъ, якъ и вчорайшая. Сегодня обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездилъ до п. Михайла, где съ нимъ, съ Валкевичемъ и съ Холодовичемъ, сотникомъ Воронѣжскимъ, играли у карти зъ моимъ виграшомъ зъ полъ 2 рубля.

Пятокъ. 23. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ и позавчорайшимъ подобніе. Никуда я сегодня не ездилъ, а праздновали сегодня Александра Невского.

Субота. 24. День и ночъ были такіе якъ вчорайшіе и позавчорайшіе. На службѣ Божой у генералской церквѣ били и по службѣ у себе обѣдали, после игралъ у карти зъ товаришамъ своимъ, проигралъ 1 р.

Неделя. 25. День былъ и ночъ во всемъ подобніе прежнимъ, а зъ полночи къ свѣту вѣтеръ сталъ великій и снѣжокъ прориватись. Рано били у генерала у службѣ у ст. Анастасіи, а у вечеру на вечеринцѣ у маіора Хрипунова, где зъ енераломъ и п. Михайломъ игралъ у ломбаръ зъ проиграшомъ 39 к. Зъ Крисіокъ пріехалъ каберникъ и привезлъ пробу винника Березинского, котоpий вновъ далъ носатку отъ прежней Крисковской болшую 25-ма квартами. Черезъ Романа, стар. тулиг., писалъ стар. Криск., что у Чернѣг. у магистратовомъ судѣ срокъ положенъ Лопатѣ до ноевр. 8-го 1734 году уплатить долгъ нашъ 75 р.

Понедел. 26. День былъ вѣтряний, хмарній зъ снѣгомъ дробнимъ и сухимъ, и холодъ уменшился, ночъ такъже была хмарна, почасти вѣтряна и не такъ холодна. Обѣдалъ я сегодня у столу гетмановой, игралъ въ карти зъ товарищи зъ проиграшомъ 3 р. Романъ тулиг. былъ и отехалъ, которому велѣлъ лѣсъ на дрова купить.

Вовтор. 27. День былъ хмарній, тихій зъ снѣгомъ, которій до полдня ишолъ и пересталъ, ночъ хмарна, тиха зъ отлигою воздуха. Обѣдалъ я у дому, а по обѣдѣ у енерала подпіяхомъ и игралъ зъ проиграшомъ 1 р. 30 к. у ломбаръ.

Серода. 28. День былъ хмарній зъ маленкимъ снѣгомъ, ночъ хмарна, тиха. Сегодня обѣдалъ я зъ п. Михайломъ и играли въ карти зъ нимъ, Валковичемъ и Максимовичемъ зъ проиграшомъ 38 к. Указъ присланъ до генерала Нарѣшкина ехать ему у С.-П.Бурхъ. Коберникъ отправленъ въ Криски зъ писмомъ до стар. и Василя.

Четвер. 29. День былъ подобній вчорайшому и ночъ такова жъ зъ отлигою. Обѣдалисмо у себе род. и мы зъ дѣтми, по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, оттоль зайшли совокупно до генерала, которій правленіе генералной к—ріи уручивши суддямъ тромъ, отъ великороссійскихъ Радищеву, да коменданту Кишкину, Синявину, да смоленскому ротмистру Паску, отехалъ по указу въ С.-П.Бурхъ и при немъ Денисовъ, Филатіевъ и Ассонъ. Росплатилися мы работникамъ 8 человѣкамъ великороссійскимъ, крестянамъ Дорогобузкого уезду, Пауского стану, вотчини Івана Качалова, деревнѣ Артюшина, по имени: Семенъ Матвѣевъ, Ѳедоръ Ігнатіевъ, Филипъ Юревъ, Ілля Івановъ, Сидоръ Дорофѣевъ; да тогожъ уезду, вотчини Димитрія Ѳедорова сына Нелидова, деревнѣ Сковородина, Іванъ Дмитріевъ, Захарій Ѳедоровъ, да его жъ, Нелидова, вотчини, деревнѣ Алешина, Степану Василіеву, которимъ изъ штатного двора дани печатніе пашпорты до 1734-го году со срокомъ, а заплатили имъ теперъ повторно 7 р. 64 к. зъ скиртъ трохъ жита оніе работники одну вимолотили, зъ которой вийшло 11 овинъ, да 5 овинъ ячменю со стога у футорѣ Калюжновскомъ.

Пятокъ. 30. День былъ хмарній зъ снѣгомъ густимъ, толко не долгимъ, тихій. Ночъ хмарна, тиха зъ отлигою, подобная вчорайшей. Рано были на службѣ у церквѣ. ст. Анастасеи, обѣдали у себе. У вечеру играли у мене въ карти зъ проиграшомъ 2 р.

М—ць Декаврій. Субота. 1. День былъ хмарній зъ невеликимъ на малое время снѣгомъ, ночъ хмарна тиха и мѣрно холодна. Звани били до Паска на банкетъ для тезоименитства его вчорайшого и подпіяхомъ зъ протчіими. Въ газетахъ иностраннихъ написано, что октовр. 5-го полского, а нашего септ. 24-го, електоръ саксонскій Фридерикъ Августъ избранъ отъ конфедератовъ королемъ полскимъ на мѣсто отца его, а король прежде избранний Станѣс-

лавъ Лещинскій зъ Варшави ушолъ зъ своими партизанами въ Gданскъ, для того, что енералъ аншефъ Лессій зъ великороссійскими и малороссійскими войсками и бунчуковимъ товариствомъ пришли въ Варшаву совокупно съ конфедератами.

Неделя. 2. День и ночъ хмарніе, тихіе и мѣрно студеніе. У службѣ били енаралской, а по службѣ у генералшѣ по чаркѣ водки випили; обѣдали въ дому. У вечеру ездилъ до п. Михайла, игралъ въ карти зъ проиг. 1 р.

Понедел. 3. День и ночъ подобніе прежнимъ, хмарніе, тихіе, мало холоднѣйшіе. Никуда сегодня не ездилемъ, а обѣдалисмо всѣ въ дому, родитель, мы, дѣти; а по обѣдѣ посѣщали мене братъ п. Михайло, Валкевичъ и Максимовичъ и посидя и чаю напившись, отойшли домой, неигравши въ карти.

Вовтор. 4 День былъ хмарній зъ густимъ и дробнимъ снѣгомъ, который черезъ день до вечора ишолъ, отчего прибавилось снѣгу, ночъ такова жъ была зъ снѣгомъ, мѣрно холодна. Банкетъ билъ у маіора Неплюева, у которого подпіяхомъ, а оттоль я, едучи, рѣкою, провалился и заледво коней виратовали.

Середа. 5. День былъ хмарний зъ снѣгомъ, отъ чего дорога санная первая стала хорошая, такова жъ и ночъ била, толко зъ мелкимъ снѣгомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, где играли въ карти безъ проиграшу моего.

Четвер. 6. День былъ хмарній, холодний, а къ вечеру вѣтеръ и метѣль снѣжной, ночъ зъ вѣтромъ и зъ метелицею силною, отчего много велми снѣгу стало. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ у вечеру билъ у п. Михайла, брата, играли въ карти зъ виграшомъ 1 р. 50 к. Послани въ Нѣжинъ Вѣжевскій зъ Алексѣемъ за доправкою долговъ.

Пятокъ. 7. День билъ хмарній зъ вѣтромъ и зъ силною метелицею, отчего премного прибавилось снѣгу, ночъ тиха и снѣгъ перестаяъ. Праздновали день рожденія принцесси Анни и кушали всѣ въ гетманскомъ дворѣ; у вечеру игралисмо въ карти зъ виграшомъ моимъ 1 р. 20 к. зъ залишкомъ.

Субота. 8. День былъ хмарній, тихій и холодний, ночъ такова жъ. Никуда я не ездилъ сегодня, а обѣдалисмо у себѣ зъ род. У вечеру пріехалъ слуга брата п. Семена зъ зваромъ родилнимъ, что дочъ ему Варвара сего декабр. 4-го родилась.

Неделя. 9. День и ночъ были тихіе, тепловатіе зъ нѣкоторою отлигою, а хмарніе, ночъ почасти свѣтлѣйша. Праздновали день тезоименитства ея височества принцесси Анни и подпіяхомъ у дворѣ гетманскомъ, откуду пріехавъ домой и уснувъ мало, ездилъ до Валкевича и просидѣлъ доволно, а онъ розговоръ... (?) зъ черцомъ о гол. и... (?) и со мною билъ Косовичъ. Стар. Крис. Шохъ отпущенъ въ Криски и данъ ему приказъ въ пунктахъ.

Понедел. 10. День былъ хмаренъ и почасти вѣтрянъ, толко жъ тепелъ. Ночъ хмарна, тиха и тепловата. Ездилъ по вчорайшемъ банкетѣ и витверизовался. Отпущенъ служитель брата Семена въ Роменъ, через которого до его и до родителки писалъ я. Получилъ я писмо отъ швакгра моего п. Якова Полуботка зъ походу войскового отъ Бреста Литовского писанное — ноевр. 3-го, въ якомъ обявляетъ, что монета наша идетъ особливою ценою, копѣйка за 3 шеляги, а рубль за 6 или 7 гривенъ. Да онъ же писалъ до жени, уступаючи ей и другой сестрѣ, Войцеховичевой, имѣнія, по покойной племѣнницѣ Журавковнѣ оставшогося, по сей часъ въ вѣдомствѣ мужа ея Максима Турковского имѣючогося.

Вовтор. 11. День былъ хмарній, тихій, а къ вечору виаснилось зъ морозомъ, ночъ была свѣтла, тиха и холодна. Сегодня обѣдалъ я у брата п. Михайла зъ Валкевичемъ и Косовичемъ, у вечеру игралъ зъ ними въ карти зъ виграшомъ 45 а. Генералша Нарѣшкинова, Анна Івановна, отехала въ Москву.

Середа. 12. День былъ хмарній, тихій, а особливе къ вечору, ночъ такова жъ и нѣчто туманное на примѣръ инею было, после виаснилось. Обѣдалъ я въ дому, а по обѣдѣ уснувъ ездилъ до п. Михайла и игралъ съ нимъ и товарищи въ карти зъ проиграшомъ 2 р. Жена отехала въ Тулиг. и съ нею дѣти и зять п. Стефанъ.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій зъ морозомъ и тихій, ночъ такъже свѣтла и тиха зъ морозомъ же, а после хмарна. Ездилъ я

98. Любезная моя въначка Н. П. Зная, что вамъ надобна лилiея, которой 27 стеблушокъ посилаю, дай Господи ползу въ семъ ратующимъ получать. Естли еще мастеръ не виездилъ, не запомнить, прошу, его вислать, яко въ работѣ остановка. Увѣдоми мене, ангелъ мой, о своемъ здоровьи, равно и о Алексашенкиномъ, также когда Иванъ Степановичъ вiехалъ и какъ скоро оттоль ожидаете. Въ насъ коръ весьма худой, дѣти мрутъ часто. Сохраняйте, Бога ради, Алексашенку, а луче въсего мое мнѣнiе, что естли тамо хорошой коръ етотъ, не берегти, ибо сего не миновать, а во время доброго кору или оспи скриватись не должно. Какого матушка ваша, а моя Парасковья Григорiевна будетъ о семъ расположенiя, увѣдомить прошу. Сахару голову одну посилаю, прошу, душенка, попросить матушки, чтобъ дозволить сварить вишенъ, яко у мене ничемъ ничево нѣтъ онихъ. А вари, душа моя, тако: въ сей головѣ 14 фунтовъ, то десеть сварить по полтора фунта на фунтъ ягодъ сахару положить, а четыри фунта сколько ягодъ столько и сахару положить, и сiе то будутъ для пирожнаго хороши. Я для тебя толко рожи еще съварила, а болше—ничего болше. За недосугомъ не распространяю, а скажу только то, что я здорова, дай Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова была. Засимъ цалую въ мисляхъ тебя, ангелъ мой, и чадо твое тысячу разъ, препоручивъ божему милостивому призрѣнiю и покровительству, пребивая во всю мою жизнь, тебѣ въсего доброжелательнѣйшею бабкою и маткою Н. П. 1790 году, июля 2. Изъ Боровичъ. М. г-нѣ моей, а вашей драгоцѣнѣйшей матушки Парасковьи Григорiевнѣ прошу мое почтенiе засвѣдительствовать, равно и м.м. моимъ г.г. Марiи, Варварѣ, Евфросинiи и Катеринѣ Степановнамъ прошу низiохенкой поклонъ засвѣдительствовать. Уляна Семеновна всѣмъ вамъ нижайшой поклонъ свѣдительствуетъ и цалуетъ ручки всѣхъ. Благодарствую за присилку кузнеца, котораго одначе жъ теперъ прошу не присилать.

99. Любезнiи мои внуки Н. П. и И. С. Я только, что хотѣла своего нарошного посилать къ вамъ съ мохнатинскимъ войтомъ, которого приказчикъ побилъ, по его показанiю, невино, а какъ нарошной сiю жъ минуту едетъ къ вамъ съ вѣдомостю изъ Жукотокъ, то съ нимъ и посилаетця сей жалобщикъ. Ви, какъ хозяева своему добру, такъ и услѣдуйте, какъ вамъ угодно, а мое мнѣнiе—запретить отнюдь побои дѣлать приказчику; однакъ вамъ то знать, а побоевъ изволте освѣдительствовать. Тутъ било ихъ два пришло, но я, зная рабочое время, одного отправила, а сей все прескажетъ вамъ обсто-

ятельно. Въ приказчика вашего жукоцкого двое дѣтокъ померло съ кору, да и у насъ весма нехорошъ коръ, берегите ради бога Сашенку. А когда хорошъ у васъ коръ, такъ мое мнѣніе не берегите, луче будетъ, когда она перебудетъ оной при хорошемъ кору, чего отъ искренѣйшаго моего сердца ей и желаю. За присилку вишень чувствително благодарю, малинъ весьма мало да здѣсь оныхъ почти и нѣтъ; я послала въ Каруковку варить, когда есть до свару, только страно мнѣ, что ви пишите, чтобъ въ меду сварить, на что оніе, увѣдомте чрезъ сего—въ меду или въ сахарѣ сварить для васъ? Я теперь глазомъ не могу, запухъ и болитъ, и сижу въ комнатѣ, никуда ни ногою. Что у васъ слышно о новомъ нашемъ намѣстникѣ, а у насъ ничево и слиху нѣтъ. А губернаторъ пріехалъ и ни за что не принимаетця и не обявляетъ о себѣ, что онъ опредѣліонъ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1790 году, іюля 11. Изъ Боровичъ. М. моей г. драгоцѣнѣйшей матушки вашей и сестрицямъ всѣмъ низіохенко кланяюсь.

100. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Для вашей драгоцѣнѣйшей матушки, а моей м. г. Парасковьи Григоріевны посилаю лилей корней восѣмъ, кои нерозреваніе и кои розорвавши, будетъ боле двадцяти; и всѣ зубочки посадитъ же, счистивши понемножку, а корнѣ раздѣлить такъ же всѣ, чтобъ не било по два, землю смѣшать съ пѣскомъ, чтобъ отнюдъ не чорнозѣмъ била, а что на зиму укривать должно, то о томъ Настасія Петровна знаетъ совершено, равно какъ и розривать и зубки садить—знаетъ же, цибья изъ средини въ каждой повикручивать, а изъ цибями не садить. Съкоро ли къ намъ пожалуете, прошу чрезъ сего увѣдомить. Вашъ человѣкъ, кой за писмами потераними пошолъ у Жукотки, такъ подбился, что я ему принужденна дать подводу, кой ещо въчерась толко отехалъ отсель. Засимъ препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 году, июля 22, изъ Боровичъ.

101. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Отездъ вашъ столко мнѣ прискорбенъ, что я ничему и уподобить не въ силахъ, когда притомъ одно съ васъ несовсемъ здорово. Прошу увѣдомить чрезъ сего каково ви даехали, не безпокоила ли болѣзнь извѣстная Настенку? И где ночевали и какъ заранѣй пріехали въ домъ? Застали ли въ домѣ драгоцѣнѣйшую вашу матушку и здоровихъ ли застали домашнихъ, ровно и Алексашенка здорова ли—увѣдомить прошу не оставить мене. Сей податель просилъ мене, чтобъ его отпустить въ домъ, коего и посилаю съ тіемъ, чтобъ на сей же подводѣ и возвра-

титись ему непремѣнно въ слѣдующой понедѣлникъ. Тутъ же и работникъ вашъ отпущенъ отъ мене съ награжденіемъ. Нѣтъ ли извѣстія о намѣстнику нашему и вашему? Проехалъ ли или ещо нѣтъ? Да и о старемъ нашемъ намѣстнику нѣтъ ли какихъ вѣстей? Увѣдомить прошу. Засимъ, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году июля 29 изъ Боровичъ.

102. Ангелъ мой Н. П. Знаю, что Ивана Степановича нѣтъ въ домѣ, почему къ нему и не пишу, а буди паче чаянія въ домѣ, то извини мене и кланятись отъ мене прошу. Кирушка твой не поехалъ въ Жукотки, не знаю почему, то онъ самъ перескажетъ, которого посилаю къ вамъ по просби его. Каплуновъ ужо и неудобно каплунить, ибо послѣ Семена отнюдь не каплунятъ, а для Жукотокъ я отсель отправлю 40 каплуновъ, но по крайности, чтобъ сей же Кирушка принялъ оніе на свои руки и отвезъ порядочно и до морозовъ. Я хотела било въ Каруковку поехать, но что-то нездорова, на подобіе лихорадки, а таперъ вся въ испаринѣ, и голова болитъ, и такъ, покуда совершено не виздоровлю, не поеду. Котли (винокуренные) приказала я видать въ Савинки и чтобъ саміе лучіе видани били, то до вашего приказчика писала, чтобъ онъ самъ поехалъ и вибралъ, и въсѣ четири съ трубами би били бъ, о чемъ и до своего приказчика писала же, чтобъ саміе лучіе вибралъ. Трубку Ивана Степановича и забутой вами гребешокъ посилаю, а для Сашечки коробочку гриби брать, какъ таперъ и время оніе собирать. Прошу за мене ея поцаловать сто разъ и въручить оную. Какъ ви скоро намереваете пріехать, и сюда ли или прямо въ Савинки—увѣдомить прошу. Болше писать чего не сискую, препоручая васъ въсѣхъ трохъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, августа 25, изъ Боровичъ. Напиши, душа моя, какова ти въ своемъ здоровьи? Да и обо всѣхъ вашихъ домашнихъ не оставъ увѣдомить, а у мене въ дворѣ полно болнихъ. М. г-нѣ моей вашей драгоцѣнѣйшей матушки Порасковьи Григоріевнѣ прошу засвѣдителствовать мое почтеніе, такъ же м. моимъ г-нямъ Маріи Степановнѣ, Варварѣ Степановнѣ, Ефросинѣ Степановнѣ и Катеринѣ Степановнѣ кланятись прошу.

103. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Получила я отъ вашего жукоцкого уприказчика писмо, кой пишетъ, требуючи вѣрующей, а по какому дѣлу—усмотрите съ оного, кой и прилагаю, а яко ви

имѣете оную вѣрующую отъ мене, то и не умедлѣть послать къ нему, вашему приказчику. Сей върučитель перескажетъ вамъ, что никогда Закревской не вдирался, почему и недопущать можетъ быть прикажете, а въ томъ какъ вамъ угодно. Я сегодня получила билетъ о вистатченіи трохъ человѣкъ по губерній Новогородской, которого копію къ вамъ посилаю, потому что и Савинки и Тѣлное здесь же приписани. Пожалуйте, расположите, какъ ви намиреваете—кого ли примете въ дополніе къ себѣ? Да и мнѣ прошу посовѣтовать, какъ съ приписними поступить, т. е, отъ нихъ я думаю требовать лошадей и убору съ нимъ да повидимому и доплатка слѣдуетъ, но, не знавъ совершенно ничево какъ должно поступить, прошу не оставить мене въ семъ, яко у васъ ужо по сіе время здѣлано вѣрно порядокъ. Болше писать чего не сискую, препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 г., августа 27, изъ Боровичъ.

104. Ангелъ мой Н. П. Къ несказаному моему соболѣзнованію получила я отъ тебе, душа моя, писмо, въ коемъ пишешъ, что Иванъ Степановичъ весма слабъ, но какой болѣзнію страдаетъ или послѣ болѣзни таковая слабость—того не поясняешъ. Зачемъ посилаю сего нарошнего единственно для того, чтоби знать мнѣ о здоровьи Ивана Степановича, а также прошу, ангелъ мой, немедля сего увѣдоми мене со всякимъ обстоятелствомъ о стараніи, о виздоровленіи болящего. Совѣсть мнѣ запрещаетъ указивать тіемъ, кои не менше моего усердствуютъ, но чистосердечно жалѣя толко, прошу увѣдомить со всякимъ обстоятелствомъ, какъ и чѣмъ страдалъ Иванъ Степановичъ и отъ чего таковая слабость. Мнѣ сдесь толко остаетця за его Господа помолить, на которого все мое упованіе. Онъ да пошлетъ первобитное здоровье ему и всѣмъ вамъ и должайшіе лѣта при покровителствѣ своемъ височайшемъ, всѣмъ сердцемъ и всею душею вамъ того желаю. Что принадлежитъ до вибору извѣстнихъ людей, то вовся не такъ приходитъ, какъ ви пишете, почему виписку посилаю съ присланого оповѣстка и вибирать, по моему, съ людей съ души по 25 к. весма много сего будетъ для бѣдних нашихъ людей, а, по моему мнѣнію, приписніе должни положить на вспомоганіе, то есть: лошадѣ, приборъ лошадиной; довольно съ насъ и того, что ми людей лишаемось. Совсѣмъ тіемъ послала я ещо и до брата Г. Г., прося совѣта. Зачемъ ви и не безпокойтесь о семъ, а толко ещо прошу увѣдомить о здоровьи Ивана Степановича, твоемъ, ангелъ мой, и Сашенкиномъ. А я глазами страдаю, половину зрачка заслоняетъ, а въ протчемъ здорова, до коего часу Богъ велитъ. За присилку сапо-

говъ чувствителнѣйше благодарю, они такъ хороши, что желать лучшихъ нелзя, а тіемъ ещо луче, что съ вашихъ рукъ. За яблока, огурци, лимони равно благодарю, но жаль, что яблока побити весма доволно, развѣ десято дай то не совсемъ, а всѣ боки обити, а видно, что чрезвычайно хороши. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентября 1, изъ Борович.

105. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. По требованію вашему, бабиного сина посилаю, а при томъ прошу его не слушатись, онъ сказивалъ мнѣ съказать, что съкучили безъ матери, но я ему грозила жестоко, чтобъ онъ сего не сказивалъ, а сказавъ би, что не скучили, а ви напишѣте, что онъ будетъ говоритъ. Естли оздоровилъ совершенно Иванъ Степановичъ, то бъ весма нужно расположить о солдатахъ по расположенію приписнихъ вамъ къ Савинкамъ и тѣхъ, кому толко надлежитъ душъ 85, а мнѣ къ моимъ душъ 220 надлежитъ и по моему естлиби захотѣли приписніе дать отъ себе лошадѣ и уборъ, тобъ намъ толко однихъ людей дать да и толко, ибо предводитель полагаетъ цену человѣку рублей 300, лошадѣ 40, уборъ на 20 р. А приписнихъ душъ къ нашимъ отъ Прохора Иванов. 157 ду., отъ Мар. Мит.—148 душъ; когда жъ таковую цену положить, то виходитъ на всякую душу по 94 ко. и 4 четѣ, а такъ за сіе души довлѣло би имъ виставчить лошадѣ и уборъ, ибо съ нихъ приписнихъ 287 д. 46 ло., а когда положить на трохъ лошадей по 40 р., то 120 ру. да на убори по 20 р., на трохъ 60; итакъ переходу не лишнево, почему списатись надлежитъ съ ними непремѣнно. Я послала вамъ билета копію, съ коего ви разсмотрѣте порядочно, то и увидите, что точно виходитъ съ души възять по вишеписаному и что вамъ къ Савинкамъ толко приходитъ, какъ више сего значитъ. Мнѣ кажетця, что ещо и дешево положено человѣка въ 300 ру. Подумайте не довлѣетъ того, что я вѣчно его лишаюсь, но еще и подушное платить, жену и дѣтей кормить. Что жъ ви написали, что по 25 копеекъ зъ души възять, то тутъ вовся несходно будетъ, да естли намъ ещо изъ своихъ брать и денги, то и тутъ обѣда бѣдномъ немалая. Какого ви будете о семъ мнѣнія—не оставте увѣдомить. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентября 7, изъ Борович.

106. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Писмо отъ Гурина вашего, какое получила, изъ симъ нарошнимъ къ вамъ посилаю, при которому и всѣ заграбленіе вещи. Я для то сіе дѣлаю, что ви тамо можете поценить (?) какъ одной губерніи, а здесь отнюдъ не хотятъ въ Городнѣ сего дѣлать. Весма би хорошо сдѣлали, естлибъ то учи-

нили, что било положили, ибо такъ рублятъ всѣ, что и способу нѣтъ оборонитись. Мой приказчикъ билъ у мене каруковской, которой сказивалъ, что лѣсничіе мои и онъ боятця въ лѣсъ и за своею надобностію ехать: по меншай мѣри по пятисотъ и болше въежаютъ и рублятъ. Данька вашего я ту же минуту отправила на своихъ лошадяхъ въ Чернѣговъ. Вы мене въ такой страхъ привели вашимъ писмомъ въ разсужденіи дѣла вашего въ Новогородки, что я истино чуть съ ума не сошла. А болше то мене смутило, что не написали, что то значитъ—уничтожить ли бракъ или что изъ сего можетъ худо здѣлатись, отъ чего Предвѣчной толко васъ сохрани. Естли сами съкоро не можете бить, то по крайнеи мѣри напишѣте ко мнѣ со всякимъ обстоятелствомъ, что предслѣдуеть для васъ худое. Григорій Григоріевичъ предъ симъ писалъ, что онъ и Николаша къ масляницѣ буду(тъ) сюда; вамъ би весма хотя на короткое время пріехать, чтобъ положитъ мѣри всему. Алексашенка и я слава Богу здорови. За симъ и проч. Н. П. 1791 году, февраля 7, изъ Боровичъ.

107. Государи мои, любезніи внуки Н. П. и И. С. Что вашъ человѣкъ прямо съ Брахлова поехалъ на Городню, то я тому радуюсь; правда, что виноватъ, но я Богъ знаетъ въ какихъ била мислях и думала уже била сей день посилать въ Брахловъ, что тамо дѣлаетця и думала, чтобъ человѣкъ по дороги где либо не заболѣлъ; однакъ легче еіе слишить, что онъ ужо пріехалъ къ вамъ. Что принадлежитъ до вашихъ денегъ, присланнихъ на хлѣбъ, то ви увидите все тое съ прилагаемой отъ вашего писара вѣдомости и квитанціи, которіе и посилаю при семъ. Равно и оплетки (?) записку, сколко оной теперъ отправлено, а что вамъ по сіе время не прислано отсель, какъ вѣдомости, такъ и объ отправки хлѣба и о денгахъ, то потому что ожидали изъ Брахлова человѣка вишеписаного. Писмо къ матушки вашей при первой оказѣи отправлено будетъ. Стелмахъ, пріехавши съ Чернѣгова, отехалъ тую жъ минуту доканчивать вашихъ кибитокъ, чему ужо прошла нужда. Ярмонку, что завели ви въ Жукоткахъ, радуюсь, даруй Господи съ оной вамъ получить мильони. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все везможно, кой да пошлетъ вамъ все по желанію сердца вашего, отъ искренего моего сердца желаю. Вовни посилаю рунъ двадцять, въ коихъ два пуда ровно, но немитая еще. Шляпку такъже посилаю, а перчатокъ вездѣ искали, но не сискали нигдѣ. Основы не давала ещо, яко работа есть у ткачовъ, да и какимъ узоромъ ткать не написала, Настенка, ти, и понеже оніе не поспіеютъ въ бѣль, то кажется и спѣшить нѣчево,

а луче какъ пріедешь, то сама скажешь, какъ угодно будетъ виткать. Поедете ль и когда ви на свадбу Николая Ми., не оставте увѣдомить, да ещо спросѣтесь Николая Михайловича, онъ мнѣ сказивалъ, что отецъ вашъ не хотитъ васъ видѣть, а онъ о семъ слишилъ отъ Григорія П. Сами ви о семъ обстоятельно поговорѣте и пріймѣте мѣри, но все мнѣ кажетця луче поехать и старатись, нежели опасатись и не ехать; при томъже, ежели Андрей Степановичъ за сее озметця, дакъ то мнѣ кажетця, что едучи до свадби сіе дѣлать, а не изъ свадби заехать, тутъ ужо кажетця не будетъ почтително. Просѣте Андрея Степановича, чтобъ онъ доказалъ, какъ обѣщалъ вамъ. Весма би хорошо, когда бъ хоть на маленкое время съ Чернѣгова заехали сюда, чего и ожидать буду, пребивая во всю мою жизнь и проч. Н. П. 1792 году, мая 12, изъ Боровичъ.

Лящовъ посилаю вялихъ 5, а печонихъ нѣтъ. Когда и болше надобно, то пишѣте, да съ таковихъ еще 5.

108. Государи мои любезніе внуки, Н. П. и И. С. Сей вручитель привезъ отъ матушки вашей Сашечки кроватку, которая весма хороша и за которую она чувствителнѣйше благодарить и цалуетъ обѣихъ васъ ваши ручки. Благодареніе Бога, обое ваши дѣточки дужи и здорови, и обое вамъ нижайшой поклонъ и почтеніе свѣдителствуютъ, а между тіемъ и просятъ, съ которими и я прошу, естли что не мѣшаетъ, къ намъ пожаловать пріехать; буди же зачемъ невозможно, то хотя часто прошу писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровьи, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшія лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. Что у васъ тамо происходитъ въ расужденіи вашего къ отцу віезда увѣдомить прошу. Въчерась у меня Габрилліовци [1]) били, привозили кирпичъ на подмуровку церкви, которіе сказивали, что козаки займу Габрилліовецкую не ту, что близъ села, а другую, которая съ полемъ каруковскимъ граничитъ, совсемъ випустошили, лики и лубя подрали и что человѣка по двѣстѣ въежаютъ, но прикажчикъ ни слова не пишетъ о семъ, почему я той же часъ отправила Якова Онищенка и писала, чтобъ и вашъ савинской и мой каруковской приказчикъ и Яковъ старались всячески не допускать и грабить сколько возможно, а Горлянскій сейчасъ прислалъ би отвѣтъ—почему онъ ни о чемъ не упоминаетъ, о таковой шкодѣ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, мая 29. изъ Боровичъ.

---

[1]) Д. Габриліовка въ сосницкомъ уѣздѣ.

109. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Писмо отъ васъ я получила чрезъ романовскаго человѣка, въ которомъ яко не пояснили о Настенкиномъ здоровьи, въ несказаномъ соболѣзнованіи сего нарочно посилаю, прошу со всякимъ обстоятелствомъ не оставить написать, что̀ съ нею дѣлаетця. О дай, Всевидущой, получить мнѣ радосніе вѣсти, отъ искренего моего сердца обѣимъ вамъ здоровья и всякого благосчастія желаю. Я и дѣточки ваши, благодареніе Всевишнего, дужи и здорови и зъ самого вашего отезда, чрезъ часъ мѣста, сестра Пелагея С. съ дочерью Варварою и унучкомъ пріехали. За ею Александеръ на третой день изъ супругою и синами обѣима; и по сей день гости мене прямо ужо безъпокоятъ, хотя и свои, ни минути нѣтъ, чтобъ все розъехалось. Какіе у насъ разговори били съ Александромъ—описивать весма много, а скажу толко, что онъ 2 часи на колѣнахъ предъ братомъ Г. Г. стоялъ, самъ расказивалъ и братъ тоже пишетъ, а за пріездомъ ко мнѣ, что блевалъ, уподобить ничему не могу, яко и повѣрною мене дѣлавъ, въ чемъ я ему грубо отказала. Таперъ же пишетъ братъ ко мнѣ и его писмо присилаетъ, въ которомъ благодаритъ за прощеніе, а между темъ пишетъ, чтобъ братъ въ семъ июлѣ на урадѣ ствердилъ, чемъ онъ помилуетъ. Я би вамъ писмо прислала его, но нарочной едетъ сей же день, а писмо Лисенково обратно велено прислать, кое и послано сей же часъ. Сестра раскаеваетця и сказиваетъ, что по мужнему приказанію здѣлала; что будетъ, не знаю далше. За присилку лампади премного благодару и денги за оную 9 рублей посилаю, а пять другіе рублей посилаю, покорно прошу приказать хорошой оливи купить и чрезъ сего прислать. Никола Ми. и Полинѣ ещо не било и извѣстія никакого не имѣю, даруй Господи, чтобъ толко здорови били обое. Болше бъ писала, да право не имѣю времени. Поручаю наконецъ обѣихъ васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 1, изъ Боровичъ.

110. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С., что я такъ долго не писала къ вамъ и нарочного сво(его) не посила(ла) сими днями, то сіе здѣлалось отъ пресилнихъ безпокойствъ, а вотъ они: 19 числа сего мѣсяца, въ 12 часу, старіе Боровичи со всемъ вигорѣли, такъ что мои осталось толко три двора, да козачихъ четири, а згорѣло моихъ 47 и шинокъ 48-й; и такъ згорело все, что ничемъ ничево и не вихватили, яко всѣ люде били въ полѣ и кромѣ дѣтей никово не осталось, которіе то и запалили. Я и сама ездила туда, но способу нѣтъ въ чемъ либо помочь, за великимъ жаромъ, да покудово я собралась поехать, яко на ту пору былъ у мене Прохоръ

Ивановичъ, то и совсемъ вигорѣло до основанія, такъ что ни одной улицѣ, ни огорода, а о садахъ и хатахъ нѣчево ужо и говорить; и съ тихъ то поръ ни минути покою не имѣю, безпрестано приходятъ люде съ плачемъ то за хлѣбомъ, то за одѣяніемъ, за хатами, словомъ однимъ сказать—сердце болитъ, да что дѣлать и помогти трудно и нѣчимъ—доволно, что изъ скотомъ не знаю,—что дѣлать, кой пришедши съ череди и несискавъ въсякъ своего мѣста, бѣжатъ и сами не знаютъ куда, и люде бѣдніе одно толко теперъ—въсякъ свое гонитъ скотину и не знаютъ куда загонить. Я приказала займи рубить и городитись поскорѣе, а тутъ самое рабочое время, но ни свого не могутъ бѣдніе снимать съ поля за печалю, а о моемъ ужо и думать нѣчего. Вотъ мое таперешное состояніе! Посудѣте, какъ хочете. Хлѣбъ же такой у мене на бору—изъжали совсемъ, где сѣяли 25 четвертей, а нажали толко сто копъ съ чемъ то маленкимъ и такъ ліогокъ, что и робіонекъ сноповъ 4 понесетъ. Завозу ни малѣйшее нѣтъ ничево, но все сіе для мене не такъ чувствително, какъ пожаръ. Что принадлежитъ до здоровья моего, то хотя не совсемъ, но движуся жъ какъ нибудь, а дѣточка ваши, благодареніе Богу, здоровенки и дужи, Сашечка и Петрушенка благодарятъ васъ за гостинчикъ и цалуютъ ручки ваши, какъ милостивихъ своихъ родителей. Петрушенка на зубочки немножечко било проносомъ заболѣлъ, однакъ теперъ, благодареніе Бога, луче стало и зубочки показались Софія Василіевна ещо и сама не знаетъ, когда поедетъ. Григорія Григоріевича ожидаетъ въ суботу. А отсель еще поедетъ въ Тупичевъ и во всю тамошную околицу до своихъ. Пріедь, ангелъ мой Настасія Петровна, я знаю, что Ивану Степановичу отлучитись нелзя и естли бъ передъ заговѣнами, тобъ луче било пріехала. Здѣсь можетъ быть и Софію Василіевну бы застала, ибо кажетця, что еи до заговѣнъ успіеть нелзя віехать буде. Бублики изъ вашимъ нарочнимъ пришлю, которіе толко что учинили таперъ поутру, ибо очень ужо поздо пріехалъ. А госпожа Бренцевичева едетъ по своей надобности къ вамъ, то и сіе пишу, а чрезъ вашего буду я и Софія Василіевна писать же, а таперъ изволитъ рибку удить, которой я и не мѣшала. За симъ поручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 22. Изъ Боровичъ.

111. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Понеже я сей же день писала къ вамъ чрезъ панѣ Бренцевичеву, то и нѣчево болше писать, кромѣ то, что прошу васъ не оставлять при оказѣяхъ писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровю, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшіе лѣта отъ искренѣйшаго моего сердца

желаю. Бубликовъ посилаю, желаю здоровенкимъ кушать, засимъ препоручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 23. Изъ Боровичъ.

P. S. Что принадлежитъ до Николая Михайловича въ разсужденіи приказа обѣщаного, вамъ извѣстного, чтобъ далъ, то сумнюсь, ибо предоставте себѣ, когда отехалъ онъ отсель, то моихъ лошадей въсѣхъ и Улянкину възялъ подъ свои повозки и ещо три подводи мужичіе, чему другая неделя пошла отъ прошедшаго воскресенія; не присилаетъ и по сіе время и что они тамо дѣлаютъ я ужо не понимаю, а бралъ съ тіемъ, чтобъ той же часъ и прислать. Одна подвода пріехала, которой повозчикъ съказивалъ мнѣ, что нудимось, да нѣчево дѣлать, какъ толко увидимъ де господина и станемъ просить, чтобъ отправили, то толко и скажетъ: вотъ тотъ часъ отправлю, позабавтесь маленко! И когда де я ужо съ терпѣнія вишолъ, что въсякой день симъ отбуваетъ, то пришедши сказалъ, дозволте ехать, здесь ещо остаютця два человѣка, то онъ толко и съказалъ: хорошо, поежай, а тѣ пусть останутця... А до коихъ поръ и на что оніе— Богу ужо свѣдущу. Посему судѣте, можно ли, чтобъ онъ вздумалъ на приказъ, когда ви ещо не приказали къ нему явитися приказчику вашему. А мнѣ съ клятвою съказалъ, что тотчасъ пошлю приказъ, дакъ не пустили довжичане. Пишетъ же ко мнѣ чрезъ моего человѣка, которого особо я посилала до Григорія Г., что они въ следующую пятницу выежаютъ въ Полтаву, а о лошадехъ моихъ и подводахъ ни слова не упоминаетъ. Вотъ съ такимъ то хозяиномъ какъ хочете думайте, поправляй толко Господи ужо. Анна Артемовна и Улянa Семеновна благодарятъ васъ за неоставленіе, а при томъ и низохенко вамъ кланяютця.

112. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Каково писмо я получила отъ Катенкиной тіотки, посилаю для вашего знанія къ вамъ, равно и какого ви будете въ немъ содержанія, не оставте мене увѣдомить, даби знать, что отвѣчать къ ней мнѣ. Мое мнѣніе не терять лѣтъ и времени бѣдной сиротѣ, когда при томъ откриваетця ей отъ тіотъ(ки) щастіе, какъ ви и сами о томъ совершенно изъвѣстни о томъ, что тіотка неубога и небездѣтна, то не смотря на отца, которой, оженясь, не мислитъ дѣтямъ никакого добра, а когда Катенка утеряетъ свою тіотку и благодѣтелницу, то вѣчно на васъ можетъ плакатись. Я знаю и ваши резони не неправедніе въ разсужденіи вашего обѣщанія отцу, но ви и въ полъ того добра не можете сдѣлать, что она отъ тіотки получить можетъ. Вотъ мои мисли, какъ вамъ покажутця, ви сіе писмо тіоткино и я ещо къ вамъ напишу за

вашимъ совѣтомъ, тако что я не дожидаючись вашего отвѣта, какъ такая пишетъ ко мнѣ съ прозбою, отправила Катенку къ тіотки, а ви можете отца о семъ увѣдомить, сообщивъ то и другое писмо къ нему. Таперъ ей ничево ненадобно, какъ покрайности рубликовъ 50 для доставки въ Москву, да когда есть какое лишное въ Настасьи Петровни плате пару одну. А ехать ей таперъ весма къстатѣ въ Москву, когда Ефросинія Гарасимовна едетъ туда жъ, въ Москву, а тамо Катенки тіотка родная и тамо какъ себѣ хотятъ ужо. Они хотятъ віѣздить посля Крещенія заразъ. Естли ви на сіе согласни, то пожалуйте напишѣте обстятелно, какъ бить сему, ибо мнѣ надобно до тіотки писать что нибудь. Естли получили отъ Софіи Василіевни писмо, прошу чрезъ сего прислать. Отъ Григорія Григоріевича извѣстія никакого нѣтъ еще и по сіе время. Вѣстей никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я, слава Богу, здорови и дужи. Не оставте увѣдомить о своемъ здоровьи и проч. Н. П. 1792 году, декабря 3. Изъ Боровичъ. Карандашовъ пришлѣте для Сашенки, начала учитись.

При семъ и я вамъ, драгоцѣнѣйшіе мои родители, нижайше кланяюсь и цѣлую ваши руки и ножки. Простѣте, залѣнилась, ваша всепокорнѣйшая слуга Александра Л.

113. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Какъ сей вашъ нарочной посилаемой едетъ къ вамъ съ благопріятнимъ вѣстю, то есть, что куплено вамъ хлѣба четвертей 290, въсякая четверть по 2 р. 40 14-ти пудовая, то и васъ симъ поздравляю, дай толко, Господи, чтобъ еще и горелка хорошая родила съ оного, да къ тому ещо, какъ я и сама знаю, что Биковъ весма недалеко отъ Нѣжина, теперъ вотъ толко и старатись отискать оной безъ замедлѣнія, что все и возможно въ разсужденіи томъ, что завремено исъкупленъ. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, чемъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я слава Богу здорови. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, декабря 5, изъ Боровичъ.

114. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку покупки, коя вся въ цѣлости получена, покорно и премного обѣимъ вамъ благодарю. Писмо отъ Софіи Василіевни въ вашемъ ковертѣ я получила, а что не писала въ полученіи и не благодарила васъ за доставку, какъ къ ней, такъ и до мене, прошу извинить, свѣдитель Богъ, что столко имѣла безпокойства, что и описать вамъ не могу; изъ сего судѣте: что вомисто писма отъ тіотки Катерини Ивановни ваше обратно послала, да и ви пишете, что обратно ваше писмо посилае-

те, но видно и ви въ таковихъ же обстоятелствахъ, яко не сискала я болше никакого, какъ таперешное писмо отъ тіотки Катенкиной, таперъ посилаю, по которому, что заблагоразсудѣте, не оставте увѣдомить. Она, послишивши, что ви пишете, причини въсѣ я ей перебказала, неутѣшно плачетця. Я на писмо тіоткино, что пишу къ ней для знанія вашего посилаю термѣну, на которое иначе отвѣту получить нелзя, какъ недель семъ или болѣе, какъ то отецъ Романъ перескaзиваетъ. Что касаетця, что ей съ кѣмъ ехать, то отецъ Романъ на себе сіе беретъ, онъ и самъ съ нею едетъ до Москви. Разсуждайте на все и не теряйте лѣтъ сиротѣ, даби не могла плакатись на васъ вѣчно. По моему мнѣнію къ отцу можете сіе писмо послать, или отвѣта пождать на мое писмо къ тіотки, что и будетъ развѣ по веснѣ. А таперъ то ей и отцу Роману хочетця, чтобъ вмѣстѣ изъ сестрою ехать и ему и Катенки, которая послѣ крещенія едетъ въ Москву, а оттоль никакой нужди нѣтъ, чѣмъ и съ кемъ ей ехать, вамъ въ томъ нѣтъ нужди, такъ то мнѣ кажетця, а впротчемъ вамъ луче знать. За присилку двохъ зайчовъ премного вамъ обѣимъ, моимъ государямъ, благодарю, что вашей собственой обѣихъ охоти, то еще тіемъ оніе тисячу разъ пріятнѣйшими будутъ. Алексашенка, слава Богу, дужа и здорова и получивъ отъ васъ карандаши, благодаритъ безпримѣрно и наичувствителнѣйше и цалуя ваши ручки и ножки по сту разъ въ мисляхъ. Календаръ на новой годъ слѣдующой полученъ, премного вамъ благодарю за присилку оного. Болше писать чего не сискую, и проч. Н. П. 1792 году, декабря 18, изъ Боровичъ.

115. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. 24-го числа получила я писмо о позволеніи Катенки ехать въ извѣстную дорогу, она столко обрадовал(ась), что и виздоровила. Вы весма хорошо сдѣлаете, что дозволили ей сіе. Лишнево давать нѣчево, а по возможности; мнѣ кажетця, что болѣе 50 рублей ненада, а я обѣщалась 30 дать, да съ платя тоже не лишное. Они скоро хотятъ ехать и для того и не укоснѣте присилкою, что будетъ ваша милость. Что братецъ Григорій Григоревичъ здесь, то увидите на семъ же листу.... Дай Господи, чтобъ на семъ остановилось. Писать болѣе чего не сискую. Поздравивъ васъ, мои драгоцѣніи, симъ празникомъ, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца провождать радостно и благополучно и слѣдующихъ дождать, по крайной мѣри отъ сего времени въсякому изъ васъ—по сто таковихъ радоснихъ празниковъ. Съ коимъ моимъ желаніемъ по гробъ мой пребуду вашею вѣрною и всехъ добръ желателнѣйшею бабкою Н. П. 1792 году, декабря 26, изъ Боровичъ.

Радуясь нечаяной оказіи, что и увѣдомить о себѣ васъ могу. Пріехавши въ Черниговъ 22 декабря, выехалъ оттоль на праздникъ 24, а сюда 25-го прибылъ. И поздравивъ съ празникомъ обоихъ васъ, государей моихъ, желаю засимъ новый годъ продолжать во всѣхъ благощасливыхъ поведеніяхъ и здравими со всѣми вашими домашними. Тутъ же и благодаримъ васъ, государя моего, Ивана Степановича за здѣланіе трубъ, о коихъ слышу, что очень хороши и изъ коихъ съ начала донынѣ горѣлка самая лучшая пробная выходитъ отъ 10 пуд. муки—50 в. и 2 квар., а видѣть не довелось. Въ Смячи рѣка общая (sic) Сновъ не пустила переехать. Дорогу я имѣлъ пребезпокойнѣйшую, съ 15 числа выѣхавши изъ Золотоношки, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, насилу въ 6 дней до вашего нового трактира доѣхалъ, гдѣ лошади и повозки два дни еще простояли, пока перевезлись. Въ скотопитателныхъ тамошнихъ мѣстахъ, видѣли мы снѣгъ въ Николинъ день, да на завтрѣе, а потомъ дожди и туманы такъ дорогу раз(г)рязили, что я не ехалъ да плылъ. Нового вамъ сообщить нѣчего, а развѣ, что я Настасіи Петровны дядюшку видѣлъ отчасти нездорового съ завязаннымъ глазомъ. Таможни здѣсь по по прежнему, сказуютъ, учреждены будутъ, такъ съ Петербурга пишутъ. Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій, сенаторъ, проѣхалъ къ графу въ Ташань 24 числа, черезъ Черниговъ, а я у его былъ. Михайла Никитича (Кречетникова?) ожидаютъ въ Кіевъ, чрезъ Тулу дорогу свою отправляющого. Каховского изъ Варшавы отозвано въ столицу, а на мѣсто его отправленъ генералъ Игельтромъ. Все тутъ, да и бумаги болше не остало. Прощайте! Дай Богъ васъ здоровихъ видѣть. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ.

116. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Чрезъ вашего сего нарочного, получила я цисмо и при немъ присилку пуда митой вовни. По первому радуюсь, что слишу о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровьи, а по фторомъ, благодарю премного за вовну и труди Настэсіи Петровни, но почему не написали цени,—пожалуйте дайте знать; я знаю, что не дешева оная, а ви люде ново(го) хазяйства, на все сіе имѣть должно уваженіе, прошу безъ церемонѣ(и) дать знать, я съ превеликою охотою денги пришлю. Здесь въ ярмонки била вовна по 60 копеекъ руно немитой и я не купила, зная сколько дорого прійдетъ и немитое руно, когда зважила, то толко по 3 фунта било. Ещо васъ безпокоить осмиливаюсь, покорно прошу, коль у васъ тамо близко, приказать здѣлать мнѣ три кварти одинацятковіе и три чвертки по квартамъ тіемъ же, и что за оніе

подлежатиметъ денегъ вмѣстѣ съ вовною написать, да не замедля овіе кварти и чвертки и прислать прошу. О Лисенку и писать нѣчево, когда читали мое писмо, то и доволно ужо, а толко скажу то, что брата и сватью посадилъ подъ караулъ въ уездѣ, и дѣти одни одиніошенки остались безъ и малѣйшаго кого либо призрѣнія. Въ доми же Войцеховичей все судъ попечаталъ, такъ сказиваютъ, но я не знаю совершенно. Я сискивала Настасью Дмит., которой совѣтовала поѣхать къ унукамъ, но и та отказалась по слабости здоровья. Вѣстей здѣсь никакихъ нѣтъ, а толко скажу, что дожчи безпрестаніе и бури тажкіе. Дѣточки ваши и я съ ними, благодареніе Бога, здорови и дужи, пріезда Настасіи Петровни ожидать буду и проч. 1793 году, іюня 21, изъ Боровичъ. Алексаничка за башмачки чувствително благодаритъ и цѣлуетъ ручки ваши, а съ нею и Ульяна Семеновна низіохенко кланяетця и цалуетъ ваши ручки.

117. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Какъ сей вручитель едетъ по своей нуждѣ къ вамъ, то не пропущая сей оказѣи, увѣдомить васъ не пропущаю, что дѣточки ваши, благодареніе Господа, дужи и здорови и Николашенка *буки-азъ-ба* учитъ. Проситъ наиприлѣжнѣйше, чтобъ шляпу ему прислали, я ему пошила суртучокъ и какъ надѣлъ, то говоритъ: бабушенка! у мене шляпи нѣтъ, напишѣте, чтобъ папинка прислалъ, у Брахловѣ есть моя шляпа.—По сію пору сплятъ обое, а то би онъ много насказалъ, а теперъ въсѣ трое вамъ нижайшее почтеніе свидѣтелствуютъ и цалуютъ ваши ручки и ножки, какъ милостивихъ своихъ родителей. Я, благодареніе Богу, свободилась отъ кашлю совсемъ, не принимая болѣе ничево, какъ одну магнезію, а присланой травки и не починала; Уляна Степановна пила, но помощи никакой нѣтъ, да посилала Григоріевичу Василію Ждановичу, но оная ничево не помогла, онъ ужо приказалъ вамъ долго жить, а самъ отидетъ ко Господу сего мар. 27. За присилку осятрини премного вамъ благодарю, риби здесь отнюдь нѣтъ, таперъ и ліодъ ещо держитця и по сіе время. Григорій Петровичъ пишетъ, просячи неможно ли ему клевѣра (sic) Настасіи Петровни для Сонечки прислать, пожалуйте естли возможно, не откажѣтесь. За присилку домашнего канѣфасу чувствително благодарю. Вѣстей никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу, поручивъ васъ и проч. Н. П. 1796 году, мар. 29, Боровичи.

118. Душа моя, ангелъ, Н. П. Первоначално скажу вамъ то, что дѣточки ваши, а съ ними и я, благодаримъ Господа, дужи и здорови, дай Господи и о васъ тоже слишить, а ещо бы луче, естли бъ

васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, здоровихъ видѣть, сего то нетерпеливно желаю, да думаю, что ужо ви въ своемъ хазяйствѣ и упорались доволно, кажетця, можно проездитця, съ чемъ прошу и не оставить. Мадамъ пріехала вчера, но оная по своимъ лѣтамъ, далѣй ехать не желаетъ, которой, по ея показанію, 68-мъ лѣтъ; сказуетъ, что естли до дѣтей, то она съ охотою превеликою, до чего то она съ младихъ лѣтъ привикла, а до хозяйства несродна, а толко учить понѣмецки, пополски, шить на дѣтей и смотрѣть за ними; а имѣетъ дочъ 18 лѣтъ, которая въ нѣмца и которой годъ о Петрѣ кончитця, та—такъ велика хазяйка, что какъ можно за всѣмъ въ доми того смотритъ, не доволно ключи въ ея всѣ, но и за панщиною, дойвомъ, огородомъ, прядивомъ, въсемъ отъ мала до велика, всего смотритъ и велику охоту къ тому имѣетъ. Да кажетця при тебѣ, душа моя, съказивалъ Корицкой о ея дочери, что она всего смотритъ и порядочно. Весма би хорошо, когда нелзя обѣимъ, хотя би ти сама пріехала, то би поговорить съ нею обо всемъ, какъ тебѣ угодно, то то и здѣлаешь. Батюшка твой давно ужо отехалъ обратно, но точного извѣстія нѣтъ, а сказивала Лукяна кучера жена, которая на прошедшой неделѣ здѣсь била. А Уляна Семеновна, какъ поѣхала ещо предъ Николаевимъ днемъ, то ни ея, ни извѣстія никакого нѣтъ, а толко тоже Лукяниха сказивала, что у Николая Михайловича оставалась. Вотъ и всѣ вѣсти вамъ здешніе. За симъ поручаю васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, и проч. Н. П. мая 19, 1796 году. Изъ Боровичъ.

Швачка скоро дошъіотъ ризъ Богороди(цы), сътарайтесь дисейномъ (рисункомъ) и золотомъ, яко будетъ гулять. Г. Корицкой прислалъ мнѣ турецкого гороху, я двѣ мѣрки посеяла у себе, а вамъ мѣрку посилаю, сія мадамъ сказивала, что чрезвичайно хорошъ въ кушаньи и что весма родитъ сей горохъ у того господина, где она била.

119. Ульяна Семеновна сію минуту пріехала съ писмомъ симъ, что тутъ написано, что она то перескажетъ, то я, услиша отъ ея, поясняю, а вотъ то: батюшка вашъ, будучи въ Чернѣговѣ сказалъ Александрѣ Павловнѣ при Якову Кириличу, первое, спросилъ Алек. П—ну: видаетесь ли ви зъ дочерью моею Нас—ю?—Она тутъ съказала, что весма часто. Да гдѣ ви такъ часто видитесь?— она сказала: въ Жукоткахъ. Тутъ онъ сказалъ: съкажѣте ей мое прощеніе и благословеніе, Господь еи да благословитъ, а я прощаю и благословляю ея и дѣточокъ ея, да съкажѣте ей, съкажѣте... И тутъ то, сказивала Алек. П., горко сталъ плакать. Изъ сею вестю въчера Н. Богдановна,

пріехавши, прежде Уляни Семеновни, съказала мнѣ, что сіе Яковъ Кириличъ говорилъ ей и совѣтовалъ, чтобъ ви сейчасъ поехали къ батюшкѣ, ибо онъ нарочито сіе сказалъ при Якову Кириличу, чтобъ било извѣстно; при томъ же съказиваютъ, что весма слабъ Петръ С. Бога ради, посовѣтуйтесь сами изъ собою и не оставте сего случая въ пользу вашу, а инако, чтобъ не могли сожалѣть, да и всѣ ваши друзя совѣтуютъ вамъ сіе здѣлать. Пріежайте безъ укоснѣнія, пожалуйте абое, мои ангели. (*1796 г., въ маѣ*).

120. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Я пріехавши суда, застала брата въсе въ одномъ положеніи, а сама, благодарю Бога, здорова, прошу и о вашемъ и любезнихъ дѣточкахъ вашихъ здоровьи не оставить увѣдомить. Где я буду празновать ещо совершенно знать не могу, обстоятелствъ весма много разнихъ, а положителного ничево нѣтъ, а со временемъ писать къ вамъ буду. Что получите о горелки не оставте увѣдомить. Новостей много, но то самое болше въсего важнѣе, что точно будетъ толко двѣ колегіи въ Чернѣговѣ и Кіевѣ и таперъ господа присутствующіе въ превеликихъ клопотахъ. О трaурѣ указъ посилаю. Адье, недосугъ крайне. Прошу прислать обратно, яко здесь нѣтъ. Графъ, нашъ общій благодѣтель, Петръ Александровичъ восмого декабря съкончался и сказиваютъ, что просилъ, чтобъ погребенъ билъ въ Рихлахъ, а где погребутъ ещо неизвѣстно. Константинъ Павловичъ здесь будетъ великимъ гетманомъ, а при немъ Гудовичъ—регентомъ. Всѣ невестки императорскіе—дѣлами обовязани, императрица въ смолномъ манастирѣ—директоръ, болшая—сама смотритъ и располагаетъ милостиню, меншая—надъ сиротскимъ домомъ. Вотъ смотрѣте какъ хорошо, что нихто въ празности не будетъ! (*Декабрь, 1796 г.*).

121. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе въвнуки Н. П. и І. С. Предверіемъ нового года васъ, моихъ ангеловъ, проздравляю, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца оного провождать въ радости, помислномъ благощастіи, ненарушимомъ здравіи, со всѣми вашими любезними дѣточками и со всею вашею почтеною фамиліею до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Новостей никакихъ нѣтъ, а хотя и много получено указовъ, но не смѣетъ нихто смотрѣть, яко на имя нового къ намъ губернатора Безмитина, которого съ дня на день ожидаютъ. Каково у васъ слухъ о губернскихъ членахъ, а у насъ непрестанно стонаютъ, что мѣстъ лишаютця и при немъ [illegible] пр[illegible]тнія. Вотъ и все тутъ, а у насъ [illegible] одно и ни малѣйшей поправи нѣтъ. Симъ кончу и [illegible]. Н. П. 1796 году, декабря 20. [illegible]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ 18 сентября 1896 года,

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

XVII.

Прошло лѣто, прошла и осень 1756 года, а дѣло „о разбоѣ дому козака Михайла Мармуты" покоилось въ глубинѣ канцелярскихъ ящиковъ, потому что Хорватъ не присылалъ Ивана Требинскаго въ Глуховъ, а генеральная войсковая канцелярія и генеральный судъ не настаивали на присылкѣ гусарина. Тогда Михайло Мармута, по совѣту Рубана, предпринялъ рѣшительный шагъ: онъ послалъ жалобу гетману и „просилъ онъ, нижайшій, дабы тое дѣло его повелѣно было разсмотрѣть и рѣшить". Жалоба писалась у Рубана—въ Ирклѣевѣ. Возвратившись домой, Мармута сообщилъ женѣ, что онъ послалъ гетману *жалобливое доношеніе*.

— „Щось воно зъ того та буде, кому-сь галушка стане поперекъ горла!" сказалъ Мармута.

Мармутова галушка попала прежде всего въ горло самихъ генеральныхъ судей.

Гетманъ Разумовскій былъ уже недоволенъ на судей—Мировича, Бальневича и Діаковскаго: получивъ множество жалобъ на этихъ господъ и убѣдившись въ справедливости жалобъ, онъ уже подумывалъ о смѣнѣ судей; ему уже надоѣла эта постоянная возня съ докучливыми козацкими челобитными, а

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 7 и 8.

тутъ выплыла просьба еще одного козака—Михайла Мармуты. Въ прошеніи Мармуты излагалось такое вопіющее дѣло, что гетманъ Разумовскій немедленно предписалъ генеральной канцеляріи, дабы составъ генеральнаго суда былъ измѣненъ и назначены были судьями люди надежные, которые рѣшали бы дѣло безъ замедленія, лицепріятія и какъ слѣдуетъ—по правамъ малороссійскимъ.

Согласно этому предписанію, генеральными судьями назначены были: генеральный бунчучный Оболонскій, Петръ Горленко и Илія Журманъ—бунчуковые товарищи. Новые судьи принялись за разборъ запущенныхъ и неправильно рѣшенныхъ тяжбъ и прежде всего хватились за дѣло Мармуты, какъ наиболѣе громкое и вопіющее; къ тому-же, Оболонскій былъ заклятый врагъ Данила Требинскаго—и теперь представлялся случай упечь сего Данила.

Начали съ того, что написали генералъ-маіору Хорвату довольно грозное посланіе: „по предписанію гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго имъ велѣно рѣшить неотложно дѣло о разбои дому козака Михайла Мармуты; а какъ по оному дѣлу оговоренъ капралъ Новой Сербіи гусаринъ Иванъ Требинскій, то генералъ-маіоръ имѣетъ немедленно прислать упомянутаго Требинскаго въ генеральный судъ для допроса; о таковой присылкѣ уже многажды писано было, и ежели на сей разъ не послѣдуетъ удовлетворенія генеральному суду, то оный доложитъ гетману, что онъ, генералъ-маіоръ, такъ долго задерживаетъ Ивана Требинскаго“.

Затѣмъ, въ ожиданіи Ивана Требинскаго, занялись разсмотрѣніемъ дѣла „объ арештованіи его имѣнія“. Здѣсь все было ясно, какъ божій день. Лубенская коммиссія нашла хуторъ Ивана Требинскаго впустѣ,—тамъ не оказалось ничего того, что Булябашъ занесъ въ опись и передалъ Боровку да Москаленку; имѣлись свидѣтельскія показанія и о томъ, какъ Боровко и Москаленко были побиты, обруганы и выгнаны изъ Иржавскаго хутора.

Николаю Требинскому генеральный судъ не могъ опредѣлить наказанія, ибо онъ не состоялъ въ его вѣдѣніи. Данилу-же

предстояло, по мнѣнію суда, выполнить то, что значилось „в правѣ малороссійскомъ, въ книгѣ роздѣлѣ 13, артикулѣ 4, пунктѣ 30"; а здѣсь значилось такое: „за причиненой отъ кого-либо гвалтъ (грабежъ) следуетъ заплатить триста рублѣй денегъ, а имущество забранное удвое возвратить". Своевременно увѣдомили Данила о томъ, что дѣется въ генеральномъ судѣ, и совѣтовали помириться съ Мармутой. Но Данило и слышать не хотѣлъ о мировой; онъ добылъ крючкотвора, и этотъ началъ строчить доношеніе объ отводѣ генеральнаго судьи Оболонскаго отъ разсмотрѣнія жалобъ Мармуты, Боровка и Москаленка; но въ эту пору случилось обстоятельство, которое поворотило намѣренія Данила въ другую сторону.

XVIII.

Во дворъ Данила Требинскаго явился верховецъ и вручилъ ему письмо отъ Хорвата. Хорватъ писалъ, „что генеральный судъ настоятельно требуетъ всенепремѣнной присылки вицекапрала Ивана Требинскаго; сей вице-капралъ обличается въ такихъ продерзостныхъ дѣлахъ, которыя, если доказаны будутъ, то опозоренъ будетъ гусарскій полкъ и самъ онъ, командиръ полка: ибо правительство призвало ихъ, Сербовъ, и поселило у себя для искорененія разбойниковъ и грабителей, чтобы они въ семъ отношеніи подавали добрый примѣръ козакамъ и запорожцамъ; что же правительство подумаетъ, когда и въ Сербскомъ полку оказываются воры, грабители и разбойники?" И совѣтовалъ Хорватъ, чтобы Данило помирился съ Мармутой и его товарищами—потушилъ бы это гадкое дѣло; а если онъ, Данило, яко родной братъ, не приложитъ попеченія о своемъ братѣ и не потушитъ объявленныхъ за нимъ злодѣяній, то онъ Хорватъ вынужденъ будетъ по вышеобъявленнымъ причинамъ поступить такъ, чтобы вицекапралъ Иванъ Требинскій былъ подвергнутъ смертной казни. Такое письмо навело ужасъ на Данила: онъ зналъ, что Хорватъ крайне упоренъ въ своихъ намѣреніяхъ и даже за маловажные проступки, вѣдомые только ему, наказываетъ крайне жестоко, безпощадно.

Данило отвѣтилъ Хорвату, что приложитъ всевозможныя старанія для мировой сдѣлки съ Мармутой.

Немедленно къ Михайлу Семеновичу Мармутѣ былъ отправленъ повѣренный съ предложеніемъ мира.

А въ Каневцахъ уже торжествовали, предвкушая побѣду надъ Требинскими: Мармута бѣгалъ по сосѣдямъ и хвалился, что по его доношенію самъ гетманъ взялся за дѣло, смѣнилъ генеральныхъ судей и приказалъ новымъ судьямъ рѣшить дѣло во удовольствіе ему—Мармутѣ; теперь уже Требинскимъ не сдобровать,—„онъ возьметъ ихъ за бока и утретъ имъ носы". Но оповѣщеніемъ сосѣдей Мармута не удовольствовался,—его такъ и подмывало раструбить подальше о своихъ Глуховскихъ трофеяхъ; прежде всего онъ вознамѣрился сбѣгать въ Ирклѣевъ, уже и коня велѣлъ осѣдлать, какъ вотъ влетѣлъ во дворъ повѣренный Требинскихъ. Пріѣздъ его нѣсколько озадачилъ Мармуту и въ недоумѣніи онъ спросилъ:—„чи зъ добромъ, чи зъ худомъ?"...

— Зачимъ зъ худомъ!.. Добра та здоровья почтенному Михайлу Семеновичу! сказалъ хитрый крючекъ.

— Бачъ, вже й Михайло Семеновичъ, та ще и поштенный!... А въ Глухови такъ и дывытьця не хотивъ!...

Крючекъ хотѣлъ что-то говорить, но Мармута поспѣшилъ пригласить его въ хату.

— Кэ лышень у кимнàту! та тамечки послухаемо вашои речи,—сказалъ Мармута. Вошли. Гость обратился къ хозяйкѣ съ привѣтствіемъ.

— Чого-жъ оце вы прыйихали? спросилъ Мармута.

— А насчетъ того дѣла; то дѣло уже третій годъ продолжается, издержекъ много понесено, а еще и больше того предвидится,—прійдется подавать апеляцѣи на генеральнаго суда сентенціи; а по сихъ несостоявшихся сентенціяхъ зновъ пойдетъ разсмотрѣніе дѣла, и буде воспослѣдуетъ неправильная сатисфакція, то зновъ воспослѣдуетъ апеляція,—и такъ дѣло можетъ продолжиться чрезъ многіе годы, и вамъ убыточно будетъ, Михайло Семеновичъ!—запускалъ крючекъ такую пыль,

— Все.те, що вы кажете, якъ ваше имня-очество, все те чортъ зна що! Вже дилу кинець, а вы плещете, буцимъ-то воно все починатьця буде!... сказалъ Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, не надійтесь,—скоро казка кажется, та не скоро дило робытьця, якъ кажуть! отвѣтилъ собесѣдникъ.

— И я колысь такъ казавъ, якъ треба було; теперички зовсимъ друга писня!

— А ще лучча писня була-бъ, якъ бы вы, Михайло Семеновичъ, помырылись съ Даниломъ Петровичемъ! сказалъ крючекъ.—Чи вы согласни булы-бъ?

— Чомъ не буть? хай тильки Данило Требинській роспережитьця, та кишеню розвяже—той согласни будемо! отвѣтилъ Мармута.

Послѣдовало молчаніе.

— Какъ же, што жъ мнѣ довѣрителю сказать? спросилъ крючекъ.

— Я жъ кажу, якъ хоче мыровой, хай самъ прыйидыть, та побалакаемо, та порадимося, то може й согласни будемъ,—сказалъ Мармута, зѣвнувъ во весь ротъ.

— А какъ они не захотятъ ѣхать—и мировая пропала! жалѣть будете, Михайло Семеновичъ! Ой, какъ жалѣть будете!—соболѣзновалъ крючекъ.

Михайло Семеновичъ засмѣялся и сказалъ: То вже вы, якъ ваше имня-очество, будете жалкувать, а намъ ни объ чомъ жалкувать, не буде Галя, буде другàя!

— Какая другая? спросилъ крючекъ, не понявъ, къ чему эта „галя“ относилась.

— А та, що у Глухови ось якъ невидно заспивае! пояснилъ Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, на те не потурайте,—те ще выламы пысано!

— Выламы пысане, та гарнійшъ, якъ вашымы пирьями, якъ ваше имня-очество.

— Надійтесь, надійтесь! А жалкувать будете! сказалъ уязвленный крючекъ и поспѣшилъ убраться восвояси.

Выпроводивъ непрошеннаго гостя, Мармута сейчасъ же поспѣшилъ въ Ирклѣевъ.

XIX.

Уже до пріѣзда повѣреннаго Мармута былъ въ хорошемъ расположеніи духа; а по отъѣздѣ повѣреннаго, поспѣшая въ Ирклѣевъ, онъ сіялъ отъ удовольствія и вполголоса напѣвалъ пѣсенку.

Въ Ирклѣевѣ Мармута таки порядкомъ умаялся: сообщилъ Рубану о томъ, что совершается въ Глуховѣ по ихнему дѣлу, сообщилъ о пріѣздѣ повѣреннаго отъ Требинскаго; посѣтилъ Штепу и Сезоненка, повѣдавъ имъ о томъ же; съ радостными вѣстями метнулся къ остальнымъ своимъ знакомымъ и заглянулъ въ сотенную канцелярію. Разсказывая всѣмъ одно и то же, всѣхъ просилъ собраться къ Рубану, дабы всѣмъ вмѣстѣ „порадытьця“ о томъ, какъ дѣло „довести до ума“.

У атамана Рубана собралась довольно большая компанія и здѣсь „радылысь“.

Долго судили и рядили, какъ быть съ Даниломъ Требинскимъ: заключать ли съ нимъ мировую, или не заключать. Мнѣнія были различныя: одни говорили, что когда самъ Данило Требинскій проситъ мира, то и пойти съ нимъ на миръ, „завзявши“ съ него „багацько грошей и прочого добра“; другіе совѣтовали не поддаваться просьбамъ Данила, ибо онъ хитрый, какъ лисица: „претензіи“ не отдастъ, а будетъ только водить за носъ; и тѣмъ временемъ, заручившись мировою, дѣло въ судѣ „скрутитъ“.

Мармута въ этой разноголосицѣ растерялся, не зналъ, какому бы совѣту отдать предпочтеніе. Выспрашивая по нѣскольку разъ то того, то другаго, онъ обратился наконецъ, къ Штепѣ, все время молчавшему.

— Хочъ бы вже ты що-небудь сказавъ!... якъ ще тоби здаетьця?

— Що мени здаетьця?

— Мени здаетьця, що якось краще сыныця въ рукахъ, нижъ въ неби журавель! отъ що!... ляпнулъ Штепа, пріосаниваясь и расправляя свои длинные усы.

— Бачите! обозвался кто-то: отъ розумне слово—такъ-та̀къ!

— Поки ще ти суды прысудять, воно само у ротъ лизе!... прибавилъ Сезоненко.

Эге-жъ, тильки треба уміючи піймать!... сказалъ Штепа.

— Отъ добре слово—такъ-та̀къ! подхватилъ Сезоненко, а за нимъ и другіе.

— Эге! сказалъ Мармута и обратился къ Рубану: що намъ атаманъ скаже? Послухаемо, люде добри! Якъ, Хведоръ Ивановичъ, цёму усёму буть?

— А якъ буть?... колы робыть мырову зъ Требинськимъ, такъ заразъ тутечки, на столи, у тебе, у хати хай и выклада усю претензію, та ще щобъ и сторонни люды булы, ось якъ! заключилъ Рубанъ.

— Отъ розумна ричъ! сказали.

— И я жъ казавъ соби и думавъ, що мабуть гро̀ши и де-яку худобу хай Требинській тутечки у мене выклада, тоди й мырова буде!

— А чого-жъ бо й клопотавсь такъ довго? обозвался Штепа.

— Э, клопотавсь!.. Треба и людей було поспытатысь, що воны скажуть, зъ своимъ умомъ сикатысь у такее дило якось не годытьця!—Спасыби вамъ, добри люде, за добрый совитъ, та за добри речи! теперечки знатыму, що робыть и якъ робыть!

Такими словами напутствовалъ Мармута совѣтниковъ, удалявшихся во-свояси.

Черезъ два дня Михайло Семеновичъ имѣлъ новое удовольствіе: предъ нимъ предсталъ тотъ же самый крючекъ съ изъявленіемъ дружбы и мира, предлагаемаго паномъ Даниломъ.

— Чы не передумалы, Михайло Семеновичъ?

— Ни, якъ ваше имня-очество, не передумалы! Одно казатыму и кажу: хай самъ Требинській прыйиздыть до мене; то може и дійдетьця до мыровои.

И Мармута стоялъ на своемъ, сколько его ни урезонивалъ повѣренный ѣхать до Требинскаго. Тогда повѣренный нашелся

вынужденнымъ сказать, что, пожалуй, Данило Требинскій пріѣдетъ въ воскресенье въ Каневцы—не велика бѣда!

Выпроводивъ повѣреннаго, Мармута отъ удовольствія только руки потиралъ, да самъ себѣ приговаривалъ: „адже що-сь та буде!.. журавля ухопымъ!“ И первымъ дѣломъ, на радостяхъ, шмыгнулъ въ погребъ до куфы съ медомъ.—„Трошки выпыть, та заразъ и за дило братысь!“—приговаривалъ онъ, выпивая кружку меду.

Сейчасъ же и взялся за дѣло: отправилъ верховцевъ къ Рубану, Боровку и Москаленку—съ оповѣщеніемъ, чтобы они пріѣхали къ нему въ воскресенье „спозаранку на мирову“ съ Требинскимъ. Самъ же пошелъ по знакомымъ; нѣкоторыхъ просилъ къ себѣ „на недилю“ и изъяснялъ всѣмъ, что „въ недилю“ для заключенія мировой пріѣдетъ къ нему самъ бунчуковый товарищъ, Данило Требинскій.

XX.

Въ воскресенье, съ ранняго утра, въ домъ Михайла Семеновича Мармуты начали сходиться гости. Пріѣхали Рубанъ, Штепа, Сезоненко, Боровко и Москаленко; не доставало только Данила Требинскаго. Въ ожиданіи его, любезный хозяинъ занялся угощеніемъ—и все приговаривалъ, что, „лучче мырову зробыть, нижъ по судамъ тягатысь“. Одни соглашались съ его мнѣніемъ, а другіе нѣтъ. Завязался жаркій споръ. Разговорились до того, что не замѣтили, какъ въ хату вошелъ незнакомецъ,—это былъ челядинецъ Данила Требинскаго. Онъ оповѣстилъ, что панъ по нездоровью своему не можетъ пріѣхать; а коли угодно Мармутѣ потолковать о мировой, то онъ, панъ, будетъ завтра дожидаться его въ Чутовкѣ. Мармута и Рубанъ сначала были противъ поѣздки въ Чутовку, полагая, что въ этомъ приглашеніи кроется какая-нибудь уловка; но тотъ же Штепа и теперь одержалъ верхъ; онъ подѣйствовалъ, какъ и прежде, весьма простымъ доводомъ.

— А чому бо и не пойихаты? сказалъ онъ,—хиба волосся облизе, чи що?

Почти всѣ гости были того мнѣнія, что поѣхать въ Чутовку—не бѣда.

— Вы кажете—побачытысь зъ Требинскимъ, та поспытатысь, що зъ того выйде?—обратился Мармута къ Штепѣ, Сезоненку и прочимъ.

— Эге-жъ, кажемо! сказали они.

— А якъ по вашему, Хведиръ Ивановичъ, чы йихаты, чы ни? спросилъ Мармута Рубана.

— Якъ люды кажуть йихаты, то й йихаты, отвѣтилъ Рубанъ.

— Такъ и буть! Пойидьмо! Побачимо, що зъ того буде! сказалъ Мармута, махнувъ рукой; и объявилъ свое рѣшеніе посланцу Данила.

Утромъ, въ понедѣльникъ, вся компанія отправилась въ Чутовку на свиданіе съ Даниломъ Требинскимъ.

Свиданіе произошло въ опустѣлой усадьбѣ Ивановой. Данило Требинскій принялъ козаковъ съ притворной любезностью, какъ какой-нибудь закадычный другъ и пріятель; онъ даже съ Мармутой и Рубаномъ облобызался, причемъ, какъ-бы шутя, замѣтилъ:—„много-жъ васъ наѣхало“!

— Та вже такички, якось воно, якъ зъ людьмы, якось неначе веселійше... побалакаты чи объ дили, чи объ чимъ! отвѣтилъ Мармута.

— Побалакаемъ, побалакаемъ! сказалъ любезный хозяинъ.

Немедленно же и начали „балакать“ о дѣлѣ. Балаканье это продолжилось далеко за полдень; все никакъ не могли сойтись; Мармута слишкомъ много „правилъ“: заломилъ девятьсотъ рублей деньгами, требовалъ выдачи доходовъ съ имущества, попавшаго въ опись, да десяти паръ воловъ, пятидесяти овецъ, пяти коровъ, шести лошадей да два стожка сѣна. Данило же давалъ слишкомъ мало: всего двѣсти рублей, три пары воловъ, два десятка овечекъ, а на стожки и вовсе не соглашался. Послѣ долгихъ преній, Мармута сбавилъ двѣ сотни и четыре пары воловъ и затѣмъ стоялъ на своемъ; а въ заключеніе, на всѣ убѣжденія Даниловы, сказалъ: „нема чого тутъ балакаты! мабуть, добри люде, йидьмо до дому!“ Добрымъ людямъ надоѣла нескон-

чаемая болтовня, и они поторопились убраться изъ апартаментовъ Данила.

Едва козаки выѣхали со двора, какъ Данило поспѣшилъ воротить ихъ, и мировая была заключена.

По пріѣздѣ Мармуты домой, жена метнулась въ комору—и явился баклажекъ съ горѣлкой. Угощаясь „горилкою", съ пріятелями своими—Рубаномъ, Штепою и Сезоненкомъ, Михайло Семеновичъ изъяснялъ своей женѣ условія мировой:—воливъ шисть паръ визьмемъ, овечокъ десяткивъ зъ пъять, добрыхъ стижкивъ сина зо два, коней заберемо шестеро, та симъ сотень рубливъ, отъ що буде, жинко!

— Колы-жъ воно це все буде?—спросила она. Ей сказали, что все это будетъ завтра же.

Раненько утромъ Мармута со Штепою и Сезоненкомъ отправились за полученіемъ претензіи. Претензія отъ Данила Требинскаго была получена, и въ сотенной канцеляріи актъ о томъ совершенъ.

Наполнивъ свой дворъ Чутовскимъ добромъ, Мармута и его жена начали готовиться къ пріему добрыхъ людей. Готовились цѣлую недѣлю: наварили меду, напекли хлѣба и сластей, закололи „кабанця", не пожалѣли и валашка; хату вымазали и выбѣлили хорошенько, образа убрали новыми рушниками. Гостей напрошено было довольно; въ числѣ первыхъ былъ приглашенъ приходской священникъ о. Игнатій; просить его ходилъ Мармута „съ паляницею" и въ новой одеждѣ.

XXI.

Въ воскресенье, съ ранняго утра, уже начали собираться гости къ Мармутѣ. До прихода священника, они занимались „бесѣдою"—все толковали о томъ, какъ это Мармута умудрился заключить мировую съ такимъ господиномъ, какъ Данило Требинскій. Наконецъ пришелъ о. Игнатій съ домочадцами: женою и дѣтьми; съ нимъ прибыли: дьячекъ съ молодою женою и пономарь тоже съ домочадцами. Первымъ дѣломъ отправили молебенъ; по окончаніи молебна о. Игнатій окропилъ

святою водою вновь пріобрѣтенное имущество. Послѣ того любезные хозяева предложили гостямъ яствіе и питіе: „жаренаго и варенаго“ на столахъ было въ изобиліи; красовались „глечики“ съ медомъ и „пляшки“ съ горилкою, на каковыя дьякъ уже давно запускалъ свои очи. Его вниманіе къ симъ предметамъ было замѣчено нѣкоторыми еще во время молебна, и они, подталкивая другъ друга—шептали: „дывысь, дякъ вже облызуетьця!“

За столы усѣлись по порядку: о. Игнатія посадили „на покути“, направо отъ него усѣлись жена и дѣти; налѣво расположилась остальная духовная братія, а дальше прочіе гости, начиная съ атамана Рубана, помѣстившагося ближе всѣхъ къ священнику. Началось „частуванье“. На о. Игнатія „не налегали“, ибо онъ „горилки“ не уважалъ, а лишь изрѣдка, и то понемногу, пивалъ медъ или наливку. Хозяева такъ усердно и любезно припрашивали, что черезъ какіе нибудь полчаса гости порядкомъ развеселились, а дьякъ уже былъ на второмъ взводѣ; но это ничего не значило,—ибо обыкновенно третій для него наступалъ очень нескоро. Батюшка тоже зарумянился и началъ было заговаривать съ дьячихой, пріятно и нѣжно ей улыбаясь; но дальнѣйшаго ему не позволили: ревнивая и ненавидѣвшая дьячиху матушка сначала исподтишка подергивала мужа за рясу; а когда это не помогло, она снялась изъ-за стола, потянувъ за собою батюшку, который обыкновенно не сопротивлялся ей. Сколько хозяева ни упрашивали, матушка осталась непреклонной и бойко отговаривалась, батюшка же былъ безмолвенъ и только бороду свою поглаживалъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что хозяева уважили доводамъ находчивой попадьи и отпустили ее домой такъ, какъ то полагалось по обычаю: „почастувались на дорожку“. Мармута далъ батюшкѣ три серебряныхъ рубля, а хозяйка надавала матушкѣ кое-чего: три десятка яичекъ, маку, гуску, пару курей, нѣсколько аршинъ холста, клубокъ пряжи и добрую четвертину сала сунула въ мѣшокъ.

По уходѣ батюшки содержаніе рѣчей было пока то же; превозносили гетмана, похваляли Рубана и Мармуту, смѣялись надъ Требинскими. Хозяину такія рѣчи были не душѣ, онъ

увлекся и расхвастался: онъ, дескать, водилъ за чубы канцеляристовъ, смѣнилъ генеральныхъ судей и такого перцу задалъ, что самъ генеральный обозный хватался за голову и извиненія просилъ у него—Мармуты. Сезоненко доказывалъ, что онъ да Штепа помогли Мармутѣ довести дѣло до такого удачнаго окончанія, и въ Глуховѣ они ловко дѣло „оброблювали". Боровко и Москаленко напомнили о своихъ дѣяніяхъ.

— Вси дружно робылы и бралысь за Требинськихъ! А бильшъ усихъ зробывъ гетьманъ, легенько ёму згадаетьця! Це винъ такъ дило прызвивъ, що Требинськимъ дуже круто стало та треба було братысь за мырову!" объявилъ Рубанъ.

Напоминаніе о гетманѣ воспламенило компанію, и сразу нѣсколько голосовъ гаркнуло:

— Добра душа! Це вже винъ добре взявсь за старшину! Це вже винъ буде стояты за нашого брата!

— Буде, буде! бо самъ лыхо зна! воскликнули другіе.

Всѣ встали и чокаясь чарками приговаривали: „на здоровьячко пану гетьману и братови его! щобъ видъ ихъ та й намъ добре було!" Только дьякъ и Штепа нѣсколько опоздали съ отвѣтомъ на тостъ. Они вообще не принимали участія во всемъ томъ, что говорилось и дѣлалось возлѣ нихъ: они сидѣли одинъ противъ другого и угощались, причемъ большею частью молчали и смотрѣли другъ на дружку посоловѣлыми глазами; лишь повременамъ глаза ихъ оживлялись, и дьякъ отпускалъ короткія фразы.

— Все сотворено на потребу человѣка!—говорилъ дьякъ, чокаясь со Штепою, и сотворенное посылалось въ утробу.

— Эге! бормоталъ ему Штепа.

Послѣ нѣкоторой паузы, готовясь снова выпить, дьякъ говорилъ: „не то, што въ уста, а што изъ устъ—оскверняетъ человѣка!

— Эге! Будьмо здорови!—говорилъ Штепа, поднося поставецъ къ устамъ.

Но чаще дьякъ повторялъ излюбленную свою фразу: „у нашей хозяйки сердце—камень дорогой, наливай-ка по другой!" Штепа улыбался и говорилъ на этотъ разъ подлиннѣе:—„якъ

есть добра ричъ!.. Послѣ этой рѣчи наливали и выпивали. Дальше счетъ не шелъ, все выпивали по „другой".

Развеселившіеся гости не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Нежданно, негаданно появилась „музыка"—бандура и бубенъ; для большаго эффекта артисты ударили сразу при входѣ въ хату. Первый не вытерпѣлъ Сезоненко: онъ молодцовато соскочилъ съ ослона и давай отдѣлывать „козачка". Дьячиху тоже передернуло, она снялась съ мѣста и передъ Сезоненкомъ начала граціозно ломаться; Сезоненко сначала гусакомъ вертѣлся возлѣ дьячихи, а потомъ пустился вокругъ нея въ присядку, хватаясь руками то за голову, то за бока. Обое пришли въ экстазъ и стали присказывать.

— Ой, бувъ, та й нема! начала дьячиха.

— Та й пойихавъ до млына! отвѣтилъ плясунъ.

— А у млыни на камини... продолжала дьячиха.

— Тамъ вона, тамъ вона! продолжалъ плясунъ, разводя руками поближе къ плахтѣ.

— Не така-бъ я була... запѣвала дьячиха, рисуясь передъ молодцомъ.

— Не такый бы я бувъ!.. гудѣлъ молодецъ.

— Якъ бы маты виддала за такого козака...

— Якъ бы жинка була оттака, оттака...

— Щобъ ты зъ нею робывъ? припѣвала расходившаяся баба.

— У садокъ бы водывъ... зъ нею груши-бъ трусывъ... отвѣчалъ козакъ, отхватывая въ присядку и нѣжно затрогивая руками то плахту, то фартухъ у бабы.

Такой забористый плясъ подзадорилъ многихъ, и они одинъ за другимъ пустились ходить возлѣ дьячихи въ присядку. Уже она утомилась, но продолжала живописно позировать посреди нихъ. И въ то время, какъ вокругъ молодой бабы топтались удальцы-козаки, другіе, менѣе горячіе, отхватывали трепака въ одиночку, любуясь сами собой.

Такая потѣха длилась почти до полуночи. По временамъ наставали антракты: музыка умолкала, танцовавшіе угощали музыкантовъ, сами чокались и выпивали.

Душею развеселой компаніи была дьячиха: „немножко позволяя", она бойкими рѣчами, развязными и кокетливыми манерами приводила всѣхъ въ восторгъ; даже старые козаки и тѣ воспламенялись, глядя на расходившуюся дьячиху: ерошили свои чубы, покручивали сѣдые усы, и огонекъ свѣтился въ ихъ очахъ поблекшихъ.

— Отто чортова баба! яка жъ вона смашна та жартовлыва! тилько чортъ-зна кому досталася, якому-сь дурневи!—говорили они, указывая на дьяка, который ничего того не замѣчалъ, ибо занятъ былъ питіемъ.

Послѣ третьяго или четвертаго антракта танцовали съ особеннымъ азартомъ: присказамъ не было конца, земля гудѣла; пускаясь въ присядку, выдѣлывали изумительныя и довольно не скоромныя фигуры; дьячиха переходила изъ рукъ въ руки, молодцы поочередно схватывали ее за мясистую талію и круговращали. На это послѣднее обстоятельство указано было дьяку, дабы онъ созерцалъ, какъ увиваются возлѣ дьячихи ребята. Но дьякъ уже мало что видѣлъ и сознавалъ,—онъ былъ на четвертомъ взводѣ; ему мерещилось что-то пляшущее и скачущее, и въ этой сутолокѣ образъ женщины только мелькалъ. Онъ поднялся, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ... и торжественно произнесъ: „и се скачущая Иродіада... не упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ"... Послѣ чего усѣлся, обнялъ Штепу и облобызалъ его, проговоривъ: не „упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ!"

— Эге! пробормоталъ Штепа, вытирая усы, и послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ дьяку: „а тымъ часомъ по чарци!"

— По единой точію, оно приличествуетъ..., возгласилъ дьякъ, продолживъ: не то, кажу вамъ, що въ уста...

— Та ну бо вже по чарци, чи що! перебилъ его Штепа, и началось „по чарци".

Въ концѣ концовъ дьякъ былъ отведенъ домой, въ сопровожденіи своей благовѣрной.

Остальные гости тоже уведены были „жинкàми" до своихъ хатъ, а пріѣзжіе расположились „пòкотомъ" въ половникѣ, въ коемъ улегся и самъ хозяинъ.

Послѣ пирушки все пошло у Мармуты обыденнымъ порядкомъ: жена „дбала" полотно, „хустки" и плахты, разводила куръ и прочую живность, а мужъ принялся за остальное хозяйство, которое пришло было въ упадокъ отъ судебныхъ расходовъ и частыхъ поѣздокъ то въ Глуховъ, то въ Переяславъ и другія мѣста.

Углубившись въ хозяйство, Мармута и не помышлялъ о такихъ долговременныхъ и далекихъ отлучкахъ, какъ напр.—въ Глуховъ; здѣсь онъ думалъ побывать лишь въ томъ случаѣ, если пріѣдетъ гетманъ, дабы посмотрѣть на него и полюбоваться имъ; но Мармутѣ нашему и раньше того пришлось помѣрять версты до Глухова.

XXII.

Данило Требинскій тоже ошибся въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ выручки брата.

Раздѣлавшись съ Мармутой, онъ немедленно же началъ дѣйствовать: послалъ въ генеральный судъ „мировое доношеніе", велерѣчиво составленное; отправился къ Хорвату, оповѣстилъ его и брата объ успѣшномъ окончаніи дѣла. Иванъ перекрестился, когда узналъ о мировой сдѣлкѣ, и похвалился вернуть добро, улетѣвшее въ руки козака: „какъ Богъ мене освободитъ", сказалъ онъ брату, „я тое все одберу отъ Мармуты".

Напрасно Иванъ считалъ дни и часы и все дожидался той вожделѣнной минуты, когда его выпустятъ на свободу.

Войсковой генеральный судъ, получивъ „мировое доношеніе", не восхотѣлъ „поступиться" съ учиненнымъ фактомъ—разбоемъ дому козака Мармуты. „Хотя оной Мармута", говорится въ судебномъ постановленіи, „по претензіи его за заграбленные у него имущества зъ братомъ гусара Ив. Требинскаго, Д. Требинскимъ, примирился и въ томъ удовольствованъ, однако безъ поступленія съ помянутымъ Ив. Требинскимъ и служителми его за тотъ учиненный ими разбой дому козака Мармуты въ силѣ высочайшихъ Ея И. В. указовъ и малороссійскихъ правъ оставить не должно". И потому къ генералъ-лейтенанту

Хорвату посланно было требованіе, дабы онъ немедленно представилъ гусара Ив. Требинскаго въ генеральный судъ для допроса. Но Хорватъ не представлялъ своего вицекапрала, Ивана,—писалъ, что слѣдствіе по важному дѣлу надъ нимъ еще производится.

Наступилъ 1757 годъ. Еще два раза написали Хорвату о присылкѣ Ив. Треб. въ генеральный судъ. Хорватъ на эти оба посланія ничего уже не отвѣчалъ. Тогда генеральный судъ послалъ доношеніе „ясневелможному, високоповелителному господину Малой Россіи, обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетману", графу Разумовскому. Въ доношеніи изъяснялись обстоятельства дѣла о разбоѣ дому козака Мих. Мармуты, что дѣлу этому и до сихъ поръ нельзя учинить надлежащаго рѣшенія: такъ какъ Новой Сербіи командиръ г. Хорватъ, не смотря на многократныя требованія, не присылаетъ Ив. Требинскаго въ судъ генеральный. „Того ради, о випеписанномъ вашей ясневелможности судъ генералний представляетъ и покорно проситъ о немедлѣнной висилки въ судъ генералний означенного Івана Требинского".

У гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго дѣла, какъ видно, дѣлались скоро: 11 апрѣля послали гетману упомянутое доношеніе, а 17 апрѣля уже „пущено было писаніе" къ Хорвату, въ коемъ предлагалось немедленно выполнить требованіе генеральнаго суда.

Хорватъ 7 мая „съ должнымъ предпочтеніемъ", получивъ это „писаніе", явился покорнымъ исполнителемъ велѣній знатнаго вельможи—графа Кир. Гр. Разумовскаго. Немедленно же онъ сталъ приготовлять своего гусара къ путешествію въ Глуховъ: послалъ курьера къ генералъ-аншефу Петру Семеновичу Салтыкову, начальнику украинской ландмилиціи, и просилъ его прислать „изъ ландмилицкихъ полковъ" капрала и трехъ человѣкъ рядовыхъ драгунъ. Разумѣется, изъяснено было Салтыкову, по чьему распоряженію и для чего надобна сія ландмилиція. Ландмилиція была прислана. Какъ это, при случаѣ, скоро все дѣлается! Къ 12 мая капралъ и три драгуна уже обрѣтались у

Хорвата, а 13-го гусаринъ Иванъ уже вывезенъ былъ въ путь-дороженьку.

Снаряжая гусарина своего въ далекій путь, Хорватъ вооружилъ его „пашпортомъ“, коимъ „повелѣвалось“, дабы „подъ отвозъ чрезъ Малую Россію до Глухова“ для означенной въ ономъ персоны „взымаемы были обывателскіе подводы“.

Потаскали бывшаго пана Людвика по горамъ и доламъ на свиданіе съ козацкими судьями. Онъ везенъ былъ на это свиданіе заклепанный въ ножные и ручные кандалы, и чрезъ каждые 20—30 верстъ пересаживали его съ одной обывательской подводы на другую; а капралъ и драгуны „слѣдовали на государевыхъ драгунскихъ лошадяхъ“.

Обыватели, коимъ выпадала „черга“ везти „колодника“, только хватались за чубы свои, да почесывали затылки, ибо и себя, и лошадокъ приходилось отрывать отъ настоятельныхъ домашнихъ работъ: одному нужно было „полоть“ огородъ, другому—лѣсу привезти для начатой хаты, третій собирался на ярмарку, четвертый—ради гусарина оставлялъ хворую жену.

XXIII.

Отправленный Хорватомъ въ Глуховъ, Ив. Требинскій предсталъ, наконецъ, предъ ясныя очи генеральныхъ судей.

Въ судилищѣ онъ велъ себя свободно и весело, говорилъ съ апломбомъ,—не даромъ же и практиковался онъ у Хорвата втеченіе двухъ лѣтъ. Предъявленное обвиненіе во всѣхъ его пунктахъ, съ начала до конца, Иванъ отрицалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. „Будучи добровольно допрашиванъ [1]), къ тѣмъ разбоямъ не винился“, на всѣ вопросы судей отвѣчалъ бойко и не запинаясь; всѣ доказательства, выставляемые судомъ, разбивалъ въ пухъ и прахъ. Онъ, напр., говорилъ, что въ ночь съ 17 на 18 нояб. 1754 г. онъ и дома-то не былъ, а ѣздилъ въ Глуховъ; ѣдучи туда, на дорогѣ былъ настигнутъ Мармутою

[1]) Гусарина Ив. Треб., какъ военно-служащаго, генеральный судъ не подвергалъ пыткѣ—не имѣлъ на то права.

и Рубаномъ, которые хотѣли въ смерть его забить, а онъ давай бѣжать,—говорилъ все то, что вытвердилъ у Хорвата.

Судьи только разводили руками, слушая этого оратора; изумлялись, глядя на эту физіономію, которая по временамъ то вспыхивала, выражая ожесточеніе и злобу, то притворялась невиннымъ ягненкомъ, ведомымъ на закланіе. Такая комедія повторялась въ судѣ три раза, и всякій разъ судьи слышали одно и тоже. Тогда на сцену выведены были еще два артиста, Литвиненко и Шкуренко.

Сначала Литвиненко и Шкуренко были допрошены по одиночкѣ; но къ немалому удивленію суда, они запѣли теперь не ту пѣсню: они самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицались отъ прежнихъ своихъ показаній. И вотъ ихъ поставили глазъ на глазъ съ Иваномъ Требинскимъ. Иванъ и глазомъ не моргнулъ, держалъ себя еще веселѣе и развязнѣе: онъ „снизывалъ плечами", разводилъ ручищами своими и, величественно глядя на судейскій персоналъ, говорилъ, что онъ не знаетъ Литвиненка, въ первый разъ видитъ его; а если Литвиненко оговорилъ его, то лишь по наставленію Рубана и Мармуты.

Литвиненко и Шкуренко и „на очной ставкѣ во всемъ противъ прежде показуемаго *заперлисъ*. Василь Литвиненко показывалъ: яко бы онъ въ службѣ при Іванѣ Требинскомъ не находился и съ нимъ Требинскимъ да служителями его на разбоѣ реченного Мармути никогда не билъ, а показалъ о томъ на прежнихъ допросахъ—напрасно, съ одного подущенія и устращенія атамана ирклѣевскаго Ѳедора Рубана и козака Мармути".

Иванъ Шкуренко показалъ: что онъ, слѣдуя въ Кіевъ для покупки сосновыхъ колодъ, отъ Василя Литвина никакихъ словъ не слыхалъ, а показывалъ о томъ, какъ въ сотенной горошинской канцеляріи, такъ и въ судѣ генералномъ напрасно; да и о бытіи съ Иваномъ Требинскимъ и протчіими на разбои козака Мармути *не винился*. Литвиненка и Шкуренка подвергли пыткѣ; но и изъ-подъ кнута судьи слышали тоже самое запирательство.

Такого рода „допросныя рѣчи" Требинскаго, Литвиненка и Шкуренка только запутывали дѣло; дабы распутать его, постановили: „сыскавъ атамана Рубана, Мармуту, такожъ и дру-

гихъ, по томужъ дѣлу къ слѣдствію подлежащихъ, допросить", а гусарина Ивана засадили въ Глуховскій острогъ до будущаго свиданія съ означенными лицами.

Пока сыскивали означенныхъ лицъ—наступили для суда „каникулярные дни", которые продолжались два мѣсяца—съ іюля до сентября.

Ив. Требинскій, дабы не сидѣть въ острогѣ во время каникулъ, послалъ гетману „нижайшое доношеніе", въ коемъ изображаетъ положеніе свое неприглядное: „зъ оговору мене нижайшого содержачимся въ глуховскомъ острогѣ колодникомъ Василемъ Литвиненкомъ, по писму вашей ясневелможности, присланъ я отъ господина генерала лейтенанта Хорвата въ Глуховъ въ судъ генералній, гдѣ сегожъ іюня 7 дня я и допрашеванъ, а по допросу безузнанія еще жадной моей вини отданъ въ острогъ между протчіихъ колодниковъ, гдѣ и по нынѣ тѣсняемъ нуждою без всякого далнего следствія нахожусь, винности же моей потому оговору я засобою бить не признаю; а понеже канѣкулярніе дни уже наближаются, въ которіе судебнихъ росправъ не биваетъ, и буди оное дѣло до наступленія канѣкулъ изслѣдовано не будетъ, я безвинно и въ здоровьи крайне разоритись могу: того ради вашей ясневелможности слезно прошу о скорейшомъ по обносному мене дѣлу изслѣдованіи високоповелителнимъ ордеромъ суду генералному предложить и о содержаніи мене въ иномъ местѣ, а не въ остроге, милостивого разсмотренія".

Получивъ сіе „доношеніе", гетманъ написалъ генеральному суду, дабы судъ не дѣлалъ излишнихъ проволочекъ въ дѣлѣ просителя—гусарина Ивана, дабы проситель сей не утѣсняемъ былъ въ острогѣ и, если возможно, былъ переведенъ въ иное какое мѣсто. Генеральный судъ почтительно доложилъ гетману, что обо всемъ томъ гусаръ Ив. Требинскій жалуется понапрасну: въ острогѣ получаетъ онъ достаточную пищу и питіе, содержится особо отъ прочихъ колодниковъ; къ скорѣйшему окончанію дѣла судъ прилагаетъ особое стараніе; но таковое окончаніе не могло воспослѣдовать, какъ по случаю наступившихъ вакаціонныхъ дней, такъ еще болѣе потому, что сами подсудимые стараются затянуть оное дѣло: гусаръ Ив. Требин-

скій совершенно отрицается отъ разбоя дому козака Мармуты, Литвиненко и Шкуренко тоже „заперлись во всемъ противу прежнихъ своихъ показаній"; каковымъ упорствомъ и противорѣчивыми показаніями наводятъ „*сумнительство*" и вынуждаютъ судъ прибѣгнуть къ многосложному разслѣдованію—вызову болѣе чѣмъ тридцати свидѣтелей.

Вслѣдствіе такого отвѣта, гетманъ оставилъ просьбу Ивана безъ послѣдствій, и Ив. Требинскій и въ теченіе вакаціонныхъ дней вынужденъ былъ глотать острожный воздухъ; да потомъ уже, въ сентябрѣ, былъ переведенъ на гауптвахту.

Тѣмъ не менѣе, гусаринъ Иванъ употребилъ эти вакаціи, можно сказать, съ пользою для себя,—коли прямымъ путемъ не удалось высвободиться, такъ онъ пустился на хитрости и устроялъ суду препорядочную каверзу: подготовлялъ побѣгъ колодниковъ Литвиненка и Шкуренка. Въ первые же дни послѣ вакацій, когда судъ намѣревался приступить къ слушанію допросныхъ рѣчей, Шкуренко и Литвиненко „ночью противъ 5 сентября обще съ караульнымъ солдатомъ безвѣстно бѣжали", о чемъ репортомъ доложилъ „говбвахтный оберъ-офицеръ".

Въ то самое время, генеральному суду прислано было довольно важное донесеніе изъ полковой переяславской канцеляріи, что „сотнѣ ирклѣевской козаки Миронъ Болобанъ и Өедоръ Сушко, бывшіе въ командѣ въ заднѣпрскихъ мѣстахъ въ крѣпости св. Елисавети, въ сотенной ирклѣевской канцеляріи сказками показали, что съ обявленнихъ служителей гусара Ивана Требинскаго Тишко Каврайскій нынѣ находится въ Новой Сербіи въ услуженіи при поручику Григорію Булацелю за прикажчика, котораго они, козаки, самоперсонально при урочищи рѣчки прозиваемой Виски видѣли".

Съ полученіемъ такой вѣсти, генеральный судъ послалъ „покорное доношеніе" ясневельможному графу Разумовскому, „чтобы о высылкѣ въ судъ генералній Тишка Каврайского подъ крѣпкимъ карауломъ писано было до командующого Новой Сербіи генерала".

Одновременно съ этимъ посланіемъ и Иванъ „учинилъ писулю до гетмана: онъ, нижайшій, проситъ освободить его изъ-

подъ караула и жалуется, что его невиннаго и достаточно очистившагося содержуютъ до сихъ поръ подъ карауломъ съ крайнимъ утѣсненіемъ и поношеніемъ чести его и въ пропитаніи онъ терпитъ немалую нужду.

Гетманъ, зная, что слѣдствіе пріостановлено за отсутствіемъ надобныхъ къ тому лицъ, повелѣлъ: „Ив. Требинскаго отправить къ Хорвату, а буде Ив. Треб. понадобится, то тогда истребовать его отъ Ново-Сербскаго командира“.

Такое повелѣніе получено было въ ту пору, когда суду вѣдомы стали новыя, довольно темныя дѣла Ивана. Они выплыли наружу благодаря стараніямъ нѣкоего Гаврила Ѳирсова—сержанта владимірскаго пѣхотнаго полка. Онъ временно завѣдывалъ гауптвахтой, въ которой содержался Ив. Требинскій, и 23 октября подалъ въ судъ генеральный доношеніе. Въ доношеніи Ѳирсовъ показалъ, что нѣкоторый человѣкъ приходилъ на гауптвахту „къ содержачомусь тамо подъ карауломъ Ивану Требинскому“, звалъ себе „дядины его служителемъ“ и объявилъ ему, Требинскому, будто бѣжавшій колодникъ Литвиненко въ Ирклѣевѣ пойманъ и отведенъ въ полковую переясловскую канцелярію, гдѣ и по сію пору содержится; „тотъ же побѣгъ“, добавилъ Ѳирсовъ, „упователно оние колодники возимѣли чрезъ служителя его, Требинскаго—Игната, которій въ тогдашнее время невѣдомо куда и дѣвался“. 24 октября тотъ же Ѳирсовъ „доношеніемъ представилъ“ суду болѣе интересныя подробности, именно: Иванъ Требинскій Василя Литвиненка и Ивана Шкуренка, бывшихъ съ нимъ купно на разбои, чрезъ человѣка своего Игната подговорилъ, дабы его во всемъ зговорили и съ онымъ его человѣкомъ побегъ учинили, чтобъ ему получить освобожденіе; да и Иванъ Требинскій по злодѣйственному своему умыслу, имѣя надежду освободиться сподъ караула, говорилъ сіи слова: когда мене мати Божая освободитъ, тоде я въ судіи генералного Оболонского въ Горошинѣ хотя и середъ дня въ гостѣ буду, дарма что у него имѣются компанѣйцѣ, я ихъ не боюсь; на мене ирклѣевскихъ козаковъ собралось было зо сто, да пуль ихъ не боялся, и знатиму за его господина судіи гоненіе и злобу якъ ему одомстить, яко де домъ мой по

близости его, господина судіи генералного, въ полкужъ Лубенскомъ находится“.

Донесеніе Өирсова представлено ясневельможному гетману „съ прошеніемъ высокой резолюцѣи“, а Ив. Требинскаго вырядили къ Хорвату. Хотя гусаринъ слѣдовалъ къ своему командиру при удвоенномъ конвоѣ, но это нисколько не смущало его,—напротивъ, онъ торжествовалъ: онъ смѣялся надъ генеральнымъ судомъ и учиненнымъ судебнымъ слѣдствіемъ, также какъ „пащековалъ“, сидя на гауптвахтѣ.

XXIV.

Хорватъ получилъ своего буйнаго вице-капрала Требинскаго въ концѣ ноября и засадилъ его подъ стражу въ тѣхъ самыхъ „ланцюгахъ“. О благополучномъ прибытіи сего господина Хорватъ увѣдомилъ Разумовскаго и генеральную войсковую канцелярію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новосербскій командиръ приблиз. поставлялъ генеральному суду во извѣстіе“, что по описаннымъ примѣтамъ, Тишка Каврайскаго у г. Булацеля никогда не было и нынѣ не имѣется. Хорватъ писалъ неправду: розысканій въ хуторѣ Булацеля онъ не чинилъ; а Тишко Каврайскій тамъ обрѣтался.

Литвиненко и Шкуренко, ушедшіе изъ Глуховскаго острога, исчезли безслѣдно; прочія личности, показанныя Литвиненкомъ, тоже не отыскивались. У генеральнаго суда не оказывалось матеріи для дальнѣйшаго слѣдствія. Къ тому же Мармута и Рубанъ съ товарищи долго не появлялись въ генеральный судъ. Они явились сюда лишь въ апрѣлѣ 1758 г.; къ этому времени сюда привезенъ былъ герой дѣла—Ив. Требинскій.

По прибытіи сего героя генеральный судъ приступилъ къ производству слѣдствія—къ слушанію „*допроснихъ рѣчей*“. Первую допросную рѣчь держалъ Михайло Мармута. Онъ, получившій „претензію“ и заключившій „мировую“ съ братомъ Ивана, давалъ такія показанія, на основаніи которыхъ Ив. Требинскій могъ выпутаться изъ бѣды. Мармута предъ судьями повторилъ лишь то, что онъ писалъ въ своихъ доношеніяхъ;

на вопросъ же суда, чинилъ ли Ив. Требинскій разбой въ его домѣ, доказательствъ и уликъ не представилъ; онъ говорилъ, что въ домѣ его „*поралисъ*"—вязали его и прочихъ и выбирали имущество трое человѣкъ, лицъ коихъ онъ не могъ замѣтить „спросонку" и будучи въ испугѣ.

Рубанъ, Штепа, Сезоненко и прочіе, бывшіе въ командѣ Рубана, говорили только то, что относилось до вооруженнаго сопротивленія: о пальбѣ и немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ Иваномъ Требинскимъ, о его ночномъ нападеніи на нихъ въ Чутовкѣ. Затѣмъ послѣдовали рѣчи изъ устъ Ив. Требинскаго. Онъ ораторствовалъ теперь еще лучше прежняго. Онъ отрицался отъ участія въ разбоѣ дому Мартуты, а касательно вооруженнаго сопротивленія козачьимъ властямъ говорилъ то же самое, что вытвердилъ на практикѣ у Хорвата.

На основаніи этого судебнаго разбирательства генеральный судъ нашелъ возможнымъ поставить только такое рѣшеніе: гусаръ Новой Сербіи Иванъ Требинскій виновенъ въ вооруженномъ сопротивленіи козачьимъ командамъ и въ вооруженномъ нападеніи на козачью команду въ Чутовкѣ; за каковыя вины подлежателенъ онъ, Иванъ Требинскій, наказанію, опредѣленному въ воинскомъ уставѣ.

На другой день, по окончаніи судебнаго процесса, Ив. Требинскій былъ отправленъ къ Хорвату. Хорватъ нашелъ неважнымъ и не заслуживающимъ вниманія то, что человѣкъ его команды сопротивлялся козачьимъ властямъ, а если онъ нападалъ на козачью команду, то, молъ, потому, что на него нападали. За дезертирство же и двойное сопротивленіе гусарскимъ командамъ разжаловалъ въ рядовые и рѣшилъ продержать „въ желѣзахъ" еще два года.

Вотъ разжалованный гусаринъ Иванъ отсиживалъ подъ арестомъ послѣдній годъ, отсиживалъ съ радужными надеждами на будущее. Онъ радовался тому, что, вопреки желаніямъ Оболонскаго и козаковъ,—будетъ гулять на свободѣ; онъ мечталъ, что вотъ снова обзаведется пригожими молодками и отомститъ всѣмъ своимъ врагамъ. Мысль о мести особенно занимала Ивана:

на эту тему онъ, можно сказать, строилъ воздушные замки, на разные лады развивалъ планы будущаго отмщенія.

Выпущенный, наконецъ, на свободу, онъ безъ оглядки пустился въ Плеховъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Чутовку и намѣревался мстить врагамъ своимъ—Мармутѣ, Рубану и прочимъ, то братъ Данило не посовѣтовалъ ему дѣлать этого, а посовѣтовалъ заняться хозяйствомъ и устроеніемъ своего разореннаго хуторка. Иванъ, наученный все-же горькимъ опытомъ, послушался добраго совѣта. Вотъ онъ и кликнулъ кличъ „на людей" двоякимъ способомъ: служителя своего послалъ зазывать людей на пустые грунты, обѣщая имъ заманчивыя льготы; на всѣхъ пунктахъ своей земли поставилъ большіе деревянные кресты, на коихъ были написаны тѣ льготы и имѣлись шесть проверченныхъ дырочекъ. Сіи дырочки неграмотнымъ давали знать, что льготы обѣщаются на шесть лѣтъ. Въ теченіе шести лѣтъ каждый, поселившійся у Ивана Требинскаго, будетъ пользоваться тремя десятинами пахатной земли, одною десятиной сѣнокосной, очеретомъ и лѣсомъ на хозяйственныя надобности; а отбывать господскія работы по 18 дней въ теченіе каждаго года.

Тѣмъ не менѣе, и на такія льготы нашлось охотниковъ совсѣмъ мало: прошелъ мѣсяцъ, а пришло на новоселье всего пять семействъ, да глашатай привелъ троихъ; притомъ, скоро и это количество умалилось: три мужика, усмотрѣвъ, что панъ уже успѣлъ завести съ ихъ женами амуры, въ одну прекрасную ночь снялись съ мѣста, оставили хаты „впустѣ" и исчезли невѣдомо куда.

Ив. Требинскій, не смотря на это, все еще не терялъ надежды на новыхъ „приходьковъ", со дня на день ждалъ, что вотъ люди явятся къ нему на жительство; но люди не являлись. Они не являлись по двумъ причинамъ: недобрая молва ходила въ гетманщинѣ о Требинскихъ—Данилѣ, Иванѣ и Николаѣ; въ Каневцахъ, Оржицѣ, Горошинѣ и другихъ мѣстахъ, близкихъ къ Плехову и Чутовкѣ, произошло особаго рода движеніе, когда пронеслась вѣсть, что гусаринъ Ив. Требинскій появился и живетъ въ своей слободкѣ. Многихъ объялъ ужасъ: ибо вблизи

ихъ снова находился тотъ гусаринъ, котораго и „куля не бере“. Жители упомянутыхъ селъ собирались кучками и трактовали о томъ, какъ бы общими силами защититься отъ имѣющихъ быть нападеній на ихъ поля, табуны, скотъ и прочее имущество; жители однихъ селъ ѣздили въ другія для совѣщаній о томъ же; разъѣздныя козачьи команды были умножены и стали дѣйствовать неусыпно, не только ночью, но и днемъ. Гусаринъ Иванъ очутился въ какомъ то осадномъ положеніи, что его коробило и злило; къ тому-же и люди на жительство къ нему не шли. Тогда въ головѣ его блеснула оригинальная мысль—отправиться въ Кіевъ и тамъ навербовать бездомныхъ сиромахъ, они будутъ ему нести двойную службу: будутъ исполнять всякія хозяйственныя работы и всякій разъ, когда это надобно будетъ, преобразятся въ отважныхъ воиновъ. Кромѣ того, въ Кіевѣ можно будетъ подъискать подходящую красавицу. Осѣненный такими восхитительными мыслями, Ив. Требинскій помчался на всѣхъ парусахъ въ Кіевъ.

XXV.

Въ Кіевѣ дѣла гусарина Ивана пошли довольно успѣшно: въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль онъ навербовалъ три десятка добрыхъ молодцевъ и пріискалъ пригожую молодушку. На слѣдъ этой новой пташки онъ не сразу набрелъ. Сначала ходилъ по знакомымъ домамъ и посредствомъ знакомыхъ втирался въ семейства, гдѣ не знали, что это за молодецъ; но такимъ манеромъ гусаринъ не раздобылъ женщины: однѣ ему отказывали, другія ему не нравились. Тогда онъ прибѣгнулъ къ экскурсіямъ по базарамъ и разнымъ кіевскимъ закоулкамъ; но и такъ не повезло,—пригожихъ и удобныхъ для похищенія бабъ не оказывалось; главная задача состояла въ томъ, чтобы подцѣпить хорошенькую и молоденькую—едва созрѣвшую розу, а такія розы не попадались на глаза.

Иванъ сообразилъ, что въ Кіевѣ есть женскіе монастыри, а въ тѣхъ монастыряхъ нерѣдко подъ черными мантіями таятся жгучія очи и тлѣютъ пылкія страсти. Съ нѣкоторымъ трепе-

таніемъ вступаетъ онъ въ церковь Флоровской женской обители. Стройное пѣніе раздается, нѣжными звонкими голосками молитвы произносятся,—гусаринъ почувствовалъ въ себѣ нѣкій бальзамъ; но когда онъ окинулъ однимъ взглядомъ молящихся,—чуть не запрыгалъ отъ удовольствія; все женскія личики, больше молодыя и хорошенькія, взгляды томные и нѣжные. Онъ сталъ разсматривать эти личики и растерялся, не зналъ какое избрать для своихъ амуровъ,—одно лучше другого; онъ разомъ всю женскую кучу захватилъ бы, еслибъ это можно было.

И на другой день онъ отправился въ туже обитель; теперь осматривалъ монашекъ съ бо̀льшимъ спокойствіемъ и на одну изъ нихъ обратилъ особенное вниманіе. Ея черныя, полныя огня очи, розовый румянецъ на щекахъ, ея статный, крупныхъ размѣровъ бюстъ,—произвели такое сильное впечатлѣніе на соглядатая, что онъ началъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ; но превозмогъ себя, успокоился и сталъ пристально глядѣть на нее; черница, наконецъ, оглянулась и бросила на незнакомца удивленный взглядъ; незнакомецъ продолжалъ упорно смотрѣть на нее; черница бросила на него вторичный взглядъ, нѣсколько кокетливый, гусаринъ воспользовался моментомъ, пославъ ей воздушный поцѣлуй; лицо красавицы зардѣлось, какъ маковый цвѣтъ, и она потомъ долго не оборачивалась въ его сторону; наконецъ, глянула на него—и полонъ нѣги былъ взглядъ ея. У гусарина помутилось въ головѣ, когда онъ уловилъ этотъ взглядъ. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ гусаринъ пришелъ домой неудовлетворенный собою, своимъ поведеніемъ; ему представлялось невозможнымъ овладѣть предметомъ своей внезапной любви. Долго думая объ этомъ, онъ нашелъ необходимымъ употребить въ дѣло своего вѣрнаго служителя—сербина Савву. Прежде всего господинъ повелъ Савву въ церковь и познакомилъ его съ физіономіей своей возлюбленной. Затѣмъ Савва принялъ образъ и подобіе нищаго и сталъ протягивать руку при входѣ въ монастырскую церковь. Чрезъ нѣсколько дней нищему и удалось выполнить порученіе: онъ воспользовался моментомъ, когда желанная черница выходила изъ церкви одна, и сунулъ ей въ руку записку. Въ запискѣ писалось, что панъ

Ив. Требинскій, владѣлецъ слободки Чутовки въ Горошинской сотнѣ Лубенскаго малороссійскаго полка, увидѣлъ черницу въ церкви и почувствовалъ къ ней такую любовь великую, что не можетъ ни спать, ни ѣсть, и желаетъ „сдѣлать ее своей законной женой“; если она „того хочетъ“, такъ пусть назначитъ время и мѣсто для того, чтобы можно было повидаться и переговорить“.

Такая писулька пришлась по сердцу молодой черницѣ. Это была круглая сирота, не знавшая отца и матери. Дочь козака, имѣвшаго жительство въ Черниговскомъ малороссійскомъ полку, она до восьми лѣтъ жила у своей тетки, старушки, которая отдала ее, свою племянницу, на воспитаніе въ монастырь. До шестнадцати лѣтъ ей хорошо и спокойно жилось въ стѣнахъ монастырскихъ, ее часто навѣщала тетушка, и дни этихъ свиданій были для нея такими радостными и праздничными. Но вотъ на шестнадцатомъ году случилась бѣда, измѣнившая внутреннюю жизнь дѣвушки. Богомольцы принесли ей изъ родины вѣсть, что тетушки уже нѣтъ на свѣтѣ, она покоится въ сырой землѣ. Сильно затосковала сиротка, лишившись единственнаго существа, къ которому она питала безграничную любовь; нѣкоторое утѣшеніе она нашла лишь въ томъ, что вотъ пойдетъ на родину и тамъ оросить могилу горючими слезами; но сиротинушкѣ не позволили и шагу сдѣлать за монастырскія стѣны, и она впервые возненавидѣла эти стѣны, почувствовала, что она, живой человѣкъ, находится какъ бы подъ гробовой крышкой.

Тоска по теткѣ и ненависть къ монастырской жизни были настолько велики, что черница нѣкоторое время проболѣла. Оправившись отъ болѣзни, она все таки грустила и грустила; ненависть къ монастырскимъ порядкамъ и занятіямъ въ ней возрастала, роль послушницы съ каждымъ днемъ становилась ей невыносимѣе и непригляднѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ невѣдомый міръ, что за монастырской оградой, казался ей такимъ загадочнымъ и заманчивымъ. О, какъ бы ей хотѣлось очутиться среди этого міра, раздѣлить его радость и горе! Навѣрное, въ томъ мірѣ она не испытывала бы той душевной тяготы, какую испытываетъ здѣсь, въ мрачной кельѣ; она тамъ была бы

свободной пташкой, нашла бы себѣ занятіе по желанію и нашла бы друга сердечнаго, который своею любовью замѣнилъ бы ей то, что утратила она со смертью тетки. Эта потребность любить и быть любимой становилась для тоскующей дѣвушки все неотразимѣе. Съ полученіемъ извѣстнаго письма въ ея кипучей дѣвственной натурѣ забушевали страсти. За чтеніе этого письма черница нѣсколько разъ принималась, все какъ бы не довѣряя своимъ очамъ. Она радовалась, что является возможность жить внѣ монастыря и быть любимой; но ее начала пугать мысль о томъ, что она оставляетъ монастырь и отдается, довѣряется невѣдомому человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ понравился ей, она уже мечтала о немъ и въ этихъ мечтаніяхъ провела нѣсколько безпокойныхъ ночей. Страстное влеченіе къ этому человѣку, чувство радости и ощущеніе страха такъ смѣшались и перепутались, что Наташа (такъ звали героиню нашего разсказа) никакъ не могла рѣшить, которому изъ нихъ послѣдовать. Крайне взволнованная, она падаетъ на кровать и начинаетъ рыдать. Нарыдавшись, Наташа схватывается съ кровати, падаетъ на колѣни и молится. Долго она молилась, все прося Божію Матерь, дабы въ мірѣ ей ниспослано было счастье, и она, сиротка, не была бы обижена. Успокоенная молитвой, она начала мечтать о той новой жизни, о которой она сама же задумала уже давнымъ давно и выходъ въ которую теперь судьба устраиваетъ ей. Со сладкими мечтаніями она уснула.

На другой день, вечеромъ, во время богослуженія, въ одномъ изъ монастырскихъ закоулковъ Наташа очутилась въ объятіяхъ Ив. Требинскаго и получила отъ него первый поцѣлуй. Эти объятія и этотъ поцѣлуй произвели въ юной черницѣ такое сладостное ощущеніе, какого она еще не испытывала дотолѣ.

Въ ту же ночь Ив. Требинскій увезъ Наташу изъ города и благополучно прибылъ съ нею домой. Черезъ три дня Ив. Требинскій обвѣнчался съ Наташею сколько изъ любви къ ней, столько изъ-за боязни, чтобы она не улизнула отъ него обратно въ монастырь, ибо бракосочетаніе она поставила непремѣннымъ условіемъ сожительства. Такимъ то способомъ, сверхъ всякаго

чаянія, Ив. Требинскій сдѣлался женатымъ человѣкомъ,—обзавелся законною женою. Теперь жизнь его пошла иначе: воинственныя намѣренія были отложены на заднiй планъ и главное вниманіе обращено на женку и мирныя занятія.

Мирнымъ занятіямъ гусаринъ Иванъ предался съ особой энергіей, примѣтивъ, что дѣлаетъ братецъ Данило. А Данило вотъ-вотъ недавно поработалъ такъ, что шестерыхъ Оржицкихъ козаковъ обездолилъ и, что называется, въ трубу пустилъ: одни должны были за безцѣнокъ продать ему грунты свои и стать его подсусѣдками, другіе за долги должны были лишиться грунтовъ и пошли себѣ на всѣ четыре стороны.

Къ такой же работѣ неудержимо устремился и Иванъ, особенно съ той поры, когда ему удалось пріобрѣсти два сосѣднихъ небольшихъ козачьихъ хуторка,—онъ купилъ ихъ за весьма ничтожную цѣну, каковую козаки получивъ, поплелись съ сумою за плечами Богъ вѣсть куда. Сихъ козаковъ гусаринъ Иванъ обездолилъ двумя способами: одному чинилъ разные прижимки, запахивалъ межи и захватывалъ худобу, якобы за потравы; другому далъ на продажу двѣ куфы горячаго вина; продать всей водки не удалось, а уплатить за нее всѣ деньги пришлось; и такъ путался козакъ Доброваличко въ долгахъ до тѣхъ поръ, пока не пришлось отдать Требинскому часть грунта; а какъ забрался сюда Иванъ, то довелъ козака до того, что онъ перекрестился и уступилъ сербину остальную часть своей прадѣдовской земли.

Такого рода мирными занятіями Ив. Требинскій тѣмъ болѣе увлекся, что его законная жена оказалась умѣлой и неусыпной хозяюшкой. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени бракосочетанія, какъ Иванъ имѣлъ удовольствіе созерцать въ своей усадьбѣ массу живности всякой и овощей. Сундуки у Ивана наполнились „сувоями самодѣлковаго холста“, а въ коморахъ лежали большіе свертки домашняго сукна, которое выдѣлывалось на собственной сукновальнѣ, устроенной въ мельницѣ по инициативѣ жены; въ домѣ гусарина Ивана появились кружевницы, коверницы и золотошвеи, на коихъ гусаринъ искоса запускалъ свои огненные глаза и лучшихъ изъ нихъ,

въ удобные моменты, лавливалъ. Сіи продѣлки скоро замѣтила молодая жонка и попробовала было положить имъ конецъ разъ и навсегда; но это молодой женщинѣ не удалось: едва только она произнесла словечко, какъ мужене къ вызвѣрился и такъ взглядомъ пронизалъ жонку, что въ очахъ у нея помутилось и едва она не лишилась сознанія; но скоро пришла въ себя, расплакалась и дала обѣщаніе, что никогда ни единаго противнаго слова не вымолвитъ ему; къ счастью своему, она была не ревнивая и чрезвычайно мягкой души женщина.

Живя съ такою женщиной смирною, послушною и домовитою, Иванъ чувствовалъ себя на верху блаженства и вмѣстѣ съ нею „дбалъ добро". Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постарался окружить себя воинственной челядью, такою, каковая всегда водилась у братца Данила: то были молодцы, не имѣющіе за плечами ни семьи, ни хаты; для каждаго изъ нихъ у гусарина имѣлся боевой нарядъ: лошадь, списъ, ружье, плеть, пистолетъ и сабля. Въ такомъ нарядѣ онъ выпускалъ команду на свои поля для береженія ихъ, съ командой въ такомъ нарядѣ онъ выѣзжалъ поохотиться на звѣря лѣсного; въ сопровожденіи ея совершалъ путешествія въ Плеховъ и къ родичамъ въ Ирклѣевъ. Въ такихъ экскурсіяхъ гусаринъ Иванъ, что называется, отводилъ свою душу: ибо у него была врожденная страсть къ боевымъ приключеніямъ; только теперь онъ обнаруживалъ ее такимъ, можно сказать, невиннымъ способомъ, ибо по-прежнему обнаруживать ее нельзя было: козачьи команды зорко слѣдили за Ив. Требинскимъ и держали его въ томъ же осадномъ положеніи; такъ что нанести вредъ Мармутѣ, Рубану, Боровку, генеральному бунчучному Оболонскому и прочимъ не представлялось никакой возможности. Слѣдить же зорко, такъ сказать, выуживать удобный случай для нападенія на упомянутыхъ лицъ—было весьма затрудительно; ибо, какъ мы знаемъ, гусаринъ Иванъ рьяно занялся двумя предметами—молодою домовитою женой и хозяйствомъ. Наконецъ, прежнія воинственныя продерзости нужно было оставить и для того, чтобы по истеченіи нѣкотораго времени имѣть возможность снова зачислиться на службу,—совѣстно же и обидно и для потомства вредно

остаться рядовымъ навсегда. А въ лицѣ сынка таковое потомство уже появилось на свѣтъ божій, и жонка тѣмъ настойчивѣе начала приставать къ муженьку о необходимости для него служебной карьеры.

Муженекъ зачислился въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, въ коемъ со временемъ и дослужился до чина подполковника. Сдѣлавшись подполковникомъ, Ив. Требинскій еще въ большей степени предался любостяжанію: людей, проживших на его грунтахъ болѣе шести лѣтъ, началъ мало-по-малу утѣснять оброками и господскими работами; многіе не выдерживали „работизны“ и ударялись въ бѣгство; на мѣсто сбѣжавшихъ являлись новыя рабочія силы; видно, голытьбы въ то время много было въ Малороссіи, изобилующей водою, лѣсами, тучной почвой и прочими благами земными. Большая же часть людей съ адскимъ терпѣніемъ выносила иго — тажесть „работизны“,— жаль вѣдь было бросить на произволъ судьбы имущество, нажитое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и неудобно съ малыми дѣтьми лишиться крова да идти Богъ вѣсть куда; убѣгать же съ нажитымъ имуществомъ невозможно было: для устраненія такихъ побѣговъ у господина подполковника имѣлась воинственная челядь.

Тяжелую руку Требинскаго Ивана чувствовали на себѣ и сосѣдніе козаки—обладатели хуторковъ. У одного изъ нихъ, Панаса Великохатька, онъ насильно отхватилъ кусокъ земли, объявилъ, якобы сей кусокъ показанъ на планѣ, учиненномъ при отводѣ земли родному дядѣ, Славую Требинскому. Возникла судебная тяжба, которая тянулась пять лѣтъ и окончилась тѣмъ, что межевая коммиссія, назначенная судомъ, будучи подкуплена Ив. Требинскимъ, утвердила за нимъ желанную землицу. Такимъ же манеромъ онъ отнялъ двѣ землицы еще у двухъ козаковъ—Гаврила Рудого и Василя Доброштана.

Братецъ Данило точно такъ же продолжалъ раскидывать свои сѣти въ Оржицѣ. Онъ изъ года въ годъ продолжалъ „скуплять“ козачьи грунты и довелъ сію куплю до такихъ размѣровъ, что Оржицкіе козаки увидѣли себя окруженными земельнымъ кольцомъ; „выбираться“ изъ этого кольца, хотя бы

украдкой, нельзя было: ибо оно было тщательно оберегаемо воинственной челядью господина бунчуковаго; и дабы не летать по воздуху за предѣлы этого кольца, а имѣть изъ него естественные и удобные выѣзды—вынуждены были козаки уступить Данилу Требинскому „въ его и дѣтей его вѣчное потомственное владѣніе балку съ лѣсомъ и ставомъ". Теперь Данило началъ мирно жить съ Оржицкими козаками, число коихъ онъ значительно поуменьшилъ и продолжалъ уменьшать.

Результатомъ таковой дѣятельности было то, что Требинскіе, Иванъ и Данило, значительно расширили предѣлы мѣстностей, оставшихся имъ отъ дядей Славуя и Алексѣя, обзавелись большимъ количествомъ „подданныхъ" и зажили настоящими панами, что называется—на всю губу.

Вотъ что творили Сербы въ гетманщинѣ: что хотѣли, то и дѣлали. Законнымъ козачьимъ командамъ противопоставляли свои домашнія команды; занимались вооруженными наѣздами на козачье добро. А когда нельзя стало долѣ предаваться этому ремеслу, занялись иного рода завоеваніями: стали практиковать такой разбой, на помощь которому являлась тогдашняя Малороссійская волокита, т. е. производили разбой легальнымъ способомъ; и этотъ способъ далъ такіе результаты, что въ Горошинской сотнѣ Лубенскаго полка значительное число козаковъ исчезло, и это исчезновеніе совершилось довольно скоро—въ два десятка лѣтъ.

А. Полянщкій.

Смерть, погребеніе и загробная жизнь по понятіямъ и вѣрованію народа [1]).

I.

Почти съ каждымъ изъ такихъ важныхъ моментовъ въ человѣческомъ бытіи, какъ появленіе человѣка на свѣтъ или рожденіе, затѣмъ крещеніе, замужество или женитьба, и, наконецъ, послѣдній актъ въ человѣческомъ существованіи, его тѣлесная смерть,—въ понятіи и вѣрованіи народа связано много повѣрій, суевѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Чѣмъ важнѣе событіе въ человѣческомъ бытіи, напр. рожденіе человѣка или смерть его,—тѣмъ болѣе оно имѣетъ народныхъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Но всѣ обряды и обычаи, касающіеся такого важнаго со-

---

[1]) Нѣкоторые матеріалы для изученія малорусскихъ похоронныхъ обрядовъ и представленій, связанныхъ со смертію, появлялись уже на страницахъ „Кіевской Старины"; таковы статьи: 1) Браиловскаго. Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. 1885, № 9, 73—84, 2) Васильева. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ, 1889, № 5—6, 635—637, и Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья, 1890, № 8, 317—322, и 3) Ящуржинскаго. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ малорусскомъ погребеніи, 1890, № 1, 130—132. Большой запасъ матеріала напечатанъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. IV, стр. 697—713. Основнымъ изслѣдованіемъ въ этой области, какъ по методу, такъ и по выводамъ, до сихъ поръ остается вышедшая въ 1868-мъ году диссертація А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ". Важно было-бы сравнительное изученіе народныхъ похоронныхъ обычаевъ и тѣхъ археологическихъ данныхъ, которыя добыты въ новѣйшее время при раскопкахъ могилъ въ славянскихъ земляхъ (напр. раскопки В. Б. Антоновича въ странѣ Древлянъ, Радимичей и др.).—*Ред.*

бытія въ человѣческой жизни, какъ его рожденіе и крещеніе, уже собраны и записаны X. П. Ящуржинскимъ, („Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ“, отд. от. изъ „Кіев. Стар.“); другое важное событіе въ человѣческой жизни,—женитьба или замужество,—однимъ словомъ,—свадьба,—этнографами-собирателями уже многое-множество разъ описаны, записаны, собраны и систематизированы; всѣмъ свадебнымъ обрядамъ очень много есть сборниковъ; не мало также есть и научно-разработанныхъ трудовъ, статей и сочиненій, касающихся втораго важнаго акта въ человѣческомъ бытіи — женитьбы или свадьбы у простаго народа (какъ напр.: „Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы“ Н. Ѳ. Сумцова).

Собранныхъ же въ извѣстной мѣстности, такъ сказать, во едино сгруппированныхъ и записанныхъ всѣхъ повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ послѣднему акту въ бытіи человѣка—его тѣлесной смерти,—мнѣ не приходилось встрѣчать; между тѣмъ съ этимъ событіемъ связано очень много повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, но самое главное то, что всѣ эти обряды и обычаи имѣютъ чисто-языческій характеръ, какъ остатокъ древняго язычества.

Настоящей моей замѣткой я имѣю цѣлью сгруппировать, собранныя прямо изъ народныхъ устъ, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, относящіеся къ смерти человѣка и его погребенію, записанные мною въ староконстантиновскомъ и заславскомъ уѣздахъ волынской губ.

Безъ всякой и малѣйшей претензіи на научное значеніе моей статьи (такъ какъ для этого у меня нѣтъ ни времени, ни—самое главное—силъ)—я лишь, какъ этнографъ-любитель и собиратель, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ и умѣнья хочу пополнить одинъ пробѣлъ въ малорусской этнографіи и собрать все,—насколько это возможно, относящееся къ смерти человѣка и его погребенію, собрать сырой матеріалъ, чтобы дать такимъ образомъ возможность этнографамъ-ученымъ этотъ матеріалъ, или правильнѣе вопросъ, разработать научно.

II.

Сновидѣнія, предвѣщающія смерть.

Прежде, чѣмъ говорить о смерти человѣка, я хочу сказать нѣсколько словъ о сновидѣніяхъ, предвѣщающихъ смерть, предзнаменованіяхъ и предчувствіи смерти, такъ какъ, по вѣрованію нашего народа, смерть почти каждаго человѣка—предупреждается или сновидѣніями тому лицу, или ближнимъ его, или предзнаменованіями, или предчувствіемъ близкой смерти.

Особенно сильно распространена въ простомъ народѣ вѣра въ пророческое значеніе сновъ вообще и въ сны, предвѣщающіе смерть, въ частности. Мужики еще не такъ слѣпо вѣрятъ въ сны и значеніе ихъ, но что касается бабъ, то тѣ положительно слѣпо, до глупости вѣрятъ въ пророческое значеніе сновъ.

Въ каждомъ селѣ можно найти не одного даже, а нѣсколько,—такъ сказать,—живыхъ „сонниковъ", снотолковательницъ, обыкновенно ветхихъ старухъ,—которыя, кому бы какой замысловатый сонъ ни приснился, объяснятъ, растолкуютъ его лучше и удачнѣе всякихъ „сонниковъ" Леухина, Манухина и друг. издат. Никольскаго рынка.

При этомъ эти снотолковательницы по времени когда, т. е. въ какую часть ночи снился сонъ, замѣчаютъ, опредѣляютъ, насколько важенъ онъ и когда онъ сбудется; такъ сонъ, снившійся съ вечера и до полуночи,—однимъ словомъ, сейчасъ, какъ заснуть,—никогда не сбывается, такъ какъ относится къ событіямъ уже прошедшимъ, т. е. знаменуетъ то, что уже прошло; сонъ, приснившійся въ полночь, или „коло пивночи",—сбудется не раньше 7—9 дней; сонъ, видѣнный „досвита, якъ уже пивни спиваютъ",—сбывается чрезъ 3 дня и, наконецъ, сонъ, видѣнный уже „билымъ днемъ", предъ-тѣмъ, какъ вставать, сбудется въ тотъ же день.

Сны же, снящіеся „съ субботы на недилю—ничого не значать", т. е. никогда не сбываются, и, что бы ни снилось, никакого значенія оно не имѣетъ.

Эти сельскіе снотолковательницы, по времени, когда видѣлся сонъ, даже какъ-то опредѣляютъ такіе сны, которые, по ихъ толкованію, должны исполниться лишь чрезъ двѣ недѣли.

Если однозначущія сновидѣнія (т. е. предвѣщающія одно и тоже) или видятся въ одну ночь сразу нѣсколькими лицами въ семьѣ, или видятся одному лицу три ночи къ ряду,—то предвѣщаемое тѣми сновидѣніями событіе обязательно исполнится и даже очень скоро.

Если видѣнное сновидѣніе всѣмъ разсказывать, что, вотъ молъ, мнѣ снилось то-то и то-то, то оно не сбудется; поэтому если приснится „дурной“ сонъ (предвѣщающій дурное), для того, чтобы онъ не исполнился, нужно разсказать его всѣмъ,—какъ можно большему числу лицъ; а о хорошемъ снѣ,—наоборотъ, молчать и никому не говорить (с. Молчаны, старокон. у. вол. губ.)

Но я слишкомъ увлекся снами вообще, хотя все сказанное мною имѣетъ соотношеніе и значеніе и къ снамъ, предвѣщающимъ смерть. А такихъ сновъ у нашего народа не мало.

Такъ если снится, что выпалъ зубъ—непремѣнно кто нибудь умретъ; при этомъ, если снится, что выпалъ зубъ и при томъ кровь и боль—умретъ кто-нибудь очень близкій, чья смерть будетъ тяжела; если зубъ выпалъ безъ крови и боли,—умретъ кто-нибудь, чья смерть не будетъ тяжела и чувствительна.

Если снится, что въ хатѣ печь развалилась, или потолокъ упалъ, или стѣна обрушилась,—тоже кто-нибудь умретъ.

Сонъ, что порвались сапоги, поотлетали подошвы,—тоже предвѣщаетъ чью-нибудь смерть.

Ѣхать (во снѣ) очень шибко на бѣлыхъ лошадяхъ, или вообще, на лошадяхъ, или быть въ одномъ, при томъ грязномъ бѣльѣ,—быть при смерти больнымъ.

Тонуть (тоже во снѣ) въ очень грязной и мутной водѣ—тоже быть смертельно больнымъ; при этомъ, если снится, что тонулъ, но спасся,—то значитъ,—быть смертельно больнымъ и выздоровѣть; а если снится,—что тонулъ и захлебнулся, пошелъ ко дну,—предвѣщаетъ смерть того лица.

Если видѣть во снѣ драку до крови, или самому бить кого до крови,—то „хто-небудь видебьецця“ т. е. умретъ.

Если видѣть себя во снѣ въ зеркалѣ—тоже смерть. Случается также, что человѣкъ вдругъ на яву самого себя видитъ; въ заславскомъ уѣздѣ говорятъ,—что это человѣкъ видитъ свою душу, которая на минуту отдѣляется отъ тѣла; въ староконстантиновскомъ уѣздѣ говорятъ, что въ такихъ случаяхъ человѣкъ видитъ „своего ангела"; итакъ, если человѣкъ увидитъ на яву самого себя, то очень скоро умретъ.

III

Предзнаменованіе смерти.

Предзнаменованій, или, по народному, „прыкметъ", предвѣщающихъ смерть,—у простаго народа меньше, чѣмъ сновидѣній о томъ-же.

Такъ, если икона треснетъ, будто кто изъ ружья выпалилъ, непремѣнно кто-нибудь въ той семьѣ или въ томъ домѣ умретъ [1]); точно также, по вѣрованію народа, смерть предвѣщаютъ вообще сильные трески, безъ всякой видимой причины, мебели; лопаніе, безъ всякой причины, оконныхъ стеколъ, посуды, и пр., паденіе со стѣны иконы.

По поводу предзнаменованія смерти—треска иконъ много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось въ д. Григоровкѣ, старокон. у. вол. губ. отъ одного интеллигентнаго семейства г. Ш—скихъ слышать слѣдующій случай, бывшій въ той деревнѣ.—Дочери г. Шк. г-жи Ю. и М. Ш—скіе и съ ними сестра пишущаго это, въ 9 час. вечера, сидѣли въ комнатѣ и разговаривали. Вдругъ въ особо чтимой въ семьѣ иконѣ Божіей Матери, висѣвшей на стѣнѣ, раздался сильный, на всю комнату трескъ, какъ бы отъ ружейнаго выстрѣла. Сняли и осмотрѣли икону—она оказалась вездѣ цѣлой. Спустя нѣсколько дней дѣвушки Шк—скіе узнали, что въ тотъ самый часъ и минуту, какъ треснула икона, отецъ

---

[1]) Нельзя, чтобы одновременно горѣло въ комнатѣ три свѣчи и вообще огня; иначе кто нибудь въ домѣ умретъ. Если собака воетъ, повернувшись мордой къ дому и поднявъ ее къ верху, на домъ,—кто нибудь въ домѣ умретъ.

ихъ умеръ въ гор. Д—нѣ, волын. губ.—Подобный же случай разсказывалъ мнѣ въ той же деревнѣ г. П., что въ тотъ день, какъ должна умереть его дочь, въ углу, гдѣ висѣли иконы, раздался сильный трескъ, подобный слабому ружейному выстрѣлу.

Также, если птичка ночью ударится въ окно разъ или нѣсколько разъ, какъ-бы стараясь проникнуть въ домъ,—въ томъ домѣ непремѣнно кто-нибудь умретъ.

Птичка эта—вѣстникъ смерти.

Курица, запѣвшая пѣтухомъ, тоже предвѣщаетъ чью-нибудь смерть. Такую курицу нужно сейчасъ же взять и мѣрить ею отъ противоположной порогу стѣны—къ порогу, и если голова курицы окажется на порогѣ—отрубить ее, если же хвостъ—отрубить и хвостъ.

Кто на Пасху, при разговѣнахъ свяченымъ яйцомъ икнетъ,—тотъ „другои пасхы вже не дочекае, вмре“.

Если на „кутю“ посмотрѣть чрезъ окно на ужинающихъ, и кого изъ нихъ или совсѣмъ не видно—пустое тамъ мѣсто, или видно, какъ бы пень,—тотъ до другой „кути“ уже не доживетъ.—Если лопнетъ вѣнчальное кольцо—тоже смерть лица, коему оно принадлежитъ.

IV

Предчувствіе смерти.

Предчувствіе смерти, по мнѣнію и понятіямъ народа, почти всегда и у всѣхъ одно и то же и у всѣхъ выражается одинаково.—„Чоловикъ ходыть, нибы самъ не свій: не исть, не пье, нудыть свитомъ и не може найты соби мисця“.—Понятіе и вѣрованіе народа о предчувствіи смерти лучше всего выражается въ слѣдующемъ разсказѣ крест. д. Григоровки, старок. у., бабы Захарыхи: „це робылося въ субботу рано, вставъ мій небожчыкъ Захаръ, та такый дуже смутный, невесылый. Я й пытаю его: Захаре, може тоби якый поганый сонъ снывся, що ты такый смутный?—Ни, каже, ничого не снылося,—ни пога-

ного, ни гарного.—А чогожъ ты,—пытаюся его—такый невесылый?—Такъ чогось, я й самъ не знаю. Ни бы мае що прыключытыся зо мною.

Взявся Захаръ до работы коло хаты, алежъ бачу неробыця ему; все ходытъ и нибы що згубывъ, шукае.

Силы обидаты,—сивъ и винъ, алежъ сербнувъ разъ, тай положывъ ложку.—Захаре, чому не исы?—пытаюся его. — Чогось, каже, нехочецця исты; чогось дуже не весело и за сердце шкребе, не можу найты соби мисця. Бачу я, щось недобрее діетця зъ моимъ Захаромъ, тай кажу до него.

— Захаре! може тебе врикъ хто, або дання давъ; пиду я до бабы Марыськы; нехай прыйде пошепче, змовытъ,—може що поможе.

— Дурный той, хто вирытъ вашимъ знахаркамъ и ихъ шептаню,—крыкнувъ сердыто Захаръ, а по тимъ помягчавъ, тай каже:

— Певне! я вже вмру!

Отакъ винъ ходывъ самъ не свій, нудывъ свитомъ весь день въ субботу. Прыйшла недиля. Каже до мене Захаръ:

— Пиду до церквы, посповидаюся, та запрычащуся—може полегшае. Пишовъ...

Прышовъ з церквы вже веселый, спокойный.

— Ну, думаю соби, Слава Тоби, Господы!!...

Силы обидаты; Захаръ мій добре, нибы писля косы, або писля цепа, пообидавъ, та щей за обидомъ выпывъ добрый кылишокъ горилкы. По обиди каже мій старый:

— Ляжу трохы, та спочыну. Щось тяжко, пообидавшы.

А з нымъ николы того не бувало, щобъ въ день спавъ.

Ого винъ лигъ. Отъ вже и вечеріе, вже и сонце заходыть, а мій старый лежытъ, не встае.

Я до него—будыты—эге!—а винъ вже й захоловъ.

Ныхто й нечувъ, колы душа з тила выйшла, колы винъ вмеръ.

— Недаромъ, подумала я соби, нудывсь винъ цилый день. Чула его душенька,—та не могла сказаты.

V

Представленіе народа о смерти.

Нашъ народъ смотритъ на последній актъ въ человѣческомъ существованіи,—смерть,—очень серьезно и вообще относится къ ней съ должной, подобающей серьезностью. По понятіямъ нашего народа, тогда только смерть можно назвать „людской“ (и „хрыстыянской“), если человѣкъ спокойно умретъ на постели, предварительно приготовившись путемъ исповѣди и пріобщенія св. Таинъ и затѣмъ простившись со всѣми ближними.—О такой смерти народъ отзывается:

— „То-то такому-то Богъ гарну смерть пославъ“

или:

„То-то такой-то гарно вмиравъ“.

Относительно смерти вообще у нашего народа есть много изреченій и поговорокъ, выработанныхъ вѣковой народной мудростью и рисующихъ серьезный взглядъ нашего народа на смерть.

— „Круты-не верты,—а не втечешь видъ смерты“—говоритъ одна народная поговорка,—и „колы не вмираты—треба день тыряты“—добавляетъ другая.

— „Люды мрутъ,—дорогу намъ на той свитъ трутъ; а мы сухаривъ насушымъ и соби за нымы рушымъ“.

— „Видъ хлиба люды мрутъ, а безъ хлиба ще скорише“ говоритъ народъ.—„Смерть, а бида то и на гладки дорози здыблятъ„.

Народъ говоритъ и вѣритъ, что смерть человѣка всегда бываетъ такова, какова и прожитая имъ жизнь. На этотъ счетъ у народа есть даже очень справедливое изреченіе:

„Яке житя—тяка й смертъ“,—

то есть, если жизнь человѣка была спокойна и болѣе или менѣе малогрѣховна,—то и смерть его будетъ тихая, спокойная,—однимъ словомъ—„гарна смерть“, „людская“ и наоборотъ: если человѣкъ провелъ жизнь страшно грѣховно,—то и смерть такого человѣка бываетъ страшно тяжела, мучительна и продолжительна и не всегда „людская“; человѣкъ не умираетъ спо-

койно на постели, а „де-небудь згыне, якъ собака“. О такой смерти и вообще о смерти злыхъ людей народъ отзывается:

„Собаци—собача и смерть“

или же:

„Живъ по собачи, по товарячи,
По собачи, по товарячи и вмеръ“.

— „Хиба то какъ легко вмерты, якъ-то кажеця?“ спрашиваетъ народъ въ другомъ своемъ изреченіи,— и

— „Треба перше ногамы попосоваты“—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Народъ вѣритъ, что только воистину благочестивые люди умираютъ спокойно, а всякій грѣшный человѣкъ, умирая, непремѣнно „мусытъ ногами посоваты“. Человѣку предъ смертью припоминаются, встаютъ предъ глазами всѣ грѣхи, все злое, сдѣланное имъ во всю его жизнь, человѣкъ, умирая, страшно мучится своими грѣхами и поэтому всякій „мусытъ ногамы посоваты“.

По этому же воззрѣнію и понятію смерть всѣхъ вѣдьмъ, колдуновъ, знахарокъ, — какъ величайшихъ и страшнѣйшихъ грѣшниковъ,—бываетъ страшна, страшно мучительна, тяжела и продолжительна.

Все зло, содѣянное ими во всю жизнь, предъ смертью встаетъ предъ ихъ глазами, черти, а не ангелы окружаютъ ихъ смертный одръ; и души вѣдьмъ и знахарей страшно мучатся предъ тѣлесной смертью и разлукой съ тѣломъ и не хотятъ выходить изъ своей земной оболочки. Да и грѣхи, какъ тяжелые камни, облѣпили душу, и не даютъ ей выйти изъ тѣла. А тутъ черти, окружавшіе смертный одръ вѣдьмы, пляшутъ и веселятся, и только и ждутъ, чтобы душа разсталась съ тѣломъ, чтобы схватить ее въ свои объятія и въ свою власть и понести въ пекло.

Таково народное представленіе о смерти вѣдьмъ и вообще великихъ, тяжкихъ грѣшниковъ.

О постоянно живущихъ очень грѣховно и не думающихъ, забывающихъ о смертномъ часѣ, нашъ народъ отзывается: „десь недумае винъ николы вмираты“,

или:

„Якъ буде винъ вмираты—тоди посовае ногамы“.

О людяхъ же, постоянно дѣлающихъ зло другимъ и обижающихъ ихъ, отъ обиженныхъ сплошь и рядомъ можно услыхать:

— „Богъ знымъ; якъ буде вмираты—тоди все зло буде бачиты передъ своимы очыма.

По народному же вѣрованію очень тяжкихъ и большихъ грѣшниковъ часто даже и „сыра земля не пріймае“; и если человѣкъ умираетъ такъ, что тѣло его нельзя предать погребенію въ землѣ, какъ напр.: волки съѣдятъ, сгоритъ, утонетъ и трупа не найдутъ,—то это значитъ, что тотъ человѣкъ великій грѣшникъ, и самая такая смерть есть кара Божья за великіе грѣхи.

— „Нехай Богъ бороныть и сохраныть выдъ такои смерты всякого“, обыкновенно прибавляютъ при разговорѣ о такой смерти крестьяне.

Относительно злыхъ людей, у народа есть даже въ этомъ смыслѣ проклятіе: „щобъ тебе (или его) сыра земля не пріймяла“.

Въ разговорѣ крестьяне очень часто вмѣсто того, чтобы сказать что такой-то умеръ, говорятъ, что такой то „незахотивъ бильше хлиба исты“.

VI.

Повѣрья и обряды при смерти человѣка.

Если смерть человѣка тиха и спокойна, то окружающимъ постель его не предстоитъ никакой заботы, но если смерть тяжела, агонія мучительна, а главное продолжительна, тогда окружающимъ умирающаго предстоятъ заботы, такъ какъ по народному убѣжденію есть разныя средства, чтобы прекратить

агонію и муки и ускорить или самую смерть, или выздоровленіе", „щобъ чоловикъ, або скорише йшовъ вже соби, куды намирывся йты—на той свитъ, або скорише вертався назадъ на цей свитъ",—ибо человѣкъ умирающій въ агоніи, по крестьянскому опредѣленію, находится на дорогѣ или „на раздорожи" между двумя „свитамы" (мірами): „цимъ" и „там-тимъ", или по другому, еще болѣе мѣткому опредѣленію крестьянъ, умирающій человѣкъ стоитъ „идною ногою на тамъ-тимъ свити, а другою на цимъ свити". Какъ я уже сказалъ, если смерть, т. е. агонія мучительна и продолжительна, то у крестьянъ есть много средствъ ускорить или смерть, или выздоровленіе. Однимъ изъ первыхъ въ такихъ случаяхъ считается—положить умирающаго на полъ на бѣлую простыню и дать зажженную страстную свѣчу въ руки: „тоди вмирающій заразъ вспокоеця и затыхне".

Въ 1872 году, во время бывшей въ волынской губерніи холерной эпидеміи, пишущій это сильно заболѣлъ холерой, перешедшей въ тифъ, и трое сутокъ лежалъ безъ движенія: руки, ноги, рѣчь отняло, я лежалъ какъ бревно; по совѣту разныхъ сельскихъ бабъ, меня положили на полъ, на разостланую бѣлую простыню и дали зажженную страстную свѣчу, „щобъ скорише вмеръ".—Этотъ моментъ я хорошо помню.

Я впалъ въ забытье и очнулся уже въ постели на пути къ выздоровленію.

Когда человѣкъ умираетъ или, по простонародному, „вже конае", и на него смотрѣть, дуже „жаловаты его, и надъ нымъ плакаты-голосыты", то умирающій будетъ сильно мучиться; смерть его или агонія будетъ продолжительна. Душа въ такомъ случаѣ въ человѣкѣ мучится, ей „дуже тяжко", и она не можетъ спокойно выйти изъ тѣла. Поэтому на умирающаго въ агоніи человѣка нельзя смотрѣть, и стараются, по возможности, удалить изъ хаты всѣхъ сильно плачущихъ и жалѣющихъ его; самого умирающаго очень часто всего покрываютъ бѣлой простыней, чтобы никто не смотрѣлъ, не видѣлъ мукъ агоніи.

Если умираютъ вѣдьмы, колдуны, знахари, вообще люди знавшіеся съ нечистою силою, то очень часто умираютъ, „канаютъ" нѣсколько дней и даже недѣлю,—и „все не можутъ

вмерты, тяжко имъ вмираты". Смерть такихъ людей и вообще всѣхъ „тяжкихъ" грѣшняковъ страшна и ужасна. Такіе „великіе" грѣшники очень часто предъ смертью, въ агоніи „ревутъ по товарячи, дывнымы, не чоловическымы голосами, що ажъ волося стае дыбомъ". Нѣкоторые изъ умирающихъ такъ ревутъ и кричатъ по дня три.

Въ г. С—вѣ лѣтъ 8—10 назадъ умеръ извѣстный всему городу ростовщикъ Ф., отставной военный писарь, почти изъ ничего ростовщичествомъ составившій очень крупное состояніе; этотъ Ф. бралъ безбожные проценты, къ кредиторамъ своимъ былъ неумолимъ и многихъ раззорилъ, обнищилъ, просто ограбилъ; на него многіе плакались. И, дѣйствительно, смерть Ф. была страшно мучительна; онъ, умирая, три дня кричалъ разными дикими, нечеловѣческими голосами, „ревивъ по товарячи". Смерть же его или агонія продолжалась цѣлую недѣлю. Мѣстные крестьяне тогда въ одинъ голосъ всѣ говорили, что, какова была жизнь Ф., такова и смерть его, и что такая страшно-мучительная смерть его была результатомъ проклятій и слезъ раззоренныхъ имъ кліентовъ.

А вотъ интересный разсказъ о смерти одного „видьмара" или колдуна, записанный отъ кр. с. Плесны, заславскаго уѣзда, вол. губ. Федора Ярощука.

Въ разсказѣ этомъ живо и ярко видно представленіе народа о смерти вѣдьмъ, вѣдьмарей и вообще „тяжкихъ" грѣшниковъ.

„То въ идному сели бувъ соби дуже старый дидъ, которого вси считалы видьмаромъ. Той дидъ заслабъ и три рокы бувъ пры смерти: и не жые и не вмирае. Богато разъ отъ-отъ вмеръ—ни—ожывъ, и зновъ жывый. Булы у того дида сыны, имъ дуже надокучыло, що батько такъ довго лежыть и не выздоровляе, и не вмирае, и тылько заважае и имъ хлопоту додае. Иденъ з тыхъ сынивъ пишовъ въ друге село до другого дидка, про котрого также шла чутка, що винъ де що знаеця, порадытысь з тымъ дидомъ, що то робыты. Прыйшовъ до того дида, тай розсказавъ ему, що отъ батько его вже тры рокы лежытъ, конае, и score не може ни сконаты, ни выдужаты. Тай пытаеця, „порадьте, дидусю, що то робыты?"

А той дидъ и каже: возьмы, сынку, стару маточыну зъ колеса, видъ воза, безъ шпыць, перехресты еи и себе, покропы еи свяченою водою, тай дывыся кризь ню на батька; тоди забачышь, якъ твій батько канае и черезъ що винъ не може такъ довго сканаты; и тоди допиру, твій батько вмре. Той сынъ такъ и зробывъ: взявъ стару маточину видъ колеса, безъ шпыць, перехрыстывся самъ и еи перехрестывъ, и покропывъ святою водою, тай глянувъ кризь ню на батька, що лежавъ на постили. Якъ глянувъ—такъ просто охолонувъ з переляку. Въ ногахъ у батька стоялы два страшныхъ чортякы з пиками въ рукахъ, а въ головахъ у батька по правій руци стоялъ янголъ въ билимъ убрани, и з мечемъ въ рукахъ, а по ливій сторони поотдаль видъ постели и батька стояло зновъ два чортякы, з пикамы, таки сами чорни и страшни, якъ и ти, що въ ногахъ. Отъ тіи чорты, що стоялы въ головахъ, и сталы пидкрадатыся до батька; пидкралыся вже дуже блызько; тоди янголъ махнувъ на ныхъ своимъ мечемъ и воны видскочылы; такъ воны кильки разъ все хотилы пидкрастыся, пидыйты до слабого, и все янголъ мечемъ видгонявъ ихъ. Колы дывыця сынъ, а у батька з рота вылизла маленька чорна пташечка; догадався сынъ, що то батькова душа выйшла з тила; тильки що янголъ протягнувъ руку щобъ взяты ту чорну пташечку, якъ тіи чорты, що стоялы въ ногахъ, показалы янголу якусь велыку чорну кныгу, тоди янголъ видступывъ видъ постели, трупа и души, закрывъ лыце рукамы и заплакавъ, а чортякы схопылы тую чорну пташечку—батькову душу,—вылытилы зъ нею въ окинъ изъ хаты; а иденъ з чортякъ остався, и видкрывше въ умершаго батька ротъ,—влизъ въ середыну, въ батька.

Сынъ тее бачывши, якъ пишовъ до попа просыты, щобъ поховавъ батька его, разомъ разсказавъ батюшци, якъ винъ бачывъ, якъ вмиравъ его батько, и якъ чортяка въ середыну, въ трупъ securityзализъ.

Тай просыть сынъ батюшку, щобъ тило его батька съ проводомъ прынеслы до церквы видправыты надъ нымъ отправы и служыты службы, и з проводомъ поховаты. А батюшка и каже: иды ты додому; прыготовъ килька горшковъ окропу капя-

чого и чыкай мене, бо ще невидомо, чи можна тило твого батька несты до церквы, и чы прійдецця ще й несты его до церквы; може и не буде кого и чого несты.

— Черезъ що батюшка?—пытае сынъ.

— Иды до дому, прыготуй окрипъ и чыкай мене, а тамъ зобачымо.

Сынъ побигъ до дому, прыготовывъ кильна горшкивъ кипячого окропу и чыкае батюшку.

Батюшка прійшовъ, влывъ въ окрипъ трохы свячонои воды, перехрестывъ его; казавъ поставыты тило батька на ногы, и лыты въ ротъ; а батюшка ставъ читаты молытвы. Отъ якъ вылылы такъ иденъ горшокъ кыпятку, сталы лыты другій,— вдругъ тило вырвалось з рукъ, та въ коминъ, ажъ коминъ розвалыло, тылько зашумило и загуркотило занымъ; такъ пропало на сей день".

Подобный же разсказъ о смерти вѣдьмы, я слыхалъ въ с. Молчанахъ, старокон. у. вол. губ. съ тѣмъ варіантомъ, что ничего не говорится о свяченой водѣ,—и трупъ покойника остался и изъ него вышелъ злой духъ.

По народному вѣрованію, тогда вѣдьма или знахарь, вѣдьмаръ, можетъ умереть болѣе или менѣе спокойно, если передъ смертью, свое знаніе, силу, однимъ словомъ свое вѣдовство и колдовство, передастъ кому либо другому, научитъ кого либо; если же захочетъ передать свою науку и колдовство кому либо еще при жизни, то сейчасъ послѣ этого умретъ.

По поводу такого повѣрья тотъ же кр. Федоръ Ярошукъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: и то рокы зо два зо тры назадъ въ нашимъ сели Плесни вмерла баба, котру вси считалы видьмою; она вмирала дуже довго—мало ны тыждень и не могла вмерты; и все просыла своихъ дочокъ, щобъ котра дала ій на свою руку подывытысь, и потриматы, но дочкы зналы, що ихъ маты видьма, и ни една не хотила даты матери своеи рукы. На решти на пятый день, якъ маты мучилась, конала и немогла сконаты, старша дочка видважылась и дала матери свою руку; матирь подывылась пыльно на руку дочки, потрымала еи, крип-

ко стыснула, тай пустыла; и заразъ же спокійно вмерла. А та старша дочка зробылась такою самою видьмою, якою була маты еи".

Крест. д. Григоровки, старок. у. вол. губ. Семенъ Атласюкъ разсказывалъ о смерти одной старухи въ этой деревнѣ, тоже слывшей за вѣдьму—„она три дни ревила по товарячи; потимъ затыхла; думалы, що вже вмерла; прыступылы до ней— а вона и видкрыла очи; и такъ, якъ полино, пролежала ще 4 дни; думаютъ, що вмерла, прыступлятъ наряжаты — а вона глыпъ очима; а очы таки велыки та страшени зробылысь, той зновъ еи положать. Нарешти вона такы вмерла, но якъ вже обряжалы еи, то ще з очый посыпалысь градомъ слезы.

Такъ тяжко гришній души розлучатысь з тиломъ и иты на судъ Божій"—заключилъ разсказчикъ.

Крестьяне говорятъ, что если читать псалтирь надъ вѣдьмой и вообще надъ великимъ грѣшникомъ, то „тило вздригнеця, нибы хто пидкине", какъ бы отъ прикосновенія электрическаго тока.

Тотъ же кр. д. Григоровки Семенъ Атласюкъ, будучи грамотнымъ, постоянно читаетъ въ своемъ селѣ надъ покойниками псалтирь и увѣрялъ меня, что ему не разъ приходилось читать надъ такими покойниками (которыхъ онъ зналъ при жизни за очень грѣшныхъ людей), которые отъ чтенія псалтири вздрагивали. Надъ однимъ покойникомъ онъ въ теченіе ночи трижды прочелъ всю псалтирь и покойникъ трижды вздрагивалъ, т. е. при всякомъ началѣ псалтири [1]).

---

[1]) А вотъ еще,—по народному понятію, нѣсколько средствъ, чтобы ускорить смерть, когда агонія бываетъ мучительна и продолжительна: если человѣкъ долго мучится—„канае, то треба поодчиняты викна" двери, печныя трубы, щобъ душа мала куды вылититы". Эти средства всегда почти практикуются при тяжкой и мучительной смерти вѣдьмъ. Эти средства бываютъ особенно варварскими, жестокими зимою,—ибо если зимою пооткрывать окна, двери и трубы—то дѣйствительно всегда можно ускорить смерть, прекратить агонію, заморозивъ больнаго или умирающаго.

VII.

Обряженіе покойника и приготовленіе къ похоронамъ.

Какъ только что человѣкъ „скончыцця“ (или „кончыцця“), прежде всего идутъ до церквы и даютъ 15 коп. на „подзвинъ по души“ или просто кратко „на подзвинне“, т. е. чтобы позвонили по умершемъ—„по душѣ“. Затѣмъ покойника обмываютъ и „обряжаютъ“, или иначе „наряжаютъ“: т. е. одѣваютъ, если не въ новую, то въ самую лучшую одежду. Ноги вмѣсто обуви обертываютъ холстомъ или бѣлыми тряпочками; на палецъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ надѣваютъ колечко, сдѣланное изъ воску; въ сложенныя на груди руки даютъ крестикъ сдѣланный изъ воска или дерева, у богатыхъ иконку. Но самое важное и главное дѣло и обязанность, какъ только человѣкъ „кончыцця“, это закрыть покойнику глаза; для этого на закрытыя вѣки покойника кладутъ тяжелые мѣдные пятаки: если это не помогаетъ, и глаза всетаки открываются, кладутъ на глаза мокрыя, теплыя тряпки. Если глаза покойника не удается или трудно закрыть, и они все открываются,—то домашніе бываютъ обыкновенно въ страшномъ испугѣ и переполохѣ и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не удастся закрыть глаза мертвецу такъ, чтобы они не открывались больше.

Дѣло въ томъ, что у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если покойникъ смотритъ, то обязательно еще кто-нибудь умретъ; покойникъ высмотритъ и намѣтитъ себѣ, чтобы взять съ собою на тотъ свѣтъ еще кого-нибудь изъ домашнихъ.

Если ротъ у покойника открывается, то щеки подъ подбородкомъ тѣсно подвязываютъ платкомъ, пока „тило зовсимъ не захолоне“; тогда платокъ снимаютъ, и прячутъ его и онъ потомъ употребляется какъ средство отъ зубной боли для подвязыванія лица.

Въ заславскомъ уѣздѣ (сел. Плеснѣ, Городищахъ и друг., существуетъ повѣрье и о другомъ значеніи платка, которымъ подвязываютъ лицо покойнику. Здѣсь крестьяне говорятъ, что если съ этимъ платкомъ въ карманѣ или въ рукахъ быть при

какой угодно ссорѣ или дракѣ, то нужно лишь стиснуть въ рукѣ этокъ платокъ, какъ ссора и драка сейчасъ прекратятся, и все успокоится. Затѣмъ имѣющаго такой платокъ никогда никто не обидитъ, не изругаетъ и не побьетъ, такъ какъ, если бы кто вздумалъ такого человѣка изругать или побить, и даже началъ бы, то стоитъ лишь владѣльцу платка сильно сжать его въ рукѣ, какъ моментально все утихнетъ и прекратится.

Мужчинѣ кладутъ подъ мышку или сбоку шапку, а женщинамъ на голову, поверхъ „очипка“ (чепца), надѣваютъ „намитку“.

Наряженнаго покойника кладутъ на столъ въ переднемъ углу, подъ образами—головой подъ образа, ногами къ порогу; въ головахъ покойника ставятъ взятый изъ церкви крестъ и большую зажженную восковую свѣчу, взятую тоже въ церкви, и за которую платится въ церковь по 16 коп. за всякій сгорѣвшій „корхъ“ свѣчи (въ заславск. уѣз.).

Другія двѣ важныя заботы, приводимыя въ исполненіе сейчасъ же послѣ того (или даже одновременно), какъ покойника „нарядятъ“ и положатъ на столъ,—это сдѣлать „домовыну“, или иначе, „труну“, и выкопать „яму“. „Труна“ или „домовына“ дѣлается изъ досокъ, у богатыхъ окрашивается въ черный цвѣтъ снаружи и обивается ситцемъ внутри; у бѣдныхъ это просто грубо и наскоро сдѣланный ящикъ изъ досокъ, которыя даже непочищены рубанкомъ. „Труна“ внутри выстилается травами и зельями, освященными на „Спаса“. Изъ такихъ травъ дѣлается покойнику и подушечка подъ головы.

Вмѣстѣ съ „труной“ одновременно дѣлается и „фигура“ или крестъ на могилу.

Очень часто небольшой деревянный крестикъ прибиваютъ плашмя и на гробъ, на наружной сторонѣ крышки.

Входя въ домъ, гдѣ есть покойникъ, не принято говорить въ видѣ привѣтствія „здравствуйте“. Если бы кто по незнанію сказалъ бы такъ,—то вызвалъ бы (понятно, за глаза) отзывъ: „отъ неотеса! прыйшовъ до мерця, тай не вміе прывытатыся з

нымъ: хиба мерцеви кажутъ здравствуй, будь здоровъ, якъ чоловикъ вже не жывый" (заслав. уѣзд.)[1]).

Пока покойника не вынесутъ въ церковь или не похоронятъ, нельзя оставлять его въ хатѣ одного безъ присмотра; иначе въ покойника войдетъ и поселится въ немъ злой духъ и тогда покойникъ по ночамъ будетъ ходить и безпокоить людей. Поэтому пока тѣло въ хатѣ, принято и въ обычаѣ, что денно и нощно обязательно при немъ кто-нибудь, по очереди, дежуритъ.

Пока покойникъ въ хатѣ, нельзя подметать пола въ хатѣ, чтобы не вымести душу покойника; нельзя также „мазать" (бѣлить), чтобы „незамазать" душу покойника. Въ заславскомъ уѣздѣ „не мажутъ" (не бѣлятъ) по этой причинѣ до девяти дней.

Если возлѣ тѣла летаетъ большая муха, которая садится на тѣло,—то эту муху нельзя ни убивать, ни отгонять отъ тѣла или выгонять изъ хаты; это душа умершаго въ видѣ мухи кружится возлѣ своего земнаго жилища—часто душа умершаго въ образѣ мухи до 40 дней летаетъ и живетъ въ домѣ[2]).

VIII

Разорительный обычай.

Похороны у крестьянъ обходятся сравнительно дорого, а именно отъ 15 р. (minimum, у бѣдныхъ), до 25 р. (у богатыхъ); обходятся такъ сравнительно дорого потому, что на похоронахъ у крестьянъ, какъ и при всѣхъ другихъ оказіяхъ, идетъ очень много водки (2, 3 ведра и больше), а водки много выпивается у крестьянъ на похоронахъ въ силу существующаго обычая, что всякому, пришедшему помолиться надъ покойни-

[1]) Также весьма распространенъ и употребителенъ обычай, что пока не вынесутъ изъ дома покойника—закрываютъ въ домѣ всѣ зеркала. Толкованій и объясненій этого обычая есть нѣсколько, но самое распространенное то, что, если не закрыть зеркалъ, то будетъ еще одинъ гробъ въ домѣ.

[2]) Такое же повѣрье существуетъ и въ полтавской губерніи. Смотри стат. свящ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса" въ этногр. сборн. Импер. геогр. общ. т. 1-й 1853 г. стран. 371.

комъ—дается чарка водки и закуска—(староконст. у.). Вслѣдствіе этого, если въ домѣ есть покойникъ, то тамъ перебываетъ чуть не все село. Иногда умершій до того проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, и во время болѣзни никто его не навѣстилъ; но вотъ человѣкъ умеръ, и даже незнающіе его считаютъ своею обязанностью „одвидаты мерця"; это у крестьянъ почитается добрымъ, чуть ли не душеспасительнымъ дѣломъ. По народному воззрѣнію и понятію, если, когда человѣкъ умретъ—люди идутъ, то значитъ, „не цураюця", значитъ, покойникъ пользовался популярностью; а въ дѣйствительности, строго и по правдѣ говоря, если не всѣ, то большинство идетъ, ради возможности или случая выпить добрую чарку водки. Есть такіе, что даже не скрываютъ этого своего желанія и, идя въ домъ, гдѣ есть покойникъ, прямо заявляютъ: пиду, выпью чарку.—По поводу поголовнаго, всѣмъ селомъ посѣщенія покойника, т. е. дома, гдѣ есть покойникъ, у крестьянъ есть и такое воззрѣніе: „боятыся, цуратыся мерця грихъ; вси помремо, мерцямы будымо, жыви на небо не пидемо. Хто знае—ще не видомо,—яку кажному з насъ Богъ смерть пошле. Хиба добре якъ люды, пислян нашои смерты, будутъ насъ боятыся и цуратыся"—(староком. уѣздъ).

Но такое разсужденіе и воззрѣніе крестьянъ—по моему мнѣнію, нужно признать искусственной натяжкой, чтобы скрыть за ней, какъ за ширмами, сильное и большое пристрастіе и влеченіе нашего крестьянина къ чаркѣ, даже и въ этомъ случаѣ,—ибо объ обязанности посѣщенія того самаго умершаго, еще при жизни его,—но во время предсмертной и часто продолжительной болѣзни,—такого воззрѣнія у крестьянъ не существуетъ; и мнѣ не приходилось слышать о немъ, вѣроятно, по той простой причинѣ, что нѣтъ обязательнаго обычая, чтобы при посѣщеніи больного давать всякому чарку водки.—Поэтому, чѣмъ богаче покойникъ,—тѣмъ больше стоитъ его погребеніе, тѣмъ большій расходъ на водку, и тѣмъ лучше, правильнѣе сказать, тѣмъ пьянѣе поминки его, и на оборотъ у бѣдняковъ, которые по бѣдности своей, туги и скупы на водку, на угощеніе--очень часто не хватаетъ нужныхъ людей, чтобы нести „хвореньгвы".

Къ такимъ людямъ, т. е. бѣднякамъ не больно спѣшатъ, или лучше совсѣмъ не спѣшатъ, не идутъ на погребеніе.

Даже малорусская поговорка говоритъ, что „якъ умре богатырь—то йде весь мырь (общество); а умре биднякъ—то тылько пипъ та дякъ“.

И тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, „оказіяхъ“ въ крестьянской жизни, первую и важную роль играетъ „горилка“.

По этой то причинѣ, въ той мѣстности, гдѣ существуетъ обязательный обычай давать всѣмъ посѣтителямъ по чаркѣ— (почти весь староконст. у.) стараются, какъ можно скорѣе сбыть покойника изъ хаты, похоронить его, чтобы какъ можно скорѣе прекратить и сократить совершенно лишній расходъ водки, совершенно лишнюю раздачу чарокъ.—Впрочемъ обычай обязательнаго угощенія всѣхъ водкою существуетъ только въ староконстантиновскомъ уѣздѣ; уже въ сосѣднемъ заславскомъ обычай этотъ, какъ тяжелый для кармана, разорительный, выводится изъ употребленія и почти вывелся; но и въ заславскомъ уѣздѣ тѣмъ не менѣе при отсутствіи этого обычая, расходы на погребеніе вообще и въ частности на водку, на угощеніе ничуть не сократились, не стали меньше; отсутствіе обычая обязательнаго подчиванія водкою всѣхъ— лишь даетъ возможность и случай ближнимъ покойнаго пьянствовать и пить сильнѣе и больше, чѣмъ тамъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай, и выпивать самимъ 2—3 ведра водки, которыя въ другихъ мѣстахъ выпиваетъ чуть не все общество; въ староконстант. у. же этотъ обычай—всеобщаго угощенія водкой держится твердо, хотя и здѣсь уже въ нѣкоторыхъ селахъ начинаютъ сознавать безполезность и тяжесть его для кармана, но ни у кого не хватаетъ мужества и смѣлости первымъ нарушить, не исполнить этотъ обычай.

— „А люды що скажутъ?!! Осудятъ, засміютъ, назовутъ: расколныкомъ, ерытыкомъ“, замѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ на мое предложеніе оставить этотъ тяжелый и разорительный для кармана обычай.

IX

Обряды при смерти и погребеніи парня или дѣвушки.

Обряды при смерти и погребеніи парней и дѣвушекъ у крестьянъ совсѣмъ другіе, чѣмъ обыкновенные похоронные обряды, или правильнѣе сказать, чѣмъ обряды при смерти всякаго другого человѣка.

При смерти и погребеніи парня или дѣвушки у крестьянъ встрѣчается странная смѣсь печальныхъ и чисто похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ, съ не по времени—неурочными свадебными обрядами и обычаями. Однимъ словомъ, по смѣси и обилію и тѣхъ и другихъ обрядовъ, и особенно свадебныхъ, на похоронахъ парня или дѣвушки у крестьянъ—такіе похороны можно назвать смѣло: „свадьбой-погребеніемъ"; т. е. вмѣстѣ и свадьбой, и погребеніемъ. Такъ, умершую дѣвушку „наряжаютъ", какъ невѣсту къ вѣнцу; волосы распускаютъ по плечамъ, а на голову надѣваютъ „бынды" (ленты) и вѣнокъ, смотря по времени года, изъ искусственныхъ или натуральныхъ цвѣтовъ. Парня одѣваютъ,—какъ жениха, и къ шапкѣ, которую кладутъ съ нимъ въ гробъ, какъ жениху на свадьбѣ, пришиваютъ „квитку" (цвѣтокъ).

Умершимъ, какъ парню, такъ и дѣвушкѣ, на палецъ надѣваютъ колечко и, уже не восковое, а непремѣнно металлическое; равно, какъ тому, такъ и другой къ боку цѣпляютъ „хустку", подобно тому какъ цѣпляютъ платокъ къ боку—жениху и невѣстѣ во время свадьбы.

Но главный обычай при погребеніи парня или дѣвушки состоитъ въ томъ, что пекутъ „коровай" и „шишки". Коровай кладутъ на „вико труны" (крышку гроба), которое несутъ обыкновенно отдѣльно отъ гроба на кладбище и здѣсь, предъ тѣмъ, какъ опустить тѣло въ яму, предъ открытымъ гробомъ, коровай рѣжутъ на куски и по кусочку одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи. „Шишками", а равно „быңдами" (лентами), если хоронятъ дѣвушку, и „хустками", если хоронятъ парня, одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи еще въ хатѣ, предъ выносомъ тѣла изъ хаты на кладбище.

Всѣ эти обряды чисто свадебные, такъ какъ все это (пе́чется коровай, шишки, и одариваются ими, а равно лентами или платками)—продѣлывается у крестьянъ на свадьбахъ.

На кладбище „гробъ съ тиломъ" несутъ всегда открытымъ и отдѣльно отъ крышки; а „вико" отъ гроба (съ короваемъ) несутъ отдѣльно; при этомъ, если хоронятъ парня,—то гробъ и крышку несутъ дѣвушки, а если хоронятъ дѣвушку, то гробъ и крышку несутъ парни; въ нѣкоторыхъ селахъ такихъ парней, которые несутъ умершую дѣвушку, называютъ въ то время свадебной кличкой: „боярами", а дѣвушекъ, несущихъ умершаго парня—„дружками", подобно тому, какъ на свадьбѣ называютъ „боярами" парней, ведущихъ невѣсту къ вѣнцу, а „дружками" дѣвушекъ, ведущихъ парня къ вѣнцу.

Нашъ народъ вѣритъ, что если умереть парнемъ или дѣвушкой въ полномъ смыслѣ слова (т. е. дѣвственницей), то душа такого покойника „иде прямо въ рай". Впрочемъ, такое вѣрованіе относительно парней мало и не вездѣ распространено, въ то время, какъ относительно дѣвушекъ такая вѣра распространена не только на Волыни, но и по Подольи, и въ кіевской губерніи.

Въ силу такой вѣры простого народа, что душа парня или дѣвушки „иде прямо въ рай", очень часто по поводу смерти парня или дѣвушки можно услыхать среди крестьянъ отзывъ:

„Отъ щаслыва ёго (или еи) душенька у Бога: пишла прямо въ рай".

X.

Оплакиваніе умершихъ. Причитаніе и голошеніе надъ покойниками.

У нашихъ крестьянъ установился своеобразный взглядъ относительно плача вообще и оплакиванія умершихъ въ частности. По этому народному взгляду, сдѣлавшемуся просто обычаемъ, если человѣкъ плачетъ тихо, хотя бы самыми горючими слезами,—которыя просто душили бы и не давали возможности

слова сказать —это не есть оплакиваніе умершаго, плачъ надъ покойникомъ, а если человѣкъ вопитъ „голоситъ“, да такъ громко, что на другомъ концѣ села слышно, да еще къ этому складно да ладно причитаетъ,—это—по народному взгляду—есть настоящій плачъ надъ покойникомъ, хотя бы это голошеніе и причитаніе производилось съ совершенно сухими, и даже веселыми глазами.

Чѣмъ громче голоситъ, лучше, складнѣе-ладнѣе причитываетъ,—тѣмъ лучше,—считается у народа,—оплаканъ покойникъ, хотя бы, повторяю, голосившій не уронилъ ни единой слезинки и голосилъ не съ печальными, а съ веселыми и даже смѣющимися глазами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ д. Григоровкѣ, старокон. у. мнѣ пришлось быть у крестьянъ на похоронахъ и видѣть какъ двѣ женщины: Приська и Палажка оплакивали своего отца Захара. Приська отъ душившихъ ее слезъ не могла вымолвить слова, слезы и рыданія буквально душили ее, и она молча шла за гробомъ, лишь въ отчаяніи ломая руки. Сестра же ея Палажка вопила и голосила на все село и такъ громко, что даже заглушала пѣніе духовенства и при этомъ складно, не хуже какого либо барда или поэта сочиняла импровизацію, въ которой восхваляла своего отца, а равно описывала и выставляла всю тяжесть и потерю отъ смерти его; при этомъ, я замѣтилъ, глаза Палажки были совсѣмъ сухи.

На обратномъ пути съ кладбища, мнѣ случайно пришлось услышать отзывъ или оцѣнку сельскихъ бабъ относительно оплакиванія обѣими сестрами Приськой и Палажкой—своего отца Захара:

— Тото Палажка гарно оплакала свого батька, дуже хороше плакала, а Приська десь чы не вміе плакаты, чы не хтила.

Такимъ образомъ, по народному взгляду, для плача надъ покойникомъ требуется, не большая или не меньшая скорбь, печаль и сожалѣніе о покойникѣ, и не больше или меньше слезъ, а просто одно только умѣніе... умѣніе громко голосить и складно, хорошо причитывать, восхваляя умершаго.

Какъ я уже сказалъ, голосить и причитывать при плачѣ надъ покойникомъ, у нашего народа вошло въ обычай; основаніе этого обычая, т. е. такого страннаго, своеобразнаго и даже дикаго оплакиванія умершихъ—кроется, теряется въ глубокой, сѣдой старинѣ,—временахъ язычества, когда существовала особая каста плакальщицъ и голосильщицъ по умершихъ, голосившихъ надъ умершими по первому зову и требованію.

Какихъ либо похоронныхъ пѣсенъ, такъ сказать похоронно-пѣсенной литературы у здѣшнихъ крестьянъ не существуетъ; каждый, оплакивая умершаго, самъ сочиняетъ импровизацію, принаровляясь къ случаю и обстоятельствамъ, какъ кто можетъ и умѣетъ.

На этотъ счетъ у здѣшнихъ крестьянъ есть даже особая поговорка: „якъ хто хоче, такъ по свои мами и плаче" т. е. надо понимать „какъ кто хочетъ" въ смыслѣ импровизаціи и причитанія. Благодаря такому странному понятію и взгляду народа относительно оплакиванія умершихъ,—почти всегда на похоронахъ у крестьянъ можно наблюдать такія сцены: чѣмъ меньше кто скорбитъ, сожалѣетъ объ умершемъ, чѣмъ спокойнѣе можетъ говорить и сочинять, складывать импровизацію,—тотъ тѣмъ лучше (по народному взгляду) оплакалъ покойника, и умѣетъ плакать, и на оборотъ: чѣмъ больше кто скорбитъ, сожалѣетъ и даетъ волю слезамъ по умершемъ, тотъ—по тому же понятію: не горько, не хороше, оплакалъ покойника, и вообще „не вміе" плакать надъ покойникомъ.

XI.

Еще похоронные обряды и обычаи.

Прежде чѣмъ вынести тѣло изъ хаты на кладбище,—наблюдаютъ еще за нѣкоторыми обрядами и обычаями, чтобы они исполнены были; такъ напр., если умираетъ кто либо изъ супруговъ, то для того, чтобы оставшійся въ живыхъ супругъ могъ вторично вступить въ бракъ,—на умершемъ воротникъ отъ рубахи нужно оставить растегнутымъ—„розхристанымъ",

потому что въ противномъ случаѣ, если рубаху на умершемъ застегнуть, — оставшійся супругъ ни зачто не вступитъ вторично въ бракъ. Съ той же цѣлью, чтобы вторично вступить въ бракъ, живой изъ супруговъ передъ выносомъ изъ хаты на кладбище мертваго—перепоясывается краснымъ поясомъ и трыжды перебѣгаетъ поперекъ дороги.

Затѣмъ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если умретъ вѣдьма или вѣдьмаръ, однимъ словомъ, знавшійся съ нечистой силой, то для того, чтобы послѣ смерти не ходилъ, не шатался, нужно трупъ его весь исколоть шиломъ.

По поводу такого повѣдья въ с. Молчанахъ, Староков. у. я слыхалъ слѣдующій разсказъ.

„То въ идного чоловика вмерла жинка, котра була видьмою; и вмираючы, стала просыты свого чоловика: „якъ вмру, чоловиче, то возьмы, перше, чимъ сховаты, зколы мене всю шыломъ".

— Тай на що—пытаеця чоловикъ.

— Колы хочешъ знаты на що, пиды на третю ничь на цвынтарь, въ пивничъ, дывысь на мою могылу, то забачышъ, на що то треба.

Сказавшы цее, вмерла.

Чоловикъ такъ и зробывъ: зколовъ трупъ жинкы шыломъ, поховавъ, а на третю ничь, въ пивничь пишовъ на цвинтарь подывытысь на жинчину могылу; дывыця, а чорты выйнялы трупъ жинки з могылы, тай давай дуты въ него; дулы, дулы, мало не лопли; алежъ скилько не дулы, не старалысь надуты—ничего не моглы зробыты, бо тило було сколоте шиломъ. Алежъ тутъ якъ разъ заспивалы пивни,—чорты кынулы тило назадъ въ могылу, а сами счезлы.

Тоди догадався той чоловикъ, що его жинка була видьма и умираючы хотила, щобъ, хотя пысля смерты еи, чорты не владилы еи тиломъ, и на те и просыла чоловика сколоты его шыломъ".

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ селахъ существуетъ обычай, всякому покойнику безъ различія давать въ гробъ (привязываютъ съ

боку) платокъ,[1]) впрочемъ, надо сказать, что этотъ обычай не вездѣ существуетъ, обычай же давать покойнику на тотъ свѣтъ нѣсколько копѣекъ, смотря по состоянію покойнаго,—хоть грошъ, сильно и широко распространенъ по всей Волыни, Подоліи и кіевск. губ.; вся разница только въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ деньги кладутъ покойнику въ труну, въ другихъ бросаютъ въ яму, въ третьихъ завязываютъ въ платокъ, который цѣпляютъ покойнику къ боку.

По поводу обычая класть въ могилу покойнику деньги, мнѣ пришлось слышать два толкованія или объясненія крестьянъ. По первому толкованію, записанному въ заславскомъ уѣздѣ, деньги покойнику въ могилу кладутъ для того, что „часто бувае такъ, що на тому мисци, де ховають мерця, вже раньше булы поховани люды, и тіи що раньше булы тамъ поховани и закопани, прыйдуть, тай стануть выгоняты того, що потимъ тамъ похованый, скажуть ему:

— Уступысь з витциль; ты чого наше мисце зайнявъ, на нашому мисци лигъ. То якъ той, що на остатку похованый, буде маты при соби грошы, то винъ видкупыця видъ тихъ, що раньше тамъ закопани, купытъ соби у ныхъ мисце и воны его оставлятъ въ спокои и не будутъ бильше чыпаты; а якъ не буде чимъ выдкупытысь, то его проженутъ и выкынутъ з видтиль“ (отъ крестьянина с. Плещина, заславскаго уѣзда Федора Ярощука).

По другому же объясненію, слышанному мною какъ въ томъ же заславскомъ уѣздѣ и отъ того же лица, такъ и въ с. Молчанахъ, староконстантиновскаго уѣзда, „грошi мерцеви въ могылу кладутъ на тее, що на тимъ свити душа мае стояты на варти, коло якоись брамы, и якъ мае при соби грошы, то ско-

---

[1]) Обычай давать всякому покойнику платокъ существуетъ тоже и въ нижегородской губ. въ лукояновскомъ уѣздѣ.

Смотр. „Этногр. сбор. импер. геогр. общ.“ т. I-й 1853 года стат. священ. Доброзракова: „село Ульяновка нижегородской губерніи, стр. 51 сборника.

[2]) Подобный же обычай существуетъ при похоронахъ и въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ воронежской губ. Смотр. „Этногр. сборн. императ. геогр. общ.“ вып. I-й 1853 года, статья учителя Малыгина. „Бытъ крестьянъ воронежской губ. нижнедѣвицкаго уѣз.“ стран. 226.

ро видкупыця видъ тыеи варты и довго стояты не буде; а якъ не мае чимъ видкупытыся,—то буде довго стояты на варти".

Вообще же по народному вѣрованію, тоже сильно и широко распространенному, всякая душа умершаго „на тимъ свити мусытъ стояты на варти коло якоись брамы" (воротъ), пока ее не смѣнитъ душа другого покойника. Затѣмъ въ обычаѣ класть покойнику въ гробъ то, что покойный при жизни любилъ: если курилъ, то „люльку" и „тютюнъ"; если нюхалъ, то табакерку съ нюхательнымъ табакокъ; если пилъ, бутылку водки.

Впрочемъ этотъ остатокъ язычества постепенно начинаетъ выходить изъ употребленія и обычая.

XII.

Похороны.

Когда выносятъ покойника изъ хаты, то въ однихъ мѣстахъ хлѣбомъ, вымолоченнымъ изъ снопа, который на „кутю" ставятъ въ переднемъ углу, подъ ѳбразами, обсыпаютъ гробъ [1]), въ другихъ мѣстахъ тѣмъ же хлѣбомъ, послѣ выноса тѣла изъ хаты, обсыпаютъ снаружи кругомъ хаты, а также внутри; равно зерна хлѣба посыпаютъ на уголья и накуриваютъ внутри хату.

Когда вынесутъ покойника изъ хаты, сейчасъ же затворяютъ за нимъ двери, и нельзя отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока покойника не отнесутъ настолько, что его не видно: иначе еще кто нибудь умретъ въ этой семьѣ [2]).

Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ въ обычаѣ, что ближніе причитаютъ и голосятъ по покойникѣ все время, какъ нач-

---

[1]) Такой обычай при похоронахъ существуетъ и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ и описанъ протоіереемъ І. Морачевскимъ въ стат. „село Кобылье, волынской губерніи" въ этнографическомъ сборн. Император. геогр. общества томъ І-й 1853 годъ стран. 306.

[2]) Этотъ же обычай существуетъ въ полтавской губ. въ хорольскомъ уѣздѣ; смотр. „Этногр. сбор. Императ. географ. общ." вып. І-й 1853 г. стат. священ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса" на стр. 371 сборника.

нутъ укладывать въ труну и выносить изъ хаты, во все время пути до кладбища и пока не похоронятъ, но на время остановокъ для чтенія Евангелія такіе плакальщики умолкаютъ, затихаютъ, а затѣмъ вновь продолжаютъ голосить.

XIII.

Поминки.

Когда могилу засыплютъ, т. е. покойника похоронятъ, то всѣ участвующіе приглашаются на угощеніе или на поминки души покойника. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, лѣтомъ при тѣснотѣ крестьянскихъ избъ, поминки или угощеніе устраиваютъ тутъ же на кладбищѣ, при свѣже насыпанной могилѣ, для чего все наваренное и напеченное для этой цѣли, а равно водку, везутъ за гробомъ „и процессіей“ на кладбище, другіе же для поминокъ и угощенія приглашаютъ присутствующихъ въ домъ. На кладбищѣ угощеніе устраивается часто и въ тѣхъ случаяхъ, если кладбище отъ села и вообще домовъ далеко, и далеко участвующимъ идти.

Во время поминокъ душу покойника обыкновенно поминаютъ такъ: „нехай съ Богомъ (или: со святымы) спочывае, та насъ не скоро до себе ожыдае“.

Чрезъ 9 дней послѣ смерти дѣлаютъ „девятыны“, чрезъ 40 дней—„сорочины“ или „сороковыны“ и чрезъ годъ—„рочыны“, т. е. во всѣ эти дни дѣлаютъ поминки по душѣ. Поминки эти заключаются въ томъ, что даютъ, „до церквы на служене“ (т. е. на заупокойную обѣдню, на поминовеніе души покойника при литургіи), обязательно въ эти дни приносятъ въ церковь „мысочку“: хлѣбъ и пр. для панихиды, и, наконецъ, въ эти дни „одаряютъ дидивъ“, т. е. даютъ нищимъ милостыню.

У богатыхъ на „сорочины“ и „рочины“ рѣжутъ быка, овецъ или бьютъ свинью, берутъ ведра два водки и устраиваютъ „обиды для дидивъ и бидныхъ“. Кромѣ этихъ дней поминки дѣлаются и въ нарочито установленные церковью для этого

го дни для поминовенія умершихъ,—великимъ постомъ и въ октябрѣ. Въ такіе дни обязательно несутъ „мысочку до церквы" и даютъ милостыню нищимъ.

XIV.

Послѣ похоронъ.

Въ первую же ночь послѣ того, какъ вынесутъ покойника изъ хаты и похоронятъ,—въ переднемъ углу подъ образами на столѣ, гдѣ лежало тѣло, ставятъ для души покойника рюмку водки, рюмку вина или найчаще рюмку меду [1]) и „цилушку" хлѣба съ солью (въ староконст. у.), въ заславскомъ же уѣздѣ ставятъ для души покойника на ночь на столѣ лишь рюмку водки и рюмку воды. На всѣхъ окнахъ ставятъ стаканы или миски, вообще посуду, съ чистой водой. По вѣрованію нашего народа, душа въ первые три дня послѣ разлученія съ тѣломъ находится безотлучно въ томъ домѣ, гдѣ умерло тѣло, и по ночамъ ѣстъ положенный для нея хлѣбъ, пьетъ поставленную водку и медъ, а въ поставленной на окнахъ чистой водѣ купается; поэтому въ нѣкоторыхъ селахъ староконст. у. ставятъ какъ воду на окнахъ, такъ водку и медъ для души въ переднемъ углу въ теченіи первыхъ трехъ ночей послѣ смерти.

Какъ я уже сказалъ, душа умершаго первые трое сутокъ послѣ выхода изъ тѣла безотлучно находится въ домѣ, и если то душа „господара" или „господыни", то по ночамъ „господаруе", особенно въ послѣднюю третью ночь, „господарь господаруе" въ конюшнѣ, въ сараяхъ, повыгоняетъ оттуда „худобу"; „господыня човпеця въ комори"; подобныхъ разсказовъ о похожденіяхъ душъ умершихъ отъ простого народа можно услыхать немало, и положительно въ каждомъ селѣ.

Также по разсказамъ нашихъ крестьянъ, тоже почти въ каждомъ селѣ, рѣдкій покойникъ, или, правильнѣе, рѣдкая

---

[1]) Этотъ обычай существуетъ и въ полтавской губ., въ хорольскомъ уѣз. Смотр. Этногр. сборн. Импер. геогр. общ. т. І-й 1853 г. Стат. свящ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса", стр. 371.

душа покойнаго (послѣ смерти) по ночамъ „не шатается“, не ходитъ. Только и слышите разсказы, что такой то „вмеръ и ходытъ въ ночи кажнои ночи до жинкы“, а такая то „вмерла и ходыть що ночи, годуе покинуту малу дытыну“ и т. д. Подобныхъ разсказовъ положительно не переслушаешь, а тѣмъ болѣе трудно списать ихъ всѣ. Мнѣ долго пришлось жить въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ, староконст. у., и, если вѣрить крестьянамъ этихъ селъ и ихъ разсказамъ, то у нихъ положительно всякій умершій по ночамъ „шатается“.

По вѣрованію нашего народа, бываетъ, что иногда добрый, а иногда злой духъ, принимаетъ видъ или обликъ извѣстнаго покойника, или вселяется въ „тулубець“, въ тѣло извѣстнаго покойника и но ночамъ ходитъ; для того, чтобы знать, какой духъ это, добрый или злой,—при встрѣчѣ съ нимъ—нужно спросить: „Во имя Отца Сына и Свят. Духа. Всяка тваръ хвалытъ Бога, а ты хвалышъ?“ Если то добрый духъ, то скажетъ „хвалю“, будетъ говорить и скажетъ, что ему, т. е. ей—душѣ нужно, а если то злой духъ, то на подобное привѣтствіе или вопросъ будетъ молчать и ничего не отвѣтитъ, а если его перекрестить, или читать „Да воскреснетъ Богъ“, то злой духъ въ образѣ умершаго человѣка сейчасъ „счезне“.

При посѣщеніи покойниковъ, т. е. если умершій по ночамъ шатается, есть безчисленное множество, по понятіямъ простого народа, средствъ: обсыплютъ домъ, въ который ходитъ покойникъ, а равно и могилу того покойника освященнымъ на Спаса макомъ, приговаривая: „тоди зъ могылы встанешъ, и въ хату ввійдешъ, якъ цей макъ зберешъ“. Варятъ какимъ-то особеннымъ способомъ гречневую кашу и кладутъ ее на окна; носятъ на шеѣ амулетики съ зашитыми въ нихъ освященными на Спаса травами; обкуриваютъ кругомъ снаружи и накуриваютъ внутри тѣми же травами домъ, посѣщаемый покойникомъ, и т. п. Всѣхъ этихъ средствъ и не перечесть. Но самое извѣстное средство—это вбиваютъ въ могилу такого неспокойнаго покойника „осыковый“ колъ, а если этотъ покойникъ самоубійца, то похоронятъ его на „роздорожи“ или въ болотѣ, но не на кладбищѣ.

До 40 дней душа умершаго „блукае по свити, ходыть по земли“ и на 40 день является „до Бога на судъ“, и тогда ей опредѣляется, гдѣ ей быть: въ раю или аду.

Если оставшіеся въ живыхъ сильно убиваются—тужатъ по умершемъ, то для того, чтобы скорѣе они успокоились, „забулы покойника“, заставляютъ смотрѣть ихъ въ печную трубу—„въ коминъ“, берутъ землю съ могилы покойника и сыплютъ ее за шиворотъ,—„за комиръ“, или просто носятъ ее зашитой въ амулетикъ нѣкоторое время на шеѣ, или же сильно скорбящимъ по покойникѣ перевязываютъ на нѣсколько дней очень крѣпко, ниточкой или ленточкой, „мизиный“ палецъ; отъ этихъ средствъ, по вѣрованію народа, живые очень скоро забываютъ покойника.

А вотъ еще нѣсколько вѣрованій и обрядовъ народа, относящихся къ смерти и памяти умершихъ.

На Пасху во многихъ мѣстахъ въ обычаѣ, чтобы живые, послѣ разговѣнья, шли на кладбище христосоваться со своими умершими родными, напр. дѣти съ родителями.

Придя на могилу умершаго, говорятъ: „Христосъ Воскресъ“, тату (или мамо, или же сестра, братъ и т. п.) и кладутъ на могилу одну или пару крашанокъ. Въ другихъ селахъ молча кладутъ на могилу родныхъ крашанки.

Еще нашъ народъ говоритъ и вѣритъ, что умершіе на Свѣтлой недѣлѣ идутъ прямо въ рай, каковы бы великіе грѣшники ни были, такъ какъ во всю Свѣтлую недѣлю двери рая отверзты „настежъ“ безразлично для всѣхъ умершихъ въ это время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заславскаго уѣзда подобное вѣрованіе народа существуетъ лишь относительно первыхъ трехъ дней Пасхи, а въ нѣкоторыхъ — лишь относительно одного перваго дня Велыкодня: но все таки самое первое вѣрованіе относительно всей Свѣтлой недѣли нужно считать преобладающимъ и наиболѣе распространеннымъ.

На „вилію“ въ обычаѣ класть на всю ночь всѣ ложки въ макотру съ кутей, такъ какъ ночью, по вѣрованію народа, души всѣхъ умершихъ родныхъ придутъ, соберутся въ домѣ ѣсть кутю.

При воспоминаніи объ умершихъ, у нашего народа въ обычаѣ, свято и строго соблюдаемомъ, всякій разъ прибавлять: „нехай ему (т. е. покойнику) на тимъ свити легенько згадаецця; или: нехай ему легенько икнецця, или же: нехай ему буде земля перомъ“ (т. е. легка какъ перо), но самая употребительная фраза,—это „царство небесне, вичный покой“.

Если говорятъ о какомъ-либо зломъ дѣлѣ или грѣхѣ какакого-либо покойника или вообще о какомъ-либо умершемъ зломъ человѣкѣ, то въ обычаѣ прибавлять фразу: „нехай ему (покойнику) на тимъ свити Богъ не памятуе“, или: „нехай ему на тимъ свити Богъ простыть“ (подразумѣвать нужно злыя его дѣла).

При всѣхъ торжественныхъ тостахъ въ торжественныхъ случаяхъ, напр., когда пьютъ водку въ большіе праздники, какъ Пасха, Рождество, на „вилію“ и пр.—въ обычаѣ у крестьянъ пить не только за живыхъ, но разомъ и за умершихъ, поминать во всѣхъ такихъ случаяхъ и покойниковъ.

Пьющій водку въ такихъ случаяхъ обыкновенно говоритъ: дай намъ Боже здоровье (или: за здоровье жывыхъ), а померлымъ царство небесное; при этомъ иногда поименно поминаются „померши“: такому-то и такому-то „царство небесное“. Такъ поминаютъ покойниковъ и на всѣхъ поминкахъ по умершихъ.

XV.

Представленіе народа о загробной жизни.

О представленіи народа о загробной жизни приходится сказать очень мало. Все оно выражается въ цѣломъ рядѣ выше описанныхъ похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ; нельзя однако не сказать, что представленіе народа о загробной жизни—смѣсь языческаго съ христіанскимъ, на половину то, на половину другое, и даже больше языческое, чѣмъ христіанское.

Языческое понятіе народа о загробной жизни выражается въ цѣломъ рядѣ обычаевъ и обрядовъ, такихъ напримѣръ, какъ

обычай давать покойнику на тотъ свѣтъ то, что онъ любилъ при жизни, какъ то: водку, табакъ, обязательно давать покойнику на тотъ свѣтъ деньги, обязательно ставить первые три дня для души покойника пищу и питье. Всѣ эти обычаи и обряды часто языческіе и соединяются съ языческимъ представленіемъ о загробной жизни.

Представленіе народа, что души умершихъ летаютъ въ видѣ мухи или ходятъ по ночамъ въ видѣ кошекъ, собакъ, свиней сродно съ вѣрованіемъ буддистовъ и вообще язычниковъ, что души умершихъ переселяются въ птицъ и животныхъ.

Вообще же нашъ народъ вѣритъ, что умершимъ не только не чужды, но даже близки, сродны всѣ земные, житейскіе интересы и дѣла, однимъ словомъ все земное. Къ такимъ вѣрованіямъ относятся разсказы народа о томъ, какъ умершій мужъ по ночамъ посѣщалъ свою живую жену и раздѣлялъ съ нею ложе, или какъ мать по ночамъ приходила и кормила грудью оставшагося въ живыхъ грудного ребенка.

По вѣрованію народа, умершимъ не только не лишнее, но такъ-же, какъ и живымъ, нужны: пища, питье, одежда. Подобное вѣрованіе отчасти напоминаетъ вѣрованіе и понятіе магометанъ о загробной жизни въ раю. Если къ этому прибавить, что умершихъ нашъ народъ хоронитъ по христіански, но что поминки по умершимъ—смѣсь христіанскихъ поминаній и молитвословій (панихиды, обѣдни и пр.) съ древне-языческой тризной по умершихъ—то и выйдетъ справедливымъ въ началѣ высказанное мною, что понятіе народа о загробной жизни есть смѣсь языческаго съ христіанскимъ, и много еще нужно времени и свѣта, чтобы верхъ взяло и восторжествовало второе, т. е. христіанское надъ языческимъ.

Ив. Бѣньковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

Г-жа Мошинская. Среди довольно многочисленныхъ польскихъ этнографическихъ сборниковъ, составленныхъ женщинами, сборники г-жи Мошинской выдаются по значительной величинѣ, точности записей и, что для насъ представляетъ спеціальный интересъ, всецѣло посвящены коренному украинскому населенію бѣлоцерковскаго, таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ кіевской губерніи. Въ русской научной литературѣ сборники эти совсѣмъ неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ на нихъ ссылокъ или указаній, если не считать одного краткаго упоминанія въ III т. „Ист. рус. этн.“ Пыпина. Малая извѣстность сборниковъ г-жи М. обусловлена отчасти помѣщеніемъ ихъ въ такомъ спеціальномъ и сухомъ изданіи, какъ „Zbiór wiadomości“ краковской академіи наукъ. Мнѣ извѣстны три сборника, именно:

1) *Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu Ukraińskiego* Z okolic Białejcerkwi, въ Zbiór wiadomosci do antrop. krajowej 1878 II, 183—209. Свадьба здѣсь разсмотрѣна въ слѣдующихъ главахъ: 1) ухаживаніе (zaloty), 2) любовь и чары, 3) сваты, 4) змовины, 5) предсвадебная суббота; коровай, 6) дѣвичій вечеръ (плетеніе гильця), 7) слюбъ, 8) поѣздка къ

[1] См. „Кіевск Стар.“ 1896 г., № 7 и 8.

родителямъ жениха, 9) поѣздка къ родителямъ невѣсты, 10) возвращеніе къ жениху; 11) свадьба въ домѣ невѣсты, 12) благословеніе, 13) свадьба въ домѣ жениха, 14) другой день по вѣнчаніи, 15) купаніе свекрови (обливаютъ холодной водой). При описаніи обрядовъ свадебныхъ приложено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ новаго мало; кое-какія любопытныя новыя мелочи находятся въ послѣдней 15 главѣ, которая относится къ обычаю „перезвы".

2) *Kupajlo*, tudzceż zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędow i pesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi, въ V т. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881, 24—102. Представленное г-жей Мошинской *описаніе купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ* является самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изъ всѣхъ существующихъ нынѣ описаній этого рода. Здѣсь приведено 17 описаній, записанныхъ въ 17 селахъ бѣлоцерковскаго уѣзда, съ точной передачей купальныхъ пѣсенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются древностью и поэтическимъ достоинствомъ, напр.—варіанты извѣстной пѣсни „Ой тыхо, тыхо Дунай воду несе" (36—37). Купальные обряды и пѣсни составляютъ первую, наиболѣе содержательную главу въ сборникѣ г-жи Мошинской. Вторая глава посвящена *годовымъ праздникамъ* и весеннимъ и лѣтнимъ *играмъ* молодежи (пущанье, вязаніе колодокъ съ приложеніемъ пѣсенъ, 2 варіанта игры въ Володаря съ 8 пѣснями, кривой танецъ съ 3 пѣснями, шумъ, макъ, груша, зайчикъ, нелюбчикъ, царенко—всѣ эти игры приведены съ пѣснями, повѣрья и обряды, связанные со днемъ весенняго Юрія, зелеными святками (розегри), днемъ Екатерины, ап. Андрея, Рождества Христова, причемъ приведено 9 колядокъ религіозно-апокрифическаго содержанія, „богатый вечиръ" съ гаданіями и 3 пѣснями). Третья глава заключаетъ сообщенія объ *улицахъ и досвиткахъ* съ 34 пѣснями и о *дѣтскихъ играхъ*: 1) квасъ, 2) краска, 3) пижмурокъ, 4) бджолы, 5) блохи, 6) жукъ, 7) мышка, 8) жинка, 9) грибъ, 10) шулякъ, 11) гуси, 12) реготынъ, 13) хрещикъ, 14) карапузныця, 15—16) силь, 17) довга лоза, 18) верныголова, 19) коромысло и 20) щука. №№ 6, 7, 8, 10, 11

снабжены пѣснями. Четвертая глава заключаетъ въ себѣ краткое описаніе *свадебныхъ обрядовъ* и 47 *свадебныхъ пѣсенъ*, извѣстныхъ уже по другимъ сборникамъ свадебныхъ пѣсенъ.

3) *Bajki i zagadki ludu ukraińskiego*, въ IX т. Zbiór. wiadom. do antrop. kraj. 1885, 73—173. Въ сборникѣ находится 35 сказокъ, три небылицы и 156 загадокъ. Сказки про богатаго Марка, счастливаго дурня, трехъ братьевъ, Покотыгородка, злую мачиху, Сучича, дидовы козы (со стихами), царя Іона, про разбойниковъ, о злыхъ и лѣнивыхъ женахъ, о томъ, какъ баба обманула чорта, про Гирку семилитку, про глупыхъ людей на свѣтѣ, что мѣшкомъ свѣтъ ловили, про мудраго дурня, про Кирика (въ стихахъ), про поповыхъ наймитовъ и нѣсколько другихъ.

Сборникъ г-жи М., хотя и не великъ по объему, но по богатству мотивовъ, по историко-литературной важности сказокъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала. Сказки, какъ на подборъ, въ высшей степени интересныя въ научномъ отношеніи. Сюда вошла цѣнная по своеобразнымъ деталямъ сказка о Маркѣ богатомъ (см. мое изслѣд. въ XX кн. *Этногр. Обозр.* и дополненія къ нему въ XXI кн. 1894 г.). Сказка „про мылосерднаго хлопца" очень близко подходитъ къ новогреческой, изданной въ „Les traditions popul. de l'Asie Mineure" *Carney* et *Nicolaides*. Сказка „про братыка баранця" представляетъ одинъ изъ лучшихъ варіантовъ, изданныхъ ранѣе Чубинскимъ и др. этнографами. Эта сказка имѣетъ очень древнихъ родственниковъ; такъ, она весьма близко подходитъ къ древне-египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ (*Maspero*, Contes popul. de l'anc. Egypte № 1). Сказка о Сучичѣ, обратившая на себя вниманіе Потебни, въ варіантѣ г-жи М. изложена со многими любопытными подробностями. Чрезвычайно интересна затѣмъ сказка „про царя Іона", какъ отзвукъ талмудическаго и др. сказаній о наказаніи царя за гордость. Столь же интересны двѣ большія сказки на чрезвычайно популярную и цѣнную въ историко-литературномъ отношеніи тему о мудрой дѣвѣ, задающей загадки, сказки, родственныя апокри-

фамъ и повѣстямъ (царица Савская, Петръ и Февронія и др.). Затѣмъ весьма интересны небольшія сказки или анекдоты въ родѣ западныхъ новеллъ и фацецій. Наконецъ, въ сборникѣ г-жи Мошинской есть нѣсколько новыхъ сказокъ и оригинальныхъ передѣлокъ извѣстныхъ. Все это въ совокупности сообщаетъ сборнику г-жи М. значеніе полезнаго пособія при изученіи малорусской народной словесности. Болѣе подробный обзоръ содержанія сборника г-жи Мошинской сдѣланъ нами въ „Этнографич. Обозр.“ 1894 г. кн. XXII.

Г-жа Рокоссовская дала столь же значительные по величинѣ этнографическіе сборники пѣсенъ и повѣрій малоруссовъ волынской губерніи:

1) Wesele i piesni ludu ruskiego ze wsi Jurkow, szczyny w pow. Zwiahelskim na Wołyni въ VII т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1883, 154—244. Въ сборникѣ находится *75 свадебныхъ пѣсенъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются величиной и своеобразнымъ характеромъ живой импровизаціи на данный случай. Далѣе слѣдуютъ *39 думокъ* и *293 пѣсенъ* бытовыхъ, колыбельныхъ, дѣвичьихъ, и др. Встрѣчаются изрѣдка указанія на сходные варіанты въ „Pokucie“ Кольберга. Въ числѣ думокъ находятся пѣсня объ обращеніи женщины въ былину (№ 2), о Бондаривнѣ (№ 2), объ отравленіи козака дивчиной (№ 5), казнь Петруся за связь съ паней (№ 11). Въ „думки“ вошли обычныя любовныя и свадебныя пѣсни, изъ которыхъ много извѣстныхъ. Болѣе своеобразія представляютъ бытовыя пѣсенки. Изрѣдка въ пѣсняхъ проскакиваютъ великорусскія слова, подчеркнутыя собирательницей, напр., окошечко, карманъ, дворянинъ. Крайне исковерканной посторонними примѣсями пѣснею является лишь одна подъ № 149, какъ рѣдкое исключеніе, пѣсня, несомнѣнно солдатская. Вообще, пѣсни, собранныя Рокоссовкой, представляются любопытными образцами современной украинской народной поэзіи въ мѣстностяхъ, наименѣе затронутыхъ посторонними вліяніями.

2) Въ XIII кн. Zbiór г-жа Рокоссовская помѣстила интересный сборникъ о вѣрованіяхъ и преданіяхъ малоруссовъ с.

Юрковщины новгородъ-волынскаго уѣзда о предметахъ растительнаго царства.

3) Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu, въ XI т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1887 г., с. 130—229. Въ этотъ сборникъ вошелъ этнографическій матеріалъ, собранный г-жей Рокоссовской все въ томъ же селѣ Юрковщинѣ. Матеріалъ редактированъ Коперницкимъ. Содержаніе сборника: 1) *родины и крестины* (скрываніе имени ребенка, злевины, осыпаніе частей житомъ, подарки матери „на мыло"; кладутъ борону передъ порогомъ хаты, приведено 5 пѣсенъ); 2) *свадьба* (краткое описаніе обрядовъ при хорошей и плохой свадьбѣ, когда невѣста оказалась нечестной, и 35 пѣсенъ); 3) *похороны* (повѣрья и обряды); 4) *праздникъ* Рождества Христова и Новаго года (описаніе обрядовъ, 20 колядокъ и 8 щедровокъ; колядки обильны апокрифическими чертами; кромѣ того приложено нѣсколько стихотворныхъ пожеланій здоровья и богатства); 5) *масляница и великій постъ* (4 стиха о св. Петрѣ и Павлѣ, св. Алексѣѣ и св. Варварѣ); 6) *Свѣтлый праздникъ,* замѣтка о пѣсняхъ веснянкахъ, 4 весеннихъ *игры* (жена, зайчикъ, нелюбъ и кривой танецъ) и 18 *веснянокъ, навскій тыждень, день св. Георгія* и *русальный тыждень;* 7) купальскіе *обряды и пѣсни* (38); 8) *обжинки* (12 пѣсенъ) и осенніе праздники (Спаса, Маковея, Катерины, Андрея); 9) *дѣтскія игры* (6 и 3 дѣтскихъ пѣсни); 10) *демонологія* (вѣдьмы, самоубійцы и упыри); 11) *колдовство* уроки, чары, ворожба); 12) *повѣрья и предразсудки* (относящіеся къ дому, печенію хлѣба, скоту, земледѣльческихъ работъ, разныхъ болѣзней); 13) *міровоззрѣніе* (мнѣнія о явленіяхъ природы, о великанахъ и о животныхъ); 14) загадки (107).

Наибольшій интересъ по обилію фактовъ представляютъ данныя о народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ (207—216).

Вообще, сборники г-жи Рокоссовской, по обилію матеріала, принадлежатъ къ сравнительно довольно крупнымъ въ малорусскомъ отдѣлѣ польской этнографической литературы.

Къ ряду сгруппируемъ здѣсь еще нѣсколько описаній малорусскихъ свадебъ, составленныхъ польскими писательницами,

съ оговоркой; что всѣ эти описанія не имѣютъ крупнаго научнаго значенія, при существованіи въ печати громаднаго однороднаго матеріала.

Г-жа Томашевская. 1) Obryzędy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli w pow. Jaroslawskim, въ X т. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1886, 55—75. Въ с. Цетулѣ живутъ малороссы и поляки; записанныя г-жею Т. пѣсни заключаютъ кое-какія особенности польской рѣчи. Въ сборникѣ 67 свадебныхъ пѣсенъ, коротенькихъ и большею частью извѣстныхъ. Много пѣсенъ относится къ обрядовому печенію коровая и къ вѣнку невѣсты.

2) Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnikach pow. Drohobyckiego, въ Zbior wiadom. do antrop. kraj. 1888 XII 60—80. Описаны подробно мѣстные свадебные обычаи и приведена 71 пѣсня. Между тѣми и другими попадаются любопытныя черты, напр.: обычай наклеивать на стѣнкѣ за головами молодыхъ на свадьбѣ по зажженой восковой свѣчѣ, оригинальная пѣсенька при обсыпаніи молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ: „сій, маты, пшеныцу по гори, по долыни", сближеніе вѣнка съ солнцемъ въ пѣснѣ: „хороше соненько сіяе; на Касунуньци, на молоденьци зеленый вѣнокъ сіяе" (65).

Г-жа Шаблевская. Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu, въ XII т. Zbiòr wiadom. do antrop. krajow. 1883, 120—135. Описаніе свадьбы распадается по слѣд. главамъ: любовь и заручины, уговоръ, печеніе коровая, созывъ гостей, расплетеніе косы молодой и благословеніе ее, предсвадебная вечеринка, вѣнчаніе, очепины и подарки. При описаніи свадебныхъ обрядовъ приложено 24 свадебныхъ пѣсни, большею частью извѣстныхъ. Описаніе игры въ *кривой танецъ* снабжено 12 пѣснями, изъ коихъ три польскихъ.

Г-жа Малиновская. Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Kudynowcach pow. Złoczowskim, въ XII т. „Zbior wiadom. do antrop. kraj." 1883, стр. 244—264. Описаніе свадебныхъ обрядовъ въ селѣ Кудиновкѣ, безъ указаній на литературу предмета. Всѣхъ пѣсенъ 74, и всѣ онѣ извѣстны изъ другихъ сбор-

никовъ. Любопытны лишь кое-какія отдѣльныя слова, напр.: коникъ пущенъ въ „пастивникъ“ (старинное слово), невѣста „пелехатая“ и др.

Г-жа Стадницкая. Piesni i obrzędy ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu, въ Zbiòr wiadom. 1888 XII 103—117. Здѣсь приведены 44 свадебныя пѣсни, извѣстныя уже въ печати по другимъ сборникамъ. Упоминается про печеніе коровая, гильце и нѣкот. др. обряды.

Г-жа Ванке (Анна) въ XIII т. Zbiòr wiadomosci помѣстила небольшой сборникъ галагивокъ, или игръ во время свѣтлаго праздника у русиновъ перемышльскаго повѣта.

Г-жа Рошкевичъ и г. **Франко** въ X т. Zbior издали небольшой сборникъ обрядовъ и пѣсенъ м. Лолына Стрыйскаго повѣта. Въ началѣ находятся краткія сообщенія объ экономическомъ бытѣ лолынянъ (бѣдное горское поселеніе съ курными избами), затѣмъ приведено описаніе мѣстной свадьбы (181 пѣсня) съ указаніемъ на варіанты въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

Г. Нейманъ редактировалъ „*Materjały etnograficzne z okolic Pliskowa*“ (липовец. у. кіев. губ.), собранные г-жей **Z. D.** и напечатанные въ VIII т. Zbiòr wiadomości (115—246).

Въ началѣ сборника (115—121) въ видѣ введенія къ нему находятся краткія замѣтки о мѣстности и населеніи с. Плискова, одеждѣ, домашней обстановкѣ, повѣрьяхъ о даньѣ и мѣстномъ говорѣ (17 замѣтокъ о фонетикѣ). Самый сборникъ состоитъ изъ довольно обширнаго отдѣла пѣсенъ (121—234) и маленькаго отдѣла сказокъ (234—245). Въ концѣ сборника помѣщено 18 проклятій.

Малорусскія пѣсни въ сборникѣ г-жи Z. D. распадаются на пѣсни свадебныя, бытовыя, историческія, чумацкія, балладныя и любовныя. Пѣсни записаны въ лѣтнее время 1883 года и потому зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ обрядныхъ пѣсенъ въ сборникѣ очень мало (двѣ колядки, одна великопостная). Г-жа Z. D., какъ дама, записывала почти исключительно отъ женщинъ, и потому въ ея сборникѣ много пѣсенъ любовныхъ и свадебныхъ

и весьма мало пѣсенъ историческихъ, чумацкихъ, рекрутскихъ, вообще мужскихъ пѣсенъ.

Г. Нейманъ со вниманіемъ редактировалъ сборникъ. Многія бытовыя пѣсни и всѣ пѣсни балладныя онъ снабдилъ указаніемъ стихотворнаго размѣра, по формулѣ, предложенной А. А. Потебней. Кромѣ того, подъ многими пѣснями показаны варіанты въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго, Рокоссовской, Головацкаго, Кольберга, Якушкина, Шеина и Эрбена. При двухъ-трехъ пѣсняхъ находятся интересныя литературныя комментаріи г. Неймана. При 17 пѣсняхъ помѣщены мелодіи, записанныя спеціально для этого сборника извѣстнымъ знатокомъ малорусской музыки г. Лысенкомъ. Мѣстами (напр. на стр. 143, 154) обнаруживается увлеченіе г. Неймана миѳологическими предположеніями (въ христіанскихъ колядкахъ усматриваются „cechy starożytnej pieśni paganskiej“).

Свадебные обряды и пѣсни (76 №№) немногое прибавляютъ къ сборникамъ Чубинскаго и Мошинской. Замѣтно, что обрядность ослабѣла, особенно въ первые дни свадьбы. Для соблюденія старой обрядности нѣтъ ни досуга, ни средствъ. Пѣсни и обряды записаны по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) суббота (коровай, гильце, расплетаніе косы), 2) воскресенье (отправленіе къ вѣнцу и возвращеніе изъ церкви, очепины, отъѣздъ въ домъ мужа) и 3) понедѣльникъ (похвалы и одариваніе молодой).

Пѣсенъ обрядныхъ и годовыхъ, какъ сказано, мало, и пѣсни не важныя, 2 колядки, 2 щедровки (шутливыя), великопостная (пѣсня про Алексѣя, человѣка Божія), 5 пасхальныхъ (игорныя: въ Шельмана, въ зайца, въ жену стараго мужа) и 17 купальскихъ (изъ нихъ двѣ скабрёзныхъ подъ №№ 99 и 102).

Въ отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ вошла одна дожиночная, три рекрутскихъ (вар. Чуб. V 64, 82, 84, 312), двѣ бурлацкихъ, 5 чумацкихъ, три козацкихъ (общаго содержанія, вар. Чуб. V 44, 87, 90, 239).

Въ отдѣлъ историческихъ пѣсенъ: „Ой була у Польщи воля“ (согласное житіе козака съ крымскими татарами), „Ой на гори та женци жнуть“ (вар. Чуб. V 45), о Нечаѣ (у Ант. и

Драг. 38 варіантовъ), о Паліѣ (турки поймали П. и ведутъ на висѣлицу), о Бондаривнѣ (вар. у Чуб., Закревскаго, Кольберга и Рокоссовской ср. Шейна, Мат.—579). Редакція (т. е. Коперницкій) прибавилъ двѣ краткихъ историческихъ пѣсни съ нотами, одна о Костюшкѣ и Потоцкомъ сомнительнаго происхожденія, другая (изъ Полтав. губ.) также о Костюшкѣ, („Чи я жъ тебе, пане Костюшко, та й не говорыла, ой не займай Москаливъ, то не наша сыла"). Въ сборникахъ малор. пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи, имени Костюшки, кажется, не встрѣчается.

Отдѣлъ балладныхъ пѣсенъ—лучшій въ сборникѣ не по полнотѣ, у Чубинскаго такихъ пѣсенъ болѣе, а по указанію варіантовъ въ другихъ сборникахъ. Нельзя сказать, чтобы указанія эти были многочисленны, но все таки и данныхъ нельзя не признать полезными въ виду особеннаго интереса, представляемаго балладными пѣснями. Въ этотъ отдѣлъ вошли: *„Ой у вдовы ажъ три дочки"* (и три сына, сыновья пошли въ разбойники, меньшая сестра попала къ нимъ, и чуть не была изнасилована: вар. указаны у Чуб. V 479, Кольберга II 32, 33, (чешскій у Эрбена 483). „Тамъ *де Дунай глыбокій"* (о кровосмѣшеніи матери съ сыномъ и ея дочери съ братомъ, вар. указаны г. Нейманомъ у Чуб. V 407, 458, 485, Головац. I 45, 73, II 577; Кольберга-польскіе I 217, въ Pokucie II 29, 35, Ант. и Драг. 275, Шейна-бѣлорус. 143), *„А маты сына послала въ дорогу"* (проклятая свекровью невѣстка обращается въ тополь; указаны вар. у Чуб. V 308; Кольб. II 45, Голов. I 712, Рокоссовской 1, Якушк. 22 и Эрбена 466), *„Ой жила вдова на край села"* (мать отравила сына и невѣстку; вар. у Чуб. V 310, Гал. I 81, 186, II 578, 585, 711 и Кольб. II 48), *„Ой Свербыно"* (дѣвушка по совѣту парубка, отравляетъ брата; варіанты см. въ моей статьѣ о Поповскомъ), *„Туманъ яромъ* покотывся" (отецъ изгоняетъ сына; вар. у Закрев., Чуб. V 442, 460, 477, Голов. II 55, 585, Якушк. 109), *„Ой въ недилю пораненку"* (мужъ, по совѣту любовницы, убиваетъ свою жену; вар. указаны, какъ и ранѣе, г. Нейманомъ у Чуб. V 236 и

Кольб. II 313), „*Пиду я въ садокъ*“ (козакъ достаетъ вѣнокъ и утопаетъ; вар. у Чуб. III 115, Голов. I 97, II 592, 705, Якушк. 102, 176), „*Ой любилося двое*“ (умерли въ одно время, вар. у Кольберга въ Pokucie II 65 и zud I 11) „*Ой у поли коршимонька*“ и „*Ой въ мистечку на рыночку*“ (объ уводѣ и ограбленіи дѣвушки). Г. Нейманъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что двѣ послѣднихъ пѣсни встрѣчаются и у поляковъ въ подробныхъ варіантахъ, у малоруссовъ въ болѣе слабыхъ и совсѣмъ не встрѣчаются у великоруссовъ. По справкамъ г. Н., ея не оказалось въ сборникахъ Шейна, Якушкина и Кирѣевскаго. Сюжетъ пѣсни принадлежитъ къ числу широкораспространенныхъ балладныхъ мотивовъ и встрѣчается у многихъ народовъ. На эту тему подобрана обширная литература въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ *Чайльда*.

Слѣдующіе три отдѣла заключаютъ въ себѣ пѣсни любовныя, семейно-родственныя, шутливыя, пьяницкія и тривьяльныя. Большая часть—пѣсни любовныя (57 №№). Въ краткомъ предисловіи г. Н. говоритъ, что „любовь въ малорусской народной поэзіи болѣе глубока и болѣе идеальна, чѣмъ въ поэзіи другихъ славянскихъ народовъ... Въ сравненіи съ малорусской народной любовной пѣснею польская плоска и пошла, великорусская груба, иногда цинична“. Далѣе г. Н. отмѣчаетъ то обстоятельство, что радостныхъ любовныхъ пѣсенъ въ Малороссіи мало; большею частью въ нихъ звучитъ тихая грусть и мягкое мечтательное настроеніе. Въ заключеніе г. Н. даетъ такую высокую общую оцѣнку малорусской лирики: Wysoko idealne uczucie, tkliwa rzewnósć, pyszna obrazowósć i samorodna głęboka starozytna symbolika nadają pieśniom ruseńskim znamię originalne i podnoszą niektóre z nich do znaczenia arcydzieł lirycznych“. Въ сборникѣ г-жи Z. D. находится 15 пѣсенъ о любви счастливой, 43 о несчастной, около 20 пѣсенъ о семейномъ положеніи мужа и жены, 19 пьяницкихъ и тривіальныхъ.

Сборникъ пѣсенъ оканчивается тремя „бесѣдами“, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о г. Эварницкомъ, при разборѣ его „Присказки до нюхарей“.

Отдѣлъ сказокъ—краткій (26 №№), и сказки кратки, анекдотическаго характера:

1) *Цыганъ и дурный панъ*—цыганъ беретъ у пана зимой одежду и сани, послѣ того какъ панъ надѣлъ рыболовную сѣть, въ которой былъ цыганъ.

2) *Цыганъ и чорты.* Цыганъ видѣлъ, какъ черти въ одну ночь смолотили пану хлѣбъ, поджегши его, поступилъ такъ и попалъ въ тюрьму. Эта сказка чаще встрѣчается какъ легенда о Христѣ и солдатѣ.

3) *Сказка о цыганѣ*—тема игра словами, нѣсколько неясная.

4) *Жидъ чванлывый*—хвалится женѣ, какъ онъ бился съ мужикомъ (мужикъ билъ его люшней отъ воза, а онъ мужика ермолкой).

5) *Жидъ и коняка*—жидъ тянулъ возъ, чтобы лѣнивая лошадь въ наказаніе шла пѣшкомъ.

6) *Жиды и мужикъ.* Жиды не хотѣли сойти съ воза при подъемѣ на гору. Козакъ сталъ ихъ бить, крикнувъ нарочно мужику, что мститъ ему за своихъ жидовъ, будто бы нѣкогда побитыхъ мужикомъ. Жиды поспѣшно сошли съ воза.

7) *Жидъ судывся съ мужикомъ у пана* за деньги, которыя мужикъ поднялъ, и оба были высѣчены.

8) *Жидъ и разбойники.* Жидъ, боясь разбойниковъ, спрятался въ мѣшкѣ, когда ѣхалъ лѣсомъ, и кучеръ его прибилъ, притворно переговариваясь съ разбойниками.

9) *Шинкарь и мужикъ.* Мужикъ заложилъ шинкарю кожухъ за рубль и, по обману, отдалъ шинкарю этотъ рубль.

10) *Про стару бабу, що замужъ хтила* и 14) *Якъ баба за парубка замужъ пишла*—варіанты сказокъ, извѣстныхъ по сборникамъ Манжуры и Мошинской. Въ обѣихъ сказкахъ баба обманута парубкомъ.

11) *Жинка хозяйка* совѣтуетъ мужу украсть у пана пшеницы, а спечь хлѣба не умѣетъ.

12) *Якъ жинка пекла боця* — варіантъ сказки у Манжуры.

13) *Жинка безъ сорочки*—лѣнивая спалила свою сорочку въ ожиданіи, что мужъ привезетъ съ ярмарки новую.

14) *Баба и кувшинъ молока.* Баба мечтала, что изъ занятаго кувшинчика молока соберетъ и продастъ масло, купитъ курицу, продастъ курицу, купитъ кабана и т. д. до предположенія, что она поѣдетъ на своихъ бычкахъ на ярмарокъ и толкнетъ ногой, кто будетъ проситься къ ней подвезти; при этомъ она толкнула ногой кувшинъ и разбила его. Подобная великорусская сказка у *Садовникова* („Мордвинъ и заяцъ"), болгарская въ *Сборн. за народ. умотворенія* 1891 г. VI 126.

15) *Дидъ, баба, дивка и сучка* не хотѣли работать, зимой въ нуждѣ стали собирать колоски по полю въ снѣгу; панъ пообѣщалъ дать хлѣба; но они захотѣли еще молотаго и не получили никакого. Здѣсь любопытна одна черта: собираніе колосковъ, какъ знакъ бѣдности, встрѣчается въ *книгѣ Руѳь*, въ малорусской сказкѣ у *Манжуры* 52, греческой у *Гана* II 67.

16) *Лѣнивая кума* отказалась кумѣ нажать жита, и потомъ послѣдняя отказываетъ ей въ хлѣбѣ.

17) *Дидъ, баба и дивка едыныця.* Пришли сваты. Мать и дочь, а потомъ и отецъ заспорили, кого брать въ кумовья, когда родится ребенокъ. Сваты подумали, что дочь собирается родить и поспѣшили уйти.

18) *Баба жебрушча* посовѣтовала сварливой женѣ брать воду въ ротъ, чтобы мужъ не билъ ее, и супруги стали жить согласно.

19) *Кума пидперезана* — голая, куму стало стыдно; онъ сталъ говорить ей про голую куму и получилъ въ отвѣтъ, что та безъ стыда, а она хотя пидпоясалась.

20) *Вода зъ ледомъ.* Панъ въ Петривку спросилъ у бабы воды со льдомъ; баба сказала, чтобы спросилъ зимой; тогда у ней и свиньи пьютъ воду со льдомъ.

Г. Нейману кромѣ того принадлежитъ еще статья о пѣсенныхъ размѣрахъ и нѣсколько библіографическихъ статей въ Кіевск. Старинѣ (см. по „Указателю къ Кіевск. Стар." 1893 г. стр. 100) и статья о малорусскихъ думахъ въ „Ateneum" 1885 года.

Н. Сумцовъ.

ПИСЬМА М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Частная переписка лицъ, игравшихъ роль въ жизни общественной, конечно, заслуживаетъ того, чтобы быть опубликованной во всей полнотѣ своей, т. к. всегда въ такой перепискѣ найдутся строки, проливающія свѣтъ въ тотъ или другой уголокъ нашей общественности. Уже одни эти соображенія вполнѣ достаточны для того, чтобы оправдать помѣщеніе на страницахъ журнала писемъ такого сильнаго представителя науки, особенно по вопросамъ исторіи и литературы Южной Руси, какъ М. А. Максимовичъ, къ неменѣе знаменитому въ свое время профессору московскаго университета С. П. Шевыреву. Если прибавимъ къ этому, что данныя письма имѣютъ еще и исключительное значеніе, какъ дающія нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ біографіи Максимовича, а равно помогающія лучше уяснить себѣ нравственный обликъ этого человѣка,—то печатаніе ихъ получитъ еще большій интересъ. Считаемъ при этомъ нелишнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что личность М. А. Максимовича, какъ по оригинальной судьбѣ жизни его, такъ еще болѣе по той роли, какую пришлось ему сыграть въ культурной жизни нашего Кіева, до сихъ поръ не изучена во всей полнотѣ и не охарактеризована съ полнымъ и всестороннимъ освѣщеніемъ всѣхъ изгибовъ его души. А между тѣмъ черезъ 2 года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти его, и черезъ 8 лѣтъ—столѣтіе со дня рожденія его. Мы не сомнѣваемся, что къ тому времени благодарная память потомства найдетъ нужнымъ сказать о немъ свое вѣское, удостовѣренное фактами слово, а

равно исполнитъ и другое обязательство—издастъ дополнительный томъ его сочиненій, не вошедшихъ въ изданные раньше *три тома*, и прибавить еще одинъ томъ—его письма, отчасти напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ, но вѣроятно въ большинствѣ остающіяся еще неопубликованными. Чтобы успѣшнѣе можно было исполнить все это впереди, нужно теперь-же начать собирать необходимые матеріалы; вслѣдствіе чего, печатая на первый разъ *одиннадцать* писемъ М. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы считаемъ себя вправѣ попросить всѣхъ лицъ, знавшихъ Максимовича и могущихъ передать о немъ свои впечатлѣнія или сообщить новые факты изъ его жизни, подѣлиться ими печатно, для чего между прочимъ мы охотно открываемъ страницы нашего журнала.

Печатаемыя теперь 11 писемъ М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву поступили въ 1892 году въ Императорскую Публичную Библіотеку вмѣстѣ съ другими цѣнными рукописями, купленными у наслѣдниковъ С. П. Шевырева. Благодаря любезности Директора Импер. Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, мы имѣли возможность воспользоваться этими письмами, за что считаемъ своимъ долгомъ выразить ему нашу сердечную благодарность.

Письма эти, главнымъ образомъ, относятся къ періоду 1854--1861 гг., т. к. только одно (первое) помѣчено 1840 годомъ, а одно (въ видѣ записки) хотя даты не имѣетъ, но очевидно писано въ тотъ-же періодъ, какъ и остальныя.

Извѣстно, что дружескія отношенія Максимовича съ Шевыревымъ установились давно и тянулись очень долго. Первое знакомство ихъ произошло въ то время, когда только-что начинавшій свою ученую и литературную дорогу естественникъ М. А. Максимовичъ, вошедши въ московскій литературный кругъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и А. П. Елагиной, встрѣтился тамъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, оказавшихъ сильное вліяніе на совсѣмъ еще юнаго ученаго. Было это въ 1824 году, когда Максимовичъ, конечно, и не мечталъ о томъ, что впереди его связи и переписка съ Шевыревымъ могутъ держаться на общей для обоихъ

специальности—на вопросахъ о языкѣ и литературѣ; когда онъ только-что обратилъ на себя вниманiе ученаго круга своей книгой по зоологiи. Знакомство его съ Шевыревымъ далѣе стало укрѣпляться благодаря тому, что онъ понемногу началъ прiобщаться къ занятiямъ обще-литературнымъ, не покидая, впрочемъ, своей специальности. Такъ, въ 1830 году онъ издаетъ альманахъ „Денницу", во 2-й части котораго, вышедшей въ 1831 году, и въ 3-й, вышедшей въ 1834 году, мы встрѣчаемъ въ числѣ сотрудниковъ и Шевырева. Полная-же дружеская связь установилась между ними, очевидно, въ тотъ перiодъ, когда Максимовичъ жилъ въ 1857—1859 годахъ въ Москвѣ, сначала въ качествѣ завѣдывающаго редакцiей „Русской Бесѣды", затѣмъ въ качествѣ секретаря общества любителей русской словесности, и наконецъ, какъ редакторъ сочиненiй И. В. Кирѣевскаго. Объ этой дружеской связи свидѣтельствуетъ тонъ писемъ, начиная съ 1860 года сразу переходящiй въ обращенiи другъ къ другу на *ты*, между тѣмъ-какъ всѣ письма до этого времени писаны съ *Вы*.

Можно почти навѣрно сказать, что, кромѣ этихъ сохранившихся 11 писемъ, были и еще письма Максимовича къ Шевыреву; по крайней мѣрѣ одно письмо можно удостовѣрить фактически изъ печатаемаго теперь матерiала; такъ, въ письмѣ отъ 5 апр. 1854 г., Максимовичъ говоритъ: „отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ"...—и этого то письма и нѣтъ въ данномъ собранiи. Да оно и понятно, т. к. письмо это было возвращено Максимовичу самимъ Шевыревымъ, что видно изъ письма отъ 23 марта 1857 г., гдѣ сказано: „это (книги, присланныя Ш—ымъ) для меня, былъ драгоцѣнный подарокъ, *включая туда и автобiографическое мое письмо къ Вамъ, съ слѣдами Вашего историческаго на немъ труда*". Впрочемъ, можно думать, что это письмо представляло изъ себя автобiографическую записку, которою воспользовался Шевыревъ для Бiографическаго Словаря Профессоровъ Московскаго Университета, но воспользовался не цѣликомъ, а только взявши изъ него необходимый матерiалъ для бiографiи. Это видимъ изъ примѣчанiя въ статьѣ С. Пономарева „М. А. Максимовичъ" (Бiографич. и историко-литературн. очеркъ), гдѣ на стр. 2 чи-

таемъ: „ее (біографію Максимовича) обыкновенно считаютъ *автобіографіей*, но строго говоря, она не можетъ быть такъ названа. Максимовичъ послалъ, по требованію Шевырева, только сборникъ свѣдѣній о своей служебной и литературной дѣятельности для Словаря профессоровъ московскихъ, къ столѣтнему юбилею университета. Матеріалы эти подверглись немалымъ передѣлкамъ Шевырева, т. е. статья въ Словарѣ скорѣе можетъ быть названа его сочиненіемъ, нежели автобіографіей Максимовича“ [1]). Если г. С. Пономаревъ такъ положительно утверждаетъ этотъ фактъ, то мы не имѣемъ никакого права не принять его зная, что вся статья эта, писанная при жизни М. А. Максимовича, конечно, была составлена по указаніямъ его самого.

В. Науменко.

I.

11 окт. 1840 г. Кіевъ.

Почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я письмо Ваше, напомнившее давно минувшее для меня время и нашу благодатную матушку Москву, и если бы въ силахъ былъ, исписалъ бы въ отвѣтъ Вамъ листокъ размѣра гораздо большаго, чѣмъ сей. Но я такъ слабъ, особенно очами, что пересталъ быть не только преподавателемъ и писателемъ книгъ, но можетъ быть скоро перестану (чего Боже упаси!) читателемъ и писателемъ даже писемъ, и безъ того уже пользуясь обыкновенно чужими очами и руками для сего дѣла [2]). Спѣшу однакоже собственноручно сказать Вамъ въ отвѣтъ:

---

[1]) Напечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г.; пользуемся отдѣльн. оттискомъ.

[2]) Еще живя въ Москвѣ, т. е. до 1834 года, Максимовичъ началъ замѣчать общее ослабленіе здоровья, а особенно зрѣнія, благодаря кропотливымъ и усидчивымъ работамъ при помощи микроскопа. Жизнь-же его въ Кіевѣ, при многосложныхъ занятіяхъ по новой для

1) Піеса, о коей Вы спрашиваете моего мнѣнія, слишкомъ изобилуетъ лирическимъ безпорядкомъ, а потому, не смотря на поэтическое свое достоинство, столь громко оглашенное въ прошломъ году журналами, она едвали съ желаемою пользою можетъ занять мѣсто въ педагогической хрестоматіи для юношества.

2) Москвитянинъ да подвизается во благо литературы нашей и за честь нашей Москвы!.. Богъ да поможетъ вамъ всѣмъ! Если и мнѣ будетъ Его благословеніе, и я сколько нибудь оправлюсь, то не премину явиться съ кирпичемъ хоть для задней стѣны, если съ камнемъ для закладки не въ состояніи. Теперь и для своего бѣднаго Кіевлянина [1]) не могу дописать двухъ уже начатыхъ давно статей,—и вѣроятно не самъ буду держать корректуру второй книжки, которая все таки выйдетъ... да не всѣ мои начинанія будутъ спотыкаться на первомъ томѣ [2]).

него кафедрѣ русской словесности, а особенно по должности ректора вновь открытаго университета, усилила эту слабость здоровья до того, что онъ уже чрезъ годъ, т. е. въ 1835 году, по болѣзни оставляетъ ректорство, а въ 1839 году доходитъ до такого состоянія, что читаетъ лекціи студентамъ у себя въ квартирѣ, и 30 сентября 1840 года подаетъ прошеніе о полной отставкѣ, которая послѣдовала только въ апрѣлѣ 1841 года. Какъ видно изъ даты на этомъ письмѣ, оно писано 11 октября 1840 года, т. е. вскорѣ послѣ подачи прошенія объ отставкѣ.

1) Максимовичъ, какъ человѣкъ, привыкшій въ Москвѣ къ журнальной дѣятельности, переѣхавъ въ Кіевъ, почти сразу-же задается мыслью создать и здѣсь нѣчто въ родѣ періодическаго изданія, особенно-же все болѣе и болѣе увлекаясь мѣстною исторіей и древностями; но для журнала тогдашній Кіевъ былъ еще не готовъ, а потому Максимовичъ рѣшаетъ начать изданіе альманаховъ и выпускаетъ въ свѣтъ въ 1840 году «Кіевлянинъ», часть 1-ю, затѣмъ въ 1841 году часть 2-ю, и только въ 1850 г. часть 3-ю.

2) Дѣйствительно, въ жизни Максимовича эта черта особенно рѣзко бросается въ глаза: всѣхъ крупныхъ его литературныхъ сочиненій выходила въ свѣтъ только 1-я часть; такъ, сборника малорусскихъ пѣсенъ вышла только 1-я часть (въ трехъ разныхъ изданіяхъ), Начатки русской филологіи, часть 1-я, Исторія древней русской словесности, часть 1-я.

3) Особенно жалѣю, что принужденъ, можетъ на долго, остановиться на первомъ томѣ Исторіи Рус. Сл., для которой въ продолженіе 6-лѣтней моей профессуры въ Кіевѣ трудился немало. Спасибо Вамъ за доброе слово и намѣреніе Ваше относительно 1-ой части моей Исторіи, которую такъ у Васъ *откатали*, что совѣстно за критика, но въ которой есть-же, право, порядочныя страницы. Мнѣ утѣшительно думать, что Вы дадите ходъ нѣкоторымъ моимъ мыслямъ о языкѣ, которому въ особенности посвящена первая часть—и это для меня будетъ самою пріятною наградою за трудъ [1]). Утѣшительно для меня и то, что именно Вы будете разработывать въ Москвѣ тотъ предметъ, которому я съ любовью посвящалъ послѣднюю долю моихъ работныхъ силъ. Особенно прошу Васъ поработать надъ среднимъ періодомъ (XIV—XVII), въ которомъ западно-русская половина такъ многознаменательна, но который доселѣ казался хаосомъ для предшедшихъ намъ историковъ.

За симъ желаю во всемъ Вамъ успѣха и обнимаю Васъ дружески Вашъ преданный

Максимовичъ.

P. S. *Изъ Кіевскаго бюллетеня*: погода стоитъ пренenастная; министръ нашъ все хвораетъ флюсами и доселѣ оставался еще безвыѣзднымъ, пробыть здѣсь намѣренъ до 20 числа [2]); музы наши возсылаютъ мольбы къ Фебу, да просіяетъ онъ на небѣ для нашей бѣдной земли.

II.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій товарищъ Степанъ Петровичъ!

Третьяго дни получилъ я изъ Золотоноши письмо Ваше отъ 22 февраля... Честь Вамъ и слава, что собираетесь такъ достойно

---

[1]) Исторія древней русской словесности подверглась, какъ и слѣдовало ожидать, разнообразной критикѣ въ журналахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудъ этотъ считался весьма слабымъ (см., напр., Отечествен. Записк. 1840 г., № 4); но Шевыревъ отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ, особенно что касается филологическихъ наблюденій автора.

[2]) Министръ С. Уваровъ, возвращавшійся тогда изъ заграницы, прожилъ осенью нѣсколько времени въ Кіевѣ.

на столѣтній праздникъ Московскаго Университета, слѣдственно—на праздникъ просвѣщенія Русскаго... Это такъ близко душѣ моей, ибо лучшая жизнь моя была тамъ, въ Московскомъ вертоградѣ; и два раза, въ годовое праздество его, говорилъ я нѣкогда рѣчи о немъ и о просвѣщеніи рускомъ [1]).

Въ настоящую минуту не могу не пожалѣть, что я не получилъ того письма отъ г. Фишера, о которомъ Вы упоминаете; я имѣлъ досугъ написать подробный отвѣтъ на задачу. Теперь я нездоровъ и смущенъ нѣкоторыми происшествіями частной жизни моей, въ послѣднее время часто смущаемой утратами близкихъ серцу моему. Но задача такая лестная для меня, что я самъ-же для себя долженъ поспѣшить ея рѣшеніемъ: и потому недѣли черезъ двѣ вѣрно успѣю составить, хотя и не такой, какъ-бы хотѣлось, отвѣтъ Вамъ [2]). Помогай Богъ Вамъ въ трудахъ Вашихъ и сердечное Вамъ спасибо за добрую память обо мнѣ.

Почитающемъ Васъ и преданномъ Вамъ

М. Максимовичъ.

1854 г. 16 марта Михайлова Гора.

Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Аркадію Алексѣевичу.

---

[1]) Первый разъ выступилъ онъ въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ оратора на торжествѣ 75-тилѣтія существованія своей almae matris и 12 января 1830 года произнесъ на актѣ рѣчь «Объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи»; черезъ два года, въ 1832 году, вторично онъ на актѣ произноситъ извѣстное слово свое «О русскомъ просвѣщеніи», доказывая, что самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ.

[2]) Конечно, здѣсь идетъ дѣло объ упомянутой раньше автобіографической запискѣ, которую Шевыревъ предложилъ написать ему для составленія Словаря профессоровъ Московскаго университета, изготовлявшагося къ столѣтнему университетскому торжеству. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо 3-е.

P. S. Хочется мнѣ переселиться въ Москву, не для службы, для которой уже изветшалъ я, а для того, чтобы дожить вѣкъ въ мирномъ кабинетномъ трудѣ, въ той атмосферѣ, гдѣ мнѣ было *лучше*, какъ писателю и какъ человѣку... Да не имѣю достаточнаго способу на сіе переселеніе и водвореніе. Не придетъ-ли Вамъ на мысль какое либо къ тому средство? Не найдется-ли какого нибудь мѣста спокойнаго, сообразнаго вышеозначенной цѣли моего стремленія къ любезной намъ Москвѣ? Кіевъ, хотя и родной мнѣ, но выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженикъ.

III.

5 апр. 1854 г. М. Гора.

Любезнѣйшій Степанъ Петровичъ!

Отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ, я доволенъ былъ собою, что исполнилъ Ваше пріятное мнѣ порученіе и доставилъ Вамъ изрядный запасъ для біографическаго обо мнѣ извѣстія въ *Словарь*... Я весьма благодаренъ былъ Вамъ и за то, что этою задачею вывели меня изъ безвыходнаго сидѣнія надъ *полками и сотнями* прежней Украины, надъ стариною межигорскою и другихъ украинскихъ монастырей, среди котораго застало меня письмо Ваше отъ 22 февраля [1]). Отвѣтомъ на него я какъ будто освѣжился къ веснѣ; и лишь о томъ пожалѣлъ, что не ранѣе мѣсяцемъ получилъ письмо ваше. Припоминая по свѣжему слѣду свое посланіе къ вамъ, на каждомъ почти шагу нахожу недомолвки и пропуски, сдѣланные въ торопяхъ, въ то время, какъ не мало настрочилъ такого, что по всей справедливости надо бы похерить. Но что написано уже—то ваше.

А въ ту копію моего письма, которую я просилъ Васъ и вновь прошу поручить какому либо борзописцу сдѣлать мнѣ

---

[1]) Максимовичъ тогда работалъ надъ капитальной статьей своей «Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ» (напечатано въ 1856 г.).

для жены моей, пусть онъ включитъ нѣсколько строкъ, которыя здѣсь напишутся...

Такъ, въ самомъ концѣ, гдѣ упомянулъ я о похоронахъ 24 февраля, не дописалъ я того, что хотѣлъ сказать, заговоривши объ этомъ днѣ: что мнѣ было чрезмѣрно тяжело, какъ будто знало сердце, что ему въ тотъ день было двѣ утраты.

Къ слову о назначеніи университета въ Кіевѣ надо приставить по-Гавриловски, т. е. *въ скобкахъ*: (1833 года, *8 ноября*, въ день патрона моего *архистратига Михаила*, издревле принятаго въ гербъ Кіева)... Это обстоятельство имѣло въ свою пору для меня большое значеніе, какъ и послѣ не разъ, въ важныхъ перемѣнахъ жизни, соединялось съ ними имя св. архистратига.

Послѣ вакаціи въ Ботанич. саду 1823 году, не сказалъ я болѣе существеннаго для меня:

А какимъ счастьемъ для меня была радость матери моей, когда она получила мой кандидатскій дипломъ!...

Вотъ нѣсколько словъ изъ ея письма отъ 11 іюля: „Благодарю Творца Небеснаго, что Онъ насъ не оставляетъ; и да ниспослетъ Онъ на тебя благодать свою на всю твою жизнь! Старайся, другъ мой, чтобы я наслѣдила бабушку твою Тимковскую, ибо я очень помню, какъ бывало она часто плачетъ отъ радостей за твоихъ дядей“...

Въ Москвѣ, гдѣ сказано, что я былъ преподавателемъ въ трехъ заведеніяхъ, можно бы, тоже по-Гавриловски, сказать: (Два раза по году преподавалъ я естественную исторію и въ Московской Коммерческой практической академіи).

Въ гимназическое время, гдѣ говорю о собираніи Новгородсѣверской флоры, весьма бы слѣдовало сказать:

А знакомство мое съ аптекаремъ Н. О. Компіони (бывшимъ послѣ смотрителемъ училища Новогородсѣверскаго) доставило мнѣ случай узнать, въ натурѣ и въ латинскихъ названіяхъ, цѣлое „врачебное веществословіе“.

Вслѣдъ за приглашеніемъ меня 1843 года въ Кіевъ [1]), слѣдовало бы сказать:

Не скоро и не охотно рѣшился я промѣнять на дѣятельность въ Кіевѣ мое Михайлогорское упокоеніе, въ которомъ я тогда обрѣлъ *снисканіе веліе* и то *довольство* жизнію, о которомъ говоритъ и пословица украинская: „якъ-бы хлѣбъ да одежа, то бы ѣвъ козакъ лежа"! А лежнемъ и сиднемъ былъ я не по своей волѣ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Кіевѣ, 1845 г., [2]) существенно необходимо сказать бы:

Меня преслѣдовала тогда грустная мысль, что мои послѣдніе годы, годные для общественной дѣятельности, уходятъ понапрасну, и потому я, впродолженіе пяти лѣтъ, все ожидалъ, что меня примутъ опять на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, или пошлютъ въ этнографическое путешествіе по Россіи отъ географическаго общества; но мои ожиданія не исполнились, и я въ 1850 году сказалъ себѣ: оставь надежду навсегда!

Малороссійскій Словарь, который подготовленъ у меня былъ для бывшаго министра А. С. Шишкова, тоже остался безъ выхода.

Но такихъ дополнительныхъ бликовъ въ набросокъ моей автобіографіи набралось бы, какъ вижу, много... довольно и этихъ! Листокъ кончается; развеликорѣчился не кстати, пора обратиться къ малословію! Прощайте! Вашъ

М. Максимовичъ.

IV.

(На листочкѣ съ надписью: „Степану Петровичу Шевыреву").

---

[1]) Вышедши въ 1841 году по болѣзни въ отставку, Максимовичъ поселился у себя на хуторѣ, на прекрасной своей Михайловой горѣ; но черезъ два года, въ сентябрѣ 1843 г., его опять пригласили занять кафедру въ Кіевѣ, т. к. здоровье его значительно улучшилось.

[2]) Въ 1845 году Максимовичъ окончательно вышелъ въ отставку и навсегда покинулъ ученую кафедру.

Кланяюсь Вамъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! И зная, что подъ конецъ академическаго года вы зѣло заняты бываете, скажу только, что я все жду отъ Васъ той *копіи* съ моего длиннаго письма къ Вамъ, которой я просилъ у Васъ, посылая письмо... Мнѣ она понадобилась, тѣмъ болѣе, ччо въ іюлѣ я ѣду отсюда, вѣроятно далеко и надолго... [1]).

12 іюня 1854 г. Вашъ. М. М.

V.

12 генваря 1857. М. Гора.

Не пропускаю дня сего, чтобы привѣтствовать Васъ, незабвенный и многоуважаемый мною Степанъ Петровичъ,—привѣтствовать съ новымъ годомъ нашего возлюбленнаго университета Московскаго, во славу котораго Вы такъ много поработали!

А я только вчера получилъ письмо Ваше и объявленіе на Ваши мнѣ книги, которыхъ давно уже хотѣлось мнѣ... Сердечно благодарю Васъ за воспоминаніе обо мнѣ и за подарокъ Вашъ, который займетъ меня такъ пріятно на слѣдующую недѣлю и перенесетъ мою всю душу и память въ широкіе предѣлы Бѣлокаменной и нашего возвышеннаго ея средоточія. Грустно мнѣ было только узнать изъ письма Вашего, что Вы поплатились такъ тяжело за свой усердный трудъ Всеучилищу Московскому... Ну, да видно безъ того уже нельзя обойтись при подобномъ искреннемъ трудѣ, какъ вѣдаю и по собственному опыту кіевскому... Слава Богу, однако, что Вы опять здравствуете!—Вы отказываетесь отъ другого Словаря—и Господь съ нимъ: чтобъ не было опять надсады, какъ случилось было со мною рецидивное горе въ 1845 году, когда при чтеніи приватныхъ лекцій въ университетѣ я со всеусердіемъ принялся было за новую „Временную коммиссію“ [2]). Но знаете-ли что: пока Вы еще на катедрѣ, ей-ей слѣдовало-бъ Вамъ издать продолженіе драгоцѣнной

---

[1]) На основаніи имѣющихся у нас пока данныхъ біографическихъ, не можемъ рѣшить, на что намекается въ этихъ строкахъ.

[2]) Въ ноябрѣ 1843 года открылась въ Кіевѣ «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ», въ которой Максимовичъ сразу-

вашей „Исторіи Словесности". Да вѣдь у Васъ и написаны лекціи! Ей-Богу надо издать! Видите сами: никто не издаетъ послѣ насъ! И великій недостатокъ ощущается въ этомъ дѣлѣ. Снабдѣніе лекцій такими обильными примѣчаніями, какъ въ 2 первыхъ книгахъ (которыя потребуютъ многокопотнаго труда), можно оставить впредь, въ долгій ящикъ отложить; но изложеніе самое, столь превосходное и существенное, какъ въ первыхъ книгахъ—это было-бы знаменитое и преполезное дѣло. Я помню Ваши нѣкоторыя лекціи въ Москвитянинѣ о словесности средневѣковой,—воображаю и предполагаю несомнѣнно, и знаю напередъ достоинство лекцій Вашихъ о новой литературѣ нашей: и какъ хорошо было-бы именно въ настоящую пору явиться имъ въ свѣтъ. Не говоря уже о публикѣ вообще, но именно два выростающія поколѣнія ея—университетское и гимназическое, наставники ихъ—и особенно гимназическіе,—вотъ кому особенно полезна и благотворна была ваша книга. Я въ 1845 году видѣлъ, какъ бѣдствуютъ они и колобродятъ безъ руководителя добраго, пробавляясь то запоздалымъ и отсталымъ Гречемъ, то пустозвонными рецензіями Бѣлинскаго покойнаго и прочихъ журнальныхъ глашатаевъ.—Говорю это голосомъ глубокаго сознанія и чистой совѣсти, что на Васъ, мой почтенный товарищъ, лежитъ святой долгъ—окончаніе начатаго Вами труда, пока Вы еще на катедрѣ и благовѣствуете о семъ предметѣ. Не говорите на это мнѣ—что-же я самъ не кончаю! Не сгони меня лихая болѣзнь совсѣмъ съ поприща, я окончилъ-бы; будь я опять на катедрѣ—кончилъ бы непремѣнно. Вамъ, говорю, легко уже потому, что у Васъ есть написанныя лекціи, стало быть обработать подготовленное остается... Я-же, какъ знаете, по свойству моему, не писалъ и даже старался не писать никакихъ записокъ,—и сойдя такъ давно съ катедры, не слѣдилъ уже предмета, и еще въ 1845 году писалъ, кажется Языкову, что Шевыреву и книги въ руки!

же принялъ дѣятельное участіе, выразившееся въ изданіи подъ его редакціей 1-го отдѣла 1-го тома «Памятниковъ» и въ подготовкѣ матеріала для 2-го тома.

Вы говорите, что Вашу дѣятельность берутъ двѣ катедры: какія это? Да если бы Вы только издали всю „Исторію Словесности“, я готовъ попроситься, набиться къ Вамъ въ лекторы, или коадъюторы на два или три полугодія, чтобы читать лекціи по три въ недѣлю, часовыя, словесность древнерусскую, потомъ средневѣковую, пожалуй хоть и семестръ о народной поэзіи, или объ русской рѣчи... Вотъ какая штука шевельнулась въ моемъ умѣ, при прочтеніи Вашего письма!.. Она можетъ улетѣть и пропасть, какъ мимолетное облако, и можетъ спуститься, если захотите Вы съ братіей, горячимъ аэролитомъ на Моховой... Первую лекцію прочелъ-бы заикающись и рдѣясь; а тамъ бы и распоясался да и пошелъ, пошелъ, какъ въ старину бывало! Въ иной часъ чувствуется еще, что не совсѣмъ угасла и простыла словесная сила. А между тѣмъ вѣрнѣе, что на семъ листѣ и кончится дѣло. Прощайте-же, любезнѣйшій друже, и будьте здоровы! Обнимаю Васъ отъ души.

Истинно уважающій Васъ

Михаилъ Максимовичъ.

Поклонъ мой любезному В... (не разобрано).

Гдѣ г. Трушковскій? Я ему весьма благодаренъ и обязанъ за сочиненія Гоголя.

VI.

23 марта 1857. М. Гора.

Приношу Вамъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, великую благодарность за присланныя мнѣ вами книги ваши. Это для меня былъ драгоцѣнный подарокъ въ новомъ году, включая туда и автобіографическое мое письмо Вамъ, съ слѣдами вашего историческаго на немъ труда. Я съ наслажденіемъ прочелъ и Словарь, гдѣ особенно любовался Мерзляковскою біографіей, и исторію университета, столько-же удовлетворительную для насъ, какъ была многотрудною для Васъ; и юбилей, гдѣ Вы такъ краснословесно подвизались и первенствовали. Хвала Вамъ и память нескончаемая!

Какъ-же теперь здоровье Ваше? Пожалуста отзовитесь о себѣ хоть страничкою. Насытивъ разомъ такъ жирно, не дайте вслѣдъ за тѣмъ *слышать молчаніе* долгое. Насъ сверстниковъ все убываетъ; остается для меня не много; и въ числѣ этихъ немногихъ Вы одинъ изъ главныхъ, съ которымъ такъ хочешь иногда сказать свое, услышать твое слово. Я ни-зàчто и недуманно лишился Погодина, который, какъ сужу по его молчанію письменному и отвѣту печатному, разсердился на меня... это и грустно и даже странно мнѣ. Не разсердился-же я на него, когда онъ не въ журналѣ, а въ книгѣ своихъ *Изслѣдованій* такъ немилостиво попиралъ мою книгу о Русской землѣ, черезъ 10 лѣтъ по ея выходѣ въ свѣтъ. Брань его во сколько кратъ тяжелѣ (sic) моихъ выходокъ, въ Филолог. П., писанныхъ по горячему слѣду, даже черезъ 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ горячность могла бы упасть на градусъ; а у него, какъ видно, съ годами она возвышалась на мою *Русскую землю*. Впрочемъ, на его отвѣтъ я долженъ былъ отвѣчать печатно, что исполнилъ на другой-же день, а потомъ съ слѣдующею другою почтою [1]). Такъ какъ Москвитянинъ его редакціи прекращается, то прошу Васъ письмо мое о Тимковскихъ не давать туда, а если оно не пойдетъ въ дѣло у Васъ въ продолженіе года, то вы мнѣ его послѣ возвратите.

Мое здоровье въ послѣднія недѣли было весьма неисправно, даже скверно; но въ эту послѣднюю недѣлю слава Богу становлюсь лучше, и въ маѣ мѣсяцѣ располагаю ѣхать въ Кіевъ на минеральный водопой.

---

[1]) Дѣло идетъ о той полемикѣ, которая была у Максимовича съ Погодинымъ по вопросу о старобытности малорусскаго нарѣчія. Началась она по тому поводу, что Погодинъ въ письмѣ своемъ Срезневскому (Москвитян. 1856 г., № 2) утверждалъ, будто въ домонгольскій періодъ кіевская земля была заселена великороссами, а что малорусское племя переселилось сюда съ Карпатъ только въ XIV вѣкѣ. Максимовичъ отвѣтилъ на это «Филологическими письмами къ М. П. Погодину» (Русская Бесѣда 1856 г., № 3) и «Отвѣтными письмами Погодину» (тамъ-же 1857 г., кн. 2).

Я принялся за моего Украинца-Игоря, чтобъ въ Кіевѣ напечатать его[1]). Не рѣшаюсь еще, издавать-ли при стихотворномъ переводѣ и подлинникъ; какъ вы думаете? Примѣчанія все равно должны быть. Есть нѣсколько новыхъ вещей въ нихъ. Между прочимъ, читая вашу превосходную лекцію, замѣтилъ въ ней три промаха, которые и сообщу Вамъ: 1) 273 стр. Игорь не въ Путивлѣ ждалъ Всеволода, а за Донцемъ, какъ и у Васъ передъ тѣмъ на 269 — выходитъ разногласіе. 2) На стр. 291 обмолвка: Владиміра *Святославича* вм. *Глѣбовича*. 3) Стр. 321, прим. 26. Максимовичь „выкинулъ изъ своего изданія". Ай, ай! Слова изъ пѣсни не выкидать, а тамъ слова Бояновы! Я ошибался въ томъ собственно, что дерзнулъ перемѣстить это убійственное „Рекъ Боянъ"—къ Бояновымъ-же словамъ о Всеславѣ, смотрите въ моемъ изданіи стр. 40. Согласны-ли вы на объясненіе мое *темнаго мѣста*, напечатанное въ Москвитянинѣ (но рози нося)—кажется удовлетворительно оно.

А довольны ли Вы моимъ *Богданомъ*, а Ѳеофановой „Милостью Божою"?

Но все это *мѣлочи* (sic) передъ тѣмъ, что Вы обѣщали и о чемъ я просилъ Васъ въ послѣднемъ письмѣ: о продолженіи *Исторіи словесности*, будучи на ту пору готовъ сотрудничать Вамъ въ кабинетѣ и дѣйствительно готовъ и радъ, если бы перебрался въ Москву; но уже поздно мнѣ отсталому выходить на поприще общественное: это я сознаъ, читая *юбилей*. Было времячко и для меня, да уже стало *давнопрошедшимъ*, хотя это время и отвергается новѣйшею грамматикою рускою.

Отъ всей души обнимаю Васъ.

М. Максимовичъ.

Меня когда то и В. П. Кочубей и покойный Самаринъ приглашали въ воспитатели сыновьевъ ихъ. Не откроется-ли въ Москвѣ такого мѣста, чтобы поступить на жалованье профес-

---

[1]) Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе издана имъ въ Кіевѣ въ 1857 году.

сора учить сына или дочь по два часа въ день, съ ихъ разумѣется квартирою [1]).

VII.

Сердечно благодарю Васъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, за Вашъ дружескій подарокъ, который всегда будитъ намъ наше молодое и для поэзіи золотое времячко! Желаю отъ души вашему поэтическому *Лагерю* одушевлять молодыя поколѣнія въ лагеряхъ военныхъ.

За бумагами—по назначеннымъ Вами часамъ, т. е. до 2-хъ, я и самъ не знаю, когда успѣю быть: развѣ въ суботу, но и то не ручаюсь навѣрное. Впрочемъ постараюсь.

Вашъ Максимовичъ.

5 февр. 1859 г.

Весь въ корректурѣ и срочномъ чтеніи: не стаетъ зрѣнія [2]).

VIII.

1860 г. 28 февраля М. Гора.

Любезный другъ, Степанъ Петровичъ!

Мы ни разу еще не аукнулись съ тобою послѣ нашей разлуки; но вотъ Господь привелъ меня отозваться къ тебѣ—радостнымъ для меня извѣстіемъ, что сего 22 февраля въ 7 часу вечера я сталъ отцомъ новорожденнаго сына *Алексѣя*: прошу

---

[1]) По всему видно, что Максимовичъ жаждалъ служебной дѣятельности не только ради исполненія общественной роли, но и ради заработка. Да и не диво: пришлось ему перебиваться, живучи въ маленькомъ хуторѣ и получая 763 рубля въ годъ пенсіи. Помнить надо также, что въ 1853 году онъ женился, и слѣдовательно матеріальный недостатокъ сталъ ощущаться еще болѣе.

[2]) Это письмо-записка писана въ Москвѣ, куда Максимовичъ, какъ было сказано ранѣе, переселился въ 1857 г.; въ это время (въ 1859 году) онъ редактировалъ сочиненія И. В. Кирѣевскаго, а также готовилъ къ выпуску свой сборникъ «Украинецъ», появившійся въ свѣтъ въ началѣ 1859 года.

принять въ твое благорасположеніе этого человѣка Божія и помолиться о немъ, да выростаетъ онъ здоровымъ и разумнымъ и словеснымъ! Моя Маруся вмѣстѣ со мною кланяется тебѣ; и душевно желаемъ мы тебѣ и всему семейству возможныхъ радостей и всякаго благополучія. Отъ всей души обнимаю тебя.

Преданный тебѣ

М. Максимовичъ.

P. S. Прошу передать мой поклонъ и вѣсть о рожденіи маленькаго Максимовича Степану Алексѣевичу Маслову.

IX.

1860. 25 окт. Мих. Гора.

Любезный другъ Степавъ Петровичъ!

Я такъ виноватъ передъ тобою моимъ молчаніемъ, что даже и извиняться совѣстно. Такъ мудрено для самого меня прошли эти полгода жизни моей, въ безвыѣздномъ уединеніи на Горѣ моей, въ безпечномъ бездѣйствіи внѣшнемъ, при сильномъ движеніи души внутри меня... Сто разъ вспоминалъ я тебя съ сердечною благодарностью: и за твой дружескій привѣтъ о богоданномъ моемъ сынишкѣ, и за подарокъ мнѣ второизданнаго твоего умственнаго дѣтища. Теперь на письмѣ говорю тебѣ великое, душевное мое *спасибо* за то и другое.

Твое письмо съ поэтическимъ привѣтомъ моему маленькому Золотоношцу положено въ начало *Изборника* его, какъ благословительная ему грамота на жизнь отъ поэта-профессора и добраго отца семейства. Господь послалъ мнѣ въ этомъ младенцѣ великую радость и замѣну тѣхъ сердечныхъ утратъ, которыя опустошаютъ прежній міръ души и жизни моей... Девятый мѣсяцъ уже, какъ я любуюсь всѣмъ сердцемъ моимъ этимъ прекраснымъ человѣчкомъ, явившимся, какъ подснѣжникъ на весенней проталинѣ... а что впереди, доживу-ли хоть до того, чтобы передать его уже грамотнаго на воспитаніе Москвѣ?..

Мнѣ очень жаль, что я на вторую зиму остаюсь въ разлученіи съ вами, съ которыми я какъ бы вновь сжился въ двѣ предпослѣднія зимы; при новой задачѣ моей жизни, еще уве-

личивается душевная потребность перебраться хоть бы и совсѣмъ на водвореніе въ Москвѣ, чтобы въ ней и вѣкъ дожить, но никакъ еще не приберу и не придумаю къ тому способу, а потому и остаюсь тутъ, хоть здѣсь на всякомъ шагу вижу и чувствую неудовлетвореніе всяческое.

Писать почти ничего не писалъ я во все время, кромѣ полемическихъ бездѣлушекъ, которыя ты видѣлъ въ СПБ. Вѣдомостяхъ, да нѣсколькихъ псалмовъ [1]), за которые, вѣроятно, такъ-же побранятъ меня Гацукъ и Кулишъ, какъ и за прежніе; но и эти новые псалмы, равно какъ и помянутыя газетныя бездѣлицы, я писалъ еще до прошлой весны, а съ той поры уже ничего не писалъ. И самому жаль, да что-же дѣлать, когда здѣсь не пишется. Къ сожалѣнію и читается мало мнѣ. Газетъ и журналовъ почти не вижу, кромѣ Разлеченія и Медицин. Газеты Смирнова; СПБ. вѣдомости получаю непостоянно и несвоевременно, отъ одного изъ сосѣдей моихъ; Московскихъ и въ глаза не видалъ въ этомъ году. За то съ какимъ аппетитомъ прочелъ я твою исторію Р. С. второго изданія! Хвала тебѣ, любезный другъ, за этотъ трудъ—истинно превосходный и монументальный! Твое введеніе весьма удовлетворительно и важно; дополненія, сдѣланныя по мѣстамъ, уравниваютъ науку съ вѣкомъ, или точнѣе — съ послѣдними годами вѣка сего; но уравнивается-ли современное поколѣніе съ наукою, въ которой ты надолго будешь передовымъ учителемъ. Помогай-же тебѣ Господь дотягивать спѣшно и благоуспѣшно до конца, т. е. не только до Петра, но до Александра—Пушкина и до Николая—Гоголя! Если что отпечатаешь, прошу тебя, присылай мнѣ тотчасъ; мнѣ въ сласть будетъ читать твое писаніе о томъ, что занимало нѣкогда мой умъ и что уже полузабыто мною, также какъ и ботаника, и зоологія, и многое, многое, отъ чего трещала голова и гнулся мозгъ въ молодыя лѣта мои.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Литовщинѣ Русской: я не читалъ всего, что писано, но по отрывкамъ вижу, что это

[1]) Какъ извѣстно, Максимовичъ переводилъ псалмы на украинское нарѣчіе; часть ихъ была напечатана (Украинецъ 1859 г. и Галичанинъ-Львовъ 1867 г.), а часть остается въ рукописи.

дребедень, *Гуляй-Городокъ*, какъ справедливо назвалъ Погодинъ въ Р. Бесѣдѣ. Но мнѣ и его исповѣдь не понравилась, а диспутъ еще болѣе. Охота на старости молодечествовать, связываться съ неровнею и выходить на арену, несвойственную его солидной именитости. Мнѣ грустно было все это происшествіе[1]). Но я порадовался, что онъ наконецъ *одружился*, какъ говоримъ мы украинцы. Я писалъ ему поздравленіе въ Тифлисъ, узнавши, что онъ туда махнулъ; но отъ него нѣтъ отзыва мнѣ, даже и на мое увѣдомленіе его о моемъ новорожденомъ *чадцѣ*.

Какъ ты поживаешь? Что написалъ за лѣто? Какъ здравствуетъ твоя семья? Передай мой поклонъ Софьѣ Борисовнѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ свой поклонъ, вмѣстѣ съ своимъ *Алешею*.

Москва сбирается опять на зиму; ужъ вѣрно и ты въ ней давно. Ужъ и у насъ на Днѣпрѣ снѣжокъ пробуетъ убѣлить лице земли. И я уже дня по два и по три остаюсь затворникомъ въ своей тѣсной безкабинетной храминѣ коптить потолокъ ея и стѣны воскуреніемъ непотребнаго, но необходимаго мнѣ зелья... Какъ я ошибся, говоря нѣкогда, что если будетъ жена, то брошу трубку: трубку смѣнили папиросы; какъ слаба и несамовладна у насъ натура!

Отъ всей души обнимаю тебя.

М. Максимовичъ.

X.

10 генв. 1861 г. М. Гора.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ!

Дружески обнимаю тебя, въ привѣтъ съ новымъ годомъ на твоемъ цвѣтущемъ новосельи. Даруй Господь тебѣ новыя силы тѣлесныя и душевныя, и новое вдохновеніе на продолженіе твоихъ научныхъ и поэтическихъ работъ. Осенью я писалъ къ тебѣ въ Москву, не зная, что ты уже далеко отъ нея, что Хомяковъ еще дальше ото всѣхъ насъ—ушолъ туда, гдѣ нѣтъ

---

[1]) Конечно, рѣчь идетъ объ извѣстномъ диспутѣ М. П. Погодина съ Н. И. Костомаровымъ.

ни печали, ни воздыханія; а за нимъ и богатырь Костя поспѣшилъ къ обожаемому своему отцу. Царство небесное имъ, а намъ живымъ да будетъ еще жизнь!

Я на горѣ своей обрѣтаюсь, благодаря Бога, въ довольномъ еще здравіи, жена моя тоже здравствуетъ; обое радуемся своимъ Алексѣйкомъ, истинно-прекраснымъ человѣкомъ Божіимъ. Въ декабрѣ я началъ писать; нияисалъ письма о Хмельницкомъ къ Костомарову въ Основу. Недосказанный Богданъ заслонялъ мнѣ все прочее. Возьмусь теперъ за что либо новое. Извѣсти меня о себѣ, какъ поживаешь и что работаешь? Впрочемъ, трудись поменьше, гуляй и лѣнись побольше,—особливо на первыхъ порахъ твоего пребыванія во Флоренціи, пока расцвѣтутъ новыя силы, или точнѣе—старыя силы новымъ цвѣтомъ. Поцѣлуй за меня ручку Софьи Борисовны, твоихъ дѣтокъ. Маруся моя цѣлуетъ твою сѣдую, серебряную голову, которая такъ полюбилась ей. А на моей головѣ и доселѣ—хоть бы сѣдинка... такая уже натура! Только усы все болѣе серебрятся. Прощай, друже! Вспоминай меня, любящаго тебя украинца Максимовича. Господь да хранитъ тебя!

Внизу написано рукою Максимовича; Степану Петровичу Шевыреву во Флоренцію.

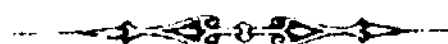
XI.

Богъ да благословитъ новый трудъ Вашъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, на пользу науки и просвѣщенія Русскаго!

Благодарю Васъ за присылку вашихъ двухъ книгъ; Вамъ посылаю записки Ильи Ѳ. Тимковскаго. Морозъ, говорятъ, великъ, а потому, если не убавится къ вечеру, то долженъ буду остаться дома и сегодня, ибо нога моя побаливаетъ еще и сегодня, хотя уже не такъ, какъ вчера.

Будьте здоровы и благополучны [1])!

Вашъ М. Максимовичъ.



[1]) Письмо это, вѣроятно, писано въ Москвѣ въ 1858 году, т. к. въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ здѣсь только въ этомъ году.

ИЗЪ КОЛОМЫИ ВЪ КОСОВЪ.

Въ 1-й книгѣ „Кіевской Старины“ за 1896 годъ мы напечатали извлеченіе изъ путевыхъ записокъ по Галиціи г. Фр. Рѣгоря, извѣстнаго чешскаго этнографа, подъ названіемъ „Изъ Львова въ Коломыю“, при чемъ очень сожалѣли, что не могли помѣстить замѣчательно типичныхъ и характерныхъ рисунковъ, которыми почтенный путешественникъ украсилъ свои статьи въ чешскомъ иллюстрированномъ изданіи „Свѣтозоръ“ и безъ которыхъ сдѣланное нами извлеченіе, на нашъ взглядъ, много теряло. Оказалось однако же, что и безъ рисунковъ извлеченіе было принято довольно сочувственно читателями „Кіевской Старины“, и потому мы рѣшились предложить имъ въ настоящей книгѣ окончаніе вышеозначенныхъ путевыхъ записокъ, именно: очеркъ „Изъ Коломыи въ Косово“, помѣщенный въ числахъ 49, 50, 51 и 52 „Свѣтозора“ за 1894 годъ.

А. Степовичъ.

Коломыя, именуемая въ Галиціи „русскою столицею Покутья“, изъ всѣхъ значительныхъ городовъ этой области выдвинута на юго-востокъ наиболѣе. Привлекательность этого города въ значительной мѣрѣ ослабляется огромнымъ количествомъ евреевъ, да и вообще присутствіе семитскаго элемента въ значительной степени разрушаетъ поэтическія мечтанія, навѣваемыя прошлымъ и настоящимъ этого города. Положеніе города въ долинѣ Прута, вблизи Карпатъ, прекрасно, и какъ жители Покутья, такъ и Гуцулы относятся къ своей „столицѣ“ съ любовью

и почтеніемъ. Лѣтописецъ записалъ даже по этому поводу слѣдующій любопытный случай. Одинъ воинъ изъ Покутья былъ отправленъ своимъ господиномъ, графомъ Потоцкимъ, въ Парижъ съ какимъ-то порученіемъ. Совершивши благополучно путешествіе и исполнивши удачно порученіе, онъ возвратился домой и, на вопросъ господина, какъ ему понравилось въ Парижѣ, немало удивилъ его отвѣтомъ: „Лѣпше, пане, въ Коломыи.“ Пренебрежительная поговорка „французъ зъ Коломыи“ происходитъ отъ 1815 г., когда союзныя войска, а между ними и галицкіе полки, занимали Парижъ. По возвращеніи домой галичане отвѣчали точь въ точь такъ, какъ и вышеупомянутый воинъ гр. Потоцкаго. Впрочемъ, польскіе офицеры галицкихъ полковъ учились въ Парижѣ французскому языку очень усердно, и, по возвращеніи ихъ домой, въ Коломыѣ не ощущалось недостатка въ знатокахъ этого языка; а такъ какъ владѣли имъ они въ сущности плохо, то отсюда легко объясняется и происхожденіе названной поговорки.

Большой славою пользуется этотъ прикарпатскій городъ въ тѣхъ характерныхъ пѣсняхъ, по которымъ и мѣстная національная пляска названа коломыйкою; впрочемъ, трудно сказать съ увѣренностію, произошло ли это названіе отъ имени города, какъ обыкновенно полагаютъ, или самъ городъ получилъ свое названіе отъ этихъ пѣсенъ и пляски, сопровождаемой ими. На Покутьи доселѣ еще сохранилось огромное количество такихъ „коломыекъ“, на каждомъ шагу представляющихся собирателю. „Коломыйки“ касаются не только любви; въ ихъ содержаніи наблюдаются и черты того или иного народнаго отношенія къ самому городу Коломыѣ, любимому и прославленному, а иногда упоминается и о тѣхъ или иныхъ событіяхъ, которыя постигали его, напримѣръ—о пожарахъ, которымъ онъ неоднократно подвергался. Только въ одномъ случаѣ наблюдаемъ въ „коломыйкахъ“ недружелюбное отношеніе къ славному городу: это когда рѣчь идетъ о столь ненавистномъ народу рекрутскомъ наборѣ, о новобранцахъ.

„Ой не выдно Коломыи, лышень выдно кресты,
Туда будемъ, пане брате, карабины несты“..

Городъ Коломыя дѣлается извѣстнымъ уже въ XIII столѣтіи. Въ древнерусскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ упоминанія и о городѣ, и о коломыйской соли, развозившейся русскими купцами по всѣмъ мѣстностямъ Южной Руси до самаго Приднѣпровья включительно. Во время Ягайла Коломыя была уже крѣпостью, получила отъ него въ 1424 г. различныя льготы по торговлѣ и между прочимъ судъ по нѣмецкому праву; тогда же было сдѣлано распоряженіе, чтобы главные торговые пути въ Румынію шли изъ края черезъ Коломыю.

Король Казиміръ IV, для усиленія значенія этого города, распорядился въ 1456 году, чтобы торговцы солью изъ окрестностей его, а также изъ Снятына и Коробца, ѣдучи въ Подолію, не объѣзжали Коломыи, а непремѣнно останавливались въ ней для продажи соли горожанамъ и имѣли бы даже постоянные склады соли. Въ 1502 и 1532 г. г. городъ дѣлался добычею валаховъ, князь которыхъ Петръ сжегъ даже его и опустошилъ всю страну до самаго Галича. Въ 1589 году турки перебили всѣхъ коломыйчанъ, отчаянно защищавшихъ отъ нихъ свой городъ. Частенько посѣщали Коломыю и татары, не разъ тоже сжигавшіе ее. И крѣпость и войско въ ней содержались на счетъ самихъ мѣщанъ, именно сборомъ съ домовъ, полей, пчелъ и проч.; кромѣ того, они же содержали семерыхъ православныхъ священниковъ, столькихъ же бочаровъ, двѣнадцать кожевниковъ, столькихъ же пекарей и гончаровъ. Въ Коломыѣ и теперь еще сходится нѣсколько большихъ дорогъ, изъ которыхъ каждая своимъ устьемъ образуетъ одно изъ городскихъ предмѣстій, состоящихъ изъ двухъ рядовъ небольшихъ хижинъ. Эти дороги, впрочемъ, видны еще и въ серединѣ города, только тамъ онѣ уже лишены рвовъ и обсажены деревьями.

Правильно расположенной площади очень вредитъ жидовскій базаръ, устроившійся прямо на самой серединѣ, вслѣдствіе чего она образовала два четырехъугольника. Меньшій четырехъугольникъ обрамленъ одноэтажными домами новой постройки и выгодно отличается отъ бо́льшаго, окруженнаго грязными еврейскими домами и лачугами. Видъ базара со стороны меньшаго четырехъугольника гораздо привлекательнѣе, чѣмъ съ другой

стороны, откуда въ особенности видны грязныя, темныя и тѣсныя лавченки, лѣпящіяся одна за другой и переполненныя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ досужимъ сельскимъ людомъ, для котораго базаръ является мѣстомъ встрѣчъ и условленныхъ свиданій. Тутъ же на базарѣ, въ жидовскихъ лавченкахъ, пріобрѣтаетъ русскій селянинъ, не осмѣливающійся войти въ болѣе приличныя лавки, находящіяся насупротивъ, все, что ему нужно: съѣстные припасы, сукно или ситецъ на одежду, разныя женскія бездѣлушки и тряпки, на которыя потомъ глядятъ не наглядятся сельскія красавицы. Площадь украшена открытымъ въ 1880 году памятникомъ польскому поэту Карпинскому, родившемуся въ Коломыѣ. Чрезъ нее же проходитъ, а затѣмъ и по главной улицѣ, торговая желѣзная дорога, соединяющая Коломыю съ нефтяными источниками въ Рунгурской слободѣ. Поѣздъ идетъ каждые два часа и, проходя чрезъ городъ, останавливается въ разныхъ мѣстахъ и забираетъ тѣхъ, кто желаетъ ѣхать на желѣзнодорожный вокзалъ; такимъ лицамъ кондуктора выдаютъ билетики такого же вида, какъ и на городскихъ конкахъ.

Въ 1880 году общество изслѣдованія Карпатъ устроило въ Коломыѣ народоописательную русско-гуцульскую выставку, не избѣгавшую и предметовъ старины и охватывавшую главнѣйше собственное Покутье и галицкую Гуцульщину. Въ главномъ отдѣленіи выставки находились: 1) Издѣлія шерстяныя, льняныя и конопляныя; 2) Одежда и ея принадлежности; покрои можно было видѣть изъ одѣяній, надѣтыхъ на фигуры въ человѣческій ростъ; 3) Издѣлія сыромятныя и кожевенныя; 4) Издѣлія изъ мѣди и костяныя; 5) Бочарныя издѣлія; 6) Токарныя; 7) Гончарныя; 8) Молочное дѣло; 9) Армянская этнографія; 10) Модели хатъ и домашняя утварь; 11) Хозяйственная посуда; 12) Конская упряжь; 13) Охота; 14) Рыбная ловля; 15) Музыкальныя орудія; 16) Предметы обрядовые; 17) Писанки и крашеныя яйца; 18) Рисунки и разныя изображенія мѣстностей и лицъ, 19) Карты; 20) Этнографія цыганская. Имѣлись и тѣ орудія, съ помощію которыхъ изготовлялись тѣ или другіе предметы; иногда можно было наблюдать и поступательное движеніе той

или другой отрасли промышленности. Находились и предметы, касающіеся разныхъ другихъ сторонъ народнаго труда, каковы, напримѣръ, сплавливанье плотовъ, лѣсное дѣло, мосты, горные заводы и рудни, запруды и плотины—все изъ карпатскихъ мѣстностей. Въ другомъ отдѣленіи выставки помѣщены были лошади, овцы, рогатый скотъ, плоды и овощи, предметы ископаемые; словомъ, выставка должна была охватить и показать всѣ стороны народнаго быта.

Съ Коломыею тѣсно связаны почтенныя имена братьевъ *Бѣлоусовъ*, столь заслуженныхъ по отношенію къ судьбамъ своей бѣдной родины, особенно въ исторіи русскаго народнаго возрожденія страны за послѣднія тридцать лѣтъ. Старшій изъ нихъ *Ѳедоръ* умеръ лѣтъ пять тому назадъ отставнымъ гимназическимъ директоромъ. Между прочимъ онъ завѣщалъ свой домъ въ Надворнянскомъ предмѣстьѣ общежитію для галицко-русскихъ дѣвицъ и этимъ воздвигнулъ себѣ прочный памятникъ въ своемъ народѣ; кромѣ того, онъ матеріально помогъ своему брату *Михаилу* основать въ Коломыѣ въ 1864 г. первую книгопечатню, впрочемъ еще слишкомъ скромную по размѣрамъ. Ѳедоръ Бѣлоусъ извѣстенъ также нѣсколькими трудами изъ области родного народописанія и древностей; перу его принадлежатъ и обширныя записки о путешествіи по Азіи и Европѣ.

Вышеупомянутая типографія скоро оказалась очень полезною для распространенія въ народѣ патріотическихъ произведеній тѣхъ немногихъ галицко-русскихъ народолюбцевъ, которые отъ времени до времени являлись въ коломыйскомъ краѣ. Таковы, напримѣръ, стихотворецъ священникъ *Лука Данкевичъ*, *Юлій Никоровичъ*. Они именно были основателями кружка „Русске литературне общество“, для котораго много писали; съ этихъ поръ единственный ручной печатный прессъ, пріобрѣтенный въ Прагѣ, бывъ приведенъ однажды въ дѣйствіе, уже не останавливался ни разу. Особенно много напечатано было копѣечныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изъ которыхъ первая называлась „Село Липовицы“, а другая, вышедшая вслѣдъ за нею,—„Що Иванъ на тамтомъ свѣтѣ бачивъ“.

Въ концѣ 1865 г. Михаилъ Бѣлоусъ сталъ издавать двухнедѣльникъ „Голосъ народный" для всего галицкорусскаго народа, тогда еще не разбитаго на разные политическіе станы, нерѣдко глубоко враждебные другъ другу, какъ послѣ оказалось. „Голосъ народный" недолго однакоже существовалъ: уже въ 1867 году онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе вслѣдствіе крайней непріязни къ народному русскому дѣлу со стороны польскихъ властей, а особенно намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго, на милость и немилость котораго отдало вѣнское правительство судьбу червонорусскаго народа. Именно при немъ пострадало цѣлыхъ три галицкорусскихъ редактора: Богданъ Дѣдицкій, Шеховичъ и наконецъ Михаилъ Бѣлоусъ, который долженъ былъ отбыть восьмидневное заключеніе въ Станиславскомъ острогѣ въ обществѣ разныхъ негодяевъ найнизшаго разряда...

По прекращеніи „Голоса" Бѣлоусъ сталъ подумывать о новомъ изданіи для народа, ради чего и началъ переписку съ двумя выдающимися галицкорусскими народолюбцами о. Иваномъ *Наумовичемъ* и *Шмерговскимъ*. Въ скоромъ времени появилось въ „Словѣ" извѣстіе, что галицкорусское духовенство городского благочинія въ одномъ изъ своихъ собраній рѣшило издавать особыя вѣдомости для народа и осуществленіе этого предпріятія поручило о. Ивану Наумовичу. Скоро достовѣрность этого извѣстія была подтверждена самимъ Наумовичемъ, явившимся въ Коломыю уже съ готовой программою задуманнаго изданія, во главѣ котораго былъ поставленъ Михаилъ Бѣлоусъ. Дѣйствительно, къ новому 1870 году уже вышло первое число этого изданія „Русская Рада", разошедшееся въ количествѣ 2000 экземпляровъ чуть ли не по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ Галицкой Руси. Предисловіе было написано Наумовичемъ, предпославшимъ ему слѣдующій эпиграфъ:

Гой, панове господари, зробымъ собѣ раду,
А щобы мы на сѣмъ свѣтѣ не стояли сзаду.

„Русская Рада" вызвала въ сельскомъ населеніи Галиціи самое живое сочувствіе и даже довольно дѣятельную переписку. Она уже въ первый годъ своего существованія считала восемьсотъ

подписчиковъ, что̀ должно считать весьма значительнымъ успѣхомъ, ежели принять въ разсчетъ тогдашнія условія галицкой жизни и нѣсколько мѣстный характеръ изданія. Были села, какъ, напримѣръ, Карлово, гдѣ имѣлось по 8—10 подписчиковъ, чему, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало духовенство, приглашавшее прихожанъ съ проповѣдническихъ каѳедръ къ подпискѣ на „Русскую Раду“ Еще въ томъ же 1870 году неутомимый Наумовичъ начинаетъ печатать въ Бѣлоусовой типографіи новое изданіе, съ рисунками, подъ названіемъ „Наука“, въ 1500 экз., открывши его замѣчательною статьею „Якимъ зѣльемъ вычарувавъ собѣ Онуфрій Грушковичъ довгій вѣкъ и богатство“. Изданіе это, выходящее, какъ извѣстно, и теперь въ Вѣнѣ, уже въ первый годъ своего существованія разошлось безъ остатка! Этотъ успѣхъ побудилъ Бѣлоуса издавать въ сообществѣ съ Наумовичемъ библіотеку для чтенія, подъ названіемъ „Читальня“, каковое изданіе стало расходиться въ количествѣ 400 экз.; оно имѣло преимущественно сельскохозяйственный характеръ, но заключало въ себѣ немало также повѣстей и разсказовъ.

Коломыйская книгопечатня доселѣ находится въ рукахъ своего основателя, но уже значительно расширилась и улучшилась и все еще продолжаетъ помогать народному возрожденію Прикарпатской Руси своими изданіями: Русская Рада, Батьковщина, Читальня.

Съ 1888 года процвѣтаетъ въ Коломыѣ патріотическое торговопромышленное общество „Гуцульска спôлка промыслова“, главною задачею которой является содѣйствіе возможно большему сбыту сельскихъ кустарныхъ издѣлій края. Общество это основано по почину настоящаго его предсѣдателя и директора Ил. Герасимовича при дѣятельной помощи со стороны мѣстныхъ образованныхъ людей, очень сочувствовавшихъ мысли освободить кустарный сельскій промыселъ отъ еврейскаго торговаго посредничества, столь убыточнаго для населенія. Общество очень дорожитъ возможностью поддержки гуцульскихъ издѣлій, съ одной стороны въ виду ихъ чисто этнографическаго интереса, а съ другой—вслѣдствіе иногда очень значительной чисто художественной цѣнности, представляемой ими, особенно гдѣ дѣло идетъ о

рѣзьбѣ. Несомнѣнно, благодаря усердной и добросовѣстной дѣятельности общества, благосостояніе гуцуловъ должно въ значительной степени возвыситься, такъ какъ, кромѣ освобожденія населенія отъ зловреднаго вліянія еврейскаго ростовщичества, благодѣтельныя послѣдствія для края можетъ имѣть и установка болѣе или менѣе постоянныхъ, опредѣленныхъ и устойчивыхъ цѣнъ на издѣлія, доставляемыя гуцулами въ мѣстный этнографическій музей, въ которомъ главнымъ образомъ сосредоточивается и развивается дѣятельность названнаго общества. Общество это пользуется значительной поддержкою и сочувствіемъ со стороны всѣхъ мыслящихъ людей края, и ему приходится вести борьбу только съ эксплоататорами-евреями, для которыхъ очень непріятно отсутствіе или даже затрудненіе возможности грабить населеніе по прежнему. Мысль—устроить именно при музеѣ складъ и продажу всѣхъ этихъ приносимыхъ селянами кустарныхъ издѣлій изъ дерева, соломы, глины, желтой мѣди, этихъ тканей, вышивокъ и т. п.—нельзя не признать очень удачною, такъ какъ подобнымъ путемъ очень облегчается ознакомленіе публики съ этими предметами и ихъ сбытъ. Мало того, такимъ образомъ удалось открыть дорогу этимъ издѣліямъ въ другія части Галиціи и Австріи и даже за границу, именно при посредствѣ разныхъ мѣстныхъ музеевъ, а также музеевъ вѣнскаго и лондонскаго. Теперь уже гуцульскія кустарныя издѣлія принимаются для распродажи и во Львовѣ („Народна торговля"—первая и наилучшая галицкорусская крупная лавка въ этомъ городѣ) и между прочимъ, въ тамошнихъ земскихъ торговыхъ радахъ (Bazar kvajowy), особенно съ тѣхъ поръ, какъ „Гуцульска спôлка" устроила при своемъ кустарномъ складѣ и учебную мастерскую рѣзьбы и столярства по народнымъ образцамъ. Въ этой учебной мастерской, уже обращенной усиліями общества въ правительственное ремесленное училище, учатся и работаютъ главнымъ образомъ сельскія же дѣти, конечно, изъ наиболѣе даровитыхъ; лица, окончившія курсъ этого заведенія, очень охотно принимаются въ лучшія ремесленныя мастерскія г. Львова, такъ какъ они оказываются близко знакомыми съ

народнымъ вкусомъ, образцами и узорами, что начинаетъ очень цѣниться въ мѣстномъ образованномъ обществѣ.

При выѣздѣ изъ Коломыи на Косово, чрезъ Прутъ перекинутъ крѣпкій мостъ, что однако не мѣшаетъ ему подвергаться частымъ разрушеніямъ вслѣдствіе наводненій, составляющихъ сущій бичъ этой части Галиціи: отъ дождей небольшіе горные ручьи и потоки обращаются въ разъяренныя рѣки, послѣ чего отъ грозной стихіи нѣтъ никому и ничему пощады... Самъ авторъ чуть было не подвергся непріятности быть задержаннымъ вслѣдствіе наводненія, случись оно днемъ-двумя раньше; а такая задержка, ежели бы она произошла, могла бы быть очень продолжительной, не короче, по шутливому выраженію автора, того времени, какое понадобилось для роста новыхъ волосъ у тѣхъ господъ, которые, по словамъ народной пѣсни, пришли въ Коломыю съ волосами, тамъ подрались, а оттуда шли уже безволосые; къ сожалѣнію, народная пѣсня не сообщаетъ, какъ было принято это непріятное извѣстіе тою милою „любкою", которой оно стало извѣстно:

Та у тои Коломыи мосты споруждены (сооружены);
Туда мы шли зъ кучерями (кудрями), ôдтиль безволосы.
Туда мы шли зъ кучерями, ôдтиль безволосы,
Подывыся файна любко, чи такъ придало си.

Отъ Коломыи до Косова считается верстъ 35; для автора, ѣхавшаго въ омнибусѣ, этотъ незначительный путь показался цѣлой вѣчностію: такъ мучительна ѣзда въ этихъ общественныхъ экипажахъ. За Коломыею сначала промелькнуло Яблоново, затѣмъ пошла подгорьями Карпатъ тяжелая дорога къ чисто еврейскому мѣстечку Пыстыни; наконецъ, продолжительный тоскливый звукъ почтоваго рожка возвѣстилъ о приближеніи Косова, этой обѣтованной земли Гуцула. Этотъ горный городокъ, вмѣстѣ съ Десятиннымъ и Кутами, является ближайшимъ, гдѣ гуцулы могутъ накупить необходимыхъ для своего хозяйственнаго обихода вещей и припасовъ, продать скотъ, бринзу, шерсть, сукно, разную деревянную посуду и прочія свои издѣлія. Отовсюду стѣсненный городами Косовъ свободенъ отъ нихъ только къ юго-востоку, куда открывается, правда, узкая, но за то чрезвы-

чайно далекая и характерная перспектива на равнины, и откуда является доступъ теплымъ вѣтрамъ, благотворно воздѣйствующимъ на мѣстную растительность. Объ этомъ говорятъ вамъ обремененныя плодами деревья и цѣлые лѣса необыкновенно высокой пшенички, или кукурузы; очень дешево вамъ предложатъ полными корзинами огромныя пахучія яблоки, исполинскія маслянистыя груши, сливы. Еще любвеобильна тамъ природа и благосклонно даритъ свои плоды бѣдному червонорусу... Близъ самой городской площади Косова высится Пискова гора, словно бы искусственно возведенная. На ней возвышается крестъ,—эта духовная опора той кучкѣ христіанъ, которая разбросана по городу среди массы „избраннаго“ народа и возрастаетъ въ числѣ, ежели подвигаться отъ средины города къ его окраинамъ: тамъ, на окраинахъ, встрѣчаются еще сельскія хатки и чистенькіе мѣщанскіе домики съ плодовыми садиками и предоконными цвѣтниками. По тѣмъ улицамъ, гдѣ больше живетъ евреевъ, невозможно проходить: такой тамъ стоитъ ужасно зловонный воздухъ вслѣдствіе того, что еврейскія дѣти не стѣсняясь производятъ тутъ же всѣ свои естественныя отправленія...

Косовская церковь окружена стѣной, которая, возвышаясь въ одномъ мѣстѣ, образуетъ три сводистыхъ окна въ романскомъ вкусѣ; подъ каждымъ сводомъ виситъ колоколъ, что все вмѣстѣ и замѣняетъ звоницу или колокольню, такъ какъ при церкви не имѣется особой башни для этого. На алтарныхъ престолахъ ставятся въ этой мѣстности низенькіе, на широкомъ основаніи, глиняные подсвѣчники, украшенные либо одной зеленою поливою цвѣточками и листочками желтыми, зелеными и темными. Косовскія глиняныя издѣлія пользуются вообще большою извѣстностью во всемъ гуцульскомъ краѣ и въ равнинахъ, даже до самой Коломыи.

Особенно славятся не столько кувшины и разныя миски съ довольно первобытными украшеніями, сколько изразцы, на которыхъ часто бываютъ изображены не только растенія и животныя, но и цѣлыя картины изъ жизни какъ польской, панской, такъ и червонорусской, простонародной; любопытно при этомъ то обстоятельство, что каждый изразецъ изображаетъ [illegible]ѣльную ка-

кую-нибудь картину, и такія картинки отнюдь не повторяются и даже не варьируются... Между косовскими гончарами наибольшей славою пользуется самоучка *Александръ Бахметюкъ*, родившійся въ 1820 году и извѣстный у поляковъ подъ именемъ Бахминскаго. Его издѣлія были удостоены нѣскольких наградъ на разныхъ выставкахъ и послѣ его смерти буквально шли на расхватъ, почему ихъ можно встрѣчать въ продажѣ съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Наиболѣе полныя собранія Бахметюковыхъ гончарныхъ издѣлій хранятся въ разныхъ галицкихъ музеяхъ; въ пражскомъ музеѣ Наперстка имѣются изъ этихъ издѣлій жбанъ, двуухая чашка и цвѣточная ваза. Бахметюкъ отличался замѣчательнымъ вкусомъ въ выборѣ украшеній и приготовленіемъ какой-то особенно прозрачной глазурной поливы, тайну состава которой взялъ съ собою въ могилу. Вотъ почему всѣ работы его отличаются значительными художественными достоинствами и извѣстны обыкновенно подъ названіемъ *Косовскихъ майоликъ*. О Бахметюкѣ извѣстно мало: онъ учился своему художеству подъ наблюденіемъ отца, отъ котораго унаслѣдовалъ мастерскую и искусство котораго усовершенствовалъ; умѣлъ онъ только читать и писать и никогда не выѣзжалъ изъ мѣста своего рожденія. Всѣ издѣлія его отличаются замѣчательнымъ своеобразіемъ вкуса и разнообразіемъ украшеній, особенно въ видѣ растеній, и между ними не найдется и двухъ совершенно сходныхъ предметовъ. Изъ украшеній у Бахметюка удачнѣе выходятъ растенія, чѣмъ дома, звѣри и проч. Техника у него и у прочихъ мѣстныхъ гончаровъ одна и та же. Въ десятитомномъ трудѣ о домашнемъ промыслѣ червоноруссовъ его керамикѣ отведенъ цѣлый выпускъ, гдѣ также помѣщено его жизнеописаніе съ портретомъ, оцѣнены и изображены лучшія его издѣлія, описаны всѣ техническія подробности работы. Вотъ въ чемъ состоитъ сущность этой техники. Украшенія врѣзываются такъ называемымъ „рыльцемъ“ въ предметъ, уже высушенный, политый бѣлой фаянсовой глиною, причемъ, тѣ мѣста, которыя имѣютъ быть темнокраснаго цвѣта, натираются вохрою. На предметъ, уже обожженный, наносятся цвѣта желтый и зеленый, послѣ чего онъ поливается глазурью и обжига-

ется вторично. Для размалыванія красокъ и вообще веществъ, употребляемыхъ для изготовленія поливы, служатъ обыкновенныя ручныя двухкаменныя мельнички, служащія для размалыванія зерна. Самое выжиганіе, или выпаливаніе предметовъ происходитъ въ особой печи съ трубою; матеріаломъ для этой печи служитъ кирпичъ или, что бываетъ еще чаще, обыкновенный рѣчной камень, грубо обмазанный глиною изнутри печи.

Успѣшно идетъ по слѣдамъ Бахметюка, иногда даже достигая его высоты, изъ современныхъ галицкихъ гончаровъ только одинъ *Кощукъ*.

Въ Коломыѣ имѣется даже училище гончарскаго дѣла, въ которомъ довольно успѣшно привилась Бахметюкова орнаментика.

Косовъ, находясь на границѣ горной и дольной частей Галиціи, служитъ по воскресеньямъ мѣстомъ, гдѣ сходятся и подаютъ другъ другу руки жители горъ—гуцулы и жители равнинъ—русины; тогда на улицахъ и площадяхъ этого города развивается весьма бойкая и своеобразная жизнь. Гуцульскія женщины покупаютъ себѣ разныя блестящія бездѣлки для украшенія головы и пестрые платки; мужчины выбираютъ себѣ шляпы, косы, порохъ и другія вещества для заряживанія ружей; гуцульскіе мѣдники запасаются матеріаломъ для своихъ издѣлій. Торговцы, расположившись на наиболѣе людныхъ мѣстахъ, уловляютъ весь этотъ народъ, предлагая ему также всяческія ремесленныя орудія, иконки, часы и множество разнаго рода другихъ мелочей, иногда нелишнихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ и сямъ взоръ вашъ встрѣчаетъ цѣлыя желтозеленыя кучи огурцовъ, бѣлѣющія кучки зеренъ фасоли, вѣнки луку, стручки перца, горы картофеля; въ другихъ мѣстахъ подъ полотняными навѣсами наваленъ другъ на друга печеный хлѣбъ, крендели; далѣе палатки съ краснымъ товаромъ, зеркальцами, иголками, нитками и т. п. пестраго заграничнаго товара, привезеннаго неугомоннымъ евреемъ и продаваемаго втридорога. По праздникамъ горожане, носящіе въ будніе дни коротенькія фланелевыя кацавейки, надѣваютъ черные такъ называемые *сардаки* съ воротниками и клиньями изъ краснаго сукна; соломенныя шляпы украшены

черными лентами; брюки обыкновенные полотняные и закладываются въ сапоги. Замужнія женщины обворачиваютъ себѣ головы такъ называемыми *перемитками*, ткущимися здѣсь также и для гуцулокъ. Продаются перемитки не обрубленными; обрубы продаются отдѣльно.

Перемитка представляетъ изъ себя обыкновенный длинный полотняный, обрубленный по концамъ ручникъ, и въ Косовѣ обычная длина ея 171 сентиментръ, а ширина 50 сент. Параллельно съ обрубленными концами, на нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, идетъ такъ называемый „заборъ", шириною въ 12 сентиметровъ, вотканный изъ цвѣтной шерсти и золотыхъ нитей въ полотняную основу; золотыя нити особенно приходятся по вкусу гуцулкамъ. Обрубы стараются дѣлать, въ отношеніи цвѣта, соотвѣтственно „заборамъ". Готовую перемитку мастеръ разстилаетъ на столѣ и ея болѣе длинный конецъ (115 сентим.) сложитъ по ширинѣ вчетверо, а болѣе короткій оставляетъ не тронутымъ для покрытія головы; затѣмъ сложенной частью и остаткомъ несложенной обворачивается голова вокругъ лба (при чемъ складывается вчетверо и эта первоначально оставшаяся несложенною часть) такимъ образомъ, что оба конца перемитки завязываются на затылкѣ легкимъ узломъ и затѣмъ плавно спускаются обоими заборами по бедрамъ. Хорошо надѣтая перемитка можетъ быть легко снята съ головы въ томъ видѣ, въ какомъ она была устроена. Вотканный заборъ замѣняется иногда, особенно на Покутьи, вышитымъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ работа производится самими дѣвушками, приготовляющими себѣ перемитку, или, какъ тамъ говорятъ, „завой", къ свадьбѣ. Такія вышивки производятся такъ сказать наизусть, безъ образца и узора; отъ того въ селѣ не найдется и двухъ перемитокъ, совершенно сходныхъ между собою въ отношеніи вышивокъ.

Ткацкимъ промысломъ занимается въ Косовѣ много семействъ; существуетъ даже и училище ткацкаго дѣла. Изъ ткацкихъ издѣлій въ образованномъ обществѣ раньше всего распространились шерстяные передники, во вкусѣ сельскихъ „запасокъ", съ преобладаніемъ въ нихъ краснаго цвѣта, иногда съ попереч-

ными вставками изъ народныхъ вышивокъ, или золотыхъ либо серебряныхъ нитей.

У одного ткача авторъ нашелъ совершенно готовое пестрое одѣяло. Садъ этого ткача изобиловалъ густымъ „вѣникомъ“ (Artemisa Absyntium—обычная полынь), изъ стеблей котораго и вяжутся предметы того же названія для метенія избъ; ткачъ снабжалъ этими вѣниками чуть ли не всѣхъ косовцевъ.

Въ общественной столовой Косова собирается лучшее общество этого города, раздѣляющееся, къ сожалѣнію, на двѣ враждебныя группы: галицкорусскую и польскую; насупротивъ столовой на той же улицѣ помѣщается въ двухъ скромныхъ комнаткахъ и общественная читальня съ незначительнымъ количествомъ книгъ и повременныхъ изданій, преимущественно галицкорусскихъ. Для утоленія жажды служитъ прекрасный и недорогой напитокъ „буркутъ“—сѣрнистожелѣзная шипучая вода, въ изобиліи доставляемая въ запечатанныхъ бутылкахъ изъ глуби горъ; въ мѣстныхъ врачебныхъ книгахъ и изданіяхъ есть упоминанія о прекрасныхъ цѣлительныхъ свойствахъ этой воды.

Сельскій людъ окрестностей Косова живетъ очень бѣдно и буквально день изо дня еле перебивается то скудной платой за жалкую „ординарную работу“ по двору, какъ выражаются польскіе паны, то небезопаснымъ, вслѣдствіе польскихъ запрещеній, сборомъ грибовъ, ягодъ и т. п., то ничтожнымъ достаткомъ съ своихъ бѣдныхъ полевыхъ участковъ, у кого они есть; многіе находятся въ вѣчномъ неоплатномъ долгу то у евреевъ, то у польскихъ пановъ... Дѣтвора у нихъ ходитъ вѣчно нагою и босою; къ веснѣ уже зачастую не хватаетъ съѣстныхъ припасовъ, и тотъ, у кого есть какая либо жалкая молочная коровка, считается еще счастливцемъ: молоко нужно продать на разныя нужды, а для собственнаго питанія достаточно и маисовой каши на водѣ или хлѣба, заключающаго въ себѣ значительную долю отрубей; кромѣ того, существованіе коровы обезпечиваетъ и возможность въ будущемъ получить что-либо, въ случаѣ крайней нужды, въ долгъ, что́ при отсутствіи коровы является уже

невозможнымъ и дѣлаетъ положеніе такого крестьянина поистинѣ безнадежнымъ: жидъ тогда на всѣ просьбы отвѣчаетъ лишь пожиманіемъ плечъ...

На Косовской ярмаркѣ авторъ видѣлъ нѣсколько странныя на его взглядъ проявленія воздѣйствія заѣзжей культуры на мѣстныхъ жителей: вмѣсто палокъ они опирались на громадные сѣрые дождевые зонты, эти зонты—явленіе совершенно новое, плодъ самой недавней моды и, по замѣчанію автора, такъ же мало гармонируютъ со всей внѣшностію галицкорусскаго крестьянина, защищеннаго отъ пагубнаго вліянія дождей достаточно толстой и грубой одеждою и отнюдь не боящагося даже ливней, какъ и видѣнныя у нѣкоторыхъ изъ нихъ фарфоровыя трубки въ зубахъ.

Окрестности Косова извѣстны своими солеварнями и нефтяными источниками, начинающими соперничать съ американскими и кавказскими. Косовскія соляныя варницы доставляютъ ежегодно 68000 метрическихъ центнеровъ соли. Впрочемъ, такихъ варницъ, образовавшихся по образцу Косовскихъ, насчитывается на всемъ карпатскомъ взгорьѣ восемь; наибольшая находится въ Стебникѣ (127000 центн.), затѣмъ въ Болеховѣ (101500 ц.), Ляцкѣ (85000 ц.), Делятинѣ (81617 ц.), Дорогобычѣ (81000 ц.), Калуши (66000 ц.), Долинѣ (64700 ц.) и наконецъ въ Ланчинѣ (46700 ц.). По присоединеніи Галиціи къ Австрійскому государству уничтожено было болѣе 70 солеваренъ. Кромѣ соляныхъ варницъ, въ Галиціи имѣются также 18 соляныхъ источниковъ и 69 соляныхъ рапъ.

Мѣстонахожденія нефти открыты въ Галиціи Игнатіемъ Лукашевичемъ въ 1850 году, и съ тѣхъ поръ нефтяной промыселъ съ каждымъ годомъ растетъ въ Галиціи и развивается особенно съ того времени, когда начали производить болѣе глубокія буренія, вызывающія болѣе сильный напоръ подземной нефти, стремящейся выйти наружу. Одинъ изъ такихъ нефтяныхъ фонтановъ въ окрестностяхъ Кросна сначала билъ на поверхость съ такою силою, что сорвалъ крышу съ башни вышиною 18 метровъ и съ трудомъ былъ удержанъ въ должныхъ

границахъ особыми приспособленіями. Еще и теперь этотъ источникъ даетъ ежедневно 600 ведеръ нефти. Нефтяный промыселъ находится въ Галиціи преимущественно въ рукахъ евреевъ и иностранцевъ, и только въ послѣднее время привлечены къ нему мѣстные христіанскіе капиталы, именно польскіе.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу объ источникахъ „Вія“. Вій едвали не лучшая повѣсть Гоголя изъ малорусскаго быта. Шумная бурсацкая жизнь, внезапно смѣняющаяся безмолвіемъ степи и картиной короткой лѣтней ночи; типъ панночки съ влажными глазами и длинными рѣсницами, выражающій темныя стороны женской природы и такъ удачно схваченный покойнымъ Макѣшинымъ въ «Пчелѣ»; веселые дни въ панскомъ дворѣ, страшныя ночи и мрачный конецъ,—всё вмѣстѣ составляетъ чудное цѣлое, дорогое, лучшее воспоминаніе дѣтства нѣсколькихъ поколѣній. Въ «Віѣ» нѣтъ также ни искусственности «Страшной мести», ни этнографическихъ неточностей нѣкоторыхъ другихъ повѣстей Гоголя, указанныхъ въ извѣстныхъ статьяхъ П. А. Кулиша въ Основѣ 1861 года. Напротивъ, «Вій» созданъ на этнографической основѣ. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ въ ст. Параллели въ повѣсти Н В. Гоголя «Вій». («Кіев. Стар.» 92 г., № 3, стр. 472) считаетъ «Вія» передѣлкой народной сказки о смерти вѣдьмы. Въ самомъ дѣлѣ, сходство произведенія Гоголя съ народными разсказами открывается съ перваго же столкновенія панночки съ Хомою Брутомъ: она вскакиваетъ къ нему на спину «съ проворствомъ кошки». Многіе народные разсказы начинаются такъ же, напр.: «батько йшлы на досвиткы, колы била кишка скочыла имъ на вьязы». Или: «видьма перевернулась кишкою и стала паробкови стрыбать на плечи». «Ишлы мы у двохъ съ товарышемъ дуже пизно, проты недили, додому,—разсказывалъ козакъ С. Хитцовъ; выйшлы насередъ слободы. Ось пидъ тыномъ иде жинка безъ запасокъ и роспатлана. Я злякався, А товарышъ выломавъ съ тыну ломаку. Я кажу ёму: «не займай іи». а винъ говорыть: «я іи вдарю». Замахнувъ на неи и вдарывъ

разъ. Заходылась вона тоди чыплятьси на плечи ёму. Винъ каже: «важко мени на плечахъ, не дійду додому. Доведы мене, братику!» Винъ упавъ тричи коло свого двору, ставъ плакать, я позвавъ его матирь и брата. Якъ вводылы товарыша въ хату и одчынылы хатни двери, тоди скочыла у ёго съ плечей чорна кишка». Иногда раздраженная вѣдьма разъѣзжаетъ на парнѣ всю ночь и окончательно изнуряетъ его. Затѣмъ, дальнѣйшіе мотивы повѣсти Гоголя: ѣзда Брута на вѣдьмѣ, смерть послѣдней и отпѣваніе ея въ церкви—встрѣчаются какъ въ народныхъ сказкахъ, перечисленныхъ въ ст. профес. Сумцова, такъ и въ новыхъ «Этногр. матер. Гринченка» (Черниг. 95 г., вып. 1., стр. 67—71 и 209) и въ слѣдующихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ мною въ лубенскомъ уѣздѣ.

1. Бувъ соби чоловикъ и державъ винъ робитныка. Одна дивка хотила съ тимъ робитныкомъ ночувать, а винъ не хоче. А дивка та була видьма. Якъ выйде винъ съ хаты, то вона якъ насяде, то винъ везе ажъ до свого порога. То бувъ такый хорошый парубокъ, а то ставъ такый якъ сухарь. Дядько пытается: «чого ты такый сухый ставъ?»—Оттого, каже робитныкъ, що я зъ такою дивкою не хочу ночувать, а вона вязне. Якъ выйду съ хаты, то вона якъ насяде, тай й йиздыть по мени.—Нажъ тоби рубъ грошей та иды ты до такого то дида; винъ тоби шось дасть. Пишовъ парубокъ до дида. Дидъ давъ ёму дубчыкъ и сказавъ: «иды та не дывысь наливо, а дывысь направо». Иде винъ, дывытся. Видьма до ёго,—а винъ тимъ дубчыкомъ якъ хлыснувъ іи, вона й перекынулась. Винъ узявъ, перекынувъ іи черезъ тынъ у двиръ и пишовъ до дому. Ось на утро прыходыть до ёго тіи дивкы батько и просыть: «прыйды псалтыря чытать».

— Якъ дасы, каже робитныкъ, сто рубливъ, то пиду.—Дамъ. Винъ прыйшовъ, ставъ чытать. Чыта, чыта цилу ничъ. Ось такъ якъ опивночи спускается къ ёму анголъ: «що ты чытаешъ, рабъ Божый? Сядь на прывалочку коло стовпа тай чытай». Сивъ той роботныкъ чыта, колы встае та дивка, шарыла, шарыла по хати, нема ёго, не найде, и подалась изъ хаты. Насклыкала видёмъ може штукъ зъ двадцять. Шукають воны, шукають—не найдуть. Послалы за кіевською видьмою. Та кіевська вбигла въ хату, каже: «онъ на прывалочку коло стовпа сыдыть». Такъ видьмы не возьмуть ёго. Послала кіевська видьма сбирать недогаркивъ зъ сирнычкивъ. Нанеслы видьмы сирнычкивъ тихъ и наклалы ажъ пидъ сволокъ коло стовпа и запалылы. Колы пивень: кукурику! Воны й розбиглысь, а мертва тамъ и впала. Винъ уставъ, сирнычкы затушывъ, бабивъ побудывъ,

іи положылы на лаву. У день загреблы іи и осыковый крестъ закопалы (отъ кр. с. Литвяковъ, О. Батенка).

2. Повыходылы хлопци и дивчата гулять на улыцю и балакають, якъ видьмы знимають зиркы зъ неба. Кажуть: одна жинка зняла свитову зирку у глечыкъ, завьязала и у погребъ поставыла. Отъ протлила та тряпка и вылетила та зирка зъ погреба. Отъ ти хлопци и думають: якъ же вона іи зняла зъ неба? Одна дивка и каже: и я зниму. «Воны іи и пытають: якъ же ты знимешъ»? Каже: «поставъ складаный ножыкъ у гору жаломъ; якъ стану я на той ножыкъ, та надлизу трохы, то не пхай ты того ножыка». Отъ вона надлизла трохы, винъ узявъ и пхнувъ. Вона впала и сказала: «яжъ казала, щобъ не пхавъ». Отъ у друге вона вже надлизла далеко, винъ пхнувъ. Вона впала и убылася. И прыснылося іи батькови: хай же той парубокъ, що пхнувъ нижъ, прыйде на тры ночи до церквы, и одпышить ёму половыну свого багатства. Батько ёму сказавъ, а винъ сомливается, боится, що вона ёго задавыть. Ёго баба вже каже: якъ итымешъ, то зайдешъ до мене. Винъ зайшовъ, баба ёму й каже: «сядь на дзвиныци за хрестомъ». Отъ винъ сивъ, колы мертви видьмы йидуть на сывихъ коняхъ и прыйихалы до забора до церквы и посидалы на палитишкы, що пообдырана кора. Якъ зачалы ёго скризь шукать попидъ церквою. Отъ пивни заспивалы, воны дей дилысь. Отъ винъ иде и на другу ничъ, зайшовъ до тіи бабы. Вона ёму и каже: «иды жъ та сидай упять за хрестомъ». Отъ винъ слуха гудуть такы: сывымы киньмы летять. Прыйихалы до забора, посидалы на палитишкы, шукалы, шукалы — не найшлы. Спивають пивни, воны й полетилы. Вона каже: «вже на ту ничъ найду и задавлю»! Винъ зайшовъ до тіи бабы и журытся. Вона й каже: «возьми пивня и сядь за хрестомъ; якъ будуть воны до тебе долитать, прыдавышъ ты пивня пидъ крыла — винъ заспива». Отъ винъ слуха, летять воны; прылетилы до забора. Якъ зачалы шукать, якъ зачалы шукать — не найдуть. Отъ одна и каже: «аже въ насъ есть старша у Кіиви, послать за нею, — та найде». Послалы за нею, вона прылетила и побачыла. Якъ пустылыся воны вси до ёго, винъ пивня прыдавывъ пидъ крыла, пивень заспивавъ. Воны дей дилысь. Винъ излизъ, пишовъ до іи батька, такъ той ёму половыну багатства одпысавъ. (Отъ кр. хут. Яновщины, Ф. Байченковой). Впрочемъ, перечисленныя варіанты сказки о смерти вѣдьмы и вообще всѣ до сихъ поръ записанные — заключаютъ въ себѣ не только черты сходства съ «Віемъ», но и существенныя различія.

Такъ, парень сказокъ никогда не предоставляется однимъ своимъ силамъ. Какая нибудь благосклонная старуха родственница, опытная невѣстка, дидъ, даже ангелъ даютъ ему наставленія и прямую помощь въ опасности. Напротивъ, Хома Брутъ постоянно стоитъ одинокимъ, даже въ минуты особаго напряженія душевныхъ силъ, въ церкви. Большинство дворни относится къ нему съ холоднымъ равнодушіемъ, иногда напоминающимъ извѣстный анекдотъ о тонувшемъ человѣкѣ, котораго успокаивали присутствующіе словами: тонить дядюшка! Это одиночество въ рѣшительныя минуты особенно усиливаетъ трагизмъ положенія Брута. «Господы! стилькы страхивъ на одного чоловика!» замѣтила однажды крестьянская дѣвушка, слушавшая чтеніе «Вія». Можетъ быть и несчастный конецъ Брута слѣдуетъ отчасти приписать его полному одиночеству, тогда какъ всѣ сказки, параллельныя «Вію», кончаются благополучно,—въ чемъ заключается другое существенное отличіе ихъ отъ «Вія». Есть и еще разница въ фабулѣ народныхъ сказокъ и повѣсти Гоголя. Первыя обходятся безъ Вія и рѣшающее значеніе при разысканіи и указаніи парня принадлежитъ въ нихъ старшей кіевской вѣдьмѣ. Кажется, до сихъ поръ вообще не записано еще ни одного народнаго разсказа о фантастическомъ существѣ съ именемъ и характеромъ Вія. Въ программу, составленную VI археологическимъ съѣздомъ для собиранія свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ и повѣріяхъ въ южной Россіи, былъ включенъ, между прочимъ, и вопросъ о Віѣ, но доставлены ли какія нибудь данныя о послѣднемъ - неизвѣстно. Да и у Гоголя Вій ничѣмъ не связанъ съ сущностью повѣсти—столкновеніемъ панночки съ Хомою Брутомъ. Онъ появляется здѣсь случайно, безъ всякой внутренней необходимости, съ характеромъ посторонней слѣпой силы и равнодушіемъ судьбы. Самая его наружность указываетъ на какое то подземное божество смерти. «Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его засыпанныя землею ноги и руки. Длинныя вѣки опущены были до самой земли». Голосъ его подземный, лицо желѣзное. Появленіе такого образа среди мертвой тишины церкви чрезвычайно эфектно и несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе ужаснаго. Быть можетъ, для усиленія впечатлѣнія Вій и введенъ въ повѣсть изъ другихъ народныхъ сказокъ, постороннихъ мотиву о смерти вѣдьмы и отчитываніи ея парнемъ.

В. Милорадовичъ.

Къ исторіи малорусскаго духовенства. Проэктъ «о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства», представленный при рапортѣ Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго 4 марта 1768 года за № 139 въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую коммиссію «о сочиненіи Новаго Уложенія».

14 декабря 1766 года опубликовано было Высочайшее распоряженіе Императрицы Екатерины II о сочиненіи Новаго Уложенія. Св. Синодъ указомъ, послѣдовавшимъ 10 сентября 1767 года за № 1976, предписалъ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому и епископамъ Черниговскому Кириллу и Переяславскому Гервасію, чтобы «они сочинили проэктъ о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства и обстоятельные пункты таковаго проэкта безъ замедленій представили къ разсмотрѣнію въ Св. Синодъ съ нарочнымъ, который бы могъ сдѣлать по онымъ потребныя объясненія, если бы таковыя понадобились, какъ въ самомъ Св. Синодѣ, такъ равно и въ Московской коммиссіи».

Во исполненіе прописаннаго указа Кіевская Консисторія, по резолюціи своего архипастыря, собрала (какія могла) привилегіи, разновременно жалованныя малороссійскому духовенству, какъ отъ великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, такъ и государей россійскихъ. На основаніи собраннаго матеріала и письменныхъ заявленій, присланныхъ нѣкоторыми малороссійскими протопопами и настоятелями монастырей, члены кіевской консисторіи, подъ руководствомъ митрополита Арсенія, составили затребованный проэктъ и въ 74 пунктахъ его изложили свою просьбу «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей и возвращеніи ему тѣхъ правъ, привиллегій, вольностей и свободъ, которыми оно пользовалось въ прежнія времена».

На состоявшихся въ Кіевской Консисторіи 21, 22 и 23 февраля 1768 г. засѣданіяхъ упомянутый проэктъ былъ заслушанъ, одобренъ и подписанъ, какъ митрополитомъ Арсеніемъ, такъ и всѣми архимандритами, игуменами и протопопами Кіевской епархіи, и 4 марта того же года, при рапортѣ его преосвященства за № 139, чрезъ іеро-

[1]) Какъ переписка объ этомъ проэктѣ, такъ и копія его, подписанная митрополитомъ Арсеніемъ и всѣми архимандритами, игуменами, протопопами и намѣстниками ихъ, хранится въ архивѣ кіевской консисторіи въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Опись полученнымъ указамъ изъ Св. Синода за 1767 годъ“. Въ Кіево-Печерской лаврѣ хранится должно быть копія проэкта (См. *А. М. Лазаревскаго*) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи III, 158.

монаха Кіево-Печерской Лавры Каллиста отосланъ въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую Коммиссію. Іеромонаху Каллисту на расходы его было выдано 500 рублей изъ суммъ, собранныхъ отъ малороссійскаго духовенства.

Краткое содержаніе каждаго изъ 74 пунктовъ проэкта.

1. О возстановленіи правъ, вольностей и свободъ, которыя дарованы были малороссійскому духовенству привиллегіею польскаго Короля Жигмунда Августа, подписанною 8 іюня 1569 года, и 1654 года вошли въ договоръ, заключенный Государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ.

2. О дарованіи равенства священнослужителямъ, ихъ женамъ и дѣтямъ съ лицами шляхетнаго чина.

3. О дарованіи священнослужителямъ права не только покупать козачьи грунты и угодія, но и принимать оные на поминовеніе.

4. О безпрепятственномъ производствѣ винокуреній священнослужителями для своихъ надобностей.

5. Объ освобожденіи вдовъ священнослужителей и сиротъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей и податей.

6. Объ освобожденіи священнослужительскихъ дворовъ отъ военнаго постоя.

7. Объ освобожденіи священническихъ подсусѣдковъ отъ рублеваго налога.

8. О свободномъ пользованіи священно-и церковнослужителями ругою и доходами за совершеніе церковныхъ требъ.

9. О воспрещеніи помѣщикамъ имѣть власть надъ церквами и надъ священно-и церковнослужителями и ихъ семействами.

10. Объ освобожденіи поступающихъ на церковнослужительскія должности отъ податей и общенародныхъ повинностей.

11. Объ опредѣленіи къ соборнымъ храмамъ по два дьячка, по два пономаря и по два сторожа.

12. Объ ассигнованія на содержаніе протопопскихъ правленій суммы въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ она ассигнуется на содержаніе свѣтскихъ правленій.

13. О назначеніи малороссійскимъ протопопамъ жалованья въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдается свѣтскимъ властямъ того же ранга.

14. О пресѣченіи беззаконныхъ браковъ.

15. Объ освобожденіи священно-и церковнослужительскихъ земель и угодій отъ налоговъ.

16. О присвоеніи церквамъ права пользоваться цеховыми денежными сборами.

17. О возобновленіи выдачи государеваго жалованья кіевскимъ и нѣжинскимъ священникамъ за царскіе молебны.

18. О вознагражденіи священниковъ за земли ихъ, которыя отошли къ новороссійской губерніи.

19. Объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ отъ податей и общенародныхъ повинностей.

20. О предоставленіи монастырямъ права отыскивать свои земли и угодія, которыя за потерею купчихъ крѣпостей или по другимъ обстоятельствамъ отошли въ чужія руки.

21. О свободной куплѣ монастырями недвижимыхъ имуществъ.

22. О воспрещеніи военнымъ командамъ чинить обиды монастырямъ чрезъ потраву ихъ сѣнокосовъ и посѣвовъ.

23. О воспрещеніи военнымъ командамъ занимать квартиры въ монастырскихъ деревняхъ.

24. О назначеніи платы за волы, которые берутся для арміи у монастырскихъ крестьянъ.

25. О безденежномъ возвращеніи монастырямъ земель, которыя отчуждены отъ монастырскихъ крестьянъ куплею и другими сдѣлками.

26. О даровомъ обмежеваніи монастырскихъ угодій и земель.

27. О воспрещеніи военнымъ командамъ рубить для своей надобности монастырскіе лѣса.

28. О невоспрещеніи монастырямъ производить винокуреніе и продажу питейныхъ напитковъ въ своихъ шинкахъ.

29. Объ освобожденіи монастырскихъ подворьевъ отъ постоя.

30. О воспрещеніи великороссійскимъ чиновникамъ безмездно пользоваться монастырскими лѣсами.

31. Объ освобожденіи монастырей отъ обязательнаго дарового отвода своихъ сѣнокосовъ для гарнизонныхъ лошадей.

32. О невоспрещеніи монастырямъ свободнаго владѣнія тѣми своими угодіями, которыя находятся за пограничными рогатками.

33. Объ освобожденіи монастырей отъ казеннаго оклада за пользованіе тѣми своими грунтами, которые находятся въ новороссійской губерніи.

34. О возвращеніи Кіево-Софійскому каѳедральному монастырю и прочимъ малороссійскимъ монастырямъ права пользоваться десятиною отъ рыбной ловли и пошлинами базарными, мельничными и

переѣздными чрезъ мосты и паромы, устроенные монастырскимъ коштомъ.

35. О подтвержденіи за монастырями свободнаго пользованія имуществомъ, остающимся по смерти монаховъ.

36. О возвращеніи кіевскимъ митрополитамъ ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ.

37. О возвращеніи кіевскому митрополиту титула «Кіевскій, Галицкій и Малыя Россіи».

38. О бывшей подвѣдомственности черниговской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

39. О бывшей подвѣдомственности переяславской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

40. О бывшей подвѣдомственности кіевскимъ митрополитамъ епархій: 1) Володимірской и Берестенской, 2) Луцкой и Острожской, 3) Полоцкой и Витебской, 4) Туровской и Пинской, 5) Бѣльской, 6) Хелмской, 7) Галицкой, Львовской и Каменецкой, 8) Брестской, 9) Могилевской, Мстиславской и Оршанской, 10) Перемышльской, 11) Подольской и 12) Самборской,— которыя, исключая Могилевской, отпали отъ православія и подчиненія кіевскимъ митрополитамъ, а признали надъ собою власть римскаго папы.

41. О подчиненіи кіевскому митрополиту Кіево-Печерской Лавры.

42. О подчиненіи кіевскому митрополиту Кіево-Межигорскаго монастыря.

43. О возвращеніи кіевскому митрополиту издавна принадлежавшихъ ему правъ суда и расправы по дѣйствіямъ архіереевъ южнорусскаго края.

44. О возвращеніи кіевскому митрополиту права, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, производить достойныхъ лицъ въ чинъ архимандричій.

45. О предоставленіи кіевскому митрополиту права имѣть типографію и разрѣшать, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, печатаніе церковно-богослужебныхъ книгъ и руководствъ для питомцевъ кіевской академіи.

46. О возвращеніи въ составъ кіевской епархіи протопопій Крыловской и Новоміргородской.

47. Объ ассигнованіи для содержанія кіевскаго митрополита вмѣсто сборовъ отъ свадьбъ иной суммы.

48. О присвоеніи канцелярскимъ чиновникамъ Консисторіи тѣхъ правъ на положеніе священства, какими пользуются обучавшіеся въ академіи.

49. О порядкѣ сношеній кіевскаго митрополита и кіевской Консисторіи съ Малороссійской Коллегіею.

50. О присвоеніи настоятельскихъ правъ при соборныхъ церквахъ одному изъ заслуженнѣйшихъ соборныхъ священниковъ.

51. О представленіи правъ и преимуществъ наставникамъ кіевской академіи о подтвержденіи ея привиллегій.

52. О воспрещеніи кіевскому магистрату и Губернской Канцеляріи привлекать къ своему суду наставниковъ и питомцевъ академіи.

53. О возобновленіи выдачи жалованья изъ Губернской Канцеляріи ректору и наставникамъ кіевской академіи.

54. Объ ассигнованіи денежной суммы на содержаніе зданій и питомцевъ кіевской академіи.

55. О предоставленіи питомцамъ академіи правъ на полученіе чиновъ гражданскихъ.

56. Объ утвержденіи Высочайшею грамотою студенческаго дома Бурсы.

57. О рукоположеніи студентовъ академіи въ священный санъ безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ козачьей службы и о постриженіи ихъ въ монашество раньше трехлѣтняго монастырскаго послушанія.

58. О рукоположеніи окончившихъ курсъ академіи во священство безъ полученія ими отъ помѣщиковъ презентовъ на приходы.

59). О воспрещеніи свѣтскимъ чиновникамъ привлекать священнослужителей къ своему суду мимо вѣдома и соизволенія митрополита и обязательномъ приглашеніи духовныхъ депутатовъ въ гражданскіе суды, когда происходитъ судоговореніе о преступленіяхъ священно-и церковнослужителей.

60. О воспрещеніи свѣтскимъ командамъ брать подъ арестъ лицъ, подвѣдомственныхъ духовной власти, исключая только тѣхъ случаевъ, когда эти лица будутъ изобличены въ воровствѣ, убійствѣ и другихъ криминальныхъ преступленіяхъ.

61. О воспрещеніи приводить къ присягѣ священнослужителей и лицъ монашескаго званія.

62. О воспрещеніи гражданскимъ чиновникамъ вызывать священнослужителей, какъ свидѣтелей, въ гражданскіе суды къ допросамъ и о замѣнѣ таковаго вызова посылкою къ нимъ вопросныхъ пунктовъ.

63. Объ освобожденіи лицъ, лишенныхъ за свои преступленія священства, отъ всякаго другого рода наказаній, которыя опредѣлены закономъ за тѣ же преступленія.

64. О назначеніи строгой кары тѣмъ, которые самоправно обижаютъ священно-и церковнослужителей и монаховъ и покушаются присвоить себѣ церковное и монастырское имущество.

65. О назначеніи кары тѣмъ доносчикамъ и отвѣтчикамъ, которые въ назначенные сроки не являются въ духовныя правленія.

66. Объ избраніи вольными голосами кандидатовъ изъ природныхъ малороссіянъ на званіе митрополита кіевскаго.

67. О прекращеніи по монастырямъ и приходскимъ церквамъ кошельковаго сбора для вспомоществованія заграничнымъ монастырямъ и церквамъ.

68. Объ отмѣнѣ генеральной ревизіи надъ монастырскими церковными и священническими недвижимыми имуществами.

69. О составленіи духовныхъ завѣщаній не иначе, какъ въ присутствіи священнослужителей.

70. Объ ассигнованіи жалованья священно-и церковнослужителямъ ружныхъ церквей.

71. О предоставленіи монастырямъ и бѣлому духовенству права свободной купли хлѣба и дерева для производства винокуренія.

72. О предоставленіи исключительно духовной власти права налагать церковное покаяніе на явныхъ нарушителей Закона Божія.

73. О назначеніи кары тѣмъ, кто скрываетъ законопреступниковъ и знающихъ о нихъ, но не сообщающихъ.

74. Заключительная просьба о подтвержденіи въ прежнія времена дарованныхъ кіевскому митрополиту и всему малороссійскому духовному чину правъ, привилегій, преимуществъ, вольностей, свободъ и обыклыхъ поведеній.

Пункты о возвращеніи кіевскимъ митрополитамъ тѣхъ правъ и привиллегій, которыми они пользовались прежде.

36.

«Кіевскіе митрополиты, отъ самаго начала просвѣщенія Россійскаго народа крещеніемъ, со всѣми до митрополіи кіевской надлежащими епископами, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ, и отъ нихъ святѣйшихъ патріарховъ рукоположеніе и возведеніе на престолъ митрополіи кіевскія воспріймали и титуловались митрополитами кіевскими, галицкими и всея Россіи (а когда, кромѣ митрополита въ Кіевѣ, сталъ быть мит-

рополитъ въ Москвѣ, то всея Малыя Россіи) и Экзархами Святѣйшаго апостольскаго Константинопольскаго Ѳрону; а съ нихъ митрополиты Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ и Діонисій Балабанъ и архимандритами Печерскія Кіевскія Лавры писались; и всегда они митрополиты кіевскіе со всѣми до митрополіи кіевской надлежавшими епископіями, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ при короляхъ польскихъ, великихъ князьяхъ литовскихъ пользовались вовсемъ равными правами, привилегіями, преимуществами, вольностями и обыкновенными, какъ и знатное малорусское шляхетство. Якіе всѣ права, привиллегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, когда гетманъ Зѣновій Богданъ Хмѣльницкій, ради единовѣрія, приступилъ подъ высокодержавную Его Царскаго Величества руку, жалованными какъ всѣмъ малороссійкимъ чинамъ, такъ и духовному чину подтвердить, и малороссійскій народъ въ томъ числѣ и духовный чинъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, вольностяхъ и обыкновеніяхъ, при которыхъ они были за королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, содержать и сохранять, и большими наградить и пожаловать обѣщать изволилъ. И тѣ всѣ какъ прочіимъ малороссійскимъ чинамъ, такъ и духовному чину права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и потомъ поновляемы и подтверждаемы были; да и когда весь Кіевской епархіи причетъ и всей Малой Россіи чинъ духовный, власти и подъ властію сущіе какъ духовныя особы, такъ и мірскіе чины на бывшей въ Кіевѣ въ церкви Св. Софіи 7173 года Элекціи избрали на вдовствовавшій коликонадесятъ лѣтъ кіевскія митрополіи престолъ пастыремъ и малороссійской церкви хранителемъ преосвященнаго Гедеона Святополка, князя Четвертинскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго, и всеподданнѣйше просили великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныя царевны и великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи Самодержцевъ, кіевской епархіи быть подъ послушаніемъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, между великороссійскими митрополіями первоначальною была поставлена кіевская; и когда потому оный преосвященный Гедеонъ Святополкъ, епископъ Луцкій, 7194 году ноября 8 дня отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, благословеніе и возведеніе на престолъ Кіевскія митрополіи воспріялъ, и грамота отъ святѣйшаго Іоакима,

патріарха Московскаго и всея Россіи, во вѣчное его утвержденіе, и впредъ хотящимъ хиротонисатися на кіевскій престолъ по немъ въ митрополиты, 7194 лѣта міроздапія, отъ воплощенія же Слова Божія 1685, индиктіона 9, декабря мѣсяца дана; то и тогда того жъ 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, ему преосвященнному Гедеону, митрополиту кіевскому и впредъ по немъ будучимъ митрополитамъ Кіевскимъ и всему епархіи кіевской причту и чину духовному, властямъ и подъ властію сущимъ данною жалованною милостивою грамотою прежніе духовнаго чина права и вольности подтверждены, и велѣно впредъ епархіи кіевской быти между великороссійскими митрополіями первоначальною, и судомъ митрополита кіевскаго въ своей епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ, и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствуюшій градъ Москву съ челобитьемъ не приходити, и святѣйшему Іоакиму, патріарху московскому и всея Россіи и понемъ впредъ будучимъ святѣйшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатися, и челобитень ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюденіи, въ какомъ она была до того времени подъ благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, какъ въ митрополичей чести, такъ и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала, и въ сохраненіи правъ и вольностей—обыклыхъ обрѣтающихся, по исконному обычаю; также всѣмъ высокимъ и низкимъ духовнымъ особамъ, а именно преосвященному архіепископу черниговскому и новгородскому сѣверскому, и Кіево-Печерскія Лавры архимандриту, и черниговской епархіи архимандритамъ новгородскому и елецкому, и игуменамъ тогда бывшимъ и впредъ будучимъ, такожъ и инымъ епископіямъ, архиманлріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церквамъ, которые издавна надлежали къ оной митрополіи, непремѣнно и нынѣ повиноватися и послушаніе отдавать ему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ, и на архіерейскій кіевскій престолъ въ предъидущія времена въ митрополиты обирати имъ вольною элекціею, по ихъ великихъ государей ихъ Царскаго Величества указа и за благословеніемъ Святѣйшаго патріарха московскаго, мужа въ божественномъ писаніи искусснаго и тихаго изъ здѣшнихъ природныхъ обивателей, и митру со крестомъ имѣющу, какъ въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ

приключающеся въ соборной и апостольской церкви пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ службѣ Божественныя Литургіи со святѣйшимъ патріархомъ и въ иныхъ градѣхъ, также и въ Малой Россіи; а предношеніе креста въ своей ему епархіи во всѣхъ походѣхъ, и печатаніе книгъ, такъ же и ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ невозбранно имѣти; и всѣ обыкновенія прежнія безъ примѣненія содержати, а когда по ихъ великихъ государей ихъ царскаго Величества указу сему преосвященному митрополиту прилучится для какихъ великихъ церковныхъ дѣлъ въ царствующій великій градъ Москву прибыти, и тогда ему въ прибытіи своемъ на Москвѣ времени не продолжити, а отпущенну по ихъ государской милости въ свою епархію ему быти вскорѣ; а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященыхъ митрополитовъ въ царствующій градъ Москву на годовое и полугодовое время его не взывати; и тѣ всѣ вышеписанныя кіевской епархіи права и вольности тою государскою жалованною грамотою всемилостивѣйше обнадежены и утверждены; и велѣно ему преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ со всѣмъ причтомъ малороссійскаго народу духовнымъ быти подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, и по немъ будучихъ патріарховъ московскихъ на вѣки неотступно по своему обѣщанію,—каково онъ учинилъ съ подписаніемъ руки своея при возведеніи и благословеніи своемъ въ митрополиты, не отлучаясь подъ повелѣніе и разсужденіе къ инымъ епархіямъ; а правамъ ихъ кіевскихъ митрополитовъ и вольностямъ, въ той ихъ царскаго Величества милостивой жалованной грамотѣ описаннымъ премѣненія и нарушенія быти неимѣетъ. Которая изъ царскаго Величества жалованная грамота, данная 6194 года преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому въ подтвержденіе и на утвержденіе Кіевской епархіи прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей, и въ 7199 году сентября 28 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому, а потомъ и въ лѣто отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 дня отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича преосвященному Іоасафу Кроковскому, митрополиту кіевскому данными жалованными грамотами утверждена. Того ради Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, преосвященный митрополитъ кіевскій и кіевской епархіи чинъ духов-

ный проситъ: древніе митрополита кіевскаго и всей кіевской епархіи духовнаго чина права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія исконные, вышеозначенными милостивыми жалованными грамотами утвержденные, подтвердить и на то милостивую жалованную грамоту дать.

37.

Митрополиты кіевскіе прежде титуловались и писались митрополитами Кіевскими, Галицкими и всея Россіи (а когда, какъ выше показано, кромѣ митролита въ Кіевѣ сталъ быть митрополитъ и въ Москвѣ, то всея Малыя Россіи) и экзархами Святѣйшаго апостольскаго Константинопольскаго Ѳрону, а съ нихъ митрополитъ Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ и Діонисій Балабанъ именовались и архимандритами святыя великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія до 7194 года, а того 7194 году ноября 8 дня преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, благословеніемъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи, когда престолъ митрополія кіевскія воспріялъ и подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, со всѣмъ причтомъ малороссійскаго народу духовнымъ быти обѣщаніе съ подписаніемъ руки своея учинилъ, пожалованнаго Высочайшаго на утвержденіе прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей 7194 года декабря 15 дня и патріаршего при возведеніи на степень митрополіи кіевскія тогожъ 7194 г. индиктіона 9, а отъ воплощенія Слова Божія 1685 г. декабря 3 дня данными грамотами онъ преосвященный Гедеонъ, съ будучими по немъ митрополитами кіевскими, утвержденъ быти митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи; почему и бывшимъ по немъ митрополитѣ кіевскомъ Гедеонѣ митрополитамъ кіевскимъ въ грамотахъ: въ первой отъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, лѣта отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентября 28 д. митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому данной, по исключеніи уже епархіи черниговской съ подвѣдомства митрополіи кіевской, наименовано его Варлаама митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи;—во второй отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 митрополиту кіевскому Іоасафу Кроковскому данной наименовано жъ его Іоасафа митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи,

также и въ грамотѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великія государыни императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всероссійскія о коронованіи Ея Величества, и о благодареніи всемогущаго Бога, состоявшейся 1730 года апрѣля 22 дня къ Варлааму Ванатовичу, архіепископу кіевскому, въ началѣ оной грамоты и въ окончаніи наименовано его Варлаама архіепископомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи. Да и въ грамотахъ патріаршихъ, какъ въ первой выше объявленой отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, всея Россіи и Сѣверныхъ странъ, мірозданія 7194 лѣта, а отъ Рождества Христова 1685 декабря 3 дня, при возведеніи на вдовствовавшій Престолъ, на степень кіевской митрополіи данной митрополиту кіевскому Гедеону Святополку повелѣно,—оттолѣ ему Гедеону именоваться Малыя Россіи митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ: такъ и въ другой отъ святѣйшаго патріарха Адріана Московскаго, всея Россіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ мірозданія 7199 лѣта, а отъ Рождества Христова 1690 сентября 29 дня данной митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому изображено: что онъ Варлаамъ на кіевскія митрополіи возведенъ богоспасаемыхъ градовъ Кіева и Галича и Малыя Россіи; также и въ грамотѣ, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1748 года мая 13 д. данной митрополиту кіевскому Тимоѳею Щербацкому, по исключеніи уже и переяславской епархіи съ подвѣдомства кіевской митрополіи, написано что онъ Тимоѳей хиротонисанъ въ митрополита богоспасаемыхъ градовъ Кіева, Галича и Малыя Россіи. И потому какъ оный митрополитъ Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, такъ и бывшіе по немъ митрополиты кіевскіе Варлаамъ Ясинскій, Іосафъ Кроковскій, Варлаамъ Ванатовичъ, Рафаилъ Заборовскій и Тимоѳей Щербацкій за силу Высочайшихъ монаршихъ жалованныхъ и благословенныхъ патріаршихъ и святѣйшаго Синода грамотъ, титуловались и писались митрополитами и архіепископами Кіевскими, Галицкими и Малыя Россіи. Уніатскій же митрополитъ польскій, кромѣ того титула Кіевскій и Галицкій, и нынѣ титулуется и пишется митрополитомъ всея Россіи. Если бы же православный митрополитъ кіевскій и Галицкій не сталъ именоваться митрополитомъ и Малыя Россіи, то оный уніатскій митрополитъ именоватись и писатись митрополитомъ всея Россіи и паче себѣ присвоять и утверждать будетъ, какъ то тѣ уніатскіе митрополиты и въ то время, когда бывало православный митрополитъ кіевскій скончаніемъ живота выбудетъ, дерзали писатись блюстителями кіевской епархіи. Того ради преосвященный митрополитъ про-

ситъ: какъ выше означенные митрополиты прежніе Кіевскими Галицкими и Малыя Россіи титуловались и писались, такъ и ему и по немъ будучимъ митрополитамъ титуловатись и писатись навсегда утвердить.

38.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ черниговская епархія вѣдомствомъ надлежала, и тоей епархіи архіепископъ Лазарь Барановичъ былъ администраторомъ митрополіи кіевскія; потомъ святѣйшихъ вселенскихъ константинопольскихъ патріарховъ благословенными грамотами та черниговская епархія отъ кіевской митрополіи отдѣлена и подъ благословеніе святѣйшаго патріарха московскаго вручена, потомъ же та черниговская епархія паки въ жалованной Высочайшей грамотѣ, преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому, въ 7194 г. данной, написана въ присутствіе митрополіи кіевской. Когда же тоей черниговской епархіи преосвященный Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, челобытье свое великимъ государямъ, царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, самодержцамъ всероссійскимъ, и святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха благословенную грамоту, которою та черниговская епархія отъ кіевской митрополіи отдѣлена и подъ благословеніе Святѣйшаго патріарха московскаго вручена, объявилъ, то по ихъ царскаго Величества жалованной грамотѣ, данной оному преосвященному Лазарю Барановичу въ лѣто отъ міроздания 7195 укрѣплено и утверждено, по прежней благословенной Святѣйшаго вселенскаго констинтинопольскаго патріарха грамоты были ему подъ благословеніемъ и паствою Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ вѣчно и неотступно, не отлучаясь подъ благословеніе и разсуждение къ инымъ епархіямъ и кіевской митрополіи; а въ лѣто отъ міроздания жъ 7201 по грамотѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, самодержцевъ всероссійскихъ, той черниговской епархіи повелѣно быть между великороссійскими архіепископіями первоначальною,—что преосвященый митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотрѣніе.

39.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ переяславская епархія вѣдомствомъ надлежала, почему и въ данной 1708 году октября 14 дня блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра великаго бывшему тогда преосвященному Іоасафату Кроковскому, митрополиту кіевскому, грамотѣ, между прочимъ, повелѣно тогда бывшему переяславскому епископу Захаріи Корниловичу и инымъ, кои

въ томъ Переяславѣ будутъ, и всей той переяславской епархіи въ присутствіи были кіевской митрополіи по прежнему, для того что оный епископъ Захарія посвященъ митрополитомъ кіевскимъ и та переяславская епархія въ присутствіи его митрополита кіевскаго была; да и 1728 года іюля 24 дня бывшему тогда преосвященному епископу Іоакиму указомъ изъ Св. Синода велѣно о случающихся духовныхъ дѣлахъ съ тогда бывшимъ архіепископомъ кіевскимъ преосвященнымъ Варлаамомъ имѣть братолюбное согласіе по правиламъ святымъ. И епископы тоя переяславской епархіи были администраторами и коадъюторами митрополіи кіевскія до 1733 году, а когда того 1733 г. преосвященый епископъ могилевскій Арсеній Берло по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны высочайшему указу, изъ могилевской въ переаславскую епархію переведенъ, то февраля 19 дня того 1733 года учиненнымъ на его епископа Арсенія Берла доношеніе во Св. Правительствующемъ Синодѣ опредѣленіемъ велѣно ему Арсенію быть подъ властію токмо Св. Синода, а въ коадъюторѣхъ архіепископіи кіевской не быть;—почему въ той переяславской епархіи и бывшій и настоящій епископъ вѣдомствомъ до митрополита кіевскаго не надлежитъ;—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотреніе.

40.

Изъ давнихъ временъ, кромѣ великороссійскихъ и оныхъ малороссійскихъ черниговской и переяславской епархій, до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ по духовному чину и обыкновенію надлежали еще и нынѣшнія заграничныя епископіи, бывшія благочестивыя: 1) Володимирская и Берестейская; 2) Луцкая и Острожская; 3) Полоцкая и Витебская; 4) Туровская и Пинская; 5) Бѣльская; 6) Хельмская; 7) Галицкая, Львовская и Каменецкая; 8) Брестская; 9) Могилевская, Мстиславская, Оршанская и Бѣлорусская; 10) Перемышльская; 11) Подольская и 12) Самборская; а потомъ всѣхъ тѣхъ епископій епископы, кромѣ Могилевской, принявъ съ Римскимъ костеломъ унѣю, отдались въ разныхъ годѣхъ подъ послушаніе папѣ римскому и отъ Святѣйшихъ патріарховъ цареградскаго и московскаго и отъ митрополита кіевскаго отступили, а осталась только въ благочестіи могилевская епархія, которой епархіи епископъ по духовному чину и обыкновенію пріймаетъ благословеніе и рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита; и въ трактатѣ вѣчнаго мира, между Россіею и Поль-

шею 1686 года состоявшемся, упоминается о могилевской епархіи; но и та могилевская епархія предъ недавнымъ временемъ до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ не стала надлежать,—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

43.

Когда преосвященные митрополиты кіевскіе были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли всегда по исконному обычаю право и вольность, судъ и расправу, по духовнымъ и по прочимъ, до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ, въ кіевской епархіи содержать, и отъ митрополита кіевскаго дѣла къ суду вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ не переносились, и Святѣйшіе Константинопольскіе патріархи въ таковы митрополіи кіевскія суды не вступали и челобытень ни у кого не принимали; почему и когда въ 1670 году при избраніи и поставленіи малороссійскаго гетмана Юрія Хмѣльницкаго, по просительнымъ того гетмана Юрія и малороссійской старины статьямъ, въ 8 статьи великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всероссійскій, указалъ митрополиту кіевскому и прочимъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи, изволилъ обнадежить, что въ права духовныя митрополита кіевскаго святѣйшій патріархъ московскій вступатись не будетъ; такожъ и когда потомъ преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Чертвертинскій, митрополитъ кіевскій учинилъ съ подписаніемъ своея руки обѣщаніе быти со всѣмъ духовнаго чина причтомъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго на вѣки неотступно, то данною 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрныя цесаревны великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, милостивою высокомонаршею жалованнаго грамотою оному преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и всѣмъ по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ оные о содержаніи въ кіевской епархіи по духовнымъ и прочимъ до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ суды и расправы, право и вольность подтверждены, и тою грамотою точно повелѣно: судамъ митрополита кіевскаго въ его епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствующій градъ Москву съ челобытьемъ не приходити, и Святѣйшему Іоакиму патріарху москов-

скому и по немъ впредъ будучимъ Святѣйшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатись и челобытень ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюденіи, въ каковомъ она была до того времени подъ благословеніемъ Святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго патріарха; соблюденіе правъ и вольностей за кіевскою митрополіею обнадежено такожде всемилостивѣйшими жалованными грамотами, данными преосвященному Варлааму Ясинскому 7199 г. сентября 28 дня и Іоасафу Кроковскому 7217 года сентября 14 дня.—И сіе такожъ преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

44.

Когда преосвященные митрополиты кіевскіе были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли, по исконному обычаю и правамъ и вольностямъ, кромѣ свободнаго исправленія духовнаго чина и церковнаго начала, и власть не токмо епархіи своея кіевскія монастыри въ архимандриты епархіи своея людей заслуженныхъ и достойныхъ на убылые мѣста производить, но и во епископы въ епархіи, подлежавшія до митрополіи кіевскія, хиротонисати... И въ данныхъ преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Гедеону отъ Святѣйшаго Іоакима.... 1685 г., Варлааму Ясинскому 1690 г. сентября 26 д... грамотахъ точно повелѣно: имъ митрополитамъ власть имѣти хиротонисати во свою епархію епископы, архимандриты, игумены, пресвитеры, діаконы и иподіаконы, пѣвцы и чтецы и все приличествующее церковное потребство въ епископіяхъ, архимандріяхъ, Братствахъ и училищахъ творити... Того ради митрополитъ кіевскій проситъ: ему митрополиту кіевскому въ состоящіе въ епархіи кіевской монастыри на упалыя вакансіе во архимандриты тоей же епархіи кіевской заслуженныхъ... и къ знатнымъ послушаніямъ способныхъ... по прежнему производитъ дозволить и на всегда сіе дозволеніе утвердить.

66.

Духовный малороссійскій чинъ при своихъ вольностяхъ и обыклыхъ поведеніяхъ съ давнихъ временъ и лѣтъ право, когда митрополитъ кіевскій преставится или другимъ какимъ образомъ выбудетъ,—на вдовствующій кіевскія митрополіи престолъ митрополита вольными голосами и совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ. И за силу того древняго малороссійскому духовному чину позволеннаго права, какъ въ прежнихъ, такъ и въ недавнихъ годахъ, а именно: въ

7193 преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, епископъ Луцкій, 7198—Варлаамъ Ясинскій, архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, 6217—Іоасафъ Кроковскій, архимандритъ же Кіево-Печерской Лавры—на вдовствовавшій митрополіи кіевскій престолъ одинъ по другому въ митрополиты кіевскіе вольными голосами и совѣтомъ избираны и по Высочайшей всероссійскихъ великихъ государей Конфирмаціи благословеніе и рукоположеніе въ митрополиты на престолъ кіевскій отъ Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ воспріймали: якое малороссійскому духовному чину по ихъ вольностямъ и обыклымъ поведеніямъ позволенное право и въ данныхъ отъ всероссійскихъ великихъ государей онымъ преосвященнымъ Гедеону, Варлааму и Іоасафу митрополитамъ кіевскимъ, по воспріятіи имъ отъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ на престолъ митрополіи кіевской благословенія и рукоположенія, всемилостивѣйшихъ жалованныхъ грамотахъ подтверждено, и между прочіими того права о содержаніи, тѣми жалованными грамотами всемилостивѣйше обнадежено и утверждено неподвижно. Да и когда на Кіево-Печерскую архимандрію по тому жъ малороссійскаго духовнаго чина праву выбранные кандидаты блаженныя и вѣчноблаженныя памяти великой государинѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ для конфирмаціи въ 1730 году представлены, то Ея Императорское Величество государыня императрица Анна Іоанновна изволила указать архіерею кіевскому и печерской обители, по ихъ древнимъ правамъ и подтвердительнымъ грамотамъ вѣдомымъ быть въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ то при московскихъ патріархахъ было, а Синоду того архіерея кіевскаго и архимандрита Печерскаго невѣдать, и въ права ихъ и выборъ не вступать,—Того ради духовный Малороссійскій кіевской епархіи чинъ проситъ малороссійскому чину утердивъ быть при прежнихъ своихъ вольностяхъ, обыклыхъ поведеніяхъ и правахъ, Высочайшими грамотами подтвержденныхъ, за силу тѣхъ же вольностей, обыклыхъ поведеній и правъ, повелѣть по прежнему когда митрополитъ кіевскій преставится, или другимъ какимъ образомъ выбудетъ, на вдовствующій кіевскія митрополіи престолъ въ митрополита вольными голосами и общимъ совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ.

Проэктъ преосвященнаго Арсенія Могилянскаго остался, какъ и многое въ коммиссіи, неразсмотрѣннымъ и неразрѣшеннымъ.

Протоіерей Петръ Орловскій.

Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія.—Намъ поручено было переслать въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской духовной Академіи переплетенный экземпляръ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1802-й годъ. Пересматривая эту библіографическую рѣдкость, мы нашли здѣсь *двѣ корреспонденціи изъ Кіева*: одну небольшую—строкъ въ 10, а другую—довольно обширную. Изъ первой отъ 13 марта (№ 26-й) говорится, что кіевскій митрополитъ Гавріилъ (*Банулеско*) въ великой соборной церкви Успенской лавры, по окончаніи литургіи преждеосвященныхъ даровъ „со всѣми сей лавры соборными старцами и со всѣми лаврскими іеромонахами, іеродіаконами и монашествующими—служилъ *благодарственный молебенъ* о здравіи Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей фамиліи, но послѣ молитва была читана съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю прибавленныхъ Его Императорскимъ Величествомъ на содержаніе Лавры на годъ *по 3 тысячи руб.*, коихъ полученіе началось съ 1-го января сего 1802 года.

Что же касается второй корреспонденціи,—то мы считаемъ нелишнимъ привести ее всю цѣликомъ на страницахъ *Кіевской Старины*, ибо, кто и когда можетъ встрѣтить ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1802 г.?! А между тѣмъ гражданамъ Кіева *конца вѣка* очень интересно будетъ узнать кое-что изъ кіевской жизни *начала вѣка*—въ передачѣ тогдашняго собственнаго кіевскаго лѣтописца.

«*Изъ Кіева, февраля 28*».

«Кіевскій Магистратъ, имѣвъ счастье удостоиться Высокомонаршаго благоволенія, полученіемъ Государственной, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, Грамоты, подтверждающей всѣ его права и преимущества, которыми издревле сей городъ пользовался, въ силу Высочайше жалованныхъ въ разныя времена отъ Пресвѣтлѣйшихъ, въ Бозѣ почивающихъ Россійскихъ Государей Грамотъ, совершалъ, съ позволенія здѣшняго начальства, въ Нижнемъ городѣ Кіевоподолѣ торжественно, во изъявленіе таковаго всерадостнѣйшаго для кіевскихъ гражданъ происшествія, празднованіе слѣдующимъ образомъ:

Февраля 16-го, въ день воскресный, по собраніи въ Кіевскій Магистратъ всѣхъ его чиновниковъ, и по прибытіи туда Его Превосходительства, г-на Генералъ-Маіора, Кіевскаго Коменданта и Кавалера, *Массе*, началось въ 11 часу утра изъ Магистрата въ Кіево-Успенскій соборъ, при пушечной пальбѣ, шествіе; предварительно

же для сего съ особливымъ устройствомъ по обѣ стороны пути до собора стояли всѣхъ 15 цеховъ мѣщане въ надлежащемъ своемъ вооруженіи, съ ихъ начальниками и корунгвами. Высочайшей Грамотѣ предшествовали въ народномъ одѣяніи съ обнаженными саблями по три въ рядъ всѣ почетнѣйшіе, такъ называемые *Рейстровые граждане.* Потомъ песены были штандартъ и золотое Магистратское знамя при играніи градской духовой музыки.

Государственная Грамота несена была на бархатной съ золотою бахрамою и кистями подушкѣ Кіевскаго Магистрата Войтомъ, Именитымъ Гражданиномъ, *Георгіемъ Рибальскимъ*, и двумя Депутатами, Именитымъ Гражданиномъ, *Семеномъ Балабухою*, и Степеннымъ Гражданиномъ, Бургомистромъ *Петромъ Барщевскимъ*: За сими слѣдовалъ г Комендантъ съ полицейскими чиновниками, потомъ Магистратскіе члены и почетнѣйшее гражданство. Въ продолженіи Божественной литургіи, которую совершалъ Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій и Кавалеръ *Гавріилъ*, присутствовали: Его Высокопревосходительство, Господинъ Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ, *Михайло Степановичъ Коробьинъ*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присутственныхъ Мѣстъ чиновниками. Высочайшая Грамота во время отправленія литургіи лежала предъ Спасительною иконою на особо пріуготовленномъ для того столѣ; по окончаніи же литургіи говорена была пристойная сему случаю проповѣдь онаго Собора Священникомъ *Максимовичемъ*; а по окончаніи проповѣди читана была среди церкви Магистратскимъ Писаремъ *Оробіовичемъ* Высочайшая Грамота. Наконецъ, отправлялось благодарственное о вождедѣнномъ Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей Фамиліи здравіи молебствіе. Предъ возглашеніемъ многолѣтія Высочайшая Грамота окроплена святою водою; послѣ того продолжался колокольный звонъ и пушечная пальба. Изъ церкви несена оная Высочайшая Грамота съ равными обрядами и таковымъ же порядкомъ въ Магистратъ, для храненія ея между прочими въ особливомъ ковчегѣ. Обѣденный столъ того дня состоялъ на 112 кувертахъ въ новопостроенномъ для Контрактовъ домѣ, куда изъ Церкви, по предварительному приглашенію, прибыли: Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій, со знаменитѣйшимъ духовенствомъ; Его Высокопревосходительство, Г. Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ, *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Граждан-

скій Губернаторъ, *Михайла Степановичъ Коробынъ*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присудственныхъ Мѣстъ чиновниками. При питіи за Высочайшее здравіе Его Императорскаго Величества и Императорской Фамиліи, изъ пушекъ, поставленныхъ противъ онаго дому на горѣ Андреевской, учинено 150 выстрѣловъ; ввечеру же Контрактовой домъ, Магистратъ, Андреевская противъ Контрактоваго дому на горѣ стоящая церковь, были иллюминованы, и вообще весь городъ освѣщенъ; предъ домомъ же, гдѣ былъ балъ и ужинъ, поставлены были иллюминованные щиты съ вензловыми Именами Ихъ Императорскихъ Величествъ, и прозрачными пристойными картинами. Балъ продолжался до 2 час. по полуночи, и за ужиномъ, при питіи за Высочайшее здравіе, вторично изъ стоящихъ на Андреевской горѣ пушекъ производима была пальба. Таковое въ городѣ празднество, сопровождаемое балами и подобными прежнему освященіями, продолжалось сряду 3 дня; при чемъ всякаго состоянія граждане и другіе городскіе обыватели были приличнымъ образомъ отъ Магистрата угощены. Чувствованіе сердечнаго удовольствія было ясно изображено на лицѣ каждаго, и каждый житель сорадовался благополучію своихъ согражданъ, облагодѣтельствованныхъ милосердіемъ Всеавгустѣйшаго Монарха. Гражданское общество, объемля всю цѣну таковаго Высокомонаршаго къ городу ихъ благоволенія, и въ засвидѣтельствованіе богоугодныхъ своихъ намѣреній, изъ вѣроподданнической благодарности составило по общему согласію сумму 10,000 руб., предполагая на оную для ста человѣкъ дряхлыхъ, увѣчныхъ и бѣдныхъ сего города мѣщанъ, которое число и по Высочайше утвержденному отъ Ея Императорскаго Величества, Блаженныя памяти Императрицы Екатерины *Вторыя*, Штату содержать положено,—построить на каменномъ фундаментѣ съ надлежащими службами вновь, вмѣсто обвѣтшалой,—богадѣльню; и притомъ опредѣлено, соорудить каменной памятникъ, съ устроеніемъ фонтана, на Крещатицкомъ источникѣ, мѣстѣ бывшаго крещенія сыновей Святаго и Равноапостольнаго князя Владиміра, и учредить тамъ ежегодно торжественнѣйшій крестный ходъ Іюля 15 дня, въ воспоминаніе будущимъ родамъ нынѣ дарованныхъ сему городу, яко древней Столицѣ, Монаршихъ милостей.

(Моск. Вѣд. 1802 года апрѣль 30. Среда № 35, стран. 519—520).

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе августа мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ Н. П. Василенка—*5 руб.*; Я. Н. Шульгина, Ѳ. Я. Юцевича, Н. Н. Косюры—*по 3 руб.;* Ф. Столяревскаго, В. Полищука, Д. А. Кармазина, А. А. Гурскаго—*по 2 руб.*; Ан. Лащенковой—*1 р. 50 к.*; М. Моргуна, Н. Тюрина, А. Лащенка, В. Чайковскаго, А. А. Тулуба, Н. В. Левитскаго, А. Ѳ. Якубовскаго, А. Н. Козинцева, И. М. Бугаева, Н. А. Крысенка, Э. П. Б—ъ, отъ И., отъ Г., отъ трехъ неизвѣстныхъ—*по 1 руб.;* отъ И. Мировича, Я. Аврамова, А. Авраменка, А. К. Т—й, отъ Х.—*по 50 коп.;* отъ NN—*20 коп.*, всего *42 р. 2 коп.*, что вмѣстѣ съ прежними *567 р. 82 к.* (см. № 7—8) составитъ *610 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Варшава. 1896 [1]).

Еще на IX Археологическомъ Съѣздѣ рефератъ проф. И. П. Филевича «Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные» вызвалъ замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго, что «вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется», но «И. П. Филевичъ остался при своемъ утвержденіи» [2]) и въ доказательство того, что онъ не измѣнилъ ему «и до сего дня», выпустилъ въ этомъ году новое произведеніе на свои излюбленныя темы подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ *«Исторія древней Руси»*. Въ «Предисловіи» авторъ уже дѣлаетъ заявленіе, что «исторія цѣлой территоріи... до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе древнерусской жизни» (с. VIII); сюда присоединяются жалобы на то, что указанная авторомъ территорія пренебрегается русской наукой, и варіаціи на эти излюбленныя темы г. Филевича повторяются имъ почти на каждой страницѣ. Къ кому относится первая изъ этихъ жалобъ, довольно трудно понять. Повидимому, авторъ намекаетъ на такъ называемыя общія сочиненія по русской исторіи, (ср. с. 219), но въ такомъ случаѣ претензіи автора слишкомъ странны и неосновательны. Дѣйствительно, авторы почти всѣхъ этихъ

---

[1]) Въ виду того интереса, который представляетъ изъ себя новый трудъ по исторіи древней Руси г. Филевича, редакція находитъ нужнымъ напечатать оба полученные ею почти одновременно разбора, освѣщающіе достоинства и недостатки этого труда съ различныхъ сторонъ.—*Ред.*

[2]) Извѣстія IX Археологическаго Съѣзда. Вильна. 1893, № 12, с. 5—6.

общихъ сочиненій обозначили предѣлы своего изслѣдованія, можно сказать, въ заголовкахъ сочиненій: почти вездѣ стоитъ Россія, т. е. названіе государства. На какомъ же основаніи въ исторію этого государства, этой территоріи, образующей извѣстную политическую единицу, включать исторію «отъ начала и до сего дня» территоріи, входящей въ составъ другого государства, другой политической единицы? Только на томъ основаніи, что она принадлежала одной изъ вѣтвей русскихъ славянъ, въ древности на одинъ моментъ примкнула къ политической жизни другихъ частей Руси и вскорѣ вошла въ составъ Мадьярскаго государства? Но въ такомъ случаѣ достаточно включить въ исторію Россіи, т. е. опредѣленной политической единицы, исторію интересующей автора территоріи за то время, когда судьбы ея были связаны съ судьбами остальныхъ частей Руси, тѣхъ частей, которыя образовали потомъ эту Россію, включать же исторію ея «и до сего дня» излишне, такъ какъ это относится къ исторіи другой политической единицы—Венгріи. Вѣдь не требуетъ же г. Филевичъ включенія полностью исторіи Галицко-Володимірской Руси, а между тѣмъ послѣдняя дольше жила общей жизнью съ другими частями Руси, чѣмъ указанная авторомъ территорія. Если послѣдовать примѣру г. Филевича, то можно потребовать съ равнымъ основаніемъ включенія въ исторію Германіи исторіи Англіи, Франціи, Испаніи и пр., такъ какъ въ составъ ихъ вошли германскія племена. Не менѣе странны жалобы автора, что интересующая его территорія пренебрегается русской наукой, между тѣмъ какъ знакомство автора съ этой наукой далеко не полно, и можно было бы привести цѣлый списокъ книгъ и статей по интересующимъ его вопросамъ, которыя ускользнули отъ его вниманія. Напримѣръ, мы не нашли въ разбираемой книгѣ ссылокъ на сочиненіе г. Лонгинова «Червенскіе города. Варшава. 1895», хотя здѣсь затронуты между прочимъ и вопросы, интересующіе г. Филевича. Вообще, знакомство автора съ литературой по трактуемымъ имъ предметамъ заставляетъ желать нѣкотораго пополненія: напр., мы не встрѣтили ссылокъ на новое сочиненіе по исторіи Волынской земли, принадлежащее г. Иванову и вышедшее въ прошломъ году въ Одессѣ; касаясь географіи С.-З. Россіи, онъ ссылается на книжку г. Статскаго и только для могилевской губерніи пользуется спеціальнымъ трудомъ г. Дембовецкаго, хотя и для другихъ губерній есть спеціальныя сочиненія Зеленскаго, Бобровскаго и др. Къ сожалѣнію, этимъ не ограничивается рядъ излюбленныхъ темъ г. Филевича, поэтому мы

не станемъ увеличивать списокъ сочиненій, неизвѣстныхъ ему, и перейдемъ къ другимъ вопросамъ, вызываемымъ чтеніемъ «Исторіи древней Руси». Напримѣръ, весьма трудно понять встрѣчающіяся въ разбираемой книгѣ разсужденія объ истинной наукѣ, о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской исторической науки и т. п., а также разглагольствованія о самыхъ элементарныхъ методахъ историческаго изслѣдованія, при чемъ все это служитъ или прелюдіей, или заключеніемъ къ многочисленнымъ экскурсамъ автора въ область исторіи вопросовъ, трактуемыхъ имъ. Нечего и говорить, что постоянныя разсужденія автора въ указанномъ выше духѣ не только неумѣстны въ ученомъ трудѣ, но и прямо не приличны. Можно подумать, что до выступленія на научное поприще г. Филевича, въ Россіи не существовало истинной науки, а русскіе ученые были всѣ бездарны и круглые невѣжды, незнакомые даже съ элементарными методами изслѣдованія, и только съ появленіемъ г. Филевича, да немногихъ ученыхъ, удостоившихся его одобренія, явилась на Руси истинная наука. Какъ мы уже сказали выше, всѣ эти разсужденія автора сопровождаются обзоромъ мнѣній ученыхъ о «вопросахъ громадной важности», трактуемыхъ г. Филевичемъ, или заключаютъ его. Мы ничего не можемъ возразить противъ изложенія мнѣній ученыхъ по изслѣдуемому вопросу, такъ какъ это даетъ возможность читателю провѣрить взгляды автора и составить самостоятельное заключеніе о данномъ вопросѣ, но изложить всѣ эти мнѣнія ученыхъ можно въ нѣсколькихъ словахъ, и дѣлается это обыкновенно въ примѣчаніяхъ, такъ какъ изложеніе мнѣній въ текстѣ нарушаетъ послѣдовательность разсказа, чѣмъ сильно затрудняется чтеніе книги. Но авторъ дѣлаетъ это не съ такими цѣлями, какъ мы указали выше,—онъ производитъ ихъ «для примѣра», для доказательства своей излюбленной мысли о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской науки. Неумѣстность такого образа дѣйствій автора, кромѣ высказанныхъ выше соображеній, очевидна уже по одному тому, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ прямой задачѣ его книжки (см. Предисловіе), такъ такъ она должна представлять историческое изслѣдованіе, а не критико-библіографическій обзоръ мнѣній ученыхъ по разнымъ вопросамъ, затронутымъ авторомъ по пути и не по пути. Дѣйствительно, не только примѣчанія книги г. Филевича, но и текстъ наполнены массой излишняго матеріала, такихъ вещей, которыя не относятся къ исторіи древней Руси и никакъ не могутъ быть поставлены въ связь съ изложеніемъ автора.

Напримѣръ, въ изслѣдованіи г. Филевича можно найти подробное описаніе современнаго состоянія православныхъ жителей Угорской Руси (с. 189—213), замѣчаніе о латыни Вольфа (с. 7, пр.), сообщеніе о времени 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія Надеждина (с. 57, пр.) и пр. и пр.; къ этому нужно присоединить постоянныя выходки автора противъ Мадьяръ, Нѣмцевъ, Румынъ, Поляковъ и др., вслѣдствіе чего въ книгу вносится много такого, что трудно отнести къ исторіи древней Руси, напр.—замѣчаніе объ оффиціальномъ приглашеніи со стороны венгерскаго правительства перемѣнять немадьярскія фамиліи на мадьярскія (с. 197, пр.), анекдотъ о мальчикѣ-Словакѣ, отказавшемся отъ своей народности (с. 199—200, ср. также 200—213 и пр.), торжественное пророчество автора объ Угорской Руси (с. 84, пр.) и т. п. Послѣднее обстоятельство особенно насъ поразило, такъ какъ авторъ, повидимому, самъ неодобрительно относится къ *политиканству* въ трудахъ другихъ ученыхъ (с. 199), и въ тоже время вноситъ въ свое изслѣдованіе не только политиканство, но прямо духъ національной нетерпимости[1]). Вообще, авторъ вноситъ, по нашему крайнему разумѣнію, слишкомъ много субъективнаго элемента, слишкомъ много чувства въ свое изложеніе; достаточно просмотрѣть полемическія замѣчанія его, разсыпанныя въ большомъ числѣ по всей книгѣ, особенно же полемику, съ норманнизмомъ и съ Куникомъ, какъ наиболѣе виднымъ представителемъ его, больше всего. Напрасно мы стали бы искать въ возраженіяхъ автора сходства съ тѣми возраженіями, какія обыкновенно дѣлаются въ ученыхъ трудахъ: въ полемическихъ замѣчаніяхъ автора много чувства, много громкихъ словъ и фразъ, большое количество вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, встрѣчаются даже напоминанія о здравомъ смыслѣ, но научной обоснованности, фактическихъ данныхъ нельзя найти. Возьмемъ, напримѣръ, упомянутую выше полемику автора съ норманнизмомъ: въ ней много громкихъ словъ и фразъ, патетическихъ восклицаній и другихъ слабыхъ въ научномъ отношеніи элементовъ, и въ тоже время нѣтъ не только никакихъ новыхъ данныхъ, которыя могли бы послужить для вящшаго опроверженія этой теоріи, но авторъ не исчерпалъ даже раньше сдѣланныя возраженія. Все это придаетъ изложенію автора какой-то фельетонный характеръ, и мы не нашли никакой разницы между «*Исторіей древней Руси*» и напечатанной имъ недав-

[1]) Въ этомъ отношеніи особенно характерны с. с. 189—275.

но газетной статьей *«У свѣжей могилы»* (Новое Время, № 7313), посвященной, кстати сказать, также Угорской Руси. Однако и это еще далеко не исчерпываетъ тѣхъ излишнихъ элементовъ, которые авторъ внесъ въ такомъ количествѣ въ свою книгу. Много можно было бы еще указать странностей въ «Исторіи древней Руси», но характеръ журнальной рецензіи не позволяетъ намъ сильно распространяться въ этомъ направленіи, а потому мы ограничимся указаніемъ только двухъ наиболѣе бьющихъ въ глаза образцовъ. Прежде всего странна и непонятна любовь г. Филевича къ цитататамъ изъ различныхъ книгъ и статей: вся первая часть его книги наполнена ими, во второй части онъ сначала воздерживается отъ цитатъ, такъ какъ занятъ составленіемъ списковъ географическихъ именъ и разсужденіями относительно нихъ, но затѣмъ выписки появляются снова, и такъ дѣло идетъ до конца. Нельзя было бы ничего возразить, если бы авторъ цитировалъ in extenso источники, но къ сожалѣнію, онъ рѣдко ссылается на источники, и того рѣже цитируетъ ихъ, да и цитаты изъ книгъ и статей, не относящихся къ разряду источниковъ, не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго,— приводятся же онѣ и въ другихъ научныхъ трудахъ, — странно количество ихъ. Кромѣ того, авторъ вводитъ въ изложеніе безъ всякой надобности цѣлый рядъ словъ и выраженій, которыя мало употребляются въ литературномъ языкѣ, напримѣръ, *свѣдомый, прозвучивало, цѣлокупный, наклоненіе современной русской исторической науки, индѣ, доселѣшній, смѣшаніе, значительно густо населенный, внятенъ* (вмѣсто понятенъ), *вскрай, рушить, нестѣснительно провозгласилъ, вселеніе, чужеродныя вліянія, необработанность вопросовъ, огласовка, тягуче-устойчивый ходъ исторической жизни, межеумочность* и т. д. и т. д. Затѣмъ нѣкоторыя фразы автора не совсѣмъ удобопонятны, напримѣръ, «оба берега Дуная связываются рѣчными долинами», «вся сила водъ Вислы лежитъ на правомъ берегу ея средняго теченія», «первую цѣпь, огибающую горы на сѣверѣ, составляютъ Малые Карпаты, Бѣлявы и Западный Бескидъ. *Эта цѣпь отличается особенно тѣсной связанностью* и собственно говоря, тянется до границъ Трансильваніи...» и т. д. Приведенныхъ фактовъ, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно. чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ книги г. Филевича, приведемъ еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ ее въ научномъ отношеніи.

Неумѣніе автора сосредоточиться на непосредственно намѣченной имъ себѣ задачѣ, любовь отвлекаться посторонними вопросами привели къ тому, что не только ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія, но и выполненіе намѣченной имъ цѣли не таково, каково оно могло и должно быть. Возьмемъ хотя бы «Надеждинскій методъ», столь восхваляемый авторомъ,— какъ это ни странно, тѣмъ не менѣе онъ плохо понялъ его. Прежде всего номенклатурныя данныя сами по себѣ недостаточны для построенія научныхъ выводовъ: они должны быть подкрѣплены другими, болѣе авторитетными данными, это говорилъ и Надеждинъ, какъ знаетъ отлично и г. Филевичъ [1]). Къ сожалѣнію, теорія и практика у него плохо согласованы между собою: нельзя же считать, что всѣ его разсужденія о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ намѣченной имъ задачей, которыми занята добрая половина второго отдѣла его книги, подкрѣпляютъ его выводы, построенные на данныхъ географической номенклатуры. Ошибочность метода г. Филевича сказывается особенно ярко, такъ какъ онъ довольно странно и односторонне объясняетъ географическія названія: онъ истолковываетъ всѣ названія только съ помощью русскаго языка, при такихъ обстоятельствахъ, конечно, всѣ эти названія оказываются русскими. Насколько такой пріемъ раціоналенъ, понятно и людямъ, малознакомымъ съ филологіей. Дѣйствительно, сходство географической номенклатуры изслѣдуемой территоріи съ номенклатурой несомнѣнно русскихъ мѣстностей ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, что данная территорія принадлежитъ или принадлежала Русскимъ: сходство это могло произойти и отъ того, что русскій языкъ, какъ принадлежащій къ семьѣ славянскихъ языковъ, имѣетъ много общихъ и другимъ славянскимъ языкамъ корней, поэтому необходимо тщательное филологическое изслѣдованіе этихъ названій, такъ какъ сходство можетъ оказаться чисто внѣшнимъ, только въ корняхъ названій, напр: Бобръ и другія несомнѣнно русскія названія отъ того же корня и *Боброва*, *Бобровка*, *Бобровчизна* (с. 99), *Болотня* (и т. д.) и *Блотница* (с. 100) и т. д. Кромѣ того, г. Филевичъ сравниваетъ такія названія, сходство которыхъ или весьма сомнительно, или совершенно случайно, напр.: *Самецъ* (притокъ Сбруча) и угорскій «*Самошъ*» (с. 90), *Полтва* и *Полква* (ibid), *болонье* и *Ploni* (с. 97), *Коростынка* и *Костржинъ* (с. 104), *Кропивна* (Кра-

---

[1]) См. I часть его книги, ср. также II-ю.

пивна) и *Копрживянка* (ibid), *Морочь*, *Мерeчанка* и *Мочалецъ* (с. 106), *Пещанка* и *Пищанка* (с. 107), *Слупянка* и *Столпецъ* (с. 109) и т. д. Впрочемъ, данныя современной географической номенклатуры г. Филевичъ пытается подкрѣпить номенклатурными данными древнихъ документовъ; но тутъ дѣло обстоитъ еще хуже: документы эти написаны, большею частью, на латинскомъ языкѣ,—при такихъ обстоятельствахъ, понятно, трудно возстановить истинную форму названій, вслѣдствіе чего авторъ вынужденъ сопоставлять ихъ съ современными названіями, а иногда возстановлять ихъ въ виду ихъ полной непонятности. Само собой разумѣется, что эти «документальныя данныя» сами нуждаются въ подкрѣпленіи,—даже всѣ конъектуры и объясненія г. Филевича мало возвышаютъ ихъ достовѣрность. Впрочемъ, объясненія какъ «документальныхъ данныхъ», такъ и данныхъ современной географической номенклатуры бываютъ у г. Филевича довольно сомнительны, да и мотивы измѣненія названій поражаютъ иногда своею странностью; напр.: *Pelono*, *Илавы*, *Плевица*, и *Пульвы* (с. 118); *Narasd* превращается сначала въ *Harasd*, а потомъ авторъ заявляетъ, и «что въ формахъ Worosth и Harasd мы имѣемъ искаженіе слова: хворостъ, какъ называются народомъ и понынѣ два поселенія мукачевской епархіи» (с. 171—172); *Lyuk* (или *Lyuch*) авторъ объясняетъ, какъ «*Лучь* или *Лукъ*», потому что эти названія повсемѣстны (с. 173); озеро *Siemińskie* авторъ превращаетъ въ *Соминское*, такъ какъ названіе «Сомино» носятъ нѣсколько озеръ немного восточнѣе (с. 177, пр. 2), и т. д.[1]). Насколько серьезны эти «номенклатурныя указанія», насколько могутъ быть достовѣрны основанные на нихъ выводы автора, какъ мало соотвѣтствуютъ «Надеждинскому методу» его пріемы и методы, совершенно излишне говорить. Еще хуже обстоитъ дѣло, когда авторъ вступаетъ въ область историческихъ фактовъ,—тогда фантазія его не знаетъ уже никакихъ границъ. Напримѣръ, на страницѣ 137 мы читаемъ слѣдующее: «Тѣсная связь между представителями Литвы и Руси на пограничьяхъ встрѣчается въ источникахъ уже въ половинѣ XII вѣка (Ип. л. 340), наконецъ, исторія отношеній Мстислава

---

[1]) Для подкрѣпленія указанныхъ выше номенклатурныхъ данныхъ авторъ пользуется еще названіями урочищъ, связанныхъ съ корнемъ Руси,—с. 170 сдд.; но слабость этого пріема много разъ доказывалась при разборѣ различныхъ теорій о „происхожденія Руси“, авторы которыхъ прибѣгали къ такому же способу доказательства, поэтому мы считаемъ лишнимъ доказывать снова слабость пріема г. Филевича.

Мономашича къ Полоцку несомнѣнно доказываетъ солидарность не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русскаго и литовскаго населенія: за войной съ «Кривичами» слѣдуетъ война съ «Литвой». Съ этого времени Полоцкъ все сильнѣе втягивается въ литовскія отношенія, почти совершенно устранившись отъ того, что происходило на русскомъ югѣ и сѣверо-востокѣ. Но есть факты, позволяющіе думать, что полоцкіе Кривичи не бездѣйствовали и притомъ—какъ оказалось—«русскія земли дѣля». Не отвергая существованія тѣсной связи между представителями Литвы и Руси, мы должны сказать, что «связь» эта была далека отъ «солидарности не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русскаго и литовскаго населенія». Во-первыхъ, за все указанное время нѣтъ совершенно извѣстій, указывающихъ на общность интересовъ населенія Полоцкой земли и Литвы, поэтому странно говорить о какой-то «солидарности» между ними. Во-вторыхъ, данныя лѣтописей не позволяютъ намъ говорить и объ отношеніяхъ русскихъ и литовскихъ князей въ это время, такъ какъ въ относящихся сюда мѣстахъ лѣтописей нѣтъ даже упоминанія о литовскихъ князьяхъ, поэтому нельзя съ точностью констатировать, имѣли-ли тѣ части Литвы, о связи которыхъ съ полоцкими князьями можно говорить, своихъ національныхъ князей, или онѣ находились въ непосредственной зависимости отъ полоцкихъ князей [1]). Но еще болѣе странно ставить въ зависимость отъ отношеній къ Литвѣ столкновенія полоцкихъ князей съ Мстиславомъ Мономашичемъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ говорится объ этихъ столкновеніяхъ, нѣтъ ни слова ни о Литвѣ, ни о литовскихъ князьяхъ, а походъ на Литву, на который авторъ ссылается въ подтвержденіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ въ связь съ полоцкими дѣлами [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно понять, откуда почерпнулъ авторъ свѣдѣнія о полной почти изолированности полоцкихъ князей въ періодъ, послѣдовавшій за борьбой ихъ съ Мстиславомъ Мономашичемъ: наоборотъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что полоцкіе князья въ это время принимали больше участія въ событіяхъ остальной Руси, чѣмъ раньше [3]). Наконецъ, намъ было бы интересно знать, о какихъ это фактахъ, доказывающихъ дѣятельность полоцкихъ Кривичей «рус-

---

[1]) Сл. нашу работу „Очеркъ исторіи Полоцкой земли“, с. 128—130.

[2]) Ibid. с. 76—80.

[3]) Ibid, с. 83—108.

скія земли дѣля», говоритъ г. Филевичъ, такъ какъ ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ источникахъ мы не встрѣтили ничего подобнаго. Далѣе авторъ приводитъ довольно непонятный фактъ: «Ерденъ и Товтивилъ утверждаются, при содѣйствіи Мендовга, въ земляхъ полоцкой и витебской» (с. 139). Автору слѣдовало бы просмотрѣть хотя Ипатскую лѣтопись, и онъ увидѣлъ бы, что на означенной территоріи утвердились, при содѣйствіи Мендовга, Виконтъ, Товтивилъ и Эрдивидъ, а Герденъ (или Ерденъ) въ это время и не думалъ княжить въ Полоцкой землѣ и вокняжился тамъ уже послѣ смерти Мендовга [1]). Интересно было бы узнать, о какомъ родѣ Мендовга, сохранившемъ верховенство въ Литвѣ, говоритъ г. Филевичъ (с. 140), такъ такъ изъ дѣтей Мендовга только одинъ Войшелкъ княжилъ нѣкоторое время въ Литвѣ, а о другихъ потомкахъ Мендовга, которые княжили бы тамъ, изданные до сихъ поръ источники и сочиненія не говорятъ [2]). А вотъ и блестящій образчикъ логики г. Филевича: «Гдѣ поле, тамъ и земля польская, поляне, и потому полянъ встрѣчаемъ и на кіевскомъ полѣ, и на ляшскихъ поляхъ... Обычное ограниченіе кіевскаго поля пространствомъ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ можетъ имѣть, поэтому, лишь значеніе предѣловъ кіевской волости. Придавать этому термину другое значеніе, искать границъ территоріи русскихъ полянъ въ Кіевщинѣ—значитъ искать то, чего нельзя найти, такъ какъ терминъ—«поляне»—имѣетъ чисто топическое, а никакъ не этнографическое значеніе» (с. 143—144). Слѣдуя благому примѣру автора, считающему противоположныя мнѣнія недостойными опроверженія (с. 143, пр.), мы поступимъ такъ же и съ его мнѣніемъ, такъ какъ научная слабость сказаннаго имъ очевидна и безъ того. Прибавимъ только, что при помощи такой блестящей логики, авторъ можетъ доказывать присутствіе Руси, гдѣ угодно, образчики чего можно найти въ изобиліи въ его книгѣ.

Переходя къ третьему отдѣлу книги г. Филевича, мы должны признаться, что не замѣтили въ немъ никакого улучшенія въ пріемахъ и методахъ изслѣдованія. Напримѣръ, авторъ не признаетъ показаній византійскихъ писателей точными (с. 285—287), и въ то же время провозглашаетъ авторитетными арабскихъ писателей (с. 283—289 и 337). Не говоря уже о происхожденіи, составѣ, характерѣ и пр. извѣстій арабовъ, мы укажемъ на разночтенія

---

[1]) Ипат., с. 541, наша работа, с. 134—147.

[2]) Ср. Антоновича. Монографіи, т. I с. 30—35.

названій, приведенныя, напримѣръ, въ сочиненіи г. Гаркави[1]), и этого будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы признать сомнительнымъ авторитетъ арабскихъ писателей и согласиться съ скептическимъ взглядомъ на нихъ Костомарова, хотя взлядъ этотъ и былъ высказанъ 36 лѣтъ тому назадъ[2]). Но допустивъ даже, что тѣ или другія названія прочитаны вполнѣ правильно, мы находимъ сходство ихъ съ русскими и другими названіями слишкомъ слабымъ; напримѣръ, *хашанинъ* и *Кашубы* (с. 288, пр. 3), *бамджинъ* и *Бужане* (с. 337, пр. 3). Сказаннаго, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, насколько опасно строить выводы на основаніи извѣстій арабовъ; между тѣмъ, авторъ пользуется ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (с. 307 и т. д.). Но и дальнѣйшее изложеніе у него слабо въ научномъ отношеніи: напримѣръ, говоря о движеніи Аваръ, онъ отождествляетъ *Савировъ* съ *Сѣверянами*, и хотя это только гипотеза, тѣмъ не менѣе авторъ кладетъ ее въ основаніе своихъ выводовъ, какъ будто онъ имѣетъ дѣло съ самими точными данными (с. 328 слл.). Не входя въ подробный разборъ мнѣній автора о времени составленія и составѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», мы скажемъ, что толкованія тѣхъ или другихъ мѣстъ лѣтописи въ разбираемомъ отдѣлѣ поражаютъ, по обыкновенію, своимъ несоотвѣтствіемъ прямому смыслу лѣтописнаго текста. Впрочемъ, такой образъ дѣйствій автора будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что всѣ разсужденія автора клонились къ слѣдующему выводу: «*сказаніе о переходѣ русскаго имени съ Дуная и Карпатъ въ Кіевъ и составляло задачу начальной повѣсти о русской землѣ*» (с. 572). Слѣдуя методу автора, можно доказать любое положеніе, и поэтому нельзя удивляться тому, что «*списки лавр. и ипат.—древнѣйшіе по времени, представляютъ текстъ несоотвѣтствующій заглавію, а, слѣдовательно, позднѣйшій, надо думать, искаженный редакторами*» (369), за то въ никоновскомъ уцѣлѣла «*редакція древнѣйшаго свода*» (напр. с. 268), и всѣ эти «безпримѣрно рѣдкостныя» гипотезы высказаны только для того, чтобы доказать указанное уже нами мнѣніе о «задачѣ» начальной повѣсти. Если принять во вниманіе, что авторъ слишкомъ произвольно толкуетъ текстъ своихъ источниковъ, что онъ видитъ повсюду «карпато-дунайскую Словенъ-Русь», что онъ воспользовался далеко не всѣми извѣстными

---

[1]) Сказанія мусульманскихъ писателей, passim.

[2]) Начало Руси, с. 30—32.

списками «начальной повѣсти» и совершенно игнорировалъ многіе другіе источники, какими располагаетъ современная наука, то легко понять, насколько шатки какъ указанные выше выводы автора, такъ и другія предложенныя имъ въ этомъ дѣлѣ гипотезы. Вообще, любовь автора къ «карпато-дунайской Словенъ-Руси» заставляетъ его дѣлать весьма странныя вещи: отвергая съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ норманнизмъ и готизмъ, не признавая также возможности самостоятельнаго образованія государства въ Руси (с. 377), онъ впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и сторонники норманнизма и другихъ теорій о призваніи и объ иноземномъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и предлагаетъ новую теорію, конечно, объ угорскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (с. 368—369), при чемъ это относитъ онъ только къ Южной Руси (с. 368—377), а Сѣверную Русь онъ признаетъ «новою Русью» и къ ней примѣняетъ «поморскую теорію» (l. c.). Дальше этого трудно идти! Остается только пожалѣть, что г. Филевичъ не закончилъ свои фокусы съ исторіей древней Руси въ этой книгѣ и намѣревается терзать несчастную древнюю Русь еще въ нѣсколькихъ томахъ (с. IX).

Іюль 1896 года.

В. Е. Данилевичъ.

И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ 1. Территорія и населеніе. Варшава. 1896. (Стр. X+383).

Сочиненіе это напечатано по опредѣленію совѣта варшавскаго университета, какъ о томъ свидѣтельствуетъ подпись ректора П. Ковалевскаго. Печаталось оно въ типографіи Франца Чернака на ул. Краковское Предмѣстье, д. № 6.

Считаемъ необходимымъ занести эти свѣдѣнія на страницы «Кіевской Старины» для облеченія поисковъ будущимъ изслѣдователямъ нашей новины на случай утраты книги.

Безпристрастная критика должна признать то неоспоримое положеніе, что въ русской исторической литературѣ давно уже не появлялось сочиненій, написанныхъ столь живо и увлекательно, и при томъ съ такою невольно подкупающею наивностью и простосердечіемъ, какъ книга г. Филевича. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же отрицать,

что читателю доставляетъ извѣстное своеобразное удовольствіе узнать отъ автора какого-нибудь суроваго ученаго труда не только то, что соприкасается съ его прямой задачей, но и познакомиться съ самимъ авторомъ, его настроеніемъ, его размышленіями на различныя темы современности, проникнуть въ его сокровенныя думы omnibus de rebus et quibusdam aliis.. По нашему мнѣнію, оффиціальные представители науки слишкомъ сурово и жестоко обращаются съ читателями, стремясь по мѣрѣ силъ направить ихъ вниманіе прямо къ дѣлу. Эта дурная привычка представляетъ печальное наслѣдіе школьной рутины. Кто изъ насъ не помнитъ строгихъ окликовъ всѣхъ этихъ педантовъ-учителей: не отвлекайтесь въ сторону! къ дѣлу! По правдѣ сказать, все это очень скучно и неинтересно. Гораздо пріятнѣе, если можно бесѣдовать по душѣ.

Именно такой опытъ побесѣдовать съ читателемъ по душѣ и представляетъ собою книга г. Филевича, и въ этомъ мы усматриваемъ ея первое и существеннѣйшее, но конечно не единственное, достоинство. Если мы особенно настаиваемъ на немъ, то лишь потому, что въ такой сильной степени не встрѣчали проявленія этой симпатичной черты историческаго творчества со временъ незабвенной памяти Погодина.

Все сочиненіе г. Филевича подернуто легкой дымкой грусти, которая выливается въ выраженіяхъ истинно трогательныхъ. Не грустно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что исторія русскаго народа до сихъ поръ не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа, а только часть послѣдняго, вошедшую въ составъ русскаго государства? Не печально-ли, что историки русскаго народа изъ-за какихъ-то политическихъ границъ забываютъ о Руси карпатской? Необходимо исправить этотъ недочетъ,—въ этомъ и задача новаго труда г. Филевича подъ заглавіемъ: Исторія древней Руси. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ позднѣйшія политическія подраздѣленія, для него терминъ «древняя Русь» имѣетъ лишь этнографическое значеніе, ему важно опредѣлить «объемъ и взаимное отношеніе» составившихъ ее элементовъ. Это «частный сводъ по исторіи русскаго цѣлаго», только и возможный по состоянію науки. Настоящій томъ — вводный. Когда выйдутъ другіе томы, то, безъ сомнѣнія, придется вносить поправки въ содержаніе настоящаго тома (стр. IX). Такъ предупреждаетъ авторъ неопытнаго читателя, повидимому, опасаясь чтобы читатель по наивности и въ самомъ дѣлѣ не повѣрилъ всему

тому, что дальше говорится въ этомъ вводномъ томѣ. Тѣмъ не менѣе, читатель тутъ же узнаетъ, что авторъ взялся за дѣло серьезно, пользовался совѣтами и указаніями акад. Ягича, проф. Пича и Кочубинскаго, производилъ поиски въ архивахъ Пешта и Вѣны и т. д., ознакомился самолично съ словаками и угро-руссами. Значитъ, хотя въ будущихъ томахъ, быть можетъ, и придется «возвратиться на первое», но и настоящій томъ не незаслуживаетъ вниманія.

Глава первая названа: «задача и методъ изслѣдованія». Это очень любопытная и поучительная глава. Оказывается, что автора интересуетъ не только угорская Русь и ея предполагаемая древность, какъ матеріалъ для русской Vorgeschichte, но и румунское покарпатье. Къ обоимъ относятся и темные намеки лѣтописи, и завѣтныя преданія и пѣсни народа (Дунай). «Какую роль въ обще-славянскомъ играетъ частное-русское? Какую роль въ русскомъ родѣ играютъ отдѣльные его виды?—Вотъ вопросъ! Какой отвѣтъ даетъ на него наша историческая наука? Никакого». Археологія и этнографія молчатъ, филологія младенчествуетъ, а «изслѣдователь древне русской жизни на Карпатахъ чувствуетъ шаткость научной постановки вопросовъ даже о взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ частей русскаго вида, чувствуетъ изолированность своего положенія въ общемъ ходѣ развитія науки» (стр. 21). Поиски за таинственною русью привели науку въ безвыходное положеніе, но все таки «главное наклоненіе современной русской исторической науки въ вопросахъ нашей древности обращено на югъ. Карпато-дунайской Руси въ этомъ случаѣ не миновать. До сихъ поръ, однако, нѣтъ труда, который бы на ней сосредоточился» (стр. 23). Положимъ, и есть кой что, но все это частности, исчерпывающаго ничего нѣтъ, а прочее—никуда негодится. Восполнить этотъ пробѣлъ—такова задача, о которой, по правилу non bis in idem, вновь сообщаетъ намъ предупредительный авторъ.

Положеніе изслѣдователя при разрѣшеніи этой задачи поистинѣ трагическое: матеріала почти нѣтъ, а что и «найдется индѣ, такъ разбросано, что собрать существующій матеріалъ весьма нелегко. Кромѣ того, и въ томъ, что имѣется въ трудахъ нашихъ сосѣдей—поляковъ, мадьяръ, румунъ, цѣли и задачи изслѣдователей вовсе не заключаются въ постановкѣ и обслѣдованіи вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ племенемъ. Это отвлекаетъ вниманіе изслѣдователя по сторонамъ (куда?—авторъ не поясняетъ), заставляетъ его много разъ терять нить и почти безнадежно опускать руки... Од-

нимъ словомъ, научные вопросы, связанные съ Карпатами, такъ широки, запутаны, такъ скуденъ относящійся къ нимъ матеріалъ, такъ онъ, при всей своей скудости, неясенъ и критически неразработанъ, что развѣ только будущему удастся разсѣять туманъ, окутывающій древность Карпатъ непроглядною тьмою... На этой нивѣ еще долго одно поколѣніе русскихъ ученыхъ будетъ соревновать съ другимъ. Будущее—дай Богъ не особенно отдаленное!—прольетъ, безъ сомнѣнія, полный свѣтъ на затронутые въ настоящемъ изслѣдованіи вопросы, но собираніе матеріала безконечно, а для научнаго движенія необходимы попытки сводить существующія данныя» (стр. 24).

До сихъ поръ о задачѣ. Правда, все это нѣсколько темно и даже запутано и похоже на оправданія невыучившаго уроковъ ученика, но, въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе ученаго въ этомъ туманѣ неизвѣстности и въ тоже время какая трогательная, можно сказать самоубійственная преданность этому туману вѣковъ, безъ просвѣта и надежды. Очевидно, у нашего изслѣдователя есть пути и способы какъ нибудь продержаться въ такой тяжелой обстановкѣ, хотя-бы и опуская много разъ почти безнаджено руки и теряя нить. Этотъ способъ и заключается въ его методѣ, основы коего развиваются на стр. 25—68. Это методъ покойнаго Надеждина, а именно—изслѣдованіе *языка земли* или, попросту говоря, географическихъ названій, и языка народа или племени вообще, изученіе этнографіи, антропологіи и археологіи и критическое обслѣдованіе древнихъ письменныхъ памятниковъ. Конечно, все это не ново и наука собственно и идетъ по этому пути независимо отъ Надеждина, но ошибка огромнаго большинства ученыхъ заключается въ томъ, что они ведутъ изслѣдованіе отъ мрака древностей къ намъ, а не отъ насъ къ мраку временъ. Это способъ архаическій, свойственный неразвитому критическому чутью старинной письменности. Народъ довольствуется преданіемъ и на немъ возводитъ свои историческія представленія, но наука этимъ не довольствуется, она требуетъ доказательствъ старобытности. Эти доказательства и могутъ быть найдены лишь путемъ обратнаго или регрессивнаго метода. Между тѣмъ, основы этого надеждинскаго метода не усвоены русскою наукою. На западѣ Шембера работалъ, правда, въ этомъ направленіи, но нѣмцы его осмѣяли, хотя Шембера повторилъ положенія Надеждина почти слово въ слово. «Какъ отнеслась къ нимъ наука, мы видѣли. Какъ раздваивается она и по настоящее время, тому можно-бы привести не мало примѣровъ. Въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ достоинству науки, нечего говорить...

Но слѣдуетъ твердо помнить: въ настоящее время раздвоеніе замѣчается только въ области изученія славянскихъ древностей, а во всѣхъ другихъ областяхъ обратный методъ имѣетъ и въ настоящее время единственное право гражданства» (53).

Идеи Надеждина (въ изложеніи нашего автора) не нашли прямого отголоска въ наукѣ русской исторіи, отчего и произошли гибельныя послѣдствія, «безпримѣрно рѣдкостный ходъ развитія ея.» Славянская наука совершала порочный кругъ, вертѣлась какъ бѣлка въ колесѣ, а ларчикъ просто открывался. «Какъ ни грустно это обстоятельство само по себѣ, оно безспорно устраняетъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ вѣрности основъ надеждинскаго метода, который, послѣ всесторонней провѣрки, является прочнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, незыблемой основой, на которой славянская наука смѣло можетъ строить свое величественное зданіе, а имена Суровецкаго, Шафарика, Надеждина и Шемберы записаны будутъ на фронтонѣ этого зданія, какъ имена первыхъ его строителей» (50).

Мы ни мало не сомнѣваемся, что на этомъ фронтонѣ будутъ записаны и нѣкоторыя другія имена, столь же значительныя, какъ Шембера, и увѣковѣчена память работниковъ, столь же потрудившихся для славянской древности, какъ Надеждинъ. Въ частности-же г. Филевичу принадлежитъ заслуга, такъ сказать, открытія Надеждина: «Только черезъ 57 лѣтъ мы почувствовали необходимость обратиться къ самому «Опыту» (Надеждина), разыскать старый томъ «Библіотеки для чтенія» и положить мысль Надеждина въ основу изученія предмета. Примѣч. 4: Моя «Угорская Русь» Варш. унив. изв., 1894. V». (44)[1]).

Вотъ то существенное, что сообщаеть читателю авторъ о методѣ, котораго онъ намѣренъ придерживаться. Методъ очень хорошій, не стоить возражать противъ него, если только авторъ дѣйствительно будетъ его держатся. Ибо надо твердо помнить слѣдующее требованіе Надеждина, извѣстное г. Филевичу (38): для пользованія *языкомъ земли* «необходима предварительная работа надъ географической номенклатурой, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытнымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли».

---

[1]) Авторъ ссылается еще и на изслѣдованіе П. В. Голубовскаго о Смоленской землѣ, но эта ссылка просто неосторожна, принявъ во вниманіе различіе задачъ обоихъ трудовъ въ данномъ вопросѣ.

«Судьба идей Надеждина поселяетъ утѣшительную увѣренность въ томъ, что истина не пропадаетъ; но процессъ ея торжества способенъ возбуждать грустныя мысли,» элегически замѣчаетъ нашъ авторъ на стр. 57 своего пространнаго экскурса въ область методологіи. Но жаль, что на стр. 59 это торжество уже стушевывается: оказывается, что «обратный методъ, конечно, не замѣнитъ прогрессивнаго, ибо послѣдній представляется наиболѣе естественнымъ въ изложеніи судебъ народа, излагая ихъ въ послѣдовательной постепенности отъ начала до конца. Но такъ какъ прогрессивный методъ не имѣетъ никакой возможности установить въ точности начальный моментъ—нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, связывать начало народной жизни съ текстуальнымъ упоминаніемъ народнаго имени—то, въ этомъ отношеніи, онъ долженъ уступить мѣсто обратному и терпѣливо ожидать своей очереди, т. е. того времени, когда славянская древность, путемъ обратнаго изученія, будетъ установлена. Наступитъ это, во всякомъ случаѣ, не скоро, ибо обратный методъ можетъ допускать лишь частное обслѣдованіе древности отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, и только послѣ этого можно будетъ дѣлать заключеніе о славянскомъ родѣ, который, слѣдуетъ надѣяться, предстанетъ тогда въ полномъ и дѣйствительно вѣрномъ освѣщеніи» (60). Методы борьбу ведутъ, прогрессивный методъ, ошибочный, одолѣлъ, а вѣрный регресивный, за недостаткомъ матеріала, можетъ противопоставить врагу лишь чувство и здравый смыслъ. «Это, конечно, не мало, но лишь тогда, когда чувство выступаетъ не порывомъ, когда здравый смыслъ представляетъ методъ. То и другое начинается лишь съ Надеждина (открытаго нашимъ авторомъ). Но и Надеждинъ оказался безсиленъ...

Только на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ изученія славянской древности можетъ получить надлежащее объясненіе и наша «славянская» школа (Пассекъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Морошкинъ). Это объясненіе—прямая задача будущаго (?!), а по количеству накопившагося матеріала, Богъ дастъ, будущаго неособенно далекаго» (63).

Итакъ методы борются, но нашъ авторъ предпочитаетъ методъ обратный, т. е. нѣчто въ родѣ противоположнаго общаго мѣста. Но вотъ бѣда: на стр. 65 вновь узнаемъ, что Карпаты во многихъ мѣстахъ и понынѣ terra incognita, особенно въ діалектологическомъ и даже археологическомъ отношеніи, а для нѣкоторыхъ мѣстъ и этнографическія данныя весьма не богаты. Поэтому главными источниками остаются—письменные и языкъ земли. Правда, это матеріалъ скользкій—этотъ языкъ земли. Поэтому авторъ не считаетъ пока

возможнымъ вдаваться въ частности и въ систематизаціи географическихъ именъ укажетъ лишь самыя общія группы. Съ этнографіей дѣло еще хуже, поэтому придется пополнять крайне скудныя указанія анологіями. Засимъ, на стр. 67 узнаемъ, что, «по справедливому замѣчанію Войцѣховскаго, обратный методъ есть собственно комбинація метода прогрессивнаго и обратнаго».

Итакъ, вотъ, съ божьей помощью, какой поворотъ: прогрессивный методъ занялъ чужое мѣсто; между тѣмъ, онъ долженъ ожидать своей очереди, пока не исполнитъ свою роль методъ регрессивный; но сей послѣдній не можетъ ее исполнить безъ помощи врага. И получается сказка о бѣломъ бычкѣ. Несмотря на похвальныя усилія автора нѣчто уяснить, получается впечатлѣніе очень скверной шутки, за которую школьнику учитель сказалъ-бы: «мальчикъ, ты начинаешь завираться».

Но такъ какъ «Исторія древней Руси» написана повидимому человѣкомъ совершеннолѣтнимъ, то считаемъ необходимымъ отмѣтить еще одну особенность его методологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить категорическій вопросъ акад. Кунику: г. Куникъ, куда вы дѣвали рукописи Гедеонова? Казусъ вотъ въ чемъ: г. Филевичъ очень не любитъ норманнистовъ и разумѣется прежде всего г. Куника за его ужасныхъ Родсовъ. Г. Филевичъ съ свирѣпостью героини крыловской басни преслѣдуетъ почтеннаго академика многочисленными уколами, по счастью не ядовитыми, ибо они не отравлены ядомъ наукъ. А такъ какъ противъ норманнистовъ выступалъ въ свое время Гедеоновъ, который написалъ при этомъ какую то неизданную статью о Карпатской Руси, и такъ какъ г. Филевичу весьма интересно было-бы знать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь, а между тѣмъ рукописи покойнаго находились въ разсмотрѣніи г. Куника, то г. Филевичъ «при посредствѣ лица, оффиціально стоящаго довольно близко къ почтенному академику, наводилъ справку о судьбѣ бумагъ Гедеонова, но получилъ самый неопредѣленный отвѣтъ». Поэтому наука потеряла возможность узнать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь (43) и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ ее и г. Филевичъ.

Полагаемъ, что г. Кунику не предстоитъ оправдываться предъ ученымъ міромъ, но отмѣчаемъ эту интересную попытку приложенія регрессивной методы къ изслѣдованію карпато-русскихъ вопросовъ.

Оставляемъ въ сторонѣ множество другихъ не менѣе поучительныхъ эпизодовъ, разсѣянныхъ въ великомъ изобиліи на протяженіи первой главы, такъ какъ они тоже не относятся къ дѣлу, т. е.

къ вопросу о задачѣ и методѣ изслѣдованія. Конечно, можно быть въ претензіи на автора за то, что онъ оставляетъ читателя въ какомъ то тяжкомъ недоумѣніи и смятеніи всѣхъ чувствъ, но въ этой путаницѣ идей и представленій есть что-то до такой степени своеобразное, такъ сказать разухабистое, что остается удовольствоваться изреченіемъ: «по плодамъ ихъ узнаете ихъ» и обратиться къ главѣ второй: «территорія и населеніе» (69—275). Здѣсь именно и должны воочію обнаружиться всѣ достоинства регрессивнаго метода, препрославленнаго столь запутанно нашимъ авторомъ, очевидно не принадлежащимъ къ числу знатоковъ подобныхъ трудныхъ вопросовъ.

Прежде всего авторъ преподноситъ намъ весьма и весьма смутное описаніе карпатской территоріи. Описаніе сдѣлано по труду Регмана, вышедшему въ прошломъ году (Ziemie dawnej Polski etc., cz. I). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ недостаточно обратилъ вниманія на методу труда Регмана, предупреждающаго противъ телеологическаго направленія въ географіи и въ частности противъ писателей, которые «соединяютъ невѣжество съ научнымъ шарлатанствомъ». Дѣло въ томъ, что Регманъ разсматриваетъ природу страны исключительно въ физическомъ отношеніи и не пускается ни въ какія догадки по части политической географіи. Г. Филевичъ не удовлетворенъ такимъ отношеніемъ къ дѣлу и берется договорить невысказанное Регманомъ. (75). Именно впадая въ ошибку, указанную Регманомъ, г. Филевичъ весьма докторально толкуетъ о связи Карпатъ съ сосѣдними плоскогоріями и долинами и о вліяніи, которое связи эти должны были имѣть на этнографическій обмѣнъ; но всѣ эти соображенія отличаются такою примитивностью и наивностью, что разбирать ихъ подробно не стоитъ. Не понявъ методы Регмана, нашъ авторъ побѣдоносно заявляетъ, напр., что на востокѣ карпатскій міръ естественно сливается съ русскимъ міромъ, не представляя съ этой стороны никакой (!) природной грани и связываясь со всѣмъ русскимъ югомъ въ общемъ тяготѣніи къ древнему «Русскому» морю (74). Это значитъ притягивать географію за волосы къ доказательству какихъ угодно нелѣпостей, но такой пріемъ слишкомъ дешевъ, и Регманъ за него не похвалилъ-бы нашего автора. У Регмана рѣчь идетъ о связи горообразованій, а подъ перомъ г. Филевича эта связь превращается въ естественное сліяніе двухъ этнографическихъ областей. Это неосторожно,—мы привыкли думать, что горные хребты все же служатъ нѣкоторымъ препятствіемъ для этнографическаго обмѣна, но теперь ясно, до чего мы заблуждались. Въ общемъ, предложенное г. Фи-

левичемъ описаніе Карпатъ и смежныхъ съ ними областей, какъ всякая торопливая компиляція, не только ничего не уясняетъ, но способно лишь породить отвращеніе къ географическимъ экскурсамъ историковъ, и во всякомъ случаѣ не видно отношенія этого описанія къ исторіи древней Руси, ибо Русь этимъ не объяснить, а приводимыя авторомъ имена славянскаго корня ровно ничего не даютъ читателю и никакой для него новости не представляютъ, какъ и указанія съ чужаго голоса на взаимное вліяніе языковъ славянскихъ и венгерскаго съ румунскимъ. По нашему мнѣнію, всѣ эти экскурсы служатъ автору лишь рамкой для ознакомленія читателя съ его собственной личностью, и въ смыслѣ автобіографическомъ «территорія и населеніе» г. Филевича отличаются большими достоинствами. Онъ имѣлъ несчастіе побывать въ Угорской Руси. Не зная вергерскаго языка, въ чемъ нетрудно убѣдиться по характеру его источниковъ, авторъ не можетъ успокоиться отъ опасенія, что кому нибудь останется неизвѣстнымъ его пребываніе въ Венгріи. И вотъ, «нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣлъ Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ», онъ «беретъ смѣлость (далѣе курсивомъ) рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угріи будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣетъ теперь угорская равнина» (84), онъ дважды оповѣщаетъ, что видѣлъ въ архивѣ выписки-фоліанты историка Горвата (которыми, замѣтимъ, не могъ пользоваться по незнанію языка) и т. д. Все это прекрасно, но гдѣ же тутъ исторія или территорія Руси? Эту несчастную Русь г. Филевичъ все никакъ не можетъ схватить за рога и ему остается, безпомощно опустивъ руки, лишь бесѣдовать съ читателемъ по душѣ.

Мы всецѣло признаемъ необходимость для историка знать современный бытъ народа, исторію котораго онъ изслѣдуетъ, но признаемъ мы это отнюдь не на основаніи опыта г. Филевича, ибо ни одной живой или неизвѣстной черты, уясняющей эту исторію, онъ привести не можетъ. Это все какія то жалкія потуги вставить и свой голосъ въ разговоръ взрослыхъ и въ вѣковой споръ народностей, но голосъ этотъ лишенъ всякаго разумнаго содержанія. Авторъ все продолжаетъ продѣлывать надъ читателемъ ту же скверную штуку: пишетъ безъ конца и краю, а къ чему это все—уловить невозможно. Эта тайна только и можетъ быть уяснена съ точки зрѣнія автобіографической: автору не убѣдить читателя нужно, а лишь познакомить

съ оргинальнымъ складомъ своего мышленія. Конечно, такая книга не заслуживаетъ серьезнаго разбора.

Обнаруживъ въ географической номенклатурѣ Покарпатья только «путаницу», весьма характерную для откровенности автора, и нисколько не распутавъ ее, г. Филевичъ «отваживается коснуться» этнографіи этой территоріи. Вопросъ здѣсь въ томъ, какъ связать славянъ VI в., населявшихъ области позднѣйшей Венгріи, съ племенемъ русскимъ, выступившимъ въ историческую эпоху. Для этого г. Филевичъ провозглашаетъ прежде всего положеніе, требующее доказательства, а именно, что «съ начала исторической эпохи мы видимъ на нашей территоріи малорусскій или южно-русскій видъ русскаго племени» (87). Хорошо, повѣримъ автору на слово. Сближеніе мѣстныхъ названій (Самошъ-Самецъ), общность названій рѣкъ (Гуечка-Гуйва и пр.) доказываютъ, что эта территорія (т. е. Трансильванія, Побужье, Поверпіе, Понаревье и Понѣманье) этнографически однородная (89).

Опять приходится вѣрить автору на слово, потому что этнографическая связь, въ смыслѣ общей славянской основы, не требовала доказательства: очевидно, рѣчь идетъ о связи частей русскаго племени.

Засимъ, довольно неожиданно, авторъ переходитъ къ мѣстнымъ названіямъ въ т. наз. припятской впадинѣ. Это потому, что для этой мѣстности есть извѣстія, какихъ для «нашей» территоріи не имѣется. Пріемъ весьма оригинальный. Разумѣется, тутъ сейчасъ и Moriz съ Plot'омъ = болотомъ и шафариковскіе Марицане, — исторія довольно извѣстная и до смерти надоѣвшая. Засимъ, идутъ народныя названія лѣсовъ въ различныхъ областяхъ славянскихъ поселеній, но бѣда въ томъ, что «мы не знаемъ, какъ древни эти названія» (92), названія мостовъ, гатей—съ такимъ же успѣхомъ. «Такое же (какое?) значеніе имѣетъ и названіе *буда*. Оно распространено по всей Россіи, въ мѣстахъ болѣе или менѣе сухихъ и лѣсистыхъ», (96), а въ связи съ будами находятся *майданы*: въ восточной Россіи для населенія этихъ мѣстъ существуютъ названія «паны, бутаки, поляки, литва ягуны, что указываетъ на бѣлорусовъ.» Затѣмъ идутъ рудни, ржавцы, болонья и т. д. и т. д.

Считаемъ излишнимъ доказывать всю колоссальную нелѣпость подобнаго пріема и всю огромность невѣжества нашего автора въ вопросѣ, для обсужденія котораго онъ не располагаетъ самыми элементарными данными. Конечно, эти буды и руды, какъ доказатель-

ство автохтонности карпато-руссовъ, неподражаемы, но насъ интересуетъ вопросъ, какимъ филологическимъ методомъ пользуется авторъ и на чемъ основываетъ онъ свои сближенія (которыя, впрочемъ, во всякомъ случаѣ къ дѣлу не относятся). Никакія усилія не въ состояніи выяснить этотъ трудный вопросъ: авторъ все жалуется на бѣдность славянской діалектологіи, на скудость матеріала и при этомъ свысока отзывается о такихъ, напр., трудахъ, какъ извѣстные «Очерки» Барсова. Нагромоздивши безъ толку названія новѣйшаго времени и, какъ *буда*, несомнѣнно поздняго происхожденія, нашъ авторъ съ видомъ скромнаго знатока заключаетъ: «быть можетъ, такимъ образомъ, не вполнѣ неосновательно предположеніе, что картина жизни, какую мы можемъ въ точности прослѣдить на русской почвѣ, особенно на востокѣ, еще въ XVII—XVIII вѣкахъ, открывается по отрывочнымъ указаніямъ на западно-славянской почвѣ съ самаго начала исторической эпохи» (98). «Можно-ли запрещать изслѣдователю примѣнять аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама предлагается очевиднымъ (?!) смысломъ явленій?» и т. д., и т. д. Оказывается еще, что Буда (Пештъ) несомнѣнно славянскій поселокъ, хотя славянство этого слова еще не установлено, да и самое имя это появляется въ документахъ отнюдь не начала исторической эпохи. И въ концѣ концовъ остается темнымъ, что собственно думаетъ доказать всѣмъ этимъ наборомъ словъ трудолюбивый нашъ авторъ.

Далѣе картина еще болѣе изумительная: авторъ начинаетъ читать *языкъ земли*, то есть выписываетъ рядъ мѣстныхъ названій изъ общедоступныхъ источниковъ на пространствѣ чуть-ли не всей Галичины, царства польскаго, сѣверо и юго-зап. края (98—110). Названія эти требуютъ ближайшаго изслѣдованія какъ со стороны языка, такъ и въ отношеніи хронологіи. Авторъ беретъ актъ XIII в. объ основаніи одного монастыря въ Силезіи, излагаетъ его in extenso и затѣмъ заключаетъ: «документъ представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Передъ нами съ полнѣйшей наглядностью открывается исторія заселенія и обработки клочка славянской земли. Выкорчевываются лѣса, проводятся просѣки на далекое пространство, основываются поселенія. И это дѣло, очевидно, давнее-давнее!» Разсужденіе объ этомъ неотносящемся къ дѣлу документѣ тянется на нѣсколькихъ страницахъ, затѣмъ идутъ размышленія о дотаціи плоцкой епископіи, и засимъ оказывается, что «для русской части нашей территоріи мы не имѣемъ столь подробныхъ перечней древнѣйшаго времени» (т. е. даже XI—XIII в.). Остается обратиться къ

позднѣйшимъ картамъ и перечнямъ. Въ филологическій анализъ авторъ рѣшилъ не вдаваться (еще-бы!), а предпочитаетъ слѣдить по картамъ за характеромъ языка земли, дабы узнать, какъ далеко на с. в. и ю. з. отъ Карпатъ простирается славянскій чеканъ названій и гдѣ онъ прерывается. Засимъ слѣдуетъ новая выписка словъ на 10 страницахъ (123—132) уже изъ польскаго географич. словаря, относящихся какъ къ Малой, такъ и Вел. Польшѣ и Литвѣ. Въ результатѣ такое грустное сознаніе: «Мы не можемъ всесторонне освѣтить вопросы, связанные съ этимъ рядомъ названій, потому что не можемъ взять на себя ихъ филологическаго анализа. Оттого представленная нами часть лѣтописной страницы (?!) нашего края теряетъ много въ своей доказательности.»

Это святая истина, но тѣмъ не менѣе, при всемъ безсиліи своемъ справиться съ этими нагроможденными безъ толку рядами именъ, авторъ «ни малѣйше не сомнѣвается, что отмѣченныя названія неразрывно связываютъ нашу территорію съ Литвой и русскимь славянствомъ на с. в., съ одной стороны, съ славянствомъ лашскимъ на с. з.—съ другой стороны. Позволительно даже допустить, что въ отмѣченныхъ звукахъ языка земли скрываются, быть можетъ, отголоски того языка, который не былъ ни литовскимъ, ни славянскимъ въ собственномъ смыслѣ слова, но который заключалъ въ себѣ зародышъ того и другого языка» (134)... Adhuc филологія, а затѣмъ слѣдуетъ исторія отношеній Литвы къ полоцкимъ князьямъ, но и здѣсь получается путаница жестокая (137 сл.) и тѣмъ болѣе прискорбная, что все это разсужденіе къ дѣлу не относится.

Въ такомъ же родѣ и предлагаемый авторомъ «анализъ возвышенности» (142—169), т. е. области полянъ, Подолья, Побужья, Покутья, Бескидъ: снова рядъ именъ, ничего не говорящихъ и къ дѣлу не относящихся, такъ какъ они не даютъ намека на русское племя. Разсужденія автора по поводу сихъ именъ—рядъ загадокъ и растерянныхъ признаній о томъ, что съ этими именами, въ сущности, ничего не подѣлаешь. По отношенію къ Трансильваніи авторъ останавливается на словахъ съ корнемъ *рус.*, венг. orosz, нѣм. reuss. Оказывается однако, что древность этихъ названій ничѣмъ не установлена (174 стр.), при чемъ авторъ не потрудился даже прослѣдить исторію отношеній Венгріи къ русскому племени хотя-бы съ 12 в., дабы отвергнуть предположеніе, что эти названія могли возникнуть въ позднюю историческую эпоху путемъ мирной или насильственной колонизаціи. Между тѣмъ, свѣдѣнія эти онъ легко могъ-бы почерпнуть

въ самыхъ доступныхъ сочиненіяхъ по исторіи венгерскаго государства.

Труднаго вопроса о русской стихіи въ валашскомъ племени авторъ тоже избѣгаетъ касаться, и въ результатѣ мы довольно неожиданно читаемъ: «Такимъ образомъ въ сотый разъ мы убѣждаемся, что номенклатурныя указанія представляютъ серьезныя данныя, которыя нельзя игнорировать при освѣщеніи древнѣйшихъ судебъ народа» (177). Но народа пока еще нѣтъ, авторъ еще не провелъ моста чрезъ пропасть между VI и IX в. в. Ему нѣтъ времени этимъ заниматься, такъ какъ вотъ онъ уже въ области бродниковъ и берладниковъ, въ Подольи, слегка затронулъ гуцуловъ, Подолье, Бессарабію, и вотъ мы уже на Бихарскихъ горахъ. Никакого самостоятельнаго труда въ этихъ странствіяхъ автора не видно: все это рядъ выписокъ чужихъ мнѣній и сводовъ, туманныхъ соображеній, полунамековъ, какое то кокетничанье съ наукой, а русскаго народа и его Vorgeschichte обѣщанной все таки нѣтъ какъ нѣтъ. Авторъ любезно беретъ на себя посредничество между почтенными работниками на полѣ угорско-русской этнографіи, языка и исторіи, Гунфальви и проф. Кочубинскимъ (194), но никакого толку и эта метода не даетъ, ибо для рѣшеніи сложныхъ вопросовъ исторической этнографіи необходимо самостоятельное изслѣдованіе, къ которому нашъ авторъ явно неспособенъ, какъ это видно изъ каждой строки его пестраго и занимательнаго труда. Непонятно лишь одно: для чего пишется книга почти въ 400 страницъ, если она переполнена признаніями въ родѣ нижеслѣдующаго: «Отмѣченные выше вопросы о славянствѣ занимающей насъ территоріи едва-ли когда нибудь будутъ освѣщены такъ, чтобы исключать всякую возможность сомнѣній и недоумѣній. Научная требовательность и точность не можетъ удовлетвориться общимъ освѣщеніемъ столь важнаго вопроса, а указаніе частностей при отсутствіи опредѣленныхъ свидѣтельствъ (напр., данныхъ о времени основанія поселеній, статистическихъ свѣдѣній о взаимодѣйствіи народностей) *невозможно*» (210). Если это такъ, то не правы-ли мы были, утверждая, что «Исторія древней Руси» г. Филевича есть собственно аллегорическая автобіографія, ибо если она не такова, то въ такомъ случаѣ это очень скверная шутка въ отношеніи читателя.

Мы дошли до 210 страницы—еще остается 170 страницъ, не менѣе интересныхъ и поучительныхъ въ научномъ смыслѣ, полныхъ открытій изумительныхъ и мыслей блестящихъ. Признаемся, мы опускаемъ въ безсиліи руки предъ этою неистощимою любезностью г.

Филевича, который говоритъ рѣшительно обо всемъ, кромѣ исторіи русскаго племени въ древнемъ Покарпатьи: такъ до самаго конца книги онъ и не можетъ отыскать этого племени, усердно знакомя читателя лишь съ своей біографіей въ обширномъ смыслѣ слова. Отъ рѣшенія каждаго сколько нибудь толково поставленнаго вопроса авторъ упорно уклоняется, ссылаясь то на свою профессію историка, которому позволительно не быть филологомъ, то на отсутствіе матеріаловъ, то на недостаточность подготовительныхъ работъ, то на мудрое изреченіе: festina lente и т. д. Нѣтъ возможности перечислить всѣ извороты и ухищренія нашего автора, пишущаго автобіографію и не желающаго сознаться въ этомъ. Безъ сомнѣнія непріятно написать толстую книгу по исторіи народа, въ которой никакой исторіи нѣтъ, какъ въ этомъ наглядно убѣждаютъ выставленные авторомъ тезисы (272), гдѣ все вѣрное не ново и къ дѣлу не относится, а новое—не доказано или просто не имѣетъ смысла; но, какъ фактъ біографическій, и такая книга имѣетъ свое значеніе въ общемъ ходѣ бытія.

Авторъ потратилъ много усилій для сокрытія истинной цѣли книги, много спорилъ съ разными учеными и неучеными людьми, упрекалъ мадьяръ, нѣмцевъ, поляковъ за отсутствіе у нихъ истиннаго славянскаго чувства и «метода», много потрудился надъ разъясненіемъ основъ своего собственнаго метода (отнюдь не надеждинскаго); наконецъ, своею задушевностью и нѣкоторою развязностью въ отношеніи читателя онъ доставилъ послѣднему не мало веселыхъ минутъ Такія минуты и мы испытали, изслѣдуя сокрытую аллегорію «Исторіи древней Руси». Въ благодарность автору за его теплое отношеніе къ любителямъ біографическихъ этюдовъ, позволимъ себѣ тоже высказать нѣсколько тезисовъ по поводу этой высоко любопытной книги:

1) При изслѣдованіи Vorgeschichte угорскихъ руссовъ или даже славянъ вообще не мѣшало-бы ознакомиться ближайшимъ образомъ также съ бытомъ, языкомъ и научной литературой какъ самихъ руссовъ, такъ мадьяръ и румынъ.

2) Приступая къ изслѣдованію этой Vorgeschichte, необходимо твердо помнить, что наука не признаетъ никакихъ отговорокъ для историка, заявляющаго, что онъ не филологъ и т. п., ибо ежели безъ помощи филологіи нельзя обойтись въ этомъ случаѣ, то незачѣмъ и предпринимать дѣло невыполнимое. Тоже относится и до этнографіи, антропологіи, археологіи: что-же дѣлать, приходится Vorgeschichtsschreiber'амъ знакомиться и съ этими трудными науками.

3) Необходимо твердо помнить, что наука требуетъ разумныхъ доказательствъ, ибо въ противномъ случаѣ она обратилась-бы въ семейное развлеченіе или пошлую шутку.

4) Слѣдуетъ памятовать, что не всегда изъ столкновенія чужихъ мнѣній вытекаетъ истина, и что мѣшокъ съ горохомъ отнюдь не составляетъ органическаго цѣлаго.

5) Ежели волею судебъ пришлось истребить массу бумаги на писанія, не приводящія ни къ какому результату, то не слѣдуетъ написанное предавать тисненію иначе, какъ въ формѣ автобіографической записки.

6) Не мѣшаетъ иногда поучиться хотя-бы у нѣмцевъ. Такъ, напр., нашему автору весьма и весьма полезно было бы проштудировать основательно хотя-бы книгу Вильг. Арнольда: «Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme (Marbug, 1875). Это сильно содѣйствовало-бы проясненію нездоровой мечтательности автора «Исторіи древней Руси» по вопросу о регрессивномъ или, точнѣе сказать, декадентскомъ методѣ въ историческихъ изученіяхъ, дало-бы ему понять, что болтовня о методѣ отнюдь не помогаетъ работѣ историка и что для примѣненія всякой разумной методы нуженъ прежде всего усиленный и самостоятельный трудъ, ибо истина даромъ не дается историку. Правда, есть истина и истина. Уже блаж. Августинъ сказалъ: Ubi scandalum est veritas, ibi scandalum jam fit, sed veritas modo dicitur.

Н. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIV 1896 г. Іюль, Августъ и Сентябрь

ОТДѢЛЪ І-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

рано въ Сварковъ и осмотрѣвши тамъ, черезъ короткое время поворнулъ я домой на обѣдъ, а ездилъ зъ самого дому до двора сварковского отсель и оттуда сюда часъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ, уснувъ, ездилъ до Паска и у оного посидя, повернулся. Отъ швакгра моего Якова Полуботка получилъ листъ черезъ служителя его, Завадзкого, которій отпущенъ зъ мѣстечка Ракова на семъ боцѣ Брестя Литовского, неподалеку отъ оного, где обозний енералний, командиръ и бунчуковіе товарищи стоятъ у палацу бѣскупа „ " которій партіи Лящинского, а протчіе козаки, якихъ при обозномъ толко на 3000, стоятъ около, протчіе же козаки пойшли до Вѣлни зъ регулярними полками, а генералъ аншефъ Лессій отправивши бунчукового товариша Ширая въ габѣнетъ ея величества за полученіемъ резолюцѣи на доношеніе противъ которого рангу обозного енералного и бунчуковихъ товарищей щитать, самъ съ полками рушилъ до Кракова (якъ онъ же Завадзкій говорилъ) воеводу Кіевского, Потоцкого, доганяючи. Генерала же лейтенанта Загрязкого до Гданска виправилъ, где слишно, что Лящинскій зъ примасомъ и многими сенаторами найдуется и готуется уступать у Стралзундъ, оттоль для того, что по указу ея ім. в—ва генералъ Лессій посилалъ къ Гданчанамъ зъ тимъ угроженіемъ, что ежели они помянутого Лящинского не випроводятъ зъ Гданска, то онъ прийдетъ туда бомбардировать ихъ городъ.

Пятокъ. 14. День былъ хмарній зъ силнимъ вѣтромъ, снѣгомъ и метелицею, которая о полднѣ перестала, а къ вечеру стало тепло, а черезъ ночъ дощикъ ишолъ, такъ что зъ стрѣхъ велми капало до свѣта. Былъ я у судѣ и подалъ чолобитте на Ерофѣя и попа сторони дворовъ поля пахатного и мелници оними владѣемихъ, а зъ тихъ добръ ниякой службы до двора моего не отправляютъ, хочай и унѣверсалъ покойного тестя въ такой силѣ онъ, Ерофѣй, получилъ. Родитель поехалъ въ Кролевецъ передъ вечоромъ. Въ судѣ енер. опредѣленіе учинено по дѣлу Коховского сискать брата Семена допросить его порука (?) въ листѣ до его писанномъ. Да по дѣлу черцовъ новгородскихъ опредѣленіе учинено сторони перевозу Шабалиновского—принять отъ насъ купчіе на берега и взять сказку.

Субота. 15. День былъ хмарній, вѣтрянъ, вѣтромъ полуденнимъ, тепелъ, мокроватъ и у вечеру зъ дощемъ, ночъ такова жъ, а зъ полночи вѣтеръ полунощний холодний зъ снѣгомъ и стужею, къ свѣту виияснилось велми и морозъ прибавился жестокій. Обѣдалъ я въ дому и со мною попъ генералской отецъ Яким, а у вечеру ездилъ до Синявина, и тамъ доволно посидѣвши, отехалъ домой.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, тихій, погодній зъ жестокимъ морозомъ, ночъ тиха, свѣтла, погодна съ жесточайшимъ морозомъ, а къ свѣту хмарно, снѣгъ зъ метелицею. Родителка зъ Ромна пріехала на обѣдъ, зъ которою обѣдалъ и съ нами Косовичъ, а у вечеру зъ Кролевца пріехалъ родитель.

Понедел. 17. День былъ хмарній сперва съ снѣжкомъ, а после оттеплѣло и тихо, къ вечору вѣтеръ полуденний зъ малимъ дощемъ, ночъ тепла, вѣтряна зъ великимъ дощемъ, зъ полночи полунощний вѣтеръ силний велми и морозъ. Банкетъ билъ у гетманскомъ дворѣ для тезоименитства его гетманского и подпіяхомъ. Вѣжевскій зъ Нѣжина черезъ Александра писалъ ко мнѣ Левицкого, что указъ отъ генерала Вейзбаха привезли греки, жебы Пѣперови товари розобрать кредиторамъ его почасти, а въ допросѣ билъ, что не имѣютъ чимъ отдавать долгу. Отъ швакгра п. Акима Троцкого получилъ я вѣдомость, что онъ въ добромъ обрѣтается здоровю и вернулся зъ всѣмъ бунчуковимъ товариствомъ зъ подъ Варшави до Брестя Литовского на винтерквартеру для того, что у Варшави возъ сѣна по червонному, а овса и не достать нигде и для такой скудости конского корму мусѣли зимовать у Яновѣ.

Вовтор. 18. День былъ вѣтрянъ велми, вѣтромъ холоднимъ и гололедиця такая была, что весма трудно некованою лошаддю поехать, морозъ и хмарно, такова жъ власне и ночъ. Праздновали тезоименитство ея височества государинѣ цесаревни Елисавети Петровни у столу гетманского и подпіяхомъ.

Середа. 19. День былъ вѣтрянъ зъ ранку зъ снѣжницею, а после такъ, ночъ зъ вѣтромъ же и зъ дощемъ великимъ до полночи, а зъ полночи жесточайшій вѣтеръ насталъ до свѣта и зъ холодомъ. Были на пастовнику зъ родителемъ службы божой и панахиди по покойной тіотцѣ ясневелможной слушали.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а после свѣтлій, вѣтренъ велми и холоденъ, ночъ сперва свѣтла, а после хмарна зъ жестокимъ вѣтромъ. Былъ я на службѣ Божой у ст. Николая и заходилъ до п. Михаила, у вечеру ездилъ до Паска, Радищева и Синявина въ моемъ дѣлѣ, сторони должниковъ грековъ—просить ихъ. Юско у ночѣ отпущенъ въ Роменъ и въ футоръ Гамалѣевскій за конми, чтобъ ихъ сюда привесть, далъ ему приказъ и 50 к. Извѣстно заподлинно, что князь Алексѣй Івановичъ Шаховскій ординованъ зъ войсками въ Полщу въ маетности недоброжелателного россійскому государству воеводи Кіевского Потоцкого. Да пріехалъ зъ Москви Михайло Циганчукъ и сказивалъ, что дочъ Өедора Карпѣки небожчика, зъ которою Семенъ Карпѣка уехалъ въ С.П.Бурхъ, вийшла тамъ замужъ за Манковского, гуслѣсту при дворѣ ея величества обрѣтаючогося и сватба ихъ въ дворцѣ государевомъ отправлялась.

Пятокъ. 21. День былъ хмарній, а послѣ свѣтлій, толко велми вѣтрянъ, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодна. Сегодня рано я ездилъ до Синявина за моимъ дѣломъ, чтобъ указъ послать о должникахъ въ Нѣжинъ, и ничего не здѣлалъ. Дворникъ новий, кучировъ сынъ, у Сварковѣ устроенъ.

Субота. 22. День былъ подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ. Причащались род. и я и въ дому обѣдали. Климъ зъ ревѣзѣи повернулся зъ Сухонос.

Неделя. 23. День былъ свѣтлій, тихій, холодній, ночъ хмарна зъ отлигою и тепловата. На службѣ были у ст. Анастасіи, заходили до гетмана, обѣдали у себе, а у вечеру ездилъ я до Радищева и незаставши, заехалъ до Кишкина и, посидя тамъ и поговоря сторони дѣла о должникахъ, воротился. Гололедица что некованною лошаддю отнюдь нелзя ехать, отъ 18-го декавр. до сихъ поръ пакоститъ.

Понедел. 24. День былъ хмарній зъ снѣгомъ велми густимъ, мокримъ, который потаялъ скоро, ночъ сперва показалась свѣтла, а после хмарна зъ снѣжкомъ и дощемъ и тепла. Въ ночъ противъ Рождества пріехалъ зъ С.П.Бурху полковникъ інгермоландского полку пехотного Авраамъ Григор. Шамординъ и сталъ квартерою

въ квартерѣ генералской Нарѣшкина, Семена Григоріевича, которій его наездъ сумнѣніе задалъ.

Рождество Х—во. Вовтор. 25. День былъ мокрій, хмарний, теплій зъ дощемъ мало не чрезъ увесь день, ночь вѣтряна зъ снѣгомъ, а зъ полночи престалъ вѣтеръ, вияснилось и морозъ сталъ жестокій. Сегодня зъ поздравленіемъ были у гетмана, где видѣли и ново пріехавшого полковника Шамордина зъ протчими, обѣдалисмо у себе, и после того никуда неездили. Вѣжевскій и Алексѣй пріехали зъ Нѣжина, ничого не вигра́вши.

Середа. 26. День былъ хмарній, вѣтряній и холодній, а особливе къ вечеру, ночъ хмарна зъ снѣгомъ и вѣтромъ, а найпаче къ свѣту. На службѣ былъ я у церквѣ генералской, обѣдалъ въ дому, а родители зъ женою у п. гетмановой, куда и я пріехалъ, и обще зъ п. Михайломъ и другими ездили до Радищева, у которого сынъ Іванъ сегодня родился, где и подпіяхомъ очинъ. Полковникъ Шамординъ сеей ночи отъ Радищева поехалъ въ Кіевъ и взялъ зъ собою капитана Буроту, а для чего неизвѣстно.

Четвер. 27. День былъ вѣтрянъ зъ метелицею и холоденъ велми; зъ полдня вияснилось зъ вѣтромъ и холодомъ, какова и ночъ била со жестокимъ велми морозомъ. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездили до Паска и тамъ впервое играли въ карти въ контру, зъ проиграшомъ моимъ 10 к.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, вѣтряний зъ жесточайшимъ морозомъ, такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріехалъ до мене п. Михайло, зъ которимъ кофе напившись, онъ отехалъ, а я зъ род. ездилъ до Синявина и тамъ забавившись доволно, пріехалъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, холодний велми, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездили до Синявина, где посидѣвши доволно, повернулись домой позно. Жена зъ дѣтми рано поехали до Михайловки (лебединск. у.) въ гостѣ до шваѓра п. Андрѣя Полуботка.

Неделя. 30. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. На службѣ билъ у ст. Анастасіи. Обѣдали у себе, а по

обѣдѣ былъ у п. Михайла у вечеру и посидя, отехалъ. Унѣверсалъ нового короля полского Августа III-го курфирста Саксонского присланъ отъ Грабянки, полковника Гадяцкого, видѣлъ я, въ которомъ призиваетъ партизановъ Станислава Лящинского до соединенія, обѣщавая ихъ противности вѣчному предать забвенію.

Понедел. 31. День былъ хмарній и студений зѣло, такова жъ и ночъ. Былъ я въ лавкахъ и смотрѣлъ ярмарку, оттоль повернувшись домой, обѣдалъ зъ род., а у вечору ездилъ до п. Михайла и тамъ посидя повернулся и засталъ зде Синявина и Хрипунова загостившихъ.

Берейтеру дача: септ. 23 д. отослалъ копу жита, а 2 копи овса, возъ сѣна.

Октовр. 3-го отослалъ барановъ 3-хъ.

— 21 д. далъ ему жъ копу жита и 2 копи овса.

1734 годъ. Генварь мѣсяцъ.

Вовтор. 1. День былъ хмарній, толко жестоко холодний, а съ полдня свѣтелъ со жестокою стужею, отчего на небѣ столпи два явились, ночъ свѣтла, тиха, жестоко холодна. Рано былисмо на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а обѣдали у себе и по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, отъ которого у лавкахъ билъ и повернулъся домой.

Середа. 2. День былъ свѣтлій, тйхій, холодний очинъ, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами братъ Семенъ, пріехавшій сегодня зъ Ромна. Полковники миргор. и лубенскій зъ женами пріехали въ Глуховъ, которимъ у вечеру визиту я отдалъ. При мнѣ прійшолъ въ гетманскій домъ капитанъ здешнего гварнѣзонного полку и взялъ зъ собою Храповѣцкого молодого, брата полковници лубенской и попровадилъ въ домъ генерала Нарѣшкина, где стоитъ полковникъ Шамординъ, вчера повернувшійся зъ Нѣжина сюда.

Четвер. 3. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій, такова жъ и ночъ, сходніе прежнимъ. Сегодня банкетъ билъ у дому гетманскомъ, били великороссійскіе Шамординъ, Радищевъ, Кишкинъ, Синявинъ, Хрипуновъ, Неплюевъ, Пасекъ и мы зъ род. и полковники миргор. и луб. и п. Михайло и подпіяхомъ зѣло. Въ ночъ по банкетѣ отехалъ Шамординъ и зъ собою взялъ и Храповѣцкого.

Пятокъ. 4. День былъ хмарній зъ невеликимъ снѣжкомъ, ночъ холодна очинь противъ прежнихъ. Ездилъ я въ Сварковъ и оттоль въ футоръ, протверезуючись. Повернувшись, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездилъ до полков. луб. на Бѣлополовку, где пили кофе и розехались.

Субота. 5. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, а особливе къ вечору, а морозъ въ жестокости своей однакий, ночъ была такъ же жестоко холодна, тиха и погодна. Никуда я не ездилъ, а отправилъ Клима Крисковского до стар. Крис. зъ листомъ, чтобъ купчую исправилъ и прислалъ, чтобъ реестръ Шмуйла апрабовалъ и... прислалъ, чтобъ ктитора не зъ грунтовихъ до церкви вибрать, чтобъ Сухомлину за ниву заставную отъ Кривопущенка денги отложилъ, чтобъ Данило Пилипенко нивою Николая Товкаченка владѣлъ покамѣстъ Николай денги уплоченніе Тимченкомъ Сухомлину отдастъ Тимченку. Дѣдику да Гломаздѣ далъ я листъ до Сотника Кризкого (Крига-Бѣлополье) о доправкѣ денегъ 9 р. 50 к. на Кризчанахъ, должнихъ намъ.

Неделя. 6. День былъ хмарній почасти и почасти свѣтлій, тихій, однакого воздуха растворенія зъ вчорайшимъ, ночъ такова жъ. На службѣ билъ у ст. Николая, не ездилъ на Іордань, но зъ дому своего смотрѣлъ. Обѣдалъ у себе зъ род., а по обѣдѣ проезджался и повернулся позно. Вѣстно, что обозний енералний съ походу отправилъ въ С.П.Бурхъ бунч. товарища Ширая въ габѣнетъ до ея величества, прося милости въ томъ, что генералъ порутчикъ Загрязкій видачею жалованья государева понизилъ, какъ его обозного, которого противъ полуполковника положилъ, такъ и бунчуковихъ товарищей противу вахмистрей.

Понедел. 7. День былъ тихій, хмарній зъ знатною отлигою, а особливо къ вечору и черезъ ночъ отмѣна воздуха къ теплу и мокротѣ показалась. Билъ я сегодня на службѣ у ст. Михаила, обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ зъ п. Михайломъ и пол. Луб. и Миргор. и пріехавши домой, никуда уже не ездилъ.

Вовтор. 8. День былъ хмарній зъ дощемъ густимъ (которій до вечора самого ишолъ), теплій, тихій, ночъ такъже хмарна, мокра и тиха. На крестинахъ были у Радищева и подпіяхомъ очинъ.

Середа. 9. День былъ сперва мокрій, о полднѣ снѣгъ сухій и морозъ, которій къ вечору прибавился очинъ, а ночъ хмарна, вѣтряна зъ стужею. Былисмо на банкетѣ у сотника глуховского Уманца для окрещенной дочери его и подпіяхомъ. Слишно, что яко би генералъ аншефъ и кавалеръ фонъ Вейзбахъ зъ Кіева пошолъ зъ войскомъ подъ Бѣлую Церковъ и зъ артилеріею.

Четвер. 10. День былъ хмарній зъ снѣгомъ и зъ холодомъ великимъ, ночъ еще холоднѣйшая, свѣтла. Обѣдалисмо зъ род. обома на пастовнику, а по обѣдѣ ездилъ до Паска и до п. Петра (Апостола) и посидя, вернулся.

Пятокъ. 11. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, холоденъ, ночъ хмарна, холодна очинъ, сходство зъ вчорайшими. Подалъ я въ судѣ енер. чолобитную на должниковъ Пѣпера съ товарищи и Ѳармакѣя, чтобъ ихъ въ судъ енер. сискать, а товари ихъ приарештовать. Жена моя зъ дѣтми повернулась зъ гостини отъ швакгра п. Андрѣя Полуботка.

Субота. 12. День былъ свѣтлий, холодний, тихій, къ вечору хмаренъ зъ снѣжкомъ малимъ мокримъ, ночъ тиха, хмарна и мокровата. Сегодня банкетъ былъ у родителей на пастовнику для начавшогося акту веселного брата Івана.

Неделя. 13. День былъ хмарній зъ снѣжкомъ мокримъ, тепловатъ, ночъ такова жъ власне, толко почасти вѣтряна. Актъ веселний совершился брату моему Івану зъ дочерю Ломиковской Анастасіею, а внукою гетманскою [1]). Гетманъ г. Апостолъ повторно

---

[1]) Дочь Ивана Ивановича Ломиковскаго († 1730), женатаго на дочери гетмана Татьянѣ. При Апостолѣ Лі—й былъ „господаремъ Гадяцкаго замка".

тяжко заболѣлъ на прежную свою болѣзнь паралѣтичную, которая ему отняла свободную мову.

Понедел. 14. День былъ свѣтлій и холодний, а после хмаренъ и оттеплѣлъ зъ снѣжкомъ, ночъ хмарна, тиха и мокровата. Банкетъ билъ по прежнему на пастовнику у родителей, у вечеру, и пріехали господа наши великороссійскіе, Радищевъ, Кишкинъ и Пасекъ, сваха Ломиковская и полковница Миргородская. Слишно, что будто пойманний шпионъ у Новгородку и сюда въ Глуховъ привезенний въ розиску сказалъ, что онъ посланъ отъ Сапѣги молодого, нѣякогось Салогуба, осмотрѣвать въ полкахъ Старадубовскомъ и Чернѣговскомъ сколко нашего имѣется войска, знатно хотя ударить непріятелскимъ способомъ на оніе полки. Да такихъ же шпіоновъ кромѣ сего будто 11, а всѣхъ 12 вислано.

Вовтор. 15. День былъ холодний, вѣтряний велми, зъ мокроватимъ почасти воздухомъ, ночъ хмарна, холодновата и вѣтря́на очинъ. Сегодня у насъ на пастовнику совершилась сватба братняя, на которой билъ Мякининъ зъ женою, п. писаръ енер., п. Стефанъ Миклашевскій и протчіе мѣлшіе. Панъ гетманъ нашъ зъ болезни своеі жадной неощущаючи отради, къ болшому сталъ приходить безсилію и прійшла другая ему болезнь, именуемая lemogus (?).

Середа. 16. День былъ подобний вчорайшому, толко тихшій, тако жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездили до пастовника и оттуду повернулся и никуда не ездилъ. Панъ гетманъ еще горше сталъ себе ощущать и никакого движенія не сталъ имѣть, толко въ одной правой нозѣ.

Четвер. 17. День былъ подобний прежнимъ и ночъ таковажъ. Сегодня были у п. гетмана очинъ слабаго, оттоль повернувшись, обѣдали на пастовнику у родителей. Вѣжевскій да Алексѣй отправлены въ Нѣжинъ за должниками моими, которимъ далъ я 7 р. на дорогу. Гетманъ и кавалеръ ордина ст. Александра Невского Данило Павловичъ Апостолъ умре зъ полдня часа 5-го у вечеру, которого тѣло винесено въ столовую избу, убрано богато зъ кавалеріею и положено публѣчно, по обѣихъ сторонахъ капраловъ человѣка два стало на караулѣ.

Пятокъ. 18. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, безъ снѣгу, а у вечеру щось мокрое да холодное на примѣръ дощу ишло. Ездилъ я въ городъ зъ род. до Синявина сторони дѣла зъ Коховскимъ и самъ до Паска, да былъ у гетманскомъ дворѣ, и на пастовнику у родителей. Братъ мой Лука отпущенъ зъ братомъ Маркомъ и женою его въ Стародубъ, для сватби его Лукиной зъ дочерю Плотной.

Субота. 19. День былъ и ночъ во всемъ сходніе зъ вчорайшими. Сей день отправили зъ молебствіемъ и зъ публѣчнимъ стреляннемъ ради возшестія на престолъ ея Імператорскаго Величества и подпіяхомъ у полковника Радищева до позна.

Неделя. 20. Сей день и ночъ подобний вчорайшимъ, толко къ вечору зъ теплѣйшимъ съ мокротою, раствореніемъ, а рано съ густимъ на малое время снѣгомъ. Сегодня виносъ былъ зъ двора гетманскаго въ церковъ ст. Николая тѣла гетманскаго такою церемонѣею и порадкомъ: ушикованніе по обоихъ сторонахъ стояли козаки сотнѣ глуховской и жолнѣре, сперва несено маръ нѣсколько, а за марами несена короговъ гетманская Искрицкимъ и другими, потомъ шаблю на подушкѣ несли братъ мой Іванъ Заборовскій Федоръ, за ними несли на подушкѣ алой аксамитной кавалерію красного банта писаръ енералний Турковскій, а по бокахъ Андрѣй Трощинскій, да сотникъ Опошнянскій Корицкій [1]) за ними несли тожъ на подушкѣ борхатной алой булаву гетманскую, бунчукъ и печать судля енералний Борзна да по бокахъ я и Стефанъ Миклашевскій около того, по обоихъ сторонахъ ишло духовенство и школники попереду, а вслѣдъ несенъ гробъ чорнимъ бархатомъ зъ золотимъ пузаментомъ аббитий, и покамѣстъ донесли до церкви, стреляно зъ мозчирей [2]) помѣнутно, а якъ внесенъ гробъ въ церковъ и поставленъ, то и клейноти помянутіе при гробѣ положени на столикахъ по обоихъ бокахъ: зъ правой сторони—булава и бунчукъ, а зъ лѣвой кавалерія, и караулъ два человѣка капраловъ

[1]) Женатый на внукѣ умершаго гетмана, дочери Ивана Ломиковскаго. См. стр. 343.

[2]) Небольшія пушки.

стали по обоихъ бокахъ и дневалнихъ по два человѣка знатнихъ козаковъ опредѣлено почережно, по суточно, стоять. По службѣ Божой великая отправлена панахида и тако оная окончилась церемонѣя. На памятку золотіе обручики давани великороссійским господамъ, генералной старшинѣ и оберъ-офѣцерамъ, на которихъ билъ надписъ, что покойний гетманъ Апостолъ родился 1658-го году, декабр. 4 д., а преставился 1734-го году, генвар. 17 дня латинскимъ діялектомъ. Правленіе енералной канцеляріи переменилось на таковий видъ: указами стали писать до подкомендних, на которихъ подписъ полковниковъ Радищева и Кишкина, подполковника Сенявина и Паска, а пониже ихъ писара енералного Турковского.

Понедел. 21. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе, безъ снѣгу зъ теплѣйшимъ еще воздуха растворенiемъ. Обѣдалъ я у себе зъ женою и дѣтми. Зять п. Стефанъ повернулся зъ Новгородка и привезлъ виданніе отъ Максима Турковского одни фанти, а клейнотовъ невидано, что осталось по смерти жени его Максимовой, а племѣнници нашой.

Вовтор. 22. День былъ еще отъ прежнихъ якъ бы теплѣйшій, мокроватъ, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сегодня ездилъ я въ судъ и не подавши чолобиття на Паска, чтобъ ему по дѣлу Коховского не присутствовать для средства, для того, что его не было въ судѣ, повернулся и обѣдали на пастовнику зъ родителми. У вечеру ездилъ я до брата п. Михайла и посидя мало, вернулся домой. Родитель подарилъ зятеви моему шаблю хорошую подъ камѣннемъ яхонтами.

Середа. 23. День и ночъ таковіе жъ были, якъ и вчорайшіе, толко зъ болшою мокротою дождевною. Обѣдалисмо у себе зъ дѣтми, а родители на пастовнику. По обѣдѣ, уже смеркомъ, виехала жена, и съ нею дѣти, зять Стефанъ зъ Ганнусею и Пазя на веселле братнее Луки, а оттоль до свата п. обозного Есимонтовскаго въ Мглинъ зъ дѣтми, оттоль у вечеру поехалъ я до Синявина и сидѣлъ долго у контру играючи. Слишно, что енералъ—аншефъ фонъ Вейзбахъ зъ Кіева пошодшій Бѣлой Церкви атаковать, получилъ оную безъ бою, для того, что тамошній комендантъ винеслъ

за городъ ключи отъ города и вручилъ генералови. Слишно, что еще одного поймали шпіона зъ тихъ, которихъ виславъ Сапѣга внутръ Малой Россіи, довѣдуючись, много ли зде у насъ имѣется войска.

Четвер. 24. День и ночъ были во всемъ сходніе вчорайшимъ. Былъ я у судѣ енер. и подали челобитте отъ родителя, отрѣшаючи Паска отъ присутствія въ судѣ по дѣлу Коховского, затѣмъ, что онъ сватъ ему Коховскому, понеже двоеродная сестра жени Пасковой за Стефаномъ Коховскимъ, роднимъ братомъ. Обѣдалисмо на пастовнику у родителей, а по обѣдѣ матка отехала въ Роменъ и при ней братъ Іванъ зъ женою, а я у вечеру былъ у п. Михайла и тамъ полковнику лубен. подарилъ табакеръ новую зъ табакомъ, отвдячаючи за уступленніе имъ скиртъ 2 сѣна у футоръ мой Криворудскій.

Пятокъ. 25. День былъ зранку зъ морозцемъ, а после тепелъ, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Ездилъ я до Сваркова рано, где осмотрѣлъ палей и мосту нового, теперъ дѣлаючогося, оттоль повернулся и заездилъ до футора и съ футора домой.

Субота. 26. День и ночъ были противъ вчорайшихъ, толко вѣтеръ показался силний, полуденний. Банкетъ былъ послѣдній въ дворѣ гетманскомъ ради поминанія покойнаго гетмана, господина Апостола, и подпіяхомъ. Зъ С.П.Бурха принесени писма, въ томъ числѣ отъ Андрея Горленка, который обявляетъ, что въ габѣнетѣ ея величества определеніе состоялось—жалованне денежное видавать въ нинѣшномъ походѣ обозному генералному противъ генерала маіора, полковникамъ настоящимъ противъ подполковниковъ, полковникамъ наказнимъ противъ маіоровъ, бунчуковимъ товарищамъ противъ капитановъ, сотникамъ противъ подпоручиковъ. Сынъ Гаврила Івановича Головнина, Іванъ Гавриловичъ, паралѣжемъ зараженний, умре.

Неделя. 27. День былъ хмарний, вѣтрянъ и холодноватъ, а отъ вчорайшого тепла и дощу гололѣдица стала, ночъ хмарна жъ, вѣтряна велми и снѣжна, а после тиха и мокровата. Сегодня по службѣ Божой отвезено тѣло гетманское зъ Глухова въ Сорочинцѣ

для погребенія, куда и архіепископъ кіевскій зъ Кіева, а виносъ былъ зде зъ публѣчною церемонѣею нижей слѣдуючимъ порядкомъ: 1) Сперва козаки зъ ружжемъ ишли 30; 2) за ними ишолъ полкъ гварнѣзонний; 3) за полкомъ несено маръ 11; 4) за марами ехалъ конюшій въ черномъ одѣяніи и за нимъ ведени верховіе конѣ, а на остатку конь въ чорномъ одѣяніи; 5) Послядъ ишли маршалки два въ чорномъ одѣяніи и флорахъ зъ палками маршалковскими, на верхъ которихъ таблички зъ гербомъ гетманскимъ, обязанніе палки фліоромъ чорнимъ и бѣлимъ; 6) за ними несена шабля; 7) за тимъ несена короговъ; 8) после несенъ штандартъ, контерфектъ (портретъ) покойного гетмана; 9) а после несена кавалерія; 10) за тимъ клейноти гетманскіе, булава, бунчукъ и печать порадкомъ прежнимъ; 11) около духовенство и архимандритъ новгородскій; 12) потомъ два вершники въ черномъ платтѣ ехали; 13) а за ними балдахинъ съ тѣломъ, чорно убранний, подъ нимъ 6 лошадей въ капахъ чорнихъ, въ немъ гробъ; за гробомъ ишла фамилія гетманская и съ такою церемонѣею ишли въ браму кіевскую за городъ увесь, а въ полѣ полкъ трижди залпомъ огонь дали и козаки, а зъ города помѣнутно зъ пушокъ были. Клейноти и кавалерія взяти въ минѣстерскую канцеллярію, а они въ свой путь поехали, гетманова, полковники оба, миргор. и луб., асаулъ енер. Лисенко и проч., а мы возвратились домой.

Понедел. 28. День былъ хмарний, мокроватъ и не холоденъ и ночъ такова жъ зъ таяніемъ снѣга. Были на молебствіи ради дня рожденія ея величества, откуду родитель до Кишкина поехалъ, а я домой, где и обѣдалъ и никуда неездилъ. Федоръ Чуйкевичъ пріохалъ съ Нѣжина (куда посиланъ былъ зъ суда енер. зъ указомъ по челобиттю моемъ описать и заарештовать товари должниковъ моихъ Пѣпера съ Константіемъ и Димитріемъ и Фармакѣя) и ничево тамъ не здѣлалъ за препятствіемъ коменданта.

Вовтор. 29. День былъ сперва свѣтелъ и холоднеліокъ сухимъ морозцемъ, а къ вечору хмаренъ, тихъ и тепелъ зъ таяніемъ снѣгу. Такъ же и ночъ хмарна, тиха, мокра почасти отъ дощу и

снѣгу. Обѣдалисмо у себя зъ род., а у вечеру ездили до Синявина и посидя повернулись домой.

Середа. 30. День былъ зъ ранку зъ морозцемъ, а после тепелъ зъ таяніемъ снѣгу, ночъ тепла, тиха, къ свѣту морозъ. Сегодня былъ я у судѣ, где по доношенію Чуйкевича приговорували суддѣ писать до генерала Вейзбаха на коменданта Нѣжинского сторони показанного отъ его помѣшателства въ описаніи товаровъ Пѣперовихъ, Фармакѣемъ взятихъ. Приговорили въ судѣ сискать Проценка и Филонѐнка, бывшихъ старостъ коровазовскихъ и братовъ Семена и Марка, по дѣлу Коховского. Обѣдалисмо въ дому род. и я, а у вечеру ездилъ до Радищева и посидѣвши доволно, повернулся домой.

Четвер. 31. День былъ почасти хмарний и вѣтрѣний и почасти свѣтлій и холодний, ночъ хмарна, вѣтряна велми и холодна. Сегодня обѣдалисмо у Хрипунова маіора, для покойника брата его Івана и подпіяхомъ.

Февраль м—ць. Пятокъ. 1. День былъ подобний вчорайшому, холодний, вѣтряний и снѣжний, ночъ тепловата и хмарна. Вчорайшого дня пріехавшіе чили привезенніе должники мои Іванъ Пѣперъ съ товарищи принесли ко мнѣ часовъ двое зъ репетицѣями, перстень шафѣровий зъ діямантиками, да другихъ перстней 5, однакихъ, по два очка, яхонтовое и алмазное, да 50 р. да оставили облѣковъ у род. сѣмъ. Увѣдомился я отъ многихъ, что Пасекъ челобитте подалъ на насъ, за то что въ челобиттю нашемъ, въ которомъ приписали его въ свойствѣ бить Коховскому, и однородцемъ назвали, просили, даби онъ при дѣлѣ Коховсхого не присутствовалъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, вѣтряний, а после тепелъ зъ дощемъ, ночь то жъ хмарна, тепловата, къ свѣту морозъ. Сегодня обѣдалисмо у себе. Принесенъ указъ зъ С.П.Бурха зъ колегіи Иностраннихъ дѣлъ за подписаніемъ графа Остермана, до судей великороссійскихъ и малор. что посланъ указъ до князя Шаховского, который зъ комендою въ Немѣрови, ехать ему въ Глуховъ для правленія дѣлъ Малороссійскихъ до опредѣленія о изобраніи новаго гетмана.

Неделя. 3. День былъ сперва свѣтелъ, тихъ, а после силная зъ снѣгомъ метелица до ночи и ноччю, а около полночи перестало. Банкетъ былъ у писара енер. Турковского, по молебствіи, за имениннину ея императорское величество, и подпіяхомъ.

Понедел. 4. День былъ хмарний и свѣтлий, по перемѣнкамъ холодний исперва, а къ вечору мокръ, такова жъ и ночъ. Ездилъ я въ Сварковъ и оттоль въ футоръ и поворотясь, обѣдалъ, а у вечеру ездилъ до Радищева и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Стало правленіе енералной канцелляріи отмѣнное, понеже въ вишпомянутомъ указѣ велено, обще великороссійскимъ и малороссійскимъ суддямъ всякіе дѣла править до прибитія генерала лейтенанта князя Шаховского и клейноти гетманскіе въ енералной канцелляріи содержать, а за пріездомъ князя до себе взять, по силѣ пунктовъ гетмана Богдана Хмелницкаго, до опредѣленія ея величества о избраніи нового гетмана, такъ въ указѣ прописано.

Вовтор. 5. День былъ сперва дня съ морозцемъ, а после зъ таяніемъ снѣгу, а къ вечору со жестокимъ вѣтромъ через всю ночъ, однако жъ теплимъ и зъ снѣжницею. Былъ я рано въ судѣ енер. и подалъ челобитте на Гогу [1]) о сиску его и свѣдителей въ судъ енералний за должніе 339 чер. Сватба инспекторови племянника моего Івася Зварковскому зъ дочерю попадѣ Астровской отправлялась. Климъ пѣщанскій отправленъ въ Сухонос. и въ Лубнѣ до полковника луб. зъ прошеніемъ, чтобъ онъ писмомъ утвердилъ владѣніе моего степку до футора Криворудского прилеглого, отъ той сторони рѣчки Кривухи взявши отъ Зимници до могилокъ (?) далнихъ, дорожкою черезъ рѣчку Кривуху поузъ футорище Зеленского поузъ потокъ до шляху до Горошина идучого, где дорожка зъ Лубенъ до моего футора идетъ. О томъ же писалъ и до писара пол. Савѣцкого и ему коня дрикганта послалъ сивого корноуха, а Климу приказъ данъ въ исправленіи господарскихъ нуждъ и 50 р. на роздачу на сѣнокосъ. Черезъ Леонтія Кравця писалъ до п. Михайла, чтобъ пріехалъ въ Глуховъ.

[1]) Должно быть тоже одинъ изъ Нѣжинскихъ грековъ, которымъ Маркович давалъ въ долгъ для комерческихъ оборотовъ деньги.

Середа. 5 [1]). День былъ вѣтрянъ особливе съ полдня съ жестокимъ вѣтромъ и силною метелицею, ночъ ясна безъ снѣгу, толко зъ силнимъ такимъ же вѣтромъ и солнцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру ездилъ я до Кишкина и Синявина и позабавившись доволно повернулся.

Четвер. 6. День былъ свѣтелъ, тихъ почасти и холоденъ велми, зъ сухимъ воздухомъ, ночъ то жъ ясна и тиха и холодновата, къ свѣту снѣгъ. До сихъ дней зима была въ снѣгъ (sic) и потому въ санную дорогу очень оскудна, (sic) а въ теплоту и вѣтри доволна. Ездилъ род. и я и господа суддѣ и проч. до Годунувки, въ гостѣ до господара двору гетманского и подпіяхомъ и смеркомъ уже возвратились, ехали туда 3 четверти часа. Семенъ Шохъ отправленъ въ Рибное для куплѣ двора у капитанши Крисковского и на то и на рибу далъ ему 25 р.

Пятокъ. 7. День былъ зранку холоденъ, а после влаженъ, а потомъ мокръ и дощеватъ, такова жъ и ночъ, зъ полночи вѣтеръ полнощний, холодний зъ снѣгомъ до свѣта. Ездилъ я въ судъ енералний и оттоль повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. У вечеру были Андрей и Стефанъ Миклашевскіе у мене, играли въ карти зъ виг. моимъ 1 р. 60 к.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, тихий и холодний сухого воздуха, ночъ еще холоднѣйшая, свѣтла, тиха и холодна. Жена пріехала зъ гостини своей зъ дочерю Пазею и обѣдалисмо вкупѣ, а у вечеру ездилъ я до Синявина и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Укази зъ С.П.Бурха, на русскомъ и польскомъ діалектахъ напечатанніе, достались тутъ, въ которихъ ея величество указала всѣмъ бѣжавшимъ за рубежъ въ полскую сторону воинскимъ служивимъ людемъ крестянамъ и малороссіянамъ возвратится на прежніе жилища, а имъ въ томъ вини ихъ отпускаются; срокъ приходу ихъ положенъ мѣсяцей два, а буде не повернутся, а после ихъ сищутъ, то зъ оними, яко зъ бѣглецами по силѣ прежнихъ указовъ поступлено будетъ.

[1]) Должно быть, повидимому, 6-е февраля, но ошибка эта, тянущаяся дальше, оставляется нами безъ исправленія.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, тихій, холоденъ, ночъ такова жъ, толко еще холоднѣйшая, сухого воздуха. На службѣ я былъ у ст. Николая, а по службѣ зъ Паскомъ у Мякинина обѣдалъ въ дому у вечеру и Миклашевскій и игралъ съ нами у панфиля зъ проиграшомъ 40 а. Зъ Москви отъ Петра пріехалъ Манжула и привезлъ карету новую и прочая.

Понедел. 10. День быль хмарній, снѣжний и влажний, ночъ такова жъ, сперва, а после свѣтла, тиха и холодновата, къ свѣту, снѣжна и влажна. Сегодня обѣдалисмо у Астровской, у которой молодому одружившомуся на дочери еи Зварковскому дарилъ я кобилу, овецъ 10, а жена корову. У вечеру билъ я у Миклашевского Андрѣя, зъ которимъ, Александромъ и Коленскимъ (?) игралъ у карти зъ виграшомъ 40 а.

Вовтор. 11. День былъ холодний, хмарний, ночъ хмарна и зъ снѣжною метелицею, къ свѣту випогодилось зъ силнимъ морозомъ и тихо стало. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я въ городъ до Миклашевскихъ, где п. Стефану корцикъ старий дарилъ и въ карти игралъ зъ виграш. 10 а.

Середа. 12. День былъ холодний, хмарний, вѣтрянъ, ночъ ясна, тиха и очинь холодна съ жестокимъ морозомъ, а найпаче къ свѣту. Обѣдалисмо вкупѣ, въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Миклашевских и съ ними игралъ въ карти зъ виграшомъ 1 р.

Четвер. 14. День былъ тихій, светлий, а найпаче къ свѣту зъ жестокимъ морозомъ, ночъ была холодна, тиха и свѣтла. Обѣдали господа наши и великороссійскіе, родитель и я у Мякинина и подпіяхомъ, у карти играли зъ проиг. 1 р. 20 к. Капралъ отъ гвардіи преображенского полку Кудравцовъ пріехалъ въ Глуховъ зъ указомъ енерала Семена Анд. Салтикова до канцеляріи минѣстерской. Уже третий чили четвертий день, якъ господаръ Бузинскій ходитъ до суду зъ челобиттемъ и представляетъ бѣглого захожого человѣка, въ Ясманѣ явившогося и непріймаютъ.

Пятокъ. 15. День бы вѣтряний зъ отлигою морозу, хмарний, такова жъ и ночъ, а къ свѣту туманъ. Проносное лѣкарство отъ бока принималъ и имѣлъ операцѣй немного, такъ же и родитель.

122. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе въ нуки Н. П. и И. С. Съ новостей посилаю указъ нашего монархи и сенатское опредѣленіе. Каково вамъ покажется? О! дѣла дивніе устраеваетъ хозяинъ добрый! Теперъ съ Чернѣгова ужо пишутъ до Григорія Г.—господа бѣдніе, которіе толко и жили что жалованямъ, что искать службы партикулярной будутъ, весма таковихъ много будетъ. Какъ необходимо ужо довелось мнѣ празновать здѣсь, то толко и остается предверіемъ праздника слѣдующего васъ, моихъ ангеловъ, поздравить и зъ желаніемъ отъ чистаго моего сердца вамъ всякаго благощастія, здравія и долгоденствія, провождать сей праздникъ въ радости. А я однимъ одиніохенка, при болномъ, въ горчайшой скуки, да что дѣлать, видно такъ угодно Провидѣнію въсевидущему. Покрайности, не лѣнѣтесь писать о вашомъ для мене драгоцѣнѣмомъ здравіи, которое да сохранитъ Предвѣчной на должайшіе лѣта и проч. Н. П. 1796 году, декабря 26, изъ Смячи.

123. Душа моя, ангелъ и дочъ Н. П. Тебѣ, душа моя, не безпокою ничемъ, знаю совершенно, сколько ти таперъ клопотъ имѣешь въ разсужденіи виезда Ивана Степановича и сина, а только всеприлѣжнѣйше прошу на Всевидущаго въсе свое упованіе (возложить?). Тотъ тебе во всемъ твоемъ предпріятіи устроитъ и утѣшитъ; великую я на Его имѣю надежду. А при томъ прошу не заживатись въ Брахловѣ. Я знаю твою горячесть къ хозяйству, чтобъ себе не повредила! Пріедь, душа моя, отвѣдай мене и дѣточокъ вашихъ; великое утѣшеніе увидишь изъ старого и молодого пана, которіе благодарятъ за гостинчикъ и цалуютъ матерніе ручки мислено. Шляпки посилаю Пашечки и Насточки, желаю здоровенкимъ носить. Я Марфу пришлю на ярмонокъ, когда то такъ, что на Успеніе Богоматери ярмонка въ Стародубѣ, о чемъ пожалуй увѣдоми мене, душа моя. Много надобно букое-чего купить до зановѣси (на икону?) да и работать отнюдь ужо будетъ нѣчево дѣвкамъ, да и синелѣ купить можно ли будетъ въ Стародуби, пожалуй, ангелъ мой, буди можно, провѣдай о семъ, чтобъ напрасно ей не ездить. За симъ поручаю тебе Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни тебѣ всѣхъ добръ желателнѣйшая и готовая къ услугамъ Н. П. 1801 году, августа 13—го. Изъ Боровичъ.

124. Душа моя, ангелъ и дочь Н. П. Напиши душа моя, каково ти доехала и застала каковихъ дѣточокъ и все ли благополучно въ домѣ вашемъ? Дѣточки ваши, а мои драгоцѣнѣйшіе компанѣони, дуженки и здорови, равно и я благодарю Всевидущаго, здорова и

дужа. Даруй Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова била. Г-нъ Глинской, по отездѣ твоемъ, скоро пріѣхалъ и до свѣта віехалъ въ извѣстное мѣсто. Куплених въ Седневѣ яблокъ посилаю двадцять и одно оливное, которое сама г-жа Лизогубина сорвавши, (толко двѣ и било, и въ первое съродили у ея), одно мнѣ и другое тебѣ прислала. Вотъ яблока! Не знаю, какови то будуть на вкусъ, а какъ Господь дастъ, что садовника Иванъ Степановичъ привезетъ, то можете отъ ихъ получить розки. Рози такое множество изъ Жукотокъ привезли, что я не могла лембика сискать для перегону води; посилаю къ вамъ изъ симъ самимъ,—не сищете ль ви у себе, или на котли въ заводѣ перегонить будете. Я сіе дѣлаю только для того, чтобъ ти, душа моя, знала, сколько собрано. Винограду своего саду посилаю, въ гронѣ 21 ягоду, токмо за куріозъ, что уродило съ столко у мене; покушай, душа моя, моего разводу. Дай Господи послѣдующой годъ гронъ столко къ тебѣ прислать. Доброжелателная тебѣ и готовая ко услугамъ Н. П. Сентябр. 2-го, 1801 г. С. Боровичи.

125. Душа моя, ангелъ Н. П. Полученное отъ г-на Глинскаго на твое имя писмо съ нарошнимъ посилаю. Что касается до лошадей ему, г. Глинскому, куда ему надобность укажетъ поехать, дано будетъ, о семъ не заботся. Что касается до сивця (?), то прошу сождать, а пришлете вънѣстѣ съ покупкою. За присилку сира премного благодарю, кой такъ хорошъ, что лучего желать нелзя, а тебѣ, душа моя, винограду три грони посилаю, кушай здоровенка, я оной получила отъ Троцкой. Думаю, что въ Чернѣговѣ будетъ таперъ Кримской виноградъ, яко чрезъ Боровичи повезено бочокъ нѣсколько въ Могилевъ, и сколко я ни старалась купить, но не захотіели откуперовать бочокъ и когда куплю въ Чернѣговѣ, пришлю къ тебѣ. За випалку премного благодарю, но Господу вѣстъ что будетъ зъ горелкою, яко хлѣбъ надчуръ дорогъ, по 50 к. здесь ужо пудъ и набѣги за онимъ весма великіе. Почему у васъ горелку продають по шинкамъ? увѣдоми мене, душа моя, я подешевила, а таперъ опять хочу поднять, но твоего совѣта ожидаю. Приказъ въ Золотоношку посилаю о видачи овса и ячменю, а васъ прошу за оной приказать мнѣ купить витую трубу въ два оборота, и прошу, буди ви на сіе согласни, и прислать безъ замедленія, яко по оной надобно и шапку дѣлать, то есть пригрубокъ какою шириною. Денегъ у мене таперъ отнюдь нѣтъ въ разсужденіи покупки, да и хлѣба запасного ничего нѣтъ, роспожичила людямъ, а собрать мочи нѣтъ; вотъ мое хозяйство каково порядочное, какъ хочете разсуждайте. Дроздиковъ пять паръ посилаю,

желаю здоровенкой кушать. Пшеницѣ, развѣ сождавши, болше пришлю, яко люде всѣ въ розсилки, а теперъ толко три чвертки посилаю. Дѣточки и я зъ ними, благодарю Господа, дужи и здорови, поручаю васъ Божіеему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею, всехъ добръ желателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году. Сентября 16. Изъ Боровичъ.

126. Душа моя, ангелъ Н. П. Замѣдлѣла я къ тебѣ, душа моя, съ посилкою, и се то всему виною Марфа, которая съ Чернѣгова сію минуту толко что пріехала. За недосугомъ, я покупки вашей и не разсматривала, которую по реестру ея поси(лаю) за печатю; я отъ себе посилаю вамъ платочокъ, въ разнощиковъ купленъ, а дѣточкамъ ленточки. Извинѣте, что бездѣличкою служу, яко лучого ничево не било. Я сискала на столику, въ парадной, какое то дѣло до Савинокъ принадлежащое, можетъ бить оное и надобно, но хто то его положилъ не знаю. За увѣдомленіе мене о Ивану Степановичу и Петрушенки чувствительно тебе, душа моя, благодарю, возъсилая при томъ еждедено Господу благодареніе за успіехъ. Даруй толко, Предвѣчной, чтобъ здорови всѣ ви били и благополучни и дѣточкамъ да пошлетъ Всевидущой охоту и успѣхъ въ наукахъ и должайшіе лѣта, о чемъ неусипно еждедено Господа молю. Я читая твое, душа моя, писмо о Петрушечки, не могла удержатнсь отъ слезъ, какъ онъ горко заплакалъ, поминутно его воображая, сокрушаюсь. Дай Господи, чтобъ онъ скоро привикъ, а въ протчемъ надѣюсь на милосердіе Божіе, что будетъ съ нево дитя умное; ти вспомнишь мене не одинажди, что не лгу. Радуюсь, что и дочери ваши, а мои неоцененіе правнучки учатця весма хорошо, но мадамъ кажется слишкомъ дорогенка, но что дѣлать, когда надобно, то такъ аби толко бъ того она стоила. Завитую трубу.... (?) съ васъ будетъ, пожалуйте, здѣлайте милость, толко прикажѣте безъ замедлѣнія оную прислать, я доплачу сколко надобно, ибо за ячмѣнь и овесъ я болше не располагаю, какъ 50 р., а по справки, дай Господи, чтобъ и восмидесятю рублями кончится. Я би васъ и симъ не безпокоила, но право денегъ таперъ у мене нѣтъ. Писмо отъ г-дъ Милорадовичевъ при писмѣ посилаю, на имя Петра Ивановича, что распечатала извинѣте..... (?) онъ самъ писалъ, а протчего не знаю. Вѣстей никакихъ болше нѣтъ. Десять арбузовъ посилаю, ибо толко могъ сей възять, а по времени болше пришлю; кушайте здоровенки! Пріедь, мой ангелъ, хотя на часочокъ, зъ любезними моими правнучками, которыхъ нетерпеливно видѣть желаю вънѣстѣ съ тобою. Старой панъ весма великорѣчивой отъ времени

до времени и младенчикъ такъ резовъ, что я тебѣ описать не могу, кои, благодару Въсевидущаго, дужи и здорови, дай Господи, чтобъ и васъ въсехъ таковихъ видѣть и слишить. Адье, душа моя, твоя всехъ добръ желателнѣйшая бабка Н. П. 1801 году, сентября 29. Изъ Боровичъ.

У мамки благодареніе Господа молоко прибавилось и таперъ рѣдко, когда молочко пъетъ; чтоже сему причина? пріехалъ мужъ мамкинъ, матка ея и свекрова, и какъ разумно поступили—нелзя луче, цѣлой день не говорили ей ничево; наконецъ мужъ сказалъ ей, что естли ти будешъ плакать, то я сейчасъ еду и не пріеду до тебе никогда, синъ нашъ умеръ, но что дѣлать, дай толко Господи, чтобъ ти панское дитя викормила честно, то и дѣти намъ Господь дастъ. И такъ ея уговорилъ, что она весма мало тужила. Що жъ би ви думали?—начало совсемъ молоко прибавлятись и она весела и не тужитъ; благодаря Бога, сіе хорошо. Я три днѣ ихъ ещо подержала. Вотъ подумайте, какъ куріозно о покорму..... (?) что какъ в..... (?), то толко отъ смерти рабіонка три недѣлѣ небило ничево въ грудяхъ. Пришлѣте ей что нибуль, чтобъ потѣшить ея, мужъ и обѣ матки такъ умни, что луче желать нелзя.

127. Душа моя Насточка! Радуюсь получа отъ тебе, ангелъ мой, писмо, что ти благополучно доехала. Даруй Въсевидущой въ непоколѣбимомъ пребивать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искреннѣйшаго моего сердца желаю. Дѣточки ваши, а мои дорогіе атютанти, благодарю Господа, дужи и здорови. Я, получа отъ тебе писмо, сейчасъ сожгла и уксусомъ руки витерла. Берегись душа моя, какъ дастъ Господь, что будешь ехать, чтобъ не брать оттоль ничево, да и бѣлья тамо мить не надобно, а луче въ Жукотки чорное отправить такъ мнѣ кажется, ти, какъ мать, сама здѣлаешь во всемъ предосторожность. Я писмо отъ Ивана Степановича получила, которой пишетъ, что онъ и дѣточки здорови, чему я сердечно радуюсь. Болше не распространяюсь, а кончу тіемъ, что я есмъ поколь духъ въ тѣлѣ вашею всехъдобръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1802 году, генваря 11-го, изъ Боровичъ. Парасковьи Василіевнѣ прошу кланятись.

128. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе въвнуки Н. П. и І. С. Толко я собралась отправлять Марфу въ Чернѣговъ за многими дѣлами, о чемъ она сама вамъ перескажетъ, но все удерживало силное ненастье, чего то (sic) и удержана била; какъ же пріехала ваша нянюшка съ Москви, которую удержала я здесь, какъ мнѣ о томъ Настасія Петровна сказивала, чтобъ до ея сюда пріезда удержать сію

дѣвицу здесь, которая и остается до повелѣнія вашего. А какая съ Москви посилка и писма при Марфи посилаю зъ ею къ вамъ. Не гнѣвайтесь, что два писма распечатала, сіе единственно здѣлала потому, что искала нѣтли отъ Петрушенки писма и первое распечатала отъ учителя, или какъ сказать—отъ дядки Петрушенкиного, и не сискавъ ни одной строки отъ его, голова моя скружилась, такъ силно съпугалась, принужденна другое подъ одною печатью распечат(ат)ь, тутъ благодарю Бога сискала, хотя по французки не знаю, но тутъ же госпожа Чеботарева и мужъ ея о Петрушенки пишутъ. Благодарю Господа, что онъ въ добромъ здоровьи и по обнадеживаніи призирающихъ. Дастъ Господь что все будетъ благополучно. Сія дѣвица трижди была у Чеботарева и всякой разъ видала Петенку, но онъ нѣчего съ нею не говорилъ, а при отездѣ толко кланялся папинѣ, маминки и мнѣ, болше ни слова не сказивалъ. Сія дѣвиця, какъ мнѣ кажется сее, она годитемится для дому вашего, при томъ и краситъ разними красками чрезвичайно. Она изъ собою потрошку по привозила красокъ и шъетъ такъ какъ у васъ въ каретѣ на ступеникахъ, а при томъ и въ хозяйствѣ знается, и по казкамъ ея, великую охоту имѣетъ, словомъ съказать, кажется, весма будетъ угодна и помить плате разное, починить и все что ни приказано будетъ съ охотою и знаніемъ, какъ она сказиваетъ, но такъ бѣдна, что болше бить нелзя; въ ея есть сестра двоюродная, которую она воспитала и все что заработала, чрезъ весь свой вѣкъ, ей отдала, но по несщастю мужъ все попилъ (sic) и ея оставилъ въ какого то Савича, въ Бѣловодьи; она по отездѣ вашемъ съ Москви, получила отъ ея писмо и таперъ плачется объ неи жестоко, пишетъ къ неи писмо, а Марфа оное по почтѣ отправить къ ней. Какъ она сестру хвалитъ, не могу вамъ описать, какая она мастерица и поетъ превосходно по италіянски, не худо би и ея отискать, яко убори разніе такъ хорошо дѣлаетъ, что противо французанокъ, точно вамъ къ тому идетъ, что все сіе надобно. Да думаю, по нещастію, и не за болшую сумму могла би бить, подумайте и случая не упускайте. Извинѣте, что пустошью наполнила всю бумагу. А луче, наконецъ, съкажу то, что дѣточки ваши, а мои миліе атютанти, благодарю Бога, дужи и здорови, равно и я, слава Господевѣ, здорова, дай Господи и отъ васъ таковіе вѣсти имѣть. Наконецъ, поручаю васъ Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни вашею всѣхъ добръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году, ноября 29. Изъ Боровичъ.

129. Боже зъри мое смиренье,
Зъри мои плачевни дни,
Зъри мое огорченье,
И мене не обвини.
Что я, смертна тварь, дерзаю
Говорить съ моимъ Творцомъ
И что грѣшна називаю
Безъпорочного отцомъ.
Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердце утверди законъ,
Ухо приклони къ моленью,
И услишъ мой тяжкой стонъ.
Всю надежду полагала
На тебе, всесилной царъ,
И тебія въсегда възивала,
Не надѣяся на тваръ.
Не терпи, о Боже, въласти
Безъзаконихъ тіехъ людей,
Кои дѣлаютъ напасти
Толко въластію своей.
Боже, ти мя не остави,
Коль оставилъ человѣкъ,
И отъ бѣдъ мене изъбави,
И храни мене навѣкъ.

---

130. Уже со тмою нощи
Простерлась тишина,
Виходитъ съ темной рощи
Печалная луна.
Я лиру томну строю
Пѣть съкорбящой мой духъ
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.
У хладной сей могилѣ,
Подъ тіенью древъ густихъ,
Внемли мой вопль унилой
И вздоховъ стонъ моихъ!
Зъдесь Юліи любезной
Прахъ милій погребенъ,

Я лить надъ ней токъ слезной
Въсечастно осужденъ.
Безъмолъвъною тоскою
Силно стѣснился духъ,
Пріиди грустить со мною
Луна печалнихъ другъ.

Оба стихотворенія находятся между письмами Настасьи Степановны и писаны ея рукою. Начала недостаетъ; не нашлось и того письма, при которомъ стихи Н. С—на прислала внучкѣ.

III. Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему разныхъ лицъ.

1. Любезній сину мой Григорій. Въ писмѣ своемъ пишешь ты, что получилъ писмо отъ Василя Яковлевича Лизогуба, въ которомъ увѣдомляетъ тебя, что братъ его намѣренъ продать нѣякоесь село Гунковку, однакожъ безъ людей, зъ лѣсами, сѣнокосами и мелницами. Я удивляюсь весьма для того, что не слихалъ нигдѣ, чтобъ гдѣ какое либо село было безъ людей, однакъ недивно сему, ибо Лизогубы привикли писать (?) по своей природной гордости, а я подлѣнно знаю, что тамъ въ Лизогуба, брата его, ничого прямого нетъ и основателного, чтобъ продать, какъ толко одна мелница на Ворзнѣ, по праву же сторону рѣки лѣсъ Разсудовскій отрубной, на которомъ онъ, на берегу рѣки, поселилъ было слободку, и оная земля отсужена отъ его; а людей велѣно ему перевести. И на томъ именно мѣсто (мѣстѣ?) велѣлъ я Холимоненку нывѣшнею весною посѣеть жито ярицу и до той землѣ брату его никакого дѣла нѣтъ, ибо она не ево. А по лѣву сторону рѣки Ворзни, гдѣ также Лизогубови поселенные люди находятся, грунтъ—сябринный [1]) називается Губецкій, отколь когда люде переведенни будутъ, то земля никуда не годится, ибо пѣсчаная и неспособная ни къ чому; лѣсу жъ тамъ у ево никаково нѣтъ, ибо въ Губецкомъ грунтѣ находящійся лѣсъ есть Михайла Михайловича Стороженка, а не Лизогубовъ; а ежели есть какіе въ его лѣса и сѣнокоси въ другомъ мѣстѣ, то я оныхъ не знаю, а подлѣнно знаю, что

---

[1]) Т. е. общій.

около нынѣшней его Гунковки нѣтъ никакихъ лѣсовъ, сѣнокосовъ и землѣ. И для того надобно тебѣ, со всякою осторожностію, хорошенко посмотрѣть, а отъ Лизогуба потребовать описѣ, какие именно лѣси и сѣнокоси и въ какихъ урочищахъ онъ хочетъ продавать, кромѣ помянутихъ мелницъ, и имѣетъ ли онъ на тѣ грунта крѣпости, которие надлежитъ ему тебѣ самому показать и тебѣ осмотрѣть и продаваеміе имъ грунта лично, а не за глаза, дабы не послѣдовало обманства, а осмотрѣвши по описѣ тѣ грунта, которие онъ продаетъ тогда надобно съ нимъ въ торгъ ити, чего они стоятъ и такимъ порядкомъ должно тебѣ отписать до брата его Василя Яковлевича, а не прежде спрашиватся о цѣнѣ. Впротчемъ, за свиданьемъ моимъ съ тобою, я обстоятелнѣе съ тобою словесно поговору. И пребываю твой всего добра желателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1789 года, мая 28 д. Жукотки.

2. Увѣдомился я черезъ Халимоненка, что бѣжавшій отъ меня конюхъ Коломіецъ явился и нынѣ находился въ Любечѣ, и будто панщину дѣлаетъ, а какъ онъ извѣстно тебѣ здѣлалъ мнѣ немалую шкоду и бѣжалъ, и се уже онъ дѣлаетъ другый побѣгъ, бывши въ меня въ дворѣ, и есть человѣкъ вовся ненадежный, то какъ ево, такъ и Ластовку, который также при побѣгѣ своемъ кроми протчого одѣянія, которого онъ у меня еще незаслужилъ, укралъ новую кучерскую сукна голубого шинелю, которой цена рубліовъ девять, равно и Хорошуна, который отъ тебя бѣжалъ, когда будетъ повеленіе о вистатченіи погонщиковъ, непремѣнно прикажи отдать ихъ въ погонщики, и сими трома плутами и бродягами замѣнить другихъ мужиковъ добрихъ людей, которіе могутъ платить чиншъ или панщину дѣлать, что послужитъ и протчимъ въ страхъ таковымъ плутамъ и бѣглецамъ. Однакъ о семъ никому необявлять до надлежащаго времени, дабы оны узнавши вторично не бѣжали, для того что при отдачи погонщиковъ въ армію всегда оны отдаются въ колодкахъ за карауломъ, чтобъ не могли бѣжать и здѣлать затруднѣнія и безпокойства. При томъ прикажи Коломійца допросить съ прист(р)астіемъ, гдѣ Ластовка находится, который съ онымъ вмѣстѣ бѣжалъ, ибо онъ повиненъ знать. (1790 г., мартъ).

3. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернѣгова сего априля отъ 2-го, я получилъ 8-го числа, чрезъ почту, исправно, въ которомъ между протчимъ пишешъ, что билъ ты зъ женою въ Стол-

номъ, въ бабушкѣ вашей Авдотьи Михайловни [1]), а потомъ ездилы въ Боровичи, гдѣ потворили то самое положеніе раздѣлки, которое предъ симъ, въ битность мою тамо, между всѣми вами положенно было что и совершить должний будете на урядѣ въ слѣдующемъ мѣсяци маи; тогда ты и Полуботки получишъ, а нинѣ какъ Жукотками, такъ и всѣми приселками владѣеть бабушка твоя Настасія Степановна сама, и никому изъ наслѣдниковъ неотданни во ожиданіи конца вашему положенію, на что тебѣ обявляю, чтоби ты старался всяческій, дабы непремѣнно въ м—цѣ маи безъ всякого отлагательства раздѣлка конченна била и совершенна на урядѣ, а по дѣйствительномъ и совершенномъ окончаніи раздѣла, тогда и мѣровую подать прозбу, касателно доиску моего на бабушку твою и брата еи по извѣстнимъ тебѣ дѣламъ, по данному отъ меня тебѣ полномочію. Послѣ подачи же мѣрового прошенія, тогда писмо мое, писанное твоей сестрѣ, ей самой отдать, а отънюдь не прежде, но все совершивши, которое при семъ прилагается незапечатанное для усмотренія твоего, а въ надлежащое время самъ можешь запечатать. Въ томъ же писмѣ увѣдомляешь меня, что ты купылъ нѣякоесь маленкое имѣнийце около Пушкаровъ, до коего надлежить въ Пушкарахъ дворъ, въ коемъ продается уже горѣлка твоя, я о семъ прежде извѣстился, чрезъ писмо писанное ко мнѣ отъ Ивана Якимовича, однакъ о покупкѣ обстоятельно знать не могу, которая надѣюсь Силѣчу не очень пріятна. Такъже увѣдомляешь меня, что священникъ Козма Котовичъ зъ братьями и племѣнникамы своимы и попадья Чигринчиха продали тебѣ на Високомъ полѣ, називаемомъ Лисицею, всю часть своего пахатного поля; оное поле мнѣ извѣствое, на которомъ земля пѣщаная и глееватая, однакъ способна по тому болше, что весма близко къ мѣстечку Любечу находится; что жъ касается до грунту називаемого Чистіе Лужы, которого половинную свою часть продаетъ Чигринчиха, то оной грунтъ находится въ отдаленносты и несмѣженъ къ грунтамъ Любецкимъ, а при томъ я надѣюсь хуторъ, називаемій Чистіи Лужи, которимъ владѣетъ также и попъ Козма Котовичъ не церковная ли земля, принадлежащая до бившой церкви Рождества Пресвятія Богородицы, такого роду, какъ и грунта бившіе во владѣніи священниковъ Горбиковъ, которіи указомъ сенатскимъ велено отобрать въ казну. И посему надобно въ покупкѣ имѣть великую осто-

---

[1]) Безбородко, жена б. генер. писаря Андрея Яковлевича и мать князя А. А. Безбородко. Дочь ея Ульяна была матерью жены Г. И. М—ча.

рожность и достовѣрную справку, чтобы иногда денги не пропали, и что тотъ грунтъ въ сторонѣ и несмѣженъ твоимъ землямъ, то я би его покупать не совѣтовалъ, а попадья Чигринчиха дешево не продасть; а что попъ Горбикъ зъ своимъ братомъ и племѣнниками имѣніе продають, то ежели оно ихъ собственное или есть наслѣдственное и несумнительное, а притомъ въ близкости и способносты къ твоимъ землямъ находится, въ такомъ случаи купить можно. А что Каменецкій уступаетъ купленніе свои грунта около Брехуновъ, то я оннхъ покупать тебѣ не совѣтую, ибо оніе тебѣ не по способности, ни въ смѣжносты находятся. И на такіе грунта, которые находятся въ кускахъ и въ разнихъ мѣстахъ денегъ напрасно терять ненадобно и не совѣтую, ибо оніе никакой пользи не принесуть, а покупать надобно такіе землѣ или грунта, которіе въ срединѣ твоихъ или смежніе зъ твоими землямы, такъ какъ есть Гуньковская Лизогубова мелница, которую тебѣ весма купить способно; при той мельницѣ находится, при самой рекѣ Ворзнѣ, давно присужденная земля, гдѣ Лизогубъ поселилъ своихъ людей и построилъ винокурнѣ, и веленно ихъ свесты и землѣ очистить, токмо и понинѣ неочищенна, для того непремѣнно надобно тебѣ, не утекая вдаль, людей вислать и строеніе очистить, ибо Лизогубъ чрезъ долгое время упрамится, чтобъ иногда давности земской не упустить и землѣ не потерять, которую нинѣшною весною надлежало бы сорать и посѣять жито ярицу, или другій яринний хлѣбъ. Сей грунтъ, о которомъ я тебѣ пишу, находится въ отрубной Расудовской жалованной Полуботку пущы, о которомъ я долго хлопоталъ и имѣлъ дѣло и оное между протчіимы дѣламы тебѣ поручилъ и уводчій листъ на присужденную землю, также и протчіе уводчіе листы по бившимъ дѣламъ тебѣ отдалъ, какъ-то и о грунтѣ Радулскомъ зъ расколниками, по коимъ всѣмъ отданнимъ тебѣ дѣламъ, по описѣ, надобно имѣть недреманное наблюденіе и смотрѣніе Любецкой економіи. А что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я тебя одолжилъ нѣсколько денгами, въ разсужденіи покупаемихъ тобою грунтовъ, то я би тебѣ не отказалъ, ежели би былъ въ состояніи, ибо я здесь у дворянъ Мартосовъ покупаю сѣнокосную землю, весма близко и въ способности находящуюся къ землѣ Гамалѣевской, и далъ уже 200 рублей, а еще и тимъ надобно будетъ дать болше двухъ сотъ рублей; а кромѣ сей землѣ тѣ жъ Мартоси продають футоръ въ близкомъ разстояніи находящійся къ Гамалѣевки, которого, за тысячу рублей купить неможно, а я думаю его не упустить, ибо и другіе покупщики находятся, а сверхъ того надобно докончить цер-

ковное строеніе, здѣлать колоколню и купить колоколъ, которихъ здесь почты ни одного нѣтъ и на то все потребно болше тисячи рублей. Съ писма жъ твоего выжу, что малярь меня обманулъ, однакъ я надѣюсь лутчого нежели онъ майстра сискать; горѣлки прислать ко мнѣ надобно восѣмъ бочокъ, о которой я при семъ прилагаю писмо къ г. Вѣткевичу, а на тихъ подводахъ я пришлю къ тебѣ овса, полагая на каждую по 4 четверты, всего 32 четверты. А ты вели приказать, чтобъ били въ подводчиковъ мѣшки на показанное число овса. При отъездѣ моемъ отдалъ я тебѣ сребро, яко то: кафейний чайникъ, молочникъ и другіе разніе вещы, вѣсомъ на 10-ть фунтовъ, о коихъ имѣется у меня записка, для передѣлки на чайний приборъ, для того увѣдомь меня началъ ли серебренникъ оную работу дѣлать, которую надобно ему отдавать не всю заразомъ, но по частямъ, прежде же надобно при себѣ вѣрно свѣсить и отдавать сребреннику каждую вещь вѣсомъ же, а за работу я съ нимъ договорился отъ лота заплатить по 10 к. Еще увѣдомь меня имѣешь ли какіе писма отъ повѣренного съ Петербурга по извѣстному тебѣ дѣлу зъ Силѣчемъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1780 года, априля 10 д. Гамалѣевка.

4. Любезній сину мой Григорій! Получилъ я отъ тебя съ Чернигова четири писма. Первое, чрезъ Тарчовского, минувшого априля отъ 19-го числа, на которое обявляю, что Тарчовскій напрасно трудылся и ездилъ до тебя, ибо онъ не имѣетъ ни отъ кого и никакой обѣди; а вмѣсто того, что онъ напрасно ездылъ къ тебѣ, должно бы ему самому старатся, дабы скорѣе надъ нимъ оконченъ былъ щотъ. А что въ его забратъ скотъ, то сего въ обѣду онъ почитать себѣ не можетъ, ибо такъ порядокъ велить съ тѣмъ, когда онъ отдасть отъчетъ по своей должности порядочно и не будеть на немъ никакого начота и взисканія, тогда скотъ и все свое имѣніе получить безъ всякого задержанія, а ежели явится начотъ, а потому и взысканіе, тогда долженъ онъ денгами или имѣніемъ своимъ удоволствовать. Что жъ касается до Жидкова, которого онъ единственно по сорѣ своей отъ должности отрѣшилъ, то изъ Жидковимъ, такимъ же образомъ поступыть должно, какъ и съ Тарчовскимъ, по окончаніи щета. Онъ же Тарчовскій его Жидкова отрѣшилъ отъ должности вовся не надлежаще, единственно для своего угожденія, а несоблюденія порядка еко(но)мыческого, котораго съ нимъ во многомъ спорилъ, и тебѣ представлялъ; а на мѣсто его опредѣлилъ тамошнего Бучковского мужика, извѣстного всѣмъ превеликого пьяницу и бездѣлника.

Я извѣстенъ, что и писарь тамошній Бучковскій пяница жъ. Такъ вотъ какіе порядки Тарчовскій подѣлалъ. Я этое узнавши чрезъ Курилова, велѣлъ мужика пяницу отъ должности отрѣшить и бить ему попрежнему въ числѣ протчіихъ мужиковъ, а на мѣсто его опредѣлить доброго и неподозрытелного человѣка; Жидковъ же допущенъ до своей должности, для того, чтобъ по нынѣшному весняному времени не упущенно было вь надлежащое время посѣять ярынни хлѣбъ, и протчихъ касающихся хозяйства дѣлъ, и велѣнно ему дѣлать припускъ лошадинни, чего опредѣленному отъ Тарчовского пяницы увѣрить неможно и сумнително. Сколько же какихъ денегъ есть въ собраніи въ Халимоненка, за оними посланъ Кезь принять отъ его, которіе и присланни будуть къ тебѣ зъ тими денгами, кои данни на мой щетъ зъ Любеча плотникамъ, столярамъ и малярамъ 30 рублей, при отправленіи ихъ въ Гамалѣевку.

2-е) Чрезъ Конвисера, апрыля отъ 12-го, получилъ того жъ априля 19-го числа, и что касается до маляра, то я сыскалъ съ Кролевца искусного майстра, которій пысалъ графу (Румянцеву) въ церковъ въ Вишенкахъ иконостасъ, и заключилъ съ нимъ контрактъ, за одни его труда шестьсотъ рублей, кромѣ харчей, разнихъ красокъ и золота, что всіо искуплено будетъ на мои денги, и выходыть на сумму до тисячи рублей. Также договорилъ подрядчика, надежного и доброго человѣка, руського купца, жителствующого въ Гадячѣ, выписать зъ Москви четире колокола, первій—вѣсомъ въ сорокъ пудъ, другій—въ 20-ть, третій—въ 10-ть, а четверти—въ 5 пудъ; всего жъ во всѣхъ колоколахъ сѣмдесятъ пять пудъ, отъ всякого по 14-ть рублей съ поставкою въ Гамалѣевку, а всѣхъ денегъ тисяча пятдесятъ рублей, и оніе колокола подрядчикъ долженъ поставыть июля къ 20-му числу, въ Гамалѣевку, а маляръ начнетъ пысать иконостасъ сего мaия съ 20-го числа.

3-е) Чрезъ столярей, плотниковъ и малярей, кои прибыли въ Гамалѣевку сего мая 4-го и вступыли въ свою работу. Столяръ же Владимеръ Онищенко, буди онъ тебѣ надобенъ, пусть и остается. Покупку твою въ Пушкарахъ похваляю, хотя и недешево нѣсколько; что касается до пахатного поля, состоящаго въ нивахъ, по моему мнѣнію еще бъ и лутче было въ разсужденіи ихъ въ неболшомъ количествѣ землѣ и въ разнихъ мѣстахъ находящихся, достать замѣною въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ положеніемъ, а ежели неможно буде, то отдать мужикамъ для хлѣбопашества, по способности ихъ жительствъ зъ вѣрною запыскою кому и въ какомъ въ урочищи и какая ныва

будетъ дана, и что въ купчой крепости въ разсужденіи интригъ Силѣчевыхъ, весма ему свойственнихъ, напысанна сумма превосходная на случай выкупу, поступленно весма разумно, нѣчимъ перемѣнить и съ такимъ человѣкомъ, каковъ есть Силѣчъ; и что купылъ ти въ селѣ Красковскихъ, на болшой дорогѣ, два двори зъ людми и ихъ грунтами, гдѣ и шинку быть способно, и то похвално, а что Постѣкаловъ продаетъ въ Любечѣ—дворъ зъ живущими въ оныхъ людми, то оніе двори зъ людми, а хотя и безъ людей весма потребно тебѣ купить, ибо оніе находятся внутрѣ въ мѣстечкѣ Любечѣ и между твоимы мужикамы, и не знаю какову онъ цѣну просить. А я купылъ въ наслѣдниковъ Сибѣрского, также въ мѣстечкѣ Любечѣ, людей мужеска полу 18-ть душъ, кромѣ женска, со всѣмъ ихъ поселеніемъ, и заплатилъ 850 рублей, о чемъ можешь справится по купчой крѣпости, которая тебѣ съ протчіими крепостми порученна. Чрезъ приезжавшого ко мнѣ отъ сестри твоей съ писмами о родинахъ дочери еи, я никакого писма къ ней не пысалъ, а словесно обявилъ присланному, что пысать мнѣ до еи не слѣдуетъ покудова не будетъ конченно дѣло по данному отъ меня тебѣ полномочію и не получу отъ тебя извѣстія о миротвореніи, а подъ симъ разумѣется и раздѣлка, на томъ основаніи, каково положенно въ битность мою до отъезду моего въ Гамалѣевку, о чемъ уже я къ тебѣ предъ симъ пысалъ.

4-е) Априля отъ 19-го числа, зъ Чернѣгова, получилъ сего мая 6-го, съ увѣдомленіемъ меня объ отправленіи ко мнѣ моей горѣлки и при ней людей колесника Гѣтка зъ его женою и шуриномъ, коихъ я намѣренъ поселить въ слободѣ Жоржовки, также и плотника Грицка Сыча, которой мнѣ весма нуженъ по его майстерству. Притомъ прошу отъ меня поздравить г. совѣтника Якова Ивановича Гулака съ новобрачною его женою и желаю имъ благополучного сожитія и сердечно радуюсь, что ты зъ женою своею и дѣтьми, по милости всемогущого Бога, находишся въ добромъ здоровьи, чего отъ усердія моего всегда желаю. Удивляюсь я, что ты по сю пору Антипа Крупянникова не договорялъ въ Любечъ приказчикомъ на такомъ основаніи, какъ я предъ симъ къ тебѣ пысалъ и совѣтую его не упускать, ибо я узналъ довольно, что онъ человѣкъ добрій и чрезъ все время въ битность при мнѣ оказался неподозрителни и исправни. А что касается до щета прикажчиковъ, весма исправенъ и знающъ. Мужика жъ Иллю Бойка я тебѣ совѣтовалъ би отставить, для того, что онъ можетъ дать цинши (чинша) рубліовъ пять или болше, и способенъ для отправленія на байдакѣ за покупкою солѣ и для продажи діогтю и другихъ вещей

рѣкою Днѣпромъ. Я съ полученного репорта отъ Крупянникова увѣдомылся, что онъ при отдачи Жукотской и Полуботовской наличности весма обѣженъ отъ тамошнихъ мужиковъ и присланного отъ бабушкѣ твоей смотрителя Туржанскаго, котирий, по наговору мужиковъ, его обѣдилъ вовся напрасно, заграбылъ у него въвесь скотъ рогатій, лошадь, овци и кози, въ числѣ которого и отъ меня ему данни, несправедливо и ненадлежаще, и оный Туржанскій и донынѣ скотъ его содержитъ въ Жукоткахъ подъ стражею, и за такую свою обѣду не можетъ инакъ обойтится, какъ подать искъ на госпожу и на мужиковъ ея. Для того ты за немъ уступысь, не допусти къ обѣдѣ и о семъ напыши до бабушки твоей, чтобы она наговору мужиковъ не вѣрила и проси, чтобъ скотъ его приказала возвратить, ибо нехорошо будетъ, когда онъ подастъ искъ. А сей Туржанскій есть полякъ и видно такой будетъ прикажчикъ, какъ былъ у тебя Тарчовскій. При принятіи наличности въ Жукоткахъ, удержанъ станокъ мой зимній собственній, здѣланни мною въ Чернѣговѣ, когда я тамо жилъ, подъ карету, крепкій и вездѣ окованни, на которомъ болше до трохъ пудъ желѣза употребленно, для того оной станокъ вели непремѣнно отобрать и взять къ себѣ въ Чернѣговъ или въ Любечъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, маія 7 числа. Гамалѣевка.

5. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернигова сего августа отъ 13-го, я августа 18-го получилъ, съ приложеніемъ копіи зъ исковой жалоби Лашкевычевой, поданной имъ въ уѣздны Чернѣговскій судъ, и въ томъ твоемъ писмѣ увѣдомляешь меня, что ты того жъ августа 13 отъехалъ въ Батурынъ для свиданья съ Андреянополскимъ и попросить его о написаніи апелляціи по дѣлу зъ Силѣчемъ о шинкахъ, равно и поговорить о предстоящемъ новомъ дѣлѣ съ Лашкевичомъ. Я получа твое писмо, заразъ поговорилъ изъ здешнымъ моимъ приятелемъ, знающимъ законы человѣкомъ, и далъ ему потребніе документа для написанія по дѣлу зъ Лашкевичомъ отъводу, который при томъ мнѣ обявилъ, что надобно по позвамъ явытся на срокъ и тотъ доводъ сказать, а при томъ нужно имѣть съ уѣздного Городницкого суда выписъ изъ поданной отъ меня жалобы, прошедшого году, м—ца августа 9 числа, о изреканіи дочеры моей и о прочемъ, также и изъ учиненного по тоей моей жалобы въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ определенія, о которой жалоби и определеніи тебѣ извѣстно, ибо въ бытность твою въ меня я далъ тебѣ съ оныхъ копіи, и какъ ты пишешь въ своемъ писмѣ, что на жалобы

Лашкевичевой уѣздни судъ здѣлалъ опредѣленіе дать намъ позовъ, которы уже и посланъ въ нижни земски судъ для порученія и назначеніе срока къ явки; о срокѣ же еще неизвѣстно; для того за нужное почитаю къ тебѣ написать, ежели уже позвы положены на имѣніи или поручени тебѣ, то до меня принадлежащи позовъ заразъ со всякимъ поспѣшеніемъ чрезъ нарочного, а не почту, присилай ко мнѣ, дабы я могъ предварително заранше знать срокъ явки въ судъ. Ежели же намъ обоимъ одинъ позовъ данъ, то однако жъ пришли ко мнѣ копію поскорее, а я написанны отъводъ, какъ скоро будетъ здѣланъ, тотчасъ 'безъ всякого замедлѣнія пришлю къ тебѣ чрезъ нарочного и при томъ приложу къ тебѣ прозбу въ уѣздны Городницки судъ, о дачи вышеписанной виписѣ, дабы опая выдана была предъ срокомъ о явки въ судъ, но со всѣмъ тѣмъ весма нужно и необходимо потребно, чтобы ты ко мнѣ, какъ можно скоро, самъ приехалъ на самое краткое время поговорить, о чемъ надлежитъ; на писменныхъ же перепискахъ весма неудобно въ такихъ обстоятельствахъ изъясниться; для того, какъ скоро возвратится зъ Батурина, заразъ ко мнѣ приежай почтою, а не на своихъ лошадяхъ. До Ивана Яковлевича г. Селецкого я писалъ съ прошеніемъ объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, имѣющемся въ Новгородско-Сѣверской губерніи и писмо отправилъ къ тебѣ чрезъ Звонка, а нинѣ и вторичное писмо при семъ къ нему прилагаю, которое тотъчасъ чрезъ нарочного или чрезъ почту къ нему отправъ, понеже весма нужно, чтобъ сіе дѣло было рѣшено и съ оного получить виписъ, также къ представленію въ судъ по настоящому иску Лашкевичевомъ; и я объ оной Ивана Яковлевича прошу, чтобъ прислалъ к тебѣ прямо или же увѣдомилъ о рѣшеніи оного и за скорость хотя бы рѣшенія копію прислалъ. Впротчемъ пребываю твой всегодоброжелателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, августа 22 д. Гамалѣевка.

6. Любезній сину мой Григорій!

Писма твои мною получены, первое октября отъ 1-го числа, съ увѣдомленіемъ, что въ день праздника Покрова Богоматери освященъ домъ твой ,въ которомъ намѣрены вы переходить отъ того числа чрезъ двѣ недѣли, въ чемъ я отъ усердія моего желаю да благословитъ тебя Богъ зъ женою и дѣтми твоими и даруетъ мирно и во всякомъ здравіи и благополучіи въ ономъ жить на долгіе времена. Иконъ же, о которыхъ я тебѣ сказывалъ въ Гамалѣевки, послать понынѣ не могу, для того, что еще несовсѣмъ готовы иконописью, а какъ скоро поспѣютъ, то и присланы будутъ чрезъ нарочного, буди не будетъ

оказіи, ибо чрезъ почту послать ихъ неудобно. А послѣдніе три писма, сего мѣсяца разныхъ числъ, отъ тебя писанные, я получилъ въ одинъ день, тоесть сего сентября 11 числа, на которые симъ увѣдомляю: горѣлка твоя пѣнная въ 20 бочкахъ, числомъ 800 ведеръ, привезена и получена исправно, о которой Антипъ Крупянниковъ чрезъ тѣ подводы, кои оную привозили, тебѣ рапортовалъ, и будетъ стараніе о продажѣ сей горѣлки, чтобы продать ведро по два рубли, но навѣрное о таковой ценѣ сказатъ неможно, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ цена горѣлки упала, а до того времени неможно, чтобы небыло нѣсколко усошки. Присланные отъ тебя подводы за овсомъ при Любецкихъ мужикахъ Ивану Олейнику и Семену Пишке пріѣхали невесма вовремя, ибо овса небыло готового въ покупкѣ и въ превеликое безъдорожье скотъ свой вовсѣ изнурили, и прожили здѣсь чрезъ 6 дней, лошадей же кормить нечимъ было, а давана имъ солома, но и той недостаточно, для того, что по нынѣшней зимѣ и погодѣ весма сѣно дорого, такъ же и солома; да сѣна здѣсь въ деревнѣ и купить не въ кого, а хотя мужики имѣютъ у себя сѣно и солому, но они для прокормленія своего скота нужду въ томъ имѣютъ. Я и самъ думаю, чтобы Богъ помогъ выкормить свой скотъ чрезъ зиму, а сѣна продать не можно ни стебла, и для того впередъ совѣтую тебѣ присылать сюда подводы, узнавши перше и вѣрно, будучи надежнымъ о покупкѣ и о числѣ четвертей овса, то тогда присылать подводы, а не прежде. Покупщикъ же твой почталионъ Семенъ Анастасьевъ едва могъ искупить 126 четвертей и 5 четвериковъ овса, но и того подводы дожидалися, а по наложеніи онаго, отправлены отсюда подводы сего мѣсяца 18-го ч. Однакъ, я думаю, ты его сполна не получишъ, ибо мужики изнуренные свои лошади принуждены будутъ кормить овсомъ, а тебѣ за приездомъ отдадутъ свой собственный овесъ, въ кого есть, а кто не имѣетъ, то развѣ купитъ. На тѣхъ же подводахъ, которые горѣлку привезли, получилъ я заливную трубу исправно и далъ своего овса, по неимѣнію купленного почталиономъ въ Лофицѣ, 52 четверти и 2 четверика на щетъ тѣхъ денегъ, которые ты употребилъ на церковные вещи, тоесть 31 рубль 20 копѣекъ; и такъ я тебѣ уже невиненъ. Покупщику твоему на покупку овса далъ я денегъ, къ прежде выданнымъ ста рублямъ, еще 50 рублей, а остается еще у меня 100 рублей, за которыми вели прислать подводы тогда когда получишь вѣрное извѣстіе, ч[redacted] купленной [redacted] готов[redacted], а [redacted] какъ нынѣ присылалъ. Ежели потребны будут денег на покупку до [redacted]ности 500 четвертей овса, то я могу дать

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Дозволено цензурою Кіевъ 9 октября 1896 года.

Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной Украинѣ въ XV столѣтіи.

При пересмотрѣ гродскихъ книгъ Брацлавскаго воеводства XVIII столѣтія мы встрѣтили нѣсколько документовъ XV столѣтія, явленныхъ въ эти книги въ позднѣйшее время; въ виду малочисленности документальныхъ свидѣтельствъ о землевладѣніи въ Украинѣ въ XV столѣтіи, мы полагаемъ, что документы эти не лишены историческаго интереса по данному вопросу, и потому приводимъ ихъ въ связи съ другими данными, касающимися исторической судьбы упомянутыхъ въ нихъ мѣстностей. Къ несчастію, русскіе акты XV ст., явленные въ XVIII, переписаны въ гродскихъ книгахъ латинскимъ шрифтомъ, потому, возстановляя языкъ подлинниковъ, мы не могли возстановить ихъ правописанія. Встрѣтившіеся намъ документы относятся къ слѣдующимъ четыремъ мѣстностямъ:

1. Жаботинъ и Оловятинъ.

Въ 1722 году братья Яковъ и Петръ Житкевичи продали чашнику Летичевскому Лаврентію-Стефану Каменскому свои наслѣдственныя имѣнія: мѣстечко Жаботинъ и село Оловятинъ „съ селами и селищами, издавна къ этому имѣнію принадлежащими, а именно: Куликовцы, Лубенецъ, Плескачевка, Дѣтвѣвый Островъ, Каменка, лѣсъ Бовтыкъ, поляны: Бузукова и Солопов-

ка" [1]). При этомъ случаѣ братья Житкевичи явили въ гродскую книгу всѣ сохранившіеся у нихъ фамильные документы, удостовѣрявшіе ихъ права на владѣніе исчисленными имѣніями. Древнѣйшій изъ этихъ документовъ—выписъ изъ книгъ гродскихъ Кіевскихъ, выданный 1609 года октября 19, Василію Житкевичу, посвидѣтельствованный членами гродскаго кіевскаго суда съ приложеніемъ гродской печати. Въ выписѣ этомъ сказано, что Василій Житкевичъ явилъ въ гродскія кіевскія книги другой, болѣе древній, выписъ изъ тѣхъ-же книгъ, выданный его отцу Тихону Житкевичу, 1570 г. октября 8, посвидѣтельствованный урядомъ замку кіевскаго: Остафіемъ Ивановичемъ Ружинскимъ, намѣстникомъ, Иваномъ Солтаномъ, судьею, и Леономъ Верещакою, писаремъ. Послѣдній выписъ свидѣтельствуетъ, что въ 1570 г. Тихонъ Житкевичъ явилъ въ книги кіевскаго замка подлинный документъ, снабженный королевскою печатью и подписью короля Александра слѣдующаго содержанія:

„Александръ Божею милостью король польскій Великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомоитскій и пр. ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ, кто на него воззритъ или услышитъ его чтеніе, кому о томъ вѣдати нужно будетъ, что билъ намъ челомъ земянинъ брацлавскій, Мокій Житкевичъ, и сказалъ передъ нами, ижъ дей дѣдъ его, небожщикъ Стефанъ выслужилъ на продку нашемъ, на великому князю Витовду имѣнія въ воеводствѣ кіевскомъ на имя: Жаботинъ [2]) и Оловятинъ и селища къ нимъ здавна надлежачіе, пустые и оселые надъ рѣкою Тасьминомъ. Листы предковъ нашихъ онъ дей у себя мѣлъ, и якъ поганство татарове брали имѣнія его, и жену и дѣтей взяли, и тѣ листы у него на тотъ часъ побрали, а къ тому дей якъ нашъ замокъ кіевскій сгорѣлъ, не доставши (онъ Мокій записей замковыхъ) тѣхъ листовъ, они въ замкѣ были истреблены; а то дей вѣдомо всѣмъ земянамъ кіевскимъ, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; ино земяне нѣ-

---

[1]) Книга гродская Винницкая записовая и поточная № 4607, листы 49 на оборотѣ и 55.

[2]) Нынѣ мѣстечко черкасскаго уѣзда.

которые о томъ повѣдали, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; и билъ намъ челомъ, абысьмо въ томъ ему ласку нашу учинили и подтвердили ему симъ нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы з ласки нашой за его намъ вѣрные и справедливые службы тѣ вышеписанныя его имѣнія: Жаботинъ и Оловятинъ, со всѣми до нихъ надлежачими селищами и пустыми урочищами надъ рѣкою Тасьминомъ потвержаемъ симъ нашимъ листомъ на вѣчность ему самому, дѣтямъ и напотомъ будучимъ щадкамъ з людьми и землями пашными, з пасѣками, з ловы рыбными и бобровыми гоны, зъ лѣсами и дубровами, болотами и сѣножатями, зъ гаями, зарослями, зъ рѣками, рѣчками и крыницами, зъ ставами и ставищами, зъ млынами и вшелякими платами и доходами ихъ и данями, по тому, якъ на тии имѣнія и селища вышеписанные продокъ нашъ дѣду его далъ и якъ здавна въ границахъ своихъ были. Воленъ онъ тие свои имѣнія и селища вышеписанные отдать, продать, обмѣнять, на церковь записать и ку лучшому своему пожитку обратить и разширить, якъ самъ найлепѣй разумѣетъ. На потверженіе чего и печать нашу королевскую привѣсить разказали к сему нашему листу. Писанъ въ Кракови в лѣто 1509 [1]), августа 6 дня. Подписъ руки е. к. м. тыми словы: Александръ король [2]).

Приведенный документъ удостовѣряетъ, что Жаботинъ и обширная, тянувшая къ нему полоса земли надъ Тасьминомъ состояли de jure въ преемственномъ владѣніи земянскаго рода Житкевичей со времени Витовта (въ первой половинѣ XV столѣтія) до 1722 года. Изъ данныхъ какъ приведеннаго документа, такъ и другихъ документовъ, явленныхъ Житкевичами, можетъ быть съ незначительными пробѣлами возстановлена родословная

---

[1]) Очевидно, вслѣдствіе незнанія польскими канцеляристами славянскаго счисленія, въ цифрѣ, обозначающей годъ, сдѣлана ошибка. Александръ умеръ въ 1506 году.

[2]) Кн. гродск. Винницкая записовая и поточная 1722 г. № 4607 л. 52—53. Въ актовой книгѣ документъ этотъ переписанъ латинскимъ шрифтомъ со вставкою по мѣстамъ польскихъ терминовъ; мы старались по возможности установить русскій текстъ документа.

этого земянскаго рода; она представляетъ слѣдующую генеалогическую таблицу:

Стефанъ (современникъ Витовта)

№

Мокій (упом. 1509)

№

Тихонъ (уп. 1570).

Василій (уп. 1609) Тихонъ

Лука (уп. 1621) Даніилъ (уп. 1653—55) Федоръ (уп. 1621—29)

Иванъ (уп. 1692)

Яковъ (уп. 1703—1722) Петръ (уп. 1713—1722).

Изъ письма, писаннаго въ 1621 году Федоромъ Тихоновичемъ къ его двоюродному брату Лукѣ Василіевичу, видно, что дѣдъ ихъ Тихонъ пріобрѣлъ сверхъ Жаботинской волости другія имѣнія въ брацлавскомъ воеводствѣ, именно—въ винницкомъ повѣтѣ Войтовцы на р. Бугѣ и Новоселки, въ которыхъ и жили его внуки, спорившіе между собою о дѣлежѣ наслѣдства; Федоръ желалъ оставить за собою владѣнія въ винницкомъ повѣтѣ и предоставить Лукѣ Жаботинскій ключъ, между тѣмъ какъ послѣдній требовалъ на свою долю Новоселокъ [1]).—Федоръ Тихоновичъ занималъ важную должность судьи гродскаго Винницкаго и сверхъ своей отчины владѣлъ еще селомъ Шандыровомъ (нынѣ брацлавскаго уѣзда), доставшимся ему въ приданное за женою [2]). Братъ Федора, Даніилъ Тихоновичъ занималъ въ 1653—1655 г.г. должность инстигатора короннаго и въ 1654 и 1655 годахъ избранъ былъ депутатомъ на сеймъ отъ воеводства брацлавскаго [3]).—Обоимъ братьямъ, повидимому надлежали также въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1664 г. села: Бушинцы и Остапковцы (нынѣ брацлавскаго уѣзда) [4]).—Впрочемъ въ второй половинѣ XVII столѣтія линія Тихоновичей-Житкевичей прекратилась,

[1]) Кн. грод. Винницкая № 4607, л. 53 на обор.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. ч. VII, т, II, стр. 399.

[3]) Тамже, ч. II, т. I, стр. 453 и 465 и т. II, стр. 4.

[4]) Тамже, ч. VII, т. II, стр. 548.

ибо въ продажной записи Якова и Петра Ивановичей 1722 г. они заявляли, что они единственные наслѣдники какъ прадѣда своего Василія, такъ и двоюродныхъ дядей Даніила и Федора Тихоновичей.

Принадлежность Жаботина Житкевичамъ фактически была упразднена въ половинѣ XVII столѣтія.—Во время Богдана Хмельницкаго, они, подобно другимъ украиннымъ шляхтичамъ, должны были удалиться изъ края, и Жаботинъ вошелъ, въ качествѣ сотеннаго города, въ составъ Чегринскаго козацкаго полка; въ 1649 г. сотникомъ Жаботинскимъ былъ Иванъ Шуликъ [1]). При преемникахъ Хмельницкаго Жаботинъ, среди гетманскихъ междуусобій, стоитъ всегда на сторонѣ того гетмана, который владѣлъ Чегриномъ; онъ поддерживалъ до конца Дорошенка, послѣ его паденія сдался въ 1677 г. туркамъ, а послѣ ихъ ухода призналъ власть Самойловича; но въ 1678, послѣ прихода новой турецкой арміи, Жаботинъ подчиняется Юрію Хмельницкому; въ наказаніе за это, послѣ ухода турокъ, Семенъ Самойловичъ въ 1679 г. разрушилъ городъ и всѣхъ жителей перевелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Такимъ образомъ Жаботинъ пришелъ въ совершенное запустѣніе; между тѣмъ его бывшіе владѣльцы Житкевичи—Лука Василіевичъ и сынъ его Иванъ—скрывались въ Польшѣ, ожидая удобнаго случая, чтобы предъявить свои права на дѣдизну. Только въ исходѣ XVII столѣтія Иванъ Лукичъ, служившій въ польскомъ войскѣ въ качествѣ „полковника его королевской милости", появился въ кіевскомъ воеводствѣ; въ 1692 году мы встрѣчаемъ его подпись на протестѣ дворянъ кіевскихъ противъ притѣсненій, испытываемыхъ ими отъ козацкаго полковника Василія Искрицкаго [3]). Вскорѣ потомъ престарѣлый полковникъ вѣроятно умеръ, потому что уже въ 1703 году представителями ро-

---

[1]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 669. Въ 1649 году король Янъ Казиміръ, желая задобрить Хмельницкаго, далъ ему жалованную грамоту на потомственное владѣніе разными имѣніями; въ числѣ ихъ названы: Жаботинъ съ слободкою Каменкою и лѣсъ Болотышъ. Впрочемъ грамота эта осталась повидимому безъ примѣненія. Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 463.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 128, 138, 146, 147, 282 и 285.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. ч. III, т. II, стр. 248.

да являются его сыновья: Яковъ и Петръ. Подпись перваго изъ нихъ мы находимъ на постановленіи съѣзда кіевскихъ дворянъ, состоявшагося въ 1703 г. подъ Лугинами [1]), а въ 1713 оба брата принимаютъ дѣятельное участіе въ защитѣ Евстратія Самборовича, игумена кіевскаго Кириловскаго монастыря, противъ заѣзда на его имѣніе, Андреевку, произведеннаго дворянами Шумлянскимъ и Щеневскимъ [2]).—Въ это время братья Житкевичи попытались возстановить свои права на Жаботинское имѣніе; но колонизація запустѣвшей области подвигалась слишкомъ медленно; кромѣ Жаботина и Оловятина [3]) остальныя урочища оставались пустыми селищами, и доходъ изъ обширныхъ притасьминскихъ земель былъ ничтожный [4]); вслѣдствіе этихъ экономическихъ причинъ, Житкевичи рѣшились продать свою Жаботинскую дѣдизну, оставивъ за собою лишь имѣнія въ Брацлавщинѣ. Новый владѣлецъ, Каменскій, смотрѣлъ впрочемъ на свое пріобрѣтеніе, доставшееся ему весьма дешево, какъ на выгодную спекуляцію; воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что князья Любомирскіе, купившіе Смѣлянщину, стремились къ округленію своихъ владѣній, Каменскій продалъ имъ около 1730 года свои права на Жаботинскую волость, которая такимъ образомъ вошла въ составъ Смѣлянскаго имѣнія. Въ 1787 г. кн. Ксаверій Любомирскій продалъ это имѣніе цѣликомъ, въ томъ числѣ и Жаботинъ, кн. Потемкину; послѣ смерти послѣдняго оно было раздѣлено между его наслѣдниками, и Жаботинъ пришелся на долю его сестры графини Самойловой, наслѣдниками которой былъ вновь проданъ шляхтичу Фльорковскому.

---

[1]) Тамже, стр. 594.

[2]) Тамже, ч. I, т. IV, стр. 366—369.

[3]) Нынѣ село Головятинъ

[4]) Изъ мѣстностей, упомянутыхъ въ запродажной записи, Солоповка и Бузукова (нынѣ с. Бузуковъ) названы—полянами; далѣе слѣдуетъ „лѣсъ Болтыкъ“, вѣроятно нынѣшнее село Болтышка чигрин. у., и Дѣтвовый Островъ, мѣстоположеніе котораго намъ неизвѣстно; Куликовка, Лубенцы, Плескачевка и Каменка были пустыми селищами.

2. Мліевъ.

Документы, явленные Житкевичами, свидѣтельствовавшіе какъ о древности ихъ рода, такъ и о правахъ владѣнія обширными украинными помѣстіями, очевидно произвели впечатлѣніе на дворянъ Брацлавскаго воеводства и возбудили соревнованіе лицъ, сохранившихъ фамильныя преданія о родовомъ землевладѣніи въ Литовское время; лица эти готовы были заявить въ гродъ свои документы и на основаніи ихъ отыскивать давно утерянныя земельныя владѣнія; къ несчастью, у многихъ документы не сохранились; тогда у нѣкоторыхъ лицъ явилось стремленіе восполнить этотъ недостатокъ, взявъ за образецъ документы Житкевичей; одна изъ попытокъ подобнаго рода относится къ Мліеву (мѣстечко черкасскаго у.). Годъ спустя послѣ Житкевичей въ Винницкій гродскій судъ явился Федоръ Пашута „пресвитеръ ritus gvaeco-uniti при церкви архистратига Михаила въ селѣ Сорокотяжинцахъ“ [1]) и явилъ для занесенія въ гродскія книги документъ, „писанный русскимъ стилемъ, безъ печати и корректы“ [2]), который долженъ былъ удостовѣрять о правахъ рода Пашутъ на м. Мліевъ. Гродскій судъ принялъ и записалъ документъ въ актовую книгу, присоединивъ, впрочемъ, вышеприведенную оговорку объ отсутствіи печати и корректы, которая лишала этотъ документъ всякаго юридическаго значенія [3]). При сличеніи оказывается, что документъ, явленный свящ. Пашутою, есть не что иное, какъ буквальная копія документа Житкевичей, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Жаботина вставленъ Мліевъ, вмѣсто Витовта находимъ имя Великаго князя Владиміра и вмѣсто Василія, Тихона и Стефана Житкевичей вписаны имена: Богдана, Ермолая и Ларіона Пашутъ. Впрочемъ, апокрифическій характеръ документа явствуетъ не только изъ самаго текста и отсутствія печати и „корректы“; онъ можетъ быть доказанъ свидѣтельствомъ другихъ, извѣстныхъ понынѣ, документовъ. Названіе Мліева упоминается первый разъ въ до-

[1]) Нынѣ брацлавскаго уѣзда подольской губ.

[2]) Т. е. не посвидѣтельствованный гродскимъ судомъ.

[3]) Книга гродская Винницкая, записовая и поточная 1723 г. № 4608 л. 40—41.

кументѣ 1499 года; въ этомъ году В. К. Александръ пожаловалъ селища: Имгліево, Орловичи и Линчинцы Черкасскому земянину Грыньку Васькевичу; селища эти составляли раньше „отчизну и выслугу“ звенигородскаго земянина Федька Васькевича, но послѣдній былъ убитъ татарами, дѣтей онъ не оставилъ, а на вдовѣ его женился Грынько Васькевичъ, которому В. К. Александръ и разрѣшилъ владѣть выслугою покойнаго. Въ 1510 г. Сигизмундъ I подтвердилъ грамоту Александра на потомственное владѣніе Грынька Васькевича селищами: Мліево, Орловичи и Линчинцы [1]). Жена Грынька, Анна Васькевичева, пережила и второго мужа и въ 1533 году передала всѣ три упомянутые селища, въ качествѣ приданаго за дочерью, зятю своему Черкасскому земянину, Ивану Зубрику; передачу эту утвердилъ В. К. Сигизмундъ I [2]). Наслѣдникомъ Ивана Жибрика былъ сынъ его Василій, извѣстный по документу 1562 года [3]); послѣ смерти послѣдняго, имѣнія его перешли во владѣніе его единственной дочери Христины, которая, доживъ до глубокой старости, продала въ 1633 г. Мліевъ и другія свои наслѣдственныя имѣнія гетману Станиславу Конецпольскому, желая избѣгнуть „великихъ досадъ, причиняемыхъ ей козаками“. Мліевъ оставался собственностью Конецпольскихъ до начала XVIII столѣтія. Послѣ смерти послѣдняго изъ рода Конецпольскихъ—Яна-Александра (1719) украинныя его имѣнія достались его родственникамъ Валевскимъ; но послѣдніе жививъ Великой Польшѣ и затруднялись наслѣдствомъ, расположеннымъ въ отдаленной области, экономическія условія которой были имъ неизвѣстны потому уже въ 1723 году они продали всѣ свои украинныя помѣстья кн. Юрію Любомирскому; послѣдній присоединилъ ихъ къ Смилянской волости; при этомъ за владѣніе Мліевымъ ему пришлось вести упорную тяжбу съ князьями Яблоновскими, владѣвшими Корсунскимъ старостввомъ и послѣ „руины“ захватившими безправно Мліевъ, какъ анексъ этого староства [4]). Лю-

[1]) Грамоты великихъ князей Литовскихъ, изд. В. Антоновича и К. Козловскаго, стр. 33 и 44.

[2]) Тамъ же стр. 58—59.

[3]) Тамъ же стр. 92.

[4]) Руликовскій. Słownik geograficzny VI, 522, 526.

бомирскіе владѣли Мліевымъ до 1787 года, когда кн. Ксаверій Любомирскій продалъ Смѣлянщину кн. Григорію Потемкину, наслѣдникамъ котораго (Воронцовымъ) Мліевъ принадлежитъ понынѣ.

Изъ этого краткаго перечня судьбы Мліева видно, что документъ, предъявленный въ 1723 году свящ. Федоромъ Пашутою, утверждавшій, будто Мліевъ принадлежалъ его предкамъ со времени „Великаго князя Владиміра" до 1609 года, представляетъ совершенный вымыселъ; составленъ онъ притомъ съ явнымъ разсчетомъ на неопредѣленность въ то время правъ на землевладѣніе въ Украинѣ, въ которую шляхта едва стала возвращаться послѣ „руины" и „палiивщины"; въ этомъ именно 1723 году право на Мліевъ было продано Валевскими кн. Юрію Любомирскому, но фактически имѣніемъ владѣли Яблоновскіе; среди этой путаницы, очевидно, Федоръ Пашута разсчитывалъ предъявить свои права и, конечно, не надѣясь добиться Мліева, могъ попытаться получить нѣкоторую сумму за уступку своихъ мнимыхъ правъ, которыя могли еще болѣе усложнить и безъ того запутанное дѣло.—Впрочемъ, претензіи на Мліевъ не были чистымъ продуктомъ фантазіи отца Федора; въ семьѣ Пашутъ, вѣроятно сохранялось преданіе о томъ, что нѣкогда одинъ изъ ихъ предковъ владѣлъ Мліевымъ и преданіе это было основано на дѣйствительномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что Христина Васильевна Жубриковна была замужемъ 3 раза: первые два мужа ея: Филонъ Балакиръ и Ѳедоръ Розношинскій погибли въ стычкахъ съ татарами; третій-же мужъ ея былъ Андрей Пашута—Кореневскій, который и показанъ въ тарифѣ подымной подати воеводства кіевскаго 1631 г. какъ владѣлецъ Мліева [1]).

---

3. Рашковъ.

Въ числѣ замковъ, построенныхъ В. К. Витовтомъ для охраны южныхъ предѣловъ его государства, упоминается замокъ

[1]) Słownik geograficzny т. VI, стр. 522. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. I стр. 382—фамилію даннаго лица пишутъ Пашута, Пахута и даже Пахула вѣроятно вслѣдствіе извращенія въ транскрипціяхъ.

Калауръ или *Караулъ*. Замокъ этотъ существовалъ уже въ 1402 году; въ спискѣ областей, городовъ и замковъ, входившихъ въ составъ В. К. Литовскаго, который Свидригайло приложилъ къ договору, заключенному имъ съ крестоносцами въ 1402 г., названъ Калавуръ [1]). Мѣсто, гдѣ находился этотъ замокъ, долго оставалось неизвѣстнымъ,—подобно многимъ другимъ Витовтовымъ замкамъ (Упскъ, Гербедеевъ и т. д.). Нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстный знатокъ русско-литовской старины А. П. Яблоновскій сообщилъ мнѣ свѣдѣніе, что въ окрестности м. Рашкова (подольской губ. ольгопольскаго у.) на Днѣстрѣ есть урочище, сохранившее понынѣ названіе „Калауръ". Года два спустя мнѣ случилось посѣтить Рашковъ, и я занялся собраніемъ свѣдѣній, относящихся къ этому урочищу. Нынѣшнее мѣстечко Рашковъ расположено частью на низменномъ берегу Днѣстра, частью въ долинѣ рѣчки Рашковки, впадающей здѣсь въ Днѣстръ; надъ мѣстечкомъ господствуетъ высокій незаселенный кряжъ приднѣстровской плоской возвышенности, подымающійся почти отвѣсно на 70 саженъ высоты; въ углу этой возвышенности, между Днѣстромъ и Рашковкою, на лѣвомъ берегу послѣдней, на горѣ, сохранилось прекрасное городище; оно обнесено валомъ, имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника и на трехъ углахъ вооружено обширными ронделями, которые характеризуютъ фортификаціонныя сооруженія XV столѣтія; вблизи городища, съ южной его стороны, находится небольшой лѣсокъ, сохранившій понынѣ названіе „Калауръ". Всѣ перечисленныя обстоятельства наводили на предположеніе, что упоминаемый въ началѣ XV столѣтія витовтовый замокъ Калауръ находился вблизи нынѣшняго Рашкова. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось слѣдующимъ документальнымъ свидѣтельствомъ: 29 января 1742 года въ Винницкія гродскія книги Петръ Яковлевичъ Судимунтовичъ-Чечель явилъ цѣлый рядъ хранившихся у него фамильныхъ документовъ, по поводу тяжбы, которую Чечели давно уже вели съ Мелешками за межи своихъ имѣній; въ числѣ этихъ документовъ представленъ былъ выписъ изъ

---

[1]) Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów etc т. I стр. 331.

книгъ гродскихъ Брацлавскихъ, выданный 13 октября 1580 г. Григорію Судимунтовичу-Чечелю, прапрадѣду Петра[1]), удостовѣренный судовою гродскою печатью и подписью брацлавскаго гродскаго писаря, Григорія Байбузы: выписъ этотъ, писанный по русски, къ несчастію нѣсколько пострадалъ отъ времени, такъ что нѣтоторыя мѣста не могли быть прочитаны въ 1742 году. Вотъ его текстъ:

„1580 г., октября 13 дня на уряде гродскомъ Брацлавскомъ ставши очевисто земянинъ Е. К. М. воеводства Брацлавскаго Григорій Судимунтовичъ-Чечель оповедалъ тыми словы: ижъ што привилегія, наданые предку моему отъ славное памети великого князя Витовда и короля Е. М. Ольбрыхта, Андрею Судимунту, на селища мои отчизные, лежачіе въ воеводствѣ Брацлавскомъ: Кущинцы, Борсуковцы, Щуринцы, а надъ рѣкою Днѣстромъ селище *Калауръ* зъ приселкомъ *Рашковомъ* и селищами, въ воеводствѣ Брацлавскомъ лежащими, (одна строка не разобрана); которые-то я привилегія свое (1/2 строки не разобрано) козацкого, яко въ Украинѣ, въ замку Винницкомъ приятелю моему (1/2 строки не разобрано); што изъ допущеня Божого року теперъ идучого 1580, мѣсяца октября 8 дня, той замокъ Винницкій згорилъ, въ которомъ замку схованые у пана Семена Ободенскаго тыи привилегія мои погорилы“[2]).

Приведенный документъ ясно удостовѣряетъ, что Рашковъ былъ въ XV—XVI столѣтіяхъ приселкомъ Калаура, и дозволяетъ безъ колебаній считать слѣдами этого замка какъ существу-

---

[1]) Вотъ данныя генеалогіи Чечелей, извлеченныя изъ явленныхъ фамильныхъ ихъ документовъ:

Андрей Судимунтъ (XV в.).

Борисъ

Григорій подстароста гродск. Брацлав. (упом. 1545—1596).

Андрей

Григорій (*упом. 1617—1644*).

Яковъ

Петръ. (упом. 1742).

[2]) Книга гродская Винницкая записовая и поточная, 27, листъ 28.

ющее городище, такъ и урочище, сохранившее названіе бывшей Витовтовой крѣпости.

Калауръ, впрочемъ, не долго оставался достояніемъ Судимунтовичей; уже въ 1442 году онъ былъ пожалованъ вмѣстѣ съ обширною степною полосою простиравшеюся до береговъ Чернаго моря, въ пожизненное владѣніе Бучацкому [1]);—но въ 1545 году „Калауръ на Днѣстрѣ держалъ Грицко Чечель“ [2]). Въ концѣ XVI столѣтія поселеніе уже извѣстно подъ названіемъ бывшаго предмѣстія *Рашкова* и принадлежитъ къ числу обширныхъ помѣстій, пріобрѣтенныхъ въ Поднѣстровіи Яномъ Замойскимъ. Въ 1617 году замокъ былъ добровольно сожженъ поляками въ угоду туркамъ, которые, заключая договоръ у Буши съ гетманомъ Жолкевскимъ, потребовали упраздненія пограничныхъ крѣпостей подъ предлогомъ, что онѣ служатъ притонами, изъ которыхъ козаки врываются въ Турцію [3]).—Поселеніе было вновь возстановлено около 1646 года; въ этомъ году Замойскій наградилъ своего слугу Юрія Тржцинскаго „за многолѣтнія его заботы въ осаживаніи Рашкова“ [4]) Въ это же время и возникла новая крѣпость у подножія горы, о которой Целляріусъ упоминаетъ, какъ о „Сильной крѣпости на границѣ безлюдной степи“ [5]). Въ 1648 году Рашковъ вошелъ въ составъ Брацлавскаго козачьяго полка въ качествѣ сотеннаго города [6]). Послѣ гибели въ Сучавѣ Тимофея Хмельницкаго, Богданъ назначилъ Рашковъ на содержаніе его вдовѣ Розандѣ.

Съ 1662 года, во время „руины“ городъ подвергался, подобно всей правобережной Украинѣ, превратностямъ и разореніямъ; онъ поочередно признавалъ надъ собою власть соперничавшихъ гетмановъ: Дорошенка, Брюховецкаго, Ханенка, вслѣдствіе чего подвергался нападеніямъ и разореніямъ какъ

---

[1]) Маркевичъ.—Записки Одесскаго Общ. ист. и древн. т. XVII, ст. 19—20.

[2]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VI, т. I, стр. 26.

[3]) Pamiętniki до panowania Zygm. III. Wład. IV i Iana Kazim. т. I, 56. Piasecki. Kronika стр. 227.

[4]) Книга грод. Винницкая № 4597, л. 222.

[5]) Cellarius. Regni Poloniae. D. d. novissima descriptio. Amsterdam 1659, стр. 368.

[6]) Акты Юж. и Зап. Рос. т. X, стр. 305.

этихъ гетмановъ, такъ и войскъ тѣхъ державъ, которыя имъ покровительствовали; въ теченіе 12 лѣтъ (1663—1675) Рашковъ переходилъ 11 разъ изъ рукъ въ руки и 3 раза взятъ былъ приступомъ и разоренъ. (1665—Дорошенкомъ, 1671—Собесскимъ, 1675—Ибрагимъ-пашею). Среди этой сумятицы погибла и владѣлица Рашкова Розанда Хмельницкая, ограбленная и замученная сторонникомъ Брюховецкаго, полковникомъ Дроздомъ [1]).—Вѣроятно, вслѣдствіе послѣдняго турецкаго разоренія городъ совершенно запустѣлъ, такъ какъ до конца столѣтія имя его уже не упоминается ни въ документахъ, ни въ козацкихъ лѣтописяхъ.

Между тѣмъ въ теченіе всего этого времени Замойскіе считали Рашковъ своею собственностію, если не de jure, то de facto. Въ 1664 году владѣльцемъ Рашкова числился Янъ Замойскій, воевода сендомірскій [2]), вскорѣ-же потомъ онъ передалъ права на всѣ свои украинныя имѣнія, въ томъ числѣ и на Рашковъ, въ качествѣ приданаго, дочери своей Іоаннѣ-Варварѣ, вступившей въ бракъ съ Александромъ Конецпольскимъ [3]). Фактически Конецпольскіе могли овладѣть Рашковымъ только послѣ прутскаго договора (1711) и владѣли имъ недолго. Въ 1719 году умеръ послѣдній представитель этого рода, и нѣсколько лѣтъ спустя наслѣдники его продали всѣ украинныя имѣнія Конецпольскихъ Любомирскимъ; послѣдніе владѣли Рашковымъ до исхода XVIII ст., когда онъ былъ проданъ за долги Александра Любомирскаго и пріобрѣтенъ въ казну по приказанію Екатерины II. Затѣмъ, Павелъ Первый подарилъ это имѣніе волынскому намѣстнику Тутолмину, но внукъ послѣдняго вновь обременилъ имѣніе неоплатными долгами, вслѣдствіе которыхъ Рашковъ путемъ публичной продажи перешелъ во владѣніе Барщевскаго, наслѣдникамъ котораго принадлежитъ понынѣ.

Другія имѣнія, пожалованныя Андрею Судимунту Витовтомъ: Кущинцы, Барсуковцы и Щуринцы (лежавшія въ нынѣш-

[1]) Тамъ же т. V, стр. 264.

[2]) Кн. грод. Винницкая № 4602, л. 79.

[3]) Słownik geograficzny, т. IX, стр. 533.

немъ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) остались во владѣніи его потомковъ Судимунтовичей - Чечелей до исхода XVIII столѣтія. Щуринцы не сохранили своего прежняго названія или, можетъ быть, перестали существовать во время руины; имени этого села мы не встрѣчаемъ ни въ документахъ XVII и XVIII столѣтій, ни въ спискахъ населенныхъ мѣстъ нынѣшней подольской губерніи. Барсуковцы принадлежали Чечелямъ въ XVII столѣтіи; въ 1616 году Чечель велъ тяжбу съ Адамомъ Сенявскимъ за земли, захваченныя незаконно послѣднимъ, принадлежавшія селамъ Чечеля Барсуковцамъ и Кущинцамъ [1]). Въ описаніи Брацлавскаго замка 1545 года сказано, что „Кущинци державъ Грицько Чечель“ [2]). Въ 1629 году Кущинци, „alias Чечелевка“, принадлежали Григорію Андреевичу Чечелю, который продолжалъ владѣть селомъ въ 1664 году; въ то время въ Кущинцахъ, „alias Чечелевкѣ“, считалось 34 дома и двѣ мельницы [3]). Наконецъ, послѣднее встрѣтившееся намъ извѣстіе объ этомъ селѣ относится къ 1754 году—тогда оно находилось во владѣніи Петра Яковлевича Судимунтовича-Чечеля [4]).

---

4. Микулинцы.

Въ нынѣшней подольской губерніи, въ долинѣ рѣки Згари, праваго притока Буга, на границѣ уѣздовъ Литинскаго и Винницкаго, расположена группа селъ, составлявшая уже въ началѣ XV столѣтія крупное помѣстіе мѣстнаго земянскаго рода Микулинскихъ, заимствовавшаго свою фамилію отъ названія главнаго поселенія своихъ имѣній, села Микулинецъ. Вотъ интересный по бытовымъ подробростямъ документъ, свидѣтельствующій о происхожденіи землевладѣнія Микулинскихъ.

„Жигимонтъ, Божею милостію король польскій, В. К. Литовскій, Русскій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ,

[1]) Zródła Dziejowe, т. XXI, стр. 582, 599.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. VI, т. стр. 26.

[3]) Кн. гродская Винницкая № 4602, л. 63 на об. и 75 на обор.

[4]) Кн. гродская Винницкая № 4638, Л. 354.

чинимы знаменито симъ нашимъ листомъ привилеемъ, хто на него посмотритъ, албо его услышитъ, нынешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ чоломъ земянинъ нашъ повету Брацлавского Олехно Иванковичъ Микулинскій, покладалъ передъ нами привилей на имѣнія свое дидызные и отчизные; а то естъ перший привилей отъ продка нашого Швидригайла, великого князя Литовского, у которому князь Швидригайло пишетъ, штожъ вел. кн. Витовтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татаре; которого за Браславомъ татарове убылы, и, уторгнувши въ повитъ Брацлавскій, шкоды немалые учнилы и, замокъ Винницкій добувши, спалыли и Ивана Богдановича сына его зъ жоною взялы, при которому вси привилея и твердости на имѣнія его отчизные: села—Микулинци, Борковъ Новоселицю, Рогъ и Почапинци, въ повити Брацлавскомъ лежачие, побрали. Ино В. К. Швидригайло того Ивана Богдановича Микулинского откупиты зъ орды повелилъ и тыи вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опять далъ и тымъ привилеемъ своимъ потвердилъ. Притомъ и другий привилей святои и хвалебнои памяти найяснѣйшого короля Е. М. Казимира, пана отца нашого покладалъ, где, зъ ласки своей господарской, король Е. М. Супрунови Ивановичови Микулинскому за вирные его послуги тотъ привилей В. К. Швидригайла, отцу его Ивану на тые села и имѣнія даный, тымъ привилеемъ своимъ потвердылъ вѣчностью, къ тому еще село Супруновъ и половыцю села Мызякова [1]) также ему и потомкамъ его на вѣчность далъ. И біючи намъ чоломъ, просилъ насъ тотъ Олехно Микулинскій, шчо будучи многокротъ у потребахъ и колко разъ въ тяжкомъ вязеню татарскомъ. За чолобытіемъ и прозьбою его и за причиною пановъ родъ нашихъ, тые привилея, такъ Швидригайла В. К. Л. яко тежъ и тотъ привилей короля Е. М. Казимира, пана отца нашого, продкомъ його на тые имѣнія, села: Микулинци, Берковъ, Новоселыцю, Рогъ, Почапинци и половыцю

[1]) Села: Микулинцы, Початинцы, Новосельца и Борковъ лежатъ въ литинскомъ уѣздѣ, Супрунковъ и Мизяковъ въ Винницкомъ, Рогъ теперь не существуетъ; вѣроятно въ послѣдствіи имя этого поселенія было замѣнено.

Мизякова, даные, симъ привилеемъ нашимъ тое все потвержаемъ и также зъ ласки нашои королевскои даемъ; маетъ тотъ Олехно имѣній своихъ дидизныхъ и отчизныхъ самъ и по нимъ диты, потомки и щадки его вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ, Господарю, зъ ныхъ имѣній своихъ службу земскую военную служыты маетъ такъ якъ и инные шляхта В. князства Литовского. А на твердость того и печать нашу казалы есьмо прывиситы къ сему нашому листу. При томъ булы: панъ Миколай Выжыгайло, бискупъ Жомоитскій, а воевода Подляскій, маршалокъ нашъ, панъ Богданъ Ивановъ Сопига. Писанъ въ Непо243омыцахъ, подъ літы Божого нароженя 1531, мисяца августа 5 день, индыктъ 4. Михайло писарь, намѣстникъ Медницкій. Sigismundus Rex. M. P.—Привѣшена печать великая коронная [1].

Кромѣ приведеннаго текста, уцѣлѣлъ другой документъ, свидѣтельствующій о принадлежности Згарскихъ имѣній Микулинскимъ въ первой половинѣ XV вѣка: Иванъ Богдановичъ Микулинскій, кромѣ упомянутаго въ выше приведенномъ актѣ Супруна, имѣлъ еще другого сына Карпа, получившаго при раздѣлѣ имѣній съ братомъ село Почапинцы. Карпъ Ивановичъ Микулинскій билъ челомъ В. К. Свидригайлу, прося защиты отъ сосѣдей, захватившихъ принадлежавшія ему земли; вслѣдствіе этой просьбы Свидригайло назначилъ коммиссію межевую, состоявшую подъ предсѣдательствомъ державцы Брацлавскаго кн. Василія Сангушковича изъ брацлавскихъ земянъ: Тихона Слупицы, Василія Омельковича и Семена Юсыповича. Коммиссія эта объѣхала межи земель, принадлежащихъ къ Почапинцамъ, закрѣпила ихъ межевыми знаками: „на деревьяхъ грани вытесали, копцы усыпали есмы и въ рици Згару, въ озери Антоновы для вечистого знаку паль забити казали". Затѣмъ коммиссары составили подробное описаніе границы, отдѣлившей земли Почапинскія отъ земель Хмѣльницкихъ бояръ: Васька, Кондрата и Евсея (изъ Багриновецъ), людей Солискихъ и земянъ: пана Максима Тимковича, п. Ярмолы изъ Пултовецъ, п. Евсея Якушинскаго (изъ Якушинецъ), пана Данила и п. Кмиты. До-

[1]) Книга гродская Винницкая № 4615, Л. 174 на об. 177. Кн. Летичевская № 5253 Л. 177 на об. Такъ же „Грамоты великихъ князей Литовскихъ стр. 76—78.

кументъ этотъ, составленный въ Новоселицѣ 17 декабря, индикта 7 (1444 г.), былъ утвержденъ В. К. Свидригайломъ 21 мая, индикта 9 (1446 г.) [1]).

Родъ Микулинскихъ продолжалъ владѣть пожалованными ему Витовтомъ и Свидригайломъ имѣніями до половины XVII столѣтія. По свидѣтельству граничнаго документа въ 1546 году Микулинцы принадлежали Яну и Петру Микулинскимъ, а Почапинцы пани Духнѣ Микулинской [2]). По словамъ описанія Брацлавскаго замка въ 1552 году Микулинцы принадлежали вмѣстѣ съ приселками: Новоселицею и Барковымъ тѣмъ-же Микулинскимъ; въ имѣніи этомъ была церковь и при ней приходской священникъ, въ селѣ находилось 130 крестьянскихъ дворовъ и 18 дворовъ вольныхъ людей; владѣльцы устроили прудъ на Згарѣ и построили мельницу. Почапинцами продолжала владѣть Духна Микулинская; въ селѣ существовала церковь, былъ приходской священникъ, 13 людей данныхъ, 4 вольныхъ, „два ставы и млынъ“ [3]). Въ 1570 году Почапинцы принадлежали Петру Микулинскому, а въ 1580 году онъ владѣлъ и Супруновымъ [4]). Въ концѣ XVI столѣтія родъ Микулинскихъ дѣлится на двѣ вѣтви: Микулинскую и Почапинскую; въ первой вѣтви представителемъ рода является Янъ Микулинскій, который стремится всякими правдами и неправдами объединить въ своемъ владѣніи большую половину Микулинской дѣдизны: въ 1596 году онъ владѣетъ Микулинцами; въ 1598 изгоняетъ путемъ заѣзда изъ Боркова вдову Гордія Микулинскаго—Раину Чечелевну; въ 1606 отнимаетъ посредствомъ заѣзда части Микулинецъ, Боркова и Новосельцы, купленныя у его-же родного брата его дядею Иваномъ Микулинскимъ; въ 1613 онъ покупаетъ у племянницы Маруши Коліевской (урожденной Микулинской) принадлежавшія ей части въ селахъ: Микулинцахъ, Рогѣ, Супруновѣ, Борковѣ, Новоселицѣ и Почапинцахъ и въ

---

[1]) Кн. гродская Винницкая № 4615, л. 174 на об. Кн. грод. Летичев[redacted] 177 на об. Также грамоты В. К. Литовскихъ стр. 6—9.

[redacted] Dagiel. [redacted] Polonne II, 196.

[redacted] Ю. З. Россіи ч. VII, т. I 609—610

[4])[redacted] ч. VII, т. I, 228. Документъ собранія Ц. Неймана.

1618 изгоняетъ изъ этихъ селъ племянника Александра Микулинскаго, во владѣніи котораго оставляетъ только Новоселицу. Въ томъ-же 1618 году Янъ Микулинскій вѣроятно скончался, потому что пріобрѣтенными имъ имѣніями владѣетъ уже его жена Маріанна, урожденная Стрыжевская; въ 1629 году владѣльцами этихъ имѣній являются его дѣти: Романъ Микулинскій и Анна Рушковская, урожденная Микулинская[1]). Въ концѣ XVI и XVII столѣтія представителемъ другой линіи Микулинскихъ—Почапинской былъ Иванъ Микулинскій, писарь земскій Брацлавскій; въ 1602 году онъ владѣлъ Почапинцами и въ 1606 велъ съ своимъ родственникомъ, Яномъ, тяжбу за купленныя имъ земли у брата Яна въ Микулинцахъ и т. д. Около 1618 года имѣнія его: Почапинцы и Супрунковъ наслѣдовалъ сынъ его Александръ, у котораго они были отняты тѣмъ-же Яномъ Микулинскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, изъ котораго былъ выкупленъ въ 1621 г. за 4,000 злотыхъ, занятыхъ для этой цѣли княземъ Стефаномъ Четвертинскимъ. Мы встрѣчаемъ актовыя свидѣтельства, что съ 1629 по 1638 г. Александръ Микулинскій владѣлъ Почапинцами, гдѣ онъ построилъ замокъ; въ селѣ этомъ числилось тогда 128 крестьянскихъ дымовъ[2]). Документъ 1638 года есть послѣднее извѣстіе, сообщаемое архивными источниками о родѣ Микулинскихъ; очевидно, родъ этотъ исчезъ въ грозное для дворянскаго сословія время Хмельницкаго; мы не знаемъ, погибли-ли послѣдніе представители рода во время крестьянскаго возстанія, или бѣжали изъ Брацлавщины и, разорившись, уступили свои права на брацлавскія помѣстія другимъ лицамъ, но, во всякомъ случаѣ, имя ихъ болѣе не упоминается въ брацлавскихъ гродскихъ книгахъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія новые владѣльцы появляются въ згарскихъ помѣстіяхъ: въ 1664—1666 годахъ Микулинцы, Почапинцы, Борковъ и Новоселица (во всѣхъ этихъ селахъ считалось 56 дымовъ и двѣ мельницы) принадлежатъ

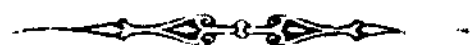
---

[1]) Zródła dziejowe т. XXI, стр. 398, 405, 522, 561, 562, 307, 312. Кн. городск. винницкая № 3602 л. 59 на об.

[2]) Zródła dziejowe, т. XXI стр. 72, 522, 307. Kwiaty i owoce (Kulikowski) стр. 296, книги гродскія Винницкія: № 4597, л. 25 и 4602, л. 65 на об.

Стефану Волинскому [1]). Но Волинскіе не долго удержали въ своихъ рукахъ бывшіе Микулинскія имѣнія; уже въ началѣ XVIII столѣтія имѣнія эти распадаются и переходятъ каждое порознь къ новымъ владѣльцамъ. Микулинцами владѣютъ въ XVIII столѣтіи Кордыши, Карчевскіе и др., Почапинцами—Зелинскіе, Супруновъ, основанный въ XV столѣтіи Супруномъ Ивановичемъ Микулинскимъ, раньше другихъ помѣстій былъ отчужденъ Микулинскими; еще до 1644 года село это пріобрѣлъ покупкою гетманъ Мартинъ Калиновскій, владѣвшій имъ до смерти; затѣмъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій Супруновъ принадлежалъ Солтыкамъ и, наконецъ, около 1740 пріобрѣтенъ Потоцкими [2]).

В. Антоновичъ.



---

[1]) Кн. грод. Винницкаго № 4602, л. 71—72 и кн. грод. летичевская № 5245, л. 59 и об. 60, 63 на об. и 72.

[2]) Кн. грод. Винницкія: № 4597, л. 26 на об., № 4602, л. 74 и № 4603, л. 231, также арх. Стрыжовскій—замѣтки Ц. Неймана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Три года тому назадъ археологическій съѣздъ и связанныя съ нимъ археологическія изслѣдованія обхватили территорію Литвы. Настоящій съѣздъ подвинулся на сѣверъ, въ сосѣднюю область балтійскаго поморья, и, такимъ образомъ, въ своемъ движеніи является вполнѣ послѣдовательнымъ. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ, кажется, впервые осуществился этотъ принципъ послѣдовательности, такъ какъ прежніе съѣзды обыкновенно дѣлали большіе скачки, перенося свою дѣятельность изъ одного угла нашего обширнаго отечества зачастую въ совершенно противоположный. Система эта имѣетъ много и за, и противъ. Именно благодаря обширности Россіи, съѣзды, перескакивая съ одного мѣста на другое, возбуждали энергію мѣстныхъ обществъ и дѣятелей, вносили жизненный элементъ, не будь скачковъ—многія окраины такъ бы и не получили всего этого, имъ долго пришлось бы ждать своей очереди, и это было бы тѣмъ болѣе печально, что археологическіе съѣзды, какъ прежде, такъ особенно въ послѣднее время, никогда не были чисто археологическими: подъ знаменемъ археологіи собирались представители различныхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся изслѣдованіемъ различныхъ сторонъ какъ прошлой, такъ отчасти и современной жизни; археологическіе съѣзды послѣдняго времени можно поэтому съ полной справедливостью назвать историческими съѣздами въ томъ обширномъ значеніи, какое придается теперь исторической наукѣ. Необходимость объединенія, живого обмѣна всегда чувствовалась и чувствуется; нужно было только явиться объединяющему началу, и работающія въ одинаковыхъ или близко соприкасающихся

областяхъ силы неминуемо должны были потянуться къ нему. Такъ и случилось; объединяющимъ началомъ сдѣлались археологическіе съѣзды. Но эти скачки, съ другой стороны, вредили систематичности, такъ необходимой во всякаго рода научной работѣ, не давали возможности выработать извѣстный общій планъ дѣйствій, результатомъ котораго могла быть цѣльность работы. Все это такъ, но въ данномъ случаѣ мы можемъ представить и серьезныя причины, оправдывающія такой образъ дѣйствій, прибавимъ—образъ дѣйствій, вытекающій вполнѣ естественно изъ общаго хода нашей жизни; причины эти общеизвѣстны: наука наша еще очень молода, у насъ мало научнаго багажа, сравнительно съ пространствомъ, мало работниковъ, громадныя области отстаются еще почти незатронутыми научными изслѣдованіями, поэтому, еслибы съѣзды и не выходили изъ роли иниціатора, только пока еще лишь возбуждающаго къ научной работѣ, вызывающаго къ жизни новыя силы, собирающаго научный матеріалъ, то этого было бы вполнѣ достаточно, и за съѣздами навсегда бы оста лась громадная заслуга, оказанная ими наукѣ. Но обыкновенно наряду съ собираніемъ идетъ и обобщеніе, поднимаются общіе вопросы, а тамъ, гдѣ почва подготовлена, подводятся и итоги.

Характеристикой недавно закончившагося X-го археологическаго съѣзда является именно послѣднее обстоятельство. Не даромъ какъ въ рефератахъ, такъ и въ различныхъ рѣчахъ, произносившихся въ теченіе съѣзда, часто упоминалось слово „культура", и дѣйствительно, благодаря этой „культурной насиженности", роль съѣзда выразилась, главнымъ образомъ, въ подведеніи итоговъ тому, что сдѣлано было многими годами даже десятилѣтіями сознательной умственной работы на полѣ познанія прошлаго мѣстнаго края. Благодаря этому обстоятельству, была достигнута и другая цѣль, преслѣдуемая съѣздами,—научный обмѣнъ: многочисленные члены съѣзда, пріѣхавшіе съ разныхъ сторонъ, многіе изъ захолустныхъ угловъ, могли воочію убѣдиться, къ какимъ результатамъ приводитъ энегричный, упорный трудъ, могли видѣть, какъ слѣдуетъ работать, какъ слѣдуетъ относиться къ прошлому своей страны, къ тѣмъ памятникамъ, которые остались намъ отъ этого прошлаго. Резуль-

таты того впечатлѣнія, которое производило все видѣнное, отчасти уже отразились и на самой работѣ съѣзда: если не ошибаемся, еще ни на одномъ изъ нихъ не поднималось столько вопросовъ, не высказывалось столько пожеланій, касавшихся различныхъ сторонъ исторической науки, какъ именно здѣсь, на рижскомъ съѣздѣ; правда, въ данномъ случаѣ нужно считаться съ общимъ ходомъ научнаго движенія, но, съ другой стороны, можно думать, что однимъ изъ импульсовъ были представленные съѣзду результаты работъ мѣстныхъ ученыхъ. Чтобы дать понятіе объ этой работѣ, коснемся вкратцѣ того, что сдѣлано было *предварительными комитетами* по устройству съѣзда.

Кромѣ предварительнаго комитета въ Москвѣ, при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, имѣвшаго объединяющее значеніе, были образованы также два комитета на мѣстѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ: одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ, причемъ въ составъ рижскаго комитета вошли и представители недалеко лежащей Митавы. Разумѣется, на рижскій комитетъ легла главная масса работы; центромъ здѣсь было Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній съ предсѣдателемъ барономъ Бруйнинкгомъ во-главѣ; вокругъ этого общества группировались и раздѣляли съ нимъ общіе труды какъ отдѣльныя лица, такъ и другія общества, и таковыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не мало; именно принимали непосредственное участіе: Общество Литературы и Исторіи въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общ. въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общ. въ Феллинѣ, Ученое Латышское Общество въ Ригѣ. Уже этотъ одинъ перечень показываетъ, что недостатка въ мѣстныхъ рабочихъ силахъ не было; если мы еще замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ насчитываютъ не одинъ десятокъ лѣтъ существованія и дѣятельности, то станетъ яснымъ, почему почва оказалась такъ хорошо подготовленной. Предварительнымъ комитетомъ были произведены въ разныхъ мѣстахъ раскопки, разрабатывались различные вопросы, касающіеся мѣстныхъ древностей. Главнымъ результатомъ дѣятельности рижскаго предвар. комитета явилась превосходно составленная Археологическая

выставка; въ нее вошли предметы изъ музеевъ Риги, Митавы, Ревеля, Юрьева, Феллина, Аренсбурга, Вильны и нѣкоторые частные экспонаты; выставка состояла изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) найболѣе обширный—предметы собственно археологическіе, эпохъ первобытной и до-исторической, 2) матеріалы археографическіе, 3) печати, 4) монеты и медали, 5) золотыя и серебряныя издѣлія болѣе поздняго времени изъ различныхъ церквей, обществъ (напр. Черноголовыхъ Гильдій и др.). Всѣхъ предметовъ на выставкѣ около полторы тысячи; но что особенно цѣнно въ данномъ случаѣ—это научно составленный *каталогъ* выставки, составляющій томъ въ 255 страницъ, со вступительной статьей (въ 85 стр.) проф. Гаусмана, дающей прекрасный очеркъ прибалтійскихъ древностей, и съ 34 таблицами фототипій, изображающихъ найболѣе типичные предметы; выставка дѣло переходящее, каталогъ-же навсегда закрѣпилъ ее.

Археологическая выставка дала понятіе о внѣшней сторонѣ прошлой жизни; устроенная же по случаю съѣзда *Латышская этнографическая выставка* представила яркую, наглядную картину быта современнаго населенія Прибалтійскаго края—Латышей и Эстонцевъ. Въ виду того, что выставка эта является *первой* областной этнографической выставкой въ Россіи, въ виду того, что задача эта, не смотря на новизну дѣла, выполнена блестяще, мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ передать исторію возникновенія выставки и указать на тѣ матеріалы, которые она заключаетъ. Дѣло это возникло по инииціативѣ и трудами Ученаго Латышскаго Общества въ Ригѣ. Еще раньше общество это задалось цѣлью устроить Латышскій этнографическій музей и уже начало собирать матеріалъ для него; снаряжены были даже съ этой цѣлью на частныя средства экспедиціи; но всего этого было недостаточно. Когда образовался предварительный комитетъ, и Общество приглашено къ участію въ немъ, дѣло было поставлено въ новыя условія и пошло успѣшно: въ теченіе 1894—5 г.г. мѣстности, населенныя Латышами и пограничныя, посѣтило *10 экспедицій*, членами ихъ были собраны богатыя коллекціи старинныхъ костюмовъ и другихъ этнографическихъ предметовъ, былъ возбужденъ интересъ среди деревенскаго населенія къ вы-

ставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій поступленія продолжались. Въ виду изобилія матеріала, рѣшено было устроить выставку на особой площади и размѣстить въ нарочно съ этой цѣлью построенныхъ зданіяхъ. Для устройства выставки былъ образованъ особый комитетъ съ Ф. П. Гросвальдомъ во главѣ; комитетъ этотъ отправилъ спеціалистовъ въ столицы и въ Прагу для ознакомленія съ существующимъ этнографическимъ матеріаломъ и технической стороной дѣла, имъ-же были разосланы циркуляры священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ по всей Курляндіи и Лифляндіи съ указаніемъ, какимъ путемъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету выставки. На этотъ призывъ отозвалось 60 лицъ, взявшихся собирать матеріалы; нѣкоторыя лица взялись самостоятельно устроить цѣлые отдѣлы на выставкѣ; благодаря отзывчивости общества, была улажена и матеріальная сторона дѣла, и этнографическая выставка, стоившая 20,000 рублей, была готова ко дню открытія съѣзда. Выставка расположена на красивой площади, среди разбитаго парка, тянущагося по берегу городского канала; большинство предметовъ распредѣлено въ главномъ зданіи, часть въ крытыхъ навѣсахъ, часть-же въ особыхъ зданіяхъ, представляющихъ изъ себя въ то-же время и экспонаты; ихъ нѣсколько: курляндская старинная изба, старинная лифляндская изба, жилой домъ новѣйшаго времени, баня. Выставка устроена по широкому плану, обнимаетъ всѣ стороны жизни латышскаго народа, какъ матеріальныя, такъ и духовныя; состоитъ она изъ 18-ти отдѣловъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) территорія, 2) исторія и право, 3) антропологія и статистика, 4) языкъ, 5) народная словесность, 6) литература, 7) школа, 8) общества (отдѣлъ характерный для Прибалтійскаго края: обществъ, преслѣдующихъ различныя цѣли, въ Лифляндіи—*372*, въ Курляндіи—201; цыфры говорятъ сами за себя), 9) музыка и пѣніе, 10) живопись, 11) театръ, 12) одежда, 13) строенія, 14) кустарная промышленность, 15) пчеловодство, 16) сельское хозяйство, 17) рыболовство, 18) мореходство. Выставка имѣетъ каталогъ (на русскомъ и латышскомъ языкахъ), въ которомъ, кромѣ объясненія предметовъ, каждому

изъ отдѣловъ предпосланы небольшіе очерки, гдѣ помѣщены также и указанія на литературу по каждому вопросу. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли соединить съ археологическимъ съѣздомъ этнографическую выставку; наше настоящее такъ тѣсно связано съ прошлымъ, что такія выставки являются необходимымъ дополненіемъ, не говоря уже о томъ самостоятельномъ интересѣ, какой онѣ представляютъ въ различныхъ отношеніяхъ научно-общественнаго характера. Примѣръ такого сравнительно небольшого народа, какъ народъ латышскій, наглядно показалъ, что можно сдѣлать, если отнестись сознательно къ дѣлу, если внести въ него ту любовь, безъ которой все будетъ носить мертвый отпечатокъ. Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, во время съѣзда была открыта еще третья,—*Цеховая*, гдѣ были выставлены предметы, принадлежащіе мѣстнымъ цехамъ, пользующимся въ Ригѣ большимъ значеніемъ и имѣющимъ особую организацію.

Укажемъ въ заключеніе на тѣ работы, которыя были исполнены къ съѣзду отдѣльными лицами: А. Бухгольцъ составилъ библіографическій указатель сочиненій по археологіи Прибалтійскаго края, І. Зицка (I. Sitzka)—археологическія карты того-же края, Лебисъ-офъ-Менаръ вмѣстѣ съ маститымъ ученымъ пасторомъ Биленштейномъ — карту лифляндскихъ городищъ, тотъ-же Лебисъ-офъ-Менаръ — карту Лифляндіи времени Ливонскаго ордена.

Перейдемъ къ самому съѣзду.

Нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его. Благодаря энергіи и предупредительности *Распорядительнаго комитета съѣзда*, она была обставлена какъ нельзя лучше: купеческими обществами (т. н. большая и малая гильдіи) съѣзду были предоставлены двѣ роскошныя залы—одна для археологической выставки, другая для засѣданій съѣзда, депутатамъ отведены помѣщенія, организованы обѣды и т. д. Кромѣ того, городомъ, дворянствомъ и мѣстнымъ губернаторомъ были устроены пріемы членовъ съѣзда, отличавшіеся радушіемъ и гостепріимствомъ.

Рижскій съѣздъ былъ однимъ изъ найболѣе многолюдныхъ и оживленныхъ; всѣхъ записавшихся членовъ было 627, изъ

нихъ 185 пріѣхало изъ внутреннихъ губерній, было также довольно много и заграничныхъ ученыхъ, главнымъ образомъ германскихъ—въ ихъ числѣ и Рудольфъ Вирховъ.

Засѣданія съѣзда, по принятому обыкновенію, раздѣлились на секціи по характеру трактуемыхъ предметовъ, причемъ однако была образована особая секція „Древностей Прибалтійскихъ“, куда вошли рефераты разнороднаго характера (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ). Всѣхъ засѣданій состоялось 33, на нихъ было доложено 98 рефератовъ; въ свободное время члены съѣзда осматривали Ригу и ея достопримѣчательности, кромѣ того, были совершены и загородныя поѣздки—въ Митаву [1]) и въ Трейденъ, лежащій въ чудномъ уголкѣ, т. н. Ливонской Швейцаріи; здѣсь были произведены раскопки кургановъ, наглядно познакомившія членовъ съѣзда какъ съ погребальными типами, такъ и съ характеромъ находимыхъ въ могильникахъ предметовъ; болѣе отдаленныя поѣздки были предприняты нѣсколькими членами съѣзда, уже послѣ его закрытія,—въ Кенигсберегъ, а также въ Маріенбургъ и Данцигъ, гдѣ были осмотрѣны мѣстные музеи.

Цѣль нашей замѣтки—передать вкратцѣ содержаніе рефератовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Южной Россіи, поэтому на остальныхъ мы останавливаться не будемъ, упомянемъ лишь о тѣхъ, которые представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но, прежде, чѣмъ перейти къ этому, и чтобы покончить съ прибалтійской стариной, приведемъ названія нѣкоторыхъ рефератовъ изъ этой группы; сдѣлаемъ это съ цѣлью указать тѣ *темы*, которыя были взяты для рефератовъ. Вотъ эти рефераты: проф. Гаусманъ—*Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣд-*

---

[1]) Въ Митавскомъ музеѣ хранится, между прочимъ, надгробная бляха, украшенная гербомъ и арматурой, съ нѣмецкой надписью (въ стихахъ) приблизительно слѣдующаго содержанія: „Когда Янъ Казиміръ, Полякъ, былъ избранъ королемъ и когда татары и козаки поднялись противъ него, я, Германъ Майдель, былъ военнымъ сотоварищемъ, я былъ молодъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, работалъ на пользу отечества, внушавъ страхъ рабочимъ, во многихъ смѣлыхъ битвахъ побѣждалъ врага, и моей наградой было то, что я былъ убитъ, моя слава въ томъ, о король, что я умеръ на твоей службѣ; род. 1625, умеръ 1651.

нія 50 лѣтъ"; баронъ Бруйнингкъ—„*Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ*"; проф. Гаусманъ—„*О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ*"; К. Бой—„*О курляндскихъ могильникахъ*"; пасторъ Биленштейнъ—„*О древне-латышскихъ городищахъ*"; проф. Р. Вирховъ—„*О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи*", пасторъ Гуртъ—о собранной имъ коллекціи эстонскихъ народныхъ преданій (собраніе состоитъ изъ 136-ти томовъ, сюда вошло: около 40500 древнихъ народныхъ преданій, около 8500 сказокъ, около 45000 пословицъ, около 37000 народныхъ загадокъ, около 52000 записей народныхъ суевѣрій и т. п.). А. Бертинъ—„*Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ*"; И. Крюгеръ—„*О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка*". Къ этому перечню нужно прибавить еще одинъ рефератъ на русскомъ языкѣ такого же обобщающаго характера—А. А. Спицына—„*Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскихъ губерній*".

Рефератовъ, посвященныхъ Южной Россіи, было въ общемъ немного; но и они въ достаточной мѣрѣ показываютъ, что изслѣдованіе древностей юга идетъ непрерывно, что интересъ къ нимъ не прекращается и что, съ другой стороны, почва юга не перестаетъ быть неизсякаемымъ источникомъ находокъ разнаго рода предметовъ, такъ что недостатокъ чувствуется лишь въ рабочихъ силахъ.

Остановимся прежде всего на двухъ рефератахъ проф. В. Б. Антоновича. Первый изъ нихъ озаглавленъ—„*Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ*". Матеріаломъ для этого сообщенія послужили находки и изслѣдованія, сосредоточенныя въ нѣсколькихъ усадьбахъ, лежащихъ на гористой сторонѣ Кирилловской улицы. Въ 1893 году, при срѣзываніи подножія горы, были обнаружены кости мамонта. На эту находку обратилъ вниманіе мѣстный любитель и собиратель древностей г. Хвойка, который сообщилъ о ней референту, и послѣдній обслѣдовалъ ее съ археологической стороны, проф. же Армашевскій—съ геологической.

Кромѣ костей мамонта, которыя принадлежали нѣсколькимъ особямъ, было найдено 15 бивней, тутъ-же найдены и кремневыя отбивныя орудія, такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т. н. стоянкой палеолитическаго періода каменнаго вѣка, т. е. съ самой древнѣйшей эпохой человѣчества, какую мы знаемъ. Въ Россіи подобнаго рода находокъ было сдѣлано уже нѣсколько (7), но особенность кіевской стоянки состоитъ въ томъ, что кости и орудія найдены на значительной глубинѣ отъ поверхности, и не въ слоѣ лёсса, какъ всѣ другія находки, а на границѣ съ пластами третичной эпохи, который составляла синяя глина, такъ что стоянку эту нужно признать древнѣйшей изъ доселѣ обнаруженныхъ въ Россіи.

Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, но только въ верхнемъ слоѣ холма оказались слѣды другого поселенія, относящагося уже къ болѣе позднему періоду каменнаго вѣка—неолитическому. Стоянка расположена на большомъ пространствѣ; разнаго рода остатки встрѣчались въ культурномъ слоѣ, толщиной $^1/_2$—2 арш.; найдены здѣсь очаги съ углемъ и золой, рядомъ съ ними встрѣчались пищевые остатки—раковины двухъ видовъ, орудія изъ кремня и кости, черепки отъ сосудовъ; присутствія металла не обнаружено.

Преобладающими орудіями являются изготовленныя изъ роговъ или костей животныхъ, начиная отъ лося, кончая козулей; это разнаго рода острія, наконечники стрѣлъ и копій, топоры; нѣкоторыя изъ орудій орнаментированы. Гораздо меньше кремневыхъ орудій—полированные топоры, ножи, скребки и т. п. Большое разнообразіе представляютъ предметы гончарства; здѣсь встрѣтилось даже нѣчто въ родѣ гончарныхъ печей; однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ нишей, другія—цилиндрическихъ углубленій, стѣнки и своды ихъ обмазаны толстымъ слоемъ глины, которая укрѣплялась расщепленными кольями; ниши наполнены сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ, въ одномъ случаѣ встрѣтилась печь съ уцѣлѣвшими сосудами. Гончарство не отличается совершенствомъ: сосуды приготовлены безъ помощи гончарнаго круга, глина не чистая, иногда съ примѣсью кусочковъ раковинъ. Что касается формы сосудовъ, то можно отмѣтить 3—4

вида: довольно большіе широкогорлые горшки, нѣчто въ родѣ кувшиновъ съ узкими горлышками, небольшія мисочки, чарки; орнаментъ очень разнообразенъ, состоитъ изъ разныхъ наколовъ, нарѣзовъ, оттисковъ и т. п. На этомъ же мѣстѣ открыты и 3 погребенія; въ двухъ случаяхъ скелеты лежали въ согнутомъ положеніи, въ третьемъ—въ полусидячемъ; при одномъ изъ скелетовъ найденъ топоръ изъ рога, круглый камень-отбойникъ, служившій для приготовленія кремневыхъ орудій, глиняная пряслица и черепки отъ сосуда,—всѣ эти предметы совершенно аналогичны другимъ предметамъ, найденнымъ на стоянкѣ. Мѣстность, гдѣ находится стоянка, лежитъ рядомъ съ оврагомъ, въ которомъ гораздо раньше были обнаружены пещеры, относящіяся къ той же эпохѣ, и по этому поводу референтъ высказалъ предположеніе, что пещеры могли служить для первобытныхъ жителей этой мѣстности зимними помѣщеніями, стоянки же—лѣтними. Раскопки, продолжавшіяся здѣсь 2 года, заинтересовали и другихъ мѣстныхъ жителей, и въ одной изъ сосѣднихъ усадьбъ—художника Святославскаго—открыта такая же стоянка, отличающаяся, однако, отъ предыдущей нѣкоторыми особенностями. Среди пищевыхъ остатковъ здѣсь преобладали кости рыбъ, раковинъ найдено меньше, меньше было и костяныхъ и роговыхъ издѣлій, кремневыхъ же—больше; среди глиняныхъ предметовъ встрѣтился новый для данной мѣстности видъ—черепки, покрытые орнаментомъ путемъ раскраски; б. м. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ иноземной культуры; дѣйствительно, есть мѣстность, гдѣ такіе раскрашенные сосуды встрѣчаются очень часто,—это Поднѣстровье; среди глиняныхъ издѣлій обращаютъ на себя вниманіе антропоморфическія—грубыя изображенія людей—мужчинъ и женщинъ; на этой же стоянкѣ встрѣчались еще какіе-то загадочные камни, состоящіе изъ костей мелкихъ животныхъ, рыбъ и остатковъ органическихъ веществъ; не есть ли это консервы, аналогію которымъ можно найти въ пищевыхъ остаткахъ свайныхъ построекъ? Что запасы существовали и на этой стоянкѣ, на это указываетъ одинъ изъ найденныхъ сосудовъ—онъ былъ наполненъ раковинами, еще не

раскрытыми и, слѣдовательно, приготовленными лишь къ употребленію.

Третья группа памятниковъ, открытыхъ все въ той-же мѣстности, относится уже къ гораздо болѣе позднему времени. У подошвы горы, составляющей одну сторону Кирилловской улицы, на пространствѣ полуверсты, обнаружено старо-славянское языческое кладбище; скелеты лежатъ головами къ востоку, при нихъ находятся желѣзныя вещи и украшенія; послѣднія не богаты—кольца и серьги изъ низкопробнаго серебра, бусы; всего здѣсь найдено 80 гробницъ. Одна изъ могилъ представляетъ нѣкоторыя особенности, выдѣляющія ее изъ остальныхъ: скелетъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы находился отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ рукъ какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями, тутъ-же найдены кремни и раковины; б. м. это могила переходнаго періода—отъ каменнаго къ желѣзному. Въ заключеніе референтъ остановился еще на одной могилѣ той-же мѣстности, могилѣ, еще болѣе близкой къ намъ по времени, чѣмъ вышеописанное старо-славянское кладбище; здѣсь найдены бусы изъ сердолика, 2 серебряныя серьги, серебряныя же большія бусы и на шеѣ—арабская монета.

По поводу первой части реферата, гдѣ описаны находки палеолитической стоянки, В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что большую глубину залеганія костей и орудій можно объяснить оползнемъ горы, и, если это такъ, то и глубокая древность этой стоянки подлежитъ сомнѣнію. На это проф. Антоновичъ отвѣтилъ, что сомнѣнія, конечно, возможны, но въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ лишь мнѣнія геологовъ—проф. Армашевскаго и проф. Феофилактова, производившихъ геологическое изслѣдованіе мѣста находки. Въ дополненіе къ этому А. М. Покровскій замѣтилъ, что неправильности въ залеганіи пластовъ нѣтъ, нѣтъ также и оползней, и что поэтому пластъ, въ которомъ обнаружены находки, дѣйствительно нужно признать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ болѣе новымъ.

Упомянемъ за одно о новѣйшей находкѣ остатковъ мамонта вмѣстѣ съ крестьянскими орудіями. Обнаружена она возлѣ го-

рода Томска на берегу рѣки Томи. Ее обслѣдовалъ проф. Н. Ѳ. Кащенко и результаты изложилъ въ рефератѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта*“. Особенность этой находки заключается въ томъ, что здѣсь кости скелета принадлежали одному мамонту; скелетъ почти полный, не хватаетъ только нѣсколькихъ незначительныхъ костей.

Другой рефератъ проф. Антоновича носитъ иной характеръ; онъ тѣсно примыкаетъ къ другимъ работамъ тогоже автора, въ которыхъ дѣлается систематическое распредѣленіе памятниковъ старины юга Россіи на типы; онъ озаглавленъ: „*Попытки группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра*“. Сравнительно съ другими видами древностей городища до сихъ поръ пользовались небольшимъ вниманіемъ археологовъ; между тѣмъ городища представляютъ особенный интересъ.

Указавъ на то, что нужно разумѣть подъ словомъ городище—оставленное укрѣпленное мѣсто поселенія,—референтъ перешелъ къ вопросу о распредѣленіи городищъ по типамъ. Сортировка городищъ по предметамъ, найденнымъ случайно или добытымъ путемъ раскопокъ, не даетъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ находки на городищахъ обыкновенно очень рѣдки (бываютъ, конечно, и исключенія), а раскопки сопряжены съ разнаго рода неудобствами: городища зачастую занимаютъ большую площадь, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ собственно нужно производить раскопки, раскапывать же всю площадь нѣтъ смысла, какъ въ виду большихъ матеріальныхъ затратъ, такъ и въ виду указанной выше рѣдкости находимыхъ предметовъ. Референтъ предлагаетъ свой методъ, состоящій въ наблюденіи подъ контурами, въ сличеніи содержимаго городищъ, если таковое имѣется, съ содержаніемъ расположенныхъ по близости кургановъ и, наконецъ,—въ сопоставленіи съ лѣтописями и извѣстіями. При помощи этого метода городища бассейна средняго теченія Днѣпра распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Древнѣйшимъ типомъ можно считать *городища-майданы*; майданы, по народной терминологіи—раскопанныя могилы, представляютъ до сихъ поръ научную загадку; ихъ существуетъ нѣсколько видовъ (3), обычную существенную часть ихъ состав-

ляетъ кольцеобразное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны; это центральное возвышеніе снабжено бываетъ побочными, т. н. крыльями, которыя располагаются иногда въ нѣсколько рядовъ; различныя предположенія о назначеніи и времени этихъ городищъ-майдановъ не были основаны на чемъ-ниб. положительномъ, такъ какъ и раскопки майдановъ не давали почти никакихъ результатовъ; вопросъ этотъ остается открытымъ. Только пока въ одномъ случаѣ можно сказать кое-что, болѣе или менѣе опредѣленное о майданахъ: въ бассейнѣ южнаго Буга, возлѣ Кальныка, на длинномъ узкомъ мысѣ, отрѣзанномъ рвомъ и валомъ, стоятъ два громадныхъ городища-майдана и возлѣ нихъ т. н. скифскіе курганы,—эти послѣдніе даютъ указаніе и на время возникновенія майдановъ; но это только единичный случай.

Слѣдующій типъ—*циркулярныя городища*; по формѣ они представляютъ кругъ или овалъ, образованный невысокимъ валомъ—въ 2—2½ арш. высоты, иногда и рвомъ; площадь ихъ въ разрѣзѣ даетъ обыкновенно выпуклую по срединѣ линію. Что касается времени ихъ, то въ данномъ случаѣ можно пользоваться двумя указаніями: прежде всего, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на мѣстности, гдѣ расположены городища; затѣмъ, городища эти непосредственно находятся въ связи съ древне-славянскими курганами; на основаніи всего этого ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами.

Еще ближе къ намъ по времени *городища княжескія*; въ эту группу включены городища только до половины XIII вѣка. Расположены они на возвышенности, обыкновенно надъ рѣкой; мѣсто выбиралось такъ, чтобы возвышенность была соединена съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ. Контуры городищъ имѣютъ неправильную форму: валомъ, идущимъ по внѣшнему краю, старались охватить всю поверхность городища; послѣдняя бываетъ выпуклой и вогнутой; не довольствуясь однимъ валомъ, ихъ насыпали параллельно нѣсколько, и городище является окруженнымъ рядомъ концентрическихъ валовъ, и это служитъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ этого рода городищъ; такихъ, расположенныхъ концентрически, валовъ бываетъ нѣ-

сколько—2, 3, 5, и на городищѣ Вышгорода—даже 8; валы въ общемъ довольно высоки. Названіе *княжескихъ* придано имъ на томъ основаніи, что по справкамъ съ лѣтописью, на всѣхъ этихъ мѣстахъ въ великокняжескую эпоху существовали города. Для примѣра можно указать на территорію Черныхъ Клобуковъ; въ лѣтописи мы находимъ упоминаніе о семи городахъ, принадлежащихъ Берендичамъ, два изъ нихъ названы—это Раставецъ и Неятынъ. Семь древнихъ городищъ и обнаружены на р. Раставицѣ; изъ нихъ городище у м. Бѣлиловки было древнимъ Раставцемъ, такъ какъ въ одномъ документѣ XVII в. м. Бѣлиловка названа Раставцемъ, городъ же Неятынъ—городище у с. Ягнятина; 5 другихъ городищъ находятся у Ружина (древн. Щербовъ), Буки (Бакожинъ), Коропчіева, Таборова и Шендеривки; время всѣхъ этихъ городищъ—XII вѣкъ. Но, конечно, не всѣ мѣстоположенія древнихъ лѣтописныхъ городовъ установлены точно, напр.—г. Юрьевъ, жители котораго въ виду набѣговъ Половцевъ были переселены Святополкомъ въ г. Святополчь (теперешнее село Витачово); онъ находился на среднемъ теченіи Роси, и можно высказать догадку, что въ настоящее время это городище не далеко отъ м. Бѣлой Церкви; на немъ, между прочимъ, въ 1877 году была найдена позолоченная панагія съ надписью Георгій. Другимъ такимъ же неопредѣленнымъ по мѣстоположенію лѣтописнымъ городомъ является Пересѣченъ, лежащій недалеко отъ Кіева, по направленію къ Переяславу; по мнѣнію Максимовича, Пересѣченъ могъ находиться въ мѣстности, носящей теперь названіе Китаевской Пустыни или Китаева; здѣсь, дѣйствительно, расположено городище этого типа. Всѣ такія городища относятся къ концу XI, XII и къ половинѣ XIII ст.

Городища литовскаго времени составляютъ слѣдующій типъ: по времени они относятся къ XV—XVI в.в.; вслѣдствіе того, что въ эту эпоху вводится въ употребленіе огнестрѣльное оружіе, городища измѣняютъ свою форму: стороны ихъ выравниваются, по угламъ дѣлаются круглые выступы—„рондели“.

Какъ на образецъ городищъ этого типа, референтъ указалъ на городъ Караулъ, основанный Витовтомъ, построившимъ

много укрѣпленій по нижнему Днѣстру, Поморью и Днѣпру; до послѣдняго времени мѣсто этого города не было точно опредѣлено; въ настоящее время это можно сдѣлать: въ одномъ изъ документовъ XV в. упоминается г. Караулъ съ приселкомъ Рашковымъ; Рашковъ существуетъ въ настоящее время; по справкѣ на мѣстѣ возлѣ Рашкова оказалось городище и лѣсокъ, носящій названіе Караула; въ документахъ находятся также извѣстія, что городище это было заброшено и, слѣдовательно, сохранилось оно до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ конца XVI, въ XVII и XVIII в.в. укрѣпленія получаютъ новыя характерныя особенности—они прямолинейны, снабжены бастіонами. Такихъ, оставленныхъ уже, крѣпостей, много; для примѣра можно указать на м. Бѣлую Церковь или на Кодакъ; въ послѣднемъ укрѣпленія были построены Бопланомъ въ 1635 г.

Отмѣтимъ замѣчаніе В. Д. Сизова, высказанное по поводу реферата. В. Д. Сизовъ выступилъ въ защиту раскопокъ городищъ, такъ какъ раскопки, хотя бы въ видѣ пробныхъ траншей, могутъ дать кое-какіе предметы, а эти послѣдніе могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ при опредѣленіи времени городищъ.

Въ общемъ система проф. Антоновича по своей ясности и обоснованности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если при группировкѣ и были опущены нѣкоторые типы городищъ, встрѣчающіеся въ данной мѣстности, о чемъ заявилъ и самъ референтъ, то это сдѣлано или въ виду рѣдкости ихъ, или малоизвѣстности.

Въ началѣ своего сообщенія референтъ заявилъ о малой обслѣдованности городищъ, пожелаемъ же, чтобы и въ этомъ направленіи шло такое-же движеніе впередъ, какое идетъ въ другихъ областяхъ археологіи, напримѣръ, въ изслѣдованіи кургановъ.

Выскажемъ кстати нѣсколько пожеланій болѣе общаго характера. Въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой работѣ удовлетворительное исполненіе находится въ зависимости отъ полноты находя-

щагося въ распоряженіи матеріала. Эта же самая азбучная истина имѣетъ мѣсто и при археологическихъ работахъ, и именно здѣсь мы зачастую натыкаемся на недостаточность или—правильнѣе—малоизнѣстность нужнаго матеріала. Дѣйствительно, свѣдѣнія о нашихъ памятникахъ старины по большей части носятъ случайный характеръ, они разбросаны по разнымъ источникамъ, и только въ рѣдкихъ случахъ можно встрѣтиться съ систематическимъ собираніемъ (какъ напримѣръ, собираніе такого рода свѣдѣній черезъ волости, предпринятое въ началѣ семидесятыхъ годовъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ). Въ послѣднее время въ нашей наукѣ замѣчается стремленіе къ обобщенію такихъ данныхъ въ формѣ составленія археологическихъ картъ. Кто хотя немного знакомъ съ процедурой этого рода работъ, тотъ знаетъ, какая масса трудностей встрѣчается на пути, сколько ненужнаго хлама приходится перебрать, сколько потратить безплодныхъ усилій! И часто въ концѣ концовъ нужно бываетъ отказываться отъ работы изъ-за отсутствія матеріала. Вотъ почему намъ кажется, что вопросъ о приведеніи въ извѣстность существующихъ у насъ памятниковъ старины (мы имѣемъ въ виду болѣе крупные виды: городища, курганы, валы, стоянки и др.) долженъ быть поставленъ на первую очередь,—необходимъ *инвентарь* нашей старины, тогда только и можно будетъ намѣтить общій планъ изслѣдованій, приступить къ систематизаціи. Но вопросъ, конечно, въ осуществленіи. Есть два способа: первый, практиковавшійся уже и практикующійся отчасти и въ настоящее время—собираніе свѣдѣній отъ мѣстныхъ жителей; такимъ путемъ добыто уже много данныхъ, но здѣсь неудобнымъ представляется то обстоятельство, что эти свѣдѣнія поступаютъ отъ разныхъ лицъ, различно понимающихъ предложенные имъ вопросы, вслѣдствіе чего имѣютъ мѣсто иногда и недоразумѣнія; второй состоитъ въ осмотрѣ и зарегистрированіи памятниковъ старины *на мѣстѣ* лицами, знакомыми хотя бы и въ общихъ чертахъ съ задачами и пріемами науки о древностяхъ. Если бы были организованы съ этой цѣлью экспедиціи, или, выражаясь скромнѣе экскурсіи, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ или порученныя одному, то, ведя дѣло постепенно, не го-

нясь за быстротой и соединивши затѣмъ свѣдѣнія, собранныя первымъ способомъ и взятыя изъ другихъ источниковъ, можно было бы, дѣйствительно, получить въ концѣ концовъ сравнительно полный инвентарь памятниковъ старины какой-нибудь извѣстной области.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся снова къ съѣзду и къ сообщеннымъ на немъ рефератамъ.

Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ рефератъ Н. Е. Бранденбурга—„*Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?*“ Могилы эти, типъ которыхъ довольно извѣстенъ и раскопкой которыхъ спеціально занимался референтъ, кромѣ костяковъ, съ постоянно сопутствующими имъ костями лошадей, даже тамъ, гдѣ погребены женщины и дѣти, заключаютъ разнообразные предметы: шлемы, сабли, золотыя и серебряныя украшенія; однѣ изъ нихъ схожи съ скиѳскими, другія напоминаютъ кіевскія (серьги), третьи же указываютъ на связь съ Византіей; черепа въ могилахъ всѣ короткоголовые. По времени могилы могутъ граничить съ XI вѣкомъ. Основываясь на находкахъ въ могилахъ и сопоставляя византійскія извѣстія, референтъ приходитъ къ заключенію, что племя, оставившее могилы, было кочевое, воинственное и находилось въ связяхъ съ тогдашними культурными центрами, каковыми, съ одной стороны, была Византія, съ другой—Кіевъ. Племя это—Печенѣги (Пацинаки византійскихъ извѣстій).

Послѣ прочтенія реферата, отличавшагося полнотой и обстоятельностью, первымъ сдѣлалъ замѣчаніе академикъ Анучинъ. Замѣтивъ, что *при раскопкахъ не слѣдуетъ пренебрегать не только костями человѣка, но также и животныхъ*, акад. Анучинъ остановился на скелетахъ двухъ лошадей изъ этихъ раскопокъ, которые ему пришлось видѣть въ артиллерійскомъ музеѣ. Для Европы существуютъ два типа лошадей: западный, европейскій, и восточный, азіатскій; найденные въ курганахъ кіевской губ. скелеты относятся къ первому типу, и обстоятельство это нѣсколько усложняетъ вопросъ о принадлежности могилъ восточнымъ кочевникамъ.

Проф. Антоновичъ, остановившись на двухъ основныхъ положеніяхъ референта—на воинственности и кочевомъ бытѣ племени, оставившаго эти могилы,—замѣтилъ, что нахожденіе остововъ лошадей еще не говоритъ за кочевой бытъ, а указываетъ лишь на то, что народъ этотъ былъ конный; что-же касается воинственности, то нужно принять въ соображеніе эпоху, къ которой могутъ быть отнесены могилы: это—эпоха князей завоевателей; сдѣлавъ затѣмъ характеристику предметовъ, оппонентъ считаетъ нѣкоторые изъ нихъ скорѣе славянскими, чѣмъ восточными; наконецъ территорія: это территорія Полянъ, никогда не бывшая вся цѣликомъ во владѣніи кочевниковъ. Такимъ образомъ, могилы эти могутъ принадлежать славянскому племени и, прежде всего, Полянамъ.

А. А. Спицынъ выразилъ мнѣніе, что курганы, раскопанные Н. Е. Бранденбургомъ, принадлежатъ Половцамъ. Вещи изъ этихъ кургановъ, особенно серьги характернаго типа, зеркала, золотая ткань и кораллы, могутъ быть относимы приблизительно лишь къ XIII в.; совершенно такія-же серьги и подобныя зеркала найдены были въ курганахъ Донской области и Ставропольской губ., которые естественнѣе всего приписывать Половцамъ, такъ какъ на это указываютъ и мѣсто, и время погребеній, и неизмѣнность погребенія съ конемъ, свидѣтельствующая о степномъ образѣ жизни народа, оставившаго курганы.

Послѣ замѣчанія Н. Е. Бранденбурга, что онъ не ограничиваетъ территорію предѣлами кіевской губ., въ преніяхъ приняли участіе проф. А. И. Соболевскій, проф. Ю. А. Кулаковскій и С. С. Слуцкій, послѣдній по поводу мнѣнія, высказаннаго А. А. Спицынымъ. Проф. Соболевскій замѣтилъ, что подходящимъ народомъ въ мѣстахъ, указанныхъ А. А. Спицынымъ, могутъ быть Ясы, находившіеся въ сношеніяхъ съ Косогами и носящіе въ XV в. названіе Черкасъ. Названіе это появляется затѣмъ на западѣ Россіи, по отношенію къ жителямъ степной области; по имени этого нáрода и названъ г. Черкассы. Ясы появляются далѣе въ Бессарабіи и Трансильваніи, и о нихъ, какъ объ особой народности, сообщаютъ писатели XVI в.; и они оставляютъ слѣдъ въ названіи города Яссы

Проф. Ю. А. Кулаковскій, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Ясахъ, которыхъ онъ отождествляетъ съ Аланами, привелъ извѣстія о пребываніи этого народа въ Крыму и въ южно-русскихъ степяхъ въ XIII и началѣ XIV вв., а именно: указалъ на данныя, заключающіяся въ посланіи еписк. Ѳеодора отъ 1240 г., а также на сообщенія объ участіи Аланъ въ походахъ Ногая и др. Обращаясь затѣмъ къ „національности" погребенія съ конемъ, проф. Кулаковскій не высказывался за опредѣленное племя, но настаивалъ на принадлежности этого типа погребенія „народу-коннику", какимъ не могли быть Поляне.

С. С. Слуцкій высказался противъ пріурочиванія могилъ съ конемъ Половцамъ, т. к. типъ могилъ, принадлежащихъ Половцамъ—курганы съ каменными бабами.

На что А. А. Спицынъ возразилъ, что раскопки кургановъ съ каменными бабами показали, что насыпи эти заключаютъ необыкновенное разнообразіе въ погребеніяхъ, начиная отъ скиѳской эпохи, и что вопросъ, какому времени и народу принадлежатъ каменныя бабы, остается все еще нерѣшеннымъ.

Д. И. Иловайскій внесъ въ вопросъ новое предположеніе, напомнивъ о Черныхъ Клобукахъ, территорія которыхъ какъ разъ совпадаетъ съ той, гдѣ были найдены погребенія съ конемъ. Народъ этотъ въ XI вѣкѣ потерялъ кочевой характеръ, но остался коннымъ и, благодаря сосѣдству съ Полянами, воспринялъ извѣстную степень культуры.

Проф. Антоновичъ по поводу мнѣнія Д. И. Иловайскаго замѣтилъ, касаясь одного народа Берендѣевъ, что имъ изслѣдована территорія, которую занималъ этотъ народъ—долина рѣки Раставицы, но даннаго погребальнаго типа тамъ не обнаружено.

И такъ, какъ видимъ, вопросъ объ этнографической принадлежности могилъ съ остовами лошадей вызвалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мнѣній: тутъ мы встрѣчаемъ и Печенѣговъ, и Полянъ, и Половцевъ, и Ясовъ, и Аланъ, и Черныхъ Клобуковъ, но все таки вопросъ остается нерѣшеннымъ, какъ не рѣшены и многіе другіе, гдѣ дѣло касается этнографическаго пріурочиванія памятниковъ нашей старины.

Раскопокъ кургановъ на югѣ Россіи касались еще два сообщенія. Проф. Ю. А. Кулаковскій доложилъ *„О раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“* Разрытые курганы находятся между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека, на югъ отъ Бахчисарая, и являются самыми южными курганами. Погребенія обнаружены двухъ типовъ, но принадлежатъ повидимому одному и тому-же племени. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкѣ, покрыты онѣ деревомъ или камнемъ, скелетъ большей частью крашенный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчного камня или на землѣ, головой на сѣверо-востокъ, ноги поджаты; въ могилахъ встрѣчаются грубые горшки, изрѣдка кремневыя орудія; бронза встрѣчается, какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ повидимому на кожу. Второй—каменные склепы, устраивавшіеся на готовыхъ уже курганахъ; склепы состоятъ изъ четырехъ большихъ плитъ, накрытыхъ пятой; извнутри плиты украшены линейнымъ орнаментомъ изъ черныхъ и красныхъ полосъ; костяки, также окрашенные, лежатъ въ такомъ-же положеніи, какъ и въ могилахъ перваго типа; встрѣчаются погребенія и въ сидячемъ положеніи; предметы, находимые въ нихъ—горшки, кремневыя орудія и бронзовые наконечники копій. Курганы съ такого рода погребеніями часто встрѣчаются какъ въ Крыму, такъ и сѣвернѣе; принадлежали они повидимому племени, которое застали скиѳы, двигаясь съ востока; на это даетъ указаніе и то обстоятельство, что самыя древнія могилы, вставленныя уже въ существовашіе курганы съ вышеописаннымъ погребальнымъ типомъ, принадлежатъ скиѳамъ.

Въ заключеніе референтъ предложилъ назвать типъ такого погребенія *киммерійскимъ*.

Относительно послѣдняго предложенія референта В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что это названіе, по отношенію къ тѣмъ-же курганамъ, уже раньше было употребляемо Д. И. Самоквасовымъ въ его классификаціи кургановъ.

Большой интересъ представляютъ кости, добытыя изъ этихъ кургановъ; племя, повидимому, было большого роста съ сильно развитой мускулатурой. Слѣдуетъ только пожалѣть, что на этотъ, въ высокой степени важный антропологическій матеріалъ, какъ

въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, обращается очень мало вниманія. На наше замѣчаніе, высказанное въ этомъ духѣ, уважаемый референтъ отвѣтилъ, что невозможно забирать изъ кургановъ и сохранять всѣ кости. Мы вполнѣ согласны, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это отчасти и излишне; если, напр., раскапываются сотни славянскихъ могилъ, то забирать всѣ костяки цѣликомъ—и неудобно и, пожалуй, безполезно для цѣлей науки; въ этихъ случаяхъ достаточно занести въ дневникъ раскопокъ точныя измѣренія какъ всего костяка, такъ и его конечностей (исключеніе представляютъ черепа—они обязательно должны быть сохраняемы, какъ это давно признано въ наукѣ); но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раскапываются курганы, которые можно считать самыми древнѣйшими, курганы въ общемъ сравнительно немногочисленные, то тщательное сохраненіе всѣхъ частей скелета, зачастую представляющаго очень важныя остеологическія особенности, является необходимымъ.

I. А. Хойновскій, въ докладѣ—„*Курганы окрестностей г. Канева, кіевской губ.*“, изложилъ результаты раскопокъ, также произведенныхъ лѣтомъ этого года. Охарактеризовавъ предметы, добытые въ курганахъ и продемонстрировавъ рисунки съ нихъ [1]), референтъ очень обширно распространился объ этнографической принадлежности этихъ кургановъ и пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что курганы эти—славянскіе.

Проф. Антоновичъ возразилъ на это, что типъ этихъ кургановъ давнымъ давно извѣстенъ—ничего славянскаго въ нихъ нѣтъ, и они относятся къ т. н. скиѳскимъ курганамъ.

По имѣющимся у насъ частнымъ свѣдѣніямъ мы знаемъ, что вмѣстѣ съ г. Хойновскимъ раскопку этихъ кургановъ производилъ Н. Я. Тарновскій, у котораго хранятся и вещи, добы-

[1]) Рисунки эти были выставлены на археологической выставкѣ; вмѣстѣ съ рисунками были выставлены и нѣкоторыя вещи коллекціи г. Хойновскаго. Обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя цѣпи и другія украшенія съ красной эмалью, подобныя найденнымъ въ масальскомъ у. калужской губ. и спорадически встрѣчающимся въ южной и западной Россіи; по словамъ экспонента, вещи эти найдены выше Кіева, если не ошибаемся, у села Петровецъ. Находка эта настолько важна, что ее слѣдовало провѣрить на мѣстѣ. Напрасно только г. Хойновскій назвалъ эти украшенія „уборомъ жреца съ III столѣтія“ (sic!).

тыя изъ кургановъ. Будемъ надѣяться, что этимъ послѣднимъ со временемъ будетъ опубликованъ и дневникъ раскопокъ; только такимъ путемъ эти раскопки и могутъ сдѣлаться достояніемъ науки, всякія-же „мудрствованія лукавыя", съ прибавкой большой дозы фантазіи, затемняютъ дѣло, и зачастую только смѣшны, а съ другой стороны, вызываютъ сожалѣнія, что научные факты, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними, гибнутъ для науки.

Очень важнаго по своему значенію вопроса касался рефератъ академика Д. Н. Анучина—„*О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи*". Рефератъ этотъ съ очевидностью показалъ, насколько, съ одной стороны, тѣсна связь археологіи съ этнографіей, съ другой—какую услугу можетъ оказать археологія въ вопросахъ междуплеменныхъ сношеній и культурныхъ вліяній. Референтъ остановился главнымъ образомъ на древнихъ могилахъ X—XII вв. средней полосы Россіи, въ которыхъ встрѣчались, и довольно часто, кресты и образки. Нѣкоторые изъ крестовъ представляютъ изъ себя одинъ изъ разновидностей орнамента, употреблявшагося на украшеніяхъ,—ихъ референтъ не касался, но за то другіе, какъ напр. съ изображеніемъ распятія, и въ особенности образки, несомнѣнно христіанскаго происхожденія. Вопросъ сводится къ тому: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ христіанами, погребенными по языческому обряду, или кресты и образки употреблялись язычниками только въ качествѣ украшеній или символовъ безъ сознанія ихъ настоящаго значенія? Въ томъ и другомъ смыслѣ были высказываемы мнѣнія учеными; референтъ склоняется къ послѣднему, и въ качествѣ доказательства приводитъ результаты раскопокъ, произведенныхъ въ послѣднее время Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ костромской губ. Курганы по содержанію представляютъ наибольшее сходство съ мерянскими, изслѣдованными гр. Уваровымъ; въ нихъ обнаружены погребенія, а иногда и трупосожженія; характеръ находимыхъ предметовъ указываетъ на болѣе тѣсныя сношенія съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Среди подвѣсокъ найдено было также болѣе 40 крестовъ и образковъ; кресты разныхъ типовъ: врѣзанные въ круглые медальоны, соединенные съ полумѣсяцемъ, отдѣльные

кресты, обыкновенно равноконечные, иногда съ финифтью; разныхъ типовъ и образки: съ изображеніемъ Богородицы со Спасителемъ на рукѣ, святого съ копьемъ—вѣроятно св. Георгія и двухъ святыхъ. Большинство изъ нихъ найдено на груди и шеѣ; составляли они вѣроятно часть ожерелья, наряду съ другими привѣсками. Но 6 образковъ (2—Богоматери и 4—св. Георгія) найдены соединенными съ бронзовыми колечками около черепа и служили украшеніемъ серегъ, что говоритъ за употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ украшеній. Въ одномъ только случаѣ среди данныхъ кургановъ встрѣтилось, повидимому, погребеніе христіанина; погребеніе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ языческихъ, но у скелета, немного выше его, нашелся довольно большой складной крестъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ стоящихъ фигуръ святыхъ; на одной сторонѣ находится надпись: ГЛБ/БО, что очевидно обозначаетъ „Глѣбъ"—„Борисъ"; подобные кресты очень часто встрѣчаются въ южной Россіи и относятся къ XII—XIII вв. Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько параллелей къ сообщеннымъ фактамъ изъ современной этнографіи; такъ напр., у Остяковъ кресты привѣшиваются къ вышитымъ бисеромъ нагрудникамъ наряду съ другими привѣсками.

Въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, поднятыхъ этимъ рефератомъ, принимало участіе нѣсколько лицъ. Упомянемъ о замѣчаніи В. И. Сизова, о профилактическомъ значеніи разныхъ символовъ, которые брались и изъ другихъ религій, какъ напр.—наши „змѣевики" съ головой Медузы.

Тема реферата Д. Н. Анучина настолько интересна, что весьма желательна дальнѣйшая разработка ея. Референтъ коснулся главнымъ образомъ этнографической стороны, въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ вниманія и другая сторона—культурныхъ взаимоотношеній.

Распространенія христіанства среди языческихъ племенъ касалось и сообщеніе свящ. С. Е. Звѣрева—„*Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ*". Для рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ референтъ указалъ,

съ одной стороны, на косвенныя обстоятельства—давность христіанства на югѣ Россіи, сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской (между прочимъ проф. Голубинскій утверждаетъ, что часть нынѣшней воронежской губерніи входила тогда въ составъ обширной черниговской епархіи), и т. п., съ другой—на прямыя, заключающіяся въ находкахъ; такъ напр., въ Цимлянскомъ городищѣ вмѣстѣ съ предметами языческаго быта, встрѣчались разнаго рода крестики.

Замѣтимъ отъ себя, что кресты эти, насколько можно было судить по рисункамъ, представляютъ полное тождество съ находимыми въ большомъ количествѣ на югѣ—въ Кіевской и сосѣднихъ областяхъ.

Другому роду памятниковъ былъ посвященъ рефератъ проф. В. К. Мальмберга—„*Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи*“. Матеріаломъ для реферата послужили два рода предметовъ: предметы изъ благородныхъ металловъ и расписныя вазы. Первые изъ нихъ, напр.—золотые и серебряные сосуды и украшенія, встрѣчаются обыкновенно въ большихъ курганахъ, т. н. скифскихъ царей; вторые—въ небольшихъ могилахъ, какъ полагаетъ референтъ—эллинскихъ колонистовъ. Выдающіеся по совершенству работы экземпляры, какъ металлическихъ, такъ и глиняныхъ издѣлій, считаются привозными; въ вопросѣ же, вызывающемъ разногласія, откуда привозились эти предметы—изъ Аттики или изъ Малой Азіи,—референтъ держится второго мнѣнія, замѣчая при этомъ, что нѣкоторыя вещи, какъ напр., чертомлыцкая и кульобская вазы приготовлялись греческими мастерами въ Россіи; референтъ особенно подробно остановился на одномъ ажурномъ золотомъ предметѣ, найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ, по которому можно замѣтить вліяніе мѣстнаго вкуса на греческаго мастера. Что касается расписныхъ вазъ, то референтъ соглашается съ тѣмъ, что лучшія изъ нихъ вывезены изъ Аттики, гдѣ въ концѣ VI и въ теченіе V в.в. эта отрасль искусства достигла высшаго совершенства и сдѣлала невозможной конкурренцію другихъ мѣстностей; но однако нѣкоторыя привозились изъ Малой Азіи, на что указываютъ, напр.,

амфорныя ручки съ штемпелями. Существованіе сношеній между югомъ Россіи и Малой Азіей подтверждается и находками другихъ предметовъ; изъ нихъ референтъ упомянулъ о двухъ бронзовыхъ вещахъ конца V вѣка,—это горгона, найденная въ 1892 году въ херсонской губерніи, и женская статуэтка, найденная около Херсонеса въ нынѣшнемъ году.

Рефератъ проф. Х. Р. фонъ-Штерна—„*О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи*" касался тѣхъ-же древностей, что и предыдущій, но касался „жгучаго", по выраженію референта, вопроса о все болѣе и болѣе усиливающейся фальсификаціи ихъ. Фальсификація распространяется на всѣ виды предметовъ: поддѣлываются монеты, терракоты, расписныя вазы и особенно въ послѣднее время издѣлія изъ золота. Референтъ дѣлаетъ характеристику поддѣлокъ каждаго вида древностей.

Менѣе всего опасной и мало распространенной является фальсификація монетъ; центръ поддѣлыванія монетъ Босфорскаго царства находился не въ Россіи; затѣмъ, поддѣлки, за исключеніемъ поддѣлокъ фабриканта Сазонова, настолько грубы, что ихъ всегда легко отличить.

За то поддѣлка другихъ предметовъ поставлена иначе: она производится на мѣстѣ, распространяется все сильнѣе и зачастую доводится въ техническомъ отношеніи до такого совершенства, что и спеціалисту трудно разобраться.

Глиняные сосуды въ общемъ фабрикуются также довольно грубо: они не такъ легки, какъ настоящіе, лакъ наводится толстымъ слоемъ, изображенія на сосудахъ примѣтивны; встрѣчаются между ними и не фальсификаты, а подражанія древне-классической керамикѣ, какъ напр.—вазы, сдѣланныя не изъ глины, а изъ тяжелой алебастровой массы, въ стилѣ работъ Торвальдсена, и только впослѣдствіи пущенныя торговцами въ продажу подъ видомъ древнихъ. Терракотовыя издѣлія поддѣлываются искуснѣе, фабриканты иногда прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, напр.: разбиваютъ ихъ и послѣ склеиваютъ, чтобы замаскировать вѣсъ, помѣщаютъ между фальшивыми и настоящія вещи, и т. п. Терракоты представляютъ обыкновенно человѣ-

ческія или звѣриныя фигуры; иногда фантазія фальсификатора разыгрывается—и поддѣлку легко отличить, въ общемъ же поддѣлка ограничивается копированіемъ извѣстныхъ образцовъ, и въ этомъ отношеніи особенной опасности для науки не представляется. Референтъ предлагаетъ въ болѣе значительныхъ собраніяхъ и музеяхъ выдѣлять такіе фальсификаты, это помогло бы разбираться въ нихъ и предостерегало бы отъ пріобрѣтенія поддѣлокъ.

Гораздо большій вредъ приноситъ фальсификація надписей (о ней были уже статьи В. В. Латышева и референта, послѣдняя въ XVIII т. Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и древностей). Фальсификація существовала уже и до выхода въ свѣтъ сборника надписей Латышева; послѣ выхода она усиливается, но, на первыхъ порахъ, въ сравнительно небольшой степени; надписи эти изготовлены на кускахъ древняго мрамора и представляютъ пеструю смѣсь греческихъ буквъ, причемъ шрифты взяты изъ различныхъ періодовъ; на нѣкоторыхъ надписяхъ встрѣчаются фантастическія изображенія, а иногда и рельефы. Но въ началѣ 90-хъ годовъ главные фальсификаторы—братья Гохманы въ Очаковѣ—заручились содѣйствіемъ болѣе образованныхъ сотрудниковъ, знакомыхъ съ греческой исторіей, литературой и эпиграфикой; фальсификація надписей приняла другой оборотъ, появляются связные греческіе тексты, въ эпиграфическомъ отношеніи сработанные безукоризненно, и только по нѣкоторымъ мелкимъ промахамъ (неумѣнье отличать буквы Θ и Φ, неправильность въ образованіи и согласованіи падежей) можно открыть поддѣлку. Мраморныя плиты—товаръ очень громоздкій, неудобный для далекаго траспорта, поэтому въ послѣднее время по незначительности сбыта поддѣлка надписей пріостановилась—мѣстные собиратели, наученные опытомъ, воздерживаются отъ пріобрѣтенія ихъ. Тогда вниманіе фальсификаторовъ обращается на другой родъ предметовъ.

Поддѣлка золотыхъ древнихъ издѣлій оказалась гораздо болѣе выгодной, такъ какъ для нихъ открывался широкій рынокъ и за границей. Поддѣлка производится подъ руководствомъ тѣхъ-же, или правильнѣе—того-же ученаго сотрудника. Трудно

точно опредѣлить, когда началась поддѣлка: въ одной коллекціи, находящейся въ Эрмитажѣ и составленной до 80-хъ годовъ, поддѣлокъ немного; съ 80-хъ годовъ фабрикація фальшивыхъ вещей все увеличивается и достигла въ настоящее время большихъ размѣровъ. Первыя поддѣлки, которыя референтъ имѣлъ возможность изучить, находились въ коллецкіи покойнаго Бурачкова, пожертвованной въ Одесскій музей; здѣсь есть золотая круглая коробочка со вставленными сирійскими гранитами, пара серегъ, браслетъ и золотая бляшка съ мифологической сценкой, исполненной плоскимъ рельефомъ; всѣ эти вещи, по словамъ жертвователя, были найдены въ Ольвіи. Однимъ торговцемъ была пріобрѣтена въ Екатеринославѣ бляшка съ такой-же сценкой; третій экземпляръ ея находится въ коллекціи Д. И. Толстаго. Референтъ останавливается на этихъ поддѣлкахъ потому, что онѣ представляютъ и нѣкоторыя черты общаго характера. Именно: прежде всего мѣстомъ нахожденія такихъ вещей всегда называется Ольвія,—мѣсто выбрано очень удачно, такъ какъ оно лежитъ въ глуши, въ другихъ-же мѣстахъ на побережьи Чернаго моря установленъ надзоръ: живутъ любители, которые легко могутъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, или производятся раскопки, какъ напр.—въ Херсонесѣ. Вблизи Ольвіи (теперешнее село Парутино), въ Очаковѣ, живутъ главные распространители этихъ фальшивыхъ вещей—братья Гохманы; они то и являются руководителями дѣла. Пользуются они тѣмъ, что въ публикѣ распространены слухи о раскопкахъ парутинскими крестьянами своихъ участковъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, тѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки, лежатъ внѣ крестьянскихъ участковъ, и здѣсь мѣстной владѣлицей гр. Мусиной-Пушкиной установленъ строгій надзоръ. Кромѣ того, характернымъ представляется и то, что поддѣлки, какъ напр., вышеупомянутая бляшка, распространяются въ нѣсколькихъ экземплярахъ—поддѣлыватели стараются вознаградить себя за приготовленный, штемпель или форму.

Не перечисляя всѣхъ извѣстныхъ поддѣлокъ, референтъ останавливается на болѣе замѣчательныхъ.

Такъ, кишиневскимъ собирателемъ г. Сурученомъ, лѣтъ пять тому назадъ была пріобрѣтена золотая корона съ надписью; надпись оказалась безграмотной, и поддѣлка была обнаружена.

Вслѣдъ за короной были изготовлены и другія вещи, напр. 3 пары золотыхъ сандалій и нѣсколько діадемъ; большинство этихъ вещей продано за границу.

Изъ письма покойнаго Курціуса референтъ узналъ, что въ Краковѣ находится пара золотыхъ сандалій, діадема и маска съ надписью; надпись эта, повидимому, принадлежитъ тому-же автору, что и надписи на мраморахъ, а поэтому можно судить, что и всѣ вещи поддѣльныя; между тѣмъ, одинъ нѣмецкій молодой ученый собирался даже писать статью по поводу этихъ вещей, а также и по поводу другихъ, происходящихъ будто-бы также изъ Ольвіи и находящихся въ Франкфуртѣ; можно поэтому судить, насколько совершенно исполнена поддѣлка. Изъ указанныхъ выше вещей другая пара сандалій была послана графу Бобринскому, третья-же была передана золотыхъ дѣлъ мастеру де-Морье въ Одессѣ для переплавки, такъ какъ компанія фальсификаторовъ не надѣялась сбыть ее; изъ этихъ сандалій была сдѣлана корона, попавшая въ коллекцію г. Фришена въ Николаевѣ; о ней сдѣлалъ сообщеніе Курціусъ въ засѣданіи Берлинскаго археологическаго общества и писалъ въ недавнее время членъ Имп. археологической коммисіи г. Веселовскій. Для того, чтобы продать эту корону, шайка поддѣлывателей пустилась на разныя хитрости, и черезъ подставныхъ лицъ—парутинскихъ крестьянъ—корона и другія вещи дѣйствительно были проданы за довольно большую сумму; въ поддѣльности же вещей нельзя сомнѣваться; ее обличаютъ надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ: предметы, по словамъ мнимыхъ находчиковъ, найдены въ одной могилѣ, надписи же, по характеру шрифтовъ, отдѣлены промежуткомъ въ 6 или 8 столѣтій!

Фальшивыя вещи въ общемъ изготовляются очень искусно, помощь образованнаго сотрудника очень усложняетъ дѣло опредѣленія, и, поддаваясь первому впечатлѣнію, легко впасть въ ошибку; только болѣе внимательное изслѣдованіе вещей людьми,

знающими дѣло, и можетъ открыть фальсификацію. Референтъ упомянулъ также и о пресловутой тіарѣ, пріобрѣтенной Луврскимъ музеемъ: по его мнѣнію, она также фальшивая. Въ заключеніе референтъ перешелъ къ важному и насущному вопросу—о мѣрахъ искорененія или на первыхъ порахъ сокращенія этого предосудительнаго промысла. Судебное или полицейское преслѣдованіе является дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ, съ одной стороны, шайка дѣйствуетъ очень ловко, съ другой—жертвы этой шайки—коллекціонеры и любители—изъ ложнаго стыда обыкновенно не поднимаютъ дѣла; остается одно—дѣйствовать путемъ широкой гласности, предостерегая публику отъ покупки поддѣлокъ.

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію референта и вотъ почему позволили себѣ такъ подробно передать содержаніе его интереснаго реферата.

Проф. фонъ-Штернъ коснулся только фальсификацій предметовъ классической древности, мѣстомъ производства которыхъ является Одесса (поддѣлкой здѣсь занимается мастерская де-Морье и какой-то литовскій еврей). Въ послѣднее время промыселъ этотъ захватываетъ болѣе широкій раіонъ, что находится въ связи съ увеличивающимся спросомъ на древности. Чтобы далеко не ходить, замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда, по работѣ, очень уступающія Одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности главнымъ образомъ великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего встрѣчаются въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевскаго торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые пріемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаются слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки еще пока довольно грубы, легко отличаются, но, благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все таки имѣютъ сбытъ. Еще разъ пожелаемъ вмѣстѣ съ референтомъ о возможно большемъ рас-

пространеніи гласности въ этомъ дѣлѣ; много могли бы помочь тутъ сами собиратели, оглашая тѣ непріятные случаи, жертвой которыхъ имъ пришлось быть, называя и тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ они введены были въ заблужденіе, и зачастую заблужденіе довольно дорогое. Отъ ошибки никто не гарантированъ, такъ что ложный стыдъ можно и отбросить.

Древнѣйшей географіи и этнографіи южной Россіи касался частью рефератъ проф. Ѳ. Г. Мищенка—„*Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи*“, въ которомъ референтъ, сдѣлавъ подробную характеристику Геродота, какъ историка и этнографа, постарался дать объясненія тѣмъ мѣстамъ его извѣстій о Россіи, которыя касались народовъ, обитавшихъ за предѣлами Скиѳіи. Одни изъ нихъ занимали части нынѣшней Европейской Россіи, другіе—Азіатской и даже заходили за предѣлы теперешнихъ русскихъ владѣній. Референтъ отмѣчаетъ, что вообще Геродотъ обращаетъ больше вниманія на народы востока, съ которыми у грековъ были болѣе тѣсныя связи, чѣмъ на народы запада. При распредѣленіи народностей Геродота по племенамъ, проф. Мищенко приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: гелоны—это эллины, смѣшанные со скифами, и поэтому городище Укекъ, лежащее въ 8-ми верстахъ отъ Саратова, не было городомъ Гелономъ, какъ это нѣкоторые полагаютъ; будины, невры и агасфиры принадлежали къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, іирки, фиссагеты—къ финнамъ; аиппаи, песедоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшіе киргизы и киргизъ-кайсаки. Что касается западной Скифіи, то Геродотъ болѣе всего интересуется днѣпровскимъ воднымъ путемъ, благодаря которому, вѣроятно, и въ то уже время предпріимчивые люди достигали береговъ Балтійскаго моря ради добычи янтаря.

Мы не будемъ останавливаться на замѣчаніяхъ, вызванныхъ этимъ, составленнымъ съ такимъ знаніемъ дѣла, рефератомъ,—они касались частныхъ вопросовъ—и повторимъ вмѣстѣ съ референтомъ, что изученіе Геродота, отца русской исторіи, лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ, изученіе тѣмъ болѣе

желательное, что Геродотъ даетъ обильный матеріалъ какъ географическій, такъ и этнографическій.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ рефератахъ, такъ или иначе касавшихся южной Россіи. Проф. Н. И. Петровъ въ сообщеніи „*Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—5 годахъ*“ отрицаетъ возможность существованія этого образа въ Корсунѣ или Херсонесѣ Таврическомъ, и дѣлаетъ предположеніе, что такой образъ находился въ Кіевѣ, откуда былъ перенесенъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (проф. Соболевскій, по прочтеніи реферата, разъяснилъ, что Кессъ—это теперешній Венденъ) и Новгородъ въ Рязанскую землю; въ подтвержденіе своего мнѣнія проф. Петровъ указалъ на то, что въ русской церкви установленіе праздника въ честь перенесенія мощей св. Николая въ Баръ-градъ произошло въ 1089 г. и что слѣдовательно, образъ не могъ быть написанъ раньше, что въ Кіевѣ въ до татарскую эпоху былъ образъ этого типа, и т. д.

М. П. Истоминъ въ рефератѣ „*Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ*“ старался опредѣлить время и путь, какимъ западное вліяніе проникло въ южно-русскую церковную живопись. Референтъ въ своихъ выводахъ основывается на матеріалѣ, найденномъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Это, прежде всего, рисовальныя руководства, изданныя въ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Италіи и Венеціи, конца XVII и XVIII вв., по которымъ происходило обученіе; они наполнены главнымъ образомъ гравюрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; съ этихъ гравюръ и брали свои сюжеты южно-русскіе художники. На это даетъ нѣкотараго рода указанія другой видъ матеріала—*кужбушки* (Kunstbuch), въ которыхъ помѣщались пробные рисунки, эскизы и т. п. Такимъ образомъ, время особаго развитія западнаго вліянія опредѣляется концомъ XVII и первой половиной XVIII вв. Въ распоряженіи референта находился еще третій родъ матеріала—рукописные перечни тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, какими были украшены стѣны лаврской церкви въ XVIII в.; на основаніи ихъ референтъ приходитъ къ заключенію, что эта стѣнная живопись, хотя и возоб-

новлялась нѣсколько разъ въ XVIII и XIX вв., но, по выработкѣ своего первоначальнаго содержанія, относится ко времени митрополита Петра Могилы.

Это послѣднее заключеніе вызвало замѣчаніе со стороны проф. Н. И. Петрова, доказывавшаго, что живопись Лаврской церкви XVII в. не имѣла ничего общаго съ живописью XVIII в. Вопросъ о живописи лаврской церкви—вопросъ животрепещущій, по крайней мѣрѣ онъ былъ такимъ до послѣдняго времени; теперь, какъ извѣстно, вся стѣнная живопись уничтожена и стѣны будутъ расписываться заново художникомъ П. В. Верещагинымъ. Уничтоженіе старой живописи уже успѣло вызвать полемику въ газетахъ, гдѣ особенно высказывались сожалѣнія объ уничтоженіи портретовъ благотворителей Лавры, и очень жаль, что уважаемый референтъ не затронулъ этого вопроса въ своемъ интересномъ сообщеніи;—пора бы спеціалистамъ объяснить намъ, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ уничтожена живопись, имѣющая историческое значеніе, или не имѣвшая его? Хотѣлось бы получить отвѣты и на нѣкоторые болѣе частные вопросы: сняты ли были точныя копіи или, по крайней мѣрѣ, фотографіи со всѣхъ изображеній, приняты ли были вообще мѣры къ тому, чтобы живопись эта, каково бы ни было ея происхожденіе, осталась доступной для изученія. Вѣдь и она составляетъ ступень въ исторіи живописи Лаврской церкви, и она оставила слѣды въ душахъ тѣхъ сотенъ тысячъ богомольцевъ, которые стекались съ разныхъ угловъ Россіи для поклоненія древней святынѣ....

Закончимъ нашъ перечень двумя рефератами проф. Д. И. Багалѣя. Первый изъ нихъ—„*О Магдебурскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*“ представлялъ изъ себя краткое изложеніе обширнаго изслѣдованія автора, посвященнаго этому вопросу и составленнаго въ параллель къ изслѣдованіямъ професоровъ Владимірскаго-Буданова и Антоновича о Магдебурскомъ правѣ въ городахъ правобережной Малороссіи. Для своего изслѣдованія референтъ пользовался главнымъ образомъ архивными матеріалами. Изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) внѣшняя исторія Магдебурскаго права въ городахъ Переяславѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и менѣе зна-

чительныхъ—въ Погарѣ, Почепѣ, Мглинѣ и др.; 2) внутреннее устройство городского управленія на основвніи фактическихъ матеріаловъ; 3) послѣдняя судьба городского самоуправленія по Магдеб. праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагопріятствовавшихъ самоуправленію городовъ по магдеб. порядкамъ [1]).

Другой рефератъ проф. Багалѣя—*„Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей въ эпоху императора Александра I“*, помимо спеціальной темы, заключалъ и нѣсколько соображеній общаго характера; на нихъ мы прежде всего и остановимся. Упомянувъ о дружной работѣ на полѣ археологіи, которая замѣчается въ послѣднее время, референтъ указалъ на одинъ источникъ, недостаточно еще эксплуатированный русской археологіей,—это письменные памятники. И въ настоящее время многіе археологи пользуются историческими матеріалами для своихъ спеціальныхъ темъ, но этого въ общемъ недостаточно: вопросъ долженъ быть поставленъ шире, необходимо приступить къ систематизаціи тѣхъ данныхъ, которые касаются матеріальной стороны прошлой жизни и которыхъ такъ много какъ въ печатныхъ, такъ и въ письменныхъ источникахъ. Для этой цѣли могутъ дать обильный матеріалъ, напр., писцовыя книги или другіе историко-географическіе матеріалы, путешествія, содержащія много указаній археологическаго характера, много драгоцѣнныхъ свѣдѣній могутъ дать и архивы нашихъ археологическихъ учрежденій и статистическихъ комитетовъ, заключающіе огромный запасъ данныхъ для исторіи русской археологіи. Референтъ обращалъ вниманіе на эту послѣднюю; безъ нея въ большой степени будетъ затруднена классификація нашихъ памятниковъ; попытки научной классификаціи были уже, но, благодаря разбросанности источниковъ, при отсутствіи библіографическихъ указателей, общей археологической карты и исторіи изысканій, попытки эти оказались преждевременными и недостаточно обоснованными. Исторія археологическихъ изученій необходима и для опредѣленія достоинства и недостатковъ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, мы пользовались для изложенія краткими резюме, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ“ съѣзда.

самихъ методовъ и пріемовъ собиранія матеріала, а это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ нигдѣ въ археологіи, особенно въ прежнее время, не было пущено въ научный обиходъ такъ много неосновательныхъ мнѣній и гипотезъ. Важное значеніе имѣла-бы такая исторія и въ нравственно-общественномъ отношеніи: была бы произведена оцѣнка работъ какъ крупныхъ дѣятелей, такъ и болѣе мелкихъ, зачастую посвятившихъ всю свою жизнь безкорыстной работѣ; наконецъ, и масса малоизвѣстныхъ или забытыхъ тружениковъ увидѣли бы, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ. Предлагаемая задача очень трудна, но все таки исполнима, а главное необходима; выполнена она можетъ быть только соединенными усиліями какъ центральныхъ археологическихъ учрежденій, такъ и областныхъ провинціальныхъ обществъ и дѣятелей; въ основу долженъ быть положенъ тотъ областной методъ, который далъ такіе блестящіе результаты при разработкѣ исторіи.

Программа, только что приведенная, очень широка; референтъ коснулся ея слегка, и, конечно, желательно, чтобы она была разработана детально. Если нѣкоторыя изъ ея частей не являются чѣмъ-то новымъ, то за референтомъ остается заслуга, что онъ снова поднялъ эти вопросы. Напр., мысль о выборкѣ археологическихъ данныхъ изъ разныхъ источниковъ явилась уже давно въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; ее предположено было осуществить въ формѣ „*Археологическаго словаря*“; было уже положено и начало словарю, но дѣло это впослѣдствіи замерло. Что касается исторіи археологическихъ изслѣдованій, то здѣсь основой, первымъ камнемъ должна явиться археологическая библіографія; вопросъ этотъ также давно уже былъ поставленъ на очередь покойнымъ представителемъ Московск. Археологич. Общества гр. А. С. Уваровымъ, такъ широко всегда понимавшимъ задачи русской археологіи; имъ была даже учреждена на этотъ предметъ премія при Обществѣ, но, до послѣдняго времени, дѣло это находилось въ зачаточной стадіи, и только теперь поставлено на надлежащую почву членомъ Имп. Археологической Коммиссіи А. А. Спицынымъ; имъ собранъ уже богатый матеріалъ; часть его, съ распредѣленіемъ по гу-

берніямъ, напечатана и скоро выйдетъ въ свѣтъ (въ I-мъ т. Трудовъ Русскаго Отдѣленія Императ. Русскаго Археологическаго Общества).

Въ второй части реферата проф. Багалѣй иллюстрировалъ свои вышеизложенныя соображенія краткими справками о томъ, что сдѣлано было Харьковскимъ университетомъ для археологіи въ царствованіе имп. Александра I. Уставъ 1804 г., дышавшій полнымъ довѣріемъ къ университетамъ, отдалъ въ ихъ вѣдѣніе среднія и низшія учебныя заведенія; такимъ образомъ установилась связь, и, благодаря ей, получило первый толчекъ и дѣло изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Профессора, при осмотрѣ училищъ, и дѣятели этихъ послѣднихъ стали собирать свѣдѣнія о древностяхъ, сюда-же были включены метереологическія и физико-географическія наблюденія, собираемыя по программамъ, составленнымъ физико-математическимъ и историко-филологическимъ факультетами Харьковскаго университета; историко-географическую программу составилъ авторъ „Русскихъ древностей“ проф. Г. П. Успенскій. Одинъ изъ визитаторовъ (профессоровъ, командированныхъ для осмотра училищъ)—Дюгуровъ, во время пребыванія въ Нѣжинѣ, изучилъ тамошніе древніе малорусскіе акты, а, отправившись въ Новороссію, изслѣдовалъ бытъ жившихъ тамъ Ногайскихъ Татаръ и напечаталъ о нихъ изслѣдованіе. Референтъ остановился главнымъ образомъ на трехъ типичныхъ археологическихъ развѣдкахъ: проф. Рижскаго, проф. Раммеля и Бѣлецкаго-Носенко.

Проф. Рижскій отправился на мѣсто древней Ольвіи. Въ своемъ отчетѣ онъ сообщилъ о древней надписи, высѣченной па камнѣ, найденномъ въ имѣніи адмирала де-Рибаса и сообщенной профессору свящ. Куницкимъ; на основаніи личнаго осмотра дѣлаетъ онъ описаніе Ольвійскаго городища; при отчетѣ препровождаетъ списки съ двухъ надписей, видѣнныхъ имъ у тамошнихъ жителей, и разныя древнія вещи—сосудъ, обломки сосудовъ, монеты. Проф. Рижскій, будучи въ Екатеринославѣ, ѣздилъ также на каналъ, который рылся въ обходъ пороговъ, такъ какъ узналъ, что тамъ находятъ разныя вещи; онъ сдѣлалъ описаніе Ненасытецкаго порога и канала, описалъ одно солено-горькое

озеро въ новомосковскомъ у. екатеринославской губ. и сдѣлалъ перечень различныхъ камней, доставленныхъ въ университетъ для минералогическаго кабинета.

Свѣдѣнія объ экскурсіи проф. Раммеля сохранились въ его воспоминаніяхъ. Онъ описываетъ, какъ отправился осматривать камень возлѣ Святогорскаго монастыря на берегу Донца. Камень былъ съ надписью; разобрать ее проф. Раммель не могъ, но сдѣлалъ факсимиле и отправилъ въ Петербургъ; надпись онъ сближаетъ „съ рунами сибирскихъ или скиѳскихъ народовъ", обнародованными Палласомъ.

Бѣлецкій-Носенко сообщаетъ данныя объ одномъ городищѣ прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ у населенія языческихъ обычаевъ, передаетъ разсказъ о находкѣ въ 1808 г. въ с. Радьковкѣ древней бронзовой статуи и прилагаетъ очень поэтическое описаніе ея.

Этимъ и исчерпывается все, что непосредственно касается южной Россіи.

Въ многочисленныхъ другихъ рефереpатахъ, доложенныхъ на съѣздѣ, затрогивались какъ частные, такъ и общіе вопросы русской археологіи. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

А. Я. Ефименко, въ рефератѣ *„Объ археологическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и славянъ"*, указавъ, прежде всего, на то, что археологія должна включить въ область своихъ изученій и первобытное землевладѣніе, остановилась на недавно вышедшей работѣ берлинскаго проф. Мейцена. (A. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, den Kelten, Römer, Finnen und Slawen) и, разобравши нѣкоторыя выводы ея, подвергла ихъ критическому разбору. Докладчица не соглашается съ основнымъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго, что т. н. „клиновая деревня" (Gewandorf) есть исключительная принадлежность германскаго племени и что у славянъ она отсутствуетъ; факты, между прочимъ и акты XVII в., говорятъ противное; изъ нихъ, напр., видно, что наши сѣверно-русскія деревни состояли иногда изъ нѣсколькихъ дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее,

но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ; такая деревня, по мнѣнію докладчицы, есть то-же, что и Gewandorf. Коснувшись затѣмъ деревенской общины, главнымъ образомъ, по отношенію къ вопросу—что было исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній—частная собственность или община, и не рѣшая этого вопроса въ ту или другую сторону, докладчица высказала мысль, что вопросъ о первобытномъ и послѣдующемъ землевладѣніи долженъ быть изслѣдуемъ многосторонне, на фактической почвѣ и строго научнымъ образомъ, и что разныя формы землевладѣнія не могутъ быть рѣзко противополагаемы.

Докладъ А. Я. Ефименко, отличавшійся обычнымъ блестящимъ изложеніемъ, вызвалъ продолжительныя пренія, главнымъ образомъ, по второму изъ затронутыхъ вопросовъ.

Проф. А. Ѳ. Мѣржинскій, съ неустающей энергіей работающій надъ изученіемъ первобытной культуры литовскаго племени, прочелъ на этотъ разъ рефератъ *„О священномъ дубѣ въ Ромове“*, гдѣ, помимо спеціальной темы, высказалъ и нѣсколько общихъ соображеній о почитаніи деревьевъ: съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ и наконецъ въ немъ жило само божество; лѣчебную силу приписывали деревьямъ, стволъ или вѣтки которыхъ, разъединившись, снова срастались въ образованное такимъ путемъ отверстіе пролѣзали больные (напр. глазами, грыжей), будучи убѣждены, что болѣзнь переходила въ дерево.

Живой интересъ возбудилъ среди членовъ съѣзда докладъ В. И. Сизова—*„Характерныя черты могильника въ Пассельнѣ въ Курляндіи.“* Вещи, найденныя въ этомъ могильникѣ, ставятъ его отдѣльно отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ; это и дало основаніе референту высказать предположеніе о принадлежности его курамъ или *вендамъ;* существованіе послѣднихъ въ Балтійскомъ краѣ подтверждается съ другой стороны извѣстіями Генриха Латыша.

Не обошлось, конечно, на съѣздѣ и безъ вѣчнаго вопроса о Руси. Въ сообщеніи *„О происхожденіи слова Русь“* К. И.

Якубовъ, изложивъ литературу вопроса и остановившись на мнѣніи, по которому слово Русь ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi, а само финское слово производится отъ названіи общины гребцовъ—rods-män, жившихъ въ области Rodslagen, указалъ на новое толкованіе этого слова, предложенное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, именно, что Ruotsi есть финскій переводъ имени Норманнъ.

По поводу этого реферата, разумѣется, возникли пренія; основная мысль ихъ заключалась въ томъ, что за объясненіемъ этого слова надо идти не на сѣверъ, а на югъ и юго-западъ, гдѣ на существованіе племени Русь указываютъ названія рѣкъ, урочищъ и т. п. Между прочимъ, Д. И. Иловайскій высказался въ томъ смыслѣ, что въ лѣтописи Нестора испорченъ текстъ, и мѣсто о призваніи Варяговъ нужно понимать такъ что Русь призвала Варяговъ.

Не можемъ, наконецъ, не упомянуть о рефератѣ акад. В. В. Суслова—„*Новгородскій Софійскій Соборъ*,“ въ которомъ были изложены результаты реставраціи этого древняго храма, произведенной въ 1893—95 г. и поведшей къ очень важнымъ открытіямъ. Открыты фресковыя изображенія XI (свв. Константинъ и Елена) и XII вв. (ангелы и пророки въ главномъ барабанѣ храма и др.); ремонтъ собора далъ затѣмъ возможность въ деталяхъ изучить всю исторію храма, возстановить его первоначальный видъ, прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ онъ подвергался въ послѣдующее время. Референтомъ была затрачена масса труда; уже одинъ бѣглый обзоръ художественно исполненныхъ копій съ открытыхъ фресковыхъ изображеній и многочисленныхъ рисунковъ и чертежей, которыми былъ наполненъ залъ засѣданія, могъ показать, сколько работы, интереса было вложено въ это дѣло, и потому намъ показались совершенно негармонировавшими съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставлялъ послѣ себя рефератъ, пренія, возникшіи послѣ прочтенія его, прибавимъ—пренія, выходившія иногда за предѣлы необходимой сдержанности. Замѣчаній, касавшихся сущности реферата, было немного; весь же сыръ-боръ загорѣлся по поводу заявленія проф. Соболевскаго, что при ремонтѣ храма

были уничтожены нѣкоторыя древнія надписи. Во время преній выяснено, что надписей было открыто около 200; онѣ выцарапаны въ штукатуркѣ, по содержанію особеннаго интереса не представляютъ, а интересны съ палеографической точки зрѣнія; относятся онѣ къ XII—XIV вв.; объ открытіи этомъ сейчасъ-же было дано знать въ Имп. Археол. Коммиссію, были командированы спеціалисты (И. А. Шляпкинъ и проф. Соболевскій), и большинство надписей снято и описано; только часть ихъ осталась недоступной для изслѣдованія, потому-что надписи находились на стѣнахъ подъ теперешнимъ поломъ собора, и, наконецъ, самый незначительный процентъ пришлось задѣлать или совсѣмъ уничожить, такъ какъ этого требовала ветхость нѣкоторыхъ частей зданія и неотложность ремонта, но со всѣхъ ихъ были сдѣланы снимки.

Результаты преній были перенесены въ совѣтъ съѣзда, гдѣ и было постановлено слѣдующее: „По поводу сообщенія академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторые важные памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: X археологическій съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Коммиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.“ На нашъ взглядъ, если высказывать сожалѣнія, то ужъ не по этому поводу: какъ мы видѣли, акад. Сусловъ отнесся къ своему дѣлу съ полнымъ сознаніемъ важности изслѣдуемаго памятника, съ любовью занимался научнымъ изслѣдованіемъ его, поэтому для высказыванія сожалѣній можно было найти другой поводъ; къ прискорбію, такихъ поводовъ можно найти довольно много; въ томъ-же засѣданіи мы указывали, напр., на то печальное состояніе, въ какомъ находятся остатки „божницы“ XII в. въ селѣ Старогородкѣ возлѣ г. Остра черниговской губерніи: здѣсь дѣло идетъ не о десяткѣ нацарапанныхъ надписей, а гибнетъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, покрывающихъ сохранившуюся часть алтарной абсиды этой „божницы“, гибнетъ никѣмъ

научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ...

Въ заключеніе два слова объ одномъ изъ техническихъ вопросовъ, имѣвшемъ мѣсто на съѣздѣ. Дѣло идетъ объ отчисткѣ и сохраненіи древнихъ металлическихъ предметовъ. Этого вопроса касались доклады д-ра Я. Аппельгрена, хранителя историческаго музея въ Гельсингфорсѣ, и В. Д. Бока, хранителя средневѣковаго отдѣла Имп. Эрмитажа. Ими былъ указанъ новый способъ консервированія древностей путемъ химической обработки ихъ при помощи электричества; способъ этотъ изобрѣтенъ норвежскимъ инженеромъ А. Крефтингомъ; а результаты получаются дѣйствительно замѣчательные — на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись орнаменты, клейма, надписи и т. п. Но повидимому для обработки этимъ способомъ пригодны главнымъ образомъ предметы не особенно древніе, или сравнительно хорошо сохранившіеся, такъ какъ все, что подверглось окисленію, не годится для обработки. Во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе это представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. Было бы очень полезно, если бы на съѣздахъ почаще поднимались различные вопросы техническаго характера: о сохраненіи древностей, отчисткѣ, сортировкѣ, моделировкѣ ихъ и т. д.; на съѣзды собираются какъ хранители общественныхъ собраній, такъ и владѣльцы частныхъ коллекцій, и было бы интересно и поучительно услышать отъ нихъ о тѣхъ пріемахъ и порядкахъ, которые практикуются при храненіи древностей.

Какъ мы упомянули уже въ началѣ, рижскій съѣздъ отличался, сравнительно съ прежними, довольно многочисленными выраженіями пожеланій и предложеній. Этому обстоятельству мы придаемъ особенное значеніе; оно указываетъ на жизненную силу съѣздовъ, служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ ученой средѣ сознано уже вліяніе съѣздовъ на общій ходъ развитія научныхъ изысканій. Эти пожеланія являются тѣмъ элементомъ, который говоритъ о поступательномъ движеніи науки, и нѣтъ нужды, если не всѣ изъ этихъ предложеній могутъ быть

сейчасъ удовлетворены: много значитъ уже одно то, что они высказаны.

На первомъ мѣстѣ мы ставимъ тѣ пожеланія, которыя были высказаны членами губернскихъ архивныхъ коммисій, собравшимися на съѣздѣ съ разныхъ концовъ Россіи. Ими были устроены при участіи и другихъ членовъ съѣзда, при археографическомъ отдѣлѣ, предсѣдателемъ котораго состоялъ проф. Д. И. Багалѣй, два засѣданія, гдѣ обсуждались различные вопросы, имѣющіе отношеніе къ постановкѣ у насъ дѣла губернскихъ архивныхъ коммиссій. Мало отраднаго пришлось услышать на этихъ засѣданіяхъ: тяжелое впечатлѣніе оставляли по себѣ эти скорбныя повѣсти, гдѣ описывалось людьми, близко стоящими къ дѣлу, то положеніе, въ какомъ находятся нѣкоторыя изъ коммиссій. Этими собраніями было высказано нѣсколько пожеланій, и, основываясь на нихъ, съѣздъ постановилъ: „Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммисій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую коммиссіями, и ходатайствовать, чтобы имъ оказываема была помощь и субсидія при посредствѣ г.г. губернаторовъ. Ни одно изъ другихъ пожеланій не заслуживаетъ большаго сочувствія и вниманія, чѣмъ это. И чѣмъ скорѣе пожеланіе это перестанетъ быть только пожеланіемъ, тѣмъ лучше.

Довольно много рефератовъ на съѣздѣ явилось результатомъ научной дѣятельности *Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ*. Дѣйствительно, за короткое время своего существованія имъ было сдѣлано много научныхъ открытій. Пространство, входящее въ сферу научныхъ изысканій Института, очень обширно: сюда включены области Турецкой имперіи, Греческаго королевства и Славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ. Институтъ существуетъ 2 года; за это время были совершены экскурсіи въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, Никею, Бруссу, Никомидію и въ Болгарію; было пріобрѣтено древнѣйшее греческое евангеліе VI вѣка, изслѣдованы древніе монумен-

тальные памятники скульптуры, мозаики, надписи, открыты новые литературные памятники и т. д. Рефераты и были посвящены различнымъ вопросамъ, выдвинутымъ этой плодотворной, живой научной работой. Проф. Ф. И. Успенскій, директоръ института и предсѣдатель ученаго комитета съѣзда, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности этого учрежденія въ рефератѣ „*О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ*"; имъ же было сообщено: „*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ евангелія*", „*Археологическіе памятники города Никеи*" и „О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи"; проф. Д. В. Айналовъ представилъ рефератъ „*О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ*"; проф. А. А. Павловскій докладывалъ „*О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ*" и заключилъ свой рефератъ пожеланіемъ, чтобы представители русской науки пошли на помощь Институту, изслѣдуя и обрабатывая найденные Институтомъ памятники; наконецъ, О. В. Вульфъ въ докладѣ „*Древности Никомидіи*", изложилъ результаты экскурсіи въ этотъ городъ и подробно описалъ найденные тамъ памятники древности.

Если мы замѣтимъ при этомъ, что личный составъ Института не великъ (директоръ, секретарь и одинъ командированный), и что не велики также и средства, находящіяся въ его распоряженіи, то ниже приводимое ходатайство съѣзда является вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ. Вотъ это постановленіе совѣта съѣзда: „Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и мало-азіатскаго полуострова, X археологическій съѣзъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Другое постановленіе касалось болѣе частнаго вопроса, также въ зависимости отъ дѣятельности Института, именно: „Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи ру-

кописныхъ сокровищъ Аѳона, X археологическій съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

Проф. И. П. Филевичъ въ рефератѣ „*Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры*“ обратилъ вниманіе на значеніе географической номенклатуры, какъ главнаго показателя этнологическаго характера страны, указалъ на недостатки научной обработки этого матеріала и высказалъ пожеланіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ территорію славянъ и русскихъ въ частности, чтобы дѣло собиранія данныхъ этого рода, данныхъ „языка земли“, было ведено по болѣе широкой программѣ; слѣдуетъ собрать матеріалъ для полнаго номенклатурнаго словаря русскихъ земель, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за предѣлами ея; это дастъ возможность уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и возстановить его тамъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніямъ, подверглась искаженіямъ.

Несомнѣнно, что собираніе и разработка „языка земли“ можетъ повести къ цѣннымъ научнымъ выводамъ, но, съ другой стороны, необходимо вести параллельно съ этимъ и историкогеографическія изысканія,—въ этомъ духѣ и высказались нѣкоторые изъ оппонентовъ проф. Филевича.

Проф. А. С. Будиловичъ закончилъ свой обширный рефератъ „*О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи*“, предложеніемъ снарядить археологическую экспедицію въ Венгрію; съѣздъ, въ своемъ постановленіи, выразилъ сочувствіе къ этой мысли.

Въ нашемъ сообщеніи „*Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи*“, мы коснулись частнаго вопроса первобытной археологіи. Суть нашего предложенія сводилась къ организаціи, путемъ спеціальныхъ экскурсій, систематическаго изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ сохранились слѣды доисторическихъ поселеній (главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ на песчаныхъ буграхъ). Если такія изслѣдованія и не дадутъ ничего особенно новаго для уясненія культуры этого періода (хотя несомнѣнно нѣко-

торыя детали могутъ оказаться и новыми, а при поразительной однородности этой культуры на всемъ земномъ шарѣ и детали имѣютъ свое значеніе), то, во всякомъ случаѣ, систематическія изслѣдованія могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, могутъ собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика является весьма важной: основываясь на ней, можно дѣлать выводы о количествѣ и густотѣ первобытнаго населенія.

Чтобы покончить съ предложеніями и постановленіями, приводимъ еще одно изъ этихъ послѣднихъ: „Просить Императорскую Археологическую Коммисію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому въ память Императора Александра III Музею,—предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить коммиссію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ, разъяснять этимъ властямъ, что, на основаніи существующихъ законовъ Имперіи, вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ“.

Насколько намъ извѣстно, все вышеприведенное, вошло уже отчасти въ практику коммиссіи. Но по этому поводу невольно возникаетъ мысль о насущной потребности правильной постановки и развитія у насъ дѣла областныхъ музеевъ.

Круглыя числа во всякаго рода дѣятельности обыкновенно даютъ поводъ оглянуться назадъ, посмотрѣть, что сдѣлано за протекшее время. Рижскій съѣздъ заключилъ собою первый десятокъ; по этому поводу неутомимый работникъ и энергичный организаторъ дѣла археологическихъ съѣздовъ—гр. П. А. Уварова, она-же и предсѣдатель съѣзда, въ прочувствованной рѣчи сдѣлала общій очеркъ дѣятельности предшествовавшихъ съѣздовъ. Безъ преувеличиванія можно сказать, что сдѣлано очень много. Не говоря уже о сотняхъ прочтенныхъ рефератовъ, на съѣздахъ поднималось не мало и общихъ вопросовъ, завязывались сношенія между учеными, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, научныя силы стягивались со всѣхъ сторонъ для общей

работы, возбуждалась энергія цѣлыхъ учрежденій, иногда обязанныхъ своимъ возникновеніемъ иниціативѣ или поддержкѣ съѣздовъ. Успѣхъ съѣздовъ въ извѣстной мѣрѣ зависѣлъ отъ направленія, даннаго ихъ иниціаторомъ, покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, котораго держится и которое отстаиваетъ въ настоящее время, замѣнившая его гр. П. А. Уварова. Направленіе это заключается въ преслѣдованіи чисто научныхъ цѣлей, безъ всякой иной подкладки, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Пусть же и на будущее время это искреннее служеніе дѣлу науки останется лозунгомъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ!

Мѣстомъ слѣдующаго археологическаго съѣзда избранъ Кіевъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы главное вниманіе было обращено на Волынь и вообще на западную часть юга Россіи, въ общемъ сравнительно очень мало еще изслѣдованную въ археологическомъ отношеніи. Тутъ мы снова наталкиваемся на круглое число: если кіевскій съѣздъ состоится черезъ три года— обычный промежутокъ между съѣздами,—то къ тому времени исполнится ровно 25 лѣтъ съ устройства перваго съѣзда въ Кіевѣ. Итакъ, нашему югу предстоитъ задача достойно приготовиться къ съѣзду, показать, насколько подвинулось дѣло за истекшій довольно продолжительный срокъ, и здѣсь были-бы очень желательны работы обобщающаго характера, какихъ напр. было не мало на рижскомъ съѣздѣ по отношенію къ прибалтійскимъ древностямъ. Можно надѣяться, что къ тому времени будетъ законченъ и Кіевскій Историко-художественный Музей; это дастъ возможность устроить, какъ слѣдуетъ, и археологическую выставку, для обоюдной пользы какъ съѣхавшихся ученыхъ, такъ и самого музея. Будемъ надѣяться, что не будетъ забыта также и этнографія, занимавшая такое видное мѣсто на томъ-же рижскомъ съѣздѣ, и, по отношенію къ ней, было бы очень кстати осуществленіе пожеланій, высказанныхъ, между прочимъ, по поводу 50-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,—о возстановленіи Юго-Западнаго Отдѣла его.

Н. Бѣляшевскій

Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ.

По поводу брошюры проф. Н. Сумцова „Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній". Харьковъ 1896 г. (Изъ VIII тома Харьковскаго Сборника Историко-филологическаго Общества за 1895 г.), стр. 8.

Подъ именемъ „религіознаго сказанія" проф. Сумцовъ понимаетъ не всякое произведеніе народнаго эпоса, говорящее о чемъ нибудь религіозномъ (каковы, напр., апокрифы), а только легенды, и исключительно имъ посвящаетъ онъ свою брошюру. Легенды, и въ частности наши малорусскія легенды—дѣйствительно заслуживаютъ особаго вниманія. Если мы возьмемъ апокрифы, то, вѣроятно, даже безъ спеціальнаго изслѣдованія [1]), просто съ перваго взгляда почувствуешь, что это произведенія не родныя, а чужія, заносныя. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наши религіозныя легенды. Въ нихъ все дышетъ чѣмъ-

[1]) Я прибавилъ слово „вѣроятно", такъ какъ, кажется, только при нынѣшнихъ успѣхахъ фольклора въ плоть и кровь каждаго успѣла проникнуть безсознательная увѣренность, что апокрифы ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться національнымъ изобрѣтеніемъ нашего народа. Какихъ-нибудь лѣтъ сорокъ тому назадъ такая увѣренность могла кое-кому (можетъ быть, даже многимъ) казаться очень странной: напримѣръ, извѣстный малорусскій писатель Степанъ Руданскій, этнографическія записи котораго (отъ 1854—1856 г.) недавно изданы полностью (см. „Творы Степана Руданського, томъ другый, Львивъ 1896), совершенно искренно былъ убѣжденъ, что существующія въ Малороссіи сказанія объ Адамѣ, потопѣ, птицѣ-носорожцѣ и проч. ни откуда не заимствованы и принадлежатъ чистѣйшей украинской „утворѣ" (т. е. фантазіи, или творчеству); онъ даже находилъ возможнымъ высказывать догадку, что Божья казнь постигла гордую птицу-носорожца (во время потопа) нигдѣ, какъ въ Подольской губерніи, неподалеку отъ Голендръ.

то такимъ близкимъ, такимъ хорошо знакомымъ, такимъ роднымъ! Тутъ и мѣстности указываются наши украинскія, тутъ и имена—все имена нашихъ славныхъ историческихъ дѣятелей, тутъ черты быта выступаютъ ярко малорусскія, тутъ даже въ образѣ мыслей такъ и чувствуется вездѣ все родное, національное: мы вполнѣ согласны съ проф. Сумцовымъ, когда онъ утверждаетъ, что малорусскія легенды имѣютъ „своеобразный характеръ произведеній близкихъ, какъ бы издавна знакомыхъ и почему-то привлекательныхъ" (стр. 1).—„Это нѣчто привлекательное", продолжаетъ проф. Сумцовъ, „кроется въ теплой вѣрѣ людей старыхъ поколѣній, въ душевномъ ихъ мірѣ и сердечной ихъ простотѣ". Не только въ этомъ, а больше всего въ національномъ духѣ, которымъ для насъ пропитаны легенды: этотъ духъ роднитъ насъ, скептиковъ-интеллигентовъ, и съ нашими наивными предками и съ нынѣшнимъ простымъ народомъ....

Таково впечатлѣніе. Однако впечатлѣніе обманываетъ: кто познакомился съ международной странствующей словесностью, тому, конечно, давно ужъ бросался въ глаза фактъ, что многія малорусскія якобы „щиро"-національныя легенды принадлежатъ къ разряду странствующихъ повѣстей. Самъ собою возникаетъ вопросъ: „стало быть, эти столь родныя намъ легенды—произведенія не самостоятельныя, не наши?" Отвѣтить: „да, не наши"—едва ли будетъ правильно, потому что нашъ народъ совершенно вѣдь переработалъ чужіе сюжеты. Прослѣдить процессъ этой переработки—чрезвычайно интересно: не только установится критерій для сужденій о томъ, что же собственно мы смѣемъ назвать нашимъ роднымъ, безусловно національнымъ этическимъ достояніемъ,—но уяснить также и самое понятіе о томъ, что такое народное творчество. Это будетъ въ высшей степени поучительная для насъ вещь—прослѣдить, какимъ образомъ чужое сказаніе успѣло проникнуть къ намъ, распространиться въ народѣ, пріурочиться къ извѣстной мѣстности и национализироваться во всѣхъ подробностяхъ [1]).

---

[1]) Есть еще одна отрасль нашей народной словесности, которая настоятельно требуетъ подобныхъ же изслѣдованій, но какъ-то мало затрогивается учеными: я говорю о малорусскихъ произведеніяхъ юмористическаго характера. Нашъ народъ

Поле для изслѣдованій—обширнѣйшее. По выраженію англійскаго поэта, оно

Exceeding rich, and long, and wide,
And sprinkled with a sweet variety
Of all, that pleasant is to the ear or eye

Но сдѣлано на немъ чрезвычайно мало, почти ничего. До недавняго времени можно было извлечь пользу развѣ изъ статьи Н. П. въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" 1877 г., далѣе изъ очень важныхъ „Очерковъ южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ" проф. Н. Ѳ. Сумцова („Кіев. Стар." 1887)[1]) и еще изъ нѣкоторыхъ его замѣтокъ и статей. Въ виду такой скудости, очень важное значеніе пріобрѣтаетъ недавно вышедшая систематическая брошюра того же уважаемаго автора, проф. Сумцова, заглавіе которой мы выписали сверху и которая имѣетъ спеціальную цѣль—пролить извѣстный свѣтъ на сущность малорусской религіозной легенды.

Сразу ничто не дѣлается. Нужны подготовительныя работы. Почтенный авторъ покамѣстъ рѣшилъ порыться въ старинныхъ малорусскихъ сочиненіяхъ XVI—XVII в. и выбрать разбросанныя по нимъ тѣ легенды, которыя связаны съ малорусскими историческими лицами и событіями. Какъ видно изъ цитатъ, онъ взялъ на себя трудъ пересмотрѣть ПерестOРогу, Денисовича, Кальнофойскаго, Петра Могилу, Галятовскаго, сдѣлалъ (если имѣлся матеріалъ) сопоставленія съ соотвѣтственными произведеніями современной малорусской народной словесности и (опять таки, если имѣлся матеріалъ) подобралъ также пареллели изъ

считается юмористомъ по преимуществу, малорусскій юморъ вошелъ въ пословицу, а между тѣмъ даже тѣ бѣглыя изслѣдованія, которыя мимоходомъ касались нашихъ анекдотовъ, фабліо и бытовыхъ сказокъ, давно ужъ успѣли намекнуть, что эти произведенія малорусскаго народнаго творчества не оригинальны. Нельзя отрицать, что обработка ихъ оригинальна, но въ чемъ же собственно заключается эта оригинальность? показалъ ли намъ кто-нибудь, въ чемъ она состоитъ?—Никто. И я думаю, что диссертація на тему: „Черты и пріемы малорусскаго юмора"—давно ужъ стоитъ на очереди. Скорѣе всего мы смѣемъ ждать такой диссертаціи отъ проф. Сумцова, который обыкновенно является піонеромъ въ различныхъ областяхъ нашей этнографіи и проливаетъ свѣтъ въ нетронутые ея закоулки.

[1]) При случаѣ поправляемъ описку г. Сумцова, который въ своей ссылкѣ (стр. 3) относитъ свое изслѣдованіе къ 1888-му, а не къ 1887-му году.

письменной и устной словесности других народовъ. Такимъ образомъ изслѣдователь коснулся семнадцати сюжетовъ: 1) Странствованіе церкви или иконы изъ одного мѣста въ другое; 2) Сверхъестественное огражденіе малоруссовъ во время татарскаго нашествія; 3) Кара Божья, постигающая татаръ за порчу иконы; 4) Построеніе монастырей и церквей на мѣстахъ побѣды надъ врагами; 5) Сверхъестественное покровительство малоруссамъ въ борьбѣ съ турками и поляками; 6) Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор[ов]скаго въ епископы; 7) Случай при постриженіи въ монашество Ипатія Потѣя; 8) Оскорбленіе церкви или иконы иновѣрцами или безбожниками (собственно это тотъ же сюжетъ, что и въ № 3); 9) Самовозгараніе церковныхъ свѣчей; 10) Погребеніе въ церкви грѣшнаго человѣка; 11) Оскорбленіе духовныхъ лицъ и наказаніе обидчиковъ; 12) Разрѣшеніе проклятаго самозванца; 13) Малорусскія иконы кисти св. евангелиста Луки; 14) Плачущія иконы; 15) Измѣненіе цвѣта лика пр. Богородицы на иконахъ 16) Отяжелѣніе иконы, которую желаютъ увезти еретики (срв. № 1) и 17) Животныя (лошади и волы) чувствуютъ близость чудотворныхъ иконъ.

Въ виду новизны и трудности задачи, неудивительно, что въ статьѣ почтеннаго ученаго можно указать нѣкоторые пропуски.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько, быть можетъ, полезныхъ дополненій по памятникамъ XVI—XVII вѣка. Такъ, замѣтимъ, что, извлекая чудеса, сообщенныя въ „Пересторогѣ“, (изд. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Запад. Россіи“, т. IV), проф. Сумцовъ забываетъ взять изъ той же „Перестороги“, указаніе на одно такое чудо, которое наиболѣе было извѣстно на Украинѣ, въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка, а именно: когда на Берестейскомъ соборѣ 1596-го года Михаилъ Рогоза, Потій, Терлецкій и другіе отступники „зъ бискупами римскими згоду свою (т. е. унію) учинили“ и вздумали сообща служить обѣдню, то „Богъ отринулъ ихъ офѣру“, и вино въ чашахъ уніатскихъ владыкъ превратилось въ воду, такъ что пришлось для окончанія литургіи налить другого вина въ другую чашу

(см. „Акты, отн. къ ист. З. Росс.“ IV, 214). Авторъ „Перестороги, который не мало черпалъ изъ посланій Іоанна Вышенскаго, записалъ эту легенду; вѣроятнѣе всего, подъ вліяніемъ „Писанія ко утекшимъ отъ православнои вѣры епископомъ“ (изд. въ „Актахъ Ю. и З. Россіи“, т. II, стр. 245—251, новое изданіе проф. Сырку въ „Оправданіяхъ“ къ III тому „Исторіи Аѳона“ преосв. Порфирія Успенскаго, стр. 1014 и слѣд.), хотя, конечно, онъ зналъ эту легенду и раньше, безъ Вышенскаго. А Вышенскій поднялъ вопросъ объ этомъ чудѣ съ цѣлью опровергнуть возраженія Петра Скарги, который свою „Оборону Берестейского руского собору“ (Вильно 1597) заключаетъ словами: „Puszczają (православные) y podmiatają kartelusze o cudach w Brześciu: iż się przy mszy wino w wodę odmieniło gdy jeden tam iezuita w cerkwi ś. Mikołaja służył“. Potwarzy się tey nie wstydzą. Żaden tam jescze iezuita, ani kapłan Rzymski mszey nie miał; a jeśli się Grekowi, który w ten czas służył, to trafiło, iż w kielich miasto wina z omyłki wody nalał,—cuda żadnego nie masz: trafia się to y u pilnych y nabożnych. To cud, iż ludzie rozumni y chrześciańscy tak sprosne kłamstwo mowią, abo wierzyć śmieją (см. „Русс. Ист. Библ.“, т. VII, стр. 1000—1001) [1]).

Въ дополненіе къ сказаніямъ „о странствованіи церкви или иконы“ (№ 1) можно напомнить объ иконѣ Лѣсненской. Въ концѣ XVII в. въ православномъ селѣ Буковичахъ на Подлясьи пастухи нашли въ лѣсной чащѣ на вѣтвяхъ груши икону Богородицы, написанную на темнокрасномъ камнѣ. Икона была признана за чудотворную, была поставлена въ сельской церкви и творила чудеса. Однако, по разсказамъ католиковъ, православный храмъ оказался недостойнымъ для такой святыни, и потому

---

[1]) Въ своей рецензіи на „Івана Вишенського“ доктора Ив. Франка („Кіев. Стар.“ 1895, окт., стр. 24) я доказывалъ, что Вишенскій пользовался книгой Скарги не въ польскомъ, а въ русскомъ изданіи; поэтому я допускаю нѣкоторую неточность, цитируя Скаргу по-польски, а не по-русски. Русское изданіе (перепечатка) должно войти въ новый томъ „Русск. Ист. Библ“, который въ настоящую минуту, быть можетъ, уже и вышелъ въ свѣтъ и доступенъ для пользованія публикѣ; но для меня въ той дебри, гдѣ я нахожусь, онъ еще совершенно не доступенъ.

черезъ три года ангелы Господни перенесли ее ночью передъ разсвѣтомъ изъ Буковичей въ Лѣсно, въ новоотстроенный храмъ-костелъ; это видѣли три мѣстныхъ жителя. Лѣсненскій ксендзъ сталъ записывать чудеса въ особую книгу, и за одно время его настоятельства ихъ оказалось пятьсотъ. Въ протоколѣ 24 ноября 1700-го года икона даже оффиціально была признана за чудотворную. Въ настоящее время она принадлежитъ православнымъ (подробная исторія сообщена въ брошюрѣ Холмскаго Богородицкаго братства: „Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси" В. Т. М-ча. Варш. 1883 г. Рецензія въ „кіев. стар." 1883, сент.—окт., стр. 294—297).—Къ этому же циклу сказаній относится современная полтавская легенда о царскихъ вратахъ, скрывшихся на днѣ колодца вблизи села Хорошекъ кобелякскаго уѣзда („Зоря" 1895, стр. 356: „Чудодійна криниця„ г. Коваленка. Въ статьѣ этой, замѣтимъ кстати, есть новыя свѣдѣнія о нѣсколькихъ чудотворныхъ колодцахъ, но наиболѣе обстоятельный разсказъ, т. е. о криницѣ Лубенской, совсѣмъ не новъ, —см. старую статью А. Лоначевскаго во II т. „Записокъ Юго-Зап. отдѣла за 1873-й годъ", стр. 130—134 и статью Ор. Левицкаго въ „Кіев. старинѣ" 1883, № 9—10, стр. 301—309).— У Ст. Руданскаго есть литературная обработка Подольской легенды о церкви, которая скрылась отъ черта подъ землею и выходитъ на свѣтъ только „на Велыкдень до зори" („Творы", т. II. Львовъ 1896, стр. 50—51; тоже въ „Зори" 1895, стр. 347.)

Сюжетъ № 12 у г. Сумцова—„Разрѣшеніе проклятаго самозванца": тѣло самозванца не могло разложиться, пока проклятія не снялъ Петръ Могила. Въ старинныхъ памятникахъ проф. Сумцовъ этой легенды не нашелъ и приводитъ ее по новѣйшему разсказу Думитрашка: „Заклятый" (въ Истор. Вѣстн." 1880, сент., 46). Я тоже не вспоминаю, чтобы въ старинной нашей литературѣ былъ записанъ такой случай, пріуроченный къ имени Петра Могилы, но вспоминаю аналогичныя, въ „Палинодіи" Захаріи Копыстенскаго (1621-го года). „Блаженной памяти патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, подъ часъ бытности своей въ коронѣ Полской року 1579 во Львовѣ, отлучилъ былъ отъ

церкве священника именемъ Григоріа, прозвискомъ Горбачевскаго, за нѣкоторыи ексцессы, а меновите: же учинивши первѣй обѣтъ Богу и чернцемъ зоставши, присягу зламалъ, оженился и священникомъ зосталъ. Той, року 1589, въ лѣтъ по томъ отлученю и завязаню десятъ, въ Львовѣ умеръ и погребенъ былъ на цментару церкве брацкой, Успенія Пречистои Дѣвы Богородици, въ мѣстѣ. Въ лѣто по томъ погребѣ его тр (етье), то есть року 1591, подъ часъ разбираня той церкви, гды были фундаменты на заложеніе теперь поднесенной церкви копаны, откопана была съ припадку и тая яма, въ которой той священникъ лежалъ. Зъ которого кгды ся дощка верхняя зъ труны зсунула, обачено было тѣло надутое якъ мѣхъ, твердое якъ камень, очернѣлое якъ уголь (на полѣ прибавлено: „Бойся, кождый гвалтовнику, поприсягненой обѣтницы живота иноческаго!"). Людъ посполитый, духовный и свѣцкій, которыи о той на немъ палой екскоммуникаціи албо отлученю отъ церкве вѣдали, зъ политованьемъ велце сь тому дивовали. И мусѣлъ быти таковый же закопанъ, ажъ братнимъ политованьемъ порушоний мужъ подобный, книжный, именемъ Сімеонъ Горбачевскій, працы ся поднялъ, до Константинополя шолъ и блаженной памяти отцу Іереміи, на тотъ часъ патріарсѣ Константинополскому, о томъ ознаймилъ, отъ которого одержалъ листъ разрѣшалный. И кгды по первомъ откопаню немаль въ лѣтъ полтора зась былъ откопанъ и таковый же найденъ,—листъ той разрѣшалный надъ нимъ былъ прочитанъ [1]), и заразъ въ колко дній тѣло надутое опало и въ порахъ ся обернуло" („Русск. Истор. Библ.", т. IV, стр. 470—471). Тотъ же Захарія Копыстенскій самъ приводитъ параллельныя греческія сказанія о томъ, какъ „отъ патріарховъ нашихъ христіанскихъ звязаныи тѣла згнити не могутъ, але ся одымаютъ, твердѣютъ, чорнѣютъ и такъ, якъ мѣхъ надутый, лежатъ поты, ажъ будутъ отъ тыхъ же владзою, имъ отъ Бога данною, розвязаны", послѣ чего, конечно, „въ порохъ ся обертаютъ" („Русск. Ист. Библ.", IV, 471—475); ссылки у

---

[1]) Здѣсь я измѣняю пунктуацію издателей, такъ-какъ ставить точку послѣ „найденъ" и начинать словомъ „Листъ" новую фразу—едва ли возможно.

Копыстенскаго дѣлаются на „Турко-Грецію", Мартина Крузія „зъ Ѳедосія Зигомалы." Вообще надо замѣтить, что въ „Палинодіи" сообщено всякихъ чудесъ немало, но въ большинствѣ случаевъ они относятся не къ Малороссіи, а къ Греціи. Таковъ, напр., разсказъ объ обвалѣ церкви въ Аѳонской лаврѣ именно въ ту минуту, когда на литургіи былъ помянутъ папа Римскій („Р. Ист. Б." IV, 1020) [1]); разсказъ этотъ одинаково подходилъ бы къ Сумцовскому циклу № 3 и къ циклу № 8.

Сказаніе № 6 („Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор(ов)скаго въ епископы") взято проф. Сумцовымъ изъ „Пересотроги" (которую, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ неправильно относитъ къ 1600—1605 годамъ). При посвященіи этого будущаго уніата „Богъ чудо показалъ, же при звоненію къ службѣ Божей порвалъ его духъ нечистый и кинулъ, и такъ ницъ лежалъ безъ памяти черезъ всю божественную службу" („Акты Зап. Росс.", IV, №149). Я добавляю, что дальнѣйшую стадію развитія этой легенды мы видимъ во „Ѳриносѣ" Мелетія Смотрицкаго (Вильно 1610), именно въ томъ интересномъ мѣстѣ, гдѣ Мелетій влагаетъ въ уста Восточной Церкви обращеніе къ Потѣю и выставляетъ на видъ чудесныя наказанія Божьи, постигшія каждаго изъ уніатскихъ владыкъ (стр. 75—76). По Мелетіевымъ словамъ, Германа (въ мірѣ—Григорка) Загоровскаго, этого „mało nie przednieyszego tey waszey uneiy forytarza, sprawidliwym sądem Pańskim ieszcze za żywota zły duch *częstokroć* y przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzi postrachem po cerkwi *tam y sam* srodze-straszliwie *rzucał* y zaczętey przezeń liturgiey aż y do samey śmierci skończyć *nigdy* nie dopuścił". Какъ видимъ изъ подчеркнутыхъ мною мѣстъ, fama crescit eundo.—Здѣсь же я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе: по вопросу о времени написанія „Пересотроги". Проф. Сумцовъ (слѣдуя, значить, мнѣнію А. Н. Попова) относитъ ее къ 1600—1605 гг. а галичанинъ А. Петрушевичъ считаетъ авторомъ „Перестороги" Михаила Гунашевича, который родился не раньше 1610-го года,

[1]) Этотъ же разсказъ есть и у Вышенскаго въ его „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ".

а въ 1647-мъ году былъ посвященъ въ иподіаконы во Львовѣ (Ант. Петрушевичъ: „Сводная гал.-р. лѣт. 1600—1700 г.", Львовъ 1874, стр. 7). Петрушевичъ опирается только на очень шаткія данныя палеографическія, и приведенная нами цитата изъ Өриноса, думаемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что „Пересторога" писалась раньше Өриноса, т. е. раньше 1610-го года[1]); если мы сверхъ того обратимъ вниманіе, что авторъ, говоря много о князѣ Острожскомъ, нигдѣ не называетъ его мертвымъ, то получимъ извѣстное основаніе думать, что „Пересторога" составлена раньше 1608-го года. Но считать для нея возможнымъ временемъ написанія даже промежутокъ между 1600-мъ и 1605-мъ годомъ—раньше нельзя: авторъ ссылается на уніатское изданіе „Посольство Мисаила къ папѣ Сиксту IV", а оно напечатано въ 1605-мъ году. Слѣдовательно, „Пересторога" составлена между 1605-мъ и 1608-мъ годомъ.

Чтобы закончить замѣтку, сдѣлаемъ еще одно дополненіе не частнаго, а общаго характера. Д-ръ Иванъ Франко въ своей прекрасной диссертаціи о Вышенскомъ[2]) разсыпаетъ множество подобныхъ замѣчаній историческаго и историко-литературнаго характера. Между прочимъ, коснувшись сообщенной у Вышенскаго легенды объ Аѳонскомъ чудѣ временъ Михаила Палеолога, д—ръ Франко выставилъ нѣкоторыя соображенія, которыя я

---

[1]) Существуетъ указаніе (Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.". Крак. 1840 — 1857, т. VIII, стр. 293), что впервые Өриносъ былъ изданъ не въ 1610-мъ, а въ 1596-мъ году. Голубевъ („Библіографич. замѣчанія", К. 1876, стр. 4.) считаетъ указаніе Вишневскаго не несомнѣннымъ. Но если первое изданіе Өриноса и существуетъ, то въ немъ во всякомъ случаѣ нѣтъ тѣхъ посмертныхъ подробностей о Загоровскомъ, какія есть въ изданіи 1610-го года, потому-что въ 1596-мъ году тотъ былъ живъ.

[2]) Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Кіевской Старины" за 1895-й годъ я посвятилъ диссертаціи моего уважаемаго друга особую статью, въ которой доказывалъ, что многія изъ его гипотезъ не могутъ быть окончательно приняты. За эту статью я получилъ достаточно укоровъ (между прочимъ отъ очень авторитетныхъ лицъ): я-де выставилъ на видъ только недостатки работы д-ра Франка, а не упомянулъ о ея солидныхъ достоинствахъ. Упреки эти основаны на чистомъ недоразумѣніи: статья моя вызвана была желаніемъ указать д-ру Франку тѣ пункты, на которые ему полезно будетъ обратить вниманіе при второмъ изданіи своей книги (а второе изданіе обѣщано было самимъ авторомъ), и я раза три повторилъ въ статьѣ, что она не должна быть принимаема за разборъ цѣлой диссертаціи.

считаю не лишнимъ привесть здѣсь цѣликомъ (въ переводѣ съ малорусскаго), какъ библіографическое дополненіе къ статьѣ проф. Сумцова. „Эта легенда, равно какъ и упреки Вышенскаго, направленные къ владыкамъ за то, что они не вѣрятъ чудесамъ въ родѣ Берестейскаго и Аѳонскаго, интересны для насъ, какъ одно изъ проявленій довольно новаго у насъ и сильнаго направленія, которое начинаетъ заявлять себя въ нашей литературѣ въ концѣ XVI вѣка, а въ XVII вѣкѣ доходитъ до вершины своего развитія. Я здѣсь имѣю въ виду эпидемическую наклонность къ чудесному, которую замѣчаемъ у насъ въ XVII вѣкѣ во всѣхъ слояхъ общества, безразлично—у духовныхъ ли или свѣтскихъ, у простыхъ или по-тогдашнему высокообразованныхъ (Евлашевскій[1]), Петръ Могила, Галятовскій, Барановичъ и друг.). Конечно, вѣра въ чудеса существовала у насъ и прежде, начиная отъ временъ введенія христіанства, и была неразрывно связана съ самой религіей. У нашихъ писателей и лѣтописцевъ встрѣчаемъ много записей о чудесныхъ случаяхъ, вѣщихъ снахъ, пророчествахъ, знаменіяхъ и т. п. Но у нихъ чудесное является спорадически и, очевидно, не играетъ важной роли среди общества, въ которомъ и для котораго пишутъ тѣ авторы; можно думать даже, что тѣ чудесные случаи были не разъ скорѣе только выраженіемъ особенной точки зрѣнія набожныхъ авторовъ-монаховъ, чѣмъ предметомъ живой вѣры всего общества. Но въ концѣ 16-го вѣка наступаетъ значительная перемѣна. По иниціативѣ общества западно-европейскаго, особенно же нѣмецкаго и польскаго, овладѣваетъ понемногу и нашимъ южнорусскимъ обществомъ какой-то духъ мистическій, какая-то общая наклонность вѣрить въ чудеса и видѣть чудеса, какая-то потребность въ чудесномъ на каждомъ шагу. Припомнимъ только, какую большую роль играли чудеса, явленія чертей и ангеловъ въ жизни Лютера, Мюнцера и анабаптистовъ. Пробужденное реформаці-

---

[1]) Франко, конечно, имѣетъ въ виду его дневникъ 1564—1604 г., изданный В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевской Старинѣ" 1886, янв. Дневникъ этотъ (авторъ былъ даже кальвинистъ) свидѣтельствуетъ даже о сильнѣйшемъ развитіи вѣры въ чудесное въ XVI вѣкѣ.; для исторіи религіозныхъ сказаній онъ матеріаловъ еще не заключаетъ.

онной проповѣдью въ массахъ народныхъ чувство доходило до экстаза, до видѣній и до вѣщунства. Чудеса перестали быть привилегіей избранныхъ и святыхъ: теперь едва ли не каждый могъ видѣть, а то и творить ихъ. Этому общему настроенію соотвѣтствовала и литература. Тысячи рукописныхъ и печатныхъ свитковъ и листковъ распространяли вѣсть о новомъ чудѣ, разсказывали прозой и стихами о явленіи святого во снѣ, о появленіи иконы, о чудесномъ исцѣленіи больныхъ. Массами стекался народъ въ такія мѣста. Со временемъ стали собирать такіе листки, записки и преданія, потянулся длинный рядъ т. н. Mirakelbücher, начатки которыхъ въ Германіи восходятъ еще къ среднимъ вѣкамъ, но на которыя у насъ пришла мода собственно ужъ въ XVII столѣтіи. Вышенскій былъ однимъ изъ первыхъ, почувствовавшихъ эту струю [1]). Въ введеніи къ повѣсти о нападеніи латинянъ на Аѳонъ онъ съ удареніемъ подчеркиваетъ потребность вѣрить въ чудеса,—не только въ тѣ, прежнія, сообщенныя въ священномъ писаніи и въ житіяхъ, но и въ новыя, современныя, въ которыхъ точно также проявляетъ себя сила и правда Божья. Да и самъ онъ въ первомъ [2]) своемъ произведеніи является однимъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ повѣствователей о такихъ современныхъ чудесахъ, сообщая объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго... Послѣ того грамотная наша публика почти два столѣтія удовлетворялась чтеніемъ своихъ собственныхъ Mirakelbuch'овъ въ родѣ „Тератургемы" Кальнофойскаго, „Неба нового" Галятовскаго, „Огородка" Радивиловскаго, „Перла многоцѣнного" Транквилліона, „Phoenix"а Суши, (1685), а то и громаднаго сборника чудесъ, изданнаго съ 1672 году въ Мюнхенѣ іезуитомъ Гумпенбергомъ подъ заглавіемъ: „Atlas Marianus", куда вошли также многочисленныя описанія чудесныхъ иконъ литоворусскихъ (Stebelski: Dwa wielkie światła, I, XXXII). Въ 17-мъ вѣкѣ чудеса появляются на

---

[1]) Преувеличено. Евлашевскій жилъ нѣсколько раньше Вышенскаго, а у него крайняя вѣра въ чудесное господствуетъ во всей силѣ.

[2]) Авторъ считаетъ „Новину" первымъ произведеніемъ Вышенскаго. Согласиться съ этимъ невозможно, и я на это ужъ указывалъ въ своей статьѣ. Самое авторство Вышенскаго по отношенію къ „Новинѣ" подлежитъ сомнѣнію.

нашей Украинѣ цѣлыми кучами (у Франка: „чередамы") одновременно съ каждымъ бóльшимъ общественнымъ бѣдствіемъ, пропитываютъ собою всю духовную атмосферу нашего народа, порождаютъ множество мѣстъ „видпустовыхъ", около которыхъ нагромождается множество повѣстей, повѣрій, преданій, суевѣрій, а затѣмъ и пѣсенъ книжнаго или полукнижнаго склада, изъ которыхъ значительная часть впослѣдствіи собирается въ базиліанскомъ „Богогласникѣ", чтобы отчасти сохранить свое значеніе и понынѣ". (Ив. Фванко: „Иванъ Вышенськый", Львивъ 1895, стр. 227 и сл.).

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ проф. Сумцова обстоятельнаго изслѣдованія по затронутому имъ предмету и будемъ очень довольны, если и наша замѣтка окажетъ ему хоть маленькую услугу въ его разборѣ.

А. Крымскій.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА[1].

(1817—1830 г.г.)

II. Письма Василія Васильевича Капниста[2]).

(1818—1823 г.)

10. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйшую приношу вамъ благодарность за участіе, которое вы принимаете въ сынѣ моемъ.—Мы воспользуемся совѣтами вашими; но какъ бы исполненіе оныхъ нибыло благоуспѣшно, не будетъ онъ имѣть такъ добраго начальника, какъ вы были. Андрей Андреевичъ извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что Обуховское понравившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная Псольская вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ того, вы бы здѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее одолженіе. Не откажите онаго истинно

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., іюнь, 344—368.

[2]) Василій Васильевичъ Капнистъ (р. 1757 † 1823) авторъ извѣстной комедіи прошлаго столѣтія *Ябеды* и немевѣе извѣстной оды *На рабство*. Печатаемыя письма относятся ко времени, когда В. В. Капнистъ, выйдя въ о ставку, поселился въ своей Обуховкѣ (при Пслѣ, Миргородск. уѣзда), былъ избранъ (1821 г.) губернскимъ маршаломъ Полтавскаго дворянства. См. о немъ статью Е. С. Некрасовой, *Артистъ* 1894 г., октябрь, № 42 (81—91) и ноябрь, № 43 (39—49). Здѣсь указана довольно полная библіографія Капниста.

почитающему васъ преданному вамъ и признательному, м. г. мой, вашему покорнѣйшему слугѣ Василію Капнисту.

1818 года, октября 1, Обуховка.

11. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете,—взаимно поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Пошли вамъ Богъ въ ономъ новаго здоровья, новыя отрады и всего, чего душа ваша желаетъ. Пожелалъ бы вамъ и важнѣйшаго чѣмъ все—спокойствія душевнаго, но вы не имѣете нужды въ таковомъ пожеланіи: вы находите предметъ онаго въ избранномъ вами тихомъ уединеніи, въ удаленіи отъ мірскихъ столичныхъ суетъ. Отъ всего сердца благодарю васъ за доброе ваше расположеніе къ молодому моему ефрейтору; больше всего радуетъ онъ меня тѣмъ, что старается заслуживать одобреніе почтенныхъ и достойно почтенныхъ людей. Съ частію молодого моего семейства и съ нимъ, провели мы первые четыре дни праздника у почтеннѣйшаго общаго благодѣтеля нашего Дмитрія Прокофьевича (Трощинскаго). Хвалимый вами танцоръ мой, которому вы пожелали отысканія боба въ пирожкѣ, танцовалъ, танцовалъ, что называется до положенія честныхъ ризъ...

Но ахъ!
Его такая доля,
Что щастье вѣтреныхъ не холя,
Въ пирожномъ чаще чѣмъ бобы,
Ему подноситъ лишь—грибы.

Боюсь, чтобъ на ваше доброхотное пожеланіе, не случичилось съ нимъ того-же теперь, хотя работалъ онъ до пота лица, какъ истинный труженникъ. Прошу совсѣмъ тѣмъ продолжать любить его, онъ будетъ тѣмъ для меня любимѣе. Благодарю васъ искренно за напоминовеніе обо мнѣ Ивану Ивановичу Дмитріеву; было время, что онъ былъ ко мнѣ весьма пріятельски расположенъ, но долговременное удаленіе могло меня привесть у него въ забвеніе; когда онъ музъ забылъ, то весьма легче позабыть старого ихъ волокиту; послѣднее извинительнѣе, но перваго трудно извинить. Если вамъ можно, то спросите у него:

Зачѣмъ, не только въ то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Ѳемидиныхъ несносныхъ узъ
Отрекся онъ отъ милыхъ музъ,
И съ ними разорвалъ любезный,
Для всѣхъ питомцевъ ихъ полезный,
Скрѣпленный славою союзъ?
Но даже, посреди свободы,
Сестеръ Парнасскихъ хороводы
Его ужъ болѣ не манятъ?
Но пусть неблагодарный знаетъ,
Что хоть онъ ихъ и забываетъ,
Онѣ взаимно не хотятъ
Платить любимцу ихъ забвеньемъ
И съ нѣжнымъ дружескимъ терпѣньемъ,
Безсмертный лавръ ему хранятъ.

Признаюсь, что мнѣ очень досадно, что наши археологи не практикуютъ и даже бранятъ меня за дерзость, заставляющую премудраго Одиссея мореплавствовать около Крыма и переносящую сосѣднихъ Скиллу и Харибду изъ Месины въ Цареградскій проливъ, а Ѳеокію изъ Корсиры въ сосѣдство Ѳеодосіи. Я посылалъ старшого сына моего Семена въ Тавриду дла лучшого освидѣтельствованія мѣстъ и онъ отыскалъ на указанномъ мною мѣстѣ развалины Алкиноевой столицы, каменный корабль ея и прочая, и прочая. Я намѣренъ будущимъ лѣтомъ поѣхать для повѣрки. Но до того вижу, что пора окончить длинное письмо мое искреннимъ удостовѣреніемъ въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи и душевною преданностію, съ которыми пребуду навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 года, генваря 7 дня. Обуховка.

12. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете и напомнили обо мнѣ забывшему можетъ быть старому пріятелю моему, хотя и заблаговременно увѣренъ, что стихи мои не подвигнутъ его возобновить союзъ съ музами, забытыми

неблагодарнымъ ихъ любимцемъ. Не знаю удастся ли мнѣ повѣрить глазами изыскиваемые мною предметы, ибо старость дѣлаетъ меня неспособнымъ къ новымъ подвигамъ и заставляетъ меня думать, что я не долженъ отлучаться отъ любимаго мѣста въ Обуховской палестинѣ, надъ украшеніемъ котораго и съ началомъ сей весны тружусь, желая увѣковѣчить въ ономъ пребываніе мое. Опасаюсь отлучаться вдаль, чтобы паче чаянія не отлучиться изъ него на весьма долговременный и неопредѣленный срокъ. Радуюсь, слыша, что вы въ скромномъ уединеніи вашемъ здоровы, желаю продолженія и впередъ. О себѣ сказать вамъ ничего пріятнаго не могу и для того рѣшаюсь молчать, ибо весьма непріятно сообщать непріятности любящимъ насъ людямъ. Прощайте! Искренно благодарю васъ за благосклонность вашу къ моему молодому солдату, это дѣлаетъ ему въ глазахъ моихъ великую рекомендацію. Прощайте! будьте здоровы и для преуспѣванія въ добромъ здоровьѣ, не подражайте моей сидячей или лучше сказать лежачей жизни, этимъ дадите вы мнѣ надежду видѣть васъ въ нашей округѣ, а можетъ быть и въ уединенномъ моемъ жилищѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду на всегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Васияій Капнистъ.

1823 г., октября 10 дня. Обуховка.

13. М. г. Иванъ Романовичъ!

Благодарю васъ искреннѣйше за напоминовеніе обо мнѣ почтенному общему нашему знакомому. Мнѣ кажется, что музы весьма необдуманно поступили, выбравъ васъ, дѣятельнаго человѣка, меркуріемъ между двухъ парнасскихъ лѣнивцовъ. Вы похожи на гласъ вопіющій въ пустынѣ—уготовайте путь, а никто и не пошевелится. Я таки кое какъ подметаю пыль на дорогѣ, а почтенный Аполлоновъ и Ѳемидинъ клевретъ не возлетитъ на Апиру, чтобъ угладить просѣки, ведущія къ Парнасу. Благодарю васъ, что вы меня, лѣнтяя, не забываете и любите ефрейтора моего. Вѣрьте, что мнѣ всегда пріятно помнить васъ, но жалѣю что вы такъ далеко избрали келью себѣ отъ береговъ Псла. Съ истиннывъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду

навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 г., іюня 23 дня. Обуховка.

III. Письма Данила Михайловича Велланскаго[1]).

(1818—1819 г.)

14. М. г. Иванъ Романовичъ.

Письмо ваше отъ 3-го получилъ я 25-го прошлаго іюня. Сердечно я возрадовался, извѣстясь чрезъ оное, что вы еще существуете съ нами въ семъ мірѣ! Между несмѣтными обитателями нашей планеты, немногіе находятся съ твердой правотой духа, чистою ясностію ума и благимъ расположеніемъ характера. Таковые только человѣцы составляютъ истинное сокровище земли, для котораго она и сотворена во Вселенной; и потеря таковаго одного должна быть гораздо важнѣе потери многихъ, неимѣющихъ надлежащаго человѣческаго свойства. Господинъ Тишевскій, принимая только искреннее участіе въ направленіи вашего здравія, доказываетъ доброту своего духа, ибо по психическому закону природы, истинная любовь и дружба находится только между равными въ душевномъ расположеніи. Ваша болѣзнь нервнаго свойства и которая конечно можетъ зависить и отъ солитера; но злой и упорный гость не уступаетъ легкимъ средствамъ, а сильныя лекарства можетъ быть противны вашему чувствительному сложенію. Упорные солитеры безъ сильныхъ проносныхъ не изгоняются, и хотя находится множество

---

[1]) Данило Михайловичъ Велланскій (1774†1847), сынъ Борзенскаго мѣщанина (Черниговск. губ.) Михаила Кавунника, усвоившій затѣмъ себѣ фамилію Велланскаго (отъ слова *vaillant*), учился въ Кіевской академіи, а затѣмъ за границей. Тамъ онъ изучалъ науки врачебныя и естественныя подъ вліяніемъ идей школы натуръ-философовъ. Въ Германіи онъ слушалъ курсы у Шеллинга (вмѣстѣ съ Океномъ) и Стефана. Вернувшись на родину, В. былъ профессоромъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ около 20-ти лѣтъ читалъ лекціи по физіологіи и патіологіи. Біографическія свѣдѣнія о В-мъ и перечень его сочиненій въ Русск. Вѣстн. 1867 г., ноябрь, статья Н. Розонова. О В-мъ, какъ натуръ-философѣ и послѣдователѣ Шеллинга, см. Русск. Богатство 1894 г., № 3, *Судьбы русской философіи*, М. Филипова.

противуглистныхъ лѣкарствъ, но всѣ они употребляются вмѣстѣ съ приносными. Господину Тишевскому извѣстны противуглистныя средства, и я для споспѣшествованія вашему здоровью, представляю здѣсь нѣкоторые изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ противъ солитера, равно какъ помѣщаю здѣсь рецептъ для спирта и ароматныхъ травъ, которыя вы употребляли въ Петербургѣ. Книга моя *О животномъ магнитизмѣ* будетъ отпечатана слѣдующаго августа первыхъ чиселъ; и прошу увѣдомить меня, куда къ вамъ прислать оную? Г. Ярославцевъ ко мнѣ еще не являлся. Я не помню его и не знаю его лично. Но я вамъ пошлю 2 экземпляра *О животномъ магнитизмѣ* и 2 экземпляра *О свѣтѣ и теплотѣ*. Критика моя противъ Шуберта, *О солнцѣ и свѣтѣ,* напечатана въ Московскомъ Вѣстникѣ Европы на 1814 годъ, въ маіѣ мѣсяцѣ, и я оной у себя не имѣю. Недавно пріѣхалъ въ Полтаву родной мой братъ Матвѣй Велланскій, опредѣленный дивизіоннымъ врачемъ въ 26 пѣхотную дивизію, и котораго покорнѣйше прошу васъ почтить вашимъ знакомствомъ! Въ Полтаву буду я посылать нѣсколько книгъ, съ которыми вмѣстѣ, ежели прикажите, доставлю и вамъ къ слѣдующиму сентябрю. Книга будетъ самая любопытная для каждаго грамотнаго. Изъ многихъ мѣстъ Россіи подписались на оную до 250 экземпляровъ. Я хотѣлъ отпечатать ее прошлую зиму, но не могъ, по другимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, и жалѣю, что многіе, приславши мнѣ деньги на книгу, ожидаютъ оной долѣе осьми мѣсяцевъ! Ивану Алексѣевичу г. Тишевскому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и признательность за доброе его ко мнѣ расположеніе, которое потому не можетъ быть ложнымъ, что не происходитъ отъ личнаго часто обманчиваго знакомства, а протекаетъ отъ согласія его понятій съ моими идіями (sic). Весьма немногіе изъ старыхъ врачей читаютъ мои сочиненія; и я еще не знаю не одного, который бы понималъ оныя. Напротивъ того, многіе изъ молодыхъ лѣкарей весьма занимаются оными. Студенты здѣшней академіи восхищаются физіологическими моими лекціями гораздо болѣе, нежели Петербурская публика театральными представленіями; и сіе служитъ мнѣ главнымъ вознагражденіемъ за мои

непріятности и вредъ, оказываемыя мнѣ учеными невѣжами. Теперь господствуетъ двѣ секты, такъ называемаго просвѣщенія: одна состоитъ изъ французскаго пустословія, которымъ научаются, какъ обманывать простой народъ, то есть русскихъ бояръ; а двугая—массонская мистика, которая приняла на себя ложный видъ благочестія и занимаетъ людей склонныхъ къ сумашествію. Пожелавъ вамъ здравія въ пріятной жизни, остаюсь искренно любящій васъ Данила Велланскій.

4 іюль, 1818. С.Петербургъ.

15. М. т. Иванъ Романовичъ!

Прошлаго года, въ сентябрѣ, ѣхалъ изъ Петербурга въ Полтаву служащій здѣсь на статской службѣ нѣкто Ковалевскій, изъ дворянъ Полтавской губерніи. Онъ самъ предложилъ мнѣ услугу доставить вамъ книги, которыя намѣривался я послать чрезъ почту, ибо онъ, служивши подъ вашимъ начальствомъ, знаетъ васъ лично. При такомъ случаѣ я не усумнился поручить знакомому и мнѣ г. Ковалевскому пакетъ съ двумя книгами—*О животномъ магнитизмѣ*, для доставленія вамъ, въ Полтаву. На пакетѣ надписалъ я: буде вы въ Полтавѣ не находитесь, то поручить книги г. Тишевскому, который бы доставилъ вамъ оныя, куда онъ знаетъ. Сверхъ того, послалъ я чрезъ г. Ковалевскаго нѣсколько, книгъ брату моему Матвѣю Велланскому, дивизіонному доктору 26-ой пѣхотной дивизіи, квартирующей въ Полтавѣ. Въ концѣ октября прошлаго года получилъ я отъ васъ записочку изъ Пирятина, гдѣ вы упомянули, чтобы я вамъ прислалъ туда книги. Но я, будучи въ надеждѣ, что книги посланныя въ Полтаву пришлются къ вамъ въ Пирятинъ, не отвѣчалъ вамъ, ибо особенное письмо находилось къ вамъ при книгахъ. Не получая отъ васъ долгое время никакого отзыва, думалъ я, что причиною тому ваше разстроенное здравіе или другія какія обстоятельства. Въ концѣ прошедшего марта сего года встрѣтился я нечаянно, въ одномъ домѣ, съ г. Ковалевскимъ, который сказалъ мнѣ, что онъ былъ въ Полтавѣ, доставилъ книги моему брату, но узнавши, что васъ нѣтъ въ Полтавѣ и не прочитавши адресъ на пакетѣ, привезъ оный обратно въ Петербургъ. Сія вѣсть огорчила меня до крайности,

паче, что г. Ковалевскій возвратился въ Петербургъ еще въ декабрѣ, и три мѣсяца не далъ мнѣ никакого извѣстія! Не зная, гдѣ вы находитесь и куда къ вамъ адресоваться, послалъ я, въ первыхъ чиселъ истекшаго апрѣля, къ брату моему Велланскому, въ Полтаву, двѣ книги въ переплетѣ: одну, *О животномъ магнитизмѣ*, а другую, *О свѣтѣ и теплотѣ*, и написалъ, ему, чтобы онъ спросилъ у г. Тишневскаго, который ему очень знакомъ, о мѣстѣ вашего пребыванія и переслалъ бы къ вамъ оныя книги. Между тѣмъ внерашній день, 4-го мая, получилъ я отъ васъ письмо изъ Кіева, въ которомъ вы изъявляете свое удивленіе о неприсылкѣ къ вамъ книгъ. Посему я сего дня, маія 5-го, спѣшу увѣдомить васъ о семъ обстоятельствѣ, и на сей же почтѣ пишу брату моему въ Полтаву, чтобы онъ, естли еще по незнанію о вашемъ мѣстопребываніи, не отправилъ къ вамъ книгъ, отослалъ бы оныя, какъ можно скоро, на имя ваше въ Кіевъ. Васъ-же, м. г. Иванъ Романовичъ, покорнѣйше прошу не вмѣнить сего обстоятельства моему нерадѣнію! Таковой поступокъ не сообразенъ съ правилами моей жизни и я бы оного никогда не могъ учинить съ вами, къ которому я имѣю истинное почтеніе, усерднѣйшую любовь и неограниченную преданность, съ каковыми навсегда пребудетъ вашъ покорнѣйшій слуга Данила Велланскій.

5 мая, 1819 года. С.П.Б.

IV. Письма Воронежскаго архіепископа Антонія Смирницкаго [1]).

(1826—1827 г.),

16. М. г. Иванъ Романовичъ!

Всеотраднѣйшее ваше для меня писаніе отъ 28-го мая, изображающее такъ живо и трогательно ваше поздравленіе съ

---

[1]) Преосв. Антоній, архіеп. Воронежскій и Задонскій, (р. 1773 † 1846) родомъ изъ с. Повстина Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, былъ сынъ священника Гавріила Смирницкаго; учился онъ въ Кіевской академіи, принялъ монашество въ Печерской лаврѣ, которой потомъ былъ намѣстникомъ. Отсюда онъ былъ назначенъ епископомъ Воронежскимъ. См. *Жизнь преосв. Антонія, архіеп. Воронежскаго и Задонскаго*, Н. Савостьянова. Спб. 1895. въ 8 д. л. 270 стр.

прибытіемъ моимъ на паству, ваше дружеское благорасположеніе ко мнѣ, имѣлъ я удовольствіе получить и отъ всего сердца моего благодарю васъ за оное. Я нѣсколько лѣтъ, сряду, во святѣй Лаврѣ, пользуясь вашею личною бесѣдою для меня назидательною и усладительною, всегда былъ въ несомнительной надеждѣ, что вы и въ отсутствіи моемъ, посредствомъ пера не перестанете собесѣдовать со мною. И се! въ столь скоромъ времени вижу ясные опыты моей непогрѣшительной надежды. Вижу и съ радостію удостовѣряюсь, что я отъ Кіева не забвенъ! Тайна судебъ божіихъ о мнѣ преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ вамъ сообщенная, до сего времени и мнѣ была неизвѣстна; потому я вамъ въ ней и не открывался. Теперь узнавши чрезъ васъ о ней, болѣе и болѣе обязанъ внимать званію и избранію своему, съ трепетомъ спасеніе свое содѣлывать, а въ прочемъ ничто мною никогда отъ васъ скрываемо не было. Не могу скрыть и нынѣшняго моего сѣтованія о разлукѣ моей съ Лаврой, къ которой я приверженъ отъ юности моей. Не притворно, но истинно, что чувствую то и пишу: что еслибы сіе отъ меня зависѣло, то нынѣшнее мое епископство не только на намѣстничество Лаврское, но на привратничество святыя небеси подобныя Кіево-Печерскія Лавры охотно промѣнилъ. Я теперь, находясь внѣ ея, несравненно лучше имѣю понятіе о ней, гораздо больше прежняго усердіе и уваженіе имѣю къ ней По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, я по внутренности моей ощутилъ въ себѣ сильную въ здравьи моемъ перемѣну. Послѣ простуды въ путешествіе мое полученной, открылись во мнѣ мучительные ревматизмы въ спинѣ, ногахъ, а болѣе въ ногахъ. Я и теперь, по причинѣ несносной болѣзни чувствуемой въ ногахъ, съ великой трудностію по комнатѣ пройти могу. Вотъ какое мое епископство! Обождавъ не много, если и далѣе мои обстоятельства не перемѣнятся, то принужденъ буду у преосвященнѣйшаго Евгенія просить совѣта: какимъ образомъ безъ оскорбленія начальства, можно мнѣ увольниться отъ управленія епархіей. Остановка могущая случиться въ теченіи епаршескихъ дѣлъ по причинѣ болѣзни моей для меня несноснѣе всякой болѣзни. Если угодно будетъ вамъ доставить мнѣ трудовъ вашихъ

садоводство, то извольте поручить посылку сію вмѣстѣ съ письмомъ отцу Авксентію; онъ съ Воронежскими богомольцами, которыхъ теперь въ Кіевѣ немало, не умедлитъ мнѣ прислать. Жалѣю, чтъ и вы нездоровы. Часто посѣщайте лекарей: Агапита, Пимена, Ипатія, Даміана и о моихъ болѣзняхъ ихъ извѣстите. Поручая себя вашей памяти о мнѣ и дружеской вашей непреставной любви, съ моимъ къ вамъ искреннѣйшимъ благоуваженіемъ и душевною преданностію пока живъ, пребуду вамъ м. г., усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Воронежъ. 15 іюня, 1826 г.

17. М. г. Иванъ Романовичъ!

Я непростительно виноватъ предъ вами, что по неаккуратности моей, по сіе время не отвѣчалъ вамъ на два пріятнѣйшія ваши писанія, въ прошедшемъ іюлѣ и третье, отъ 10 ноября, съ приложеннымъ садоводствомъ, мною полученныя. Не представляя вамъ въ оправданіе всего того, что могло мнѣ въ семъ препятствовать, яко преступникъ, милостиваго вашего прощенія прошу. Чѣмъ вамъ угодно, накажите меня за грѣхъ мой предъ вами, не наказывайте только молчаніемъ. Если бесѣда ваша дорога для меня была во время пребыванія моего въ подобной небеси Лаврѣ, то тѣмъ болѣе сладостна и полезна она по отшествіи моемъ изъ нея. Садоводство Иларіона я нѣсколско разъ прочитавъ съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ и искренною признательностію къ новому садовнику, своимъ тщаніемъ полезнымъ для святой обители, неуступающему и образцовому эконому Ефрему, поставилъ себѣ за правило, руководствуясь онымъ заняться, если Богъ дастъ дождаться весны, заняться симъ сколько невиннымъ, столько и полезнымъ упражненіемъ. Оно столь ясно и обстоятельно изложено, что можно и неопытному съ пользою предпринять дѣло сіе. Здѣсь есть при загороднемъ архіерейскомъ дѣлѣ, въ близкомъ разстояніи отъ города, прекрасная роща, при которой для саду имѣются единственныя мѣста. Живъ ли отецъ протопопъ Августиновичъ? я къ нему одинъ разъ отвѣчалъ на два его пріятные ко мнѣ отзывы. Думаю, что онъ по приверженности своей ко мнѣ, извѣстясь о

моихъ здѣшнихъ непріятностяхъ, поскорбѣлъ душею; но сего для меня не довольно; я бы желалъ, чтобы онъ чаще ко мнѣ писалъ. Поздравляя васъ съ новымъ годомъ, нѣсколько уже протекшимъ, молю Господа сподобить васъ жительствуя въ столь благодатномъ мѣстѣ, съ приращеніемъ времени болѣе и болѣе преуспѣвать въ любви къ нему! Съ истиннѣйшимъ моимъ къ вамъ усердіемъ, любовію и почтеніемъ, пока живъ пребуду, м. г., вашего высокобларородія преданнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Генваря 24, 1827 г. Воронежъ.

18. М. г. Иванъ Романовичъ!

Почтеннѣйшее вашего высокоблагородія отъ 19 апрѣля писаніе, которымъ вы поздравляли съ праздникомъ Воскресенія Христова, съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ получилъ и всеусерднѣйше благодарю васъ за оное. Вѣдая вашу слабость въ здоровьи, прошу васъ писать ко мнѣ тогда только, когда здоровье позволитъ. Я и самъ, и по немощамъ моимъ и по многочисленнымъ дѣламъ, скоро отвѣчать на получамые мною отзывы не въ состояніи. Теперь занимаюсь поправленіемъ ветхаго архіерейскаго дома, огромностію своею и Софійскому неуступающаго. Здѣсь имѣются три загородные развалившіеся домы, весьма худо обгороженные, окруженные впрочемъ прекрасными рощами и мѣстами къ садоводству удобными, которые также возобновляются. При сихъ я часто васъ вспоминаю, что вы келіи въ которой нынѣ обитаете, предполался немногими сотнями поправить, а начавши дѣло, нѣсколько тысячъ на сіе употребили. Теперь точно и со мною то случилось. Думалъ одни только необходимыя строенія поисправить, а прочее предоставить времени, но какъ при начатіи все ветхое рушилось, то и принужденъ теперь заняться житейскими попеченіями, которыхъ я и не предполагалъ. Впрочемъ и то меня немало утѣшаетъ, что здѣшніе жители во всемъ моемъ великое участіе пріемлютъ и по возможности успокоить меня стараются. Управившись съ починками, аще Господь восхощетъ и живъ буду, руководствуясь вашимъ садоводствомъ, предполагаю и обзаведеніемъ садовъ позаняться. Примѣчаніе ваше на счетъ служенія я практически выполняя, въ семъ вы-

полненіи съ приращеніемъ времени, болѣе пріятности и удовольствій нахожу Здѣсь пѣвшіе церковное ирмолойное пѣніе къ моей отрадѣ весьма хорошо выполняютъ. Похвалюсь вамъ отличнымъ усердіемъ и любовію отца протоіерея Августиновича ко мнѣ, который меня любезными своими писаніямя нерѣдко посѣщаетъ. Я ему совѣтую, не теряя времени, опредѣляться въ семинарію. Призывая на васъ Божіе благословеніе, съ искреннѣйшимъ моимъ къ вамъ почтеніеиъ и душевною преданностію, всегда пребуду м. г. вашего высокоблагородія усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій.

Мая 30, 1827 года. Воронежъ.

V. Письма архитектора Николая Ефимовича Ефимова [1]).

(1826—1827 г.)

19. М. г. и почтеннѣшій благодѣтель Иванъ Романовичъ! Никогда я не ощушалъ такой великой радости, какъ нынѣ, ибо по пріѣздѣ моемъ изъ Воскресенска, я прямо нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ бумагами и письмомъ моего благодѣтеля. Сія ваша довѣренность и расположеніе ко мнѣ, совершенно вознаградили мнѣ то несчастіе, которое со мною случилось на дорогѣ. Представьте, Иванъ Романовичъ, я выѣхалъ ночью изъ Можайска, былъ выброшенъ изъ повозки такъ неосторожно, что чуть не лишился правой руки; однако же, славу Богу! нынѣ уже поправился, а потому благодарю Всемогущаго болѣе за то, что помощію его воли могу теперь писать правою рукою къ вамъ и благодарить васъ чувствительнѣйше за тѣ попеченія, которыми я такъ много пользовался, живши въ Кіевѣ. А потому усерднѣйше прошу васъ, Иванъ Романовичъ, доставьте

---

[1]) Николай Ефимовичъ Ефимовъ. (р. 1799†1851), архитекторъ, учился въ Спб. академіи художествъ. Въ 1896 году занимался составленіемъ плана возобновленія Десятинной церкви, для чего пріѣзжалъ въ Кіевъ и изучалъ остатки храма на мѣстѣ.

мнѣ случай показать вамъ на самомъ дѣлѣ мою чрезмѣрную благодарность, ибо сіе крайнимъ бы было моимъ утѣшеніемъ. Въ разсужденіи моихъ занятій, я осмѣливаюсь вамъ изъяснить, что я большую часть жилъ и занимался въ Воскресенскомъ монастырѣ, ибо тамъ я обязанъ былъ срисовать портретъ патріарха Никона и самый монастырь; теперь же живу въ Москвѣ, но въ теченіи полутора недѣли надѣюсь и въ оной всѣ дѣла мои покончить, и потомъ уже поѣду въ Звенигородъ, въ Новъгородъ и въ Петербургъ. Но не смотря на таковые скачки мои, я осмѣливаюсь надѣятся, что вы никогда не откажите мнѣ пользоваться вашими наставленіями и позволите отъ всюда прибѣгать къ вамъ, какъ наставнику моему, по важнѣйшимъ дѣламъ, ибо ваши наставленія столь сдѣлались для меня привычны, что я безъ оныхъ обходиться могу только съ величайшимъ трудомъ. Итакъ будте моимъ навсегда благодѣтелемъ и наставте того вашими полезнѣйшими наставленіями, который единственнымъ себѣ удовольствіемъ поставляетъ то, чтобы на всю мою жизнь быть къ вамъ съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенѣйшею преданностію, вашего высокоблагородія, милостивѣйшаго г—ря и почтенѣйшаго благодѣтеля, всѣпокорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Сіе мое письмо придетъ уже къ вамъ въ 1827 годѣ, а потому примите мое усердное поздравленіе съ новымъ годомъ. Я вамъ осмѣливаюсь пожелать того, чтобы вся ваша жизнь состояла въ такомъ великомъ удовольствіи, каковое вы изливали на меня, во время вашихъ со мною бесѣдъ. Примите сіе, это отъ души. Бумаги, присланныя ко мнѣ, не премину тотъ часъ представить Алексѣю Николаевичу Оленину, какъ только пріѣду въ Петербургъ. Извините, но не желалъ бы растаться съ сей бумагой, ибо съ каждымъ днемъ я не перестаю о васъ вспоминать и думать.

Декабря 29 дня. 1826 г. с. г. Москва.

Если что удостоете мнѣ препоручить, то до 12 генваря я живу въ Звенигородѣ, а до 24-го въ Новѣ-городѣ, а послѣ уже въ Петербургѣ.

20. М. г. почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за рекомендацію и попеченіе объ мнѣ у высокопреосвященнѣйшаго владыки. Сія вѣсть столько меня обрадовала, что послѣ сего, если бы мои дѣла направили и худое теченіе, то и тогда бы я сказалъ съ восторгомъ: я былъ счастливъ, ибо съ помощію вашего расположенія и полезныхъ наставленій, удостоился по своимъ слабымъ трудамъ вниманія того человѣка, который есть одинъ изъ самыхъ высокихъ и просвѣщенныхъ особъ въ Россіи. И такъ, выразя сіе, недолжно объяснить, какое я чувствовалъ удовольствіе отъ прилежащихъ (sic) мнѣ трудовъ, препорученныхъ мнѣ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ. Мнѣ же сіе легко будетъ самому исполнить, ибо я всѣ свои чертежи рѣшился выгравировать, а потому прошу васъ объ одномъ только—увѣдомите меня, какъ вамъ оныя отсылать, частями или уже по окончаніи всѣ вообще?-сіе зависитъ отъ вашего распоряженія. 1 апрѣля я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно выполнилъ ваши препорученія: первое, вручилъ письмо и посылку Ивану Петровичу. Сіе препорученіе доставило мнѣ нѣсколько минутъ пріятныхъ, во время бесѣды съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ, Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ и прочими особами, принадлежащими къ семейству его превосходительства; всѣ съ жадностію слушали все то, что я разсказывалъ о васъ и многіе мнѣ завидовали о семъ счастіи. 2-е, нѣсколько спустя, я представилъ тѣ описанія ваши, которыя были ко мнѣ доставлены въ Москву-г. президенту; его превосходительство съ большимъ любопытствомъ оныя прочитавъ, сказалъ мнѣ, что нехудо имѣть хотя маленькій кусочекъ отъ тамошней мастики и хотѣлъ о семъ написать письмо къ своему родственнику, въ той губерніи находящемуся. Какое будетъ дѣйствіе я сообщу подробно, а теперь скажу нѣсколько о себѣ. Съ помощію непріятныхъ и несправедливыхъ интригъ противъ меня господъ Анненкова и Лохвицкаго, мои дѣла на счетъ Десятинной церкви кончились такъ сказать ничѣмъ, ибо президентъ и мой благодѣтель былъ безпрестанно обезпокоиванъ раз-

ными несправедливыми на меня доносами, не могъ имѣть удобнаго случая представить мой ресторированный проэктъ Десятинной церкви на всемъ ея пространствѣ, во всемилостивѣйшее вниманіе императора, а потому государь ни видавъ онаго, повелѣть соизволилъ г. архітектору Стасову для постройки церкви г. Анненкову составить проэктъ, который вы сами въ скорости увидите. Составленный проэктъ не на всемъ пространствѣ фундаментовъ, сдѣланъ во вкусѣ древней Россійской архитектуры, принадлежащей къ 16-му и 17-му столѣтіямъ. И такъ мой, ресторированный точно по вашимъ словамъ, сдѣлался бумажнымъ[1]) и недѣйствительнымъ. Не ожидая такого несчастнаго случая, можно было мнѣ потужить, и почти близокъ былъ къ этому; какъ вдругъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, во время представленія моихъ трудовъ г. президенту Алексѣю Николаевичу, услышалъ отъ его превосходительства лестныя одобренія, какъ за Кіевскія, такъ и за другія дѣла, совершенно успокоился и теперь одно только и занимаетъ меня, чтобы все свое собраніе привести въ совершенный порядокъ и окончаніе, и тогда можетъ быть отправлюсь въ чужіе края, дабы научиться знать тѣ погрѣшности, которыхъ теперь не примѣчаю. Въ Италію хочу поѣхать по тракту черезъ Кіевъ, ибо крайне желаніе имѣю еще почерпнуть что либо отъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ. За симъ желаю вамъ добраго здоровья и благополучія, ибо оныя для многихъ будутъ еще нужны.

Честь имѣю быть къ особѣ вашей съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, вашего высокоблагородія, м. г—ря, покорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Просите кого либо изъ архитекторовъ Кіевскихъ срисовать крокѣ (sic) Софійскій соборъ съ сѣвернойстороны, съ означеніемъ на планѣ всѣхъ куполовъ, и ежели возможно прислать также, хотя черновый рисунокъ, Спасской церкви съ однимъ куполомъ. Мнѣ сіе нужно, крайне нужно и въ скорости.

---

[1]) Я понимаю бумажнымъ, потому что по оному строиться не будетъ Десятинная церковь.

Апрѣля 28 дня, 1827 года. Адресъ мой въ императорскую академію художествъ, на мое имя, въ С.-Петербургѣ.

Мое почитаніе засвидѣтельствуйте Максиму Федоровичу Берлинскому и скажите—я никогда его незабуду за его обо мнѣ попеченіе.

Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія.

Истекающій 1896 годъ на вѣки будетъ отмѣченъ на скрижаляхъ исторіи, какъ годъ открытія рѣдчайшаго лѣтописнаго памятника, относящагося къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ нашей исторіи. Не нужно быть историкомъ-спеціалистомъ, достаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ, чтобы понять и оцѣнить важность подобнаго счастливаго открытія. Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, то, помнится, въ перемежку съ праздными мечтаніями о любви прекрасной королевны, я гораздо чаще и настойчивѣе мечталъ о другомъ: а что, еслибъ мнѣ посчастливилось открыть самую что ни есть древнюю лѣтопись, этакъ изъ временъ царя Гороха, или же такую древне-русскую поэму, передъ которой только ахнули бы почитатели „Слова о полку Игоревѣ!“ И право, еслибы Фортуна подслушала мои тогдашнія мечтанія и предложила осуществить одно изъ нихъ, на выборъ, то я сильно бы затруднился, что выбрать: прекрасную ли королевну, или подлинникъ „Слова о полку Гороховѣ“. Позже, когда я страстно увлекался древней исторіей Волыни, моей прекрасной родины, и до слезъ огорчался тѣмъ, что драгоцѣнная Ипатская лѣтопись такъ неожиданно прерывается подъ 1292 годомъ, оставляя изслѣдователя въ полныхъ потемкахъ относительно событій столь таинственнаго XIV и отчасти XV вѣковъ, я положительно терзался мыслью: неужели въ тогдашней Волыни не нашлось добраго и знающаго человѣка, который взялъ бы на себя благородный трудъ продолжить драгоцѣнныя сказа-

нія Ипатской лѣтописи? Вѣдь, по сказаніямъ новѣйшихъ Волынскихъ историковъ, тамъ уже со временъ (или даже до временъ) св. Владиміра существовали и процвѣтали многіе и многіе монастыри, славившіеся не только святостью жизни иноковъ, но и раченіемъ ихъ въ „книжномъ почитаніи". Неужели же, думалось мнѣ, между ними не нашлось въ тѣ времена второго Нестора! И я тщательно рылся въ монастырскихъ библіотекахъ и разныхъ древлехранилищахъ, снѣдаемый страстнымъ желаніемъ отыскать хотя бы фрагментъ какой-нибудь мѣстной лѣтописи о событіяхъ XIV—XV вѣковъ; рылись тамъ же и многіе другіе ревнители книжной старины въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и никому изъ нихъ не было суждено отыскать ничего, кромѣ громадной массы церковно-учительныхъ и богослужебныхъ рукописныхъ книгъ, но и то не древнѣе XV ст. И вотъ наконецъ въ исходѣ вѣка отыскано и явлено міру безцѣнное сокровище, о какомъ едва смѣли мечтать многіе историки: житомирскій протоіерей Н. Трипольскій открылъ подлинную *лѣтопись Почаевскаго монастыря*, веденную съ 1213 по 1441 годы. Когда именно совершилось это великое открытіе, достовѣрно неизвѣстно: Россійское телеграфное агентство, еще недавно съ такимъ шумомъ повѣдавшее orbi et urbi объ открытіи въ Харьковѣ въ университетской библіотекѣ какого-то письма Гете, по какому-то необъяснимому упущенію умолчало о несравненно болѣе важномъ житомирскомъ открытіи; во всякомъ случаѣ отрывки новоявленной Почаевской лѣтописи опубликованы въ самое недавнее время, въ 18, 25 и 26 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" вышедшихъ въ свѣтъ 21 іюня, 1 сент. и 11 сент. текущаго года. Можно пожалѣть, конечно, что такой безцѣнный въ научномъ отношеніи памятникъ опубликованъ въ столь скромномъ органѣ, пригодномъ, по мнѣнію волынскихъ матушекъ, единственно для печенія просфоръ. Безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени новооткрытый памятникъ сдѣлается предметомъ вниманія и изслѣдованія цѣлаго легіона ученыхъ, отрывки изъ него войдутъ даже въ учебныя христоматіи; а пока это случится, я крайне счастливъ, что на мою долю выпадаетъ лестная задача повѣдать о немъ болѣе широкой и ученой публикѣ.

Подобно тому, какъ открытію Нептуна предшествовало рѣшительное убѣжденіе астрономовъ въ существованіи этой планеты, при чемъ ученый Леверрье заранѣе вычислилъ ея разстояніе отъ солнца, величину, массу, и даже указалъ мѣсто, гдѣ она должна быть видна на небѣ въ данное время,—нѣчто подобное случилось съ октрытіемъ и нашего памятника. Дѣло шло о древности Почаевскаго монастыря. Самое старинное документальное свидѣтельство объ этомъ монастырѣ—это извѣстная фундушевая запись 1597 года Анны Гойской, въ которой она пишетъ: „Такъ какъ въ моей маетности, при селѣ Почаевѣ, съ давнихъ временъ существуетъ каменная церковь въ честь Успенія Пречистой Богоматери, то, чтобы при той церкви было постоянно славословіе Божіе, я рѣшилась основать при ней монастырь для жительства въ немъ восьми чернцовъ... и на содержаніе ихъ я надаю въ пользу той св. Успенской церкви и будущаго при ней монастыря"... и проч. Судя по этому документу, Почаевскій монастырь былъ основанъ въ 1597 г. Но можно ли допустить, чтобы столь знаменитая обитель была столь недавняго происхожденія, когда на Волыни основаніе всякой маломальски старинной церкви или монастыря привыкли относить по меньшей мѣрѣ ко временамъ св. Владиміра? Давно уже волынскіе историки, ревнуя о славѣ Почаевской обители, прониклись убѣжденіемъ, что она получила начало едва ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ; но чѣмъ доказать эту fidem bonam? До сихъ поръ обыкновенно ссылались на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская", въ которой, въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Божьей Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году; сверхъ того ссылались еще на хранящуюся въ лаврскомъ архивѣ рукописную книгу монастырскихъ исковъ и документовъ, составленную въ 1661 г., въ которой первоначальное поселеніе иноковъ на горѣ Почаевской также пріурочивается къ 1240 году. О. Трипольскій, вникнувъ въ это дѣло, совершенно основательно призналъ, что эти доказательства недостаточны и что вообще древняя исторія Почаевскаго монастыря мало изслѣдована. Изъ

дѣлъ лаврскаго архива видно, что тамъ существовала нѣкогда книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго". Книга эта давно исчезла; нѣкоторые историки полагали, что ее навѣрное уничтожили базиліане, „видя въ ней древній документъ многовѣковаго существованія православія въ Почаевской обители, рѣзко обличающій ихъ въ отступничествѣ". О. Трипольскій не успокоился этимъ предположеніемъ: онъ рѣшилъ, что исчезнувшій „Памятникъ" несомнѣнно „содержалъ всю древнѣйшую исторію Почаевской обители" и что его непремѣнно слѣдуетъ разыскать. „Кто ищетъ, тотъ и находитъ", сказалъ какой-то мудрецъ, а по пословицѣ—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Такъ случилось и съ о. Трипольскимъ. Едва предпринялъ онъ свои розыски, какъ сразу же обрѣлъ и въ 15—17 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" 1896 г. напечаталъ никому невѣдомую доселѣ польскую базиліанскую рукопись подъ заглавіемъ: Monastyr Skit, составленную въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, „имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно". Этотъ неразборчивый базиліанинъ повѣдаетъ чрезвычайно „странные глаголы" о началѣ Почаевской обители. По его словамъ, 25 ноября 1197 года (sic!)на Почаевскую гору съѣхались человѣкъ тридцать помѣщиковъ (?) изъ имѣній: Перегина, Будня, Львова и Кракова", въ числѣ коихъ поименованы: Центеръ и Потоцкій—„владѣльцы Галича и горъ Карпатскихъ", и владѣлецъ Тарнополя Янъ Туркулъ. Это были любители-охотники, имѣвшіе обычай дважды въ годъ, весною и осенью, съѣзжаться сюда для охоты и дружеской бесѣды. Въ означенный день, во время охотничьяго привала, они, сидя на Почаевской горѣ, разговорились о томъ, что есть на свѣтѣ люди, сомнѣвающіеся въ бытіи Божьемъ, между тѣмъ какъ одно внимательное созерцаніе красотъ природы могло бы разубѣдить этихъ неразумныхъ людей въ ихъ заблужденіи. Пока шла эта бесѣда, зашло солнце, наступила ночь, и охотники улеглись на покой. Вдругъ на свѣтъ горящаго костра появляется необычайный олень. Въ него выпустили 15 стрѣлъ, а онъ стоялъ неподвижно, а затѣмъ чудесно исчезъ, оставивъ послѣ себя слѣдъ какъ-бы падающей звѣзды. Весной слѣдующаго 1198 г. охотники снова прибыли на преж-

нее мѣсто, и тутъ 17 апрѣля, ночью, они были свидѣтелями цѣлаго ряда чудесныхъ явленій, въ ознаменованіе коихъ ими была построена на скалѣ часовня; а скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи инокъ Меѳодій, поселился близъ часовни, видѣлъ здѣсь многія чудесныя знаменія и въ 1219 году заложилъ „Монастырь-Скитъ", а самое мѣсто прозвалъ *Почадњвъ*, потому что здѣсь *почá* (начала) *Дњва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроенаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ 3 іюня 1228 года. Въ заключеніе словоохотливый базиліанинъ сообщаетъ и такія небылицы, будто въ Монастырѣ-Скитѣ въ XV ст. открыта была богословская школа вмѣстѣ съ типографіей и будто иноки оставили свою св. Гору лишь послѣ того, какъ Потоцкій построилъ для нихъ на новомъ мѣстѣ, хотя и по сосѣдству съ прежнимъ, новый монастырь. Отъ этого переселенія, заключаетъ авторъ, „весьма много утратила литература (sic!)", такъ какъ-де иноки въ прежнемъ Скитѣ усердно занимались писательствомъ, преимущественно лѣтописаньемъ.

Мы начертали только самый краткій конспектъ новооткрытаго базиліанскаго произведенія, не приводя крайне любопытныхъ подробностей; но полагаемъ, что читатель и самъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, какой яркій лучъ свѣта бросаетъ это произведеніе на древнюю исторію Волыни вообще и Почаевскаго монастыря въ частности. Но погодите изумляться, дорогой читатель: о. Трипольскій хвалится, что у него имѣется другая, еще болѣе любопытная базиліанская рукопись 1702 г., тоже на польскомъ языкѣ, въ которой подробно изложены жизнь и труды первооснователя Почаевскаго монастыря Меѳодія. Судя по нѣкоторымъ цитатамъ, приведеннымъ о. Трипольскимъ, эта послѣдняя рукопись будетъ куда „горше первой", и намъ остается лишь выразить нетерпѣливое желаніе поскорѣе ознакомиться съ этой заманчивой новинкой.

Будь я на мѣстѣ о. Трипольскаго, я былъ бы вполнѣ доволенъ и тою „частью", что явилъ міру двѣ замѣчательныя рукописи, проливающія столь яркій свѣтъ на исторію моей пре-

красной родины. Но нашъ почтенный изслѣдователь не таковъ: ему положительно не даетъ покоя мысль—куда же дѣвался тотъ рукописный „Памятникъ Почаевскаго монастыря", о которомъ упоминается въ дѣлахъ лаврскаго архива? Онъ не хочетъ вѣрить, что базиліане совсѣмъ уничтожили его; какой-то внутренній голосъ шепчетъ ему, что онъ существуетъ, этотъ драгоцѣнный Памятникъ, и еще не потеряна надежда открыть его. По временамъ онъ какъ-бы видитъ его духовными очами, угадываетъ, съ какого именно года „Памятникъ" начинается, предвидитъ его содержаніе и даже, по какому-то наитію, кое-что впередъ цитируетъ изъ него. Съ каждой строкой рѣчь его о „Памятникѣ" становится все загадочнѣе: „Книга эта доселѣ никѣмъ надлежаще не изслѣдована и въ цѣломъ своемъ видѣ нынѣ она не существуетъ, а оказывается разорванною и разбросанною... Если удастся найти эту книгу, или лучше, составить ее изъ частей, на которыя она разорвана,—*на что имѣется нѣкоторая доля надежды*,—тогда можно будетъ точно опредѣлить" и проч.; а еще нѣсколькими строками ниже читаемъ: „на основаніи же тѣхъ сравнительно немногихъ отрывковъ этого „Памятника", *которые имѣются у насъ подъ руками*, мы можемъ указать на слѣдующую особенность его"... и т. д. Это было сказано въ № „Вол. Епарх. Вѣдомостей" отъ 1 іюня, а черезъ три недѣли послѣ того о. Трипольскій началъ обнародывать эти таинственные отрывки подъ скромнымъ именемъ „Документовъ, относящихся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря", заявивъ, что документы эти „составляютъ частную собственность одного намъ извѣстнаго лица". Видно, что это лицо скупо дѣлилось съ издателемъ своими сокровищами, или же поступало, какъ разсчетливая хозяйка, угощающая блинами: скушаютъ гости десятокъ блиновъ—подается другой, а тѣмъ временемъ готовится третій и т. д., а разомъ весь запасъ не ставится на столъ. Напечатавъ три первыхъ отрывка, о. Трипольскій объясняетъ: „уже мы заканчивали настоящую нашу замѣтку, какъ совершенно неожиданно намъ доставленъ еще одинъ документъ"; а послѣ четвертаго номера опять слѣдуетъ объясненіе: „нельзя

не пожалѣть о томъ, что мы лишены возможности предлагать читателямъ нашимъ документы эти въ хронологическомъ порядкѣ; но съ этимъ обстоятельствомъ поневолѣ должно мириться; слѣдуетъ напротивъ радоваться и тому, что представляется возможность знакомиться съ этими документами въ такомъ порядкѣ, въ какомъ попадаютъ они въ наши руки". Этой разрозненностью поступленія матеріаловъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что о. Трипольскій въ первое время какъбудто не сознавалъ, какой безцѣнный памятникъ онъ обнародываетъ. Только послѣ четвертаго отрывка онъ разобралъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и отмѣтилъ: „теперь мы съ полною увѣренностью утверждаемъ, что документы эти—части именно древней рукописной книги „Памятникъ монастыря Почаевскаго", не уничтоженной въ конецъ врагами православія, а только лишь разорванной... и кѣмъ-то сохранно подобранной. Есть надежда—постепенно собрать всѣ эти важные отрывки—а ихъ весьма много—и такимъ образомъ возстановить въ цѣломъ видѣ древній рукописный „Памятникъ" православнаго монастыря Почаевскаго... Будемъ ждать и желать скорѣйшаго исполненія такой надежды". Съ тѣхъ поръ о. Трипольскій издалъ пока *десять* значительныхъ отрывковъ, составляющихъ итого 28 печатныхъ страницъ; изъ нихъ 7 отрывковъ лѣтописныхъ (1224—1441 гг.), два документальныхъ (1213 и 1414 гг.) и одинъ стихотворный (1415 г.).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія замѣчательнѣйшаго открытія въ области древле-волынскаго бытописанія. Нѣтъ сомнѣнія, что историки, ознакомившись съ новооткрытымъ памятникомъ, придутъ въ неописанное ликованіе, но палеографы, я знаю, будутъ нѣсколько огорчены: дѣло въ томъ, что почтенный издатель очень уже поскупился дать хотя бы краткое описаніе открытаго памятника.На чемъ онъ написанъ—на пергаментѣ или берестовой корѣ, чѣмъ писанъ—чернилами или киноварью, объ этомъ не говорится ни слова, а лишь упоминается, что подлинники „писаны на славянскомъ языкѣ, довольно правильнымъ полууставомъ, и сохранились прекрасно, почти безъ малѣйшаго поврежденія", и что на каждомъ изъ нихъ обозначенъ особый

счетъ страницъ римскими буквами, изъ чего можно заключить, что они представляютъ отдѣльныя части какой-то цѣлой тетради или книги. Конечно, этого очень мало для палеографовъ, и они, вѣроятно, попросятъ у издателя дополнительныхъ поясненій.

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до того, будутъ ли огорчены господа палеографы! Я имъ ни сватъ, ни братъ, а къ историкамъ издавна питаю слабость, родъ недуга, ибо и самъ мечтаю сдѣлаться историкомъ—если не всероссійскимъ, то хотя бы волынскимъ,—и потому съ безмятежнымъ ликованіемъ приступаю къ ознакомленію ихъ съ перлами и адамантами новооткрытаго сокровища. Предупреждаю, однако, что они узнаютъ много такого, что принудитъ ихъ отказаться отъ многихъ предразсудковъ, доселѣ признаваемыхъ ими за доказанныя положенія въ ихъ наукѣ. Еще большая непріятность въ этомъ отношеніи угрожаетъ господамъ россійскимъ филологамъ: всѣ ихъ изысканія въ области древнерусскаго языка окажутся не стоющими и поломаннаго гроша, и имъ волей-неволей прійдется начать дѣло сначала.

Древнѣйшій изъ новообрѣтенныхъ отрывковъ—это дарственная запись знакомаго уже намъ любителя охоты Михаила Центера Почаевскому монастырю на „землю десять волокъ съ лѣсомъ и хотаръ (хуторъ) Комната", выданная „оу градѣ Маковѣ, ҂а҃сгі год, а҃і февруар", т. е. 11 февр. 1213 года. Здѣсь что ни слово, то яркій лучъ, особымъ свѣтомъ освѣщающій давнопрошедшую жизнь моей родной Волыни. Начать съ того, что этотъ документъ въ подлинникѣ озаглавливается: „*дыпломатъ*"; ну, кто бы могъ подумать, что такой латинскій терминъ уже употреблялся на Волыни въ самомъ началѣ XIII ст.! Не даромъ и фамилія дарителя такъ напоминаетъ римскихъ центуріоновъ. А кто такой былъ этотъ самый Центеръ? Галицкій или волынскій бояринъ? Вовсе нѣтъ, это была владѣтельная особа; вотъ какъ онъ самъ себя титулуетъ: „Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной (sic) на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва" (т. е. Почаева). Очевидно, въ тѣ времена (вѣкъ Романа и Даніила) между Галичемъ и Волынью

существовало какое-то независимое государство *Почадѣвское,* о которомъ историки до сихъ поръ и не слыхивали. А какимъ мудренымъ языкомъ писали въ этомъ Почадѣвскомъ государствѣ! Пусть-ка господа филологи объяснятъ хотя бы эту тираду изъ „дыпломата": „Почто сы люди чужди отъ лядской земли, и того ради да неимаетъ ни какая потребу съ послушницы ни хансари да не изводятъ отъ нихъ, и въ за всѣхъ антерахъ да будутъ въ покои". Существовала въ Почадѣвскомъ государствѣ и отдѣльная епархія; по крайней мѣрѣ такъ надо понимать слова Центера, когда онъ говоритъ, что дѣлаетъ даръ монастырю „съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ". Въ одномъ изъ лѣтописныхъ отрывковъ, обрѣтенныхъ о. Трипольскимъ, этотъ Меѳодій именуется даже *патріархомъ.* Возникаетъ вопросъ: не существовалъ ли въ древнее время особый, независимый отъ Константинопольскаго, патріархатъ Почадѣвскій, и не ему ли обязана св. крещеніемъ Волынская земля?

Итакъ, вотъ какую кучу новинокъ обрѣли мы въ одномъ лишь небольшомъ документѣ, занимающемъ всего 1½ печатныхъ страницы. Чего же ждать можно отъ лѣтописи!

Древнѣйшіе лѣтописные отрывки, обрѣтенные о. Трипольскимъ, относятся къ 1224—26 годамъ. Здѣсь первыя строки уже въ состояніи повергнуть нашихъ историковъ въ полное оцѣпенѣніе: „Рокъ ҂аскд (1224) былъ весьма печаленъ: появившася великое множество Татарина въ княззствѣ Русскомъ, ктерія опустошая градъ огнемъ и мечемъ". Вы полагаете, читатель, что рѣчь идетъ о первой встрѣчѣ русскихъ съ татарами въ Половецкой землѣ, на р. Калкѣ? Но вотъ что повѣствуется дальше: „Въ той часъ татаринъ опустошилъ дванадесятъ града, изъ коихъ ни іединъ домъ не цѣленъ былъ": „градъ Борщовъ, на рѣцѣ Роси, въ немъ же попалено огнемъ четыре святыни православна и іедина греческа, и друзи на той же рѣцѣ: Кошев, Володъ и Обозовъ. Друзи грады подпадоша разграбу, мечу и огню: Буговъ, при рѣцѣ Роскѣ, Плосковъ, Живоградъ и Темереновъ", да еще Зозовъ.—Я рѣшительно недоумѣваю,

какъ господа историки пріймутъ это извѣстіе, столь противорѣчащее общепринятому мнѣнію, будто южная Русь подверглась татарскому опустошенію не раньше конца 1240 года. Выходитъ одно изъ двухъ: либо почадѣвскій лѣтописецъ плохо выучилъ учебникъ исторіи Иловайскаго въ Почадѣвской семинаріи (была таковая уже въ XIII в., какъ ниже увидимъ), либо ошибаются всѣ извѣстныя доселѣ древнерусскія лѣтописи. Конечно, какъ природный волынецъ, я всецѣло склоняюсь къ послѣднему предположенію. Жаль, конечно, цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ", столь преждевременно подвергшихся „разграбу, мечу и огню"; но если принять во вниманіе, что объ этихъ „градахъ" мы до сихъ поръ и слыхомъ не слыхали и что населеніе ихъ, по сказанію почадѣвскаго лѣтописца, благополучно ушло въ Почадѣвскій монастырь и населило цѣлый рядъ монастырскихъ „хотаровъ" (хуторовъ), то, по правдѣ сказать, и жалѣть не о чемъ.

Татарское нашествіе 1224 года нисколько не помѣшало процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Почадѣвскомъ государствѣ: по свидѣтельству новаго лѣтописца, „въ томъ же року преподобный Меходый (это извѣстный уже намъ патріархъ Меѳодій) избудовавъ для законниковъ *училину главну* на сто учениковъ"— рѣчь идетъ, очевидно, о постройкѣ зданія для духовной семинаріи, а можетъ быть и академіи. Въ послѣдующемъ 1227 году тотъ же Меѳодій „выстроилъ (въ) збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ. Завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній". Насколько я разумѣю Почадѣвское нарѣчіе, здѣсь идетъ рѣчь о постройкъ помѣщенія для монастырской библіотеки съ трема отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго", т. е. библіотекаря; такъ понимаетъ это мѣсто и ученый коментаторъ новооткрытой лѣтописи о. Трипольскій.

„Року 1224 ня монастыру, по права сторонѣ, оустроенъ велій *часовинъ* паномъ Центеромъ коштомъ 400 злотій". О. Трипольскій толкуетъ это сказаніе такъ, что рѣчь-де ведется объ устройствѣ въ монастырѣ часовъ. Судя по значительной стои-

мости ихъ, я полагаю, что это были не песочные и не солнечные часы, а очевидно, механическіе, съ боемъ или даже съ музыкой, т. е. такіе, какихъ и не было еще въ то время въ Европѣ. Вотъ какъ высоко стояло искусство въ Почадѣвѣ уже въ началѣ XIII столѣтія! Къ сожалѣнію, щедрый благотворитель не долго наслаждался созерцаніемъ этого дивнаго произведенія искусства: „въ томъ же року (читаемъ въ лѣтописи), октоврія 10, совершенъ обрядъ надъ оумерщвленимъ тѣломъ пана Центера препод. Меходемъ и погребенъ въ Поча-Дѣву". Кѣмъ и за что былъ „умерщвленъ" этотъ добродѣтельный мужъ—лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Вѣроятно, съ цѣлью навѣстить печальную его вдову, 15 августа 1226 года въ Почадѣвъ пріѣзжалъ какой-то „князь Георгій ҃к Всеволодъ и здѣ засѣдоша трое дни".

Опуская затѣмъ цѣлый рядъ сказаній о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ въ тѣ годы „чудотворнымъ икономъ (sic!) Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Поча-Дѣва", мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что въ этихъ сказаніяхъ рѣчь идетъ не о нынѣшней чудотворной Почаевской иконѣ Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единогласному свидѣтельству даже волынскихъ историковъ, совершилось всего лишь въ 1559 году, а о какой-то другой, неизвѣстно гдѣ нынѣ находящейся.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ лѣтописныхъ отрывковъ, относящихся къ годамъ: 1301, 1310, 1413, 1440, и 1441. И здѣсь, конечно, что ни строка, то яркій лучъ, ослѣпляющій глаза довѣрчиваго читателя; но краткости ради, мы извлечемъ лишь одни перлы и адаманты.

„Року ҂҃ата (1301), сентября ҃а дня монастырь Почадѣва былъ въ великомъ расторствѣ и смутѣ: по близѣ на востоцѣ въ сей окрести появиша (sic) невѣрный душегубинаръ татаринъ въ велицей туцѣ подъ владыцемъ Данатера и въ велицемъ страсѣ граби грады и пустоша огнемъ и мечемъ, яко множіе народи притекоша монастыру..." и проч. Далѣе перечисляются разоренные татарами города: „градъ *Жити-мирно* [1]) на брегѣ рѣцѣ

[1]) Т. е. Житомиръ. По поводу происхожденія этого имени не могу удержаться отъ замѣчанія: какъ многозначительны вообще наименованія почти всѣхъ

Тетера, при упадѣ рѣци маліей“ (NB Не могу не замѣтить хоть въ скобкахъ: о какъ поразительно плохо преподавался церковно-славянскій языкъ въ Почадѣвской семинаріи тѣхъ вѣковъ!); градъ *Коденъ*, славенъ въ таргу; градъ *Слободевъ*, *Славицъ*, *Зозевъ* и др. Итакъ, вотъ когда только Волынская земля подверглась татарскому нашествію, а не въ 1241 г., какъ насъ доселѣ учили! Пріймите это къ свѣдѣнію и руководству, гг. преподаватели исторіи въ волынскихъ „оучилинахъ“.

Въ томъ же 1301 году прибыла въ Почадѣвскій монастырь „жена князя Даніила (Романовича) Анна“ съ малолѣтними дѣтьми: Георгіемъ 11-ти лѣтъ и Василіемъ 9-ти лѣтъ. Воображаю, какая это была древняя старуха, если вспомнить, что она выходила замужъ еще въ 1213 году! Еще удивительнѣе, какъ она могла имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда князь Даніилъ скончался въ 1264 году. Ипатская лѣтопись, перечисляя сыновей князя Даніила, даетъ имъ совсѣмъ другія имена; но почадѣвскій бытописатель, очевидно, не знакомъ съ этой лѣтописью.

Въ 1310 году, декабря 13, пришли въ Почадѣвъ 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи, Венгріи и стали разсказывать „о великомъ бѣдищи, ктерое запановало въ странахъ ихъ: появилися отъ Папы великіе объязы въ вѣрѣ католическія, за непризнаніе и неисполненіе (коихъ) отдаютъ казни великой: іединаго предаютъ огню на надровни, на степу, другіе на кручахъ жива за тѣла повѣшени зостаютъ... наставницы Папы, повсюду блукая съ грамотами и вынужая послѣдню пѣню, за грѣхъ тое не раховали, ибо должны суму велику выручити съ народа и Папѣ вручити“... и прочіе неподобные глаголы. Пришелъ съ ними и епископъ Прагельскій (Пражскій?) Береговичъ, „имѣя глази въ вѣцѣ тѣни“. Получивъ исцѣленіе предъ образомъ Богородицы, онъ далъ монастырю въ даръ 75 тысячъ „злотій“ и самъ „при-

---

поселеній Волынскихъ! Кромѣ *Поча-Дѣва* (Почаева) и *Жити-мирно*, укажу еще два-три примѣра: с. *Тихомль* получило названіе отъ того, что тамъ была мельница, которая „*тихо молола*“; с. *Перемиль*—тамъ мельница „*перемалывала*“; с. *Боремель*—мельница такъ громко молола, что народъ говорилъ: „*якъ боръ меле*“ и проч. (См. Историко-стат. описаніе церквей Вол. епархіи).

нялъ санъ мниха“. Послушаніе его состояло вотъ въ какомъ трудѣ: „Того же року, 21-го децембрія, выправенъ велицей отодѣлъ на 10 человѣкъ старшаго оученика для вѣдена іязыца латинаго; въ оучители призначенъ Береговичъ“. Итакъ, вотъ съ какого именно времени почадѣвскіе семинаристы стали обучаться латинскому „языцу“! Вѣроятно, по этой причинѣ они и стали писать свою лѣтопись такимъ страннымъ „язычіемъ“, какъ, напримѣръ: „Децембрія 22 *выполненъ чинъ* погребенія игумена Павла съ *велицею парадою*“... Оумеръ онъ, имѣя лѣтъ отъ *родія своя* 125“. Въ приведенныхъ доселѣ выпискахъ читатель могъ видѣть еще болѣе характерные образцы того же „язычія“.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Почаевъ становится какимъ-то центральнымъ убѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва ли не всѣ концы вселенной. Разорятъ ли татары какую область, начнетъ ли папа жечь еретиковъ или грабить вѣрныхъ католиковъ, случится ли въ какой странѣ потопъ, гладъ, нашествіе иноплеменныхъ, междуусобная брань—всѣ уцѣлѣвшіе отъ погрома идутъ, какъ домой, въ Почаевскій монастырь, заселяютъ его „хотары“ (хутора) и живутъ тамъ припѣваючи. Выше мы приводили подобные факты, отмѣтимъ еще два-три новыхъ. Въ декабрѣ 1310 года „придоша путешественники изъ далей страны, отъ берегъ хладнаго водою мора“, потому что тамъ „запановали смуты и бѣдища велици: сосѣди невѣрни засѣдоша болоти въ лѣси глушиномъ Кураливы и разгромиша до 50 града въ власти Новагограда и до 30 градовъ въ власти Юрева“. Подъ 1440 годъ отмѣчено: „прибыша множіе народи изъ страны дальней, изъ градовъ по рѣцѣ Днѣстру и Вольги, и благали монастыря, жебы пособити имъ заселити въ сей странѣ сѣдалины (?) для прежитины въ тишеного смиренно“ (каково язычіе!!); имъ дали „хотари въ окрести монастыря Трипогори“ (Тригорскаго). Въ слѣдующемъ 1441 году опять „притекоша множіе народи“ изъ Москвы и другихъ мѣстъ сѣверовосточной Руси и „повѣдаша, яко смуты въ Русскомъ княжествѣ появишася за *пасъ* (поясъ) велицей цѣны“, а начались эти смуты въ Москвѣ „во время пираженства (свадьбы) князя Василія 2-го“. Въ числѣ пришель-

цевъ, къ удивленію, оказалась и мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, прибывшая сюда подъ строгимъ инкогнито. Она открыла тайно игумену свое имя и санъ и пренелѣпымъ языкомъ повѣдала ему нескладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Вас. Косомъ драгоцѣннаго пояса. Разсказъ ея представляетъ какъ-бы рабское подражаніе повѣствованію Карамзина о томъ же событіи. Къ сожалѣнію, лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ, приняла ли московская великая княгиня „монасій законъ" въ Почаевской обители, или же поселилась въ одномъ изъ ея „хотаровъ".

Наконецъ, въ томъ же году „прейшли 2 римско-католич. священника изъ града Вильна, Доминикъ Монацеввити и Казиміръ Коновецкій, „для отданя чести Матки Божей", получили здѣсь исцѣленіе и, вѣроятно, были назначены на должности штатныхъ преподавателей итальянскаго и „латинаго языцовъ" въ Почадѣвской академіи.

На этомъ, къ сожалѣнію, прерываются доселѣ опубликованные отрывки Почадѣвской лѣтописи. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать ихъ продолженія, согласно великодушному обѣщанію о. Трипольскаго.

Кромѣ лѣтописныхъ сказаній, въ тѣхъ же отрывкахъ найдено доселѣ три документа. Объ одномъ изъ нихъ, *дыпломатѣ* 1213 года, мы уже говорили; другой относится къ 1414 году и представляетъ что-то въ родѣ окружной грамоты, изложенной такимъ тарабарскимъ... то бишь почадѣвскимъ нарѣчіемъ, что я, при всемъ стараніи, не понялъ въ ней ни бельмеса. По изъясненію же извѣстнаго знатока сего нарѣчія о. Трипольскаго, грамота эта представляетъ будто бы подробное описаніе того, какъ производились въ древнемъ Почаевскомъ монастырѣ выборы игумена. Между прочимъ, избираемый долженъ былъ клятвенно засвидѣтельствовать преданность свою православной вѣрѣ, что необходимо было особенно въ то время: „зане ереси и въ той часъ *проклятои оуніи* плевело непріятель размножилъ бяше". Это единственное удобопонятное мѣсто въ грамотѣ повергаетъ

меня въ неописуемое недоразумѣніе: о какой *уніи* (да еще *проклятой*) здѣсь говорится?! О. Трипольскій, съ свойственною ему находчивостью, рѣшаетъ быстро: о Флорентійской. Но вѣдь даже лицамъ, не учившимся въ семинаріи, хорошо извѣстно, что Флорентійская унія состоялась лишь въ 1439 году, а грамота писана въ 1414 году. Тутъ что-то да не такъ! Приглашаю о. Трипольскаго разрѣшить это забавное недоразумѣніе.

Остается еще третій и послѣдній документъ; но я не спроста приберегъ его для самаго конца моей бесѣды. Это уже не грамота и не сухая лѣтопись—это поэтическая жемчужина. Любите ли вы, читатель, стихи? Я, признаюсь, безъ ума отъ нихъ и кое-что самъ кропаю риѳмованною рѣчью. А приходилось ли вамъ почитывать стишки этакъ временъ царя Гороха или того древнѣе? То-то что не приходилось. Такъ вотъ пользуйтесь счастливымъ случаемъ: о. Трипольскій открылъ стихотворную „*Пѣснь справедливому и святому Меѳоду Почаевскому*", котораго онъ считаетъ основателемъ знаменитаго монастыря того же имени. На подлинномъ стихотвореніи есть помѣта, что оно записано 22 сентября 1415 года; но, судя по тому, что этотъ Меѳодій скончался въ 1228 году, означенное стихотвореніе можно относить по крайней мѣрѣ къ половинѣ XIII ст. Какова древность! Вотъ эта драгоцѣнная жемчужина:

Велыкый предъ Богомъ въклеіоный вкоронѣ,
Походню свѣта, родаковъ патронѣ!
Славу въ Почаевѣ на скальце въ монастыру
О то даешъ вѣру...
Живъ же святый патріархъ въ Почаевѣ на славу,
Іаснивъ, іакъ солнце, по всихъ краяхъ
И правдою въ рѣчахъ...
Въпавъ въ невирность народа невирного,
Же твоими нападамы вылыкая слава на ныхъ повлыяла,
Выклынаешъ, прыступу не даешъ,
Въ монастыру Почаевскомъ лаешъ (sic)... и т. д.

Неправда ли, какая величавость тона, античная простота слога и выразительность языка! Только позднѣйшія почаевскія псальмы, особенно переиначенныя безграмотными лирниками, нѣсколько приближаются къ этому неподражаемому образчику древле-волынской лирики.

Оканчивая этимъ мою бесѣду объ открытіяхъ, столь счастливо совершенныхъ о. Трипольскимъ, не могу не выразить опасенія, какъ бы не пришлось ему подвергнуться обычнымъ огорченіямъ, какія всегда и вездѣ постигали великихъ изобрѣтателей. Извѣстно, какой это завистливый народъ господа ученые и какъ подозрительно и недоброжелательно относятся они ко всему, что идетъ въ разрѣзъ съ привычными для нихъ понятіями и фактами. Вѣдь находились же такіе скептики, что осмѣливались подвергнуть сомнѣнію подлинность даже „Слова о полку Игоревѣ!" Боюсь, какъ бы не случилось того же и съ драгоцѣнными памятниками, открытыми о. Трипольскимъ: найдутся, чего добраго, злонамѣренные скептики и начнутъ придираться: и то не вѣроятно, и другое не правдоподобно, и третье сомнительно. Конечно, почтенный о. Николай тотчасъ предъявитъ имъ подлинные пергаменты или листки корельской березы—и злые навѣты разсѣются аки дымъ отъ лица огня; а все же, знаете, нѣсколько обидно такое недовѣріе. А по моему разсужденію, всякое сомнѣніе въ этомъ дѣлѣ совершенно неумѣстно: о. Трипольскій самъ человѣкъ ученый, навѣрное магистръ какой-либо герминевтики или другой подобной науки и, слѣдовательно, въ состояніи отличить подлинную древность отъ поддѣльной. Нѣтъ, прочь недостойное сомнѣніе! Ликуй и веселися, Волынская земле! Отнынѣ ты ничимъ же меньши въ колѣнахъ Іудовахъ: изъ тебе бо изыде почадѣвскій лѣтописецъ. Хвалитъ похвальными гласы Россійская страна графа Мусина-Пушкина, открывшаго „Слово о полку Игоревѣ"; похвалимъ же и мы, о волынцы, по силѣ нашей, великая и дивная сотворшаго нашего соотчича Н. Трипольскаго, иже яви міру перло многоцѣнное изъ области нашего древняго бытописанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ ждать и надѣяться,

что нашъ почтенный соотчичъ станетъ и впредь продолжать столь счастливо имъ начатыя изысканія и еще извлечетъ изъ праха забвенія не одно сокровище сѣдой старины. По крайней мѣрѣ, я твердо убѣжденъ, что эпоха великихъ открытій въ этой области еще только наступаетъ для Волыни и что настанетъ нѣкогда день, когда сбудется наконецъ златая мечта моей юности — будетъ явлено міру „Слово о полку Гороховѣ“. Qui vivra—verra.

Волынецъ.

Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи.

„Парубоцкія и дивоцкія громады не разъ уже привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей народнаго быта. Одни признавали въ нихъ слѣды первобытныхъ брачныхъ формъ (Чернышевъ), другіе—остатки церковныхъ братствъ (Василенко и Боржковскій), третьи—пытались примирить эти два взгляда (проф. Сумцовъ)[1]. Мы лично держимся примирительнаго взгляда, но думаемъ, что въ названныхъ „громадахъ“ болѣе остатковъ первобытныхъ, чѣмъ историческихъ формъ жизни. Но вопросъ объ эволюціи семьи и брака въ послѣднее время подвергнутъ въ наукѣ новому пересмотру; теоріи, недавно считавшіяся послѣднимъ словомъ науки, не удовлетворяютъ болѣе; дѣлаются новыя попытки построенія исторіи семьи; и пока наука не выработала прочныхъ основаній для новаго теоретическаго построенія, мы считаемъ для себя преждевременнымъ пускаться въ сравнительное истолкованіе подробностей устройства и жизни „громадъ“, которое представляетъ собою путь особенно скользкій для лицъ, по мѣсту жительства, лишенныхъ, подобно намъ, возможности пользоваться большой библіотекой. Поэтому ограничиваемся здѣсь сводомъ фактическихъ свѣдѣній, собранныхъ нами по особой программѣ изъ разныхъ мѣстъ юга Россіи, преимущественно, впрочемъ, изъ херсонской губ., держась того мнѣнія, что факты

[1]) Статьи означенныхъ авторовъ напечатаны въ „Кіевск. Стар.“ 1885—87 и 90 года.

долговѣчнѣе теорій, и что съ собираніемъ и опубликованіемъ этнографическихъ фактовъ необходимо спѣшить [1]).

Главнымъ и всеобщимъ условіемъ поступленія въ парубоцкую громаду является возрастъ. Онъ колеблется между 16 и 18 годами, при чемъ громада обращаетъ вниманіе на ростъ и физическую силу новаго товарища, имѣя въ виду пріобрѣсти въ немъ надежнаго бойца, на случай, если придется охранять свой кутокъ отъ другихъ парубоцкихъ громадъ (Ингульская Каменка, александрійскаго уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при появленіи новаго парубка на вечерницѣ, если онъ покажется недостаточно зрѣлымъ, дивчата встрѣчаютъ насмѣшкой: „сему треба дать ц... и", говорятъ онѣ, и парубчакъ уходитъ посрамленный (с. Погребки, новгородъ-сѣверскаго уѣзда, М. В. Рклицкій)." Въ прежнее время водилось такъ (пишетъ К. Д. Морозъ): какъ не ходитъ косить да молотить, такъ тотъ еще и не парубокъ, его и гулять не пустятъ, а если выйдетъ, то ему очкуръ перервутъ, а то зимою на досвиткахъ заставятъ дивчатъ достать сажи изъ печи, разведутъ водою, потомъ вытащатъ въ сѣни, разстегнутъ штаны, да въ штаны и выльютъ. (Глодоссы, елисаветгр. уѣзда". Исключеніе въ пользу младшаго возраста допускается иногда для сыновей крестьянъ зажиточныхъ или занимающихъ почетныя должности волостного старшины, сельскаго и церковнаго старосты и проч. (Южная Кіевщина и югъ александрійск. уѣз.,—Т. И. Осадчій).

Если въ семьѣ есть нѣсколько сыновей, то между ними обыкновенно соблюдается очередь при поступленіи въ громаду. Такъ, въ с. Петроостровѣ елисаветград. уѣзда младшій братъ не смѣетъ парубковать до тѣхъ поръ, пока старшій не женится, или не пойдетъ на службу; если же случится, что меньшой парубкуетъ одновременно со старшимъ, то говорятъ, что „меньшый

---

[1]) Свѣдѣнія сообщили: Т. И. Осадчій, М. В. и В. В. Рклицкіе, М. С. Крыжановская, Н. И. Борисовъ, А. Ѳ. Цимбиди, А. Школа, И. А. Римскій, А. Малиновскій, Л. Воликовскій, Эд. Іодковскій, С. Гирскій. Всѣмъ названнымъ лицамъ свидѣтельствуемъ искреннѣйшую и живѣйшую благодарность.

пидвернувъ (иначе: засадывъ) старшого брата пидъ корыто (И. А. Римскій; тоже въ Глодоссахъ, по словамъ К. Д. Мороза)". Въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ даже ссоры между братьями. Иногда братья признаютъ болѣе удобнымъ поступать въ разныя громады (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Если старшій долго не женится, а младшій достигъ уже парубоцкаго возраста, то отецъ укоряетъ старшаго, говоря, что пора уже ему уступить мѣсто младшему (Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій). Нарушеніе очереди нарушается иногда въ томъ случаѣ, если младшій физически развитѣе старшаго (Шамраевка и Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій).

Согласія родителей для поступленія въ парубоцкую громаду обыкновенно не требуется; иногда даже этотъ фактъ совершается безъ вѣдома послѣднихъ (Шамраевка). Но родители относятся къ этому факту различно: для нѣкоторыхъ изъ нихъ сынъ, достигшій парубоцкаго возраста, составляетъ предметъ гордости; самъ отецъ снаряжаетъ его въ первый его выходъ къ парубкамъ, напутствуя словами: „иды, сыну, уже пора тоби парубкувать" (Трушки); другіе—покоряются обычаю, какъ преданію старины, и поощряютъ его, добровольно выдавая сыну деньги для складчины (Петроостровъ). Но многіе отцы, а особенно матери-вдовы смотрятъ на парубоцтво неблагосклонно: „тильки начне гулять съ хлопцямы,—говорятъ они,—такъ и розбалуется,—хаты зовсимъ не держится". И дѣйствительно, парубоцтво доставляетъ много хлопотъ родителямъ, которые по этому бываютъ склонны оттягивать поступленіе сына въ громаду возможно дольше. Гулянье парня, прежде всего, невыгодно отражается на хозяйствѣ: поступленіе въ громаду и состояніе въ обществѣ парубковъ влекутъ за собою порядочные расходы, для которыхъ къ тому же парубки прибѣгаютъ въ нерѣдкихъ случаяхъ къ похищенію у родителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; во-вторыхъ, парубки проводятъ ночное время на „улыцяхъ", когда нужно стеречь на пастбищѣ лошадей; въ-третьихъ, причиняютъ родителямъ хлопоты своими проказами; наконецъ, прогулявъ цѣлую ночь напролетъ, утромъ спятъ, вмѣсто того, чтобы работать (наблюденія Т. И. Осадчаго и К. Д. Мороза).

На нравственныя качества вновь поступающаго парубка рѣдко обращаютъ вниманіе,—обыкновенно, этому вопросу не придается значенія; слишкомъ тихими даже пренебрегаютъ, насмѣхаются надъ ними. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избѣгаютъ принимать въ громаду пьяницъ (Ивота и Мамекино, В. В. Рклицкій) или вообще людей дурного поведенія (Губовка, александрійск. уѣзда, М. С. Крыжановская); иногда отказываютъ въ пріемѣ за то, что навредилъ парубкамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но за то высоко цѣнятся въ парубкѣ храбрость, находчивость, умѣнье пѣть пѣсни и разсказывать сказки (Т. И. Осадчій).

Во многихъ мѣстностяхъ считается обязательнымъ для парубка въ день пріема его въ громаду особый костюмъ, а именно: въ южной кіевщинѣ—новая черная свита подъ станъ сшита, свита кирея съ видлогою, въ видѣ бурки, зеленый поясъ, хорошіе сапоги; въ херсонщинѣ—пиджакъ, иногда суконный, а по большей части шерстяной, или черкасиновый, твинчикъ—вродѣ короткаго теплаго пальто, цвѣтная рубаха, штаны на выпускъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто пиджака употребляется „пальто", костюмъ нѣсколько длиннѣе, вышитый разноцвѣтными шагреневыми ремешками. (Т. И. Осадчій, К. Д. Морозъ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ херсонской губ. считаются необходимыми для парубка высокая шапка, красный поясъ и лента, того же цвѣта, для сорочки; это—отличительный признакъ и исключительная принадлежность для парубка, такъ что, если замѣтятъ эти принадлежности парубоцкаго наряда на подросткѣ, то, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, сдираютъ съ нихъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ для парубка считается приличнымъ надѣть въ день пріема жупанъ и поясъ (Трушки, васильковскаго уѣзда). Въ донской области парубокъ обязательно надѣваетъ высокую барашковую шапку, вышитую сорочку съ красной застежкой и чемерку; послѣдняя считается необходимою для парубка до такой степени, что безъ нея онъ не можетъ появиться ни на сходѣ, ни въ церкви, ни на вечерныцяхъ, ни даже выйти на улицу въ праздничный день (с. Гирскій). Повсюду приличіе требуетъ, чтобы въ

день пріема въ громаду парубокъ тщательно побрился и причесался.

При пріемѣ въ громаду почти вездѣ требуется обычаемъ, чтобы принимаемый поставилъ атаману и парубкамъ могорычъ. Угощеніе происходитъ обыкновенно въ праздничный день въ шинкѣ или около шинка, причемъ вновь-поступающій иногда нанимаетъ и музыку (Ингульская Каменка александрійск. уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ угощеніи этомъ принимаетъ участіе и онъ самъ, наравнѣ съ другими. Размѣръ могорыча колеблется въ зависимости отъ численности громады, отъ имущественнаго положенія родителей новаго парубка и отъ личныхъ качествъ новичка: тотъ—большой мастеръ пѣть пѣсни или сказки хорошо разсказывать, тотъ находчивъ, умѣетъ „выговориться", высмѣять другихъ, тотъ умѣетъ представиться чудакомъ, а этотъ—не трусли住аго десятка парень, съумѣетъ постоять за себя и за товарищей въ случаѣ надобности; такихъ и безъ могорыча примутъ (Глодоссы); съ богача, напротивъ, сдерутъ вдвое больше обыкновеннаго. Вообще говоря, при этой оказіи выпивается отъ полкварты до ведра водки, а на закуску идутъ бублики и рыба (Т. И. Осадчій).

Кромѣ могорыча обыкновенно требуется отъ вновь поступающаго денежный взносъ въ громадскую кассу, въ обычномъ, или въ двойномъ размѣрѣ (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, размѣръ этого взноса колеблется отъ 15 до 50 к. (Ингульская Каменка, Губовка, алекс. у. и Константиновка, черкас. у.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло обходится безъ особой торжественности и обрядности: просто на просто, хлопецъ, достигшій извѣстнаго возраста, начинаетъ ходить на „улицу", заигрывать съ дивчатами и незамѣтно присоединяется къ парубкамъ; сначала смотрятъ на него свысока, но потомъ, когда новичекъ начинаетъ участвовать въ общественныхъ складчинахъ и вносить столько же, сколько и другіе, его начинаютъ считать уже настоящимъ, равноправнымъ парубкомъ (Петроостровъ, Ингульская Каменка). Иногда парубки и помнутъ новичка немного гдѣ нибудь въ уголку, или научатъ меньшихъ, чтобы поколотили

затѣмъ, чтобы поставилъ могорычъ, и тогда уже дѣло оканчивается миромъ (Глодоссы). Въ Ингульской Каменкѣ водится слѣдующій обычай: если парубокъ вышелъ на „улыцю" и запѣлъ а денегъ не имѣетъ на могорычъ, то громада несетъ его къ мельницѣ, разрываетъ поясокъ у штановъ и бросаетъ въ лотокы. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губ. первое появленіе парубка на вечерныцяхъ соотвѣтствуетъ пріему его въ громаду; новичка приводитъ на вечерницы какой нибудь товарищъ, при чемъ особаго угощенія не требуется (М. В. Рклицкій) [1].

Съ поступленіемъ въ парубоцкую громаду, парубокъ пріобрѣтаетъ право на свободный выборъ невѣсты; выборъ же невѣсты для жениха, который не состоитъ въ парубоцкой громадѣ, болѣе зависитъ отъ родителей (Трушки, васильковскаго уѣзда); его могутъ женить даже въ такомъ случаѣ, если старшій братъ „гуляетъ" съ парубками, но тогда послѣдній подвергается насмѣшкамъ товарищей: они говорятъ, что братъ заткнулъ его за поясъ (Ингульская Каменка). Съ поступленіемъ въ громаду парубокъ разсматривается, какъ членъ семьи съ правомъ самостоятельнаго голоса, и мнѣнія его по хозяйственнымъ вопросамъ, нерѣдко уважаются родными (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); въ немъ уважаютъ лицо, способное къ самостоятельному труду: „винъ уже косарь" (Петроостровъ, Ингульская Каменка); онъ работаетъ тамъ, гдѣ ему больше нравится; заработанныя деньги можетъ употреблять на личныя потребности по собственному усмотрѣнію (Губовка). Онъ и самъ усваиваетъ высокое понятіе о личномъ достоинствѣ; ему уже нельзя сказать: дуракъ,—тогда какъ до того времени можно было его и за уши выдрать (Ингульская Каменка). Младшіе хлопцы и дивчата говорятъ ему *вы* и при встрѣчахъ первые кланяются (Петроост-

---

[1]) Въ с. Погребкахъ этого уѣзда тотъ же корресподентъ наблюдалъ замѣчательный обрядъ при пріемѣ мальчиковъ въ общество „конюховъ"—молодежи мужскаго пола разнаго возраста, пасущей лошадей, а именно: вновь явившагося мальчика обводитъ вокругъ костра взрослый парубокъ, пользующійся особымъ уваженіемъ среди конюховъ, λαβών αὐτόν τοῦ φαλλοῦ, при чемъ вся компанія участвуетъ въ процессіи съ горящими головнями въ рукахъ; обводимый никогда не сопротивляется и не плачетъ,—мало того, если съ нимъ пріѣхалъ другой новичекъ, то, по окончаніи процессіи, говоритъ „водить же и сёго!".

ровъ, Донская Область). Отлучки парубка изъ дома безконтрольны со стороны родителей (Ивота и Мамекино). Онъ получаетъ право приказывать младшимъ братьямъ и сестрамъ (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Во время ночовокъ въ степи съ табуномъ лошадей парубокъ не пойдетъ ни за дровами для костра, ни за огурцами и картошкой на огороды, вмѣняя это въ обязанность младшимъ хлопцамъ (Погребки, новгородъ-сѣверск. уѣзда). Впрочемъ, положеніе парубка въ нѣкоторой степени зависитъ отъ взгядовъ родителей: бываютъ такія семьи, въ которыхъ парубокъ остается въ полномъ послушаніи до самой своей женитьбы (Шамраевка, васильков. у.).

Бываютъ случаи исключенія парубковъ изъ громады („выгоняють въ шею"). Это дѣлается главнымъ образомъ за нарушеніе товарищескихъ отношеній, обычаевъ и правилъ: за выдачу тайны, за издѣвательства надъ товарищами (Т. И. Осадчій, Л. Воликовскій—Антоновка); особенно не переносятъ парубки бахвальства: иной пойдетъ на чужой край гулять, а тамъ какая нибудь дѣвушка ласково съ нимъ заговоритъ,—онъ готовъ уже и батька передъ нею осудить и осмѣять, не только хлопцевъ; или начнетъ выхваляться, что молъ я тамъ (т. е. на своемъ куткѣ) прямо что захочу, то и сдѣлаю,—тамъ молъ меня слушаютъ, боятся,—если я разсержусь на кого, то тотъ и изъ хаты не выглянетъ...,—а тогда хлопци, какъ узнаютъ про такія его слова, начнутъ дразнить его, или прямо прогонятъ: „лучше, скажутъ, пусть онъ самъ не выходитъ изъ хаты, чѣмъ мы черезъ него", да гдѣ нибудь такъ его попхаютъ, что онъ и не узнаетъ кто,—только догадывается, а то въ шутку одинъ другого на него толкнетъ, или съ мѣста прогонятъ, будто шутя нужно другому сѣсть, или дивчатъ научатъ, чтобы смѣялись надъ нимъ,—такъ допекутъ таки, что больше не выйдетъ на улицу (К. Д. Морозъ—Глодоссы); не любятъ также такихъ, которые передаютъ всюду слышанные разговоры; для такихъ существуетъ еще особое названіе *почта* (К. Д. Морозъ). Бываютъ случаи исключенія изъ громады за нетрезвое поведеніе (Ивота и Мамекино). На исключеннаго изъ громады молодежь смотритъ съ нѣкоторымъ

пренебреженіемъ, его не принимаютъ и въ другія громады (Т. И. Осадчій, М. С. Крыжановская,—Губовка).

Форма взаимныхъ обращеній парубковъ соотвѣтствуетъ природѣ ихъ товарищескихъ отношеній. Они называютъ другъ друга братъ, братуха, сватъ, кумъ: сватами приходятся другъ другу братья невѣсты и жениха; взаимныя отношенія кумовьевъ въ сельскомъ быту извѣстны своей короткостью и задушевностью. Кромѣ названныхъ обращеній, парубки называютъ одинъ другого по имени и отчеству. (Петроостровъ, Ингульская Каменка, Ивота и Мамекино).

Во многихъ селахъ парубоцкая громада имѣетъ во главѣ должностное лицо, которое называется *атаманомъ*. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ иныхъ селахъ онъ называется *береза* (Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, Петроостровъ); но одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда разъяснилъ намъ, что въ ихъ селѣ *береза и атаманъ*—два различныя лица: береза—это предводитель и регентъ колядниковъ, и съ окончаніемъ колядованія прекращается и его званіе, тогда какъ атаманъ—постоянное должностное лицо у парубковъ. Обыкновенно, атаманъ—лицо выборное, и иногда на опредѣленный срокъ,—на годъ, или на три года, чаще до вступленія въ бракъ; иногда оставляютъ въ этомъ званіи и женатаго, (Петроостровъ, Ингул., Константиновка, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ принятъ порядокъ выбора по большинству голосовъ (Константиновка). Послѣ выбора новый атаманъ угощаетъ громаду водкой. Но выборы—явленіе не повсемѣстное, въ нѣкоторыхъ селахъ въ атаманы выдвигается, непосредственно въ силу уваженія къ нему, безъ всякихъ выборовъ, какой нибудь парубокъ, своими личными достоинствами (Т. И. Осадчій). Отъ атамана требуются слѣдующія личныя качества: онъ долженъ быть красивъ, высокъ ростомъ и обладать физической силой; онъ долженъ и внѣшнимъ своимъ видомъ внушать къ себѣ уваженіе; физическая сила необходима ему для водворенія порядка въ товариществѣ и устрашенія непокорныхъ; отъ него требуется также умъ, расторопность и опытность, а потому обыкновенно въ атаманы выбираютъ парубка, давно состоящаго въ громадѣ; качества эти необходимы ему для избѣ-

жанія разныхъ невзгодъ, лежащихъ на пути безпокойной парубоцкой жизни. Наконецъ, отдаютъ предпочтеніе сыну состоятельныхъ родителей и человѣку честному, въ предупрежденіе растраты громадскихъ денегъ. Растрату покрываетъ отецъ атамана, а самого атамана за растрату бьютъ, снимаютъ съ него свиту и, лишивши его присвоеннаго ему званія, исключаютъ изъ громады.

Обязанности атамана можно раздѣлить: на финансовыя и судебно-административныя. Громадскіе капиталы составляются изъ взносовъ парубковъ и ихъ сборовъ при колядованьѣ, щедрованьѣ и вожденіи козы. Въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто постоянной кассы, дѣлаются складчины, копѣекъ по 50, для выпивки и найма музыки, только въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: на Андрія, на запусты (заговѣнье), на рождественскіе праздники, на святой (Петроостровъ); въ другихъ взносы имѣютъ болѣе правильный и постоянный характеръ; при чемъ размѣръ взноса опредѣляется атаманомъ, который собираетъ и хранитъ деньги. Въ с. Ингульской Каменкѣ, одинъ разъ въ годъ, послѣ Пасхи, происходитъ общій подсчетъ денегъ и распредѣленіе ихъ: часть идетъ на церковь, другая на выпивку, третья на сооруженіе или на починку колодца или креста при дорогѣ; въ нѣкоторыхъ селахъ пожертвованія на церковь дѣлаются по прямому распоряженію мѣстнаго священника; такъ, одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда говорилъ намъ, что въ ихъ селѣ часть парубоцкихъ денегъ употребляется на покупку свѣчей и хоругвей (это дѣлается по требованію обычая), а остальныя священникъ самъ отбираетъ на церковь. Атаманъ поддерживаетъ порядокъ между парубками. Атаману парубки заносятъ жалобы, онъ разбираетъ ихъ, миритъ спорящихъ и налагаетъ штрафы и наказанія, при чемъ парубки подчиняются ему безпрекословно (Губовка, Константиновка). Въ с. Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, одинъ парубокъ занесъ атаману жалобу на одну знакомую ему дѣвушку въ томъ, что при встрѣчѣ съ нимъ она обратилась къ нему съ насмѣшливымъ привѣтствіемъ: „здоровъ дидусю“ (*дидусь*—была уличная кличка парубка); атаманъ приговорилъ побить ей морду (Е. И. Борисовъ). Какъ лицо, пользующееся уваженіемъ и довѣріемъ парубковъ, атаманъ является ихъ главнымъ совѣт-

никомъ въ разныхъ случаяхъ ихъ жизни, какъ то: въ случаяхъ несогласія съ другими парубоцкими громадами, необходимости побить кого-нибудь, намѣренія вымазать дивчинѣ ворота дегтемъ или занести куда нибудь ворота отъ ея хаты и т. п. (Михайловка, александровск. уѣзда). Атаману воздается почетъ при товарищескихъ выпивкахъ: во время пріемовъ въ громаду новыхъ сочленовъ, онъ, вмѣстѣ съ старшими парубками, выпиваетъ добрую половину могорыча, а остальнымъ дается по чаркѣ, по двѣ (Т. И. Осадчій).

Въ с. Константиновкѣ черкасскаго уѣзда, въ парубоцкой громадѣ, кромѣ атамана, есть еще помощникъ атамана. Онъ—тѣлохранитель атамана и долженъ его защищать въ случаѣ нападенія чужихъ парубковъ, а потому повсюду сопровождаетъ его. Парубоцкая громада въ этомъ селѣ очень многочисленная,—60 человѣкъ (А. Я. Цимбиди).

Въ иныхъ селахъ парубоцкая громада не имѣетъ внѣшней организаціи, т. е. не выбираетъ атамана; въ такихъ случаяхъ единственнымъ связующимъ учрежденіемъ для парубковъ служатъ „улыци“ и „вечерныци“ (Погребки, Глодоссы, Новоархангельскъ и др.).

„Гулять“ на „улыцяхъ“ начинаютъ иногда еще въ постъ, въ воскресенье, или подъ воскресенье, когда стало уже тепло. Съ Пасхи начинается уже настоящее гулянье. На пасхальной недѣлѣ гуляютъ и днемъ, и вечеромъ: днемъ на качеляхъ, сооруженіе которыхъ лежитъ на обязанности парубковъ, вечеромъ дивчата садятся на толокѣ, или гдѣ нибудь подъ тыномъ на бревнѣ и поютъ; парубки собираются къ атамановой хатѣ и отсюда идутъ всѣ вмѣстѣ, распѣвая пѣсни, къ дивчатамъ; придя къ нимъ, примащиваются и начинаютъ приставать съ шутками и шалостями, иногда вольнаго характера. Сборища эти, иногда продолжающіяся до полуночи, вообще отличаются очень оживленнымъ характеромъ. Одинъ корреспондентъ (Морозъ), самъ парубокъ, такъ описываетъ ихъ: „Тамъ всего бываетъ: поютъ, кричатъ, смѣются, шутятъ, представляются—тотъ жидомъ, а тотъ дурнемъ, тотъ собакою, а тотъ кошкою, или жабою, да заведутъ возню двѣ собаки съ кошкою, а то, глядишь, кто и

козою прикинется... Смѣхъ, хохотъ, шумъ!... Или начнутъ бороться; а то кто нибудь дѣвку прогонитъ съ мѣста, а другіе не даютъ, или за что другое начнутъ браниться, такъ что чертямъ станетъ весело, а то такъ даже и подерутся: свою ладонь подставитъ къ его лицу, да какъ ударитъ по ней,—то совсѣмъ будто по щекѣ; а тотъ кричитъ да сплевываетъ, да жалуется, будто бы зубы ему выбилъ и кровь идетъ... А то играютъ на языкѣ, если гармоніи нѣтъ, а другіе всѣ танцуютъ, кто какъ умѣетъ, а кто такъ просто скачетъ. Нерѣдко парубки нанимаютъ и музыку. А то дивчата начнутъ въ полголоса пѣть, а хлопци подтягиваютъ, или перебьютъ ихъ и начнутъ каждый свое, да такъ, что хоть уши затыкай; къ дивчатамъ пристаютъ, щекочатъ, обнимаютъ. Такъ гуляютъ каждый вечеръ до Вознесенья, а отъ Вознесенья до Покрова собираются только подъ праздники и въ праздники, тоже по вечерамъ (Глодоссы)". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гульбища молодежи происходятъ у шинка—этого деревенскаго клуба, при чемъ атаманъ собираетъ деньги, нанимаетъ музыку и покупаетъ водку (Константиновка).

Съ Покрова, а изрѣдка и раньше, начинаются зимнія собранія молодежи, извѣстныя подъ именемъ *досвитокъ* и *вечерницъ*. Такъ какъ эти собранія по необходимости происходятъ въ хатѣ, то молодежь въ большихъ селахъ разбивается на партіи и каждая партія ищетъ помѣщенія для вечерницъ. Обыкновенно просятся къ какому нибудь бѣдняку, у котораго нѣтъ дѣтей, или если и есть, то маленькія, потому что на досвиткахъ, случается, поютъ безстыдныя пѣсни и говорятъ что попало,—поэтому, у кого взрослыя дѣти—тотъ и не пуститъ; а то обращаются къ какой нибудь вдовѣ, обѣщая ей повисму [1]) конопли, мѣшокъ картофеля, а то и пшеницы мѣрки двѣ. Получивъ разрѣшеніе отъ кого нибудь, къ нему и ходятъ цѣлую зиму, при чемъ хозяевъ величаютъ батькомъ и матерью и относятся къ нимъ съ видимымъ почтеніемъ, предоставляя имъ первое мѣсто за столомъ во время угощеній (Петроостровъ). На Покрова, на *пущинья* передъ филиповкою, противъ Андрея (29 ноября) и на риздвяныхъ святкахъ устра-

---

[1]) 10 ручаекъ или жмень (сколько рукой обхватить можно).

иваютъ угощенья, для чего дивчата дѣлаютъ складку, т. е. сносятъ съѣстные припасы: муки, сала, куръ, говядины, картофеля, а также кухонную посуду—сковородку, горшки, и топливо—солому и кирпичъ; керосинъ для освѣщенія приносятъ также дивчата, по очереди. Собравшись, принимаются всѣ хлопотать: варятъ, пекутъ. На Андрея варятъ постное: жарятъ рыбу на оліи, пекутъ млынци, пампушки съ медомъ, плачынды зъ озюмамы та зъ рысомъ, съ калыною та съ корынкою перижки, узваръ; кромѣ того, каждая дѣвушка печетъ по пампушкѣ для извѣстнаго гаданья о замужествѣ и, сверхъ того, *калыту* для извѣстной также игры, составляющей необходимую принадлежность этого вечера. Доставить водку считается обязанностью парубковъ; въ нѣкоторыхъ селахъ эти игрушки принимаютъ иногда характеръ безчинно-пьяный. Вотъ какъ описываетъ ихъ упомянутый выше парубокъ Морозъ, „ужинаютъ всѣ вмѣстѣ и водку пьютъ, а когда подопьютъ, то бываетъ всего: и поютъ, и танцуютъ; бываетъ—такъ раздурятся, что ужъ не знаютъ, что и дѣлать. Такъ гуляютъ за полночь. Кто упьется—лежитъ, а другой еще что-то плететъ,—ужъ гляди, едва языкомъ ворочаетъ. А тотъ танцуетъ, а тотъ поетъ, а того, гляди, уже сморило,—такъ онъ на дворъ пошелъ прогуляться, а другой еще такъ только веселенькій. И такъ „перевертается пекло“ пока сморятся дивчата и начнутъ парубкивъ уговаривать ложиться спать; воспользовавшись заташьемъ, дивчата начинаютъ стелить,—таскаютъ солому, раскладываютъ на полу и стелятъ рядна. Парубки падаютъ на постель; тотъ рядно тянетъ, тотъ смѣется, а тотъ солому треплетъ; того съ постели тянутъ... и опять, точно пекло, заворушится: смѣхъ, хохотъ, толкотня; одинъ другого душитъ, а тотъ того тянетъ, а того соломою прикроютъ, или ряднomъ обмотаютъ... и такая „тяганына“ тянется еще долго, пока дивчатамъ удастся какъ нибудь постлать. А дивчата тоже подъ хмѣлькомъ,—такъ одному настелятъ соломы много, а другому—гляди—только рядно достанется; но пьяные не очень разбираютъ. Утромъ встаютъ, опохмѣляются, доѣдаютъ, что осталось съ вечера, а потомъ, вечеромъ случается, принимаются снова гулять.

Бываетъ, что такое веселье продолжается 3—4 дня подъ рядъ (Глодоссы).

Обыкновенныя вечерницы проходятъ значительно тише. Въ условленную разъ на всегда хату, подъ воскресенье или подъ праздникъ дивчата собираются съ работой: шьютъ, прядутъ.. Парубки играютъ въ карты и пьютъ водку. Начинаются шутки, затягиваютъ пѣсни. Дивчата поютъ насмѣшливыя пѣсни по адресу парубковъ, тѣ тоже не остаются въ долгу, при чемъ пѣсни парубковъ не рѣдко отличаются нескромнымъ содержаніемъ. Эта пѣсенная перебранка продолжается, пока парубки не наймутъ музыку: тогда дивчата допускаютъ парубковъ къ себѣ поближе и начинаютъ величать ихъ пѣснями, а они отвѣчаютъ тѣмъ же (Ингульская Каменка); иногда величаютъ или дразнятъ какую нибудь парочку (Глодоссы). Къ сожалѣнію, намъ не посчастливилось по части пѣсеннаго матеріала. Съ появленіемъ музыки начинаются танцы. Танцуютъ метелицу; козачка и пр., часовъ до 9—10, а иногда и за полночь (Ингул. Каменка).

Случаи нарушенія дѣвичьей чести на вечерницахъ бываютъ рѣдко. Впрочемъ, парубки въ нѣкоторыхъ селахъ относятся къ такимъ случаямъ не только безъ осуженія, но считаютъ ихъ для себя признакомъ отличія, а скромнаго товарища называютъ дурнымъ, бабою, неумѣлымъ (Трушки, Глодоссы и др.). Только въ случаѣ допущенія насилія наказываютъ обольстителя тумаками, особенно если между парубками есть родственники потерпѣвшей дѣвушки (Т. И. Осадчій). Порицаніе и протестъ встрѣчаютъ такіе случаи чаще со стороны дивчатъ, и если, нарушивъ невинность дѣвушки, парубокъ не женится на ней, то, случается, его изгоняютъ изъ вечерницъ (Погребки). Заступниками обманутыхъ дѣвушекъ выступаютъ, кромѣ того, ихъ отцы. Для начала дѣла обыкновенно отецъ считаетъ необходимымъ выбранить и побить пострадавшую; потомъ онъ заноситъ жалобу въ расправу или въ волость и требуетъ, чтобы обольститель женился на его дочери, или вознаградилъ ее за безчестіе деньгами; иногда дѣло оканчивается примиреніемъ: виновный покупаетъ водку и на томъ оканчивается тяжба (Ингульская Каменка, Петроостровъ). Если случай сдѣлался извѣстнымъ, дѣ-

вушка иногда подвергается жестокому преслѣдованію со стороны парубковъ; много ей всякихъ, иногда мерзкихъ и жестокихъ, обидъ приходится претерпѣть отъ мужской молодежи: ей вымазываютъ дегтемъ хату, рисуютъ на стѣнкахъ непристойныя изображенія, выносятъ ночью ворота куда нибудь и пр. (Петроостровъ). Страхъ огласки и позора иногда доводитъ дѣвушку до полнаго развращенія. „Если дѣвушка потеряла честь (пишетъ не разъ упомянутый Морозъ), то уже поневолѣ слушаетъ своего обольстителя, потому что онъ начнетъ стращать, что другимъ разскажетъ, при всей громадѣ,—вотъ она, изъ боязни, и повинуется ему, а отцу, или матери, стыдно признаться: такъ она, бѣдная, поневолѣ живетъ съ нимъ,—случается, и съ дѣтьми бываютъ; да хорошо еще, если обольститель имѣетъ намѣреніе взять ее за себя,—живутъ себѣ, и вдвоемъ только и знаютъ про то; а если онъ хочетъ только поглумиться надъ нею, такъ и броситъ, да и разскажетъ товарищу, а тотъ добьется того же самаго да разскажетъ третьему; наконецъ поведеніе дѣвушки становится извѣстнымъ всѣмъ; тогда она дѣлается предметомъ общаго презрѣнія, всѣ издѣваются надъ нею, а она—съ досады и горя—уже и не уклоняется отъ распутства,—думаетъ: коли такъ, такъ пусть и будетъ такъ, какъ говорятъ; пускай говорятъ не даромъ (К. Д. Морозъ)“...

Въ Кіевщинѣ, какъ бы ни было обширно поселеніе, существуетъ по большей части только одна парубоцкая громада съ однимъ атаманомъ, разбивающаяся, во время командованья, на двѣ или на три партіи; въ херсонщинѣ же наблюдается другое: напр., большое село Верблюжка (алекс. у.) раздѣляется на четыре кутка, или сотни (по терминологіи бывшихъ военныхъ поселеній), и, соотвѣтственно этому, въ немъ существуетъ четыре громады; такова же организація и въ сосѣднихъ селахъ; каждая изъ этихъ громадъ имѣетъ своего атамана, свою кассу, свою колядку и пр. (Т. И. Осадчій). Взаимныя отношенія между отдѣльными громадами всецѣло зависятъ отъ дивчатъ, и пока дѣло не дойдетъ до нихъ, онѣ имѣютъ мирный характеръ. Дѣло въ томъ, что каждая громада парубковъ ревниво оберегаетъ дѣвушекъ своего кутка отъ всякихъ покушеній со стороны чу-

жихъ парубковъ. Атаманъ с. Константиновки черкасскаго у. Юхв. Глущенко, въ отвѣтъ на запросы наши, пишетъ: „когда приходитъ изъ сосѣднихъ деревень хлопецъ и желаетъ погулять съ дѣвками, то мы требуемъ съ него четверть водки, а который прійдетъ погулять съ хлопцами, то съ него не требуется ничего (сообщ. А. Ѳ. Цимбиди; тоже въ Ингул. Каменкѣ)". Подъ условіемъ могорыча, пустятъ чужого парубка и на музыки, и на вечерницы, позволятъ полюбезничать съ дивчатами, но ни подъ какимъ видомъ не допустятъ лечь спать на соломѣ съ дивчиной (Погребки. М. В. Рклицкій). Иногда при первыхъ же попыткахъ его завязать любовныя отношенія, съ приходомъ его „на выгляды", дѣло приходитъ къ кулачной расправѣ (Ивота и Мамекино), при чемъ бываютъ случаи жестокаго избіенія пришельцевъ; товарищи побитаго выступаютъ защитниками и мстителями, и тогда побоище принимаетъ болѣе широкіе размѣры; дѣло доходитъ до того, что парубки портятъ гребли, чтобы прекратить доступъ противникамъ на свой кутокъ или въ свое село. Для характеристики этихъ войнъ приводимъ разсказъ объ одной изъ нихъ одного корреспондента изъ крестьянъ. „Село наше (Новоархангельскъ), пишетъ онъ, дѣлится на два кутка: Михайловскій и Варваровскій, которые получили свои названія по церквамъ, бывшимъ въ нихъ прежде. Ежегодно происходили между парубками этихъ кутковъ постоянныя драки, и больше всего изъ-за дѣвокъ. На первый день пасхи въ нынѣшнемъ году, послѣ обѣда, парубки изъ Варваровскаго кутка пришли на Михайловскій кутокъ, наняли качель Михайловскимъ дѣвкамъ, да еще выбрали самыхъ красивыхъ, и сами сѣли съ ними. Михайловскіе хлопцы моргали дивчатамъ, чтобы не садились съ варваровскими, но дивчата не то не рѣшились отказать варваровскимъ хлопцамъ, а, можетъ, не захотѣли слушаться своихъ. И вотъ, только слѣзли съ качели варваровскіе парубки и стали въ сторонѣ, какъ подходятъ къ нимъ человѣкъ шесть михайловскихъ, какъ влѣпятъ имъ хорошихъ пощечинъ... и скрылись въ толпѣ. Тогда варваровцы молча пошли на свой кутокъ, подговорили своихъ товарищей, душъ двадцать, захватили здоровыя дубины, пошли и засѣли въ огородахъ на михайловскомъ куткѣ, недалеко отъ

качели, а одного изъ своей компаніи, самаго сильнаго и ловкаго, послали къ качели; тотъ принимается дразнить парубковъ, и вотъ, одинъ изъ нихъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „шо ты задаесся?"—а этотъ какъ свиснетъ его въ морду,—тотъ даже пошатнулся... Тогда душъ пятнадцать, а можетъ быть и больше, кинулись на него, а онъ—шмыгъ въ огороды, гдѣ сидѣли его товарищи; когда михайловскіе минули засаду, варваровскіе кинулись на нихъ съ люшнями и дубинами и хорошо-хорошо отлупили ихъ (А. Школа.)".

Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонскаго края такія отношенія между кутками получаютъ національный отпечатокъ; соотвѣтственно условіямъ заселенія села, оно раздѣляется, напр., на малорусскій и молдаванскій кутки, и вотъ парубки этихъ національныхъ группъ ревниво оберегаютъ своихъ дивчатъ отъ ухаживаній и отъ непріятностей со стороны парубковъ другой національности (Т. И. Осадчій). Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ приспособленіе древняго обычая къ новымъ условіямъ жизни.

Общія собранія молодежи, „вулыци" и „вечерныци", составляютъ главное, а часто и единственное начало, которое связуетъ ее воедино и сообщаетъ ей общественную организацію. Но есть и другія области для взаимнаго общенія сельской молодежи; есть дѣла и обязанности, которыя исполняются совокупными силами всей молодежи села. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ святочные обряды и увеселенія: колядованье, хожденіе со звѣздою и съ козою и щедрованье; къ этому прибавляется еще въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. представленіе такъ наз. „Трона" („Царя Максимиліана"). Приступая къ колядованью, парубки—всѣмъ обществомъ, или раздѣлившись на партіи, предводимыя особымъ лицомъ, „березою",—считаютъ необходимымъ предварительно получить отъ священника благословеніе (Петроостровъ). Получаемый при этомъ хожденіи доходъ деньгами, калачами, паляницами и пр. колядники дѣлятъ между собою, а треть или двѣ трети отдаютъ на церковь (Петроостровъ, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ на вырученныя деньги парубки покупаютъ сами къ церковь иконы, кресты и хоругви (Антоновка, Константиновва и др.) и пріобрѣтаютъ особыя свѣчи для церковныхъ цере-

моній (Вербовецъ, звенигор. у., Е. И. Борисовъ). На Крещенье парубки вырубываютъ крестъ во льду (Губовка), на Пасху устраиваютъ „качельню", „коныки", иначе—„карюсель", при чемъ за пользованіе ими берутъ съ чужихъ парубковъ плату, обыкновенно крашанками (Новоархангельскъ). Далѣе парубоцкія громады многихъ селъ считаютъ на своемъ попеченіи колодцы, особенно въ полѣ, они копаютъ, поправляютъ и чистятъ ихъ; колодцы, на границахъ земель, сооружаются сообща парубоцкими громадами сосѣднихъ селъ, при чемъ иногда парубки одного изъ нихъ поставляютъ матеріалъ, а парубки другого—даютъ свой трудъ. Разъ въ году парубоцкая громада приглашаетъ духовенство освятить колодезъ, при чемъ въ крестномъ ходѣ парубки несутъ свои хоругви. Обыкновенно, это освященіе имѣетъ мѣсто на Макковея (1 августа), при чемъ дивчата надѣваютъ вѣнки и по окончаніи молебствія расходятся съ пѣснями (Вербовецъ, Петроостровъ). Возлѣ с. Константиновки черкасскаго у., криница расположена на возвышенности и возлѣ нея поставленъ крестъ; освящаютъ ее на Тройцу, послѣ чего парубоцтво направляется къ атаману и гуляетъ передъ его хатой съ дивками (Юхв. Голущенко). Въ нѣкоторыхъ селахъ послѣ освященія колодца слѣдуетъ общественный обѣдъ на травѣ (Т. И. Осадчій, Щербановская вол. 44), при чемъ расходы покрываются въ складчину. Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. такимъ же образомъ парубки устраиваютъ освященіе царины (Т. И. Осадчій). Въ Донской области на обязанности парубковъ лежитъ оберегать по ночамъ посѣвы отъ выпаса чужими лошадьми и ночные обходы въ деревнѣ (Гирскій), въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ—пасти по ночамъ лошадей (М. В. Рклицкій).

Таковы существенныя обязанности союзовъ мужской молодежи, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. У П. И. Якушкина въ замѣчаніяхъ о Донской области находимъ весьма любопытный разсказъ о томъ, какъ дѣвки-козачки мучили мужичку-наймичку за то, что она отбивала у нихъ парней [1]). Подобныхъ разсказовъ намъ не приходилось получать

---

[1]) Сочиненія, Спб. 1884, стр. 405.

отъ нашихъ корреспондентовъ. На нашемъ югѣ дѣвичье общество имѣетъ мало самостоятельнаго значенія и лишено своей собственной организаціи. Любопытно, однако, что въ весенней игрѣ *нелюбъ* есть *атаманша* [2]). Въ с. Михайловкѣ, александрійск. у., дѣвушки выбираютъ изъ своей среды разъ въ годъ атаманшу, которая собираетъ деньги на освященіе своего, *дивочьяго* колодца за селомъ и припасы на общее угощеніе послѣ него, при чемъ обѣдъ варятъ матери ихъ (Т. О. Курловъ). Въ нѣкоторыхъ селахъ звенигородскаго у. дивчата покупаютъ свою свѣчу для церкви (Е. И. Борисовъ). Для устройства вечерницъ и гаданій дѣвушки собираются въ кружки, при чемъ хозяйственная часть собраній лежитъ на нихъ (Осадчій, Крыжановская и др.). Въ с. Константиновкѣ черкасскаго у. первое появленіе „на вулыци" дѣвушки 15—16 лѣтъ сопровождается наймомъ музыки на парубоцкій счетъ (А. Ѳ. Цимбиди).

Этимъ мы заканчиваемъ обозрѣніе нашего матеріала о союзахъ и сборищахъ сельской молодежи зрѣлаго возраста. Но во многихъ селахъ и молодежь незрѣлая устраиваетъ „гулянья" и на улицахъ, и въ хатахъ, при чемъ занимается борьбой, пѣніемъ (Шамраевка), играетъ въ карты, предпочтительно въ фильку и стуколку, на бублики и спички (Ивота, Мамекино, Глодоссы), а въ селахъ съ расшатанной нравственностью, изъ подражанія старшимъ, пьютъ и водку (Губовка). При колядованьи подростки нерѣдко составляютъ особый кружокъ (Ивота и Мамекино, Глодоссы и др.). Старшіе парубки относятся къ зеленой молодежи, „парубчакамъ", насмѣшливо, а если захватятъ кого нибудь изъ нихъ у старшихъ дивчатъ, то подвергаютъ униженіямъ, такъ заставляютъ ихъ „гавкать на куцюбу (кочергу)" и т. п. „Батьки" на сборища подростковъ смотрятъ снисходительно, только не позволяютъ возвращаться домой поздно.

Наконецъ, кромѣ сборищъ молодежи, и представители другихъ возрастовъ, возмужалаго и старческаго, также имѣютъ

---

[2]) Чуб., III, 90.

обыкновеніе собираться кружками въ одной какой либо хатѣ бесѣдовать и угощаться; когда собравшіеся повеселѣютъ, то является потребность вспомнить старину не однимъ только словомъ, но и пѣсней, и пляской (Глодоссы, К. Д. Морозъ).

В. Ястребовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо святителя Феодосія Углицкаго. Въ Черниг. губ. вѣд. за настоящій годъ (№ 863) напечатанъ фототипный снимокъ съ письма святителя Феодосія Углицкаго (мощи котораго торжественно открыты мѣсяцъ назадъ въ Черниговѣ), письма, писаннаго въ 1691 г. къ «державцѣ» с. Обтова (Кролевецк. у.) Ивану Забѣлѣ, съ предстательствомъ за тамошняго священника, чтобы послѣдній «не былъ отдаленъ» отъ Обтовской церкви. Письмо это приводимъ здѣсь полностью.

Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосцѣ пане.

Честный отецъ Григорій, священникъ Обтовскій, просилъ мя слезне о причину до вашей мости пана, абы не былъ отдаленный отъ церкви Обтовской, до котороѣ и святился. Прошу теды за нымъ, вм. м. милостивого пана, абысь его в ласце своей заховалъ. Если бы зась згола не поступовалъ такъ, яко потреба, то правне его треба зъ парохиѣ зкладати, тоесть передъ судомъ духовнымъ припозвати, вины его доводне показати, а такъ правилно если з парохнѣ и изженется, безгрѣшно будетъ. Молитвы мои затымъ и поволне услуги, вм. м. пану, залецаю. Писанъ в монас. Елец. Чер. року 1691, мар. 18.

Вм. м. м. пана всѣхъ добръ сприяючий богомолецъ и радъ служити Ѳеодосій Углицкій Ар. Елец. Чер.[1]).

Приведенное письмо представляетъ собою любопытное свѣдѣніе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали въ старой Малороссіи между сельскими священниками и державцами ихъ селъ. На страницахъ «Кіевской Старины» недавно былъ напечатанъ (1896 г., іюнь, 88) отрывокъ изъ тѣхъ дезидератъ, которыя были заявлены малорусскимъ духовенствомъ въ Екатерининскую коммисію;

---

[1]) На письмѣ надпись: „Моему мл. пану его мл. пану Іоану Забѣлѣ на Обтовѣ отдати належитъ“.

здѣсь между прочимъ «бѣлое священство», жалуясь на гнетъ державцевъ надъ сельскими священниками, указываетъ, что послѣдніе очень часто не смѣютъ и литургіи начать безъ разрѣшенія «владѣльцевъ». При такихъ отношеніяхъ сельскій священникъ, конечно, вполѣ зависѣлъ отъ мѣстнаго державцы.

А. Л.

Къ исторіи возстанія Наливайка. Осенью 1594 г. Наливайко съ собранною имъ вольницею возвратился въ Брацлавщину изъ набѣга, предпринятаго на Молдавію. Расположившись въ Брацлавѣ и его окрестностяхъ, Наливайко потребовалъ отъ земянъ воеводства Брацлавскаго «стаціи и померного», т. е. квартиръ и корма для своей дружины, а также доставки нѣсколькихъ сотъ лошадей; земяне отказались исполнить это требованіе и для совѣщанія о мѣрахъ защиты назначили съѣздъ въ Брацлавѣ подъ предлогомъ «судовыхъ рачковъ»; они не рисковали однако являться въ Брацлавъ по одиночкѣ и рѣшили собраться предварительно въ таборъ подъ городомъ и затѣмъ въѣхать въ городъ вмѣстѣ; они извѣстили объ этомъ брацлавскій магистратъ «жебы ся тымъ не образжали противно насъ, же громадою въ одномъ местци до Браславля съ судомъ земскимъ ѣдемо».—Но магистратъ, встрѣтилъ предложеніе земянъ недружелюбно: посланный въ городъ съ извѣщеніемъ дворянинъ Григорій Цурковскій былъ задержанъ въ городѣ, и магистратъ, «маючи собе на помочь того-то человѣка незбожного, Наливайка зъ его дружиною», организовалъ вооруженное нападеніе на шляхецкій таборъ, расположенный вблизи города на берегу Буга. Мѣщане и козаки застигли неожиданно ночью шляхецкій таборъ и совершенно его разгромили: нѣкоторые шляхтичи и ихъ слуги были убиты, многіе поранены, имущество ихъ разграблено и весь таборъ разсѣянъ [1]). Изъ ниже приведеннаго документа видно, что брацлавскіе мѣщане предприняли нападеніе имѣя въ виду ясно опредѣленную цѣль: они желали, пользуясь помощью козаковъ, избавиться отъ тяготѣвшей надъ ними власти старосты и отъ преобладанія дворянскаго сословія, поддерживавшаго старостинскую власть и покровительствуемаго ею. Дѣйствительно, брацлавяне достигли на нѣкоторое, весьма впрочемъ непродолжительное, время полной автономіи своего города.

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. I, стр. 66—68.

Весною 1595 г. Наливайко съ своею дружиною ушелъ въ походъ въ Трансильванію; обстоятельствомъ этимъ воспользовались польскія власти для того, чтобы усмирить строптивый городъ. Въ концѣ мая гетманъ польный коронный, Станиславъ Жолкевскій, послалъ «напомненіе» брацлавскому магистрату, требуя, чтобы городъ призналъ вновь власть старосты и отдалъ въ его распоряженіе захваченные мѣщанами замокъ и гродскую канцелярію, въ которой хранились имущественные документы земянъ всего воеводства. Увѣщаніе гетмана передано было магистрату ротмистрами панцырныхъ хоругвей, командированныхъ гетманомъ для усмиренія города. Мѣщане, лишенные теперь помощи козаковъ, не разсчитывали отстоять городъ собственными силами; они должны были смириться. Въ знакъ покорности они составили повинную, въ которой просили прощенія и обѣщали пополнить причиненные ими старостѣ убытки. Документъ этотъ былъ явленъ въ гродскія брацлавскія книги 9 іюня 1595 года. Приводимъ его полный текстъ:

«Я Романъ Тишченко, войтъ брацлавскій, Илько Манъ, Яцко Забила, Наумъ Гратченко, Васько Билоусенко, Михно Коваленко, Ясько Гаченко, Ивашко Стешенко, Семенъ Бордушка, Іосипъ Гончаренко, Грышко Москоуда, Савка Наполисный, Савка Бондуганъ, также вся громада, мещане брацлавскіе, вызнаваемъ тымъ лыстомъ нашимъ, кому того потреба будетъ вѣдати, або, чтучи его, слышати, теперъ и завжды у кождого права и на кождымъ мейсту: А што есьмо зъ глупости нашои, не ушановавши пана подстаростого его милости пана Юрія Струся зъ Коморова, старосты брацлавского, винницкого и звенигородского—пана Станислава Ястрембского, замокъ его королевской милости Брацлавскій, для небезпечности, которая на насъ заходыла, взялы; который мы вси одностайне, за напомненемъ Е. М. п. Станислава Жулковского, каштеляна Львовского, гетмана польного коронного, старосты Грубешовского, Калуского, подъ писаніе листу Е. М., которому то его королевская милость и речь посполитая за вины нашп, абы, ведле декрету Е. К. М-ти, зъ казни скутокъ привезти рачилъ, особливо его милость насъ напомнети рачилъ, предъ Е. М. п. Крыштофа Творянского, ротмистра Е К. М-ти, абысьмы замокъ Е. К. М-ти брацлавскій, Е. М. старосте нашому Брацлавскому, пану Юрію Струсю зъ Коморова въ цале вернулы. Мы вси одностайне, одъ старшого аж до меншого, взнавши выступокъ нашои вины, не припушчаючи до чинепя екзекуціи, на насъ взказаное ведле декрету Е. К. М-ти, черезъ певныхъ особъ: Е. М. п. Крыштофа Творянскаго, п. Ми-

хайла Ласка, подсудка и при инныхъ не мало ихъ мылостей пановъ шляхты воеводства Брацлавского, товаришовъ роты Е. М. п. Творянского, также и товаришовъ роты Е. М. п Яна Замойского, стражника и ротмистра Е. К. М-ти и презъ возныхъ поветовыхъ—воеводства Брацлавского: генерала земли Кіевское, Волынское, Брацлавкое, Яцка Шиколовского и Дмитра Щыкитинского, замокъ Е. К. М-ти Брацлавскій Е. М. пану Юрію Струсю, старостѣ нашому Брацлавскому, зо всіми дилы, зъ гаковныцями, зъ прохи, зъ кули и иншую армату, до стрельбы належачую, книги, которые въ замку, въ схованю, въ коморе были: року 1578 и 1579, року 1580, 1581, 1582, 1583, 1884, 1585, 1586 и 1590, подалы. Который то замокъ и всю стрельбу его милость панъ староста Брацлавскій подстаростему своему, томужъ пану Станиславу Ястрембскому одобраты, а пану Григорію Байбузѣ, писарю гродскому брацлавскому, книги гродскіе одобраты розказати рачилъ. При которомъ одбираніи панъ Григорій Байбуза, писарь, то оповѣдалъ и ихъ милостью панами и возными сведчилъ, ижъ за рокъ 1577, 1587, 1588, 1589, 1591, 1592, 1593 и 1594—не маешь; которые книги мы одыскаты будемъ повинни, такожъ за вси вины Е. К. М-ти и речи посполитее чинить и полнить ведлугъ воли и разказаня Е. К. М-ти будемъ повинни, а особливе, штосьмы винни за шкоды Е. М-ти п. старостѣ зосталы и листы и запысы наши на себе есьмо Е. М-ти далы и то все присягою телесною есьмо потвердылы и тотъ листъ нашъ, печатью нашею мескою притыснувши, Е. М-ти п. старосте Брацлавскому далы есьми; до которого за устною а очевистою прозьбою нашею Е. М. п. Крыштофъ Творянскій, ротмистръ Е. К. М-ти, п. Михайло Ласко, подсудокъ земскій брацлавскій, п. Людвикъ Злотницкій, п. Мыколай Злочевскій, п. Павелъ Прилуцкій, п. Войтехъ Богуславскій, п. Вацлавъ Тернавскій и возные воеводства Брацлавского: Яцко Шиколовскій генералъ, а Дмитръ Щыкитинскій, печати свое приложылы и руки свое, хто зъ ихъ милостей писаты умелъ, подписаты рачылы. Писанъ въ Брацлавли лета Божого нароженя 1595, мисяця іюня 8 дня (слѣдуютъ подписи) [1]).

Замокъ съ артиллеріею и амуниціею былъ сданъ мѣщанами немедленно намѣстнику старосты, но пополнить недостающія въ гродской канцеляріи актовыя книги оказалось невозможнымъ; книги эти были частью изорваны, частью унесены козаками; неудивительно, что поиски мѣщанъ, если даже таковые и предпринимались, не увѣнча-

---

[1]) Кн. гродск. винницкая записовая и поточная № 4627, стр. 46—48.

лись успѣхомъ. Полтора года спустя послѣ явки ими вышеприведеннаго документа, канцлеръ Янъ Замойскій, скупавшій въ то время помѣстья въ Брацлавщинѣ, записалъ въ брацлавскія гродскія книги 1596 года, декабря 14, слѣдующее заявленіе: «Тыхъ недавно прошлыхъ часовъ люде сваволььны, украинны—козацтво, на место и замокъ Брацлавскій наѣхавши, шляхту тамошнюю, которые ся были на роки, подъ часъ наѣханя ихъ припалы, зъѣхали, разгромивши, немало гвалтовъ и шкодъ причинили: книги земскіе и гродскіе тамошніе показили, а нѣкоторые побрали». Въ томъ числѣ истреблены были и документы Замойскаго: «листы головные, купни и записи на Стинку, Скиндеровщину и Бушую» [1]).

В. А.

Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи.— Дикимъ конямъ въ послѣднее время посчастливилось: имъ посвящены (въ Ж. М. Нар. Пр.) два обширныхъ изслѣдованія П. И. Кеппеномъ и Д. Н. Анучинымъ, которые много потрудились надъ изученіемъ литературныхъ, главнымъ образомъ, извѣстій о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи: о мѣстностяхъ, гдѣ водились дикіе кони, о физическихъ способностяхъ и нравахъ дикихъ коней, о пріемахъ охоты на нихъ, о прирученіи и пр. Однако, оба изслѣдователя не могли прійти къ соглашенію по вопросу первой важности: между тѣмъ какъ г. Кеппенъ выступаетъ съ мнѣніемъ, что позднѣйшія, водившіяся на югѣ Россіи еще не на памяти старожиловъ, дикія лошади суть потомки дикихъ лошадей древняго, скифскаго періода,— проф. Анучинъ считаетъ ихъ одичавшими домашними лошадьми. Предоставляя спеціалистамъ окончательное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса, предлагаю въ настоящей замѣткѣ вниманію читателей имѣющіеся у меня разсказы двухъ стариковъ о дикихъ лошадяхъ; первый изъ этихъ разсказовъ записанъ В. Юрьевичемъ, второй—Ив. Экскузовичемъ; въ моей передачѣ разсказы должны были подвергнуться небольшой редакціонной обработкѣ.

I. Въ черноморскихъ степахъ въ старое время водились лошади совершенно дикія, никому не принадлежавшія. Роста онѣ были менѣе двухъ аршинъ, масти—темно-мышастой, съ черной полосой на хребтѣ, съ короткими шеями, съ очень сухими ногами на короткихъ бабкахъ

---

[1]) Книга гродская винницкая № 4627, л. 44 на об.

и съ очень твердымъ копытомъ; лопатки и ноги, отъ колѣнъ до копытъ, были такой же масти, какъ спинная полоса; хвостъ, грива, концы ушей и конецъ морды были тоже темной масти. Водились онѣ табунами. Въ табунѣ обыкновенно было ихъ по нѣсколько десятковъ головъ. Водилъ и сторожилъ табунъ одинъ жеребецъ, который, при приближеніи опасности, уводилъ за собой весь табунъ, при чемъ нерѣдко послѣдній мчался безъ остановокъ нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ какъ черноморскія степи орошены на сѣверѣ обильнѣе, чѣмъ на югѣ, то табуны лѣтомъ подвигались на сѣверъ, а на зиму переходили на югъ, такъ какъ зимы тамъ теплѣе, и выгребали себѣ изъ подъ снѣга въ пищу сухую траву. Нрава онѣ были очень дикаго; охота на нихъ была очень трудна и не представляла никакой пользы, такъ какъ, будучи пойманы, онѣ не принимали пищи и умирали съ голода, или убивались при выѣздкѣ. Охотились на нихъ при помощи заранѣе вырытыхъ ямъ, въ которыя старались ихъ загнать. По мѣрѣ увеличенія населенія черноморскихъ степей, дикія лошади постепенно отодвигались къ юго-востоку и впослѣдствіи совершенно исчезли въ закаспійскихъ степяхъ.

II. Въ тридцатыхъ годахъ, имѣя лѣтъ 8 отъ роду, я гостилъ у тетки моей, помѣщицы херсонскаго уѣзда, въ обществѣ троихъ ея сыновей, моихъ сверстниковъ. Однажды намъ сказали, что поваръ, бывшій ночью на засѣдкѣ, убилъ дикаго жеребца, и что этого послѣдняго привезли уже въ экономію. Не теряя ни минуты времени, всѣ мы ввалились въ большой сарай, въ которомъ стояли сани съ убитою лошадью, которую осматривала вся дворня. При нашемъ появленіи, зрители разступились и уступили намъ лучшія мѣста, такъ что мы получили возможность отлично разсмотрѣть лошадь: роста она была ниже средняго, кажется, менѣе извѣстныхъ намъ пони, хвостъ густой, кудрявый, чорный, грива тонковата, также курчавая и черная, рубашка вся безъ отмѣтъ, мышинаго цвѣта, глянцовитая, уши маленькія, стоячія. Поваръ получилъ съ нея 4 пуда сала. Охота на дикихъ лошадей производилась слѣдующимъ образомъ. Съ осени вокругъ скирдъ сѣна копались волчьи ямы, которыя хорошо закрывали хворостомъ и тростникомъ и засыпали соломой и бурьяномъ; а притрушенныя снѣгомъ, онѣ и вовсе становились незамѣтными. И вотъ косякъ дикихъ лошадей приходилъ покормиться сѣномъ, и нѣкоторыя, не замѣтивъ ямъ, попадали въ нихъ. Существовалъ еще такой способъ охоты. Ставили три скирды сѣна такимъ образомъ, что образовывался четыреугольный загонъ, одна изъ сторонъ котораго

служила входомъ. Въ большіе холода, особенно при вѣтрѣ, дикія лошади сами заходили въ такіе загоны, чтобы укрыться отъ стужи, при чемъ охотники прятались въ сѣнѣ и при первой возможности набрасывали на нихъ прихваченные съ собою арканы. Не помню случая прирученія взрослой дикой лошади; обыкновенно, онѣ не переносили неволи: пойманныя ничего не ѣли и погибали отъ тоски и голода. Но бывали рѣдкіе случаи выдерживанія дикихъ лошадей, пойманныхъ лошатами. Одному охотнику удалось поймать матку съ двумя маленькими лошатами. Матка черезъ нѣсколько дней пала, а двухъ лошатъ охотникъ-любитель собственноручно выкормилъ молокомъ. Когда они достигли двухлѣтняго возраста, онъ началъ запрягать ихъ, по очереди, вмѣстѣ съ домашней смирной лошадью. Послѣ настойчивыхъ и долгихъ усилій ему удалось нѣсколько усмирить дикарей; очень часто они пробовали проявлять свои природные инстинкты, но старая домашняя лошадь укрощала ихъ своимъ участіемъ въ запряжкѣ. Наконецъ, настойчивый учитель-охотникъ рискнулъ запречь двоихъ лошаковъ вмѣстѣ; но только-что онъ это сдѣлалъ, какъ лошади вырвали изъ рукъ возжи, рванули телѣгу, разбили ее, а сами, какъ вѣтеръ, исчезли въ широкой степи навсегда.

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ [1]). Полтава стоитъ по правую сторону рѣки Рогозны, неподалеку вытекающей и впадающей въ Ворсклу,—на горѣ, отбрасывающей восемь вѣтвей, съ небольшими оврагами, лѣсочками и садами въ средину города. Между сими протекаютъ небольшіе ручейки и впадаютъ въ рѣчки: Чорную и Полтавку, а сіи въ Рогозну. Съ восточной стороны у подошвы горы развертывается прекраснѣйшая равнина и касается прелестнаго холма, на которомъ возвышается монастырь, окруженный садомъ и рощею; по лугу, пересѣкаемому излучистою рѣкою и ручейками, разсыпаны коегдѣ лѣсочки; за равниною чрезъ лѣсъ мелькаютъ сельскія хижины, пески въ пріятной разнообразности. Обращаясь къ городу отъ Харьковской дороги—по косогору растянуты обывательскія хижины, осѣ-

---

[1]) Перепечатывая здѣсь любопытныя свѣдѣнія о Полтавѣ въ 1816 г. (Украинск. Журналъ 1816 г., май, 235—246 г.), усердно просимъ полтавскихъ старожиловъ о разъясненіи и дополненіи этихъ свѣдѣній. Насколько, напр., вѣрно свѣдѣніе, что въ срединѣ города находился садъ Кочубея, занимавшій будто *сто десятинъ?—Ред.*

няемые садами; на высотѣ горы нѣсколько красивыхъ домиковъ, а за ними—церкви. Съ Южной стороны обнимаютъ городъ покосы; а съ Западной и Сѣверной на равнинѣ пахатныя земли, по коимъ лежатъ дороги въ города: Зѣньковъ, Кременчугъ и Кобылякъ.—Прекрасное положеніе и виды—смѣло могу сказать—рѣдкіе около Полтавы. Перо путешественника-поэта и кисть живописца найдутъ здѣсь пріятнѣйшее для себя занятіе.

Городъ раздѣленъ на семь большихъ площадей, двѣнадцать площадокъ для красивости и сто три улицы, расположенныхъ по плану. Все это занимаетъ 1087 десятинъ.

Зданія на старыхъ мѣстахъ оставленныя.

Монастырь, Соборъ, три каменныя и четыре деревянныя приходскія Церкви, два каменныхъ казенныхъ дома: для воспитанія бѣдныхъ въ три, и для Городской Думы и Ратуши въ два этажа.

Частные домы—исключая не многіе—всѣ назначены къ сломкѣ и перенесенію по плану.

Казенныя зданія, вновь по плану устроенныя.

(Съ 1803—по открытіи губерніи).

Въ центрѣ круглой площади, называемой Александровскою, имѣющей въ діаметрѣ 162 сажени и принимающей въ себя восемь правильныхъ улицъ, воздвигнутъ монументъ въ воспоминаніе достославной побѣды Великаго Петра надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ.

Безъ сомнѣнія, ты видѣлъ рисунокъ онаго въ Петербургѣ; но мудрено ли забыть? Я напомню: онъ имѣетъ изъ полированнаго гранита квадратное основаніе, изъ коего выглядываютъ со всѣхъ сторонъ 18 большихъ чугунныхъ пушекъ; по краямъ онаго желѣзные мечи съ позолоченными эфесами составляютъ балюстраду; съ двухъ сторонъ ступеньки изъ песковатаго камня ведутъ къ пьедесталу изъ гранита-жъ, на коемъ возвышается чугунная колонна, украшенная бронзовою коринескою капителью; на ней полушаріе, на которомъ утвержденъ орелъ съ распростертыми крыльями, держащій въ носу лавровый вѣнецъ, а въ лапахъ перуны; колонна въ трехъ мѣстахъ обвита лавровыми вѣнками; по двумъ сторонамъ пьедестала—арматура, на третьей—среди свитой въ кольцо змѣи написано: *іюня 27 дня 1709 года*; на четвертой:—*Оконченъ 1809 года*, а внизу: *Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина* [1]),

---

[1]) Всѣ сіи украшенія—изъ бронзы.

около основанія на небольшомъ разстояніи поставлены изъ дикаго камня тумбы, соединенныя желѣзными цѣпями. Высота монумента 6½ саженъ.

Въ Полтавѣ прежде былъ кирпичный монументъ, въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ поставленный, въ видѣ конической пирамиды съ позолоченною короною, треугольнымъ сіяніемъ на верху, и стихами на мѣдной доскѣ, изображающей Полтавское сраженіе. Но онъ вмѣстѣ съ другими строеніями уничтоженъ по предназначенію.

Вотъ *стихи вырѣзанные на доскѣ:*

„Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, упалъ;
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы,
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей славной битвѣ былъ,
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Сампсону;
Въ хвалу-жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средъ стѣнъ Отечества поставилъ образъ сей".

Доска сія нынѣ хранится въ церкви Воскресенія Христова.

Монументъ и стихи, конечно, недостойны были своего назначенія. Но ихъ произвело усердіе частнаго человѣка и пламенная любовь къ Отечеству, Государю, въ память потомству. Сія чистая жертва, на олтарь Отечества возложенная, возбуждала бы кажется въ согражданахъ его, въ друзьяхъ, въ дѣтяхъ, въ потомкахъ чувство подобное его чувству, и дѣяніе глубже врѣзывалось бы въ сердца ихъ.—Надлежало бы потому его оставить; но рука времени начала разрушать его и портить мѣсто.

Обратимся къ новымъ казеннымъ зданіямъ пріятнѣйшей архитектуры, площадь Александровскую украшающимъ.

Іоническаго ордена въ три этажа: домъ генералъ-губернатора обведенный стѣною; губернскія присутственныя мѣста въ два этажа; Малороссійскій почтамтъ [1]) обведенный стѣною. Дорическаго: домъ Губернатора въ три, Вицъ-Губернатора въ два этажа. Смѣшеннаго: домъ Повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ въ два, почтовый станъ и городской трактиръ въ одинъ этажъ. Коринѳскаго: дворянскій домъ въ два этажа. На второмъ этажѣ онаго между крайними колоннами поставлены двѣ алебастровые Богини: *Слава и Изобиліе.*

---

[1]) Назначенъ быть. Нынѣ занятъ—только экспедиціею и проч.

На другихъ мѣстахъ одноэтажныя каменныя строенія:

Два корпуса, для воспитанія бѣдныхъ назначенные, съ высокою стѣною и четырьмя башнями; по разнымъ улицамъ десять теплыхъ будокъ, сукновальня (съ прудомъ).

Изъ незженаго кирпича:

Съѣзжая съ коническою башнею; при въѣздѣ съ Зѣньковской дороги двѣ харчевни съ куполами; семь кузницъ.

Деревянныя:

Богоугодное заведеніе или больница (нѣкоторыя принадлежности каменныя). Приономъ заведены сады: Ботаническій, и для прогулки больныхъ. Домъ вмѣщающій Гимназію и Повѣтовое Училище; оба приобрѣтены отъ частнаго лица и поправлены. На другой площади 50 сажень въ діаметрѣ имѣющей,—мясные лавки правильный многоугольникъ составляющія. Галлерея для продажи печенаго хлѣба на площади торговой. Пять правильныхъ кварталовъ вмѣщаютъ въ себѣ одинаковыхъ оплѣтенныхъ хворостомъ и обмазанныхъ глиною (нѣкоторые подведены кирпичемъ) чистенькихъ домиковъ 51; въ нихъ живутъ иностранные фабриканты вывезенные изъ Германіи послѣ Тильзитскаго мира; въ срединѣ одного квартала устроенъ механическій колодязь съ бассейномъ.

Каменныя частныя строенія:

11 торговыхъ лавокъ съ деревянною колонадою, изъ коихъ крайняя съ куполомъ; недоконченныхъ—семь. По такъ называемой Александровской улицѣ, ведущей отъ монумента къ соборной колокольнѣ и отличающейся отъ прочихъ строеніемъ, два дома-въ два, и одинъ въ полтора этажа. (По бульвару—домикъ, въ одинъ этажъ). На той же улицѣ.

Деревянныя:

Въ два—два, въ полтора—четыре, въ одинъ этажъ два дома.

Въ пятнадцати кварталахъ семнадцатью правильными улицами ограниченныхъ и расположенныхъ по чистому и ровному полю построено 176 домиковъ большею частію съ соломянными крышами. По очищеннымъ и неочищеннымъ отъ стараго строенія улицамъ по плану построено 131 домикъ.

На улицахъ столярной работы красивыхъ колодцевъ устроенныхъ на щетъ городской думы—пять.

До открытія Губерніи не было и десятка порядочныхъ домовъ, ни одной прямой улицы.

Замѣчу еще: Новополтавская улица умощенная битымъ кирпичемъ, залитая известью и усыпанная пескомъ съ тротуаромъ по обѣ стороны—одна въ городѣ не ужасаетъ грязью; Александровская шириною въ 13 сажень съ тротуарами же по обѣ стороны, набитая землею между оплѣтенныхъ хворостомъ квадратно набитыхъ колковъ и усыпанная пескомъ, также и другія старыя и новыя улицы—непроходимы въ дождливое время.

Теперь, другъ мой, пройдя со мною до двухъ верстъ по бульвару между двумя рядами деревьевъ насаженныхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ крѣпостной валъ, войди въ городской садъ обнесенный вокругъ решеткою съ тремя воротами. Онъ достоинъ вниманія. Ты ненайдешъ въ немъ огромныхъ пирамидъ, великолѣпныхъ павильоновъ, бассейновъ, фонтановъ; не перейдешъ ни одного мостика; любопытные твои взоры не остановятся ни на одной Греческой или Римской статуѣ: но тебя восхититъ прелестнѣйшее мѣстоположеніе. Излучистыя усыпанныя пескомъ дорожки то поведутъ тебя между густыхъ сиренгъ, черезъ многія площадки; то спустятъ по деревяннымъ ступенькамъ подъ горку и остановятъ у впадины съ дерновыми диванами предъ которыми четвероугольный гранитный камень занимаетъ мѣсто столика: тутъ глазамъ твоимъ представляется рытвины и прекраснѣйшіе виды между двухъ нависшихъ надъ головою деревьевъ; ты сойдешъ внизъ густою алейкою, и передъ тобою зазеленѣется бархатной лугъ, въ концѣ котораго развѣсистый кленъ заманитъ тебя подъ тѣнь свою; неуспѣешъ сѣсть на решетчатое бѣлое полукруглое канапе, какъ пожелаешъ итти къ представляющейся невдалекѣ на возвышеніи свѣтлой бесѣдкѣ съ зеленымъ куполомъ покрывающимъ восемь колоннъ; небольшой утесъ, поднимаясь доведетъ тебя до возвышенности; тутъ полукруглая лѣстница введетъ тебя въ бесѣдку—и ты захочешъ быть поэтомъ, живописцемъ: лѣсочки, кустики, хижинки то на горѣ то въ оврагахъ разбросанныя, опускающіяся и подымающіяся вокругъ дорожки, по коимъ земледѣлецъ гонитъ воловъ своихъ или овецъ, синѣющійся чрезъ поле ландшафтъ—заведутъ духъ твой въ волшебную область мечтаній, упоятъ сердце твое удовольствіемъ. Выди изъ бесѣдки, кружись вмѣстѣ съ дорожками, любуйся кудрявыми деревьями, дерновыми диванами около нихъ, отдохни на скамеечкѣ, послушай пѣвца весны,—и дойди до площадки усѣянной цвѣтами: тутъ готическая бесѣдка съ соломенною крышею и

фронтономъ поддерживаемымъ четырью суковатыми березами привлечетъ тебя къ себѣ для отдохновенія; посмотри вверхъ—и на кровлѣ увидишъ два растущіе дуба укоренившіеся въ стѣнѣ... Но можно ли изчислить всѣ красоты природы въ саду семь встрѣчающіяся? Можно ли не вспомнить на каждомъ шагу того кто его усовершенствовалъ?

Полтава никогда не забудетъ князя Алексѣя Борисовича Куракина бывшаго Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ [1]) Онъ былъ виновникомъ преобразованія ея; попеченіямъ его обязана она удовольствіемъ, которое доставляетъ садъ купленный отъ частныхъ лицъ, который могъ бы украсить и столицу!

Сады графа Разумовскаго и ст. сов. Кочубея—также заслуживаютъ вниманіе. Послѣдній съ домомъ занимаетъ слишкомъ 100 десятинъ. Полтава вообще изобильна—*садиками*, особливо между овраговъ.

Въ заключеніе повторю: положеніе и виды Полтавы, Александровская площадь и городской садъ суть предметы, безъ коихъ городъ, за всѣми отчасти устроенными правильными улицами—не можно было бы назвать и *посредственнымъ*; много еще надобно усилій и времяни чтобъ привесть его къ совершенству по предназначенію.

Не забудь—я хотѣлъ тебя только познакомить съ мѣстоположеніемъ и нóвыми постройками Полтавы. О числѣ жителей, старыхъ обывательскихъ домовъ и проч. — почелъ излишнимъ распространяться. Прости. **Егоръ Акимовъ.**

Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ.— *(По поводу одной малорусской литературной обработки).* Существуетъ очеркъ ст. фонъ-Носа [2]), составленный «по фамильнымъ воспоминаніямъ»: «Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ». Здѣсь разсказываются, какъ къ смѣлянскому сотнику Тарану (въ концѣ прошл. в.) пришла дивчына Гапка Левадивна жаловаться на молодого козака Корнія Заволоку, который ее изнасиловалъ, и просила взыскать съ него деньги за безчестье. Сотникъ приказалъ парубку уплатить дѣвкѣ двадцать золотыхъ. Гапка положила ихъ за пазуху и пошла домой. Сотникъ велѣлъ Корнію догнать ее и отобрать деньги: «А не однимешъ, барбарамы на пекарни будешъ бытый!» Однако Гапка оказа-

---

[1]) Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій въ послѣдствіи также способствовалъ украшенію города.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883, іюль, стр. 492—505.

лась такой сильной и такъ «штурхнула» козака, что тотъ «и тыну диставъ». Вернулась она съ жалобой къ сотнику, но онъ самъ забралъ у нея деньги, возвратилъ парню и заявилъ: «Ну, а тогди—чомъ ты не штурхнула його, якъ винъ теечкы... якъ його?!...» Послѣ того,—говоритъ г. фонъ-Носъ,—за сотникомъ Тараномъ утвердилось названіе «украинскаго Соломона», и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи.

Г. фонъ-Носъ ведетъ свой разсказъ въ такомъ тонѣ, что читатель можетъ принимать все, какъ сообщеніе о достовѣрнѣйшемъ историческомъ фактѣ, только облеченномъ въ беллетристическую форму. Но, вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей вспомнитъ также, что подобный же судъ приписывается Санчо-Пансѣ въ «Донъ Кихотѣ» (т. II, гл. 45) [1]; если кто пожелаетъ сопоставить разсказы фонъ-Носа и Сервантеса поближе, тотъ усмотритъ сходство не только въ самомъ сюжетѣ, но и въ обработкѣ, въ мелкихъ подробностяхъ. Между тѣмъ г. фонъ-Носъ два раза ясно говоритъ, что онъ писалъ по фамильнымъ воспоминаніямъ.

Разсказъ Сервантеса самъ по себѣ не самостоятеленъ: ужъ издатели [2]) замѣчаютъ это, указывая, что исторія о Санчо-Пансиномъ судѣ встрѣчается еще въ книжкѣ Франциска де-Осуна: Note de los Estados, напечатанной въ 1550-мъ г., причемъ полагаютъ, что эта исторія могла быть вымышлена Осуной, а могла и дѣйствительно случиться. Конечно, ни то, ни другое. Упомянутый мудрый судъ встрѣчается еще у Жака де Витри и Этьена де Бурбона [3]). Въ сборникѣ средневѣковыхъ латинскихъ разсказовъ (latin stories»), который

---

[1]) По новѣйшему русскому изданію (М. 1895) это будетъ страница 283—285 второго тома.

[2]) Стр. 285 цитированнаго изданія.

[3]) Напомнимъ, что Жакъ де Витри (Jacobusde Vitriaco) былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ, которые, съ цѣлью привлечь вниманіе слушателей, стали вводить въ свою проповѣдь интересные разсказы и анекдоты—т. н. exempla (у насъ въ 17-омъ в. это слово переводилось: „приклады"). Онъ много лѣтъ былъ съ крестоносцами въ Палестинѣ, былъ въ 1217-омъ г. поставленъ даже въ епископы г. Акры, и бо́льшую часть своихъ exempl'овъ онъ несомнѣнно заимствовалъ изъ восточной словесности. Его сборникъ наз. „Sermones de tempore et sanctis". Умеръ онъ въ Римѣ ок. 1240 г. Этьенъ Бурбонскій (Stephanus de Borbone)—его современникъ (умеръ около 1261 г.)—писалъ „Liber de septem donis", гдѣ собраны всякіе exempla для употребленія проповѣдниковъ. Извлеченіе изъ Этьена Бурбона даны Лекуа де ла Маршемъ (Пар. 1877), а сборникъ Ж. де Витри вскорѣ будетъ полностью напечатанъ въ Бельгіи.

изданъ Райтомъ (Wright) для «Percy society», этотъ судъ изложенъ подъ № 20: «Слышалъ я объ одной женщинѣ, которая обвиняла одного юношу, будто онъ ее изнасиловалъ. Юноша отрицалъ вину. Судья сказалъ: «уплати ей десять серебряныхъ марокъ за безчестье, которое ты ей причинилъ». Женщина, получивши деньги, ушла довольная, но судья сказалъ юношѣ: «догони ее и отними деньги». Тотъ попытался было исполнить приказаніе судьи, т. е. отнять деньги, но женщина храбро вступила съ нимъ въ бой и звала на помощь: сбѣжалось много народа и не дали ему ничего сдѣлать. Опять представили обоихъ къ судьѣ.—«Женщина!» спросилъ онъ: «что съ тобой? чего ты желаешь? чего ты такъ громко кричишь?» Она отвѣтила: «Потому что онъ попытался было отнять деньги. Но я храбро отразила его и кричала такъ, что онъ ничего не сдѣлалъ».—«А если такъ», сказалъ судья, «то возврати юношѣ его деньги. Вѣдь еслибъ ты и раньше старалась храбро отразить его и кричала, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы тебя изнасиловать: ты больше любишь деньги, чѣмъ женскую честь».—Тоже разсказывается въ старинныхъ итальянскихъ новеллахъ Маллеспини (II, № 56) и въ старинномъ французскомъ сборникѣ: «Cent nouvelles (25, «Forcèe de Gré»). Происхожденіе этой темы, повидимому, восточное, такъ такъ она встрѣчается и въ числѣ персидскихъ анекдотовъ, собранныхъ у Гледвина въ его «Persian Moonshee» (Кальк. 1801 и Лонд. 1840), и въ различныхъ индійскихъ сборникахъ разсказовъ[1]).

Какъ видимъ, разсказъ г. фонъ-Носа такого рода, что такъ и просится въ кругъ фольклористическихъ изслѣдованій. Для избѣжанія различныхъ произвольныхъ догадокъ и гипотезъ желательно было бы получить отъ самого автора всѣ необходимыя разъясненія. Писалъ ли онъ подъ какимъ-нибудь вліяніемъ Сервантеса, или нѣтъ? Какъ возникъ его разсказъ? Сотникъ Таранъ и вся прочая историческая обстановка—не введены ли они въ разсказъ просто въ силу писательскаго права художественной выдумки, вполнѣ понятной въ беллетристическомъ произведеніи? или же въ преданіяхъ семьи фонъ-Носовъ дѣйствительно фигурируетъ имя Тарана? И самое то семейное преданіе (буде оно есть),—изложилъ ли его авторъ вполнѣ точно, этно-

---

[1]) См. нашъ переводъ В Клоустона: „Народни казкы та выгадкы Якъ воны блукають та перевертаються“ Львовъ 1896, страница 40—41. Въ англійскомъ ориг.—стр. 29.

графически, не позволяя себѣ ничего вставить своего, или же, напротивъ, съ добавками? Сотникъ Таранъ—дѣствительно ли носилъ въ народѣ имя «украинскаго Соломона»?.

Если почтенный авторъ прямо намъ заявитъ, что онъ «Донъ-Кихотомъ» не пользовался, что онъ сообщилъ только чистое преданіе безъ всякихъ своихъ добавленій, и если будетъ констатировано, что сотникъ Таранъ дѣйствительно носилъ прозвище Соломона, то въ такомъ случаѣ, кажется намъ, очень естественно будетъ допустить слѣдующую догадку: въ судебной практикѣ Тарана врядъ ли состоялось именно такое рѣшеніе, о какомъ у насъ идетъ рѣчь, но, такъ какъ сотникъ (по крайней мѣрѣ хоть въ роду фонъ-Носовъ) слылъ Соломономъ, то къ его имени впослѣдствіи легко могло припутаться вообще всякое гдѣ-либо услышанное сказаніе о мудромъ судѣ, и вотъ въ томъ числѣ Тарану было приписано и рѣшеніе Санчо-Пансы или какого-нибудь судьи средневѣковыхъ сборниковъ. Другое менѣе вѣроятное объясненіе—что сотникъ Таранъ могъ слышать «прыкладъ» о мудромъ судѣ въ проповѣди какого-нибудь южно-русскаго казнодія, и, когда ему самому представился аналогичный случай, воспользовался слышаннымъ. Третья догадка, довольно мало вѣроятная, но все же болѣе или менѣе допустимая,—что сотникъ могъ самъ собою додуматься до остроумнаго рѣшенія.

Надѣемся, что сообщенія, которыя, вѣроятно, не откажется дать самъ почтенный авторъ разсказа: «Украинскій Соломонъ», въ значительной степени, разъяснятъ вопросъ, имѣющій даже теоретическую важность.

А. Крымскій.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича.— Помѣстивъ въ прошлой книжкѣ журнала (№ 9) письма М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы въ предисловіи къ нимъ высказали желаніе видѣть напечатаннымъ въ теченіе ближайшихъ годовъ возможно большее количество фактовъ, касающихся характеристики личности и дѣятельности М. А. Максимовича, біографія котораго въ ближайшемъ будущемъ должна быть составлена. Въ настоящее время нами добыты нѣкоторыя мелочныя справки, которыя мы и помѣщаемъ на страницахъ этой книжки.

I.

Письмо Максимовича къ И. М. Снегиреву.

Письмо это, хранящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ, не имѣетъ даты года и мѣста, а только помѣчено 24 мая; но по тексту письма видно, что оно писано въ Москвѣ въ 1858 году, когда Максимовичъ проживалъ въ Москвѣ, будучи вызванъ туда для веденія дѣлъ редакціи «Русской Бесѣды».

Почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Позвольте возобновить мою просьбу о переписываніи вашей статьи на-бѣло: этого желаетъ А. Н. Кошелевъ, который сегодня отъѣзжаетъ изъ Москвы къ себѣ въ деревню и тамъ хочетъ предварительно прочесть статью вашу и нѣкоторыя другія, предназначенныя имъ для 3-й книги «Русской Бесѣды». Я не могу не передать Вамъ его желанія, котораго и съ своей стороны не могу отвергнуть, ибо какъ для чтенія издателю, такъ и для набора типографскаго чистая рукопись удобнѣе, чѣмъ автографская съ поправками et cetera, хотя въ другихъ отношеніяхъ этою послѣднею можно дорожить несравненно болѣе первой, хотя-бы и каллиграфической. Мнѣ сегодня что-то весьма нездоровится; дождь что-ли крѣпко ослабляетъ нервы мои. Въ началѣ слѣдующей недѣли буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами. Съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ остаюсь на всегда вашъ М. Максимовичъ. 24 мая.

Статья ваша къ издателю Бесѣды перешлется изъ редакціи.

II.

Стихи Максимовича на смерть Т. Г. Шевченка.

Въ журналѣ «Основа», въ статьѣ съ описаніемъ похоронъ Т. Г. Шевченка на горѣ подлѣ Канева (1861 г. № 6) приведено то стихотвореніе, которое произнесено было Максимовичемъ на могилѣ поэта; начинается это стихотвореніе словами:

„Сподивалися Шевченка
Сей годъ на Вкраину“...

Было это въ маѣ 1861 года. Теперь намъ сообщенъ автографъ другого стихотворенія Максимовича, написаннаго имъ сейчасъ по полученіи извѣстія о смерти Шевченка. Жилъ Максимовичъ въ то время

у себя на хуторѣ, на Михайловой Горѣ, а верстахъ въ двухъ отъ него проживала семья его ближайшихъ родичей, Деркачей. Находясь со всей этой семьей въ хорошихъ отношеніяхъ, а особенно съ однимъ изъ своимъ двоюродныхъ братьевъ, Петромъ Львовичемъ Деркачемъ, Максимовичъ подѣлился съ нимъ тѣмъ грустнымъ настроеніемъ, которое охватило его послѣ полученія извѣстія о смерти Шевченка и которое вылилось въ стихотворной формѣ на языкѣ самого поэта. Вотъ текстъ коротенькой записки, сопровождавшей это стихотвореніе при посылкѣ его къ П. Л. Деркачу.

Посылаю вамъ, любезнѣйшій братъ Петръ Львовичъ, мою пѣсню на смерть Шевченка. Коли не отмолишься и не отплачешься отъ печали по умирающимъ друзьямъ, то хоть отспѣваться... Когда вы къ намъ? Дорога, говорятъ, совершенно неудобоѣзжая. Однако, я посылаю пѣшехода своего, не принесетъ ли чего желаннаго. Если будете ѣхать, то возьмите съ почты могущія тамъ быть посылки, въ томъ числѣ съ чаемъ; объявленіе можетъ быть подписано послѣ [1]).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русской Рѣчи уже объявлено, что будетъ освобожденіе крестьянъ въ великій постъ—славный будетъ Великъ-день!

Кланяемся вамъ всѣ трое [2]).

Любящій васъ М. Максимовичъ.

15 марта 1861 года. М. Г. (Михайлова Гора).

Стихотвореніе будетъ напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Сообщ. **В. Науменко.**

---

[1]) Получка писемъ, газетъ и посылокъ совершалась въ то время только въ г. Золотоношѣ, находящемся отъ хутора Максимовича въ 30 вер.

[2]) Т. е. онъ самъ, жена и маленькій сынъ.

Библіографія.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе 3 Кіевск. Губ. Стат. Комитета. Кіевъ. 1896 г. въ 8 д. л. 367 стр.

Книга эта напечатана третьимъ изданіемъ; состоитъ она изъ слѣдующихъ главъ. Въ первой говорится объ административномъ дѣленіи губерніи; во второй—о положеніи ея; въ третьей—о рѣкахъ и озерахъ; въ четвертой—о составѣ поверхности, при чемъ указано мѣстонахожденіе гранитовъ и подчиненныхъ имъ породъ: сіенита, гиперстенита и пеликанита; а равно осадочныя породы губерніи: глины разныхъ видовъ, пески и песчаники и мѣстонахожденія горючихъ веществъ—торфа и бураго угля. Слѣдующая затѣмъ глава трактуетъ о населеніи. Господствующее населеніе губерніи принадлежитъ къ малорусской народности; далѣе—по численному составу слѣдуютъ евреи, поляки, великороссы и нѣмцы. По величинѣ площади кіевская губернія занимаетъ 27 мѣсто въ числѣ губерній Европейской Россіи, а по числу жителей—первое. Всѣхъ жителей къ началу 1895 г. считалось 3,450,000, т. е. 27 жителей приходится на одну квадратную версту. Наиболѣе заселенъ кіевскій уѣздъ. Если сравнить число жителей въ 1845 году съ числомъ ихъ въ 1895, то окажется, что населеніе губерніи увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно: число православныхъ увеличилось на 97^0, число католиковъ уменьшилось на 4^0, а число евреевъ увеличилось на 207^0. На тысячу всѣхъ вообще жителей приходилось въ 1845 г. 1895 г.:

	1845 г.	1895 г.
православныхъ	848	825
католиковъ	56	26

евреевъ	93	141
прочихъ	3	8

на одну тысячу православныхъ въ эти же годы приходилось:

католиковъ	65	32
евреевъ	109	171
прочихъ	4	9

Впрочемъ, большинство населенія (82,50) составляютъ православные, именно: въ уѣздахъ % православныхъ выражается 78,4° и 81°, а въ городахъ колеблется между 12,5% и 75,3. Въ Кіевѣ еврейское населеніе равняется 8,6% общаго числа жителей. Католики тоже сосредоточены въ Кіевѣ, гдѣ ихъ число равно 30,740 чел.; въ бердичевскомъ уѣздѣ 14,378, радомысльскомъ 11,165 человѣкъ, а по отношенію къ общему числу жителей въ Кіевѣ, населеніе католиковъ выражается 13,4%, въ бердичевскомъ уѣздѣ 7,6%, радомысльскомъ 4,2%, въ гор. Липовцѣ 4%; въ остальныхъ городахъ и уѣздахъ число ихъ колеблется между 2% и 0,1%.

Среди привилегированныхъ сословій православные занимаютъ первое мѣсто, а именно ²/₃ всего населенія, католики ¹/₅ и евреи ¹/₁₀.

Крестьяне кіевской губерніи состоятъ изъ 1985 сельскихъ обществъ, образующихъ 203 волости. На одно сельское общество приходится 1547 жителей всего сельскаго населенія и 1226 крестьянъ. По свѣдѣніямъ Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г. число мужчинъ въ сельскихъ обществахъ равнялось 679,525 душамъ; число крестьянскихъ дворовъ (домохозяевъ) 306,367, въ числѣ которыхъ 44,995 безземельныхъ дворовъ.

Глава «о распредѣленіи земель въ губерніи», не смотря на то, что въ основу ея легли изданія Статистическаго Временника Россійской Имперіи за 1881 г. и Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г., представляетъ большой интересъ. Вся площадь губерніи составляетъ 4,668,042 дес.; изъ этого числа въ 1895 г. было обложено разными сборами 4,199,285 дес. за исключеніемъ неудобной (подъ дорогами, озерами и т. п.) 468,757, т. е. 10%. Земли обложенныя распредѣляются такъ по угодіямъ: а) подъ усадьбами, садами и огородами 284,571 дес.; б) подъ пахатною 2,709,188 дес.; в) подъ сѣнокосами и выгонами 374,174 дес. и г) лѣсами и кустарниками 831,352 дес.; въ процентномъ отношеніи количество пахатной земли выражается 64,5%; лѣсная площадь 19,8%; сѣнокосы и выгоны 9% и усадебныя—6,7%. Больше всего пахатной земли находится въ бердичевскомъ, уманскомъ, таращанскомъ, звенигород-

скомъ, липовецкомъ и сквирскомъ уѣздахъ. Съ 1881 года площадь посѣвовъ на всѣхъ крестьянскихъ земляхъ увеличилась на 6%, а на владѣльческихъ земляхъ на 10%. Раздѣляя площадь посѣвовъ на число крестьянскихъ домохозяйствъ, увидимъ, что на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 5,7 десятинъ, а на одного рабочаго 1,5 дес. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ площадь пахатной земли увеличилась, площадь сѣнокосной, выгонной и лѣсной уменьшилась, а именно: сѣнокосной—на 39,247 д., а лѣсной на 83,466 дес.

Что касается распредѣленія земли по владѣніямъ, то оно такое: а) городамъ, казнѣ и удѣламъ принадлежитъ 7,6% земли; остальная же часть ея распредѣляется поровну между частными владѣльцами и крестьянами; дворянамъ принадлежитъ 84,8%, а лицамъ другихъ сословій—15,2%. Въ частности казнѣ принадлежитъ 4,6% всей обложенной земли, удѣлу 2,2%. Изъ количества владѣльческихъ земель, которое равняется 46,3% всей обложенной площади земли, 40% принадлежитъ дворянамъ, а 6,3% лицамъ другихъ сословій. Наибольшее количество земель, принадлежащихъ дворянамъ, находится въ липовецкомъ, бердичевскомъ и сквирскомъ уѣздахъ (отъ 46,8% до 50,9%); наименьшее—въ васильковскомъ (27,9%); въ остальныхъ уѣздахъ отъ 33% до 43,7%. Крестьянскія земли въ уманскомъ, васильковскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ занимаютъ площадь болѣе 50%, въ радомысльскомъ 38,1%, а въ прочихъ отъ 40 до 49%. Наконецъ, нужно замѣтить, что болѣе ³/₄ имѣній принадлежитъ къ числу мелкихъ. Изъ общаго числа обложенной земли полякамъ принадлежитъ 810 имѣній въ губерніи; они занимаютъ площадь въ 780,029 дес. земли. Количество земли въ польскихъ владѣніяхъ уменьшилось съ 1872 года на 524,233 дес., а число владѣній на 324.

Землевладѣльцы поляки по отношенію къ общему числу владѣній составляютъ 7,1%, а принадлежащая имъ земля 18,6%. Въ черкасскомъ, чигиринскомъ, кіевскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ имъ принадлежитъ земли отъ 4,4% до 11,2%; въ васильковскомъ же, бердичевскомъ, сквирскомъ, таращанскомъ и липовецкомъ отъ 25% до 32%.

Можно пожалѣть, что Статистическій Комитетъ не дополнилъ свѣдѣній о земельномъ владѣніи болѣе новыми свѣдѣніями, которыя можно было взять изъ мѣстной казенной палаты; равнымъ образомъ весьма жаль, что составитель книги, говоря о задолженности помѣщичьихъ владѣній, ничего не говоритъ о задолженности крестьянскихъ владѣній и о количествѣ разныхъ платежей, упадающихъ на одну де-

сятину, т. е. выкупныхъ платежей, поземельнаго налога и мірскихъ сборовъ. Конечно, въ этой же главѣ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сказать подробно и о натуральныхъ повинностяхъ крестьянъ, переведши ихъ въ денежную. Лучше всего было бы даже посвятить отдѣльную главу о натуральныхъ повинностяхъ, отбываемыхъ только крестьянами. Всѣ эти свѣдѣнія—неоспоримо весьма цѣнныя, можно было бы безъ труда добыть отъ гг. мировыхъ посредниковъ и отъ волостныхъ правленій. О натуральныхъ повинностяхъ слѣдовало уже потому сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ—дорожная, не достигаютъ цѣли, крайне обременительны для населенія и стóятъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣе 20,000 руб. по числу потраченныхъ дней населеніемъ.

Глава «о фабрично-заводской промышленности»—одна изъ самыхъ слабыхъ, между тѣмъ какъ могла быть одною изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ полныхъ. Она составлена на основаніи книги, озаглавленной «Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1892 г.».

Значитъ, въ этой главѣ свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ относятся къ 1892 году. Естественно, что эти свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не выражаютъ вполнѣ истиннаго состоянія фабрично-заводской промышленности губерніи, такъ какъ относятся къ 1892 г. и такъ какъ въ послѣдніе три года произошли значительныя перемѣны. Вообще не понятно, почему составителю книги понадобилось пользоваться старыми источниками, когда онъ могъ заимствовать самыя точныя свѣдѣнія за прошлый годъ. Стоило обратиться въ Кіевскую Казенную Палату или къ податнымъ и фабричнымъ инспекторамъ, и свѣдѣнія могли быть легко добыты. Правда, податные инспектора могли бы сообщить свѣдѣнія только о фабричныхъ заведеніяхъ, которыя облагаются дополнительнымъ раскладочнымъ сборомъ, но эти свѣдѣнія существеннѣйшія. Мы вполнѣ увѣрены, что какъ палата, такъ и податные и фабричные инспектора охотно исполнили бы просьбу Статистическаго Комитета. Въ послѣднемъ случаѣ картина фабрично-заводской промышленности получилась бы вѣрная и полная.

Не понятно также въ книгѣ подведеніе всѣхъ фабрикъ и заводовъ подъ общія рубрики: *обрабатывающіе растительные продукты, ископаемые и животные* безъ перечисленія этихъ заводовъ по каждому уѣзду.

Вѣдь справочная книга должна служить для точныхъ справокъ. Слѣдовательно, важно въ данномъ случаѣ знать, въ какомъ уѣздѣ какія существуютъ фабрики. Перечислить ихъ поименно и обозначить по каждому заводу производительность его крайне необходимо. Если въ главѣ о составѣ поверхности упомянуты карьеры лабрадора Корчакъ-Новицкаго, годичная производительность которыхъ равнялась 5000 р., то почему же не перечислить поименно всѣхъ крупнѣйшихъ по крайней мѣрѣ фабрикъ и заводовъ по каждому уѣзду. Вѣдь человѣкъ, просмотрѣвшій весьма интересную *Справочную книгу*, можетъ и не подозрѣвать, что въ бердичевскомъ уѣздѣ существуетъ, напримѣръ, кожевенный заводъ Карла Шленкера, въ устройствѣ котораго примѣнено послѣднее слово науки; читатель, повторяю, и не подозрѣваетъ, что многія издѣлія этого завода не уступаютъ нисколько англійскимъ; что этотъ заводъ поставляетъ своихъ издѣлій на нужды войскъ ежегодно болѣе чѣмъ на 200,000 р. Равнымъ образомъ читатель не догадается, что въ томъ же уѣздѣ существуютъ прекрасныя вальцовыя мельницы кн. Кудашева и двор. Подгорскаго, перерабатывающія каждая ежегодно сырого продукта болѣе чѣмъ на 300,000 р. Конечно, еслибы подъ каждою общею рубрикою были перечислены и поименованы всѣ заводы, существующіе въ каждомъ уѣздѣ, то тогда только можно было бы судить вѣрно о фабричной производительности губерніи.

Относительно вѣрности производительности кожевенныхъ заводовъ мы позволяемъ себѣ усомниться. Укажемъ, напр., на то, что въ бердичевскомъ уѣздѣ оборотъ въ пяти заводахъ на 1895 г. опредѣленъ уѣзднымъ податнымъ присутствіемъ въ 900,000 р. Неужели производительность остальныхъ 65 заводовъ губерніи равняется только 1,000,000 р.?

Наконецъ, послѣдняя категорія—заводы, обработывающіе смѣшанные продукты, совсѣмъ непонятна для непосвященнаго читателя. Повторяемъ, что въ такихъ книгахъ, какъ Справочная книга, общія рубрики подраздѣленія заводовъ не удобопонятны для обыкновеннаго читателя и не даютъ точнаго понятія о производительности губерніи. Онѣ умѣстны только въ учебникахъ Статистики и въ статистическихъ работахъ по цѣлой странѣ.

Послѣ этой главы идутъ населенныя мѣста Кіевской губерніи по уѣздамъ. Здѣсь указано, на сколько становъ раздѣленъ каждый уѣздъ, сколько волостей, военно-конскихъ участковъ, сколько судебно-мировыхъ и судебно-слѣдственныхъ участковъ. Затѣмъ подъ

слѣдующими рубриками: названіе волостей—перечисляются всѣ волости уѣзда въ алфавитномъ порядкѣ; число жителей число населенныхъ мѣстъ, число православныхъ приходовъ, молитвенныхъ зданій и учебныхъ заведеній; родъ землевладѣнія: сколько усадебной, пахатной и т. п. и качество земли. Послѣ исчисленія волостей идутъ въ алфавитномъ порядкѣ по каждому уѣзду населенныя мѣста съ указаніемъ, къ какой волости они принадлежатъ, при какой рѣкѣ находятся, сколько дворовъ, число жителей, разстояніе отъ уѣзднаго города, отъ становой квартиры, отъ станціи желѣзной дороги и въ примѣчаніи указаны церкви, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и почтовыя учрежденія, черезъ которыя получается корреспонденція.

Эта глава отличается нѣкоторыми пропусками. Въ то время, какъ сюда занесены даже отдѣльно стоящія по дорогамъ корчмы, пропущено, напримѣръ, около г. Бердичева поселеніе «Бараній островъ», гдѣ живетъ около 200 лицъ и гдѣ находится замѣчательный кожевенный заводъ съ 300 рабочими. Замѣтимъ еще, что въ книгѣ допущено много сокращеній словъ, затемняющихъ смыслъ.

Не смотря на указанные недостатки, «Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи» имѣетъ весьма важное значеніе для знакомства съ губерніею.

Ал. А—чъ.

А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Издана въ Полтавѣ.

Начавъ съ удовольствіемъ читать упомянутую книгу, изданную въ Полтавѣ, которая не особенно любитъ дѣлиться съ міромъ состояніемъ своей мысли,—мы вынесли изъ нея прежде всего странное впечатлѣніе и непониманіе, для кого написана эта книга? Ясно, что она написана не для народа, такъ какъ одѣта въ чужую для него форму и притомъ изобилуетъ массой выраженій, требующихъ высшаго развитія; но, съ другой стороны, и для читателя, привыкшаго къ нѣкоторой солидности историко-литературныхъ работъ, названная книга ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть пригодной и оправдывающей преслѣдуемыя авторомъ цѣли... Какъ-же это произошло? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ разборъ самой книги г. Лисовскаго. Въ этой книгѣ авторъ задумалъ уловить «главные

мотивы» въ поэзіи Шевченка, — вещь во всякомъ случаѣ чрезвычайно сложную. Для исполненія задуманной задачи, авторъ выбралъ четыре поэмы Шевченка (Наймычка, Катерына, Гайдамакы, Неофиты), послужившія для него прототипомъ «главныхъ мотивовъ», пробѣжалъ вскользь нужные ему элементы въ лирической поэзіи Кобзаря и закончилъ указаніемъ въ поэзіи Шевченка личнаго его элемента,—исполняя все это весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Эта неудовлетворительность исполненія обнаруживается какъ въ научномъ методѣ автора, такъ и въ болѣе мелкихъ пріемахъ анализа и синтеза поэзіи Шевченка и, наконецъ, въ выясненіи общеизвѣстныхъ истинъ теоріи литературы. Начнемъ съ метода...

Въ анализѣ г. Лис—аго основной точкой зрѣнія являются чисто формальныя положенія теоріи поэзіи, — именно: дѣленіе ея на поэзію жизни, силы, правды, чувства и т. д. Мы не станемъ говорить объ очевидной ненаучности дѣленія этихъ «поэзій», объ ихъ крайней метафизичности и безпочвенной абстрактности, — мы только спросимъ г. автора «главныхъ мотивовъ», неужели эти «поэзіи» жизни, чувства и т. д. говорятъ что-нибудь не только читателю, принявшему ихъ за научныя истины, но даже самому г. автору разбираемой книги? Неужели понятія жизни, силы, чувства, правды,—составляющія высшія обобщенія конкретныхъ фактовъ біологіи, психологіи, этики и т. д., могутъ что-нибудь значить тогда, когда они, какъ у г. Л—го, употреблены безъ всякаго опредѣленнаго значенія, какъ какія-то висящія въ воздухѣ метафизическія сущности?.. Г. Л—му нужно было помнить, что въ лицѣ своихъ основъ— «поэзій» онъ имѣетъ дѣло не съ положеніями физики, психологіи и т. д., а съ мало понятными абстракціями, которыя онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, объяснить, если захотѣлъ поставить ихъ въ основу своего разсужденія... Но г. авторъ этого не сдѣлалъ, и поэтому «анализъ» произведеній Шевченка вышелъ у него не анализомъ, а ложнымъ пригнаніемъ поэзіи Шевченка подъ неправильныя и ничего не говорящія читателю формулы.

Не отдавая себѣ отчета въ реальномъ значеніи своихъ формулъ, г. Л—ій такъ подвелъ подъ нихъ нѣкоторыя поэмы нашего генія, наговорилъ такую массу крайне непонятныхъ вещей, пересыпанныхъ затемняющими изложеніе лирическими отступленіями, что о значеніи сущности, наконецъ, о мотивахъ поэзіи Шевченка мы получаемъ какое-то чрезвычайное впечатлѣніе. Обратимся къ первому произведенію Шевченка,—Наймычкѣ, въ которой г. Л—ій находитъ картину необъясняемой имъ поэзіи жизни... Съ первыхъ же строкъ авторъ

замѣчаетъ, что въ ней нѣтъ «ни завязки, ни развязки,—нѣтъ ни интересныхъ національныхъ типовъ, ни оригинальныхъ обычаевъ, даже «отсутствуетъ въ ней романическій интересъ, интересъ повѣствованія или изображенія»... Стоитъ-ли послѣ этого говорить о самой «Наймычкѣ»,—если значеніе ея приводится въ ней къ нулю? Конечно, не стоило-бы! Но авторъ не такого мнѣнія: онъ наговариваетъ Шевченку еще кучу комплиментовъ вродѣ того, что въ поэмѣ его замѣчается «отсутствіе всего оригинальнаго, незауряднаго», что «поэтъ ни однимъ словомъ не описываетъ ихъ (дѣйствующихъ лицъ); но ихъ фигуры сами собою возникаютъ въ нашемъ воображеніи, какъ возникаютъ въ воображеніи картины уединеннаго хутора» (стр. 5); наконецъ, заканчиваетъ свое введеніе тѣмъ, что говоритъ, будто-бы въ «Наймычкѣ», «собственно говоря, и событія никакого нѣтъ (?)» и послѣ этого приступаетъ къ анализу, т. е. къ подведенію содержанія «Наймычкы» подъ формулу поэзіи жизни. Тутъ у г. Лис—каго выходитъ вдругъ, что дѣйствующія лица у Шевченка почему-то живутъ и что даже «судьба ихъ интересуетъ насъ, какъ судьба живыхъ людей; затѣмъ, при дальнѣйшемъ изученіи поэмы, г. автора даже «охватываетъ мягкая волна душистаго степного воздуха; чувствомъ и мыслью (говоритъ онъ) мы переносимся на этотъ уединенный хуторъ, затерявшійся среди неизмѣримаго зеленаго простора. Такимъ образомъ, при всей безъискусственности поэмы, высшія цѣли достигаются ею. Какъ это происходитъ?»

Тутъ г. Л—ій начинаетъ намъ объяснять эту поистинѣ удивительную вещь, какъ изъ ничего у Шевченка является все; разсказываетъ намъ содержаніе «Наймычки», отмѣчаетъ «умилительное благочестіе» украинскаго народа, расхваливаетъ дивный языкъ поэмы, но все это пишетъ не на тему: не объясняетъ совершенно, почему-же «Наймычка» есть продуктъ «поэзіи жизни», и что, самое главное, какой именно жизни? Поговоривши о «Наймычкѣ» еще немного и не замѣчая, что имъ въ сущности не сказано ничего и что анализа «поэзіи жизни» у него нѣтъ никакого,—бросивши, наконецъ, «философское» замѣчаніе, «что поэты славянскіе, въ противоположность романскимъ, не умѣютъ ни радоваться жизни, ни бороться съ нею, (?) г. Л—ій кончаетъ свой метафизическій этюдъ о Наймычкѣ и переходитъ къ слѣдующей своей поэзіи—поэзіи чувства... Нечего и говорить, что дальнѣйшее изложеніе г. автора, въ силу неправильнаго примѣненія невѣрныхъ положеній, идетъ такимъ же ненаучнымъ путемъ, какъ и разсужденіе о «Наймычкѣ».. Во второй главѣ г. Лисов-

скій выдумываетъ какую-то особенную «поэзію чувства», — какъ будто вообще можетъ быть поэзія не чувства? — и подводитъ «Катерыну» подъ эту «поэзію», когда совершенно легко, по терминологіи автора, ее можно подвести и подъ пресловутую «поэзію жизни»! Все вообще изложеніе мыслей у г. Л—аго спутано здѣсь невѣроятно, благодаря, конечно, ненаучному методу автора; но кромѣ «неметодичности», у него является масса и всякихъ другихъ серьезныхъ промаховъ. Возьмемъ, напримѣръ, самое начало второй главы: «поэзія чувства не есть поэзія любви или гнѣва, жалости или отчаянія; вообще не есть поэзія того или другого чувства въ отдѣльности; это есть поэзія чувства вообще»... Удивительныя вещи! Гдѣ это г. Л—ій взялъ поэзію чувства, которая изображала бы чувство «вообще?» Гдѣ онъ нашелъ это «чувство вообще»? До сихъ поръ привыкли думать въ наукѣ, что абстракція «чувства», употребляемая въ психологіи, даже и въ этой наукѣ имѣетъ смыслъ только тогда, когда за нею разумѣется какое-нибудь конкретное чувство, а тѣмъ болѣе, конечно, въ литературѣ, гдѣ каждое поэтическое произведеніе непремѣнно изображаетъ какое-нибудь чувство *въ отдѣльности* и внѣ этого отдѣльнаго чувства не можетъ даже быть мыслимо. Не удивительно, поэтому, что при такихъ взглядахъ даже на свою оригинальную «поэзію чувства», которая никакого чувства не изображаетъ, г. Л—ій, кромѣ метафизическаго тумана, ничего больше въ своемъ изслѣдованіи о Катеринѣ и не даетъ! Мало того, потративъ нѣсколько времени на разговоры о «Катерынѣ», г. Л—ій въ концѣ концовъ заявляетъ, что въ поэмѣ нѣтъ «ни дѣйствующихъ лицъ, ни дѣйствія» (стр. 12), или что въ ней нѣтъ ни событій, ни лицъ,—только слезы и пѣсни!». Вотъ поэма, подумаешь со словъ г. Л—каго. И вотъ изслѣдователь, который, не взирая на пустоту и отсутствіе лицъ и событій, своими неумѣренными лирическими порывами и неумѣлыми пріемами находитъ какія-то пѣсни и слезы, появившіяся или откуда-то съ небесъ, внѣ лицъ и событій, или-же оставшіяся послѣ событій и лицъ, утонувшихъ въ кладезѣ историко-литературныхъ познаній г. Л—каго. Многое можно было-бы говорить о литературныхъ грѣхахъ автора изслѣдованія о «Катерынѣ», да не стоитъ, и мы ограничимся только указаніями двухъ наиболѣе крупныхъ прегрѣшеній г. Л—каго, которыя познаніямъ нашего изслѣдователя придадутъ довольно правильное освѣщеніе. Первый его грѣхъ, — это огульное обвиненіе Шевченка въ сантиметализмѣ, который яко-бы присутствуетъ въ его поэзіи въ обильномъ количествѣ (14 стр.) и который г. Л—ій даже считаетъ «естественнымъ» для молодой поэзіи.

Не знаемъ, какъ понимаетъ г. Л—ій сантиментализмъ,—но, какъ-бы онъ его ни понималъ, для насъ очевидно одно, что правильнаго понятія о немъ онъ должно быть не имѣетъ и, обвиняя Шевченка въ сантиментализмѣ, разумѣетъ подъ этимъ «романтизмъ», что, разумѣется, не одно и тоже, что сантиментализмъ,—при томъ у Шевченка совершенно отсутствующій... Странны затѣмъ понятія г. Л—го о возрастахъ литературъ, если онъ на основаніи какого-то присутствія сантиментализма считаетъ малорусскую литературу молодою, тогда какъ англійская литература, только въ концѣ прошлаго вѣка имѣвшая родоначальника сантиментализма Стерна, навѣрное никому изъ историковъ литературы не можетъ уже показаться молодой... Второй грѣхъ г. Л—каго еще болѣе крупенъ: въ заключеніе разбора «Катерины» онъ заявляетъ, что, «строго говоря», Шевченко былъ первымъ малорусскимъ поэтомъ»... и что въ малорусской литературѣ «не проявилось еще ни одного сомостоятельнаго мотива, который бы гласно засвидѣтельствовалъ о нахожденіи новой литературы». Этотъ грѣхъ уже болѣе серьезенъ,—такъ какъ здѣсь является на сцену не философская слабость г. Л—аго, а самое удивительное нежеланіе признавать общеизвѣстные литературные факты. Неужели-же въ новой русской литературѣ Пушкинъ—первый поэтъ только потому, что онъ наиболѣе великъ по сравненію со своими предшественниками?

А по отношенію къ Шевченку нечего и говорить, что онъ не былъ первымъ поэтомъ: стоитъ только раскрыть извѣстную исторію украинской литературы Петрова, чтобы убѣдиться въ томъ, что кромѣ Котляревскаго и Гулака, которыхъ г. Л—ій почему-то затушевываетъ, есть рядъ поэтовъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ имѣть притязаніе на то, чтобы быть поэтами по времени болѣе первыми, чѣмъ геніальный Шевченко. И такая подтасовка фактовъ сдѣлана только для того, чтобы доказать, что Шевченко, какъ представитель народа, долженъ былъ быть по разсчетамъ г. Л—го непремѣнно сантименталистомъ! А о томъ, что въ нашей литературѣ не было будто-бы самостоятельныхъ мотивовъ, нечего и говорить: фактъ несправедливости этой мысли слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ можно было распространяться! Удивительно только одно,—именно, что авторъ черезчуръ уже безцеремонно обращается съ такими фактами, къ которымъ нужно относиться поделикатнѣе! Довольно плачевныя страницы представляютъ изъ себя и разсужденія г. Л—го о «Гайдамакахъ». Въ предисловіи къ «Гайдамакамъ» г. авторъ «главныхъ мотивовъ» объясняетъ читателямъ, что въ исторіи литературы поэзія силы представляется въ

трехъ формахъ, въ поэзіи титанической, героической (идея долга!) и демонической, и рѣшаетъ, что «у Шевченка поэзія силы является въ героической формѣ»... (стр. 17). Интересно знать, въ какой это допотопной исторіи литературы узналъ г. Л—ій о такой мудрости, какъ дѣленіе поэзіи силы на три упомянутые ея періода и отождествленіе героическаго ея періода съ идеей долга? Мы, по крайней мѣрѣ, такихъ диковинокъ не находили нигдѣ и не думаемъ, чтобы находка ихъ принесла что-либо другое, кромѣ затемненія всякаго вопроса, который-бы мы желали разрѣшить съ помощью историко-литературныхъ изобрѣтеній г. Л—го. Не станемъ говорить много о тѣхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ нашего автора въ области «Гайдамакъ», которую онъ освѣщаетъ свѣточемъ своей «поэзіи силы»,—скажемъ только, что въ «Гайдамакахъ» онъ находитъ цѣлый культъ силы, который онъ считаетъ даже украинско-національнымъ, хотя и полагаетъ эту силу въ видѣ какой-то идеи долга, притомъ, по г-ну Л—му, долга узкаго (стр. 23). Выводъ этотъ, собственно говоря, довольно странный, и особенно потому, что авторъ хочетъ выразить въ немъ всю суть какъ гайдамацкаго движенія, такъ и такого сложнаго явленія, какъ Запорожье, возникновеніе и крѣпость котораго авторъ хочетъ объяснить привязанностью козачества къ какой-то абстрактной идеѣ долга (стр. 23). Сказавши, помимо диөирамбовъ Шевченку, нѣсколько объяснительныхъ, и, какъ думаетъ г. авторъ, «анализирующихъ» мыслей по поводу ношенія «Гайдамаками» культа силы, онъ въ концѣ концовъ рѣшаетъ, что «Гайдамаки» не поэма, а какія-то развалины, даже печальныя развалины, похоронившія подъ собою чистое золото и драгоцѣнный мраморъ (стр. 25). Читаешь и поистинѣ видишь какой-то хаосъ: развалины, величіе, культъ силы, лирика—и все это перемѣшано комплиментами и упреками Шевченку, словомъ, картина изслѣдованія положительно непостижимая. За то «поэзія правды», отражающаяся въ «Неофитахъ», еще любопытнѣе. Правда у г. Л—го оказывается выше жизни, потому что она есть идеалъ жизни, и выше чувства и силы... (стр. 26), однимъ словомъ, какая-то правда выше какой-то силы, чувства, жизни,—словомъ, чего хотите!... За эту поэзію правды принялся и нашъ злополучный Шевченко, и вышло, конечно, какъ нашелъ г. Л—ій, что ему до этой поэзіи пришлось бы слишкомъ долго идти, чтобы онъ могъ схватить ее и воплотить въ своей поэмѣ. «Вся исторія въ «Неофитахъ» разсказана слабо, блѣдно; характеры не выяснены; сильныя драматическія положенія совершенно не разработаны... и т. д. (стр. 27),—словомъ,

о «Неофитахъ» нечего и говорить. Напрасно только и самъ г. Л—ій взялся за ихъ изслѣдованіе; впрочемъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ другую цѣль независимо отъ изслѣдованія «слабыхъ Неофитовъ»: объ этомъ позволяетъ намъ думать вторая половина IV-й главы; здѣсь г. Л—ій высказываетъ свои неизвѣстно, на чемъ основанныя, этнологическія знанія, — именно, проведеніе разницы между Великоруссомъ и Украинцемъ, изъ которыхъ перваго онъ надѣляетъ отравленными стрѣлами ироніи, а второго библейскимъ мечемъ паѳоса (ср. 29)... Однако, нахожденіе въ украинскомъ народѣ «библейскаго меча» паѳоса г. Л—ій сдѣлалъ не даромъ: онъ захотѣлъ объяснить намъ, почему Шевченко не оставилъ (?) произведеній, достойныхъ его таланта. Причиной и виной этому былъ тотъ украинскій «библейскій мечъ», овладѣвъ которымъ себѣ на горе, Шевченко потерялъ вкусъ ко всему остальному... Чистая бѣда, да и только! До сихъ поръ думали, что чѣмъ поэтъ лучше отражаетъ въ себѣ различныя стороны народной психологіи, тѣмъ онъ стоитъ выше, а теперь вдругъ г. Л—ій неожиданно заявляетъ, что Шевченко потому и не оказался достойнымъ себя, что былъ самимъ собою, т. е. сыномъ владѣльца «меча»—украинскаго народа... Чѣмъ же тогда прикажете рождаться, г. Л—ій, чтобы избѣгать вліянія народно-національной среды? Посовѣтуйте, пожалуйста... такъ какъ во всѣхъ четырехъ поэзіяхъ нашему поэту совершенно не везетъ!

Чтобы не получить затѣмъ упрековъ въ неполнотѣ, г. Л—ій, на помощь къ своимъ «поэзіямъ» прихватилъ всю вообще лирику, находящуюся въ «Кобзарѣ» и, какъ онъ заявляетъ въ началѣ V-й главы, учинилъ изъ нея синтезъ, которымъ онъ «возстановилъ книгу и оживилъ человѣка» (стр. 33). Привыкши дѣлать крупныя натяжки, г. Л—ій не стѣсняется сказать, что Кобзарь,— «не есть сборникъ произведеній, а одно произведеніе, одна поэма и т. д.,» —такъ какъ его проникаетъ «поэтическая идея, не поддающаяся опредѣленіямъ, убѣгающая отъ формулъ...» (стр. 35) и поддавшаяся, какъ видно, одному только г. Л—му... Тутъ г. Л—аго не переспорить; важно только въ концѣ концовъ то, что онъ приходитъ къ сознанію громадной важности Кобзаря и даже находитъ въ немъ «много живого драматизма» (стр. 40), который прежде отрицался. Вообще въ V-й части «главныхъ мотивовъ», г. авторъ, повторяя прежнія ошибки, разсуждаетъ о сантиментализмѣ и героизмѣ, словомъ о какихъ-то древностяхъ, и только въ концѣ нѣсколько поправляется, трактуя о

крупномъ значеніи Шевченка, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ раньше, не написалъ достойныхъ себя произведеній... Много курьезовъ встрѣчается также и въ главѣ «Личный элементъ»: здѣсь г. авторъ говоритъ о громадной роли любви въ творчествѣ міровыхъ поэтовъ и высказываетъ слишкомъ несостоятельную мысль, что Данте, Петрарка и т. д. не написали бы всѣхъ произведеній, еслибы въ ихъ жизни не встрѣтились Беатриче, Лаура (которой такъ таки и не было),—мысль слишкомъ неправильная, чтобы это можно было доказывать! Затѣмъ г. Л--ій удивляется, что въ поэзіи Шевченка видно отсутствіе юмора, которое объясняется тѣмъ, что народъ въ поэзіи Шевченка изображается въ видѣ бездомнаго скитальца, «чужого-чужаныци», а не въ видѣ козака-нетяги, сверкающаго насмѣшкой и т. д.. (45). Довольно странное объясненіе и притомъ совершенно не нужное: высшей степенью юмора является сатира, полная горечи, и ужъ такого повышеннаго юмора въ поэзіи Шевченка и не оберешься, а г. Л—ій скорбитъ объ его отсутствіи, сочиняя для этого «чужуючужаныцю».

Еще далѣе г. Л—ій даритъ насъ слѣдующей глубиной мысли: «личный факторъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, есть факторъ національный. Въ немъ чрезвычайно мало случайнаго и индивидуальнаго. Ему присущъ характеръ необходимаго и неизбѣжнаго и т. д. (стр. 46). Слишкомъ много категорическаго и неправильнаго!... Какъ же разобраться въ путаницѣ г. автора, если коллективное (національное) у него отождествляется съ индивидуальнымъ (личнымъ) и личному приписывается характеръ неизбѣжнаго? Если личный равенъ національному, то почему-же тогда не существуетъ однородности въ мотивахъ всѣхъ личныхъ поэзій, а наоборотъ, по закону литературной эволюціи, существуетъ прогрессивное дифференцированіе? Если, затѣмъ, личному свойственъ характеръ неизбѣжнаго, то какъ же тогда понимать личный активъ, который, какъ и у Шевченка, перерабатываетъ вліяніе прежней среды и вырабатываетъ новую, болѣе прогрессивную... Словомъ, у г. Л—го недочетъ за недочетомъ, но на этомъ послѣднемъ мы и остановимся, такъ какъ можемъ теперь вполнѣ оцѣнить значеніе «главныхъ мотивовъ» г. Л—го. О нихъ мы можемъ произнести такое рѣшеніе: отсутствіе правильнаго метода помѣшало г. Лисовскому произвести научный анализъ. и показать намъ дѣйствительныя основы или главные мотивы поэзіи Шевченка; отсутствіе пониманія задачъ историка литературы и литературнаго критика не дало ему возможности представить предъ нами

жизненные элементы этой поэзіи и ея силу; вмѣсто же этого у г. Л—го получился рядъ метафизическихъ упражненій, гдѣ ненаучная дедукція и апріоризмъ играютъ первую роль, и отъ которыхъ пользы весьма мало... Вообще же работа г. Л—го очень слаба и, отличая въ немъ человѣка съ нѣкоторой эстетической жилкой, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ въ немъ слабость научной дисциплины и малое умѣніе обращаться съ очень крупными вещами.

И. Стешенко.

Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на воззрѣніе Государя Императора. Спб. 1896 г., 34 стр.

Въ помѣщеніи Имп. Археолог. Коммиссіи ежегодно устраиваются выставки, на которыхъ выставляются предметы, явившіеся результатомъ дѣятельности Коммиссіи за извѣстный годъ. Брошюра, заглавіе которой приведено выше, представляетъ изъ себя каталогъ такой выставки, устроенной въ настоящемъ году, куда поступили какъ отдѣльные предметы, доставленные на основаніи существующихъ узаконеній, такъ и цѣлыя коллекціи, добытыя при раскопкахъ, произведенныхъ на средства Коммиссіи спеціально командированными лицами въ теченіе 1895 г. Кромѣ того, тутъ-же помѣщены коллекціи и отдѣльныя вещи изъ раскопокъ, разрѣшенныхъ Коммиссіею различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Предметы поступили изъ разныхъ мѣстъ; въ данномъ случаѣ мы отмѣтимъ только тѣ, которые происходятъ изъ южной Россіи.

Изъ *кіевской* губ. имѣется собраніе глиняныхъ сосудовъ изъ кургановъ близъ с. Васильковки звенигородскаго у., принесенное въ даръ Коммиссіи отъ г-жи Ю. Ф. Абаза. Сосуды изготовлены изъ красной глины, покрыты росписнымъ орнаментомъ въ формѣ черныхъ разводовъ и сѣтки; всѣ сосуды одной формы—съ острыми выступающими боками; болѣе низкіе сосуды снабжены на днищахъ нѣсколькими ножками. По мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго сосуды эти могутъ быть отнесены приблизительно ко II в. по Р. Х. Изъ этихъ-же кургановъ происходитъ и желѣзный мечъ.

Изъ г. Черкассъ имѣется мѣдный четырехконечный крестъ, найденный съ золотоордынской монетой.

Изъ *подольской* губ. поступили шлемъ, обрывки кольчуги, стремя и другія вещи изъ кургановъ, раскопанныхъ близъ Межирѣчки, въ имѣніи А. М. Абазы; съ вещами были найдены и золотоордынскія монеты XIV в.

Изъ *черниговской* губ. есть только серебряная ушная подвѣска, въ видѣ кольца съ посаженными на него шариками, найденная въ с. Обмачевѣ, конотопск. у., вмѣстѣ съ чешскими монетами XIII в.

Въ *полтавской* губ. раскопки производили Н. П. Авенаріусъ и предсѣдатель Коммиссіи гр. А. А. Бобринскій.

Н. П. Авенаріусомъ были раскопаны курганы близъ с. Поставмукъ, лохвицкаго у. Курганы невысоки, распаханы; костяки головой лежатъ на востокъ: въ 4-хъ курганахъ найдены двойныя погребенія. Изъ вещей найдены: длинныя и болѣе короткія булавки, мѣдная фибула, бусы, пряслица, мѣдные наконечники стрѣлъ, зеркало, амфора и маленькая вазочка классическаго происхожденія; эта послѣдняя, по мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго, можетъ быть отнесена къ концу IV-го или началу III в. до Р. Х.

Н. П. Авенаріусомъ доставлены также два палаша, найденные у того-же с. Поставмукъ. Въ курганѣ близъ с. Гнилицы, зѣньковскаго у., раскопанномъ гр. Бобринскимъ, встрѣтились слѣдующія вещи: мѣдные наконечники стрѣлъ, золотая серьга поздне-скифскаго типа, кусочки краски, каменная буса, кольцо съ шипами; предметы эти могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. Курганъ оказался уже расхищеннымъ.

Въ *херсонской* губ. раскопкой кургановъ занимался В. И. Гошкевичъ. Изъ раскопокъ 1895 г., близъ с. Архангельскаго, херсонск. у., имъ представлено 20 плоскихъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, золотыя спиральныя трубочки и золотой небольшой браслетъ, украшенный по поверхности тремя продольными поясками. При раскопкахъ-же болѣе раннихъ—1893 г., близъ с. Дымовки того-же херсонск. у., было изслѣдовано 17 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались относящимися къ мѣдному вѣку (найдено мѣдное остріе, каменныя буссы), другіе къ XIV (амулетъ изъ ляписъ-лазура, пряслица, кораллъ), остальные-же не могутъ быть отнесены къ опредѣленному типу.

Упомянемъ также о коллекціи днищъ сосудовъ съ клеймами, доставленной Н. П. Авенаріусомъ изъ Дрогичинскаго городища *гродненской* губ.

Обильную археологическую жатву дало по обыкновенію побережье Чернаго моря. Тутъ находятся вещи изъ раскопокъ К. К. Косцюшко-Волюжинича въ Херсонесѣ, члена Коммиссіи Н. И. Веселовскаго близъ Симферополя, проф. Ю. А. Кулаковскаго между нижнимъ теченіемъ Альмы и Качи, Н. Ф. Романченка въ Евпаторіи и собранныя А. А. Бертье-Делагардомъ въ Феодосіи, при устройствѣ порта. **Б.**

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакциєю Михайла Грушевського. Томы XI и XII (1896, кн. III и IV). Стр. 191 и 194 [1]).

Не смотря на трудныя матеріальныя условія, научное общество Шевченка продолжаетъ съ обычною аккуратностью издавать свои «Записки», собираетъ матеріалы для отдѣльныхъ изданій по исторіи и этнографіи, обсуждаетъ въ своихъ засѣданіяхъ разнообразные вопросы, вызываемые развитіемъ научной дѣятельности на родномъ языкѣ. Если взять въ разсчетъ спеціальныя галицкія условія и новизну дѣла, то нельзя не признать, что общество съ честью справляется съ предлежащею ему симпатичною задачею.

Указанные въ заголовкѣ два новыхъ тома «Записокъ» составлены по прежней программѣ. Научная хроника и отдѣлъ библіографіи отличаются обычною обстоятельностью и разнообразіемъ, тонъ рецензій и отчетовъ строго выдержанный и обнаруживаетъ умѣлое руководство въ выборѣ и единство научнаго направленія. Въ настоящихъ томахъ данъ болѣе или менѣе подробный отчетъ о 70 книгахъ и статьяхъ по южно-русской исторіи и литературѣ, въ томъ числѣ начало обширнаго обозрѣнія содержанія «Кіев. Стар.» за 1895 г. (XII, 1—26)

Изъ отдѣльныхъ статей XI и XII т. т. «Записокъ» отмѣтимъ прежде всего принадлежащую г. Кониському новую главу изъ предпринятой имъ подробной біографіи Шевченка: «Т. Шевченко на пер-

---

[1]) Обзоръ содержанія I—X тт. „Записокъ“ см. въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., №№ 11 и 12, 1896 г., №№ 2 и 5.

шому засланю», т. е. до высылки въ новопетровское укрѣпленіе въ 1850 г. (XI, 1—62). Въ настоящей главѣ авторъ пользуется уже изданными матеріалами, подвергая ихъ критическому разбору и удачно иллюстрируя отдѣльные эпизоды трагической судьбы поэта ссылками на его сочиненія и письма. Въ біографіи такого могучаго таланта, какъ Шевченко, каждая подробность заслуживаетъ критическаго обслѣдованія, и поэтому мы не рѣшаемся поставить въ упрекъ біографу пытку, которой онъ подвергаетъ письмо поэта къ Репниной 27 февр. 1848 г. для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли писалъ Ш. дневникъ въ Орской крѣпости. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что подобные критическіе экскурсы нѣсколько нарушаютъ цѣльность картины, тѣмъ болѣе, что вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Точно также мы не вполнѣ уясняемъ себѣ цѣль разсмотрѣнія вопроса о правильности перевода Ш. въ Новопетровское укрѣпленіе съ формально-юридической точки зрѣнія (60—62), а догадку автора о случайномъ происхожденіи извѣстной резолюціи имп. Николая I, воспретившаго поэту не только писать, но и рисовать, должно признать неудачною. Не подлежитъ сомнѣнію, что имп. Николай I лично просматривалъ документы по дѣлу мнимаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества; кромѣ того, въ докладѣ графа Орлова по этому дѣлу, утвержденномъ 28 мая 1847 г., хотя и нѣтъ рѣчи о рисункахъ Ш., но послѣдній именуется «художникомъ Спб. академіи художествъ» или просто «художникомъ». Если взять въ разсчетъ, что на допросѣ 21 апрѣля 1847 г. Ш—ку былъ предложенъ вопросъ, кто иллюстрировалъ рукописную книгу его стихотвореній, и что содержаніе «Сна» было подробно описано послѣ отобранія рукописей у поэта, то едва-ли можетъ быть рѣчь о случайномъ характерѣ резолюціи 28 мая 1847 г.)— Конечно, эти замѣчанія не могутъ умалять достоинствъ весьма обстоятельной біографіи Ш., принадлежащей г. Конискому.

Въ статьѣ «Политическія событія 1340 г. въ Галицкой Руси» (XII, 1—24) г. О. Терлецкій подвергаетъ критическому обслѣдованію взгляды новѣйшихъ историковъ на вопросъ объ извѣстномъ походѣ кор. Казимира на Русь и отношеніяхъ его къ Дезку, Даніилу и татарамъ. Значеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, сильно преувеличено нѣкоторыми писателями, особенно г. Филевичемъ. Критическій очеркъ г. Терлецкаго полезенъ въ томъ отношеніи, что довольно убѣдительно показываетъ скромныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ приходится держаться при обсужденіи этого вопроса, благодаря скудности историческихъ свидѣтельствъ.

Г. Радакова въ статьѣ: «Украинскіе козаки на Ладожскомъ каналѣ» (XII, 1—20) даетъ не лишенную интереса сводку сохранившихся разрозненныхъ данныхъ о первыхъ опытахъ примѣненія натуральной повинности къ «канальнымъ» работамъ при Петрѣ I и Екатеринѣ I. Прискорбную картину этой знаменитой безурядицы весьма картинно дополняетъ найденная авторомъ въ Харьковскомъ историч. архивѣ «вѣдомость сотнѣ кременчуцкой, коликое число ходило козаковъ до Ладоги на каналную работу и як много ихъ од нужды померло» (1721 г.).

Д-ръ Кир. Студинскій продолжаетъ изданіе малоизвѣстныхъ панегириковъ XVII в. (см. т. VIII «Записокъ»). Въ XII т. (1—32) изданы: «Имнологія» кіевской печати 1630 г., Ἀνάθημα τῆς τιμῆς венеціанской печ. 1641 г. и «Εὐωδία» львовской печ. 1642 г. Панегирики эти снабжены критико-библіографическимъ комментаріемъ на основаніи работъ Пекарскаго, Головацкаго, Каратаева, Виндакевича и нѣк. др. Съ исторической точки зрѣнія наиболыше интересенъ венеціанскій панегирикъ, составленный Як. Седовскимъ изъ Галичины въ честь Григ. Кирницкаго, «обывателя Лвовскіа земля въ Россіѣ» по случаю возведенія его въ степень доктора философіи падуанскаго университета. Данныя панегирика оттѣняютъ нѣсколькими новыми штрихами изслѣдованіе Виндакевича о польской студенческой колоніи въ Падуѣ.

Редакторъ «Записокъ» г. Грушевскій помѣстилъ въ XI и XII т. т. нѣсколько найденныхъ имъ въ архивахъ неизвѣстныхъ дотолѣ документовъ, снабдивъ ихъ историческимъ комментаріемъ. Таковы 1) грамота кн. Александра Владиміровича кіевскаго 19 февр. 1450 г. писанная въ Овручѣ, объ освобожденіи слуги Ларивона Велавскаго отъ службъ, податей и пошлинъ (въ подтвержд. 1486 и 1574 г.); 2) того-же князя жал. грамота 8 мая 1451 г. боярамъ Ивашку и Петру Григоровичамъ на селище Таганчу, выдання въ Кіевѣ (подтвержд. 1494, 1520 и 1572 г.); 3) жал. грамота кн. Семена Александровича 23 іюля 1459 г. кіевскаго боярину Андрею Морозову на село Жердеву, выданная въ Кіевѣ (подтвержд. 1571 г.); 4) продажная запись 1571 г. на селище Сѣряково близъ Кіева, съ упоминаніемъ пожалованій съ 1465 г. (подтв. 1572 г.)—всѣ четыре акта изъ коронной метрики Моск. Арх. Мин. Юст., и 5) опись Львовскаго замка 1495 г.—изъ архива варшавской казенной палаты.

Въ т. XII, отд. miscellanea, напечатаны, съ предисловіемъ г. Франка, воспоминанія свящ. Юрія Гладиловича о рѣзнѣ 1846 г. въ

саноцкомъ округѣ Галичины, представляющія нелишенный интереса вкладъ для исторіи этого еще не вполнѣ разъясненнаго явленія.

Наконецъ, г. Вл. Левицкимъ предложены въ XI т. матеріалы для разработки украинской терминологіи по отдѣлу механики, съ соотвѣтственными терминами нѣмецкими и французскими. Авторъ проситъ совѣтовъ и указаній со стороны спеціалистовъ.

Въ приложеніи къ XI т. напечатана программа для собиранія свѣдѣній о писанкахъ, составленная г. Кордубою. Н. М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор.

прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ состовляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «Новое Слово» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по

примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на **«Новое Слово»** принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10	р.	—	к.
» » » » » полгода. . .	5	»	—	»
» » » » » три мѣсяца. .	2	»	50	»
» » безъ пересылки на годъ. . .	9	»	—	»
» » съ перес. за границу на годъ.	12	»	—	»

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала **«Новое Слово»** въ книжномъ магазинѣ «Трудъ»—Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

Ездилъ у вечеру до Миклашевскихъ и посидѣвши, повернулся домой. Вѣжевскій посланъ въ Нѣжинъ зъ унторъ офѣцеромъ по грековъ Фармакѣя и Юрія Гору, зъ которихъ послѣднего, такъ же Пѣперовъ облѣкчи саморучніе далъ ему за роспискою и денегъ 10 р. на разніе покупки, особливе для вина.

Субота 16. День былъ хмаренъ, мокръ и вѣтрянъ, зъ дощемъ густимъ. Ночъ випогодилась мало, однако жъ безъ морозу и къ свѣту мокра. Рано ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ, где овесъ молотятъ. У вечеру ездилъ до Борзни суддѣ и оттоль домой не ездилъ. Вѣдомо зде учинилось, по писмамъ полковниковъ Полтавского и Миргородского до суддей нашихъ писаниимъ, что татаре идучи Бѣлогородскіи и Ногайскіе къ рубежамъ полскимъ, напали на село полку Полтавского, сотнѣ Орѣлской, прозиваемое Биркутъ (?) и человѣка зъ 20 убили, а зъ 12 взяли въ полонъ, а отъ тамошнихъ жителей одинъ сокѣрою одного татарина убилъ, для чего полковникъ Миргородскій війшолъ зъ полкомъ своимъ до Кременчука, такъ же и Полтавскій.

Неделя. 17. День былъ хмарній, холодноватъ почасти и свѣтлій, безъ морозу. Ночъ сперва свѣтла, а после хмарна и дощъ ишолъ густий, отъ чего много снѣгу пропало, а води везде умножилось. Былъ я на службѣ божой у ст. Николая, а оттоль зайшолъ до п. Михайла, брата, позавчира пріехавшаго, куда прійшолъ и пѣвчій государини цесаревни Божокъ, зъ С.П.Бурху пріехавшій. Обѣдалисмо въ дому, а въ вечеру знову ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся домой.

Понедел. 18. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ, а после свѣтелъ зъ таяніемъ снѣгу, у вечеру стало примерзать, ночъ вияснилась, тиха и зъ морозомъ. Рано въ лазню ходилъ и кровъ банками пускалъ; рано жъ п. Михайло пріездилъ, обѣдалисмо въ дому и никуда сегодня не ездилъ, кромѣ что Зварковского болного, зятя Астровской, посѣщалъ.

Вовтор. 19. День былъ свѣтелъ, тихъ, зранку зъ морозомъ, а после зъ отлигою, ночъ тиха, безъ морозу, хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру били Тарицинъ и Александеръ, играли въ карти зъ програшомъ 80 к.

Середа 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, зъ таяніемъ снѣгу. Ночъ свѣтла, тиха, тепловата, къ свѣту морозецъ. Андрѣй Проценко, староста бывшій Короваювскій, которого допросить о пріемѣ и о висилкѣ бѣглого приговорено въ судѣ енер., пріехалъ зъ розсилщикомъ, которій зде при п. Михайлу говорилъ, что онъ засталъ того бѣглого въ селѣ, а висилалъ по свѣдителству и не представлялъ родителеви. Обѣдалисмо въ дому и съ нами Лизакевичъ; по обѣдѣ п. Михайло пріездилъ ко мнѣ и отехалъ.

Четвер. 21 День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту зъ морозцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я въ городъ до Кишкина, оттоль до п. Михайла.

Пятокъ. 22. Денъ былъ хмарній, почасти холодненкій зъ ранку, а после зъ таяніемъ снѣгу, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозомъ а особливе къ свѣту. Ездилъ я въ Сварковъ, где молодыхъ мужиковъ, которія причетни до казловой рани (?), велѣлъ сѣкти розгами. Приехавши оттоль, обѣдалъ въ дому. Вахмистръ конной гвардіи Сабуровъ отъ князя Шаховского пріехалъ въ С.П.Бурхъ, а про князя говорилъ, что въ Бѣлой Церквѣ и что стать князю хочай на минѣстерскомъ дворѣ, хочай и въ гетманскомъ, въ городѣ.

Субота. 23. День былъ вѣтрянъ, хмарний, холодний зъ морозомъ хорошимъ, что и все померзло и чрезъ увесь день не таяло. Ночъ хмарна, мокра и холодновата, а къ свѣту зъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ зъ женою ездилъ до Радищева, Мякинина, Хрипунова и Синявина прощатись для того, что после завтра постъ.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний зъ маленкимъ снѣжкомъ, холодний, такова жъ и ночъ была. Сегодня на службѣ божой былъ я у церквѣ ст. Анастасіи, оттоль заехалъ до п. Михайла Скоропадского, которой переехалъ на Бѣлополовку, для того что тамъ домъ гетманскій въ квартиру означенъ князю Шаховскому. Полковникъ Лубен. п. Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ вкупѣ зъ п. Михайломъ, до которого я и по обѣдѣ ездилъ и тамъ доволно позабавилъ до позна, где приехавшій присутствовалъ и Худолѣй. Брати Семенъ и Марко пріехали въ Глуховъ по дѣлу Коховского.

Постъ велик. Понедел. 25. День былъ холодний очинь, хмарний почасти, и почасти свѣтлий, ночъ такова жъ была и свѣтла. Не ездилъ я никуда сегодня. Пріехалъ Семенъ Шохъ, стар. Криск., и обявилъ, что купилъ дворъ у Крискахъ за 15 р. у капитанши, да привезлъ бѣлугу и осятра, и далъ за все то 2 р. 50 к. Таращенко отправленъ въ Перер. до Клима. О присилкѣ сюда описѣ урочищей степу Кривор. писалъ до его, да о присилке сюда масла и сира къ святамъ.

Бовтор. 26. День былъ подобний вчорайшимъ и ночъ толко хмарна, а морозъ однаковъ. Ездилъ я по обѣдѣ до пол. Луб. и п. Михайла и посидѣвши, повернулся домой. Отправленъ Шохъ въ Криски, а ему за дорогу далъ 2 р.

Середа. 27. День былъ хмарний, холодний же, тихій, ночъ свѣтла, тиха зъ морозомъ. Ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль у футоръ и съ футора пріехалъ въ Глуховъ смеркомъ

Четвер. 28. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, особливе къ вечору, ночъ такова жъ свѣтла, тиха и холодна очинь. Слишно, что князь Шаховскій повернулся зъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ, а съ Кіева виехалъ сюда, еще въ пятокъ, противъ которого поехалъ братъ п. Михайло. Посланъ Алексѣй Полуденскій, въ Нѣжинъ, до Вѣжевского виручать его зъ подъ караула, за который взялъ его комендантъ Нѣжинскій и далъ ему 1 р. и 3 червонніи и данъ приказъ и писма до Кучарского и Вѣжевского, чтобъ Юрія Гору принаймной сюда въ судъ приправадилъ, если нелзя Фармакѣя. Пріехалъ другій Алексѣй зъ Ромна и привезлъ вина волоского стоянець, соку око, оливи полъ 2 фунта, родзѣнокъ фунтъ 2. Былъ я у вечеру у пол. Луб., который мнѣ подалъ, виписавши моею рукою, вѣдомость зъ писма Павла Корнѣевича о степу Криворудскомъ, что мнѣ до футорця моего уступаетъ, а именно такъ: по шляхъ тотъ, который идетъ зъ Лукомля до Самосѣдовки, да съ того жъ шляху спустя на дорожку тую, что идетъ до футора Ореховского, мимо могилу тую, до которой толока присагла зъ Самосѣдовки.

М-цъ Мартъ. Пятокъ. 1. День былъ зранку очинь студений, толко велми тихій и свѣтлій, что отъ слонца стало тепло, а къ вечеру знову морозъ, ночъ зъ силниимъ велми морозомъ, тиха и свѣтла. Ездили род. и я, и всѣ зъ господ. и пановъ старшини на стрѣчъ, противъ князя Шаховского, которого стрѣтили при виездѣ зъ Тулиголовъ и пріехали въ Глуховъ смеркомъ, а при немъ Хрущовъ, Нѣжинскій полковникъ, Пасекъ и швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ. Отмѣнное вишнее правленіе малор. стало: сталъ князь отъ себе писатѣ указами и листами, по примѣру гетманскому.

Субота. 2. День былъ и ночъ свѣтліе, тихіе, холодніе. Приобщались ст. Тайнамъ род. и мы всѣ, въ церквѣ ст. Анастасіи; у вечеру ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся назадъ.

Неделя. 3. День былъ хмарний зъ отлигою, и снѣгъ густий ишолъ толко и потаялъ увесь къ вечору, ночъ такъже хмарна зъ морозомъ. Сегодня по приказу князя Шаховского, обявленномъ намъ черезъ писара енералного, собрались старшина енералныя и полковники Нѣжинскій и Лубенскій въ столовую гетманскую и отпечатавши клейноти гетманскіе, булаву, бунчукъ, короговъ и пѣрначи, въ другой скринцѣ, несли въ присутствіи онихъ старшинъ и насъ бунчуковихъ на квартеру до князя Шаховского многіе и я. По обѣдѣ заездили ко мнѣ п. полков. Луб. и п. Михайло а после знову отехали до князя. Петро кухаръ пріехалъ съ Москви и попривозилъ деякіе рѣчи.

Понедел. 4. День былъ свѣтлій, тихій и холодний, зъ стужею, особливо ночъ холоднѣйша еще, тиха и свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріездилъ сюда прощатись къ родителю и ко мнѣ пол. Луб., зъ которимъ я до его квартери на Бѣлополовку заехалъ и при мнѣ онъ виехалъ въ С.П.Бурхъ, просить милости ея величества на мать свою гетманову и на весь свой домъ. Отголь былъ у князя и долго позабавили, ходили при немъ до двора гетманского осматривать и поворотясь, заходили до Мануйловича, асаула енер., болѣзнуючого паралѣжемъ.

Вовтор. 5. День былъ свѣтлій, тихій, холодний и хмарний почасти, подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ

дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и поворотился домой. Аргамакъ мой турецкій захоровалъ на залози, которого лѣчили плястромъ, сало старое товкли зъ зѣллемъ росходникомъ и прикладали, отчего помоглось.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, холодний сперва, а после таяло у вечеру и черезъ ночъ морозъ хороший и померзло все; свѣтло и тихо. Рано былъ у князя, обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Синявина и швакгра п. Андрѣя. Кровъ пускалъ зъ головной жили. У вечеру, якъ я виехалъ отъ Борзни, то не доеждажаючи воротъ, увидѣлъ коляску родителскую зъ самими конми, въ самомъ прудкомъ імпетѣ бѣжавшими, которіи слава Богу проминули мене и прибѣгши до брами якъ ударили коляску отъ дороги, то оная надробки вся розбита и поламана, а я такъ отъ тяжкого случая избавился.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, зъ сухимъ морозомъ. Ночъ такова жъ. Рано былъ у судѣ енер. и у князя, обѣдалъ въ дому зъ швакгромъ п. Андрѣемъ, у вечеру знову былъ у князя. Вѣжевскій съ подъ караулу освободившись, пріехалъ въ Глуховъ зъ Алексѣемъ, такъ же и Климъ зъ степу.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтелъ, холоденъ, тихъ, ночъ почасти свѣтла, тиха, къ свѣту вѣтрена и снѣжна зъ отлигою. Сегодня нигде я не бывалъ, жена отехала въ Тулиг., а швакгеръ п. Андрѣй посѣщалъ мене для жени отеждажаючой.

Субота. 9. День былъ хмарний зъ снѣгомъ и великою метелицею, которая до полудня вся перестала и снѣгъ ростаялъ, зъ полдня дощъ великій, потомъ ясно и у вечеру морозецъ, ночъ сперва зъ морозцемъ, после зъ дощемъ и зъ влагою до свѣта. Былъ я на службѣ божой у ст. Анастасіи и у князя, обѣдалъ зъ род. въ дому. Въ банѣ мился.

Неделя. 10. День былъ свѣтлий, тихій, теплій, а между тимъ почасти хмарний, ночъ тиха, свѣтла зъ маленкимъ морозцемъ, таяніе сегодня снѣгу велико и наводненіе зъ того. На службѣ зъ княземъ у его церквѣ и у его обѣдали многіе и я, а отголь заехалъ до швакгра п. Андрѣя, который после до мене заехалъ и отъ мене домой отехалъ.

Понедел. 11. День былъ холодний велми, вѣтрянъ полунощнимъ вѣтромъ и зъ метелицею снѣжною, такова жъ и ночъ, отчего по лду знову безпечно стали ездить. Былъ я рано у судѣ енер., а оттоль повернувшись домой, обѣдалъ. Генералъ и ст. Андрѣя кавалеръ князь Гессенгомбурскій, отправленний на мѣсто князя Шаховского въ Полщу, пріехалъ въ Глуховъ и сталъ квартерою у Мануйловича.

Вовтор. 12. День былъ еще холоднѣйшій и хмарний, и ночъ такова жъ, а къ свѣту виногодилась метелиця. Сегодня рано род. и я были у князя Гессегонбурского, а у князя Шаховского съ нимъ кушали.

Середа. 13. День былъ свѣтлій, тихій, очинъ холодний, къ полдню съ таяніемъ снѣгу, а къ вечору знову студенъ, такова жъ и ночъ была. Ездилъ рано до Сваркова, где приказалъ гончарамъ въ будинку воликомъ отъ саду коменъ и пѣчъ разбирать, а теслямъ свѣтелку зъ комнатою отъ двора розбирать; оттолъ заехалъ до футора и до дому на обѣдъ, хочай и дорога очинъ была грудна, потому что мало снѣгу.

Четвер. 14. День былъ зранку холоденъ, а после тепелъ, въ день снѣгъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна, а особливе къ свѣту. Былъ род. и я у князя Гессенгомбурского рано, зъ которимъ прійшли до князя Шаховского, у кутораго и кушали и подпіяхомъ, и оправадили его, виехавшого отсель ку Кіеву.

Пятокъ. 15. День былъ холодний зъ ранку, а после тепловатъ, свѣтелъ и тихъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна. Сегодня никуда я не ездилъ.

Субота. 16. День бѣлъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ и прежнимъ. Сегодня по обѣдѣ былъ у князя Шаховского и позно домой повернулъся.

Неделя. 17. День былъ и ночъ подобніе во всемъ вчорайшимъ, толко мало похмурніе. У церквѣ соборной на службѣ билъ князь и всѣ присутствовавшіе, где читана грамота ея величества, за подписаніемъ собственноручнимъ, въ якой показана сила тая: сожалѣніе о преставлении гетмана Апостола, опредѣленіе до избранія генералной канцеляріи новое, где бить 6 персонамъ, князю Шаховскому и еще

двомъ великороссійскимъ, да обозному енералному Якову Лизогубу и еще двомъ малороссійскимъ, которіе ко благоизобрѣтенію назначени и имъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть великороссійскимъ по правой сторонѣ, а малороссійскимъ по лѣвой, и править обще зъ совѣту и согласія, и подписиватись всѣмъ на указахъ. И сей указъ привезъ Сабуровъ зъ С.П.Бурху до князя позавчорайшого дня. По службѣ кушали у князя и подпіяхомъ для тезоименитства того княжого, понеже онъ Алексѣй. Ундиръ-офѣцеръ, держанний въ Нѣжинѣ у комендантa подъ карауломъ, отпущенъ зъ подъ караула и пріехалъ въ Глуховъ, и явилъся, которому я далъ 1 р., 10 квартъ гор. и проч.

Понедел. 18. День былъ подобній вчорайшому во всемъ и ночъ, толко зъ морозомъ отъ прежнихъ меншимъ. Сегодня никуда я не ездилъ, ради приключившойся мнѣ болезни въ ушѣ правомъ. Сегодня по силѣ вишипомянутого указу, опредѣленніе до правленія енералной канцелляріи засѣдали при князеви: Радищевъ и Кишкинъ, да родитель и судда Забѣла, а обозній въ походѣ.

Вовтор. 19. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ почасти, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, тиха и мало холодновата. Сегодня никуда я не ездилъ ради болезни ушей моихъ.

Середа. 20. День былъ зранку зъ морозцемъ, хмарний и после свѣтлій, а потомъ знову хмарний и теплій, ночъ свѣтла зъ морозцемъ. Принималъ я сегодня лыкарство проносное Бока и имѣлъ доволно операцѣй.

Четвер. 21. Сей день былъ подобний вчорайшому, свѣтлій, тихій и хмарний, между тимъ холодноватъ толко безъ морозцу, ночъ свѣтла, тиха зъ морозцемъ. Сегодня алтерацѣи имѣлъ, на видъ якоби фабри.

Пятокъ. 22. День былъ свѣтлій, тихій, зранку зъ морозцемъ, а после тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозцемъ. Сегодня тожъ мене проносило еще и слабъ былъ. Впервое члени гетманского правленія засѣдали зъ князем Шаховскимъ. Несторовичъ зъ Ромна пріехалъ.

Субота. 23. День былъ сперва зъ туманомъ, а после свѣтлій, тихій и теплій, ночъ такова жъ, свѣтла, тиха зъ морозцемъ, а къ свѣту хмарна зъ морозцемъ и вѣтромъ. Сегодня никуда я не ездилъ ради слабости своей.

Неделя. 24. День былъ хмарний вѣтряний и силная снѣжная метелиця, которая покрила землю добре, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту ясно и холодно велми. Сегодня рано били у князя, и по службѣ обѣдали и до вечора просидѣли.

Понедел. 25. День былъ свѣтлій, теплій, а первей зъ морозцемъ, тихій, къ вечору и черезъ ночъ знову морозъ, а ночъ такъ же была свѣтла, тиха. Сегодня обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ.

Вовтор. 26. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, ночъ холоднѣйшая. Сегодня никуда я не ездилъ, и въ дому обѣдалъ.

Середа. 27. День былъ свѣтлій, холодний же попрежнему и хмарний, после зъ вѣтромъ, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Ездилъ рано до князя въ судъ и въ дому обѣдалъ.

Четвер. 28. День былъ почасти хмаренъ и почасти свѣтелъ, толко вѣтрянъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тихшая отъ дня, а после хмарна зъ раствореніемъ. Сегодня былъ я у князя Шаховского, а обѣдалъ у себе. У лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Пятокъ. 29. День былъ хмарний, туманний зъ дощемъ, тепловатъ, ночъ такова жъ. Вѣдомо зде учунилось отъ вѣдомостей, что сынъ Михайла Забѣли судіи енер., которій въ походѣ билъ при обозномъ енер. въ Полщѣ, взятъ въ неволю отъ партизантовъ Лящинского. Теперъ сталъ ставъ роспускать здѣшній Глуховскій, толко еще вовсе не очистился.

Субота. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, самий весняний. Ночъ тиха, тепловата, отчего стала земля просихать.
Обѣдалъ въ дому, у вечеру ездилъ до князя и тамъ долго позабавился. Денги, должніе на Іотію греку 36 р. отобралъ я всѣ сполна черезъ Тараса и уже онъ теперъ мнѣ не долженъ сталъ.

Неделя. 31. День былъ почасти свѣтелъ, а особливе къ вечору и хмаренъ зъ дощикомъ веснянимъ, ночъ свѣтла, почасти жъ и хмарна. Ставъ здешній по болшой части отъ ліоду очистился.

Были у церквѣ ст. Анастасіи зъ княземъ, у его жъ и обѣдали. Отъ енерала графа Вейзбаха прислано предложеніе до князя, чтобъ всѣ козаки и стрелцѣ, и бунчуковіе товарищи, кои въ Полщѣ не обрѣтаются, были готови въ походъ на 20 число априля, а сіе онъ предлагаетъ въ содержаніи именного указу ея величества. Воску зъ вощинъ вибили кругъ у 2 пуда.

Априль м-ць. Понедел. 1. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, тепловатъ. Ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и и холодна, острий вѣтеръ, Былъ въ городѣ, обѣдалъ у князя, а оттоль у Синявина. У лавкахъ купилъ локоть 5 таѳи зеленой по 16 шаг., всего 1 р. 50 к. Два вози сѣна купилъ по 11 к., всего 22 к. Черезъ Омеляна писалъ до Янѣшевского, чтобъ курѣнчики и дворяне били къ походу со мною и чтобъ кобилъ 10 пригнали были у футоръ Гамал., и отправилъ оного Омеляна съ тимъ, чтобъ онъ Клима дожидался у Сухонос., исли що ему доводимется въ заплату за прежную службу его, тое би ему далъ.

Вовтор. 2. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ снѣгомъ, который и потаялъ заразъ, ночъ такова жъ била, толко безъ вѣтру. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где приказалъ направлятъ вози и спалню и проч. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где уже 4 овини сеей другой скирти жита змолотили, а пятая у овинѣ, и пріехалъ оттоль въ Глуховъ и заехалъ до Оболонского.

Середа. 3. День былъ почасти свѣтелъ, а особливо зранку и посля хмаренъ и холоденъ, и посля знову свѣтелъ, ночъ хмарна и вѣтряна и холодна, къ свѣту снѣговая жестокая метелиця. Не ездилъ я сегодня никуда, въ дому обѣдалъ. Рѣшени два дѣла родителскихъ въ судѣ енер., одно зъ Даниломъ Забѣлою, которому отказано отъ мелницѣ Пулинця Добротовскихъ, о которихъ онъ билъ челомъ, а другое зъ архимандритомъ Новгородскимъ за перевозъ Шабалиновскій, который онимъ утвержденъ, а родителю перевозу не имѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ перевозъ. Служителямъ сукно роздано: Климу, Вѣжевскому, Петру и Янѣшевскому и по пол. 2 р., Алексѣямъ обоимъ, Тарасу, Демяну и Юску подлѣйшое сукно и по 40 а., да Александру персянину и хлопцеви рудому

сукна, хлопцеви полтину и Степану слѣпому габа. Приходилъ Заборовскій и говорилъ, что писаръ судовий Оболонскій, призивалъ его и наущалъ, чтобъ онъ далъ челобитте въ судъ, уступуючи матери своей претенсѣи на нашей п. Чарнишевой за сѣножать Потитиху, за котору она, мать его, претендуетъ около 4000 р. Отправлени Петро въ Новгородокъ за байдакомъ и ваиномъ, а Алексѣй старий въ Ямполь за пивомъ.

Четвер. 4. День былъ холодний, хмарний съ жестокою метелицею снѣжною, отчего снѣгу доволно умножилось и покрило, а после къ вечору мало не ввесь потаялъ, ночъ тиха, почасти свѣтла изъ морозомъ хорошимъ. Обѣдалъ я сегодня въ дому, а у вечеру ездилъ въ городъ до князя и позабавивши тамъ и увидѣвшись зъ новопріеждживи Семеномъ Карпѣкою, артилерійнимъ асауломъ, зъ С.П.Бурху, да Иваномъ Кондратіевимъ зъ... (?) повернулся домой.

Пятокъ. 5. День былъ до полдня свѣтелъ, толко холоденъ, а после хмаренъ, ночъ хмарна, холодна и вѣтряна, особливо къ свѣту зъ снѣжкомъ. Не ездилъ никуда, кромѣ церкви Веригинской. Уговорили рускихъ, захожихъ зъ губерніи Смоленской, первей человѣка 4-хъ, а после пяти, въ работу, на мѣсяць человѣку по 50 к.

Субота. 6. День былъ хмарний, холодноватъ, зъ снѣгомъ. прориваючимся часто, и вияснился на время, ночъ такова жъ, къ свѣту зъ морозомъ и зъ снѣгомъ густимъ. Сегодня обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло и посидѣвши съ нимъ, отехалъ онъ на Бѣлополовку, где и живетъ.

Неделя. 7. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Были рано у князя, а службы слухали у ст. Анастасіи и обѣдали у него и подпіяхомъ,

Понедел. 8. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ хмарніе, холодноватіе и снѣговіе. За 14 копѣекъ возъ сѣна купили.

Вовтор. 9. День былъ сперва хмарний и холодний, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и не очинь холодна, а къ свѣту съ морозомъ. По службѣ Божой я ездилъ до Сваркова, где

приказалъ все виносить зъ великихъ будинковъ, а оніе до фундаменту розбирать. Да тамъ же видѣлъ, якъ плетѣнь около всего двора дѣлаютъ зъ острогомъ и уже коло недѣлѣ, якъ робятъ 4 человѣка рускихъ наемнихъ, за пашпартомъ покормежнимъ. Пріехавшого сюда зъ Сухонос. Паламаренка велѣлъ Климови отправить, а у его взять 26 р. за дойво взятихъ имъ, да Климу жъ приказялъ взять у его записъ, чтобъ доправить еще на немъ 24 р. зъ товаришемъ другимъ, хто съ нимъ продавалъ. Зъ Гойскимъ уговорился, что онъ видастъ въ Новгородку мнѣ 100 осмачовъ вапна, за 18 р., и уже 6 р. взялъ у мене задатку.

Середа. 10. День былъ напротивъ вчорайшого хмарний, холодний, дощеватъ. Ночъ такова жъ, яковъ и день, а къ свѣту и еще мокрѣйша. Зъ Крисіокъ пріехалъ коберникъ и привезлъ коберецъ новоробленний имъ, да привезлъ мнѣ табаку à la violètte столпчикъ, да примѣчанія рускіе академіи С.П.Бургской. По сказкамъ пріѣховшымъ многихъ зъ С.П.Бургу, вѣдомо, что Галецкій Семенъ, сотникъ полковий Стародубовскій, пожалованъ именнимъ указомъ ея величества бунчучнимъ енераломъ, а сынъ его на его мѣсто сотникомъ. Дѣла наши малороссійскіе, которіе были по смерть гетманскую у коллегіи іностраннихъ дѣлъ, перенесени зъ оной коллегіе въ сенатъ, где малороссійскимъ дѣламъ особливая якоби имѣетъ бить контора.

Четвер. 11. День былъ хмарний, тихій, теплій къ веснѣ склонний, ночъ такъ же до половини была тепла, тиха, а после хмарна, вѣтряна, холодна и мокра. Сегодня причащалисмося ст. тайнамъ въ церквѣ Чарнишовой, и никуда я не ездилъ

Пятокъ. 12. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, ночъ тихшая и къ свѣту погодна. Князь разговаривалъ, что вѣдомости имѣются, что наши добули Гданской крѣпости Столцемберga.

Вел. субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ таковажъ, а къ свѣту хмарна. Служби божой слухалъ у Чарнишевой церквѣ.

Воскресеніе Х—во. Неделя. 14. День былъ хмаренъ и отчасти холоденъ, ночъ хмарна зъ великимъ дощикомъ и холодна. Были зъ ро-

для поздравленія у князя Шаховского, которого застали у церквѣ соборной на утренѣ, где не виходя и служби слухали, у его и обѣдали.

Понедел. 15. День былъ хмаренъ и свѣтелъ, почасти и тепловатъ, ночъ хмарна и вѣтряна. Сегодня были на службѣ у ст. Анастасіи и обѣдали у князя, и доволно просидѣли.

Вовтор. 16. День былъ хмаренъ, отъ болшой части холодноватъ зъ великимъ дощемъ и густимъ, отчего много води прибавилось, такова жъ и ночъ была, толко безъ дощу. Не ездилъ я никуда, обѣдалисмо всѣ въ дому, а род. у вечеру до князя ездилъ и скоро пріехалъ.

Середа. 17. День былъ почасти хмаренъ, а по болшой свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, вѣтряна зъ великимъ дощемъ и густимъ. Обѣдалъ сегодня у себе и съ нами Заборовскій зъ женою.

Четвер. 18. День былъ холодний, хмарний, осѣнному подобний, зъ великимъ дощемъ, отчего много води и грязѣ умножилось, къ вечеру мало випогодилось, а съ ночѣ знову дощъ, къ свѣту стало випогажуватись. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда я для дожчу не ездилъ. Климъ Пѣщанскій для управленія господарства въ поля отправленъ и данъ ему приказъ пунктами.

Пятокъ. 19. День былъ почасти хмарний и почасти свѣтлій и между тимъ дожчъ, ночъ почасти жъ хмарна и почасти свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у князя и при немъ ездили до Кищкина, Синявина и Мякинина.

Субота. 20. День былъ свѣтлій, мало вѣтрянъ, а однако жъ теплій, весняний и ночъ такова жъ. Сегодня въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ и тамъ приказавши въ станѣ станки позагорожувать, стелю у новихъ будинкахъ застелить и сходцѣ здѣлать, вернулся. Петро кухарь посланъ въ Новгородокъ за вапномъ и байдакомъ, отобрать сталное вапно отъ Гойского все, которого купили усего 100 осмачокъ по 18 копѣекъ осмачка, на что въ доплатку дани денги 18 р.

Неделя. 21. День былъ свѣтлій тихій, теплій, весняний, ночъ такова жъ. Не ездилисмо въ городъ зъ тимъ, что князь Шаховскій

поехалъ на охоту къ Путимлю. Служби слухали на Веригинѣ и обѣдали у себе, и съ нами п. Михайло.

Понедел. 22. День былъ израдний и ночъ веснание, свѣтліе, день зъ вѣтромъ толко. Рано зъ Глухова поехавши зъ п. Михайломъ, пріехали до Дунайця, где у его и обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали ко мнѣ въ Сварковъ и отсель передъ вечоромъ виехалъ онъ въ Глуховъ, а я тутъ заночевалъ, бо и жена сюда жъ пріехала. У первое до вороной нѣмецкой кобили припускали дригата турецкого гнѣдого.

Вовтор. 23. День былъ израдний весняний, теплій, тихій, ночъ такова жъ, толко по сторонамъ хмарно, гримѣло и блискало. Сей день продновалъ я въ Сварковѣ и ночевалъ.

Середа. 24. День былъ хмарний, холодвий велми и вѣтряний, а особливо къ вечеру, ночъ такова жъ была. Рано до футора ездилъ зъ Сваркова и оттоль повернувшись обѣдалъ и ночевалъ у Сварковѣ.

Четвер. 25. День былъ же якъ и вчора хмарний, вѣтряний и холодний, ночъ тиха, свѣтла зъ морозцемъ, малимъ, острымъ, а къ свѣту вѣтеръ. Рано поехалъ зъ Сваркова и пріехалемъ въ Глуховъ рано; былъ у князя и обѣдалъ зъ род. п. Михайломъ и писаремъ печерскимъ Савѣцкимъ, оттоль пріехалъ съ п. Михайломъ и посидя играли у пѣкетъ. Черезъ печерскихъ пронеслася вѣсть, что наши войска израдний виграшъ имѣютъ надъ непріятелскими и яко бы запорожци приняти и присягали на вѣрность государинѣ... (?) и зъ новой Сѣчи на старую перейшли. Бяловскій, служитель швакгровъ моихъ п. п. Полуботковъ, сказивалъ, что якобы швакгеръ мой Яковъ Полуботокъ волею Божею въ походѣ нинѣшнемъ, между бунчуковимъ товариствомъ обрѣтавшійся, умре.

Пятокъ. 26. День былъ холодний, вѣтряний и хмарній, а после къ вечору свѣтелъ и тихъ сталъ. Сегодня никуда я не ездилъ черезъ день, а у вечеру до швакгра своего Андрея Полуботка, пріехавшого ездилъ. Солгалось слава Богу, что будто швакгеръ мой Яковъ Полуботокъ преставился, а то сіе прійзійшло отъ помилки канцеляристи, который зъ енер. кріи пишучи позовъ до

швактра Андрѣя, по челобиттю Ланка, капитана, прописался и вмѣсто Григорія Журавки, Якова Полуботка написалъ, а того не дописалъ. Панѣкадило болшое, сребраное, покойной тіотки отдано въ Лавру Печерскую черезъ писара Савѣцкого.

Субота. 27. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а после мало вѣтрянъ, ночъ такожде тепла. Рано поехалъ я зъ Глухова на обѣдъ въ Сварковъ, где зъ женою и дочерю и обѣдалъ. По обѣдѣ здесь въ Сварковѣ розмѣрилъ новий будинокъ свой, который мѣетъ при помощи Божой строитись; то совершивши, пріехалъ позно въ Глуховъ.

Неделя. 28. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, толко мало вѣтряни и хмарни. Ради коронацѣи ея величества подпіяхомъ зѣло у князя, а были отъ компанѣи: князь, Радищевъ, Кишкинъ, Синявинъ, порутчикъ гвардіи Остафѣевъ, родитель, маіоръ Іобъ, Кочубей, Павелъ Апостолъ, Михайло Скоропадскій, я, архимандритъ Опполскій, Волчанскій и проч.

Понедел. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня после вчорайшого шуму еще подбраживъ за пріездомъ ко мнѣ швакгра моего Андрея Полуботка, а уснувши ездилъ въ гостѣ до Синявина, Радищева и Борзни, пріехавшого сюда вчора увечеру.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплѣій еще отъ прежнихъ, а у вечеру хмаренъ зъ дощемъ, и въ ночѣ тако жъ зъ громомъ и блискавицею, толко теплота била. Ездилъ рано до князя, а оттоль въ футоръ Калюжновскій, где сеей весни сими трома днями пашутъ всѣ подданніе мои, оттоль въ Сварковъ, где и обѣдалъ самъ. По учиненной будинку мѣрѣ, ровъ здѣлали, чтобъ подмуровать округи оний въ Сварковѣ.

М-ць май. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и между тимъ мало вѣтрянъ и тепелъ, ночъ, тиха, свѣтла и тепла. Обѣдалисмо сами въ дому и съ нами швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ, а по обѣдѣ отехалъ онъ съ княземъ на охоту, зъ собаки, подъ Кролевецъ. Писалъ я до Петра въ Новгородокъ и 2 р. послалъ въ уплатку за судно и чтобъ онъ ехалъ зъ вапномъ и судномъ въ Погорѣловку.

Четвер. 2. День былъ еще теплѣйшій отъ вчорайшого, свѣтлий, тихій, ночъ такова жъ, а зъ половини хмарна зъ громомъ и блискавицею, толко зъ невеликимъ дощемъ. Ездилъ родитель и я и жена въ Сварковъ и обѣдали, а по обѣдѣ родитель отехалъ въ Глуховъ на ночъ, а мы заночевали.

Пятокъ. 3. День былъ сперва хмарний, толко теплій зъ дощемъ, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня зъ Сваркова поехалъ я, зъ Сваркова черезъ футоръ до Глухова.

Субота. 4. День билъ свѣтлій, теплій, а после хмарний и вѣтряний зъ дощемъ невеликимъ, ночъ свѣта, тиха и тепла. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, и съ нами Якимъ Горленко для имениниицѣ дочерѣ моей Пазѣ.

Неделя. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилъ я зъ Борзною и швакгромъ Полуботкомъ до Кочубея, до Борзни, до насъ и до п. Михайла Скор., и̃ подпіяхомъ. У княжой квартерѣ читано писмо отъ Мойсѣя Левицкого, асаули полкового Нѣжинского, писанное до Хрущова, полковника Нѣжинского, зъ за Летичева, съ Подоля, зъ Полщѣ, въ якомъ обявляетъ, что потичка била козаковъ зъ ляхами и Галаганъ съ козаками виграли надъ ними, такъ что ляховъ убили на 500 человѣкъ и женучи кололи ихъ на 4 милѣ, а съ нашей сторони козаковъ убито 46 человѣкъ, полковего хоружого Прилуцкого наказного, да Петра сина Чосникового, кокорий самъ еденъ убилъ 29 человѣкъ, а тридцатий убитъ же отъ его, да и его, Петра, застрелилъ.

Понедел. 6. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, тиха и димновата почасти. Обѣдалисмо сегодня въ дому, а у вечеру поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Кухаръ Василецъ, зъ юнихъ лѣтъ служившій при дому родителскомъ, пиянствомъ бавившійся, напившись пянъ, пораженъ епилепсѣею, издше, которого погребли при церквѣ Веригинской. Зъ Крисіокъ пріехали Крисковци и привезли дерева 28 и вапна осмачокъ 15 въ Сварковъ. Муровщики, сторжившіеся подмуровать округи фундаментъ

на будинокъ за 6 р., начали дѣлать работу свою. Цегелники, сторжившіеся цеглу палить 30000, дать 12 р. ржи четвертей 3, гороху путивокъ 5, соли фунт. 36, сала фунт. 36, олѣи квартъ 12, руби вялой 90, горѣлки квартъ 30, начали свою работу у Калюжновскомъ футорѣ. Петро съ Крисковцями пріехавшій въ Сварковъ для приняття оттоль горѣлки въ Погорѣловку въ байдакъ привезлъ вѣдомость, что зъ Крисіокъ тамошней горѣлки припровадилъ куфъ 17, а въ онихъ насатокъ 174.

Вовтор. 7. Дено былъ подобний вчорайшому изрядной погоди и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у Хрипунова, маіора, ради крещенія дочери его, которой были воспріемниками: молодий князь Николай зъ княжною; оттоль пріехалъ домой. Рано въ Сварковъ пріехали подводи Крисковскіе и подняли горѣлку зъ Сваркова куфъ 26. Юско зъ Ромна пріехалъ и припроводилъ до дриг̑анта кобилъ 4.

Середа. 4. День былъ и ночъ подобніе жъ вчорайшимъ, толко ночъ не безъ холоду. Сегодня рано биль я у князя и въ церквѣ ст. Анастасіи, а обѣдалъ у швакгра п. Андрѣя Полуботка, который подарилъ мнѣ 6 гранатокъ кристалнихъ пуздромъ. Сребро въ монастиръ Гамалѣевскій чрезъ отца Мойсѣя отправили, а именно: ложокп срѣбнихъ 3 тузнѣ, коновокъ 4, пугаръ болшій зъ кришкою, меншихъ 5, подносъ, чарокъ 12, пукаликовъ 2, а въ нихъ ваги фунт. 20 и лот. 20, да лѣхтарей мѣднихъ 12,

Чутвер. 9. День и ночъ были подобніе прежнимъ, изрядной погоди. Банкетъ былъ у Синявина, для его именинъ вчорайшихъ и мы зъ род. п. Михайломъ и Андреемъ Полуботкомъ подпіяхомъ. Зъ Сваркова воловики забрали куѳъ 5 до Тулиголовъ зъ горѣлкою.

Пятокъ. 10. День былъ и ночъ погоди изрядной подобніе вчорайшимъ. Поехалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ Сварковъ, где и ночевалъ. Туда жъ пріехали Алексѣй служитель зъ деревомъ и на 5 возахъ вапна привезлъ зъ Погорѣловки, всего подводъ 10 оболонскихъ.

Субота. 11. День былъ изрядной погоди и ночъ подобніе прежнимъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ въ Глу-

свои денги. Напрасно ты меня не послушалъ и не посылалъ въ Курскъ для подряду жита на вынокуреніе, ибо въ Черниговѣ, какъ слишу, новины, тоестъ нѣнѣшняго времени жито, продается дорого, которого и купитъ весма трудно, и разною мѣлкою мѣрою, а вдругъ болшимъ числомъ купить онаго неможно и дорого. И такъ въ вынокуреніи будетъ остановка, а паче для меня, ибо отсюдова послать жита я не имѣю толикого числа подводъ и въ молотьбѣ имѣю великую остановку, для того, что не одно жито, но и протчей хлѣбъ молотить надобно, а людей мало; тамошние мужики волости Любецкой всегда ходятъ въ разные степные мѣста для зароботку молотбою хлѣба, то весма бы хорошо было, ежели бы ты велѣлъ имъ не ходить всторона, а присылалъ бы ихъ сюда, ко мнѣ, для молотбы моего хлѣба, 12 и 15 человѣкъ, которые могли бы и здѣсь заробить себѣ хлѣба, ибо я даю такую мѣрочку за молотбу, какъ и другіе сторонние люди даютъ. Двѣ семьи, кои отправлены при подводахъ сюда на жителство, получены, а третей мужикъ вдовъ зъ дочерью, съ Хорошуномъ, на плитахъ прибылъ, которые здѣсъ будутъ поселены. Еще два писма отъ тебя полученные, одно, сентября отъ 11-го, а другое отъ 12-го числъ, на которые такъ же обявляю: указъ отъ преосвященного о освященіи церкви полученъ, за присылку которого весма я благодаренъ и прилагаю при семъ къ преосвященному писмо; а освященіе церкви положено, за благословеніемъ и помощію божиею, слѣдующого ноября 3-го числа. Подводы, посланные съ моею горѣлкою при твоемъ и г. Виткевича писмѣ ко мнѣ, еще не пріехали за превеликимъ бездорожьемъ и хутдобою лошадей, о которыхъ получилъ извѣстіе чрезъ пришедшого ко мнѣ мужика, что находятца въ Монастырицѣ [1]), вовсе устали, гдѣ такъ же и твои двѣ подводы, посланные съ вялою становою рибою и порожнею посудой, которая была послана тебѣ, съ медомъ, на которыхъ такъ же водка зимная и бутылка барбарисового сиропу, посланные отъ Александры Павловны, за которые покорно благодарствую; толко еще оныхъ не получилъ, а принужденъ отъправить за тою горѣлкою, рибою и посудою зъ Гамалѣевки другые подводы, и твои двѣ подводы воловые велѣли отправить съ Монастырища обратно въ домъ, потому что они вовсе устали; и для того пшиницы, которой ты просишъ присилки, теперъ послать не на чемъ. По извѣстнымъ тебѣ дѣламъ, яко то съ Лашкевичемъ, по данномъ отъ тебя о збивки (?) позва прошенія и что потому послѣдовало, я

---

[1]) Мѣстечко Нѣжинск. уѣзда.

понынѣ никакого известия не имѣю, такъ же и о делѣ имѣющемся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею и Фидрикевичемъ, что происходитъ не вѣдаю, и посылалъ ли ты повереннаго въ Сосницкий уездный судъ—для выслушанія извѣстного тебѣ опредѣленія и подпису на ономъ моего недоволства, въ силѣ Новгородскаго намѣстническаго правления опредѣления, и какъ еще дѣло есть для меня нужное, то поспѣшай, буди еще понынѣ не поехалъ, въ верхней земской судъ въ Новгородокъ послать апелляцею и напиши съ прошениемъ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ здѣлалъ вспомоществованіе. А какъ скоро послана будетъ апеляция, то я, за получениемъ извѣстия, и самъ къ нему напишу писмо. Еще мнѣ весма нужно потребно знать написанна ли апеляция на сенатъское рѣшеніе объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, и ежели еще и понынѣ не написана, то какъ можно старайся и проси оную написать, и прислать ко мнѣ чрезъ нарочного для подпису моего, дабы непремено отправить оную въ Санктпетербургъ въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, и отнюдъ не позже, чтобы Фидиркевичъ (sic) съ Силичемъ не смѣялись. Что же ты пишешъ о обявленіи тебѣ отъ Николая Михайловича Стороженка, что будто Лашкевичъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ съ прозбой своею, то ежели сіе подлѣнно такъ, обяви Николая Михайловичу, чтобы онъ сказалъ Лашкевичу, что я ево вовсѣ не знаю и знать не намѣренъ, и чтобы онъ ко мнѣ не трудился ѣхать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ онъ принятъ такъ, какъ я былъ принятъ въ Смяче [1]) по милости тещи и Фидиркевича, а не инако; или о семъ самъ ему скажи. Пусть жена его проситъ своей бабушки и Фидиркевича, ежели хочетъ успокоится, чтобы теща исполнила свое обѣщание, о чемъ я отъ нее саморучнымъ писмомъ былъ обнаруженъ и раздѣлила имѣніе; однакъ, какъ видно, послѣ писмо ее осталось въ неправдѣ и есть во всемъ сему сущая ложъ и обманство. Такъ надобно сказать г. Стороженку или Лашкевичу, а ко мнѣ ему ѣхать незачѣмъ и не должно. Зъ приездомъ Антипа Крупянникова, уведомился я отъ него, что Степанъ Степановичъ Леонтивичъ умеръ, для того о семъ меня увѣдомь; приложенные при селъ писма къ преосвященному, Ивану Михайловичу Енке отъдай; а преосвященного попроси, чтобъ онъ здѣлалъ милость не велѣлъ мужика моего Гамалѣевского, котораго жена о разводѣ проситъ съ нимъ по законнымъ точно притчинамъ, требовать присылки въ дикастарію въ Черниговъ, ибо онъ свидетелствованъ докторомъ и

[1]) См. выше, стр. 65.

протопопомъ Лофицкимъ и нѣтъ ни малѣйшего сумнѣнія; въ противномъ же случаѣ, невинно будетъ обиженъ, потому что онъ бѣденъ человѣкъ, напрасно принужденъ будетъ итти пѣшкомъ, не имѣючи собственной своей подводы, и лишится чрезъ то своего домоводства и заработку, отъ которого онъ пропитаніе свое имѣетъ. Преосвященный же безъ сумненія можетъ быть увѣреннымъ на посланномъ давно въ дикастерію зъ Лофицкой протопопіи рапортѣ, о чемъ и я тамъ же къ его преосвященству вѣрно и справедливо писалъ. Въ протчемъ пребываю... 24 октября, 1790 г. Гамалѣевка.

7. Любезній сину мой Григорій. Писмо твое съ Чернигова, пущенное сего ноября отъ 5-го, получилъ я сего жъ мѣсяца 14-го числа, чрезъ Николая Звонка, и приложенные приономъ копию рѣшения Черниговскаго верхняго земского суда 2-го департамента, по извѣстному тебѣ моему иску на тещу мою и брата ея Фидиркевича за учиненную мнѣ отъ нихъ тяжкую обиду и безъчестіе, и также копию позва, данного изъ уезднаго Городницкого суда, въ которомъ требуется явки моей или повѣренного моего для выслушанія онаго рѣшенія сего ноября на 25 число, я получилъ и какъ я онымъ рѣшеніемъ недоволенъ 1), что онымъ приговоромъ верхней земскій судъ опредѣлилъ заплатить мнѣ безчестіе по иску моему совмѣстно тещи моей съ Фидиркевичемъ, то есть пополамъ; какъ же безъчестіе мнѣ послѣдовало отъ двохъ домовъ и лицъ, вопервыхъ, отъ тещи моей, а вѣдругое, отъ брата ея Фидиркевича, то и слѣдуетъ, по справедливымъ моимъ доказателствамъ, въ чемъ я взялся и на присягу, платить безъчестіе тещи моей и брату ея Фидиркевичу не совмѣстно; 2), оной вѣрхней земской судъ по апеляціоной моей жалобѣ ни по 21 артикулу воинскаго устава, ниже по статуту, роздѣла 3-го артикула, 27-го, онымъ моимъ обидчикомъ заключения или же вежи не приговорилъ съ моею обидой. Для того по краткости срока, то есть 25-го числа сего ноября, на подачу апеляціи въ гражданскую палату на показанное рѣшеніе со всякимъ поспѣшеніемъ, я нималѣйше не удерживая нарочного отъ тебя присланного, отправляю съ тѣмъ, чтобы, какъ можно, пожалуй, постарайся, поговори съ Андреемъ Степановичемъ, Иваномъ Якимовичемъ и изъ другими своими пріятелями, заразъ подавай апеляцію въ гражданскую палату, дабы по крайней мѣрѣ за три дни предъ срокомъ была подана, ежели скорѣе не успѣешъ, и по учрежденію исполни надлежащій обрядъ. Итакъ, потщись непременно исполнить. Чтожъ ты пишешъ о мирѣ то ежели оной во всемъ на томъ точно основаніи учиненъ будетъ, каковъ былъ дого-

воръ прежде извѣстной тебѣ, чтобы дать тебѣ село Полуботки, то на томъ договорѣ можешъ ты и миръ заключить, съ тещею и Фидиркевичемъ, но однакожъ послѣ подачи апеляціи въ гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мнѣ чрезъ потсудные дѣла болше безчестия на претерпѣть, ежели судъ или палата гражданская приговоритъ тещи и Фидеркевичу вѣжу [1]), то я онымъ въ такомъ случаѣ и приговореннымъ нынѣ верхнимъ земскимъ судомъ безъчестіемъ доволенъ бы былъ. А до присяги тещу и брата ея Фидиркевича въ точныхъ обстоятельствахъ и силѣ, по словамъ сказаннымъ въ судномъ производствѣ отъ повѣренного моего Гроховскаго, въ чомъ я брался на присягу, въ томъ точно, ежели пожелаютъ и не откажутся, повести ихъ къ присягѣ, за помощью сердцевѣдца Бога, не отказываюсь. Впротчемъ, что касается до дѣла на рѣшеніе Сосницкого уѣздного суда, то поступай такъ, какъ ты ко мнѣ пишешъ и какъ можно старайся, дабы оное безъ замедлѣнія было рѣшено, ибо въ ономъ рѣшеніи весма важный пунктъ состоитъ по дѣлу съ Лашкевичемъ, о которомъ ты и самъ знаешъ. На протчее же, о чемъ ты ко мнѣ пишешъ, къ тебѣ, равно и къ преосвященному, и особливо чрезъ почту писать буду и пребываю прочемъ... Ноября 15-го дня, 1790 г. Гамалѣевка.

8. Любезній сину мой Григорій! За помощіею божіею новопостроенная церковъ уже освящена, по церковному чиноположенію, сего ноября 3-го числа. При семъ тебѣ отъ церкви божіей посылаю на благословеніе двѣ иконы, одна—совѣтъ предвѣчный пресв. Тройцы, а другая—Христа, благословящого пять хлѣбовъ, которой да благословитъ тебя съ женою и дѣтми въ домѣ вашемъ хлѣбомъ и пшеницею и всякимъ благимъ совершеннымъ даяніемъ, отъ его превысочайшихъ и неизреченныхъ божественныхъ даровъ всегда и всегда. Надъ бывшимъ экономомъ Куриловымъ щотъ оконченъ и что явилось нанемъ на чоту денегъ, онъ меня удоволствовалъ, а протчее я ему подарилъ, и сего ноября 21-го числа отъехалъ онъ въ домъ тестя своего, въ село Пѣски. Онъ сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ поедетъ въ Бучки по надобности въ твоей въ экономіи. Я тебѣ совѣтую его договорить контрактомъ, ибо онъ потребенъ, особливо же для лошадиного заводу. Я надѣюсь, что у тебя есть любецкихъ озеръ сыропросолная щука риба, и рижики я слыхалъ, что сей осени родили; для того пришли ко мнѣ на постъ щуки сыропросолной двѣ ма-

---

[1]) Т. е. личный арестъ.

зирки да рыжиковъ двѣ кадушки (?) которой для меня надовго будетъ. На той же подводѣ, на которой привезется риба и рижики, я пришлю тебѣ пшеницы, ибо по нуждѣ подводъ и такъ же по бездорожью я не моглъ по сю по пору прислать тебѣ оной. Присланная отъ Александры Павловны зилная (?) водка, за которую я прежде и теперъ благодарю, сошла, и ежели еще есть оная, прошу прислать. Податель сего коллежской регистраторъ Тимофей Ивановичъ Глинской, по окончаніи щота при семъ отъ меня отправленъ въ Черниговъ, чрезъ которого посылаю тебѣ коверъ болшой покойной матушки твоей, а другой поменше того, оставленъ здесь. И также при немъ отправленъ къ тебѣ служитель твой Спепанъ Чорноштаненко, которой было отъ тебя бѣжалъ, а послѣ самъ возвратился, и пришолъ въ хуторъ, коего ты можешъ опредѣлить попрежнему на конюшню, а мнѣ онъ не подобенъ. Здѣсь ему новые сапоги и рубашка одна пошиты. Мнѣ весма потребенъ человѣкъ, которого бъ моглъ я определить къ Рашевскимъ мелницамъ мѣрнымъ, для приему розмѣрового хлѣба и смотренія мелницъ. Антипъ Крупянниковъ сказывалъ мнѣ, что къ такой должности способенъ мужикъ Радковскій Алексѣй Пучинецъ, которой прежде былъ въ Любичѣ при Покровской церкви паламаремъ, а нынѣ живетъ онъ въ Любичѣ; для того пришли его ко мнѣ зъ женою и дѣтли, ибо тебѣ въ немъ тамъ нужды никакой нѣтъ. Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, чтобы ты прислалъ ко мнѣ мужиковъ пѣшихъ молотниковъ для молотбы моего хлѣба 12-ти человѣкъ съ одними цѣпами, которые всегда ходятъ въ чужие стороны для заработку хлѣба; я же особливо, имѣя нужду въ соломѣ для корму въ нынѣшней зимѣ скота, чтобы скорѣе перемолотить, и корму приготовить, то и пришли мнѣ сихъ людей, кои и здѣсь могутъ заробить себѣ хлѣба, ибо я даю своимъ, такъ какъ и чужие люди, здѣсь получаютъ на вымолотъ семой четверычокъ хлѣба. При семъ прилагаю писма, одно къ преосвященному, а другое къ Ивану Михайловичу Енке [1]) и притомъ посылаю подлѣжащие ему зъ мена по присланному щету денги всего 11 руб. 96 коп. въ 10-ть рублей осигнаціею въ писмѣ запечатанные к нему Енке, а послѣдной мѣдною монетой 1 р. 96 коп. поручены Маковцу, которое писмо, равно и денги принявши у Маковца, отправъ чрезъ моего человѣка. Прошедшей зимы, едучи я съ Чернигова въ Гамалѣевку на колесахъ, всѣ свои сани оставилъ въ Черниговѣ, въ приезжомъ домѣ, именно:

---

[1]) Т. е. Енькѣ.

одни покрытые кожею, подложенные краснымъ сукномъ, съ кожанымъ хвартухомъ, съ оглоблями и зъ двумя пристяжками вѣровчаными, обшитыми кожею, другие покритые кожею жъ съ фартухомъ и подложеные въ рединѣ пестрою[1]) и такъ же съ оглоблями и изъ двумя пристяжками, конопляными, вѣровчаными, да три кибитки, покрытые ценовками, съ оглоблями, которые всѣ отданы въ Черниговѣ въ смотрѣніе Семену Шапочнику и поставлены въ сараѣ, а шестые сани городские, съ оглоблями, обшитые краснымъ сукномъ, съ подушкою. И какъ я здѣсь саней для поѣздки санною дорогою вовсе не имѣю и ничемъ крайнѣ выехать, для того пришли ко мнѣ вышепомянутые пять саней, а шестые сани городские оставь у себя для ѣзды тебѣ въ Черниговѣ. Подводы тѣ, кои привезутъ сани сюда могутъ привезти тебѣ отсель овесъ, покупаемый въ Лофицѣ почталиономъ Анастасьевымъ. Давно я послалъ часы мои столовые въ Черниговъ часовому мастеру для починки, но толко оныхъ и по нынѣ не получилъ, ни звѣстия объ нихъ не имѣю; такъ же и карманные часы я послалъ черезъ тебя, то и сихъ понынѣ нѣтъ; для того оные обое часы пришли ко мнѣ чрезъ сего мужика, которой Глинского отсель отвезъ, и вели ихъ завернувши хорошо въ лубяную коробку ту, въ которой отъ меня оные отправлены, а коробку связать и запечатать. Такъ же посылаю въ коробкѣ еще одни часы зазюлю[2]) въ которыхъ зделалась небольшая порча непорядочно кричитъ; то и сіи часы отдай мастеру и попроси, чтобы онъ заразъ починилъ, и что ему за труда надлѣжитъ, заплати на мой щотъ, ибо здѣсь некому вовсе отдать починитъ; безъ часовъ же въ деревнѣ весма худо; и за починкою пришли оные ко мнѣ безъ замедлѣнія. Жителствующая въ Черниговѣ прачка Катерина Василѣвская пишетъ ко мнѣ, что за обученіе учившейся у нея девки Агафіи, которая отдана Александрѣ Павловнѣ, по договору моему съ нею, не получила она муки житной 5 четверичковъ, крупъ гречанныхъ 2 четверичковъ, сала свиного и соли по одному пуду, да олеи конопляной 1 ведро, а какъ она того подлѣно отъ меня не получила, то и надлежитъ ей отдать показанную провизію, ибо она будучи бѣдна, единственно зъ своихъ трудовъ пропитаніе имѣетъ, то и прикажи сію провизію отдать ей. Еще я имѣю немалую нужду для дворового расходу въ добромъ догтю, то прикажи мужику Семену Масановцю купить на мой щотъ догтю доброго хорошого одну бочку

---

[1]) Полотно, крашеное узорами.

[2]) Вѣроятно—съ зозулею, т. е. съ кукушкою.

въ 20 вед. и такъ же прикажи изъ Любецкого рибного стану собираемого рибного рижу (икра?) прислать мнѣ одно вѣдро, ибо и оной здѣсь мнѣ потребенъ. Пріятеля моего и духовного отца протопопы Кошаревского сынъ почмейстеръ Роменской подалъ тебѣ въ почтамтъ прошеніе о прибавки ему, по представленнымъ резонамъ, жалованья и проситъ, чтобъ представлено было о семъ въ главное почтовыхъ дѣлъ правленіе, для того не оставъ, пожалуй, учинить сего представленія, а тамо въ Петербургѣ братъ его находящейся о семъ же, кого надобно попроситъ. Въ прочемъ пребываю... 30 ноября, 1790 года. Гамалѣевка.

9. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое отъ 20-го числа сего мѣсяца, чрезъ Звонка, съ приложеніемъ приономъ разныхъ бумагъ въ связкахъ, имяно: въ 1, апеляціонное прошеніе и при немъ чистой гербовой листъ бумаги, для подпису моего на бланкетѣ и для написанія на ономъ вѣрующаго листа, я получилъ сего декабря 23 числа, сполдня въ 9 часу, и оное апеляціонное прошеніе за подписомъ моимъ, такъ же гербовой бумаги чистой листъ, для написанія на ономъ вѣрующого листа, за подписомъ же и печатью, при семъ прилагаю; а Звонка безъ и малѣйшаго замедлѣнія я зъ симъ писмомъ отправилъ къ тебѣ на другой день, тоесть 24 числа рано, дабы онъ къ тебѣ моглъ пріехать самоскорѣйше. Ты же старайся, какъ можно скорѣе отправить оную апеляцію въ С.Петербургъ надлѣжащимъ порядкомъ, ибо кончится указной срокъ апеляціи будущого 1791 года, генваря 31-го числа, и дабы, не дай Богъ, непотерять сроку. А чрезъ кого и какимъ порядкомъ подавать оную, то ты поступи, такъ какъ самъ знаешъ, посовѣтовавшись съ приятелями, ибо я таковыхъ подачъ не подавалъ и знать не могу, а потомъ пиши къ господамъ съ прошеніемъ—графу Александру Андреевичу, Петру Васильевичу (Завадовскому) и Осипу Степановичу Суденкову, и къ господину Трощинскому, чтобы они учинили милость въспомоществованіе, дабы оная апеляція послѣ подачи приняла надлежащее свое дѣйствіе; чтожъ касается до другихъ двухъ связокъ бумагъ, одной касающейся до иску Лашкевичового и апеляціи на Сосницкой уездной судъ, а другой по дѣлу, находящемуся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею моею и братомъ ея Фидиркевичемъ, за учиненное мнѣ безчестіе, то я оныхъ бумагъ и за скорымъ отправленіемъ Звонка, не моглъ разъсмотрѣть и прочитать, а послѣ разъсмотревши, о чемъ надлѣжитъ къ тебѣ писать буду чрезъ почту. Касателно жъ до купца, которой хотитъ покупать у тебя мачтовое древо, о чемъ мнѣ сказывалъ Звонокъ словесно, то вся

сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ вырубкѣ мачтового дерева не было отнюдь никакого браку, ибо я преже сего, незнавши силы въ продажѣ мачтоваго дерева, по вырубкѣ оного получилъ великій убытокъ, да и того, что послѣ вырубки явилось 21 дерево неспособное на машты, которе я по договору принялъ себѣ, а за вырубку зъ каждого дерева получилъ толко по 1 рублю; а договоръ надобно дѣлать непремѣно таковъ, чтобы никакого браку не было, а сколко дерева порубитъ мачтового, годное ли оное будетъ или негодное на мачты, долженъ онъ за всякое заплатить по договоренной цѣнѣ, и сколко мачтового дерева по вырубкѣ такъ и при вывозкѣ оного съ пущи испортитъ и поламаетъ протчего разного дерева числомъ, долженъ онъ заплатить за каждое дерево по рублю, и тое испорченное и поломленное дерево должно оставаться при тебѣ, и если контрактъ надлѣжитъ дѣлать урядовой, а покупщикъ мачтового древа, ежели онъ покупаетъ не собственно отъ себя, но имѣетъ на то повѣреніе отъ кого либо, то долженъ оное имѣть тожже урядовое и вѣроятное свидѣтелство, а до вырубки дерева долженъ онъ дать тебѣ въ задатокъ третую часть или половину; послѣдние же денги повиненъ онъ отдать по вырубкѣ всего дерева, которое рубить долженъ онъ при твоемъ повѣренномъ, дабы лишняго дерева сверхъ договору не моглъ вырубить. Какъ скоро будетъ санная дорога, я бы весма былъ радъ, чтобы Иванъ Якимовичъ пожаловалъ приехать ко мнѣ съ тобою, на малое время. Притомъ пребываю... 23 декабря, 1790 г. Гамалѣевка.

10. Любезній сину мой Григорій! Послѣ отъправленія къ тебѣ Звонка, читалъ я отводъ, поданной отъ стороны твоей чрезъ повѣреннаго въ Черниговской уездной судъ по иску Лашкевичевому, въ которомъ усмотрѣлъ я, что пропущено сказать во ономъ два пункта: первый, что я нынѣшнюю жену Лашкевичеву, бывшую еще въ дѣвкахъ, въ Смячѣ, предъ тимъ временемъ, когда она отъ меня ушла и спряталась, приглашалъ, дабы она пріездила ко мнѣ и матернимъ имѣніемъ раздѣлилась съ тобою при бытности моей, а послѣ того въ скорѣ и ты къ ней писалъ, чтобы она пріездила ко мнѣ для разъдѣлу между вами онаго имѣнія, но она ни на мое приглашеніе, ни на твое писмо не согласилась и пріехать поупрямилась и не захотѣла; а потомъ въ уездномъ Сосницкомъ судѣ меня обжаловала, противъ совѣсти своей, будто-бы я ради покорыстованія имѣніемъ, не отдавалъ оного въ разделъ, вовсѣ ненадлѣжаще и несправедливо и въ томъ я възялся на мою совѣсть; второй, въ вѣновномъ листу, при женитьбѣ моей на умершей твоей матери, написалъ я, что послѣ

роздѣлу имѣніемъ моимъ отческимъ съ братьями моими родными, записую или уступаю третую часть за вино; которого нынѣ весма домагается Лашкевичъ, какъ изъ доказательства его видно, что того третой части имѣется за жизни жены моей, а твоей матери, и по смерти ея, какъ написано въ вѣновномъ листу послѣ раздѣла оного съ братіями моими, я не выдѣлялъ и женѣ моей не отдавалъ, и она не потребовала по смертъ свою и по смерти ея никто другой, чему уже прошло болше двадцати лѣтъ, то естъ двухъ давностей земскихъ, а послѣ узаконеній никакой важности и силы оной вѣновной записъ не имѣетъ чрезъ потерянние права; и сіи оба пункта написаны были въ отводѣ моемъ, который писанъ въ Батуринѣ извѣстнымъ тебѣ человѣкомъ, и весма напрасно пропущены ибо оные имѣютъ свою силу и нужно потребны для написанія въ отводѣ, и какъ немалая важность дѣла состоитъ въ уничтоженіи Сосницкого уездного суда опредѣленія о выходѣ въ замужество, которое учинено въ непринадлежащемъ до ихъ суда въ силѣ высочайшого учрежденія мѣстѣ, и безъ моего отвѣта, о чемъ обстоятелно въ прошеніи моемъ, поданномъ въ Новгородскосѣверское намѣстническое правленіе, показано, то ты всѣми силами старайся и проси въ гражданской тамошнѣй палатѣ, дабы верхняго земскаго Новгородъсѣверского суда рѣшеніе было опровержено, яко незаконо и пристрастно учиненое на великую мнѣ обиду и по важности сего дѣла непремѣнно самъ поезжай и проси ни на кого не полагаясь и проси, кого ты самъ знаешъ, особливо же Ивана Яковлевича, которой знаетъ обстоятелно всю мою тяжкую обиду. Еще я писалъ тебѣ и Ивану Михайловичу Енкѣ, отъ 3-го минувшого декабря, чрезъ почту, о покупкѣ для надобности церковной золотой сѣтки въ 32 аршина и присылкѣ оной ко мнѣ черезъ почту жъ, но толко и по нынѣ ни сѣтки, ни извѣстія объ оной неимѣю. Для того вторично прилагаю при семъ къ Ивану Михайловичу писмо о покупкѣ той сѣтки, которую получивши отъ Ивана Михайловича, пришли безъ замедлѣнія ко мнѣ. Да еще писалъ я чрезъ Звонка къ тебѣ о присылкѣ калѣндара московского или петербургского на сей годъ, въ которомъ я нужду имѣю, и здѣсъ оного достатъ и купитъ вовсе нигдѣ, то такой калѣндарь пришли такъже. Притомъ (на?) наступившей сей новый годъ зъ усердія моего желаю тебѣ, съ женою и дѣтми, да благословитъ Богъ во всякомъ здравіи и благополучіи провождать и пребывать... Генваря 3 дня, 1791 года. Гамалѣевка.

11. Любезній сину мой Григорій! За приездомъ твоимъ изъ Петербурга, получилъ я писмо отъ его сіятелства графа Александра Андреевича, также отъ братца Андрея Степановича и отъ тебе, сего сентября 28-го числа, будучи въ хуторѣ, чрезъ г. Самойловского. Касателно до примѣренія въ дѣлахъ съ дочерью моею, съ тещою и братомъ ея Фидиркевичемъ по совѣту его сіятелства равно и братца Андрея Степановича, я принужденъ согласится въ разсужденіи разныхъ обстоятелствъ и затруднѣній, для того и присланные отъ тебя двѣ прошеніи, одно въ правителствующій сенатъ съ вѣрующимъ листомъ, а другое въ уездній Городницкій судъ, съ вѣрующимъ же открытимъ листомъ, на имя Андрея Степановича, а особо тѣхъ вѣрующій-же отъкритій листъ по дѣламъ съ тещою моею и братомъ ея Фридиркевичемъ, на имя жъ Андрея Степановича, которія всѣ приложенія я подписалъ и при семъ чрезъ его жъ г. Самойловского къ тебѣ посилаются, но притомъ совѣтую тебѣ роздѣлку учинить на томъ основаніо и такъ точно, какъ прежде сего до начатия споровъ и тяжебъ положено было и тебѣ есть извѣстно зъ согласіемъ всѣхъ сторонъ, то есть бабы твоей, сестри, Николая Михайловича Стороженка и твоего, и въ томъ писменное условые учинено за подписомъ и печатью всѣхъ васъ, именно жъ, чтобъ имѣніе матери твоей оставалось за тобой все, такъ какъ я въ опекѣ содержалъ, а сверхъ того деревню Полуботки отъдать тебѣ въ разъсужденіи тамошняго хлѣбопашества, которого въ волости Любецкой не имѣется, къ тому жъ оная деревня близъ города Чернигова для тебя способная; сестрѣ же твоей въмѣсто того отъдать деревнѣ и съ протчіими угодіями изъ числа немалого имѣнія, которымъ владѣетъ баба твоя, напротивъ же того въ ономъ тебѣ участія не имѣть кромѣ деревни Полуботокъ; о чемъ я такъже писалъ къ братцу Андрею Степановичу, а о семъ я тебѣ для того пишу, что ежели ты согласисся мѣстечко Любечъ дѣлится пополамъ, то посему будетъ всегдашвіе разные споры, жалобы, а отъ того и безпокойства, то черезъ прикажчиковъ, то черезъ людей, когда будетъ въ ономъ два владѣлца, что я дѣйствительно примѣтилъ въ многихъ владѣніяхъ, и не будешъ имѣть покоя никогда, а зъ нынѣшними владѣлцами особливо же. О минкахъ споръ разрѣшится, какъ скоро рѣшится дѣло въ сенатѣ по апеляціи моей и будешъ спокоенъ, а хлѣбопашество будешъ имѣть въ Полуботкахъ въ прибавокъ къ Любецкому хлѣбопашеству, какое тамъ имѣется и будешъ доволенъ для того, что какое бы хлѣбопашество ни было не можно обойтится безъ покупки хлѣба для винокуренія. Притомъ будь весма осторожен при

подачи мировой прозьбы въ Городоницкій уездный судъ, смотры прилѣжно, чтобъ всѣ обстоятелства и отъ всѣхъ сторонъ въ мировыхъ здѣлкахъ написаны были, и особливо отъ дочери моей, чтобы она во всемъ призналась покаяніемъ также отъ тещи и Фридиркевича, ибо со стороны моей ничего не пропущено и весма изъяснено все къ ползѣ ихъ и сіи мировіе здѣлки тогда подать, когда дочь моя, теща и Фридиркевичъ подадуть отъ себя мировіе-жъ, а не прежде, ибо я не вѣрю, знавши доволно Фридиркевича и тещу, а послѣ того и въ Пѣтербургѣ къ подачи въ сенатъ отправить можешъ, что все обяви также Андрею Степановичу. Въ протчемъ пребываю... Сентября 28 дня, 1791 г. Гамалѣевка.

Какъ въ мировыхъ прошеніяхъ написано о раздѣлѣ имѣнія только того, которое по матери вашей наслѣдственно принадлежитъ, для того пилнуй ты сего, чтобъ объ моемъ всемъ имѣніи никакого упоминку ни малѣйше не было, при подачи мировыхъ отъ обоихъ сторонъ, ибо я о семъ ни почему и ни для чево никогда не соглашуся и не согласенъ. За присланный шнурокъ съ кисточками также и пугвицы присемъ посылаю шмуклиру пять рублей денегъ.

12. Любезный сину мой Григорій! Писмо твое минувшого марта отъ 20-го, съ Чернигова, я того жъ марта 28-го числа, получилъ съ приложеніемъ копій съ учиненной бабою твоею духовной на недвижимое имѣніе ею владѣемое и усмотрелъ, какъ она по фалъшивой и безъзаконной уступки онымъ имѣніемъ ненадлежаще владѣла и владѣетъ такимъ порядкомъ и духовной своею расписала, съ совѣтомъ единоутробного братца своего, ни Бога, ни души, ни совѣсти не имущого, злого человѣка, вовси беззаконно и съ великою тебѣ обидою. Вомѣсто того, что баба твоя съ своими братцами и родственниками похитивши чужое добро, которое она разорила, а доходами ползовалися братья еѣ и родственники, слѣдовало бы ей лишится безъзаконного своего владѣнія, то напротивъ того она тебя лишила, законного наслѣдника Полуботковому имѣнію, безъстыднымъ и безъсовѣстнымъ образомъ угождая злобѣ брата своего, за то единственно, что оны не моглы тебя възбунтоватъ востаты противъ отца своего, такъ какъ учинила твоя сестра, и что ты вступаешся и помогаешъ въ тажкой и несносной учиненной отъ ныхъ отцу твоему обидѣ. Сіи всѣ и протчіе обстоятелства, основанные и послѣдовавшіе противъ закона божественного и гражданского, не могутъ устоятъ на своей неправдѣ, но за помощію сердцевидца Бога праведнымъ судомъ будутъ разрѣшенны и опровержены. И такъ ты нынѣ неоспоримо законный и

справедлывый резонъ имѣешъ вступится за себя противъ воставшихъ на тебя и на востающихъ на тебя! Господь Богъ да будетъ помощникъ и поборникъ, всегда и всегда. Аминь. Теперъ тебѣ надобно заразъ, неупуская ни малѣйшого времени, помолясь Богу, съ его помощію, податъ искъ на свою бабу съ опроверженіемъ извѣстной тебѣ уступки и надобно заразъ ехатъ у Батуринъ къ извѣстному тебѣ человѣку, показать ему уступку и всѣ обстоятельства и фалшивости, до нея принадлежащія и словесно поговорить также показать ему и духовную бабой твоею учиненную и просить у его совѣта и наставленія, и чтобы написалъ исковую жалобу, которую съ совѣтомъ также другихъ твоихъ пріятелей подать въ уѣздный судъ, однакъ не въ Городницкій, но въ Черниговскій, ибо въ Городницкомъ судѣ судья корнетъ Яковъ Лизогубъ, съ которимъ я имѣлъ за Гунковку дѣло, а сверхъ того и мало знающій законовъ и судного порядку, а засѣдатель Лисенко дурной совѣсти человѣкъ; въ уездномъ же Черниговскомъ судѣ будетъ тебѣ способнѣе, и имѣніе находится, о которомъ какъ слѣдуетъ. У меня же какія бумаги были и примѣчанія, какихъ ты нынѣ требуешъ въ разсужденіи подложной уступки, то я всѣ тебѣ отдалъ въ бытностъ твою у меня у Гамалѣевки; а нынѣ при семъ прилагаю давно выписанные права изъ статута и уложенія, а притомъ спросися у гражданской палатѣ гдѣ находится подлинное дѣло въ оной бывшее и рѣшенное съ расколниками; въ томъ дѣлѣ имѣется подлѣнная выпись, данная мнѣ исъ духовной Черниговской дикастеріи въ минувшемъ 786 году, ноября 2 дня, въ которой написано, когда твоя матушка замужъ вышла и умерла, съ которой попроситъ справочной копіи, гдѣ видное доказателство, что она давности десятолѣтной объ отисканіи наслѣдственного еѣ имѣнія, по виходѣ замужъ по смерть не промолчала. До выходу же въ замужье никакимъ образомъ будучи дѣвицею искатъ не могла: потому что она была въ родной своей матери въ опеки, въ которой она и въ власти и въ домѣ еѣ жила. Сіе примѣчаніе тебѣ весма нужное, что противная сторона будетъ всячески защищатъ уступку, кромѣ протчихъ всѣхъ несправливыхъ своихъ резономъ, и давностію земскою, и сей резонъ они имѣютъ наиважнѣйшимъ, которой они доказать не могутъ. Чтожъ касается до тебя, то ты родился въ 1765 году, генваря 28-го числа, въ наукахъ былъ, съ проѣздомъ въ чужой землѣ, чрезъ восемъ лѣтъ и по сылѣ имяного указа отъ совершеннолѣтства своего и за исключеніемъ по статутовому праву восьми лѣтъ бытности твоей у наукахъ, давности земской десятилѣтней ты не потерялъ, о чемъ всемъ ты можешъ раз-

смотрѣть и съ совѣтомъ своихъ пріятелей. При семъ прилагаю тебѣ для всякого случая и надобности подлѣнный пашпортъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайского, данный тебѣ на отъездъ въ Кенизберхъ, 1778-го года марта 20-го числа, по которому ты отъехалъ того жъ году мая 18-го числа исъ Боровичъ. И какъ скоро подаси искъ, то тотчасъ увѣдомъ меня, а ежели между тѣмъ будешъ имѣтъ время, чтобъ пріехатъ ко мнѣ на малое время повидатся, то бы весма было хорошо. Что касается до отправленія жеребцовъ у Бучки и о тамошне припускѣ, о которомъ я писалъ съ наставленіемъ до тамошняго прикажчика Калѣновскаго, то о семъ тебѣ обстоятелно скажетъ словесно Николай Звонокъ; жеребцовъ же я отправилъ у Бучки двохъ: вороного Яничара и гнѣдого Арнаута, а Глаза не посылалъ по причинѣ извѣстной тебѣ его болѣзпы, по которой хотя бы и не хотѣлъ, однакъ намѣренъ продать. Въ протчемъ пребываю.... 2 априля, 1791 года. С. Гамалѣевка.

Письма къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

13. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Худое состояніе здоровья моего, въ которомъ я нахожусь съ юля мѣсяца, вытерпѣвъ между тѣмъ тринадцать уже самыхъ мучителнѣйшихъ операцій, причиною, что я долго не писалъ къ вамъ и на многіе ваши письма не отвѣчалъ. Теперь хотя, также еще нездоровъ и лежа въ постелѣ принужденъ писать, однакожъ не хотѣлъ оставить, чтобъ не принестъ вамъ искреннѣйшія благодарности, во первыхъ, за дружеское стараніе къ полезному окончанію извѣстнаго моего дѣла; а во вторыхъ, за участіе, пріемлемое вами по случаю перемѣны чина моего. Дай Богъ, чтобъ я тѣмъ и васъ вскорѣ поздравить имѣлъ удовольствіе. Въ разсужденіи пособія надобностямъ почтамта, вами управляемаго, я всевозможно прилагаю стараніе выполнять представленія ваши, такъ какъ въ числѣ оныхъ и о прибавкѣ чинамъ онаго жалованья. Тутъ включенъ одинъ регистраторъ Кодацкой, который есть подноситель сего письма, и я рекомендую его въ вашу милость, желая чтобъ со временемъ могъ онъ гдѣ лпбо заступить мѣсто почтмейстера, когда къ дѣламъ навычку здѣлаетъ. Болѣе писать слабость здоровія воспрещаетъ. Прощайте! желаю вамъ всякаго благополучія и пребываю съ нелестною дружбою и искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Дмитрій Трощинскій. P. S. Обѣщаніе ваше въ раз-

сужденіи извѣстнаго реестра вещей—предано забвенію, хотя вы и въ самомъ первомъ ко мнѣ письмѣ оно подтвердили. Октября 29, 1790 г. С.-Пб.

14. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Несравнено пріятнѣе мнѣ было отвѣчать на всѣ дружескіе письма ваши порознь, такъ такъ я ихъ отъ васъ получаю, нежели извиняться, отвѣчая вдругъ на многія; и извиненіе предъ пругимъ было бы для меня затруднительнѣе, но вы, м. г. мой, довольно зная мое обыкновенное положеніе и прибавя къ тому еще настоящія здѣшнія обстоятельствы, тѣмъ удобнѣе можете меня оправдать.

Я начну непріятною для васъ матеріею, т. е. по дѣлу вашему съ Силичемъ въ сенатѣ; оно еще въ бытность вашу здѣсь испорчено было до такой степени, что по употребленіи всѣхъ возможныхъ отъ меня испытаній, кажется уже вовся нельзя его исправить, ни перемѣнить здѣланнаго въ пользу соперника вашего приговора, кромѣ того, что на нѣкоторое время удержится его исполненіе; и въ семъ только одномъ и состоять будетъ возможное содѣйствіе къ пользѣ вашей; о чемъ я по усердію къ вамъ сердечно сожалѣю.

Принимая сладкую посылку вашу, за знакъ дружескаго о мнѣ незабвенія, я сугубо васъ благодарю за благосклонность вашу къ Ильѣ Ивановичу Бажанову, радуясь искренно, что вы нашли его достойнымъ оныя—и для исполненія благонамѣреннаго расположенія вашего къ нему и ко всѣмъ достойнослужащимъ подъ вашимъ начальствомъ. Весьма хорошо вы сдѣлаетѣ, представля правленію о прибавкѣ имъ жалованья, чему я со стороны своей всемѣрно содѣйствовать стану, будучи весьма согласенъ съ мыслями вашими и увѣренъ опытомъ, что безъ ободренія и самое горячее усердіе простываетъ, и способности увядая, становятся безполезными.

Судя по сущности справедливыхъ дѣлъ, кажется и ненужны бы иныя посредства, кромѣ должности судящихъ разсмотрѣтъ его и защитить истину, но пристрастіе мыслитъ и дѣйствуетъ инако; есть ли бы я увѣренъ былъ въ сумнѣніи своего дѣла, находящагося въ тамошней гражданской полатѣ, то признаюсь вамъ, что цѣною неправды выиграть его не желалъ бы; я однакожъ понимаю, съ чувствительнѣйшей благодарностію, дружеское ваше попеченіе къ пользѣ моей и предложеніе ходатайства вашего о немъ. Не говоря вамъ столько о дѣлахъ, кои можетъ быть и никогда получены не будутъ, нельзя не сказать чего нибудь о тѣхъ, кои насъ иногда забавляли. Игра, составлявшая часто наше пріятное времяпровожденіе, перервалась почти

совсѣмъ послѣ отъѣзда вашего, и артельщики наши, потерявши въ васъ главнаго приводцу, занимаются въ празности иными должностями: Обрѣзковъ и Ширай, подобно турецкимъ святошамъ, вертятся и при недостаткѣ бубенцовъ, играютъ одними палочками; Карлъ Ратъ, погребшій великія свои надежды на мавзолей цесарей, отчаевается навсегда видѣть ихъ возродиться могущими когда либо въ примѣрной бережливости Богемской и Венгерской; и дачи на щетъ императора, можетъ быть уже и останутся на щетъ только тѣхъ, у кого они написаны. Кувушкину одному только, какъ кажется, щастье присягнуло служить даже до тѣхъ поръ, пока свернетъ ему голову, великъ и въ великомъ свѣтѣ обыгриваетъ всѣхъ въ великія игры. Николай Петровичъ по прежнему вздыхаетъ, тлѣетъ, чернѣетъ и кажется ненаходитъ пріятнѣе смерти, какъ сгорѣть любовнымъ пламямъ. Иванъ Николаевичъ всіо по старому нахохливается и тонируетъ. Комаскино, не нашедши ни въ Италіи, ни во всякой другой благорастворенной землѣ, здоровѣйшаго для себя воздуху, пріѣхалъ назадъ, чтобы не умереть гдѣ нибудь съ голоду: визжитъ прескареднымъ сопрано: *o dio! benedetto dio, на все цвету не такъ земля какъ на Руссія.*—Я въ свободное время скучаю и воспоминая объ васъ, сожалѣю тѣмъ болѣ, что приближается время жить въ Царскомъ Селѣ или на дачѣ, гдѣ вы знаете, что для меня не очень весело. Я увеселяюсь однакожъ пріобрѣтеніемъ благорасположительнаго дружества вашего ко мнѣ, пребывая всегда съ петинымъ къ вамъ почтеніемъ и искреннѣйшею приверженностію, вамъ, м. г. мой, вѣрно покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 18-го, 1790 года.

P. S. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо отъ Виктора Павловича (Кочубея). Оно старо, понеже пущено еще до путешествія, которое любопытство побудило его предпріять во Францію и Нидерланды. Изъ обѣихъ сихъ мѣстъ получилъ я отъ него весьма примѣчательныя описанія; но что онъ возвратился уже въ Лондонъ, не имѣю еще извѣстія. Между тѣмъ, есть ли вы желаете переписываться съ нимъ, я удовольствомъ представляю себя на услуги вѣрнаго имъ доставленія. Вчера имѣлъ я честь получить послѣднее письмо ваше отъ 2-го сего мѣсяца. Мѣры, кои вы приняли для испытанія своихъ почтмейстеровъ, конечно, оправдаютъ всегдашнее мое заключеніе, что при вѣрномъ отправленіи должностей ихъ и при строгомъ затѣмъ наблюденіи почтамта, доходъ тамошнихъ почтовыхъ конторъ гораздо возвысится и по крайней мѣрѣ будетъ достаточенъ на содержаніе ихъ съ выгоднѣйшими предъ нынѣшнимъ положеніями. Ежелибъ вы

удѣлили еще нѣсколько времени, чтобъ самолично освидѣтельствовать каждаго порядокъ управленія и способности ихъ, то сіе наипаче на пользу дѣлу послужило бы· Прощайте! извините, гдѣ чужою рукой пишу къ вамъ: собственная хотя не отсохла, но часто чувствуя усталь, отказывается отъ повиновенія. Ut in litteris Трощинскій.

15. М. Г. мой Григорій Петровичъ. (*Д. Трощинскаго*).

По причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, я принужденъ былъ прожить въ здѣшнихъ мѣстахъ, гораздо болѣе, нежели чаялъ, какъ получа малое облегченіе, спѣшу къ своему мѣсту, препоручая себя дружеской вашей памяти и прося продолжать ко мнѣ то благорасположеніе, которымъ я всегда имѣлъ удовольствіе отъ васъ пользоваться.—Ежели до васъ относится дѣло, по коему безпокоятся бѣдные сироты Левенцевы, не откажите отъ вашей руки помощи и покровителства по крайней мѣрѣ удержаніемъ разорительнаго для нихъ взысканія до того времени, покуда сіе дѣло, подъ монаршимъ теперъ разсмотрѣніемъ состоящее, получитъ высочайшее рѣшеніе, которое конечно незамедлится. Илья Иванотичъ не здѣлалъ мнѣ по сію пору обѣщаннаго чрезъ васъ отзыва, а я единственно изъ искренняго желанія ему добра намѣренъ былъ стараться объ увольненіи его съ выгодою. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что я часть имъ управляемую нашолъ не въ лучшемъ порядкѣ и что по правиламъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, непростительно бы было оставить ея на долго въ нынѣшнемъ состояніи: и честь мѣста, и польза службы требуетъ принять мѣры на приведеніе оной въ лучшее положеніе. Поговорите съ нимъ по сей матеріи еще разъ и не оставте меня безъ извѣщенія о его расположеніи, а мое состоитъ въ томъ, что я всегда былъ и непоколѣбимо пребуду съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего пр—ва покорный слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

16. М. г. мой Григорей Петровичъ (*Тутолминой, жены Тимофея Ивановича Тутолмина*).

Отъ всего серца поздравляю васъ съ новорожденнымъ; желаю, чтобъ вы дождали сыны сыновъ ево во всякомъ благополучіи. За присланные конфекты, водки—наипризнательнейше благодарю; все прекрасно зделано; такое множество, что я думала вамъ приплачивать, и вы мнѣ еще остатки присылаите. Посланной вамъ весма добрий человѣкъ, онъ очень піокса і берег[illegible] въ совершенной целост[illegible], покорно прошу сказать ему за то [illegible] я вамъ скажу нашихъ вестей несколко: что князь Н. В. (Репнинъ) живетъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LV.

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896.

Открыта подписка на 1897 г.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народного міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи**; II) **документы, извѣстія и замѣтки**; III) **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ**.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. *В. Б. Антоновича*, *А. А. Андріевскаго* *Н. Ѳ. Бѣляшевскаго*, проф. *Д. И. Багалѣя*, *Н. П. Василенка* *В. П. Горленка* проф. *П. В. Голубовскаго*, проф. *Н. П. Дашкевича*, *П. С. Ефименка*, *А. Я. Ефименко*, *П. И. Житецкаго* проф. *В. С. Иконникова*, *И. М. Каманина*, *Е. А. Кивлицкаго*, *Ѳ. А. Кудринскаго*, прот. *П. Г. Лебединцева*, *О. И. Левицкаго*, *А. М. Лазаревскаго*, проф. *И. В. Лучицкаго*, *Л. С. Личкова*, *В. Г. Ляскоронскаго*, проф. *Ѳ. Г. Мищенки* *Н. В. Молчановскаго*, *К. П. Михальчука* *В. А. Мякотина*, *Ѳ. Д. Николайчика*, прот. *П. Орловскаго*, проф. *Н. И. Петрова*, *В. К. Пискорскаго*, *Б. С. Познанскаго*, *Л. В. Падалки*, *А. А. Русова*, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, проф. *Н. И. Стороженка*, *Н. В. Стороженка*, *А. В. Стороженка*, *А. I. Степовича*, *В. Н. Сторожева*, *Л. Д. Синицкаго*. *М. К. Чалаго*, *Я. Н. Шульгина*, *Н. В. Шугурова*, *В. И. Щербины*, *В. Н. Ястребова* и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка **„Малороссійскій Словарь"**, который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца**, редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года** выпустить **въ свѣтъ 2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 20 печатныхъ листовъ**. Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина" въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой . .	**10** р. —
Безъ доставки и пересылки . .	**8 — 50** к.
За границу	**12 — —**

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:

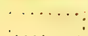
(Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) **а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.**

Издатель *К. М. Гамалѣй*. Редакторъ *В. П. Науменко*.

План остатков Юрьевой божницы.

Часть храма, вполнѣ сохранившаяся.

Найденный въ землѣ фундаментъ.


Предполагаемая стѣна, фундаментъ которой обрушился вмѣстѣ съ горою.

МАСШТАБЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 Арш.

Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ.

Въ селѣ Старогородкѣ, черниговской губерніи, остерскаго уѣзда, на берегу рѣчки Остра, сохранились до сихъ поръ развалины церкви, извѣстной подъ названіемъ „Юрьевой божницы“. Отъ бывшаго когда-то храма, въ настоящее время остался только алтарь, имѣющій внутри въ длину 6 аршинъ и въ ширину, въ самомъ широкомъ мѣстѣ—5 арш. 13 верш. Высота его 12 аршинъ. Стѣны алтаря имѣютъ толщины 1 арш. 6 верш., а сохранившіяся около алтаря стѣны храма 1 аршинъ 8 верш. и 1 арш. 9 верш. Стѣны сложены изъ кирпича и камней. Кирпичныя плиты имѣютъ въ длину 8 верш., въ ширину 6 верш. и въ толщину $^3/_4$ вершка; онѣ разнаго цвѣта: бѣлаго, розоваго, краснаго и темно-краснаго. Камни представляютъ глыбы неправильной формы и состоятъ изъ песчаника плотнаго и зернистаго. Нѣкоторые камни до такой степени вывѣтрились, что легко разсыпаются на отдѣльныя зерна.

Кирпичныя плиты чередуются съ камнями: послѣ 5—7 рядовъ кирпичныхъ плитъ, лежитъ рядъ камней, а затѣмъ опять нѣсколько рядовъ кирпичныхъ плитъ и т. д. Известковый цементъ, связывающій плиты, очень толстъ, почти равенъ толщинѣ кирпичей, а иногда и толще. Задняя сторона (восточная) вверху, у основанія купола, надстроена кирпичемъ краснаго цвѣта, похожимъ на теперешній кирпичъ, а весь верхъ юговосточной части съ той же задней стороны надстроенъ совершенно такимъ кирпичемъ, какой теперь употребляется въ работу, и кирпичъ положенъ на известковомъ цементѣ такъ, какъ кладется въ настоящее время.

Въ круглой стѣнѣ алтаря 3 окна, вышиною по 3 аршина и шириною внутри алтаря 14 верш. Съ наружной стороны окна шире, именно 1 арш. 4 верш.

На стѣнѣ внутри алтаря сохранились фрески, которыя можно довольно ясно различить. Всѣ изображенія раздѣлены на 4 яруса. Въ верхнемъ ярусѣ, на сводѣ алтаря написана Богоматерь съ поднятыми руками, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; по правую сторону—архангелъ Михаилъ, по лѣвую—архангелъ Гавріилъ. Во второмъ сверху ярусѣ посрединѣ изображено горнее мѣсто, а по обѣимъ сторонамъ его—Спаситель съ ангеломъ и по 6 апостоловъ. Съ одной стороны Спаситель подаетъ апостолу хлѣбъ, а съ другой—чашу. Это тайная вечеря, представленная въ такомъ же видѣ, въ какомъ изображена она въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Въ третьемъ ярусѣ, въ ряду оконъ изображенъ рядъ святыхъ, и, наконецъ, въ нижнемъ ярусѣ штукатурка настолько попорчена, что ничего разобрать невозможно. Украшенія между изображеніями и на выдающихся частяхъ стѣнъ, сдѣланныя коричневою краскою, имѣютъ такой же видъ, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на старой штукатуркѣ съ фресками видна позднѣйшая известковая накладка, закрывающая фрески.

Мною была произведена раскопка фундамента, и величина бывшаго храма можетъ быть опредѣлена съ точностью. Онъ былъ четырехугольный и имѣлъ внутри, кромѣ алтаря, $12^3/_4$ аршина въ длину и $11^3/_4$ аршина въ ширину, и внутри его находились два каменныхъ столба, какъ видно на приложенномъ планѣ, которые, по всей вѣроятности, служили опорою для сводовъ. Это можно заключить изъ того, что, при раскопкѣ, между лѣвымъ столбомъ и лѣвой (сѣверной) стѣной алтаря найдена была часть свода, упавшая сверху и въ цѣломъ видѣ сохранившаяся въ землѣ. Найденный въ землѣ фундаментъ имѣетъ толщины $1^1/_2$ арш. Лѣвая (сѣверная) и передняя (западная) стороны фундамента сохранились вполнѣ; правая же—обрушилась вмѣстѣ съ горою, на которой построенъ храмъ.

Къ ЮВ. отъ алтаря, въ разстояніи $5^1/_2$ арш. отъ стѣны его, стоитъ крестъ изъ мелкозернистаго песчаника. Высота его 1 арш. 8 верш.; длина горизонтальной части креста—15 верш.; толщина креста—$5^1/_2$ вершковъ. На крестѣ замѣтна довольно длинная надпись, но она, отъ времени такъ изгладилась, что прочитать ничего невозможно. Въ первой строкѣ можно только разобрать: *зде пог*, а далѣе можно различить буквы: *ро*. Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ, бывшій священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ посредствомъ раскопки пытался узнать, надъ чѣмъ поставленъ крестъ, при чемъ нашелъ подъ крестомъ склепъ такой же кладки, какъ и кладка храма, и на столько прочный, что никакими усиліями нельзя было отбить какую-либо часть его. Это сообщеніе отца Зосимовича помѣщено и въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи. Мною было сдѣлано нѣсколько пробныхъ раскопокъ съ цѣлью провѣрки сообщенія отца Зосимовича, но никакихъ признаковъ склепа я не нашелъ. Полагаю, что священникъ Зосимовичъ ошибочно сдѣлалъ свое заключеніе.

Село Старогородка, въ которомъ находятся эти развалины, было когда-то, какъ и самое названіе показываетъ, городомъ. Старый городъ, получившій названіе Остра, отъ имени рѣчки, при которой былъ построенъ, представлялъ значительную крѣпость. Онъ былъ расположенъ на горѣ, которая съ двухъ сторонъ круто опускалась къ рѣкѣ Остру, представляя такимъ образомъ естественную крѣпость, а съ двухъ другихъ—былъ обнесенъ двумя земляными валами, которые хорошо сохранились и до настоящаго времени. Половина ихъ находится въ моей усадьбѣ, а другая половина—въ усадьбѣ Старогородскихъ крестьянъ. Внутренній валъ имѣетъ въ настоящее время высоту до 9 арш., а внѣшній—до 4 арш.

О старомъ городѣ Острѣ, извѣстно слѣдующее:

Основаніе города положено, по всей вѣроятности, Владиміромъ святымъ. Въ 988 г. Владиміръ крестился и „нача ставити городы по Деснѣ, и Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ [1]“. Города эти онъ заселялъ своими дружинниками. Хотя

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г. стр. 83.

въ лѣтописи, въ числѣ заселенныхъ такимъ образомъ пунктовъ, городъ Остеръ не упоминается, но принимая во вниманіе, мѣстоположеніе его на горѣ, при впаденіи рѣчки Остра въ Десну, нельзя думать, чтобы Владиміръ, строя укрѣпленные пункты по Деснѣ и Остру, могъ опустить такое мѣсто.

Первый разъ Остеръ упоминается въ лѣтописи въ 1098 году: „Приде Володимеръ (Мономахъ) и Давидъ и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца и сотвориша миръ... Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри [1])“.

Основанный городъ, подъ именемъ „Городца“, причисленъ былъ къ Переяславскому княжеству и сталъ пригородомъ Переяслава; въ этой роли онъ переходилъ отъ одного Мономаховича къ другому. Въ 1130-хъ годахъ въ „Городцѣ“ княжилъ зять Мономаховъ Всеволодъ Давидовичъ, который по предположенію здѣсь и скончался въ 1141 году: „Тое зимы преставися Всеволодко, Городецьскый князь [2])“.

Въ 1136 году Остеръ былъ отдѣленъ отъ Переяслава и достался сыну Мономаха, Суздальскому князю Юрію Долгорукому [3]). Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ сдѣлался великимъ княземъ и, будучи недоволенъ Юріемъ, въ 1141 году, воспользовался отсутствіемъ послѣдняго и занялъ Городецъ вострскій [4]). По смерти Всеволода, въ 1146 году, новый Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ посадилъ въ Городцѣ Остерскомъ брата своего Владиміра. Юрій же въ 1148 году послалъ туда сына своего Глѣба, который выгналъ Владиміра изъ Городца; но Изяславъ въ томъ же году осадилъ Глѣба и вынудилъ его смириться. Когда же посланный Юріемъ противъ Изяслава сынъ Юрія Ростиславъ передался Изяславу, то послѣдній выгналъ изъ Городца Глѣба и посадилъ тамъ Ростислава [5]).

---

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 179.

[2]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 293.

[3]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, изд. 5, 1872 г., т. II, гл. IX, стр. 108.

[4]) Ипат. лѣт., изд. 1871, стр. 221.

[5]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 302—303; Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 254—260.

Въ слѣдующемъ году Юрій завладѣлъ Кіевомъ, откуда былъ изгоняемъ два раза и каждый разъ уходилъ въ Городецъ Остерскій. Послѣ вторичнаго бѣгства Юрія, сынъ его Андрей Боголюбскій, привелъ сюда дружину, съ которою воевалъ на Волыни. Юрій рѣшился идти къ Кіеву и вошелъ въ союзъ съ Владиміромъ Давидовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. Къ пасхѣ 1151 года, они изъ Чернигова приплыли въ Остеръ, отпраздновали Юрьевы именины и ушли въ походъ[1]). Но походъ не удался: Владиміръ Давидовичъ погибъ въ сраженіи, а Юрій въ третій разъ бѣжалъ въ Городецъ Остерскій. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Изяславъ Мстиславовичъ и осадилъ городъ. Юрій защищался нѣсколько дней, но затѣмъ долженъ былъ сдаться и заключилъ миръ на такомъ условіи, что самъ удалился въ Суздаль, а въ Городцѣ остался сынъ его Глѣбъ[2]). Изяславъ возвратился въ Кіевъ, но вслѣдствіе новыхъ раздоровъ, въ слѣдующемъ (1152) году, въ союзѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ взялъ и сжегъ Городецъ Остерскій: „И шедше разведоша Городокъ Юрьевъ и пожгоша его; церковь же бѣ въ немъ святаго Михаила камена, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то згорѣ[3])“. Юрій говорилъ потомъ Святославу, участвовавшему въ истребленіи Городца: „оже есте мой Городецъ пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу“, и въ томъ же году выступилъ въ походъ противъ Изяслава и сжегъ предмѣстья Чернигова[4]).

Изъ словъ Юрія, называющаго храмъ божницею, можно придти къ заключенію, что этотъ храмъ былъ домовымъ храмомъ и около него стоялъ княжескій домъ.

Въ 1154 году умеръ Изяславъ, и Юрій опять завладѣлъ Кіевомъ и Переяславомъ и въ Лутавѣ примирился съ Черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давыдовичемъ въ 1155 году. Въ 1157 году Юрій, не успѣлъ возобновить Городца, и крѣпость его оставалась въ разоренномъ видѣ. Только въ 1159 году сынъ его,

---

[1]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 293.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 307; Лаврент. лѣт., 1872, стр. 319.

[3]) Воскресен. лѣт., изд. 1856, стр. 56.

[4]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 314.

Суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, возобновилъ городъ, любимый его дѣдомъ и отцомъ: „Посла тивуна своего Гирю съ людми въ Русь и созда градъ на Городци на Вьстри, обнови свою отчину [1])“.

Засимъ въ періодъ дотатарскій въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается объ Острѣ. Въ 1240 году Остерскій Городецъ подвергся опустошенію наряду съ Переяславомъ и Кіевомъ.

Послѣ татарскаго погрома, Городецъ оставался только Городищемъ. Ближе къ рѣкѣ Деснѣ образовалось новое поселеніе—новый Остеръ, который и сталъ именоваться городомъ и получилъ значеніе укрѣпленнаго мѣста. Это—теперешній городъ Остеръ. Старый же городъ сталъ называться то городомъ „Старымъ Остромъ“, то селомъ „Старогородкою“. И то и другое названіе попеременно встрѣчается въ актахъ 17 и начала 18 вѣка. Засимъ за бывшимъ городомъ Остромъ окончательно установилось названіе села Старогородки.

Отъ татарскаго погрома и до начала 17 вѣка о храмѣ Архистратига Михаила никакихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что въ это время онъ былъ возобновленъ, такъ какъ вначалѣ 17 вѣка въ немъ происходило служеніе. Должно быть, замѣтная на стѣнахъ алтаря известковая штукатурка, прикрывающая старыя фрески, относится къ этому времени обновленія храма.

О дальнѣйшей судьбѣ стараго храма можно сдѣлать заключеніе на основаніи слѣдующихъ сохранившихся памятниковъ:

1. Въ нынѣшнемъ Старогородскомъ деревянномъ храмѣ сохранилось Евангеліе, печатанное во Львовѣ въ 1636 году. На страницахъ этого Евангелія есть такая надпись: „я рабъ Божій Евфим Сергиенко Глушанін из жоною своею Огапіею из дочкою моею Кулиною, купилем сію книгу Евангеліе напрестольное, и надалем на дом Божій, до церкви мурованой, святого Архистратига Михаила в слободе старого города [2])... Писано у Острі 1644 мѣсяца априля 27 дня“.

[1]) Лаврент. лѣт., 1872, стр. 391.

[2]) Эта надпись продолжается такъ: „вѣчными часы за отпущеніе грѣховъ своих: А если бы хто важился сію книгу еким способом отнести аболи где колвек

2. Въ томъ-же старогородскомъ храмѣ имѣется чаша, на подножіи которой вырѣзано: „сей сосудъ надалъ рабъ Божій Конъстантинъ Мокиевский Полковникъ Іхъ Царск. Цресвѣтл. Велич. воиска запорозкого Кіевскій до храму св. Троицы року отъ р. Хр. 1695“.

3. Въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской Епархіи сказано: „При катедрѣ есть антиминсъ, за подписомъ м. Варлаама и съ надписью: „въ храмѣ св. Троицы, придѣлъ храма арх. Михаила, новосооруженный мурованый въ с. Старогородкѣ“. На антиминсѣ значится 1695 годъ“ [1]). Въ настоящее время, не смотря на самый тщательный розыскъ, этого антиминса при архіерейскомъ домѣ не найдено: слѣдовательно, онъ уже утраченъ.

Изъ этихъ надписей видно: 1) что храмъ, котораго въ настоящее время видны только печальные остатки, есть дѣйствительно Мономаховъ храмъ арх. Михаила, 2) что вначалѣ 17 столѣтія храмъ существовалъ и въ немъ происходило служеніе, и 3) что въ храмѣ арх. Михаила въ 1695 году былъ устроенъ придѣлъ св. Троицы.

Въ Историко-статистич. Описаніи Черниг. Епархіи говорится [2])—безъ указанія источника,—что придѣлъ св. Троицы былъ устроенъ вверху, при западной стѣнѣ храма на такъ называемыхъ полатяхъ, полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ, и что на стѣнкахъ написана была битва козаковъ съ татарвою, въ которой на первомъ мѣстѣ изображенъ былъ самъ Мокіевскій въ полномъ козацкомъ одѣяніи.

9 январа 1671 года по универсалу гетмана Многогрѣшнаго утверждено за Кіево-Михайловскимъ монастыремъ владѣніе „Острицкими мельницами“, которыя и въ настоящее время существуютъ на старогородской плотинѣ, на р. Острѣ. Это владѣніе подтверждено было гетманомъ Самойловичемъ 13 іюля

обернути на свою потребу, а потаемне взяти, таковый нехай будет проклят, святых отецъ триста и осимнадцат иже во Нікеи, а зо мною розсудится перед нелицемѣрным судіею у престола Христова, который вѣдает всѣх тайна“.

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Еп. 1874 г. кн. 5, стр. 422 и 423.

[2]) Ист.-стат. Опис. Черн. Еп. 1851 г. кн. 5, стр. 423.

1672 года, и затѣмъ 17 януарія 1688 года „Іоаннъ Мазепа учинилъ подтвержденіе унѣверсаломъ на млини подъ старымъ остромъ, и часть войсковую съ млиновъ въ монастырь повернувъ [1])".

По прошенію игумена Іоанникія Сенютовича даны Кіево-Михайловскому монастырю преосвященнымъ Іоасафомъ Кроковскимъ: „церьковь въ старомъ городищу Острѣ соборъ Архистратига и пляцы, якіе могутъ быти церковные, и универсаломъ Іоанна Скоропадскаго гетмана стверженные року 1715 ноября 19 [2]). Вмѣстѣ съ этимъ поступили во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря „дворы съ пляцами, купленные у староострицкихъ жителей тамже въ старомъ мѣстищу", что также было подтверждено универсаломъ гетмана Іоанна Скоропадскаго и грамотою государственною [3]). Такимъ образомъ, храмъ Архистратига Михаила, а также и земли, находившіяся какъ въ старомъ Острѣ, такъ и принадлежавшія ему, мало по малу перешли во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря.

Протоіерей Николай Липчинскій, бывшій въ 1858—1860 годахъ священникомъ въ селѣ Старогородкѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ дѣлахъ экономіи Варвары Александровны Кочубей, которой принадлежало тогда Старогородское имѣніе, читалъ, что въ Старогородской усадьбѣ (теперешней моей усадьбѣ) жили монахи Кіево-Михайловскаго монастыря, которые завѣдывали имѣніемъ и мельницами.

Въ 1753 году деревянный верхъ храма св. Арх. Михаила сгорѣлъ отъ молніи, и каменная постройка послѣ пожара была значительно повреждена. По личномъ осмотрѣ, Преосвященный въ 1755 году приказалъ закрыть храмъ св. Михаила и потребовать мнѣнія мастеровъ, можно ли возобновить храмъ. Записка протоіерея говоритъ: „олтарь крѣпокъ, но съ приходу стѣны разсѣлись; заломы, на которыхъ основана баня, всѣ въ дирахъ; на хорахъ вверху дира въ полсаженя". Мастера отозвались письменно: „середина церкви по нижнія окна и придѣлъ св. Троицы должны быть разобраны; отъ р. Остра должно подвесть новый

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 400.
[2]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 484.
[3]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 485.

фундаментъ [1])". Съ этого времени храмъ св. Михаила болѣе не возобновлялся и былъ упраздненъ.

Кромѣ этихъ свѣдѣній относительно стараго храма,—другихъ, документальныхъ, не имѣется. Есть предположеніе, что въ церковной библіотекѣ и въ дѣлахъ церкви были данныя для исторіи храма, но бывшій, въ концѣ прошлаго вѣка, старогородскій священникъ Свидерскій [2]), который въ то же время былъ и благочиннымъ, какъ сообщилъ мнѣ священникъ Зосимовичъ, всѣ болѣе интересныя книги и всѣ болѣе важныя дѣла церкви держалъ у себя на дому, и, при бывшемъ у него пожарѣ, это все сгорѣло.

Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ земли села Старогородки, принадлежавшія Кіево-Михайловскому монастырю, поступили во владѣніе князя Александра Андреевича Безбородко. Получивъ Старогородку и сосѣднія съ нею земли, Безбородко выселилъ козаковъ, имѣвшихъ усадьбы въ городищѣ, съ южной стороны наружнаго вала, давъ имъ лучшія земли за р. Остромъ, въ разстояніи отъ Старогородки около 3-хъ верстъ. Тамъ же онъ далъ усадьбу и священнику Свидерскому. Такимъ образомъ, возникъ поселокъ, который получилъ названіе *Выгранки* [3]). Жившіе въ Старогородкѣ мѣщане переселились въ это время въ г. Остеръ.

Всѣ земли А. А. Безбородко въ Старогородкѣ перешли затѣмъ къ брату его Иліи Андреевичу, а потомъ къ дочери послѣдняго, бывшей замужемъ за графомъ Кушелевымъ, и внуку Александру Григорьевичу, принявшему фамилію графа Кушелева-Безбородко. Отъ этого послѣдняго имѣніе досталось дочери его Варварѣ Александровнѣ Кочубей. Въ 1872 году Старогородка, со всѣми принадлежащими къ ней землями владѣлицей была продана княгинѣ Кудашевой, а отъ послѣдней, въ 1876 году, путемъ купли досталась мнѣ, и въ моемъ владѣніи состоитъ въ настоящее время.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Епар., 1874 г. Кн. 5, стр. 423 и 424. Дѣла Консисторіи 1735 и 1755 г.

[2]) Въ Старогородкѣ въ это время былъ уже отдѣльно построенъ небольшой деревянный храмъ.

[3]) Отъ слова—выиграть: выиграли, получивъ лучшія земли.

Въ какомъ видѣ находились въ это время, т. е. съ конца прошлаго вѣка остатки храма арх. Михаила, можно составить себѣ понятіе на основаніи разсказовъ очевидцевъ.

Отъ крестьянъ Старогородки я слышалъ, что бывшій въ Старогородкѣ дьячекъ Семенъ Лысенко, умершій въ 1873 году и имѣвшій отъ роду, какъ говорятъ, 96 лѣтъ, разсказывалъ, что въ молодости онъ видѣлъ стѣны храма цѣлыми и лишь на сводѣ посрединѣ была большая дыра. На эту дыру положено было старое мельничное колесо для того, чтобы привлечь аистовъ устраивать себѣ гнѣзда. Затѣмъ, стѣны разрушались, и экономія графа Кушелева-Безбородко распорядилась разобрать ихъ до основанія, а матеріалъ былъ употребленъ на постройку винокуреннаго завода. Крестьяне также немало перебрали кирпичныхъ плитъ для печей.

По преданію, въ храмѣ была похоронена юная дочка полковника Мокіевскаго. Старикъ Федоръ Шульжевичъ, умершій въ 1859 году на 73 году жизни разсказывалъ, что когда храмъ разрушился, то гробикъ ея, величиною въ 1¼ арш. перенесенъ былъ на общее кладбище и что тѣло дѣвочки похоже было на греческую губку.

Изъ этихъ разсказовъ видно, что до конца прошлаго столѣтія стѣны средней части храма были еще цѣлы; въ началѣ же настоящаго вѣка ихъ уже не было, и остатки имѣли тотъ видъ, какъ и теперь.

Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ разсказывалъ мнѣ, что въ бытность его священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, фундаментъ правой (южной) стороны храма, вслѣдствіе обвала горы, настолько разрушился, что экономія распорядилась разобрать его до основанія, и матеріалъ былъ употребленъ на постройку сахарнаго завода, такъ что въ настоящее время этой стѣны нѣтъ и признаковъ.

По распоряженію мужа бывшей владѣлицы П. А. Кочубея, былъ подведенъ кирпичный фундаментъ подъ южную часть сохранившагося алтаря, съ цѣлью предохранить его отъ паденія. Но фундаментъ, должно полагать, былъ сдѣланъ неудовлетворительно, такъ что вся поддѣланная часть разрушилась и храмъ

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что изъ прежнихъ владѣльцевъ никто въ Старогородкѣ не жилъ, а бывшіе здѣсь управляющіе относились довольно небрежно къ сохраненію остатковъ храма: мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, не было огорожено, и крестьяне продолжали разрушать храмъ, выламывая кирпичныя плиты для своихъ печей. Пріобрѣвъ Старогородку, я немедленно огородилъ остатки храма, и съ того времени они находятся подъ строжайшей охраной. Но этого мало: храмъ нужно защитить отъ разрушительнаго дѣйствія воды и воздуха; его нужно покрыть, потому что дождевая вода просачивается черезъ сводъ, вслѣдствіе чего старая штукатурка съ фресковыми изображеніями мало по малу отваливается; съ южной стороны нужно укрѣпить гору и подвести прочный фундаментъ, чтобы поддержать стѣну, которая почти виситъ въ воздухѣ и когда нибудь можетъ обрушиться; равнымъ образомъ, нужно задѣлать всѣ разрушенныя части стѣнъ, преимущественно около оконъ. На это нужны довольно значительныя средства, и желательно было бы, чтобы интересующіяся сохраненіемъ старины общества и частныя лица приняли участіе въ сохраненіи памятника, самаго древняго въ черниговской губерніи [1]).

М. Константиновичъ.

[1]) На послѣднемъ (десятомъ) археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ поднимался вопросъ о сохраненіи въ Россіи памятниковъ старины, и между прочимъ было указано, что приходятъ въ полное разрушеніе остатки храма въ с. Старогородкѣ, гдѣ гибнетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, никѣмъ научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ. По этому поводу совѣтъ съѣзда вообще высказалъ пожеланіе, чтобы Императорская Археологическая Коммиссія приняла мѣры къ охранѣ такихъ памятниковъ старины. Желая возбудить интересъ въ ученыхъ обществахъ къ охраненію остатковъ Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ, мы съ удовольствіемъ помѣстили эту статью, приложивъ къ ней фототипическій снимокъ съ остатковъ храма, а также и планъ его, и вполнѣ надѣясь, что лица и учрежденія, отъ которыхъ это можетъ зависѣть, сдѣлаютъ все необходимое для скорѣйшей охраны интересныхъ во всѣхъ отношеніяхъ остатковъ старины.—*Ред.*

ШАРОНЪ[1].

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ знойный іюньскій день мнѣ однажды предстояло сдѣлать небольшое путешествіе изъ посада Клинцы (черниговской губерніи) въ имѣніе одного сосѣдняго помѣщика, близъ с. Голотовки. Имѣніе находилось отъ посада на разстояніи не болѣе десяти верстъ. Выждавъ, когда спадетъ немного жаръ, и разспросивъ подробно дорогу, я съ небольшимъ узелкомъ отправился въ путь. Было уже за полдень. Съ любопытствомъ всматривался я въ новую для меня мѣстность, представлявшую оригинальное смѣшеніе видовъ Малороссіи и Великороссіи. Этою особенностью отличаются сѣверные уѣзды черниговской, курской и южные—орловской губерніи. Великороссія сказывается здѣсь въ общемъ размашистомъ характерѣ мѣстности, въ овально-круглыхъ, голыхъ, словно выточенныхъ холмахъ, въ отлогихъ оврагахъ правильной формы, въ ровно-текущихъ на ихъ днѣ ручьяхъ и, наконецъ, въ березовыхъ рощахъ надъ ручьями. О Малороссіи ясно говорятъ вишневые сады, въ которыхъ тонутъ села и деревни, безпорядочное расположеніе избъ и культура страны. Изрѣдка попадается и пирамидальный тополь, который,

[1]) Шаронами въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи называютъ бобылей-нищихъ.

впрочемъ, среди хвои и березки, чувствуетъ себя здѣсь одиноко и сиротливо.

Дорога лежала мнѣ на Казенную-Туроснь (по мѣстному Дурни), Ардонь и Чарнецкъ. Миновавъ Туроснь и перейдя полотно желѣзной дороги, я очутился среди глубокихъ песковъ, расплывавшихся передъ Ардонью на порядочное разстояніе въ ширину. Жара не унималась, не смотря на пятый часъ вечера. Дулъ маленькій вѣтерокъ, но онъ не только не уменьшалъ жары, а напротивъ—какъ будто еще больше раздувалъ ее. Казалось, тамъ гдѣ-то, недалеко за лѣсомъ лежала раскаленная, знойная пустыня, и вѣтерокъ несъ ея зной на людей. Скоро я потерялъ бодрость и началъ испытывать то неопредѣленно-сонливое настроеніе, которое хорошо извѣстно каждому, кого судьба заставляла хоть разъ идти въ такой день по песчаной дорогѣ. Не охота ни разговаривать, ни смотрѣть по сторонамъ, ни даже думать... Только и мысли, какъ-бы скорѣе выбраться на твердую дорогу. Я усиленно перебиралъ ногами песокъ, и мнѣ казалось, что я топчусь на одномъ мѣстѣ.

„Неужели и дальше все такая-же будетъ дорога?“ Я остановился въ раздумьи и оглядѣлся кругомъ. Предо мною впереди раздольно растянулись села—Ардонь и Чарнецкъ. Направо—широкой, безпредѣльной скатертью лежали далекія, холмистыя поля съ лѣсами, перелѣсками, оврагами, овражками... Тамъ и сямъ мелькали деревушки, хутора. Сады и рощи ясно обозначали мѣста поселковъ. А сзади—чернѣлъ вдали плотной массой клинцовскій общественный лѣсъ, изъ-за котораго выглядывала верхушка высокой городской колокольни. Трубы нѣсколькихъ фабрикъ рѣзко выдѣлялись въ разныхъ мѣстахъ своими правильными очертаніями на свѣтло-голубомъ небѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ дымились густыми клубами чернаго дыма. Дымъ подымался надъ лѣсомъ и лѣниво расходился въ тепломъ воздухѣ. Подъ самымъ лѣсомъ пріютился вокзалъ и ярко бѣлѣлъ на солнцѣ, оттѣняясь своими очертаніями на фонѣ лѣса. А зной такъ и палилъ.

Не пойти-ли полями напрямикъ, вмѣсто того, чтобы идти деревнями и дѣлать кругъ,—подумалъ я, соображая располо-

женіе селъ съ направленіемъ разсказанной мнѣ дороги. „Спросить-бы кого? Но никого вблизи нѣтъ. Вонъ-тамъ, гдѣ-то вдали, изъ Ардони медлено ползутъ волы... но пока они придутъ ко мнѣ, всякое терпѣнье потеряешь“. А пойти напрямикъ былъ, повидимому, полный резонъ. Ардонь и Чарнецкъ представляли собой двѣ улицы, сложенныхъ почти подъ прямымъ угломъ. Въ концѣ селъ, далеко на косогорѣ за вѣтряной мельницей виднѣлась дорога, выходившая изъ Чарнецка. Она ясно обозначалась посаженными по сторонамъ ея небольшими березками. По ней мнѣ лежалъ путь.

„Конечно, это такъ... Да вотъ тутъ кстати и тропинка... Прямо чрезъ поля и холмы на чарнецкій трактъ“. Я взялъ вправо, спустился въ долину, поросшую рѣдкимъ кустарникомъ, поднялся затѣмъ на одинъ изъ холмовъ и, оглядѣвшись кругомъ, убѣдился, что какъ будто не ошибся: тропинка дѣйствительно вела къ тракту. Тропинка тутъ, впрочемъ, была не одна. Ихъ много вилось среди полей въ различныхъ направленіяхъ. Неопытный путешественникъ легко могъ тутъ если не заблудиться, то сбиться съ дороги. Идя узкой полосой среди урожайныхъ хлѣбовъ, я меланхолично смотрѣлъ больше подъ ноги и поднималъ голову лишь тогда, когда спотыкался или сбивался съ тропинки. Сонно было кругомъ. Однообразный шумъ неугомонныхъ кузнечиковъ могъ бы совершенно, кажется, усыпить путника, если бы не необходимость идти дальше. Я вошелъ въ самое ложе глубокой долины... и тутъ только замѣтилъ, что тропинка исчезла изъ подъ моихъ ногъ. Я шелъ по глухой межѣ... „Что за оказія? Должно быть слѣдуетъ взять правѣй“. Предо мною былъ холмъ, на которомъ, по моимъ соображеніямъ, пролегала дорога изъ Чарнецка въ Голотовку.—Мѣсто было совершено глухое. Я шелъ дальше.

Не помню, чѣмъ заняты были мои мысли въ то время, но хорошо помню недоумѣніе и какъ-бы испугъ, которые на секунду обняли меня при неожиданно представившейся мнѣ картинѣ. На межѣ, межъ рожью двухъ полей, спиной ко мнѣ

сидѣлъ совершенно голый старикъ, скорѣе напоминавшій скелетъ, чѣмъ живое существо. Единственною одеждою была грязная и, какъ мнѣ показалось, мокрая тряпка на головѣ, скрывавшая его голову и лицо. Отъ него несло рѣзкимъ запахомъ скипидара и еще какими-то сильными лѣкарственными снадобьями. Невдалекѣ на межѣ лежало грязное лохмотье и стоялъ пузырекъ съ лѣкарствомъ. Старикъ чесался, грѣлъ спину на солнцѣ и былъ занятъ уничтоженіемъ паразитовъ въ своей одежѣ и на тѣлѣ. Меня онъ видимо, не замѣчалъ.

Въ первую секунду мнѣ показалось, что предо мною—привидѣнье,—такъ не подготовленъ я былъ къ такой встрѣчѣ. Остановившись въ недоумѣніи, я оглядывалъ старика. Позвоночный хребетъ выгибался дугою на его сгорбленной, сухой спинѣ... Ребра ясно обозначались на высохшихъ бокахъ и, казалось, просвѣчивали сквозь матовую, грязную кожу. Шея отъ загара совершенно была черная. Плѣшивый затылокъ показывалъ, что на головѣ нѣтъ ни волоска. Уши торчали по сторонамъ тряпки, при чемъ одно ухо отвисло болѣе другого и казалось изогнутымъ. Костлявыя грязныя ноги, сложенныя накрестъ, служили удобнымъ сидѣньемъ для старика. Онъ копался въ своей грязной одеждѣ.

Мнѣ хотѣлось пройти незамѣченнымъ и оставить старика въ покоѣ. „Но куда идти? Какъ обойти? Не возвращаться же обратно на дорогу“... Словно чувствуя присутствіе посторонняго человѣка, онъ вдругъ быстро поднялъ голову, повернулъ ее въ мою сторону и, увидѣвъ предъ собою человѣка, да вдобавокъ не своего, заметался. Видно, онъ тоже не ожидалъ, чтобы кто-нибудь могъ нарушить его покой въ избранномъ уголкѣ. Онъ хотѣлъ, кажется, на-скоро одѣться и схватился было за одежу. Она лежала не съ той стороны, гдѣ онъ искалъ. Найдя свою одежу, онъ не скоро могъ въ ней разобраться и потому не одѣлся, а лишь прикрылся... и попробовалъ встать; но ноги, видимо, закостенѣли отъ продолжительнаго сидѣнья въ одномъ и томъ-же положеніи, т. ч. трудно было измѣнить усвоенную позу. Старикъ энергичнѣе заметался. Лицо его искривилось. Мнѣ послышались даже какъ бы звуки недовольства. Опираясь сухими

костлявыми руками назадъ, онъ сталъ отодвигаться вглубь ржи, давая мнѣ дорогу. Я прошелъ мимо, какъ бы ничего не замѣчая.

Эта картина мгновенно сняла съ меня сонное настроеніе. „Что это такое? кто такой?"—недоумѣвалъ я, отойдя шаговъ на десять и глядя назадъ на то мѣсто, гдѣ все еще очень суетился старикъ, о чемъ можно было заключить по быстрымъ колебаніямъ верхушекъ колосьевъ ржи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ. Простоявъ еще минуты двѣ-три, когда, по моему разсчету, старикъ могъ одѣться, я рѣшился вернуться. Онъ сидѣлъ все въ той-же позѣ, но на немъ была уже рубаха—грязная и потная. Черный деревянный крестъ висѣлъ межъ створками пазухи на засаленной лентѣ. Обросшая грудь казалась продолженіемъ его разросшейся большой бороды.

— Здравствуйте! сказалъ я, стараясь быть особенно привѣтливымъ. Онъ ничего не отвѣтилъ и глядѣлъ внизъ, перебирая въ рукахъ свое тряпье... На лицѣ его было нескрываемое выраженіе недовольства. Онъ спѣшилъ уйти.

— Какъ мнѣ выйти отсюда на чарнецкій шляхъ?

Онъ все молчалъ и не глядѣлъ на меня.

— Тутъ можно пройти на шляхъ? До Голотовки?

Молчаніе.

— Вы може не чуете? Вы глухи?

Не поднимая головы, онъ издалъ какіе-то неопредѣленные звуки. Въ нихъ слышалось недовольство... Старикъ страшно тяготился моимъ присутствіемъ и ждалъ, когда я уйду.

— Слухайте-но, диду... Якъ мени пройты тутъ?

Онъ все не глядѣлъ на меня и, неуклюже заграбаставъ свои пожитки (нѣсколько узелковъ различной величины), сталъ, сидя, отодвигаться дальше. Шапка упала изъ его рукъ. Онъ этого не замѣтилъ.

— Ось шапку забулы, визьмить...

Я положилъ ему на шапку монету. Не глядя на меня, онъ закинулъ назадъ руку, молча взялъ деньги и шапку и продолжалъ отодвигаться, не разгибая колѣнъ и не измѣняя положенія. „Что за странный старикъ... больной или можетъ быть сумасшедшій... или очень несчастный?"

— Слухайте-но, диду, скажить вы мини, чого вы тутъ седыте? рѣшился я обратиться прямо.

— А вамъ нащо? послышался отчетливый глухой вопросъ, взамѣнъ отвѣта, изъ ржи, въ которую отодвинулся старикъ. Онъ говорилъ хрипло и грубо.

— Вы одпочиваете?.. Певне втомылыся?

— Ось сежу, тай годи. А вамъ чого до мене треба?

И онъ сталъ чавкать, шлепая губами. Нѣкоторыхъ верхнихъ зубовъ у него недоставало. Нижняя челюсть словно отставала отъ лица. Борода какъ-то конвульсивно подергивалась. На усахъ образовался цѣлый слой грязи и разной нечистоты.

— Вы дуже бидны?

— Може и бидный... А вамъ нащо? упорно отвѣчалъ старикъ одно и тоже.

„Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до него“—подумалъ я. По какому, собственно, праву я вмѣшиваюсь въ его личныя дѣла,—тѣмъ болѣе, что ему это, повидимому, очень непріятно?“

Мнѣ стало очень неловко. Выраженіе лица старика служило мнѣ нѣмымъ укоромъ.

„Ты, баринъ, иди-ка своей дорогой—говорило мнѣ это отверженное, непріятное лицо—а я дѣлаю то, что хочу и не мѣшаю тебѣ дѣлать свое дѣло. Никому никакого дѣла нѣтъ до того, что меня парши одолѣли... Ты богаче меня, слѣдовательно, ты думаешь, что можешь вмѣшиваться въ мою жизнь“.

Быть можетъ, да пожалуй и навѣрное, старикъ этого не думалъ... но если бы онъ думалъ такъ, то былъ бы правъ. Онъ имѣлъ всѣ основанія такъ думать.

Видя, что я все еще не ухожу, онъ повернулъ ко мнѣ глаза, быстро окинулъ всего съ ногъ до головы. Толстыя вѣки полузакрывали оба глаза. Я замѣтилъ, что правый глазъ у него былъ съ бѣльмомъ... другой хоть и выглядывалъ изъ-подъ нависшей надъ нимъ тряпки, но словно потухалъ. „Еще не долго мнѣ такъ глядѣть, свѣтилось въ этомъ угасавшемъ взорѣ единственнаго глаза, скоро должно быть и я также потухну, какъ и мой сосѣдъ“.

Мнѣ стало ужасно жалко старика. Онъ дышалъ съ хрипотой, и это хрипѣніе страннымъ диссонансомъ смѣшивалось съ трескотней кузнечиковъ и чириканьемъ воробьевъ въ полѣ. Я придумывалъ, чтó бы такое сказать; но старикъ меня предупредилъ.

— Вамъ чого одъ мене треба? сурово спросилъ онъ меня, жадно разсматривая двѣ монеты въ рукахъ. Якъ хочете на ардонскій шляхъ, то идить вверхъ, въ гору. Онъ повелъ головой по направленію предстоявшаго мнѣ пути.

— Я иду въ одно тутъ село... та зъ дороги трохи збывся А вы тутешній?

Онъ не отвѣчалъ.

— Вы куды идете? допытывался я.

— А вамъ нащо? Хиба вы мене не знаете?

— Ни, не знаю...

— Вы не зъ Стародубья?

— Ни...

Старикъ успокоился, еще разъ взглянувъ на меня и, какъбы убѣдившись, что я не вру, оставилъ сборы и принялъ прежнее положеніе, т. е. сѣлъ спиной ко мнѣ.

— Колы не знаете, то и не треба... протянулъ онъ медленно и началъ опять бормотать про себя что-то.

— А вы де живете? Въ Клинцахъ? спросилъ я опять.

— Тамъ, де прыйдется. Промижъ неба на земли. Я васъ не зачепаю. Идить, куды йдете—шепталъ старикъ, морщась и сплевывая.

— Вы певне не тутешній?

Отвѣта не было. Мнѣ становилось досадно. Старикъ производилъ впечатлѣніе не то озлобленнаго нищаго, не то бѣглеца, не то больного...

— Вы не слабый часамы? Що у васъ за ликарство?

— Це мое дило...

Я сталъ уходить и сдѣлалъ два шага. Старикъ снова началъ въ полголоса шептать что-то про себя. Я остановился.

— Що це вы таке шепчете?

— Що доведется. А вамъ нащо? Кажу, може въ васъ есть ще пятачка? спросилъ онъ, понизивъ тонъ. Мени дуже треба, бо въ мене нема... то я пытаю, може у васъ е?

Я положилъ еще монету. Онъ также молча взялъ ее.

— Слухайте-но, диду, чого це вы такій сердытый? Чому вы не хочете ничого казаты?

— А щожъ вамъ казаты?

— Напрыкладъ, хто вы такій? якъ вы живете?

— Якъ живу?! Гмъ... Свои харчи имъ... Свій хлибъ жую... Такъ и живу...

— А де жъ вы хлибъ достаете?

— Тамъ, де достается... А якъ не достанется, то и такъ пережде тся. Часамы и свій поспивае, а часамы въ людей позычаю.

— Ну, и добре вамъ на свити живется?

— Ни-що... Ще живется поки в... и на тили кусають; отъ якъ перестанутъ кусаты, то тоди вже годи. Старикъ становился разговорчивѣе. Подаянія сдѣлали свое дѣло.

Онъ съ ожесточеніемъ сталъ чесаться за спиной и рыться въ своемъ туалетѣ, приговаривая: „а щобъ васъ вышкварыло"...

— „Ще колы ось ця тварюка лазыть та швендается на спыни, то ще не бида—удалось мнѣ разслышать въ его шепотѣ—а ось якъ не буде ни однои, значить—тило засыхае... А въ мене ще хвалыты Бога... Вы не въ волости служите? спросилъ меня старикъ, не оборачиваясь.

— Ни... я зовсимъ не знаю тутешнихъ мистъ.

Онъ стороной взглянулъ на мою шляпу, которую я держалъ въ рукѣ и обмахивался отъ жары.

— Въ Клинцахъ капелюха куповалы? спросилъ онъ опять, подводя бровами подъ лобъ.

— Ни... або що?

— Ничого... капелюхъ гарный... Хаимъ давъ-бы за него ще злотыхъ зъ три...

— Хто такій Хаимъ?

— Жидъ... хто-жъ може буты Хаимъ? Онъ досталъ изъ ворота рубахи большую иголку и сталъ зашивать дыры, усажи-

ваясь поудобнѣе въ прежнемъ положеніи. Меня удивило, что старикъ оставилъ свои сборы и успокоился.

— А у васъ диты есть? спросилъ я.

— Якъ-бы то булы, то я не седивъ-бы ось тутъ на межи, рѣзко отвѣтилъ онъ.

— И хозяйства не було?

— Яке тамъ хозяйство! Ось мое хозяйство! Другого не маю.

И склонившись надъ тряпицами, онъ чавкалъ беззубыми челюстями и сталъ какъ будто напѣвать:

Голенькіи—вы мои риднята,
Якъ же васъ тутъ багато,
Та и вси вы биднята...
А я бидный сыротына,
В... повна спына...

„А щобъ васъ вышкварыло", прибавлялъ онъ затѣмъ, въ видѣ свободнаго припѣва къ импровизированной пѣснѣ, „здыхоты на васъ нема"!

Я удивился убожеству старика. На всей его одежѣ не было, кажется, ни одной пяди цѣльной. Все было въ дырахъ, или просаленныхъ заплатахъ. Толстыя нити стягивали въ разныхъ мѣстахъ отверстія рубахи. Клочки полотна висѣли кругомъ. Воротъ и обшлага рубахи были черны, какъ сажа.

Среди полножизненной лѣтней природы и улыбающагося веселаго лѣтняго дня этотъ старикъ представлялся грустной аномаліей, обидной ироніей видимаго благополучія. Онъ снова метнулъ на меня глазомъ. Это значило, что онъ сейчасъ что-нибудь скажетъ.

— Що то гроши, началъ въ полголоса старикъ... Якъ бы то вы мени далы що небудь зъ того... (онъ повелъ искоса бровью по направленію къ моему узелку) зъ шматья, а то я зовсимъ вже зносывся. Нема въ чому ходыты... И, не глядя на меня, онъ указалъ на мой небольшой узелокъ. Подарить мени що-небудь.

Я протянулъ ему маленькій свертокъ.

Должно быть, онъ не ожидалъ получить такое подаяніе, потому что, увидѣвъ въ своихъ рукахъ хотя и старую, но чистую бѣлую рубаху, которая особенно бѣлѣла на солнцѣ среди окружавшаго старика лохмотья, онъ оживился и, какъ мнѣ показалось, повеселѣлъ. Повернувшись бокомъ и уставившись на меня однимъ глазомъ, онъ спросилъ:

— А вы здалека?

— Зъ Москвы.

— Онъ звиткиль вы!.. зъ велыкого городу.

— Эге.

— А вы царя бачилы?

— Ни, не доводылося.

— А я бачивъ.

— Колы?

— Ще якъ за турещины... якъ на войну ходывъ. Вы и наслидныка мабудь не бачилы?

— Ни.

— А я бачивъ и наслидныка. А вы що въ Москви робыте?

Я разсказалъ, что у меня за служба. Замѣтно было, что мои отвѣты, которые онъ внимательно выслушивалъ, стараясь не проронить ни слова, дѣйствовали на него успокоительно; каждый мой отвѣтъ онъ принималъ все съ большимъ и большимъ довѣріемъ. Вопросы со стороны нелюдимаго старика были знакомъ, что онъ разговорится, и я спросилъ его, зачѣмъ у него мокрая тряпка на головѣ?

— Щобъ солнце не пекло... Тай зновъ въ мене струпы на голови... Гныды завелыся.

— Можно тутъ коло васъ систы одпочиты трохи?—сказалъ я, усаживаясь на межѣ поодаль.

— Сидайте колы треба—холодно отвѣтилъ старикъ, но видно было, что мое присутствіе не такъ тяготитъ его, какъ вначалѣ.

— Цю сорочку... якъ Богъ дасть, въ свято надину, рѣшилъ онъ, свертывая подаяніе и откладывая въ сторону.

— А чому жъ не теперъ?

— Ни... въ свято.

Когда онъ развертывалъ рубаху, я замѣтилъ, что рука у него какъ то неестественно двигалась, словно ее кто-нибудь ежесекундно подталкивалъ сзади, помимо воли старика.

— Що у васъ зъ рукою?

— Звернуло... контузія.

— Колы звернуло?

— Давно... Ще якъ на войни... якъ зъ туркомъ сперычалыся. Вь мене и знакъ бувъ, та я его пропывъ... медаль, значится.

— А вы пьете?

Онъ усмѣхнулся.

— А чому жъ мени и не пыты? Або я жидъ, або що? Або дорогы до корчмы не памьятаю? Якъ гроши е, то и чарка мусыть буты. Звычайно, колы мени чарки да не пыты, то, спытаю я васъ, на вищо мени и житы? До чого я здався?.. Вы кажете—рука... А отже-жъ подывится ще сюды...

И, быстро передвинувшись, онъ протянулъ изъ-подъ себя ногу, половина которой до изгиба колѣна была отнята. Вмѣсто ноги вставлена была деревяшка. Тутъ только я замѣтилъ, что около него лежалъ костыль. Старикъ былъ кругомъ обиженъ судьбой.

— А ногу де вы згубылы? Тежъ певне на войни?

— Ни. На заводи... Ось теперь и пытайте мене: зачимъ я пью?... А затимъ, що до того воно иде... Хтивъ бы я ходыть,—такъ ноги чортъ мае... Робывъ-бы що небудь,—такъ знову рука схне... Дывытыся наветь неможна,—око не бачить... и на вухо не дуже чутка йде... Недужный ставъ зовсимъ. На „Святый Боже“ вже пишовъ. Наветь йисты неможна: зубивъ нема. Едне тильки и зосталося для мене, що часамы въ лыху годыну выпыты можна, якъ гроша хто дасть, або сгубыть—та знайдешъ... А вы ще пытаете, чи я пью?

— Вы и сорочку пропьете?

— Ни... сорочку грихъ пропывать, неможна; бо на тому свити батьки одцураются. Ніякъ неможна.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— А однаково Хаимъ давъ-бы за цю сорочку злотыхъ два, якъ не бильше, сказалъ отъ такимъ тономъ, которымъ довольно

опредѣленно предрѣшалась судьба рубахи, не смотря даже на то, что „батьки одцураются“...

— У васъ ридня е? Онъ, косясь, вскинулъ глазомъ на меня и молчалъ. Глазъ старика выражалъ все тоже: „а вамъ нащо? вы не зъ волости“?

— Вы не бійтесь, успокоилъ я его: я недавно сюды прыйихавъ и васъ не знаю, и никому не скажу про васъ.

— А якъ бы вы, напрыкладъ, и сказалы кому, то думаете, я боюся кого... Дайте-но мени краще папироса, колы е, заговорилъ онъ вдругъ другимъ, страннымъ, рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ слышалась не столько просьба, сколько приказаніе. Этотъ тонъ въ глухую осеннюю полночь на большой дорогѣ долженъ производить впечатлѣніе.

Получивъ папиросу, онъ такимъ же тономъ попросилъ газетной бумаги на папиросы.

У него нашлись спички, и онъ закурилъ.

Полагая, что своими подаяніями я въ достаточной степени расположилъ старика къ себѣ, я продолжалъ разспросы.

— Вы певне мылостынею живете?

Онъ непріятно улыбнулся. Подвижныя его брови заиграли. Челюсть съѣхала на сторону...

— Эге, мылостынею... Хто що дасть—возьму, хто що згубыть—пидийму, а то часамы и такъ попрошу кого небудь згубыты.

— Що таке?

Онъ еще болѣе оскалилъ свои нижніе зубы.

— Ничого, те-що чулы... Я кажу, что часамы, бачте, йиздять по шляху паны зъ дурнымы грошима, та просятся на позычанку.

Послѣднія слова мнѣ очень не понравились. Скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, я поднялся на ноги и сдѣлалъ два-три шага въ гору. Сзади меня раздался старый, хриплый смѣхъ...

— Що... зляkалыся?! А хто просывъ? Хиба я васъ зачепавъ? Хе, хе, хе... Я обернулся. Нижняя челюсть у старика

совершенно отвисла и обнаружила нѣсколько торчавшихъ врозь желтыхъ зубовъ. По угламъ его рта текла слюна. Старикъ трясся отъ смѣха и кашлялъ, затягиваясь папиросой.

— Идить, идить, говорилъ онъ, бижить въ Клинци, та скажить, що старый злодій, шаронъ, седыть на ардонскій межи, та щобъ урядныкъ мерщій прыйихавъ, бо щобъ часамы не втикъ...

Я не зналъ, что сказать, и стоялъ въ недоумѣньи.

— Такъ и скажить, що слипый, старый, безъ ноги и безъ руки гріется на солнци, то щобъ выйизжалы за нымъ полицейски на коняхъ, та ловылы, бо хутко може втиче.

Я вернулся и сѣлъ на свое мѣсто.

Мое возвращеніе понравилось старику. Онъ, повидимому, не ожидалъ, что я вернусь и удивленно на меня глядѣлъ нѣсколько минутъ.

— Ну, а якъ бы и сказавъ, то думаете, не зловылы-бъ? сказалъ я, тоже смѣясь.

— Ни... втикъ бы; не дождете, щобъ я литомъ въ холодній седивъ, хиба здыхатыму зъ голоду.

— Ну, а напрыкладъ, нехай-бы и зловылы, сказалъ старикъ немного погодя, то щожъ вамъ зъ того прыбуде? Легше вамъ стане, чи що? Думаете, що велыку ласку для Бога зробыте?.. або межъ людей злодіивъ не буде? Этъ, даремна то мова, не нащо... Не я, то другій буде красты...

Внутренно я вполнѣ былъ согласенъ съ мыслями старика, хотя своего согласія и не высказывалъ въ слухъ.

— Вы думаете, я въ холодній не седивъ? Дыво що седивъ, а про те злодіемъ не переставъ буты... Та на вищо вона та тюрьма?.. Этъ, пуста то мова. Отъ якъ настане зима, то може я и самъ пиду въ тюрьму... бо куды жъ мени бильшъ иты? Въ тюрьми все теплійше. Скильки я тыхъ тюрьмъ огледивъ... Ге-ге... Колы-бъ мени Господь Богъ стильки здоровья давъ, скильки я въ тюрьмахъ просыдивъ. Чимъ налякалы!.. Хе, хе... Онъ закашлялся и схватился рукою за грудь. На глазѣ у него выступала даже влага отъ удушья.

— А за вищо-жъ васъ въ тюрьму сажалы?

— За ризне... бильшъ всего за те, що въ людей позычанки роблю. Этъ, пизно мене тюрьмамы почалы вчиты. Стараго злодія справыть тильки могыла. Не тепереньки мене въ тюрьму сажаты... Тра було колысь доглядиты, якъ пора була. А теперъ вже!..

Онъ махнулъ рукой и долго молчалъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Игла у него исправно бѣгала, и онъ шилъ съ неестественною для старости быстротою. Когда нитка у него выходила, онъ вставлялъ новую въ ушко иголки, приставляя ее къ зажмуренному глазу такъ ловко, что его пріемамъ могла-бы позавидовать любая швея.—Я ждалъ, что онъ скажетъ.

— Въ мене дочка була, Олеська—послышалось мнѣ послѣ долгаго молчанія—та вмерла. Вже-бъ велыка була—ось така (онъ поднялъ на аршинъ руку отъ земли). Давно вмерла. Литъ висимъ було вже ій...

— А жинка ваша де?

— А хто іи знае? Десь швендается по наймычкахъ. Та не пагано й пье, якъ и я... Я давно іи не бачивъ... Може тежъ бидуе, якъ и я, а може вже и вмерла, бо вона въ мене недужная була. А Олеську шкода; розумная була дытына.

Такъ все и наказувала мени пры смерти: „визьмы, каже, ляльку соби, щобъ не згинула“.. Звистно мале дытя: не тямыть, що говорыть... Тай вмерла... А вже бы до сеи поры велыка була. Въ петривку мынуло-бы... (Онъ задумался на минуту). Було-бъ симнадцять литъ... Розумне було дытя. Теперъ бы вже замужомъ була. Може-бъ въ мене и внуки булы и кутокъ бы я теперъ мавъ, и спокійне доживавъ бы свій несчастный викъ... А теперъ, куды я гидный? Хто мене теперъ такого прыйме?

— А може-бъ васъ хто и прынявъ?

— Э... де вже!.. Хто-жъ мене визьме? Одынъ тильки Хаимъ на спилку прыйме, бильше нихто. Поки ще нога була, на заводахъ робывъ...

— А вы бъ въ богадильню яку...

Онъ отрицательно закачалъ головой.

— Вы думаете, що въ богадильни краще? Понюхавъ я и шпыталя... И звиттиль выгналы, кажуть, що пьяныця, що такихъ

тамъ не потрибують. Та я и самъ не конче до тіи богадильни... Тамъ гиршъ, якъ тута... бо тута хочъ в... йидять, а тамъ люде тебе йистымуть... Тамъ одынъ одного пойидомъ йисть. Ни, такъ мени Богъ прыказавъ одъ людей втикаты до самои смерти. Такъ воно и буде певне. Ще якъ бы, скажемъ, вона не вмерла, то я-бъ въ людяхъ жывъ, я бы пишовъ въ полтавщ...

Онъ внимателяно сталъ вслушиваться.

— До чого вы такъ прыслухаетесь?

— Такъ соби... Хтось йиде воламы.

— Де?

Я напрягалъ свой слухъ, но ничего не могъ услышать. Онъ уставилъ свое бѣльмо на гору. Ничего не было видно.

— За горою. Хутко выйиде на гору. Це зъ Ардони хтось выйихавъ.

— Вы кажете, пишлы бъ въ полтавщину?

— Эге... тамъ въ мене е братъ... и кусокъ земли мае... то винъ взявъ бы мою Олену, поки-бъ вона выросла.

Черезъ нѣсколько минутъ на горѣ дѣйствительно показалась пара воловъ, медленно двигавшихся межъ рожью. Я удивился чуткости своего знакомца.

— Якъ вы добре чуете...

— Ни, теперъ вже не такъ чую, якъ то колысь... Далеко— почую, а блызько—часамы не чую. Якъ де иде чоловикъ за горою, або въ лиси, або худоба, або наветь пташка на дереви ворушится, то почую... А коло себе—не чую. Часамы хто пидійде до мене, ось якъ вы теперъ пидійшлы... и прошпечусь... Вже старый ставъ. А колысь нюхъ мавъ не згирше якъ въ лягавои собаки.

— Розскажить вы мени, диду, якимъ це вы побытомъ дошлы до такого бурлацтва? Вы не бійтесь... Мени такъ тильки для себе хочется дуже знаты. Я никому не скажу.

— Якій вы дуже цикавый... Та щожъ, якъ хочете, то и розскажу.

II.

— Въ полтавщыни, бачте, було насъ два браты... Одному тра було въ москали йты. Я бувъ за старшого, хлопець бувъ росторопный. Отъ и прыйшлося мени москалёваты; а братъ хозяинуваты на нашій земли зостався... То винъ и доси тамъ, въ полтавщыни хозяиномъ выглядае... та ще якимъ,—колы-бы зналы? багатырь ставъ... ей-Богу, настоящій багатырь! Хату и волы свои мае и все свое мае, наветь кони... Та ще до того и старшиною бувъ. Мій ридный братъ... ій-бо бувъ...

Старикъ побожился. Быть старшиною въ его представленіи значило достигнуть чуть - ли не самаго высшаго благополучія на землѣ...

— А може и теперъ ще винъ старшина... Хто знае? продолжалъ онъ, замѣтно оживляясь, бо винъ багатый чоловикъ и розумный... Его вси тамечки люблять; и таки вартъ ёго любыты, бо е за що... Винъ не пьяныця и не бурлакъ... И жинка въ его е, и диты, и вси вкупи живуть.

Родственно - сантиментальныя воспоминанія о братѣ оживили старика. Въ своемъ братѣ онъ видѣлъ выраженіе, быть можетъ, всѣхъ своихъ завѣтныхъ думъ, осуществленіе того, о чемъ такъ безнадежно мечталъ въ теченіе всей своей несчастной жизни. Глазъ его сталъ бѣгать быстрѣе по сторонамъ, и все чаще и чаще старикъ поглядывалъ искоса въ мою сторону. Тряпка отъ частыхъ поворотовъ головы все сползала съ темени на сторону. Старикъ то и дѣло поправлялъ её.

А зъ мене ось що зробылося, сказалъ старикъ, глядя на свое черное колѣно, покрытое заскорузлою, жесткою грязью. Пустывся... Отъ якъ самы бачите... занапастывся... и самъ не знаю, якъ воно такъ вышло?.. Самъ Господу Богу отвить колысь дамъ. Якъ згадаешъ про все, що колысь було, то ажъ голова учадіе. Здается, я и зъ едного тиста зробленый, якъ и вси люде, и не згирше другихъ людей, а не иде таки моя доля по людському шляху... тай годи. До сидого волосья доживъ, а доли своеи не найшовъ... якъ помру, то певне надо мною на могыли куры будуть сміятыся.

Онъ чуть не плакалъ. Я молчалъ.

— А у васъ ридня е? спросилъ онъ меня.

— Есть.

— А хто такіи?..

Я назвалъ.

— А чому-жъ вы пры ныхъ не живете? Чи жъ то можно такъ? обратился старикъ съ упрекомъ ко мнѣ.

— Въ мене служба така, що треба житы на чужій сторони...

— Этъ, пусте... возразилъ старикъ. Що то служба? Найлегша служба та, колы вся ридня коло едыного вкупци живуть, та на хозяйстви гуртомъ працюють... Отъ поки ще вы молоды, то вы и сюды и туды, а пождить-но—прыйде другій часъ, и будете вы шкодуваты, що одбылыся отъ свого ридного кубельця... Побачите!

Онъ помолчалъ.

— Здается, якъ бы мени тепереньки та можно було-бъ вернутыся до ридни, въ полтавщыну...

— А чому-жъ вамъ не можна вернутыся?

— Ни, не вернуся, бо соромъ... Вже мое прошло, не вернется. Тай зновъ-же, зъ якимы я очамы вернувся-бы? Ни, не повынно того буты... Та и ридня одъ мене одхилылася, забула. Я... я... сырота на свити.

Это говорилъ пятидесятилѣтній старикъ, сохранившій, не смотря на всѣ превратности судьбы, замѣчательную дѣтски-наивную привязанность къ родинѣ и семьѣ и искренно вѣрившій въ великую нравственно-направляющую силу семьи.

— Ще якъ-бы я вдома живъ, то родняки мене певне повернулы-бы на людське... А найпершъ тіи москали!.. Спаскудылы воны мене зовсимъ... Тоди здавалося воно не що... а теперъ я бачу, що не до розуму люде выдумалы москальщыну. Якъ бы не вона, може бъ и я чоловикомъ бувъ. Не згубывъ-бы своеи дороги.

— Якимъ же способомъ вона васъ спаскудыла, та москальщына?

— Якъ-то якимъ? А тымъ, що легкій хлибъ дае, а до роботы не прывчае. Зновъ же, подуматы треба, що чоловикъ

безъ своихъ живе, на чужій сторони москалюе, та одъ риднои землы одбывается. Одно слово—гультяйствуе. Якъ пиде чоловикъ въ москали, то ще на перших порахъ засумуе трохи за своими, а дале и зовсимъ други думки полынуть ёму на серце, неначе винъ переродывся, або не одъ своеи риднои матери родывся; неначе серце ёму хто друге вставывъ пидъ ту московськую шинелю, которою винъ такъ дуже чванытся... И ридню забуде, и жинку, и дитей... и байдыкуваты прывыкне... Чистый-бурлакъ. Вже и винъ на людей не такъ дывытся, и люде-на него. Вже винъ, бачь, не простый... винъ царю служить, енераливъ ризныхъ бачить, то винъ уже и дмется соби, яко не-вить-що. Ось и я, скажу, служивъ въ москаляхъ, а до розуму не дослужився. Якъ взялы мене въ москали, то погналы кудысь на лыху годыну въ кишиневську губернію, а въ тій проклятій бесарабщыни я згубывъ и той розумъ, якій ще мавъ. Бо то таки такъ, правду сказавши: ще якъ на войни, то москаль на своему мисци. Купець торгуе, хозяинъ на поли працюе, а москаль воюе: ёму думка, якъ бы вгодыты царю, та выслужитыся; а вже писля войны—москаль нинащо не здатный... Винъ все одно, що той *шаронъ*. Яка въ ему корысть? Пуття въ ёму нема... Байдыкуе та тильки и знае, що свою швендривку, выпьявшись впередъ якъ той гусакъ та задерши голову козыремъ, булькоче: „здравья желаю... ла-ла-ла... ла".. А що воно таке, до чого те все иде, хыба-жъ винъ тямыть? Этъ, зовсимъ дурне робытся... Тильки и дила, що на харчахъ царскихъ пройидается. А якъ прыйде москалына до дому, то якого, колы-бъ зналы, чванька задае? Ге-ге... Таке зъ себе вдае, що люде ажъ очи таращать, та дывуются: „дывыся-но, чи це-жъ нашъ Иванъ, або Харытонъ?.. Чи ты бачишъ?"... кажуть вси. А що воно за цяця такая? Що зъ того, що на ему царська шапка и штаны зъ червоными обшлагамы? Этъ, то зовсимъ дурне! А якъ почне москалына що розсказуваты, то бреше, лыхо ма, такъ, що ажъ за ушима лящить—и окомъ не сморгне; а тыи вси слухають, выставывши баньки, якъ и не-вить-що, та дывуются. „Я, каже, я... и въ бесарабщыни бувъ, и турка бачивъ... я и зъ енераломъ розмовлявъ, я и паньское обхожденіе понимаю"... А проте все таки

винъ дурень бувъ, дурень и зостанется, бо ёго треба спытаты не те, що винъ зъ якимы-сь тамъ енераламы поведенцію мавъ... „Скажи-но ты мени, москалыку, де твоя хатынка, де твое поле, чи багато твое поле врожаю дае, чи багато ты гною сеи весны на свое поле вывизъ? та де твоя худоба? Скильки ты заробывъ? Га? Ось що ты мени скажи?“... А то начепыть свою куцую чамерку, тай, пробачайте, вывертае и сюды и туды (старикъ сдѣлалъ сидя соотвѣтствующее движеніе), стегно свое показуе... бачь, нихто не бачивъ такого гладкого стегна, що одпаслося на царськихъ харчахъ...

Тьфу! (сплюнулъ разсказчикъ). До чого воно? Одынъ тильки соромъ!

То все паны выдумалы одъ ничого робыты... Не на-що воно. Паньска забавка!

— Якъ то паны выдумалы?

— А такъ, то все паньска выдумка... та москальщына. Одне непотрибство. Бильшъ ничого.. Не до того воно.

— Ну, а якъ-же, напрыкладъ, безъ москаливъ? Хиба безъ ныхъ можно обійтыся? Москали завше потрибны.

— Ни, упорно отрицалъ старикъ.

— Якъ-то? а якъ турокъ на насъ нападе, та побье насъ? продолжалъ я возражать.

— Хто?... презрительно переспросилъ шаронъ. Турокъ насъ побье?.. Гмъ... Ще, здается, такій турокъ не народывся на свити Божому. Чи-жъ воно вміе бытыся? Куды ёму? „Побье“!— тежъ сказалы!.. Та якъ воно напало бы на нашу землю, то тильки вартъ гукнуты та поклыкаты одныхъ клинцовскихъ шаронивъ, то воны бъ ихъ перегалушилы на чимъ свитъ тильки стоить... Нащо тутъ москали?

— Ну, добре, согласился я. Турокъ-такъ. А якъ нападе на насъ хто-небудь другій, напрыкладъ, французъ, або нимецъ? Воны крипши за турка...

— Ну, такъ що-жъ? Колы воны дуже крипши, то и москали тутъ ничого не подіютъ. Тутъ треба колы що... народъ до помочи клыкаты. Люде розсказуютъ, що французъ зъ Наполеономъ колысь ишовъ на насъ... То думаете, хто ихъ про-

гнавъ? Москали? Колыбъ часомъ не воны... Прогналы ихъ мужики, що землю робылы, хозяины... Розсказують, що такъ нибы и гналы ихъ зъ Москвы, якъ тыхъ свыней... Хто лопатою, а хто кіемъ. Такъ и то: колы, скажемъ, найде на насъ французъ, або нимецъ, якъ вы кажете, то треба гукнуты: „гей, кидай соху, та иды лыху годыну збываты“... Тай прыйдутъ мужики, трохи погалушать... Гей, тихай, тортове отродья, звитки прыйшовъ, поки ще подобне щось на морди зосталося“... Ну, тай спытаю я васъ: нащо тутъ здалыся москали? Москаливъ всихъ непріятель може перебыты, а народа—не дождe, не перебье... Народъ—то сыла Божая.

— Безъ москаливъ воно-бъ то може и добре було-бъ, але колы у кожного народа безпреминно мусять буты москали. Такъ воно завше було. Свитъ такій...

— Этъ, хто ёго знае... Въ другому народи, скажемъ, може земли меньше, або що... то тамъ и москаль на своему мисци, може ёму диватыся никуды. А нашому мужику земля першъ всего... тай зновъ-же сказать: москали, гм... Воно то-бъ и не-що... Але—нащо народъ губыты? Запысався ты, скажемъ, въ москали, то нехай тебе кормлять и тримають въ москаляхъ до самой смерти. А то що-жъ? Ось, напрыкладъ, и я: не довго наветь и служивъ въ москаляхъ, а спытайте-но вы мене, що мени зъ теи службы за корысть? Тильки що скаличылы мене... Ось бильмо на оци—то одъ пороху, якъ колысь стрелялы, то дымомъ мени око высмалыло... А рука... то зновъ контузія. Ну, звистно, заразъ перевязалы, въ лазаретъ положилы... годовать мене добре наветь началы. А посли медалю далы тай сказалы—„выбирайся зъ Богомъ, вже ты намъ тутъ непотрибенъ“... Отъ тоби, Харитоне, и москали! Отъ тоби и служба! дослужывся! Иды теперь до дому зъ своею дурною медалею та жинку-ридню шукай... може ще знайдешъ, може ще прызнаютъ тебе. Начепывъ я медалю, пошвендався ще трохи по свити, вернувся до дому... Те да се... Такъ нибы, чую—щось воно не такъ, не до того йде, не лагодытся мени на свою дорогу выйты, а ни-якъ не пидходыть щось одне до одного. Батькивщына—не моя. Земли въ мене нема, а въ наймыты йты—якось воно ніяково, бо въ чо-

ловикови ще сыла е, ще винъ може на себе працюваты, та и зновъ соромъ. Молодый москаль та въ наймытахъ. А тымъ часомъ—прывела моя жинка мени дочку Олеську... Що тутъ робытымешъ? Треба десь кусокъ хлиба доставаты. А въ ту пору розійшлася якось у насъ чутка, що въ Клинцахъ дуже людей потрибують до роботы на фабрику. То було якось такъ зимою. Булы мы на ярмарци въ Полтави... А треба вамъ знаты, що туды прывозять зъ Клинцивъ фаетоны, що тутешни столовиры роблять. Отъ и почалы тыи каретныки розсказуваты про тутешне житья: и платятъ добре, и харчи дають...—„А що, жинко, кажу, чи не пійты и намъ въ Стародубье, щастя-добра въ чужихъ людяхъ пошукаты"?—„Чому, каже, ходимъ"... Отъ мы зъ тыми каретныками и прытюпалы сюды. Добре, прыйшлы... и роботу наветь нашлы. Зъ почату наветь гарно жилося намъ, заробляды добре и я, и жинка... и Олеська росте. Такъ що-жъ? Пидійшла бида зъ другого боку. Почала жинка моя гулянку розводыты... звистно, на фабрыци. Поки ще коло ридни, въ сели жила, свита не бачыла, роботяща жинка була; а якъ понюхала фабрыки, то и пишла... и одъ мене одцуралась зовсимъ. А чортъ зъ нею... Я іи не шкодую... Не путяще воно було.

— Олеську мою паны одны взялы до панськои кимнаты. Гарна и розумна була дивчина, одне счастья тильки и було на свити, на неи дывлячись, та думаючи, що то зъ неи Богъ пошле. Я на неи працювавъ, думавъ: выросте, утиха на старости буде. Іи наветь чытаты паны почалы вчыты. И ляльку ій гарну далы гратыся... Звистно—дытяча забава. Все на те шло, що выйдуть зъ неи люде... Та даремне. Я мирковавъ соби едне, а лыхо списвало надъ моею головою свое. Этъ, що то и згадуваты!

— Зъ чого-жъ вона вмерла?

— А Богъ святый знае. Оспа прычепылася якая-сь тамъ, чи-що... Паны іи заразъ выкинулы... „Непотрибна, кажуть, ще одъ неи на дитей хороба перейде". Лежала вона зъ мисяць въ комори, марнила, марнила тай вмерла зъ лялькою на рукахъ. Писля того не довго и я гулявъ. Черезъ рикъ зачепыла мени ногу машина. Ну, заразъ мени билета далы, до лазарету записалы, на лижко положилы, зновъ почалы мене де-якій часъ

добре годуваты... Але не на довго... Личилы, личилы воны мене, лыхо ихъ матери, тыи доктори... поки не довелося, що ногу одризаты треба. Такъ я и зостався безъ ноги. Вылежався въ лазарети, однедужавъ трохи, поправывся; тай—„зъ Богомъ, Парасю", сказалы мени, „выбирайся, бо ты, Харитоне, не потрибенъ вже бильше намъ". И росчиталы мене... Лышнихъ десять карбованцивъ далы за ногу. Отъ таке-то на свити Божому робытся, така доля буває! Десять карбованцивъ лышнихъ! Щобъ имъ Богъ на тому свити нагадавъ—тыи десять карбованцивъ. Потимъ я у столовировъ въ наймытахъ живъ, потимъ въ шпыталь мене взялы столовиры, и звиттиль также выгналы, и тамъ не потрибенъ, бо бачте, выпывъ я зъ лыхои биды чарку, а у столовиривъ цёго не можна... ни, ни... Въ ныхъ щобъ и не курыты, и не пыты, храны Боже!.. А на мене тоди нибы якъ нашло щось. Зроду не пывъ побагато горилки, наветь въ москаляхъ ридко бувъ пьяный; а тутъ—нà тоби! такъ и потягло, такъ и потягло... Потимъ, въ инвалыды хотивъ я запысаться, та дуже ця довга, кажуть, церемонія... Треба, бачъ, прошенія подаваты, та до Чернигова йты... Просыты треба та кланятыся. А въ решти,—я думаю, що певне и звиттиль мене выгналы-бы. Оттака-то доля моя! А Богъ смерти не дае ще... Одно слово—собаче житье! Зовсимъ собаче... Та, знаете, и не до всякои собаки прыривняты ще можна, бо е така собака, котрій липше живется, якъ чоловикови. Ни... а то есть така здыхлява собака, що згубыла свого хозяина и ото, якъ бачите, бигае вона всюды, та тыкае свою морду то сюды, то туды... Прыбижыть до единого, а той на неи,—„чужа"! Втикай дали! Вона до другого, а той также на неи—„чужа"! Втикай дали! Вона до третьей, а тои іи палыцей по лапахъ. Ото точнисенькій я... Куды не прыткнуся, всюды крычать мени „не потрибенъ". Ну, колы такъ, такъ и чортъ зъ вамы, и безъ васъ обійдуся... Теперь перейшовъ я, соби, бачте, на службу до Хаима... тай мушу ховатыся одъ людей, щобъ нихто у день не побачивъ часомъ. Хаимъ мени и чарку дае, и лекарства, и гроши часами дае... Винъ теперь для мене все одно, що батько та маты.—-Ось вамъ и старый мо-

скаль, служивый, що вирою и правдою царю, отечеству служывъ... Тыльки и добра мае, що повну одежу в... та...

— Але проте скажить-но вы мени, горячился старикъ, все болѣе и болѣе придвигаясь ко мнѣ. Скажить вы мени, що я людямъ паганого зробывъ? за що на мене напасть такая? Чого на мою долю таке житья вышло? Ни на кого, тыльки на мене? Га? Я васъ пытаю... Чи-жъ то е правда пися цей на свити? Га?

Я не зналъ, что отвѣтить, и отодвигался дальше отъ озлобленнаго старика.—Руки у него тряслись, брови надвинулись на вѣки, глазъ беапокойно уставился на меня. По угламъ рта въ изобиліи текла слюна и падала на колѣни. Старикъ забылъ шитье и жестикулировалъ съ пустой иголкой въ рукахъ, сидя на одной ногѣ... Въ это время на одной изъ клинцовскихъ фабрикъ раздался продолжительный рѣзкій свистокъ.

Старикъ вздрогнулъ и отшатнулся.

Онъ въ увлеченіи не замѣтилъ, какъ у него съ наклоненной головы медленно сползла тряпка. Я увидѣлъ большой плѣшивый черепъ, необыкновенно выдавшійся въ задней своей части. Поперекъ черепа отъ уха до уха шелъ какой-то красный шрамъ, не вполнѣ еще зажившій на темени. Запекшаяся кровь пластами чернѣла въ разныхъ мѣстахъ. Около язвы было нечисто: струпы загноились, по нимъ ползало... Я понялъ, почему старикъ держалъ голову закрытой и часто чесалъ её рукой. Новое членовредительство нисколько не удивило впрочемъ меня. Я даже какъ будто ждалъ, что подъ платкомъ окажется какая-нибудь рана.

— Вы бы до доктора пишлы.

— Ни, не треба... буде зъ ныхъ и моеи ноги, що одризалы, отвѣчалъ онъ, отворотившись въ сторону своихъ узелковъ. Хаимъ въ мене самый наилипшій докторъ.

— Або хоть до аптыкаря... Винъ бы давъ вамъ ликарства.

Онъ не желалъ отвѣчать. Укладывая мой подарокъ, старикъ неловко дернулъ тряпку, въ которую были завязаны его вещи. Оттуда вывалилась на землю большая фарфоровая кукла—

грязная, черная, исковерканная... Сохранившійся бюстъ куклы съ признаками бѣлаго цвѣта на лицѣ свидѣтельствовалъ, что это была нѣкогда очень богатая, нарядная кукла, совершенно не встрѣчающаяся въ крестьянской семьѣ. Кукла была отраженіемъ своего хозяина: одной ноги у нея не было, на головѣ щель, рукъ не было...

— Що то у васъ? Лялька? То певне Олеськи? Но онъ быстро схватилъ куклу за ногу и, скомкавъ, ткнулъ её въ узелокъ. Я понялъ, почему маленькое существо могло привязаться къ такой куклѣ и завѣщать её своему отцу: кукла была нѣкогда очень красивая, судя по печальнымъ остаткамъ... Мнѣ стало грустно. „Какая странная связь между этимъ отверженнымъ существомъ и фарфоровымъ символомъ“, думалъ я и не разспрашивалъ больше о куклѣ. Старику было больно всякое воспоминаніе о дочери. Дочь была его лучшимъ и, быть можетъ, даже единственнымъ семейнымъ воспоминаніемъ. Онъ что-то такое шепталъ про себя, отворотившись совсѣмъ отъ меня лицемъ. Онъ очень торопился. Одна рука бѣгала у него замѣчательно быстро. Другая періодически, съ усиліемъ подталкивалась и какъ-бы насильно призывалась къ работѣ, о чемъ можно было судить по неравномѣрному движенію лопатокъ на спинѣ. Вмѣстѣ съ куклой онъ хотѣлъ вложить въ одинъ узелъ и мой подарокъ,—но рубаха не вмѣщалась. Старикъ отложилъ узелокъ и взялъ торбочку. Раздался лязгъ какихъ-то желѣзныхъ вещей. Мелькомъ взглянувъ внутрь торбочки, я замѣтилъ тамъ множество связокъ ключей, подпилокъ, гвозди, ножъ въ кожаной оправѣ съ какой-то оригинальной ручкой... и какъ будто даже портъ-сигаръ.

Я не успѣлъ еще связать въ одно представленіе столь разнообразныхъ впечатлѣній, произведенныхъ оригинальнымъ багажемъ старика, какъ онъ еще разъ повернулъ ко мнѣ свое лицо и, порывисто указывая на мои сапоги, спросилъ:

— Въ Клинцяхъ купылы?

— Ни...

— А за ныхъ Хаимъ давъ-бы десять злотыхъ, а може наветь и бильше.

Я поднялся на ноги. Лицо старика безъ платка представляло поразительную перемѣну. Оно неожидано приняло хищнозвѣрское выраженіе. Глазъ сталъ глядѣть шире. Бѣльмо слѣпого глаза какъ-то странно поварачивалось, то закатываясь вверхъ то какъ бы опускаясь внизъ. Передняя часть лба оказалась приплюснутой, какъ-бы вдавленной внутрь. Большія уши торчали по сторонамъ. Онъ открылъ беззубый ротъ и улыбался...

— А може бы давъ и дванадцять... У Хаима багато грошей. Хе, хе, хе... Може въ васъ часамы други чоботы е? Хе, хе—е...

Это была улыбка, отъ которой жутко становилось даже среди лѣтняго, яснаго дня...

— Хе, хе... А вы якъ думалы? Хе... хе...

— Вы теперь куды идете? Спросилъ я, отойдя шаговъ нѣсколько...

— Звиткиль пришовъ, туды и пиду... Хе, хе... А вы думалы?..

И онъ быстро схватился съ земли. Я не успѣлъ даже глазомъ мигнуть,—какъ онъ вдругъ очутился предо мною на костылѣ. На головѣ у него сидѣлъ какой-то весь продыравленный чиновничій картузъ съ полуотвалившимся козырькомъ и красной каемкой.

Мы молча стояли другъ противъ друга. Шамкая что-то про себя, онъ взвалилъ на себя узлы и пошелъ по межѣ въ глубь долины по направленію къ дальнему перелѣску. Нужно было дивиться ловкости и быстротѣ, съ какою шелъ старикъ, опираясь однимъ плечемъ о костыль и попадая другой въ то мѣсто, куда слѣдовало. Голова его наклонялась то впередъ, то назадъ. Мѣшокъ и узелки за спиною мотались, какъ маятникъ. Онъ еще разъ повернулъ голову въ мою сторону, остановился... До меня донеслись слова:

— А вамь, панычу, тутечкы не дорога... бо якъ бы я стринувся зъ вамы по захидъ сонця, то певне у насъ була-бъ зовсимъ друга мова. Памятайте!

Я долго еще стоялъ и глядѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся старику. Вонъ отъ него осталась черная точка, то утопавшая во ржи, то выринавшая.

А вдали дымились Клинцовскія фабрики, и ихъ отдаленное громыханье доносилось до моего уха въ формѣ неяснаго безпокойнаго гула. Воробьи и кузнечики всё такъ-же чирикали. Солнце съ лазоревого неба спускалось къ вечеру. Жаръ падалъ. Вѣтерокъ пересталъ дуть. Природа встрѣчала вечеръ въ тихомъ, безмятежномъ спокойствіи.

Я нашелъ свою дорогу.

Въ одномъ изъ стародубскихъ полицейскихъ управленій вниманіе публики обращала большая таблица, вывѣшенная у дверей. Это былъ списокъ разыскиваемыхъ бродягъ. Подъ шестнадцатымъ нумеромъ этого списка значилось:

„Харитонъ Ивановъ Дзенько—бродяга, 55 лѣтъ, безпаспортный, уличенъ въ грабежѣ, воровствѣ и частыхъ разбояхъ на дорогахъ. Особыя примѣты слѣдующія: плѣшивъ, съ раной на головѣ, рука ревматическая, нога одна отнята, въ лѣвомъ глазу бѣльмо, смуглъ"... Дзенько и еще нѣсколько бродягъ были подчеркнуты цвѣтнымъ карандашемъ, какъ особенно важные.

— „Ну тай щожъ зъ того, що мене зловять? вспомнились мнѣ слова Харитона на ардонской межѣ. Липше вамъ зъ того стане, чи що? Або меньше злодіивъ буде, думаете, на свити?"

Пожалуй, онъ правъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

М. Т—въ. К. Г.

(Дополненіе къ статьѣ о П. Кузьмичевскомъ).

Не касаясь мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, подписанныхъ разными иниціалами, отмѣтимъ изъ круга этой почти анонимной литературы лишь нѣсколько наиболѣе крупныхъ по величинѣ и наиболѣе цѣнныхъ по содержанію статей въ „Кіевск. Старинѣ" и въ „Вѣстникѣ Европы" за подписями М. Т—въ и К. Г. Такъ какъ П. Кузьмичевскій однажды полемизировалъ, защищая одно положеніе, высказанное въ этихъ статьяхъ, причемъ и статьи за подписью собственно Кузьмичевскаго обнаруживаютъ большое сходство съ пріемами М. Т—ва и К. Г—а, то по существу дѣла представляется вполнѣ возможнымъ объединить этихъ авторовъ въ одномъ лицѣ и настоящую статью разсматривать, какъ прямое продолженіе предыдущей статьи о Кузьмичевскомъ.

Въ XI кн. „Кіевск. Стар." 1892 г. (стр. 229) г. *М. Т—въ* говоритъ: „страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ бы издать въ систематическомъ видѣ сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій, во-первыхъ, нужны средства, которыя могли бы доставить только правильно организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-сла-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 9.

вянскихъ матицъ. А кромѣ того, для самого приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобы производить труды, которые, Богъ вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія сравнительно историческаго, какое теперь приняла наука о такъ называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или мудрованіями домашняго народничества. Но надобно быть особеннымъ счастливцемъ, чтобы имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ такъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, вдобавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей полныя и достойныя требованія времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона". Авторъ, какъ можно убѣдиться изъ позднѣйшихъ его изслѣдованій, широко воспользовался и русскими изданіями, даже мелкими, провинціальными, напр., Харьковскими Сборниками при календарѣ (ссылки въ статьѣ о сказаніяхъ о пожертвованіи собственнаго ребенка), и западно-европейскими библіотеками, даже такими рѣдкими и малоизвѣстными, какъ частная библіотека де-Губернатиса по русскому фольклору.

Въ „Кіев. Старинѣ„ 1882 г. XI и 1883 XII г. М. Т—въ напечаталъ четыре статьи подъ общимъ заглавіемъ „*Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности*", именно:

1) *Пѣсня о взятіи Азова*: „Ой що то за крячекъ, що по морю литае", извѣстная по сборнику чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченка. На полутораста возахъ скрыты молодцы, по семи на каждомъ. Они въѣзжаютъ въ Азовъ купцами и берутъ его силой. Въ „Кіев. Старинѣ" были уже двѣ статьи объ этой пѣснѣ: Г. Сто-

яновъ относилъ ее ко взятію Торческа въ XI вѣкѣ; Новицкій—ко взятію Азова донцами и запорожцами въ 1637 году; М. Т—въ предполагаетъ существованіе въ Донской области устныхъ и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы была изучена устная словесность донскихъ козаковъ, которая могла служить передаточнымъ пунктамъ при переходѣ великорусскихъ пѣсенъ къ малороссамъ. Это желаніе тѣмъ же авторомъ повторено черезъ 10 лѣтъ въ 1892 году въ статьѣ о сказаніяхъ и пѣсняхъ Эдиповскаго типа. Нельзя не признать научную основательность такого желанія. Въ послѣднее время издано много пѣсенъ, подтверждающихъ мнѣніе автора о переходѣ великорусскихъ донскихъ пѣсенъ къ малороссамъ, причемъ такія заимствованныя пѣсни встрѣчаются и въ Екатеринославщинѣ, какъ видно изъ пѣсни про набѣгъ орды, напечатанной *Я. П. Новицкимъ* въ 53 № Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888 года, и въ юго-западномъ краѣ, какъ видно изъ малорусскихъ пѣсенъ въ сборникѣ *Б. Поповскаго* въ VIII т. „Zbiór wiadomości do antrop. kraj.“ На далекій малорусскій западъ донскія пѣсни заходили, вѣроятно, вмѣстѣ съ казацкими полками, при долгомъ ихъ постоѣ въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ статьи г. М. Т—въ высказываетъ основательное предположеніе, что основной мотивъ пѣсни принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній.

Исторія о взятіи города въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на сходныя пѣсни французскую и голштинскую.

2) *Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ.* Великорусская пѣсня о Ст. Разинѣ „Какъ въ славномъ городѣ въ Астрахани“ занесена въ Украйну. Въ статьѣ отмѣчено двѣ украинскихъ передѣлки, одна прозаическая съ немного измѣненными пѣсенными великорусскими вставками, другая—стихотворная, болѣе краткая, болѣе чистая по малорусскому языку. Въ первой передѣлкѣ имя Стеньки Разина передѣлано въ Герасима по созвучію. Содер-

жаніе пѣсенъ: Губернаторъ садитъ въ тюрьму буйнаго молодца Герасимова сына. Онъ идетъ весело въ тюрьму, зная, что вскорѣ отецъ освободитъ его и разнесетъ тюрьму.

3) *Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ.*—Небольшая замѣтка, съ цѣнными указаніями на западноевропейскую научную литературу о мистеріяхъ (на сочиненія Куссемакера, Вейнгольда, Шреера и др.). Указаны и польскія шопки или ясельки (у Кольберга). Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о томъ, что вертепная драма существуетъ еще въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы остатки ея были записаны, пока не погибли. Эта замѣтка представляетъ полезное дополненіе къ довольно многочисленнымъ замѣткамъ и статьямъ о „малорусской вертепной драмѣ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Н. И. Петрова, Галагана, А. Ѳ. Селиванова, О. Пч.). Въ послѣднее время издано нѣсколько описаній польской шопки (напр. въ „Вислѣ“ 1888 года). Кругъ для сравненій и изученій вертепной драмы расширился. Надо желать, говоритъ авторъ статьи,—и съ этимъ мы вполнѣ согласимся,—тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще: рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣстныхъ списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими, французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими... Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ бытовыхъ его частяхъ“.

4) *Песиголовцы въ украинской народной словесности.*—Небольшая статья по поводу замѣтки Десятина въ „Радѣ“ о песиголовцахъ, какъ олицетвореніи татаръ. Авторъ основательно указываетъ на литературные источники повѣрья о песиголовцахъ, именно, на сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и старинныя космографіи, и замѣчаетъ при этомъ, что „весьма многое, что мы находимъ теперь въ сферѣ неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не народный, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, продуктъ культурный“. Замѣчаніе это направлено противъ „субъективнаго народничества“. Въ русской научной литературѣ есть спеціальное изслѣдованіе о песиголовцахъ, вышедшее уже послѣ замѣтки г. Т—ва, статья акад. *Веселовскаго* въ Журн. М. Н. Пр. CCXLI окт. 189.

Въ 1883 г. г. Т—въ сообщилъ редакціи „Кіевской Стар.“ списокъ *двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.* (1619 г.), сдѣланный извѣстнымъ польскимъ писателемъ Крашевскимъ изъ одной весьма рѣдкой старопечатной книги „Tragaedia albo wizerunek smierci przesw. Chrzciciela“... Интермедіи помѣщены въ приложеніяхъ, съ поясненіемъ, что онѣ написаны баккалавромъ философіи жителемъ г. Львова Яковомъ Гаваттовичемъ. Интермедіи были напечатаны въ 12 кн. „Кіев. Стар.“ 1883 г., съ замѣчаніемъ редакціи (Ѳ. Г. Лебединцева) что въ интермедіяхъ Гаваттовича „ярко выступаетъ народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Лебединцева Кузьмичевскій въ XI кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. помѣстилъ обширную статью: „*Старѣйшія русскія драматическія сцены*“. Въ первой интермедіи одинъ бѣдный крестьянинъ Климко обманулъ богатаго крестьянина Стецька, продавъ ему кота въ мѣшкѣ (вмѣсто лисицы), и потомъ, переодѣвшись въ другое платье, обманываетъ его вторично, заставивъ побить собственные горшки (накрылъ ихъ и сказалъ, что это лежитъ обманщикъ). Во второй интермедіи три голодныхъ крестьянина находятъ пирогъ и рѣшаютъ присудить пирогъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Одному приснился рай, другому—адъ, а третій, не спавши, съѣлъ пирогъ и оправдывался тѣмъ, что будто видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ, что его товарищи не возратятся изъ рая и

ада и оставляютъ ему пирогъ. Для первой интермедіи Гаваттовича, по мнѣнію г. К., предкомъ является нѣмецкая книга начала XVI вѣка о похожденіяхъ остряка Уленшпигеля или Евленшпигеля. Это сводъ анекдотовъ, составленный Мурнеромъ въ 1519 году. Здѣсь находятся два разсказа объ обманѣ посредствомъ кота и о битьѣ горшковъ, каковые разсказы соединены въ одно цѣлое въ первой интермедіи Гаваттовича. Книга объ Уленшпигелѣ была переведена и на польскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка подъ заглавіемъ Sowezrzał (Eule—сова, Spiegel—зеркало, swierzadło zrzadło,) а въ концѣ XVIII вѣка (1791 и 1792) и на русскій языкъ (Похожденія шута Совѣст—Драла). Въ интермедію Г. анекдотъ попалъ, вѣроятно, непосредственно изъ нѣмецкаго источника. Вторая интермедія Г. имѣетъ родственную малорусскую сказку (напр. у Аѳанасьева), а источникомъ одну изъ западно-европейскихъ сказокъ, можетъ быть, повѣсть въ Gesta Romanorum—сборникѣ XIII вѣка странствующихъ сказаній; въ послѣдній сборникъ разсказъ о лучшемъ снѣ вошелъ изъ Disciplina clericalis крещеннаго испанскаго еврея начала XII вѣка, Петра Альфонса, гдѣ соревнованіе о лучшемъ снѣ идетъ между двумя горожанами и однимъ поселяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку. Мѣсто дѣйствія переносится въ мусульманскую среду, что указываетъ отчасти и на мусульманскій источникъ. Далѣе авторъ указываетъ на арабскій и еврейскій варіанты разсказа о лучшемъ снѣ и переводитъ такимъ образомъ изслѣдованіе на почву арабско-еврейскую. На этомъ собственно и заканчивается вѣская часть изслѣдованія. Авторъ по слѣдамъ Бенфея идетъ еще далѣе на востокъ, въ Индію, указываетъ на нѣкоторые разсказы въ Панчатантрѣ, Синдибадъ-Наме, Аваданахъ, но эти указанія ничего не прибавляютъ къ литературной исторіи разсказа о лучшемъ снѣ, такъ какъ индійскіе разсказы по мотивамъ и моральнымъ особенностямъ сильно отличаются отъ еврейско-арабскихъ и западноевропейскихъ варіантовъ сказанія о лучшемъ снѣ. Въ индійскихъ разсказахъ есть только одна сходная черта—три спутника, но и эти спутники животныя. Къ интермедіи Г. и малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ близко стоятъ приведенныя К—имъ одна

италіанская новелла Джиральди Чинтіо († 1573 г.) и народная сицилійская сказка. У Чинтіо состязаются изъ-за пирога три лица (философъ, астрологъ и солдатъ), какъ въ интермедіи Гаваттовича, въ сицилійской сказкѣ два лица (монахъ и послушникъ), какъ въ малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. „Объ украинскомъ устномъ разсказѣ (о лучшемъ снѣ), по словамъ К., можно сказать, не боясь укора въ пристрастіи, что онъ при сравненіи съ другими, даже италіанскими, отличается особенной живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана“ (срав. въ сбор. *Романова* Ш, 429).

Статья написана съ большой эрудиціей и изобилуетъ цѣнными сопоставленіями. Открывая обширную историческую перспективу, статья при всемъ томъ не можетъ вполнѣ устранить высказаннаго Ѳ. Г. Лебединцевымъ замѣчанія, что въ интермедіяхъ Гаваттовича обнаруживаются бытовыя народныя черты, напр., въ описаніи меню обѣда въ царствіи небесномъ. Несомнѣнныя черты малорусской народности обнаруживаются и въ сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. Очевидно, что сильное въ XVI—XVII ст. народное начало успѣло овладѣть и подчинить себѣ странствующій литературный мотивъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ одномъ галицко-русскомъ литературномъ альманахѣ нашла мѣсто небольшая (въ 6 стр.), но цѣнная статья „*Изъ исторіи вирши на Украйнѣ*“. Авторъ раздѣляетъ малорусскія вирши на политическія (точнѣе было бы назвать ихъ историческими) и церковныя. Политическія вирши, каковыя напечатаны въ концѣ „Историч. пѣс.“ Антоновича и Драгоманова и въ „Архивѣ“ Ягича II, 297), отличаются реализмомъ, національной окраской по языку и содержанію и вѣрно передаютъ взгляды нашихъ предковъ на современныя имъ историческія событія. Въ церковныхъ виршахъ обнаруживается западное латинское вліяніе. „Авторъ остроумно замѣчаетъ, что нѣкоторыя малорусскія вирши напоминаютъ драматическую форму и представляются обломками или передѣлками церковныхъ драмъ или мистерій, если не нашихъ украинскихъ, то мистерій близкихъ сосѣднимъ народамъ. При этомъ авторъ перепе-

чатываетъ изъ іюньской книжки „Основы“ 1862 г. „Пасхальную виршу“ о томъ, какъ Люциферъ подружилъ въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставилъ въ аду только Соломона и Каина, причемъ Люциферъ, опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Въ этой виршѣ много юмора, много мѣткихъ народныхъ выраженій. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Авторъ указываетъ далѣе, что содержаніе вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ вирши была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши г. Д. приводитъ одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV столѣтія о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ сюжетомъ съ бóльшей свободой и бóльшей фамильярностью, чѣмъ ея нѣмецкій прототипъ. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона священникъ) повторяется въ нѣмецкой драмѣ „Christi Anferstehung“ по рукописи 1464 г.

Въ VII книгѣ „Вѣстника Европы“ 1887 г. помѣщена интересная статья г. К. Г. *„Два малороссійскихъ фабльо и ихъ источники“* (очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы). Подъ словомъ „fableau“ извѣстны старофранцузскія стихотворныя повѣсти небольшого объема и шутливаго юмористическаго содержанія. Такой именно характеръ имѣютъ нѣкоторые малорусскіе анекдоты и сказки юмористическаго содержанія, изложенные въ стихотворной формѣ или прозой въ перемежку со стихами, между прочимъ, вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ (въ сборн. Драгоманова 150—154) и вирша про бѣднаго мужика Кирика (въ Зап. о Южной Руси, Кулиша) II, 83).

Вирша о Гаврилѣ или о похоронахъ собаки, грубая по содержанію, не подлежитъ сословному или мѣстному пріуроченію, какъ разсказъ бродячій, странствующій, встрѣчающійся у народовъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Съ виршей о Гавріилѣ, записанной въ каневскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, сходна галицко-русская сказка въ сборникѣ Садока Борончa, фабльо о завѣщаніи осла—сочиненіе французскаго писателя XIII вѣка Рютбёфа, фацеція (шутливый анекдотъ) итальі-

анскаго писателя XV вѣка, Поджіо Браччіолини, далѣе сказки въ сборникѣ французскихъ повѣстей Cent nouvelles nouvelles (сто новыхъ повѣстей) XV вѣка, у турецкаго поэта XVI вѣка, Ламая († 1531), въ Жильблазѣ Лесажа (1715 г.), въ сборникѣ нѣмецкихъ разсказовъ соч. Іог. Паули „Schimpf und Ernst" XVI вѣка, въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта 1507 года, вышедшемъ въ Венгріи, въ двухъ великорусскихъ сказкахъ, вышедшихъ въ 1 т. „Криптадіи" (1883). Изъ этого сухого указанія на приведенныя авторомъ литературныя параллели уже видно, какъ широко и разносторонне трактуется тема изслѣдованій. Въ этихъ параллеляхъ открывается несомнѣнно весьма близкое, такъ сказать, кровное родство малорусскихъ и великорусскихъ сказокъ о жадномъ попѣ съ западноевропейскими ихъ оригиналами. Присутствіе основныхъ мотивовъ малорусской вирши о Гавріилѣ у Рютбефа, Поджіо, Паули и Пельбарта въ фаблъо, фацеціяхъ и проповѣдяхъ служитъ достаточнымъ общимъ указателемъ, откуда разсказъ о жадномъ попѣ проникъ въ Россію. Авторъ статьи высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что разсказы на изложенную выше тему изъ Германіи, гдѣ книги Пельбарта и Паули были весьма популярны, перешли въ Галичину и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. п. Украинская вирша, нашедшая мѣсто въ сводѣ Драгоманова, первой своей половиной (разсказъ о собакѣ) примыкаетъ къ варіантамъ Паули и Пельбарта, а второй (разсказъ о козлѣ) выдается изъ ряда подобныхъ восточныхъ и западныхъ фаблъо, сходясь лишь съ одной великорусской сказкой. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые великоруссизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гаврилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе великорусской раскольнической редакціи, средней между великорусскими сказками и малорусской виршей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ статьи дѣлаетъ попытку опредѣлить родину разсказа и предлагаетъ по этому поводу шаткую гипотезу, которую мы здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, за неимѣніемъ въ научной литературѣ другой. Возводя малорусскій варіантъ къ великорусскому, вели-

русскій къ западноевропейскимъ, послѣдніе къ мусульманскимъ сказаніямъ о продажности судей, авторъ, въ видѣ смѣлаго скачка въ отдаленную восточную древность, основу сказанія переноситъ въ домусульманскій Иранъ, когда собака была священнымъ животнымъ. Мусульманамъ, усвоившимъ отъ египтянъ отвращеніе къ собакѣ, староперсидское отношеніе къ собакѣ было омерзительно. По мнѣнію автора, анекдотъ возникъ еше въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.). Нѣтъ надобности такъ далеко ходить на Востокъ за объясненіемъ анекдота. Иранскій культъ собаки не говоритъ въ пользу иранскаго происхожденія анекдота о собачьихъ похоронахъ, напротивъ, говоритъ противъ такого предположенія. Самыя мусульманскія сказанія о собачьихъ похоронахъ у Ламая и др., на нашъ взглядъ, слишкомъ блѣдны и малосодержательны сравнительно съ западноевропейскими, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ не прототипы европейскихъ, а отраженія ихъ, слабые отголоски и искаженія. Можно думать, что фабльо о похоронахъ собаки или завѣщаніи осла возникло въ древности въ Италіи или скорѣе въ Провансѣ, въ свободной обстановкѣ провансальской жизни и провансальской литературы; отцомъ разсказа былъ, можетъ быть, самъ Рютбёфъ, жившій въ Провансѣ, тѣмъ болѣе, что вообще сочиненія Рютбёфа отличаются рѣзкой насмѣшкой надъ духовными и монахами; возможно, что разсказъ возникъ въ близкой къ Рютбёфу сектантской альбигойской средѣ. Распространеніе разсказа обусловлено было внутренней его голью, бойкостью, игривой энергіей, причемъ распространителями могли быть не только сектанты-безпоповцы, но и люди вполнѣ ортодоксальнаго образа мыслей, можетъ быть, даже сами духовные, изъ среды которыхъ вышло не мало сатирическихъ писателей. Извѣстно, что Паули и Рабле были монахи. Тоже повторялось и позднѣе.

Второе малорусское „фабльо"—разсказъ о человѣкѣ, который, по совѣту жены, нарядился въ воловью шкуру съ рогами, чтобы отнять у мужика котелокъ съ деньгами (кладъ) и отнялъ его, но котелокъ присталъ къ его рукамъ, а шкура воловья къ тѣлу. Этотъ разсказъ у Кулиша переданъ въ стихотворной формѣ, у Чубинскаго въ близкой прозаической передачѣ. Кромѣ того,

существуетъ въ рукописяхъ много варіантовъ этого анекдота. Еще въ началѣ текущаго столѣтія анекдотъ этотъ циркулировалъ въ Великороссіи, и объ немъ упоминаетъ адмиралъ Шишковъ въ письмѣ къ императору Александру I и Завалишинъ въ воспоминаніяхъ своихъ о петербургскихъ легендахъ и событіяхъ 1825 года. Въ историко-литературномъ отношеніи этотъ анекдотъ темный. Указываемыя авторомъ литературныя параллели не даютъ объясненія „эмбріологіи сатиры“. Такъ, первый параллельный мотивъ о пріобрѣтеніи бѣднякомъ (или дуракомъ) сокровища отъ разбойниковъ (изрѣдка отъ чертей) такимъ путемъ, что бѣднякъ, скрываясь на деревѣ, роняетъ на разбойниковъ или кожу (вола, тигра) или двери; разбойники разбѣгаются, и бѣднякъ забираетъ ихъ сокровища,—мотивъ, совсѣмъ чуждый анекдоту о жадномъ попѣ. На этотъ мотивъ существуетъ цѣлый самостоятельный циклъ сказокъ. У автора статьи указаны сказки французскія и авганскія. Новые сборники сказокъ принесли цѣлый рядъ сходныхъ варіантовъ, напримѣръ, великорусскій у *Садовникова* 130, польскій въ *Zbiór wiadomości* VIII 305, вотяцкій у *Верещагина* 160. Также далеко отъ нашего анекдота стоитъ другая литературная параллель о ловкомъ ворѣ (сказаніе Геродота о сокровищѣ Рампсенита и др.); объ этомъ мотивѣ есть спеціальная статья акад. *Шифнера* на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь накопилось уже много новыхъ варіантовъ, не вошедшихъ въ эту статью. Къ анекдоту близокъ лишь одинъ варіантъ сказки о богатомъ братѣ, отмѣченный авторомъ въ сборникѣ „Русскихъ простонародныхъ легендъ“ (1861), но этотъ варіантъ, по моему мнѣнію, оторвался отъ цикла сказокъ о двухъ братьяхъ или о злыдняхъ (типическія сказки у *Чубинскаго* II №№ 110—112) и подчинился анекдоту, и потому не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи генеалогіи анекдота о рогатомъ попѣ. Пока не будутъ найдены западно-европейскіе варіанты нашего анекдота, внѣ случайныхъ и посторонних литературныхъ аналогій, можно считать анекдотъ оригинальнымъ произведеніемъ, по всей вѣроятности, южнорусскимъ, можетъ быть, возникшимъ въ близкой къ народу старинной бурлацкой или семинарской средѣ. По внѣшней формѣ оба малорусскіе анекдота относятся къ тому

литературному разряду „бесѣдъ“, о которомъ мы говорили при разборѣ „Приказки до нюхарей“ Д. И. Эварницкаго. Хронологическія указанія Шимкова и Завалишина, что въ 1825 году анекдотъ пользовался большой популярностью въ Петербургѣ, придаютъ малорусскимъ бесѣдамъ значительную почти столѣтнюю древность, что не лишено значенія при отсутствіи данныхъ для хронологіи этого рода литературныхъ памятниковъ.

Н. Сумцовъ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА.

Авторъ предлагаемой записки Иванъ Ивановичъ Сердюковъ (род. въ 1803, ум. въ 1886 г.), уроженецъ полтавской губ., окончилъ въ 1820 г. курсъ гимназіи въ Черниговѣ, былъ нѣкоторое время вольнымъ слушателемъ въ Харьковскомъ университетѣ и съ 1822 по 1841 гг. служилъ въ Полтавѣ, въ томъ числѣ десять лѣтъ въ канцеляріи бывшаго въ то время малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ мстиславскомъ уѣздѣ, могилевской губ., гдѣ пріобрѣлъ имѣніе и въ 1863—66 гг. состоялъ здѣсь мировымъ посредникомъ. Обладая природнымъ дарованіемъ, наблюдательностью и достаточнымъ для своего времени образованіемъ, И. Й. Сердюковъ любилъ посвящать свои досуги литературнымъ занятіямъ: съ 1844 года и почти до самой смерти онъ писалъ и иногда печаталъ много статей преимущественно по сельскому хозяйству, посылалъ высокопоставленнымъ лицамъ записки и проекты по разнымъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни, составилъ нѣсколько комедій и повѣстей, въ томъ числѣ двѣ повѣсти и одну басню на малорусскомъ языкѣ, сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ, велъ переписку съ учеными и литераторами, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей долголѣтней и необыкновенно трудолюбивой жизни усердно занимался составленіемъ Малорусскаго Словаря. Объ этомъ послѣднемъ трудѣ его, совершенно законченномъ, но оставшемся въ рукописи, мы не преминемъ дать нашимъ читателямъ подробныя свѣдѣнія.

Предлагаемая записка И. И. Сердюкова, представляя довольно полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ черты давнопрошедшей жизни и быта; особенно интересны въ этомъ отношеніи его воспоминанія о службѣ въ Полтавѣ (1822—1841 гг.), характеристика тогдашняго чиновничества и дворянства, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о князѣ Н. Г. Репнинѣ, котораго онъ весьма близко зналъ и глубоко уважалъ, и т. п. Разсказы Сердюкова тѣмъ болѣе цѣнны, что отличаются необыкновенною, почти документальною точностью и дышатъ искренностью, прямотою и правдивостью—качествами, отличавшими автора и во всей его жизни. Можно отъ души пожалѣть, что такой правдивый и безпристрастный дѣеписатель не вышелъ за предѣлы собственной біографіи и не представилъ болѣе широкой картины общественной жизни своей эпохи; тѣмъ не менѣе, какъ убѣдятся сами читатели, и его автобіографія представляетъ значительный историческій интересъ. Говоря преимущественно о себѣ, авторъ отнюдь не рисуется, но просто и правдиво передаетъ то, что оставило болѣе замѣтный слѣдъ въ его памяти. Проживъ долгую, спокойную и счастливую жизнь, онъ на склонѣ дней своихъ съ любовью оглядывается на пройденный имъ жизненный путь, мало помнитъ испытанныя неудачи и горечи, но съ благодарностью вспоминаетъ все свѣтлое и радостное, чѣмъ дарила его судьба. Отсюда—спокойный, благодушный и какой-то жизнерадостный тонъ его воспоминаній.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность дочери автора, Анастасіи Ивановнѣ Долецкой, за любезное сообщеніе какъ настоящей записки, такъ равно и другихъ бумагъ ея почтеннаго отца, которыми не преминемъ подѣлиться съ читателями нашего журнала.—*Ред.*

Часть первая.

Предокъ мой Яковъ Ивановичъ Сердюковъ происходилъ отъ того Сердюкова, который при Петрѣ I строилъ въ Вышнемъ-Волочкѣ и на рѣкѣ Сеймѣ шлюзы[1]); по фактическимъ

[1]) См. Исторію Голикова о Петрѣ, часть 4, стр... (Примѣч. Сердюкова).

доказательствамъ, родился онъ въ Путивлѣ 1735 года марта 15, служилъ въ малороссійскихъ полкахъ войсковымъ товарищемъ. Сынъ его Василій родился въ 1757 году іюня 11, служилъ въ нѣжинской полковой канцеляріи писаремъ. Отецъ мой Иванъ Васильевичъ родился 1770 года ноября 13; оставшись сиротою, нигдѣ не служилъ; впослѣдствіи приписался въ черниговской губ. въ городѣ Конотопѣ въ купцы и былъ до смерти градскимъ главою; имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ [1]). Сначала онъ былъ женатъ на конотопской гражданкѣ козачкѣ Махининой, съ коею имѣлъ сыновей Никиту и Кирилла, дочерей Ксенію и Стефаниду; овдовѣвъ въ 1801 году, онъ женился въ м. Смѣломъ, роменскаго уѣзда, на дворянкѣ, вдовѣ коллежскаго протоколиста Козырловскаго, Иринѣ Анреевнѣ, урожденной Яновской. Я родился 12 ноября 1803 года; послѣ меня сестра Пелагея и братъ Григорій—оба умерли. Первое дѣтство мое прошло при родителяхъ, а на 7-омъ году былъ я отданъ въ м. Смѣлое къ священнику (*пропускъ*) церкви отцу Даніилу. Здѣсь я выучилъ букварь, катехизисъ, книгу „О должностяхъ человѣка“, читалъ псалтырь и писалъ бѣлилами на черной вощеной дощечкѣ. Полный же курсъ этотъ продолжался годъ съ чѣмъ-то; отсюда перешелъ я въ открытое въ Конотопѣ училище. Изъ аттестата, выданнаго мнѣ 13 генваря 1816 года, мы познакомимся, чему и какъ учился я: „Выданъ сей аттестатъ обучавшемуся въ конотопскомъ повѣтовомъ училищѣ ученику 2 класса (т. е. 3-го класса, ибо приготовительный не имѣлъ №) Ивану Сердюкову, о которомъ въ спискахъ значится, что онъ изъ купцовъ, лѣтъ отъ роду 13, въ училище вступилъ 1813 г. августа 8, обучался всѣмъ предметамъ, назначеннымъ по уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, какъ то: ариѳметикѣ, начальнымъ правиламъ алгебры, простой геометріи, опытной физикѣ, общей и частной естественной исторіи, древней географіи, математической и гражданской географіи, россійскому

---

[1]) Отецъ мой, по случаю торговли хлѣбомъ и скотомъ, долженъ былъ записаться въ гильдію, но дворянскимъ правомъ пользовался, доказательствомъ чему служитъ то, что онъ имѣлъ 47 душъ крестьянъ, внесенъ по черниговской губ. во 2-ю часть родословной, на основаніи чего братья и я всѣ служили.

землеописанію и исторіи, начальнымъ свѣдѣніямъ латинскаго языка, познаніямъ техническихъ правилъ, и все сіе продолжалъ съ отличнымъ успѣхомъ и старательностію, и какъ за оныя, такъ равно и за благонравное поведеніе заслуживалъ похвалу". Аттестатъ этотъ подписали: смотритель коллежскій ассесоръ Никита Проскуровъ; учитель 12 класса Павелъ Понаревскій. Учитель 12 класса Семенъ Книшовъ; учитель 1 класса низшихъ отдѣленій Потапъ Лещовъ.

Аттестатъ мой объ ученіи я храню для того, дабы припомнить, какъ хорошо прежде учили. Пріймите же, мои добрые наставники, мое искреннее вамъ уваженіе и добрую память. Вы съ нами сидѣли по днямъ, а не по часамъ, и не выходили, пока не удостовѣрялись, что каждый ученикъ знаетъ хорошо свой урокъ или читанный предметъ. Вы старались уяснять предметъ, обходились съ дѣтьми съ чувствомъ наставника, приличнымъ родительскому только сердцу. Вы трудились не для того, чтобы дорогое время убить безполезно, но для того, чтобы возможно было отдать отчетъ начальству и Богу. Миръ праху вашему, доблестные труженики и благодѣтели!

Въ 1816 году повезли меня въ черниговскую гимназію. Меня приняли въ 3-й классъ; здѣсь съ 4 класса уже химія съ опытами, ботаника, физика, высшая математика, французскій, нѣмецкій языки, исторія древняя—составляли главные предметы. Но судьба не дала мнѣ окончить ученія: въ мартѣ мѣсяцѣ 1820 года достигла до меня роковая вѣсть о смерти отца. Не помню, съ кѣмъ и какъ, бросивши всё, я летѣлъ домой, но уже не засталъ его, не обнялъ его въ послѣдній разъ. Первое потрясеніе о потерѣ было ужасно: я рыдалъ, что называется, день и ночь; въ дорогѣ мнѣ еще представлялось, что это извѣстіе мечта; но, когда я убѣдился въ дѣйствительности моего несчастія, со мною сдѣлалось что-то въ родѣ сумасшествія. Мои пароксизмы ослаблялись только обильными слезами и самообольщеніемъ: мнѣ иногда пріятно было воображать, что отецъ ушелъ на время, по своему обыкновенію, шибко, заботливо, что онъ скоро возвратится, заговоритъ съ нами своимъ сладкимъ серебристымъ голосомъ, утѣшитъ насъ какой остротой, оживленной улыбкой... Но увы, мечта

исчезла, и я долженъ былъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряться въ моемъ сиротствѣ. О, какъ я это сильно помню! Въ утѣшеніе я долго ходилъ на могилу моего безподобнаго отца. Онъ былъ строгъ, справедливъ, и я любилъ его отъ всей души [1]).

Характеръ мой началъ тускнѣть, я зажился дома. Въ семействѣ нашемъ пошли раздоры. Братья отъ перваго брака требовали у матушки раздѣла, захватили капиталъ, и мы наконецъ раздѣлили все имѣніе на 5 частей. Я съ матерью и сестрой взяли три части вмѣстѣ.

Слишкомъ полгода просидѣвши дома, я гимназію оставилъ и какъ, по тогдашнему обычаю, уже былъ записанъ въ канцелярію—сначала въ конотопскій земскій судъ, потомъ въ сосницкую полицію и, наконецъ, въ черниговское губернское правленіе, гдѣ служилъ братъ мой (отъ перваго брака матушки) Яковъ Петровичъ Козырловскій,—то я и поступилъ на дѣйствительную службу сюда же. Здѣсь узналъ, что я даже имѣю чинъ коллежскаго регистратора. Меня приструнивали порядкомъ, и я долженъ былъ учиться писать получше гимназическаго.

Наконецъ, мнѣ здѣсь не понравилось. Старушка мать безпрестанно жаловалась на братьевъ отъ перваго брака Никиту и Кирилла, и я перемѣстился въ конотопскій уѣздный судъ, чтобы считалась только служба, на самомъ же дѣлѣ я разъѣзжалъ и повѣсничалъ. Между тѣмъ Козырловскій перешелъ въ Полтаву въ канцелярію малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Онъ меня туда тянулъ, но мнѣ хотѣлось доучиться.

Собравъ нѣсколько денегъ, отправился я въ Харьковъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ; это было въ 1822 году. Меня занимала медицина [2]). Два года я трудился

---

[1]) Одинъ разъ безъ дозволенія отца я пріѣхалъ домой. Отецъ далъ мнѣ три дня отдохнуть, потомъ отправилъ на волахъ. Каково было ѣхать по холоду въ сутки 25 верстъ? Онъ самъ всегда платилъ за квартиру, справлялъ одежду и отпускалъ въ мѣсяцъ на галду (лакомство) полтину ассигнаціями.

[2]) *Примѣч. вдовы автора*: „Всегда интересовался медициной, выписывалъ книги, удачно лѣчилъ крестьянъ, которые со всего округа приходили къ нему за совѣтами; имѣлъ домашнюю аптеку, изъ которой всегда безплатно раздавалъ лѣкар-

крѣпко, но мои средства истощились, а мать тоже прожилась; слѣдовательно, для поправленія своихъ обстоятельствъ долженъ былъ возвратиться домой. Мать приняла меня холодно, потому что приняла къ себѣ жить дочь свою отъ брака съ Козырловскимъ, Наталію Петровну, а имѣніе передала сыну своему, Якову Петровичу Козырловскому; доставшаяся же мнѣ часть хутора въ кролевецкомъ уѣздѣ не приносила ровно никакого дохода. Моя родная сестра Пелагея, несчастно вышедшая замужъ за нѣкоего Носова, овдовѣла и вновь вышла за бѣднаго дворянина Стасевича.

По всѣмъ этимъ семейнымъ непріятностямъ, я отдалъ хуторъ сестрѣ, самъ уѣхалъ въ Полтаву къ Козырловскому и заставилъ его опредѣлить и меня въ канцелярію Репнина, куда я и поступилъ 10 декабря 1824 года. Здѣсь я узналъ, что имѣю чинъ коллежскаго секретаря, а 31 декабря 1825 года произведенъ и въ титулярные. О моей служебной карьерѣ хлопоталъ Козырловскій.

Въ канцеляріи нашелъ я общество, которому могъ сочувствовать. При Репнинѣ служило много аристократовъ, т. е. богачей, напримѣръ: Григорій Степановичъ Почека-Тарнавскій, имѣвшій 7000 душъ и къ тому домъ; Алексѣй Демьяновичъ Обołонскій, тоже имѣвшій, но промотавшій 1000 душъ; Левъ Григорьевичъ Милорадовичъ, богатый и скромный; Скоропадскій Алекс. Петровичъ, бывшій богачъ; Василій Ивановичъ Паульсонъ—2000 душъ съ музыкою, Андрей Андреевичъ Кандиба, богачъ и скупецъ; и много имъ подобныхъ и безподобныхъ молодыхъ людей, кромѣ чиновниковъ, работавшихъ за нихъ, и адъютантовъ; кругъ этотъ мнѣ пріятно припомнить. Правители перебывали при мнѣ многіе: 1-й) Николай Михайловичъ Новиковъ, надворный совѣтникъ, умница и декабристъ, котораго, еслибы не умеръ, постигла бы участь Пестеля и прочихъ несчастныхъ. 2-й) Д. с. с. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Камен-

ства. Собиралъ травы, умѣлъ составлять декокты, которые прекрасно помогаютъ отъ мѣстныхъ болѣзней (золотухи, водянки, лихорадки, отъ послѣдней особенно удачно). Изучалъ болѣзни скота и оставилъ руководство къ ихъ изученію".

скій, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ, писатель. 3-й) Д. с. с. Лука Максимовичъ Дьяковъ, полтавскій помѣщикъ и хлѣбосолъ. 4-й) Алексѣй Алексѣевичъ Имберхъ, бывшій аудиторъ, человѣкъ ненавидимый нами за педантизмъ и наушничество. 5-й) Ассигкритъ Леонтьевичъ Спаскій, дуракъ, впослѣдствіи получившій столбнякъ. 6-й) Князь Григорій Александровичъ Баратовъ— краснобай, ничего дѣла не понимавшій. 7-й) Федоръ Андреичъ Максимовичъ, изъ секретарей, студентъ харьковскаго университета, тоже краснобай, но дѣловой. При немъ я выбылъ, или онъ меня перевелъ въ ассесоры палаты. Прочіе чиновники: Секретарь: 1) Никифоръ Александровичъ Христіановичъ, напряженнаго ума, съ чахотки умершій; 2) Иванъ Максимовичъ Косачъ, шарлатанъ и недобрый человѣкъ; помощники: 1) Иванъ Степановичъ Якимовичъ, простой и хитрый хохолъ; 2) Григорій Петровичъ Шульжевскій, простакъ; 3) Яковъ Петровичъ Козырловскій, мой братецъ, канцелярская строка; 4) Я, рано приходившій и поздно уходившій; 5) Николай Петровичъ Бѣлавинъ, воспитанникъ полтавской гимназіи. Канцелярскіе: студентъ харьковскій, Николай Григорьевичъ Гриневичъ, Петръ Лукичъ Ковалевскій, Петръ Акимичъ Пригара, Хруцкій, воспитанникъ Репнина; Федоръ Федоровичъ Киселевъ, впослѣдствіи предсѣдатель полтавской казенной палаты, Иванъ Яковлевичъ Кальбовскій, два брата Езерскіе, Мельниковъ, Соколовъ, впослѣдствіи совѣтникъ палаты губернскаго правленія, Максимовичъ, Гладыревскій и еще не припомню человѣкъ десятокъ. Адъютанты были всѣ молодцы:— 1) Адріанъ Прокофіевичъ Устимовичъ, впослѣдствіи курскій губернаторъ; 2) Владиміръ Петровичъ Бибиковъ; 3) Владиміръ Александровичъ Баратынскій, братъ писателя; 4) Сергѣй Ивановичъ Головинъ; Петръ Петровичъ Ханыковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Въ этомъ обществѣ, полномъ единодушія и соревнованія, я занялся службою со всею пылкостію юной души и въ часы досуга любилъ слѣдить за литературой. Въ то время Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій, Рылѣевъ, Бестужевъ (Марлинскій), Булгаринъ, занимали меня чрезвычайно. Сочиненія всѣхъ ходили по рукамъ, какъ драгоцѣнность, сначала

рукописныя—онѣ и доселѣ у меня хранятся собственной руки. По моему прилежанію и живому характеру, я сдѣлался скоро замѣтнымъ лицемъ и познакомился съ многими полтавскими помѣщиками, а по музыкѣ моимъ товарищемъ сдѣлался гитаристъ Самуйловичъ, у котораго я бралъ уроки на семиструнной гитарѣ, и такъ увлекся этимъ инструментомъ, что игралъ отлично. Впослѣдствіи познакомился въ Петербургѣ съ знаменитымъ гитаристомъ и композиторомъ Сихрою и игралъ съ нимъ дуэты, для которыхъ мы съ нимъ изобрѣли особые терцъ-гитары.

Содержаніе въ Полтавѣ я имѣлъ съ небольшого жалованья и казенную квартиру вмѣстѣ съ Козырловскимъ, а по случаю знакомства съ помѣщиками и удачнаго ходатайства по ихъ дѣламъ, какія мнѣ были поручаемы,—я прослылъ маленькимъ юристомъ. Въ 1828 году я уже былъ столоначальникомъ въ канцеляріи военнаго губернатора; слѣдственно, это одно званіе меня всѣмъ рекомендовало. Мнѣ удавались дѣла такія, что я уже получалъ и вознагражденіе деньгами, лошадьми и даже людьми. Въ это время жили въ Полтавѣ такъ называемые тузы или малороссійскіе паны: Кочубей, Оболонскій, Дьяковъ, Бабанскій, Левенецъ, Лесевицкій; они, подражая генералъ-губернатору Репнину, который дѣлалъ частые балы, жили такъ же открыто и почти всѣ прожили состояніе. Изъ нихъ М. Н. Лесевицкій, промотавшій около 2000 душъ, предъ смертью сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу жены своей Татьяны Дмитріевны, по которому назначилъ душеприкащиками Адріана Денисьевича Лантухова, секретаря канцеляріи генералъ-губернатора, и брата моего Якова Петровича Козырловскаго. Послѣ смерти Лесевицкаго душеприкащики эти, какъ друзья его, приняли живое участіе въ дѣлахъ вдовы. Она тогда была во цвѣтѣ лѣтъ и, кажется, не болѣе 25-ти лѣтъ, принимала ихъ какъ родныхъ, и время текло пріятно. Она жила въ Полтавѣ въ наемной квартирѣ. Я не былъ знакомъ съ нею. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечерковъ Татьяна Дмитріевна сидѣла у раствореннаго окна и наслаждалась природой, гости ея также притихли, любуясь полтавскими тополями и душистыми цвѣтами, предъ самыми окнами на бульварѣ растущими. Въ это самое время по тротуару пробѣжалъ я, кажется

спѣшилъ къ моему метру на уроки, и Татьяна Дмитріевна, сидѣвшая у окна, замѣтивъ меня, обратилась къ Якову Петровичу и поспѣшно спросила, указывая на замѣченную ею фигуру:

— „Скажите пожалуйста, кто это промчался въ круглой шляпѣ и въ синей гроденаплевой шинели?" [1]).

— Это мой братецъ, отвѣчалъ Я. П—чъ, взглянувъ на удалявшагося меня.

— „Хороши же вы, любезный Яковъ Петровичъ, что о сю пору не познакомили меня съ вашимъ братцемъ! Прошу упущеніе это исправить и надѣюсь—вы скоро постараетесь къ нашему обществу прибавить еще одну особу".

Слова эти были приправлены пріятной улыбкой и самымъ дружескимъ тономъ.

На другой же день въ гостинной Татьяны Дмитріевны явился я. Мнѣ тогда былъ 21 годъ. Я вступилъ робко и не помню, какимъ способомъ себя рекомендовалъ; но хозяйка скоро меня ободрила, привѣтствуя самымъ симпатическимъ голосомъ:

— Я недавно узнала объ васъ, говорила она, и чрезвычайно интересуюсь познакомиться въ вами. Мнѣ такъ много объ васъ говорили, и встрѣча съ вами для меня очень пріятна. Прошу садиться!

Въ отвѣтъ на это я, помнится, покраснѣлъ, неловко поклонился и сѣлъ подальше отъ хозяйки. У нея тогда были: хозяйка дома, дѣвица Елена Прокофьевна Морозова, и приживалка Варвара Абрамовна Тушинская, жена извѣстнаго и знаменитаго билліарднаго игрока Тушинскаго. Т. Д. имъ меня отрекомендовала, какъ братца знакомаго ихъ Якова Петровича и уже какъ артиста. Разговоръ шелъ объ музыкѣ. Татьяна Дмитріевна сѣла за фортепіанъ, сыграла что-то изъ „Волшебнаго Стрѣлка", полонезъ Огинскаго, и мы, какъ музыканты, пошли смѣлѣе по комнатѣ и вдались въ разговоры поэтическіе. Визитъ мой былъ съ 11 до 1 часу. Я долженъ былъ поспѣшить на должность и при прощаніи, конечно, былъ приглашенъ въ тотъ же день на обѣдъ.

---

[1]) Въ 1826 году была у молодежи мода носить синія шинели съ черными бархатными воротниками, подложенными синимъ же гроденаплемъ. Отъ этой подкладки назывались и „гроденаплевыя шинели".

По обыкновенію, Т. Д. жила открыто;—у нея было свое состояніе и кромѣ того съ мужняго состоянія, бывшаго въ опекѣ, отпускалось достаточное содержаніе. Всякій день гости не выходили, а препровожденіе времени, по тогдашнему, было такое: въ часъ пріѣзжаютъ, разсказываютъ современныя политическія событія, городскія новости, потомъ закусываютъ, обѣдаютъ, мужчины за столомъ пьютъ водку, вино, наливки; послѣ обѣда кофе; черезъ часъ-другой играютъ въ фанты, лѣтомъ вечеромъ идутъ гулять, а зимою—кто садится въ карты, а молодежь играетъ и танцуетъ. Иные вечера, бывало, читаемъ; у Татьяны Дмитріевны была отличная библіотека, она женщина была образованная, между тѣмъ въ то время новости поэзіи занимали всѣхъ, и я нерѣдко читалъ въ гостинной ея: Жуковскаго—Громобоя, Пушкина—Бахчисарайскій фонтанъ, Онѣгина, Рылѣева—Войнаровскаго или Думы, Барятинскаго—Оду, Грибоѣдова—Горе отъ ума и т. д. Въ обществѣ нашемъ нельзя указать на особыя связи; здѣсь, кромѣ указанныхъ мною лицъ, бывало много другихъ знакомыхъ—изъ пріѣзжавшихъ въ Полтаву военныхъ офицеровъ: Шкилевъ, Степановъ [1]); сосѣдей Татьяны Дмитріевны было такъ много, что ихъ всѣхъ перечислять было бы излишне, а изъ болѣе посѣщавшихъ ее были мои товарищи: П. П. Куриловъ, В. П. Бибиковъ, Я. П. Козырловскій, А. Д. Лантуховъ, князь Г. А. Баратовъ, его жена, а также многія полтавскія дамы и дѣвушки, что называется, бывавшія запросто.

Такъ проходили дни за днями. Собственно я пользовался книгами изъ библіотеки Т. Д., иногда игралъ на гитарѣ съ фортепіаномъ. Иногда ѣздили къ ней въ деревню, въ сопровожденіи многихъ ея знакомыхъ, но съ непремѣнною ея подругою Тушинскою. Любезность хозяйки и особенное ко мнѣ вниманіе ея

---

[1]) Степановъ написалъ стихи, въ коихъ воспѣлъ всю компанію, въ томъ числѣ и обо мнѣ четырехстишіе:

„Сердюковъ, сядь межъ насъ отъ скуки,
Пусть игрой пріятною твоей
Заглушимъ мы сердца муки
И запьемъ шампанскаго струей!“.

(Я игралъ на гитарѣ).

увлекли мои чувства до дружбы,—мнѣ уже становилось слишкомъ пріятно бывать у нея, и мы симпатизировали. Я дѣлался неравнодушенъ къ ея маслянымъ взглядамъ, къ ея откровенности и непринужденной граціи, съ которою она всегда со мною болѣе другихъ любезничала. Въ ней съ добротою сердца и веселымъ характеромъ соединялась бездна самаго милаго природнаго кокетства, перемѣшаннаго то съ дѣтскимъ проказничествомъ, то вдругъ съ неприступнымъ величіемъ. Росту она была средняго, полненькая, лицо круглое, носъ вздернутый, глаза большіе черные, волосы темные, въ локонахъ, подвязанные лентой или наброшенные золотою сѣточкой. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла держать себя въ немъ, предпочитая молодыхъ людей, особенно изъ литераторовъ, которыхъ между нами, правду сказать, не было, но по крайней мѣрѣ, тогда мы бредили поэзіей: я, Куриловъ, Шкилевъ (гусаръ), Долгела,—доставляя Татьянѣ Дмитріевнѣ забаву собственными импровизаціями и комическими очерками; напримѣръ: я писалъ стихи, Куриловъ сочинилъ комедію „Бедичева и Миничъ"—двѣ куріозныя личности; Шкилевъ писалъ свои идилліи „Къ друзьямъ", Долгела смѣшилъ каррикатурами.

Она меня видимо выдвигала на первый планъ, но всѣ мои мечты разлетались, когда являлись Яковъ Петровичъ и Лантуховъ; при нихъ я превращался въ гоголевскую песчинку; я видѣлъ ясно, что они на меня не довольны; у нихъ поселилась ревность, самолюбіе ихъ подъѣдающая, тогда какъ они давно бросили межъ собой жребій, кому изъ нихъ должна принадлежать вдовушка. Но разсчетъ ихъ былъ невѣренъ: она ихъ ласкала, какъ близкихъ къ дѣламъ ея людей, до платонизма же было великое разстояніе. Ея ровное обращеніе со всѣми имъ не нравилось, они присваивали себѣ первенство; замѣтя же нѣкоторую ея со мною свободу, друзья начали охладѣвать и мало по-малу перестали бывать у Татьяны Дмитріевны. Быть можетъ, въ этомъ была и ея политика, но я чистъ душою—никогда не желалъ мѣшать никому, напротивъ, съ простодушной услужливостью хлопоталъ о вниманіи къ себѣ всѣхъ ея окружающихъ. Правда, что вдовушка, и притомъ бездѣтная, многихъ интересо-

вала,—но вѣдь симпатія составляется изъ тѣхъ тонкихъ чувствъ и понятій, которыя, что называется, сходятся къ одному полюсу, и если Татьяна Дмитріевна ни одного изъ душеприкащиковъ и другихъ посѣтителей не принимала, какъ бы имъ хотѣлось,—дѣло понятное при ея свѣтломъ умѣ и испытанномъ сердцѣ. Она имѣла мужа, по образованію приличнаго и притомъ молодого, красиваго и богатаго, провела съ нимъ лучшіе дни жизни въ вихрѣ и бурѣ, вышедши замужъ на 13-мъ году, испытала всѣ фазисы кокетливой и ревнивой салонной радости,—то что же здѣсь уже ей осталось съ нами, крючкотворами, дѣлать, когда душа ея летала въ области поэзіи и искала другой пищи?

Когда Козырловскій и Лантуховъ отказались отъ дѣлъ Татьяны Дмитріевны, я долженъ былъ предложить свои услуги и волей или неволей сдѣлаться, такъ сказать, ея домашнимъ другомъ. Въ такое время, когда безъ всякой причины бросили ее друзья мужа, подобное предложеніе было оцѣнено въ высшей степени. Дѣла Т. Д. главныя: одно съ Д. С. С. Марковымъ по поручительству ея за мужа въ 50 тысячъ рублей, другое—о духовномъ завѣщаніи мужа, которое оспаривалъ братъ его С. Н. Лесевицкій; третье—о должныхъ Григ. Дмитр. Заньковскимъ вдовѣ 45000 руб.

Между тѣмъ я не ослабѣвалъ и по службѣ. Въ 1828 году ѣздилъ съ Репнинымъ въ Черниговъ, для встрѣчи проѣзжавшей тогда государыни Александры Ѳеодоровны; со мною составляли походную канцелярію: Ѳед. Ѳед. Киселевъ и Ларіонъ Ив. Трощинскій, адъютанты: Бибиковъ, Баратынскій и Устимовичъ. Въ 1829 году я управлялъ коммисіею, составленною изъ 20 членовъ, въ томъ числѣ находился и бывшій секретарь генералъ-губернатора Лантуховъ. Коммисіи этой было поручено привести въ порядокъ старыя дѣла бывшихъ генералъ-губернаторовъ: князя Куракина и Лобанова-Ростовскаго. Въ теченіе года разобрано и переплетено 40,000 дѣлъ. За это отъ Репнина 3 марта 1830 года изъявлена мнѣ въ оффиціальномъ приказѣ благодарность.

Было время, что я долго не навѣщалъ Татьяну Дмитріевну. Сначала мнѣ было скучно, потомъ мало-по-малу скука проходила, и я началъ было радоваться, что могу имѣть случай сдѣлать отвычку отъ женщины, которая мнѣ ужъ очень нравилась, но чувство это тщательно было сокрыто; слѣдственно, чтобы оно вовсе исчезло, я желалъ отъ всей души. Но въ одинъ изъ прекрасныхъ дней получаю слѣдующую записку: „Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Я васъ не вижу уже нѣсколько дней, кажется—нѣсколько, между тѣмъ какъ дѣла мои требуютъ вашего совѣта. Васъ я иначе не могу принять, какъ у себя и, къ сожалѣнію, не въ городѣ, потому что меня въ деревнѣ удерживаетъ тоска... Прошу же васъ пожаловать туда на посылаемыхъ лошадяхъ и обрадовать своимъ пріѣздомъ готовую къ вашимъ услугамъ Т. Л. марта 12, 1829 года“.

Записка эта дала мнѣ новую живучесть, я перечитывалъ ее нѣсколько разъ и симпатизировалъ всему хорошему; настроеніе мое было очаровательно. На другой день я летѣлъ въ Головачъ.

Подъѣхавъ къ крыльцу, быстро соскочивъ съ экипажа, я въ передней былъ встрѣченъ хозяйкой; на ней былъ малиновый бархатный капотъ и граціозная съ цвѣтами куафюра. Она схватила мою руку и, держа ее, сказала самымъ обаятельнымъ голосомъ:

— Не удивляйтесь, мой другъ, моему веселому наряду—мой трауръ уже кончился!“

Надобно замѣтить, что трауръ ея по мужѣ давно окончился, но она доселѣ наряжалась всегда въ черныя платья. Слова Татьяны Димитріевны были сопровождаемы страстью. Мы вошли въ залу, потомъ уединились въ гостинную; тамъ никого не было. Я дрожалъ, во мнѣ забушевали всѣ упорныя мечты.

— Вы озябли? спросила меня хозяйка.

Сердце мое билось, я весь дышалъ пламенемъ и, схвативъ ея руку, не отрывалъ отъ губъ и въ восторгѣ чувствъ говорилъ ей:

— Наконецъ я достигъ моего благополучія. Я имѣю случай облегчить мою грудь признаніемъ, которому давно мѣшали холодные свидѣтели. Я люблю васъ, какъ никого еще не любилъ моей юной, моей пылкой душой!

— Но пустите меня, вы очень крѣпко жмете мою руку.

Я пустилъ ее, но продолжалъ:

— Я не знаю притворства, моя душа горитъ и, если вы не потушите—она сгоритъ. Потушите пламень, тогда останется благотворная теплота, которая нужна для моей жизни, чтобы любить васъ любовью тихою.

— Успокойтесь, мой другъ, сказала она, положивъ руку на мое плечо; я не скрою, что и я васъ давно люблю любовью для меня доселѣ новою. Тѣнь мужа моего не упрекнетъ меня за любовь мою къ вамъ—но какія слѣдствія ея? Я не могу быть вашей женою, потому что наложила на себя обѣтъ не выходить замужъ, испытавъ много въ замужествѣ несчастія.

И слезы брызнули изъ глазъ ея.

Какъ громомъ пораженный, я стоялъ предъ нею. Мнѣ стало стыдно ласки признанія. Замѣтивъ мое смущеніе, она меня обняла, посмотрѣла въ лицо, улыбнулась и отскочила. Но я схватилъ ее судорожнымъ движеніемъ.—„Позвольте, позвольте"! Я слышалъ слова ея, какъ сквозь сонъ, и остался одинъ среди комнаты. Татьяна Дмитріевна порхнула въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ явилась съ холодною свидѣтельницею Тушинскою и со всѣми аттрибутами къ чаю. Я не помню, какъ мы пили чай, что говорили, я не могъ взглянуть ни на что. Со мной говорили нѣжно, улыбаясь, но я весь вечеръ былъ неловокъ. Наконецъ разговоръ о дѣлахъ прекратилъ мое смятеніе. Ночь провелъ я почти безъ сна и на другой день, чуть свѣтъ, уѣхалъ въ Полтаву, не простясь съ хозяйкой.

Что это за чувство? думалъ я. Женщина любитъ и предваряетъ, что не можетъ быть моей женою. Правда, что я моложе ея на нѣсколько лѣтъ, но отчего же нерѣдко старики женятся на молоденькихъ дѣвушкахъ?—а когда такъ, то и молодой мущина можетъ имѣть жену старѣе себя.

Моя неопытность все извиняла; я понималъ все иначе и наконецъ пришелъ къ заключенію, что это—одно кокетство, одна уловка водить меня, что называется за носъ, пока дѣла ея окончу. Хорошо-же, голубушка! Я дѣла окончу, но уже свида-

нія прекращу или, по крайней мѣрѣ, обращу ихъ въ рѣдкія и оффиціальныя.

Въ Полтавѣ тогда жилъ съ семействомъ уѣздный предводитель Викторъ Ѳедоровичъ Яновичъ, въ домѣ котораго я принятъ былъ, какъ родной. Викторъ Ѳедоровичъ служилъ въ военной службѣ въ 12-хъ годахъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ. Теперь этотъ Паскевичъ достигъ главнокомандующаго въ Грузіи и пожалованъ графомъ Эриванскимъ. Вспомнивъ Яновича, онъ приглашалъ его на службу въ Грузію, въ канцелярію свою правителемъ. Яновичъ, объ этомъ мнѣ говоря, совѣтовалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ. Случай представился искусительный, а мнѣ очень хотѣлось увидѣть Кавказъ, столь поэтически обрисованный Пушкинымъ и Лермонтовымъ,—такъ что я не долго объ этомъ думалъ. Подалъ просьбу Репнину, получилъ прогоны и подорожную, и уже чуть не уѣхалъ; остановилъ меня Яновичъ, пока соберется его семейство, которое просилъ меня провожать до Тифлиса. Самъ Яновичъ уѣхалъ. Это было въ 1830 году. Татьяна Дмитріевна ѣздила тогда въ Москву; возвратясь, узнала, что я уѣзжаю, не могла удержаться, прислала за мной. Я явился къ ней, почти какъ обыкновенный посѣтитель, и замѣтилъ у нея слезы; она съ чувствомъ спросила:

— Неужели вы хотѣли уѣхать, не простившись со мною?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, дѣла ваши я приготовилъ къ сдачѣ брату вашему съ полными наставленіями, какъ продолжать ихъ далѣе, и не думалъ, чтобы мое отсутствіе измѣнило добрыя наши отношенія; но согласитесь, терять карьеру я не могу, не долженъ; я весь посвященъ службѣ и отъ нея ждать долженъ благодарности и обезпеченія, а болѣе ни отъ кого!

— Напрасно вы не надѣетесь на друзей, сказала она съ примѣтнымъ огорченіемъ. Но если вы ищете славы—пусть вамъ Богъ поможетъ. Я вамъ не препятствую. Прошу только меня не забывать, и пока вы уѣдете, еще хотя нѣсколько часовъ удѣлить вашей поклонницѣ.

Дѣйствительно, послѣ этого я еще не могъ выѣхать, потому что Яновичева не приготовилась. Вдругъ всѣ обстоятель-

ства неожиданно чрезвычайно измѣнились. Весною въ мартѣ мѣсяцѣ пронеслась ужасная вѣсть, что въ Грузіи появилась болѣзнь, доселѣ еще неизвѣстная,—холера, отъ которой всякій, кто только дохнетъ тѣмъ воздухомъ, долженъ умереть непремѣнно. Яновичева получила письмо пріостановиться съ поѣздкою; слѣдственно, и я долженъ былъ остаться и потому подалъ обратно прошеніе Репнину и по прежнему остался въ его канцеляріи [1]). Никто столько этому не обрадовался, какъ Татьяна Дмитріевна,—и мы зажили по прежнему; я уже бывалъ у нея почти всякій день.

Вскорѣ послѣ этого графъ Паскевичъ-Эриванскій назначенъ въ Варшаву, куда отправился и Яновичъ съ своимъ семейством. Тѣмъ прекратились и отношенія наши. Я могъ бы ѣхать въ Варшаву, но случай, съ Яновичемъ происшедшій въ Тифлисѣ—въ него стрѣлялъ одинъ чиновникъ за грубое обращеніе,-остановилъ и меня искать далѣе его протекціи. Впрочемъ, по возвращеніи его изъ Варшавы черезъ нѣсколько лѣтъ мы свидѣлись довольно пріятно.

Между тѣмъ въ 1830 году, во время возстанія Польши, по которому и Паскевичъ туда назначенъ, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи компаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло, и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили 8 полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно; между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Здѣсь вполнѣ проявился козачій героизмъ, и я тогда только повѣрилъ малороссійской исторіи, въ которой борьба Хмельницкихъ, Наливайковъ и другихъ героевъ Украйны съ поляками мнѣ казалась невѣроятною. Судилъ прежде я такъ

[1]) Не разъ И. И. говорилъ, что очень сожалѣетъ, что упустилъ случай побывать на Кавказѣ, и не видалъ этой богатой дарами природы страны. Все, что издавалось о Кавказѣ, читалъ съ большимъ интересомъ (Примѣч. вдовы автора).

потому, что въ мирной жизни малороссъ, кажется, отъ воловъ не могъ ступить ни шагу, любилъ играть природою и жизнью шутя, вѣчный юморъ его представлялъ его какъ-бы беззаботнымъ. Но нужно знать этотъ истинно добрый и смышленный народъ въ часы невзгоды, въ серіозныхъ дѣлахъ—это львы неукротимые и самые правдивые поборники славы, но славы для мира и любви; какъ истинные христіане, они щадятъ враговъ, но какъ любящіе родину—защищать ее готовы на жизнь и на смерть.

Полки пошли, стали на границахъ, и по случаю скораго доокончанія компаніи послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой. Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины;—но вдругъ въ генварѣ мѣсяцѣ 1832 года, на имя генералъ-губернатора послѣдовалъ новый манифестъ или рескриптъ: „бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6 распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ". Такое неожиданное извѣщеніе и политическая ошибка черезвычайно взволновали всю Малороссію. Несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 года, вмѣсто домовъ должны возвратиться въ полки на 18 лѣтъ, тогда какъ изъ нихъ почти всѣ шли охотой изъ такихъ людей, которые оставили дома, свои семьи и даже богатство на короткое время, и теперь должны были все бросить; но Высочайшая воля все остановила. Князь Репнинъ назначилъ три пункта: Полтаву, Черниговъ и Лубны. Въ эти пункты велѣно собирать распущенные полки и сдавать прибывшимъ туда, по распоряженію военнаго министра, офицерамъ. Этого мало—послѣдовало новое распоряженіе: „всѣхъ неспособныхъ перемѣнить годными, для чего открыть и рекрутскія присутствія".

Въ сборные пункты назначены распорядителями: въ Полтаву самъ генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ; въ Черниговъ—чиновникъ особыхъ порученій Адріянъ Прокофіевичъ Устимовичъ; въ Лубны полковникъ Петръ Петровичъ Ханыковъ и я. Мы пріѣхали въ Лубны въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 года, тотчасъ учредили летучую почту между причисленными къ нашему пункту уѣздами: Лубенскимъ, Лохвицкимъ, Гадяцкимъ, Золотоношскимъ, Переяславскимъ, Пирятин-

скимъ и Миргородскимъ, вытребовали всѣхъ 2000 человѣкъ возвратившихся козаковъ, представили ихъ въ открывшееся рекрутское присутствіе, свидѣтельствовали и неспособныхъ или болѣзненныхъ перемѣнили другими [1]) и сдали прибывшимъ изъ полковъ офицерамъ. Этимъ мы занимались по генварь 1833 года, почти годъ. Всякій день мы съ полковникомъ Ханыковымъ объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ такъ называемыхъ рекрутовъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали ихъ жалкую участь. Въ Полтавѣ же и въ Черниговѣ вспышка была;—но безпорядки, какъ обыкновенно ихъ у насъ называютъ, были прекращены оружіемъ. Тревожное это время вечерами мы сокращали въ домѣ Петра Марковича Полторацкаго, у котораго двѣ прекрасныхъ дочери и молодой человѣкъ сынъ составляли наше общество, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими городскими чиновниками. За распредѣленіемъ козаковъ по прежнему возвратились въ Полтаву къ своимъ должностямъ и получили награды: Ханыковъ крестъ, а я, по неимѣнію тогда еще пряжки за XV лѣтъ, награжденъ брилліантовымъ перстнемъ въ 500 рублей [2]).

Между тѣмъ дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ; поэтому назначена была коммисія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и дѣйст. ст. совѣтника Лубьяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ С.-Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ. Предвидя это, я успѣлъ перейти въ Казенную Палату ассесоромъ, куда опредѣлился 19 мая 1834 года.

---

[1]) Перемѣняли и такихъ, которые заболѣли на службѣ—хотя кратковременной, но все же нарушившей здоровье. Это еще болѣе была вопіющая несправедливость, которую обнаруживали козаки и даже общество. (Пр. И. И. Сердюкова).

[2]) Родственники разсказывали намъ, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости. (Пр. вдовы автора).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года я былъ въ Петербургѣ и ежедневно бывалъ у Репнина [1]). Онъ меня просилъ найти ему человѣка, способнаго заниматься дѣлами. Недолго я въ этомъ затруднялся: со мною жилъ тогда служившій въ гофъ-интендантской конторѣ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, который на другой же день поступилъ къ Репнину. Репнинъ квартировалъ противъ Михайловскаго дворца, въ домѣ Бодиско; его посѣщали всѣ земляки, кто только пріѣзжалъ изъ Полтавы,—но мы недолго наслаждались удовольствіемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ назначены были маневры, куда обыкновенно приглашались всѣ генералъ-адъютанты, въ томъ числѣ и Репнинъ. Это, помню, было въ воскресенье; князь уѣхалъ въ Царское Село; мы предполагали, что онъ возвратится на другой день, но къ удивленію князь пріѣхалъ къ обѣду. Разстроенный, со слезами на глазахъ, онъ сказалъ, что Государь чрезъ Бенкендорфа не приказалъ ему являться. На другой день мы читали приказъ: „Членъ государственнаго совѣта князь Репнинъ увольняется вовсе отъ службы". Послѣ этого князь и княгиня тотчасъ собрались и уѣхали заграницу. Сынъ ихъ Василій Николаевичъ исключенъ изъ званія камеръ-юнкера.

Что это значитъ? За что такая немилость? Мы долго не могли разгадать, и наконецъ объяснилось вотъ-что:

Въ бытность Государя Николая Павловича въ 1829 г. въ Полтавѣ, Репнинъ просилъ денегъ на постройку Института, который завела тамъ супруга его, княгиня Варвара Алексѣевна въ собственномъ Репниныхъ домѣ, пришедшемъ въ ветхость. Государь согласился и спросилъ: „Сколько нужно?". Репнинъ удовольствовался 200000 рублей ассигнаціями. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, велѣно министру составить планъ и отослать къ Репнину. Планъ прислали, учреждена коммисія для постройки института, начали строить, дошли до половины, хватились, анъ 200/т. мало. Тогда Репнинъ сконфузился. Просить добавки было стыдно предъ Государемъ,—поэтому, начали прибавлять изъ соб-

[1]) Съ большимъ уваженіемъ относился къ памяти Репнина и хотѣлъ писать его біографію; обращался постоянно къ его наслѣдникамъ о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній. (Примѣч. вдовы автора).

ственныхъ средствъ, напримѣръ: столяровъ и плотниковъ выписали изъ имѣній князя, кирпичный заводъ устроили на свой счетъ. Но громадное въ 4 этажа зданіе съ двумя двухъэтажными флигелями и службами еще потребовало денегъ, которыхъ у Репниныхъ, не оставлявшихъ жить роскошно, все также не было лишнихъ. Тогда Репнинъ вздумалъ занять изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Онъ призвалъ непремѣннаго члена Павла Степановича Стеблинъ-Каминскаго, велѣлъ разъ принести 50 тысячъ, въ другой, третій и четвертый, и такимъ образомъ, набралъ еще 200000 рублей. Репнины располагали продать часть имѣнія и взнести эти деньги или спросить черезъ министра добавку,—но вдругъ обстоятельства измѣнились: князь уволенъ отъ должности, и имѣніе взято въ опеку. Когда же пріѣхалъ въ Полтаву графъ Строгановъ и все узналъ, то донесъ Государю, и это роковое донесеніе какъ разъ получено въ день вышеупомянутыхъ маневровъ въ Царскомъ Селѣ. Вотъ почему Государь очень былъ недоволенъ и не принялъ Репнина.

По увольненіи Репнина изъ Государственнаго Совѣта прислана была въ Полтаву коммисія, составившаяся изъ д. с. с. Ганекау и контролера государственнаго контроля Больмана. Они открыли, что зданіе (между тѣмъ институтъ совершенно былъ оконченъ) оцѣнено въ 465 тысячъ рублей. Слѣдовательно, здѣсь открытъ одинъ безпорядокъ Репнина, или лучше сказать, была его неосторожность, что онъ безъ разрѣшенія министра занялъ въ Приказѣ деньги, а въ существѣ не токмо не было утайки или злоупотребленія въ свою пользу, но еще 65 тысячъ дѣйствительно издержали князья изъ собственныхъ средствъ. Послѣ этого коммиссія уѣхала, а Стеблинъ-Каменскій удаленъ отъ должности. Князь Репнинъ проживалъ заграницею, большею частію въ любимомъ имъ Дрезденѣ, а въ 1841 году возвратился въ Малороссію и въ имѣніи своемъ, полтавской губерніи пирятинскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Яготинѣ, умеръ 16-го іюня 1841 года. Имѣніе Яготинъ съ 5000 душъ досталось сыну его кол. ассесору Василію Николаевичу Репнину. Это только и уцѣлѣло отъ 22 тысячъ душъ, которыхъ коммиссія распродала разнымъ лицамъ; въ томъ числѣ и Лубьяновскій купилъ 5000 душъ и долги всѣ уплатилъ

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, происходящій отъ древней фамиліи, родился въ 1777 году отъ князя Григорія Васильевича Волконскаго и отъ матери изъ Репниныхъ, которыхъ родъ въ мужской линіи пресѣкся, и потому, вслѣдствіе просьбы отца, въ царствованіе Александра I-го была ему присвоена фамилія Репнина-Волконскаго; братья же его Николай Григорьевичъ, бывшій при дворѣ егермейстеромъ, и другой, Сергѣй Григорьевичъ, служившій генералъ-маіоромъ, изъ декабристовъ, несчастный, назывались просто князья Волконскіе. Николай Григорьевичъ женатъ на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, имѣлъ дѣтей: сына Василія и дочерей Варвару и Марью. Изъ нихъ первая осталась и умерла дѣвушкой, а Марья вышла за графа Кушелева-Безбородка. Василій Николаевичъ, сынъ, женатъ на Балабиной. Николай Григорьевичъ служилъ отлично при Александрѣ Павловичѣ, достигъ полнаго генерала и былъ генералъ-адъютантомъ. Въ свое время красавецъ и въ отечественную войну былъ назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ. Онъ тамъ прожился совершенно, хотя и имѣлъ 22 тысячи душъ. По назначеніи его малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, также жили пышно. По службѣ былъ дѣятеленъ, вставалъ во всякое время въ 3 часа и занимался въ кабинетѣ; нерѣдко призывалъ дежурнаго и диктовалъ. Этимъ способомъ, и вообще свободною нашею жизнью въ канцеляріи, онъ каждаго изъ насъ образовалъ и привязывалъ къ себѣ. Канцелярія вся имѣла столъ у него. Доказательствъ доброты его много; кромѣ пожертвованій оффиціальныхъ, бывало никто изъ просящихъ по бѣдности не отходилъ безъ удовлетворенія; а проѣзжіе заграничные ремесленники, артисты и туристы, кажется, нарочито къ нему пріѣзжали, если не за подаяніемъ, то для того, чтобы сбыть свои рисунки или проекты, которые, разумѣется, сваливались въ кучу безъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ деньги уплочены. Довольно, что онъ мнѣ въ Петербургѣ, уже когда прощался, сунулъ въ руку 200 рублей. Миръ праху твоему, умный и добрый вельможа [1]).

---

[1]) Въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ И. И. Сердюкова, онъ такъ отзывается о князѣ Н. Г. Репнинѣ: „Нашъ умный и добрый начальникъ князь Репнинъ былъ вельможа не изъ тѣхъ, кои лишь красуются въ лентахъ и на

Но обратимся собственно ко мнѣ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Выше я сказалъ, что Татьяна Дмитріевна имѣла дѣла, которыя поступили опять ко мнѣ, какъ скоро я оставилъ поѣздку на Кавказъ. Теперь эти дѣла поступили въ 3-й департаментъ сената по части оберъ-секретаря Михаила Федоровича Т. и секретаря Павла Сергѣевича Е. По тогдашнему обычаю, знакомство съ чиновниками, въ рукахъ которыхъ находится дѣло, нужно заводить, какъ Нахимовъ говорилъ, съ барашкомъ въ бумажкѣ. Такъ сдѣлалъ и я: обоимъ далъ по 500 рублей впередъ, лишь бы они рѣшили дѣло въ мою пользу (я говорю *въ мою*, потому что имѣлъ полную довѣренность отъ Т. Д.). Кромѣ того, съ Е. я сблизился по гитарѣ, на которой давалъ ему уроки. Дѣла разсматривались, а между тѣмъ мой отпускъ оканчивался по должности ассессора казенной палаты, и мнѣ нужно было просить отсрочки у министра финансовъ. Составивъ записку, я отправился къ министру, но пришелъ такъ рано, что еще никого не было въ пріемной; однако, отъ нечего дѣлать, я рѣшился остаться. Къ 10 часамъ явился чиновникъ со звѣздой и портфелемъ подъ рукой. Онъ пошелъ прямо по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ министра. Любопытно было мнѣ узнать, кто это? Я обратился съ вопросомъ къ курьеру:

— Кто это?

— Вице-директоръ канцеляріи, Викторъ Алексѣевичъ Кушинниковъ.

Тогда я припомнилъ, что этотъ господинъ—уроженецъ полтавскій, съ дядей котораго, Новомлинскимъ, я знакомъ. Между тѣмъ Викторъ Алексѣевичъ, найдя кабинетъ еще запертымъ, возвратился въ гостинную и стоялъ у окна въ размышленіи. Не долго думая, я обратился къ нему и отрекомендовалъ себя. При

парадахъ. Онъ вставалъ въ 3 часа утра, до 12-ти занимался дѣлами, самъ все читалъ и насъ училъ трудиться и любить правду; съ 12-ти часовъ принималъ просителей, занимался военною частью по своему званію военнаго губернатора; съ 2-хъ до 4-хъ часовъ опять слушалъ доклады, въ 6 часовъ обѣдалъ, до 9-ти отдыхалъ, съ 9-ти часовъ принималъ гостей, а не рѣдко и посѣтителей. При такомъ начальникѣ и мы были неутомимы. Проситель каждый получалъ непосредственно извѣщеніе повѣсткою о рѣшеніи генералъ-губернатора на его просьбу, и ни одна бумага у насъ не залеживалась по мѣсяцамъ, даже по недѣлямъ.

словѣ: „я изъ Полтавы", онъ обрадовался, какъ земляку, узналъ, въ чемъ дѣло, далъ мнѣ наставленіе, какъ подать записку, и просилъ бывать у него. Время приближалось къ пріему, гостинная наполнялась посѣтителями, и въ 11 часовъ вышелъ министръ, графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. На глазахъ его, по болѣзни, былъ зеленый зонтикъ. Обойдя всѣхъ, министръ принималъ отъ каждаго прошенія, проекты и личныя объясненія; дошла очередь и до меня. Я подалъ записку. Онъ поднялъ голову посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Откуда, батюшка?...

— Изъ Полтавы, ваше сіятельство, ассессоръ казенной палаты, пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, прошу отсрочки отпуска.

— Хорошо, сказалъ министръ; а что у васъ въ Полтавѣ хлѣбъ дорогъ?

— Слава Богу, дёшевъ, отвѣчалъ я.

— Какъ? Слава Богу дешевъ хлѣбъ? Надобно сказать „Слава Богу", когда дорогъ!

Сказавъ это, министръ поклонился и ушелъ. Это было 24 октября 1835 года. Слова министра меня озадачили; я вышелъ, долго разбирая ихъ, и пришелъ къ тому заключенію, что Канкринъ былъ политико-экономъ, поощряющій производительность.

По поданной мною министру запискѣ, послѣдовало полтавской казенной палатѣ слѣдующее предписаніе: „Ассессоръ Сердюковъ по дѣламъ службы оставленъ при министрѣ впредь до особаго распоряженія". Дѣйствительно, я пользовался этой прикомандировкой и нерѣдко ходилъ въ канцелярію, гдѣ познакомился съ секретарями Иваномъ Федоровичемъ Гежелинскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Бѣликовымъ. Директоромъ тогда былъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, впослѣдствіи министръ финансовъ. Послѣ свиданія съ Кушинниковымъ, я тотъ же день былъ у него, познакомился съ его женою, добрѣйшею особою,— я это говорю потому, что все время пребыванія моего въ Петербургѣ я рѣдкій день не былъ у Кушинниковыхъ. Тамъ я встрѣчался съ разными знаменитостями, въ томъ числѣ и съ

зятемъ его Илличевскимъ, впослѣдствіи товарищемъ министра юстиціи, а дамамъ игралъ на гитарѣ. У Кушинниковыхъ, по воскресеньямъ, были отличные обѣды, и я помню очень ихъ хлѣбъ-соль. Впослѣдствіи, по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, мы съ Викторомъ Алексѣевичемъ вели переписку до его кончины.

Сколько удачно мнѣ шло по службѣ, столько неудачно по дѣламъ. Другъ мой Е. увѣдомилъ, что, по выслушаніи дѣлъ, послѣдовали резолюціи, для меня невыгодныя, особливо съ Марковымъ о поручительствѣ, а объ духовной назначено слѣдствіе. Послѣдняго я не боялся потому, что дѣло было чистое, но по первому не было никакой возможности избавиться отъ поручительства, законно подписаннаго. Будучи этимъ извѣстіемъ разстроенъ, я уѣхалъ къ землякамъ для развлеченія, и случилось такъ, что мы изъ дому въ домъ ѣздили цѣлую недѣлю. Шіяновъ, Трощинскій, бывшіе мои сослуживцы, Журавлевъ и другіе чиновники военнаго министерства жили дружно, играли въ карты и кутили. Въ этомъ обществѣ случалось толковать и о дѣлахъ самыхъ казусныхъ, гдѣ случалось дѣлать изъ чернаго бѣлое и обратно.

Послѣ разгульной жизни, я, покачиваясь на постели въ собственной квартирѣ, соображалъ все прошедшее и изъ анекдотовъ юридическихъ придумалъ съ Марковымъ сдѣлку. Дѣйствительный ст. совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Марковъ считался при военномъ министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій (впослѣдствіи былъ могилевскимъ губернаторомъ), квартировалъ онъ въ Коломнѣ; у него-то я по одному изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ о поручительствѣ Татьяны Дмитріевны бывалъ, предлагая мировую; я предлагалъ ему 300 десятинъ земли въ константиноградскомъ уѣздѣ по сосѣдству съ его землею безъ всякаго платежа, лишь бы онъ простилъ одни проценты и по поручительству 25 тысячъ рублей; но онъ и слышать не хотѣлъ. Къ нему былъ вхожъ и пріятель мой, Е. занимавшійся его дѣлами, къ которому онъ имѣлъ довѣріе. Когда мы съ Елисѣевымъ сошлись, давно не видавшись, какъ я сказалъ, по случаю моего пиршества съ земляками, мнѣ пришлось кстати исполнить мой планъ. Я его просилъ сказать Маркову, что дѣло съ Лесевиц-

кою о поручительствѣ заслушано, но отказъ получилъ Марковъ, а не Лесевицкая. Конечно, Е. назвалъ меня сумасшедшимъ, говоря, что вѣдь Марковъ справится самъ, и тогда что будетъ, если назоветъ его лгуномъ?—„Ну, скажешь, возразилъ я, что было рѣшено такъ, а потомъ отмѣнено, по моему же ходатайству, рѣшено иначе. Однимъ словомъ, что будетъ, то будетъ, а только скажи; и вотъ тебѣ въ задатокъ еще 500 р.".

Шутка эта Е. увлекла, какъ любопытная, и онъ далъ мнѣ слово, что такъ скажетъ Маркову. И дѣйствительно, Е. въ слѣдующее воскресенье поѣхалъ къ нему на обѣдъ и сказалъ. Представьте же мое удивленіе! Вѣдь Марковъ шутку принялъ за правду![1]). Не дремая, на другой же день я отправляюсь къ нему подъ предлогомъ проститься и вижу въ Марковѣ огромную перемѣну. Онъ меня встрѣтилъ ласковѣе прежняго, усаживалъ, и на мои слова, что я пришелъ съ нимъ проститься, съ удивленіемъ спрашивалъ:

— А какъ же будетъ нашъ миръ? (о которомъ прежде и слышать онъ не хотѣлъ).

Я видѣлъ ясно, что могу воспользоваться случаемъ, и потому съ внутреннимъ восхищеніемъ отвѣчаю:

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Къ счастью, въ тотъ день онъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Царское Село, гдѣ воспитывались его дѣти, и, ничего не говоря, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, вотъ вамъ мировая: я заплачу за землю 10 т. рублей и проценты по поручительству дарю или сбрасываю.

Разумѣется, я на все согласился и отъ радости чуть не вскрикнулъ. Мы тотчасъ поѣхали въ гражданскую Палату во 2-й департаментъ и совершили мировую. Я ему далъ купчую на землю, получилъ 10 т., а онъ мнѣ далъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи 25 т. процентовъ. Сдѣлку нашу совершалъ Николай Ѳедоровичъ Пячковскій, нынѣ помѣщикъ оршанскаго уѣзда.

Такъ окончилось счастливо дѣло Лесевицкой, продолжавшееся болѣе 10-ти лѣтъ, и я выѣхалъ изъ Петербурга совершенно счастливый. О принятіи меня къ прежней должности по-

[1]) Онъ былъ глухъ, а глухіе всегда сосредоточенны.

слѣдовало 12 февраля 1836 года новое предписаніе министерства. Возвращеніе мое въ Полтаву съ такимъ успѣхомъ обрадовало мою вѣрительницу. Въ знакъ благодарности она передала мнѣ претензію на Заньковскомъ въ 45 т., съ тѣмъ, чтобы процессъ этотъ раздѣлить пополамъ, вслѣдствіе чего я довелъ дѣло тоже къ концу. Имѣніе описано на эту претензію изъ 450 душъ въ деревнѣ Лисычей 99, и земли 600 десятинъ. Я купилъ это имѣ за 20,500 рублей, а остальныя 24,500 р. получила Татьяна Дмитріевна изъ Приказа подъ залогъ остального имѣнія Заньковскаго.

Татьяна Дмитріевна въ это время купила домъ на углу Срѣтенія, по Александровской улицѣ.

Прибывъ въ новокупленное имѣніе для принятія его, я нашелъ, что оно описано чрезвычайно невыгодно для покупщика и, вѣроятно, сдѣлано это собственно для того, чтобы никто не поохотился на покупку. Напримѣръ: крестьяне, 99 душъ, выбраны бѣднѣйшіе изъ разныхъ дворовъ и къ тому же на сносъ; земля же, 600 десятинъ, за 4 версты отъ деревни, чистая степь; слѣдственно, покупщикъ отсель долженъ крестьянъ выселить туда. Наконецъ, еще одно обстоятельство, препятствующее хорошей администраціи: на описанной землѣ, при рѣчкѣ Коломакѣ, 4 десятины лѣсу оставлены за Заньковскимъ. И хотя возникли по этому вопросы, но губернское правленіе за мною лѣса не оставило.

Дѣлать было нечего, я принялъ все то, что дали, сдѣлалъ вводъ во владѣніе, и мнѣ нужно было приготовиться къ переселенію крестьянъ на чистое поле, а также что-нибудь устроить для экономическихъ заведеній. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года. Цѣлую зиму я возилъ за 30 верстъ изъ Полтавы лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы въ наступающую весну заняться постройками.

Но судьбѣ угодно было устроить это дѣло иначе. Владѣлецъ имѣнія Лисычей, въ которой еще зимовали мои люди, штабъ-ротмистръ гусаръ Василій Григорьевичъ Заньковскій, съ приближеніемъ весны 1838 года, не пожелалъ, чтобы мои крестьяне оставались долѣе въ его деревнѣ, и велѣлъ пораскрывать

въ ихъ избахъ крыши, выбросить вещи, даже муку развѣялъ по воздуху, заставляя этимъ ихъ удалиться, куда угодно. Я служилъ тогда въ Полтавѣ, какъ уже говорилъ неоднократно, въ казенной палатѣ, о происшествіи этомъ былъ увѣдомленъ приставленнымъ надъ крестьянами моими войтомъ, и признаюсь, не вѣрилъ донесенію, и для осторожности взявъ его съ собой, пошелъ къ губернатору съ жалобой на разореніе. Губернаторомъ тогда былъ добрый и строгій Павелъ Ивановичъ Могилевскій; выслушавъ меня и моего войта, онъ приказалъ написать предписаніе константиноградскому земскому исправнику объ изслѣдованіи дѣла, а для лучшаго удостовѣренія послалъ своего чиновника особыхъ порученій Бѣлавина. Въ назначенное время выѣхало на мѣсто происшествія временное отдѣленіе, прибылъ и я. Открыто присутствіе, призвали ротмистра и людей, разбрасывавшихъ избы моихъ крестьянъ, и все, что выше сказано, подтвердилось, а ротмистръ съ гордостію добавилъ, что онъ сдѣлалъ нарочно, чтобы выжить сосѣдей, не находя надобности держать ихъ болѣе въ своей деревнѣ. Слѣдствіе кончили, и виновныхъ предали было суду съ опредѣленіемъ крестьянамъ вознагражденія. Вотъ какія бываютъ слѣдствія крючковатыхъ дѣйствій при описаніи имѣній, которыхъ, быть можетъ, Заньковскій и не предвидѣлъ, а вѣрилъ становому, что описаніе въ разныхъ мѣстахъ составляетъ своего рода угожденіе, и конечно, за это получилъ вознагражденіе.

Но, слава Богу, дѣло это кончилось хорошо. Черезъ короткое время Заньковскому растолковали благомыслящіе люди, что онъ сдѣлалъ дурно и будетъ отвѣчать предъ закономъ, поэтому совѣтовали ему примириться со мною, и онъ явился ко мнѣ съ повинной. Имѣя характеръ мягкій, я съ удовольствіемъ приступилъ къ мировой, по которой всѣ избы моихъ крестьянъ Заньковскій дозволилъ взять, уступилъ мнѣ на Коломакѣ, среди моей земли, лѣсъ, а я заплатилъ ему 2000 рублей. Послѣ чего я построилъ новую деревню, назвалъ ее Новоселовка или Ивановское.

Отношенія наши съ Татьяной Дмитріевной, послѣ счастливаго окончанія дѣла, скрѣпились еще болѣе. Она любила по

прежнему общество, и дни текли въ обычномъ препровожденіи времени. Иногда играли въ карты, ѣздили въ деревню на гулянье и оканчивали тѣмъ, что послѣ обѣда расходились, а послѣ ужина разъѣзжались. Ея расположеніе ко мнѣ превратилось въ простую дружбу, и когда я предлагалъ замужество, она боялась этого, по ея выраженію, какъ огня. Странностей у нея, кромѣ этой главной, было много; напримѣръ: у нея была любимая собачка Клара, которую я какъ-то назвалъ глупою; за это Татьяна Дмитріевна со мною цѣлый день не говорила. Спала она не иначе, какъ при сальной свѣчѣ, которую снимать должна непремѣнно женщина или дѣвка, коихъ всегда въ ея спальнѣ ложилось не менѣе 3-хъ, и по извѣстнымъ часамъ онѣ чередовались, оставаясь безъ сна. Любила бывать въ церквахъ и въ особенности восхищалась архіереями. Между тѣмъ не желала и даже ревновала, если я бывалъ въ домахъ, гдѣ были хорошенькія и молодыя дѣвушки. Словомъ, я не понималъ этой женщины, и потому мнѣ такая неопредѣленная жизнь надоѣла. Я пересталъ у нея бывать, тѣмъ болѣе, что уже, за это время перемѣнивъ службу, большею частію разъѣзжалъ по губерніи.

Изъ друзей въ губерніи былъ у меня миргородскій уѣздный врачъ Антонъ Петровичъ Кизе, у котораго нерѣдко я проживалъ по нѣсколько недѣль, такъ какъ въ сосѣднихъ или въ томъ же самомъ уѣздѣ случались и дѣла по командировкѣ. Наконецъ, Антонъ Петровичъ вздумалъ жениться на дочери помѣщика Василія Ивановича Черныша. Невѣста его Любовь Васильевна была очень красивая дѣвушка; я былъ приглашенъ шаферомъ. При отправленіи этой должности на вѣнчаніи Кизе, и вообще во время ихъ свадьбы, мнѣ приглянулась сестра ея, Вѣра Васильевна; я не прочь былъ на ней жениться, тѣмъ болѣе, чтобы породниться съ милымъ другомъ,—но обстоятельства не дозволили состояться моей женитьбѣ, потому что Чернышъ отрицалъ всякое приданое, котораго, впрочемъ, не далъ и Кизе.

Я уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ, обыкновенно, занимался службою, изрѣдка бывалъ у Татьяны Дмитріевны, потому болѣе, что она жила уже въ своемъ хуторѣ, отъ матери ей въ наслѣдство

доставшемся, а Головачъ проданъ Маркову. Татьяна Дмитріевна почти постоянно страдала мигренью и, что называется, удалялась отъ свѣта.

Часть вторая.

Въ Полтавѣ служилъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникъ Данило Францовичъ Ольшевскій, женатый на извѣстной харьковской богачкѣ Надеждѣ Андреевнѣ Ковалевской. Какъ человѣкъ польской націи, обыкновенно гордый, онъ былъ помѣшанъ на богатствѣ, для котораго единственно и женился,—но со мною, по различнымъ столкновеніямъ, очень сблизился и отъ души любилъ меня, особливо послѣ того, какъ я выигралъ процессъ большой его пріятельницы Розетты Андреевны Миклашевской съ Калусомъ. Семейство его состояло изъ жены и двухъ племянницъ, Ѳеклы и Маріи, большею частію проживавшихъ въ деревнѣ, лебединскаго уѣзда, село Будылка. Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Ивановичъ Ковалевскій, человѣкъ богатый, но скупой, ничего въ приданое ей не далъ, кромѣ предъ вѣнцомъ дома и на булавки 10000 руб.,—болѣе потому, что между ними не видѣлъ еще хорошей жизни, а дѣтей не было. Между тѣмъ Ольшевскіе, въ надеждѣ будущихъ благъ, жили роскошно и надѣлали долговъ, а чтобы отцу не кланяться, накупили имѣній, тоже въ долгъ, какъ напримѣръ, Будылку, за 30000 руб., въ коей числилось 57 душъ, и село Локощину съ 147 душами за 52000 руб., для чего заняли у помѣщика Манька 35000 руб., у кременчугскаго купца Смирнова 14000, да по тысячѣ-другой должны были многимъ. Кромѣ того, у Ольшевскаго было имѣніе въ могилевской губ., мстиславскаго уѣзда, родовое с. Кудричи, и у племянницъ д. Антоновка. Казалось, что съ устройствомъ имѣнія можно было и съ долгами разсчитаться, но судьба не дала этому человѣку счастья: онъ внезапно получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ Полтавѣ 8 ноября 1841 года, бывъ оплакиваемъ многими. Во время болѣзни, конечно, находилась и Надежда Андреевна, пожелавшая имѣть отъ мужа духовное завѣщаніе на уступку ей села Будылки, со всею движимостью, а племянницамъ доставалось все остальное

съ долгами имѣніе. Я писалъ завѣщаніе, Ольшевскій подписалъ, и я совершилъ послѣ его смерти въ полтавской гражданской палатѣ. Надежда Андреевна, женщина тогда лѣтъ 35, собой не хороша, но хорошо образованная, всегда мнѣ говорила, что племянницы покойнаго суть и ея племянницы, и она устроитъ судьбу ихъ, какъ нельзя лучше. Казалось,—все такъ и будетъ устроено, какъ слѣдуетъ; того не знаемъ, что Розетта Андреевна, которая, по польскому духу, была большая пріятельница Ольшевскому и у которой большею частію племянницы его проживали и дружились съ ея дочерьми, осталась духовною недовольна, какъ увидимъ дальше.

Одинъ разъ, отправясь отъ Надежды Андреевны на квартиру, вдругъ вижу—на меня издали машетъ рукою Василій Васильевичъ Короткевичъ, по службѣ мой товарищъ, губернскій казначей. Я остановился, онъ подбѣжалъ, запыхавшись, и своимъ пронзительнымъ дискантомъ съ иронической улыбкой прокричалъ:

— „А вы не знаете, что вашъ хваленый переяславскій казначей замотался? Сейчасъ поѣзжайте въ Переяславъ, уже вамъ пишется предписаніе".

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ палату; а я пошелъ домой собираться въ дорогу. Не далѣе, какъ черезъ часъ, все было готово. Короткевичъ принесъ мнѣ предписаніе отправиться въ Переяславъ на слѣдствіе и вмѣстѣ исправлять должность казначея, прогоны и подорожную. Я послалъ за лошадьми, выпилъ бутылку шампанскаго и полетѣлъ на всю ночь.

По пріѣздѣ въ Переяславъ, засталъ я бывшаго казначея Котелнина на гауптвахтѣ. Онъ, предавшись пьянству и промотавши около 20000 руб. казенныхъ денегъ, наконецъ, вздумалъ послать въ Полтаву объ этомъ эстафету, а самъ явился къ городничему, прося посадить его на гауптвахту. Члены уѣздныхъ управленій поручили должность казначея засѣдателю уѣзднаго суда Соломкѣ, но этотъ господинъ должности не принималъ, почему я вынужденъ былъ вступить въ управленіе казначействомъ. Со мною пріѣхалъ контролеръ Лахманизовъ, и по счету не оказалось суммы общихъ доходовъ 19,487 руб. 8 к. и канцелярской суммы 695

руб. 33 коп. Всего 20182 руб. 41 к. Сумму эту размотали: казначей Котелнинъ, бухгалтеръ Черненко и журналистъ Кулинскій; они предъ ежемѣсячною и внезапною ревизіею членовъ, всегда ночью подчищали книги и показывали утраченныя деньги въ высылку, а чтобы была росписка почтмейстера, подводили въ книгѣ его руку. Къ несчастію, это искушеніе имъ подалъ самъ почтмейстеръ Тимченко, который, по старости и болѣзненности, не могъ дѣлать всю пропись самъ, какъ напримѣръ: „оные деньги столько то рублей для отправленія туда то, получилъ"—а токмо могъ подписать фамилію: „почтмейстеръ Тимченко", пропись же всю дѣлалъ Черненко тонкимъ шрифтомъ, такъ что послѣ удобно ее вытереть и, выбравши деньги, дѣйствительно отправить ту же сумму. Такія же статьи показывали и въ другія мѣста, какъ напримѣръ: на архіерейскій домъ или въ думу, и подпишутъ какого-нибудь протоіерея или голову. Ну, и смотримъ,—подпись есть, счетъ выходитъ прихода съ расходомъ. Придетъ ли кому въ голову итти справляться на почту, или въ архіерейскій домъ? При томъ же, всѣ эти чиновники, люди молодые, семейные, отстраняли отъ себя всякое подозрѣніе, такъ что никогда нельзя было подумать, чтобы человѣкъ, нѣжно любящій свою семью и дорожащій службою, могъ рѣшиться на воровство, влекущее за собою ссылку. Практика эта удивительная! Какъ трудно иногда вѣрить человѣку! И, значитъ, почти нельзя вѣрить, не узнавши его долго, долго. Пословица не напрасно вышла: „чтобы человѣка узнать, нужно съ нимъ вмѣстѣ съѣсть 40 пудовъ соли". Ну, пусть же я ошибся, ревизуя переяславское казначейство разъ въ годъ, и какимъ образомъ находилъ всегда полную сумму—не помню; но удивляться должно, какъ они надували ежемѣсячно всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, и эти не замѣтили плутней, хотя бы то по образу жизни ихъ!

При слѣдствіи оказалось, что они, кромѣ росписокъ, которыя подводили подъ чужія руки, показывали еще и ту сумму, которую собирали отъ приносящихъ подати и другіе сборы, а въ книгу ихъ не вводили и квитанцій не выдавали до двухъ и трехъ дней, замѣняя между тѣмъ этими деньгами недостачу на

время ревизіи. Не знать этого—не мудрено, когда все казначейство въ заговорѣ.

Примѣръ этотъ впослѣдствіи послужилъ министерству поводомъ къ распоряженію, чтобы, кромѣ росписки въ книгѣ, получателю денегъ выдавали особыя росписки. Теперь вездѣ на почтѣ онѣ печатныя.

Между тѣмъ, по моему представленію, командированъ мнѣ въ помощь другой ассессоръ, Федоренко, для совмѣстнаго слѣдствія, которое, по окончаніи, вмѣстѣ съ преступниками отослали въ уголовную палату. Во время нашего пребыванія въ Переяславѣ, я пользовался хорошими пріемами въ домѣ окружнаго Словатинскаго, уѣзднаго врача Стаховскаго, архіерея Гедеона, очень любезнаго и умнаго человѣка; стряпчій Рева былъ съ нами тоже хорошъ; прочіе чиновники оставались недовольны, и изъ нихъ засѣдатель Соломка подалъ на меня доносъ министру за пристрастіе къ Котелнину; но, по объясненіи моемъ, доносъ этотъ остался безъ послѣдствій, а наложенное на всѣхъ ихъ по частямъ за растраченную сумму взысканіе, по манифесту 1841 года, скоро сложено.

Этотъ случай научилъ меня прозорливости; я началъ узнавать людей насквозь [1]). Федоренко здѣсь женился, и мы, поживши въ Переяславѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, уѣхали благополучно въ Полтаву и вступили въ обычный строй жизни.

Выше мы сказали, что я оставилъ Надежду Андреевну, вдову, конечно, въ слезахъ и траурѣ. Она меня ждала и поручила всѣ свои дѣла моему распоряженію. Мы съ нею отправились въ Будылку, гдѣ были мнѣ представлены двѣ племянницы Ольшевскаго, еще не успѣвшія со мною познакомиться лично, но уже обо мнѣ извѣщенныя ихъ дядей, а нынѣ рекомендовала меня и тетушка ихъ. Изъ нихъ старшая Текля, брюнетка съ голубыми глазами, была стройна и вполнѣ красавица, но серіозна; меньшая Мари, блондинка съ золотистыми волосами, съ голубыми же глазами, строй[illegible] румяна, но чрезвычайно весела

[1]) Въ 1860 году, 18 декабр[illegible] одинъ изъ моихъ пріятелей, служащій въ иностранной цензурѣ, Кроль, на вопросъ мой о новостяхъ, отвѣчалъ: „Начто вамъ наши новости, когда вы знаете впередъ за 200 лѣтъ, что будетъ?“

и мила. Эти сестры были совершенно какъ два полюса, какъ бы не родныя,—такъ онѣ отличались всѣмъ одна отъ другой. Между тѣмъ различіе состояло еще въ томъ, что Теклю любила Надежда Андреевна, а Мари любила Розетта Андреевна Миклашевская и дочь ея Юзефина, впослѣдствіи вышедшая за генерала Мазуркевича. Дѣвушки эти воспитывались сначала въ могилевской губерніи въ г. Мстиславѣ, въ пансіонѣ швейцара Баера, но по смерти родителей, дядя ихъ, Данило Францовичъ, взялъ къ себѣ и поручилъ окончить воспитаніе Надеждѣ Андреевнѣ. Текля почти у нея заняла всѣ манеры, а Мари большею частью проживала въ домѣ Миклашевской, въ с. Васильевкѣ, и много позаимствовала отъ образованной Юзефины.

Въ Будылкѣ съ Надеждой Андреевной мы почти были вдвоемъ; ѣздили въ Васильевку. Я долженъ былъ развлекать вдовушку, замѣтя, что ей нравились похвалы ея наружности и въ особенности ея нарядамъ. Она даже толковала уже и о томъ, что когда ея отецъ умретъ, то мы уѣдемъ заграницу. Но, грѣшный человѣкъ, мнѣ уже такая наглость начинала надоѣдать, и я (того бѣдняжка вдовушка не знала) тамъ же, въ ея домѣ, написалъ комедію: „Еще утѣшенная вдова", гдѣ она выставлена въ совершенствѣ. Я читалъ эту комедію въ Василевкѣ, и Розетта Андреевна была въ восхищеніи.

Въ это время, какъ я съ Надеждой Андреевной разбирали въ Будылкѣ дѣла, на меня возстала буря. Розетта Андреевна, прочитавши духовную Ольшевскаго, нашла, что будто племянницы обижены, т. е. возложены на нихъ всѣ долги, а потому, и по польскому соціализму, приняла участіе—поѣхала въ Полтаву и разжаловалась бывшему тогда генералъ-губернатору князю Василію Васильевичу Долгорукову, съ женою, котораго полькою, (разводка отъ виленскаго губернскаго предводителя Забелло), была дружка, и на меня всѣ напустились, что называется, лихою волею. И вотъ для защиты меня явилась Надежда Андреевна. Я былъ между двухъ огней. Но хитрая Розетта Андреевна дала дѣлу другой оборотъ: она со мной повидалась, просила отмѣнить духовную и пріѣхать въ Василевку. Надежда Андреевна тоже просила къ ней прежде пріѣхать. Обѣ что-то хотѣли мнѣ сказать и съ

двусмысленнымъ прощаньемъ уѣхали изъ Полтавы по деревнямъ. Я остался въ раздумьи.

Наступилъ 1841 годъ. Я уѣхалъ въ лохвицкій уѣздъ на именины 1-го января къ Василію Ивановичу Паульсону, какъ сослуживцу. Это былъ человѣкъ образованный, единственный сынъ у богатыхъ родителей, имѣлъ музыку, и мы у него цѣлую недѣлю провели отлично. Тамъ я, между прочимъ, написалъ комедію, подъ заглавіемъ „Лукичъ", которую читалъ въ залѣ гостямъ Паульсона и посвятилъ ему ее въ знакъ памяти.

Отселѣ я выѣхалъ къ Крещенію въ Будылку. Меня здѣсь ожидали съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Накрытъ былъ столъ на 4 куверта. Тетушка очень обрадовалась моему пріѣзду и сочла за счастливое предзнаменованіе то, что пріѣхалъ 4-й членъ семейства, такъ какъ ихъ было только трое, т. е. она и двѣ племянницы. Въ Малороссіи соблюдается обычай, чтобы на кутью, т. е. наканунѣ Рождества и Крещенія (первая называется „тайная вечеря". а вторая „постная", или „голодная вечеря", когда цѣлый день ничего не кушаютъ), за вечерей чтобы сидѣли „до чоту", т. е. до пары. Крещеніе мы провели по обыкновенію: были въ церкви, на Іордани, т. е. ходили съ крестнымъ ходомъ на рѣку освящать воду, послѣ обѣда катались, а на третій день отправились въ Василевку, къ Розеттѣ Андреевнѣ, у которой не токмо по праздникамъ бывало много гостей, но и будни превращались въ празники. Это былъ домъ чисто страннопріимный. Имѣніе—цѣлое герцогство. На пространствѣ 60,000 десятинъ земли самой плодородной почвы жили 4000 д. крестьянъ въ разныхъ деревняхъ. Къ господскому хозяйству принадлежало 40 тысячъ овецъ, 1000 коровъ, лошадиный заводъ, тысячъ пять скота, нѣсколько винокуренъ, селитренныхъ заводовъ, различныя ковровыя, холстяныя фабрики и превосходное огромное хлѣбопашество. Всякій день найдете гостей не менѣе дюжины, и всякій день можно было составить кадриль съ пикниками. Для каждой семьи особое помѣщеніе и угощеніе. Вы можете судить объ огромномъ съѣздѣ только по одному тому, что для гостинныхъ лошадей выходило въ годъ 4 тысячи четвертей овса. Иные гости жили здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ и даже по году.

Мы ѣхали въ Василёвку въ двухъ экипажахъ: Текля и Мари съ дѣвушкой въ кибиткѣ, а я съ Надеждой Андреевной въ двумѣстной каретѣ, и представьте странность—мы ѣхали ночью за 35 верстъ разстоянія отъ Будылки до Василёвки. Сидѣли въ каретѣ мы при тускломъ свѣтѣ фонаря, но разговоръ вели обыденный, сколько ни хлопотала Надежда Андреевна вытянуть у меня умильное словечко и сама рисовала чрезвычайно красивые планы. Вы, можетъ быть, подумаете, какъ это возможно вдовѣ молодой, тонной, ѣхать ночью вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ тѣсной каретѣ!... Это ужасно!... Но успокойтесь, я васъ увѣряю, что у насъ ничего не могло произойти нескромнаго,—я скоро уснулъ въ углу кареты и проснулся лишь въ Василёвкѣ. Правда, меня часто будили и даже говорили: какъ не стыдно молодому человѣку спать? но я не догадывался, къ чему относились эти слова—мнѣ казалось, что хлопотали о моемъ здоровьи, и полусонный я говорилъ нескладные комплименты, на мгновеніе утѣшавшіе вдову въ скучной поѣздкѣ, уклоняясь отъ интимностей, которыя Надежда Андреевна навязывала. Она была отъ природы кокетка, но, къ чести ея, институтское воспитаніе, привившее ей, какъ и другимъ дѣвушкамъ, религіозное чувство, даже до фанатизма, парализировало всякія нахальныя побужденія. Я полусонный иногда вслухъ разсуждалъ, что женщины самолюбивѣе мужчинъ, что у нихъ до крайности развита страсть ко владычеству надъ мужчинами, хотя бы въ вопросѣ жизни это могло называться нескромностью. Воспитаніе ихъ устроено по методѣ поверхностной, не русской; француженки, большею частью управляющія нашими институтами и пансіонами, хлопотали объ одной выправкѣ и наружной культурѣ, внушая дѣтямъ высшій тонъ и блестящую будущность, подвергая насмѣшкамъ насущную потребность—знаніе хозяйственной и экономической жизни, представляя все это въ грязномъ видѣ. Мнѣ пришлось даже говорить и о томъ, какъ институтки пьютъ уксусъ и кушаютъ мѣлъ, горькій миндаль и тому подобныя снадобья, чтобы казаться блѣдными, какъ говорятъ, въ аглицкомъ вкусѣ,—конечно, подражая физіогноміи какой-либо тощей и сухой своей наставницы. Красное лицо они называли купчихой. Отъ

этого рѣдкая институтка привыкала къ скромной жизни. Но Надежда Андреевна меня оспаривала и хотя вполовину согласилась, однако осталась при своемъ мнѣніи, что это составляетъ лучшій тонъ, нежели быть простушкой. У всякаго свой вкусъ, говорилъ я, и вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ между нами остался не рѣшеннымъ, когда мы подъѣхали къ крыльцу дома Миклашевскихъ. Здѣсь еще не спали. Розетта Андреевна встрѣтила насъ съ веселымъ видомъ и очень шутила на счетъ дружбы нашей съ Надеждой Андреевной.

Обыденная жизнь въ Василёвкѣ, какъ я имѣлъ уже случай говорить объ ней, шла такимъ же порядкомъ: завтраки, обѣды, гулянья, игры, музыка, ужины, иногда танцы и карты. Сама хозяйка, шестидесятилѣтняя женщина, бывшая нѣкогда красавицей, была душою общества. Мужъ ея, почтенный человѣкъ, Петръ Ивановичъ, женясь на ней, вдовѣ [1]), записалъ ей все свое состояніе и жилъ спокойно, ни во что не вмѣшиваясь, лишь въ его распоряженіи были повара и столъ. Розетта Андреевна правила всѣмъ. Тогда находились при ней дѣти: дочь Юзефина и сыновья Алексѣй и Николай Тимофеевичи. Вотъ общество, въ которомъ я часто проводилъ время и учился познавать свѣтъ и людей.

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Полтаву; меня просили въ Василёвку на масляную. Къ просьбѣ Розетты Андреевны присоединилось прошеніе и одной изъ племянницъ, Мари. Нельзя же было отказать!

По возвращеніи въ Полтаву я нашелъ нѣсколько посланій отъ Татьяны Дмитріевны. Она писала, что въ ней поселилась ревность къ новому моему знакомству съ Ольшевскими, и потому она желала бы успокоить свое сердце, провѣривъ слухъ съ собственнымъ моимъ признаніемъ, для чего она и пріѣхала въ Полтаву. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ ней. Казалось, при свиданіи мы бросимся другъ къ другу съ искреннимъ чувствомъ, а встрѣтились—и отступили; поздоровались очень цере-

[1]) Розетта Андреевна первымъ мужемъ имѣла надворнаго совѣтника Тимоѳея Ивановича Богаевскаго, бывшаго членомъ радзивиловской таможни; съ нимъ имѣла дѣтей: двухъ дочерей и двухъ сыновей.

монно, посидѣли очень жеманно, поговорили о слухахъ, затронули самолюбіе и разошлись.

Зачѣмъ она звала меня? я задавалъ себѣ вопросы. Такая натянутость меня мучила. Предложу ей замужество, такъ и быть!—вѣроятно она этого только и ожидаетъ. Положимъ, прежде она мнѣ почти отказала, потому что жива была ея матушка—женщина стариннаго вѣка, не дозволявшая ей выходить вторично замужъ, страшая, что и второй мужъ будетъ таковъ же, какимъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ; но теперь, должно быть, все это забыто, и хотя привычка ея къ свободѣ и къ своего рода капризамъ, напримѣръ: любовь къ собачкѣ, цѣлый полкъ дѣвокъ и лакеевъ, тьма странностей,—меня пугали, но я думалъ, авось все это исправлю моею любовью къ ней, послушаніемъ, что называется—лягу подъ башмакъ. Я твердо вѣрю, что женщина любящая больше насъ мучитъ; ей хочется наслаждаться до безграничности, у нея нѣтъ мѣры удовольствіямъ—она вся превращается въ восторгъ. Мужчина, напротивъ, достигнувъ любви, величается побѣдою, и довольный, небрежно куритъ сигару. Вотъ такъ и припомнить безсмертнаго Пушкина:

„Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился,
Безмолвно раболѣпный хоръ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.

Такъ уже природа создала родъ человѣческій, чтобы женщина ласкалась къ мужчинѣ, а у насъ перевоспитали женщинъ,—женщины взяли верхъ. Конечно, я не допускаю восточнаго тиранизма и гаремовъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на патріархальную чету, съ христіанскимъ направленіемъ, такъ называемаго средняго круга, гдѣ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до старости мужъ жену называетъ: „Наталія Васильевна, моя голубушка“, а жена мужа величаетъ „Василіемъ Петровичемъ, своимъ ненаглядным“, которые при свидѣтеляхъ не цѣлуются, но за то и безъ свидѣтелей не дерутся. При этихъ мысляхъ мои идилліи и фантазіи о прелести женщинъ превращаются въ обыкновенную прозу. Лучше жениться, думалъ я, на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которую можно направить по своему характеру

или по общечеловѣческому плану, нежели на капризной вдовѣ. Однако, черезъ нѣкоторое время, такъ сказать, при первомъ случаѣ, я отправился къ Татьянѣ Дмитріевнѣ и на этотъ разъ смѣло предложилъ ей свою руку и сердце...

Смущеніе, нерѣшительность, что-то въ родѣ досады пробѣжало по лицу Т. Д. Казалось, она боролась между привязанностью и страхомъ. Она боялась подчиниться человѣку, котораго уже поняла хорошо. Ей представлялась ужасная перспектива— разстаться съ свободой и любимыми привычками. Значитъ, расчетъ, разсудочность заступили мѣсто увлеченій и минутныхъ наслажденій, за которыя люди не рѣдко расплачиваются жизнью. Матеріализмъ вполнѣ овладѣлъ моей вдовушкой, и при посредствѣ ханжества она уже нашла, что самую страстную любовь побѣждать можно. Такъ и поступлено. Мнѣ наотрѣзъ сказали: „Если не хотите моей любви, то женитесь на комъ угодно". Я всталъ, поклонился и ушелъ.

Уже больше мы съ Татьяной Дмитріевной не видѣлись. Черезъ годъ ровно она умерла и все имѣніе отписала на церкви. Характеръ удивительный!... Вѣчный ей покой!...

Наступила масляная недѣля 1842 года; я отправился въ Василевку еще предъ масляною, поспѣшилъ потому, что обѣщалъ дѣвушкамъ Ольшевскимъ и Надеждѣ Андреевнѣ съѣздить въ Бѣлоруссію осмотрѣть тамошнія ихъ имѣнія и разсмотрѣть дѣла.

Въ Василевкѣ я нашелъ уже всѣхъ ихъ. Изъ дѣтей Розетты Андреевны оставался дома Николай Тимофеевичь, а Юзефина гостила въ Харьковѣ у княгини Долгоруковой. Недѣлю цѣлую я собирался ѣхать въ Бѣлоруссію, но меня удерживали, откладывая поѣздку день ото дня подъ различными предлогами. Между тѣмъ примѣтно стала за мной ухаживать меньшая племянница Ольшевской, Мари, безпрестанно со мною лепетала, пѣла и играла, особливо когда узнала, что я люблю музыку. Со мною въ одной комнатѣ присосѣдили одного изъ пріятелей Розетты Андреевны, Ухацкаго, для вывѣдокъ. Этотъ господинъ всячески ухитрялся, чтобы узнать мое мнѣніе о дѣвицахъ, и видимо желалъ направить мое сердце въ пользу Мари: но уже

я, изучивъ людей, понялъ, какъ ему отвѣчать, въ родѣ того: онѣ обѣ отличныя дѣвушки, одинаково образованы и любезны, такъ что трудно мнѣ отличить между ними которую-либо и т. п. На вопросъ: „Женитесь ли вы когда?“, я отвѣчалъ отрицательно, такъ что Ухацкій послѣ нѣсколькихъ попытокъ донесъ покровительницѣ амурныхъ продѣлокъ, что на меня разсчитывать нѣтъ никакой надежды.

Но Розетта Андредвна не теряла надежды: она принялась аттаковать меня еще съ большей энергіей. Разъ, въ пылу самаго веселаго разговора, она меня спросила по-польски: отчего я не женатъ? Я экспромтомъ отвѣтилъ:

— Оттого, что невѣсты не объясняются! т. е. я самъ никогда не посмѣю объясниться.

— Неужели это случается? спросила Р. А.

— Отчего-же? Если мужчина можетъ признаніе объявить дѣвушкѣ, то и обратно можно ожидать признанія. Неужели же любить стыдно? Я полагаю, напротивъ, вредно скрывать чувства, особливо дѣвушкамъ, по натурѣ слабѣйшимъ твореніямъ, отъ чего онѣ могутъ болѣе страдать. Иначе можно думать, что въ въ дѣвушкахъ притворщицы всѣ, а въ женахъ обнаруживаютъ иной характеръ.

Какъ ни стояла Миклашевская противъ этихъ доводовъ, однако за мысль мою схватилась и успѣла привести ее въ исполненіе. Случай представился, или у нихъ былъ заговоръ, но меня поймали такъ:

Въ субботу на масляной я объявилъ, что завтра ѣду. Это приняли какъ бы за серіозный вызовъ, и Розетта Андреевна, показывая видъ заботливости о приготовленіяхъ къ моему отъѣзду, какъ водится, приказывая повару разныя для моей дороги печенія, съ улыбкою просила провести этотъ вечеръ въ ея кабинетѣ, дабы уединясь потолковать о дѣлахъ сиротъ, какъ она выразилась о сестрахъ Ольшевскихъ. Послѣ ужина я былъ приглашенъ на аудіенцію, но здѣсь нашелъ чинно сидящихъ: Розетту Андреевну, Надежду Андреевну и Мари, противъ которой сѣлъ и я. Разговоръ начался о дѣлахъ, и когда я доказалъ, что нужно мнѣ поспѣшить съ отъѣздомъ и выѣхать непремѣнно

завтра, тѣмъ болѣе, что дорога портится и я могу быть задержанъ безпутицею,—то Мари отозвалась съ своею живою рѣчью:

— Извините, вы завтра не уѣдете, васъ не пустятъ.

— Кто же меня можетъ удержать и по какому праву? спросилъ я.

— Я, по праву вашей вѣрительницы[1]), отвѣчала Мари; я могу располагать вами, какъ моимъ повѣреннымъ, сохраняя ваше здоровье, которое для меня очень дорого.

Слова эти были произнесены такъ хорошо, какъ говоритъ только чистая и нелицемѣрная душа, такъ что вся моя схоластика перевернулась вверхъ дномъ и превратилась въ гуманность.

— Когда же мнѣ прикажете ѣхать? спросилъ я.

— Когда васъ попросятъ, съ улыбкой отвѣтили всѣ три собесѣдницы.

— Ваши дѣла отъ замедленія могутъ пострадать.

— Ничего не потерпятъ дѣла, лишь бы вы были здоровы.

— Зачѣмъ же вы такъ хлопочете о моемъ здоровьи, когда я совершенно здоровъ?

— Затѣмъ, сказала Мари, что я васъ люблю!—Сказавъ это, Мари вспорхнула и ушла.

— Браво, браво! воскликнула Розетта Андреевна. Вы ожидали отъ дѣвушки объясненія, и вотъ оно—самое искреннее, самое живое, и я не нахожу въ этомъ ничего дурного.

Тетушка нахмурилась: ей, можетъ, это было неожиданно и для ея самолюбія обидно; но на меня признанье подѣйствовало благотворно. Я сидѣлъ, какъ бы сконфуженный, въ душѣ моей отозвалось что-то пріятное. Такое доброе созданіе должно было показать, что дѣйствительно меня любитъ, и, если судьба мнѣ прикажетъ быть ея мужемъ, то я не могу ожидать упрека, который часто повторяется между мужьями и женами, составившими союзъ по расчету: „Я васъ не просила на мнѣ же-

---

[1]) Она съ сестрою давно мнѣ дали довѣренность на управленіе имѣніями и дѣлами.

ниться“ и тому подобное. Такъ я сидѣлъ и погружался въ размышленіе.

— Поздравляю, поздравляю! перебила мои думы Розетта Андреевна. Вы отъ слова не откажетесь: я знаю, вы благородный человѣкъ. Вы сами сказали, что, если дѣвушка объяснится, вы преженитесь. Чего же больше? Я вамъ рекомендую дѣвушку превосходную, достойную васъ невѣсту. Не правда-ли... а?...

Разстроенный, сконфуженный, какъ-то пріятно обманутый,— я всталъ, пожелавъ имъ покойной ночи, и ушелъ, пожавъ имъ руки.

Весь слѣдующій день—это былъ уже постъ—я провелъ грустный. Меня старались успокоить и даже сказали: „Если вы ужъ такъ настойчивы, мы вамъ не препятствуемъ ѣхать въ Бѣлоруссію, но съ условіемъ, какъ можно скорѣе возвращаться“.

Во вторникъ на первой недѣли поста, снабженный всевозможными пирожками и паштетами, я выѣхалъ на почтовыхъ и въ четыре дня доѣхалъ до Мстиславля, а оттоль въ шести верстахъ имѣніе Ольшевскихъ, Кудричи. Здѣсь арендовалъ имѣніе титулярный совѣтникъ Романъ Семеновичъ Шведовскій, претендентъ также къ меньшой владѣтельницѣ, но получившій отказъ; онъ принялъ меня радушно, какъ повѣреннаго своихъ же довѣрительницъ. Между дѣломъ познакомилъ у себя съ гостями, мстиславскимъ окружнымъ, полковникомъ Баумгарти Баумгарти, и ближайшимъ сосѣдомъ Самуиломъ Карповичемъ Илличемъ. Въ Мстиславлѣ бывали клубы, изъ коихъ въ одномъ былъ я съ Шведовскимъ и видѣлъ первый разъ въ жизни, какъ танцовалъ полковникъ Крагельскій съ одною полькою краковякъ.

Обозрѣвъ имѣніе Кудричи и Антоновку и получивъ полное понятіе о дѣлахъ, я на второй недѣлѣ поста выѣхалъ чрезъ Рославль и на той же недѣлѣ явился въ Василевку. Здѣсь меня встрѣтили по прежнему—отлично, и какъ я спѣшилъ въ Полтаву, то и не удерживали, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ къ Свѣтлому празднику въ Василевку; а Надежда Андреевна приглашала къ себѣ въ Будылку, давая замѣтить, что Пасху съ родными, ка-

кимъ она меня считала по дружбѣ съ ея мужемъ, встрѣтить приличнѣе, а оттоль предлагала ѣхать въ Василевку вмѣстѣ.

Кому отдать предпочтеніе, я не рѣшилъ, бывъ занятъ моей поѣздкой въ Полтаву. Пріѣхавъ, здѣсь я занялся прежде всего дѣлами и нашелъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Полтавскаго уѣзда, село Локощина съ 147 душъ крестьянъ и 1 тыс. десятинъ земли. На ней долговъ:

Приказу	28,000	руб.
Коллежскому совѣтнику Маньку	37,000	„
Купцу Смирнову . . . . , . .	14,000	„
Помѣщику Бродскому 1000 р., полковнику Веселовскому 2200 р., полковнику Вакслунду 2300 р., нѣмцу Эпфнеру 2100 р., помѣщику Пащенку 1000 р., капитану Гончарову 2500 р., нѣмцу Эптеру 2700 р., помѣщику Лесевицкому 2100 р. полковнику Кутузову 1500 р., экономкѣ Невѣровичевой 500 р. и итого	16,900	„
b) Харьковской губерніи, лебединскаго уѣзда, село Будылка съ 57 душъ и 500 десят. земли, записанная Надеждѣ Андреевнѣ съ движимостью. На ней долгу Андрею Ивановичу Коваврку . .	35,000	„
с) Могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ, сельцо Кудричи и деревня Антоновка съ 99 душъ и 1100 десятинъ земли. На нихъ долгъ Банку	19,400	„
Да арендаторъ Шведовскій объявилъ претензію въ	2,000	„
Разныхъ мелочныхъ долговъ на	1,000	„
Всего . . .	153,300	„

А имѣнія всего 303 души, если оцѣнить, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ 700 р. душа, maximum стоитъ 211,100 р.

Сообразивъ все это, дружбу Даніила Францовича, желаніе Розетты Андреевны, которую я отъ души уважалъ, и наконецъ истинную любовь Мари, я рѣшилъ жениться и спасти достояніе, безъ этого могущее совершенно разориться. Между тѣмъ мнѣ нужно было разрушить и мнѣніе публики, что духовную я со-

ставилъ въ пользу Надежды Андреевны. На этомъ основаніи я купилъ коляску, одѣлъ кучера, лошади у меня были,—и на последней недѣлѣ отправился прямо въ Будылку, полагая навѣрное встрѣтить у тетушки и племянницъ.

Но между тѣмъ, какъ я въ Полтавѣ хлопоталъ цѣлый постъ по дѣламъ, Надежда Андреевна увѣрила Мари, что я пріѣду къ празднику не въ Будылку, а въ Василевку, поэтому она и переѣхала туда, не полагая, чтобы здѣсь сокрытъ былъ умыселъ, какъ впослѣдствіи оказалось. Надежда Андреевна задумала меня атаковать и сбыть соперницу, тѣмъ болѣе, что она ее и прежде не жаловала.

Ничего этого не зная, какъ сказалъ, я спѣшилъ въ Будылку въ самую великую пятницу. Тетушка была очень довольна, но крѣпко ошиблась, ибо предметъ мой составляла не она, и я, не найдя здѣсь Мари, примѣтно былъ недоволенъ. На вопросъ мой, гдѣ Мари, Надежда Андреевна отвѣчала, что она уѣхала на короткое время къ Р. А. и, вѣроятно, ее удержала распутица. И дѣйствительно, въ мартѣ тамъ уже распускаетъ рѣка и снѣгъ совершенно пропадаетъ. Дѣлать было нечего, приличіе требовало скрыть досаду, тѣмъ болѣе, что любезная хозяйка сама за мной ухаживала и даже расшевелила серіозную Теклю.

Въ то же время, какъ мы въ Будылкѣ грустимъ и приготовляемся къ празднику, Мари, по увѣренію тетушки, ожидала меня въ Василевкѣ,—но вдругъ поутру въ Великую субботу взбунтовалась. Она схватилась съ постели, вбѣжала полуодѣтая въ спальню къ Розеттѣ Андреевнѣ и разсказала сонъ, въ которомъ ясно видѣла, что вчера, т. е. въ пятницу, я пріѣхалъ въ Будылку и очень остался недоволенъ, не найдя ея; поэтому она и просила тотчасъ ее туда отправить. Сколько ее ни уговаривала Р. А. и Петръ Ивановичъ, представляя невозможность переплыть двѣ рѣки, Пселъ и Сулу, довольно широкія и быстрыя рѣки и особенно тогда, въ разливѣ,—но ничто не остановило героиню. Запрягли кибитку въ 5 лошадей, и Мари, что называется, поплыла.

Когда Мари перебиралась чрезъ рѣки и овраги, то вплавь, то на утлыхъ лодочкахъ, при всей однако боязни къ водѣ,—

мы въ Будылкѣ ничего не знали и суетились съ приборами, какъ обыкновенно въ Малороссіи водится—пекутъ Пасхи, папушники готической величины, жарятъ всевозможную живность и дичь, красятъ яйца, пишутъ писанки и устанавливаютъ все это на огромныхъ столахъ. Уже вечерѣло, кажется благовѣстили въ церкви на такъ называемое „дѣяніе", какъ въ это время въѣзжаетъ на дворъ кибитка, и съ нея выскакиваетъ Мари и съ быстротою серны вбѣгаетъ въ комнаты. „Bonjour, ma tante, bonjour, ma soeur!" кричала обнимая ихъ. Далѣе влетѣла въ гостинную, гдѣ сидѣлъ я, чуть не бросилась мнѣ на шею. Предметъ ея сидѣлъ спокойно и читалъ книгу; она схватила меня за руку и пожала руку.

— Какъ я счастлива, что нашла васъ здѣсь!

Она пересказала мнѣ и вошедшимъ въ гостинную тетушкѣ и Теклѣ все живо и подробно, какой ей снился сонъ, какъ она просила Розетту Андреевну и Петра Ивановича отпустить ее, какъ перебиралась и топилась, и заключила словами:

— Этимъ я доказала, что люблю васъ!

Ея лицо сіяло радостью и какою-то воодушевленной гордостью, приличною побѣдительницѣ стихій. Держа ея руку, я благодарилъ ее за чувства и первый разъ поцѣловалъ ее. Весь вечеръ мы провели неразлучно и, какъ водится между влюбленными, разговорамъ не было конца. Здѣсь вполнѣ высказался ея умъ и обнаружилось доброе и нѣжное сердце... Насъ, по обыкновенію, въ 12 часовъ ночи позвали на всенощную. Я слушалъ ее съ особеннымъ благоговѣніемъ; въ концѣ заутрени, по обыкновенію же, мы должны были христосоваться, и мнѣ пришлось кстати поцѣловать Мари, какъ ангелъ благовѣстилъ Богородицу, ибо этотъ годъ праздникъ Пасхи какъ разъ случился 25 марта, т. е. на Благовѣщеніе. Потомъ слушали обѣдню. Мы видѣли, какъ священникъ кропилъ святою водою пасхи, съ разными припасами, разставленныя въ нѣсколько рядовъ вокругъ церкви, и какъ потомъ каждый поселянинъ спѣшилъ съ этими яствами домой, чтобы всей семьей вкусить уготованнаго агнца и сладкаго хлѣба. Мы также отправились домой, гдѣ пасха освящена была еще наканунѣ праздника.

По обычаю, издревле здѣсь установленному, мы, вышедши отъ обѣдни, кажется, въ 5 часовъ утра, уже завтракали, т. е. сначала ѣли такъ называемую пасху, потомъ яйца, сыръ и далѣе по-немножку всякаго мяса, пили чай и, можно сказать, весь день закусывали, то садились отдыхать. Само собою разумѣется, мы почти были неразлучны съ Мари, и я рѣшился въ тотъ же день объявить тетушкѣ и сестрѣ о моемъ предложеніи, спросивъ предварительно согласія самой Мари. Когда я предложилъ ей быть спутницей жизни, она схватила мою руку и поцѣловала. О, скажутъ молодыя дѣвушки, какая простенькая эта Мари!— но я совѣтую вамъ, барышни, подражать этой простенькой въ подобныхъ случаяхъ. Мари отъ этого ничего не потеряла, а доказала кротость и ангельскую душу, о которыхъ всѣ твердятъ, а рѣдкая ихъ имѣетъ, тогда какъ это существенная и главная нравственная черта дѣвушекъ. За то я ее поцѣловалъ крѣпко, и мы объявили тетушкѣ о нашемъ сговорѣ.

Вы можете представить физіономію, пораженную неожиданно громомъ! Въ такомъ состояніи была Надежда Андреевна при нашемъ объявленіи. Она закрыла лицо руками, придумывала, что намъ сказать, и вмѣсто поздравленія, открывъ лицо, открыла вмѣстѣ и уста съ провозглашеніемъ:

— Я должна предупредить васъ, Иванъ Ивановичъ, что у Мари ничего нѣтъ изъ гардероба, а у меня развѣ какой старый найдется чепчикъ.

— Если только объ этомъ идетъ рѣчь, возразилъ я, то прошу васъ не безпокоиться. Мнѣ токмо нужно ваше согласіе, какъ главной родственницы моей невѣсты, а тамъ уже я самъ похлопочу о приданомъ.

Не помню, что на это отвѣчала тетушка—ушла въ свой кабинетъ и заперлась; а черезъ четверть часа летѣлъ уже гонецъ къ Розеттѣ Андреевнѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Многоуважаемая Розетта Андреевна! Г. Сердюковъ объяснился Мари, думаетъ на ней жениться. Но вы знаете, какъ это трудно устроить, когда у нея ничего нѣтъ. Онъ говоритъ, что самъ все сдѣлаетъ, а у меня, вы знаете, тоже ничего нѣтъ. Я никакъ не ожидала этой партіи, и полагаю, на это не согласитесь ни

вы, ни Юзефина Тимофеевна, и рада буду, если это не состоится. Мнѣ кажется, этого нельзя не желать. Вамъ преданная Н. Ольшевская. 26 марта 1841 г.

Розетта Андреевна, получивши это письмо, тотчасъ написала съ эстафетою въ Харьковъ Юзефинѣ и полученный отъ нея отвѣтъ по-французски препровождала ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Надежда Ивановна увѣдомила меня о сдѣланномъ вами предложеніи Мари. Поздравляю васъ отъ души и очень радуюсь вашему выбору: я знаю Мари хорошо и надѣюсь, что она вполнѣ можетъ составить ваше счастье и сама равно будетъ счастлива. Если вы затрудняетесь на счетъ свадьбы, то, при тѣснотѣ дома Надежды Андреевны, можете располагать въ Василевкѣ. Пріѣзжайте, обо всемъ потолкуемъ. Отъ Юзефины полученное письмо на счетъ васъ препровождаю для прочтенія. Всегда къ вамъ усердная Р. Миклашевская". Юзефина по-французски отвѣчала матери, что предложеніе мое не токмо для Мари, но считаетъ счастливымъ и для ихъ дома.

Отвѣтъ чрезвычайно не понравился тетушкѣ. Она ждала писемъ въ другомъ смыслѣ. Но дѣло объяснено, и она, вмѣсто хотя бы притворнаго участія, начала съ нами ссоры, давая разумѣть, что съ выходомъ Мари замужъ отказывается отъ всякаго участія въ дѣлахъ племянницъ. Такая перемѣна рѣшительно меня вооружила противъ тетушки. Бѣдная Текля, предубѣждаемая нынѣ противу меня, также страдала, тѣмъ еще болѣе, что, по словамъ ксендза, Мари, какъ католичкѣ, выходъ за русскаго предзнаменовалъ будто несчастіе. (На этотъ разъ ксендзъ совралъ—мы жили превосходно). Одна Мари не унывала и пѣла, а это тетушку бѣсило до ревности. При такомъ вступленіи нужно было самимъ хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего я съ Мари уѣхалъ въ Василевку для совѣщанія съ Розеттой Андреевной.

Въ Василевкѣ рѣшили вѣнчаться 13 мая 1841 года, въ Будылкѣ, дабы не обезславить тетушки. Я же взялся приготовить все нужное къ вѣнцу. Для этого отправился въ Полтаву и уже 14 апрѣля прислалъ къ Мари приданое при слѣдующемъ

регистрѣ: 26 аршинъ матеріи григро на два платья, одно голубое, другое темновишневое, аделаидъ, по 8 руб.—208 руб.; 3 штуки ивановскаго холста—60 руб.; 1 штука голландскаго, Вебе—220 р.; 1 платокъ шелковый большой—100 р.; 1 штука розовой китайки—20 руб.; 13 аршинъ холстинки—12 р. 35 к.; 2 штуки коленкору—64 р.; 7 аршинъ широкой парусины—32 р.; 17 золотн. шелку—4 р. 25 к.; 6 арш. кисеи—13 р. 50 к.; 2 аршина тюль илюзіонъ—13 р.; 2 арш. тюль блондъ—10 р. 16 аршинъ рюшу—5 р. 60 к.; 4 аршина блондъ—3 р. 20 к.; 50 аршинъ лентъ—5 р., 1 парасоль—5 р.; 25 золотник. китоваго уса—2 руб. 50 коп.; 16 аршинъ адамашки шелковой—72 руб.; 1 арш. прюнели—5 р.; 1 дамское манто—175 р.; 2 кровати съ матрацами—100 р.; 6 креселъ—90 р.; 1 туалетъ краснаго дерева съ зеркаломъ—250 р.; диванъ и столъ—115 р.; 1 лѣтняя коляска—700 р.; 4 лошади и сбруя—800 р.; 1 коляска зимняя—500 р.; 1 дрожки—450 р. Итого 4180 руб. 40 коп. Вѣнчальное платье сдѣлала Розетта Андреевна; шляпу выписалъ я изъ Петербурга, а салопъ лѣтній прислала изъ Харькова Юзефина. Послѣ того я купилъ карету у полковника Миллера за 3500 руб.

Въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ я отставку и жилъ въ Полтавѣ до мая, и собравшись въ первыхъ числахъ этого мѣсяца отправился въ Василевку, а оттоль въ Будылку, гдѣ 13 мая 1841 года мы вѣнчались въ тамошней церкви. У меня шаферомъ былъ Егоръ Васильевичъ Далецкій, помѣщикъ гадяцкаго уѣзда полтавской губерніи, у Мари—Алексѣй Тимофеевичъ Богаевскій. Свадьба кончилась въ домѣ тетушки, въ присутствіи Розетты Андреевны и многихъ гостей. Тетушка на этотъ разъ съ нами примирилась и даже, когда мы возвратились отъ вѣнца, поцѣловала меня.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА-РОМАНОВИЧА МАРТОСА [1].

(1817—1830 г.г.)

VI. Письма Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго [2].

(1821—1827 г. г.).

21. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Весьма благодарю васъ и за поздравленіе меня съ новымъ годомъ и за благія мнѣ пожеланія ваши. Я не привѣтствую васъ съ первымъ, какъ уже отъ времени потерявшимъ сіе названіе, но только желаю взаимно и вамъ наслаждаться долголѣтно добрымъ здоровьемъ и всякимъ благосчастіемъ, а себѣ удовольствія увидѣться съ вами и прижать къ сердцу, искренно васъ любящему. Не всѣ вѣсти въ мірѣ семъ бываютъ справедливы, такъ напримѣръ, и свѣдѣніе, полученное вами отъ И. И. не совсѣмъ таково. Правда, я по случаю живу съ нимъ теперь въ одномъ городѣ, но не въ одномъ кварталѣ и весьма не близко другъ къ другу. Съ наступленіемъ весны, ежели Богъ дастъ мнѣ дожить ея, намѣреваюсь совершить послѣднюю часть пути, ведущаго къ тихому пристанищу. Такъ ласкаюсь пріятной надеждою узрѣть и васъ, къ коему никогда не престану быть съ нелицемѣрнымъ

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1896 г., октябрь, 77—92.

[2]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, быш. министр. юстиціи. (р. 1794 † 1829). О немъ см. Русск. Стар. 1882 г. іюнь, и Историч. Вѣстн. 1891 г. май и іюль.

почтеніемъ и душевною приверженностію, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

Москва, февраля 5. 1821 г.

22. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Сколь много доставили вы мнѣ сердечнаго удовольствія пребываніемъ вашимъ въ Кибинцахъ и раздѣленіемъ скуки деревенскаго нашего общества, столь неменше утѣшили меня двумя любезными вашими письмами, отъ 6 и 13 ноября, единовременно мною полученными. За первое и за послѣднія чувствительнѣйшую приношу благодарность и надѣюсь на дружбу вашу, что во ожиданіи пока возможность предстанетъ быть намъ паки вмѣстѣ, вы не оставите услаждать меня вашими пріятными извѣщеніями. Прежде полученія вашихъ писемъ, я чрезвычайно безпокоился на щетъ вашей дороги, которую вы предприняли въ самую суровую погоду, но благодареніе Богу, вы совершили ее благополучно. Желаю, чтобъ святыя мѣста, въ коихъ вы теперь обитаете, послужили къ совершенному укрѣпленію здоровья вашего. Прекрасное дерево, кизиль, вами присланное, довезено сюда весьма бережно и посажено предъ окошками моего кабинета и слѣдственно всегда будетъ предъ глазами моими. На зиму оно кажется хорошо ограждено отъ стужи, и весна покажетъ, успѣли ли мы сберечь его, но впрочемъ, что бы ни случилось, я, какъ наблюдатель подобныхъ рѣдкихъ произрастеній, искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за снабденіе меня онымъ. Извѣстія ваши крайне интересны и я ни отъ кого ихъ не пріиму съ такою увѣренностію, какъ отъ васъ, ибо сужденіямъ вашимъ знаю истинную цѣну. Я положилъ съ нетерпѣніемъ ожидать, пока вы усовершенствуете извѣстныя книги вашими примѣчаніями. Съ сими послѣдними они для меня будутъ важнѣе и занимательнѣе и для того не хочу безпокоить сосѣда моего[1]) сообщеніемъ мнѣ его рукописи и ограничу свое любопытство до полученія вашего превосходнаго экземпляра. Пріймите увѣреніе и проч.

Кибинцы, декабря 3, 1821.

---

[1]) В. Я. Ломиковскаго.

23. Введеніе, вами начертанное къ описанію моей библіотеки, я нахожу превосходнымъ въ отношеніи только сочиненія, а не по достоинству изображаемыхъ предметовъ. Однако жъ не меньше желалъ бы имѣть его въ такомъ видѣ, какъ вы оное обѣщаете усовершенствовать; нынѣшнее же недостаточно и потому, что по ошибкѣ, видно, переписчика пропущено одно не изъ малозначающихъ отдѣленій или статей, именно VIII, о доходахъ торговли и пр. и пр. Съ сожалѣніемъ скажу вамъ, что и каталоги книгамъ остаются по...(?) въ прежнемъ положеніи, ибо къ исправному ихъ составленію и перепискѣ руководствовать некому; я же признаюсь, по немощамъ моимъ и по частымъ болѣзнямъ, не могъ возложить на себя сей скучной и заботливой обязанности и жаль очень, что предположеніе къ тому сдѣланное остается безъ исполненія до лучшаго и удобнѣйшаго времени. Весьма соглашаюсь съ вами, что искусство писмянъ есть совершенство, единому Богу свойственное, и ему за оное обязаны мы приносить жертву, хвалы и благодаренія. Сей божественный даръ, толико человѣчеству полезный, доставляетъ и мнѣ то неизреченное удовольствіе, что я и въ отсутствіи утѣшаюсь пріятною вашею бесѣдою и могу изъявлять взаимность чувствованій отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности, съ коими навсегда пребуду...

Кибинцы, генваря 7, 1822.

24. Извините меня, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за продолжительное молчаніе мое и что я не отвѣчалъ даже на нѣсколько дружескихъ писемъ вашихъ, въ томъ числѣ и на привѣтственное по случаю прошедшаго свѣтлаго праздника, въ который я мысленно прижималъ васъ къ сердцу, и цалуя я радостно возглашалъ: Христосъ воскресе! Теперь пользуясь отъѣздомъ Алексѣя Васильевича (Капниста), предоставляю ему объяснить вамъ причину неключимости моей и болѣзненнаго состоянія, а самъ обращаюсь къ отвѣтамъ, хотя краткимъ на любезную для меня бесѣду вашу. Съ благодарностію получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя, и они-то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ преду-

вѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностію опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. [1]), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣль его творенія и показываютъ его или съумашедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на щетъ сего препрославленнаго сочинителя, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекали моего къ нимъ уваженія. По окончаніи чтенія сей книги, я поступлю съ ней такъ точно, какъ вы мнѣ предписали, о чемъ заранѣе уже предварилъ я и Вас. Яковл. (Ломиковскаго). Что касается до другова дара, вами мнѣ обѣщаннаго, я его буду ожидать съ нетерпѣливостію и напередъ восхищаюсь симъ прекраснымъ твореніемъ рукъ вашихъ. Я бы однако считалъ лишнимъ включить въ оное имя мое; но не смѣя отказать въ удовлетвореніи требованію вашему, сообщаю вамъ на особой запискѣ полный титулъ мой, прибавя къ тому, что въ 1802 году, безъ всякаго моего исканія и даже безъ моего свѣдѣнія, эстляндское рыцарство, принявъ меня въ свое сословіе и включивъ въ ихъ метрикулу, доставило мнѣ чрезъ депутацію дворянскаго предводителя грамоту на сіе достоинство. Оканчиваю увѣреніемъ въ непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго къ вамъ почтенія, искренней дружбы и душевной приверженности...

Кибинцы, октября 28, 1892 г.

25. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги, вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ея *евангельскою премудростію*, и слѣдуя вашему мнѣнію „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать“, не могу однако жъ не убѣждаться справедливостію того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной недавно мною другой книгѣ, подъ титуломъ *божественная философія*. Сочинитель сея послѣднія, на щетъ Г. Св... изъясняется сими словами: „жаль,

---

[1]) Сведенборгъ?

что онъ часто божественную истину св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову. Впрочемъ, онъ имѣетъ много". Не распространяясь болѣе о семъ важномъ и многова размышленія требующемъ предметѣ, я только обязанъ повторить вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, искреннѣйшую благодарность за дружескую довѣренность, съ которою вы мнѣ сообщили сію книгу, и увѣдомить васъ, что я оную согласно съ желаніемъ вашимъ передалъ въ руки общаго пріятеля нашего Василія Яковлевича, съ коимъ я разлучился можетъ быть на цѣлое лѣто, переѣхавъ для продолженія лѣченья и купанья, въ Яресски[1]), гдѣ часто воспоминаемъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ лишеніе того удовольствія, какое приносило намъ прошедшаго лѣта любезное и пріятное ваше сообщество. Теперь обращаюсь къ той посылкѣ, которую я отъ дружбы вашей получилъ предъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Кибинецъ. Не нахожу довольно словъ ни возблагодарить васъ, ни возхвалить по достоинству труды ваши, которыми вы съ такимъ краснорѣчіемъ изобразили виды деревенскаго моего книгохранилища. Но сказать ли вамъ истину? Я одинъ восхищался картиною прекраснаго и занимательнаго сочиненія вашего, и не хотѣлъ показать онаго даже никому и изъ домашнихъ моихъ, дабы не сочли меня самолюбивымъ, въ отношеніи тѣхъ качествъ, кои угодно было вамъ приписать мнѣ лично и которымъ я считаю себя чуждымъ. По сей единственно причинѣ прелестное твореніе ваше останется въ тайной моей архивѣ, въ числѣ піесъ никакому духу не сообщаемыхъ. Въ заключеніе, позвольте сказать нѣсколько словъ на щетъ предположенія вашего, что война у насъ съ турками неизбѣжна. Напротивъ, всѣ извѣстія, изъ столицы доходящія доказываютъ, что войны не будетъ, что турки уже согласны на удовлетвореніе требованіямъ Россіи, и что затѣмъ греки предоставляются собственному ихъ жребію. Можетъ быть, Богъ поможетъ имъ самимъ, по примѣру американцевъ, восторжество-

[1]) Село Яресски, миргородскаго уѣзда, полтавской губ.

вать надъ лютыми своими преобладателями и хотя въ нѣкоторой своей части возстановить независимость своей націи. Жаль только, если изгнаніе варваровъ изъ Европы, къ чему теперь насталъ самый лучшій случай, отлагается и о чемъ каждая православная душа печалиться должна. Оканчиваю длинное письмо мое подтвержденіемъ искреннѣйшаго увѣренія о непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной преданности...

Яреськи, іюля 1, 1822.

26. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Мой жребій всегда извиняться въ медленности отвѣтствованія на любезнѣйшія письма ваши, которыя сколь не великое приносятъ мнѣ удовольствіе, но часто находятъ меня въ такой неключимости, что я ни перомъ владѣть, ни мыслями располагать не въ состояніи, будучи почти безпрестанно подверженъ различнымъ припадкамъ, свойственнымъ преклонности лѣтъ моихъ, приближающихъ меня къ послѣднему предѣлу жизни. Независимо отъ сихъ причинъ, встрѣтилась еще и новая, крайне меня огорчившая, по коей не могъ я уже писать къ вамъ черезъ почту. По пакету одного изъ писемъ вашихъ, и именно отъ 20 августа, который я нарочно сберегъ и при семъ къ вамъ нарочно препровождаю, усмотрѣлъ я съ неудовольствіемъ, что нескромное любопытство почтмейстера кіевскаго, или другого кого изъ служителей почтовыхъ, дерзнуло открывать содержаніе переписки нашей, долженствующей быть неприкосновенною. Симъ непозволеннымъ и наглымъ поступкомъ я столь много огорченъ былъ, что тогда же хотѣлъ принести жалобу почтдиректору и просить объ изысканіи, но избѣгая послѣдствій, непріятныхъ для нарушающихъ общественную довѣренность къ почтамъ, оставилъ оное и вамъ однимъ только сообщаю для употребленія, какое вы изъ того здѣлать благоразсудите. Что-же касается до меня, я рѣшился уже никогда писемъ моихъ не ввѣрять подозрительной кіевской конторѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, доколѣ не буду выведенъ изъ сумнѣнія, что управляющій оною не только

самъ не причастенъ злоупотребленію, но и за подчиненными своими будетъ имѣть по обязанности лучшее наблюденіе...

Кибинцы. Ноября 16, 1822.

27. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Я не знаю, какъ и чѣмъ оправдаться предъ вами, почтенный мой другъ, въ долговременномъ моемъ молчаніи, кромѣ искренняго моего признанія, что къ старости моей и слабости здоровья, присовокупилась такая лѣность и неключимость, что и самомалѣйшій трудъ почитаю великою для себя тягостію, а къ письму такое чувствую отвращеніе, какъ больной къ лѣкарствамъ, коихъ долговременный безполезный пріемъ наскучилъ до безконечности. По сей то причинѣ не могъ я въ свое время отвѣтствовать на ваши любезныя письма, и теперь только приношу за оныя чувствительнѣйшую благодарность, прося не лишать меня удовольствія и впредь, хотя изрѣдка, получать ихъ. Благодарю также васъ, м. г. мой, за принятое вами дружеское попеченіе въ отношеніи приготовляемаго въ Кіевѣ евангелія для домовой моей церкви, которая съ помощію божіею освящена въ 7-й день нынѣшняго мѣсяца. Не считаю однакожъ нужнымъ включать въ сію святую книгу и я какой моей надписи, какъ вещи, по мнѣнію моему, являющей нѣкоторымъ образомъ тщеславіе или похвалу предъ Всевидящимъ. Ежели чего еще осталось мнѣ желать, такъ единственно того, чтобы видѣть васъ въ семъ новосозданномъ храмѣ св. великомученника Димитрія, возсылающаго моленіе ко Всевышнему, вмѣстѣ со мною и домашними моими, которые раздѣляютъ чувства нелицемѣрнаго моего къ вамъ почтенія и душевной преданности...

Кибинцы, октября 15, 1823.

28. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Сколь ни любезны для сердца моего дружескія поздравленія и желанія вами изъявленныя въ двухъ письмахъ вашихъ по случаю прошедшихъ имянинъ моихъ и наступившаго новаго года, и какъ ни воображали вы, что празднества сіи проведемъ мы пріятно и весело, но судьба устроила противное тому, и вы безъ

сомнѣнія уже знаете плачевную причину, претворившую радостные дни наши на печаль и уныніе, отъ которыхъ по сю пору еще не могъ я совершенно исцѣлиться. Не распространяюсь болѣе въ описаніи вамъ ни состоянія здоровья моего, ни другихъ здѣшнихъ обстоятельствъ: все, что вы пожелаете въ подробности узнать, достаточно удовлетворитъ васъ лично вручитель сего племянникъ мой [1]); а мнѣ остается только удостовѣрить васъ, что чувства искренняго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности пребудутъ неизмѣнны во всю жизнь...

Кибинцы, генваря 12, 1824.

29. Старинная наша пословица говоритъ: „повинную голову и мечъ не сѣчетъ". Я признаю себя повиннымъ предъ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Романовичъ, и прошу дружескаго, великодушнаго прощенія за долговременное молчаніе мое. Но что дѣлать! И лѣнь, и слабость налегли на меня тяжко. Повѣрите ли, что нѣсколько уже мѣсяцевъ не выхожу я изъ своихъ комнатъ далѣе столовой и церкви? Еще кой-какъ упражняюсь въ чтеніи, а къ письму рука не поднимается, ни самое золотое перо, къ употребленію коего вы подали примѣръ, не пособляетъ моей неключимости. На сей разъ собравъ послѣднія силы, свидѣтельствую вамъ искреннѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ наставшимъ новымъ годомъ...

Кибинцы, генваря 18, 1825.

30. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините почтенный другъ, что я поздно отвѣчаю вамъ на два дружескія письма отъ 22 ноября и отъ 22 декабря, во-первыхъ, по данному самому себѣ и вамъ уже извѣстному обѣту никогда не посылать писемъ моихъ на нескромную кіевскую почту, а во-вторыхъ, по причинѣ тяжкаго смущенія, въ какое духъ мой поверженъ былъ различными происшествіями, сколь неожиданными, столь и важными, коими ознаменованъ конецъ минувшаго года. Благодареніе Богу, мы дождались новаго и должны молить Святое Провидѣніе, да изліетъ на всѣхъ насъ

[1]) А. А. Трощинскій.

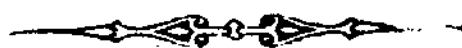
новую благодать и милость, въ особенности же да даруетъ новому нашему юному монарху долгоденственное, мирное и славное царствованіе. Прочитавъ съ удовольствіемъ присланную вами книгу, я съ благодарностію вамъ ее возвращаю, не желая лишить васъ сей рѣдкости. Я надѣюсь вскорѣ получить ее изъ Москвы для нашей библіотеки, которая далеко еще не достигла степени именоваться огромнѣйшею. Въ заключеніе, желаю вамъ отъ чистаго сердца наилучшаго здоровья и всякаго благополучія и проч.

Кибинцы, генваря 16, 1896.

31. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините, почтеннѣйшій другъ, что я по причинѣ слабости здоровья моего, отвѣчаю вамъ вдругъ на два ваши письма отъ 12 и 19 сего мѣсяца. Благодарю васъ отъ искренняго сердца и за привѣтствія, въ первомъ содержащіяся, и за доставленіе при послѣднемъ петербургскаго письма, котораго косвенный ходъ нѣсколько удивилъ меня. Новости теперь рѣдки у насъ, и тѣ, кои знаемъ, доходятъ только чрезъ газеты. Изъ нихъ видно, что смѣнены почти въ одно время два извѣстные намъ Алексѣи Петровичи, но причины, по коимъ сіе произошло, не достигли до насъ. По крайней мѣрѣ, не слышали-ль вы чего либо хотя объ одномъ, въ коемъ вѣроятно и вы столько же принимаете искреннее участіе. Мнѣ очень жаль, что онъ подвергся сему непріятному жребію своимъ какимъ-либо неосмотрительнымъ поступкомъ.

Кибинцы, апреля 27, 1827.



Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма[1].

Свадьба малорусская представляетъ очень выработанный и законченный циклъ знаменательныхъ обрядовъ и пѣсенъ, въ которыхъ подъ поэтической формой представлены слагавшіяся вѣками воззрѣнія народа на такой важный моментъ человѣческой жизни, какъ бракъ. Значеніе обрядовъ и художественныхъ образовъ, которые заключены въ пѣсняхъ, интересно само по себѣ, и уже нашло изслѣдователей среди нашихъ ученыхъ, каковы А. Аѳанасьевъ, Н. Сумцовъ и Н. Янчукъ;—поэтому мы обратимъ въ настоящемъ очеркѣ главное вниманіе на ту форму, въ которой довольно прочно отлилась вся свадебная обрядность. Эта форма

[1]) Малорусскій свадебный обрядъ издавна обратилъ на себя вниманіе образованныхъ людей. Взглядъ на него измѣнялся въ связи съ измѣненіемъ тѣхъ или другихъ сторонъ въ общемъ міросозерцаніи образованнаго общества. Въ половинѣ прошлаго столѣтія духовенство, представлявшее собою главную составную часть тогдашняго образованнаго класса, взглянуло на свадебный обрядъ исключительно съ христіанской точки зрѣнія и нашло въ немъ столько языческихъ элементовъ, что сочло нужнымъ искоренять отправленіе его въ народѣ. 24 декабря 1864 года изданъ былъ указъ кіевской духовной консисторіи: «О недѣланіи прихожанами при отправленіи законныхъ браковъ законопреступныхъ дѣйствій, яко то: по улицахъ безчинствъ, криковъ и воплієвъ, плесканій, плясаній, пѣній скверныхъ и иныхъ многихъ безстудій и беззаконій, и народныхъ соблазновъ». Приходскимъ священникамъ повелѣно было опубликовать указъ въ церквяхъ «приватно увѣщевать и смирять о нечиненіи таковыхъ законопреступныхъ проступковъ, устрашая прихожанъ Божіимъ нелицепріятнымъ

представляетъ собою глубоко-интересный образчикъ житейской драмы, которой различные акты растянуты на цѣлую недѣлю. Та особенность малорусской свадьбы, что каждый обрядъ сопровождается объясняющей его пѣсней, каждое появленіе и дѣйствіе жениха, невѣсты, сватовъ, бояръ, дружекъ объясняется соотвѣтсвующими пѣснями, приближаетъ нашу свадьбу къ древнеклассическимъ мистеріямъ или къ трагедіямъ Софокла съ ихъ хоромъ, строфами и антистрофами.

Свадьба, разсматриваемая, какъ религіозно-бытовая эпопея, представляетъ слѣдующіе важнѣйшіе моменты: 1) сватанье, 2) заручины, 3) печеніе короваи, 4) дивич-вечиръ, 5) витье гильця, 6) посадъ, 7) вѣнчаніе, 8) покрытіе невѣсты, 9) брачное ложе и 10) торжество послѣ благополучнаго заключенія брака.

Кто видѣлъ свадебные обряды въ сердцѣ Малороссіи, гдѣнибудь въ глуши, гдѣ еще не коснулась новѣйшая нивелирующая жизнь, тотъ замѣтилъ, съ какой глубокой вѣрой относится народъ ко всѣмъ символическимъ дѣйствіямъ и церемоніямъ, совершаемымъ во время брачнаго веселья; между тѣмъ какъ насто-

---

судомъ и грядущею нечаянною и неминуемо жесточайшею временною и вѣчною казнію». Хотя священники доносили къ начальству, будто прихожане послѣ увѣщаній воздержали себя «отъ соблазнительныхъ и злочестивыхъ обычаевъ» при свадьбахъ, однако свадебный ритуалъ продолжалъ строго соблюдаться. Скоро на него обратили вниманіе съ другой стороны: какъ на остатокъ глубокой бытовой старины,— и явились любознательные и просвѣщенные люди, которые попытались записать для потомства весь ходъ свадебнаго обряда. Первою записью такого рода была книжка Григорія Калиновскаго «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ», изданная въ Петербургѣ въ 1777 году (Замѣтка о ней В. Горленка, Кіев. Стар. 1884, № 3, 505—507). Въ нашемъ столѣтіи научный интересъ къ свадебнымъ обычаямъ выступаетъ на первый планъ, и всѣ собиратели малорусскаго этнографическаго матеріала записывали не только самые обычаи, но и сопровождающія ихъ пѣсни. Многія записи были разновременно напечатаны. Припомнимъ важнѣйшія: 1) Pieśni ludu Galicyjskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie 1833. Стар. 1—39. При пѣсняхъ сдѣланы краткія указанія на обряды, во время которыхъ онѣ поются.

ящій смыслъ многихъ дѣйствій для народа давно уже утерянъ, такъ какъ происхожденіе ихъ очень древнее; они сложились за цѣлыя тысячелѣтія до настоящей эпохи.

Значеніе свадебной мистеріи и теперь еще на столько велико, что во многихъ мѣстахъ брачное сожитіе не начинается до тѣхъ поръ, пока она не исполнена, хотя-бы церковный бракъ и совершенъ былъ; такъ что случается, что невѣста цѣлыя недѣли, а то и цѣлый годъ живетъ и ходитъ, какъ дѣвушка, пока не отгуляютъ *весилля.*

Матеріаломъ для разсмотрѣнія малорусской свадебной эпопеи послужили мнѣ *обряды и пѣсни, записанныя г-жею М. Ганенко въ селѣ Ивановкѣ, елизаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи.*

Матеріалы эти появляются первый разъ въ печати; они довольно вѣрно передаютъ излюбленный типъ малорусской свадьбы; изрѣдка, впрочемъ, попадаются въ нихъ и оригинальныя черты. Обрядность, записанная въ херсонской губерніи, въ такой мѣстности, гдѣ старинные обычаи уже подверглись порчѣ и уничто-

---

Записаны пѣсни въ уѣздахъ Жолковскомъ, Станиславовскомъ и Тарнопольскомъ. 2) Ruskoje wesile, opysannoje czerez I. Lozinskoho. Перемышль 1835. 3) Русинське весілля надъ Збручемъ. Основа, 1862, апрѣль, стр. 1—40 (въ «Основѣ» принята была отдѣльная пагинація для каждой статьи). Эта-же статья перепечатана у Головацкаго, народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Т. II, М. 1878, стр. 625—676. 4) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Составлено Николаемъ Марковичемъ. Кіевъ 1860. Стр. 97—149. Описаны обряды полтавской губерніи, откуда родомъ былъ Марковичъ. 5) Галицко-русскіе и угро-русскіе свадебные обряды и пѣсни собраны въ огромномъ количествѣ у Головацкаго, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, М. 1878, т. IV, стр. 210—441. 6) Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ появленія въ печати перваго описанія малорусской свадьбы, составленнаго Григоріемъ Калиновскимъ, вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей Н. И. Костомарова IV-й томъ трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край (Спб. 1877); главное мѣсто отведено здѣсь свадебнымъ обычаямъ и пѣснямъ—(ст. 52—696). Кромѣ своднаго описанія свадьбы, составленнаго на основаніи прежнихъ

женію, оказалась вѣрною установившемуся образцу. Причина, объясняющая такое явленіе, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что Ивановка заселена выходцами изъ полтавской губерніи, сердца Малороссіи.

Сватанье.

Завязкой къ предбрачнымъ церемоніямъ считается *сватанье*. Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, а теперь чаще 21 годъ, послѣ освобожденія отъ воинской повинности, мать, посовѣтовавшись съ отцемъ, заявляетъ сыну, что „*пора уже ему маты пару*, что она уже становится стара, и трудно управиться по хозяйству, *та и тоби, сынку, не докы бурлаковать*“. Въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ обращается къ отцу съ словами: „*тату, женить мене!*“.

Если сынъ *гулялъ*, т. е. сошелся съ какой-либо дѣвушкой, то тутъ же указываетъ на нее. Родители не противорѣчатъ, замѣчая: „*беры, сынку, хоть свынку, аби мени по хати хрюкала*“.

печатныхъ и рукописныхъ сборниковъ, здѣсь помѣщены описанія свадебъ отдѣльныхъ мѣстностей, населенныхъ малороссіянами, а именно: м. Борисполя переяславскаго уѣзда, с. Ждановки полтавскаго уѣзда, м. Гостомля кіевскаго уѣзда, с. Лучинокъ овручскаго уѣзда, с. Млынова дубенскаго уѣзда, с. Комосиковъ углицкаго уѣзда, м. Полоннаго новградъ-волынскаго уѣзда, с. Плотницы пинскаго уѣзда, с. Михалкова мозырскаго уѣзда, д. Кульгина бѣльскаго уѣзда; въ заключеніе помѣщена свадьба харьковской губерніи безъ обозначенія мѣстности. Не смотря на обширность матеріала, собраннаго въ IV томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, появлялись еще варіанты свадебнаго ритуала, между прочимъ въ Новороссіи, не входившей въ кругъ изученій экспедиціи. Упомянемъ сборникъ г-жи Елены Марковичъ: «Свадебныя пѣсни въ Елисаветградскомъ уѣздѣ» (Степъ, Херсонськый беллетристычный сбирныкъ, Спб. 1886, стр. 160—234) и четыре сборника, изданные нашимъ журналомъ: 1) Ф. Николайчика. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. «Кіев. Стар.» 1883 № 2, 336—400. Пѣсни записаны въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ посадѣ Вильковѣ бессарабской губерніи. 2) В. Милорадовича. Свадебныя пѣсни въ лу-

Сейчасъ же выбираются *старосты* изъ родственниковъ; въ старосты избираются люди *дрюкованные*, т. е. изъ *балакучихъ*, обладающихъ возможно большимъ краснорѣчіемъ, чтобы могли убѣдить родителей невѣсты, самоё невѣсту, чтобы были находчивы отвѣчать во многихъ затруднительныхъ положеніяхъ свадебной церемоніи. Отецъ и мать жениха просятъ *старостъ* потрудиться для ихъ сына, вручаютъ имъ хлѣбъ, полкварты водки и съ пожеланіемъ успѣха выпроваживаютъ. Чаще всего старосты идутъ вечеромъ, *„щобъ не такъ стыдно було гарбуза несты“*.

Придя къ дому невѣсты, *молодый* остается на дворѣ, а старосты идутъ въ хату, крестятся на образа, кладутъ хлѣбъ на столъ и тогда уже здороваются съ хозяевами. Ихъ просятъ садиться, и старшій староста начинаетъ объяснять, за какимъ дѣломъ они пришли; по большей части принято говорить иносказательно, въ такомъ родѣ: *„Оце мы йшлы, колы дывымось, бижитъ попередъ насъ лысыця. Мы за нею! гналы, гналы, та въ вашъ двиръ загналы, а тутъ хто іи зна, де вона й дилась. Чи не бачили вы іи часомъ?“*

бенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 7, 8, 9 (приложеніе) и 3) Г. Сорокина. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда херсонской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 9 (приложеніе). 4) Стрижевскаго. Свадьба въ деревнѣ. «Кіев. Стар.» 1896 г., № 3. Были сдѣланы попытки объяснить научно тотъ богатый матеріалъ, который собранъ этнографами-собирателями. Наиболѣе извѣстны изслѣдованія: 1) Янчукъ, малорусская свадьба въ Корнинскомъ приходѣ. 2) Х. П. Ящуржинскаго. Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Варшава 1880. 3) Н. Ф. Сумцова. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ 1881. 4) Его же. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. «Кіев. Стар.» 1885, № 3, 417—436. 5) Его-же. Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. «Кіев. Стар.» 1886, № 1, 17—40. Изслѣдованія Н. Ф. Сумцова построены на широкомъ сравнительномъ изученіи свадебныхъ обычаевъ славянскихъ и иныхъ народовъ и рѣшаютъ нѣкоторые вопросы о смыслѣ этихъ обычаевъ окончательно.

Предлагаемая статья Х. П. Ящуржинскаго представляетъ, какъ и упомянутая выше статья г-жи Елены Марковичъ въ сборникѣ «Степъ»

Если родители согласны отдать дочь, то отвѣчаютъ: „*мы не бачили, а въ тимъ пошукайте: може де й е*". Въ противномъ случаѣ говорятъ: „*Ни, такои въ насъ не було, може, де инче забигла; пошукайте по сусидахъ*".

Вообще же, родные невѣсты считаютъ своимъ долгомъ отговариваться даже и въ томъ случаѣ, если рады выдать ее замужъ: *и молода ще и хлиба въ насъ не переила, и ще не готовылысь: нема скрыни, кожуха и т. д.* Старосты, разумѣется, хвалятъ жениха: *и тыхый, и роботящый, не балованый, не пьяныця, хорошого роду и свекруха буде, якъ маты*".

Такимъ образомъ разговоры идутъ цѣлую ночь, а иногда и нѣсколько дней сряду: чѣмъ больше въ одну хату ходятъ старосты, тѣмъ больше почету для невѣсты. Когда родители, наконецъ, соглашаются, то перемѣняютъ хлѣбъ и перевязываютъ старостамъ *рушныки* черезъ плечо. Старосты уславливаются, когда придти за окончательнымъ рѣшеніемъ и устроить *заручины*.

Парни, обыкновенно, сторожатъ хату, гдѣ происходитъ сватанье, и въ случаѣ отказа, провожаютъ неудачника насмѣшками: „*А що, зъивъ гарбуза? Солодкій? Несы до дому: стане на всю зиму!*".

Женихъ бранитъ дѣвушку; иногда отшучивается въ свою очередь: „*Кабанъ, кабанъ, кабачокъ! Нема въ дивкы сорочокъ!!!?. Гарбузъ зъ диркою, чортъ зъ дивкою!*".

(Спб. 1886), новые варіанты свадебныхъ обрядовъ изъ *елисаветградскаго уѣзда* херсонской губерніи и дѣлаетъ попытку болѣе рѣзко подчеркнуть дѣленіе свадебной драмы на отдѣльные акты. Мысль о сходствѣ малорусской свадьбы съ драмой высказывалъ уже и Н. Ф. Сумцовъ. «Хотя во всѣхъ малорусскихъ свадьбахъ», говорилъ онъ (О свадебныхъ обрядахъ Х. 1887, стр- 5), «много языческаго, древняго, свадьба южно-русская отличается особенной цѣльностью и торжественностью; пѣсни и обряды распространяются довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; *соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы*; большинство обрядовъ совершается въ домѣ отца невѣсты».—*Ред.*

Заручины.

Въ очень скоромъ времени назначается вечеръ для *заручинъ*. Въ этотъ вечеръ родители еще не сразу сдаются; но когда, наконецъ, согласятся, то ссылаются на дочь: „Якъ вона схоче". Дѣвушка въ это время стоитъ подлѣ печи и *колупаетъ* пальцемъ *коминъ*. Обыкновенно, въ случаѣ ея желанія, она отвѣчаетъ: „*Якъ тато та мама скажуть*".—„*Часомъ буває, що проморочаця коло неи часивъ 2—3: затнеця, и тилько колупа коминъ; а якъ не хоче, то швыдко одриже: не пиду*".

Когда добьются согласія всѣхъ, то посылаютъ *за дивчатами*. Родители невѣсты и старосты садятся за столъ, женихъ становится рядомъ съ невѣстою, и старосты торжественно спрашиваютъ:

— „Согласна ты, Марыно, выйты за Ивана?"

— „Согласна", она отвѣчаетъ. „А ты, Иванъ, согласенъ брать за себе Марыну?"—„Согласенъ", онъ также заявляетъ.

— „Ну, говорятъ родители: Боже, вамъ поможы, диты!" Отецъ снимаетъ со стѣны икону, беретъ ее въ лѣвую руку, а въ правую хлѣбъ и соль. Молодые бьютъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ и отца въ руку: потомъ мать беретъ икону и такимъ же образомъ благословляетъ, а послѣ матери— кто есть старшій въ семьѣ: дѣдъ, баба, старшая замужняя сестра и т. д.

Невѣста вынимаетъ изъ скрыни платокъ и два *рушника*; подноситъ жениху платокъ, которымъ онъ перевязываетъ себѣ правую руку, а ей кладетъ на тарелку отъ 30 коп. до 1 руб., смотря по стоимости платка и по состоянію *молодого*. Старостамъ подносятъ по *рушныку*; тѣ берутъ, кланяются и, перевязывая черезъ плечо, благодарятъ: „*спасыби батькови и матери, що рано будылы, всякому добру учылы! Спасыби й тоби дочко, що рано вставала, довги рушныки напряла*!

Старостъ приглашаютъ за столъ, и женихъ подчуетъ ихъ водкой, принесенной съ собой. Въ это время собравшіяся подруги невѣсты—*дружки* поютъ пѣсню, объясняющую смыслъ данной сцены:

„Не була жъ я дома,—(2 раза)
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прыйшли, (2 раза)
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—(2 раза)
Одъ нелюба старостоньки.
Не я жъ ихъ одражала; (2 раза)
Рушныкивъ не давала.

—

Не була жъ бо я дома,
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прышлы:
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—
Одъ милого старостоньки.
Сама ихъ одражала,
Рушныки подавала".

Пѣсня, какъ видимъ, еще указываетъ на добавочную бытовую черту: невѣста при появленіи старостъ уходитъ иногда къ сосѣдямъ и появляется *у комина* послѣ приглашенія родителей, когда они даютъ окончательное согласіе.

Вторая пѣсня выражаетъ жалобу невѣсты на разлученіе съ матерью:

„Чы я жъ тоби, ненько моя, докучила,
Що ты мене молодую заручила!
А чы моя русая коса,
А чы моя червоная краса?
—Дочко моя, билозирочко!
Ой ты жъ мени не докучила,—
Докучылы твои старостоньки,
Воритечка одчиняючи,
Столы й лавки застеляючи".

Послѣ выпивки женихъ проситъ родителей невѣсты въ ближайшее воскресенье къ себѣ на *оглядыны*, осмотрѣть его хозяйство и ближе познакомиться съ его родителями. Если послѣ осмотра *худобы* и хозяйства родители невѣсты не заходятъ въ хату, то дѣло расходится: имъ возвращаютъ хлѣбъ и рушныки. Въ случаѣ мирнаго соглашенія, слѣдуетъ угощеніе. За столомъ договариваются, сколько платить *безчестя*, когда одна сторона откажется; уславливаются относительно подарковъ, которые дол-

женъ поднести женихъ: отцу невѣсты—сукна на чамарку, матери—сапоги или платокъ, невѣстѣ—цвѣты, ситцу на платье и *черевыки*. Невѣста, въ свою очередь, должна сшить жениху штаны, сорочку и свекрухѣ сорочку. Уславливаются также, сколько надо пригласить *старостъ*, *бояръ*, *свитылокъ*, дружокъ и поскольку дарить имъ *рушниковъ*.

Коровай.

Обряды съ священнымъ значеніемъ для народа начинаются съ субботы передъ вѣнчаніемъ. Передъ вечеромъ у жениха и невѣсты пекутъ *коровай*, особенный круглый большой хлѣбъ, украшенный сверху голубками, шишечками и другими фигурами изъ тѣста. Подъ среднюю шишку кладутъ серебряную монету. Еще приготовляютъ *лежень*, продолговатый хлѣбъ, украшенный, какъ и коровай, и небольшіе хлѣбцы—шишки. Кромѣ того, у жениха пекутъ *борону* изъ тѣста въ подарокъ отцу и *праныкъ* (валекъ) въ подарокъ матери невѣсты, а у невѣсты пекутъ *калачъ*, который она носитъ на *рушныкѣ*, когда ходитъ приглашать дружекъ.

Когда тѣсто готово, посылаютъ по большей части меньшую сестру невѣсты къ молодымъ сосѣдкамъ просить на *коровай*. Каждая изъ женщинъ, идущая приготовлять коровай, беретъ съ собою хлѣбъ, миску муки, молока, яицъ. Двухъ изъ женщинъ связываютъ вмѣстѣ краснымъ поясомъ и ставятъ мѣсить коровай.

Коровай и другіе виды хлѣба, которые приготовляются для свадьбы, имѣютъ значеніе жертвеннаго хлѣба, или же, какъ шишки, соединяютъ въ себѣ смыслъ созрѣвшаго плода; значеніе *бороны и праныка*—очень ясное; *калачъ*, состоящій изъ кольца и двухъ переплетающихся полосъ тѣста, напоминаютъ косу невѣсты.

Пѣсни, которыя поютъ во время приготовленія коровая, весьма знаменательны: онѣ указываютъ способъ приготовленія коровая, заключаютъ обращеніе къ Богу и изображаютъ радость печи, которая принимаетъ коровай.

I.

Марусина маты
Та по улыцямъ ходе,
Сусидочокъ просе:
Сусидочки, мои голубочки!
Та просю васъ до себе,
Та до своеи хаты,
Та до свого дытяты
Короваю та шишокъ бгаты.

II.

Ой пиду я та до Дунаю,
Та стану я та подумаю:
А чы мени возы браты—
Клычуть мене коровай бгаты.
Наберу водыци зъ керныци,
Збгаю коровай сестрыци.

III.

Обращеніе къ пшеницѣ:

Ой годи, годи, пшеныце,
Симъ рикъ у стози стояты,
Часъ тебе, пшеныце, початы,
Маруси коровай збгаты.

IV.

А вгадайте, люде,
Зъ чого въ насъ коровай буде?
Зъ семи пшеныцъ мукы,
Зъ семы керныцъ воды,
Зъ семы коровъ масла,
Яецъ пивтораста.

V.

Та до бору, бояре, до бору!
Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосну на трискы—
Пекты коровай и шышкы.

VI.

Свиты, Боже, зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько
Красыты гарнесенько!

VII.

Трійця по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла:
— Ой, Спасе нашъ, Спасе!

Иды до насъ Спасе!
А въ насъ усе гараздъ:
Молодыи коровайнычки
Хорошенько коровай бгають.
Сирцемъ прысыпають,
Маслычкомъ прылывають.

Печь долженъ выметать у жениха *староста*, а у невѣсты *дружко*; при этомъ поется шуточная пѣсня. Вообще шуточныя и веселыя пѣсни въ значительномъ количествѣ входятъ въ малорусское *весилля*.

VIII.

Та помела, дружбонько, помела,
Щобъ твоя голова въ печи не була,
Щобъ твоя борода печи не мела;
Якъ не будешъ помела несты,
Буде твоя борода месты.

IX.

Пичъ наша реготе,—
Короваю хоче,
А прыпичокъ залываеця,—
Короваю сподиваеця.

Когда посадятъ коровай въ печь, то берутъ *дижу*, ставятъ въ нее бутылку водки, накрываютъ „віямъ" (крышкой), подымаютъ до потолка, танцуютъ и поютъ три раза:

X.

А пичъ наша на сохахъ,
А дижу носятъ на рукахъ.
Пѐче наша, пѐче,
Печи намъ коровай легче!

Распиваютъ водку, которая была въ „дижѣ", и расходятся, при чемъ каждая изъ коровайницъ получаетъ по шишкѣ.

Дивичъ-вечиръ.

Когда коровай готовъ и молодыя женщины разойдутся, къ невѣстѣ собираются дружки и идутъ вмѣстѣ за старшей дружкой. Потомъ невѣста съ дружками идетъ „рубать гильце", верхъ вишни или сосны, или елки. Это гильце при пѣніи пѣсенъ укра-

шаютъ *квитками,* пучками васильковъ, колосьями ржи, мяты, калины и вѣточекъ елки.

Гильце, какъ и коровай, на свадьбѣ имѣетъ значеніе какого-то священнаго символа, котораго происхожденіе и смыслъ не вполнѣ еще выяснены. Едва ли въ *гильцѣ* не слѣдуетъ видѣть очень древняго почитанія священныхъ лѣсовъ и деревьевъ. Въ настоящемъ состояніи народнаго пониманія, народъ считаетъ *гильце* символомъ невѣсты, или же, какъ поется въ пѣсняхъ, это значитъ: *вьютъ гильце—вьютъ новое гнѣздо для молодыхъ.*

Пѣсни при этомъ поются слѣдующія:

I.

Вси луги-бережечкы выходылы
Всю рожу-калыноньку выломылы,
Поки своїй Маруси гильцо звылы.

II.

Гильце-деревце зъ ялыны,
Изъ червоной колыны,
Изъ хрещатого барвинку,
Изъ пахучого васыльку.

III.

Ой на гори ячминь
Срибломъ-золотомъ зацвивъ;
Хто его буде жаты?
— Марусына маты.

Въ послѣдней пѣснѣ подъ поэтическимъ покровомъ заключается уже намекъ на то, что невѣста оставляетъ свою мать, и послѣдняя будетъ жить безъ своей помощницы—дочери.

Это единственное время, когда невѣста имѣетъ право пѣть.

Расплетеніе косы.

Окончивъ приготовленіе квитокъ, невѣсту садятъ на *дижу* и разчесываютъ ей голову, причемъ каждая изъ присутствующихъ дѣвушекъ должна хоть разъ провести гребнемъ по волосамъ. Потомъ старшая дружка заплетаетъ косу, вплетаетъ ленты, надѣваетъ цвѣты, одѣваетъ, даетъ въ руки рушникъ и калачъ, надѣтый на платочекъ, и идутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха

благословляютъ молодыхъ иконой и хлѣбомъ; женихъ тоже беретъ калачъ, и идутъ къ невѣстѣ, гдѣ ихъ тоже благословляютъ родители невѣсты. Оттуда идутъ на поклонъ къ попу и пану и несутъ имъ въ подарокъ шишку и платочекъ, а потомъ идутъ по селу просить на свадьбу, не пропуская ни одной хаты, кланяясь всѣмъ въ поясъ три раза и цѣлуясь со всякимъ.

Когда идутъ отъ пана, то поютъ пѣсню, намекая, что не щедро угостилъ ихъ:

IV.

Ой булы мы въ пана,
Не пылы горилкы.
Ходимъ до керныци,
Напьемся водыци!

При обхожденіи невѣсты распѣваются пѣсни, которыя, по обыкновенію, объясняютъ смыслъ церемоніи и чувства невѣсты.

V.

Ой брязнулы ключи,
Изъ неба летючы,—
Гукнулы дружечкы,
Улычкамы идучы.

VI.

Ой помалу, дружечкы, улычкамы идить,
Та нашого винограду не поломить;
Бо нашъ виноградъ самъ порисъ;
Туды нашу Марысю самъ Богъ понисъ.

VII

Тыхо, дружечки, идите,
Пыломъ не пылите;
А щобъ наша пава
Пыломъ не припала,
А щобъ наша слава
По всимъ свити стала.

Отъ имени невѣсты поется:

VIII.

Сяду-паду орлыцею
Передъ горныцею;
Сяду-паду крилечкамы
Зъ молодыми дружечкамы.

IX.

Не сама я хожу,—
Сорокъ дружекъ вожу,
Сорокъ и четыри,
Та вси чорнобрыви;
А Маруся чорнобрыва
Та всихъ закрасила.

Невѣста обращается къ вѣтру съ просьбой, чтобъ развѣялъ (расплелъ) ея косу, съ которой ей скоро предстоитъ распрощаться.

X.

Не вій, витре, въ рожи,
Повій по дорози,
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай, розмай по волосочку
По червонимъ поясочку.

XI.

Ой, просо, просо-волотта!
Ой, косо, косо-золотта!
Навикъ я тебе кохала,
За одынъ вечиръ зламала.

Пѣсня, указывающая на древнюю бытовую черту вражды родовъ:

XII.

Ой вы, ворогы, ворогы!
Не переходьте дорогы;
Нехай перейде родына,
Щобъ наша Маруся щаслыва!

Когда всѣхъ обойдутъ, идутъ къ жениху вечерять. Подходя къ дому, поютъ:

XIII.

Ой матинко-утко!
Увывайся хутко,
Увывайся хутенько,—
Дружечки блызенько.
Сонечко у Бога
Дружечки коло порога.

XIV.

Урижъ, матинко, китайки,
Застеляй столы и лавки,
Бо йдуть дружечки-панянки.

Поужинавъ, женихъ остается, а невѣста идетъ домой съ дружками, которыя поютъ пѣсни, указывающія на возвращеніе невѣсты домой съ музыкой и высказывающія удивленіе, почему мать не встрѣчаетъ невѣсту.

XV

Стелыся, хмелю, по тыну,
А ты, золото, по ёму.
Грайте вы, музыки, по двору,—
Иде наша Марыся додому.

XVI

Витеръ, витеръ кватырочку торкае,
Десь моеи матинки немае.
Десь моя матинка заснула,
Що за мене молодую забула.

На порогѣ дома встрѣчаетъ невѣсту мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью и зажженной свѣчой. Невѣста кланяется имъ въ ноги, а *дружка* разламываетъ у нея на головѣ калачъ, который она носила по селу, и роздаетъ по кусочку всѣмъ дружкамъ. Тоже самое дѣлаетъ у жениха бояринъ. Входя въ хату поютъ:

XVII

Добрый вечиръ тому,
А хто въ цёму дому,
Старому й малому,
И Богови святому!

Посадъ.

Невѣсту заводятъ за столъ на *посадъ*. Посадомъ называется мѣсто на *покути*, въ переднемъ углу подъ образами, гдѣ ставится пучокъ немолоченнаго жита и разстилается кожухъ шерстью вверхъ. Этотъ кожухъ есть остатокъ древняго обычая, по которому женихъ и невѣста садились на шкуру животнаго, принесеннаго въ жертву богамъ, покровителямъ брака.

Столъ бываетъ покрытъ скатертью; на немъ лежитъ леженъ, большой круглый калачъ на тарелкѣ и двѣ новенькихъ ложки, связанныхъ вмѣстѣ красной ленточкой, для молодыхъ, которые съ субботы вечера до понедѣльника не должны ничего ѣсть за столомъ. Дружка беретъ невѣсту за платочекъ, который она держала въ правой рукѣ, обводитъ три раза вокругъ стола и садитъ на *посадъ*. Съ этого времени и до понедѣльника къ молодымъ нельзя дотрогиваться голой рукой: принимать отъ нихъ что-нибудь или имъ давать не иначе какъ, обернувъ руку платкомъ. Точно также молодые не должны сами ни выходитъ изъ-за стола, ни садиться за столъ, а ожидать, пока дружка выведетъ ихъ или заведетъ.

Дружки поютъ пѣсню, напоминающую времена миѳическія:

XVIII

Ишла Маруся на посадъ,
Зустрича іи Господь Самъ
Изъ долею изъ щаслывою,
Зъ дорогою годыною.

Эту пѣсню повторяютъ три раза, и въ продолженіе всей свадьбы поютъ ее всякій разъ, какъ заводятъ молодыхъ за столъ.

Теперь начинаются тѣ прекрасныя пѣсни, которыя воспѣваютъ волю и красу дѣвичью, жалкое разставанье невѣсты съ матерью, у которой дочь ночуетъ въ послѣдній разъ, обращеніе къ *зозулѣ* и соловью, чтобы они своею пѣснью оплакали ея судьбу,—это и есть характеристическая черта дѣвичника.

XIX

Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ,
Та рано, рано,
Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ—
Та ранесенько.
Не такъ славенъ, якъ изряженъ;
Славно его збудовалы:
На три стины камняныи,
А на четверту золотую;
А на золотенькій макивочка,
А на макивочци ластивочка,
Звыла гниздечко зъ чорного шовку;
Вывела дитки однолитки,—
Перве дытятко—молодый Иванко,
Друге дытятко—молода Маруся.

XX

Измый, маты, та ґоловочку
Послидню та суботочку:
Бо вже бильше та не будешъ мыты,
Та не будешъ косы заплитаты;
Тилько будешъ въ ґости дожидаты.
Пройшовъ тыждень, пройшло дьи недиля,
Нема дочки у ґостыночку.

XXI

Летять галочки у три рядочки,
Зозуля попереду;
Уси галочки по лугамъ силы,
Зозуля закувала.
Ой чого куешъ, чого жалуешъ,
Сывая зозуленько?
А чы жаль тоби темного лугу,
Чы гиркои калыны?
— Ой не жаль мени темного лугу,
Ни гиркои калыны,
А якъ жаль мени političannjačka,
Раннего щебетанячка, —
Ишлы дружечки у три рядочки,
Маруся попереду.
Уси дружечки по лавкамъ силы,
Маруся на посади;
Уси дружечки та й заспивалы,
Маруся заплакала.
Ой чого плачешъ, чого жалуешъ,
Молодая Марусе?
А чы жаль тоби батька старого,
Чы подвирьячка ёго?
— Ой не жаль мени батька старого,
Ни подвирьячка ёго;
Тилько жаль мени русои косы,
Ще дивоцькои красы;
Що дивки гуляють—кисоньки мають,
А мене не прыймають;
А хоча й прыймуть и приголублять,
Та правдоньки не скажуть.
Скажуть правдоньку, скажуть другую,
А третюю не такую:
Ой иды одъ насъ—ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена,
Ой иды одъ насъ ты, молодыце—
Чоловикъ тебе клыче.

XXII.

Де ты, калыно, росла
Такая высокая,
На лысту широкая?
— Ой росла-жъ бо я росла
У лузи при керныци,
При холодни водыци.
Тамъ Маруся воду брала,
Цвитъ-калыну ломала,
До лыченька рихняла:
„Чи буду я такая,
Якъ калыновька цяя?"
— Будешъ, доненько, будешъ,
Поки у мене будешъ,
А якъ пидешъ одъ мене,
Спаде красонька зъ тебе,—
Красонька изъ лыченька,
Кисонька изъ плеченька.

XXIII.

Черезъ сыночки двое дверечокъ
У вышневый садочокъ;
Ой тамъ Маруся свого батенька
Голубы годувала,
И годувала, и напувала,
Зъ голубамы розмовляла:
„Загудить, голубы, загудить, сывыи,
Защебечи, соловейко!
Та завдайте тугу темному лугу,
Щей батеньку ридному,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
Доленьки не вгадае".

XXIV.

А въ суботоньку на недиленьку
Ростворилося небо
Ой выдно хресты все золотыи,
А престолы новыи;
Коло тыхъ престоливъ
Маты Христова
Плете виночки стоя,—
Що первый виночокъ зъ повнои рожи,
А другый изъ калыны;
Що первый виночокъ молодому Иванови,
А другій молодій Маруси.

Если невѣста сирота, поется слѣдующая, полная грустной поэзіи, пѣсня:

XXV.

Ой ходыла та Маруся
По крути гори,
Набачила селезня
На тыхій води:
— Плыви, плыви, селезню,
Тыхо по води,—
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку,
Теперъ къ мени,
Та дай мени порадоньку
Бидни сироти!
—„Ой радъ бы я, дочко моя,
Прыбуты къ тоби,—
Насыпано сырои земли
На груды мои,
Склыпылыся кари очи—
Устоньки моя:
Не дамъ тоби порадоньки—
Бидни сироти.
Склыпылыся кари очи
Изъ пивночи—
Ой Богъ тоби, дочко моя,
До помочи!
Ой кланяйся, дытя мое,
Чужи чужыни,
Нехай дае порадоньку
Бидни сироти!"
— Ой кланялась, мій батеньку,
Всій родыни,
Та не дае порадоньки
Сиротыни.
„Есть у тебе, дочко моя,
Ридный дядько,
Нехай дае порадоньку,
Такъ, якъ батько!"

Вскорѣ долженъ придти женихъ къ невѣстѣ съ своимъ *поѣздомъ*. Это ожиданіе невѣстой жениха объясняется слѣдующей пѣсней:

XXVI

Зеленая оришина, зеленая була,—
Чого тебе, мій мыленькій такъ довго нема!

Пысала-бъ письмо—не вмію,
Посылала-бъ посливъ—не смію,
Пишла-бъ я сама—боюся:
Далекая дороженька—забарюся.

Другая пѣсня обращается къ брату невѣсты, который на свадьбѣ играетъ большую роль: онъ защищаетъ невѣсту, потомъ продаетъ ее, въ чемъ выразилась историческая форма брака, когда онъ совершался посредствомъ умыканія, похищенія, и братъ долженъ былъ защищать сестру, а затѣмъ, съ развитіемъ народа, похищеніе замѣнилось добровольной уступкой—продажей. Въ первой половинѣ пѣсни изображается, что невѣста будитъ брата, говоря, что наѣхали гости отъ немилаго; но еще ничего неготово. Во второй половинѣ пѣсни представлена картина противоположная: „*Найихалы гости одъ мылого,—вже и столыкы позастеляни, вже и рушнычки поторочилы, меду, вына тай уточилы*".

Вечеромъ въ субботу къ жениху собираются *старосты, бояре, свашки,* молодыя женщины, родственницы жениха, *свитылки,* дѣвушки, тоже родственницы жениха. Обязанность *старшей свитылки,*—держать свѣтильникъ въ продолженіе всей свадьбы отъ субботы до воскресенья вечера, т. е. до той поры, когда невѣсту повезутъ къ жениху. Свѣтильникъ—это пучокъ васильковъ со вставленнымъ въ серединѣ деревяннымъ крестикомъ и зажженной восковой свѣчой.

Старшій *староста* заводитъ жениха за столъ, *на посадъ;* всѣ садятся вокругъ стола, свитылка приготовляетъ свѣтильникъ, свашки *вьютъ гильце,* т. е. къ заранѣе срубленной бояриномъ и воткнутой въ хлѣбъ вишнѣ привязываютъ *квитки*—пучки изъ васильковъ, мяты, калины, колосковъ ржи; нѣкоторые убираютъ, кромѣ того, еще *гильце* конфектами—признакъ вліянія уже новѣйшей цивилизаціи. Пѣсня объясняетъ это дѣйствіе такъ:

1

Летивъ горностай
Черезъ садъ,
Роспустывъ пирьячко
На весь садъ.

Збирайте, сванечки,
Пирьячко,
Звійте Ивасеви
Гиллячко!

II

Вси лугы, бережечкы выходылы,
Всю рожу, калыноньку выломилы,
Покы свому Ивасеви гильце звылы.

Пѣсня объясняетъ угощеніе, которое предлагается вьющимъ:

III

Якъ мы гильце вилы,
Медъ-горилку пылы;
Якъ гильце довывалы,
Медъ-горилку допывалы.

По окончаніи украшенія *гильця*, просятъ снова угощенія:

VI

Зробылы мы дило,
Аже намъ чого апрыло.
На Бога вы гляньте,
Намъ горилкы дайте!

Потомъ всѣ ужинаютъ. Послѣ ужина меньшой староста выходитъ въ сѣни и обращается къ старшему старостѣ за благословеніемъ: „Старосто, пани пидстаросто!"

— А мы ради слухать.

„Благословыть молодому до молодои иты".

— Богъ благословыть!

„Разъ и другій, и третій!"

— Богъ благословить вси тры разы!

Такимъ же образомъ благословляются каждый разъ во все время свадьбы. Старшій староста беретъ жениха за платочекъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, и выводитъ изъ-за стола. Теперь женихъ идетъ въ домъ невѣсты. Пѣсни, которыя поются въ это время, весьма знаменательны; онѣ указываютъ на то, что мать подводитъ коня для сына, чтобы онъ ѣхалъ къ тещѣ, что было только въ древнюю эпоху, когда одинъ родъ дѣлалъ наѣзды на другой, а затѣмъ указывается на участіе въ этомъ поѣздѣ миѳическихъ существъ—*мисяца, зори.*

V

Визьмы, маты, коныченька за поводы,
Выпроводы свого сына за ворота
Та до тии тещоньки гордои,
Та до тии Маруси молодои.

VI

Маты сына породыла,
Мисяцемъ огородыла,
А зорею пидперезала,
Въ дороженьку выряжала:
Ой, йидь, сыночку,
До тещи въ гостыночку,—
Не пый, сыночку,
Первои налывочки;
Вылый, сыночку,
Коневи на грывочку,
Щобъ була въ коня
Грывонька кудрявая,
Щобъ була теща
До тебе ласкавая.

VII

Соколонько та на вылети,
А Ивасё та на выизди;
Соколонько помижъ соколами,
А Ивасё помижъ буярами.

Женихъ въ сопровожденіи музыкантовъ, старостъ, свашекъ и свитылокъ подходитъ къ дому невѣсты; ея дружки, заслышавъ это, поютъ:

VIII

Бубни гудуть
Удвиръ идуть,
Та снаряжайся,
Снаряжайся, дивко Марыне,
Бо тебе визьмуть.
— Хочъ я снаряжуся,
Та я не боюся,
Бо мене не визьмуть:
Есть у мене родный батько,
Та не дасть мене.

Пѣсня продолжаетъ, что *ридна ненька и ридный братикъ* также не выдадутъ ее. *Свашки* и *свитылки* съ женихомъ, ставши передъ порогомъ дома невѣсты, поютъ:

IX

Лыбонь же мы та не втрапылы,
Не до свата заихалы
Бо якбы до свата,
То просылы-бъ у хату.

X

Выйды, Маруся, выйды,
Не буде тоби крывды;
Стань соби на помости,
Частуй свои гости.

Староста идетъ въ хату, выводитъ невѣсту изъ-за стола въ сѣни, ставитъ рядомъ съ женихомъ; отецъ и мать хлѣбомъ-солью и иконою благословляютъ молодыхъ, а они кланяются три раза въ ноги. Староста благословляется у дружка 3 раза и заводитъ жениха и невѣсту *на посадъ*. Пѣсни объясняютъ этотъ обрядъ съ миѳической точки зрѣнія и приводятъ миѳическое сравненіе жениха и невѣсты *съ мисяцемъ и зорею*.—Если невѣста сирота, то поютъ ей:

XI

Одчиняй, Боже, ворота,
Иде на посадъ сырота;
Іи серденько ножикомъ крае,
Що батенька не мае.

Когда посадятъ молодыхъ, дружки поютъ:

XII

Сходыла зоря проты мисяца—
Та рано, рано,
Сходыла зоря проти мисяца
Та ранесенько:
„Ты, мисяцю, ты мій братику!
Не сходь же ты поперед мене;
Та зійдемо обое разомъ,
Осіяемъ небо и землю,
Звиря у поли, щуку-рыбу въ мори“,
Слався Иванъ до Маруси:
„Ты, Марысе, ты моя дружино!
Не сидай же ты поперед мене,
Та сядемо обое разомъ,
Звеселымо отця и неньку,
Отця-неньку, всю родыноньку“.

Потомъ дружки, обращаясь къ старостамъ, поютъ пѣсню, выражающую упрекъ за то, что такъ долго заставили себя ждать:

XIII

Ой вы старосты,
Вы люде статечніи!
Ой вы буяре, вы сыны отецкіи!
Десь вы, старосты,
Коныкивъ добувалы,
Десь вы, буяре,
Жупанивъ позычалы,
Що такъ нерано
До насъ понаизжалы.

Свашки отвѣчаютъ, что дружки *звычая* не знаютъ, что кони старостъ *по станяхъ стоялы, а жупаны по скрыняхъ лежалы*, но ихъ задержала ненька Иванова привѣтными словами, *солодкими* медами.

Дружка вноситъ невѣстино гильце, ставитъ его въ хлѣбъ на столъ; старшая дружка благословится у старосты *гильце квичать*. Получивъ благословеніе, даетъ сперва жениху и невѣстѣ по квиткѣ; они привязываютъ ихъ къ *гильцю*, тогда начинаютъ *квичать* дружки и поютъ такія же пѣсни, какъ и у жениха при украшеніи *гильця*.—Когда украшеніе окончено, дружка поетъ пѣсню, въ которой предлагаетъ боярину выкупить гильце; Бояринъ трясетъ его, пробуя, хорошо-ли свито, и бросаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Дружка поетъ насмѣшливыя пѣсни, въ которыхъ выражается недовольство полученными деньгами.

XIV

Шкода мени, буарыне,
Твоихъ чорныхъ бривъ:
Я думала, буарыне,
Що ты короливъ.
Ажъ ты мужачыще,—
Выкинувъ пъятачыще,
Ажъ ты мужыкъ бидный,
Выкинувъ пъятакъ мидный;
Выкинувъ на тарилку,
Якъ на смихъ, копійку.

XV

Було-бъ тоби, буярыне,
Въ бояре не йты;
Було-бъ тоби, боярыне,
Симъ день молотыть,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты.

Бояринъ прибавляетъ денегъ, ставитъ на тарелку рюмку водки и подноситъ дружкѣ; та выпиваетъ, беретъ деньги, и *гильце* продано. Потомъ пришиваютъ *квитки* къ шапкамъ бояръ съ пѣсней:

XVI

Що я тебе, буярине, попрошу
За твою шапочку хорошу:
Дай мени шапочку носыти
Та до неи квиточку пришыты.

Женихъ и всѣ *поъзжане*, вся его свита, въ продолженіе всей свадьбы, т. е. до понедѣльника, сидятъ у невѣсты въ шапкахъ и только снимаютъ, когда крестятся послѣ обѣда и ужина. Шапка здѣсь означаетъ величаніе, почетъ. Дружка пришиваетъ къ шапкѣ квитку, надѣваетъ себѣ на голову и требуетъ выкупа, распѣвая насмѣшливыя пѣсни, когда мало денегъ положено на тарелку. Потомъ пѣсня обращается къ старостѣ: „Староста старесенькій, голубе сывесенькій, выведы насъ изъ хаты на двиръ погуляты, буяръ оглядаты, чи высоки пидборы, чи чорны бровы".

Послѣ выхода молодежи, подаютъ ужинъ: дружки поютъ:

XVII

Роступитеся, чужына,
Нехай прыступе родына:
Нехай батенько частуе,
Щастямъ-долею даруе!

Послѣ ужина староста благословится „*молодыхъ зъ-за стола вывесты*". Идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди староста ведетъ за платочекъ жениха, женихъ невѣсту, а за невѣстой идутъ дружки по старшинству и поютъ:

XVIII

Утка йде,
Утенята веде
Та на рясочку,
На зелену попасочку,
На зелену травыцю,
На холодну водыцю.

На дворѣ молодые кланяются на всѣ четыре стороны, и всѣ, кромѣ жениха (которому нельзя), танцуютъ. Погуляютъ порядочно, а потомъ невѣста идетъ проситъ кого-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ хаты попросторнѣе, принять „музыки“ на всю ночь. Вся молодежъ идетъ туда; женихъ угощаетъ хлопцевъ водкой. Если женихъ изъ чужого села, то договариваются, сколько долженъ дать *парубкамъ выкупу за дивку.* Обыкновено даетъ отъ ¼ до 1-го ведра водки. Женихъ съ невѣстой идетъ домой, а *челядь* (молодежь) остается гулять на всю ночь. Старшая дружка обязательно должна провести эту ночь со старшимъ бояриномъ (конечно, ничего дурного здѣсь подразумѣвать нельзя). За несоблюденіе этого вѣками освященнаго обычая ее можетъ ожидать масса оскорбленій: бывшій бояринъ можетъ ее выгнать изъ любого общественнаго гулянья.

Вѣнчанье и весилле.

Въ воскресенье до звона къ обѣднѣ родные жениха посылаютъ музыканта въ сопровожденіи младшаго боярина къ невѣстѣ и потомъ ко всѣмъ роднымъ *грать на добрыдень.* Потомъ идутъ всѣ въ церковь, кромѣ родителей жениха и невѣсты. Если молодые еще не вѣнчаны, то благословляютъ иконами жениха и невѣсту, каждаго отдѣльно дома. Обыкновенно вѣнчаются за недѣлю-двѣ до свадьбы. Случается, что или у невѣсты не готово приданое, или жениху не на что свадьбы справлять, а вмѣстѣ съ тѣмъ боятся, чтобы невѣста *не одкинулась*; тогда вѣнчаются безъ всякихъ приготовленій, сейчасъ послѣ заручинъ, и живутъ до свадьбы каждый у своего батька иногда полгода и даже годъ, считаясь чужими другъ другу. Невѣста ходитъ въ цвѣтахъ и ничѣмъ не отличается отъ дѣвушекъ. Отсюда видно

что собственно брачной мистеріей, по народному представленію, считается та народная обрядность, которая сохранилась отъ временъ самыхъ отдаленныхъ. Пѣсни, которыя поются, идя по пути изъ церкви, выражаютъ собою способъ собственно церковной церемоніи и значеніе совершившагося уже *шлюба*.

I

Ой на гори копа—
Обманулы попа:
Далы ёму пъятачыще.
А винъ думавъ що рублыще;
Далы ему пъятакъ медный,
А винъ думавъ, що рубъ срибный.

II

Ой спасыби тоби,
Моя ненько,
Що ты мене нарядыла хорошенько!
Та на мене й попы глядять,
Та на мене й дяки глядять,
Та на мене задывляються,
У кныжечкахъ помыляютьця.

III

Якъ мы свою Марысю винчалы
Дороги кныгы чыталы,
Воскови свичы палылы,
Покы свою Марысю звинчалы.

IV

Якъ рукы въязалы,
Той правду казалы.
Розвязавъ пипъ рукы
Не буде розлуки.

V

Ой булы мы въ церкви,
Та бачылы дыво:
Два винця на стильци,
Третій на головци.

VI

Шлюбъ брала,
Шлюбъ шлюбовала,
Трычи разомъ,
Передъ образомъ прысягала.

Ой, матинко моя,
Теперъ я не твоя:
Теперъ я того пана,
Зъ нимъ до шлюбу стала.

VIII

Сичена калыновька,
Сиченая—
Уже наша Марыся
Звинчёная.
Червони чобиточки
на нози
Золотый перстенекъ
На руци,
Що купывъ Ивасе
Въ дорози.

Иногда невѣста изъ церкви заходитъ къ свекрови на обѣдъ. Когда она возвращается домой, то поютъ:

IX

Леты, леты, соколоньку,
Попереду,
Скажы, скажы моій неньци,
Що я иду,—
Нехай выходыть
Зъ калачемъ,
Бо вже я иду
Зъ паныченъ
Та не такъ зъ паныченъ,
Якъ зъ мужыкомъ,—
Извъязалы билы ручкы
Рушныкомъ.

X

Ой котыться яблочко зъ Райгорода,
Прыкотылося пидъ ворота:
Одчыняйтеся, воритця,
Бо йде наша Марыся одъ винця!

Передъ порогомъ поютъ:

XI

Выйды, матинко, не тайся,
Свого дытяты пытайся,
Де воно було бувало—
Пидъ царскимъ винцемъ стояло.

Отецъ и мать выходятъ съ хлѣбомъ и иконой, благословляютъ, невѣста кланяется три раза до земли. Дружки поютъ:

Похильнее та деревце
Похыляеться,
Покирнее та дытятко
Уклоняеться.

Дружко, благословясь, заводитъ „молоду" за столъ, дружки садятся по лѣвую сторону на лавѣ и поютъ:

XIII

Де ты, Марысю, де ты, дивочко,
Цей ранокъ ранкувала?
— Ранкувала я, пробувала я
У старшои дружечкы;
А у дружечкы, у голубочкы
Тры писарыка пыше.
Що одынъ пыше, другый малюе,
А третій одпысуе.
А одпысуе, одмалевуе
Марысю одъ батенька,
Та прыпысуе, прымалевуе
Марысю до свекорка.

XIV

Ой на гори трава-мурава,
А на неи роса впала,
Ой тамъ М... красу сіяла,
А сіючи розсивала.
Та прыйшовъ до неи ридный батенько:
— Що ты, доненько, дієшъ?
„Ой дію, дію, я красу сію,
А сіючи розсиваю;
А якъ буде мени замужемъ добре,
То я іи позбыраю;
А якъ буде мени замужемъ-худо
То я іи занехаю.

Другая пѣсня выражаетъ желаніе невѣсты пойти на крутую гору посмотрѣть на чужую сторону: „*Чужа дальня сторононька безъ витру шумыть; чужый батько, чужая маты не бье, та болыть. Серце мое камнянее кровью окипыть*".—Если невѣста сирота, то поютъ слѣдующую поэтическую пѣсню.

XV

Ой велыкій двиръ,
Та маленькій збиръ:
Не вся моя родыненька,—
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька ридного.
Та пошлю галочку на Вкраиночку,
По ридву родыночку,
А соловейка выще до неба,
Бо мени батька треба.
А галочка летыть,
Крылечкамы віе—
Вся родыненька иде;
Соловейко летыть—
Крылечкамы мае—
А батенька немае.
Ой нема батенька, нема й не буде,
Споряжайте, добри люде!
Та споряжайте сыротыночку,
Въ чужую краиночку.
Та стоять столы все тесовии,
Та никому застеляты,
Та сыдять сусиды близьки й далеки,
Та никому частуваты.

Въ пѣснѣ невѣста жалуется, что отецъ обѣщалъ не отдавать ее, *„а теперъ даешъ ты мене, та й не жалуешъ, и свитъ мени та й завязуешъ червоною та кытайкою, дротяною та нагайкою.*

Вскорѣ ожидается прибытіе жениха съ поѣздомъ; дружки изображаютъ это въ пѣснѣ:

XVI

Ой батенько, сывый голубонько!
Ой пиды жъ ты на ту гироньку,
Подывыся у дибривоньку:
А чы шумытъ та дибривонька,
А чи йде мій розмай-коса,
Изъ лыченька загубы-краса?
Дочко моя, билозирочко!
Ой ходывъ я на ту гироньку
И дывывся у дибривоньку:
Шумыть-гуде та дибривонька,
Иде, иде твій розмай-коса
Изъ лыченька загубы-краса!

XVII.

Ой встань, Марысе, пидведысь,
У виконечко подывысь:
А чы далеко буяре идуть,
Чы скоро у насъ будуть?
А ще буяре на мисти,
Сидлають коней сто-двисти.
Кинь вороный прыпавъ росою,
Самъ молодець красою.

XVIII

Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ,
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ королевычъ конемъ грае,
Пидъ царскій двиръ пидъизжае
Хоче царя звоювaты,
А царивну соби взяты.
Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ;
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ Ивасе конемъ грае,
Пидъ тестивъ двиръ пидъизжае,
Хоче тестя звоювaты,
А Марысю соби взяты.

Когда поѣздъ приближается, пѣсня изображаетъ страхъ невѣсты; она проситъ отца спрятать ее за горы каменныя, *обсадить вишнями, черешнями, хрещатымъ барвинкомъ.*

Въ это время у жениха идутъ приготовленія для отправленія *съ поиздомъ* къ невѣстѣ. Старшая свашка пришиваетъ всѣмъ поѣзжанамъ: *свашкамъ*, боярамъ, свитылкамъ, старостамъ, музыкантамъ *по квиткѣ* изъ красной ленты; при чемъ всѣ мужчины, исключая музыкантовъ, бросаютъ ей немного денегъ. Отецъ даетъ жениху два хлѣба подъ руки, старшій бояринъ беретъ *гильце*, меньшій *коровай*; свашки—*шишки*, *борону*, *пранықъ* и подарки всѣмъ родичамъ невѣсты, о которыхъ было условлено на заручинахъ; свитылка беретъ зажженный *свитильникъ*, и выходятъ всѣ на дворъ. Съ порога хаты за ворота провожаетъ ихъ мать, обсыпая жениха житомъ, овсомъ, сѣмечками, орѣхами, у богатыхъ деньгами. Обсыпаніе зернами, въ особенности *житомъ*, деньгами предзнаменуетъ жизнь, *житя добре, богате*.

Пѣсня изображаетъ, что мать выводитъ коня для сына и отправляетъ его къ тещѣ гордой. Другая пѣсня поэтически представляетъ борьбу сына.

Ой по-пидъ лисомъ бытая дориженька;
А середъ лису рублена кернычемька.
Ой туда йихавъ Ивасе зъ буярами;
Ему калына дорогу заступыла.
Выйнявъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до его промовляты:
— Не рубай мене голою шабелькою,
Обмотай мене сынею кытайкою,
Но за-для тебе ця калына сажена,
А за-для тебе Маруся наряжена.

Подходятъ къ двору невѣсты; но тамъ паробки заперли ворота, завалили ихъ, чѣмъ попало: бревнами, поставили поперекъ возъ, однимъ словомъ, устроили что-то вродѣ баррикады и не пускаютъ во дворъ, требуя выкупа *за дивку*. Свашки въ пѣснѣ просятъ не преграждать дороги:

Поселяне, городяне,
Просымо васъ,
Не спыняйте дориженькы
Насупротивъ нась,
Бо въ насъ письмечко
Одъ государя,
Щобъ намъ дорога не запыняна.

Поѣздъ жениха не пропускаютъ. Происходитъ примѣрная битва: старосты и бояре нападаютъ, парубки защищаются; при чемъ вмѣсто сабель служатъ имъ палки. Примѣрное сраженіе служитъ напоминаніемъ древняго обычая похищать и воевать изъ-за невѣстъ. Свашки объясняютъ въ пѣснѣ причину препятствія:

Дывныи люде городяне,
Аще дывнищи поселяне:
Поставалы на воротахъ зъ кыями,
За чарку горилки не пускають до дивки.

Дружки въ хатѣ поютъ пѣсню, въ которой выражается желаніе узнать, что это происходитъ за стычка:

Ой що жъ бо то понаихало?
Чи зъ села селяне,

Чи зъ миста мищане?
Нехай будемъ знаты,
Кому уступаты.

Женихъ даетъ паробкамъ, защищающимъ ворота, на водку; они пропускаютъ только однихъ *старостивъ*, а остальныхъ еще задерживаютъ. Старосты идутъ въ хату, неся кружку съ водой и шишку и привѣтствуютъ слѣдующимъ образомъ: „*Здравствуйте! зъ недилею будьте здорови; Кланявся молодый молоди, а сватъ сватови, а сваха сваси, а бояре дружкамъ!*“ Дружки поютъ насмѣшливую пѣсню относительно старостъ:

Первыи послы прышлы,
Не вміють говорыты,
Не шапочкы зняты,
Не ручки даты:
Шапочка прышытая,
Ручечка прыбытая.

Староста подчуетъ дружка изъ кружки; но тотъ не хочетъ пить, говоря: „*прызволяйтесь перше вы, може вы намъ помый прынеслы, або якого яду*“. Староста увѣряетъ, что это хорошее вино *зъ-загряныци*, пробуетъ и шатается, какъ пьяный. Младшій староста поддерживаетъ его: *помалу, бо ще впадешъ*“. *О! що це за вино? Отъ потребуйте нашого: наше зъ Адесу, а це, мабуть, якесь нимецьке, не крипке*“. Попробуютъ старосты, но имъ тоже не нравится: они уходятъ къ своимъ за ворота, говоря: „*Кланялась молода молодому, а сваха свашкамъ, а дружки боярамъ*, а кочерга лопатамъ, а пичъ музыкантамъ!“.

Старосты идутъ второй разъ и возвращаются, и наконецъ за третьимъ приглашаютъ; подаютъ имъ кружку воды, которой они умываютъ руки и два рушныка которыми старосты перевязываютъ другъ друга черезъ плечо. Пѣсня объясняетъ обрядъ:

Мые дружка ручкы
Поглядае на килочкы,
Чы не высять рушнычки
Въ нашои паняночкы.
Въ нашои паняночкы
Рушнычкы зъ китаечки.

Староста обращается къ поѣзжанамъ. Женихъ упрашиваетъ хлопцивъ пропустить ихъ: „*Мы люде хороши, не розбишаки, не воры, пустить пожалуста!*"

— „*Ну, мабуть, не дуже хороши! Головы попробываны— кровъ тече* (красныя ленты на шапкахъ), *а котри пишлы въ хату, то повыходылы позвъязуваны*". Эта рацея, которая теперь въ устахъ народа кажется странною, есть отголосокъ сѣдой древности, войны и похищенія невѣстъ.

Жениха пропускаютъ во дворъ, а не въ хату; передъ порогомъ ставятъ столъ, накрытый скатертью, хлѣбъ, соль, ведро воды. Тутъ женихъ подноситъ подарки *батькови борону изъ тѣста*, сукно, матери *праныкъ* и сапоги; мать надѣваетъ сапоги и поетъ извѣстную пѣсню:

Оце жъ тіи чоботи, що зять давъ,
А за ціи чоботы дочку взявъ и т. д.

Со стороны невѣсты дружко выноситъ подарки: жениху платокъ, который беретъ старшій бояринъ, обводитъ имъ три раза вокругъ головы, вытретъ ему носъ и привязываетъ къ поясу; старостамъ и дружкови подносятся „рушныки", а свашкамъ, свитылкамъ по платочку. Въ это время поется пѣсня, что пріѣхали гости, они убѣждаютъ Марусю поѣхать на чужую сторону: „*тамъ горы крейдовыи, ростутъ травы шелковыи, текуть рики все медовыи. Летила зозуля—сила, впала и закувала: „не йидь, не здавайся!*"

Далѣе идутъ обряды продажи невѣсты въ чужую сторону, которая рисуется ужасной. Пѣсни теперь изображаютъ тяжелое чувство невѣсты:

I

Ой глянь, Марусе, кризъ калачъ
Карымы очима, та й заплачъ,
Бо иде твоя розмай-коса, загубы-краса.
Горихови квиткы, завъязанный свите!

II

Ходять буяре по двору,
Сыплять золото по столу
Мы жъ того золота не беремо,
Мы жъ своей Маруси не даемо.

Въ это время невѣста обязательно должна плакать. Пѣсни въ утѣшеніе изображають жениха, какъ солнце, что *краще и вище всихъ.*

Лита лита соколонько
Коло сонця,
Прилитае соколонько
До виконця,
„Чи се жъ тая свитлонька
Рубленая,
Чи се жъ тая Марися
Шлюбленая“

Затѣмъ идетъ сцена, представляющая переговоры свашекъ на дворѣ и дружекъ въ хатѣ: переговоры ведутся при помощи пѣсенъ. Свашки приглашаютъ невѣсту:

Выйди, Марусе, выйди,
Не буде тоби кривды и т. д.

Дружки изъ хаты отвѣчаютъ:

Нема Маруси дома:
Пишла въ лугъ по калину;
Якъ прийде зъ калиною
Зійдется зъ родиною.

Свашки поютъ:

Пусты, свату, въ хату,
Тутъ насъ не багато:
Четверо та пьятеро,
Та всихъ девьятеро.

Дружки отвѣчаютъ:

Просимъ, буяре, до хаты,
Годи мальоію топтати
Червонными чобитками
Золотыми пидкивками.

Свашки поютъ:

А въ нашого свата
Соломяна хата,—
Боиться пустыты,
Щобъ не розвалыты.

Дружки отвѣчаютъ:

Ой на хати зилля,
А въ хати весилля;
На двори буяре,

Якъ макъ процвитають.
А въ синяхъ болото,—
За столомъ, якъ золото.

Передъ тѣмъ, какъ поѣзжане входятъ въ хату, братъ долженъ сѣсть подлѣ сестры съ палкой, а пѣсня ему поетъ: сичи, рубай, сестры не давай!“

Когда женихъ входитъ въ хату, его встрѣчаетъ теща въ вороченомъ кожухѣ, верхомъ на кочергѣ, въ мохнатой шапкѣ и съ горшкомъ въ рукахъ, наполненнымъ водою и овсомъ. Она, не говоря ни слова, подноситъ ему *оброкъ* (овесъ), а сама ходитъ вокругъ и бьетъ его кочергой. Горшокъ съ оброкомъ женихъ бросаетъ себѣ черезъ голову, а стоящіе тутъ хлопцы спѣшатъ на лету разбить его. Въ этомъ темномъ обрядѣ слѣдуетъ видѣть напоминаніе о жертвѣ, и разбиваніе горшка указываетъ на разбиваніе посуды при жертвоприношеніяхъ, чтобъ она уже не служила ни для какого другого употребленія. Кочерга является въ знакъ почитанія священнаго очага.

Сватъ, входя въ хату, ударяетъ три раза накрестъ по одвиркамъ,—очевидно почитаніе дверей или пенатовъ:

Такъ какъ будутъ отнимать у брата сестру и покупать ее, то пѣсня изображаетъ это:

Не наступай Литва,
Буде въ нами битва,
Будемъ бити, воювати,
Маруси не давати.

Происходитъ также драматическая сцена покупки у брата сестры. Пѣсни передаютъ всѣ моменты торга и продажи.

Старосты заводятъ жениха къ невѣстѣ *на посадъ*. Невѣста въ это время стоитъ, низко нагнувшись къ столу; на головѣ у нея старшій дружко держитъ калачъ, накрытый платкомъ. Когда сядетъ женихъ, дружки поютъ:

Ще жъ наша тарилочка
Не цинована,—
Ще жъ наша Маруся
Не цилована.
Треба тую тарилочку
Оцинувать—
Треба нашу Марусю
Поцилувать!

Женихъ срываетъ съ нея платокъ и спѣшитъ поцѣловать. Если же дружка поцѣлуетъ раньше его, всѣ смѣются надъ его неловкостью, а дружки поютъ:

Було бъ тоби не женытыся,
Було бъ тоби волочытыся,
Було бъ тоби жинкы не браты,—
Бо не вміешъ циловаты.

Происходитъ обѣдъ съ упрашиваньемъ ѣсть, выраженнымъ въ драматической формѣ пѣсенъ.

Подъ конецъ дня невѣста съ старшей дружкой старается спрятаться гдѣ-нибудь, но ихъ сторожатъ и вскорѣ находятъ. Это опять, вѣроятно, обычай изъ эпохи умыканья.

За ужиномъ идетъ шуточная пересмѣшка въ формѣ пѣсенъ между свашками и свитылками, въ родѣ обращенія: *„не будь така горда, якъ свынача морда!“*.

Покрываніе невѣсты.

Наступаетъ затѣмъ драматическій моментъ покрыванья невѣсты; свашка снимаетъ съ нея вѣнокъ, братъ долженъ расплетать косу; свашки скручиваютъ ее и хотятъ надѣть *каптуръ*; невѣста три раза сбрасываетъ его; но за послѣднимъ разомъ надѣваетъ. Пѣсни изображаютъ эту борьбу:

Ой, Марысе-дивко,
Скинь очипокъ къ дидьку:
Винъ тоби не подоба,
Не прыставъ до лоба.
Искынь, искынь, бо не годытьця:
Краща дивка, якъ молодыця
Искинь, искинь, бо не подоба,
Не прыстае чилка до лоба.

Свашка со стороны жениха надѣваетъ шапку, которую снимаетъ съ нея, а со стороны невѣты ея вѣнокъ; потомъ становятся на лаву по сторонамъ *молодыхъ*, берутъ платокъ, принесенный съ короваемъ, за концы; машутъ имъ надъ головами молодыхъ (покрываютъ ихъ) и поютъ:

Мы жъ тебе, сестрыце, покрываемъ,
Щастамъ, здоровьямъ надиляемъ.

Щобъ була здорова, якъ вода,
А багата, якъ земля.
Дай, Боже, дай!
Цилуватыся, мылуватыся
Одъ молодости до старости,—
Дай, Боже, дай!

Цѣлуются три раза черезъ столъ, мѣняются вѣнкомъ и шапкой, и такъ происходитъ три раза.

Въ пѣснѣ свашки объясняютъ совершившійся обрядъ:

Ой такъ мы зробылы
Якъ сами схотилы:
Зъ кныша паляныцю,
Зъ дивчыны молодыцю.

Дружки отвѣчаютъ:

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ іи розвертилы
И въ садокъ повелы,
И винокъ изпилелы;
Мы бъ іи заквичалы,—
Вы бъ іи не пизналы.

Въ драматической формѣ также происходитъ обрядъ раздаванья коровая:

Наконецъ, невѣста должна собираться въ домъ жениха; родители благословляютъ ее; невѣста горько плачетъ, разставаясь съ ними. Когда выходятъ на дворъ, отецъ беретъ плеть, бьетъ слегка дочь и передаетъ плеть зятю; тотъ обходитъ невѣсту кругомъ три раза, бьетъ, каждый разъ приговаривая: „*Покидай батькови, та матерыни норовы, та беры мои!*" Пѣсня объясняетъ пріѣздъ невѣсты къ жениху въ поэтической формѣ:

Прылетила та тетеречка,
Не учора, та теперычка,
Сила середъ двору,
Просыться въ комору.
Та не кишкайте,
Не полохайте,—
Нехай вона прывыкае,
Та до дому не втикае.

Другая пѣсня далѣе реальнаго свойства:

Невистко моя, жадзнко!
Весь викъ я тебе ждала,
Симъ годъ сорочокъ не прала,
Поки тебе молодую дожыдала.

Родители жениха благословляютъ ихъ; при этомъ мать насыпаетъ сыну за воротникъ жита—символъ хорошей жизни, а невѣсткѣ накрываетъ голову платкомъ, нагибаетъ, беретъ голову ея себѣ подъ руку, говоря; „*Якъ не бачишъ, куды йдешъ, щобъ такъ лыха не бачыла*!

Обычай коморы.

Брачное ложе устраивается обычно; благополучіе невѣсты объявляется пѣснею съ ея стороны:

Не бійся, матинко, не бійся!
Въ червоныи чобитки узуйся!
Топчи вороги пидъ ноги,
Щобъ твои пидковки брязчалы,
Щобъ твои вороги мовчалы!

А гости поютъ по улицамъ:

Темного лугу калына,—
Доброго роду дытына:
Хочъ вона по ночамъ ходыла,
Пры соби красу носыла.
Куповалы купци—не продала,
Просылы хлопци—вона не дала.
Шовкомъ ниженьки звъязала,
Для свого Ивася держала.

Въ такихъ случаяхъ невѣста повязывается краснымъ платкомъ, и бояре украшаются такими же платками. Пѣсня изображаетъ это такъ:

Знаты Марысю, знаты
Зъ которои вона хаты.
Черчикомъ обсыпано,
Калыною обтыкано,
И лавки и прылавки
Зъ червонои китайки.

Въ то время, когда родители угощаютъ за радостную вѣсть о цѣломудріи невѣсты, молодая женщина относитъ въ *комору къ молодымъ вечерять жареную курицу* и меду. Первая составляла жертвенное животное бога-громовника, какъ покровителя брака, да и медъ принадлежалъ къ священнымъ жертвеннымъ кушаньямъ. Отъ этого обрядового кушанья у насъ и пошло названіе *медового мѣсяца*.

Въ понедѣльникъ молодые идутъ къ матери невѣсты; мать сначала не узнаетъ своей дочери, *молодый* снимаетъ съ нея платокъ; дочь цѣлуетъ руку матери; *молодые* входятъ въ хату и исполняютъ обязанности хозяевъ. Послѣ закуски бояринъ беретъ *вихy*, красный платокъ, привязанный къ палкѣ, и отправляются къ попу, которому подносятъ шишку съ калиной, перевязанную красной лентой. Потомъ идутъ къ пану, жиду-шинкарю, старостѣ.

Во вторникъ молотятъ жито, которое было на *посадѣ*.

Въ среду опять собираются къ отцу невѣсты; строятъ посреди улицы хату, т. е. ставятъ три жерди, накрываютъ ихъ рядномъ, привязываютъ кота, собаку и пѣтуха, вносятъ столъ, скамейку, хлѣбъ, ведро воды; потомъ святятъ хату, продаютъ ее и требуютъ, чтобы родители выкупили.

Въ четвергъ рядятся, кто жидомъ, кто цыганомъ, и идутъ по сосѣдямъ, просятъ куръ, а иногда и сами ловятъ ихъ, варятъ и угощаются.

Вода, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ является при свадебныхъ обрядахъ; она есть символъ небесной воды—дождя, дающаго плодородіе, что въ свадьбѣ дожно имѣть существенную цѣль. Пѣтухъ и курица посвящались богу, покровителю брака.

Всѣ обряды и пѣсни, изъ которыхъ состоитъ малорусская свадьба, опоэтизировали то жизненное явленіе, которое представляетъ собою бракъ. Этотъ моментъ содержитъ въ себѣ много драматическаго, и потому религіозная народная мистерія представляется намъ въ знаменательной драматической формѣ первобытнаго свойства.

Подобная народная драма послужила въ древности основаніемъ для величественной классической драмы, и мы убѣждены, что и наша драма, вышедшая изъ этой глубоко-жизненной основы, могла бы развиться въ цвѣтъ, который пышностью своею затмилъ бы все ходульное, насколько правда и жизнь затмеваютъ всякую поддѣлку подъ живое чувство, и насколько кривлянье паяца уступаетъ естественной простотѣ народнаго мудреца!.

Хр. Ящуржинскій.

Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка.

(1628).

Куруковскій договоръ (1625), явившійся какъ результатъ одного изъ многочисленныхъ козацкихъ возстаній первой половины XVII вѣка, возстанія, извѣстнаго по имени его предводителя Жмайла, установилъ ту норму отношеній къ козакамъ со стороны польскаго правительства, которую послѣднее признавало единственно возможною. Козачество, не признаваемое какъ сословіе, должно было составлять не болѣе какъ отрядъ постояннаго наемнаго войска, подчиненный польскимъ гетманамъ; отрядъ этотъ не долженъ былъ превышать незначительнаго, точно опредѣленнаго количества (6,000).

Козакамъ вмѣнялось въ обязанность не вмѣшиваться ни во внутреннія сословныя и религіозныя столкновенія на Украинѣ, ни во внѣшнія политическія отношенія речипосполитой къ ея сосѣдямъ. Въ текстѣ договора съ особенною настойчивостью формулированы были статьи, воспрещавшія козакамъ предпринимать морскіе походы на турецкія владѣнія, сноситься безъ вѣдома правительства съ иностранными государями, наниматься къ нимъ въ военную службу, главнымъ же образомъ нарушать въ чемъ бы то ни было мирныя отношенія речипосполитой къ турецкой имперіи. Гарантіею въ исполненіи этихъ предписаній польское правительство признавало установленный имъ контроль по отношенію къ выбору козацкихъ начальниковъ,

который по силѣ Куруковскаго договора предоставленъ былъ польскимъ гетманамъ.

На первый же разъ коммиссары, составлявшіе статьи договора, собственною властью, безъ выбора со стороны козаковъ, назначили „старшаго войска Запорожскаго". Должность эта предоставлена была Михаилу Дорошенку, хорошо извѣстному полякамъ, какъ старый товарищъ Сагайдачного, которому тотъ поручалъ вести переговоры съ польскими начальниками еще во время Хотинскаго похода.

Въ дѣлѣ внутренней политики, т. е. польско-русскихъ отношеній, Дорошенко былъ представителемъ того теченія въ козачествѣ, которое стремилось идти по слѣдамъ Сагайдачного въ указанномъ имъ направленіи; оно имѣло въ виду, не разрывая установленныхъ отношеній къ польскому правительству, напротивъ того, оказывая ему услуги въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ вознагражденіе за эти услуги требовать уступокъ, необходимыхъ для всего населенія южно-русскаго края. Благодаря такому образу дѣйствій, Сагайдачный въ награду за два похода, Московскій (1618) и Хотинскій (1621), достигъ признанія правительствомъ легальнаго существованія „войска Запорожскаго" въ кіевскомъ воеводствѣ, безъ ограниченія количества его реестромъ и возстановленія православной церковной іерархіи, упраздненной уніатами.

Разумѣется, подобная политика требовала извѣстной доли терпѣнія, умѣнья выжидать и пользоваться обстоятельствами, значительной выдержки и сознанія; къ несчастью народъ южно-русскій не былъ въ данное время политически развитъ на столько, чтобы соразмѣрить свои силы и средства съ возможностью постепеннаго и послѣдовательнаго достиженія своихъ политическихъ и общественныхъ дезидератовъ. За исключеніемъ немногочисленной группы людей болѣе развитыхъ и сознательныхъ, вся остальная масса козаковъ и крестьянъ, стремившихся въ козачество, находила частичныя уступки неудовлетворительными, требовала безотлагательнаго переворота и, предъявляя безусловный протестъ существующимъ отношеніямъ, готова была вступить въ рѣшительную борьбу, не соразмѣряя своихъ силъ и шансовъ успѣха. Правда, Сагайдачный, воспользовавшись присут-

ствіемъ польской арміи во время Хотинскаго похода, успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, подавить это направленіе безусловнаго протеста въ лицѣ его представителя Бородавки; но уже вскорѣ послѣ смерти самого Сагайдачнаго направленіе это, не сдерживаемое его авторитетомъ, проявилось въ рѣзкой формѣ въ возстаніи Жмайла, которое повлекло за собою потерю значительной доли того, что было пріобрѣтено Сагайдачнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ возстанія является ограниченіе числа козаковъ реестромъ, контроль надъ выборами ихъ начальниковъ и запретъ оказывать вліяніе на ходъ общественной жизни въ краѣ; все это представляло огромный шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ, какое заняло козачество при Сагайдачномъ.

Положеніе новаго гетмана Дорошенка было весьма трудное: съ одной стороны, слѣдуя программѣ Сагайдачнаго, онъ старался, не смотря на стѣснительныя для козаковъ постановленія Куруковскаго договора, сохранить добрыя отношенія къ польскому правительству, въ то же время выжидая лишь удобнаго случая, чтобы потребовать отъ него возможныхъ уступокъ; съ другой стороны, онъ припужденъ былъ считаться съ порывами козачества къ протесту, къ несчастью не предвѣщавшими успѣха. Среди такого колебанія прошли первые три года гетманства Дорошенка, о которыхъ встрѣчается весьма мало данныхъ въ источникахъ; за все это время мы находимъ только два указанія на его дѣятельность. Въ 1626 году онъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ участвовалъ въ походѣ региментаря Стефана Хмелецкаго противъ татаръ; во время этого похода Буджацкіе татары, ворвавшіеся въ Кіевщину въ количествѣ сорока тысячъ, понесли рѣшительное пораженіе въ окрестности Бѣлой Церкви. Объ участіи козаковъ въ этомъ походѣ Хмелецкій доносилъ королю слѣдующими словами: „въ этой битвѣ запорожскіе козаки выказали большое мужество и преданность В. К. М-ти и речипосполитой“ [1]). Преданность эта не мѣшала, однако, Дорошенку домогаться отъ польскаго правительства уступокъ въ пользу южно-русскаго народа и

---

[1]) Сборникъ Лѣтописей, относящ. къ Южной и Западной Руси, стр. 256

протестовать противъ испытываемыхъ имъ отъ поляковъ притѣсненій. Такъ, въ 1627 году, когда королевичъ Владиславъ потребовалъ Дорошенка со всѣмъ его войскомъ для участія въ шведскомъ походѣ, гетманъ не подчинился этому требованію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что козакамъ не уплачено жалованье, что ихъ обременяютъ поборами и притѣсняютъ православную вѣру, вслѣдствіе чего они, вѣроятно, вынуждены будутъ поступить на службу къ московскому царю [1]).

Въ 1628 году на южной границѣ Запорожья возникла коллизія, дозволившая Дорошенку выступить въ активной роли и удовлетворить народнымъ порывамъ, оставаясь въ тоже время, хотя отчасти, на легальной почвѣ. Мотивы этого дѣла истекали изъ внутреннихъ отношеній крымскаго ханства.

Вассальная зависимость Крыма отъ Турціи была крайне неопредѣленно обусловлена во время подчиненія Крыма при Менгли-Гиреѣ; несомнѣнно, султану принадлежало право по желанію смѣщать и назначать хановъ, но въ выборѣ ихъ онъ долженъ былъ ограничиваться членами рода Гиреевъ; сверхъ того, онъ связанъ былъ обѣщаніемъ не подвергать смертной казни членовъ этого рода; наконецъ, султанъ пользовался правомъ требовать военной помощи отъ хана по своему усмотрѣнію и занимать своими гарнизонами нѣкоторыя крѣпости въ предѣлахъ ханства. Впрочемъ, эти условія зависимости никогда не были точно установлены, держались они исключительно на обычѣ, а не на письменномъ трактатѣ [2]) и, благодаря такой неопредѣленности, болѣе энергичные изъ хановъ старались по возможности ослабить долю своей зависимости отъ султана, не подчинялись его распоряженіямъ относительно военныхъ походовъ и т. д. Султаны съ своей стороны нашли вѣрный способъ для постоянной угрозы ханамъ: пользуясь многочисленностью рода Гиреевъ, они постоянно удерживали въ Стамбулѣ нѣсколько десятковъ представителей этой фамиліи и, при малѣйшемъ ослушаніи со стороны хана, грозили ему смѣщеніемъ и замѣною его однимъ изъ родственниковъ.

---

[1]) Акты Московскаго Государства I, 215—216.

[2]) Смирновъ. Крымское ханство, стр. 294—32.

Сверхъ того, автономныя стремленія хановъ значительно ослаблялись вслѣдствіе причинъ, скрывавшихся въ внутреннихъ отношеніяхъ самого ханства. Въ вассальной зависимости отъ крымскаго хана находились ногайскія орды, которыя въ свою очередь тяготились этою зависимостью. Болѣе сильные и болѣе энергичные изъ ногайскихъ начальниковъ съ своей стороны мечтали освободиться отъ подчиненія хану и готовы были стать въ непосредственныя вассальныя отношенія къ Портѣ, т. е. сдѣлаться самимъ самостоятельными ханами; такимъ образомъ они представляли внутри самого ханства выгодное для султановъ орудіе въ борьбѣ ихъ съ автономическими стремленіями Гиреевъ.

Всѣ указанные мотивы особенно рѣзко проявились въ третьемъ десятилѣтіи XVII вѣка: ханъ Джанибекъ-Гирей, заподозрѣнный въ стремленіи къ излишней самостоятельности, былъ смѣщенъ въ 1623 году подъ предлогомъ небрежнаго поведенія въ персидскомъ походѣ и преемникомъ ему, по протекціи визиря Гуссейна-паши, назначенъ Мухамедъ-Гирей III, находившійся въ то время въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ. Новый ханъ оказался человѣкомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и самостоятельнымъ; опираясь на содѣйствіе своего брата Шагинъ-Гирея, которому онъ предоставилъ званіе калги [1]), онъ не пожелалъ выполнять предписаній Порты, не доставлялъ требуемыхъ военныхъ контингентовъ и не строилъ указанныхъ султаномъ крѣпостей. Послѣ многократныхъ напоминаній, султанъ рѣшился смѣнить непокорнаго хана; на мѣсто его вновь назначенъ былъ Джанибекъ-Гирей, котораго послали въ Кафу въ сопровожденіи турецкаго флота съ сильнымъ отрядомъ войска. На этотъ разъ однако смѣна не состоялась: Мухамедъ-Гирей нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе и принудилъ ихъ удалиться изъ Крыма. Съ своей стороны Порта, занятая въ то время другими политическими отношеніями, на время покрыла молчаніемъ это сопротивленіе своего

---

[1]) Должность калги была установлена еще Менгли-Гиреемъ; калга былъ намѣстникомъ хана и пользовался въ его отсутствіи всѣми аттрибутами его власти на эту должность ханы обыкновенно назначали самыхъ любимыхъ родственниковъ, которымъ желали передать престолъ послѣ своей смерти. (Смирновъ, стр. 350—355);

вассала, даже возобновила съ нимъ сношенія, какъ-бы ничего не произошло, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріискивала средства къ его удаленію и съ этою цѣлью обратила вниманіе на положеніе ногайскихъ ордъ.

Въ то время самымъ сильнымъ изъ мурзъ ногайскихъ былъ начальникъ Буджацкой орды Канъ-Темиръ мурза, владѣвшій южною частью нынѣшней Бессарабіи отъ Аккермана до Киліи, т. е. такъ называемымъ Буджакомъ. Онъ давно уже тяготился зависимостью отъ Крыма, уклонялся отъ выполненія ханскихъ приказовъ, предпринималъ набѣги на Русь безъ вѣдома хана и стремился къ учрежденію самостоятельнаго ханства подъ турецкимъ протекторатомъ. Его-то и избрало турецкое правительство для противовѣса Мухамедъ-Гирею послѣ столкновенія съ послѣднимъ; теперь власти особенно милостиво отнеслись къ Канъ-Темиру: ему обѣщано было покровительство султана, затѣмъ предоставлено званіе силистрійскаго паши, благодаря чему онъ, какъ высокій турецкій сановникъ, становился въ непосредственную зависимость отъ султана и освобождался отъ подчиненія крымскому хану. Замѣтивъ опасность, грозившую ему со стороны Буджака, Мухамедъ-Гирей рѣшился предупредить ее и послалъ Канъ-Темиру грозный приказъ—переселить Буджацкую орду въ Крымъ для прекращенія ея самовольныхъ набѣговъ на польскія владѣнія. Приказъ этотъ, разумѣется, не былъ исполненъ и въ Буджакъ посланъ съ войскомъ калга Шагинъ-Гирей, чтобы принудить Канъ-Темира къ повиновенію; но тотъ заблаговременно перевелъ свою орду на правый берегъ Дуная, въ Добруджу, входившую въ составъ Силистрійскаго пашалыка и слѣдовательно числившуюся во владѣніяхъ оттоманской имперіи внѣ территоріи, подвластной хану. Шагинъ-Гирей въ свою очередь переправился въ Добруджу, сразился съ Канъ-Темиромъ, но былъ разбитъ на голову и съ трудомъ спасся обратно въ Крымъ; туда же, преслѣдуя его по пятамъ, явился Канъ-Темиръ и осадилъ въ Бахчисараѣ обоихъ Гиреевъ, которые заперлись тамъ съ небольшою горстью приверженцевъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ сдѣланы уже были всѣ приготовленія на случай побѣды Канъ-Темира, и Джи-

ванъ, узнавъ о желанномъ исходѣ столкновенія, объявилъ и хана, и его калгу измѣнниками, дерзнувшими вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ одну изъ турецкихъ областей. Оба они были отрѣшены, на мѣсто хана назначенъ вновь Джанибекъ-Гирей, а на должность калги его братъ Девлетъ-Гирей, и сильный турецкій флотъ съ численнымъ дессантомъ отправленъ въ Кафу для возведенія на престолъ новаго хана при помощи Канъ-Темира. Осажденные Гиреи, очутившись въ столь критическомъ положеніи, попытались спастись путемъ привлеченія новаго неожиданнаго союзника, и Шагинъ-Гирей послалъ на Запорожье Болгаръ-мурзу просить помощи у козаковъ.

Въ то время находился на Запорожьи и самъ гетманъ Михаилъ Дорошенко, который, согласно требованію статей Куруковскаго договора, обязанъ былъ постоянно пребывать на Низу съ 1,000 реестровыхъ козаковъ для предотвращенія козацкихъ морскихъ походовъ. Переговоры мурзы съ гетманомъ привели къ заключенію слѣдующихъ условій, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ: Шагинъ-Гирей обязался уплатить козакамъ 100,000 червонцевъ и сдать имъ недавно отстроенную у границъ Запорожья крѣпость Исламъ-Керменъ, если они своевременно придутъ на выручку хану. Дорошенко принялъ эти условія и немедленно двинулся въ Крымъ съ 4,000 козаковъ (очевидно къ реестровымъ присоединилась и проживавшая на Запорожьи вольница). Непосредственно за Перекопомъ козаки были окружены ногайскими сонмищами, тотчасъ построили таборъ и храбро двигались къ Бахчисараю, въ теченіи шести сутокъ непрерывно отбиваясь отъ татаръ. Въ этомъ переходѣ палъ гетманъ Дорошенко съ четвертою частью всего товариства, но оставшіеся въ живыхъ козаки все-же пробились къ Бахчисараю, подъ стѣнами котораго разгромили Канъ-Темира, принудили его бѣжать въ Кафу подъ прикрытіе турецкаго гарнизона и освободили союзниковъ изъ осады; въ это самое время прибылъ въ Кафу и турецкій флотъ, сопровождавшій Джанибекъ-Гирея.

Между тѣмъ пораженіе Шагинъ-Гирея въ Добруджѣ, вторженіе Канъ-Темира въ Крымъ и появленіе турецкаго флота у Кафы — всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя совершенно уничтожили автори-

тетъ Мухамедъ-Гирея среди подданныхъ; не смотря на побѣду, одержанную козаками у Бахчисарая, предводители крымскихъ татаръ отказали ему въ поддержкѣ, приняли сторону новаго хана и отправились къ нему въ Кафу. Оставленные татарами Мухамедъ и Шагинъ вынуждены были бѣжать изъ Крыма, а козаки возвратились на Запорожье, куда вскорѣ явился и Шагинъ-Гирей.

Согласно условію онъ сдалъ Исламъ Керменъ [1]) козакамъ, которые снесли укрѣпленія этого города и перевезли на Запорожье бывшую въ крѣпости артиллерію, послѣ чего временно дозволили Шагинъ-Гирею кочевать на земляхъ запорожскихъ впредь до полученія по этому дѣлу королевскаго рѣшенія. Затѣмъ оба союзника снарядили совмѣстно посольство къ королю. Шагинъ-Гирей просилъ для себя покровительства и помощи королевской, обѣщая въ случаѣ успѣха подчинить Крымское ханство протекторату Польши [2]). Съ своей

---

[1]) Ниже пороговъ, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, находилась самая удобная переправа на Днѣпрѣ, который въ этомъ мѣстѣ не раздѣленъ на рукава и представляетъ одно русло. Здѣсь обыкновенно переходили Днѣпръ татары, когда устремлялись въ набѣгъ на Украину; мимо этого пункта спускались также изъ Запорожья козацкія флотиліи, отправлявшіяся въ Чорное море; поэтому обладаніе Таванскою переправою представлялось вопросомъ чрезвычайной важности какъ для козаковъ, такъ и для турокъ и мы видимъ, что съ этою цѣлью еще Витовтъ, послѣ битвы надъ Ворслою, спѣшитъ построить крѣпость у Тавани (M. Bielski. Kronika, стр. 283 Михаилъ Литвинъ, стр. 9). Съ своей стороны Менгли-Гирей выстроилъ въ 1492 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра новую крѣпость, извѣстную подъ именемъ Тавани (Сборн. Русск. истор. Общ. т. XLI стр. 149). На противуположномъ берегу Днѣпра существовала въ XVI стол. татарская крѣпость Исламъ-Керменъ, которую разрушилъ въ 1576 году кн. Дмитрій Вишневецкій; султанъ приказалъ крымскому хану возстановить ее и ослушаніе этому приказу было главнымъ поводомъ гнѣва падишаха противъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1627 г. послѣдній занялся наконецъ постройкою крѣпости, но уже въ 1628 г. Шагинъ-Гирей сдалъ ее козакамъ, которые разметали укрѣпленія.

[2]) Впрочемъ попытки Мухамеда и Шагина-Гиреевъ возвратить свою утраченную власть были безуспѣшны, не смотря не многократныя ихъ вторженія въ Крымъ при помощи козаковъ, черкесовъ, кумыковъ и своихъ татарскихъ приверженцевъ. Въ одной изъ такихъ попытокъ (1629 г.) Мухамедъ-Гирей палъ въ битвѣ у Кара-су; Шагинъ еще въ теченіи четырехъ лѣтъ безпокоилъ хана смѣлыми набѣгами, но наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, онъ добровольно принесъ повинную султану (1633) и былъ удаленъ въ ссылку на островъ Родосъ. (Смирновъ, стр. 497 и 605).

стороны козаки извинялись въ томъ, что предприняли этотъ походъ въ Крымъ, не испросивши предварительно королевскаго разрѣшенія, и утверждали, что вмѣшались они въ татарскія междоусобія исключительно въ виду политическихъ выгодъ речипосполитой, имѣя цѣлью способствовать ослабленію ханства; они указывали на предложеніе Шагинъ-Гирея и на разрушеніе Исламъ-Кермена, какъ на положительные результаты ихъ экспедиціи. Польское правительство воздержалось отъ наказанія козаковъ за самовольный походъ и утвердило избраннаго ими новаго „старшаго войска Запорожскаго". Послѣ гибели Дорошенка въ Крыму, выбранъ былъ начальникомъ въ козацкомъ таборѣ нѣкто Мойженица, но онъ вскорѣ былъ уличенъ въ утайкѣ части войсковыхъ суммъ и по приговору рады казненъ смертью; на мѣсто его избранъ Григорій Савичъ, извѣстный у козаковъ подъ именемъ Грыцька Чорного, который и былъ утвержденъ правительствомъ.

На этотъ разъ умиротворенію польско-козацкихъ отношеній способствовали двѣ причины: направленіе, котораго держался вновь избранный гетманъ, и взглядъ на отношеніе правительства къ козакамъ бывшаго въ то время представителемъ польской власти на Украинѣ региментаря, Стефана Хмелецкаго.

Григорій Савичъ является послѣднимъ представителемъ въ козачествѣ той партіи мирныхъ политиковъ, которая образовалась подъ вліяніемъ Сагайдачнаго и подобно ему стремилась, сохраняя дружественныя отношенія къ польскому правительству и оказывая ему существенныя услуги, въ свою очередь постепенно склонять его къ легальнымъ уступкамъ. Въ слѣдующемъ году послѣ его избранія козаки со своимъ старшимъ принимаютъ дѣятельное участіе въ походѣ противъ татаръ, вторгшихся въ Червоную Русь подъ начальствомъ калги Девлетъ-Гирея (сентябрь 1829). Походъ этотъ завершился блестящею побѣдою, которую козацко-польскія войска, подъ предводительствомъ Хмелецкаго, одержали надъ татарами у города Бурштына. Все татарское скопище было разсѣяно и почти поголовно истреблено, при чемъ отняты захваченные ими плѣнники и награбленная добыча; въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ татаръ оказался одинъ

изъ выдающихся членовъ рода Гироевъ, Исламъ-Гирей, который впослѣдствіи достигъ ханскаго престола и во время возстанія Хмельницкаго оказывалъ значительное вліяніе на козацко-польскую борьбу въ качествѣ союзника этого гетмана [1]). Въ означенномъ походѣ главную военную силу, какою могъ располагать Хмелецкій, составляло „все войско Запорожское со своимъ старшимъ, паномъ Григоромъ Савичемъ" [2]). Разумѣется, въ виду такой услуги центральному правительству, не подобало уже вчинать взысканія за самовольный походъ въ Крымъ.

Съ другой стороны представителемъ польскаго правительства на Украинѣ въ данный моментъ и непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками былъ Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ высоко цѣнившій ихъ боевыя качества, относившійся къ нимъ весьма дружелюбно и старавшійся всѣми силами поддержать доброе отношеніе къ нимъ со стороны центральной власти. Послѣ крымскаго похода козаки обращаются къ нему съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ правительствомъ, а также указать имъ дальнѣйшій образъ дѣйствій по отношенію къ Шагинъ-Гирею. „Мы обращаемся къ Вашей Милости за совѣтомъ, пишутъ они, и покорно просимъ Васъ не отказать намъ въ указаніяхъ, какъ намъ поступить. Мы увѣрены, что Ваша Милость благоволитъ не отказать намъ въ совѣтѣ подобно тому, какъ всегда Вы давали намъ существенныя указанія, направленныя ко благу речипосполитой и къ нашей пользѣ." [3]) Дѣйствительно, въ донесеніи правительству о крымскомъ походѣ Хмелецкій не только воздержался отъ порицанія этого предпріятія, но постарался указать всѣ выгоды, вытекавшія изъ него для речипосполитой и тѣмъ самымъ склонилъ короля на негласное разрѣшеніе козакамъ оказывать дальнѣйшую поддержку Шагинъ-Гирею. [4])

---

[1]) Przyłęcki. Ukrainne Sprawy, стр. 87—89.

[2]) Рукописная книга дворянина Собекурскаго, хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ № 401, стр. 163—168.

[3]) Przyłęcki. Ukr. Spr. стр. 26.

[4]) Тамже, стр. 50.

Въ ряду польскихъ военныхъ начальниковъ, которымъ подчинены были козаки въ первой половинѣ XVII столѣтія, Хмелецкій представляетъ единственное отрадное исключеніе, какъ вслѣдствіе болѣе широкаго пониманія имъ козацкихъ отношеній и стремленій, такъ и потому, что въ личныхъ его отношеніяхъ къ народу не было сословной гордости и эксклюзивности, которая составляла отличительную черту характера шляхтичей того времени. Современный ему мемуаристъ слѣдующими словами изображаетъ его личность и образъ дѣйствій: „Хмелецкаго не любили въ войскѣ за излишнюю скромность... онъ сурово запрещалъ солдатамъ грабить и притѣснять бѣдныхъ, утверждая, что подобные поступки навлекаютъ Божью кару и на самихъ солдатъ, и на ихъ начальниковъ; онъ былъ одаренъ такимъ человѣколюбіемъ, что не могъ переносить вида обиженнаго, плачущаго крестьянина и спѣшилъ удовлетворить его, чѣмъ могъ, нерѣдко самъ проливая слезы“ [1]).

Гуманное отношеніе Хмелецкаго къ народу въ значительной мѣрѣ обусловливалось его происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ въ группѣ шляхетства: отецъ его принадлежалъ къ числу бездомныхъ служилыхъ шляхтичей Перемышльской земли и еще въ концѣ XVII столѣтія поступилъ на службу въ надворную милицію кн. Василія-Константина Острожскаго [2]), который впослѣдствіи наградилъ его должностью войта въ Острогѣ и небольшимъ хуторомъ надъ Горынью. Стефанъ Хмелецкій началъ военную службу также въ милиціи Острожскихъ; въ 1620 году онъ въ чинѣ ротмистра принималъ участіе въ походѣ въ Молдавію Жолкевскаго и во время разгрома на Цецорѣ успѣлъ пробиться со своимъ отрядомъ сквозь турецкую армію и возвратился на Подоліе. Въ 1621 году онъ перешелъ на службу къ кіевскому воеводѣ Ѳомѣ Замойскому, который

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza I, стр. 156.

[2]) Хмелецкіе правдоподобно были православными, на что указываетъ какъ служба ихъ у кн. Василія Острожскаго, такъ и родство ихъ съ православнымъ родомъ Ерличей; сынъ Стефана, Лука, вѣнчался въ православной церкви въ м. Таборовѣ. (Jerlicz. Latopisiec I, стр. 46. Dr. Antoni J.-Niewiasty Kresowe стр. 96).

предоставилъ ему начальство надъ всею своею надворною милиціею, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ охранять отъ татарскихъ набѣговъ обширныя имѣнія Замойскихъ въ южной Брацлавщинѣ; съ этого времени начинается извѣстная его дѣятельность, направленная къ отраженію хищниковъ. Въ теченіи десяти лѣтъ крайне энергичныхъ и неутомимыхъ усилій Хмелецкій успѣлъ снискать для края относительное спокойствіе, какого не могли ему доставить другіе польскіе военачальники, располагавшіе значительно большими силами. Въ современныхъ ему запискахъ упоминается около двадцати болѣе или менѣе крупныхъ стычекъ, въ которыхъ Хмелецкій постоянно наносилъ татарамъ рѣшительныя пораженія; были въ томъ числѣ и двѣ большія битвы, у Бѣлой Церкви (1624) и у Бурштына (1629), доставившія ему громкую извѣстность.

Въ 1625 году гетманъ Конецпольскій, выступая съ арміею въ прусскій походъ, передалъ Хмелецкому, носившему въ то время скромный титулъ брацлавскаго хорунжія, должность региментаря на Украинѣ, т. е. главнаго начальника польскихъ военныхъ силъ въ этой области; региментарю украинному, какъ замѣстителю гетмана, принадлежала также верховная власть надъ Запорожскимъ войскомъ, которою Хмелецкій и воспользовался для того, чтобы смягчать по возможности отношенія правительства къ козакамъ и ходатайствовать передъ королемъ о нуждахъ послѣднихъ. Въ исходѣ 1629 года Стефанъ Хмелецкій въ награду за Бурштынскую побѣду былъ, по представленію Ѳомы Замойскаго, возведенъ въ санъ кіевскаго воеводы, мѣсто котораго оставалось вакантнымъ по смерти князя Александра Заславскаго. Не смотря на выдающіяся его заслуги, назначеніе худороднаго шляхтича на высокій сенаторскій постъ возбудило сильнѣйшее негодованіе въ средѣ польской аристократіи и сенаторы готовили уже весьма не дружелюбную встрѣчу новому коллегѣ, но Хмелецкому не суждено было дождаться этой встрѣчи: спустя шесть недѣль послѣ своего назначенія, въ февралѣ 1730 г., Хмелецкій скончался на Украинѣ, не успѣвши побывать въ столицѣ.

Со смертью Хмелецкаго тотчасъ измѣнился установившійся при немъ характеръ отношеній польскаго правительства къ козачеству, которое

поставлено теперь въ зависимость отъ лицъ, совершенно иначе къ нему расположенныхъ. Новые начальники козаковъ относились къ нему или строго и высокомѣрно подобно гетману Конецпольскому, или презрительно и жестоко какъ гетманъ Николай Потоцкій, или же, какъ напримѣръ коронный стражникъ Самуилъ Лащъ, они представляли собою полный обрезецъ шляхетскаго своеволія и разнузданности, который не допускалъ даже мысли о признаніи какихъ-бы то ни было человѣческихъ правъ за лицами, не принадлежавшими къ дворянскому сословію. Подобная перемѣна въ направленіе польскаго военнаго начальника быстро отразилась и въ настроеніи козачества: партія мирныхъ политиковъ утратила почву подъ ногами и всѣ ея надежды на возможность послѣдовательныхъ уступокъ со стороны центральнаго правительства отнынѣ казались несбыточными; въ массѣ козачества напротивъ усилилась реакція въ пользу немедленнаго вооруженнаго протеста. Уже къ концу 1630 года реакція эта вспыхнула въ видѣ рѣшительнаго возстанія подъ начальствомъ новоизбраннаго гетмана Тараса; первою жертвою ея палъ Григорій Савичъ, казненный по приговору козацкой рады за неудачный исходъ политики, которой онъ былъ придставителемъ.

Возстаніе Тараса было первымъ крупнымъ проявленіемъ той козацкой реакціи, которой суждено было послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ закончиться побѣдою Богдана Хмельницкаго.

К. Мельникъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Сказки о жабахъ. Убѣжденіе въ ядовитости лягушекъ и жабъ распространено повсемѣстно. Въ 7-й новеллѣ 4-го дня «Декамерона» разсказывается, какъ Паскино и Симона гуляли на любовномъ свиданіи въ саду около роскошнаго куста шалфея. Паскино сорвалъ листокъ съ этого куста и началъ жевать. Вдругъ среди разговора у Паскино помутилось въ глазахъ, голосъ пресѣкся, и вскорѣ онъ умеръ, покрывшись желтыми пятнами. Симону обвинили въ отравленіи любовника, и судья, чтобы лучше выяснить случай, пожелалъ осмотрѣть мертвое тѣло и садъ, въ которомъ совершилось предполагаемое преступленіе. Здѣсь Симона, представляя судьѣ событіе, также сорвала листикъ шалфея и, пожевавъ, упала, подобно Паскино, и умерла. Когда изслѣдовали кустъ, то нашли подъ нимъ огромную жабу (botta di maravigliosa grandezza), которую и сожгли вмѣстѣ съ отравленнымъ ею кустомъ. (Il Decameron di G. Boccaccio. V. I., p. 307—311 Лейпц. изд. Брокгауза 1877 г.) Безъ сомнѣнія, настоящая новелла основана на итальянскомъ народномъ разсказѣ. Затѣмъ, хотя пѣсни западныхъ славянъ Мериме, переведенныя Пушкинымъ, и поддѣльны, но эпизодъ отравленія Елены сливой, которую предъ тѣмъ лизала жаба, и забеременеміе жабой же также, вѣроятно, заимствованъ изъ какого-нибудь славянскаго народнаго разсказа (соч. Пушкина. Изд. Анскаго. Москва. 82 г., пѣсня IV.; т. 3., стр. 285) По великорусскимъ народнымъ повѣріямъ даже крикъ (воркованіе) жабы фаталенъ: предвѣщаетъ смерть. (Костом. Оч. жизни вел. нар. Соврем. 60 г., № 10, стр. 534) Малорусскія представленія о ядѣ жабъ слѣдующія: столченная въ порошокъ лягушка производитъ тошноту и боль желудка у отравленнаго, 2., свѣдущія женщины могутъ насылать лягушекъ вслѣдствіе ссоры, 3., вредно положить подъ голову спящему лягушку, 4 лягушка

имѣетъ и цѣлебное значеніе, какъ и всякія яды; между прочимъ, отъ укушенія змѣи лягушку прикладываютъ къ укушенному мѣсту съ кислымъ молокомъ, можетъ быть, по правилу: клинъ клиномъ вышибай, а отъ лихорадки даютъ пить въ водѣ высушенную и столченную лягушку, или бросаютъ спящему больному живую лягушку за пазуху (Труды этногр. эксп. Чуб. т. 1. стр. 120, 122, 136, 137 и 357).

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ печатнымъ свѣдѣніямъ собраны мною приводимыя ниже народныя сказки, сходныя нѣкоторыми чертами, напр.—помѣщеніемъ жабы подъ кустомъ, силой ея яда, зарожденіемъ лягушекъ внутри женщины, какъ съ новеллой Декамерона, такъ и съ пѣсней Мериме.

1.

Одынъ кумъ ходывъ до кумы и каже ему та кума: «якъ бы мени стребыть твою жинку та свого чоловика?» Пишла кума до бабы, просыть іи: «бабусю! якъ бы мени чоловика свого стравыть та кумыну жинку?» —Що-жъ, каже баба, ходимъ за мною. Пишлы воны на купыну, одкрыла баба одну купыну—ни, не таке; раскрыла другу,—каже: «держи ты мишка, я іи вжену» —и выгнала жабу, такъ не ту, шо въ води,—съ тіи ничого не буде,—а ту, шо въ купыни, шо волосся по ій.

Вернулась кума до дому, колы й кумъ увійшовъ у хату, сивъ тай пытае: «кумо! чого вы такъ довго топыте? уже у васъ въ печи нагорило. Шо въ васъ у хати клока?» —Квочка, каже.—Ни, не квочка.—То та жаба клока, прызналась кума: якъ бы іи въ пичъ посадыть та твою жинку стребить та мого чоловика. Взялы ту жабу, вкынули въ пичъ, вона вытаскуется зъ печи; воны прыдержалы заслонки, щобъ не вытаскувалась; вона й спеклась. Взяла кума посикла ту жабу, потерла, балакають у двохъ изъ кумомъ: «куме, якъ бы стребыть тоби жинку, а мени чоловика? Я натерла такого, що якъ сухе, такъ довше схнутыме, мучытыметця чоловикъ, а якъ не сухе, такъ те живо помреть.» Кумъ и каже: «давай, кумо! заразомъ стребымъ и жинку и чоловика.

А въ тіи кумы свадьба була: оддавала вона дочку. Кумъ узявъ пидъ ниготь соби запустывъ яду того, що теръ зъ тіи жабы, та взявъ тай выпустывъ у чарку,—нихто не бачывъ,—тай каже куми: «у твоій хати тоби перва чарка!» и дае ій ту чарку выпыть. Выпыла кума, каже: «не хорошои водкы ты мени давъ.» Подрочылась, упала зъ лавки и душу Богови оддала, або не Богови, а идолови въ пекло. Люды по-

лякались та съ хаты соби хода. А кумъ каже: «не пужайтесь, то пусте: якъ вона прыготовыла моій жинцы и своему чоловикови, нехай сама пропаде, нижъ вона душъ изъ десять запакувала бъ людей.» Тоди іи взялы поховалы, а люды сталы гулять свадьбу.

2.

Йихавъ чоловикъ черезъ лисъ, взявъ вырпзавъ лищину, та прыйихавъ до дому, та поставывъ у синяхъ у куточку. А маты его стала иты на двиръ та на ту палочку подывылась; а зъ надвору,—та взяла палочку, ввійшла въ хату, каже: «де ты, сыну, сю лищину вырязавъ?»—Въ лиси въ кущи. А вона впьять каже: «запрягай же, сыну, живо кобылу та пойидемъ до того куща.» Винъ запригъ кобылу тай пойихали. Вона взяла лопату и коробочку. Выкопали той кущъ, колы пидъ тимъ кущемъ жаба; взялы ту жабу та въ коробочку та прывезлы до дому. Маты вкынула іи въ пичъ. У печи горяче, а та жаба скреготыть та скака по печи. Якъ та жаба изсохла, маты взяла и потерла іи. Маты на жинку, на свою сусиду сердылась та увійшла до тіей сусиды та накыдала жабы у чашечку та каже: «на, оце пый, я оце пыла, на й тоби!» Такъ та жинка якъ выпыла, два дни походыла, завелысь у неи маленьки жабенята въ середыни. Такъ вона давай блювать назадъ; выблювала чисто ти жабы. То блювала кровью, а то вже зеленю.

3.

Була соби жинка знахурка. Свыни загодовуе, щобъ сало товсте було; загодовуе на девять сутокъ. Отъ наварыла та жинка жабы и поставыла на полыцю, щобъ выхолонуло. А дочка іи замужемъ не далеко,—прыбигла до матери. Въ хати нема никого, а юшка та стоить на полыци червона, выхолонула. Дочка й напылась тіи юшки. Ось маты входыть у хату. «Мамо! пыта дочка, що то въ васъ на полыци стоить таке солодке? Я напылась.» Маты вдарылась у груды, крычыть: «сежъ я не тоби, а кабанови! Ты тилько девять сутокъ и пожывешъ, тебе розирве!» Стало ту дочку роспирать, стала вона така якъ груба: уже й въ двери не влизе. На десяти сутки уже и въ хати не вмистытся. Докторы ій такого далы, шобъ умерла, а то бъ іи розирвало.

4.

Була дочка у матери, та пишла замижъ за багатого, а сама зъ биднаго состоянія. А маты, бидна удова, прыйшла до дочки у гости.

Маты сыдила въ дочкы день и другый, дочка ій ничого не дае: дала й паляныци чорствои гречанои та сыворотки напыться, та съ тимъ и выпроводыла. А було и лучше, бо дочка багата здорово: есть и волы и кони. Пишла маты, плачучи, до дому. Прыходыть до дочкы іи кума гулять. Посадыла вона куму за стилъ, найшла сметаны, варенывивъ; найшла и водки:—давай гулять! Пойилы ту сметану, дочка полизла у погребъ за другою, а та сметана накрыта кружечкомъ и на тому кружечку дви жабы сыдыть; одна ій въ щоку впылась, а друга—въ груды. Такъ кума дожыдала, дожыдала, прыйшла до погреба, колы сыдыть та дочка: жаба одна на щоци, а друга на грудяхъ. Кума іи вытягла та ввела у хату. То ти жабы булы ряби, а то сталы червони: кровы понапывались. Воны іи зассалы. То та дочка була здорова женщина, а то вже неможна ій и ходыть: изоссалы нинавищо. Полежала недиль скилько тамъ тай умерла; такъ зъ жабами и умерла: тоди жабы пооднадалы, якъ умерла.

5.

Одна жинка пишла рвать орихивъ на перву Пречысту. Нарвала може такъ якъ изъ пригорщъ орихивъ, де взялась на оришыни зелена жаба и впала ій на шію и якъ упъялася у тило, такъ вона прыбигла и додому зъ нею. Вона и по дохторахъ йиздыла, щобъ одирвалы ту жабу, потимъ и у Кіивъ йиздыла,—ничого не помоглось. Такъ вона до святытеля, угодника Божого Аѳанасія, ажъ тры недили поспиль молебенъ наймала; та вже якъ третій молебень наняла та съ усердіемъ Богу молылася, такъ ій священныкъ сказавъ: «иды ты до дому та иды на те мисто, де вона впала.». Жинка та пишла туды: на те мисто, де вона впала. Такъ вона трычи квокнула на жинци: кво, кво, кво! скочыла зъ жинкы и полизла на деревыну.

В. Милорадовичъ

Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ 1854 и 55 годахъ, во время Севастопольской войны, я получалъ двѣ газеты: Русскій Инвалидъ и Сѣверную Пчелу. Почта приходила разъ въ недѣлю, и, когда она получалась, желающихъ знать, что дѣлается на театрѣ войны, было много, тѣмъ болѣе что газетъ, кромѣ меня и предводителя дворянства, въ городѣ почти никто не выписывалъ. Изъ посѣтителей иные читали газеты, иные только любопытствовали узнать, что дѣлается

въ Севастополѣ. По прочтеніи газетъ, въ которыхъ тогда печатали самыя невѣрныя свѣдѣнія (уменьшали наши потери, а потери союзниковъ преувеличивали), между публикой возникали сужденія, споры; одни, помня 1812-й годъ, повторяли слова извѣстной пѣсни:

Кто противъ Бога?
Кто противъ Русскихъ?—
Выхвативъ саблю,
Рекъ атаманъ!

Другіе совѣтовали послать побольше русскихъ мужиковъ,—такъ они союзниковъ шапками и лаптями закидаютъ.—Не нужно мужиковъ посылать, что-бы не отрывать отъ работъ,—помѣщикамъ будетъ убытокъ, а послать туда три или четыре полка донскихъ козаковъ, такъ они все союзное войско плетями въ Черное море загонятъ, какъ барановъ, тамъ они и пропадутъ,—доказывали третьи. Разные хорошіе совѣты предлагали. Были и такіе, которые знали дѣйствительное положеніе не изъ газетъ, но говорить объ этомъ было опасно; таково было патріотическое настроеніе тогда.

Въ числѣ посѣтителей приходилъ одинъ учитель, пріятный собесѣдникъ, всегда бывшій въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ никогда не читалъ газетъ, а спрашивалъ у читающихъ о новостяхъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ такое время, когда газеты были получены, а публики еще не было. «Что новаго, что новаго? Пожалуйста, скажите скорѣе!»—Вотъ газеты—читайте и будете знать.—«Некогда мнѣ читать, пожалуйста скажите!—Новаго вотъ что: Въ городѣ Цареградѣ стоитъ султанъ на оградѣ, рукою махаетъ, къ себѣ Омера-пашу призываетъ. Послушай-ка ты, Омеръ-паша армія не стоитъ и гроша. Тебѣ-то хорошо, что ты деньжонокъ пособралъ и въ англійскій банкъ отослалъ, а что-жъ въ султанѣ, когда денегъ нѣтъ въ карманѣ. Тебѣ то хорошо, а мнѣ то каково!

— Чтожъ теперь султанъ будетъ дѣлать?—А кто его знаетъ. Его теперь такое положеніе хоть вѣшайся! Да! да! да! такое положеніе—подтвердилъ учитель.

Отъ меня учитель отправился къ предводителю дворянства, (который также былъ и почетнымъ попечителемъ уѣзднаго училища), чтобы разсказать эту новость. Онъ вообще имѣлъ забавную привычку узнавать и разсказывать другимъ новости и непремѣнно переиначить слышанное, такъ что и подобія не оставалось отъ того, что слышалъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Чуть не бѣгомъ прибѣ-

жалъ онъ къ попечителю и засталъ тамъ много гостей. Не сказавши даже «здравствуйте», началъ махать руками.—«Господа! Господа! Позвольте, позвольте! Новость важная!»

— Что такое? спросили у него—«Въ Константинополѣ взбунтовались министры и повѣсили султана».—Откуда вы это узнали?—«Сейчасъ читалъ въ газетѣ.»—Быть не можетъ.

— Ей-Богу, Богъ меня накажи, самъ читалъ!—Да въ какой газетѣ? я самъ получаю газеты,—спросилъ попечитель—Не посмотрѣлъ, какая газета, но самъ читалъ. Попечитель прислалъ ко мнѣ за газетами и, прочитавши, не нашелъ ничего подобнаго. Разказчикъ хотѣлъ улепетнуть,но его не пустили. Попечитель разсердился. Онъ былъ малороссъ, ни въ чемъ терпѣть не могъ неправды, а разсердившись объяснялся на украинскомъ нарѣчіи, что означало высшую степень гнѣва: «Щожъ оце вы, учытель, прыйшлы мене и гостей моихъ у дурни пошываты! Таку нисенитныцю сочынылы! Якый-же вы учитель и чому можете научыть дитей? Якъ вамъ не стыдно! Га? Я на дняхъ буду въ Харькови, скажу директору, такъ васъ винъ за це похвалыть» Бѣднякъ видѣлъ, что попался, началъ изворачиваться, что онъ не читалъ, а слышалъ отъ меня. «Вы знову?... вы заразъ пры всихъ божылись и говорылы, що самы чыталы. Глядить, щобъ я одъ васъ не чувъ николы такихъ новостей». Учитель жаловался своимъ знакомымъ на меня, что я его подвелъ подъ непріятность, сказавши ему, будто министры повѣсили султана.

Новость отъ него дошла до бывшаго смотрителя училища. Это былъ почтенный, много лѣтъ служившій смотрителемъ старикъ, всѣми въ городѣ и уѣздѣ уважаемый. Смотритель пришелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ спрашиваетъ: «что вы надѣлали? На что вы сказали ему, что султана повѣсили? Вы этимъ можете себѣ надѣлать большихъ непріятностей.

Я объяснилъ ему, какъ было дѣло.—Ну, знаете, что я вамъ скажу: вы еще человѣкъ молодой и неопытный. О владѣтельныхъ особахъ такъ нельзя говорить. Хотя султанъ магометанинъ и врагъ нашъ, а все таки падишахъ. Я вамъ разскажу, что было въ 1812 году во время нашествія Наполеона. Говорили, будто антихристъ ходитъ переряженный по Россіи, все высмотритъ, а его войска нежданно набѣгутъ, разорятъ, сожгутъ, что получше—заберутъ, жителей, кто не уйдетъ, перебьютъ, и что день, то все были слухи: тамъ и тамъ сожгли село, городъ, а жителей побили. Конечно, послѣ оказывалось, что все это неправда, но тогда со страху всему вѣрили; а тутъ еще

комета явилась съ большимъ хвостомъ, всѣ были увѣрены, что это передъ большою бѣдою. Такъ и говорили: «помететъ бѣда землю Русскую!» Вотъ мы, бывало, чтобы не такъ страшно было, соберемся къ городничему; тамъ, знаете, кто любитъ выпить—выпьетъ хорошо, а кто не любитъ—въ карты поиграетъ. Городничимъ былъ штабъ-офицеръ Тутолминъ, человѣкъ хорошій, веселый, въ компаніи любилъ выпить, былъ, что называется, душа-человѣкъ.— «Это я пью, говоритъ, для храбрости, что-бы не страшно было Наполеона!—Вотъ однажды пришелъ ко мнѣ стряпчій и говоритъ:—«Слышали вы? У насъ въ уѣздѣ Наполеона поймали въ селеніи Василевкѣ».—Не можетъ быть!—Поймали, я достовѣрно вамъ говорю.—Какъ поймали?—Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ.

Услышавши это, я поскорѣй, чтобы первому сообщить новость, къ городичному:—«Очень радостную вамъ новость сообщу»—Что такое?—«Наполеона поймали въ Василевкѣ».—Быть не можетъ, кто поймалъ?—«Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ?—Ну, если Воскобойникъ, то повѣрю. Это, батюшка, такой человѣкъ, на три аршина видитъ, что подъ землей дѣлается, и если ему дать строжайшее предписаніе, повытащитъ всѣхъ чертей изъ болота Каратуль; а Бонапартъ, какъ бы онъ ни переодѣвался, отъ него не спрячется, сей часъ его узнаетъ».

Ну, знаете, городничій съ такой радости приказалъ подать водки и закуску, послалъ за частнымъ приставомъ полицейскимъ письмоводителемъ, тоже любившими выпить,—еще выпили, и тутъ-же приказалъ городничій написать рапортъ генералъ-губернатору такого содержанія:

«Симъ честь имѣю рапортовать Вашему Высокому Превосходительству. Горя усердіемъ и ревностію къ службѣ и не щадя даже живота своего, ради общественной Россійской пользы и спокойствія, вчерашнего числа пойманъ въ лебединскаго уѣзда селеніи Василевкѣ засѣдателемъ Воскобойникомъ, въ переодѣтомъ и несвойственномъ ему видѣ, Наполеонъ Бонапартъ, о чемъ честь имѣю симъ рапортомъ рапортировать».

Написавши рапортъ, сейчасъ эстафетой послалъ въ Харьковъ генералъ-губернатору. Прошло дня три. Приходитъ ко мнѣ частный приставъ.—Пожалуйте, говоритъ, къ городничему по очень важному дѣлу.—Прихожу, смотрю—жандармъ стоитъ во всемъ оружіи. Какъ глянулъ я на него, такъ и обмеръ:—ну, думаю, бѣда. Городничій сидитъ ни живъ, ни мертвъ.—«Вотъ, говоритъ, генералъ-губернаторъ

за Наполеономъ прислалъ жандарма, такъ давайте его сюда». Я говорилъ, что я слыхалъ отъ стряпчаго. Послали за стряпчимъ. Тотъ видитъ, что дѣло плохо: я, говоритъ, ничего не говорилъ.—Чтожъ вы отпираетесь? Вы приходили ко мнѣ въ домъ и увѣряли, что Наполеона поймали въ Василевкѣ.—Нѣтъ, я вамъ не говорилъ, можетъ вамъ приснилось, а вы и пошли разсказывать.

Я уже послѣ одумался: и чтобы мнѣ сказать, что я не говорилъ городничему, пускай-бы онъ самъ какъ зналъ, такъ и отдѣлывался,—да все это послѣ на умъ пришло. Я къ жандарму, говорю: что слышалъ, то сказалъ, а онъ отвѣчаетъ:—я объ этомъ ничего неизвѣстенъ, а генералъ-губернаторъ приказалъ доставить Наполеона прямо къ нему, такъ и подавайте его сюда; что мнѣ приказано, я долженъ исполнить.—Не знаю, какъ отписался городничій. Онъ за это получилъ строжайшій выговоръ.—А для меня такъ скоро дѣло не окончилось. Узналъ директоръ и пишетъ мнѣ бумагу, какъ это я поймалъ Наполеона и почему до сихъ поръ не представилъ генералъ-губернатору. Повѣрьте, какъ услышу колокольчикъ, такъ и думаю: вѣрно за мною жандармъ пріѣхалъ, возьмутъ да завезутъ туда, гдѣ и свѣта больше не увидишь; такъ я, бывало, сейчасъ ухожу куда-нибудь. Страшное тогда было время! было очень строго!

Директору я отвѣтилъ, что я не ловилъ Наполеона, а что слышалъ, то и сказалъ городничему. Такъ еще съ полгода бумагами и запросами меня мучили, да попечитель училища упросилъ директора, чтобы оставить дѣло.

Тогда директоръ написалъ бумагу, что бы я получше смотрѣлъ за своимъ дѣломъ, а не разсказывалъ пустыхъ новостей; этимъ прилично заниматься, говоритъ, какой-нибудь базарной бабѣ, а не смотрителю!

Такъ вотъ вамъ! Пожалуйста, будьте осторожнѣе и не говорите ничего нехорошаго, хотя бы и о султанѣ. Прошло время, когда запорожцы писали султану вольныя письма и относились къ нему съ неуваженіемъ. —*

Отецъ Петръ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ началѣ этого столѣтія, въ небольшой деревнѣ Будылкѣ, лебединскаго уѣзда, былъ священникъ о. Петръ. Человѣкъ онъ былъ не старый, учительный, готовый всякому нуждающемуся отдать свою послѣдюю рубашку, весьма

любимый прихожанами, веселаго нрава, а потому любилъ повеселиться. На его бѣду, рано овдовѣлъ, дѣтей не было, значить—вольный козакъ.

Ему перевѣнчать кума съ кумой и родича съ сомнительно дальней родней ничего не значило, а консисторія за это взыскивала строго. Если были желающіе дерзнуть на такой поступокъ, то должны были просить сначала разрѣшенія въ духовномъ правленіи, затѣмъ въ консисторіи, а послѣ у владыки. Чтобы пройти всѣ эти мытарства, нужно ѣздить самому, хлопотать и вездѣ подмазывать, да не одинъ разъ поѣхать и подмазать, а нѣсколько разъ, и тогда проситель получалъ разрѣшеніе.

Рѣшались на это люди состоятельные, которымъ было чѣмъ платить, а человѣку небогатому нельзя было объ этомъ и думать. Отецъ Петръ смотрѣлъ на это иначе: «Чого ты будешъ йиздыть по канцеляріяхъ да по духовныхъ правленіяхъ да тратыть гроши!.. Я такый-же священникъ, якъ и воны; дай лучше мени трошки грошей, два видра горилки та жывности, яка есть въ хозяйстви, я перевинчаю». И дѣйствительно, вѣнчалъ.

Какъ только узнавалъ о томъ кто-нибудь изъ товарищей священниковъ, сейчасъ на него доносъ благочинному, а тотъ въ консисторію,—и начнутъ его тягать, пока не повытрусятъ изъ кармановъ, что у него окажется; послѣ этого сдѣлаютъ ему наставленіе, чтобы впредь не рѣшался такъ дѣлать.

Водилась и другая слабость за отцомъ Петромъ: любилъ онъ поплясать. Гдѣ музыка, тамъ и отецъ Петръ отплясываетъ. Музыка своя, ведро «доброи горилки» стоило 20 копѣекъ,—какъ-же не веселиться?

Не смотря на это, былъ онъ человѣкъ чистой нравственности,—душевный былъ человѣкъ и очень бѣдный.

По какому-то доносу благочиннаго, владыка потребовалъ обвиняемаго въ Харьковъ. На этотъ вызовъ отецъ Петръ отвѣтилъ:— «Ни въ чымъ, ни съ чымъ, ни на чому, ни зачымъ, не пойиду, не хочу».

Получивши такой отвѣтъ, владыка положилъ резолюцію: ни въ чымъ—дать одежду; ни съ чымъ и ни на чому—дать изъ церковныхъ денегъ на проѣздъ; ни за чимъ—скажутъ; не пойиду, не хочу—приведутъ по этапу.

Поѣхалъ отецъ Педръ и такое искреннее и правдивое передалъ владыкѣ объясненіе своего житія и дѣяній, что владыка простилъ

его, но приказалъ удерживаться, быть поскромнѣе, а благочинному предложилъ съ разборомъ внимать доносамъ.

Такъ отецъ Петръ дожилъ вѣкъ съ миромъ, и долго поминали его прихожане: «добрая душа была!—говорили въ одинъ голосъ.

—*

Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ [1]).

Въ Черниговѣ и Полтавѣ были въ то время (незнаю есть ли теперь) такъ называемые *воспитательные дома.* Въ нихъ на счетъ Приказа общественнаго Призрѣнія содержалось по 60 чиновничьихъ дѣтей, учившихся въ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Ихъ обыкновенно называли воспитанниками. Въ 1827 г., когда я поступилъ въ Черниговскій воспитательный домъ, въ первый классъ гимназіи (тогда было только четыре гимназическихъ класса), я засталъ еще на половину воспитанниковъ, близившихся къ двадцатилѣтнему возрасту и большею частью сидѣвшихъ еще въ уѣздномъ училищѣ. Въ гимназіи, за рѣдкими исключеніями, были какъ то все помоложе. Ученіе вообще шло изъ рукъ вонъ плохо: доказательство, что въ выпускномъ классѣ гимназіи обыкновенно бывалъ одинъ воспитанникъ, рѣдко два, иногда ни одного—изъ шестидесяти. Правда, и всего то выходило ежегодно не болѣе 8—12 учениковъ [2]). (Въ 1832 г.—три). Въ воспитательномъ домѣ я засталъ еще стародавняго смотрителя этого воспитательнаго дома—Грембецкаго. Онъ сидѣлъ тутъ что-то лѣтъ съ двадцать. Жирная, мѣшковатая, обрюзглая личность, невылѣзавшая изъ грязнѣйшаго халата. Онъ почти не выходилъ изъ дому вовсе. Въ мое время изъ воспитанниковъ видѣли его только горькіе *субботники.* Нужно сказать, что въ гимназіи составлялись ежемѣсячно списки объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ. Странное дѣло—съ августа, перваго учебнаго мѣсяца въ году, каждый воспитанникъ, какъ получитъ, бывало, какую нибудь отмѣтку, такъ ужъ и несетъ ее до мая. Субботники очень хорошо знали, что ждало ихъ въ каждую послѣднюю субботу мѣсяца, но совершенно равнодушно... За 5—10 минутъ истязанія—цѣлый мѣсяцъ впереди безшабашной жизни. Конечно, проскакивали и классныя экзекуціи, какіе нибудь *колѣни, гусочки*, даже иногда розги, даже иногда—*пáли,*—вмѣсто линейки—*ожогомъ,* но все это былъ чистый вздоръ передъ домашнимъ *виноградомъ.*

---

[1]) Отрывокъ изъ воспоминаній В. М. Л.

[2]) Т. е. вмѣстѣ съ экстернами.

Я разъ только видѣлъ его... Не помню ужъ за какую провинность, повели въ едину отъ субботъ и меня, раба божія, въ сонмѣ *отчаянныхъ*, въ швальню. (Швальня была одна изъ комнатъ квартиры смотрителя, гдѣ дѣйствительно одинъ изъ рабовъ Грембецкаго обшивалъ ноги воспитанниковъ). Привелъ насъ Макаръ Алексѣевичъ, одинъ изъ помощниковъ смотрителя. Насъ было десятка два... Сапожникъ, привычный къ явленію, словно не замѣтилъ насъ. Помню, что это даже произвело на меня благопріятное впечатлѣніе... Но проклятый Грембецкій заставилъ насъ ждать добрыхъ полчаса. Но вотъ онъ лѣзетъ... шлепаютъ туфли по коридору, пыхтитъ... Позеленѣли всѣ...

— Варрава! винограду!

Приземистый, коренастый—онъ тихо и лѣниво поднялся съ своей обсиженной табуретки, медленно поднялъ крышку какого-то длиннаго ящика и медленно сталъ вынимать пучки розокъ.. Тутъ-же, въ швальнѣ, въ это время топилась печь, а около нея стоялъ ушатъ съ водою. Печка эта топилась въ субботу послѣ каждаго перваго числа... Нужна она была въ эти субботы...

Между тѣмъ Грембецкій усаживался на Варравиномъ табуретѣ и ждалъ... А Варрава выложивъ изъ ящика пучки розогъ, выбиралъ изъ нихъ должно быть лучшій и обмокнувъ его въ ушатъ, быстро сажалъ въ печку... Вынувъ оттуда распаренный пучекъ и тряхнувъ имъ въ воздухѣ, Варрава ожидалъ... Въ это время Гребецкій, держа въ рукахъ списокъ, прошипитъ: Пулинца.—*Акимъ и Артемъ* берутъ Пулинца, отстегиваютъ то и другое, садится одинъ на голову, другой на ноги—и Варрава пишетъ... Разъ на вѣку только и видѣлъ я эту экзекуцію, но и теперь, лѣтъ черезъ сорокъ, отъ воспоминанія о ней—морозъ по кожѣ пробѣгаетъ...

Недоразумѣніе. Въ кіевск. газетѣ «Жизнь и Искусство» съ мѣсяцъ назадъ, (№ 267), напечатана слѣд. замѣтка: «*Открытіе нѣмецкаго историка.* Недавно въ нѣмецкомъ еженедѣльникѣ «Archiv für geschichtliche Denkmäler» молодой историкъ I. Эвелингъ напечаталъ изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ еврейскаго происхожденія, родомъ изъ г. Хмѣльника, Калишской губ., и подтверждаетъ это ссылками на документы изъ Калишскаго архива, попавшіе въ руки нѣмцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.» Желая познакомиться съ этимъ изслѣдованіемъ, мы обратились къ книгопродавцу Гирземану, въ Лейпцигъ, прося его выслать

указанную книжку этого «Архива», но въ отвѣтъ получили, что это изданіе «никому не извѣстно». Желательно поэтому имѣть болѣе точное названіе «еженедѣльника» съ изслѣдованіемъ г. Эвелинга.

А. Л.

Протоіерей Н. А. Лащенковъ. *(Некрологъ).* Харьковская газета «Южный Край» (№ 5401) извѣщаетъ о смерти этого полезнаго дѣятеля на поприщѣ бытописанія слободской Украины, преимущественно церковнаго. Протоіерей Лащенковъ (р. 1829 г.), уроженецъ с. Гавриловки изюмскаго уѣзда, учился сначала въ Харьковской семинаріи, а потомъ въ Кіевской академіи. Поселившись въ Харьковѣ, умершій протоіерей сталъ заниматься въ мѣстныхъ архивахъ (консисторскомъ, церковныхъ и друг.) и оставилъ нѣсколько работъ по мѣстной исторіи. Изъ нихъ лучшая—«Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій» [1]). Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи церковныхъ приходовъ Харьковской губерніи за первую половину настоящаго вѣка. Другія работы прот. Лащенкова были слѣдующія: О В. Н. Каразинѣ,» «Домовыя церкви въ домовыхъ покояхъ Слободско-украинскихъ дворянъ—помѣщиковъ», «Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулака-Артемовскаго» и друг.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Н. А. Чаевъ, прочитавъ наше приглашеніе публиковать всѣ ненапечатанные матеріалы для будущей біографіи М. А. Максимовича (см. № 9-й 1896 г.), прислалъ намъ, въ 1-хъ, письмо М—ча къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, написанное въ 1869 году на листкѣ, на которомъ напечатанъ малорусскій переводъ «Плача Ярославны», выпущенный отдѣльнымъ оттискомъ въ этомъ году, и во 2-хъ, другой листочекъ, на, которомъ напечатано его-же малорусское стихотвореніе «На смерть юнаго П. Г.», съ слѣдующей рукописной выноской самого М—ча: «Прекрасный Павлусь, долго жданный и единородный сынъ Гр. Павл. Галагана, неожиданно скончался на Свѣтлой Недѣлѣ. Въ память его Гр. П. учреждаетъ въ Кіевѣ степендію для юношей всѣхъ сословій

---

[1]) Печаталась въ Харьковскомъ Сборникѣ 1894 и 1895 гг., а потомъ вышла отдѣльною книгою. О ней см. Кіевск. Стар. за настоящій годъ.

жертвуя на нее 240 тысячъ рублей». Такъ-какъ самое стихотвореніе почти никому неизвѣстно, а между тѣмъ только на дняхъ Коллегія Павла Галагана отпраздновала 25-лѣтіе своего существованія, возникнувъ въ память безвременно погибшаго юноши Павлуся Галагана, то мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь это стихотвореніе, чтобъ оно не затерялось, подобно многимъ другимъ мелочамъ изъ писаній Максимовича.

На смерть юнаго П. Г.

И не вѣриться, и сумно,
Що не стало въ свѣтѣ
Тебе, любая дитино,
Ненаглядный цвѣте!

—

Такъ горицвѣтъ той весняный,
Якъ золото сяе;
Весна стане въ повнôй силѣ,
А его й немае

—

Твоя воля надъ всѣмъ свѣтомъ,
Боже всемогущій!
Суета увесь и всякій
Чоловѣкъ живущій!

1 мая 1869 г. М. М.

Письмо М. А. Максимовича къ А. П. Елагиной.

Какъ много обрадовала меня свѣтло-праздничная *Ласточка* ваша, дражайшая Авдотья Петровна, и какую сладкую душѣ моей мелодію она прощебетала!... Благодарный Вамъ за нее сердечно, я отвѣчаю нынѣ своимъ украинскимъ, печатнымъ, майскимъ стихотвореніемъ [1]), съ которымъ я къ іюню вернулся изъ Кіева на свою Михайлову Гору, къ сожалѣнію, и простуженный, и невеселый, хотя, впрочемъ, и то и другое уже прошло и сошло съ меня, какъ съ гуся вода... А вотъ еще и новенькіе стишки, которые для *Васъ* набѣжали въ эту первую *нôчку-петрôвочку*.

Въ минуты скорбныхъ помышленій
О жизни, мною прожитой,
Въ минуты тягостныхъ волненій,
Производимыхъ суетой,

[1]) Плачъ Ярославны.

Вашъ образъ мнѣ, какъ добрый Геній,
Внушаетъ радость и покой.
Гляжу я на него вседневно;
И нынѣ, въ полуночный часъ,
Благословляю васъ душевно
И *Всѣхъ Святыхъ* молю о *васъ*.

1869 г. 16 іюня утромъ.

P. S. Прошу передать поклонъ всѣмъ вашимъ—сынамъ и внучатамъ. Былъ у меня здѣсь, 13 іюня, новый знакомецъ мой, кіевскій попечитель Антоновичъ, который вспоминалъ о Васъ и о Языковѣ, глядя на портреты ваши и знавши васъ во время студентства своего въ 1833 году или передъ тѣмъ... Погодинъ пишетъ мнѣ, что будетъ у Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, или вѣрнѣе—осенью, въ сентябрѣ, по пути въ Кіевъ... И я, пробывъ тамъ уже половину мая, прибуду туда къ 15-му августа, съ тѣмъ, чтобы остаться и на сентябрь, въ 26 день котораго будетъ знаменитый юбилей Кіевской Академіи, на который сберется небывалый еще въ Кіевѣ соборъ епископовъ, какъ полагаютъ, до двадцати душъ святительскихъ!... Нельзяже не быть тамъ и намъ... Но когда-то приведетъ Господь меня провести еще день-другой въ Уткинѣ вашемъ такъ-же пріятно, какъ въ октябрѣ 1858 года! Точно не вѣдаю также, какъ не знаю до сего дня, гдѣ обрѣтается наша дорогая Ольга Өедоровна[1]) На этихъ дняхъ буду писать ей, въ отвѣтъ на ея посланіе, въ которомъ прилетѣла и ваша милая *Ласточка*. Еще разъ благодарю Васъ за нее вседушевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

И стихотвореніе на смерть Павла Галагана, и это письмо оказались у Н. А. Чаева потому, что въ годъ кончины М. А. М—ча, онъ по должности временнаго предсѣдателя Общества Россійской Словесности, произносилъ рѣчь [2]) въ этомъ Обществѣ и, приготовляя ее, обратился къ друзьямъ покойнаго и между прочимъ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, которая и переслала ему приведенное письмо вмѣстѣ съ двумя печатными стихотвореніями.

Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ принести нашу глубочайшую благодарность Николаю Александровичу Чаеву, предоставившему въ наше распоряженіе эти матеріалы.

В. Науменко.

---

[1]) Кошелева.

[2]) Напечатана въ Рус. Архивѣ 1873 г.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: М. А. Галина и И. В. Макаренка—по 5 рублей, всего *10 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *610 р. 2 к.* (См. № 9) составитъ *620 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. Почаевъ-Житоміръ. 1896 г.

Юго-Западный край—одинъ изъ богатѣйшихъ по количеству и разнообразію памятниковъ старины, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ, кажется, не обращается такъ мало надлежащаго вниманія на эти памятники, какъ именно здѣсь. Общество и администрація относились равнодушно къ нимъ; совершенно не организовано дѣло сбереженія, собиранія и изученія ихъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются факты уничтоженія, разграбленія или несоотвѣтственнаго направленія (какъ напр.—продажа за границу) иногда очень цѣнныхъ памятниковъ мѣстной старины. Нельзя, конечно, отрицать того, что отдѣльныя лица—ученые и любители—занимались изученіемъ и собираніемъ древностей, нельзя отрицать также, что въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлано. Но, въ данномъ случаѣ, единичныхъ усилій недостаточно: нужна болѣе широкая организація дѣла, необходимо, привлеченіе возможно большаго числа мѣстныхъ силъ, необходимо, чтобы интересъ къ остаткамъ нашего прошлаго вышелъ за стѣны ученыхъ кабинетовъ, проникъ въ общество, былъ сознанъ массой. Только такой совмѣстной работой можно достичь извѣстныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, можно хотя отчасти приблизиться къ той постановкѣ этого дѣла, какая существуетъ, напр., въ Западной Европѣ. Помочь горю можетъ учрежденіе *мѣстныхъ* обществъ и музеевъ, которые съ одной стороны сплотили бы ученыя силы, дали бы общее направленіе дѣлу, занялись бы собираніемъ и храненіемъ памятниковъ старины, съ другой—возбудили бы интересъ къ нимъ въ публикѣ, внушили бы увѣренность, что каждый можетъ быть полезенъ дѣлу, какъ бы мала ни

была работа отдѣльнаго лица, какого бы, повидимому, незначительнаго вопроса она ни касалась... Такого рода учрежденія въ Юго-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ, и только въ послѣднее время поставленъ на очередь и близокъ къ осуществленію вопросъ объ устройствѣ въ Кіевѣ какъ общества, такъ и музея, въ кругъ дѣятельности которыхъ войдетъ также и изученіе и собираніе мѣстныхъ древностей.

Говоря такъ, мы должны сдѣлать оговорку: слова наши относятся не ко всему обществу,—одна часть его явилась передовой въ этомъ отношеніи, сознала важность изученія и собиранія мѣстной старины, сравнительно много сдѣлала и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи; часть эта — наше духовенство: въ Кіевѣ, при академіи, давно уже утверждено Церковно-Археологическое Общество, при немъ устроенъ музей, разросшійся въ послѣднее время до громадныхъ размѣровъ; на Подоліи работаетъ Епархіальный Историко-Статистическій Комитетъ, давшій рядъ въ высшей степени цѣнныхъ работъ; въ Холмѣ устраивается Церковно-Археологическій Музей, и наконецъ послѣдняя оставшаяся область Юго-Западнаго края—Волынь получаетъ Волынское Церковно-Археологическое Общество съ Древлехранилищемъ при немъ. Какъ видимъ, организація получила областный характеръ, каковой и является наиболѣе цѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе отсутствія учрежденій съ вышеуказанными задачами, церковно-археологическія общества и музеи вышли за предѣлы своей спеціальной цѣли—церковныхъ древностей: въ музеи стали стекаться и предметы другого характера, изученіе коснулось и другихъ областей и не только прошлой, но и современной жизни. Церковно-археологическія общества имѣютъ за собой большую силу въ лицѣ священниковъ; кому, какъ не имъ, лучше знать сохранившіеся памятники мѣстной старины, удобнѣе всего наблюдать мѣстную жизнь, собирать матеріалы, такъ или иначе характеризующіе различныя проявленія ея? Вопросъ только въ томъ, чтобы силы эти получили надлежащую организацію, получили толчекъ, извѣстное направленіе, такъ какъ нужно признать, что въ общемъ, и въ массѣ нашего духовенства еще очень мало развитъ интересъ къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы служебныхъ обязанностей или хозяйственныхъ нуждъ; и дѣломъ этимъ, конечно, удобнѣе всего заняться церковно-археологическимъ обществамъ, и слѣдуетъ только пожелать, чтобы поставлено было оно возможно шире.

Съ такими именно стремленіями широко поставить дѣло мы и встрѣчаемся въ „*Отчетъ о состояніи Волынскаго Церковно-Археоло-*

гическаго Общества въ 1894 году", составляющемъ первую статью «Волынскаго историко-археологическаго сборника». Здѣсь помѣщены также и свѣдѣнія о возникновеніи Общества. Коснемся сначала этого вопроса. «Потребность въ изученіи мѣстной родной старины и въ собраніи памятниковъ ея чувствовалась на Волыни уже давно и не однократно высказывалась даже въ печати» —говорится, въ отчетѣ; осуществленіе этой потребности принадлежитъ волынскому архіепископу Модесту, которому обязаны также своимъ возникновеніемъ церковно-археологическій музей въ Холмѣ и древлехранилище въ Нижнемъ Новгородѣ. На Волыни до этого времени существовало только древлехранилище въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, при св. Владимірскомъ православномъ братствѣ, но оно, конечно, не могло имѣть центральнаго, объединяющаго значенія, и вотъ, 15 мая 1893 г., было открыто древлехранилище въ Житомирѣ, получившее временное помѣщеніе въ бывшей Крестовой церкви архіерейскаго дома. При открытіи его, преподавателемъ Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства О. А. Фотинскимъ, однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ работниковъ въ этомъ дѣлѣ, была произнесена рѣчь, гдѣ указывалось вообще на значеніе памятниковъ старины и на положеніе ихъ на Волыни. «Въ этомъ отношеніи Волынь отстала отъ многихъ другихъ областей русскихъ. Уже во многихъ провинціальныхъ даже городахъ видимъ ученыя историко-археологическія общества, видимъ музеи и древлехранилища, а драгоцѣнные памятники волынской старины гибнутъ отъ времени, переходятъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ, попадаютъ даже путемъ продажи за границу, а въ лучшемъ случаѣ— въ центральныя столичныя древлехранилища. Достаточно указать на печальныя развалины древнихъ храмовъ во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Овручѣ, Острогѣ и другихъ городахъ Волынской губерніи, на громадное количество цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ волынскихъ въ львовскомъ Институтѣ Оссолинскихъ, даже въ вѣнской и берлинской академическихъ библіотекахъ, на безслѣдно погибшее цѣнное собраніе памятниковъ волынской старины, принадлежавшихъ покойному Л. Рафальскому, на большое собраніе волынскихъ древностей извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго, которое наслѣдники собирателя намѣреваются продать какому-либо заграничному обществу, —чтобы понять, какъ мало до сихъ поръ обнаружила заботы волынская интеллигенція для охраненія памятниковъ своего прошлаго и какъ много этихъ памятниковъ посему погибло безвозвратно или перешло въ другія мѣстности безъ пользы для мѣстнаго

цѣлью замѣненія той неприглядной картины, которая нарисована выше, тѣмъ-же О. А. Фотинскимъ была представлена преосвященному Модесту записка объ учрежденіи въ Житомірѣ историко-археологическаго общества, которому было бы подчинено и древлехранилище. Мысль эта получила осуществленіе, и въ январѣ 1894 г. было открыто Волынское Церковно-Археологическое Общество.

Въ уставѣ общества находимъ между прочимъ слѣдующіе параграфы, опредѣляющіе дѣятельность Древлехранилища и Распорядительнаго Комитета Общества: «Въ древлехранилище поступаютъ: а, старопечатныя и рукописныя церковно-служебныя книги, б) древнѣйшія рукописи религіозно-нравственнаго содержанія, в) замѣчательныя, по древности своей, принадлежности православныхъ храмовъ, какъ-то: св. иконы, сосуды и разнаго рода церковная утварь; г) царственныя грамоты, фундушевыя записи, акты, привилегіи, презенты и эрекціи православнымъ храмамъ, монастырямъ, братствамъ, и вообще православному населенію древней Волыни —въ подлинникѣ или въ копіяхъ; д) памятники разнаго рода, относящіеся къ исторіи уніи въ предѣлахъ Волыни; е) памятники, относящіеся къ религіозной и общественно-бытовой исторіи всего Западнаго края Россіи. Что касается Распорядительнаго Комитета, то онъ «разыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность памятники доселѣ неизвѣстные, а равно и собранія матеріаловъ церковно-историческихъ, церковно-археологическихъ и этнографическихъ, хранящіяся въ различныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, оцѣниваетъ ихъ и рѣшаетъ, какое можетъ быть сдѣлано изъ нихъ, соотвѣтственное цѣли общества, употребленіе», собираетъ въ особенности свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ церквахъ и церковныхъ памятникахъ Волынской Епархіи, а также о церквахъ, отличающихся особенною архитектурою, и снимаетъ съ нихъ виды, наконецъ, «разсматриваетъ изслѣдованія и матеріалы, представляемые членами общества, и, если найдетъ ихъ достойными напечатанія, то печатаетъ вмѣстѣ съ своими протоколами въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» или отдѣльными изданіями. Какъ видимъ, программа дѣятельности довольно широка: кромѣ церковныхъ древностей, сюда включены и другія; кромѣ древностей, привлечена и этнографія, и даже раіонъ дѣятельности расширенъ за предѣлы Волыни и обнимаетъ собой весь Западный край.

Изъ отчетовъ за 1894 и 1895 гг., помѣщенныхъ въ «Сборникѣ», мы можемъ судить о первыхъ шагахъ молодого Общества. Главнымъ дѣйствующимъ органомъ въ Обществѣ является Распоря-

дительный Комитетъ; этотъ послѣдній входилъ въ сношенія съ различными учеными учрежденіями, обратился съ воззваніемъ ко всему духовенству Волынской епархіи съ просьбой сообщить свѣдѣнія о памятникахъ старины и присылать таковыя въ древлехранилище, затѣмъ, «не оставляя безъ вниманія и живой старины Волыни, Комитетъ постановилъ обратиться къ духовенству, къ сельскимъ учителямъ, ко всѣмъ, имѣющимъ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, съ просьбою о сообщеніи разнаго рода этнографическихъ свѣдѣній»; слѣдуя дальше, мы встрѣчаемъ еще одну симпатичную мысль: «по предложенію члена Комитета О. А. Фотинскаго, Комитетъ призналъ дѣломъ неотложной необходимости ежегодную командировку кого-либо для систематическаго изученія и описанія въ историко-археологическомъ отношеніи Волыни, особенно наиболѣе глухихъ ея мѣстностей и теченія главныхъ волынскихъ рѣкъ, по которымъ располагались древнія волынскія поселенія»... Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ, такая командировка не могла состояться. При ближайшемъ участіи Комитета была предпринята постройка новаго обширнаго зданія для древлехранилища, положено основаніе исторической библіотеки и предпринято изданіе Историко-археологическаго Сборника, первый выпускъ котораго и лежитъ уже передъ нами.

Кромѣ этого, въ общихъ собраніяхъ Общества было прочтено нѣсколько рефератовъ, нѣсколько лицъ занималось въ древлехранилищѣ, и вообще вновь учрежденное Общество способствовало объединенію мѣстныхъ научныхъ силъ и возбудило интересъ къ прошлому края въ болѣе широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія. Поэтому мы вполнѣ присоединяемся къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ «заключеніи» отчета за 1894 г.; послѣ указанія на важность Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, здѣсь говорится слѣдующее: «странно послѣ этого становится слышать доселѣ раздающіеся голоса о централизаціи въ столицахъ всѣхъ русскихъ историческихъ памятниковъ. Это давнишнее желаніе столицы выжать все лучшее изъ провинціи, хотя съ ослабленіемъ провинцій, понижаетъ общій культурный уровень государства. Будемъ надѣяться, что себялюбивыя пожеланія централизаторовъ такъ и останутся въ области пожеланій только»...

Мы нарочно подольше остановились на отчетѣ Общества, такъ какъ начинанія его вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы на него было обращено вниманіе.

Переходя теперь къ «Сборнику», ограничимся указаніемъ на его содержаніе. Объ общемъ характерѣ изданія даетъ указанія небольшая вступительная статья: «Сборникъ не претендуетъ на цѣльность и оригинальность. Онъ даетъ мѣсто всякой интересной статьѣ, относящейся къ прошлому Волыни и вообще Юго-Западнаго края Россіи. Соотвѣтственно задачѣ Общества, въ сборникъ могутъ попасть и статьи современно-этнографическаго характера, относящіяся къ Волынскому краю. Стараясь преимущественно объ опубликованіи новыхъ матеріаловъ и разработкѣ вопросовъ малоизвѣстныхъ, редакція сборника не ставитъ однако этого своею исключительною задачею, имѣя въ виду не однихъ ученыхъ спеціалистовъ, но и всѣхъ любителей родной старины,—а такихъ большинство среди духовенства волынскаго, для котораго сборникъ главнымъ образомъ предназначенъ. Сборникъ предположено выпускать ежегодно. Послѣ отчетовъ за 2 года существованія общества, помѣщена большая (въ 75 стр.) статья *Г. Крыжановскаго*—«*Рукописныя евангелія Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища (историко-діалектологическіе очерки)*; здѣсь подробно разобрано съ діалектологической точки зрѣнія и описано 9 евангелій (восемь тетровъ и одно учительное), относящихся по времени къ слѣдующимъ эпохамъ: XV—XVI в.—одно, XVI в.—четыре, XVI—XVII в.—одно, XVII в.—два и XVIII в.—одно. «Всѣ они писаны въ Галицко-Волынскомъ краѣ и отражаютъ въ себѣ въ значительной степени особенности Галицко-Волынскаго нарѣчія въ періодъ XVI—XVII вв., а текстъ Учительнаго Евангелія (начала XVII в.) написанъ почти чисто народной юго-западно-русской рѣчью. Помимо текста рукописей, интересны и находящіяся на нихъ записи, касающіяся бытовой стороны жизни того времени. *О. Фотинскій* въ статьѣ *«Юрій Немиричъ. Эпизодъ изъ исторіи Волыни XVII вѣка»*, дѣлаетъ характеристику этой во всякомъ случаѣ выдающейся личности: «Могущественный магнатъ, въ своихъ мелкихъ ссорахъ и дракахъ съ мѣстными панами, подкоморій Кіевскаго воеводства, маршалокъ мѣстныхъ сеймиковъ и руководитель мѣстнаго дворянства, перебѣжчикъ къ шведскому двору и посолъ шведскаго короля къ козакамъ, козацкій полковникъ, предполагавшійся канцлеръ Великаго Княжества Русскаго, сначала социніанинъ, получившій образованіе въ Голландіи и дѣятельно поддерживавшій единовѣрцевъ на родинѣ своимъ вліяніемъ и своими литературными трудами, впослѣдствіи православный,—онъ принималъ участіе во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ волненіяхъ своего времени... Тому-же *О. Фотинскому* принадлежитъ и за-

мѣтка «*Къ литературчой исторіи южно-русскихъ апокрифовъ*», гдѣ перечисленъ рядъ апокрифовъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ сборникѣ, находящемся въ древлехранилищѣ; нѣкоторые изъ апокрифовъ приведены цѣликомъ, именно: «Житіе и страданіе великомученика Григорія. Пострада 5796 года»; «Чудо св. Григорія Змѣеборца»; «Житіе преподобнаго отца нашего Агапита»; «Слово св. Василія Великаго, якъ отъ человѣка злаго духа отъгналъ»; въ концѣ помѣщенъ перечень святыхъ, къ какимъ нужно обращаться въ различныхъ случаяхъ жизни, взятый изъ того же сборника. *Пр. Н. Трипольскимъ* помѣщены: «*Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери Дерманской и пѣсни въ честь Ея*», составленное на основаніи польской рукописи XVIII в.; «*Дерманскій архимандритъ Мелетій Смотрицкій, его сочиненія и подробная надпись на его могилѣ въ Дермани*»; Отдѣлъ статей заключаетъ очеркъ *О. Фотинскаго*—«*Посланіе м. Никифора къ Волынскому князю Ярославу Святополковичу*». Отдѣлъ «Varia» состоитъ изъ небольшихъ замѣтокъ, документовъ и др. матеріаловъ: *О. Ф.*—«*Иконописное отраженіе стараго апокрифа*», въ замѣткѣ описывается одна картина религіознаго содержанія, находящаяся въ древлехранилищѣ, для сюжета которой, по предположенію автора, взято Псевдо-Меѳодіево откровеніе; *О. Фотинскій*—«*Изъ архива Жидичинскаго монастыря*»—приводится въ подлинникѣ рядъ документовъ XVI—XVII вв., касающихся земельныхъ отношеній между монастыремъ и частными лицами, *св. Н. Бурчакъ-Абрамовичъ*—«*Къ исторіи древне-волынской письменности*»—здѣсь мы находимъ предисловіе къ рукописи 1524 года, заключающей бесѣды св. Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Матѳея, и приписку къ рукописи толкованій его же на Евангеліе отъ Іоанна, 1605 года; свящ. *А. Бордюковскій* сообщилъ «*Надпись о времени построенія церкви въ с. Охлоповѣ* 1638 г.; и наконецъ—*свящ. И. Дучинскій*—«*Пѣсни про польское повстаніе 1863 года*.

При перечнѣ статей вновь вышедшаго «Сборника» мы намѣренно пропустили помѣщенные протоіереемъ Н. Трипольскимъ «*Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря*», вполнѣ заслуженно подвергшіеся осужденію въ предыдущей книгѣ нашего журнала [1]). Нельзя достаточно надивиться, какъ почтенный

---

[1]) Смотри въ октябрьской кн. „К. Старины" статью Волынца „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія".

протоіерей могъ принять грубѣйшую и безграмотнѣйшую фальсификацію за подлинные лѣтописные отрывки и документальные акты якобы XIII—XV ст.! Страннымъ кажется намъ и то обстоятельство, что редакція »Вол. Епарх. Вѣдомостей», гдѣ первоначально были напечатаны эти мнимые «Документы», не замѣтила поддѣлки, а редакція «Сборника», перепечатывая ихъ, впала въ сугубую ошибку, ничто же сумняся помѣстивъ, на ряду съ солидными изслѣдованіями и цѣнными матеріалами, это грубо-наивное измышленіе какого-то малограмотнаго писаки.

Впрочемъ, какъ ложка дегтю все же не вполнѣ портитъ бочку меду, такъ и эти злосчастные «Документы» не даютъ права обезцѣнивать научное значеніе остальныхъ пьесъ «Сборника». Принимая же во вниманіе тѣ скромныя задачи, которыя имѣла въ виду редакція и тѣ малочисленныя научныя силы, какія она могла привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что это первое начинаніе ея вышло довольно удачнымъ: «Сборникъ» составленъ разнообразно, помимо спеціальныхъ статей онъ заключаетъ и статьи болѣе общаго характера, доступныя для большаго числа читателей Единственно въ чемъ чувствуется, на нашъ взглядъ, недостатокъ— это отсутствіе руководящихъ статей, въ видѣ ли программъ или указаній, на что могутъ обратить вниманіе жители деревни, что нужно собирать, записывать и т. д.; статьи такого рода были бы очень кстати въ изданіи, предназначенномъ главнымъ образомъ для лицъ, живущихъ вдали отъ центровъ, въ изданіи, которое и имѣло главной цѣлью возбудить интересъ въ массѣ нашего сельскаго духовенства, подвинуть его на общую работу по изученію прошлой и настоящей жизни края. Но не все, конечно, дѣлается сразу, будемъ благодарны и за то, что сдѣлано, и пожелаемъ только, чтобы энергія лицъ, руководящихъ дѣломъ, не ослабѣла и впредь...

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ о составѣ Древлехранилища, пользуясь для этого очень обстоятельными описаніями поступившихъ въ Древлехранилище предметовъ, составленными О. А. Фотинскимъ [1]). Преобладающіе по количеству пред-

---

[1]) а) О. А. Фортинскій. Краткое описаніе предметовъ древности, пожертвованныхъ въ Волынское Епархіальное Древлехранилище по іюль 1893 г. Почаевъ 1893 г.

б) Тоже вып. 2-ой, съ 1 іюля 1893 г. по 1 августа 1894 г. Почаевъ, 1894 г.

меты—религіознаго характера; здѣсь хранятся древнѣйшіе кресты—энколпіоны (энколпіонъ съ изображеніемъ св. Владиміра, пожертвованный барономъ де Шодуаръ; крестъ этотъ описанъ Н. Петровымъ въ «Кіев. Стар.» 1888 г. августъ), образки (иконки съ надписью: «спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое победы княземъ на»..., затѣмъ т. н. змѣевикъ, и др.), деревянные рѣзные и металлическіе кресты и образки болѣе поздняго времени, иногда съ обозначеніемъ, кто дѣлалъ крестъ или кѣмъ онъ пожертвованъ, привѣски (напр. серебряная привѣска съ изображеніемъ вола и съ надписью: Року 1711 бидло барзо здихало. Пріими офѣру Чистая Дѣво Мати вола срибного); масса всевозможныхъ предметовъ церковно-богуслужебныхъ, церковныхъ принадлежностей (напр. царскія врата, изображающія «жезлъ изъ корене Іесеова», изъ Введенской церкви г. Ковля, другія рѣзныя врата изъ бывшаго Гощанскаго базиліанскаго монастыря и т. д.), много иконъ и картинъ религіознаго содержанія (укажемъ на икону Богородицы съ портретами устроителей ея: «справа стоитъ, молитвенно воздѣвъ руки горѣ, молодой панъ, безъ бороды, съ подбритымъ чубомъ, въ синемъ кунтушѣ и красныхъ чоботахъ; слѣва, въ такой-же позѣ—пани, въ бѣлой рубахѣ съ кружевными рукавами, такой-же юпкѣ и плахтѣ, въ красной корсеткѣ и синемъ лѣтникѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; посрединѣ между ними дѣвочка съ вьющимися волосами, убранными цвѣтами, въ бѣлой рубахѣ и юпкѣ, синей корсеткѣ и розовомъ лѣтникѣ, въ рукахъ у нея развернутая книга»; подъ иконой помѣщена подпись, плохо сохранившаяся, но все таки въ ней можно разобрать, что икону соорудилъ Янъ Вербскій съ женою Меланіею въ 1745 г. Есть также довольно много предметовъ и другого характера, напр. портреты Януша Острожскаго, Анны-Алоизы княжны Острожской, Януша Вишневецкаго, короля Михаила Вишневецкаго, тронъ и кресло князей Острожскихъ, оружія до исторической эпохи и т. д. Очень богатъ отдѣлъ рукописей—богослужебныхъ книгъ, поученій, сборниковъ; въ Древлехранилище поступаютъ также и документы; такъ напр., сюда поступили остатки архива бывшаго Жидичинскаго монастыря—акты XVII и XVIII вв., документы Тригорскаго, Каневскаго и Уманскаго Монастырей—XVII—XIX вв.; интересъ представляютъ и *церковно-приходскія лѣтописи*, переданныя изъ Волынской Духовной Консисторіи. Наконецъ, Древлехранилище обладаетъ уже очень большимъ числомъ старопечатныхъ книгъ, имѣются также гравюры (напр. очень рѣдкая аллегорическая гравюра въ честь импе-

ратрицы Елизаветы Петровны, по поводу заключенія мира съ Шведами въ 1743 г., поднесенная Кіевскою Духовною Академіей) и фотографіи. Вотъ общія цифры состава Древлехранилища и библіотеки къ 1-му января 1895 г.: вещественныхъ памятниковъ 160, рукописей — 1139, печатныхъ изданій 375 въ 509-ти томахъ. Итакъ, не прошло и трехъ лѣтъ со дня открытія Древлехранилища, и такой обильный матеріалъ оно уже успѣло собрать въ свои стѣны! Этотъ фактъ еще разъ съ очевидностью показываетъ, что потребность въ такого рода учрежденіяхъ давно уже созрѣла и что слѣдуетъ положить начало, организовать дѣло—и успѣхъ будетъ обезпеченъ.

Н. Бѣляшевскій.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка. Черниговъ. 1896. 8° 390 стр.

О первомъ выпускѣ этого изданія, у насъ уже было сказано (Кіевск. Стар. 1896 г., декабрь). Въ предисловіи ко второму выпуску издатель говоритъ: «мы старались обставить этотъ выпускъ возможно большимъ количествомъ библіографическихъ указаній; въ концѣ же прибавили дополненіе къ библіографическимъ ссылкамъ для 1-го выпуска. Кромѣ того, читатель найдетъ здѣсь болѣе обширные библіографическіе указатели малорусскаго матеріала къ цѣлымъ отдѣламъ... Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, помѣщено краткое изложеніе содержанія всѣхъ номеровъ обоихъ томовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что при той массѣ малорусскаго фольклорнаго матеріала, подобнаго издаваемому г. Гринченкомъ, который напечаталъ по настоящее время, какъ у насъ, такъ и въ Галиціи (напр. въ первыхъ годахъ «Зори» и въ разныхъ польскихъ изданіяхъ), очень много изъ этихъ «преданій и сказокъ» перепечатывается и повторяется, потому что всякій новый издатель ихъ не имѣетъ возможности разобраться въ этой грудѣ уже напечатаннаго матеріала... Поэтому всѣ эти библіографическія указанія, о которыхъ говоритъ въ предисловіи г. Гринченко въ крайней степени полезны для изслѣдователей, хотя, разумѣется, это лишь капли въ морѣ... Намъ кажется, что великая услуга сдѣлана была бы наукѣ составленіемъ по возможности точнаго указателя уже напечатаннаго малорусскаго фольклорнаго матеріала, хотя бы въ подобномъ видѣ, какъ это сдѣлано

г. Гринченкомъ въ обоихъ выпускахъ его «Этнографическихъ матеріаловъ». Нѣтъ сомнѣнія, что такой указатель оказалъ бы огромную услугу и собирателямъ, и изслѣдователямъ, давая возможность и тѣмъ и другимъ разобраться однимъ—въ собираемомъ, а другимъ—въ изслѣдуемомъ матеріалѣ.—До изданія же такого указателя (конечно, ждать его прійдется долго) собиратели невольно будутъ перепечатывать многое изъ того, что уже разъ было напечатано, разумѣется, съ нѣкоторыми варіантами... Но это, конечно, не бѣда: лучше два раза напечатать, чѣмъ потерять для науки тотъ или другой фактъ навсегда. Въ изданіи г. Гринченка такихъ повтореній, повидимому, должно быть мало, такъ какъ съ литературой предмета онъ хорошо знакомъ, что видно и изъ примѣчаній къ разсказамъ, и изъ тѣхъ же «библіографическихъ указаній».

А. Л.

Rocznik kòłka naukowego Tarnopolskiego за rok 1895. Tarnopol. 1896. 8° 232 стр. Съ картой.

О первыхъ двухъ выпускахъ этого интереснаго изданія у насъ было уже говорено («Кіев. Стар.», 1896 г., май). Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Acta processu o Tarnopol z г. 1690; 2) Мѣсто Тернополь и его околиця. Часть II; 3) Poviat Tarnopolski pod względem geograficzno-statystycznym; 4) Sprawozdanie z czynności wydziału kółka naukowego Tarnopolskiego za czas od 1 czerwca do 31 pasdziernika 1895; 5) Spis. czlonków kólka naukowego и наконецъ—карта тарнопольскаго уѣзда. Въ первой статьѣ напечатаны документы по спору Маріи-Казиміры, вдовы умершаго въ 1666 году тарнопольскаго владѣльца Яна Замойскаго, (а потомъ жены короля Яна Собѣскаго), съ наслѣдниками Замойскаго за «iura uxorea».—«Тернополь и его околиця» составляетъ продолженіе статьи должанскаго «пароха» Петра Бѣлинскаго, начатой во второй книгѣ Rocznik'a, и заключаетъ въ себѣ историческіе очерки нѣсколькихъ тернопольскихъ селъ, при чемъ авторъ пользуется и мѣстными преданіями, иногда очень интересными. Говоря о разореніи татарами м. Черниxова, авторъ приводитъ нѣсколько народныхъ преданій о татарскихъ нападеніяхъ, изъ которыхъ приводимъ здѣсь два. 1) «Якъ бувало татары нападають на нашъ край (росказують люде) ховались въ тоти оче-

реты всѣ хлопцѣ и мужѣ, а въ селѣ лишалися (оставались) сами старцѣ и бабы зъ дѣтьми, бо только тымъ татаре нѣчого не робили. Татаре увойшовши у яку хату, выѣдали, що лишь надыбали; часами, коли жонка хлѣбъ у пѣчь саджала, здоймали зъ лопаты и сирый ѣли. Одинъ татаринъ, повѣдають, не заставъ нѣчогѣсенько въ хатѣ, только дѣжку съ борщемъ. Нужь братися до неѣ и досягати бураки... Перехелився—а баба его за ноги, тай комѣть головой у бочку—втопила». 2) «Татаре бували деколи дуже цѣкави. Якъ бувало не мають що робити, то ходятъ, та кричать поподъ очеретъ: Иване! Грицю! Микито!—А ти люде, що поховалися въ очеретѣ, гадають, що то старый батько або маты кличе и повыставляютъ головы зъ очерету, а татары тогды зъ луковъ якъ качкы (утки) стрѣляють. Но и люде, коли вже дознались, що то татаре таки мудрагелѣ, то вже хочбы и до розпуку кликавъ и кричавъ, то нѣхто зъ очерету не выглянувъ анѣ обозвавъ ся. Со злости за те татаре спалили цѣлый Черниховъ».—Вообще очерки «пароха» Бѣлинскаго заключаютъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній для общей исторіи Подолья. Особенно цѣнны свѣдѣнія, которыя авторъ заимствуетъ изъ народной памяти, такъ какъ этого рода источникъ съ теченіемъ времени сильно изсякаетъ...

Статья— «Powiat Tornopolski» принадлежитъ г. Владиславу Сатке (Satke) и заключаетъ въ себѣ статистическіе очерки 82-хъ селъ терпольскаго повѣта. Собранныя здѣсь свѣдѣнія даютъ возможность имѣть полное представленіе о теперешнемъ состояніи того или другого села. Для примѣра приводимъ отрывокъ изъ описанія с. Сущина.—Послѣ описанія положенія села и его почвы, далѣе читаемъ: «We wsi jest szkoła murowana, jednoklasuwa z klasą nadetatową, založona zv. 1851. Język wykladowy ruski. Parafia rz. kat. w Łoszniowie, gr. kat. w miejsciu; we wsi jest cerkiew pod wezwaniem św. Jerzego.... Засимъ слѣдуютъ свѣдѣнія о количествѣ земли и о ея доходности, о числѣ корчемъ и далѣе: «Wies ta liczy 1459 mieskancöw, a to: 972 męź., 987 kob., zamieszkalych w 325 domach; z tego wypada, na obszar dworski: 23 domów, 68 męź., 66 kob. Obrzadku rz. kat. jest 294, gr. kat. 1554, izr. 111. Polckim językiem posługuje się 422, ruskim 1537. Umie czytać i pisać: 155 męz., 88 kob., tylko czytać: 33 męz., 15 kob., nie umie ani czytać:, ani pisać: 784 mez 884: kob. Gmina ta posiada; 543 koni, 484 sztuk bydła rogatego, 16 owiec, 233 świn i 81 ulów. Какъ видимъ, свѣдѣнія такого рода, что даютъ полную статистику того или другого села.

Изъ приложеннаго списка членовъ «научнаго кружка» (числомъ 61) къ сожалѣнію не видно ихъ общественнаго, положенія за исключеніемъ нѣсколькихъ докторовъ и «пароховъ».

А. Л.

Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., Кіевъ 8° 1896. 156 стр.

Кіевск. епарх. вѣдомости издаются съ 1861 г. и за первое десятилѣтіе ихъ изданія имѣютъ обстоятельно составленный указатель (Кіевъ. 1870 въ 8-ю д. л. 87 стр.). Особенной благодарности заслуживаетъ составитель этого указателя за приложенный къ нему—*Алфавитный списокъ предметовъ*, *упоминаемыхъ въ указателѣ*, который чрезвычайно облегчаетъ отыскиваніе свѣдѣній по нужному предмету.—Теперь изданъ указатель за послѣдующія 25 лѣтъ. Расположеніе статей въ новомъ указателѣ совершенно тоже самое, что и въ старомъ, но «Алфавитнаго списка предметовъ» при новомъ указателѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Впрочемъ будемъ благодарны и за то, что есть: отыскивать то или другое свѣдѣніе въ 25-ти томикахъ К. Е. В, до изданія настоящаго указателя—было не легко...

А. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу

НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляроръ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ, гг. подписчикамъ —

— ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ —

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: 1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА
съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,
Отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками
(по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ пи-

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлянскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш, ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Зари ъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные» гости повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«игра судьбы», романсъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростов-

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.— Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И.И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.— въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 58-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».
3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4 ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ. 2

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) одинъ руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподователей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподованія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—1

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО“ 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «Новое Слово» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «Новое Слово» принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р	— к.
» » » » » полгодъ	5 »	— »
» » » » » три мѣсяца	2 »	50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 »	— »
» » съ перес. за границу на годъ	12 »	— »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «Новое Слово» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искуство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

На	12 м.		11 м.		10 м.		9 м.		8 м.		7 м.		6 м.		5 м.		4 м.		3 м.		2 м.		1 м.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ доставкою иногороднимъ:	11	—	10	50	10	—	9	20	8	50	7	80	7	—	6	—	5	—	4	—	3	—	1	50
Съ доставкою въ Харковѣ:	10	—	9	50	9	—	8	35	7	50	6	75	6	—	5	25	4	50	3	40	2	40	1	20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—1

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ право-

способности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ состовляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—2

ховъ и заездилъ до Синявина, оттоль домой, где засталъ... (?), а после и швакгеръ п. Андрѣй пріехалъ.

Неделя. 12. День былъ почасти хмаренъ и зъ ранку дощикъ, а после вѣтеръ принеслъ, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Родитель по службѣ, передъ обѣдомъ, отехалъ въ Роменъ на Тулиголови, где и обѣдалъ. А я по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку, до п. Михайла, где видѣлся зъ Шираемъ, бунчуковымъ товаришемъ, пріехавшимъ зъ С.П.Бурху, который обявилъ решѣніе иностранной коллегіи въ габѣнетъ ея величества поданное, что гетманскій рангъ противъ генерала полного, обозний генералний противъ генерала маіора или брегадира, суддѣ, подскарбѣй, писаръ, асаули, хоружій и бунчучний енералний противъ полковниковъ, полковники противъ подполковниковъ, бунчуковіе товариши противъ капитановъ, полковники компанѣйскихъ охотницкихъ полковъ, артиллеріи енералной асаулъ, да хоружій въ полкахъ, одинъ обозний, 1 судія, 1 писаръ, 2 асауловъ, 2 хоружихъ, мнится имъ рангъ капитана поручика; сотники полковіе и городовіе противъ подпоручика или прапорщика. Сотенная и городовая старшина, то есть хоружій, асаулъ, писаръ, атаманъ противъ вахмистра. Козаки грунтовіе городовихъ полковниковъ и сотниковъ висилаются на службу безъ жалования, помѣчено. А въ давнихъ походахъ давались имъ провіянтъ и денги, противъ салдатъ и драгунъ. Подписались подъ тимъ мнѣніемъ 1733-го года, декаврія, канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ, вицеканцлеръ Андрей графъ Остерманъ, дѣйствителний тайний совѣтникъ N. фонъ Мініхъ, тайний совѣтникъ Василей Степановъ, совѣтникъ Петръ Курбатовъ. Семенъ Галецкій, сотникъ полковий Стародубовскій, въ С.П.Бурху пожалованний именнимъ указамъ ея величества въ бунчучніе енералніе, пріехалъ въ Глуховъ и привезлъ зъ собою указъ зъ габѣнету до князя Шаховскаго о своемъ тамъ призведеніи.

Понедел. 13. День и ночъ были подобніе прежнимъ, изрядной весняной погоди. Жена заболѣла на прежную свою болѣзнь, то есть на уплави женскіе. Обѣдалисмо я въ дому у себе, а по обѣдѣ посѣщалъ мене швакгеръ п. Андрѣй, братъ п. Михайло, писаръ пе-

черскій и чернецъ Уманецъ. До архиерея Кіевского отъ покойници тіотки гетмановой видали legованний даръ то есть митру израдную, зъ жемчугами и каменемъ дорогимъ и злотомъ насаженную, на красномъ бархатѣ, крестъ шафѣровий зъ діаментами сквозними, саковъ, омофоръ, подризникъ, а другую немного подлѣйшую митру отложили въ монастиръ Гамалѣевскій, зъ ризами и стихаремъ архимандричую, и для отдачи архиерею пошлется въ Кіевъ Зварковскій, а въ монастиръ отецъ Мойсей. У отца Мойсея кушали для окрещенного новорожденного сына.

Вовтор. 14. День и ночъ были израдной же погоди весняной, толко безъ дожчу. Сегодня, а не вчера жена заболѣла, и посѣщали мене вчера упомянувшіеся персони, зъ которихъ писареви Печерскому далиемо писмо до архимандрита Печерского объ отданномъ отъ насъ въ болшую церковъ Печерскую панѣкадилѣ.

Середа. 15. День свѣтлій, теплій, вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночъ тиха почасти, и почасти хмарна, а къ свѣту свѣтла и тепла. Сегодня рано виехалъ зъ Глухова я до Тулиг., где пообѣдавши, пріехалъ въ Кролевецъ, а оттоль въ Андрѣевку и ночевалъ у Голубихи. У Тулиг. имбарѣ теперъ толко всего нос. 2 горѣлки, а 4 кухви оковитой отправлени съ Петромъ на байдакъ.

Четвер. 16. День свѣтлій, жаркій, вѣтрянъ, а къ вечеру тихъ, ночъ хмарна, тепла зъ дощемъ до свѣта. Зъ Андрѣевки рано виехавши, пріехалъ за 2 часа до пристанѣ при Погорѣловцѣ, где засталъ байдакъ уже зъ горѣлкою зложенною, где родителскихъ куховъ 4 гор. и при мнѣ припроводилъ попъ Добротовскій своей гор. кух. 3, тутъ я и обѣдалъ. Далъ я Петру да Титу, наряженнимъ въ Кіевъ зъ горѣлкою, приказъ и 10 р., и писма до Тарноліота, отца писара Печерского, отца економа Печерского жъ и Якимовича Кузми, сторони оной моей горѣ о куплѣ писанніе. По обѣдѣ перевезшись, пріехалъ за 3 часа въ Криски и ночевалъ. Тутъ засталъ гор. толко носатокъ 2.

Пятокъ. 17. День хмарний зъ дощикомъ, вѣтрянъ и холоденъ, къ вечору випогодилось, такъже и ночъ погодна, ясна, тиха, але холодна. Въ Крискахъ оставилъ я приказъ старостѣ Крисковскому

объ управленіи дѣлъ господарскихъ тамошнихъ и поехалъ оттолъ назадъ, а пріехавши до пристанѣ и перевюзшись, вимѣровалъ Кіевское вѣдерко зъ носаткою Крисковской, кои дани Петру Кухару на байдакъ зъ горѣлкою, такъ показалось всей горѣлки Крисковской, зъ Петромъ посилаючойся въ Кіевъ, куѳъ 62, а въ нихъ носатокъ 609 и квартъ 90, а въ носатцѣ вѣдеръ кіевскихъ 5, а квартъ 11 и третая часть кварти, а въ вѣдрѣ Кіевскомъ тихъ же квартъ 19 безъ четверти. Да послано жъ зъ нимъ горѣлки двойной куѳъ 4, а въ нихъ нос. Тулиг. 37 и квартъ 21. Отдавши оную вѣдомость Петру, поехалъ я въ путь свой и пріехалъ въ Обтовъ, ночевалъ у попа тамошнего Прокопія.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, и ночъ такова жъ. Рано зъ Обтова поехавши, пріехалъ въ Андрѣевку, а оттоль въ Подоловъ къ сестрѣ Чарнишовой, а оттоль въ Тулиголови на обѣдъ, где и обѣдалъ. А зъ Тулиголовъ по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ позно въ Глуховъ, для того, что изъ Тулиг. позно виехалъ, и засталъ дѣтей пріехавшихъ. Въ Тулиг. дерева привозного криск. тертиць шеліованихъ 25, деревъ 12, обаполковъ 18. Въ Тулиг. теперъ горѣлки всеей нос. зъ 6, или 7 всей.

Ниделя. 19. День былъ подобний вчорайшому, также и ночъ. Обѣдалисмо въ Глуховѣ въ себе по службѣ, которой слухалъ я у Тройци, и зъ маіоромъ гвардіи Хрущовимъ видѣлъся, которий также былъ, а по службѣ онъ поехалъ въ Семеновку, въ гостѣ до Мануйловича, где и князъ вчера еще поехалъ зъ многими, а я зъ зятемъ своимъ домой. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ и простившись, отехалъ домой, а я зъ зятемъ своимъ поехалъ у футоръ и оттоль въ Сварковъ, где и ночевали. Въ Сварковѣ фундаментъ каменний здѣланъ на будинокъ, цегли сѣло тамъ на 10 тисячей, а муровщикамъ за то и за 2 камени—6 р.

Понедел. 20. День и ночъ были подобніе вчорашимъ, жаркіе. Пообѣдалисмо въ Сварковѣ зъ зятемъ и поехали въ Глуховъ.

Вовтор. 21. День и ночъ были подобніе прежнимъ, жаркіе. Сегодня никуда я не ездилъ, а обѣдалисмо въ дому и подпіяхомъ

ради именинницѣ жени и съ нами Гапка Конзеровская. Князь Шаховскій зъ охоти своей повернулся домой у вечеру.

Середа. 22. День былъ свѣтлій, теплій со жаромъ, ночъ почасти хмарна, толко жъ безъ дощу, которого уже давно не бывало. Рано былъ я у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ былъ у п. Михайла и зъ Ханенкомъ видѣлся.

Вознесеніе. Четвер. 23. День былъ зранку хмаренъ и зъ маленкимъ дощикомъ, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, подобная прежнимъ. Банкетъ билъ у писара енер. для именинъ его, где билъ князъ, оба Хрущови, князь Баратинскій, старшина енералная и прочіи и подпіяхомъ, дами также. Янѣшевскій припроводилъ сюда кобилицъ 5 до дриганта турецкого, такъже овци и конѣ, и привезено масла гладушовъ 2, да сира дѣжечокъ 2.

Пятокъ. 24. День былъ жаркій и свѣтлий, и тихій, ночъ свѣтла, а къ свѣту хмарна. Рано зъ Глухова поехалъ до футора, а оттоль до Сваркова, где и заночевалъ. Зъ Тулиг. привезли Сварковцѣ цегли на 45 возовъ 2380 цегелъ.

Субота. 25. День былъ зранку хмаренъ зъ маленкимъ дощикомъ, а после свѣтель и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, ядрана, къ свѣту хмарна. Рано сегодня поехалъ я зъ Сваркова, а пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, где въ дому и обѣдалъ. Трояновскій, сотникъ Полтавского полку, сказивалъ про запорожцевъ, что они приняти въ подданство ея величества и перенеслись кошемъ своимъ низше старой Сѣчи, а на постройку дано имъ казни ея величества 2 тисячи рублей. Полковники Слободскихъ полковъ, Ахтирскій, въ нѣмецкомъ платѣ, и Сумскій пріехали здесь до князя.

Неделя. 26. День былъ хмарний зъ дощикомъ ажъ до вечора хорошимъ, холодний почасти и вѣтрянъ, ночъ такъже хмарна безъ дощу. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилисмо многіе, такъ же князь, княгиня и зъ дамъ многіе до квартери князя Андрея Трохимовича Баратинского, где обручилъ себѣ свойственницу дому Кашкаровихъ въ невѣсту князь Григорій Івановичъ Шаховскій, братъ княжий, и подпіяхомъ.

Понедел. 27. День былъ по болшой части хмарний, нежели свѣтлій, вѣтрянъ велми и холоденъ, ночъ еще холоднѣйшяя, почасти вѣтряна и хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ и ночевалъ тамъ. Человѣкъ, служитель швакгра моего Якова Полуботка, пріехалъ зъ Чернѣгова отъ п. Войцеховичевой зъ вѣдомостю, что якоби онъ, швакгеръ мой, въ походѣ войсковомъ въ Полщѣ, зъ товариствомъ бунчуковимъ обрѣтавшійся, преставися, а после потвердилась тая вѣдомость зъ писма швакгра моего Якима Троцкого, который зъ 5-го мая пишетъ ко мнѣ, что онъ, швакгеръ мой, априля 15 д. умре (ему же да будетъ вѣчная память!) болѣзновавши толко 5 день, а после априля 19-го, бунчуковий же товаришъ Семенъ Лизогубъ померъ же; первий погребенъ въ кляшторѣ барналиновъ, а послѣдний въ кляшторѣ базилеановъ въ Гроднѣ, при пушечной и дробной стрелбѣ зъ церемонѣею. А о себѣ обявляетъ, что всѣ квартерують въ Гроднѣ отъ всеедной итого апр. 12 д., за прибитіемъ въ Гродно регементара литовского князя Михайла Вишневецкого и швакгра его князя Радзѣвила, конюшого Литовского, мѣютъ въ первихъ числахъ мая всѣ виходить до Вилня.

Вовтор. 28. День былъ вѣтрянъ, по болшой части хмаренъ и холодноватъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ передъ вечоромъ ездилъ я до князя и Оболонского.

Середа. 29. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такъ же, толко уже у вечору дощикъ малій показивался. Былъ рано у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ, где и заночевалъ. Въ порукахъ на росписку взялъ я зъ подъ караулу іеродіакона монаха Ісаию Жаровка зъ канцеляріи минѣстерскаго правленія Малороссіскихъ дѣлъ, въ которой онъ содержится подъ карауломъ въ той же канцеляріи, да за нимъ же подписались Оболонскій, судовий писаръ и Стефанъ Уманецъ, сотникъ Глуховскій.

Четвер. 30. День былъ подобний вчорайшому, толко холодноватъ, ночъ такъ же холодновата, хмарна и вѣтряна. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ въ домъ свой, откуду

ездилъ на Бѣлополовку до брата п. Михайла, где его и другихъ застадъ въ карти граючихъ.

Пятокъ. 31. День былъ зранку хмаренъ зъ густимъ дощемъ до ночи, после вѣтрянъ, ночъ хмарна, тиха, тепловата, а къ свѣту погодна. Рано въ судъ енер. издилъ для челобиття—поданного на мене отъ попа Крисковского Федора Ярошевича, о грунтахъ.

Юнь. Субота. 1. День былъ свѣтлій и почасти хмарний зъ дощемъ, толко велми теплий, ночъ почасти хмарна, а почасти свѣтла и тепла. Рано ездилъ до князя, где и обѣдалъ и позабавилъ и видѣлся зъ дядкомъ п. Федоромъ, пріехавшимъ зъ Прилуки. Дриganта турецкого отняли отъ кобилъ, а кобыли былись зъ нимъ сіе: 1) нѣмецкая вороная, 2)ясногнѣдая, бѣлокопитая, зъ лошичкою гнѣдою, 3) ясногнѣдая, бохматоватая, зъ лошачкомъ буланимъ, 4) темногнѣдая, черкесоватая, зъ лошичкою вороною, 5) каштановата зъ лошачкомъ свѣтлогнѣдимъ, 6) вороная, зъ лошачкомъ гнѣдимъ.

Ст. Тройца. Неделя. 2. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ мало хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и громомъ, ночъ такъ же тепла и почасти хмарна. Рано былъ у князя и по обѣдѣ у него жъ кушалъ зъ многими и подпіяхомъ, а оттоль повернувшись домой, заехалъ до п. Михайла и игралъ въ карти зъ Андреемъ Миклашевскимъ, Ломиковскимъ и Лукомескимъ, зъ виграшомъ 30 к.

Понедел. 3. День былъ почасти свѣтлій и по болшой части хмаренъ зъ малимъ дощикомъ, ночъ свѣта, тиха, тепла къ свѣту туманъ. Сегодня никуда я не ездилъ а обѣдали у насъ дядя п. Федоръ и Раковичъ зъ синами своими, у вечеру игралисмо въ карти зъ виграшомъ 3 р. зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и Ломиковскимъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и холодновата. Обѣдалъ я сегодня у себе а по обѣдѣ ездилъ до футора и въ Сварковъ, где и ночевалъ.

Середа. 5. День былъ зранку вѣтрянъ и почасти хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ такъже израдная. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ у до князя, где и обѣдалъ. У вечеру сватба была князя Григорія Шаховскаго зъ сродницею кня-

гинѣ Боратинской, Мариною, шлюбъ въ церквѣ соборной протопопою Глух. совершился, а ми у князя подпіяхомъ.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня для акту веселного билъ банкетъ у князя Шаховского, где были многіе гостѣ и подпіяхомъ. По банкетѣ поехалисмо зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у него въ карти, зъ виграшомъ 1 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ вѣтрянъ, однако жъ свѣтелъ и тепелъ и отъ переходячихъ хмаръ дощикъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Рано поехалъ я до Сваркова и тамъ обѣдалъ, а у вечеру отехалъ въ Глуховъ, где засталъ родителя зъ Ромна повернувшогося. Дригантъ мой турецкій зъ кобилами отбился шестма тамошними, а семою вороною, нѣмецкою. Панѣ гетманова Данилова Апостолова пріехала сюда въ Глуховъ и съ нею полковница Лубенская и Андрѣева Гарленкова.

Субота. 8. День былъ свѣтелъ и тепелъ, и тихъ, ночъ такова жъ. Сегодня банкетъ былъ у князя Боратинского и подпіяхомъ. Оттоль пріехавши домой, ездилемъ знову вихмеляючись на Красную Горку до млина Радіоновского и заехалемъ назадъ, едучи до п. гетмановой и оттоль човномъ до дому. Декоктъ сталъ пить.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ. Былъ рано у князя, а обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ никуда не ездилъ, а вечералисмо вкупѣ и заговляли.

Понедел. 10. День и ночъ были израдной погоди лѣтней. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Теперъ у мене тесель человѣка 10.

Вовтор. 11. День былъ и ночъ таковіе жъ, якъ и вчорайшіе, тихіе, жаркіе и свѣтліе, толко ночъ почасти хмарна. Рано я зъ Сваркова черезъ футоръ пріехалъ въ Глуховъ, былъ у князя, где при мнѣ пріехалъ прапорщикъ Александеръ Арсеніевъ зъ С.П.Бурху, зъ именнимъ указомъ ея величества до князя—ехать ему въ С.П.Бурхъ, на малое время. Зъ вѣдомостей явствуется сіе, что Гданскъ городъ великой отъ нашихъ войскъ и Саксонскихъ осадѣ и бамбардированіи и что пришедшое войско французжское въ

Вейсендмилскіе щанци къ Гданску на суккурсъ Лящинскому въ 2000 человѣкъ, отъ нашихъ не допущени въ Гданскъ и многіе побыти, и что уже въ Італіи начались военніи операцѣи между войсками цесарскими и французжскими, и гишпанскими; цесарского войска тамъ будетъ 40 тисячъ изъ залишкомъ, столко жъ почитать и соединенного, а при Ріенѣ рѣкѣ французжского 90 тисячъ, а цесарское еще не все сошлось, где каммендеруетъ принцъ Евгенѣй. Да и сіе жъ вѣстно, что воевода Волинскій Потоцкій, партизанъ Лящинского, зъ войскомъ въ 3000 человѣкъ побитъ отъ нашихъ близъ Каменца Подолского, где нашъ Прилуцкій полковникъ Галаганъ много дѣйствовалъ. Князь Шаховскій, зъ присутствующими членами въ канцеляріи енер., приговорили бить у слѣдствія за комисарами Малороссійскими отъ 1731-го году полковнику Нѣжинскому. Івану Хрущову, швакгру Андрею Полуботку, Андрею Миклашевскому, Петру Корецкому и мнѣ.

Середа. 12. День былъ сперва свѣтелъ, а после хмаренъ зъ громомъ и съ силнимъ дощемъ до вечора, вечоръ и ночъ хмарніе и вѣтряніе, въ ночѣ дощчъ. Сегодня я никуда не ездилъ и въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ опокоился; и вечерали вмѣстѣ съ родителемъ. Зъ Кіева повернулся Іванъ Зварковскій, возившій до архиерея Кіевского митру и сакосъ отъ покойной тіотки легованіе, зъ отвѣтомъ архиерея Кіевского Рафаила благодарственнимъ. Теслѣ Сухоносовскіе отправлени въ Сварковъ работать 2 человѣка. Зъ футора велено видать 42 четверти жита.

Четвер. 13. День былъ зранку хмарний зъ дощикомъ, а после къ вечору свѣтелъ, вѣтрянъ и холодноватъ, ночъ вѣтряна и холоднѣйшая, и хмарна. Обѣдалъ я въ себе, а по обѣдѣ ездилъ до князя и оттоль повернувшись, засталъ здѣ панѣ гетманову и полковницу Лубенскую и другихъ. Писалъ я писмо до брата Марка и уступное писмо Журавки Якова для вписання въ книги ратушніе послалъ. Да до Клима писалъ.

Пятокъ. 14. День былъ зранку вѣтрянъ, почасти свѣтелъ и холоденъ, а съ полдня тожъ свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ тиха, ясна и умѣрителна въ стужѣ. Сегодня ездилъ я до Сваркова и

оттоль домой воротился на ночъ, а жена тамъ зосталась ночовать. Зъ Перервинець пріехалъ Крутень и привезлъ писмо отъ Клима, въ якомъ обявляетъ, что писара Савѣцкій началъ греблю на Оржицѣ засипать, которій обовязуется въ томъ, что жадной шкоди ставкамъ моимъ и обиди селу съ того не будетъ.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, погодний и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я сегодня у себе и швакгеръ со мною п. Андрѣй.

Неделя. 16. День былъ подобній вчорайшому, изрядной погоди и ночъ. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ ради рожденія меншой дочери его. Гетманова отехала зъ Глухова и обѣдала въ Дунайцѣ, куда и моя жена ездила опровожать оную. (На поляхъ: не сегодня, але іюня 26-го). Сегодня городъ Гданскъ по взятіи крѣпости Вейзелминдзи (?) войскомъ нашимъ, надъ которимъ камандиромъ фелтмаршалъ графъ фонъ Минѣхъ, подъ капитуляцѣею въ покореніе здался и имѣетъ депутатовъ отъ себе въ С.П.Бурхъ прислать и въ казну ея величества миліонъ ефимковъ битихъ заплатить, а которіе въ семъ городѣ били Станѣслава Лещинского адгеренти, примасъ, Чарторійскіе, Понятовскій и прочіе всѣ, тіе отдались до дишкрецѣе и въ рукахъ нашего войска обрѣтаются.

Понедел. 17. День билъ изрядной теплой погоди и ясности, и ноча такова жъ. Пявици до геморгоидалной жили приставлялъ двѣ толко, очинъ мало крове сошло, ради неискуства приставщика. Крутень отправленѣ до Клима зъ суплѣкою его и зъ облѣкомъ Григорія Шаргородского.

Вовтор. 18. День былъ изрядной погоди, свѣтлій, тихій, теплій и жаркій, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня былъ рано у князя обѣдалъ въ дому, а со мною п. Михайло, швакгеръ п. Андрѣй и Холодовичъ. У вечеру ездилисмо зъ п. Михайломъ до Миклашевского Андрея, зъ которимъ играли въ карти зъ проигрошомъ 1 р̃.

Середа. 19. День подобній вчорайшому, толко передъ вечоромъ хмара зъ силнимъ вѣтромъ и для того знову вияснилось у вечеру и тихо стало, ночъ тиха, свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ и съ

нами швакгеръ п. Андрѣй. Случай тяжелій намъ билъ зъ п. Андрѣемъ: ехалисмо зъ города ко мнѣ, въ коляски, которую конѣ внизъ греблѣ опрокинули и попадали, а мы выскочивши въ томъ импетѣ, спаслись отъ того. До Клима отправленъ козакъ Перерв. Мехей и съ нимъ писалъ о присилкѣ сюда косъ.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, сперва вѣтрянъ, а после хмаренъ зъ дощемъ и вихромъ, и знову почасти свѣтелъ, ночъ почасти вѣтряна, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ, а по обѣдѣ онъ, по именному указу ея величества, отехалъ зъ Глухова въ С.П.Бурхъ, и съ нимъ до Москви Іванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій, да съ канцелярист два Холодовичъ да родзянка, которого всѣ мы опроважали до Ясманѣ, а не доежджаючи, простились и воротились, а онъ въ путь свой поехалъ. Я поехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Пятокъ. 21. День былъ сперва и после свѣтелъ, толко велми вѣтрянъ, вѣтромъ полунощнимъ, ночъ свѣтла, да вѣтряна жъ и къ свѣту велми холодна, толко жъ безъ морозу. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ футоръ, где копачамъ велѣлъ копать зъ другой сторони отъ Бѣлогоров. Начали робить у футорѣ другую рубленую клуню, Солодовникъ Степанъ зъ москолями. Оттоль поехалъ, пріехалъ у Дунаець, где повидѣвши будинку п. Михайловаго, поехалъ у пасѣку Уздицкую, въ которой роевъ по сейчасъ било 12, а всѣхъ 230. Да зъ тоей пасѣки поехалъ въ Шрамковскую, где роевъ било посейчасъ болше 20, а въ улляхъ 15, другіе же на старіе для поправки скидани. Оттоль поехалъ до Сваркова, где и ночевалъ. У Сварковѣ припускали знову дриганта до кобилъ, толко жъ не дались.

Субота. 22. День былъ тожъ вѣтрянъ, якъ и прежніе, а свѣтелъ, къ вечору тихъ и тепелъ, такова жъ и ночъ свѣтла, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехавши, пріехалъ у Глуховъ и передъ обѣдомъ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ Полуботкомъ простился, а у вечеру п. Федоръ, дядя, и Раковичъ били и простились. Сегодня

новий ланъ [1]) у толоцѣ къ городу принявши литскіе (?) нивки, а имъ другіе купленіе въ обмѣну давши, заняли и виорали.

Неделя. 23. День былъ свѣтелъ и тепелъ, въ день дожчъ ишолъ, у вечеру знову выяснилось, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Рано ездилъ я до князя Боратинского, а съ нимъ до княгинѣ, где и обѣдалисмо и подпіяхомъ ради тезоименитства дочери ея меншой Агрипини.

Понедел. 24. День былъ свѣтлій, жаркій и тихій, отъ нашедшой хмарки малій дощикъ зъ громомъ, а после ясенъ день до вечора, ночъ свѣтла, тиха и жарка. Обѣдалисмо у себе зъ род., а у вечеру ездилъ я до Синявина, и повернувшись домой остался. Зварковскій поехалъ въ Кіевъ для посвященія въ попи, черезъ него писалъ до Петра ждать времени зъ горѣлкою до осени и содержать оную хочай на суднѣ, хочай въ імбарахъ скотить, порадившись Тарноліота. Янѣшевскій зъ кобилами отправился въ степъ, зъ которими дрнгантъ турецкій былъся; черезъ него писалъ до Клима о господарскихъ дѣлехъ.

Вовтор. 25. День былъ жаркій, свѣтлій и тихій, зъ полдня хмара надийшла зъ силнимъ громомъ и дощемъ густимъ и великимъ, который нѣсколко часовъ ишолъ н напоилъ всю землю доволно, къ вечеру утихъ. Ночъ тиха, хмарна и зъ дощемъ тихимъ, къ свѣту престалъ. Сегодня обѣдалъ я въ дому, а у вечеру до Синявина ездилъ и до Оболонского сторони дѣлъ своихъ въ судѣ енер. обрѣтаючихся. Отправленъ Сухоносовскій человѣкъ глухій Паломаренко въ Сухоносовку и съ нимъ послано соли 20 пуд. и 30 р. и 10 червон., при писмѣ до Клима ради соли въ посилку Дядѣ Сухоносовского. Градъ величини у волоскій орѣхъ ишолъ поузъ футоръ, черезъ Сварковъ.

Середа. 26. День былъ хмарний вѣтряний зъ дощемъ и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, у вечеру ездилъ до Синявина ради дѣлъ своихъ просить его и другихъ суддей. Сегодня

[1]) Первоначально извѣстная мѣра земли, равнявшаяся иногда одной *уволокъ*, а иногда тремъ. Позже—участокъ полевой земли, безъ определѣнной мѣры, но окопанный или иначе ограниченный отъ сосѣднихъ земель. См. у Линде—*łan*.

городъ Гданскъ здался нашимъ войскамъ и имѣетъ заплатить миліонъ ефимковъ битихъ, а адгеренди Лещинского въ рукахъ войска нашего великороссійского, о чомъ зри іюня 16-го до іюля.

Четвер. 27. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, дощъ отъ переходячихъ хмаръ, у вечеру випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а у вечеру проездился въ городъ; по обѣдѣ же зъ п. Михайломъ, обѣдавшимъ со мною, забавлялъся. Федору Заборовскому родилась дочъ. Получили писма зъ Ромна о слабости материнской отъ диссентеріи.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ такова жъ. По обѣдѣ почтовими лошадми родитель поехалъ въ Роменъ, после полученной печалной вѣдомости о здоровю весма слабомъ матчиномъ. Староста Криск. пріехалъ и отправленъ домой, а дано ему 9 р. и приказъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій велми и ночъ такова жъ. Сегодня оставивши въ дому приказъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, самъ по раннемъ обѣдѣ отехалъ въ Роменъ и пріехавши до Мутина ужо ноччю, переехалъ черезъ Сеймъ и нѣгде не ночуючи, пріехалъ до Кросенъ и тамъ отдохнулъ.

Неделя. 30. День и ночъ подобніе были вчорайшимъ тихіе, свѣтліе и тепліе. Зъ Кросенъ уехалъ я миль зъ 3 и обѣдалъ надъ Терномъ, оттоль по обѣдѣ уехалъ миль зъ 3 и ночевалъ, не доежджая Борзенки, край Хмѣлова.

М-ць. Юль. Понедел. 1. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ, а сполдня хмаренъ зъ дощикомъ и зъ громомъ, ночъ хмарна, вѣтряна и отчасти холодновата. Зъ ночлѣга вставши, пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ, где засталъ родителя и братовъ всѣхъ, опрочъ Луки, и родителку при здоровю поправляючомся. Родитель знову отехалъ зъ Ромна въ Глуховъ, гостивши зде толко полтретя дня.

Вовтор. 2. День былъ вѣтрянъ, почасти свѣтелъ, а съ полдня хмаренъ и теплъ и зъ невеликимъ дощемъ, ночъ хмарна, вѣтряна почасти, а къ свѣту випогодилось. Сей день промедлѣлъ я зде въ

Ромнѣ. Приставлялъ пявки къ низу Семенъ цилюрикъ и крове много вийшло. Отправлени въ Глуховъ Дѣдикъ и Литвиненковъ, зъ двома кони, подъ мѣру Крисковцамъ.

Середа. 3. День былъ теплій, свѣтлій и тихій, ночъ такова жъ. Отъ Панченка отобралъ я должнихъ денегъ 22 р., а еще 30 р. объ Іллѣ отдать. У вечеру виехалъ я зъ Ромна зъ братами Маркомъ и Іваномъ и съ нихъ одинъ въ Куцупѣевщину, а другій у Андрѣевку, а я усвой футоръ Гамалѣевскій, где и заночевалъ. Оставилъ я брату п. Марку облѣкъ Панченковъ и писмо Мая съ товарищи Засулскихъ.

Четвер. 4. День былъ зранку свѣтелъ и тепелъ, толко вѣтрянъ, зъ полдня хмара отложная найшла, сперва дощикъ невеликий да густий ишолъ, а после ǵвалтовний, якого еще сего лѣта небывало, до ночи, а въ началѣ 9-го часа у тихъ и стало свѣтло. Тутъ я обѣдалъ зъ братами, до мене зехавшимися, которіе по обѣдѣ и розехались. Тутъ вовни старой по сказкѣ дворника 153, а молодой зъ 70 рунъ, пчоли тутъ роевъ всѣхъ по сей день 11 было. Тутъ по сей день было масло фасокъ 2, дѣжка болшая сира и часть кухви.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, мокровата мало, тиха и тепла. Рано поехалъ я зъ футора Гамал., а пріехавши до Токарокъ, засталъ брата Івана и тамъ отдохнувши, поехалъ въ Лохвицю и оттоль въ Сухоносовку позно пріехалъ въ ночъ, для того, что дорогою противъ футора Милорадовича Степана годинъ зъ полтори отдихали.

Субота. 6. День былъ увесь хмарний, а около полдня якъ пошолъ дожчъ, то ажъ до захода слонца ишолъ, а въ ночѣ престалъ, толко жъ хмари бѣгаючіе всю ночъ хмарность дѣлали, къ свѣту туманъ. Въ Сухоносовцѣ сей день пробавилъ я и посилалъ Юска въ Лубнѣ за декоктомъ унǵвентомъ и плястромъ и жидкою... за що заплочено 3 р. и 15 к. Тутъ по сей день въ пасѣцѣ пчоли роевъ показалось 70.

Нэделя. 7. День былъ туманний зъ ранку зъ дощемъ густимъ, а после свѣтелъ и тепелъ. Ночъ тиха, свѣтла и тепла. Сей день службы Божой слухалр въ Сухоносовцѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ къ Перервинцямъ и ночевалъ, переехавши Лазурки.

Понедел. 8. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Зъ ночлѣга вставши, поехалъ зъ Лазурокъ миль зъ 2 до Василкова, оттоль зъ милю легкую до писара полкового Луб. футорця, где черезъ гребелку на Оржици Сухой переехавши, приехалъ въ Перервинцѣ на обѣдъ. У вечеру ездилъ до стада къ Кириленковому ставку зъ милю, где у околу нашего и ночевалъ.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня зъ ночлѣга вставши, обехали стенки и пріехалъ на обѣдъ въ село Перервирцѣ, куда и братъ п. Семенъ пріехалъ, которому четвертака лошака строкатого дарилъ я, а другую кобилку строкатую, гнѣдую, Ничипору стаднику. Пречисляли и перебраковували стадо конское. Братъ у вечору отехалъ въ Коровай, отколь ко мнѣ приездилъ.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, жаркій, тихій до полдня, а къ вечору хмаренъ и дожчъ ишолъ до вечора, ночъ такъ же хмарна зъ дощемъ, къ свѣту випогодилось хорошо. Поехалъ я рано зъ Перервинець и заехалъ первей, до стенки своей Ворониной, где нѣякогось Посвятипшоно человѣка, степокъ нашъ до оной стѣнки приналежной уворавшогося, велѣлъ старостѣ не допускать. Оттоль поехалъ черезъ Бѣлоусовку и уехавши съ полмилѣ, стали на обѣдъ надъ Оржицею, куда и Кучарскій пріехалъ зъ рибою. Оттоль поехали у право минувши могилу, черезъ яръ на футоръ Балалѣйца надъ рѣчкою Чевелчою сидячій, куда отъ Бѣлоусовки будетъ миль болше двохъ, и пріехали при заходѣ слонца, где и заночевали. Велѣлъ конюшоту за бѣлого коня, козаками Сухонос. и Перер. утерянного, доправить зъ трохъ по рублю, и того 4 р.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій и теплій, толко вѣтрянъ, ночъ такъже вѣтряна, свѣтла и холодна. Отъ перевозу вставши, переехалъ черезъ Сулу и просто поминувши у лѣво дорогу до Горошина, простою дорогою, черезъ мостокъ и степкомъ до футора,

пріехалъ своего Криворудского, где обѣдалъ и ночевалъ. По обѣдѣ обездилъ степокъ до новой занятой греблѣ, где и на токъ, и на стадню заоромъ поозначевани мѣстца.

Пятокъ. 12. День былъ вѣтрянъ прежде, а посля дощъ, а потомъ випогодило. Ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Сегодня кончилъ я декоктъ пить иа Кривой Рудѣ. Обездилъ я степъ Криворудского своего футоръ, заоромъ и концями означенний отъ полковничой слободки и футора, по силѣ писма полковничего до Павла Корнѣевича писанного, а отъ Горошина по силѣ уступного Горошинского писма, отъ Антоновичового футора по Стовповаху, а оттоль по узъ шляхъ, зъ Горошина до Говтви идучій.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Вилучилъ зъ кобилъ обрѣтаючихся на Кривой Рудѣ въ бракъ 7, а осмую сивую зъ лошачкомъ воронимъ Климу дарилъ и корову зъ телямъ середнюю. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора Криворудскаго знову тоею жъ дорогою до перевозу Горошинского, а оттоль до Оржицѣ городка, где и заночевалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій и жаркій, и тихій, ночъ такова жъ. Зъ Оржицѣ рано перевюзшись, пріехалъ до Юсковецъ миль у 2, где и служби слухалъ. Зъ Юсковецъ по обѣдѣ уехалъ миль 3 до Оробювъ и пріехали въ Сухоносовку еще завидна.

Понедел. 15. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, тиха и тепла. Дневалъ я тутъ въ Сухоносовцѣ; у вечеру обмился. По сей день отъ 6-го іюля роевъ зъ 10 поймано, якими старіе понаправлювано, и роевъ попрежнему 70 въ улляхъ.

Вовтор. 16. День былъ хмарний и почасти отъ переходячихъ хмаръ дожчъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и умирителна. Ярема пріехалъ зъ вѣдомостю, что жена моя болна на огневицу. По обѣдѣ оставивши я Климови приказъ, отехалъ и пріехавши въ Лохвицю заехалъ до тіотки п. Павловой, а оттоль поехавши, заночевалъ въ Токарахъ.

Середа. 17. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ такова жъ. Пріехалъ я зъ Токаровъ у футоръ свой Артополотскій, где и обѣдалъ. Коберникъ пріехакъ зъ Глухова зъ повторнимъ

извѣстіемъ о слабости жени. Тутъ у пасѣцѣ всѣхъ роевъ въ улляхъ по сей день стало 16. Остановили тутъ коней сивихъ 5, гнѣдого верхового, вороного храпуна, гнѣдого молодого, что хлопецъ ехалъ, итого 8. Далъ я тутъ войту футорному Коханцѣ 2 р. на уплатку кидалникамъ да гребцямъ. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора и приехавши въ Роменъ, видѣлся зъ Радищевимъ.

Четвер. 18. День былъ свѣтлій, жаркіи, тихій и зъ переходячими хмарами дождевими, громомъ и блискавицею, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. П. Марку брату полецилъ я доправить зъ Яковлева 30 р.; 10 р. дать конюшому Янѣшевскому, а 20 р. прислать ко мнѣ; такъже доправить на Засулцахъ 20 р. и прислать. Оставилъ приказъ конюшому взять у п. Марка 10 р. и употребить на поденное сѣно въ Перервинцахъ, да доправивши за коня зъ козаковъ по рублю, употребить оніе на перенесенне станѣ и двора. Оставилъ же приказъ Корнѣю Петренку, мужику Сухонос., который зъ вовною пріехалъ, простой старой рунъ 518, а бранки 284 старой же, а велено ему продавши, денги всѣ Климу до рукъ отдать, а буде не продасть, то зложить за замкомъ и печаттю п. Марка. Сіе устроивши, поехалъ рано я зъ Ромна въ Глуховъ и въ обѣдъ становиско имѣлъ у Смѣломъ, а по обѣдѣ поехалъ, на дорозѣ попасовалъ и заночевалъ не доеждаючи Свинтовой, у полъ милѣ отъ Грузкой, зъ полмилѣ уехавши.

Пятокъ. 19. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ отъ переходячихъ хмаръ силний по сторонамъ дожчъ, ночъ тиха, свѣтла и хороша. Зъ ночлѣга уехавши зъ милю, пріехалъ до Бѣлихъ Береговъ, перевюзшись пріехалъ до Путивля и оттоль до Вязюнки, где и отдихалъ на нѣсколко часовъ, а отъ перевозу Бѣлихъ Береговъ до Путивля 10 верстъ, а отъ Путивля до Вязюнки столко жъ. Зъ Вязюнки до Глухова 27 верстъ, куда я пріехалъ передъ вечоромъ, засталъ жену велми хорую, а родителя слабого.

Субота. 20. День былъ подобній вчорайшому, жаркій, теплій, и зъ переходячими хмарами и силнимъ дожчемъ, ночъ свѣтла, тиха. Сей день никуда не отлучался для родителя и жени болнихъ. Продали бракъ кобилъ 7., а осмого коня лошака молодого,

которіе были браковани въ Перер. и Кривой Рудѣ, а сюда пригнали зъ Яремою зъ Ромна, где нелзя било за множествомъ коней продать.

Неделя. 21. День былъ подобний прежнимъ и ночъ. Сей день никуда я не отлучался, толко у вечеру билъ у Хрущова, маіора гвардіи, который сказивалъ мнѣ, что подлинно Гданскъ наши достали акордомъ, а Лящинскій будто въ рибалскомъ платтѣ ушолъ безвѣстно; прочіе же прелати полскіе, въ томъ числѣ примасъ и другіе же, побрати и зъ французовъ штапъ, оберъ и ундеръ офѣцеровъ немало и радовихъ 2000.

Понедел. 22. День былъ жаркій и тихій, и свѣтлій, по сторонамъ хмари, громъ и дощъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, къ свѣту туманъ. Сей день никуда я не ездилъ ради слабости жени своей, которая стала въ оной исправлятись, а у вечеру билъ у Хрущова на Бѣлополовкѣ, въ дворѣ гетманскомъ, квартирующого. Нѣмецкая кобила вороная привела лошачка вороного.

Вовтор. 23. День былъ свѣтлій, после туманъ теплій велми, а въ день хмара надійшла и жестокій дожчъ, къ вечору знову випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Часа 9-го, передъ полуднемъ, родилась намъ унучка, а зятеви моему Стефану дочъ Марія. Генералша Матюшкинова проехала Глуховъ, а простуетъ въ Кіевъ для поклоненія. Ездилъ я рано до футора, а оттоль въ Сварковъ и назадъ до дому, на обѣдъ, повернулся.

Середа. 24. День былъ свѣтлій, теплій, а въ день хмара и и силний дощъ, къ вечору пересталъ, а въ ночѣ знову силний же дощъ, къ свѣту пересталъ. Сегодня никуда я не ездилъ, а былъ толко въ склепу, где анталовъ два болшихъ да меншихъ два зъ вишнями виномъ кримскимъ, гетманскимъ и своимъ понасипали.

Четвер. 25. День былъ подобний прежнимъ, свѣтлій и теплій, а после дощъ и то разними мѣстами, ночъ хмарна, мокра, къ свѣту погодна мало. Сегодня унучка моя Марія, а дочъ дочери моей Анни крещена попомъ княжимъ Іоакимомъ, кумъ былъ родитель, а кума писарка енер. Турковская, и после обѣдали у насъ писаръ зъ женою енералний, Кондзеровскій самъ другъ и Александръ Левицкій тако жъ.

Пятокъ. 26. День былъ подобній прежнимъ, еще зъ силнѣйшимъ дощемъ, которій после полдня якъ пошолъ, то передъ полноччю престалъ, однако жъ ночъ била хмарна, тиха, толко не холодна. Отъ сего дощу частого, по перемѣнкамъ зъ погодою каждого дня падаючого, трава везде покошенная погнила и для того сѣновъ доволствія ненадѣятись. Посланъ молодикъ зятний Уласъ зъ узваромъ до матки въ Роменъ и до Михайловки къ п. Андрѣю Полуботку, швакгру. Ездилъ я до Дунайця и до пасѣкъ Уздицкой, где пчоли роевъ 176 и Шрамковской, где роевъ зъ 50, и оттоль на ночъ въ Сварковъ.

Субота. 27. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, тихій, зперва хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, начало ночи зъ дощемъ, а после оний пересталъ, толко жъ било хмарно и тихо. Зъ Сваркова рано поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ на обѣдъ, а по обѣдѣ ездилъ до маіора Хрущова. У банѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 28. День былъ свѣтлій, почасти и хмарний, однако жъ теплій, прежнимъ подобній, бо рано малій дощикъ билъ и у вечеру. Ночъ тиха, хмарна, тепловата, зъ дощемъ. Былисмо зъ род. у княгинѣ Шаховской и у болѣзнуючого князя Якова, племѣнника княжого, обѣдали въ дому и болшъ никуда не ездили.

Понеделокъ. 29. День былъ подобний прежнимъ, до полдня свѣтелъ, хмаренъ, дощеватъ и тепелъ, а по обѣдѣ вичистилось небо отъ хмаръ до вечора, такова жъ и ночъ была и воздухъ отъ полуденного на полнощний перемѣнился и стало тихо. Сегодня ездилъ я въ склепъ и тамъ вишніовку винную зъ ягодъ пересипавши, налилъ анталъ цѣлий на ляѕеръ волоскій. До п. Михайла писалъ и копію манѣфесту о взятіи Гданска послалъ. Братъ п. Марко писалъ ко мнѣ о продажѣ вовни бранки моей старой, въ Ромнѣ, 18 пуд. по рублю и простой старой 300 рун. по 7 копѣекъ, які деньги 40 р. до Клима послалъ, а зъ доправленнихъ на важничомъ и Маю 45 р. 32 р. до мене прислалъ, а 10 р. до Клима, итого до Клима 50 р. Боку доктору за лѣченіе жени 16 р. До стар. Крис. черезъ коверника послалъ 6 р. на куплю лубя.

Вовтор. 30. День былъ сперва свѣтлій, а после подобній прежнимъ, зъ дощемъ по сторонамъ, однакъ теплій и знову свѣтлій, ночъ подобная дневи, толко безъ дощу. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род., а по обѣдѣ ездилъ я у футоръ свой, где всѣ Сварковцѣ по окладеннимъ имъ числами копамъ—обжались. Вѣдомость принесена, что князь Гессенгомбурскій, командующій надъ особливимъ корпусомъ въ Полщѣ нашего войска, взялъ іюня 23. д. крѣпость Збаражскую кіевского воеводи на акордъ.

Середа. 31. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, для того, что малий дощикъ толко почитать покропилъ землю, а свѣтлій и жаркий былъ велми, ночъ свѣтла, тиха и велми тепла. Обѣдалисмо зъ род., а по обѣдѣ былъ въ дому. П. Войцеховичева, сестра жени моей, отехала въ Чернѣговъ. Получилъ я указъ зъ министерской к—ріи прислать въ оную Семена Шоха.

М-цъ Августъ. Четвер. 1. День былъ вчорайшому подобний, свѣтлій, тихій, жаркій велми, ночъ такъ же тиха, свѣтла и тепла, а дощу не было. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а по обѣдѣ у вечеру поехалъ я до Тулиг. и пріехалъ уже позно; ехалъ полъ 3 часа. Господареви, въ Сѣденщину отсилаючомуся, на гребцовъ далъ 50 к., а черезъ его жъ помощника, пасѣчника Юрка, плату послалъ 1 р. и 10 к. Тютюннику далъ 2 р. на тютюнъ, что и у еге записано.

Пятокъ. 2. День былъ вчорайшому подобній, свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ такова жъ была, а къ свѣту невеликій дощикъ. Сей день пробавилъ я у Тулиголовахъ. По сейчасъ уготовано тутъ сѣна въ стогахъ 170 воз.; роевъ 22.

Субота. 3. День былъ жаркій, а зъ полдня хмаренъ зъ силнимъ дощемъ и громомъ, который къ вечору утихъ, ночъ хмарна, почасти тиха и нехолодна. Въ Тулиголов. старостѣ далъ я 4 р. на росходи и приказъ на писмѣ въ 6 пунктахъ до тамошнихъ порадковъ, около винницѣ, особливо млина Бутурлимовского розмѣру. Писалъ до стар. Криск. о пріездѣ его сюда, о куплѣ 500 dранѣ у Тулиг. на покритте млина. Отобѣдавши у Тулиголов., отехалъ въ Глуховъ и пріехалъ передъ заходомъ солнца.

Неделя. 4. День былъ хмарний, а около полдня силній дощъ зъ громомъ ишолъ и къ вечору утихъ, и стало вѣтряно, хмарно и холодно; такова жъ и ночъ, вѣтряна, хмарна и холодна. Ездилъ рано зъ род. до княгинѣ, а службы слухали у соборной церквѣ, где по службѣ читано указъ обявителний о взятіи Гданска великороссійскими войсками и что зъ Гданска, за противніе ихъ поступки, поступлено дать миліонъ ефимковъ въ казну ея величества, а буде не поставятъ Гданчане Лященского за 4 неделѣ, то другій миліонъ заплатить, а за тое, что у дзвони дзвонили у Гданску въ презрѣніе нашихъ за то имъ заплатитъ 30000 червоннихъ. Взято зъ Гданска войскъ людей всѣхъ, кои въ той осадѣ дѣйствовали, кромѣ шведовъ, въ полонъ и зъ крѣпости Вехселминди аммунѣцею всю и артиллерію, где самихъ пушокъ мѣднихъ било 100, пороху несколко надъ тисячу пуд. и проч. А зъ вѣдомости отъ пруского Кролевца (которая въ писмѣ до Радищева прописана, а отъ него обявлена и мнѣ) вѣдомо, что, подчасъ сеей осади, въ городѣ Гданску 2780 домовъ зъ залишкомъ перепорчено артиллеріею россійскою и всѣ сіе шкоди смякаютъ на 50 миліоновъ. Зъ причини сеей вѣдомости былъ молебенъ и банкетъ у Хрущова, где хочай немного насъ было, однако жъ подпіяхомъ очинь.

Понедел, 5. День былъ хмарний зъ великимъ дощемъ, зъ чего стало наводненіе великое въ ставахъ здешнихъ, подобное весняной водѣ, ночъ хмарна, свѣтомъ дощъ. Сегодня никуда не ездилъ за негодою, греблѣ верхніе порвано отъ дощу великого. Четвертей 10 овса зъ ями виняли, зъ которихъ зде 5, а 5 въ Тулиг.

Преображеніе. Вовтор. 6. Денъ былъ хмарний зъ малимъ дощикомъ, тихъ и тепелъ, такова жъ ночъ, толко безъ дощу, а къ свѣту холодновата. Были рано у княгинѣ, а обѣдали у себе, у вечеру ездилъ я въ городъ и пересипалъ гишпанское вино зъ барила худого въ барилця двѣ, сулѣю и цицю.

Середа. 7. День былъ подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ, къ свѣту зъ дощемъ малимъ. Братъ п. Михайло пріехалъ въ Дунаецъ и прислалъ ко мнѣ пакетъ, въ якомъ писмо п. Петра зъ С.П.Бурху, и приложенна книжица маленкая, француэская на юнь м-цъ.

Четвер. 8. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний, зъ дощемъ зъ ранку. Ночъ хмарна, холодна и вѣтряна. Вѣдомо учинилось, яко всѣ греблѣ, кромѣ нашихъ и п. Михайловой, и внизу въ Некрасовѣ порвало.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, теплій почасти и почасти холодний, зъ вѣтромъ полнощнимъ, ночъ тихшая, свѣтла, толко жъ холодновата. Зять п. Стефанъ отехалъ до сестри своей на Лувру. Староста Криск., требуемий въ к—рію минѣстерскую для освидителствованія колодника нѣкотового, пріехалъ, Сказивале стар. Крис., что жита зняли въ Крискахъ копъ 56. Отецъ Никифоръ у вечеру билъ для исповиди родителя и мене.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, тихій, зъ ранку холодноватъ, а после тепелъ, ночъ такова жъ, погода изрядная. Сегодня зъ родителемъ причащался ст. Тайнамъ и обѣдали въ дому, а по обѣдѣ ездили до князь Якова Шаховского поздравить его дочерю новорожденную за червонцемъ. Іюня 29-го была жестокая баталѣя въ Італѣи цесарского войска зъ соединенною армѣею французжскою и сардинскою и гишпанскою, где много тисячъ солдатъ зъ обоихъ сторонъ побито, такъже много генераловъ и другихъ високихъ лицъ побито, жестоко ранено и полонено, отъ полдня баталѣя до полуночи протяглася.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій и теплій, а зъ полдня хмари надишли и ишолъ дощъ великій зъ громомъ, после ночъ вияснилась, а къ свѣту знову хмара стала, толко жъ тепла. Были рано у княгинѣ и по службѣ, а обѣдали въ дому родитель зъ княгинею. По обѣдѣ поехалъ я у футоръ, а оттоль въ Дунаецъ, где дощъ мене мочилъ, и ночовалъ у п. Михайла.

Понеделокъ. 12. День былъ почасти свѣтелъ, а после дощъ, знову вияснилось, знову дощъ, который потомъ и умножился велми, къ вечору вияснилось, по заходѣ слонца знову дощъ, ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. Сегодня рано зъ п. Михайломъ ездилисмо въ Сварковъ, а оттоль къ нему въ Дунаецъ, а по обѣдѣ я отехалъ и пріехалъ на ночъ въ Сварковъ.

Вовтор. 13. День былъ вѣтряний, холодний, и после свѣтел и тепелъ, у вечору утихъ вѣтеръ, ночъ холодновата, однакъ свѣтла

и тиха. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ отехалъ въ Глуховъ. Ланъ мой, что къ городу, засѣяли житомъ, 17 четвертей. Отъ Клима пріехалъ козакъ Соляниченко зъ писмомъ и зъ ревизѣею сеголѣтною тамошнихъ маетностей.

Середа. 14. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, а после вѣтрянъ, хмаренъ и мало мокръ, ночъ утихла и випогодилась. Сей день никуда не ездилъ, обѣдалисмо вкупѣ. Отправленъ Сухонос. Соляниченко до Клима зъ отвѣтомъ на его вопроси, 1) чтобъ сѣна доволно везде било, 2) чтобъ мѣсто въ Перер. на пасѣку купилъ, 3) чтобъ висилалъ по соль. Стар. Криск. Шохъ отправленъ и данъ ему приказъ, о томъ въ приказахъ, и денегъ 20 р. на задатокъ бобровнику.

Четвер. 15. День былъ теплѣйшій отъ вчорайшого, толко почасти хмаренъ и мало дощеватъ, а особливо хмаренъ у вечеру, таковажъ и ночъ. Были рано у княгинѣ зъ род. и на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Хрущова и посидя повернулся домой. Зъ Сухонос. Дядя глухій привезъ дриġанта чалого, носатого.

Пятокъ. 16. День былъ хмарній, вѣтрений, холодноватъ, а къ вечору дожчъ. Такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ футоръ, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ я указъ зъ генер. к—ріи до себе написаний, чтобъ мнѣ явится въ енер. к—рію 18-го августа для отправленія генералной комисѣи о комисарахъ 1731-го году. Кобила карая одна, зъ Перер. оставленная, лошачка привела.

Субота. 17. День былъ хмарний съ дощемъ рано, вѣтранъ и холодноватъ, а после хмаренъ же, толко жъ тепелъ и тихъ, къ вечору знову дощъ, который мало не черезъ всю ночъ продолжалъся. Обѣдалъ я сегодня въ Сварковѣ, а по обѣдѣ поехавши черезъ футоръ, пріехалъ уже позно въ Глуховъ.

Неделя. 18. День былъ дощеватъ велми, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ, отчего велми стало мокро. Сегодня дочъ князь Якова Петровича Шахогского крещена, а мы на банкетѣ въ княжемъ дворѣ подпіяхомъ. Пишетъ князь съ С. П. Бурку до маіора

Хрушова, что п. Михайлу грамоту подтвердителную на добра дать велено, что грамоту жъ велено дать Янжулу о непорицаніи его тимъ, что за колегіи бившой кнутомъ бито, что Каневского, судію Чернѣговского, бившого въ силкѣ, велено сискать.

Понедѣлокъ. 19. День былъ хмарний, дощеватъ, холодний, ночъ такъ же безъ дощу. Сей день обѣдалимы у себе зъ род, Былъ у банѣ и кровъ банками пускалъ.

Вовтор. 20. День былъ свѣтолъ и тепелъ почасти, а после хмаренъ, къ вечору дощъ, ночъ хмарна зъ дощемъ и холодна. Рано зъ Глухова зъ п. Стефаномъ поехалисмо и пріехавши въ Дунаецъ, обѣдали у п. Михайла, а по обѣдѣ пріехали въ пасѣку Уздицкую, куда потомъ пріехала и жена съ дѣтми, тутъ и ночовалисмо.

Середа. 21. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и между тимъ теплъ, ночъ випогодилась отчасти после дощу, къ свѣту туманъ. Сей день тутъ пробавилисмо въ пасѣцѣ Уздицкой. Убили пчоли весей 100, а подрѣзали зъ 150, собрали меду бочокъ 3, и дѣжокъ 4, а осталось въ зиму 305.

Четвер. 22. День выпогодился и былъ тепловатъ и свѣтелъ, и тихъ. Ночъ тиха, свѣтла, рѣзка стужею осѣнною. До половини дня позабавилисмо у пасѣцѣ Уздицкой, а после поехалисмы, всѣ куренемъ своимъ, до другой пасѣки Шрамковской, где убили пчоли 41, собрали меду дѣжечокъ 2 болшихъ и 3 меншихъ, а оставили въ зиму 116.

Пятокъ. 23. Рано оттоль поѣхалисмо до футора и оттоль до Сваркова, где и заночевали. Сегодня Сакевичъ, сотенный товаришъ глуховскій, билъ въ Сварковѣ и ревѣдовалъ солянъ моихъ, которихъ написалъ числомъ 42 по указу енер. к—ріи.

Субота. 24. День былъ израдной погоди осѣнной, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ѣздилъ я зъ Сваркова у футоръ оглядать ярини, которую жнутъ и косятъ подданіе и сѣна, якое кидаютъ наемніе, и пріехалъ въ Сварковъ же на обѣдъ, где зъ женою и дѣтми обѣдалъ. А у вечеру поехали и пріехали всѣ въ Глуховъ. Отъ стар. Криск. получилъ писмо, что шеліванихъ

тертиць всѣхъ толко 52 въ Погорѣловцѣ, да купилъ онъ за 5 р. 62 к. 244 лубя.

Недѣля. 25. День былъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ. Рано былиесмо зъ род. у княгинѣ и въ службѣ ст. Анастасіи, обѣдали у себе, у вечеру посѣщалъ мене Хрущовъ и п. Михайло. Крисковскій человѣкъ отправленъ до Крисіокъ къ старостѣ и черезъ него писалъ я о куплѣ еще лубя, на которіе далъ 4 р., о куплѣ тіосу, о присилкѣ сюда 200 тертиць шеліванихъ и еще 200 изготовить, объ увѣдомленіи сколко въ Розлетахъ имѣется деревъ канцелляріиских. Генералша Матюшкинова и генералша маіорша Генѣнова пріехали въ Глуховъ, повернувшись зъ Кіева. Синъ писара енер. Максимъ Турковскій взятъ подъ арестъ и посаженъ въ минѣстерской канцеляріи.

Понедѣл. 26. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ вѣтряна, почасти хмарна и после дощевата, а къ свѣту випогодилось. Рано ездилъ я до генералши Матюшкиновой и поздравилъ еи пріездомъ, оттоль билъ у княгинѣ и поздравилъ еи именивницею дочерю старшою, обѣдалъ у себе. Писалъ я до Клима и до Шоха и до Романа Тулиг. о имѣючойся бить ревизѣи. Швакгеръ мой Якимъ Троцкій, отпущенный зъ походу полского, зъ подъ Белберишокъ, пріехалъ въ Глуховъ, да пріехали жъ въ Глуховъ и другіе бунчуковіе товариши: Яковъ Новѣцкій и Иванъ Гамалѣя оттоль же.

Вовтор. 27. День былъ свѣтлій, вѣтряний, а къ вечору тихъ, ночъ тиха, по болшой части свѣтла, вѣтеръ еденъ западний, да холодноватъ. Рано ездилъ я на Бѣлополовку до Хрущова и незаставши его, видѣлся зъ п. Михайломъ, еще тутъ зостаючимъ; обѣдали после у себе зъ род. и съ нами дѣти и швакгеръ Троцкій.

Середа. 28. День и ночъ были подобніе прежнимъ и вчорайшимъ. Рано ездилъ а до футора, где осмотрѣвши еще недожатого овса, повернулся домой на обѣдъ. По обѣдѣ швакгеръ мой п. Якимъ Троцкій отехалъ въ Кролевець до родителки, въ Добротовъ пріехавшой, а оттоль домой.

Четвер. 29. День и ночъ были подобніе прежнимъ. Рано были у княгинѣ, обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ

ездилъ до Хрущова и тамъ позабавивши долго, повернулся домой у ночѣ.

Пятокъ. 30. День былъ хмарний зъ дощемъ и холодноватъ, однакъ не велми, отчего знову грязно стало, ночъ выпогодилась. По обѣдѣ поѣхалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ футоръ, где допахували панщини лану футорного и обсѣвали житомъ. Оттоль поехавши, пріехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Субота. 31. День былъ израдной осѣнной погоди зъ малимъ вѣтрикомъ, свѣтелъ и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ пріѣхалъ въ Глуховъ и въ банѣ мился. Сегодня окончилась житная у футорѣ моемъ сѣвба.

М—ць Сейтеврій. Недѣля. 1. День и ночъ были таковой же израдной погоди, якъ и вчора, тихіе, свѣтліе и тепловатіе. Сегодня рано были родитель и я у князя Боратинскаго мимоездомъ, а оттоль заехалъ я зъ Хрущовимъ до его и у его обѣдалъ. Далъ я господареви на поправку Уздицкаго імшаника 1 р. 70 к. По обѣдѣ поехалисмо зъ Глухова я, жена и дѣти, и пріехали въ Туликголови позно, где и ночевали.

Понедѣл. 2. День былъ израдной погоди, свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ до половини тако жъ израдна, а о половинѣ ночи дожчъ силний, передъ свѣтомъ пересталъ. Въ Тулиголовахъ пообѣдалисмо, а по обѣдѣ пріехали въ Кролевець, где застали родителку и стали у дворѣ Ведеринскомъ, а родителка у тіотки п. Павловой.

Вовтор. 3. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ зъ дощемъ, зъ полдня свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла и тиха, и между тимъ переходомъ хмарна. Сей день продновалисмо тутъ, въ Кролевцѣ. Купилъ я серебраной посуди: подносець, стаканцовъ 8, чарокъ 6, за все далъ 26 р. и 65 к., да чайникъ серебряний за 9 р. 60 к., итого 36 р. и 25 к.

Середа. 4. День былъ свѣтлій, тепловатъ, а особливе къ вечору, ночъ такова жъ. Сей день пробавили въ Кролевцу за ярмаркомъ, обѣдалисмо зъ маткою въ своей квартирѣ, по обѣдѣ заходилъ до князей Боратинского и князь Якова Шаховского, въ тіотки п. Павловой квартеруючихъ.

Четвер. 5. День былъ свѣтлій, тепловатъ, толко велми вѣтрянъ, а после хмаренъ и зъ дощемъ малимъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и холодновата. Сей день пробавилисмо въ Кролевцу, ярмаркуючи. Князь Шаховской молодий и Боратинскій отехали по обѣдѣ зъ Глухова.

Пятокъ. 6. День былъ хмарній, теплій, толко безъ дощу, а къ вечору холодноватъ, ночъ хмарна, а къ свѣту зъ дощемъ. Были на службѣ Божой у церквѣ соборной, а после ходилъ я... (?). Посѣщали насъ сестра п. Чарнишева и Миклашевская. Родитель зъ родителкою поехали обое, на ночъ, въ Добротовъ.

Субота. 7. День былъ зранку хмаренъ и зъ дощемъ, а зъ полдня свѣтелъ, а къ ночи и болше того выпогодился, ночъ сперва свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна, холодна. Сегодня обѣдалисмо у себе въ Кролевцу, а у вечеру родитель пріехалъ зъ родителкою зъ Добротова, до которихъ мы ездили и вечерали въ городѣ.

Неделя. 8. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, холодна и дощъ передъ свѣтомъ перестал. Сей день у Кролевцу праздновали, а у вечеру поехали ми всѣ, родители и мои дѣти, до Подолова, сестру Чарнишеву посѣтить, где и вечеравши, отехали ноччю знову въ Кролевець.

Понедѣл. 9. День былъ подобний вчорайшому, а ночъ свѣтла, къ свѣту туманъ. Обѣдали въ Кролевцу для именинъ родителки и розехались, жена моя поехала въ степи, зять Стефанъ зъ Ганнусею въ Бѣловодку, а я въ Тулиголови, где и ночевалъ. Далъ на дорогу Ганнусѣ 6 р., а жена взяла 3 руб.

Вовтор. 10. День былъ свѣтлій, тепловатъ и вѣтренъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сей день пробавилъ я въ Тулиголовахъ, у вечеру родителіе пріехали и ночевали, а я у бразѣ потѣлъ и мился. Старосту испитовали противъ доносовъ на него отъ Кузенка и отъ Ефима винника въ заборѣ денегъ ступнихъ и отдачѣ на него грунту... (?) и показался чистъ. Въ імбарѣ горѣлки всей теперъ 3 кухи болшихъ.

Середа. 11. День былъ изрядной осѣнной погоди и теплоти, такова жъ властно и ночъ была тогда. Рано родители въ Глуховъ,

а я на Дунаець поехалъ, где и обѣдалъ, не заставши п. Михайла, поехали. Зъ Дунайца по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ футоръ, где звозили гречку, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ.

Четвер. 12. День былъ зранку самого тихъ, свѣтелъ и тепелъ, а погодя, мало хмаренъ, вѣтрянъ, холоденъ осѣннимъ холодомъ, ночъ свѣтла, однако жъ вѣтряна и холодна. Рано зъ Сваркова поехавши черезъ футоръ, пріехалъ въ Глуховъ, где и обѣдалъ зъ родителми въ дому, а по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ, и посидѣвши съ нимъ до вечора, ходилъ въ баню и кровъ банками пускалъ и невѣдомо отчего, а разсуждаю отъ слабости жолудка, которимъ всегда слабъ, въ млостъ и обморокъ пришолъ.

Пятокъ. 13. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, однако жъ свѣтелъ. Принималъ сегодня лѣкарство проносное отъ доктора Бока и имѣлъ столцовъ болшей 10, безъ великой нужди. Насипалъ полну жестянку чаю для употребленія. Принялъ я впервое шинковнихъ денегъ у Демяна 20 руб. и росписался. Далъ я впервое Тарасу на росходъ 10 р. и записалъ. Росквѣтовались зъ маляркою Глѣнскою и отдали ей всѣ денги, также луданъ сукно и нѣкоторіе лиgомѣни, на что она зъ синомъ и росписку намъ дала. Отобралъ отъ Клима денегъ 66 р., оставшихся отъ покупокъ ярмарковихъ, якіе остались зъ денегъ у Пѣпера взятихъ 220 р. Писалъ я отвѣтное писмо до швакгра моего Андрея Полуботка, на его полученное мною зъ комплементомъ.

Субота. 14. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, холодний, ночъ свѣтла, тиха, однакъ зъ морозомъ. Рано были у княгинѣ, а по службѣ пріехали родителѣ въ домъ и обѣдали и съ нами Галецкій зъ женою своею.

Неделя. 15. День былъ подобній вчорайшому и ночъ. Сегодня было въ соборной церквѣ молебствіе и читана грамота ея величества до князя Шаховского въ С. П. Бурку писанная зъ рѣшеніями на доношенія его о интересахъ малороссійскихъ, за собственною рукою ея величества, о слѣдуючихъ пунктахъ: 1) Артиллеріи полковіе доволствовать съ Коропа, а чего не достанетъ, то брать изъ скарбу войскового. 2) О сустентаціи драгунской, чтобъ генералъ графъ фонъ

Вейзбахъ присилалъ репортицѣи къ князю Шаховскому заблаговременно до вступленія въ квартири, а на полки, въ далнихъ мѣстахъ стоящіе, собирать денги и отдавать оніе за порцѣю и рацѣю по новому воинскому стату, а буде денегъ принять немощно, то натурою вистатчать тому полку, где стоять будутъ, а принимать денги по торговимъ ценамъ. Брать на одну лошадь на мѣсяцъ по 25 пуд. сѣна безъ браку, гдѣ какое въ тамошнихъ мѣстахъ родится, кромѣ гнилого и такова, какова лошадь есть не могутъ; вѣси въ полкахъ содержать правдивіе по 40 фунт. пудъ; мѣру учинить хлѣбу правдивую, уравняя въ осмачки по 2 четверти россійской мѣрѣ. 3) Предложеніе войскового генералнаго суда о клейнотахъ гетманскихъ, гдѣ оніе содержать надлежитъ и о играни музики, и о бытте въ котли, и о переводѣ правъ малороссійскихъ и сводѣ въ одно - принято всемилостивѣйше и для оного переводу вибрать зъ епархій по архимандриту, зъ Печерского монастира соборного старца, зъ енералной старшини одного, дазъ полковниковъ одного и зъ другихъ всѣхъ 12 человѣкъ, и вислать ихъ въ Москву. 4) Третейскимъ судамъ, какъ прежде бивало, чтобъ оканчивать примиреніемъ, а иніе и приговорами, бить по прежнему. 5) Ревизѣю по вся годи или чрезъ нѣсколко лѣтъ производить для уравненія обивателей въ общенароднихъ повинностяхъ. 6) Козаки многими избами въ одномъ дворѣ живущіе, противъ одинокихъ—должни болшую нести тягость. 7) Подсусѣдкамъ козачимъ и мужичимъ и майстеровимъ всякиимъ людямъ платить противъ другихъ по пропорцѣи пожитковъ. 8) Курѣнчиковъ генералной старшинѣ полковникамъ и другимъ—давать до времени, а какъ впредъ тому бить—здѣлать проектъ и зъ мнѣніемъ прислать. 9) На перевозахъ, гребляхъ и мостахъ съ чиновниковъ всѣхъ и ихъ людей платежу не брать. 10) Въ полковихъ селахъ и во владѣлческихъ, ежели козакъ продастъ грунтъ и на ономъ паки станетъ жить, то долженъ посполито отбувать и подданніе на подданническихъ грунтахъ живущіе тожъ посполито отбувать имѣютъ. 11) Въ полкахъ значковимъ товарищамъ быть указному числу, и впредь въ значковіе не принимать безъ указу генералной канцеляріи. 12) Архиереямъ безъ атестату полковника и

старшини полковой, а знатнихъ и безъ позволенія енералной канцеляріи, въ діакони и попи не посвящать, а ежели бъ посвящени били, имъ козацкими грунтами не владѣть и архіереямъ никакимъ образомъ въ гражданскіе дѣла не вступать, и никого за свои приватніе дѣла никого не отлучать, наименше жъ клятвѣ не предавать и которіе отлучени и тѣхъ разсмотря, разрѣшать. 13) Грекамъ межи собою судится и апелліовать зъ оного суда въ войсковую енер. к—рію. 14) Жидамъ локтями и фунтами торговать. 15) Комисѣю для щету комисаровъ, когда потребно, сочинить. 16) На строеніе въ Глуховѣ соборной церквѣ видать отъ подскарбѣевъ тисячу рублей. 17) Села и деревнѣ, которіе гетманъ Апостолъ роздалъ противно указамъ возвратить, а какъ возвращенни будутъ и для чего были роздани, о всемъ томъ съ обстоятелствомъ донесть въ габѣнетъ. 18) Селу Перелюбу бить за монастыремъ Троецкимъ до указу. 19) О селахъ и деревняхъ, какіе есть ли къ роздаче способніе разсмотрѣть князю Шаховскому купно зъ старшиною генералною и полковники и протчими, не имѣются ли такіе села и деревнѣ, которими ненадлежно кто владѣетъ для пожалованія по заслугамъ и о семъ представить со мнѣніемъ. Въ Петергофѣ августа 8-го дня. По службѣ кушалъ родитель и я у князя Боратинского и подпіяхомъ.

Понедѣл. 17. День былъ израдной погоди, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ездилъ въ футоръ и въ Сварковъ, и повернувшись обѣдали въ дому, а у вечеру ездилъ до маіора Хрущова и посидя, позно повернулся домой.

Вовтор. 17. День былъ хмарний почасти, однакъ теплій, къ вечору дожчъ, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна. Катаръ мене дискоммодовалъ, того ради проездился до обѣда и мимоездомъ заездилъ до Кондзеровского и посидѣвши зъ нимъ, домой повернулся.

Середа. 18. День былъ хмарний зъ дощемъ густенкимъ, толко ненадолго, а ночъ хмарна жъ зъ силнимъ дощемъ, который передъ свѣтомъ престалъ. Рано ездилъ въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ и домой повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. П. Михайло пріехалъ зъ Дунайця.

Четвер. 10. День былъ хмарний по болшой части, а по меншой воздуха среднего, холодноватъ, ночъ воздуха сухого, свѣтла и холодна. Сегодня банкетъ билъ у насъ, господа великороссійскіе: Хрущовъ, Боратинскій, князь Яковъ Шаховской, Гуревъ и Баскаковъ и малороссійскіе панове: Забѣла и Борзна, и п. Михайло, и Галецкій, и подпіяхомъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я до Хрущова зъ п. Михайломъ и посидя повернулся домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмаренъ, однако жъ не мокръ и тихъ, а ночъ хочай и тиха, однакъ хмарна я мокровата мало, а особливо къ свѣту. Зъ полдня поехалъ я зъ Глухова верхи до Ясманѣ, а ехалъ часовъ 3, пріехавши туда тамъ заночевалъ. Слышно намъ, что дядко нашъ роменскій Андрей преставился.

Субота. 21. День былъ зранку хмаренъ, мало вѣтрянъ и мокроватъ, мало жъ, а зъ полдня силний дощъ до самой ночи и чрезъ всю ночъ ишелъ и велми нагрязилъ. Рано въ Ясманѣ откушалъ и пріехалъ въ Глуховъ передъ обѣдомъ и знову въ дому зъ родителми обѣдалъ. Получилъ я писмо отъ Петра, въ которомъ пишетъ что горѣлку потребно збуваетъ ценою, показанною ему отъ мене и что шевця держитъ подъ карауломъ Никиту и что 500 орѣховъ купилъ сотню по 50 к., а писано сент. 13, получено черезъ Дмитра Гамалѣевского. Стар. Крис. пишетъ, что еще за 4 р. купилъ лубя 200.

Неделя. 22. День былъ вѣтрений, хмарний, мокрій зъ уставичнимъ дощемъ и холодний, ночъ такова жъ зъ меншимъ толко дожчемъ, которій передъ свѣтомъ престалъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездили ради осѣнного невчасу. Братъ Іванъ отехалъ зъ Глухова въ Роменъ, на Бѣліе Береги.

Понедел. 23. День былъ хмарний, однако жъ безъ дощу, тихъ и холоденъ, ночъ отъ стужи немного отдала, темна, хмарна къ свѣту туманъ. Сегодня обѣдали родители и я въ дому и некуда не ездилъ. Ездилъ я до берейтера, который моего нѣмецкого коня учитъ.

Вовтор. 24. День былъ израдний, ясной и тихой погоди осѣнной, ночъ подобная жъ дневи, толко мало похмурна. Сегодня, а не

вчора ездилъ я туда, где берейтеръ Платъ, вахмистръ, моего коня учитъ и позабавивши повернулся въ домъ, где и обѣдалъ зъ родителми и Галецкимъ. У вечеру мился у банѣ.

Середа. 25. День былъ подобній вчорайшому, толко холоднѣйшій, а ночъ самая ясная и тихая, толко зъ великимъ морозомъ, а особливо къ свѣту. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Хрущова и тамъ съ нимъ и съ Кишкинимъ посидѣвши, повернулся позно. Передъ обѣдомъ ездилъ до берейтера, который информовалъ мене сторони реgулъ въ сидѣніи на конѣ потребнихъ: 1) зсѣдать на коня не нагинаючись, 2) держать уздечку рукою противъ бруха, приложивши локоть къ мякому, 3) ногъ не разставливать, але колѣнами пригинать коня. Отправлени въ Кіевъ Циганокъ и другій человѣкъ зъ Никитою Шевцемъ, дано на дорогу имъ 1 р. и 50 к. и писмо до Петра.

Четвер. 26. День былъ почасти хмарний, холодноватъ, склоненъ къ дощу, ночъ таково жъ власне, якъ и день была не холодна, толко почасти хмарна. Рано ездили зъ род. въ городъ и заездили до князя Боратинского, у княгинѣ были и обѣдали у себе. По обѣдѣ ездилъ въ футоръ Калюжновскій, где велелъ яму на овину высше клунѣ копать, для того что першая завалилась.

Пятокъ. 27. День былъ подобній прежнимъ, толко сухъ, а не влаженъ, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня принималъ R. Konеh. magag. 110 капель въ чаю и доволно имѣлъ операцѣй. Полковникъ Лубенскій Петръ Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ зъ С.П.Бурху и сталъ у дворѣ п. Михайла Скоропадского, потому что ихъ дворъ Бѣлополовский занятъ квартерою маіора gвардіи Михайла Хрущова.

Субота. 28. День былъ погоди изрядной, ясной, осѣнной, такова жъ и ночъ. Ездилъ я рано до полковника лубенского Петра Апостола и до п. Михайла, къ млину его, бо тамъ онъ стоитъ и видѣвшиеь, заездилъ оттоль до Бока и обѣдалъ съ ними у маіора Хрущова и подпіяхомъ. Горло и груди у мене барзо стали болѣть. Пол. Луб. купилъ за мои денги и отдалъ мнѣ табаку носного à la violette прутиковъ 8, да чаю бутилку, доброго, да 5 книжокъ

примѣчаній отъ 1728-го по 1733 годъ, и такіе книжки якоби за деньги п. Михайла куплени.

Неделя. 29. День былъ хмарний почасти и свѣтлій почасти, воздуха сухого, толко холодного, ночъ свѣтла по болшой части, толко жъ велми студена. Были рано зъ род. у Гурева и въ церквѣ ст. Анастасіи на службѣ, а после у княгинѣ, а обѣдалъ род. и я, пол. Луб. и п. Михайло у маіора Хрущова. По обѣдѣ отехалъ Хрущовъ и съ нимъ Луб. полковникъ и п. Михайло въ Дунаецъ, а я не ехалъ для приключившойся родителеви болезни.

Понедѣл. 30. День былъ вѣтряний, хмарний, холодний, ночъ тиха, хмарна и съ полночи дожчъ пошолъ, который и до свѣта ишолъ. Нигде кромѣ дому не бывалъ, ради тяжести въ грудяхъ, кашелю и прикрости въ ногахъ, которіе торганне и нестерпимий свѣржбъ терплятъ. Человѣкъ Гамалѣевскій, который вчора пригналъ сюда 40 барановъ Перервинскихъ, отпущенъ сегодня и черезъ него писалъ до жены.

М—ць октоврій. Вовтор. 1. День былъ хмарний, холодний, зъ дощемъ, хочай невеликимъ, но густимъ, отчего нагрязило очинъ, до самого вечора, и ночъ такова жъ. Никуда зъ дому не виездилъ, а началъ декоктъ пить ради моей трудности въ персахъ и ногахъ. Торгъ учиненъ между родителемъ и Галецкимъ, бунчучнимъ: онъ родителеви уступилъ слободку свою на Артополотѣ за 700 р., а придать до денегъ слободку Бозкую зъ млинкомъ и млини Погарскіе. Думитрашко да Лизакевичъ сказивали, что сегодня отъ князя пріехалъ куріеръ и якоби пожаловани въ брегадири маіоръ Семеновского полку Михайло Хрущовъ, да полковникъ князь Боратинскій, присутствующіе въ енералной канцелляріи.

Середа. 2. День былъ зъ отмѣннимъ воздухомъ, хмарний, холодний зъ малимъ велми дожчемъ, который после полдня пересталъ, ночъ хмарна, холодна и суха. Никуда не ездилъ зъ двора, ради употребляемаго декокту.

Четвер. 3. День былъ зранку свѣтелъ и ясенъ, а после хмаренъ и вѣтранъ, ночъ сперва хмарна, а после свѣтла и холодна. Никуда не ездилъ, висшепоказанной ради приччини.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1896 г.

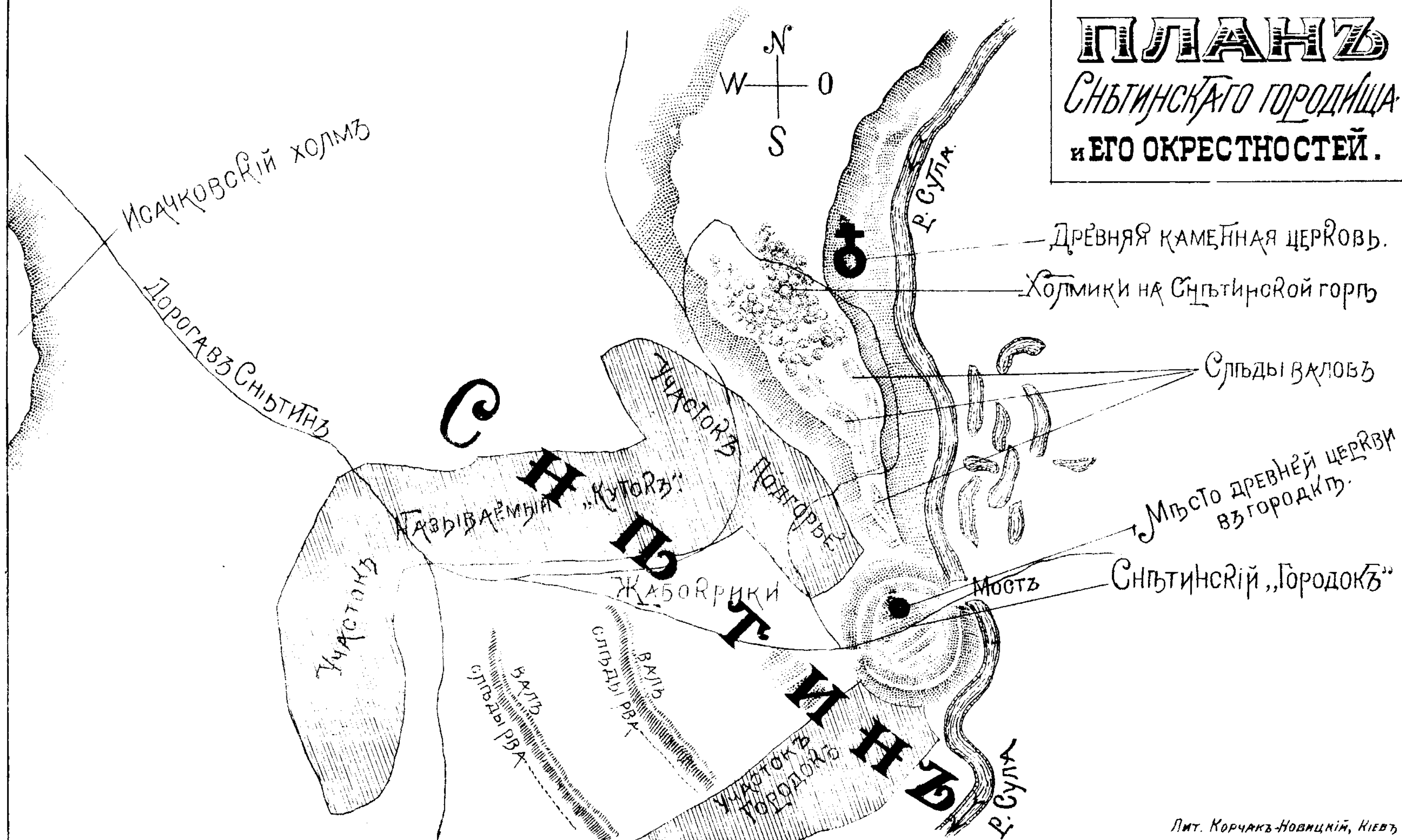
КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.


ПЛАНЪ
Снѣтинскаго городища
и ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.
N
W
O
S
Исачковскій холмъ
Дорога въ Снѣтинъ
Р. Сула
Древняя каменная церковь.
Холмики на Снѣтинской горѣ
Слѣды валовъ
Мѣсто древней церкви въ городкѣ.
Снѣтинскій „Городокъ"
Мостъ
Снѣтинъ
Участокъ Подгорье
Называемый „Куток"
Участокъ
Жабокрики
валъ
слѣды рва
Участокъ Городокъ
Р. Сула
Лит. Корчакъ-Новицкій, Кіевъ

ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ.

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ВОЛЫНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ).

Въ концѣ сентября Волынская духовная семинарія торжественно отпраздновала свой столѣтній юбилей. Обычный ритуалъ юбилейныхъ праздниковъ былъ выполненъ съ неизмѣнной точностью. Сначала помолились о вѣчномъ блаженствѣ тѣхъ наставниковъ и питомцевъ семинаріи, которые переселились въ лучшій міръ и теперь не знаютъ болѣзни, печали и воздыханій; потомъ собрались на торжественный актъ и выслушали юбилейную рѣчь одного изъ преподавателей (г. Давидовича); наконецъ, почетные гости были приглашены на юбилейную трапезу. Нечего и говорить, какъ усиленно работала въ этотъ день Кременецкая телеграфная станція надъ пріемомъ привѣтственныхъ депешъ, предупредительно посланныхъ бывшими питомцами школы своей almae matri. Помимо этихъ внѣшнихъ атрибутовъ, скромному волынскому торжеству въ полной мѣрѣ присущи были и всѣ внутреннія свойства, которыми обычно характеризуются всякіе юбилейные праздники; мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ живо и ярко чувствовалось учащенное біеніе коллективнаго пульса, какъ неподдѣльное ликованіе юныхъ питомцевъ семинаріи невольно сообщалось пожилымъ и даже престарѣлымъ участникамъ торжества и т. д. Словомъ сказать, обычное теченіе жизни семинарской на короткое время вышло изъ своего нормальнаго русла, чтобы затѣмъ опять стихнуть, войти въ обычную колею и медленно потащиться по проторенной дорожкѣ...

Юбилейныя торжества не даромъ принято титуловать *знаменательными* (какъ извѣстно, безъ этого эпитета не обойдется и простая репортерская замѣтка). День юбилея всякаго учрежденія является днемъ провѣрки и своего рода расплаты. Оглядываясь на свое прошлое, учрежденіе-юбиляръ устанавливаетъ общій итогъ своей дѣятельности, подсчитываетъ свой плюсъ и минусъ. Въ то-же время общество въ этотъ знаменательный день tacito modo предъявляетъ запросъ юбиляру о его жизни, о плодахъ его работы и труда. И, какъ бы отвѣчая на этотъ молчаливый запросъ общества, всякое учрежденіе ко дню своего юбилея старается познакомить его съ результатами пройденнаго періода жизни.

Въ настоящее время въ Волынскихъ епарх. вѣдом. печатается довольно обстоятельная исторія Волынской дух. семинаріи, принадлежащая перу г. Теодоровича. Располагая семинарскимъ архивомъ, г. Теодоровичъ устанавливаетъ всѣ даже мельчайшія хронологическія даты, относящіяся къ исторіи семинаріи, приводитъ списки учащихъ и учащихся, дѣлаетъ пространныя выписки изъ оффиціальныхъ распоряженій, относившихся къ семинаріи, и т. д. Словомъ, его исторія исчерпываетъ, такъ сказать, безъ остатка фактическую сторону дѣла. Казалось бы, можно успокоиться на той мысли, что изслѣдованіемъ г. Теодоровича начертана достаточно-полная (пусть и не слишкомъ яркая) картина прошлаго, можно было считать вопросъ о столѣтнемъ поприщѣ жизни семинаріи поконченнымъ и, на ряду съ тысячью другихъ дѣлъ, сдать въ архивъ, пока къ новому юбилею какой-нибудь захолустный Пименъ, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ“, опять не начнетъ повѣствовать своимъ современникамъ про „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Но въ томъ-то и дѣло, что всякая, такъ скажемъ, оффиціальная исторія—весь этотъ сухой перечень именъ, цифръ, повтореніе шаблонныхъ оффиціальныхъ предписаній и донесеній—многихъ едва-ли можетъ удовлетворить. Она и малоинтересна, и малопоучительна. Она не даетъ яркой, живой картины прошлаго, а только блѣдные контуры, неясныя очертанія. Мы

видимъ здѣсь всѣ внѣшнія перемѣны въ судьбахъ школы, но не видимъ самаго важнаго, близкаго, дорогого для насъ: людей, живыхъ людей въ ихъ повседневномъ быту, съ ихъ будничными радостями и печалями. Какъ имъ жилось въ этихъ мрачныхъ іезуитскихъ зданіяхъ, что они думали и чувствовали, гуляя по закоулкамъ семинарскаго сада, каковы были ихъ надежды, мечты?

Живого отклика на эти вопросы напрасно стали бы мы искать какъ въ пожелтѣлыхъ листахъ семинарскаго архива, такъ и въ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на его данныхъ. Есть, правда, другой драгоцѣнный и, по своему обилію, неисчерпаемый источникъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія объ этомъ: это—разсказы и воспоминанія лицъ, въ свое время составлявшихъ тотъ живой организмъ, который теперь мы обозначаемъ отвлеченнымъ понятіемъ семинаріи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ни одинъ питомецъ семинаріи не подѣлился съ читающей публикой своими воспоминаніями. Это тѣмъ болѣе жаль, что, какъ намъ хорошо извѣстно, многіе и очень многіе изъ волынскихъ священниковъ хранятъ богатѣйшій запасъ воспоминаній изъ своей семинарской жизни; по личному опыту также знаемъ, что разсказы объ этой порѣ жизни (разсказы—надобно отдать справедливость—весьма образные и оживленные) составляютъ любимую тему ихъ разговоровъ. Мы имѣли удовольствіе выслушать цѣлый рядъ повѣствованій о прежнихъ семинарскихъ порядкахъ отъ многихъ священниковъ Волыни. Рѣшаясь подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ повѣствованій, мы дѣлаемъ это единственно въ той надеждѣ, что на нашъ починъ не замедлятъ откликнуться оставшіеся въ живыхъ непосредственные участники той эпохи, которую мы изображаемъ со словъ другихъ; ихъ воспоминанія, болѣе полныя и болѣе живыя, помимо непосредственнаго своего значенія, имѣли бы несомнѣнный бытовой интересъ, такъ какъ сохранили бы на память потомству не мало частныхъ, очень своеобразныхъ, подробностей прежней жизни, которыя теперь отходятъ или уже отошли, какъ говорятъ, въ область преданій.

I

Начнемъ съ маленькаго отступленія.

Экономическія условія жизни за небольшой сравнительно промежутокъ времени измѣнились почти до неузнаваемости. Спросите старожила любой мѣстности, во что, напр., обходилась жизнь лѣтъ какихъ-нибудь тридцать-сорокъ назадъ: велико будетъ ваше удивленіе при повѣсти о томъ, что рожь въ зернѣ продавалась не корцами или пудами, а прямо „засиками [1]), что капусту въ кочняхъ и огурцы никто иначе не продавалъ, какъ только возами, о продажѣ болѣе мелкими партіями—„копами [2]) или десятками—тогда и не слыхивали, такъ какъ не было ровно-стоющей денежной единицы (и возъ-то стоилъ всего нѣсколько копѣекъ!). Вообще, какъ любятъ говорить старики,—въ старину все было дешево, только деньги дороги (теперь же наоборотъ).

Жизнь духовенства тогда была поставлена такъ, что все необходимое для домашняго обихода и вообще для жизни не покупалось, а изготовлялось у себя на дому, или вообще получалось домашними средствами. Жизнь была проще, требованія скромнѣе. Жалованья еще не было; прихожане расплачивались за требы преимущественно „натурой". Пасѣчникъ за бракъ или похороны дарилъ батюшкѣ одинъ-два улья, богатый скотоводъ приводилъ овцу или барана, а то и телку, кузнецъ обѣщалъ къ веснѣ починить бороны и оковать новымъ желѣзомъ возъ, плотникъ „презентовалъ" нѣсколько грабель, люшенъ или пару колесъ, ткачъ приготовлялъ полотно и т. д. Кстати замѣтимъ, что обычаи эти не вывелись окончательно и доселѣ: во многихъ селахъ еще и теперь невѣста передъ бракомъ должна напрясть матушкѣ извѣстное количество „прядива", женихъ—два-три дня молотить, „кумъ" (при крещеніи)—провести день за какой-бы то

---

[1]) Засикъ—закромъ. Единицей мѣры продаваемаго хлѣба считалось то количество, которое помѣщалось въ до-верха насыпанномъ засикѣ. Само собою разумѣется, это количество опредѣлялось на глазъ. Покупщика приводили „до шпихлира", показывали засикъ и начинался торгъ („а що дасы за засикъ"?).

[2]) Копа—60 штукъ, напр. копа жита=60 сноповъ.

ни было работой „на току“ и т. д. Денегъ тогда почти не давали. Къ такому порядку приноровленъ былъ и домашній обиходъ въ священническихъ семьяхъ. Кухня освѣщалась лучиной, дрова брались изъ церковнаго лѣса (это даже дозволялось консисторской властью, которая предписывала—„не трогая вѣковыхъ деревьевъ, пользоваться буреломомъ и валежникомъ“); въ чистой половинѣ („въ покояхъ“) горѣли самодѣльныя сальныя свѣчи, чай тогда пили только „при гостяхъ“, вмѣсто винъ подавались домашнія настойки и наливки. Вообще садъ, поле и огородъ давали почти все необходимое въ жизни.

Эта же, такъ сказать, домашняя система примѣнялась и къ экономической сторонѣ воспитанія дѣтей. Отвозя сына „до шкилъ“, священникъ нагружалъ возъ всякимъ добромъ: въ основу полагался громадный мѣшокъ ржаной муки, изъ „бодни“ [1]) захватывалась не малая порція свиного сала, а затѣмъ еще прибавлялось сюда въ видѣ второстепенныхъ рессурсовъ: „торбочка“ пшена, по мѣшечку разнообразныхъ крупъ для каши и порядочная торба гречневой муки для галушекъ, небольшой „ворочекъ“ [2]) сыру и еще что нибудь, смотря по состоятельности іерея. Все это составляло „*виктъ*“. Дѣло въ томъ, что своекоштные ученики, располагаясь на частныхъ квартирахъ, платили хозяину только за помѣщеніе—и то самую малость, а за пропитаніе расплачивались готовыми припасами въ условленномъ размѣрѣ. Эта натуральная повинность и есть „*виктъ*“ (вѣроятно, отъ лат. vivo=живу). Такой порядокъ практиковался до конца 70-хъ гг.; еще и въ началѣ 80-хъ гг., нѣкоторые бѣдные причетники пробовали придерживаться старой системы разсчетовъ, болѣе удобной для нихъ, но практичныя хозяйки изгнали ее изъ употребленія, и теперь за все идетъ плата на наличныя.

Поскольку мнѣ приходилось слышать о сценахъ прощанія учениковъ съ родительскимъ домомъ, я вывелъ заключеніе, что эти сцены были полны, съ одной стороны, трогательныхъ,

[1]) Бодна—кадка, гдѣ хранится сало.

[2]) „Ворочекъ“—длинный, къ низу постепенно съуживающійся мѣшечекъ для творогу.

съ другой—тяжелыхъ эпизодовъ. Это въ особенности нужно сказать о тѣхъ моментахъ, когда мальчика, отрывая отъ родной семьи, впервые отправляли въ школу. Тогда сходилось чуть не все село прощаться съ „панычемъ". „Староста" [1]) еще съ ранняго утра („до свита") приходилъ въ священническую усадьбу; на его попеченіи лежало—накормить и напоить лошадей въ дорогу, справить и упаковать возъ, освидѣтельствовать исправность сбруи и т. д. Если возьмемъ во вниманіе, что, напр., изъ глуши овручскаго уѣзда ѣзды въ Кременецъ будетъ нѣсколько дней, то для насъ понятна будетъ роль старосты. Весьма часто этотъ послѣдній самъ же и отвозилъ дѣтей священника въ школу; объ этомъ, впрочемъ, болѣе подробная рѣчь впереди.

Итакъ, священническій домъ наполнялся крестьянскимъ людомъ. Приходили болѣе довѣренныя у матушки женщины—„старостыха", „ключница", почетныя „сестрычки", приходила какая-нибудь „удова", за неимѣніемъ собственнаго угла проживающая въ „сосидяхъ" и потому часто привитаемая и въ гостепріимномъ домѣ священника, приходили всѣ крестьяне, когда-либо служившіе въ наймытахъ у священника: они на своихъ закорузлыхъ рукахъ выняньчили паныча, часто потомъ брали его съ собой „на росу" (разумѣется, контрабанднымъ способомъ—тайкомъ отъ матушки), возили на фурѣ сѣна и на возу съ копой жита и нерѣдко угощали его подзатыльниками въ случаѣ непослушанія или баловства. Но теперь все забыто, всѣхъ объединяетъ одно чувство—жалость къ панычу, котораго не радость ждетъ въ школѣ. Однимъ словомъ, сцена эта по характеру близко напоминала тѣ сцены, которыми сопровождалась разлука рекрутовъ въ доброе старое время, при 25-лѣтнемъ срокѣ службы. Бабы то и дѣло утирали слезы, мужчины были особенно серьезны и какъ бы суровы на видъ, стараясь подъ маской наружной дѣловитости и холодности скрыть, быть можетъ, тоже подступавшія къ горлу слезы. „Учитесь, панычыку", приговаривала баба, суя тихонько въ руку

---

[1]) Т. е. церковный староста, наиболѣе близкое къ священническому дому лицо въ селѣ. Часто посѣщая батюшку „по должности", староста дѣлался въ домѣ его своимъ человѣкомъ.

какой-нибудь деревенскій подарокъ, „выйдете въ люды, будете розумни, нехай вамъ Богъ допомогае!“

Пусть не думаетъ читатель, что я рисую идиллію, что такой близости между крестьянской средой и семьей священника никогда и не существовало. Поразспросите стариковъ—и вы удивитесь, до какой степени были близки и задушевны эти отношенія въ старину, и не мало пожалѣете, почему теперь стало иначе...

А что же панычъ, печальный герой дня?

Можно, думается, и не спрашивать о его чувствахъ. Одинъ престарѣлый пастырь говаривалъ мнѣ, что онъ всегда въ такихъ случаяхъ испытывалъ полное внутреннее уныніе, глубокую и страшную тоску души. Не особенно давно, лѣтъ 10 тому назадъ, мнѣ случайно пришлось присутствовать при сценѣ прощанія мальчика съ семьей. Мальчика впервые отвозили въ училище, и тяжела была ему разлука съ семьей, а семья, надобно сказать, была замѣчательно дружная, объединялась любовью и рѣдкимъ, завиднымъ согласіемъ. По старымъ традиціямъ, сначала пошли въ церковь и отслужили молебенъ. Сердобольная матушка, все время утиравшая тихія слезы, увязала нѣсколько узловъ съ домашними лакомствами. Старый и почтенный батюшка, довольно образованный и умный, хотя и понималъ, что теперешняя школа далеко уже не та, что была прежде, но все-таки болѣе обыкновеннаго былъ задумчивъ и какъ-то сдержанъ. Но особенно надрывалась младшая сестренка уѣзжавшаго, подруга дѣтства. Сборы кончены, мальчикъ уѣхалъ съ матушкой, мы остались одни. Сестренка продолжала глухо всхлипывать, отецъ мягко и любовно гладилъ ее по волосамъ. „Не плачь, доню; всимъ треба учытысь; а якже, колысь и ты поидешь до шкилъ, и мы колысь учылысь“—съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ батюшка, смахивая непрошенную слезу.

Видно было, что не особенно радостныя воспоминанія вызвала у батюшки даже мимолетно-промелькнувшая передъ нимъ картина его школьныхъ годовъ!

II

Нисколько не слѣдуетъ удивляться тому, что въ прежнее время проводы въ школу составляли уже горе для семьи, раздѣляемое чуть не всѣмъ селомъ. Вспомнимъ, какой каторгой была для ученика жизнь въ школѣ въ эпоху старой бурсы. Возьмемъ только одну сторону дѣла, наиболѣе, такъ сказать, обиходную и повседневную: какъ кормили тогда учениковъ. Не дай Богъ! Меню было самое однообразное: борщъ и каша (кажется, оно оказалось наиболѣе устойчивымъ явленіемъ въ семинаріи, такъ какъ, по разсказамъ, удержалось даже до конца 80-хъ г.г.). Мясо для семинарскаго стола привозилось то, котораго за негодностью никто изъ обывателей не хотѣлъ брать для себя. Въ составѣ веществъ, изъ которыхъ приготовлялась каша, равноправную роль имѣли два основныхъ элемента: крупа и мышиный пометъ. По разсказамъ, этотъ послѣдній съ теченіемъ лѣтъ попадался въ прогрессивно-уменьшающейся дозѣ, и теперь, надо полагать, примѣненіе его въ качествѣ пищеваго продукта для семинаристовъ упало до minimum'а. „Хлѣбъ насущный“ отпускался въ строго-ограниченномъ количествѣ, и во время обѣда ученикъ старался ѣсть съ разсчетомъ—такъ, чтобы съэкономить изъ положеннаго предъ нимъ „пайка“ (ломоть хлѣба) сколько возможно, надѣясь—если не утолить, то хоть немного заглушить голодъ вечеркомъ, когда отъ обѣда осталось только воспоминаніе (не особенно, впрочемъ, прекрасное), а до ужина оставалось ждать долго—томительно долго!

Порядокъ и внѣшняя обстановка обѣда были таковы. Приборъ состоялъ изъ тарелки и ложки; вилка появляется во времена сравнительно недавнія. Ножъ полагался одинъ на четырехъ человѣкъ. Суповая чашка ставилась одна для четырехъ, и ученики хлебали горячее прямо изъ чашки, не наливая въ тарелки, потому что большинству подавались мелкія. Затѣмъ, раньше другихъ покончившій съ первымъ блюдомъ бралъ изъ чашки микроскопическую порцію мяса, разрѣзалъ его въ своей тарелкѣ на маленькіе кусочки и, посыпавъ солью, ставилъ посерединѣ; компанія принималась за мясо, котораго приходилось

кусочка по 3—4 на ротъ. Наконецъ, выдвигалась на середину чашка съ совершенно застывшей кашей, скупо политой саломъ, и всѣ дружно размѣшивали ее ложками. Каша считалась какъ бы тонкимъ, особенно лакомымъ блюдомъ, и подавали ее въ размѣрахъ до смѣшнаго малыхъ—„якъ для слабо́го“, какъ острили бурсаки. Такимъ образомъ, ученику поневолѣ приходилось налегать на борщъ, котораго подавали, сколько угодно („килько влизе“); отработавши чашку, ученики всегда требовали „прычынки“ (przyczynek—добавленіе); служитель отправлялся съ опустѣвшей чашкой въ буфетъ, наливалъ деревяннымъ ковшемъ изъ громадной деревянной кадки, въ которой приносили борщъ изъ кухни, и возвращался въ столовую. Кстати о буфетѣ: это громкое названіе носила небольшая канурка, помѣщавшаяся въ сосѣдствѣ со столовой. Тамъ всегда стоялъ такой вонючій, удушливый воздухъ, что хоть носъ затыкай.

Описанный порядокъ сохранялся до конца 80-хъ г.г.

Какъ были приготовлены эти „блюда“—предоставляемъ догадываться читателю. Бывшіе питомцы семинаріи безъ ужаса не могутъ припомнить нѣкоторыхъ подробностей изъ этой области, доминировавшей въ ряду невзгодъ, которыми были окружены ихъ отроческіе годы. Такъ, въ кашѣ очень часто попадались уголья; предпринятыми въ одно время розысками было выяснено, что эта посторонняя примѣсь появилась вслѣдствіе привычки кашевара однимъ и тѣмъ же „ожугомъ“ (длинный шестъ) мѣшать и кашу въ котелкѣ, и огонь въ печкѣ. Было очень много и другихъ курьезовъ, о которыхъ „не лѣть есть и глаголати“.

Малое количество пищи послужило причиной къ развитію въ ученической средѣ спеціальнаго искусства—въ возможно короткое время съѣдать возможно больше. Очень часто при характеристикѣ кого-либо изъ бывшихъ питомцевъ семинаріи, въ числѣ прочихъ свойствъ его, вамъ мимоходомъ укажутъ, что онъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ „хапавъ галушки“ и „ловывъ шкварки“, т. е. доводилъ свои манипуляціи при процессѣ насыщенія до изумительной быстроты и ловкости. Конечно, развитіе мало благородной конкуренціи въ этой области составляетъ черту весьма непривлекательную, но едва ли кто рѣшится бросить

камень осужденія въ самихъ же семинаристовъ: не ихъ вина, что кормили впроголодь, а вѣдь голодъ—не тетка!

Нечего и говорить, что при такомъ столѣ у бурсаковъ бывала на строгомъ счету всякая мало-мальски съѣдобная вещь. Не трудно также представить, какой праздникъ составляла присылка изъ дому хоть нѣкотораго количества припасовъ. Наѣсться до-сыта—это была такая рѣдкость, что составляла въ теченіе трети года, такъ сказать, эру.

Не многимъ лучше было положеніе этого дѣла и на квартирахъ. Правда, тамъ, гдѣ пища приготовлялась на 15—20 человѣкъ (а не на 300—400), была хоть маленькая гарантія за то, что будетъ сытнѣе и чище; но этими качествами квартирный столъ могъ похвастать только въ сравненіи съ столомъ бурсацкимъ—и именно только съ нимъ однимъ. Однако, простая и годная лишь на неприхотливый вкусъ квартирная пища составляла для своекоштнаго ученика предметъ нѣкоторой гордости, а для бурсака—предметъ скрытой зависти. Любопытно, что на этой почвѣ часто возникала ожесточенная полемика на тему, кому хуже живется, и ни одна сторона не хотѣла сдаться. Квартирные при всякомъ удобномъ случаѣ издѣвались надъ бурсакомъ и высокомѣрно указывали, что онъ, подобно евангельскому блудному сыну, принужденъ питаться „отъ рожецъ, яже ядяху свинія“. Это задѣвало бурсаковъ за-живое; они отвѣчали аллегоріей о бревнѣ и сучкѣ, а для большей убѣдительности составили шутливую пѣсеньку, начинавшуюся словами:

Квартерники з мервами (?) [1])
Зъили суку въ червамы...

Долгъ безпристрастія требуетъ сказать, что перевѣсъ въ этомъ вопросѣ если не качественный, то хоть количественный, былъ все-таки на сторонѣ квартирныхъ. Послѣдніе иногда приносили съ собою въ классъ по краюхѣ хлѣба на завтракъ—

---

[1]) Затрудняемся сказать, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ данномъ стихѣ. „Мерва“ значитъ навозъ. По всей вѣроятности, беззаботная молодость не столько хлопотала о точномъ смыслѣ стиха, сколько объ остротѣ и язвительности укола, адресованнаго самолюбію „квартерникивъ“, и потому для рифмы ввела это неблаговонное слово помимо заботъ о грамматическомъ и логическомъ смыслѣ.

роскошь, о которой бурсакъ не смѣлъ и помышлять. Кромѣ того, нужно замѣтить, что среди квартирныхъ попадались дѣти сравнительно достаточныхъ родителей. Эти были почти всегда сыты, нерѣдко изъ доброты сердца доставляли пропитаніе пріятелямъ изъ бурсаковъ, а также, въ случаѣ незнанія урока, дарили съѣдобную взятку своему авдитору, который не безъ страха за собственную спину ставилъ въ нотатѣ „scit" противъ фамиліи богача-кліента.

Даже въ послѣдующія времена, когда обще-семинарская нищета начала утрачивать острый характеръ, сохранились нѣкоторые квартирные порядки, тѣсная связь которыхъ съ отдаленной стариной несомнѣнна. Такъ, въ Кременцѣ одна изъ квартиръ долгое время носила остроумное и, какъ увидимъ, вполнѣ подходящее названіе „Спарты". Тамъ царили очень суровые порядки, такъ что дѣйствительно бытъ ея насельниковъ приближался къ извѣстному гражданскому строю этой древней республики. Зимой, напр., тамъ не топили. Юношество, населявшее „Спарту", почему-то вмѣняло себѣ въ обязанность круглый годъ не носить теплой одежды: и всѣ были свидѣтелями, что спартанцы въ самые жестокіе морозы щеголяли только въ сюртукахъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обитатели Спарты превзошли въ стоицизмѣ гражданъ древней республики и взяли въ руководство для жизненнаго обихода чуть ли не самый строгій монастырскій уставъ, именно: вмѣсто знаменитой спартанской похлебки, они ограничивали все пропитаніе сухоястіемъ. Каждый обитатель привозилъ съ собой изъ дому мѣшокъ хлѣба или сухарей и изрядную „торбыну" сала. Что касается горячей пищи, то ее употребляли въ видѣ исключенія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Съ паденіемъ натуральной системы содержанія учениковъ, стала распространяться особая форма квартирной жизни, которую меткій школьный языкъ окрестилъ выраженіемъ—„жизнь на разсчетахъ". Это обозначаетъ вотъ-что. Двое-трое семинаристовъ снимали „чердакъ"—миньятюрную комнату, расположенную въ пространствѣ надъ потолкомъ и подъ крышей. За этотъ уголокъ съ самоваромъ платить нужно по полтора-два

рубля съ человѣка. Затѣмъ компанія нанимала обѣдъ рублей въ шесть—это называлось „полъ-порціи", т. е. на половину меньше, чѣмъ полагается для нормальнаго питанія человѣка. Ужинъ и завтракъ при жизни на разсчетахъ изгоняются изъ обихода вовсе, какъ ненужная роскошь. При такой системѣ ученикъ ухитрялся прожить въ мѣсяцъ рублей на 9—10. „Жизнь на разсчетахъ" возникла въ прямой зависимости отъ развитія высокихъ цѣнъ за содержаніе на квартирахъ. За полный пансіонъ квартирныя хозяйки установили цѣну 13—15 рублей въ мѣсяцъ. Если священнику (ужъ о причетникахъ и не говоримъ) приходилось воспитывать двухъ сыновей разомъ, то роковой вопросъ о средствахъ могъ быть разрѣшенъ только путемъ того своеобразнаго компромисса между требованіями человѣческой натуры и тощимъ карманомъ, какой изобрѣли сами семинаристы въ формѣ жизни на разсчетахъ. Регулярный расходъ по 30 рублей въ мѣсяцъ (кромѣ одежи) могъ выносить карманъ не особенно большого количества священниковъ, занимающихъ хорошіе приходы. Дѣтямъ большинства духовенства ничего другого и не оставалось, какъ урѣзать свои потребности касательно пищи, воздуха и нѣкоторыхъ другихъ жизненныхъ удобствъ. Случается, впрочемъ, что и дѣти достаточныхъ родителей предпочитаютъ форму жизни на разсчетахъ, соблазняясь большей свободой и самостоятельностью; но въ этихъ случаяхъ жизнь на разсчетахъ, конечно, только звукъ пустой: она влетаетъ папенькѣ въ гораздо большую сумму, чѣмъ обошлась бы при обыкновенномъ порядкѣ.

III

Итакъ, сурова и неприглядна была внѣшняя обстановка, среди которой текли лучшіе годы духовнаго воспитанника въ былое время; и кто, какъ не онъ, могъ съ наибольшимъ правомъ сказать о себѣ, что въ удѣлъ ему досталась тяжелая школа. Общій фонъ картины останется неизмѣннымъ, нисколько не прояснится, если мы обратимъ вниманіе на постановку того существеннаго дѣла, въ исполненіи котораго лежало главное

и прямое назначеніе семинаріи, какъ учебно-воспитательнаго заведенія. И здѣсь все носило такой же мрачный, удручающій характеръ. Если пища для желудка была, какъ мы видѣли, скудна и грязна, то пища для ума была неудобоварима и малопитательна; она почти не давала питательныхъ соковъ духовному организму воспитанника, не претворялась въ плоть и кровь его, а ложилась въ умѣ его толстыми комьями, къ тому же она была прямо противна ученику, такъ какъ въ старыя времена, по какому-то печальному недоразумѣнію ее находили нужнымъ приправлять острымъ перцемъ въ видѣ лозы. Нравственная атмосфера, въ которой вращался ученикъ, была затхлая, удушливая. Мораль, лежавшая въ основѣ воспитанія, была такой низкопробной цѣнности, что на самодовлѣющую убѣдительность ея никто и не надѣялся, а потому старались сообщить ей внѣшнюю доказательность извѣстнымъ числомъ ударовъ—въ размѣрѣ, опредѣляемомъ самодуромъ-начальникомъ. Словомъ, и въ сферѣ образованія, и въ сферѣ воспитанія высшимъ и объединяющимъ началомъ была порка.

Касаясь этой особенности прежней школы, старики-священники не любятъ останавливаться на подробностяхъ; обычная словоохотливость въ данномъ случаѣ переходитъ въ отрывистую рѣчь; очень часто весь разсказъ состоитъ изъ одной внушительной фразы, въ которой выливается вся горечь былой школьной жестокости: „а щожъ, былы колысь, крипко былы... О, былы, та ще й якъ былы!...“ Въ этомъ лаконизмѣ рѣчи всего лучше обрисовывается тотъ школьный терроръ, который господствовалъ въ старину. Слѣдуя благому примѣру разсказчиковъ, не станемъ бередить эту рану и ограничимся общими замѣчаніями.

Система тѣлесныхъ наказаній имѣла градаціи, и высшую ступень ея составляли розги. Единичныя формы были по большей части шаблонными; впрочемъ, находились виртуозы, которые изощрялись въ изобрѣтеніи чего-нибудь новенькаго, что особенно было бы досадительно наказуемому. Такъ, одинъ изъ педагоговъ практиковалъ такую форму своего изобрѣтенія: билъ ученика по лбу суставами пальцевъ, а чтобы удары не причиняли боли самому, онъ покрывалъ ихъ толстымъ слоемъ воску, который

затвердѣвалъ и придавалъ удару остроту и силу. Выходило какъ нельзя лучше!

Учебное дѣло было поставлено на началахъ примитивныхъ и несложныхъ. Громадное количество времени непроизводительно тратилось на переписку лекцій (учебниковъ тогда почти не было). При требованіи „отъ сихъ до сихъ поръ" ученику мало приходилось вникать въ смыслъ изучаемаго, и весь трудъ сводился къ тому, чтобы механически запомнить связь словъ и отдѣльныхъ реченій. Многіе преподаватели тогдашняго времени такъ и спрашивали: Имярекъ, отвѣчай съ „изъ соблюденныхъ въ церкви". Вслѣдствіе этого ученикамъ приходилось упражняться въ искусствѣ—по первымъ словамъ фразы угадывать, о чемъ идетъ рѣчь и какъ продолжать. Подзубривши въ такомъ направленіи урокъ, ученикъ приходилъ къ товарищу и просилъ: „зарвы мене". Это значило—предложить нѣсколько вопросовъ въ формѣ двухъ-трехъ первыхъ словъ любой фразы и по тетради наблюдать буквальную точность передачи. Если ученикъ могъ безъ затрудненія „паляты дальше" (т. е. выпаливать дальнѣйшія фразы), то онъ вполнѣ успокаивался въ томъ сознаніи, что урокъ выученъ хорошо.

Особенностью старой духовной школы было полное отсутствіе воспитанія. Если, благодаря немногимъ выдающимся личностямъ изъ среды преподавателей, въ голову ученика иногда заронялись сѣмена истины, то сердце, чувство оставалось стихіей (какъ говорится въ одномъ семинарскомъ учебникѣ по психологіи) совершенно неупорядоченной, было почвой окончательно заброшенной, для воздѣлыванія которой никто не прилагалъ никакихъ усилій и заботъ. И удивительно ли, что на этой почвѣ могли произрастать только тернія и волчцы! Откуда могла, въ самомъ дѣлѣ, явиться у бурсака облагороженность вкусовъ и привычекъ, когда вся система начальственныхъ отношеній тогдашняго времени была построена на принципѣ, что „ты еси червь, а не человѣкъ?". Смиреніе и безгласность считались высшимъ украшеніемъ человѣка, и къ узаконенію этихъ похвальныхъ качествъ направлены были всѣ усилія начальствующихъ. На рубежѣ дореформенной эпохи во главѣ волынской семинаріи стоялъ ректоръ-архимандритъ, у котораго обычной

формой обращенія къ ученику было: „и—и, ты, скотина!“ Слова эти произносились, надобно прибавить, крайне брезгливымъ и презрительнымъ тономъ.

И вотъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ этой долгой системы создался такъ знакомый типъ дореформеннаго бурсака, который глядитъ на своего начальника исподлобья, держитъ предъ его лицомъ всѣ свои душевные порывы подъ крѣпкимъ замкомъ недовѣрія и молчанія, считаетъ высшимъ своимъ наслажденіемъ устроить ему какую ни есть пакость, и чѣмъ оскорбительнѣе она, чѣмъ больнѣе задѣваетъ самолюбіе начальника, тѣмъ довольнѣе ученикъ, тѣмъ большее сердечное удовольствіе испытываетъ онъ. Однимъ словомъ, начальствующіе и подчиненные составляли двѣ непримиримо-враждебныя и вѣчно воюющія между собою стороны, и отсюда создавалась печальная путаница понятій и общихъ нравственныхъ правилъ: честность была условная, обманъ признавался добродѣтелью, ловкое надувательство вмѣнялось прямо въ заслугу, а начальство съ своей стороны поощряло наушничество, при розыскѣ „преступниковъ“ практиковало пытку въ малыхъ, конечно, размѣрахъ и т. д. И, кажется, еще несворо исчезнутъ слѣды того нравственнаго зла, которое нанесено духовной школѣ старой постановкой воспитательныхъ началъ.

При тщательномъ устраненіи всѣхъ элементовъ, которые даютъ доброе направленіе лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, семинаристы, естественно, грубѣли, низшіе инстинкты получали широкій просторъ. Грубы были внѣклассныя забавы учениковъ, а потѣхи носили иногда безчеловѣчный характеръ. Даже человѣку съ крѣпкими нервами не безъ содроганія можно выслушать разсказы о нѣкоторыхъ фактахъ въ этомъ родѣ изъ прошлой семинарской жизни. Для примѣра разскажемъ такой случай.

Въ прежнее время семинарская больница помѣщалась во флигелѣ, который нѣкогда былъ оранжереей ботаническаго сада; флигель этотъ (недавно, кажется, разобранный), стоялъ въ отдаленной, глухой части сада, вдали отъ главныхъ корпусовъ. Однажды, весенней порою, померъ одинъ ученикъ. По доброму семинарскому обычаю товарищи покойника установили между собою

очередь, чтобы безпрерывно читать псалтырь. Случилось, что ночью выпала очередь читать ученику, котораго товарищи заподозривали въ боязни покойниковъ (чертѣ, по семинарскому кодексу морали, очень позорной). Погруженный въ отправленіе своей обязанности, читавшій и не замѣтилъ, какъ товарищи повышли, и онъ остался одинъ-на-одинъ съ покойникомъ. Конечно, нервы стали напряженно-чуткими, и чтецъ время отъ времени, отрывая глаза отъ книги, взглядывалъ на лицо покойника. И вотъ чудится ему въ тиши ночной, что покойникъ сдѣлалъ какъ бы небольшое движеніе пальцемъ. Чтеніе было пріостановлено и помертвѣвшій отъ ужаса чтецъ впился глазами въ трупъ. Да, это несомнѣнно такъ, ибо покойникъ снова уже явственно шевельнулъ пальцемъ, и даже рука его какъ-бы дрогнула. Читавшій вскрикнулъ не своимъ голосомъ и замертво повалился на полъ. Оказалось же ни больше—ни меньше, какъ только то, что товарищи вздумали сыграть забавную шутку: зная нервность ночного очередняго, они привязали къ пальцу покойника длинную крѣпкую нитку, протянули ее черезъ открытое окно (дѣло, какъ мы упомянули было весной), и ночью, вышедши одинъ за другимъ въ садъ, начали подергивать за нитку, не безъ удовольствія ожидая, какой эффектъ произведетъ эта потѣха. И эффектъ получился полный! [1]).

Вообще суровость тогдашнихъ порядковъ ожесточала учениковъ; видя жестокость со всѣхъ сторонъ, ученикъ невольно и самъ дѣлался жестокимъ, изливая невымещенное чувство обиды на своемъ же младшемъ и болѣе слабомъ собратѣ. Богословъ V-VI кл., воспринимая въ урочное время не совсѣмъ пріятныя

[1]) Впослѣдствіи больница переведена была въ другой флигель—направо при входѣ въ семинарскій садъ. Этотъ флигель расположенъ какъ разъ противъ средняго корпуса, гдѣ были спальни первыхъ трехъ классовъ. При этомъ покойницкая помѣщалась въ комнатѣ, окна которой приходились vis-a-vis съ окнами спальни. Когда въ семинаріи умиралъ ученикъ, и его помѣщали въ покойницкой, то на стѣнѣ спальни противъ окна, расположеннаго вровень съ окномъ покойницкой, ночью ярко и отчетливо вырисовывалась мрачная картина катафалка и острый профиль покойника (въ спальнѣ, надобно замѣтить, огонь всегда былъ затушенъ). Конечно, тому ученику, кровать котораго стояла у стѣны съ отблескомъ столь зловѣщей картины, спалось не особенно крѣпко, да и всѣмъ его сосѣдямъ тоже.

послѣдствія отъ вспышекъ начальственнаго гнѣва, въ другіе часы не давалъ спуску первому попадавшемуся подъ сердитую руку ритору. А послѣдній безропотно сносилъ обиду въ глубокой увѣренности, что это такъ ужъ самимъ Богомъ установлено, и надѣясь по достиженіи званія богослова наверстать свое.

Однако, было бы большой несправедливостью думать, что сердце питомцевъ старой бурсы окончательно превращалось въ камень, что грубые инстинкты безъ остатка заглушали въ душѣ все доброе и хорошее. Школьные годы для бурсака были временемъ только нравственной летаргіи, но никакъ не полной смерти. Гдѣ-то глубоко-глубоко, въ самыхъ недосягаемыхъ тайникахъ своей души бурсакъ хранилъ слабо тлѣвшую искру добра. Она только заглушалась отчасти подъ ледянымъ вліяніемъ суроваго начальства, отчасти—подъ вліяніемъ общей атмосферы семинарской, которая не отдавала никакого простора проявленію добрыхъ чувствъ. По старо-семинарскимъ понятіямъ, сердечность, всякая теплота души, жалостливость—всѣ эти и подобныя качества недостойны мущины. Поэтому мальчуганъ, привязанный къ семьѣ и сильно горевавшій въ разлукѣ съ нею—особенно въ первые дни послѣ пріѣзда изъ родного дома, глубоко пряталъ свои слезы, стыдясь даже самого себя, и не прочь былъ подтрунить надъ другимъ, подобно ему чувствительнымъ ученикомъ, если у того горе прорывалось наружу.

Но оканчивались годы школьной жизни, семинаристъ выходилъ на свободу, заканчивалась зависимость его отъ суроваго и бездушнаго начальства, отъ сухой и холодной атмосферы семинарской жизни—и въ немъ быстро просыпался человѣкъ, выступали наружу добрыя сѣмена, зароненныя любящимъ словомъ матери и напитанныя теплымъ вліяніемъ семейной обстановки. Затѣмъ семинаристъ получалъ приходъ, самъ становился супругомъ и отцомъ, и бурсакъ исчезалъ. Человѣкъ какъ бы перерождался. Безошибочно можно утверждать, что тогдашняя школа задерживала нравственный ростъ человѣка, но по выходѣ изъ нея въ большинствѣ случаевъ добрыя наклонности получали полное преобладаніе—и въ результатѣ мы имѣемъ лучшій типъ волынскаго пастыря 60-хъ г.г., дѣятельность котораго всегда была

освящена извѣстной идеей. Теперь такіе пастыри встрѣчаются все рѣже и рѣже: ихъ замѣняетъ неизвѣстно подъ какими вліяніями создавшійся типъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ, на который невозможно глядѣть безъ печали и воздыханія. Не рѣдкость теперь встрѣтить безусаго мальчика, еле соскочившаго со скамейки, свысока и пренебрежительно, а то и злобно трактующаго о своемъ прихожанинѣ—„мужикѣ, пьяницѣ и негодяѣ", ограничивающаго свои отношенія къ нему единственно экономической сферой и заботящагося только объ „извлеченіи доходовъ"...

Но мы отвлеклись нѣсколько въ сторону.

Какъ ни суровы были начальники и даже преподаватели въ былое время, однако и среди нихъ попадались въ видѣ, правда, очень рѣдкаго исключенія люди, имя которыхъ не только не было грозой для ученика, а наоборотъ—являлось синонимомъ забавы, потѣхи или, если хотите, каррикатуры. Таковы были личности мягкія по характеру, но недалекія по уму. Снисходительность въ отношеніяхъ къ питомцамъ могла пройти безнаказанною для преподавателя въ томъ лишь случаѣ, если эта невиданная черта уравновѣшивалась столь цѣннымъ въ глазахъ учениковъ авторитетомъ ума и знанія. Если же преподаватель не успѣвалъ пріобрѣсти уваженія „класса" и въ то же время давалъ рядъ поблажекъ разнузданной школьной толпѣ, то онъ становился мученикомъ своей профессіи, игралъ незавидную роль Макара, на котораго всѣ шишки валятся. Злопамятная бурса (не къ чести ея нужно сказать) вымещала на такомъ преподавателѣ всю злобу, всю ненависть, которая таилась по отношенію къ своимъ угнетателямъ. Разсказываютъ объ одномъ такомъ преподавателѣ математическихъ наукъ, что ученики, не стѣсняясь, награждали его щелчками въ темя, сыпали песокъ за воротъ, рисовали мѣломъ на спинѣ и вообще продѣлывали всякія пакости (а порядокъ—надобно сказать—у этого учителя бывалъ такой, что всѣмъ дозволялось не сидѣть во время урока за партами, а для болѣе внимательнаго наблюденія окружать классную доску). Шумъ и гамъ въ классѣ стоялъ невообразимый. Если случалось, что урокъ посѣтитъ ректоръ или другое начальство и въ классѣ водворится тишина, учитель (кстати ска-

зать—недурной математикъ) путался въ объясненіи урока и только безпомощно поводилъ вокругъ глазами: да что же, молъ, не слышно тѣхъ криковъ, подъ шумокъ которыхъ рѣчь у него текла такъ плавно?—Кстати можно припомнить, что и въ болѣе близкое къ намъ время былъ учитель духовнаго сана, котораго ученики гладили по брюху и въ видѣ особаго комплимента выражали восхищеніе при видѣ увѣсистыхъ размѣровъ его монашеской утробы. При входѣ въ классъ его встрѣчали дружнымъ пѣніемъ стихиры „отъ востокъ солнца на западъ", затѣмъ одинъ изъ учениковъ самъ вызывался „поразить" его своими свѣдѣніями въ области классической филологіи, но скоро эта скучная матерія оставлялась, и на сцену выступали наиболѣе пикантные разсказы изъ миѳологіи, при которыхъ весь классъ дружно покатывался со смѣху. Не смѣяться при этомъ вмѣнялось въ великое преступленіе (учитель былъ самолюбивъ), и неисправный могъ поплатиться единицей и даже впасть въ вѣчную немилость, что, конечно, было совсѣмъ невыгодно.

IV

Коснувшись преподавательской среды, мы не можемъ пройти молчаніемъ одной величавой, нѣсколько загадочной фигуры преподавателя, имя котораго въ глазахъ учениковъ было окружено ореоломъ самаго высокаго почтенія, почти благоговѣнія. Изъ ряда воспитавшагося въ семинаріи при этомъ учителѣ поколѣнія, по всей вѣроятности, не найдется человѣка, который бы не преклонился предъ этой замѣчательной личностью, стоявшей цѣлой головой выше окружавшей среды. Мы говоримъ объ Андреѣ Ѳедоровичѣ Артемоновичѣ. Некрологъ г. Теодоровича, помѣщенный въ мѣстныхъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, не даетъ надлежащаго представленія объ этомъ оригинальномъ учителѣ, обаятельная личность котораго яркимъ свѣтомъ выдѣлялась на тускломъ фонѣ не только семинарской жизни, но всего вообще сѣренькаго быта глухой провинціи. Особенно курьезны слова г. Теодоровича, которыми онъ пытается объяснить не совсѣмъ шаблонный складъ характера и жизни покойнаго Артемоновича:

испытавъ крупную непріятность на послѣднемъ курсѣ академіи, Андрей Ѳедоровичъ сталъ яко бы не въ мѣру хандрить—и этой молъ хандрой объясняется его чудаковатось. Всякій, кто хоть немного зналъ Артемоновича, согласится, что не таковъ это былъ человѣкъ, чтобы придавать хоть малое значеніе какой-нибудь личной непріятности, а тѣмъ болѣе—сокрушаться о ней втеченіе всей жизни.

Первое, что поражало въ Артемоновичѣ, это была необыкновенная мощь и гибкость ума. Всякому вопросу, всякой философской или научной проблеммѣ Артемоновичъ придавалъ такую оригинальную постановку, что даже заснувшій сномъ безпробудной лѣни бурсакъ „камчатки" невольно навастривалъ уши и съ полусознательнымъ восторгомъ всматривался въ глубокую перспективу мысли, которую открывалъ предъ нимъ могучій умъ Артемоновича. Можно безошибочно утверждать, что не совсѣмъ заурядные уроки Артемоновича приносили больше пользы въ смыслѣ развитія ума, расширенія умственнаго кругозора, чѣмъ весь семинарскій курсъ.

А уроки этого учителя были дѣйствительно оригинальны. Преподавая въ послѣднее время греческій языкъ (раньше онъ занималъ каѳедру философскихъ предметовъ, что больше соотвѣтствовало его вкусамъ), Артемоновичъ по поводу любой фразы классика—а особенно такой, которая затрагиваетъ общіе вопросы онтологіи или космологіи (чего—кстати замѣтить—у греческихъ классиковъ не занимать стать)—вызывалъ отвѣчавшаго на самостоятельныя разсужденія, которыя незамѣтно переходили въ своего рода диспутъ (поскольку это можно сказать о неравномѣрныхъ силахъ споривших). Надобно сказать при этомъ, что семинаристы до страсти любятъ словопреніе и всякія головоломки. Цѣпляясь слово-за-слово, Артемоновичъ скоро выводилъ отвѣчавшаго на широкую дорогу философскихъ представленій о какомъ-нибудь коренномъ вопросѣ бытія, который свободно трактовался до конца урока. По большой части было такъ, что преподаватель являлся нападающей стороной, ученикъ—защищающейся. При этомъ ученикъ, конечно, трактовалъ вопросъ съ точки зрѣнія традиціонныхъ представленій, Артемоновичъ вно-

силъ струю свѣжей, яркой, свободной мысли. Весь классъ, затаивъ дыханіе, внималъ этой словесной борьбѣ, открывавшей необъятные горизонты мысли. Нужно еще сказать, что рѣчь Артемоновича, вообще мѣткая и острая, носила нѣсколько насмѣшливый характеръ (строго-безобидный, впрочемъ, въ отношеніи къ личности отвѣчавшаго), и эта легкая, едва уловимая тѣнь сарказма надъ шаблоннымъ теченіемъ человѣческой мысли заставляла ученика сильнѣе напрягать свой умъ, задѣвала въ немъ струну благороднаго самолюбія (не совсѣмъ же, молъ, дуракъ я, въ самомъ дѣлѣ!), побуждала тонко вглядываться въ детали вопроса. А Андрей Өедоровичъ съ своей неизмѣнной полу-улыбкой спокойно выслушивалъ младенческо-философскій лепетъ четвертоклассника и часто однимъ мѣткимъ скептическимъ словомъ разрушалъ слабое, какъ карточный домикъ, логическое хитросплетеніе своего юнаго оппонента. И бой возгорался снова... Можно себѣ представить, какъ радовалось сердце преподавателя всякому удачному обороту рѣчи своего совопросника, какъ восторгался онъ при всякой мысли, носившей, хоть тѣнь оригинальности. А наружу и вида не покажетъ. Очень часто отвѣчавшій ученикъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, думалъ надъ затронутыми вопросами остатокъ дня, свободный отъ уроковъ, взвѣшивалъ доводы за и противъ и на другой урокъ уже первый бросалъ Андрею Өедоровичу перчатку словеснаго поединка, который велся съ новымъ оживленіемъ, что давало возможность учителю съ большими подробностями, съ большей широтой раскрыть извѣстную идею.

Таковъ былъ Андрей Өедоровичъ на каѳедрѣ.

Въ частной жизни это былъ оригиналъ, но никакъ не чудакъ. Не считая себя, впрочемъ, вправѣ касаться личной жизни человѣка, хотя бы онъ и близко стоялъ къ школѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, замѣтимъ только, что въ оригинальномъ складѣ частной жизни Андрея Өедоровича не было какихъ-нибудь пикантныхъ подробностей, которыхъ читатель привыкъ ожидать при описаніи жизни оригиналовъ. Скромный и воздержный, Андрей Өедоровичъ посвящалъ все свободное время изученію восточныхъ языковъ, которые онъ любилъ до страсти и которые зналъ въ такомъ

количествѣ и съ такою основательностью, что, по справедливому замѣчанію писавшаго некрологъ, г. Теодоровича, могъ служить украшеніемъ спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія. Наиболѣе оригинальною (по обычнымъ понятіямъ) чертою домашней жизни его было полное пренебреженіе къ денежнымъ разсчетамъ: къ этой сторонѣ, не по примѣру прочихъ, Артемоновичъ относился съ такою беззаботностью, что, проживъ до старости холостякомъ въ самой скромной обстановкѣ, умеръ чуть не въ бѣдности: прахъ его облекли въ казенное семинарское бѣлье, похоронили по подпискѣ. За то не мало кременецкихъ бѣдняковъ со слезами провожали этого безсребренника къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія.

Что таилось въ глубинѣ души этой недюжинной личности, противъ воли втиснутой въ узкія рамки, гдѣ такъ мало было простора широкому полету ея ума? На этотъ вопросъ едва-ли кто и можетъ дать отвѣтъ. Друзей у Андрея Федоровича не было, едва-ли онъ и могъ найти себѣ друга въ окружавшей его средѣ. Хотя среди товарищей по службѣ встрѣчались люди умные и съ широкимъ образованіемъ, но не было человѣка, для котораго постоянный процессъ мысли, постоянное углубленіе въ область отвлеченныхъ вопросовъ, совсѣмъ далекихъ отъ Кременца и семинаріи, составляли бы настолько насущную потребность, что безъ удовлетворенія ея и жизнь потеряла бы смыслъ. На другой почвѣ дружба у Андрея Өедоровича не могла возрасти, потому что онъ отнюдь не принадлежалъ къ разряду слабодушныхъ людей, чувствующихъ потребность поплакаться на невзгоды и получить утѣшеніе въ сердобольномъ сочувствіи (пускай и притворномъ) того же „слабняка", вообще—изнемогающихъ среди мелочей повседневной жизни и ищущихъ поддержки друга. Для него не было надобности этого дѣлать, потому что онъ стоялъ выше этихъ мелочей, даже больше—онъ былъ совсѣмъ непричастенъ имъ. А если имъ и овладѣвала скорбь—тяжелая скорбь мысли, глубокая тоска Фауста, пришедшаго къ выводу, что „ни знанья нѣтъ, ни вѣры нѣтъ во мнѣ", то предъ кѣмъ онъ могъ излить эту скорбь, на кого могъ опереться въ своемъ необъятномъ отчаяніи, которое для другихъ, пожалуй, показалось бы

непонятнымъ, страннымъ, безцѣльнымъ? Вообще, Андрей Ѳедоровичъ, по нашему мнѣнію, принадлежалъ къ числу тѣхъ самородныхъ характеровъ, которые не столько могутъ быть понятны, сколько угадываемы.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько дополнительныхъ штриховъ.

Какъ преподаватель, Аретмоновичъ никому изъ своихъ учениковъ не дѣлалъ зла столь знаменитой въ исторіи (и столь печальной въ современной практикѣ) русской школы „двойкой". Онъ не имѣлъ привычки ставить меньше „трехъ"—и было бы грѣхомъ сказать, что его предметъ знали хуже другихъ (если ужъ придавать хоть какое нибудь значеніе столь ничтожному—по сравненію съ общей пользой его уроковъ—обстоятельству). Зная, что оффиціальная сторона преподаванія греческаго языка (да, пожалуй, и другихъ предметовъ) никому особенной пользы не приноситъ, онъ не придавалъ особеннаго значенія и экзаменамъ: на послѣднихъ онъ всегда „спасалъ" тѣхъ учениковъ, которые выходили къ столу въ глубокомъ смиреніи, основанномъ на скудости своихъ знаній, и приступали къ отвѣту съ трепетомъ, какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ. Такъ Андрей Ѳедоровичъ поступалъ на своемъ экзаменѣ, неизмѣннымъ же онъ оставался и на другихъ, гдѣ ему приходилось присутствовать въ качествѣ „ассистента" (т. е. члена экзаменаціонной коммиссіи). „А какой это аористъ, господинъ?"—вопрошалъ, бывало, Артемоновичъ, вознося два широко-разставленныхъ пальца чуть не къ самому носу экзаменовавшагося, чтобы помутившіеся глаза его какъ-нибудь ненарокомъ не впали въ ошибку. „Второй"—ободрившись отвѣчаетъ ученикъ. „О, да вы отлично знаете; ступайте на мѣсто"—давалъ резолюцію Артемоновичъ къ радости ученика и къ немалому смущенію преподавателя, который не зналъ, какъ относиться къ этому оригинальному вмѣшательству ассистента. Сообразно свойству предмета, измѣнялась и тактика Артемоновича: по другимъ предметамъ онъ дѣйствовалъ еще проще: предлагалъ вопросъ и шопотомъ суфлировалъ отвѣтъ, наименьше заботясь о томъ, какъ примутъ его своеобразный методъ наводящихъ вопросовъ другіе преподаватели. Но посмѣяться и подшутить надъ собой Андрей Ѳедоровичъ не давалъ никому. Въ этомъ отношеніи характеренъ

такой случай. На экзаменѣ по одному изъ древнихъ языковъ, гдѣ Андрей Ѳедоровичъ присутствовалъ въ качествѣ ассистента, преподаватель-іеромонахъ почему-то хотѣлъ сорвать досаду на Артемоновичѣ: съ гаденькой улыбкой поглядывая на громадный голый черепъ Андрея Ѳедоровича, онъ предложилъ ученику для перевода съ русскаго такую фразу: „сегодня я шелъ по улицѣ и встрѣтилъ лысаго человѣка". Артемоновичъ не смутился и, когда ученикъ окончилъ, немедленно спросилъ его: „а вотъ переведите еще такую фразу: справедливо говорятъ, что лысая голова—признакъ ума, а длинные волосы—признакъ глупости". Іеромонаху ничего другаго не оставалось, какъ молча проглотить пилюлю.

Рѣчь Артемоновича всегда вообще была остроумна и оригинальна.

Однажды, когда Артемоновичъ временно исправлялъ должность инспектора, по его распоряженію попалъ въ карцеръ за какую-то шалость одинъ изъ лучшихъ и бойкихъ учениковъ семинаріи. Дверь карцера—надобно замѣтить—выходила въ корридоръ, который ведетъ въ столовую. Вотъ ученики шумной гурьбой проходятъ въ столовую на обѣдъ, въ толпѣ ихъ пробирается и Артемоновичъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ (съ умысломъ или безъ умысла—преданіе умалчиваетъ) соскучившійся узникъ началъ дубасить кулакомъ въ дверь и кричать: „Артемоновичъ, изведи изъ темницы душу мою!" Андрей Ѳедоровичъ пріостановился и въ тонъ ему громко отвѣтилъ: „мене ждутъ праведницы, дондеже воздамъ имъ"—и медленно прошелъ въ столовую.

Вообще, Артемоновичъ оставилъ среди своихъ питомцевъ неизгладимую память. Разсказы о немъ бывшихъ учениковъ его дышутъ искреннимъ увлеченіемъ. Іереи съ восторгомъ припоминаютъ уроки Артемоновича и, осѣняя себя широкимъ крестомъ съ краткимъ „дай ему Боже царствіе небесное", охотно припоминаютъ его оригинальное поведеніе на экзаменахъ, для многихъ послужившее спасительнымъ кругомъ при мыслекрушеніи. Отъ многихъ серьезныхъ людей изъ бывшихъ учениковъ его приходится то и дѣло слышать, что въ ихъ умственномъ развитіи

и въ выработкѣ міросозерцанія уроки и бесѣды Артемоновича сыграли первостепенную, руководящую роль.

Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ можно поставить Артемоновича въ почетный и не слишкомъ многочисленный кругъ людей, которые не безслѣдно прошли поприще своей жизни. Ни одна частица матеріи, какъ извѣстно, не уничтожается: такъ и крупицы ума, растворяясь въ массѣ, „осоляютъ" ее, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Артемоновичъ оставилъ довольно значительное умственное наслѣдство потомству [1]). Во всякомъ случаѣ въ исторіи просвѣщенія на Волыни (если къ термину „просвѣщеніе" прикинуть не обычную, а болѣе широкую мѣрку) Артемоновичъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей. И мы были бы очень рады считать настоящія замѣтки объ Артемоновичѣ только вступленіемъ къ болѣе обстоятельному очерку, гдѣ полнѣе была бы выяснена эта крупная и симпатичная сила.

V

Какъ мы видѣли, постановка учебно-воспитательнаго и продовольственнаго дѣла въ семинаріи въ высокой степени изобиловала явленіями, которыхъ никакъ нельзя отнести къ разряду „утѣшительныхъ". Изъ среды преподавателей волынское преданіе хранитъ благоговѣйную память только объ Артемоновичѣ; если сюда присоединить еще двѣ-три личности, которыхъ поминаютъ добрымъ словомъ за болѣе или менѣе человѣческія отношенія къ питомцамъ, то все таки—какъ ихъ мало въ общемъ! Какъ бы то ни было, въ этой области печальныя и уродливыя явленія хоть отчасти уравновѣшиваются явленіями положительными, свѣтлыми. Что же касается продовольственной части, то она—безошибочно можно сказать—сплошь, безъ остатка является чернымъ, даже зловѣщимъ пятномъ на общемъ фонѣ прежней семинарской жизни. Итакъ, повидимому, напрасно стали бы мы искать лас-

---

[1]) Кстати: Артемоновичъ кое-что написалъ, кое-что перевелъ. Неужели всему этому рукописному матеріалу предстоитъ единственная участь—истлѣть въ семинарской библіотекѣ, гдѣ онъ хранится?

кающаго взоръ просвѣта въ этой области; повидимому, старо-семинарскій бытъ былъ такого характера, что здѣсь почти не было привольной атмосферы, въ которой отдыхала бы измученная душа ученика.

Не будетъ ли такое представленіе дѣла нѣсколько преувеличеннымъ?

Человѣкъ не можетъ жить безъ радости и смѣха. Если обитатели тюрьмы изобрѣтаютъ не хитрыя забавы, въ которыхъ коротаютъ свои печальные часы, то неужели жизнерадостная молодежь могла унывать въ школьные годы, когда переживала весну своей жизни? Избытокъ молодыхъ силъ и живой энергіи ищетъ выхода во что бы то ни стало, и нерѣдко человѣкъ пожилой съ нѣмой досадой видитъ, что молодежь хохочетъ по самому ничтожному поводу. И семинарская молодежь не могла ограничить свое настроеніе однимъ только уныніемъ по поводу тощаго желудка или слишкомъ назойливой благопопечительности о семинарскихъ спинахъ начальства. При томъ-же сами обстоятельства складывались иногда такъ, что давали нѣкоторую пищу веселонравію. Молодежь заливалась беззаботнымъ смѣхомъ и хоть на минуту забывала про давящія со всѣхъ сторонъ невзгоды...

Напутствуя сына родительскимъ благословеніемъ при отправленіи въ школу, отецъ вмѣстѣ съ тѣмъ вручалъ ему нѣкоторую *сумму* денегъ, которая должна была опредѣлять бюджетъ его личныхъ, карманныхъ расходовъ въ теченіе предстоящей трети. Эта родительская лепта на школьно-семинарскомъ языкѣ называлась ἐφόδιον [1]). Старики съ особеннымъ умиленіемъ вспоминаютъ, что въ ихъ время ἐφόδιον не превышалъ трехъ-пяти копѣекъ. На три копѣйки ученикъ долженъ былъ купить бумаги и чернилъ (перья были гусиныя) и вообще запастись необходимыми мелочами (многіе ухитрялись изъ этой суммы выгадать малую толику и на лакомства). Но этого мало: въ началѣ трети начальство давало въ обращеніе среди учениковъ (должно быть черезъ сѣкуторовъ) подписной листъ, куда каждый долженъ былъ записать

[1]) Греч. с. ἐφόδιον значитъ—путевыя издержки, копѣйка на черный день.

обязательный взносъ... на покупку розогъ. Казенныхъ денегъ на этотъ предметъ какъ-то не догадывались отпускать, и ученики должны были на свои крохи покупать это орудіе своей пытки.

Пріѣхавши въ семинарію, вручивши начальству свои „вѣрительныя грамоты" (выраженіе уже позднѣйшей эпохи) и расположившись въ указанномъ мѣстѣ, семинаристъ первымъ дѣломъ шелъ съ визитомъ къ Копелю. Копель (личность на Волыни во многихъ отношеніахъ популярная) былъ хозяинъ излюбленной семинаристами лавочки, главный поставщикъ семинаристовъ чуть не по всѣмъ предметамъ ихъ несложныхъ потребностей. Копель отлично зналъ родословную всего духовенства Волыни, зналъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ или въ дружбѣ, зналъ, какой у кого приходъ, каковы достатки и т. д. Лавка его наилучшимъ способомъ была приноровлена къ скромнымъ потребностямъ и еще болѣе скромнымъ средствамъ семинаристовъ; все здѣсь можно было купить въ какомъ угодно маломъ размѣрѣ и по самой сходной цѣнѣ. Въ эту-то бѣдную лавченку и направлялъ стопы ученикъ съ своимъ миньятюрнымъ капиталомъ. Кромѣ торговли на наличныя, Копель едва ли не первый ввелъ въ торговыя сношенія съ семинаристами счетъ въ кредитъ. Разсказываютъ, что хитрый до наивности Копель освятилъ введеніе этой финансовой реформы именемъ какого-то высокопоставленнаго лица: онъ всѣмъ давалъ читать засаленную бумагу,—что-то вродѣ оффиціальнаго указа, которымъ отъ имени этого высокопоставленнаго лица разрѣшалось ему отпускать товаръ въ кредитъ. „Указъ" былъ написанъ стихотворнымъ размѣромъ и начинался такъ:

Ты, Копель, не унывай,
Ученикамъ нà-боръ [1]) давай...

А кто, молъ, тебѣ не заплатитъ, тотъ будетъ подвергнутъ строгому наказанію. Впослѣдствіи Копель широко развилъ свои операціи по кредиту, выступилъ комиссіонеромъ, сталъ брать векселя. Его примѣру послѣдовало немало другихъ кременецкихъ торговцевъ; довѣрчивая молодежь пошла въ хитро-разставленную ловушку, и трудно и описать, сколько горя и бѣды произо-

[1]) Нà-боръ—на росписку, въ кредитъ.

шло... Нужно сказать правду, что иниціаторъ кредитныхъ операцій почему-то не разбогатѣлъ по примѣру прочихъ, по крайней мѣры наслѣдники его не расширили своихъ торговыхъ операцій—лавченка Копеля пришла въ совершенный упадокъ и теперь потеряла свое значеніе: вся слава ея, значитъ, въ прошломъ.

Обычное теченіе внѣ-классной жизни питомцевъ въ старые годы, не смотря на бдительное око начальства, носило размашистый характеръ. Въ былыя времена ученику всего менѣе можно было опасаться столь грознаго теперь исключенія за малоуспѣшность или великовозрастіе. Оставаться на повторительный курсъ можно было хоть три раза въ одномъ классѣ; и нерѣдко камчатку украшалъ, такъ сказать, заслуженный ученикъ, старожилъ класса, стоически отбывавшій 6 лѣтъ ученія въ одномъ классѣ (курсъ былъ двухгодичный). Всякаго рода проказы тоже не ставились въ число поводовъ, вызывавшихъ увольненіе изъ семинаріи; приходилось раздѣлываться только собственной спиной. Вотъ почему волынское преданіе полно разсказовъ о герояхъ, которые въ своихъ проказахъ иногда, дѣйствительно, доходили до геркулесовыхъ столбовъ смѣлости и отваги. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что выходящія изъ ряда похожденія (театромъ ихъ были кременецкія горы) составляли удѣлъ немногихъ смѣльчаковъ, кипучая натура которыхъ задыхалась въ душныхъ стѣнахъ семинаріи, а энергія искала выхода на болѣе широкомъ, свободномъ поприщѣ. Чего-нибудь особенно-типическаго въ смыслѣ характеристистики семинарской жизни эти похожденія и эти участники не даютъ, а потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться.

Однимъ изъ любимыхъ развлеченій семинаристовъ были групповыя прогулки по живописнымъ окрестностямъ. Каждый новичокъ по пріѣздѣ въ Кременецъ считалъ своимъ первымъ долгомъ взлѣзть на Бону и Черчу (горы въ Кременцѣ), полюбоваться утесомъ „тарпейской скалы“ и живописно раскинувшейся внизу „швейцарской долиной“ и т. д. Весенней и лѣтней порой многіе любители ежедневно предпринимали по утрамъ неблизкую прогулку въ Млыновцы или къ Крулевскому

мосту покупаться (въ самомъ Кременцѣ рѣки нѣтъ). Равстоянія—не близкія въ Млыновцы—около 3-хъ верстъ, къ Круленскому мосту—и того болѣе, а къ 7 часамъ утра нужно было возвратиться домой къ молитвѣ. Неудивительно, что старики теперь удивляются, какъ это у нихъ „выстарчало нигъ" на это регулярное путешествіе.

Для каждодневной молитвы и по праздникамъ на богослуженіе семинаристы собирались въ величественный храмъ, гдѣ когда-то былъ главный іезуитскій костелъ. До самаго послѣдняго времени храмъ этотъ (если не считать низенькаго, терявшагося въ громадѣ, православнаго иконостаса) всѣмъ видомъ и формой близко напоминалъ свое прежнее назначеніе. Такъ и казалось, что вмѣсто православнаго возгласа или эктеньи вы услышите рѣзкій тенорь ксендза, возглашающаго „Dominus vobiscum", а съ хоръ отвѣтятъ „amen" подъ звукъ органа съ его плавными, грустно-величавыми переливами. Храмъ этотъ очень обширенъ. При богослуженіи ученики располагались рядами посрединѣ колоннъ—отъ солеи и чуть не до порога, а за колоннами по обѣимъ сторонамъ оставалось достаточно мѣста для посторонней публики, предпочитавшей ходить сюда ради стройнаго пѣнія. Пѣніе, дѣйствительно, всегда было очень хорошее, но иногда портилось „неизряднымъ многогласіемъ", курьезнымъ до смѣшного. Дѣло въ томъ, что соскучившіеся стояніемъ, особенно во время длиннаго всенощнаго бдѣнія, семинаристы начинали для развлеченія подпѣвать хору, помѣщавшемуся на клиросѣ у алтаря. Разстояніе отъ клироса до заднихъ рядовъ бурсы, гдѣ стояли басы-богословы, выходило очень значительнымъ. Вотъ начнутъ пѣть, положимъ, общеизвѣстный канонъ „Отверзу уста моя". Въ напѣвѣ, употреблявшемся въ семинаріи, въ мелодіи на слова „и слово отрыгну" для басовъ особенно интересный переходъ—въ интервалъ октавы (есть, значитъ, гдѣ показать мощь своего голоса!). Богословы-басы особенно любили это мѣсто и выводили высокую нотку въ указанномъ мѣстѣ ("и слово") съ усердіемъ и тягучею продолжительностью, совершенно несоразмѣрною съ темпомъ. И вотъ получалось такъ: на клиросѣ по-

ютъ уже послѣднія слова—„и воспою радуяся тоя чудеса“,—а басы въ заднихъ рядахъ, подперши ладонью щеку и высоко поднявши голову, продолжаютъ тянуть все еще свое „и слово“ и долго застываютъ на одной нотѣ. На клиросѣ уже окончили ирмосъ, но басы тянутъ свою линію—и въ заднихъ рядахъ, точно эхо, продолжаютъ нестройно-могучимъ гуломъ, глухо отдающимся въ высокихъ сводахъ храма: „и воспою радуяся тоя чудеса“.

По выбору ректора, четыре-пять болѣе благонравныхъ учениковъ исполняли разныя обязанности въ алтарѣ при службѣ: таковы-жезлоносецъ и митросниматель (при ректорѣ-архимандритѣ) и свѣщеносцы. Роль этихъ была не изъ пріятныхъ. Если послѣ литургіи начинались приготовленія къ какому-нибудь экстраординарному молитвословію, отстоять которое не входило въ разсчеты учениковъ, то они срывали свою досаду на „церковникѣ“.

VI

Полная горечи школьная жизнь счастливо разнообразилась отпусками на Рождество, Пасху и лѣтнія каникулы,—отпусками, при одной мысли о которыхъ сердце семинариста подпрыгивало отъ неудержимой радости. Пусть дома не было особенной роскоши, даже особеннаго довольства, пусть приходилось раздѣлять не легкіе труды отца по хозяйству, но—свобода, родная семья, родное село! Поэтому задолго до роспуска въ головахъ учениковъ роились розовыя мечты, проносились заманчивыя картины путешествія на родину, радостнаго свиданія и беззаботной жизни.

За мѣсяцъ до роспуска каждаго озабочивалъ вопросъ, во время ли пріѣдетъ subaqua (подвода) [1]) и не случится ли задержки въ выдачѣ билета. Въ свободныя минуты тамъ и сямъ

---

[1]) Читатель догадается, что это слово—несуществующее въ лексиконахъ—изобрѣтено семинаристами (sub—подъ, aqua—вода).

собирались небольшой кучей семинаристы—подѣлиться воспоминаніями о прежнихъ поѣздкахъ и вслухъ помечтать о теперешнемъ роспускѣ, который вотъ-вотъ не за горами.—За священническими дѣтьми большею частью присылаемъ былъ senectus (староста). Мы обѣщали подробнѣе остановиться на роли этого почтеннаго дѣятеля въ вопросахъ образованія дѣтей духовенства, и теперь это кстати. Староста былъ наиболѣе близкимъ и наиболѣе довѣреннымъ человѣкомъ у священника во всемъ селѣ. И въ радости, и въ горѣ, и въ счастьи, и въ бѣдѣ староста являлся желаннымъ участникомъ, и можно указать далеко не единичные случаи, когда староста бывалъ настоящимъ другомъ всей священнической семьи. Кромѣ того, староста былъ, такъ сказать, главноуправляющимъ по несложному хозяйству священника.

Когда приходила пора привозить дѣтей изъ школы и священникъ озабочивался, кому-бы поручить это дѣло, такъ какъ самому ни въ рождественскій постъ, ни тѣмъ болѣе въ великій неудобно отлучаться изъ прихода, староста обыкновенно резонировалъ съ самой доброй улыбкой „проше, батюшка, а нàщо?“ Нечего и говорить, что добровольный вызовъ старосты былъ принимаемъ съ искренней благодарностью. И вотъ староста отправлялся въ Кременецъ „до свынаріи“ (такую форму иногда принимало въ устахъ простодушнаго поселянина незнакомое ему слово „семинарія“).

Пока староста ѣхалъ, ученикъ не разъ успѣвалъ въ свободную минуту прогуляться верстъ за пять по той дорогѣ, которая вела къ его родному селу. Конечно, не могло быть сомнѣнія, что староста успѣетъ пріѣхать только къ роспуску, но для семинариста составляло уже большое наслажденіе—хоть пройтись по знакомой дорогѣ и, такъ сказать, авансомъ пережить тѣ сладкія минуты, когда онъ, вырвавшись изъ опостылѣвшей обстановки, вольной птицей полетитъ къ роднымъ палестинамъ.

Передъ роспускомъ въ ворота угрюмаго зданія семинаріи то и дѣло въѣзжали деревенскіе возы съ возсѣдавшими почетнаго вида старостами. Остановившись посреди двора и внима-

тельно оглядѣвши внутреннія стѣны, староста снималъ шапку предъ первымъ попавшимся (въ день роспуска много народу сновало по двору) и съ сознаніемъ собственнаго достоинства вопрошалъ: „а будьте добри, чы не можете сказаты, де-то тутъ е сывковецкій (или шунецкій или шекерынецкій) панычъ?" Хотя указаніе старосты (не по фамиліи, а по названію села) бывало не особенно точно, однако старостѣ не приходилось долго розыскивать своего паныча: онъ летѣлъ уже со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ съ третьяго этажа, отхватывая сряду по пяти ступенекъ, онъ успѣлъ уже всѣ глаза проглядѣть, сидя у окошка въ своей спальнѣ или классѣ и съ томительнымъ нетерпѣніемъ поглядывая на дорогу. Стрѣлой подбѣгаетъ онъ къ старостѣ, лицо котораго въ настоящую минуту для него такъ дорого и мило. А лицо старосты тоже дышетъ привѣтомъ и радостію и ему пріятно въ чужомъ городѣ увидѣть наконецъ знакомое и родное лицо.

Происходитъ радостное свиданіе:

— „Здравствуйте, старосто!"

— „Здорови булы, панычыку. Якъ васъ Богъ мылуе? Чы жыви, чы здорови?"

— „Дзинькуе! слава Богу! А що тамъ въ-дома чуты?"

— „Все слава Богу, по старому. Батюшка кланялысь и пысьмо передалы".

При этихъ словахъ староста вынималъ запрятанный за пазухой лоскутокъ бумажки, запечатанный церковной печатью, который онъ везетъ съ такою заботливостью и сохранностью, какъ бы это былъ многоцѣнный документъ.

Ночью въ день роспуска обширный дворъ семинаріи представлялъ любопытную и оживленную картину. Во всю ширину его густыми рядами стояли возы, возлѣ которыхъ выпряженные кони ѣли, похрустывая и пофыркивая, „обрикъ" въ „опалкахъ", сѣно, а то просто „згоныны". Небогатое имущество бурсака было уже уложено: завтра „чуть свитъ" нужно отправляться въ путь. Въ теплое время года ученикъ располагался спать просто на возу—и можно думать, что ему въ этой непривычной обстановкѣ спалось слаще, чѣмъ на казенной койкѣ.

Только дѣти священниковъ могли разсчитывать на ту выгоду, что за ними будетъ прислана subaqua. Дѣти причетниковъ и особенно сироты или, какъ у насъ говорятъ, просфорническія дѣти (вдовы священниковъ обыкновенно занимаютъ мѣсто просфорни) не могутъ разсчитывать на такую роскошь. Нерѣдко случалось, что бѣдная священническая вдова приведетъ пѣшкомъ (верстъ за 300) своего сына въ училище и, въ слезахъ поклонившись въ ноги смотрителю, оставитъ его здѣсь на произволъ судьбы и начальства. Гдѣ же такой вдовѣ каждую треть посылать подводу за сыномъ! Хорошо, если въ томъ же приходѣ и сынъ священника учится въ семинаріи; тогда сердобольный senectus не откажетъ въ услугѣ бѣдной вдовѣ, прихвативъ на свой возъ и просфорническаго сына. Но такое удобство не всегда бываетъ. Впрочемъ, это доставляло мало заботы самому ученику. Онъ высматривалъ, гдѣ бы вырѣзать повнушительнѣе палку на дорогу и старался припрятать нѣсколько „пайкивъ" хлѣба и, сдѣлавши изъ нихъ сухарей, запастись такимъ образомъ пропитаніемъ въ далекую дорогу. А болѣе беззаботные и надъ этимъ не задумывались, справедливо разсчитывая, что на пути будетъ попадаться много селъ, и добрые люди не дадутъ „здохнуты зъ голоду".

Мнѣ нечего описывать этого пѣшаго хожденія: безсмертный Гоголь въ „Віѣ" далъ яркую картину этихъ путешествій, и я упомяну объ одной лишь мѣстной чертѣ. Наиболѣе торжественною и внушительною была картина общаго выхода изъ города. Большинству путь лежалъ въ сторону такъ назыв. Вишневецкой рогатки (по дорогѣ къ м. Вишневцу). Взошедши на гору, откуда открывается одинъ изъ чудныхъ по красотѣ видовъ на Кременецъ и его окрестности, путешественники бросали прощальный взглядъ на семинарію, съ которой они разставались безъ грусти; это была рѣдкая, единственная въ своемъ родѣ разлука, соединенная съ чувствомъ живѣйшей радости, а не печали. Всѣхъ охватывало ощущеніе птицы, вырвавшейся изъ клѣтки на свободу. Тотчасъ впереди выстраивался отрядъ музыкантовъ (кстати сказать—музыка всегда процвѣтала въ Волынской семинаріи), которые настраивали скрипки,

и подъ маршъ не особенно разнообразнаго по составу оркестра компанія двигалась въ путь, нѣкоторые съ плясомъ. Сколько бывало смѣху, сколько дѣтскаго веселья!

„Роспускъ" въ глазахъ учениковъ имѣлъ какое-то особенное, какъ бы таинственное значеніе. Получивши отпускной билетъ, семинаристъ считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякой внѣшней власти. Стѣсненная въ учебное время, одичавшая натура бурсака развертывалась „на роспускъ" во всей своей, подъ-часъ неприглядной, наготѣ. Получивши обиду, которую сразу-же отмстить было невозможно, ученикъ глубоко таилъ злобу въ своей душѣ и расплачивался „на роспускѣ". Шпіоны и доносчики трепетали въ день роспуска, бывшій для нихъ днемъ возмездія—и не напрасно. Расплата подъ-часъ бывала суровая и безчеловѣчная, и при томъ совершенно безнаказанная, т. к. существовалъ взглядъ (раздѣляемый и шпіонами), что жаловаться начальству въ роспускъ—дѣло безполезное: жалоба будетъ не принята, потому что семинаристы стоятъ, такъ сказать, внѣ закона въ этотъ день.

Доставалось въ роспускъ не однимъ только подленькимъ личностямъ изъ среды товарищей; иногда перепадало на орѣхи и болѣе жестокимъ изъ наставниковъ. Изъ устъ въ уста переходитъ и до настоящаго времени мрачная повѣсть о томъ, какъ досталось одному не въ мѣру строгому учителю философіи въ день роспуска. Трое дюжихъ философовъ напали на него темнымъ вечеромъ въ глухомъ углѣ „на горахъ" (техническое выраженіе въ Кременцѣ, окруженномъ горами), когда учитель возвращался съ прогулки, и такъ избили его нагайками, что бѣдняга мѣсяца два пролежалъ въ постели. Стыдно ли было учителю поднимать дѣло о столь позорномъ для него событіи, или же онъ въ темнотѣ и съ-испугу не успѣлъ узнать своихъ палачей, но все это такъ и заглохло. Замѣчательно, что и теперь сгорбившійся подъ бременемъ лѣтъ и сѣдой, какъ лунь, іерей не иначе станетъ повѣствовать вамъ объ этомъ темномъ дѣлѣ, какъ отозвавши въ сторону и чуть не шепотомъ на-ухо. Такова сила привычки! Можно представить себѣ, съ какими предосторожностями былъ осуществленъ планъ наказанія суро-

наго наставника, если даже въ то время, столь богатое наушничествомъ, и при инквизиціонной начальственной системѣ, ученикамъ удалось безпрепятственно исполнить смѣлый планъ.

Даже наиболѣе тихія и смирныя натуры въ день роспуска одушевлялись разрушительными тенденціями. Слабодушный риторъ, который, казалось бы, воды не замутитъ и въ обыкновенное время съ подобострастіемъ относился чуть не къ классному сторожу, въ роспускъ оралъ во всю глотку, идя по корридору, высматривалъ, гдѣ бы что повредить,—билъ стекло въ окнѣ, ломалъ ручку у дверей или что-нибудь въ этомъ родѣ—вообще держалъ себя непринужденно и развязно. Тутъ проявлялась ненависть даже къ бездушной обстановкѣ—свидѣтельницѣ дней унылыхъ.

Остатокъ этого своеобразнаго взгляда на день роспуска существуетъ и доселѣ. И теперь робкій мальчуганъ въ концѣ трети озадачиваетъ неопытнаго педагога, принося ему жалобу на болѣе великовозрастнаго товарища, что тотъ „обѣщалъ“ или просто „хочетъ побить его на роспускѣ!“

VII

Наконецъ долгій и тернистый путь науки пройденъ. Окончены мучительныя мытарства, ведущія семинариста къ цѣли, объединяемой словомъ „приходъ“ или, какъ говорили въ старину, „парафія“. Остается искать невѣсту и ѣхать къ архіерею. Хотя разсказы объ этомъ собственно выходятъ изъ рамокъ намѣченной нами задачи, но мы не излишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о той своеобразной обстановкѣ, среди которой прежде происходила процедура сватовства и полученія прихода. Это не лишне и въ интересахъ полноты нашего очерка: мы захватимъ то переходное время, когда окончившій курсъ еще, такъ сказать, невольно тяготѣлъ къ семинаріи, ибо заимствовалъ блескъ своего положенія отъ пройденной школы и пока еще не выступалъ на широкое поприще жизни, стоя лишь въ предѣлахъ ея.

Въ тѣ времена званіе „окончившій“ было чрезвычайно высокимъ и почетнымъ. Каждая матушка-хозяйка гордилась, если могла указать, что въ ея домѣ на храмовомъ праздникѣ или на другомъ семейномъ торжествѣ („на фестѣ“) былъ въ качествѣ гостя окончившій или, паче чаянія, нѣколько ихъ. Отношеніе родителей, у которыхъ заневѣстившаяся дочь, къ окончившему (а въ особенности имѣющему „свой“ приходъ) было полно, конечно, всякаго вниманія и дружелюбія самаго искренняго. Гдѣ бы ни появлялся окончившій въ священническомъ домѣ, онъ всегда чувствовалъ себя героемъ дня, вездѣ онъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, которому почетное мѣсто („на диванѣ“) и сладкій кусокъ. Если у батюшки нѣтъ дочери, то есть сестра, есть племянница, есть вообще болѣе или менѣе близкая родственница, „ожидающая“ жениха, которую необходимо „пристроить“.

И пусть читатель не находитъ здѣсь ничего потѣшнаго или смѣшного, все это болѣе грустно и печально, чѣмъ „занятно“. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому, кто знакомъ съ нерадостнымъ бытомъ нашего духовенства, будетъ понятно, почему это именно такъ, почему было бы большимъ грѣхомъ посмѣяться надъ усердіемъ старосвѣтскихъ батюшекъ и матушекъ въ означенномъ направленіи. Вѣдь куда въ самомъ дѣлѣ могла дѣваться въ тѣ времена дѣвушка духовнаго сословія, оставшаяся за штатомъ? Положеніе ея (особенно послѣ смерти родителей) являлось такимъ, которое принято называть безвыходнымъ.

Невѣсты въ старину раздѣлялись на двѣ категоріи: невѣсты „съ уступочными приходами“ и безъ оныхъ. Извѣстно, что такое закрѣпленіе мѣстъ. Если послѣ умершаго священника оставалась дочь, то по прошенію вдовы „для поддержанія семейства“ за дѣвицей предоставлялось отцовское мѣсто, а до достиженія совершеннолѣтія ея на приходъ въ качествѣ временнаго настоятеля назначаемъ былъ архіереемъ „наблюдающій“ (его звали еще „викаріемъ“). „Найшла викарого“—это одно изъ обычныхъ выраженій скорбнаго свитка вдовиной рѣчи. Нерѣдко случалось, что такой викарій управлялъ приходомъ лѣтъ шесть-восемь, если дочь священника была несовершеннолѣт-

ней. Сколько ни приходилось мнѣ слышать, викаріи были народъ грубый, алчный—и положеніе несчастной, беззащитной вдовы, ютившейся съ малыми дѣтьми какъ бы изъ милости въ одномъ домѣ съ викаріемъ, было полно самаго потрясающаго трагизма, сравненіе которому я даже отказываюсь подыскать. Можно только сказать, что въ лѣтописяхъ мученичества и удивительныхъ примѣровъ стойкой материнской любви можно было бы записать не мало краснорѣчивыхъ страницъ описаніемъ того, во что обходилось нѣкоторымъ священническимъ вдовамъ прокормленіе и воспитаніе своихъ ребятишекъ. Какъ много страданій остается неизвѣстными только потому, что о нихъ не кричатъ, а выливаютъ въ тихихъ, жгучихъ слезахъ!

Сватовство невѣсты съ уступочнымъ приходомъ происходило по большей части не въ ея домѣ, а гдѣ-нибудь на сторонѣ. Находился какой-нибудь дальній сердобольный родственникъ, который высматривалъ подходящаго окончившаго тихаго и скромнаго человѣка, который рѣшился бы „пидняты семью“, т. е. у котораго нашлась бы искра человѣческаго чувства по отношенію къ сиротской семьѣ. А высмотрѣвши, добрый родственникъ начиналъ съ нѣсколько смущенной улыбкой разсказывать молодому человѣку про добропорядочность семьи, къ которой принадлежитъ его протеже, про удобства прихода, про добродушіе и щедрость прихожанъ; касался добрыхъ обычаевъ въ приходѣ въ смыслѣ безплатной уборки прихожанами полей, распространялся о непритязательности семьи и т. д. По большей части родственникъ приглашалъ къ себѣ въ домъ и невѣсту и здѣсь знакомилъ молодыхъ людей между собою. Все это устраивалось потому, что родные невѣсты пуще огня боялись встрѣчи жениха съ викаріемъ. Викарій—ужъ извѣстно,—начнетъ нести всякую небылицу: и приходъ де никуда не годится, и прихожане народъ грубый и дерзкій, и поля ничего не родятъ, и семья самая плохая, а невѣста—бранчивая, взбалмошная или же (смотря по изобрѣтательности викарія) болѣзненная дѣвица (тутъ выдумывалась падучая или что-нибудь другое въ подобномъ же устрашительномъ родѣ). Вообще викарій такъ или иначе могъ „отбить“ жениха, а устроить это—ему прямая

выгода: если невѣста засидится въ дѣвушкахъ, архіерей можетъ „отобрать“ приходъ и ужъ конечно отдастъ не кому другому, какъ только ему, викарію. А тамъ—пускай себѣ семья остается безъ крова и безъ хлѣба!

Иначе обстояло дѣло, если невѣста была хоть и безъ прихода, но дочь состоятельныхъ, хозяйственныхъ родителей.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, когда полевыя работы всѣ закончены, и по селамъ у крестьянъ начинается сезонъ свадебъ, а у священниковъ—не менѣе характерный сезонъ „праздныкивъ“ (т. е. престольныхъ дней, въ которые священники устраивали у себя „вечера“)—въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ усадьбу священника въѣзжала неуклюжая бричка старой системы, на которой возсѣдали трое - четверо окончившихъ, лошадьми правилъ молодой кучеръ. Мотивъ неожиданнаго посѣщенія незнакомыхъ людей угадывался безошибочно. Завидѣвшая гостей съ задняго двора босая „наймычка“ сломя голову бѣжала „до покоивъ“ и неистовымъ голосомъ, которымъ объявляютъ о внезапномъ пожарѣ, докладывала, что „сваты до панны прыихалы на оглядыны“. Слова эти производили переполохъ невѣроятный. Матушка уводила дочь въ укромный уголокъ („въ гардерубку“) и принаряжала ее, сама тоже одѣвала парадную кофту и чепецъ. Батюшка съ улыбкой доброжелательности и широкаго радушія встрѣчалъ пріятныхъ гостей въ „ганку“ (крыльцо). Слѣдовало представленіе съ упоминаніемъ полностью титула („студентъ“ или „окончившій“), и завязывалась (не безъ труда, конечно) бесѣда.

Если окончившіе встрѣчали самый радушный привѣтъ отъ хозяевъ, то ихъ кучеръ пользовался неменьшимъ вниманіемъ со стороны прислуги на кухнѣ. Его роль была не изъ послѣднихъ. Балагуря съ прислугой, онъ могъ отлично вывѣдать, каковы достатки священнической семьи, и—что не менѣе важно—узнать, насколько миролюбивымъ и уживчивымъ характеромъ отличается невѣста.

Погостивши денекъ, товарищеская компанія отправлялась въ дальнѣйшій путь, ѣхала въ другое село, гдѣ священническій домъ оглашался веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ дочерей-невѣстъ.

Повѣствуютъ, что въ большинствѣ случаевъ въ такихъ круговыхъ поѣздкахъ роль кучера поочередно исполняли всѣ женихи— сегодня одинъ облачится въ сермягу и чоботы, заимствованныя дома у заправскаго кучера, завтра другой, такъ что эти бутафорскія принадлежности успѣваютъ обойти всѣхъ по два-три раза. Это и выгодно (не надобно понапрасну отрывать одного рабочаго отъ дѣла), да и удобно очень: свой братъ высмотритъ съ самымъ усерднымъ тщаніемъ все нужное, добудетъ свѣдѣнія самыя вѣрныя и безошибочныя.

Такія путешествія бывали очень распространеннымъ обычаемъ въ прежнія времена, и почти каждый іерей, проходившій курсъ наукъ въ эпоху 40—50-хъ гг. (даже и нѣсколько позже) хранитъ въ душѣ самыя яркія и счастливыя воспоминанія о нихъ. Обыкновенно каждый изъ принимавшихъ участіе въ поѣздкѣ успѣвалъ къ концу ея присмотрѣть себѣ дѣвушку по сердцу, и тогда начиналъ вести дѣло въ-серьезъ. Изъ среды родичей онъ приглашалъ наиболѣе почетнаго и вліятельнаго ѣхать съ нимъ „въ сваты“ и подъ его руководствомъ совершалъ окончательную поѣздку въ домъ невѣсты. Въ скоромъ времени деревенскій храмъ оглашался пѣніемъ „Исаіе ликуй“, и въ уютномъ священническомъ домѣ праздновалась веселая свадьба при самой торжественной и очень своеобразной обстановкѣ.

Да простятъ намъ читатели бѣдность и неполноту настоящаго очерка старой бурсы и ея порядковъ. Мы очень далеки отъ мысли считать нашъ очеркъ исчерпывающимъ тотъ громадный бытовой матеріалъ, который оставила намъ столѣтняя эпоха жизни Волынской семинаріи. При всемъ желаніи, намъ, напр., совершенно не пришлось коснуться очень оригинальныхъ особенностей жизни тѣхъ питомцевъ семинаріи, которыхъ высылали въ Варшаву въ архіерейскій пѣвческій хоръ. Существовалъ вѣдь когда-то и такой обычай, и до сихъ поръ есть на Волыни немало здравствующихъ іереевъ, получившихъ свое образованіе—по документамъ въ Волынской семинаріи, а на дѣлѣ— въ Варшавскомъ архіерейскомъ хорѣ. Можно заранѣе предска-

зать, что даже сухой, фактическій разсказъ одного изъ участниковъ этого порядка о его жизни въ Варшавѣ представилъ бы немалый интересъ. И вообще крайне было бы желательно, чтобы отпразднованный недавно юбилей семинаріи не прошелъ безслѣдно для выясненія прошлой семинарской жизни. Не надобно забывать, что весь складъ жизни нашего духовенства чуть не на нашихъ глазахъ мѣняется самымъ кореннымъ образомъ, а создатель и живой участникъ его—старое поколѣніе сходитъ со сцены. Вотъ почему надобно желать, чтобы семинарскій юбилей былъ отпразднованъ еще, такъ сказать, историческимъ образомъ, т. е. вызвалъ полное и подробное описаніе прежней семинарской жизни въ видѣ воспоминаній тѣхъ питомцевъ, которые по непосредственному опыту могутъ нарисовать яркую картину прошлаго, въ надлежащемъ видѣ воспроизводящую все то, что въ настоящихъ очеркахъ изображается лишь „якоже зерцаломъ въ гаданіи“...

Константинъ Хранeвичъ.

Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, лубенскаго у., полтавской губ.

„И Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии". Свод. л., стр. 331. Духовн. Мон.

Строитель Русской Земли, Владиміръ св., заботясь о возможно лучшей защитѣ ея отъ враговъ, особенно хлопоталъ объ укрѣпленіи южныхъ и юго-восточныхъ границъ государства отъ безпрестанныхъ набѣговъ кочевниковъ, безконечной волной приливавшихъ съ востока. Въ 993 году, по словамъ начальной лѣтописи, Владиміръ св. ставитъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Роси, по Сулѣ и по Стугнѣ, такъ какъ была большая „рать" отъ печенѣговъ, противъ которыхъ и воздвигались эти укрѣпленныя преграды[1]). Приведенныя въ солидное оборонительное положеніе, южныя и юговосточныя окраины Русской земли и въ послѣдующее время продолжаютъ интересовать энергичныхъ правителей Южной Руси.

Такъ, Ярославъ Мудрый, ставшій послѣ смерти своего брата Мстислава, единовластнымъ правителемъ русской земли, выказываетъ энергичныя заботы объ охранѣ своей степной Украины.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 83.

Необходимость постоянной и усиленной охраны этой Украины была причиной выдѣленія ея въ особенное княжество, съ отдѣльнымъ правителемъ во главѣ. Ярославъ Мудрый, раздѣляя передъ своею смертью Русскую землю между своими сыновьями, отдалъ переяславскій уѣздъ своему любимому сыну Всеволоду, заповѣдавъ при этомъ всѣмъ братьямъ жить въ мирѣ и помогать другъ другу въ случаѣ опасности.

Со временъ Всеволода Ярославича начинается бѣдственная пора для юго-восточной Руси. Кочевые народы, сталкиваясь другъ съ другомъ, усиленно напираютъ съ востока, оттѣсняя въ своемъ движеніи одни племена за другими.

Послѣднія, отбиваясь отъ своихъ притѣснителей, все чаще и чаще врывались въ русскіе предѣлы, ища въ нихъ не добычи только, а часто защиты, охраны отъ враговъ. Русская земля охотно принимала въ свое лоно такихъ выходцевъ изъ степей, отводя имъ привольные, но малонаселенные участки на своемъ пограничьи со степью. Здѣсь новые поселенцы являлись лучшими защитниками края, которому они служили въ качествѣ легковооруженнаго войска.

Опасное положеніе юго-восточной Руси, требуя серьезнаго и энергичнаго вниманія къ себѣ, было причиной того, что здѣсь родился, выросъ и окрѣпъ, закалился въ безчисленныхъ бояхъ богатырь Русской земли, знаменитый сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ. Съ отроческихъ лѣтъ, начавъ трудную школу боевой жизни, онъ въ теченіе всей своей жизни неутомимо защищалъ русскіе предѣлы отъ кочевниковъ. Въ лѣтописи сохранились извѣстія о многочисленныхъ походахъ Мономаха въ окрестныя страны, особенно въ широкія степи, кишѣвшія въ то время несмѣтной силой разныхъ кочевыхъ народовъ. Особенно зорко слѣдилъ Мономахъ за тѣмъ, чтобы не допустить враговъ до разоренія укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ собою лежащія вблизи нихъ земли.

Разбросанныя по всей юго-восточной окраинѣ Русской земли, укрѣпленные городки-крѣпости гнѣздились преимущественно въ мѣстахъ, представлявшихъ естественныя удобства для ихъ созиданія. Крутые берега рѣчной долины или же рѣки,

сама рѣка, лѣса, и болота ея—составляли все то, что было необходимо для защиты страны. Если рѣка представляла на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи удобные для построенія крѣпостей берега, то здѣсь возникала боевая линія.

Рѣка Сула со своими крутыми берегами и составляла главную боевую линію переяславской земли, на которую постоянно нападали варвары[1]). Оттого, на всемъ почти протяженіи Сулы, на правомъ, нагорномъ берегу этой рѣки, были расположены солидныя для того времени земляныя укрѣпленія, такъ называемые городки-крѣпости: Ромны, Глинскъ, Снѣтинъ, Лубны, Лукомля, Буромль, Горошинъ и проч.

Понятно, наиболѣе заселенныя мѣста вызывали соотвѣтственно большія заботы и старанія со стороны населенія и князей объ укрѣпленіи и защитѣ ихъ отъ враговъ. Несомнѣнно, что наиболѣе густо заселенными мѣстами были тѣ, которыя расположены по теченію рѣкъ и рѣчекъ. Таковы мѣста по р. р. Трубежу, Супою, Оржицамъ, Слѣпороду, Удаю, Ромну и пр. Здѣсь осѣдлость находила всѣ необходимыя для своей жизни удобства и потому развивалась довольно правильно. Самый большій притокъ р. Сулы, Удай, естественно былъ гуще заселенъ сравнительно съ другими рѣками переяславской земли. Особенной густотой населенія отличались тѣ мѣста, гдѣ рѣка Удай, принявъ притокъ Многу, подходила къ рѣкѣ Сулѣ, съ которой и сливалась въ Березоточи. Естественно, что эти густо заселенныя мѣста, представляя довольно видную приманку, весьма часто подвергались нападеніямъ кочевниковъ.

Такъ, въ 1092 году половцы взяли 3 города по р. Удаю—Песоченъ, Перевальну и Прилукъ и повоевали множество селъ по обѣимъ сторонамъ рѣки[2]). Кромѣ того, половцы неоднократно воюютъ въ районѣ рѣки Удая: возлѣ Прилукъ, Баруча, Сребнаго и пр.[3]). Словомъ, долина рѣки Удая составляла торную дорогу для нападеній кочевниковъ, и потому правители земли Русской уже очень рано позаботились объ укрѣпленіи тѣхъ

[1]) Ипат. л. 186, 198; свод. л., с. 332 и пр.

[2]) Ипат. л., с. 150; свод. л., с. 170.

[3]) Свод. л., с. 330.

пунктовъ, которые лежали близъ удобныхъ для перехода мѣстъ, служившихъ какъ бы воротами для входа въ страну.

Такими воротами, открывавшими доступъ въ густо населенную Удайскую долину, и было мѣсто сліянія р. Удая съ Сулой. Здѣсь то, какъ увидимъ дальше, и находился тотъ важный, укрѣпленный пунктъ, служившій ключемъ къ вышеназванной долинѣ—это *Кснятинъ* лѣтописи.

Русскіе князья неоднократно должны были являться сюда на подмогу храбрымъ защитникамъ края. Въ „Духовной Мономаха" упоминается о такомъ именно походѣ Мономаха къ Снѣтину: „И Бонякъ приде со всѣми Половцы къ Кснятиню, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии" [1]).

Находясь лѣтомъ 1896 года близъ м. Снѣтина, я рѣшилъ подробно осмотрѣть это мѣсто и окрестности его, чтобы узнать не сохранилось ли тамъ какихъ либо остатковъ древнихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на зарѣ Русской исторіи. Мнѣ посчастливилось отыскать древнюю, современную Мономаху, крѣпость, сохранившую до нашихъ дней всѣ характерные признаки великокняжеской эпохи.

Прежде чѣмъ говорить о древнихъ снѣтинскихъ укрѣпленіяхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о топографическихъ особенностяхъ мѣстности, гдѣ находился древній Кснятинъ. Долина рѣки Удая, сливаясь съ долиной р. Сулы, представляетъ лабиринтъ лѣсовъ и болотъ, не совсѣмъ удобныхъ для прохода въ настоящее время и, конечно, совершенно непроходимыхъ въ древности. Высокій Исачковскій холмъ съ каменнымъ основаніемъ внутри [2]), отдѣляетъ долину р. Удая отъ долины р. Сулицы, впадающей въ Сулу недалеко отъ с. Исачекъ. Эта долина, р. Сулицы, представляя болѣе высокую мѣстность, отличалась прежде и въ настоящее время отличается сравнительно бо́льшимъ удобствомъ для перехода; кромѣ того, черезъ Сулицкую долину

---

[1]) Свод. лѣт., с. 332.

[2]) Изъ внутренней части Исачковскаго холма добывается въ изобиліи камень, идущій на мостовыя въ гор. Лубнахъ и въ уѣздѣ послѣдняго.

открывался свободный доступъ къ селеніямъ, расположеннымъ по р.р. Сулицѣ, Многѣ, Артополоту, Удаю и пр.

Промежутокъ между долинами рр. Сулицы и Сулы представляетъ возвышенное плато́, которое постепенно съуживается, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту слиянія долинъ обѣихъ вышеназванныхъ рѣкъ, и образуетъ на концѣ такъ называемый снѣтинскій кряжъ или шпиль. Этотъ шпиль довольно высоко поднимается надъ окрестностью и круто спускается въ обѣ стороны—къ р. Сулѣ и въ долину р. Сулицы; подходя къ концу, шпиль съуживается и постепенно понижается. Вотъ этотъ-то возвышенный мысъ вмѣстѣ съ прилегающимъ сюда берегомъ р. Сулы и входитъ въ число укрѣпленій великокняжеской эпохи. Понятно, устроить на такомъ узкомъ мѣстѣ значительную крѣпость, кремль, который занималъ бы крайній пунктъ этого мыса, не было возможности: незначительность пространства, занимаемаго шпилемъ, не позволяла сдѣлать этого. За то система передовыхъ укрѣпленій, служившихъ какъ обсерваціоннымъ пунктомъ, такъ и препятствіемъ для подхода враговъ къ Снѣтинскому кремлю, можетъ быть прослѣжена безъ особыхъ затрудненій. На вершинѣ снѣтинскаго мыса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подходя къ плато́, начинаетъ переходить въ широкій кряжъ, расположенъ цѣлый лабиринтъ невысокихъ холмиковъ, изъ которыхъ только немногіе по своей величинѣ превосходятъ ростъ человѣка; иные изъ нихъ, сглаженные временемъ, значительно осунулись, но все еще широки въ основаніи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди холмиковъ замѣтно какъ бы пустое, расширенное въ видѣ площадки пространство, на которомъ нѣтъ какихъ-либо особыхъ возвышеній.

Площадь, занятая этими холмиками, довольно значительна по величинѣ; она выступаетъ двумя мысами въ поле; на взгорьѣ, обращенномъ къ Исачкамъ, замѣтны слѣды вала, сильно осунувшагося; по направленію къ Сулѣ холмики оканчиваются крутымъ обрывомъ, на краю котораго высятся огромные, очевидно, насыпные холмы, открывающіе дивный видъ на далекое разстояніе за Сулу. На уступѣ въ полъ-горы, надъ Сулой, среди зелени, стоитъ каменная церковь.

Эти холмики ничуть не похожи на тѣ селитряныя бурты, какія зачастую встрѣчаются въ южно-русскихъ селеніяхъ. Самый видъ холмиковъ и расположеніе ихъ на гребнѣ крутой горы, доступъ на который чрезвычайно труденъ,—исключаютъ возможность признать ихъ за остатки селитрянаго производства. Я попытался узнать отъ крестьянъ, занимавшихся здѣсь же неподалеку распашкой поля, каково происхождепіе этихъ холмиковъ, и что тамъ было прежде. „Хто его знае, що тутъ було таке,—отвѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—стари люде кажуть, що тутъ була колысь война; а бильшъ мы ничого не чулы: не знаемо, ни хто ёго робывъ ихъ, ни для чого“.

Я внимательно осмотрѣлъ обширное поле, сплошь усѣянное такими холмиками, стараясь уловить какую-либо правильность или же систематичность въ ихъ расположеніи, но ничего особеннаго не замѣтилъ.

Поле со множествомъ холмиковъ представляло какъ бы обширный, пустынный заснувшій лагерь, сплошь усѣянный крытыми зеленымъ дерномъ палатками. Разсматривая эти холмики, я былъ пораженъ замѣчательнымъ сходствомъ въ величинѣ, формѣ и мѣстоположеніи ихъ съ такими же холмиками, находящимися близъ древняго Лукомльскаго городища: и тамъ, и здѣсь они являются одинаковыми; и тамъ, и здѣсь о нихъ сохранились одинаковыя преданія [1]).

По всей вѣроятности, эти холмики, находясь передъ укрѣпленіями, исполняли назначеніе маскировать силы защитниковъ и не давать возможности врагамъ нападать сплошной конной массой, чѣмъ только и были сильны и искусны кочевники.

---

[1]) Верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ Снѣтина, на склонѣ горы, нависающей къ Сулѣ, находится большой валъ, который какъ бы отчахнулся отъ горы. Снѣтинскіе старожилы разсказывали мнѣ, что, по преданію, этотъ валъ образовался оттого, что „одинъ чоловикъ оравъ на Велыкдень (т. е. на Пасху) да й пишовъ, провалывся значить, пидъ землю з воламы и плугомъ“. Интересно, что подобное по своему сюжету преданіе о таинственномъ пахарѣ, котораго быки уходятъ въ землю, существовало и у Западныхъ славянъ уже въ глубокой древности: въ легендѣ о Чешскомъ Пшемыслѣ, записанной въ X или же XI в., мы встрѣчаемъ тождественное преданіе. См. *Бестужева-Рюмина*. Рус. Ист., т. I, с. 55—о матеріальн. обстановкѣ славянъ.

Окончивъ осмотръ холмиковъ, я направился дальше, въ надеждѣ открыть какіе либо слѣды древнихъ укрѣпленій. Припоминая, что въ древнемъ Лукомльскомъ городищѣ, вслѣдъ за подобными холмиками находились земляные валы, составлявшіе какъ бы передовую защиту главнаго кремля, я постарался провѣрить,—нѣтъ-ли и здѣсь, по гребню шпиля, какихъ либо остатковъ валовъ. Узкость мѣста на гребнѣ не позволяла, конечно, соорудить здѣсь какое либо обширное укрѣпленіе, но слѣды большихъ валовъ, шедшихъ какъ бы параллельно другъ другу и нѣсколько расширявшихся въ болѣе широкой части (теперь эта часть занята усадьбой г. Афанасопуло),—замѣтны и теперь. И въ остальной части гребня, понижающагося къ концу, замѣтны слѣды валовъ, разрушенныхъ частью рукой времени, частью рукой человѣка. Не вдалекѣ отъ конца гребень разрѣзанъ поперекъ дорогой, которая все время вилась у подошвы его, обокъ съ сельскими усадьбами, нависшими къ Сулѣ. На отрѣзанномъ отъ общей массы горы шпилѣ также видны слѣды валовъ, частью разрытыхъ уже, частью слабо сохранившихся.

Такимъ образомъ, на вершинѣ горы не оказалось обширной крѣпости, какая соотвѣтствовала бы важности такого стратегическаго пункта.

Я разспросилъ у крестьянъ, не знаютъ-ли они какихъ либо валовъ или же буртъ въ селѣ; одинъ изъ крестьянъ, работавшій на откосѣ гребня горы, указалъ рукой къ рѣкѣ и сказалъ: „вонъ тамъ, надъ рѣкой, есть много буртъ: туда надо ѣхать!“ Я поднялся на гребень и глянулъ по направленію указаннаго мѣста: на краю обрыва рѣки ютились какіе-то обрывки валовъ, расположенные, какъ мнѣ показалось, безъ особой правильности. На дѣлѣ оказалось не то. Подъѣхавъ къ указаннымъ валамъ, я увидѣлъ, что здѣсь-то и находилась та древняя крѣпость, которую я тщетно искалъ на вершинѣ горы. Незначительность пространства на гребнѣ горы была причиной того, что главное городище, такъ называемый Снѣтинскій кремль, помѣстилось внизу, у подошвы горы.

Черезъ прорѣзанное отверстіе въ валу, ворота, мы въѣхали въ круглое, со всѣхъ сторонъ замкнутое, обширное го-

родище, съ хорошо сохранившимся еще довольно высокимъ окружнымъ валомъ. Городище имѣло форму правильнаго круга; оно расположено на краю обрыва къ Сулѣ, за которой видны многочисленные заливы рѣки. Окружной земляной валъ еще и теперь довольно высокъ, крутъ и обрывистъ кнаружи; валъ весь искусственный, насыпной, съ значительными остатками черепковъ, костей, камней, углей, попадающихся иногда въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ обгорѣлыми концами кольевъ, очевидно, когда-то защищавшихъ вершины валовъ. Вокругъ вала, съ наружной стороны, довольно явственно замѣтны слѣды рва, окружавшаго всю крѣпость; ровъ наполнялся, очевидно, водой изъ подходившей къ городку низины, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Жабокрики". Все городище внутри наполнено множествомъ различнаго рода насыпей, по большей части неправильной формы; только по бокамъ дороги, пересѣкающей городище посрединѣ и идущей къ мосту, замѣтны какъ бы правильно идущіе длинные валы. Двѣ, пересѣкающіяся накрестъ, дороги идутъ черезъ городище; онѣ образуютъ какъ бы четверо воротъ въ него.

При въѣздѣ черезъ западныя ворота, въ земляномъ валу замѣтна кирпичная кладка въ перемѣшку съ дикимъ камнемъ, какъ это дѣлалось въ старину: вѣроятно, здѣсь были когда-то крѣпостныя ворота. Въ средней части городища находится земляное возвышеніе, гдѣ, по преданію, находилась когда-то церковь; здѣсь отыскиваютъ въ значительномъ количествѣ старые кирпичи—это церковный погостъ, церковная земля по словамъ крестьянъ.

Я поинтересовался узнать, не сохранилось ли какихъ либо преданій объ этомъ городищѣ. Одинъ довольно пожилой крестьянинъ объяснилъ мнѣ, что это мѣсто называется *„городокъ"*, потому что здѣсь городъ былъ, а кто его соорудилъ—онъ не умѣетъ объяснить: „Богъ ёго знае, хто ёго зробывъ: мы не знаемо... Кажуть люде, що буцимъ тутъ Шведъ бувъ,—значить багатырь такый. (Sic) Винъ ото и воювавъ отутъ; а бильше не знаемо, ни хто ёго зробывъ, ни колы винъ будовавсь". Разсказавъ все, что зналъ, крестьянинъ указалъ мнѣ невдалекѣ хату

стараго дѣда, который могъ знать о городкѣ больше его. Я направился къ дѣду, онъ оказался дома и сидѣлъ на завалинкѣ, грѣясь на солнцѣ. Поздоровавшись съ дѣдомъ, я присѣлъ возлѣ него и началъ разспрашивать о городищѣ. „Те мисто, де ото валы, здавна зветея *городокъ*,—объяснилъ мнѣ дѣдъ,—бо тамъ колысь бувъ городъ великій; и цей кутокъ, де мы жывемо, зветея тоже городкомъ, а улыця, що иде зъ городка,—Изгородьска". На мой вопросъ, не знаетъ-ли дѣдъ, кто построилъ или основалъ этотъ городокъ и когда,—дѣдъ отвѣтилъ: „Ни, добродію, не знаю, не чувъ, хто его зробывъ; стари люде казалы, що цей городокъ дуже, дуже (старикъ при этихъ словахъ поднималъ руку все выше и выше надъ головой, какъ бы дополняя жестомъ то, что онъ хотѣлъ выразить словами) давно зробленъ: его тоди зроблено, якъ свитъ зачынався—нихто не зна, хто его зробывъ. Кажуть, що война тутъ була колысь велыка: ото й валы насыпаны... Да якъ зачнуть було воювать, то вброгы съ тыей горы (старикъ указалъ рукой на Исачковскій холмъ), а наши съ сіей (съ Снѣтинской) бьются... А бильшъ ничого не знаю... Стари люде казалы, що тутъ колысь великый городъ бувъ—не мистечко, а городъ... дзвоны вылывалы... (sic) Да якъ напавъ Шведъ на Снитинъ, то ту церкву, що стоить надъ Сулою (та церква перше костеломъ була, а іи зробылы запорожцы (sic)), зовсимъ скынулы съ кручи у Сулу, съ дзвонами... усе попадало въ воду... И теперъ, якъ прыслухаться надъ Сулой, то инколы чуть, якъ звонять у тій церкви".

Изъ этихъ неясныхъ разсказовъ мѣстныхъ жителей меня поразило то обстоятельство, что народная память сохранила преданіе о древности основанія снѣтинскаго городка и вѣрно указала то направленіе, въ какомъ происходили столкновенія съ врагами.

Кромѣ укрѣпленій городка, крестьяне указали мнѣ еще слѣды двухъ валовъ со рвами на внѣшней сторонѣ, перерѣзывающихъ низменную равнину, разстилающуюся передъ городомъ. Тамъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, отбивались отъ непріятелей. Валы въ настоящее время сильно осунулись: они невысоко поднимаются надъ поверхностью земли.

Я миновалъ эти валы и направился къ Исачковской горѣ. Заходящее солнце мягко золотило своими лучами закутывающіяся въ туманную дымку окрестности. Съ вершины горы я еще разъ глянулъ въ сторону Снѣтина, и передо мною вновь воскресла картина давней, многострадальной жизни Снѣтина, видавшаго подъ своими стѣнами и многочисленныя рати половцевъ со хищнымъ, лукавымъ Бонякомъ, наводившимъ страхъ и трепетъ на окрестныя страны, и добраго страдальца за Русскую землю Владиміра Мономаха, ходившаго на защиту страднаго пахаря—поильца и кормильца Русской земли.

Василій Лясоронскій.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА[1].

Медовый мѣсяцъ прошелъ въ визитахъ, въ числѣ коихъ мы ѣздили на приглашенный обѣдъ къ И. В. Бухарину, бывшему херсонскому губернатору. Возвращаясь оттоль, Текля почувствовала знобъ, головную боль и слегла въ постель; на третій день оказалась у нея нервная горячка, я самъ ѣздилъ за докторомъ,— тогда знаменитымъ считался въ г. Зѣньковѣ уѣздный врачъ Кричевскій,—но спасенія не было. Больная бредила о дядѣ, нерѣдко звала меня безсознательно, и на 9-й день ея не стало...

Что было причиною ея болѣзни, трудно отгадать, но, повидимому, чрезвычайное душевное потрясеніе. Теперь только открылось, что тетушка сначала прочила ее за меня и могла подѣйствовать на нѣжную душу сильно, между тѣмъ какъ Текля и Мари знали навѣрное, что и сама она имѣла на меня претензію. Но Богъ съ нею! Какъ бы то ни было, только мое положеніе было ужасное: послѣ радости, вдругъ такой рѣзкій переходъ. Мари, хотя навѣщала сестру и почти была при ней безотлучно, но за день до смерти Текли докторъ запретилъ ей находиться при больной, потому что Мари оказалась и сама чрезвычайно нервной и страдала началомъ печоночной чахотки, слѣдственно опасались, чтобы, со смертью одной, не имѣть бы и двухъ покойницъ. На это время пріѣхала туда же Невѣровичева, бывшая у Ольшевскихъ экономкой. Она также совѣтовала увезти Мари въ Полтаву, подъ предлогомъ излѣченія ея самой и для высылки

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 11.

къ Теклѣ губернскаго доктора. Обманъ былъ прискорбный, но необходимый. Поэтому, оставя все на попеченіе Невѣровичевой, ибо тетушка также ушла отъ умершей, мы ночью запрягли лошадей и уѣхали въ Полтаву. Жена моя была въ такомъ разстройствѣ, что безсознательно повиновалась всему. Быть можетъ, я сдѣлалъ это и опрометчиво, не боязнь за жену помутила мой разсудокъ. Мнѣ казалось непремѣнно, что Мари, увидя мертвую сестру, умретъ и сама; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама твердила, и мы вынуждены были искать спасенія въ обманѣ. Текля похоронена въ Будылкѣ.

Между тѣмъ мало-по-малу я приготовлялъ Мари къ роковому извѣстію и исподоволь далъ знать, что Текли уже нѣтъ на свѣтѣ. Поэтому она пожелала видѣть ея могилу. Мы поѣхали въ Будылку, отслужили надъ могилой панихиду, поплакали вдоволь и отдали ей вѣчную память. Тетушка представила счетъ на 800 руб. за похороны, которую сумму я тотчасъ и заплатилъ ей. Здѣсь же заплатилъ и Невѣровичевой 500 руб., хотя та и другая претензіи чрезвычайно были преувеличены. Мы съ тетушкой толковали о долгахъ, которые она съ мужемъ сдѣлали и даже заложили сиротское въ Бѣлоруссіи имѣніе[1]), но она слышать ничего не хотѣла и рѣшительно отказалась отъ всякаго участія. Даже за Будылку, которая ей записана со всею движимостью, не принимала на себя отвѣтственности, и потому всѣ наши отношенія порвались.

Мари между тѣмъ заболѣла. Я повезъ ее въ Харьковъ къ знаменитому тогда доктору, профессору Калиниченку, платилъ ему за визитъ по 100 руб., и онъ рѣшилъ, что для ея выздоровленія нуженъ родной климатъ. Извѣстіе это дошло до Розетты Андреевны, и опредѣлено: отправиться въ Бѣлоруссію и тамъ поселиться. Сказано—сдѣлано. Гдѣ дѣло шло о жизни жены, тамъ я не задумывался. Мнѣ только осталось продать малороссійскія имѣнія и разсчитаться съ долгами, которыхъ я очень не любилъ. Для этого я отправился въ Полтаву.

---

[1]) Сколько они прожили, увидимъ дальше. (Примѣч. Сердюкова).

Принявши имѣніе Ольшевскихъ въ свое распоряженіе, я былъ обязанъ хлопотать о разсчетѣ. По плану моему, нужно было полтавское имѣніе жены и мое продать, чтобы зняться хозяйствомъ въ одномъ мѣстѣ, т. е. въ Бѣлоруссіи; поэтому я объявилъ о продажѣ Локощины и Новоселовки. Вскорѣ явились охотники: на Локощину сосѣдъ Джунковскій, сулившій 28000, (за Локощину заплочено 52000 руб.), а на Новоселовку Павелъ Григорьевичъ Старицкій, дававшій 35000 р. Но такъ какъ намъ показались эти цѣны несходными, то мы рѣшились ждать у моря погоды.

Когда купилъ Ольшевскій с. Локощину, то пригласилъ кобелякскаго землемѣра Беселя измѣрить землю. Бесель занялся и выдалъ планъ; но такъ какъ у Ольшевскаго почти никогда не было денегъ, то за работу Бесель ничего не получилъ. Ему, конечно, обѣщали заплатить, между тѣмъ Ольшевскій умеръ. Когда же я получилъ имѣніе и расплачивался съ долгами, тогда явился и Бесель, прося дать ему за прошедшую работу, что называется, сколько угодно; но я спросилъ его, сколько именно. Онъ былъ столь совѣстенъ, что спросилъ 100 руб., а я отсчиталъ ему 200. Это его чрезвычайно обязало, и Бесель о щедрости моей и добродѣтели разславлялъ по своему уѣзду и, узнавъ между разговоромъ, что молодой человѣкъ, только что женившійся на купеческой дочери, Я. В. Дьяченко, ищетъ купить имѣніе, отрекомендовалъ ему нашу Локощину, которую самъ снималъ, и живописно обрисовалъ охотнику. Мы ничего этого не знали, какъ Дьяченко съ Беселемъ уже съѣздили въ имѣніе и обозрѣли его.

Послѣ этого въ одинъ изъ вечеровъ, когда у насъ собирались гости изъ числа моихъ знакомыхъ,—является молодой человѣкъ прекрасной наружности и рекомендуется, что онъ штабъ-ротмистръ Яковъ Васильевичъ Дьяченко. „Милости просимъ". Подали чай. Сѣли за карты—усадили и гостя. Наконецъ ужинъ и прощанье. Всѣ гости разъѣхались, одинъ Я. В. остается. Я полагалъ, что онъ будетъ ночевать у насъ, велѣлъ было готовить постель, но Я. В. сказалъ, что онъ уѣдетъ ночевать на квартиру, а остался только на пару словъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— Вы, говоритъ, продаете Локощину, а я покупщикъ; поэтому позвольте мнѣ къ вамъ пріѣхать завтра пораньше, чтобы намъ помѣшать не могли.

На другой день рано Яковъ Васильевичъ дѣйствительно пожаловалъ къ чаю, и мы начали торгъ такъ: онъ взялъ перо и листъ бумаги, самъ сдѣлалъ расцѣнку и предложилъ 52 тысячи рублей.

Мы какъ нельзя лучше обрадовались такому покупщику, тѣмъ болѣе, что изъ Локощины уже продали лѣсу на 5 т. руб. Черезъ нѣсколько дней совершили и купчую.

Свою Новоселовку я продалъ Старицкому за 35 т. руб., да за движимость выручилъ около 2 т. руб.

Прежде этого я исчислилъ долги, которые, по продажѣ имѣнія, всѣ до копѣечки и уплатилъ, лишь принялъ на себя долгъ на бѣлорусскомъ имѣніи, Кудричахъ, Приказу Общественнаго призрѣнія, такъ какъ на это имѣніе Мари совершила мнѣ купчую, потому что я на уплату наслѣдственныхъ долговъ ея продалъ свое отличное имѣніе.

Здѣсь кстати упомянуть о счетахъ съ тетушкою. Они съ покойнымъ Даниломъ Францовичемъ взяли у отца на покупку Будылки 30 тысячъ рублей; получили изъ Могилевскаго Приказа за бѣлорусское имѣніе 19400 руб.; заняли у разныхъ лицъ вышепоименованныхъ 17900 рублей; заняли у Каракуши 11 тысячъ рублей, у доктора Ольшевскаго 2 тысячи, и все это осталось въ Будылкѣ. Я не говорю о томъ, что занималъ Данило Францовичъ на покупку Локощины 25 тысячъ рублей. Все это я пополнилъ и—съ удовольствіемъ могу припомнить—разсчитался со всѣми честно.

Покончивши такимъ образомъ, я снарядилъ 20 фуръ чумацкихъ, т. е. по парѣ воловъ въ огромной телѣгѣ, въ 4 лошади коляску и 2 кибитки; сложивъ все свое полтавское имущество и даже мебель, взялъ 25 мужчинъ и 25 женщинъ изъ полтавскихъ имѣній [1]), отправилъ молебенъ и двинулъ весь обозъ въ моги-

---

[1]) Нѣкоторые изъ переселенныхъ малороссіянъ находятся еще и нынѣ въ Кудричахъ и вполнѣ сохранили свой языкъ. Дома ихъ одни изъ лучшихъ въ деревнѣ.

левское имѣніе. Самъ я на другой день съ женою выѣхалъ въ каретѣ, до Ромна на почтовыхъ, а здѣсь, купивъ лошадей, съ кучеромъ Карпомъ, форейторомъ Осипомъ и двумя лакеями да дѣвушкой Фелиціей, поѣхали на своихъ.

Въ Конотопѣ съ собою я взялъ племянника Василія Стасевича и племянницу Марью Сердюкову. Наконецъ, 12 іюня 1842 года прибыли благополучно въ Кудричи, куда черезъ двѣ недѣли явился и обозъ, потерявши на дорогѣ 7 лошадей; съ обозомъ привезены 4 малороссійскія коровы и 25 решетиловскихъ овецъ, которыя долго у меня велись.

Переселеніе мое съ такимъ обозомъ надѣлало шуму во всемъ мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики почти всѣ поляки и завзятые патріоты. Со многими изъ родни Мари я познакомился, другіе, встрѣчаясь со мною, запрашивали къ себѣ и тоже причислялись къ роднѣ, такъ что, съ кѣмъ только ни случилось мнѣ встрѣчаться,—все родные! Впослѣдствіи я узналъ, къ чему это клонилось, и когда я началъ сидѣть больше дома и занялся хозяйствомъ, тотчасъ всѣ стали держаться отъ меня подальше, отзываясь обо мнѣ: „добрый человѣкъ, але русскій".

Въ Кудричахъ, которыя зимой, въ прошлый мой пріѣздъ, въ 1841 году, показались довольно красивымъ мѣстомъ,—теперь я нашелъ недостатки. Рѣки при усадьбѣ нѣтъ, луговъ мало, мельницы нѣтъ, дома нѣтъ. Крестьяне бѣдны и много воровъ. Арендаторъ потребовалъ вознагражденія за сдачу имѣнія прежде срока. Приведенные малороссы, 50 душъ, требовали хлѣба и соли. Нужно было поворачиваться на всѣ четыре стороны. Поэтому я, поселившись въ двухъ комнатахъ, началъ строить домъ, мельницы, сараи, раздѣлывать луга, отдѣлилъ поля крестьянскія отъ господскихъ къ одной сторонѣ, покопалъ канавы, растеребилъ оборки, выбралъ себѣ войта Петра Лукьянова, пробовалъ новое полеводство, искусственное удобреніе, увеличилъ скотоводство, распредѣлилъ привезенныхъ хохловъ на хозяйство, началъ участвовать во всѣхъ хозяйственныхъ журналахъ—и въ

Многіе и послѣ освобожденія остались у насъ въ домѣ и дожили вѣкъ; всѣ они вообще пользовались особымъ покровительствомъ и расположеніемъ покойнаго мужа. (Примѣч. вдовы автора).

такихъ хлопотахъ не осмотрѣлся, какъ прошло нѣсколько лѣтъ и израсходовано нѣсколько тысячъ, вывезенныхъ изъ Малороссіи.

Я заботился о хозяйствѣ съ удовольствіемъ, оттого что, дѣйствительно, какъ сказалъ Калиниченко, жена моя значительно поправилась и начала рожать дѣтей. Правда, дѣти выходили слабыя и умирали. Изъ пяти сыновей остался средній, Аристархъ, теперь (въ 1868 г.) студентъ московскаго университета. Я не могу не вѣрить нѣкоторымъ, такъ называемымъ предразсудкамъ, по моему—припишу это къ предчувствію, къ магнетизму. Напримѣръ: какъ я сказалъ, у насъ пошли ежегодно дѣти; крестнымъ отцомъ ихъ всегда былъ приглашаемъ, по желанію жены, генералъ Иванъ Антоновичъ Свѣховскій, и дѣти умирали. Акушерка дала совѣтъ взять такъ называемыхъ „встрѣчныхъ“ кумовей, когда представится надобность, и это дѣлать такъ: отецъ долженъ выйти изъ дому и, кого бы ни встрѣтилъ, мужчину и женщину, тѣхъ и брать въ кумовья. Когда родился Аристархъ, вотъ такъ мы и поступили. Я вышелъ изъ дому и встрѣтилъ нечаянно ко мнѣ пріѣхавшихъ мужчину и женщину—это былъ полковникъ Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, по Малороссіи мой землякъ, и съ нимъ пріятельница Мари, Анна Антоновна Саллак...; они и были воспріемниками Аристарха, и слава Богу, онъ только и уцѣлѣлъ—отъ этого или отъ чего другого, извѣстно Богу, но я получилъ къ примѣтамъ довѣріе.

Между хозяйствомъ я занимался и литературой. Въ 1844 году въ „Земледѣльческой Газетѣ“ напечатаны мои статьи: въ № 44—*О цѣнахъ на сельскія произведенія*; № 57—*О сохѣ;* № 34—*О болѣзни овецъ*; 1845 г. № 4—*О Бѣлорусскомъ хозяйствѣ;* 1846 г. № 47 удостоенное награды сочиненіе *О скотоводствѣ*, представленное на конкурсъ 1844—1845 г.; 1847 г. № 59—*О страхованіи скота*; 1848 г. № 47—*О съѣздахъ*; № 51—99—*О хлѣбокошеніи*; 1848 г. марта 14 письмо къ Наполеону III о лишеніи папы свѣтской власти и *О соединеніи церквей*. Копію его послалъ я митрополиту Филарету и министру народнаго просвѣщенія; 1849 г. № 2—*О чаконѣ*; № 3—*Свѣдѣнія о расте-*

ніяхъ; № 5—*Картофельный хлѣбъ*; № 8 и 9—*Испорченное и поправленное хозяйство.* Разборъ этой статьи помѣщенъ въ Журналѣ Мин. Госуд. Имуществъ, 1849 г. № 3, ст. 246; № 14—*Молотьба овса*; № 19—20—*О пчеловодствѣ;* № 21—*Отвѣтъ на замѣчанія*; № 23—*О картофелѣ*; № 33—*Пряжа и холсты*: № 34—*Народныя примѣты и метеорологія.* Статья эта была перепечатана въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ, въ журналѣ М. Г. Им. и въ Трудахъ Имп. В. Эк. Общества. Въ этомъ же году я познакомился съ редакторомъ „Землед. Газеты" Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ и былъ приглашенъ участвовать въ издаваемой имъ газетѣ „Посредникъ".

1850 года, по задачѣ ученаго комитета М. Г. Имущ., я написалъ *Описаніе мстиславскаго уѣзда* и удостоился почетнаго отзыва Комитета отъ 9 февраля 1851 года за № 84. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. № 39—*Чищеніе серебра*; № 44—*Еще опытъ кошенія ржи*; № 53—*О новыхъ орудіяхъ уборки картофеля*; № 65—*Климатологія мстиславскаго уѣзда.*

Въ Трудахъ Им. В. Эк. Общества—*Очерки хозяйства моего*, № 4, за апрѣль 1850 г.

Противъ этой статьи интриговали польскіе паны, и одинъ изъ нихъ, пребывавшій въ Петербургѣ, указалъ на нее генералу Дубельту, какъ на либеральную, гдѣ написана была фраза, что „переселенные мною въ Бѣлоруссію малороссы, забывъ тоску по отчизнѣ, привыкли къ бѣлорусскому хозяйству. На все это сосѣди хотя и смотрятъ одобрительно, но у насъ нововведенія требуютъ людей рѣшительныхъ; отъ этого встрѣчаются иногда похвалы съ завистью, которая не рѣдко примѣшиваетъ упрямство, и полезное подражаніе останавливается въ раздумьи. Полезны-ли эти труды (т. е. система моего хозяйства, которыми наполнена статья), предоставляю судить другимъ". Статья эта была доложена государю Николаю Павловичу и вызвала объясненіе вице-президента И. В. Э. О. князя Долгорукова.

Въ томъ же году я назначенъ былъ членомъ-корреспондентомъ И. В. Э. О. и получилъ дипломъ. Въ томъ же году моя статья подъ заглавіемъ *Хозяйство въ имѣніи Кудричахъ* напечатана въ газетѣ „Экономъ", издаваемой подъ редакціею Булга-

рина № 11—18; въ 1852, 1855 и 1857 годахъ въ Экономическомъ Обществѣ—*Опытъ объ улучшеніи хозяйства* и вообще о народномъ благосостояніи.

Между тѣмъ я писалъ государственные проекты: 1) *О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ*, поданный 27 генваря 1857 года графу Блудову; 2) О судебной администраціи: чиновники, инстанціи и судопроизводство,—послано 20 марта того же года графу Блудову; 3) Проектъ объ откупахъ и акцизѣ. Эти проекты впослѣдствіи я послалъ Якову Ивановичу Ростовцеву и получилъ отъ него отзывъ; писалъ я много и другихъ проектовъ, о чемъ будетъ говорено по порядку лѣтъ.

Теперь я возвращаюсь къ 1850 году и буду продолжать послѣдовательно.

Кромѣ хозяйства, я строилъ шоссе въ м. Кричевѣ, между рѣками Сожемъ и Черной рѣчкой на сумму 40 тыс. руб. сер., и вышелъ почти безъ барыша, по худой расплатѣ повѣренныхъ главнаго подрядчика Лярскаго. Велъ переписку о хозяйствѣ съ людьми, знакомыми мнѣ только по журналамъ, которые дѣлали мнѣ честь своими вопросами, а именно: съ генераломъ Николаемъ Васильевичемъ Вохинымъ, псковскимъ помѣщикомъ, съ генераломъ Дмитріемъ Михайловичемъ Самборскимъ, тверскимъ помѣщикомъ, съ Өаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, редакторомъ „Эконома", съ Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ, издателемъ „Посредника", съ Петромъ Александровичемъ Головинскимъ, старобѣльскимъ помѣщикомъ, съ Василіемъ Андреевичемъ Журавлевымъ, управляющимъ имѣніями генерала Хомутова и писателемъ; съ Иваномъ Николаевичемъ Лермонтовымъ, задонскимъ помѣщикомъ; съ Александромъ Михайловичемъ Дураковскимъ, великолуцкимъ помѣщикомъ; съ Дмитріемъ Ивановичемъ Брещинскимъ, кунгурскимъ помѣщикомъ пермской губ.; съ Гавриломъ Ивановичемъ Шульгинымъ, ростовскимъ помѣщикомъ; съ Петромъ Родіоновичемъ Подушкинымъ, вяземскимъ помѣщикомъ; съ Владиміромъ Федоровичемъ Петрицкимъ, шуйскимъ помѣщикомъ; съ Андреемъ Ивановичемъ Чихачовымъ [1]), шуй-

[1]) Съ Андр. Ивановичемъ наша переписка ходила отъ одного къ другому тетрадью нѣсколько лѣтъ, и не знаю, почему тетрадь осталась у него, мнѣ не возвращенная, въ 1859 г.

скимъ же помѣщикомъ и писателемъ; съ Александромъ Евграфовичемъ Чернявскимъ, помѣщикомъ суражскаго уѣзда черниговской губерніи, писателемъ и сахароваромъ; съ Павломъ Осиповичемъ Енько, витебскимъ помѣщикомъ и писателемъ; съ Мартыномъ Ивановичемъ Ивановымъ, белибинскимъ окружнымъ начальникомъ.

На всѣ отзывы я отвѣчалъ—инымъ по нѣскольку разъ, нѣкоторымъ высылалъ сѣмена или планы для построекъ и даже планы для полеводства, и пріятное о нихъ воспоминаніе всегда доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Наконецъ насталъ 1851 годъ, для меня несчастный: моя жена, ѣдучи въ другую деревню съ дѣтьми въ коляскѣ въ шесть лошадей, провалилась на мосту и съ испугу заболѣла, а 11 февраля 1851 года, въ 10 часовъ 45 минутъ ночью, отошла въ вѣчность, тихо и нѣжно, взглянувъ на меня въ послѣдній разъ, еще пожала мою руку. Этотъ роковой случай совершенно поразилъ меня, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе десятилѣтней нашей съ нею жизни, мы никогда не разлучались, а въ это несчастное время какъ нарочно она уѣхала безъ меня и, главное, не вышла изъ экипажа, когда, бывало, при малѣйшей горкѣ или переѣздѣ чрезъ ничтожный мостикъ никогда ни мнѣ не позволяла, ни сама не оставалась въ экипажѣ. Такъ ужъ судилъ злой рокъ, какъ говорится,—смерть причину найдетъ. Мари была слабаго здоровья, но чрезвычайно веселаго нрава, даже никогда болѣзненности своей не обнаруживала, чтобы меня не безпокоить. Большая мастерица въ изготовленіи многихъ туалетныхъ и дѣтскихъ вещей, хорошо знала нѣмецкій и французскій языки, русскій же и польскій были ея родные; любила женское хозяйство, любила меня безъ памяти и, къ скорби моей, оставила свѣтъ на 29-мъ году отъ рожденія. Похоронена въ Кудричахъ, рядомъ съ ея матерью, также во цвѣтѣ лѣтъ снизшедшею въ могилу. Надъ могилой Мари поставленъ крестъ съ надписью: „Здѣсь лежитъ Марьяна Каетановна Сердюкова, урожденная Ольшевская. Умерла 11 февраля 1851 года, на 29-мъ году жизни“ [1]). При

[1]) Я написалъ стихи, которые нынѣ на крестѣ стерлись:

„Твоя неожиданная смерть мнѣ жизнь отравила:
Она у меня исторгнула жену и сына матери лишила“.

этихъ могилахъ теперь строится церковь во имя Іоанна Милостиваго.

Послѣ погребенья, на другой же день, взглянувъ въ окно, изъ котораго видна ея могила, я не могъ жить въ домѣ и на третій день оставилъ Кудричи, выѣхалъ въ Петербургъ, предполагая дорогою разсѣять грусть и въ столицѣ сыскать службу. Аристарха я оставилъ дома подъ надзоромъ няни и старушки Чаплицовой. Ему тогда было пять лѣтъ.

Часть третья.

При отъѣздѣ изъ Кудричъ, управленіе имѣніемъ я поручилъ войту Петрику, а надзирать и руководить по писанному просилъ мстиславскаго стряпчаго Евдокима Ивановича Бѣлохвостова, казавшагося мнѣ большимъ пріятелемъ; разумѣется, положено было ему жалованье, а въ помощь ему приглашенъ еще городовой врачъ Тимофей Севастьяновичъ Севастьяновъ, большой мой пріятель. Проѣхавъ 30 верстъ, до м. Кричева, на собственныхъ лошадяхъ, я остановился здѣсь кормить лошадей у еврея, называемаго Ротшильдомъ, Лейбы Певзнера, человѣка почтеннаго и пользующагося хорошимъ знакомствомъ. Здѣсь нашелъ тоже остановившагося помѣщика Александра Станиславовича Голынскаго. Зашелъ разговоръ, кто куда ѣдетъ, потомъ Певзнеръ и Голынскій сожалѣли о моей потерѣ, а какъ и Голынскій вдовецъ, то Певзнеръ, какъ бы въ шутку, совѣтовалъ ему жениться и предлагалъ невѣсту, Александру Николаевну, ему извѣстную; но Голынскій, отстраняя предложеніе, обратилъ сватовство ко мнѣ. Отвѣчать мнѣ было легко: я этой особы не знаю и о женитьбѣ теперь не помышляю; а ежели они оба такъ хвалятъ Александру Николаевну, по фамиліи Очкину, то я просилъ бы ихъ сосватать ее за моего пріятеля Бѣлохвостова. Оба они охотно на это согласились.

Между тѣмъ мнѣ привели почтовыхъ лошадей. Я простился и покатилъ по шоссе на Москву, а оттоль по чугункѣ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ, именно 20 февраля 1851 года, я пошелъ въ книжный магазинъ Исакова. Здѣсь встрѣ-

тилъ Ѳ. В. Булгарина, который спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Выслушавъ мою повѣсть и желаніе поступить на службу, онъ былъ столь любезенъ, что сейчасъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— „Приходи ко мнѣ завтра въ 11 час. утра, я тебя отрекомендую".

Въ назначенный часъ явился я къ Ѳ. В. Онъ квартировалъ на Невскомъ, въ домѣ Миняева. Дверь кабинета его завѣшена была сукномъ. Я отдернулъ безъ доклада и очутился въ кабинетѣ. Булгаринъ стоялъ у пульпета и писалъ, съ сигарой въ зубахъ; на немъ было коричневое, почти красное, коротенькое пальто, зеленый галстухъ и желтые въ полоскахъ панталоны. Услыша мое привѣтствіе, онъ поднялъ глаза, положилъ перо, подалъ мнѣ руку и буркнулъ:

— „А, мое почтеніе, мое почтеніе. Ну, что? Вотъ я сію минуту напишу. Хотите вы служить по хозяйственному департаменту министерства государственныхъ имуществъ? Директоръ Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, большой мой пріятель, я полагаю, васъ приметъ на службу".

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Булгаринъ принялся писать, потомъ прочиталъ и подалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Алексѣй Ираклієвичъ! Господинъ Сердюковъ, извѣстный у насъ по хозяйственной литературѣ за бойкаго человѣка, а по обществу—за практическаго хозяина, желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ. Рекомендую. Это находка, а не человѣкъ. Вы доставите себѣ и мнѣ удовольствіе, если дадите ему мѣсто. Пріймите увѣреніе въ преданности и дружбѣ. Ѳ. Булгаринъ. 22-го февраля 1851 года.

Съ этимъ письмомъ я въ тотъ же день отравился въ департаментъ, гдѣ квартировалъ А. И. Левшинъ. Прочитавъ письмо, мною поданное лично, А. И. посадилъ меня и довольно долго бесѣдовалъ со мною. Рѣчь шла о Горецкомъ институтѣ, о тамошнемъ хозяйствѣ. На все я отвѣчалъ, какъ зналъ, будучи знакомъ съ этимъ заведеніемъ. Прощаясь А. И. сказалъ:

— Я въ настоящую минуту не придумаю вамъ должности, всѣ заняты; но буду имѣть васъ въ виду и постараюсь пріискать вамъ мѣсто; понавѣдайтесь черезъ 4—5 дней. Я не забуду васъ".

Съ этимъ я откланялся, пріятно и вѣжливо привѣтствуемый Левшинымъ.

Черезъ 3 дня Булгаринъ мнѣ писалъ: „Приходите ко мнѣ—есть дѣло. Бывайте у меня чаще—я дома съ утра до часу и съ 5 до 10 вечера. Ѳ. Булгаринъ". Я пришелъ, и онъ подалъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ! На письмо ваше отъ 22 сего февраля имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что рекомендуемый мнѣ вами г. Сердюковъ, судя по объясненіямъ моимъ съ нимъ, можетъ быть съ пользою употребленъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но какъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одной вакансіи, которая могла бы быть ему предоставлена, то я буду имѣть его въ виду на будущее время и очень радъ буду, если найду случай сдѣлать вамъ и ему тѣмъ удовольствіе. Пріймите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Левшинъ. 25 февраля 1851 года".

Въ это время спросилъ меня Булгаринъ, не привезъ ли я чего изъ статей. Я ему показалъ написанную при отъѣздѣ изъ имѣнія инструкцію для моихъ управляющихъ. Онъ ее взялъ и напечаталъ въ „Экономѣ", №№ 11—18 подъ заглавіемъ: „Хозяйство въ помѣстьи Кудричи". За эту статью издатель Югенмейстеръ заплатилъ мнѣ 50 руб. сереб.

Въ слѣдующій вторникъ я отправился къ Левшину. Онъ принялъ меня весело и сказалъ:

— Мѣсто для васъ есть, потрудитесь поговорить съ начальникомъ отдѣленія, а потомъ мнѣ скажете.

При этомъ человѣку, предъ нимъ стоявшему, указалъ онъ отвести меня въ отдѣленіе. Тамъ мнѣ предложили мѣсто помощника инспектора въ самарской губерніи по иностраннымъ колоніямъ; жалованья 800 рублей и на разъѣзды, прогоны и подорожная. Возвратясь къ Алексѣю Ираклiевичу, я поблагодарилъ его и просилъ отсрочки на нѣкоторое время—подумать.

— Извольте, только прошу васъ не долго думать. Это мѣсто нужно замѣстить поскорѣе.

И съ этимъ я простился. Вышедши изъ департамента въ размышленіи, побрелъ я медленными шагами, какъ неожиданно меня встрѣтилъ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, прежній, по Полтавѣ, мой большой пріятель, взялъ съ собою въ сани, и мы отправились къ нему. Слово за слово, объяснилось дѣло скоро, и онъ, выслушавъ мой разсказъ, качая головою, утвердительнымъ тономъ, какъ другъ, рѣшилъ:

— Откажись ты отъ этой Самары! Куда тебя несетъ за 2 тысячи верстъ отъ дому? Тебѣ чиновъ и орденовъ не нужно, а надобно обезпечить семейство порядочнымъ жалованьемъ, службою сообразно твоимъ способностямъ по агрономіи. Хочешь, намъ нуженъ такой, какъ ты, управляющій въ калужскія имѣнія князей Кочубеевъ. Поѣдемъ сейчасъ, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ служилъ у князей Льва, Сергѣя, Василія и Михаила Викторовичей Кочубеевъ.

Мнѣ понравилось его предложеніе, потому что имѣніе, предлагаемое къ управленію, отстояло отъ моего дома всего въ 250 верстахъ.

Я согласился, и мы въ тотъ же день были у князя Сергѣя, завѣдывавшаго дѣлами братьевъ, договорились за 1500 руб. въ годъ жалованья по имѣніямъ Сергѣя и Льва Викторовичей въ калужской губерніи, медынскаго уѣзда, отчинѣ Троицкое и Адуево, съ 1800 душами, съ бумажною фабрикою и прочими заведеніями, подъ мое управленіе поступающими. Мнѣ дали на дорогу 200 руб., довѣренность, и я, отказавшись отъ предложенія самарскаго, выѣхалъ въ Кудричи, простившись съ добрымъ моимъ товарищемъ и съ Булгаринымъ.

Распорядившись въ Кудричахъ и взявъ Аристарха съ нянею, 10 іюня выѣхалъ, а 12-го 1851 года былъ я уже въ Троицкомъ. Пріѣздъ мой былъ внезапный,—тамъ никто не зналъ о перемѣнѣ, письмо къ прежнему управляющему, статскому совѣтнику Николаю Павловичу Филиппову, о сдачѣ мнѣ имѣнія передано чрезъ меня лично. Прочитавши его, онъ былъ сконфуженъ, но принялъ меня радушно; онъ и почтенная его суп-

руга, люди добрые и образованные, до самаго отъѣзда ихъ изъ Троицкаго были со мною не разлучны. Должность онъ сдалъ мнѣ аккуратно и, получивъ изъ суммъ княжескихъ 300 руб. и экипажъ, выѣхалъ благополучно. Распрощавшись съ Филипповыми, я принялся за хозяйство. Въ Троицкомъ устроена писчебумажная фабрика, которая князю принесла убытокъ, но когда отдали ее англичанину Василію Осиповичу Говарду въ аренду, то она стала приносить доходъ въ 9 т. руб. серебромъ ежегодно. Вотъ что значитъ—дѣло мастера боится! Впослѣдствіи эту фабрику онъ же и купилъ. Князь Сергѣй навѣщалъ меня и, кажется, былъ доволенъ. Я по дѣламъ его, коихъ принялъ достаточно тяжебныхъ, очень часто ѣздилъ въ обѣ столицы и въ Калугу. Слѣдствіемъ чего было то, что мы купили еще имѣніе въ масальскомъ уѣздѣ, село Жуковку, съ 1000 душъ крестьянъ; пріобрѣтеніе это досталось отъ нѣкоей Нѣмчиновой, на которую пріобрѣли всѣ векселя. Имѣніе это также поступило въ мое завѣдываніе, съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья въ 800 руб. Всѣмъ имѣніямъ я составилъ статистическія описанія и планы; множество сдѣлалъ экономическихъ сокращеній въ безполезныхъ заведеніяхъ и прислугѣ, а многое, напротивъ, устроилъ. Князь Жуковку для себя не прочилъ, а купилъ для барышей.

Между этою дѣятельностью я писалъ къ Бѣлохвостову, какъ управляющему моимъ имѣніемъ, и между прочимъ, вслѣдствіе разговора въ Кричевѣ, совѣтовалъ ему невѣсту Очкину. Онъ на это въ отвѣтъ просилъ меня пріѣхать и его познакомить. Хотя я и самъ никогда ее не видалъ и даже не былъ знакомъ съ ея родными, но мнѣ пришла благая мысль устроить это при посредствѣ кума моего, полковника Филиппа Ивановича Ковалика, по сосѣдству съ Очкиной имѣющаго свое помѣстье. Для этого зимой 1851 года я отправился въ Кудричи и, взявъ съ собою Бѣлохвостова, поѣхали къ Ковалику, а съ нимъ отправились въ м. Кричевъ, въ домъ тамошнихъ почетныхъ гражданъ Бочковыхъ, у которыхъ Очкина проживала и учила дѣтей. Явясь къ Бочковымъ, Филиппъ Ивановичъ отрекомендовалъ насъ, какъ водится, хозяину, изъ трехъ братьевъ находящемуся тогда въ домѣ, Емельяну Степановичу, а Очкина си-

дѣла въ другой комнатѣ съ дѣтьми. Мнѣ любопытно было скорѣе съ нею познакомиться; я вошелъ въ залу, поклонившись дѣвушкѣ, спросилъ ея имя—это была дѣйствительно она,—отрекомендовался и началъ разговоръ:

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— „Какъ изволите видѣть, читаемъ съ дѣтьми,“ мнѣ поинститутски отвѣчали (она была институтка). Съ этимъ словомъ прекратила занятіе и ушла со всѣмъ своимъ классомъ въ другіе покои [1]). Я возвратился къ своей компаніи, гдѣ Филиппъ Ивановичъ успѣлъ объяснить цѣль нашего посѣщенія. Но Емельянъ Степановичъ не могъ рѣшить этого дѣла безъ старшаго брата Осипа Степановича, который жилъ въ с. Гайдуковкѣ, управляя имѣніями помѣщиковъ Голынскихъ, и который воспитывалъ Очкину, какъ родной дядя и опекунъ ея. Впрочемъ подали чай, къ чаю вышла и Александра Николаевна. Филиппъ Ивановичъ и я, какъ уже ея знакомые, представили ей Бѣлохвостова, обмѣнялись нѣсколькими словами и сѣли за карты. Къ столу подходила Александра Николаевна и внимательно насъ разсматривала; наконецъ подали ужинъ, за которымъ мы были поразвязнѣе и успѣли нѣсколько и себя заявить, и барышню узнать. Насъ просили на обѣдъ завтра.

На другой день мы явились. На этотъ разъ мы встрѣтили Александру Николаевну въ гостинной, одѣтую съ изяществомъ. Какъ-то мнѣ первому опять пришлось начать разговоръ съ дѣвушкой. На этотъ разъ бесѣда была оживленнѣе. Женихъ что-то былъ застѣнчивъ—за него я во многомъ дѣлалъ вопросы и получалъ отвѣты. Послѣ обѣда оставались весь вечеръ. При прощаньи я взялъ за руку Александру Николаевну и пожелалъ всего лучшаго и совершеннаго счастья.

— „Да, сказала она съ улыбкой: счастье, быть можетъ, и очень близко, но неизвѣстно, кто его устроитъ.“

Эти умныя слова, содержанія черезвычайно замысловатаго, по тогдашнимъ обстоятельствамъ еще болѣе поселили во мнѣ

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что Александрѣ Николаевнѣ не понравилось наше посѣщеніе. Она уже прослышала о нашемъ намѣреніи сватать ее за Бѣлохвостова.

уваженіе къ дѣвицѣ, которой достоинства я уже достаточно видѣлъ. Мы простились. Хозяинъ просилъ Бѣлохостова бывать у нихъ.

Возвращаясь съ Бѣлохвостовымъ въ Кудричи, мы всю дорогу почти молчали, а на слѣдующей станціи онъ спросилъ мое мнѣніе объ Александрѣ Николаевнѣ. Я отвѣчалъ какъ нельзя лучше и совѣтовалъ ему не упускать столь интересной невѣсты, бывая и сближаясь съ нею сколь возможно въ мнѣніяхъ.

Вскорѣ я возвратился въ Троицкое и очень часто получалъ отъ Бѣлохвостова письма, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ меня о своихъ успѣхахъ и надеждахъ вскорѣ сдѣлаться мужемъ Александры Николаевны. Даже назначено было 29 іюня 1852 года быть вѣнцу, для присутствія при которомъ просилъ и меня пріѣхать.

Приготовляясь къ свадьбѣ своей племянницы, Осипъ Степановичъ Бочко въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 года ѣхалъ въ Москву за покупкою приданаго съ двумя племянницами, Александрой Николаевной Очкиной и Анной Емельяновной Бочковой; послѣднюю при этомъ случаѣ везли для помѣщенія въ институтъ. Не далеко было въ сторону своротить въ Троицкое. Пріѣздъ ихъ былъ неожиданный, но я былъ дома и встрѣтилъ ихъ съ удовольствіемъ. Съ Осипомъ Степановичемъ и съ меньшой его племянницей я еще не былъ знакомъ.

— „Я пріѣхалъ, или заѣхалъ,—началъ Осипъ Степановичъ свое привѣтствіе,—для того, чтобы поблагодарить васъ, И. И., за участіе въ судьбѣ моей Александры, принятое вами безъ всякихъ моихъ заслугъ. Извините, но долгъ мой я исполняю съ величайшимъ удовольствіемъ“.

Мы съ нимъ познакомились скоро, войдя въ разсужденіе о хозяйствѣ. Дѣвушекъ я занялъ книгами, и мы вечеръ провели какъ нельзя лучше. На другой день Говардъ пригласилъ насъ на обѣдъ; мы поѣхали втроемъ: О. С., Александра Николаевна и я. Писчебумажная фабрика, которую Говардъ арендовалъ, отъ моей резиденціи отстояла версты на $1^1/_2$, слѣдственно мы явились скоро. Жена Говарда, Юлія Степановна, женщина образованная, заняла дѣвушку, мою гостью. Мы всѣ были приняты

радушно, обѣдали вкусно и весело и возвращались уже при лунѣ. Въ дорогѣ, подъ вліяніемъ мечтательнаго свѣта, мы разговаривали съ Александрой Николаевной о ея женихѣ, и я узналъ, что онъ ей не нравится; скорый нашъ пріѣздъ къ крыльцу прекратилъ нашъ разговоръ. На другой день гости мои уѣхали. Хотя мнѣ послѣ Юлія Степановна и намекала на интересность этой дѣвушки, но думать о ней мнѣ, когда я самъ же ее сосваталъ и когда уже у нихъ все было кончено и назначена 29 іюня свадьба—было бы смѣшно и безразсудно.

Послѣ того пошла моя обычная жизнь. Бочко со старшею племянницею возвратились домой, а меньшую оставили въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Вдругъ 26 іюня 1852 года, въ то самое время, какъ я думалъ ѣхать на свадьбу Бѣлохвостова, получаю отъ него слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Рѣшаясь жениться не иначе, какъ съ благословеніемъ моего старшаго брата, Максима Ивановича, который во всю мою жизнь заступалъ мѣсто отца,—я взялъ отпускъ, поѣхалъ къ нему въ Могилевъ. Здѣсь, при первой же встрѣчѣ, братъ, указывая на иконы, въ углу стоявшія на столѣ, сказалъ: „Вотъ твое благословеніе, но ты его не получишь дотолѣ, пока я не увижу, что обѣщанное приданое невѣста предъ вѣнцомъ тебѣ отдастъ въ руки наличными или билетами.“ Судите сами, что я долженъ дѣлать! Разумѣется, я противъ брата не пойду. А потому отселѣ же пишу къ Осипу Степановичу объ этомъ, и къ 29 числу быть къ нимъ не могу. Вы это дѣло начали, вы и развяжите и дайте оборотъ, чтобы я не былъ больше причиною стѣсненія невѣсты. Вы какъ-то ловче умѣете отдѣлаться, а я не хочу. Вамъ преданный Е. Бѣлохвостовъ.“

Разумѣется, послѣ этого письма я не поѣхалъ въ Бѣлоруссію, но слыхалъ, что Бочко, получивши упомянутое письмо изъ Могилева отъ Бѣлохвостова, тотчасъ возвратилъ ему всѣ письма, какія онъ писалъ къ нему и къ невѣстѣ, кой-какіе мелкіе подарочки, и написалъ, что онъ его увольняетъ отъ званія жениха Александры Николаевны съ большимъ удовольствіемъ.

Бѣлохвостовъ послѣ опомнился, но уже было поздно. Присылалъ парламентеровъ своихъ: князя Оболенскаго и И. И. Толпыгу, но и эти ничего не успѣли. Бочко и племянница его не только видѣть Бѣлохвостова, но и слышать о немъ не хотѣли. Такъ засватанная, или просватанная, невѣста и осталась безъ претензій. Она даже молилась Богу за спасеніе и теперь призналась своему дядѣ, что дала было согласіе Бѣлохвостову собственно изъ желанія успокоить дядю, коего желаніе видѣла, но свою скорбь скрывала.

Удивительная судьба! Дѣло, совершенно конченное, разстроилось такъ быстро. Даже долго не вѣрили этому.

Между тѣмъ я написалъ подробный уставъ Троицкаго и, по предложенію Им. В. Эк. Об. отъ 25 іюля 1851 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія". Обѣ тетради я далъ прочитать кн. Сергѣю Кочубею, и первую онъ у меня выпросилъ, обѣщая заплатить, а относительно послѣдней сказалъ, что онъ опасается, дабы меня не посадили за нее, хотя, впрочемъ, тамъ ничего и не заключалось, кромѣ правды: я описывалъ тогдашнія несправедливости и взяточничество, чрезвычайно отражающіяся на всякомъ хозяйствѣ, и преподавалъ способы, какъ устранить это зло. Тамъ я коснулся также крѣпостного права, которое предполагалъ смягчить. За всѣмъ тѣмъ я не рѣшился послать мои мысли въ Экономическое Общество и уже отослалъ ихъ при воцареніи Александра Николаевича, 30 октября 1855 года. Но Общество мнѣ возвратило, при отношеніи отъ 11 августа 1856 года, съ замѣчаніемъ, что „предметы, разсматриваемые мною въ этомъ сочиненіи, болѣе входятъ въ разрядъ вопросовъ, касающихся государственнаго управленія, и прямой связи съ нуждами сельскаго хозяйства не имѣютъ, а слѣдственно и не служатъ отвѣтомъ на предложеніе совѣта, по желанію министра Г. Им., въ 1852 году". Впослѣдствіи все-таки я вопросъ этотъ раздѣлилъ на два и послалъ гр. Блудову и Ростовцеву: а) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, тутъ же и о пониженіи процентовъ, б) О судебной администраціи.

Наконецъ князь Сергѣй Кочубей замыслилъ продавать свои имѣнія, и изъ покупщиковъ явился полковникъ Вырубовъ, съ которымъ я объѣзжалъ Жуковку; но князь съ нимъ не сошелся и запродалъ помѣщику Булычеву, чего я до нѣкотораго времени не зналъ, но замѣчалъ, что князь со мною обращается иначе. До сего я не понималъ причины, ибо для его пользы было сдѣлано мною чрезвычайно много, за что, какъ онъ всегда выражался, „я вамъ отсчитаю". Но въ сущности холодность была умышленная, чтобы отдѣлаться отъ обѣщаннаго вознагражденія.

Въ октябрѣ 1852 г. пріѣхалъ ко мнѣ въ Жуковку кумъ мой, Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, съ моимъ крестникомъ въ гости и помѣстились въ моей квартирѣ. Я тогда былъ въ Троицкомъ и собирался съ княземъ въ Жуковку; князь отправился туда на почтовыхъ, а я поѣхалъ на своихъ; слѣдственно, князь доѣхалъ прежде меня и ночью подъѣхалъ къ моей квартирѣ, гдѣ ночевалъ Коваликъ. Хотя князю была приготовлена другая квартира, гдѣ онъ и остановился, но его уже вздернуло, что ему не пришлось ночевать у меня. Рано на другой день пріѣхалъ и я въ Жуковку и очень обрадовался гостю-куму. Сидимъ. Вдругъ входитъ князь и, не снимая фуражки, обходитъ всю мою квартиру, приказывая мнѣ отправить картины[1]) въ Петербургъ.

Видя невѣжливость князя, я нарочно, не слушая его распоряженія, отрекомендовалъ своего гостя и заставилъ его снять шляпу и вступить съ нами въ болѣе вѣжливый разговоръ. Князь ушелъ. Мнѣ стыдно сдѣлалось предъ гостемъ за моего князя, котораго, какъ на бѣду, я хвалилъ. Боже мой, подумалъ я, какъ люди перемѣняются изъ-за проклятаго интереса! Изъ вѣжливаго человѣка дѣлается грубый! А все для того, чтобы отнять награду за труды у людей, кои способствовали къ его обогащенію... Филиппъ Ивановичъ помогъ моимъ думамъ: невѣжество князя его удивило и подало поводъ говорить о

[1]) Надобно сказать, что Жуковка Нѣмчиновою куплена у князя Вяземскаго извѣстнаго любителя картинъ, которыхъ здѣсь оставалось много и отличныхъ.

всѣхъ нашихъ вельможахъ съ невыгодной стороны; я прекратилъ разговоръ и въ досадѣ отправился къ князю.

Я засталъ его съ Полянскимъ, отставнымъ лейтенантомъ, и съ студентомъ Назаровымъ, который нѣкогда въ университетѣ сидѣлъ съ княземъ на одной скамьѣ.

— Вы, князь, началъ я, вѣроятно, недовольны мною и моимъ гостемъ, то не лучше-ли намъ безъ ссоры разстаться?

— „Съ чего это вы взяли?“ спросилъ князь.

— Изъ вашихъ поступковъ (я ему высказалъ многое.)

— „Что же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы приказали снять съ меня управленіе вашими имѣніями.

— „Сожалѣю, но теперь не имѣю въ виду человѣка“.

— А вотъ сидятъ два господина; прикажите любому. А я вамъ больше не слуга.

Князь поежился, но удержался и только сказалъ: „Хорошо, если вамъ это угодно. Мы разочтемся“. Я ушелъ.

Возвратясь въ квартиру, засталъ я дорогого моего гостя собирающимся въ путь. Грустно мнѣ было, что мы съ княземъ такъ его приняли, но кумъ мой, человѣкъ разсудительный, самъ разрѣшилъ мою женерозность. „Я повторяю, сказалъ онъ, что вы напрасно бросили свое имѣніе для того, чтобы служить неблагодарнымъ людямъ. У нашихъ господъ всякій управляющій называется не иначе, какъ воръ, имъ хочется все, что только можно, высосать изъ имѣнія, и лишь мало-мальски управляющій поэкономничаетъ на устройство имѣнія, онъ имъ не нравится. При томъ же наши господа, никогда не живущіе въ имѣніяхъ, всѣхъ слугъ считаютъ за рабовъ, того не понимая, что эти же слуги суть ихъ друзья и ими то они существуютъ или, по крайней мѣрѣ, управляются. Я вамъ совѣтую отправляться домой, жениться и хозяйничать“.

Когда я сказалъ ему, что съ княземъ ужъ почти разстался, то онъ чрезвычайно одобрилъ это, рекомендовалъ тутъ же и невѣсту—кого вы думаете?... Александру Николаевну!

Здѣсь только я узналъ, что Бѣлохвостову отказали и что она свободна. Я написалъ, по совѣту Ф. И., письма къ ней и къ дядѣ Александры Николаевны и вручилъ ихъ Филиппу Ивановичу для доставленія.

Передъ отъѣздомъ князя я съ нимъ простился и подалъ счетъ объ уплатѣ 800 руб. жалованья и обѣщанныхъ за уставъ для Троицкаго. Князь обѣщалъ, а на этотъ разъ извинялся неимѣніемъ. Съ тѣмъ мы и разстались, а имѣніе я сдалъ Полянскому и переѣхалъ въ Адуево, имѣніе другого князя, Льва Викторовича Кочубея. Но такъ какъ здѣсь имѣніе было оброчное, такъ что управлять мнѣ было нечѣмъ, то рѣшился я оставить и эту службу, тѣмъ болѣе что въ это время получилъ я благопріятный отвѣтъ отъ Александры Николаевны, съ приглашеніемъ пріѣхать къ именинамъ дяди, 3-го ноября, въ Речицы, помѣстье Бочкова.

Я уже былъ почти свободенъ. Говорить о моемъ удовольствіи отъ полученнаго письма было бы много, такъ много, что исписать можно цѣлыя стопы бумаги;—однимъ словомъ, я полетѣлъ въ Речицы, но ужъ на именины не поспѣлъ. Пріѣхалъ 6 числа и встрѣтился очень пріятно съ Александрой Николаевной. Тамъ я нашелъ нѣкоторыхъ гостей, а 7-го числа пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ крестный отецъ Александры Николаевны Михаилъ Степановичъ Голынскій. Съ невѣстой мы скоро объяснились. Я отъ души полюбилъ ее за откровенность и умъ. Она смотрѣла на меня иначе, какъ на бывшаго своего жениха, по сходности нашихъ характеровъ. А чтобы заняться скорѣе дѣломъ, мы 13 ноября 1852 г. обвѣнчались въ Свадковичахъ, а черезъ 3 дня уѣхали въ Адуево.

Передъ вѣнцомъ я написалъ къ Бѣлохвостову слѣдующее письмо: „Милостивый государь Евдокимъ Ивановичъ! Судьбы Всевышняго неисповѣдимы: Александра Николаевна теперь моя. Завтра въ 4 часа вечера совершится бракосочетаніе въ Свадковской церкви. Что вы на это скажете? Я знаю, кромѣ хорошаго—ничего! Вамъ счастья желалъ я, даже не скрою теперь, что въ первый разъ нашего съ вами пріѣзда она мнѣ понравилась, быть можетъ, болѣе, нежели вамъ; но я далъ слово ее сватать за

васъ, а не за себя, и всей душой старался. Вы это хорошо знаете. И что же? за мое великодушіе вы мнѣ тѣмъ же отплатили. Вы, знаю, высокой души человѣкъ, скажете точно такъ. Удивляться долженъ всякій, какъ мы обязаны теперь любить одинъ другого, ибо уступили другъ другу счастье, или лучше сказать, наперерывъ старались дѣлать одинъ другому преимущества, пока сама судьба подписала рѣшеніе. Тьма мыслей и всего хорошаго въ пользу вашу излились бы на эту бумагу, но мы другъ друга поймемъ и оцѣнимъ, и увѣренъ я, что наша дружба скрѣпится далеко сильнѣе и никогда не измѣнится. Пріѣзжайте къ намъ въ Сватковичи: вы будете пріятнымъ гостемъ. Извините, что не могъ заранѣе васъ увѣдомить. Это послѣдовало такъ внезапно, что я долго былъ въ нерѣшимости. Теперь же посылаю вамъ эстафету, чтобы поспѣло. Вамъ преданный И. Сердюковъ. 12 ноября 1852 г. Кричевъ“.

Отвѣтъ Бѣлохвостова: „Милое ваше, Иванъ Ивановичъ, приглашеніе я получилъ въ 2 часа дня 13 ноября. Извините— быть не могу. Вы въ этомъ меня не упрекнете, а лично тутъ уже поздравлю. Тороплюсь отвѣчать и честь имѣю быть съ прежнимъ уваженіемъ. Е. Бѣлохвостовъ. 13 ноября 1852 года, половина 3-го часа“.

Пріѣздъ нашъ въ Адуево былъ, какъ водится, встрѣченъ крестьянами и духовенствомъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ надобность указала ѣхать въ Москву по дѣламъ князя Льва Викторовича съ помѣщикомъ Доломановымъ, куда мы и уѣхали. Александрина приняла съ искренней любовью Аристарха, какъ мать родная. Въ Москвѣ мы жили недѣли три, до пріѣзда Василія Алексѣевича Соколовскаго, который, узнавъ, что я оставилъ управленіе имѣніями Сергѣя Викторовича, по причинамъ совершенно отъ меня не зависѣвшимъ, пригласилъ меня къ Льву Викторовичу въ Петербургъ, гдѣ я прошенъ былъ занять мѣсто въ саратовскихъ имѣніяхъ; но такъ какъ я уже расположился ѣхать домой и даже отъ Адуева отказывался, то князь просилъ хотя съѣздить для ревизіи вмѣстѣ съ В. А. въ саратовское имѣніе. Любезность Льва Викторовича убѣдила меня—я согласился съѣздить въ саратовскія имѣнія, сколь мнѣ ни желательно было

бы скорѣе успокоиться отъ дѣлъ, такъ мало для меня полезныхъ, а тѣмъ болѣе не хотѣлось надолго разставаться съ молодой женой. Александрина однако согласилась отпустить, и мы съ Соколовскимъ пустились въ путь въ первыхъ числахъ февраля и пріѣхали въ Саратовъ 9-го февраля 1853 года. Черезъ три дня отправились въ аткарскій уѣздъ и принялись за дѣло.

Послѣ ревизіи, для которой я просидѣлъ въ этихъ имѣніяхъ по 22 апрѣля 1853 года, на мѣсто прежняго управляющаго Паскаля, опредѣленъ другой, нѣмецъ Мекленбургъ, который и пріѣхалъ при мнѣ.

Мы провели тамъ время отлично. Оба управляющіе были женаты. Самоваръ у насъ со стола не сходилъ. Рыбы, по близости Волги, очень было много и хорошей: стерлядки, осетры, бѣлорыбица. Жена Дена (одного изъ управляющихъ) Эмилія Карловна, очень хорошая хозяйка, угощала насъ сытнымъ столомъ. Общество наше не рѣдко увеличивалъ широкинскій священникъ съ женой, обратившій вмѣстѣ съ нами въ теченіе великаго поста до 1000 человѣкъ къ пріобщенію св. таинъ, чего они прежде не дѣлали, считая себя „недостойными“.

Въ Саратовской губерніи вообще различное населеніе. Здѣсь вы встрѣтите сплошныя поселенія нѣмцевъ-колонистовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ извѣстную Сарепту, гдѣ выдѣлывается горчица; занимаются нѣмцы пшеницею и табакомъ; потомъ—великороссы, между коими проглядываютъ различныя секты: безпоповцы, старовѣры и сектанты въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я сказалъ „недостойные“; и наконецъ—татары. Весь этотъ наплывъ началъ увеличиваться со времени Екатерины, когда раздавали земли колонистамъ и вельможамъ, которые туда селили людей изъ другихъ вотчинъ; напримѣръ, у Кочубеевъ разновременно переселено изъ калужской и полтавской губерній болѣе 600 семействъ русскихъ и малороссіянъ.

Меня приглашалъ князь Левъ Викторовичъ остаться тамъ въ должности управляющаго, но я не согласился—разъ потому, что уже рѣшился хозяйничать дома, другое—что смѣнять достойныхъ людей не въ моихъ правилахъ, а третье—тамъ жизнь безпокойная, встрѣчаются частые разбои, и народъ буйный, хотя

природа чрезвычайно пріятная. Поэтому я ожидалъ только, чтобы скорѣе очистились отъ льда рѣки, чрезъ которыя мнѣ приходилось ѣхать, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ—Ока, во Владимірѣ—Клязьма.

За труды мои были обѣщанія, но тѣмъ и кончилось. Русскіе отъ русскихъ требуютъ, а не награждаютъ. У насъ иностранцамъ больше чести. Русскіе вельможи только въ Парижѣ, гдѣ ихъ величаютъ графами безъ различія, расточительны на счетъ нашихъ трудовъ. Кажется, они считаютъ достаточнымъ вознагражденіемъ для бѣдняковъ и то, что на нихъ посмотрятъ.

Наконецъ, простившись съ моими добрыми компаньонами и друзьями, я выѣхалъ изъ Карамышей 22 апрѣля на перекладныхъ черезъ Нижній, Владиміръ и Москву и пріѣхалъ ровно чрезъ 6 дней въ Кудричи. Возвращеніе мое было неописанное. Мнѣ казалось, что продолжительное отсутствіе увеличиваетъ удовольствіе встрѣчи. Александрина весь день меня цѣловала. Мы не могли наглядѣться другъ на друга—едва вѣрили своему счастью! Она была въ пріятномъ положеніи, а 28 октября 1853 года намъ Богъ далъ сына Іосифа, воспріемниками коего были О. С. Бочко и С. А. Голынская.

Пошла обычная жизнь. 1854 годъ я провелъ исключительно въ занятіяхъ по хозяйству. Въ этомъ же году мой старшій сынъ Аристархъ былъ отданъ въ пансіонъ г-жи Веберъ. Въ 1855 г. я писалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Бѣлорусское хозяйство“ съ рисунками. Оно было пропущено цензурой, и я намѣревался его напечатать, но обстоятельства денежныя остановили мое намѣреніе.

Въ этомъ же году я послалъ въ Экономическое общество мое сочиненіе „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“ и, получивъ его обратно, какъ выше упомянуто, передѣлалъ на два отдѣла, подъ заглавіемъ: 1) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, гдѣ развивалъ мысль, что освобожденіе крестьянъ должно совершиться по отзыву помѣщиковъ къ высшей власти. Здѣсь же я доказалъ полезность пониженія процентовъ и свободной покупки всѣми классами помѣщичьихъ имѣній. Проектъ этотъ я 27 января 1857 г., будучи

въ Петербургѣ, подалъ графу Блудову, который, по слухамъ, имѣлъ подобную же мысль и передалъ ее виленскому генералъ-губернатору Назимову, на тотъ разъ случившемуся въ Петербургѣ же; 2) Проектъ „Объ судебной администраціи: *чиновники, инстанціи, судопроизводство*", гдѣ я на каждую статью приложилъ объясненіе. Проектъ этотъ 27 марта я послалъ изъ Мстиславля по почтѣ тому же графу. При свиданіи съ графомъ, онъ велѣлъ записать у швейцара мой адресъ и сказалъ: „Мы съ вами скоро увидимся"; но не дождавшись призыва, я уѣхалъ домой.

Вскорѣ былъ присланъ государю отъ виленскаго, минскаго и гродненскаго дворянства извѣстный отзывъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ помѣщики предложили три пункта, а именно: 1) они даютъ крестьянамъ совершенную свободу; 2) землю оставляютъ за собой, и 3) крестьянамъ предоставляется остаться у помѣщика на условіяхъ. Но на это послѣдовалъ знаменитый Государя Императора рескриптъ, на имя того же дворянства, 20 ноября 1857 года: 1) крестьяне получаютъ свободу; 2) имъ опредѣляются огороды, которые они выкупаютъ въ теченіе 9 лѣтъ; 3) для обезпеченія государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, имъ должна быть опредѣлена земля.

Рескриптъ этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ, и посыпались со всей Россіи отъ губернскихъ предводителей адресы въ продолженіе 1857 и 1858 годовъ.

Были открыты, наконецъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а въ Петербургѣ Комитетъ и такъ называемая Редакціонная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева. Въ это-же время я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и, взявъ отъ Блудова мои проекты, представилъ Якову Ивановичу, отъ котораго получилъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Имѣю честь принести вамъ, м. г., мою душевную благодарность за доставленныя вами при письмѣ отъ 9-го сего сентября проекты: „О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ" и „О судебной администраціи". Проекты эти я передалъ для разсмот-

рѣнія въ состоящія подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссіи. Пріймите увѣреніе въ совершенной преданности Я. Ростовцевъ. 25 сентября 1859 года".

Такіе же проекты, съ прибавленіями, я отослалъ къ могилевскому губернатору Беклемишеву и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „М. г. Иванъ Ивановичъ! Прочитавъ сообщенные мнѣ вами, при письмѣ отъ 22 іюня 1859 года, три проекта, я считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность, какъ за посвященіе мнѣ проектовъ, такъ и за ознакомленіе меня съ вашими трудами. Мнѣ пріятно надѣяться, что ваши труды, при распространяющейся въ настоящее время гласности и доступности редакцій разнаго рода періодическихъ изданій, не останутся въ неизвѣстности. Проекты при семъ возвращаются. Пріймите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. А. Беклемишевъ. 10 декабря 1859 г."

Между тѣмъ я бывалъ въ эти годы въ обѣихъ столицахъ по собственному дѣлу, производившемуся въ военномъ министерствѣ и въ общемъ собраніи сената о поручительствѣ отца моего по поводу ссоры между помѣщикомъ Баскинымъ и комиссіонеромъ Константиновымъ, а также по дѣлу помѣщиковъ Голынскихъ, Солтановъ, Ольшевскихъ, познакомился въ Петербургѣ съ многими добрыми людьми; но столица Петербургъ всегда мнѣ не нравилась, вѣроятно, потому, что я привыкъ къ деревенской и патріархальной жизни, а въ Петербургѣ она слишкомъ натянута.

Въ 1856 г. я ѣздилъ въ пензенскую губернію по дѣламъ Голынскихъ и встрѣтилъ въ саранскомъ уѣздѣ необыкновеннаго взяточника—секретаря уѣзднаго суда. Въ самой же Пензѣ чиновники—люди прекрасные.

20 октября 1859 года, будучи въ Петербургѣ, я лично подалъ министру финансовъ проектъ, подъ заглавіемъ *Откупа и Акцизъ*, и получилъ отъ А. М. Княжевича благодарность.

Проекты всѣ, какъ и упомянутые: о крестьянахъ, о судебной администраціи и объ откупахъ,—всѣ осуществились, и мнѣ пріятно вспомнить, что и моя лепта послужила для общей пользы. Сводъ всѣхъ этихъ проектовъ и вообще новыхъ реформъ, какія,

по моему мнѣнію, необходимы въ государствѣ, я изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Старшіе*. Статью эту я отдалъ издателю „Сына Отечества" Старчевскому въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года, и ее пропустила цензура,—но потомъ, когда Старчевскій статью эту, по новозаведенному порядку, представилъ въ министерство внутр. дѣлъ, такъ какъ она касалась чиновниковъ, то редакторъ Варадиновъ ее и не пропустилъ. Въ 1860 году, съ образованіемъ особой законодательной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, статью эту я послалъ къ нему, но отвѣта не получалъ.

Въ январѣ 1861 года ѣздилъ я въ Кіевъ на контракты. Начну съ того, что Кіевъ имѣетъ живописное мѣстоположеніе и, можно сказать, засѣлъ на 3 холмахъ, отъ чего и части города раздѣлены по названіямъ: *Печерскъ*, гдѣ находится знаменитый Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь же выстроена имп. Николаемъ Павловичемъ цитадель. Лавокъ здѣсь почти нѣтъ. Вторая часть— *Старый Кіевъ*, названный этимъ именемъ потому, что здѣсь когда-то жилъ князь Владиміръ. Здѣсь были устроены подъ землею ворота кн. Романа (sic), который шелъ съ войны, побѣдивши Олега, вѣроятно Ольгерда. Въ этой части находятся всѣ присутственныя мѣста и университетъ, слѣдственно здѣсь и торговля оживленнѣе. Третья часть *Подолъ*, или прибрежная къ Днѣпру часть, составляетъ въ миніатюрѣ портовый городокъ. Здѣсь пристаютъ всѣ суда и выгружаются товары. Оптовая торговля здѣсь въ большемъ размѣрѣ, нежели на Старомъ Кіевѣ, поэтому на Подолѣ живутъ почти одни купцы.

Въ Кіевѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ въ январѣ мѣсяцѣ такъ называемая Васильевская ярмарка, ее же называютъ и Крещенскою; но такъ какъ въ это время сюда съѣзжается очень много помѣщиковъ кіевской и сосѣднихъ губерній не для одной продажи продуктовъ, но и для продажи имѣній, для залога оныхъ и вообще для сдѣлокъ, влекущихъ условія по контрактамъ, то эта ярмарка и названа *Контрактами*. Здѣсь пріѣздъ покупателей и торгующихъ довольно большой. Товаровъ всѣхъ родовъ множество; въ торговлѣ участвуютъ

купцы не только всѣхъ прилегающихъ къ Кіеву губерній, но и московскіе. Для всѣхъ родовъ сдѣлокъ устроенъ домъ, такъ называемый контрактовый. Ярмарка продолжается до 10 февраля. Хотя для совершенія контрактовъ, а также для предложеній и запросовъ по торговлѣ, устроено зало, но теперь домъ контрактовый занятъ больше лавками, и вы здѣсь отыщете факторовъ евреевъ, тѣмъ болѣе что оптовые произведенія всѣ сложены на пристаняхъ или по дворамъ. Эти факторы все вамъ укажутъ, и по истинѣ сказать, они большіе слуги за малую плату. Бывшій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ въ 1824 г. изгналъ было евреевъ изъ Кіева совершенно; справедливо ли это сдѣлано и для чего—никто не знаетъ, но на мой взглядъ, кромѣ евреевъ, въ комерціи подобнымъ факторствомъ едва ли кто способенъ заняться, а при подобномъ порядкѣ торговли они необходимы. Напримѣръ: Осипъ Степановичъ имѣлъ надобность купить нѣсколько тысячъ пшеницы и узналъ чрезъ фактора о нѣсколькихъ продавцахъ. Получивъ даже пробы пшеницы, мы отправились съ факторомъ по адресу. Входимъ въ комнаты, лежитъ на диванѣ панъ съ длинной трубкой. На привѣтствіе наше, онъ не поднимаясь дѣлаетъ вопросъ: чего намъ „потшеба?“. Когда объявили мы, что желали бы купить у него пшеницу, панъ нашъ преважно ответилъ: „нехъ панъ погада зъ нимъ“, указывая на еврея. Конечно, послѣ такихъ переговоровъ мы обратились къ фактору и купили пшеницу. Такимъ точно образомъ вы купите все, что вамъ угодно; ибо помѣщики заняты раутами и театромъ. Между купечествомъ то же водится, но по крайней мѣрѣ торгъ оканчивается съ хозяиномъ.

Кіевъ—городъ какой-то смѣшанный: по университету—выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссіяне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и между студентами особые польскіе кружки, посматривающіе на все русское съ пренебреженіемъ. Извозщики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья. Есть довольно порядочныхъ

магазиновъ и даже книжныя лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный, мѣстоположеніе очаровательное.

Я съ удовольствіемъ посѣщалъ лекціи по медицинѣ. Здѣсь знаменитые профессора: хирургъ Гюбенетъ, профессоръ патологіи и анатоміи Мацонъ, терапевтъ Мерингъ, Матвѣевъ. Читаютъ по-русски.

Наконецъ наступилъ знаменитый 1861 годъ—послѣдовало Положеніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, 19 февраля. Въ нашемъ уѣздѣ (мстиславскомъ), кажется, я первый составилъ съ крестьянами договоръ, по которому опредѣлилъ 49 надѣловъ, вмѣсто опредѣленныхъ по положенію 4-хъ десятинъ на душу далъ по 5-ти, и выкупную сумму получилъ большею частію рентами въ 5½% и 5%.

1862 годъ я провелъ въ дѣлахъ, какъ то: выигралъ процессъ въ 40 тысячъ руб. климовецкому дворянину Герасиму Ильичу Осмоловскому съ помѣщика Скоропадскаго; капитану и маіору Кутлянскимъ съ этого же самаго Осмоловскаго доставилъ первому 4506, а другому 3 т. рублей; ѣздилъ въ Москву и въ нижегородскую губернію, по просьбѣ нижегородскихъ помѣщиковъ Рахманиныхъ.

Въ 1863 году я ѣздилъ въ Москву для того, чтобы взять тамъ службу и поселиться для воспитанія дѣтей, изъ коихъ Аристархъ и Іосифъ учились въ смоленской гимназіи, и уже былъ опредѣленъ адъютантомъ въ комерческій судъ, какъ вдругъ въ маѣ мѣсяцѣ получаю отъ могилевскаго губернатора телеграмму, съ увѣдомленіемъ, что я назначенъ мировымъ посредникомъ въ мстиславскій уѣздъ. 10 мая я возвратился домой, а 14 вступилъ въ должность.

Перемѣна эта послѣдовала по причинѣ польскаго возстанія, въ соучастіи съ которымъ заподозрѣны были мировые посредники католическаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ и мой предмѣстникъ Антонъ Петровичъ Кригеръ.

Три съ половиною года я на этой должности прослужилъ, что называется, все въ поѣздкахъ. Вслѣдствіе обязательнаго въ могилевской губерніи выкупа, мы могли бы дѣйствовать скорѣе, нежели это случилось, но тогда крестьяне были бы очень оби-

жены надѣленіемъ только по 4 десятины земли, которая должна быть имъ опредѣлена изъ того самаго количества и качества, которыми они пользовались при полученіи Положенія; тогда мировые посредники приняли за правило выкупы дѣлать по соглашенію, т. е. приглашать помѣщиковъ къ обмѣнамъ и къ уступкамъ крестьянамъ если не самыхъ лучшихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько улучшенныхъ угодій. Соглашенія эти велись очень медленно, по упорству помѣщиковъ, и отъ этого на лишнихъ 2—3 года дѣло затянулось. Наконецъ, съ приближеніемъ дѣла къ концу (особенно у меня—изъ 130 имѣній осталось только 18) нѣкоторые посредники были уволены, въ томъ числѣ и я, 26 августа 1866 года, съ пенсіономъ въ половину жалованья.

Теперь о возстаніи. Еще съ самаго моего пріѣда въ Бѣлоруссію (1842 года), я замѣчалъ, что всѣ католики непріязненно смотрятъ на русскихъ, хотя по наружности высказываютъ низкопоклонство. Люди, болѣе слѣдившіе за историческимъ и политическимъ ходомъ, могли видѣть въ іезуитской скрытности поляковъ замыслы къ ниспроверженію русскихъ законовъ; напримѣръ, при всей скрытности ихъ, вѣчно слышны были ихъ порицанія всякой администраціи, власть мѣстную они всегда оставляли (по выборамъ) въ рукахъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ; порицали правительство за уменьшеніе при костелахъ земли; женитьбы и замужества съ русскими не дозволяли; дѣтей крестили ксендзы; русскихъ въ службу ни за что не избирали; крестьянъ и особенно дворовую прислугу свою обращали въ католицизмъ; говорили не иначе, какъ по-польски; нѣсколько разъ, при выборахъ, составляли проекты о возвращеніи прежнихъ польскихъ правъ и преимуществъ, какъ-то: о введеніи литовскаго статута, о дѣлопроизводствѣ на польскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, о вольной продажѣ водки и т. п. Наконецъ, съ самаго воцаренія импер. Александра Николаевича, когда пронесся слухъ о либеральномъ направленіи правительства, поляки начали свободно говорить о возстановленіи Польши и даже писали Государю извѣстный варшавскій адресъ, посылали и отъ могилевской губерніи адресъ министру; но такъ какъ, по благодушію Государя, все

это оставлялось безъ вниманія, то поляки открыто подняли манифестаціи, начали пѣть въ домахъ и даже въ костелахъ пѣсни съ проклятіемъ русскихъ, а ксендзы говорили возмутительныя рѣчи о возстаніи противъ варваровъ. Ксендзы и въ 1830 году были зачинщиками, но теперь они и женщины были до того экзальтированы, что не могли видѣть равнодушно русскаго. Я самъ уже въ 1862—1863 году на себѣ испытывалъ это и, не постигая причины ненависти, приписывалъ это тому, что я сдѣлался домосѣдомъ и задѣлъ ихъ честолюбіе, не бывая почти ни у кого, пока 1863 г. не обнаружилъ истинной подкладки дѣла. Возстаніе и рѣзня въ Варшавѣ, а потомъ и повсемѣстно, уже извѣстна; у насъ же проявилось сочувствіе поляковъ первѣе въ городѣ Горкахъ отъ студентовъ тамошняго института, которые вырѣзали команду, разбили казначейство и шли соединиться съ шайками, образовавшимися: въ чериковскомъ уѣздѣ при Красномъ, подъ командой Ѳаддея Чудовскаго (который тамъ и убитъ), и другою подъ м. Кричевымъ, подъ предводительствомъ разныхъ, напримѣръ: Антонія Чудовскаго, Феликса Бродовскаго и Адольфа Голынскаго; но такъ какъ всѣ эти скопища предупреждены были войсками, то главные разбѣжались, нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а сотня съ чѣмъ-то повинилась предъ исправникомъ на основаніи манифеста отъ 1 мая, которымъ давалась амнистія добровольно покорившимся. Во всѣхъ почти уѣздахъ могилевской губерніи (кромѣ гомельскаго) болѣе или менѣе составлялись шайки, но это было не что иное, какъ только нѣсколько десятковъ настроенныхъ ксендзами душъ, собственно въ видахъ манифестаціи по плану парижскихъ демагоговъ, которые всѣхъ этихъ несчастныхъ увѣрили, что на Россію идетъ Наполеонъ III и принимаетъ ихъ сторону. Но эту утку сами же поляки сочинили для большаго возбужденія энтузіазма и, такъ сказать, одинъ другого надували, отъ чего всѣ изъ высшаго класса почти остались въ сторонѣ, а попалась въ руки правительства одна мелочь; напримѣръ, стогласная молва у насъ указывала на многія крупныя имена, собиравшія даже подати для тайнаго „жонда“, однако они остались на свободѣ, хотя и были подъ судомъ. Даже и осужденные

облегчены; но на это была уже воля начальства и милость Государя Императора.

Кстати, я возвращусь назадъ съ моею повѣстью о полякахъ. Отъѣзжая домой изъ Москвы 1-го мая 1863 года, какъ я сказалъ, на должность, я пришелъ въ почтовое отдѣленіе въ ожиданіи отправки дилижансовъ, на Варшаву отходящихъ, съ которыми отъѣзжалъ мой знакомый, сѣлъ на окно, разговаривая съ знакомымъ полякомъ, случившимся тутъ изъ могилевской губерніи. На вопросъ мой, что у насъ слышно, онъ мнѣ отчасти разсказалъ о возстаніи и что 100 человѣкъ принесли повинную. Тутъ-то закричали два студента и одинъ офицеръ, что они бы этихъ трусовъ повѣсили и т. д. Долго я силился этихъ головорѣзовъ образумить, но они не унимались, пока затрубилъ рожокъ, и они, сѣвъ въ дилижансъ, уѣхали.

Случай этотъ подалъ мнѣ поводъ 8-го мая 1863 подать покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову записку о приготовляющихся въ Москвѣ побѣгахъ въ польскія банды и объ учрежденіи жандармовъ или полиціи въ селахъ. Такую же записку я препроводилъ и къ Тимофею Яковлевичу Жуковскому (камердинеру Великаго Князя Николая Николаевича, знакомому), для доклада Государю. Послѣ этого вскорѣ учреждены жандармы, и шефомъ назначенъ князь Долгорукій.

Реформы между тѣмъ пошли за реформами: солдатскихъ дѣтей больше нѣтъ; судебныя мѣста совокуплены и образованы судебныя палаты и окружные суды; сокращено судопроизводство; уничтожены питейные откупа и введенъ акцизъ; дозволена свободная печать безъ цензуры; уничтожены тѣлесныя наказанія; новые университетскіе уставы; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; устройство крестьянъ въ Польшѣ; покореніе Кавказа и реформы въ немъ; сѣверо-западный и юго- западный край велѣно обрусить, т. е. замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ русскими.

1866 г., 26 августа, я былъ уволенъ отъ должности. Мнѣ слѣдовалъ чинъ надворнаго совѣтника, но я нарочно не хлопоталъ, во избѣжаніе платежа.

Этотъ годъ для насъ русскихъ былъ поразительный. 4-го апрѣля выстрѣлъ въ Государя въ лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ произвелъ на меня необыкновенный, нельзя сказать, испугъ, но чувство страха съ негодованіемъ. Я не могъ себѣ представить: какая Его вина, кого онъ раздражилъ, чѣмъ онъ не Государь? Все говоритъ въ его пользу! Вина его самая добрая—всѣ реформы отличныя! Раздражилъ онъ развѣ благодѣяніями—но весь же свѣтъ не наградишь. Государь онъ былъ самый благонамѣрный и достойный,—слѣдственно, это покушеніе есть не что иное, какъ злоба завистниковъ и любителей всеобщаго потрясенія. Злоумышленникомъ оказался несчастный полустудентъ, саратовскій дворянинъ Каракозовъ. По рѣшенію Верховнаго суда, онъ былъ повѣшенъ.

Послѣ этого происшествія Государь написалъ на имя предсѣдателя Комитета министровъ знаменитый, 13 ноября 1866 года, рескриптъ, въ которомъ увѣщеваетъ всѣхъ служащихъ творить праведный судъ, а ученыхъ—вселить въ юношество доброправіе, такъ какъ обаятельная сила соціализма въ молодежи вкралась вслѣдствіе оплошнаго управленія правосудіемъ и безнравственнаго направленія юношества въ учебныхъ заведеніяхъ. Соціалисты эти, къ числу коихъ принадлежалъ и Каракозовъ, стремились къ раздѣлу собственности и къ ниспроверженію начальства. Значитъ—развратъ и безначаліе или чистый хаосъ!

Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, указывалось, чтобы чиновники были опредѣляемы изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ дворянъ. Но этому наши власти не внемлютъ; напримѣръ, Б—евъ увольняетъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, получавшихъ по 1500 руб. въ годъ, и принимаетъ на ихъ мѣсто иногородныхъ, которымъ жалованье полагаетъ по 2000 руб., и весь этотъ поборъ отнесенъ на бѣдныхъ жителей. Между тѣмъ новые чиновники, не знакомые съ краемъ, ведутъ дѣло далеко хуже.

Дай Богъ, чтобъ водворились судъ и правда въ нашей доброй Россіи! Бюрократы понимаютъ свое назначеніе иначе—они дѣйствуютъ деспотически и поселяютъ ненависть...

Въ февралѣ 1867 года я былъ опредѣленъ опекуномъ надъ имѣніемъ графа М. Л. Салтыкова. 30 іюня послалъ главному начальнику края графу Баранову замѣчанія объ обрусѣніи сѣверо-западнаго края и объ улучшеніи здѣшняго хозяйства. Подобную же статью, подъ заглавіемъ „Мысли о бѣлорусскомъ хозяйствѣ“ сообщилъ въ могилевскій статистическій Комитетъ. Статья эта напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 47 въ неоффиціальной части 1867 г., а въ № 50—53 „Обычаи и жизнь крестьянъ мстиславскаго уѣзда“.

Въ настоящее время [1]) семейство мое состоитъ изъ жены, старшій сынъ Аристархъ, 21 года, въ Москвѣ, на второмъ курсѣ медицины въ университетѣ; Іосифъ, 13 лѣтъ, въ смоленской гимназіи въ 4-мъ классѣ; дочь Настасья 10 и Анна 8 лѣтъ, сынъ Иванъ 3 лѣтъ находятся дома. Дочерей учитъ мать, а уроки музыки берутъ у вдовы Цвѣтковой въ Мстиславлѣ.

Живу я счастливо. Моя добрая и умная Александра меня любитъ, всѣхъ дѣтей выкормила собственною грудью, сама занималась каждымъ съ 6-ти лѣтъ ученьемъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Всѣ дѣти нами воспитаны въ страхѣ Божьемъ, самаго скромнаго и добраго характера, лишь по мнѣ вспыльчивы, а по матери женерозны.

Занимаюсь я, какъ и все время послѣ отставки, съ 1842 по 1867 годъ, хозяйствомъ, самъ сдѣлалъ много улучшеній, испыталъ всѣ способы полеводства и остановился на пятипольной системѣ; а въ прежнее время, при крѣпостномъ правѣ, много жертвовалъ для крестьянъ, на постройки и расчистку полей, на покупку лошадей для крестьянъ и вообще на улучшенія хозяйства. Въ Бѣлоруссіи я прожилъ много денегъ. За то у меня все теперь есть: домъ, два амбара, мельница, гумно, хлѣбный сарай, скотный дворъ, флигель для людей, лошадей 20, рогатаго скота 50 штукъ, свиней 25; много одежды, библіотека, экипажей даже до излишества, и рухомости въ хозяйствѣ неизбѣжной на многія сотни рублей.

Не могу, однако же, не сказать, что въ жизни моей бывали ошибки, которыя дѣлали большой минусъ въ интересахъ моихъ.

[1]) Писано въ 1868 г. (Примѣч. Ред.).

Для примѣра моимъ дѣтямъ и для руководства при подобныхъ опытахъ, укажу на главныя изъ нихъ, съ критическимъ взглядомъ.

Первая ошибка состояла въ томъ, что, будучи мировымъ посредникомъ, я не держалъ стороны помѣщиковъ, какъ желалъ губернаторъ Б—евъ; но я дѣлалъ по истинѣ для крестьянъ всевозможныя уступки: во-первыхъ потому, что видѣлъ ихъ обиженными со всѣхъ сторонъ, а во-вторыхъ—главный начальникъ края далъ такое направленіе, чтобы соблюдали посредники пользу крестьянъ.

Вторая ошибка: когда враги у губернатора оклеветали меня и Радкевича, именно въ томъ, что мы якобы разоряемъ помѣщиковъ и для крестьянъ дѣлаемъ насильные надѣлы (чистѣйшая ложь—наши всѣ выкупные акты „по добровольному соглашенію") и что мы „бранимъ" Б—ева за покровительство полякамъ,—то Б—евъ, вспыхнувъ гнѣвомъ, тайно 20 августа телеграфировалъ начальнику края Кауфману: „по случаю запущенія дѣлъ въ мстиславскомъ мировомъ съѣздѣ, прошу уволить мировыхъ посредниковъ Сердюкова и Радкевича *по прошенію*", а 26 августа 1866 года мы были уволены.

Это чистая ложь: мы *прошенія* не подавали и запущенія никакого не было; напротивъ, у меня было неконченныхъ выкупныхъ актовъ меньше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Мы съ Радкевичемъ поѣхали объясняться съ Б—евымъ, и онъ, ясно чувствуя свою опрометчивость, остановилъ насъ отъ жалобы обѣщаніемъ „исправить репутацію", и мы оставили жалобу въ Сенатъ. Вотъ это и есть ошибка. Но, подумалъ я, надобно наводить слѣдствіе, значитъ—быть подсудимымъ, и положимъ, мы совершенно оправдались-бы; но что же за это было-бы губернатору?.. Много, много, если сдѣлали-бы замѣчаніе. Вотъ у насъ какой произволъ! Тогда какъ, по указу императора Николая Павловича, Б—евъ долженъ былъ-бы подвергнуться тому же, что намъ сдѣлалъ.

Послѣ этого мы согласились взять аттестаты и представлены къ пенсіону.

На этомъ прекращаются записки И. И. Сердюкова, оконченныя имъ, какъ видно, въ 1868 г., хотя онъ послѣ того прожилъ еще 18 лѣтъ. Такъ какъ его типическая личность, по ознакомленіи съ его автобіографіей, сама по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, то въ этихъ видахъ считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь дополнительную замѣтку о послѣднихъ годахъ его жизни и кончинѣ, составленную вдовой покойнаго, А. Н. Сердюковой.

„Крестьяне до конца дней его жизни приходили къ нему за совѣтами какъ относительно покупки земли, такъ и для рѣшенія споровъ о владѣніяхъ надѣлами наслѣдственными, и всегда слышался въ толпѣ говоръ: „какъ скажетъ баринъ, такъ и будетъ".

Здоровьемъ онъ пользовался прекраснымъ и если когда и заболѣвалъ, то лѣчился самъ, говоря, что свою натуру знаетъ лучше всѣхъ,—употреблялъ кровопусканіе. Образъ жизни велъ чрезвычайно умѣренный, вставалъ очень рано, занимался въ своемъ кабинетѣ, причемъ не любилъ, чтобы ему мѣшали, и самъ время отъ времени выходилъ къ намъ. Послѣдніе годы жизни въ хозяйство вникалъ мало, передалъ имѣніе мнѣ, а хозяйство младшему сыну, которымъ руководилъ.

Въ августѣ 1886 года, выйдя на балконъ, простудился. Почувствовавъ ознобъ, легъ въ постель и сейчасъ же пустилъ себѣ кровъ банками. Дня черезъ три, находя себя совершенно здоровымъ, началъ выходить и ѣздить въ Мстиславль, нашъ уѣздный городъ, и снова простудился. Пригласили доктора, который нашелъ, что у него плевритъ, который можетъ, если не побережется, дурно окончиться, и прописалъ лѣкарство, которое онъ отказался принимать; опять пустилъ себѣ кровь пьявками и снова поправился. Погода сдѣлалась холодная, а онъ все время выходилъ изъ дому и даже выѣзжалъ, и опять почувствовалъ колики. Не смотря ни на какія мольбы, онъ снова пустилъ кровь изъ руки и увѣрялъ, что ему сдѣлалось лучше. Мѣстнымъ докторамъ рѣшительно не вѣрилъ, а человѣкъ, съ которымъ иногда совѣтовался, братъ мой, докторъ Очкинъ, былъ къ несчастію въ отсутствіи, уѣхалъ на долго по дѣламъ въ Вильну.

Хотя онъ и на этотъ разъ поправился и велъ обычный родъ жизни, но жаловался на слабость, безсонницу и отсутствiе аппетита. Началъ поговаривать о смерти, чего никогда прежде не бывало, и предчувствуя ея приближенiе, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженiя письменно (что мы уже послѣ его смерти узнали изъ бумагъ). Такъ прошелъ сентябрь и половина октября. 14-го я уѣхала за 10 верстъ, въ имѣнiе брата, на поминовенiе матери моей, и онъ предлагалъ мнѣ ѣхать со мною, но я отклонила это предложенiе, говоря, что черезъ рѣку ѣхать сыро и вредно для выздоравливающаго. Послѣ моего отъѣзда онъ вздумалъ ѣхать въ Мстиславль получать пенсiю, но старшая дочь упросила его поручить это ей и собралась уже ѣхать, какъ ее позвалъ младшiй братъ, говоря, что отцу дурно. Онъ сидѣлъ на кровати, былъ очень блѣденъ, жаловался на слабость и велѣлъ приготовить себѣ лѣкарство. Хотѣлъ пройтись по комнатѣ, но уже не могъ. Его уложила дочь, давала нюхать спиртъ и пыталась привести въ чувство, но прибѣжавшая прислуга увѣряла, что это смерть. Онъ хотѣлъ что-то сказать, потянулся и безъ всякихъ видимыхъ страданiй отошелъ въ вѣчность, поразивъ всѣхъ насъ неожиданностiю своей внезапной смерти. Не только родные, знакомые, но и крестьяне искренно его оплакивали. Похороненъ въ Кудричахъ, близъ церкви, его иждивенiемъ выстроенной въ 1870 году (передѣлана изъ унiатскаго костела) и приписанной къ мстиславскому соборному приходу. Миръ душѣ твоей, вѣчный искатель правды!..

Александра Сердюкова.

По поводу ста лѣтъ отъ смерти графа П. А. Румянцова.

8 декабря 1796 года, въ деревенской тиши и въ одиночествѣ, умеръ одинъ изъ главныхъ Екатерининскихъ полководцевъ и администраторовъ—гр. П. А. Румянцовъ, получившій за свои побѣды надъ турками прозваніе Задунайскаго. Но въ Малороссіи гр. Румянцовъ памятенъ не военными отличіями, а своею административною дѣятельностью: онъ поставленъ былъ во главѣ этого края въ к. 1764 года, когда было упразднено „гетманское правленіе", и правилъ имъ 25 лѣтъ. Въ его управленіе Малороссія окончила свою автономную жизнь и была сравнена по управленію съ другими областями имперіи.

Въ настоящій моментъ, въ столѣтіе со времени смерти гр. Румянцова, умѣстно было бы помянуть его болѣе или менѣе обстоятельнымъ жизнеописаніемъ, но мы говорили раньше[1] о полной бѣдности матеріаловъ для такого труда. Не повторяя уже сказаннаго по этому предмету, мы здѣсь приведемъ лишь нѣкоторыя черты изъ той дѣятельности гр. Румянцова, которая касалась Малороссіи.

Гр. П. А. Румянцовъ родился въ глухомъ молдавскомъ селѣ Строенцахъ, въ 1725 г. „Это случилось (говоритъ со словъ самого Румянцова его бывшій адъютантъ Ясновскій) тогда, когда мать его, Румянцова, выѣзжала встрѣчать мужа, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ"[2]). Родился Р—въ, повидимому, въ самомъ началѣ января, такъ какъ мать его уже 8 января,

[1]) „Кіев. Стар." 1895 г., мартъ, 385.

[2]) Т. ж., 399.

1725 года писала къ императрицѣ Екатеринѣ I, прося ее быть воспріемницею „новорожденнаго сына Петра“ [1]). Въ 1738 году отецъ этого сына, извѣстный любимецъ Петра В., А. И. Румянцовъ, былъ назначенъ правителемъ Малороссіи и оставался на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ лѣтъ. Съ отцомъ жилъ въ Малороссіи и его сынъ. По возрасту въ это время молодому Румянцову нужно было учиться. Онъ и учился, при чемъ учителемъ для него былъ выбранъ мѣстный педагогъ Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ. Это былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ ученыхъ монаховъ Сенютовичей (изъ нихъ Іоанникій—извѣстный печерскій архимандритъ), проходившій курсъ сначала въ черниговскомъ „коллегіумѣ“, а потомъ изучавшій „въ иностранныхъ земляхъ разные языки“ [2]). Возвратившись на родину, Сенютовичъ занялся обученіемъ „дѣтей въ школѣ“. Въ это время онъ и былъ приглашенъ „быть учителемъ“ молодого Румянцова. Ученіе шло повидимому успѣшно; по крайней мѣрѣ Сенютовичъ настолько угодилъ отцу ученика, что не смотря на то, что учитель былъ „посполитаго званія человѣкъ“, въ 1739 г. его поставили черниговскимъ полковымъ судьею.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительные отроческіе годы оставили въ молодомъ Румянцовѣ слѣды его пребыванія въ Малороссіи на всю жизнь. Любовь къ мѣстному языку, о чемъ имѣются свѣдѣнія (см. ниже), должна была получить свое начало въ эти же отроческіе годы.

Первую извѣстность молодой Румянцовъ пріобрѣлъ въ семилѣтнюю войну. Военные таланты его настолько уже обозначились въ эту войну, что, по преданію, Фридрихъ II тогда же говорилъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова! прочіе (русскіе генералы) для насъ не опасны“. Румянцову въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ тепловскихъ свѣдѣній о происходящихъ въ Малороссіи „непорядкахъ управленія“, Екатерина II рѣшила уничтожить гетманство. На мѣсто отставляемаго гетмана нужно

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, изд. т-ва „Общ. Польза“, IV, 940.

[2]) См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь, 223.

было выбрать человѣка, который съумѣлъ бы тихо и спокойно ввести въ этомъ краѣ общерусскіе порядки. Умѣніе Екатерины выбирать людей по мѣсту—обнаружилось и въ этотъ случаѣ: выбранъ былъ сорокалѣтній Румянцовъ, которому и поручена была Малороссія въ управленіе съ обширными полномочіями.

Указомъ 10 ноября 1764 года учреждена была, вмѣсто гетманскаго правленія, малороссійская коллегія, и президентомъ ея назначенъ гр. П. А. Румянцовъ. Послѣдній получилъ при этомъ отъ императрицы обширную инструкцію относительно управленія краемъ, требовавшимъ, по мнѣнію правительства, кореннаго переустройства. Въ иструкціи читаемъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширности, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества, но, напротивъ того, не менѣе извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ того, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ; отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привелегій и вольностей узаконеніе, а въ настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредные, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто пероходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію".—Затѣмъ, Румянцову поручалось обратить особое вниманіе на прекращеніе „переходовъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто" и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на утвержденіе планъ—„какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить". Въ заключеніе инструкція указывала главную задачу новому правителю края—сглаженіе того антагонизма, который существуетъ между двумя народно-

стями.—„Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои опасаясь видѣть когда нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ, увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однако жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность“.

Приведенные отрывки изъ инструкціи указываютъ, что правительство рекомендовало Румянцову главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы народъ „увидѣлъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его маленькихъ тарановъ“, т. е. защитить народъ отъ произвола старшины [1]). На сколько же Румянцовъ исполнилъ эту задачу?—Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ заклю-

---

[1]) Вспомнимъ, что ту же задачу давалъ и Петръ В., въ 1722 г., Вельяминову при учрежденіи тогдашней Малороссійской коллегіи.

чаться въ подообномъ обозрѣніи его дѣятельности по управленію Малороссіи. Но для такого обозрѣнія матеріалы далеко еще не собраны. Одно можно сказать, что выборъ Румянцова былъ очень удаченъ въ томъ отношеніи, что новый правитель былъ уже достаточно знакомъ съ тѣмъ краемъ, правителемъ котораго его назначили.

Въ званіи „главнаго малороссійскаго командира", Румянцовъ прибылъ въ Глуховъ 7 апрѣля 1765 года и былъ здѣсь встрѣченъ пушечными выстрѣлами въ знакъ той большой власти, которая въ немъ совмѣщалась.—Въ то же лѣто Румянцовъ отправился объѣзжать Малороссію для личнаго знакомства съ краемъ, и употребилъ на этотъ объѣздъ два мѣсяца. Вернувшись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ уже въ началѣ сентября предложилъ Малороссійской коллегіи—произвести „произвести генеральную опись" Малороссіи. Опись эта хорошо извѣстна людямъ, занимающимся исторіей Малороссіи. Между прочимъ, это была первая подробная перепись *всего податного* народонаселенія, при чемъ, кромѣ того, показано было и его имущество: движимое—въ скотѣ, и недвижимое. Главный результатъ этой переписки заключался въ томъ, что она полнѣе прежнихъ ревизій закрѣпила принадлежность лицъ къ тому или другому сословію и послужила на долгіе затѣмъ годы справочнымъ документомъ для „исканія вольности"—неправильно закрѣпленнымъ козакамъ. Другихъ результатовъ эта перепись не имѣла, да и имѣть не могла, потому что правительство, производя эту „новую ревизію", никакой задачей при этомъ, повидимому, не задавалось.

Обозрѣвая дальнѣйшую дѣятельность Румянцова въ Малороссіи, мы видимъ, что она распадается на два періода: первый, до введенія здѣсь общаго учрежденія губерній въ 1782 году, и другой,—послѣ открытія намѣстничествъ. Въ первомъ періодѣ Румянцовъ представлялъ собою, такъ сказать, того же гетмана, а малороссійская коллегія—ту же генеральную канцелярію. Формы новаго управленія были очень похожи на прежнія. Но Румянцову указаны были задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ долженъ былъ немедленно приступить: облегчить народный бытъ и улучшить судъ. Относительно облегченія народныхъ тяжестей Ру-

мянцовъ немедленно же сдѣлалъ попытку переложенія натуральной повинности по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска, установивъ „квартальный“ денежный сборъ (по 1 р. 2 к. съ хаты). Авторъ „Исторіи Русовъ“ говоритъ, что этимъ распоряженіемъ Румянцовъ *„усмирилъ разорявшія народъ воинскія команды, прохожія и квартировавшія“*. Для сбора „квартальныхъ“ денегъ учреждены были особые коммиссары, на обязанность которыхъ возложенъ былъ сборъ этихъ денегъ и кромѣ того имъ поручалось „провожденіе войскъ переходящихъ и защищеніе жителей отъ обидъ“. Относительно суда—Румянцовъ измѣнилъ личный составъ генер. суда: вмѣсто погодно засѣдавшихъ въ немъ (въ помощь генер. судьямъ) выборныхъ отъ полковъ членовъ[1]), Румянцовъ въ 1767 г. назначилъ „непремѣнныхъ членовъ“ въ генер. судъ, при чемъ такими членами были назначены: Григорій Фридрикевичъ, Александръ Безбородко, Петръ Симоновскій и Сергѣй Дергунъ.—Всѣ эти лица, можно сказать, были лучшіе тогдашніе дѣльцы въ Малороссіи, при чемъ и репутація ихъ (покрайней мѣрѣ—первыхъ трехъ) была, повидимому, безупречна... Слѣдуетъ добавить, что этимъ новымъ членамъ Румянцовъ назначалъ жалованье, чего прежде не бывало. Генеральнымъ судьею Румянцовъ засталъ Илью Журмана, быть можетъ единственнаго изъ генеральн. судей XVIII в., не имѣвшаго пятенъ... При такомъ составѣ суда правосудіе въ немъ должно было быть, хотя до нѣкоторой степени, обезпечено...[2]).

---

[1]) По распоряженію Разумовскаго, 17 ноября 1760 года.

[2]) Но и этотъ составъ суда не всегда удовлетворялъ Румянцова, какъ видно изъ слѣд. его „ордера“, вызваннаго неизвѣстнымъ впрочемъ намъ случаемъ. „Ордеръ. Господамъ членамъ суда генеральнаго. Господина коллежскаго совѣтника и малороссійской коллегіи прокурора Семенова посылаю при семъ поданное мнѣ представленіе. Да изволитъ всякъ изъ васъ мнѣ подать объясненіе въ обстоятельствѣ его касающемся. Когда правда и законъ, хранитель оныя, должны одни управлять совѣстью судей и ихъ дѣлами, то отъ чего между васъ сіи несогласія и разность мыслей, которые описываетъ г. прокуроръ въ своемъ докладѣ? Прежде нежели еще я вижу, что вы скажете за свои поступки, одинъ только видъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе. Но вообразите! колико будетъ моей тогда чувствительности, естьли испытаніе собственное меня удостовѣритъ, что вы не тѣмъ путемъ слѣдуете, который пролагаетъ безпристрастіе, лучшая надежда и довѣренность къ вамъ. Генер. Г. Румянцовъ. Въ Глуховѣ. 1768 года, 1-го іюля“. (*Съ подлинника*).

Несомнѣнно, что эти двѣ мѣры Румянцова принесли народу немедленно благіе результаты и современникъ (не оптимистъ) имѣлъ полное основаніе сказать, что Румянцовская коллегія „вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно...". Одною изъ общихъ мѣръ первыхъ лѣтъ управленія Румянцова было запрещеніе въ 1767 г. выборовъ козаками сотенной старшины. Дѣло въ томъ, что по „рѣшительнымъ пунктамъ" Апостола было постановлено „въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ". Это постановленіе верховнаго тайнаго совѣта 1728 г. генеральная канцелярія очень часто не исполняла, замѣщая сотничьи вакансіи своими канцеляристами. Но Румянцовъ, повидимому, желалъ чтобы существовавшее распоряженіе исполнялось точно, и когда въ 1767 г. въ Карабутовской сотнѣ открылась сотничья вакансія, то коллегія предписала Прилуцкой полк. к-ріи—при замѣщеніи этой вакансіи—исполнить правило 1728 года.—Выборы были произведены и два кандидата были представлены на утвержденіе въ Глуховъ, какъ и слѣдовало по „рѣшительнымъ пунктамъ". Но вмѣстѣ съ представленіемъ полк. канцеляріи, Румянцовъ получилъ подробное описаніе той обстановки, при которой производились выборы въ Карабутовѣ сотника: оказалось, что при выборѣ перваго кандидата—вознаго Федоровскаго—главная часть выборщиковъ почти цѣлый день у него—„могорычъ пила". Случилось такъ, что въ это время Румянцовъ выѣзжалъ на Бѣловежскую степь осматривать поселявшихся тамъ колонистовъ. Тутъ онъ услыхалъ еще больше подробностей о Карабутовскихъ выборахъ. Всѣ эти свѣдѣнія заставили его сдѣлать распоряженіе о „недозволеніи нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось", по тому основанію, что „они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе..."[1]). Взамѣнъ прежняго порядка, Румянцовъ распорядился, чтобы кандидатовъ въ сотенную стар-

[1]) Приводимъ здѣсь полный текстъ этого распоряженія.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предъосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотняхъ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія: излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потеренія всякаго чувства собирающихся при

шину избирала полковая старшина вмѣстѣ съ сотниками и затѣмъ представляла бы ихъ на утвержденіе ему, Румянцову. Трудно сказать—который порядокъ былъ лучше, но во всякомъ случаѣ „питье могорычей" при выборахъ доходило до крайностей и такіе порядки требовали уничтоженія.

Мы не знаемъ ни одного частнаго случая гдѣ бы Румянцовъ проявилъ свою власть въ защитѣ народа отъ „маленькихъ тирановъ, хотя нужда въ такой защитѣ, повидимому, и настоятельно встрѣчалась хотя бы, напр., при порабощеніи козаковъ с. Клищинецъ генер. писаремъ Туманскимъ[1]). Можетъ быть, невсегда удобно было защищать народъ отъ этихъ „маленькихъ тирановъ" уже и потому, что нѣкоторые изъ нихъ занимали мѣста ближайшихъ помощниковъ Румянцова по должности членовъ коллегіи...[2]). Изъ восьми членовъ послѣдней, четыре были назначены изъ мѣстной

томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являтся толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобъ я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ видѣ ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству, но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи поданы мнѣ уже и формальныя о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничьей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ онимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны войскового канцеляриста Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе и, словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина.—Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лучшихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть производженія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командира имѣть себѣ подобнаго. Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай поводамъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко упослѣжденію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства... „Записки Черниг. Стат. Ком., II, 246.

[1]) См. „Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., XI, отд. 2, стр. 158 и слѣд. Въ этомъ случаѣ коллегія въ пол. 1766 г. постановила рѣшеніе явно незаконное и, повидимому, пристрастное въ пользу генер. писаря и *члена коллегіи* Туманскаго.

[2]) Причемъ, при доступности Румянцова, отношенія эти переходили въ особую пріязнь съ этими помощниками, какъ указываютъ приводимыя ниже письма Румянцова къ тому самому Туманскому, который несомнѣнно былъ однимъ изъ „маленькихъ тирановъ"...

старшины, при чемъ первенствующимъ значеніемъ межъ ними пользовался генер. писарь Туманскій. Остальные четыре члена, назначенные изъ великорусскихъ чиновниковъ, будучи мало знакомы съ порядками края, повидимому, не имѣли особаго значенія въ дѣятельности коллегіи.

Вообще, отношенія Румянцова, какъ правителя края, къ крестьянскому населенію послѣдняго, пока представляются неясными. Извѣстно, что Румянцевъ очень скоро, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, явился обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Уже въ 1767 году онъ пріобрѣлъ около Кролевца—с. Вишенки и ревностно занялся устройствомъ этого имѣнія, при чемъ усерднѣйшимъ помощникомъ въ его хозяйствѣ явился членъ коллегіи кн. Мещерскій[1]). Затѣмъ въ 1770 и 1775 г.г. Румянцовъ былъ пожалованъ обширными мѣніями[2]), получивъ которыя, онъ сталъ въ положеніи той же владѣльческой старшины... При этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство, что Румянцовъ былъ „скупъ и корыстолюбивъ“ [3]). Тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, была для него роль надзирателя за „маленькими тиранами“... Скопляя земельныя богатства, Румянцовъ иногда позволялъ себѣ дѣйствія несовмѣстимыя съ его общественнымъ положеніемъ. Такъ, намъ извѣстенъ слѣдующій случай: желая округлить свои кролевецкія имѣнія присоединеніемъ къ нимъ с. Добротова, Румянцовъ поручилъ Осипу Туманскому, (одному изъ своихъ приближенныхъ), спросить добротовскаго владѣльца (б. тов. Матвѣя Холодовича)— не продастъ ли онъ ему эту маетность. Туманскій въ своемъ объ этомъ письмѣ къ Холодовичу, между прочимъ, добавилъ, что своимъ предложеніемъ купить Добротовъ „гр. Румянцовъ тѣмъ самимъ полагаетъ удовлетворить“ его, Холодовича, такъ какъ

---

¹) См. ниже—письмо Мещерскаго къ Румянцову.

²) При этомъ Румянцову пожалованы были—въ *Нѣжинскомъ полку*: с. Кочуровка, Литвиновича, Райгородокъ, Царевка, Сохачи, Рожновка, Максимовка, Володькова Дѣвица съ деревнями, Вел. Кошелевка; въ *Стародубскомъ*: Топальская волость, с. с. Чопховъ, съ деревнями, Денисковичи, Синій Колодезь, Замышевъ; въ *Черниговскомъ*: с. с. Разлеты, и Бужанка. Въ *Прилуцкомъ*: Парафіевка съ деревнями и въ *Переяславскомъ*: с. с. Цыбли, Бирловка, Вергуны, Чоботки, Яненки, Капустинцы... Перечень этотъ, кажется неполонъ.

³) Кіевск. Стар. 1895 г., мартъ 387.

надача Добротова не такъ утвердительна, чтобъ наслѣдники Х—ча могли обнадежены быть спокойнымъ оного владѣніемъ". Приведенныя фразы переводятся такъ: „главный правитель" края, предлагая одному изъ его обывателей—продать ему маетность, тутъ же, для лучшаго воздѣйствія, добавляетъ, что тотъ универсалъ, который имѣется у владѣльца на эту маетность, недостаточно крѣпокъ, т. е. можетъ де оказаться и недѣйствительнымъ...

Съ другой стороны, ставъ въ положеніе мѣстнаго владѣльца и при томъ такихъ общирныхъ имѣній, Румянцовъ сталъ ближе къ краю и къ его интересамъ. Малороссія (лѣвобережная) стала для Румянцова не только его генералъ-губернаторствомъ, но и тѣмъ краемъ, въ которомъ были сосредоточены его имущественные интересы... Малороссія не была его родиною, но отсюда получалъ онъ тѣ блага жизни, къ которымъ, какъ говорили, былъ былъ очень прилѣпленъ... Поэтому и весь тогдашній общественный мірокъ Малороссіи былъ Румянцову близокъ, какъ мірокъ людей во многомъ тождественныхъ интересовъ... Такимъ положеніемъ Румянцова въ его генералъ-губернаторствѣ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что подручныхъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ почти исключительно изъ людей мѣстныхъ, и выбиралъ, слѣдуетъ сказать, искусно. Лучшіе его секретари взяты были имъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. Видно, что онъ внимательно относился къ работѣ даже и мелкихъ чиновъ. Вспомнимъ Безбородка, Завадовскаго, Чепу, Ясновскаго... Чепа, напр., взятъ былъ Румянцовымъ изъ роменскихъ канцеляристовъ, а затѣмъ, въ началѣ текущаго столѣтія, этотъ самый Чепа отклонилъ отъ себя предложеніе малороссійскаго генералъ-губернатора быть правитемъ его канцеляріи. Ясновскій—сынъ священника (кролевецкаго уѣзда) взятъ былъ Румянцовымъ изъ Н. Сѣверской канцеляріи и скоро затѣмъ сдѣлалъ былъ его адъютантомъ (для чего Ясновскому данъ былъ военный чинъ) и сталъ однимъ изъ ближайшихъ людей къ Румянцову. Впослѣдствіи этотъ Ясновскій занималъ должность директора нѣжинскаго лицея (1827—1835) и по своему уму и образованности—(учился въ Кіевской академіи)—былъ однимъ изъ лучшихъ его директоровъ [1]).

[1]) „Лицей кн. Безбородко", Гербеля изд. 2-е, стр. 206—209.

Изъ общаго характера административной дѣятельности Румянцова слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ этой дѣятельности жестокости и крутыхъ мѣръ вообще въ тѣхъ случахъ, когда всякій проступокъ противъ властей вызывалъ въ тѣ времена суровыя и тяжкія наказанія. Возьмемъ для примѣра такъ называемую „Нѣжинскую исторію“ 1767 г. Въ этомъ году, въ Нѣжинскомъ собраніи шляхетства избирался въ коммиссію для составленія новаго уложенія—депутатъ, которому тутъ же нужно было составить и наказъ. Депутатомъ избранъ былъ Селецкій, при чемъ нѣжинское шляхетство, составляя для него наказъ, выразило въ послѣднемъ ходатайство и о возстановленіи въ Малороссіи гетманства [1]. Селецкій не пожелалъ быть депутатомъ съ подобнымъ полномочіемъ, а требовалъ наказа такого, какой былъ составленъ черниговскимъ шляхетствомъ (тамъ осуждались порядки гетманщины и требовалось уравненіе Малороссіи съ остальными частями имперіи). Нѣжинскіе избиратели признали Селецкаго для депутатства негоднымъ и выбрали другого. Въ этихъ дѣйствіяхъ Румянцовъ усмотрѣлъ „затрудненіе вышняго начальства“, заслуживавшее наказанія и при томъ очень строгаго, такъ какъ надъ виновными—согласившимися на наказъ съ ходатайствомъ о гетманствѣ и устранившими отъ депутатства Селецкаго,—былъ назначенъ въ Глуховѣ судъ: надъ лицами, имѣвшими воинскіе чины—военный, а надъ стальными—гражданскій. Военный судъ приговорилъ 33 человѣка къ „лишенію живота“, а гражданскій (т. е. уголовный) приговорилъ другихъ 18 человѣкъ къ „вѣчной ссылкѣ“ Приговоръ гражданскаго суда былъ сенатомъ отмѣненъ и виновнымъ было назначено шестинедѣльное тюремное заключеніе. Приговоръ военнаго суда тоже былъ отмѣненъ и „лишеніе живота“ было замѣнено восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ чиновъ. Все это происходило въ к. 1767 года, а въ нач. 1770

---

[1]) Такъ говоритъ, по живому преданію, А. М. Марковичъ въ одномъ примѣч. къ изд. имъ „Дневнымъ Запискамъ“ своего дѣда (II, 410). Попавшее въ тогдашнія бумаги извѣстіе, что будто Нѣжинское шляхетство говорило о соединеніи „Нѣжинскаго уѣзда съ Запорожскою Сѣчью“ подъ одною гетманскою властью—(Рецензія В. А. Мякотина въ XXXVII присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 30)—основано, конечно, на какой то болтовнѣ. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 320.

года всѣ тѣ, которые судились военнымъ судомъ, были императрицею прощены, при чемъ „отобранные у нихъ чины" были имъ возвращены [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ Румянцова [2]), который хотя и долженъ былъ сначала указать виновнымъ на строгость законовъ за такое противоправительственное заявленіе, какъ „Нѣжинская исторія", но „вѣчную ссылку", а тѣмъ болѣе „лишеніе живота"—какъ мѣры одной жестокости—Румянцовъ не могъ практиковать, обладая большимъ и спокойнымъ умомъ...

Другой случай. Въ 1768 году Румянцовъ послалъ Лубенскаго полковника Кулябку, съ отрядомъ козаковъ, усмирять „возмутившихся" жителей с. Клищинецъ. Кулябка медлилъ, не зная какъ взяться за исполненіе порученія; эта медленность да еще въ рабочее время (дѣло было въ іюлѣ) надоѣла его козакамъ и въ одно утро—77 человѣкъ изъ Кулябкиного отряда и сами „возмутились" и „не слушая приказа, запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно". Нарушеніе военной дисциплины въ этомъ случаѣ было слишкомъ разительное... „Бѣглецы" были переловлены и отосланы въ Глуховъ, гдѣ „всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до дальшей о нихъ резолюціи, приказано было заключить въ острогъ и употреблять на городовую работу". Но не болѣе какъ мѣсяца черезъ два „бѣглецы" были освобождены, при чемъ въ орденѣ Румянцова значилось, что „хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію, рождающемусь отъ утраченнаго мужества и всякаго военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго..." [3]).

---

[1]) „Нѣжинская исторія" подробно разсказана В. А. Мякотинымъ въ указанной его рецензіи на книгу—II-й томъ Опис. Ст. Малор. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 323.

[2]) Приговоръ военнаго суда отмѣненъ былъ, конечно, Румянцовымъ, какъ лицомъ, въ которомъ сосредоточена была вся въ краѣ военная власть. Тѣмъ болѣе, значитъ, онъ могъ имѣть вліянія на суды гражданскіе, особенно если дѣло казалось какъ здѣсь, политики.

[3]) „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп., XI, отд. II, стр.

Нельзя не видѣть и въ этомъ случаѣ явнаго намѣренія Румянцова обойти ту строгость наказанія, примѣненіе которой едва ли было бы умѣстно къ войску, которому „порядки военной службы", повидимому, были едва знакомы. Тутъ нужны были, конечно, другія, общія мѣры.

Приведемъ еще и третій случай. Въ Глуховѣ издавна имѣлась особая рота „жолдаковъ" (т. е. солдатъ), обязанность которыхъ заключалась сначала въ содержаніи карауловъ „въ дворѣ гетманскомъ", а потомъ, позже, они состояли на посылкахъ у „главныхъ командировъ". Румянцовъ, видя безполезность этихъ жолдаковъ, обратилъ ихъ въ „фузелерную роту". Жолдацкіе офицеры, недовольные этою реформою, подговорили рядовыхъ жолдаковъ подать въ коллегію прошеніе—„не занимать ихъ россійскимъ платьемъ и регулами"... Протестъ этотъ не понравился Румянцову и онъ разслѣдовавъ дѣло, офицеровъ лишилъ чиновъ, а рядовыхъ жолдаковъ приказалъ наказать и посадить на годъ въ тюрьму. Но черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія жолдаки были освобождены, съ тѣмъ лишь, чтобъ они ни въ какую солдатскую и козацкую службу употребляемы не были"... Румянцовъ находилъ такое наказаніе достаточнымъ потому, что „оные жолдаки сіе учинили болѣе по ихъ невѣжеству, нежели съ точного умыслу [1]).

Приведенные случаи указываютъ, что Румянцовъ обходилъ тѣ законныя строгости, которыя выражались въ формахъ жестокости... [2]). Хотя факты 25-тилѣтняго управленія Румянцова Малороссіей далеко еще не обслѣдованы, но изъ того что уже извѣсто, мы видимъ со стороны Румянцова—постоянно спокойное отношеніе къ дѣлу.—Исполняя главную свою миссію—введеніе въ Малороссіи общерусскихъ порядковъ—Румянцовъ съ

[1]) Это было въ 1766 г. См. Опис. Стар. Малороссія, II, 224.

[2]) Извѣстный „Клищинскій бунтъ" (см. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, кн. XI) выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ужасное ожесточеніе „возмутившихся", вызванное рядомъ несправедливостей и насилій, по необходимости должно было вызвать особую кару. Приговоръ по этому дѣлу сенатъ представлялъ на утвержденіе императрицы. Кромѣ того, въ дѣлѣ Клищинцовъ Румянцову, кажется, мѣшали познакомиться съ его сущностью.

этимъ дѣломъ не спѣшилъ: учрежденіе губерній было издано въ 1775 году, а въ Малороссіи оно введено только въ 1782 году. Такимъ образомъ, болѣе 17-ти лѣтъ Румяцовъ управлялъ Малороссіей какъ бы при прежнихъ ея порядкахъ, при „несообразимомъ смѣшеніи правленія воинскаго съ гражданскимъ“, какъ выразилась Екатерина II въ своей инструкціи. За это время Румянцовъ успѣлъ вполнѣ подгототовить край къ той реформѣ, которую онъ же и вводилъ—открытіемъ въ Малороссія намѣстничествъ. Главная подготовка состояла въ томъ, что за 17 лѣтъ Румянцовъ успѣлъ „маленькихъ тирановъ“ приручитъ благами міра сего, „шляхетствомъ“ и чинами, послѣ чего успѣхъ реформы былъ обезпеченъ. Эго между прочимъ доказывается и тѣмъ, что при открытіи намѣстничествъ, т. е. при введеніи въ краѣ общеимперскихъ формъ управленія, по представленію Румянцова назначены были мѣстные люди: въ Черниговскомъ—генералъ-порутчикъ А. С. Милорадовичъ и въ Н.-Сѣверскомъ—И. В. Журманъ. Особенно интересно назначеніе послѣдняго. Журманъ, начавшій службу въ генер. канцеляріи съ 1739 году, въ 1756 году назначенъ былъ генер. судьею и оставался въ этой должности до своего назначенія губернаторомъ. Слѣдовательно, это былъ человѣкъ незнакомый, по предшествовавшей своей службѣ, ни съ какими новыми порядками; но Румянцовъ 17 лѣтъ зналъ Журмана, какъ примуса въ генеральномъ судѣ, зналъ его дѣловитость и безупречную честность [1]). Выбирая при такихъ обстоятельствахъ Журмана въ губернаторы, Румянцовъ видѣлъ въ немъ опытнаго и знающаго край человѣка, который въ свою очередь, получивъ отъ правительства право стать въ ряды привилегированнаго сословія, дѣлался сторонникомъ реформы. Вообще при открытіи намѣстничествъ многочисленныя губернскія и уѣздныя должности пополнены были преимущественно людьми мѣстными [2]), которые вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтая сословныя привилегіи, несомнѣнно могли только обезпечивать успѣхъ реформы...

---

[1]) См. замѣчательное по безпристрастію рѣшеніе генер. суда, подъ предсѣдательствомъ Журмана, по дѣлу жителей с. Клищинецъ—въ XI-й кн. „Чтеній“ Историч. Общ. Нестора.

[2]) См. Списки Черниговск. двор. 1783 г. Черниговъ 1890.

Во второй періодъ дѣятельности Румянцова въ Малороссіи мы видимъ—уже сравнительный его покой. Онъ только надзиралъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности всѣхъ чиновъ трехъ намѣстничествъ, зная, что главные изъ нихъ выбраны имъ лично, послѣ испытанной ихъ годности къ дѣлу. Особыхъ какихъ либо его распоряженій по управленію Малороссіей за это время мы не знаемъ.

Мало имѣемъ свѣдѣній и о частной жизни Румянцова за это время. Только по случаю путешествія императриъы Екатерины II въ Крымъ сохранились свѣдѣнія—какъ принималъ Румянцовъ императрицу въ своемъ Вишенскомъ домѣ, 24 января 1787 года, и угощалъ ее здѣсь обѣдомъ, а въ это время—„гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, при чемъ исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа" [1]).

Имѣющіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Румянцова страдаютъ общими мѣстами. А. М. Марковичъ говоритъ о немъ, что это былъ человѣкъ гордый и высокомѣрный, а ближайшій къ Румянцову человѣкъ, его „питомецъ", говоритъ, что это былъ человѣкъ всякому доступный, простой, предпочитавшій въ пути „хижину поселянина"—„каменнымъ палатамъ" [2]). Самъ Румянцовъ въ одномъ частномъ письмѣ къ пріятелю пишетъ: „Степанъ Даниловичъ, по просьбѣ моей, одолжилъ меня кибиткою; она весьма выгодна, да только для походу тяжела по своей величинѣ; а вы, мой другъ, сами знаете, что *я не имѣю привычки ни къ чему пространному*... Итакъ, я васъ, мой всенадежный другъ, покорно прошу одолжить меня кибиткою для походу небольшой величины" [3]).

Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что Румянцовъ по своему образованію далеко выходилъ изъ уровня современныхъ ему генераловъ. Достаточно указать на представленный имъ императрицѣ проектъ—о заведеніи въ Малороссіи, во *всѣхъ го-*

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., декабрь, 408.

[2]) Т. ж., 1895 г., мартъ, 385 и слѣд.

[3]) Письмо писано въ декабрѣ 1768 г. Архивъ в.—пох. к—ріи гр. П. А. Румянцовъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист., 1865 г., кн. I, стр. 166.

родахъ, а гдѣ можно, и по большимъ селамъ и деревнямъ—школъ, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ „для благороднаго юношества" и трехъ училищъ—„къ воспитанію дѣвицъ". (См. ниже). Подобный проектъ, конечно, могъ быть предложенъ только человѣкомъ, хорошо понимавшимъ значеніе народнаго просвѣщенія...

Въ 1811 году была напечатана книжка—„Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго". Кто былъ ея издателемъ—не извѣстно, но въ этой книжкѣ приведено, между прочимъ, слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Гр. Румянцовъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать его всѣми силами, и до того прославился своею любовью къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ гр. Румянцова лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда, услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти..." Приведенная черта изъ характера Румянцова, конечно, не выдуманная, указываетъ, что въ 25-тилѣтней административной дѣятельности Румянцова въ Малороссіи, имѣла свою долю значенія и любовь его къ этому краю. Можетъ быть этимъ слѣдуетъ объяснить и планы Румянцова неосуществившіеся, о заведеніи въ Малороссіи школъ и богадѣленъ [1]). Екатерининскіе генералъ-губернаторы

[1]) „Къ обученію юности во всѣхъ городахъ завесть подлежитъ школы для обученія читать, писать, пѣть и арифметикѣ, а гдѣ можно—и по большимъ селамъ и деревнямъ; опредѣлять учителямъ извѣстное жалованье изъ градскихъ доходовъ, умѣренное, или давъ имъ нѣкоторые чины духовные при церквахъ съ доходами... Сельскіе же школы должны быть содержаны владѣльцами и прихожанами, а обучаемы діаконами или дьячками за извѣстныя, сверхъ обыкновеннаго ихъ дохода, опредѣленныя награжденія"... Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный проектъ Румянцова объ образованіи въ монастыряхъ Кіевскомъ Братскомъ и Черниговскомъ Елецкомъ—высшихъ училищъ, съ выводомъ оттуда монаховъ и съ порученіемъ надзора за преподаваніемъ—богословскихъ наукъ синоду, а остальныхъ „свѣтскому правительству", при чемъ училища эти должны быть „снабжены извѣстнымъ и потребнымъ числомъ учителей для благороднаго юношества надобныхъ, какъ россійскими, въ тѣхъ наукахъ искусными, такъ и иностранными, *на содержаніи изъ доходовъ къ симъ монастырямъ съ принадлежащихъ деревень*"... Не забылъ Румянцовъ и женскаго образованія: „Къ воспитанію жъ дѣвицъ, а особливо неимущихъ кажутся быть способными Кіево-Фроловскій, дѣвичій Глуховскій и Черниговскій-Пятницкій". Изъ нихъ

такихъ вопросовъ въ своей дѣятельности обыкновенно не возбуждали...

Все сказанное здѣсь о правительской дѣятельности Румянцова въ Малороссіи приводитъ насъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ относился къ ней добросердно и потому имѣетъ право на нашу добрую о себѣ память.

Ал. Лазаревскій.

---

1. *Письмо кн. Пл. Ст. Мещерскаго къ гр. П. А. Румянцову о Вишенскомъ хозяйствѣ. 1769 г., 18 іюля.*

Милостивый Государь! Въ великомъ прискорбіи нахожусь, что при теперишнихъ вашего сиятельства многотруднѣйшихъ попеченияхъ репорты мои, неприносящые ко удовольствию ничево, доходятъ, а къ предуспенню (sic) и расточая внѣ мои силы, не могъ ничево здѣлать.

Милостивый Государь! Возвращаясь я изъ колоніи, былъ въ Вишенкахъ, нашолъ въ Черешенкахъ работы въ нарочитомъ успѣхѣ, кромѣ подрядившагося мастера съ каменщиками дѣлать въ домѣ штукатурную подъ потолками подмазку и скотной дворъ. Онъ не знаю кѣмъ сысканъ, только сущей бездѣльникъ, вместо тридцати человѣкъ, болше не поставилъ десяти и то пяницъ такихъ, што поработавши нѣсколко дней, разбѣжались. Изъ Вишенекъ послалъ я

Румянцовъ полагалъ монахинь также вывести, „оставя токмо для клира и обученія извѣстнаго числа дѣвицъ... „Построеніе госпиталей къ цѣленію болѣзненныхъ и къ спасенію иногда несчастливыхъ женщинъ („*спасающихъ себя отъ стыда и поношенія въ первомъ пароксизмѣ умерщвленіемъ своего плода*“) весьма нужно... „Сборникъ Русск. Истор. Общ., X, 18 и 19. Хотя здѣсь и сказано, что докладъ Румянцова по этимъ вопросамъ былъ представленъ императрицѣ 18 мая 1765 г., но это явная ошибка. Мы видѣли уже, что Румянцовъ пріѣхалъ въ Глуховъ только 7 апрѣля 1765 г. и конечно за сорокъ дней онъ не могъ настолько познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи, чтобы написать такое всестороннее изложеніе нуждъ края. Несомнѣнно, что редакторами „Сборника“ въ датѣ допущена ошибка. Упоминаемый докладъ Румянцова долженъ относиться развѣ къ концу 60-хъ годовъ, а можетъ и того позже. Краткій планъ улучшеній разныхъ учрежденій въ Малороссіи (а въ томъ числѣ училищъ и богадѣленъ) составленъ былъ Румянцовымъ только лѣтомъ 1767 г. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, V, отд. 3, стр. 100—111. Въ брошюрѣ Авсѣенка „Малороссія въ 1767 г.“ (Кіевъ. 1864.)—эта самая „записка“ Румянцова помѣчена—25 мая 1765 г. Дата тоже едвали вѣрная.

въ два мѣста, и пріѣхавши теперъ сюда, сыскиваю и какъ возможно буду старатца доставить туда людей. Земленая работа на обѣихъ плотинахъ и обдѣлка берега производитца еще, а какъ за приблизившимся сѣнокосомъ и жнитвомъ чрезъ нѣсколько дней перестануть люди наниматца, то продолжитца она окончаніемъ до осени, ибо по расположенію Гиржберга невѣроятное множество къ насыпкѣ плотинъ земли надобно. Однако жъ мнѣ видитца—что не напрасно.

Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что надъ дверми будутъ, шесть уже отдѣлано, а остальные пять еще не зачинаны. Въ галлерею на стѣны рями обтянуты и пишутся; вкусъ писма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подвѣсами окрашенъ—уповаю аппробацію вашего сиятелства имѣть будутъ, толко жалѣю о медленной работѣ: маляръ тамъ самъ и дѣйствително восѣмъ человѣкъ у нево помощниковъ, а болше всего остановку здѣлаетъ штукатурная подмазка потолковъ. Цвѣтникъ одинъ хорошева вкусу, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлываетца жъ. Прошлогодного саженія деревья всѣ, какъ штанбовые, такъ въ шпалѣрахъ и протчие, очень хорошо принялись и мало подсадки будетъ, а нынѣшного, особливо изъ шпалеръ вишень, много присохло. Оранжерейные прежние деревья невѣроятно вашему сиятелству будетъ, какъ теперъ поправились и въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ, такъ что не хуже стали вновъ привезенныхъ. Оранжереи половина выкрашена жъ. Въ прудѣ, что передъ тарасами, воды ужъ аршина на полтора глубиною, и въ верхней плотинѣ немного осталось свай бить; а для скотнова двора толко половину фундамента каменного здѣлано; теперь зачали на нево пилить лѣсъ и вязать будутъ. Для мельницы на Деснѣ поехалъ вчерась Гиржбергъ сваи бить; прежде жъ нелзя было за величиною воды. Съ отезду вашего сиятелства въ расходѣ въ Вишенкахъ денегъ болѣе полуторы тысячи уже. По хозяйству экономия тамъ кажется изрядно идетъ. Садовникъ, бывшей у Ильи Васильевича, нѣсколько дней тамъ былъ, но въ приездъ мой туда отежалъ онъ въ Глуховъ; толко и здѣсь не засталъ я ево, а сказываютъ, что вчерась опять туда поѣхалъ. Нанять ево на коронной щотъ старатца буду. Въ отездъ мой отсюда, привезенъ отъ вашего сиятелства ящичекъ, въ немъ нашелъ я модели галанскова ботика и шлюбки съ рисунками—къ строенію по нихъ, а ничево объ нихъ не писано, то здѣсь ли прикажете до времени сохранять или въ Вишенки отправить? Тако жъ и о парадной каретѣ: отправлять ли еѣ къ Москвѣ или здѣсь оставатца, не имею повелѣнія, котораго въ ожиданіи остаюсь. О колонистахъ като-

ликахъ изъ хлебопашцовъ, жителяхъ Великого и Малого Вердера [1]) преступившихъ боемъ шулца и судьи, по поводу невѣжи патера, какъ я по силѣ данного мнѣ отъ вашего сиятелства отъ 29-го маія ордера, долженъ ихъ отослать суду генералному и далъ уже графу Капуани ордеръ о присылкѣ зачинщиковъ четырехъ человѣкъ въ оной судъ, предварително осмеливаюсь просить вашего сиятелства не соизволено ли будетъ безъ решенія судовова, наказавши ихъ, при колоніи оставить, ибо естли по рѣшенію надъ ними въ судѣ выполнитца, то семьи ихъ, въ малолѣтныхъ дѣтяхъ состоящие, останутца безъ отцовъ и оныхъ хозяйство. Отъ приѣхавшихъ сюда къ Щенявскому по пашпорту за рукою Василицкова людяхъ, на репортъ мой отъ 1-го іюня учиненной, о снабдѣніи резолюцею прошу жъ. Онъ всякой день и староста Дембовской неотступно докучаютъ, такъ же и изъ гарнизона Уманскова желающихъ въ фузилерную роту—можно ли определять, ибо изъ нихъ нехотящие въ полской службѣ оставатца, начинаютъ побѣги уже дѣлать. Я же со всеглубочайшею моею преданностию и до конца жизни моей пребуду вашего сиятелства, милостиваго государя всепокорнейшей слуга князь Платонъ Мещерскій.

Глуховъ. Іюля 18, 1769 году.

2. Пять писемъ гр. Румянцова къ генер. писарю В. Г. Туманскому.

а) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я бы хотѣлъ больше воздать, нежели въ однихъ словахъ благодарностію за толь одолжительную обсылку меня деликатною провизіею, которую знакомъ пріемлю усерднаго вашего обо мнѣ воспомянанія, но случай не подаетъ мнѣ другихъ къ тому способовъ; такъ и еще благодарю наипризнательнѣе за милость любезной супруги вашей, коея собственные труды дѣлаютъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе сей гостинецъ.—Въ показаніе моего непремѣннаго къ вамъ доброжелательства, я увѣдалъ, что г. Яковскій близкою причитается роднею фамиліи вашей, изъ уваженія къ тому опредѣляю его, по его желанію, есауломъ полковымъ въ Прилуки; и къ удовольству приму, естли вы укажете какой мнѣ случай, въ которомъ бы я могъ дѣлая вамъ угодное, подтвердить то нелицемѣрное почтеніе, съ которымъ пребывать честь имѣю вашего высокородія покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

Марта 31-го дня, 1771-го. Изъ главной квартиры города Яссъ.

---

[1]) Колоніи, поселенныя въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

б) Государь мой Василей Григорьевичъ! Наичувствительнѣйшей благодарности и истиннаго признанія исполненъ я вамъ за неоставленія меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ, такъ какъ и дражайшей супругѣ вашей за благосклонную обсылку собственныхъ ея трудовъ, всеискренно желая находить ежевременно случаи къ изъявленію вамъ готовости моей къ услугамъ вашимъ. На сихъ дняхъ я увидѣлъ изъ копіи указа правительствующаго сената въ коллегію присланнаго, что бунчуковый товарищъ Якимовичъ чрезъ сына своего (имѣлъ?) въ сенатѣ жалобу на отдачу комиссіи и сходное той опредѣленіи коллегіи о хуторѣ имъ заведенномъ въ дачахъ Чертовицкихъ. Не разпространяяся о дѣлѣ семъ, вамъ довольно извѣстномъ, скажу только мое удивленіе, что въ то время, когда уже сія жалоба какъ видно въ сенатъ занесена была, сей человѣкъ прислалъ друзей сына своего съ вѣрующимъ ко мнѣ для испрошенія оставить отбираемое въ его владѣніе. Я не знаю совмѣстна ли тутъ апелляція и задержаніе исполненія, гдѣ указомъ 1763 года судной образъ отверженъ, а разборъ слѣдствіемъ предписанъ?—Прошу только васъ всеприлежно не упустить употребить средства къ сохраненію цѣлости сихъ имѣній, чтобъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ не потерпѣли крайняго опустошенія отъ неправедно ими владѣвшихъ. Я не сомнѣваюся, что вы, государь мой, по правосудію вашему и по благосклонности ко мнѣ, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ надлежащую мнѣ помощь подать не отречетесь и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. Румянцовъ [1]).

Марта 4-го, 1773-го. Изъ Яссъ.

в) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я уведомленъ, что отдача всемилостивѣйшее пожалованнымъ мнѣ въ Малороссіи деревень възнесена въ коллегію, но не зная отправлена ли оная въ правительствующій сенатъ, въ полной надеждѣ на дружество и благосклонность вашу, прошу васъ всеприлежно дать мнѣ знать о томъ; и ежели оная не отослана, то какіе причины его удерживаютъ. Пользуясь въ протчемъ симъ случаемъ, свидетельствую вамъ и любезной

---

[1]) Все письмо, кромѣ подписи, написано собственноручно А. А. Безбородкомъ. Дѣло идетъ о хуторѣ, который поселилъ одинъ изъ Якимовичей въ дачахъ д. Чертовичъ, вошедшей въ составъ Топальской волости, а прежде находившейся во владѣніи полк. хоруж. Ст. Якимовича „до ласки войсковой". (См. Оп. Ст. Малор., I, 375). Въ сосѣдскихъ земельныхъ спорахъ съ Якимовичами, гр. Румянцовъ обращается здѣсь къ канцелярской помощи Туманскаго.

супруге вашей мое искренное и совершенное почтеніе, и есмъ вашъ покорной слуга Г. Румянцовъ.

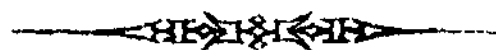
5-го Августа, 1773-го. Изъ лагеря при рѣкѣ Яломицѣ.

г) Государь мой Василей Григорьевичъ! Благодаря вамъ отъ всей искренности за ваше ко мнѣ доброхотное расположеніе, коего ни время, ни дальная отлучка не истребили изъ вашей памяти, я обращаю во взаимство вамъ, моему лутчему другу, всеусердныя мои желанія въ семъ новонаставшемъ и премногихъ будущихъ, съ любезною вашею фамиліею, увидѣть изобильно всѣ и всякія благощастіи и преуспѣяніи въ помысльномъ вами, и сохраняя непремѣнно вашу ко мнѣ благосклонность пребыть удостовѣреннымъ, что я всегда останусь съ отличнымъ почтеніемъ и истинною преданностію покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

С. П. Бургъ. Генваря 28 дня, 1777 года.

е) Милостивый государь мой, Василей Григорьевичъ! По усердному моему къ вамъ и ко вашему дому расположенію, я беру всіо участіе и искреннее сожалѣніе въ вашей печали, о кончинѣ любезной дочери вашей, и изъ всякаго случая, гдѣ мнѣ только возможно оказать вамъ мою услугу, дѣлая себѣ отличное удовольствіе, обратилъ я на то и сей, что вы подали мнѣ касательно отсрочки вашему сыну. Онъ можетъ остаться у васъ по май мѣсяцъ, и я включая ему здѣсь пашпортъ, и желая отъ всего моего сердца, чтобы сіе мое письмо нашло васъ въ наилучшемъ здоровьѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, что я имѣю честь быть ващего превосходительства покорнѣйшій слуга Г. Румянцовъ.

Марта 19-го дня, 1789 года. Г. Яссы [1]).



[1]) Всѣ приведенныя письма печатаются съ подлинниковъ. Письма къ Тумансвому получены нами отъ гр. Г. А. Милорадовича.

ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ.

Въ ряду лицъ, занимавшихся исторіею Малороссіи вообще и Кіева въ частности, видное мѣсто принадлежитъ М. Ѳ. Берлинскому. Имя его извѣстно всякому, интересующемуся мѣстною исторіею и археологіею; менѣе извѣстна его біографія (краткія біографическія свѣдѣнія о Б. можно, впрочемъ, найти въ біографич. словарѣ Венгерова и въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона); еще менѣе извѣстны его сочиненія, разбросанныя въ старыхъ журналахъ, или выходившія отдѣльными изданіями и сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью. Цѣль настоящаго очерка—собрать возможно полныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого почтеннаго труженика и указать значеніе его трудовъ, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы.

Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій родился въ 1764 г. въ с. Новой Слободѣ (путивльскаго уѣзда курской губерніи), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Свѣдѣній о происхожденіи отца не сохранилось, но такъ какъ Б. въ оффиціальныхъ документахъ [1]) показанъ происходящимъ изъ дворянъ, то можно думать, что онъ принадлежалъ къ старинному русскому шляхет-

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. М. Н. Пр. Спб. 1893. IXI, стр. 354 (Вѣдомость о состояньи Кіевск. Главн. Народн. Училища 1802).

скому роду Берлинскихъ, жившему на Подоліи[1]). На двѣнадцатомъ году Б. отдали въ Кіевскую Академію, гдѣ онъ учился въ продолженіи десяти лѣтъ (1776—1786). По окончаніи курса съ отличіемъ, Б. былъ посланъ въ С.-Петербургъ, въ незадолго передъ тѣмъ основанную учительскую гимназію или семинарію. Это было въ эпоху обширныхъ реформъ, предпринятыхъ имп. Екатериною въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1782 открыта была „коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго и „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Монаршей Особы;" задачи коммиссіи состояли въ открытіи школъ, составленіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій и въ приготовленіи учителей. Для осуществленія послѣдней задачи въ Петербургѣ учреждена была учительская гимназія, въ которую, по Высочайшему повелѣнію, посылались лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій. Впослѣдствіи, въ царствованіе имп. Александра I, Комиссія была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія, а учительская гимназія—въ главный педагогическій институтъ. Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ бывшій предсѣдатель коммиссіи—гр. П. В. Завадовскій. Вотъ какой отзывъ далъ впослѣдствіи этотъ дѣятель о своихъ бывшихъ питомцахъ: „между всѣми присланными къ должностямъ учительскимъ въ коммиссію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій, наилучшими, способнѣйшими, и паче благонравнѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ кіевской духовной академіи[2]). Къ числу этихъ воспитанниковъ принадлежалъ и Б.[3]). Въ 1788 Б. былъ назначенъ учителемъ въ открывавшееся тогда въ Кіевѣ главное народное училище—„по проекту директора учительской семинаріи Ивана Коха," сказано въ журналѣ коммиссіи[4]), но вѣроятно также и по собственному

---

[1]) Грушевскій. Барское староство. К. 1894, стр. 182. Фамильное прозваніе Б. происходитъ отъ с. Берлинцы (могилевскаго у., подольской губ.).

[2]) Максимовичъ. Поминка о Берлинскомъ (Временникъ Моск. Общ. ист. и др. Росс. т. V. М. 1850.

[3]) Извѣстно, что Завадовскій—также воспитанникъ кіевской академіи.

[4]) Сборъ матеріаловъ, стр. 20.

желанію; по крайней мѣрѣ такъ можно думать на основаніи постановленій коммиссіи о другомъ Берлинскомъ, Василіи (вѣроятно, близкомъ родственникѣ Максима), который былъ переведенъ въ Кіевъ потому, что коммиссіи не безъизвѣстно, что онъ родиною изъ Малороссіи и имѣетъ желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ [1]), а также на основаніи всей послѣдующей дѣятельности Б., посвященной изученію его „отчизны". Въ кіевскомъ училищѣ Б. былъ выдающимся преподавателемъ. Онъ преподавалъ исторію естественную, исторію политическую и географію въ училищѣ, и кромѣ того математическую географію и всемірную исторію въ институтскомъ классѣ духовной академіи. Не ограничиваясь преподаваніемъ, Б. составлялъ учебныя пособія по преподаваемымъ имъ предметамъ: такъ, онъ составилъ книгу „Исторія россійская для употребленія юношеству", которая была напечатана въ Москвѣ въ 1800 г. и тогда-же принята „классическою книгою" (т. е. учебникомъ) въ кіевской академіи; „для удобнѣйшаго изъясненія современныхъ во всеобщей политической исторіи происшествій изданы имъ разныя параллельныя по хронологіи историческія карты (т. е. синхронистическія таблицы), которыя съ особливымъ успѣхомъ при обученіи употребляются". Кромѣ того Б., совмѣстно съ учителемъ математическихъ наукъ Василіемъ Берлинскимъ, занимался собираніемъ для „натуральнаго кабинета" различныхъ минераловъ и растеній [2]) (хранителемъ кабинетовъ и библіотеки былъ Максимъ Берлинскій). Наконецъ, въ 1802 ему же поручено было составленіе исторической записки о кіевскомъ главномъ народномъ училищѣ для представленія въ коммиссію. Къ этому же времени службы въ училищѣ относится начало ученыхъ трудовъ Б., о которыхъ сказано будетъ ниже. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802) произошли большія перемѣны въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Губерніи кіевская, подольская и волынская были подчинены виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ гр.

---

[1]) Сборн. матер., 189—190.

[2]) Сб. матер., 446—447.

Адамъ Чарторыйскій, а визитаторомъ школъ гр. Ѳаддей Чацкій, и въ краѣ установилась польская система воспитанія. Въ это время кіевское главное народное училище было преобразовано въ гимназію (1809), а впослѣдствіи (1812) въ гимназію высшихъ наукъ. Въ 1818 г. кіевская губернія была отдѣлена отъ виленскаго учебнаго округа и присоединена къ харьковскому [1]). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ Б. оставался учителемъ кіевской гимназіи; но свѣдѣній о преподавательской дѣятельности его въ эту эпоху намъ не удалось получить; извѣстны только ученые труды его, большая часть которыхъ относится къ двадцатымъ годамъ. Въ 1832 г. учрежденъ былъ кіевскій учебный округъ, и начались коренныя преобразованія въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, вызванныя польскимъ возстаніемъ 1830—1831 г. Въ это время Б. былъ назначенъ инспекторомъ кіевской гимназіи (1834). Но новый попечителъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке очень несочувственно отнесся къ представителямъ прежнихъ педагогическихъ системъ, и Б. вскорѣ долженъ былъ оставить службу. Въ автобіографіи Е. Брадке встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о Б. и директорѣ гимназіи Петровѣ: „Директору и инспектору, вмѣстѣ взятымъ, было 150 лѣтъ отъ роду; первый изъ нихъ былъ весьма достойный, но ни по дарованіямъ, ни по здоровью неспособный человѣкъ; второй—вполнѣ непригодный, хотя еще бодрый... Стараго директора я попросилъ отдохнуть, и чтобы не огорчать его, поручилъ его сыну, бывшему учителемъ, исполнять мои приказанія по гимназіи. Инспектора я назначилъ предсѣдателемъ одной коммиссіи, и такимъ образомъ мнѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ повести дѣло въ иномъ направленіи [2]). Б. былъ назначенъ предсѣдателемъ первоначальнаго университетскаго правленія; эту должность онъ занималъ до прибытія въ Кіевъ перваго ректора университета—М. А. Максимовича (13 іюля 1834). 30 октября 1834 Б. вышелъ въ отставку, послѣ сорокашестилѣтней службы, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ пенсіею 2280 р. асс. Послѣдніе годы своей дол-

[1]) В. Жульвинъ. Исторія университета Св. Владиміра. Гл. I.

[2]) Записка Е. Ѳ. ф. Брадке (Русскій Архивъ 1875). Тамъ же интересные, но далеко не безпристрастные отзывы ф. Б. о школахъ.

гой жизни Б. доживалъ скромно и уединенно въ своемъ домикѣ въ Липкахъ близъ кіевскаго дворца, гдѣ тогда помѣщалась гимназія, коротая свои досуги метеорологическими наблюденіями [1]). Умеръ Б. на 84 году отъ рожденія — 6 января 1848 г.[2]).

Научная дѣятельность Б., посвященная изученію мѣстной исторіи и археологіи, начинается еще во время службы его въ главномъ народномъ училищѣ. Въ упомянутой уже исторической запискѣ 1802 г. сказано: „сочинена также имъ пространная исторія города Кіева съ топографическимъ его описаньемъ, собранная изъ разныхъ кіевскихъ книгохранилищъ и старинныхъ рукописей, къ чему способствовали въ доставленіи ему на то матеріаловъ, соревнуя пользѣ наукъ, бывшій кіевскій митрополитъ Іероѳей (Малицкій) и гражданскій губернаторъ г. Милашевичъ; однако сія книга не отдана еще въ печать, равно какъ и сочиняемая теперь имъ же малороссійская исторія [3]). Работамъ этимъ долго еще пришлось ожидать печати. „Краткое описаніе Кіева“ издано только въ 1820 г; „Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“, на изданіе котораго, по ходатайству гр. Завадовскаго, въ 1804 г. пожаловано было изъ Кабинета 500 р., вовсе не было издано, и только отрывки изъ этого сочиненія были напечатаны въ 1884 г. въ „Молодикѣ“ Бецкаго. Въ 1841 г. Б. помѣстилъ въ журналѣ „Улей“ нѣсколько статей историческаго содержанія.

---

[1]) Б., кромѣ наукъ историческихъ, занимался естествознаніемъ: еще въ 1814 г. составилъ онъ книгу „Наставленіе къ собиранію и приготовленію червеца или русской кошенили,“ тогда же изданную хозяйств. департ. м. вн. дѣлъ, и болѣе полувѣка велъ метеорологическія наблюденія въ Кіевѣ (Венгеровъ. Критико-біогр. словарь III, 88).

[2]) Б. погребенъ на старомъ Байковомъ кладбищѣ. Могила его находится въ довольно непригляднымъ видѣ. Она ничѣмъ не огорожена; на кирпичномъ, уже разрушающемся фундаментѣ лежитъ чугунная плита съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло статскаго совѣтника и кавалера Максима Федоровича Берлинскаго, родившагося 1764 года августа 6 дня, скончавшагося 1848 года генваря 6. Миръ праху твоему.“

[3]) Сборн. матер., 446.

Болѣе широкая ученая и литературная дѣятельность Б. начинается съ 1815 г. Въ это время начинаются близкія сношенія его съ знаменитымъ „Меценатомъ русской науки“ гр. Н. П. Румянцевымъ. Свидѣтельствомъ этихъ сношеній служитъ переписка Б. съ Румянцевымъ, продолжающаяся почти до самой кончины канцлера (1825). Письма Румянцева къ Б. подробно изложены въ извѣстной книгѣ В. С. Иконникова [1]), которому они сообщены были М. П. Семевскимъ; письма Б. хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ (XII, С, 18—27); къ сожалѣнію, это собраніе далеко не полное: оно состоитъ всего изъ 10 писемъ, относящихся къ 1815 и 1816 г. (26 мая 1815—19 іюля 1816), между тѣмъ какъ письма Румянцева обнимаютъ время съ января 1815 по сентябрь 1825 г. Вотъ содержаніе этой любопытной переписки государственнаго канцлера съ провинціальнымъ учителемъ [2]). Изъ перваго же письма Р. видно, что Б. доставилъ передъ тѣмъ Р. рукописные матеріалы своихъ изслѣдованій о кіевскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это канцлеръ благодарилъ его „за присланныя прелюбопытныя бумаги“ и пишетъ далѣе: „сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ наиубѣдительнѣйше продолжать оный.“ „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сличимъ планъ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятниковъ осталосъ, что они въ лѣтописяхъ упомянуты“. Р. просилъ Б. сдѣлать на его счетъ порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится—прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библіотекѣ есть переводы печерскаго патерика, на польскомъ

---

[1]) Опытъ русской исторіографіи. К. 1891. Т. 1, кн, 1, стр. 185—191.

[2]) Не имѣя возможности пользоваться самыми письмами Р., воспроизвожу ихъ содержаніе почти дословно по книгѣ В. С. Иконникова, пользуясь на то его благосклоннымъ разрѣшеніемъ; письма же Б. изложилъ по имѣющейся у меня рукописной копіи.

языкѣ, онъ проситъ Б. свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ патерикомъ и сообщить о результатѣ этого сличенія. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какой-нибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо если священная древняя грамота или лѣтопись на пергаментѣ, хотя бы списокъ съ Несторовой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно временъ древнихъ". Р. приглашаетъ Б. „продолжать начатую переписку." Вскорѣ Б. прислалъ уже Р. списки съ разныхъ относящихся до древностей россійскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Р. продолжалъ настаивать „что либо-отыскать относящееся до временъ Кіева первобытныхъ." Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. доставилъ гр. Р. мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Р. обѣщалъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ [1]). Затѣмъ Б. выслалъ Р. планъ Кіева съ обозначеніемъ древнихъ урочищъ; дѣло это стоило ему не малаго труда: „двоекратная ошибка землемѣра, чертившаго оный, была причиною и потери лишняго времени, и издержки." Вмѣстѣ съ планомъ высланы были копія греческой надписи на сводѣ Софійскаго собора и историческое извѣстіе о Выдубецкомъ монастырѣ. Извѣщая объ этомъ Р., Б. извиняется въ незначительности своихъ находокъ, при чемъ попутно высказываетъ свое мнѣніе о состояніи кіевскихъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ. „Въ Софійской б-кѣ много отыскалось ветхостей, но ветхостей болѣе по матеріалу, а не по содержанію, ибо далѣе начала 16 вѣка ничего интереснаго не попалось. Михайловская б-ка, правда, цѣлѣе; но никакой рѣдкости, кромѣ славяно-польской литературы и множества тяжебныхъ дѣлъ вниманію не представляетъ. Кіево-Братская б-ка послѣ истребленія ея въ 1781 г. пожаромъ вновь составилась отъ приношеній благотворителей, состоящихъ въ печатныхъ фоліантахъ и новыхъ изданіяхъ, и ни одного рукописнаго остатка, кромѣ ничего незначащихъ школьныхъ продуктовъ или церковныхъ записей, не могъ отыскать [2])". Къ письму

---

[1]) Иконниковъ стр. 186—187.

[2]) Письмо № 18 отъ 26 мая 1815 г.

приложена греческая надпись изъ Софійскаго собора, рисунокъ фасада Кіево-Печерской церкви до пожара ея въ 1718 г., планъ г. Кіева 1634 (по справкѣ оказалось, что это копія плана Кальнофойскаго), изображеніе буквъ на стѣнѣ Десятинной церкви. Въ слѣдующемъ письмѣ Б. извѣщаетъ Р. о новой находкѣ: „въ монастырѣ ближнихъ пещеръ отыскалъ рукописный Патерикъ въ листъ, на бумагѣ, писанный нѣкоторымъ Іоанномъ, мнихомъ Печерскаго монастыря, изъ Несторовой рукописи (sic), а потомъ въ 7062 (1554) переписанный нѣкоторымъ дьячкомъ Нестерцомъ.“ При этомъ препровождаются три выписки изъ Патерика, изъ которыхъ одна представляла точный палеографическій снимокъ съ рукописи. Кромѣ того, Б. прилагаетъ списокъ надписи на древнемъ антиминсѣ и сообщаетъ о новыхъ археологическихъ находкахъ въ Кіевѣ. „Возлѣ Межигорской фабрики найдены отъ самого берега рѣки Днѣпра идущія внутрь горы *тѣсныя пещеры*; въ одной изъ нихъ отыскали какую то лодку, весло и деревянную посуду.“ Возлѣ самаго Хрещатицкаго памятника въ обрушившейся горѣ открылся подъ землею прекрасный *бассейнъ*, въ глубину горы на нѣсколько саженей и съ чистою водою. Оный, по всему видно, принадлежитъ къ работамъ самыхъ древнихъ жителей Кіева; я самъ его видѣлъ: но для успокоенія любопытствующаго простолюдства скоро его закрыли; и—я больше не видалъ“. Наконецъ Б. сообщаетъ что онъ отыскалъ мѣсто древняго Гнилецкаго монастыря [1]). Р. благодарилъ Б. за его труды и высказывалъ свои желанія относительно дальнѣйшихъ изысканій. О планѣ Кіева онъ писалъ: „Сей трудъ вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ; но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторій нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте, пожалуйста, надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ диптиковъ и синодиковъ; въ нихъ

---

[1]) Письмо № 19 отъ 2 сент. 1815 г.

могутъ находиться имена великихъ князей, супругъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статься можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть." Тутъ же Р. проситъ прислать ему рисунокъ съ найденныхъ въ пещерахъ лодки и весла, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ *золотую табакерку*, прибавляя: „употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте [1])". Б. въ двухъ послѣдующихъ письмахъ [2]) благодаритъ Р. за подарокъ (въ довольно сдержанныхъ выраженіяхъ: „сего мѣсяца 4 числа имѣлъ честь получить чрезъ Василья Семеновича господина вицегубернатора почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства и при томъ подарокъ, золотую табакерку, за что приношу мою чувствительнѣйшую благодарность. Сія вещь останется не только для меня, но и въ родѣ моемъ на всегда памятникомъ вашего благоволенія"), посылаетъ рисунокъ лодки и отломка необыкновеннаго весла (прочаго же найденнаго уже теперь не нашлось), сообщаетъ объ исполненіи порученій графа (для переписки Патерика изъ многихъ уставщиковъ выбралъ лучшаго, который обѣщаетъ окончить переписку къ Рождеству за 150 р.) и проситъ выслать недостающіе 40 р. для уплаты за планъ Кіева. „Первое мое дѣло теперь, продолжаетъ Б., отыскивать стариннѣйшіе синодики, авось либо, по желанію нашему, не отыщется-ли какое лицо неизвѣстное въ хроникахъ." Изъ слѣдующаго письма Б. узнаемъ, что онъ получилъ въ одинъ мѣсяцъ два письма отъ Р.; въ одномъ прислано было 150 р. на издержки, въ другомъ заключался вопросъ о происхожденіи кіевскаго митрополита Никифора I, освятившаго Михайловскій монастырь при Святополкѣ II. Б. обѣщаетъ сдѣлать разысканія и сообщаетъ о находкѣ древнихъ синодиковъ. Выписки изъ нихъ о княжескихъ домахъ, а также нѣкоторыя слова съ „предревняго" омофора будутъ до-

[1]) Иконниковъ 187—188.

[2]) Письмо № 20 отъ 6 октября и № 21 отъ 10 октября 1815 г.

ставлены графу [1]). Вскорѣ Р. былъ обрадованъ присылкою отъ Б.—это были древніе синодики—Межигорскаго и Николаевскаго монастырей и Вышгородской Борисо-глѣбской церкви, которые, по словамъ Р., содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ великокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы были неизвѣстны". Поэтому онъ проситъ Б. разыскать,—„нѣтъ ли въ Софійскомъ соборѣ и Десятинной церкви древнихъ записей митрополитовъ, а также синодикъ Китаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ великаго Андрея Боголюбскаго, ея основателя", и синодикъ соборной церкви древняго города Василька. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ [2]). Между тѣмъ Б. выслалъ Р. „неизвѣстныя буквы, снятыя изъ стариннѣйшаго омофора", которыхъ никто въ Кіевѣ прочесть не могъ; „изображеніе князя, прибавляетъ онъ, меня побудило приняться о выразумѣніи сихъ буквъ." При этомъ же письмѣ послана была выписка изъ латинской исторіи о митрополитѣ Никифорѣ и изображеніе Лаврской церкви XV ст. [3]). Три слѣдующія письма Б. посвящены преимущественно вопросу о происхожденіи митр. Никифора „*Сурина*". Б. высказываетъ сначала предположеніе, что Суръ—турецкое названіе Тира и что „при неустройствѣ въ Сиріи около 1106 года отъ нашествія крестоносцевъ и борьбѣ ихъ съ мусульманами могло статься, что епископы тамошніе искали въ другихъ мѣстахъ своей безопасности, и что такъ же Тирскій или Сурскій Никифоръ прибыть могъ къ патріарху цареградскому, который и отправилъ его на упраздненную кіевскую митрополію;" но затѣмъ онъ останавливается на болѣе вѣроятномъ предположеніи, что здѣсь просто встрѣчается обычная описка *у* вм. *V*, и что Суринъ должно читать Сѵринъ. Въ послѣднемъ письмѣ Б. сопоставляетъ различныя указанія византійскихъ историковъ о времени крещенія Ольги и приходитъ къ тому заключенію, что событіе это произошло въ правленіе Константина Багрянороднаго и въ патріаршество Поліевкта.

---

1) Письмо № 22 отъ 22 ноября 1815.

2) Иконниковъ, 188.

3) Письмо № 23 отъ 8 декабря 1815.

Кромѣ того, Б. посылаетъ Р. какую-то выписку изъ грамоты патріарха Мелетія, которая, хотя не относится къ древней эпохѣ, особенно интересующей Р., но „для характера тогдашнихъ людскихъ мыслей и для стиля письма украинскаго", показалась ему любопытною [1]). Въ послѣднемъ имѣющемся у насъ письмѣ Б. онъ сообщаетъ Р. о Владиміровыхъ монетахъ, золотой и серебряной (золотая находится у бывшаго кіевскаго аптекаря г. Бунге, серебряная у купца Пирожкова) и прилагаетъ изображеніе серебряной монеты, найденной возлѣ Переяслава. Изъ этого же письма узнаемъ, что разысканія въ Вышгородѣ, о которыхъ просилъ Р., были произведены въ 1816 г., и Б. приложилъ къ (несохранившемуся) письму отъ 12 іюня „планъ разработки около церкви Вышгородской", расходы на которую приняла на себя А. А. Турчанинова. Въ отвѣтъ на запросъ Р—ва Б. сообщаетъ слѣдующія о ней свѣдѣнія: „Она есть дѣвица, оставшаяся дочь бригадира Александра Ивановича Турчанинова, жительствовавшаго въ Кіевѣ; который, какъ и мать ея, здѣсь скончались и погребены въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ. Анна Александровна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ единственно занимается ученостью, имѣетъ вкусъ въ познаніяхъ древностей и искусствъ, упражняется въ чтеніи отборныхъ сочиненій и всю жизнь свою (по смерти родителей) посвящаетъ на полезныя изысканія; къ чему способствуетъ ей достаточное наслѣдственное недвижимое имѣніе; а для лучшей выгоды приняла жительство себѣ въ Кіевѣ. Теперь она отправилась въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ испросить у правительства позволеніе, чтобы посѣтить берега Темзы и Сены; а оттуда на другой годъ обѣщалась возвратиться въ Кіевъ и довершить дѣло Вышгородской церкви, какъ я вашему сіятельству въ предыдущемъ письмѣ имѣлъ честь о семъ донести [2])".

Этимъ исчерпываются имѣющіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ неизданныя письма Б. Дальнѣйшія подробности переписки его съ Р. привожу изъ книги В. С. Иконникова. Въ іюнѣ 1817 г.

---

[1]) Письма № 24 отъ 15 декабря 1815, № 25 отъ 2 января 1816 к. № 26 отъ 20 феврала 1816.

[2]) Письмо № 27 отъ 19 іюля 1816 г.

Р. высказываетъ сожалѣніе по поводу болѣзни Б., а затѣмъ поручаетъ брату (С. П. Румянцеву) посѣтить его въ Кіевѣ. Р. поручилъ Б. порыться въ б-кахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется-ли въ нихъ древнихъ списковъ Русской Правды или другихъ русскихъ законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 г. онъ просилъ его пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться пріобрѣсти древнія золотыя монеты Ярославовы. Получивъ отъ Б. мѣдную копію съ золотой медали, Р. пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она даетъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ архангелѣ Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно, съ какого времени, но гербъ кіевскій состоялъ въ изображеніи того же архангела. Черезъ Б-го гр. Р. вошелъ въ сношенія съ пріоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобъ послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или помѣщичьихъ архивахъ кіевской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ. Пріобрѣтеніе древнихъ рукописей Евангелія и Апокалипсиса, въ концѣ которыхъ была приписана молитва Господня, побудило Р. поручить Б. сдѣлать выписки этой молитвы въ харатейныхъ рукописяхъ въ Кіевѣ, чтобъ доискаться, когда вошло въ употребленіе позднѣйшее чтеніе ея, и вообще предпринять разысканія о харатейныхъ евангеліяхъ въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ. „Всякую издержку за труды гг. списчиковъ я понесу очень охотно“, прибавляетъ онъ. Р. завидовалъ Б., что онъ можетъ часто имѣть приступъ къ митр. Евгенію, котораго онъ называетъ „единственнымъ путеводителемъ“ въ области кіевскихъ древностей (30 апр. 1822). Узнавъ, что въ Броварахъ у протопопа есть очень древнее Евангеліе, которое онъ готовъ продать за 300 р., Р. поручаетъ Б. убѣдиться и представить его на заклю-

ченіе м. Евгенія (1823). Въ другой разъ гр. Р. проситъ Б. при содѣйствіи м. Евгенія разсмотрѣть собраніе медалей Пороховщикова и увѣдомить его, нѣтъ-ли между ними медалей царствъ воспорскихъ и бактріянскихъ и городовъ Ольвіополя и древняго Херсона. О всякой новости въ области археологіи они спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ этого Б. послалъ Р. рисунки съ кіевскихъ древностей, недавно отысканныхъ (1824), а Р. увѣдомляетъ его и м. Евгенія, что близь самого Херсона открытъ надгробный монументъ изъ мрамора съ барельефомъ и латинскою надписью, обозначающею, что онъ поставленъ былъ надъ тѣломъ умершаго тутъ трубача XI клавдіанскаго легіона. Незадолго до своей смерти гр. Р. просилъ Б. прислать ему копію съ каталога документовъ (грамотъ), хранившихся въ кіевской казенной палатѣ, на которые указалъ ему митр. Евгеній. Интересуясь кіевскими древностями, Р. рекомендовалъ Б. и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ, или лично. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Б. о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Б. казанскаго ученаго Н. С. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя послалъ Арцыбашеву сочиненіе Б. о Кіевѣ. Наконецъ, Р. просилъ Б. посодѣйствовать и П. Н. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ во время пребыванія его въ Кіевѣ (1824) [1]).

Таковы были отношенія Б. къ гр. Румянцеву. Къ сожалѣнію мы не располагаемъ матеріалами для характеристики его отношеній къ знаменитому сотруднику канцлера митрополиту Евгенію, но судя по нѣкоторымъ намекамъ, можно думать, что они были далеко не такъ близки. Тѣмъ не менѣе оживленная дѣятельность по изученію мѣстныхъ древностей, начавшаяся съ пріѣздомъ м. Евгенія въ Кіевъ, не могла не отразиться на трудахъ Б., и дѣйствительно, большая часть его печатныхъ работъ относится именно къ этому времени.

---

[1]) Иконниковъ, 188—191.

Ученые труды Б. доставили ему извѣстность. Въ 1828 г. онъ былъ избранъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ 1835 Б. былъ назначенъ членомъ учрежденнаго при Кіевскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ М. А. Максимовича комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, по ходатайству котораго въ слѣдующемъ году открытъ при университетѣ музей древностей. Въ 1843 г. при учрежденіи въ Кіевѣ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Б. былъ избранъ ея почетнымъ членомъ [1]).

Представляемъ списокъ историко-археологическихъ сочиненій Б., указанія на которыя намъ удалось найти въ имѣвшихся подъ руками матеріалахъ [2]).

Отдѣльно изданы: 1) Исторія россійская для употребленія юношеству М. 1800; 2) Краткое описаніе Кіева. Спб. 1820 [3]).

Въ различныхъ журналахъ: 1) Раздѣленіе Малороссіи на полки (Улей 1811, № 3); 2) о могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ (тамъ же, № 5); 3) о городѣ Кіевѣ (тамъ же, № 8); о кіевской академіи (Соревнователь просвѣщенія и благотворительности 1819, № 7); 5) объясненіе изображеній на медали, найденной въ Черниговѣ въ 1821 (тамъ же 1822, № 1); 6) описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (Украинскій журналъ 1824, № 2); 7) о находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ (ихъ описаніе и вѣсъ). Отеч. Записки 1826 г. т. XXVIII, № 80; 8) о Десятинной церкви въ Кіевѣ (Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. V, 1830 г.); 9) извѣстіе о Межигорской церкви (тамъ же); 10) нѣсколько главъ изъ сочиненія Максима Берлинскаго„ Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“ (Молодикъ на 1844 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый П. Бецкимъ, выпускъ 4).

---

[1]) Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1843—1893) Сост. О. И. Левицкій. К. 1893, стр. 5—7 и 137.

[2]) При составленіи этого списка мы пользовались слѣдующими пособіями: 1) Венгеровъ. Критико-біогр. словарь т. III; 2) Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи; 3) Лазаревскій. Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края. Спб. 1858.

[3]) На основаніи цитированной выше исторической записки 1802 г. можно думать, что Б. написалъ еще другое сочиненіе—„Пространная исторія Кіева“.

Какъ видно изъ приведеннаго списка, большую часть печатныхъ сочиненій Б. составляютъ коротенькія замѣтки по поводу различныхъ археологическихъ находокъ. Болѣе общій интересъ представляютъ „Историческое обозрѣніе Малороссіи" и „Краткое описаніе Кіева".

Первое изъ названныхъ сочиненій извѣстно только по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ „Молодикѣ". Въ оглавленіи этого сборника (на стр. 247) находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ сочиненіи. При заглавіи статьи помѣщено слѣдующее примѣчаніе: „Взято изъ рукописной книги „Историческое обозрѣніе Малороссіи и Кіева, содержащее въ себѣ происшествія и перемѣны случаевъ въ сей странѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія, сочинено Максимомъ Ѳедоровичемъ Берлинскимъ, учителемъ кіевской гимназіи". Писано въ листъ, 377 страницъ, 2 части, 84 главы. О ней упоминается въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1803 года. Выписки изъ оной помѣщены въ „Исторіи объ уніи" 1811 и 1813 г. Къ ней есть особенная рисованная карта Малороссіи по раздѣленіи оной на полки. На заглавномъ листѣ надпись: „Для изданія оной въ свѣтъ по порученію автора началъ было исправлять В. А—чъ[1]), но по неимѣнію способовъ оставилъ до благопріятнѣйшаго случая, чтобы сыскать сему труду покровительство и помощь любителя своей родины" (?). Дальнѣйшая судьба рукописи Б. неизвѣстна; въ „Молодикѣ" же напечатаны только девять главъ (52—60), содержащія изложеніе событій отъ крымскихъ походовъ Голицына до посѣщенія Кіева Петромъ В. послѣ Полтавской битвы, т. е. исторію гетмана Мазепы. Изложеніе нѣсколько сухое, но отличается своею ясностью и полнотою. Авторъ пользовался неизданными матеріалами—указами губернскаго и городскаго архивовъ[2]), лѣтописью Симоновскаго (тогда еще ненапечатанною) и „рукописными преданіями о Палѣѣ г. Симоновскаго" (стран.

---

[1]) Анастасевичъ?

[2]) Въ одномъ мѣстѣ Б. называетъ нѣкоторые извѣстные ему документы, а именно: шесть универсаловъ Мазепы разныхъ годовъ, хранящіеся въ кіевскомъ магистратѣ, и жалованныя грамоты 1700—1710, которыми подтверждались всѣ права, вольности и владѣнія кіевскаго митрополита.

195). Особенно интересенъ отзывъ Б. о значеніи гетманства Мазепы для исторіи Кіева. Приведемъ его полностью. „Послѣднее десятилѣтіе сего вѣка примѣчательно для Кіева, что въ ономъ построены многія и по нынѣ существующія церкви и возобновлены монастыри, что по большей части на счетъ угасшей памяти гетмана Мазепы было производимо. Нѣтъ опаснѣйшей въ общежитіи той твари, которая умѣетъ стыдные свои пороки или властолюбивые происки скрывать подъ личиною доброжелательства, благовидной пышности и ревностнаго благочестія. Дѣло сего лицемѣра было: сооруженіе двухъ, по южную и сѣверную сторону, у кафедральнаго собора св. Софіи придѣловъ, со устроеніемъ въ оныхъ на нижнемъ и верхнемъ этажахъ четырехъ престоловъ; возобновленіе изъ основанія въ 1693 году настоящей Кіево-Братской большой каменной церкви Богоявленій Господнихъ (sic), и по лѣвую ея сторону, вмѣсто деревянныхъ сооруженіе каменныхъ школъ, что нынѣ составляетъ нижній этажъ оныхъ; при чемъ исходатайствовалъ отъ Ихъ Царскихъ Величествъ грамоту сему училищу. Около сего же времени Пустынно-Николаевскій монастырь переведенъ изъ древняго своего мѣстоположенія ниже теперешняго монастыря, на осѣвшемъ косогорѣ существовавшаго, на настоящее его пространство, гдѣ коштомъ сего же гетмана сооружена большая церковь св. Николая и при ней каменная же съ церковью Трапеза; прежній же монастырь съ ветхою деревянною церковью долгое время слылъ подъ имемемъ ветхаго монастыря. Между прочими по малороссійскимъ разнымъ городамъ устрояемыми церковными заведеніями иждивеніемъ сего гетмана существуетъ по-нынѣ сдѣланная имъ въ 1698 году около Печерской Лавры на 550 саженей простирающаяся каменная ограда съ церковью Всѣхъ Святыхъ на сѣверныхъ ея вратахъ, такъ называемыхъ Економскихъ. Кромѣ сея еще существуютъ три имъ созданныя въ Лаврѣ церкви: одна въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, превращенная потомъ въ монастырскую палату, другая на вратахъ, идущихъ къ пещерамъ, а третья на углу ограды противъ Ѳеодосіевской церкви" (стр. 178—179). Приведенный отрывокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о содержаніи книги Б. и принятой имъ манерѣ изло-

женія. Высказать общее заключеніе о книгѣ, зная изъ 84 главъ только 9, мы затрудняемся.

Самый важный печатный трудъ Б.—,,краткое описаніе Кіева", представляющее первый систематическій трудъ по исторической топографіи Кіева. Точное заглавіе сочиненія слѣдующее: „Краткое описаніе Кіева, содержащее историческую перечень сего города, такъ же показаніе достопамятностей и древностей онаго. Собранное надворнымъ совѣтникомъ Максимомъ Берлинскимъ. С.-Пб. 1820 г. (стр. 204). Къ книгѣ приложены „планъ города Кіева" на отдѣльномъ листѣ и два литографированныхъ рисунка (на особыхъ листкахъ): „Гробъ кіевскаго князя Ярослава Владиміровича" и „изображеніе литеръ на стѣнѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ". Текстъ книги состоитъ изъ двухъ частей, намѣченныхъ въ заглавіи: 1) историческая перечень (стр. 3—30) и 2) показаніе достопамятностей (31—121); въ концѣ, въ видѣ приложеній, помѣщены: 1) краткая вѣдомость, составленная въ 1817 году о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ, о заведеніяхъ промышленныхъ, о числѣ партикулярныхъ домовъ и жителей (121—131), объясненіе древнихъ мѣстъ и урочищъ, показанныхъ на планѣ г. Кіева, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ" (133—193) и ,,объясненіе плана" (194—204).

Первая часть книги („историческая перечень") не представляетъ интереса. Это—бѣглый очеркъ исторіи кіевской земли и города Кіева, начиная отъ временъ доисторическихъ, составленной по такимъ источникамъ, какъ Татищевъ и Стрыйковскій, дополняемымъ самостоятельными филологическими домыслами автора. Поэтому здѣсь встрѣчаются такіе курьезы, какъ племя Кивичи (отъ сарматскаго Кивы—горы), они же Горичи, или объясненіе Птоломеева Azogorium словомъ Загорье, а имени Danapris—словами „дань беру". Гораздо важнѣе вторая часть книги и приложенія.

Вторая часть („показаніе достопамятностей") представляетъ подробное историко-топографическое описаніе трехъ существовавшихъ тогда частей города: Печерска, Стараго Кіева и Подола. При описаніи каждой части указано время ея заселенія, послѣдующая судьба и современное состояніе. Затѣмъ описываются

замѣчательныя зданія, урочища, укрѣпленія, при чемъ также сообщается ихъ исторія. Описывая различныя зданія XVII ст. Б. опять не разъ приходится встрѣчаться съ фундаціями Мазепы. Затрудняясь назвать это, все еще опальное тогда имя, Б. называетъ его: тогдашній гетманъ, сильный гетманъ, набожный гетманъ, угасшія памяти гетманъ, нигдѣ не называя его по имени. Въ описаніи Братскаго монастыря встрѣчается слѣдующее, не лишенное интереса замѣчаніе: „любочестіе сего гетмана простиралось до того, что алтари, иконостасы, колокола и даже окна были ознаменованы изображеніями герба его“ (стр. 98). Кромѣ городскихъ достопримѣчательностей, описываются и интересныя въ историческомъ отношеніи окрестности Кіева (Китаевъ, Вышгородъ, Чертороя, Долобское озеро). И здѣсь не обходится безъ ошибокъ; напр., авторъ полагаетъ, что Днѣпръ во времена Олега былъ такъ полноводенъ, что пороги не представляли препятствія для судоходства (118); говоритъ, что Золотыя Ворота были обиты вызолоченными листами, „которые были выломаны Бонякомъ и какъ трофей отвезены въ землю половецкую“ (80); довольно иронически относится къ произведеніямъ византійскаго искусства („грубыя *готическія* (sic) зданія, изукрашенныя самою безискуственною мозаикою, составляли всю красоту и великолѣпіе того времени нѣкоторыхъ дворцовъ и знатнѣйшихъ монастырей“). Но самыя описанія составлены въ высшей степени тщательно и подкрѣплены ссылками на источники. Встрѣчаются и самостоятельныя мнѣнія, впослѣдствіи оправдавшіяся—напримѣръ, слѣдующее заключеніе о Софійскомъ соборѣ: „Софійская церковь, какъ по оставшемуся въ ней древнему украшенію, такъ и изъ исторіи видно, не была совершенно отъ татаръ опустошаема. По временномъ удаленіи сихъ непріятелей иногда совершаемо было въ оной священнодѣйствіе“ (75); или—о лаврскихъ пещерахъ: „Сомнѣнія нѣтъ, что преподобные отцы не первые положили начало пещерамъ въ сихъ горахъ. Древнѣйшіе отыскиваются подземные ходы и норы, современные древнѣйшимъ вѣкамъ; таковые найдены у Кирилловскаго монастыря, у Межигорскаго завода, да и самыя такъ называемыя Варяжскія пещеры, пустыя, у дальнихъ пещеръ, составляли убѣ-

жища или жилища древнихъ дикарей" (10). Большою точностью отличаются и топографическія данныя Берлинскаго: нѣкоторыя указанія его, оспариваемыя въ свое время Закревскимъ, вполнѣ согласуются съ древнѣйшимъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ плановъ Кіева—планомъ 1695 г. [1]) (положеніе церкви Воздвиженія Креста, Андреевскій взвозъ). Изъ приложеній къ книгѣ Б. особенную цѣнность имѣетъ планъ Кіева, на которомъ особыми знаками (славянскими буквами) отмѣчены древнія урочища и зданія княжескаго періода, а нѣкоторыя сооруженія и мѣстности изображены, въ томъ видѣ, какъ они были извѣстны Б.,— напр.—старинные крѣпостные валы Стараго Кіева, Миниховскія укрѣпленія вокругъ всего города, расположеніе улицъ на Подолѣ до пожара 1811 г., „черта и разстояніе отмытыхъ береговъ Подола въ продолженіе послѣднихъ 60 лѣтъ" (т. е. съ 1760 г.), „отдѣленіе Плоской слободы отъ Луговой оболони" (повидимому валъ, теперь не существующій), мѣсто бывшаго (до пожара 1811) магистрата, дома, оставшіеся послѣ пожара и т. п. Эти и многія другія подробности дѣлаютъ планъ Б. чрезвычайно важнымъ пособіемъ для изученія исторической топографіи Кіева.

Такова была ученая дѣятельность Б. Начало ея, какъ мы видѣли, относится еще къ концу XVIII в.; въ 1802 году имъ была уже составлена пространная исторія Кіева и готовилась исторія Малороссіи. Б. приступилъ къ своей работѣ, повидимому, вполнѣ самостоятельно, руководясь только интересомъ къ дѣлу и любовью къ малорусской старинѣ, память о которой еще была въ окружающей его средѣ; интересно, что однимъ изъ главныхъ источниковъ его исторіи была лѣтопись Симоновскаго, полученная имъ отъ директора кіевскаго главнаго народнаго училища Симоновскаго. Самыя сочиненія Б. представляютъ какъ бы продолженіе старыхъ малорусскихъ лѣтописей. Позднѣе пришли извѣстныя литературныя воздѣйствія (вліяніе гр. Румянцова, отчасти и митр. Евгенія). Б. подчинился имъ, потому-что они въ общемъ сов-

[1]) Планъ Кіева составленный въ 1695. Изд. кіевск. ком. для разбора актовъ. 1893 г.

падали съ его стремленіями; но въ то же время онъ сохранялъ и свои особые интересы: такъ, его заинтересовала грамота патр. Мелетія, характеризующая настроеніе украинскаго народа и написанная украинскою рѣчью. Позднѣйшія литературныя теченія, болѣе соотвѣтствовавшія міровоззрѣнію Б., повидимому, не нашли отраженія въ его дѣятельности. По крайней мѣрѣ, Максимовичъ, близко знавшій Б., въ своей вообще сочувственной „Поминкѣ“ ничего не говоритъ о его дѣятельности въ послѣдніе годы. Вѣроятно, причиной былъ преклонный возрастъ (въ 1834 г.—годъ открытія университета—Б. было уже 70 лѣтъ). Всѣ эти факты даютъ возможность опредѣлить мѣсто Б. въ малорусской исторіографіи: онъ занимаетъ середину между малорусскими лѣтописцами XVIII в., вродѣ Рубана и Симоновскаго, и учеными изслѣдователями южнорусской старины XIX-го ст.

Недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ охарактеризовать его нравственную личность. Насколько позволяютъ судить имѣвшіеся источники, это былъ типъ скромнаго кабинетнаго труженика, нѣсколько сухаго, можетъ быть педантичнаго [1]), но беззавѣтно преданнаго своему дѣлу; въ тоже время это былъ человѣкъ, горячо любившій свою родину и посвятившій всю жизнь изученію ея историческаго прошлаго. До нѣкоторой степени личность Б. можетъ охарактеризовать печатаемое въ приложеніи письмо его къ Снегиреву. ,,Мы люди малые, писалъ Б., нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражатъ что нибудь написать, напишу, и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою“. Старомодный текстъ этого письма также весьма характеренъ. Представитель отжившей эпохи, Б. долженъ былъ производить странное впечатлѣніе на дѣятелей новаго поколѣнія. Можетъ быть, и этимъ отчасти объясняется молчаніе послѣднихъ лѣтъ и то одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей

---

[1]) Митр. Евгеній, съ своею обычною рѣзкостью въ отзывахъ называетъ Б. „жалкій, неотесанный школяръ“, „презрительный педантъ“ (Шмурло. Митр. Евгеній, какъ ученый. Спб. 1886, стр. 376).

жизни. Даже смерть Б. осталась почти не замѣченною, и только черезъ два года Максимовичъ напечаталъ о немъ сочувственную „Поминку", въ которой съ грустью замѣчаетъ, что „кончина, его не была замѣтна и въ самомъ Кіевѣ; при гробѣ его не было никого изъ ученой братіи, ни изъ профессоровъ кіевскихъ. Явленіе замѣчательное, потому именно, что никогда еще въ Кіевѣ не было столько вниманія къ древности [1]).

Въ настоящее время, когда дѣло, начатое Б., получило еще большее развитіе, когда въ Кіевѣ существуютъ три ученыхъ общества, занимающихся преимущественно разработкою мѣстной исторіи, два общественныхъ музея и нѣсколько частныхъ собраній древностей, издается спеціальный журналъ, посвященный мѣстной исторіи,—имя Б. не должно быть забыто. Черезъ годъ исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины. Желательно, чтобы къ этому времени собраны были болѣе обстоятельные матеріалы для его біографіи и издана вновь самая цѣнная его работа—планъ города Кіева. Можетъ быть, почитатели памяти Б. позаботятся и о приведеніи въ порядокъ его могилы.

В. Щербина.

Приложенія.

I. Аттестатъ, выданный М. Ѳ. Берлинскому отъ Кіевской Академіи.

Объявитель сего Епархіи Сѣвской, намѣстничества Курскаго, уѣзда Путивльскаго, вѣдомства духовнаго Путивльскаго правленія, села Новой Слободы, церкви Архистратига Михаила священника Феодора Лазарева сынъ Максимъ Берлинскій, находясь въ Академіи Кіевской съ 1776 г. по настоящій 1786 г., обучался Латинской Грамматикѣ, Поэзіи, Риторикѣ, Философіи и Богословію съ успѣхомъ преизряднымъ и отъ ученыхъ мужей особливое одобреніе заслуживающимъ, въ слогѣ священныхъ проповѣдей и витійствѣ дѣйствительномъ предпочтенъ былъ мно-

---

[1]) Временникъ Импер. Общ. Ист. и др. Россіи т. V, М. 1850.

гожды по достоинству прочимъ своимъ сотрудникамъ и добропорядочнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ въ добродѣтельныхъ качествахъ достоинъ любви и благопризрѣнія. Кромѣ Латинскаго обучался Еврейскому языку, Исторіи и Географіи и Ариѳметикѣ теоретической и практической съ успѣхомъ препохвальнымъ. Къ указной присягѣ въ надлежащее время приведенъ. Лѣтъ ему отъ роду двадцат два. А нынѣ по резолюціи Св. Правительств. Синода Члена Преосвященнаго Самуила, митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіево-Печерской лавры Архимандрита и по его желанію отъ той Кіевской Академіи съ симъ аттестатомъ отпущенъ, о чемъ ему, Берлинскому, отъ Академіи Кіевской и сей аттестатъ данъ 1786 г., іюня 17 дня.

Академіи Кіевской Ректоръ Архимандритъ
Варлаамъ Миславскій.

Академіи Кіевской Префектъ Игуменъ Дмитрій.

№ 24. М. П.

II. Письмо М. Ѳ. Берлинскаго къ П. М. Снегиреву.

Милостивый Государь
Иванъ Михайловичъ!

Начитавши въ вѣдомостяхъ московскихъ изъявленную мнѣ отъ общества, за мои слабыя приношенія, признательность, я весьма былъ обрадованъ и приношу мою истинную благодарность. Но на сихъ дняхъ будучи у нашего Преосвященнаго извѣстился, что и онъ послалъ въ общество планы Десятинной, о чемъ я прежде отъ него не былъ предувѣдомленъ; и при томъ самъ сознался, якобы я получилъ оные планы отъ извѣстнаго по Кіеву г. Лохвицкаго; о чемъ, говоритъ, и писалъ къ вамъ въ общество. Ежели ето дѣйствительно было, то для меня весьма прискорбно сносить такую несправедливость. Планы я получилъ отъ Архитектора г. Ефимова, который разрабатывалъ церковный фундаментъ, и потомъ повезъ планъ съ фасадомъ отъ строителя церкви Анненкова, что все у меня было скопировано, прежде нежели преосвященный возвратился изъ Петербурга съ планами отъ г. Оленина принятыми, которыхъ я никогда не видалъ, и

никогда съ г. Лохвицкимъ не говорилъ. Тутъ извѣстна нѣкоторая личность, о ней же нѣсть нынѣ глаголати подробну [1]). Впрочемъ, мною описано такъ все справедливо, что я за каждое слово могу отвѣчать. Прошу покорнѣйше васъ, Милостивый Государь, быть увѣреннымъ въ сей справедливости, и кого надобно, также въ семъ заувѣрить; я отъ рожденія моего чужимъ не интересовался, и съ добраго ума ни писать, ни говорить не умѣю. Признаюсь, послѣ такого урока, не могу съ духомъ собраться, чтобы послать или писать; опасаясь впредь столкнуться съ симъ авкторитетомъ. Мы люди малые, нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражитъ что нибудь написать, напишу и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою [2]).

Вамъ, Милостивый Государь, извѣстна чувствительность огорченной невинности: то я могу быть увѣренъ, что по свойственному вамъ праводушію извините въ моей признательности. Смѣю просить, ежели можно, удостойте меня отвѣтомъ, и разрѣшите мою неизвѣстность. Впрочемъ, пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и признательностью

вашего высокоблагородія
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга.

(Оба документа заимствованы изъ бумагъ М. А. Максимовича).

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о кіевскомъ комендантѣ Аракчеевѣ, братѣ временщика. Письмо его къ брату объ открытіи фундамента Десятинной церкви и трудахъ м. Евгенія и Лохвицкаго см. въ „Кіев. Стар." 1894, № 6. стр. 537—538.

[2]) Въ „Трудахъ и лѣтописяхъ обществ. исторіи и древн. росс." ч. V, кн. 1, (М. 1830) помѣщена статья Берлинскаго „О Десятинной церкви въ Кіевѣ" (стр. 106—123), а вслѣдъ за нею „Письмо отъ Его Высокопреосвященства Кіевскаго Митрополита Евгенія о найденныхъ въ Десятинной церкви серебряныхъ слиткахъ (стр. 124—125).

КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ.

(По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія).

1 октября 1896 года закончилось 25 лѣтъ со дня открытія въ Кіевѣ „Коллегіи Павла Галагана", среднеучебнаго заведенія, основаннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ и при всѣхъ данныхъ для своеобразнаго существованія, сравнительно съ прочими учебными заведеніями въ нашемъ краѣ. Если четверть вѣка въ жизни всякаго учрежденія признается обыкновенно тѣмъ періодомъ, который составляетъ нѣчто закругленное, дающее матеріалъ для историко-культурнаго обозрѣнія, то тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можетъ разсчитывать на такой обзоръ то учебно-воспитательное учрежденіе, которое по самому уставу своему представляется исключительнымъ, болѣе или менѣе уклоняющимся отъ общаго установленнаго типа. Ввиду этого сама „Коллегія Павла Галагана" къ своему юбилейному дню приготовила обзоръ своей дѣятельности, издавъ книгу подъ заглавіемъ *„25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Съ портретами, рисунками, планами, подъ редакціею директора Коллегіи П. Г. А. I. Степовича. 1896"*. Какъ эта только-что названная книга, такъ еще болѣе жизнь и общественное значеніе самаго учрежденія не только даютъ право, но даже обязываютъ нашъ *историческій* журналъ, посвященный всестороннему освѣщенію разнообразныхъ культурно-историческихъ вопросовъ края, съ своей стороны посвятить нѣсколько страницъ обозрѣнію минув-

шаго 25-лѣтія въ жизни Коллегіи Павла Галагана. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы приступаемъ къ этому обозрѣнію, что 1 октября коллегія отпраздновала свой юбилей, а 1 ноября она разсталась на вѣки съ своей Почетной Попечительницей, *Екатериной Васильевной Галаганъ*, всецѣло себя отдававшей интересамъ заведенія за весь періодъ его существованія, всѣ силы своей души и сердца посвящавшей тому дѣтищу, которое съ 1 октября 1871 года замѣнило удрученной горемъ матери ея безвременно погибшаго сына. Со смертью Е. В. Галаганъ закончился первый періодъ въ жизни коллегіи, который, конечно, будетъ отмѣченъ впослѣдствіи, какъ періодъ наиболѣе сильнаго проявленія лирическихъ началъ во всевозможныхъ взаимоотношеніяхъ различныхъ членовъ ея, такъ-какъ въ лицѣ Екатерины Васильевны похоронено то первое поколѣніе *учредителей*, для котораго все въ этомъ заведеніи было *своимъ роднымъ*, для котораго и свѣтлыя, и темныя страницы въ жизни его были одинаково дорогими, близкими. Пройдутъ года; лирика постепенно замѣнится холодной сообразительностью—и Богъ вѣдаетъ какіе повороты совершатся въ дальнѣйшей жизни заведенія. Настанутъ новые люди; восторжествуютъ новыя мысли; проявятся и новыя чувства...

Много примѣровъ видала уже исторія, когда личныя обстоятельства въ жизни людей влекли за собой болѣе или менѣе замѣтныя общественныя явленія. Часто такими обстоятельствами бываютъ семейныя радости, но, безспорно, еще чаще—моменты горестей; все дѣло здѣсь въ томъ, насколько личности, переживающія эти моменты горести, способны побѣдить въ себѣ исключительно личное и, руководясь соображеніями высшаго порядка, склонны утѣшать себя въ личныхъ настроеніяхъ сознаніемъ общаго блага. Говоря это, мы сразу хотимъ указать, что личности Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ, благодаря которымъ учреждена коллегія и духомъ которыхъ она держалась 25 лѣтъ, принадлежали именно къ тѣмъ, сравнительно немногочисленнымъ, людямъ, которые въ самую

тяжелую минуту личнаго горя не потеряли окончательно чутья общественныхъ интересовъ, а напротивъ—въ нихъ-то и стали искать для себя не забвенія, но успокоенія, при сознаніи исполненнаго долга.

Нѣсколько разъ уже въ печати были опубликованы обстоятельства, при которыхъ возникла Коллегія Павла Галагана; заново интересующіеся этимъ могутъ найти нѣсколько любопытныхъ страницъ въ названномъ выше юбилейномъ изданіи Коллегіи (стр. 33—42; 84—87; 109—125). Мы-же для читателей считаемъ нужнымъ отмѣтить вкратцѣ только слѣдующіе факты.

27 апрѣля 1869 года неожиданно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, сгорѣла жизнь 16-лѣтняго юноши Павла Галагана, единственнаго и нѣжнолюбимаго сына Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ. „Все прервалось и рушилось внезапно!—говоритъ Григ. Павл. въ замѣткахъ о своемъ сынѣ; „намъ осталось одно изъ двухъ: или предаться полной и безконечной печали, къ которой влекла душа, или, борясь съ печалью, стремиться къ тому, чтобы нашъ бѣдный сынъ продолжалъ жить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ и для своихъ ближнихъ. Мы избрали послѣднее, и съ этой цѣлью учреждена Коллегія Павла Галагана“ (стр. 91). Но не сразу установилась окончательная мысль о коллегіи: первоначально Григ. Павл. думалъ основать въ Кіевѣ общежитіе для гимназистовъ 6 и 7 класовъ и студентовъ, подъ именемъ „Домъ Павла Галагана“, при чемъ живущіе въ этомъ общежитіи должны были именоваться *стипендіатами Павла Галагана*; съ этой цѣлью предполагалось пожертвовать 200 тысячъ рублей. Однимъ словомъ, должно было создаться нѣчто въ родѣ англійскаго колледжа съ туторами для руководства юношества. Въ такомъ родѣ проектъ учрежденія былъ вскорѣ составленъ, т. к. въ маѣ того же 1869 года онъ былъ уже отосланъ при письмѣ другу Г. П. Галагана М. В. Юзефовичу, котораго Галаганъ просилъ, совмѣстно съ другими лицами, разсмотрѣть этотъ проектъ и высказать свои соображенія. Молва о затѣваемомъ заведеніи этого типа быстро распространилась повсюду, а особенно среди кіевлянъ. Мы живо помнимъ то время, когда въ Кіевѣ, между прочимъ пристеги-

вая и проектированную коллегію, вели выборную агитацію предъ избраніемъ перваго городского головы по новому положенію. Извѣстно, что въ кандидаты готовили главнымъ образомъ двухъ лицъ—Г. П. Галагана и П. П. Демидова, при чемъ мотивами избранія перваго выставляли предполагавшееся учрежденіе коллегіи, а второго—слухъ объ устойствѣ квартиръ для бѣдныхъ; такъ-что какъ-разъ въ разгаръ агитаціи—помнится намъ—выпущена была брошюра за подписью (кажется) Шиммельфенигъ подъ заглавіемъ (тоже кажется) „Что важнѣе для Кіева—двухсотъ-тысячная коллегія или квартиры для бѣдныхъ?“ Конечно, для Галагана вопросъ о коллегіи ничего общаго не имѣлъ съ мечтами о должности головы: онъ всецѣло преданъ былъ мысли о томъ, какъ устроить то заведеніе, которое должно быть коллективнымъ выразителемъ прерванной жизни его сына. *Павлусь* его достигъ 16 лѣтъ и по курсу наукъ готовился въ 6-й классъ—вотъ основанія, въ силу которыхъ предполагалось заведеніе воспитательное для юношей этого-же возраста и этихъ-же познаній.

Этотъ первоначальный проектъ, послѣ многихъ совѣщаній компетентныхъ лицъ, которыхъ просилъ самъ Галаганъ принять участіе въ разработкѣ устава, значительно измѣнился, во 1-хъ, въ смыслѣ разъединенія сожительства гимназистовъ со студентами, и во 2-хъ, въ смыслѣ устроенія особаго учебнаго заведенія съ самостоятельнымъ преподаваніемъ по курсу 5, 6 и 7 классовъ. Руководясь этими положеніями, и стали затѣмъ въ подробностяхъ разрабатывать уставъ Коллегіи Павла Галагана, по существу остающійся и до сихъ поръ такимъ-же, какъ и въ самомъ началѣ.

Изъ сказаннаго видно, что Коллегія Павла Галагана не только возникновеніемъ своимъ обязана, такъ сказать, лирическому моменту въ личной жизни Галагановъ, но и самое устройство ея, самая организація тѣсно связывается съ этимъ пережитымъ моментомъ. Вѣдь первоначальная мысль учрежденія состояла только въ обезпеченіи матеріальнаго быта и учебныхъ пособій, при извѣстномъ необходимомъ надзорѣ и руководствѣ молодыхъ людей, т. е. предполагалось, главнымъ образомъ, устро-

ить благотворительное общежитіе для юношей, начиная съ тогоже возраста, въ какомъ умеръ Павелъ Гэлаганъ; когда-же эта мысль стала разрабатываться, чтобы быть приведенной въ осуществленіе, то естественно пришлось натолкнуться на тѣ педагогическія истины, которыя очень часто идутъ въ разрѣзъ съ лирическими мотивами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, собрать подъ одну крышу нѣсколько десятковъ молодыхъ натуръ, взявъ ихъ изъ разнородныхъ семей, съ различными темпераментами, и притомъ взявъ въ томъ возрастѣ, который, какъ извѣстно, считается самымъ тяжелымъ въ воспитательномъ отношеніи? Поневолѣ нужно было сразу отказаться отъ мысли ограничить все дѣло благотвореніемъ и привлечь къ участію принципъ воспитательный. Еслибы въ предполагаемую коллегію поступали мальчики дѣтскаго возраста, лѣтъ 9—10, то воспитательное вліяніе оказывать было-бы вполнѣ возможно, даже при условіи, что воспитанники въ стѣнахъ заведенія только имѣли бы общежитіе и надзоръ, безъ учебнаго элемента, т. е. въ часы уроковъ посѣщали бы классы гимназій; но такъ какъ гимназисты должны поступать въ коллегію, какъ сказано, въ возрастѣ юношескомъ, то роль воспитателя въ этомъ случаѣ очень осложняется: для молодежи 16 или 17 лѣтъ воспитательное вліяніе, ограниченное только нравоученіями и дисциплиной, недостаточно безъ авторитета науки. Вотъ почему естественно пришлось соединить воспитательную часть съ преподаваніемъ наукъ, т. е. создать не общежитіе только, но учебно-воспитательное заведеніе. Нельзя сказать, чтобы этимъ окончательно было устранено неудобство въ педагогическомъ отношеніи собирать вмѣстѣ для житья юношество, не объединенное раньше общими какими-нибудь принципами, но по крайней мѣрѣ неудобство это ослаблялось тѣмъ, что воспитатель для юноши долженъ былъ явиться, подъ покровомъ научнаго авторитета, не туторомъ только, но менторомъ, и чѣмъ выше нравственный и умственный обликъ этого ментора, тѣмъ воспитательное положеніе его является болѣе прочнымъ.

Какъ только идея коллегіи обозначилась въ этомъ видѣ, сейчасъ-же выступилъ на очередь матеріальный вопросъ: о 200 ты-

сячахъ рубляхъ, первоначально опредѣленныхъ Г. П. Галаганомъ для этого заведенія, не могло быть и рѣчи, т. к. устройство общежитія съ учебно-воспитательнымъ персоналомъ для воспитанниковъ далеко превышаетъ эту сумму. Хотя Г. П. Галаганъ впослѣдствіи не постѣснялся болѣе чѣмъ въ пять разъ увеличить основной фондъ коллегіи, пожертвовавъ въ обезпеченіе ея существованія часть своихъ имѣній цѣнностью болѣе *миллiона рублей*, а также купивъ усадьбу, стоившую, вмѣстѣ съ приспособленіями ея для цѣлей заведенія, около 200 тысячъ,—но и этихъ средствъ оказалось недостаточнымъ для постановки дѣла на широкую ногу, какъ хотѣлось учредителямъ. Благодаря этому, первоначальный планъ коллегіи, какъ учрежденія благотворительнаго, долженъ былъ видоизмѣниться, такъ-какъ въ уставъ ея внесенъ былъ пунктъ о своекоштныхъ воспитанникахъ, которые, внося ежегодно сравнительно большую плату за свое содержаніе и обученіе (первонач. 600 р., а потомъ—750 руб. въ годъ), должны въ значительной мѣрѣ усиливать ежегодный бюджетъ заведенія. Итакъ въ коллегіи, въ силу вещей, должны были сойтись два основные, элемента учащихся: *стипендіаты*—значитъ, люди не изъ богатыхъ классовъ, но за то поступающіе изъ разныхъ учебныхъ заведеній по конкурсному испытанію, и при томъ съ повышенными требованіями въ знаніяхъ, и *своекоштные*—значитъ, люди вполнѣ состоятельные, поступавшіе часто прямо изъ дома родительскаго, а еще чаще—изъ другихъ учебныхъ заведеній безъ всякаго испытанія. Если соединеніе подъ одной кровлей молодежи, начиная съ 16 и 17 лѣтъ, вообще не вполнѣ удобно въ педагогическомъ отношеніи, то неудобство это еще болѣе усиливается при условіи соединенія въ общежитіи лицъ разныхъ сословій, разныхъ матеріальныхъ положеній, разныхъ наклонностей... Правда, насколько намъ приходилось слышать (хотя въ печати мы нигдѣ не встрѣчали этого), Григорій Павловичъ Галаганъ находилъ теоретическое обоснованіе этого не вполнѣ нормальнаго строя въ жизни своей коллегіи. А именно: онъ предполагалъ, что единеніе двухъ различныхъ элементовъ въ коллегіи, носящихъ въ натурѣ своей много хорошаго, равно какъ и дурного, будетъ взаимно перекрещиваться, при чемъ идеалисти-

ческія мечтанія, конечно, предполагали лучшее, т. е. взаимное воздѣйствіе одного элемента на другой будетъ проявляться въ усвоеніи лучшихъ сторонъ, а не худшихъ. Такъ напримѣръ, можно было предполагать, что стипендіаты, люди труда и энергіи, люди, привыкшіе къ лишеніямъ и невзгодамъ жизни, будутъ своимъ примѣромъ и нравственнымъ обликомъ вліять на своекоштныхъ воспитанниковъ, юношей съ иными привычками и наклонностями, вчастую вырабатывающимися въ сословіяхъ вполнѣ обезпеченныхъ; но за то эти-же воспитанники должны воздѣйствовать на стипендіатовъ всѣми проявленіями джентльменства, которое предполагается свойственнымъ высшимъ классамъ общества. Таковы, конечно, могли быть мечтанія, но отъ мечтаній до дѣйствительности бываетъ иногда цѣлая бездна, и мы готовы думать, что и въ данномъ случаѣ если практика не показала бездны, то далеко все-таки ушла отъ ожиданій.

Говоря все это, мы далеки отъ мысли ставить какіе-нибудь укоры заведенію, имѣющему въ теченіе 25 лѣтъ своего существованія прямыя указанія той пользы и тѣхъ благопріятныхъ плодовъ, какіе сказываются на дѣлѣ; еще болѣе далеки мы отъ мысли находить какую-нибудь вину въ дѣйствіи учредителей коллегіи,—можно только съ чувстомъ полнаго уваженія къ нимъ рисовать въ умѣ своемъ ихъ почтенный обликъ: мы хотимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что если въ пережитый періодъ бывали тяжелые дни въ Коллегіи, то они главнымъ образомъ зависѣли отъ не совсѣмъ нормально поставленной основной мысли заведенія, какъ сказано, связывающейся съ лирическимъ моментомъ въ жизни Галагановъ.

Обратимъ теперь вниманіе еще на одну сторону вопроса, связаннаго съ учрежденіемъ коллегіи,—мы имѣемъ въ виду основной принципъ, выраженный въ пунктѣ *б* параграфа 2 устава коллегіи. Параграфъ этотъ говоритъ: „Коллегія Павла Галагана имѣетъ цѣлью: а) доставить нѣкоторому числу недостаточныхъ молодыхъ людей средства подготовительнаго къ университету образованія, и б) *способствовать развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.*

Этотъ пунктъ *б* настолько серьезенъ по своему значенію, что мы считаемъ умѣстнымъ остановитьсся на немъ подробнѣе.

Школа въ государствѣ есть, такъ сказать, зеркало, отражающее душу этого государства, и въ тоже время—измѣритель умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Чѣмъ болѣе разнообразія и оригинальности въ постановкѣ школьнаго дѣла въ странѣ, тѣмъ опредѣленнѣе выступаютъ на сцену всѣ изгибы духовной стороны въ человѣкѣ, и чѣмъ болѣе проявляется самостоятельность и независимость въ педагогической практикѣ, тѣмъ вѣрнѣе залогъ общей успѣшности въ дѣлѣ народнаго развитія. Наша русская школа до сихъ поръ слишкомъ мало обнаружила этой оригинальной самобытности, будучи почти исключительно заводима и управляема самимъ государствомъ, совершенно естественно ведущимъ ее по строго опредѣленному принципу, установившемуся въ правительственныхъ органахъ. Какъ рѣдкіе примѣры, встрѣчаются случаи общественнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно съ оригинальной программой его, или по крайней мѣрѣ, съ оригинальными учебно-воспитательными пріемами. Школьная нивеллировка, подведеніе всего къ одной программѣ, къ одному типу—вотъ характеристика нашей школы вообще. Нельзя поэтому не радоваться каждый разъ, когда мы видимъ просыпающуюся въ обществѣ потребность выйти на болѣе широкую дорогу въ этомъ дѣлѣ, когда мы видимъ частный починъ въ педагогическихъ вопросахъ. Вотъ почему, читая строки вышеприведеннаго пункта *б* во 2 параграфѣ устава коллегіи, мы невольно возвышаемся духомъ при мысли, что это заведеніе можетъ внести въ наше русское педагогическое дѣло *тѣ новые учебно-воспитательные пріемы, при помощи которыхъ успѣшнѣе будетъ достигаться правильное умственное и нравственное совершенствованіе юношества.*

Желаніе ввести нѣчто новое въ школу сразу сказалось у Г. П. Галагана, когда онъ въ письмѣ своемъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, между прочимъ писалъ такъ: „я желалъ-бы дать учреждаемой коллегіи болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ, чѣмъ сколько

имѣютъ ее казенныя гимназіи“ (стр. 40), и—что особенно важно—эта мысль Галагана нашла полное сочувствіе въ высшихъ сферахъ, такъ-какъ Высочайшій рескриптъ Императора Александра II на имя Г. П. Галагана оцѣняетъ пользу отъ учрежденія школы, которая доставитъ нѣкоторому числу молодыхъ людей средство подготовительнаго къ университету образованія, а также будетъ способствовать *развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.* И дѣйствительно, уставъ коллегіи и объяснительная записка къ уставу во многомъ указываютъ эту оригинальность, или лучше сказать—возможность къ оригинальности въ постановкѣ школы, Такъ, параграфъ 4-й поручаетъ завѣдываніе коллегіи правленію, которое составляютъ всѣ воспитатели подъ предсѣдательствомъ старшаго воспитателя, насящаго названіе директора. Въ кругъ обязанностей правленія входитъ организація всей учебно-воспитательной части заведенія, порядка жизни воспитанниковъ, распредѣленіе ихъ занятій, дисциплинарныя правила,—словомъ, опредѣленіе всего строя жизни школы во всѣхъ подробностяхъ. На правленіе, слѣдовательно, падаетъ и отвѣтственность за порядокъ и благоустройство.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту устава, представленнаго въ Государственный Совѣтъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, Г. П. Г—нъ опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ основные устои внутренней жизни школы. Учреждаемая школа всей обстановкой своей жизни должна воспитывающемуся въ ней юношеству обезпечить полное и правильное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ; она должна быть не квартирой, въ которой живутъ молодые люди при извѣстномъ формальномъ, дисциплинарномъ порядкѣ, но воспитательной школой, гдѣ юноши подъ постояннымъ и полнымъ контролемъ и руководствомъ воспитателей совершенствуются въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воспитательную и руководящую роль свою воспитатели могутъ выполнить, когда въ ихъ рукахъ будетъ соединено и обученіе главнымъ предметамъ курса, т. е. когда воспитатель будетъ въ то-же время и преподавателемъ.

Гр. П. Г—нъ желалъ, чтобы воспитаніе и обученіе въ коллегіи способствовало раскрытію въ душахъ и умахъ обучающагося юношества любви и пониманія главныхъ основъ русской жизни и сдѣлало бы ихъ впослѣдствіи способными служить дѣйствительнымъ интересамъ родной страны и помогло бы имъ быть хорошими гражданами дорогого отечества.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ сынѣ, Г. П. Галаганъ, говоря о немъ, даетъ намъ понять, на развитіе и воспитаніе какихъ качествъ въ воспитанникахъ онъ желалъ бы направить трудъ воспитателей. Павелъ Гр-чъ Г—нъ представляется своему отцу съ слѣдующими характерными чертами: любознательнымъ, прилежнымъ, ищущимъ и уважающимъ знаніе, любящимъ свою родину, воспріимчивымъ ко всему хорошему, отзывчивымъ на все доброе, неприхотливымъ, бережливымъ въ тратѣ на самого себя, врагомъ роскоши и щегольства, чистымъ честнымъ, юношей, полнымъ молодой, здоровой жизненной энергіи и лучшихъ человѣческихъ стремленій. Гр. П-чъ видѣлъ въ своемъ сынѣ зачатки будущаго честнаго человѣка, полезнаго гражданина своей земли,—и конечно, желалъ, чтобы таковыми же выходили молодые люди изъ той школы, которая основана въ память сына; средствами для достиженія этого должны служить свободно вырабатывающіеся въ школѣ воспитательные пріемы, не стѣсняемые шаблонной мѣркой казенныхъ заведеній.

Если привести въ систему все вышесказанное, то характеръ, задачи и цѣли этой школы, какъ учрежденія, имѣющаго характеръ общественный, представятся въ слѣдующемъ видѣ:

Во-1-хъ, въ коллегіи получаетъ подготовительное къ университету образованіе нѣкоторое число молодыхъ людей, необладающихъ достаточными личными матеріальными средствами, число которыхъ въ настоящее время ограничивается 30, но въ будущемъ, при развитіи матеріальныхъ средствъ коллегіи, оно можетъ быть увеличено (изъ объясн. зап.).

Во-2-хъ, коллегіи предоставляется право самостоятельной постановки учебнаго дѣла съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, чтобы каждый предметъ преподавался въ объемѣ не менѣе требованій, предъявляемыхъ учебными планами М. Н. Пр. для классиче-

скихъ гимназій.—Увеличеніе объема требованій по каждому предмету, назначеніе числа недѣльныхъ уроковъ, распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, устройство той или иной системы переводныхъ испытаній, опредѣленіе методовъ и пріемовъ преподаванія—предоставляется вполнѣ компетенціи правленія коллегіи.

Въ-3-хъ, еще большую самостоятельность предоставляетъ уставъ коллегіи въ устройствѣ воспитательнаго дѣла и всего внутренняго строя жизни школы. Въ этомъ отношеніи уставъ не дѣлаетъ никакихъ ограниченій. Коллегія по мысли учредителя составляетъ закрытое учебное заведеніе (§ 12 уст.), въ которомъ воспитаніе юношества составляетъ главнѣйшую задачу школы. Съ этою цѣлью воспитателямъ предоставляется правящая роль въ заведеніи. Они избираются изъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, или же пріобрѣтшихъ особую извѣстность своею педагогической дѣятельностью (§ 17 уст.). На нихъ же возлагается обязанность преподаванія предметовъ учебнаго курса въ цѣляхъ дать имъ, какъ воспитателямъ, большую авторитетность и возможность болѣе всесторонняго вліянія и ознакомленія съ учащимися. Въ то время, когда въ гимназіяхъ, какъ заведеніяхъ открытыхъ и многочисленныхъ по составу учащихся, все воспитательное дѣло ограничивается по необходимости требованіемъ отъ учениковъ точно регламентированныхъ дисциплинарныхъ правилъ, въ большей части случаевъ состоящихъ изъ недопущеній, воспрещеній, строгихъ воспрещеній и т. п., въ коллегіи эта сторона дѣла вызываетъ болѣе серьёзныя требованія: роль воспитателя въ ней не можетъ быть ограничена однимъ надзоромъ за воспитанниками и наблюденіемъ за исполненіемъ требованій внѣшней формальной дисциплины. Воспитатель обязанъ способствовать развитію и вкорененію въ воспитанникахъ положительныхъ сторонъ. Онъ обязанъ помочь воспитаннику раскрыть въ себѣ тѣ добрые, живые, здоровые зачатки, какіе вложила въ него природа; онъ обязанъ воспитать волю воспитанника, направлять его на все хорошее и честное,—словомъ, воспитатель, по мысли учредителя, является живымъ лицомъ, дѣйствующимъ на воспитанника не одними

формальными требованіями и приказаніями, но силою своего умственнаго и нравственнаго авторитета и постояннымъ съ нимъ общеніемъ. При такой постановкѣ воспитательнаго дѣла въ коллегіи, когда воспитанника будетъ окружать постоянное вниманіе и забота объ его умственномъ и нравственномъ совершенствованіи, при хорошей матеріальной гигіенической обстановкѣ, Гр. П-чъ былъ вправѣ надѣяться, что коллегія для воспитанниковъ до извѣстной степени замѣнитъ родную семью, и въ любовномъ отношеніи къ школѣ они найдутъ побужденіе въ дальнѣйшей своей жизни быть хорошими и честными людьми. Въ такихъ началахъ была и выработана правленіемъ инструкція для воспитателей и директора, одобренная совѣтомъ коллегіи и утвержденная почетнымъ попечителемъ.

Такими, какъ мы видимъ, благими мыслями и намѣреніями руководился учредитель коллегіи, и съ такими задачами приступилъ къ выполненію ихъ первый воспитательный составъ. Но, какъ извѣстно, не всѣ наши благія пожеланія и намѣренія осуществляются въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально рисуются они намъ. Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ, какъ текла жизнь коллегіи въ теченіе 25 лѣтъ, но отмѣтимъ только тотъ фактъ, что нѣсколько разъ уже въ отчетахъ коллегіи, ранѣе печатавшихся (см., напр., „Десятилѣтіе Коллегіи Павла Галагана“. Кіевъ 1882 г.), равно и въ только-что выпущенномъ послѣднемъ отчетѣ о 25-тилѣтіи ея (см. рѣчь директора коллегіи „Итоги 25-тилѣтней жизни и дѣятельности колл. П. Г—на“) совершенно опредѣленно обнаруживается, что за весь этотъ періодъ практика школы не выработала ничего особенно характерно-поучительнаго: нѣтъ никакой своеобразности въ программахъ (кромѣ ничтожныхъ мелочей), нѣтъ ничего прочно опредѣлившагося въ методахъ преподаванія, нѣтъ ничего оригинальнаго въ воспитательныхъ пріемахъ, чему можно было бы слѣдовать, какъ образцу. Да оно и не удивительно! Школа не правительственная, а частная тогда только можетъ своеобразно и твердо стоять на своихъ ногахъ, когда общій принципъ общественной жизни допускаетъ свободное развитіе всякой частной инициативы. Коллегія же Павла Галагана возникала какъ

разъ въ тотъ моментъ, когда въ силу исключительныхъ причинъ, вопросы воспитанія и образованія юношества строго были регламентированы, и слѣдовательно, такъ сказать—въ воздухѣ носились иныя теченія, далекія отъ мысли о свободно-развивающихся педагогическихъ теоріяхъ. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что почтенная мысль учредителя нисколько не была гарантирована въ своемъ осуществленіи однимъ характеромъ устава этой школы: по такому уставу можно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть блестящихъ результатовъ, при неудачныхъ—прійти къ печальнымъ послѣдствіямъ. Все тутъ сводится къ лицамъ, стоящимъ у самаго дѣла. Къ этому-то послѣднему условію мы теперь и обратимся.

При не особенно удачной комбинаціи въ постановкѣ воспитательныхъ задачъ въ коллегіи, въ зависимости отъ разнороднаго состава учащихся (стипендіаты и своекоштные) и отъ самаго тяжелаго въ воспитаніи возраста ихъ (переходный періодъ); при томъ колебаніи въ разныхъ методахъ отношенія къ воспитанникамъ, какое замѣчалось, по словамъ „Отчета“ въ теченіе 25 лѣтъ,—все же въ результатѣ получались вчастую очень утѣшительныя явленія воспитательной практики заведенія: изъ него выходили многія личности подготовленными къ труду, съ здоровыми, честными взглядами на жизнь, не съ наклонностями сухихъ эгоистовъ, а со всѣми задатками добраго сердца. Этотъ результатъ, помимо всякихъ причинъ, иногда внѣ школы находящихся, главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, получился благодаря личнымъ воздѣйствіямъ того состава воспитательнаго, который подбирался, болѣе или менѣе удачно, по основной мысли учредителя—видѣть въ воспитателяхъ людей сердца, могущихъ въ школу вносить живую душу, а не одну лишь—такъ сказать, вицъ-мундирную оболочку. И дѣйствительно, личности самихъ учредителей коллегіи съ ихъ гуманнымъ обликомъ, съ ихъ любвеобильнымъ сердцемъ вообще, а по отношенію къ своему дѣтищу-коллегіи въ особенности—вотъ первый залогъ того добраго, человѣколюбиваго начала, которымъ должно было быть проникнуто воспитаніе въ этой школѣ. Просматривая списокъ лицъ, стоявшихъ у дѣла обученія и воспитанія коллегіатовъ въ теченіе

25 лѣтъ, мы находимъ тамъ тѣ имена, съ которыми связывается представленіе о лучшихъ сторонахъ въ жизни людей. Мы не будемъ перечислять этихъ лицъ, не желая въ данномъ случаѣ нарушать границы скромности людей, иногда намъ очень близкихъ но лежащій предъ нами послѣдній отчетъ коллегіи, не только даетъ намъ право, но и обязываетъ по отношенію къ двумъ лицамъ переступить эти границы.

Въ исторической запискѣ, составленной В. Куницкимъ подъ заглавіемъ „Двадцатипятилѣтіе коллегіи Павла Галагана", на стр. 145-й дается краткая характеристика представителей воспитательныхъ пріемовъ въ заведеніи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣны ихъ; тутъ, между прочимъ, читаемъ такія строки: „въ слѣдующее затѣмъ 11-тилѣтнее директорство И. И. Ничипоренка по внѣшности все оставалось въ прежнемъ видѣ, но, благодаря тому, что Г. П. Галаганъ, занятый въ это время болѣе важными государственными дѣлами, гораздо рѣже бывалъ въ Кіевѣ и не могъ принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ коллегіи, какъ прежде, *во внутреннемъ строѣ и порядкѣ заведенія проявились нѣкоторыя отрицательныя стороны*".

Мы совсѣмъ не желаемъ полемизировать по этому поводу съ г. Куницкимъ, который, конечно, *вѣдаетъ, что творитъ,* но очень удивляемся тому, что въ книгѣ, редактированной самимъ директоромъ коллегіи и, слѣдовательно, носящей какъ бы оффиціальный, а не частный характеръ, прошла такая, по меньшей мѣрѣ *странная*, фраза. Не говоря о томъ, что всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ бытомъ коллегіи за весь періодъ ея существованія, хорошо извѣстно нисколько не худшее положеніе дисциплинарной части въ директорство И. И. Ничипоренка сравнительно съ другими періодами,—мы укажемъ только, что самый „Отчетъ" даетъ лучшее опроверженіе этому упреку. Достаточно для этого раскрыть 62-ю страницу и прочесть выдержку изъ предсмертнаго прощальнаго письма Г. П. Галагана къ только что окончившимъ курсъ воспитанникамъ; вотъ она: „вы воспитывались въ коллегіи въ самыхъ лучшихъ для нея условіяхъ, при отличныхъ воспитателяхъ и преподавателяхъ *и при такомъ директорѣ, который во всякое время клалъ за васъ душу; ему вы должны остаться*

вмѣстѣ съ нами глубоко благодарны". Конечно, есть и такая точка зрѣнія, что это качество въ человѣкѣ составляетъ недостатокъ, но мы, предоставляя право желающимъ держаться этого мнѣнія, скажемъ, что какъ учредители, такъ—думаемъ—и воспитанники разныхъ темпераментовъ и наклонностей, одинаково относились съ чувствомъ признательности къ тому человѣку, который, искренно любя юношество, всѣ силы свои, даже до излишества, отдавалъ дѣлу воспитанія молодыхъ людей. Если-же бывали случаи уклоненія отъ желательнаго поведенія воспитанниковъ, то, во 1-хъ, въ какой школѣ ихъ не бываетъ?, а во 2-хъ, въ коллегіи для этого имѣются исключительныя условія, зависящія, какъ мы сказали, отъ возраста и состава учащихся.

Но если приведенныя выше строки въ „Отчетѣ" можно посчитать за какойто странный *lapsus*, то ужъ никакъ не поймемъмы основаній для другого *lapsus'a*, явившагося по отношенію къ извѣстному преподавателю и ученому, П. И. Житецкому. Въ самой книгѣ нѣсколько разъ, при случаѣ, вскользь, упоминается, что имя П. И. Житецкаго связано съ коллегіей крѣпкими узами. Начать съ того, что онъ былъ домашнимъ преподавателемъ предмета словесности тому самому *Павлусю Галагану*, имени котораго посвящена потомъ коллегія (см. стр. 78, примѣч.); затѣмъ, онъ принималъ близкое участіе въ выработкѣ устава коллегіи (см. стр. 124); наконецъ онъ преподавалъ въ коллегіи предметъ словесности съ 1874 года по самый моментъ своего тяжкаго недуга, съ невольнымъ перерывомъ въ 2 года, которые онъ долженъ былъ прожить въ Петербургѣ. Ученый авторитетъ лица, талантливое преподаваніе, нравственное вліяніе на воспитанниковъ—вотъ тѣ данныя, въ силу которыхъ отчетъ о 25-тилѣтней жизни заведенія не можетъ вычеркнуть изъ страницъ своихъ хоть краткаго указанія на принесенные этимъ лицомъ плоды,—между тѣмъ мы въ этомъ отчетѣ встрѣчаемъ всѣ свѣдѣнія о директорахъ коллегіи (даже съ портретами ихъ), о всѣхъ воспитателяхъ (правда—уже безъ портретовъ), и ни одного звука о такомъ преподавателѣ, какъ П. И. Житецкій, кромѣ фамиліи и срока службы. Неужели форма играла, при составленіи отчета, такую роль, что, разъ лицо не было въ числѣ штатныхъ слу-

жащихъ, о немъ нѣтъ надобности и говорить? Неужели въ „отчетѣ“, который долженъ представить намъ картинку *культурно-бытовой стороны въ жизни заведенія*, только и можетъ быть рѣчь о *штатныхъ служащихъ*?

Пусть простятъ намъ оба названныя нами лица ту нашу нескромность, съ которой мы позволили себѣ коснуться ихъ! Но вѣдь мы говоримъ о нихъ въ данномъ случаѣ, какъ объ общественныхъ работникахъ, а при этихъ условіяхъ вопросъ о скромности отходитъ на второй планъ. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы заговорили о нихъ, что теперь, когда коллегія вступила въ новый періодъ своей жизни, мы прежде всего пожелаемъ ей имѣть въ рядахъ своихъ побольше сотрудниковъ, подобныхъ тѣмъ, именами и авторитетами которыхъ создавалось лучшее въ прошлой жизни коллегіи, и которые, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, дѣйствительно помогутъ выработкѣ оргинальныхъ и вполнѣ удачныхъ пріемовъ воспитанія молодыхъ поколѣній.

В. Науменко.

По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго.

---

12 ноября настоящаго 1896 года исполнилось 25 лѣтъ со времени перваго публичнаго появленія на сценѣ найболѣе выдающагося дѣятеля малорусскаго театра, Марка Лукича Кропивницкаго. Считаемъ необходимымъ отмѣтить этотъ интересный юбилей, потому что Марко Лукичъ есть не только геніальный артистъ-исполнитель, но главнымъ образомъ его дѣятельность плодотворна, какъ основателя малорусскаго театра, перваго начинателя этого въ высшей степени полезнаго и глубоко-симпатичнаго дѣла народной сцены. Кромѣ того, дѣятельность М. Л. Кропивницкаго еще не ограничивается этими двумя сторонами: онъ также представляетъ изъ себя весьма талантливаго малорусскаго писателя-драматурга. На сколько велика была энергія М. Л., можно судить хотя-бы потому, что ему пришлось преодолѣть массу затрудненій на пути къ сценической дѣятельности.

Родился Марко Лукичъ въ глухой провинціи, въ селѣ Байбайракахъ, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи, гдѣ отецъ его находился на службѣ у помѣщика Фундуклея.

Первоначальное образованіе М. Л. получилъ въ уѣздномъ училищѣ городка Бобринца, а потомъ готовился въ Кіевъ въ гимназію, куда ему поступить не удалось по причинамъ чисто формальнаго свойства; возвратившись домой, онъ продолжалъ готовиться къ экзамену, но и вторая попытка его не увѣнчалась успѣхомъ по тѣмъ же причинамъ. Послѣ этого Кропивницкій по настоянію своего отца поступилъ на службу, но прослуживъ два года, бросилъ ее и зачислился вольнослушателемъ въ

университетъ. Пробывъ два года въ университетѣ, М. Л. оставилъ его и долженъ былъ поступить въ канцелярію въ городкѣ Бобринцѣ, въ которой оставался около 9 лѣтъ, и только послѣ смерти отца въ 1871 году получилъ возможность удовлетворить вполнѣ давно овладѣвшему имъ влеченію къ сценѣ. Это влеченіе проявилось впервые еще въ бытность М. Л. въ уѣздномъ училищѣ и развивалось въ продолженіе всей его послѣдующей жизни; уступая этому влеченію, Кропивницкій съ 14 лѣтъ начинаетъ устраивать любительскіе спектакли, сначала въ домѣ своей матушки, а впослѣдствіи въ различныхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проводить продолжительное время. Благодаря этимъ спектаклямъ, Кропивницкій сошелся съ Иваномъ Карповичемъ Тобилевичемъ (Карпенко-Карый) и многими другими лицами, впослѣдствіи ставшими его сотрудниками по сценѣ. И такъ, М. Л. немедленно послѣ смерти отца, сильно противившагося его артистической дѣятельности, оставляетъ службу и 12 ноября 1871 года дебютируетъ уже въ одесскомъ народномъ театрѣ гр. Марковыхъ, въ роли „Стецька", въ извѣстной пьесѣ Квитки-Основьяненка „Сватанье на Гончаривци". Успѣхъ дебютанта, по словамъ „Одесскаго Листка", былъ на столько великъ, что Кропивницкому немедленно былъ предложенъ ангажементъ, какъ опытному артисту. Въ качествѣ артиста М. Л. служитъ на различныхъ провинціальныхъ сценахъ и даже въ Петербургѣ до 1875 года. Вездѣ онъ пользуется выдающимся успѣхомъ, особенно въ малорусскихъ пьесахъ.

Между прочимъ, въ 1873 г., служа въ Харьковѣ, въ товариществѣ, состоящемъ подъ управленіемъ Колюпанова, М. Л. ставитъ на сценѣ первое свое драматическое произведеніе „Дай серцю волю, заведе у неволю", написанное еще въ 1863-мъ году. Здѣсь же онъ поставилъ весь малорусскій репертуаръ, состоявшій тогда не болѣе какъ изъ десятка разрѣшенныхъ къ представленію пьесъ. Въ 1875 году Кропивницкій былъ приглашенъ на гастроли въ Галицію, въ тамошнюю малорусскую труппу. Пробывъ тамъ 4 мѣсяца, М. Л. возвратился въ Россію и до конца зимняго сезона оставался въ Елисаветградѣ, неустанно трудясь надъ устройствомъ любительскихъ малорусскихъ спек-

таклей. Въ слѣдующемъ 1876 году послѣдовало безусловное запрещеніе какихъ бы то ни было малорусскихъ спектаклей, и Кропивницкій принужденъ былъ выступать исключительно въ русскихъ пьесахъ, но тамъ онъ является уже въ качествѣ режиссера. Вѣроятно, въ это-то время М. Л. пріобрѣлъ тотъ громадный запасъ административной и, главнымъ образомъ, режиссерской опытности, которымъ и не замедлилъ воспользоваться въ самомъ непродолжительномъ времени съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Именно: въ 1881 году М. Л. Кропивницкій, служа режиссеромъ въ Кременчугѣ у Г. А. Ашкаренка, положилъ, такъ сказать, начало новой эры для родного искусства, подавъ совмѣстно со своимъ антрепренеромъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Лорисъ-Меликову въ декабрѣ мѣсяцѣ о разрѣшеніи дать нѣсколько малорусскихъ спектаклей. Просьба была удовлетворена, и вотъ здѣсь-то началось самое плодотворное время въ дѣятельности М. Л. Имѣя въ запасѣ нѣкоторыя знакомства послѣ любительскихъ спектаклей и съ замѣчательнымъ умѣньемъ угадывая и распознавая таланты, Кропивницкій, работая исключительно среди новичковъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ добивается образцоваго ансамбля, которому могла-бы позавидовать любая труппа. Несомнѣнно, что новое дѣло созидалось на весьма прочныхъ основаніяхъ и имѣло превосходнаго руководителя, если такого короткаго времени было достаточно для того, чтобы вполнѣ окрѣпнуть и окончательно побѣдить всякія непріязненныя предубѣжденія, которыми всегда сопровождается каждая новая идея, каждое смѣлое предпріятіе. Не прошло съ того времени и 15 лѣтъ, какъ Кропивницкій создалъ цѣлую школу, въ которой выдвинулись замѣчательные артисты, могущіе по своей игрѣ смѣло соперничать со своимъ учителемъ. Укажемъ хотя-бы на Саксаганскаго, какъ на самаго талантливаго ученика этой школы, вообще далеко не бѣдной талантами. Да и на первыхъ порахъ дѣйствительность не замедлила обнаружить, что можетъ сдѣлать во-время начатое дѣло высоко талантливымъ иниціаторомъ. Какъ мы уже сказали, втеченіе двухъ лѣтъ Кропивницкій добился рѣдкаго ансамбля, новички сдѣлались опытными артистами; пребываніе труппы въ

каждомъ изъ городовъ сопровождалось колоссальнымъ успѣхомъ и самыми востороженными отзывами прессы. Объѣздивъ такимъ образомъ всѣ значительные города юга Россіи, въ ноябрѣ 1886 года Кропивницкій рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ. Здѣсь спектакли его также произвели фуроръ. Публика и пресса были приведены въ восторгъ. Такіе вліятельные цѣнители искусства въ Петербургѣ, какъ Суворинъ, утверждали, что труппа изобилуетъ талантами. (И дѣйствительно, въ составъ ея тогда входили: Кропивницкій, Заньковецкая, Затыркевичъ-Карпинская, Саксаганскій, Карпенко-Карый, Максимовичъ, Садовскій и другіе). Были даны: спектакль въ театрѣ „Фантазія" въ присутствіи Государя съ Августѣйшимъ семействомъ и парадный спектакль съ Высочайшаго соизволенія въ Императорскомъ Маріинскомъ театрѣ. Кропивницкій съ другими премьерами своей труппы былъ представленъ Государю и удостоенъ Высочайшихъ подарковъ, а также Великому Князю Михаилу Николаевичу и Супругѣ его, въ собственномъ Ихъ Высочествъ дворцѣ. Къ сожалѣнію, въ это же время начали возникать въ труппѣ между членами товарищества взаимныя недоразумѣнія, вызванныя главнымъ образомъ скопленіемъ талантливыхъ артистовъ, которые, работая въ одной труппѣ, не находили себѣ достаточно широкаго поля дѣятельности. Къ этой причинѣ присоединились и другія, ничего общаго съ интересами искусства не имѣющія, которыя послѣдовательно привели къ полному разрыву между артистами и режиссеромъ. Не будемъ останавливаться на этой печальной страницѣ въ исторіи малорусскаго театра, хотя-бы просто потому, что въ данномъ случаѣ трудно быть безпристрастнымъ, или нужно было-бы весьма тщательно изучить всѣ закулисныя отношенія членовъ товарищества, но едва ли подобный трудъ можетъ представить какой либо интересъ [1]). Констатируемъ только лишь тотъ фактъ, что въ 1889 году Кропивницкій окончательно разошелся съ товариществомъ, но энергія его отнюдь не истощилась, такъ что послѣ небольшого перерыва въ томъ же 1889 году М. Л. уже съ новою, совсѣмъ мо-

[1]) Насколько извѣстно, М. Л. Кропивницкій въ этотъ промежутокъ времени два года состоялъ артистомъ въ труппѣ М. Старицкаго.—*Ред.*

лодою, труппою выступаетъ въ небольшихъ городахъ юга Россіи. Хотя во второй труппѣ Кропивницкаго уже нѣтъ такого скопленія большихъ талантовъ, но общаго ансамбля онъ добивается такъ же быстро и уже въ 1890 году имѣетъ въ Петербургѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Но и эта труппа оказывается также не долговѣчна, и послѣ окончанія зимняго сезона 1893 г. товарищество, къ величайшему огорченію М. Л., почти неожиданно прекратило свое существованіе. Эта неудачна глубоко поразила искренно преданнаго своему дѣлу М. Л., и онъ хотѣлъ совершенно отрѣшиться отъ режиссерской дѣятельности и въ теченіе двухъ лѣтъ ограничивался лишь тѣмъ, что ѣздилъ на гастроли. Однако глубокая преданность идеѣ, сознаніе обязанностей по отношенію къ своему таланту и любовь къ дѣлу взяли верхъ надъ личной обидой, и въ 1895 году Кропивницкій уже съ третьей труппой гастролируетъ въ Харьвовѣ и совершаетъ артистическія поѣздки въ другіе города юга Россіи до настоящаго дня.

Такимъ образомъ мы видимъ, что М. Л. Кропивницкій не только основалъ дѣло, но и послѣдовательно приготовилъ ему нѣсколько поколѣній работниковъ; и до сихъ поръ многіе талантливые дѣятели на малорусской сценѣ, многимъ обязаны Марку Лукичу; и до сихъ поръ желающіе работать для роднаго искусства могутъ поступатъ, такъ сказать, „въ обученіе“ въ труппу Кропивницкаго, гдѣ воспользуются благотворнымъ вліяніемъ М. Л. Эти-то заслуги и создали Кропивницкому имя „основателя малорусскаго театра“, „батька украинской сцены.“

Предоставимъ театральнымъ рецензентамъ разбирать игру и особенности ея у М. Л., а позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на Кропивницкомъ, какъ писателѣ драматургѣ [1]). Перо М. Л., въ значительной мѣрѣ обогатившее малорусскій репертуаръ, создало цѣлую серію пьесъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ трехъ изданіяхъ его сборника, а кромѣ того нѣсколькими отдѣльными мелкими изданіями и произведеніями, помѣщенными на стра-

[1]) Въ будущемъ 1897 году мы разсчитываемъ помѣстить въ нашемъ журналѣ обширную статью о малорусской драмѣ вобще и о драмахъ М. Л. Кропивницкаго въ частности—*Ред.*

ницахъ журнала „Артистъ“ и др. О первомъ изданіи сборника его драм. сочин., вышедшемъ въ Кіевѣ въ 1882 году и составляющемъ теперь библіографическую рѣдкость, своевременно на страницахъ нашего журнала (Кіевская Старина 1883 года, ноябрь) была помѣщена подробная библіографическая замѣтка съ разборомъ всѣхъ помѣщенныхъ въ сборникѣ пьесъ, среди которыхъ находилась „Глитай або-жъ павукъ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, нынѣ, къ сожалѣнію, снятая съ репертуара. Второе изданіе сборника представляетъ собою почти повтореніе перваго. За то громадный интересъ возбуждаетъ третій сборникъ,—это „Повный збирныкъ творивъ М. Л. Кропивницкаго,“ вышедшій въ Харьковѣ въ прошломъ году; онъ содержитъ въ себѣ не только всѣ разрѣшенныя къ представленію пьесы, напечатанныя раньше въ отдѣльныхъ и періодическихъ изданіяхъ, но и цѣлую серію пьесъ, нигдѣ дотолѣ не печатавшихся. Не будемъ подробно останавливаться на каждой пьесѣ Кропивницкаго, тѣмъ болѣе, что не ко всякой изъ нихъ можно примѣнить одинаковыя требованія: многія написаны исключительно для того, чтобы доставить посѣтителю театра возможность посмѣяться здоровымъ и непринужденнымъ смѣхомъ; таковы пьесы какъ оригинальныя, такъ и съ заимствованнымъ сюжетомъ: „Пошылысь у дурни,“ „Джигунъ“, „Помырылысь“, „Писни въ лыцяхъ“, „Вусы“, „Пидгоряне“ и проч., въ которыхъ авторъ прекрасно справляется со своей задачей, насквозь пропитывая ихъ богатымъ, народнымъ украинскимъ юморомъ. Но въ большемъ количествѣ случаевъ авторъ задается гораздо болѣе серьезными цѣлями: онъ имѣетъ въ виду перенести, такъ сказать, цѣликомъ на сцену украинское село, кстати сказать, прекрасно авторомъ изученное, со всѣми и свѣтлыми, и мрачными сторонами деревенской жизни. Особенно сосредоточиваетъ Кропивницкій свое вниманіе на типѣ, въ высшей степени въ настоящее время распространенномъ,—разбогатѣвшаго крестьянина, стремящагося изображать нѣчто высшее въ общественномъ отношеніи, чѣмъ простой „мужикъ“. Всѣ эти малорусскіе „мѣщане во дворянствѣ“ прекрасно воплощены во многихъ дѣйствующихъ лицахъ пьесъ: „Дви семьи“, „Олеся“,

и „Чмырь", гдѣ они дѣйствуютъ на сценѣ, какъ живые люди, возбуждаютъ глубокій интересъ, зачастую вызываютъ смѣхъ, но неизбѣжно навѣваютъ цѣлый рой самыхъ печальныхъ думъ и размышленій на тему о непроницаемомъ духовномъ меракѣ, окутавшемъ густымъ покровомъ наше земледѣльческое сословіе; подобное же дѣйствіе производитъ и прекрасная картинка крестьянскаго судопроизводства, этюдъ—„По ревизіи". Но, какъ видно, слишкомъ любитъ Марко Лукичъ изображаемую имъ среду, для того, чтобы остановиться исключительно на однѣхъ отрицательныхъ ея сторонахъ; онъ проникаетъ сквозь покровъ мрака и отыскиваетъ въ этой простой средѣ типы, исполненные самыхъ лучшихъ задатковъ, способные даже чуть-ли не на геройскіе подвиги; таковъ Иванъ въ пьесѣ: „Дай сердцю волю, заведе въ неволю". Какъ только авторъ коснулся этого собственно эпизодическаго лица, онъ забылъ обо всемъ окружающемъ, о герояхъ пьесы, о развитіи дѣйствія и заставляетъ зрителя вмѣстѣ съ собою увлечься этимъ въ высшей степени симпатичнымъ типомъ. Кромѣ того, М. Л. разбираетъ и другія стороны крестьянской жизни: онъ разбираетъ строй семьи (Зайдыголова), общественное явленіе кулачества (Глитай), а также иногда удаляется въ глубь временъ и съ замѣчательной живостію рисуетъ бытовыя картины прошлыхъ временъ и вѣковъ; таковы: „Невольникъ". Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ поэмы Шевченка того-же заглавія. Наконецъ, послѣднее произведеніе М. Л. „Вій", фантастическая пьеса, написанная по извѣстной повѣсти Гоголя. Кромѣ того, намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что портфель М. Л. заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество пьесъ, какъ оконченныхъ, такъ и недоведенныхъ еще до конца. Надѣемся, что онѣ не замедлятъ съ выходомъ въ свѣтъ и составятъ вкладъ въ малорусскую драматическую литературу, достойный имени автора.

Теперь же искренне привѣтствуемъ „батька украинскаго театра" въ 25-ти лѣтній юбилей и желаемъ сохраненія ему силъ и энергіи для дальнѣйшей славной дѣятельности на пользу родного искуства на много и много еще лѣтъ. Д. А.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Шпага Карла XII. Въ московскую оружейную палату передана шпага короля Карла XII шведскаго. Сообщая объ этомъ, въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ, «Московскія Вѣдомости» сопровождаютъ это свѣдѣніе слѣдующимъ комментаріемъ:

«Карлъ XII послѣ полтавскаго разгрома бѣжалъ въ турецкій лагерь, въ надеждѣ возбудить турокъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Извѣстно, что, будучи въ Бендерахъ, онъ впалъ въ такое изступленіе, что, вынувъ свою шпагу, принялся колоть ею во всѣ стороны. Тогда принуждены были обезоружить его, и шпага его, вынутая изъ ноженъ, осталась въ Бендерахъ. Къ счастью она сохранилась въ Бендерахъ, и бендерскій паша, бывъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ губернаторомъ Измаила, генераломъ Тучковымъ, подарилъ ему эту историческую шпагу, а Тучковъ передалъ ее въ 1822 году одному русскому генералу, уѣзжавшему со службы изъ Измаила въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ шпага Карла XII хранилась въ семействѣ этого генерала. Дочь его, почтенная особа уже 78-лѣтняго возраста, представила эту драгоцѣнность на Высочайшее распоряженіе, а Государь Императоръ повелѣлъ отправить ее на храненіе въ оружейную палату.

Шпага эта имѣетъ всѣ признаки достовѣрности: на клинкѣ вычеканено золотомъ «Carolus XII» .Владѣлица шпаги возила ее въ Парижъ, гдѣ знатоки признали ее подлинною, и артиллерійскій музей предлагалъ купить ее; но владѣлица шпаги уклонилась отъ сего, считая этотъ памятникъ достояніемъ Россіи.»

Разсказъ объ «изступленіи» и «обезоруженіи» Карла XII совершенно не вѣренъ. Возстановляя подлинные факты по достовѣрнымъ историческимъ источникамъ, князь А. В. Дабижа помѣстилъ въ № 244 «Journal de S-t Petersbourg» этого года разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ взята была шпага короля-героя. Съ

разрѣшенія нашего уважаемаго сотрудника, приводимъ въ переводѣ его замѣтку, касающуюся лица, имя котораго фигурируетъ на страницахъ исторіи Малороссіи въ одинъ изъ самыхъ драматическихъ ея моментовъ.

Едва лишь сабля Ракочи [1]) покинула Императорскую Оружейную Палату, какъ шпага Карла XII Шведскаго появилась тамъ.

Это событіе не могло пройти незамѣтнымъ, хотя бы ужъ по причинѣ тѣхъ необычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ предметъ былъ взятъ нѣкогда у его обладателя.

Я не могу отказать себѣ въ желаніи возстановить, при этомъ случаѣ, въ его истинномъ свѣтѣ разсказъ, который наши большіе ежедневники воспроизвели, въ своемъ простодушіи, въ старомъ и изуродованномъ видѣ.

Газетное сообщеніе, передавая исторію этого оружія, докладывало намъ на дняхъ, что неустрашимый противникъ Петра Великаго «вынулъ свою шпагу изъноженъ въ минуту изступленія и принялся колоть ею направо и налѣво, до тѣхъ поръ пока не явилась необходимость его обезоружить.»

Я съ трудомъ представляю себѣ Карла XII, спокойнаго и холоднаго въ самыя критическія минуты своей жизни, всегда полнаго самообладанія, относящагося повидимому одинаково къ радости, какъ и къ печали, безстрастно присутствующаго при пораженіи подъ Полтавой, при потерѣ своего войска, крушеніи всѣхъ своихъ горделивыхъ замысловъ,—я не могу представить себѣ этотъ образецъ сдержанности, котораго вошедшее въ поговорку хладнокровіе никогда неизмѣняло себѣ, этого молчальника, также скупого на жесты и на слова,—въ той роли, которую хочетъ навязать ему эта забавная газетная справка.

Не думая читать урокъ исторіи, я считаю умѣстнымъ напомнить главные моменты этого необычайнаго приключенія, которое современники короля назвали турецкимъ словомъ *калабаликъ*, значащимъ буквально *охота на льва*, и которое, въ свое время, надѣлало, быть можетъ, больше шуму, чѣмъ всѣ побѣды воинственнаго шведа.

Въ минуту, когда были истощены всѣ усилія, чтобы прійти къ миролюбивому разрѣшенію разногласія, вышедшаго между королемъ и

---

[1]) Переданная по распоряженію Е. В. Государя Императора въ венгерскій національный Музей.

посланцами султана, и когда пушки начали гремѣть передъ шведскимъ лагеремъ въ Варницѣ, неустрашимый Карлъ XII рѣшился держаться съ своими *семьюстами* шведами противъ войска въ *пятнадцать тысячъ человѣкъ*.

Съ обнаженной шпагой, онъ проложилъ себѣ путь черезъ сплошную массу осаждающихъ. Вырвавшись изъ рукъ янычаръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ, чудомъ спасаясь отъ смерти, раненный въ лицо, онъ пробился съ тридцатью изъ своихъ къ дверямъ дворца. И здѣсь еще, одинъ на одинъ, онъ хотѣлъ сражаться съ врагами. Только употребивъ въ дѣло силу, стража его успѣла увлечь его внутрь дворца.

Многочисленные татары и турки уже ворвались туда и предавались грабежу королевской казны. Во главѣ своего маленькаго отряда, Карлъ бросается на нихъ, колетъ и рубитъ и разсѣиваетъ грабителей послѣ короткой схватки. Въ самый разгаръ стычки, окруженный густымъ дымомъ, перерѣзываемымъ только ударами выстрѣловъ, отдѣленный на минуту отъ товарищей, онъ вступаетъ въ борьбу съ тремя янычарами. Длинной своей шпагой онъ поражаетъ двухъ изъ нихъ; но остающійся въ живыхъ третій, въ свою очередь наноситъ ему жестокій ударъ палашемъ. Будучи обязанъ спасеньемъ жизни только случаю да своей большой мѣховой шапкѣ,—дѣло происходило зимой,—король раненный видитъ себя притиснутымъ къ стѣнѣ четвертымъ противникомъ. Одинъ изъ шведовъ раздробляетъ ему черепъ выстрѣломъ изъ пистолета, а Карлъ ударомъ шпаги избавляется отъ своего перваго преслѣдователя. Двое другихъ, скрытые въ спальнѣ короля, не успѣваютъ прицѣлиться въ него: *однимъ* взмахомъ своего ужаснаго клинка онъ пригвождаетъ ихъ къ полу. Третій, обезумѣвшій отъ всего видѣннаго, бросается къ его ногамъ, прося пощады. Карлъ даруетъ ему жизнь и выпроваживаетъ его самъ, черезъ окно, приказывая разсказать своимъ начальникамъ о томъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

Очистивъ такимъ образомъ мѣсто,—непріятель оставилъ тамъ лишь своихъ убитыхъ и раненныхъ,—Карлъ и его солдаты стали у оконъ, съ карабинами въ рукахъ, ожидая новой аттаки.

Она не заставила себя ждать. И на этотъ разъ еще король обязанъ былъ своимъ спасеніемъ храброму оруженосцу Акселю Роосу. Едва перевязавъ кое-какъ свою рану, онъ бросился къ окнамъ, въ которыя старался проникнуть потокъ осаждающихъ. Учащенные залпы изъ мушкетовъ обратили ихъ въ бѣгство.

Наступилъ моментъ пріостановки борьбы.

Бендерскій паша и крымскій ханъ, прійдя въ бѣшенство отъ того, что не могутъ справиться съ этою горстью людей, рѣшили положить конецъ этому невѣроятному бою.

Турецкія пули стали ударяться о стѣны королевскаго жилища. Стрѣлы съ перьями, напитанными воспламеняющимися веществами, послѣдовали за ними и подожгли крышу дома. Вскорѣ весь домъ представлялъ изъ себя лишь пылающій остовъ, такъ какъ осаждающіе, пользуясь замѣшательствомъ шведовъ, нагромоздили вокругъ стѣнъ множество горючихъ предметовъ. Огонь проникалъ быстро внутрь дворца, пожирая все на пути.

Вдругъ громкіе крики раздались въ рядахъ непріятельской арміи: крыша дворца обрушилась. Тогда глазамъ всѣхъ представилось зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ: король, съ послѣдними защитниками крѣпости, стоялъ у оконъ нижняго этажа, среди потоковъ пламени, удушаемый дымомъ, но спокойный и готовый защищаться до послѣдней крайности.

Двое изъ шведовъ были уже опасно ранены обрушившимися горящими балками. «Государь, рѣшился сказать тѣлохранитель Вальбергъ, такое положеніе непереносимо. Ваше Величество признаетъ безъ сомнѣнья безполезнымъ заставлять погибать насъ среди огня. Не лучше ли будетъ удалиться отсюда?»

— Нѣтъ, сказалъ Карлъ съ досадой, гораздо почетнѣе умереть со славой, чѣмъ сдаться, чтобы продолжить немного наше существованіе. Къ тому же, прибавилъ онъ, я не вижу никакой опасности до тѣхъ поръ, пока платья наши не горятъ и не жгутъ намъ кожу.»

Вслѣдъ за этимъ кусокъ горящаго бревна, оторвавшись отъ переводинъ, упалъ ему на голову. Шведы вынуждены были удалиться въ послѣднюю уцѣлѣвшую комнату, бывшую опочивальню короля.

«Любезный Роосъ, сказалъ тогда Карлъ своему вѣрному товарищу, я надѣюсь, что мы останемся здѣсь до послѣдней минуты, пока все будетъ кончено.»

Эти нѣсколько храбрецовъ, твердо рѣшившіеся умереть за своего короля, окруженные въ своемъ убѣжищѣ, покрытые кровью и обжогами, задыхаясь отъ жары и дыму, мужественно отвѣчали на непріятельскій огонь.

Карлъ XII, сражавшійся до сихъ поръ только шпагою, схватилъ въ руки карабинъ и, выстрѣливъ изъ него въ турка, вырвался впередъ, съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ опасности, подвергая себя граду пуль, сыпавшихся вокругъ него. Роосъ имѣлъ лишь время бро-

ситься впередъ его и тотчасъ упалъ, пораженный въ голову, на руки короля.

Огонь настигалъ шведовъ въ ихъ послѣдней засадѣ, когда Росъ, который былъ только раненъ, прійдя въ чувство послѣ удара, рѣшился предложить королю сдѣлать вылазку и пробраться боковой пристройкой дворца, которая еще не горѣла.

«Хорошо сказано», замѣтилъ Карлъ, дружески трепля его по плечу: ну, товарищи пора дѣйствовать, бросимся на невѣрныхъ!»

Оторвавши тотчасъ же дверь, маленькій отрядъ героевъ устремился впередъ, съ королемъ во главѣ, держащимъ въ одной рукѣ шпагу, а пистолетъ въ другой, вырываясь какъ вихрь изъ среды пламени, сметая все передъ собою.

Вдругъ король пошатнулся и, запутавшись о что-то шпорами, упалъ. Прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать какое либо движеніе, толпа янычаръ бросилась на него и обезоружила его.

Какъ только онъ увидѣлъ себя плѣнникомъ, его воинственный пылъ упалъ какъ бы по волшебству. Внезапно успокоенный, онъ громко выразилъ удовольствіе быть во власти янычаръ, избраннаго войска, и избѣжать такимъ образомъ возможности попасть въ руки татаръ, которыхъ онъ презиралъ.

«Охота на льва» длилась приблизительно *девять часовъ*. Двѣсти турокъ нашли въ ней свою смерть.

Царственный плѣнникъ съ большой торжественностью былъ отведенъ въ лагерь паши.

Онъ гордо прослѣдовалъ черезъ городъ Бендеры верхомъ на богато убранномъ конѣ,—но въ какомъ видѣ! Покрытый кровью, грязью и дымомъ, въ одеждѣ, висящей лохмотьями, раненный въ руку, съ почти оторваннымъ концомъ носа и ухомъ, съ обгорѣлыми волосами и бровями, съ лицомъ чернымъ отъ пороха, почти неузнаваемый. «Сѣверный левъ», какъ прозвали его въ Константинополѣ, теперь похожъ былъ болѣе на «желѣзную голову», другое прозвище, данное ему турками [1]). Его осанка оставалась, тѣмъ не менѣе, полной достоинства и величія и представляла странный контрастъ съ безпорядочностью внѣшняго вида.

---

[1]) Это названіе передано было Карлу XII. „Я предпочитаю, чтобъ меня считали лучше сумашедшимъ чѣмъ, трусомъ“, сказалъ онъ на это (*Фриксель*. Исторія Карла XII. Книга II).

«Я продолжаю быть королемъ и таковымъ надѣюсь и остаться», отвѣчалъ онъ одному изъ своихъ офицеровъ, сокрушавшемуся о его участи.

Шпага Карла была отдана ему только въ день отъѣзда въ замокъ Демурташъ, близъ Андріанополя, но онъ отвергнулъ ее съ гордостью и запретилъ офицерамъ своей свиты брать обратно свое оружіе, которое имъ возвращали изъ уваженія къ ихъ государю.

«Плѣнникамъ, намъ нечего дѣлать съ этими шпагами, говорилъ онъ имъ. Пусть тѣ, что взяли ихъ у насъ, хранятъ ихъ у себя; мы съумѣемъ, когда явится возможность, найти другія!»

Въ ту минуту, когда онъ садился въ карету, онъ дѣйствительно нашелъ тамъ шпагу. То была та, что взята у него. Хотѣли настоять чтобъ онъ взялъ ее, несмотря на его отказъ. Но устроить это было не легко.

Карлъ поспѣшилъ надменно выбросить ее изъ экипажа. Одинъ изъ турецкихъ всадниковъ его конвоя поднялъ ее и почтительно подалъ знаменитому обладателю, но также безуспѣшно. Оружіе тотчасъ же выброшено было изъ кареты и упало въ дорожную пыль.

Такимъ образомъ знаменитая шпага Карла XII осталась въ рукахъ злосчастнаго Исмаила-Паши, бендерскаго сераскира, который, будучи переведенъ нѣсколько времени спустя въ Очаковъ, заплатилъ своей головой за «недоразумѣніе», происшедшее въ Варницѣ 1 февраля 1713 года.

Кн. Александръ Дабижа.

Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ.—Въ «Кіев. Стар.» 1893 г., май, стр. 331—338, мною помѣщенъ листокъ новыхъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ, хранящихся въ архивѣ полтавскаго статистическаго бюро.

Къ величайшему сожалѣнію приходится сообщить, что изъ тѣхъ матеріаловъ уцѣлѣла лишь незначительная часть, такъ какъ изъ архива выкрадено приблизительно до 200 пуд. старыхъ подворныхъ описей и поуѣздныхъ сборниковъ статистическаго бюро. Обиднѣе всего, что полтавскіе лавочники, повидимому, не смущаясь принимали приносимыя воромъ вороха бумаги и употребляли на обертку всякихъ товаровъ. Похититель обнаруженъ и подвергнутъ тюремному заключенію, но потеря остается невознаградимою, и масса интереснаго матеріала погибла навсегда. Въ настоящее же время, по произ-

веденной повѣркѣ оказываются въ наличности въ архивѣ статистич. бюро нижеслѣдующія *подворныя* описи:

Роменскаго уѣзда:

С. Чернечья-Слобода 1841—46. 1853—58.
М. Смѣлое, козаковъ 1847—52.
С. Гриневка, тоже 1853—58.
Хрищатицкой нѣмец. колон. 1851—54, 1855—59.

Гадячскаго уѣзда:

С. Кнышевка, госуд. крест. 1847—52.

Лубенскаго уѣзда:

М. Яблуновъ, госуд. крест. 1847—52.
С. Оржица, коз. 1841—46.
» каз.-крест. 1847—52.
› Зарожье, коз. 1853—58.

Хорольскаго уѣзда:

М. Горошинъ, коз. 1857—58, часть 1853—57.

Зѣньковскаго уѣзда:

С. Пирки, коз., часть 1852—55.
› Тарасовка, тоже, часть 1841—46.
› Комыши, тоже, часть 1843—51, 1859—60.

Кобелякскаго уѣзда:

С. Велико-Кобелячковскіе, коз. 1847—52.

Кременчугскаго уѣзда:

С. Максимовка, коз. 1857—59.
› Мозолѣевка, тоже, 1847—48.
› » госуд. крест. 1847—55.

Книги переписи 1835 г. козаковъ.

Хорольск. уѣзда; м. Балаклеи.
Зѣньков. › м. Опошни.
Лубенск. › с. с. Круподеринецъ, Плехова, Денисовки, Великой-Селецкой, Малой-Селецкой, Онушекъ, Золотухъ, Савинецъ, Верхняго Иржавца.

Остальные матеріалы, поименованные на стр. 318, уцѣлѣли въ архивѣ.

В. Василенко.

Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. (Изъ донесенія директора Гимназіи Мышковскаго Правленію Виленскаго университета отъ 31-го іюля тогоже года).

Доношу Правленію Императорскаго Университета о необычайномъ несчастіи города Кіева. Это выходящій изъ ряда пожаръ, принадлежащій къ числу величайшихъ, третій отъ основанія этого древняго города и первый со времени Бату-Хана. 9-го іюня въ 1 часу пополудни показался огонь на Подолѣ, въ 3-й части, около Днѣпра, надъ хижиной одного портного, и въ одинъ часъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ среди густыхъ деревянныхъ построекъ распространился болѣе, чѣмъ на версту до 2-й части. Восьминедѣльная засуха и жары приготовили дерево къ воспламененію отъ одной искры, вѣтеръ расширилъ, а запасы олея, сала, водки, пороху и разнаго дерева дали силу огню на такое пространство, что угли достигали до гимназическаго дома на Печерскѣ, бумаги летѣли за 36 верстъ, до города Василькова, а дымъ днемъ и зарево ночью можно было видѣть за 100 верстъ. Самыя улицы, вымощенныя деревомъ, служили проводникомъ огню. Къ вечеру вѣтеръ подулъ съ сѣвера, для полнаго уничтоженія 3-й части. Пожаръ сталъ столь огромнымъ и обширнымъ по захваченной имъ площади, что въ цѣломъ Кіевѣ не хватало людей для его гашенія, тѣмъ болѣе, что прежде всего надо было спасать людей и ихъ имущества, а не жилища, стоявшія предъ неугасимымъ огнемъ, предъ которымъ не могло устоять никакое каменное зданіе, ни склепъ, ни церковь, хоть и крытые желѣзомъ и вымощенные; погреба, съ желѣзными дверьми и рамами, если имѣли хоть что-нибудь деревянное или самое малое отверстіе, выгорѣли также. Остальные дома пламя охватило уже въ 3-мъ часу утра, перешедши половину высокаго побережья между Подоломъ и Печерскомъ. Порывы вѣтра, смѣшаннаго съ пламенемъ, уже бросали угли на заборъ царскаго сада, а пылающая мостовая угрожала уже театру, построенному въ началѣ 1-й части. Военная защита въ соединеніи съ преградой естественной въ видѣ глубокаго рва уничтожали опасность для Печерска, такъ-же, какъ и надбережье въ 50 саж. высоты со стороны Стараго Кіева и каналъ, называемый «Глубочица», со стороны 4-й части. Такимъ образомъ въ теченіе 16 часовъ поглощена необычайнымъ пламенемъ важная часть Кіева, извѣстная подъ названіемъ Подола. 1176 домовъ, Духовная Академія съ Братскимъ монастыремъ, Греческій монастырь, Первоклассный женскій монастырь, 11 церквей каменныхъ и 4 дере-

вянныхъ приходскихъ, обѣ почты, Магистратъ, Контрактовый Домъ и запасы разнаго дерева и другихъ товаровъ на берегу сдѣлались добычей огня. Людей сгорѣло больше всего въ женскомъ монастырѣ. Къ этому несчастію присоединилось еще другое: еще во время самаго пожара разнесся слухъ о странномъ пророчествѣ, вышедшемъ изъ умной или глупой головы, но, конечно, не отъ добраго сердца, о будущихъ вскорѣ еще большихъ пожарахъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не вѣрилъ пророчеству, но на несчастье показался огонь на Печерскѣ—сгорѣло только 4 дома; тѣмъ не менѣе басня получила такую силу и такъ овладѣла сердцами обывателей города, что они начали выбираться изъ домовъ и искать спасенія въ погребахъ и въ полѣ. Выдающіяся особы съ нашей улицы просили городское правленіе, чтобы имъ позволено было сохранять имущество въ домѣ гимназическомъ, болѣе защищенномъ отъ сосѣдскаго огня, о чемъ отъ имени военнаго губернатора плацъ-майоръ прислалъ мнѣ бумагу. Я охотно согласился. Хотя до этого не дошло, но обширная площадь и гимназическій садъ, нѣсколько дней были какъ бы лагеремъ выбиравшихся изъ домовъ семействъ и имуществъ. Или чрезвычайная засуха, или неосторожность домашнихъ, или замыслы подлыхъ злодѣевъ сдѣлали то, что тревога достигла до высшей степени. День и ночь летали вѣсти и устрашающіе слухи о поджогахъ. Комендатское управленіе, домъ войта и дворянское вѣдомство принимали предосторожности, но энергія городскаго правленія, принятыя мѣры, осторожность, до тысячи войска, стоявшаго ночью, сверхъ того выпавшіе дожди,—послужили къ успокоенію устрашеннаго народа, который мало по малу началъ возвращаться въ брошенные дома, хотя полное спокойствіе еще не наступило и до сихъ поръ. У насъ около гимназіи сторожа стучатъ цѣлую ночь, а въ Крѣпости подымаются мосты, и никто даже въ церкви, въ ней находящіяся, не можетъ быть пропущенъ безъ билета отъ коменданта...

Я прибѣжалъ съ своими домашними и конями на театръ ужаса и воплей и прежде всего принялся за спасеніе изъ дому бывшаго народнаго училища инструментовъ и библіотеки. Жертвуя сотней ради тысячей рублей, я нашелъ людей для выноски, которымъ отдавая подъ тщательнымъ моимъ и моихъ домашнихъ наблюденіемъ инструменты и книги, приказывалъ одни нести на рукахъ, другіе везти въ повозкахъ, прямо въ гимназическій домъ. Но усиливающійся огонь, значительное разстояніе отъ гимназіи, тѣснота отъ повозокъ и людей, особенно вечеромъ и ночью,—все это внушало мнѣ страхъ потери, и

я приказалъ складывать все подальше, прямо на дорогѣ подъ бдительной стражей. Вытащивши все главнѣйшее, когда уже загорѣлась училищная крыша, я распорядился объ отправкѣ всего въ гимназію такимъ же порядкомъ. Въ продолженіи 11-ти часовъ непрерывныхъ усилій окончена была эта работа, а въ половинѣ 1-го или 2-го часа пополуночи былъ охваченъ пламенемъ и самый тотъ помостъ у подгорья, который служилъ намъ складомъ. Не безъ того, конечно, чтобы что-нибудь въ поспѣшности, давкѣ, темнотѣ, при неумѣлости выносившихъ обращаться съ предметами, требующими осторожности, не было попорчено, но со всѣмъ тѣмъ, инструменты и библіотека препровождены счастливо въ гимназію. Съ простыми людьми я расплатился тотчасъ же съ благодарностью, а для неотступнаго писца моего Лушицкаго и для учителя приходской школы Нестеровскаго я прошу у Правленія Императорскаго Университета дворянской награды, дворянскаго чина. Меня весьма утѣшаетъ эта добыча гимназіи, выхваченная изъ когтей Плутона съ горсточкой помощниковъ новаго учрежденія, когда въ тоже самое время стародавняя духовная академія, считающая болѣе тысячи учениковъ и нѣсколько сотъ собственныхъ воспитанниковъ, потеряла какимъ-то образомъ всѣ свои литературные сварбы,—это теперь единственное утѣшеніе и удовольствіе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ...» (Переводъ съ польск.). (Архивъ Кіев. I Гимназіи, книга Протоколовъ 1811 г. № 2, л. 41, 42, 44).

При чтеніи этого донесенія можетъ явиться нѣкоторое недоразумѣніе. Откуда спасалъ директоръ инструменты и книги? Дѣло въ слѣдующемъ. Кіевская (теперь I-я) Гимназія преобразована въ 1809 году изъ главнаго народнаго училища, открытаго при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1789 году. Гимназія и помѣщалась до 1811 года въ зданіи того-же училища на Подолѣ. Уже былъ готовъ для нея домъ на Кловѣ, на Печерскѣ, но физическіе инструменты и библіотека не были еще съ Подола перевезены въ новое зданіе, почему и пришлось 9-го іюля 1811 года спасать ихъ отъ ярости Плутона.

Присоединяемъ еще два-три эпизода изъ этого печальнаго событія.

«Прибѣжавши на Подолъ, пишетъ тотъ-же Мышковскій, нашелъ я въ стѣнахъ училищнаго корпуса одного только сторожа, который, сыскавши нѣсколько мѣшковъ и наложивши одинъ книгами, не зналъ, что дальше съ ними дѣлать. Пока нашелъ я людей, пока досталъ повозокъ и сдѣлалъ распоряженіе къ выносу, какъ прибѣжалъ Г. Берлинскій и, признавъ свой мѣшокъ съ книгами, высыпалъ оныя въ

моихъ очахъ на крыльцо, а потомъ сорвалъ своими руками съ большихъ глобусовъ чехлы съ такимъ отзывомъ, что ему нужно пересыпать муку, которая для него дороже. Чехловъ не возвратилъ онъ въ Гимназію и доселѣ»...

«Учитель Закона Божія, священникъ Иванишевъ въ числѣ 6-ти душъ семейства имѣлъ домъ выгодный, а нынѣ живетъ въ землянкѣ. По отличному усердію къ благовоспитанію, принялъ онъ должность учителя по Греческому исповѣданію и внушеніемъ своимъ послужилъ къ перемѣнѣ мнѣнія горожанъ о новомъ порядкѣ воспитанія. Жалованье свое 75 руб., котораго мало ему и на проѣзды въ училище, отдавалъ онъ прежде на снабдѣніе неимущихъ учениковъ книгами, а теперь самъ бѣдствуетъ съ семейcтвомъ. Великодушный его подвигъ когда оставя пылающій домъ свой, побѣжалъ онъ спасать церковь, разъ нѣсколько загоравшуюся, отливая водою среди окружающаго пламени, успѣлъ съ двумя мальчиками охранить отъ огня, одну только на Подолѣ изъ числа 17 окрестныхъ, — сей рѣдкій поступокъ достоинъ особаго вниманія духовнаго начальства»...

«Учитель холостой подольскаго приходского училища Нестеровскій, имѣвши у одного купца столъ за присмотръ дѣтей и хранивши тамъ свои вещи, лишился многаго во время пожара; однако, подоспѣвъ ко мнѣ, взялся беречь складываемыя при дорогѣ казенныя вещи и высидѣлъ при нихъ 9 час. на вѣтрѣ, не имѣвши чѣмъ и головы прикрыть»...

(Изъ донесенія директора Мышковскаго Виленскому Университету 1811 года 16 октября. Изъ книги Протоколовъ 1811 г. № 3, л. 5 и 6).

Сообщ. **П. Голубовскій.**

Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. Однимъ изъ цѣнныхъ учрежденій столицы, посвященныхъ собиранію и храненію старины, является, безспорно, Артиллерійскій музей, къ слову сказать, не смотря на свою общедоступность, очень мало извѣстный даже Петербургской публикѣ. Цѣннымъ музей представляется именно потому, что, обнимая собой только извѣстную сторону прошлой, а также и современной жизни, онъ даетъ рядъ цѣльныхъ, систематическихъ картинъ, слѣдя за которыми, мы постепенно подвигаемся отъ глубокой старины къ послѣднимъ словамъ науки и техники въ данной области. Область эта, не смотря на то, что музей носитъ названіе артиллерійскаго,

нѣсколько шире—исторія русскаго вооруженія вообще, хотя главное мѣсто все таки занимаетъ огнестрѣльное оружіе. Въ настоящей замѣткѣ мы не имѣемъ намѣренія касаться ни исторіи самого учрежденія (основаніе музея восходитъ къ началу XVIII в.), ни богатаго содержанія его (всѣхъ предметовъ—болѣе 10000 [1]) кромѣ вооруженія, здѣсь хранятся и нѣкоторыя вещи обще-историческаго характера; при музеѣ состоитъ также и очень цѣнный спеціальный архивъ старыхъ дѣлъ),—кто интересуется, можетъ получить эти свѣдѣнія изъ прекрасно составленнаго «Историческаго каталога С.-Петерб. Артиллерійск. музея» (въ 3-хъ томахъ), составленнаго завѣдующимъ музеемъ *Н. Е. Бранденбургомъ*; популярный очеркъ музея помѣщенъ *Д. П. Струковымъ* въ Историч. Вѣстникѣ (1892 г., апрѣль—«Артиллерійск. историческій музей въ Петербургѣ»). Въ настоящемъ случаѣ мы желаемъ обратить вниманіе на одинъ изъ отдѣловъ музея, начало которому было положено всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и который образовался и устраивается по мысли Н. Е. Бранденбурга; какъ увидимъ ниже, отдѣлъ этотъ имѣетъ непосредственное отношеніе и къ нашему югу.

До послѣдняго времени содержаніе музея состояло изъ предметовъ, относящихся къ сравнительно болѣе близкимъ историческимъ эпохамъ; въ настоящее-же время, по мысли Н. Е. Бранденбурга, давно уже составившаго себѣ извѣстность своими археологическими разысканіями, положено начало отдѣлу, гдѣ бы сосредоточивались образцы вооруженія доисторическаго времени и болѣе раннихъ историческихъ эпохъ. Отдѣлъ этотъ началъ устраиваться только недавно, всего нѣсколько лѣтъ, не богатъ количествомъ предметовъ, но обладаетъ уже кое-чѣмъ, чему могъ бы позавидовать/ и любой западно-европейскій музей. Во всякомъ случаѣ, эта симпатичная мысль заслуживаетъ полнаго вниманія, и желательно было-бы, чтобы какъ общественныя учрежденія, такъ и частные собиратели дѣлились своими дубликатами съ артиллерійскимъ музеемъ.

---

[1]) Предметы малорусской старины почти совершенно отсутствуютъ; есть олько мортира, вылитая на средства Мазепы, со слѣдующей надписью: „За царства пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго государа цара и великаго князя Петра Алексѣевича всея великия и малия и бѣлия россии самодержца стараниемъ же и коштомъ ясне велможнаго его млсти пна Иоана Мазепы гетмана з воискомъ Запорожскимъ“. Кромѣ того есть, одна пушка половины XVIII., если не ошибаемся, Кочубея.

Какъ мы уже сказали, предметовъ въ этомъ отдѣлѣ еще очень немного: въ круглой витринѣ, занимающей середину этого уголка музея, расположено каменное и бронзовое оружіе: наконечники стрѣлъ, копій, молотки, топоры, происхожденія большей частью южнаго—есть, напр., предметы изъ кіевской и екатеринославской губерній. Но зато замѣчательной полнотой отличается подборъ предметовъ, происходящихъ изъ могилъ, гдѣ обнаружено такъ наз. погребеніе съ конемъ, изученіемъ котораго спеціально занимается Н. Е. Бранденбургъ [1]); почти всѣ остальныя витрины заняты разнообразными предметами изъ этихъ могилъ; тутъ царитъ каневскій уѣздъ, такъ какъ наиболѣе характерныя могилы этого типа находятся именно въ каневскомъ уѣздѣ. Здѣсь есть цѣлый рядъ желѣзныхъ шлемовъ (одинъ съ маской), панцырей, сабель, остатки сѣделъ, принадлежности сбруи, украшенія и т. д. Не довольствуясь сохраненіемъ отдѣльныхъ предметовъ, Н. Е. Бранденбургъ задумалъ перенести цѣликомъ такое погребеніе въ музей, для того, чтобы можно было имѣть полную картину его. Съ этой цѣлью, во время раскопокъ въ каневскомъ у., были намѣчены два кургана; раскопка ихъ остановлена въ тотъ моментъ, когда можно было надѣяться встрѣтить самое погребеніе; затѣмъ, эти мѣста обкопаны, образовавшіяся двѣ громадныя четырехгранныя глыбы плотной глины обложены брусьями, перевязаны и на волахъ отправлены на желѣзнодорожную станцію, а оттуда въ Петербургъ. И уже тутъ, въ музеѣ, была докончена раскопка: всѣ обнаруженные предметы оставлены и закрѣплены такъ, какъ они найдены. Впечатлѣніе получается полное: вы какъ будто-бы спустились въ только что раскопанную могилу этого воина и видите всѣ детали погребенія: вотъ гробъ, сколоченный изъ толстыхъ досокъ, въ немъ лежитъ вытянутый скелетъ; возлѣ гроба разбросаны части сѣдла (костяныя), тутъ-же черепъ вѣрнаго товарища погребеннаго—лошади; въ этой могилѣ гробъ не вполнѣ сохранился, и верхняя крышка его, сгнивши, провалилась, нарушивъ общую картину. Вполнѣ за то сохранилась вторая изъ перевезенныхъ могилъ: гробъ здѣсь цѣлъ, на верхней крышкѣ лежатъ сабля и наконечникъ копья (древко сгнило), часть одной изъ боковыхъ сторонъ пропилена, и черезъ образованное отверстіе можно видѣть скелетъ; въ томъ-же направленіи, что и гробъ, рядомъ съ нимъ—цѣлый остовъ лошади, которая какъ бы присѣла на всѣ че-

---

[1]) На Рижскомъ арх. съѣздѣ имъ былъ доложенъ рефератъ, касающійся этого вопроса (см. нашъ отчетъ о съѣздѣ въ октябрьской кн. „Кіевск. Стар." за этотъ годъ).

тыре ноги; что остову лошади при соединеніи костей его, придано положеніе такое, какое было въ дѣйствительности, на это указываетъ выставленный тутъ-же въ витринѣ фотографическій снимокъ). Надо отдать полную справедливость Н. Е. Бранденбургу—въ дѣлѣ храненія памятниковъ нашей старины трудно дальше идти!

Н. Бѣляшевскій.

Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). Извѣстно, что Императоръ Николай I, въ бытность еще великимъ княземъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 года предпринялъ поѣздку по Россіи. Для этого путешествія составлена была особая инструкція съ указаніемъ, гдѣ и какъ великому князю обозрѣвать назначенныя губерніи, на что обращать вниманіе и т. под. Между прочимъ, согласно желанію Императрицы-Матери, Николай Павловичъ велъ, въ продолженіе путешествія, журналъ въ двухъ отдѣлахъ: одинъ подъ названіемъ «Общій журналъ по гражданской и промышленной части» и другой—«Журналъ по военной части». Оба они сохранились; отрывки изъ нихъ напечатаны въ недавно вышедшемъ 98 т. «Сборника И. Р. Историческаго Общества», всецѣло посвященномъ матеріаламъ къ біографіи императора Николая I. Въ виду малодоступности этого цѣннаго изданія, извлекаемъ изъ названныхъ отрывковъ лишь то, что относится къ нашему краю.

«Въѣзжая въ черниговскую губернію изъ Бѣлоруссіи, проѣзжать должно чрезъ отлично богатую раскольничью слободу Добрянку; они (жители) всѣ весьма благонравны и чистые старовѣрцы, безъ всякой примѣси другихъ раскольничьихъ сектъ; ихъ до 1500 душъ... Въ Черниговѣ церкви весьма древни и тѣмъ только и хороши, но не въ лучшемъ вкусѣ. Прекрасный каменный новый острогъ со стѣною; въ немъ двѣ тюрьмы, но худо содержаны, а главная посереди каменная, очень хорошая; въ немъ болѣе 150 арестантовъ, изъ нихъ нѣкоторые болѣе 5-ти лѣтъ содержатся за невоспослѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената.—Школа за городомъ, въ коей живетъ 150 студентовъ; гимназія довольно хорошая, но сумма столь маловажна, что никоимъ образомъ нельзя ихъ порядочно содержать; напримѣръ, лѣтнее одѣяло парусинное полагается одно на 6 лѣтъ, а на содержаніе школьника по 3 копѣйки на день.—Ремесленное училище въ довольно хорошемъ, но худо содержанномъ зданіи; въ немъ до 60-ти и болѣе учениковъ, кои довольно хорошо работаютъ, особливо слесари и столяры.

Городовая больница довольно хороша, но не велика, и строеніе старое и худо поддерживается. Домъ сумасшедшихъ отмѣнно хорошъ и хорошо содержанъ, равно и аптека. Вообще всѣ заведенія Приказа очень хороши; жаль только, штаты положены такіе, что никоимъ образомъ содержать ихъ какъ должно невозможно; однако, сумма Приказа довольно велика, ибо считается до 962,000 съ копѣйками, но изъ оной до 300,000 отдано въ займы».

«Полтавская губернія ставитъ на службу 9 козачьихъ полковъ по 1200 человѣкъ. Нынче они распущены. Они учреждены были въ 12-мъ году, и равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ» (послѣ того слѣдовали слова: «то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ», но Великій Князь зачеркнулъ ихъ).

«О сю пору при Харьковскомъ университетѣ обучающихся студентовъ 180, весьма мало для столь обширной округи; но должно замѣтить, что число оныхъ ежегодно увеличивается и что въ послѣдніе годы большая часть молодыхъ людей увлечены были войною въ военную службу предпочтительно наукамъ»...

«Для увеличенія торговли Одессы, столь полезной и важной въ нынѣшнее время, необходимо нужно было бы сдѣлать слѣдующія работы: 1) увеличить гавань и укрѣпить батареями, которыя бъ защищали какъ гавань, такъ и рейду; безъ этого гавань сія никогда не будетъ годна, и нынѣ даже среди лѣта опасна; 2) сдѣлать пространнѣе карантинъ, который, отъ большого числа кораблей, пассажировъ и товаровъ, никакъ не достаточенъ; 3) опредѣлить особый отрядъ или баталіонъ, который бы принадлежалъ къ гавани и къ карантину и содержалъ посты на приходящихъ корабляхъ, ибо нынѣ войска недостаточно. Касательно же торговли мнѣ случилось слышать отъ особъ, давно занимающихся одесскою торговлею, что ежелибъ можно было ее объявить вольнымъ портомъ (port franc), то не только городъ отъ того бъ выигралъ, но даже вся торговля Средиземнаго и Чернаго морей симъ бы была сосредоточена въ Одессу и сверхъ того почти совершенно вывозная; ибо иностранный товаръ, какъ то: сукна, шали, шелковыя матеріи и проч. отъ карантинныхъ разныхъ предостерегательныхъ способовъ приходятъ въ негодность, и потому вся ввозная торговля можетъ только состоять въ винахъ, сахарѣ и проч., и отъ того Одесса будетъ всегда первымъ вывознымъ россійскимъ портомъ, и тогда можетъ быть первымъ торговымъ портомъ въ Россіи».

Природа Крыма очень понравилась великому князю, но не понравилось ея коренное населеніе: «Нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ», читаемъ въ журналѣ; «ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальнѣйшаго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Еслибъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ. Тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе или малороссійскіе, то все иначе: и хлѣбъ есть и обширные сады,—словомъ, пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

Нельзя не пожелать, чтобы путевые журналы В. Кн. Николая Павловича были изданы въ полномъ видѣ, такъ какъ, судя даже по тѣмъ весьма скуднымъ отрывкамъ изъ нихъ, какіе пока напечатаны, можно составить уже понятіе, насколько это важный и любопытный матеріалъ по самому ихъ содержанію, независимо отъ личности автора.

.О. Л.

Черты характера гр. П. А. Румянцова. Въ одной рукописной повѣсти А. М. Марковича (1790†1865), издателя «Дневныхъ Записокъ» его дѣда Якова Марковича, мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Въ часъ досуга онъ (одно изъ лицъ повѣсти) забавлялъ его милость (другое лицо повѣсти), разсказывая, напр., великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины чрезъ Новгородсѣверское намѣстничество, какъ принималъ ея величество гр. Румянцовъ, какъ жилъ онъ въ своихъ готическихъ замкахъ въ Вишенькахъ и Ташанѣ, какъ мыши съѣли у него (Румянцова) 20 тысячъ ассигнацій, какъ въ разговорѣ называлъ онъ всѣхъ—батушка, какъ одного простодушнаго просителя увѣряли, будто графъ любитъ, чтобы его называли такъ-же, и какой отвѣтъ получилъ отъ графа проситель на это фамиліарное привѣтствіе; какъ графъ любилъ по окончаніи обѣда сидѣть часа по два за столомъ, часто къ большому затрудненію собесѣдниковъ, какъ спросилъ онъ однажды у г. Жоравки (Ив. Тим., генер. есаулъ и членъ малорос. коллегіи)—скажите, батушка, какая самая выгодная промышленность въ Малороссіи? и какъ тотъ отвѣчалъ: быть опекуномъ, ваше сіятельство! какъ портной Заика просилъ чина и какъ фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы онъ сшилъ ему, не снимая мѣрки, мундиръ»... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ приведенныя здѣсь подробности взяты Марковичемъ изъ разсказовъ лицъ, лично знавшихъ Румянцова, такъ какъ Марковичъ всю жизнь прожилъ около Глухова и въ

своей молодости, конечно, зналъ многихъ современниковъ знаменитаго правителя Малороссіи. Относительно съѣденныхъ мышами ассигнацій можно сказать, что этотъ случай былъ очень возможенъ при томъ значительномъ скопленіи денегъ у Румянцова, какое у него, повидимому, бывало обыденнымъ явленіемъ. У насъ имѣется рукописный «Журналъ представленій его сіятельству г. генералъ-фельдмаршалу многихъ орденовъ кавалеру, сущему побѣдителю Отоманской имперіи», веденный въ 1792 г. однимъ изъ управляющихъ Румянцова—Подлузскимъ; въ этомъ «журналѣ» находимъ, напр., счетъ денегъ, имѣвшихся въ мартѣ 1792 г. въ Черешенкахъ, *въ кладовой*. Въ этомъ счетѣ значится:

1) «Пріемъ покойнаго Петра Мартыновича Юркевича: серебряныхъ—23681 р. 64 к.; золотыхъ имперіалами—830 р.; голландскихъ червоныхъ на 28 р. 50 к.; ассигнацій—46375 р.; мѣдныхъ—21277 р. 55 к.».

2) «Пріемъ флигель-адъютанта Данила Петровича Юркевича въ 1790 г.: ассигнацій на 41000 р., мѣдныхъ—3417 р.».

3) «Къ оному числу 1791 г. вступило: ассигнаціями—43155 р., мѣдными—5753 р.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ показанъ, впрочемъ, и расходъ; ассигнацій въ расходѣ значится—24800 р.; слѣдовательно въ мартѣ 1792 г., въ Черешенской *кладовой* находилось ассигнацій на 105730 р.—При такомъ обиліи бумажекъ было чѣмъ и мышамъ поживиться...

А. Л.

Хозяйство гр. П. А. Румянцова. *(Донесеніе одного изъ его управляющихъ).* Извѣстно, что въ 1789 г. Румянцовъ фактически перестaлъ быть правителемъ Малороссіи и поселился въ своемъ имѣніи Ташани. Тутъ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти. Удалившись отъ дѣлъ, Румянцовъ тѣмъ не менѣе старался по возможности слѣдить за хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ «экономіяхъ». У насъ имѣются свѣдѣнія о хозяйствѣ Румянцова въ слѣд. шести экономіяхъ: Гомельской, Топальской, Кочуровской, Вишенской, Дѣвицкой и Парафіевской. Въ каждой изъ этихъ экономій былъ особый управляющій, при чемъ въ Вишенкахъ сосредоточено было главное управленіе имѣніями. Въ 1792 г. Румянцовъ нашелъ нужнымъ поставить надъ всѣми этими управляющими особаго надзирателя или ревизора, въ лицѣ одного изъ Н.-Сѣверскихъ чиновниковъ надв. совѣтн. Осипа Подлузскаго;

послѣдній былъ обязанъ, въ свободное отъ службы время, объѣзжать экономіи для подробнаго ихъ осмотра, о чемъ затѣмъ и доносилъ Румянцову въ Ташань. Одно изъ такихъ донесеній Подлузскаго объ осмотрѣ имъ, лѣтомъ, въ 1792 г., Кочуровской и отчасти Вишенской экономій и приводимъ здѣсь, какъ заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и богатствахъ Румянцова въ черниговскихъ его имѣніяхъ.

«Случившіеся четыре свободные отъ присутствія 21, 22, 23 и 24 сего маія дни, къ великому моему удовольствію, употребилъ оные на поездку въ Кочуровку [1])... Тамъ пошелъ я съ Старцевымъ (управляющимъ Кочуровскимъ) вовнутръ большого дворца и нашелъ я въ господскихъ покояхъ желаемую чистоту; въ нижнемъ этажѣ на полу, въ залѣ, на двохъ брускахъ, стоитъ одинъ кожею обитый за замками и печатью Старцова сундукъ съ дорогими турецкими на лошадей попонами, уздами, саблями, кинжалами, пистолетами и прочими принадлежащими къ тому вещами; я велѣлъ отперетъ сундукъ и всѣ вещи освидѣтелствовалъ; хотя и немалѣйшей сырости воздуха въ сундукѣ не было, но въ случившійся тогда хорошій день всіо приказалъ пересушить, и всѣ богатыя на сѣдлы покрывалы налагаемыя, видѣлъ въ совершенной цѣлости... Въ верхнемъ этажѣ болшихъ покоевъ хранящуюся хрусталную посуду приказалъ перетереть и всю пиль очистить.—Въ круглой залѣ на потолокѣ показывается отъ дожжа течь и отъ оной въ местахъ почернѣло; кровля неминуемо требуетъ поновленія. Вышедши изъ болшихъ покоевъ на лѣво, былъ я въ флигелѣ;—тамъ цѣлостно хранятся въ ящикахъ серебрянныя, фарфоровыя и протчія разныя вещи, коихъ всѣхъ по описямъ не могъ и пересвидѣтелствовать, а толко наружно обозрѣлъ. На правую сторону болшихъ покоевъ, въ погребѣ—разныя вины и ратафія въ пѣску, въ бутылкахъ, цѣлы; а кои въ ящикахъ, то иныя неполны бутылки, а иныя (какъ сказываетъ Старцовъ) полопались и сихъ послѣднихъ тамже и стекло разбитое хранится. Въ томъ же погребѣ и фаянсовая посуда лежитъ...

Близъ болшого дома, въ прудѣ—карповъ много, но всѣ младыя, а у Черешенкахъ я ни одного карпа не увидѣлъ, видно зимой, не имѣя продуховинъ, задохлись. Въ аранжереѣ деревьевъ лимонныхъ, апелсиновыхъ и протчихъ родовъ съ плодами и цвѣтами, такъ же и разной для стола зелени изобилно, и огороды разными для стола

[1]) С. Кочуровка—въ глуховскомъ уѣздѣ; теперъ—Кучеровка.

и поварни сѣменами засажены и хорошо удобрены. Въ садахъ деревья яблоновыя и грушевыя отъцвѣли, и гусени обчищены, словомъ садовника, по моему малому знанію, нашолъ я въ должности исправнымъ. Огороды коноплями, а нивы яринными сѣменами засѣяны и рожъ на всѣхъ около Кочуровкѣ нивахъ обѣщаетъ богатую жатву. Заключаю бытіе мое въ Кочуровкѣ симъ, что управленіе тамошнимъ хозяйствомъ Старцова, имѣющаго страхъ и радѣніе къ добру господина, ни малѣйше меня не огорчило, а къ болшему его куражу обѣщалъ я испросить ему милость у в. сіятелства. Десятый уже годъ, опредѣленный отъ митрополита Кіевского въ Кочуровку, священникъ Антоній Голяховскій, есть человѣкъ благоговѣйный и въ своемъ званіи и должности прилѣжный и скромный. Онъ, устроивши тамъ домишокъ и все нужное, безмѣрно тревожится теперь, что нѣтъ ему утвержденія отъ соизволенія в. с—ва. Я навѣдывался о его состояніи у крестьянъ кочуровскихъ и у Старцева: всѣ единогласно доброе объ немъ говорятъ. Да и самъ преосвященный вчера приказалъ мнѣ доложить в. сіятелству, что сей священникъ заслуживаетъ по его добрымъ качествамъ быть въ Кочуровкѣ. А ежели соизволите и другого ково туда назначить, то хотя и исполнитъ преосвященный изволеніе в. с—ва, но сей добрій іерей въ обидѣ останется. (Сіи слова суть преосвященного).

При совершенной моей преданности и таковой же благодарности за премногія в. с--ва ко мнѣ милости, нижайше вторично прошу о подносителѣ сего Лвѣ Лѣнковскомъ [1]). По сущей истиннѣ признаюсь, что ни отецъ его, ни онъ самъ и никто меня не просилъ рекомендовать в. с—ву. Но узнавъ о его добрыхъ качествахъ и охотномъ трудолюбіи, неимѣющаго притомъ покровителя и дарующаго насущный, осмѣлился отправить его при семъ, доволно зная и примѣтивъ, что и я, и мнѣ подобные, старые в. с—ва слуги, получивши и чины и пропитаніе, работаемъ не съ такимъ уже ревніемъ и прилѣжностію, когда мы ничего не имѣли. А сей юностный—вѣрно не упуститъ употребить весь свой трудъ, чтобъ заслужить у великаго въ свѣтѣ героя, великихъ для себя милостей на будущое продолженіе своей полезной жизни. Чина хотя онъ и не имѣетъ, но позволяетъ законъ давать чинъ за науки. Вижу и примѣчаю и не могу посовѣсти не сказать, что Вишенское главное правленіе одно толко имѣетъ на себѣ именованіе, а ползы ни малѣйшей, хотя Данило Петровичъ и сидитъ съ

---

[1]) Сынъ Н.-Сѣверскаго протопопа.

Кокоревымъ надъ мѣсячными, присылаемыми изъ другихъ экономій вѣдомостми. Я ему совѣтовалъ, что бумагу можво разсмотрѣть въ два дни, а протчія 28 каждаго мѣсяца дни—лучше употребить на обозреніе хозяйства и таковымъ частнымъ обозреніемъ дать примѣтить каждому прикащику держать ухо востро.—Тутъ то бы вся въ хозяйствѣ исправность получила лучшій видъ и ползу. Предъ симъ, въ послѣднюю мою бытность въ Черешенкахъ, былъ я трожды у Данила Петровича. Онъ мнѣ ни единаго слова про экономію не упомянулъ. Весма мнѣ чувствително, что таково его молчаніе не отвѣчаетъ моему усердію и потому проспілъ я его, чтобъ пожаловалъ ко мнѣ поутру. Тутъ то я расположился спросить у него наединѣ—почему многія сотни строевого лѣса отъ пилной машины по разнымъ рукамъ ищезли? Почему скирды сѣна въ чужую ползу послужили? (о всемъ мнѣ Домбровскій [1]) сказывалъ). Да еще желалъ я получить точное отъ Дан. Петр. обясненіе, какой ради причины мною въ Черешенскихъ денегъ, противу его вѣдомости собственнаго его пріема, нашолъ я лишнихъ 1066 р. съ копейками. Но на другой день вмѣсто посѣщенія его, услышалъ я отъ Домбровскаго, что уже онъ въ 5-мъ часу утра въ Коропъ уѣхалъ. И такъ я, чтобъ не просрочить, отехалъ къ моей должности въ Новгородъ. Касателно главноуправляющаго Дан. Петровича необходимо нужно аккуратный щотъ произвесть по всѣмъ документамъ пріема и расхода денегъ, и начавши оный не долженъ ни я безъ него, ни онъ безъ меня—въ кладовой быть до совершеннаго окончанія; тогда точно узнать можно справедливо ли говорятъ, что и въ Коропъ изъ Черешенекъ ассигнаціи препровождаются... [2]).

Упоминаемый здѣсь Данило Петровичъ Юркевичъ былъ сынъ подполковника Петра Мартыновича Юркевича, одного изъ адъютантовъ Румянцова. Послѣдній, будучи адъютантомъ, въ тоже время былъ и главноуправляющимъ имѣніями Румянцова. Въ это время онъ купилъ себѣ Кролевецкое село Рождественное (изъ имѣній генерала Штофельсена), въ которомъ было тогда болѣе тысячи крестьянъ. П. М. Юркевичъ управлялъ имѣніями до своей смерти, а послѣ его смерти управленіе это поручено было его сыну Данилу Петровичу, при чемъ денежныя суммы сначала были въ завѣдываніи его матери Ирины

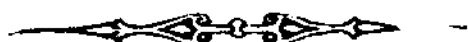
---

[1]) Вишенскій управляющій.

[2]) Точками обозначены опущенныя мѣста (не имѣющія интереса) въ письмѣ.

Петровны (рожд. Лайкевичъ). Д. П. Юркевичъ раньше былъ «поручикомъ при штатной короповскаго уѣзда командѣ». Но позже онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Румянцова. Эту должность онъ сохранялъ и въ 1792 г. Во время управленія имѣніями Румянцова, Д. П. Ю--чъ купилъ имѣніе въ с. Гирявкѣ, конотопскаго уѣзда, которое потомъ досталось его—сыну Николаю и дочери Ульянѣ, по мужу Блохиной

А. Л.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. Спб. 1896. въ 8 д. л.

Мы уже говорили о первомъ томѣ этой интересной переписки, заключающей въ себѣ множество интереснаго матеріала, какъ о русской литературѣ 40-хъ годовъ, такъ и о людяхъ, стоявшихъ около нея. Вышедшіе теперь два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ тоже много, хотя мелкихъ, но иногда очень характерныхъ фактовъ изъ исторіи тогдашняго общества и литературы.—Для насъ особенно интересны имѣющіяся въ этихъ двухъ томахъ «Переписки» свѣдѣнія о первыхъ шагахъ молодого въ то время г. Кулиша на литературномъ и общественномъ поприщѣ, при заслуженной поддержкѣ вліятельнаго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева.

Свѣдѣнія эти приводимъ здѣсь въ отрывкахъ изъ писемъ, обозначая при послѣднихъ—годъ, число и мѣсяцъ.

1845 г. 2—II. «Нѣкто Пантелемонъ Кулѣшъ изъ Кіева, авторъ историческаго, очень интереснаго романа (особенно по многочисленности фактовъ для исторіи Малороссіи) «Михайло Чарнышенко», прислалъ мнѣ пять главъ изъ новаго своего еще непечатаннаго романа: «Чорная рада». Его письмо и сочиненіе препровождены мнѣ Юзефовичемъ, помощникомъ кіевскаго попечителя, который рекомендуетъ мнѣ его, какъ человѣка и съ талантомъ, и съ благими намѣреніями».

— 22—VIII. «Въ нашъ университетъ понадобился для инородцевъ учитель русскаго языка... Я остановился на Кулѣшѣ, который прекрасно (какъ вижу по письмамъ) знаетъ языкъ и желаетъ служить въ Петербургѣ».

— 7—XI. «На дняхъ жду Кулѣша. Мечтается мнѣ, что онъ сниметъ съ меня много заботъ по Современнику[1]. Его письма заставляютъ меня надѣяться, что онъ пойметъ мою систему и исполнитъ ее».

— 14—XI. «Пріѣхалъ Кулѣшъ. Я велѣлъ ему ко мнѣ перебраться до пріисканія квартиры. Обѣдаетъ и чай пьетъ онъ со мною, а работаетъ и спитъ въ моемъ кабинетѣ, что въ университеской канцеляріи. Милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ. У насъ онъ будетъ учить русскому языку инородцевъ, а служба его настоящая въ V гимназіи. Жалованья у насъ 1200, да тамъ 2250 р. ас... Въ 6 ч. гулялъ съ Кулѣшемъ,—онъ все мое принимаетъ за образецъ».

— 17—XI. «Еще вчера вечеромъ отправилъ я Кулѣша съ визитомъ къ Максимовичу[2], который знаетъ его, видѣвшись съ нимъ въ Кіевѣ, и любитъ, ибо и мнѣ хвалилъ его. Кулѣшъ благоговѣйно исполняетъ что я ни предложу ему. Я предсказалъ, что Максимовичъ на завтра позоветъ его къ обѣду, и научилъ какъ отвѣчать. Сегодня все и пошло, какъ по писанному».

— 18—XI. «Кулѣшъ прочиталъ послѣ всю мою критику на «Мертвыя души», это почти вся моя эстетика. Я стараюсь всю свою теорію передать Кулѣшу, чтобы у насъ не было разноголосицы, какъ съ Никитенкой.

— 19—XI. «Я очень озабоченъ былъ, такъ какъ сегодня Кулѣшъ долженъ былъ читать въ университетѣ первую лекцію... Онъ, написавъ ее, прочиталъ мнѣ. Я его, какъ могъ, настроилъ. Наконецъ, она сошла благополучно. Онъ такъ деликатенъ, что хотя утромъ для чаю, къ обѣду и вечеромъ для чаю же является ко мнѣ, но всякій разъ, такъ и спѣшитъ оставить меня, чтобы не быть въ тягости.

— 24—XI. «Ты очень вѣрно оцѣнилъ достоинство присланныхъ пьесъ. Думаю, что онѣ еще не вдругъ попадутъ въ печать. Кулѣшъ, до прибытія ихъ, далъ мнѣ въ отдѣлъ повѣстей большой отрывокъ изъ своей «Чорной Рады». Я и не согласился бы взять отдѣльный этотъ кусокъ, если бы онъ не представлялъ въ себѣ цѣлаго, очень занимательнаго предмета—«Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи», сюжетъ для всѣхъ русскихъ очень любопытный, а тѣмъ болѣе для

---

[1]) Плетневъ въ это время издавалъ „Современникъ“, затѣмъ, въ 1847 г., переданный имъ Некрасову и Панаеву.

[2]) Павелъ Петровичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Малороссіи, гдѣ (какъ извѣстно Кулѣшу) много явится подписчиковъ, какъ скоро увидятъ, что «Чорная Рада» не прекращается въ Современникѣ. Это частію уже подтвердилось и теперь: кіевскій Писаревъ, прежде всѣхъ русскихъ, уже прислалъ деньги на 5 экземпляровъ Современника 1846 г.

— 21—XI. «Кулѣшъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Онъ мнѣ болѣе и болѣе нравится».

— 12—XII. «Обѣдалъ у П. Максимовича. И Кулѣшъ тамъ. Онъ замѣтилъ, что Максимовичъ страстенъ къ Малороссіи, ничего не изучивъ ни въ ея исторіи, ни въ литературѣ... Вмѣстѣ поѣхали къ Александрѣ Осиповнѣ» (Ишимовной).

1846 г., 23—III. «Вечеромъ были только Максимовичъ съ женою, Лакьеръ, Кулѣшъ да Гребенка».

— 1—V. «Я согласенъ, что Герцъ (К. К.) много для меня работаетъ, но тутъ есть особая причина: онъ изъ оттисковъ составляетъ для себя книгу: Историческій сборникъ. Ему многаго не достаетъ, чтобы ты и я, подавая ему руку, убѣжденными оставались, что она въ рукѣ нашего брата по уму, сердцу и вѣрованію. Вотъ Кулѣшъ— такъ высокій образецъ чувствованій и дѣлъ».

— 8—V. «Я согласенъ, что феннонанія покамѣстъ чистый вздоръ. Со временемъ она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, не смотря на усилія Кулѣша и жолчь Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и дочери ея исторіи».

— 14—V. «Въ воскресенье ровно въ 11 часовъ пріѣхалъ на дачу ко мнѣ Кулѣшъ. Я растолковалъ моему гостю, что въ нѣкоторые часы на дачѣ (какъ теперь, напримѣръ), надобно и гостямъ, и хозяину работать что нибудь. Вотъ, онъ выпросивъ у меня карандашъ и бумаги, сѣлъ у окна въ залѣ—и началъ срисовывать извѣстную тебѣ ветхую часовню нашу...»

— 22—V. «Потомъ я составилъ для Шахматова (товарищъ министра нар.-пр.) записку о Кулѣшѣ... Погодинъ прислалъ въ здѣшнюю цензуру отрывки Кулѣшевой «Рады», ибо тамъ ужасно портятъ цензора [1]).

[1]) Погодинъ писалъ Плетневу: „У Кулѣша отличный талантъ и смыслъ. Жаль что для разнообразія недостаетъ или не видать еще веселости. Спасибо вамъ, что

— 25—V. «Погодинъ прислалъ Кулѣшу его отрывокъ изъ «Чорной Рады», печатающійся въ Москвитянинѣ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь процензировать его, такъ какъ тамъ ужасно измарали цензора самыя невинныя мѣста. Вотъ Кулѣшъ и пріѣхалъ ловить Никитенку (цензора), который согласился на цензированіе не иначе, какъ бы это была не журнальная статья (такой онъ не въ правѣ цензировать), а отдѣльное сочиненіе».

— 7—IX. «Въ четвергъ было собраніе академіи... Читали о посылкѣ Кулѣша».

— 16—X. «Въ субботу я обѣдалъ у Балабина, что спасло меня отъ непріятной встрѣчи съ Краевскимъ у Максимовича, гдѣ обѣдалъ Кулѣшъ. Въ воскресенье вечеромъ у насъ, кромѣ Кулѣша, обѣдавшаго съ нами, и Савича, пришедшаго въ 10 часу, никого не было. Кулѣшъ у Александры Осиповны учится по англійски».

— 30—X. «Касательно славянщины я того мнѣнія, что прекрасную можно сдѣлать вещь, изучая памятники ея исторіи и литературы,—но не далѣе. Возгласы о томъ и о семъ—все это глупыя бредни. Я тоже совѣтую Кулѣшу и касательно Малороссіи. Кстати: его судьба рѣшена; онъ скоро уѣзжаетъ».

1847 г., 4—I. «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ уже помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенья будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его успѣхи въ славянскихъ языкахъ. Теперь полагаю, что онъ дѣла свои исполнитъ, потому что ему не нужно будетъ тратить время на страстную переписку».

— 25—I. «Очень трудно сойтить съ нынѣшнею молодежью. Хотя бы отвергала она лжеученія, но самые термины ея отверженія обличаютъ, что она воздоена млекомъ ядоноснаго ученія. Кулѣшъ былъ какъ то спасенъ отъ всего».

1848 г. 10—I. «Мой пріятель (Кулишъ) изъ Тулы [1]) прислалъ мнѣ письмо, которымъ увѣдомляетъ, что, не бывъ въ состояніи исправлять должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ

вы пріютили его, а въ Кіевѣ, который хотятъ русить и который не имѣетъ ни профессора русской исторіи, ни профессора русской словесности, нѣтъ ему мѣста! О, любезное отечество!

[1]) Гдѣ Кулишъ жилъ послѣ ареста въ 1847 г.

ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣреніи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли выпустятъ его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика юной Россіи».

1850 г., 7—X. «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что рисунокъ его былъ представленъ государю и великимъ князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но судьба его не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнялъ на занятіе живописца и Кулѣшъ теперь преимущественно предался живописи, въ которой успѣваетъ».

1851 г., 10—Ш. «Кулѣшъ съ женою пріѣхалъ сюда искать службы.—Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего. Онъ ищетъ теперь должности у Киселева».

Въ этихъ же двухъ томахъ «Переписки» находится не мало свѣдѣній и о другомъ уроженцѣ Малороссіи—Ст. Ив. Барановскомъ, тогдашнемъ профессорѣ русскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Барановскій уроженецъ г. Конотопа (р. 1818†1890) былъ извѣстенъ своею страстью къ изобрѣтеніямъ во всевозможныхъ областяхъ, начиная съ языка и кончая двигательными машинами и воздухоплаваніемъ... Особенно онъ много трудился надъ опытами по замѣнѣ пара, какъ двигателя, сжатымъ воздухомъ (De la pneumotion. Helsingfors. 1857). «Это была (говоритъ о немъ человѣкъ, хорошо его знавшій) оригинальная, недюжинная личность, въ которой богатыя природныя дарованія, къ сожалѣнію, парализовались отсутствіемъ выдержки характера и внутренней умственной дисциплины». Сынъ Ст. Ив. Барановскаго—Викторъ (род. 1846†1879) извѣстенъ, какъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки, при опытахъ надъ которою онъ и погибъ.

А. Л.

Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. Кіевъ, 1896. (gr.-in-4. Стр. IV+100).

Это роскошное изданіе принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ (1896 г.—столѣтіе рожденія имп. Николая I и открытіе памятника ему въ Кіевѣ) и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей; введенія—имп. Николай Павловичъ и его политическая идея» (стр.

1—3), краткаго историческаго и топографическаго очерка Кіева до и при имп. Николаѣ I (4—50) и очерка исторіи университета до 1855 г. (50—100).

Изъ введенія узнаемъ, между прочимъ, что, служа предначертанной политической идеѣ «со всей энергіей, къ какой только была способна его державная, чисто государственная натура, Государь, однако-жъ, чутко понималъ своимъ инстинктомъ, что одной силы и могущества государственной власти еще мало для полнаго разрѣшенія русскимъ народомъ его историческихъ задачъ; что наука и искусство—великіе пособники въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ ихъ покровителемъ, меценатомъ въ истинномъ смыслѣ слова.—При немъ писали Пушкинъ и Гоголь, произведеніями которыхъ онъ наслаждался, относясь къ ихъ творцамъ съ родительской заботливостью. При немъ создавали свои картины Брюловѣ и Ивановъ, а Глинка клалъ основаніе русской музыкѣ. При немъ въ лицѣ Полевого, Надеждина и Краевскаго зарождалась русская журналистика, вліяющая на общественное мнѣніе, а Бѣлинскій писалъ свои горячія талантливыя статьи. При немъ создана была Археографическая коммиссія, давшая возможность поставить русскую исторію на прочныя основы. Университетскимъ уставомъ 1835 года онъ поднялъ значеніе русскаго университета на такую высоту, на которой онъ никогда не стоялъ. При немъ министрами народнаго просвѣщенія были Уваровы, попечителями учебныхъ округовъ—Строгановы и фонъ-Брадке, на каѳедрахъ сидѣли Грановскіе и Соловьевы.—Явленіе это, конечно, не случайное: личность монарха, его вкусы и стремленія налагаютъ отпечатокъ на всю его эпоху, особенно у насъ въ Россіи. Процвѣтаніе русскаго университета, русской науки, русскаго искусства въ царствованіе русскаго Николая I въ значительной степени обусловливалось его личными свойствами» (стр. 2 и 3).

«Своей задачей въ юго-западномъ краѣ Императоръ поставилъ завершить возсоединеніе этой искони русской окраины, начатое Екатериной II. Но репрессивныя, дисциплинарныя мѣры, по глубокому инстинкту Государя, тутъ недостаточны: болѣе надежнымъ средствомъ онъ считалъ силы науки и образованія. Съ этою цѣлью онъ и создалъ университетъ св. Владиміра, озарившій свѣтомъ науки юго-западный край,—свѣтомъ, при блескѣ котораго должно исчезнуть все ложное и фальшивое,—а возсіять должна правда, истина и добро» и т. д. (стр. 3).

Въ какой мѣрѣ озареніе края свѣтомъ науки и возсіяніе правды, истины и добра имѣли мѣсто въ связи съ учрежденіемъ университета

св. Владиміра—подробно показано въ капитальномъ трудѣ г. Владимірскаго-Буданова: «Исторія императорскаго университета св. Владиміра», первый томъ котораго, именно посвященный времени импер. Николая Павловича, вышелъ въ 1884 году. Книга эта, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя умолчанія и недомолвки, даетъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго сужденія о положеніи университетской науки того времени и характерѣ ея дѣятелей. Свести этотъ матеріалъ (болѣе 700 страницъ), на протяженіи 50 страницъ разсматриваемаго изданія представляло задачу, безъ сомнѣнія, не легкую. Этимъ, конечно, должно объяснить нѣсколько внѣшнее впечатлѣніе, которое производитъ набросанный легкими штрихами очеркъ исторіи университета въ иллюстрированномъ университетскомъ изданіи 1896 года. Справедливость требуетъ сказать, что изданіе это не притязаетъ на научное значеніе. Заслуга его въ томъ, что оно способно возбудить интересъ къ предмету и заставить любознательнаго читателя обратиться къ трудамъ покойнаго Шульгина и г. Владимірскаго-Буданова. Разумѣется, ничего новаго настоящее изданіе не даетъ читателю да и не задается, повидимому, этою цѣлью. Для любителей легкаго чтенія книга представляетъ значительный интересъ. На ряду съ шеренгой именъ, датъ и цифръ читатель встрѣтитъ здѣсь нѣсколько глубоко-поучительныхъ разсказовъ или воспоминаній, картинно воспроизводящихъ духъ эпохи, столь значительно разнствующій отъ духа новаго времени и въ то же время значительно къ нему приближающійся и родственный.

При всѣхъ очерченныхъ выше достоинствахъ этой половины новаго юбилейнаго изданія, которое въ фактической части своей отличается значительнымъ безпристрастіемъ, нельзя не указать и на нѣкоторые, неизбѣжные впрочемъ, недостатки ея. Главный изъ нихъ—неравномѣрность въ расположеніи матеріала. Данныя, сведенныя г. Владимірскимъ-Будановымъ въ третьемъ раздѣлѣ его книги (с. 529—662), который носитъ названіе: «Реакціи», т. е. 1849—1855 г. г., недостаточно оттѣнены во второй половинѣ изданія, какъ бы выпали изъ нея, чтó, безъ сомнѣнія, должно отнести не столько къ недостатку безпристрастія, сколько къ поспѣшности составителя, объясняемой причинами случайными. При томъ же, духъ человѣческій естественно склоненъ болѣе останавливаться въ прошедшемъ на картинахъ блестящихъ и явленіяхъ утѣшительныхъ, лишь оттѣняя ихъ тѣми неизбѣжными stubborn facts, которые слишкомъ громко заявляютъ о своемъ существованіи. Невполнѣ удобовразумительнымъ представ-

ляется намъ разсказъ о бѣдѣ, что «стряслась (надъ университетомъ въ 1847 г.) по поводу основаннаго въ Кіевѣ славянскаго (тайнаго) общества Кирилла и Меѳодія, которое задавалось разными неудобоисполнимыми проектами, по части внѣшней и внутренней политики» (стр. 77). Если общество, «существовавшее три мѣсяца въ умѣ трехъ ученыхъ мечтателей», можетъ быть названо тайнымъ обществомъ, то опредѣленіе понятія о тайномъ обществѣ дѣлается весьма затруднительнымъ. Въ популярномъ изданіи не слѣдовало бы воспроизводить понятія столь смутныя и почти необъяснимыя. Мы предпочитаемъ думать, что кирилло-меѳодіевское общество вовсе не было основано, а слѣдовательно и не существовало.

Очеркъ исторіи университета заключается слѣдующими словами: «быть можетъ, не все, что сдѣлано императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Кіева, устоитъ предъ всесокрушающимъ дѣйствіемъ времени; но вѣримъ, что этого не можетъ случиться съ тѣмъ свѣточемъ науки, который зажженъ имъ въ этомъ краѣ. Онъ не угасъ въ тяжкую годину сомнѣній въ пользѣ высшей науки; не былъ заглушенъ бурями послѣдующихъ политическихъ переворотовъ. Здѣсь именно императоръ Николай I воздвигъ себѣ памятникъ «чудесный вѣчный»; «къ нему не заростетъ народная тропа» (стр. 100).

Предложенный въ настоящемъ изданіи очеркъ исторіи г. Кіева (стр. 4—50) представляетъ добросовѣстную сводку историческихъ, топографическихъ и частью статистическихъ данныхъ для внѣшней и внутренней исторіи нашего города до и при имп. Николаѣ I. Ограниченность мѣста, вѣроятно, не позволила дать исторической сводкѣ нѣсколько болѣе связный характеръ, внесла въ нее нѣкоторую разбросанность. Тѣмъ не менѣе, эта часть книги читается съ значительнымъ интересомъ и удовлетворяетъ своему назначенію. Нѣсколько рискованнымъ представляется обобщеніе (стр. 15), въ силу котораго имп. Павелъ I, будто бы «льготилъ историческимъ особенностямъ окраинъ», «какъ бы (?) стремился въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ возстановить польскія традиціи, навязанныя краю». Въ концѣ этого историческаго очерка находимъ слѣдующія прочувствованныя слова: «Граждане возрожденной матери городовъ русскихъ, мы должны тщиться сдѣлать нашъ городъ достойнымъ этого славнаго нарицанія. А въ сердцахъ своихъ мы навсегда должны запечатлѣть образъ Императора, преисполненнаго любви къ Россіи и заботъ о ея благѣ. Да напоминаетъ онъ намъ, что въ нашемъ Кіевѣ зарождалась національность и воплощающее ее русское государство, и что нашъ

Кіевъ, гордый своимъ прошлымъ, долженъ и въ будущемъ быть свѣточемъ для всей русской земли, которой онъ долженъ подавать примѣръ самоотверженнаго служенія великому принципу, провозглашенному имп. Николаемъ Павловичемъ; принципу православія, самодержавія и народности».

Фототипіи, цинкографіи и виньетки, помѣщенныя въ книгѣ исполнены превосходно, и вообще внѣшность изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

Акты, издаваемые Виленской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII. Акты Холмскаго гродскаго суда. Вильна. 1896. in.-4. Стр. CCXV,+399 и двѣ таблицы снимковъ автографовъ.

Настоящій томъ, говорится въ предисловіи, служитъ продолженіемъ изданнаго въ 1892 году XIX тома и заключаетъ въ себѣ документы холмскихъ судебныхъ книгъ съ 1604 по 1691 г., т. е. съ начала епископствованія Арсенія Андреевскаго до кончины епископа Августина Лодзяты.

Изъ послѣднихъ словъ уже ясно, что томъ этотъ посвященъ исторіи церкви, собственно борьбѣ православія съ католицизмомъ и уніей и подавленію послѣдними перваго; театромъ борьбы служили Холмская и Белзская земли. Изданіемъ такого тома въ текущемъ году, трехсотомъ со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ, «въ виду торжественнаго празднованія и славословія уніи въ австрійской Руси», Виленская археографическая коммиссія желаетъ показать «настоящую правду, основанную не на тенденціозныхъ выдумкахъ, а на судебныхъ документахъ старой Польши» и тѣмъ подорвать «идеализацію уніи съ неизбѣжнымъ обманомъ и ложью, имѣющими цѣлью заманить въ іезуитскую западню еще тѣ православные народы, которые не испытали на себѣ послѣдствій соединенія съ Римомъ». Съ этой цѣлью авторъ «Предисловія» г. В. Площанскій излагаетъ исторію борьбы православія съ католицизмомъ и уніей по біографіямъ «управляющихъ холмско-белзской епархіей съ 1604—1691 г.», уніатскихъ и православныхъ епископовъ, вводя въ эти біографіи тѣ факты ихъ частной и общественной жизни, которые заключаются

въ актахъ разсматриваемаго тома. Наибольшій объемъ, интересъ и значеніе имѣетъ біографія Меѳодія Терлецкаго (1630—1649 г.г.). Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя статьи: «Уніатскій женскій монастырь въ Холмѣ», «Уніатская гимназія въ Холмѣ», Свѣдѣнія объ «имѣніяхъ холмской православной (послѣ уніатской) каѳедры». За отдѣльными статьями помѣщена статья, посвященная «Римско-католическому духовенству холмской епархіи XVII в.», собственно высшему: бискупамъ и суфраганамъ; въ ихъ біографіяхъ онъ также, какъ и въ біографіяхъ епископовъ, располагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ факты, извлеченные изъ заключающихся въ томѣ документовъ; далѣе авторъ касается исторіи «имѣній Холмской римско-католической епископіи», «римско-католическаго монашества со школами въ Холмѣ», «Десятины», которая платилась въ пользу католическаго духовенства, и, наконецъ, «нѣкоторыхъ рѣшеній Холмскихъ сеймиковъ 1636—1681 г.г.», рѣшеній, имѣвшихъ предметомъ борьбу исповѣданій. Таково содержаніе «предисловія», представляющее собою, какъ мы говорили выше, систематическій сводъ актовыхъ данныхъ. Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ—352, и по содержанію они представляютъ большой интересъ не только для исторіи церкви, но и политическихъ событій 1648—1657 г.г., насколько тѣ событія могли отразиться на далекой окраинѣ Руси.

Къ актамъ приложены двѣ таблицы снимковъ автографовъ, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія тѣ, которые принадлежатъ наиболѣе извѣстнымъ дѣятелямъ края: митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ. Въ концѣ тома имѣются обычные личные и географическіе указатели.

И. Каманинъ.

Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. Кіевъ. 1896 [1]).

Изданіе г. Ханенка представляетъ точное воспроизведеніе (facsimile) извѣстныхъ плановъ кіевскихъ пещеръ и кіевопечерской лавры съ частью г. Кіева, приложенныхъ Кальнофойскимъ къ его «Тера-

[1]) Настоящая рецензія была доставлена въ редакцію раньше, чѣмъ въ мѣстныхъ газетахъ (Кіевлянинъ № 322) появился отчетъ о засѣданіи церковно-археологическаго общества, въ которомъ помѣщенъ отзывъ пр. Голубева объ изданіи г. Ханенка. *Ред.*

тургимѣ»; къ чертежамъ приложены объясненія ихъ изъ книги Кальнофойскаго (въ русскомъ переводѣ) и предисловіе (никѣмъ не подписанное). Изданіе чрезвычайно изящное и роскошное. Книга, сколько намъ извѣстно, издана въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для разсылки извѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ; въ продажу поступило нѣсколько экземпляровъ по необыкновенно высокой цѣнѣ (10 рублей).

О значеніи плановъ Кальнофойскаго распространяться нѣтъ надобности; оно извѣстно всякому, интересующемуся исторіею Кіева, и перепечатка ихъ несомнѣнно будетъ встрѣчена сочувственно всѣми любителями старины. Но настоящее изданіе представляетъ одну особенность, на которую нельзя не обратить вниманія. Къ третьей таблицѣ (планъ Лавры и части Кіева) приложено на отдѣльномъ листѣ en regard *обратное изображеніе* нѣкоторыхъ частей плана. Объясненіе этой особенности находимъ въ предисловіи. Анонимный авторъ, упомянувъ о противорѣчивыхъ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ плана Кальнофойскаго различными изслѣдователями, продолжаетъ: «Наконецъ, въ исходѣ прошлаго 1895 года, профессоръ Н. И. Петровъ нашелъ, что подлинный первоначальный планъ Кальнофойскаго, самъ по себѣ довольно правильный и точный, искаженъ былъ при гравированіи, въ которомъ участвовало не менѣе двухъ граверовъ (?). Первоначальный граверъ вырѣзалъ первую и вторую таблицы плана т. е. планы дальнихъ и ближнихъ пещеръ, и награвировалъ на третьей таблицѣ самый Печерскій монастырь, а также Кіевоподолъ и замковую, нынѣ Флоровскую гору, какъ крайніе пункты плана (?). По крайней мѣрѣ (?) все это награвировано правильно. Но этотъ граверъ почему-то не догравировалъ третьей таблицы, которая восполнена и докончена какимъ-то другимъ неопытнымъ граверомъ, вырѣзывавшимъ недостававшее противъ чертежа на гравировальной доскѣ такъ, какъ онъ представлялся его глазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало. Вслѣдствіе этого, при оттискѣ на бумагѣ, вырѣзанныя имъ части плана вышли въ извращенномъ видѣ, и ихъ слѣдуетъ разсматривать и изучать съ оборотной стороны. Въ такомъ извращенномъ видѣ награвированы на третьей таблицѣ Никольскій монастырь и Старый городъ. Можетъ быть, вслѣдствіе такого искаженія плана, онъ изъятъ былъ изъ обращенія и не приложенъ къ большинству экземпляровъ «Тератургимы» Кальнофойскаго, почему и дошелъ до насъ чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ. Настоящее изданіе имѣетъ въ виду дать средства къ возстановленію подлиннаго плана о. Кальнофойскаго».

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ приведенными въ цитированномъ отрывкѣ мнѣніями пр. Петрова. Не говоря о томъ, что самое предположеніе пр. Петрова представляется чрезвычайно натянутымъ (какимъ образомъ граверъ могъ вырѣзать въ обратномъ видѣ *часть* плана, которая должна составлять продолженіе уже награвированнаго рисунка?), лучшимъ опроверженіемъ догадокъ г. Петрова можетъ служить расположеніе зданій на спорныхъ участкахъ плана. Если принять предлагаемыя г. Петровымъ поправки, то Никольскій монастырь долженъ находиться у самой ограды К.-П. лавры, а Софійскій соборъ—долженъ представлять крайнее зданіе Стараго Кіева по направленію къ Днѣпру; дальше отъ Днѣпра лежитъ будто бы Михайловскій монастырь, церкви св. Василія и св. Симеона и замокъ на Киселевкѣ; между Софійскимъ соборомъ и Днѣпромъ находится рядъ пустынныхъ холмовъ, покрытыхъ кое-гдѣ лѣсомъ. Всякому сколько нибудь знакомому съ топографіею современнаго Кіева, ясна ошибочность подобныхъ предположеній: Никольскій монастырь (Аскольдова могила) удаленъ отъ Лаврской ограды по крайней мѣрѣ на пол-версты; Михайловскій монастырь, церкви св. Василія (Трехсвятительская) и Симеона (Андреевская?) находятся надъ обрывомъ, обращеннымъ къ Днѣпру; на той же линіи, но нѣсколько дальше отъ Днѣпра надъ Подоломъ лежитъ Киселевка; между Софійскимъ соборомъ и обрывомъ расположена древнѣйшая часть Стараго Кіева; холмы же, изображенные на планѣ, находились за Золотыми воротами.

Итакъ, мы рѣшительно не можемъ принять рекомендуемыхъ предисловіемъ поправокъ къ плану Кальнофойскаго. Не можемъ мы согласиться и съ высказаннымъ въ предисловіи мнѣніемъ, что большое полуразрушенное зданіе съ покосившимся крестомъ представляетъ «дворецъ князей Олельковичей противъ Никольскаго монастыря». Не знаемъ, почему авторъ предисловія предполагаетъ существованіе у Никольскаго монастыря дворца Олельковичей, которые жили въ замкѣ на Киселевкѣ. Что же касается загадочнаго строенія, то объясненіе даетъ ему самъ Кальнофойскій: «43) дорогою на сѣверозападъ идемъ черезъ погостъ Спасскій, т. е. мимо церкви Преображенія Господня (ее построилъ изъ камня св. Владиміръ, но стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю)». Наконецъ, не можемъ не отмѣтить еще одной ошибки предисловія: авторъ полагаетъ, что планъ Кальнофойскаго былъ перепечатанъ Закревскимъ.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, изданіе г. Ханенка, представляетъ большой интересъ для занимающихся исторіею Кіева.

Планъ Кальнофойскаго, какъ справедливо замѣчено въ предисловіи «извѣстенъ больше по переизданію его кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ въ его «Описаніи кіево-печер. Лавры» 1826 г.». Точное воспроизведеніе этого плана, подающаго поводъ къ столь разнообразнымъ толкованіямъ, дѣлаетъ его болѣе доступнымъ для изслѣдованія. Желательно только, чтобы изданіе было повторено въ большемъ количествѣ экземпляровъ и продавалось по болѣе доступной цѣнѣ.

В. Щербина.

Поправка. Въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины" за текущій годъ на стр. 56-й, въ статьѣ В. В. Лапина „Харьковское Общество благотворенія", въ примѣчаніи къ эпиграфу 2-й главы вкралась слѣдующая опечатка (пропускъ строки): *вмѣсто* словъ „Девизъ этотъ представляетъ и т. д."—*нужно читать* „Девизъ этотъ, *принадлежащій перу Державина, былъ принятъ обществомъ послѣ, того, какъ нѣкоторыми членами было забраковано стихотвореніе, которое* представляетъ и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу
НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляроръ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ даетъ, гг. подписчикамъ —

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:
1. 52 нумера — «Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ежемѣсячно будетъ выданъ одинъ нумеръ журнала
съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,
отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками
(по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ пи-

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, I. I. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш, ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣстъ.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. I. «Дочь ростов-

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.— Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.— въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—2

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) 1897.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».
3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4 ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ. 2

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной обертκѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ —„	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ: Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Національизація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—1

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.

IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.

VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифланда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—1

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: а) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ. «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск—скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Корреспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена **(безъ измѣненія объема и состава книжекъ). Разсрочка** для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	$1/2$ г		$1/4$ г.		1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р.	6 р.		3 р.		1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 »	50 к.	2 »	75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »		4		

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—1

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ програму частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославкихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства» открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ . . . . . 8 р.	на три мѣсяца . . . 2 р. 60 к.
на полгода . . . . 4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . . 1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{8}|_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдуюшіе годы существованія его при Академій: за $18^{37}|_{38}$ г. (т. I), $18^{41}|_{42}$ (V), $18^{47}|_{48}$ (XI), $18^{48}|_{49}$ (XII), $18^{51}|_{52}$ (XV), $18^{53}|_{54}$ (XVII), $18^{54}|_{55}$ (XVIII), $18^{55}|_{56}$ (XIX), $18^{56}|_{57}$ (XX), $18^{57}|_{58}$ (XXI), $18^{60}|_{61}$ (XXIV), $18^{61}|_{62}$, (XXV), $^{63}|_{64}$ (XXVII), $18^{64}|_{65}$ (XXVIII) $18^{65}|_{66}$ (XXIX), $18^{66}|_{67}$ (XXX), $18^{67}|_{68}$ (XXXI), $18^{68}|_{69}$ (XXXII), $18^{69}|_{70}$ (XXXIII), $18^{70}|_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Архелогіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—1

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ.*

3—1

ОТРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6** р. **50** к.; за «Христіанское Чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»— 6** р. **50** к.

б) За оба журнала **8** (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала **10** (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11** р. **50** к.; за каждые отдѣльно **7** (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить обьемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50,	10 —	9 20,	8 50,	7 80,	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 —	9 50,	9 —	8 35,	7 50,	6 75,	6 —	5 25,	4 50,	3 40,	2 40,	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—2

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣ-

шеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «**Новое Слово**» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «**Новое Слово**» принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	— к.
» » » » » полгода. . .	5 »	— »
» » » » » три мѣсяца. .	2 »	50 »
» » безъ пересылки на годъ. . .	9 »	— »
» » съ перес. за границу на годъ.	12 »	— »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «Новое Слово» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„ЖИЗНЬ"

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8° въ 10—12 печ. листовъ (160-200 стр.) каждая.

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы·

I. Романы, повѣсти, разсказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр.

II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи.

III. Статьи по общественнымъ вопросамъ.

IV. Критика и библіографія.
V. Русская жизнь.
VI. Заграничная жизнь.
VII. Театръ. Музыка. Живопись.
VIII. Смѣсь.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Жизни», состоящее изъ тридцати шести книгъ, семь рублей съ доставкой и пересылкою. Заграницу—7 руб. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору «Жизни» (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальныя.

По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно).

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель *С. В. Воейковъ.*

1—1

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LV, 1896 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

ОТДѢЛЪ II й.

Пятокъ. 4. День и ночъ были во всемъ зъ вчорайшими сходніе. Сей день никуда не бывалъ здому предреченной ради притчини.

Субота. 5. День былъ свѣтлій, тихій и теплій изрядной погоди, ночъ такова жъ. Явились къ намъ еще вчорайшого дня отецъ Ісаия Заславскій зъ еродіакономъ Іоанномъ Заславскимъ зъ скаргою на ігумена Гамалѣевского Германа Кононовича за его показуемое имъ и другимъ законникамъ обиди зъ жалобою, которіи и подали доношеніе и обѣдали сегодня у насъ. Жена моя зъ дочерю Пазею пріехали въ Глуховъ зъ гостини своей отъ степнихъ маетностей. Обозний енералний Яковъ Лизогубъ зъ походу отъ Полши, черезъ С.П.Бурхъ, повернулся въ Глуховъ сегодня и сталъ у войсковомъ дворѣ.

Неделя. 6. День былъ зранку и черезъ все время до ночи зъ туманомъ, хмаренъ и холоденъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту випогодилась. Обѣдалисмо въ дому и съ нами тіотка Кондзеровская и Ганка. Збѣгшого римара Степана козакъ зъ монастира Петропавловского Глуховского привезлъ, котрий за тотъ побѣгъ и былъ наказанъ.

Понедел. 7. День былъ изрядной погоди, свѣтелъ, тепелъ и тихъ. Обѣдалисмо вкупѣ, матка отехала по обѣдѣ въ Роменъ на Тулиг.

Вовтор. 8. День былъ изрядной погоди свѣтелъ, тепловатъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сегодня рано поехалъ я и заехавши до обозного енер., поздравилъ его поворотомъ зъ походу, и отъ него поехалъ былъ у футорѣ, оттоть въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ у вечеру вернулся въ городъ и заехавши знову до обозного енер., доволно у него зъ судіею енер. Забѣлою просидѣлъ. За долгъ Манжули заплатилъ я черцямъ Глинской пустинки 1 р. Посланъ козакъ въ Кіевъ до архиерея Кіевского зъ писмомъ родител. и доношеніями отца Ісаии и дякона, законниковъ Гамалѣевскихъ.

Середа. 9 День и ночъ были противъ вчорайшихъ изрядной погоди, а къ свѣту морозъ. Сей день продновали у себе и подпіяхомъ ради тезаименитства моего, а били у насъ отецъ Ісаия,

законникъ Гамалѣевскій, попъ отецъ Мойсей, тіотка п. Кондзеровская и Гапка.

Четвер. 10. День и ночъ были противъ прежнихъ изрядной погоди. Сегодня былъ я рано въ судѣ, а обѣдалъ у себе зъ род. и зъ берейтеромъ Платомъ. После обѣда ездилъ смотрѣть ученія конского и до обозного заездилъ. Циганокъ Свар. повернулся съ Кіева и припровадилъ шевця утекшого Никиту зъ женою его и зъ синомъ. Такъже нѣкоторіе покупки: 2000 орѣховъ волоскихъ, да орѣховъ же волоскихъ приливанихъ 400, да дерену бочонокъ и шестодневникъ воскресний и 80 р.

Пятокъ. 11. День былъ израдной погоди, тихъ и холодноватъ, къ вечору хмаренъ зъ малимъ дощемъ да густимъ, ночъ тиха, хмарна и влажна. Сегодня поехавши я зъ дому, заездилъ до брата п. Михайла, а оттоль въ Сварковъ, где и ночевалъ. Сеей ночи противъ суботи згорѣло въ селѣ Сварковѣ дворовъ два, совсѣмъ старого и маладого Опанаса Сиваковъ, а третий дворъ, где попъ живалъ и четвертий отратовали.

Субота. 12. День былъ вѣтрянъ почасти, хмаренъ, зъ дощемъ густимъ, передъ вечоромъ дощъ пересталъ и въ ночѣ випогодилось, а къ свѣту туманъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ до Глухова и заехавши до обозного енералного, посидѣлъ мало зъ п. Михайломъ и повернулся домой на ночъ.

Неделя. 13. День былъ сперва съ туманомъ, а после немного вияснился. Ночъ тиха, ясна и холодна, къ свѣту туманъ. Рано были у князя Боратинского и у княгинѣ, а обѣдали у Боратинскаго зъ род., зъ п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ, и подпіяхомъ. Оттоль зайшовши до Андрея Миклашевскаго, играли у карти зъ виграшомъ 20 к.

Понедел. 14. День былъ хмаренъ почасти и свѣтелъ, ночъ такова жъ, къ свѣту дожчъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Андрей Миклашевскій, Чуйкевичъ Федоръ, Лукомскій и играли въ карти зъ програшомъ моимъ 2 р. и 4 к.

Вовтор. 15. День былъ увесь зъ вѣтромъ и дощемъ, отчего умножилась грязь, ночъ такова жъ. Никуда не ездили зъ дому

для негоди. Зъ Бѣлополовки отъ дочери Ганни прислано писмо зъ обявленіемъ о тамошнемъ поводженню. Писалъ я въ Кіевъ до Петра, через жолдака, о продажѣ гор. Писалъ я черезъ Омеляна до стар. Сухонос. о присилкѣ сюда хмелю, суши, сира, и горѣлокъ (?) приливанихъ, да до дворника Криворудского о приблудахъ.

Середа. 16. День былъ сперва вѣтрянъ велми и велми хмаренъ, съ дощемъ, а после дощъ пересталъ и стало холодно, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Рано поехали родитель и я въ Ясмань для споткання князя Шаховского, где и обѣдалисмо, и съ нами п. Михайло и Андрей Миклашевскій. У вечеру виехалисмо зъ обознимъ енералнимъ, при знаку, за Ясмань и уехавши верстъ зъ 4, стрѣтили князя и у Ясмань его запроводивши на квартеру, тутъ и ночлѣгъ имѣлисмо.

Четвер. 17. День былъ вѣтрянъ, почасти хмаренъ и почасти ясенъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Зъ Ясманѣ рано зъ княземъ пріехалисмо въ Глуховъ, которого привѣтствовали зъ палби пушечной и въ него подпіяхомъ. Оттоль шумніе зайшовши до Андрея Миклашевского, зъ п. Михайломъ и Холодовичемъ играли, зъ проиграшомъ моимъ 1 р. 80 к.

Пятокъ. 18. День былъ вѣтренъ, холоденъ, воздуха сухого, почасти хмаренъ, а после свѣтелъ и тихъ, ночъ (?) Рано ездилъ въ склепъ, где зъ сулѣи насипалъ бутилокъ болшихъ 3, а меншихъ 2 петерцѣменту, да красного бутилокъ 2, да цица волоского, и тое все въ склепу оставили. Купилъ я на кунтушъ сукна красносѣрого у Пуховича, локоть 5 зъ четверткою, по 40 а., итого 6 р. 16 а. Билъ у енералной канцеляріи и видѣлъ указъ до князя зъ сената, въ якомъ написано по п. 4-му: по челобиттю подскарбѣя генералного Андрея Маркова селу Засуллю бить за нимъ попрежнему, буде у него прежная есть грамота, и оную осмотрѣть и ежели есть, то дать жалованную грамоту на оное село Засулле ему, подскарбью.

Субота. 19. День былъ почасти хмаренъ и свѣтелъ воздуха сухого и холоденъ, ночъ влажна, зъ малимъ дощикомъ, однако жъ холодна. Рано ездилъ я въ городъ, билъ у енер. к—ріи, а по-

воротясь домой, закусилъ мало и поехавши, билъ у футорѣ и въ Сварковѣ, и оттоль на ночъ повернулся домой.

Неделя. 20. День былъ хмарний, тепловатъ зъ дощемъ густимъ, отчего награзило, такова жъ и ночъ била зъ вѣтромъ и дощемъ до свѣта, а свѣтомъ пересталъ. Были рано у князя, а обѣдали у Боратинского и подпіяхомъ.

Понедел. 21. День бѣлъ хмарний, знову зъ дощемъ, таковажъ и ночъ. Сегодня я никуда не ездилъ обѣдалъ въ дому, а род. у князя. Інструкцѣя подписана намъ въ комиссѣю енер., швакгеръ мой Андрей Полуботокъ, Андрей Миклашевскій, Петро Корецкій и я, и къ намъ опредѣленъ Степанъ Лукомскій, зъ которою у вечеру пріездили ко мнѣ Миклашевскій и Корецкій.

Вовтор. 22. День былъ подобній же вчорайшому и ночъ хмарніе зъ временнимъ дощемъ и незбитъ холодніе. Былъ у городѣ у дворѣ у князя и обѣдалъ, оттоль заехалъ до Миклашевского и игралъ въ карти, зъ проиграшомъ 4 а.

Середа. 23. День былъ хмарний зранку, великій дощъ, туманъ после, ночъ сходна, толко безъ дощу, а къ свѣту вияснилась. Рано былъ у князя и подпіяхомъ для именинника племянника его п. Якова Петровича, а оттоль заехавши до Миклашевского, игралъ въ карти безъ проиграшу, долго.

Четвер. 24. День былъ преизрадной погоди, ясний, тихій, холодний и сухій, ночъ сперва хмарна, вѣтряна и холодна, а къ свѣту зъ снѣгомъ. Сей день никуда я не ездилъ, кромѣ Андрея Миклашевского и то рано, а обѣдалисмо вкупѣ зъ род. въ дому, потому что князь на охоту ездилъ.

Пятокъ. 25. День былъ самой худой осѣнной погоди, хмаренъ, вѣтрянъ зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, которая передъ вечоромъ перестала; ночъ хмарна, холодна къ свѣту зъ морозомъ, отчего ставъ по мѣстамъ и берегамъ стялся мало. Сей день для такой негоди никуда я не ездилъ.

Субота. 26. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, ночъ такова жъ. Сегодня ездилъ я рано въ городъ до Андрея Миклашевского, въ которого квартери въпервое засѣданіе нашее

было комисарского слѣдствія, а оттоль были у князя, зъ которимъ кушали род. и я у маіора гвардіи Хрущова, и подпіяхомъ. Жена зъ Тулиголовъ рано пріехала въ Глуховъ.

Неделя. 27. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, отчего померзло все, ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣжокъ густенкій. Были рано у князя, у церквѣ и у него кушали, а после обѣда зайшли зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у карти, зъ виграшомъ 1 р. Ставъ Глуховскій здешній стявся въ первое.

Понедел. 28. День былъ хмаренъ зъ морозцемъ, отчего ставъ и болше скрепился, и тихъ, ночъ свѣтла, тиха зъ болшимъ морозцемъ, для чего стали по ставу ходить. Алексѣй зъ розсильщикомъ по Фармакѣя отправленъ и дано имъ 2 р. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и съ нами п. Михайло, а по обѣдѣ ездили до Андрея Миклашевского играть у карти, зъ проиграшомъ 1 р. 73 к.

Вовтор. 29. День былъ хмаренъ, холоденъ, зъ туманомъ чили інеемъ, ночъ тожъ туманна, толко жъ холодна была. Рано былъ въ засѣданіи своей комиссѣи, обѣдалъ въ дому.

Середа. 30. День былъ зъ морозомъ, зъ інеемъ великимъ, ночъ подобная въ стужѣ, такъ же почасти хмарна, отчего болѣе ставъ замерзъ. Сей день засѣдали у комиссѣи, а оттоль пріехавши домой, обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ зъ выиграшомъ 80 к. Москвитинамъ, смолянамъ дорогобузкого уезду, человѣкамъ 5, уплатилъ за ихъ работу за 2 мѣсяца 6 р. Бабъ старую и шинкарку по дѣлу полковници Танской ведлугъ чарованія, во вредъ якоби енерала Девейзбаха и въ ползу за арестомъ сидячого полковника Танского, въ судѣ енер. пекли, а присутствовали тому Гуревъ, родитель, Забѣла Михайло, суддя, и писаръ енер. Турковскій.

Четвер. 31. День былъ еще холоднѣйшій, зъ болшимъ інеемъ, ночъ мало яснѣйшая и холодна. Былъ я рано въ судѣ енер. и улику говорилъ противъ Кровнѣзкого [1]), повѣренного графа Гаврила

---

[1]) О Романѣ Кровницкомъ см. Опис. Стар. Малорос., I, 149 и 157.

Рагозѣнского, а после у своей былъ комисѣи и обѣдалъ у себе. Табакерку золотую далъ я родителеви для потрати, за которой вичищенне золотару заплатилъ 50 к. До брата Марка писалъ о Красношапчиномъ грунтѣ.

М—ць ноеврій. Пятокъ. 1. День былъ еще холоднѣйшій зъ болшимъ інеемъ, у вечеру отлигло, въ ночѣ дожчъ и тепло стало, къ свѣту туманъ. Былъ я у своей комиссѣи, а оттоль ездилъ до Сваркова, где и ночевалъ. Зъ Крисіокъ привезли бересту 80 пучковъ въ Сварковъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, туманний, а после и дощеватъ, ночъ безъ дощу, толко жъ тепла и хмарна. Отпустилъ я теселъ Крисковскихъ въ доми до запустъ, и велѣлъ двомъ лутшимъ дать гор. по 20 квартъ, по полчетверти жита и гречки, а подлѣйшому полчетверти гречки и квартъ 10 гор. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ, где видѣлъ кобилъ 8, лошаковъ 2, лошатъ малихъ пригнанныхъ зъ футора Криворудского Янѣшевскимъ. Пріехавши въ Глуховъ, заехалъ до Андрея Миклашевского, где игралъ у карти зъ проиграшомъ 2 р.

Неделя. 3. День былъ хмарний, вѣтровлажний зъ дощемъ и снѣгомъ густимъ, ночъ подобная дневи, толко суха, а къ свѣту снѣжокъ малий. Рано были у князя, у службѣ у ст. Анастасіи и у него кушали, оттоль зайшли до Андрея Миклашевского, игралъ зъ виграшомъ 60 к. Князь Алексѣй Івановичъ Шаховскій обявилъ указъ именний ея величества, чтобъ сидѣть по прежнему въ судѣ обозному и Михайлу Забѣлѣ, суддѣ, енералнимъ. Максимъ Турковскій, которій сидѣлъ подъ карауломъ, освобожен.

Понедел. 4. День былъ хмарній зъ дощемъ, тихій и зъ снѣгомъ, ночъ тажъ хмарна, тиха зъ снѣгомъ. Рано ездилъ въ судъ, где повѣренний графа Гаврила окончилъ оправданіе, а я оттоль зайшовши до Андрея Миклашевского, комисіональніе дѣла отправляли и после обѣдалъ въ дому, и никуда не ездилъ.

Вовтор. 5. День былъ хмарний зъ морозцемъ малимъ, тихій зъ снѣжкомъ, после съ отлигою, ночъ такъ же хмарна, тиха, а къ свѣту зъ хорошимъ морозомъ. Рано ездилъ въ судъ енер. и закре-

пилъ оправданіе отвѣтчика Кровнѣцкаго, повѣренного графа Гаврила Рагозѣнского. Оттоль заездилъ до Андрея Миклашевского въ засѣданіе, а оттуду до п. Михайла ездили всею компанѣею, где играли у карти безъ програшу моего.

Середа. 6. День былъ зъ морозомъ хорошимъ, хмарний, тихій, ночъ таковажъ. Банкетъ билъ у князя для именинници жени князь Якова и подпіяхомъ. Оттоль пойшовши у вечеру до Миклашевского, играли въ карти, зъ виграшомъ 2 р.

Четвер. 7. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ, толко еще холоднѣйшіе. Сегодня рано были у князя и служби Божой у ст. Анастасіи слухалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною п. Михайло Скор. У вечеру были у насъ Андрей Миклашевскій и Лукомскій и играли у карти, зъ виграшомъ 30 а. Кобилъ 8 продали моихъ носатихъ у взяли за нихъ 23 р. готовихъ, а еще на боргу (въ долгу) денегъ до Рождества Х—ва 6 р. 50 к.

Субота. 9. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ. Обѣдали у насъ Андрей Миклашевскій, Корецкій и Лукомскій и сотникъ Новгородскій; по обѣдѣ играли у карти, зъ виграшомъ 2 р.

Неделя. 10. День былъ подобній прежнимъ, толко зъ невеликимъ снѣжкомъ, такова жъ и ночъ. Сегодня били у князя и обѣдали тамъ. Фармакѣй пріѣхалъ грекъ, за которимъ ездилъ Алексѣй.

Понедел. 11. День и ночъ были противъ прежнихъ, толко въ день отлига зъ дощикомъ малимъ показалась на время, а къ вечору знову подобній прежнимъ морозъ. Сегодня кушалисмо компанеею нашею у п. Михайла и после играли въ карти, безъ програшу, куда пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій Апостоли. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у Андрея Миклашевского и играли въ карти, безъ програшу.

Вовтор. 12. День былъ и ночъ сходніе во всемъ прежнимъ, морозъ великъ съ инеемъ, да снѣгу нѣтъ. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у п. Михайла, и после играли у карти, зъ виграшомъ нашимъ, куда потомъ пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій, зъ полковъ своихъ, Апостоли.

Середа. 13. День и ночъ были сходніе во всемъ прежнимъ. Рано никуда не ездилъ для того, что у банѣ рано мился. А после обѣда, у вечеру, ездилъ до Андрея Миклашевского, зъ которимъ также п. Михайломъ, Миргородскимъ и Лукомскимъ, после его играли у карти зъ виграшомъ.

Четвер. 14. День и ночъ были во всемъ сходни къ прежнимъ, зъ морозомъ, безъ снѣгу. Сегодня рано были у князя и кушали, оттоль били у полковниковъ Апостоловъ на квартерѣ и играли у карти, зъ невеликимъ виграшомъ. Тамъ же я и вечералъ.

Пятокъ. 15. День и ночь были противъ прежнихъ холодніе. Ездилъ въ комиссѣю и после на Бѣлополовку, где съ полковниками Луб. и Мир. игралъ въ карти, зъ виграшомъ.

Субота. 16. День и ночъ были хмарніе, тихіе зъ разствореніемъ воздуха, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ, и оттоль домой ворочаючись, заехалъ до Синявина и тамъ посидѣвши, пріехалъ на ночъ въ домъ.

Неделя. 17. День и ночъ были подобніе вчорайшимъ. Былъ рано у князя, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ ходилъ на Бѣлополовку, играть въ карти, зъ виграшомъ моимъ же. По челобиттю моемъ, которое я далъ князю Шаховскому, а онъ въ С.П.Бурхъ въ синодъ отослалъ, а зъ синоду оное зъ указомъ прислано до архиепископа Кіевского, а отъ архиепископа опредѣлени на розискъ архимандритъ Нѣжинскій Сава Шпаковскій, да игуменъ Густинскій Гавріилъ Леополскій, и пріехали въ монастиръ Рихловской о предерзостяхъ Крисковского попа Өедора, которіе до старости Крис. и писали, требуючи присилкѣ Клима Пѣщанского и нѣкоторихъ мужиковъ Крисковскихъ къ допросу, почему онъ, Климъ, сегодня и отехалъ. Климу на кожухъ далъ 5 р., да черезъ его жъ послалъ футро сѣрое и киндякъ старостѣ Крисковскому, и приказалъ черезъ его жъ о нѣкоторихъ дѣлехъ господарскихъ.

Понедел. 18. День былъ хмаренъ, сходенъ къ прежнимъ, а ночъ тепла и зъ густенкимъ, толко жъ мокримъ снѣгомъ, отчего дорога еще зимняя поправилась. Сегодня рано билъ у комиссѣи, а после обѣдалъ дома зъ Чуйкевичемъ; у вечеру ходилъ на Бѣло-

половку до полковниковъ, где на два верстати играли у карти,—полковники оба, Андрей Миклашевскій и я или п. Михайло и другіе.

Вовтор. 19. День былъ холоденъ зъ снѣгомъ великимъ и метелицею, которая къ вечеру перестала, а на то мѣстъ жестокій морозъ сталъ до свѣта, якого еще не бивало по сей день. Сегодня были у комиссѣи, обѣдалъ у себе зъ Чуйкевичемъ и никуда зъ дому не виездилъ. Извѣстился я, что опредѣлени въ Москву для переводу книгъ по силѣ указа отъ князя Шаховского 12 персонъ, а именно: зъ Кіевской епархіи—архимандритовъ 1 и ректоръ Дубневичъ, зъ Переяславля—игуменъ, зъ Печерского монастыра соборний чернецъ Юскевичъ, зъ Чернѣговской—игуменъ Макошинскій, протопопъ Ром. Савѣцкой, суддя енер. Борзна, полковникъ Полтавскій Кочубей, хоружій полковий Лубенскій Столповскій, да сотникъ Мглинскій Григорій Стороженко и бунчуковіе товарищи Семенъ Чуйкевичъ, да Василь Думитрашко Райча и зъ маистрату кіевского Нечай.

Середа. 20. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій и тихій, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо зъ п. Михайломъ у мене, онъ отойшолъ на Бѣлополовку, а я поехалъ въ Сварковъ и тамъ не бавлячись, повернулся домой. Княжна Варвара Алексѣевна Черкаская да жена князя Івана Юровича Трубецкого, невѣстка князя Юрія Юровича Трубецкого, пріехали въ Глуховъ и стали квартерою у Оболонского, писара судового.

Четвер. 21. День былъ и ночъ сходніе во всемъ зъ вчорайшими со жесточайшимъ морозомъ, свѣтліе и тихіе, почему и всѣ рѣки стали. Были рано у князя и съ нимъ ходили до Черкаской визиту отдатъ, а по службѣ былъ банкетъ у князя, где и мы обѣдали. По обѣдѣ, зайшли до Андрея Миклашевского и тамъ съ нимъ, зъ п. Михайломъ и Савкою Терлецкимъ играли у карти, зъ виграшомъ моимъ 1 р. 60 к.

Пятокъ. 22. День былъ сходенъ въ стужѣ, толко хмарний, зъ снѣговою густою метелицею, ночъ тожъ хмарна зъ малою отлигою. Сегодня въ первое зъездились въ квартеру на Бѣлополовку, въ дворъ гетмановой Апостоловой, мы, опредѣленніе въ коммесѣю.

До п. Михайла через Тараса отослалъ 50 р. на куплю въ Москвѣ, черезъ Андріяна и Каратаева, двохъ печей, 140 пуд. гипсу, дроту на штукатур. полъ пуда, гвоздей малихъ цвяшковъ на то жъ 40 тисячъ.

Субота. 23. День былъ хмарний, тихій, мало з оттеплѣвшимъ воздухомъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и зъ доволнимъ снѣгомъ, который передъ свѣтомъ пересталъ. Рано зъ Глухова поехалъ я и пріехалъ въ Тулиголови на обѣдъ, где и заночевалъ. По обѣдѣ ездилъ на млинъ далний, где одно коло порадне мелетъ и розмѣру зъ путивокъ три, оттоль на Бутурлимовскій, где розмѣру гречки зъ полубочокъ, да жита въ скринѣ. Привезли теперъ зъ футора Калюжновского жита четвертей 50 до винницѣ Тулиголовской.

Неделя. 24. День былъ хмарний, тихій, а после вѣтрянъ, холоденъ, ночъ такова жъ, а къ свѣту зъ отлигою знатною, къ мокротѣ склонною. Служби Божой зде въ Тулиг. слушалъ и обѣдалъ. По обѣдѣ поѣхалъ зъ Тулиг. и пріехалъ передъ ноччю въ Глуховъ. Отправленъ Янѣшевскій, конюшій, въ поля и зъ собою взялъ молодого коня гнѣдого. Ему жъ данъ приказъ пунктами о нѣкоторихъ дѣлехъ и 7 р. Теперъ зде въ Тулиг. горѣлки ничего не было, а вчора отсель въ Сварковъ отправлено гор. куѳъ 2, одна до Демяна, а другая шинкарю дана Сварковскому. Въ Тулиголовахъ устроенъ мѣрний новий до всѣхъ млиновъ, Федоръ Козенко, и данъ приказъ старостѣ и ему, въ такой силѣ, чтобъ мимо его ничего не брато зъ млиновъ, а что озмется, въ томъ ему квѣтоватись карбами зъ старостою и мѣрочниками. Отъ октовр. 16 (когда зъ старости со всего знята ревизѣя) до сего ноевр. 24, собралось розмѣру зъ млиновъ, а именно: зъ Бутурлимовского—жита четвертей 5, гречки на лицѣ пуд. 3, а дробинѣ 19, овса дробинѣ путивокъ 8, денегъ зъ ступника 70 к.; зъ дворового млина—жита четвертей 3 и путивокъ 6, гречки на лицѣ пудъ 1, а употреблено путивокъ 5, овса на дробину употреблено путивокъ 7.

Понедел. 25. День былъ хмарний, не холодний, а после зъ дощемъ, ночъ также мокра зъ дощемъ и зъ вѣтромъ. Былисмо рано у князя и читали въ комиссѣи нашой доношеніе и екстрактъ

о полку Гадяцкомъ, оттоль зайшовши въ войсковую енер. к—рію подписались на чолобиттѣ о бѣглихъ, и оттоль заехавши на Бѣлополовку, сидѣли и возвратясь въ дворъ, я обѣдалъ. По обѣдѣ ездилъ зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевскаго и тамъ играли въ карти, зъ виграшомъ 1 р. зъ лишкомъ.

Вовтор. 26. День сходенъ во всемъ вчорайшому, еще зъ болшимъ дощемъ, такова жъ и ночъ, отчего снѣгъ увесь почти пропалъ. Были въ комиссѣи и оттоль поворотясь, обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ я на пастовникъ и вечеринку имѣлъ у писара Печерского и Ігумена Густинского, который пріехалъ зъ архимандритомъ Нѣжинскимъ Савою, въ Глуховъ, допрашивать архимандрити Новгородского Мануйловича, по силѣ указу синодалного, о томъ, что онъ отъ церкви козака одного отлучилъ за грунта.

Середа. 27. День былъ подобній вчорайшому, толко безъ дощу, а съ полдня вѣтеръ показался холодний и стало мерзнуть и черезъ всю ночъ до свѣта. Были у своей комиссѣи и окончили свое мнѣніе якимъ лутшимъ порядкомъ отправлять комисарскіе дѣла комисарамъ и протчіимъ зъ полковой и сотеннихъ старшинъ. Обѣдалъ у себе. По обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, где и ночевали. Андріянъ поехалъ въ Москву до господъ своихъ Толстихъ, черезъ которого къ нимъ и къ Анастасіи писалъ и послалъ 2 бочонки, одинъ—орѣховъ приливанихъ, а другій—дерену прилятого.

Четвер. 28. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ стужею и между тимъ свѣтлий, ночъ была подобная днови, холодна и вѣтряна, отчего померзло все и гололедица стала. Были рано у князя Шаховского и подавали мнѣніе отъ нашей комиссѣи составленное о порядкахъ комиссарского званія, что и аппробовалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною Федоръ Чуйкевичъ, и по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ въ карти, безъ проиграшу.

Пятокъ. 29. День былъ вѣтряний зъ снѣгомъ, толко невеликимъ и сухимъ, ночъ еще холоднѣйшая и болше вѣтряная. Рано ездилъ до князя Шаховского и подалъ ему челобитте на розищнковъ архимандриту Нѣжинского да ігумена Густинского поданное въ томъ, что они розискуючи про попа Крисковского на писмѣ ничего

не писали, але толко голословно допрашивали. Ездилъ же я отъ князя посланний въ судъ енералний за тимъ, что суддѣ указу вой. енер. канцелляріи закрѣпою Гурева до родителя моемо, безъ подпису княжого не приняли, чтобъ впредъ принимали, не требуя подпису княжого. Отехалъ Климъ, подданний Крисковскій, которому на куплю жита далъ 60 р.

Субота. 30. День былъ очинъ вѣтрянъ и почасти холоденъ, ночъ хмарна, не такъ вѣтряна. Банкетъ былъ у насъ для тезоименитства родителя и былъ князь Шаховскій съ многими, и подпіяхомъ. По отездѣ гостей, шумни, игралисмо у карти зъ Гуревимъ, п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ и Холодовичемъ, зъ проиграшомъ 2 р. 40 к.

М-цъ Декаврій. Неделя. 1. День и ночъ были противъ прежнихъ, не такъ вѣтряніе, хмарніе, зъ нѣкоторою отлигою. Были рано у князя, обѣдалисмо у себе зъ род., у вечеру играли у карти у Андрея Миклашевского, зъ виграшомъ.

Понедел. 2. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Сегодня рано ездилъ до сестри Чарнишевой, оттоль до своей комиссѣи и обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ заходилъ ко мнѣ п. Михайло, зъ которимъ у пѣкетъ долго играючи, время просидѣли.

Вовтор. 3. День былъ подобний прежнимъ, хмаренъ, холоденъ, вѣтрянъ, да безъ снѣгу, ночъ такова жъ. Рано ездилъ въ свою комиссѣю, после до архимандрита Нѣжинского, где и пункты и указъ мнѣ показивали о слѣдствіи въ Крискахъ. Обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ у себе жъ игралъ у карти, зъ Михайломъ, Андреемъ Миклаш. и Холодовичемъ, съ проиграшомъ. У лазнѣ мился.

Середа. 4. День и ночъ были подобніе вчорайшимъ. Были рано у князя. Обѣдали у себе. У вечеру зездились ко мнѣ писаръ енер. Турковскій, Лисенко, хоружій енер. Горленко и Корецкій мирить сестру Чарнишеву зъ пасинкомъ ея Іваномъ Чарнишемъ, и принявши отъ нихъ претенсѣи, розехались по домамъ, а я ездилъ до Андрея Миклашевского и посидя, повернулся домой. Сегодня отехалъ отъ мене въ Москву мой мастеръ Василей Івановъ, кото-

рому и денегъ далъ 5 р. 20 к. и росписку у него взялъ, и о присилкѣ его къ веснѣ—писалъ до Каратаева.

Четвер. 5. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ зъ отлигою и снѣгомъ малимъ. Рано ездилисмо въ свою комиссѣю, дома обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ швакгеръ п. Андрей Полуботокъ, съ которимъ ездили до Андрея Миклашевского, где игралъ въ карти зъ виграшомъ 45 к.

Пятокъ. 6. День и ночъ были сходніе противъ вчорайшихъ, толко зъ болшимъ морозомъ и инеемъ великимъ. Банкетъ былъ у князя Шаховского ради имениннника сина его, и подпіяхомъ. Отехалъ Заруцкій Семенъ въ С.П.Бурхъ за дѣломъ родителскимъ, ради полученія грамоти на Засулле и за своимъ, черезъ которого писалъ я до Каратаева и 2 р. послалъ, и штановъ лосинихъ 3, рукавицъ паръ 2 и фуфайку для починки и вимиття послалъ же. Писалъ же черезъ него до Михайла Хрущова и до Новоторжцова.

Субота. 7. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Сегодня для тезоименитства государинѣ принцесси Анни было молебствіе и обѣдали у князя.

Неделя. 8. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко зъ болшою стужею, а после отлигою. Рано были у князя. Обѣдалъ я у себе и съ нами швакгеръ Полуботокъ, а у вечеру знову были у князя, которій, простившись со всѣми нами, зъ полночи поехалъ въ Суми; туда жъ швакгеръ поехалъ.

Понедел. 9. День былъ зъ отлигою, а въ началѣ ночи дожчъ пошолъ, а после снѣгъ, и къ свѣту покрилъ землю гараздъ. Были рано у княжомъ дворѣ и на молебствіи ради тезоименитства государинѣ принцессѣ Аннѣ. Обѣдалъ у себе. Розделался зъ Фармакѣемъ грекомъ черезъ медіяцѣю Петра Стерѣевича и Самойла Федорова, что онъ, Фармакѣй, доженъ заплатить родителеви 75 р., а мнѣ 375 р. наступуючого 1734-го году, априля 19. и на то далъ облѣкъ, а ему такіе денги должно доправить на Пѣперу съ товарищи или на поручникахъ.

Вовтор. 10. День былъ хмарний зъ отлигою, снѣгъ великій ишолъ и покрилъ землю, у вечеру перестал; ночъ тожъ хмарна,

тиха, къ свѣту морозець. Сегодня былисмо у комиссѣи своей, обѣдалъ ръ род. По обѣдѣ зъ п. Михайломъ, Холодовичемъ и Павломъ Ломиковскимъ игралъ у карти, зъ виграшомъ 1 р. 70 к. Медіяторѣ въ справѣ сестри п. Чарнишевой зъезжджались и, побравши отъ ихъ реестри, розехались.

Середа. 11. День былъ зъ густимъ и доволнимъ снѣгомъ, ночъ тожъ хмарна, толко мало холоднѣйша, а къ свѣту зъ отлигою. Обѣдалъ я вмѣстѣ зъ родителемъ и женою у себе, а у вечеру ездилъ до Синявина и тамъ въ шахмати поигравши, повернулся домой.

Четвер. 12. День былъ сперва зъ густимъ снѣгомъ, холоденъ, а после мокръ зъ дощемъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту морозець. Согодня рано поехалъ я и былъ у футорѣ, а оттоль въ Свârковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехавши уже смеркомъ въ Глуховъ, заехалъ до князя Боратинского и у него посидѣлъ, и сталъ шуменъ отъ вина доволно. У футорѣ скирту жита, а другую овса домолочували и того жъ жита усипали у яму четвертей 4.

Пятокъ. 13. День былъ хмарний, теплій съ разствореніемъ, ночъ такова жъ. Получилъ писмо зъ Кіева отъ Петра черезъ слугу п. Стефана Миклашевского, что еще осталось гор. куѳъ 52, якую де шафаръ Печерскій торгуетъ по 15 шаговъ. Отъ Янѣшевского козакъ зъ писмомъ, что виправа готова сюда, толко ждутъ дороги санной. Отъ стар. Перер. козакъ, что овци, пригнанніе зъ Гамал. туда, стали пасти (sic) да что требуютъ люде на откосъ денегъ на лѣто. Дѣло родителское зъ Коховскимъ рѣшено въ судѣ енер. и отказано Коховскому искъ пожилихъ денегъ для приходу бѣглого въ Короваи до указу 1718 году.

Субота. 14. День былъ хмарний, холодний, однако жъ мокрий, ночъ такова жъ, а къ свѣту холодна и вѣтряна. Сегодня рано ездилъ въ комиссѣю. Обѣдалисмо у себе и никуда не ездилъ.

Неделя. 15. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, а зъ полдня вѣтеръ билъ же, толко теплій и мокрій, а къ вечору дожчъ якъ сталъ ити, то ажъ до свѣта ишолъ, отчего снѣгъ увесь почитать пропалъ. Рано, по прошенію брата п. Михайла, ездили мы, Андрей

Миклашевскій, Корецкій, Ломиковскій, Лукомскій и Александеръ Левицкій, къ нему въ Дунаецъ, где обѣдали и ночевали и въ карти играли, зъ виграшомъ моимъ 3 р. 50 к.

Понедел. 15. День былъ подобній вчорайшому, хмаренъ, вѣтрянъ велми и мокръ. Такова жъ и ночъ, отчего и болше снѣгу пропало. Рано зъ Дунайця поехалисмо всѣ въ Глуховъ и я пріехавши домой, обѣдалъ зъ родителемъ и женою въ дому, и никуда неездилъ. У вечеру подданихъ Крисковскихъ за ихъ вини и непостоянство, что, подавши мнѣ суплѣку всѣ въ обидахъ на попа, после зъ нихъ нѣкоторіе зрѣкались, наказивали кіевимъ боемъ.

Вовтор. 17. День подобній былъ прежнимъ, тепелъ, мокръ, вѣтрянъ велми. Ночъ такова жъ, толко вѣтеръ еще примножился, а съ полночи стала перемѣна воздуха и къ свѣту морозецъ. Рано ездилемъ въ свою комиссѣю, а обѣдали у себе и съ нами Столповскій, хоружій лубенскій. Отправленъ козакъ Глуховской сотнѣ въ Кіевъ, черезъ которого писалъ я до архиерея, чтобъ вновъ мѣючіе определитись розищики въ Криски по поданной моей на попа челобитной, принимали до себе и впредъ жалобу отъ подданнихъ моихъ, якую они мѣютъ подать въ обидахъ вновъ отъ его попа имъ, подданнимъ, затѣяннихъ, а объ определеніи другихъ розищиковъ, на мѣсто прежнихъ, писалъ князь Алексѣй Івановичъ до архиерея и чтобъ хто присутствовалъ зъ сторони княжой отъ енер. к—ріи, тому розискови. Да писалъ же я въ Кіевъ до Тарноліота и до Петра о продажѣ вина моего простого по 29 копѣекъ тамошнего ведра, и о куплѣ вина волоского доброго буты, на родителя и мене.

Середа. 18. День былъ велми вѣтрянъ, толко жъ вѣтеръ не сухого мороза и того ради не мерзло велми, ночъ такова жъ, а къ свѣту тиха стала и тепломокра, отчего уже и найпаче снѣгъ и ліодъ стаялъ. Никуда я не ездилъ, толко отправилъ старосту Крисковского Шоха, давъ ему приказъ и 5 р.

Четвер. 19. День былъ подобній прежнимъ, толко еще зъ туманомъ и мокрохладний, самий осѣнний, а не зимній, ночъ та-

кова жъ зъ вѣтромъ. Ездилъ я рано на Бѣлополовку и билъ у п. Михайла на время, а не заставши своихъ, заехалъ до квартерѣ Миклашевского, а не заставши, пріехалъ домой и пріехавши засталъ, что баба, 18 лѣтъ при насъ жившая, нечаянно отъ глубокой старости умре, которую при Веригинѣ и погребли. Купилъ я въ лавкахъ оксамиту алого у Пуховича, локоть за 2 р. Била сестра п. Чарнишева у насъ и обявила, что пасинокъ ея, недождавшись окончанія миру, до которого не склонялся, отехалъ домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмарний и велми туманний, мокрій зъ таяніемъ и осталного ліоду, такова жъ и ночъ, толко зъ убавкою вѣтра. Былъ у насъ отецъ Никифоръ, намѣстникъ, родителя и мене исповѣдалъ.

Субота. 21. День былъ зранку подобній вчорайшому, а съ полдня свѣтелъ показался, а къ вечору и велми ясенъ, такова жъ ясна и ночъ къ свѣту зъ морозомъ. Сегодня пріобщались св. Тайнамъ въ церквѣ княжой и у себе обѣдали.

Неделя. 22. День былъ зъ морозцемъ, и сегодня ничего не роставало, хмарній, а после свѣтлій, такова жъ и ночъ, толко уже безъ морозу. Были рано у княгинѣ, а на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали тамъ же. А по обѣдѣ ездили зъ род. и княземъ Боратинскимъ до Глухова, а оттоль до капитана Сафонова и Кишкина, и посидя до позна, зъ шумомъ домой воротился. Зъ неделѣ на понеделокъ родился сынъ брату моему Марку Петро.

Понедел. 23. День былъ хмарний безъ морозу, толко жъ холодноватъ, а ночъ зъ дощикомъ, а после зъ снѣжкомъ и зъ морозцемъ малимъ къ свѣту. Сегодня обѣдали мы въ дому, а родитель у Боратинского, куда и я по обѣдѣ пріехавши и виехавши оттоль противъ князя Шаховского, которого, зъ Сумъ едучого, стрѣтили за греблею Заруцкого и такъ совокупившись, пріехали съ нимъ въ Глуховъ, позно. Дочь моя Анна, зъ дочерю своею и зъ Калѣновкимъ пріехала зъ Бѣловодки сюда къ намъ.

Вовтор. 24. День былъ хмарний зъ малимъ морозцемъ, такова жъ и ночъ. Были рано у князя, а на службѣ у церквѣ Веригинской и вечерали у себе зъ родителемъ, а жена на уплави заболѣла.

Рождество Х—во. Середа. 25. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Были у князя и обѣдали, и подпіяхомъ. Видѣлъ указъ чили манѣфестъ печатній, въ которомъ написано, что князь Андрей Черкаскій, бывшій губернаторъ Смоленскій, за нѣкоторое важное преступленіе зъ тестемъ своимъ Корсакомъ да зъ поручикомъ Аршеневскимъ да зъ домовимъ его управителемъ Пробишовскимъ, сослани въ силку, онъ въ Джумгайское зимове, а они въ Сѣбиръ, въ разніе городи.

Четвер. 26. День былъ и ночъ сходніе вчорайшимъ, толко жъ зъ болшимъ морозцемъ. Сегодня были у князя и обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ до Гурева и тамъ посидѣвши, позабавилъ, а оттоль пріехавши домой, ходилъ до п. Михайла и посидѣвши мало, повернулся домой.

Пятокъ, 27. День былъ зъ морозцемъ хорошимъ и зъ снѣжкомъ маленкимъ, а къ вечеру отлигою, такова жъ и ночъ. Обѣдали у князя Шаховского, а после зъ п. Михайломъ ездили до Кочубея и не заставши его, повернулись домой и у его играли у пѣкетъ долго, а после пріехалъ домой. У вечеру зъ С.П Бурху пріехалъ атютантъ княжій Леонтиевъ зъ указомъ, за подписаніемъ собственной руки ея величества, чтобъ Михайлу Шереметцеву отдать индукту на 6 лѣтъ по 30 тисячъ, за добрими поруками Отъ архиерея Кіевскаго получилъ писмо, что въ монастиръ Гамалѣевскій на мѣсто Германа Конашевича игумена опредѣленъ архимандритъ Лѣнкевичъ.

Субота. 28. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко гораздъ зъ болшимъ морозомъ, особливе въ ночѣ. Сегодня рано причащали княгиню Шаховскую, которая еще отъ прошлого понеделка занемогла на головную болѣзнь. Былъ я рано у князя, а обѣдалъ у себе и со мною Гапка и тіотка Конзеровская.

Неделя. 29. День былъ хмарний, а после свѣтлій зъ хорошимъ морозомъ, а ночъ еще мало холоднѣйшая и къ свѣту снѣгъ, толко малъ. У церквѣ на службѣ у ст. Анастасіи были, обѣдали у князя. Господаръ мой Будинскій, до сего времени при моемъ домѣ господарство правившій, отставленъ и въ доплатку далъ ему 5 р. 80 к. черезъ Клима.

Понедел. 30. День былъ хмаренъ зъ снѣжкомъ, толко невеликимъ и ночъ такова жъ, толко къ свѣту морозъ жестокій показался. Сегодня зъ дому никуда не ездилъ, а игралъ у пѣкетъ зъ п. Михайломъ, сидячи въ хатѣ. Василій Гуревъ присилалъ своего служителя, что его жена родила ему сына.

Вовтор. 31. День былъ хмарний зъ морозомъ и ночъ такова жъ, а къ свѣту вияснилось. Не ездилъ я никуда съ дому и обѣдалъ у себе, и съ нами п. Михайло, пріехавши отъ обѣду княжого. Увѣдомился я, что Михайло Шереметцевъ, который подписался за индукту давать по 30 тисячъ рублей, не сискалъ ни единой поруки, и для того, при пашпортѣ княжомъ, поехалъ меншій его братъ у Михайловку до швакгра моего Андрея Полуботка, чтобъ онъ въ порукахъ подписался для того, что онъ зсилался на его, что онъ поручится.

конецъ третьей части.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.